Проф. Д. И. Багалѣй.

ОПЫТЪ ИСТОРІИ ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

(ПО НЕИЗДАННЫМЪ МАТЕРІАЛАМЪ).

Томъ 1-й (1802–1815 г.).

Изданіе иллюстрировано портретами выдающихся дѣятелей.

ХАРЬКОВЪ.

Паровая Типографія и Литографія Зильберберга.

(Рыбная улица, домъ № 30-й).

1893—1898.

На основанiи ст. 41 § 1 п. 4 и ст. 138 Унив. Уст. печатать и выпустить въ свѣтъ разрѣшается. Сентября 12 дня 1898 года.

Ректоръ Университета *М. Алексѣенко.*

Императорскому

Харьковскому Университету

къ предстоящему

его столѣтнему юбилею

(17 Января 1805—17 Января 1905 г.)

этотъ трудъ посвящаетъ

признательный авторъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Объясненіе къ портретамъ.

Въ настоящемъ 1-мъ томѣ „Опыта" помѣщены: 2 портрета виновника основанія Харьковскаго университета Василія Назарьевича Каразина; видъ его надгробнаго памятника въ г. Николаевѣ; портреты 1-го ректора Ивана Степановича Рижскаго, 1-го попечителя округа графа Северина Осиповича Потоцкаго, проф. Ивана Евсеевича Срезневскаго, студента 1-го десятилѣтія, а впослѣдствіи академика Петра Ивановича Кеппена и, наконецъ, профессора Христофора Роммеля. Портретъ В. Н. Каразина въ старческомъ возрастѣ вырѣзанъ на деревѣ съ современнаго дегерротипа, любезно предоставленнаго въ наше распоряженіе вмѣстѣ съ видомъ надгробнаго памятника въ Николаевѣ академикомъ Н. А. Лавровскимъ. Они отпечатаны также въ „Историческомъ Вѣстникѣ". Портретъ В. Н. Каразина въ 30-ти лѣтнемъ возрастѣ воспроизведенъ былъ въ „Рус. Старинѣ" 1875 года, апрѣль, извѣстнымъ граверомъ академикомъ Сѣряковымъ съ портрета, снятаго съ натуры на слоновой кости въ 1803 г. въ Петербургѣ французскимъ эмигрантомъ гр. Де-Шатобуромъ. Такой же портретъ, исполненный масляннымы красками, имѣется въ музеѣ Харьковскаго университета. Портреты Рижскаго и Потоцкаго сняты съ большихъ портретовъ ихъ, исполненныхъ масляннымы красками, и принадлежащихъ университетскому музею. Оригиналъ портрета проф. И. Е. Срезневскаго хранится въ фамильной коллекціи семьи Срезневскихъ; съ него намъ была сдѣлана фотографія, съ любезнаго разрѣшенія Всеволода Измайловича Срезневскаго. Портретъ проф. Роммеля мы получили, въ отвѣтъ на свое обращеніе, изъ Марбургскаго университета, которому приносимъ глубокую благодарность какъ за этотъ цѣнный даръ, такъ и за рядъ выписокъ и указаній касательно біографіи Роммеля. Портретъ Кеппена воспроизводится нами изъ печатнаго изданія. Выражаю искреннюю признательность прив.-доц. Харьковскаго университета Е. К. Рѣдину за то содѣйствіе, которое онъ мнѣ постоянно оказывалъ въ розыскахъ портретовъ.

В. Н. КАРАЗИНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Не безъ сомнѣній и боязни приступаю я къ печатанію своего сочиненія. Одно время я даже хотѣлъ ограничиться только отдѣльными экскурсами, чтобы впослѣдствіи собрать, дополнить, переработать ихъ и составить уже подробную систематическую исторію нашего университета. Но теперь я рѣшилъ все таки дать то, что имѣю. Быть можетъ, обстоятельства позволятъ мнѣ современемъ самому расширить свой трудъ; если же этого не случится, то во всякомъ случаѣ онъ явится первою попыткою связнаго историческаго очерка нашего стараго университетскаго быта.

Всякому, сколько нибудь интересовавшемуся исторіей нашего университета, извѣстно, какъ мало мы имѣемъ работъ въ этой области и какъ неравномѣрно онѣ распредѣлены: большая часть ихъ относится къ первоначальной эпохѣ исторіи университета. Перечислимъ важнѣйшія изъ нихъ, чтобы составить себѣ понятіе о томъ, что сдѣлано въ этой области и что остается сдѣлать впереди.

На первомъ планѣ, конечно, нужно поставить выдающіяся монографіи академиковъ М. И. Сухомлинова и Н. А. Лавровскаго. Статья питомца Харьковскаго университета М. И. Сухомлинова „Матеріалы для исторіи образованія въ Россіи въ царствованіе императора Александра I“ появилась еще въ 1865 году, а теперь перепечатана въ I-мъ томѣ его „Изслѣдованій“ [1]), вышедшихъ въ 1889 г. Здѣсь академикъ Сухомли-

---

[1]) Выборка матеріала, относящагося къ Харьковскому университету, перепечатана отсюда въ Харьковскомъ Сборникѣ, вып. 3-мъ, стр. 112—159.

новъ даетъ между прочимъ очеркъ первоначальной ученой дѣятельности Харьковскаго университета и превосходную характеристику первыхъ его дѣятелей: попечителя Потоцкаго и профессоровъ—русскихъ и иностранныхъ. Высокое научное значеніе этого очерка обусловливается тѣмъ, что авторъ въ основу его положилъ первоисточники и при томъ преимущественно архивные [1]). Кромѣ того здѣсь „академикъ М. И. Сухомлиновъ не только дѣлится съ читателями плодами своей громадной начитанности, своего наблюдательнаго свѣтлаго ума“ [2]), но и устанавливаетъ оцѣнку этихъ лицъ по цѣлямъ и результатамъ ихъ дѣятельности для русскаго просвѣщенія.

Академикъ Н. А. Лавровскій, въ бытность свою профессоромъ Харьковскаго университета, не мало потрудился для уясненія первоначальной его исторіи; ему принадлежатъ слѣдующія статьи: 1) Василій Назарьевичъ Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета [3]); 2) Воспоминаніе о Василіѣ Назарьевичѣ Каразинѣ [4]); 3) Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета [5]); 4) Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета [6]); 5) Педагогъ прошлаго времени А. А. Дюгуровъ [7]); 6) О сношеніяхъ Н. М. Каразина съ Харьковскимъ университетомъ [8]); 7) Опытъ русской исторіи Рейта [9]). Всѣ перечисленные труды Н. А. Лавровскаго отличаются богатствомъ фактическаго содержанія, осторожностью въ приговорахъ и критическимъ отношеніемъ къ вопросу. Наиболѣе важное значеніе имѣетъ 1-я статья, содержащая въ себѣ подробный разсказъ объ основаніи Харьковскаго университета (въ связи съ дѣятельностью В. Н. Каразина) и характеристику первыхъ его профессоровъ. Матеріаломъ для этой работы послужили автору главнымъ образомъ дѣла Харьковскаго университетскаго архива и отчасти (для біографій профессоровъ) записки Т. Селиванова; 4-я статья посвящена біографіямъ двухъ выдающихся профессоровъ Харьковскаго университета Шада и Стойковича; 3-я и 5-я содержатъ любопытный

---

[1]) Авторъ пользовался архивными дѣлами Харьковск. унив. и Мин. Нар. Просвѣщенія.

[2]) Употребляемъ выраженіе проф. Н. Ѳ. Сумцова въ его статьѣ о Сухомлиновѣ (См. 4-й т. Сборника Харьк. Ист. Фил. Общ., стр. 242).

[3]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1872 г., № 1, стр. 57—106, № II-й, стр. 197—247.

[4]) Ibidem, 1873 г., февраль, стр. 294—311.

[5]) Ib., 1869 г., ч. CXLV, № 10, стр. 235—260.

[6]) Чтенія Моск. Общ. Ист. и древн., 1873 г., кн. 2-я, 1—58.

[7]) Русск. Архивъ 1869 г., стр. 1541—1553.

[8]) Русск. Архивъ 1869 г., стр. 2017—2021.

[9]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1873, янв., 87—105.

матеріалъ о педагогической дѣятельности первыхъ профессоровъ по части устройства и управленія училищъ Харьковскаго учебнаго округа; 7-я носитъ библіографическій характеръ и посвящена обозрѣнію содержанія „Опыта русской исторіи“, составленнаго Харьковскимъ профессоромъ Рейтомъ; 2-я посвящена больше В. Н. Каразину, чѣмъ исторіи Харьковскаго университета; наконецъ, 6-я касается маленькаго, но характернаго эпизода о приглашеніи нашего знаменитаго исторіографа на должность профессора Харьковскаго университета.

Проф. Рославскому-Петровскому принадлежитъ богатая фактами статья „Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія“ [1]). Сухія и не особенно подробныя, но систематическія данныя обо всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ университета собраны въ книгѣ бывшаго помощника попечителя *Фойгта* „Ист. стат. записки объ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г“. Х. 1859. Бывшему помощнику библіотекаря Чирикову принадлежитъ біографія извѣстнаго проф. математики Осиповскаго. О томъ же дѣятелѣ и о противникѣ его попечителѣ Зах. Корнѣевѣ писалъ въ послѣднее время въ Ж. М. Н. Пр. бывшій ректоръ Харьковскаго университета И. П. Щелковъ [2]). Чрезвычайно важную монографію напечаталъ въ послѣднее время г. Шугуровъ—„Илья Федоровичъ Тимковскій педагогъ прошлаго времени [3]); тутъ мы найдемъ новыя данныя и соображенія объ основаніи Харьковскаго университета и о роли въ этомъ дѣлѣ Тимковскаго. Проф. А. С. Лебедевъ составилъ біографію одного изъ первыхъ профессоровъ Харьковскаго университета Дегурова и любопытную исторію Харьковскаго коллегіума, которая является какъ бы введеніемъ въ исторію университета [4]). Такимъ же введеніемъ можно признать монографіи Г. П. Данилевскаго о Гр. С. Сковородѣ и харьковскихъ школахъ [5]); прямое отношеніе къ исторіи основанія университета имѣетъ его же монографія

---

1) Ж. М. Н. Пр. 1855 г. № 7, стр. 1 — 36; имъ же напечатано еще „Краткое историко-статистич. обозрѣніе Имп. Харьк. унив.“ (Ibidem), а также критико-публицистическая статья „Русскіе университеты и универс. вопросъ Г. Пирогова“. Х. 1864 г. (Изъ Харьк. Губ. В.).

2) Русск. Старина 1876, ноябрь стр. 463--490; Ж. М. Н. Пр. 1890, октябрь, стр. 358—385 „Изъ исторіи Харьк. университета“.

3) Кіев. Стар. 1891 г. августъ стр. 212—236, сентябрь 375—406, октябрь 82—97.

4) Вѣст. Евр. 1876 г., мартъ, стр. 135—176; Харьковскій коллегіумъ, какъ просвѣтительный центръ Сл. Украйны до учрежденія въ Харьковѣ университета (Чт. Моск. Общ. 1886 г. кн. 1-я и отдѣльно).

5) Украинская Старина. Х. 1866 г.

о В. Н. Каразинѣ [1]). Г-жа С. Р. напечатала любопытную статью, посвященную старой харьковской журнальной литературѣ, стоявшей, какъ извѣстно, въ тѣсной связи съ университетомъ и его дѣятелями [2]); продолженіемъ ея можно считать статью Г. Вс. Срезневскаго „Объ украинскомъ Альманахѣ“ 1831 г. [3]). Мнѣ также принадлежитъ нѣсколько статей и замѣтокъ: 1) Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета (актовая рѣчь); 2) Характеристика просвѣтительной дѣятельности Харьковскаго университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія“ [4]); 3) рѣчь о В. Н. Каразинѣ [5]) и нѣсколько мелкихъ статей въ „Харьк. Губ. Вѣд.“ [6]).

Почти всѣ эти сочиненія касаются перваго десятилѣтія въ жизни Харьковскаго университета и только очень немногія (труды гг. Щелкова, Чирикова, Лебедева) захватываютъ и вторую половину царствованія Александра I-го. Изъ монографій, относящихся къ царствованію Императора Николая Павловича и Александра II-го отмѣтимъ труды 1) Де Пуле о Д. И. Каченовскомъ [7]), 2) проф. А. Н. Стоянова о немъ же [8]), 3) Сухомлинова объ уничтоженіи диссертаціи Костомарова [9]), 4) проф. Иконникова „Русскіе университеты въ связи съ ходомъ общественнаго образованія“ [10]) 5) А. Н. Деревицкаго—о М. Н. Петровѣ [11]), 6) цѣлый рядъ некрологовъ и оцѣнокъ ученыхъ трудовъ А. А. Потебни [12]), 7) нѣсколько статей о Ценковскомъ и др. Наконецъ болѣе обширный періодъ времени обнимаетъ названное выше сочиненіе Фойгта и „Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по

---

[1]) Украинская Старина. Х. 1866 г.

[2]) „Харьковская журналистика начала нынѣшняго столѣтія“ (Кіев. Стар. 1892 г., августъ, 168—198).

[3]) Кіев. Стар. 1893 г. январь, стр. 20—33.

[4]) Русская Школа, 1892, октябрь, стр. 9—23 и ноябрь, стр. 10—26.

[5]) Зап. Императ. Харьк. универ. 1893, № 1, Харьк. лѣт., стр. 5—35.

[6]) Напримѣръ, Харьковскія университетскія торжества и др.

[7]) Харьковскій Университетъ и Д. И. Каченовскій (Вѣстникъ Европы 1874, № 1, стр. 75—115, № 2, стр. 565—588).

[8]) Воспоминанія о Д. И. Каченовскомъ. Біографическій очеркъ (публ. лекція) Х. 1874.

[9]) Древняя и Новая Россія 1877, т. I, стр. 42—55.

[10]) Вѣст. Евр. 1876, № 9—11; тутъ есть кое какія данныя и изъ исторіи Харьк. универ.

[11]) М. Н. Петровъ. Х. 1887 г.; сюда же нужно присоединить краткій некрологъ Петрова, составленный В. П. Бузескуломъ (въ Харьк. Губ. Вѣд. 1887 г., № 33).

[12]) См. сборникъ „Памяти А. А. Потебни“, изданный Харьковскимъ Ист. Фил. Обществомъ.

1879 годъ", составленный трудолюбивымъ изслѣдователемъ Харьковской старины Чириковымъ [1]).

Не перечисляемъ, конечно, разныхъ мелкихъ замѣтокъ, некрологовъ, разсѣянныхъ въ мѣстныхъ и общихъ изданіяхъ.

Во всякомъ случаѣ они не измѣняютъ вывода, что по исторіи Харьковскаго университета въ царствованіе Императора Николая и Александра II-го не сдѣлано почти ничего; все вниманіе немногочисленныхъ изслѣдователей этого періода было сосредоточено на біографіяхъ выдающихся университетскихъ дѣятелей, но и ихъ составлено въ общемъ весьма немного.

Входить въ объясненіе этого печальнаго явленія я не буду. Замѣчу только, что не послѣднюю роль игралъ тутъ недостатокъ печатныхъ данныхъ для подобныхъ трудовъ.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію матеріаловъ. Есть два вида источниковъ для нашей работы—оффиціальныя и частныя данныя. Весьма важнымъ матеріаломъ могли бы служить отчеты о состояніи и дѣятельности университета. Но къ сожалѣнію они стали печататься съ довольно поздняго времени. Неблагопріятнымъ условіемъ является также то обстоятельство, что Харьковскій университетъ цѣлые десятки лѣтъ не имѣлъ своего ученаго органа, гдѣ печатались бы извлеченія изъ протоколовъ и другія данныя, касающіяся университетской жизни. Въ послѣднее десятилѣтіе прекратились было и тѣ „Записки", которыя стали издаваться съ 1872 года, замѣнивъ собою прежнее изданіе (Протоколы), которое впрочемъ и само появилось только въ началѣ 60-хъ годовъ. Богатѣйшей сокровищницей оффиціальныхъ документовъ является университетскій архивъ, но имъ пользовались очень немногіе, а систематическимъ извлеченіемъ изъ него матеріаловъ для отдѣльнаго изданія не занимался никто [2]).

Нѣсколько лучше (но все-таки очень печально) обстоитъ дѣло съ источниками частнаго характера—записками, мемуарами, письмами и т. п.

---

[1]) Харьк. Сбор. на 1890 г. и отдѣльно. Краткія біографическія и библіографическія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ профессорахъ Харьк. у—а мы найдемъ въ извѣстномъ трудѣ Геннади „Справочный словарь о русскихъ писателяхъ и ученыхъ". 2 тома. Критико-біографическій словарь С. А. Венгерова къ сожалѣнію едва ли будетъ законченъ.

[2]) Здѣсь слѣдуетъ только отмѣтить документы, извлеченные Устиновымъ изъ архива Городской Думы („Харьковская старина" въ Х. Г. В. 1878, №№ 19, 20, 22, 23, 37, 38, 39, 40, 41 и 47).

Назовемъ важнѣйшіе изъ нихъ. На первомъ мѣстѣ нужно поставить драгоцѣнныя „Воспоминанія" Роммеля [1]); затѣмъ почти къ той же эпохѣ относятся Воспоминанія Розальонъ-Сошальскаго и Записки о проф. Г. Успенскомъ (его сына) [2]); къ 20-мъ и началу 30-хъ годовъ относятся воспоминанія бывшаго студента г. Н. [3]); весьма важныя свѣдѣнія о Харьковскомъ университетѣ въ 30-хъ годахъ содержатся въ „Автобіографіи" знаменитаго питомца нашего университета Н. И. Костомарова [4]); гораздо менѣе интересны воспоминанія о Костомаровѣ въ Харьковѣ А. А. Корсунова [5]); вокругъ личности Н. И. Костомарова сосредоточиваются главнымъ образомъ и замѣтки Неслуховскаго и Гвоздикова [6]). Обстоятельную характеристику университетскихъ дѣятелей 40-хъ годовъ мы находимъ въ названной выше статьѣ Де Пуле, который въ то время былъ студентомъ Харьковскаго университета; дополненіемъ къ нимъ могутъ служить непритязательные разсказы его современника чистаго „идеалиста" Пашкова [7]). Къ концу 40-хъ и началу 50-хъ го-

---

[1]) Оригиналъ ихъ напечатанъ въ 5 томѣ историческаго сборника Бюлау подъ заглавіемъ „Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit" (p. 421—600). Извлеченіе изъ нихъ въ русскомъ переводѣ было помѣщено въ „Южномъ Сборникѣ" Максимова (издававшемся въ Одессѣ). Новое изданіе этого извлеченія сдѣлано въ Харьковѣ почтеннымъ библіотекаремъ Харьк. универ. Я. О. Балясньімъ подъ заглавіемъ „Пять лѣтъ изъ жизни Харьковскаго университета". Воспоминаніе проф. Роммеля о своемъ времени, о Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ. X. 1868.

[2]) Мои воспоминанія (Харьк. Губ. Вѣд., 1869, №№ 43 и 44). Воспоминанія сына объ отцѣ (Ворон. Губ. Вѣд. 1863 г., № 27, 28, 30—32).

[3]) Южный Край, 1883 г. № 711, 712, 718, 722, 730.

[4]) Литературное наслѣдіе Н. И. Костомарова Спб. 1890 г., 2 глава.

[5]) Рус. Архивъ, 1890 г., № 10, стр. 199—221.

[6]) Истор. Вѣстникъ 1890 г. № 4, стр. 116 — 153; Рус. Стар. 1890 г. № 4, стр. 207—209.

[7]) Отрывки изъ воспоминаній В. Пашкова о г. Харьковѣ, Харьковскомъ университетѣ и Харьковскомъ краѣ печатались въ мѣстныхъ изданіяхъ; „Изъ воспоминаній о Д. И. Каченовскомъ" (Харьк. Губ. Вѣд. 1874 г. № 7; „Изъ прошлаго здѣшняго края" Харьк. Губ. Вѣд. 1876 г. №№ 1—8, 10, 12, 14, 16, 19, 21, 23, 25; Южный Край 1884 г. №№ 1275, 1315, 1318, 1327, 1356; 1885 г. №№ 1420 и 1425); отрывки изъ университетскихъ воспоминаній напечатаны были въ газетѣ „Харьковъ", въ болѣе подробномъ видѣ они должны были появиться въ „Кіевской Старинѣ", но къ сожалѣнію при переходѣ журнала въ руки другого издателя доставленная мною рукопись затерялась въ редакціи какъ это видно изъ слѣдующаго ея объявленія: „Редакція „Кіевской Старины" покорнѣйше проситъ лицо, у котораго находятся Воспоминанія Пашкова о Харьковскомъ университетѣ, доставить ихъ въ редакцію" (Кіев. Старина. 1891, январь, стр. 208).

довъ относятся записки Топчіева [1]). Краткія свѣдѣнія найдемъ мы также въ зам. Сбитнева (относятся къ 1832 г.) [2]), воспоминаніяхъ г. А. Ш. (о Гулакѣ Артемовскомъ) [3]), Лапшина [4]), Рейнгарда [5]).

Въ самое послѣднее время пр. Н. Ѳ. Сумцовъ началъ печатать свои воспоминанія о попечителѣ Воскресенскомъ [6]) и проф. А. А. Потебнѣ. Можно только пожелать, чтобы примѣръ его нашелъ продолжателей среди членовъ нашей коллегіи и бывшихъ питомцевъ Харьковскаго университета. Изъ русскихъ и иностранныхъ путешественниковъ, оставившихъ свои замѣтки о г. Харьковѣ и Харьк. у—ѣ, слѣдуетъ отмѣтить кн. Долгорукаго, акад. Коля и барона Гакстгаузена [7]). Вотъ и все болѣе важное. Его очень мало; остаются огромные пробѣлы: многое требуетъ провѣрки документальными данными; многое изображено въ самыхъ общихъ чертахъ; о многомъ, очень важномъ, нѣтъ никакихъ свѣдѣній. *Однимъ словомъ, писать исторію университета по наличному печатному матеріалу невозможно.* Необходимо пользоваться неизданными документами университетскаго архива: въ этихъ хартіяхъ, мирно почивающихъ на полкахъ архива, заключается подробная исторія Харьковскаго университета. Говоря это, мы нисколько не отрицаемъ важнаго значенія частныхъ матеріаловъ; мы только опредѣляемъ относительное достоинство тѣхъ и другихъ и при томъ не вообще, а примѣнительно къ данному случаю. Внимательное изученіе тѣхъ и другихъ привело меня къ убѣжденію, что въ основу своего „Опыта" я долженъ положить документы университетскаго архива. Только они даютъ полную картину *оффиціальной* дѣятельности университета, съ хронологическими датами, съ точными свѣдѣніями о служебной, преподавательской и научной дѣятельности профессоровъ, со

---

[1]) Южный Край, 1883 г., №№ 874, 879, 882, 886, 889, 893, 900, 903, 906, 909, 915, 922, 923.

[2]) Кіев. Стар., 1887, февраль—май.

[3]) Ib., 1889, № 2. 499—503.

[4]) Ж. М. Н. Пр. 1890, май, стр. 124—128.

[5]) Харьк. Сбор. на 1887 годъ.

[6]) Любопытныя данныя о попечителѣ З. Я. Карнѣевѣ появились на дняхъ въ Рус. Архивѣ, май 1893 г. (Переписка кн. А. Н. Голицына съ З. Я. Карнѣевымъ); ср. Рус. Архивъ 1892, № 12.

[7]) Кн. Долгорукаго. Славны бубны за горами (Чтенія Моск. Общ., 1869, кн. 2-я, стр. 45—56). Reisen im Inneren von Russland und Polen von Kohl. 2 Theil 1841, p. 135—178. Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Russlands. Von A. F. Haxthausen 2 Theil 1847, p. 114—163.

статистическими данными о состояніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій, о количествѣ студентовъ, ихъ происхожденіи, мѣстѣ рожденія и первоначальнаго воспитанія, занятіяхъ, экзаменахъ и т. п. Мало того: въ университетскомъ архивѣ мы найдемъ много данныхъ, рисующихъ намъ и частную жизнь профессоровъ и студентовъ, ихъ нравы и обычаи. А объясняется это тѣмъ, что сфера университетскаго суда въ прежнее время была гораздо шире, чѣмъ теперь: онъ разбиралъ не только проступки студентовъ, но и столкновенія членовъ профессорской коллегіи между собою, обиды, нанесенныя ихъ семьямъ и даже нѣкоторые споры между профессорами и посторонними лицами. Наконецъ, въ томъ же университетскомъ архивѣ мы найдемъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики отношенія университета ко внѣ университетской педагогической средѣ; это—документы, заключающіе въ себѣ свѣдѣнія объ устройствѣ всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній Харьковскаго учебнаго округа; училища эти находились въ первое время въ завѣдываніи училищнаго комитета, а этотъ послѣдній состоялъ изъ профессоровъ университета. Впрочемъ даже и въ болѣе позднее время среди оффиціальныхъ бумагъ можно нерѣдко встрѣтить такія, которыя прекрасно характеризуютъ нравственную сторону личности ихъ составителей.

Но нѣтъ также ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что частные матеріалы являются необходимымъ *дополненіемъ* къ оффиціальнымъ. Нерѣдко одна мѣткая характеристика современника даетъ намъ больше, чѣмъ груда оффиціальныхъ документовъ: она является подчасъ ключемъ къ разгадкѣ всего характера дѣятеля, его отношенія къ другимъ членамъ коллегіи и т. п. Только однѣ записки современниковъ могутъ оживить сухія данныя архива, возсоздать живые образы старыхъ дѣятелей съ ихъ индивидуальными особенностями, съ ихъ достоинствами и недостатками, представить картины стараго быта въ его реальной обстановкѣ. Даже анекдотическая сторона въ подобныхъ разсказахъ имѣетъ свое значеніе, если, конечно, ею одною не исчерпываются характеристики. Я постараюсь изучить и эксплоатировать этотъ матеріалъ по возможности тщательнѣе, такъ какъ съ одной стороны онъ долженъ быть отнесенъ къ разряду первоисточниковъ, которыми почти никто не пользовался для научныхъ цѣлей, а съ другой его такъ мало, что приходится дорожить даже и менѣе важными замѣтками.

Но въ основу своего труда я все-таки положу неизданные документы университетскаго архива,—этотъ почти нетронутый и неисчерпаемый рудникъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ. Такимъ образомъ, недостатка въ источникахъ я ощущать не буду. Скорѣе является опасность другого рода — что я воспользуюсь этимъ хранилищемъ въ слишкомъ

незначительной степени. И я заранѣе предупреждаю, что не буду разрабатывать бумагъ его *систематически;* для этого мнѣ пришлось бы перерыть весь архивъ, что, конечно, абсолютно невозможно, въ особенности, если принять во вниманіе огромное количество документовъ и отсутствіе ихъ научнаго описанія. Это обширное хранилище заключаетъ въ себѣ собственно 4 архива—дѣла Совѣта, Правленія, Попечительской канцеляріи и Училищнаго комитета. Огромное большинство ихъ представляетъ въ настоящее время исключительно историческій интересъ и имъ необходимо было бы сдѣлать ученое обозрѣніе, чтобы сгруппировать матеріалъ для составителей „Біографическаго словаря" и „Исторіи университета". Для настоящаго тома мнѣ удалось, кромѣ того, открыть еще цѣлую серію *новыхъ* и чрезвычайно важныхъ документовъ—въ Архивѣ Харьк. двор. депутат. собранія; они касаются капитальнаго вопроса объ *основаніи* Харьк. университета и послужатъ главнымъ источникомъ для 2-й главы моего сочиненія.

Кромѣ этого въ моемъ распоряженіи имѣются еще и нѣкоторые неизданные *частные* матеріалы. Хотѣлъ бы думать, что подобные источники будутъ поступать ко мнѣ и впредь, по мѣрѣ печатанія моего труда. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы обратиться съ покорнѣйшей просьбой ко всѣмъ тѣмъ, у кого имѣются какіе либо (хотя бы самые незначительные) документы, относящіеся къ исторіи Харьк. университета, его учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ и біографіямъ его дѣятелей, сообщить ихъ мнѣ для снятія копій (имѣю въ виду мемуары, записки, письма, рукописныя мнѣнія, отзывы, курсы, характеристики, юмористическія стихотворенія и сатиры и т. п.). Еще удобнѣе было бы жертвовать все это въ нашъ Харьк. историческій архивъ, въ которомъ недавно заведено особое отдѣленіе бумагъ и писемъ мѣстныхъ университетскихъ дѣятелей. Нужно надѣяться, что, въ виду приближенія столѣтняго юбилея Харьк. университета, тѣ лица, которымъ хорошо извѣстно его прошлое, напечатаютъ о немъ свои воспоминанія; эти послѣднія явятся съ одной стороны интереснымъ литературнымъ чтеніемъ для обширнаго круга читателей, а съ другой—желаннымъ подаркомъ для историковъ Харьк. университета и Харьковскаго края.

Само собою разумѣется, что къ своимъ источникамъ мы будемъ относиться критически, въ предѣлахъ допускаемыхъ характеромъ труда. Тамъ, гдѣ будутъ спорные вопросы, мы ихъ постараемся разрѣшать или на основаніи критическаго анализа прежнихъ мнѣній, или введеніемъ *новаго матеріала,* дающаго прямое и вѣрное рѣшеніе сомнительнаго случая; второй путь, конечно, всегда прямѣе и надежнѣе перваго. Желая дать *систематическій* очеркъ исторіи Харьк.

университета и предназначая его для болѣе или менѣе широкаго круга образованныхъ читателей, я не могу совершенно опускать и того, о чемъ говорили уже мои предшественники въ специальныхъ статьяхъ и замѣткахъ, если содержаніе ихъ заслуживаетъ вниманія по важности вопроса или по связи съ общимъ ходомъ старой университетской жизни; къ сожалѣнію количество пособій, какъ мы видѣли, весьма недостаточное и при томъ большинство ихъ касается только исторіи основанія университета. Такимъ образомъ, большею частью мнѣ придется идти „неготовыми путями" — и самому находить матеріалъ, создавать планъ, дѣлать характеристики и обобщенія. *Документальный* характеръ моего труда является важной гарантіей достовѣрности его содержанія. Содержаніе это будетъ отличаться вполнѣ *фактическимъ* характеромъ; въ большинствѣ случаевъ факты сами будутъ говорить за себя; моя обязанность будетъ заключаться главнымъ образомъ въ группировкѣ и освѣщеніи ихъ; выводы же должны являться, какъ необходимое логическое послѣдствіе этихъ фактическихъ данныхъ. Я не буду уклоняться отъ оцѣнки событій и сужденій о дѣятельности лицъ, такъ какъ безъ нихъ историческій трудъ теряетъ большую часть своего значенія. Но при этой оцѣнкѣ буду стараться соблюдать большую осторожность. Во многихъ случаяхъ я просто не буду себя чувствовать достаточно компетентнымъ (напр., въ отзывахъ о спеціальныхъ трудахъ по математикѣ, медицинѣ и т. п.); въ другихъ—для этого не будетъ достаточно данныхъ (напр., для характеристики нравственной стороны различныхъ личностей). Во всякомъ случаѣ въ своихъ приговорахъ я буду принимать во вниманіе условіе времени и среды. Критеріемъ для нихъ будутъ мнѣ служить пользы того учрежденія, для котораго работали всѣ эти лица, а также интересы науки и просвѣщенія вообще. Мое сочувствіе будетъ на сторонѣ тѣхъ, кто способствовалъ своею дѣятельностью прогрессу въ тѣхъ или иныхъ сферахъ университетской жизни, и чѣмъ больше кто сдѣлалъ, тѣмъ большаго вниманія заслужитъ въ моихъ глазахъ его личность и дѣятельность; перспектива также нужна въ исторіи, какъ и въ живописи. Конечно, я, какъ историкъ, не могу закрывать глазъ и на темныя стороны нашей старой университетской жизни; иначе моя картина не будетъ соотвѣтствовать действительности. Но главное вниманіе мое будетъ все-таки обращено на свѣтлыя положительныя черты, ибо важнѣйшей задачей всякаго подобнаго труда нужно признать рѣшеніе вопроса—что сдѣлалъ тотъ или иной университетъ для развитія науки и просвѣщенія въ русскомъ обществѣ. Относительно же провинціальныхъ университетовъ въ частности получаетъ огромное значеніе во-

просъ о взаимодѣйствіи между университетскою средою и мѣстнымъ обществомъ. Харьковскій университетъ занимаетъ въ этомъ отношеніи даже нѣсколько особенное положеніе: онъ возникъ, какъ извѣстно, благодаря общественной инидіативѣ, матеріальной и нравственной поддержкѣ мѣстнаго общества. Поэтому необходимо касаться и положенія этого общества, чтобы выяснить причину сочувственнаго отношенія его къ университету съ одной стороны и результатъ ихъ взаимнаго вліянія съ другой. Предметомъ особеннаго вниманія съ моей стороны будетъ служить поэтому проявленіе научно-литературнаго движенія, стоявшаго въ тѣснѣйшей нравственной связи съ университетской жизнью. Неудивительно, что, при такой широкой постановкѣ темы, мой „Опытъ“ приметъ значительные размѣры, хотя я и буду стараться по возможности ограничивать себя въ этомъ дѣлѣ, чтобы довести его до благополучнаго конца. Исторіи Харьк. университета въ царствованіе Имп. Александра I-го я предполагаю посвятить два тома: 1-й томъ будетъ обнимать одно десятилѣтіе въ жизни университета (1805 — 1814 годъ), 2-й—другое (1815—1824 г.). Такое дѣленіе оказывается необходимымъ между прочимъ и потому, что самое отношеніе правительства къ университетамъ въ 1-ю половину царствованія Александра I отличалось однимъ характеромъ, а во 2-ю — другимъ, совершенно противоположнымъ; сообразно съ этимъ рѣзко измѣнился и общій характеръ университетскаго быта.

Въ заключеніе два слова pro domo sua. Взяться за настоящую работу меня побуждаетъ между прочимъ чувство глубокой признательности къ Харьковскому университету, избравшему меня 10 лѣтъ тому назадъ въ преподаватели по предмету русской исторіи. Я былъ тогда совсѣмъ молодымъ начинающимъ спеціалистомъ; за мною, можно сказать, не было ученаго прошлаго. Вѣсть объ этомъ избраніи я принялъ не какъ заслуженную награду, а какъ осуществившуюся счастливую мечту, дававшую мнѣ возможность предаваться любимымъ занятіямъ. Перейдя въ Харьковъ, я рѣшилъ познакомиться съ мѣстной исторіей, но оказалось, что сдѣлано въ этой области очень мало; такъ открылось мнѣ благодарное поле для самостоятельныхъ изслѣдованій по мѣстной исторіи, въ основу которыхъ были положены мною архивные документы.

Десять лѣтъ занимаюсь я изслѣдованіемъ мѣстной старины—внимательно слѣжу за текущими явленіями въ этой области, разыскиваю новые архивные матеріалы, пишу самостоятельныя изслѣдованія. Интересуясь преимущественно культурною стороною нашего прошлаго быта, я, естественно, не могъ обойти въ своихъ занятіяхъ и исторіи Харь-

ковскаго университета, такъ какъ съ его судьбою самымъ тѣснымъ образомъ связана судьба просвѣщенія значительной части „полуденнаго“ края Россіи.

Неудивительно, что я рѣшился ввести его въ кругъ своихъ историческихъ разысканій. У меня явилась потребность потрудиться по мѣрѣ своихъ силъ и способностей для уясненія мало извѣстнаго прошлаго того просвѣтительнаго учрежденія, которое сдѣлалось для меня роднымъ, въ которомъ счастливая судьба поставила меня на высокую ступень наставника и руководителя молодого поколѣнія. Мнѣ казалось, что тутъ пригодятся мнѣ и знаніе архивнаго дѣла, и мои изслѣдованія въ области харьковской бытовой старины, и внимательное изученіе всѣхъ тѣхъ печатныхъ статей, замѣтокъ и матеріаловъ, которые имѣютъ какое либо отношеніе къ мѣстной исторіи. Быть можетъ, у меня не окажется другихъ данныхъ, необходимыхъ для историка университета, но чтоже дѣлать! Quod potui, feci, faciant meliora potentes! Пусть мой трудъ послужитъ матеріаломъ для другого болѣе совершеннаго изслѣдованія: я буду счастливъ, если мнѣ удастся собрать кирпичи для будущаго грандіознаго зданія — подробной, систематической исторіи Харьковскаго университета.

I-я ГЛАВА.

Культурное состоянiе Харьковскаго края до открытiя университета.

Харьковскiй университетъ (и въ этомъ найболѣе характерная особенность его исторiи) былъ основанъ благодаря сочувствiю и матерiальной поддержкѣ Харьковскаго общества. Но откуда въ этомъ степномъ захолустьѣ явились люди, собравшiе въ своей средѣ такую громадную сумму для открытiя университета? Скажутъ, б. м., что общество тутъ ни причемъ, что единственнымъ виновникомъ основанiя университета въ Харьковѣ былъ В. Н. Каразинъ. Но нисколько не отрицая огромной заслуги въ этомъ дѣлѣ Каразина, мы тѣмъ не менѣе уже на основанiи общеисторическихъ соображенiй не можемъ допустить, чтобы въ самой мѣстной средѣ не было никакихъ благопрiятныхъ условiй для воспрiятiя этой мысли, чтобы она ничѣмъ не была подготовлена къ ней; вѣдь если сѣмя падаетъ на каменистую, безплодную почву—то не приноситъ плода и засыхаетъ. Между тѣмъ прежнiе историки или совершенно игнорировали вопросъ о культурномъ состоянiи Харьковскаго края передъ открытiемъ университета, или ограничивались общими мѣстами, не приводя въ подтвержденiе своихъ мнѣнiй никакихъ фактическихъ данныхъ.

Н. А. Лавровскiй говоритъ, что Харьковскiй университетъ былъ единственною свѣтящеюся точкою „на этомъ безпредѣльномъ степномъ пространствѣ“, по которому только кое гдѣ мелькали едва замѣтныя небольшiя свѣтлыя точки, такъ называемыя главныя народныя училища, что онъ „осѣлъ на почти не початой и не совсѣмъ привѣтливой

почвѣ“ [1]). Де Пуле говоритъ о Харьковѣ нач. XIX в., какъ о глухомъ степномъ городкѣ, уступавшемъ далеко даже Бѣлгороду [2]).

Дѣйствительно Харьковъ въ к. XVIII и самомъ нач. XIX в. представлялъ изъ себя незначительный по величинѣ и количеству жителей городокъ. Размѣры его ограничивались главнымъ образомъ нынѣшнею центральною частью (гдѣ теперь соборъ, присутственныя мѣста, университетъ); о недавнемъ военномъ бытѣ напоминали остатки валовъ и вообще земляныхъ укрѣпленій; нынѣшнія улицы назывались просто *дорогами* (Екатеринославская, ведшая въ г. Екатеринославъ, Московская—въ г. Москву, Сумская—въ г. Сумы). Залопанская часть города не доходила и до Дмитріевской церкви. Тамъ, гдѣ теперь красуются Екатеринославскіе скверы, было озеро съ очень хорошею водою, а берега его были обсажены деревьями, черезъ него былъ устроенъ мостикъ. За Дмитріевской церковью до Холодной горы тянулось по правую сторону кладбище, а по лѣвую *слобода* Гончаровка. Нынѣшняя Клочковская улица представляла изъ себя *хуторъ* Клочки [3]). Харьковъ имѣлъ деревенскій видъ, какъ это можно замѣтить и на картинѣ, изображающей его въ началѣ нынѣшняго вѣка [4]).

По количеству жителей онъ ничѣмъ почти не выдѣлялся изъ состава нынѣшнихъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи, а двумъ изъ нихъ, именно Ахтыркѣ и Валкамъ, если только насъ не обманываютъ цифры, даже уступалъ: въ Харьковѣ въ 1802 году числилось 5373 д. муж. пола, въ Валкахъ—5392, а въ Ахтыркѣ—6309 [5]). Но что особенно непріятно должно было поражать свѣжаго человѣка, такъ это городское неблагоустройство. Въ статьѣ г. Устинова, на основаніи документальныхъ данныхъ, подробно разсказана исторія мѣропріятій мѣстной администраціи, старавшейся о замощеніи улицъ фашинникомъ. Въ распутицу проѣздъ даже по главнымъ улицамъ былъ очень опасенъ; самъ губернаторъ Бахтинъ, проѣзжая однажды въ 1804 г. по городу, попалъ въ яму, изъ которой едва освободился. Харьковскія рѣчки зацвѣтали и служили постояннымъ источникомъ лихорадочныхъ заболѣваній.

Вотъ это то внѣшнее неблагообразіе, простота патріархальной жизни, нетронутой почти никакими вліяніями культурности, и должны

---

[1]) Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета (Ж. М. Н. Пр. 1869 г., № 10, стр. 238).

[2]) Вѣстникъ Европы. 1874 г., № 1.

[3]) Устинова. Харьковъ въ нач. нын. столѣтія (Харьк. кал. на 1886 годъ, стр. 79—100).

[4]) Снимокъ съ этой картины былъ приложенъ къ Харьк. кал. на 1886 г.

[5]) Смотри изданное мною „Описаніе слоб. укр. губ. 1802 года“, стр. 16—17.

были производить (въ особенности на иностранцевъ) впечатлѣніе чего-то ультразахолустнаго, некультурнаго и непривѣтливаго. Эти стороны мѣстной жизни и подмѣтили прежде всего первые иностранные профессора Харьковскаго университета. Роммель сильно жалуется въ своихъ запискахъ на весеннюю Харьковскую грязь, побудившую университетъ учредить для студентовъ „грязные каникулы" (feriae luti) [1]). Среди иностранныхъ профессоровъ возникъ даже было, какъ извѣстно, проектъ о переводѣ университета въ Кіевъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій г. Харькова [2]). Русскіе профессора относились къ этому гораздо спокойнѣе отчасти, конечно, по привычкѣ къ неблагоустройству русскихъ городовъ, а отчасти и потому, что вѣрили въ возможность помочь бѣдѣ энергичными, но вмѣстѣ съ тѣмъ разумными полицейскими мѣрами. Тимковскій, напримѣръ, на долю котораго выпала между прочимъ забота о первоначальномъ устроеніи Харьковскаго университета, впервые увидѣвъ Харьковъ, отозвался о немъ такъ: „городъ стоитъ частію на горѣ, но большею частію въ мѣстахъ низменныхъ, около двухъ стекающихся рѣчекъ; онъ только лишь выходитъ изъ состоянія дикой необразованности. Если обстроится, будетъ пріятный городъ: окрестности его богаты красотою; почва земли способна для садовъ; близъ него есть глинистыя горы для кирпича, есть довольно и лѣсу, коего нынѣшняя дороговизна происходитъ отъ множества прилежащихъ винокуренныхъ заводовъ—зло удобоотвратимое" [3]).

Да и возможно ли было быстро поднять городское благоустройство, когда сумма городскихъ доходовъ равнялась всего 10000 р. въ годъ.

Но было одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое ставило Харьковъ въ привилегированное положеніе не только среди другихъ уѣздныхъ городовъ Слоб. укр. губ., но и среди городскихъ поселеній сосѣднихъ областей, которое ясно свидѣтельствовало, что онъ идетъ по пути матеріальнаго прогресса—это его ярмарки и вообще торговля. Еще въ 60, 70 и 80 годахъ прошлаго вѣка Харьковскія ярмарки достигли значительнаго развитія и имѣли перевѣсъ надъ Сумскими, которыя до этого времени повидимому пользовались наиболѣе важнымъ значеніемъ въ краѣ. Въ связи съ движеніемъ русской колонизаціи къ югу, увеличивалось значеніе Харькова, какъ торговаго центра. Вотъ причина, почему центральное положеніе заняли въ Харьковщинѣ не Сумы, а Харьковъ. Важное вліяніе на развитіе въ немъ ярмарокъ

---

[1]) Воспом. проф. Роммеля X. 1868 г., стр. 70.

[2]) Ibidem, 70—71.

[3]) Шугурова. И. Ѳ. Тимковскій (Кіев. стар. 1891 г., сентябрь, стр. 375—376).

должна была также оказать сравнительная безопасность, которою онъ пользовался въ XVIII в. Во 2-й пол. XVIII ст. за нимъ окончательно упрочивается значенiе административнаго центра. О торговомъ значенiи Харькова въ самомъ началѣ XIX в. даютъ понятiе слѣдующiя данныя. Въ одномъ статистическомъ документѣ 1802 г. прямо говорится, что „главнѣйшее мѣсто *всегдашней* торговли есть г. Харьковъ; товары получаютъ Харьковскiе купцы изъ Петербурга, Москвы, Таганрога, Валахiи, изъ-за границы и многихъ великороссiйскихъ губернiй“ [1]). По словамъ того же источника, въ Харьковѣ тогда было 4 ярмарки, изъ коихъ важнѣе другихъ Крещенская и Успенская, ибо сюда съѣзжается много купцовъ изъ Великороссiи (особенно Москвы) и югозападнаго края; продажа товаровъ преимущественно оптовая; идутъ они на Донъ, въ Новороссiю, Крымъ и нѣкоторые малороссiйскiе города; кромѣ иностранныхъ товаровъ сюда привозилось множество произведенiй московской мануфактуры [2]).

Обороты Крещенской ярмарки въ Харьковѣ, по словамъ г. Устинова, доходили тогда уже до 10 мил., Успенской—8 мил. [3]). Обыкновенно принято думать, что вся эта ярмарочная торговля была въ рукахъ великорусскаго купечества, ибо малороссiяне были совершенно неспособны къ такого рода дѣятельности. Но это положенiе требуетъ нѣкоторыхъ ограниченiй и поясненiй. Иногороднее купечество *осѣдало на постоянное* жительство только въ Харьковѣ да Сумахъ.

При томъ въ составѣ его нужно различать два элемента—великороссовъ и иностранцевъ. Въ 1773 г. въ Харьковѣ было 100 иностранцевъ и 213 чел. великорусскихъ купцовъ (считая женъ и дѣтей); въ Сумахъ—29 иностранцевъ и 36 великорусскихъ купцовъ [4]). Въ самомъ, нач. XIX ст. число великорусскихъ купцовъ въ Харьковѣ замѣтно возрастаетъ: всѣхъ купеческихъ фамилiй было тогда 166, изъ коихъ только ок. 25% мѣстнаго малорусскаго происхожденiя; остальныя $^3/_4$ были великоруссы или иностранцы [5]). Но кромѣ этихъ *гильдейскихъ* купцовъ и въ постоянной, и особенно въ ярмарочной торговлѣ г. Харькова принимали участiе мѣщане и войсковые обыватели; а въ другихъ городахъ

---

[1]) Опис. Слоб. укр. губ. 1802 г. стр. 14.

[2]) Подробное перечисленiе ихъ см. тамъ же, стр. 21.

[3]) Устинова. Харьковъ въ нач. нын. стол. (Харьк. кал. на 1886 годъ, стр. 108).

[4]) См. вѣдомость слоб. укр. губ. канцелярiи, составленную для акад. Гильденштедта (мои „Матерiалы для исторiи колонизацiи и быта Харьк. и отчасти Курской и Воронежской губ.“; т. 2-й, стр. 319, 348).

[5]) Харьк. календарь на 1886 годъ, стр. 107—108.

и селеніяхъ вовсе не имѣли постояннаго жительства великорусскіе и иностранные купцы; между тѣмъ торги и ярмарки были и тамъ. Для объясненія этого явленія слѣдуетъ вспомнить соціальный составъ населенія Слоб. укр. губерніи. Въ Слободской украйнѣ, какъ показываетъ и самое названіе ея, слободы, т. е. селенія, пользовавшіяся извѣстными льготами, преобладали надъ городами. Эти послѣдніе представляли изъ себя первоначально почти исключительно *военные* пункты. Впослѣдствіи и по составу своего населенія, и по его занятіямъ они ничѣмъ почти не отличались отъ селеній. Въ Слободской украйнѣ не было даже такой дифференціаціи общественныхъ классовъ (по ихъ занятіямъ), какую мы замѣчаемъ въ сосѣднихъ великорусскихъ областяхъ, гдѣ, въ Курскѣ напримѣръ, или Воронежѣ былъ весьма видный классъ купцовъ-спеціалистовъ. У насъ же, въ Харьковщинѣ, торговля не сконцентрировалась въ одной какой либо общественной группѣ, а какъ то разлилась въ общей массѣ населенія. Слобожане играли видную роль въ торговлѣ съ Великороссіей, Новороссіей, Дономъ, Малороссіей, Польшей и даже Западной Европой, частію въ качествѣ продавцевъ производимыхъ ими продуктовъ (въ особенности хлѣбнаго вина), а частію и посредниковъ (имѣемъ въ виду чумаковъ, покупавшихъ на свои собственныя средства рыбу и соль и продававшихъ ихъ на мѣстныхъ ярмаркахъ). Произведенія мѣстнаго ремесленнаго труда находили себѣ широкое распространеніе въ сосѣднихъ губерніяхъ; среди харьковскихъ ремесленниковъ выдѣлялись „рымари“, сбывавшіе ремни и кожи своихъ издѣлій и въ сосѣднія Екат. и Малорос. намѣстничества, „кушнеры“, отправлявшіе свои шубы въ Великороссію, „коцарки“, отпускавшіе многія тысячи своихъ ковровъ въ великороссійскія селенія и даже за границу и т. п. [1]).

Малороссъ, котораго мы привыкли считать лѣнивымъ домосѣдомъ, отличался въ это время какою то страстью къ передвиженіямъ: „мандровали“ дьячки-учителя, монахи, чумаки. Харьковская губ. находилась на прямой торговой дорогѣ изъ Москвы въ Новороссію.

Съ паденіемъ Крыма (съ 1783 г.), заселеніе Новороссіи пошло еще болѣе быстрыми шагами чѣмъ прежде, а торговая дѣятельность ея расширилась, потому что нашла себѣ выходъ въ Черноморско-Азовскихъ портахъ. Въ Новороссійскомъ краѣ тогда (въ самомъ нач. XIX в.) было уже нѣсколько городовъ, не отличавшихся правда многолюдствомъ, но развившихъ значительную торговлю. Самымъ бойкимъ торговымъ

---

[1]) См. подробности въ моей актовой рѣчи „Засел. Харьк. края и общій ходъ его культ. развитія до открытія у—а“, стр. 18—20.

центромъ была Одесса. Въ 1802 г. изъ нея, напримѣръ, было вывезено товаровъ болѣе чѣмъ на $1^1/_2$ мил., а привезено на 719982 р. Жителей въ ней было тогда 9 тыс. чел., а городскихъ доходовъ собрано 40 тыс. руб. Для того чтобы оцѣнить значеніе этихъ цифръ, нужно вспомнить, что Одесса была основана только въ девяностыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Съ воцареніемъ Имп. Александра I-го, во время управленія Дюка де Ришелье, начался быстрый чисто американскій ростъ ея. Въ 1814 г. торговые обороты уже достигли 20 мил. Въ Таганрогѣ въ началѣ XIX ст. было отъ 8 до 10 тыс. жителей, въ Екатеринославѣ въ 1804 г.—6389; въ Николаевѣ еще меньше; тоже самое нужно сказать относительно Херсона, Елисаветграда, Ростова, Маріуполя, Дубоссаръ; все это были городки съ небольшимъ количествомъ жителей, недавно передъ этимъ основанные, но обладавшіе задатками болѣе счастливой будущности. Часть ихъ была расположена непосредственно на Черноморско-Азовскомъ побережьѣ, другая связана была съ нимъ водными рѣчными путями. Торговые обороты ихъ все болѣе расширялись, потому что къ нимъ тянула изобиловавшая различными богатствами Новороссія, привлекавшая все новыхъ и новыхъ колонистовъ. Если хлѣбный экспортъ г. Одессы и Таганрога дѣлалъ такіе гигантскіе шаги, то это объясняется, конечно, тѣмъ, что Новороссійскіе земледѣльцы производили гораздо больше хлѣба, чѣмъ нужно было для собственнаго потребленія жителей. И дѣйствительно: въ 1803 г. въ Екатерин. губ. осталось за продовольствіемъ и посѣвомъ на продажу 446468 четвертей, а въ 1804 г.—даже 1079017 четв.; въ Херс. губ. въ 1804 г.—644207 четв. Не говоримъ о скотоводствѣ и другихъ видахъ добывающей промышленности. Она доставляла массу сырыхъ произведеній, которыя нуждались въ обмѣнѣ. Обмѣнъ шелъ по двумъ главнымъ направленіямъ: съ юга на сѣверъ, изъ Черноморско-Азовскихъ портовъ двигались европейскіе товары съ сѣвера на югъ, изъ центральной Россіи—произведенія великорусской обрабатывающей промышленности. Наша Харьковщина играла роль посредника между Москвою и Новороссіей; Харьковъ сдѣлался складочнымъ пунктомъ для товаровъ, направлявшихся съ сѣвера на югъ; естественно, что сюда стали являться въ значительномъ количествѣ великорусскіе купцы не только на ярмарки, но и на постоянное жительство.

Въ концѣ XVIII вѣка, по справедливому замѣчанію И. С. Аксакова, „Новороссійскій край еще не вполнѣ организовался, еще не жилъ тою дѣятельною жизнью, какою жилъ потомъ, и Харьковъ имѣлъ значеніе скорѣе пограничнаго склада, чѣмъ центральнаго

пункта“ [1]). Но дѣятельную посредническую роль игралъ не одинъ Харьковъ, а вся Харьковщина, находившаяся въ тѣсныхъ связяхъ съ Новороссіей.

Такимъ образомъ, и Харьковщина, и Новороссія (вошедшая потомъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа) стояли на довольно высокой (конечно, относительно) ступени матеріальной культуры. Это не были безлюдныя и безмолвныя степи средней Азіи; наоборотъ здѣсь происходило постоянное движеніе и передвиженіе населенія и пульсъ жизни былъ довольно высокъ. Во многихъ мѣстахъ плугъ начиналъ уже бороздить извѣчную цѣлину; на широкомъ привольѣ степей вездѣ можно было встрѣтить „отары“ овецъ, табуны лошадей, стада крупнаго рогатаго скота; а въ нѣкоторыхъ точкахъ этихъ степей и нашего Харьковскаго предстепья по временамъ (въ городахъ во время ярмарокъ) жизнь била ключемъ; происходилъ не только обмѣнъ товаровъ, но и обмѣнъ мыслей; встрѣчались другъ съ другомъ люди изъ различныхъ, нерѣдко отдаленныхъ мѣстностей, различныхъ народностей, классовъ, состояній, характеровъ; такъ было между прочимъ и въ Харьковѣ. Полная внѣшняя безопасность, которою стало пользоваться населеніе съ конца XVIII и начала XIX вѣка, сравнительная матеріальная обезпеченность его, явившаяся результатомъ развитія культуры, сдѣлала возможнымъ появленіе потребности въ грамотности и образованіи. Естественно, что впереди всѣхъ въ этомъ отношеніи стоялъ высшій слой украинскаго общества—бывшая казацкая старшина, превратившаяся теперь въ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и вошедшая такимъ путемъ въ ряды русскаго дворянства. Она владѣла подчасъ обширными помѣстьями, а недавно передъ тѣмъ права ея расширены были и на крестьянъ, жившихъ на принадлежавшихъ ей земляхъ. Затѣмъ идутъ мѣщане и самая обширная группа войсковыхъ обывателей; эти послѣдніе представляли изъ себя прежнее сословіе слободскихъ казаковъ, перешедшихъ теперь на мирное положеніе и обратившихся, по насмѣшливому выраженію одного литературнаго сатирическаго памятника, въ „гречкосіивъ“. Крѣпостныхъ крестьянъ считать нельзя, хотя прошло всего только десятка два лѣтъ съ того момента, какъ они попали въ зависимость, такъ что и они еще не успѣли забыть о прежней вольности. Но самымъ просвѣщеннымъ слоемъ было, конечно, духовенство (черное и бѣлое), стоявшее, какъ увидимъ, во главѣ народнаго образованія.

---

[1]) Изсл. о торговлѣ на укр. ярм., стр. 52.

Образовательная струя замѣтна въ украинскомъ населеніи съ самыхъ давнихъ поръ, съ перваго появленія его въ Слободскую украйну. Слободская украйна, какъ извѣстно, заселилась главнымъ образомъ малороссіянами, пришедшими изъ заднѣпровья. Переселенцы являлись на новыя мѣста съ извѣстными культурными зачатками, совокупность коихъ въ московскихъ актахъ носитъ характерное названіе „черкасскихъ“ [1]), „старо-черкаскихъ обыкностей“, т. е. старинныхъ малороссійскихъ обычаевъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ южно-русское населеніе Рѣчи посполитой далеко не чуждо было интересовъ образованія и просвѣщенія, при чемъ эти послѣднія были самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ православною вѣрою. Со времени Люблинской уніи и Брестскаго собора, малорусскому народу приходилось вести упорную борьбу съ поляками за свою вѣру и народность. Борьба противъ церковной уніи, всяческими средствами распространяемой среди православныхъ, естественно объединяла духовенство и мірянъ; къ этому же сближенію приводилъ и самый строй западно-русской церкви, всегда предоставлявшій значительную роль въ церковныхъ дѣлахъ свѣтскимъ лицамъ. Католицизмъ выступилъ противъ православія, вооружившись всѣми средствами западной богословской науки и призвавъ на помощь себѣ такого опаснаго союзника какъ іезуиты. Православная церковь, естественно, конечно, должна была прибѣгнуть къ тому же самому оружію, какое пускалось противъ нея—богословской наукѣ. Но этой послѣдней у насъ въ то время, можно сказать, не существовало: ее приходилось создавать.

Такъ возникъ въ юго-западной Руси цѣлый циклъ литературныхъ памятниковъ полемики православныхъ южноруссовъ съ латинянами; скоро къ нимъ присоединились еще и полемическія сочиненія противъ лютеранъ. Такимъ образомъ, западно-русская наука, не смотря на свой схоластическій характеръ, служила главной опорой южно-русскому народу въ его борьбѣ за вѣру и народность. Эта же борьба вызвала къ жизни еще одно замѣчательное проявленіе общественнаго духа среди южноруссовъ—церковныя братства, изъ коихъ нѣкоторыя (напримѣръ Львовское, Кіевское, Виленское) успѣли развить свою дѣятельность до чрезвычайно широкихъ размѣровъ и притомъ не только въ отношеніи

---

[1]) Вопросъ объ этихъ черкасскихъ обыкновеніяхъ заслуживаетъ вниманія историка и этнографа. Полное перечисленіе и оцѣнка ихъ дадутъ намъ отчетливое представленіе о *бытовыхъ* особенностяхъ малорусскаго населенія Харьк. губ., особенностяхъ, существовавшихъ уже въ XVII в.; это, слѣдовательно, довольно древній историко-этнограф. матеріалъ, обнимающій всѣ стороны народнаго быта.

благотворительности, но и просвѣщенія. Въ церковныхъ братствахъ, стоявшихъ на стражѣ вѣры и народности, міряне, безъ различія сословій, принимали такое же горячее участіе, какъ и духовенство; простой ремесленникъ тамъ чувствовалъ духовно-нравственную связь съ какимъ нибудь княземъ Конст. Острожскимъ. Братства имѣли школы (одна изъ нихъ, Кіевская, превратилась впослѣдствіи въ академію), типографіи, печатали полемическія сочиненія противъ латинянъ и т. п. Понятно, что при такихъ условіяхъ, при живомъ дѣятельномъ участіи въ братствахъ мірянъ и духовенства,—могло мало по малу создаться традиціонное уваженіе къ духовному просвѣщенію, наукѣ и литературѣ во всѣхъ слояхъ тогдашняго западно-русскаго общества. Это-то уваженіе вмѣстѣ съ другими обычаями, вмѣстѣ съ церковно-богослужебными книгами Кіевской и Львовской печати, съ церковными колоколами и священною утварью переселенцы перенесли и въ Слободскую украйну, куда они должны были бѣжать отъ уніи, соціально-экономическаго гнета и разорительныхъ военныхъ опустошеній. Перенесли они духовную связь съ представителями церкви и, какъ результатъ этой послѣдней, церковныя братства, шпитали (т. е. богадѣльни) и церковно-приходскія народныя школы. Въ Харьковскомъ краѣ церкви строились или на средства отдѣльныхъ лицъ—помѣщиковъ, или на доброхотныя пожертвованія всѣхъ прихожанъ; эти послѣдніе постоянно заботились потомъ о своемъ храмѣ, о содержаніи причта и очень часто сами выбирали себѣ священника, который только утверждался потомъ въ своей должности высшей епархіальной властью. Иногда священниками бывали лица, принадлежавшія къ свѣтскому обществу. Въ с. Шелудовкѣ строителемъ храма былъ сотникъ Корякъ, а священникомъ его сынъ, въ м. Соколовѣ—бывшій полковой судья. Что же касается дьячковъ, то они представляли изъ себя какъ бы посредствующее звено между духовенствомъ и мірянами: несли свои причетническія обязанности только на основаніи договора съ прихожанами. Слободско-украинскіе монастыри были обязаны своимъ происхожденіемъ большею частію усердію казацкой старшины. Куряжскій монастырь былъ основанъ Харьковскимъ полковникомъ Григоріемъ Ерофѣевичемъ Донцомъ-Захаржевскимъ и другими старшинами того же полка, Сумской Успенскій и Сумской Предтечевъ—полковникомъ Герасимомъ Кондратьевымъ, Михайловская пустынь—полковникомъ Михаиломъ Васильевичемъ и т. п.; масса лицъ разныхъ состояній жертвовала въ монастыри движимое и недвижимое имущество. Интересны нѣкоторыя надписи на пожертвованныхъ священныхъ книгахъ: „почитати ю и внимати“, читаемъ мы на одномъ сочиненіи Антонія Радивиловскаго; „книгу сію купилъ отецъ

Михайло за свои гроши, за 2 таляра у Перекопѣ, щобъ уніею не вспоминався нихто"—такова надпись на требникѣ 1681 года; есть даръ съ надписью отъ простой ткачихи. Нѣкоторые строители монастырей дѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ и первыми игуменами ихъ; таковы были полковникъ Штена (строитель Краснокутскаго монастыря) и сотникъ Григорьевъ (строитель Сѣннянскаго Покровскаго монастыря). Кромѣ того можно еще назвать и представительницъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ, вступившихъ въ ряды чернаго духовенства; таковы были Ковалевская, Квиткина, Дунина и др. Церковныя братства также получили широкое распространеніе въ Слободской украйнѣ и при томъ не только въ городахъ, но и селеніяхъ. Конечно, устройство ихъ не вызывалось такою необходимостью, какъ въ предѣлахъ юго-западной Руси; они устраивались здѣсь по благочестивому обычаю, унаслѣдованному отъ заднѣпровскихъ предковъ, и передававшемуся отъ одного поколѣнія къ другому по старой черкасской „обыкности". Поддерживала ихъ кромѣ того та связь мірянъ съ церковью, примѣры которой мы привели выше и которая организовала въ каждомъ церковномъ приходѣ три симпатичнѣйшихъ проявленія общественнаго духа—братство, шпиталь и школу.

Цѣлью этихъ учрежденій была общественная благотворительность и просвѣщеніе. Конечно, размѣры ихъ дѣятельности были очень скромные; но важно было то, что эта послѣдняя явилась результатомъ инициативы или, правильнѣе сказать, живой внутренней потребности самого населенія, безъ различія классовъ, состояній и половъ. Пришедшіе въ Корочу черкасы (еще въ царствованіе Михаила Өеодоровича) просили дозволить имъ „по ихъ вѣрѣ медъ ставить къ праздникамъ и варить для себя винцо, пивцо и бражку на поминовеніе родителей"; кромскіе черкасы просили о дозволеніи имъ сытить медъ и собирать воскъ, чтобы „свѣща всегда стояла передъ образомъ за государево многолѣтнее здоровье". Въ Харьковѣ были братства при Соборной, Благовѣщенской и Рождественской церквяхъ. Братства ставили своею цѣлью вообще поддержаніе церквей; вотъ почему въ пользу ихъ многіе жертвовали имѣнія. Въ храмовой праздникъ старшій братчикъ собиралъ отъ прихожанъ доброхотныя подаянія и готовилъ братскій столъ и медъ, который покупали присутствующіе; выручка шла въ пользу братства. Братства разсѣяны были по всему Харьковскому краю и имѣли преимущественно религіозно-нравственное значеніе—служили выраженіемъ общественной заботы о церкви и нравственности; для поддержанія этой послѣдней учреждены были братскіе суды.

Въ тѣсной связи съ братствами стояли госпитали, т. е. богадѣльни, гдѣ находили себѣ пріютъ старики, дряхлые, больные, безпріютные сироты; всѣхъ ихъ было въ Слободской украйнѣ въ 1732 году 68, а постоянно призрѣвалось въ нихъ болѣе 150 человѣкъ; для того чтобы достойно оцѣнить эти учрежденія, нужно помнить, что они обязаны были своимъ происхожденіемъ исключительно общественной иниціативѣ и существовали потомъ безъ всякой регламентаціи и поддержки со стороны.

Наконецъ, третьимъ общественнымъ учрежденіемъ приходовъ являлась церковная *народная* школа. Стремленіе къ устройству такихъ школъ при церквяхъ слобожане опять таки вынесли изъ заднѣпровья. Мы имѣемъ свѣдѣніе о существованіи школы при Ахтырскомъ Николаевскомъ храмѣ еще въ 1675 году. Почтенный изслѣдователь украинской старины Григорій Петровичъ Данилевскій думаетъ, что школы эти были спеціальными училищами для приготовленія къ священно и церковно-служительскимъ должностямъ дѣтей мѣстнаго духовенства. Но для этой цѣли были заведены особыя спеціальныя училища, хотя, кажется, только въ Екатерининское время. Такова была, напримѣръ средняя школа въ слободѣ Новыхъ-Водолагахъ (о которой мы скажемъ далѣе). Но церковно-приходскія школы были не духовными училищами, какъ думалъ Г. П. Данилевскій, а народными или, точнѣе говоря, всесословными. Уже одно число этихъ церковно-приходскихъ школъ говоритъ противъ предположенія автора „Украинской старины". По его вычисленію, въ 1732 году было у насъ 46 такихъ школъ, а по найденной и напечатанной мной переписи Хрущова, ихъ оказывается болѣе 129; говорю болѣе, потому что часть Хрущовской переписи до насъ не дошла. Школы эти по полкамъ [1]) распредѣлялись такъ: въ Харьковскомъ полку было 18, Ахтырскомъ—28, Изюмскомъ—36 и Сумскомъ—47 [2]). Они были не только въ казачьихъ, но и во владѣльческихъ селеніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ пунктахъ (даже селахъ) было по нѣсколько школъ (напримѣръ, въ Новыхъ Водолагахъ, Лиманѣ, Куряжѣ и др.). Общее число жителей обоего пола во всѣхъ четырехъ полкахъ въ 1732 году можно опредѣлить въ 306112 д.; такимъ образомъ, одна школа приходилась тогда на 2373 д., а въ 1884 году, въ наши дни одна школа приходится на 4270 д. Къ сожалѣнію намъ не извѣстно число учащихся въ шко-

---

[1]) Слоб. украйна дѣлилась въ то время въ административномъ отношеніи на военные округи, называвшіеся полками.

[2]) Ясное указаніе, что въ 1-й пол. XVIII в. Сумы и его округъ стояли въ культурномъ отношеніи выше Харькова и его округа.

лахъ прежняго времени. Оно, конечно, было менѣе значительно, чѣмъ теперь. Судя по нѣкоторымъ даннымъ, тогда оно равнялось въ среднемъ 20—30 чел. на школу, а теперь 50. *Въ такомъ случаѣ процентное отношеніе учащихся къ населенію въ 1-й половинѣ XVIII вѣка и теперь будетъ почти одинаковое.* Учителей тогда во всѣхъ полкахъ было приблизительно 372 человѣка; нерѣдко въ одной школѣ было по нѣсколько душъ; въ 4-хъ церковно-приходскихъ школахъ г. Харькова было 19 учителей (школы были при Соборной, Благовѣщенской, Троицкой и Воскресенской церквахъ). Дѣти духовенства составляли, конечно, довольно видный элементъ среди учащихся; объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ многочисленныя автобіографіи учителей, происходившихъ изъ духовнаго званія. Научившись церковно-славянской и русской грамотѣ и пѣнію въ церковно-приходской школѣ, одни изъ нихъ поступали въ Харьковскій коллегіумъ, а другіе въ учителя дьячки. Такъ выработался оригинальный типъ „*мандрованнаго*“ дьяка-учителя.

Но кромѣ дѣтей духовнаго званія въ церковно-приходскихъ школахъ того времени обучались дѣти казаковъ и крестьянъ, составлявшія главный контингентъ учащихся. Приведемъ въ доказательство этого одинъ характерный примѣръ. Нѣкоторая часть нынѣшней Воронежской губерніи въ прежнее время принадлежала къ Слободской украйнѣ и составляла въ ней особый острогожскій полкъ, населеніе котораго *во всѣхъ* отношеніяхъ (по своему быту, привычкамъ) походило на слобожанъ Харьковской губерніи. Однимъ изъ древнѣйшихъ селеній, основанныхъ здѣсь переселенцами малороссіянами, была слобода Ендовище и тутъ существовала церковно-приходская школа уже въ XVII вѣкѣ. „Школу эту посѣщали дѣти казаковъ черкасъ; выпускные ученики назывались выростками. Учителемъ въ этой школѣ былъ въ 1703 году дьячекъ мѣстной церкви Романъ Прокофьевъ. По своей „черкасской обыкности“, учитель дьячекъ со своими выростками въ опредѣленные дни ходилъ по домамъ Ендовищенскихъ гражданъ воспѣвать“; такъ говоритъ изслѣдователь Воронежской старины Л. Б. Вейнбергъ, основываясь на архивномъ документѣ. И конечно, такъ было не въ однихъ Ендовищахъ, а вездѣ. Во владѣльческой слободѣ Бѣлокуракиной, населенной подданными малороссіянами, по мысли владѣльца, открыта была школа—и въ нее сразу же добровольно было отдано жителями 17 мальчиковъ въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ; былъ также приглашенъ временный учитель, котораго рѣшено было впослѣдствіи замѣнить спеціалистомъ изъ Харькова. Полный комплектъ предполагался въ 30 мальчиковъ; наблюденіе за школой было поручено мѣстному священнику.

Учителями въ школахъ были тѣ самые „мандрованные“ дьяки, о которыхъ мы говорили выше. Нѣкоторые изъ нихъ переходили изъ одной школы въ другую чуть-ли не цѣлую жизнь; одинъ, напримѣръ, ходилъ въ дьячковскомъ званіи 27 лѣтъ; другой—Козьма Порадинъ—цѣлыхъ 50 лѣтъ (отъ 20-ти до 70-ти лѣтняго возраста); въ особенности интересна автобіографія послѣдняго. Скитальчество, очевидно, вошло у него въ привычку; даже женитьба и рожденіе сына не измѣнили его образа жизни и онъ на 70-мъ году предсталъ передъ судомъ какъ безпаспортный. Гдѣ только онъ не перебывалъ: и въ Харьковской, и Воронежской губерніяхъ и на Дону, то въ должности дьяка и учителя церковной школы, то въ качествѣ наставника въ частныхъ домахъ.

Намъ извѣстно, что въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было постоянной школы, обыватели приглашали временными преподавателями тѣхъ-же „мандрованныхъ“ учителей. Даже дѣти простыхъ казаковъ иногда не ограничивались низшею школою и поступали для продолженія своего образованія въ Харьковскій коллегіумъ. Если среди низшаго слоя общества существовало извѣстное стремленіе къ образованію (хотя бы въ формѣ грамотности), то еще въ большей степени оно должно было быть присуще лицамъ привилегированнаго сословія, которыя имѣли больше досуга, средствъ, сознательнѣе относились къ явленіямъ общественной жизни и самыми условіями своего существованія были поставлены въ необходимость ознакомиться съ наукой; я имѣю въ виду шляхетство, которое въ качествѣ правящаго класса должно было усвоить хотя бы начатки школьнаго образованія для службы. А нѣкоторые ясно сознавали пользу ученія. Таковъ былъ представитель старой Харьковской казацкой старшины сотникъ Изюмскаго полка Д. Данилевскій. Его очень огорчали лѣность и нерадѣніе дѣтей и одному сыну онъ завѣщалъ наслѣдство только въ томъ случаѣ, если онъ исправится и будетъ хорошо учиться. Замѣтимъ, что приведенный фактъ относится къ самому началу XVIII вѣка (1716 г.), когда Харьковскаго коллегіума еще не было; этотъ послѣдній былъ открытъ только 10 лѣтъ спустя и, очевидно, долженъ былъ удовлетворять существовавшей въ населеніи потребности въ такого рода учебномъ заведеніи. Такимъ образомъ, во всѣхъ слояхъ слободско-украинскаго общества мы замѣчаемъ стремленіе къ духовно-нравственному просвѣщенію.

Вѣрнымъ выразителемъ идеаловъ мѣстнаго общества, носителемъ знаній и вмѣстѣ съ тѣмъ нравственныхъ началъ былъ знаменитый украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода. Если бы въ самомъ обществѣ не существовало извѣстнаго религіозно-нравственнаго настроенія, то и проповѣдь Сковороды не имѣла бы такого успѣха, какой

выпалъ ей на долю. Онъ является типическимъ продуктомъ мѣстной среды, начинавшей тогда переходить отъ прежняго военнаго казацкаго быта къ новымъ формамъ гражданственности, наукѣ и литературѣ. Общій характеръ научныхъ свѣдѣній Сковороды и его богословско-философскихъ сочиненій опять таки опредѣляется главнымъ образомъ южно-русскою образованностью того времени, разсадникомъ которой было заднѣпровье и Кіевская духовная академія; самый способъ распространенія его религіозно-философскихъ и этическихъ воззрѣній (онъ переходилъ съ одного селенія въ другое, отъ одного помѣщика къ другому) объясняется, быть можетъ, привычкою къ скитанію, свойственной не только тогдашнему свѣтскому обществу (казакамъ и посполитамъ), но и духовенству (мандрованнымъ учителямъ, священникамъ).

Къ сожалѣнію эта своеобразная личность мало разъяснена исторіей. Онъ вышелъ изъ простаго класса населенія (хотя впрочемъ не изъ крестьянъ, а изъ казаковъ) и затѣмъ, не смотря на свое широкое образованіе, не порвалъ нравственныхъ связей съ простымъ народомъ. По характеру своего образованія Григорій Саввичъ примыкалъ къ старой западно-русской схоластической наукѣ, но эта послѣдняя, очевидно, его не совсѣмъ удовлетворяла и онъ пытался сказать новое слово въ этой области. Онъ слушалъ лекціи въ Кіевской духовной академіи; но не ограничился этимъ: страстная любовь къ знанію двинула его почти монаха, строгаго аскета за границу и онъ пѣшкомъ съ посохомъ въ рукахъ исходилъ почти всю западную Европу, познакомился съ тамошними учителями и воспринялъ отъ нихъ мистицизмъ, зародыши котораго у него должны были существовать и раньше. Въ Харьковѣ одно время онъ былъ преподавателемъ коллегіума; но и тогда онъ велъ не такую жизнь, какъ всѣ остальные. По словамъ біографа и друга его Ковалѣнскаго, „онъ для сна отдѣлялъ отъ времени своего не болѣе четырехъ часовъ въ сутки; вставалъ до зари и, когда позволяла погода, всегда ходилъ пѣшкомъ за городъ прогуливаться на чистый воздухъ и въ сады; всегда веселъ, бодръ, легокъ, подвиженъ, воздерженъ, цѣломудръ, всѣмъ доволенъ, благодушествующъ, униженъ передъ всѣми, словоохотенъ, гдѣ не принуждаютъ говорить, изъ всего выводящій нравоученіе, почтителенъ ко всякому состоянію людей, посѣщалъ больныхъ, утѣшалъ печальныхъ, раздѣлялъ послѣднее съ неимущими, выбиралъ и любилъ друзей по сердцу ихъ, имѣлъ набожество безъ суевѣрія, ученость безъ киченія, обхожденіе безъ лести“. Но въ коллегіумѣ онъ не удержался; его стѣсняли строгія рамки педагогической дѣятельности— и онъ постоянно, какъ видно изъ только приведеннаго отзыва Кова-

лѣнскаго, выходилъ изъ нихъ; ему тѣсно было въ ученическихъ аудиторіяхъ и онъ предпочелъ имъ несравненно большую аудиторію—цѣлую Украйну. Его манилъ къ себѣ широкій просторъ украинскихъ степей, рощи и удолія, благопріятствовавшія глубокому уединенію и самоуглубленію, радушіе и гостепріимство его друзей и знакомыхъ, тихія, назидательныя бесѣды съ ними о высшихъ вопросахъ духа, жизнь на лонѣ природы. Онъ велъ, можно сказать, аскетическій образъ жизни: одѣвался въ простую свиту, не ѣлъ мяса и рыбы, а питался плодами, овощами и молокомъ, спалъ въ садахъ, на пасѣкахъ и, наконецъ, почти никода не ѣздилъ, а ходилъ пѣшкомъ. Не удивительно, что у него была масса почитателей среди всѣхъ слоевъ украинскаго общества— и среди духовенства, и среди свѣтскихъ лицъ; на всѣхъ онъ дѣйствовалъ живымъ примѣромъ собственной жизни. Къ простому народу онъ относился съ глубокой симпатіей. „Барская умность, пишетъ Сковорода, будто простой народъ есть черный, видится мнѣ смѣшная, какъ и умность тѣхъ названныхъ философовъ, которые говорятъ, что земля есть мертвая; какъ мертвой матери рождать живыхъ дѣтей? И какъ изъ утробы чернаго народа вылупились бѣлые господа“. Нравственное вліяніе его на простой народъ было очень благодѣтельно. „Старикъ выше средняго роста, говоритъ Лубяновскій, лично видѣвшій Сковороду, въ сѣромъ байковомъ сюртукѣ, украинской овчинной шапкѣ, съ палкой въ рукѣ, по нарѣчію сущій малороссіянинъ. Страсть его была жить въ крестьянскомъ кругу; любилъ онъ переходить изъ слободы въ слободу, изъ села въ село, изъ хутора въ хуторъ, вездѣ и всѣми былъ встрѣчаемъ и провожаемъ до обаченія съ любовью; у всѣхъ былъ онъ свой. Не стяжалъ онъ ни золота, ни серебра; но народъ не затѣмъ и принималъ его подъ свои кровы; напротивъ того, хозяинъ дома, куда онъ входилъ, прежде всего всматривался, не нужно ли было что либо поправить, почистить, перемѣнить въ его одѣяніи и обуви, все то не медленно и дѣлалось. Жители тѣхъ особенно слободъ и хуторовъ, гдѣ онъ чаще и долѣе оставался, любили его какъ роднаго. Онъ отдавалъ имъ все, что имѣлъ: не золото и серебро, а добрые совѣты, увѣщанія, наставленія, дружескіе попреки за несогласія, неправду, нетрезвость, недобросовѣстность, утѣшался, что трудъ страннической жизни не совсѣмъ былъ безплоденъ“ [1]). Онъ гордился именемъ народоучителя и вполнѣ сознательно относился къ своей миссіи.

„Надо мною позоруются (насмѣхаются), говорилъ онъ: пускай позоруются; о мнѣ баютъ, что я ношу свѣчу предъ слѣпцами, а безъ

---

[1]) Воспоминанія, М. 1872, стр. 22—23.

очей не узрѣть свѣточа; пускай баютъ; на меня острятъ, что я звонарь для глухихъ, а глухому не до гулу; пускай острятъ; они знаютъ свое, я знаю мое и дѣлаю мое, какъ я знаю, и моя тяга—мнѣ упокоеніе". Григорій Саввичъ Сковорода написалъ множество философско-богословскихъ сочиненій, въ особенности нравоучительныхъ, но только очень немногіе изъ нихъ изданы въ свѣтъ, хотя впрочемъ нужно замѣтить, что всѣ они обращались въ рукописяхъ. И въ высшей степени характерно то обстоятельство, что сочиненія Сковороды, не смотря на свое мистическое содержаніе и тяжелый туманный языкъ, служили предметомъ глубокаго уваженія и находили иногда даже внимательныхъ читателей. Изъ переписки его видно, что онъ посылалъ свои рукописи разнымъ лицамъ. Рукописи эти списывались и хранились у его почитателей. Одинъ изъ такихъ почитателей вызывалъ къ себѣ черезъ „Московскія вѣдомости", желающихъ читать сочиненія *украинскаго мудреца*. Его ученикъ и другъ помѣщикъ Ковалѣнскій (написавшій его „житіе") посвятилъ ему такую стихотворную эпитафію: „ревнитель истины, духовный Богочтецъ, и словомъ, и умомъ, и жизнію мудрецъ. Любитель простоты и отъ суетъ свободы, безъ лести другъ прямой, доволенъ всѣмъ всегда — достигъ на верхъ наукъ..." Отсюда ясно видно, что Сковорода создалъ въ Украйнѣ, такъ сказать, *культъ науки*, благоговѣйное, хотя далеко не всегда сознательное къ ней отношеніе. Гораздо доступнѣе для всѣхъ (въ особенности для простаго люда) были сатирическія произведенія Сковороды (пѣсни и басни). Нѣкоторыя изъ нихъ такъ пришлись по вкусу народу, что и доселѣ распѣваются лирниками. Такова его знаменитая пѣсня „Всякому городу нравъ и права", гдѣ мы находимъ между прочимъ слѣдующія строфы:

„Петръ для чиновъ углы панскіе третъ,
Ѳедька купецъ при аршинѣ все лжетъ.
Тотъ строитъ домъ свой на новый манеръ,
Тотъ все въ процентахъ: пожалуй повѣрь,
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́,
А мнѣ одно только не йдетъ съ ума.

Строитъ на свой тонъ юриста права́,
Съ диспутъ студенту трещитъ голова́.
Тѣхъ безпокоитъ Венеринъ Амуръ,
Всякому голову мучитъ свой дурь.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ дума́—
Какъ бы умерти мнѣ не безъ ума!

Смерте страшна, замашная косó!
Ты не щадишь и царскихъ волосовъ!
Ты не глядишь, гдѣ мужикъ, а гдѣ царь?
Все жерешь такъ, какъ солому пожаръ?
Кто-жъ на ея плюетъ острую сталь?
Тотъ, чія совѣсть, какъ чистый хрусталь!

Сковорода не старался поддѣлываться подъ народное пониманіе и народную рѣчь даже въ своихъ басняхъ и пѣсняхъ. Онъ относился слишкомъ серьезно къ своей миссіи, чтобы дозволять себѣ такое приспособленіе; и въ сатирическихъ пѣсняхъ рядомъ съ обличеніемъ звучитъ серьезная нота морали и глубокой мысли; и въ приведенной пѣснѣ авторъ противополагаетъ увлеченію житейскими мелочами свою заботу— какъ бы умереть ему не безъ ума; а этого можетъ достичь только тотъ, чья *совѣсть, какъ чистый хрусталь*. Произведенія Сковороды здѣсь очень близко подходятъ къ такъ называемымъ псальмамъ и нравоучительнымъ пѣснямъ (о страшномъ судѣ, о мукахъ Христа, о св. Николаѣ, о правдѣ и т. п.) [1]). Вотъ эта то религіозно-нравственная проповѣдь производила глубокое впечатлѣніе на всѣ слои слободско-украинскаго общества, тѣмъ болѣе что оправдывалась примѣромъ его собственной жизни.

Память о Сковородѣ долго жила въ Харьковщинѣ. Лубяновскій разсказываетъ слѣдующій фактъ: „въ проѣздъ мой въ 1831 г. черезъ Харьковскую губернію встрѣтилъ я на почтовой станціи старика-крестьянина и вздумалъ спросить его, помнитъ ли онъ Сковороду. Сковорода, отвѣчалъ онъ, былъ человѣкъ разумный и добрый, училъ и наставлялъ добру, страху Божьему и упованію на милосердіе распятаго за грѣхи наши Господа нашего Іисуса Христа. Когда начнетъ намъ бывало расказывать Страсти Господни или блуднаго сына, или добраго пастыря, сердце бывало до того размягчится, что заплачешь: вѣчная память Сковородѣ“ [2]). Послѣ всего сказаннаго мы не можемъ не согласиться съ заявленіемъ Григорія Петровича Данилевскаго, что Сковорода былъ, такъ сказать, странствующимъ университетомъ и академіей среди слободско-украинскаго общества; больше, конечно, академіей, чѣмъ университетомъ, ибо его наука, какъ мы видимъ, находилась въ генетической связи со старой западно-русской образованностью, традиціи которой были перенесены и въ Слободскую украйну.

---

[1]) Эти произведенія между прочимъ входили въ репертуаръ извѣстнаго кобзаря Остапа Вересая; см. Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ., т. I, матеріалы, стр. 22—33.

[2]) Воспоминанія, М. 1872, стр. 23—24.

Онъ былъ странствующимъ, „мандрованнымъ“ учителемъ въ лучшемъ и возвышеннѣйшемъ смыслѣ этого слова. Конечно, его наука сильно отличалась отъ той европейской науки, которая получила у насъ прочное начало съ открытіемъ Харьковскаго университета. Но не слѣдуетъ забывать, что Григорій Саввичъ все таки не былъ чистымъ представителемъ школьнаго академическаго образованія: онъ стремился почерпнуть знаніе и въ его источникѣ—на западѣ.

Такъ постепенно Сковорода подготовлялъ почву для будущаго Харьковскаго университета и въ этомъ отношеніи онъ является предшественникомъ Василія Назаровича Каразина. Помимо всего сказаннаго мы можемъ представить и прямое доказательство въ подтвержденіе этой мысли. Въ числѣ лицъ, выразившихъ наиболѣе осязательно свое сочувствіе къ будущему высшему учебному заведенію въ краѣ, мы находимъ друзей и добрыхъ знакомыхъ Г. С. Сковороды; это были трое Квитокъ и Ковалевскій, представители старыхъ старшинскихъ фамилій, ревнители мѣстнаго просвѣщенія [1]). Коллежскій совѣтникъ Ѳедоръ Квитка былъ отецъ извѣстнаго Харьковскаго малороссійскаго писателя Григорія Ѳедоровича Квитки-Основьяненка; теплыя строки посвящаетъ ему въ своихъ очеркахъ харьковскій же писатель Вернетъ [2]). Фамилія Квитокъ вообще отличалась любовью къ просвѣщенію; кромѣ Григорія Ѳедоровича былъ въ этой семьѣ еще и другой писатель и изслѣдователь мѣстной старины *Илья Ивановичъ* Квитка настоящій авторъ сочиненія о „Слободскихъ полкахъ“, которое раньше приписывалось Григорію Ѳедоровичу Квиткѣ [3]); кромѣ того Илья Ивановичъ занимался и другими работами по малорусской исторіи. Григорій Саввичъ Сковорода бывалъ въ домѣ Квитокъ и, очевидно, его монашескія, аскетическія воззрѣнія оказали вліяніе на эту семью, тѣмъ болѣе что и раньше здѣсь имѣли силу такія стремленія. Сестра извѣстнаго Бѣлгородскаго епископа Іоасафа Горленка была замужемъ за Изюмскимъ полковникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Квиткой; родной дядя Григорія Ѳедоровича постригся въ монахи подъ именемъ Наркиза и былъ потомъ настоятелемъ Куряжскаго монастыря [4]). „Илья Ивановичъ Квитка, по словамъ пр. Филарета, не былъ въ монастырѣ, но жилъ въ мірѣ, какъ въ пустынѣ, ибо онъ имѣлъ у себя особенное уединенное

---

[1]) Они вмѣстѣ съ семью другими лицами подписали проектъ о пожертвованіи на университетъ *1,000,000 руб.;* но эта сумма въ общемъ собраніи дворянства была уменьшена до 400,000 рублей; см. Рус. Стар. 1875, май, стр. 63.

[2]) Укр. Старина, стр. 174.

[3]) См. о немъ замѣтку г. Шугурова (Кіев. Стар. 1890, мартъ, стр. 444—453.

[4]) Укр. Старина, стр. 176—177.

жилище и не зналъ никуда другихъ дорогъ, кромѣ какъ къ бывшему тогда преосвященному Павлу, у котораго онъ поучался христіанской жизни. Переписка его съ Тепловымъ и Кочубеемъ показываетъ, что онъ занимался и литературою“ [1]). И эти занятія, какъ доказываетъ г. Шугуровъ, были довольно успѣшны; плодомъ ихъ была повидимому и статья [2]) „Краткое историческое описаніе о Малороссіи“, изданная въ 1848 г. Бодянскимъ (въ „Чтеніяхъ“). Прибавимъ, что Илья Ивановичъ находился въ дружественныхъ литературныхъ связяхъ съ проф. Тимковскимъ, принимавшимъ живѣйшее участіе въ первоначальномъ устроеніи Харьковскаго университета. Григорій Ѳедоровичъ Квитка постригся въ монахи, очевидно, не безъ вліянія Сковороды. Впослѣдствіи самъ онъ разсказывалъ о своемъ знакомствѣ съ Григоріемъ Савичемъ и нерѣдко, импровизируя его стихотвореніе „Всякому городу нравъ и права“, дѣлалъ къ нему свои юмористическія прибавленія. „Гомерическая личность Сковороды, говоритъ Г. П. Данилевскій, и непреложное во всей суровой простотѣ достоинство общежитейскихъ разсужденій этого загадочнаго мыслителя имѣли значительное вліяніе на умъ и направленіе способностей Григорія Ѳедоровича Квитки“. Вообще литературныя занятія были присущи семьѣ Квитокъ. У нихъ между прочимъ велись фамильныя записки; любовь къ исторіи родныго края и Малороссіи, нужно думать, развилась у Ильи Ивановича и Григорія Ѳедоровича Квитокъ не безъ вліянія Григорія Саввича Сковороды. Еще ближе стоялъ Григорій Саввичъ къ Петру Андреевичу Ковалевскому. Онъ часто посѣщалъ и подолгу проживалъ у отца его Андрея Ивановича, владѣльца дер. Панъ-Ивановки; дѣйствуя на отца и мать, онъ, естественно, не могъ не оказать вліянія и на сына. Григорій Саввичъ умеръ, какъ извѣстно, въ Панъ-Ивановкѣ и здѣсь память о немъ чтилась свято Петромъ Андреевичемъ; доказательствомъ этого можетъ служить тотъ фактъ, что онъ долго хранилъ у себя рукописи и письма покойнаго Сковороды и только впослѣдствіи передалъ ихъ преосв. Иннокентію, задумавшему заняться составленіемъ біографіи украинскаго философа [3]). Добрымъ знакомымъ Сковороды былъ также Донецъ-Захаржевскій, Щербининъ и Розальонъ-Сошальскій, подписи которыхъ мы встрѣчаемъ подъ извѣстнымъ дворянскимъ протоколомъ о пожертвованіи на университетъ.

---

[1]) Ист. ст. Оп. Харьк. еп. II. 132.

[2]) Принадлежность ея Ильѣ Ивановичу Квиткѣ на нашъ взглядъ убѣдительно доказана г. Шугуровымъ.

[3]) Укр. старина, стр. 71.

Изъ друзей Григорія Саввича Сковороды среди представителей городскаго сословія отмѣтимъ харьковскаго городскаго голову Егора Егорьевича Урюпина. Онъ обнаружилъ самое живое сочувствіе къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета; онъ, очевидно, склонилъ городское общество къ пожертвованію на университетъ, однимъ словомъ, онъ долженъ былъ дѣлать въ собраніи городскаго общества то, что дѣлалъ В. Н. Каразинъ въ собраніи дворянъ. Его выдающееся усердіе въ этомъ дѣлѣ было засвидѣтельствовано оффиціально; ему впослѣдствіи былъ дарованъ чинъ коллежскаго ассесора—награда необычайная для лица изъ купеческаго сословія. Урюпинъ и послѣ всячески содѣйствовалъ Каразину въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета и при этомъ выдавался своимъ независимымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ тогдашнему губернатору Артакову. Артаковъ не сочувствовалъ предпріятію В. Н. Каразина, старался тормозить его ходъ и между прочимъ одинъ разъ поднялъ цѣлую исторію по поводу денегъ, заимообразно выданныхъ Урюпинымъ Каразину на нужды Харьковскаго университета. Въ 1803 году Урюпинъ писалъ Каразину, что пожертвованная на университетъ сумма давно была бы собрана, „если бы притязанія здѣшняго архонта (губернатора Артакова) въ томъ не дѣлали намъ препоны“ [1]). Впрочемъ Урюпинъ вышелъ побѣдителемъ изъ своей борьбы съ представителемъ администраціи: онъ жаловался на него высшему начальству— и Артаковъ былъ удаленъ изъ Харькова [2]). Григорій Саввичъ Сковорода посѣщалъ Урюпина и велъ съ нимъ дружескую переписку; сохранились два письма Григорія Саввича Сковороды къ Е. Е. Урюпину, въ которыхъ находятся между прочимъ различныя нравственныя наставленія [3]). Изъ писемъ этихъ видно, что Сковорода встрѣчался въ домѣ Урюпина со многими харьковскими обывателями. Урюпинъ пользовался огромнымъ авторитетомъ въ мѣстномъ городскомъ обществѣ и кругъ знакомства у него, конечно, былъ значительный.

Даже самъ В. Н. Каразинъ, виновникъ основанія университета въ Харьковѣ, не остался повидимому свободенъ отъ вліянія старчика Сковороды. По крайней мѣрѣ онъ относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и выразилъ свой взглядъ въ слѣдующемъ изреченіи: „мы подъ чубомъ и въ украинской свиткѣ имѣли своего Пиѳагора, Оригена, Лейбница“ [4]). Вліяніемъ Григорія Саввича мы склонны объяснять

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 67.

[2]) См. подробности въ статьѣ г. Устинова (Харьк. Кал. на 1886-й годъ).

[3]) Укр. Старина, 59—61.

[4]) Молодыкъ на 1844 годъ, факсимиле В. Н. Каразина, въ прилож. № 17.

двойственный, такъ сказать, характеръ воззрѣній В. Н. Каразина на воспитаніе: будучи горячимъ и убѣжденнымъ адептомъ западно-европейской науки, Василій Назаровичъ является въ своихъ проектахъ представителемъ русскаго направленія и сильно ратуетъ противъ воспитанія русскаго юношества иностранцами. А Григорій Саввичъ Сковорода говорилъ: „учителю подобаетъ быть изъ среды народа русскаго, а не нѣмцу и не французу, не чужое воспитаніе должно быть привито къ русскому человѣку, а свое родное“ [1]).

Изъ приведенныхъ фактовъ и соображеній видно, что Григорій Саввичъ Сковорода замѣтно подготовилъ почву среди всѣхъ слоевъ украинскаго общества для воспріятія идеи объ учрежденіи здѣсь университета. Пусть же настоящія строки будутъ слабымъ актомъ признательности къ нему съ нашей стороны, тѣмъ болѣе что въ слѣдующемъ 1894 году исполнится столѣтіе со дня смерти этого выдающагося человѣка, стяжавшаго себѣ почетное прозвище украинскаго философа; въ немъ гармонически соединилась наука и этика; слово у него не расходилось съ дѣломъ; устная проповѣдь подкрѣплялась примѣромъ собственной жизни и потому онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ въ Украинѣ и слава его перешла далеко за ея предѣлы.

Параллельно съ Григоріемъ Саввичемъ Сковородой дѣйствовало цѣлое образовательное учрежденіе—Харьковскій коллегіумъ (нынѣ духовная семинарія). Его просвѣтительное значеніе въ краѣ прекрасно выяснено въ монографіи почтеннаго профессора А. С. Лебедева и потому я на немъ долго останавливаться не буду. Не смотря на то, что коллегіумъ возникъ изъ духовной архіерейской школы (былъ основанъ въ 1726 году еп. Епифаніемъ Тихорскимъ), помѣщался въ монастырѣ, находился въ вѣдѣніи архіереевъ и содержался отчасти изъ своихъ имѣній, а отчасти изъ сбора съ монастырей и церквей, доступъ туда былъ открытъ для всѣхъ классовъ общества (и не только de jure, но и de facto); дѣти духовенства составляли въ немъ только преобладающее большинство. Въ жалованной грамотѣ Императрицы Анны Іоановны говорится о коллегіумѣ такъ: „учить (въ немъ) всякаго народа и званія дѣтей православныхъ“. И такое училище не могло не вызвать къ себѣ всеобщаго сочувствія. Наибольше пожертвованій сдѣлали для него ген.-фельдмаршалъ князь М. М. Голицынъ, жившій тогда въ качествѣ главнокомандующаго въ Харьковѣ, и еп. Епифаній Тихорскій; первый подарилъ ему пять деревень и четыре хутора съ 650 душъ крестьянъ, второй три пустыни. Дѣло сразу же было поставлено

---

[1]) Укр. Стар. стр. 76.

на надлежащую почву. Для приготовленія хорошихъ учителей молодые люди командировались за границу.

Программа коллегіума была составлена приспособительно къ его всесословному характеру, притомъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе расширялась: очень рано введены были въ нее математика, архитектура, живопись, исторія, географія, французскій, нѣмецкій и итальянскій языки. Число учащихся было очень значительно—иногда доходило до 700—800 человѣкъ. Наибольшій контингентъ доставляло духовенство; но было не мало и свѣтскихъ лицъ и при томъ не только дворянъ, но и разночинцевъ. Столь значительное число учащихся свидѣтельствуетъ о сильномъ стремленіи къ образованію, въ особенности если мы примемъ во вниманіе печальную обстановку, въ которой находились многіе ученики: они должны были распѣвать канты подъ окнами харьковскихъ обывателей и выучивать въ бурсѣ уроки при свѣтѣ горящей лучины. Но эти бѣдняки, все имущество которыхъ иногда состояло изъ „вязаночки книгъ да войлочка и подушки", являлись истинными просвѣтителями юношества, живя на кондиціяхъ у помѣщиковъ, купцовъ, священниковъ и даже мѣщанъ и обучая дѣтей ихъ разнымъ наукамъ. Харьковскій коллегіумъ воспиталъ многихъ дѣятелей, занявшихъ потомъ выдающееся положеніе на разныхъ поприщахъ государственной службы; изъ него вышли также многія лица, занимающія видное мѣсто и въ исторіи мѣстнаго и обще-русскаго просвѣщенія. Достаточно указать на знаменитаго переводчика Иліады Гнѣдича, профессора Московскаго университета, создателя скептической школы въ русской исторіографіи, М. Т. Каченовскаго, перваго русскаго клинициста Григорія Ивановича Базилевича, Московскаго попечителя, Михаила Ивановича Ковалевскаго, попечителя Харьковскаго университета З. Я. Карнѣева, Нижегородскаго губернатора А. М. Руновскаго, директора педагогическаго института Я. В. Толмачева и др. И воспитанники коллегіума потомъ съ благодарностью вспоминали о своей alma-mater. Вотъ что говоритъ одинъ изъ нихъ сенаторъ Лубяновскій: „превосходное учебное заведеніе былъ Харьковскій коллегіумъ, не взирая на всѣ недостатки его въ сравненіи съ нынѣшнимъ образованіемъ семинарій и вообще всѣхъ духовныхъ училищъ. Въ мое время управлялъ имъ префектъ Шванскій, мужъ равно почтенный по жизни и по учености. Былъ онъ особенно счастливъ въ выборѣ учителей: они имѣли рѣдкій даръ развивать въ молодыхъ людяхъ здравый смыслъ и внушать имъ охоту, страсть къ наукѣ, не умирающую, когда возбудится. Съ такимъ домашнимъ учителемъ и вышедши изъ школы чему не научишься! Предметовъ ученія было не много, но преподавались ревностно и основательно,

Латинскій языкъ пріучалъ къ простому, ясному и благозвучному изложенію мыслей. Всѣ мы были поэты; безъ поэзіи, безъ одушевленія ума и сердца, проповѣдь и въ храмѣ Божіемъ будетъ мертвая буква. Семинаріи нынче богаты, а въ мое время Харьковскій коллегіумъ помѣщался въ большомъ каменномъ зданіи съ трубою; такъ назывался длинный и широкій во второмъ этажѣ корридоръ, къ обѣимъ сторонамъ котораго огромныя авдиторіи безъ печей были ничто иное какъ сараи, гдѣ зимою отъ стужи не только руки и ноги, но и мысли замерзали.... Но ни холодъ, ни голодъ не охлаждали охоты къ ученію; привыкали мы сверхъ того къ нуждѣ и пріучались довольствоваться малымъ, въ какомъ ни были бы состояніи впослѣдствіи времени“ [1]).

О голодѣ, а главное холодѣ, которые испытывали ученики бурсы, говоритъ и другой воспитанникъ коллегіума, впослѣдствіи профессоръ Петербургскаго университета Толмачевъ; по недостатку дровъ возрастнѣйшіе воспитанники, говоритъ онъ, ходили иногда ночью на р. Лопань и съ мостовъ снимали мостовицы и ими отапливали комнаты. Въ коллегіумѣ отъ самаго начала его постройки никогда не существовало ни одной печи. Но и Толмачевъ подтверждаетъ, что преподаваніе классическихъ языковъ въ коллегіумѣ было поставлено очень раціонально: оно не было грамматической гимнастикой, а вело къ быстрому пониманію авторовъ; въ два года, говоритъ о себѣ Толмачевъ, я сдѣлалъ такіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на третій годъ порядочно понимать латинскихъ классиковъ; четвертый и пятый годы моего учебнаго курса посвящены были риторикѣ и упражненію въ сочиненіи латинскихъ рѣчей [2]). Харьковскому коллегіуму мы обязаны и началомъ научно-литературной дѣятельности въ Слободской украйнѣ. Первыми харьковскими изданіями были календари, составленные въ Харьковскомъ коллегіумѣ (префектомъ его Андр. Прокоповичемъ) и вышедшіе въ свѣтъ въ 1797 и 1799 гг. Авторъ статьи о старинныхъ харьковскихъ календаряхъ, основываясь на словарѣ Геннади (II-й томъ), положительно утверждаетъ даже, что „при коллегіумѣ еще раньше открытія университета существовала своя типографія“ [3]); но мы сомнѣваемся въ ея существованіи. Правда извѣстно, что у Харьковскаго губернатора Евд. Щербинина было желаніе учредить при Харьковскомъ коллегіумѣ типографію для печатанія ученическихъ переводовъ и работъ; но осуществился ли этотъ проектъ, неизвѣстно; косвенныя же данныя

[1]) Воспоминанія стр. 10—11.

[2]) Рус. Старина 1892, сентябрь стр. 702.

[3]) Харьк. Кал. на 1886 г., стр. 145.

приводятъ скорѣе къ отрицательному, чѣмъ положительному выводу. Если бы при коллегіумѣ существовала типографія, о ней хотя что либо сообщили бы документы; во всякомъ случаѣ мы имѣли бы свѣдѣнія о напечатанныхъ въ ней книгахъ. Между тѣмъ о двухъ названныхъ выше календаряхъ у Геннади только говорится, что они напечатаны въ Харьковѣ, а въ какой типографіи — не обозначено; помѣта же „въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ“ (при первомъ календарѣ) указываетъ не на типографію, а на мѣсто перевода (календарь этотъ былъ переведенъ съ польскаго въ Харьковскомъ коллегіумѣ), во 2-мъ календарѣ уже прямо указываются инициалы имени переводчика (Прокоповича). Если бы въ коллегіумѣ была типографія, то въ ней, конечно, напечатанъ былъ бы и мѣсяцесловъ Прокоповича на 1807-й годъ, и другіе труды преподавателей коллегіума. Можно предполагать, что харьковскіе календари XVIII вѣка напечатаны были въ той самой типографіи приказа общественнаго призрѣнія, изъ которой въ 1805 году вышла брошюра „Хозяйственный способъ узнавать погоду въ 1806 г. съ прибавленіемъ краткаго истор. извѣстія о Слободской украинской губерніи“ [1]).

Какъ бы то ни было, остается въ силѣ тотъ фактъ, что первыя харьковскія литературныя изданія принадлежатъ коллегіуму. Харьковскій же коллегіумъ доставилъ первыхъ студентовъ во вновь основанный Харьковскій университетъ. Наконецъ, одинъ изъ преподавателей главнаго народнаго училища, преобразованнаго изъ прибавочныхъ классовъ коллегіума, священникъ Фотіевъ, принималъ живѣйшее участіе въ дѣлѣ учрежденія Харьковскаго университета и былъ довѣреннѣйшимъ сотрудникомъ Василія Назаровича Каразина. Поэтому нельзя не согласиться съ заключеніемъ уважаемаго пр. А. С. Лебедева, что коллегіумомъ „въ значительной степени подготовлено возникновеніе въ Харьковѣ университета. То необычайное усердіе, съ какимъ въ началѣ настоящаго столѣтія все населеніе Слободской украйны во всѣхъ слояхъ отнеслось къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета, несомнѣнно указывало на продолжительное и глубокое дѣйствованіе въ краѣ просвѣтительныхъ вліяній. Коллегіумъ приготовилъ почву для университета“ [2]). Сюда нужно внести только одно ограниченіе: въ томъ же просвѣтительномъ направленіи дѣйствовалъ и Григорій Саввичъ Сковорода (хотя и не во всемъ сходился съ представителями коллегіумскаго образованія);

---

[1]) См. Чирикова. Указатель, стр. 71.
[2]) Харьк. кол., стр. 31.

они культивировали въ Украйнѣ философско-богословскую науку и классическіе языки.

Но рядомъ съ этой духовной наукой и литературой со 2-й половины XVIII вѣка начала замѣтно дѣйствовать въ Харьковскомъ краѣ и *западно-европейская просвѣтительная стихія*, проникавшая сюда различными путями и средствами. Еще въ 1-й пол. XVIII в. во время частыхъ военныхъ походовъ харьковскіе старшины находили время для литературныхъ занятій. Объ этомъ свидѣтельствуетъ фактъ существованія фамильныхъ записокъ самыхъ видныхъ слободско-украинскихъ фамилій—Квитокъ, Лесевицкихъ, Тевяшовыхъ, Кондратьевыхъ, Шевича. Переходъ отъ чисто военныхъ къ гражданскимъ формамъ быта далъ возможность свободнѣе развивать эти литературные вкусы. Просвѣтительное воздѣйствіе Сковороды и Харьковскаго коллегіума служило какъ бы приготовительною школою; извѣстно, что многіе изъ питомцевъ Харьковскаго коллегіума поступали потомъ въ университетъ (въ томъ числѣ и Лубяновскій). Ученикъ Григорія Саввича Сковороды Ковалѣнскій, какъ извѣстно, отправился въ путешествіе за границу и тамъ сошелся съ Швейцарскимъ ученымъ Дан. Мейнгардомъ, очень похожимъ на Сковороду. Съ основаніемъ Московскаго университета и образовательныхъ учрежденій въ Россіи у харьковскихъ дворянъ явилась возможность практически осуществлять свои стремленія къ высшему образованію, въ основу котораго полагалась европейская наука.

Въ 60-хъ годахъ XVIII в. у сумскихъ дворянъ возникла даже мысль объ устройствѣ университета въ г. Сумахъ. Такое желаніе выразили сумскіе дворяне въ наказѣ своему депутату [1]), отправленному въ извѣстную Екатерининскую коммиссію для составленія проекта новаго уложенія (въ 1767 г.). Свое желаніе они мотивируютъ пользою этого учрежденія для ума, нравственности и церкви и кромѣ того приводятъ еще одно чисто практическое соображеніе, которое, кстати сказать, мы встрѣчаемъ впослѣдствіи и въ объяснительной запискѣ къ „Предначертанію о Харьковскомъ университетѣ“ В. Н. Каразина; съ устройствомъ такого училища, говорятъ сумскіе дворяне, уменьшатся расходы на воспитаніе, которые для недостаточныхъ помѣщиковъ весьма чувствительны. Кромѣ университета сумскіе дворяне желали учредить еще и городское училище, въ которомъ могли бы воспитываться вмѣстѣ съ горожанами и дѣти духовенства; эту мысль о совмѣстномъ воспитаніи дѣтей духовнаго и свѣтскаго званія опять таки очень настойчиво

---

[1]) Сбор. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 68-й.

проводилъ В. Н. Каразинъ. Въ заключеніе сумское шляхетство заявляетъ: „какая же отъ наукъ можетъ въ просвѣщеніи разума послѣдовать польза, всему свѣту извѣстно“. Бывшіе казацкіе старшины теперь, не безъ вліянія реформы Евд. Щербинина, стремятся превратиться въ русскихъ дворянъ. Въ такомъ именно смыслѣ дѣлали заявленія слободско-украинскіе депутаты въ Екатерининской коммиссіи для составленія проекта новаго уложенія. Особенно характерна въ этомъ отношеніи особая записка, представленная депутатомъ ахтырскихъ старшинъ Боярскимъ, гдѣ онъ доказывалъ, что всѣ лица, дослужившіяся до извѣстныхъ чиновъ или пріобрѣвшія деревни, должны быть записаны въ дворяне. Первоначально довольно однообразный составъ слободско-украинскаго шляхетства теперь нѣсколько измѣнился: въ него вошло не мало представителей иноземнаго и великорусскаго элемента. „Многіе изъ великорусскихъ помѣщиковъ и иностранныхъ офицеровъ, говоритъ Боярскій, поженились на дочеряхъ и внучкахъ этихъ лицъ (мѣстныхъ старшинъ), взявъ въ приданое деньги и другія владѣнія“ [1]). Иностранные поселенцы Слободской украйны вносили въ нее новыя начала европейскаго образованія и быта; тоже самое отчасти дѣлали и нѣкоторые изъ великорусскихъ дворянъ (тронутыхъ западно-европейской просвѣтительной стихіей). И вотъ въ самомъ началѣ XIX в. въ нынѣшнемъ Сумскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи, среди наиболѣе прогрессивнаго сумскаго дворянства, мечтавшаго объ учрежденіи въ Сумахъ университета, возникаетъ у насъ *первый литературный кружокъ*. Душею и основателемъ этого кружка былъ сумской помѣщикъ Александръ Александровичъ Палицынъ, владѣлецъ села Поповки, по имени которой и весь кружекъ носилъ полушуточное названіе *Поповской академіи*. А. А. Палицынъ повидимому былъ недавнимъ поселенцемъ Слободской украйны; по крайней мѣрѣ Палицыныхъ мы не находимъ въ спискѣ слободско-украинскихъ дворянъ 1767 г. Деревня Поповка была поселена сумскимъ протопопомъ [2]) Ан. Словенскимъ, а въ 1767 году помѣщикомъ тамъ былъ ахтырскій полковой обозный Сергѣй Савиновъ [3]). Александръ Александровичъ Палицынъ былъ писатель и вмѣстѣ съ тѣмъ архитекторъ. И семья его была проникнута любовью къ литературѣ и искусствамъ. Въ составъ его литературнаго кружка между прочимъ входили—Василій Назаровичъ

---

[1]) См. мою статью „Къ исторіи Екат. ком. для составленія проекта новаго уложенія“, стр. 21; это извѣстіе прямо подтверждается и напечатаннымъ мною спискомъ слободско-укр. дворянъ 1767 г.; см. мои „Матеріалы“, I, стр. 328—341.

[2]) Отсюда она и получила названіе Поповки.

[3]) Мои „Матеріалы“, I, стр. 263, 338.

Каразинъ, Моисей Григорьевичъ Ушинскій, Н. Ѳ. Алферовъ, литераторъ Станѣвичъ, архитекторъ Ярославскій; добрымъ знакомымъ Палицына былъ богатѣйшій и вліятельнѣйшій представитель слободско-украинской казацкой старшины Григорій Романовичъ Шидловскій. А. А. Палицынъ, по словамъ Василія Назаровича Каразина, „имѣлъ вкусъ къ архитектурѣ, которою прилежно занимаясь, украсилъ нѣсколько нашихъ городовъ (?) и нѣсколько селъ церковными и другими зданіями. Дѣйствуя на богатыхъ помѣщиковъ, въ числѣ которыхъ Шидловскіе и Надаржинскіе были его друзьями, онъ заохотилъ ихъ къ строеніямъ, лучшему расположенію домовъ, украшенію ихъ приличными мебелями, къ заведенію библіотекъ и т. п. *Ему обязаны мы большею частью началами европейскаго быта въ Украинѣ*“ [1]). И дѣйствительно изъ воспоминаній Ярославскаго мы знаемъ, что старый другъ Палицына Шидловскій, проживавшій въ Мерчикѣ, пригласилъ къ себѣ преподавателемъ французскаго языка писателя француза Вернета, а воспитателемъ его сына былъ самъ Палицынъ и довольно извѣстный въ то время русскій литераторъ Станѣвичъ. Всѣ члены Палицынскаго кружка были приверженцами новаго западно-европейскаго образованія, будучи воспитаны на просвѣтительной французской литературѣ конца прошлаго вѣка. Самъ Палицынъ, Станѣвичъ и Ярославскій занимались переводами на русскій языкъ произведеній изящной иностранной литературы. Воспитанникъ и наслѣдникъ Палицына Алферовъ нѣсколько лѣтъ провелъ за границей, изучая въ Италіи искусство [2]). „Дѣятельность Палицына, говоритъ проф. Н. Ѳ. Сумцовъ, посвятившій особую статью этому писателю, совпала по времени и по направленію съ дѣятельностью Василія Назаровича Каразина и эти два человѣка положили краеугольные камни въ дѣлѣ развитія просвѣщенія въ Харьковской губерніи“ [3]). Справедливость впрочемъ обязываетъ насъ прибавить, что Василій Назаровичъ Каразинъ, какъ общественный дѣятель на пользу просвѣщенія, стоялъ неизмѣримо выше Палицына; самъ Палицынъ смотрѣлъ на него, какъ на вождя въ общественныхъ предпріятіяхъ [4]).

Во всякомъ случаѣ кромѣ общаго культурно-просвѣтительнаго вліянія, подготовившаго почву въ мѣстномъ обществѣ для насажденія высшаго образованія, Палицынскій кружокъ принималъ живѣйшее участіе

---

[1]) Молодыкъ на 1844 годъ. X. 1843, стр. 43—44.

[2]) См. письма его изъ Италіи въ Молодыкѣ на 1844 годъ, стр. 190—198.

[3]) Культурный уголокъ въ Харьк. губ. (Харьк. Сборн. на 1888 годъ, стр. 111).

[4]) Это ясно видно изъ письма Палицына къ Каразину, напечатаннаго въ Сѣв. Пч. за 1860 годъ № 92.

и въ самомъ основаніи Харьковскаго университета. Истинный виновникъ основанія университета въ Харьковѣ Василій Назаровичъ Каразинъ стоялъ близко къ А. А. Палицыну и его кружку. Членомъ „Поповской академіи" былъ и тотъ Моисей Григорьевичъ Ушинскій, котораго Каразинъ прислалъ изъ Петербурга въ Харьковъ съ порученіемъ подвинуть мѣстныхъ дворянъ къ пожертвованіямъ на устройство университета. Въ числѣ подписавшихъ проектъ о пожертвованіи на университетъ 1 мил. рублей мы встрѣчаемъ между прочимъ кромѣ указанныхъ выше лицъ (учениковъ Г. С. Сковороды) и представителей „Поповской академіи"—самого Палицына и Гр. Шидловскаго. Такимъ образомъ, Василій Назаровичъ Каразинъ не стоялъ въ этомъ дѣлѣ особнякомъ: онъ опирался на нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ представителей харьковскаго дворянства. Одни изъ нихъ были духовными чадами Сковороды или коллегіума, другіе—воспитались на европейской литературѣ. Такъ переплетались другъ съ другомъ два теченія образованности—западно-русское и русско-европейское. Повторялось въ миньятюрѣ то самое явленіе, какое имѣло мѣсто въ Московской Руси въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, когда западно-русская стихія хотѣла завоевать себѣ прочное положеніе, но была оттѣснена культурою нѣмецкою. У насъ же въ Харьковщинѣ эти два элемента не исключали другъ друга. Григорій Саввичъ Сковорода, какъ мы видѣли, успѣлъ многое почерпнуть для себя въ самомъ источникѣ знаній—Западной Европѣ; туда же ѣздилъ его любимый ученикъ Ковалѣнскій и тамъ нашелъ двойника своего учителя въ лицѣ Д. Мейнгардта. Харьковскій коллегіумъ также посылалъ своихъ учителей за границу для усовершенствованія ихъ въ наукахъ. Съ другой стороны и „западники", какъ мы видимъ, не чуждались ни Сковороды, ни коллегіума. Василію Назаровичу много помогалъ въ его начинаніяхъ по части университетскихъ дѣлъ священникъ Фотіевъ.

Мы прослѣдили, какъ въ мѣстномъ обществѣ все болѣе и болѣе росло стремленіе къ образованію; параллельно съ этимъ, естественно, должны были возрастать и самыя образовательныя средства, т. е. школы. Мы обратимся теперь къ судьбѣ этихъ школъ и сообщимъ о нихъ нѣсколько статистическихъ свѣдѣній, остававшихся доселѣ неизвѣстными.

Приливъ дѣтей свѣтскихъ лицъ въ Харьковскій коллегіумъ былъ столь значителенъ, что явилась необходимость въ устройствѣ при немъ особаго отдѣленія исключительно для дворянства, купечества и т. п.

И оно было учреждено въ 1768 г. подъ именемъ „прибавочныхъ классовъ". Еще въ инструкціи Императрицы Екатерины II-й слоб. укр. губернатору Щербинину (1765 г.) было сказано: „къ преподаваемымъ нынѣ

въ Харьковскомъ коллегіумѣ наукамъ прибавить классы французскаго и нѣмецкаго языковъ, математики, географіи и рисованія, а особливо инженерства, артиллеріи и геодезіи, на что и сумма изъ 3000 руб. изъ неокладныхъ доходовъ опредѣляется и у кого тотъ коллегіумъ въ вѣдомствѣ состоитъ, съ тѣмъ губернской канцеляріи о лучшемъ возстановленіи и распространеніи наукъ учиня сношеніе употребить общее стараніе". 3 года спустя эти „прибавочные классы" были переданы въ вѣдомство губернской канцеляріи [1]); преподавались здѣсь тѣ самые предметы, о которыхъ говорится въ инструкціи Щербинину [2]). „Прибавочные классы" подъ именемъ казеннаго училища существовали самостоятельно до 1798 г., когда присоединены были ко вновь открытому *главному народному училищу*. На содержаніе ихъ отпускалась штатная сумма въ размѣрѣ 4000 р. Въ нихъ въ 1785 г. было 237 учениковъ (въ томъ числѣ дворянъ 120, разночинцевъ—67 и семинаристовъ—50), въ 1795 г.—215 (дворянъ 80 и разночинцевъ—135), въ 1796 г.—261 (дворянъ 144 и разночинцевъ 117), наконецъ, въ 1797 г.—241 (дворянъ 143 и разночинцевъ 98). Здѣсь между прочимъ воспитывались на казенный счетъ 50 самыхъ бѣдныхъ учениковъ всякаго званія. Ученики, окончившіе это училище, по достиженіи 20 лѣтняго возраста, опредѣлялись въ учителя народныхъ училищъ, въ архитекторы, канцеляристы, воспитатели помѣщичьихъ дѣтей и т. п. Приготовлялись они и къ военной службѣ: во время прохожденія курса ихъ обучали фортификаціи, артиллеріи; они носили военные мундиры, ружья и тесаки, обучались военнымъ экзерциціямъ [3]) и т. п.

Въ 1797 г. было открыто въ Харьковѣ Главное Народное училище; на содержаніе его ежегодно ассигновывалось болѣе 10000 р., изъ коихъ 4312 р. шло на содержаніе казенныхъ питомцевъ (бывшихъ „прибавочныхъ классовъ"), 4520 р. на жалованье директору и учителямъ, 1340 р. на пѣвческій классъ и 200 р. на отопленіе. Преподавались здѣсь слѣдующіе предметы: россійская грамматика, риторика, логика, богословіе, исторія, географія, ариѳметика, геометрія, артиллерія, фортификація, физика, механика, гражданская архитектура, рисованіе, нѣмецкій и французскій языки [4]); кромѣ того былъ вокальный классъ, въ которомъ состоялъ учитель, его помощникъ, 6 басовъ и 3 тенора.

---

[1]) Основаніе Харьк. коллегіума (Молодикъ на 1844 годъ, стр. 13).

[2]) А. С. Лебедева. Харьк. кол., стр. 10—11.

[3]) См. изданное мною Опис. Слоб. Укр. губ. 1802, стр. 23; Воспоминанія Ярославскаго (Кіев. Стар. 1887, сентябрь, стр. 115—117, 124).

[4]) Опис. Слоб. Укр. губ. 1802 г., стр. 23—24.

Такимъ образомъ, главное народное училище представляло изъ себя не то среднюю общеобразовательную, не то техническую школу. Неудивительно, что оно впослѣдствіи легко могло быть преобразовано въ 1-ю Харьковскую гимназію. Въ 1797 г. въ немъ было только 83 ученика (дворянъ 26 и разночинцевъ 57); но уже въ слѣдующемъ 1798 г., когда оно соединилось съ „прибавочными классами" (казеннымъ училищемъ), число учащихся достигло 380 (дворянъ 272, разночинцевъ 108), въ 1799 г.—382 (дворянъ 142 и разночинцевъ 240), въ 1800—306 (дворянъ 102, разночинцевъ 204), въ 1801—309 (дворянъ 105 и разночинцевъ 204), въ 1802—380 (дворянъ 272 и разночинцевъ 108), въ 1803 г.—357 (дворянъ 130 и разночинцевъ 227). Составъ учащихся по сословіямъ былъ очень разнообразный, такъ что его можно назвать *всесословнымъ*. Приведемъ для примѣра цифры за 1803-й годъ. На 357 учащихся приходилось 133 дворянъ (въ томъ числѣ 3 дѣвочки), 109 оберъ-офицерскихъ дѣтей, 10 церковниковъ, 17 приказныхъ, 45 купеческихъ дѣтей, 13 мѣщанскихъ, 11 солдатскихъ, 10 казенныхъ поселянъ и 9 крѣпостныхъ. По классамъ ученики въ томъ же 1803 г. дѣлились такъ: въ первоначальномъ россійскомъ классѣ было 130 (въ томъ числѣ 6 дѣвочекъ), въ россійскомъ грамматическомъ 155, въ классѣ логики, реторики и богословія 25, первоначальномъ латинскомъ—52, первоначальномъ нѣмецкомъ—58, нѣмецкомъ грамматическомъ—27, первоначальномъ французскомъ—36, синтаксическомъ французскомъ—53, въ первой части ариѳметическаго класса—38, во второй части его же—101, въ геометрическомъ—56, въ архитектурномъ, физическомъ и механическомъ—41, въ геодезическомъ—36, въ тригонометрическомъ—19, въ классѣ полеваго инженерства—7, фортификаціи—9, артиллеріи—5, исторіи и географіи—77, рисованія—77. Очевидно, выборъ предметовъ былъ свободный и потому общеобразовательныя науки находили себѣ десятки слушателей, а спеціальныя—очень немногихъ. При главномъ было еще и *малое народное училище*. Подобныя училища сверхъ того были и въ нѣсколькихъ уѣздныхъ городахъ Слоб. укр. губерніи—въ Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Богодуховѣ, Валкахъ, Острогожскѣ [1]). Всего учащихся въ главномъ и малыхъ народныхъ училищахъ Слободскоукраинской губ.

---

[1]) Число учащихся въ этихъ народныхъ училищахъ было таково: въ *Ахтырскомъ*—въ 1797 г.—27, въ 1798 г.—47; въ 1799—48, въ 1800—51, въ 1801—41, въ 1802—42, въ 1803—38; въ *Сумскомъ*—въ тѣже годы—39, 48, 44, 59, 51, 28, 34, въ *Богодуховскомъ*—45, 45, 53, 41, 63, 50, 58, въ *Изюмскомъ*—34, 32, 33, 32, 39, 48, 53, *Острогожскомъ*—32, 63, 82, 77, 62 (до 1802 г.), въ *Валковскомъ* въ 1802 г.—32. въ 1803 г.—51.

было въ 1797 г.—302 чел., въ 1798 г.—616, въ 1799—641, въ 1800—566, въ 1801—565, въ 1802—520, въ 1803 г.—591. По составу учениковъ всѣ эти училища могутъ быть названы всесословными: въ 1803 г. дворянъ было 206, оберъ-офицерскихъ дѣтей—138, церковниковъ 21, приказныхъ—32, купеческихъ—79, мѣщанскихъ—51, солдатскихъ—22, казенныхъ поселянъ—16, крѣпостныхъ—28 [1]).

Такимъ образомъ, всѣ училища г. Харькова и Харьковской губ. въ моментъ передъ открытіемъ университета могутъ быть раздѣлены на три категоріи—1) духовныя школы, 2) свѣтскія и 3) церковноприходскія народныя. Къ 1-й категоріи относится Харьковскій коллегіумъ и духовное училище въ м. Новыхъ Водолагахъ; въ одномъ документѣ мы читаемъ о немъ слѣдующее извѣстіе: „на иждивеніе тамошнихъ обывателей заведено училище, въ которомъ священническія дѣти обучаются латинскому языку до риторическаго класса, а также ариѳметикѣ, россійской грамматикѣ, правописанію и катехизису по способности" [2]). Ко 2-й категоріи принадлежатъ главное и малыя народныя училища Екатерининскаго времени и, наконецъ, къ 3-й—тѣ церковноприходскія школы, о которыхъ мы говорили выше и которыя по существу дѣла скорѣе могутъ быть названы народными, чѣмъ вторыя. Къ сожалѣнію эти церковноприходскія школы, какъ стоявшія внѣ всякой регламентаціи, не были поддержаны учебнымъ начальствомъ; наоборотъ имъ подчасъ высказывали даже неодобреніе или же вовсе не замѣчали ихъ существованія, такъ же точно какъ и тѣсно связанныхъ съ ними шпиталей; а между тѣмъ гораздо легче было поддержать то, что создано было самимъ народомъ, въ его духѣ и традиціи, чѣмъ насаждать такія учрежденія, которыя казались ему чуждыми и непонятными; такъ порвалась нить, которая могла бы связать старое культурное наслѣдіе народа съ новой цивилизаціей.....

---

[1]) Въ Ахтырскомъ народномъ училищѣ въ 1803 году было 16 дворянскихъ дѣтей (въ томъ числѣ 3 дѣвочки), 7 оберъ-офицерскихъ (1 дѣвочка) 1 церковниковъ, 2 приказныхъ, 3 купеческихъ (1 дѣвочка) и 9 мѣщанскихъ; въ Сумскомъ—11 дворянскихъ, 7 оберъ-офицерскихъ, 4 церковниковъ, 1 приказныхъ, 4 купеческихъ, 23 мѣщанскихъ, 4 казенныхъ поселянъ, 7 крѣпостныхъ; въ Богодуховскомъ—10 дворянскихъ, 6 оберъ-офицерскихъ, 2 церковниковъ, 6 приказныхъ (въ томъ числѣ 5 дѣвочекъ), 19 купеческихъ (въ томъ числѣ 10 дѣвочекъ), 6 мѣщанскихъ, 5 солдатскихъ, въ Изюмскомъ—22 дворянскихъ (1 дѣвочка), 2 оберъ-офицерскихъ, 2 церковниковъ, 1 приказныхъ, 2 купеческихъ, 3 солдатскихъ; въ Валковскомъ—17 дворянскихъ, 7 оберъ-офицерскихъ, 2 церковниковъ, 5 приказныхъ, 3 купеческихъ, 3 солдатскихъ, 2 казенныхъ поселянъ, 12 крѣпостныхъ. Всѣ эти статистическія данныя извлечены нами изъ дѣла, хранящагося въ Харьк. унив. архивѣ (Дѣло совѣта 1805 г., № 19).

[2]) См. „Описаніе городовъ Азовской губ." (въ Зап. Одес. Общ. т. 3-й).

Съ восшествіемъ на престолъ Александра Павловича, надъ Россіей взошла заря новой жизни. Юный Императоръ Александръ I-й былъ, какъ извѣстно, воодушевленъ самими лучшими намѣреніями и на первомъ планѣ среди своихъ государственныхъ заботъ ставилъ *народное просвѣщеніе*. Къ этому дѣлу онъ относился съ удивительнымъ жаромъ и восторженностью.

Всѣмъ извѣстенъ общій характеръ этой эпохи, которую по справедливости можно назвать золотымъ вѣкомъ русскаго школьнаго образованія. Александръ I-й рѣшилъ продолжать дѣло просвѣщенія Россіи, въ духѣ Петра Великаго и Екатерины II-й. Взойдя на престолъ, онъ немедленно отмѣнилъ тяжкія стѣсненія, наложенныя на просвѣщеніе Павломъ Петровичемъ. Еще до учрежденія Министерства Народнаго Просвѣщенія въ 1801 году Государь рѣшаетъ открыть въ провинціи для дворянства нѣсколько военныхъ училищъ, въ которыхъ ощущался тогда крайній недостатокъ. Однимъ изъ пунктовъ, гдѣ должно было явиться новое училище, намѣченъ былъ между прочимъ и Харьковъ. Весьма знаменательно при этомъ то обстоятельство, что Императоръ Александръ съ довѣріемъ обращается къ представителямъ мѣстныхъ обществъ—дворянамъ и призываетъ ихъ къ пожертвованіямъ на пользу просвѣщенія родной земли. Это обращеніе, какъ извѣстно, имѣло огромное нравственное и практическое значеніе: оно вызвало къ жизни совсѣмъ было замершую общественную иниціативу и дало въ руки правительства огромныя денежныя средства.

Вотъ тотъ замѣчательный рескриптъ, съ которымъ обратился Александръ Павловичъ къ тогдашнему Харьковскому губернатору Зильбергарнишу. Онъ отличается свѣтлыми мыслями, добрыми гуманными чувствами и ярко рисуетъ настроеніе государя.

„Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Слободской украинской гражданскій губернаторъ Зильбергарнишъ. Желая доставить дворянству новые и удобнѣйшіе способы къ воспитанію дѣтей и приготовленію ихъ на службу и зная съ одной стороны, что существующіе нынѣ кадетскіе корпуса, ограничиваясь по заведенію своему извѣстнымъ количествомъ воспитанниковъ, съ расширеніемъ просвѣщенія, общихъ понятій о лучшемъ воспитаніи, содѣлались не соразмѣрны числу желающихъ, ни пространству столь обширной имперіи, и что ежели по положенію ихъ къ столицѣ представляютъ они особенныя удобности въ окончательномъ усовершеніи воспитанія, то во первыхъ его степеняхъ несравненно болѣе можно найти выгодъ и способовъ въ училищахъ, учрежденныхъ въ самихъ губерніяхъ, гдѣ воспитанники, не разрывая родственныхъ связей, толико существенныхъ въ нравственномъ образованіи, въ глазахъ почти родныхъ своихъ, съ лучшимъ сохраненіемъ

чувствъ ихъ привязанности, съ большею удобностію для ихъ помѣщенія, безъ дальняго переѣзда, въ томъ же почти воздухѣ и на той же водѣ, и слѣдовательно съ лучшею цѣлостью ихъ здоровья и съ большею достовѣрностью успѣха, могутъ получить приличное имъ воспитаніе, я положилъ бы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ и между прочими Слободской украинской губерніи въ городѣ Харьковѣ учредить дворянское военное училище. Предметомъ его будетъ—образуя воспитанниковъ въ первыхъ началахъ наукъ, доставлять на собственномъ его отчетѣ и попеченіи по извѣстному ихъ количеству ежегодно въ здѣшніе кадетскіе корпуса и ближайшіе *университеты* для дальнѣйшаго усовершенія и окончательнаго пріуготовленія однихъ къ военной, а другихъ къ гражданской службѣ.

Предназначая на постепенное построеніе всѣхъ сихъ заведеній и ежегодное содержаніе ихъ отпускать по пяти сотъ тысячъ рублей на годъ, дабы положить прочное имъ основаніе, я далъ повелѣніе генералъ-маіору Бегичеву, отправясь на мѣста, гдѣ училища сіи предназначаются, обозрѣть всѣ удобности, отъ положенія ихъ зависящія, и сдѣлать вѣрнѣйшіе расчеты какъ по строенію, такъ и содержанію оныхъ, примѣняясь къ мѣстнымъ способамъ и существующимъ цѣнамъ. На сей конецъ снабдилъ я его подробными наставленіями и уполномочилъ, осмотрѣвъ, гдѣ есть казенныя праздныя строенія, удостовѣриться въ возможности и способахъ исправить ихъ и обратить на сіе употребленіе, гдѣ же оныхъ нѣтъ, избрать удобныя мѣста положеніе сдѣлать съ помощью отряженнаго съ нимъ архитектора, планъ смѣты и описанія и представить ихъ къ моему утвержденію.

Поручая вамъ содѣйствовать ему въ семъ предназначеніи всѣми зависящими отъ васъ средствами, я возлагаю на васъ объявить о немъ чрезъ дворянскихъ предводителей дворянству въ губерніи вами управляемой обитающему, яко о дѣлѣ столь существенно къ нему принадлежащемъ и съ истинными пользами его столь близко сопряженномъ; и какъ съ вѣроятностію предполагать можно, что движимое любовью къ отечеству и зная всю возможность лучшаго воспитанія дѣтей, пожелаетъ оно раздѣлить со мною честь сего заведенія и пособіями своими принять участіе въ его устроеніи, я поручаю вамъ удостовѣрить его, что подвигъ таковой принятъ будетъ мною со всѣмъ уваженіемъ руководствующаго къ нему начала и ознаменуетъ болѣе, нежели всѣ другія доказательства, колико россійское дворянство всегда готово единодушно дѣйствовать на пользу общую. Но при семъ не упустите изъ виду самое существенное правило, чтобъ добрая воля и свободное движеніе чести было единымъ побужденіемъ сего дѣйствія, чтобъ удаленъ былъ

отъ него самый видъ понудительныхъ внушеній. Я отвращаюсь жертвъ, приносимыхъ съ сожалѣніемъ или по нуждѣ, и малѣйшее отягощеніе государства вѣситъ въ понятіяхъ моихъ болѣе, нежели всѣ счастливыя предположенія; внушите дворянству сіи истины, меня руководствующія, и дайте полную свободу дѣйствовать отечественнымъ его видамъ. Я увѣренъ, что возможность будетъ единою мѣрою его усердія.

На семъ основаніи расположивъ ваше въ семъ дѣлѣ содѣйствіе, вы не оставите мнѣ донести въ подробности о всемъ, что къ успѣшному его движенію вами и дворянствомъ сдѣлано или предположено будетъ. Пребываю въ прочемъ вамъ благосклонный; на подлинномъ подписано собственной Его Императорскаго Величества рукой такъ: Александръ.

Невольно является предположеніе, что рескриптъ этотъ былъ написанъ не безъ вліянія Василія Назаровича Каразина, который уже въ концѣ марта 1801 года представилъ свое извѣстное письмо государю и съ того момента сдѣлался довѣреннымъ лицомъ его, въ особенности по вопросамъ просвѣщенія. На эту мысль наводитъ насъ и общій стиль бумаги, и нѣкоторыя частности. Извѣстно, что Василій Назаровичъ Каразинъ внушилъ Харьковскому обществу мысль о пожертвованіи на университетъ. Можно полагать что ему же принадлежитъ и въ настоящемъ рескриптѣ мысль о призваніи Харьковскаго дворянства къ матеріальному содѣйствію государству въ дѣла устроенія военнаго училища. Но государь, очевидно, отъ себя уже велѣлъ внести ту превосходную прибавку, то ограниченіе, которое мы только что привели въ его обращеніи—чтобы добрая воля и свободное движеніе чести были единственнымъ побужденіемъ къ этому поступку. Конечно, мы не настаиваемъ на своемъ предположеніи — это только догадка, которую доказать нельзя, но которая довольно правдоподобна.

Губернаторъ, получивъ этотъ рескриптъ, обратился отъ себя уже къ тогдашнему губернскому предводителю дворянства Василію Михайловичу Донецъ-Захаржевскому съ слѣдующимъ письмомъ: „милостивый государь мой Василій Михайловичъ! препровождаю къ вамъ при семъ копію съ Высочайшаго имяннаго Его Императорскаго Величества повелѣнія, въ 16-й день сего августа мною полученнаго, о учрежденіи въ городѣ Харьковѣ дворянскаго военнаго училища. Изъ онаго довольно вы, милостивый государь мой, усмотрѣть можете, какимъ отличнымъ знакомъ своего благоволенія милосердный нашъ монархъ непрестанно о благѣ подданныхъ своихъ пекущійся, соизволилъ удостоить дворянство Высочайше ввѣренной управленію моему Слободской украинской губерніи.— Я твердо увѣренъ, что таковая высокомонаршая щедрота принята имъ

будетъ съ чувствами живѣйшей благодарности и вѣрноподданническаго усердія къ премудрому нашему государю, блаженство подданныхъ своихъ устрояющему, и что оно исполненное къ нему ревности за величайшее счастье себѣ вмѣнитъ всѣми силами своими споспѣшествовать спасительнымъ намѣреніемъ великаго своего монарха въ дѣлѣ толико собственную его пользу заключающемъ и тѣмъ доказать ему привязанность свою и усердіе. Я надѣюсь также, что и вы, милостивый государь мой, бывъ удостоенъ довѣренности дворянства, не оставите съ своей стороны внушить ему всю великость сего монаршаго благотворенія и возбудить въ немъ похвальное соревнованіе къ благоуспѣшному совершенію сего дѣла, руководствуясь впрочемъ въ точности правилами милосерднаго нашего монарха, который, содѣлывая подданныхъ своихъ благополучными, малѣйшаго ихъ отягощенія и единаго виду понужденія отвращается. Я говорилъ здѣсь съ господиномъ генералъ-маіоромъ Бѣгичевымъ, на коего Государемъ Императоромъ возложено заведеніе высочайше повелѣннаго дворянскаго военнаго училища, и условился съ нимъ, что онъ въ первыхъ числахъ будущаго ноября мѣсяца прибудетъ въ городъ Харьковъ. Я прошу васъ, милостивый государь мой, для общаго въ семъ дѣлѣ содѣйствія находиться въ сіе время въ помянутомъ городѣ какъ съ господами уѣздными дворянствъ предводителями, такъ депутатами оного, а между тѣмъ заблаговременно увѣдомлять меня объ успѣхахъ, каковые высочайшее сіе предположеніе произведетъ въ господахъ дворянахъ. Имѣю честь быть впрочемъ съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ“ (такой то).

Мысль объ учрежденіи дворянскаго военнаго училища въ Харьковѣ была встрѣчена сочувственно дворянами; о сочувственномъ отношеніи къ ней дворянства свидѣтельствуетъ между прочимъ заявленіе, принадлежащее повидимому губернскому предводителю дворянства Донцу-Захаржевскому: „съ полученнаго мною отъ Слободскаго украинскаго господина губернатора и кавалера Густава Карловича Зильбергарниша отношенія и приложеннаго при немъ имянного Его Величества раскрипта о учрежденіи въ городѣ Харьковѣ дворянскаго военнаго училища, препровождаю при семъ вамъ, милостивый государь, копіи; не нужно мнѣ на сей конецъ распространяться; мнѣ вѣдомы чувства дворянства, съ каковымъ благоговѣніемъ пріемлетъ оно монаршія соизволенія, а высочайшій рескриптъ паче всякаго слова вразумитъ каждаго во благѣ созидаемомъ истинною любовью водимаго къ отечеству обожаемаго государя. Запечатлѣемъ въ глубинѣ сердецъ нашихъ безпредѣльную благодарность за неизреченныя его къ намъ благости; намъ остается, благословляя великія намѣренія всеавгустѣйшаго государя императора,

по всей возможности споспѣшествовать въ оныхъ. Я вѣдаю и благонамѣренность моихъ собратій, и щедрость, каковую они покажутъ въ составленіи на столь полезное заведеніе для дѣтей нашихъ, для нашихъ родственниковъ, для насъ самихъ вспомоществованія; но, дабы къ сему представить удобнѣйшее средство, побуждаюсь должностію предложить дворянству мое мнѣніе на уваженіе, не благоугодно-ль будетъ въ пользу сего заведенія внести дворянству капиталъ сто тысячъ рублей изъ собственныхъ своихъ доходовъ, и дабы не отяготить себя единовременнымъ взносомъ, взносить въ пять лѣтъ въ каждый по 20000 руб., дабы каждый дворянинъ могъ имѣть честь равнымъ быть вкладчикомъ въ столь полезномъ заведеніи; распредѣлить сборъ сей по числу душъ за каждымъ состоящихъ,-не имѣющіе дворяне за собою душъ соблаговолятъ особую сдѣлать подписку, что кто дать пожелаетъ. Дабы отвратить всѣ виды каковаго либо на сей предметъ насильнаго соглашенія, благоволите, милостивый государь, съ Высочайшаго рескрипта и губернаторскаго ко мнѣ отношенія доставить съ первою почтою копіи въ каждый уѣздъ господамъ предводителямъ и депутатамъ и предложите, дабы во всякомъ уѣздѣ пригласили господъ дворянъ въ собраніе для прочтенія оныхъ и испросили ихъ на сіе согласіе съ подпискою; къ тѣмъ же, кои почему либо быть не могутъ, доставить копіи на соглашеніе, дабы къ ожидаемому пріѣзду господина генералъ-маіора Бѣгичева, сдѣлать Его Величеству всеподданнѣйшее о семъ донесеніе и, что вы по сему сдѣлать изволите, неоставьте увѣдомленіемъ“.

Согласно этому предложенію, Харьковское дворянство дѣйствительно ассигновало сумму 100000 рублей на военное училище, хотя и порѣшило внести ее не въ 5, а въ 3 года (на 1-й годъ 50 т., на 2-й и 3-й по 25 т.). Теперь являлся вопросъ о томъ, какимъ образомъ собирать эти средства—и тутъ возникли кое какія недоразумѣнія и затрудненія. Многіе жертвовали охотно, по доброй волѣ, но были и такіе, которые не имѣли внутреннихъ побужденій къ пожертвованіямъ и старались дать какъ можно меньше. Государь требовалъ, чтобы жертвы были добровольныя и неотяготительныя. И вотъ ахтырское дворянство рѣшило избрать такой путь, который повидимому найболѣе соотвѣтствовалъ этимъ требованіямъ—оно устроило *добровольную личную подписку*. Мы имѣли въ своихъ рукахъ этотъ подписной листъ; онъ очень любопытенъ. Насъ поражаютъ въ немъ скромныя цифры пожертвованій (фигурируютъ суммы въ 3, 5, 10, 15, maximum 45 р.); но справедливость требуетъ назвать тѣхъ, которые сдѣлали необычайно крупныя пожертвованія. Таковы—надворные совѣтники Василій *Марковъ* и Василій *Лосевъ*, подписавшіе каждый по 1000 р.; нѣкоторые жертвовали сообразно

съ количествомъ душъ своихъ крестьянъ (напр. тит. совѣтникъ Аполинарій Шагаровъ, внесшій 200 р.); другіе же, очевидно, давали меньше, чѣмъ выпало на ихъ долю по принятой потомъ раскладкѣ; всего собрано было среди присутствовавшихъ въ засѣданіи ахтырскихъ дворянъ 2505 р. 50 коп. (нужно впрочемъ замѣтить, что явились далеко не всѣ дворяне). По раскладкѣ же ахтырское дворянство должно было доставить 10340 рублей. Въ основу этой раскладки положено было количество душъ крѣпостныхъ крестьянъ. За всѣми слободско-украинскими помѣщиками числилось тогда свыше 200000 крестьянъ (201800)—такъ что за каждую душу приходилось взнести въ три года 50 коп. Богучарское дворянство вступило въ прямое пререканіе по поводу наложенной на него суммы въ размѣрѣ 2747 р. 50 к.; оно собрало только 2018 р. 60 коп., а отъ взноса остальныхъ 728 р. 90 коп. отказывалось. Надворный же совѣтникъ Николай Васильевичъ Бедряга и вовсе не захотѣлъ „дѣлать новыхъ взысканій со своихъ крестьянъ". Харьковскій губернскій предводитель дворянства отправилъ по этому поводу въ Богучаръ заявленіе, въ которомъ указывалъ на отсутствіе усердія въ Богучарскомъ дворянствѣ къ заведенію новаго училища въ Харьковѣ. Скоро впрочемъ, къ удовольствію мѣстнаго дворянства Богучарскій уѣздъ отошелъ къ Воронежской губерніи. Вообще въ это время (въ 1802 г.) произошли значительныя измѣненія въ предѣлахъ слободскоукраинской губ.—и это привело къ затрудненіямъ при сборѣ денегъ; первоначальная раскладка оказалась теперь непригодной, потому что многія помѣщичьи имѣнія отошли къ сосѣднимъ уѣздамъ. Все это тормозило сборъ пожертвованій. Нужно впрочемъ замѣтить, что нашлись такія дворянскія корпораціи и отдѣльныя лица, которыя обнаружили особенное сочувствіе и усердіе къ дѣлу. Вотъ что писалъ, напримѣръ, Купянскій предводитель дворянства Дмитрій Розальонъ-Сошальскій: „по предмету Высочайшаго рескрипта о заведеніи въ г. Харьковѣ дворянскаго военнаго училища Купянскаго уѣзда господа дворяне сего октября 19 числа будучи въ общемъ собраніи и выслушавъ Высочайшій рескриптъ по безпредѣльному къ Государю Императору усердію за счастье поставили споспѣшествовать въ премудрыхъ Всеавгустѣйшаго Государя Императора намѣреніяхъ и потому соображаясь съ опредѣленною Государемъ Императоромъ на содержаніе ежегодно училищъ и на заведеніе оныхъ знатною суммою положили на сіе заведеніе къ вспоможенію дать съ Купянскаго округа единовременно 20000 р., о чемъ Васъ увѣдомляя покорнѣйше прошу извѣстить меня о пріѣздѣ ген. м. Бѣгичева, ибо я располагаю быть въ Харьковѣ къ выборамъ въ уголовную и гражданскую палаты засѣдателей и прочихъ

чиновниковъ къ 10-му числу ноября, въ прочемъ съ моимъ къ вамъ почтеніемъ буду какъ и есть“ (такой то).

Уѣздный предводитель Сумскаго дворянства писалъ: „спѣшу при семъ доставить вамъ копію съ предположенія, учиненнаго въ нашемъ собраніи вслѣдствіе Высочайшаго рескрипта о учрежденіи дворянскихъ училищъ. Вы усмотрѣть изволите, съ какою благодарностью дворянство Сумскаго уѣзда пріемлетъ сію Высокомонаршую щедроту и съ какою ревностью готово способствовать. Исполняя Вашу волю, я предлагалъ въ собраніи господамъ дворянамъ и ваши мысли на тотъ же предметъ и похвальные труды ваши съ достойнымъ уваженіемъ и признаніемъ были приняты“. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ Харьковской губ. князь Александръ Куракинъ (у него было тутъ 2975 д. крестьянъ) въ отвѣтъ на обращеніе къ нему губернскаго предводителя дворянства, сдѣлалъ немедленно же распоряженіе своей старобѣльской вотчинѣ о выдачѣ въ 3 срока 1487 р. 50 к. Государь, узнавъ о пожертвованіи слободско-украинскаго дворянства, обратился къ губернатору съ слѣдующимъ милостивымъ рескриптомъ: „Господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ слободскоукраинскій гражданскій губернаторъ Зильбергарнишъ! Усмотря изъ донесенія вашего расположеніе дворянства слободскоукраинской губерніи взнести отъ усердія ихъ на устроеніе предполагаемаго въ Харьковѣ дворянскаго военнаго училища сто тысячъ рублей въ извѣстные сроки, пріемлю сей ихъ подвигъ доказательствомъ благонамѣренныхъ ихъ видовъ и любви къ отечественнымъ пользамъ и поручаю вамъ объявить имъ за сіе совершенное мое удовольствіе и вмѣстѣ удостовѣрить ихъ въ соизволеніи моемъ, чтобъ сходно ихъ желанію дѣти ихъ, воспитываемые въ казенныхъ Харьковскихъ училищахъ и особо на содержаніи родителей, по надлежащемъ экзаменѣ пользовались правомъ воспитанниковъ учреждаемаго военнаго училища. Что принадлежитъ до представленія Вашего объ обращеніи на сіе заведеніе недостроеннаго корпуса, предназначеннаго для присутственныхъ мѣстъ и о постройкѣ для сихъ послѣднихъ новаго, не оставлю на сіе означить вамъ впредь мою волю. Впрочемъ пребываю вашъ благосклонный, На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Высочества рукою такъ: Александръ. 6 дек. 1801 года“.

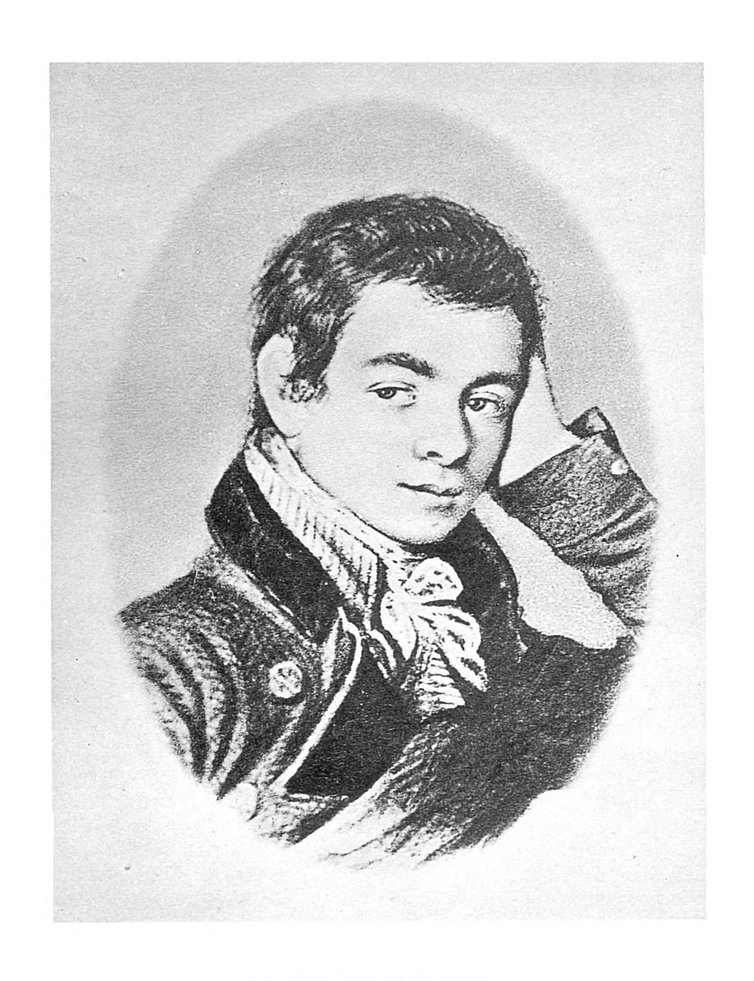
Проектъ открытія въ Харьковѣ военнаго училища вполнѣ соотвѣтствовалъ потребностямъ мѣстнаго дворянскаго общества въ новыхъ образовательныхъ учрежденіяхъ. Объ этой потребности между прочимъ свидѣтельствуетъ и намѣреніе его устроить дворянскій пансіонъ при Харьковскомъ казенномъ училищѣ на 25 человѣкъ. И нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ Харьковѣ было бы открыто военное дворян-

ское училище. Назначенный для осмотра тѣхъ городовъ, гдѣ намѣчено было устройство военныхъ училищъ, ген. м. Бѣгичевъ пріѣзжалъ даже въ Харьковъ и получалъ тутъ свѣдѣнія о цѣнѣ разныхъ строительныхъ матеріаловъ. Съ другой стороны собрано было уже не мало денегъ въ счетъ ассигнованной дворянствомъ суммы. Но въ 1802 г. идея военнаго училища была замѣнена несравненно болѣе грандіознымъ планомъ—устройства университета. Виновникомъ этой перемѣны былъ депутатъ слободскоукраинскаго дворянства Вас. Наз. Каразинъ, доставившій ему въ это время новую грамоту съ разными важными привилегіями. Эта грамота и послужила исходнымъ пунктомъ для возбужденія вопроса о пожертвованіяхъ на университетъ,

Здѣсь мы подошли къ вопросу объ основаніи Харьковскаго университета, но займемся разрѣшеніемъ его во 2-й главѣ своего „Опыта“.

Изъ цѣлаго ряда собранныхъ нами фактическихъ данныхъ можно было видѣть, что почва въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ для открытія университета была въ значительной степени подготовлена предшествующими просвѣтительными вліяніями и образовательными учрежденіями; нельзя, слѣдовательно, сказать, чтобы университетъ осѣлъ на непочатомъ нетронутомъ грунтѣ. Большое вліяніе имѣлъ Гр. Саввичъ Сковорода и литературный кружокъ А. А. Палицына; оказали свое дѣйствіе и Харьковскій коллегіумъ съ духовными училищами, и казенное, и главное народное училище, и разсѣянныя по всей губерніи народныя церковноприходскія школы и такъ называемыя малыя народныя училища. Они въ совокупности своей дѣйствовали на *всѣ слои* мѣстнаго общества и приготовили это послѣднее къ воспріятію мысли о высшемъ разсадникѣ науки—университетѣ. Вотъ гдѣ источникъ отзывчивости не только мѣстнаго духовенства и дворянства, но и горожанъ, и войсковыхъ обывателей на призывъ В. Н. Каразина къ пожертвованіямъ! Даже неосуществившійся проектъ заведенія въ Харьковѣ военнаго училища имѣлъ важное вліяніе на открытіе въ Харьковѣ университета: обращеніе импер. Александра къ Харьковскому дворянству подѣйствовало на него ободряющимъ образомъ, вдохнуло въ него патріотическую мысль о пользѣ пожертвованій на дѣло народнаго образованія; оно захотѣло раздѣлить со своимъ вѣнценоснымъ вождемъ „честь“ устройства въ Харьковѣ новаго училища и пособіями своими принять участіе „въ расходахъ на него“. Военное училище послужило какъ бы мостомъ, переходною подготовительною ступенью къ университету. Трудно было

сдѣлать первый шагъ, нарушить инертность, подвинуть на первыя жертвы... Но разъ общество проснулось, разъ оно перешло отъ покоя въ состояніе подъема душевной энергіи, нуженъ былъ только энергичный горячій энтузіастъ, чтобы оно проявило выдающуюся дѣятельность на пользу общую. Такимъ именно человѣкомъ былъ В. Н. Каразинъ.

В. Н. КАРАЗИНЪ.

II-я ГЛАВА.

Основаніе Харьковскаго университета (1802—1805 гг.).

(Посвящается историкамъ Харьковскаго университета академикамъ М. И. Сухомлинову и Н. А. Лавровскому).

Основаніе Харьковскаго университета самымъ тѣснымъ образомъ связано съ личностью Василія Назаровича Каразина. Онъ является истиннымъ виновникомъ его существованія: ему принадлежитъ *первая* мысль объ этомъ; онъ подвинулъ Харьковское дворянство на пожертвованія; онъ долженъ былъ преодолѣть множество затрудненій, чтобы добиться Высочайшаго соизволенія на учрежденіе университета въ Харьковѣ; онъ же, наконецъ, вмѣстѣ съ другими лицами, заслуги которыхъ будутъ отмѣчены нами въ своемъ мѣстѣ (попечителемъ Потоцкимъ, проф. Тимковскимъ, Рижскимъ) не мало поработалъ и въ трудномъ дѣлѣ первоначальнаго устроенія университета. Еще въ іюнѣ 1802 г. шло своимъ обычнымъ ходомъ дѣло объ устройствѣ въ Харьковѣ военнаго училища — а Василій Назаровичъ 2-го мая того же года пишетъ замѣчательное письмо къ Харьковскому священнику Фотіеву, изъ котораго ясно видно, что онъ всецѣло тогда уже былъ поглощенъ мыслью объ университетѣ. „Бывъ удостоенъ вскорѣ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ бесѣды добраго государя, осмѣлился я сказать ему идею о заведеніи въ Харьковѣ университета, который былъ-бы образованъ лучше Московскаго и достоинъ бы называться средоточіемъ просвѣщенія полуденной Россіи. Идея моя принята съ благоволеніемъ и я принялся было уже за начертаніе плана къ нему“. Очевидно, что мысль объ учрежденіи университета въ Харьковѣ у него зародилась послѣ перваго его письма къ Имп. Александру и была логическимъ послѣдствіемъ его широкихъ просвѣтительныхъ плановъ. „Любимая его Малороссія, го-

ворить его сынъ, пришла ему прежде всего на мысль, какъ край, гдѣ до того времени не было ни одного высшаго училища". Въ первое время онъ готовъ былъ довольствоваться заведеніемъ въ Харьковѣ военнаго училища, которое очень хотѣло имѣть у себя мѣстное дворянство. Но назначеніе на влiятельный постъ правителя дѣлъ въ комитетѣ, гдѣ разсматривались уставы двухъ академій и московскаго университета (въ началѣ 1802 г.), навело его на мысль объ учрежденіи въ родномъ ему Харьковѣ вмѣсто средняго высшаго учебнаго заведенія. И онъ рѣшилъ воспользоваться своимъ положеніемъ, чтобы осуществить эту мысль на практикѣ. Бесѣда съ государемъ была первымъ шагомъ его въ этомъ дѣлѣ. Но впереди предстояло самое трудное—добиться отъ харьковскаго дворянства пожертвованія на учрежденіе университета, ибо только такимъ путемъ В. Н. Каразинъ надѣялся склонить мнѣнія въ пользу Харькова, города, который самъ по себѣ имѣлъ для этого мало данныхъ и уступалъ не только Кіеву, но и многимъ другимъ южнымъ городамъ (напримѣръ, Чернигову). „Сія мысль (объ университетѣ), пишетъ онъ Фотіеву, заняла всю мою душу и я ожидаю только согласія общества дворянъ, чтобъ дѣйствовать". Онъ руководился въ этомъ дѣлѣ самыми чистыми побужденіями—желаніемъ просвѣщенія своей родинѣ. „Не для чего описывать пользу сего учрежденія, продолжаетъ онъ далѣе, и славу, которая отъ сего для нашей отчизны Украины проистекти имѣетъ. Сердце радуется, представляя вліяніе, какое произведетъ сіе учрежденіе на край нашъ во всѣхъ отношеніяхъ—моральныхъ, физическихъ и политическихъ. Харьковъ процвѣтетъ въ самое короткое время и будетъ имѣть честь доставлять просвѣщеннѣйшихъ сыновъ отечеству, которые во всѣ состоянія разольютъ пользу, счастіе и ту дѣятельность духа, которая творитъ прямыхъ гражданъ".

Василій Назаровичъ Каразинъ пользовался довѣріемъ Харьковскаго дворянства. Случай, поставившій „этого богодуховскаго помѣщика" такъ близко къ престолу, долженъ былъ возвысить его даже въ глазахъ тѣхъ людей, которые раньше относились къ нему съ недовѣріемъ и называли прямо юнымъ школьникомъ (потому что онъ не оставлялъ научныхъ занятій). Извѣстно, что Императоръ Александръ торжественно подтвердилъ права, дарованныя дворянству жалованною грамотой его бабки Екатерины II-й и отчасти ограниченныя Императоромъ Павломъ. На 31-е мая 1801 г. въ Харьковѣ назначено было чрезвычайное губернское собраніе, на которомъ рѣшено было отправить ко двору депутатовъ для принесенія по этому поводу благодарности и для ходатайства передъ Высочайшею властью о подтвержденіи спеціальныхъ привиллегій слободско-украинскаго дворянства. Въ качествѣ депутатовъ изъ Харь-

кова были отправлены губернскій предводитель Василій Донецъ-Захаржевскій и Өедоръ Куколь-Яснопольскій; къ нимъ также долженъ былъ присоединиться проживавшій въ Петербургѣ и стоявшій близко къ государю В. Н. Каразинъ. Грамота, въ отвѣтъ на ихъ прошеніе, была дѣйствительно пожалована 29 декабря 1801 г. (она хранится въ подлинномъ видѣ въ архивѣ Харьк. депутатскаго собранія). Въ ней говорится слѣдующее: „дворянство слободско-украинской губ. въ лицѣ предводителя своего Василія Донца-Захаржевскаго и депутата своего Өедора Куколя-Яснопольскаго принесли намъ всеподданнѣйшее прошеніе о подтвержденіи ихъ правъ и преимуществъ, дарованныхъ въ Бозѣ почивающими Великими Государями Предками Нашими; и Мы Всемилостивѣйше снисходя на сіе прошеніе и въ ознаменованіе всегдашняго благоволенія Нашего къ непоколебимой вѣрности, усердію и заслугамъ слободско-украинскаго дворянства, всѣ права и преимущества въ различныя времена ему присвоенныя и доселѣ безъ отмѣны существующія, поколику они сходны съ общими государственными узаконеніями, признали за благо утвердить и на всегда удостовѣрить, яко же симъ утверждаемъ и удостовѣряемъ во всей ихъ силѣ и неприкосновенности; во увѣреніе чего и сію нашу подтвердительную жалованную грамоту собственною рукою подписали и укрѣпить ее государственною печатью повелѣли“ [1]).

Милостивое вниманіе государя къ нуждамъ дворянства должно было, естественно, вызвать въ нихъ патріотическое воодушевленіе. Явилась мысль о необходимости ознаменовать это радостное событіе пожертвованіемъ на какое либо общеполезное дѣло; выразителемъ этой мысли явился губ. предводитель дворянства Василій Михайловичъ Донецъ-Захаржевскій, который написалъ по этому поводу письмо [2]) къ одному изъ уѣздныхъ предводителей.

---

[1]) Ильяшевича. Краткій очеркъ исторіи Харьк. дворянства. Харьк. 1885 г., стр. 68—69.

[2]) Вотъ подлинный текстъ этого письма: „препровожденную отъ находящагося въ С.-Петербургѣ здѣшней губерніи дворянскаго депутата госп. кол. сов. Василія Назаровича Каразина подлинную Его Императорскаго Величества Высочайше пожалованную подтвердительную правъ и привиллегій слободско-украинскому дворянству грамоту я имѣлъ счастіе получить и для изъявленія глубочайшаго благоговѣнія къ августѣйшему монарху принесеніемъ Всевышнему о здравіи Его Императорскаго Величества публичнаго молебствія, о съѣздѣ гг. дворянъ въ губернскій городъ Харьковъ на 12-е число будущаго августа испрашиваю позволеніе отъ начальника губерніи; а потому и прошу васъ, мил. гос. мой, оповѣстить о семъ господъ депутата и дворянъ вашего уѣзда. Я увѣренъ, что каждый дворянинъ при семъ случаѣ, ощутя всю цѣну и особливую милость высо-

Въ припискѣ Василій Михайловичъ прибавляетъ, что если дворянство не согласится устроить больницу, въ такомъ случаѣ можно было бы пожертвовать капиталъ, на проценты съ котораго можно содержать при Харьковскихъ училищахъ 20 питомцевъ изъ дворянъ; а если бы не согласились и на это, тогда внести извѣстную сумму на бѣдныхъ въ приказъ общественнаго призрѣнія [1]).

Изъ этого письма видно, что у Василія Михайловича, по случаю полученія грамоты, явилась первоначально мысль о постройкѣ больницы или устройствѣ дворянскаго пансіона при Харьковскихъ училищахъ, или, наконецъ, о простомъ пожертвованіи на бѣдныхъ; очевидно, у него не было увѣренности, что дворянство пожертвуетъ очень большую сумму и потому онъ вноситъ очень скромныя предложенія; объ университетѣ здѣсь нѣтъ и помину. Тогдашній губернаторъ Андрей Кондратьевичъ Артаковъ не счелъ возможнымъ разрѣшить предположеннаго съѣзда дворянъ въ Харьковѣ для раскладки извѣстной суммы съ благотворительною цѣлью. Нужно думать, что онъ такъ дѣйствовалъ по инструкціи, полученной изъ Петербурга. Государь, какъ это мы видѣли изъ рескрипта его по поводу устройства въ Харьковѣ кадетскаго корпуса, былъ противъ подобныхъ раскладокъ, могшихъ имѣть принудительный характеръ, и потому ходатайство губернскаго предводителя о созывѣ дворянъ въ Харьковъ не было уважено. Въ это то время, какъ намъ думается, Василій Назаровичъ Каразинъ и вступилъ въ переписку съ Донцомъ-Захаржевскимъ о сборѣ *добровольныхъ* пожертвованій въ средѣ Харьковскаго дворянства на открытіе въ Харьковѣ университета. Въ письмѣ къ Фотіеву (отъ 2-го мая) Каразинъ писалъ, что мысль объ университетѣ заняла всю его душу и что для приведенія ея въ исполненіе онъ ожидаетъ только дворянскаго собранія. Послѣ

комонаршую къ сему краю, по мѣрѣ того и общаго усердія поищетъ и средствъ оказать благодарность соотвѣтственно чувствованіямъ нашимъ къ щедротамъ всемилостивѣйшаго государя. Мой совѣтъ, чтобы дворянство согласилось на постройку больницы для бѣдныхъ благородныхъ и другого состоянія людей 40 человѣкъ и на содержаніе ихъ и лѣченіе составить капиталъ, изъ коего бы все вышеписанное можно произвесть, о чемъ подробнѣе въ полномъ собраніи дворянству предложить имѣю; желательно, чтобъ сей памятникъ сооруженъ былъ для напоминанія потомству нашему въ грядущія времена Высокомонаршаго къ намъ благоволенія, заслуженнаго у Высочайшаго престола предками нашими, и сія единая только жертва можетъ пріятна и принята быть Всемилостивѣйшимъ Государемъ, любящимъ подданныхъ своихъ, испрося позволеніе у Его Величества наименовать таковую больницу Александровскою“ (20 Іюня 1802 г.).

[1]) Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета (на 2575 листахъ).

отправки этого письма онъ вступилъ въ переписку по поводу своего проэкта объ основаніи въ Харьковѣ университета съ 2-мя самыми вліятельными лицами среди Харьковскаго дворянства—Василіемъ Михайловичемъ Донецъ-Захаржевскимъ и Григоріемъ Романовичемъ Шидловскимъ. Донецъ-Захаржевскій, очевидно, склонился къ мнѣнію Василія Назаровича Каразина (объ устройствѣ университета) и просилъ его исходатайствовать у государя разрѣшеніе на созывъ дворянъ для добровольныхъ сборовъ на этотъ предметъ. Просьба на этотъ разъ была уважена и государь самымъ нагляднымъ образомъ выразилъ свое сочувствіе новому проэкту Харьковскаго дворянства, внушенному В. Н. Каразинымъ. Все это подтверждается письмомъ губернскаго предводителя къ Каразину и отвѣтною бумагою генералъ-прокурора Беклешова. Каразину Василій Михайловичъ писалъ: „Спѣшу васъ увѣдомить, что дворянство Слободско-украинской губерніи, всегда готовое къ изъявленію глубочайшаго благоговѣнія къ августѣйшему Монарху, предположило съѣхаться въ губернскій городъ на 12 августа для принесенія Всевышнему о здравіи Его Величества публичнаго молебствія по поводу полученія Высочайше пожалованной Государемъ Императоромъ подтвердительной правъ и привиллегій дворянской грамоты и для иныхъ положеній, о коихъ я васъ предварялъ, но начальникъ губерніи на таковой съѣздъ дать своего согласія не рѣшился, о чемъ отзывъ его въ копіи прилагая, покорнѣйше прошу васъ, милостиваго государя, въ разрѣшеніе испросить предписаніе поспѣшнѣе, дабы предположеннаго времени намъ не упустить; симъ много обяжете всѣхъ“ (20 іюня). О какихъ „положеніяхъ“ здѣсь идетъ рѣчь, ясно видно изъ предписанія Беклешова, которое выхлопотано было Василіемъ Назаровичемъ Каразинымъ. „Хотя отъ 10-го сего іюля, писалъ Беклешовъ Харьковскому губернатору, сообщалъ я вашему превосходительству, что Государь Императоръ, не желая сборомъ дворянства дѣлать какого либо принужденія, на собраніе онаго Высочайшаго соизволенія не изъявилъ. Но, какъ увѣряютъ здѣсь, что желаніе дворянства явиться въ г. Харьковъ имѣетъ главною цѣлію, дабы при семъ случаѣ сдѣлать произвольную складку суммы на построеніе предполагаемаго университета, то Его Императорское Величество указать соизволилъ, чтобы при произведеніи въ дѣйствіе столь похвальнаго со стороны дворянства предположенія не чинить оному не малѣйшихъ препятствій“. Письмо это написано всего 4 дня спустя послѣ перваго и прямо въ отмѣну его. Характерно въ немъ выраженіе—*какъ увѣряютъ здѣсь* (т. е. въ Петербургѣ); это несомнѣнно прямое указаніе на В. Н. Каразина, б. м. даже съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ непріятнаго чувства къ нему со сто-

роны Беклешова, поставленнаго теперь въ необходимость отмѣнять распоряженіе, сдѣланное почти наканунѣ. Губернаторъ Артаковъ, получивъ это предписаніе, съ своей стороны спѣшилъ заявить, что онъ готовъ всячески содѣйствовать устроенію столь общеполезнаго заведенія. Губернскій предводитель, въ письмахъ къ уѣзднымъ предводителямъ, извѣщалъ, что съѣздъ переносится на 30-е августа (дабы имѣть возможность извѣстить всѣхъ) и совѣтовалъ явиться въ Харьковъ къ 27 августа, чтобы 27, 28 и 29 августа посвятить предварительному обсужденію этого дѣла, и 30-го устроить самое торжество. 26-го августа губернскій предводитель извѣстилъ объ этомъ и городского голову Егора Егоровича Урюпина въ такихъ выраженіяхъ: „По Всевысочайшему Его Императорскаго Величества соизволенію дворянство здѣшней губерніи имѣетъ съѣхаться для составленія суммы на университетъ, предполагаемый въ губернскомъ городѣ Харьковѣ, и сего августа 27, 28 и 29 чиселъ трактовать будетъ о способахъ къ составленію таковой суммы; а какъ учрежденіе таковаго пространнаго училищнаго мѣста не только можетъ быть украшеніемъ города, но и просвѣщеніемъ граждан наукамии благородными художествами послужитъ, а при томъ отъ съѣзда и умноженія иногороднихъ ожидать можно распространенія и самой коммерціи ихъ, то о семъ васъ, милостивый государь мой, увѣдомляя, уповаю, что вы съ гражданами, по усердію и ревности къ пользамъ отечества, возжелаете участвовать при семъ благопотребномъ случаѣ соотвѣтственно чувствованіямъ и воли, для споспѣшествованія великимъ благотворнымъ намѣреніямъ Всемилостивѣйшаго Государя. При семъ за необходимое считаю васъ увѣдомить, что дворянство 30-го августа имѣетъ торжественно принести священную жертву въ соборной церкви пролитіемъ моленія о здравіи Его Императорскаго Величества и праздновать подтвержденіе Его Величествомъ правъ и привиллегій здѣшнему дворянству, на какой случай учиненный со стороны его порядокъ при семъ вамъ прилагаю [1]), освѣдомляя, что отъ меня и Его Превосходительству слободско-украинскому гражданскому губернатору при донесеніи таковой же препровожденъ и лично испросилъ я отъ него позволенія гражданамъ прилично сему торжеству иллюминовать городъ и дома“ [2]). Здѣсь уже, какъ мы видимъ, вопросъ о пожертво-

[1]) Въ „дѣлѣ“ церемоніала не сохранилось, но онъ напечатанъ г. Устиновымъ, и мы воспользуемся имъ въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

ваніяхъ на устройство университета въ Харьковѣ поставленъ очень прочно, при чемъ къ этимъ пожертвованіямъ приглашаются и горожане.

Увѣдомляя уѣздныхъ предводителей о назначеніи общаго дворянскаго съѣзда на 30-е число, губернскій предводитель просилъ ихъ довести до свѣдѣнія дворянъ, проживавшихъ въ уѣздахъ, о проэктѣ сбора добровольныхъ суммъ на университетъ. И эта мысль была встрѣчена сочувственно, очевидно, подъ вліяніемъ патріотическаго воодушевленія, вызваннаго жалованной грамотой. Впрочемъ уѣздное дворянство не подвергало вопроса о пожертвованіяхъ разсмотрѣнію у себя на мѣстѣ, а хотѣло его рѣшать на общемъ собраніи. Исключеніе составляютъ только валковскіе дворяне, которые обсуждали этотъ вопросъ на мѣстѣ и представили свой собственный проэктъ, въ которомъ послѣ изъявленія патріотическихъ чувствъ къ государю, между прочимъ говорится: „дворянство валковскаго округа, озаряясь лучами изливаемаго милосердія пекущагося отца отечества о просвѣщеніи своихъ подданныхъ, почитаетъ пристойнѣйшимъ ознаменовать день празднованія нашего о пожалованной намъ Высочайшей грамотѣ заведеніемъ въ г. Харьковѣ университета, который, изливая просвѣщеніе, оставитъ вѣчный памятникъ достодолжной благодарности Его Императорскому Величеству, коею преисполнено дражайшее отечество наше просвѣщеннѣйшему своему монарху. Для сего заведенія уполномочиваемъ гг. предводителя Михаила Романовича Шидловскаго и депутата Николая Ефимовича Зварыкина представить на общемъ съѣздѣ дворянству мнѣніе наше—взнести имѣющіяся деньги наши за фуры, намъ подлежащія, которыя дополнить, что причтется, по состоянію каждаго изъ собственныхъ доходовъ нашихъ, составляя капиталъ отъ губерніи сто тысячъ рублей дать единожды и, если будетъ сіе удостоено общаго мнѣнія, то отъ господина губернскаго предводителя принести о семъ всеподданнѣйшее прошеніе Его Императорскому Величеству или если что на общемъ съѣздѣ по предмету сему дворянствомъ изобрѣтено будетъ полезнѣйшее, въ томъ и наше согласіе подписать уполномочиваемъ“. Такимъ образомъ, валковское дворянство въ своемъ проэктѣ предварило рѣшеніе общаго дворянскаго съѣзда; оно назначило даже сумму пожертвованій со всего дворянства Харьк. губ. въ размѣрѣ 100000 р.; при чемъ считало возможнымъ и увеличить ее въ случаѣ общаго согласія; сумма эта составлялась изъ денегъ, которыя имъ должна была казна за подводы, и добровольныхъ пожертвованій. 27, 28 и 29 августа дѣйствительно происходили предположенныя губернскимъ предводителемъ дворянства частныя совѣщанія съѣхавшагося въ Харьковъ дворянства для опредѣленія размѣра пожертвованій на университетъ и

способовъ ихъ собиранія. Къ сожалѣнію въ оффиціальныхъ документахъ не сохранилось (да и не могло сохраниться) подробностей этихъ засѣданій. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ извѣстіе объ одной чрезвычайно важной резолюціи, принятой въ одномъ изъ такихъ частныхъ собраній дворянъ 29 августа 1802 г. [1]). Тутъ было рѣшено внести изъ дворянскихъ имѣній слободско-украинской губерніи 1000000 рублей „способомъ, установленнымъ въ учрежденіи 20-ти лѣтняго банка" [2]). Этотъ приговоръ подписали слѣдующія лица, очевидно, наиболѣе сочувствовавшія идеѣ Каразина объ учрежденіи въ Харьковѣ университета: ген. лейт. Неклюдовъ, майоръ Петръ Ковалевскій, майоръ Александръ Палицынъ, предводит. дворянства Алексѣй Алферовъ, кап.-лейт. флота Александръ Красовскій, ст. сов. Григорій Шидловскій, прапорщикъ Георгій Квитка, тит. сов. Дмитрій Квитка, поручикъ Гаврило Короснинъ, кол. сов. Ѳедоръ

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло канц. попеч. № 1 (по архиву), № 1 (по картону); сохранилась любопытная приписка карандашомъ на этомъ документѣ, писанная, какъ кажется, рукою Каразина: „нѣтъ никакого сомнѣнія подвигнуть все дворянство къ согласію на сіе положеніе, коль скоро патріотизмъ ихъ ободренъ будетъ. Все остановилось потому, что дѣйствовалъ человѣкъ, оставленный безъ малѣйшаго подкрѣпленія, однимъ одинъ; тщетно убѣждалъ онъ государственныхъ чиновниковъ тогдашнихъ помочь ему хотя строкою".

[2]) А вотъ самое расписаніе взносовъ примѣнительно къ 20-лѣтнему банку для полученія 1 мил. съ дворянскихъ имѣній слоб.-украинск. губерніи: „отъ 50 душъ крестьянъ ежегодный взносъ 20 р., который обезпечивается залогомъ въ 4 души,

со	100	д.	40	р.	съ	залогомъ	7	д.
„	200	„	80	„	„	„	14	„
„	300	„	120	„	„	„	20	„
„	400	„	160	„	„	„	27	„
„	500	„	200	„	„	„	34	„
„	600	„	240	„	„	„	40	„
„	700	„	280	„	„	„	47	„
„	800	„	320	„	„	„	54	„
„	900	„	360	„	„	„	60	„
„	1000	„	400	„	„	„	67	„

„Такимъ образомъ, полагая въ обезпечиваніе содержанія университета на 75 р. одну душу м. п. съ землею, по расчисленію выходитъ, что въ продолженіе 20 лѣтъ только самая малая часть недвижимаго имѣнія дворянъ будетъ служить залогомъ, т. е. въ 1-й—годъ отъ $^1/_{12}$ до $^1/_{15}$; но потомъ на правилахъ упомянутаго банка годъ отъ года будетъ уменьшаться такъ, что изъ имѣнія, на которомъ 100 душъ, чрезъ 10 лѣтъ неболѣе 3 д. останутся несвободными; взносъ же въ пользу сего заведенія ни въ какомъ случаѣ не будетъ превышать $^1/_{12}$ доходовъ. Впрочемъ можно обезпечить содержаніе университета и таковымъ имѣніемъ, которое состоитъ въ одной землѣ и угодьяхъ безъ крестьянъ (ibidem).

Квитка. Это, какъ мы уже говорили выше, были лица, близко стоявшія къ Г. С. Сковородѣ, А. А. Палицыну и В. Н. Каразину. Самое постановленіе о столь щедромъ пожертвованіи было вызвано, какъ видно изъ протокола, чтеніемъ „предначертанія о Харьковскомъ университетѣ“, составленнаго В. Н. Каразинымъ.

Это „предначертаніе“ было прочитано также въ общемъ собраніи Харьковскаго дворянства 30 авг. и въ связи съ рѣчью Каразина вызвало приговоръ о пожертвованіи 400000 р. на университетъ. Такъ какъ оно имѣло важныя практическія послѣдствія, и вмѣстѣ съ тѣмъ значительно отступало отъ утвержденнаго впослѣдствіи устава Харьковскаго университета, то мы считаемъ необходимымъ познакомить здѣсь читателей въ наиболѣе существенныхъ чертахъ съ его содержаніемъ.

Совершенно справедливо замѣчаніе сына Василія Назаровича—Филадельфа Васильевича, что „университетъ его отца былъ не школа, по нѣмецкому образцу устроенная, а всеобъемлющее училище“. По „предначертанію“ Василія Назаровича, это дѣйствительно должно было быть „всеучилище“—соединеніе различныхъ академій (наукъ, искусствъ, военной, инженерной, духовной), университета и низшихъ профессіональныхъ школъ. Вмѣсто четырехъ факультетовъ онъ проэктировалъ 9 отдѣленій:—1) общихъ познаній, 2) пріятныхъ искусствъ, 3) богословское, 4) гражданскихъ познаній, 5) военныхъ познаній, 6) врачебныхъ познаній, 7) гражданскихъ искусствъ, 8) отдѣленіе учености, 9) изящныхъ художествъ; сверхъ того для низшихъ классовъ—училище сельскаго домоводства и школа ремеслъ и рукодѣлій. Въ поясненіе этого „предначертанія“ Василій Назаровичъ составилъ для Министерства Народнаго Просвѣщенія записку и въ ней указалъ на мысли, которыми руководствовался, составляя планъ столь грандіознаго учебнаго заведенія. Россія, по его словамъ, находится въ такомъ счастливомъ положеніи, что ей удобнѣе создать новое, чѣмъ исправлять старое; этимъ правиломъ нужно руководствоваться и въ дѣлѣ устроенія университетовъ; ей незачѣмъ заимствовать готовые образцы съ запада, тѣмъ болѣе, что и тамъ уже они отжили свой вѣкъ. „Патріотическое приношеніе 70000 рублей ежегоднаго дохода, сдѣланное слободско-украинскою губерніей въ кассу правительства, съ единственною цѣлью имѣть возможность получать у себя многостороннее, высшее образованіе, неоспоримо доказываетъ, что просвѣщеніе въ ней распространено достаточно, для того чтобы поддерживать нѣсколько спеціальныхъ высшихъ училищъ, собраніе которыхъ въ одно цѣлое я и назвалъ университетомъ, чтобъ не придумывать другаго названія“. В. Н. Каразинъ имѣлъ съ теоретической точки зрѣнія серьезные мотивы, чтобы соединить въ

одномъ городѣ нѣсколько училищъ. При огромномъ разстояніи между населенными пунктами въ Россіи, удобнѣе всего было создать одинъ общій просвѣтительный центръ для нѣсколькихъ губерній; такимъ путемъ достигалось бы и нѣкоторое соединеніе сословій, столь сильно разобщенныхъ въ то время, развивался бы духъ товарищества и уменьшались бы издержки, необходимыя на заведеніе каждаго отдѣльнаго училища. „Наполнивъ, такъ сказать, цѣлый городъ учащимися, образовавъ изъ нихъ какъ бы особую колонію, я, говорилъ Василій Назаровичъ, думалъ тѣмъ усилить любовь къ занятіямъ взаимными примѣрами членовъ этой колоніи и распространить чрезъ то уваженіе къ образованію, облегчая въ то время и выборъ спеціальностей, смотря по природнымъ наклонностямъ каждаго“. Понятно, что при такихъ условіяхъ „Харьковскій университетъ могъ дѣйствовать на просвѣщеніе и пользу всего полуденнаго края Россіи“. „Можетъ ли произойти отъ того какой либо вредъ, спрашиваетъ Василій Назаровичъ, что изъ-подъ одной кровли будутъ выходить и филологи, и юристы, и математики, и богословы, и ученые воины, и художники, словомъ, люди всевозможнѣйшихъ спеціальностей?“ Для того чтобы поддерживать общеніе между профессорами, Каразинъ предлагалъ устроить при университетѣ ученое общество, въ которомъ могли бы принимать участіе и адъюнкты, и даже лучшіе студенты. „Ихъ могло бы быть нѣсколько родовъ; иногда для бесѣдъ о точныхъ наукахъ, другой разъ для бесѣдъ о нравственныхъ и политическихъ наукахъ, иной разъ о литературѣ и искусствахъ; иногда также для упражненій въ древнихъ языкахъ и вообще для разговоровъ о древностяхъ, наконецъ, для бесѣдъ объ изящныхъ художествахъ, о сельскомъ хозяйствѣ и пр. Всякій приносилъ бы въ эти собранія плоды своихъ занятій, своихъ опытовъ, сдѣланныхъ уже или только еще предполагаемыхъ, и былъ бы проникнутъ желаніемъ научить и научиться. Всякій приходилъ бы въ нихъ какъ бы въ общество своихъ друзей или родныхъ; время проводилось бы съ удовольствіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ пользою для общаго просвѣщенія края; это были бы настоящіе свободные лицеи или академіи безъ принужденія, безъ имени, безъ школьныхъ строгостей“. Понятно, что на содержаніе *такого* университета нужны были огромныя средства—и В. Н. Каразинъ находилъ ихъ въ своемъ проэктѣ безъ обремененія государственнаго казначейства. Ежегодно, по его расчету, нужно было 200000 рублей; эта сумма должна была составиться такъ: 1) 20000 р. процентовъ съ 400000 р., пожертвованныхъ Харьковскимъ дворянствомъ, 2) 50000 ежегоднаго сбора съ купечества и гражданства (по $1^1/_4{}^0/_0$ съ капиталовъ и половина откупной суммы), 3) 25000 р., назначенныхъ на

содержаніе военнаго училища, 4) 30000 процентовъ съ 600000 р., которые могутъ пожертвовать сосѣднія губерніи (6 по 100000 р. каждая), будучи подвинуты на это примѣромъ Харьковской, 5) 75000 ежегоднаго пособія, которое можетъ быть безъ всякаго обремененія получено правительствомъ изъ слѣдующихъ двухъ источниковъ: 50000 р. составятъ винный откупъ на четвертныхъ земляхъ и доходъ съ оброчныхъ статей слободско-украинской губерніи и 25000 р. процентовъ получится изъ вымороченнаго имущества Кантемировъ (оно стоитъ 450000 р.). Казна, такимъ образомъ, по предположенію В. Н. Каразина, въ сущности не затрачивала бы ничего, и Харьковскій университетъ, по его плану, могъ бы явиться общественнымъ учрежденіемъ въ полномъ смыслѣ этого слова, на подобіе нынѣшнихъ свободныхъ университетовъ Швеціи, Англіи, Америки. Общественный характеръ новаго университета проявился бы и въ его управленіи. Университетъ долженъ былъ находиться въ вѣдѣніи комитета изъ профессоровъ, а во главѣ комитета стоять директоръ, избираемый Харьковскимъ дворянствомъ. Кромѣ этого комитета, обязаннаго руководить учебной стороной дѣла, избиралась бы еще дворянствомъ особая коммиссія для завѣдыванія хозяйствомъ.

Обширности предпріятія должны были соотвѣтствовать и самые размѣры *зданій*. В. Н. Каразинъ „предполагалъ устроить цѣлый отдѣльный учебный, такъ сказать, городокъ; въ серединѣ—садъ съ фонтанами; съ четырехъ сторонъ строенія: на фасадной сторонѣ 3 церкви—православная, католическая и лютеранская; на правой сторонѣ учебныя строенія; на лѣвой—жилища для студентовъ и профессоровъ, сообщающіяся съ лекціонными залами крытыми галлереями; на задней—манежъ, гимнастическія залы и хозяйственныя помѣщенія. Планъ всего этого былъ представленъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія“ [1]). Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ письмо покойнаго Филадельфа Васильевича Каразина къ Николаю Алексѣевичу Лавровскому, гдѣ повторяется почти тоже самое: „по плану университетскихъ построекъ, говорится тутъ, который былъ составленъ, по его идеямъ, архитекторомъ Васильевымъ, эти постройки должны были занимать огромное пространство на бывшемъ тогда еще пустомъ мѣстѣ за р. Харьковомъ (?) и составлять особый, такъ сказать, городъ, въ которомъ должны были жить и профессоры, и студенты (числомъ по крайней мѣрѣ до 3000) и всѣ сколько нибудь прикосновенные къ университету люди; планъ представлялъ четыреугольникъ, внутри котораго садъ съ бассейнами и фонтанами, а по сто-

---

[1]) Рус. Старина, 1875, октябрь, стр. 270.

ронамъ трехъ-этажныя зданія; на фасадѣ церкви: русская, католическая и лютеранская; позади четыреугольника разныя строенія для необходимыхъ, при такомъ множествѣ жильцовъ, потребностей“ [1]). Въ другомъ письмѣ Филадельфъ Васильевичъ дѣлаетъ поправку, говоря, что все это предполагалось построить не за р. Харьковомъ, а на Сумскомъ шоссе, на томъ мѣстѣ, которое и перешло вскорѣ въ собственность университета и гдѣ теперь университетскій садъ, ветеринарный институтъ и институтъ благородныхъ дѣвицъ [2]); это мѣсто, пространствомъ въ 318000 кв. саженъ, уступали В. Н. Каразину за 6000 р. [3]).

Таково было „предначертаніе“ В. Н. Каразина о Харьковскомъ университетѣ, его планъ и смѣта. Въ нихъ сказался весь Каразинъ со всѣми его достоинствами и недостатками—смѣлымъ, оригинальнымъ умомъ и широкими, но не практичными замыслами. Его творческій разумъ не удовлетворялся обычною колеею и всегда стремился къ грандіознымъ предпріятіямъ; у него былъ постоянно слишкомъ широкій розмахъ, котораго онъ не соразмѣрялъ съ условіями живой дѣйствительности. Невольно приходитъ здѣсь на мысль великолѣпный князь Тавриды Потемкинъ и его планъ грандіозныхъ построекъ во вновь возникшемъ Екатеринославѣ; тамъ между прочимъ долженъ былъ быть „университетъ купно съ академіей музыкальной или консерваторіей“. Но была и существенная разница въ проэктахъ того и другого: Потемкинъ все это хотѣлъ создать по мановенію державной воли Императрицы, для ея славы, совершенно внѣ всякихъ условій мѣстной живой дѣйствительности, въ только что строющемся городѣ, въ слабо заселенной еще территоріи; Василій же Назаровичъ основывалъ свой проэктъ на реальномъ фактѣ—сочувствіи южно-русскаго общества къ дѣлу просвѣщенія и только, по свойству своего характера, преувеличивалъ размѣръ этого сочувствія. Сочувствіе это выразилось въ осязательномъ дѣлѣ—пожертвованіи 400000 р. дворянствомъ одной Харьковской губ. Онъ вѣрилъ, что такъ же сочувственно отнесутся и другія сословія, и жители другихъ сосѣднихъ губерній—и опять таки будущее оправдало его ожиданія, хотя и не въ такихъ размѣрахъ, на какіе онъ расчитывалъ. Наконецъ, существовала огромная разница между „городомъ будущаго“ Екатеринославомъ (конца XVIII в.) и Харьковомъ (нач. XIX ст.). Теоретическія основанія проэкта В. Н. Каразина также заслуживаютъ вниманія. Въ самомъ дѣлѣ—можно было основательно познакомиться

---

[1]) Сборникъ писемъ Фил. Вас. Каразина къ Н. А. Лавровскому (рукопись).

[2]) Ibidem.

[3]) Рус. Стар. 1875, октябрь, стр. 270.

съ устройствомъ университетовъ въ Германіи, но не переносить ихъ безъ всякихъ почти измѣненій на русскую почву; тамъ они представляли органическій продуктъ мѣстныхъ историческихъ условій; у насъ же являлись чужеземнымъ растеніемъ, не вполнѣ приспособленнымъ къ русской дѣйствительности. Трудно возражать (съ теоретической точки зрѣнія) и противъ мысли В. Н. Каразина о соединеніи подъ одной кровлей нѣсколькихъ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеній. Вѣдь и наши университеты въ своихъ факультетахъ соединяютъ въ себѣ 4 высшихъ спеціальныхъ школы; по мысли В. Н. Каразина, такихъ школъ было бы 8 или 9—разница количественная, а не качественная. И кто знаетъ? Быть можетъ, мы современемъ и перейдемъ къ такому именно типу университета. Во всякомъ случаѣ *тогда* осуществить его было легче потому, что естественныя науки не требовали такого количества кабинетовъ, лабораторій и т. п., въ какомъ нуждаются теперь. Припомнимъ кстати, что и въ настоящее время въ заграничныхъ университетахъ имѣется богословскій факультетъ (котораго добивался В. Н. Каразинъ), а у насъ въ Россіи предполагается устройство при университетахъ агрономическихъ институтовъ; что же касается военнаго отдѣленія, то оно должно было замѣнить военный корпусъ, который предполагалось, какъ мы знаемъ, устроить въ Харьковѣ; наконецъ, въ настоящее время Харьковъ имѣетъ и технологическій институтъ, и консерваторію, и профессіональныя школы. Слѣдовательно, Василій Назаровичъ только *слишкомъ рано* мечталъ обо всемъ этомъ; но въ своихъ мечтаніяхъ онъ, можно сказать, прозрѣвалъ будущія потребности г. Харькова...

Мысль В. Н. Каразина объ учрежденіи ученаго общества при университетѣ заслуживаетъ, конечно, самой полной симпатіи. Она вошла въ министерскій уставъ Харьковскаго университета и практически осуществилась съ открытіемъ „Общества наукъ". Нельзя не воздать ему также должнаго уваженія за горячую вѣру въ общественныя силы тогдашней интеллигентной Россіи. Но едва ли будетъ справедливо объяснять эту вѣру исключительно личными, индивидуальными свойствами В. Н. Каразина—его увлеченіями и пылкой фантазіей: тутъ оказало свое вліяніе и само время. Невозможно описать того энтузіазма, который былъ вызванъ воцареніемъ Императора Александра и первыми шагами его государственной дѣятельности въ духѣ свободы и покровительства просвѣщенію: для этого нужно прочитать признанія современниковъ. Даже самые осторожные, практичные люди, умудренные житейскимъ опытомъ, въ родѣ Г. Р. Державина, исполнены были самыхъ розовыхъ надеждъ на новую эпоху. Понятно, какъ долженъ былъ подѣйствовать на увлекающагося Каразина этотъ пышный расцвѣтъ „про-

свѣтительной эры“ либеральныхъ идей. Ему казалось, что Россія можетъ и должна сдѣлать гигантскій шагъ впередъ по пути прогресса, въ особенности на полѣ просвѣщенія, гдѣ она сильно отстала отъ Европы; облеченный безграничнымъ довѣріемъ государя, онъ чувствовалъ въ себѣ достаточно энергіи и силъ, чтобы всею душею отдаться служенію этой великой идеѣ. Надежда подвинуть южнорусское общество на пожертвованіе окрыляла его, тѣмъ болѣе что такое пожертвованіе на просвѣтительныя цѣли могло бы доказать, такъ сказать, политическую зрѣлость общества. Особенныя надежды онъ возлагалъ на слободско-украинское дворянство, которому онъ оказалъ огромные услуги въ качествѣ депутата, исхлопотавшаго подтвердительную грамоту. Харьковскому же дворянству онъ хотѣлъ предоставить высшую роль въ дѣлѣ управленія университетомъ; онъ исходилъ тутъ, какъ намъ кажется, не изъ узко сословныхъ исключительныхъ дворянскихъ интересовъ, а изъ убѣжденія, въ значительной степени справедливаго, что дворянство тогда было единственнымъ интеллигентнымъ слоемъ свѣтскаго общества, могущимъ принять на себя попеченіе объ общемъ благѣ. Впрочемъ Василій Назаровичъ былъ во всякомъ случаѣ не правъ передъ другими сословіями слободско-украинской губ.: онъ устранялъ ихъ отъ управленія университетомъ, между тѣмъ какъ они должны были, по его же проэкту, внести значительныя пожертвованія; неправъ онъ былъ и передъ населеніемъ другихъ губерній, желая привлечь его къ крупнымъ пожертвованіямъ и въ тоже время устраняя отъ всякаго вліянія на дѣла университета. Наконецъ, В. Н. Каразинъ ошибся даже и въ своихъ надеждахъ на Харьковское дворянство: оно повидимому относилось довольно равнодушно къ вопросу о прямомъ участіи своемъ въ дѣлѣ устроенія Харьковскаго университета. Мы увидимъ далѣе, въ какой скромной степени оправдались надежды В. Н. Каразина на общественныя пожертвованія; несомнѣнно, что его расчеты были слишкомъ оптимистическіе, хотя едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что цифра пожертвованій была бы несравненно значительнѣе, если бы „предначертаніе“ Каразина не было такъ сильно видоизмѣнено и если бы его собственное положеніе такъ сильно не пошатнулось. Интересно, что извѣстный профессоръ и академикъ Парротъ, къ которому Василій Назаровичъ отправилъ на просмотръ свой проэктъ, отнесся къ нему съ полнымъ сочувствіемъ. „Проэктъ вашъ, отвѣчалъ Парротъ Каразину, доказываетъ, что вы глубоко обдумали вашу задачу и освободились отъ всѣхъ тѣхъ предразсудковъ, подъ вліяніемъ которыхъ составлялись уставы другихъ университетовъ, не исключая и нашего (Дерптскаго), самаго новѣйшаго; и я вполнѣ сочувствую идеѣ вашей

обойтись безъ факультетовъ". Отъ сужденія о 9 отдѣленіяхъ Каразина Парротъ воздержался, къ проэкту о директорѣ изъ неуниверситетской среды отнесся повидимому съ очень тонкой и скрытой ироніей, а мысль объ ученомъ обществѣ горячо одобрилъ.

Вотъ это то „предначертаніе" В. Н. Каразинъ читалъ и въ частномъ кружкѣ Харьковскихъ дворянъ, и въ общемъ собраніи 31 августа 1802 г., которое является исходнымъ моментомъ въ исторіи основанія Харьковскаго университета. Тутъ дѣйствительно рѣшалась судьба и самого В. Н. Каразина, и его проэкта. Это былъ поистинѣ историческій моментъ: наканунѣ, 30 августа, происходило празднество пожалованія Харьковскому дворянству подтвердительной грамоты на его прежнія привиллегіи. Оно было обставлено въ высшей степени пышно и торжественно, какъ это видно изъ сохранившагося его церемоніала [1]). 29 августа губернскій предводитель лично попросилъ оповѣстить о предстоящемъ торжествѣ чиновниковъ, именитыхъ гражданъ и всѣхъ Харьковскихъ жителей; въ распоряженіе губернатора онъ командировалъ по одному молодому дворянину отъ каждаго уѣзда; онъ же просилъ черезъ двухъ дворянскихъ депутатовъ преосв. Христофора Сулиму, чтобы тотъ соборнѣ отслужилъ вечеромъ наканунѣ всенощное бдѣніе, а въ день торжества божественную литургію и молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. Въ 7 часовъ утра 30-го августа дворянство собралось по первому сигналу изъ пушки въ генералъ-губернаторскій домъ; въ 8 часовъ утра, по прибытіи туда губернатора и послѣ 2-го выстрѣла изъ пушки, были произнесены приличныя случаю рѣчи. Затѣмъ открылось торжественное шествіе въ Успенскую соборную церковь: впереди шелъ губернаторъ съ чиновниками; за ними четыре бывшихъ губернскихъ предводителя несли на подушкѣ изъ малиноваго бархата Высочайшую грамоту, въ сопровожденіи оркестра духовой музыки и хора, исполнявшаго сочиненные на сей случай канты, 50 питомцевъ казеннаго училища со значками и губернскаго предводителя съ 10 депутатами; далѣе шло по 10 малолѣтнихъ дворянъ отъ каждаго уѣзда (харьковскаго, валковскаго, богодуховскаго, ахтырскаго, лебединскаго, сумскаго, зміевскаго, изюмскаго и волчанскаго), со значками, гдѣ былъ изображенъ вензель государя съ девизомъ: блаженство всѣхъ и каждаго... Шествіе заключали уѣздные предводители, выступавшіе попарно со своимъ дворянствомъ и городской голова въ сопровожденіи гражданъ со значкомъ, на которомъ изображены были гербы губернскаго и всѣхъ уѣздныхъ городовъ. Процессія сопровождалась пушечною паль-

[1]) См. Устинова. Харьковская Старина (Хар. Губ. Вѣд. 1878, № 19).

бою и колокольнымъ звономъ, а когда подошла къ собору, то была встрѣчена въ оградѣ преосвященнымъ, окропившимъ грамоту святою водою. Въ церквѣ грамота была положена на заранѣе приготовленное мѣсто, послѣ чего губернскій предводитель далъ ее для прочтенія въ слухъ секретарю дворянства. Затѣмъ отправленъ былъ молебенъ и сказано подобающее слово; послѣ него литургія, а вслѣдъ за нею опять благодарственный царскій молебенъ. На обоихъ молебнахъ, при многолѣтіи, было сдѣлано по 101 выстрѣлу изъ пушекъ, при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквяхъ. Изъ церкви въ такомъ же порядкѣ процессія отнесла грамоту въ дворянскій домъ, гдѣ она была положена въ особомъ ковчегѣ. Затѣмъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ былъ обѣдъ съ участіемъ преосвященнаго, губернатора, чиновниковъ, городского головы и именитыхъ гражданъ. Во время стола играла музыка, пѣли канты и производились залпы изъ пушекъ. Вечеромъ былъ фейерверкъ и иллюминація во всемъ городѣ, при чемъ особенно роскошно иллюминованы были генералъ-губернаторскій дворецъ и дворянскій домъ; тутъ были щиты, вензеля и прозрачныя картины; тогда же устроенъ балъ для чиновниковъ и гражданъ опять съ пушечною пальбою. Празднество 30 августа должно было, конечно, еще болѣе поднять настроеніе дворянъ. Но все таки положеніе В. Н. Каразина было очень затруднительное. По свойственному ему увлеченію, онъ уже довелъ до свѣдѣнія государя о желаніи Харьковскаго дворянства сдѣлать пожертвованіе на университетъ. Между тѣмъ среди съѣхавшихся на празднество дворянъ оказались и такіе, которые испугались крупной цифры взноса и готовы были энергично выступить противъ широкой „затѣи“ Каразина. Да и многихъ дѣйствительно могло смутить обязательство въ 1000000 р., котораго домогался В. Н. Каразинъ и которое ровно въ 10 разъ превосходило цифру, опредѣленную валковскимъ дворянствомъ.

Къ сожалѣнію мы не знаемъ подробностей достопамятнаго засѣданія 31 августа. Наши попытки найти ихъ въ архивныхъ документахъ Харьковскаго депутатскаго собранія не увѣнчались успѣхомъ; ихъ не сохранилось и въ томъ дѣлѣ объ основаніи Харьковскаго университета, которое является теперь для насъ главнымъ источникомъ. Но за то до насъ дошла рѣчь В. Н. Каразина, имѣвшая рѣшительное вліяніе на благопріятный исходъ всего дѣла. Она воспроизведена, очевидно, самимъ Василіемъ Назаровичемъ на страницахъ „Молодыка“ [1]) и потому текстъ ея можетъ быть признанъ вполнѣ достовѣрнымъ.

---

[1]) Молодыкъ на 1844 годъ, стр. 245—250; ср. Рус. Стар. 1875, февраль, стр. 333—336.

В. Н. Каразинъ былъ высокаго мнѣнія о естественныхъ богатствахъ Харьковской губ. и способностяхъ ея обитателей. „Мѣстное положеніе нашей губерніи, говорилъ онъ, дѣлаетъ ее средоточіемъ полуденныхъ плодороднѣйшихъ земель. Богатство собственныхъ произведеній— сіе богатство, котораго по недостатку водяныхъ путей, не можетъ дѣлить съ мѣстами, менѣе плодоносными въ Россіи, призываетъ къ намъ людей, которые, наслаждаясь нашими благами, раздѣляя ихъ съ нами, дали бы намъ въ замѣну вкушать плоды своего ума, своего искусства, своихъ промысловъ. Извѣстны способности единоземцевъ нашихъ, въ столицахъ привыкли почитать таланты природнымъ нашимъ достояніемъ. Благотворенъ нашъ воздухъ, кротокъ нашъ климатъ, способенъ прельстить самихъ иностранцевъ, которыхъ мы пригласимъ къ себѣ. Земля представляетъ величайшую готовность для заведеній всякаго рода— науки и художества водворятся въ нашей отчизнѣ; онѣ почтутъ ее своею собственною; онѣ воспомянутъ священную для нихъ Грецію, которая первоначально передала ихъ полуденному краю Россіи въ то время, когда прочая Европа утопала еще въ невѣжествѣ и варварски лила кровь народовъ“. Таковы естественныя богатства края; но они сильно пріумножатся съ открытіемъ университета: Харьковская губернія можетъ быть для Россіи тѣмъ, чѣмъ были Аѳины для Греціи.

Тогда, говорилъ далѣе Василій Назаровичъ, „отъ насъ имперія будетъ заимствовать златоустыхъ наставниковъ въ словѣ Божіемъ и нравахъ; мы дадимъ ей просвѣщенныхъ изъяснителей воли царской; мы посадимъ мудрость въ судахъ; купцы, желающіе отличиться въ промыслѣ своемъ и быть достойными совмѣстниками иностранныхъ, придутъ почерпать у насъ познанія; изыдутъ витіи, стихотворцы прославятъ добродѣтель и благословенное нынѣшнее правленіе; мы доставимъ воспитателей россійскому юношеству; мы умножимъ число врачей, которыхъ одно приближеніе къ одру страждущаго дастъ надежду и отраду; ученые, измѣряющіе теченіе свѣтилъ небесныхъ и силу природы, у насъ будутъ образовываться“. За тѣмъ слѣдуетъ еще цѣлый рядъ надеждъ или, правильнѣе говоря, мечтаній болѣе общаго характера—о будущемъ развитіи Харькова, о богатствахъ, которыя польются въ него рѣкою и, наконецъ, о славѣ, которая будетъ прочнѣе мраморныхъ памятниковъ. Чтобы возбудить духъ соревнованія, ораторъ указываетъ на скудную природу сѣверной Россіи и требуетъ у своихъ земляковъ, чтобы они по крайней мѣрѣ сравнялись съ жителями Великой Россіи въ образовательныхъ средствахъ, имъ болѣе доступныхъ. Онъ заявляетъ, что у него нѣтъ никакихъ личныхъ мотивовъ въ этомъ дѣлѣ и что имъ руководитъ исключительно желаніе принести пользу своему краю, благо котораго

въ его представленіи было неразрывно связано съ пользами всей Россіи. „Моя жизнь, говорилъ онъ, принадлежитъ всему отечеству, но въ особенности краю, бывшему колыбелью моихъ понятій. Блаженъ уже стократно, ежели случай поставилъ меня въ возможность сдѣлать малѣйшее добро любезной моей Украйнѣ, которой пользы столь тѣсно въ понятіи моемъ сопряжены съ пользами исполинской Россіи“... Наконецъ, въ заключеніе В. Н. Каразинъ кается передъ дворянствомъ, что нѣсколько превысилъ свои полномочія—объявилъ уже Государю о желаніи Харьковскихъ дворянъ сдѣлать пожертвованіе на университетъ, до оффиціальнаго постановленія, которое должно состояться въ нынѣшнемъ засѣданіи; и Государь позволилъ ему сказать его устами, что подвигъ, предпринимаемый Харьковскимъ дворянствомъ, пріятенъ ему.. „Исполнители его человѣколюбивыхъ и мудрыхъ велѣній увѣрили меня, говорилъ Василій Назаровичъ, что пріятно ему было назначить Украину средоточіемъ просвѣщенія, долженствующаго излиться на сопредѣльныя губерніи“. „Отъ васъ зависитъ теперь, высокопочтенное собраніе, такъ заключилъ свою рѣчь Каразинъ, оправдать меня или предать стыду и отчаянію. Здѣсь предстою предъ вами въ лицѣ вашего друга или преступника“.

Чтобы правильно понять значеніе этой рѣчи, нужно судить о ней не по нашему нынѣшнему впечатлѣнію, а по тому дѣйствію, которое она могла произвести (и дѣйствительно произвела) на тогдашнихъ слушателей; намъ она представляется теперь слишкомъ искусственной, напыщенной; но присутствіе въ ней реторики и гиперболъ объясняется съ одной стороны тогдашними литературными вкусами, съ другой—спеціальною ея цѣлью: В. Н. Каразину нужно было во чтобы то ни стало склонить Харьковское дворянство къ пожертвованіямъ, чтобы оправдать заявленіе, сдѣланное Государю; приподнятый тонъ считался необходимою принадлежностью всякой ораторской рѣчи;—и его старались держаться всѣ. Припомнимъ кстати, что реторика была предметомъ университетскаго преподаванія и что слава Рижскаго главнымъ образомъ основывалась на чтеніи этой именно науки. За тѣмъ само дворянство было настроено тогда чрезвычайно патріотично вслѣдствіе полученія подтвердительной грамоты. И Василій Назаровичъ удачно затронулъ въ своей рѣчи эту чувствительную струну: онъ говорилъ, что нужно достойно возблагодарить монарха, возвратившаго имъ права, „которыя время начало уже заглаждать“. Патріотическое настроеніе отражалось на литературномъ стилѣ всѣхъ тѣхъ постановленій, которыя приходилось дѣлать дворянамъ; вспомнимъ протоколъ валковскаго дворянства: какимъ возвышеннымъ стилемъ написанъ онъ! Такимъ же характеромъ отличается отчасти, какъ увидимъ далѣе, и протоколъ общаго дворянскаго собранія 1-го

сентября 1802 года. Наконецъ, эта рѣчь Каразина соотвѣтствуетъ и особенностямъ личной психологіи его самого: въ его устахъ, при тогдашнемъ его настроеніи, она была совершенно естественна и натуральна; всегда онъ отличался восторженностью, въ засѣданіи же 31 августа для него, можно сказать, рѣшался вопросъ—быть или не быть; тутъ шло дѣло о дальнѣйшемъ довѣріи къ нему Государя, которое являлось для него залогомъ всей будущей общественной дѣятельности; откажись дворянство отъ своего намѣренія сдѣлать пожертвованіе на университетъ—его, конечно, выставили бы, какъ лицо, посягнувшее обмануть Государя, который питалъ къ нему полное довѣріе. Конечно, съ его стороны не было обмана—тутъ дѣйствовало только увлеченіе и горячая увѣренность въ благополучномъ исходѣ дѣла; онъ опирался на письменныя заявленія губернскаго предводителя Донца-Захаржевскаго, Шидловскаго и др.; онъ получалъ, очевидно, аналогичныя извѣстія и отъ командированнаго имъ въ Харьковъ Ушинскаго, и отъ свящ. Фотіева. „Воля ваша, говорилъ онъ въ своей рѣчи, изображенная въ *отзывахъ*, которыхъ я былъ удостоенъ, не должна ли была меня уполномочить дѣйствовать предварительно?“ Но онъ все таки не имѣлъ формальнаго права говорить съ Государемъ, прежде чѣмъ пожертвованіе не было рѣшено на общемъ собраніи дворянъ. Между тѣмъ тутъ возникла оппозиція—и В. Н. Каразинъ долженъ былъ напречь всѣ свои силы, чтобы сломить эту оппозицію. Можно представить себѣ то душевное состояніе, въ какомъ онъ находился въ то время; можно понять и объяснить себѣ всѣ тѣ средства убѣжденія, которыя онъ пустилъ въ ходъ, по словамъ записки его сына. И въ концѣ концовъ онъ восторжествовалъ благодаря своему увлеченію. Мы не сомнѣваемся, что самъ онъ искренно вѣрилъ въ то, что говорилъ—вотъ гдѣ тайна огромнаго впечатлѣнія, произведеннаго его рѣчью на слушателей. Извѣстно, что такимъ пылкимъ, искреннимъ фантазеромъ являлся онъ и въ другихъ случаяхъ своей жизни. Вотъ почему слушатели не замѣчали его преувеличеній: его настроеніе сообщалось и имъ. Изложенное имъ грандіозное „предначертаніе“ новаго университета должно было произвести сильное впечатлѣніе, подкупить его слушателей, склонить ихъ къ бóльшимъ жертвамъ. Оно стояло въ полномъ соотвѣтствіи съ его горячими надеждами на то благотворное вліяніе, которое новое учрежденіе должно было произвести во всѣхъ сферахъ мѣстной жизни. Это не были одни только слова; Василій Назаровичъ глубоко вѣрилъ во все это и высказывалъ такія же мысли самому Государю. Нельзя не согласиться съ слѣдующимъ замѣчаніемъ Н. А. Лавровскаго: „имъ руководило страстное воодушевленіе идеей и горячее желаніе добра родной сторонѣ; а такія побужденія не осужда-

ются, но оправдываютъ естественныя увлеченія. Можно съ рѣшительною увѣренностью сказать: не будь этого страстнаго элемента въ Каразинѣ, не было бы и пожертвованій, не было-бъ и университета въ Харьковѣ" [1])... „Двадцать пять лѣтъ спустя, говоритъ Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ, одинъ изъ бывшихъ тогда въ собраніи вспомнилъ какъ то объ этой рѣчи при мнѣ и не могъ безъ слезъ говорить о восторгѣ, произведенномъ юнымъ ораторомъ" [2])...

Оппозиція была посрамлена; главнѣйшій представитель ея—изюмскій предводитель дворянства Капустянскій-Захаршевичъ,—даже самовольно ушелъ изъ залы засѣданій, чтобы такимъ образомъ помѣшать законности рѣшеній. По поводу этого оскорбительнаго для всѣхъ дворянъ выхода Донецъ-Захаржевскій потребовалъ отъ него объясненія, которое было дано Капустянскимъ. Оно составлено очень искусно и указываетъ на руку, изощрившуюся въ составленіи канцелярскихъ крючкотворныхъ отписокъ. Здѣсь изюмскій предводитель заявлялъ, что онъ не имѣлъ довѣренности отъ своихъ дворянъ принять за нихъ участіе въ подпискѣ на такую громадную сумму какъ 400000 р., тѣмъ болѣе что въ изюмскомъ уѣздѣ имѣется не мало дворянскихъ вдовъ и сиротъ, оставшихся послѣ мужей и отцовъ, убитыхъ въ разныхъ сраженіяхъ и умершихъ естественною смертью; имѣнія ихъ находятся въ опекѣ и безъ согласія опекуновъ налагать на нихъ сбора нельзя; да и вообще для такого обложенія нужно общее согласіе всѣхъ изюмскихъ дворянъ, начиная отъ генерала и оканчивая послѣднимъ прапорщикомъ.

Въ Харьковъ же пріѣхало всего нѣсколько человѣкъ крупныхъ владѣльцевъ; правда, одинъ изъ нихъ доказывалъ ему, Капустянскому, что онъ можетъ подписаться за всѣхъ дворянъ своего уѣзда, но онъ считаетъ это незаконнымъ, такъ какъ „Всемилостивѣйшій Государь не требуетъ жертвы, отягощающей судьбу и единаго изъ его вѣрноподданныхъ"; и потому пусть выдадутъ ему копію съ общаго постановленія, а онъ его доложитъ и разсмотритъ на съѣздѣ изюмскаго дворянства" [3]). Само собою разумѣется, что такое требованіе, при всей его кажущейся основательности, было совершенно незаконно, ибо въ корнѣ подрывало право общаго дворянскаго собранія принимать обязательныя для дворянства всей губерніи постановленія и ставило рѣшеніе уѣзднаго собранія выше губернскаго.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 65.

[2]) Укр. Стар. стр., 124—125.

[3]) Архивъ Харьк. Депут. Собр. Дѣло объ учрежденіи Харьк. Университета.

Рѣшеніе общаго дворянскаго собранія выразилось въ извѣстномъ протоколѣ отъ 1-го сентября 1802 г., который былъ напечатанъ уже нѣсколько разъ [1]) и потому мы напомнимъ только его сущность. „Дворянство, говорится тутъ, обративъ вниманіе на положеніе своего края, на нужды, тяготящія его среди природнаго изобилія, на представляемыя имъ удобности къ заведеніямъ всякаго рода, предметомъ своимъ избрало просвѣщеніе и полагаетъ учредить въ губернскомъ своемъ городѣ университетъ. Существованіе его, сопровождаемое благотворнымъ вліяніемъ наукъ на весь полуденный край Россіи, увѣковѣчитъ неоцѣнимыя къ намъ милости возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ“. Онъ долженъ былъ заключать въ себѣ 9 отдѣленій и 2 школы для людей низшихъ состояній. Для основанія его и въ обезпеченіе его существованія, дворянство изъ своихъ имѣній внесетъ 400,000 р., при чемъ въ составъ этой суммы, входитъ 100,000 р., ассигнованныхъ раньше на дворянскій корпусъ; остальные 300 т. руб. нужно будетъ собрать въ теченіе 6 лѣтъ. „Упомянутою суммою признаютъ украинскіе дворяне себя должными государству отъ сегодня“. Но такъ какъ обширность университета не совмѣстима со средствами одной губерніи и въ него будутъ поступать воспитанники изъ училищъ другихъ сосѣднихъ губерній, то харьковское дворянство предполагаетъ пригласить къ участію въ пожертвованіяхъ курскую, орловскую, воронежскую, новороссійскую, полтавскую и черниговскую губ., а также гражданъ другихъ сословій въ Слободской Украйнѣ, испросивъ на это разрѣшеніе у Государя черезъ своего депутата В. Н. Каразина. Первоначальное устройство дѣла дворянство предполагало поручить университетской коммиссіи въ составѣ трехъ членовъ, избранныхъ дворянствомъ. Вас. Наз. Каразинъ долженъ былъ ходатайствовать передъ Имп. Александромъ о слѣдующихъ пунктахъ: 1) чтобы харьковскому дворянству былъ уплаченъ причитающійся отъ казны за поставленныя въ турецкую войну 1789 г. подводы долгъ въ размѣрѣ 66,910 р., имѣющій войти въ составъ 400,000 р. суммы на устройство университета, 2) чтобы позволено было для ускоренія дѣла занять подъ университетъ недостроенный домъ, предполагавшійся для присутственныхъ мѣстъ, 3) чтобы Высочайше пожалованная подтвердительная грамота (отъ 29 дек. 1801 г.) была распространена и на тѣхъ землевладѣльцевъ, которыхъ раньше она не коснулась (владѣльцевъ *четвертныхъ земель*)—и тогда они охотно будутъ вносить въ казну

---

[1]) См. Молодыкъ на 1844 г., стр. 251—253; Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 68—70; Украинская Старина Г. П. Данилевскаго, стр. 125—126; Русская Старина 1875, февраль, стр. 337—338, май, стр. 61—63; Хар. Г. Вѣд. 1878, № 20.

откупную сумму. Такова общая воля всего дворянства; „но дворянамъ, желающимъ въ большей мѣрѣ содѣйствовать къ приращенію назначаемой нынѣ суммы, предоставляется право изъявить согласіе и избрать къ тому средства, въ полной увѣренности, что они таковымъ подвигомъ сдѣлаютъ предъ лицомъ Всемилостивѣйшаго Государя честь сословію, коего они члены". Подписались: губ. предводитель, 8 уѣздныхъ, 81 дворянинъ и прочіе [1]).

Въ этомъ протоколѣ замѣтно отразилось вліяніе В. Н. Каразина: тутъ идетъ рѣчь и о дворянской коммиссіи для устройства университета, и о 9 отдѣленіяхъ его, и о приглашеніи сосѣднихъ губерній къ пожертвованіямъ. Душею всего дѣла былъ, несомнѣнно, В. Н. Каразинъ, которому общее дворянское собраніе тогда же (1-го сентября) выразило чувства глубокой признательности за университетское дѣло особымъ адресомъ слѣдующаго содержанія: „Слободско-украинское губернское дворянство въ полномъ собраніи, разсмотрѣвъ представленное ему отъ депутата своего г. коллежскаго совѣтника В. Н. Каразина предначертаніе о заведеніи въ г. Харьковѣ университета, согласно съ общимъ желаніемъ всего края, въ изъявленіе благодарственныхъ своихъ чувствъ за таковую о просвѣщеніи ревность и ходатайство испро-

---

[1]) Вотъ фамиліи подписавшихъ протоколъ: Губ. пред. двор. Вас. Донецъ-Захаржевскій, Харьк. уѣзд. предв. Дмитрій Щербининъ, Валков. уѣзд. пред. Мих. Шидловскій, Лебединскій—Алексѣй Алферовъ, Богодуховскій—надв. сов. Иванъ Куликовскій, Ахтырскій—Мих. Кондратьевъ, Волчанскій—кол. ас. Романъ Поклонскій, Купянскій—Райзеліонъ-Сошальскій, Сумской—кол. ас. Николай Куколь-Яснопольскій, двор. сум. у. маіоръ Александръ Палицынъ, депутатъ харьк. у. Вас. Тихоцкій, ген. отъ кавал. Дунинъ, бригад. кн. Петръ Волконскій, кол. ас. Ив. Зарудный, депут. куп. у. Іосифъ Абаза, помѣщ. волч. и изюм. уу. маіоръ Петръ Герсевановъ, пом. богодух. у. маіоръ Иванъ Чижевъ, шт.-ротм. Карповъ, маіоръ Егоръ Райковичъ, маіоръ Яковъ Черкасовъ, ротм. Дмитрій Хрущовъ, пом. ахтыр. у. кол. ас. Иванъ Боярскій, маіоръ Дмитрій Райковичъ, тит. сов. Шагаровъ, валк. депут. маіоръ Ник. Зварыкинъ, пом. зміев. у. Петръ фонъ-Мейеръ, пом. зміев. у. Ник. Шидловскій, изюм. пом. кап. Евграфъ Хлоповъ, пом. куп. у. кап. Петръ Абаза, двор. богодух. у. Павелъ Крыской, депут. ахтыр. у. подп. артил. Иванъ Ямпольскій, поруч. Иванъ Крымка, надв. сов. Ст. Абаза, надв. сов. Данило Шенгелидзевъ, надв. сов. Василій Лосевъ, стат. сов. и кавал. Григорій Шидловскій, ген.-лейт. Неклюдовъ, поруч. Иванъ Земборскій, прап. Георгій Квитка, изюм. пом. кол. ас. Николай Шидловскій, тит. сов. Дмитрій Квитка, ротм. Андрей Захаржевскій, шт.-ротм. Гр. Ковалевскій, надв. сов. Ефимъ Пономаревъ, маіоръ Яковъ Огроновичъ, поруч. Ник. Быковскій, кол. ас. Гр. Рышковъ, поруч. Гр. Огроновичъ, пор. Мартинъ Куликовъ, тит. сов. Павелъ Гевличъ, тит. сов. Антонъ Аксюкъ, пор. Мих. Грошовъ, маіоръ Петръ Ковалевскій, кол. ас. Алексѣй

сить Высочайшее соизволеніе, даетъ ему, г. Каразину, какъ почтенному по его просвѣщенію и усердію къ общему благу сочлену, похвальное свидѣтельство за подписаніемъ предводителей и депутатовъ дворянства“[1]).

Одновременно съ этимъ рѣшеніемъ дворянства состоялось постановленіе о пожертвованіи харьковскаго городского общества [2]). Оно собралось на засѣданіе съ тѣмъ, чтобы выслушать и обсудить извѣстное уже намъ отношеніе губернскаго предводителя дворянства отъ 27 августа.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что и среди городского общества шла предварительная агитація въ пользу идеи объ учрежденіи въ Харьковѣ университета. Въ ней могъ принимать участіе и самъ Василій Назаровичъ, и въ особенности городской голова Егоръ Егорьевичъ Урюпинъ, относившійся съ искреннимъ доброжелательствомъ къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета. Онъ, очевидно, игралъ такую же роль въ городскомъ собраніи, какую Каразинъ въ дворянскомъ. Въ началѣ протокола отмѣчается тотъ фактъ, что на основаніе университета въ Харьковѣ воспослѣдовало Высочайшее соизволеніе. Затѣмъ говорится: „видя въ учрежденіи семъ, независимо отъ тѣхъ благихъ вліяній, какія произведетъ просвѣщеніе на жителей, явное благотвореніе сему городу, яко то: умноженіе его населенности, распространеніе торговъ и промысловъ, необыкновенное приращеніе въ оборотѣ денегъ и тому подобныя выгоды, гражданство почитаетъ съ своей стороны обя-

---

Краснокутскій, кол. ас. Ник. Драгомиръ, подпор. Ив. Назаренковъ, ротм. Петръ Иваницкій, надв. сов. Григорій Полтавцевъ, пор. Ник. Валка, маіоръ Ив. Бутовичъ, пор. Александръ Дискій, депутатъ капит. Ив. Пустовойтовъ, маіоръ Степанъ Лесевицкій, кол. ас. Фома Енишерлевъ, пор. Ник. Ковалевскій, полк. графъ Ѳед. Подгоричани, маіоръ графъ Мих. Подгоричани, надв. сов. Андрей Донецъ-Захаржевскій, дѣйств. стат. сов. Дмитрій Хорватъ, пом. Ник. Куликовскій, кап. Ник. Ковалевскій, депут. Ник. Донецъ-Захаржевскій, надв. сов. Ник. Капнистъ, Евтихій Катрухинъ, Александръ Катрухинъ, кол. ас. Ив. Тихоцкій, ген.-лейт. Бердяевъ, кол. сов. Ѳедоръ Зайковскій, тит. сов. Ник. Колядинъ, маіоръ Адріанъ Лесевицкій, кап. лейтен. Александръ Красовскій, поруч. Алекс. Лизогубъ, надв. сов. Вас. Стремоуховъ, надв. сов. Андрей Роштокъ, премьеръ маіоръ Боярскій, кол. сов. Ѳедоръ Квитка, кол. ас. князь Дмитрій Кудашевъ, прап. Матвѣй Кишинскій, полк. Павелъ Тихоцкій, тайн. сов. Петръ Сабуровъ, и прочіе. Секретарь дворянства Иванъ Тихоцкій. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. канцеляріи, № 1 по архиву, № 1 по картону).

[1]) См. мою рѣчь „О просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина“, стр. 11.

[2]) См. Молодикъ на 1844 годъ, стр. 253—256 (тутъ онъ напечатанъ съ пропусками); Ж. М. Н. П. 1872, январь, ст. 70—72; Рус. Стар. 1875, май, стр. 64—65; Хар. Г. Вѣд. 1878, № 20. Мы имѣли въ своихъ рукахъ оффиціальный списокъ его въ „Дѣлѣ объ учрежденіи Харьковскаго Университета“.

занностію соревновать благородному обществу дворянъ сей губерніи въ вѣрноподданнической благодарности Всемилостивѣйшему Государю и единодушно, по силамъ своимъ, опредѣляетъ": вносить въ пользу университета въ теченіе 10 лѣтъ сумму, равную государственной подати съ капиталовъ, т. е. $1^1/_4$ $^0/_0$; 2) эта сумма впослѣдствіи можетъ быть увеличена, а кромѣ того болѣе зажиточныя лица изъ купеческаго сословія готовы будутъ и на частные добровольные взносы; 3) ходатайствовать черезъ дворянскаго депутата В. Н. Каразина передъ Государемъ о разрѣшеніи имъ предоставить половину откупной суммы, идущей въ пользу города, на нужды университета; 4) пусть на ту же цѣль идетъ и весь наличный остатокъ этой суммы, накоплявшійся съ 1781 года; 5) просить г. губернатора пригласить къ пожертвованію всѣ уѣздные и заштатные города харьковской губ., такъ какъ и они несомнѣнно почувствуютъ выгоды отъ расширенія промысловъ и торговли. Въ заключеніе горожане просятъ ходатайствовать объ освобожденіи ихъ отъ постоевъ и постоянныхъ воинскихъ командъ. „По неимуществу большей части здѣшнихъ городскихъ жителей и скудости жилищъ, заявляли они, постоянное пребываніе воинскихъ командъ и прочіе постои крайне отяготительны, какъ о семъ отъ городского головы 7 окт. 1801 г. во время Высочайшаго пребыванія въ Москвѣ уже прошеніе подано; особливо несовмѣстны будутъ постои тогда, какъ прежде, нежели умножатся дома, должно будетъ помѣщать великое число студентовъ и другихъ ученыхъ чиновниковъ, которые всеконечно наполнятъ сей городъ, коль скоро университетъ откроется; по сей причинѣ не соблагоизволитъ ли Всемилостивѣйшій Монархъ изъ особеннаго милосердія своего, изъ уваженія къ сооружаемому, по благодѣтельной волѣ Его, великому сему училищу, и къ скудости и малонаселенности города, уволить оный отъ постоя, исключая тѣхъ командъ, которымъ проходить будетъ должно". Всѣ эти заявленія граждане поручали своему городскому головѣ Урюпину сообщить депутату В. Н. Каразину, съ тѣмъ, чтобы онъ довелъ ихъ до свѣдѣнія Государя.

Чрезвычайно любопытно вычислить сумму, пожертвованную купцами и гражданами, такъ какъ прежніе изслѣдователи не рѣшали этого вопроса,—за исключеніемъ г. Шугурова, который однако не приводитъ никакихъ данныхъ въ пользу своего расчета [1]), и отчасти г. Устино-

---

[1]) Кіевская Старина 1891, авг., 223; онъ полагаетъ, что она превышала 100000 руб.

ва [1]). Намъ же удалось найти подлинную оффиціальную вѣдомость пожертвованій купечества и гражданъ, доставленную губернаторомъ Бахтинымъ [2]).

По 1-му пункту—сумма, равная государственной подати или $1^1/_4$ % съ капиталовъ, составляла ежегодно 2312 р. 60 к., а въ 10 лѣтъ—*23,126* руб.; по 2-му—половина доходовъ съ виннаго откупа въ размѣрѣ 4314 р. $29^1/_4$ к., а въ 10 лѣтъ *43,142 р. $92^1/_2$ к.*; по 3-му—остатокъ той же суммы за прежніе годы—*7832 р. 25 к.* [3]). Въ совокупности сумма пожертвованія должна была въ теченіе 10 лѣтъ составить такимъ образомъ капиталъ въ *72, 101 р. $17^1/_2$ к.*, который впрочемъ не опредѣляетъ точнаго размѣра городского пожертвованія: выдача откупной суммы не была ограничена десятилѣтнимъ срокомъ; съ другой стороны взыскать со всѣхъ остатокъ откупного капитала за прежніе годы было невозможно. Но кромѣ этой вѣдомости, доставленной губернаторомъ 9-го апрѣля 1804 г., мы имѣемъ еще другую, составленную университетскимъ казначеемъ 4 авг. 1806 г., которая нѣсколько расходится съ предыдущей [4]). Въ этой послѣдней мы находимъ слѣдующія цифры: по 1-му пункту (съ капиталовъ) слѣдовало получать по 2488 р. 35 к. въ годъ; по 2-му—получалось въ 1803 г.—4314 р. $49^1/_2$ к., въ 1804 г.—1605 р. $7^1/_2$ к., въ 1805 г.—1281 р. 32 к.; такимъ образомъ, приходъ по этой статьѣ постепенно уменьшался; по 3-му—5832 р. 25 к. [5]). Во всякомъ слу-

---

[1]) Г. Устиновъ дѣлаетъ подсчетъ по 1-й статьѣ—$1^1/_4$% съ капиталовъ и опредѣляетъ ее въ 4476 руб. $6^1/_4$ коп. годовыхъ. Всѣхъ купеческихъ капиталовъ въ 1802 г., говоритъ онъ, числилось 152, въ томъ числѣ: 1-й гильдіи всего 2 (Борисъ Каменевъ и Ѳедоръ Карповъ), 2-й гильдіи—4 (Павловъ, Карпова Пелагея, Аникѣевъ и Курдюмовъ), 3-й гильдіи—146. См. Устинова. Харьк. Старина. Х. Г. В. 1878, № 40.

[2]) Харьк. универ. архивъ. Дѣла канц. попечит. № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

[3]) Впослѣдствіи открылось, что на самомъ дѣлѣ этого капитала было на 2 тыс. меньше, именно 5832 р. 25 к. (Ibidem).

[4]) Ibidem.

[5]) Сохранился любопытный именной списокъ харьковскаго купечества, подписавшаго приговоръ 1-го сентября 1802 г., о пожертвованіи на университетъ: „Андрей Аникѣевъ съ капитала 8005 р. $1^1/_4$ %—100 р. $6^1/_4$ к., Ст. Курдюмовъ съ 2050—25 р. $62^1/_2$ к., Ив. Кушинниковъ съ 2010 р.—25 р. $12^1/_2$ к., Сем. Мухинъ съ 2010 р.—25 р. $12^1/_2$ к., Авр. Бакуменковъ съ 2010 р.—25 р. $12^1/_2$ к., Мак. Жариковъ съ 2010 р. — 25 р. $12^1/_2$ к., Вас. Скибицкій съ 2010 р.—25 р. $12^1/_2$ к., Ник. Проскуринъ съ 2010 р.—25 р. $12^1/_2$ к., Тим. Давыденко съ 2010 р.—25 р. $12^1/_2$ к., Вас. Ломакинъ съ 2010 р.—25 р. $12^1/_2$ к., Мат. Ларіоновъ съ 2010 р.—25 р. $12^1/_2$ к., Ив. Шиламовъ съ 2010—25 р. $12^1/_2$ к., Ив. Ворожейкинъ съ 2005 р.—25 р. $6^1/_4$ к., Вас. Зыкѣевъ съ 2010 р.—25 р. $12^1/_2$ к., Ив. Селива-

чаѣ поступленія отъ харьковскаго общества въ теченіи 10 лѣтъ должны были равняться отъ 50 до 70 т. рублей.

Постановленіе купечества и гражданства состоялось, какъ мы замѣтили выше, 1-го сентября, но было передано Урюпинымъ губ. предводителю дворянства только 6 октября. Виновникомъ замедленія впрочемъ былъ не Урюпинъ, а какія то постороннія обстоятельства, отъ него не зависѣвшія; по крайней мѣрѣ самъ онъ получилъ протоколъ только 4 октября. Тутъ дѣйствовало вліяніе мѣстной администраціи въ лицѣ тог-

---

новъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Аѳ. Антоновъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Егоръ Урюпинъ съ 2025 р.—25 р. 31$^1/_4$ к., Вас. Животовскій съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ал. Ивановъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Дм. Барышовъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Еф. Медвѣдевъ съ 2010 руб.—25 р. 12$^1/_2$ к., Як. Комлевъ съ 2010 руб.—25 р. 12$^1/_2$ к., Тим. Спасскій съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ст. Онофріевъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ан. Золотаревъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Сем. Ильяшенко съ 2005 р.—25 р. 6$^1/_4$ к., Як. Высоцкій съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Бор. Фаворовъ съ 2020 р.—25 р. 25 к., Козьма Горяиновъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Як. Лемокъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., П. Фастовъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Катонъ Беркосъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., П. Масловъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ан. Лежебоковъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., П. Никулинъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., П. Гончаровъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Мих. Бутенковъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Андр. Панковъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Дав. Мытинъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Прок. Неретинъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., П. Косолаповъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ант. Писаревъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., П. Глуховъ съ 2020 р.—25 р. 25 к., Ал. Бековцевъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., харьковскій купецъ Федоръ Карповъ, объявивши капиталу 16,050 р., далъ согласіе взносить ежегодно въ теченіе 10 лѣтъ по 50 р., Мина Кушинниковъ съ 2050 р.—25 р. 62$^1/_2$ к., Мих. Мяслянниковъ съ 2005 р.—25 р. 6$^1/_4$ к., Ал. Свѣшниковъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Бор. Гуевскій съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Мак. Угольской съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Петръ Бѣляевъ съ 2020 р.—25 р. 25 к., Кон. Карповъ съ 8050 р.—100 р. 62$^1/_2$ к., Е. Горемыкинъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Пант. Панченковъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Мих. Литвиненко съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ос. Калашниковъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ив. Сотниковъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Мак. Рындинъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ив. Ващенко съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Гр. Соляниковъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., П. Ворожейкинъ съ 2050 р.—25 р. 62$^1/_2$ к., Пант. Московъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Дм. Ковалевъ съ 2005 р.—25 р. 6$^1/_4$ к., Ал. Ханайченковъ съ 2010 р.—25 р., 12$^1/_2$ к., Е. Соловьевъ съ 2010 р.—25 р., 12$^1/_2$ к., Ан. Болгаръ съ 2010 р. — 25 р. 12$^1/_2$ к., П. Лашеевъ съ 2010 р. — 25 р. 12$^1/_2$ к., Андреянъ Картавовъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ив. Угрюмовъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ст. Смирновъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Гр. Сѣриковъ съ 2010 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Вас. Клейменовъ съ 2012 р.—25 р. 12$^1/_2$ к., Ив. Павловъ съ 8010 р.—100 р. 12$^1/_2$ к., Верейскій купецъ Дм. Щелковъ съ 2008 р.—25 р. 10 к., харьковскій Борисъ Каменевъ съ 16100 р.—201 р. 25 к.; сверхъ же того онъ, Каменевъ—200 р.

А всего съ 181008 р.—2462 р. 60 к.

дашняго губернатора Артакова, который находился въ сильной враждѣ съ городскимъ головою Е. Е. Урюпинымъ. Вопросъ о военныхъ постояхъ былъ одинъ изъ самыхъ острыхъ и служилъ предметомъ настойчивыхъ ходатайствъ и представленій со стороны городской думы. Губернаторъ не хотѣлъ давать ему движенія; тогда горожане рѣшились воспользоваться благопріятнымъ стеченіемъ обстоятельствъ и связать его съ дѣломъ открытія университета или иначе съ личностью сильнаго тогда своимъ вліяніемъ на Имп. Александра Вас. Наз. Каразина; нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній съ своей стороны обѣщалъ имъ свое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ. Артаковъ въ свою очередь 11 октября 1802 г. протестовалъ противъ внесенія въ протоколъ горожанъ и купцовъ пункта объ отягощеніяхъ, причиняемыхъ воинскими командами. Въ засѣданіи губернскаго правленія (17 октября) онъ даже кричалъ и угрожалъ Урюпину, такъ что тотъ долженъ былъ внести протестъ объ этомъ въ городскую думу [1]). И нужно сознаться, что харьковскіе граждане были дѣйствительно доведены до крайности военными постоями при Имп. Павлѣ. Съ первыхъ же дней его царствованія были введены въ Харьковъ 3 кавалерійскихъ полка—малороссійскій, харьковскій легкоконный и александрійскій гусарскій. „Для квартирнаго размѣщенія и устроенія этихъ полковъ въ городѣ была учреждена тогда же особая контора. На ея обязанность возложено было построеніе каменныхъ казармъ; шефамъ и командирамъ были куплены, отдѣланы и меблированы частные дома—Мордвинова, Чайковскаго, Титова, Солнцева и др. Въ городѣ устроились заставы, шлагбаумы, ордонансъ-гаузъ кордегардіи, манежи, часовые, будки и гауптвахты. До постройки казармъ размѣщеніе самыхъ войскъ по преимуществу было сосредоточено за р. Харьковомъ въ заселенныхъ участкахъ Вознесенскаго прихода и Немышлянской пригородной слободы“ [2]). „Такая постойная повинность, говоритъ г. Устиновъ, обременительная по своимъ размѣрамъ въ высшей степени, дѣлалась невыносимою вслѣдствіе неравномѣрнаго и пристрастнаго распредѣленія ея для городскихъ жителей. Несмотря на то, что законъ прямо требовалъ размѣщенія военныхъ чиновъ по всѣмъ обывательскимъ дворамъ безъ исключенія, размѣщали ихъ только по дворамъ бѣднѣйшихъ и безчиновныхъ. Понятно, что при несоразмѣрно большомъ составѣ квартировавшихъ тогда въ Харьковѣ войскъ и при отно-

---

[1]) Устинова. Харьковск. Старина (Харьк. Губ. Вѣд. 1878, № 23).

[2]) Устинова. Харьковъ въ нач. нын. столѣтія (Харьк. Кал. на 1886-й годъ, стр. 80—81).

сительно незначительномъ числѣ жилыхъ домовъ (1983 дома) [1]) въ городѣ, постои, соединенные съ обязанностью давать еще даромъ дрова, свѣчи и т. п., могли разорить въ конецъ и безъ того небогатыхъ горожанъ тогдашняго Харькова" [2]). Неудивительно, что съ воцареніемъ Имп. Александра харьковскіе обыватели послали въ Москву депутатомъ своего городского голову Урюпина и поручили ему ходатайствовать передъ новымъ Государемъ объ уничтоженіи постойныхъ повинностей; это же ходатайство они внесли и въ протоколъ, касающійся университетскаго дѣла, и твердо стояли на своемъ законномъ правѣ входить съ ходатайствами къ верховной власти, несмотря на прямое противодѣйствіе губернатора. А власть губернатора надъ городской думой была тогда очень сильная. Эта послѣдняя должна была быть покорнымъ орудіемъ въ рукахъ администраціи. Объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. Шефъ драгунскаго полка Глазенапъ пожаловался на думу губернатору Сабурову (въ 1799 году) и этотъ послѣдній обратился къ ней съ предписаніемъ исполнить желаніе Глазенапа не позже какъ черезъ два дня, не отзываясь „недѣльными отзывами", иначе „если послѣдуетъ хотя малѣйшее промедленіе, то присутствующіе думы не только отрѣшены будутъ отъ должности, яко неспособные, но и переданы сужденію по законамъ, какъ не выполнители предписаній начальства" [3]). Такимъ энергичнымъ языкомъ считалъ возможнымъ губернаторъ говорить съ представителями „именитаго гражданства и купечества"! Губернаторъ Артаковъ заговорилъ съ Урюпинымъ такъ энергично, что тотъ долженъ былъ искать защиты сначала въ городской думѣ, а потомъ и у министра внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубея. Сохранился текстъ жалобы, поданной Урюпинымъ министру внутреннихъ дѣлъ на Артакова, результатомъ которой была отставка этого послѣдняго [4]) (въ ноябрѣ 1802 г.), а въ іюлѣ

---

[1]) Всѣхъ жителей мужеск. пола въ 1802 г. въ Харьковѣ было 5373, которые по сословіямъ распадались такъ: купцовъ 406, мѣщанъ и цеховыхъ—876, разнаго званія казенныхъ поселянъ—3415, помѣщичьихъ крестьянъ—413, неплатящихъ податей—дворянъ, священно-служителей—263 (см. изданное мною „Опис. Слоб. Укр. губ." 1802 г., стр. 16—17).

[2]) Харьк. Кал. на 1886-й годъ, стр. 83.

[3]) Ibidem, стр. 82.

[4]) Ibidem, стр. 102—104. Пок. проф. Борисякъ, по воспоминаніямъ старика А. А. Абазы, лично присутствовавшаго при открытіи университета, сообщаетъ о существованіи нѣкотораго недовѣрія у харьковскаго купечества „къ дворянской затѣѣ". Не отрицая вполнѣ этого факта, тѣмъ не менѣе не считаемъ возможнымъ принять цѣликомъ разсказъ Абазы, потому что онъ изобилуетъ неточностями и анахронизмами; пожертвованіе отнесено къ 1804 г., между тѣмъ какъ на

1803 г. были отмѣнены Имп. Александромъ и пресловутые шлагбаумы, кордегардіи и т. п. [1]).

Но въ сентябрѣ и октябрѣ 1802 г. Артаковъ былъ еще въ полной силѣ и рѣшительно подавлялъ всякій протестъ противъ воинскихъ постоевъ.

Представленіе объ освобожденіи Харьковскаго купечества и мѣщанства отъ воинскихъ постоевъ на 10 лѣтъ со времени основанія университета было дѣйствительно сдѣлано Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, но Императоръ Александръ не счелъ возможнымъ его удовлетворить въ полной силѣ, хотя и объявилъ все таки, что „во уваженіе не обстроеннаго еще положенія сего города и во вниманіе къ заводимому въ немъ университету, при расположеніи войскъ по квартирамъ, всегда будетъ наблюдаемо со стороны правительства, чтобы городъ безъ крайней нужды не былъ отягчаемъ воинскимъ постоемъ, о чемъ сообщено и военному министру (13 декабря 1803 г.) [2]). Вмѣстѣ съ симъ, согласно разъясненію губернатора Артакова, государь нашелъ затруднительнымъ для Харьковскаго купечества обязательный ежегодный взносъ половины винной откупной суммы, такъ какъ это обязательство могло бы впослѣдствіи поставить городъ въ затруднительное положеніе, и предложилъ, чтобы опредѣленіе объ этомъ дѣлалось ежегодно въ зависимости отъ городскихъ приходовъ и расходовъ [3]) (25 мая 1803 г.).

Цеховые и мѣщане, еще болѣе обремененные этой тяжелой повинностью не сочли возможнымъ сдѣлать пожертвованія на университетъ и отклонили предложеніе, сдѣланное имъ въ этомъ смыслѣ городской думой. Въ

самомъ дѣлѣ оно имѣло мѣсто въ 1802 году; городскимъ головою названъ Карповъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ былъ Урюпинъ; малолѣтній сынъ купца Спасскаго (крошка Иванъ) будто бы произнесъ передъ публикой рѣчь, которая произвела огромное впечатлѣніе и вызвала пожертвованія..., между тѣмъ какъ въ извѣстномъ намъ оффиціальномъ собраніи купцовъ и гражданъ (1-го сент.) малолѣтній Спасскій вовсе не могъ говорить никакой рѣчи; купечество, вопреки утвержденію автора воспоминаній, приняло на себя обязательство дѣлать взносы въ теченіе 10 лѣтъ (кромѣ частныхъ пожертвованій). Быть можетъ, разсказъ имѣетъ какое либо реальное основаніе, но только относится къ другому (болѣе позднему) моменту и происходилъ при другой обстановкѣ. См. статью Н. Д. Борисяка „Изъ прошедшаго“ (Х. Г. Вѣд., 1873 г., № 140). О купцѣ Спасскомъ документально извѣстно только, что онъ въ 1804 году пожертвовалъ на университетъ 500 руб. (Харьк. Унив. архивъ. Дѣла канц. попеч., № 1 по архиву, № 1 по картону).

[1]) Харьк. Кал. на 1886-й годъ, стр. 83.

[2]) Харьк. университетскій архивъ, дѣло канц. попечителя, № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

[3]) Ibidem.

отвѣтъ на обращеніе городской думы магистратъ писалъ, что цеховое общество понимаетъ очевидную пользу отъ учрежденія въ Харьковѣ университета; оно знаетъ, что вслѣдствіе этого умножится городское населеніе, увеличится торговля, обороты денегъ, промыслы; но, отбывая лично и общественно разнообразныя повинности (государственныя и городскія) и въ особенности содержа постои, они едва въ состояніи пропитать самихъ себя и потому денежнаго пособія на университетъ сдѣлать не могутъ. Подписались—ратманъ Иванъ Бутенковъ и секретарь Егоръ Майстренко (20 октября 1802 г.) [1]. Точно въ такомъ же смыслѣ отозвалось и мѣщанское общество въ отвѣтъ на предложеніе городничаго [2]. Тутъ, какъ мы видимъ, было сочувствіе благому дѣлу, но не было ни малѣйшей возможности оказать ему матеріальной поддержки. О сочувствіи низшихъ слоевъ Харьковскаго общества къ учрежденію университета краснорѣчиво и наглядно свидѣтельствуетъ пожертвованіе *войсковыхъ обывателей*, т. е. потомковъ бывшихъ слободскихъ казаковъ. Подражая примѣру дворянъ и гражданъ, они уступили безвозмездно въ пользу университета участокъ земли въ 125 десятинъ по Сумскому шоссе изъ дачи, пожалованной предкамъ ихъ, слободскимъ казакамъ, и обмежеванной къ городу Харькову [3]. Земля эта еще въ 1-й половинѣ

---

[1]) Устинова. Харьковская Старина (Х. Г. В. 1878, № 23).

[2]) Ibidem.

[3]) Вотъ сдѣланный нами списокъ съ подлиннаго крѣпостного акта, хранящагося при дѣлахъ университета.

По указу Его Императорскаго Величества въ слободско-украинской палатѣ гражданскаго суда по выслушаніи предложенія г. дѣйств. статск. сов. здѣшняго гражданскаго губернатора, коимъ прописываетъ: харьковское общество войсковыхъ обывателей прошлаго 1804 г. апрѣля 8-го числа заключило приговоръ такого содержанія, что какъ дворянство слободско-украинской губ., купечество и мѣщанство учинили приношеніе въ пользу Харьковскаго университета, первые изъ собственности, а послѣдніе изъ городовыхъ доходовъ и добровольныхъ складокъ и удостоено оное всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества благоволенія, то и они, чувствуя Высокомонаршія милости, изливаемыя на здѣшній край, ознаменованныя и самимъ учрежденіемъ здѣсь для народнаго просвѣщенія университета, ревностно желаютъ подражать примѣру дворянъ и купечества, въ засвидѣтельствованіи ихъ усердія и всеподданнѣйшаго повиновенія, но будучи неимущи составить отъ себя денежную сумму, полагали, буде строеніе университета назначится въ урочищѣ помѣркахъ по Сумской дорогѣ, то землю подъ оный въ дачѣ, обмежеванной къ городу Харькову въ ихъ владѣніе, жалованной предкамъ ихъ слободскимъ казакамъ, отвесть не требуя никакого удовлетворенія съ вершины оврага Глибокаго отъ дороги, лежащей изъ слободы Лозовой въ Харьковъ, шириною до межи помѣщика Бондаревскаго и хутора Клочковскаго, а длиною отъ

оврага Глибокаго до предѣловъ города, не распространяя однакожъ того приговора на законныя помѣщичьи полосы, лежащія внутри той земли, каковый приговоръ и поручили волостному ихъ головѣ и двумъ изъ войсковыхъ обывателей представить къ нему господину губернатору и просить: буде означенное мѣсто признано будетъ способнымъ, не оставить куда надлежитъ представленіемъ, что самое оной голова съ обывателями и исполнили. Онъ г. губернаторъ, удостовѣрясь о единодушномъ согласіи на сіе приношеніе наличнаго харьковскихъ обывателей общества, писалъ о томъ къ г. попечителю университета. Получа же отъ него отзывъ, что онъ рѣшился избрать оное для расположенія университета и всѣхъ зданій къ оному принадлежащихъ, доносилъ объ ономъ г. министру внутреннихъ дѣлъ его сіятельству графу Виктору Павловичу Кочубею, съ представленіемъ при томъ и плана означенной земли, лежащей по Сумской изъ Харькова дорогѣ въ урочищѣ помѣркахъ и содержащей въ себѣ кромѣ помѣщичьихъ полосъ, внутри ея состоящихъ, всего сто двадцать пять десятинъ шестьсотъ тридцать девять саженей, испрашивая касательно отвода ея подъ университетъ разрѣшенія. Вслѣдствіе чего и имѣлъ счастіе получить въ 12-й день іюня 1804 г. Высочайшее имянное Его Императорскаго Величества повелѣніе о объявленіи Харьковскимъ войсковымъ обывателямъ, уступающимъ въ пользу Харьковскаго университета землю, особеннаго Его Величества благоволеніе и объ отдачѣ оной земли въ распоряженіе университета по принятіи ее надлежащимъ образомъ. Нынѣ жъ правленіе онаго университета относится къ нему г. губернатору о доставленіи оному на объясненную уступленную обывателями землю слѣдующаго укрѣпленія; въ разсужденіи чего онъ г. губернаторъ предлагаетъ сей палатѣ о выдачѣ университету на ту землю на законномъ основаніи данной учинить свое опредѣленіе и его о послѣдующемъ увѣдомить. Вслѣдствіе чего по заключенной въ сей палатѣ резолюціи истребована чрезъ Харьковскаго городничаго съ приговора, учиненнаго Харьковскаго общества войсковыми обывателями копія, изъ которой явствуетъ, что они, обыватели, выше прописанную землю по согласію общества отдали подъ построеніе Харьковскаго университета. Изъ присланной же Харьковскимъ нижнимъ земскимъ судомъ оцѣнки, учиненной посторонними дворянами оной землѣ, значитъ, что по личному той земли обозрѣнію имѣется въ числѣ оной не малое количество песчаной, а на нѣкоторой части порыты ямы во время дѣланія кирпича, въ иныхъ же мѣстахъ отъ полой воды подѣлались глубокіе и обширные рвы, то хотя сія земля по состоянію ея близъ города стоитъ высшей цѣны противъ прочихъ мѣстъ, но въ разсужденіи немалаго числа вышеозначенной неудобной, полагаютъ цѣновщики всей оной, сколько по приговору отдано, равную по сложности цѣну каждой десятинѣ по десяти рублей, почему и составитъ за сто двадцать пять десятинъ съ саженями всего тысяча двѣсти шестьдесятъ рублей. Потомъ правленіе Императорскаго Харьковскаго университета отношеніемъ сей палаты дало знать, чтобы слѣдуемую университету на упомянутую землю данную выдать подъ росписку синдика адъюнкта Васильева, которому на совершеніе оной данной и пошлинные деньги вручены; для того въ палатѣ 1805 г. іюня 30-го опредѣлено: какъ указомъ 1774 г. января 27 дня повелѣно: „Данные выдавать во всемъ на таковомъ основаніи, на какомъ даются обыкновенныя крѣпости, то есть на бумагѣ такихъ цѣнъ, какія по количеству суммы на крѣпости употребляются, и при совершеніи оныхъ пошлины взыскивать; для того на упо-

XVII вѣка представляла изъ себя *дикое поле*; его отвоевали, а потомъ грудью защищали отъ татаръ предки жертвователей [1]). Конечно, когда они дѣлали свое пожертвованіе, земля эта стоила не дорого, но въ настоящее время цѣнность этихъ 600000 квадратныхъ саженъ городской и пригородной земли равняется сотнямъ тысячъ рублей, а впослѣдствіи должна возрасти еще больше; но еще важнѣе то, что, благодаря этому дару, университетъ имѣетъ возможность нынѣ расширить свои учебно-

---

мянутую отданную Харьковскими обывателями здѣшнему университету землю ко владѣнію на имя онаго университета во всемъ на основаніи онаго 1774 г. указа отъ крѣпостныхъ сей палаты дѣлъ данную со взятьемъ съ цѣны тысячи двухъ сотъ шестидесяти рублей указныхъ пошлинъ на бумагѣ по цѣнѣ той суммы съ запискою въ крѣпостной книгѣ съ роспискою адъюнкту Васильеву выдать, почему ему Васильеву изъ упомянутой палаты и выдана іюля 3 дня 1805 г. Совѣтникъ Григорій Полтавцевъ".

[1]) При этомъ владѣльцевъ этихъ участковъ пришлось удовлетворить изъ другихъ дачъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ слѣдующій актъ: „1808 г. іюля 1-го дня мы нижеподписавшіеся выбранные отъ общества повѣренные Степанъ Демьяненко и Иванъ Панамаренко дали сію сказку Харьковскому войсковому обывателю Павлу Рохману, съ братьями ево въ томъ, что въ сходство учиненнаго въ Харьковскомъ волостномъ правленіи прошлаго 1805 года мая въ 8-й день письменнаго приговора за отшедшую его Павла съ братьями ихъ Рохмановыхъ *старозаимочной* землѣ одного загона, состоящей въ урочищѣ помѣркахъ, поднесенной въ даръ для построенія Императорскаго Харьковскаго университета, отдали мы ему Рохману съ братьями его въ замѣнъ изъ числа общественной земли первый загонъ, состоящій въ урочищѣ за Мокрымъ Жихоромъ по надъ дорожкою, пролагаемою отъ Безлюдовской межи до хуторовъ Федѣрцевыхъ вдоль до лощины, которая пролагаетъ теченіе до Драгомироваго хутора; въ немъ мѣры длиннику 94, поперечнику 52 треаршинныхъ саженей, которымъ загономъ владѣть имъ Рохмановымъ и наслѣдникамъ ихъ вѣчно и безъ всякаго и отъ кого противорѣчія, а намъ равно по прописанному приговору и ввѣрителямъ нашимъ Харьковскаго общества обывателямъ кромѣ ихъ Рохмановыхъ до того загона не втручаться и дѣла не имѣть, въ чемъ и даемъ сію сказку и подписуемся (слѣдуютъ ихъ подписи). Здѣсь любопытно указаніе на старозаимочные участки, вмѣсто которыхъ владѣльцамъ отводятся другіе въ полную вѣчную собственность. Очевидно, что и прежними старозаимочными клочками войсковые обыватели также владѣли въ качествѣ собственниковъ; отчужденіе же ихъ послѣдовало, по согласію всего общества и ихъ владѣльцевъ. (Документъ этотъ находится въ Харьковскомъ историческомъ архивѣ). Пришлось также снести усадьбы многихъ собственниковъ и за нихъ уплатить имъ деньги, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ „вѣдомость дворамъ близъ г. Харькова въ выселкѣ, называемомъ Пески, съ показаніемъ, кто именно за какую цѣну согласился снесть свою усадьбу на другое мѣсто весною 1805 года". Всего изъявило согласіе 45 владѣльцевъ и получило вознагражденіе 3017 р. (отъ 250 до 7 р.). Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. канц. № 1 (по архиву), № 1 (по картону). Всего предположено было затратить на отчужденіе земель 5965 руб.

вспомогательныя учрежденія. Государь, по докладу Министра Народнаго Просвѣщенія, велѣлъ выразить жертвователямъ свое благоволеніе [1]).

Дворянство Екатеринославской губ. сдѣлало также добровольное пожертвованіе на Харьковскій университетъ въ размѣрѣ 108260 р. $12\frac{1}{2}$ к., распредѣливъ выдачу этой суммы на 10 лѣтъ (ежегодно по 10103 р. $11\frac{1}{4}$ коп. и 722 р. 90 к. процентовъ); а помѣщики Павлоградскаго уѣзда полк. Хандалѣевъ, кап. Протопоповъ, поручикъ Товбичевъ и прапорщикъ Суковкинъ опредѣлили ежегодно взносить 1-й по 10 коп. съ души (пока имѣніе будетъ въ его родѣ), а другіе по 20 к. въ теченіе 10 лѣтъ. Вопросъ этотъ былъ рѣшенъ на дворянскомъ съѣздѣ въ г. Екатеринославѣ въ январѣ 1803 года.

„Дворянство Екатеринославское, пишетъ въ письмѣ своемъ къ попечителю Потоцкому Екатеринославскій губернскій предводитель дворянства, ощущая съ благоговѣніемъ величайшее и всемилостивѣйшее Е. И. В. намѣреніе къ учрежденію въ полуденномъ краю Россіи Харьковскаго университета, открывающее путь ко всеобщему просвѣщенію и споспѣ-

[1]) Сохранилось любопытное письмо—прошеніе жертвователей къ попечит. Потоцкому (отъ 23 мая 1804 г.). „Въ повелѣніи г. слободскаго украинскаго гражданскаго губернатора имѣли мы счастіе получить, что жертва наша земли въ урочищѣ помѣркахъ по Сумской дорогѣ съ вершины Глибокаго оврага отъ дороги, идущей изъ слободы Лозовой въ Харьковъ, шириною до межи помѣщика Бондаревскаго и хутора Клочковскаго, а длиною отъ оврага Глибокаго до предѣловъ города, подъ Харьковскій университетъ, которая сподобилась благоволенія вашего сіятельства и что вы, милостивѣйшій государь, не оставите доложить о томъ, чрезъ кого слѣдуетъ, Всемилостивѣйшему Государю Императору, таковое милостивѣйшее вниманіе вашего сіятельства на насъ извлекаетъ изъ душъ нашихъ всечистѣйшую благодарность и осмѣливаетъ робкія сердца наши пролить всепокорнѣйшія мольбы о многомощномъ представительствѣ Вашемъ у г. Внутреннихъ Дѣлъ Министра, дабы благоволилъ по поданнымъ отъ насъ къ нему жалобамъ о нарушеніи откупомъ законнаго нашего виннаго права, о разореніи насъ безпрогонными подводами; о налогахъ для города, не по закону съ насъ взимаемыхъ, и о закопахъ улицъ и дворовъ нашихъ, скорое и милостивое учинить законное и прочное окончаніе. Знаемъ, сіятельнѣйшій графъ, что мольбы наши не легки, но опытами увѣрены уже мы въ благодушіи и правдолюбіи вашего сіятельства и въ томъ, что вы болѣе насъ свѣдомы, колико мы обижены и притѣснены не правосудно въ правахъ нашихъ и въ собственности. Съ благоговѣйнымъ почитаніемъ и преданностью имѣемъ счастіе быть потомственно, ваше сіятельство, всенижайшіе слуги (общество захарьковскихъ, залопанскихъ и Ивановскихъ слободъ войсковыхъ обывателей: волостной голова Иванъ Покозѣй, Лаврентій Коврига, Иванъ Решитьковъ, Иванъ Фостыковъ, Иванъ Леусъ, Ѳедоръ Панамаренко, Ѳедоръ Клименко, Герасимъ Головченко, Григорій Шведовъ, Марко Клименко, Василій Сѣрикъ, Степанъ Рѣпка, Павелъ Ключка, Григорій Горбань, Дорофей Мотузокъ, Филиппъ Боровой, Максимъ Олеференко)“. Харьк. унив. архивъ. Дѣло

шествуя Высочайшимъ намѣреніямъ, возжелало показать искреннее участіе въ заведеніи семъ пособіемъ денежнымъ безъ налога на крестьянъ, но отъ собственныхъ своихъ избытковъ и опредѣлило дать отъ имѣній дворянскихъ по числу душъ ревизскихъ и послѣ оной причисленныхъ отъ каждой по 1 рублю въ теченіе 10 лѣтъ, внося оную ежегодно въ капиталъ по 10 коп. Каковое положеніе дворянскаго собранія не приводя въ дѣйство по небытію всѣхъ вообще дворянъ въ собраніи препровождено было отъ меня на основаніи опредѣленія дворянскаго собранія къ гг. уѣзднымъ дворянскимъ предводителямъ—Екатеринославскому, Новомосковскому, Павлоградскому, Ростовскому и Бахмутскому для оповѣщенія онаго всему въ губерніи пребываемому дворянству и приглашенія ихъ въ участіи семъ, дабы тутъ ознаменовалась каждаго дворянина добрая воля, а не одно положеніе дворянскаго собранія.

Содѣйствіемъ гг. уѣздныхъ дворянскихъ предводителей дворянство, и въ уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ съѣхавшееся, по приглашенію предводителя подтвердило подписками положеніе сіе, въ чемъ гг. предводители отзывами своими ко мнѣ удостовѣрили, опредѣливъ—первые четыре уѣзда внесть таковую сумму по числу крестьянскихъ душъ отъ имѣній дворянскихъ не сборомъ каковымъ либо, но отъ собственныхъ

канц. попечителя № 1 (по архиву), № 1 (по картону). Мы нарочно привели въ подлинномъ видѣ этотъ документъ, любопытный и по содержанію, и по языку. Откупная система дѣйствительно существеннымъ образомъ нарушала ихъ исконныя права по части свободнаго винокуренія и они надѣялись добиться такой же подтвердительной грамоты, какую получило Харьковское дворянство, такъ какъ въ старину этой привилегіей они пользовались наравнѣ со своей старшиной, превратившейся теперь въ дворянство. Добиваться обычнымъ порядкомъ возстановленія своихъ правъ они не могли; оставался тотъ экстраординарный способъ, какимъ пользовалось уже гражданство: дѣйствовать при посредствѣ новаго училищнаго начальства и связать свое ходатайство съ пожертвованіемъ на университетъ. Они сами прекрасно сознавали, что дѣло ихъ не легкое, но утопающій хватается за соломинку; такой соломинкой былъ для нихъ графъ Потоцкій, къ которому они и обратили свои „робкія сердца“. Высочайшая благодарность черезъ министра внутреннихъ дѣлъ была передана имъ 9-го іюня 1804 г.; такую же благодарность одновременно съ этимъ получили гр. Подгоричани, кол. сов. Квитка и дворяне Павловы, уступившіе даромъ свои земельные участки подъ будущій университетъ 12-го сентября 1804 г. Министръ внутреннихъ дѣлъ извѣщалъ Потоцкаго о выраженіи Высочайшаго благоволенія ген. Хорвату (за пожертвованныя имъ 5000 тысячъ р.) и о назначеніи изъ кабинета Высочайшихъ подарковъ тремъ старшинамъ войсковыхъ обывателей и губернскому землемѣру Драгомиру; старшины получили сукна на кафтаны съ галунами, а что было дано землемѣру Драгомиру, мы къ сожалѣнію не знаемъ. Во всякомъ случаѣ онъ оказалъ въ дѣлѣ отвода земли университету очень важныя услуги.

помѣщичьихъ доходовъ ежегодно по 10 к. съ однимъ процентомъ, а Бахмутскіе вмѣсто расположенія на души отъ земли по числу состоянія оной за помѣщиками отъ каждой десятины удобной по $4^1/_{16}$ коп. въ теченіе 10 лѣтъ; каковой и причитается ко взносу ежегодно по числу душъ отъ уѣздовъ—Екатерин. съ 22095 д. 2430 р. 45 к., Новомосковскаго съ 17898 д. 1968 р. 78 к., Павлоградскаго съ 27647 д. 3041 р. 17 к., Ростовскаго съ 4650 д. 511 р. 50 к. и Бахмутскаго отъ земли 2874 р. $17^1/_4$ к., а всего въ годъ капитала 10103 р. 11 коп., процентовъ 722 р. 90 к., а въ 10 лѣтъ капитала и процентовъ 108260 р. $12^1/_2$ коп. Сія сумма по назначенію отъ начальства вноситься будетъ ежегодно въ то мѣсто, куда опредѣлено будетъ. О чемъ донесено было всеподданнѣйше Е. И. В. отъ управляющаго здѣшнею губерніей г. вице-губернатора П. И. Невѣровскаго, а я имѣлъ честь представить о всемъ томъ мин. внутр. дѣлъ Е. С. В. П. Кочубею и въ соотвѣтствіи того, каковы послѣдовали къ нему г. Невѣровскому и ко мнѣ высочайшіе рескрипты, имѣю честь представить Вашему Сіятельству копіи.

Покровительство и попеченіе Вашего Сіятельства на распространеніе народнаго просвѣщенія удостовѣряетъ Екатеринославское дворянство, что оно восчувствуетъ ваше благотвореніе распространеніемъ и на здѣшнее губернское народное училище въ открытіи предложенной по высоч. конфирмованному прошлаго 1803 г. января 24 докладу гимназіи. Ананій Струковъ (5 апрѣля 1804 г.). Съ подлиннымъ свѣрялъ кол. сов. В. Каразинъ [1]). Суммы собирались уѣздными предводителями и отсылались въ университетъ.

Даръ Екатеринославскаго дворянства былъ принятъ съ благоволеніемъ государемъ и оно удостоилось слѣдующаго милостиваго рескрипта: „принявъ съ благоволеніемъ поступокъ Екатеринославскаго благороднаго дворянства, опредѣлившаго въ пользу учреждаемаго въ Харьковѣ университета составить единственно отъ избытковъ своихъ, безъ отягощенія крестьянъ налогомъ, довольно значущее приношеніе, я поручаю вамъ изъявить за сей благонамѣренный подвигъ и любовь къ истинному просвѣщенію отличное мое благоволеніе, какъ всему Екатеринославскому дворянству вообще, такъ и въ особенности предводителямъ онаго, въ знакъ уваженія моего къ сему похвальному подвигу дворянства и въ отличіе содѣйствія въ томъ вашего въ качествѣ предводителя, я призналъ за благо пожаловать васъ орденомъ Св. Анны 2-го класса, коего знаки при семъ для возложенія на васъ препровож-

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло № 19 (по архиву), № 2 (по картону); ср. Дѣло поп. канц. № 1 (по архиву) и № 1 (по картону), стр. 41—42.

даю“ [1]). Въ указѣ на имя губернатора государь прибавлялъ: „что же принадлежитъ до распространенія на дѣтей Екатеринославскаго дворянства тѣхъ преимуществъ, какія для Харьковскаго благороднаго юношества по части ученія будутъ предоставлены, то какъ на основаніи общихъ о просвѣщеніи постановленій, такъ и особенно приносимымъ нынѣ въ пользу онаго пожертвованіемъ Екатеринославское благородное юношество неоспоримое пріобрѣтаетъ на нихъ право (30 января 1804 г.)“ [2]).

Сборы дѣйствительно и стали поступать, хотя правильность ихъ нѣсколько нарушалась сложностью самой процедуры: университетъ долженъ былъ слѣдить за исправнымъ поступленіемъ ихъ отъ уѣздныхъ предводителей дворянства.

Херсонское дворянство откликнулось на призывъ только 21 мая 1806 г., т. е. тогда, когда университетъ былъ уже открытъ, ассигнововавъ для него 40500 р., какъ это видно изъ слѣдующаго его протокола: „хотя мы и въ немаломъ нынѣ изнеможеніи отъ неурожаевъ, которые чрезъ многіе прошедшіе годы потерпѣли, и чувствуемъ отъ бывшихъ особливо же въ истекшемъ годѣ существовавшаго недорода, саранчи и жестокихъ зимъ, истребившихъ знатнымъ числомъ скотоводство и доведшихъ крестьянъ нашихъ до разстроеннаго состоянія, но при всѣхъ нашихъ истинныхъ чувствованіяхъ монаршихъ благодѣяній, усердствуя къ исполненію воли Государя Императора къ заведенію сихъ училищъ, общую дворянскую выгоду и пользу составить имѣющихъ, взнесть единожды на всегда съ каждаго мужскаго пола души за дворянами въ здѣшней Херсонской губерніи нынѣ состоящія по одному рублю, что и составитъ 81000 р., распредѣляя оные по равной половинной части на военное училище и Харьковскій университетъ, т. е. по 40500 р., но сборъ оныхъ не съ душъ и не вдругъ, а изъ собственныхъ хозяйственныхъ доходовъ и стяжаній произвесть въ теченіе 10 лѣтъ, взнеся ежегодно въ капиталъ по числу состоящихъ за помѣщиками душъ за каждую по 10 коп., не отнимая воли, ежели кто пожелаетъ, и всѣ слѣдуемыя съ нихъ деньги взнесть, начавъ сборъ сей съ будущаго 1-го января 1807 г.“ [3]).

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя № 1 (по архиву) и № 1 (картона).

[2]) Ibidem.

[3]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло канц. попечителя № 1 (по архиву), № 1 (по картону), Впрочемъ, скоро Херсонское дворянство раскаялось въ назначеніи суммъ Харьковскому университету и желало обратить ихъ на устройство уѣздныхъ училищъ въ губерніи (ibidem).

Значительно раньше, подражая примѣру Харьковскаго гражданства, ассигновали извѣстныя суммы, въ зависимости отъ своихъ скромныхъ средствъ, и нѣкоторые уѣздные города Харьковской губерніи. Валковское купечество и гражданство обязались вносить въ пользу университета со дня приговора (18 ноября 1802 г.) ежегодно изъ доходовъ за винный откупъ по 1000 р. и сверхъ того остатокъ прежней суммы, которой накопилось 4027 р.; Богодуховское купечество и гражданство—1000 р. ежегодно и 7549 р. $50^3/_4$ к. остатка; Ахтырское купечество также 1000 р. ежегодно; Лебединское единовременно 300 р.; Сумскіе жители положили ежегодно давать по 148 р. да единовременно [1]) 10; Зміевскіе единовременно 35 р.; Купянское купечество постановило взнести въ пользу университета 2000 р., причитающихся имъ за домъ, купленный въ Харьковѣ у Мордвинова г. губернаторомъ Тепловымъ; итого ежегодно выходило по 3148 р. и единовременно 9921 р. $50^3/_4$ к. [2]).

Въ теченіе 10 лѣтъ такимъ путемъ должна была составиться сумма свыше 40 т. рублей.

Наконецъ, кромѣ сословій откликнулись на призывъ къ пожертвованіямъ и отдѣльныя личности; имена нѣкоторыхъ изъ нихъ были уже отмѣчены прежними изслѣдователями; я же имѣю возможность представить полный списокъ этихъ „благотворителей". Слоб. Укр. губернскій предводитель дворянства В. М. Донецъ-Захаржевскій пожертвовалъ въ 1805 г. 500 р., Харьковскій купецъ Спасскій—500 р. (въ 1804 г.), Харьковскій купецъ Каменевъ—200 р. (въ 1803 г.), обыватель Купянскаго уѣзда Юшковъ—200 р. (въ 1805 г.) [3]), коллежская асессорша Суровцова—150 р. (въ 1806 г.), Калуж. купецъ Мишуковъ—100 р. (въ 1804 г.); итого единовременно 1650 р.; ген.-лейтен. Осипъ Ивановичъ Хорватъ—5000 р. (въ 1803 г.) (въ теченіе 5 лѣтъ), Харьковскій именитый гражданинъ Аникѣевъ—3000 р. (въ 1803 г.), изъ коихъ 1000 р. немедленно, а 2000 р. въ 4 года по 500 р. [4]); всего отъ

---

[1]) Вотъ имена болѣе крупныхъ жертвователей: тит. сов. Ал. Гродницкій—15 р., Ел. Солодченковъ — 15 р., прапорщикъ Як. Ефремовъ — 10 р., затѣмъ идетъ рядъ лицъ, внесшихъ по 5 р., по 2 р. и по 50 коп.; всѣхъ 32 чел., въ томъ числѣ одна женщина Авдотья Чечулина (Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. канц. № 1 по архиву, № 1 по картону).

[2]) Ibidem.

[3]) Войсковой обыватель Куп. уѣзда, писалъ Донецъ-Захаржевскій, Василій Юшка, въ изъявленіе усердія своего къ народному просвѣщенію представилъ въ пользу Харьк. Университета 200 р., а по истеченіи 4-хъ лѣтъ будетъ взносить по 50 р. пожизненно (ibidem).

[4]) Харьк. унив. арх. Дѣла попеч. канц., № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

частныхъ благотворителей—9650 р. Были пожертвованія отъ частныхъ лицъ и землями—именно отъ графини Подгоричани, кол. сов. Квитки, дворянъ Павловыхъ. Они находятся въ связи съ уступкою обществомъ войсковыхъ обывателей участка земли по Сумскому шоссе. О нихъ можетъ дать понятіе слѣдующее письмо графини Подгоричани на имя попечителя Сев. Осип. Потоцкаго: „Господинъ губернскій землемѣръ Драгомиръ объявилъ мнѣ, писала графиня, что чрезполосная земля моя, лежащая близъ города Харькова, за кантемировскимъ садомъ, можетъ быть для университета нужною, ежели мѣсто для строенія его избрано будетъ въ той части; вслѣдствіе чего честь имѣю увѣдомить ваше превосходительство, ежели дѣйствительно земля сія для университета будетъ надобна, то я съ великимъ удовольствіемъ въ пользу онаго ее отдаю безъ всякаго удовлетворенія. Мнѣ весьма пріятно, что при семъ имѣю случай засвидѣтельствовать вашему сіятельству отличное мое къ вамъ почтеніе и преданность, съ которыми честь имѣю быть. Варвара Подгоричани (14 апрѣля 1804 г.)“ [1]).

Такимъ образомъ, сумма всѣхъ денежныхъ пожертвованій должна была превысить 658000 р. (400000 р. отъ Харьковскаго дворянства, 108260 р. отъ Екатеринославскаго, 60000 р. отъ Харьковскаго городского общества, 40500 р. отъ Херсонскаго дворянства, 40000 р. отъ уѣздныхъ городовъ Харьковской губ. и 9650 р. отъ частныхъ благотворителей). Сюда не входитъ земля, пожертвованная войсковыми обывателями въ количествѣ 125 дес., такъ какъ она не поддается болѣе или менѣе вѣрной оцѣнкѣ (оцѣнка ея въ крѣпостномъ актѣ представляется слишкомъ низкой).

Такими значительными пожертвованіями выразили свое сочувствіе къ учрежденію университета въ Харьковѣ почти всѣ сословія—дворянство, купечество и гражданство, войсковые обыватели. Университетъ съ своей стороны отплатилъ имъ за это сочувствіе, воспитавъ нѣсколько поколѣній жителей г. Харькова, Харьковской губ. и всей полуденной Россіи; цеховые и мѣщане, какъ мы видѣли, также сочувствовали предпріятію В. Н. Каразина. Наконецъ, и духовенство, какъ мы увидимъ далѣе, отнеслось къ новому просвѣтительному учрежденію съ полнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ.

И такъ, В. Н. Каразинъ достигъ поставленной цѣли: всѣ сословія Харьковской губ. и дворянство сосѣднихъ отнеслись сочувственно къ его плану; дворянство, и купечество и гражданство сдѣлали значительныя

---

[1]) Ibidem.

пожертвованія на университетъ, его „предначертаніе" было одобрено украинцами; ему выдали благодарственный адресъ, довѣренности и копіи протоколовъ; его избрали депутатомъ по университетскому дѣлу и даже ходатаемъ передъ престоломъ Императора Александра по нѣкоторымъ важнымъ сословнымъ нуждамъ. Теперь оставалось только ѣхать въ Петербургъ и дѣйствовать на мѣстѣ. Къ сожалѣнію, не смотря на то, что онъ около этого времени (8 сентября 1802 г.) получилъ важный постъ правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, личное довѣріе и расположеніе къ нему Императора Александра пошатнулось еще въ августѣ мѣсяцѣ до отъѣзда его въ Харьковъ, какъ это ясно видно изъ письма его къ Государю отъ 8 августа 1802 г. [1]).

Пріѣхавши въ Петербургъ, В. Н. Каразинъ хотѣлъ представить лично государю всѣ документы по дѣлу объ основаніи Харьковскаго университета, но доступъ во дворецъ былъ для него закрытъ—онъ долженъ былъ передать ихъ въ главное правленіе училищъ [2]). Дѣло Харьковскаго университета, по мѣткому замѣчанію одного изъ біографовъ В. Н. Каразина, „пошло въ долгій съ разными потайными пружинами ящикъ" [3]).

Начались справки, запросы въ разныя вѣдомства; сношенія министра народнаго просвѣщенія Завадовскаго съ мин. внутрен. дѣлъ Кочубеемъ. В. Н. Каразина все это замедленіе волновало, безпокоило; онъ пишетъ пространное и горячее письмо гр. Кочубею, гдѣ умоляетъ его сдѣлать докладъ государю о Харьковскомъ университетѣ [4]). Въ началѣ января 1803 года Каразинъ написалъ Кочубею новое письмо съ просьбою

---

[1]) Письмо это приведено Филадельфомъ Вас. Каразинымъ. (См. Рус. Стар. 1875, май, 79).

[2]) Рус. Стар. 1875, май, стр. 79—80; тутъ помѣщено и письмо его къ Государю, гдѣ онъ указываетъ на пожертвованіе и проситъ Государя „рѣшить участь воспитанія въ полуденной Россіи".

[3]) Ibidem, стр. 80.

[4]) 4-го декабря 1802 г.; см. Рус. Стар. 1875, сент., 186; тутъ же между прочимъ говоритъ: „слишкомъ годъ неусыпно занимался я сею мечтою, двѣ тягостныя поѣздки предпринималъ я для нея. Наконецъ, она перешла въ событіе, она принята благосклонно монархомъ. Всѣ члены прежняго комитета, вмѣстѣ съ идеею учрежденія университетовъ, единогласно полагали одинъ изъ нихъ въ Харьковѣ, руководствуясь къ сему мѣстнымъ лишь его положеніемъ; дворянство и гражданство сей губерніи не только предварили сіе мнѣніе особъ, но обнаружили неожидаемый и понынѣ въ своемъ родѣ единственный порывъ патріотизма". Въ заключеніе Каразинъ замѣчаетъ, если это пожертвованіе будетъ оставлено втунѣ, то это только докажетъ, что попытки частныхъ лицъ, клонящіяся къ общественному благу, суть ничто иное какъ безразсудство.

ускорить докладъ. Наконецъ, докладъ государю дѣйствительно состоялся и былъ имъ утвержденъ. 24 января 1803 г. состоялось Выс. опредѣленіе объ учрежденіи Харьковскаго университета; тогда же созданъ Харьковскій учебный округъ и опредѣленъ попечителемъ его графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій.

Въ промежутокъ же времени съ сентября 1802 г. по конецъ января 1803 г. были разрѣшены многіе вопросы, представленные Каразинымъ отъ имени Харьковскихъ сословій. Еще 30-го сентября Харьковскій губернаторъ получилъ отъ государя рескриптъ слѣдующаго содержанія: „усмотрѣвъ изъ донесенія вашего расположеніе Слободскаго украинскаго дворянства взнести на устроеніе предполагаемаго въ Харьковѣ университета 400000 р., поручаю вамъ объявить дворянству за сей благонамѣренный его подвигъ мою признательность. Увѣрьте его, что мнѣ пріятно видѣть въ семъ новый опытъ любви его къ просвѣщенію и общественной пользѣ, но въ то же время изъявите ему упованіе мое, что взносимая на сіе заведеніе сумма составится единственно изъ избытковъ съ настоящихъ ихъ собственныхъ доходовъ и никакъ не обратится въ новый налогъ на поселянъ, ими владѣемыхъ, въ семъ послѣднемъ случаѣ при отягощеніи крестьянъ не могу я согласиться на принятіе пожертвованій дворянства. Въ С.-П. сентября 30 дня 1802 года. На подлинномъ подписано собственною рукою Е. И. В. Александръ“ [1]). Этотъ рескриптъ является еще новымъ доказательствомъ заботливости государя объ интересахъ крестьянъ. Въ связи съ нимъ нужно, конечно, поставить и запросъ министра внутрен. дѣлъ гр. Кочубея, адресованный также Харьковскому губернатору. О немъ мы узнаемъ изъ отношенія губернатора къ губ. предводителю дворянства [2]).

---

[1]) Архивъ Харьк. депутат. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. университета.

[2]) „Его сіят. г. министръ внутр. дѣлъ въ предписаніи ко мнѣ изъясняетъ, что министръ просвѣщенія сообщилъ ему, что при общемъ соображеніи плана о заведеніи университетовъ, разсматривая предположеніе на установленіе университета въ Харьковѣ, кол. сов. Каразинымъ представленное, находитъ онъ нужнымъ знать, на какомъ точно основаніи дворянство сей губерніи расположило добровольную на заведеніе сіе складку и что изъ имѣющихся донынѣ о томъ у него свѣдѣній, не былъ онъ въ возможности удовлетворительно отвѣтствовать на сей вопросъ, а потому требуетъ доставить къ нему точное и подробное свѣдѣніе, какимъ образомъ дворянство къ сему предположенію приступило: изъ доходовъ ли своихъ собственныхъ положило оно составить сію складку и расчисленіе оной по душамъ, каждымъ помѣщикомъ владѣемымъ, не означаетъ ли новаго какого либо на крестьянъ налога или принято только для означенія той части, каковую каждый добровольно взнести обязался. Вслѣдствіе сего, изъясняя вамъ

Губернаторъ прекрасно зналъ, какъ должна составиться сумма пожертвованій въ 400000 рублей, и видѣлъ, что губернскій предводитель ничего поваго сообщить ему не можетъ; тѣмъ не менѣе онъ требовалъ новыхъ объясненій...

Тутъ оказали свое дѣйствіе два обстоятельства—дѣло, поднятое предв. двор. Изюм. уѣзда Капустянскимъ, и тайное нерасположеніе губернатора къ предпріятію Харьковцевъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ приводимыя ниже письма губ. предводителя къ губернатору и В. Н. Каразину. „Сего числа, писалъ Донецъ-Захаржевскій Артакову, доставя вашему превосходительству на требованіе ваше о суммѣ, для университета въ Харьковѣ составляемой, свѣдѣніе, почитаю нужнымъ дополнить неоднократныя мои донесенія. На счетъ переписки по сему Изюмскаго г. предводителя Капустянскаго я озабочиваюсь В. Пр. утрудить въ необходимости всею объ ней подробностію, дабы избѣжать могущихъ встрѣтиться непріятностей. Ваше превосходительство имѣвъ отъ меня точную копію съ приговора въ полномъ собраніи дворянства, бывшемъ по случаю добровольной складки для предполагаемаго университета въ Харьковѣ, общею волею утвержденнаго, сказать мнѣ первоначально изволили, что Изюмскій предводитель сдѣлалъ доносъ противу онаго здѣшнему г. губернскому прокурору Евецкому, у котораго я просилъ о семъ свѣдѣнія, но онъ отвѣчалъ, что доноса не имѣетъ, а потомъ черезъ три дня В. Пр. сказать изволили, что и вы отъ Капустянскаго оный получили и напослѣдокъ неоднократно требовать изволили у меня свѣдѣнія, почему приговоръ дворянства названъ полнаго собранія, который доставленъ къ вамъ, никѣмъ даже и Капустянскимъ не возражаемый.

Г. Капустянскій имѣлъ мое предложеніе, съ доставленіемъ отъ В. Пр. мнѣ присланной копіи съ предписанія бывшаго г. прокурора А. А. Беклешова, дабы онъ ѣхавъ въ Харьковъ предварительно на

таковое г. министра внутрен. дѣлъ требованіе, прошу васъ доставить противу онаго полное и ясное свѣдѣніе (24 декабря 1802 г.)". Въ отвѣтъ на это губ. предводитель объяснилъ: дворянство на предполагаемый университетъ въ Харьковѣ положило составить сумму 400000 р. собственно изъ своихъ доходовъ, а дабы каждый владѣлецъ по мѣрѣ своего имущества равно участвовалъ, расчисленіе, что кому платить причитается, означено по числу душъ за каждымъ написанныхъ, какъ то въ приговорѣ, въ полномъ собраніи дворянства по предмету сему бывшемъ сентября 1-го числа подписанномъ, означено, съ коего копію къ вашему превосходительству доставилъ (декабря 30 1802 года). (Ibidem). Губернаторъ не удовлетворился этимъ объясненіемъ, потребовалъ прямого отвѣта на запросъ министра. Предводитель дворянства далъ ему прежній отвѣтъ (4 января 1803 года).

дому своему въ уѣздѣ трактовалъ съ дворянствомъ о составленіи добровольной складки; то могъ ли онъ безъ нарушенія должности, не подписавъ приговора или не возразя оному, буде былъ на то уполномоченъ, ѣхать изъ собранія, а потомъ собирать безъ позволенія дворянства и дѣлать въ уѣздѣ приговоръ на положеніе цѣлой губерніей учиненное. Неподписаніе Капустянскимъ общаго приговора въ собраніи относилъ я къ строптивости и неприличному его поведенію, которое укротить на основаніи высокой грамоты, пожалованной дворянству, не затрудняя правительства, предоставлялъ я предложить при первомъ съѣздѣ дворянства; непозволенный же созывъ дворянства и учиненная нѣкоторымъ числомъ подписка противу общаго положенія, отъ которой и подписавшіе съ нимъ оную отрекаются, отписывая ко мнѣ нѣкоторые, что они вовлечены г. предводителемъ къ подпискѣ по сокрытію отъ нихъ общаго въ губерніи согласія, что есть преступленіе его должности, которое и болѣе было бы обнаружено требуемыми отъ Капустянскаго бумагами, коихъ онъ по многихъ моихъ требованіяхъ недоставляетъ собранію дворянства; о чемъ уже двукратно утруждалъ я ваше превосходительство. Послѣ всего сего и когда ваше превосходительство сами видѣли Капустянскаго совершенно неприличные къ вамъ и даже самому себѣ обидные отзывы, мнѣ остается просить еще о строжайшемъ предписаніи г. предводителю Капустянскому доставить требуемыя собранію отъ него бумаги, которыя раскроютъ разнорѣчіе въ донесеніяхъ (30 дек. 1802 г.)“ [1]).

Гораздо откровеннѣе выражался Донецъ-Захаржевскій въ конфиденціальномъ письмѣ къ В. Н. Каразину. „Васъ, конечно, удивитъ, писалъ онъ къ нему, столько-жъ, какъ и меня, благорасположеніе г. губернатора нашего къ Капустянскому, которое я нахожу о немъ въ перепискахъ, ибо то, что только служитъ къ одобренію Капустянскаго, все, даже и съ собственныхъ его бумагъ и моихъ выпущено или-же переображено и какъ таковыхъ свѣдѣній я не могу имѣть формально, то прилагаю къ вамъ точныя копіи съ моихъ къ г. губернатору отношеній и Капустянскаго; прошу васъ, мил. гос., яко депутата нашего сообразить оныя и буде найдете противурѣчія съ оными, или приданный тонъ видамъ, представить подлежащія его сіятельству министру внутреннихъ дѣлъ объясненія, для чего и копіи съ писемъ, потребныя къ сему, включаю. Я подозрѣваю весьма въ согласіи съ Капустянскимъ по отзывамъ о немъ г. прокурора Евецкаго тѣмъ паче, что онъ и при подрядахъ на города здѣшніе имѣлъ подставнаго съ аттестатами своего

---

[1]) Ibidem.

тестя и соглашалъ на кондиціи, противныя правамъ, пожалованнымъ здѣшнему краю, ибо какъ возможно, вѣдая поступки Капустянскаго и когда онъ неоднократно видѣлъ его въ развращенномъ состояніи, говорить о немъ съ одобреніемъ. Мнѣ очень прискорбно, что я васъ затруднить долженъ, равно и вы пожалѣйте меня, что я озабочиваюсь тогда, когда только бы ожидать долженъ благоволенія за усердіе къ общему благу, которому вамъ извѣстная партія Хорвата съ Максимовичемъ въ самомъ началѣ дѣлала возраженія, а напослѣдокъ и г. губернаторъ, и прокуроръ протежируютъ. Заключаю все искреннѣйшимъ почтеніемъ и преданностью" [1]).

31 января 1803 г. послѣдовалъ новый Высочайшій милостивый рескриптъ Харьковскому дворянству уже безъ той оговорки, которая была въ первомъ. „Принявъ съ благоволеніемъ поступокъ Слободско-украинскаго дворянства, опредѣлившаго на заведеніе въ Харьковѣ университета составить отъ избытковъ своихъ, *безъ умноженія налоговъ*, столь знатное приношеніе, за сей благонамѣренный подвигъ и любовь къ истинному просвѣщенію" государь изъявлялъ отличную признательность дворянству, предводителямъ 9 уѣздовъ (они были поименно перечислены) и Изюмскому помѣщику Николаю Романовичу Шидловскому, дѣйствовавшему въ этомъ полезномъ дѣлѣ отъ имени большинства Изюмскихъ дворянъ.

Губернскому предводителю дворянства пожалованъ былъ орденъ Анны 2-й степени, секретарю дворянскаго собранія Тихоцкому подарокъ [2]). Тогда же объявлена была Высочайшая благодарность и Харьковскому гражданству въ особомъ письмѣ на имя губернатора. Указавъ на приведенный нами выше рескриптъ дворянству, государь продолжаетъ: „поручаю вамъ изъявить такую же благодарность и Харьковскому купечеству за содѣйствіе отъ избытковъ его въ семъ полезномъ заведеніи; въ знакъ благоволенія Моего къ купечеству, градскаго голову, именитаго гражданина Урюпина пожаловалъ Я въ коллежскіе ассессоры, а именитаго гражданина Аникѣева отличилъ золотою медалью, которая вслѣдъ за симъ доставлена будетъ [3])". Пожалованіе чина 8-го класса купцу 3-й гильдіи (какимъ былъ Е. Е. Урюпинъ) являлось въ то время экстраординарнымъ отличіемъ и оно объясняется дѣйствительно крупными услугами, оказанными Е. Е. Урюпинымъ дѣлу основанія Харьковскаго университета. Къ чести его нужно замѣтить, что онъ не тщеславился

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem.

[3]) Устинова. Харьк. старина (Х. Г. В. 1878, № 37).

полученнымъ чиномъ. „Въ теченіе всего времени, какъ Урюпинъ былъ пожалованъ въ коллежскіе ассессоры, говоритъ г. Устиновъ, онъ только 2 раза подписалъ свой чинъ при своемъ должностномъ званіи. Въ первый разъ эта подпись встрѣчается у Урюпина только въ сообщеніи думѣ о своемъ пожалованіи. Затѣмъ я ея нигдѣ уже не встрѣчалъ, такъ что изъ этого нельзя не заключать, что Урюпинъ высоко цѣнилъ свое должностное положеніе и вообще, будучи человѣкомъ по своему времени очень образованнымъ, дорожилъ дѣломъ, а не внѣшностью. Изъ всей пересмотрѣнной мною дѣловой его переписки, веденной имъ въ большинствѣ случаевъ собственноручно, нельзя не заключать, что онъ, будучи купцомъ 3-й гильдіи и, слѣдовательно, человѣкомъ не сильнымъ въ торговомъ мірѣ, былъ весьма вліятельнымъ лицомъ не только въ купеческой средѣ, но и въ высшемъ обществѣ“ [1]). Такимъ же живымъ, общественнымъ дѣятелемъ, пользовавшимся большимъ вліяніемъ не только въ своей духовной средѣ, но и въ дворянскомъ обществѣ, былъ извѣстный уже намъ священникъ О. Фотіевъ. Онъ держалъ лучшій въ Харьковѣ пансіонъ, изъ котораго вышли первые студенты Харьковскаго университета. Ему былъ пожалованъ золотой наперсный крестъ [2]).

Но В. Н. Каразинъ остался не совсѣмъ доволенъ такимъ распредѣленіемъ наградъ. Придавая имъ большое значеніе, въ качествѣ важнаго рычага при общественной дѣятельности, онъ подалъ даже государю особую докладную записку по этому вопросу, гдѣ между прочимъ заявлялъ, что награжденіе одного губернскаго предводителя недостаточно, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстно, какъ слабо и косвенно дѣйствовалъ онъ на пользу этого дѣла въ теченіе $1^1/_2$ лѣтъ. „Въ пожертвованіяхъ Харьк. дворянства, писалъ онъ, проявилась искра *общественнаго духа,* столь необходимаго и столь мало у насъ, увы! примѣтнаго. Цѣлыя общества никогда не дѣйствуютъ массою, всегда должны быть иниціаторы и правительство должно отличить ихъ отъ толпы, оцѣнить ихъ труды. Я умолчалъ даже о такихъ полезныхъ дѣятеляхъ, продолжаетъ далѣе Каразинъ, какъ Палицынъ, и назвалъ всего 5 лицъ, изъ коихъ прошу уѣздныхъ предводителей Щербинина и Алферова отличить чинами, а дворянъ Ковалевскаго и Кондратьева орденами“. Его ходатайство было уважено [3]). Образу дѣйствій Изюмскаго предводителя Капустянскаго въ сущности, какъ мы видѣли, было высказано косвенное неодобреніе со стороны Верховной власти и объ этомъ узнало все дворянство, такъ

[1]) Харьк. старина (Х. Г. В. 1878, № 40).

[2]) Рус. Стар. 1875, сентябрь, стр. 190.

[3]) Ibidem, стр. 193.

какъ Высочайшій рескриптъ былъ разосланъ во всѣ уѣзды. Но Капустянскій своей оппозиціей все таки сильно тормозилъ и дальнѣйшій ходъ дѣла, какъ это видно изъ отвѣтнаго письма Шидловскаго къ Донцу-Захаржевскому.

„Любезный другъ Василій Михайловичъ!—Жаль мнѣ очень, что не могу выполнить желанія твоего, а благодарю за довѣренность. Ей, истинно, не знаю, что со мной будетъ, но мнѣ очень худо и въ болѣзни сей старой припадокъ мой весьма меня безпокоитъ. Сообщаю вамъ мнѣніе мое. Вы препоручаете, чтобы я испросилъ у дворянства нашего уѣзда довѣренность на избраніе меня обще со всѣми предводителями для составленія членовъ въ коммиссіи университета. Удобно ли мнѣ сіе выполнить,—посудите сами! когда по первому предложенію вашему я сдѣлалъ мое отношеніе къ предводителю—и онъ мнѣ нагрубилъ только и написалъ много дерзостей неприличныхъ. Я вамъ приносилъ жалобу, но остаюсь я безъ свѣдѣнія, что вы на сіе предприняли; къ тому же и неудостовѣренъ я, чтобы дворянство яко частному человѣку по позыву его и по соглашенію что-либо предприняло. Созывъ дворянства въ посылаемыхъ къ нимъ отношеніяхъ долженъ быть поименный, а я, не имѣя списковъ дворянскихъ и въ требованіи оныхъ получа отказъ отъ предводителя, не могу сего выполнить. Да и созывъ сдѣлать, какъ я вамъ уже и писалъ, безъ особливаго вашего предписанія въ сихъ словахъ—„предписую вамъ гг. дворянъ Изюмскаго уѣзда, созвавъ въ г. Изюмъ, предложить имъ“ и такъ далѣе—не могу безъ подверженія себя одному только посмѣянію, ибо навѣрно никто не поѣдетъ на позывъ мой, а сіе послужитъ дальнѣйшимъ непріятностямъ. Я вамъ совѣтовалъ и теперь совѣтую чрезъ предводителя сдѣлать созывъ дворянъ въ г. Изюмъ и самимъ пріѣхать сюда. Вы все успѣете сдѣлать навѣрно, а безъ сего, ей, ничего не будетъ кромѣ безпокойствъ вамъ въ непредвидимыхъ случаяхъ. Я не отрекаюсь быть въ коммиссіи университета, если Богу угодно продлить жизнь мою; если же умру, не оставьте сиротъ моихъ“ [1]). Изъ этого видно, что губернскій предводитель потерялъ всякое самообладаніе и хотѣлъ прибѣгнуть къ очень непрактичному и рискованному средству, чтобы устранить Капустянскаго отъ участія въ университетской коммиссіи, въ которой онъ, очевидно, не могъ приносить ничего кромѣ вреда. Нужно думать, что трезвое, основательное письмо Шидловскаго заставило Донца-Захаржевскаго отказаться отъ его неудачнаго плана борьбы съ Капустянскимъ и избрать болѣе подходящій путь—именно перенести это дѣло на рѣшеніе собранія всѣхъ уѣздныхъ

[1]) Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

предводителей дворянства. Между тѣмъ, добившись путемъ самыхъ горячихъ настояній благопріятнаго движенія дѣла Харьковскаго университета въ Петербургѣ, Вас. Наз. Каразинъ рѣшился отправиться въ Харьковъ, чтобы устраивать университетское дѣло на мѣстѣ. Недавно передъ тѣмъ былъ назначенъ попечителемъ Харьковскаго учебнаго округа гр. Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Но семейныя дѣла (въ Вѣнѣ умеръ его отецъ) принудили его отправиться за границу и поручить исправленіе своей должности попечителю Петербургскаго округа и президенту академіи наукъ Н. Н. Новосильцеву.

Передъ отправленіемъ своимъ въ чужіе края, Потоцкій избралъ двухъ лицъ, которыя должны были позаботиться о скорѣйшемъ открытіи университета въ Харьковѣ; это были—назначенный профессоромъ во вновь учрежденный университетъ Илья Ѳедоровичъ Тимковскій и В. Н. Каразинъ. Первому поручались визитаціи училищъ и устройство университета, второму—только это послѣднее. О Тимковскомъ Потоцкій писалъ министру еще 31 декабря 1802 г., гдѣ говорилъ между прочимъ о необходимости имѣть въ Харьковѣ, при заведеніи и устроеніи университета, человѣка, который-бы, „принадлежа уже къ нему въ качествѣ профессора, имѣлъ надлежащее участіе и наблюденіе въ мѣстныхъ распоряженіяхъ, вмѣстѣ съ особами, избранными дворянствомъ, увѣдомлялъ-бы обо всемъ, что будетъ нужно и что будетъ соотвѣтствовать видамъ главнаго правленія училищъ". Главное правленіе училищъ вполнѣ одобрило выборъ Потоцкаго (7 февраля 1803 г.). Тогда же сдѣлано было представленіе и о В. Н. Каразинѣ.

Въ виду намѣренія этого послѣдняго отправиться немедленно въ Харьковъ, Сев. Ос. Потоцкій писалъ въ правленіе: „пользуясь сею удобностью, полагаю я, что по случаю отправленія В. Н. Каразина въ Харьковъ, полезно будетъ возложить на него первоначальныя распоряженія относительно учреждаемаго тамъ университета. Бывши помѣщикомъ оной губерніи, онъ, вѣроятно, много споспѣшествовать можетъ Тимковскому". Представленіе было уважено—и Василію Назаровичу было дано Потоцкимъ вѣрующее письмо, въ которомъ поручалось „принять всевозможныя мѣры касательно первоначальнаго устроенія Харьковскаго университета" для открытія его въ возможно скоромъ времени; „въ распоряженіяхъ вашихъ, говорилъ Потоцкій, будутъ вамъ вспомоществовать съ одной стороны г. профессоръ Тимковскій, котораго я не умедлю отправить отсюда въ качествѣ визитатора по училищной части всего Высочайше мнѣ ввѣреннаго учебнаго округа, съ другой—коммиссія тамошняго благороднаго дворянства и купечества, какъ скоро оная по избранію составлена будетъ. Доносить о своихъ дѣйствіяхъ

и получать распоряженія Каразинъ долженъ былъ отъ Новосильцева; этому же послѣднему онъ обязанъ былъ и отсылать суммы патріотическаго фонда. Изъ этого видно, что Каразину были предоставлены широкія полномочія, какъ довѣренной особѣ попечителя: Тимковскій и коммиссія должны были только помогать ему въ его начинаніяхъ; онъ же былъ подчиненъ прямо Новосильцеву [1]). И такія полномочія объясняются, конечно, тѣмъ, что Каразинъ, во 1-хъ, въ это время занималъ важный постъ правителя дѣлъ главнаго правленія училищъ, которое вѣдало тогда почти всѣми дѣлами Мин. Нар. Просв., а во 2-хъ, его руководящей ролью въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета.

Въ письмѣ къ Харьковскому губернатору А. К. Артакову Потоцкій писалъ: „Ваше Превосходительство предварены уже отъ министра Народнаго Просвѣщенія о новыхъ Высочайшихъ постановленіяхъ относительно до сей части, равно и о томъ, что Всемилостивѣйшему Государю Императору благоугодно было меня наименовать попечителемъ округа, къ коему въ отношеніи общественнаго воспитанія принадлежитъ Высочайше ввѣренная вамъ губернія. Въ семъ званіи имѣю честь поручить въ благорасположеніе ваше г. кол. сов. Каразина, коему, какъ участнику въ предположеніи дворянъ Слободской Украинской губ. соорудить университетъ, удостоенномъ Высочайшаго благоволенія, ввѣрилъ я мысли мои и начальныя распоряженія по сему предмету, совмѣстно съ профессоромъ Тимковскимъ, который отправленъ бывши визитаторомъ училищъ, такъ же не умедлитъ къ вамъ явиться. Удостоивъ г. Каразина милостиваго вашего вниманія и руководства, вы лично обязать изволите того, который въ нынѣшней своей должности не упуститъ никакого случая увѣрить васъ опытами въ истинномъ почитаніи, съ каковымъ честь имѣетъ пребыть навсегда, такой то [2]) (17 февр. 1803 г.)“.

Василій Назаровичъ выѣхалъ въ Харьковъ 18-го февраля, а Тимковскій остался пока въ Петербургѣ. И Каразинъ сталъ широко пользоваться предоставленною ему властью, тѣмъ болѣе что Тимковскаго пока еще не было, а дворянская коммиссія, какъ увидимъ далѣе, вовсе не была избрана. Такимъ образомъ нѣкоторое время онъ оставался единоличнымъ распорядителемъ всѣхъ дѣлъ. Прежде всего онъ обратился къ губернскому предводителю дворянства съ просьбой о высылкѣ изъ *патріотическаго приношенія* 10000 руб. въ Петербургъ на имя Н. Н. Новосильцева. Деньги эти предназначались на покупку библіотеки, на доставку ея въ Харьковъ, а также для вновь назначен-

---

[1]) Рус. Старина, 1875, сентябрь, стр. 195—196.

[2]) Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. университ.

ныхъ и утвержденныхъ профессоровъ. Библіотеку подбиралъ въ Петербургѣ самъ Каразинъ, а приглашенія профессоровъ устраивалъ, повидимому, Потоцкій. 26 марта В. Н. Каразинъ писалъ губ. предводителю Донцу-Захаржевскому.

„На основаніи врученнаго уже Вамъ отношенія отъ попечителя Харьковскаго университета и округа его, графа Северина Осиповича Потоцкаго, и письма Его Сіятельства ко мнѣ, уполномочивающаго меня дѣйствовать здѣсь по сему предмету, о содержаніи коего изъ прилагаемой при семъ копіи судить изволите, за обязанность поставляю немедленно приступить къ исполненію мнѣ порученнаго. И прежде всего извѣстить васъ честь имѣю: 1) что я доставилъ Его Превосходительству, господину гражданскому губернатору, подобно-же порученныя мнѣ отношенія отъ графа Потоцкаго и отъ Министра внутреннихъ дѣлъ, коихъ копіи равнымъ образомъ у сего прилагаю, перваго подъ литерою В, а второго подъ литерою С. Изъ полученныхъ свѣдѣній сужу я, что Высочайше назначена на Харьковскій народнаго просвѣщенія округъ сумма до ста тысячъ рублей на сей 1803 годъ, изъ коихъ большая часть безъ сумнѣнія обращена будетъ въ пользу университета.

Но отпускъ оной суммы еще не ассигнованъ, и вѣроятно нѣсколько времени пройдетъ еще, пока она может быть получена. Въ разсужденіи чего, дабы, сколько способовъ нашихъ достанетъ, поспѣшить открытіемъ сего важнаго училища, не разсудите-ли Вы согласно со мною, отправить немедленно въ С.-Петербургъ къ занимающему нынѣ должность попечителя за отсутствіемъ графа Северина Осиповича, господину президенту академіи наукъ и члену главнаго училищъ правленія, дѣйствительному камергеру Николаю Николаевичу Новосильцову, нѣкоторую сумму денегъ, заимообразно изъ кассы патріотическаго приношенія? По исчисленію моему, сдѣланному въ Петербургѣ и извѣстному обоимъ упомянутымъ членамъ главнаго училищъ правленія, довольно будетъ десяти тысячъ рублей. Отъ Васъ, милостивый государь, зависитъ взять для сего самыя пристойнѣйшія мѣры и отнестись къ господамъ уѣзднымъ предводителямъ. Съ моей стороны я въ доставленіи сей суммы въ распоряженіе Его Превосходительства Новосильцова не только не вижу ни малѣйшаго неудобства, но нахожу сіе совершенно согласнымъ съ 20-ю и 46-ю статьями *предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія* Высочайше изданныхъ по сей части; упомянутыя статьи не оставляютъ никакого сумнѣнія, что распоряженіе всѣми суммами на устроеніе и содержаніе училищъ принадлежитъ исключительно и единственно главному училищъ правленію и его членамъ каждому по своей части.

Сказанная сумма десять тысячъ рублей употреблена будетъ на первоначальную покупку библіотеки, доставленіе ея, также на доставленіе сюда принятыхъ уже и Его Императорскимъ Величествомъ утвержденныхъ профессоровъ, коимъ немедленно слѣдуетъ выдать на проѣздъ деньги и за треть жалованья впередъ.

За симъ, бывши всегда готовымъ съ таковою жъ откровенностію сообщать вамъ, и чрезъ васъ почтеннѣйшему корпусу Слободского Украинскаго дворянства каждое изъ моихъ дѣйствій, по данному мнѣ довѣрію, имѣющихъ составлять мою должность, имѣю честь быть съ истиннымъ почитаніемъ и преданностію

Вашимъ, Милостивый Государь,
всепокорнымъ слугою Василій Каразинъ.

Марта 26-го дня
1803 года. Харьковъ.

Губернскій предводитель дворянства изъ 10000 собралъ 6000 (изъ валковскаго уѣзда 2600 р., богодуховскаго 1300, ахтырскаго 1450, зміевскаго 650) и отправилъ ихъ въ Петербургъ. Тогда же Василій Назарьевичъ обратилъ вниманіе и на помѣщеніе для вновь учреждаемаго университета. Дѣло о ген.-губернаторскомъ домѣ для временнаго помѣщенія въ немъ университета началось еще въ февралѣ 1803 г., когда министръ внутреннихъ дѣлъ писалъ харьковскому губернатору Артакову: „главное правленіе училищъ, получивъ Высочайшее соизволеніе на заведеніе въ Харьковѣ университета и располагаясь вслѣдствіе того приступить къ построенію приличнаго ему дома, между тѣмъ, дабы не медлить открытіемъ университета, отнеслось ко мнѣ о назначеніи для него на первый случай временнаго въ Харьковѣ помѣщенія. Предполагая съ одной стороны, что университетъ помѣщенъ быть можетъ въ бывшемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ и зная съ другой, по дошедшимъ ко мнѣ свѣдѣніямъ, что если домъ сей нынѣ занятъ, дворянство, усердствуя скорѣйшему открытію училища, приметъ на себя замѣнить сіе помѣщеніе приличною квартирою, если другимъ образомъ распорядить сего будетъ не можно, я прошу Ваше Превосходительство увѣдомить меня, находите ли вы, по мѣстному вашему познанію, таковое предположеніе удобнымъ и можно ли будетъ въ непродолжительномъ времени привесть его въ дѣйство“ [1]).

---

[1]) Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

Губернаторъ Артаковъ, нежелая идти противъ воли своего министра, высказался по этому вопросу въ смыслѣ благопріятномъ для университета. „Для помѣщенія на 1-й случай университета, писалъ онъ, не нахожу я съ моей стороны удобнѣйшаго въ Харьковѣ дома кромѣ дома ген.-губ., а посему самому и сдѣлалъ я распоряженіе о выводѣ приказа общественнаго призрѣнія, губернской чертежной и аукціона, кои помѣщены въ нижнемъ этажѣ вышеупомянутаго дома; во флигелѣ казеннаго-жъ дома, построеннаго на случай открытія намѣстничества и занимаемаго нынѣ г. вице-губернаторомъ, каковой домъ въ разсужденіи его величины и пространной залы въ случаѣ надобности также можетъ быть занятъ съ удобностію для университета, ибо отъ дома ген.-губ. отдѣленъ онъ одною только улицею; самъ же я не умедлю очистить верхній этажъ, нынѣ мною занимаемый, коль скоро дороги въ городѣ просохнутъ“ [1]).

Въ письмѣ губернаторъ соглашался на уступку университету обоихъ домовъ; но несомнѣнно, что дѣлалъ онъ это крайне не охотно; въ данномъ случаѣ нарушались его собственные интересы: въ ген.-губ. домѣ помѣщались его квартира и присутственныя мѣста, которыя нужно было переводить въ другое зданіе; а между тѣмъ подходящихъ домовъ въ то время въ Харьковѣ почти вовсе не было. Губернскій предводитель дворянства былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ съ губернаторомъ, такъ какъ этотъ послѣдній поддерживалъ изюмскаго предводителя Капустянскаго, который своей оппозиціей тормозилъ дѣло пожертвованій. Это неудовольствіе ясно выразилось въ отвѣтѣ Донца-Захаржевскаго на обращеніе къ нему Артакова по дѣлу о генералъ-губернаторскомъ домѣ. „Честь имѣю увѣдомить Ваше Превосходительство, писалъ Захаржевскій Артакову, что въ Харьковѣ есть два казенныхъ дома, купленныхъ изъ винной суммы для двухъ квартировавшихъ здѣсь шефовъ. Впрочемъ я не вправѣ одинъ безъ согласія дворянства располагать дворянскою суммою, какъ въ данномъ случаѣ, такъ и вообще; при томъ надѣюсь, что и Вы захотите сохранить въ цѣлости въ пользу университета безъ отвлеченія на посторонніе предметы всю дворянскую сумму; а потому не благоугодно-ли вамъ будетъ занять 2 вышеуказанные дома, никѣмъ теперь не занятые: въ избѣжаніе же дальнѣйшихъ переписокъ препровождаю копію дворянскаго протокола, котораго Вы 4 раза требовали отъ меня по одному неосновательному донесенію Капустянскаго, который и понынѣ не отстраненъ вами отъ должности и не преданъ суду за свои упущенія по должности уѣзднаго предводителя“ [2]). Очевидно

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп., № 1 (по архиву), № 1 (по картону).

[2]) Архивъ Харьк. депут. собр. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

В. Н. Каразинъ долженъ былъ исполнять свою миссію при очень неблагопріятныхъ условіяхъ. Между прочимъ ему предстояло убѣдить Донца-Захаржевскаго въ томъ, о чемъ писалъ тому губ. Артаковъ, и онъ это сдѣлалъ въ томъ письмѣ, отрывокъ изъ котораго мы привели уже раньше. „Получилъ я согласіе, писалъ онъ Донцу-Захаржевскому, на то, чтобы генералъ-губернаторскій домъ служилъ для временнаго помѣщенія университета до того, пока приличное ему зданіе соорудится. Но какъ извѣстно мнѣ, что министръ къ сей толико благоспѣшествующей для новаго заведенія мѣрѣ наипаче подвигнутъ былъ увѣреніемъ, что дворянство приметъ на себя замѣнить нынѣшнее помѣщеніе господина губернатора приличною квартирою, или будетъ къ сему способствовать другимъ образомъ, то за долгъ мой почитаю представить на разсужденіе ваше, не должно ли по крайней мѣрѣ на счетъ дворянской суммы, хотя изъ кассы патріотическаго приношенія, привести въ жилое состояніе тотъ домъ, который господинъ губернаторъ нынѣ занять располагаетъ. Оной купленъ на счетъ общественныхъ сего города доходовъ и принадлежалъ прежде г-ну Мордвинову. Внутренняя починка и нѣкоторая дополнительная меблировка дому сего не можетъ, кажется, большаго стоить и нужна будетъ конечно только на первой разъ. Такимъ образомъ, какъ благородное общество, такъ и городское, оба содѣйствовали бы къ скорѣйшему исполненію желаній министра и попечителя". Письмо возымѣло свое дѣйствіе: 8 мая В. Н. Каразинъ уже принялъ въ свое вѣдѣніе этотъ домъ (нынѣшняя канцелярія совѣта, правленія и квартира г. попечителя) [1]). Сохранилась пріемная опись этого дома, изъ которой видно, что онъ дѣйствительно требовалъ большого ремонта и при томъ по размѣрамъ далеко не соотвѣтствовалъ своему новому назначенію (въ немъ было всего 32 комнаты) [2]). В. Н. Каразинъ потре-

---

[1]) Въ описаніи г. Харькова 1802 г. читаемъ: „домъ 2-хъ этажный со службами и флигелями, обведенный каменной оградой, построенный для жительства губернатору".

[2]) Въ виду того, что университетъ и теперь отчасти находится въ этомъ *временномъ* своемъ помѣщеніи, приводимъ цѣликомъ этотъ любопытный „расписной списокъ": каменный корпусъ съ погребами о двухъ этажахъ подъ желѣзною крышею и стропилахъ таковыхъ же о 32 покояхъ, изъ коихъ въ нижнемъ этажѣ прихожія парадныя сѣни, а изъ нихъ въ правую сторону 7 покоевъ и 1 корридоръ, оставя-жъ оныя съ первыхъ сѣней влѣво другія сѣни, изъ коихъ ходъ на верхній этажъ и нижній залъ, изъ котораго въ правую сторону жилыхъ 7 покоевъ и маленькія сѣни съ лѣстницею на верхній этажъ и выходъ во дворъ, влѣво-жъ того зала полукруглый покой и изъ оного другія маленькія сѣни также съ лѣстницею въ верхній этажъ и выходъ во дворъ; особо съ сихъ сѣней ходъ прямо въ 4 покоя. Во всѣхъ тѣхъ нижняго этажа покояхъ мебелей кромѣ висящаго въ пер-

бовалъ, чтобы къ этому ген.-губ. дому былъ присоединенъ еще находившійся противъ него вице-губернаторскій (гдѣ нынѣ церковь и ак-

---

выхъ сѣняхъ ветхаго большаго въ желѣзныхъ рамахъ фонаря никакихъ не имѣется; въ нихъ одинъ очагъ и 16 изразцовыхъ печей, при коихъ затворокъ 14, дверей двойныхъ 22, при коихъ замковъ безъ ключей 13, оконъ 33, въ коихъ разбитыхъ стеколъ 12.

Въ верхнемъ этажѣ изъ первыхъ сѣней ходъ въ правую сторону 6 покоевъ съ коррпдоромъ и маленькими сѣнями, въ коихъ лѣстницы вверхъ и внизъ; изъ первой же комнаты ходъ въ парадный залъ; изъ оного вправо 4 покоя, а влѣво полукруглый одинъ покой и при немъ маленькія сѣни съ лѣстницами на верхъ и внизъ да особо изъ первыхъ сѣней на лѣвую сторону 4 покоя; во всѣхъ сихъ покояхъ изразцовыхъ печей 19, къ нимъ затворокъ 15, оконъ 34, въ коихъ разбитыхъ стеколъ 10, дверей 25, замковъ 23 и къ онымъ ключей 13; замки и задвижки по большей части требуютъ починки, равно и нѣкоторыя оконечныя рамы.

Мебелей:

Хрустальныхъ *люстръ* съ позолоченными чашками и съ разбитыми въ нѣкоторыхъ мѣстахъ свѣчными уставками 3; зеркалъ двойныхъ большихъ въ красныхъ рамахъ съ вызолоченными краями 3, въ вызолоченныхъ рамахъ большихъ же двойныхъ, изъ коихъ въ одномъ край отбитъ—5; стѣнныхъ подсвѣшниковъ мѣдныхъ вызолоченныхъ тройныхъ, изъ коихъ въ 6 по одной ручкѣ не имѣется—10, двойныхъ, изъ коихъ въ первомъ трубки нѣтъ—11, малыхъ двойныхъ 2. *Гардинъ* бѣлыхъ миткальныхъ съ таковыми-жъ подзорами 8, шелковыхъ зеленаго полуобъяру худыхъ съ подзорами 4, изъ коихъ подзоры при двухъ того жъ цвѣту, а при двухъ миткальные. *Диванъ* съ ситцевою большою подушкою. *Столовъ* ломберныхъ худыхъ съ наклейкою краснаго дерева 4, полуцыркульный съ мѣдною бронзою, наклеенный разнымъ цвѣтнымъ деревомъ—1, наугольныхъ краснаго дерева, изъ коихъ одинъ худой—3, штучныхъ большихъ—2, простыхъ сосновыхъ 2, комодъ старый, наклеенный чернымъ деревомъ. *Креселъ*—обитое малиновымъ бархатомъ съ таковою жъ подушкою 1, обитыхъ краснымъ бараканомъ 20, круглыхъ стульевъ, обитыхъ таковымъ же бараканомъ 3, табуре, обитое таковымъ же бараканомъ 1, овальная софа, обитая краснымъ же бараканомъ 1, канапе, обитое таковымъ же бараканомъ съ подушкою таковою-жъ въ родѣ дивана 1, шкафъ простаго дерева съ дверцами новый бѣлый 1, шкафъ простаго-жъ дерева большой выкрашенный съ 3 дверцами 1, шкафъ съ разбитымъ однимъ стекломъ 1, стульевъ простыхъ съ кожаными подушками 5, большихъ фонарей на ножкахъ 2.

При ономъ домѣ флигелей каменныхъ подъ желѣзною крышею и на таковыхъ же стропилахъ два, изъ коихъ одинъ съ правой стороны; въ немъ каретный сарай съ поломъ и потолкомъ и съ двумя двойными воротами, въ коемъ шкафъ деревянный старый безъ задней стѣнки одинъ; при немъ людскихъ избъ 2 безъ половъ и съ худыми 7 окнами, въ коихъ печей кирпичныхъ варистыхъ 2, лавокъ изъ поварныхъ столовъ 3, чугунный вмазанный въ печку котелъ, конюшня о 28 стойлахъ и для ссыпки овса 2 по краямъ амбарчика; близь конюшни деревянный скотный сарай и особо деревянный хлѣбный амбаръ съ закромами и съ поломъ, покрытъ гонтою. 2-й съ лѣвой стороны; въ немъ двѣ кухни съ двумя очагами и одною варистою печью; въ оныхъ поварныхъ столовъ 4 да лавокъ изъ такихъ же столовъ 2; за кухнею людскихъ съ сѣнцами избъ 8 съ 20 окнами; въ оныхъ пе-

товая зала) [1]). Но вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ уже послѣ отъѣзда Каразина изъ Харькова, при Тимковскомъ. В. Н. Каразинъ, получивъ въ свое вѣдѣніе ген.-губ. домъ, приступилъ немедленно къ приспособленію его подъ университетъ и со свойственною ему поспѣшностью велѣлъ прибить къ нему доску съ надписью „государственный университетъ". Дѣло однако сильно тормозилось полнымъ отсутствіемъ средствъ: патріотическіе сборы почти не поступали, а должной дворянамъ суммы (около 70000 р.), несмотря на состоявшееся постановленіе, также не выдавали изъ Государственнаго казначейства. Но Каразинъ не падалъ духомъ и, какъ видно изъ письма его къ Тимковскому (отъ 24 марта 1803 г.), имѣлъ радужныя надежды на будущее и уговаривалъ его поскорѣе присылать профессоровъ Рижскаго, Осиповскаго и Делявиня [2]). О своихъ мѣропріятіяхъ В. Н. Каразинъ писалъ и Потоцкому, отъ котораго въ отвѣтъ получилъ слѣдующее письмо изъ Петербурга.

Милостивый государь мой,
Василій Назарьевичъ!

Нечаянным случаемъ до сихъ поръ не удалось мнѣ еще отправиться въ путь, такъ давно предположенный; теперь я собрался уже въ дорогу и надѣюсь выѣхать завтра навѣрно. Между тѣмъ вчера Его Превосходительство Николай Николаевичъ доставилъ ко мнѣ письмо ваше къ нему, при которомъ и деньги 4000 рубл. изъ составленной слободскимъ украинскимъ дворянствомъ суммы присланы. Благодарю васъ за всѣ принятыя вами заботы, о которыхъ въ письмѣ своемъ

чейваристыхъ кирпичныхъ 4, въ коихъ полы вѣтхіе, ледникъ большой одинъ да близь ледника особо деревянный хлѣбный амбаръ безъ закромовъ и дверей, покрытъ гонтою.

Ограда каменная съ 2 воротами и на углахъ двумя круглыми каменными бесѣдками, каждая о трехъ окнахъ, на коихъ крыши деревянныя, вѣтхія, штукатурка вся испорчена, окна съ разбитыми стеклами вѣтхія, дверей нѣтъ; внутри и снаружи требуется подмазка и побѣлка.

По сей описи сдалъ совѣтникъ Титовъ.

По сей описи принялъ по порученію попечителя Харьковскаго округа народнаго просвѣщенія тайнаго совѣтника и сенатора графа Потоцкаго кол. сов. Василій Каразинъ. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло попеч. канц. № 1 по архиву, № 1 по картону).

[1]) Въ томъ-же описаніи г. Харькова 1802 г. говорится: „деревянный залъ, обложенный кирпичемъ со службами, выстроенъ при открытіи бывшаго намѣстничества и нынѣ занимается вице-губернаторомъ" (см. изданное мною „Опис. Слоб. Укр. губ." 1802 г., стр. 20).

[2]) Кіев. Стар. 1891, августъ, стр. 233—234.

увѣдомляете, и вмѣстѣ радуюсь, что дѣло идетъ порядочно и хотя мало по малу, но все успѣшно. Какъ ассигнованная изъ казны на университетъ сумма еще не выдана, то присланныя вами кстати деньги послужатъ къ скорѣйшему отправленію г. профессора Тимковскаго и вмѣстѣ гг. профессоровъ Де-Лявинь и Осиповскаго и недавно принятаго мною адъюнкта Ланге; остатокъ же обратится на покупку книгъ; а что касается до г. профессора Рижскаго, который получилъ отъ меня дозволеніе остаться здѣсь по собственнымъ надобностямъ на мѣсяцъ или на два, то слѣдующія ему впередъ деньги получитъ онъ изъ тѣхъ, коихъ присылкою вы обѣщаете не замедлить, или изъ казенной суммы, которая будучи ассигнована, вѣроятно, вскорѣ и отпущена будетъ на университеты; равномѣрно тогда же неотложно пойдетъ дѣло о покупкѣ книгъ и типографіи. Нѣтъ здѣсь ни малѣйшаго сомнѣнія, что дворянство и граждане слободской-украинской губерніи, какъ теперь, такъ и въ предбудущее время съ одинакимъ соревнованіемъ соотвѣтствовать будутъ благоволенію къ нимъ государя императора, и не замѣшкаютъ свои приношенія составить въ общую сумму, которую предполагаю я употребить сколько можно болѣе на предметы казистые и пребывающіе, чтобы они всегда свидѣтельствовали, всегда напоминали потомству о семъ отличномъ и примѣрномъ для другихъ подвигѣ ко благу своего края и своего отечества, какъ-то: на новыя зданія, ботаническій садъ, разные кабинеты и тому подобное, также и на содержаніе бѣдныхъ студентовъ.

И если что изъ этой суммы издержано будетъ на предметы не столь видные, то не инако, какъ заимообразно, каково и ваше есть мнѣніе. Лестнымъ предзнаменованіемъ почитаю ревностное и дѣятельное благорасположеніе, какъ дворянства и гражданъ, такъ и господина губернатора тамошнихъ къ заведенію университета. Усугубить мои попеченія объ немъ, съ живѣйшею преданностью смотрѣть на его успѣхи возрастающіе, побуждаюсь. Впрочемъ гг. профессоры обезпечены уже и удовольствованы отъ самой казны. Дому, такъ называемаго генералъ-губернаторскаго, кажется очень, и можетъ быть слишкомъ, достаточно для университета; и когда помѣщеніе въ немъ нѣсколькихъ профессоровъ есть уже излишекъ и роскошь, тѣмъ болѣе недостаетъ никакой надобности въ упоминаемомъ вами вице-губернаторскомъ домѣ, дабы не понести при томъ убыточныхъ и напрасныхъ издержекъ; между тѣмъ, какъ много потребно въ самомъ началѣ на одно необходимое и пристойнѣйшее. Въ этомъ я полагаюсь на искреннее усердіе ваше. О подробностяхъ же относительно расходовъ узнаете отъ г. Тимковскаго, которому дано уже отъ меня въ сей силѣ предписаніе и который такъ

неусыпно трудится здѣсь въ пользу университета. За симъ увѣдомляю васъ, что на всѣ вышеописанныя положенія, по содержанію вашего письма, и Николай Николаевичъ совершенно согласенъ. Нетерпѣливо желаю, выписавъ профессоровъ изъ чужихъ краевъ, навѣстить Харьковъ, по возвращеніи моемъ въ Россію.

Съ истиннымъ къ вамъ почтеніемъ и всегдашнею
преданностію имѣю честь быть,
милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою
Гр. Северинъ-Потоцкій.

Апрѣля 11-го дня
1803 г.

Затѣмъ подробный отчетъ о своей харьковской дѣятельности В. Н. Каразинъ сообщилъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, исправляющему должность попечителя Н. Н. Новосильцеву. Отчетъ этотъ чрезвычайно интересенъ для уясненія роли Каразина въ первоначальномъ устроеніи Харьковскаго университета. Изъ него видно, что Василій Назарьевичъ заботился и о приготовленіи временныхъ помѣщеній для университета, и о пріобрѣтеніи большого мѣста по Сумской дорогѣ подъ постоянныя зданія для него, и побуждалъ къ пожертвованіямъ сосѣднія губерніи, и хлопоталъ объ отпускѣ той суммы, которую должна была харьковскимъ дворянамъ казна, и заботился уже о студентахъ для будущаго университета, и высказывалъ свои соображенія объ устройствѣ училищной части въ предѣлахъ харьковскаго учебнаго округа. Въ вопросѣ о размѣрахъ временнаго помѣщенія для университета Каразинъ разошелся съ Потоцкимъ (онъ считалъ необходимымъ воспользоваться и вице-губернаторскимъ домомъ)—и дальнѣйшія событія показали, что правъ былъ Каразинъ; но самымъ важнымъ въ этомъ письмѣ является то мѣсто, въ которомъ проэктируется устройство постоянныхъ зданій по Сумскому шоссе, гдѣ нынѣ университетскій садъ. Такимъ образомъ, *первая* мысль объ этомъ мѣстѣ принадлежитъ не Тимковскому, который еще не пріѣзжалъ тогда въ Харьковъ, а Каразину: Тимковскій былъ только продолжателемъ Каразина, съ чѣмъ вполнѣ совпадаетъ и свидѣтельство Филадельфа Васильевича Каразина. По его словамъ, это огромное мѣсто въ 318000 кв. саж. уступали Василію Назарьевичу за 6000 руб. [1]). Приводимъ письмо В. Н. Каразина къ Н. Н. Новосильцеву цѣликомъ.

„Исполнивъ отчасти порученіе о Харьковскомъ университетѣ, котораго удостоилъ меня господинъ попечитель онаго и его округа,

---

[1]) Рус. Старина, 1875, окт., стр. 270.

вамъ заступающему для меня мѣсто его сіятельства, какъ по безпредѣльной довѣренности, которую Вы отъ него по сему предмету на все время отсутствія его въ чужіе края имѣете, такъ и по дѣятельному, истинно патріотическому ревнованію о успѣхахъ просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, честь имѣю донести слѣдующее, въ дополненіе къ тому, о чемъ я уже предварилъ ваше превосходительство въ донесеніи моемъ изъ Харькова.

Въ проѣздъ мой чрезъ Москву, нашелъ я тамъ господъ профессоровъ Харьковскаго университета, Тимковскаго, Осиповскаго и Делявиня; и давши имъ всѣ нужныя для нихъ мѣстныя свѣдѣнія о будущемъ ихъ пребываніи, перваго просилъ я продолжать исполненіе всего того, что мнѣ собственно отъ графа Северина Осиповича предоставлено было. На сей конецъ, съ его согласія, снабдилъ я его отношеніями къ губернатору и губернскому предводителю. Господа профессоры, по прибытіи въ Харьковъ, найдутъ удобное выгодное помѣщеніе въ казенномъ бывшемъ генералъ-губернаторскомъ домѣ, которой я на основаніи позволенія, даннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, надлежащимъ образомъ принялъ отъ казенной палаты; и опись принятаго мною, равно какъ и планъ дому, у сего приложить честь имѣю. Что до послѣдняго принадлежитъ, то долженъ я донести вашему превосходительству, что, не взирая на предпринятыя и производимыя теперь передѣлки, не возможно помѣстить въ ономъ всего университета, ниже въ первоначальномъ, несовершенномъ его состояніи. Изъ росписанія, которое я сдѣлалъ, изволите Вы увидѣть необходимость въ другомъ казенномъ противолежащемъ домѣ, которой былъ построенъ въ видѣ залы на случай открытія намѣстничества, доселѣ съ нѣкоею передѣлкою внутри служилъ жилищемъ губернаторамъ и вице-губернаторамъ. Изъ послѣднихъ господинъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Картвелинъ оставилъ его, да и нынѣшній, господинъ Наврозовъ, по неудобности онаго къ помѣщенію малочисленной фамиліи, предпочелъ жить въ наемномъ домѣ, какъ я о томъ свѣдѣніе уже имѣю. Сомнѣваться не можно, что его сіятельство министръ внутреннихъ дѣлъ, столько содѣйствовавшій въ пользу сей части, по первому отзыву вашему, возьметъ на себя трудъ исходатайствовать у Государя Императора временную уступку обоихъ сихъ домовъ университету, доколѣ собственно для него назначенное зданіе на пристойномъ мѣстѣ сооружено будетъ. Кажется, что сіе не продолжится болѣе осьми лѣтъ, начиная съ его открытія. Между тѣмъ, упомянутые губернскіе чиновники могутъ занимать другіе дома, принадлежащіе городу, какъ то изъ нихъ первый переѣхалъ уже въ домъ, купленный на счетъ общественныхъ городскихъ суммъ у г. Мордвинова,

которой для него приличнымъ образомъ при мнѣ исправленъ и меблированъ; для вице-губернатора осмѣлился бы я предложить домъ, купленный на счетъ таковыхъ же суммъ у г. Сонцева; оной стоитъ теперь въ пустѣ, и равномѣрно можетъ быть отдѣланъ соотвѣтственно своему назначенію. Употребленная на сіе изъ извѣстнаго капитала, принадлежащаго университету, издержка, равно какъ и та, каковой стоить будутъ передѣлка и приготовленіе обоихъ выше упомянутыхъ казенныхъ домовъ по предположенію, которое изъ представляемыхъ мною плановъ ихъ усмотрѣть изволите, весьма не важны въ сравненіи съ чрезвычайною пользою, какую доставитъ немедленное открытіе сего училища. Почти все къ сему уже изготовлено: остается вашему превосходительству отношеніями своими подвинуть духовныя и гражданскія начальства губерніи, составляющія Харьковскій округъ, къ обнародованію въ мѣстахъ имъ подвѣдомыхъ, что университетъ въ теченіи сентября мѣсяца непремѣнно откроется, на тотъ конецъ, дабы желающіе молодые люди, приготовленные уже предварительнымъ ученіемъ, могли представиться въ оный заблаговременно. Подобныя же побужденія отъ васъ безъ сомнѣнія довершатъ то, что я началъ, относительно до приведенія въ дѣйство обнаруженной нѣкоторыми губерніями готовности соревновать слободской украинской приношеніями въ пользу университета. О екатеринославской и воронежской губерніяхъ я по полученнымъ мною отъ губернатора первой и нѣкоторыхъ дворянъ послѣдней свѣдѣніямъ никакъ не сомнѣваюсь. Ту же надежду можно имѣть относительно и до двухъ малороссійскихъ, о подвигѣ коихъ увѣдомлены вы уже отъ первѣйшаго виновника онаго, его сіятельства господина тамошняго генералъ-губернатора. Но съ другой стороны, какъ всѣ таковыя суммы, по предположенію вашему и графа Северина Осиповича, должны быть употреблены на вещи постоянныя, которыя бы остались навсегда въ виду у потомства, то текущія издержки университета и содержаніе его чиновниковъ требовать будутъ отпуска нѣкоторой доли назначенной на округъ его суммы, въ числѣ Высочайше ассигнованныхъ пятисотъ тысячъ по сей части на нынѣшній годъ. Безъ сомнѣнія, изволите Вы поспѣшить изъ сей же суммы перевесть въ Вѣну къ графу Северину Осиповичу количество денегъ, въ которомъ онъ будетъ имѣть надобность на доставленіе профессоровъ и другія издержки, съ должностію его неразлучныя. Осмѣливаюсь также всепокорнѣйше просить отъ имени слободско-украинскихъ господъ дворянъ о благосклонномъ съ вашей стороны ходатайствѣ по департаменту внутреннихъ дѣлъ, дабы слѣдующіе имъ изъ казны за доставку въ 1789 году воловыхъ фуръ и лошадей къ арміи, и назначенные въ числѣ четырехсотъ тысячной

суммы къ первоначальному употребленію на университетъ, 66910 руб. были рѣшительно ассигнованы къ полученію.

Правительствующій сенатъ въ докладѣ своемъ призналъ уже сію сумму принадлежащею упомянутому дворянству; а подобная ей, слѣдовавшая екатеринославскимъ дворянамъ, въ свое время и отпущена. Если бы сія сумма могла получиться въ нынѣшнемъ году, то всѣ прочія обстоятельства позволили бы приступить къ изготовленію матеріаловъ для новаго университетскаго зданія и къ самому заложенію онаго, коль скоро избранное мною для сего мѣсто попечителемъ утверждено будетъ. Здѣсь имѣю честь приложить его планъ и имянной списокъ обывательскихъ дворовъ и садовъ, которые должно будетъ для очищенія сего мѣста пріобрѣсти покупкою. Положеніе онаго, возвышенность, свойство почвы, близость воды и многія другія причины, при обозрѣніи представляющіяся съ перваго взгляда, дѣлаютъ его единственнымъ въ городѣ. Планъ самаго зданія заготовляется подъ присмотромъ моимъ и на моей квартирѣ архитекторомъ, титулярнымъ совѣтникомъ Васильевымъ, ученикомъ славнаго Г. Гваренія. Я буду имѣть честь поднести его вамъ въ непродолжительномъ времени. Наконецъ, обязанностью моею почитаю еще, основываясь на пріобрѣтенныхъ мною мѣстныхъ свѣдѣніяхъ, донести вашему превосходительству слѣдующее. Обширный округъ, котораго средоточіемъ Августѣйшему государю императору благоугодно было назначить городъ Харьковъ, и который заключаетъ въ себѣ почти всю полуденную часть Россіи, представляетъ въ самомъ началѣ величайшую удобность къ исполненію премудрыхъ намѣреній, ввѣренныхъ попечительности главнаго училищъ правленія. Въ семъ округѣ нашелъ я жителей, понимающихъ цѣну народнаго воспитанія, издавна уже привыкшихъ уважать города, гдѣ преимущественно пріобрѣтаются его начала, жителей, которыхъ не трудно склонить къ споспѣшествованію училищныхъ заведеній всѣми способами. Увѣренну быть можно, что при нѣкоторомъ ободреніи со стороны правительства суммы, назначенныя на содержаніе тамъ училищъ, непримѣтно составятся на самыхъ мѣстахъ безъ малѣйшаго отягощенія казны отъ доходовъ, обществамъ принадлежащихъ, и отъ избытковъ частныхъ людей, чему въ обѣихъ малороссійскихъ губерніяхъ, попеченіями господина генералъ-губернатора, въ слободской и екатеринославской, собственными движеніями дворянства и гражданства представляются уже примѣры. Тамъ издавна заведенныя училища представляютъ въ себѣ счастливое соединеніе всѣхъ состояній, которыя, воспитываясь подъ однимъ кровомъ съ одинакими правами, не чувствительно привыкаютъ взаимно уважать себя и дорожить общественнымъ союзомъ, на оди-

накой степени просвѣщенія основаннымъ. Торговля издавна расположившая мѣста стеченій народныхъ съ удовольствіемъ находитъ, что въ нихъ же мудрое правительство расположило центральныя учрежденія въ пользу наукъ: она будетъ имъ способствовать. Изобиліе земли и кротость климата, доставляя болѣе досужества человѣку, болѣе располагая способности его заниматься нравственными предметами, представятъ большее число юношей, могущихъ посвятить себя ученію съ пользою для отечества. Вмѣсто довода, осмѣливаюсь донести вашему превосходительству, что въ одномъ Харьковѣ, городѣ малолюдномъ, изъ числа самыхъ неважныхъ губернскихъ городовъ, нашелъ я около пятидесяти человѣкъ, годныхъ къ непосредственному поступленію студентами въ университетъ, и вмѣстѣ съ симъ подношу нѣкоторыя произведенія въ россійской словесности (среди обыкновенныхъ уроковъ представленныя учителямъ) четырнадцати и пятнадцатилѣтнихъ воспитанниковъ тамошнихъ училищъ, училищъ, возникшихъ безъ дальняго попеченія мѣстнаго начальства, и по нынѣ весьма недостаточно снабдѣваемыхъ учителями и учебными пособіями. Я увѣренъ, что вы сіи провинціальные опыты найдете предвѣстіями самыхъ счастливыхъ въ будущности успѣховъ, и если изволите взять въ разсужденіе то великое число молодыхъ людей, которое наполняетъ обыкновенно духовныя и свѣтскія училищныя заведенія губерній орловской, курской, слободско-украинской, воронежской, екатеринославской и обѣихъ малороссійскихъ, и съ которымъ однѣ губерніи столичныхъ городовъ могутъ выдержать сравненіе, если изволите также представить количество духовныхъ и свѣтскихъ учителей, чиновниковъ въ разныхъ должностяхъ, въ томъ числѣ особливо землемѣровъ, архитекторовъ, инженеровъ, также и художниковъ, доставляемыхъ изъ губерній сего округа въ другія губерніи, то найдете конечно новыя побудительныя причины обратить на сей край и на будущій его университетъ вниманіе высокаго министерства. Въ семъ разумѣ, осмѣливаюсь всепокорнѣйше испрашивать соображенія, не выгоднѣе ли для казны и не соотвѣтственнѣе ли общественной пользѣ будетъ, если изъ семинарій, находящихся въ Харьковскомъ округѣ, не требовать студентовъ въ С.-Петербургъ въ число ста человѣкъ, по предположенію имѣющихъ поступить въ учительскую гимназію, а вмѣсто сего по сношенію съ Святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ соразмѣрное количество оныхъ назначить къ поступленію въ Харьковскій университетъ, который безъ сомнѣнія откроется не позже сентября мѣсяца сего года и можетъ, на основаніи 39 статьи предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, въ педагогическомъ институтѣ съ равнымъ успѣхомъ и въ то же время при-

готовить учителей къ исполненію мѣстъ въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ своего округа. Такимъ образомъ, затрудненія отъ дальняго пути и отъ перемѣны климата столько опасной для здоровья, равно какъ и отъ скоропостижной перемѣны мѣста, окруженнаго стѣнами и почти безмолвнаго, на шумную и роскошную столицу, перемѣны, кажется, не меньше опасной для нравственности молодыхъ людей, исчезнутъ сами собою. Семинаристы всеконечно предпочтутъ ѣхать въ Харьковъ, коль скоро не взяты будутъ мѣры необходимости, а на волю ихъ предоставится избрать тотъ или другой путь, да и неоспоримою истиною принять можно, что они больше причинъ будутъ имѣть къ соревнованію въ наукахъ, находясь почти въ виду своихъ родителей, родственниковъ, друзей и тѣхъ начальствъ, предъ очами которыхъ всегда лестно для нихъ было успѣхами отличаться. Съ другой стороны, я не вижу возможности наполнить педагогическій институтъ университета ближе и соотвѣтственнѣе его назначенію, какъ съ помощію семинаріи. Мысль вашего превосходительства была всегда, что не должно отлагать введеніе системы по части народнаго просвѣщенія, на предварительныхъ онаго правилахъ начертанной, и что тѣмъ менѣе должно отъ оной удаляться, на сей мысли я основываю покорнѣйшее мое представленіе. Впрочемъ, въ тамошнихъ мѣстахъ вообще ласкаются надеждою, что главное училищъ правленіе исходатайствуетъ всемилостивѣйшее позволеніе пользоваться преподаваніемъ наукъ въ университетахъ и гимназіяхъ безъ различія состояній духовнаго отъ гражданскаго. Будетъ ли сіе соотвѣтствовать общественной и государственной пользѣ, я не смѣю здѣсь разрѣшить, но представляю по всѣмъ правамъ судить о томъ вашему просвѣщенному разуму и вашему сердцу, которыхъ высокими предметами всегда были: слава возлюбленнѣйшаго изъ монарховъ и благо его вѣрноподданныхъ.

Василій Назаріевъ сынъ Каразинъ.

Іюня 10-го 1803 г. [1]).

[1]) Арх. харьк. депут. собр. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив. Филадельфъ Васильевичъ сообщаетъ, что на копіи этого представленія самъ Василій Назарьевичъ сдѣлалъ характерную приписку: „подъ разными видами и предлогами представляема была къ подписанію 4 раза; въ 5-й, наконецъ, соглашено написать приложенное здѣсь по сему предмету ноября“.... Изъ этого можно заключить, говоритъ Филадельфъ Васильевичъ, какъ не легко доставалась ему каждая министерская бумага по харьковскому дѣлу (Рус. Стар., ноябрь, 1875, стр. 473).

Пребываніе Каразина въ Харьковѣ ознаменовалось между прочимъ посылкою отъ имени губ. пред. Донца-Захаржевскаго циркулярнаго обращенія къ уѣзднымъ предводителямъ [1]), въ которомъ они приглашались явиться въ Харьковъ по университетскому дѣлу.

Съѣздъ уѣздныхъ предводителей дѣйствительно состоялся 21 апрѣля 1803 г., но онъ отклонилъ отъ себя всякое участіе въ дѣлѣ распоряженія дворянскою суммою.

На этомъ засѣданіи состоялся цѣлый рядъ важныхъ постановленій. „Всемилостивѣйшій государь, такъ начинается протоколъ этого засѣданія, изъявляетъ въ рескриптѣ благоволеніе свое къ дворянству губерніи за приношеніе его на университетъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя самымъ незабвеннымъ, самымъ лестнымъ для истинной славы образомъ предадутъ о семъ подвигѣ память потомству. Благословляя

[1]) Въ циркулярѣ Донца-Захаржевскаго, составленномъ Василіемъ Назарьевичемъ, говорилось: „лестно для сердца моего, что я патріотическому подвигу почтеннаго нашего корпуса избранію обязанъ за полученный мною лично знакъ монаршей милости; лестно видѣть, что всемил. государь, къ засвидѣтельствованію благоволенія своего, толико драгоцѣннаго для сего корпуса, удостоилъ причесть и сіе отличіе. Вы получили уже письмо гражданскаго губернатора, содержащее приглашеніе его превосходительства въ Харьковъ, чтобъ при семъ случаѣ не упустить сдѣлать окончательнаго положенія о сборѣ и точномъ назначеніи дворянской суммы; нахожу я необходимо нужнымъ, чтобъ вы, мил. гос. мой, испросили у дворянства вашаго уѣзда довѣренность па избраніе ваше, обще съ другими господами предводителями, членовъ коммиссіи университета, такъ какъ весьма затруднительно будетъ единственно для сего предмета составлять общее собраніе дворянства. Вы изволили замѣтить изъ Высочайше изданныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, что распоряженіе всѣми суммами на училища подчинено уже общему закону и ввѣрено главному правленію училищъ и попечителямъ университетовъ, составляющихъ оное; слѣдовательно, три члена коммиссіи, предположенные нами въ актѣ 1 сентября прошедшаго года, изберутся на тотъ лишь конецъ, чтобъ чрезъ нихъ сдѣлать дворянство свидѣтелемъ благонамѣреннаго употребленія его суммы. Должность ихъ не можетъ быть затруднительна и всегдашнее пребываніе въ губернскомъ городѣ не есть необходимость. Присемъ прилагаю и копіи съ отношенія ко мнѣ попечителя Харьковскаго округа и съ довѣренности его сіятельства, данной сочлену нашему Василію Назарьевичу Каразину, на основаніи которыхъ я считаю нужнымъ безъ замедленія приступить къ открытію коммиссіи, ибо желаніе попечителя есть—въ теченіе нынѣшняго же лѣта открыть университетъ. Къ счастію, въ семъ не встрѣтится затрудненій; съ одной стороны я увѣренъ, что господа уѣздные предводители собственною дѣятельностью и примѣромъ расположатъ благородное дворянство къ скорѣйшему взносу суммы, съ другой высшее правительство никакихъ не упуститъ мѣръ; донынѣ уже облегчило оно все къ тому пути, назначивъ достойное помѣщеніе для сего важнаго училища и сумму изъ государственныхъ казначействъ въ пособіе дворянской, о чемъ въ пріѣздъ вашъ сюда вы подробнѣе узнать изволите“.

тысящекратно волю и десницу просвѣщеннѣйшаго изъ монарховъ, начертавшаго сіе свидѣтельство нашего усердія, мы потщимся оправдать оное на всегда въ очахъ обширной Россіи своимъ рвеніемъ къ общему благу, своимъ единодушіемъ, къ исполненію великихъ намѣреній, руководящихъ нынѣ судьбу нашу". За тѣмъ собраніе представило подробную табель взноса 400-тысячной суммы на университетъ, распредѣливъ ее на 6 лѣтъ [1]). При этомъ предводители отклонили избраніе членовъ изъ своей среды для участія въ университетской коммиссіи и въ распоряженіяхъ этими деньгами, что проэктировалъ нѣкогда Каразинъ и что предлагалъ имъ въ особомъ письмѣ вновь назначенный попечителемъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій; „дворянство ограничиваетъ себя единожды на всегда взносомъ суммы", такъ какъ по предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія распоряженіе суммами должно было находиться въ рукахъ самого правительства. Собраніе выразило свою признательность министру внутреннихъ дѣлъ гр. Кочубею и всѣмъ лицамъ, „которыя обращали на нихъ вниманіе государя". Депутату Каразину поручалось и впредь ходатайствовать о 3-мъ пунктѣ данной ему инструкціи, такъ какъ это неразрывно связывалось съ благосостояніемъ университета и пользами страны, для которой онъ учрежденъ. В. Н. Каразинъ обратился въ собраніе съ письмомъ, въ которомъ извѣщалъ, что ген.-лейт. Ос. Ив. Хорватъ, хотя и не былъ помѣщикомъ слоб. укр. губ., но пожелалъ, въ интересахъ просвѣщенія и въ силу прежней своей принадлежности къ харьковскому дворянству, внести на Харьковскій университетъ 5000 р. въ 5 сроковъ. Собраніе

[1]) Интересна составленная тогда табель. Вся 400,000 сумма должна была быть внесена въ 6 сроковъ, каждый разъ по 66,666 р. 67 к.: 1-й срокъ наступалъ 1 сентября 1803 г., 2-й 1 сентября 1804 г., 3-й 1 сентября 1805 г., 4-й 1 сентября 1806 г., 5-й 1 сентября 1807 г. и 6-й 1 сентября 1808 г. Вся эта сумма составлялась изъ слѣдующихъ статей: 66,910 р., которые причитались харьковскому дворянству отъ казны за фуры и волы, доставленные ей во 2-ю турецкую войну, 41,279 р. 50 к., которые должны были поступить съ слободско-украинской губ. на военное училище, 18,347 р., которые обязаны были внести для той же цѣли три уѣзда, отошедшіе отъ харьковской къ воронежской губ. (острогожскій, богучарскій и старобѣльскій), 273,463 р. 50 коп., которые разложены были между дворянскими помѣщиками всѣхъ 10 уѣздовъ харьковской губ., при чемъ на долю харьковскаго уѣзда пришлось 28,681 р. 38 к., богодуховскаго 23,483 р. 46 к., ахтырскаго 22,066 р. 99$^3/_4$ к., сумскаго 48,206 р. 73 к., зміевскаго 13,717 р. 47 к., изюмскаго 38,646 р. 27 к., купянскаго 12,911 р. 26$^3/_4$ к., валковскаго 17,020 р. 86$^3/_4$ к., волчанскаго 31,063 р. 20$^3/_4$ к., лебединскаго, 37,819 р. 17$^3/_4$ к. (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло канц. попечителя № 1 по архиву, № 1 по картону).

поручило Каразину выразить Хорвату глубокую признательность за это дѣло, „которое само въ себѣ заключаетъ и похвалу въ себѣ“. Наконецъ тутъ же была принята слѣдующая резолюція по дѣлу Капустянскаго.

„Разсуждая о собраніяхъ въ уѣздахъ и въ губернскомъ городѣ дворянскаго корпуса, находятъ: 1-е, что удаленіе большой части гг. дворянъ отъ оныхъ есть важное препятствіе къ достиженію общихъ пользъ, которыя токмо единомысліемъ и откровеннымъ другъ съ другомъ обращеніемъ познать и стяжать возможно, 2-е, что сіе удаленіе подаетъ поводъ къ разновидному толкованію положеній, сдѣланныхъ дворянами, бывшими на лицо въ собраніяхъ, иногда же и къ совершенному отрицанію ихъ исполнять, не взирая, что отъ воли каждаго всегда зависитъ пріѣхать или на бумагѣ сообщить свое мнѣніе заблаговременно, 3-е, что если не взять мѣръ въ отвращеніе таковыхъ разногласій и холодности къ общему дѣлу, то и свобода, Августѣйшими Монархами дворянству представленная, и честь, которую оно снискать можетъ благоразумнымъ ея употребленіемъ, нечувствительно удаляются изъ виду и останутся въ однихъ словахъ, не бывъ нигдѣ обнаружены на дѣлѣ, предводители слободско-украинскаго дворянства, убѣждаясь толико важными причинами и взявъ въ основаніе извѣстные законы на сей случай, полагаютъ слѣдующее: 1-е, по долгу своего званія почтительнѣйше напомнить благородному дворянству, что, по уставамъ и обычаямъ цѣлаго свѣта, собраніе, на которое всѣ были формально приглашены въ свое время и отъ онаго формально не отреклись, почитается рѣшительнымъ или имѣющимъ право общаго приговора, изъ коликаго бы числа лицъ оное не состояло, что въ противномъ случаѣ, такъ какъ никогда невозможно собрать всего корпуса, если оный многочисленъ и разсѣянъ на большомъ пространствѣ, то никогда бы и нигдѣ не было рѣшительнаго собранія, а сіе противорѣчитъ и разуму, и событію вещи, что молчаніе во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ожидаютъ отъ какой либо особы выраженія ея мыслей на предложеніе, не можетъ быть иначе сочтено, какъ за формальное согласіе той особы, что таковое молчаніе въ дѣлахъ важныхъ, гдѣ всякій долженъ нести свою долю свѣдѣній, опытности и усердія ко благу общему, есть или непростительное пренебреженіе, или признательное подчиненіе собственной воли волѣ разсуждающихъ голосовъ и, слѣдовательно, въ обоихъ случаяхъ невозвратно замѣняется приговоромъ сихъ голосовъ и таковой приговоръ долженъ имѣть полную свою силу, тѣмъ паче, когда въ нарочитое время, напримѣръ, въ продолженіе таковыхъ сроковъ, кои законами почтены довольными для представленія апелляціи на рѣшеніе присутственныхъ мѣстъ, не воспослѣдовало никакого возраженія; 2-е, предоставить губернскому предводителю донести о семъ

положенія Его Сіятельству министру внутреннихъ дѣлъ и всепокорнѣйше испросить просвѣщеннаго начальническаго его разрѣшенія, какія собственно мѣры взять должно, дабы расположить на предбудущее время господъ дворянъ къ составленію своихъ собраній полнѣе, нежели каковы они обыкновенно бываютъ, и для побужденія исполнять сдѣланныя на оныхъ постановленія, имѣя при семъ наипаче въ предметѣ, что чрезъ многочисленные токмо и сколько возможно общіе съѣзды дворянъ можно достигнуть до того, что выборы чиновниковъ въ уѣздахъ и губерніи всегда будутъ самые совершеннѣйшіе и послужатъ къ общей пользѣ и чести дворянства. Опытъ показалъ, что, не взявши таковыхъ мѣръ, всѣ побудительныя къ сему предписанія самого начальства будутъ недостаточны" [1]).

Отвѣтъ министра на общую часть этого представленія былъ полученъ въ іюлѣ 1803 года и категорически подтвердилъ мнѣніе харьковскихъ предводителей объ обязательности общихъ рѣшеній дворянъ, въ какомъ бы числѣ эти послѣдніе ни собрались, такъ какъ жалованная дворянская грамота процента съѣхавшихся относительно общаго количества не опредѣляетъ [2]).

Но и это категорическое заявленіе министра не разрѣшило дѣла, не устранило оппозиціи противъ дворянскаго постановленія.—Эта послѣдняя шла отъ многихъ частныхъ лицъ и особенно замѣтно проявилась, кромѣ изюмскаго, еще и среди волчанскаго дворянства.

О томъ, какъ туго шли сборы въ волчанскомъ уѣздѣ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ мѣстный уѣздный предводитель дворянства писалъ Донцу-Захаржевскому: „предписаніе вашего высокоблагородія о взносѣ суммы для заведенія университета народнаго просвѣщенія я имѣлъ честь получить и, что слѣдуетъ ко взносу денегъ отъ меня представить, я всегда готовъ; всѣ же присутствующіе не имѣютъ ни одной души, исключая судьи, за которымъ числится 18 душъ; примѣра (къ пожертвованіямъ) нужно ожидать отъ великопомѣстныхъ владѣльцевъ; но они, а на нихъ смотря и другіе, ни одинъ разъ по тремъ приглашеніямъ на общее собраніе въ уѣздный городъ пріѣхать не поохотились. Какимъ же образомъ могу я лично имѣть съ ними свиданіе? И если и впредь будетъ происходить таковое же равнодушіе къ общимъ положеніямъ и нужнымъ совѣтамъ, то нельзя будетъ ожидать и лучшаго успѣха, развѣ не угодно-ли будетъ вамъ отъ себя сдѣ-

[1]) Архивъ харьк. двор. депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи въ Харьковѣ университета.

[2]) Ibidem, стр. 430, 431.

лать къ нимъ убѣдительное напоминаніе объ усерднѣйшемъ исполненіи общихъ положеній; за всѣмъ тѣмъ я не останавливаясь буду непрестанно прилагать всевозможнѣйшее и прилежнѣйшее стараніе о сборѣ денегъ; но въ случаѣ медленности, я васъ прошу извинить меня, какъ невиновнаго въ этомъ, а укажите на тѣхъ, которые по всей справедливости будутъ достойны замѣчанія отъ васъ". 3-го мая 1803 г. состоялось общее собраніе дворянъ волчанскаго уѣзда, на которомъ между прочимъ не признано было возможнымъ утвердить раскладки суммъ, произведенной на съѣздѣ харьковскихъ предводителей дворянства 21 апрѣля 1803 г. Для такой раскладки волчанскіе дворяне требовали общаго съѣзда дворянъ въ Харьковѣ; самую подпись своего предводителя подъ протоколомъ 21 апрѣля волчанскіе дворяне признали незаконной [1]. Сверхъ того одинъ волчанскій помѣщикъ, маіоръ Времевъ, прямо отказывался производить уплату на университетъ изъ тѣхъ своихъ волчанскихъ имѣній, которыя не пользовались малороссійскими привиллегіями, а были на правахъ великороссійскихъ земель: въ такомъ именно положеніи находилось 634 д. его крестьянъ, обитавшихъ въ сл. Волоховкѣ и Ивановкѣ; привиллегіями же пользовалось только 52 чел. его подданныхъ, жившихъ въ х. Плотнянскомъ и на рѣчкѣ Хотомлѣ [2].

Губернскій предводитель дворянства долженъ былъ употреблять мѣры, чтобы парализовать дѣйствіе постановленія волчанскихъ дворянъ, и съ этою цѣлью обратился съ убѣжденіями къ наиболѣе вліятельнымъ изъ нихъ,—къ Кон. Мих. Донцу-Захаржевскому и Мих. Черноглазову. Указавъ на несоотвѣтствіе этого протокола, подписаннаго только 10 дворянами безъ предводителя дворянства, съ общимъ дворянскимъ постановленіемъ, губернскій предводитель спрашивалъ: съ чѣмъ они согласны—съ 10-ю волчанскими дворянами, или общимъ собраніемъ дворянъ харьковской губерніи. Кон. Мих. Захаржевскій объяснилъ въ своемъ отвѣтѣ, что его имя вписали въ протоколъ безъ его вѣдома и что онъ согласенъ съ губернскимъ предводителемъ. Черноглазовъ объяснилъ, что хотя онъ не знаетъ хода дѣлъ на дворянскомъ съѣздѣ въ Волчанскѣ, но такъ какъ въ протоколѣ, по словамъ предводителя, есть „нѣчто противное", то онъ и отказывается отъ него [3].

О незаконномъ постановленіи волчанскаго дворянства Донецъ-Захаржевскій писалъ и губернатору Артакову. Но губернаторъ держалъ

---

[1]) Архивъ харьк. депутат. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

сторону оппозиціи. Въ своемъ письмѣ министру внутреннихъ дѣлъ Донецъ-Захаржевскій объяснялъ, что Артаковъ не считалъ приговора 1 сентября 1802 г. *общимъ*, такъ какъ его не подписалъ Капустянскій и отъ этого произошли разные непорядки; такъ, въ Волчанскѣ помѣщикъ Дм. Хорватъ, подписавшій протоколъ 1 сентября, съ 10-ю дворянами сдѣлалъ приговоръ, не согласный съ общимъ постановленіемъ дворянства. То же въ Изюмскомъ уѣздѣ сдѣлалъ Капустянскій, за что и преданъ суду уголовной палаты. Еще раньше (въ апрѣлѣ 1803 г.) Донецъ-Захаржевскій подалъ на Капустянскаго жалобу въ харьковское губернское правленіе и въ этой жалобѣ просилъ объ отрѣшеніи его отъ должности [1]). Рѣшилось это дѣло только въ слѣдующемъ 1804 г. Богодуховскій помѣщикъ, извѣстный своею непримиримою враждою къ роду Каразиныхъ, Савва Альховскій отказывался даже уплачивать старый взносъ на военное училище. Это тотъ самый Альховскій, въ память наѣзда котораго на крестьянъ с. Кручика отецъ Василія Назарьевича Назарій Александровичъ Каразинъ вылилъ свой знаменитый колоколъ съ слѣдующею надписью: *„сей колоколъ—кровь вопіющая къ Богу людей села Кручика и дер. Основинецъ, побитыхъ Саввою Васильевымъ сыномъ Ольховскимъ 1776 г. августа 15 дня“*. Къ этому колоколу былъ при-

---

[1]) Вотъ текстъ этой жалобы: „Изюмскаго уѣзда помѣщикъ коллежскій ассесоръ Николай Шидловскій въ оригиналѣ доставилъ ко мнѣ прилагаемое при семъ въ копіи г. предводителя того же уѣзда Василія Капустянскаго къ нему отношеніе, жалуясь на него въ томъ, что онъ по препорученію моему, которое я на него, по случаю полученнаго рескрипта, изъявляющаго Высокомонаршее благоволеніе, возложить почелъ себя обязаннымъ учредить и ускорить образъ складки, пожертвованной дворянствомъ отъ избытковъ своихъ, на Харьковскій Императорскій Университетъ суммы, дѣлаетъ ему, Шидловскому, препятствія, въ дѣлѣ, удостоенномъ Высочайшаго Императорскаго благоволенія, и помѣшательства; я, убѣждаясь съ одной стороны ревностью къ содѣйствію общенароднаго блага, а съ другой оскорбляясь Всеподданнической моей вѣрности кощунствомъ и превратными толками его Капустянскаго о Высочайшихъ милостяхъ, излитыхъ отъ Е. И. В. на здѣшнее дворянство, заставляюсь упомянутое Капустянскаго отношеніе, дерзнувшее за предѣлы дозволенности, какъ то губернское правленіе усмотрѣть изволитъ, представить оному правленію на законное съ нимъ поступленіе и о удаленіи его, Капустянскаго, отъ настоящаго званія предводителя, въ прекращеніе препятствъ и помѣшательства въ дѣлахъ дворянскихъ, отъ стороны его чиненныхъ и чинимыхъ, на мѣсто же его утвердить слѣдующаго по большинству баловъ г. Шидловскаго, удостоеннаго за особливое его содѣйствіе въ пожертвованіи на Университетъ суммы Высочайшаго благоволенія и званіе сіе съ особливымъ ревнованіемъ и благонамѣренностью отправлявшаго“.

(Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попеч. № 1 по архиву, № 1 по картону).

крѣпленъ часовой молотъ, который билъ часы въ слово имени Саввы [1]). Изъ-за этого между ними возникли сильная вражда и судебные процессы. Можно представить себѣ поэтому, какъ Альховскій долженъ былъ отнестись и къ сыну Назарія Александровича, и къ его проэкту объ учрежденіи въ Харьковѣ университета. Подобно Капустянскому, онъ воспользовался однимъ выраженіемъ государева манифеста (о добровольномъ характерѣ пожертвованій) съ тѣмъ, чтобы вовсе ничего не платить. Вотъ что писалъ онъ въ отвѣтъ на четырекратное напоминаніе о взносѣ въ размѣрѣ 150 р. 75 к. (извѣщеніе отъ Никитовскаго волостного правленія, по требованію уѣзднаго предводителя Куликовскаго, было объявлено ему въ числѣ прочихъ Мураховскимъ атаманомъ): „1803 года іюня 6 дня сей приказъ мнѣ въ селѣ Шаровкѣ объявленъ, на который объявляю, что по чинимымъ до сего вынудительнымъ требованіямъ отъ меня денегъ по симъ же предметамъ, о коихъ въ семъ приказѣ упоминается, я уже троекратно письменными на приказахъ отзывами, а именно—сего 1803 г. генваря 7 и генваря же 16 и апрѣля 9 чиселъ, объяснялъ, съ довлѣемою благопристойностью, показывая тому искреннія причины, тѣмъ паче, что таковыя по означеннымъ предметамъ вынудительныя требованія поборовъ многими уже Высочайшими рескриптами возбранены и повсюду возбраняются, то и нынѣ все въ тѣхъ отзывахъ моихъ сказанное подтверждаю съ пополненіемъ, что я по таковымъ вынудительнымъ противо Высочайшихъ рескриптовъ чинимымъ требованіямъ давать денегъ не могу и къ дачѣ оныхъ нынѣшнее принужденіе почитаю уже насильствомъ, наносящимъ неповинное утѣсненіе, на каковое упомянутый въ приказѣ господинъ предводитель дворянства чрезъ нижній земскій судъ поступаетъ въ явную противность Высочайшихъ рескриптовъ на предметъ добровольныхъ каждаго посильныхъ отъ избытковъ на училища даяній послѣдовавшихъ, ибо по онымъ рескриптамъ по всѣмъ губерніямъ, какъ значится и по печатнымъ вѣдомостямъ, каждый даетъ по своей волѣ, а не вынудительно, что можетъ деньгами или матеріалами, а не могущій давать нигдѣ какъ и здѣсь къ дачѣ чего либо не принуждается; о чемъ для увѣдомленія господина предводителя и въ четвертый разъ сіе объявя, подписуюсь—майоръ Савва Альховскій [2])“. Съ предводителемъ дворянства (Кули-

---

[1]) См. мою статью „Наз. Ал. Каразинъ и его колоколъ“ (Кіев. Старина, 1892, декабрь).

[2]) Архивъ харьк. депутат. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

ковскимъ), о которомъ здѣсь упоминается, у Альховскаго также были свои счеты по дѣлу о колоколѣ—и храбрый майоръ, „герой Очакова и покоренья Крыма“, дѣлавшій наѣзды на своихъ сосѣдей съ ружьями (а по преданію даже съ очаковскими пушками), конечно не могъ сразу почувствовать такой любви къ „училищамъ“, чтобы отстать отъ своихъ военныхъ привычекъ и простить оскорбленіе, нанесенное ему фамиліей Каразиныхъ и Куликовскихъ. Въ объясненіе приведенныхъ нами эпизодовъ слѣдуетъ замѣтить, что харьковское дворянство только недавно передъ тѣмъ (въ 1765 году) перешло на мирное положеніе, до тѣхъ поръ оно представляло изъ себя военно-служилое сословіе; эта слободско-украинская казацкая старшина по характеру своему напоминала малороссійскую. Съ 1765 года она получила права русскаго дворянства, а съ 1785 года стала пользоваться самоуправленіемъ по жалованной дворянской грамотѣ. Но и теперь еще у слободско-украинскаго дворянства остались нѣкоторыя особенныя привиллегіи и за нихъ оно держалось весьма крѣпко. Мы видѣли уже, съ какою торжественностью отпраздновано было въ Харьковѣ подтвержденіе мѣстныхъ привиллегій. Съ ними было связано и самое пожертвованіе на военное училище, а потомъ на университетъ. Слободско-украинскіе дворяне не успѣли еще привыкнуть къ своему сословному самоуправленію въ духѣ и формахъ, начертанныхъ имъ державною волею Екатерины II-й. У нихъ не выработалось еще сознанія о подчиненіи частныхъ интересовъ общимъ, о необходимости приносить жертвы во имя общаго приговора, получающаго обязательную силу и для тѣхъ, кому онъ непріятенъ. Въ нихъ силенъ былъ еще личный эгоизмъ, среди нихъ царили личныя столкновенія, а подчасъ и личная расправа. Новыя гражданскія учрежденія туго прививались и не успѣли еще пустить глубокихъ корней въ обществѣ. Въ особенности не желали подчиняться общественнымъ постановленіямъ такія лица, въ которыхъ живы были прежніе буйные инстинкты, осталась привычка къ самоуправству. Правда и на нихъ отразился духъ времени—и они уже должны были воевать больше перомъ, чѣмъ мечемъ. Но отъ этой перемѣны общественныя предпріятія ничего не выигрывали; имъ приходилось все таки бороться съ упорными, которые къ тому же могли опираться на косность массы. Вотъ на такой почвѣ выросла оппозиція дворянскому постановленію о пожертвованіи на университетъ и среди изюмскихъ и волчанскихъ дворянъ. Бороться съ ними было не легко. Мы увидимъ далѣе, какіе грандіозные размѣры приняла эта борьба и какое вліяніе она оказала на судьбу самыхъ пожертвованій. Теперь же только отмѣтимъ и одинъ отрадный фактъ—пожертвованіе со стороны лица, не владѣвшаго ни крестьянами, ни землею: это былъ уѣздный

купянскій штабъ-лѣкарь Яковъ Воробьевскій, пользовавшійся только доходами со своего жалованья и пожертвовавшій единовременно 25 р. Такое усердіе нашло тогда же справедливую оцѣнку со стороны уѣзднаго предводителя дворянства Розальона-Сошальскаго, сообщившаго объ этомъ Донцу-Захаржевскому [1]).

Вопросъ о пожертвованіяхъ дворянской суммы подвигался очень туго и это отражалось на самомъ ходѣ дѣла объ открытіи Харьковскаго университета. В. Н. Каразинъ, какъ это видно изъ письма его къ Новосильцеву, мечталъ пріурочить это открытіе къ сентябрю 1803 года; 14 іюня 1803 г. былъ составленъ уже церемоніалъ открытія университета [2]); но это была только мечта; впереди предстояло еще много дѣла и на мѣстѣ въ Харьковѣ, и въ Петербургѣ.

Въ Харьковѣ Василія Назарьевича замѣнилъ проф. Илья Өедоровичъ Тимковскій, явившійся сюда вмѣстѣ съ Осиповскимъ, Делявинемъ и Лангомъ 8 іюня 1803 года и немедленно приступившій къ продолженію дѣятельности Каразина. Уѣзжая изъ Харькова, Каразинъ оставилъ Тимковскому оффиціальное письмо, въ которомъ уполномочивалъ его продолжать дѣло устроенія Харьковскаго университета. Въ Москвѣ они встрѣтились и здѣсь, какъ мы видѣли, В. Н. Каразинъ сообщилъ Тимковскому всѣ необходимыя ему мѣстныя свѣдѣнія и снабдилъ письмами къ харьковскимъ властямъ. Осмотрѣвшись нѣсколько въ Харьковѣ, Тимковскій уже черезъ 2 недѣли по своемъ пріѣздѣ туда пишетъ обширное письмо въ Петербургъ на имя Н. Н. Новосильцева, которое и доложено было ему В. Н. Каразинымъ, 6 іюля, какъ видно изъ собственноручной надписи этого послѣдняго. Въ письмѣ этомъ И. Ө. Тимковскій писалъ слѣдующее [3]):

„Іюня 8 дня прибылъ я въ Харьковъ, вмѣстѣ съ г. Осиповскимъ, Делявинемъ, Лангомъ. Продолжителенъ былъ путь мой и нѣсколько скученъ: то проливной дождь, то починка повозокъ, то непривычка иностранцевъ ѣздить въ кибиткахъ по почтѣ довольно дѣлали остановки при всей моей поспѣшности. Сверхъ того въ Москвѣ прожилъ я недѣлю въ одномъ университетскомъ кругѣ, почитая за нужное освѣдомиться о тамошнихъ заведеніяхъ обстоятельно, да два дня для общихъ поло-

[1]) Архивъ харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

[2]) Церемоніалъ этотъ на французскомъ языкѣ хранится въ дѣлахъ университетскаго архива. (См. также мою брошюру „Харьковскія университетскія торжества“. Х. 1892 г., стр. 14).

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя по архиву № 1, карт. № 1.

женій съ Василіемъ Назаріевичемъ. Въ Харьковѣ вселились мы прямо во дворецъ, на коемъ нашелъ я уже надпись: Университетъ. Городъ стоитъ частію на горѣ, а частію на мѣстахъ низменныхъ около рѣки. Онъ только лишь выходитъ изъ дикой необразованности. Если обстроится, будетъ весьма пріятный городъ. Всѣ окрестности его богаты красотою; почва земли способна для садовъ; близь него есть глинистыя горы для кирпичу, есть довольно и лѣсу, коего нынѣшняя дороговизна происходитъ отъ множества прилежащихъ винокуренныхъ заводовъ— зло удобоотвратимое. Многіе доселѣ отъ того боялись строиться, что городъ часто обременяемъ былъ постоями; и если квартиры теперь дороги, то потому, что всякій строился какъ можно тѣснѣе, для себя единственно, теперь же слышно, что многіе изъ купечества дожидаются только, чтобъ началось строеніе университета, и вокругъ него воздвигнутся зданія порядочныя; и въ такое время безъ сомнѣнія больше будетъ рачительности о вымощеніи улицъ, о чистотѣ воздуха и воды. Здѣсь множество развалившихся и гніющихъ лачугъ остаются неснесены; улицы для уменьшенія грязи набивали навозомъ; плотины насыпаны изъ навозу; навозъ сваливаютъ зимою на рѣку; ледъ растаетъ и нечистота садится на дно. Посему можно судить, каковы должны быть улицы, воздухъ и вода въ сырое время, и особливо осенью и весною; но можно также ясно усмотрѣть, что во всемъ этомъ виною одинъ недостатокъ бдительности со стороны городской полиціи. По многимъ моимъ замѣчаніямъ кажется, какъ будто нѣтъ ея здѣсь. Естественное-же положеніе Харькова довольно счастливо, и увѣреніе, якобы нѣтъ возможности осушить, вычистить и вымостить улицъ, есть отговорка. Я слышалъ, что за два года передъ симъ одинъ купецъ брался сдѣлать четыре главныхъ каменныхъ мостовыхъ за 40000, и что за нѣсколько лѣтъ стоявшіе въ этой губерніи нѣсколько тысячъ рекрутъ брались почти даромъ вычистить рѣки верстъ на 20; но къ сожалѣнію и то, и другое отринуто небреженіемъ. Впрочемъ много надѣяться можно на общительность здѣшнихъ жителей. Дошло до свѣдѣнія моего, что одинъ купецъ хочетъ снять винный откупъ здѣсь на условіяхъ гораздо выгоднѣйшихъ для города, наддавая 50000 для нашего университета. Всѣ предназначенныя ко взносу суммы располагаются выгоднымъ образомъ.

Въ предводителѣ дворянства нашелъ человѣка ревностнаго къ общему благу, и въ головѣ человѣка владѣющаго довѣренностію согорожанъ своихъ. Желательно, чтобы зимою можно было уже запасти камень для фундамента и лѣсъ къ постройкѣ университета, а съ слѣдующей весны начать заготовленіе кирпича. Здѣсь есть казенный въ области приказа общ. приз. находящійся кирпичный заводъ. Въ немъ

1000 продается по 7 р., но съ частныхъ заводовъ охотнѣе покупаютъ по 8 р.; увѣряютъ меня, что ежели мы устроимъ свой собственный заводъ недалече отъ университетскаго мѣста и купимъ лѣсу десятинами на срубъ, то 1000 кирпича обойдется намъ по 6 р., и что послѣ заводъ сей оплотится намъ съ лихвою и вѣрно будетъ у насъ купленъ. Остается рѣшить выборъ мѣста для новыхъ зданій университета. Требуется, по моему мнѣнію, чтобъ оно было за городомъ и довольно пространно, гдѣ воздухъ и вода были-бы чистые, здоровые и гдѣ-бы можно было весело раскинуться ученому заведенію, чтобы прилежало къ самой сухой и чистой части города, гдѣ студенты и прочіе могли-бы имѣть свои жилища, и чтобъ была на немъ хотя часть чернозему для заведенія садовъ на равнинѣ и скатахъ. Я видѣлъ уже нѣкоторыя мѣста; но не прежде, какъ осмотрѣвши всѣ, осмѣлюсь написать объ нихъ утвердительно. А какъ при столь важномъ выборѣ мудрено совокупить всѣ потребности и угодья, избѣжать невыгодъ и весьма легко погрѣшить можно, предпочевши одно другому, то не обождать-ли въ такомъ случаѣ съ симъ выборомъ до пріѣзда сюда Его Сіятельства Северина Осиповича и до собственнаго его обозрѣнія. Время потерпитъ; между тѣмъ у насъ ранѣе сентября и сумма для покупки мѣста едва-ли будетъ. Нынѣшній домъ нашъ занимаетъ возвышеніе въ срединѣ города; онъ подлинно обладаетъ городомъ и окрестностями; и мы пользуемся изряднымъ воздухомъ и открытыми видами. При этомъ онъ довольно великъ собою, такъ что вовсе не способенъ былъ для жизни губернаторамъ и по сему, кажется, весьма мало было смотрѣнія за цѣлостію вещей въ немъ и опрятностію его. Жаль только, что расположеніе комнатъ и службъ въ немъ не вовсе соотвѣтствуетъ нынѣшней его цѣли. Изъ плановъ его и объясненій Василія Назаріевича Ваше Превосходительство изволите усмотрѣть, гдѣ чему быть въ немъ лучше и будетъ-ли принадлежать намъ сосѣдній такъ называемый вице-губернаторскій въ началѣ для дворянскихъ собраній выстроенный домъ или не будетъ. Все надобно сдѣлать нынѣшнимъ лѣтомъ: въ университетскомъ домѣ довольно перестройки, и въ послѣднемъ случаѣ будетъ ея гораздо больше—какъ то изъ каретнаго сарая должна быть столовая для казенныхъ студентовъ, а часть конюшни обратится въ типографію; для сего нужно повидимому рѣшительное предписаніе, что этотъ домъ принадлежитъ совершенно университету, дабы здѣшнее начальство не вмѣшивалось въ наши работы и не останавливало ихъ; нужна также сумма отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей, изъ казны ли, или изъ недавно отданной для университета винной суммы, нещадно здѣсь расточенной и теперь еще не вовсе отъ того огражденной, если вѣрить слу-

хамъ. Тогда, неупуская лѣтняго времени, можно бы сдѣлать главнѣйшія перестройки; также и дровами запастись до зимы; а прочія подѣлки, какъ то столы, стулья, замки, задвижки, оконныя стекла и прочія, могутъ произведены быть и осенью.

Послѣ имѣющей быть здѣсь въ августѣ Успенской ярмарки многое придется купить гораздо дешевле, напримѣръ, стулья. Остатки бывшей въ семъ домѣ мебели могутъ освободить насъ отъ нѣкоторыхъ издержекъ и вообще желательно знать здѣсь, принадлежитъ ли отданному намъ дому мебель его, которой часть свалена въ погребъ, а часть остается сохранно въ покояхъ, какъ то—кресла, зеркала и занавѣсы въ залѣ собранія. Ежели бы ей и не слѣдовало принадлежать къ дому, то все приличнѣе оставаться въ казенномъ заведеніи, нежели валяться и до конца портиться въ погребѣ или еще скорѣе разойтись въ частныя жилища. Вице-губернаторъ, бывши у насъ, многаго и теперь не находитъ, что значится по списку въ казенной палатѣ, и то, что есть, не очень завидно. Изъ сваленнаго въ погребъ можно будетъ кое что поправить починкою и употребить въ дѣло; а прочее позволить продать съ аукціона, или, что все равно, бросить. Нѣкоторыя вещи пригодятся для профессоровъ, коимъ даны на первый случай вмѣстительныя квартиры, по дороговизнѣ квартиръ и дровъ, по малому привозу всякихъ припасовъ. Когда выстроятся просторные домы и вымостятся улицы, когда въ городѣ не будетъ вовсе или безъ крайней нужды постоевъ, когда винокуренные заводы около города удалятся по крайней мѣрѣ за 25 верстъ, и когда всякіе припасы станутъ изъ далека привозиться въ твердой надеждѣ сбыть ихъ, тогда житье здѣсь будетъ гораздо сходнѣе, а какъ невозможно будетъ дать профессорамъ квартиръ, которыми бы они были совершенно довольны, то многіе вѣроятно перейдутъ мало по малу на свои наемныя. Впрочемъ не изволите ли, Ваше Превосходительство, предупредить графа Северина Осиповича, чтобъ онъ, приглашая профессоровъ, не обѣщалъ имъ квартиръ, ибо иностранцы часто скучны бываютъ, если захотятъ прибавить себѣ вѣсу невоздержными требованіями всякихъ домашнихъ угодьевъ. По моему расчету выходитъ теперь же въ этомъ домѣ пять квартиръ; а когда выломаемъ губернаторскій очагъ, коему въ главномъ корпусѣ быть и весь домъ опасности отъ пожара подвергать недолжно, то очистится еще для шестой квартиры двѣ комнаты съ общею прихожею; современемъ можетъ быть окажется и седьмая—двѣ комнаты для экзекутора. Теперь производятся кое какія починки; когда бы денегъ было больше, работа пошла бы живѣе. До сихъ поръ я не вошелъ еще въ полное хозяйство; занимаюсь болѣе классами, въ которыхъ начались и еще съ недѣлю будутъ

продолжаться приватные экзамены: многое веселитъ, обнадеживаетъ. Но и тутъ вижу я, какъ въ Москвѣ судилъ, что гимназіи не принесутъ нужныхъ для университета успѣховъ, при столь маломъ числѣ учителей, какое въ новомъ штатѣ полагается, наипаче до того времени пока не придутъ въ желанное состояніе уѣздныя и приходскія школы. Поелику нельзя вдругъ завести во всѣхъ губерніяхъ гимназій по новому порядку, какъ за недостаткомъ учителей, такъ и затѣмъ, что на сей разъ перемѣна постепенная лучше крутой и повсемѣстной, то во первыхъ нужно, кажется, образовать гимназію харьковскую, что будетъ вмѣстѣ и гораздо удобнѣе, до того времени, какъ студентовъ станутъ приготовлять намъ гимназіи, остается получать ихъ изъ семинарій. Проѣздомъ черезъ Бѣлгородъ былъ я у архіерея и у ректора тамошнихъ: они увѣряли меня, что мы будемъ имѣть отъ нихъ студентовъ, если они по требованію, въ силѣ указа синоду января 24, взяты будутъ на казенное содержаніе. Уклоняясь нѣсколько отъ сего условія, доказывалъ я выгоду учиться въ Университетѣ и на своемъ содержаніи, учиться даже и тѣмъ, коимъ слѣдуетъ возвратясь поступать въ духовное званіе. Здѣшній архіерей, кажется, нѣсколько сговорчивѣе на этомъ пунктѣ. Я считаю за полезное черезъ недѣлю или двѣ поѣхать въ Малороссію, гдѣ найду многихъ, кои учатся въ Кіевѣ, Черниговѣ или Переяславѣ и на время вакацій и закрытія классовъ во всѣхъ училищахъ пріѣхали въ родительскіе домы; и поелику тамъ много священно-служителей изъ дворянъ, то дѣти ихъ властны поступать въ духовное или свѣтское состояніе. Тамъ сдѣлаю я нѣкоторое приглашеніе, чтобъ по позыву имѣть намъ осенью нѣсколько студентовъ при открытіи университета; для сего постараюсь ввести, буде можно, въ посредство и Переяславскаго архіерея; можетъ быть, найдется также нѣсколько учениковъ изъ здѣшнихъ классовъ, коихъ на первый случай можно будетъ допустить въ университетъ, съ тѣмъ чтобы изученіе латинскаго языка продолжали въ гимназіи, гдѣ онъ за мѣсяцъ передъ симъ введенъ, и тѣмъ ободрить какъ ихъ, такъ и прочихъ учениковъ, а особливо ихъ казенныхъ питомцевъ. Здѣсь есть заведеніе казеннаго содержанія для сиротъ и бѣдныхъ; и хоть по новому штату оно не положено, однако нѣтъ, кажется, сомнѣнія, что здѣсь особая, по указу покойной государыни Екатерины II-й ежегодно на содержаніе сиротъ и бѣдныхъ, 4000-я изъ казенной палаты отпускаемая сумма и впредь остановлена не будетъ, ежели доброе заведеніе сіе удостоится благоволенія начальства.

Предавая все вышеозначенное благоусмотрѣнію вашего превосходительства и принося вамъ, милостивый государь, глубочайшую признательность за благосклонность вашу, оказанную мнѣ въ бытность мою

въ Петербургѣ, долгомъ себѣ поставляю заслуживать оную всегда и съ искреннимъ почтеніемъ имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Ваше Превосходительство, покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою, Илья Тимковскій.

Іюня 22-го дня
1803 г. Харьковъ.

На письмо это послѣдовала резолюція, записанная рукою В. Н. Каразина: „заготовить представленіе министру, возобновить прежнее о суммахъ на Харьковскій университетъ, въ которомъ сказать, что если бы съ 20000, слѣдуемыми гр. Потоцкому въ Вѣну, и разсуждено было удержаться, тѣмъ не менѣе нужны другія 20000, въ томъ числѣ и требуемыя визитаторомъ“.

И. Ѳ. Тимковскій, проживая въ Харьковѣ, употреблялъ всѣ усилія къ скорѣйшему открытію университета: съ одной стороны, старался подыскать подходящій земельный участокъ для будущихъ постоянныхъ построекъ, съ другой, приспособлялъ ко временному помѣщенію университета бывшій генералъ-губернаторскій домъ, устраивая тамъ аудиторіи и помѣщенія для профессоровъ и казеннокоштныхъ студентовъ. Вопросъ объ этихъ послѣднихъ его особенно занималъ. И дѣйствительно, нельзя было не призадуматься надъ тѣмъ, гдѣ-же взять на первыхъ порахъ студентовъ, когда гимназій во всемъ тогдашнемъ округѣ совсѣмъ не было: ихъ предстояло еще открывать. Единственная надежда была на семинаристовъ. Неудивительно поэтому, что и Тимковскій обратилъ на нихъ особенное вниманіе.

Прекрасное понятіе обо всей этой хозяйственной дѣятельности Тимковскаго даетъ собственноручное письмо его къ Н. Н. Новосильцеву (отъ 31 августа 1803 г.). Такъ какъ оно не было извѣстно автору спеціальной монографіи о Тимковскомъ г. Шугурову, то мы помѣщаемъ его въ примѣчаніи цѣликомъ [1]).

---

[1]) Ваше Превосходительство,
Милостивый Государь!

Какія успѣлъ я пріобрѣсть частныя и составныя изъ нихъ генеральныя свѣдѣнія и замѣчанія по должности визитатора, непремину доставить къ Вашему Превосходительству въ скорости; теперь-же имѣю честь донести:

1) Что главный корпусъ дома, назначеннаго подъ Харьковскій университетъ, также въ правомъ его флигелѣ четыре комнаты для штатныхъ студентовъ и двѣ кухни совсѣмъ почти отдѣланы, и супротивъ сего флигеля въ заднемъ углу двора отгорожено и приготовлено слишкомъ 200 квадратныхъ саженей земли для ботаническаго садика. Слѣдуетъ подрядить поставку дровъ на годъ, сдѣлать всю

Изъ этого письма видно, что Тимковскій оказался въ высшей степени добросовѣстнымъ, аккуратнымъ и умѣлымъ исполнителемъ порученія, возложеннаго на него попечителемъ Потоцкимъ; онъ въ одинаковой степени заботился и о важныхъ вещахъ, и о мелочахъ, вни-

---

нужную мебель, закупить разные припасы и исправить два амбара деревянныхъ, погребъ и въ лѣвомъ флигелѣ двѣ кухни. Оставалось бы также находящійся въ лѣвомъ флигелѣ большой сарай обратить въ столовую комнату для студентовъ и къ ней кухню; но приближающаяся осенняя пора не позволитъ уже предпринять сей работы; а какъ отъ здѣшняго вице-губернатора я извѣстился, что дѣло идетъ объ отдачѣ подъ университетъ сосѣдняго дома, состоящаго изъ деревяннаго кирпичемъ обложеннаго корпуса и двухъ каменныхъ флигелей, то и можно будетъ посему обойтись до слѣдующаго лѣта безъ передѣлки помянутаго сарая и размѣститься порядочно заведенію университета. За таковыми распоряженіями время открытія университета будетъ зависѣть уже только отъ порядочнаго устроенія штатныхъ и общественныхъ суммъ его, отъ прибытія нужнѣйшихъ профессоровъ и лекторовъ, отъ полученія книгъ и отъ вызова семинаристовъ.

2) Изъ комнатъ, приготовленныхъ для студентовъ, въ одной можетъ помѣститься четыре человѣка, въ прочихъ трехъ по шести, а въ случаѣ нужды и по семи въ началѣ, и даже до открытія новыхъ отдѣленій, кажется, довольно будетъ имѣть на казенномъ содержаніи 25 человѣкъ. По сему за надобное нахожу приготовить 25 кроватей съ ящиками, 25 стульевъ, 25 столиковъ, чтобы каждый могъ заниматься своею работою отдѣльно, и 4 стола большихъ, т. е. въ каждую комнату по столу для общаго какого либо дѣла.

Платья, бѣлья и постелей заготовлять не для чего: каждый вѣрно привезетъ свое, чего и достанетъ по крайней мѣрѣ на полгода, если не болѣе, а чрезъ сіе казна можетъ запасти все исподволь, во благовремя. Для службы на четыре комнаты довольно приставить двоихъ сторожей, кои могутъ прислуживать и въ столовой.

3) Кромѣ вышепоказанной мебели, надобно заказать на первый случай 4 или 5 дюжинъ стульевъ для всякаго употребленія, да для залы публичныхъ собраній особо двѣ дюжины креселъ, каѳедру и стулъ, въ четыре комнаты для лекцій 8 столовъ и 16 скамеекъ, для библіотеки 8 шкафовъ, столъ большой и два маленькихъ. Для физическаго и естественной исторіи кабинетовъ шкафы тогда можно сдѣлать, когда привезены будутъ самыя вещи. Я стараюсь пріискать такихъ помѣщиковъ, кои бы, имѣя своихъ столярей, сняли на себя всю эту работу. Для насъ гораздо будетъ сходнѣе имъ отдать оную, чѣмъ городскимъ здѣшнимъ мастерамъ, кои по малому ихъ числу и большой въ нихъ потребности крайне дорожатся.

4) По расчету печей въ покояхъ и кухняхъ, если бы весь домъ отапливать, потребно дровъ около 300 саж., нынѣшній же разъ довольно будетъ купить саженей до 200; а ежели что изъ сего числа останется, то замѣнитъ съ выгодою покупку на слѣдующій годъ. Сажень ихъ, состоящая обыкновенно изъ вершинъ, сучьевъ и хворосту, длиною въ сажень, бываетъ здѣсь цѣною отъ $4^1/_2$ до 6 рублей, смотря по ихъ добротѣ и времени покупки. Лучшее здѣсь время подряду ихъ есть іюль, августъ и нѣсколько сентября. Поставка можетъ быть частію въ сентябрѣ, а частію въ зимнее время. Здѣсь въ обычаѣ покупать лѣсъ деся-

калъ въ сущность дѣла, старался все устроить какъ можно экономнѣе. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что единственнымъ его помощникомъ по хозяйственной части былъ на первыхъ порахъ только Шишкинъ, приглашенный еще В. Н. Каразинымъ не то въ качествѣ эконома, не то экзекутора. Что же касается представителей отъ дво-

---

тинами на срубъ. Хозяевамъ и промышленникамъ удается выигрывать иногда противъ обыкновеннаго по полтинѣ на сажени дровъ симъ способомъ, который однако для насъ несовсѣмъ надеженъ.

5) Увѣряютъ, что здѣсь гораздо выгоднѣе подряжать поставки и работы на сумму не очень знатную безъ публикацій, призывая подрядчиковъ къ торгу по одиночкѣ, въ противномъ случаѣ, по малому конкурсу являющихся предпріемщиковъ, они общимъ условіемъ полагаютъ высокія цѣны и неспускаютъ. Прошу у Вашего Превосходительства разрѣшенія, слѣдовать-ли и намъ оному обычаю, руководствуясь справочными цѣнами, въ тѣхъ статьяхъ, въ коихъ подлинно бываютъ показуемыя стачки.

6) Назначенный для квартиры вице-губернатору одинъ изъ купленныхъ здѣсь на общественную сумму домовъ такъ медленно исправляется починкою и пристройками, что едва-ли окончится сіе къ зимѣ. И такъ, ежели должно будетъ вице-губернатору оставаться въ казенномъ нынѣ имъ занимаемомъ домѣ, который, какъ слышно, подъ университетъ назначается, то нельзя ли теперь получить намъ по крайней мѣрѣ флигеля, занимаемаго нынѣ приказомъ общественнаго призрѣнія и чертежною, кои могутъ безъ нужды перейти въ общественные домы.

7) Если открытіе университета быть можетъ не прежде слѣдующаго года, то все нужное для кухни и столовой студентскихъ, также разныя другія вещи выгоднѣе закупить здѣсь въ Крещенскую ярмарку, какъ то и вообще многое лучше выписывать сюда къ ярмаркѣ, а особливо зимней. Полезно бы, кажется, было такъ устроить столовую, что бы въ ней находился особый столъ для волонтеровъ, то есть студентовъ своекоштныхъ, кои за дальностью квартиръ своихъ или по выгодѣ общей складки пожелаютъ имѣть здѣсь обѣдъ либо и ужинъ за приличную плату, взносимую не меньше какъ на мѣсяцъ.

8) Хотя потребное число семинаристовъ выписать можно бы изъ лучшихъ и ближайшихъ семинарій, въ округѣ Харьковскаго университета находящихся, а именно изъ воронежской и бѣлгородской; однако, чтобы прочія не обидѣлись, чтобы университетъ могъ на каждую простереть нѣкоторое вліяніе чрезъ поступившихъ въ него оттуда, и чтобы молодые люди, собравшись съ разныхъ сторонъ, лучше самымъ обращеніемъ между собою полировались, нежели прибывъ обществомъ изъ одного края, для сего неблагоугодно-ли будетъ требовать въ свое время семинаристовъ изъ всѣхъ семинарій, какъ-то на первый случай—изъ воронежской 4, бѣлгородской 3, черниговской 3, здѣшней 2, переяславской 1, сѣвской 1, новомиргородской 1, всего 15. Желательно, чтобы выборъ сихъ людей въ семинаріяхъ былъ по преимуществу способностей, а не достатка. Остальное же число въ счетъ 25 наполнится вольноявляющимися, если окажутъ отличныя способности, и нѣкоторыми губернскихъ и уѣздныхъ училищъ учителями, кои объявили уже или объявятъ желаніе свое доучиваться и преобразоваться въ университетѣ, если будетъ имъ позволено. Что же касается до тѣхъ старшихъ учениковъ харьковскаго училища, кои съ успѣхомъ обучаются, но не знаютъ латинскаго языка

рянства, то ихъ, какъ мы видѣли, на съѣздѣ предводителей 21 апрѣля 1803 г. рѣшено было вовсе не выбирать. О дальновидности Тимковскаго свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что и онъ, подобно Каразину, хотѣлъ выбрать подъ университетъ „мѣсто, которое должно было быть за городомъ и довольно просторное, съ чистою водою и здоровымъ

и коихъ въ ободренie имъ самимъ, а еще болѣе здѣшнему дворянству, надобно бы допустить къ слушанію лекцій, на россійскомъ языкѣ преподаваемыхъ, и въ другіе классы, гдѣ можно обойтись безъ латинскаго языка, о чемъ я имѣлъ уже честь писать къ Вашему Превосходительству прошлаго іюня 22 дня, то они могутъ оставаться или на своемъ содержаніи, или въ числѣ нынѣшнихъ казенныхъ питомцевъ. Нехудо бы имѣть намъ изъ Геттингена хотя двоихъ хорошихъ, благонравныхъ молодыхъ студентовъ, француза и нѣмца, которые кромѣ наукъ упражнялись особенно въ латинской, греческой и своей природной словесности, и кои бы, живучи здѣсь на магистерскомъ жалованьѣ, вмѣстѣ съ прочими студентами педагогическаго института, помогали образованію ихъ и современемъ сами, поступивъ по экзамену въ магистры, могли бы обучать въ гимназіи. Когда въ гимназіяхъ учители будутъ навыкнувшіе говорить по французски или по нѣмецки и когда нынѣ будетъ въ нихъ хотя по два учителя изъ иностранцевъ, то сіе, доставляя само по себѣ многія выгоды, особенно расположитъ и привлечетъ дворянъ къ публичному ученію.

9) Нужными къ отпуску сюда оказываются суммы: a) на всѣ вышеупомянутыя и другія мелочныя издержки, о чемъ я имѣлъ уже честь писать прошлаго іюня 22 дня; b) на жалованье профессорамъ, чтобъ имѣть оное въ готовности къ выдачѣ за новую треть, текущую съ 17 дня минувшаго іюля (считая первую треть съ 17 марта, когда состоялись штаты, хотя упомянутые четыре профессора избраны и утверждены еще февраля 7 дня) и потомъ за остальное время до новаго года, также на жалованье адъюнкту и кассиру; c) на покупку земли для строенія университета и для ботаническаго сада. Изъ всѣхъ мѣстоположеній, гдѣ бы можно быть новому университету, нѣтъ здѣсь такого, которое отвѣчало бы всѣмъ потребностямъ ботаническаго сада, а посему не позволите-ли прикупить въ сторонѣ таковое пригодное мѣсто, съ тѣмъ чтобы часть саду была тамъ, а другая при домѣ; не благоугодно-ли будетъ также пріобрѣсть для университета мѣсто, гдѣ можно бы завести кирпичный заводъ для его строенія, о чемъ представлялъ уже я Вашему Превосходительству того же іюня 22 дня. Сію часть земли, если городская дума не отведетъ ее на своихъ выгонахъ, надобно будетъ купить заблаговременно, дабы съ осени заготовить глину; въ октябрѣ нужно бы имѣть и для ботаническаго сада землю.

10) Для ботаническаго садоводства и травничанья нуженъ будетъ въ самомъ началѣ садовникъ, который бы для изъясненія съ профессоромъ ботаники, незнающимъ россійскаго языка, разумѣлъ при семъ языкъ и французскій или нѣмецкій или хотя латинскій; не найдется ли для сего знающій и искусный человѣкъ при главной аптекѣ въ Москвѣ, откуда лубенская полевая аптека получаетъ смотрителей для садовъ своихъ на жалованье самое умѣренное; такъ я слышалъ.

11) Опредѣленный Вашимъ Превосходительствомъ въ кассиры коллежскій ассесоръ Дзюбинъ вступилъ въ должность сего августа 3 дня и наблюдаетъ за

воздухомъ, гдѣ бъ можно было весело раскинуться ученому заведенію". Онъ имѣлъ въ виду то самое мѣсто, которое раньше намѣтилъ В. Н. Каразинъ (по Сумскому шоссе), и которое было вскорѣ уступлено даромъ харьковскими войсковыми обывателями университету. Но окончательное рѣшеніе этого вопроса онъ предоставлялъ все таки попечителю Потоцкому, по его возвращеніи въ Харьковъ. Поддерживая мнѣніе В. Н. Каразина, Тимковскій ходатайствовалъ также объ отводѣ и вице-губернаторскаго дома—и это ходатайство было уважено, съ тѣмъ, чтобы университетъ принялъ на себя наемъ приличныхъ помѣщеній для вице-губернатора и присутственныхъ мѣстъ [1]). Наконецъ, Тимковскій продолжалъ дѣло В. Н. Каразина и относительно побужденія къ пожертвованіямъ. Такъ, онъ обратился съ обширнымъ посланіемъ къ Малороссійскому генералъ-губернатору кн. Куракину и Полтавскому губ. пред-

---

благоустроеніемъ въ домѣ. Когда же дойдетъ дѣло до новаго строенія, то необходимо будетъ, чтобы дворянство и гражданство здѣшнее, на коихъ сумму будетъ постройка, приставили къ тому отъ себя выборомъ по члену или по два, и такимъ образомъ составится комиссія.

12) Здѣшнее дворянство, слыша, что Его Сіятельство графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій получилъ въ отпускѣ своемъ отсрочку на долгое время, ласкаетъ себя надеждою, что Ваше Превосходительство удостоите прибыть сюда къ открытію университета.

13) По случаю большаго съѣзда помѣщиковъ для Успенской ярмарки было общее желаніе почетнѣйшихъ фамилій и начальствующихъ чиновъ здѣшнихъ, составить собраніе или балъ, за неимѣніемъ другаго мѣста, въ залѣ университетскаго нашего дома, что съ согласія моего и послѣдовало сего августа 20 дня со всею пристойностію. Такимъ же образомъ вчера празднуемо было тезоименитство Государя Императора.

Въ прежнее время бывали здѣсь собранія осенью и зимою каждое воскресеніе; и хотя теперь желаютъ того же на время, доколѣ зала остается праздною, но отдавать ее на таковое постороннее употребленіе не иначе можно, какъ изрѣдка и по большимъ праздникамъ, если и на это послѣдуетъ Вашего Превосходительства благоволеніе.

14) Изъ періодическихъ изданій и вѣдомостей учинена подписка; до сихъ поръ получаются мною 17 статей. Чрезъ нѣсколько времени доставлю къ Вашему Превосходительству списокъ всѣхъ поступающихъ статей для свѣдѣнія, полное-ли ихъ число поступаетъ.

Представляя все сіе на благоусмотрѣніе Вашему Превосходительству, съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію глубочайшею имѣю честь быть,

Милостивый Государь,
Вашего Превосходительства препокорнѣйшимъ слугою
Илья Тимковскій.

1803 г. августа
31 дня. Харьковъ.

[1]) Кіев. Стар., 1891, сент., стр. 379.

водителю дворянства Кочубею, въ которомъ убѣждалъ, „чтобы каждая губернія, въ которой училища будутъ подъ попеченіемъ Харьковскаго университета, способствовала на свою долю къ постройкѣ и обзаведенію его". „Когда Екатеринославская губернія, такъ заключалъ онъ свое письмо, какъ слышно, полагаетъ составить для университета сумму до 100000 р., то какъ помыслитъ о себѣ Малороссія, моя отчизна, отличающаяся любовью къ наукамъ" [1]). Къ сожалѣнію, этотъ призывъ остался безъ результата, потому что малороссіяне хотѣли учрежденія университета въ Черниговѣ или Полтавѣ.

Такъ неустанно, ровно, безъ скачковъ велъ свое дѣло въ Харьковѣ Тимковскій, переписываясь постоянно съ Каразинымъ и стараясь ослабить нѣсколько его порывы и рѣзкій образъ дѣйствій въ отношеніи „власть имущихъ".

Посмотримъ же теперь, что дѣлалось на пользу университета въ Петербургѣ послѣ пріѣзда туда В. Н. Каразина (лѣтомъ 1803 г.). Здѣсь прежде всего поднятъ былъ Василіемъ Назарьевичемъ вопросъ объ устройствѣ постоянныхъ зданій для университета. Еще въ своемъ „предначертаніи" онъ составилъ грандіозный планъ будущихъ построекъ университета. Теперь, по пріѣздѣ изъ Харькова въ Петербургъ, онъ представилъ планы, рисунки и чертежи, составленные, по его порученію, архитекторомъ Васильевымъ, на утвержденіе главнаго правленія училищъ, съ тѣмъ, чтобы вся постройка осуществлялась на средства, пожертвованныя дворянствомъ и другими сословіями Харьковской губерніи. Объ этомъ въ журналѣ правленія записано такъ: „предложенъ былъ отъ Е. С. Министра Просвѣщенія проэктъ плана и фасада для зданій Харьковскаго университета на счетъ суммъ патріотическаго приношенія Слободской Украинской губ., представленный ему отъ управляющаго Харьковскимъ учебнымъ округомъ (Николая Николаевича Новосильцева), какъ идеальное исполненіе художнической программы или опытъ искусства адъюнкта Васильева, заслужившій одобреніе отъ архитекторовъ сей столицы (профессоровъ академіи художествъ)—Гваренія и Воронихина, при чемъ Е. С. Министръ изволилъ замѣтить, что въ отношеніи къ строенію сему прежде всего слѣдуетъ удостовѣриться, согласно ли будетъ слободско-украинское дворянство, сдѣлавшее приношеніе суммы, обратить ее единственно на зданія университета. Почему и *опредѣлено:* предоставить управляющему округомъ отнестись о семъ кому слѣдуетъ" [2]).

---

[1]) Кіев. Стар., 1891, сент., стр. 390.

[2]) Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго Университета.

Новосильцевъ дѣйствительно запросилъ объ этомъ Донца-Захаржевскаго (въ декабрѣ 1803 г.) и при этомъ прибавлялъ, что 6000 р., полученныхъ отъ харьковскаго дворянства, онъ сдалъ на храненіе въ государственный заемный банкъ, а 4000 р. вручилъ В. Н. Каразину, такъ какъ они были присланы въ Петербургъ этимъ послѣднимъ. Въ разъясненіе этого же дѣла писалъ письмо Донцу-Захаржевскому и В. Н. Каразинъ. „На сихъ дняхъ получили вы отъ Е. Пр. Николая Николаевича Новосильцева отношеніе, сдѣланное имъ по управленію Харьковскаго округа Народнаго Просвѣщенія. Чтобы объяснить оное, а вмѣстѣ и поводъ къ тому бывшій, имѣю честь препроводить при семъ выписку изъ журнала засѣданій Главнаго Правленія училищъ и подлинные рисунки зданій, которые тогда были представлены и разсматриваемы. Донесу вамъ, что мнѣ легко было сказать тогда же господамъ членамъ, что почтенное дворянство, сдѣлавши единожды свое приношеніе, отказалось отъ всякихъ распоряженій по сему предмету; я бы могъ сослаться на протоколъ дворянства, котораго копія находится у министра внутреннихъ дѣлъ. Но какъ нашъ министръ въ засѣданіи непремѣнно настаивалъ, чтобы оказать дворянству Слободской Украинской губерніи сіе уваженіе, то я почелъ непристойностію представлять что либо противъ, ибо подумали бы, что я не желаю, чтобъ оное было оказано. Потому то и помѣщена мною въ журналѣ сія статья, впрочемъ излишняя, поелику она давно разрѣшена документально упомянутымъ протоколомъ 21 апрѣля сего года, въ первой статьѣ котораго дворянство отказывалось отъ распоряженій суммою предоставленіемъ оной въ силу 20-й и 46-й ст. предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія начальству сей части. И какъ сверхъ того Государю Императору благоугодно было не токмо назначить всю штатную сумму 130000 р. сполна изъ казны, но даровать еще и другія пособія Харьковскому университету, то куда приличнѣе можетъ быть обращена дворянская сумма, какъ не на строеніе? И таковое зданіе, бывъ сооружено не на счетъ казны, облегчитъ расходы оной по сей части и съ тѣмъ вмѣстѣ послужитъ на предбудущіе вѣки достойнымъ памятникомъ пожертвованій дворянства. По сдѣланному г. нынѣшнимъ адъюнктомъ университета Васильевымъ соображенію, все сіе зданіе такъ, какъ оно на планѣ представлено, будетъ стоить въ теченіи 6 лѣтъ именно тѣхъ самыхъ суммъ, которыя университетъ отъ дворянства и купечества имѣетъ въ виду.

Покорнѣйше прося васъ не медлить отвѣтомъ вашимъ Николаю Николаевичу, да равно и донесеніемъ о семъ отвѣтѣ гр. Виктору Павловичу, чрезъ котораго, кажется, и планы правительству обратно могутъ быть доставлены, покорнѣйше прошу не сомнѣваться также, что я съ

истиннымъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашего Высокоблагородія всепокорнѣйшимъ слугою. В. Каразинъ. Декабря 22 1803 года.

P. S. Не разрѣша здѣсь всего того, что до университета принадлежитъ относительно его открытія, я не полагаю быть въ Украинѣ, но получивши немедленно пріѣду" [1]). Донецъ-Захаржевскій отвѣтилъ Новосильцеву въ такомъ именно смыслѣ, въ какомъ ожидалъ В. Н. Каразинъ, т. е. что распоряженіе дворянскою суммою всецѣло принадлежитъ правительству.

Затѣмъ особенное вниманіе обратилъ Василій Назарьевичъ на финансовый вопросъ, который стоялъ весьма неудовлетворительно и сильно тормозилъ всѣ дѣла. Объ этомъ очень краснорѣчиво свидѣтельствуетъ и письмо къ В. Н. Каразину Сев. Ос. Потоцкаго, въ которомъ тотъ между прочимъ писалъ: „я могъ бы здѣсь въ Германіи пріискать профессоровъ для Харьковскаго университета, но къ сожалѣнію всѣ средства для этого у меня отняты—мнѣ не высылаютъ денегъ, о которыхъ я такъ настоятельно просилъ предъ отъѣздомъ, а безъ нихъ ничего не подѣлаешь... Признаюсь вамъ, что я не мало уже компрометировалъ себя, начавъ переговоры съ нѣсколькими лицами и не имѣя возможности кончить ихъ по недостатку денегъ... Согласитесь, дорогой мой другъ, что при такомъ положеніи вещей мнѣ не къ чему торопиться ѣхать въ Харьковъ: что въ самомъ дѣлѣ стану я тамъ дѣлать съ 4 только находящимися уже тамъ профессорами и не имѣя возможности привезти отсюда ни одного больше"? [2])... Еще болѣе характерно въ этомъ отношеніи откровенное письмо В. Н. Каразина къ Государю отъ 16 августа 1803 г., поданное черезъ камердинера Гаврилова (къ нему В. Н. Каразинъ приложилъ и письмо Потоцкаго). „Я видѣлъ во всѣхъ частяхъ министерскаго попеченія безпечность и тяжелый съ правилами ни мало не соображенный ходъ; но въ разсужденіи Харьковскаго университета сверхъ того открытое недоброжелательство. Не взирая на всѣ мои усилія, послѣ отъѣзда гр. Потоцкаго ни шагу не сдѣлано въ пользу сего заведенія. По подписаніи предварительныхъ правилъ и штатовъ, пожаловали Вы полмилліона на издержки нынѣшняго года въ 4-хъ округахъ Народнаго Просвѣщенія; повѣрите ли, Всемилостивѣйшій Государь, что понынѣ сія сумма совсѣмъ нетронута и что государственный казначей хотѣлъ уже просить у министра позво-

---

[1]) Архивъ Харьковскаго депутатскаго собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

[2]) Рус. Стар. 1875, октябрь, стр. 271—272.

леніе сдѣлать изъ нея предварительно другое употребленіе! Удивился я, нашедши, что до наступленія іюня мѣсяца ничего еще не было отправлено гр. Потоцкому на высылку иностранныхъ профессоровъ и путевыя ихъ издержки. Упросилъ Николая Николаевича (Новосильцева), получившаго отъ графа полную довѣренность занимать его мѣсто, сдѣлать представленіе объ ассигнованіи 40 т. на всѣ издержки по университету, въ томъ числѣ въ Вѣну 20 т.; министръ во всемъ рѣшительно отказалъ... Я спросилъ его, что же онъ прикажетъ дѣлать съ положеннымъ уже началомъ Харьковскаго университета, съ 4-мя напримѣръ, профессорами, Высочайше конфирмованными, которые уѣхали и живутъ безъ дѣла въ Харьковѣ.... Другимъ представленіемъ министру, сдѣланнымъ уже 11 іюня (1803 г.), испрашивали хотя 20 т. на издержки по Харьковскому округу, который дотолѣ отнюдь ничѣмъ не пользовался, имѣя право по расчисленію на 125 т. изъ пожалованной суммы. Сперва отказано также рѣшительно, какъ и на прежнее представленіе. Но напослѣдокъ, заключая, изъ выговоренныхъ мною въ первое движеніе словъ, что я предприму какой либо отчаянный поступокъ, согласились на 18000 р., росписавъ однако ихъ употребленіе (такъ что на заведеніе физическаго кабинета пришлось 500 р.“ [1]).

Тогда же (14 августа) В. Н. Каразинъ написалъ не менѣе отчаянное письмо и министру внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубею. „Мое начальство, говоритъ онъ, не сдѣлало и малѣйшаго шага, чтобъ поддержать заведеніе университета въ Харьковѣ и духъ тамошняго дворянства и гражданъ, расположенный въ его пользу. Графъ Северинъ Осиповичъ (Потоцкій) весьма не скоро еще прибудетъ; какъ будто на смѣхъ живутъ тамъ пріѣхавшіе два профессора; публика начинаетъ судить обо всемъ этомъ весьма невыгодно и мѣстное начальство подаетъ къ тому поводъ. *Формально* не отводятъ до сихъ поръ домовъ, подъ университетъ назначенныхъ, ссылаясь на ваши, графъ, запросы, которые выражаютъ сомнѣніе, и на недостатокъ точнаго предписанія ни объ одномъ изъ сихъ домовъ. Вы не изволили также ничего рѣшительнаго предписать, ни намъ отвѣчать объ остаточной суммѣ отъ откуповъ городскихъ съ 1783 г.; мы не имѣемъ ни свѣдѣнія о ней, ни наставленія, какъ приступить къ ея собранію, между тѣмъ всѣ прочія суммы, по извѣстному В. С. росписанію слѣдующія къ сбору въ нынѣшнемъ году, остановились совершенно, поелику вы не изволили ничего отвѣчать предводителю на его представленіе; изъ казны выдача 60-ти тысячной суммы отложена до будущаго года, по милости гр. Петра Васильевича (Зава-

---

[1]) Ibidem., стр. 274—275.

довскаго), который заставилъ министра финансовъ представить Государю, что Его Сіятельству было угодно (такъ кончилось все ваше благодѣтельное стараніе по сему предмету и сообщенное вами Высочайшее соизволеніе!). Я многаго еще надѣялся отъ добровольныхъ взносовъ, еслибы приношеніе Хорвата было сколько нибудь ободрено, но оно обращается въ шутку, коль скоро вы еще изволите замедлить исполненіемъ вашего обѣщанія (не говорю уже о томъ, какъ я себя компрометировалъ, написавши ему объ этомъ обѣщаніи). Начатыя строенія всѣ пріостановились; принятые чиновники потеряли и духъ, и надежду, и вы изволите увидѣть, что все это кончится доносомъ на меня" [1]). Приведенные нами документы прекрасно рисуютъ и положеніе дѣлъ по части устроенія Харьковскаго университета, и настроеніе самого Вас. Наз. Каразина, и его роль въ этомъ дѣлѣ. Въ письмахъ его къ Государю и Кочубею вполнѣ сказался его смѣлый, рѣшительный характеръ, пылкій, невоздержный нравъ, нажившій ему постоянно враговъ; мы видимъ, какъ рѣзко выражался онъ и въ данномъ случаѣ о своемъ непосредственномъ начальникѣ, министрѣ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскомъ. Самое дѣло, конечно, опять таки не стояло такъ безнадежно, какъ представлено оно Каразинымъ, и онъ самъ, какъ видно изъ переписки съ Тимковскимъ, вскорѣ перешелъ отъ полнаго отчаянія къ радужному настроенію. Въ письмѣ отъ 2-го августа онъ въ мрачномъ тонѣ описываетъ свои неудачи у министра народнаго просвѣщенія по части полученія денегъ, говоритъ, что заготовилъ формальную жалобу Государю на Завадовскаго [2]), а два мѣсяца спустя (1 октября 1803 г.) пишетъ тому же Тимковскому другое письмо уже въ радостномъ тонѣ, которое заканчиваетъ такъ: „мы сдѣлаемъ несравненно болѣе, нежели предполагаютъ наши недоброжелатели. Они измѣрили свои политическія силы, но для *измѣренія нашего упорства въ добромъ намѣреніи не имѣютъ они маштаба*" [3]). Дѣйствительно, *упорство* Каразина въ достиженіи поставленной цѣли—устройства Харьковскаго университета—было огромно и въ концѣ концовъ оно сломило сопротивленіе однихъ и нарушило инертность другихъ. Къ сожалѣнію, Каразинъ при этомъ проявлялъ такую рѣзкость, которая нажила ему враговъ, постаравшихся воспользоваться его промахами, чтобы удалить его отъ любимаго дѣла. Напрасно предупреждалъ его по этому поводу осторожный Тимковскій, совѣтовалъ держаться спокойнѣе: „знаю, дѣятельность ваша есть

[1]) Ibidem, стр. 475.
[2]) Кіев. Стар. 1891, сентябрь, стр. 383—384.
[3]) Ibidem, стр. 384—387.

пламень, все пожирающій—ахъ, берегитесь!—пожирающій и васъ самихъ, есть буря, сокрушающая все крушимое и раздирающая тучи ненастныя, за которыми вслѣдъ набѣжитъ сугубое ненастье. Дѣятельность удачнѣе, когда идетъ не скачками, но плавно и постепенно распространяется, увеличивается. Искусный генералъ не оставляетъ позади себя непріятельскихъ крѣпостей. Да, простите мнѣ, въ рѣшимости вашей не узнаю я того политическаго духа, который, подобно пчелѣ, изо всего медъ сосетъ. Я не притворства требую, не одного терпѣнія, но искренняго старанія къ поддержанію союза силъ своихъ. Сорвите желудь съ вѣковаго дуба, онъ зеленъ, вы его бросите; но дайте желудю созрѣть, легкимъ вѣтромъ оторветъ его, отнесетъ и, буде свинья не съѣстъ, буде року угодно, выраститъ новый дубъ для будущихъ вѣковъ. Имѣяй уши слышати, да слышитъ“ [1]. Въ этомъ письмѣ ясно сказался и характеръ самого Тимковскаго, представлявшій полную противоположность съ характеромъ Каразина.

Стараясь всячески подѣйствовать на тѣхъ лицъ, въ рукахъ которыхъ была судьба Харьковскаго университета, В. Н. Каразинъ въ то же самое время принималъ живѣйшее и непосредственное участіе въ хлопотахъ по части приготовительныхъ мѣръ, а именно—велъ переписку съ разными иностранными учеными, приглашая ихъ на службу въ имѣющійся открыться Харьковскій университетъ, подбиралъ въ Петербургѣ для него библіотеку и типографію, отсылалъ книги въ Харьковъ, пріобрѣталъ разныя вещи для учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета (между прочимъ знаменитую коллекцію эстамповъ Аделунга) и, наконецъ, прислалъ мастеровъ или художниковъ для производства необходимыхъ работъ на мѣстѣ въ Харьковѣ. Все это онъ дѣлалъ въ исходѣ 1803 и началѣ 1804 года. Филадельфъ Васильевичъ Каразинъ говоритъ, что у него хранились отвѣтныя письма къ Василію Назарьевичу „Фихте, Гильдебрандта, Пуасона, Лабанда и другихъ европейскихъ знаменитостей, отозвавшихся весьма лестно на его призывъ ихъ въ Харьковъ“. Берлинскій натуралистъ Рейхъ отвѣтилъ ему даже по-русски [2].

„Помѣщикъ В. Н. Каразинъ, говоритъ Фойгтъ, положилъ первое основаніе университетской библіотекѣ. По его выбору и старанію, пріобрѣтены для нея первыя сочиненія; его личному содѣйствію и вліянію она обязана большимъ числомъ книгъ, пожертвованныхъ въ то время разными частными лицами“ [3]. Всего поступило въ библіотеку

---

[1] Ibidem, стр. 388—3~9.
[2] Рус. Стар. 1875, ноябрь, стр. 472.
[3] Ист. стат. зап. объ Имп. Харьк. универ. и его заведеніяхъ 1859, стр. 25.

при В. Н. Каразинѣ б. 3000 разныхъ книгъ [1]). На типографію В. Н. Каразинъ употребилъ, по словамъ Фойгта, 1250 р. 34 коп. ас. изъ суммы, отпущенной ему Н. Н. Новосильцевымъ; на эти деньги онъ пріобрѣлъ 4 печатныхъ станка, словолитныя формы и котлы, желѣзные инструменты, краски, лакъ, всего 38 предметовъ [2]).

Пріобрѣтеніе Каразинымъ Аделунговой коллекціи эстамповъ для университета подробно разсказано акад. Н. А. Лавровскимъ. Мы не согласны со многими его замѣчаніями, но остановимся на разборѣ ихъ въ главѣ, которая будетъ посвящена исторіи учебновспомогательныхъ учрежденій; теперь же только напомнимъ, что В. Н. Каразинъ пріобрѣлъ въ Петербургѣ въ концѣ 1803 или началѣ 1804 г. для Харьковскаго университета у Аделунга собраніе эстамповъ въ числѣ 2477 штукъ за 5000 р. „Каталогъ" этого собранія подписанъ былъ извѣстнымъ археологомъ Келеромъ, хранителемъ императорскаго кабинета эстамповъ, и живописцемъ Лабунскимъ, живописцемъ Кюгельхеномъ, профессоромъ скульптуры Академіи художествъ Прокофьевымъ и любителемъ искусствъ Цимсеномъ, оцѣнившими его свыше 5000 р. и свидѣтельствовавшими, что это собраніе „весьма рѣдкое и въ особенности удобное служить къ изученію исторіи гравировальнаго искусства и притомъ заключающее лучшіе образцы величайшихъ мастеровъ всѣхъ временъ сего искусства". Такимъ образомъ, изъ этого видно, что В. Н. Каразинъ пріобрѣлъ коллекцію Аделунга не дороже, а, м. б., даже и дешевле ея дѣйствительной стоимости. Но дѣло усложнилось запутанными счетами В. Н. Каразина, которые долго не могъ разъяснить себѣ Комитетъ и которые вызвали сильное неудовольствіе попечителя Потоцкаго [3]).

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія";—это въ высшей степени важная рукопись, заключающая въ себѣ краткіе отчеты о дѣятельности университета за 1805—1812 г. (включительно); составлена она на основаніи оффиціальныхъ документовъ и сама несомнѣнно вполнѣ оффиціальнаго происхожденія. Это та самая рукопись, на которую указывалъ давно уже Г. П. Данилевскій (Укр. Старина, стр. 304), ею впрочемъ почти совсѣмъ не пользовавшійся; она помѣчена имъ № 28—и дѣйствительно, мы находимъ ее въ архивной описи подъ этимъ номеромъ. Печатныхъ ежегодныхъ отчетовъ о дѣятельности университета за это время не имѣется и потому настоящею рукописью мы будемъ широко пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи. Само собою разумѣется, что къ извѣстіямъ ея мы можемъ относиться съ полнымъ довѣріемъ, какъ къ оффиціальному экстракту изъ документальныхъ данныхъ (протоколовъ комитета, правленія, совѣта, училищнаго комитета и т. п.).

[2]) Фойгтъ, стр. 133—134. По упомянутой выше рукописной „Исторіи дѣлъ" для типографіи законтрактованъ былъ факторъ и литейщикъ.

[3]) Жур. Мин. Нар. Просв., 1872, январь, стр. 79—86.

Н. А. Лавровскій приводитъ подробности о денежныхъ расчетахъ комитета университета съ Каразинымъ за эстампы и при этомъ посылаетъ сильный укоръ по адресу этого послѣдняго.

„Такая путаница въ денежныхъ счетахъ вслѣдствіе совершенно патріархальной простоты въ обращеніи съ деньгами, вслѣдствіе займа первыхъ оказавшихся свободными денегъ на встрѣтившіяся въ данную минуту потребности, весьма живо и наглядно рисуетъ намъ перваго дѣятеля въ пользу Харьковскаго университета. Не сомнѣваясь нисколько въ безкорыстіи Каразина, мы, къ сожалѣнію, должны признать совершенно естественнымъ то скорообнаружившееся явленіе, что всѣ, кто привлеченъ былъ къ соучастію съ нимъ въ томъ же дѣлѣ и особенно на кого могла падать отвѣтственность, должны были признать его неисправимо плохимъ и безнадежнымъ распорядителемъ и должны были поспѣшить покончить съ нимъ всѣ счеты“ [1]. Путаница въ счетахъ дѣйствительно существовала, но она происходила *не отъ одной* патріархальной простоты Каразина въ расходованіи казенныхъ денегъ: она вызвана была главнымъ образомъ тѣми условіями, при которыхъ приходилось дѣйствовать Каразину—предоставленными ему обширными полномочіями, отсутствіемъ опредѣленнаго назначенія для суммъ патріотическаго фонда, постояннымъ хроническимъ запаздываніемъ при назначеніи штатныхъ денегъ, сильно тормозившимъ открытіе университета, отсутствіемъ на мѣстѣ въ Харьковѣ попечителя Потоцкаго и вызванною этимъ необходимостью сноситься по дѣламъ университета съ лицомъ, проживавшимъ въ Петербургѣ и обремененнымъ множествомъ своихъ прямыхъ служебныхъ обязанностей. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ трудно было и ожидать аккуратнаго счетоводства. Не слѣдуетъ также упускать при этомъ изъ виду, что, при недостаткѣ денегъ, Каразинъ дѣлалъ постоянныя позаимствованія изъ собственныхъ средствъ, въ общемъ не особенно обширныхъ, и этимъ привелъ въ полное разстройство свои собственныя дѣла (долженъ былъ заложить свое имѣніе и т. п.). Мнѣ удалось найти въ университетскомъ архивѣ письмо самого Каразина въ комитетъ правленія Харьковскаго университета, гдѣ онъ старается какъ бы оправдаться въ нѣкоторой неаккуратности счетовъ, въ смѣшеніи своихъ суммъ съ университетскими; письмо это исполнено достоинства и сознанія важности заслугъ, оказанныхъ имъ любимому дѣтищу, Харьковскому университету. Оно можетъ служить прямымъ отвѣтомъ и какъ бы возраженіемъ Н. А. Лавровскому.

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 84.

„Милостивые государи!

Между прочими услугами, кои имѣлъ я счастіе оказать Университету, доставилъ я въ оный въ 1803 и 1804 гг. изъ С.-Петербурга большую часть книгъ, находящихся нынѣ въ его библіотекѣ, почти всѣ инструменты физическаго его кабинета, также лабораторіи, типографіи и богатое собраніе эстамповъ; послѣднія мои доставки послѣдовали въ мартѣ 1804 г. Содѣйствуя съ такимъ же усердіемъ, какъ и довѣренностью, къ пользамъ сего почтеннаго заведенія, коего благо толь несомнѣнно было мнѣ довѣрено, какъ съ начала, такъ и до самаго его существованія, никогда не былъ я остановленъ недостатками суммъ, въ послѣдствіи времени правительствомъ для него назначенныхъ. Многократно старался я вознаграждать моею собственностью недостатокъ оффиціальныхъ средствъ, нерѣдко въ подобныхъ сему случаю бывающихъ, въ коихъ новость заведенія не дозволяетъ предвидѣть непремѣнныхъ и положительныхъ правилъ и недостатокъ въ коихъ можетъ замѣнить одна только дѣятельность ихъ основателей. Пользуясь таковымъ образомъ правомъ, случаемъ мнѣ даннымъ, и не имѣя нужды въ вѣрющихъ уполномочіяхъ, кромѣ явныхъ и всѣмъ извѣстныхъ начальныхъ въ пользу университета дѣйствій и моей къ оному привязанности, ходатайствовалъ я къ пользамъ его у художниковъ, книгопродавцевъ и вообще у всѣхъ лицъ, вспомоществованія коихъ могли принести ему выгоды. Лица сіи, во всѣхъ до университета касающихся предписаніяхъ, кромѣ меня никого другого не признавали; имя мое было для нихъ совершенно достаточнымъ; квитанціи мои или заемныя письма считались имѣющими цѣну свою обязательствами и достаточными къ удовлетворенію всѣхъ могущихъ произойти съ ихъ стороны требованій. Также справедливо и то, что всегда исполнялъ я мои обязанности, тѣмъ болѣе для меня священныя, что оныя производились именемъ столь высокаго заведенія. Если иногда съ трудомъ могъ я употреблять въ расходъ суммы, для сего столь великодушно Его Имп. Вел. назначенныя, то не отлагая ни мало, тогда же замѣнялъ оныя своею собственностью. Бумаги Его Сіятельства г. попечителя и доставленные въ университетъ счеты представляютъ тому множество доказательствъ. Не найдется ни одного такого засвидѣтельствованія, сколько могу припомнить, которое не было за моимъ или съ согласія моего за подписомъ самого поставщика. Всякому извѣстно, что въ университетъ получено болѣе какъ на 20000 всякаго рода вещей и при томъ безъ всякихъ счетовъ употребленныхъ на то суммъ (ибо тогда не существовало въ немъ никакой еще надобности); часто спустя потомъ не малое уже время оканчивалъ я счеты мои съ г. Новосильцевымъ, временно пра-

вившимъ тогда должность попечителя Университета, и получалъ обратно употребленныя мною собственныя мои на сіе деньги. Симъ образомъ кончилъ я съ университетомъ всѣ расчеты во всемъ, какъ до посылки книгъ, инструментовъ, такъ и прочаго касающемся. Что же принадлежитъ до эстамповъ, купленныхъ у г. Аделунга, то какъ поспѣшный мой отъѣздъ изъ С.-Петербурга воспрепятствовалъ мнѣ войти, какъ слѣдовало, въ сіе дѣло, то за оныя и не получилъ я денегъ. Продавецъ оныхъ, почетный членъ сего и Московскаго университетовъ, также членъ многихъ иностранныхъ ученыхъ и другихъ обществъ и наставникъ Ихъ Имп. Высочествъ Государей и Великихъ Князей дозволилъ мнѣ, чтобы прежде всего собраніе сіе оцѣнено было гг. первымъ библіотекаремъ Е. И. Вел. Келеромъ, смотрителемъ Имп. Собранія эстамповъ въ Эрмитажѣ Лабенскомъ, живописцемъ Е. И. Вел. Кюгельбеномъ, профессоромъ Имп. Академіи художествъ Прокофьевымъ и знатокомъ художникомъ кол. ас. Юнгомъ, кои равномѣрно подпискою своею на самомъ каталогѣ засвидѣтельствовали, что цѣна всему собранію превышаетъ сумму 5000 р. (на которую согласились мы съ г. Аделунгомъ послѣ продолжавшагося многіе мѣсяцы торгу); собраніе оное, которое полагалъ я тогда да и нынѣ не перестаю признавать необходимо нужнымъ университету, получивъ подъ заемное письмо на 5000 р., кои обязался выплатить въ 4 срока, отправилъ я тогда въ Харьковъ съ послѣдне присланными Цимсеномъ книгами и, подобно прежнимъ случаямъ, всю оную сумму сполна заплатилъ я по оному заемному письму, какъ слѣдовало. Что же касается до платежа мнѣ собственно оныхъ денегъ, то его сіятельство г. попечитель Университета приказалъ мнѣ самому адресоваться въ оный, почему я имѣлъ уже честь представить комитету въ засѣданіи его сего 3 марта мои довѣрія. Вслѣдствіе чего и прошу покорнѣйше высокопочтеннаго комитета, дабы опредѣлилъ выдать мнѣ оные 5000 р. подъ мою росписку или въ противномъ случаѣ снабдилъ-бы меня другимъ какимъ либо рѣшительнымъ отзывомъ.

Василій Каразинъ, марта 31 дня 1805 г.“ [1]).

Едва-ли нужно прибавлять что нибудь къ этому письму: оно само по себѣ служитъ достаточнымъ оправданіемъ для В. Н. Каразина и вмѣстѣ съ тѣмъ прекрасно характеризуетъ эту замѣчательную личность. Нужно при этомъ замѣтить, что отправлено оно было тогда, когда Василія Назарьевича отстранили отъ университетскихъ дѣлъ, а между тѣмъ въ немъ не замѣтно ни малѣйшаго личнаго раздраженія и ме-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г., № 7.

лочнаго тщеславія. Такъ могъ писать только человѣкъ, вполнѣ убѣжденный въ своей правотѣ и въ важности оказанныхъ имъ университету услугъ.

Но окончательно дискредитировало В. Н. Каразина другое его *хозяйственное* распоряженіе—о мастерахъ или *художникахъ;* оно послужило ближайшимъ поводомъ къ устраненію его отъ дѣлъ Харьковскаго университета. Эпизодъ этотъ также подробно разсказанъ Н. А. Лавровскимъ [1]) на основаніи документовъ университетскаго архива и потому мы не будемъ повторять уже извѣстныхъ подробностей, а напомнимъ здѣсь только сущность дѣла. В. Н. Каразинъ, въ виду недостатка въ Харьковѣ ремесленниковъ для производства различныхъ работъ, стоявшихъ въ связи съ учрежденіемъ университета, рѣшилъ отправить значительную партію ихъ изъ Петербурга. Онъ полагалъ что весь этотъ ремесленный людъ понадобится многочисленному контингенту студентовъ и профессоровъ будущаго университета (припомнимъ, въ какомъ грандіозномъ видѣ представлялъ онъ себѣ это Харьковское высшее училище! [2]). Между тѣмъ, потребности вновь открывающагося университета во всѣхъ отношеніяхъ оказались чрезвычайно скромными: студентовъ къ поступленію въ университетъ явилось очень мало, профессоровъ также, и многимъ художникамъ, законтрактованнымъ В. Н. Каразинымъ для университета, дѣлать по пріѣздѣ въ Харьковъ было нечего. Всего отправлено было Василіемъ Назарьевичемъ 32 мастеровыхъ и издержано на нихъ около 12000 рублей, изъ коихъ ок. 9 т. могли быть погашены работой, а 3 т. выданы были имъ безвозвратно. По контрактамъ они должны были находиться въ вѣдѣніи университета, исполнять за умѣренную плату работы для него предпочтительно передъ частными заказами и отрабатывать постепенно суммы, полученныя ими на первоначальное обзаведеніе. В. Н. Каразинъ въ одномъ письмѣ самъ сознается, что онъ, отправляя ремесленниковъ, имѣлъ въ виду при этомъ и интересы *города*. Результаты этого предпріятія оказались для Каразина очень плачевными: Министръ Народнаго Просвѣщенія, гр. Зава-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 86—99.

[2]) Мотивы для вызова въ Харьковъ ремесленниковъ указаны имъ въ письмѣ къ Тимковскому; онъ полагалъ, что такимъ образомъ добьется и сбереженія университетскихъ денегъ, и пользы для г. Харькова: „вмѣсто того чтобы везти отсюда (изъ Петербурга) 10 фуръ всякой желѣзной, мѣдной и деревянной, по большей части ни къ чему негодной уже, дряни, составляющей то, что называется *типографія*, развѣ не выгоднѣе будетъ сдѣлать все на мѣстѣ своими людьми? Людьми, разумѣю я, которые могутъ устроить 20 типографій“. (Кіев. Стар., 1891, сентябрь, стр. 386).

довскій, доложилъ Государю, что Каразинъ „*самъ собою безъ всякаго дозволенія отъ начальства* вызвалъ многихъ мастеровыхъ людей въ Харьковъ и сдѣлалъ съ ними контракты, на что затратилъ 11525 р. сверхъ суммы, опредѣленной въ штатѣ; въ виду этого онъ, Завадовскій, поручилъ попечителю Потоцкому сдѣлать Каразину строгій выговоръ и запретилъ ему отнынѣ мѣшаться въ дѣла университета. Государь согласился съ этимъ представленіемъ министра (18 іюня 1804 г.) и Завадовскій 20 же іюня увѣдомилъ объ этомъ Высочайшемъ повелѣніи Потоцкаго. Съ этого момента должна была прекратиться всякая дѣятельность В. Н. Каразина на пользу Харьковскаго университета. Это былъ страшный ударъ для него; его поражали въ самое чувствительное мѣсто: онъ долженъ былъ отказаться отъ любимаго дѣтища своей творческой мысли, отъ предпріятія, которое должно было принести огромную пользу краю, отъ дѣла, на которое онъ затратилъ массу энергіи и которое теперь близилось уже къ благополучному окончанію.

Спрашивается теперь, на сколько справедливо было тяжкое наказаніе, постигшее Каразина, повергшее его въ уныніе и причинившее ему тяжелую нравственную пытку? Гр. Завадовскій мотивировалъ свою суровую мѣру въ докладѣ Государю тѣмъ, что Каразинъ нанялъ работниковъ „*безъ всякаго дозволенія отъ начальства*". Но оказывается на самомъ дѣлѣ, что Каразинъ *имѣлъ такое дозволеніе отъ начальства*. 11 апрѣля 1804 года открылъ свои дѣйствія въ Харьковѣ оффиціальный *Комитетъ* изъ профессоровъ и распредѣлилъ между своими членами тѣ обязанности, которыя раньше несли Каразинъ и Тимковскій; и вотъ въ этомъ комитетѣ Каразину „предоставлено было *вслѣдствіе предложенія попечителя отъ 19-го апрѣля* и согласно его вызову дѣлать заказы законтрактованнымъ имъ ремесленникамъ, а равно и разнымъ другимъ художникамъ". Въ своей инструкціи Потоцкій просилъ Каразина всячески способствовать комитету въ его дѣятельности, какъ человѣка, который „толико содѣйствовалъ пользамъ сего университета". Наконецъ, въ отношеніи своемъ отъ 19-го апрѣля Потоцкій прямо поручаетъ художниковъ „въ непосредственное наблюденіе Каразину".

Неужели такія полномочія были недостаточны, въ особенности для лица, которое было иниціаторомъ всего дѣла и одно время единственнымъ распорядителемъ его? Но еще любопытнѣе то, что самъ Потоцкій признавалъ вполнѣ цѣлесообразнымъ предпріятіе В. Н. Каразина о высылкѣ художниковъ. Это ясно видно изъ оффиціальнаго письма его къ графу Завадовскому отъ 19-го апрѣля 1804 г. „По строжайшему изслѣдованію моему сего дѣла, извлекаю я слѣдующее заключеніе: извѣстно уже Вашему Сіятельству, что г. Каразинъ во всѣхъ своихъ,

впрочемъ похвальныхъ предпріятіяхъ, не употребляетъ ни осмотрительности, ни тѣхъ правилъ, каковыхъ требуетъ заведенный порядокъ, онъ точно такимъ образомъ поступилъ и въ семъ случаѣ: видѣвъ, что открытіе университета требовать будетъ множества предварительныхъ работъ, для которыхъ въ городѣ Харьковѣ, скудномъ и въ самыхъ простыхъ ремеслахъ, не достанетъ никакихъ средствъ, онъ свойственными ему пріемами и убѣжденіями вызвалъ изъ С.-Петербурга 32 мастеровыхъ, выдалъ каждому изъ нихъ отъ 100 до 500 р. по своему разсмотрѣнію съ условіемъ, что они большую часть сихъ денегъ повинны отработать университету, остальныя же останутся на ихъ обзаведеніе. Всѣ условія заключены какъ между частными людьми и писаны отъ его собственнаго имени. Сложная сумма, во что обошлись таковые задатки, доставленіе до Харькова и удовлетвореніе въ семъ городѣ всѣхъ упомянутыхъ художниковъ, простирается до 12200 р., изъ которой суммы 10200 р. онъ уже выдалъ изъ собственныхъ денегъ, а 2000 р. остается еще дать кузнецамъ, стальнымъ и коснымъ мастерамъ, которые одни остались неудовлетворенными. Поступокъ г. Каразина нахожу я весьма необдуманнымъ, обнаруживающимъ недовѣрчивость къ особѣ, которая управляла моимъ именемъ (т. е. Н. Н. Новосильцеву, который былъ противъ этой мѣры) [1]) или упорство еще болѣе непростительное поставить на своемъ противъ ея воли. Въ доставленіи же изъ числа 32 четырехъ, никакой пользы университету принесть не могущихъ, именно: чулочнаго фабриканта, замшенника, кожевника и ткача, вижу я сверхъ того усердіе къ Харькову не у мѣста. Но съ другой стороны, разсуждая: 1) что пріобрѣтеніе Университету суммы городскихъ приношеній была собственная идея г. Каразина и преимущественно имъ произведена была въ дѣйство; 2) что самая большая часть доставленныхъ ремесленниковъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ университета и города Харькова *совершенно необходима* и въ такой степени, что учрежденный комитетъ для успѣха предварительныхъ работъ принужденъ будетъ выписать въ добавокъ еще нѣсколько мастеровыхъ; 3) что изъ суммы, употребленной на нихъ, подъ благоразумнымъ присмотромъ за работами ихъ, возвратиться должно 8450 р., въ непродолжительномъ времени; въ 4) что пріемомъ учениковъ, которыхъ оные мастера отъ стороннихъ людей, по показанію университета, безъ платы взять обязались, можетъ быть выручена еще нѣкоторая значущая сумма; въ 5) что привозъ изъ столицъ мебели и другихъ вещей, нужныхъ для классовъ, библіотеки, физическаго и модельнаго кабинетовъ, лабо-

---

[1]) Ср. Рус. Стар. 1875, ноябрь стр. 473—474.

раторіи и типографіи, которыя могутъ быть сдѣланы здѣсь на мѣстѣ самими ремесленниками, составилъ-бы сумму, превосходящую издержки на доставленіе ихъ самихъ и сверхъ того былъ бы сопряженъ съ великими неудобствами; 6) что поселеніе ихъ въ Харьковѣ составляетъ вѣрное пристанище и способъ къ жизни дѣтямъ бѣдныхъ мѣщанъ, которые, выходя изъ уѣздныхъ училищъ, станутъ затрудняться въ пропитаніи, но, бывъ отданы въ мастерство, они не только сберегутся отъ нищеты и разврата, но и послужатъ современемъ на пользу сего края, весьма скуднаго со стороны искусствъ и рукодѣлій; въ 7) что выписка сихъ людей принесла удовольствіе жителямъ г. Харькова, какъ то я многократно имѣлъ случай слышать отъ нихъ, и что она можетъ принадлежать къ числу тѣхъ средствъ, которыми начальство университета, оказавъ здѣшней публикѣ угожденіе и попеченіе о ея выгодахъ, пріобрѣтетъ болѣе и болѣе ея довѣренность; въ 8) что, наказавши г. Каразина за его необдуманную ревность оставленіемъ его на произволъ кредиторамъ въ такомъ состояніи его имѣнія, которое, сколько мнѣ извѣстно, уже и безъ того едва ли не превышаютъ долги, сдѣланные на пользу общую,—будетъ значитъ наказывать не его, но сихъ кредиторовъ собственно и тѣхъ ремесленниковъ, которые по условію съ нимъ не успѣли еще получить денегъ — всѣми таковыми причинами убѣждаясь, но не преклоняясь въ пользу г. Каразина, я предаю сіе дѣло и мое о немъ сужденіе въ собственное уваженіе Вашего Сіятельства и главнаго правленія училищъ". На этомъ донесеніи рукою Завадовскаго написано: докладовано 4-го іюня. Государь указалъ: „мастерамъ выдать деньги изъ суммъ, вносимыхъ отъ городскихъ приношеній, а Каразину запретить мѣшаться въ дѣла университета" [1]).

Письмо С. О. Потоцкаго весьма любопытно и, нужно сознаться, рисуетъ въ данномъ случаѣ съ несовсѣмъ благопріятной стороны этого дѣятеля—въ немъ уже слишкомъ много дипломатической изворотливости, уклончивости и противорѣчій.

Представивъ цѣлый рядъ серьезнѣйшихъ данныхъ въ пользу предпріятія Каразина, онъ уклоняется отъ заключенія, которое логически необходимо вытекаетъ изъ нихъ; мало того, употребляетъ такое выраженіе, которое само въ себѣ заключаетъ непримиримое противорѣчіе: „*всѣми таковыми причинами убѣждаясь*, *но не преклоняясь въ пользу г. Каразина*, говоритъ онъ, я передаю это дѣло на рѣшеніе Вашего Сіятель-

---

[1]) Выписка эта сдѣлана изъ Архива Мин. Нар. Просв. (Дѣло подъ № 5472, картонъ № 152-й) Филадельфомъ Васильевичемъ Каразинымъ и сообщена имъ въ письмѣ къ Н. А. Лавровскому. (См. хранящіяся у меня рукописныя письма Ф. В. Каразина къ Н. А. Лавровскому; письмо отъ 8 дек. 1872 г. изъ Петербурга).

ства". Узнавъ же въ скорости послѣ этого, въ Петербургѣ, что къ этому дѣлу о художникахъ министръ отнесся чрезвычайно неблагосклонно, Потоцкій пишетъ въ комитетъ университета весьма строгое отношеніе, въ которомъ „рѣшительно не соглашается на завѣдываніе Каразинымъ (порученными ему по его же предложенію) работами: „порученіе, сдѣланное комитетомъ г. Каразину относительно художниковъ, пишетъ попечитель, *которые столько надѣлали и дѣлаютъ шуму и которыхъ дѣло, еще не извѣстно мнѣ, какія будетъ имѣть послѣдствія* [1]), не могу признать я за нужное".

Очевидно, Потоцкій убѣдился въ Петербургѣ, что участь Каразина уже рѣшена и вздумалъ заблаговременно отступиться отъ своего бывшаго помощника и сотрудника. Впрочемъ, нужно замѣтить, что едва-ли онъ и могъ чѣмъ нибудь помочь Каразину. Противъ этого послѣдняго былъ вооруженъ прямой начальникъ Потоцкаго министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, который давно уже ждалъ какого-либо случая, чтобы избавиться отъ непріятнаго человѣка [2]). Государь въ это время уже вполнѣ охладѣлъ къ Каразину по причинамъ, на которыхъ останавливаться здѣсь было бы неумѣстно [3]) и Завадовскому было нетрудно нанести, такъ сказать, послѣдній ударъ нѣкогда опасному для него противнику. И онъ воспользовался для этого дѣломъ о художникахъ, представивъ его Государю далеко, какъ мы видѣли, не въ точномъ видѣ [4]). Такъ неожиданно должна была прерваться дѣятельность В. Н. Каразина на пользу дорогого ему Харьковскаго университета: послѣ Высочайшаго повелѣнія 18-го іюня 1804 г. онъ совершенно прекратилъ всякія сношенія съ университетомъ.

Посмотримъ теперь, что дѣлалось въ 1804 году на пользу университета въ самомъ Харьковѣ. Въ концѣ 1803 г., какъ мы знаемъ, тамъ единолично распоряжался всѣмъ И. Ѳ. Тимковскій, которому были предоставлены широкія полномочія—и онъ пользовался ими чрезвычайно умѣло, удачно и добросовѣстно. Попечитель Потоцкій между тѣмъ все это время проживалъ за границей и, какъ мы знаемъ изъ письма его къ

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1872, январь, стр. 94.

[2]) Едва ли Завадовскій могъ не знать о томъ, что писалъ о немъ Каразинъ Государю.

[3]) См. объ этомъ „Укр. Старину", Данилевскаго, стр. 115—116; Ж. М. Н. Просв., 1872 г., январь, стр. 97—99; „Кіев. Старина", 1891, августъ, стр. 234—236; мою рѣчь „О просвѣтительной дѣятельности В. Н. Каразина", стр. 22—23.

[4]) Въ своемъ докладѣ Государю онъ сослался между прочимъ на рапортъ Потоцкаго—между тѣмъ какъ этотъ послѣдній, какъ мы видѣли, *по существу* одобрилъ мѣру Каразина, призналъ ее вполнѣ цѣлесообразной и даже необходимой.

В. Н. Каразину, не спѣшилъ въ Харьковъ, заявляя, что ему тамъ пока нечего дѣлать въ виду недостатка денегъ. Но въ мартѣ 1804 г. попечитель, наконецъ, впервые явился въ Харьковъ и вступилъ въ непосредственное управленіе Харьковскимъ округомъ, которымъ до того времени завѣдывалъ его именемъ Петербургскій попечитель, Новосильцевъ. Усмотрѣвъ медленное теченіе дѣлъ по устройству университета, Потоцкій учредилъ для ускоренія ихъ *Комитетъ* изъ наличныхъ профессоровъ — Рижскаго, Тимковскаго, Делявиня, Балленъ-де-Баллю и Осиповскаго и присоединилъ къ нимъ для совѣтовъ Каразина; предсѣдателемъ назначенъ былъ Рижскій. Комитету дана была въ руководство инструкція, а первое засѣданіе его состоялось 11 апрѣля 1804 года. Съ этого момента приготовленія къ открытію университета пошли гораздо правильнѣе и быстрѣе, чѣмъ прежде; комитетъ располагалъ уже штатною суммою, которой раньше не хотѣли выдавать; дѣятельность его была распредѣлена между нѣсколькими лицами и подчинена опредѣленной инструкціи; наконецъ, во главѣ дѣла стоялъ самъ попечитель, лично явившійся въ Харьковъ, чтобы руководить дѣлами на мѣстѣ.

Дѣятельность комитета была очень разносторонняя, разнообразная; она захватывала и учебную, и хозяйственую сферу, и мы на ней должны теперь остановиться подробно, тѣмъ болѣе, что она почти совсѣмъ не затронута въ трудахъ прежнихъ историковъ университета. Предсѣдательство въ комитетѣ Потоцкій поручилъ проф. Рижскому, имя котораго должно быть отмѣчено нами, какъ одного изъ видныхъ дѣятелей по части первоначальнаго устройства Харьковскаго университета. Въ руководство комитету была дана подробная инструкція. Наиболѣе важными дѣйствіями комитета нужно признать слѣдующія:

1) Перестройки и пристройки въ 2-хъ зданіяхъ, отведенныхъ подъ университетъ, и снабженіе комнатъ, аудиторій, лабораторій и т. п. нужною мебелью; 2) приведеніе въ порядокъ и составленіе списковъ полученнымъ изъ Петербурга книгамъ и инструментамъ; 3) устройство около большого университетскаго дома ботаническаго сада и бульвара; 4) устройство типографіи; 5) покупку земель подъ будущія университетскія постройки; 6) заботу о предположенныхъ въ ближайшемъ будущемъ постройкахъ; 7) содержаніе въ порядкѣ университетскихъ домовъ; 8) заботы о ремесленникахъ, законтрактованныхъ В. Н. Каразинымъ; 9) составленіе послужныхъ списковъ профессоровъ университета и выдачу имъ жалованья; 10) изслѣдованіе нѣкоторыхъ естественныхъ богатствъ края и командировку для этого профессоровъ; 11) пріемъ и содержаніе казенныхъ студентовъ; 12) пріемъ своекоштныхъ студентовъ; 13) устройство приготовительнаго класса; 14) нѣкоторыя дѣла,

касавшіяся училищъ Харьковскаго учебнаго округа; 15) приходъ и расходъ поступающихъ въ распоряженіе университета суммъ; 16) приготовленія къ торжеству открытія университета.

Какъ видимъ уже изъ этого перечня, дѣятельность комитета была очень разносторонняя и захватывала какъ хозяйственную, такъ и учебную часть. На долю каждаго члена комитета выпало не мало работы. Остановимся на всѣхъ этихъ работахъ комитета подробнѣе.

Переданныя подъ будущій университетъ зданія (генералъ-губернаторскій и губернаторскій дома) требовали значительныхъ передѣлокъ, во 1-хъ, потому что были очень ветхи, а во 2-хъ, потому что предназначались первоначально для совсѣмъ иной цѣли. Передѣлки въ двухъ главныхъ корпусахъ окончены были къ сентябрю мѣсяцу, такъ что 4-го сентября въ маломъ домѣ (гдѣ теперь церковь и библіотека) помѣщено было 30 чел. семинаристовъ, предназначавшихся въ казеннокоштные студенты; всего истрачено было 11682 р. 75 коп., да около 3400 р. издержано на отдѣлку новыхъ квартиръ губернатора и вице-губернатора, жившихъ раньше въ этихъ домахъ. Присылаемыя въ университетъ книги сначала находились въ вѣдѣніи кассира Дзюбина, а потомъ переданы въ распоряженіе назначеннаго библіотекаремъ проф. Балленъ де-Баллю. Такъ какъ онѣ куплены были по большей части въ листахъ и безъ реестровъ, то В. Н. Каразинъ прислалъ въ Харьковъ переплетчика Ведде, который обязался переплетать ихъ и получать за это 250 р. жалованья, квартиру и 20% стоимости переплетнаго матеріала. Въ университетскую библіотеку сверхъ того поступили слѣдующія пособія: 2 атласа на русскомъ языкѣ, одинъ съ 43, другой съ 58 картами; атласъ Меркаторовъ въ 2-хъ книгахъ, изъ коихъ въ одной было 141, а въ другой 122 карты; древній атласъ Птоломеевъ изъ 40-хъ картъ, подаренный В. Н. Каразинымъ; атласъ Прусскаго государства. Основаніе нумизматической коллекціи было положено пожертвованіемъ попечителя гр. Потоцкаго: онъ подарилъ 840 медалей (въ томъ числѣ 820 серебр. и 20 золотыхъ), изъ коихъ 533 древнихъ и 307 новыхъ.

Въ теченіи 1804 г. получено было изъ Петербурга 3219 книгъ, въ томъ числѣ 26 дефектныхъ. Въ физическій кабинетъ прислано за это же время 34 прибора, а сверхъ того подарена В. Н. Каразинымъ электрическая машина работы художника Шишерина; въ химическую лабораторію поступило въ началѣ года 69 приборовъ, разная стеклянная посуда и 8 пудовъ ртути; затѣмъ были и новыя покупки по требованію адъюнкта химіи Гизе.

Такъ какъ профессоръ ботаники Делявинь прибылъ въ Харьковъ съ садовникомъ Стровальдомъ еще въ 1803 году, то съ начала весны

1804 г. приступили къ заведенію небольшого ботаническаго сада. Для этого отгорожена была при большомъ университетскомъ домѣ, въ одномъ изъ угловъ его, часть двора длиною въ 30, а шириною въ 15 саж., гдѣ и выкопаны были гряды и посажено садовникомъ, подъ наблюденіемъ профессора Делявиня, много сѣмянъ и растеній, а для сохраненія ихъ въ зимнее время устроена была въ углу оранжерея (въ видѣ ротонды). 24 сентября прибылъ изъ Вѣны выписанный попечителемъ садовникъ Цетлеръ, который привезъ съ собою нѣсколько горшковъ разныхъ растеній. Этотъ Цетлеръ былъ назначенъ главнымъ садовникомъ, а пріѣхавшій раньше Стровальдъ сдѣланъ его помощникомъ. Ротонда оказалась тѣсной для оранжереи и потому нанята и отдѣлана была еще другая пустая оранжерея, стоявшая при городской аптекѣ,— и въ нихъ на зиму помѣщены всѣ растенія; для новыхъ же посадокъ попечитель прислалъ еще ящикъ сѣмянъ; съ двухъ сторонъ большого университетскаго дома устроенъ бульваръ и посажены три ряда деревьевъ, чтобы образовать двѣ аллеи.

Для заведенія типографіи изъ Петербурга прибылъ въ началѣ 1804 г. Гекъ и для словолитни Дрегеръ (оба иностранца); первому назначено было по 500 р. жалованья, второму—по 300. Они привезли съ собою слѣдующія типографскія принадлежности: 4 печатныхъ станка и мѣдную доску съ петлями и дномъ для 5-го станка, большой желѣзный винтъ для гнету, 6 желѣзныхъ наборныхъ верстаковъ, 12 ложекъ для словолитья, 24 желѣзныя рамы къ станкамъ, 4 корректурныхъ шила, 15 фунтовъ печатной краски, 10 ф. лаку, $17^1/_2$ пудовъ гарту, 6 пуд. антимоніальнаго королька, 50 пудовъ свинцу, 4 пергаментныхъ кожи, вѣсы съ гирями, 24 графіи, приборъ для производства словолитной печки, 15 словолитныхъ формъ, 3 словолитныхъ котла, матрацы для 12 русскихъ и 3 латинскихъ шрифтовъ. Пока для типографіи отдѣлывался флигель, типографщикъ въ отведенномъ ему жилищѣ сдѣлалъ словолитную печку и, пріискавъ для этого двухъ работниковъ, началъ лить русскія буквы. Вскорѣ помѣщеніе для типографіи было готово—и туда перенесена также словолитня. Самая типографія была снабжена новыми принадлежностями (печатными станками, столами, реалами, наборными линейками, наборными досками, молотами, желѣзными и мѣдными котлами, винтами, подсвѣчниками и т. п.). Сверхъ того Лейпцигскимъ словолитчикамъ, Гертелю и Брейткопфу, были заказаны латинскіе и греческіе шрифты.

Потоцкій, осматривая съ губернаторомъ Бахтинымъ мѣста, удобныя для будущихъ университетскихъ построекъ (на генералъ-губерна-

торскій и губернаторскій домъ смотрѣли, какъ на временное помѣщеніе), остановилъ свое вниманіе на томъ самомъ участкѣ, который избралъ раньше всѣхъ В. Н. Каразинъ, а затѣмъ И. Ѳ. Тимковскій. Онъ находился въ предмѣстьи города, къ сѣверу, по дорогѣ, ведущей въ Сумы, и состоялъ частію изъ пахотныхъ полей, а частію изъ дворовыхъ усадебъ и садовъ войсковыхъ обывателей и нѣкоторыхъ помѣщиковъ. Губернскій землемѣръ Драгомиръ, которому поручено было собрать справки по этому дѣлу, объявилъ, что войсковые обыватели и нѣкоторые изъ помѣщиковъ (о нихъ мы говорили выше) уступаютъ пахотную землю университету безвозмездно; участки же подъ домами и садами могутъ быть отчуждены по весьма недорогой цѣнѣ—за 5965 р. [1]). Сверхъ того попечитель счелъ необходимымъ пріобрѣсти еще и смежную землю—часть пахотнаго поля и такъ называемый Кантемировскій садъ; этотъ послѣдній находился въ опекѣ по просроченному закладу и, съ согласія сената, былъ проданъ университету [2]). Для обмежеванія всѣхъ этихъ участковъ и полученія купчихъ были назначены губернскій землемѣръ Драгомиръ, профессоръ Осиповскій и адъюнктъ Васильевъ; составленный ими планъ былъ переданъ въ Комитетъ. Впрочемъ формальная передача Кантемировскаго сада состоялась уже только въ январѣ 1805 года [3]). Происхожденіе этого Кантемировскаго сада, на мѣстѣ котораго возникъ нынѣшній университетскій, таково. Помѣщикъ Слободско-Украинской губ. статскій сов. Григорій Романовичъ Шидловскій занялъ въ опекѣ Кантемира въ 1792 г. 2000 р. на $^1/_2$ года подъ залогъ своего дома съ садомъ, находившимся по Сумской дорогѣ. Долгъ не былъ уплаченъ—и домъ съ садомъ и строеніемъ перешелъ въ Кантемировскую опеку; постройки пришли въ ветхость, разрушались и не приносили никакихъ доходовъ. Возобновить ихъ не считали удобнымъ, потому что онѣ находились вдали отъ центра города и воды; собственнаго лѣса вблизи также не было; переселеніе крестьянъ изъ Рогани туда „для обереганія его“ было бы убыточно. Рѣшено было по-

---

[1]) Согласились снести свои усадьбы 45 обывателей *выселка Песокъ*, который находился за городомъ; каждый долженъ былъ получить сумму отъ 7 до 250 р., а всѣ вмѣстѣ 3017 рублей (Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попеч., № 1 по архиву, № 1 по картону).

[2]) Содѣйствовалъ университету въ его желаніи пріобрѣсти этотъ участокъ и одинъ изъ опекуновъ Лосевъ, какъ это видно изъ письма Тимковскаго къ Потоцкому. (Ibidem).

[3]) Всѣ эти данныя о дѣятельности комитета мы извлекли изъ рукописной „исторіи дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія“.

этому продать его съ публичнаго торга. На торгъ явился адъюнктъ Васильевъ, который купилъ его для университета за 2000 р.; купчая выдана была 26 января 1805 года [1]).

Пріобрѣвъ эти земли, Комитетъ хотѣлъ приступить къ постройкѣ предположенныхъ для университета зданій, но, какъ извѣстно, этому предпріятію не суждено было осуществиться, и университетъ до сихъ поръ находится въ своемъ *временномъ* помѣщеніи; нѣкоторое вліяніе должны были оказать на это препятствія, встрѣтившіяся на первыхъ же порахъ; для будущихъ зданій нужно было имѣть 5.000,000 кирпича; но промышленность въ Харьковѣ находилась тогда въ зачаточномъ состояніи; большихъ кирпичныхъ заводовъ не было и потому рѣшили отдать этотъ подрядъ съ торговъ; и тѣмъ не менѣе, не смотря на публикацію въ „Моск. Вѣд.", конкуррентовъ не нашлось—явился только одинъ харьковскій купецъ Бѣляевъ, да и тотъ впрочемъ требовалъ отъ университета дровъ, которыхъ у него не было. Комитетъ хотѣлъ было сдѣлать запасъ кирпича въ Москвѣ и рѣшилъ командировать для этого одного изъ профессоровъ, но попечитель не утвердилъ этого предположенія; такъ дѣло постройки и пріостановилось [2]). Достойно замѣчанія здѣсь еще одно обстоятельство. Когда Министръ Нар. Просв. поднесъ проэктъ постройки, составленный Сев. Осип. Потоцкимъ, Государю, то Государь выразилъ желаніе, чтобы аудиторіи были соединены другъ съ другомъ „дабы (учащіеся и учащіе) не терпѣли тягости въ холодную и ненастливую погоду отъ проходовъ по открытому воздуху". Покупка разнаго рода издѣлій и предметовъ первой необходимости сопровождалась тогда вообще большими хлопо-

---

[1]) Вотъ какова была окружность мѣста: „отъ Деркачевской дороги окопомъ до дороги внизъ отъ Харьковскаго монастыря идущей 344, а оттоль поворотя влѣво по надъ дорогою до двора казеннаго обывателя Григорія Никитенка 50, оттоль же влѣво подаваясь вправо старымъ окопомъ и до повороту оного 123, а отъ того направо поворотя окопомъ же до большаго яру 40, а тѣмъ яромъ поворотя влѣво прямо вверхъ до конца двора и до дороги, что съ Харькова идетъ въ Золочевъ, 170, гдѣ смѣжествуетъ обыватель Ѳед. Пшоняникъ, а оттоль по надъ дорогою до угла починнаго и до дороги на Клочки идетъ 40 треаршинныхъ саженей, напротивъ саду отъ дороги и окопу выгонъ перекопанъ, который въ первомъ и окопномъ концѣ двора ширины 50, и рвомъ длины до конца саду 170, да въ ширину до саду-жъ 4, оттоль же обратно по надъ садомъ до перекопу починнаго 150". (Этотъ документъ извлеченъ нами изъ подлинныхъ актовъ, принадлежащихъ университету).

[2]) Все изложенное здѣсь по „Исторіи дѣлъ" подтверждается между прочимъ и письмомъ Комитета на имя попечителя Потоцкаго. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону, стр. 60—62).

тами и затрудненіями; когда въ городѣ стало извѣстно, что университету нужно 200 саженъ дровъ, цѣна ихъ сразу поднялась и явилась необходимость командировать особое лицо, чтобы найти подрядчика внѣ Харькова; такого и нашли въ с. Дергачахъ, который взялся доставить нужное количество дровъ по 5 р. 35 коп. за саж. Еще труднѣе было заказать необходимую мебель: „если бы ее дѣлать въ Петербургѣ или Москвѣ, писалъ по этому поводу Потоцкому Рижскій, то давно это дѣло могло быть окончено; но въ семъ отдаленномъ краѣ столько и такія всегда встрѣчаются затрудненія въ покупкѣ матеріаловъ и наймѣ рабочихъ людей, что живущіе въ столицахъ и вообразить ихъ и повѣрить сему не могутъ; недостатокъ работниковъ столь великъ, что принуждены были вызывать ихъ изъ другихъ городовъ“ [1]).

Изъ этого ясно видно, что намѣреніе Каразина вызвать ремесленниковъ изъ Петербурга вызывалось настоятельными, реальными нуждами университета; къ сожалѣнію только, какъ мы видѣли, оно окончилось неудачно. Законтрактованы были В. Н. Каразинымъ слѣдующія лица: столяръ *Блюме*, мѣдникъ *Вестманъ*, слесарь *Тропнеръ*, токарь *Берндсдорфъ*, жестянникъ *Торшинскій*, горшечникъ *Гормесъ*, бронзовщикъ *Марковичъ*, чулочный фабрикантъ *Цейль*, замшенникъ *Цейль*, кожевникъ *Гренгросъ*, бронзовщикъ *Викфорсъ*, ножевщикъ *Отманъ*, шляпники *Алгренъ* и *Зундвистъ*, ткачъ *Кретце*, сапожникъ *Шмитъ*, мѣдникъ-чеканщикъ *Спенманъ*, оловяшникъ *Тойня*, стекольщикъ *Спинедда*, столяръ *Дребольтъ*, сѣдельники или обойщики *Даманъ* и *Эбель*, мастера экипажей и столяры *Вольфъ* и *Гегеръ*, кузнецы *Лоренсъ* и *Петерсенъ*, сапожникъ *Сергѣевъ*, садовникъ *Стровальдъ*, типографщикъ *Геке*, переплетчикъ *Ведде*, два булочника; всего 32 человѣка. Все это за небольшимъ исключеніемъ были люди, нужные для университета, и они бы навѣрное принесли пользу и университету, и городу, если-бы дѣло самого Каразина въ это время не приняло дурного оборота. Устройство высшаго учебнаго заведенія въ Харьковѣ сразу же поднимало спросъ на разные предметы ремесленнаго производства въ такой мѣрѣ, что удовлетворить его мѣстными силами было невозможно и являлась необходимость въ вызовѣ спеціалистовъ изъ другихъ городовъ [2]). Большая часть этихъ ремесленниковъ явилась, по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ, въ университетъ и нѣкоторые изъ нихъ получили тамъ себѣ и квартиры, и занятія. Потоцкій предоставилъ ихъ первоначально въ вѣдѣніе

---

[1]) Ibidem.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло канц. попечителя, № по архиву 68-й, по картону № 5, стр. 49—50.

В. Н. Каразина: они должны были исполнять университетскіе заказы и съ нихъ удерживалась за первоначальную ссуду $^{1}/_{3}$ всей платы. Но Каразинъ уѣхалъ въ Петербургъ и поручилъ наблюденіе за ними какому то Финку и городской думѣ (безъ согласія этой послѣдней они не могли перемѣнять своихъ квартиръ). Двое изъ нихъ (Марковичъ и Драбольтъ) умерли и оставшееся послѣ нихъ небольшое имущество пошло на погашеніе части ихъ долга. Деньги по контрактамъ имъ выданы были всѣмъ, но Каразинъ, какъ извѣстно, за это дѣло получилъ строгій выговоръ и ему запрещено было вмѣшиваться въ дѣла университета. Послѣднія его дѣловыя сношенія съ университетомъ касались погашенія одного мелкаго счета и покупки эстамповъ. Мы имѣли два его собственноручныя письма, относящіяся къ этимъ счетамъ. Изъ перваго письма видно, въ какія мелочи вникалъ В. Н. Каразинъ, заботясь объ устройствѣ университета [1]); второе проникнуто горькимъ чувствомъ человѣка, несправедливо отстраненнаго отъ любимаго имъ дѣла и написано было уже послѣ торжественнаго открытія Харьковскаго университета [2]).

---

[1]) „Счетъ деньгамъ, которыя ст. сов. Каразинъ употребилъ по надобностямъ Имп. Харьк. университета и которыя ему еще не заплочены: за бархатъ, золотое шитье и пергаментъ книги, назначенной для университетской грамоты (въ 1803 г.)—100 р., за сѣмена для ботаническаго сада, купленныя въ Москвѣ (въ мартѣ 1804 г.)—30 р., за 12 рапиръ, изъ которыхъ 2 съ ефесами мѣдными, и за пару перчатокъ для фехтованья (въ 1804 г.)—19 р., за 5 экз. нѣмецкаго новаго и таковое же число французскаго лексикона, которые по назначенію моему посланы черезъ почту изъ Петербурга книгопродавцемъ Ив. Глазуновымъ съ превосходною уступкою противъ обыкновенной цѣны (въ 1804 г.) 117 р. 50 к. Итого 266 р. 50 к. Болѣе же сихъ денегъ мнѣ отъ университета получить не слѣдуетъ, ибо прежде сего въ разныя времена издержанныя мною въ пользу университета собственныя деньги я всѣ получилъ обратно, кромѣ выше показанныхъ“. Окт. 5 1804 г. В. Каразинъ. (Ibidem).

[2]) Милостивый Государь мой, Иванъ Степановичъ (Рижскій)! Въ послѣднее засѣданіе комитета правленія по дѣламъ Харьковскаго университета имѣлъ я уже честь объявить, что графъ Северинъ Осиповичъ, при отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга, настоятельно изволилъ отъ меня требовать, чтобъ я, по прибытіи моемъ сюда, занялся окончаніемъ дѣлъ, кои я еще до университета имѣю. На основаніи чего я и просилъ въ оное засѣданіе окончательно разсмотрѣть дѣло объ эстампахъ, за которые не получилъ я еще денегъ, получивъ ихъ за книги и инструменты, равнымъ образомъ и въ то же время, т. е. въ началѣ 1804 г., изъ Петербурга мною въ университетъ доставленные. Теперь покорнѣйше васъ прошу предложить въ ближайшее засѣданіе комитета, чтобы благоволилъ оный объяснить мнѣ письменно, чрезъ посредство ваше, милостивый государь, какія дѣла университета, ко мнѣ относящіяся, еще не окончены и на что нуженъ мой отвѣтъ— для заключенія ли счетовъ или для другихъ причинъ, ибо мнѣ должно донести вамъ, что безпосредственно по удовлетвореніи меня съ сей стороны, я перестану

Къ началу 1805 г. (т. е. къ открытію своему) университетъ имѣлъ слѣдующихъ преподавателей: 9 профессоровъ—Ивана Степановича Рижскаго (русской словесности), Илью Ѳедоровича Тимковскаго (россійскаго законовѣдѣнія), Франца Александровича Делявиня (ботаники), Тимофея Ѳедоровича Осиповскаго (математики); всѣ четверо были опредѣлены еще 7 февраля 1803 г.; затѣмъ слѣдуютъ—Леопольдъ Адамовичъ Умляуфъ (латинской литературы и эстетики; опредѣленъ былъ 1 окт. 1803 г.), Яковъ Николаевичъ Балленъ де Баллю (француз. и греч. слов.; 4 дек. 1803 г.), Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ (физики; 1 ноября 1803 г.), Иванъ Егоровичъ Шадъ (философіи; 1 февр. 1804 г.), Иванъ Андреевичъ Шнаубертъ (химіи; 1 февр. 1804 г.); адъюнкты—Іосифъ Матвѣевичъ Лангъ (философіи и математики; съ 1 окт. 1803 г.), Николай Николаевичъ Паки де-Совиньи (франц. литературы; съ 1 окт. 1803 г.), Иванъ Францовичъ Гамперле (политическихъ наукъ и государственной экономіи; съ 8 окт. 1803 г.), Иванъ Богдановичъ Барендтъ (восточныхъ языковъ; съ 12 окт. 1803 г.), Аврамъ Яковлевичъ Калкау (медицины; съ 15 ноября 1803 г.), Евгеній Алексѣевичъ Васильевъ (архитектуры; съ 24 ноября 1803 г.), Мануилъ Ивановичъ Крюгеръ (химіи; съ 29 дек. 1803 г.), Фердинандъ Ивановичъ Гизе (химіи; съ 6 янв. 1804 г.), Данило Ивановичъ Шмерфельдъ (статистики и технологіи; съ 15 янв. 1804 г.), Яковъ Львовичъ Каретниковъ (ботаники; съ 1 марта 1804 г.), Ѳедоръ Ивановичъ Филиповичъ (законовѣдѣнія; со 2 марта 1804 г.); лекторъ Бернгардтъ Рейтъ (со 2 сент. 1804 г.); учителя пріятныхъ искусствъ—рисованія Яковъ Матесъ (съ 12 окт. 1803 г.), гравированія Августъ Шепфлинъ (съ 21 ноября 1803 г.), музыки Иванъ Витковскій (съ іюня 1804 г.), фехтованья Антельмъ Сивоктъ (съ 25 окт. 1804 г.). Въ теченіи 1804 г. одинъ изъ профессоровъ, именно профессоръ патологіи Виллихъ умеръ отъ гнилой горячки 20 февраля. Разныя должности въ университетѣ сверхъ того занимали: кассиромъ былъ Левъ Дзюбинъ (съ 23 іюня 1803 г.), секретаремъ въ комитетѣ отставной маіоръ Александръ Фирсовъ (съ 12 апр. 1804 г.), экзекуторомъ Иванъ Бабаевъ (съ 1 ноября 1804 г.), помощникомъ архитектора Александръ Стариковъ (съ 11 апр. 1804 г.). Почти всѣ профессора и адъюнкты были опредѣлены попеч. Потоцкимъ и только Балленъ де Баллю, Крю-

---

почитать себя принадлежащимъ къ университету, съ которымъ отъ самаго начала его по нынѣ обстоятельства столь тѣсно меня соединили. Имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностью вашимъ, Милостивый Государь мой, покорнѣйшимъ слугою. Василій Каразинъ. 8 марта 1805 г., Харьковъ. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія № 65 по архиву и № 4 по картону).

геръ и Шмерфельдъ исправлявшимъ должность попечителя Н. Н. Новосильцевымъ [1]). Вновь назначенные профессора заботились о возможно лучшей постановкѣ своего будущаго преподаванія; такъ, Стойковичъ писалъ Потоцкому о важности и обширности физики, какъ учебнаго предмета, и настаивалъ на необходимости поручить одинъ изъ отдѣловъ ея (минералогическую и химическую часть физики) адъюнкту Крюгеру; онъ же рекомендовалъ въ университетскіе механики одного молодого человѣка Рейнике (сына харьковскаго часовщика) [2]). Всѣ наличные профессора на общихъ собраніяхъ занимались распредѣленіемъ своихъ будущихъ курсовъ. Предполагалось учредить 5 факультетовъ и читать на нихъ слѣдующіе предметы: на *историко-филологическомъ*—1) всеобщую исторію древности, всеобщую литературу, historiam litterariam, 2) россійское краснорѣчіе, поэзію и литературу, 3) эстетику, латинскую литературу, классиковъ, 4) греческую литературу, 5) восточные языки, французскую, нѣмецкую и англійскую литературу; на *философско-моральномъ*—1) логику, метафизику, этику, антропологію, эмпирическую психологію, исторію человѣчества, 2) догматику, гомилетику, cathechetica, 3) священную экзегетику и критику, герменевтику, 4) церковную исторію и патристику; на *физико-математическомъ*—умозрительную и опытную физику, 2) чистую и прикладную математику, 3) практическую астрономію, 4) естественную исторію вообще, 5) зоологію, ботанику, минералогію, 6) всеобщую и техническую химію, 7) гражданскую и военную архитектуру, 8) технологію, сельскую экономію и лѣсоводство; на *медико-хирургическомъ*—1) анатомію, физіологію, 2) патологію и терапію, 3) фармакологію и фармацію, 4) хирургію и акушерство, 5) діэтетику, 6) ветеринарную и судебную медицину; на *юридико-политическомъ*—1) естественное соціальное, народное право и всеобщую политику, 2) римское право, энциклопедію и исторію права, 3) русское гражданское право, уголовное, судопроизводство, 4) право европейскихъ народовъ, дипломатическую политику, 5) статистику, политическую экономію, государственное устройство (politiam). И вотъ примѣнительно къ этому было составлено и распредѣленіе лекцій. Лекціи должны были начинаться въ 8 час. утра (зимою) и 7 час. (весною) и продолжаться до 12 или 11 часовъ до полудня и отъ 3 до 6 или отъ 4 до 7 послѣ полудня. Делявинь съ Ка-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, по архиву № 1, по картону № 1; тутъ же сохранилось любопытное описаніе часовъ, сдѣланныхъ и подаренныхъ имъ университету; описаніе принадлежитъ проф. Осиповскому и Стойковичу.

ретниковымъ назначили для 1-го курса ботанику и вели практическія упражненія, Шмерфельдъ хотѣлъ читать технологію, Осиповскій—чистую математику, Стойковичъ—физику, Шнаубертъ, Гизе и Крюгеръ—химію, Васильевъ—гражданскую архитектуру, Рижскій—россійское краснорѣчіе и логику, Балленъ де-Баллю греческую и франц. литературу и греч. языкъ, Умляуфъ—эстетику, латинскую и нѣмецкую литературу, Савиньи—французскій языкъ, Филиповичъ—госуд. исторію, статистику и нѣмецкій языкъ, Шмерфельдъ—англійскій, Барендтъ—лат. и вост. языки, Шадъ—философію, Тимковскій—право, Гамперле—госуд. устройство и политическую экономію, Лангъ—исторію философіи и опытную психологію, Матесъ, и Шепфлинъ—рисованіе; отъ 6 до 7 час. назначены были свободныя искусства—ars saltandi, ars palastrica et musices (танцы, фехтованье и музыка). Лекціи должны были читаться на разныхъ языкахъ: напримѣръ, Делявинь предполагалъ читать ботанику по латыни и французски, Гизе и Шнаубертъ химію по нѣмецки, а Крюгеръ по русски, Шадъ— философію по латыни, русскіе профессора свои предметы, конечно, по русски; латинскій языкъ обязаны были знать всѣ студенты, но нашлись и такіе, которые только начали его изучать; они должны были слушать лекціи по этому предмету у Барендта; за отсутствіемъ Филиповича чтеніе его курса предполагалось поручить адъюнкту Рейту.

Какъ видимъ отсюда, далеко еще не всѣ предметы имѣли своихъ спеціалистовъ; что же касается медицинскаго факультета, то онъ вовсе почти не имѣлъ преподавательскаго персонала. Важнымъ препятствіемъ являлось также отсутствіе учебно-вспомогательныхъ учрежденій, которое, конечно, было весьма чувствительно на физико-математическомъ и медико-хирургическомъ отдѣленіяхъ. Всѣ необходимые кабинеты, лабораторіи, клиники приходилось еще создавать, заводить вновь. Наоборотъ, историко-филологическій факультетъ уже теперь обставленъ былъ въ отношеніи преподаванія очень хорошо: былъ, напримѣръ, даже спеціалистъ по восточнымъ языкамъ (Барендтъ), но для него не расчитывали найти много слушателей и потому поручили ему и преподаваніе латинскаго языка.

Хотя университетъ въ 1804 году все таки не былъ открытъ, лекцій въ немъ не было, тѣмъ не менѣе благодѣтельное вліяніе новаго разсадника высшаго образованія обнаружилось уже и теперь: профессора его занимались изслѣдованіемъ различныхъ естественныхъ богатствъ края. Тогдашній Харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ просилъ комитетъ отрядить профессоровъ въ слободу Рогань (недалеко отъ Харькова) для изслѣдованія одного находящагося тамъ источника, воду

котораго считали цѣлебною; командированы были проф. Шнаубертъ и адъюнкты Гизе и Крюгеръ; послѣдніе произвели потомъ химическій анализъ этой воды еще и въ лабораторіи; оказалось, что хотя вода и содержала въ себѣ минеральныя частицы (углекислое желѣзо, гипсъ, сѣрно-кислую магнезію и сѣрно-кислую соду), но въ небольшомъ количествѣ и потому особенной пользы принести не могла. Такому же анализу подвергнута была и вода изъ имѣнія г-жи Ковалевской (Полтавской губ., надъ рѣкою Орелью) и адъюнктъ Гизе пришелъ къ убѣжденію, что она, по своимъ составнымъ частямъ (въ ней найдены сѣрнокислая и соляно-кислая сода, сѣрно-кислая магнезія, сѣрно-кислая и соляно-кислая известь и т. п.), могла быть полезна, какъ легкое слабительное. Далѣе по просьбѣ губернатора, указавшаго на умаленіе въ Слободско-Украинской губерніи лѣсовъ, былъ назначенъ для отысканія торфа и каменнаго угля Крюгеръ, а Гизе изслѣдовалъ образцы каменнаго угля, торфа и другихъ минераловъ, присланныхъ разными помѣщиками [1]). Эта сторона дѣятельности профессоровъ получила еще большее развитіе съ открытіемъ университета. Очевидно, общество расчитывало получать необходимыя разъясненія по интересовавшимъ его практическимъ вопросамъ отъ университетской коллегіи—и не ошиблось въ своихъ ожиданіяхъ: университетъ внимательно и предупредительно относился къ этимъ вопросамъ и давалъ нужныя объясненія.

Обращаемся теперь къ заботамъ Комитета о привлеченіи студентовъ. Въ предѣлахъ огромнаго Харьковскаго учебнаго округа не было гимназій, которыя бы подготовляли питомцевъ во вновь открываемый Харьковскій университетъ. Неудивительно поэтому, что вопросъ о привлеченіи въ него студентовъ занималъ и В. Н. Каразина, и Тимковскаго. Мы привели уже раньше письмо Каразина къ Новосильцеву, письмо, къ которому онъ приложилъ прозаическіе и стихотворные опыты юныхъ харьковскихъ поэтовъ—воспитанниковъ главнаго народнаго училища [2]). Другимъ учебнымъ заведеніемъ въ Харьковѣ, изъ котораго новый университетъ могъ получить себѣ питомцевъ—былъ знаменитый Харьковскій коллегіумъ, въ которомъ обучалось не мало и свѣтскихъ лицъ и программа котораго отличалась широкимъ всесословнымъ характеромъ. Затѣмъ можно было расчитывать вообще на воспитанниковъ духовныхъ семинарій. И дѣйствительно, главный контингентъ первыхъ студентовъ Харьковскаго университета былъ набранъ изъ семинарій. Студенты въ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

[2]) См. объ этомъ мою статью „Поэтическіе опыты юныхъ харьковскихъ поэтовъ въ первыхъ годахъ XIX в.“ (Харьк. губ. вѣд. 1894, № 2).

то время дѣлились на 2 группы—казенно-коштныхъ и свое-коштныхъ; первыхъ по штату полагалось 40 чел. и первоначально все это количество, съ Высочайшаго соизволенія и благословенія Синода, было назначено изъ 2-хъ семинарій—Курской и Бѣлгородской, а именно по 20 чел. изъ каждой: по 15 чел. изъ богословскаго и философскаго класса и по 5 изъ риторическаго. Но Комитетъ, полагая, что, во 1-хъ, воспитанники риторическаго класса были недостаточно подготовлены для поступленія въ университетъ, а во 2-хъ, желая оставить еще нѣсколько вакансій для постороннихъ, выбралъ изъ нихъ только 30 человѣкъ. На содержаніе каждаго казенно-коштнаго студента отпускалось по 200 р. въ годъ; часть этой суммы предназначена была на покупку необходимыхъ вещей (платья и т. п.), а остальные 90 р. на содержаніе ихъ въ теченіи года. Городовой секретарь Сердюковъ взялся давать имъ столъ за эту сумму. Сверхъ этихъ 30 чел. было принято еще на казенный счетъ трое постороннихъ—бывшій учитель народнаго училища Славинскій, домашній учитель польскій шляхтичъ Квятковскій и воспитанникъ Харьковскаго Главнаго Народнаго Училища Лобойковъ, были также зачислены, по Высочайшему повелѣнію, двое дѣтей дворянина Захаревскаго, но оказалось, что они знали только русскую грамоту и потому ихъ опредѣлили учениками въ Главное Народное Училище, но дали студенческое содержаніе. Надзоръ за казенно-коштными былъ порученъ адъюнкту Крюгеру, а лѣченіе ихъ адъюнкту ботаники, штабъ лѣкарю Каретникову.

Одновременно съ этимъ Комитетъ заботился и о привлеченіи свое-коштныхъ студентовъ, для пріема которыхъ были выработаны особыя правила. Опредѣлено было требовать отъ поступающихъ необходимые документы и подвергать экзамену, безъ излишней строгости, но и безъ послабленія.

Объ этомъ были оповѣщены губернаторы всѣхъ губерній, входившихъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа [1]), и Харьковскій губ.

---

[1]) Вотъ любопытное письмо, касающееся этого дѣла, отъ попечителя округа графа Потоцкаго къ Харьковскому губернатору И. И. Бахтину: „по Высочайше мнѣ порученной должности попечителя Харьковскаго университета, пріуготовивъ все необходимое къ его открытію, имѣю честь извѣстить Ваше Превосходительство, что оное можетъ воспослѣдовать въ исходѣ нынѣшняго или въ половинѣ сентября мѣсяца, послѣ чего господа профессоры общей философіи, математики, физики, химіи, естественной исторіи, политическихъ наукъ, россійской, французской, латинской и нѣмецкой литературы, равно гг. адъюнкты въ своихъ частяхъ и учителя пріятныхъ искусствъ начнутъ преподаваніе въ залахъ университета; въ продолженіе онаго, сіе сословіе, вступивъ во всѣ права и обязанности, возьметъ мѣры къ полному себя образованію по штату утвержденному Е. И. Величествомъ. Корреспонденція съ учеными россійскими и чужестранными мѣстами

предводитель дворянства [1]), а директору училищъ Слободско-Украинской губ. поручено было выбрать годныхъ для поступленія въ университетъ учениковъ Харьковскаго главнаго народнаго училища. Вступительные экзамены продолжались съ 20-го мая по 10-е декабря и на нихъ главнымъ образомъ требовалось знаніе русской грамматики, географіи и исторіи, началъ логики и метафизики, латинскаго и одного изъ новыхъ языковъ (французскаго или нѣмецкаго). Явилось на экзаменъ 41, а выдержало 21 чел.; по большей части все это были ученики главнаго народнаго училища. Университетское начальство всячески заботилось о привлеченіи студентовъ въ новый университетъ, и попечитель округа графъ Потоцкій проэктировалъ съ этой цѣлью устрой-

---

начнется и недостающіе профессоры и адъюнкты будутъ вызваны подобно какъ и тѣ, которые нынѣ принадлежатъ къ университету, изъ числа достойнѣйшихъ мужей въ своемъ родѣ. Занимаясь въ продолженіе 18 мѣсяцевъ ввѣренною мнѣ частію, несомнѣнныя я имѣю надежды, что сіе заведеніе полуденной, можно сказать, прекраснѣйшей части Россіи будетъ въ свое время достойно соотвѣтствовать благотворительнымъ намѣреніямъ просвѣщеннаго нашего Монарха, собственному счастливому своему физическому положенію, равно какъ похвальному рвенію и способностямъ жителей, въ которыхъ я имѣлъ уже случай на опытѣ удостовѣриться; со стороны нравственности ничто не будетъ упущено; я святою обязанностью почелъ обезпечить въ семъ отношеніи родителей; и между прочимъ надѣюсь до сего достигнуть ободреніемъ и содѣйствіемъ моимъ къ учрежденію пансіоновъ для университетскаго юношества, въ которыхъ бы оно въ свободные часы отъ слушанія лекцій, повторяя оныя, было подъ непрерывнымъ надзоромъ содержателей таковыхъ пансіоновъ. Они, бывъ большею частью сами члены университета, конечно, будутъ имѣть всѣ причины соблюсти уваженіе и довѣренность публики; молодые же люди, прежде принятія ихъ студентами, т. е. слушателями, имѣютъ быть испытаны въ предварительныхъ познаніяхъ, которыя бъ уже дѣлали ихъ способными понимать профессорскія лекціи и которыя въ хорошихъ публичныхъ или и домашнихъ училищахъ до 15-ти лѣтъ возраста, разумѣется до вступленія въ университетъ, могутъ быть пріобрѣтены; таковые молодые люди во всякое послѣдующее отнынѣ время, какъ до открытія университета, такъ и послѣ онаго, имѣютъ являться въ его правленіе, представивъ только законное о себѣ свидѣтельство и удостовѣреніе о согласіи родителей. Покорнѣйше прошу васъ, мил. гос. мой, о сихъ моихъ распоряженіяхъ, равно и о приближающемся торжественномъ открытіи университета зависящими отъ васъ средствами повсемѣстно объявить въ Слободской Украинской губ., какъ благородному дворянству, такъ и жителямъ городовъ, споспѣшествуя черезъ то къ исполненію намѣреній высшаго правительства, вы чувствительно обязать изволите имѣющаго честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью. (Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. университета).

[1]) Сохранилось письмо къ нему по этому поводу предсѣдателя комитета проф. Рижскаго (см. Архивъ Харьк. депут. собр. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета).

ство пансіоновъ, гдѣ бы могли помѣщаться дѣти дворянъ-помѣщиковъ. И нужно сознаться, что это была дѣйствительно весьма практичная мѣра. Въ пользу ея говоритъ, между прочимъ, процвѣтаніе одного изъ такихъ дворянскихъ пансіоновъ — именно пансіона, содержавшагося извѣстнымъ священникомъ о. Вас. Фотіевымъ, тѣмъ самымъ, который принималъ такое горячее участіе въ основаніи Харьковскаго университета. О немъ далъ нѣсколько времени спустя блистательный отзывъ Тимковскій; но самой лучшей рекомендаціей для этого пансіона является, б. м., то, что многіе изъ питомцевъ его поступили на 1-й курсъ вновь открывшагося Харьковскаго университета. Нѣкоторые родители не знали, гдѣ и у кого помѣстить своихъ дѣтей въ Харьковѣ, во время пребыванія ихъ въ университетѣ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ между прочимъ письмо къ губернскому предводителю дворянства одной вдовы помѣщицы изюмскаго уѣзда, просившей Донца-Захаржевскаго опредѣлить дѣтей ея въ университетъ.

Вообще можно сказать, что организація подготовительныхъ—среднихъ и низшихъ—школъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ оставляла желать много лучшаго: ихъ было далеко недостаточное количество. Неудивительно поэтому, что и многіе изъ державшихъ вступительный экзаменъ въ университетъ оказались подготовленными очень слабо. Это обстоятельство побудило между прочимъ начальство открыть при университетѣ приготовительный классъ. Попечитель Потоцкій вошелъ объ этомъ съ представленіемъ въ Комитетъ и вскорѣ при Главномъ Народномъ Училищѣ въ особой залѣ были открыты адъюнктами уроки для учениковъ, имѣвшихъ намѣреніе потомъ поступить въ университетъ: Лангъ читалъ тамъ философію и нѣмецкій языкъ, Паки-де-Совиньи—французскій яз., Крюгеръ — физику, проф. Шмерфельдъ уже раньше преподавалъ тамъ естественную исторію. Но въ маѣ мѣсяцѣ адъюнкты Лангъ, Совиньи и Гамперле представили проэктъ особаго приготовительнаго класса, исключительно для тѣхъ, кто готовился къ поступленію въ университетъ. Тутъ предполагалось преподавать латинскій, французскій и нѣмецкій языки, латинскую риторику и поэзію, греческія и римскія древности, географію, всемірную исторію, миѳологію, алгебру, геометрію и основанія философскихъ наукъ. Курсъ здѣсь долженъ былъ продолжаться 2 года и, кто не окончилъ этого класса, не имѣлъ права поступить въ университетъ. Комитетъ объявилъ однако, что не можетъ своею властью утвердить ихъ проэкта, и рекомендовалъ имъ по прежнему заниматься преподаваніемъ въ гимназіи спеціально для этого избраннымъ ученикамъ. Попечитель проэкта адъюнктовъ не одобрилъ, такъ какъ онъ не былъ сообразованъ съ предварительными

правилами народнаго просвѣщенія. Кромѣ гимназистовъ, адъюнктовъ слушали и студенты, только что вступившіе въ университетъ. Вскорѣ впрочемъ мысль адъюнктовъ объ учрежденіи приготовительнаго класса была приведена въ исполненіе; лекціи стали читать казенно-коштнымъ и своекоштнымъ, студентамъ: философію читалъ Лангъ, латинскій языкъ Барендтъ, чистую математику Васильевъ, исторію и миѳологію Гамперле, французскій языкъ Совиньи, нѣмецкій и англійскій языкъ Шмерфельдъ, исторію и географію Филиповичъ (а въ его отсутствіе д. Рейтъ). Преподаваніе здѣсь шло до самаго открытія университета [1]).

Предметомъ заботъ всего Комитета, а въ особенности одного изъ членовъ его проф. Тимковскаго, служило устройство училищной части въ округѣ. Мы знаемъ уже, что дѣло это еще въ 1803 г. было спеціально поручено Тимковскому. Въ 1804 г. имъ также завѣдывалъ Тимковскій, но нѣкоторые вопросы переносились и на обсужденіе Комитета. Въ маѣ мѣсяцѣ проф. Тимковскій представилъ въ Комитетъ проэктъ объ устройствѣ въ Харьковѣ гимназіи и уѣзднаго училища. Гимназія эта должна была образоваться изъ бывшаго здѣсь главнаго народнаго и такъ называемаго казеннаго училища; въ этомъ послѣднемъ преподавались между прочимъ артиллерія и фортификація и эти предметы предполагалось оставить и въ программѣ будущей гимназіи („дабы угодить дворянству"). Но министръ народнаго просвѣщенія не согласился на это и положилъ, чтобы Харьковская гимназія (нынѣшняя 1-я) ни въ чемъ по своей программѣ не отступала отъ другихъ. Самое преобразованіе главнаго народнаго училища въ гимназію было отложено до пріѣзда попечителя въ Харьковъ. В. Н. Каразину было разрѣшено устройство уѣзднаго училища въ г. Богодуховѣ и приходского въ его селеніи Кручикѣ. На содержаніе Кручанскаго училища Сельская Дума (учрежденная имъ въ родной деревнѣ) давала 250 р.—сумму по тому времени весьма значительную. Самъ Василій Назарьевичъ не только хлопоталъ о матеріальномъ обезпеченіи своего училища, но и вникалъ въ преподаваніе, заботился о нравственномъ развитіи учащихся. Между прочимъ съ этою цѣлью онъ составилъ для нихъ религіозный и гражданскій катехизисъ. Помѣщеніемъ для школы служила простая крестьянская просторная хата. В. Н. Каразинъ хотѣлъ, чтобы его школа съ одной стороны не отрывала учениковъ отъ земледѣлія, но съ другой—чтобы изъ нея выходили *люди* [2]). Особенное вниманіе Комитета, при устройствѣ уѣздныхъ

[1]) Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ".

[2]) См. подробности объ этомъ въ статьѣ о. Ник. Лащенка. „Вас. Наз. Каразинъ, какъ помѣщикъ сел. Кручика" (Харьк. сборн. на 1887 годъ, стр. 62—64).

и приходскихъ училищъ, обращалъ на себя вопросъ объ учительскомъ персоналѣ и училищныхъ зданіяхъ. Комитетъ подвергалъ испытанію лицъ, желавшихъ занять учительскія мѣста, и хотя находилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ не вполнѣ отвѣчающими строгимъ требованіямъ, но долженъ былъ, по неимѣнію другихъ болѣе достойныхъ, давать и имъ должности: въ виду недостатка русскихъ учителей должны были подчасъ обращаться и къ иностранцамъ; а среди нихъ попадались и такіе, какъ французъ Обертонъ, который не могъ написать правильно на своемъ родномъ языкѣ прошенія о назначеніи его учителемъ французскаго языка въ Екатеринославскую гимназію.

Вопросъ о школьныхъ зданіяхъ также представлялся весьма существеннымъ, какъ это, напримѣръ, можно видѣть изъ того, что въ Сумахъ народное училище не имѣло опредѣленнаго помѣщенія и въ теченіи одного года должно было четыре раза переходить съ квартиры на квартиру; кто долженъ былъ отводить помѣщеніе—города или приказъ общественнаго призрѣнія—было въ точности неизвѣстно; отсюда и неопредѣленность, и путанница. Наконецъ, Тимковскій указалъ и еще на одну существенную нужду, испытываемую всѣми учениками—это недостатокъ книжныхъ пособій: учебники трудно было пріобрѣтать даже за деньги. Комитетъ просилъ было о томъ, чтобы главное правленіе училищъ (издававшее эти книги) давало ихъ Харьковскому книжному магазину Глазунова (съ уступкой 20%), а тотъ уже отъ себя разсылалъ ихъ по номинальной цѣнѣ въ училища; но этотъ проэктъ не былъ одобренъ—и университетъ соглашался по необходимости принять посредничество въ этомъ дѣлѣ на себя.

Само собою разумѣется, что для всего этого нужны были деньги—и Комитетъ усиленно заботился о собираніи, какъ штатныхъ суммъ, такъ и пожертвованій. Всѣ деньги принималъ и хранилъ университетскій кассиръ Дзюбинъ, подъ наблюденіемъ проф. Осиповскаго, и такъ какъ въ университетѣ не было особой кладовой, то для этого былъ приспособленъ одинъ изъ погребовъ и къ нему приставленъ постоянный военный караулъ.

Въ 1804 году была ассигнована изъ государственнаго казначейства штатная сумма въ 130,000 руб., въ счетъ которой поступило за $^2/_3$ года 71,816 рублей 60 к.; изъ дворянскихъ пожертвованій получено было б. 33 тыс., изъ городскихъ и купеческихъ 13,662 р., сверхъ того часть денегъ поступила и отъ частныхъ лицъ. Важнѣйшими статьями расхода были: жалованье профессорамъ—24,705 р., перестройки—11,463 р., на содержаніе казенно-коштныхъ студентовъ—7,434 р., на мебель—3,330 р., на библіотеку—1,827 р., на типографію—2,037 р.,

на ботаническій садъ—1,179 р., на перестройку квартиръ губернатора и вице-губернатора—2,900, уплачено за землю 3,615 р., на расходы, сдѣланные попечителемъ—1,299 р. (на вызовъ профессоровъ, на покупку книгъ, приборовъ и т. п.) [1]).

Теперь мы должны остановиться подробнѣе на вопросѣ о поступленіи дворянскихъ и городскихъ пожертвованій въ теченіи 1804 года. Еще въ апрѣлѣ 1804 г., попечитель Потоцкій обратился къ губернскому предводителю съ указаніемъ, что жертвуемыя деньги должны поступать въ Комитетъ университета [2]). Но затрудненія по части сбора денегъ по прежнему происходили въ изюмскомъ и волчанскомъ уѣздахъ. 19-го апрѣля Донецъ-Захаржевскій отправилъ Потоцкому письмо, въ которомъ объяснялъ, что все харьковское дворянство будетъ охотно дѣлать свои взносы къ опредѣленнымъ срокамъ, но онъ не знаетъ, какъ быть съ предводителями волчанскаго и особенно изюмскаго уѣзда (Поклонскимъ и Капустянскимъ), которые не только не заботятся о поступленіи сборовъ со своихъ дворянъ, но даже прямо противодѣйствуютъ имъ; такъ, напримѣръ, Капустянскій не назначилъ коммиссара для пріема денегъ; большая часть дворянства этихъ уѣздовъ желаетъ исполнять общее дворянское постановленіе, но имъ мѣшаютъ предводители. Не легко было попечителю подавать совѣтъ въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ—и онъ пишетъ Донцу-Захаржевскому слѣдующее письмо: „письмо ваше, писанное и полученное мною вчера, служитъ новымъ доказательствомъ вашего усердія къ общей пользѣ и ревности поддержать навсегда мнѣніе правительства о благородномъ сословіи Слободско Украинской губ. Что до меня касается, то будьте увѣрены, что я иначе мыслить не могу, какъ къ чести почтеннаго сего сословія, которое столько отличало себя своимъ пожертвованіемъ и преданностью къ волѣ всемилостивѣйшаго государя; посему никогда не причту я дѣйствія или образа мыслей двухъ или нѣсколькихъ особъ тому не соотвѣтствующихъ, кто бы онѣ не были, обществу цѣлаго уѣзда, никогда не могу я усумниться, что приношеніе дворянствомъ сей губерніи, торжественнымъ актомъ запечатлѣнное, принятое Монархомъ, удостоенное его благоволенія, положенное въ основаніе великолѣпному заведенію въ семъ краю, которое единственно сему случаю и бытіемъ своимъ обязано, что приношеніе это не будетъ исполнено безъ малѣйшаго исключенія. Вотъ по какой причинѣ не могу дать я вамъ моего совѣта, какъ вамъ поступить въ такомъ случаѣ, если взносъ дворянской суммы остановленъ

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

[2]) Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. универ.

будетъ въ изюмскомъ и волчанскомъ уѣздахъ; впрочемъ я обязанностью почелъ отнестись о семъ предметѣ къ Е. Превосходительству г. гражданскому губернатору, отъ котораго вы всеконечно разрѣшеніе на вопросъ вашъ и всякое вспомоществованіе получите". (Г. Бѣлгородъ 20 апрѣля 1804 г.) [1]).

Потоцкій дѣйствительно написалъ бумагу губернатору Бахтину—и тотъ сдѣлалъ по этому поводу запросъ Капустянскому. Этотъ послѣдній далъ на это объясненіе, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: онъ нисколько не противодѣйствуетъ сборамъ денегъ на университетъ; что-же касается коммиссара, то выборъ его могъ произвести губернскій предводитель дворянства, лично посѣтившій изюмскій уѣздъ и не пригласившій на это собраніе его, Капустянскаго; въ заключеніе Капустянскій ссылался на свои многочисленныя объясненія по этому дѣлу, доставленныя имъ въ уголовную палату. Очевидно, Капустянскій былъ хорошій юристъ и объясненіе его представляетъ образчикъ чисто канцелярской, формальной отписки. Въ сущности же, онъ, конечно, ничего не дѣлалъ для сбора денегъ и эти послѣднія вовсе не поступали изъ его уѣзда [2]). Объяснительное письмо волчанскаго предводителя Поклонскаго составлено нѣсколько въ иномъ духѣ: въ то время какъ Капустянскій старался поддерживать свою мысль о необязательности постановленія о пожертвованіяхъ для тѣхъ, кто не присутствовалъ на общемъ собраніи дворянъ, Поклонскій наоборотъ всячески доказывалъ, что онъ считаетъ это постановленіе для себя и для всего дворянства безусловно обязательнымъ. „Эта сумма принесена въ даръ отечеству, писалъ онъ, общимъ и единодушнымъ всего Слободско-украинскаго дворянства торжественнымъ актомъ, который я, предвидя во всей полнотѣ неисчетныя пользы отечеству и вообще человѣчеству и многія выгоды здѣшнему краю, подписалъ не послѣднимъ и господа дворяне волчанскаго уѣзда, бывъ согласны, также подписали; прошу Ваше Превосходительство, оправдывался далѣе Поклонскій, принявъ въ уваженіе, разсмотрѣть, приличенъ-ли мнѣ гнусный поступокъ разстраивать благое намѣреніе гг. дворянъ, уважающихъ болѣе всего свое достоинство, да еще въ дѣлѣ государственномъ и полезномъ всему отечеству и человѣчеству, которое Высочайшимъ благоволеніемъ непреложно утверждено; свидѣтельствуюсь всѣми гг. дворянами и каждымъ особо, что я никогда ни гласно, ни посторонно, ни подъ какимъ

---

[1]) Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежд. Харьк. унив.

[2]) Ibidem; см. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону.

видомъ никому не дѣлалъ разстраиванья въ благихъ намѣреніяхъ дворянъ, но непрестанно по силѣ моей возможности прилагалъ и продолжаю усерднѣйшее попеченіе"; въ заключеніе Поклонскій просилъ произвести по этому поводу строжайшее слѣдствіе, чтобы открыть доносчика, обвинившаго его въ столь гнусномъ поступкѣ [1]). Получивъ эти объясненія, губернаторъ отправилъ ихъ въ точныхъ копіяхъ къ Потоцкому и присоединилъ къ нимъ свое письмо. Изъ него видно, что И. И. Бахтинъ относился къ дѣлу Харьковскаго университета чрезвычайно сочувственно и старался оказать свое содѣйствіе и въ данномъ случаѣ. Онъ лично хотѣлъ побесѣдовать по этому поводу съ Капустянскимъ въ Изюмѣ во время своего объѣзда губерніи, но этотъ послѣдній уклонился отъ объясненій, уѣхавъ изъ города. Тогда И. И. Бахтинъ затребовалъ отъ обоихъ предводителей письменнаго разъясненія, которое и подвергъ самому внимательному разбору; этотъ разборъ ясно показываетъ, писалъ онъ, что оба предводителя, а въ особенности Капустянскій, приводили только видимыя отговорки, а на самомъ дѣлѣ могли бы, если хотѣли, дѣлать сборы и при тогдашнихъ условіяхъ; но чтобы не дать имъ возможности на будущее время прибѣгать къ этимъ отговоркамъ, онъ устранилъ тѣ препятствія при сборахъ, на которыя жаловались Капустянскій и Поклонскій: земскіе суды могли, напримѣръ, теперь разсылать напоминанія о срокахъ и безъ спеціальнаго разрѣшенія губернскаго правленія [2]); а чтобы ускорить въ изюмскомъ уѣздѣ выборъ коммиссара для сбора денегъ, Бахтинъ обратился къ губернскому предводителю, прося его принять по этому поводу зависящія отъ него мѣры и дать вообще свои разъясненія на „объясненіе" Капустянскаго. Донецъ-Захаржевскій далъ подробныя разъясненія, изъ коихъ видно, что Капустянскій дѣлалъ только отговорки, чтобы затормозить дѣло; оказалось, напримѣръ, что и самъ Капустянскій не сдѣлалъ взноса на университетъ и не принималъ его отъ другихъ; о выборѣ коммиссара долженъ былъ позаботиться также онъ самъ, а не губернскій предводитель; весь ходъ дѣла о сборѣ пожертвованій ему былъ хорошо извѣстенъ и онъ напрасно отговаривался незнаніемъ его подробностей [3]). Самому Капустянскому Донецъ-Захаржевскій отвѣтилъ кратко и сурово, что у него, Капустянскаго, всѣ необходимыя свѣдѣнія имѣются и больше ему, губ. пред-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону; тоже см. въ архивѣ Харьковск. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьк. унив.

[2]) Ibidem; въ такомъ смыслѣ состоялось постановленіе губерн. правленія.

[3]) Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежд. Харьк. унив.

водителю, сообщать нечего [1]). Съ своей стороны Поклонскій, не высказывая никакого протеста, ограничивался только формальнымъ исполненіемъ указовъ и дѣло, конечно, у него двигалось очень плохо [2]). Что же касается Капустянскаго, то о его противодѣйствіи было доведено до свѣдѣнія Государя и ему съ высоты Престола было высказано порицаніе.

Капустянскій 29 авг. подалъ на Высочайшее имя слѣдующую жалобу: „Слободскоукраинской губерніи, въ изюмскомъ уѣздѣ нахожусь я предводителемъ, а потому страшусь не доложить Тебѣ, Великій Государь, то, что прошедшаго 1802 г. сентября 1-го числа былъ созывъ дворянъ въ губернскій городъ Харьковъ для положенія суммы на университетъ; какъ же имяннаго повелѣнія Твоего на то не было, то многіе и не съѣхались, не знавъ объ ономъ, а тѣмъ сіе и удалось, желающимъ себя предъ Тобою, Великій Государь, прославить; не яко о неимущихъ, пеклись, но для себя больше, и написалъ приговоръ г. Каразинъ, пріѣхавшій изъ С.-Петербурга, и губернскій предводитель и иные уѣздные и малое число дворянъ и то больше родственниковъ ихъ, которые достаткомъ превосходятъ другихъ, а особливо вдовъ и сиротъ, что будто всѣ здѣшней губерніи дворяне желаютъ дать на университетъ отъ излишковъ своихъ четыреста тысячъ рублей и помѣстивъ въ то число сами по волѣ своей и за фуры деньги чужія, изъ которыхъ слѣдуетъ часть и недостаточнымъ. О семъ я какъ предводитель въ то самое время и протестовался за свою округу, за вдовъ и сиротъ, да и другіе дворяне также оспаривали. Но поелику Каразинъ внушалъ великія важности, то достаточные повѣрили оному и губернскому предводителю, почему я и жаловался бывшему въ то время губернатору г. Артакову за таковой несправедливый и сдѣланный оными безъ общаго согласія приговоръ, отъ котораго получивъ завѣреніе письменное, что вдовы и сироты и неимущіе останутся отъ того налагаемаго онымъ приговоромъ платежа свободны, а симъ завѣреніемъ и не допустили меня лично Тебѣ, Великому Императору, о семъ доложить.

Когда жъ въ прошломъ 1803 году въ мартѣ мѣсяцѣ полученъ отъ Тебя, Великаго Императора, Харьковскому дворянству Высочайшій рескриптъ о взносѣ на университетъ суммы, въ то время меня и отдали къ сужденію въ уголовную палату за то, что я на приговорѣ не подписался, а вступался за неимущихъ дворянъ своего округа, вдовъ и сиротъ и такихъ, которые кромѣ долговъ ничего не имѣютъ, и дру-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem; см. тутъ обширную отписку его Донцу-Захаржевскому.

гой уже годъ производится о семъ въ уголовной палатѣ дѣло, но и понынѣ не рѣшено; что хотятъ, то и дѣлаютъ; Богъ высоко, а Царь, далеко. Сего жъ 1804 г. въ іюнѣ мѣсяцѣ былъ запросъ мнѣ отъ г. губернатора Бахтина, почему не собираю я отъ дворянъ изюмской округи денегъ, на что я ему представлялъ законныя причины, но онъ, не принявъ оныхъ въ резонъ, прислалъ изъ губернскаго правленія указъ, повелѣвающій выбрать коммиссара и собирать деньги со всѣхъ безъ изъятія; почему я, не смѣя противъ начальства противорѣчить, выполняю оный.

Великій Государь! На бумагѣ нельзя мнѣ всего изъяснить, ибо отъ большаго начальства такого состоянія люди страхомъ наполнены" [1]).

Прошеніе это было разсмотрѣно Государемъ вмѣстѣ съ другими документами по этому дѣлу и по поводу его состоялось слѣдующее Высочайшее рѣшеніе, объявленное черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, Капустянскому и *отпечатанное для всеобщаго свѣдѣнія* въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, издававшихся тогда Академіей Наукъ: „По Высочайшему повелѣнію отъ министра внутреннихъ дѣлъ предводителю дворянства Слободско-Украинской губ. изюмскаго уѣзда Захарашевичу-Капустянскому объявляется, что донесеніе его, на Высочайшее имя присланное, якобы положеніе о взносѣ суммы на Харьковскій университетъ учинено не съ общаго согласія дворянства, по разсмотрѣніи и соображеніи съ мѣстными свѣдѣніями, найдено неосновательнымъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) при самомъ началѣ сего предположенія всѣ уѣздные предводители предварены были отъ губернскаго, чтобъ пригласили они дворянъ въ общее собраніе для рѣшительнаго постановленія о приношеніи на заведеніе въ Харьковѣ университета; 2) положеніе въ собраніи дворянъ по сему приглашенію сдѣланное и по количеству лицъ подписавшихся, и по самому обряду сего собранія, должно признать общимъ всего дворянства положеніемъ; 3) противъ сего общаго положенія несогласіе малаго числа дворянъ, не явившихся въ собраніе, не могло быть принято во уваженіе; 4) изъ донесеній мѣстнаго начальства было тогда же видно, что предводитель Захарашевичъ-Капустянскій, утаивъ Высочайшее соизволеніе на заведеніе университета, не сдѣлалъ о немъ надлежащаго дворянамъ извѣщенія; 5) нѣкоторые изъ дворянъ впослѣдствіи отозвались губернскому предводителю, что имъ не дано было даже знать объ общемъ положеніи дворянства, и наконецъ 6) предводитель Капустянскій для умноженія числа несоглашающихся

---

[1]) Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

съ симъ положеніемъ заставилъ у себя подписаться людей безпомѣстныхъ и даже управителя помѣщика Хлопова, тогда какъ самъ Хлоповъ подписалъ общее положеніе дворянства. За всѣ сіи уклоненія отъ порядка предводитель Капустянскій правильно подвергнутъ былъ въ тоже время отвѣту предъ судомъ" [1]).

Посылая эти бумаги губернатору, гр. Кочубей присоединилъ къ нимъ подтвердительный указъ о сборѣ денегъ на университетъ, въ которомъ говорилось: „изъ прилагаемаго при семъ въ копіи прошенія, принесеннаго на Высочайшее имя отъ изюмскаго предводителя Захарашевича-Капустянскаго ваше превосходительство изволите усмотрѣть, донесеніе его, яко-бы приношеніе дворянства на заведеніе университета сдѣлано безъ общаго согласія. По донесенію сему я имѣлъ счастіе представлять Государю Императору свѣдѣнія, въ свое время о несогласіи Капустянскаго сюда дошедшія, и какое по разсмотрѣнію сихъ свѣдѣній послѣдовало на приношеніе его Высочайшее рѣшеніе оное усмотрѣть изволите изъ объявленія въ Санктъ-Петербургскихъ вѣдомостяхъ, въ копіи при семъ прилагаемаго. Вмѣстѣ съ сею жалобою попечитель Харьковскаго округа, тайный совѣтникъ графъ Потоцкій представилъ мнѣ о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ при сборѣ положенныхъ на университетъ денегъ въ уѣздахъ изюмскомъ и волчанскомъ, и о распоряженіяхъ вами по отношенію его принятыхъ. Я имѣлъ счастіе представить бумаги сіи Его Величеству. Государь Императоръ, принявъ во уваженіе, что приношеніе сіе сдѣлано было общимъ положеніемъ дворянства, что удостоено оно въ свое время Высочайшаго утвержденія и тѣмъ вошло въ силу и порядокъ дѣйствій, коихъ исполненіе не можетъ быть мѣстными отлагательствами премѣняемо и что наконецъ изъ переписки вашего превосходительства съ графомъ Потоцкимъ и по подробнѣйшемъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ открывается, что медленность во взносѣ происходитъ не отъ дѣйствительнаго несогласія дворянъ, но отъ коснѣнія и затрудненій, противоставляемыхъ отъ гг. Капустянскаго и Поклонскаго, Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы согласно мѣрамъ, уже отъ васъ принятымъ, сборъ сей въ положенные сроки безъ всякаго отлагательства и непремѣнно былъ произведенъ" [2]).

Эти документы сами за себя говорятъ и мы поэтому нарочно привели ихъ въ подлинномъ видѣ. Въ нихъ ярко рисуется и Капустянскій,

[1]) Архивъ Харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

[2]) Ibidem.

съ необычайной энергіей, достойной лучшаго примѣненія, боровшійся противъ устройства университета въ Харьковѣ, и доброжелательное отношеніе къ университетскому дѣлу министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Кочубея, и благородная откровенность Императора Александра, пожелавшаго, чтобы его отвѣтъ Капустянскому былъ напечатанъ для всеобщаго свѣдѣнія въ оффиціальномъ правительственномъ органѣ. Едва ли нужно прибавлять, что отвѣтъ этотъ былъ въ высшей степени справедливъ и основывался на самыхъ серьезныхъ неопровержимыхъ мотивахъ. Нельзя при этомъ не вынести грустнаго впечатлѣнія изъ того, что уже на самыхъ первыхъ порахъ возникли такія серьезныя затрудненія по вопросу о сборѣ *добровольныхъ* пожертвованій, опредѣленныхъ Харьковскимъ дворянствомъ. Но это было только начало: впереди предстояли еще большія трудности. Къ сожалѣнію, примѣръ Капустянскаго нашелъ подражателей. Лебединскій дворянинъ Кабановъ въ отвѣтъ на обращеніе о взносѣ причитающейся съ него суммы на университетъ отвѣтилъ: „требуемой по сему предложенію суммы не имѣя, за усильнымъ г. предводителя Алферова съ братьями его принадлежащаго ко владѣнію имѣнія и не получая съ онаго никакихъ избытковъ взнести не въ состояніи“ [1]). Подчасъ на практикѣ при сборѣ денегъ оказывались и дѣйствительныя затрудненія, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, отзывъ б. управляющаго имѣніями князя Александра Борисовича Куракина, Ивана Витковскаго. Онъ объяснялъ, что владѣлецъ имѣній (сел. Бѣлокуракина и Павловки съ хуторами) въ октябрѣ 1804 г. освободилъ своихъ крестьянъ (и великорусскаго, и малорусскаго происхожденія) со всѣми ихъ землями, по особому выкупному денежному акту, и поэтому онъ, управляющій, безъ приказанія господина, не можетъ взнести причитающейся по раскладкѣ суммы за 2 срока въ размѣрѣ 800 съ лишкомъ рублей [2]). Съ другой стороны, справедливость побуждаетъ насъ заявить, что Василій Назарьевичъ Каразинъ сдѣлалъ причитающійся съ него и его брата (Ивана Назарьевича) взносъ гораздо раньше положеннаго для этого срока (еще въ апрѣлѣ 1803 г. онъ уплатилъ 1000 р., слѣдовавшихъ съ с. Кручика и Основинецъ, гдѣ было 496 д. подданныхъ, въ чемъ и выдано было ему оффиціальное удостовѣреніе). Но въ общемъ суммы поступали очень туго: нужны были постоянныя напоминанія. 1 сентября 1804 г. окончился срокъ вторичнаго взноса дворянской суммы—а комитетъ 9 сентября пишетъ Донцу-

---

[1]) Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

[2]) Ibidem.

Захаржевскому увѣдомленіе, что еще ничего въ счетъ этой суммы онъ не получилъ [1]). Между тѣмъ мѣрами взысканія на первыхъ порахъ стѣснялись: сумскому уѣздному предводителю Донецъ-Захаржевскій рекомендуетъ не прибѣгать къ земскому суду при взысканіяхъ, а дѣйствовать убѣжденіемъ и собственнымъ примѣромъ [2]). Университетъ относился къ дворянамъ весьма предупредительно и между прочимъ, не смотря на прежній отказъ, еще два раза по предложенію попечителя обращался къ Харьковскому губернскому предводителю съ просьбой избрать одного или двухъ человѣкъ, чтобы помогать комитету при возведеніи будущихъ зданій университета на счетъ дворянскаго патріотическаго приношенія [3]).

Второй взносъ сталъ уже поступать по истеченіи срока (послѣ 1 сентября 1804 г.) и къ 19 января 1805 г. было собрано 21931 р. 8 коп. и осталось въ недоимкѣ 44735 р. 59 коп., „отъ неполученія коихъ, писалъ Тимковскій, университетъ не токмо лишается своихъ выгодъ, но и не въ состояніи исполнить нѣкоторыхъ данныхъ ему отъ г. попечителя предписаній“ [4]). Слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что въ волчанскомъ уѣздѣ къ 1 сентября 1804 г., собрано было 4591 р. 25 коп. [5]). Очевидно, что уѣздный предводитель дѣйствительно принялъ мѣры къ сбору денегъ и самъ показалъ примѣръ, взнесши причитавшіеся съ него 120 р. 75 коп.

Таковъ былъ ходъ сборовъ до открытія университета, т. е. до 17 января 1805 г. Но мы должны теперь забѣжать нѣсколько впередъ и разсказать о послѣдующей судьбѣ „патріотическихъ“ приношеній. Это необходимо сдѣлать, чтобы составить себѣ надлежащее и законченное понятіе объ этомъ важномъ дѣлѣ, тѣмъ болѣе что никто изъ прежнихъ историковъ Харьковскаго университета не останавливался на дальнѣйшей судьбѣ пожертвованія дворянства и горожанъ и не показалъ намъ, въ какой мѣрѣ и въ теченіи какого времени были выполнены денежныя обязательства, принятыя на себя этими сословіями; я же располагаю столь подробными свѣдѣніями по этому вопросу [6]), что

---

[1]) Архивъ харьк. депут. собран. Дѣло объ учрежденіи Харьк. универс.

[2]) Ibidem.

[3]) Ibidem.

[4]) Ibidem.

[5]) Ibidem.

[6]) 1) Они заключаются въ огромныхъ дѣлахъ: „Объ учрежденіи Харьковскаго университета („Архивъ Харьковск. депут. собранія“), 2) „О патріотическомъ приношеніи Харьковскому университету дворянствомъ здѣшней губерніи“ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія, по архиву № 3, по картону № 1), 3) „О патріоти-

могъ-бы изложить ходъ этого дѣла по годамъ, шагъ за шагомъ; но такъ какъ это отвлекло бы вниманіе читателя отъ общей нити изображаемаго событія (основанія университета), то я остановлюсь только на нѣкоторыхъ болѣе важныхъ моментахъ.

Мы привели выше отрывокъ изъ письма Тимковскаго къ губернскому предводителю дворянства по поводу непоступленія во 2-й срокъ дворянскихъ суммъ. Объ этомъ же счелъ нужнымъ написать Донцу-Захаржевскому попечитель Потоцкій слѣдующее письмо: „истребовавъ отъ Харьковскаго университета свѣдѣніе о суммѣ, взнесенной по сіе время дворянствомъ Слободско-Украинской губерніи въ число патріотическихъ его приношеній, усмотрѣлъ я, къ крайнему сожалѣнію, что взносъ оной имѣетъ ходъ весьма медленный: сумма сія не поступила не только за третій срокъ, но еще не выплачена и за 2-й. Какъ положеніе сіе о принесеніи оной въ пользу университета сдѣлано дворянствомъ по доброй волѣ и удостоилось Высочайшаго утвержденія Его Императорскаго Величества, то я ни мало не сомнѣваюсь, чтобы оное могло имѣть какія либо перемѣны; между тѣмъ однако же для распоряженій, кои пріемлю я относительно будущихъ университетскихъ зданій, нужно мнѣ, чтобы сумма сія поступала исправно въ назначенное время. Я твердо увѣренъ, что вы употребите содѣйствіе ваше предложить благородному дворянству объ исполненіи положеній, самимъ имъ по сему предмету сдѣланныхъ, зная, сколько вы участвовали при самомъ началѣ въ составленіи сего приношенія и впослѣдствіи оказывали всегда расположеніе свое къ пользамъ университета; но между тѣмъ нахожусь я принужденнымъ покорнѣйше просить васъ, мил. гос. мой, не оставить меня увѣдомленіемъ, какія были причины, воспрещавшія доселѣ исправному взносу той суммы, дабы согласно оному могъ я принять нужныя мѣры, чтобы не быть намъ въ отвѣтственности въ случаѣ неисполненія предположеній, утвержденныхъ Государемъ Императоромъ [1]) (18 сент. 1805 г.)“. Положеніе губернскаго предводителя было очень затруднительное: онъ несомнѣнно заботился объ исправномъ поступленіи суммъ, но его добраго желанія было недостаточно: сборы происходили въ уѣздахъ и все зависѣло здѣсь отчасти отъ уѣздныхъ предводителей и еще въ большей степени отъ

ческомъ приношеніи Харьковскому университету отъ дворянства екатеринославской губ.“ (Ibidem, по архиву № 19, по картону № 2), 4) „О пожертвованіяхъ дворянства и жителей на учрежденіе университета“ (Ibidem, по архиву № 1, по картону № 1).

[1]) Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета.

самихъ дворянъ. Получивъ приведенное выше письмо отъ Потоцкаго, Донецъ-Захаржевскій могъ только обратиться съ вопросомъ о причинахъ медленнато поступленія суммъ къ уѣзднымъ предводителямъ, а тѣ въ свою очередь ссылались на дворянъ недоимщиковъ. Купянскій предводитель Иванъ Тихоцкій писалъ, напримѣръ, что онъ прилагалъ всѣ старанія къ своевременному поступленію взносовъ, извѣщая объ этомъ многократно своихъ дворянъ и письменно, и лично; затѣмъ, видя, что обѣщанія не исполняются, я, заявлялъ онъ, доставилъ списки недоимщиковъ въ харьковское губернское правленіе, а оно отправило ихъ въ купянскій нижній земскій судъ, чтобы тотъ настоятельно побудилъ ихъ ко взносу и въ случаѣ надобности принялъ законныя мѣры взысканія. Къ этому объясненію Тихоцкій приложилъ списокъ неплательщиковъ; всѣхъ ихъ было 108 человѣкъ и они задолжали за три срока 3755 р. 51 к.; (а всего купянскій уѣздъ долженъ былъ уплатить менѣе 5000 р.); любопытно, что это по большей части были мелкія суммы—десятки и рубли; болѣе крупныя недоимки числились за весьма немногими [1]). Предводитель дворянства харьковскаго уѣзда Петръ Ковалевскій писалъ, что нѣкоторые дворяне вовсе отказываются отъ платежа, другіе ссылаются на отсутствіе денегъ, а управляющіе великопомѣстныхъ имѣній объясняютъ, что они безъ согласія своихъ владѣльцевъ не могутъ дѣлать взносовъ; всѣхъ недоимщиковъ было 223; и здѣсь количественно преобладали мелкія суммы, но за то крупныя въ совокупности составляли весьма видную долю [2]). Такіе же отвѣты и вѣдомости поступили и отъ предводителей другихъ уѣздовъ; въ изюмскомъ уѣздѣ оказалось 187 недоимщиковъ [3]); въ лебединскомъ

---

[1]) За Мих. Булацелемъ 230 р., за Вас. Захарашевичемъ-Капустянскимъ 169 р., за княгиней Кантемировой 103 р., за наслѣдниками Георгія Захарашевича-Капустянскаго 112 р., за Ив. Мерескуломъ 206 р., за наслѣдниками И. Мечникова 228 р., за Ѳ. Шабельскимъ 170 р., за А. Шаховой 107 р., за Ст. Элли 112 р.

[2]) Болѣе крупныя недоимки числились за слѣдующими лицами: за Ст. Базилевичевой 301 р., генер. А. Бердяевой 525 р., кн. С. Волконской 532 р., Н. Дуниной 295 р., кн. Дм. Кантемиромъ 324 р., Ѳед. Квиткой 223 р., Гр. Квиткой 109, Гр. Ковалевскимъ 106 р., С. Ковалевской 110 р., Андр. Ковалевскимъ 346 р., Кн. Килдищевымъ 157 р., Ник. Нахимовымъ 285 р., І. Познанскимъ 190 р., фельдмаршаломъ гр. Ив. Петр. Салтыковымъ 405 р., Ив. Солнцовымъ 201 р., Гр. Суджанскимъ 108 р., гр. Ник. Петр. Шереметевымъ 977 р., Дм. Щербининымъ 770 р.

[3]) Суммы свыше 100 р. задолжали здѣсь слѣдующіе лица: Ив. Адамовъ 197 р., Як. Велихевичъ 148 р., дѣйст. тайн. сов. Энгельгардтъ 989 р., Герсевановъ 196 р., П. Герсеновъ 109 р., наслѣдники Двигубскаго 128 р., М. Иванова 163 р., П. Захаржевскій 196 р., Вас. Захаржевскій 227 р., Г. Иванова 136, Кн. Дм. Кантемиръ 137 р., Ст. Мартынова 465 р., Ир. Минчинкова 167 р., Ал. Норовъ 229, прот. Андр. Сам-

за 2-й срокъ 123 чел. съ долгомъ въ 1196 р. 80 к., и за 3-й 195 съ долгомъ въ 7673 р. 80 коп. [1]) (а всего слѣдовало получить 8442 р.). Предводитель дворянства въ богодуховскомъ уѣздѣ Ив. Боярскій доносилъ, что онъ опредѣлилъ 4-хъ коммиссаровъ къ собиранію денегъ; они собрали часть суммъ, но многіе отговаривались неурожаемъ, падежомъ скота, а вдова поручика Ильинскаго сослалась на то, что ея двухъ сыновей, несмотря на усиленныя ея просьбы, не приняли въ университетъ, почему она и не можетъ сдѣлать взноса. Впрочемъ недоимщиковъ здѣсь было не много: за 1-й срокъ 43 чел. съ долгомъ въ 1705 р. $^1/_2$ к., за 2-й—62 съ долгомъ въ 442 р. 80 к., за 3-й—103 съ долгомъ въ 4767 р. 73 коп. [2]) (а всего причиталось только 5242 р.). Валковскій предводитель сообщилъ, что взносъ за 2-й срокъ сдѣланъ; недоимщиковъ же по 3-му сроку оказывалось тамъ 66, въ томъ числѣ крупныхъ 7 (свыше 100 р.): Верещагинъ, генералъ Дунинъ, Зварыкинъ, Лесевицкій, Гр. Ром. Шидловскій, Базилевскій. Въ сумскомъ уѣздѣ за 2-й и 3-й срокъ былъ 231 недоимщикъ; въ числѣ ихъ и такіе крупные, какъ т. сов. Анна Комбурлей (1749 р.), кн. Мих. Анд. Голицынъ (3785 р.), Нат. Дубянская (875 р.), Ал. Савичъ (1052 р.), Г. Кондратьевъ (1247 р.), М. Кондратьевъ (502 р.), Ѳ. Кондратьева (567 р.), Е. Рахманова (712 р.), А. Хрущева (607 р.), Ив. Кондратьевъ (967 р.); эти 10 человѣкъ задолжали всѣ вмѣстѣ 12063 руб. Чтобы понять значеніе этой цифры, нужно вспомнить, что на 3-й срокъ со всего сумскаго уѣзда нужно было получить по табели только 10731 р., а за 2-й—и того меньше. Въ волчанскомъ уѣздѣ за 2-й срокъ не уплатило 47, за 3-й 91 чел.; всего за ними числилось 3864 р. (за 3-й срокъ слѣдовало получить 6934 р., а доставлено было 3806 р.). По ахтырскому уѣзду числилось недоимки 5363 р.

борскій 235 р., Тарановы 235 р., Фидлерова 166 р., Е. Хлоповъ 148 р., Ив. Шабельскій 131 р., Ал. Шаховъ 256 р., кн. Шихматова 210 р., Р. Шидловскій 151 р., Ник. Шидловскій 294 р.

[1]) Здѣсь было нѣсколько меньше крупныхъ должниковъ: Ѳ. Яцынъ долженъ былъ 678 р., Е. Неплюева 484 р., Мамоновы 935 р., кн. Щербатовы 1111 р., тайн. сов. Неплюевъ 236 р., тайн. сов. кн. Юсуповъ 310 р., кн. Долгорукова 404 р., Шидловская 270 р., Максимовичева 223 р., ген. Штеричева 126 р., В. Кондратьевъ 123 р., В. Марковъ 274 р., П. Дехановъ 197 р., Ник. Кондратьевъ 431 р., А. и П. Алферовы 137 р., Над. Кондратьева 123 р., Ив. Пустовойтовъ 151 р.

[2]) Болѣе 100 р. здѣсь были должны: кн. Ник. Голицынъ 1604 р., Дм. Хрущевъ 363 р., Савва Альховскій 364 р., Войновичи 132 р., М. Глазенапова 163 р., Ив. Гиржевъ 106 р., В. Гиржевъ 102 р., М. Желтухина 248 р., Лѣсницкіе 179 р., Д. Лѣсницкій 210 р., Лесевицкіе 111 р., М. Павловъ 107 р., Гр. Подгоричани 458 р., Осиповъ-Перекрестовъ 271 руб.

Такимъ образомъ, какъ видно изъ приведенныхъ нами цифръ, сумма недоимокъ во всѣхъ уѣздахъ была очень значительная; число недоимщиковъ было вездѣ очень велико, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ огромно. Не платили и крупные, и мелкіе помѣщики; первыхъ сравнительно съ послѣдними было очень мало, но за ними числилась большая часть недоимки; въ купянскомъ уѣздѣ ихъ было всего 9 на общую цифру 108 чел., но ихъ долгъ составлялъ свыше 40% общей суммы; въ лебединскомъ уѣздѣ 17 крупныхъ владѣльцевъ задолжали 6213 р. изъ общей суммы 8870 р., т. е. 70%; въ богодуховскомъ 14 чел. были должны 4418 р., т. е. 64%; о сумскомъ уѣздѣ мы говорили выше. Между тѣмъ многіе изъ этихъ лицъ владѣли огромнымъ количествомъ крестьянъ: у А. Комбурлей было 4729 душъ, у князя Михаила Голицына 4351, у Дубянской 1412, у Ал. Савича 1210, у Г. Кондратьева 1434, у М. Кондратьева 1359, у Ѳ. Кондратьевой—1533, у Ив. Кондратьева—1113, у кн. Юсупова—840, у Неплюева 640, у кн. Долгоруковой—1093, у Шидловской—731, у Максимовичевой—604, у Ѳ. Яцына—1478, у Е. Неплюевой—1030, у Мамоновой—1990, у кн. Щербатовыхъ—2365, у В. Маркова—741, у Н. Кондратьева—1166, у Энгельгардта—2105, у В. Захаржевскаго—615, у Ст. Мартыновой—991, у А. Норова—620, у прот. Самборскаго—501, у Тарановыхъ—501, у В. Стремоухова—743, у В. Донецъ-Захаржевскаго—508, у Дм. Куликовскаго—637, у Ив. Данилевскаго—503 и т. п. Все это были, конечно, люди очень богатые—и уплата причитавшихся съ нихъ суммъ не могла для нихъ быть особенно обременительна. Съ сожалѣніемъ мы должны отмѣтить фактъ, что среди недоимщиковъ были и такія лица, которыя раньше относились съ особеннымъ сочувствіемъ къ мысли объ учрежденіи въ Харьковѣ университета и предлагали ассигновать для этого не 400000, а цѣлый милліонъ; таковы были Ѳ. и Г. Квитка, Г. Шидловскій; мало того—если только насъ не обманываетъ полное тождество имени и фамиліи, то въ числѣ недоимщиковъ было и два уѣздныхъ предводителя дворянства (В. Марковъ и Ал. Савичъ). Очевидно, что при такихъ условіяхъ однихъ нравственныхъ воздѣйствій было недостаточно и явилась необходимость въ формальныхъ принудительныхъ мѣрахъ. 30 декабря 1805 г. губернское правленіе издало указъ о собраніи университетскихъ недоимокъ на такихъ же основаніяхъ, на какихъ собирались казенныя повинности; съ этого момента сборъ денегъ на университетъ сталъ являть изъ себя крайне печальную картину принудительнаго акта, за исполненіемъ котораго должны были неукоснительно наблюдать предводители дворянства, коммиссары, городничіе, уѣздные земскіе суды, губернское правленіе, губернаторъ.

Возникла огромная переписка на сотняхъ листовъ и все дѣло ограничивалось по большей части ордерами и отписками отъ высшаго начальства къ низшему; счеты запутались; первоначальныя предположенія и раскладки оказались неподходящими для послѣдующаго времени. Уѣздные предводители должны были давать объясненія губернскому [1]). 3-го марта 1806 г. харьковское губернское правленіе издало новый подтвердительный указъ. Но, несмотря на эти строгіе указы, по прежнему находились лица, которые прямо отказывались отъ уплаты денегъ на университетъ. Извѣстный намъ Савва Альховскій денегъ не вносилъ, а ограничивался одними отписками, гдѣ заявлялъ, что онъ никакихъ избытковъ не имѣетъ и потому ничего платить не будетъ, тѣмъ болѣе что одна часть имѣнія его описана для продажи съ публичнаго торга, а другая берется въ опеку для удовлетворенія претензій „соперниковъ", „а буду ли я когда, продолжаетъ Альховскій, послѣ разореній и утѣсненій моихъ имѣть таковые избытки, чтобъ изъ оныхъ удѣлять что либо и на университетъ, то о семъ знать уже не есть мое дѣло, но Божіе, въ рукахъ коего мой жребій, и для того, какъ прежде я не обязывался къ сему такъ не могу и нынѣ обязываться къ дачѣ таковыхъ денегъ отъ избытковъ, къ пріобрѣтенію коихъ уже силъ и способовъ лишеннымъ состою".

Владѣлецъ с. Писаревки кн. Николай Алексѣевичъ Голицынъ, у котораго было тамъ 2584 д. крестьянъ, объявилъ черезъ своего управляющаго, что онъ жертвуетъ добровольно на университетъ 100 р. (!), но отказывается отъ взносовъ по раскладкѣ, такъ какъ съ одной стороны безъ именныхъ указовъ никто не имѣетъ права отягощать крестьянъ новыми податями, а съ другой онъ и его крестьяне не пользуются тѣми льготами по части винокуренія, какія имѣетъ остальное населеніе Слободско-Украинской губерніи. Но еще болѣе интересенъ письменный отзывъ „генералъ-лейтенантши" Бердяевой, составленный необыкновенно искусно, очевидно, какимъ нибудь тонкимъ и опытнымъ юристомъ, воспользовавшимся всѣми данными и соображеніями для опроверженія законности приговоровъ отъ 1 сентября 1802 г. и 21 апрѣля 1803 г. Это своего рода шедевръ дворянской оппозиціи и потому мы приводимъ изъ него въ примѣчаніи нѣсколько выдержекъ [2]).

---

[1]) См., напримѣръ, обширное объясненіе сумскаго предводителя Ал. Савича.

[2]) Повиновеніе волѣ Монарха, писала Бердяева, я считаю своею священною обязанностью; такъ же я поступаю и въ дѣлѣ, касающемся Харьковскаго университета. Государь утвердилъ приговоръ о дворянскомъ пожертвованіи подъ тѣмъ условіемъ, чтобы каждый давалъ отъ избытковъ своихъ и чтобы отъ этого отнюдь не послѣдовало новыхъ налоговъ для крестьянъ. Такимъ образомъ всю

Въ теченіи 1804 и 1805 гг. поступило денегъ отъ харьковскаго дворянства 114639 р. $70^{1}/_{2}$ коп., изъ коихъ въ 1804 г. израсходовано было 3642 р. 35 коп., а въ 1805 г. 9539 р. $71^{1}/_{4}$ коп.; главныя статьи расхода касались пріобрѣтенія земель и матеріаловъ для будущихъ новыхъ зданій университета; 60000 р. было отправлено въ государственный заемный банкъ для приращенія процентами; однихъ процентовъ университетъ получилъ съ пожертвованныхъ ему дворянствомъ суммъ по 1-е января 1806 г. 2692 р. $74^{1}/_{2}$ коп. Сохранилась любопытная вѣдомость о взносахъ дворянской суммы за первые четыре срока по всѣмъ уѣздамъ харьковской губ., составленная 17 ноября 1806 года. Оказывается, что за второй срокъ числилось недоимки по богодуховскому уѣзду—979 р., по сумскому—5499, по изюмскому—3629, по волчанскому—1484, по лебединскому—3860 (харьковскій, ахтырскій, зміевской, купянскій, валковскій уу. сдѣлали свои взносы), за 3-й срокъ по харьковскому—2518, богодуховскому—2708, сумскому—10761, зміевскому—1652, изюмскому—8399, купянскому—1972, валковскому—1033, волчанскому—2846, лебединскому—6892 (по ахтырскому недоимки не было); за 4-й срокъ—по харьковскому—6575 р., богодуховскому—4716, ахтырскому—5058, сумскому—11051, зміевскому 3144, изюмскому—8860, купянскому—2959, валковскому—3902, волчанскому—7121, лебединскому—8670; всего недоимки было 116288 р. Дворянство екатерино-

---

эту 400-тысячную сумму слѣдовало распредѣлить сообразно съ избытками каждаго. Между тѣмъ такое распредѣленіе сдѣлали одни предводители дворянства, принявъ во вниманіе только количество крестьянъ, числившихся за каждымъ владѣльцемъ. Но нѣкоторые, имѣя мало крестьянъ, получаютъ много доходовъ, потому что владѣютъ большимъ количествомъ земли и угодьевъ и наоборотъ. Такъ и я имѣю мало земли и при томъ не пользуюсь правомъ свободнаго винокуренія, хотя крестьяне мои поселены на привиллегированныхъ земляхъ; не говорю уже о томъ, что есть не мало владѣльцевъ, у которыхъ нѣтъ крестьянъ, но есть земли, а они тѣмъ не менѣе освобождены отъ уплаты этого сбора. У меня, продолжала далѣе Берднева, нѣтъ избытковъ и я по временамъ даже должна входить въ долги, чтобы какъ слѣдуетъ содержать и воспитывать своихъ дѣтей; сверхъ того меня постигли несчастія: два пожара и кража лишили меня почти всего движимаго моего имѣнія. И при всемъ томъ я жертвую на университетъ причитающіяся мнѣ за волы отъ казны деньги и сверхъ того 100 р.; больше же не могу дать безъ отягощенія крестьянъ, которое запрещаетъ дѣлать Высочайшій указъ. Я не оспариваю законности самаго постановленія 1-го сентября 1802 г. о пожертвованіи 400 т., хотя могла бы указать на то, что Государь только *разрѣшилъ* дворянскій съѣздъ; слѣдовательно, ѣхать могъ только тотъ, кто желалъ; не понятно мнѣ также и то, какъ могло состояться общее рѣшеніе о пожертвованіи, когда я вижу, что всѣ теперь не дѣлаютъ взносовъ (не говорю о себѣ: я желаю сдѣлать таковой). (Архивъ харьк. депут. собранія. Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета).

славской губ. должно были взнести въ 1804 и 1805 гг. 21652 р., а доставило только 7190 р., такъ что въ недоимкѣ было 14462 р.; отъ городовъ должно было поступить 41573 р., а доставлено было 38055 р., въ недоимкѣ оставалось 3518 р. [1]); отъ частныхъ благотворителей (Хорвата, Аникѣева и др.)—5000 р.; получены всѣ сполна. И такъ, дворянство, какъ харьковское, такъ и екатеринославское дѣлало свои взносы очень неисправно въ противоположность купечеству, горожанамъ и частнымъ жертвователямъ, за которыми почти не оказалось никакихъ недоимокъ.

Ассигнованная на университетъ харьковскимъ дворянствомъ сумма не поступала въ опредѣленные сроки, не смотря на строгія понужденія губернскаго начальства, которое между прочимъ предписало публиковать имена неисправныхъ плательщиковъ. Наступившая вслѣдъ затѣмъ 1-я война съ Франціей вовсе прекратила притокъ пожертвованій, какъ это оффиціально засвидѣтельствовано тогдашнимъ губернаторомъ И. И. Бахтинымъ. „Хотя и происходили, говоритъ онъ, отъ губернскаго правленія понужденія, но успѣхъ во взносѣ денегъ не соотвѣтствовалъ попеченію правленія; наступившая же война съ Франціей прекратила совершенно, какъ взносъ оныхъ, такъ и понужденія о таковомъ, ибо принявъ къ соображенію моему съ одной стороны поставленіе дворянствомъ ратниковъ, снабженіе ихъ одеждою, провіантомъ и жалованьемъ, собраніе денежной суммы на жалованье милиційскимъ чиновникамъ и разныя отъ многихъ денежныя пожертвованія, а съ другой пріостановленіе отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ даже постройки почтовыхъ домовъ, во уваженіе понесенныхъ дворянствомъ тягостей послѣдовавшее, я рѣшился не приступать въ разсужденіи взноса на университетъ денегъ къ понужденію, о чемъ дано отъ меня знать и г. попечителю онаго. Но нынѣ, продолжаетъ далѣе губернаторъ, когда, благодареніе Богу, уже болѣе полугода, какъ кончились осеннія дѣйствія съ Франціей, а съ тѣмъ самимъ и тягости, обременявшія вѣрныхъ сыновъ отечества, въ томъ числѣ и благородное сословіе слободско-украинской губ., я побуждаемъ будучи требованіемъ г. попечителя о приступленіи къ сбору слѣдующихъ на университетъ денегъ, къ лучшему въ томъ успѣху рѣшился обратиться къ собранію сего благороднаго сословія, надѣясь несомнѣнно, что оно, питая въ высокой степени вѣрноподданническое усердіе къ любезнѣйшему для всѣхъ сердецъ монарху, ревнуя о про-

[1]) Любопытно, что эта недоимка относилась только къ г. Харькову; маленькіе же города (Валки, Богодуховъ, Ахтырка, Сумы, Лебединъ, Зміевъ) свои взносы сдѣлали сполна; неизвѣстно было только, изъ какихъ средствъ долженъ былъ взнести свои 2000 р. г. Купянскъ.

свѣщеніи сего края, взирая съ непріятностью на то, что единственно по невыполненію нѣкоторыми г.г. дворянами ихъ обязанности, не приступлено еще доселѣ къ устроенію вмѣстилища сего просвѣщенія и поставляя за величайшій стыдъ не подкрѣпить сдѣланнаго имъ единожды обѣта, Высочайшею волею утвержденнаго, употребить всевозможные способы къ убѣжденію не взнесшихъ за прошедшіе сроки пожертвованныхъ на университетъ денегъ, членовъ благороднаго слободско-украинскаго дворянства, а тѣмъ паче возражающихъ противу таковаго взноса, и тѣмъ самымъ облегчитъ правительство, которое, уповаю, послѣ сего не будетъ имѣть уже нужды въ принятіи другихъ мѣръ". Уѣздные предводители съ губернскимъ во главѣ, по согласію всего дворянства, выслушавъ въ декабрѣ 1807 года нижеприведенное письмо губернатора Бахтина, опредѣлили: „отъ лица всего дворянства представить главному начальству и просить, дабы сборъ, остающійся не во взносѣ дворянствомъ помянутой суммы, разсроченъ былъ еще на 6 лѣтъ, поелику дворяне отъ прошедшей съ Франціей войны поставкою ратниковъ, снабженіемъ ихъ одеждою, провіантомъ и жалованьемъ имъ и милиційскимъ начальникамъ и другими денежными пожертвованіями, къ платежу подлежащей университету суммы находятъ себя внѣ возможности". Губернаторъ сдѣлалъ соотвѣтственное представленіе—и въ результатѣ его былъ слѣдующій Высочайшій указъ (1808 г.): „въ уваженіе издержекъ, произведенныхъ дворянствомъ слободско-украинской губ. на разныя государственныя надобности въ послѣднее время, желая облегчить оное въ исполненіи сей его обязанности, я повелѣваю: 1) сумму изъ числа пожертвованной симъ дворянствомъ на Харьковскій университетъ, еще не собранную и по представленію 236465 р. 58 к. составляющую, со дня изданія указа сего разсрочить еще по ровнымъ частямъ на 6 лѣтъ; 2) при столь ощутительной ко взносу сей суммы удобности, обратить наблюденіе ваше, чтобъ она впредь непремѣнно вся сполна поступала въ назначенномъ къ каждому сроку количествѣ; 3) затѣмъ въ случаѣ невзноса сей суммы и въ сіи новые сроки, причитающіяся въ число оной деньги съ таковыхъ неисправныхъ исполнителей сей обязанности взыскивать на основаніи общихъ о взысканіи за неплатежъ правилъ". Ежегодно приходилось, такимъ образомъ, собирать по 39410 р. 93 к.; раскладки же суммъ по уѣздамъ должны были произвести уѣздные предводители дворянства на уѣздныхъ дворянскихъ собраніяхъ. И тутъ открылись различныя затрудненія: имѣнія переходили изъ рукъ въ руки и трудно было рѣшить, кто долженъ производить уплату—прежній или новый владѣлецъ; такой споръ возникъ, напримѣръ, въ валковскомъ уѣздѣ между Вереща-

гинымъ и Ковалевскимъ. Деньги поступали очень туго: срокъ 1-го взноса окончился 25 апрѣля 1809 г., а вмѣсто должныхъ 39410 р. поступило всего 2833 р.; впрочемъ уже въ маѣ эта сумма достигла до 10845 р., въ концѣ мая было получено еще 4580 р., въ іюнѣ 1590 р. По даннымъ, доставленнымъ губернатору Бахтину, оказалось, что къ этому времени сдѣлали сполна свои взносы только харьковскій и ахтырскій уѣзды, да за валковскимъ числилась небольшая недоимка (въ размѣрѣ 72 р.); остальные же уѣзды (богодуховскій, сумской, изюмскій, купянскій, волчанскій, лебединскій и зміевской) задолжали очень много; а богучарскій, острогожскій и старобѣльскій уѣзды, которые входили въ составъ воронежской губ. и раньше дѣлали взносы довольно исправно, не прислали теперь ничего. Въ виду этого губернское правленіе рѣшило принять суровыя мѣры противъ неплательщиковъ—земскимъ судамъ приказано было описывать ихъ движимое и недвижимое имущество. 17 декабря 1809 г. состоялось новое Высочайшее повелѣніе на имя губернатора Бахтина: „разсмотрѣвъ, говорится тутъ, представленіе ваше къ министру внутреннихъ дѣлъ о невзносѣ многими помѣщиками слободско-украинской губерніи за учиненною даже разсрочкою суммы, которую они въ 1803 г. добровольно пожертвовали на Харьковскій университетъ, я въ разсужденіе онаго повелѣваю: 1) имѣнія тѣхъ изъ нихъ, кои по раскладкѣ, дворянскими предводителями сдѣланной, не взнесли доселѣ слѣдующихъ съ нихъ на сей предметъ по разсрочкѣ денегъ, взять въ опеку; 2) изъ числа доходовъ, съ оныхъ получаемыхъ, обращать въ уплату сего долга столько, сколько по раскладкѣ въ теченіе 6 лѣтъ причитаться будетъ; 3) если кто изъ помѣщиковъ до истеченія сего срока заплотитъ всю сумму, какую онъ добровольно обѣщался внести на содержаніе университета, таковое имѣніе исключить немедленно изъ вѣдомства опеки“ [1]).

Къ такой мѣрѣ принужденъ былъ прибѣгнуть монархъ, такъ заботившійся постоянно о томъ, чтобы только добрая воля и усердіе къ общему благу руководили жертвователями! Немедленно послѣ этого указа сборы стали поступать въ университетъ, но вскорѣ опять понадобились мѣстныя предписанія. Сохранилась любопытная вѣдомость, заключающая въ себѣ перечень всѣхъ этихъ понужденій и отписокъ—она занимаетъ 12 листовъ большого формата [2]). Въ 1815 году окончился и новый предѣльный срокъ для взносовъ харьковскаго дворянства,

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя, № 1 по архиву, № 1 по картону.

[2]) Ibidem, стр. 179—190.

а между тѣмъ по вѣдомости 1817 г. оказывается, что за нимъ числилось 130412 руб. (всего уплачено было имъ 269587 р. съ коп., а въ новый срокъ только 106053 р.); за екатеринославскимъ дворянствомъ числилось долга 49642 р. съ коп. (а внесено было 58618 р.), за херсонскимъ 26754 р. (а внесено 13745 р.); за купечествомъ и городами 28010 р. (а внесено 43733 р.). 2 года спустя (къ 1-му января 1819 г.) состояніе недоимокъ представлялось въ слѣдующемъ видѣ: за харьковскимъ дворянствомъ числилось 118971 руб., за екатеринославскимъ 49642 р. (столько, сколько и раньше); за херсонскимъ 24488 р., за городами и купечествомъ 33010 р. (недоимка увеличилась, потому что нѣкоторые города должны были взносить постоянную ежегодную сумму, которой теперь не уплачивали).

Къ 1-му января 1822 г. въ этихъ суммахъ произошли слѣдующія измѣненія: за харьковскимъ дворянствомъ считалось долга 105032 р. за екатеринославскимъ 37920, за херсонскимъ 24488 (какъ и прежде), за городами и купечествомъ 41304 р. (прибавилось около 9 т. за 3 года, протекшіе съ 1819 по 1822 годъ). Всего при губернскомъ предводителѣ дворянства Донцѣ-Захаржевскомъ собрано было изъ 400000 р. 163534 р., а при его преемникѣ А. Ѳ. Квиткѣ 117509 р. (по 1819 годъ). Затрудненія и проволочки при сборахъ вызывались между прочимъ разными случайными обстоятельствами, напр., необходимостью переводить ассигнаціи на серебро, при чемъ за 4 р. ассигнацій по курсу давали 1 р. сер.; уѣздные предводители не могли иногда дать отвѣта, какія суммы были собраны ихъ предмѣстниками и обращались за разъясненіями къ губернскому предводителю; деньги взыскивались земскими уѣздными судами; счеты университетскаго правленія и уѣздныхъ предводителей не сходились; нѣкоторые желали „подойти подъ Высочайшій манифестъ", ссылались на давность (напр., богатый харьковскій купецъ Карповъ, указывавшій на свое разореніе во время отечественной войны, что не подтвердилось).

Въ 1825 году недоимка харьковскаго дворянства сократилась до 80 т. рублей и тогда же это послѣднее рѣшило обратить ее на проэктировавшійся въ Харьковѣ кадетскій корпусъ. Мысль о кадетскомъ корпусѣ принадлежала пользующемуся столь печальною извѣстностью графу Аракчееву—и онъ же всячески поддерживалъ идею о передачѣ 80 т. недоимки въ пользу этого новаго военнаго учебнаго заведенія [1]). Но

[1]) Вотъ его подлинное мнѣніе по этому поводу: „дворянство Слободско-Украинской губ., сдѣлавшее большія пожертвованія въ пользу воспитательныхъ заведеній къ сей губерніи, разсуждало: какія изъ нихъ достигли предположенной цѣли и

его проэктъ встрѣтилъ серьезныя возраженія со стороны тогдашняго попечителя харьковскаго учебнаго округа, который представилъ ихъ министру народнаго просвѣщенія и просилъ его дать рѣшительный ходъ дѣлу о дворянской недоимкѣ и представить его Государю [2]).

какія имѣютъ еще нужду въ усиленіи предоставленныхъ имъ способовъ. Въ особенности оно обратило вниманіе на Харьковскій университетъ и вновь учреждаемый харьковскій кадетскій корпусъ. Оно нашло, что университетъ, съ Божіею помощью, уже устроенъ и совершенно обезпеченъ въ его существованіи, напротивъ того кадетскій корпусъ требуетъ еще многихъ пособій. И желая видѣть всѣ свои заведенія въ свойственномъ имъ устройствѣ, общимъ приговоромъ поручило губернскому своему предводителю ходатайствовать о Монаршемъ соизволеніи, чтобы та сумма изъ числа 400 т. руб., на университетъ въ 1801 г. пожертвованныхъ дворянствомъ, которая до нынѣ не внесена и составляетъ ок. 80 т. р., обращена была въ пользу харьковскаго кадетскаго корпуса. И губернскій предводитель дворянства вошелъ ко мнѣ о семъ съ представленіемъ. Находя, что для первоначальныхъ издержекъ на устройство харьковскаго кадетскаго корпуса, когда должно строить предназначенныя для помѣщенія его зданія и заводить классныя и другія потребности, дѣйствительно нужны ему еще значительныя пособія, независимо отъ ежегоднаго сбора по 10 коп. съ души, которымъ обезпечено будущее его существованіе и пріемъ во уваженіе съ одной стороны, что дворянство, прося объ обращеніи въ пользу кадетскаго корпуса части суммы, имъ же на университетъ пожертвованной, ни мало не сокращаетъ тѣмъ своего пожертвованія, но желаетъ только употребить оное съ большею пользою, съ другой, что сія сумма остается еще не внесенною, слѣдовательно, если поступить противу желанія дворянства, то легко можетъ случиться, что она и совсѣмъ внесена не будетъ; я сносился по сему предмету съ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Онъ отвѣчалъ мнѣ отъ 20 января № 166, что не можетъ согласиться на отчисленіе отъ университета въ пользу харьковскаго кадетскаго корпуса предполагаемой дворянствомъ суммы, говоря, что хотя университетъ уже устроенъ и довольно обезпеченъ въ его существованіи, но все еще имѣетъ нужду въ денежныхъ пособіяхъ. Заключаетъ, наконецъ, что нынѣшнее дворянство, по его мнѣнію, не имѣетъ и права входить въ распоряженіе суммъ, за 25 лѣтъ предъ симъ пожертвованныхъ университету, ибо въ то время сословіе дворянъ состояло изъ другихъ лицъ.

Я позволяю себѣ мыслить, что послѣдній доводъ не убѣдителенъ. Нельзя отвергать права нынѣшняго дворянства располагать пожертвованною, хотя бы то было и за 25 лѣтъ, суммою, ибо отвергъ сіе право дворянства, надобно отвергнуть и его обязанность внести теперь сію сумму. Но когда дворянство, давая охотно нынѣ сдѣланное имъ пожертвованіе, желаетъ обратить его на другое въ томъ же смыслѣ заведеніе, имѣющее по новости болѣе нужды въ денежныхъ пособіяхъ, то, кажется, самая справедливость требуетъ уважить просьбу его. Графъ Аракчеевъ".

[2]) Вотъ его текстъ: „дворянство слободско-украинской губерніи, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1802 г., рѣшившись пожертвовать въ пользу Харьковскаго университета 400 т. р., опредѣлило взнести оные въ 6 сроковъ, начиная съ 1-го сент. 1802 г. по 1-е сент. 1808 г., въ каждый годъ по равному количеству. Добровольное по-

Министръ народнаго просвѣщенія внесъ это дѣло въ комитетъ министровъ и постановленіе его было Высочайше подтверждено Императоромъ Николаемъ Павловичемъ 19 іюня 1826 г. Любопытно, что комитетъ министровъ проэктировалъ сдѣлать выговоръ уѣзднымъ предводителямъ, предложившимъ внести эти 80 т. въ пользу кадетскаго корпуса, но Государь опредѣлилъ выговора не дѣлать, а предписать „рѣши-

жертвованіе сіе удостоилось Высочайшаго государя императора утвержденія и за оное объявлена дворянству особая признательность, но означенная сумма въ положенный срокъ не была взнесена и потому 1808 г. апрѣля 25 послѣдовало Высочайшее повелѣніе, за собственноручнымъ Е. И. В. надписаніемъ, о разсрочкѣ сей суммы еще на 6 лѣтъ, съ тѣмъ чтобы въ случаѣ невзноза оной и въ сіи новые сроки остающіяся „въ недоимкѣ деньги взыскиваемы были съ кого слѣдуетъ на основаніи общихъ о взысканіи за неплатежъ правилъ“. Поелику же и за симъ Имяннымъ Высочайшимъ указомъ слободско-украинское дворянство не приступило къ точному исполненію сдѣланнаго имъ въ 1802 г. постановленія, то 17 дек. 1809 г. вторичнымъ Имяннымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно было „взыскивать сумму сію посредствомъ отбиранія въ опеку имѣній неисправныхъ плательщиковъ“.

Не смотря однако на сіи Высочайшія повелѣнія, а равно и на то, что объявленная дворянству Всемилостивѣйшая признательность долженствовала бы послужить оному еще сильнѣйшимъ побужденіемъ къ исполненію священной обязанности, добровольно имъ на себя принятой, университетъ не получилъ принадлежащей ему суммы и до сего времени. Такимъ образомъ, по прошествіи 24 лѣтъ послѣ сдѣланнаго дворянствомъ пожертвованія и по истеченіи 15 лѣтъ послѣ двухъ Имянныхъ Высочайшихъ указовъ остается еще въ недоимкѣ 80 т. р.

За таковое неисполненіе Монаршихъ повелѣній дворянство по всей справедливости долженствовало бы подвергнуться отвѣтственности предъ закономъ и одному только снисхожденію правительства приписать должно, что оно до сего времени избѣжало праведнаго взысканія, ибо довольно одного поверхностнаго взгляда на сіе дѣло, чтобы ясно увидѣть: можетъ ли быть позволено, предъ лицомъ всей Россіи, всеподданѣйше представить Государю Императору пожертвованіе, получить за оное признательность Его Величества и потомъ не выполнить обязанности своей въ теченіе цѣлой четверти вѣка, не взирая на неоднократныя Имянныя Высочайшія повелѣнія. Послѣ сего совершенно непонятнымъ покажется, какъ могло дворянство приступить къ составленію приговора о принесеніи въ даръ кадетскому корпусу суммы, по всей справедливости составляющей неоспоримую собственность университета? Уже странно даже и то, что оно присвоило себѣ право входить въ разсужденіе, имѣетъ ли нужду въ деньгахъ университетъ, котораго потребности не могутъ быть ему извѣстны. Названіе *Харьковскій,* сему университету данное, никакъ не поставляетъ его въ зависимость отъ тамошняго дворянства и потому онъ столько же мало подлежитъ разбирательству онаго, сколько петербургскій—дворянству петербургскому или московскій—московскому.

Если законы даже въ частныхъ дѣлахъ запрещаютъ дарителю входить въ распоряженіе предметовъ, имъ однажды подаренныхъ, то тѣмъ менѣе можно допустить таковое неумѣстное вмѣшательство въ дѣла, до казенныхъ заведеній касающіяся. Въ Россіи не одно слободско-украинское дворянство отличилось и отличается пожертвованіями на пользу общую. Не трудно представить примѣры

тельно, чтобы недоимочная сумма взнесена была въ университетъ непремѣнно къ 1-му октября текущаго 1826 г.“. Еще въ 1825 г., по предложенію министра внутреннихъ дѣлъ, комитетъ министровъ рѣшилъ, по случаю жестокой зимы, постигшей въ 1824 г. Новороссійскій край, разсрочить тамошнему дворянству недоимку на 6 лѣтъ, начиная съ 1826 г. (т. е. до 1833 г.). Указъ 1826 г. возымѣлъ свое дѣйствіе. Наибольшею задолженностью отличался сумской уѣздъ и въ особенности его крупные помѣщики: такъ, напримѣръ, въ апрѣлѣ 1826 г. здѣсь были должны: тайн. сов. кн. Голицынъ 8165 р., Ив. Кондратьевъ 1401 р., тайн. сов. Анна Комбурлѣева 4414 р., Г. Кондратьевъ 1415 р., полк. Кондратьева 1169 р., ген. провіантмейстеръ Мих. Кондратьевъ 1665 р., Ал. Савичъ 1119 р., А. Хрущова 1116 р.; за ними числилось всего 10887 р., т. е. 67% всей недоимки; а къ ноябрю 1826 г. осталось только 1415 р. Къ 1-му января 1827 г. считалось—за харьковскимъ дворянствомъ 11412 р., екатеринославскимъ 11656 р., херсонскимъ 21750 р., за городами и купечествомъ 43039 р. (больше всего за Ахтыркой—8000 р., Валками—11000 р. и Богодуховомъ—9000 р.).

Если для кого уплата была дѣйствительно очень обременительна, то именно для такихъ маленькихъ городовъ, какъ Ахтырка, Богодуховъ и Валки. Они первоначально наложили на себя непосильное обязательство: въ то время какъ всѣ другіе ограничили себя уплатою *опре-*

несравненно значительнѣйшихъ общеполезныхъ пожертвованій, которыя предъ харьковскимъ имѣютъ еще и то преимущество, что онѣ выполнены. И однакожъ доселѣ никогда и никому не приходило на мысль, представивъ однажды Государю Императору пожертвованіе, располагать онымъ въ послѣдствіи какъ своею собственностью. Допустивъ, что нынѣшнее слободско-украинское дворянство имѣетъ право распоряжаться суммою, въ 1802 г. на Имп. Харьк. университетъ пожертвованною и въ силу Имянныхъ Высочайшихъ повелѣній на сей предметъ взыскиваемою, надлежитъ также допустить, что, напримѣръ, и наслѣдники д. стат. сов. Демидова, пожертвовавшаго столь значительныя суммы и имѣнія Московскому университету, могутъ входить теперь въ распоряженіе оными. Такое предположеніе разрушило бы большую часть отечественныхъ заведеній нашихъ и можно ли было бы тогда отвѣчать даже и за то, чтобы слободско-украинское дворянство въ послѣдствіи времени не сочло нужнымъ сдѣлать иное употребленіе и изъ той суммы, какую нынѣ предназначило оно взносить въ пользу харьковскаго кадетскаго корпуса?

Показавъ такимъ образомъ совершенную несообразность предположенія слободско-украинскаго дворянства съ существующимъ порядкомъ дѣлъ въ благоустроенномъ государствѣ, я долгомъ почитаю въ заключеніе сего замѣтить, что Харьковскій университетъ столь далекъ отъ предполагаемаго вышеупомянутымъ дворянствомъ совершенства, что не только не можетъ безъ явнаго для себя вреда лишиться 80 т. руб., въ долгу на ономъ дворянствѣ считающихся, но безъ Монаршихъ щедротъ уже не можетъ быть приведенъ въ окончательное устройство.

дѣленнаго взноса до извѣстнаго момента, эти послѣдніе согласились давать по 1000 р. ежегодно *безсрочно;* ясное дѣло, что при такихъ условіяхъ они должны были входить все въ большіе и большіе долги. И вотъ валковская, ахтырская и богодуховская думы объясняютъ губернатору, что дѣлать своихъ взносовъ онѣ не въ состояніи, потому что не только никакихъ остатковъ отъ винной суммы у нихъ не имѣется, но ея даже не стаетъ на текущіе расходы. Губернаторъ рѣшилъ было употребить суровыя мѣры—предписалъ этимъ городамъ или сдѣлать новыя раскладки, или же прибѣгнуть къ займу въ приказѣ общественнаго призрѣнія; но они, очевидно, ходатайствовали о сложеніи недоимокъ и въ 1828 г. состоялся Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія: 1) „недоимку по г. Харькову, яко безнадежную къ удовлетворенію за прошедшее время, сложить, а на будущее время по опредѣленіи и уравненіи доходовъ и расходовъ сего города назначить нѣкоторую сумму изъ доходовъ сего города въ пособіе университету; 2) что касается до гг. Валокъ, Богодухова и Ахтырки, то не требовать отъ оныхъ ни недоимки, ни взноса какой либо части въ пользу университета, пока доходы сихъ городовъ увеличатся и вмѣстѣ съ расходами получатъ правильное образованіе“. Этимъ Высочайшимъ указомъ снимался долгъ съ г. Харькова въ размѣрѣ 4 т. сер. и половина откупной суммы за 17 лѣтъ неизвѣстнаго размѣра, съ Валокъ 11 т., съ Богодухова 9 т., съ Ахтырки 18 т.

О прощеніи недоимки дворянству мы свѣдѣній не имѣемъ: судя по тому, что за харьковскими дворянами числился ничтожный долгъ (нѣсколько болѣе 10 т.) и что екатеринославскому и херсонскому ихъ сумма была разсрочена на 6 лѣтъ, можно предполагать, что тѣ и другіе, хотя и поздно, но исполнили свои обязательства передъ Харьковскимъ университетомъ.

Такимъ образомъ, мы прослѣдили судьбу пожертвованій и можемъ сказать то, что не было извѣстно прежнимъ историкамъ Харьковскаго университета—въ *какой мѣрѣ жертвователи выполнили свои обязательства передъ Харьковскимъ университетомъ.* Харьковское дворянство ассигновало 400 т. руб.—внесло почти столько же (во всякомъ случаѣ не менѣе 390 т.); екатеринославское опредѣлило 108260 р. съ коп.—внесло, нужно думать, почти всю сумму (во всякомъ случаѣ отнюдь не менѣе 80 т.); херсонское—40500 р.—внесло, вѣроятно, почти всѣ деньги (но никакъ не менѣе 20 т.); купечество и города, по приблизительному расчету, должны были дать 90—100 т. р. (въ томъ числѣ г. Харьковъ 50—70 т. р., а остальные города около 40 т.), а дали болѣе 44 т. рублей; частныя лица дали обязательствъ на 9650 р.;—и вся эта сумма

отъ нихъ была получена сполна. И такъ, Харьковскій университетъ *собралъ* отъ 540 до 600 т. рублей, т. е. почти всѣ денежныя обѣщанія были выполнены жертвователями. На собранныя деньги предполагалось построить новыя зданія для Харьковскаго университета и къ вопросу о проэктахъ постройки ихъ мы еще вернемся въ дальнѣйшемъ изложеніи; теперь же оглянемся назадъ и подведемъ итоги тому, что сдѣлалъ для учрежденія въ Харьковѣ университета каждый изъ тѣхъ дѣятелей, о которыхъ намъ приходилось говорить выше.

Подробно и документально разсказанная нами исторія основанія Харьковскаго университета должна, надѣемся, окончательно убѣдить всякаго, что истиннымъ виновникомъ его учрежденія былъ В. Н. Каразинъ. Ему принадлежитъ первая мысль объ университетѣ; онъ же склонилъ къ этой мысли и мѣстное дворянство, которое положило было устроить въ Харьковѣ кадетскій корпусъ и для этой цѣли сдѣлало уже довольно крупный взносъ. Еще важнѣе было пожертвованіе со стороны харьковскаго дворянства 400 т. на университетъ; а это пожертвованіе было вызвано „предначертаніемъ“ В. Н. Каразина и въ особенности его пылкою, горячею рѣчью въ дворянскомъ собраніи. Когда г. Харьковъ украсится памятникомъ Каразина (а это должно случиться скоро: денегъ собрано уже довольно много), то желательно, что бы имъ запечатлѣнъ былъ именно этотъ „историческій“ моментъ— В. Н. Каразинъ, стоя въ энергической позѣ, съ протянутой правой рукой, говоритъ свою знаменательную рѣчь, которая рѣшила судьбу дѣла, судьбу просвѣщенія въ „полуденной“ Россіи. Да и другія пожертвованія (купечества и гражданъ, екатеринославскаго дворянства, Хорвата) получены были благодаря энергіи и вліянію В. Н. Каразина; мало того: едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что если бы онъ оставался у дѣлъ, то количество пожертвованій было бы еще болѣе значительно. У него былъ особый *талантъ* привлекать къ общественному дѣлу людей и средства. Огромное значеніе имѣлъ его горячій темпераментъ, кипучая, неутомимая энергія, глубокая, какая то восторженная, не знающая разъѣдающаго скептицизма, вѣра въ свое начинаніе. Онъ, можно сказать, заражалъ этой вѣрой, этимъ энтузіазмомъ болѣе холодныхъ, болѣе инертныхъ или недовѣрчивыхъ; его повышенное настроеніе не могло не передаваться другимъ: оно дѣйствовало возбуждающимъ и ободряющимъ образомъ. И онъ, этотъ теоретикъ, только воображавшій себя глубокимъ практикомъ, увлекаясь извѣстной идеей и страстно желая провести ее въ жизнь, подобно опытнымъ практикамъ умѣлъ находить себѣ адептовъ въ самыхъ разнообразныхъ кругахъ общества. Эти адепты, эти помощники, эти сотрудники могли

оказаться (и дѣйствительно оказывались) практичнѣе его, могли подчасъ лучше его выполнить извѣстныя частности, но это нисколько не уменьшаетъ заслугъ инициатора и руководителя предпріятія. А такимъ именно инициаторомъ и руководителемъ въ дѣлѣ основанія Харьковскаго университета былъ В. Н. Каразинъ. Онъ зналъ, какъ дѣйствовать на разныхъ лицъ, чтобы заставить ихъ сдѣлать что нибудь для университета и пользовался для этого такими слабостями ихъ, какъ самолюбіе и честолюбіе, которыя, какъ извѣстно, въ общественной дѣятельности играютъ очень важную роль; съ другой стороны, входя самъ въ составъ наиболѣе передового и просвѣщеннаго литературнаго кружка А. Палицына, онъ съумѣлъ найти себѣ безкорыстныхъ помощниковъ въ средѣ харьковскаго дворянства, съумѣлъ привлечь къ университетскому дѣлу и губернскаго предводителя Донца-Захаржевскаго, который впослѣдствіи долженъ былъ претерпѣть такъ много непріятностей и огорченій при сборѣ пожертвованій, и губернатора Ивана Ивановича Бахтина, имя котораго съ признательностью должно быть упомянуто, какъ просвѣщеннаго покровителя Харьковскаго университета. Весьма полезны были также для университетскаго дѣла въ городской средѣ пріятель Василія Назарьевича городской голова Е. Е. Урюпинъ и въ духовной—священникъ о. Вас. Фотіевъ. Однимъ словомъ, ему удалось привлечь на свою сторону наиболѣе выдающихся и популярныхъ дѣятелей во всѣхъ сословіяхъ. На многихъ, конечно, дѣйствовали не столько его личныя свойства (умъ, знанія, энергія), сколько его видное положеніе въ Петербургѣ, какъ довѣренной особы Императора Александра, и онъ весьма умѣло пользовался этимъ положеніемъ чтобы сдѣлать все возможное въ интересахъ своего любимаго дѣтища, Харьковскаго университета; въ особенности какъ нельзя болѣе кстати оказалось его общественное положеніе, когда дѣло перешло въ Петербургъ съ его многочисленными канцеляріями и формальною перепиской. Тамъ, въ Петербургѣ, В. Н. Каразинъ своими постоянными настойчивыми представленіями добился, наконецъ, того, что дѣло Харьковскаго университета благополучно прошло черезъ всѣ эти оффиціальныя мытарства, хотя при этомъ онъ дѣйствовалъ такъ прямо, настойчиво и часто рѣзко, что вооружилъ противъ себя почти всѣхъ, власть имѣвшихъ, и такъ какъ при этомъ онъ раньше еще потерялъ личное расположеніе Государя, то его дѣятельность на пользу университета и должна была прекратиться для него весьма печально. Но, работая на пользу университета въ оффиціальныхъ сферахъ, В. Н. Каразинъ, какъ мы видѣли, не мало потрудился и для *самаго устроенія университета*—ѣздилъ въ Харьковъ, былъ одно время тамъ единственнымъ распорядителемъ дѣла, вникалъ

во всѣ мелочи, распоряжался всѣми суммами, то же дѣлалъ и въ Петербургѣ (покупалъ и отправлялъ книги, типографскія принадлежности, эстампы, договаривалъ ремесленниковъ). Тутъ В. Н. Каразинъ проявилъ также не мало заботливости и энергіи; но такъ какъ онъ не отличался практичностью, то естественно, что въ этомъ отношеніи онъ уступалъ такимъ дѣятелямъ, какъ Тимковскій, Рижскій; здѣсь онъ сдѣлалъ, м. б., и нѣкоторые промахи, хотя, какъ мы видѣли, его отнюдь нельзя обвинять за дѣло объ эстампахъ и художникахъ въ такой мѣрѣ, какъ это дѣлаетъ Н. А. Лавровскій; Василій Назарьевичъ преувеличилъ размѣры тогдашнихъ потребностей, не взвѣсилъ ихъ со средствами, но дѣйствовалъ все таки въ интересахъ дѣла, какъ они представлялись ему въ то время, т. е. поступалъ такъ, какъ честный общественный дѣятель. Указывали на запутанность его счетовъ, но мы привели выше объясненіе самаго В. Н. Каразина по этому поводу—и его нельзя не признать совершенно основательнымъ; не забудемъ при этомъ, что онъ истратилъ массу своихъ собственныхъ денегъ на университетъ, нерѣдко прибѣгая для этого даже къ займамъ, которые привели въ концѣ концовъ въ полное разстройство его личное состояніе. И въ то время когда многіе очень богатые люди уклонялись отъ взносовъ въ пользу университета, В. Н. Каразинъ еще въ маѣ 1804 г. внесъ впередъ всю ту сумму (1000 р.), которая причиталась съ его имѣнія и деревни его роднаго брата.

Конечно, ему было тяжело невольное отчужденіе отъ Харьковскаго университета, который онъ справедливо считалъ своимъ дѣтищемъ, и это тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ живую потребность въ общеніи съ ученою университетскою средою (извѣстны его доклады обществу испытателей природы при *московскомъ* университетѣ). Въ первые годы существованія университета отношенія Каразина къ профессорской коллегіи Харьковскаго университета были повидимому натянутыя; но впослѣдствіи университетъ двукратно проявилъ—и при томъ весьма осязательно—свое глубокое уваженіе и благодарныя чувства къ истинному виновнику своего бытія: я имѣю въ виду выборъ Василія Назарьевича въ почетные члены университета и денежный подарокъ ему отъ профессоровъ. Выборъ въ почетные члены состоялся въ 1811 г. и сопровождался слѣдующей замѣчательной мотивировкой: „ad hunc virum eligendum Senatus (т.-е. Совѣтъ), praeter eximias cognitiones, quibus excellit, etiam quodam grati animi sensu impulsus est, *quia ejus singulari industriae et labori inacceptis referendum est*, *quod universitas Charcoviae sit constituta*“. Въ 1833 г. въ виду страшно стѣснительнаго матеріальнаго положенія В. Н. Каразина профессора собрали между собой и внесли

за него 1280 р. долга „движимые сердечною благодарностью и уваженіемъ къ г. Каразину, какъ первому единственному виновнику основанія здѣсь университета“...; то же сдѣлало (и съ такою же мотивировкою) городское общество. „Рѣдкіе и отрадные факты признанія заслугъ общественнаго дѣятеля, тѣмъ болѣе отрадные, что относились къ человѣку, почти уже 30 лѣтъ тому назадъ сошедшему съ широкой арены, забытому сановными друзьями и попавшему, благодаря неумѣнью устраивать свои личныя дѣла, въ критическое положеніе“ [1]).

На второмъ мѣстѣ вслѣдъ за В. Н. Каразинымъ мы ставимъ проф. И. Ѳ. Тимковскаго. Это былъ чрезвычайно полезный практическій дѣятель по части устроенія университета, заботливый, свѣдущій, добросовѣстный хозяинъ, вникавшій во всѣ мелочи, спокойно, ровно, безъ скачковъ дѣлавшій свое нелегкое дѣло. Онъ, какъ мы видѣли, замѣнилъ В. Н. Каразина въ Харьковѣ и до открытія дѣйствій Комитета единолично принималъ всѣ подготовительныя мѣры къ скорѣйшему открытію университета. Авторъ спеціальный монографіи о Тимковскомъ г. Шугуровъ нѣсколько преувеличилъ его роль въ дѣлѣ первоначальнаго устройства Харьковскаго университета и мы должны были для возстановленія исторической перспективы сдѣлать нѣкоторыя ограниченія. Н. А. Лавровскій слишкомъ много приписалъ Каразину, г. Шугуровъ—Тимковскому, а истина лежитъ по серединѣ. По характеру своему Тимковскій представляетъ полную противоположность Каразину. В. Н. Каразинъ, какъ мы видѣли, былъ человѣкъ больше творческой мысли, чѣмъ практическаго дѣла. Онъ могъ подвинуть другихъ преодолѣть косность, онъ и самъ двигалъ общее теченіе предпріятія, но на маленькія дѣла его не ставало: у него не было дѣловитости, такта, выдержки; а все это мы находимъ у Тимковскаго, который прекрасно понималъ свойства характера Каразина и старался сдерживать его порывы, какъ это можно было видѣть въ приведенномъ нами письмѣ его къ Каразину. Не дѣлаемъ здѣсь оцѣнки Тимковскаго, какъ педагога, какъ визитатора училищъ: тутъ онъ по справедливости долженъ занять первое мѣсто среди всѣхъ остальныхъ дѣятелей. (Этой стороны его дѣятельности мы коснемся впослѣдствіи).

Попечитель харьковскаго учебнаго округа графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій въ дѣлѣ основанія и первоначальнаго устройства Харьковскаго университета сдѣлалъ меньше другихъ по той причинѣ, что почти все это время проживалъ за границей, и округомъ управлялъ отъ его имени петербургскій попечитель Николай Николаевичъ Новосильцевъ.

---

[1]) См. мою рѣчь „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“, стр. 12—13.

Но и проживая за границей, Потоцкій, какъ мы видѣли, заботился о ввѣренномъ ему университетѣ.

Особенное вниманіе онъ обратилъ на приглашеніе преподавателей въ Харьковскій университетъ; почти всѣ они, какъ мы видѣли, были приглашены лично имъ; и его выборъ въ общемъ нельзя не признать весьма удачнымъ; такія лица, какъ Рижскій, Осиповскій, Тимковскій, Стойковичъ, Шадъ, Гизе, Рейтъ, были настоящимъ пріобрѣтеніемъ для Харьковскаго университета, да и другіе оказались впослѣдствіи полезными дѣятелями (напримѣръ, Делявинь и др.). Не мало заботился С. О. Потоцкій также и о заведеніи учебно-вспомогательныхъ учрежденій въ университетѣ—ботаническаго сада, нумизматическаго кабинета, куда онъ самъ внесъ цѣнное пожертвованіе. Наконецъ, б. м., исключительно личному авторитету и такту Потоцкаго, университетъ обязанъ тѣмъ земельнымъ участкомъ, который былъ подаренъ ему харьковскими войсковыми обывателями и составляетъ въ настоящее время его основной земельный фондъ. Потоцкій расчитывалъ на этомъ мѣстѣ строить новыя зданія для университета—и его выборъ нельзя не признать чрезвычайно удачнымъ. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что назначеніе на постъ попечителя такого сановнаго, родовитаго вельможи, съ независимыми средствами и убѣжденіями, какъ Потоцкій, имѣло огромное значеніе для вновь учреждаемаго университета—оно возвышало его въ глазахъ начальства и всего мѣстнаго общества. Потоцкій, какъ мы видѣли, относился съ полнымъ довѣріемъ къ В. Н. Каразину и только въ самое послѣднее время, видя злополучный исходъ дѣла о художникахъ, отступился отъ него, чтобы не дѣлать непріятности министру; тутъ оказалось у него больше служебнаго расчета, чѣмъ можно было ожидать по его обычному образу дѣйствій.

Н. Н. Новосильцевъ добросовѣстно выполнялъ свою добавочную должность попечителя харьковскаго округа, на сколько ему позволяли это его сложныя петербургскія обязанности. Само собою разумѣется, что онъ не могъ лично побывать ни разу въ Харьковѣ и поэтому долженъ былъ пользоваться исключительно свѣдѣніями, сообщаемыми ему мѣстными дѣятелями; отъ этого, естественно, происходила нѣкоторая медленность въ теченіи дѣлъ, тѣмъ болѣе что онъ смотрѣлъ на себя, какъ на временнаго замѣстителя Потоцкаго, и потому не могъ быть особенно рѣшителенъ въ своемъ образѣ дѣйствій. Къ В. Н. Каразину онъ первоначально относился очень хорошо, но въ концѣ концовъ обидѣлся на него за непослушаніе въ дѣлѣ художниковъ, пожаловался на него министру—въ результатѣ явилось устраненіе Василія Назарьевича отъ университетскихъ дѣлъ. Изъ другихъ петербургскихъ дѣятелей, министръ вну-

треннихъ дѣлъ, гр. Кочубей, относился съ полнымъ сочувствіемъ къ устройству въ Харьковѣ университета, а министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій, въ силу недружелюбныхъ своихъ отношеній къ В. Н. Каразину, не высказывалъ особеннаго сочувствія къ этому дѣлу; впрочемъ это относится только къ тому времени, когда въ главѣ дѣла стоялъ В. Н. Каразинъ, слишкомъ рѣзко выступившій противъ него въ своихъ жалобахъ государю. Въ 1804 г., когда былъ образованъ Комитетъ, приготовленія къ открытію университета пошли успѣшнѣе; и это понятно: та дѣятельность, которая лежала прежде на одномъ Тимковскомъ, теперь была распредѣлена между нѣсколькими лицами—Рижскимъ, Тимковскимъ, Осиповскимъ, Делявинемъ, при чемъ руководящую роль въ Комитетѣ по части устройства университета принялъ на себя Рижскій, Тимковскій взялъ на себя ревизію училищъ и т. д. Рижскій былъ прекрасный администраторъ, заботливо вникавшій и въ хозяйственную, и въ учебную часть дѣла, и имя его съ благодарностью должно быть упомянуто историкомъ рядомъ съ именами Каразина, Потоцкаго, Тимковскаго. Заслуживаетъ признательности и дѣятельность Осиповскаго и Делявиня, также входившихъ въ составъ Комитета и трудившихся на пользу университета еще до оффиціальнаго открытія его.

Теперь мы подошли къ самому послѣднему моменту въ нашемъ повѣствованіи—разсказу объ открытіи Харьковскаго университета.

Наконецъ, наступилъ и давно желанный день открытія Харьковскаго университета 17-е января 1805 г. [1]).

Семнадцатое января должно по справедливости считаться *историческимъ* для Харькова. Въ этотъ день, послѣ долгихъ хлопотъ, ожиданій, перипетій и приготовленій состоялось, наконецъ, открытіе университета. Мысль объ учрежденіи университета зародилась въ головѣ незабвеннаго Вас. Наз. Каразина еще въ началѣ 1802 г. Пылкій, увлекающійся Василій Назарьевичъ предполагалъ, что университетъ будетъ открытъ въ 1803 г. и тогда же, явившись въ Харьковъ, какъ

---

[1]) Настоящее описаніе открытія университета основано на слѣдующихъ первоисточникахъ:

1) неизданныхъ „Исторіи дѣлъ" и „Церемоніалѣ" (Харьковскій университетскій архивъ, дѣло канц. попечителя по архиву № 68, по картону № 5);

2) на печатномъ оффиціальномъ описаніи его открытія (С.-Петербургскія Вѣдомости 1805 г., № 13; мы пользовались ими въ библіотекѣ Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ);

3) на подлинныхъ рѣчахъ еп. Христофора Сулимы (за сообщеніе полнаго списка этого „слова" приносимъ искреннюю благодарность протоіерею о. Ник. Лащенку), попечителя Потоцкаго, проф. Рижскаго и Белленъ-де-Баллю.

мы знаемъ, велѣлъ прибить къ одному изъ университетскихъ домовъ доску съ нѣсколько преждевременной надписью: „Государственный университетъ“. Но прошелъ и 1803 и 1804 годъ; Каразинъ долженъ былъ отказаться отъ веденія университетскаго дѣла; дарованъ былъ и уставъ Харьковскому университету; опредѣлены для него штаты; назначены многіе профессора и попечитель округа; приготовлено помѣщеніе; собраны слушатели;—а *фактическое* открытіе университета все откладывалось и откладывалось; назначался одинъ срокъ—и смѣнялся другимъ: то губернаторъ (И. И. Бахтинъ) и дворянство должны были заняться рекрутскимъ наборомъ, то поджидали пріѣзда попечителя, то, наконецъ, никакъ не могли получить желанной грамоты и университетскаго устава. Первоначально рѣшено было открыть университетъ 30 августа или 15 сентября 1804 г., но на самомъ дѣлѣ открытіе совершилось только 17 января 1805 г., будучи пріурочено къ съѣзду харьковскихъ дворянъ на выборы.

Весь Харьковъ давно уже ждалъ этого своего свѣтлаго праздника. Это не было обыкновенное оффиціальное открытіе новаго учебнаго заведенія. Это былъ настоящій „праздникъ просвѣщенія“ для города, для всей Украины и даже для „полуденнаго“ края Россіи. Въ учрежденіи Харьковскаго университета принимали матеріальное и нравственное участіе всѣ слои мѣстнаго общества—дворянство, купечество, мѣщане и войсковые обыватели; примѣръ ихъ подвинулъ и сосѣднія губерніи; примѣру обществъ послѣдовали и частныя лица. Мысль о необходимости учрежденія разсадника высшаго просвѣщенія въ краѣ ясно сознавалась всѣми. Всѣ были проникнуты ею и всѣ страстно желали ея скорѣйшаго осуществленія. Таково было *настроеніе* свѣтскаго общества. Мѣстное *духовенство* съ своей стороны встрѣчало чрезвычайно дружелюбно новую высшую свѣтскую школу. Въ лицѣ двухъ наиболѣе видныхъ представителей своихъ—Харьковскаго епископа, Христофора Сулимы и ректора Харьковскаго коллегіума, протоіерея о. Андрея Прокоповича,—оно наглядно показало сочувствіе свое новому просвѣтительному учрежденію въ краѣ. И тотъ, и другой произнесли въ день открытія университета съ церковной каѳедры рѣчи, которыя мы приведемъ въ дальнѣйшемъ изложеніи; въ нихъ они привѣтствовали свѣтскую науку и просвѣщеніе, такъ что, по счастливому выраженію проф. А. С. Лебедева, „представители наукъ и любители просвѣщенія, бывшіе на этомъ торжествѣ, имѣли великое утѣшеніе видѣть, какъ духовенство привѣтствовало, благословляло и, можно сказать, даже чествовало водворявшуюся науку“. Нужно замѣтить, что преосвященный Христофоръ Сулима раньше никогда не говорилъ въ Харьковѣ пропо-

вѣдей и нарушилъ свое молчаніе только для даннаго случая—и это само по себѣ уже должно было произвести сильное впечатлѣніе на харьковцевъ; знаемъ также, что и еще одинъ мѣстный духовный дѣятель, пользовавшійся огромною популярностью въ Харьковѣ, священникъ о. В. Фотіевъ принималъ живѣйшее участіе въ первоначальномъ устроеніи университета и былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ В. Н. Каразина. Такимъ образомъ, съ полнымъ основаніемъ можно сказать, что торжество открытія Харьковскаго университета должно было отличаться характеромъ полнаго единодушія и живой, искренней радости; тутъ не было мѣста ни открытому недоброжелательству, ни скрытой зависти, ни злословію; всѣ сошлись въ одной мысли и въ одномъ чувствѣ—высокомъ призваніи новаго учрежденія и уваженіи къ его открывающейся дѣятельности.

Университетскіе дѣятели, съ своей стороны, постарались сдѣлать все, чтобы празднество вышло возможно эффектнѣе, торжественнѣе.

На Комитетъ университета была возложена обязанность—составить церемоніалъ открытія университета и сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія. Церемоніалъ составлялъ проф. И. Ѳ. Тимковскій, воспользовавшійся для своей цѣли и первоначальнымъ проэктомъ, сочиненнымъ нѣкогда при участіи В. Н. Каразина. Въ основу всѣхъ почти торжествъ была положена мысль о *просвѣщеніи*, которое Имп. Александръ I старался распространить среди своихъ подданныхъ.

Адъюнкту архитектуры Васильеву поручено было составить проэктъ перспективнаго „храмы Славы", внутри котораго представленъ былъ бы въ эмблематической прозрачной картинѣ Александръ I, какъ просвѣтитель Россіи; въ то же время на учителя живописи Матеса возложена была обязанность начертать идею этой эмблематической картины. Въ проэктѣ, составленномъ Васильевымъ, нарисованъ былъ храмъ съ портикомъ іоническаго стиля, во фризѣ котораго изображены разные эмблематическіе фигуры и инструменты, имѣющіе отношеніе къ наукамъ. Храмъ этотъ представлялся стоящимъ въ Аѳинскомъ лицеѣ, а между деревьями прохаживались славнѣйшіе греческіе философы. Въ проэктѣ же прозрачной картины, поданномъ Матесомъ, изображены были Александръ I въ марсовомъ одѣяніи, и Аполлонъ, которые подали другъ другу руку въ знакъ дружбы. Передъ ними курился ѳиміамъ; надъ ними же летѣла слава съ трубою. Вышина храма превосходила 5 саж., а весь фасадъ Лицея доходилъ до 24 саж. Но все-таки прозрачная картина выходила слишкомъ колоссальною, ибо ростъ Государя и Аполлона простирался до $3^1/_4$ саж. Разрисовку храма Комитетъ поручилъ адъюнкту Васильеву, придавъ ему въ помощь университетскаго архи-

тектора Старикова, съ 4 искусными въ рисованіи учениками главнаго народнаго училища и нѣсколькими посторонними лицами; написать же прозрачную картину взялся за 150 руб. довольно искусный мѣстный живописецъ Копыловъ.

Самое торжество должно было продолжаться, согласно рѣшенію Комитета, три дня и въ это время публика, столь усердно отозвавшаяся раньше на пожертвованія, должна была получать какое либо угощеніе и слушать музыку.

Въ виду этого университетскому преподавателю музыки поручено было сочинить приличную случаю ораторію; для угощенія же имѣющихъ собраться посѣтителей рѣшено было устроить 17-го января закуску и обѣдъ, а на другой день былъ и ужинъ. Съ дворецкимъ статскаго совѣтника Шидловскаго былъ заключенъ контрактъ, по которому онъ обязался: въ день открытія университета, по окончаніи церемоніи устроить закуску человѣкъ на 300 и обѣденный столъ на 110 персонъ, на другой день, во время ораторіи и бала, угощать публику разными конфектами, а потомъ приготовить ужинъ на 60 человѣкъ. Предприниматель взялъ на себя все—столовую и дессертную посуду, бѣлье, прислугу, напитки, и за это долженъ былъ получить 1,650 р. На все же торжество была ассигнована сумма до 4,000 р.

Таковы были *приготовленія* къ открытію университета. Самое открытіе состоялось сообразно съ этими приготовленіями и церемоніаломъ.

Когда Всемилостивѣйше пожалованная Государемъ Императоромъ грамота и Высочайше конфирмованный уставъ доставлены были университету, то вскорѣ за тѣмъ попечитель харьковскаго округа графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, прибывъ изъ С.-Петербурга въ Харьковъ, назначилъ открытіе университета на 17 января. Кромѣ предварительнаго извѣщенія отъ университета, за день до торжества, двумя церемоніймейстерами, избранными изъ адъюнктовъ, оповѣщены были объ этомъ всѣ знатнѣйшія особы, живущія въ городѣ и пріѣзжія, а чиновникъ отъ городской полиціи обнародовалъ объ этомъ объявленіе въ разныхъ частяхъ города.

17 числа по утру слободско-украинскій гражданскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, губернскіе чиновники, дворянство губерніи, харьковскіе граждане собрались въ университетскій домъ, гдѣ находились уже чины университета, молодые люди, назначенные въ студенты, и директоръ съ учителями и учениками слободско-украинскаго главнаго училища и гдѣ въ залѣ передъ портретомъ Его Императорскаго Величества лежала Высочайшая грамота. По прочтеніи нѣкоторыхъ пунктовъ изъ предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, начато цере-

моніальнымъ порядкомъ шествіе въ соборную церковь при колокольномъ звонѣ. Два протоіерея встрѣтили процессію при входѣ въ ограду и почтили кажденіемъ Высочайшую грамоту, несомую при двухъ ассистентахъ однимъ изъ профессоровъ, изъ рукъ котораго на порогѣ церкви принялъ ее преосвященный епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій Христофоръ Сулима и положилъ на приготовленный для того въ церкви столъ. Затѣмъ онъ совершилъ божественную литургію и сказалъ рѣчь о просвѣщеніи, которую мы здѣсь приводимъ цѣликомъ.

„Къ умноженію блаженства и славы благоденствующей страны сей, ревностными исполнителями Высочайшей воли великаго нашего Монарха, устроется въ градѣ семъ новый храмъ—храмъ Богомъ избранный и Монархомъ утвержденный, гдѣ благословенныя сѣмена ученія въ юныхъ сердцахъ обѣщаютъ личные плоды просвѣщенія, мудрости, добродѣтели.

Благословенно начинаніе! Счастливыя времена, увѣнчанныя славою золотыхъ вѣковъ! Нѣтъ важнѣе и основательнѣе истины той, что науки, сей священный даръ небесъ, человѣку во всѣхъ состояніяхъ полезны и необходимо нужны. Опытъ временъ явственно доказываетъ, что счастье, тишина, изобиліе и повсемѣстная безопасность образуютъ величественную славу тамъ, гдѣ живый примѣръ добродѣтели, гдѣ свѣтъ мудрости, гдѣ сила просвѣщенія ощутительны сердцамъ народовъ.

Таковый блаженный жребій предначерталъ для Россіи Петръ Великій; о семъ съ неутомимою дѣятельностью трудилась безсмертная Екатерина; но се уже премудрый Александръ возлагаетъ на главу вѣрно подданныхъ своихъ вѣнецъ просвѣщенія. Онъ благотворящею рукою повсемѣстно насаждаетъ сѣмена полезныхъ наукъ; во всякомъ мѣстѣ и во всякомъ родѣ состоянія, гдѣ только языкъ отрока разверзается, учреждаетъ онъ святилища ученія, дабы и первые разговоры юныхъ изображали долгъ ихъ любить Бога, дѣлать всѣмъ добро, дабы младыя сердца употребить въ пользу, дабы мягкость ихъ состава, живость памяти, легкость понятія благовременнѣ обратить къ тѣмъ священнѣйшимъ обязанностямъ, для коихъ они воспріяли свою жизнь.

Споспѣшники великимъ намѣреніямъ попечительнѣйшаго Монарха, содѣйствуя толь святымъ, въ разсужденіи юношества, предпріятіямъ, обращаютъ все свое вниманіе, посвящаютъ все свое усердіе для счастья юныхъ сердецъ, проистекающаго отъ превосходнѣйшихъ выгодъ просвѣщенія. Сей важный подвигъ сколько вмѣщаетъ въ себѣ благоразумія, благородства и человѣколюбія, столько заслуживаетъ благодарности прославленія памяти потомковъ.

Священное начинаніе дѣла сего, небесами благословляемаго, умножая общую радость и удовольствіе счастливыхъ обитателей града сего

и всей ввѣренной мнѣ паствы, подаетъ мнѣ нынѣ пріятнѣйшее занятіе предложить о пользѣ просвѣщенія. Воспитывать дѣтей есть то, чтобы разумъ ихъ, сердце, природные ихъ таланты, наклонности приводить въ такое совершенство, изъ котораго бы проистекало ихъ самихъ и другихъ благополучіе и не сумнѣнная произростала надежда къ важнѣйшимъ предметамъ ихъ существованія. Главное правило при воспитаніи дѣтей состоитъ въ томъ, чтобы благовременнѣе въ юныя ихъ сердца вселять познаніе Бога, познаніе самихъ себя, свѣта, общества, закона, съ такимъ живымъ впечатлѣніемъ, дабы они съ первымъ понятіемъ возлюбили всѣ должности и обязанности человѣка; дабы первые порывы ихъ юности выражали благородство духа, дабы самыя ихъ страсти имѣли направленіе свое къ добродѣтели, дабы, по словамъ Священнаго писанія (Притч., гл. 4, ст. 7), начало ихъ премудрости было стяжати премудрости. А изъ сего слѣдуетъ, что, къ пріобрѣтенію сихъ преимущественныхъ качествъ, воспитаніе дѣтей должно основано быть на истинномъ просвѣщеніи, которое есть торжество полезныхъ и нужныхъ въ свѣтѣ наукъ и знаній.

Всякое одушевленное существо внемлетъ гласу природы; человѣкъ слѣдуетъ свѣту души. Какое же должно быть его на земли упражненіе? Всеконечно снисканіе просвѣщенія, мудрости съ самаго младенчества. Разумъ и воля суть верховныя преимущества человѣка. Богъ тѣмъ отличилъ его отъ прочихъ тварей, что одарилъ его разумною душею, а сію познаніемъ, хотѣніемъ. Сіи дѣйствія имѣютъ способность избирать, сравнивать, предпочитать. И сей то естественный въ разумъ намъ перстомъ Божіимъ начертанный путь по истинѣ есть просвѣщеніе. Оно умножаетъ и возвышаетъ способности наши относиться къ важнымъ предметамъ нашихъ въ сей жизни великихъ обязанностей. (Притч., гл. 3, ст. 13 и 15) Подлинно блаженъ человѣкъ, иже обрѣте премудрость, и смертный, иже увѣдѣ разумъ. Все бо честное въ мірѣ семъ недостойно ея есть. Такъ похваляетъ оную самое Божественное писаніе. Что приличнѣе и нужнѣе человѣку, какъ познать себя, начало, конецъ, достоинство, съ которымъ онъ сотворенъ? Просвѣщеніе ведетъ къ истинному познанію Бога и Его творенія—видимой природы, и научаетъ его разумно служить и угождати Ему, какъ верховному началу. Просвѣщеніе, руководствуя его симъ истиннымъ понятіямъ, явственно предлагаетъ ему прямую цѣль бытія его и такъ располагаетъ его сердце, что онъ свободно находитъ средства, ведущія его къ истинному благополучію. А по сему онъ соотвѣтственно такому познанію производитъ дѣла достойныя человѣка; не восхищается тѣмъ, что обогащаетъ его тѣло, но тѣмъ плѣняется, что украшаетъ душу; полагаетъ удовольствіе

свое въ томъ, что одобряетъ здравый разумъ, что свойственно его возвышенной природѣ, въ счастьи не превозносится, въ несчастiи благодушествуетъ, въ умѣренномъ состоянiи доволенъ безъ зависти.

Что превосходнѣе и достойнѣе человѣка, какъ снискать познанiе о существѣ Божiемъ? Просвѣщенiе обогащаетъ разумъ смертнаго симъ священнѣйшимъ понятiемъ, представляетъ ему въ высочайшихъ совершенствахъ сiе верховное существо, и человѣкъ, разумно видя своего Творца, коль съ живою вѣрою, колико съ благоговѣйнымъ служенiемъ, коль съ глубочайшимъ закону покоренiемъ предъ величествомъ Его преклоняетъ колѣна, припадаетъ, благоговѣетъ, когда напротивъ того невѣжда и въ разсужденiяхъ о Божiихъ совершенствахъ заблуждаетъ и въ благочестiи суевѣрствуетъ и въ моленiяхъ слѣпотствуетъ.

Что любезнѣе и славнѣе, какъ быть полезнымъ членомъ общества? Просвѣщенiе, внѣдряя въ разумѣ человѣческомъ истинное понятiе о званiи, обязываетъ сердце его избранiе свое хранить и исполнять свято, справедливо, изъ единой сострадательности къ человѣчеству, изъ единой любви къ добродѣтели. (Притч., гл. 3, ст. 16) И поелику отъ устъ премудрость исходитъ, правда, законъ же и милость она на языкѣ носитъ, для этого просвѣщенный судiя, имѣя въ душѣ своей зерцало Божественнаго суда, правды и милости, бодрствуетъ непрестанно, дабы оправдать невинность, защитить добродѣтель, осудить порокъ, спасти убогаго отъ неправедной руки сильнаго. Когда напротивъ невѣжда и званiе, и святость оного опорочиваетъ, употребляя во зло свое назначенiе и, влекомъ наглостiю страстей, производитъ дѣла совѣсти и благоразсужденiю противныя. (Притч., гл. 6, ст. 1) „Мужъ бо безуменъ и законопреступный ходитъ въ пути не благи, и развращенное сердце его куетъ злая. Сего ради таковый по всякое время и мятежи составляетъ граду и себѣ сокровиществуетъ въ погибель“, говоритъ премудрый Соломонъ.

Просвѣщенiе впечатлѣваетъ въ воинѣ благоразумное мужество вооружать храбрыя мышцы свои къ защищенiю предѣловъ своего отечества и къ наказанiю подлой непрiятельской гордости и дерзкаго стремленiя. Оно наполняетъ сердце его патрiотическою ревностью жертвовать самою жизнью своею спокойствiю и безопасности государства. Просвѣщенiе, составляя сословiе честныхъ гражданъ, вселяетъ въ нихъ охоту ко всѣмъ полезнымъ трудамъ. А по сему купецъ, будучи водимъ свѣтомъ просвѣщенiя, счастливо производитъ свою коммерцiю и сличаетъ благоразумно пользы и надобности различныя разныхъ государствъ, выводя изъ сего благопристойные способы умножить посредствомъ промысла своего и общее изобилiе, и собственные прибытки.

Просвѣщенный человѣкъ ясно видитъ, что общій рода человѣческаго союзъ и причина бытія ихъ связуютъ всѣхъ взаимнымъ вспомоществованіемъ и тою законно-истинною любовью, которая укрѣпляетъ цѣлость государства и собственныя каждаго преимущества; а по сему онъ совѣстію печатлѣетъ повиновеніе свое и вѣрность государю, почтеніе къ законамъ, сыновное послушаніе власти. Слѣдовательно, отъ просвѣщенія въ обществѣ проистекаетъ миръ, тишина, спокойствіе, изобиліе и всякое благополучіе. Такое воспитаніе дѣтей есть верховнѣйшая ихъ польза во всѣхъ отношеніяхъ жизни, а для самихъ родителей важнѣйшая цѣль естественной ихъ къ дѣтямъ любви и отеческой обязанности; кто жъ убо изъ родителей не предусматриваетъ уже теперь тѣхъ величественныхъ видовъ душевнаго своего чувствованія, что благословенныя отрасли его, образовавъ умы свои и сердца истиннымъ просвѣщеніемъ, принесутъ памяти ихъ образомъ добродѣтельной своей жизни достойную жертву, безсмертную честь и славу, которая возвеличится устами признательныхъ потомковъ?

Разсужденія сіи о просвѣщеніи единственно клонятся къ тому, дабы вы, благословенное собраніе, радостнымъ сердцемъ и устами принесши въ жертву благодарности Богу моленія о многолѣтнемъ и благоденственномъ царствованіи Его Императорскаго Величества, достодолжно ублажили жребій наукъ Всеавгустѣйшаго Монарха нашего попеченіями въ отечествѣ нашемъ распространяемыхъ и лучами мудрости Его возвеличенныхъ. Симъ Высочайшимъ Его благоволеніемъ украшаемый и ты, граде благословенный, прійди нынѣ въ чувствіе живѣйшее, созерцай свѣтъ просвѣщенія, озаряющій нѣдро твоего сердца, ощути сладчайшее удовольствіе мудрости, приближающейся къ тебѣ и готовой уже излить среди тебя токи златого ученья, благословляй съ радостью твою счастливую надежду, что изъ сего священнаго источника изыдетъ желаннѣйшее благо, родъ человѣческій украшающее.

Боже великій, источниче премудрости и разума! ниспосли благоспоспѣшествующую благодать Твою на дѣло ученія, за Твоимъ всесвятымъ благословеніемъ въ градѣ семъ начинаемое; даждь, молимъ Тя, чтобы юные питомцы онаго при свѣтильникѣ истиннаго просвѣщенія, познавали праведные пути благочестія и добродѣтели къ прославленію великаго имени Твоего“.

По окончаніи литургіи прочтена Высочайшая грамота и послѣдовало благодарственное молебствіе съ многолѣтіемъ, причемъ процессія при колокольномъ звонѣ во всѣхъ церквахъ отправилась въ университетскій домъ прежнимъ порядкомъ, за исключеніемъ того, что Высочайшая грамота въ крестномъ ходѣ несена была среди духовенства, за кото-

рымъ слѣдовали г. попечитель, губернаторъ, губернскіе чины, дворянство и проч.

Въ залѣ, назначенномъ для публичныхъ собраній, Высочайшая грамота преосвященнымъ была принята и положена предъ портретомъ Его Императорскаго Величества, на столъ, на которомъ лежалъ уже уставъ. При водоосвященіи сказана протоіереемъ соборной церкви, ректоромъ Харьковскаго коллегіума Андреемъ Прокоповичемъ рѣчь, которая начиналась такъ:

„Почтенное собраніе! Насталъ свѣтлый день желаннаго благополучія счастливыя Украйны. Возженныя премудрыми монархами зари просвѣщенія во градѣ семъ возблистаютъ отнынѣ во всемъ своемъ величіи. Благотворительнѣйшій Монархъ августѣйшій Александръ рекъ и сему городу владычествія своего: да будетъ свѣтъ! и бысть. Симъ всесильнымъ глаголомъ его изведены уже достойные дѣятели на жатву свою: преносятся плодовитыя маслины изъ разсадниковъ училищъ въ сей новоучрежденный вертоградъ просвѣщенія; да умноживъ они здѣсь свои познанія, довольны будутъ и иныхъ научати, да принесутъ отечеству въ свое время плоды на 30, на 60 и на 100. Сіе учрежденіе, на началахъ премудрости для блага общаго устрояемое, не можетъ не поражать васъ, почтенное собраніе! Отселѣ во святилищѣ семъ проліется свѣтъ полезныхъ наукъ и знаній, могущихъ умудрити всякаго въ незнаніи и исполненіи своихъ обязанностей, относящихся къ Богу, государю, отечеству, ближнимъ и самимъ себѣ. Двери храма сего будутъ всегда отверзты и юноши притекутъ сюда невозбранно и просвѣтятъ разумъ свой и исправятъ сердце. А при сихъ качествахъ, что будетъ таковый юноша? Онъ будетъ благодѣтельный начальникъ, безпристрастный судья, благоразумный воинъ, добросовѣстный купецъ, трудолюбивый ремесленникъ и земледѣлецъ; словомъ, онъ будетъ вѣрный престолу подданый, честный гражданинъ, мудрый домостроитель и полезный отечества сынъ.

Блаженна страна сія! Блаженъ градъ сей!"

Затѣмъ освящены были университетскіе дома и пропѣтъ былъ концертъ.

По окончаніи этой духовной церемоніи попечитель говорилъ рѣчь на латинскомъ языкѣ „О новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и ихъ пользѣ"; одинъ изъ профессоровъ прочиталъ наиболѣе интересныя для публики выдержки изъ университетскаго устава, а два профессора произнесли рѣчи—одинъ—ректоръ Рижскій—на русскомъ языкѣ „Объ изящныхъ наукахъ", а другой—проф. Балленъ де-Баллю—на французскомъ языкѣ „О необходимости наукъ для всѣхъ государственныхъ званій, а въ особенности военнаго".

Попечитель, графъ Потоцкій, проводилъ взглядъ, господствовавшій тогда въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, что народное просвѣщеніе является, быть можетъ, самою важною изъ государственныхъ заботъ, ибо оно одно съ теченіемъ времени можетъ образовать людей, истинно способныхъ управлять и руководствовать всѣми прочими государственными частями. По всѣмъ областямъ будутъ устроены училища четырехъ родовъ—приходскія, уѣздныя, гимназіи и, наконецъ, университеты по образцу англійскихъ и германскихъ, куда владѣтельные князья и благородные лорды не считаютъ за стыдъ посылать своихъ дѣтей. При такихъ условіяхъ скоро на пространствѣ отъ Литвы до Сибири и отъ Архангельска до Кавказа не останется ни одного гражданина, который бы не могъ получить соотвѣтствующаго его дарованіямъ и званію образованія. Обращаясь къ своимъ слушателямъ—харьковскимъ дворянамъ, ораторъ говоритъ: „о, какое отрадное зрѣлище для наблюдателя перемѣнъ, происходящихъ въ этомъ мірѣ, видѣть, наконецъ, водвореніе наукъ въ той области, которая доселѣ была только театромъ опустошеній и сраженій. Ваши храбрые предки отняли эту землю отъ татаръ; но теперь одной храбрости недостаточно, даже для военной тактики необходимы науки. Вы заявили уже ревность къ просвѣщенію своимъ пожертвованіемъ—и вотъ въ награду дѣти ваши будутъ воспитываться среди васъ; городъ вашъ, можетъ статься, сдѣлается знаменитѣйшимъ въ государствѣ, а со временемъ, б.м., и въ цѣлой Европѣ". Потоцкій глубоко вѣрилъ въ необходимость и плодотворность прогресса. Въ настоящее время, при быстрыхъ успѣхахъ человѣческаго ума во всѣхъ родахъ знаній, каждый народъ долженъ напрягать всѣ свои силы, чтобы по крайней мѣрѣ не отстать отъ другихъ, если уже не можетъ быть впереди: остановиться, значитъ то же, что подаваться назадъ и приближаться къ прежнему ничтожеству. Останавливаться возможно только въ дѣлѣ завоеваній, но въ наукахъ, искусствахъ, техническихъ знаніяхъ и вообще культурѣ—никогда. Закончилъ свою рѣчь попечитель указаніемъ на обширность просвѣтительной задачи, предстоящей Харьковскому университету, округъ котораго превышаетъ по территоріи и населенію нѣкоторыя государства Европы. „Чѣмъ важнѣе наша обязанность, говорилъ попечитель, чѣмъ болѣе мы должны стараться о выполненіи ея. Остается только пожелать, чтобы усердіе наше удостоилось довѣрія общества, чтобы наши заботы объ университетскихъ питомцахъ удовлетворили ихъ родителей и чтобы наша неутомимая дѣятельность на общую пользу оправдала къ намъ довѣріе монарха и снискала признательность потомства".

Тогда же ректоръ Рижскій выступилъ съ рѣчью „Объ изящныхъ наукахъ". Рѣчь эта не богата содержаніемъ;—это послѣднее даже нѣ-

сколько трудно уловить за громкими фразами краснорѣчиваго ритора. Она должна была дать образчикъ академическаго слова, составленнаго по всѣмъ правиламъ тогдашней риторики; ибо въ этой именно области Рижскій стяжалъ себѣ огромную славу. И эта цѣль, очевидно, была достигнута: слушатели все время рѣчи должны были находиться подъ обаяніемъ краснорѣчія Рижскаго и уйти съ мыслію, что Рижскій хорошій ораторъ. Интересно отмѣтить здѣсь одну черту—это мысль о благотворномъ вліяніи наукъ и искусствъ на нравственность. „Утонченіе чувствительности, говоритъ Рижскій, пристрастіе къ добру, кротость нравовъ, любовь къ правотѣ и благотворительности—вотъ благодѣтельныя послѣдствія упражненія въ изящныхъ наукахъ. Но если кто при всемъ ихъ содѣйствіи остается съ хладною душею и развратнымъ сердцемъ, тотъ, конечно, въ нихъ еще не успѣлъ"..

И Рижскій, подобно Потоцкому, подчеркиваетъ въ своей рѣчи то обстоятельство, что Слободская украина, гдѣ нынѣ возникъ мирный храмъ высшихъ наукъ, прежде была ареною губительныхъ войнъ. „Какимъ радостнымъ удивленіемъ былъ бы пораженъ царь Алексѣй Михайловичъ, при которомъ этотъ край былъ присоединенъ къ Русскому государству, если бы могъ видѣть теперь водвореніе въ немъ наукъ! Какимъ восхищеніемъ исполнилось бы сердце Петрово, если бы онъ увидѣлъ, до какого совершенства доведены его начинанія. Но зачѣмъ углубляться въ прошедшіе вѣка, заключаетъ Рижскій, когда между нашими слушателями найдутся такіе, которые или сами видѣли, или по крайней мѣрѣ отъ своихъ ближайшихъ предковъ слышали, какимъ опустошеніямъ подвергался этотъ край".

Имѣя въ виду это обстоятельство, зная, что большинство слушателей были потомками военныхъ защитниковъ края, проф. Балленъ де-Баллю избралъ темою своей рѣчи вопросъ о важности наукъ и для военнаго искусства. Постоянное мнѣніе, говорилъ онъ, не только философовъ, но и великихъ полководцевъ всѣхъ вѣковъ было таково, что и для военныхъ дѣйствій нужна наука. О русская нація, восклицаетъ ораторъ, ты и нынѣ уже славная между самыми славными народами! Теперь тебѣ предстоитъ расширить свою славу, но не посредствомъ сраженій,—это было бы слишкомъ легко,—а посредствомъ развитія наукъ. Ораторъ обращается къ исторіи и видитъ въ ней доказательства того, что единственный вѣрный путь къ славѣ—это забота о наукахъ и искусствахъ. Не побѣдами при Марафонѣ и Саламинѣ, Платеѣ и Микале, стяжало себѣ неувядаемую славу Аѳинское государство, а тѣмъ, что создало науки и искусства, зажгло свѣточъ философіи и перенесло ихъ къ другимъ народамъ. Между тѣмъ мало ли могущественныхъ государствъ

пало, не оставивъ слѣдовъ своего былого величія? Императоръ Александръ также предпочитаетъ славѣ завоевателя славу законодателя и, такъ сказать, наставника своихъ народовъ. Вы, харьковцы, можете возблагодарить его за это только однимъ средствомъ: если благосклонно отнесетесь къ наукамъ, которыя теперь къ вамъ впервые являются.

Послѣ этого провозглашены были фамиліи лицъ, принятыхъ въ студенты, розданы имъ шпаги и начались взаимныя поздравленія присутствующихъ съ открытіемъ университета.

Затѣмъ преосвященный съ почетнѣйшимъ духовенствомъ, губернаторъ съ губернскими чинами, предводитель и депутаты дворянства, городской голова съ почетнѣйшими представителями купечества и постороннія пріѣзжія особы были приглашены на университетскій обѣдъ. Вечеромъ 17, а равно и въ слѣдующіе два дня, иллюминованы были университетскіе дома и передъ главнымъ изъ нихъ поставлено изображеніе храма съ прозрачною картиною, которая изображала Императора Александра I-го, заключающаго надъ жертвенникомъ союзъ дружбы съ Аполлономъ.

18 числа вечеромъ въ университетскомъ домѣ играна была извѣстная уже намъ ораторія, причемъ музыкантовъ и пѣвчихъ было до 100 чел.

И. Ѳ. Тимковскій составилъ для хора слѣдующіе стихи:

Речитативъ—Вотще коварство предпріемлетъ
Противъ ученья дать совѣтъ;
Народный смыслъ нигдѣ не дремлетъ,
Онъ упадаетъ иль ростетъ;
Ростетъ—тогда его стремленью,
Какъ быстрыя рѣки теченью,
Препоны нѣтъ. Но самъ собой
Онъ въ дебри пойдетъ, заблудится;
Дай наставленье—просвѣтится
И будетъ въ радость и покой.
Арія—Уже виднѣе справедливость,
Уже невѣжества кичливость,
Какъ въ утро ясное луна,
Блѣднѣетъ, тускнетъ, не видна.
Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ,
Изъ глубины душиречетъ:
„Да царствуетъ въ моей державѣ
Познаній благотворный свѣтъ“!
Хоръ—Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ
Вышняго волю творяй,
Призри на храмъ сей, его же созда
Нынѣ десница твоя!
Въ немъ научатся творить

Волю твою,
Въ немъ раздадутся слова,
Чѣмъ процвѣтаетъ народъ,
Благословенъ плодъ твоихъ дѣлъ;
Возвеселися о немъ,
Добрый монархъ,
О Александръ,
Избранный царь!
Сѣдяй на сѣверѣ во славѣ,
Ты просвѣщенье даешь!
Да облекутся весельемъ
Грады, поля
И на холмахъ фиміамъ
Да воскурится!
Въ хорахъ похвальную пѣснь
Юноши, дѣвы тебѣ воспоютъ,
Море восплещетъ,
Славѣ твоей.
Старцы повѣдаютъ внукамъ твоимъ,
Сколь ты великъ въ бытіяхъ,
Благословенъ да пребудетъ твой вѣкъ,
Добрый монархъ,
Благословенъ.
Возвѣстите славный подвигъ,
Подвигъ здѣшней стороны;
Какъ въ немъ жертвуютъ наукамъ,
Какъ усердствуютъ для нихъ [1]).

Затѣмъ были балъ и ужинъ. Собраніе публики обоего пола было очень многочисленное и ея удовольствіе усугубляло торжество, во все время котораго и посторонния знатныя лица задавали пиры и угощенія; это ясно свидѣтельствовало о радости жителей по случаю открытія университета. О впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ присутствовавшими на торжествахъ лицами, можно судить по слѣдующему заявленію современника. „Когда отецъ возвратился изъ Харькова, говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Розальонъ-Сошальскій, съ торжества при открытіи университета, то разсказывалъ объ этомъ съ такимъ энтузіазмомъ, говоря о произнесенныхъ рѣчахъ, о блестящихъ надеждахъ для общества отъ просвѣщенія (вообще же онъ былъ задумчивъ и молчаливъ), что я, слушая его, ощущалъ, будто бы меня окружало какое то обаяніе“ [2]).

Университетскія торжества были омрачены только однимъ печальнымъ фактомъ—отсутствіемъ на нихъ В. Н. Каразина. Но присутствующіе вспоминали тутъ съ чувствами глубокой признательности о виновникѣ

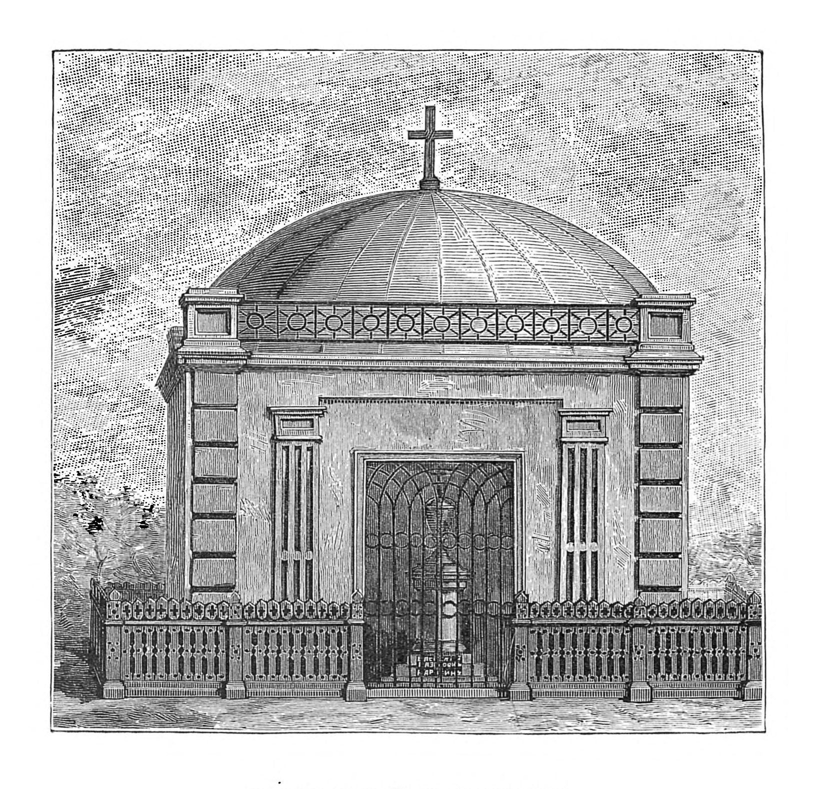
[1]) Кіев. Старина, 1891, октябрь, стр. 392—393.
[2]) Харьк. Губ. Вѣд., 1869, № 43.

открытія университета. „17 января (1805 г.), писалъ Василію Назарьевичу о. Василій Фотіевъ подъ живымъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ сбывшейся наконецъ ихъ общей мечты, исполнилось наше желаніе и ревностное попеченіе о благѣ общемъ. Великое собраніе дворянъ и гражданства изъ другихъ губерній было поражено удовольствіемъ и радостію; самые зоилы въ восторгѣ духа искали васъ, спрашивали и признавались, что счастіемъ симъ, сверхъ всякаго чаянія, Украйна вамъ единственно обязана. Тѣ-жъ, кои вамъ преданы, коимъ сердечныя чувства и намѣренія ваши извѣстнѣе прочихъ, съ восхищеніемъ благословляли ваше имя. И такъ, если упрямая судьба воспрепятствовала насладиться торжественнымъ открытіемъ предпріятій вашихъ, яко первому виновнику, то конечно незазорная совѣсть утѣшитъ васъ не токмо въ послѣдующее время, но и нынѣ исполненіемъ такого намѣренія, которое сдѣлаетъ славу и честь дальнѣйшему потомству“ [1]).

Тогда же начались выборы должностныхъ лицъ въ общихъ собраніяхъ профессоровъ—и университетъ приступилъ къ своей просвѣтительной дѣятельности.

---

[1]) Сѣв. Пчела, 1860, № 92.

НАДГРОБНЫЙ ПАМЯТНИКЪ

В. Н. КАРАЗИНУ ВЪ Г. НИКОЛАЕВѢ.

Фот. С. В. Кульженко. Кіевъ.

Профессоръ и первый ректоръ Харьковскаго университета
Иванъ Степановичъ Рижскій.

III-я ГЛАВА.

Университетское самоуправленіе.

Императоръ Александръ I въ началѣ своего царствованія относился къ дѣлу народнаго просвѣщенія съ огромною симпатіей, заботливостью и рвеніемъ, доходившимъ до экстаза и восторженности; онъ считалъ его важнѣйшимъ дѣломъ своего царствованія и основою благополучія своихъ подданныхъ. Всѣмъ извѣстенъ общій характеръ этой эпохи, которую по справедливости можно назвать золотымъ вѣкомъ русскаго образованія. Александръ рѣшилъ вести Россію по тому прогрессивному пути, на какой поставили ее Великій Петръ и Екатерина. Онъ понималъ, что останавливаться или—что еще хуже—поворачивать назадъ въ дѣлѣ мирнаго культурнаго развитія отнюдь не слѣдовало, ибо Россія начала XIX в. уже сознала всю важность и пользу просвѣщенія, а между тѣмъ далеко отстала въ этомъ отношеніи отъ Западной Европы. Войдя въ семью Западноевропейскихъ государствъ, завоевавъ себѣ здѣсь положеніе великой, а подъ часъ и первенствующей державы, она по необходимости должна была позаботиться о томъ, чтобы ея культурное развитіе пришло въ должное соотвѣтствіе съ политическимъ могуществомъ. Взойдя на престолъ, Императоръ Александръ немедленно отмѣнилъ тѣ тяжкія стѣсненія, которыя установлены были его отцомъ Павломъ Петровичемъ и которыя привели общественную жизнь на Руси въ состояніе, близкое къ полному уничтоженію ея. Извѣстно, какія сцены глубокой радости разыгрывались при вступленіи на престолъ юнаго Государя. Все общество ожило; прежній страхъ и апатія смѣнились ликованіемъ и радостными надеждами.

Въ это время выступилъ и нашъ В. Н. Каразинъ со своими проэктами, имѣвшими своею цѣлью двинуть Россію гигантскими шагами впередъ по пути народнаго образованія. Съ обычнымъ своимъ увлеченіемъ онъ доказывалъ, что всѣ остальныя министерства „служатъ другъ другу только какъ части одного общаго управленія; работаютъ только для настоящаго. Министерство же просвѣщенія должно бы влiять на

дѣятельность всѣхъ другихъ, имѣя само въ предметѣ удивленіе и признательность вѣковъ грядущихъ"... ибо „*если что либо можетъ сдѣлать Россію истинно независимою отъ всякаго внѣшняго давленія—какъ бы громадно оно ни было—то это только просвѣщеніе*" [1]).

Если первое положеніе В. Н. Каразина, что одно министерство народнаго просвѣщенія работаетъ для будущаго, и страдаетъ преувеличеніемъ, то послѣднее, подчеркнутое нами замѣчаніе его должно быть принято безъ всякихъ оговорокъ въ качествѣ общаго принципа, который не потерялъ своей силы и въ наши дни, не потеряетъ ее и въ будущемъ. В. Н. Каразинъ проводилъ мысль о необходимости учрежденія у насъ особаго, спеціальнаго министерства народнаго просвѣщенія—и оно дѣйствительно было учреждено въ 1802 г. Отселе, такимъ образомъ, явился особый органъ управленія, на обязанности котораго лежала забота о народномъ образованіи—о распространеніи въ обществѣ наукъ и художествъ. Первымъ министромъ былъ назначенъ Гр. Завадовскій. Составленъ былъ планъ систематическаго насажденія образованія въ Россіи, а исполненіе его поручено *Главному правленію училищъ*. Вся Россія должна была покрыться сѣтью учебныхъ заведеній четырехъ типовъ—приходскими училищами (при церковныхъ приходахъ), уѣздными (по всѣмъ уѣзднымъ городамъ), гимназіями (во всѣхъ губернскихъ городахъ), университетами (въ болѣе важныхъ городахъ, предназначенныхъ быть центрами учебныхъ округовъ). И всѣ эти предначертанія не остались въ области однихъ добрыхъ намѣреній, а въ значительной степени были осуществлены. Въ царствованіе Императора Александра I было открыто 4 университета, 4 лицея, 58 гимназій, 100 уѣздныхъ и множество приходскихъ или народныхъ училищъ, не считая спеціальныхъ учебныхъ заведеній—военныхъ и духовныхъ; эти послѣднія получили теперь также опредѣленную организацію и правильное обезпеченіе въ видѣ свѣчного сбора. Правительство не останавливалось ни передъ какими жертвами для устройства новыхъ училищъ, щедро отпускало большія суммы на учебно вспомогательныя учрежденія университетовъ и т. п. Но само оно не могло сдѣлать всего; матеріальныя средства его были слишкомъ ограничены. И вотъ оно обращается за матеріальнымъ и нравственнымъ содѣйствіемъ къ обществу. „Мы увѣрены, писалъ Государь, что всѣ наши вѣрноподданные примутъ дѣятельное участіе въ сихъ заведеніяхъ, для пользы общей и каждаго учреждаемыхъ, и тѣмъ самымъ будутъ содѣйствовать нашимъ попеченіямъ о семъ предметѣ, толико важномъ и толико сердцу нашему любезномъ".

---

[1]) Рус. Стар. 1875, апрѣль, 751 стр.

„Всѣ благонамѣренные граждане, при устроеніи училищъ, вспомоществуя правительству патріотическими приношеніями и пожертвованіями частныхъ выгодъ общей пользѣ, пріобрѣтутъ особенное и преимущественное право на уваженіе своихъ соотчичей и на торжественную признательность учреждаемыхъ заведеній, имѣющихъ возвысить въ нынѣшнее и утвердить на предъидущее время благосостояніе и славу ихъ отечества". Этотъ призывъ къ обществу, какъ и слѣдовало ожидать, имѣлъ огромное значеніе для успѣха дѣла. Достаточно вспомнить тѣ крупныя пожертвованія, которыя были сдѣланы Демидовымъ и Безбородко и которыя положили начало Демидовскому Ярославскому и Безбородкинскому Нѣжинскому лицеямъ; первый пожертвовалъ 300000 р. и 3578 д. крестьянъ, 2-й мѣсто съ садомъ и 3000 д. крестьянъ. Неудивительно, что, при такомъ настроеніи правительства, явились и лица, вполнѣ пригодныя для выполненія просвѣтительныхъ предначертаній Государя. Таковыми были первые министры народнаго просвѣщенія— Завадовскій и его преемникъ Разумовскій, затѣмъ Муравьевъ, бывшій сначала преподавателемъ Императора Александра, а впослѣдствіи назначенный попечителемъ Московскаго учебнаго округа. Членами главнаго правленія училищъ состояли друзья юности Государя—Новосильцевъ, Чарторижскій, а сверхъ того Румовскій и Северинъ Осиповичъ Потоцкій—впослѣдствіи попечитель Харьковскаго учебнаго округа, и ученые спеціалисты академики Озерецковскій и Фусъ; первые два играли и потомъ видную роль въ учебномъ вѣдомствѣ, получивъ назначеніе на постъ попечителей новыхъ учебныхъ округовъ (Петербургскаго и Виленскаго). Не смотря на кое какія уклоненія, въ общемъ, и министръ, и члены главнаго правленія училищъ, можно сказать, вѣрно и широко поняли задачу, начертанную имъ Державнымъ покровителемъ русскаго просвѣщенія. Въ особенности это нужно сказать относительно университетовъ. „Главное правленіе училищъ, замѣчаетъ акад. М. И. Сухомлиновъ, полагая свою первую задачу въ учрежденіи университетовъ, руководствовалось тою мыслію, что университеты должны служить разсадниками просвѣщенія, вызывать къ жизни всю массу училищъ и повести ихъ по вѣрному пути къ распространенію знаній въ обществѣ, въ чемъ и заключалось призваніе министерства. Внутренняя сила университетовъ, ихъ устройство и направленіе неминуемо должны были отразиться на всей системѣ созидаемыхъ и руководимыхъ ими училищъ, а потому главное правленіе училищъ съ особенною и многостороннею заботливостью вырабатывало уставы университетовъ" [1]). Управленіе учеб-

[1]) М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, т. I стр. 34.

ными заведеніями получило тогда стройную систему. Во главѣ дѣла стояло главное правленіе училищъ. Изъ состава членовъ его были избраны и попечители учебныхъ округовъ (Московскаго—Муравьевъ, Петербургскаго—Новосильцевъ, Харьковскаго—Потоцкій, Дерптскаго—Клингеръ, Виленскаго—Чарторижскій, Казанскаго—Мантейфель). Харьковскій учебный округъ обнималъ огромное пространство. Въ составъ его входили Слободско-украинская (нынѣ Харьковская), Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская (потомъ обращенная въ Херсонскую), Таврическая, Екатеринославская губерніи и земли Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ [1]); такимъ образомъ, къ нему отнесены были тогда и тѣ губерніи, которыя теперь составляютъ часть Одесскаго и Кіевскаго учебныхъ округовъ. 5-го ноября 1804 г. были опубликованы уставы Московскаго университета (существовавшаго уже и раньше) и вновь учрежденныхъ Харьковскаго и Казанскаго. Они почти буквально сходны другъ съ другомъ [2]).

Спрашивается теперь, какія просвѣтительныя задачи поставлены были Харьковскому университету его вѣнценоснымъ учредителемъ? Говоря иными словами, въ чемъ состояла сущность университетскаго устава 1804 года?

Задача университета въ его уставѣ опредѣлена такъ: „университетъ есть высшее ученое сословіе, для преподаванія наукъ учрежденное. Въ немъ пріуготовляется юношество для вступленія въ различныя званія государственной службы“. Здѣсь, такимъ образомъ, какъ мы видимъ, объединены двѣ различныя цѣли—ученая и учебно-практическая. И первая, подобно второй, служила предметомъ заботъ законодателя. „Къ особливому достоинству университета, говорится въ одной статьѣ устава, отнесется составленіе въ нѣдрахъ онаго ученыхъ обществъ, какъ упражняющихся въ словесности россійской и древней, такъ и занимающихся распространеніемъ наукъ опытныхъ и точныхъ, основанныхъ на достовѣрныхъ началахъ. Университетъ можетъ споспѣшествовать имъ печатаніемъ трудовъ ихъ и періодическихъ сочиненій на иждивеніе хозяйственной суммы“. Профессора обязаны были читать лекціи, руководить адъюнктами, производить экзамены на разныя ученыя степени; „преподавая наставленія“, они должны были „пополнять курсы свои новыми открытіями, учиненными въ другихъ странахъ Европы“. Въ виду той же цѣли университетъ избиралъ въ свои почетные члены четырехъ самыхъ дѣятельныхъ иностранныхъ ученыхъ, которые

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., стр. 22.

[2]) Ibidem, стр. 264—301.

должны были доставлять ему свѣдѣнія о новыхъ научныхъ открытіяхъ и исполнять порученія по части выписки различныхъ предметовъ; за это они получали отъ университета вознагражденіе въ размѣрѣ 200 р. въ годъ. Ежемѣсячно должны были назначаться особыя засѣданія совѣта, въ которыхъ „профессора и почетные члены подъ предсѣдательствомъ ректора разсуждаютъ о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ, ректоромъ или кѣмъ изъ членовъ предлагаемыхъ“. Для поощренія научныхъ изслѣдованій совѣтъ ежегодно обязанъ былъ предлагать темы на конкурсъ съ опредѣленнымъ вознагражденіемъ за удовлетворительное ея рѣшеніе. Университетскій актъ также былъ отчасти средствомъ для распространенія научныхъ свѣдѣній въ обществѣ: тутъ читались профессорами рѣчи, предлагались тѣ темы, о которыхъ мы только что говорили, читались отзывы о конкурсныхъ сочиненіяхъ. Наконецъ, университетъ долженъ былъ заботиться о составленіи своей исторіи: эта задача возлагалась на секретаря совѣта (избиравшагося тогда изъ среды профессоровъ). Такъ широко поставлена была чисто *научная* сторона университетской жизни.

Другіе параграфы устава имѣли въ виду учебно-образовательныя цѣли. Такъ совѣтъ черезъ каждые два года избиралъ изъ своихъ магистровъ по два человѣка для отправленія ихъ въ чужіе края на 2-хъ годичный срокъ. Въ уставѣ выражено желаніе, чтобы профессора нѣкоторыхъ наукъ, въ особенности словесныхъ, философскихъ и юридическихъ, установили со студентами бесѣды, „въ которыхъ, предлагая имъ на изустное изъясненіе предметы, исправляли бы сужденія ихъ и самый образъ выраженія и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли“ (преимущественно на латинскомъ языкѣ). Сфера прямого вліянія университета выходила далеко за его стѣны и касалась даже лицъ, отъ него вообще независимыхъ: университету принадлежала цензура всѣхъ книгъ, печатавшихся въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа. Для этой цѣли нужно было учредить *цензурный комитетъ* изъ четырехъ декановъ. Онъ впрочемъ могъ давать рукописи для отзыва кому либо изъ профессоровъ, адъюнктовъ или магистровъ; въ случаѣ благопріятнаго заключенія рецензента, сочиненіе разрѣшалось къ печати и это разрѣшеніе подписывалось однимъ изъ декановъ и рецензентомъ; если же заключеніе рецензента было неблагопріятно или онъ затруднялся въ отзывѣ, то дѣло разсматривалось въ комитетѣ, а иногда переходило даже въ совѣтъ; апелляціонной же инстанціей было главное правленіе училищъ (въ Петербургѣ). Въ университетскую библіотеку и профессорамъ можно было выписывать всякія книги, безъ цензуры; но цензурный комитетъ долженъ былъ отмѣтить въ каталогѣ тѣ изъ нихъ, ко-

торыя не могли выдаваться постороннимъ лицамъ. Университеты были высшими образовательными учрежденіями въ своихъ округахъ. Другія— среднія и низшія—школы (гимназіи, уѣздныя и приходскія училища), по мысли законодателя, должны были находиться съ ними въ *органической* связи; отсюда и возникла зависимость ихъ отъ университетовъ и широкая административно педагогическая дѣятельность этихъ послѣднихъ. Университетъ обязанъ былъ прилагать особенную заботу объ учрежденіи въ своемъ округѣ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, о пополненіи штата ихъ свѣдущими и удовлетворительными въ нравственномъ отношеніи учителями, о снабженіи ихъ учебными пособіями и т. п. Назначеніе директоровъ училищъ, учителей гимназій, смотрителей уѣздныхъ училищъ зависѣло отъ университета. Для управленія всѣми учебными заведеніями въ округѣ ежегодно избирался училищный комитетъ въ составѣ 6 ординарныхъ профессоровъ подъ предсѣдательствомъ ректора. Обязанности комитета были очень серьезны и сложны. Онъ получалъ всѣ донесенія отъ директоровъ, собиралъ свѣдѣнія о состояніи училищъ, о трудахъ учителей и успѣхахъ учениковъ, удалялъ отъ должности неисправныхъ, награждалъ достойныхъ, представлялъ ежегодно въ совѣтъ университета подробный отчетъ о состояніи школъ, о результатахъ произведенныхъ въ нихъ экзаменовъ, объ условіяхъ, задерживавшихъ ихъ ростъ, и о мѣрахъ къ поднятію ихъ уровня, разсматривалъ донесенія визитаторовъ, которыхъ назначалъ совѣтъ, и со своими замѣчаніями представлялъ въ него и, наконецъ имѣлъ прямое наблюденіе и за хозяйственной стороной дѣла. Кромѣ того подъ его же наблюденіемъ находились и всѣ пансіоны и училища, заведенные частными лицами: онъ утверждалъ ихъ уставы и преподавателей. Если мы еще вспомнимъ, что университетъ пользовался широкой внутренней автономіей (включительно до права собственнаго суда надъ своими членами и ихъ семьями), то для насъ сдѣлается очевиднымъ то безграничное довѣріе, которое питало къ университетамъ правительство Императора Александра I-го.

Университетскій уставъ 1804 г. отличался нѣсколько теоретическимъ характеромъ: онъ явился результатомъ не жизненнаго опыта, а просвѣтительныхъ, либеральныхъ и гуманныхъ началъ, которыми были проникнуты тогдашніе выдающіеся дѣятели Западной Европы, а вмѣстѣ съ ними Императоръ Александръ. Академикъ М. И. Сухомлиновъ вполнѣ доказалъ, что „русскіе университеты, возникшіе или преобразованные въ началѣ XIX в., представляютъ въ устройствѣ своемъ и господствующемъ духѣ черты того направленія, которое обнаружилось въ умственномъ и политическомъ мірѣ Европы“. Особенно замѣтно было

вліяніе идей Мейнейрса, историка европейскихъ университетовъ вообще и германскихъ въ частности. Русская стихія была въ уставѣ не особенно сильна. Завѣдываніе всѣми училищами въ округѣ было очень почетно для университета, но вмѣстѣ съ тѣмъ требовало массы труда и знаній; въ особенности это нужно сказать относительно хозяйственной стороны дѣла. Если въ учебной части члены профессорской коллегіи могли быть вполнѣ компетентны, то этого нельзя сказать относительно хозяйства, требовавшаго сложной бухгалтеріи и съ трудомъ поддававшагося контролю. Тоже самое нужно отчасти сказать относительно суда надъ профессорами, чиновниками университета и ихъ семьями. Дѣло это было очень щекотливое и могло вовлечь совѣтъ въ большія непріятности. Невольно является мысль, что было бы лучше, если бы уставъ наложилъ на профессорскую коллегію меньше косвенныхъ обязанностей—тогда, быть можетъ, и свое прямое назначеніе она выполняла бы лучше и внимательнѣе. Такія замѣчанія можно было бы сдѣлать не въ пользу устава 1804 года.

Но они, во-первыхъ, не подрываютъ его общаго значенія, а, во-вторыхъ, ослабляются и сами по себѣ нѣкоторыми частными соображеніями. Университеты въ Россіи не имѣли корней въ ея историческомъ прошломъ: они пересажены были на русскую почву въ качествѣ чужеземныхъ растеній; слѣдовательно, у насъ и не могло быть своего историческаго опыта въ этомъ дѣлѣ; даже министерство народнаго просвѣщенія представляло у насъ новое учрежденіе. Сама жизнь должна была сдѣлать испытаніе новому уставу, огромнымъ достоинствомъ котораго было то, что онъ не стѣснялъ ни университетской науки, на университетскаго самоуправленія и, такимъ образомъ, могъ вызвать къ живой общественной дѣятельности всѣ наличныя силы профессорской корпораціи. Правда, иностранные профессора получили de facto доминирующее значеніе въ новыхъ русскихъ университетахъ; но спрашивается, что же было дѣлать, если русскихъ ученыхъ оказывалось совершенно недостаточно. Здѣсь повторялось то явленіе, которое не разъ имѣло мѣсто въ нашей исторіи и которое оправдывается этой самой исторіей: мы должны были volens-nolens обращаться къ непосредственному роднику науки—Западной Европѣ и оттуда вызывать ея дѣятелей на свою службу; такъ поступалъ Петръ Великій, такъ дѣлали и многіе изъ государей Московской Руси. И этотъ вызовъ иностранцевъ въ интересахъ развитія русскаго просвѣщенія отнюдь не доженъ былъ вести за собою непремѣнно порабощенія русскаго элемента (хотя къ сожалѣнію это иногда и бывало): дѣло могло окончиться къ обоюдной выгодѣ и пользѣ того и другого. И въ уставѣ 1804 была сдѣлана одна чрез-

вычайно важная въ этомъ отношеніи оговорка: при избраніи адъюнктовъ „природные россіяне, нужныя званія и качества имѣющіе, должны быть предпочтены чужестраннымъ“. И это, конечно, было совершенно справедливо. Наконецъ, при рѣшеніи вопроса о различныхъ *косвенныхъ* обязанностяхъ, наложенныхъ на профессоровъ уставомъ (посѣщеній и устройства училищъ и т. п.), не слѣдуетъ упускать изъ виду, что тогда вовсе почти не было такихъ лицъ, которымъ впослѣдствіи времени поручены были эти обязанности: университеты еще должны были воспитать въ своихъ стѣнахъ это новое поколѣніе образованныхъ дѣятелей на различныхъ поприщахъ государственной службы.

Охарактеризовавъ въ краткихъ чертахъ сущность университетскаго устава 1804 г., мы постараемся теперь показать, на основаніи документальныхъ данныхъ, *какъ онъ примѣнялся*, какъ дѣйствовали тѣ учрежденія (совѣтъ, правленіе, факультеты и т. п.), которыя были имъ созданы, что они дѣлали и сдѣлали для развитія университета, для правильнаго выполненія его функцій. Само собою разумѣется, что мы не можемъ дать полнаго систематическаго описанія всего того, что было сдѣлано этими учрежденіями; это во 1-хъ выходитъ изъ рамокъ нашего труда; да едва ли и необходимо вообще; а, во 2-хъ, намъ придется еще касаться многихъ отдѣльныхъ вопросовъ въ послѣдующемъ изложеніи (научно-преподавательной дѣятельности профессоровъ, исторіи учебно-вспомогательныхъ учрежденій и т. д.). Теперь же мы только постараемся познакомить читателей съ оригинальнымъ механизмомъ этой дѣятельности и ея важнѣйшими результатами.

Всею учебною частью въ университетѣ долженъ былъ завѣдывать *совѣтъ*. Въ составъ его, съ правомъ голоса, входили дѣйствительные и заслуженные профессора, а предсѣдательствовалъ въ немъ ректоръ. Обычныя засѣданія совѣта бывали разъ въ мѣсяцъ, а въ случаѣ надобности происходили кромѣ того еще и чрезвычайныя; для законности рѣшеній въ немъ должно было присутствовать не менѣе половины всѣхъ профессоровъ. Черезъ каждые полгода совѣтъ общимъ рапортомъ докладывалъ попечителю о своей дѣятельности, а къ концу года доставлялъ ему полную вѣдомость; впрочемъ обо всякомъ чрезвычайномъ случаѣ нужно было сообщать немедленно. Разъ въ годъ совѣтъ разсматривалъ всѣ счета, представляемые ректоромъ за подписью кассира и бухгалтера. Къ текущимъ дѣламъ совѣта относятся слѣдующія: избраніе профессоровъ, почетныхъ членовъ, адъюнктовъ, учителей въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ; изысканіе способовъ къ усовершенствованію преподаванія наукъ; составленіе росписанія лекцій; ежегодные экзамены студентовъ; разсужденіе о предложеніяхъ начальства; разсмотрѣніе тя-

жебныхъ дѣлъ, перенесенныхъ изъ правленія; предложеніе ежегодной конкурсной задачи съ преміей, по предварительному согласію министра народнаго просвѣщенія; устройство публичнаго акта. Для предметовъ, требовавшихъ внимательнаго изслѣдованія, назначались особыя коммиссіи. Выборъ профессоровъ производился такъ: если извѣстная каѳедра дѣлалась вакантной, то каждый профессоръ этого факультета имѣлъ право предложить совѣту своего кандидата и представить о немъ всѣ необходимыя данныя; если кандидатъ находился въ Харьковѣ, то обязанъ былъ самъ доставить свои сочиненія и общее разсужденіе о своей наукѣ—о ея успѣхахъ, современномъ состояніи, способѣ преподаванія, о болѣе видныхъ ея представителяхъ; совѣтъ назначалъ достаточный срокъ для разсмотрѣнія сочиненій и для собранія свѣдѣній о нравственныхъ качествахъ соискателя и затѣмъ происходили самые выборы, которые утверждались попечителемъ и министромъ.

Просьбы объ увольненіи профессоровъ и чиновниковъ отъ службы также подавались черезъ ректора въ совѣтъ; онъ же былъ обязанъ удалять отъ должности всѣхъ чиновниковъ, обличенныхъ правленіемъ, по формальному изслѣдованію дѣла, въ какомъ либо важномъ проступкѣ, но не иначе какъ по большинству $^2/_3$ голосовъ, при чемъ приговоръ этотъ еще шелъ на утвержденіе высшаго начальства. Изъ среды ординарныхъ профессоровъ избирался баллотировкою секретарь совѣта, который обязанъ былъ вести протоколы совѣтскихъ засѣданій и переписку съ разными лицами отъ имени совѣта [1]).

До оффиціальнаго открытія Харьковскаго университета дѣлами его, какъ мы знаемъ, завѣдывалъ особый комитетъ, но въ концѣ 1804 и первой половинѣ января 1805 г. было также нѣсколько общихъ собраній профессоровъ и адъюнктовъ, подъ предсѣдательствомъ профессора Рижскаго. Такія собранія были 3, 6, 10, 16, 17, 18, 20, 24 и 27 августа для составленія росписанія лекцій, при чемъ секретаремъ временно былъ избранъ проф. Стойковичъ; 29 августа состоялось такое же общее собраніе для объявленія всѣмъ чиновникамъ университета о Высочайше конфирмованномъ для него мундирѣ; 16 ноября—для нѣкоторыхъ измѣненій въ росписаніи лекцій, согласно замѣчаніямъ, сдѣланнымъ попечителемъ; 5 января—для прочтенія предложенія попечителя, въ которомъ говорилось о присягѣ профессоровъ университета, при чемъ иностраннымъ профессорамъ предлагалась на выборъ двоякая присяга—или на вѣрность къ службѣ, или же на подданство. Всѣ на-

---

[1]) Сборникъ постановленій по министерству народнаго просвѣщенія, I т., стр. 273—279.

личные профессора и адъюнкты иностранцы согласились присягнуть только на вѣрность въ исполненіи ихъ должности и въ отношеніи къ Грекороссійской церкви; для тѣхъ, кто не зналъ по русски, прочтенъ былъ переведенный на латинскій языкъ церемоніалъ предположеннаго черезъ нѣсколько дней открытія университета. 9-го января было созвано общее собраніе для торжественнаго принятія и прочтенія присланныхъ въ университетъ попечителемъ Высочайше утвержденной 5-го ноября 1804 г. грамоты и устава Харьковскаго университета. Открытіе университета состоялось, какъ мы знаемъ, 17-го января 1805 года и сейчасъ же послѣ этого сталъ функціонировать уже правильный, оффиціальный университетскій совѣтъ. Первоначально онъ состоялъ изъ 9 ординарныхъ профессоровъ и 9 адъюнктовъ, въ теченіе же 1805 года прибавился одинъ ординарный профессоръ и одинъ адъюнктъ; одинъ изъ адъюнктовъ былъ произведенъ въ экстраординарные профессора, а одинъ умеръ. Такимъ образомъ, къ концу года въ совѣтѣ было 10 ординарныхъ, 1 экстраординарный профессоръ и 8 адъюнктовъ. Въ теченіе 1805 года было 41 засѣданіе совѣта. На другой же день по открытіи университета состоялось 1-е засѣданіе совѣта для избранія ректора и другихъ чиновниковъ. Ректоромъ былъ избранъ профессоръ Иванъ Степановичъ Рижскій, деканами—отдѣленія нравственныхъ и политическихъ наукъ проф. Иванъ Шадъ, физическихъ и математическихъ—проф. Аѳанасій Стойковичъ, словесныхъ—Леопольдъ Умляуфъ (медицинскій факультетъ еще не былъ открытъ и потому и декана его не избрали), секретаремъ совѣта—проф. Стойковичъ, инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ и библіотекаремъ проф. Балленъ-де-Баллю; членами училищнаго комитета (подъ предсѣдательствомъ ректора)—проф. Илья Тимковскій, Тимофей Осиповскій, Леопольдъ Умляуфъ и Аѳанасій Стойковичъ; секретарями факультетовъ—адъюнкты Лангъ (нравственно политическаго), Каретниковъ (физико-математическаго) и Паки-де-Совиньи (словеснаго); помощникомъ библіотекаря—ад. Шмерфельдъ, синдикомъ—ад. Васильевъ; архиваріусомъ и университетскимъ переводчикомъ Фирсовъ; въ непремѣнные засѣдатели правленія попечитель назначилъ Осиповскаго.

На 1806 годъ въ ректоры равнымъ количествомъ шаровъ были избраны въ совѣтѣ 3 лица—Рижскій, профессоръ хирургіи Шумлянскій и профессоръ нравственныхъ и политическихъ наукъ Шадъ; изъ нихъ Высочайше утвержденъ Рижскій; деканами были избраны прежнія лица, также точно какъ и членами училищнаго комитета; только на мѣсто помощника библіотекаря Шмерфельда былъ избранъ сначала адъюнктъ Ванотти, а потомъ, за назначеніемъ его прозекторомъ анатомическаго театра, адъюнктъ Лангъ. Въ 1807 году ректоромъ былъ

утвержденъ проф. Стойковичъ, получившій при выборѣ такое же число шаровъ, какъ и другой кандидатъ — Шумлянскій; деканами были избраны Илья Тимковскій (этикополитическаго отдѣленія), Францъ Делявинь (физико-математическаго), Павелъ Шумлянскій (врачебнаго), Иванъ Рижскій (словеснаго). Мѣсто секретаря совѣта (Стойковича) занялъ Рижскій; секретарями факультетовъ остались тѣже лица, утвержденныя попечителемъ въ своемъ званіи на три года (съ 1805 года), а по выходѣ въ отставку адъюнкта Каретникова мѣсто его занялъ Шмерфельдъ. Въ училищный комитетъ къ тремъ членамъ (Осиповскому, Шумлянскому и Тимковскому) прибавили еще новыхъ трехъ-Рижскаго, Коритари и Шнауберта; другія должностныя лица остались тѣже. Въ 1808 г. большинствомъ голосовъ въ ректоры былъ избранъ Осиповскій, но онъ тутъ же просилъ освободить его отъ этой должности „по причинѣ слабаго здоровья, поврежденнаго отъ понесенныхъ имъ трудовъ въ теченіи четырехлѣтняго исправленія обязанностей непремѣннаго засѣдателя“; вслѣдъ за нимъ по равному числу голосовъ получили Рижскій и Шумлянскій, изъ коихъ утвержденъ былъ въ должности первый. Деканами были избраны Иванъ Шадъ (этикополитическаго отдѣленія), Стойковичъ (физикоматематическаго), Егоръ Коритари (врачебнаго), Яковъ Балленъ-де-Баллю (словеснаго); но третій не былъ утвержденъ министромъ и остался прежній деканъ Шумлянскій; инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ (вмѣсто Балленъ де Баллю) сдѣлался проф. Якобъ; секретарями отдѣленій адъюнкты—Лангъ (прежній) Шмерфельдъ (вмѣсто Каретникова), Ванотти (на медицинскомъ отд.), Паки де Савиньи (прежній); къ членамъ училищнаго совѣта прибавленъ (сверхъ прежнихъ 5) [1]) еще одинъ—Якобъ. Въ 1809 г. ректоромъ былъ избранъ снова Рижскій; деканы остались тѣже; секретаремъ совѣта былъ Стойковичъ, секретарями отдѣленій—Лангъ, Шмерфельдъ, Ванотти и Рейнишъ (послѣдній словеснаго). Въ 1810 году на должность ректора наибольшее количество голосовъ получили Шумлянскій и Осиповскій, а за ними Рижскій, Делявинь, Стойковичъ, Шнаубертъ и Якобъ; за отказомъ по разстроенному состоянію здоровья двухъ первыхъ, утвержденъ былъ снова Рижскій; деканами—Тимковскій, Делявинь, Шумлянскій и Дюгуровъ (послѣдній въ словесномъ отдѣленіи), синдикомъ—адъюнктъ Успенскій; ему же поручена была временно, съ согласія попечителя, должность инспектора казеннокоштныхъ студентовъ. Въ 1811 году въ ректоры снова былъ избранъ Рижскій, но онъ умеръ 15 марта, а его мѣсто занялъ Стойковичъ, исправлявшій дотого должность проректора. Стойковичъ былъ

---

[1]) Шестой Шнаубертъ, вѣроятно, вышелъ изъ состава членовъ.

утвержденъ на 3 года; съ этого времени вообще стали избирать ректора не на одинъ годъ, какъ прежде, а на 3. Деканами и секретарями отдѣленій остались прежнія лица съ тою только разницею, что Тимковскій получилъ годичный отпускъ, а мѣсто умершаго Рейниша занялъ Паки де Совиньи; секретаремъ совѣта сдѣланъ былъ Шадъ. На мѣсто библіотекаря (которое занималъ Балленъ де Баллю, переведенный теперь въ Петербургскій педагогическій институтъ) былъ избранъ Дюгуръ, а его помощникомъ Паки де Совиньи. Инспекторомъ и синдикомъ остался Успенскій. Въ училищномъ комитетѣ состояли тѣже лица и два новыхъ—Дюгуръ и Гутъ; съ переводомъ послѣдняго въ Дерптъ, его мѣсто занялъ Роммель, который впрочемъ отказался отъ должности еще до истеченія срока своихъ полномочій. Въ этомъ году былъ учрежденъ новый комитетъ для испытанія чиновниковъ гражданскаго вѣдомства; членами его были—Шумлянскій, Осиповскій и Тимковскій, а за отъѣздомъ этого послѣдняго Книгинъ. Въ 1812 году произошли слѣдующія перемѣны: деканомъ нравственно-политическаго отдѣленія былъ избранъ Шадъ, физикоматематическаго Гизе, врачебнаго Книгинъ, секретаремъ совѣта и инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ Каменскій; секретаремъ физикоматематическаго отдѣленія Нельдехенъ, нравственно-политическаго Павловичъ, врачебнаго Болгаревскій; помощникомъ библіотекаря Успенскій; въ училищный комитетъ вошли еще (кромѣ Дегурова, Шумлянскаго, Осиповскаго) Нельдехенъ и Каменскій; въ комитетѣ для испытанія гражданскихъ чиновниковъ мѣсто Книгина занялъ Дегуровъ. Въ 1813 г. ректоромъ былъ Стойковичъ, деканами—Роммель, Швейкардтъ, Дрейсигъ, Делявинь, непремѣннымъ засѣдателемъ въ правленіи Осиповскій; въ томъ же году впрочемъ ректоръ Стойковичъ былъ устраненъ отъ должности по обвиненію въ безпошлинной продажѣ товаровъ и его мѣсто въ сентябрѣ мѣсяцѣ занялъ проф. Осиповскій. Въ 1814 году ректоромъ оставался Осиповскій, а деканами состояли Успенскій (на словесномъ отдѣленіи), Шадъ (на этикополитическомъ), Фердинандъ Ивановичъ Гизе (на физикоматематическомъ) и Шумлянскій (на медицинскомъ); мѣсто непремѣннаго засѣдателя занялъ Каменскій.

Спрашивается: на сколько удачны были всѣ эти выборы? Само собою разумѣется, что дать совершенно точный и опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ очень трудно; но судить о результатахъ, достигнутыхъ тогдашней выборной системой, мы все таки на основаніи кое-какихъ данныхъ можемъ. Прежде всего рѣзко бросается въ глаза тотъ фактъ, что, не смотря на ежегодные выборы, должность ректора долго занимало одно и тоже лицо—проф. Рижскій: онъ оставался на этомъ посту съ основанія университета и до самой своей смерти, за исключеніемъ одного

только года (1807), когда ректоромъ былъ избранъ Стойковичъ. Выборъ Рижскаго нельзя не признать въ высшей степени удачнымъ. Это былъ истинный и достойный представитель университета, какимъ и долженъ быть ректоръ, настоящій rector magnificus, человѣкъ, выдававшійся въ своей средѣ и по своему ученому авторитету, и по дару слова, и по дѣловой энергіи, и по знанію русской жизни и, наконецъ, по своимъ нравственнымъ качествамъ; на его репутаціи не было ни малѣйшаго пятнышка. Даже иностранные профессора, съ предубѣжденіемъ относившіеся къ русскимъ, отдавали ему должное (имѣемъ въ виду отзывъ Роммеля). Въ иномъ свѣтѣ съ нравственной стороны выступаетъ передъ нами личность Стойковича, бывшаго въ теченіи одного года ректоромъ и при жизни Рижскаго, а за тѣмъ исполнявшаго эту должность еще одинъ разъ въ теченіе трехлѣтняго срока. Это былъ типъ выходца изъ Славянщины со всѣми характеристическими чертами, которыя усваивали себѣ эти люди на новой родинѣ и съ которыми отчасти они и являлись уже сюда. Переѣхалъ онъ въ Россію, очевидно, съ тою же цѣлью, съ какою переходило огромное большинство южныхъ Славянъ къ намъ еще въ прошломъ вѣкѣ, особенно въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны—его очевидно побудило желаніе „das glück probieren und Wind treiben“, какъ выражается нѣсколько наивно, но откровенно одинъ изъ этихъ выходцевъ Пишчевичъ. Стойковичъ также хотѣлъ найти свое счастіе въ Россіи, хотя, къ сожалѣнію, искалъ его главнымъ образомъ въ матеріальныхъ благахъ и не пренебрегалъ для достиженія ихъ и такими средствами, которыя совершенно не гармонировали съ достоинствомъ университета и ректорскаго званія. Но нельзя не отдать должнаго его огромной, дѣловой энергіи и значительной научной продуктивности, хотя эта послѣдняя и не отличалась особенно самостоятельнымъ характеромъ. Стойковичъ былъ представителемъ группы иностранныхъ профессоровъ въ Харьковскомъ университетѣ, которая, конечно, стремилась выставлять своихъ кандидатовъ на ректорскую должность; но онъ имѣлъ одно огромное преимущество передъ другими своими коллегами, переселившимися въ Россію изъ Германіи и Франціи— ему не вполнѣ была чужда и русская жизнь, и русскій языкъ, или по крайней мѣрѣ онъ могъ освоиться (и дѣйствительно освоился) съ ними гораздо легче и скорѣе (въ качествѣ славянина), чѣмъ эти послѣдніе. Но Стойковичъ не удержался на своемъ высокомъ посту въ теченіе всего выборнаго періода (3-хъ лѣтія) и долженъ былъ уступить свое мѣсто другому русскому профессору Осиповскому, который во всѣхъ отношеніяхъ былъ достойнымъ преемникомъ Рижскаго, а въ нѣкоторыхъ (въ учености и благородной прямотѣ убѣжденій и характера), быть

можетъ, и превосходилъ его. Осиповскій былъ гордостью, украшеніемъ математическаго отдѣленія Харьковскаго университета; къ практической же дѣятельности онъ подготовилъ себя участіемъ сначала въ комитетѣ (до открытія университета), а за тѣмъ въ правленіи, гдѣ онъ много лѣтъ состоялъ въ видной и отвѣтственной роли непремѣннаго засѣдателя. Такимъ образомъ, Осиповскій и какъ ученый, и какъ преподаватель, и какъ администраторъ едва ли уступалъ кому изъ иностранныхъ профессоровъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ надъ ними одно рѣшительное преимущество при выборѣ на ректорскую должность: въ качествѣ русскаго онъ хорошо зналъ и условія, и нужды тогдашней русской университетской жизни и ближе стоялъ въ этомъ отношеніи къ учащимъ, учащимся и къ начальству. Къ невыгодѣ для себя и къ пользѣ для университета, ему пришлось дѣйствовать главнымъ образомъ уже во 2-е десятилѣтіе исторіи университета—въ эпоху реакціи, отъ которой онъ старался охранять университетъ, но которая въ концѣ концовъ сокрушила и его.

Что касается выбора другихъ дѣятелей университетскаго самоуправленія, то и здѣсь, *въ общемъ*, дѣло повидимому велось хорошо. Въ должности декановъ, напримѣръ, мы видимъ дѣйствительно наиболѣе выдающихся и авторитетныхъ представителей факультетскаго преподаванія. Такія лица, какъ Шадъ, Стойковичъ, Тимковскій, Успенскій, Шумлянскій, Дюгуровъ, Гизе, Книгинъ были дѣйствительно наиболѣе видными дѣятелями въ своихъ отдѣленіяхъ, хотя и не всѣ были безупречны въ нравственномъ отношеніи (имѣемъ въ виду трехъ иностранцевъ—Шада, Дюгурова, Стойковича); изъ послѣднихъ двухъ декановъ, которыхъ мы не назвали, Балленъ-де-Баллю хотя и не былъ особенно выдающимся ученымъ, но за то не мало потрудился для университета въ качествѣ перваго организатора его библіотеки, а Делявинь также представляетъ типъ скромнаго по талантамъ, но полезнаго труженика. Членами училищнаго комитета состояли также выдающіеся дѣятели—Тимковскій, Осиповскій, Стойковичъ, Якобъ, Дюгуровъ, Гутъ, Роммель. Нѣкоторые изъ нихъ зарекомендовали себя, какъ выдающіеся педагоги на поприщѣ средняго и низшаго народнаго образованія, а труды ихъ на пользу училищъ Харьковскаго учебнаго округа, какъ увидимъ далѣе, представляютъ одну изъ самыхъ яркихъ страницъ въ исторіи просвѣтительнаго вліянія университета на общество. Относительно выбора секретарей отдѣленій нужно отмѣтить одну характерную и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятную особенность: на эти должности избирались всегда младшіе члены факультетовъ —адъюнкты изъ числа, конечно, такихъ, которые были способны къ этому занятію; но секретари обыкновенно не производились потомъ за свою секретар-

скую службу въ деканы, ибо въ основаніе этой послѣдней должности поставлена была не служебная выслуга, а необходимыя, спеціально отъ нея требуемыя способности кандидатовъ, не совпадавшія съ тѣми, которымъ должны были удовлетворять секретари отдѣленій; отъ декановъ справедливо требовалась должная авторитетность для представительства въ факультетѣ, нѣкоторая способность къ веденію учебно-воспитательнаго и отчасти хозяйственнаго дѣла и, наконецъ, пониманіе высшихъ задачъ университета и соотвѣтствующій достоинству его независимый образъ дѣйствій въ вопросахъ, касающихся чести и достоинства учрежденія и его коллегіи. Конечно, это нисколько не исключало возможности для секретаря отдѣленія, который впослѣдствіи, въ качествѣ профессора, обнаружилъ бы и всѣ качества, необходимыя для декана, сдѣлаться таковымъ; но это не была бы уже служебная выслуга... Нельзя не отмѣтить въ заключеніе двухъ случаевъ, когда спеціальные таланты сравнительно молодыхъ, начинающихъ дѣятелей нашли себѣ правильную оцѣнку въ совѣтскихъ выборахъ. Адъюнктъ Гизе, заявившій себя цѣлымъ рядомъ выдающихся работъ, былъ произведенъ въ профессора и избранъ въ деканы; другой адъюнктъ Гавр. Успенскій, бывшій раньше учителемъ уѣзднаго училища, за хорошее знакомство съ русскимъ законодательствомъ, былъ назначенъ на должность синдика, которая требовала именно такой юридической подготовки; впослѣдствіи онъ избранъ былъ даже въ деканы. Послѣ всего изложеннаго мы можемъ, кажется, высказать положеніе, что профессорская коллегія Харьковскаго университета умѣла благоразумно пользоваться предоставленнымъ ей самоуправленіемъ для выбора своихъ должностныхъ лицъ. Такое же заключеніе мы выносимъ и изъ разсмотрѣнія другой стороны дѣятельности совѣта — *замѣщенія путемъ выбора вакантныхъ профессорскихъ каѳедръ*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ всѣ относящіеся сюда факты въ хронологическомъ порядкѣ.

Вопросъ о замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ служилъ предметомъ постоянной заботливости совѣта. Въ теченіе 1805 года были избраны совѣтомъ слѣдующія извѣстные своею ученостью лица: профессоромъ естественнаго, политическаго и народнаго права, а также дипломатики докторъ правъ Коверденъ изъ Саксоніи, профессоромъ клиники, патологіи и терапіи докторъ медицины Дрейсигъ изъ Кенигштейна въ Саксоніи, профессоромъ фармаціи, врачебнаго веществословія и врачебной словесности докторъ медицины Коритари изъ Венгріи, профессоромъ судебной медицины и физіологіи Зейлеръ, профессоръ Виртемберскаго университета, профессоромъ скотолеченія докторъ медицины Пильгеръ, профессоръ Гиссенскаго университета, профессоромъ технологіи и ком-

мерческихъ наукъ профессоръ Великобританскаго Эдинбургскаго университета Стевенсонъ; изъ нихъ Коритари въ томъ же 1805 году былъ утвержденъ министромъ въ своемъ званіи, а адъюнктъ химіи Гизе произведенъ въ экстраординарные профессора. Сверхъ того совѣтъ приглашалъ на различныя вакантныя каѳедры еще нѣсколькихъ выдающихся ученыхъ, но отъ всѣхъ получилъ отрицательный отвѣтъ; а именно онъ обращался для занятія каѳедры всеобщей исторіи къ профессору Іенскаго университета Генриху, а за отказомъ его просилъ о рекомендаціи кандидата на нее извѣстнаго Шлецера, который тогда профессорствовалъ, по отъѣздѣ изъ Россіи, въ Геттингенскомъ университетѣ; на каѳедру сельскаго хозяйства приглашали профессора Іенскаго университета Георга, а потомъ члена Парижскаго національнаго института Пармантье; на каѳедру русской исторіи — Н. М. Карамзина; для терапіи, патологіи и клиники профессора Эрлангенскаго университета Гильдебранта, для политической экономіи профессора Геттингенскаго университета Сарторіуса. Хотя выборъ этихъ лицъ и не имѣлъ практическихъ послѣдствій, но онъ съ хорошей стороны рисуетъ намъ заботы тогдашняго совѣта Харьковскаго университета о поддержаніи высокаго научнаго ценза и чести выборовъ въ профессорской коллегіи.

Въ началѣ 1806 г. совѣтъ состоялъ изъ 10 (а потомъ съ прибытіемъ Коритари изъ 11) ординарныхъ профессоровъ, 1 экстраординарнаго и 8 адъюнктовъ. Въ теченіе года между прочимъ избраны были въ преподаватели университета—1) докторъ Дюгуръ—ординарнымъ профессоромъ географіи, всеобщей исторіи и статистики; 2) докторъ Рейтъ [1]) — въ экстраординарные профессора исторіи; 3) Рейнишъ—въ адъюнкты исторіи и географіи. Министерство утвердило избраннаго совѣтомъ профессора Шнауберта, Стевенсона (изъ Эдинбурга), который впрочемъ отказался отъ своего намѣренія переѣхать въ Россію и нашелъ болѣе выгоднымъ для себя остаться на родинѣ, и, наконецъ, Пильгера. Въ 1807 году утверждены были министромъ избранные университетомъ въ качествѣ ординарныхъ профессоровъ—терапіи и клиники докторъ медицины Дрейсигъ, политической экономіи и дипломатики профессоръ Гальскаго университета Якобъ, правовѣдѣнія профессоръ Франкфуртскаго университета (что на Одерѣ) Тиботъ и латинской словесности профессоръ Гальскаго университета Вольфъ (но эти два послѣдніе не прибыли въ Харьковъ); профессоръ Дюгуръ былъ утвержденъ только въ качествѣ экстраординарнаго профессора, Рейнишъ—въ качествѣ адъюнкта для историческихъ вспомогательныхъ наукъ и

---

[1]) Министерство утвердило его впрочемъ на первыхъ порахъ только лекторомъ.

педагогіи; попечителемъ были утверждены въ качествѣ лекторовъ— для преподаванія исторіи и статистики Россійской Имперіи, бывшій учитель главнаго народнаго Воронежскаго училища Г. Успенскій, для преподаванія латинскаго языка состоявшій при Россійскомъ Императорскомъ посольствѣ въ Лондонѣ Евстафьевъ, который однако въ этомъ году не пріѣхалъ. Въ началѣ года совѣтъ состоялъ изъ 11 ординарныхъ профессоровъ (изъ коихъ одинъ—Умляуфъ—умеръ), 1 экстраординарнаго и 7 адъюнктовъ; въ теченіе же года къ нимъ присоединились — профессоръ скотолѣченія Пильгеръ, политической экономіи Людвигъ Якобъ, клиники—Вильгельмъ Дрейсигъ, исторіи и географіи Антонъ Дюгуръ, адъюнктъ исторіи и педагогіи Антонъ Рейнишъ; сверхъ того вернулся изъ путешествія адъюнктъ докторъ медицины Калкау; такимъ образомъ, въ концѣ года было уже 13 ординарныхъ, 2 экстраординарныхъ профессора и 8 адъюнктовъ. Въ 1808 году къ этому числу членовъ совѣта прибавилось двое новыхъ: орд. профессоръ прикладной математики Иванъ Гутъ, бывшій до того времени профессоромъ Франкфуртскаго университета, и произведенный въ экстраординарные профессора русской исторіи адъюнктъ Успенскій. Въ 1809 году прибавилось еще 2 члена совѣта, раньше избранные и утвержденные ординарнымъ профессоромъ Дюгуръ и адъюнктомъ бывшій раньше лекторомъ Рейтъ; въ концѣ года числилось въ совѣтѣ 15 ординарныхъ, 1 экстраординарный проф. и 10 адъюнктовъ. Въ 1810 году избраны совѣтомъ и получили утвержденіе—профессоромъ латинской словесности профессоръ Марбурскаго университета Роммель, адъюнктомъ естественнаго, политическаго и народнаго права бывшій воспитанникъ Лейпцигскаго университета, проживавшій тогда въ Петербургѣ, Беттигеръ; избраны, но не были еще утверждены—профессоромъ важнѣйшихъ правъ, какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ профессоръ Гиссенскаго университета Швейкардтъ, адъюнктомъ латинской словесности—учитель высшихъ классовъ Харьковской гимназіи Былинскій. Выбыли изъ состава профессоровъ—Якобъ (перевелся въ Дерптъ) и Коритари. Въ 1811 году произошли весьма значительныя перемѣны въ личномъ составѣ профессоровъ: умерли профес. Рижскій и вновь назначенный сюда профессоромъ Терлаичъ, а также адъюнкты Рейнишъ и Шмерфельдъ; профессоръ Шнаубертъ и адъюнктъ Кригеръ уволились по прошенію; проф. Гутъ перевелся въ Дерптъ и Белленъ-де-Балю — въ Петербургъ (въ педагогическій институтъ). Необходимо было принять энергическія мѣры къ замѣнѣ ихъ новыми преподавателями — и такія мѣры были дѣйствительно приняты. По смерти профессора россійскаго краснорѣчія Рижскаго, совѣтъ, чтобы имѣть ему достойнаго преемника, „который бы

съ честью для университета преподавалъ эту науку", поручилъ прежде всего своему проректору Стойковичу обратиться за рекомендаціей подходящаго кандидата къ „извѣстнѣйшимъ своей ученостью мужамъ", а когда отъ нихъ не было получено удовлетворительныхъ отвѣтовъ, то прибѣгнулъ къ вызову желающихъ занять эту каѳедру путемъ объявленій въ столичныхъ газетахъ. Эта мѣра возъимѣла свое дѣйствіе; явилось нѣсколько конкуррентовъ, изъ которыхъ выборъ университета палъ на профессора Ярославскаго лицея Ив. Срезневскаго. По удаленіи Кригера совѣтъ поручилъ проректору Стойковичу обратиться за рекомендаціей преемника ему въ Петербургскую Горную Коллегію, а когда оттуда никто не явился, то избралъ профессора Марбурскаго университета Ульмана. Этико-политическое отдѣленіе сдѣлало заявленіе о необходимости раздѣлить предметъ древнихъ и современныхъ правъ на 2 части, такъ какъ трудно подъискать лицо, которое совмѣщало бы въ себѣ свѣдѣнія по обѣимъ, совѣтъ, исходя изъ того убѣжденія, что такое раздѣленіе будетъ значительно содѣйствовать успѣшному преподаванію правовѣдѣнія, но не имѣя возможности увеличивать штатной суммы, асигнуемой на этотъ предметъ правительствомъ, положилъ употреблять на это жалованье, причитающееся профессору догматическаго и нравственнаго богословія, тѣмъ болѣе, что „по нынѣшнимъ распоряженіямъ о духовныхъ училищахъ не предвидится и надобности въ университетскомъ преподавателѣ этого предмета". Министръ народнаго просвѣщенія одобрилъ эти предположенія, и совѣтъ избралъ въ преподаватели природнаго, политическаго и народнаго права профессора Петербургскаго педагогическаго института Терлаича, который впрочемъ сейчасъ же почти умеръ, а въ преподаватели правъ важнѣйшихъ нынѣшнихъ народовъ, теоріи законодательства и исторіи правъ (единогласно) профессора Кенигсбергскаго университета Захарія. Для преподаванія сельскаго домоводства избранъ былъ извѣстный своими трудами по этому предмету Карлъ Нельдехенъ, который въ октябрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Харьковъ; на него же, по смерти адъюнкта Шмерфельда, возложено было и преподаваніе технологіи. По переводѣ профессора прикладной математики Гута въ Дерптскій университетъ, на его мѣсто былъ избранъ профессоръ Штейнгейзеръ, а такъ какъ неизвѣстно было, когда онъ прибудетъ, то его курсъ временно порученъ былъ проф. Осиповскому; также точно преподаваніе греческой и французской словесности, за переводомъ Белленъ-де-Баллю, временно поручено было проф. Дюгуру, нѣмецкой—Шаду, природнаго права (за смертью Терлаича)—экстраординарному профессору Лангу.

Независимо отъ этихъ приглашеній новыхъ профессоровъ, для усиленія преподавательскаго состава, совѣтъ прибѣгнулъ еще къ одной

разумной мѣрѣ, которая принесла ему значительную пользу: для преподаванія студентамъ и чиновникамъ гражданскаго вѣдомства (подготовлявшимся къ экзамену на ассессорскій чинъ) были опредѣлены наиболѣе способные изъ учителей гимназій, а именно — изъ Харьковской гимназіи —Павловичъ по римскому праву и Ивановъ—по военнымъ наукамъ, изъ Воронежской—кандидатъ Борзенковъ по россійской словесности, изъ Черниговской кандидатъ Комлишинскій по физикѣ; кромѣ того кандидату Павловскому поручено преподавать вновь принятымъ студентамъ первыя начала математики. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ же году были приняты рѣшительныя мѣры къ открытію медицинскаго отдѣленія, котораго до сихъ поръ фактически не существовало, и это было сдѣлано по Высочайшему повелѣнію. Для пополненія личнаго состава преподавателей на немъ были избраны: для чтенія повивальнаго искусства докторъ медицины Каменскій, бывшій прежде профессоромъ Казанскаго университета, а потомъ акушеромъ при Воронежской врачебной управѣ, анатоміи, физіологіи и судебной медицины — Книгинъ, переведенный сюда изъ Петербургской медико-хирургической академіи. Сверхъ того профессору Гизе поручено было преподаваніе фармаціи и технической химіи. Этотъ составъ былъ признанъ самимъ факультетомъ достаточнымъ и онъ только просилъ правленіе о доставленіи необходимыхъ инструментовъ, пособій и книгъ и о пріисканіи дома для анатомическаго театра. Кромѣ этихъ новыхъ назначеній было еще и нѣсколько производствъ. Гизе былъ произведенъ изъ экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные, адъюнкты Лангъ, Ванотти, Рейтъ и Калкау въ экстраординарные. Въ концѣ года совѣтъ состоялъ изъ 15 ординарныхъ, 4-хъ экстраординарныхъ профессоровъ и 3-хъ адъюнктовъ— (въ этомъ году прибылъ и раньше избранный профессоръ Роммель). Въ 1812 году въ составѣ совѣта произошли слѣдующія перемѣны: умеръ экстраорд. профес. Калкау; пріѣхали—ординар. профессора Швейкардтъ и Срезневскій; произведены были изъ экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные Лангъ и Ванотти, изъ адъюнктовъ въ экстраординарные— Успенскій и Паки де Совиньи (получившіе отъ совѣта за представленные ими труды степени докторовъ философіи), изъ лекторовъ въ адъюнкты—Пауловичъ (по римскому праву), бывшій учитель Черниговской гимназіи Миликовичъ (по греческой словесности) и Болгаревскій (по фармаціи). Всего было 18 ординарныхъ, 3 экстраординарныхъ профессора и 4 адъюнкта. Подробныхъ статистическихъ данныхъ за два послѣдніе года (1813-й и 1814-й) мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ [1]).

[1]) Отчетовъ за эти два года мы не могли розыскать въ архивѣ и потому пользуемся цифрами, сообщенными за это время проф. Рославскимъ-Петровскимъ.

*

Впрочемъ и приведеннаго матеріала совершенно достаточно, чтобы судить о ходѣ дѣла. Совѣтъ не безъ успѣха разрѣшалъ одну изъ главнѣйшихъ своихъ задачъ—выборъ преподавателей на вакантныя каѳедры: количество профессоровъ, хотя съ колебаніями, возрастало: въ 1805 г. было 19 преподавателей, въ 1806 г.—19, въ 1807 г.—23, въ 1808 г.—24, въ 1809 г.—26, въ 1810 г.—24, въ 1811 г.—22, въ 1812 г.—25, въ 1813 г.—28, въ 1814 г.—28. Параллельно съ этимъ, конечно, уменьшалось и число вакантныхъ каѳедръ.

Вотъ таблица, которую намъ даетъ Рославскій-Петровскій [1]). Она не совпадаетъ нѣсколько съ представленными нами данными, но эта маленькая разница объясняется, по всей вѣроятности, трудностью сдѣлать точный подсчетъ цифръ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ.

Въ 1805 г.—10 орд. проф., 1 экстраорд., 8 адъюнктовъ, 2 лектора, всего 21 (7 русскихъ и 14 иностранцевъ).

Въ 1806 г. — 11 — 1 — 8 — 2, всего 22 (7 и 15).
Въ 1807 г. — 13 — 2 — 8 — 2, всего 25 (7 и 18).
Въ 1808 г. — 14 — 2 — 9 — 1, всего 26 (7 и 19).
Въ 1809 г. — 15 — 1 —10 — — всего 26 (7 и 19).
Въ 1810 г. — 13 — 1 —10 — — всего 24 (7 и 17).
Въ 1811 г. — 14 — 4 — 3 — 3, всего 24 (10 и 14).
Въ 1812 г. — 18 — 3 — 4 — 3, всего 28 (12 и 16).
Въ 1813 г. — 18 — 3 — 7 — 5, всего 33 (15 и 18).
Въ 1814 г. — 17 — 2 — 9 — 4, всего 32 (16 и 16).

Если сопоставить эти цифры съ тѣмъ количествомъ профессоровъ, какое полагалось по штату, то окажется слѣдующее:

Въ 1-й годъ недоставало 17 проф., 4 адъюнктовъ и 1 лектора (22).

Во 2-й годъ — 16 — 4 — 1 — (21).
Въ 3-й годъ — 13 — 4 — 1 — (18).
Въ 4-й годъ — 12 — 3 — 2 — (17).
Въ 5-й годъ — 12 — 2 — 3 — (17).
Въ 6-й годъ — 14 — 2 — 3 — (19).
Въ 7-й годъ — 12 — 9 — — — (21).
Въ 8-й годъ — 7 — 8 — — — (15).
Въ 9-й годъ — 7 — 5 — 2 лишн. (12).
Въ 10-й годъ — 9 — 3 — 1 лишн. (12).

Такимъ образомъ, число вакантныхъ каѳедръ, благодаря энергичной дѣятельности совѣта по части замѣщенія ихъ, постепенно умень-

---

[1]) Объ ученой дѣятельности Императорскаго Харьковскаго университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія, стр. 6-я и 9-я.

шается: въ первый годъ ихъ было въ общемъ счетѣ 50%, а въ 9-й и 10-й годы менѣе 25%.

Особенно замѣтно росло число ординарныхъ профессоровъ и лекторовъ; цифра этихъ послѣднихъ, въ послѣдніе два года, превысила даже норму устава. И причина этого явленія совершенно понятна: съ одной стороны всѣ адъюнкты и экстраординарные профессора стремились къ ординатурѣ, смотря на званіе экстраординарнаго профессора, какъ на временное переходное состояніе въ своей дѣятельности, съ другой въ категорію лекторовъ попадали преподаватели не только „свободныхъ искусствъ", которымъ тогда сильно покровительствовали, но подъ часъ и научныхъ предметовъ. Необходимо также отмѣтить то обстоятельство, что число русскихъ профессоровъ также стало увеличиваться и въ 1814 году сравнялось съ числомъ иностранныхъ. Важное вліяніе въ этомъ случаѣ оказали политическія событія — реакція противъ иностранцевъ, вызванная Наполеоновскими побѣдами и подъемомъ русскаго національнаго самосознанія въ войну 12-го года; въ пользу такого объясненія говоритъ между прочимъ и статистическая, такъ сказать, хронологія: число русскихъ профессоровъ оставалось неизмѣннымъ до 1811 года, а съ этого момента сразу поднимается и начинаетъ замѣтно возрастать въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ. Наконецъ, для правильной оцѣнки представленныхъ здѣсь цифръ (касательно вакантныхъ каѳедръ) нужно имѣть еще въ виду одно важное обстоятельство. Медицинскій факультетъ началъ функціонировать только съ 1811 года. Такимъ образомъ, до этого времени общее число занятыхъ каѳедръ придется распредѣлять въ сущности не между 4, а только между 3-мя факультетами (на „врачебномъ отдѣленіи" было очень мало профессоровъ) и на долю каждаго изъ нихъ придется меньше вакантныхъ каѳедръ, чѣмъ выходитъ по нашему среднему расчету. При открытіи университета всѣхъ преподавателей было, напримѣръ, 19 (кромѣ лекторовъ), и они распредѣлялись по факультетамъ такъ: на долю физико-математическаго отдѣленія приходилось 9 душъ, этико-политическаго 5 и словеснаго тоже 5, т. е., другими словами, недоставало всего 11 чел. или 36% (а не 50%).

Пополнялась профессорская коллегія Харьковскаго университета, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ двумя способами: или вызовомъ изъ заграницы иностранныхъ спеціалистовъ, или приглашеніемъ русскихъ ученыхъ, заявившихъ себя научными трудами или преподавательской дѣятельностью въ извѣстной области знаній. На этомъ вопросѣ мы остановимся еще подробно въ главѣ о научнопреподавательской

дѣятельности профессоровъ; теперь же прибавимъ къ сказанному нами раньше только немногое.

На первыхъ порахъ особенно усердно совѣтъ прибѣгалъ къ вызову иностранцевъ. Объясняется это, конечно, съ одной стороны недостаточностью ученыхъ силъ для занятія профессорскихъ каѳедръ въ Россіи, а съ другой преобладаніемъ въ составѣ совѣта иностранныхъ профессоровъ, относившихся свысока, а подъ часъ и прямо враждебно къ своимъ русскимъ коллегамъ и желавшимъ по многимъ соображеніямъ, частію личнаго, а частію общественнаго характера, усилить иностранный элементъ въ Харьковскомъ университетѣ. Изъ совѣтскихъ протоколовъ видно, что на вакантныя каѳедры предложено было весьма значительное количество лицъ; но выборы нѣкоторыхъ изъ нихъ были отложены и за тѣмъ вовсе не состоялись, иные поставили слишкомъ тяжелыя условія, а иные, хотя и были выбраны, но не пріѣхали въ Харьковъ. Такъ, напримѣръ, въ засѣданіи совѣта 14 сентября 1805 г. имѣлись въ виду для выборовъ слѣдующія лица: Пильгеръ, Гауфъ, Лассій (для военныхъ наукъ), Коверденъ, докторъ Конъ и Бензенъ (по политической экономіи), Шютцъ (по статистикѣ), Бродрейхъ (по технологіи), Рейтъ, Фуксъ, Гемпель, Розенталь, Зибертъ, Дрейсигъ, Матэи, Линкъ, Гумпрехтъ, Либстъ, Моръ, Коритари, Швехрихенъ, Белецкій, Черничъ; но подверглись баллотировкѣ только нѣкоторые изъ нихъ.

Свѣтила европейской науки не рѣшались ѣхать въ отдаленный Харьковъ, гдѣ было такъ мало образовательныхъ средствъ, хотя на первыхъ порахъ и не отказывались рѣшительнымъ образомъ. Такъ было, напримѣръ, съ знаменитымъ *Вольфомъ*, „труды котораго составляютъ эпоху въ изслѣдованіи гомерическаго эпоса“. „Совѣтъ Харьковскаго университета выбралъ въ 1807 г. Вольфа ординарнымъ профессоромъ латинскаго языка и археологіи. Политическія смуты, неопредѣленность будущаго и другія соображенія заставили Вольфа рѣшиться на переѣздъ въ Харьковъ. Онъ подалъ уже въ отставку, но былъ удержанъ въ прусской службѣ рескриптомъ короля, обѣщавшимъ большія выгоды ученому, которымъ гордилась Германія“ [1]). „Въ 1811 г. Харьковскій университетъ представилъ на вакантныя каѳедры: исторіи законовѣдѣнія и правъ славнѣйшихъ новыхъ народовъ извѣстнаго ученостью своею по этой части *Цезаріэ*, который однакоже не могъ принять приглашенія, хотя сначала и изъявилъ согласіе, прикладной математики—профессора Виттенбергскаго университета *Штейнгейзера*, анатоміи Вюрцбургскаго профессора *Госсельбаха*, превосходнаго писателя по своей спеціальности, медицин-

---

[1]) М. И. Сухомлинова. Изслѣдованія и статьи, т. I-й, стр. 69—70.

ской словесности и діэтетики—Лейпцигскаго профессора *Бурдаха*, извѣстнаго многими сочиненіями. На каѳедру восточныхъ языковъ: арабскаго, турецкаго, персидскаго и еврейскаго единогласно избранъ *Вилькенъ*, одинъ изъ первыхъ оріенталистовъ въ Германіи" [1]). Не поѣхали въ Харьковъ извѣстные профессора *Сарторій* и *Гейнрихъ*, къ которымъ также обращались съ приглашеніемъ переселиться въ Россію и занять вакантныя каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ. Первый рекомендовалъ на предлагаемое ему мѣсто *Ковердена*, а второй хотѣлъ было ѣхать, но въ концѣ концовъ раздумалъ, какъ это видно изъ письма его отъ 9 іюля 1805 г. Въ этомъ письмѣ онъ пишетъ, [2]) что будучи недоволенъ

---

[1]) Ibidem. стр. 99—100.

[2]) Вотъ подлинный текстъ его письма.

Theuerster Freund,

Der Antrag einer öffentlichen Lehrstelle auf der Universität zu Charkow ist mir Allerdings sehr schmeichelhaft u. ehrenvoll. Auch glaube ich, dass ich dem Amte keine Schande machen würde. Ich habe 6 Jahre, die schönsten meines Lebens, in Russland zugebracht, bin mit der Nation und der Verfassung des Reichs nicht unbekannt, spreche zwar nicht russisch, könnte mich aber doch in 4 anderen Sprachen auf dem Lehrstuhle verständlich machen. Zudem bin ich mit mehrern hiesigen Einrichtungen nicht so zufrieden, dass ich mich auf immer hier zu bleiben entschliessen könnte. Wirklich brachte mich dies zusammen genommen auf den, in meinem vorigen Briefe geäusserten Wunsch meine Zufriedenheit anderwärts, selbst in Russland, suchen u. finden zu können. Aber an das zu enfernte Charkow dachte ich damals freylich nicht. Wenn ich auch da meine Zuhörer, als Professor, befriedigen würde, so würde ich doch mich selbst nicht befriedigen können.—Sie wissen, welche ungeheure Menge von Büchern der schreibende Historiker braucht; Ihre Bibliothek aber ist zur Leit noch höchst unvollständig. Ich würde also nicht mit der gewohnten, mit meiner Existenz unzertrennlich verbundenen, schriftstellerischen Thätigkeit fortarbeiten können; nicht zu gedenken, dass ich von so manchen gelehrten Freunden u. Hielfsquellen würde abgeschnitten worden, wenn ich den Ruf annähme. Verzeihen Sie daher, dass ich ihn ablehne und vor der Hand noch in Deutschland bleibe. Indessen danke ich Ihnen für Ihre sehr freundschaftliche Gesinnung gegen mich mit aufrichtigem u. gefühlvollen Herzen. Wäre es ein Antrag nach Dorpat oder Moskwa gewesen, so hätte ich Ihn wohl ohne Bedenken angenommen.

An Hrn Prof. Georg ist nicht zu denken. Seiner Geschicklichkeit im cameralistischen Fache ist Keineswegs zu bezweifeln; er liesst u. schreibt mit Beyfall, aber, so viel ich weiss, jenes nur in deutscher Sprache. Ueberdem ist er sehr hypochondrisch, u. seit kurzem des academischen Lebens so müde, dass er vor wenigen Wochen seine Dimission genommen hat u. nach Frankfurt a. M. abgehen wird, um hier zu privatisiren. Unter diesen Umständen habe ich wohl nicht nöthig, auch auf diè Frage von seinem moralischen Charakter zu antworten, ungeachtet diese Antwort nicht zu seiner Nachtheil ausfallen könnte.

нѣкоторыми порядками, царившими въ Іенскомъ университетѣ и хорошо знакомъ съ Россіей, въ которой онъ провелъ 6 лѣтъ, наилучшихъ въ его жизни, онъ высказалъ желаніе найти себѣ пристанище въ Россіи. Но онъ не думалъ о слишкомъ отдаленномъ Харьковѣ. Еслибы даже въ этомъ послѣднемъ онъ былъ полезенъ для своихъ слушателей, которымъ онъ могъ бы читать на 4-хъ языкахъ (исключая русскаго, въ незнаніи котораго онъ сознается), то онъ не въ состояніи былъ бы продолжать успѣшно своей научной дѣятельности — историческихъ работъ, вслѣдствіе недостатка нужныхъ ему пособій въ университетской библіотекѣ. Онъ жалѣетъ, что долженъ отказаться отъ столь почетнаго и лестнаго для него предложенія. Если бы шла рѣчь, прибавляетъ Гейнрихъ, о Дерптѣ или Москвѣ, то я безъ сомнѣнія бы принялъ предложеніе. Кончаетъ свое письмо Гейнрихъ строками, касающимися его товарища по университету проф. Георга и любезностями по адресу профессорской коллегіи Харьковскаго университета. Проф. Гейнрихъ не даромъ говорилъ, что главнымъ препятствіемъ къ его переѣзду въ Харьковъ является бѣдность Харьковской университетской библіотеки. Дѣйствительно онъ усердно работалъ по исторіи и написалъ между прочимъ слѣдующіе труды: 1) Deutsche Reichsgeschichte, 2) Geschichte von Frankreich и 3) Geschichte von England. Спрашивается, гдѣ бы въ Харьковѣ онъ могъ найти матеріалы для послѣдняго, напримѣръ, сочиненія, надъ которымъ онъ именно работалъ въ то время (въ 1805 году), когда университетская библіотека только что формировалась и въ 1805 году въ ней было по всѣмъ отдѣламъ менѣе 5000 томовъ книгъ?

Переѣзду въ Харьковъ особенно выдающихся заграничныхъ профессоровъ препятствовало также то обстоятельство, что совѣтъ не могъ имъ предложить болѣе выгодныхъ матеріальныхъ условій сравнительно съ другими кандидатами. Уставъ назначалъ одинаковый размѣръ жалованья для всѣхъ профессоровъ и не допускалъ ни для кого исключеній изъ этого правила. Между тѣмъ въ Пруссіи и Германіи того вре-

---

Den ill. Senat Ihrer Academie versichern Sie meiner dankvollsten Ehrerbietung für das gegen mich geäusserte Zutrauen. Es thut mir ernstlich weh, dass ich meiner Neigung, mit so würdigen Männern, in collegialische Verhältnisse zu treten nicht folgen kann.

Ihrem werthen Hause und meinen Freunden in Charkow empfehle ich mich u. die Meinigen zum fortdauernden Wohlwollen, u. bin mit wahrer Verehrung.

Eu. Wohlgebohren
gehorsamster Diener Chr. Gottl. Heinrich.

Iena, den 9 Iul.
1805.

мени господствовалъ другой взглядъ на это дѣло: для того чтобы удержать на мѣстѣ или привлечь на извѣстную каѳедру знаменитаго профессора, тамъ считали возможнымъ затрачивать и бо́льшую сумму, чѣмъ полагалось по штату; благодаря этому, Вольфъ остался на мѣстѣ и не переѣхалъ въ Россію.

Но нельзя не сознаться, что и наша система имѣла *въ то время* одну выгодную сторону: это *единообразіе*, устранявшее возможность такихъ недоразумѣній, какія встрѣчались бы при отсутствіи его. Чрезвычайно характернымъ въ этомъ отношеніи является примѣръ Іенскаго профессора Георга. Этотъ послѣдній, хотя и не принадлежалъ къ числу первоклассныхъ ученыхъ, но высказалъ такія требованія для перехода своего въ Харьковъ, какія не могли быть удовлетворены совѣтомъ и даже едва ли соотвѣтствовали его ученой извѣстности и ожидаемой отъ него пользѣ. Переписку съ нимъ велъ Шадъ. Въ университетскомъ архивѣ сохранилось впрочемъ только послѣднее его письмо (на нѣмецкомъ языкѣ [1])—другого болѣе ранняго письма (на латинскомъ языкѣ) мы не нашли. Письмо Георга отличается необыкновенною обстоятель-

---

[1]) Вотъ его оригиналъ.

Mein hochgeschäzter und werther Freund!

Wegen dieser Zeilen muss ich um Vergebung bitten: sie sind Nachtrag zu meinem vorgestern an Sie abgefertigten Schreiben, die Ihnen Antworten auf Ihre geneigte Anfrage bringen. Ich fürchte nehmlich, dass sich einige Sprachfehler eingeschlichen haben, die ich vielleicht nicht gemacht haben würde, wenn ich mich nicht nach einer mehrere Tage langen Ueberlegung der Sache, um Ihrem Verlangen nach baldiger Antwort Genüge zu leisten, wirklich übereilt hätte. So viel mir darüber Zweifel einfallen, will ich hiernächst anzeigen: ich bitte aber so wie dieser muthmasslich begangenen Fehler, auch aller etwaigen übrigen wegen um Ihre Verzeihung, gütige Entschuldigung bei Ihren Herren Collegen, und Verbesserungen derselben in den Originalien.

Ich fürchte nehml. geschrieben zu haben: 1) *Capies* statt *ceperis*, ein Sinn-Fehler; 2) *consequerem* statt *consequerer*; als Deponens . . . . . *consequi* kommt noch einigemal richtig in den beiden Schreiben vor. Diese in dem öffentl. Schreiben. In dem Additamento zu dem öffentl. Schreiben, möchten vorkommen: 1) *in pecunia* . . . . . *attinens* statt *in pecunia adtinente.* 2) *in vicinium* statt *in viciniam;* 3) *ei fundum et pecuniam, quin etiam honoribus eum ornauit*—hat gar keinen sinn: es soll heissen *ei fundum dedit et pecuniam*, etc, oder *eum fundo, pecunia, q. e. h. ornauit.* Auch statt *quaedam expung.—me q. ex.*

So unendl. leid es mir ist, dass der flüchtigen Feder diese fatalen Fehler entschlüpft sind, so ist es einmal passirt, und ich kann sie durch nichts, als durch diese Anzeige, vielleicht nur zum Theil gut machen. Ein Glück, dass ich eine kl. lateinische Schrift beigelegt habe, die so zieml. rein ist (2—3 Fehler abgerechnet, die aber, da die Worte *mehrmalen* richtig im Büchelchen vorkommen, offenbare Druckfehler sind). Wie sehr bedarf ich doch Ihrer Güte und Nachsicht! Zumal da man mir sagt, dass alles aufgeboten werden solle, mir—hinderlich zu seyn.

ностью и пунктуальностью: въ немъ предусмотрѣны малѣйшія случайности, касающіяся матеріальнаго обезпеченія новаго профессора въ Россіи; авторъ его обнаруживаетъ удивительное знакомство даже съ полнымъ собраніемъ законовъ Россійской Имперіи—именно съ тѣми статьями, которыя трактуютъ о русскихъ рубляхъ; его предусмотрительность доходитъ до того, что онъ указываетъ лицо, которое черезъ 10 лѣтъ

Den ubrigen Raum des Papiers benutze ich noch für den Fall, wenn meine ersten Schreiben nicht gelangt seyn sollten, u. diesem dieses Glück zu Theil werden sollte. Denn es ist auf dieser weiten Route und bei der so verschiedenen Postverwaltung in den verschiedenen Ländern, durch welche sie sich zieht. der Fall leicht möglich, dass eines oder das andere verloren gehen könnte. Der Inhalt meines lezten Antwortsschreiben stehe mithin in aller Kürze hier nochmals. (Meine *Institutiones juris forestalis Germ.* sende ich nicht nochmals):

1) Ich bat den illüstren Senat um Mittheilung aller Gesetze und Bedingungen, unter welchen ein Professor dort überhaupt, zunächst der Prof. der Landwirthschaft seine Stelle anzutreten, und zu versehen hat. Auf den Fall mir die Bedingungen convenirten, sey ich nicht abgeneigt, der Vocation, die mir zu Theil werden sollte, zu folgen.

2) Ich setzte kürzlich auseinander, was zur Wirksamkeit einer solchen Stelle, zumal in Ihrer Gegend, wo es an augenscheinlichen Beispielen der Cultur so sehr mangelt, unumgängl. nöthig seyn dürfte. Der Prof. der Landwirthschaft sollte nehmlich zugleich *Director* eines *Oökonomischen Instituts* seyn. Zu dem Ende sey zu wünschen:

a) dass er etwa mit 50 Desätinen Lands ganz zunächst dichte an der Stadt eingeräumt erhielte, so bald er seine Stelle antritt (zur Noth auch weniger).

b) dazu das hinreichende Geld in einem Zeitraum von 2—3 Jahren nach u. nach.

α) um die nöthigen Gebäude, als Wohnhaus, Stallungen, Scheuern, Keller, Schuppen, Brunnen, Mauern oder Umzeunungen, Brauhaus, Branntweinbrennerey und s. f. aufzuführen.

β) um die dazu nöthigen Einrichtungen vorzunehmen, die Geschirre, Gefässe, die Instrumente nach den besten Modellen gefertigt anzuschaffen u. dgl.

γ) um die *principia—seminum* u *pabuli*, das nöthige Vieh u dgl. beizuschaffen, die erste Bodencultur anzunehmen u. dgl.

c) Einen jährl: Zuschuss von 1000 Rubel zur völligen Bestreitung der Ausgaben in der inneren Wirthschaft, denn da ich teutsche Arbeiter nöthig und diese russisch zu bezahlen habe, um sie dahin zu bewegen, da ich eine Menge Samenwerk, Propf—reiser, Fexer u. dgl. aus verschiedenen Gegenden mit grossen Kosten nach u. nach kommen lassen muss, da ferner das Land in hunderterley kostspieligeren Pflanzenbau eingetheilt werden muss, um dem Unterricht Genüge zu leisten, und da der Oekonom mit aller Kunst die Witterung nicht vorhersehen und regieren kann: so erhellet daraus schon zur Genüge, dass ich wohl wenig verlange, und viel wage, wenn ich damit ausreichen soll. Bei ausserordentl. Unglucksfällen, als Hagelschlag, grossem Misswachs, und bei *vorgeschriebener* Wirthschaftsweise aber kann ich keine Summe des Zuschusses eingehen. Ohnedem nehmen die vielen Experimente viel Geld hinweg; und besonders ist aller Anfang selbst einer nicht ungeübten Hand nicht leicht.

будетъ получать для него отъ русскаго правительства пенсію. Но вмѣстѣ съ этимъ Георгъ пропагандировалъ и устройство въ Харьковѣ одного общеполезнаго учрежденія—агрономическаго института.

Вотъ условія, на которыхъ Георгъ соглашался переѣхать въ Харьковъ. Онъ раньше уже просилъ совѣтъ университета сообщить ему о правахъ, которыми пользуются въ Россіи профессора вообще и препо-

---

3) Ich zeigte die Vortheile einer solchen Anstalt. Sie wäre nicht nur Schule für Studenten, sondern auch für das Publikum, das da bessere Instrumente, Landbestellungs—u. Behandlungs-weisen *siehet*,—die besseren Pflanzen nach und nach *erhält*, mit Ihrer Zubereitung *bekannt wird*, und den Professor zur Seite hat, um sich über dieses und jenes zu *erkundigen*, was ihm nicht deutlich ist. Ich führte das Beispiel des Thärischen Instituts an, das der König von Preussen kürzlich errichten liess, und das im Grunde dasselbe ist, wie ich es hier gebe; oder viceversa vielmehr *).

4. Ich gab meine Wünsche an, unter welchen ich die Professur annehmen würue, falls ich dazu berufen werden sollte. Diese sind hier nochmals:

a) Obiges Land, Kapital zu den beschriebenen Bedürfnissen, und obiger jährl. Zuschuss (den ich aus Nachrichten über verschriebene Preise dortiger Gegend *ohngefähr* calculirte).

b) Als Professor der Landwirthschaft 2000 Rubel fixen Gehalt. Als Director des akademisch-ökonomischen Instituts eben so viel; in Summa iahrl. 4000 Rubel fixen Gehalt. (Wie stehet denn um die Collegiengelder?)

c) Nach Ablauf von zehen Jahren, wenn ich dann nach Teutschl. zurück wollte, eine iährliche lebenslängl. Pension von 2000 Rubeln. Diese franco par tout in Frankfurt am Mayn (etwa durch den dortigen Russisch.—Kaiserl. Consul Hn Bethmann, den Geschwisterkindsvetter meiner Frau) iährl. auszuzahlen.

d) Nach Ablauf von 5 Jahren, wenn ich dann zurückwollte, eben so vielReisegeld, als ich Umzug erhalten habe. Dagegen will ich meine etwa 3500 Bände starke Bibliothek, worunter *sehr* viele und kostbare Kupferwerke sind, die zum Thl. in grosse Bibliotheken gehören, der Akademie *umsonst* zurücklassen. Diese Bibliothek kostet mich etwa *fünftausend Thaler!*

e) Dasselbe *beneficium* meiner Frau (N *d.*) wenn ich früh oder spat dortselbst mit Tod abgehen würde, und sie zurückwollte; eben so meinen Kindern, im Falle meine Frau mich nicht überlebte.

f) Hinlängliches Reisegeld, in Rücksicht

α) auf die natürliche Schwachheit meiner Kinder, worunter eines von iezt 14 Tagen, und meines Weibes, (es ist auf tägl: 5 Meilen, und auf 4 Pferde, dann auf Rasttag an den Sonntagen, so wie auf die ungeheure Prellerey in den an die Iuden verpachteten Kneipen in Pohlen, endl. auch auf besondere Zufälle gnädigste Rucksicht zu erwarten).

β) Auf Bibliothek und Hausgeräthe aller Art, was des Transports nicht unwurdig ist. Dies wiegt zusammen etwa 150 Ctr Nürnberg. oder Frankft. Gewicht, wie ich aus meinem Umzug sicher weiss. Davon habe ich allen Reise—Überfluss, den ich mir hier erst auschaffte, als gemeine Tische u. Stühle, Schränke u. dgl. schon abgerechnet. Die *Consequia* gehet mit mir zugleich.

*) Es ist mir nicht unbekannt, was *Friebe* Russlands Handel etc. I. S. 173 von den Versuchen und Ausführungen eines Rasumovski und Rumänzow sagt, und verdienten diese grossen Beispiele wohl die Aufmerksamkeit der hohen Behörden?

даватели земледѣлія въ частности. По его мнѣнію, профессоръ земледѣлія въ Харьковскомъ университетѣ одновременно долженъ былъ бы быть и директоромъ хозяйственнаго института. Для этой цѣли желательно, чтобы онъ получилъ немедленно по вступленіи въ должность около 50 десятинъ земли у самаго города (въ крайнемъ случаѣ и меньше), затѣмъ въ теченіе 2—3 лѣтъ постепенно суммы, необходимыя для

γ) Das Reisegeld entweder in Leipzig ganz pränumerirt, oder die Hälfte in Leipzig, die andere in Cracau.

g) Unter Rubeln seyen zu verstehen Rubeln in blanker Silber-Münze (in specie), deren XIII Stück eine feine Mark Cöln: machen, oder die nach dem Münz-Gesetz von A° 1763 ausgeprägt sind. Rubeln in Banco-Papier sey ich nach keinen Cours anzunehmen gehalten.

h) Ubrigens alle Rechte, Privilegien, Emolumente u. Ehren, wie ieder der Herren Professoren dortselbst.»

Endlich bat ich inständig, diese meine sehr frühzeitigen Propositionen mit dem Hinblick auf den wohlgemeynten Zweck der möglichsten Beschleunigung der Sache anzusehen. Ich wollte das Geringste, was ich nach meinen Verhältnissen eingehen kann, sogleich angeben, um die Sache für ieden Fall abzukürzen.

Irre ich mich nicht, so sagt mir der Geist Ihrer Schriften, dass Sie in der heiligen Flammem des hehren akademischen Geistes, dem Verbreitung der Cultur der Reiz des Lebens ist, die Sache mit Vorschlägen, Erläuterungen, Erklärungen, Empfehlungen kurz mit allen Mitteln bei den Herren Curatoren betreiben werden, deren sie nicht ganz unwürdig zu seyn scheint. Auch Ihr Wink in Ihrem Schreiben, nach dem ich dort manches thun könnte, lässet mich das hoffen: er zeigt die Theilnahme eines Menschenfreundes, das heist eines wahren Philosophen an einem schönen Zweck—zu dem nur die Mittel gehören. Sollten Sie sich nicht zur Urquelle eines solchen Instituts machen wollen, das Charkow von anderen *mit* auszeichnen könnte? Wer anders, als Sie wären Sie? Das Klima und der Boden lassen was Vorzühl. hoffen. Indessen, was auch der Ausgang sey; so haben Sie nur die Gewogenheit, mir so bald zu antworten, als Sie meinen Brief durchlesen und überdacht haben: ob Sie wohl nach der ganzen Lage der Dinge, nach dem Finanzétat nehmlich, und nach dem Geschmack der höheren Behörden an einem solchen Institute, als jenes werden könnte, glauben, dass die Vorschläge werden angenommen werden, oder nicht. Bis Michaelis bin ich hier: sollten Sie mir auch noch so bald antworten, so erhalte ich Ihr Schreiben, hier nicht mehr. Ich bitte also recht sehr, mir solches unter der Adresse: An Prof. Georg zu Bayreuth im Fränkischen Kreise gefälligst zuzusenden. Meine Sachen nehme ich von hier nach Bayreuth vor der Hand nicht mit, da ich iezt zwischen 2 Stühlen sitze. Sollten aber obige Bedingungen *wahrscheinlich* angenommen werden, so setze ich andere Gelegenheiten *entschieden* zur Seite, und eile zu Ihnen einstweilen in Gedanken. Dass Sie sich keine vergebl: Mühe, von mir verschuldet, geben, darüber mein Ehren-Wort!

Ihre Erkundigung um mich dahier, die ich völlig billige, ist weder für Sie, noch für mich in die besten Hände gekommen. Für Sie—man bekrittelt die Worte „de charactere scientifico et morali“ (welche der Deutlichkeit ganz entsprechen) u. trommelt sie wie man sagt als „characteres stylisticos Charkovienses (oder Scharkowiensis?) herum; für mich nicht, weil der Herr N. N. der zugl. mit mir Ihr Schreiben erhielt, mein

возведенія построекъ (жилыхъ помѣщеній, конюшень, погребовъ, винокуреннаго и пивоваренннаго завода и т. п.), для покупки инструментовъ, посуды лучшихъ образцовъ, для пріобрѣтенія скота, сѣмянъ и т. д., и ежегодную ассигновку по 1000 р. для веденія хозяйства (онъ подробно исчисляетъ назначеніе этихъ денегъ). Этотъ институтъ служилъ бы прекрасной школой не только для студентовъ, но и для публики, которая видѣла бы тамъ лучшіе инструменты и орудія, лучшіе способы обработки земли, получила бы мало-по-малу лучшія растенія, ознакомилась бы съ ихъ разведеніемъ и имѣла бы возможность обращаться за разъясненіемъ своихъ недоумѣній къ профессору-спеціалисту. Лично для себя Георгъ хотѣлъ слѣдующаго: 2000 р. жалованья въ качествѣ профессора земледѣлія и столько же за директорство въ хозяйственномъ институтѣ (всего 4000 р.); по истеченіи 10 лѣтъ, если бы онъ захотѣлъ вернуться въ Германію, ежегодную пенсію въ размѣрѣ 2000 р., свободную отъ всякихъ вычетовъ и уплачиваемую во Франкфуртѣ на Майнѣ черезъ тамошняго русскаго консула Бетмана (двоюроднаго брата его жены); если бы онъ пожелалъ вернуться, по истеченіи 5 лѣтъ,—столько же денегъ на путевые расходы, сколько получено было бы имъ для пріѣзда въ Россію (за то онъ готовъ пожертвовать Харьковскому университету свою библіотеку, состоящую почти изъ 3500 томовъ, между которыми очень много цѣнныхъ гравюръ на мѣди, стоющую около 5000 талеровъ) и такой же „beneficium“ его женѣ, если онъ скончается въ Россіи, а эта послѣдняя пожелаетъ вернуться въ отечество; тоже и для дѣтей, если бы жена умерла раньше его. Путевые расходы Георгъ высчитывалъ такъ: a) прогоновъ на 4 лошади по 5 миль въ день, выключая праздники и воскресенія, съ прибавкою нѣкоторой суммы на уплату евреямъ-корчмарямъ и на другія непредвидѣнные расходы; b) извѣстную сумму для перевозки библіотеки и домашняго скарба (исключая мелкихъ вещей—столовъ, стульевъ, которые не будутъ перевозиться)—всего 150 центнеровъ нюрнбернскаго или франкфуртскаго вѣса (450

Freud so wenig ist, als manche Andere, deren Namen Ihnen so fremd nicht seyn möchten.—Die fatalen Senats-verhältnisse haben so manches Uebel gestiftet! Wissen Sie, dass zur Zahl der Abgegangenen auch Thibaut, Ackermann, Fries, Voss und zu den Bald-Abgehenden Stock jun. u vermut. auch der wackere Augusti gehören? Alle Abgehende klagen über das gute Jena nicht; aber über . . . . . .

Mit wahrer Hochachtung Ihr gehorsster D-er.

Iena den 10 Iulii 1805 Georg.

Sollte sich die Sache etwa machen; so schreiben Sie mir gefälligst recht viele Preise verschiedener Waren, und Bedürfnisse an Pflanzenarten unseres Landes. Haben Sie für oder aus Teutschland etwas zu besorgen, so tragen Sie mir es ja gefälligst auf: es besort es ein Freund.

пудовъ). Всѣ эти суммы должны быть выданы или впередъ, или половина въ Лейпцигѣ, а половина въ Краковѣ и при томъ отнюдь не бумажными деньгами (которыхъ, прибавляетъ Георгъ, я не обязанъ принимать ни по какому курсу), а серебряными, новыми (не обезцѣненными) рублями, отчеканенными согласно монетному уставу 1763 года (13 штукъ ихъ образуетъ одну марку чистаго серебра). Въ остальномъ Георгъ желалъ пользоваться правами и привиллегіями русскихъ профессоровъ. Письмо заканчивалось нѣсколько загадочной фразою, что причиненный имъ, Георгомъ, профес. Шаду трудъ не напрасенъ—въ томъ его слово. Условія, предложенныя Георгомъ, были прочитаны въ совѣтѣ университета и признаны слишкомъ тяжелыми; кандидатура Георга на должность Харьковскаго профессора была здѣсь отклонена, и любопытно, что главнымъ мотивомъ для ея отклоненія выставляется незнаніе Георгомъ латинскаго языка: „decrevit Senatus academicus eum his sub conditionibus praesertim ob ignorantiam linguae qualiscunque alterius præter germanicam in numerum professorum recipi nequaquam posse“. Для объясненія этого факта нужно замѣтить, что передъ этимъ Георгъ, въ отвѣтъ Шаду, написалъ письмо на латинскомъ языкѣ и сдѣлалъ въ немъ много ошибокъ, которыя и оговариваетъ въ своемъ 2-мъ нѣмецкомъ письмѣ. Много повредилъ Георгу также, кажется, краткій, но довольно ядовитый отзывъ его товарища по университету профессора Гейнриха. О профессорѣ Георгѣ, писалъ проф. Гейнрихъ, и думать нечего. Знаніе имъ своей спеціальности внѣ сомнѣнія; онъ читаетъ и пишетъ съ успѣхомъ; но, во 1-хъ, только по нѣмецки, а, во 2-хъ, онъ—ипохондрикъ да къ тому же и усталъ отъ университетской дѣятельности, такъ что недавно даже вышелъ въ отставку.

Впрочемъ иногда и очень выдающіеся нѣмецкіе профессора переселялись къ намъ изъ Германіи на обычныхъ условіяхъ ихъ вознагражденія. Это, напримѣръ, нужно сказать о профессорѣ *Якобѣ*, который принялъ приглашеніе совѣта и былъ нѣкоторое время украшеніемъ этикополитическаго отдѣленія нашего университета. Когда Сев. Осип. Потоцкій вошелъ съ предложеніемъ о приглашеніи его въ Харьковъ, то иностранные члены совѣта единогласно заявили, что, это „vir, qui plurimis operibus philosophicis et potissimum novissimo opere de oeconomia politica edito in orbe litterario est notissimus“.

Рядомъ съ профессорами, которые не соглашались ѣхать въ Харьковъ, слѣдуетъ отмѣтить и тѣхъ, которые сами предлагали себя въ преподаватели Харьковскаго университета; таковъ былъ, напримѣръ, итальянскій ученый Куоко и Руифтенъ. Первый обратился съ просьбой о рекомендаціи къ проживавшему въ Италіи польскому графу Ѳаддею

Морскому, бывшему въ дружескихъ отношеніяхъ съ попечителемъ Сев. Осип. Потоцкимъ и приславшему отъ себя просительное письмо за него къ этому послѣднему. Въ примѣчаніи мы помѣщаемъ въ подлинникѣ оба письма, а здѣсь только передадимъ содержаніе перваго изъ нихъ [1]). Въ немъ Куоко проситъ своего друга Өаддея Морскаго написать въ

---

[1]) Вотъ его итальянскій текстъ.

Amico.

E giorno di posta; ed io mi prendo la libertà di rammentarvi la promessa fattami di voler scrivere al Ministro dell Istruzione Pubblica in Pietroburgo onde poter avere una cattedra in una delle Università di quell' Impero.

Mi sarebbe sempre cara una situazione nella quale io potessi coltivare con tranquillità quegli studj che formaron l'occupazione de più begli anni della mia vita, ed ai quali son contento di esser ritornato. Ma se questa stessa situazione la potessi ottenere in un' Impero che per la sua intrinseca forza e per la sua posizione è lontano da tutte quelle vicende che han desolata e che minaccian di desolar di nuovo la miâ patria; in un Impero ove un Principe, pieno di mente e di cuore, sa conservar l'ordine e farlo amare, e simile a Trajano, sa riunir due cose le quali difficilmente sogliono stare insieme, la libertà e l' Imperio; la mia situazione mi sarebbe carisjima.

Voi mi conoscete. Scrivete di me quello che crederete opportuno.—Per un saggio delle mie cognizioni potrei, se voi lo crederete necessario, inviare i due primi volumi del mio *Platone in Italia:* il terzo è ancora sotto il torchio. Un giudizio sopra quest opera che ora si vuol tradurre in Tedesco, è stato dato dall' *Italienische Miscellen* giornale letterario che si stampa dal librajo *Cotta* 'schen di Tubinga. — Ho stampata anche una picciola operetta statistica sul *Dipartimento dell' Agogna*, che avrò il piacere di offrirvi il primo giorno che verrò da voi.

Se si desiderassero altre prove sulla mia persona, sui miei studj, sulla mia morale, son pronto a darne. Non le offro perchè credo far un torto a voi. Un uomo che voi avete riputato degne della vostra amicizia e che voi stesso raccomandate, qual prova potrebbe dar di sè che meritasse più fede del vostro giudizio e della raccomandazione vostra?

La cattedra che io desidererei sarebbe di filosofia specolativa o morale, di legislazione, o di economia politica. — Desidererei averla in una Università di Polonia o di Wolhynia; Wilna, per esempio, Kaminiek ec. ec.

Nel tempo istesso desidererei sapere qual sia lo stipendio assegnato ai professori, e se si dia loro qualche indennizazione per le spese del viaggio, tanto più se converrà seco qualche provisione di libri.

Io mi avvedo, Sig-r Conte, che vi sono importuno, ma la mia importunità vien dalla fiducia che io ho nell' amicizia vostra, e questa fiducia è l'attestato più sincero di stima che io possa rendere al vostro cuore.

Milano 20 Marzo 1805.

Vro amico
Vincenzo Cuoco.

Приносимъ сердечную благодарность М. М. Пинто за переписку и переводъ этого документа.

Петербургъ министру народнаго просвѣщенія письмо о назначеніи его профессоромъ одного изъ русскихъ университетовъ. Мнѣ было всегда по сердцу, говоритъ Куоко, такое положеніе, въ которомъ я могъ бы предаться занятіямъ, наполнявшимъ лучшіе годы моей жизни. И если бы подобное положеніе я могъ получить въ государствѣ, обезпеченномъ

А вотъ письмо Ѳ. Морскаго. Milan le 20 de Mars 805.

J'aime à croire mon éstimable ami, que ni le temps ni l'éloignement ne scauraient émousser le souvenir de nôtre liaison de société et d'amitié qui datte depuis 30 ans, et que par conséquent Severin le Senateur et le Ministre recevra toujours avec quelqu' intérés des nouvelles de son ancien ami Thadé qui n'est plus rien et ne conserve d'autre titre merité que celui d'ami vrai et solide. — Le motif qui m'engage à vous écrire est de nature à nous faire honneur à tous deux, et du bien à une partie de nôtre pauvre Patrie. Je voyage en Italie depuis plusieurs mois, cherchant toujours pour mon instruction et mon amusement à vivre avec les gens de lettres du Pays. Arrivé ici pour y voir de près les évenements intéréssants qui s'y préparent à l'arrivée prochaine du Monarque français, j'y ai apporté entre autre une reccommandation pour M-r Vincent Cuoco, auteur de l'Histoire de Naples du voyage de Platon en Italie et de plusieur autres ouvrages de critique extremement éstimés. La connaissance plus particuliere de M-r Cuoco a augmentée mon éstime pour lui, d'autant plus que M-r Felici Ministre de l'Interieur de cet État homme extremement respectable est son ami, et m'assure que Cuoco joint la moralité et les moeurs les plus sevères et les plus purs à ces vastes connaissances et à cette sagacité cette diction, qui en font un des plus beaux génies de nôtre temps.—Eloigné de Naples sa patrie, il m'a manifesté le desir de passer quelques années dans nos contrées du Nord et comme quoique de bonne naissance et né de parents liés anciennement avec le Duc de Sevra Capriola que vous voyez chez vous, il n'est pas riche, j'ai crû avantageux et possible de vous engager à lui procurer une chaire de Professeur à Wilna, ou à Kamienieck ou bien quelque part en Volhynie.

Je vous envoye le billet qu'il vient de m'écrire et ou il détaille ses vues et vous prie de le proteger efficacement dans ce dessein et d'être persuadé que c'est une excellente acquisition que vous allez faire au service du Prince vraiment auguste que vous avez le bonheur de servir.—Comme ce soin demande du temps et que j'ignore ou cette lettre peut vous trouver il est probable que vôtre réponse ne me trouve plus à Milan, vous pouvez en conséquence la lui adresser en droiture soit par le Duc de Sevra-Capriola ici, soit sous le couvert de S. E. M-r Félici Conseiller d'Etat et ministre de l'Intérieur de la republique Italienne. Que si mon ami veut m'écrire à moi vôtre lettre adressée ici sous le couvert de *M-rs les frères Balabio et Besana Banquiers à Milan* me suivra et me parviendra partout. Je ne vous écris pas de nouvelles, parce que j'ignore tout et ne m'informe de rien, le Prince Eugène de France (ci devant M. de Beauharnois) est ici, ainsi que les Gardes Imperiales qu'il commande; les mamelouks sont en possession d'occuper la curiosité du public. On attend l'Empereur avec sa famille et le Pape vers Pâques. Nôtre Empereur d'Allemagne doit dit-on se rendre vers le même temps à Venise.

Adieu mon ancien et éstimable ami, conservez moi toujours les sentiments que vous m'avez accordés sur de mon zèle à les meriter et à les reconnaitre.

Thadé Morskj.

Je vous enverrai sous peu l'ouvrage mentionné du Voyage de Platon en Italie à l'adresse de Woyna à Vienne.

внутренней силой своей отъ всѣхъ тѣхъ невзгодъ, которыя удручали и вновь обѣщаютъ удручать мою родину, въ такой странѣ, въ которой Государь, исполненный ума и сердца, умѣетъ отстаивать и заставить полюбить порядокъ и, подобно Траяну, соединить двѣ вещи, трудно соединимыя —свободу и власть—я бы считалъ его наиболѣе привлекательнымъ. Вы меня знаете; пишите обо мнѣ то, что сочтете нужнымъ. Для доказательства моихъ знаній я могъ бы прислать, если Вы признаете это необходимымъ, первые два тома своего сочиненія „Платонъ въ Италіи“ (третій томъ еще въ печати). Рецензія на эту книгу, которую собираются перевести на нѣмецкій языкъ, помѣщена въ литературномъ журналѣ „Italienische Miscel.“, издаваемомъ въ Тюбингенѣ. Я издалъ также не большую статистическую работу „Объ Агоньскомъ департаментѣ“. Если потребуются другія доказательства моихъ занятій и нравственности, я готовъ сообщить таковыя. Не предлагаю ихъ теперь, такъ какъ Вы, сдѣлавъ меня достойнымъ своей дружбы, этимъ самимъ уже рекомендуете меня. Я желалъ бы получить каѳедру умозрительной или нравственной философіи, или законовѣдѣнія, или политической экономіи въ одномъ изъ университетовъ Польши или Волыни (напримѣръ, Вильнѣ, Каменцѣ (sic) и т. п.). Вмѣстѣ съ тѣмъ я желалъ бы знать, какое жалованье назначено профессорамъ, и получаютъ ли они прогоны, въ особенности если придется везти съ собою нѣкоторый запасъ книгъ. Ѳаддей Морскій съ своей стороны рекомендовалъ Куоко Потоцкому, котораго онъ повидимому ошибочно считалъ министромъ, какъ усерднаго и добросовѣстнаго работника. Но, несмотря на все это, Куоко въ Харьковскій университетъ не попалъ, вѣроятнѣе всего потому, что тогда не было ни одной вакантной каѳедры, которую онъ могъ бы и хотѣлъ бы занять.

Другой кандидатъ Руифтенъ хотѣлъ занять мѣсто профессора исторіи и литературы въ Харьковѣ, вслѣдствіе своихъ талантовъ, знанія 5 языковъ, знакомства съ знаменитыми учеными Германіи и Италіи и, наконецъ, рекомендаціи, данной ему дядей Государя герцогомъ Виртембергскимъ. Въ такомъ смыслѣ онъ и написалъ уже изъ Харькова графу Сев. Осип. Потоцкому письмо, сохранившееся въ университетскомъ архивѣ; оно очень характерно и мы приводимъ его во французскомъ оригиналѣ. Но всѣ эти ссылки на знаменитостей не привели ни къ чему: совѣтъ Харьковскаго университета отклонилъ его искательства [1]).

---

[1]) Вотъ это письмо.

Monsieur le comte. Privé par un violent point de côté, de l'honneur de pouvoir rendre personnellement mes hommages à Votre Excellence; je prend la liberté de vous en témoigner par écrit mes plus vifs regrets. La bonté que S. E. monsieur le Gouver-

Имѣя въ виду замѣстить какую либо вакантную каѳедру, члены совѣта Харьковскаго университета обращались за рекомендаціей подходящихъ кандидатовъ къ выдающимся представителямъ западно-европейскихъ университетовъ. Потерявъ надежду пригласить лично ихъ самихъ въ составъ своей коллегіи, Харьковскіе профессора по крайней мѣрѣ хотѣли воспользоваться ихъ авторитетными отзывами о лицахъ, которыя могли занять каѳедры въ юномъ Харьковскомъ университетѣ. Само собою разумѣется, что роль посредниковъ между ними и совѣтомъ брали на себя почти исключительно иностранные профессора, у которыхъ остались ученыя связи и отношенія съ западомъ и которые, какъ мы уже замѣтили выше, были прямо заинтересованы въ томъ, чтобы усилить свой составъ новыми лицами. Со стороны высшаго представителя

---

neur a eue de vous intéresser en ma faveur, m'inspire la hardiesse de détailler à Votre Excellence les motifs qui m'ont déterminer à solliciter une place de professeur à l'université de Charkow. Recomandé particulièrement par l'oncle de S. M. notre auguste Monarque, Monseigneur le Duc de Wurtemberg et cela dans des termes si flatteurs, que ma modestie me défend de les alléguer ici. Comme particulièrement des premiers savans de l'Allemagne, qui m'honorent de leur estime et de leur amitié; tels que un d'Archenholz, un Abbé Hencke, un Abbé Lichtenstein, ces deux derniers placés à l'université de Helmstädt par le duc de Brunswic, qui leur en a confié la direction. De plus en relation avec plusieurs gens de lettres en Italie, par un séjour de dix années que j'y ai fait; tels qu'avec mon ami intime Bisani, Sicilien d'origine et auteur d'un voyage litteraire en Grèce, Asie et Afrique; dont il a déjà paru quatre tráductions, trois en allemand et une en anglais; l'original étant écrit en français; decoré en outre de la dignité de docteur en philosophie, dont le diplome m'a été expédié à l'Uuiversité de Giessen; sans compter cinq langues que je possède, voilà les titres que j'ose présenter à Votre Excellence, comme protecteur des Sciences et de tous ceux qui les cultivent; je sens bien qu'il m'y manque le plus grand, celui de votre bienveillance; j'ose l'implorer en ma faveur et si le temoignage de personnes connues à Petersbourg peut y influer; je n' hésiterai pas un instant à nommer à Votre Excellence, Monsr le Pasteur Lampe, les Conseillers de la cour Adelung, Hinrichs, Weisse, comme des amis particuliers, qui eux mêmes m' ont engagés à me rapprocher de Charkow, comme un endroit favorable à mes talens pour l'histoire universelle et les belles lettres. Quil me serait doux, après les informations prises sur mon compte, d'y ajouter le suffrage de Votre Excellence et de nourrir un espoir qui m'a fait renoncer à ma patrie et quitter l'Allemagne pour venir en Russie jouir d'une époque si favorable aux lumières et aux arts sous le regne glorieux d'Alexandre I. Si sans être indiscret, Votre Excellence voulut me permettre de la prier de m'honorer d'un mot de réponse adressé a W. le professeur Mathäi à Moscou, auprès du quel je vais me rendre; je regarderai cette faveur comme très précieuse et qui mettrait le comble à ma reconnaissance. Ayant l'honneur d'être avec le plus profond respect.

De Votre Excellence.

Le très humble et très obéissant serviteur L. Ruiften. D. en Philosophie.

Charkow le 26 Janv.
1805.

мѣстнаго учебнаго вѣдомства—попечителя университета Сев. Ос. Потоцкаго они могли ожидать только сочувствія и прямой поддержки этой мѣрѣ, потому что онъ также стоялъ за приглашеніе иностранцевъ и самъ лично много сдѣлалъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны и иностранныя знаменитости не отказывали въ своей рекомендаціи разныхъ кандидатовъ, во 1-хъ, потому что такое порученіе не могло не льстить ихъ самолюбію, а, во 2-хъ, и потому что въ ученой и педагогической западно-европейской средѣ того времени было не мало охотниковъ переселиться въ Россію, чтобы тамъ насаждать науку и вмѣстѣ съ тѣмъ устроить свое личное благополучіе; при томъ иностранная колонизація въ предѣлы Россіи, въ началѣ царствованія Императора Александра I-го, пріобрѣла интенсивный характеръ и естественно, что захватывала не только земледѣльцевъ, купцовъ и промышленниковъ, а и педагоговъ и чиновниковъ; такъ было впрочемъ не только теперь, но и въ старину.

Здѣсь съ благодарностью мы должны упомянуть имена двухъ нѣмецкихъ профессоровъ—*Мейнерса* и *Сарторія* (въ особенности перваго), которые взяли на себя трудъ рекомендовать для Харьковскаго университета достойныхъ преподавателей. Сарторій [1]) рекомендовалъ на ту ка-

[1]) Вотъ его письмо.

Göttingen, d. 28 Iul. 1805.

Euer Wohlgeboren.

Bin ich für Ihr gütiges Bedenken gehorsamst verbunden. Meine hiesige Lage erlaubt es mir nicht Ihrem Antrag weiter zu verfolgen. Schon was ein oder anderthalb Jahren bin ich um die Besetzung dieser Professur befragt worden. Wenn ich mich recht erinnere, so geschah die Anfrage durch den Herrn geheimen Rath von Göthe an welchen sich desshalb der Herr Graf Potocki gewandt hatte. Damals habe ich bereits Herrn von Kouverden einen jungen hoffnungsvollen Mann, der hier studirt hat, und sich jetzt im Münsterschen aufhält, zu dieser Stelle vorzuschlagen. Noch jetzt weiss ich niemanden, der mir mehr dazu geschickt schiene. Seine Abhandlung über das Staatspapiergeld habe ich in den Götting. gel. anzeigen v. diesem Jahre № 41 S. 401 recensirt. Vielleicht dass Sie auf ihn reflectiren. Soviel ich weiss ist er weiter noch nicht versagt, doch habe ich in den letzten Zeiten keine nähere Nachricht von ihm gehabt.

Mit den besten Wünschen für das Gedeihen Ihrer Universität, für Ihr eigenes Wohlergehen habe ich die Ehre zu seyn.

Eu. Wohlgeboren
gehorsamster Diener G. Sartorius.

Wen Sie etwa Herrn von Kouverden wahlen sollten, so will ich es gern über mich nehmen die Correspondenz mit ihm desshalb zu befragen.

(На оборотѣ)

A Monsieur
Monsieur Stoikowits professeur
en l'université de et.
à Charkof.
en Russie.

*

ѳедру, которую предлагали ему самому въ Харьковѣ, своего ученика *Ковердена*, о диссертаціи котораго онъ сдѣлалъ отзывъ въ Геттингенскомъ ученомъ указателѣ. Историкъ европейскихъ и въ частности нѣмецкихъ университетовъ Мейнерсъ вошелъ въ сношенія едва ли не совсѣми профессорами Германіи, съ цѣлью побудить ихъ занять каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ. Совѣтъ, какъ и слѣдовало ожидать, отнесся къ рекомендаціямъ этихъ двухъ свѣтилъ нѣмецкой учености съ полнымъ уваженіемъ. Въ виду того интереса, который представляютъ отзывы о тогдашнихъ ученыхъ Мейнерса, мы приводимъ письмо его въ примѣчаніи цѣликомъ [2]).

Je suis infiniment sensible à la confiance, dont Votre Excellence a voulû m' honorer. Je m'enpresserai à me rendre digne de cette confiance d'un homme d'état, également illustre par ses merites, comme par son nom, et son rang. Les commissions, que Ms. de Mouravyeff m'a données, m'ont mis en relation avec presque tous les savants Allemands. La plupars des savants, qui cherchaient un sort plus heureux, se sont adressés à moi. Je me suis informé très epartément sur tous ceux, qué je voyais dignes d'être reccommandés. Votre Excellence peut donc être assurée, que ceux, que je nommerai, feront honneur à ma recommendation, et á l'université de Charkow. Votre Excellence permettra, que je m'adresse, du moins pour la première fois, à elle même. Pour le futur, je ne ferai aucune difficulté à entrer directement en correspondance avec l'université de Charkow, si elle me fait l'honneur, de m'y inviter. Sans cela elle serait peut être etonnée, si je voulais lui offrir mes services. Je suppose, que les professeurs de Charkow reçoivent 2000 roubles de pension, et que les veuves, et les enfants des Professeurs sont traités de la même maniére, comme ceux de Moscou et de Dörpat. Les professeurs, que j'ai envoyés à Moscou, ont reçû pour les frais du voyage 1000 roubles, s'ils n'étaient pas mariés; 1500 roubles s'ils avaient des femmes et des enfants. Il me parait, qu' on ne peut pas offrir moins à ceux, qui iront à Charkow. Après ces préliminaires j'ose récommander à Votre Excellence

I. Pour l'art vétérinaire.

Le célébre professeur Pilger à Giessen, auteur de systéme de l'art vétérinaire en cinq volumes. C'est sans doute le premier ecrivain dans la branche des connaissances, qu'il a enseignées depuis bien d'années avec le plus grand succés. Ce savant ira à Charkow, et votre Excellence pourrait donc m'envoyer sans delai la vocation.

II. Pour les Mathematiques appliquées.

a) Le célébre Professeur Hauff à Marbourg, auteur de beaucoup d'ouvrages estimés, et derniérement d'un ouvrage sur la Géometrie, qui est plein d'idées neuves et lumineuses. Ms. Hauff est aussi très bon Astronome et Phisicien. Il n'y a pas de Professeur à Marbourg, qui puisse se glorifier d'un auditoire aussi nombreux, que Ms. Hauff. Votre Excellence pourrait aussi envoyer immédiatement la vocation pour ce savant-la.

b) Pour les sciences militaires je ne saurais recommender un homme plus savant et plus exprimenté, que Ms. Lasius, jadis Capitaine dans notre corps et inspecteur des ponts et des chaussées. Ms. Lasius a écrit beaucoup d'ouvrages estimés principalément sur le Hartz. Il a enseigné autrefois dans une école militaire.

Изъ тогдашнихъ европейскихъ государствъ наибольшее число профессоровъ дали Германскія страны, за тѣмъ Франція. Но рядомъ съ этимъ германо-романскимъ потокомъ шла къ намъ и славянская струя. Проводниками этого элемента были попечитель Потоцкій и профессоръ Стойковичъ, пользовавшійся огромнымъ вліяніемъ въ совѣтѣ и бывшій одно время ректоромъ, а также исправлявшій должность проректора, секретаря совѣта, декана, члена училищнаго комитета. „Завадовскій (министръ народнаго просвѣщенія), говоритъ академикъ М. И. Сухомлиновъ, въ письмѣ къ Потоцкому указывалъ на Славянскія

III. Pour le droit naturel, le droit publique et politique, un jeune savant Covoerden, auteur d'un ouvrage très bien écrit sur le papier monnoye. Il a fait des voyages en Allemagne, principalément à Vienne, avec beaucoup de fruit.

IV. Pour l'Economie politique et morale.

Le Docteur Rahn à Helmstadt, où il a enseigné depuis plusieurs années avec beaucoup de succés. Il a écrit plusieurs ouvrages, dont je ne me rappelle pas dans ce moment les titres. On m'a aussi recommendé le Professeur Bensen à Erlagen, mais je ne suis pas certain, si ce savant irait à Charkow.

V. Pour la statistique.

Le Professeur Schütz à Halle, fils du célébre Editeur de la Gazette universelle de literature.

VI. Pour la Technologie.

Ms. Brodreich, conseiller de regence d'un Prince dans la... et auteur des meilleurs articles technologiques dans l'Encyclopedie Allemande, qui a été publiée à Francfort.

VII. Pour la Physiologie et Pathologie.

Le docteur Veit à Hambourg, connû par plusieurs écrits et extrémement recommendé par les célébres savans de la même ville, Mrs. Reimarus et Arnemann. Mrs. Veit est aussi très bon Chimiste. Il a donné des cours de Phisiologie à Hambourg, qui ont été beaucoup suivis.

VIII. Pour l'Anatomie.

a) Le Professeur Fuchs à Winnebourg, où

b) Le docteur et professeur Hempel à Goettingue, auteur d'un systéme d'Anatomie ou

c) le docteur Rosenthal à Greifswalde, que le célébre Loder a Halle m'a beaucoup loué.

IX. Pour la Therapie, et Medicina forensis.

Le docteur Sibert à Halbestadt, auteur de plusieur ouvrages trés estimés et recommendé particuliérement par le célébre Reil à Halle.

X. Pour la Clinique.

a) Le docteur Dreissig à Koenigstein en Saxe auteur d'un ouvrage, qui a été traduit en Français et recommendé aux écoles Françaises, ou

b) le docteur Mathaei a Venden, Médecin également connu et estimé.

XI. Pour la Chimie.

Le célébre professeur Linck à Rostock.

области, откуда слѣдуетъ приглашать ученыхъ, для которыхъ не чуждъ русскій языкъ. Преподаваніе на русскомъ языкѣ тѣмъ удобнѣе было для приглашаемыхъ въ Россію славянъ, что въ исходѣ XVIII-го вѣка русинскій языкъ получилъ права гражданства. Во Львовскомъ университетѣ читали на русскомъ языкѣ богословскія науки, чистую и прикладную математику, физику теоретическую и практическую, философію и другіе предметы. Впослѣдствіи ученымъ Карпатской Руси предоставленъ былъ выборъ всѣхъ свободныхъ каѳедръ въ Казанскомъ и Харьковскомъ университетахъ, которыхъ на ту пору было около 20, съ различными служебными преимуществами" [1]). Потоцкій и до открытія университета, и въ теченіе перваго десятилѣтія по учрежденіи его, приглашалъ ученыхъ и педагоговъ славянъ для занятія учительскихъ должностей въ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ и всячески имъ покровительствовалъ; въ лицѣ же Стойковича эти послѣдніе имѣли истиннаго отца и земляка, старавшагося устроить ихъ на хорошихъ мѣстахъ и двигать по чиновничьей карьерѣ. На сторонѣ этихъ выходцевъ было одно огромное преимущество передъ нѣмцами и французами—имъ не трудно было усвоить русскій языкъ въ такой степени, чтобы объясняться на

XII. Pour l'accouchement.

a) Le Docteur Gumprecht à Goettingue, qui a beaucoup d'auditeurs, et beaucoup de Pratiques où

b) Le docteur Liebsch à Goettingue, qui a moins de pratique, mais plus de genie et d'érudition. Le dernier a écrit plusieurs ouvrages qui font beaucoup esperer.

XIII. Pour l'Histoire Naturelle.

Le célèbre Professeur Schwaedrichen à Leipzig, qui va faire un voyage a Crimée, par laquelle il pourrait aller à Charkow.

XIV. Pour la Botanique.

Le docteur Mohr à Kiel, connû par plusieurs ouvrages, derniérement par un voyage interessant en Suede.

Voilá les Candidats pour les sciences, pour lesquelles Votre Excellence m'en a demandée. Je pourrais encore nommer des Candidats très dignes pour la literature orientale, la literature Greque et Romaine, pour la belle literature moderne, pour la jeune pedagogique, pour l'histoire, et pour la langue Allemande et Anglaise. Si l'université de Charkow a besoin de livres ou d'instrument, etc. je suis en état de lui en procuer de très bons et par un prix modique. On pourrait avoir á présent une collection choisie d'ouvrages anatomiques, que le celebre Lentin à Hannovre a laissé.

En attendant les ordres de Votre Excellence j'ai l'honneur d'être avec un profond respect.

Son trés humble et trés obéissant serviteur C. Meiners.

Goettingue XVII. fevrier 1805.

[1]) М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, т. I-й стр. 70.

немъ и даже съ грѣхомъ пополамъ писать ученые труды. Но нельзя не прибавить, что въ научномъ и общественномъ отношеніи славяне стояли ниже романо-германцевъ: у нихъ не было ни глубокой эрудиціи нѣмцевъ, ни талантливости въ передачѣ свѣдѣній французовъ, а въ качествѣ общественныхъ дѣятелей они доводили до крайностей политику „реальныхъ интересовъ".

Что касается приглашенія русскихъ профессоровъ для занятія вакантныхъ каѳедръ, то это дѣло встрѣчало большія препятствія въ недостаткѣ лицъ, которыя бы удовлетворяли необходимымъ требованіямъ для подобныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе число профессоровъ русскаго происхожденія, какъ мы видѣли уже, постоянно увеличивалось и къ концу десятилѣтія сравнялось съ числомъ иностранцевъ. Что касается научныхъ достоинствъ всѣхъ этихъ лицъ, то мы подробно поговоримъ о нихъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ; теперь же только замѣтимъ, что къ тремъ выдающимся представителямъ русской партіи—(Рижскому, Осиповскому и Тимковскому) въ это время присоединился еще четвертый—Успенскій.

Таковы были *два способа*, которыми пользовался совѣтъ для пополненія своего состава: а) *приглашеніе* новыхъ профессоровъ изъ заграницы и б) приглашеніе на должность профессоровъ русскихъ ученыхъ. Но очень скоро Харьковскій университетъ сталъ пользоваться еще и третьимъ средствомъ—*приготовленіемъ къ профессурѣ собственныхъ питомцевъ*. Этотъ третій способъ вызывался даже самимъ уставомъ, создавшимъ въ помощь профессорамъ институтъ адъюнктовъ и магистровъ и требовавшимъ командировки молодыхъ людей для усовершенствованія въ избранной ими спеціальности заграницу. Въ короткое время Харьковскій университетъ приготовилъ изъ среды своихъ питомцевъ шесть адъюнктовъ, въ числѣ коихъ мы находимъ почтенныя имена Павловскаго (математика) и Комлишинскаго (физика). Хорошею школою могъ также служить основанный при университетѣ Педагогическій институтъ, гдѣ преподаваніемъ наукъ занимались магистры, получавшіе отъ министерства опредѣленное содержаніе.

Но совѣтъ Харьковскаго университета измѣнялся не только вслѣдствіе приглашенія новыхъ профессоровъ, а и вслѣдствіе производства лекторовъ въ адъюнкты, адъюнктовъ — въ экстраординарные, экстраординарныхъ—въ ординарные профессора. Отъ правильнаго исхода этихъ выборовъ зависѣло многое, въ томъ числѣ и научный уровень самой профессорской среды. Какъ же происходили эти выборы? Въ какой мѣрѣ они удовлетворяли чувству общественной справедливости? Не было ли здѣсь какихъ либо вопіющихъ злоупотребленій или ошибокъ? Какіе

результаты имѣла практика выборнаго начала въ то отдаленное время? Въ какой мѣрѣ профессорская коллегія оправдала довѣріе, оказанное ей юнымъ Монархомъ, такъ искренно и глубоко вѣровавшимъ въ живыя силы образованнаго русскаго общества?

Въ отвѣтъ на всѣ эти вопросы мы должны повторить то, что сказали выше о выборѣ должностныхъ лицъ: въ общемъ производства соотвѣтствовали дѣйствительнымъ научно-педагогическимъ заслугамъ аспирантовъ и только въ послѣдніе годы (съ 1812) мы замѣчаемъ отступленіе отъ этого правила по отношенію къ нѣкоторымъ лицамъ, искавшимъ степени магистра и доктора. Но для оцѣнки хода этого дѣла мы должны помнить, что лицъ, обладавшихъ должнымъ образовательнымъ цензомъ для полученія званія ординарнаго или экстроординарнаго профессора, было недостаточно и потому по необходимости приходилось иногда давать это званіе и тѣмъ, у кого не было докторской степени. И въ этомъ часто не было никакой бѣды: было отступленіе только отъ буквы закона, но не отъ его сущности. Это, напримѣръ, нужно сказать относительно многихъ русскихъ профессоровъ: наиболѣе замѣчательные изъ нихъ, пріобрѣвшіе извѣстность своими учеными трудами,—Рижскій, Тимковскій, Осиповскій—не имѣли высшей ученой степени и потому совѣтъ 18-го декабря 1807 г., по представленію этикополитическаго отдѣленія, положилъ дать этимъ лицамъ, а также профессору Белленъ-де Баллю, во уваженіе къ ихъ занятіямъ философскими науками, степени докторовъ философіи (honoris causa). Это было вполнѣ справедливо по отношенію ко всѣмъ имъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывалось необходимостью. Дѣло въ томъ, что нѣсколько раньше совѣтъ постановилъ, согласно съ уставомъ, „чтобы каждый адъюнктъ, не имѣющій степени доктора и желающій быть профессоромъ, равно экстраординарные профессоры, желающіе поступить въ ординарные, старались получить отъ университета достоинство доктора“. Для полученія докторской степени тогда требовался экзаменъ; но иногда она давалась повидимому и прямо за ученые труды, honoris causa. Вообще совѣтъ стремился въ этомъ дѣлѣ не столько соблюдать форму, сколько добиться убѣжденія, что данное лицо дѣйствительно можетъ быть удовлетворительнымъ профессоромъ. Съ этою цѣлью онъ между прочимъ иногда постановлялъ посѣщать лекціи извѣстнаго адъюнкта, желавшаго сдѣлаться экстроординарнымъ профессоромъ. Въ своемъ заключеніи о достоинствѣ научныхъ трудовъ кандидата совѣтъ основывался обыкновенно на отзывѣ соотвѣтственнаго факультета, и такой порядокъ является, конечно, совершенно естественнымъ и справедливымъ. Чтобы яснѣе представить дѣло выборовъ, иллюстрируемъ его тремя примѣрами.

27-го сентября 1807 г. адъюнктъ Ванотти вошелъ съ прошеніемъ въ совѣтъ о производствѣ его въ экстраординарные профессора и при этомъ представилъ два сочиненія свои — 1) Handbuch der Feldarzney и 2) о прививаніи оспы (на польскомъ языкѣ). Отдѣленіе врачебныхъ наукъ, разсмотрѣвъ эти работы, по порученію совѣта, донесло, что всѣ члены его считаютъ адъюнкта Ванотти достойнымъ званія экстраординарнаго профессора. Посему Ванотти и былъ избранъ въ эту должность совѣтомъ и это избраніе представлено на утвержденіе попечителю [1]). Вотъ образецъ выборовъ, которые не возбуждали ничьего сомнѣнія въ совѣтѣ и прошли поэтому совершенно гладко.

Совсѣмъ инымъ характеромъ отличались выборы Паки де Совиньи, бывшаго адъюнктомъ у профессора Белленъ де Баллю и пользовавшагося очень плохою научною репутаціей. 5-го апрѣля тогоже 1807 года онъ представилъ въ совѣтъ прошеніе о производствѣ въ ординарные или экстраординарные профессора по каѳедрѣ латинской словесности и приэтомъ слѣдующіе рукописные труды: 1) Grammaire Française, 2) Elementa rethoricae и 3) Methodus latinae linguae. Совѣтъ поручилъ дать заключеніе объ этихъ сочиненіяхъ профессорамъ де Баллю и Шаду. Профессоръ Белленъ де Баллю далъ благопріятный отзывъ, заявивъ, что риторика адъюнкта Совиньи, почерпнутая изъ самыхъ лучшихъ сочиненій (напримѣръ, Баттю и др.), если будетъ исправлена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и дополнена, то окажется небезполезной для русскаго юношества, обучающагося французскому языку; другое его сочиненіе „Clef de la langue latine“, по краткости и ясности своей, имѣетъ преимущество передъ другими трудами, но требуетъ всетаки многихъ исправленій. И такъ какъ отсюда видно, что Паки де Совиньи сверхъ рачительнаго исполненія своей должности еще содѣйствовалъ пользѣ университета своими трудами, то онъ, Белленъ де Баллю, считаетъ его достойнымъ выбора въ ординарные профессора. При этомъ Белленъ де Баллю предложилъ, чтобы *впредь* адъюнкты и экстраординарные профессора, желавшіе получить высшую должность, подвергались публичному экзамену на степень доктора, ибо профессора, не имѣющіе докторскаго достоинства, не могутъ производить въ эту степень и другихъ.

---

[1]) Въ одномъ изъ сентябрьскихъ засѣданій совѣта тотъ же Ванотти прочелъ трактатъ „De sensibilitate organismi humani“, который сохранился въ рукописномъ видѣ въ дѣлахъ университетскаго архива и долженъ былъ также оказать извѣстное вліяніе на исходъ выборовъ. Слѣдуетъ впрочемъ прибавить, что попечитель не утвердилъ Ванотти въ званіи профессора.

Но профессоръ Шадъ далъ отрицательный и притомъ мотивированный отзывъ о сочиненіяхъ Паки де Совиньи и онъ оказалъ рѣшительное вліяніе на исходъ его дѣла. Шадъ заявилъ, что латинская грамматика адъюнкта Совиньи (въ двухъ большихъ томахъ), по обширности своей, не можетъ быть полезна для юношей, обучающихся латинскому языку, и что г. Совиньи сдѣлалъ бы лучше, если бы, не прибавляя ничего отъ себя и изъ другихъ сочиненій, перевелъ на французскій языкъ латинскую грамматику нѣмца Бредера, изъ которой онъ сдѣлалъ не мало позаимствованій. И въ виду того, что грамматику и реторику Паки де Совиньи нельзя считать самостоятельнымъ сочиненіемъ, а только компиляціей, заимствованной изъ другихъ авторовъ и свидѣтельствующей о его трудолюбіи, но отнюдь не о способностяхъ и дарованіи, а также потому что онъ не знаетъ греческаго языка и другихъ наукъ, необходимыхъ для преподаванія латинской словесности, онъ, Шадъ, не можетъ согласиться на удовлетвореніе его просьбы о производствѣ изъ адъюнктовъ въ профессора. Совѣтъ постановилъ, чтобы адъюнктъ Совиньи подвергся для полученія степени доктора предписанному уставомъ экзамену.

А вотъ третій случай. 10 мая 1805 г. докторъ Бернардъ Рейтъ вошелъ въ совѣтъ съ прошеніемъ о назначеніи его на должность ординарнаго профессора. Совѣтъ, съ цѣлью удовлетворить его просьбу, прочелъ старыя письма, адрессованныя къ нему попечителемъ Потоцкимъ 2 сентября 1804 года; изъ нихъ оказалось, что въ то время Рейтъ не былъ прямо назначенъ ординарнымъ профессоромъ, но могъ получить эту должность впослѣдствіи времени, при условіи чтобы университетъ ознакомился съ его познаніями и нравами. Въ виду этого совѣтъ рѣшилъ, чтобы всѣ ординарные профессора, по крайней мѣрѣ по одному разу въ мѣсяцъ, посѣщали его лекціи и высказали по поводу ихъ свое мнѣніе. Но утвержденъ былъ въ званіи профессора адъюнктъ Рейтъ также точно, какъ и Ванотти, только въ 1811 году, когда сразу освободилось много каѳедръ; veto на рѣшеніе совѣта наложено было въ министерствѣ. Три приведенные нами случая доказываютъ, что должности ординарнаго или экстраординарнаго профессора добиться было не особенно легко; это же подтверждается и разсказанными нами выше фактами изъ исторіи университетскихъ промоцій: и совѣтъ, и министерство, оберегая достоинство университета, относились къ этому дѣлу съ должною осторожностью, хотя и подвергались подъ часъ настоящей аттакѣ со стороны такихъ, не въ мѣру уже настойчивыхъ, лицъ, какъ, напр., Паки де Совиньи, добившійся, наконецъ, экстраординатуры въ 1812 году.

Но совѣтъ избиралъ не однихъ только профессоровъ, а еще и почетныхъ членовъ. Спрашивается: на сколько удачно велось это дѣло? Какія лица получили званіе почетныхъ членовъ университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія [1])? Еще до открытія Харьковскаго университета въ его почетные члены *были опредѣлены* исправлявшимъ должность попечителя Н. Н. Новосильцевымъ—надворный совѣтникъ *Аделунгъ* и профессоръ Московскаго университета *Баузе*, а въ корреспонденты женевскій гражданинъ Степанъ *Дюмонъ* (по политической экономіи) и профессоръ медицины Моисей *Лабандъ* (по естественной исторіи). Совѣтомъ были избраны (и утверждены Министерствомъ) въ 1805 году—Министръ внутреннихъ дѣлъ графъ Викторъ Павловичъ *Кочубей* и графъ Илья Андреевичъ *Безбородко*. Въ 1806 г. въ почетные члены избранъ дѣйств. стат. сов. академикъ *Палласъ*, въ 1807 году—тайный совѣтникъ, президентъ Академіи Наукъ, членъ Главнаго Правленія училищъ, Николай Николаевичъ *Новосильцовъ*, дѣйств. стат. сов., Членъ Главнаго Правленія училищъ, Петръ Николаевичъ *Франкъ*, профессоръ Геттингенскаго университета надв. сов. *Шлецеръ*, президентъ Императорскаго Ерлангскаго общества любителей естественной исторіи *Шрейберъ*, надв. сов. Росссійскій исторіографъ Николай Михайловичъ *Карамзинъ*, придворн. маршалъ и астрономъ въ Готѣ *Цахъ*, профессоръ Геттингенскаго университета *Мейнерсъ*, профессоръ того же университета *Гайне*, профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Страховъ*, профессоръ физики и химіи Гальскаго университета *Гильбертъ*; тогда же въ корреспонденты: стат. сов. баронъ *Биберштейнъ* (по естественной исторіи), профессоръ Пештскаго университета *Шедіусъ* (по эстетикѣ и латинской словесности) Императорскій Россійскій консулъ въ Лейпцигѣ надв. сов. Иванъ Ивановичъ *Шварцъ*, членъ Парижскаго института *Л'Евекъ* (по исторіи), протоіерей при Императорскомъ Россійскомъ посольствѣ въ Лондонѣ *Смирновъ*, венгерскій исторіографъ *Энгель* [2]). Но всѣ эти лица не были утверждены министерствомъ ни въ 1807, ни въ

---

[1]) Въ вопросѣ о почетныхъ членахъ Харьковскаго университета мы пользовались слѣдующими матеріалами: 1) извѣстной рукописной „исторіей дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія“ и 2) Дѣломъ о почетныхъ членахъ Харьковскаго университета, хранящимся въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія (1803 г. № 5443, картонъ 152). Этому же вопросу посвящена статья М. М. Плохинскаго, составленная по протоколамъ совѣта Харьковскаго университета (Записки Импер. Харьк. университета, 1895 г. № 1).

[2]) М. М. Плохинскій еще называетъ Мааса, избраннаго корреспондентомъ по нѣмецкой словесности.

*

1808, ни въ 1809 году, только въ 1810 г. послѣдовало утвержденіе *Новосильцова*, *Франка*, *Карамзина*, *Страхова*, *Шрейбера*, *Цаха*, *Мейнерса*, *Гейне*, *Гильберта* и *Биберштейна* (представленнаго раньше въ корреспонденты) почетными членами и *Шварца*—корреспондентомъ [1]) (изъ 17—11). Сверхъ того министерство утвердило вновь избранныхъ въ 1809 г. и „знаменитыхъ ученостью мужей", дѣйств. тайн. сов. Гаврилу Романовича *Державина*, дѣйств. тайн. сов. Андрея Андреевича *Нартова*, тайнаго сов. министра юстиціи Ивана Ивановича *Дмитріева*, тайн. сов. графа Дмитрія Ивановича *Хвостова*, дѣйств. стат. сов. графа Дмитрія Петровича *Бутурлина*, вице-адмирала Александра Семеновича *Шишкова*, майора Александра Александровича *Палицына*. Совѣтъ „будучи удостовѣренъ, что связь съ учеными мужами, кои отличались или ученостью, или покровительствомъ наукамъ и стремленіемъ къ распространенію ихъ, можетъ много содѣйствовать къ чести и благосостоянію сего университета" и избралъ своими почетными членами: дѣйств. тайнаго сов. графа Петра Васильевича *Завадовскаго*, тайн. сов. графа Ивана Осиповича *Потоцкаго* въ 1810 г. и дѣйств. стат. сов. слободско-украинскаго гражданскаго губернатора Ивана Ивановича *Бахтина*, находящагося при коммиссіи о составленіи законовъ доктора философіи Людвига Кондратьевича *Якоба*, профессора Дерптскаго университета Ивана Ивановича *Гута*, дѣйств. стат. сов. Николая Ивановича *Фуса*, дѣйств. стат. сов. Николая Яковлевича *Озерецковскаго*, дѣйств. стат. сов. профессора Московскаго университета Вильгельма Михайловича *Рихтера*, дѣйств. стат. сов. директора департамента министерства народнаго просвѣщенія Ивана Ивановича *Мартынова*, стат. сов. академика Андрея Карловича *Шторха*, надв. сов. академика Александра Ивановича *Шерера*, стат. сов. Василія Назарьевича *Каразина*, профессора Гальскаго университета *Шпренгеля*, профессора Пражскаго университета, члена многихъ ученыхъ обществъ аббата *Добровскаго* и профессора Петербургскаго педагогическаго института Якова Яковлевича *Белленъ де Баллю*; въ члены корреспонденты были избраны венгерскій исторіографъ *Энгель* и профессоръ Пештскаго университета *Шедіусъ* (всѣ въ 1811 г.); всѣ эти лица были утверждены въ своемъ новомъ званіи министерствомъ. Въ 1812 г. были избраны въ почетные члены—адмиралъ Николай Семеновичъ *Мордвиновъ*, министръ внутреннихъ дѣлъ Осипъ Петровичъ *Козодавлевъ*, Херсонскій военный губернаторъ Эммануилъ Осиповичъ *Дюкъ*

---

[1]) М. М. Плохинскій говоритъ, что корреспондентомъ былъ избранъ и утвержденъ еще Аделунгъ, первоначально опредѣленный по нашимъ источникамъ, въ почетные члены Новосильцовымъ, но, вѣроятно, не утвержденный министерствомъ.

де Ришелье, профессоръ Императорскаго Московскаго университета *Фишеръ*, профессоръ медико-хирургической академіи Ефремъ Осиповичъ *Мухинъ*, дѣйств. стат. сов. Семенъ Михайловичъ *Кочубей*, и въ корреспонденты—*Ривье де Ренансъ*, директоръ ботаническаго сада въ Гореньках *Фишеръ* и надворный сов. Павелъ Степановичъ *Бутягинъ*; всѣ эти выборы въ томъ же году министръ утвердилъ.

Протоіерея *Смирнова* (въ Лондонѣ) совѣтъ избралъ членомъ-корреспондентомъ еще въ 1807 г., затѣмъ другой разъ ходатайствовалъ о немъ въ 1811 г., третій разъ — въ 1812 г., а утвержденъ онъ былъ только 22 января 1813 г. Въ 1813 г. избраны были Полтавскій генералъ губернаторъ князь *Лобановъ — Ростовскій*, ректоръ Московскаго университета *Геймъ*, адмиралъ *Чичаговъ*; въ 1814 г.—извѣстный меценатъ б. канцлеръ *Н. П. Румянцевъ*, оберъ прокуроръ Святѣйшаго Синода князь *Голицынъ* и профессоръ медико-хирургической академіи *Бушъ*.

Просматривая списокъ избранныхъ, мы находимъ, что всѣхъ почетныхъ членовъ и членовъ корреспондентовъ избрано было совѣтомъ за первыя десять лѣтъ существованія Харьковскаго университета 57 чел. (47 почетныхъ членовъ и 10 членовъ корреспондентовъ); но не всѣ они были утверждены министерствомъ; изъ нихъ проживало въ Россіи—42 чел. [1]), заграницей 15 чел. Избирались какъ лица, пріобрѣвшія себѣ извѣстность выдающимися научными заслугами, такъ и государственные сановники, которые могли оказать и дѣйствительно оказывали университету свою помощь и содѣйствіе въ разныхъ нуждахъ и ходатайствахъ, какъ иногородніе, такъ и мѣстные дѣятели, принесшіе пользу дѣлу просвѣщенія своими пожертвованіями или научно-литературными трудами. Вообще совѣтъ Харьковскаго университета разумно и широко пользовался своимъ правомъ избранія, чтобы отмѣтить лицъ, дѣятельность которыхъ была ему полезна въ томъ или иномъ отношеніи. За небольшими исключеніями, гдѣ дѣйствовали личные мотивы или слишкомъ неумѣренная предупредительность по отношенію ко власть имущимъ, всякое избраніе мотивировалось болѣе или менѣе вѣскими соображеніями. Мы приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ въ ихъ подлинномъ неприкосновенномъ видѣ, какъ они представлены были отъ имени совѣта въ Министерство народнаго просвѣщенія. Вотъ, напримѣръ, какъ мотивировалось избраніе въ члены корреспонденты жившаго въ Лондонѣ протоіерея русской посольской церкви *Смирнова*. „Совѣтъ разсуждая,

---

[1]) Въ числѣ ихъ было впрочемъ много иностранцевъ, не принявшихъ русскаго подданства и даже не знавшихъ по русски.

что уроженецъ Слободско-украинской губерніи протоіерей *Смирновъ*, мужъ ученостію своею извѣстный и могущій, по мѣстопребыванію его въ Лондонѣ, оказать университету значительныя услуги, хотя и избранъ былъ университетомъ августа 30 дня 1807 г. въ дѣйствительные его корреспонденты, но не былъ утвержденъ начальствомъ въ семъ званіи, и утверждаясь на вышеизложенныхъ причинахъ, удостовѣряющихъ его въ выгодахъ, кои съ собою принесть можетъ назначеніе г. *Смирнова* его корреспондентомъ, испрашиваетъ у Вашего Сіятельства утвержденія г. *Смирнову* въ семъ званіи съ тѣмъ, чтобы получалъ онъ и опредѣленное уставомъ университета по мѣсту сему жалованье—по 200 р. въ годъ, которое однакожъ не прежде ему отпущаться будетъ, какъ со времени замиренія съ Англіей, и когда политическія обстоятельства позволять будутъ университету имѣть съ нимъ *Смирновымъ* сношеніе" (17 іюня 1811 г.). Дальнѣйшіе факты показали, что университетъ сдѣлалъ полезный выборъ въ лицѣ протоіерея *Смирнова*; этотъ послѣдній, въ качествѣ корреспондента, оказалъ значительныя услуги по части доставки изъ Англіи разныхъ инструментовъ. Въ томъ же году совѣтъ избралъ въ почетные члены свои Харьковскаго губернатора *Ив. Ив. Бахтина*, который, какъ мы видѣли, игралъ видную роль въ дѣлѣ основанія университета и затѣмъ относился къ нему съ неизмѣннымъ сочувствіемъ во все время своего губернаторства. Вотъ мотивировка этого избранія. „Совѣтъ въ засѣданіи своемъ мая 10 дня текущаго года опредѣлилъ состоящаго въ Слободско-украинской губерніи гражданскимъ губернаторомъ г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кав. *Ив. Ив. Бахтина* избрать въ свои почетные члены, который, по предварительномъ законномъ о томъ оповѣщеніи членовъ совѣта, въ засѣданіи онаго текущаго мая 17 дня, по учиненномъ баллотированіи, получивъ 10 избирательныхъ противу двухъ неизбирательныхъ шаровъ, избранъ въ почетные члены сего университета. Причины, побудившія совѣтъ приступить къ сему выбору, были слѣдующія: 1) членамъ университета онъ г. *Бахтинъ* извѣстенъ какъ со стороны превосходныхъ его качествъ, такъ и со стороны его учености; 2) заслуги, университету имъ оказанныя, особливо же въ доставленіи большей части уѣздныхъ училищъ Слободско-украинской губ. училищныхъ домовъ, каковую услугу и вновь оказалъ онъ асигнованіемъ на постройку Богодуховскаго училищнаго дома 1500 р.; въ 3) во многихъ случаяхъ явилъ онъ свое покровительство университетскимъ сочленамъ; и въ 4) университетъ надѣется черезъ доставленіе ему сего отличія видѣть дальнѣйшіе его опыты относительно вспомоществованій его г. *Бахтина*, клонящихся къ устроенію учебныхъ заведеній въ сей губерніи. Совѣтъ, донося о семъ своемъ выборѣ и основываясь на выше-

изложенныхъ причинахъ, къ сему его побудившихъ, покорнѣйше проситъ ваше сіятельство утвердить г. Слободско-украинскаго гражданскаго губернатора и кавалера *Ив. Ив. Бахтина* почетнымъ членомъ сего университета" (21 мая 1811 г.). О знаменитомъ славистѣ *Добровскомъ* было сдѣлано такое предложеніе: „совѣтъ въ засѣданіи своемъ августа 10 дня приступилъ къ избранію въ почетные свои члены состоящаго профессоромъ въ Прагскомъ университетѣ *Добровскаго*, руководствуясь въ семъ выборѣ: во 1-хъ) извѣстною его *Добровскаго* ученостью и знаніемъ въ превосходной степени славянскаго языка, ибо послѣ покойнаго *Шлецера* (?!) не отыщется никого въ иностранныхъ земляхъ, кто бы искуснѣе былъ его по сей части; и во 2-хъ) тѣмъ, что какъ онъ состоитъ профессоромъ въ Прагѣ, столичномъ городѣ Богемскаго королевства, населенномъ единоплеменнымъ россіянамъ народомъ, то ученая съ нимъ Добровскимъ связь можетъ послужить къ усовершенствованію познаній нашихъ въ славянскомъ языкѣ. По учиненному баллотированію онъ г. Добровскій единодушно избранъ былъ въ почетные члены сего университета; посему совѣтъ, донося о семъ вашему сіятельству, испрашиваетъ ему Добровскому утвержденія въ семъ званіи". (20 августа 1811 года). Отмѣтилъ совѣтъ и заслуги знаменитаго россійскаго исторіографа Николая Михайловича Карамзина, котораго какъ мы уже знаемъ, онъ раньше приглашалъ въ профессора русской исторіи, а въ 1807 году избралъ своимъ почетнымъ членомъ; къ сожалѣнію не сохранилось мотивовъ его избранія. Виновника своего основанія Василія Назаровича Каразина совѣтъ избралъ въ почетные члены въ 1811 году, хотя 1-е представленіе объ этомъ было внесено въ совѣтъ еще въ 1805 году (но тогда оно было признано несвоевременнымъ) [1]). Едва ли нужно прибавлять, что мотивировка [2]), приведенная совѣтомъ въ пользу этихъ выборовъ, вполнѣ оправдывается фактами и свидѣтельствуетъ о томъ, что, не смотря на размолвки и несогласія съ В. Н. Каразинымъ попечителя Потоцкаго и нѣкоторыхъ профессоровъ, профессорская корпорація Харьковскаго университета проявила въ данномъ случаѣ и безпристрастіе, и чувство общественной благодарности, и даже гражданское мужество, такъ какъ многіе смотрѣли на Каразина, какъ на опаснаго мечтателя, и во всякомъ случаѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія должно было остаться

---

[1]) Оно внесено было Балленъ де-Баллю; но ректоръ Рижскій предложилъ отложить его на извѣстное время. (Харьк. унив. архивъ. Acta 1805 г. стр. 50).

[2]) Хотя мы раньше уже приводили эту мотивировку совѣта въ латинскомъ подлинникѣ, но для связи напомнимъ ее здѣсь въ русскомъ переводѣ: „совѣтъ подвинутъ былъ къ выборамъ этого мужа, кромѣ выдающихся познаній, которыми онъ отличается, еще также чувствомъ благодарности, потому что единственно его старанію и труду нужно приписать учрежденіе въ Харьковѣ университета".

о немъ непріятное воспоминаніе. Нельзя не отмѣтить также рядомъ съ этимъ и выборовъ еще двухъ выдающихся харьковскихъ дѣятелей — писателя и архитектора А. А. Палицына и извѣстнаго ботаника барона Биберштейна. Помѣщикъ с. Поповки, А. А. Палицынъ, какъ намъ уже извѣстно, стоялъ во главѣ цѣлаго литературнаго кружка, извѣстнаго подъ шуточнымъ названіемъ „Поповской академіи". Свои литературныя произведенія онъ печаталъ въ университетской типографіи и отчасти даже въ пользу университета. Не менѣе (если не болѣе) важна была въ культурномъ отношеніи и другая сторона его дѣятельности— его труды, какъ архитектора; онъ выстроилъ цѣлый рядъ зданій и способствовалъ развитію вкуса къ красивымъ сооруженіямъ. Избраніе въ почетные члены университета дало ему новыя силы къ продолженію литературныхъ занятій, какъ это можно видѣть изъ письма его къ извѣстному писателю Ив. Ив. Дмитріеву. „Если вамъ угодно будетъ спросить, писалъ ему Палицынъ, что сдѣлалъ я въ долговременное ваше отсутствіе, то я стану въ пень, потому что ничего больше не сдѣлалъ, какъ только поправилъ нѣсколько писемъ къ Элоизѣ для другого ея изданія, да лѣтъ за семь уже изъ переведенныхъ мною С. Ламбертовыхъ годовыхъ временъ переписалъ одно лѣто и то черезъ силу потому только, что эту поэму посвящаю я нашему университету, какъ малую дань благодарности за то, что онъ удостоилъ меня избрать почетнымъ своимъ членомъ, хотя еще и бездипломнымъ" [1]) (7-го іюля 1810 года, с. Поповка).

Ботаникъ Биберштейнъ также долженъ быть причисленъ къ категоріи мѣстныхъ дѣятелей, хотя и въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова. Онъ былъ инспекторомъ по части шелководства въ южной Россіи, но проживалъ въ Харьковской губ., въ с. Мерефѣ; научную извѣстность онъ пріобрѣлъ главнымъ образомъ своимъ классическимъ трудомъ о Кавказской флорѣ. За сочувствіе къ дѣлу мѣстнаго просвѣщенія были выбраны въ почетные члены еще два лица—знаменитый дѣятель Новороссійскаго края Дюкъ-де-Ришелье и Полтавскій помѣщикъ Кочубей. Въ представленіи о первомъ совѣтъ писалъ министру: „совѣтъ, разсуждая объ отличномъ расположеніи и дѣйствіи на пользу учебныхъ заведеній г. Одесскаго градоначальника, Таврической, Екатеринославской и Херсонской губ. военнаго губернатора Дюка-де-Ришелье, какъ во уваженіе и признательность къ таковымъ его подвигамъ, такъ и для пріобрѣтенія тѣмъ вящшей пользы и чести университету, въ засѣданіи своемъ марта 27 всѣми присутствующихъ членовъ шарами избралъ его въ почетные члены сего университета и имѣетъ честь пред-

[1]) Русская старина 1895 г., № 3, стр. 194.

ставить избраніе сіе вашему сіятельству на утвержденіе" (31 марта 1812 г.). Избраніе второго было мотивировано такъ: „ректоръ университета въ совѣтѣ семъ предложилъ объ избраніи почетнымъ членомъ дѣйств. стат. сов. Кочубея, оказавшаго многіе опыты благотворенія въ содержаніи на своемъ иждивеніи юношества въ Полтавской гимназіи и воспитаніи благородныхъ дѣвицъ, который теперь желаетъ содержать одного студента при здѣшнемъ университетѣ; совѣтъ, избравъ его единогласно въ почетные члены университета, имѣетъ честь представить на утвержденіе вашему сіятельству". Изъ государственныхъ дѣятелей совѣтъ съ полнымъ основаніемъ избралъ въ свои почетные члены адмирала Чичагова въ знакъ признательности своей, какъ говорится въ представленіи министру, за то что онъ „въ продолженіе командованія имъ Россійскою арміею прислалъ въ Харьковскій университетъ значительное собраніе отбитыхъ у непріятеля монетъ".

Какъ образецъ нѣкотораго опортюнизма, можно представить дѣло о выборѣ въ почетные члены министра внутреннихъ дѣлъ Козодавлева. Этотъ послѣдній, получивъ отъ Харьковскаго университета экземпляръ рѣчей, произнесенныхъ на торжественномъ актѣ, принялъ таковое подношеніе за доказательство избранія его въ почетные члены и просилъ министра народнаго просвѣщенія увѣдомить его, когда Харьковскій университетъ почтилъ его этимъ избраніемъ. Министръ народнаго просвѣщенія (гр. А. К. Разумовскій) обратился за разъясненіемъ этого обстоятельства къ совѣту. Совѣтъ далъ на это такой отвѣтъ: „университетъ препровождалъ до сего времени торжественно произнесенныя рѣчи ко многимъ почетнымъ особамъ, хотя онѣ и не состояли почетными членами университета, каковымъ также не былъ и г. министръ внутреннихъ дѣлъ Козодавлевъ. Но какъ было уже прежде разсуждаемо о пользѣ и чести, которую пріобрѣтетъ университетъ, ежели онъ, г. министръ Козодавлевъ и въ государственномъ совѣтѣ предсѣдатель департамента государственной экономіи адмиралъ Мордвиновъ выбраны будутъ почетными членами, то по сему оба они, бывъ по сему предложены къ избранію установленнымъ порядкомъ, единогласно всѣмъ совѣтомъ университета избраны" (13 янв. 1812 г.). Такъ разрѣшилось это нѣсколько странное дѣло, въ которомъ совѣтъ, благодаря министру Козодавлеву, попалъ въ очень щекотливое положеніе и могъ выйти изъ него только, конечно, избравъ его въ свои почетные члены и, быть можетъ, угадавъ такимъ образомъ его тайное желаніе.

Всѣ эти избранія относятся къ дѣятельности совѣта; но намъ нужно отмѣтить одинъ случай, когда избраніе членовъ корреспондентовъ состоялось по распоряженію попечителя. Петербургскій попечитель

Новосильцевъ, управлявшій въ отсутствіе Потоцкаго дѣлами Харьковскаго учебнаго округа, еще *до открытія* университета, своею властью, избралъ для него двухъ корреспондентовъ и мотивировалъ это слѣдующимъ образомъ: „сообразно съ идеями попечителя Харьковскаго округа, предусматривая ощутительную пользу отъ того, что университетъ сего имени, при самомъ открытіи своемъ, будетъ имѣть корреспондентовъ въ чужихъ краяхъ и внутри имперіи, я обратилъ вниманіе на людей, которые бы талантами, дѣятельностію и извѣстностію въ ученомъ свѣтѣ, могли безъ замедленія и непосредственно соединить сіе новое заведеніе съ общею областью наукъ. На первый случай избралъ я въ таковое званіе по части политической экономіи гражданина Женевскаго г. Етіенъ Дюмонъ (Dumont)—краснорѣчиваго изложителя законодательной Бентамовой системы, мужа уваженія достойнѣйшаго и по собственнымъ сочиненіямъ; а по части естественной исторіи доктора медицины г. Моисея Лабанда, отправившагося въ извѣстное россійское путешествіе вокругъ земли на кораблѣ Нева. Съ согласія ихъ, я доставилъ обоимъ подписанные мною предварительные виды на званіе корреспондентовъ и о семъ имѣю честь покорнѣйше донести вашему сіятельству“ [1]) (31 іюля 1803 г.). Назначая членами корреспондентами этихъ лицъ, Новосильцевъ дѣйствовалъ въ интересахъ имѣвшаго открыться вскорости Харьковскаго университета и не нарушалъ этимъ ничьихъ интересовъ; можно только сказать, что выборы эти были нѣсколько преждевременны и едвали могли доставить полное удовлетвореніе тѣмъ лицамъ, коихъ они коснулись. Нѣсколько инымъ характеромъ отличалось вмѣшательство въ дѣло выборовъ попечителя Потоцкаго. Мы знаемъ уже, какъ энергично хлопоталъ онъ объ открытіи Харьковскаго университета, какія усилія употреблялъ для привлеченія въ него преподавателей и студентовъ; ему приходилось дѣйствовать для этого

[1]) Всѣ эти документы извлечены мною изъ дѣла архива министерства народнаго просвѣщенія (1803 г. № 5443, картонъ 152). Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить глубокую признательность его сіятельству г. Министру народнаго просвѣщенія графу И. Д. Делянову, г. директору департамента Н. М. Аничкову и директору архива Н. П. Барсукову за разрѣшеніе заниматься въ этой огромной сокровищницѣ матеріаловъ для исторіи просвѣщенія въ Россіи. Работая здѣсь, я вспомнилъ, что приближается моментъ столѣтняго юбилея Министерства народнаго просвѣщенія (8 сентября 1902 г.) и высказалъ пожеланіе, чтобы къ этому времени былъ изданъ сборникъ матеріаловъ для характеристики просвѣтительной дѣятельности его за истекшее столѣтіе; мысль эта была встрѣчена сочувственно и можно только пожелать, чтобы къ исполненію ея приступили заблаговременно. Для себя я нашелъ здѣсь массу драгоцѣнныхъ данныхъ и при томъ такихъ, какихъ не было и даже не могло быть въ архивѣ Харьковскаго университета. Раньше меня извлекалъ отсюда матеріалы для исторіи Харьковскаго университета академикъ Мих. Ив. Сухомлиновъ.

самолично, по собственной инициативѣ; да и въ первое время по открытіи университета ему нерѣдко нужно было направлять дѣятельность его въ желательную сторону. При этомъ самъ Потоцкій смотрѣлъ на себя какъ на человѣка компетентнаго въ оцѣнкѣ ученой дѣятельности выдающихся представителей русской и западно-европейской науки; и онъ былъ въ значительной степени правъ: будучи чрезвычайно просвѣщеннымъ человѣкомъ, онъ находился кромѣ того въ сношеніяхъ со многими видными дѣятелями на этомъ поприщѣ. Этимъ, по всей вѣроятности, нужно объяснить и роль, которую онъ игралъ въ дѣлѣ избранія почетныхъ членовъ Харьковскаго университета. Онъ представилъ въ совѣтъ университета списокъ тѣхъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ (преимущественно послѣднихъ), которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало избрать въ почетные члены [1]). Конечно, этимъ онъ производилъ давленіе на совѣтъ—и этотъ послѣдній дѣйствительно руководствовался впослѣдствіи спискомъ попечителя. Но такъ какъ при этомъ избирали и лицъ, не поименованныхъ въ попечительскомъ спискѣ, и обходили кандидатовъ, числившихся въ немъ, то Потоцкій очевидно обидѣлся и задержалъ представленіе совѣта обо всѣхъ тѣхъ, кои были избраны въ 1807 г., такъ что только нѣкоторые изъ нихъ, какъ мы видѣли, были утверждены и то уже 3 года спустя. Изъ другихъ выборовъ отмѣтимъ выборы знаменитаго автора „Нестора“ Шлецера, который впрочемъ не былъ утвержденъ въ этомъ званіи министерствомъ, русскаго академика Палласа, извѣстнаго своими учеными путешествіями и изслѣдованіями (между прочимъ и южной Россіи), профессора Мейнерса, оказавшаго крупныя услуги вообще русскимъ университетамъ, а въ частности и Харьковскому, бывшихъ харьковскихъ профессоровъ—Якоба и Гута, выдававшихся по своей ученой плодотворной дѣятельности, и, наконецъ, приснопамятнаго мецената графа Николая Петровича Румянцева, давшаго свое имя цѣлой эпохѣ въ русской исторіографіи. Получивъ извѣщеніе объ утвержденіи своемъ въ званіи почетнаго члена Харьковскаго университета, Румянцевъ благодарилъ Министра народнаго просвѣщенія и совѣтъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Милостивый государь мой графъ Алексѣй Кирилловичъ! удостоясь получить отъ совѣта Императорскаго Харьковскаго университета дипломъ на званіе почетнаго члена онаго и видя изъ отношенія сего совѣта, что столь лестное для меня избраніе послѣдовало съ воли и утвержденія вашего сіятельства, я вмѣняю себѣ въ пріятнѣйшій долгъ изъявить вамъ, милостивый государь мой, усерднѣй-

[1]) Списокъ этотъ напечатанъ въ ст. М. М. Плохинскаго „Почетные члены и члены корреспонденты Харьковскаго университета“ (Зап. Харьковскаго университета 1895, кн. 1-я).

шую признательность мою за таковое ко мнѣ вниманіе, прося покорнѣйше ваше сіятельство о приказаніи приложенный у сего отвѣтъ [1]) мой оному совѣту препроводить по принадлежности. съ истиннымъ удовольствіемъ пользуюсь симъ случаемъ для засвидѣтельствованія вамъ того совершеннаго почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга графъ Николай Румянцевъ" (16 августа 1814 года).

При выборахъ въ почетные члены преслѣдовалась одна главная цѣль—установленіе нравственной связи между университетомъ и различными дѣятелями, такъ или иначе связанными съ интересами науки и просвѣщенія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ при этомъ имѣлись въ виду еще и чисто практическіе интересы—университетъ избиралъ такихъ лицъ, которыя оказали или могли оказать ему въ будущемъ извѣстныя услуги; въ другихъ случаяхъ университетъ такимъ избраніемъ просто выражалъ свое вниманіе и уваженіе къ тому или иному дѣятелю и входилъ съ нимъ въ дружественныя отношенія. Уставъ предоставлялъ почетнымъ членамъ право участвовать въ такъ называемыхъ общихъ собраніяхъ совѣта, носившихъ ученый характеръ (тутъ должны были разсуждать о новыхъ сочиненіяхъ, открытіяхъ, опытахъ, наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ). Но этимъ правомъ могли пользоваться, конечно, почти исключительно только такіе почетные члены, которые жили въ своемъ университетскомъ городѣ; такихъ лицъ преимущественно и рекомендовалъ для выборовъ уставъ 1804 года. Но ихъ было слишкомъ мало, въ особенности въ провинціальныхъ городахъ,—и университеты, въ томъ числѣ и Харьковскій, volens—nolens, должны были избирать иногороднихъ и иностранныхъ ученыхъ. Среди почетныхъ членовъ Харьковскаго университета видное мѣсто занимаютъ или иностранцы, или ученые, проживавшіе въ Россіи, но съ нѣмецкими фамиліями. Это объясняется, во 1-хъ, тѣмъ, что выдающихся ученыхъ чисто русскаго происхожденія тогда было у насъ не много, во 2-хъ, преобладаніемъ въ составѣ совѣта Харьковскаго университета иностранцевъ, которые были питомцами западно-европейскихъ университетовъ и сохранили дружескія связи со своими прежними наставниками, и, въ 3-хъ, предпочтеніемъ, которое оказывалъ иностранцамъ и самъ попечитель С. О. Потоцкій. Естественно, что иностранные профессора Харьковскаго университета предлагали обыкновенно иностранцевъ, русскіе же—русскихъ. Исключеніе представляетъ Стойковичъ, который, вѣроятно, въ качествѣ полурусскаго, полуиностранца, энергично предлагалъ и тѣхъ и другихъ, расчитывая, очевидно, создать себѣ такимъ путемъ цѣлую группу благодарныхъ ему

[1]) Его мы, къ сожалѣнію, не нашли въ университетскомъ архивѣ.

лицъ. Говоря о лицахъ, вносившихъ въ совѣтъ предложенія объ избраніи почетныхъ членовъ, слѣдуетъ отмѣтить одинъ отрадный случай полнаго національнаго безпристрастія: внесенное Стойковичемъ предложеніе о выборѣ Добровскаго было энергично поддержано нѣмцемъ Шадомъ, который заявилъ, что „еще во время своего пребыванія въ Германіи онъ зналъ о Добровскомъ, какъ о выдающемся литераторѣ“ [1]). Но необходимо также отмѣтить и другой фактъ, гдѣ повидимому дѣйствовало національное предубѣжденіе иностранцевъ—я имѣю въ виду *забаллотированіе* доктора Трофимовскаго, который пользовался въ то время громкою славою, какъ практическій врачъ, и былъ предложенъ вслѣдствіе этого въ почетные члены университета профессоромъ Шумлянскимъ; онъ получилъ 5 избирательныхъ и 6 неизбирательныхъ голосовъ (избирались всѣ закрытой баллотировкой). В. Н. Каразинъ получилъ 7 избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ шара [2]). Наконецъ, въ заключеніе укажемъ на то характерное обстоятельство, что съ 1810 г. въ совѣтѣ Харьковскаго университета начинается сильная реакція противъ выборовъ иностранцевъ—съ этого года избираются почти исключительно русскіе ученые. Эта реакція представляетъ любопытное явленіе во внутренней исторіи Харьковскаго университета и на ней мы еще остановимся подробно впослѣдствіи. Теперь же замѣтимъ только, что тѣ члены кореспонденты, которые по уставу получали за свои труды жалованье (въ размѣрѣ 200 руб. въ годъ) были также весьма полезны, оказывая ему массу маленькихъ услугъ. Въ особенности это нужно сказать относительно русскаго консула въ Лейпцигѣ Шварца и протоіерея Смирнова. „Черезъ Шварца университетъ выписывалъ книги и инструменты для себя и гимназій, велъ сношенія съ учеными; такъ, напр., въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1810 г. Шварцъ писалъ совѣту о желаніи нѣкоторыхъ заграничныхъ ученыхъ получить въ Харьковскомъ университетѣ каѳедры [3]); письма эти часты. Всѣ порученія отъ университета Шварцъ исполнялъ съ отмѣннымъ усердіемъ и ревностью, почему университетъ счелъ нужнымъ хлопотать, чтобы ему было выдано жалованье со дня его избранія, т. е. съ 30 августа 1807 г.“ [4]). Протоіерей Смирновъ былъ

---

[1]) М. М. Плохинскаго. Почетные члены и члены-корреспонденты Харьковскаго университета (Записки Харьковскаго университета, 1895, № 1).

[2]) Ibidem.

[3]) Рѣчь шла о Кёмерер'ѣ и докторѣ Захаріэ: „consul Imperii Rossici читаемъ мы въ протоколѣ, Lipsiae residens certiorem reddit universitatem de quibusdam eruditis, qui quaerunt cathedras in universitate, inter quos est 1) Kämerer, de quo jam mentio facta est a professore Thibaut; 2) Doctor Zachariae“. (Acta, 1810 г., стр. 66).

[4]) М. М. Плохинскаго. Почетные члены и члены-корреспонденты Харьковскаго университета. (Записки Императорскаго университета, 1895 г. № 1).

также чрезвычайно полезнымъ сотрудникомъ для Харьковскаго университета: и онъ, подобно Шварцу, исполнялъ его порученія по части пріобрѣтенія астрономическихъ инструментовъ и т. п. Объ исполненіи имъ разныхъ порученій для астрономической обсерваторіи Харьковскаго университета въ 20-хъ годахъ текущаго столѣтія подробно говоритъ, на основаніи архивныхъ матеріаловъ, проф. Г. В. Левицкій [1]).

Другія стороны въ дѣятельности совѣта не поддаются такому точному опредѣленію, какъ выборы и производства должностныхъ лицъ и профессоровъ. Онѣ касались самыхъ разнообразныхъ дѣлъ, преимущественно (но далеко не исключительно) связанныхъ съ учебною частью; говоримъ *„не исключительно"*, потому что въ совѣтъ переходили изъ правленія и многіе вопросы хозяйственнаго характера. Перечислить этихъ дѣлъ невозможно (для этого понадобился бы цѣлый огромный томъ) и потому мы приведемъ только нѣсколько отдѣльныхъ случаевъ и примѣровъ. Вотъ важнѣйшія дѣла, разсмотрѣнныя въ совѣтскихъ засѣданіяхъ 1805 г. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій рѣшено было ежегодно праздновать день открытія университета—17-е января, гдѣ бы профессора, слагающіе и принимающіе на себя ректорскую должность, произносили приличныя случаю рѣчи; вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено было совершать ежегодно 5-го ноября благодарственное молебствіе о здравіи Государя и Его Августѣйшей Семьи въ память дарованія университету утвердительной грамоты. По предложенію ректора, признано полезнымъ сдѣлать двѣ медали—первую въ память открытія университета, вторую для раздачи студентамъ за отличное прилежаніе и хорошее поведеніе. Вслѣдствіе этого поручено было всѣмъ членамъ совѣта сообщить о нихъ свои проэкты, которые и отправлены были къ попечителю округа. Попечитель далъ отзывъ, что главному правленію училищъ найболѣе понравился проэктъ первой медали (на открытіе университета), принадлежащій ректору Рижскому: на передней сторонѣ ея было представлено солнце, восходящее надъ частію земной поверхности, занимаемой Харьковскимъ учебнымъ округомъ, съ надписью: ut fiat lux; на задней же сторонѣ, гдѣ говорилось о возникновеніи университета, попечитель совѣтовалъ упомянуть о министрѣ народнаго просвѣщенія.

Совѣтъ въ засѣданіи своемъ 17 августа 1805 г., выслушавъ это заявленіе, рѣшилъ, чтобы на медали была изображена фигура Минервы, у ногъ ея земной шаръ и надпись: et bello, et pace invicta; а на про-

---

[1]) См. его статью „Астрономы и астрономическія обсерваторіи Харьковскаго университета отъ 1808 по 1842 годъ". (Записки Императорскаго Харьковскаго университета, 1893, № 3).

тивоположной сторонѣ другая надпись: Alexandri primi jussu scientiarum universitas condita Charkoviae, ministro comite Petro Zavadovsky, cura comitis Severini Potocky MDCCCV.

Нечего, конечно, и прибавлять, что эта надпись представляла дѣло основанія Харьковскаго университета далеко не въ надлежащемъ видѣ: она совершенно предавала забвенію огромныя заслуги истиннаго виновника основанія университета въ Харьковѣ В. Н. Каразина, а между тѣмъ выдвигала на первый планъ имена Завадовскаго и Потоцкаго. Но мы знаемъ, что графъ Завадовскій не сочувствовалъ мысли объ учрежденіи университета въ Харьковѣ, а графъ Потоцкій дѣйствительно много сдѣлалъ для Харьковскаго университета, но не на столько, чтобы къ нему можно было примѣнить выраженіе—„cura comitis Sev. Potocky“.

Чтеніе Высочайшей утвердительной грамоты и устава вызвало въ совѣтѣ (еще 9-го января 1805 года) огромную радость и признательность къ монарху и поручено было секретарю совѣта перевести уставъ на латинскій языкъ. Въ засѣданіи 10 февраля 1805 года рѣшено было приступить къ составленію исторіи университета. По уставу этотъ трудъ обязанъ былъ принять на себя секретарь совѣта; но такъ какъ онъ былъ иностранецъ и незналъ того, что сдѣлано было съ самаго начала до открытія университета, то это дѣло поручено было профессору Тимковскому, который принялъ на себя эту работу; книга должна была быть издана на русскомъ и латинскомъ языкѣ. Нельзя не сознаться, что выборъ Тимковскаго былъ какъ нельзя болѣе удаченъ—онъ могъ такъ, какъ никто другой, выполнить это порученіе, потому что все время стоялъ въ курсѣ дѣла и самъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей. И онъ повидимому принялся за эту работу: по крайней мѣрѣ намъ въ руки попалось его письмо (отъ апрѣля мѣсяца 1805 года) къ губернскому предводителю дворянства, въ которомъ онъ [1]) проситъ его о присылкѣ матеріаловъ для этого труда; Тимковскому же было поручено описаніе церемоніи открытія университета.

По предложенію Потоцкаго, совѣтъ рѣшилъ, для установленія сношеній со своими почетными членами, отправлять имъ печатныя росписанія университетскихъ лекцій. Рѣшено было обратить особенное вниманіе иностранныхъ профессоровъ, чтобы они въ своихъ чтеніяхъ не касались православной религіи и государственнаго строя Россіи, что они могли сдѣлать не со злымъ умысломъ, а по своему невѣдѣнію. Не-

---

[1]) Дѣло объ учрежденіи Харьковскаго университета въ архивѣ Харьковскаго депутатскаго собранія, стр. 876—877.

рѣдко занимались обсужденіемъ вопросовъ, относящихся къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ университета. Такъ, напримѣръ, въ одномъ засѣданіи (4 апрѣля) рѣшался вопросъ о пріобрѣтеніи минералогической коллекціи нѣкоего Медера, проживавшаго въ Петербургѣ; коллекція эта оцѣнена была въ 5000 р. Рижскій заявилъ, что эта коллекція ему до нѣкоторой степени извѣстна. Рѣшено было просить владѣльца прислать въ Харьковъ ея каталогъ, и поручить академику Озерецковскому осмотрѣть ее на мѣстѣ и дать о ней свое заключеніе. Тогда же подвергнутъ былъ обсужденію вопросъ объ извѣстной Аделунговой коллекціи эстамповъ, пріобрѣтенной для университета В. Н. Каразинымъ за 5000 р. Прочитаны были всѣ данныя, касающіяся этого дѣла, и письмо попечителя къ совѣту, гдѣ онъ просилъ разрѣшить два вопроса—1) полезны ли эти эстампы для университета и 2) стоятъ ли они 5000 р., въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія деньги за нихъ должны были быть немедленно отправлены Каразину. Всѣ члены совѣта, за исключеніемъ ректора Рижскаго и профессора Тимковскаго, отвѣтили положительно на оба вопроса, заявивъ, что коллекція совершенно полезна, оцѣнка же ея сдѣлана въ Петербургѣ вполнѣ авторитетными людьми; въ виду этого они предлагали отправить 5000 р. за нее немедленно къ Каразину, такъ какъ онъ уплатилъ эту сумму изъ собственныхъ средствъ. Рижскій высказалъ болѣе уклончивое мнѣніе. Онъ не отрицалъ, но и не утверждалъ, чтобы коллекція была столь необходима, что ее нужно было пріобрѣсти теперь же, когда университетъ нуждается еще въ болѣе насущныхъ вещахъ; въ вопросѣ же о цѣнности ея онъ призналъ себя не компетентнымъ. Но и онъ считалъ рѣшительно необходимымъ уплату денегъ Каразину, который сдѣлалъ столько добра университету, начиная отъ его колыбели, будучи побуждаемъ къ этому исключительно расположеніемъ къ нему, но въ виду особаго характера этихъ расходовъ, по его мнѣнію, было необходимо предварительно испросить разрѣшенія попечителя. Въ концѣ концовъ опредѣлили поручить правленію свести счеты съ Каразинымъ и отправить ему ту сумму, которая останется на его долю послѣ этихъ расчетовъ. Это же дѣло разсматривалось и еще въ одномъ засѣданіи совѣта, причемъ шла рѣчь исключительно о деньгахъ, которыя взялъ В. Н. Каразинъ изъ городской кассы (2 тыс. р.) въ счетъ пожертвованія купца Аникѣева (2 тыс. р.) и, наконецъ, въ счетъ жалованья адъюнкта Каретникова (416 р.); попечитель предлагалъ всѣ эти суммы вычесть изъ 5000 р., слѣдуемыхъ Каразину. Въ одномъ изъ совѣтскихъ засѣданій проф. Делявинь прочиталъ 2 письма акад. Палласа, въ которыхъ онъ, во 1-хъ, предлагалъ Харьковскому университету купить его библіотеку, а, во 2-хъ, указывалъ

мѣста и лицъ, откуда можно было пріобрѣтать сѣмена растеній для ботаническаго сада.

Предметомъ особенныхъ заботъ совѣта было приглашеніе новыхъ профессоровъ. Тутъ предлагались кандидаты, дѣлались постановленія о заведеніи съ ними письменныхъ сношеній, читались отвѣтныя письма ихъ и т. п. Въ засѣданіи совѣта 19 апрѣля, напримѣръ, Шадъ предложилъ на каѳедру всеобщей исторіи профессора Іенскаго университета Гейнриха, сельскаго хозяйства—профессора того же университета Георгія; Стойковичъ—на каѳедру политической экономіи профессора Геттингенскаго университета Сарторія; Тимковскій—на каѳедру сельскаго хозяйства ученаго француза Парментье (къ этой рекомендаціи присоединился и Балленъ-де-Баллю); на каѳедру русской исторіи, географіи и статистики—извѣстнаго писателя и Императорскаго исторіографа Карамзина; на каѳедру технологіи и торговли ректоръ рекомендовалъ пригласить какого нибудь англичанина. Совѣтъ поручилъ тѣмъ профессорамъ, которые предлагали своихъ кандидатовъ, составить къ нимъ письма и доложить ихъ въ слѣдующемъ засѣданіи. Въ засѣданіи 16 іюня между прочимъ прочитанъ былъ отказъ Н. М. Карамзина занять каѳедру русской исторіи въ Харьковскомъ университетѣ; отказъ мотивированъ новыми обязанностями исторіографа, которыя заставляютъ его, Карамзина, жить въ Москвѣ, гдѣ находятся архивы [1]). Въ засѣданіи 27 авг. прочитаны были отвѣтныя письма проф. Гейнриха и Георгія; первый отказался переѣхать въ Харьковъ, а второй, какъ мы знаемъ уже, предложилъ слишкомъ тяжелыя условія—и совѣтъ отвергъ ихъ, тѣмъ болѣе что кандидатъ, какъ оказалось, не зналъ никакого другого языка кромѣ нѣмецкаго, между тѣмъ совѣтъ считалъ необходимымъ, чтобы кандидаты въ профессора знали латинскій языкъ, на которомъ

[1]) Вотъ что отвѣчалъ Н. М. Карамзинъ проф. Стойковичу (письмо его сохранилось въ оригиналѣ): „Monsieur! J'ai eu l'honneur de recevoir votre obligente lettre, et je me hâte de vous temoigner, ainsi qu'à vos respectables collegues, ma très sincère reconnaissance pour la proposition, qu'ils ont bien voulu me faire et que j'aurais acceptée avec beaucoup d'empressement, si ma charge d'historiographe ne m'attachait pas à Moscou, où se trouvent les archives de l'Empire; mais occupé à remplir mon devoir actuel, qui me laisse bien peu de momens libres, je ne peus que faire de voeux pour la prosperité de votre Akademie, sans pouvoir participer à vos travaux glorieux.

Je n'oublierai jamais, monsieur, cette marque flateuse de votre estime: elle sera gravée dans ma memoire et dans mon coeur.

J'ai l'honneur d'être avec la plus haute consideration, monsieur, votre très humble, et trés obeissant serviteur N. Karamsin.

J'ai pris la liberté de vous repondre en français, parceque je l'écris plus facilement que le latin. (Харьк. унив. архивъ. Дѣла сов. 1805 г., № 24, стр. 82).

обсуждались дѣла и отчасти велось преподаваніе; Черничъ не былъ принятъ въ адъюнкты физики между прочимъ потому, что не зналъ по латыни. Въ связи съ выборами преподавателей въ совѣтѣ вообще разсматривались вопросы, касающіеся преподаванія разныхъ наукъ; напримѣръ, 25 октября разсматривалась записка попечителя о преподаваніи военныхъ наукъ; доводились до свѣдѣнія его и извѣстія относительно практическихъ занятій преподавателей; такъ, напримѣръ, 30 іюня было сообщено о томъ, что адъюнктъ Каретниковъ устроилъ со студентами нѣсколько ботаническихъ экскурсій, гдѣ объяснялъ хозяйственное и медицинское значеніе растеній. Совѣтъ заботился и объ изслѣдованіи края въ научно-практическомъ отношеніи и охотно приходилъ въ этомъ случаѣ на помощь администраціи. Харьковскимъ губернаторомъ былъ тогда чрезвычайно просвѣщенный и преданный своему дѣлу администраторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ. Онъ то и обратился съ просьбою въ совѣтъ о командированіи спеціалистовъ по химіи и минералогіи для розысканія въ предѣлахъ Харьковской губерніи каменнаго угля и торфа, на что уже испрошено было черезъ министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшеніе у Государя Императора. Совѣтъ принимая во вниманіе, что университетъ долженъ по мѣрѣ силъ своихъ заботиться объ общемъ благѣ, опредѣлилъ для этого адъюнктовъ Гизе и Крюгера [1]). Въ засѣданіи 4 августа совѣтъ разсуждалъ по поводу другого запроса губернатора И. И. Бахтина—*какія мѣры нужно было предпринять для уничтоженія саранчи.* Сдѣланы были слѣдующія постановленія: 1) библіотекарь Белленъ-де-Баллю, адъюнкты Крюгеръ и Шмерфельдъ должны были поискать въ университетской библіотекѣ книгъ, которыя бы заключали въ себѣ способы истребленія этого насѣкомаго; 2) профессоръ Тимковскій взялся разузнать, какія средства употребляютъ съ этою цѣлью жители Малороссіи; 3) когда же все это будетъ доведено до свѣдѣнія совѣта, то этотъ послѣдній предложитъ отъ имени университета публичную задачу: „каковы суть наиболѣе дѣйствительныя легчайшія дешевыя средства для истребленія саранчи"; 4) губернатору рѣшено было дать отвѣтъ, что университетъ всячески будетъ стараться удовлетворить его просьбу, которая клонится къ общественному благу. Относясь такъ чутко ко всему, что такъ или иначе связано было съ общественнымъ благомъ, совѣтъ, естественно, не могъ оставаться равнодушнымъ и къ пожертвованіямъ отдѣльныхъ лицъ на пользу университета или вообще учебныхъ заве-

---

[1]) Вотъ подлинное постановленіе совѣта: „cum universitatis sit pro viribus allaborare, ut bonum publicum promoveat, destinati sunt ad iter hoc per totum gubernium suscipiendum adjincti Giese et Krüger". (Харьковскій университетскій архивъ. Acta 1805 г., стр. 34—35).

деній въ его округѣ. Попечитель довелъ до свѣдѣнія совѣта о крупномъ пожертвованіи графа Безбородка на учрежденіе въ Нѣжинѣ гимназіи. Совѣтъ, въ изъявленіе своей признательности, избралъ гр. Безбородка своимъ почетнымъ членомъ, а для увѣковѣченія памяти его покойнаго брата рѣшилъ повѣсить его портретъ въ залѣ совѣтскихъ засѣданій [1]). Не игнорировалъ совѣтъ и мелкихъ пожертвованій: 29 сентября ректоръ заявилъ, что одинъ дворянинъ жертвуетъ университету рукописную малороссійскую лѣтопись (Annales parvae Rossiae), если она будетъ признана заслуживающею вниманія.

Вопросъ объ увеличеніи числа студентовъ постоянно озабочивалъ совѣтъ. Такъ, напримѣръ, 17 августа прочитано было письмо попечителя, въ которомъ онъ рекомендуетъ совѣту приложить всѣ заботы къ тому, чтобы привлечь юношество въ университетъ. Рѣшено было отвѣтить ему такъ: университетъ употребляетъ всѣ старанія для достиженія этой цѣли, но, къ сожалѣнію, въ школахъ молодые люди, какъ извѣстно, не получаютъ достаточной подготовки и большая часть ихъ не знаетъ иностранныхъ языковъ; впрочемъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что они стремятся въ университетъ, и весьма вѣроятно, что впослѣдствіи будутъ поступать въ не маломъ числѣ для продолженія своего образованія; сверхъ того число студентовъ возрастетъ еще отъ поступленія въ университетъ нынѣшнихъ слушателей приготовительнаго университетскаго класса; наконецъ, и управленіе войска донского обѣщало принять на свое содержаніе нѣсколькихъ уроженцевъ Донской области. Этотъ же вопросъ обсуждался и въ совѣтскомъ засѣданіи 13 сентября, опять таки по почину попечителя Потоцкаго: здѣсь снова недостатокъ студентовъ объяснялся малою подготовкою молодыхъ людей въ школахъ; что же касается новыхъ гимназій, учрежденныхъ въ Харьковѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ и Черкасскѣ (Ново), то въ нихъ пока были открыты только первые классы. Извѣстно, что недостатокъ въ подготовленныхъ слушателяхъ побудилъ попечителя и университетъ ходатайствовать передъ Министерствомъ народнаго просвѣщенія и Святѣйшимъ синодомъ о дозволеніи поступить въ студенты воспитанникамъ семинарій и коллегіумовъ. Объ этомъ мы еще будемъ говорить впослѣдствіи (въ главѣ

---

[1]) Вотъ подлинное рѣшеніе совѣта: „ut publicum extaret testimonium, quo animo uneversitas hanc pro bono educationis in circulo ipsi concredito factam oblationem excipiat, senatus academicus decrevit, comitem Bezborodko rogare, ut membrum hujus universitatis honorarium fieri atque hac ratione universitatem sua consortione honestare vellet, fratris vero ejus defuncti imaginem pictam habere in cubiculo (Sala), in quo senatus Academicus convenire aliaeque publicae caeremoniae celebrari solent“. (Acta, 1805, стр. 97—98).

о студентахъ); теперь же только замѣтимъ, что тогдашній Харьковскій преосвященный—Христофоръ Сулима—относился съ большою симпатіей къ университету и между прочимъ выразилъ свое довѣріе къ новому высшему свѣтскому учебному заведенію въ краѣ очень нагляднымъ образомъ: просилъ совѣтъ о разрѣшеніи воспитанникамъ Харьковскаго коллегіума слушать въ университетѣ лекціи по ботаникѣ и физикѣ; Св. синодъ, на утвержденіе котораго онъ представилъ эту мѣру, также одобрилъ ее. Совѣтъ, конечно, съ полной симпатіей отнесся къ этому ходатайству и далъ требуемое разрѣшеніе. Нѣсколько времени спустя обѣ стороны пошли еще дальше: тотъ же епископъ Христофоръ разрѣшилъ ученикамъ коллегіума слушать лекціи по медицинѣ у профессора Ванотти, для чего рѣшили назначить опредѣленные дни и часы. Для университета это разрѣшеніе было важно въ практическомъ отношеніи, потому что медицинскій факультетъ до тѣхъ поръ не могъ открыться, по отсутствію слушателей. Съ другой стороны имѣло огромное нравственное значеніе то обстоятельство, что церковь, въ лицѣ своего представителя—епископа, не только не чуждалась, не только не встрѣчала недружелюбно или подозрительно высшую свѣтскую школу, а явно покровительствовала и даже довѣряла ей своихъ собственныхъ питомцевъ—ясное свидѣтельство того, что она не считала разума и науки врагами вѣры. Какой отрадный фактъ, въ особенности если вспомнить, что онъ имѣлъ мѣсто въ нашемъ городѣ въ самомъ началѣ XIX вѣка!

Приходилось иногда совѣту разрѣшать и такіе вопросы, на которые не было прямого отвѣта въ уставѣ, но которые ставились, такъ сказать, самою жизнью. Въ засѣданіи 4-го ноября, напримѣръ, совѣтъ обсуждалъ дѣло, которое передано было изъ правленія, и по которому мнѣнія тамъ раздѣлились. Рѣчь шла объ одномъ юношѣ венгерской націи—Павлѣ Демскомъ, который хотѣлъ вступить въ число студентовъ Харьковскаго университета. Русскіе профессора—Рижскій, Осиповскій, Тимковскій находили возможнымъ принять его только по экзамену, иностранные же высказывали, что не только его, но и вообще всѣхъ иностранцевъ, прослушавшихъ курсъ гимназій, можно принимать безъ всякаго повѣрочнаго испытанія; рѣшено было это дѣло передать на заключеніе и разрѣшеніе попечителю, такъ какъ оно не предусмотрѣно университетскимъ уставомъ.

Изъ послѣднихъ приведенныхъ мною фактовъ видно, что совѣту приходилось рѣшать и дѣла, касающіяся средняго образованія. Мы знаемъ уже, что по уставу всѣ учебныя заведенія въ округѣ находились въ вѣдѣніи университета, и при томъ не только въ учебномъ, но и въ хозяйственно-административномъ отношеніи. Ближайшимъ образомъ

всѣмъ этимъ вѣдалъ училищный комитетъ; но многое рѣшалось и въ совѣтѣ; этотъ послѣдній выбиралъ членовъ училищнаго комитета, посылалъ визитаторовъ, выслушивалъ отчеты ихъ, назначалъ и увольнялъ директоровъ и учителей, заботился объ открытіи новыхъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній и т. п. Однимъ словомъ, это была чрезвычайно сложная и отвѣтственная обязанность совѣта. Въ каждомъ почти засѣданіи докладывались дѣла объ открытіи гимназій и училищъ, о постройкѣ для нихъ зданій и т. п. Такъ, напримѣръ, 17-го августа рѣшался вопросъ объ освященіи гимназіи въ Харьковѣ; 20 сентября—объ освобожденіи профессора Тимковскаго на нѣкоторое время отъ чтенія лекцій въ виду составленія отчета объ осмотрѣнныхъ имъ школахъ и т. д.

Вообще, прочитывая протоколы за первый годъ существованія университета, невольно выносишь отрадное впечатлѣніе о дѣятельности членовъ совѣта. Можно сказать, что тогда всѣ важнѣйшія дѣла (даже отчасти и хозяйственныя) [1]) сосредоточивались въ совѣтѣ, который in corpore много трудился, не только для блага университета, но и всѣхъ учебныхъ заведеній въ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Засѣданія совѣта были очень частыя: въ 1805 г. ихъ было, напримѣръ, 42. Но члены совѣта не тяготились ими, потому что приходилось всякій разъ разсматривать не какія нибудь формальныя, сухія, а живыя, важныя и интересныя дѣла. Такое отношеніе профессоровъ къ своимъ обязанностямъ не могло остаться незамѣченнымъ и начальствомъ: его отмѣтилъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, графъ Завадовскій, лично посѣтившій университетъ и вынесшій изъ этого посѣщенія самыя лучшія впечатлѣнія—онъ все нашелъ въ полномъ порядкѣ и остался доволенъ этимъ новымъ учрежденіемъ. Въ Харьковъ прибылъ министръ 4-го августа. Тотчасъ по прибытіи его, къ нему явилась вся университетская корпорація съ ректоромъ во главѣ, который подалъ рапортъ о состояніи университета. На другой день графъ Завадовскій посѣтилъ университетъ; осмотрѣлъ библіотеку, физическій кабинетъ, химическую лабораторію, типографію, всѣ аудиторіи, жилище казеннокоштныхъ студентовъ и ботаническій садъ на университетскомъ дворѣ и пробылъ въ совѣтѣ

---

[1]) Все засѣданіе 15 ноября было посвящено, напримѣръ, одному хозяйственному вопросу—разсмотрѣнію условій Харьковскаго купца Бѣляева по части обжиганія кирпича. А рядомъ съ этимъ 18 марта разрѣшался чисто административный, дисциплинарный вопросъ касательно контроля надъ чтеніемъ лекцій профессорами и посѣщеніемъ ихъ студентами. Рѣшено было назначить для наблюденія за этимъ *образованнаго* смотрителя, подъ именемъ педеля, знающаго иностранные языки, съ жалованіемъ отъ 300 до 350 руб., на какую должность опредѣленъ былъ отставной поручикъ Кенигъ-Дзевальтовскій съ жалованіемъ въ 300 руб. Составляемыя педелемъ записи ежемѣсячно *прочитывались въ совѣтѣ* и затѣмъ отсылались къ попечителю.

болѣе часа, при чемъ разсуждали о суммахъ, поступающихъ въ университетъ отъ дворянства и городовъ, о приготовленіи къ постройкѣ новыхъ университетскихъ зданій и объ устройствѣ новыхъ училищъ въ округѣ университета. Затѣмъ его сіятельство прослѣдовалъ въ Харьковское главное народное училище, гдѣ посѣтилъ классы и помѣщеніе тамошнихъ казеннокоштныхъ питомцевъ, и, наконецъ, осмотрѣлъ новую университетскую землю (по Сумскому шоссе), предназначенную для постройки зданій. Тутъ онъ обратилъ вниманіе на питомникъ, гдѣ были посажены растенія, частію привезенныя изъ Крыма, а частью пожертвованныя попечителемъ Потоцкимъ.

Такимъ же характеромъ отличалась дѣятельность совѣта и въ послѣдующіе годы (за исключеніемъ послѣднихъ). Не имѣя возможности останавливаться на ней подробно, приведемъ только нѣкоторые болѣе важные факты.

Въ 1806 г. было 40 засѣданій совѣта, въ которыхъ разсматривались вопросы, касающіеся учебной дѣятельности въ университетѣ и училищахъ Харьковскаго округа, предложенія попечителя, ректора и прочихъ членовъ, представленія правленія и училищнаго комитета и, наконецъ, ученыя сочиненія профессоровъ и адъюнктовъ. Рѣшено было между прочимъ кромѣ торжественнаго собранія 17 января (день основанія университета) имѣть другое собраніе 30 августа, такъ какъ уставъ предписывалъ ежегодно устраивать такое собраніе послѣ студенческихъ экзаменовъ; въ виду этого къ 30 августа 1807 г. поручено было этико-политическому отдѣленію приготовить конкурсную задачу. Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ остаться въ силѣ и праздникъ 17 января, но отличаться исключительно ученымъ характеромъ (здѣсь должны были произноситься рѣчи, читаться диссертаціи, объясняться новыя открытія и т. п.). 52-я статья университетскаго устава требовала, чтобы ежемѣсячно происходили особыя засѣданія совѣта, на которыхъ профессора и почетные члены разсуждали бы о сочиненіяхъ, новыхъ открытіяхъ, опытахъ и изслѣдованіяхъ. Совѣтъ университета, въ виду незначительнаго количества своихъ членовъ, обремененныхъ множествомъ другихъ занятій по должности, опредѣлилъ до выбора почетныхъ членовъ разсуждать объ ученыхъ предметахъ не въ особыхъ засѣданіяхъ, а въ обыкновенныхъ. Это было, конечно, отступленіе отъ правилъ; но въ оправданіе совѣта, кромѣ того серьезнаго мотива, который онъ привелъ самъ, можно указать еще и на то, что чтеніе ученыхъ трудовъ и безъ того имѣло уже мѣсто въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, и, такимъ образомъ, требованіе устава въ сущности выполнялось (на этой сторонѣ дѣятельности совѣта мы остановимся еще впослѣдствіи). Желая снабдить гимназическія и

училищныя библіотеки лучшими и полезнѣйшими книгами, совѣтъ поручилъ отдѣленіямъ (факультетамъ) составить списокъ ихъ, что и было выполнено. По представленію училищнаго комитета, положено, чтобы въ тѣхъ городахъ слободско-украинской (харьковской) губерніи, въ которыхъ небыло еще никакихъ учебныхъ заведеній, прежде всего открыть приготовительныя отдѣленія уѣздныхъ училищъ, гдѣ бы преподавались предметы въ объемѣ приходскихъ школъ, съ тѣмъ чтобы по истеченіи года можно было открыть и первые классы уѣздныхъ училищъ; на содержаніе ихъ рѣшили отпускать по 250—300 руб. въ годъ (отъ 100 до 150 на наемъ помѣщенія и по 150 р. на жалованіе учителю). Замѣтивѣ, что нѣкоторые учителя гимназій занимаются переводомъ на русскій языкъ иностранныхъ пособій, но дѣлаютъ иногда неудачный выборъ этихъ послѣднихъ, совѣтъ поручилъ факультетамъ составить списки лучшихъ сочиненій и руководствъ по каждому предмету гимназическаго преподаванія и поручить директорамъ училищъ разослать ихъ для переводовъ учителямъ. Въ одномъ изъ засѣданій своихъ совѣтъ выработалъ и утвердилъ правила касательно университетской библіотеки (о нихъ мы скажемъ въ главѣ объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ). По предложенію ректора, совѣтъ положилъ издать на свой счетъ для гимназій и училищъ 1-ю часть хрестоматіи *Гедике*, которая и отпечатана была въ университетской типографіи въ количествѣ 1200 экземпляровъ и разослана директорамъ училищъ.

Попечитель предложилъ ректору, чтобы въ какомъ нибудь видномъ мѣстѣ университетскихъ домовъ выставлена была доска, на которой были бы написаны имена университетскихъ благотворителей. Совѣтъ рѣшилъ поставить на дворѣ будущихъ университетскихъ строеній (по Сумскому шоссе 1) монументъ изъ прочнаго камня въ видѣ пирамиды съ именами жертвователей [1]). Выработанъ былъ цѣлый рядъ правилъ относительно формы экзаменовъ студентовъ и слушателей приготовительнаго класса. По примѣру прошлаго года совѣтъ назначалъ своихъ членовъ (по спеціальностямъ ихъ) для химическихъ изслѣдованій въ предѣлахъ Харьковской губерніи (о нихъ мы будемъ говорить въ главѣ о научнопреподавательской дѣятельности профессоровъ).

Въ теченіе 1807 года совѣтъ имѣлъ 48 засѣданій. Въ чрезвычайномъ общемъ собраніи 7-го января совѣтъ занимался чтеніемъ своего университетскаго устава, во исполненіе послѣдней статьи его, и сдѣлалъ слѣдующія постановленія: 1) завести на основаніи 7-го параграфа меди-

---

[1]) Но такъ какъ зданія здѣсь не были воздвигнуты и университетъ остался во временномъ своемъ помѣщеніи, то и пирамида не была выстроена и фамиліи благотворителей, къ сожалѣнію, не были увѣковѣчены.

цинскій клиническій институтъ, для чего купить домъ; но попечитель, которому было сдѣлано представленіе объ этомъ, предложилъ университету вмѣсто этого взять на себя содержаніе нѣкотораго количества больныхъ въ городской лѣчебницѣ, подъ наблюденіемъ профессора клиники; совѣтъ поручилъ медицинскому факультету осуществить этотъ планъ, но вслѣдствіе встрѣтившихся затрудненій онъ въ теченіе 1807 г. не былъ приведенъ въ исполненіе; 2) въ виду того что нѣкоторыя предложенія въ совѣтъ были написаны по нѣмецки, рѣшено было входящія бумаги писать по латыни, чтобы всѣ могли понимать ихъ; 3) профессоръ Осиповскій заявилъ, что, согласно 22-му § устава, необходимъ преподаватель прикладной математики, каковаго обѣщалъ рекомендовать попечитель, но до сихъ поръ не сдѣлалъ этого; тутъ же было указано на необходимость пріискать преподавателей восточныхъ языковъ (еврейскаго, арабскаго, турецкаго, персидскаго) и военнаго искусства; снова обратились къ попечителю, который прислалъ списокъ кандидатовъ на должность ординарнаго профессора математики, составленный академикомъ Фусомъ; изъ среды ихъ избранъ былъ профессоръ Франкфуртскаго университета Гутъ; 4) согласно съ 79-мъ § устава совѣтъ поручилъ проф. де-Баллю, Шаду, Делявиню и Коритари разсмотрѣть книги университетской библіотеки и отмѣтить среди нихъ соблазнительныя или вредныя, съ тѣмъ чтобы таковыми могли пользоваться только профессора и адъюнкты; 5) на основаніи 160 и 170 §§ устава рѣшено подтвердить, чтобы никто не занимался обученіемъ въ частныхъ домахъ безъ разрѣшительнаго свидѣтельства какого либо университета. Въ засѣданіи 8-го февраля поручено было Шумлянскому, Шнауберту и Коритари освидѣтельствовать кассу слободскоукраинской гимназіи и уѣзднаго училища, которая найдена была въ полномъ порядкѣ. 8-го мая этикополитическій факультетъ представилъ совѣту опредѣленіе касательно составленія своей исторіи; для этого предполагалось сохранять между дѣлами по одному экземпляру сочиненій его членовъ, изданныхъ на счетъ университета или самими авторами, и вносилось ходатайство о разрѣшеніи секретарю выписывать изъ протоколовъ совѣта все, что относится къ дѣятельности факультета; совѣтъ одобрилъ это опредѣленіе и выразилъ желаніе, чтобы и другіе факультеты сдѣлали тоже, но только чтобы секретари ихъ не брали протоколовъ къ себѣ на домъ, а дѣлали извлеченія въ помѣщеніи университета. 2-го августа совѣтъ, основываясь на донесеніи визитатора Тимковскаго, заявившаго, что ученики гимназіи и училищъ не посѣщаютъ церкви въ воскресные и праздничные дни, постановилъ напомнить директорамъ объ исполненіи этого правила, требуемаго уставомъ учебныхъ заведеній.

16 августа совѣтъ, по представленію училищнаго комитета, далъ свое согласіе, чтобы нѣкоторая часть хозяйственной училищной суммы была употреблена на выдачу наградъ книгами наиболѣе успѣвшимъ ученикамъ. 11 октября совѣтъ постановилъ, по предложенію того же училищнаго комитета, чтобы гимназіи и уѣздныя училища изъ своихъ сверхштатныхъ суммъ (гдѣ таковыя имѣются) употребляли отъ 20 до 40 руб. для покупки бѣднымъ ученикамъ книгъ, бумаги и т. п. и для выдачи наградъ преуспѣвшимъ.

Въ 1808 году совѣтъ имѣлъ 42 засѣданія, на которыхъ занимался избраніемъ способныхъ преподавателей для училищъ, изыскивалъ лучшіе способы преподаванія, указывалъ лучшія пособія, приводилъ въ исполненіе предложенія попечителя, разрѣшалъ представленія правленія, училищнаго комитета, факультетовъ, разсматривалъ сочиненія и т. п. Изъ отдѣльныхъ постановленій совѣта за этотъ годъ слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія. 27 марта рѣшено было увеличить суммы, ассигнуемыя гимназіями на свои библіотеки, такъ какъ на существующую ассигновку (250 р. въ годъ) невозможно было пріобрѣсти пособій по тѣмъ многочисленнымъ предметамъ, которые читались въ гимназіяхъ; особенный недостатокъ чувствовался въ иностранныхъ сочиненіяхъ; поэтому поручили факультетамъ составить два каталога такихъ книгъ (полный и сокращенный)—одинъ для гимназій, обладающихъ сверхштатными суммами (Харьковской, Новочеркасской, Курской и Екатеринославской), другой—для менѣе обезпеченныхъ (Черниговской, Орловской и Новгородъ-Сѣверской); а затѣмъ сдѣланъ былъ большой заказъ иностранныхъ изданій по тому и другому списку въ Лейпцигѣ, что значительно удешевило пересылку; все это дѣло было поручено правленіемъ русскому консулу Шварцу, бывшему, какъ мы знаемъ, членомъ-корреспондентомъ университета. 27 іюня, основываясь на представленіи ректора, который заявилъ, что профессора, отправленные въ качествѣ визитаторовъ для осмотра училищъ, часто по долгу не извѣщаютъ ни о мѣстѣ своего пребыванія, ни о дѣятельности своей, совѣтъ постановилъ, чтобы визитаторы по крайней мѣрѣ черезъ каждыя три недѣли сообщали о томъ, что ими сдѣлано, и гдѣ они находятся. 8 іюля, по предложенію инспектора казеннокоштныхъ студентовъ, пр. Якоба, во исполненіе 118 § устава, рѣшено было назначить для лучшаго наблюденія за студентами двухъ надзирателей, которые и были избраны изъ двухъ казеннокоштныхъ кандидатовъ университета. 17 августа, обсудивъ просьбу преподавателей „пріятныхъ искусствъ“ о возвышеніи платы за обученіе этимъ предметамъ своекоштныхъ студентовъ, совѣтъ постановилъ—взимать вмѣсто 10 по 20 р. съ человѣка, но съ тѣмъ, чтобы недостаточные

могли платить меньше или даже вовсе освобождались отъ взноса. 26 сентября ректоръ довелъ до свѣдѣнія совѣта, что нѣкоторые изъ поступающихъ въ университетъ студентовъ не обладаютъ достаточной подготовкой по математикѣ, чтобы слушать лекціи по этой наукѣ проф. Осиповскаго и адъюнкта Васильева; въ виду этого было рѣшено открыть для нихъ особый классъ и назначить преподавателемъ туда казеннокоштнаго кандидата Архангельскаго. 31 октября постановлено было, чтобы лица, желавшія занять учительскую должность, но не имѣвшія еще педагогической практики, предварительно въ теченіе 3-хъ 4-хъ недѣль посѣщали гимназію или уѣздное училище для усвоенія способовъ преподаванія и затѣмъ давали по нѣсколько пробныхъ уроковъ въ присутствіи одного или двухъ профессоровъ. Наконецъ, совѣтъ выработалъ рядъ правилъ для производства различныхъ экзаменовъ и по прежнему поручалъ своимъ сочленамъ производство мѣстныхъ изысканій.

Всѣхъ засѣданій въ 1809 году было 42. На одномъ изъ нихъ опять прочитанъ былъ университетскій уставъ, съ цѣлью выяснить, какія изъ его требованій не выполнялись; чтеніе его вызвало слѣдующія разсужденія и постановленія. 9-й § требовалъ устройства ученаго общества, какого при Харьковскомъ университетѣ не было: и теперь сочли невозможнымъ его учредить, потому что было мало профессоровъ и при томъ всѣ они были обременены многоразличными обязанностями —чтеніемъ лекцій, составленіемъ компендіумовъ, дѣлами касающимися управленія университета и округа—до такой степени, что не имѣли бы даже времени посѣщать засѣданій, не говоря уже о чтеніи тамъ рефератовъ. Примѣнительно къ 10 § устава рѣшено было суммы, вносимыя благотворителями безъ спеціальнаго назначенія, употреблять отчасти въ пользу какого нибудь ученаго общества, отчасти же на содержаніе недостаточныхъ студентовъ. При чтеніи 22 § было обращено вниманіе на то, что нѣкоторыя каѳедры остаются вакантными (естественнаго, политическаго и народнаго права, права древнихъ и новыхъ народовъ, сельскаго хозяйства и военныхъ наукъ) и потому постановили съ одной стороны обратиться по этому поводу къ попечителю, а съ другой—поручить правленію напечатать объявленіе объ этихъ вакансіяхъ въ Іенскихъ и Гальскихъ ученыхъ вѣдомостяхъ; но это объявленіе по причинѣ военныхъ дѣйствій въ Германіи запоздало и появилось только въ концѣ 1809 года. Во исполненіе 53 § совѣтъ поручилъ назначить конкурсную тему этико-политическому отдѣленію, а примѣнительно къ 128—командировать за границу для усовершенствованія въ наукахъ кандидатовъ Сошальскаго и Громова. Изъ самостоятельныхъ постановленій совѣта слѣдуетъ отмѣтить слѣдующія. Для того чтобы иностранные

чиновники университета, вслѣдствіе незнанія россійскихъ законовъ, не принимали къ себѣ въ услуженіе безпаспортныхъ, имъ было объявлено объ этомъ и велѣно доставлять документы ихъ прислуги въ городскую полицію. По предложенію этико-политическаго отдѣленія, предписано было всѣмъ студентамъ его посѣщать послѣдніе два года педагогическія лекціи для того, чтобы усвоить себѣ не только научныя познанія, но и способы преподаванія. Замѣчательныя мѣропріятія были предложены по вопросу о привлеченіи студентовъ на медицинскій факультетъ. Ректоръ Рижскій внесъ письменное предложеніе, сущность котораго состояла въ томъ, чтобы выбирать съ разрѣшенія начальства извѣстное количество наиболѣе способныхъ солдатскихъ дѣтей, обучавшихся въ особыхъ школахъ, отдавать ихъ въ гимназію и затѣмъ принимать въ университетъ на медицинскій факультетъ; по выходѣ же изъ университета они опять поступятъ въ войска въ качествѣ докторовъ и хирурговъ; это не будетъ идти въ разрѣзъ съ государственными законами, запрещающими переходъ изъ нѣкоторыхъ общественныхъ состояній въ другія. Гораздо радикальнѣе было письменное мнѣніе проф. Якоба. Такъ какъ въ русскомъ государствѣ, писалъ онъ, вообще мало охотниковъ изучать науки, а тѣмъ болѣе медицинскія, то необходимо возбудить къ нимъ охоту особыми льготами, какъ это было сдѣлано и при учрежденіи медико-хирургическихъ академій въ С.-Петербургѣ и Москвѣ (туда разрѣшено было поступать лицамъ всѣхъ званій, безъ особаго Высочайшаго соизволенія). И теперь, если желаютъ побудить юношей учиться медицинѣ, то нужно позволить поступать на медицинскій факультетъ всѣмъ, безъ различія званій—дѣтямъ купцовъ, солдатъ и даже крестьянъ лишь бы только они обладали способностями. Нѣкоторые, писалъ Якобъ, возстаютъ противъ этой мѣры, потому что она будто бы уменьшитъ государственные доходы; но это совершенно невѣрно, ибо, во 1-хъ, та сумма, которую теперь приходится уплачивать чужеземнымъ врачамъ, гораздо значительнѣе подушной подати и другихъ государственныхъ сборовъ, которые бы уплачивали студенты податныхъ состояній; во 2-хъ, всякій казеннокоштный студентъ въ настоящее время получаетъ отъ казны больше, чѣмъ уплачивалъ бы въ казну купеческій сынъ, учась на свои средства; и, въ 3-хъ, наконецъ, хотя доктора и не платятъ прямыхъ податей, но казна имѣетъ и съ нихъ, благодаря ихъ общеполезной жизни, не мало косвенныхъ налоговъ. Такимъ образомъ, казна ничего не потеряетъ. Въ заключеніе проф. Якобъ указывалъ на то, что самое профессорское званіе обязываетъ дѣлать откровенныя указанія на препятствія, задерживающія ростъ университетовъ, ибо Государь даровалъ столь значительныя вольности этимъ

послѣднимъ именно съ тѣмъ, чтобы они достигали своихъ цѣлей. И такъ какъ профессорамъ поручено заботиться объ университетахъ, то онъ, Якобъ, считаетъ своею обязанностью, при обсужденіи этого вопроса, поступить съ тою смѣлою откровенностью, какая прилична представителю ученаго сословія.

Въ 1810 году было 39 засѣданій, на которыхъ были сдѣланы слѣдующія важнѣйшія постановленія. Вслѣдствіе отъѣзда въ Петербургъ проф. Якоба чтеніе его предмета (политической экономіи) было поручено адъюнкту Лангу. По представленію проф. Шада, преподававшаго въ отсутствіе Белленъ де Баллю латинскую словесность и указавшаго на недостатокъ въ университетской библіотекѣ многихъ классическихъ авторовъ, рѣшено было выписать ихъ изъ Лейпцига. По предложенію училищнаго комитета, основанному на представленіи проф. Шумлянскаго, ѣздившаго визитаторомъ въ Полтаву, совѣтъ рѣшилъ ходатайствовать передъ высшимъ начальствомъ о томъ, чтобы, во 1-хъ, визитаторамъ выдавалось за ихъ поѣздки извѣстное денежное вознагражденіе, соразмѣрное съ количествомъ потраченнаго ими времени и труда, а, во 2-хъ, чтобы въ послужныхъ спискахъ ихъ отмѣчалось, сколько лѣтъ кто пробылъ членомъ училищнаго комитета и сколько разъ ѣздилъ въ командировку на визитаціи. Назначена была общая ревизія университетской библіотеки, но, по докладу проф. Шнауберта и Гута, отложена до принятія нѣкоторыхъ предварительныхъ мѣръ. По предложенію ректора, въ виду недостатка въ гимназіяхъ учебниковъ по французскому языку, рѣшено было напечатать нѣсколько ихъ въ университетской типографіи, тѣмъ болѣе что работы въ этой послѣдней было тогда не много; на первый разъ отпечатана была книга „Dialogues des morts et fables de M. Fenelon". Рѣшена была заграничная командировка кандидатовъ Громова и Архангельскаго, но отложена на нѣкоторое время по указанію попечителя. Огромное значеніе для университета и всей его будущности имѣлъ вопросъ о мѣрахъ къ дѣйствительному открытію медицинскаго факультета, который доселѣ еще не функціонировалъ, хотя и имѣлъ уже нѣсколькихъ профессоровъ. На немъ мы подробно остановимся, когда будемъ говорить о дѣятельности факультетовъ. Теперь же только замѣтимъ, что совѣтъ сталъ въ этомъ дѣлѣ на болѣе правильную точку зрѣнія, чѣмъ попечитель, и, какъ увидимъ далѣе, съумѣлъ удержать за Харьковскимъ университетомъ его медицинскій факультетъ. Затѣмъ совѣтъ утвердилъ постановленія словеснаго отдѣленія, даровавшаго степень доктора изящныхъ искусствъ иностранцу Жиле, и врачебнаго, выдавшаго иностранцу Шенеману дипломъ на званіе врача и право медицинской практики въ Россіи. Въ этомъ году къ об-

ширнымъ безъ того обязанностямъ профессоровъ прибавилась еще одна и притомъ весьма серьезная: по Высочайшему повелѣнію, при всѣхъ университетахъ, въ томъ числѣ и при Харьковскомъ, былъ учрежденъ комитетъ „для испытанія чиновниковъ и преподаванія наукъ молодымъ людямъ, обязаннымъ гражданскою службою". Председателемъ Харьковскаго комитета былъ назначенъ ректоръ, членами — проф. Осиповскій, Тимковскій и Стойковичъ. Комитетъ прежде всего выработалъ правила касательно производства въ немъ дѣлъ, чтенія курсовъ и экзаменовъ. Лекціи должны были читаться въ теченіе двухъ лѣтъ, по 18 часовъ въ недѣлю и содержаніе ихъ должно быть приспособлено къ предстоящему испытанію; предполагалось преподавать слѣдующіе предметы: словесность (3 часа въ недѣлю), правовѣдѣніе и уголовные законы (4 часа), государственное хозяйство (2 часа), всеобщую исторію (3 ч.), россійскую исторію (2 ч.), математику (2 часа), физику (2 часа); курсъ долженъ былъ продолжаться 5 мѣсяцевъ въ году; время для лекцій было назначено послѣобѣденное (отъ 3-хъ до 6-ти час. по полудни); читались онѣ обязательно по русски. Всѣ эти предметы составляли 4 отдѣленія — словесное, историческое, юридическое и математическое. Для экзаменовъ факультеты должны были выработать особыя программы, исчерпывающія въ рядѣ вопросовъ сущность каждой изъ этихъ научныхъ дисциплинъ. Проэктъ этихъ правилъ былъ отосланъ къ попечителю, который утвердилъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ прислалъ еще другой, составленный въ Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, для того чтобы сличить его съ харьковскимъ и выработать изъ этихъ двухъ третій. Это было исполнено, измѣненія впрочемъ оказались незначительныя: вмѣсто 18 часовъ назначено 15; лекціи отнесены на лѣтніе и осенніе мѣсяцы, т. е. на май, іюнь, сентябрь, октябрь и ноябрь — въ іюлѣ и августѣ были тогда каникулы. Согласно этому положенію, курсы были открыты въ 1810 году и на нихъ записалось 27 чел. чиновниковъ. Программы испытаній поручено было составить — Рижскому (по словесности), Успенскому (по русской исторіи съ географіей и статистикой), Дюгуру (по всеобщей исторіи съ географіей и статистикой), Тимковскому (по праву и государственному хозяйству), Осиповскому (по математикѣ).

Въ 1811 году было 53 засѣданія совѣта. Тутъ между прочимъ сдѣланы были слѣдующія постановленія. По поводу представленной въ совѣтъ адъюнктомъ Совиньи французской грамматики рѣшено было внушить всѣмъ адъюнктамъ и лекторамъ, чтобы они не выпускали въ свѣтъ никакихъ книгъ, не представивъ ихъ предварительно на разсмотрѣніе совѣту. Такъ какъ случалось иногда, что преподаватели университета во время свободныхъ отъ ученія дней отлучались, безъ вѣдома ректора,

изъ города, а между тѣмъ въ нихъ встрѣчалась надобность, то рѣшено было запретить имъ такія отлучки безъ разрѣшенія ректора. Такъ какъ при университетѣ не было еще директора педагогическаго института, то для контроля за успѣхами казеннокоштныхъ студентовъ поручено было факультетамъ давать имъ съ этою цѣлью упражненія и производить въ особыхъ засѣданіяхъ испытанія. Рѣшено было, чтобы 10 чел. казеннокоштныхъ студентовъ обучались военнымъ наукамъ, для того чтобы впослѣдствіи преподавать ихъ въ гимназіяхъ. Желая облегчить студентамъ усвоеніе читаемыхъ имъ курсовъ, совѣтъ опредѣлилъ: 1) поручить факультетамъ обозначить время, какое необходимо для изложенія полнаго курса извѣстнаго предмета, 2) предложить преподавателямъ составить compendium'ы по ихъ наукамъ, такъ какъ существующія теперь руководства на иностранныхъ языкахъ не могутъ быть доступны всѣмъ студентамъ; съ цѣлью же поощренія ихъ къ такому труду—предложить имъ въ видѣ гонорара, въ случаѣ если ихъ сочиненія будутъ одобрены совѣтомъ, денежное вознагражденіе равное номинальной стоимости четвертой части всѣхъ отпечатанныхъ экземпляровъ (300--изъ 1200 экз.) за 1-е изданіе и столько же за 2-е, если оно будетъ исправлено и дополнено. Заботясь о развитіи женскаго образованія въ своемъ округѣ совѣтъ поручилъ училищному комитету позаботиться о заведеніи пансіоновъ для благородныхъ дѣвицъ. По уставу профессора, не имѣвшіе лекцій, должны были заниматься какими либо полезными для университета трудами. Поэтому совѣтъ затребовалъ подобныхъ свѣдѣній и отъ профессоровъ медицинскаго факультета, не читавшихъ лекцій, и получилъ слѣдующіе отвѣты: отъ проф. Дрейсига, что онъ будетъ сочинять компендіумъ патологіи въ афористической формѣ, отъ проф. Каменскаго, что онъ будетъ преподавать всѣмъ желающимъ въ городѣ акушерство; что же касается проф. Шумлянскаго, то онъ и независимо отъ преподаванія много работалъ на пользу университета: засѣдалъ въ правленіи, гдѣ между прочимъ завѣдовалъ кассой, въ цензурномъ и училищномъ комитетѣ, состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго для испытанія чиновниковъ. По предложенію ректора Стойковича, выработаны были проф. Роммелемъ планъ и правила Педагогическаго института для приготовленія въ немъ кандидатовъ и окончившихъ университетъ къ учительской должности; Роммель же избранъ былъ и директоромъ этого института съ жалованіемъ по 500 руб. въ годъ. На курсы чиновниковъ въ 1811 г. поступило 19 чел.; къ экзамену никто не явился и только Радзивиловскій почтмейстеръ титулярный совѣтникъ Фонъ-Гирсъ, представилъ свой аттестатъ объ окончаніи въ 1794 г. Ревельской гимназіи (аттестатъ этотъ, по его словамъ, равенъ универси-

тетскому, ибо тогда существовалъ одинъ Московскій университетъ и Ревельская гимназія пользовалась одинаковыми съ нимъ правами) и просилъ, чтобы Харьковскій университетъ безъ экзамена выдалъ ему университетскій дипломъ; само собою разумѣется, что комитетъ отклонилъ это ходатайство и направилъ Фонъ Гирса въ Дерптскій учебный округъ, которому могло быть извѣстно, дѣйствительно ли Ревельская гимназія въ концѣ XVIII вѣка давала своимъ питомцамъ такія же права, какъ и университеты.

Всѣхъ засѣданій совѣта въ 1812 году было 49. На нихъ выработанъ былъ цѣлый рядъ правилъ относительно учебной стороны дѣла. Постановлено было, чтобы ищущіе ученыхъ степеней являлись на экзамены въ университетъ не въ учебное время, когда бы они могли отрывать профессоровъ отъ преподаванія, а во время студенческихъ экзаменовъ или на вакаціи; чтобы студенты, посѣщающіе лекціи на чужомъ факультетѣ, считались тамъ приватными слушателями и не подвергались испытанію; чтобы профессора наблюдали за исправнымъ посѣщеніемъ лекцій студентами; чтобы молодые люди, готовящіеся къ учительской должности, не были производимы въ ученыя степени, если не занимались усердно педагогикой; чтобы ищущіе званія кандидата, магистра или доктора какого либо предмета допускались къ своему испытанію только по выдержаніи экзамена по латинской филологіи; чтобы студенты врачебнаго отдѣленія изучали греческій языкъ; чтобы студенты, готовящіеся къ учительской должности, занимались въ университетѣ изученіемъ иностранныхъ языковъ, потому что для преподаванія ихъ рѣдко можно встрѣтить иностранцевъ, достаточно знакомыхъ съ грамматикой и словесностью; чтобы своекоштные кандидаты производимы были въ магистры не ранѣе какъ чрезъ два или три года послѣ полученія кандидатской степени (черезъ 2 года выдающіеся по успѣхамъ, черезъ 3 посредственные). Запрещено было выдавать членамъ совѣта подлинные протоколы и вообще бумаги на домъ, а позволено было только брать копіи съ нихъ.

Въ составъ комитета, преподававшаго лекціи гражданскимъ чиновникамъ, теперь входили—ректоръ Стойковичъ, проф. Шумлянскій и Дегуровъ; но такъ какъ явился только одинъ слушатель, то курсовъ и не открывали, а онъ частію слушалъ нѣкоторые предметы вмѣстѣ со студентами, а частію бралъ приватные уроки. Экзаменоваться явился въ комитетъ директоръ Таганрогской коммерческой гимназіи Маине, который выдержалъ установленное испытаніе изъ наукъ и языковъ и получилъ аттестатъ.

Въ 1814 г. [1]) всѣхъ засѣданій совѣта было 47. Здѣсь между прочимъ отмѣтимъ слѣдующія разсужденія и постановленія. Главное правленіе училищъ поручило проф. Якобу сочинить для гимназій учебники философскихъ наукъ, изъ коихъ логика, общая грамматика, эстетика и теорія изящныхъ наукъ были уже готовы; по нимъ велѣно было вести преподаваніе въ гимназіяхъ, изъявъ прежнія руководства. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ, чтобы вообще во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ (въ томъ числѣ и въ университетахъ) не были вводимы учебники по произволу, а велось бы преподаваніе по книгамъ, одобреннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Совѣтъ постановилъ перевести это распоряженіе на латинскій языкъ, чтобы съ нимъ могли ознакомиться иностранные профессора, обязать всѣхъ преподавателей доставить свѣдѣнія о тѣхъ руководствахъ, по которымъ каждый изъ нихъ преподаетъ, и разослать циркуляръ министра въ училища Харьковскаго округа. Тогда же выслушано было и другое предписаніе министра, коимъ онъ строжайше приказывалъ слѣдить за тѣмъ, чтобы въ училищахъ, вопреки запрещенію, не подвергали учениковъ тѣлесному наказанію, подъ угрозою удаленія виновныхъ отъ должности. Проф. Лангъ, преподававшій нѣсколько лѣтъ кромѣ своего предмета еще нѣкоторыя другія науки, просилъ совѣтъ сдѣлать о немъ представленіе министру; съ такою же просьбою обратился и проф. Роммель, указавшій на свои изданія латинскихъ классиковъ.

Въ отвѣтъ на представленіе совѣта объ утвержденіи адъюнктовъ министръ народнаго просвѣщенія отвѣтилъ, что онъ считаетъ количество ихъ чрезмѣрнымъ; въ Дерптскомъ университетѣ нѣтъ ни одного адъюнкта; въ другихъ ихъ меньше, чѣмъ требуется по уставу, и ихъ должно быть столько, сколько нужно для удовлетворенія преподаванія, а не столько, сколько требуетъ уставъ; поэтому совѣтъ обязанъ всякій разъ мотивировать выборъ того или иного адъюнкта. Екатеринославскій губернаторъ извѣщалъ, что 3-го февраля въ 12 часовъ дня въ Бахмутскомъ уѣздѣ слышенъ былъ громъ и съ воздуха упалъ камень въ 40 фун., который вошелъ въ землю на 6 вершковъ глубины и разломился на много частей. Свидѣтелями этого явленія были 6 человѣкъ сельскихъ жителей, которые тогда услышали громъ на подобіе пушечнаго выстрѣла и шумъ въ воздухѣ, продолжавшійся около часа (?), при солнечномъ

---

[1]) За 1813-й годъ не сохранилось протоколовъ совѣта; до этого же года доведена только и „Исторія дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія“; тутъ мы нашли извлеченія изъ совѣтскихъ протоколовъ и поэтому широко пользовались ею для настоящаго изложенія; нѣкоторыхъ дѣлъ, производившихся въ совѣтѣ въ 1813, мы коснемся ниже.

сіяніи. Одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что воздушный камень имѣлъ направленіе съ востока на западъ. Часть этого камня отдана въ Екатеринославскую гимназію, а другая отослана въ университетъ. Совѣтъ опредѣлилъ: поручить профессору химіи Гизе, чтобы онъ сдѣлалъ разложеніе камня и описаніе его физическихъ и химическихъ свойствъ. Министръ народнаго просвѣщенія рекомендовалъ совѣту обратить вниманіе на издающіеся въ разныхъ мѣстахъ вредные романы; они хотя явно и не противорѣчатъ цензурнымъ правиламъ, однако по своей двусмысленности и ложнымъ умствованіямъ противны нравственности, ибо авторы ихъ подъ видомъ искорененія зла въ дѣйствительности знакомятъ юношество съ такими пороками, о коихъ не слѣдовало-бы и упоминать. Поэтому министръ предписываетъ цензурнымъ комитетамъ разрѣшать къ печати только такіе, которые имѣютъ предметомъ своимъ нравственность, не обращая при этомъ вниманія на ихъ художественныя достоинства. Другимъ предписаніемъ министръ вовсе запретилъ цензурнымъ комитетамъ, въ томъ числѣ и харьковскому, принимать для разсмотрѣнія сочиненія духовнаго содержанія, такъ какъ они могутъ подать поводъ къ разнымъ толкованіямъ. Освободившись отъ своего ректора Стойковича (о чемъ скажемъ ниже), совѣтъ отказался печатать и его учебникъ физики, во 1-хъ, въ виду того что это сочиненіе не было закончено, а, во 2-хъ, и потому что не годилось для употребленія въ училищахъ. Въ виду донесеній совѣта, что нѣкоторые профессора не посѣщаютъ засѣданій, потому что въ эти же дни у нихъ назначены лекціи, министръ предписалъ, чтобы въ дни совѣтскихъ засѣданій назначались только лекціи адъюнктовъ [1]). Выслушано было предписаніе министра о присылкѣ лично на имя его ежемѣсячно совѣтскихъ протоколовъ, даже въ томъ случаѣ, когда бы попечитель не былъ въ отпускѣ. Профессоръ Нельдехенъ вступилъ въ совѣтъ съ прошеніемъ о порученіи ему преподаванія англійскаго языка; по справкамъ однако оказалось, что бывшій Харьковскій профессоръ и почетный членъ его Якобъ рекомендовалъ на это мѣсто бывшаго преподавателя Дерптскаго университета Бересфорда, который соглашался на это подъ тѣмъ условіемъ, чтобы ему былъ порученъ и итальянскій языкъ. Но такъ какъ по уставу лектуры итальянскаго языка не полагалось, то рѣшено было просить министра о назначеніи Бересфорду 600 р. за англійскій языкъ изъ штатной и 400 за итальянскій изъ экономической суммы. Въ отвѣтъ

---

[1]) Это предписаніе было вызвано повидимому письменнымъ заявленіемъ въ совѣтъ проф. Дегурова, который объяснилъ, что онъ не можетъ присутствовать по средамъ въ засѣданіяхъ, такъ какъ у него передъ этимъ 2-хъ часовая лекція (отъ 3-хъ до 5-ти часовъ) и онъ по слабости здоровья сильно ею утомляется.

на просьбу совѣта о командированіи въ Одессу Дегурова визитаторомъ для совѣщанія съ Дюкомъ-де-Ришелье о соединеніи тамошняго благороднаго института съ гимназіей и о передачѣ ихъ въ вѣдѣніе университета, министръ далъ свое согласіе, въ виду того что благородный институтъ своимъ процвѣтаніемъ обязанъ попечительности Дюка и долженъ неминуемо прійти въ упадокъ при его преемникахъ, и кромѣ того потому что зависимость всѣхъ учебныхъ заведеній отъ университета признана государственными законами. 30 сентября совѣту пришлось разбирать случай столкновенія между этикополитическимъ факультетомъ и профессоромъ словеснаго отдѣленія Срезневскимъ, происшедшій на экзаменѣ одного студента. Наконецъ, совѣтъ ходатайствовалъ о назначеніи въ помощь своему секретарю особаго протоколиста изъ магистровъ, который бы записывалъ мнѣнія членовъ и переводилъ бы ихъ на русскій языкъ, такъ какъ рѣшено было вести протоколы на двухъ языкахъ— русскомъ и латинскомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же магистръ могъ бы исполнять и должность секретаря цензурнаго комитета. Министръ отказалъ въ этомъ и предложилъ и впредь вести протоколы на латинскомъ языкѣ, такъ какъ онъ понятенъ для всѣхъ; обязанность составлять протоколы лежитъ на секретарѣ совѣта, а если онъ обремененъ другими еще дѣлами, то слѣдуетъ выбрать болѣе свободное лицо; создавать же новую должность протоколиста запрещаетъ уставъ.

Теперь мы должны отмѣтить еще одну сторону въ дѣятельности совѣта, которая предусмотрѣна была 52 § устава и требовала отъ членовъ его чтенія во время засѣданій различныхъ ученыхъ сообщеній и т. п. Уставъ назначалъ для этой цѣли особыя ежемѣсячныя общія собранія; но совѣтъ, какъ мы видѣли, постановилъ все это дѣлать въ обычныхъ своихъ собраніяхъ, по мѣрѣ накопленія матеріала. И это дѣйствительно дѣлалось изъ года въ годъ, не смотря на то, что почти всѣ профессора были обременены разнообразными и сложными занятіями (на пользу университета и его округа) и помимо своихъ прямыхъ обязанностей. Не останавливаясь теперь подробно на этомъ вопросѣ (потому что будемъ говорить еще о немъ въ главѣ о научно-преподавательской дѣятельности профессоровъ), мы приведемъ только нѣкоторыя статистическія данныя по годамъ изъ университетскихъ отчетовъ. Въ 1806 году совѣту предложенъ былъ для изданія цѣлый рядъ сочиненій и переводовъ разныхъ лицъ. Отъ В. Н. Каразина поступило четыре рукописныхъ перевода—1) Теорія изящныхъ наукъ проф. *Ешенбурга.* 2) Полная діэтетика быв. Харьковскаго проф. и доктора медицины *Вилмиха.* 3) Дѣтская нравственность (изъ всеобщей энциклопедіи Генриха *Кампе*). 4) Обхожденіе съ людьми, соч. бар. *Книгге,* въ 3-хъ

частяхъ. Эти рукописи онъ предлагалъ для изданія университету, съ тѣмъ чтобы ему возвратили деньги, уплоченныя имъ изъ собственныхъ средствъ переводчикамъ. Совѣтъ, разсмотрѣвъ ихъ, нашелъ, что изданіе діэтетики Виллиха обошлось бы ему въ 2256 р. или въ 2 р. 82 коп. за экземпляръ, т. е. такъ дорого, что нельзя было бы разсчитывать выручить эту затрату, хотя бы даже обмѣномъ у книгопродавцевъ этой книги на другія сочиненія, потребныя для университета; книга Кампе уже переведена была на русскій языкъ, а переводъ сочиненія бар. Книгге оказался неудовлетворительнымъ; что же касается „Теоріи изящныхъ наукъ“, то она, въ общемъ, переведена была удовлетворительно, могла быть введена въ училища Харьковскаго учебнаго округа и потому за нее рѣшено было уплатить В. Н. Каразину 180 р. и напечатать на счетъ университета. Проф. Белленъ-де-Баллю представилъ въ совѣтъ 2 свои сочиненія—1) Systema novum docendi et discendi linguam latinam и 2) De origine et progressu linguae et litterarum gallicarum; они были отданы на просмотръ нѣкоторымъ членамъ совѣта и на основаніи отзыва ихъ было рѣшено вторую рукопись напечатать на счетъ университета, а печатаніе первой предоставить самому автору. Переводъ съ латинскаго одного сочиненія о правовѣдѣніи, представленный кандидатомъ Саввою *Василевскимъ*, готовившимся къ учительской должности, предложено было напечатать ему самому на свой счетъ. Казеннокоштный студентъ *Славинскій* представилъ переводъ на русскій языкъ (съ французскаго) статистики *Блейфердa*; рецензентъ (ректоръ Рижскій) призналъ переводъ удовлетворительнымъ, но его всетаки возвратили переводчику, вслѣдствіе краткости этого сочиненія и нѣкоторыхъ ошибокъ. Адъюнктъ *Гамперле* составилъ правила объ обязанностяхъ студентовъ; поручено было ему перевести ихъ на латинскій языкъ и затѣмъ напечатать на счетъ университета. Въ 1807 г., во исполненіе 52 § устава, читаны были въ общихъ собраніяхъ совѣта слѣдующія работы: 1) 8 марта проф. *Шадомъ* диссертація „De vi philosophiae in reliquas scientias; 2) 17 мая проф. *Шнаубертомъ*—„Описаніе и химическое изслѣдованіе (analysis) воздушнаго камня, найденнаго въ Сумскомъ уѣздѣ“; 3) 28 іюня и 13 ноября проф. *де-Баллю* 2 части диссертаціи „Dissertatio apologetica de historico Ctesia; 4) 6 сентября адъюнктомъ *Ванотти*“—Dissertatio physiologica de sensibilitate organismi“. Сверхъ того члены совѣта, по его порученію, разсматривали переводы университетскаго устава и правилъ для казеннокоштныхъ студентовъ, а также ученые труды *Паки де Совиньи* и *Ванотти*. Въ 1808 году совѣту представлены были слѣдующіе труды: 1) проф. *Шнаубертомъ* „Новый способъ отдѣлять золото отъ серебра посредствомъ сѣрной кислоты“ (оно было одобрено

*

физико-математическимъ факультетомъ и отправлено попечителю); 2) проф. скотолѣченія *Пильгеромъ* „Краткое разсужденіе о свирѣпствующей въ нѣкоторыхъ губерніяхъ межъ рогатымъ скотомъ заразѣ“; совѣтъ, находя его полезнымъ для здѣшняго края, рѣшилъ отпечатать на свой счетъ; 3) попечителемъ Потоцкимъ соч. *Виллье* „Pharmacopaea militaris“; медицинскій факультетъ, разсмотрѣвъ его, донесъ, что имъ можно пользоваться для преподаванія лекцій. Сверхъ того издано было нѣсколько руководствъ для училищъ Харьковскаго учебнаго округа. Въ 1809 году въ совѣтъ было представлено три сочиненія: 1) проф. скотолѣченія *Пильгеромъ*—переводъ его нѣмецкой брошюры, сдѣланный кадетомъ Лубенскаго гусарскаго полка Келлеромъ „Инструкція для кавалерійскихъ полковъ Россійской арміи“; она, по просьбѣ Пильгера, была препровождена попечителю; 2) проф. и инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ *Якобомъ* „Прибавленіе къ правиламъ для казеннокоштныхъ студентовъ“ (оно было напечатано въ университетской типографіи); 3) адъюнктомъ *Успенскимъ* „Наставленіе учителямъ для составленія историческихъ, топографическихъ и статистическихъ записокъ, соотвѣтственно 50 статьѣ устава учебныхъ заведеній“. Кромѣ того члены совѣта разсматривали исправленный проф. *Шадомъ* переводъ университетскаго устава на латинскій языкъ; въ виду того, что онъ былъ необходимъ для иностранныхъ профессоровъ, не знающихъ русскаго языка, рѣшили отпечатать его въ количествѣ 600 экземпляровъ на иждивеніе университета; наконецъ, рѣшено было, по представленію правленія, отпечатать для училищъ нѣсколько руководствъ. Въ 1810 году совѣтъ получилъ 5 сочиненій (4 рѣчи и диссертацію): 1) отъ адъюнкта *Ланга* (на нѣм. языкѣ)— „О необходимости знанія въ гражданской службѣ юридическихъ и политическихъ наукъ“, 2) отъ проф. *Тимковскаго* „О бывшихъ въ Россіи помѣстьяхъ и помѣстномъ правѣ“; 3) отъ проф. и ректора *Рижскаго* „О томъ что внимательное упражненіе въ россійской словесности внушаетъ любовь къ отечеству“; 4) отъ адъюнкта *Совиньи* „О степени совершенства, которую пріобрѣтаютъ молодые люди обоего пола отъ упражненія въ изящныхъ наукахъ, занимаясь со вкусомъ“; 5) отъ доктора *Жиле*— „Dissertatio, oppugnans opinionem Herodoti de Xerxe, Persarum rege“. Въ 1811 году на разсмотрѣніе совѣта предложены были разными авторами слѣдующіе ихъ труды: 1) адъюнктомъ *Совиньи* „Французская грамматика“, которая не одобрена къ изданію; 2) учителемъ Слободско-украинской гимназіи *Бюте* пословицы на латинскомъ языкѣ, которыя оказались не заслуживающими вниманія; 3) проф. *Тимковскимъ* сочиненіе „О грамматическомъ разборѣ словъ россійскаго языка“, которое признано было достойнымъ изданія на университетскій счетъ; 4) экстра-

ординарнымъ проф. *Калкау*—„Introductio ad studia medica una cum tabella synoptica omnium disciplinarum ad medicinam pertinentium et systematice depositarum“, которое рѣшено было напечатать на университетскій счетъ; 5) проф. *Шадомъ* и *Роммелемъ* „Христоматія нѣмецкаго языка въ прозѣ и стихахъ, составленная ими по порученію совѣта для гимназій; рѣшено было издать ее отъ имени университета; 6) проф. *де-Баллю* „Французская грамматика“; она была не вполнѣ окончена и потому постановили отложить печатаніе ея впредь до окончанія рукописи; 7) студентами—ихъ упражненія; изъ числа ихъ признаны лучшими и заслуживающими быть произнесенными на актѣ работы—*Гевлича*, *Гречановскаго*, *Лебединскаго*, *Шумана* и *Адамовича*. Въ 1812 году съ разными цѣлями представлено было 6 рукописей: 1) почетнымъ членомъ университета А. А. Палицынымъ его стихотворный переводъ соч. „L'indépendance de l'auteur“, который рѣшено было отпечатать со временемъ на счетъ университета; 2) проф. *Дрейсигомъ* „Патологія“—руководство на латинскомъ языкѣ, которое онъ отказался представить на одобреніе высшему начальству и потому оно не было напечатано на университетскій счетъ; 3) два отвѣта на заданную этикополитическимъ факультетомъ конкурсную задачу; 4) правила для студентовъ, которыя отосланы были на утвержденіе министру; 5) уставъ общества наукъ, Высочайше утвержденный по представленію министра народнаго просвѣщенія. Свѣдѣній о трудахъ, представленныхъ въ совѣтъ въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ (1813 и 1814), мы не имѣемъ.

Но во всякомъ случаѣ и приведенные здѣсь факты даютъ полное основаніе сдѣлать выводъ, что совѣтъ выполнялъ и 52-ю статью своего устава, направленную къ поддержанію и развитію научно-литературной дѣятельности среди профессоровъ. Нѣкоторыя сочиненія цѣликомъ прочитывались въ совѣтѣ, о другихъ читались отзывы тѣхъ лицъ, которымъ было поручено ихъ разсмотрѣніе; объ иныхъ дѣлали докладъ факультеты, о другихъ правленіе. Являлись ли въ засѣданія совѣта почетные члены, мы не знаемъ; думаемъ, что нѣтъ, потому что дѣла эти рѣшались, какъ мы видѣли, не въ особыхъ засѣданіяхъ, а въ обычныхъ; но нѣкоторые изъ нихъ представили свои труды—А. А. Палицынъ и В. Н. Каразинъ, хотя они оказались и не вполнѣ подходящими для изданія. Не имѣя ни малѣйшихъ основаній предполагать, чтобы совѣтомъ руководили въ данномъ случаѣ какіе либо мотивы и соображенія личнаго свойства, мы просто должны выразить сожалѣніе по поводу того, что первыя и, кажется, единственныя попытки двухъ мѣстныхъ почетныхъ членовъ, имѣвшихъ возможность принимать непосредственное участіе въ литературной дѣятельности Харьковскаго университета,

потерпѣли почти полную неудачу. И это тѣмъ болѣе было печально, что Каразинъ повидимому сильно обидѣлся отказомъ и рѣшилъ съ этого времени обращаться со своими докладами въ Москву.

Полагаемъ, что и приведенныхъ [1]) примѣровъ достаточно, чтобы охарактеризовать дѣятельность совѣта Императорскаго Харьковскаго университета за первыя десять лѣтъ его существованія. Изъ нихъ видно, насколько широка, многостороння и плодотворна была эта дѣятельность, какія разнообразныя сферы и вопросы она захватывала; къ ней можно относиться только съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей, въ особенности если принять во вниманіе, что половина членовъ совѣта, состоявшая изъ иностранныхъ профессоровъ, не знала ни русской жизни, столь непохожей по своему складу на жизнь западно-европейскую, ни даже русскаго языка. Всѣ проявляли значительную дѣятельность, одни большую, другіе меньшую, одни—въ одной сферѣ, другіе—въ другой. Изъ русскихъ профессоровъ на первомъ планѣ нужно поставить Рижскаго, Осиповскаго, Тимковскаго, изъ иностранныхъ—Стойковича, Шада. Мы видѣли, что выборы въ общемъ велись удачно и благодаря имъ профессорская коллегія пополнялась новыми дѣятелями, среди которыхъ были такіе выдающіеся, какъ математикъ Гутъ, экономистъ Якобъ, классикъ Роммель, русскій историкъ Успенскій, ветеринаръ Пильгеръ. На разныя университетскія должности (ректора, декановъ, членовъ училищнаго комитета и т. п.) выбирались также въ общемъ подходящія лица. Тѣ совѣтскія постановленія, которыя мы выше отмѣтили, въ общей массѣ своей опять таки должны быть названы разумными: они свидѣтельствуютъ о любви къ просвѣщенію, гуманности членовъ совѣта, гос-

[1]) Примѣры эти, какъ болѣе типическіе и важные, выбраны изъ протоколовъ составителями ежегодныхъ оффиціальныхъ отчетовъ о дѣятельности университета. Отчеты эти составлялись въ трехъ экземплярахъ: одинъ отправлялся къ министру, другой—въ главное правленіе училищъ, а третій передавался въ совѣтъ. Къ сожалѣнію, мы, несмотря на всѣ поиски, могли найти только отчеты за 1807 и 1811 годы. Впрочемъ пробѣлъ этотъ совершенно, можно сказать, пополненъ у насъ тою драгоцѣнною рукописью, которая носитъ названіе „Исторія дѣлъ, относящихся къ Императорскому Харьковскому университету со времени его учрежденія“ и которая представляетъ, какъ мы уже говорили выше, просто краткіе отчеты о дѣятельности университета за первыя 8 лѣтъ его существованія (до 1813 года): теперь мы окончательно въ этомъ убѣдились, сопоставляя отчеты за 1807 и 1811 годы съ соотвѣтственными частями этой рукописи. Рукопись очень исправна и ею можно пользоваться совершенно свободно. Мы сравнивали ея извѣстія о дѣятельности совѣта съ оффиціальными протоколами совѣтскихъ засѣданій, бывшими въ нашихъ рукахъ, и увидѣли полное сходство. Кромѣ подлинныхъ протоколовъ совѣта, на основаніи которыхъ мы охарактеризовали дѣятельность его въ 1805 и 1814 году, въ нашемъ распоряженіи былъ еще чрезвычайно цѣнный матеріалъ архива министерства народнаго просвѣщенія, который подтверждалъ и дополнялъ мѣстные матеріалы.

подствѣ у нихъ прогрессивныхъ идей и духа свободы; вспомнимъ только предложеніе проф. Якоба о допущеніи въ университетъ на медицинскій факультетъ дѣтей изъ податнаго сословія, заботу членовъ училищнаго комитета о недостаточныхъ ученикахъ училищъ, о снабженіи этихъ послѣднихъ пособіями, постоянную готовность совѣта производить мѣстныя изслѣдованія на пользу общества и мн. др. Даже въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя касались гораздо менѣе важныхъ дѣлъ, виденъ тактъ и разумныя основанія: для контроля надъ чтеніемъ лекцій профессорами и надъ посѣщеніемъ ихъ студентами назначался, какъ и теперь, педель, но не простой солдатъ, а образованный чиновникъ, который долженъ былъ знать иностранные языки, причемъ отмѣтки, имъ сдѣланныя, предварительно прочитывались въ засѣданіи совѣта (гдѣ могли быть исправлены заинтересованными лицами), и только потомъ уже отсылались въ министерство.

Но нарисованная нами картина получила бы одностороннее освѣщеніе и, нужно прямо сказать, не соотвѣтствовала бы исторической дѣйствительности, если бы мы ограничились изложенными свѣдѣніями и не привели данныхъ объ отрицательныхъ сторонахъ въ дѣятельности совѣта—о тѣхъ ссорахъ и распряхъ, которыя нарушали мирное теченіе жизни, производили разладъ, неудовольствія, дискредитировали профессорскую коллегію въ глазахъ начальства и мѣстнаго общества и даже угрожали переводомъ университета въ другой городъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что эти печальныя явленія характеризуютъ почти исключительно послѣдніе четыре года изучаемой нами эпохи въ исторіи университета, т. е. 1811—1814 годы. Въ качествѣ правдиваго, безпристрастнаго лѣтописца, мы должны будемъ теперь со всею откровенностью изложить и эти темныя явленія; намъ нечего опасаться того, что они закроютъ собою свѣтлыя стороны, ибо, чтобы себѣ ни говорить, а они являются только темнымъ пятнышкомъ на преобладающемъ свѣтломъ фонѣ; а бываетъ ли жизнь, дѣйствительность, окрашенная только яркимъ бѣлымъ цвѣтомъ? Конечно, нѣтъ, такъ точно какъ и не бываетъ одной только тьмы, безъ проблеска свѣта. И задача историка заключается въ томъ, чтобы уловить взаимное отношеніе между этимъ свѣтомъ и тьмой. Мы будемъ пользоваться документальными данными—собственными показаніями и признаніями главныхъ персонажей, иногда ихъ интимными свидѣтельствами; но къ этому матеріалу, предупреждаемъ читателя, нужно относиться осторожно: иногда онъ важенъ нестолько по заключающимся въ немъ свѣдѣніямъ о другихъ лицахъ, сколько по тому субъективному элементу, который характеризуетъ самого разказчика и эпоху. Для того чтобы дать самому читателю воз-

можность дѣлать оцѣнку матеріала съ точки зрѣнія его достовѣрности или тенденціозности, мы будемъ приводить его въ подлинномъ видѣ, тѣмъ болѣе что во многихъ случаяхъ было бы просто несправедливо съ нашей стороны обезличить его собственной передачей; по крайней мѣрѣ мы низачто не рискнули бы разсказать своими словами такого шедевра въ своемъ родѣ, какъ обличительная рѣчь проф. Шада, направленная противъ ректора Стойковича.

Разнородный и разноплеменный составъ совѣта Харьковскаго университета самъ по себѣ уже являлся возможнымъ источникомъ разныхъ недоразумѣній и партійной борьбы. Съ открытія дѣятельности совѣта, въ немъ обозначались 2 групы, находившіяся между собою въ тайномъ, а подъ часъ и явномъ антагонизмѣ,—*русская* партія и *иностранная*. Выше (стр. 222) мы приводили таблицу Рославскаго-Петровскаго, въ которой указаны были цифры русскихъ и иностранныхъ профессоровъ за все изучаемое нами десятилѣтіе (съ 1805 по 1815 годъ). И что же? Оказывается, что число русскихъ преподавателей оставалось неизмѣннымъ съ 1805 по 1811 годъ—ежегодно ихъ было по 7 чел., между тѣмъ какъ иностранцевъ было болѣе чѣмъ двойное количество (колебалось отъ 15 до 19 чел.). Но съ 1811 года положеніе вещей рѣзко измѣняется: число русскихъ профессоровъ и адъюнктовъ постоянно возрастало и въ 1814 году сравнялось съ количествомъ иноземныхъ преподавателей (и тѣхъ, и другихъ по 16 чел.). Мы видѣли также, что съ 1811 г. началось, можно сказать, настоящее бѣгство иностранцевъ изъ Харьковскаго университета. Къ такому выводу приводитъ насъ изученіе цифръ; колебаніе этихъ послѣднихъ настолько рѣзко, что не можетъ быть объяснено простыми случайностями; очевидно, существовала серьезная причина, приведшая къ такому положенію дѣлъ. И дѣйствительно, такая причина имѣла мѣсто въ данномъ случаѣ. Но кромѣ ея, какъ это бываетъ всегда, были еще и частные поводы: одно присоединилось къ другому и въ концѣ концовъ вызвало то явленіе, о которомъ такъ краснорѣчиво говорятъ намъ цифры. Основною причиной мы считаемъ Наполеоновскія войны и въ частности отечественную войну 12 года, которая пробудила чувство національнаго самосознанія у русскихъ (до тѣхъ поръ весьма слабо развитое среди интеллигенціи Александровской эпохи) и вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала недружелюбное отношеніе ко всему иноземному въ предѣлахъ Россіи. Кромѣ того—и это также чрезвычайно важно—Наполеоновскія завоеванія произвели расколъ среди иностранной партіи совѣта: они вызвали сильную распрю между профессорами французскаго и нѣмецкаго происхожденія. Нѣмецкая група была всегда сильнѣе французской, хотя въ составѣ этой по-

слѣдней всетаки находились два такихъ авторитетныхъ дѣятеля, какъ Дегуровъ и Белленъ-де-Баллю. Но среди нѣмцевъ было много выдающихся профессоровъ, и въ томъ числѣ знаменитый проф. Шадъ— этотъ страстный ненавистникъ французовъ, необычайно энергичный, сильный своимъ ученымъ авторитетомъ, огромный діалектикъ, въ совершенствѣ владѣвшій латинскимъ языкомъ.

Обо всемъ этомъ мы находимъ свидѣтельство у проф. Роммеля въ его воспоминаніяхъ о Харьковскомъ университетѣ [1]). Роммель пріѣхалъ

[1]) Такъ какъ мы широко будемъ пользоваться этими воспоминаніями, то посвятимъ имъ отдѣльный критическій экскурсъ. Нѣмецкій подлинникъ ихъ изданъ въ сборникѣ Бюлау и носитъ слѣдующее заглавіе: „Erinnerungen aus meinem Leben und aus meiner Zeit“ (5-й томъ, стр. 421—600). Мемуары эти заключаютъ въ себѣ наибольше данныхъ для исторіи германской университетской науки, но въ нихъ имѣются свѣдѣнія о пребываніи Роммеля въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ онъ $3^1/_2$ года состоялъ профессоромъ, и о выѣздѣ изъ Россіи въ Германію въ 1815 году. Въ 1859 году быв. проф. Ришельевскаго лицея въ Одессѣ Максимовъ со своими примѣчаніями напечаталъ извлеченіе изъ нихъ въ переводѣ на русскій языкъ, исполненномъ Я. О. Баляснымъ, въ Одесскомъ альманахѣ „Южный Сборникъ„ (№№ 9, 10 и 11). Въ 1868 году почтенный библіотекарь Харьковскаго университета Я. О. Балясный переиздалъ свой переводъ отдѣльною книжечкой. (Пять лѣтъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Воспоминанія проф. Роммеля о своемъ времени, о Харьковѣ и Харьковскомъ университетѣ“ X. 1868, XIV, 111). Въ своемъ предисловіи къ изданію Я. О. Балясный такъ характеризуетъ Роммеля, какъ мемуариста: „въ запискахъ Роммеля представленъ замѣчательный, хотя небольшой періодъ изъ полустолѣтней жизни Харьковскаго университета. Какъ дѣятель, сильно сочувствующій всѣмъ интересамъ своего времени и своего круга, Роммель возстановляетъ передъ нами живой образъ прошлаго. Изъ его простого и откровеннаго разсказа видно, что онъ не увлеченъ ни духомъ партій, ни личнымъ пристрастіемъ. Онъ глубоко правдивъ; рѣзко, но безъ желчи, выставляетъ онъ дурныя стороны людей и отдаетъ полную справедливость даже тѣмъ лицамъ, которыя ему несовсѣмъ по сердцу. Эта правдивость, живой интересъ и свѣжесть, которыми проникнуты записки Роммеля, давно возбудило въ насъ желаніе передать ихъ по русски... Въ запискахъ Роммеля попадаются имена личностей, о которыхъ онъ упоминаетъ вскользь. Рижскій, первый ректоръ Харьковскаго университета, Осиповскій и Успенскій, профессоры, пользовавшіеся большою и вполнѣ заслуженною извѣстностью, не выдѣляются у него изъ общей группы, въ которую онъ собралъ всѣхъ своихъ товарищей“. Подробныя біографическія свѣдѣнія и оцѣнка ученыхъ трудовъ этихъ лицъ представлены въ „Матеріалахъ Сухомлинова“ (XI—XIII стр.). Изданіе записокъ Роммеля вызвало появленіе въ свѣтъ двухъ статей—библіографической замѣтки г. К—аго въ журналѣ Вѣстникъ Европы (1868, № 12, стр. 917—923), содержавшей въ себѣ данныя изъ исторіи Харьковскаго университета за первые годы его существованія, и двухъ полемическихъ фельетоновъ бывшаго тогда профессоромъ въ Харьковѣ Н. А. Лавровскаго, помѣщенныхъ въ Харьк. Губ. Вѣд. 1869 №№ 26 и 27. Къ сожалѣнію и та, и другая статья написаны въ чрезвычайно рѣзкомъ, страстномъ тонѣ и носятъ на себѣ, очевидно, яркую печать той борьбы, которая ве-

въ Харьковъ въ 1811 году, т. е. именно тогда, когда стала замѣтно проявляться въ немъ реакція противъ иностранцевъ. „Настоящими правителями университета, говоритъ онъ, были ординарные профессора всѣхъ факультетовъ, которые, собираясь одинъ разъ въ недѣлю, составляли совѣтъ подъ предсѣдательствомъ ректора, рѣшавшій всѣ глав-

---

лась въ Харьковскомъ университетѣ въ концѣ 60-хъ годовъ между нашими западниками и славянофилами; во главѣ первыхъ стоялъ Д. И. Каченовскій, вторыхъ—братья П. А. и Н. А. Лавровскіе. Въ настоящее время эта борьба и одинъ изъ ея эпизодовъ—полемика г. К—аго (по всей вѣроятности Д. И. Каченовскаго) съ Н. А. Лавровскимъ имѣетъ только историческій интересъ, и мы коснемся ея, когда подойдемъ къ исторіи университета въ концѣ 60-хъ годовъ. Теперь же только извлечемъ изъ этихъ статей тѣ данныя, которыя прямо касаются записокъ Роммеля, какъ историческаго источника. Г. К—ій, очевидно, не задавался цѣлью критически разсматривать воспоминаній Роммеля; онъ просто хотѣлъ воспользоваться ими, а также богатыми данными, заключающимися въ статьѣ М. И. Сухомлинова („Матеріалы для исторіи образованія въ царствованіе императора Александра I-го“), чтобы напомнить широкой публикѣ о первыхъ годахъ изъ исторіи Харьковскаго университета. Понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, авторъ не могъ отнестись критически и къ дѣятелямъ того времени; этому также, нужно сознаться, помѣшала и нѣкоторая его тенденціозность, особенно рѣзко проявившаяся въ оцѣнкѣ дѣйствій русской партіи. Въ совершенно иномъ положеніи находился Н. А. Лавровскій. Хотя и его статьѣ вредитъ черезчуръ рѣзкій тонъ ея, хотя онъ повидимому и не могъ соблюдать полнаго безпристрастія въ оцѣнкѣ профессоровъ не русскаго происхожденія, но въ его распоряженіи были уже документы университетскаго архива, которые и послужили матеріаломъ для критической провѣрки данныхъ и выводовъ печатныхъ источниковъ и пособій; вмѣстѣ съ тѣмъ Н. А. Лавровскій подвергъ критическому разбору и воспоминанія Роммеля въ связи съ сужденіями о нихъ Я. О. Балянскаго. Вотъ на этихъ то замѣчаніяхъ мы и остановимся.

Прежде всего Н. А. Лавровскій справедливо замѣчаетъ, что воспоминанія Роммеля о Харьковскомъ университетѣ обнимаютъ не 5 лѣтъ, какъ говоритъ Я. О. Балясный, а только $3^{1}/_{2}$ года (съ 17 янв. 1811 г. до пол. іюля 1814 г.). Н. А. Лавровскій ссылается при этомъ на три страницы въ текстѣ записокъ Роммеля (42-ю, 98-ю и 102-ю); мы къ этому прибавимъ, что эти ссылки подтверждаются и архивнымъ документомъ—дѣломъ объ отпускѣ Роммеля заграницу (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1814 г. № 4). Н. А. Лавровскій не согласенъ съ приведеннымъ нами выше отзывомъ Я. О. Балянаго о безусловной правдивости Роммелевскихъ воспоминаній. Отмѣтивъ нѣкоторыя частныя ошибки и странности въ воспоминаніяхъ Роммеля (свидѣтельство его о существованіи трехъ факультетовъ, между тѣмъ какъ ихъ было на самомъ дѣлѣ четыре, указаніе на исполненіе имъ должности казначея, каковую несъ не профессоръ, а особое лицо, неправдоподобное объясненіе неудачи проэкта перенесенія университета въ другой городъ), Н. А. Лавровскій дѣлаетъ важное указаніе, что воспоминанія эти писались въ 1854 г., т. е. сорокъ лѣтъ спустя послѣ отъѣзда Роммеля изъ Харькова, когда ему было уже 73 года и память его, естественно, сильно притупилась. Онъ приводитъ чрезвычайно важное свидѣтельство самого Роммеля, который говоритъ:

ные ученые и административные вопросы". Разсказавъ о томъ, какъ хорошо обставлены были иностранные профессора въ Харьковскомъ университетѣ, Роммель говоритъ далѣе, что къ нимъ изъ зависти относилось недружелюбно мѣстное дворянство, а во время нашествія французовъ дѣло дошло до открытой ненависти. „Трудно составить себѣ по-

„*лѣтъ черезъ двадцать послѣ моего выѣзда изъ Россіи, когда харьковская жизнь представлялась мнѣ уже чѣмъ то въ родѣ сна*, онъ (Дегуровъ) посѣтилъ меня въ Касселѣ" „.... Послѣ такого признанія самого автора записокъ, говоритъ Н. А. Лавровскій, писанныхъ еще *двадцать лѣтъ спустя послѣ того*, едва ли серьезно можно признавать ихъ за живой образъ прошлаго. Наконецъ, разбирая самый переводъ, рецензентъ указываетъ въ немъ одно мѣсто, какого вовсе нѣтъ въ подлинникѣ, а именно заключительной фразы въ характеристикѣ русскихъ профессоровъ: „такіе случаи были торжествомъ для нашихъ ученыхъ подъячихъ. Тотчасъ же изъ ихъ фаланги поднимался голосъ: въ протоколъ записать! довести до свѣдѣнія начальства! Всегдашнею ихъ тактикою было представить неосторожнаго вольнодумцемъ, врагомъ порядка, правительства. И это называли они служить вѣрою и правдою". Далѣе въ слѣдующей фразѣ вставлено подчеркнутое выраженіе, котораго также нѣтъ въ подлинникѣ: „всѣ мои русскіе товарищи, *такъ глубоко понимавшіе науку интриги*. Н. А. Лавровскій даетъ понять читателю, что вставки эти сдѣланы сознательно, для того чтобы рѣзче оттѣнить древнеславянское невѣжество сравнительно съ германскою культурностью, и въ доказательство ссылается между прочимъ на одну фразу переводчика (прим. на 100-й стр.), гдѣ онъ именно упоминаетъ объ этомъ древнеславянскомъ невѣжествѣ. Въ заключеніе впрочемъ Н. А. Лавровскій говоритъ: „какъ бы то ни было, послѣ сдѣланныхъ указаній на нѣкоторыя неточности, можно поблагодарить г. Баляснаго за принятый имъ на себя трудъ познакомить читателей съ отрывкомъ воспоминаній Роммеля, относящимся къ его харьковской жизни. Какъ ни смутны, иногда не вѣрны, какъ ни субъективны эти воспоминанія, все таки изъ нихъ можно кое что извлечь будущему историку Харьковскаго университета за первое время его существованія. Но за то ужъ рѣшительно нельзя сказать ни одного добраго слова о корреспондентѣ Вѣстника Европы, К—омъ, выступившемъ съ печатнымъ отзывомъ о трудѣ Баляснаго".

Спрашивается: насколько правъ въ своихъ заключеніяхъ относительно воспоминаній Роммеля Н. А. Лавровскій? Въ вопросѣ о *правдивости* Роммеля мы склонны стать болѣе на сторону Я. О. Баляснаго, чѣмъ Н. А. Лавровскаго, т. е. мы думаемъ, что Роммель въ своихъ воспоминаніяхъ *хотѣлъ говорить правду* и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ увлекался духомъ національной и партійной борьбы и исключительности. Это былъ несомнѣнно глубокопросвѣщенный человѣкъ, съ честной, искренней натурой, стремившійся къ насажденію умственной культуры въ гостепріимно принявшей его Россіи. Правда, что онъ подобно всѣмъ тогдашнимъ европейцамъ, смотрѣлъ съ высока на русскую гражданственность и цивилизацію; онъ обращалъ вниманіе только на просвѣтительную миссію европейцевъ и не могъ даже оцѣнить, по незнанію русской жизни, тѣхъ культурныхъ задатковъ, которые существовали у насъ въ то время, и тѣхъ немногочисленныхъ дѣятелей и поборниковъ просвѣщенія, которые были русскаго происхожденія, выросли и воспитались въ русской средѣ. Говоря отрицательно о русскихъ, о ихъ

нятіе, продолжаетъ далѣе Роммель—о разнообразіи партій и характеровъ нашего университетскаго общества. Русскіе и иностранцы стояли вообще враждебно другъ противъ друга; съ первыми я вступалъ въ союзъ, когда шло дѣло объ интересахъ казны; со вторыми, во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ. Перевѣсъ большинства былъ на сторонѣ нѣмцевъ; французы, сербы, венгры примыкали къ нимъ небольшими партіями".

отсталости и т. п., онъ имѣлъ въ виду прежде всего тогдашнюю общественную среду, которая въ лицѣ многихъ своихъ представителей, еще чуждалась *европейскаго* образованія, въ особенности въ его университетской формѣ. Это же представленіе онъ отчасти переноситъ и на русскихъ профессоровъ и это потому, что ему съ ними пришлось въ свое время не мало воевать. При этомъ онъ, конечно, не могъ понять, что въ начинавшейся тогда уже реакціи повинны были не одни ретроградные, охранительные элементы русской профессорской партіи, а въ гораздо большей степени духъ времени, который именно вызывалъ ихъ къ дѣятельности; между тѣмъ „лучшаго" времени—первыхъ лѣтъ въ жизни Харьковскаго университета (1805—1810) Роммель уже не засталъ. Тѣмъ не менѣе онъ все таки воздаетъ должное тогдашнимъ виднымъ русскимъ профессорамъ—Рижскому, Осиповскому, а изъ постороннихъ, но близкихъ къ университету лицъ Каразину и Биберштейну. Несправедливъ его отзывъ объ Успенскомъ; но и тутъ, какъ намъ кажется, въ этой несправедливой оцѣнкѣ онъ является съ своей точки зрѣнія *правдивымъ*.

Успенскій былъ несомнѣнно чрезвычайно талантливый человѣкъ и крупный для своего времени ученый. Но иностранные профессора, и въ томъ числѣ Роммель, по преимуществу сталкивались съ нимъ, какъ съ *синдикомъ*; эта же должность, по самому характеру своему, требовала тонкой юридической опытности, представлявшейся Роммелю, незнакомому съ русской жизнью и законами, „умѣньемъ толковать вкривь и вкось указы"; отсюда у него и представленіе объ Успенскомъ, какъ о „русскомъ крючкѣ". Но мало того: и въ дѣятельности самого Успенскаго были повидимому какія то черты, которыя вызывали мысль о крючкотворствѣ; въ доказательство этого мы можемъ сослаться на чрезвычайно важное свидѣтельство современника, который написалъ свои воспоминанія именно по поводу полемики, возникшей между К—нымъ и Н. А. Лавровскимъ; я имѣю въ виду воспоминанія Розальонъ-Сошальскаго, который былъ студентомъ во времена Успенскаго и даже его слушателемъ. „Правда заставляетъ меня сказать, говоритъ онъ, что дѣйствительно онъ (Успенскій) пользовался репутаціей крючка. Былъ очень свѣдущъ въ русскомъ законовѣдѣніи, до изданія свода законовъ представлявшемъ истинный лабиринтъ, и въ русской исторіи; былъ очень уменъ и ловокъ". (Харьк. Губ. Вѣд. 1869, № 43). Нужно прибавить, что и спеціальныя занятія Успенскаго по русской исторіи требовали отъ него хорошаго знанія исторіи русскаго законодательства, ибо онъ обрабатывалъ на основаніи этого матеріала свой знаменитый опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ. Затѣмъ если мы обратимъ вниманіе на то, что собраніе и сводъ законовъ явились только въ Николаевскую эпоху, то мы совершенно поймемъ, почему за Успенскимъ въ глазахъ его почитателей установилась репутація тонкаго и опытнаго юриста, а въ глазахъ враговъ—„крючка". Но допуская нѣкоторое пристрастіе Роммеля въ отзывахъ о русскихъ профессорахъ, мы должны вспомнить, что они не составляютъ всего содержа-

Роммель принадлежалъ къ партіи иностранныхъ профессоровъ, самъ принималъ, какъ видно изъ архивныхъ дѣлъ, горячее участіе въ борьбѣ, которая съ 1811 года велась въ совѣтѣ между русскими и иностранцами, и естественно, поэтому, что онъ отзывается крайне недружелюбно о той роли, какую играли въ дѣлахъ совѣта русскіе профес-

нія записокъ, что тамъ есть масса другихъ данныхъ, въ которыхъ Роммель производитъ впечатлѣніе правдиваго, безпристрастнаго повѣствователя, не увлеченнаго духомъ партій; таковы, напримѣръ, его отзывы объ иностранныхъ профессорахъ и другихъ дѣятеляхъ, его картины мѣстной харьковской жизни, къ которой, вообще говоря, онъ относится съ сочувствіемъ. Правда онъ обвиняетъ мѣстныхъ дѣятелей во взяточничествѣ, но не огульно, а только нѣкоторыхъ и въ томъ числѣ одного обрусѣвшаго нѣмца (харьковскаго полиціймейстера), съ которымъ ему самому пришлось имѣть дѣло; разсказавъ же о взяточничествѣ инспектора врачебной управы, онъ прибавляетъ: relata refero. Иностранныхъ профессоровъ онъ опять таки изображаетъ не съ одними положительными, а и съ отрицательными чертами, и вообще нужно сказать, что они выступаютъ передъ нами какъ живые люди, со своими индивидуальными особенностями, чего бы, конечно, не могло быть, если бы онъ желалъ во чтобы то ни стало представить ихъ въ положительномъ видѣ. Конечно, его характеристики слишкомъ кратки и отрывочны, чтобы на нихъ можно было основать свой приговоръ надъ личностями тогдашнихъ дѣятелей; это скорѣе впечатлѣнія наблюдательнаго, честнаго человѣка, которыя онъ вынесъ изъ своего почти четырехъ-лѣтняго пребыванія въ Харьковѣ и острота которыхъ сгладилась послѣ отъѣзда его изъ Россіи; прежніе интересы вытѣснялись новою дѣятельностью, всецѣло поглотившей Роммеля. Но любопытно, что, будучи нѣмецкимъ патріотомъ, онъ питалъ всетаки добрыя чувства къ Россіи, какъ это видно изъ заключительныхъ строкъ его воспоминаній, гдѣ онъ выражаетъ полную признательность свою за радушное гостепріимство и за то, что во время пребыванія своего въ ней онъ расширилъ свой умственный горизонтъ.

Н. А. Лавровскій доказываетъ, что въ воспоминаніяхъ Роммеля нельзя видѣть „живого образа прошлаго“, ибо они писаны были сорокъ лѣтъ спустя послѣ отъѣзда его изъ Харькова, между тѣмъ какъ уже по истеченіи 20 лѣтъ харьковская жизнь представлялась ему чѣмъ то въ родѣ сна. Но дѣйствительно ли Роммель *написалъ* свои воспоминанія въ 1854 г., какъ думаетъ Н. А. Лавровскій? Нѣтъ! Они были только *изданы* въ этомъ году, составлены же гораздо раньше, по крайней мѣрѣ та часть ихъ, которая обнимаетъ и харьковскій періодъ дѣятельности Роммеля (1810—1815) *написана была въ 1815 году*; объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Роммель въ концѣ этой 3-й главы (стр. 588 оригинала): *geschrieben im Jahre 1815*. Н. А. Лавровскаго ввело, очевидно, въ заблужденіе то мѣсто въ запискахъ Роммеля, гдѣ онъ, характеризуя Дюгура, вспоминаетъ о встрѣчѣ съ нимъ въ тридцатыхъ годахъ въ Касселѣ; но оно свидѣтельствуетъ только о томъ, что Роммель, редактируя свои записки передъ выходомъ ихъ въ свѣтъ въ 1854 г., сдѣлалъ въ нихъ нѣсколько вставокъ, дающихъ нѣкоторыя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ описанныхъ имъ лицъ; такія же свѣдѣнія онъ сообщаетъ относительно проф. Шада, Швейкардта и своей жены, захватывая такимъ образомъ, 1833 и даже 1844-й годъ. Да это и понятно: нужно полагать, что

сора. „Всѣ эти господа, говоритъ онъ, отличались большимъ притворствомъ и хитростью. Въ засѣданіяхъ совѣта хладнокровно и зорко слѣдили они за ходомъ споровъ, ловили каждое слово иностранцевъ, невсегда разборчивыхъ на выраженія, и умѣли пользоваться минутою, когда кто-нибудь изъ нихъ въ пылу спора увлекался открытымъ, без-

---

и побудило-то Роммеля составить записки о своей жизни, главнымъ образомъ, его путешествіе въ Россію; неудивительно поэтому, что онъ набросалъ ихъ въ 1815 году, немедленно по возвращеніи оттуда, именно подъ живыми еще впечатлѣніями недавняго прошлаго. Поэтому записки его, не смотря на краткость и отрывочность свою, довольно ярко рисуютъ это прошлое и даютъ не мало реальныхъ чертъ тогдашняго быта и нравовъ.

Конечно, и въ нихъ попадаются кое какія ошибки и неточности, но ихъ, во 1-хъ, не особенно много, а во 2-хъ, они могутъ быть исправлены сопоставленіемъ съ документальными данными. Первый опытъ такого сопоставленія сдѣлалъ самъ Н. А. Лавровскій, но при этомъ отнесся къ старичку Роммелю слишкомъ строго и потому несовсѣмъ справедливо. Чтобы убѣдиться въ этомъ, разберемъ примѣры, указывающіе, по его мнѣнію, на отсутствіе правдивости и на ошибки Роммеля.

Роммель не связываетъ некрасиваго образа дѣйствій русскихъ профессоровъ въ совѣтскихъ засѣданіяхъ съ грубою выходкою Шада, обозвавшаго своихъ коллегъ холопами. Онъ порицаетъ за это Шада и вообще рисуетъ его нравственную сторону далеко не въ привлекательномъ свѣтѣ. Н. А. Лавровскій готовъ повидимому обвинить Роммеля во взяточничествѣ, основываясь на его собственномъ признаніи, что ему одинъ разъ пришлось взять въ подарокъ бочку икры. Но и этотъ фактъ (если бы онъ былъ вѣренъ) свидѣтельствовалъ бы *о правдивости* Роммеля, ибо онъ добровольно приписалъ себѣ дѣяніе, которое порицалъ у другихъ. Это во 1-хъ, а, во 2-хъ, здѣсь, очевидно, рѣчь идетъ не о взяткѣ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на текстъ Роммеля. Онъ отказался отъ взятки, предложенной ему молодымъ человѣкомъ, котораго онъ готовилъ къ экзамену, причемъ узналъ впослѣдствіи, что надъ честностью его посмѣялись и этотъ подарокъ (дрожки и пара лошадей) попалъ къ одному изъ русскихъ его коллегъ. „Но особенно *возмутило меня*, говоритъ Роммель, посольство директора Екатеринославской гимназіи, который хотѣлъ получить высшій чинъ путемъ почетнаго экзамена". Роммель отослалъ назадъ 500 руб., предложенные ему этимъ лицомъ. „Единственнымъ подаркомъ такого рода, который принялъ я разъ въ жизни, говоритъ Роммель, была бочка икры, присланная мнѣ священникомъ изъ окрестностей Архангельска". Изъ приведенныхъ нами фактовъ видно, что Роммель не бралъ взятокъ и относился къ нимъ къ негодованіемъ; едва ли поэтому и бочка икры, полученная изъ отдаленнаго Архангельска, *не входившаго въ составъ Харьковскаго учебнаго округа*, отъ какого то священника, была *взяткой такого рода*; здѣсь Роммель говоритъ о себѣ иронически; очевидно, это былъ подарокъ отъ какого нибудь добродушнаго помора, который хотѣлъ такимъ образомъ выразить свою признательность Роммелю за какое-нибудь одолженіе съ его стороны; во всякомъ случаѣ, здѣсь нѣтъ на лицо корыстныхъ мотивовъ и потому на присылку икры мы должны смотрѣть, какъ на подарокъ, а не какъ на взятку. „Какъ смутно представлялся старику Роммелю, говоритъ Н. А. Лавровскій, Харьковскій универси-

разсчетнымъ выраженіемъ своего мнѣнія". По этому поводу можно сказать, что въ разгарѣ партійной борьбы обѣ стороны не стѣснялись въ выборѣ средствъ, хотя, конечно, естественныя преимущества въ этомъ отношеніи были на сторонѣ русскихъ: они знали русскіе законы и русскую дѣйствительность, они хорошо помнили, чего нельзя было совсѣмъ касаться, между тѣмъ какъ иностранцы привыкли къ большей свободѣ у себя на родинѣ и имъ трудно было примириться со многими тогдашними явленіями русской жизни; неудивительно, поэтому, что они явля-

тетъ, когда онъ писалъ свои записки, видно изъ того, что онъ говоритъ только о трехъ факультетахъ (стр. 51), между тѣмъ какъ были и дѣйствовали въ его время всѣ четыре факультета: словесный, физикоматематическій, этикополитическій и медицинскій". Но тутъ опять неточность: Роммель въ сущности говоритъ не о трехъ, а о четырехъ факультетахъ; вотъ относящееся сюда мѣсто: „въ Харьковѣ было тогда только три факультета: этикополитическій, обнимавшій и юриспруденцію, медицинскохимическій и словесный, въ Германіи называемый философскимъ. Къ послѣднему принадлежали преподаватели не только филологическихъ и историческихъ, но такъ же математическихъ и физическихъ наукъ". Такимъ образомъ, рѣчь идетъ здѣсь, какъ видимъ, обо всѣхъ четырехъ факультетахъ—этикополитическомъ (т. е. нынѣшнемъ юридическомъ), медицинскомъ, историкофилологическомъ и физикоматематическомъ; только два послѣдніе заключали въ себѣ одну философскую группу.

Мы разобрали всѣ факты, которые приводитъ Н. А. Лавровскій противъ Роммеля, и видимъ, что они не колеблютъ его правдивости; остаются въ полной силѣ только два замѣчанія критика—касательно неправдоподобности эпизода о чернильныхъ пятнахъ, которыми будто-бы одинъ изъ русскихъ профессоровъ испортилъ бумагу, заключавшую въ себѣ проэктъ о переводѣ университета изъ Харькова и 2) относительно невѣрности извѣстія Роммеля объ исполненіи имъ казначейской должности, хотя въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣчь могла идти не о казначейскихъ обязанностяхъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, а о ревизіи суммъ, которая дѣйствительно поручалась профессорамъ.

Но можетъ ли присутствіе нѣсколькихъ невѣрныхъ или, правильнѣе говоря, неточныхъ извѣстій (потому что и въ эпизодѣ о чернильныхъ пятнахъ Роммель сообщаетъ достовѣрное извѣстіе, но только даетъ ему невѣрное объясненіе) доказывать отсутствіе правдивости у мемуариста? Конечно, нѣтъ! Записки Роммеля являются дѣйствительно въ значительной степени живымъ отраженіемъ прошлаго, хотя, конечно, онѣ, какъ и всякій другой подобный источникъ, должны подъ часъ провѣряться документальными данными. При скудости другихъ частныхъ матеріаловъ для первоначальной исторіи Харьковскаго университета, они занимаютъ среди нихъ по праву первое мѣсто и въ общемъ являются весьма важнымъ и интереснымъ источникомъ.

Въ заключеніе своего критическаго экскурса укажемъ еще, что русскій переводъ записокъ Роммеля вызвалъ краткую замѣтку проф. Рославскаго-Петровскаго, занимавшагося, какъ извѣстно, также первоначальной исторіей Харьковскаго университета. Общій смыслъ замѣтки тотъ, что и записки Роммеля заслуживаютъ полнаго вниманія читателей, и переводъ исполненъ удовлетворительно. Рославскій-Петровскій жалѣетъ только, что Я. О. Балясный не оговорилъ нѣкото-

лись въ глазахъ нѣкоторыхъ своихъ русскихъ коллегъ вольнодумцами и либералами. Но само собою разумѣется, что характеръ и источники этого либерализма были у нихъ далеко не одинаковые; существовала цѣлая пропасть между благороднымъ, просвѣщенно-либеральнымъ и гуманнымъ направленіемъ такихъ лицъ, какъ Швейкардтъ, Якобъ или Роммель, и развязною, анекдотическою болтливостью ничтожнаго Паки-де-Совиньи; совсѣмъ особое мѣсто занималъ опять таки въ этомъ отношеніи проф. Шадъ, яростный, какъ его называетъ Роммель, поборникъ просвѣщенія, совершенно не сдержанный, какъ въ устныхъ бесѣдахъ, такъ и въ своихъ писаніяхъ, чѣмъ и навлекъ на себя суровую кару начальства.

Первое проявленіе вражды между профессорами нѣмецкаго и французскаго происхожденія относится впрочемъ еще къ 1806 г.; тогда именно адъюнктъ Гамперле подалъ доносъ на Дюгура, обвиняя его въ политической неблагонадежности (предосудительныхъ сношеніяхъ съ Франціей). Дюгуръ оправдался и съумѣлъ заслужить себѣ полное довѣріе у попечителя Потоцкаго и даже въ самомъ министерствѣ. Но онъ все время въ Харьковѣ велъ борьбу съ нѣмецкой партіей, какъ самый видный и ловкій представитель французской группы профессоровъ и въ концѣ концовъ ему удалось, при помощи расположеннаго къ нему попечителя Потоцкаго, нанести страшный ударъ нѣмцамъ: глава нѣмецкой партіи „неистовый“ Шадъ былъ обвиненъ въ проповѣди вредныхъ идей и удаленъ изъ Россіи (въ 1816 г.). Съ удаленіемъ Дегурова, Шада, Гута, Белленъ-де-Баллю, Роммеля, Пильгера, Гизе, Якоба, Шнауберта, Кригера, Коритари, со смертью Шмерфельда, партія профессоровъ-иностранцевъ совершенно распалась и потеряла свое прежнее значеніе; при этомъ можно сказать, что она сама себя уничтожила внутреннимъ разладомъ.

рыхъ погрѣшностей Роммеля. Впрочемъ самъ онъ нашелъ „излишнимъ предпринимать оцѣнку записокъ Роммеля, какъ матеріала для исторіи Харьковскаго университета“ (въ виду статей Н. А. Лавровскаго и К—скаго); онъ только отмѣчаетъ заключающіяся въ нихъ данныя для исторіи харьковскаго общества въ отечественную войну 12-го года, указываетъ нѣкоторыя неточности у Роммеля и высказываетъ сомнѣніе, чтобы его воспоминанія были написаны 40 лѣтъ спустя послѣ выѣзда его изъ Харькова; онъ дѣлаетъ догадку, что Роммель имѣлъ черновыя замѣтки, но подтверждаетъ ее *только* нѣкоторыми косвенными соображеніями (тѣмъ, напримѣръ, что въ запискахъ много именъ и цифръ, которыя трудно было удержать въ памяти въ теченіе 40 лѣтъ).

Розальонъ-Сошальскій въ своихъ воспоминаніяхъ опровергаетъ извѣстіе Роммеля о полонофильскомъ настроеніи нѣкоторой части харьковскаго дворянства въ отечественную войну 12-го года; но онъ подтверждаетъ отчасти разсказъ Роммеля о полученіи докторской степени незаконнымъ сыномъ Хорвата-Дегаемъ и о взяткахъ, которыя брали профессора за магистерскія и докторскія промоціи.

Дольше всѣхъ держались вожди — Дюгуровъ и Шадъ, но и они ушли въ 1816 году; другіе стали уѣзжать еще раньше. Роммель выражалъ удовольствіе, что ему удалось уѣхать во время изъ Россіи и избавиться отъ послѣдствій того руссофильства, которое въ ней поднялось (съ 1812 г.). Онъ же сообщаетъ, что вмѣстѣ съ нимъ рѣшилъ покинуть Харьковъ и проф. Дегуровъ, при чемъ оба они кромѣ руссофильства еще спасались отъ опаснаго нездороваго харьковскаго климата, жертвою котораго недавно передъ тѣмъ сдѣлался ихъ товарищъ Шмерфельдъ (онъ умеръ отъ тифозной горячки). Къ этому присоединялись еще и экономическія затрудненія, которыя стали испытывать профессора Харьковскаго университета (вмѣстѣ со всѣмъ русскимъ обществомъ) вслѣдствіе страшнаго паденія курса. А это послѣднее явилось результатомъ тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ и въ особенности извѣстной пресловутой „континентальной системы“, введенной по мысли и желанію Наполеона и направленной противъ Англіи. Доведенные до крайности харьковскіе профессора подали въ 1810 году прошеніе на Высочайшее имя [1]), въ которомъ умоляли правительство прійти къ нимъ на помощь въ столь тяжелыхъ обстоятельствахъ. Прошеніе было подписано, какъ русскими, такъ и иностранцами. Но на него послѣдовалъ отказъ, мотивированный тѣмъ, что въ подобномъ же положеніи находились и другіе чиновники имперіи и что обстоятельства могутъ измѣниться къ лучшему. Само собою разумѣется, что эта неудача должна была особенно поразить иностранцевъ, у которыхъ не могло быть особенной любви къ Россіи, которые являлись сюда, чтобы устроить прежде всего свое матеріальное благополучіе. Теперь этому именно матеріальному благополучію наносился весьма существенный ударъ, и они не могли имѣть даже такого утѣшенія, какое было у ихъ русскихъ товарищей, что они приносятъ эти жертвы на алтарь отечества, ибо родиной они все-таки считали свой европейскій фатерландъ. Правительство утѣшало ихъ, что положеніе вещей можетъ измѣниться къ лучшему; но они плохо вѣрили въ это. Политическій горизонтъ все болѣе и болѣе заволакивался тучами. Между союзниками (императоромъ Александромъ I и Наполеономъ) охлажденіе постоянно увеличивалось; возникали взаимныя неудовольствія и пререканія, ясно доказывавшія, что союзъ этотъ ненормаленъ, и что онъ долженъ скоро смѣниться борьбою не на жизнь, а на смерть между владыкою Европы Наполеономъ и единственнымъ государствомъ на континентѣ, остававшимся внѣ сферы его политическаго владычества, — Россіей. Ино-

---

[1]) Его мы приведемъ въ оригиналѣ въ главѣ о бытѣ и нравахъ университетской среды.

странные профессора съ ужасомъ ждали этой развязки: они, конечно, были вполнѣ убѣждены, что Россію постигнетъ жестокая судьба, которая окончательно подорветъ ихъ благосостояніе и сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее пребываніе въ Россіи. Имъ угрожалъ также взрывъ „руссофильства“, т. е. неудовольствіе противъ всѣхъ вообще иноземцевъ, которое дѣйствительно вызвано было „народною“ войною 12-го года. Его одинаково боялись, какъ нѣмцы, такъ и французы; а эти послѣдніе должны были опасаться особенной реакціи противъ себя, какъ представители націи „Великаго Наполеона“ и въ большинствѣ случаевъ его горячіе почитатели.

Постепенно измѣнялась также и внутренняя политика русскаго правительства вообще и отношеніе къ университетскому самоуправленію Министерства народнаго просвѣщенія въ частности. Въ 1812 году надъ совѣтомъ Харьковскаго университета разразилась гроза, вызванная его столкновеніемъ съ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ вѣдѣніи университета, какъ мы знаемъ, находились всѣ учебныя заведенія огромнаго Харьковскаго учебнаго округа. Завѣдываніе ими составляло одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ профессорской коллегіи; въ особенности тяжело и неудобно было разбирать разныя ссоры и дрязги, происходившія въ сферѣ преподавательскаго персонала гимназій и уѣздныхъ училищъ. Одно изъ такихъ дѣлъ — ссора курскихъ педагоговъ, — поступившее на разсмотрѣніе совѣта, послужило причиною прискорбнаго столкновенія харьковскихъ профессоровъ съ министромъ. Не касаясь сущности его, разсказанной въ статьѣ Н. А. Лавровскаго [1]), мы только замѣтимъ, что министръ отмѣнилъ постановленіе совѣта объ удаленіи отъ должности нѣкоторыхъ уволенныхъ имъ учителей, и для новаго разсмотрѣнія дѣла на мѣстѣ командировалъ экспедитора своей канцеляріи Дунинъ-Борковскаго. „Эти распоряженія министра, будемъ говорить словами Н. А. Лавровскаго, произвели сильнѣйшее впечатлѣніе на университетъ и вызвали большую тревогу. Университетъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ вдвойнѣ: въ своихъ правахъ и въ своемъ достоинствѣ. По уставу 1804 г. окончательное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ, касающихся училищъ и гимназій, не только учебныхъ, но и спорныхъ и тяжебныхъ, предоставлено было училищному комитету и университетскому правленію, а потому на вмѣшательство министра совѣтъ взглянулъ, какъ на явное нарушеніе своихъ правъ, утвержденныхъ Высочайшею волею. Въ назначеніи министерскаго чиновника для суда надъ дѣйствіями университет-

---

[1]) „Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета“ (Ж. М. Н. Пр. 1869 г., ч. CXLV, № 10, стр. 249—260).

скаго совѣта, которому и комитетъ и правленіе были обязаны отчетностію, университетъ видѣлъ величайшее оскорбленіе своего достоинства. Начался рядъ бурныхъ засѣданій совѣта. Трудно представить себѣ волненіе, овладѣвшее профессорами, большинство которыхъ состояло изъ иностранцевъ, имѣвшихъ особенно высокое понятіе объ университетской автономіи. Ректоръ Стойковичъ не только не сдерживалъ и не умѣрялъ этого возбужденнаго состоянія совѣта, но еще поддерживалъ и усиливалъ его, такъ какъ въ его интересѣ было отстоять всѣ состоявшіяся рѣшенія по Курскому дѣлу, въ которомъ онъ дѣйствовалъ не безъ произвола и стороннихъ побужденій, о чемъ можно заключать изъ его переписки съ Любарскимъ...." Нѣсколько далѣе Н. А. Лавровскій прямо обвиняетъ Стойковича въ слишкомъ большой короткости отношеній къ директору Любарскому, „которая для участниковъ въ дѣлѣ могла имѣть гораздо болѣе ясный смыслъ, чѣмъ для насъ въ настоящее время", и говоритъ, что на него падаетъ главная часть вины за Курскіе безпорядки. „Оскорбленный въ своихъ правахъ совѣтъ принялся упорно отстаивать эти права, и здѣсь онъ былъ по идеѣ совершенно правъ, стоя на твердой почвѣ устава; но онъ повидимому былъ несправедливъ въ излишнемъ довѣріи къ донесеніямъ ректора, завѣдывавшаго училищнымъ комитетомъ, что и вызвало сначала обращеніе учителей прямо къ министру, а потомъ строгія мѣры министра относительно совѣта". Совѣтъ, по большинству голосовъ (Стойковича, Осиповскаго, Делявиня, Книгина, Шада, Гизе, Ванотти, Дрейсига, Роммеля, Нельдехена и Ланга), оправдалъ всѣ свои прежнія рѣшенія по Курскому дѣлу, призналъ ихъ вполнѣ законными и не только не суровыми, но даже снисходительными; отмѣну же этихъ рѣшеній онъ считалъ очень вредной и подрывающей авторитетъ университета и потому возставалъ противъ назначенія Дунинъ-Борковскаго. „Министръ былъ крайне недоволенъ этимъ опредѣленіемъ и считалъ необходимымъ употребить самыя рѣшительныя мѣры противъ дѣйствій профессоровъ. Представленіе совѣта было препровождено имъ въ комитетъ министровъ, и вотъ постановленіе послѣдняго, какъ оно изложено въ отношеніи Харьковскаго губернатора Бахтина въ университетъ отъ 8 ноября 1812 г., за № 835: профессоровъ, подписавшихъ мнѣніе о непризнаніи назначенія Дунина-Борковскаго, *„призвать въ Харьковское губернское правленіе и сдѣлать имъ строжайшій выговоръ, съ подтвержденіемъ, что ежели впредь окажутъ подобное непослушаніе, то будутъ преданы суду"*. Совѣтъ, не ожидавшій такихъ послѣдствій, рѣшилъ принести повинную. И первымъ дѣломъ его было принять мѣры къ тому, чтобы отсрочить исполненіе грознаго приговора. Къ счастію губернаторомъ былъ тогда извѣстный уже намъ

Иванъ Ивановичъ Бахтинъ, и словомъ, и дѣломъ выражавшій свое расположеніе къ Харьковскому университету. Онъ согласился не приводить въ исполненіе этого приговора до тѣхъ поръ, пока не получится отвѣтъ на коллективную просьбу профессоровъ о его смягченіи. А просьбу эту онъ отправилъ эстафетой въ Петербургъ при своемъ отношеніи. Вотъ ея текстъ въ русскомъ переводѣ (оригиналъ былъ составленъ по французски): „Сіятельнѣйшій графъ! Письмо, которое ваше сіятельство изволили препроводить въ совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета, и предписаніе, которое получилъ г. Харьковскій губернаторъ, поразили всѣхъ насъ удивленіемъ и горестью. Никогда ни одинъ изъ насъ не питалъ въ сердцѣ своемъ намѣренія нарушать законы Имперіи и уклоняться отъ повиновенія министру, котораго мудрость и благодѣянія мы не далѣе какъ полтора года тому назадъ прославляли съ чувствомъ живѣйшей благодарности. Одна изъ статей нашего устава, неточно понятая, вовлекла совѣтъ въ ошибку важную, но совершенно невольную, такъ какъ никто не предвидѣлъ ея. Сдѣлавшіе ее готовы понести наказаніе, которое на нихъ наложено. Но совѣтъ университета осмѣливается просить васъ, сіятельнѣйшій графъ, простить минутное заблужденіе. Полагаясь на ваше великодушіе и на то особенное расположеніе, которое вы всегда изволили изъявлять въ отношеніи къ Харьковскому университету, совѣтъ довелъ до свѣдѣнія г. губернатора Бахтина, что онъ вошелъ съ представленіемъ къ вашему сіятельству, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ г. губернатора пріостановить, до полученія вашего отвѣта, исполненіе полученнаго имъ предписанія. Благоволите, сіятельнѣйшій графъ, оказать университетскому совѣту снисхожденіе, просимое имъ для большинства его членовъ или, лучше сказать, для всего его состава. Если ваше сіятельство не изволите признать возможнымъ отмѣнить вполнѣ наказаніе, то благоволите уменьшить его торжественность, лишивъ его гласности. Совѣтъ умоляетъ васъ о томъ во имя наукъ, коихъ вы покровитель, во имя народнаго просвѣщенія, успѣхамъ котораго силится содѣйствовать каждый изъ насъ, наконецъ, во имя достоинства, котораго никогда не должно быть лишаемо управленіе важнаго національнаго учрежденія, въ особенности такого, какъ университетъ, имѣющій высокія обязанности и могущій безъ страха сослаться на свидѣтельство вашего сіятельства относительно того усердія, съ коимъ онъ ихъ исполняетъ. Совѣтъ университета счелъ долгомъ присоединить къ этой покорной просьбѣ журналъ своего настоящаго засѣданія, изъ коего, какъ онъ надѣется, вы, сіятельнѣйшій графъ, благоволите усмотрѣть нѣкоторыя обстоятельства, могущія уменьшить въ вашихъ глазахъ сдѣланную совѣтомъ ошибку“.

Вотъ подлинный текстъ совѣтскаго постановленія: „pluralitate votorum decretum est juxta § 166 nominatum Dunin Borkovsky, qua visitatorem agnosci non posse in rebus litterariis et toto circulo universitatis, utque aliquis visitator superioris ordinis mittatur, de qua re ad excellentissimum ministrum representetur“ [1]).

Извѣстный уже намъ отвѣтъ министра на это постановленіе былъ полученъ 6 ноября 1812 г. Тогда же профессоръ Шумлянскій заявилъ, что члены совѣта пострадали по винѣ *одного* человѣка—ректора Стойковича—и его поддержали всѣ присутствовавшіе въ засѣданіи 10 іюля члены совѣта, за исключеніемъ профессора Дрейсига [2]).

Но справедливость побуждаетъ насъ замѣтить, что это было не совсѣмъ вѣрно; очевидно, совѣтъ растерялся и рѣшилъ приписать всю вину Стойковичу, надъ которымъ въ это время велось слѣдствіе по жалобѣ адъюнкта Васильева. Само собою разумѣется, что разъ члены совѣта признали свой протестъ противъ назначенія ревизоромъ Дунинъ-Борковскаго незаконнымъ, *главнымъ* виновникомъ его оказывался Стойковичъ, но только главнымъ, а *не единственнымъ*. Чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно вспомнить, что не только Стойковичъ, а и всѣ остальные члены совѣтскаго большинства, съ Шадомъ во главѣ, высказались противъ назначенія ревизоромъ министерскаго чиновника [3]).

---

[1]) Acta, 1812 г., стр. 286.

[2]) Приведемъ подлинную выдержку объ этомъ изъ совѣтскаго протокола 6 ноября: выслушавъ приказъ министра, проф. Шумлянскій, „motus commiseratione quod tot membra universitatis reprehensionem patiantur ore tenus proposuit, unam tantum personam fuisse et esse, quae poenam illam apud auctoritatem meruit; ea autem persona rector universitatis est, quippe qui in sessione 10 julii postquam proscriptum excellentissimi ministri de misso visitatore Dunin-Borkovsky perlectum fuerat, usus est adhortatione ad membra senatus Academici directa, tum ore tenus prolata (simul proponens, ut protocollo inscribatur, se rectoratum depositurum, si res ita processerint), tum scripta perlectaque (quam finita sessione secum abstulit, nec ad acta dedit, quo ommi jure pertinebat), ita quidem, ut argumentationibus ejus proritati et excitati contra proscriptum Excelentissimi Administri opiniones dederint, quae ipsi placebant. Quam rem revera ita factam fuisse et professorem Schumlansky vera dixisse (vota postulante professore Ossipovsky, qua prorectore) omnes ii, qui sessioni 10 julii interfuerant testati sunt. Professor Giese addidit, se quidem audivisse, quae rector prolegerat, expressiones tamen in memoriam revocare non posse. Professor Dreysig se testem esse in hac re abstinuit“. (Acta, 1812, стр. 380—381).

[3]) Обширное и прекрасно мотивированное мнѣніе по этому вопросу, со ссылками на §§ устава, гарантирующіе автономію университета, высказано было именно Шадомъ: оно цѣликомъ вошло въ протоколъ совѣта и къ нему примкнули Гизе, Ванотти, Дрейсигъ, Роммель, Нельдехенъ, Лангъ; что же касается Стойковича, то онъ высказалъ самостоятельное предложеніе слѣдующаго содержанія: „opinor, ut aliquis superioris ordinis mittatur pro re Kurscii inquirenda“. Такимъ образомъ, Шадъ въ своей оппозиціи пошелъ дальше Стойковича.

Въ отвѣтъ на прошеніе совѣта гр. Разумовскій сообщилъ, что не въ его власти отмѣнять постановленіе комитета министровъ, но онъ, въ виду раскаянія профессоровъ въ ихъ проступкѣ, рѣшилъ сдѣлать негласный выговоръ; что же касается ссылки ихъ на ректора Стойковича, къ мнѣнію котораго они присоединились, то „сіе не мало не извиняетъ ихъ, поелику каждый за собственное мнѣніе отвѣтствовать обязанъ“. Смягченіе приговора допущено было и въ другомъ существенномъ пунктѣ — ревизоромъ назначенъ былъ не министерскій чиновникъ (противъ чего собственно и возставалъ только совѣтъ), а профессоръ Московскаго университета Двигубскій. Этотъ послѣдній далъ заключеніе совершенно почти согласное съ рѣшеніемъ по этому дѣлу совѣта.

Таково было это печальное дѣло, совпавшее къ тому же съ общимъ тяжелымъ настроеніемъ, вызваннымъ началомъ войны 12-го года. Оно, естественно, должно было произвести гнетущее впечатлѣніе на членовъ совѣта, поставленныхъ въ крайне щекотливое и неудобное положеніе какъ передъ своимъ прямымъ начальствомъ и представителями другихъ вѣдомствъ въ Харьковѣ, такъ въ особенности передъ мѣстной педагогической средой. Высокій авторитетъ университета, какъ автономной корпораціи, надѣленной, благодаря довѣрію къ нему Верховной власти, весьма широкими правами и прерогативами, долженъ былъ неминуемо уменьшиться, какъ въ самомъ Харьковѣ, такъ и въ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ, въ глазахъ многочисленныхъ представителей учебнаго вѣдомства — директоровъ и учителей гимназій, уѣздныхъ училищъ и т. п. Фактъ выговора (хотя и негласнаго) не могъ, конечно, остаться неизвѣстнымъ, и, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, канцелярская тайна должна была получить широкое распространеніе въ публикѣ, съ массою легендарныхъ прибавленій и преувеличеній. Благодарною средою для распространенія подобныхъ разсказовъ должна была явиться та часть харьковскаго общества, которая, по сообщенію Роммеля, относилась съ нескрываемою завистью къ привиллегированному положенію университета и его профессоровъ. Эта зависть и недружелюбное отношеніе особенно сильно должны были развиться вслѣдствіе учрежденія при университетѣ извѣстнаго уже намъ комитета для испытанія гражданскихъ чиновниковъ, не бывшихъ въ университетѣ, но желавшихъ получить высшіе чины.

Но изложенный нами „инцидентъ“ не имѣлъ все-таки такихъ печальныхъ послѣдствій для Харьковскаго университета, какъ возникшее вслѣдъ за нимъ громкое дѣло о предосудительныхъ дѣйствіяхъ ректора Стойковича. Первое ослабило, если можно такъ выразиться, юридическое

значеніе университета, второе сильно подорвало его нравственный авторитетъ. Къ этому-то „дѣлу“ мы теперь и переходимъ [1]).

Мы касались уже отчасти вопроса о ректорствѣ Рижскаго и Стойковича и сдѣлали при этомъ краткую характеристику того и другого (стр. 214—215). Теперь мы остановимся на этомъ нѣсколько подробнѣе, основываясь на новыхъ данныхъ—документахъ архива министерства народнаго просвѣщенія. Въ этихъ документахъ мы находимъ чрезвычайно важный для насъ отзывъ о Рижскомъ и его дѣятельности въ качествѣ ректора со стороны наиболѣе авторитетнаго и компетентнаго лица, которому лучше всѣхъ другихъ была извѣстна безпрерывная и плодотворная его работа—со стороны попечителя округа, гр. Потоцкаго. И это мнѣніе имѣетъ для насъ тѣмъ бо́льшее значеніе, что касается не одного Рижскаго, а и другихъ кандидатовъ на ректорскую должность, и при томъ высказано было въ три различные момента его управленія—въ 1805, 1808 и 1810 гг. „Попечитель Харьковскаго учебнаго округа, сообщало главное правленіе училищъ министру П. В. Завадовскому, основываясь на донесеніи графа Потоцкаго, представилъ правленію, что совѣтъ Харьковскаго университета 5 ноября 1804 г. занимался выборами ректора на будущій 1805 годъ. Трое изъ профессоровъ—Шадъ, Шумлянскій и Рижскій имѣютъ равное, бо́льшее передъ прочими, число шаровъ. Попечитель присоединяетъ, что рачительное отправленіе должности Рижскимъ въ теченіе настоящаго года убѣждаетъ отдать справедливость его усердію и дѣятельности и что благоустройство университета и введеніе должнаго порядка, замѣченныя вашимъ сіятельствомъ въ бытность въ Харьковѣ сего года, должно также отнести къ его попеченіямъ. По симъ причинамъ и для пользы университета онъ за нужное признаетъ предоставить на будущій годъ званіе ректора Рижскому, доказавшему уже способность свою въ отправленіи его. Главное правленіе училищъ, будучи согласно съ симъ мнѣніемъ, проситъ ваше сіятельство исходатайствовать ему Высочайшее въ ономъ званіи утвержденіе“. (Михайло Муравьевъ, Ѳедоръ Клингеръ, Степанъ Румовскій, Николай Озерецковскій, Николай Фусъ, правитель дѣлъ Иванъ Мартыновъ) [2]). Чрезвычайно

---

[1]) Его довольно подробно изложилъ Н. А. Лавровскій (въ спеціальной статьѣ о Стойковичѣ, помѣщенной въ Чтеніяхъ Моск. Общ. исторіи и древностей (1873, кн. 2-я, стр. 1—38). Но мы рѣшились вновь пересмотрѣть этотъ вопросъ, въ виду его важности и въ виду того, что въ нашемъ распоряженіи имѣется не мало новыхъ и важныхъ матеріаловъ. Мы пользовались: 1) особымъ дѣломъ о доносѣ Васильева на Стойковича (Дѣло правленія 1812—1813 гг., по архиву № 736, по карт. № 36), 2) протоколами совѣта (Acta 1812 г.) и 3) документами, извлеченными нами изъ архива министерства народнаго просвѣщенія; точныя ссылки на нихъ читатель найдетъ ниже.

[2]) Архивъ мин. нар. просв. № 5528, по картону 153; 1805 г.

интересенъ отзывъ графа Потоцкаго о совѣтскихъ выборахъ на 1808 г., отзывъ, касающійся не только двухъ кандидатовъ на должность ректора, но и кандидатовъ на должность декановъ; на эту послѣднюю оказались избранными одни иностранцы; попечитель отмѣчаетъ это обстоятельство и объясняетъ его ихъ интригами; объясненіе это имѣетъ въ нашихъ глазахъ большое значеніе, въ виду того, что онъ, вообще говоря, относился къ иностраннымъ профессорамъ съ большою симпатіей. „Милостивый государь, графъ Петръ Васильевичъ, писалъ графъ Потоцкій. Прилагая при семъ въ подлинникѣ доставленный ко мнѣ совѣтомъ Харьковскаго университета списокъ выборовъ, происходившихъ по случаю назначенія ректора и декановъ на сей 1808 годъ, я поставляю долгомъ донести вашему сіятельству, что выборы сіи давно бы могли быть представлены на утвержденіе вашего сіятельства, если бы г. профессоръ Осиповскій, избранный по большинству шаровъ въ ректоры, не отказался отъ этого званія по слабости здоровья; но какъ послѣ сего случая университетъ не представлялъ мнѣ о выборѣ другого вмѣсто г. Осиповскаго, то я принужденнымъ нашелся отложить оный до пріѣзда моего въ Харьковъ. Нынѣ по соображенію всѣхъ обстоятельствъ, до сего предмета относящихся, полагалъ бы относительно выбора ректора утвердить въ семъ званіи профессора Рижскаго, который, какъ вашему сіятельству извѣстно, и прежде сего исправлялъ должность его съ отличнымъ усердіемъ. Что же касается до г. профессора Осиповскаго, то онъ, оставаясь при должности непремѣннаго засѣдателя, тѣмъ полезнѣе будетъ университету, ибо едва ли кто-нибудь другой изъ профессоровъ можетъ оную исправлять съ такою же точностію и стараніемъ. Относительно же выбора декановъ я долженъ замѣтить, что въ случаѣ утвержденія г. Рижскаго въ званіи ректора, остаются деканами токмо одни иностранные профессора; изъ сего можно заключить, что избраніе сихъ послѣднихъ произошло отъ начавшейся недавно въ университетѣ интриги между нѣкоторыми изъ сихъ профессоровъ, посредствомъ коей они надѣются получить преимущественную предъ другими власть управлять по большинству голосовъ университетскими дѣлами. При таковыхъ обстоятельствахъ и самый старательный ректоръ не имѣлъ бы возможности дѣйствовать безпрепятственно въ пользу университета, да и я самъ едва ли въ состояніи былъ бы отвѣчать за всѣ безпорядки и упущенія, какіе отъ незнанія ихъ россійскаго языка, законовъ и порядка дѣлъ неминуемо должны произойти; по симъ причинамъ не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству изъ числа выбранныхъ иностранныхъ профессоровъ оставить деканами Де-Баллю и Шада, вмѣсто же другихъ двухъ—Делявиня и Коритари—утвердить въ семъ

званіи профессоровъ Шумлянскаго и Стойковича, изъ коихъ первый заслуживаетъ преимущество по числу шаровъ при выборѣ ректора, а послѣдній, при извѣстной дѣятельности, соединяетъ совершенное познаніе россійскаго языка“ [1]) (16 февр. 1808 г.). На слѣдующій 1809 годъ ректоромъ избранъ былъ снова Рижскій, а деканами Тимковскій, Стойковичъ, Шумлянскій и Де-Баллю; по поводу этихъ выборовъ гр. Потоцкій писалъ министру: „одобряя съ своей стороны совершенно выборъ означенныхъ профессоровъ, какъ способнѣйшихъ чиновниковъ къ управленію дѣлами университета, я покорнѣйше испрашиваю утвержденія ихъ въ семъ званіи“ [2]). По поводу ноябрьскихъ выборовъ 1810 г. (на слѣдующій 1811 годъ) попечитель писалъ министру графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому: „совѣтъ Харьковскаго университета, въ бывшихъ сего 9-го ноября выборахъ чиновниковъ на будущій 1811 годъ, избралъ единогласно въ ректоры университета ординарнаго профессора и нынѣшняго ректора Рижскаго; деканами отдѣленій избраны по большинству голосовъ: нравственно-политическихъ наукъ—проф. Тимковскій, физико-математическихъ—проф. Делявинь, врачебныхъ—проф. Дрейсигъ, который, однако же, въ присутствіи совѣта отъ сего званія отказался, а потому и выборъ падаетъ на слѣдующаго за нимъ по большинству шаровъ—проф. Шумлянскаго и, наконецъ, словесныхъ наукъ—профессора Дюгура. Представляя о таковыхъ выборахъ совѣта на утвержденіе вашему сіятельству, я почитаю долгомъ при семъ случаѣ обратить начальническое вниманіе ваше на отличную службу профессора Рижскаго, который избирается уже въ шестой разъ въ ректорское званіе. Столь многократные выборы служатъ несомнительнымъ доказательствомъ отличительныхъ достоинствъ сего чиновника и той довѣренности и уваженія, каковыя пріобрѣлъ онъ отъ своихъ сотоварищей. При всѣхъ многозаботливыхъ занятіяхъ по званію ректора, не оставлялъ онъ никогда трудиться и по должности профессора, занимался при этомъ изданіемъ полезныхъ сочиненій, изъ коихъ извѣстнѣйшія суть: Курсъ словесности и печатаемое нынѣ иждивеніемъ Императорской Россійской Академіи пространное сочиненіе подъ заглавіемъ: Наука стихотворства. По симъ уваженіямъ, я пріемлю смѣлость поручить профессора Рижскаго въ особенное благорасположеніе вашего сіятельства, признавая его при томъ достойнымъ награжденія за отличіе слѣдующимъ чиномъ при первомъ удобномъ случаѣ“ [3]) (Одесса, 26 ноября 1810 г).

---

[1]) Архивъ мин. народ. просв., № 5670, по картону 154; 1808 г.

[2]) Ibidem.

[3]) Архивъ мин. нар. просв., № 5739, по картону 155; 1810 г.

И эти отзывы вполнѣ сходятся съ тѣмъ всеобщимъ уваженіемъ, какимъ пользовался Рижскій, какъ ректоръ, профессоръ и ученый, и какое нашло себѣ яркое выраженіе на его похоронахъ. Послѣ всѣхъ этихъ документальныхъ свидѣтельствъ, мы, конечно, не можемъ принять на вѣру той характеристики, какую даетъ Рижскому его преемникъ по ректорской должности хитрый Стойковичъ, въ своемъ прошеніи на имя министра народнаго просвѣщенія. Унижая заслуги своего предшественника, онъ этимъ самимъ хотѣлъ возвысить въ глазахъ начальства собственную личность; при томъ онъ могъ говорить въ конфиденціальномъ письмѣ о мертвомъ все, что угодно—никто его не могъ обличить. Одинъ разъ—въ 1807 году—Стойковичу удалось даже добиться завѣтной цѣли своихъ стремленій — ректорской должности. И получилъ онъ ее благодаря главнымъ образомъ попечителю, какъ это видно изъ представленія этого послѣдняго министру. „Совѣтъ Харьковскаго университета, писалъ гр. Потоцкій, на основаніи устава въ засѣданіи своемъ 4 ноября занимался избраніемъ ректора на будущій 1807 годъ. По большинству голосовъ избраны въ сіе званіе профессоръ хирургіи Шумлянскій и профессоръ физики Стойковичъ, изъ которыхъ каждый получилъ пять избирательныхъ и пять неизбирательныхъ голосовъ. Оба они, сколь извѣстно мнѣ, достойны сей чести, которой удостаиваетъ ихъ сословіе университета. Я съ своей стороны предпочтительно желаю, чтобы сіе мѣсто занималъ русскій, какъ знающій языкъ и обыкновенія страны. Но профессоръ Стойковичъ, будучи родомъ изъ карпатороссовъ, легко могъ научиться и успѣлъ въ россійскомъ языкѣ и имѣлъ довольно времени познать обыкновеніе той страны; онъ можетъ почесться почти русскимъ. При томъ посѣщая разные иностранные университеты, онъ видѣлъ многія полезныя заведенія, которыя могутъ быть введены равнымъ образомъ и въ нашемъ университетѣ; такимъ образомъ, избраніемъ его на сіе мѣсто соединится та польза, каковой должно надѣяться отъ ректора, знающаго обряды россійскіе въ производствѣ дѣлъ, и будутъ отвращены разные толки, могущіе произойти со стороны иностранныхъ профессоровъ, если ректорское достоинство будетъ оставаться всегда между одними русскими. Посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство исходатайствовать оному Стойковичу Высочайшее Его Императорскаго Величества утвержденіе въ званіи ректора на будущій 1807 годъ“ [1]) (28-го ноября 1806 года).

Не смотря однако на поддержку попечителя, не смотря на удобство своего положенія (его считали своимъ и иностранные, и русскіе профессора), Стойковичъ не удержался болѣе года на ректорской долж-

[1]) Архивъ мин. нар. просв., № 5604, по картону 154, 1806 г.

ности и въ слѣдующемъ году опять долженъ былъ уступить свое мѣсто Рижскому.

Но вотъ Рижскій умираетъ въ 1811 году; его обязанности начинаетъ исправлять бывшій тогда проректоромъ Стойковичъ; онъ хочетъ теперь прочно утвердиться въ должности ректора и съ этою цѣлью вноситъ проэктъ о замѣнѣ годичнаго срока ректорства трехгодичнымъ; очевидно, онъ не расчитывалъ на постоянную поддержку большинства и хотѣлъ такимъ образомъ упрочить свое положеніе. Впрочемъ нельзя отрицать и того, что новая система, и сама по себѣ, имѣла нѣкоторыя преимущества предъ прежней. Если Рижскій много сдѣлалъ для университета, то главнымъ образомъ потому, что оставался такъ долго на своемъ посту. Но между нимъ и Стойковичемъ была огромная разница въ томъ отношеніи, что онъ былъ почти безсмѣннымъ ректоромъ, не смотря на ежегодные выборы, благодаря своей высокополезной и безупречной дѣятельности. Стойковичъ же стремился къ власти и для упроченія ея хотѣлъ замѣнить годичный срокъ трехгодичнымъ. Дальнѣйшія событія показали, что онъ не могъ остаться въ должности и одного трехлѣтія и долженъ былъ съ позоромъ выйти въ отставку.

Донося непосредственно министру о смерти Рижскаго, Стойковичъ при этомъ писалъ: „еще при болѣзни г. ректора нашего университета, о коего смерти правленіе на сей почтѣ доноситъ вашему сіятельству, вступилъ я въ званіе проректора. По уставу безсумнѣнно я сію должность отправлять долженъ до новаго выбора ректора, который (выборъ) здѣсь бываетъ въ началѣ ноября. Но я осмѣливаюсь донести вашему сіятельству, что нынѣшнее положеніе нашего университета требуетъ, по моему мнѣнію, нѣкоторой перемѣны. Закосненіе и медленность въ дѣлахъ, проистекшія отъ болѣзненнаго состоянія покойнаго ректора, смерть его, а прежде его двухъ адъюнктовъ—Билинскаго и Рейниша, увольненіе проф. Гута и адъюнкта Кригера, а въ прошломъ году проф. Якоба и Коритарія, кромѣ сего вакансія нѣкоторыхъ нужнѣйшихъ каѳедръ произвели въ университетѣ пустоту. Нужно дать дѣламъ быстрое теченіе, нужно оживотворить наши занятія; сіе же не въ состояніи сдѣлать годичный ректоръ, пропускающій многое для того, чтобы выбранъ былъ на слѣдующій годъ; но нужна долгая дѣятельность одного и того же человѣка. Посему покорнѣйше прошу ваше сіятельство, дабы вамъ, по милостивому ко мнѣ благорасположенію, благоугодно было представить меня на утвержденіе на большее время. Его сіятельство графъ, нашъ попечитель, хотя и предложилъ университету, чтобы ректора выбрать на три года, но какъ выборъ видно случился не по его желанію, представилъ о утвержденіи его на одинъ годъ. Я счастли-

вымъ себя почту, ежели, получивъ одобреніе вашего сіятельства, ревностію, усердіемъ и дѣятельностію потщусь доказать, что не недостойно представили къ утвержденію. Впрочемъ, предоставляя все сіе единой прозорливости вашей, знающей лучше, что для блага университета нужно, пребываю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшій слуга проректоръ А. Стойковичъ“ [1]). (20 марта 1811 г.).

Изъ этого письма видно, что Стойковичъ не только желалъ перемѣнить годичный срокъ на трехгодичный, а и хотѣлъ вообще нанести рѣшительный ударъ университетской автономіи, предлагая самому министру *помимо совѣта назначить* его ректоромъ на болѣе или менѣе продолжительный срокъ; онъ прекрасно понималъ, что ректоръ, назначенный правительствомъ, могъ бы пользоваться несравненно болѣе обширною властію, чѣмъ выборный, а въ его характерѣ, очевидно, лежало стремленіе къ такимъ широкимъ прерогативамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и Роммель. Таковъ былъ этотъ честолюбецъ, который выставлялъ себя въ совѣтѣ однако защитникомъ университетскаго самоуправленія. Впрочемъ и министерство не захотѣло трогать выборнаго начала, хотя отнеслось сочувственно къ его предложенію о трехгодичномъ срокѣ для ректорской должности. На прошеніе Стойковича послѣдовала такая резолюція министра: „предложить университету избрать ректора установленнымъ порядкомъ“. По поводу же срока гр. Разумовскій вошелъ съ докладомъ на Высочайшее имя слѣдующаго содержанія: „по смерти утвержденнаго на текущій годъ въ ректоры Харьковскаго университета ординарнаго профессора онаго коллежскаго совѣтника Рижскаго предложено было отъ меня университету сдѣлать въ ректоры новый выборъ. Вслѣдствіе чего большинствомъ голосовъ избранъ въ сіе званіе ординарный профессоръ физики коллежскій совѣтникъ Стойковичъ. При семъ случаѣ обязанностію поставляю представить Вашему Императорскому Величеству, что по университетскимъ уставамъ въ ректоры положено избирать ежегодно. Но таковая ежегодная перемѣна ректоровъ сопряжена съ великими неудобствами. Должность сія требуетъ неусыпнаго попеченія, занятія множествомъ подробностей, строгаго наблюденія и взысканія на учащихъ и учащихся и на всѣхъ чиновникахъ, по хозяйственной части употребляемыхъ, къ чему не инако достигнуть можно, какъ опытностію черезъ долговременное упражненіе получаемою; при частой же перемѣнѣ ректоръ едва успѣетъ, такъ сказать, приглядѣться ко всему, какъ уже наступаетъ срокъ его смѣны. Во время ректорства, замѣчая разныя неисправности,

[1]) Архивъ мин. нар. просв., № 5756, карт. 156, 1811 г.

побуждаемый участіемъ къ общественной пользѣ, обращеніемъ на себя вниманія начальства, онъ употреблялъ бы все стараніе къ изобрѣтенію средствъ противу неисправностей, но всѣ таковыя побужденія ослабѣваютъ при краткости времени его начальства, рождающей опасеніе оставить другому плоды трудовъ его. Опасаясь оскорбить того, кто вскорѣ можетъ заступить его мѣсто, онъ предпочтетъ снисхожденіемъ своимъ обрѣсти и для себя подобное же снисхожденіе. Наконецъ, долговременная привычка подчиненныхъ видѣть надъ собою одного и того же начальника усугубляетъ уваженіе къ нему и повиновеніе. По симъ причинамъ избраніе ректора въ Московскомъ университетѣ, по соизволенію Вашего Императорскаго Величества, происходитъ черезъ каждые три года; равно и въ Виленскомъ университетѣ ректоръ избирается на три же года. Причины сіи побуждаютъ меня ходатайствовать у Вашего Императорскаго Величества, дабы избраніе ректора въ Харьковскомъ и Казанскомъ университетахъ производимо было равнымъ образомъ чрезъ каждые три года. Если Вашему Величеству благоугодно будетъ изъявить на сіе Высочайшее соизволеніе, то я пріемлю смѣлость испрашивать и на утвержденіе Стойковича въ званіи ректора на три года, т. е. до наступленія будущаго 1814 года“. На подлинномъ подписано: быть по сему. Александръ [1]). (26 мая 1811 г.).

Въ этомъ докладѣ, какъ видимъ, подробно развита та мысль, которая была проведена и въ прошеніи Стойковича—что ректоръ, избираемый на короткій срокъ, не можетъ быть достаточно самостоятеленъ, находясь въ зависимости отъ своихъ избирателей. Такимъ образомъ, въ министерствѣ существовало желаніе поднять престижъ ректорской власти и при томъ не только среди учащихся и чиновниковъ университета, а и среди учащихъ, т. е. профессоровъ. Стойковичъ, очевидно, зналъ о такомъ настроеніи въ Петербургѣ и заботился главнымъ образомъ о милостивомъ вниманіи къ нему начальства (министра и попечителя), которые и при выборномъ началѣ могли все таки помочь ему въ достиженіи ректорской должности, несмотря на оппозицію, существовавшую противъ него въ профессорской коллегіи. И дѣйствительно, со стороны попечителя, по крайней мѣрѣ, существовало нѣкоторое давленіе на выборы. М. И. Сухомлиновъ изобразилъ намъ Потоцкаго, какъ попечителя, который не вмѣшивался во внутреннія дѣла университета и только сохранялъ за собою высшее руководительство надъ дѣломъ народнаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Но такая характеристика не вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и требуетъ во всякомъ случаѣ значительныхъ оговорокъ. Факты свидѣтельствуютъ, что Потоцкій, въ

[1]) Ibidem.

первые годы своего попечительства (до 1811 г.), хотя и проживалъ внѣ Харькова, но очень внимательно слѣдилъ даже за мелкими дѣлами въ дѣятельности университета, высказывалъ свои соображенія, замѣчанія, давалъ свои заключенія и—что всего важнѣе—подчасъ дозволялъ себѣ прямое вмѣшательство въ такія дѣла, которыя принадлежали по уставу исключительно компетенціи университета и его органовъ. Такъ было, напримѣръ, въ вопросѣ о выборѣ почетныхъ членовъ. Мы уже знаемъ, что онъ представилъ въ совѣтъ списокъ тѣхъ лицъ, которыхъ, по его мнѣнію, нужно было избрать въ почетные члены, и былъ очень недоволенъ, когда совѣтъ дѣлалъ отступленіе отъ этого списка (стр. 253). Намъ извѣстно также, что и въ выборѣ ректора, декановъ, производствѣ профессоровъ Потоцкій нерѣдко расходился съ мнѣніемъ совѣта и дѣлалъ по этому поводу свои собственныя представленія. Изъ письма Стойковича оказывается, что онъ также стоялъ за трехгодичный срокъ ректорской должности, но когда избрано было на этотъ постъ неугодное ему лицо, то представилъ его только на одинъ годъ.

Вообще можно сказать, что съ 1811 г. уже началось въ правящихъ сферахъ нѣкоторое недовѣріе къ широкой университетской автономіи и на фонѣ его разыгрывались и тѣ эпизоды, о которыхъ мы повѣствуемъ—Курскій инцидентъ и дѣло Стойковича. Стойковичъ первый почувствовалъ нѣкоторую перемѣну режима и рѣшилъ воспользоваться для своихъ личныхъ цѣлей. Оказалось, что въ одномъ частномъ случаѣ онъ зашелъ слишкомъ далеко (въ просьбѣ о назначеніи его ректоромъ *помимо* совѣта); но за то въ общемъ онъ вѣрно понялъ характеръ новой эры—стремленіе усилить единоличную власть на счетъ коллегіальной.

Спрашивается теперь, какъ же воспользовался новый ректоръ своимъ положеніемъ? Для такого честолюбиваго и корыстолюбиваго человѣка, какимъ былъ Стойковичъ, новое его положеніе открывало чрезвычайно широкія перспективы. Онъ былъ владыкой не только въ университетѣ, а и во всемъ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ, обнимавшемъ кромѣ нѣсколькихъ великорусскихъ губерній всю лѣвобережную Малороссію, Новороссію (съ Крымомъ включительно), область войска Донскаго и Черноморскаго и Сѣверный Кавказъ. По пространству это было цѣлое европейское государство; въ составъ его, въ качествѣ одной только части, входило Новоросійское генералъ-губернаторство, во главѣ котораго стоялъ тогда знаменитый Дюкъ де Ришелье. Всѣ учебныя заведенія—среднія и низшія, правительственныя и частныя,—находились въ прямой зависимости отъ Харьковскаго университета и при томъ не только въ учебномъ, но и въ хозяйственно-административномъ отношеніи. Понятно, каково было значеніе новаго ректора, который

впервые былъ утвержденъ, согласно своей просьбѣ, Верховною властію на три года и отличался, какъ мы знаемъ, непомѣрнымъ честолюбіемъ. Огромное значеніе имѣло также то случайное обстоятельство, что ректорство Стойковича совпало съ отъѣздомъ попечителя Потоцкаго въ Варшаву. Хотя и до сихъ поръ онъ не имѣлъ постояннаго мѣстопребыванія въ Харьковѣ, но все таки всѣ дѣла проходили чрезъ его руки и кромѣ того онъ ежегодно навѣщалъ Харьковскій университетъ и учебный округъ. Теперь же онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Варшаву въ отпускъ, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ, съ увольненіемъ отъ всѣхъ дѣлъ по должности попечителя. Университетъ и округъ, такимъ образомъ, остались безъ высшей власти, постоянно примирявшей до того разнообразные интересы, устранявшей борьбу, пререканія, взаимное соперничество, контролировавшей, наконецъ, и власть самого ректора. Отсутствіе попечителя имѣло, по нашему мнѣнію, крайне вредные результаты для Харьковскаго университета: главнымъ образомъ, благодаря ему внутреннія неурядицы и борьба партій и приняли теперь такіе большіе размѣры, пріобрѣли такой ожесточенный, острый характеръ. Вслѣдствіе отъѣзда Потоцкаго, Стойковичъ могъ во всю ширь развернуть свою политическую дѣятельность по университету и округу. Никѣмъ не сдерживаемый и не контролируемый, онъ теперь дѣйствовалъ нерѣдко по произволу и преслѣдовалъ при этомъ свои личныя цѣли и выгоды. Одно назначеніе и увольненіе учителей и директоровъ, которымъ пользовался онъ, какъ предсѣдатель училищнаго комитета, ставило въ зависимость отъ него цѣлую армію педагоговъ. Съ другой стороны, въ качествѣ предсѣдателя правленія и совѣта, вѣдавшихъ хозяйственную часть, онъ, естественно, входилъ въ дѣловыя сношенія съ массою купцовъ, подрядчиковъ, рабочихъ и т. п. Однимъ словомъ, соблазнъ брать подарки и взятки для не особенно устойчиваго въ нравственномъ отношеніи человѣка былъ очень великъ, особенно если принять во вниманіе, что взяточничество въ то время было очень распространеннымъ, можно сказать, обычнымъ явленіемъ и къ нему не особенно строго относилось само общество. Едва ли можно также сомнѣваться въ томъ, что взяточничество было и въ университетѣ. Объ этомъ категорически свидѣтельствуетъ Роммель, а его свидѣтельство подтверждаетъ Розаліонъ-Сошальскій. Д. И. Каченовскій относилъ его свидѣтельство къ русскимъ профессорамъ, Н. А. Лавровскій—къ иностранцамъ, самъ же Роммель имѣлъ въ виду и тѣхъ, и другихъ, и если существовала нѣкоторая разница между ними, то, повидимому, только въ томъ, что первые брали взятки преимущественно съ частныхъ лицъ, а вторые предпочитали наживаться на счетъ казны. Само собою разу-

мѣется, что взятки брали только *нѣкоторые* профессора, другіе же относились къ нимъ съ такимъ же негодованіемъ, какъ Роммель; можно даже предполагать, что большинство было свободно отъ этого порока; во всякомъ случаѣ лучшіе представители, какъ русской, такъ и иностранной партіи, имѣютъ въ этомъ отношеніи незапятнанную репутацію (Осиповскій, Рижскій, Тимковскій, Успенскій, Швейкардтъ, Гутъ, Якобъ, Роммель и др.).

Что же касается Стойковича, то онъ, какъ человѣкъ безъ высшихъ нравственныхъ устоевъ, широко воспользовался своимъ привиллегированнымъ положеніемъ для удовлетворенія своего честолюбія и корыстолюбія. Онъ забылъ, что на своемъ высокомъ и отвѣтственномъ посту онъ долженъ былъ служить примѣромъ для другихъ, сохранять незапятнанной свою репутацію, поставить себя даже внѣ всякихъ подозрѣній на этотъ счетъ, ибо rector magnificus является представителемъ университета, его чести и достоинства, и всякій проступокъ главы университетской коллегіи ложится тяжелымъ бременемъ не только на немъ самомъ, но и на всей корпораціи, и притомъ имѣетъ несравненно болѣе печальныя послѣдствія, чѣмъ подобное же дѣяніе, учиненное простымъ, рядовымъ членомъ ея. Стойковичъ же былъ публично обвиненъ Васильевымъ въ обкрадываніи казны и сверхъ того общество было убѣждено, что онъ бралъ взятки за производство молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ Харьковскомъ университетѣ, въ разныя ученыя степени магистра и доктора. Въ этомъ послѣднемъ преступленіи его категорически обвиняетъ современникъ, бывшій питомецъ Харьковскаго университета, Розальонъ-Сошальскій, напечатавшій свои воспоминанія подъ вліяніемъ спора о достовѣрности сообщеній Роммеля. Вотъ его свидѣтельство о Стойковичѣ: „теперь перехожу къ торгу въ университетѣ дипломами на ученыя степени магистра и особенно доктора, которые давали права при вступленіи въ службу переименоваться въ титулярные совѣтники и коллежскіе ассесоры. Что это былъ фактъ неоспоримый и началось по смерти Рижскаго въ 1811 или въ 1812 году, со вступленіемъ Стойковича въ должность ректора,—было извѣстно въ Харьковѣ всѣмъ и каждому и послужило поводомъ къ запрещенію выдавать дипломы на высшія ученыя степени или что-то въ родѣ этого". Здѣсь слѣдуетъ вспомнить, что около этого времени былъ изданъ законъ, потребовавшій университетскаго диплома для полученія чина коллежскаго ассессора; для чиновниковъ же, неполучившихъ высшаго образованія, были учреждены въ 1810 г., какъ мы знаемъ, особые курсы и экзамены при университетѣ. Такимъ образомъ, вопросъ о дипломѣ въ то и безъ того чиновное время получилъ весьма важный практическій интересъ,

въ особенности для сыновей богатыхъ помѣщиковъ; отцы же ихъ твердо вѣровали, что золотымъ ключемъ можно отпереть всякій сундукъ, и готовы были на значительныя денежныя жертвы, лишь бы облегчить своимъ дѣтямъ трудъ прохожденія службы, цѣлью которой являлось главнымъ образомъ полученіе чиновъ. Объ огромномъ значеніи табели о рангахъ въ тогдашнемъ харьковскомъ обществѣ (да и въ одномъ ли харьковскомъ? вѣрнѣе, во всемъ русскомъ обществѣ) свидѣтельствуютъ и Роммель, и Розальонъ-Сошальскій.

Стремясь отовсюду получать доходы, съѣдаемый корыстолюбіемъ, Стойковичъ не упускалъ случаевъ обогащаться на счетъ казны, не смотря на то, что въ качествѣ ректора, онъ долженъ былъ быть блюстителемъ казенныхъ интересовъ. Намъ удалось найти въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія одинъ документъ, изъ котораго видно, что еще раньше обвиненія, возбужденнаго адъюнктомъ Васильевымъ, съ него требовали объясненія по поводу аналогичнаго случая. Дѣло въ томъ, что Стойковичъ выписалъ себѣ изъ заграницы 98 бочекъ вина и вступилъ въ споръ съ таможней по поводу размѣровъ причитающихся съ него таможенныхъ пошлинъ. Онъ оцѣнилъ свое вино въ 433 руб. (по мѣстнымъ славонскимъ цѣнамъ); таможня же опредѣлила его стоимость въ 2970 руб.; онъ назвалъ его простымъ славонскимъ; таможня же считала краснымъ венгерскимъ; онъ назвалъ посуду, въ которыхъ оно находилось, боченками; таможня же готова была считать ихъ бочками. Сверхъ того Стойковичъ ходатайствовалъ, чтобы Высочайше предписано было таможнѣ брать съ профессоровъ отнынѣ пошлину только за вѣсъ самихъ книгъ, выключая переплеты. Таможня отправила свое отношеніе по этому дѣлу къ министру финансовъ, тотъ къ министру народнаго просвѣщенія, а этотъ послѣдній потребовалъ въ 1811 году объясненія отъ правленія университета. Правленіе дало отъ себя краткій отзывъ и приложило къ нему обширное разъясненіе самого Стойковича. Оно составлено съ такимъ искусствомъ и на столько вообще характерно, что мы воспроизведемъ его здѣсь съ буквальною точностью; а передъ нимъ для полноты помѣстимъ и отзывъ правленія.

„Вслѣдствіе предложенія вашего сіятельства отъ 14 числа прошедшаго іюля подъ № 2258 правленіе сіе, истребовавъ отъ ректора университета и кавалера Стойковича объясненіе о выписанныхъ имъ изъ заграницы 2-хъ ящикахъ съ книгами и 20-ти бочкахъ съ виномъ, имѣетъ честь представить оное на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства, присовокупляя къ сему, 1-е, что книги, выписанныя имъ г. Стойковичемъ въ прошломъ 1806 году, суть польскія сочиненія, кои поручено было

ему Стойковичу отъ университета выписать для университетской библіотеки, а потому хотя онѣ въ таможнѣ записаны пропущенными на его имя, но онѣ въ счетъ книгъ его собственныхъ не поступаютъ; 2-е, что въ 1809 году привезено книгъ принадлежащихъ г. Стойковичу 551, всѣ переплетенныя въ полуфранцуской переплетъ, т. е. въ политуру съ кожанымъ корнемъ, въ томъ числѣ: въ четвертку 17, въ осьмушку 442 и въ 12 долю 92, за которыя, полагая пошлинныя деньги по указу 15 февраля 1807 года, слѣдуетъ 79 рублей 75 коп. Непремѣнный засѣдатель Тимофей Осиповскій. Деканъ Павелъ Шумлянскій. Августа 12 дня 1811 года" [1]).

„Честь имѣю представить оному правленію какъ профессоръ, писалъ Стойковичъ, потребованное отъ меня объясненіе: 1-е, относительно трехъ увражей, 2-е двухъ ящиковъ съ книгами, 3-е вина, привезенныхъ изъ чужихъ краевъ на мое имя, и пропущенныхъ чрезъ Радзивиловскую таможню, по силѣ привиллегіи, Высочайше дарованной профессорамъ университетовъ.

1. *Относительно до трехъ сочиненій*, пропущенныхъ на мое имя черезъ таможню, я для себя таковыхъ никогда не выписывалъ; а что для университета выписаны мною польскія сочиненія не три, но больше, о томъ и правленію извѣстно.—Сочиненія г. Самойломъ Линде, сочинителемъ великаго словаря славянскихъ языковъ, изъ Варшавы присланы на мое имя потому, что университетъ чрезъ меня писалъ, такъ какъ университетъ чрезъ меня выписывалъ и юридическія книги для себя и разныя другія сочиненія для Екатеринославской гимназіи, наконецъ, и шесть учителей славянской націи для своего округа и проч.

2. *Относительно двухъ ящиковъ книгъ.* Кто имѣлъ счастіе обучаться въ Гетингенскомъ или другомъ какомъ германскомъ университетѣ, тотъ знаетъ, какъ легко и дешево можно мало по малу, на продолжающихся чрезъ цѣлый годъ аукціоновъ, купить для себя величайшее количество книгъ. Три года съ половиною, которые я тамъ провелъ, и путешествія по Германіи и Италіи дали мнѣ случай снабдить себя книгами, ко всѣмъ частямъ учености относящимися, особливо же по части физической.—Въ то время, когда попечитель сего университета чрезъ россійское посольство, находящееся въ Вѣнѣ, предлагалъ мнѣ не занятое физики профессора мѣсто, я, по многократномъ его предложеніи, принявъ оное, политическими обстоятельствами принужденъ былъ выѣхать изъ Вѣны, не бывъ даже дома (что въ Славоніи), и не сдѣлавъ никакого распоряженія въ имѣніи своемъ, котораго я и былъ и есмь единственный наслѣдникъ, и не взявъ съ собою

[1]) Архивъ мин. нар. просв., № 5747, картонъ 156, 1811 г.

ни книгъ и ничего нужнаго. Проходя здѣсь службу съ ревностію, какъ надѣюсь, начальству извѣстною, купилъ я мало по малу за нѣсколько тысячъ рублей книгъ, и поелику книги по моей части все еще не доставали у меня, ни въ библіотекѣ нашего университета не существовали, то я выписалъ вдругъ свои собственныя, а на какой конецъ выписалъ оныя, такъ же извѣстно начальству, знающему сколько я уже издалъ сочиненій на россійскомъ мнѣ не матернемъ языкѣ. Всѣ почти сочиненія, объ которыхъ я говорю въ своей физикѣ, въ сочиненіи о воздушныхъ камняхъ и въ послѣднемъ о предохраненіи себя отъ молніи, находятся въ собственнной моей библіотекѣ. А поелику я сіи сочиненія покупалъ съ переплетомъ, поелику выписывалъ ихъ для пользы новаго моего отечества съ большими издержками, поелику Его Императорское Величество Государь Императоръ изъ указа о переплетенныхъ книгахъ исключилъ университеты, академіи и гимназіи, то я прошу оное правленіе представить его сіятельству господину министру народнаго просвѣщенія, для испрошенія у Государя Императора изъятія и для профессоровъ отъ сего указа, когда они выписываютъ старыя книги единственно для пользы отечества, какъ я сіе сдѣлалъ. Ибо какая причина принудила меня выписать сіи книги? вѣрно не интересъ, а рвеніе къ службѣ. И какая причина побудитъ другихъ профессоровъ выписывать книги, ежели они вмѣсто признательности за труды свои, поставлены будутъ на одной линіи съ книгопродавцами? Впрочемъ, правленію извѣстно, что профессоръ Гутъ гораздо болѣе получилъ книгъ изъ чужихъ краевъ, нежели я имѣлъ, и за переплетъ ничего не заплатилъ.

3. *Относительно вина*, я по сей статьѣ отвѣчаю на слѣдующіе вопросы: 1-е, какое вино, славонское ли или венгерское?... 2-е, что оно стоитъ въ Славоніи, 433 р. или 2970 р.? 3-е, на какой предметъ оно выписано и 4-е, почему сосудамъ я далъ другое имя на таможнѣ?

1) Кто покупалъ вино, кто его отправлялъ отъ мѣста покупки до границы, кто чрезъ границу препровождалъ, всякой тотъ имѣетъ ясное доказательство въ рукахъ, какое должно быть вино — славонское ли или венгерское; но я покупалъ вино и покупалъ въ Славоніи, т. е. на родинѣ своей, сказалъ сіе въ отношеніи моемъ въ таможнѣ, доказалъ свидѣтельствомъ, даннымъ мнѣ отъ продавца Игнатія Станковича, утвержденнымъ печатью его и своеручно писаннымъ, на которомъ означено мѣсто Рафенъ или Ровеница по-сербски, которое есть деревня и монастырь въ Сремѣ (что въ Славоніи). Ровеница отстоитъ отъ родины моей полторы милею, т. е. десятью верстами, между сербскими монастырями Язакъ и Гергетекъ. Мѣста сіи ежели не означены на ландкартѣ, то есть въ Санктпетербургѣ руской столповой дворянинъ Алек-

сандръ Ивановичъ Тургеневъ, который первый изъ россіянъ, путешествуя по земли Сербской, во всѣхъ сихъ мѣстахъ былъ и знаетъ, что Ровеница есть не во Венгріи, а въ Славоніи, во Фрушкой такъ называемой горѣ, шесть миль отъ Карловца, мѣста сербскихъ митрополитовъ. *Когда* честной человѣкъ и говоритъ, а кольми паче *когда* пишетъ, *когда* сіе доказываетъ законнымъ свидѣтельствомъ, *когда* сей честной человѣкъ есть чиновникъ Имперіи, тогда таможня должна вѣрить его словамъ, а особливо тогда, когда сей чиновникъ *служитъ такъ, какъ я служу*. По какому праву можетъ она по своему произволу давать чуждыя имена вещамъ, которыя повидимому ей неизвѣстны? Но остановимся на наименованіи венгерскаго краснаго вина, каковымъ таможня назвала вино, мнѣ принадлежащее. Подъ словомъ венгерскаго вина разумѣютъ по всѣмъ частямъ Россіи токайское вино, слѣдовательно, и сіе бы красное вино, должно быть красное токайское; но на цѣлой цѣпи Токайскихъ горъ, простирающейся длиною на пятнадцать миль, никогда не было и нѣтъ ни одного зерна краснаго винограду. Но предполагая, что оно есть токайское красное, то по какому щету таможня полагаетъ его цѣну въ 2970 рублей, когда такое количество токайскаго вина по крайней мѣрѣ бы двадцать тысячь рублей стоило? Остается, слѣдовательно, чтобы сему вину быть Ерлаугскому, Будимскому (Budiense), Саксардскому (Sexardiense), Святеандрейскому (Sen-Endriense), или наконецъ Минешскому (Ménesense), ибо сіи суть сорты винъ красныхъ въ Венгріи; но вина сіи такъ различествуютъ другъ отъ друга и отъ вина, мною выписаннаго, какъ французское отъ донскихъ или волошскихъ. Почему таможня не означила имя вина, когда его предполагаетъ быть венгерскимъ, ибо слово венгерское вино ничего не означаетъ? Къ доказательствамъ симъ я прилагаю у сего копію счета коммисіонерскаго, въ которомъ оно означено простымъ сремскимъ, т. е. славонскимъ виномъ, коммисіонеръ же, получивши вино, по письмамъ, къ нему писаннымъ, оное наименовалъ.

2) По накладной, данной отъ г. Станковича, отправившаго оное вино, значитъ, что онъ посылаетъ „98" ведеръ Австрійскихъ (аймеровъ); я же купилъ у него „100" аймеровъ, какъ онъ самъ въ вышеупомянутомъ и отъ меня въ таможню препровожденномъ свидѣтельствѣ пишетъ, въ которомъ ясно сказано, что онъ отъ меня получилъ 1300 гульденовъ банковыми нотами; курсъ же въ то время, какъ можно видѣть изъ Вѣнскихъ газетъ, имѣющихся вѣрно въ Петербургѣ, напримѣръ, у посланника австрійскаго, тогда былъ „30" гульденовъ червонецъ, которые дѣлаютъ сорокъ три червонца и одну треть, а поелику тогда червонецъ былъ десять рублей, то сіе и дѣлаетъ 433 руб. 33 коп., такъ какъ я

писалъ въ таможню и какъ теперь повторяю. Ежели таможнѣ сіе покажется дешево, то потому, что таможенное вино покупаютъ для себя у жидовъ, и не покупаютъ его въ Славоніи, а покупаютъ въ Радзивиловѣ; извѣстно же, какъ сей народъ торгуетъ. Когда таможня говоритъ о заграничныхъ цѣнахъ, то она не можетъ о другихъ, какъ о Бродскихъ цѣнахъ говорить, а что оно въ Бродахъ можетъ около трехъ тысячь стоять, сіе есть безсумнѣнно; но здѣсь не испрашивается, по чему сіе вино можно въ Бродахъ купить, а спрашивается, по чему я его купилъ, я же сказалъ, свидѣтельствомъ доказалъ и теперь повторяю, что я купилъ за 1300 флориновъ, и требую непремѣнно, чтобы мнѣ всякой вѣрилъ, когда я такимъ образомъ доказываю. Ежели взять провозъ изъ Славоніи до Бродъ, т. е. съ одной стороны отъ границы турецкой въ другую сторону до границы россійской, чрезъ всю имперію австрійскую; ежели взять, что изъ Венгріи въ Галицію или изъ Галиціи въ Броды платится питейная подать, ежели взять, что жидъ или всякой другой купецъ, торгующій виномъ, оное безъ барыша не отдастъ, то безъсумнѣнно въ Радзивиловѣ уже столько платить за вино надобно. Но сомнѣваться въ томъ, что вино стоитъ 433 руб. въ моей родинѣ, значитъ тоже самое, что сомнѣваться, бывши въ Петербургѣ, ежели кто пріѣхавшій изъ Харькова скажетъ, что здѣсь можно купить иногда возъ арбузовъ за рубль, между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ рублями платятъ за одинъ арбузъ, или что здѣсь ведро хорошихъ вишень продаютъ за тридцать копѣекъ, когда въ Петербургѣ за десятокъ платятъ рубль. Сія страшная разность въ одномъ и томъ же государствѣ служитъ доказательствомъ, что таковая разность можетъ гораздо легче и должна даже случиться, когда продукты проходятъ изъ государства, изобилующаго ими, въ другое государство, гдѣ ихъ весьма мало. Кому изъ ученыхъ или по крайней мѣрѣ читавшихъ статистику Венеціи неизвѣстно, что часто случалося такое изобиліе винограда, что хозяева столько ведеръ вина всякому даютъ, во сколько ведеръ бочки получаютъ. Сіе ежели неизвѣстно таможнѣ, оспаривать нельзя, ибо довольно есть венгровъ въ Петербургѣ, которые сіе, въ статистикахъ напечатанное, можетъ быть опытомъ видѣли; при семъ разительномъ примѣрѣ, можетъ ли еще послѣ онаго таможня означать цѣну вина?

3) Извѣстно университету и самому г. министру народнаго просвѣщенія, его сіятельству графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому, что я послѣ почти семилѣтняго моего служенія при университетѣ, въ различнѣйшія будучи употребляемъ должности, въ одно и тоже время, и занимая даже кромѣ своей, чрезъ теченіе трехъ лѣтъ, катедру сельскаго домоводства, я столь разстроилъ свое здоровье, что по увѣренію

медиковъ въ одномъ только путешествіи, въ дыханіи отечественнымъ воздухомъ и въ употребленіи минеральныхъ водъ спасеніе найти могу. Къ несчастію моему политическія обстоятельства, принудившія меня оставить отечество свое, за семь лѣтъ предъ симъ, еще не перемѣнилися при поѣздкѣ моей въ Австрію, и я, находясь тамъ въ непріятномъ положеніи, употреблялъ минеральныя воды, все отчаяваясь въ выздоровленіи, и только въ Славоніи дыша воздухомъ, въ которомъ свѣтъ узрѣлъ, и питаяся плодами, щедро изліянными на сей край рукою природы, началъ выздоравливать; но въ Славоніи нельзя мнѣ было долго прожить, потому что причиною путешествія моего предполагали быть не нездоровье, и Аргусовыми глазами смотрѣли на меня по предписанію свыше. Ежели я, слѣдовательно, самаго того плода, который возвратилъ мнѣ здоровье, вывезъ съ большими издержками, то само по себѣ разумѣется, что сіе для употребленія, ибо кто только чрезъ седмь лѣтъ можетъ видѣть свое отечество, почему таковому человѣку не употребить нѣкую сумму для своего удовольствія, особливо ежели онъ издержки таковыя понесть въ состояніи, какъ я сіе могу.

4) Наконецъ, относительно наименованія сосудовъ (предполагая, что ихъ наименовалъ я боченками, ибо, какъ я ихъ наименовалъ, не припомню, не оставя у себя копіи съ отношенія моего въ таможню), то оное должно изъяснить слѣдующимъ образомъ. Въ Славоніи и Венгріи сербы называютъ сосудъ отъ одного до шести ведеръ венгерскихъ, т. е. отъ 4 до 24 россійскихъ, не именемъ рода, но именемъ вида, т. е. одно, два, три, четыре, пять, шесть ведеръ. Иногда употребляютъ италіанское слово барило. — Отъ шести до пятнадцати ведеръ называютъ буре, сирѣчь бочка, отъ 50 до 300 ведеръ, т. е. 1200 рускихъ, называется ардоеръ, которое различіе существуетъ ли въ россійскомъ языкѣ не знаю, слѣдовательно, поелику всѣ мои сосуды меньше нежели 6 ведеръ венгерскихъ, я ихъ по моему понятію иначе и назвать не могу какъ боченками, я же писалъ по своему понятію. — Въ Россіи называютъ продолговатую рюмку покаломъ, а у сербовъ въ Славоніи подъ именемъ покала разумѣется сосудъ, въ которой входитъ немножко больше, нежели шампанская бутылка вина; и такъ какъ здѣсь пьютъ за здоровье изъ бокаловъ своихъ, такъ и тамъ пьютъ изъ бокаловъ же. Слѣдовательно, ежели бы я, говоря о здѣшнемъ покалѣ, назвалъ покальчикомъ, то бы сіе справедливо было по моему понятію о сербскихъ покалахъ. Совершенно такъ справедливо есть и наименованіе сосудовъ боченками, въ сравненіи венгерскихъ бочекъ. Впрочемъ всякой народъ имѣетъ свою единицу для мѣры, и понятія наименованій различныхъ мѣръ относитъ къ сей своей единицѣ. А поелику бочки, по законамъ

таможни, пропускаются при свѣтѣ дня, то какъ бы я ихъ не назвалъ, не нужно было таможнѣ къ названію прицѣпляться, которое не есть существо вещи.

Изъяснивъ такимъ образомъ предметъ сей, покорнѣйше прошу онаго правленія: во 1-хъ, представить сіе мое объясненіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ я его даю, высшему начальству; во 2-хъ, представить его сіятельству господину министру народнаго просвѣщенія невыгоды, встрѣчающіяся при покупкѣ книгъ въ чужихъ краяхъ профессорами на аукціонахъ, и объ испрошеніи сей Монаршей милости профессорамъ, занимающимся ревностною службою, чтобы за переплетъ старыхъ книгъ не платили; въ 3-хъ, ежели пожитки, выписываемые профессорами изъ чужихъ краевъ, должны быть считаемы по цѣнамъ тамошнимъ, то и цѣну вина поставить въ четыреста тридцать три рубля; если же по цѣнамъ здѣшнимъ, то по опредѣленію таможни. Профессоръ А. Стойковичъ [1]). 6 августа 1811 года".

Къ сожалѣнію, у насъ не было подъ руками полнаго текста той бумаги таможни, которая вызвала только что приведенную отповѣдь Стойковича, хотя о содержаніи ея можно судить по отвѣту этого послѣдняго. Во всякомъ случаѣ, полагаемъ, у всякаго читателя послѣ прочтенія объясненія Стойковича должно сложиться подозрѣніе, что онъ хотѣлъ заплатить пошлины за вино гораздо меньше, чѣмъ было нужно въ дѣйствительности, желалъ, какъ говориться, выгадать на этомъ дѣлѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ „наказать казну". И хотя его объясненіе представляетъ въ своемъ родѣ шедевръ искусства и ловкости, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ все таки выдаетъ себя слишкомъ натянутыми доводами. Таковы его разъясненія касательно боченковъ: не смотря на всѣ его доказательства или, правильнѣе говоря, вслѣдствіе ихъ у насъ невольно складывается убѣжденіе, что это были не боченки, а бочки. Въ самомъ дѣлѣ изъ его же словъ оказывается, что въ каждомъ изъ этихъ боченковъ было нѣсколько менѣе 24 русскихъ ведеръ вина; а если въ нихъ было по 20 ведеръ, то это были уже не боченки, а скорѣе бочки. За тѣмъ Стойковичъ въ очень неопредѣленныхъ выраженіяхъ говоритъ о самомъ важномъ пунктѣ въ этомъ дѣлѣ — о *назначеніи вина*. Изъ его словъ видно, что онъ предназначалъ это вино исключительно для собственнаго употребленія; но насъ невольно поражаютъ размѣры заказа; таможня оцѣнила его почти въ 3000 р.; Стойковичъ же говоритъ, что если бы это было красное токайское, то стоило бы по крайней мѣрѣ 20000 руб.; самъ онъ оцѣнилъ его въ 433 р., но нѣтъ никакого сомнѣнія, что эта оцѣнка сильно приуменьшена, хотя

[1]) Ibidem.

онъ и старается всячески насъ убѣдить, что за такую сумму оно именно было куплено на мѣстѣ въ Славоніи и даже ссылается въ доказательство на счетную квитанцію продавца. Смущаетъ насъ также и то обстоятельство, что таможня сочла это вино не простымъ славонскимъ, а венгерскимъ: должна же она была имѣть для этого какія-нибудь основанія! Невольно припоминается здѣсь, что въ слѣдующемъ 1812 г. Стойковичъ былъ обвиненъ Васильевымъ въ безпошлинномъ провозѣ именно *венгерскаго вина*. Въ концѣ концовъ, если *оправдательной* записки Стойковича и недостаточно для обвиненія его въ нарушеніи казеннаго интереса, то онъ все-таки долженъ быть оставленъ въ сильномъ подозрѣніи по этому дѣлу. Во всякомъ случаѣ дѣло это прошло для него вполнѣ безнаказанно, да и по существу своему являлось скорѣе проступкомъ противъ чести и нравственности, чѣмъ противъ уголовныхъ законовъ. Безнаказанность же эта, какъ это всегда бываетъ съ людьми безъ нравственныхъ устоевъ, только усилила его желаніе поискать мѣръ и средствъ, чтобы вовсе не платить пошлинъ въ ненавистную ему таможню. И такія средства были вскорѣ изобрѣтены ловкимъ, хитрымъ Стойковичемъ. Онъ покровительствовалъ своимъ землякамъ—сербамъ и другимъ славянамъ, вызывалъ ихъ на службу въ Россію, давалъ мѣста учителей въ гимназіяхъ и т. п. Естественно, что они чувствовали себя обязанными за это покровительство и въ свою очередь готовы были отплатить услугой за услугу. Да и вообще среди учителей Харьковскаго округа были лица, готовыя всячески заискивать у всесильнаго главы университета, объединившаго въ своей персонѣ, съ отъѣздомъ въ Варшаву Потоцкаго, и власть попечителя. Стойковичъ рѣшился воспользоваться этимъ послушнымъ элементомъ для собственной наживы. Каждый иностранецъ, переходившій на службу въ Россію, имѣлъ право по закону привезти съ собою безпошлинно разныхъ товаровъ на 3000 р. И вотъ, якобы на деньги, доставшіяся по наслѣдству учителю Паратичу, онъ пріобрѣтаетъ въ Австро-Венгріи вино и разныя другія вещи, *безпошлинно* ввозитъ ихъ въ качествѣ имущества Паратича въ Россію и за тѣмъ продаетъ все это съ большимъ барышомъ, частію самъ, а частію посредствомъ учителей, которые должны были выступить въ несвойственной имъ роли коммиссіонеровъ.

Въ такомъ видѣ представляется это печальное дѣло по слѣдствію, вызванному публичными формальными изобличеніями адъюнкта Васильева, поданными въ совѣтъ университета въ 1812 году. Къ подробному его мы теперь и переходимъ.

Адъюнктъ архитектуры Васильевъ былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ людей въ Харьковѣ; это объясняется съ одной стороны его

спеціальностью, а съ другой—характеромъ. Онъ читалъ лекціи по архитектурѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ практикомъ-архитекторомъ. „Все что въ Харьковѣ до 1832 года построено лучшее, начиная отъ Дворянскаго собранія, университетскихъ зданій и соборной колокольни до купеческихъ порядочныхъ домовъ есть его, Васильева, произведеніе"; такъ говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ современникъ Т. С. Селивановъ. „Мало было людей въ Харьковѣ, которые бы его не знали; это былъ весельчакъ, любитель общества и веселыхъ компаній, открытый, безпечный, беззаботный, онъ могъ, говоритъ Т. С. Селивановъ, получать большія деньги и подарки, но получалъ немного и изъ того не все домой приносилъ". Состоя преподавателемъ архитектуры, занимая должность университетскаго архитектора, ведя городскія постройки и будучи при этомъ безпечнымъ человѣкомъ, онъ, естественно, манкировалъ лекціями и нерѣдко отлучался изъ города, чтобы заняться постройками у своихъ пріятелей-помѣщиковъ [1]). Въ университетѣ однако онъ, очевидно, стяжалъ себѣ репутацію практика и дѣльца, хорошо знакомаго не только съ строительною частью, но и съ юридическими вопросами, съ законами; объ этомъ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что онъ въ теченіе 5 лѣтъ состоялъ синдикомъ, а на эту должность избирались обыкновенно только опытные юристы. Впрочемъ онъ отчасти и подготовился къ этому своею предшествующей дѣятельностью, ибо до назначенія въ Харьковъ служилъ въ Петербургскомъ городовомъ магистратѣ, и засѣдателемъ въ Богодуховскомъ земскомъ судѣ. Это былъ человѣкъ, обладавшій художественнымъ вкусомъ и его архитектурные проекты заслуживали одобренія высшаго начальства. За составленный имъ планъ, признанный министромъ и всѣми членами главнаго правленія училищъ „весьма красивымъ и доказывающимъ знаніе въ архитектурѣ и дарованія трудившагося надъ онымъ", онъ получилъ отъ попечителя округа въ 1805 г. полную благодарность. Слѣдуетъ къ этому прибавить, что онъ находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ В. Н. Каразинымъ, который его привлекъ въ Харьковскій университетъ и пользовался его услугами для созданія своихъ грандіозныхъ строительныхъ плановъ. Таковъ былъ человѣкъ, рѣшившійся вступить въ борьбу съ ректоромъ Стойковичемъ.

Стойковичъ, какъ мы знаемъ, былъ грозный противникъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени ловкій, практическій, умный, обладавшій огромными административными и дипломатическими способностями, съумѣвшій высоко себя поставить, какъ въ самомъ университетѣ, такъ

---

[1]) Изъ его жалобы на ректора Стойковича видно, что онъ въ одно лѣто заложилъ по своему плану дома и церкви у помѣщиковъ — Герсеванова, Захаржевскихъ, Норова, Шидловской, Квитки, Альховскаго.

и во мнѣніи попечителя и министерства. Роммель отзывается о немъ такъ: „нашимъ геніемъ добра и зла былъ многоопытный, отлично изучившій слабыя стороны русскихъ и нѣмцевъ, честолюбивый сербъ *Стойковичъ*. Его высокая худощавая фигура, строгое съ орлинымъ носомъ лицо вызывали уваженіе, а рѣдкій даръ слова и административные таланты упрочили за нимъ огромное вліяніе... Скромныя занятія ученаго не были его призваніемъ и настоящая арена открылась для него съ выборомъ въ ректоры: въ теченіе трехъ лѣтъ онъ вполнѣ развернулъ необыкновенную, можно сказать, политическую свою дѣятельность... Онъ едва не вздумалъ отстаивать независимость нашего университета (имѣется въ виду, очевидно, его роль въ курскихъ безпорядкахъ)... Всегда готовый на обширные планы, онъ сильно поддерживалъ нѣмцевъ, когда задумали было вызвать новыхъ профессоровъ изъ Германіи... Не будучи самъ выдающимся ученымъ, онъ однако способствовалъ учрежденію въ Харьковѣ ученаго общества при университетѣ. Его склонность къ смѣлымъ проектамъ выразилась между прочимъ въ томъ, что онъ поднялъ вопросъ о переводѣ Харьковскаго университета въ другой городъ въ виду ужасныхъ гигіеническихъ условій Харькова. Наконецъ, замѣтимъ, что и въ знакомствахъ своихъ онъ держался преимущественно высшаго круга“. И нельзя не сознаться, что Стойковичъ былъ дѣйствительно незаурядный университетскій дѣятель — энергичный, умный администраторъ. При этомъ онъ занялъ совсѣмъ особенное и чрезвычайно выгодное для него положеніе человѣка, стоявшаго внѣ тогдашнихъ партій — русской и иностранной; онъ не принадлежалъ ни къ той, ни другой, а между тѣмъ пользовался преимуществами первой и второй; иностранцы предпочитали его русскимъ кандидатамъ на разныя университетскія должности, потому что видѣли въ немъ все таки европейца по мѣсту рожденія, воспитанія и научнымъ стремленіямъ; правительство же смотрѣло на него какъ на единовѣрца и единоплеменника, рѣшившагося посвятить всѣ свои силы служенію Россіи, и потому, какъ мы видѣли, всячески покровительствовало ему. Самъ же онъ отличался огромнымъ честолюбіемъ, которое двигало его по пути служебныхъ отличій и карьеры. Къ сожалѣнію, главнымъ двигателемъ его на ряду съ честолюбіемъ былъ матеріальный расчетъ, корыстныя побужденія, заставлявшія его дѣлать такіе поступки, которые совершенно не гармонировали съ достоинствомъ ректорскаго званія. „Понемногу, говоритъ Роммель, открылись его торговыя спекуляціи, подрывавшія казну и состоявшія въ безпошлинномъ ввозѣ иностранныхъ товаровъ, особенно венгерскаго вина. Началось скандальное слѣдствіе: онъ лишился должности“. Розаліонъ-Сошальскій прямо называетъ Стойковича корыстолю-

бивымъ человѣкомъ, прибавляя при этомъ, что и женился онъ на богатой помѣщицѣ Голубовой изъ корыстныхъ побужденій, польстившись на ея приданное [1]).

Что собственно послужило причиною вражды между Васильевымъ и Стойковичемъ, въ точности неизвѣстно. Можно только думать, что едва ли высшія нравственныя соображенія подвинули Васильева на его доносъ. По всей вѣроятности, ссора возникла изъ столкновеній, вызванныхъ должностями и характеромъ обоихъ дѣйствующихъ лицъ: ректоръ долженъ былъ постоянно сталкиваться въ своей хозяйственной дѣятельности съ архитекторомъ; если къ этому прибавить, что ректоръ отличался властолюбивымъ характеромъ, а Васильевъ былъ горячъ, откровененъ и, быть можетъ, нѣсколько самоувѣренъ, то на такой почвѣ и могли произойти разногласія, тѣмъ болѣе, что Стойковичъ стремился изъ своей ректорской должности извлечь какъ можно болѣе выгодъ. Между нимъ и Васильевымъ, вѣроятно, произошло то, что раньше случилось съ Делявинемъ; „помню, разсказываетъ Роммель, какъ однажды онъ крупно поспорилъ съ ректоромъ Стойковичемъ за то, кому пользоваться травою изъ огромнаго ботаническаго сада“. Что ближайшій поводъ къ враждѣ былъ практическаго свойства, въ пользу этого говоритъ и характеръ пререканій, и одно частное обстоятельство. Оказывается, что вражда началась въ 1812 г., когда вмѣсто Васильева, занимавшаго дотолѣ должность университетскаго архитектора, назначено было другое лицо. Едва ли мы ошибемся, если предположимъ, что виновникомъ удаленія его отъ должности былъ ректоръ, и понятное дѣло, что Васильевъ могъ за это быть на него въ большой претензіи.

Сущность жалобы, поданной Васильевымъ въ совѣтъ 18 сентября 1812 года, заключается въ слѣдующемъ. По объясненію его, ректоръ предъявлялъ къ нему, какъ архитектору, слишкомъ строгія и незаконныя требованія, а именно: 1) требовалъ объясненія по поводу его отлучекъ изъ города во время каникулъ; 2) приказалъ эстафетою немедленно вернуться въ Харьковъ будто бы для исполненія порученія, которое ему не было дано; 3) велѣлъ ежедневно осматривать работы на крышахъ университетскихъ зданій; „цѣль же всѣхъ этихъ предписаній ректора, прибавлялъ Васильевъ, была та, чтобы лишить меня доходовъ, пріобрѣтаемыхъ мною отъ занятій постройками для частныхъ лицъ и необходимыхъ для содержанія моего многочисленнаго семейства“.

---

[1]) Должно думать, что Стойковичъ, при неоспоримыхъ достоинствахъ какъ ученаго и профессора, былъ очень корыстолюбивъ. Женился онъ на дворянкѣ Бахмутскаго уѣзда (Екатер. губ.) Голубовой, какъ вся обстановка показывала, изъ денежныхъ видовъ. („Х. Губ. Вѣд.“, 1869, № 44).

Но вслѣдъ за этимъ объясненіемъ, служащимъ отвѣтомъ на запросы и требованія ректора, у Васильева идетъ уже настоящій обвинительный актъ противъ этого послѣдняго. „Можно ли человѣку, ничѣмъ не запятнавшему свою службу, пишетъ онъ, уважать начальника, который изъ университета сдѣлалъ торговое мѣсто, открывъ въ погребахъ его ведерную и бутылочную продажу вина? Могъ ли я дорожить мнѣніемъ о моемъ отъѣздѣ изъ Харькова во время вакацій того начальника, который самъ въ продолженіе цѣлаго года не посѣщалъ авдиторіи? Возможно ли честному члену совѣта прійти съ просьбою объ отпускѣ къ ректору, который самопроизвольно передалъ торговкѣ Розаліи имущество учителя Билинскаго, принадлежащее пенсіонной суммѣ? Какого уваженія заслуживаетъ начальникъ, который унизилъ свое званіе до мелочнаго торгаша лентъ, матерій, гранатъ, остатковъ? Всѣ эти самопроизвольныя и беззаконныя дѣйствія, столь явно совершаемыя, безъ сомнѣнія, извѣстны всѣмъ членамъ совѣта и не открыты высшему начальству только потому, что сообщеніе этого рода имѣло бы видъ доноса, всегда представляющагося каждому русскому чѣмъ то ужаснымъ, и я бы никогда этого не сдѣлалъ, если бы самъ ректоръ не потребовалъ отъ меня актомъ показать причины моего къ нему неуваженія“.

25 сентября состоялось засѣданіе совѣта, на которомъ рѣшено было передать жалобу Васильева на разсмотрѣніе правленія; но такъ какъ во главѣ правленія стоялъ ректоръ, то выбрали особаго предсѣдателя проф. Срезневскаго (хотя нѣкоторые и находили это излишнимъ въ виду того, что законъ не предусматривалъ такого случая). На это обстоятельство [1]), а также на предсѣдательство въ совѣтѣ проф. Осиповскаго, (а не проректора, какъ того требовалъ уставъ), было указано Стойковичемъ, какъ на отступленіе отъ требуемыхъ закономъ формальностей (въ совѣтскомъ засѣданіи 2 октября); были отмѣчены и другія отступленія отъ правилъ устава [2]), которыя, по мнѣнію Стойковича,

[1]) Quaero, говоритъ Стойковичъ, ubi sunt illae leges imperii, ubi consuetudo, ubi paragraphi statutorum nostrae universitatis, qui permittunt ut loco rectoris, a sua Caesarea Majestate confirmati, eligatur praeses Directorii? Etenim, si Summus Imperator hoc voluisset, mentio hujus rei certe paragrapho 150 (ubi hic casus expresse occurrit) injecta fuisset. Statuta autem altum de hac re silent, leges imperii vetant et consuetudo nunquam ab initio inde hujus imperii obtinuit, ut membra alicujus collegii pro lubitu in quacunque re praesidem eligant“.

[2]) Такъ между прочимъ Стойковичъ отмѣтилъ, что 4 члена совѣта высказались вообще противъ выборовъ особаго предсѣдателя въ правленіи (Дегуровъ, Лангъ, Роммель и Делявинъ), а между тѣмъ имена ихъ, неизвѣстно почему, числятся среди лицъ, участвовавшихъ въ избраніи.

уничтожали значеніе постановленія, сдѣланнаго въ предыдущемъ засѣданіи; самымъ важнымъ изъ нихъ было то, что жалобу на ректора нужно было направить прежде всего по 150 § устава въ правленіе, а не совѣтъ, который являлся высшей инстанціей. Отмѣтивъ цѣлый рядъ нарушеній законовъ и обычаевъ, Стойковичъ говоритъ слѣдующее (мы приведемъ это мѣсто въ подлинникѣ, потому что оно даетъ понятіе объ его краснорѣчіи и литературныхъ талантахъ): „servanda sunt a nobis, clarissimi viri, sanctissime statuta, quibus suae Caesareae Majestati placuit benignissime hanc suam universitatem munire, namque si nosmet ipsi contra ea agere perrexerimus et nostras decisiones eis non conformaverimus, tum ipsi erimus in culpa, si jura et praerogativae nobis non concessa... nobis adimantur. Etenim nulla ratio adduci posset, cur properatum sit ad electionem; universitas enim et omnia, quae ad eam pertinent, sunt in maxima quiete et non fuit periculum, ne per moram detrimentum aliquod patiatur“ [1]). Въ этомъ замѣчаніи много справедливаго. Дѣйствительно, жаль, что въ такомъ серьезнѣйшемъ дѣлѣ, какъ судъ надъ ректоромъ по обвиненію его въ *тяжкомъ преступленіи*, совѣтъ нарушилъ нѣкоторыя формальности и дѣйствовалъ слишкомъ быстро и недостаточно осмотрительно. Но это, конечно, объясняется тѣмъ общимъ возбужденіемъ, которое, очевидно, существовало противъ Стойковича среди профессоровъ. Васильевъ, подавая свою жалобу, несомнѣнно, разсчитывалъ на сочувствіе къ себѣ большинства; можно даже сказать, что во 2-й части своей жалобы, связанной только механически съ первой, онъ просто явился выразителемъ общаго настроенія. Нужно, впрочемъ, прибавить, что отвѣтъ ректора вызвалъ объясненія Осиповскаго, подробно разобравшаго указанія Стойковича на неправильности, будто бы допущенныя въ засѣданіи совѣта, и въ значительной степени ихъ опровергнувшаго [2]).

Н. А. Лавровскій, разобравъ подробно объясненія Стойковича и Осиповскаго, приходитъ къ заключенію, что совѣтъ отнесся къ дѣлу Стойковича слишкомъ страстно. „Вражда раздула это дѣло и тотчасъ сообщила ему размѣры, какихъ оно въ дѣйствительности не имѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что при иныхъ условіяхъ былъ бы прежде всего отвергнутъ совѣтомъ самый доносъ, какъ не подлежащій его вѣдѣнію и недостойный его; при иныхъ условіяхъ онъ, можетъ быть, и не появился бы въ совѣтѣ, потому что самое появленіе его, очевидно, вызвано было личными отношеніями“. Мы съ этимъ согласиться не можемъ. Дѣло это можно счи-

---

[1]) Acta, 1812, стр. 343—345, 346—352.

[2]) Это было сдѣлано въ засѣданіи 6 ноября; ib. стр. 381—384.

тать маловажнымъ только въ той его части, которая относится къ личному столкновенію Васильева со Стойковичемъ — и здѣсь оно дѣйствительно было раздуто Васильевымъ. Но въ немъ была другая сторона, имѣвшая огромное общественное значеніе — это обвиненія Васильевымъ Стойковича въ торговлѣ и при томъ противозаконной. Хотя мы и замѣтили выше, что обвиненія эти были вызваны, по всей вѣроятности, личнымъ раздраженіемъ Васильева, но это не уничтожаетъ ихъ серьезности. Н. А. Лавровскій говоритъ, что доносъ Васильева не подлежалъ вѣдѣнію совѣта; но вѣдь совѣтъ и не разбиралъ его по существу, а передалъ на разсмотрѣніе правленію, какъ того требовалъ уставъ. Н. А. Лавровскій полагаетъ, что совѣтъ долженъ былъ бы отвергнуть этотъ „доносъ“, какъ недостойный его; но это не былъ доносъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова: это было явное обличеніе человѣка, позорившаго своими поступками честь университета, направленное при томъ въ ту самую коллегію, которая стояла на стражѣ нравственныхъ интересовъ всего учрежденія и потому прежде всего должна была узнать о предосудительныхъ дѣйствіяхъ своего начальника, представителя и вмѣстѣ съ тѣмъ товарища. Правда, что совѣтъ отнесся къ дѣлу Стойковича очень страстно; но могъ ли онъ сохранить спокойствіе при такомъ тяжкомъ обвиненіи, въ особенности, когда, по словамъ Васильева, о торговлѣ ректора знали уже и безъ того всѣ? Между тѣмъ Стойковичъ, чувствуя шаткость своего положенія, рѣшилъ употребить всѣ усилія, чтобы дѣло его было перенесено въ Петербургъ въ министерство. Онъ полагалъ, что ему можетъ быть удастся такимъ образомъ вывернуться изъ бѣды: тутъ ему могла помочь дальность разстоянія, его дипломатическіе таланты, ловкость и изворотливость, умѣнье писать бумаги и, наконецъ, недовѣрчивость министерства къ доносамъ. Въ Харьковѣ же, очевидно, никто не сомнѣвался въ его виновности и потому тутъ онъ едва ли могъ разсчитывать на благопріятный исходъ своего дѣла, какъ въ правленіи, такъ и въ совѣтѣ (въ особенности послѣ того, какъ предсѣдателемъ правленія по его дѣлу былъ избранъ Срезневскій). И вотъ 30-го октября онъ обращается въ совѣтъ съ такимъ прошеніемъ: „всѣмъ вамъ довольно извѣстно о моей болѣзни; но мысль о моей обязанности, которую я свято чтилъ, всегда мѣшала мнѣ воспользоваться и самымъ малымъ временемъ свободы для собственнаго здоровья и это съ тѣхъ поръ, какъ Его Императорскому Величеству угодно было возложить на меня должность ректора университета. Много и весьма много приходится исполнять ректору такого, что вамъ неизвѣстно, такъ какъ никто изъ васъ не былъ ректоромъ; многія дѣла ректоромъ и оканчиваются, не доходя вовсе до вашего свѣдѣнія. Я весь поглощенъ былъ ими, посвящая имъ дни и

ночи. Думаю, всѣмъ вамъ извѣстно, что я со всею ревностью занимался всѣмъ, что относится къ общему благу. Но уже ослабѣваютъ мои силы, плечи не могутъ долѣе выносить возложеннаго на нихъ бремени. Кровохарканіе, обнаружившееся недѣли двѣ тому назадъ, доказываетъ, что мое здоровье въ опасности". Въ виду всего этого Стойковичъ просилъ освободить его временно отъ занятій по университету, выбрать проректора и отправить его дѣло къ министру.

Правленіе между тѣмъ энергично вело слѣдствіе надъ ректоромъ. Затребованы были объясненія, какъ отъ него, такъ и отъ Васильева. Объясненія ректора оказались краткими и слишкомъ общими; тутъ, между прочимъ, Стойковичъ высказалъ любопытное сужденіе, что если бы возводимыя на него обвиненія были и справедливы, то они не имѣютъ никакого отношенія къ его служебной дѣятельности; „служба имѣетъ свои правила и не должна быть смѣшиваема съ внутренними домашними дѣлами"; очевидно, что Стойковичъ признавалъ только одинъ кодексъ нравственности — уголовное право. Васильевъ сдѣлалъ цѣлый рядъ фактическихъ указаній по поводу торговой дѣятельности ректора. „Оптовая и мелочная торговля всѣми прописанными вещами (винами, лентами, гранатами и картинами) производилась столь явно, писалъ онъ, какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ нанятомъ домѣ Дмитріевой, что оная извѣстна была всему городу и передъ глазами всѣхъ членовъ университета, на которыхъ я въ справедливости сказаннаго и ссылаюсь". Между прочимъ, прибавляетъ далѣе Васильевъ, нѣсколько бочекъ вина и значительное количество гранатъ было отправлено для продажи учителю Курской гимназіи Паратичу; покупали вино у ректора харьковскіе обыватели — Коссовскій и Сердюковъ (первый три ведра, а второй бочку); ведрами платилось по 35, а бочкою по 30 рублей ведро; почетный смотритель Купянскаго уѣзднаго училища Элли купилъ много вина и до 40 картинъ; бо́льшую же часть вина, картинъ, лентъ и гранатъ продалъ въ Харьковѣ въ домѣ Дмитріевой иностранецъ Лангнеръ, состоящій нынѣ преподавателемъ иностранныхъ языковъ въ Екатеринославской губерніи; для продажи ректорскихъ товаровъ онъ былъ даже отправляемъ въ Москву; картинъ было болѣе 200—и по оцѣнкѣ, произведенной учителемъ рисованія Матесомъ и самимъ Васильевымъ, каждая изъ нихъ стоила отъ 25 до 100 руб. Однихъ гранатъ продано было Паратичемъ на 1300 руб.; ленты же отданы на продажу частію торговкѣ Розаліи, имѣвшей въ Харьковѣ модную лавку, а частію Лангнеру. По поводу объясненія Стойковича, что всѣ эти обвиненія относятся къ его частной жизни, Васильевъ замѣчаетъ: „всякій знаетъ, что публичный учитель къ знаніямъ, ему потребнымъ, долженъ

пріобщить строгую нравственность и честное поведеніе; почему же ректоръ думаетъ иначе, о томъ судить предоставляю правительству". Отъ ректора потребовали опроверженія этихъ доказательствъ — и онъ послѣ долгаго промежутка времени далъ его правленію. Здѣсь опять обвиненія въ торговлѣ называетъ онъ приватнымъ дѣломъ, удивляется, почему его допрашиваютъ по поводу его, и за тѣмъ доказываетъ, что никому онъ за деньги вина не отпускалъ, что Паратичъ продавалъ ленты и гранаты, купленныя на деньги, доставшіяся ему по наслѣдству въ Венгріи, и что если Лангнеръ и продавалъ товары, то онъ и ректоръ—два совершенно различныхъ лица. Вслѣдъ за тѣмъ явились въ правленіе Стойковичъ и Васильевъ и подали просьбу о примиреніи и прекращеніи дѣла. Но правленіе рѣшило все-таки продолжать слѣдствіе о незаконномъ торгѣ ректора, какъ о дѣлѣ публичномъ, а не приватномъ. Прежде всего члены правленія отправились въ ректорскій погребъ, чтобы изслѣдовать количество и качество находящагося въ немъ вина, но слѣдствіе не привело ни къ какимъ опредѣленнымъ результатамъ. За тѣмъ дѣло вышло за стѣны университета и приняло по истинѣ грандіозныя размѣры. Допрошены были Курскіе учителя, Екатеринославскій учитель Лангнеръ, университетскій педель Ломаковскій, профессора Дегуровъ и Ванотти, учитель рисованія въ университетѣ Матесъ, добровольно явился со своими показаніями проф. Шадъ, намѣревались сдѣлать запросы разнымъ таможнямъ и т. д. Курскіе учителя—Рудневъ, Пузановъ и Василевскій — подтвердили обвиненіе Васильева; они показали, что Паратичъ получилъ отъ Стойковича по почтѣ ящикъ съ золотыми часами и гранатами, и письмомъ, въ которомъ тотъ поручалъ ему продать находившіеся здѣсь товары за назначенную имъ цѣну. Паратичъ исполнилъ эту коммиссію, но при этомъ, не разобравъ въ точности обозначенныхъ ректоромъ цѣнъ, продалъ дешевле, чѣмъ было нужно, и потому долженъ былъ впослѣдствіи отбирать назадъ проданныя вещи и возвращать деньги, хотя все-таки, благодаря этому, приплатился изъ собственнаго кармана. Профессора Дегуровъ и Ванотти показали, что ректоръ, по ихъ просьбѣ, продалъ имъ по ведру вина съ платою по 30 и 25 руб. за ведро. Матесъ подтвердилъ заявленіе Васильева на счетъ оцѣнки картинъ или, какъ онъ называетъ ихъ, эстамповъ. Шадъ явился въ правленіе съ 10 кусками цѣлыхъ и начатыхъ лентъ и со спискомъ ихъ, писаннымъ рукою самого ректора; эти ленты не были проданы Паратичемъ и онъ передавалъ ихъ Стойковичу черезъ жену Шада; этотъ же послѣдній оффиціально возвращалъ ихъ ректору черезъ правленіе, добавляя при этомъ, что ему нѣсколько разъ Паратичъ говорилъ, что вещи эти ректора и что онъ только изъ боязни и располо-

женія къ Стойковичу, какъ своему начальнику и земляку, далъ ложное показаніе, будто онѣ пріобрѣтены имъ на деньги, полученныя по наслѣдству. Обо всѣхъ этихъ показаніяхъ узнавалъ, конечно, своевременно Стойковичъ отъ своихъ друзей. И вотъ онъ направляетъ въ совѣтъ два новыя объясненія. Въ первомъ онъ силился доказать, что Паратичъ продавалъ свои собственныя вещи, а не ректорскія, и закончилъ свою рѣчь угрозою примѣнить 17 § университетскаго устава, т. е. прибѣгнуть къ военнымъ или гражданскимъ властямъ. Во второй бумагѣ Стойковичъ пытается подорвать значеніе показаній Курскихъ учителей, какъ лицъ, которые недавно выступали доносчиками на университетъ (въ извѣстномъ нами дѣлѣ о Курскихъ безпорядкахъ) и опять-таки требуетъ отсылки его дѣла въ Петербургъ къ министру. Отзывъ этотъ былъ разосланъ для заключеній всѣмъ членамъ совѣта, и любопытно, что въ пользу отправленія дѣла Стойковича въ Петербургъ высказалась половина членовъ совѣта — Гизе, Дрейсигъ, Ванотти, Швейкардтъ, Лангъ, Пильгеръ и Дегуровъ; другая половина—Роммель, Каменскій, Книгинъ, Осиповскій, Срезневскій, Шумлянскій и Шадъ, — наоборотъ, стояла за продолженіе слѣдствія. Любопытны отзывы нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ. Швейкардтъ, напримѣръ, совѣтовалъ „просить министра о снисходительномъ отвращеніи отъ университета скандала въ столь пустомъ дѣлѣ". Дегуровъ объявилъ: „такъ какъ дѣло между ректоромъ и Васильевымъ тянется уже 8 мѣсяцевъ и не предвидится, когда правленіе окончитъ свой судъ, а между тѣмъ немедленное установленіе мира, для блага науки, въ нашемъ университетѣ необходимо, и такъ какъ ректоръ жалуется на незаконность дѣйствій правленія, а обсужденіе дѣла въ совѣтѣ угрожаетъ еще большими раздорами, то слѣдуетъ всѣ относящіяся сюда бумаги немедленно препроводить къ министру". Но рядомъ съ этимъ спокойнымъ предложеніемъ мы находимъ слѣдующій рѣзкій отзывъ секретаря совѣта Ланга объ извѣстномъ намъ свидѣтельскомъ показаніи проф. Шада въ правленіи университета: „весьма удивляюсь, какъ осмѣливается этотъ человѣкъ, какъ членъ совѣта, высказывать свое мнѣніе въ настоящемъ дѣлѣ, когда онъ, какъ самъ говоритъ, представилъ въ правленіе ленты, о которыхъ еще неизвѣстно, кому они принадлежатъ, съ тою цѣлію, чтобы обнаружить свои предательскіе помыслы, когда онъ такимъ образомъ явился и обвинителемъ и доносчикомъ, какъ осмѣливается высказывать свое мнѣніе тотъ, кто долженъ воздерживаться отъ подачи какого бы то ни было мнѣнія". Полную противоположность этому составляетъ отзывъ проф. Пильгера: „такъ какъ въ настоящемъ дѣлѣ, писалъ онъ, нѣтъ рѣчи о предметахъ, касающихся образованія и преподаваемой мною науки, и такъ какъ я не имѣю никакихъ свѣ-

дѣній въ юридическихъ наукахъ, то и не могу высказать вѣрнаго мнѣнія, соотвѣтствующаго настоящему дѣлу“ [1]).

Изъ всего этого видно, что многіе члены совѣта были утомлены этимъ прискорбнымъ процессомъ, отражавшимся крайне невыгодно на ученыхъ занятіяхъ университета, и желали, чтобы его поскорѣе разрѣшило своимъ властнымъ словомъ высшее начальство. Къ этому послѣднему теперь и обратились всѣ — и самъ ректоръ, и его противники. Еще 28 ноября 1812 года Стойковичъ отправилъ министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому обширное конфиденціальное письмо, въ которомъ старался оправдаться по дѣлу о Курскихъ безпорядкахъ, выставлялъ себя вполнѣ благонамѣреннымъ и усерднымъ слугою министра, перечислялъ свои заслуги на пользу университета и округа и, чтобы рельефнѣе оттѣнить ихъ, не щадилъ темныхъ красокъ для характеристики своего предшественника слабаго и бездѣятельнаго, по его словамъ, ректора Рижскаго, при которомъ будто бы университетъ и дѣло образованія во всемъ округѣ пришли въ полный упадокъ и разстройство. Письмо это представляетъ необыкновенно искусный образчикъ оправдательной записки и свидѣтельствуетъ о недюжинномъ талантѣ Стойковича въ составленіи подобныхъ бумагъ: тутъ есть все — и самохвальство, и смѣлое извращеніе фактовъ въ характеристикѣ дѣятельности своего предшественника, который лежалъ въ гробу и не могъ отвѣтить на эти инсинуаціи, и подчеркиваніе своей благонамѣренности, и лесть передъ высшимъ начальникомъ, и даже обѣщаніе публично прославлять его имя. Стойковичъ во что бы то ни стало хотѣлъ вернуть прежнее довѣріе къ себѣ министра, которое было для него столь необходимо и въ новомъ дѣлѣ, въ борьбѣ съ Васильевымъ, членами правленія и совѣта (Васильевъ подалъ свою жалобу на Стойковича 18 сентября 1812 г., а этотъ послѣдній отправилъ письмо министру 28 ноября).

Вотъ подлинный текстъ письма Стойковича на имя министра.

„Ваше сіятельство, М. Г.! Харканье кровью, которое послѣ долговременной грудной болѣзни въ октябрѣ мѣсяцѣ открылось, принудило меня 30 октября просить у совѣта увольненія отъ дѣлъ на нѣкоторое время. Получивъ оное, поѣхалъ я въ Сорочинцы къ прославившемуся тамъ врачу Трофимовскому и, пробывъ у него нѣсколько дней, снабженъ его совѣтами и лѣкарствомъ возвратился въ Харьковъ, гдѣ я засталъ непріятное дѣло о назначенномъ вашимъ сіятельствомъ въ Курскую гимназію визитаторѣ, которое на меня такъ сильно подѣйствовало, что я,

---

[1]) Всѣ приведенныя здѣсь фактическія подробности мы позаимствовали изъ статьи Н. А. Лавровскаго о Стойковичѣ (Чтенія, 1873, кн. 2, стр. 1—37).

при продолжающемся еще кровохарканіи, не токмо своею должностію, но и ничѣмъ на свѣтѣ заниматься не могу и въ единомъ токмо спокойствіи и бездѣйствіи нахожу нѣкоторое облегченіе. Но при всемъ этомъ собираю я послѣднія силы, дабы изъяснить вашему сіятельству сущность того дѣла, на которомъ г. профессоръ Шумлянскій основалъ свой голосъ, дабы вашему сіятельству можно разсудить было о справедливости или несправедливости онаго. Я долженъ начать съ предшествовавшаго сему времени.

Въ послѣднее время ректорства покойнаго профессора Рижскаго университетъ приближался къ паденію: должности были пренебрегаемы, члены университета иногда по недѣлѣ и по двѣ не ходили въ классы. Въ совѣтѣ часто многіе не бывали, такъ что одинъ разъ должно было разойтись всѣмъ пришедшимъ членамъ, потому что число отсутствовавшихъ было больше половины. Нѣкоторые выѣзжали изъ города не на день и не на два, а на двѣ и три недѣли, не извѣщая ректора о своихъ отлучкахъ, которыя впрочемъ однимъ членомъ адъюнктомъ Васильевымъ и по сіе время продолжались. Многія профессорскія мѣста не были заняты, и науки ихъ не читались. Медицинскіе чиновники кромѣ одного, читавшаго антропологію, брали жалованье по пустому. Наконецъ, одинъ профессоръ во все время съ открытія университета не окончилъ ни одного курса; но сей уже увольняется на всегда. Кабинеты университетскіе (кромѣ физическаго, находившагося подъ моимъ вѣдѣніемъ) были въ безпорядкѣ и безъ описей; библіотека не имѣла каталога. Въ типографіи университетской такое существовало бездѣйствіе, что на нее болѣе выходило издержекъ, нежели она приносила дохода. Однажды въ ней цѣлый мѣсяцъ не работали, потому, что, какъ увѣряли, дѣла не было. Въ здѣшней гимназіи непослушаніе учениковъ и пансіонеровъ нетокмо къ учителямъ, но и къ директору доведено было до такой степени, что когда покойный ректоръ увѣщевалъ учениковъ одинъ разъ публично въ классѣ и угрожалъ имъ, то одинъ изъ сего числа закричалъ: *а что намъ сдѣлаете*? Извѣстно вашему сіятельству и то неустройство, за которое университетъ, наконецъ, принужденъ былъ выключить четырехъ гимназистовъ. Сіи неустройства принудили, наконецъ, совѣтъ пріѣхавшему мнѣ изъ чужихъ краевъ препоручить лично надзоръ за гимназіей и пансіонами.

Въ округѣ университета дѣятельность чрезвычайно была уменьшена. Открытіе уѣздныхъ училищъ почти пріостановилось, а о приходскихъ (которыхъ числомъ двадцать во время моего ректорства въ 1807 году въ здѣшней губерніи къ открытію совершенно были приготовлены и по перемѣнѣ моей также забыты) и не помышляли. Въ

херсонской губерніи ни одного училища не было открыто, а таврическая въ такомъ оставалась забвеніи, какъ бы и вовсе не принадлежала къ харьковскому учебному округу. Покойный ректоръ или по слабости, или по другой какой-либо причинѣ, мнѣ неизвѣстной, дозволялъ всякому дѣлать, что хотѣлъ и какъ кто хотѣлъ.

Въ такомъ положеніи были дѣла университета, когда я утвержденный по милости вашего сіятельства на три года вступилъ въ должность. Что съ того времени до сего дня публично при университетѣ сдѣлано, частію вашему сіятельству извѣстно изъ донесеній университета. Пополнены вакантныя кафедры, приглашены молодые учители изъ округа въ университетъ или какъ адъюнкты, или какъ магистры. Трое изъ нашихъ воспитанниковъ посланы для ихъ образованія въ другія мѣста и теперь всѣ науки, положенныя уставомъ, проходятся. Кабинеты приведены въ порядокъ и или описаны, или описываются; библіотекѣ сдѣланъ временный каталогъ подъ собственнымъ моимъ присмотромъ, немедленно по вступленіи моемъ въ должность; въ типографіи умножено число работниковъ изъ бывшихъ воспитанниковъ нашей и другихъ гимназій, такъ что нынѣ всѣ четыре станка находятся въ дѣйствіи. Помѣщеніе типографіи распространено; одинъ изъ воспитанниковъ былъ отправленъ въ Москву для изученія словолитному дѣлу, другой же воспитанникъ посланъ для усовершенствованія своего въ переплетеніи книгъ, и оба уже возвратились; дѣла въ типографіи такъ много, что и сіи не успѣваютъ.

Чиновники университета начали и продолжаютъ исполнять должности свои рачительно; студенты прилежаніемъ своимъ и поведеніемъ совершенно отличаются; казеннокоштные же, послѣ двукратнаго очищенія ихъ комнатъ отъ неизщетнаго множества клоповъ и послѣ другихъ нѣкоторыхъ распоряженій, живутъ чисто и опрятно и трудолюбіемъ развѣ токмо Геттингенскимъ воспитанникамъ уступятъ, такъ что г. Швейкардъ и пріѣхавшій изъ Москвы Тауберъ удивлялись порядку и точному исполненію должностей учащихъ и учащихся.

Здѣшняя гимназія и заведенные при ней пансіоны находятся въ самомъ лучшемъ устройствѣ.

Въ округѣ университета сколько въ теченіи сего времени открыто училищъ уѣздныхъ и приходскихъ, вашему сіятельству изъ донесеній извѣстно; въ одинъ высокоторжественный день коронованія Его Величества 15-го сентября сего года открыто ихъ нѣсколько въ разныхъ губерніяхъ, не по случаю, а по распоряженіямъ, мною сдѣланнымъ. Для таврической губерніи пріисканъ мною человѣкъ дѣятельный, и тамъ, гдѣ прежде одно токмо уѣздное училище существовало, въ крат-

комъ времени открыта и гимназія, и почти всѣ уѣздныя училища. Въ херсонской губерніи три уѣздныя училища открыты, а три послѣднія къ открытію совершенно приготовлены. Только потому не были открыты до сего времени, что зараза начала тамо свирѣпствовать. Пятьсотъ приходскихъ училищъ по плану должны быть открыты въ округѣ, изъ которыхъ многіе уже открыты, многіе по военнымъ обстоятельствамъ остановлены, а другіе пріуготовлены къ открытію. Для устроенія же Александровскаго греческаго въ Нѣжинѣ училища и тамошней гимназіи я самъ ѣздилъ.

Безсумнѣнно многія изъ сихъ дѣйствій, то есть тѣ, о которыхъ университетъ обыкновенно доноситъ, извѣстны вашему сіятельству и и обратили на университетъ сей вниманіе ваше, прочія же, которыя только лично можно видѣть, оставались, можетъ быть, вамъ неизвѣстными, потому что попечитель не пріѣзжалъ и никто другой визитаторомъ въ университетъ присылаемъ не былъ. Видя дѣла наши въ такомъ блистательномъ положеніи, естественно было мнѣ, какъ ректору, желать, чтобы кто-нибудь могъ донести подробно вашему сіятельству о состояніи университета и потому я желалъ въ душѣ моей, чтобы ваше сіятельство прислали къ намъ визитатора. Въ самое то время, какъ я сею идеею занимался, получено предложеніе отъ вашего сіятельства объ отправленіи въ Курскую гимназію и другія учебныя заведенія визитатора. И поелику я не могъ знать, будетъ ли г. Дунинъ-Барковскій и къ намъ въ университетъ, не могъ также знать, можетъ ли Дунинъ-Барковскій войти подробно во всѣ части университета, о состояніи котораго льстило моему честолюбію, чтобы ваше сіятельство получили подробное свѣдѣніе, то и родилась во мнѣ мысль, нельзя ли будетъ соединить Курское дѣло съ визитаціею университета и просить ваше сіятельство объ отправленіи визитатора изъ ученыхъ высшихъ классовъ. Сіе мое мнѣніе положилъ я на бумагу и прочиталъ въ совѣтѣ, но, увидѣвъ, что со мною не согласовались и что мнѣнія были различны, я остался при своемъ мнѣніи, въ томъ, сирѣчь, что я желаю, что бы посланъ былъ кто нибудь изъ высшихъ ученыхъ чиновниковъ, который бы, разумѣется, могъ осмотрѣть и состояніе университета. Я при семъ мнѣніи имѣлъ въ виду больше университетъ, нежели Курское дѣло, и въ невинности своей никакъ ни думалъ, чтобы я симъ могъ оскорбить ваше сіятельство. Противъ г. Дунина-Барковскаго я ничего не имѣлъ, а что я его почитаю, то я ему доказалъ въ дѣлѣ, о которомъ онъ ко мнѣ относился. Относительно же особы вашего сіятельства я никогда не забуду того снисхожденія, съ каковымъ вамъ угодно было меня въ Петербургѣ принять и отпустить въ

чужіе краи. Я бы безумнымъ долженъ себя считать, если бы могло въ умъ мнѣ притти противиться вашимъ предписаніямъ, ибо отъ кого я долженъ ожидать награжденія за мои труды? и кто при здравомъ умѣ захочетъ тому не повиноваться, отъ котораго зависитъ его счастіе?— Изъ всего вышесказаннаго ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что мое мнѣніе, здѣсь въ кратцѣ изложенное, совсѣмъ не согласно съ мнѣніемъ прочихъ профессоровъ. Я не различаю визитатора Курской гимназіи отъ визитатора университета; не говорю, что не признаю г. Дунина-Барковскаго, какъ визитатора, и не упоминаю ни слова о § 161-мъ, а просто говорю, что желаю, чтобы ученый высшихъ классовъ чиновникъ былъ посланъ (изъ прежде наведенной причины). Какъ же послѣ сего можно сказать, что гг. профессоры подали мнѣніе по моей волѣ? Развѣ ректоръ въ состояніи принудить профессоровъ? Развѣ мужи, которымъ ввѣрена участь чиновниковъ цѣлаго округа столь мало самостоятельности имѣть могутъ? Неужели тѣ, которые себя въ латынскомъ слогѣ называютъ *patres conscripti* (какъ себя называли римскіе сенаторы), не обдумая вещи дѣла, должны слѣдовать за ректоромъ, какъ овцы за пастыремъ? Странное дѣло, подавая совершенно противный моему голосъ, утверждать, что мнѣ слѣдовали. Почему же не подписали моего голоса, когда ему слѣдовали? Почему же г. Шумлянскій не послѣдовалъ ни моему голосу, ни голосу Осиповскаго, ни голосу г. Шада? Онъ же г. Шумлянскій говоритъ, что гг. профессоры слѣдовали моему голосу. Ежели мой голосъ на него не подѣйствовалъ, почему же онъ, не бывши сердцевѣдцемъ, знаетъ, что мой голосъ подѣйствовалъ на другихъ? Но я повторяю, что я отказываюсь отъ ихъ голосовъ, ибо мой голосъ со всѣмъ не сходенъ съ ихъ голосами.

Впрочемъ, я г-ну профессору Шумлянскому прощаю, ибо источникъ желчи его есть ректорство и прежнее и нынѣшнее. Но развѣ я виноватъ, что въ прежнее изъ насъ двоихъ выбранныхъ г-нъ попечитель представилъ меня на утвержденіе и въ нынѣшнее не онъ избранъ? Однакожъ не простительно тѣмъ изъ гг. профессоровъ, которые въ публичномъ актѣ доказали, что они какъ ученики и дѣти дѣйствовали, а не какъ профессоры. Сей родъ извиненія есть самый гнусной и не простительный.

Ежели и послѣ сего чистосердечнаго моего признанія ваше сіятельство почитаете меня виновнымъ въ семъ дѣлѣ, то я покорнѣйше васъ прошу извинить меня и великодушно простить, что я желалъ визитатора противъ вашего назначенія. Я смѣю увѣрить ваше сіятельство, что сіе не произошло отъ какого либо упорства, котораго во мнѣ никогда не было, или отъ злого намѣренія противиться вашей волѣ,

но единственно отъ желанія, чтобы ваше сіятельство лучше могли узнать о моихъ трудахъ.

Я, съ тѣхъ поръ, какъ себя помню, ничего не сдѣлалъ такого, чтобы послужило къ стыду моей фамиліи, которая нѣкогда управляла Сербіею и изъ которой и нынѣ Миленко Стойковичъ есть вторая въ народѣ особа. Могъ ли я на сороковомъ году моей жизни съ намѣреніемъ сдѣлать такой непростительный поступокъ, который бы и меня и ее обезчестилъ? Есть ли бы вашему сіятельству извѣстна была исторія жизни моей, то бы я уже увѣренъ былъ въ моемъ прощеніи: теперь же я о семъ васъ покорнѣйше прошу. Равномѣрно прошу ваше сіятельство взять въ милостивое ваше вниманіе понесенные мною въ университетѣ великіе труды и удостоить меня по представленію совѣта просимымъ награжденіемъ. Сіе послужитъ мнѣ доказательствомъ, что ваше сіятельство такъ ко мнѣ добры, какъ были въ бытность мою въ Петербургѣ. Оно послужитъ мнѣ одобреніемъ продолжать (ежели останусь живъ послѣ болѣзни) службу мою съ такимъ рвеніемъ и такою дѣятельностію, съ каковыми и до сей поры продолжалъ оную, и заставитъ меня прославлять имя ваше, что ваше сіятельство въ непродолжительномъ времени на опытѣ увидите. Честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ вашего сіятельства, милостиваго государя, покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою ректоръ А. Стойковичъ. Ноября 28 дня 1812 года [1]).

Съ другой стороны министерство получило и бумаги, содержавшія самыя сильныя и рѣзкія обвиненія противъ Стойковича. Таково было, напримѣръ, „мнѣніе профессора Шада о двухъ отношеніяхъ отъ г. ректора университетскому совѣту 2 мая представленныхъ“. Оно было доложено совѣту Харьковскаго университета, а затѣмъ отправлено въ министерство. Вотъ его полный текстъ въ русскомъ переводѣ.

„Когда уже до того дошло въ нашемъ университетѣ, что всякій порядокъ и должное повиновеніе къ законамъ государственнымъ нарушается, когда такъ ведется, что проступокъ одного влечетъ за собою общее всѣхъ несчастіе, когда, наконецъ, о вредѣ, безразсудностію одного университету нанесенномъ и грозящемъ гибелью, нельзя болѣе разсуждать со снисхожденіемъ; то въ семъ случаѣ да проститъ мнѣ совѣтъ, если слогъ мой будетъ суровъ и сообразенъ съ гнусностію того преступленія, которое учинить намѣревались, которое долженствовало во всѣхъ честныхъ людяхъ произвесть оцѣпененіе, отвращеніе и ужасъ, которое, наконецъ, непремѣнно поколебало бы цѣлый университетъ и

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6053, карт. 159, присоединенное къ дѣлу № 6005, 1813 года.

въ скоромъ времени приблизило его къ паденію, если бы только осталось безъ справедливаго наказанія.

Наступило уже время, въ которое самыя сокровеннѣйшія ощущенія души могутъ быть обнаруживаемы; нынѣ всякій, кто только любитъ свѣтъ истины, а не обманъ или мглу ее скрывающую, ясно усмотрѣть можетъ, кто какъ мыслитъ о университетѣ и государствѣ Россійскомъ. Воины наши, изгнавъ изъ отечества своего тирана Европы, и въ чуждыхъ странахъ сражаются противъ него съ тѣмъ же мужествомъ. Правдивымъ мужамъ, поставленнымъ бодрствовать надъ благосостояніемъ университета, которое пришло было въ крайнюю опасность отъ проступка одного сочлена ихъ, теперь уже нечего опасаться. По крайней мѣрѣ я, будучи руководимъ истиною, справедливостію и доброю совѣстію, ничего не страшусь. При общей опасности, долгомъ почитаю открыть чистосердечно душевныя мои чувствованія, какъ предъ совѣтомъ, такъ и предъ г. министромъ, коего любовь къ справедливости и человѣколюбіе въ короткое время уврачуютъ наши бѣдствія.

Г. ректоръ въ двухъ отношеніяхъ своихъ къ совѣту отъ 2 мая, со всѣмъ свойственнымъ ему лукавствомъ, старается доказать, что вещи, продаваемыя учителемъ Паратичемъ, были не его, а сего учителя; для доказательства того употребилъ онъ непристойную выдумку, что Паратичъ пріобрѣлъ деньги по наслѣдству въ Венгріи и накупилъ на оныя вещей, кои и продавалъ нѣсколько лѣтъ публично. Г. ректоръ, желая покрыть глаза наши непроницаемымъ мракомъ, прибѣгаетъ къ святости религіи, вызываясь все сіе подтвердить присягою, если только нужно сіе; каковое обстоятельство въ письмѣ, переписанномъ другимъ, приписалъ онъ собственною рукою, дабы тѣмъ больше ослѣпить насъ, хотя противное нимало не сомнительно. Въ правленіи такъ уже много доказательствъ противъ того, что о преступномъ намѣреніи г. ректора никто изъ благоразумныхъ, справедливыхъ и безпристрастныхъ мужей сомнѣваться не можетъ; а потому совсѣмъ другое правленію предлежитъ учинить изслѣдованіе, нежели каково было доселѣ — о гнусной и безчестной его торговлѣ, которою онъ обезславилъ университетъ нашъ, съ того несчастнаго времени, какъ обратно сюда, будучи преслѣдуемъ австрійскою полиціею до самаго почти университета.

Я не могу согласиться съ тѣми, кои подали уже письменныя свои мнѣнія о семъ дѣлѣ и кои желаютъ, чтобы дальнѣйшихъ по оному слѣдствій не производить ни въ правленіи, ни въ совѣтѣ, а все, принадлежащее къ оному, безъ изслѣдованія послать къ г. министру. Напротивъ думаю, что все дѣло сіе тщательно должно разсмотрѣть прежде въ правленіи, а потомъ уже съ опредѣленіемъ или мнѣніемъ онаго пре-

проводить къ г. министру. Причины, коими руководствуюсь въ семъ мнѣніи, суть слѣдующія. 1) Въ подобныхъ случаяхъ именно сіе предписывается уставомъ университета § 150. 2) Многія обстоятельства, къ сему относящіяся, въ нашемъ университетѣ удобно могутъ быть открыты, между тѣмъ какъ въ такомъ отдаленномъ мѣстѣ, какъ Петербургъ, оныя могутъ укрыться; даже тамъ объ нихъ никому не придетъ и на мысль. 3) Притомъ какая будетъ польза изъ того, если все дѣло сіе и неполныя записки (поелику слѣдствіе о преступленіи г. ректора началось только за нѣсколько дней) безъ дальнѣйшаго разысканія послать къ г. министру. Мы ясно видимъ, что г. ректоръ о томъ только и старается, дабы слѣдствіе сіе не было производимо на самомъ мѣстѣ преступленія, ибо, какъ хитрый человѣкъ, онъ явно предвидитъ, что если дѣло его разбираемо будетъ въ Петербургѣ, безъ университетскаго слѣдствія, то многія обстоятельства, которыя могли бы открыться на мѣстѣ и тѣмъ весьма много пояснить дѣло, въ Петербургѣ останутся вовсе неизвѣстными; а потому не только боялся онъ правленія, разсматривающаго дѣло его, но сверхъ того, чтобы воспрепятствовать слѣдствію, которое почиталъ для себя весьма опаснымъ, будучи мучимъ притомъ черною совѣстію своею, осмѣлился угрожать даже, что онъ поступитъ по § 17 устава, т. е. разгонитъ членовъ Правленія, призвавъ въ помощь градскую полицію. Итакъ, ничѣмъ не могъ онъ яснѣе высказать своего намѣренія, дабы избавиться отъ слѣдствія.

Но предлагая учинить присягу, какъ бы въ дѣлѣ самомъ несправедливомъ, чрезъ то самое уже открылъ онъ преступленіе свое, а дѣлая угрозы правленію, оказалъ безразсудность свою. Ибо можетъ ли быть что нибудь несмысленнѣе такого требованія, чтобы самому не только быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, но даже предсѣдательствующимъ судилища, разсматривающаго проступокъ его? Можетъ ли быть что либо безумнѣе и безсовѣстнѣе, какъ угрожать полиціею законному судилищу, коему онъ самъ подчиненъ? И симъ безумнымъ насиліемъ ищетъ снисхожденія и прощенія, которое въ такомъ гнусномъ поступкѣ, каковъ есть самовольный вызовъ учинить ложную присягу, одному только безумцу можетъ быть оказано. У всѣхъ народовъ, у коихъ разумъ хотя бы едва только пробудился отъ усыпленія и кои хотя нѣкоторое понятіе имѣютъ о законахъ и повиновеніи онымъ, никто не можетъ быть судіею въ своемъ дѣлѣ, особливо же обвиняемый въ важномъ преступленіи. А онъ хочетъ поступать такимъ образомъ въ Россійскомъ государствѣ, гдѣ чрезъ цѣлые вѣки, особливо со временъ Петра Великаго, цвѣтутъ превосходнѣйшие и достойнѣйшие всякаго уваженія законы. Что онъ дѣлаетъ? На что отваживается? Какъ мыслитъ о государствѣ

Россійскомъ? Къ какимъ варварскимъ, дикимъ, не имѣющимъ признаковъ человѣчества и невѣжественнымъ народамъ хочетъ онъ отнести знаменитый народъ Россійскій? Но уже сѣкира лежитъ при корени всѣхъ золъ, кои мы перенесли со времени учрежденія университета. Если нѣкоторыя отрасли въ немъ и содѣлываются знаменитыми, то и сіи исторгаются безъ всякой трудности. Преступное намѣреніе сего человѣка само собою явно обнаружилось. Покровители и друзья защищаютъ его, другіе колеблются, самъ онъ грозитъ не только правленію изслѣдующему ужасное преступленіе его, но и самый совѣтъ университета стращаетъ полиціею. Тщетное покушеніе, не надежное средство и прибѣжище! Въ университетѣ нашемъ есть мужи правдивые, отважные и радѣющіе о благѣ общемъ; голосъ ихъ, хотя нѣкоторые и желаютъ оправдать сего человѣка въ самомъ гнусномъ дѣлѣ, достигнетъ чрезъ г. министра даже до престола мудраго и справедливаго Монарха.

2. Я никакъ не могу согласиться съ г. профессоромъ Срезневскимъ, который въ 4-й статьѣ мнѣнія своего говоритъ: „что касается „до присяги, которую г. ректоръ обѣщается принять въ томъ, что „проданныя и продаваемыя г. Паратичемъ и другими вещи не его „собственныя, почитаю за нужное предоставить сіе правленію, дабы „оно по силѣ и формѣ законовъ привело г. ректора къ упомянутой „присягѣ“. Сохрани Боже! Чтобы дозволить присягу такому человѣку, коего преступленіе очевидно.

3. И къ чему всѣ доказательства г. ректора, что учителю Паратичу досталось въ Венгріи наслѣдство? Вопросъ, о которомъ здѣсь идетъ дѣло, состоитъ не въ наслѣдствѣ, а въ томъ, точно ли вещи, продаваемыя Паратичемъ, куплены были на деньги, вырученныя имъ за наслѣдство, что г. ректоръ хочетъ присягою подтвердить, или лучше, не самъ ли г. ректоръ на свои собственныя деньги покупалъ и — къ безславію университета — повсюду выставлялъ ихъ для продажи чрезъ г. Паратича? Вотъ, говорю, вопросъ, который единственно должно рѣшить. — Но, чтобы, сколько можно, пояснить дѣло сіе предъ совѣтомъ, нужнымъ считаю предложить нѣчто оному, о чемъ я никогда бы не упомянулъ, если бы не требовало того благосостояніе университета, отъ проступка одного только сочлена приходящее въ великую опасность; въ семъ случаѣ частное дружество и долгъ гостепріимства не имѣютъ мѣста: 1) сей Паратичъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, одинъ или съ своею женою, жилъ у меня, когда только пріѣзжалъ въ Харьковъ. По сему случаю неоднократно бралъ онъ у г. ректора разныя вещи для продажи, которыя не только мнѣ, но и другимъ, посѣщающимъ меня, показывалъ и предлагалъ для покупки, чистосердечно открываясь, что

вещи сіи не его, а г. ректора, ибо онъ тогда не могъ предвидѣть таковыхъ пагубныхъ слѣдствій сей гнустной торговли. 2) Что вещи сіи дѣйствительно принадлежали ректору, то весьма недавно на самомъ дѣлѣ открылъ Паратичъ: когда жена моя, бывшая нѣсколько недѣль въ Курскѣ, намѣревалась обратно ѣхать въ Харьковъ, то Паратичъ, воспользовавшись симъ случаемъ, препоручилъ ей перевезти въ Харьковъ значущее количество связокъ, коихъ онъ не могъ болѣе распродать, вмѣстѣ съ каталогомъ оныхъ, писаннымъ рукою самого ректора, для доставленія ихъ настоящему хозяину. 3) Въ Курскѣ, даже до пріѣзда визитатора, коего г. министръ прислалъ туда, прошлою зимою Паратичъ со всею искренностію объявлялъ тоже самое всѣмъ тѣмъ, коимъ предлагалъ онъ вещи для покупки. Будучи же допрашиваемъ по сему дѣлу г. визитаторомъ, отвѣчалъ, что продаваемыя имъ вещи не Стойковичевы, а его, ссылаясь на то же наслѣдство, коимъ онъ только въ университетѣ такъ много превозносится. Но что вещи точно были Стойковичевы, то сіе во всемъ городѣ Курскѣ сдѣлалось извѣстнымъ по слѣдующему достопамятному случаю. Паратичъ несовершенно зналъ цѣну продаваемымъ королькамъ, каковую назначилъ имъ главный купецъ, находящійся въ домѣ университета, и потому продавалъ оныя гораздо дешевле, нежели чего они стоили. Но когда г. ректоръ, ничего нехотѣвшій и слышать о сей ошибкѣ Паратича, требовалъ отъ него всей суммы, причитающейся по оцѣнкѣ купцовъ, то Паратичъ, вмѣстѣ съ женою своею, принужденъ былъ бродить по всему городу, дабы выкупить проданные уже корольки, представляя обратно заплаченныя покупщиками деньги. Курскіе жители еще были столько добры, что отдавали корольки, довольствуясь тѣмъ, что получали обратно заплаченныя ими деньги. Но многія таковыя нитки корольковъ проданы были пріѣзжимъ, бывшимъ случайно въ то время въ Курскѣ, кои не могли уже быть выкуплены, а посему Паратичъ горько жаловался какъ въ Курскѣ, такъ и въ Харьковѣ, что по непреклонности г. ректора потерялъ онъ въ семъ случаѣ по крайней мѣрѣ 300 руб. 4) По случаю пріѣхалъ я въ городъ Курскъ въ то самое время, когда профессоръ Двигубскій былъ тамъ визитаторомъ; по отъѣздѣ его, Паратичъ чистосердечно признался мнѣ, что вся исторія о купленныхъ вещахъ на доставшіяся якобы по наслѣдству деньги была выдумана, и что онъ изъ одного повиновенія къ Стойковичу, такъ какъ ректору и земляку своему, прибѣгъ къ сему услужливому обману, для того, чтобы онъ постарался о его чинѣ; что хотя и получилъ онъ наслѣдство въ 800 р. въ Венгріи, впрочемъ, на деньги сіи не только не покупалъ вещей для продажи, но даже и до сего времени остаются онѣ въ Венгріи для сохраненія. Паратичъ, по моему мнѣнію, удобно

можетъ быть извиненъ въ семъ обманѣ, который онъ употребилъ по дружбѣ, сверхъ того онъ не вызывался учинить присяги въ неправомъ дѣлѣ; но совсѣмъ иначе долженъ быть принятъ поступокъ ректора, которой для оправданія своего въ томъ неправомъ дѣлѣ вызвался учинить присягу.

Дабы показать все мое отвращеніе къ гнусности преступленія, которое готово было совершиться, не могу не привесть здѣсь одного мѣста изъ Цицерона, гдѣ ораторъ такъ выражается противъ Антонія: „и „тебя, и подобныхъ тебѣ, и приближенныхъ твоихъ презираю, гнушаюсь „и проклинаю; не страшусь угрозъ твоихъ, не ужасаюсь гибели, тобою „мнѣ предопредѣляемой“. Проф. Шадъ. Харьковъ. 19 мая 1813 г.) [1]).

Съ неменѣе рѣзкимъ заявленіемъ выступило коллективно 8 профессоровъ, направившихъ его черезъ совѣтъ прямо къ министру. Вотъ его текстъ въ тогдашнемъ же русскомъ переводѣ (оригиналъ былъ писанъ по латыни).

„Совѣту Императорскаго Харьковскаго университета. Съ того самого времени, какъ поступила въ совѣтъ жалоба Курскихъ учителей, возникло превратное понятіе и направленіе дѣлъ, къ оной принадлежащихъ. Вскорѣ послѣ того ректоръ университета вооружилъ членовъ онаго противъ предписанія его сіятельства г. министра просвѣщенія, отъ чего едва не всѣ мы подверглись было слѣдствію въ какомъ-либо публичномъ судѣ. По одному только милосердію и особенному великодушію его сіятельства избавлены мы отъ того. Многіе профессоры приведены ректоромъ въ заблужденіе двоякимъ образомъ: во-первыхъ, тѣмъ, что многія принадлежности, могшія вредить какъ ему самому, такъ и учителю Паратичу, земляку и сотруднику его въ торговыхъ дѣлахъ, были имъ нарочно запутаны и утаены отъ совѣта, предъ коимъ напротивъ весьма часто объяснялся онъ на счетъ тѣхъ только обстоятельствъ въ коихъ другіе учители казались виновными и якобы бунтовщиками; а наконецъ, важнымъ тономъ въ рѣчи своей старался увѣрить всѣхъ, что назначеніемъ визитатора, коего г-ну министру угодно было послать, нарушаются всѣ права и преимущества, дарованныя университету, въ защищеніи и соблюденіи коихъ совѣтъ въ свое время долженъ будетъ дать отчетъ самому Государю Императору; а чтобы еще болѣе придать вѣсу словамъ, торжественно объявилъ, что, если такъ пойдутъ дѣла и такъ будутъ нарушаемы университетскія права и преимущества, онъ сложитъ съ себя званіе ректора. Таковымъ поступкомъ, подъ видомъ благосостоянія университета, онъ обольстилъ всѣхъ тѣхъ, кои не знали, что въ дѣлѣ семъ онъ ни мало не старался о пользѣ универси-

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6005, карт. 159.

тета, но заботился о собственномъ только положеніи, которое, какъ то онъ намъ возвѣстилъ, приведено было въ величайшую опасность, такъ что, если бы проступокъ его былъ тогда же обнаруженъ, университетъ былъ бы избавленъ отъ того несчастія, подъ игомъ коего онъ стонетъ и будетъ стонать, покуда профессоръ Стойковичъ останется ректоромъ.

Но грозить тѣмъ, что сложитъ съ себя званіе ректора, было съ его стороны чистое хвастовство, каковую угрозу онъ весьма часто употреблялъ, какъ будто бы отъ него именно зависѣло благосостояніе университета, между тѣмъ, какъ достовѣрнѣйшимъ есть то, что при семъ ректорѣ оное тѣмъ вящшей подвергается опасности, а что угроза сія была однимъ хвастовствомъ, это очевидно изъ того, что въ то время какъ г. министръ изъявилъ свое согласіе на просимую имъ отставку, онъ притворился, какъ будто о томъ ничего не зналъ.

Наконецъ, поступила въ совѣтъ жалоба на ректора отъ адъюнкта Васильева, въ которой, между прочимъ, было донесено о запрещенномъ торгѣ и о пренебреженіи должности. Адъюнктъ сей убѣдительно доказалъ, что ни одинъ честный человѣкъ не можетъ имѣть почтенія къ такому ректору. Какъ же скоро ректоръ увидѣлъ, что при тщательномъ допросѣ тѣхъ, коими онъ былъ обвиняемъ, легко можетъ обнаружиться проступокъ его, то ничего болѣе не желалъ, какъ примиренія съ тѣмъ человѣкомъ, коего гналъ онъ съ величайшею ненавистію; премиренія сего искалъ онъ разными путями и, наконецъ, достигъ того съ величайшею признательностію. Но таковымъ поступкомъ тѣмъ болѣе посрамилъ онъ санъ ректора въ глазахъ всѣхъ ученыхъ и честныхъ людей, потому что чрезъ сіе ясно открылись и вина его, въ коей онъ сознался, и низкое понятіе о чести, коею онъ предъ всѣми величался. Однако-жъ и примиреніе сіе не могло имѣть желаемаго конца, ибо такъ какъ жалоба адъюнкта Васильева передана уже была въ правленіе, которое тщательно принялось изслѣдовать сіе дѣло и требовало у ректора по сему отзывовъ, изъ коихъ нѣкоторые имъ и даны, то правленіе по законамъ государственнымъ никакъ уже не могло утаить и уничтожить сіе дѣло. Слѣдствіемъ же правленія ректоръ столько былъ раздраженъ, что въ отношеніи своемъ, недавно читанномъ и въ журналѣ записанномъ, грозилъ, что поступитъ съ правленіемъ по § 17-му устава, т. е., испросивъ помощь полиціи, разгонитъ членовъ правленія; а въ другомъ отношеніи объявилъ, что прежде сказанное имъ, т. е., что вещи, продаваемыя учителемъ Паратичемъ, были не его, а сего учителя, готовъ подтвердить клятвою, въ случаѣ нужды, между тѣмъ, какъ изъ многихъ документовъ явствуетъ, что вещи точно его, ректора; чѣмъ самымъ онъ наругается достоинству званія имъ носимаго, чести же и

славѣ университета причиняетъ величайшій вредъ. Таковыя предложенія, торжественно въ совѣтѣ имъ чинимыя и изъясняемыя письменно, довольно показываютъ, къ какимъ подлостямъ онъ способенъ.

Съ того времени ректоромъ и его приверженцами подаваемы были самыя вздорныя совѣты, мнѣнія и поправки, разстроившія совершенно порядокъ и спокойствіе, грозившія переворотомъ самому университету, имѣя цѣлію то, чтобы проступокъ одного показать проступкомъ общимъ, и чтобы отставка, заслуженная однимъ ректоромъ, была рѣшительно защищаема цѣлымъ университетскимъ совѣтомъ. Если же съ равнодушнымъ терпѣніемъ, которое уже вотще было употребляемо нами въ отношеніи къ ректору, и съ спокойнымъ духомъ рѣшимся ожидать конца симъ неустройствамъ, то оныя болѣе и болѣе будутъ усиливаться, такъ что наконецъ ни одинъ честной и праводушной человѣкъ не согласится присутствовать тамъ, гдѣ предсѣдаетъ ректоръ; даже и тогда, когда бы дѣло шло только о немъ самомъ, а не другой какой либо долгъ предлежалъ намъ, мы имѣли бы уже достаточную причину убѣгать тѣхъ засѣданій, въ коихъ онъ предсѣдательствуетъ.

По самымъ важнымъ причинамъ, кои впослѣдствіи гораздо тщательнѣе выведутся наружу, нижеподписавшіеся находятся въ необходимости прибѣгнуть къ покровительству его сіятельства г. министра, съ полною надеждою ожидая его милосердія и покорнѣйше прося, чтобы среди бѣдствій, отъ коихъ стонетъ университетъ нашъ, простеръ къ намъ отеческую руку свою и по своему усмотрѣнію удостоилъ возстановить въ университетѣ тишину, изгнанную симъ ректоромъ и во гробѣ покойнаго ректора Рижскаго ищущую для себя убѣжища, которая впрочемъ готова паки возвратиться къ намъ, какъ скоро будемъ имѣть достойнаго ректора.

Почитая долгомъ своимъ донести его сіятельству о настоящемъ положеніи и о сей язвѣ университета, чего причиною и виною одинъ только ректоръ, предадимъ благоусмотрѣнію и великодушію его сіятельства все сіе, то есть, и раны, университету причиненныя, и горесть нашу, равно средства и попеченіе о томъ. Онъ и самъ соизволитъ усмотрѣть, что покуда время не выведетъ наружу всего того, что къ сему дѣлу принадлежитъ, мы ничего не можемъ принести его сіятельству, кромѣ совершенной преданности и покорности высшей власти.

Итакъ, всѣ мы одного мнѣнія, дабы совѣтомъ опредѣлено было донести его сіятельству, что миръ и согласіе въ университетѣ никакимъ образомъ не могутъ быть возстановлены, покуда сей ректоръ останется здѣсь, съ покорнѣйшею просьбою, объ освобожденіи насъ отъ онаго. Маія 31 дня 1813 г. Харьковъ. Подписали: профессоры Павелъ

Шумлянскій, Тимофей Осиповскій, Иванъ Шадъ, Христофоръ Роммель, Иванъ Каменскій, Иванъ Книгинъ, Иванъ Срезневскій, Карлъ Нельдехенъ желаетъ только, чтобы водворено было согласіе въ университетѣ и чтобы спокойно могъ онъ отправлять свою должность“ [1]).

Подписали эту бумагу, какъ мы видимъ, всѣ тѣ профессора (7), которые хотѣли довести дѣло до конца; что же касается восьмого—Нельдехена—то онъ хотѣлъ только, чтобы въ университетѣ былъ, наконецъ, водворенъ порядокъ.

Сверхъ того одинъ изъ подписавшихся—профессоръ Книгинъ—обратился къ министру съ частнымъ письмомъ слѣдующаго содержанія.

„Сіятельнѣйшій графъ, М. Г.! Преисполненный благоговѣнія къ Монарху, неоднократно меня удостоившему Высочайшаго довѣрія и благоволенія во время службы моей въ Сактпетербургѣ, я не могу и теперь принести въ жертву кромѣ чувствованій преданности и усердія къ общему благу. Симъ однимъ руководимъ съ чистѣйшею откровенностію предстою особѣ вашего сіятельства изрещи правду, какъ бы съ оною надлежало повергнуться къ подножію трона.

Назначеніе университетовъ есть образованіе полезныхъ гражданъ; опыты насъ научили, что слѣдствіе всегда бываетъ равно своимъ причинамъ; а по сему добро и зло проистекаютъ тѣмъ же порядкомъ. Есть ли представить настоящее положеніе Харьковскаго университета, то скорбь и соболѣзнованіе объемлетъ духъ сына отечества, предвидя неизбѣжныя и пагубныя послѣдствія отъ зла въ ономъ вкореняющагося.

Корень зла заключается вообще въ избраніи ректора изъ пришельцевъ и въ особенности въ лицѣ профессора Стойковича. Пресѣченіе зла въ первомъ отношеніи готовитъ вашему сіятельству благоволеніе потомства, въ послѣднемъ благодарность всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества за избавленіе отъ человѣка, заглушившаго свою совѣсть и поклявшагося быть вѣчнымъ врагомъ тишины, чести, справедливости и всякаго добра, кромѣ собственнаго интереса.

Иностранецъ сей, лишенный качествъ высшаго чиновника, слишкомъ нагруженный безсовѣстіемъ, что было бы зломъ тлетворнымъ и въ частномъ лицѣ, пріосѣненный геніемъ Россіи, подъ защитою человѣколюбивыхъ законовъ ея избѣгаетъ правдивой казни, которая за беззаконные его поступки давно бы его постигла въ собственномъ отечествѣ. Въ кругѣ простодушныхъ и неалчныхъ гражданъ обрѣтаетъ тысячи средствъ удовлетворять страсти къ любостяжанію. Среди сочленовъ—однихъ, въ миролюбіи не ревнующихъ кромѣ пользѣ отечества, другихъ, обольщенныхъ коварствомъ его и обѣщаніемъ наградъ, невоз-

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6005, карт. 159.

бранно идетъ на всѣ высшія степени, не по достоинству, а пронырствомъ, не для общей пользы, а для собственнаго низкимъ образомъ стяжаемаго интереса.

Уличенный въ поступкахъ, неприличныхъ званію и мѣсту, сокровенно возжигаетъ распри между сочленами, дабы тѣмъ большую часть склонить на свою сторону и силу вины своей ослабить, а вмѣстѣ, какъ говорятъ, въ мутной водѣ и рыбу ловить. Гдѣ требуетъ собственная его польза, онъ не знаетъ ни святости чести, ни совѣсти, ни закона.

Такое состояніе университета требуетъ помощи вашей, требуетъ истребленія тлетворной заразы, уже довольно вкоренившейся. Настоящій ректоръ по большей наклонности къ торговлѣ и раздорамъ, а не къ наукамъ и тишинѣ долженъ изъ круга образователей быть удаленъ.

Вотъ искра всѣхъ раздоровъ какъ теперь, такъ и впредь угрожающая университету пагубными слѣдствіями.

Представляя сіе на высокое вашего сіятельства благоусмотрѣніе, имѣю честь пребыть, сіятельнѣйшій графъ, вашъ всепокорнѣйшій слуга Харьковскаго университета профессоръ Иванъ Книгинъ. Харьковъ. 1813 года, іюня 1 дня.

У министра народнаго просвѣщенія, впрочемъ, сложилось уже опредѣленное мнѣніе о дѣлѣ Стойковича прежде даже, чѣмъ онъ получилъ послѣднія представленія профессоровъ: онъ рѣшилъ прекратить слѣдствіе и удалить въ отставку ректора. 21 мая гр. А. К. Разумовскій писалъ правленію: „предлагаю начатое правленіемъ слѣдствіе по доносамъ адъюнкта Васильева на ректора Стойковича оставить вовсе, какъ потому что они уже между собою помирились, такъ и для того что Васильевъ показанія свои не подтверждаетъ достаточными доводами; отобраніе же объясненій отъ разныхъ мѣстъ и лицъ, найпаче не подвѣдомыхъ университету, продлило бы производство дѣла сего, и при томъ сношенія о семъ предметѣ съ посторонними мѣстами могли бы поселить въ людяхъ объ университетѣ, какъ о новомъ въ тамошнемъ краю заведеніи, невыгодное мнѣніе, что послужило бы къ великому вреду учебной части“. Въ тотъ же день министръ разрѣшилъ Стойковичу трехъ мѣсячный отпускъ, *съ вычетомъ впрочемъ жалованья*, а совѣту приказалъ выбрать проректора. Наконецъ, *въ тотъ же день* была имъ подписана въ совѣтъ бумага слѣдующаго содержанія: „разстроенное здоровье ректора сего университета Стойковича и дѣлаемыя имъ по сей причинѣ частыя отъ университета отлучки побуждаютъ меня предложить совѣту объ избраніи установленнымъ порядкомъ на мѣсто его въ ректоры другого изъ ординарныхъ профессоровъ“ [1]). 23 іюня министръ шлетъ

[1]) Чтенія, 1875, кн. 2-я, стр. 35.

новую бумагу, въ которой пишетъ совѣту: „предложивъ совѣту на мѣсто настоящаго ректора избрать другого изъ ординарныхъ профессоровъ, предписываю нынѣ поспѣшить симъ выборомъ, а между тѣмъ избрать профессора, который имѣетъ тотъ часъ вступить въ управленіе своей должности, *хотя бы настоящій ректоръ* и находился еще въ Харьковѣ“ [1]). Проректоромъ сейчасъ же былъ избранъ Осиповскій, утвержденный въ своей должности 26 іюля и онъ же вслѣдъ за этимъ былъ избранъ и въ ректоры. 8-го августа гр. Разумовскій сдѣлалъ слѣдующій докладъ Государю: „ректоромъ Харьковскаго университета въ маѣ мѣсяцѣ 1811 года утвержденъ на три года ординарный профессоръ онаго коллежскій совѣтникъ Стойковичъ. Впослѣдствіи частые болѣзненные припадки столько ослабили его здоровье, что онъ не въ силахъ сдѣлался исправлять безотлучно должность свою и для пользованія своего принужденъ былъ оставлять нерѣдко университетъ, какъ и нынѣ по сей же причинѣ отпущенъ къ кавказскимъ водамъ на три мѣсяца. Обстоятельство сіе побудило меня предложить университету избрать въ ректоры другого изъ профессоровъ, который бы, находясь безотлучно при университетѣ, *могъ быть болѣе для него полезенъ*. Вслѣдствіе сего избранъ совѣтомъ университета въ ректоры ординарный профессоръ коллежскій совѣтникъ Осиповскій. Объ утвержденіи его въ семъ званіи по установленію на три года имѣю счастіе представить“.

На это послѣдовала слѣдующая Высочайшая резолюція: „согласно представленію вашему ординарнаго профессора Харьковскаго университета коллежскаго совѣтника Осиповскаго утверждаю ректоромъ сего университета по установленію на три года“. На подлинномъ собственною Е. И. В. рукою подписано такъ: Александръ, Грушево, августа 8 дня 1813 [2]).

Но еще до полученія этого указа въ Харьковѣ Стойковичъ самъ подалъ слѣдующее прошеніе на Высочайшее имя объ увольненіи его по болѣзни въ отставку отъ профессорской должности. Очевидно, онъ расчитывалъ добиться такимъ образомъ по крайней мѣрѣ пенсіи. „Всепресвѣтлѣйшій, державнѣйшій, великій Государь Императоръ, Александръ Павловичъ, Самодержецъ всероссійскій, Государь всемилостивѣйшій! Проситъ Харьковскаго университета профессоръ, коллежскій совѣтникъ, Аѳанасій Ивановъ сынъ Стойковичъ, а о чемъ мое прошеніе, то слѣдуетъ. Десятый уже истекаетъ годъ, какъ я вступилъ въ службу Вашего Императорскаго Величества по ученой части. Съ самаго открытія учрежденнаго волею Вашею въ Харьковѣ университета, не щадилъ я

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6005, карт. 159.

[2]) Ibidem.

силъ моихъ во исполненіи возлагаемыхъ на меня должностей; я отправлялъ ихъ съ вѣрностію и токмо совѣсти моей извѣстнымъ рвеніемъ. Многоразличными должностными и поднятыми трудами, кои видны изъ послужнаго моего при семъ прилагаемаго списка, здоровье мое разстроилось, и я для поправленія онаго отпущенъ былъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ чужіе края въ 1810 году. Нынѣ болѣзни мои умножились до такой степени, что я, не видя здѣсь избавленія отъ нихъ, какъ явствуетъ изъ лѣкарственнаго свидѣтельства, службу мою продолжать не въ состояніи. Будучи безъ имѣнія, повергаюсь предъ Высочайшею Вашего Императорскаго Величества волею, изъявленной въ утвердительной грамотѣ университета. И дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе принять, записать, меня отъ службы въ отставку уволить и за оную для пропитанія пенсіономъ по благоусмотрѣнію вознаградить. Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. 1813 г. августа 9 дня. Къ поданію надлежитъ въ совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета. Прошеніе писалъ проситель самъ“ [1]).

По университетскому уставу, пенсія полагалась за 25-ти лѣтнюю службу, за исключеніемъ того случая, когда профессоръ долженъ былъ выйти въ отставку ранѣе этого срока по неизлѣчимой болѣзни, лишавшей его возможности исправлять свои обязанности; тогда ему назначалась половинная пенсія, а иногда въ видѣ исключенія, за выдающіяся услуги, по особому одобренію университета, и полная (т. е. 2000 р.). Стойковичъ прослужилъ всего 10 лѣтъ и вышелъ въ отставку, не по болѣзни, а потому, что не могъ остаться въ университетѣ послѣ раскрытія его торговыхъ операцій. Слѣдовательно, онъ въ сущности не имѣлъ права расчитывать ни на какую пенсію, тѣмъ болѣе, что у него, какъ мы знаемъ, было порядочное состояніе. Министръ народнаго просвѣщенія зналъ хорошо всѣ его предосудительные поступки, легшіе тяжкимъ бременемъ на университетъ, видѣлъ, что и ссылка его на неизлѣчимую болѣзнь есть только одинъ предлогъ; но, по великодушію своему, рѣшилъ удовлетворить его ходатайство и выдать половинную пенсію, какъ будто неизлѣчимо больному. Казалось бы, что Стойковичу уже ничего болѣе не оставалось, какъ благословлять щедрую и милосердную руку своего бывшаго министра. А между тѣмъ онъ пускаетъ въ ходъ просьбы и искательства, чтобы добиться еще награжденія слѣдующимъ чиномъ и вмѣсто половинной пенсіи получить полную! Эта назойливость окончательно дорисовываетъ намъ крайне антипатичную

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6053, карт. 159.

въ нравственномъ отношеніи личность Стойковича. Его искательства переполнили чашу терпѣнія даже у сдержаннаго, корректнаго министра и заставили его дать спокойную, но откровенную, безъ недомолвокъ, характеристику Стойковича въ отвѣтномъ письмѣ къ ходатайствовавшему за него князю Салтыкову. Хотя печатаемые нами ниже документы и относятся уже къ 1815 году, т. е. ко второму десятилѣтію въ исторіи университета, но мы ихъ помѣщаемъ здѣсь въ виду тѣсной связи ихъ съ разсказаннымъ выше эпизодомъ о ректорствѣ Стойковича.

Прежде всего Стойковичъ обратился съ личнымъ ходатайствомъ къ гр. А. К. Разумовскому о награжденіи его чиномъ статскаго совѣтника—и здѣсь, по присущей ему манерѣ, подробно излагалъ свои заслуги передъ университетомъ, забывая о неудобствѣ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ и по обыкновенію безъ зазрѣнія совѣсти, приписывая себѣ то, что сдѣлано было другими; такъ, напримѣръ, онъ утверждаетъ, что университетскій садъ исключительно ему обязанъ „своимъ бытіемъ", между тѣмъ какъ въ дѣйствительности такъ могъ бы выразиться о себѣ скорѣе всего попечитель гр. Потоцкій; затѣмъ тутъ же онъ говоритъ, что управлялъ университетомъ въ теченіе 5 лѣтъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности онъ стоялъ во главѣ его только 3 года и 2 мѣсяца.

Вотъ подлинный текстъ его письма.

„Сіятельнѣйшій графъ, М. Г. Двѣнадцатый уже протекаетъ годъ, какъ я по приглашенію вступилъ въ службу. Бывъ при самомъ открытіи университета, половину времени служенія моего управлялъ я онымъ; другую половину отправлялъ я важнѣйшія при немъ должности безпрерывно. Я смѣло утвердить могу, что ни единаго нѣтъ при университетѣ заведенія, къ которому бы я не содѣйствовалъ: многія изъ нихъ, какъ-то — университетскій садъ, технологическій кабинетъ и проч. одолжены мнѣ бытіемъ своимъ; другія, какъ-то — физическій кабинетъ, типографія и пр. мною именно усовершенствованы. О сочиненіяхъ умалчиваю: они извѣстны. Не одинъ городъ и губернію Харьковскую — я призываю во свидѣтели весь университетскій округъ, сколь неусыпно трудился о благѣ просвѣщенія: вездѣ находятся слѣды трудовъ и стараній моихъ. Служа съ таковымъ рвеніемъ болѣе десяти лѣтъ, узналъ я токмо на сихъ дняхъ съ горестнымъ души прискорбіемъ, что при представленіи другихъ къ слѣдующему чину я пропущенъ. Я не смѣю думать, что сіе могло произойти отъ личнаго вашего неудовольствія, по причинѣ произшедшихъ въ послѣдній годъ ректорства моего въ университетѣ несогласій; *во-первыхъ* потому, что вы же сами послѣ того удостоили меня представить къ пенсіону; *во-вторыхъ* потому, что теперь уже видно, кто былъ источникомъ крамолъ, споровъ и интригъ, продолжавшихся и послѣ меня и

*

при томъ въ худшемъ видѣ, *въ-третьихъ*, наконецъ, по тому, что ваше сіятельство и самыхъ зачинщиковъ всѣхъ несогласій не наказали и, слѣдовательно, неестественно, чтобы меня *сугубо* хотѣли наказать. Что же можетъ быть причиною *сугубаго* сего наказанія? Я остаюсь въ недоумѣніи и готовъ вашему сіятельству изъ оффиціальныхъ университетскихъ бумагъ доказать свою невинность.

Сіятельнѣйшій графъ! Отъ васъ зависитъ успокоить меня; и я, зная ваше праводушіе, осмѣливаюсь питать себя надеждою, что вы мнѣ не откажете въ милости, которую вы другимъ оказали, не столько ее заслужившимъ, сколько пребывающій съ глубочайшимъ почтеніемъ милостивый государь вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Аѳанасій Стойковичъ. С.-Петербургъ, 4-го марта 1815 года".

Но не разсчитывая на убѣдительность своей просьбы, Стойковичъ рѣшилъ прибѣгнуть къ протекціи сильныхъ міра сего и добился того, что князь Н. И. Салтыковъ написалъ въ пользу его слѣдущее письмо къ графу А. К. Разумовскому:

„Милостивый государь мой, графъ Алексѣй Кирилловичъ! Извѣстно мнѣ, что ваше сіятельство взяли обратно отъ управляющаго дѣлами комитета министровъ представленіе ваше объ опредѣленіи половиннаго пансіона бывшему профессору Харьковскаго университета Стойковичу съ тѣмъ, чтобы вмѣсто онаго доставить другое представленіе ваше объ опредѣленіи ему полнаго пансіона, который ему слѣдуетъ по Высочайше утвержденному уставу объ университетахъ за выслугу извѣстныхъ лѣтъ и за изданіе полезныхъ сочиненій. Зная г. Стойковича весьма достойнымъ человѣкомъ и принимая въ немъ участіе, я покорнѣйше прошу васъ, М. Г. мой, оказать ему сію заслуженную имъ милость, равно какъ и отдать ему справедливость въ разсужденіи слѣдуемаго ему чина, чѣмъ вы меня весьма одолжить изволите. Я слышу, что вы остановились до сего времени представленіемъ о г. Стойковичѣ потому, что есть какое-то дѣло о взаимныхъ его съ нѣкоторыми членами Харьковскаго университета неудовольствіяхъ. Но, какъ извѣстно, что дѣло сіе при самомъ началѣ предано по вашему предложенію забвенію, и г. Стойковичъ, по пріѣздѣ своемъ сюда, просилъ васъ единственно о томъ, чтобы дѣло сіе истребовали для собственнаго вашего свѣдѣнія, желая, чтобы вы усмотрѣли изъ онаго его невинность и при томъ, такъ какъ онъ и университетъ уже два года оставилъ, то кажется мнѣ, дѣло сіе и не можетъ имѣть никакого вліянія на то, что ему за выслуги его по всей справедливости слѣдуетъ. Имѣю честь впрочемъ быть съ истиннымъ почтеніемъ вашего сіятельства покорнѣйшій слуга (подписано) князь Салтыковъ. Октября 29 дня 1815 г.".

Въ отвѣтъ на это графъ А. К. Разумовскій написалъ князю Н. И. Салтыкову слѣдующее:

„Милостивый государь, князь Николай Ивановичъ! На почтеннѣйшее письмо вашей свѣтлости отъ 29 минувшаго октября о бывшемъ профессорѣ Харьковскаго университета Стойковичѣ—имѣю честь откровенно сообщить причины, удерживавшія меня доселѣ представить его къ пенсіону, и изъяснить обстоятельства, предшествовавшія увольненію его отъ университета. Я не отвергаю его ученыхъ знаній, но въ разсужденіи нравственности его, каковую долженъ имѣть опредѣленный къ образованію юношества чиновникъ, она весьма сомнительна, какъ изволите усмотрѣть изъ слѣдующаго. По Высочайше дарованнымъ правамъ для университетскихъ иностранныхъ профессоровъ дозволено имъ выписать вещей или пожитковъ на три тысячи рублей безпошлинно. Стойковичъ, пользуясь симъ правомъ, побывавъ въ отпуску на родинѣ своей въ Славоніи, выписалъ оттуда не другое что, какъ тамошнее красное вино въ количествѣ не менѣе 19 оксофтовъ $14^1/_2$ ведеръ. Г. министръ финансовъ, получивъ о семъ изъ Радзивиловской таможни донесеніе, предоставилъ заключеніе на счетъ сего привоза моему усмотрѣнію. Ваша свѣтлость, по собственному проницанію вашему, судить изволите,—можетъ ли такое количество вина быть выписано для домашняго токмо употребленія профессора, какъ Стойковичъ утверждать старался. Вскорѣ послѣ того явились у него на значительную сумму иностранные естампы, женскія украшенія, гранатами называемыя, и разныхъ сортовъ ленты. Товары сіи запрещены къ привозу и, слѣдовательно, не могли быть иначе, какъ тайно привезены изъ заграницы. Стойковичъ, будучи ректоромъ университета, завелъ предосудительную торговлю сими товарами и разсылалъ оныя для распродажи къ подвѣдомымъ университету учителямъ, которые не обинуясь говорили вездѣ, что товары сіи принадлежатъ ректору. Торговля сія всюду сдѣлалась извѣстною. Въ Курскѣ учитель ошибкою продалъ гранаты за дешевую цѣну и послѣ принужденъ былъ ходить по домамъ и отбирать ихъ отъ тѣхъ, кто купилъ ихъ. Въ послѣдствіи сдѣланъ формальный доносъ на Стойковича въ таковой торговлѣ, и онъ старался прекратить дѣло мировымъ прошеніемъ и потомъ поданнымъ въ университетъ письменнымъ отзывомъ готовъ былъ утвердить присягою, что вещи не его; но по сдѣланному слѣдствію обнаружилось, что онѣ дѣйствительно отъ Стойковича къ учителямъ для продажи присланы были и ими продавались. Такимъ образомъ, Стойковичъ и присягу свою готовъ былъ ни во что вмѣнить. Сберегая лишь славу университета, какъ заведенія въ томъ краю новаго, я приказалъ прекратить дѣло сіе; но имѣя вмѣстѣ съ тѣмъ

удостовѣрительныя отзывы о возникшихъ въ университетѣ раздорахъ, произшедшихъ въ ономъ безпорядкахъ и разстройствѣ, на которые нельзя было взирать равнодушно, не подвергнувши самое заведеніе въ глазахъ тамошнихъ жителей и помѣщиковъ презрѣнію и осмѣянію, и что причиною всему тому ректоръ Стойковичъ, потерявшій отъ университетскихъ чиновниковъ всякое уваженіе, я припужденъ былъ испросить повелѣніе Его Императорскаго Величества смѣнить Стойковича отъ ректорства, что вѣроятно было поводомъ ему просить послѣ того увольненія отъ университета. Съ опредѣленіемъ новаго ректора водворились спокойствіе и порядокъ въ университетѣ. Что касается до пенсіи Стойковичу, то, по университетскимъ постановленіямъ, положено давать за 25-ти лѣтнюю службу, исключая того, когда профессоръ, какъ въ университетской грамотѣ сказано,—окажется одержимъ *неизлѣчимою болѣзнію, отъемлющею силы исправлять свою должность*; въ такомъ случаѣ назначается *половинная пенсія*; но за отличныя достоинства и оказанныя заслуги, по особенному одобренію университета, опредѣлять предположено въ пенсію полное жалованье, разумѣется, все въ случаѣ неизлѣчимыхъ болѣзней. Стойковичъ находился въ службѣ только 10 лѣтъ, и потому одна болѣзнь его, которую онъ выставляетъ, можетъ служить поводомъ къ назначенію ему пенсіона; но и сей предлогъ не будетъ имѣть основанія, если, какъ по наружному виду Стойковича судить можно, онъ не одержимъ неизлѣчимою болѣзнію, которая бы отняла отъ него всѣ силы къ исправленію должности. Получивъ отъ него чрезъ университетъ прошеніе объ опредѣленіи ему пенсіона за болѣзнію и сожалѣя объ немъ, какъ о человѣкѣ, не въ отечествѣ своемъ находящемся, я представилъ его по установленію къ половинному пенсіону, т. е. къ полученію тысячи рублей въ годъ. Вашей свѣтлости извѣстно, что чиновники гражданской службы, проходя оную въ три раза долѣе Стойковича, остаются безъ сего пособія. Стойковичъ недоволенъ будучи и симъ, ищетъ за 10-ти лѣтнюю службу полнаго пенсіона — 2000 руб. Не получивъ отъ университета одобренія о службѣ его, что именно требуется Высочайшимъ постановленіемъ, а напротивъ имѣя въ виду упомянутыя дѣла его, помрачающія и самыя ученыя достоинства его, я не въ правѣ отступить отъ постановленія и представить его къ полному пенсіону, не подавъ повода, смотря на сей примѣръ и другимъ требовать того же. Почему слѣдующій къ разсмотрѣнію комитета гг. министровъ проектъ доклада моего о половинной пенсіи Стойковичу имѣю честь приложить при семъ, предоставляя вашей свѣтлости судить, справедливо ли Стойковичъ ищетъ назначенія ему полнаго пенсіона. Упомянутыя дѣла были также причиною оста-

новки къ представленію его къ слѣдующему чину; но поелику онъ въ настоящемъ выслужилъ уже положенное время, то я ожидать буду увѣдомленія вашей свѣтлости, угодно ли будетъ вамъ, дабы о награжденіи его онымъ сдѣлано было отъ меня представленіе въ комитетъ гг. министровъ. Имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашей свѣтлости. Подписано: покорнѣйшимъ слугою Г. Алексѣй Разумовскій. Ноября 5 дня. 1815 года".

Замѣтимъ еще, что Стойковичъ, которому, по его словамъ, были такъ дороги интересы Харьковскаго университета, и по выходѣ въ отставку, постарался повредить ему своей инсинуаціей и доносомъ, причинившими не мало хлопотъ новому ректору проф. Осиповскому; но объ этомъ мы будемъ говорить уже во 2-мъ томѣ своего труда.

Таковъ былъ прискорбный эпизодъ ректорства Стойковича и борьбы съ нимъ совѣта и правленія. Вѣрную оцѣнку его далъ въ своемъ письмѣ къ кн. Салтыкову самъ министръ народнаго просвѣщенія, который, изучивъ внимательно все дѣло, пришелъ къ полному убѣжденію въ виновности Стойковича и вообще въ отсутствіи у него нравственныхъ началъ, столь необходимыхъ для руководителя и наставника молодого поколѣнія. Онъ справедливо также отмѣтилъ то важное обстоятельство, что, благодаря своему недостойному образу дѣйствій, Стойковичъ совершенно утратилъ уваженіе своей коллегіи и потому не долженъ былъ оставаться во главѣ ея. Наконецъ, онъ объясняетъ намъ, что только одна забота о поддержаніи чести и репутаціи новаго въ томъ краѣ учебнаго заведенія заставила его прекратить слѣдствіе, которое однако и безъ того дало достаточно вѣскія улики противъ ректора. Сопоставляя это письмо министра съ его прежнимъ отвѣтомъ правленію, гдѣ онъ говорилъ, что Васильевъ не доказалъ своего обвиненія убѣдительными доводами, мы замѣчаемъ между ними какъ бы противорѣчіе, но его можно объяснить отчасти желаніемъ министра не становиться рѣшительно на сторону враговъ Стойковича, чтобы этимъ не возбудить еще болѣе ихъ страстей, а отчасти незнакомствомъ его съ содержаніемъ послѣднихъ представленій и объясненій профессоровъ (которыя не успѣли еще тогда до него дойти)—получивъ же ихъ, онъ окончательно убѣдился въ полной виновности Стойковича. Въ нашемъ распоряженіи были всѣ тѣ оффиціальные документы, какими пользовался и гр. А. К. Разумовскій; мы представили ихъ въ подлинникахъ читателю и надѣемся, что онъ вынесетъ изъ нихъ такое же убѣжденіе, какое вынесъ и министръ народнаго просвѣщенія, несмотря на то, что раньше онъ сильно благоволилъ къ Стойковичу. И современный историкъ долженъ произнести суровый приговоръ надъ Стойковичемъ, какъ

ректоромъ, хотя не можетъ отрицать въ немъ ни огромной энергіи, ни большихъ административныхъ талантовъ, ни довольно широкаго (хотя и не особенно глубокаго) образованія, ни заслугъ въ области научныхъ изслѣдованій. Время его ректорства, несмотря на нѣкоторые успѣхи въ отдѣльныхъ частяхъ управленія, является самою печальною страницей въ исторіи Харьковскаго университета — это была въ полномъ смыслѣ этого слова *смутная эпоха, лихолѣтье,* время взаимныхъ распрей, интригъ, доносовъ, пререканій въ совѣтѣ, правленіи и факультетахъ, расцвѣтъ организованнаго взяточничества — покупки магистерскихъ и докторскихъ дипломовъ и обкрадыванія казны, въ чемъ примѣръ другимъ подавалъ ректоръ. Этотъ упадокъ, эта деморализація, конечно, должны были подрывать нравственное значеніе университета и въ окружающей средѣ—и дѣло о Курскихъ безпорядкахъ вмѣстѣ съ торговлей учителей Паратича и Лангнера служитъ яркимъ тому доказательствомъ. Такимъ образомъ, терялось то, что съ большимъ трудомъ пріобрѣтено было въ первые годы существованія университета, въ ректорство незабвеннаго Рижскаго, о которомъ не даромъ теперь вспоминали въ своей бумагѣ, поданной министру, профессора: „тишина, изгнанная изъ университета Стойковичемъ, писали они, ищетъ себѣ убѣжища въ гробѣ покойнаго ректора Рижскаго". Нельзя, наконецъ, не отмѣтить въ заключеніе того важнаго обстоятельства, что выступили противъ Стойковича и выдерживали всю тяжесть борьбы съ нимъ профессора русскаго происхожденія со включеніемъ только двухъ иностранцевъ — Роммеля и Шада. Конечно, трудно въ настоящее время судить о мотивахъ, побудившихъ тѣхъ или иныхъ профессоровъ выступить противъ ректора,—одни дѣйствовали по однимъ соображеніямъ, другіе — по другимъ; одни искренно возмущались поведеніемъ главы университета; другимъ не нравилось, что это былъ не русскій человѣкъ, а „пришелецъ"; третьи и раньше знали о его продѣлкахъ, но относились къ нимъ совершенно спокойно, равнодушно, а теперь подъ вліяніемъ личныхъ отношеній, стали возмущаться ими; къ числу первыхъ мы относимъ такихъ лицъ, какъ Осиповскій, Роммель; ко второй группѣ принадлежалъ Книгинъ и, вѣроятно, еще другіе (напримѣръ, Шумлянскій); къ третьей нужно причислить Васильева и Шада; о побужденіяхъ перваго мы говорили выше: онъ самъ оцѣнивалъ эстампы Стойковичу, по приглашенію этого послѣдняго, а потомъ выступилъ съ публичнымъ обвиненіемъ противъ него; второй такъ близко зналъ торговыя операціи Стойковича и пользовался такимъ довѣріемъ у Паратича, что тотъ передалъ черезъ его жену ректору непроданныя ленты. Во всякомъ случаѣ у насъ нѣтъ данныхъ заподозрить чистоту побужденій тѣхъ пяти русскихъ профессоровъ, которые довели

дѣло до конца — Осиповскаго, Срезневскаго, Книгина, Шумлянскаго, Каменскаго и шестого иностранца Роммеля; а если можно заподозрить нѣкоторыхъ изъ нихъ въ какой-нибудь задней мысли, то только въ желаніи, чтобы во главѣ университета стоялъ профессоръ русскаго происхожденія — желаніи, вполнѣ законномъ, тѣмъ болѣе, что въ составѣ русской партіи числился тогда такой достойнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ дѣятель, какъ Осиповскій. Этого же послѣдняго мы не имѣемъ права заподозрить ни въ какихъ честолюбивыхъ планахъ или искательствахъ, потому что онъ самъ раньше отказывался отъ ректорской должности, хотя и имѣлъ всѣ права на нее, пріобрѣвъ большую опытность въ университетскихъ дѣлахъ сперва въ качествѣ члена комитета, завѣдывавшаго приготовленіями къ открытію университета, а потомъ непремѣннаго засѣдателя правленія; лестный отзывъ о немъ попечителя графа Потоцкаго мы приводили выше. Что касается профессоровъ иностраннаго происхожденія, то они играли въ дѣлѣ ректора Стойковича какую-то двойственную роль, за исключеніемъ, быть можетъ, Швейкардта, который дѣйствовалъ bona fide и искренно, по всей вѣроятности, былъ убѣжденъ въ необходимости скорѣйшаго прекращенія „такого пустого дѣла". Профессоръ Лангъ (секретарь совѣта) былъ на сторонѣ Стойковича. Пильгеръ и Нельдехенъ хотѣли, повидимому, дѣйствовать по пословицѣ: „моя хата зъ краю—и я ничого не знаю", при чемъ первый былъ приведенъ къ этому своей упорной борьбой съ членами факультета, не разрѣшавшими ему медицинской практики. Дегуровъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ ректоромъ и въ то же время заклятымъ врагомъ Шада, напавшаго яростно, какъ мы видѣли, на Стойковича — и потому (а отчасти и вообще по свойствамъ своего характера), вѣроятно, лавировалъ; кромѣ того, онъ скорѣе предпочиталъ бы видѣть ректоромъ льнувшаго къ иностранцамъ Стойковича, чѣмъ Осиповскаго; по одному же извѣстію, которое мы приведемъ ниже, онъ вмѣстѣ со Стойковичемъ бралъ взятки за дипломы; не имѣя возможности провѣрить этого обвиненія (а оно исходитъ отъ врага Дегурова—нѣмца Рейта), мы все-таки должны замѣтить, что въ нравственномъ отношеніи это былъ весьма ненадежный человѣкъ, какъ это доказано его ролью въ печальной исторіи Петербургскаго университета, гдѣ онъ былъ ректоромъ. Какими побужденіями руководились въ дѣлѣ Стойковича Гизе, Дрейсигъ и Ванотти, сказать не можемъ; впрочемъ, они и не играли видной роли, не выступали въ немъ активно; можно думать только, что Стойковичъ старался придать своему дѣлу характеръ борьбы съ представителями русской партіи и потому его поддерживали нѣкоторые изъ иностранцевъ, столь сильно боявшіеся, какъ мы видѣли, руссофильства, т. е. національнаго

русскаго самосознанія, выроставшаго подъ вліяніемъ Наполеоновскихъ войнъ.

Борьба членовъ совѣта съ ректоромъ и партійныя распри, естественно, обостряли вообще отношенія профессоровъ другъ къ другу, вызывали частыя ссоры, несогласія, столкновенія и въ совѣтскихъ, и въ факультетскихъ засѣданіяхъ; и страдали отъ этого нерѣдко лица посторонніе, непричастныя къ дѣлу. Цѣлый рядъ пререканій возбудили дѣла о дарованіи разнымъ лицамъ ученыхъ степеней магистра и доктора. Особенно сильное возбужденіе въ факультетѣ и совѣтѣ вызвала промоція купца Хлапонина, искавшаго докторской степени.

Съ одной стороны сильное стремленіе къ образованію, съ другой желаніе выйти въ чиновники и поступить на государственную службу побудили курскаго купца Григорія Хлапонина держать въ университетѣ экзаменъ на степень доктора философіи. Руководителемъ въ его спеціальныхъ занятіяхъ философскими науками былъ проф. Шадъ—и одного этого было достаточно, чтобы бывшій тогда ректоромъ Стойковичъ сталъ всячески тормозить выдачу Хлапонину установленнаго диплома. Въ результатѣ явились бурныя засѣданія совѣта и взаимныя жалобы Хлапонина и Стойковича другъ на друга министру. Наглядное понятіе объ этомъ даетъ, напримѣръ, слѣдующее письмо Стойковича къ министру: „по случаю предложенія вашего сіятельства за № 1040 въ разсужденіи удостоеваемыхъ въ докторы, предложилъ я въ засѣданіи 28-го сего мая совѣту университета нѣкоторые вопросы относительно экзамена купца Хлапонина, которые имѣю честь препроводить при семъ подъ литерою *А*. Вопросы сіи весьма нужны были, поелику я, пересматривая прошлогодніе журналы нравственно-политическаго факультета, къ величайшему моему удивленію, нашелъ, что въ оныхъ о письменномъ экзаменѣ Хлапонина ни слова не упоминается, что выраженіе въ протоколѣ того-жъ факультета, отъ 7-го ноября 1812 года, будто бы Хлапонинъ отвѣчалъ и письменно, несправедливо и что, слѣдовательно, донесеніе факультета о семъ дѣлѣ совѣту фальшиво. — Сіе мое предложеніе такъ поразило г. профессора Шада, тогдашняго декана и нѣкоторыхъ еще членовъ, думавшихъ, что дѣло рѣшено, что они никакъ не соглашались на выполненіе въ немъ содержащагося. Однако, большинствомъ голосовъ положено требуемыя мною справки представить совѣту, отъ котораго въ свое время вашему сіятельству донесено будетъ.

Послѣ сего г. профессоръ Лангъ началъ читать свое мнѣніе относительно производимыхъ въ университетахъ въ докторы, изъ которыхъ здѣсь подъ литерою *В* приложеннаго мнѣнія ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что оно стоитъ вниманія. При самомъ началѣ сего

чтенія гг. профессоры Шадъ и Роммель начали кричать. Я ихъ остановилъ; и г. Лангъ только что хотѣлъ продолжать, какъ г. Шадъ въ полномъ совѣтѣ закричалъ: *senatus academicus est conventus nationalis sub praesidio Roberspierri*, то есть, *совѣтъ университета есть національный конвентъ, подъ предсѣдательствомъ Робеспіера*. Я, видя, что г. профессоръ Шадъ вышелъ изъ предѣловъ благопристойности, всталъ и въ силу 55-го § устава университета объявилъ, что по сей причинѣ засѣданіе прекращается. О чемъ долгомъ моимъ поставляю донести вашему сіятельству.

Теперь узналъ я, что послѣ сего засѣданія г. профессоръ Шадъ 30-го и 31-го чиселъ истекшаго мая ко всѣмъ ординарнымъ и экстраординарнымъ профессорамъ ѣздилъ съ какою-то бумагою, уговаривая ихъ подписать оную. Поступокъ сей хотя и противенъ законамъ и подлъ, но какъ многіе участвовали въ удостоеніи Хлапонина въ докторы, то г. Шадъ и найдетъ таковыхъ, которые готовы будутъ подписать сію бумагу. Но какая бы сія бумага ни была и чтобы въ ней не содержалось, я смѣю увѣрить ваше сіятельство, что я ни за что на свѣтѣ отъ своей должности и отъ своихъ правилъ, покуда я ректоръ, ни на одинъ шагъ не отступлю и съ такою же строгостію буду взыскивать за исполненіемъ обязанностей каждаго, съ каковою и до сихъ поръ взыскивалъ. Ректоръ А. Стойковичъ. Іюня 2 дня 1813 года“ [1]).

Большіе споры происходили также по поводу возведенія въ магистерское и докторское званіе Дудровича, Дегая, Любовскаго, Мизка и Гесъ-де-Кальве; но объ этомъ мы скажемъ ниже. Теперь же только замѣтимъ, что бо́льшая часть этихъ претендентовъ искала ученыхъ степеней по предмету философіи у проф. Шада, отчасти благодаря его огромному ученому авторитету, а отчасти, быть можетъ, и по другимъ побужденіямъ, ничего общаго съ наукою не имѣющимъ. Деканомъ этико-политическаго факультета былъ раньше Шадъ, а въ послѣднее время онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто Швейкардту. Между Шадомъ и Швейкардтомъ были очень враждебныя отношенія, которыя разражались частыми столкновеніями ихъ, какъ въ факультетѣ, такъ и въ совѣтѣ; точно такія же столкновенія происходили между Шадомъ и бывшимъ секретаремъ совѣта Лангомъ [2]). Дѣло дошло до того, что многіе профессора перестали посѣщать засѣданія, а проф. Швейкардтъ оффиціально просилъ совѣтъ освободить его на зимнее время отъ засѣданій, такъ какъ они происходятъ по вечерамъ, когда онъ, по состоянію своего

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 5977, карт. № 158.

[2]) См., напримѣръ, дѣло совѣта Харьковскаго университета о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1813 г., № 52, стр. 23—25, 70—72.

здоровья, не долженъ выходить изъ дому [1]). Это обстоятельство обратило на себя вниманіе министра народнаго просвѣщенія, который принужденъ былъ издать слѣдующій циркуляръ: „замѣчено мною, что во многихъ учебныхъ заведеніяхъ, не взирая на данное мною предписаніе, члены установленныхъ совѣтовъ, конференцій и другихъ сословій (sic!) не бываютъ иногда въ собраніяхъ оныхъ, не объявляя никакой законной причины своему отсутствію; почему подтверждаю университету, чтобы члены онаго, когда не могутъ быть въ собраніяхъ, объявляли о томъ напередъ, съ показаніемъ препятствующихъ причинъ, которыя всегда означать въ журналахъ, а отнюдь въ оныхъ не записывать, что кто-либо изъ членовъ не присутствовалъ по неизвѣстной причинѣ" [2]) (29 января 1814 года). Кромѣ этого общаго циркуляра министръ обратился еще специально въ совѣтъ Харьковскаго университета съ такимъ разъясненіемъ: „усматривая изъ меморій университетскаго совѣта, что нѣкоторые профессора не бываютъ въ собраніяхъ по причинѣ, что заняты въ то время лекціями, предлагаю распорядить всѣ университетскія собранія, если можно, такимъ образомъ, чтобы они назначаемы были въ свободное отъ преподаваній время" [3]).

Засѣданія совѣта бывали столь бурны, что оказалось необходимымъ напомнить членамъ объ указѣ Петра Великаго (отъ 27 января 1724 г.), ограждающемъ порядокъ въ засѣданіяхъ, и этотъ указъ былъ теперь же переведенъ на французскій языкъ, чтобы съ нимъ могли познакомиться профессора-иностранцы [4]).

Приведенное нами выше письмо Стойковича было написано уже тогда, когда министръ подписалъ бумагу объ избраніи на его мѣсто новаго ректора, каковымъ былъ избранъ, какъ мы знаемъ, Осиповскій. Хотя министръ и писалъ Салтыкову, что при немъ возстановилась тишина въ Харьковскомъ университетѣ, но прежнія хроническія, такъ сказать, распри не могли пройти безслѣдно, не могли не повлиять на нравы и привычки профессорской коллегіи. Авторитетъ совѣта въ глазахъ зависимыхъ отъ него лицъ замѣтно палъ и, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, вслѣдъ за профессорами стали обращаться непосредственно къ министру и эти послѣднія, прилагая свои жалобы и обиды и нерѣдко при этомъ инсинуируя на своихъ враговъ. Понятное дѣло, что провѣрка такихъ жалобъ была для министерства чрезвычайно затруднительна и не-

---

[1]) Ibidem, стр. 209.

[2]) Дѣло совѣта 1814 г., № 33.

[3]) Ibidem.

[4]) Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1813 г., № 52, стр. 141—142.

пріятна. Въ видѣ примѣра можно указать на частное письмо, посланное министру адъюнктомъ Рейтомъ, гдѣ онъ жалуется, что его въ теченіе многихъ лѣтъ несправедливо не производятъ въ профессора [1]. Самыхъ незначительныхъ поводовъ подъ часъ было достаточно, чтобы вызвать въ совѣтѣ непримиримое противорѣчіе мнѣній, для разрѣшенія котораго приходилось обращаться опять-таки въ министерство. Эти постоянныя жалобы какъ со стороны отдѣльныхъ лицъ, такъ и со стороны всего совѣта, естественно, подрывали довѣріе къ университету въ министерствѣ, дискредитируя въ его глазахъ и университетскую автономію, и ея дѣятелей. Въ одномъ подобномъ случаѣ министръ вынужденъ былъ даже сдѣлать замѣчаніе совѣту по поводу рапорта его слѣдующаго содержанія:

„Въ засѣданіи 7 іюля профессоръ Шадъ письменно представилъ совѣту слѣдующее: „какъ профессоръ Каменскій недавно въ совѣтѣ „читалъ и въ протоколѣ помѣстилъ нѣкоторое писаніе, въ коемъ ста„рается доказать: a) что адъюнктъ философіи не нуженъ; b) что учи„теля Дудровича, бывшаго два года при университетѣ лекторомъ, долж„но уволить; то я, какъ деканъ нравственно-политическаго отдѣленія, „почитаю нужнымъ просить совѣтъ о выдачѣ мнѣ копіи съ онаго пи„санія. — Между тѣмъ прошу разрѣшить, не обязанъ ли секретарь со„вѣта въ дѣлахъ, касающихся до какого-либо отдѣленія, по просьбѣ „сего, сообщать представленіе, посылаемое къ его сіятельству госпо„дину министру и вчернѣ хранимое въ архивѣ?“ — По поводу сего опредѣлено: a) чтобы профессоръ Шадъ самъ въ присутствіи секретаря переписалъ просимое писаніе; b) когда нѣкоторые члены словесно изъяснили, что, по смыслу второй статьи, не только наводится подозрѣніе на вѣрность секретаря, но и означаетъ то, что совѣтъ университета обязанъ отдѣленію давать отчетъ въ своихъ дѣлахъ; то ректоръ университета предложилъ, что секретаря долгъ и отвѣтственность есть та, чтобы представленіе было сходно съ протоколомъ, и что не одинъ секретарь, но вмѣстѣ ректоръ или другой членъ совѣта подписываетъ представленіе, — такъ что отдѣленіе должно представить причину, для которой имѣетъ надобность разсмотрѣть представленіе, препровождаемое къ вашему сіятельству, съ чѣмъ согласно думалъ и профессоръ Делавинь; профессоры Успенскій, Шадъ, Гизе и Роммель почитали нужнымъ представить о семъ на разрѣшеніе вашего сіятельства; профессоры Лангъ, Дрейссигъ и Швейкардтъ мнятъ, что отдѣленіе можетъ просить, дабы представленіе вчернѣ было оному показываемо, не споря, что о семъ вашему сіятельству представить можно;

[1] Это письмо мы приведемъ впослѣдствіи.

профессоръ Книгинъ изъяснилъ, что отдѣленіе можетъ просить не представленіе, но выписку изъ протокола. Секретарь совѣта профессоръ Каменскій просилъ позволеніе принести жалобу его сіятельству господину министру на подозрѣніе, которымъ онъ не можетъ не оскорбляться. Наконецъ, опредѣлено представить о семъ вашему сіятельству. Во время чтенія протокола вчернѣ въ засѣданіи 15 іюля, профессоръ Шумлянскій изъяснилъ, что дѣло, опредѣленное закономъ, не слѣдовало бы представлять; но поелику настоятъ, то по требованію должно представить.—Профессоръ Каменскій не только представилъ на разсмотрѣніе протоколъ засѣданія, въ коемъ шло дѣло о надобности адъюнкта философіи, и представленіе писанное вчернѣ и препровожденное къ вашему сіятельству, которое и было читано ректоромъ и профессоромъ Книгинымъ, но и просилъ профессора Шада взять обратно свою бумагу, дабы о таковыхъ преніяхъ не поступили безвременно представленія къ вашему сіятельству, что, однако, профессоръ Шадъ отвергнулъ. О чемъ вашему сіятельству совѣтъ имѣетъ честь представить на разрѣшеніе. Ректоръ Тимофей Осиповскій. Совѣта секретарь профессоръ Иванъ Каменскій. № 218. Августа 15 дня 1814 года".

Въ отвѣтъ на это министръ написалъ въ совѣтъ такую бумагу. „Изъ представленія совѣта № 218, къ крайнему сожалѣнію моему усматриваю я, что между членами совѣта водворились по прежнему распри; что совѣтъ продолжаетъ заниматься пустыми преніями о предметахъ, весьма маловажныхъ, и что не существуетъ въ немъ единодушія, отъ котораго зависитъ цвѣтущее состояніе не только самого университета, но и учебныхъ заведеній, ему подвѣдомыхъ. Обстоятельство, имѣетъ ли право какое либо отдѣленіе университета, просить копію съ представленія отъ университетскаго совѣта, начальству посланнаго, съ величайшимъ жаромъ принято было на разсужденіе. Я полагаю, что если дѣйствія совѣта основаны на справедливости, то никакой нѣтъ причины не давать отдѣленію копію съ посланнаго начальству о чемъ либо представленія, или журнала, по которому таковое представленіе сдѣлано. И потому предлагаю всякой разъ, когда какое-либо отдѣленіе или сословіе, къ составу университета принадлежащее, найдетъ нужнымъ имѣть къ свѣдѣнію своему копію съ представленія или журнала, по предмету, до отдѣленія относящагося, незамедлительно сообщать оныя отдѣленію. При семъ случаѣ обязанностію считаю рекомендовать членамъ совѣта, дабы они, оставя навсегда неприличныя званію ихъ, какъ наставниковъ юношества, распри и несогласія, обратились къ единодушію, толь нужному во всякомъ сословіи, а найпаче въ сословіи учащихъ, которые должны подавать собою примѣръ согласія и доброй

нравственности. Члены совѣта должны, вспомоществуя другъ другу благимъ совѣтомъ, совокупными силами содѣйствовать, дабы университетъ пріобрѣлъ общее уваженіе, въ какомъ онъ, какъ высшее учебное заведеніе, находиться долженствуетъ. Впрочемъ, обязанъ я присовокупить, что если, за всѣми убѣжденіями моими, продолжаться будутъ впредь распри въ университетѣ, то зачинщика оныхъ не премину я обратить къ порядку и непріятностямъ, каковыя съ таковымъ встрѣтятся, самъ онъ причиною будетъ. Сентября 7 1814 г.“ [1]).

Когда эта бумага прочитана была въ совѣтѣ, то профессоръ Лангъ выступилъ письменно съ такимъ предложеніемъ: „когда въ засѣданіи совѣта 23-го сентября читано было предложеніе его сіятельства г. министра, коимъ напоминаетъ профессорамъ о согласіи, г. профессоръ Гизе думалъ, чтобы спорныя дѣла оставить безъ производства, къ коему мнѣнію и другіе профессоры присоединились. Я охотно принимаю оное мнѣніе, надѣясь, что, когда они будутъ оставлены, то исчезнутъ всѣ поводы къ несогласію“ [2]).

Къ сожалѣнію, это доброе намѣреніе не было приведено въ исполненіе, и распри въ совѣтѣ продолжались и впослѣдствіи.

На этомъ мы и заканчиваемъ обозрѣніе дѣятельности совѣта и теперь переходимъ къ характеристикѣ дѣятельности факультетовъ и правленія.

По уставу, въ Харьковскомъ университетѣ было четыре факультета, но правильно функціонировали только три изъ нихъ—словесный, этико-политическій и физико-математическій; четвертый же — медицинскій — хотя и имѣлъ штатъ профессоровъ (впрочемъ, далеко не полный), но, по недостатку студентовъ, преподаваніе на немъ не могло идти акуратнымъ образомъ и вообще дѣятельность его до 1811 года отличалась случайнымъ характеромъ: объявленные курсы не всегда осуществлялись; профессора его, за неимѣніемъ настоящихъ слушателей, читали лекціи воспитанникамъ Харьковскаго коллегіума, которымъ разрѣшено было посѣщать съ этою цѣлью университетъ; состояніе учебновспомогательныхъ заведеній, столь необходимыхъ для правильнаго преподаванія медицинскихъ наукъ, было самое печальное. Въ виду такого положенія дѣлъ возникъ было даже вопросъ объ упраздненіи медицинскаго факультета въ нашемъ университетѣ и за эту мѣру высказался самъ попечитель графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій. Къ счастію, министръ на-

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № 6146, карт. 160; см. также архивъ Харьковскаго университета; дѣло совѣта 1814 г., № 34.

[2]) Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ 1814 г., № 58, стр. 166.

роднаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій стоялъ за statu quo и поддержалъ представленіе совѣта о тѣхъ мѣрахъ, которыя необходимо было предпринять для обезпеченія правильнаго преподаванія. Мѣры эти состояли съ одной стороны въ привлеченіи студентовъ, а съ другой — въ увеличеніи преподавательскаго персонала и устройствѣ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Намѣченная ими цѣль была достигнута, и университетъ, благодаря этому, сохранилъ свою цѣлостность и неприкосновенность; уничтоженіе же одного факультета могло угрожать въ будущемъ полнымъ его расчлененіемъ или превращеніемъ въ лицей, тѣмъ болѣе, что одно время весьма серьезно ставился вопросъ о переводѣ Харьковскаго университета въ другой городъ въ виду крайне неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій г. Харькова [1]).

Во всякомъ случаѣ внутренняя коллегіальная дѣятельность на медицинскомъ факультетѣ была значительно слабѣе, чѣмъ на трехъ остальныхъ, хотя и здѣсь все-таки мы видимъ всѣ тѣ функціи, какія характеризуютъ работу другихъ отдѣленій.

По уставу, обыкновенныя факультетскія засѣданія должны были происходить ежемѣсячно, а чрезвычайныя — по мѣрѣ необходимости. Предсѣдателемъ на нихъ могъ быть ректоръ или деканъ. Факультеты вѣдали слѣдующія дѣла: 1) составляли распредѣленіе лекцій; 2) производили экзамены для полученія разныхъ университетскихъ степеней; 3) разсматривали рѣчи, приготовленныя для чтенія на актахъ, и сочиненія, представленныя для напечатанія на счетъ университета; 4) назначали темы конкурсныхъ сочиненій и давали отзывы объ этихъ послѣднихъ; 5) разсматривали смѣту средствъ, предназначенныхъ на нужды факультета; 6) разсуждали о предложеніяхъ, внесенныхъ въ факультетъ деканомъ или ректоромъ. Всѣ постановленія факультетовъ вносились на утвержденіе совѣта, который могъ отвергнуть ихъ, утвердить или сдѣлать свои измѣненія [2]).

Какъ видно отсюда, дѣятельность факультетовъ была очень скромная по сравненію съ дѣятельностью совѣта. Она касалась главнымъ образомъ факультетскаго преподаванія и чисто научныхъ сферъ; но и эти вопросы, въ болѣе широкой постановкѣ, обсуждались и разрѣшались, какъ мы видѣли, въ засѣданіяхъ совѣта.

---

[1]) Подробнѣе объ оставленіи медицинскаго факультета при Харьковскомъ университетѣ и о мѣрахъ, которыя были приняты для поднятія преподаванія на немъ, мы будемъ говорить въ главѣ, посвященной научно-преподавательской дѣятельности, а о планѣ перевода Харьковскаго университета въ другой городъ — въ главѣ о бытѣ и нравахъ профессорской коллегіи.

[2]) Сборникъ постановленій по министерству народн. просв., т. I-й, стр. 277—278.

Вѣроятно, вслѣдствіе того, что тогдашніе дѣятели не придавали рѣшающаго значенія постановленіямъ факультетскихъ собраній, протоколы этихъ послѣднихъ плохо сохранялись, и мы въ настоящее время имѣемъ очень незначительную, отрывочную коллекцію ихъ, между тѣмъ какъ акты совѣта и журналы правленія сохранились въ полной неприкосновенности. Даже извѣстная намъ рукопись, содержащая въ себѣ краткія свѣдѣнія о дѣятельности всѣхъ учрежденій университета за первые годы его существованія („Исторія дѣлъ"), умалчиваетъ о томъ, что сдѣлали факультеты, и это, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что въ рукахъ ея составителя не было полной коллекціи факультетскихъ протоколовъ, хотя въ профессорской корпораціи и возникала мысль о необходимости составленія особыхъ обзоровъ дѣятельности факультетовъ. О безпорядочномъ состояніи факультетскихъ архивовъ свидѣтельствуютъ и протоколы совѣтскихъ засѣданій 1813—1814 гг. Не имѣя возможности остановиться подробно на дѣятельности факультетовъ (по недостатку данныхъ), мы приведемъ только нѣсколько примѣровъ, которые намъ помогутъ уяснить основной вопросъ—въ какой мѣрѣ факультеты выполняли задачу, предначертанную имъ уставомъ, т. е. разрѣшали тѣ вопросы, перечень которыхъ нами былъ приведенъ выше.

Важнѣйшимъ актомъ дѣятельности факультетовъ было производство экзаменовъ, на которыхъ присутствовали ректоръ и депутаты другихъ факультетовъ, избираемые по жребію совѣтомъ. Такъ, напримѣръ, нѣсколько засѣданій этикополитическаго отдѣленія было посвящено въ іюнѣ 1807 года испытаніямъ студентовъ по разнымъ предметамъ факультетскаго преподаванія (по моральной и теоретической философіи, праву и политической экономіи). Засѣданія были до обѣда и послѣ обѣда и продолжались 2 дня (10-го и 11-го іюня). Въ протоколѣ приведенъ именной списокъ лицъ, подвергавшихся экзамену, и указаны полученныя ими отмѣтки; опредѣлено также точнымъ образомъ, когда начиналось и оканчивалось засѣданіе и кто на немъ присутствовалъ [1]). Точно также происходили экзамены и на физико-математическомъ факультетѣ по физикѣ и математикѣ: они продолжались 3 дня (12, 13 и 14 іюня), и на нихъ присутствовали кромѣ членовъ факультета (а членами факультета были профессора и всѣ адъюнкты) еще депутаты отъ другихъ отдѣленій (Рижскій, Тимковскій, Коритари, Шумлянскій, Рейтъ, Совиньи; въ протоколѣ отмѣчены фамиліи преподавателей, неявившихся въ засѣ-

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1807 года, № 61. стр. 88—89, 238.

даніе, и таблица отмѣтокъ, полученныхъ студентами [1]). Также торжественно производились въ факультетахъ испытанія разныхъ лицъ, искавшихъ ученыхъ степеней—магистра и доктора. На экзаменѣ учителя Дудровича и магистра Любовскаго (по философіи) присутствовали только члены факультета [2]), а на экзаменъ кандидата Дегая командированы были особые депутаты въ виду того, что по поводу его испытанія были высказаны нѣкоторыя сомнѣнія въ засѣданіи совѣта [3]). Другими важными фактами въ дѣятельности факультетовъ являлось—составленіе распредѣленія лекцій, чтеніе научныхъ сочиненій, предназначенныхъ авторами ихъ къ печати или произнесенію на актахъ, предложеніе книгъ для университетской библіотеки, и вообще все то, что ближайшимъ образомъ касалось факультетскаго преподаванія или факультетской науки. Чтобы дать читателю болѣе наглядное понятіе о вопросахъ, разсматривавшихся въ факультетскихъ засѣданіяхъ того времени, мы изложимъ здѣсь содержаніе нѣсколькихъ протоколовъ физико-математическаго отдѣленія за 1806 и 1807 годы. Вотъ протоколъ засѣданія 15 января 1806 г. „Присутствовали: деканъ отдѣленія орд. проф. Стойковичъ, деканъ медицинскаго факультета орд. проф. Шумлянскій, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Делявинь, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнктъ Васильевъ, адъюнктъ Шмерфельдъ, адъюнктъ Крюгеръ, адъюнктъ Каретниковъ, адъюнктъ Ванотти. Положили: 1) физико-химическое разсужденіе о произращеніи растеній, сочиненное орд. проф. химіи Шнаубертомъ на нѣмецкомъ языкѣ, по долгомъ совѣтованіи, съ поправленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ онаго самимъ сочинителемъ, предать тисненію; 2) слушали сокращенный переводъ съ нѣмецкаго языка на россійскій химическаго испытанія, учиненнаго г. экстраорд. проф. Гизе надъ минеральными Константиноградскими водами“. Подлинный подписали всѣ присутствовавшіе, исключая Шумлянскаго.

Протоколъ засѣданія отъ 14 февраля того же 1806 г. „Присутствовали: деканъ отдѣленія орд. проф. Стойковичъ, деканъ медицинскаго факультета орд. проф. Шумлянскій, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Делявинь, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнктъ Васильевъ, адъюнктъ Шмерфельдъ, адъюнктъ Крюгеръ, адъюнктъ Каретниковъ, адъюнктъ Ванотти. Положили: 1) разсужденіе о врачебной пользѣ минеральныхъ Константиноградскихъ водъ, сочиненное г. орд.

---

1) Ibidem, стр. 115—116.

2) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предм. на иностр. яз. 1813 г., № 52, стр. 41, 54.

3) Ib. стр. 42, 53.

проф. Шумлянскимъ, и переводъ химическаго испытанія тѣхъ же водъ, сдѣланнаго проф. Гизе, по основательномъ разсмотрѣніи послѣдняго г. орд. проф. Осиповскимъ, поручить секретарю отдѣленія доставить помянутому проф. Шумлянскому для составленія изъ нихъ общаго сочиненія и изданія въ свѣтъ; 2) убѣждаясь нуждами по учебной части гимназій и уѣздныхъ училищъ, г. деканъ факультета предложилъ членамъ его взять трудъ на себя или въ сочиненіи новыхъ приличныхъ учебныхъ книгъ по разнымъ предметамъ, относящимся къ сему отдѣленію, для помянутыхъ училищъ, или подать свои мнѣнія объ извѣстныхъ имъ сего рода сочиненіяхъ, вслѣдствіе чего: a) г. проф. Делявинъ объявилъ, что онъ намѣренъ сочинить начальныя основанія ботаники, а пока оныя будутъ изданы, опредѣлено слѣдовать такого же рода сочиненію, изданному на россійскомъ языкѣ Амбодиномъ (?); b) проф. Осиповскій взялъ на себя сдѣлать сокращенное сочиненіе изъ своего математическаго курса, касательно же прикладной математики опредѣлено преподавать по переводу курса г. Кестнера; c) для технологіи одобряется прибавленіе г. Функа, находящееся въ полномъ его сочиненіи естественной исторіи и технологіи; d) въ разсужденіи зоологіи факультетъ за полезное признаетъ слѣдовать сочиненію г. Блуменбаха съ прибавленіями г. Берхмана; e) минералогію преподавать по руководству г. академика Севергина, изданному для гимназій и утвержденному главнымъ правленіемъ училищъ; f) въ разсужденіи сельскаго хозяйства назначается сочиненіе г. Панкеля на латинскомъ языкѣ; 3) кромѣ математики и ботаники гг. члены факультета о прочихъ книгахъ подадутъ черезъ два дня свои мнѣнія; 4) вслѣдствіе § 52 устава училищъ, предписывающаго дѣлать при гимназіяхъ метеорологическія и топографическія наблюденія, факультетъ, по довольномъ разсужденіи о семъ предметѣ, опредѣлилъ: начертать для гимназій инструкцію и потому о метеорологическихъ наблюденіяхъ поручилъ орд. проф. Стойковичу, а въ разсужденіи топографическихъ г. адъюнкту Шмерфельду, съ дополненіями г. проф. Делявиня по части ботаники. При семъ случаѣ г. проф. Шнаубертъ объявилъ, что онъ сообщитъ факультету записку о химическихъ средствахъ испытанія воздуха; 5) факультетъ, находя полезнымъ и нужнымъ имѣть на домѣ университета громовой отводъ, опредѣлилъ представить о семъ на разсужденіе общаго совѣта и попечителя онаго университета, если только отводъ не дорого будетъ стоить; 6) о недостающихъ въ университетской лабораторіи химическихъ приборахъ предоставлено гг. проф. Шнауберту и Гизе подать въ факультетъ реестръ; 7) въ разсужденіе нужныхъ пособій по части технологіи поручено г. адъ-

юнкту Шмерфельду сдѣлать свое замѣчаніе и доставить оное факультету; 8) всѣмъ гг. профессорамъ и адъюнктамъ предложено, пересмотрѣвъ поданные ими прежде реестры книгъ, означить буквою „А" самыя нужныя, которыя въ непродолжительномъ времени должны быть доставлены; 9) г. адъюнктъ Крюгеръ подалъ мнѣніе, что ему необходимо нужно имѣть модели всѣхъ измѣненій хрусталей, ископаемыхъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, почему положили поручить ему самому заказать сдѣлать оныя по образцамъ, находящимся у г. экстраорд. проф. Гизе". Подписали всѣ присутствующіе.

Протоколъ засѣданія отъ 3 марта того же года. „Присутствовали: деканъ орд. проф. Стойковичъ, деканъ медицинскаго факультета орд. проф. Шумлянскій, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Делявинъ, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты Васильевъ, Шмерфельдъ, Крюгеръ, Каретниковъ, Ванотти. 1) г. деканъ отдѣленія предложилъ, чтобы рекомендовать учителямъ гимназій по физикѣ сочиненіе Витта съ дополненіями изъ другихъ новѣйшихъ и лучшихъ по сему предмету сочинителей. При семъ случаѣ г. профессоръ Осиповскій подалъ свое мнѣніе, что лучше бы было повидимому, сколько возможно, въ физикѣ избѣгать системъ, на произвольной предварительности основанныхъ, почему и одобрилъ къ преподаванію физику г. Гаго (?), изданную въ пользу французскихъ національныхъ лекцій съ новыми дополненіями; 2) г. экстраорд. проф. Гизе рекомендутъ для гимназій естественную исторію, сочиненную г. Флерномъ и изданную въ 1804 году; 3) по опредѣленію послѣдняго въ семъ отдѣленіи засѣданія г. адъюнктъ Шмерфельдъ подалъ прожектъ о дѣланіи топографическихъ наблюденій; почему положено пріобщить оное къ прочимъ, когда всѣ по сему предмету доставлены будутъ, для сочиненія общей инструкціи; 4) читаны оба сочиненія гг. профессоровъ орд. Шумлянскаго и экстраорд. Гизе объ изслѣдованіи, учиненномъ ими надъ Константиноградскими минеральными водами, которыя по прочтеніи и поправленіи въ нихъ нѣкоторыхъ мѣстъ опредѣлено препроводить въ правленіе университета, дабы благоволило вслѣдствіе заключенія общаго совѣта приказать напечатать въ университетской типографіи; для поправленія же корректуры отдѣленіе избрало г. адъюнкта Крюгера, о чемъ и дать знать правленію выпискою; 5) г. экстраорд. проф. Гизе подалъ списокъ инструментовъ и другихъ вещей, необходимо нужныхъ по химической лабораторіи, который опредѣлено представить на разсмотрѣніе общаго совѣта; 6) г. деканъ сего отдѣленія представилъ реестръ книгъ, которыя г. орд. проф. Шнаубертъ желаетъ продать университету; положено послать каталогъ для прочтенія всѣмъ

гг. членамъ онаго отдѣленія съ вопросомъ о мнѣніи въ покупкѣ оныхъ". Подписали всѣ присутствовавшіе [1]).

Протоколъ засѣданія 12 января 1807 г. „Присутствовали: ректоръ университета орд. проф. Стойковичъ, деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинь, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты—Васильевъ, Шмерфельдъ, Крюгеръ. 1) Поелику нужно въ семъ краю знаніе употребленія градирныхъ домовъ, по причинѣ находящихся въ южныхъ россійскихъ губерніяхъ соляныхъ источниковъ и озеръ, то отдѣленіе признаетъ полезнымъ искупить представленную ему модель таковаго градирнаго дома, которую нашло соотвѣтственною намѣренію и которой цѣна 50 р.; 2) г. ректоръ университета предложилъ: 1) 7 томовъ Фишера словаря физики, стоющіе 19 талеровъ и 20 фердинговъ и 2) Фишера исторіи физики недостающіе въ библіотекѣ 5-й, 6-й и 7-й томы, стоющіе 11 талеровъ и 15 фердинговъ: опредѣлено упомянутыя книги купить; 3) г. деканъ отдѣленія предложилъ, что необходимо нужно искупить — 1) продолженіе „Species plantarum" editio Wildenowi, которой въ библіотекѣ находится 3-го тома 2-я часть и 2) сочиненіе подъ названіемъ „Plantae variores, editio Kitaibeli et Valdsteinii; отдѣленіе согласно съ симъ предложеніемъ; 4) читаны — 1) разсужденіе о паденіи метеорическихъ камней, сочиненное г. ректоромъ, и 2) о главныхъ подвигахъ, учиненныхъ россійскими естествоиспытателями въ познаніи естественныхъ произведеній природы, и о тѣхъ, кои еще имъ сдѣлать предлежитъ, сочиненіе г. экстраорд. проф. Гизе. По выслушаніи, обѣ рѣчи опредѣлены къ публичному чтенію въ день торжественнаго собранія университета сего генваря 17 дня. Г. секретарь отдѣленія адъюнктъ Каретниковъ за болѣзнью не присутствовалъ. Подлинный подписали всѣ присутствовавшіе".

Протоколъ засѣданія 9-го марта 1807 г. „Присутствовали: деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинь, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты: Васильевъ, Шмерфельдъ, Крюгеръ. Слушали: 1) Предложеніе г. ректора университета, при которомъ препровожденъ отдѣленію кусокъ воздушнаго камня, упавшаго съ прочими въ слободскоукраинской губерніи. Опредѣлено: половину сего камня вручить г. проф. Шнауберту для помѣщенія въ минеральномъ кабинетѣ, а другую часть отдать г. проф. Гизе для химическаго разложенія. 2) По второму пункту упомянутаго предложенія было предложено отдѣленіемъ чрезъ исправляющаго должность секретаря адъюнкта Крюгера г. ректору университета Стойковичу, не благоугодно ли ему принять на себя сочиненіе разсужденія для чтенія онаго въ общемъ собраніи въ пер-

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1806 г., № 49.

выхъ числахъ апрѣля мѣсяца. Но какъ г. ректоръ чрезъ того же адъюнкта Крюгера отозвался, что онъ за многими другими дѣлами университета не можетъ приняться за сочиненіе упомянутаго разсужденія, а потому предлагаетъ, чтобъ сочиненіе таковаго разсужденія поручить одному изъ прочихъ членовъ отдѣленія, то и опредѣлено: препоручить изготовить таковое разсужденіе г. декану отдѣленія проф. Делявиню. 3) По четвертому пункту предложенія г. ректора опредѣлено: адъюнкту Крюгеру быть въ помощи у него г. ректора при сочиненіи инструкціи о метеорологическихъ наблюденіяхъ. 4) Г. деканъ отдѣленія предложилъ о надобности въ книгахъ: 1) Naturhistorische Abbildungen, von Blumenbach и 2) Neue Auflage von Blumenbach's Naturhistorichen Wercke. Опредѣлено: по необходимости упомянутыхъ книгъ потребно оныя искупить, о чемъ и дать знать правленію выпискою изъ журнала. 5) Г. адъюнктъ Шмерфельдъ представилъ модели машинъ: 1) топчею для битья масла и 2) крупчатку съ теркою для пиленія деревъ, первая цѣною въ 15 руб., а вторая — въ 20 руб., итого обѣ за 35 руб. Опредѣлено: упомянутыя модели купить для технологическаго кабинета и о томъ дать знать правленію выпискою изъ журнала. Г. ректоръ за дѣлами университетскими, а г. адъюнктъ Каретниковъ по болѣзни не присутствовали".

Протоколъ засѣданія 13-го апрѣля 1807 г. „Присутствовали: ректоръ университета орд. проф. Стойковичъ, деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинь, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты: Шмерфельдъ и Крюгеръ. Слушали: 1) Отзывъ г. декана отдѣленія, коимъ изъясняетъ, что по многимъ занятіямъ въ ботаническомъ саду не имѣлъ онъ времени написать разсужденія къ чтенію въ первыхъ числахъ апрѣля въ общемъ совѣтѣ, вслѣдствіе чего опредѣлено вмѣсто обыкновеннаго разсужденія прочитать въ совѣтѣ описаніе разложенія воздушнаго камня, сообщеннаго отдѣленію г. ректоромъ университета. 2) Читано представленіе г. проф. Шнауберта, по коему согласно съ § 84 устава университета на 5-й пунктъ того представленія опредѣлено: общее собраніе ископаемыхъ имѣетъ состоять въ вѣдѣніи профессора химіи, а употребленіе особеннаго отдѣленія минераловъ для преподаванія минералогіи предоставить преподающему сію науку адъюнкту Крюгеру".

Протоколъ засѣданія отъ 24-го апрѣля 1807 г. „Присутствовали: ректоръ университета орд. проф. Стойковичъ, деканъ отдѣленія орд. проф. Делявинь, орд. проф. Осиповскій, орд. проф. Шнаубертъ, экстраорд. проф. Гизе, адъюнкты: Шмерфельдъ и Крюгеръ. Слушали: 1) Предложеніе г. ректора университета, коимъ изъяснилъ, что онъ по многимъ университетскимъ занятіямъ, окончивъ общую часть физики, не имѣетъ

времени продолжать частную или особенную оной часть; а дабы студенты не могли утерять сего курса, то полагаетъ, чтобъ оный до начатія экзаменовъ поручить преподавать адъюнкту Крюгеру. Отдѣленіе, соглашаясь съ симъ предложеніемъ, опредѣлило: дабы сію особенную часть физики преподавалъ упомянутый адъюнктъ Крюгеръ, о чемъ и представляетъ на благоусмотрѣніе общаго совѣта“ [1]).

Этотъ подлинный текстъ протоколовъ прекрасно знакомитъ насъ съ обычною дѣятельностью всѣхъ факультетовъ; онъ какъ бы вводитъ въ ту комнату, гдѣ происходили засѣданія физико-математическаго отдѣленія. Засѣданія эти были посвящаемы почти исключительно вопросамъ, имѣвшимъ прямое отношеніе къ научной и преподавательской дѣятельности членовъ факультета. Если и въ засѣданіяхъ совѣта, согласно требованію устава, должны были читаться разныя сочиненія, дѣлаться доклады и т. п., то въ факультетскихъ собраніяхъ имъ отводилось еще болѣе мѣста: здѣсь, какъ мы видимъ, цѣликомъ прочитывались и даже подвергались исправленію ученые рефераты и статьи членовъ отдѣленія; здѣсь сообща разсматривались вопросы о пріобрѣтеніи книгъ для университетской библіотеки и разныхъ предметовъ для учебно-вспомогательныхъ учрежденій факультета. Въ этомъ отношеніи власть факультетовъ была тогда шире, чѣмъ теперь — въ настоящее время каждому профессору въ отдѣльности предоставлено больше свободы, чѣмъ прежде. Но и старый порядокъ имѣлъ для своего времени серьезныя основанія— товарищескій взаимный контроль надъ сочиненіями былъ необходимъ, напримѣръ, тогда потому, что бо́льшая часть профессоровъ были иностранцы, незнакомые ни съ русскою жизнью, ни съ русскимъ языкомъ; точно также удобнѣе было, при крайне ограниченныхъ рессурсахъ для выписки книгъ въ университетскую библіотеку, предоставить это право факультету, а не каждому изъ членовъ его въ отдѣльности.

Такова была обычная дѣятельность факультетскихъ собраній, нарушаемая иногда спорами и столкновеніями ихъ членовъ. Конечно, столкновеній подчасъ трудно избѣжать и такой коллегіи, внутренняя жизнь которой идетъ нормальнымъ путемъ,— они могли быть (и бывали) и въ факультетахъ Харьковскаго университета. Но намъ интересно знать, не принимала ли эта внутренняя борьба иногда слишкомъ рѣзкаго, страстнаго характера. Къ сожалѣнію, мы должны сознаться, что подчасъ она именно отличалась такимъ свойствомъ.

Въ 1807 году страсти были возбуждены дѣломъ проф. Пильгера. Много хлопотъ доставилъ и факультету, и совѣту, и правленію профессоръ скотолѣченія Пильгеръ. Не имѣя званія врача, онъ хотѣлъ тѣмъ

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1807 г., № 41.

не менѣе заниматься (и дѣйствительно занимался, при томъ очень удачно) медицинскою практикою. По словамъ Роммеля, онъ значительную часть своего времени проводилъ въ саркастическихъ выходкахъ противъ своихъ факультетскихъ враговъ, которые, прибавимъ отъ себя, платили ему тою же монетой, и дѣло дошло даже до того, что товарищи жаловались на него министру. Въ засѣданіи 30 сентября 1807 года медицинскому факультету пришлось, между прочимъ, рѣшать вопросъ, вызванный именно врачебною практикой Пильгера: „относится ли ветеринарное искусство къ медицинѣ?"

Факультетъ, читаемъ мы въ протоколѣ по этому поводу, не отвѣчалъ на этотъ вопросъ раньше вслѣдствіе малочисленности своихъ членовъ, изъ коихъ два должны были въ скоромъ времени пріѣхать изъ-за границы. Теперь же онъ высказываетъ слѣдующее мнѣніе. Съ точки зрѣнія физіологической, ветеринарія относится къ медицинѣ и, конечно, съ бо́льшимъ основаніемъ, чѣмъ медицина растеній. Но человѣкъ отличается отъ животныхъ не однимъ только разумомъ, самая природа его несравненно совершеннѣе. Вслѣдствіе этого, если бы кто-либо былъ опытнѣйшимъ человѣкомъ въ ветеринаріи и искуснѣйшимъ ветеринаромъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ зналъ медицину человѣка и заслуживалъ бы званія доктора медицины; для этого требуются спеціальныя изученія, засвидѣтельствованныя дипломомъ. И наши законы благоразумно требуютъ для врачебной практики званія доктора медицины. А г. Пильгеръ, хотя и заявилъ въ присутствіи многихъ лицъ, достойныхъ довѣрія, что въ 1781 году онъ получилъ въ Ерлангенскомъ университетѣ дипломъ на степень доктора медицины и хирургіи, который спрятанъ у его брата, но не доказалъ этого и тѣмъ не менѣе вопреки рѣшенію совѣта и законовъ государства продолжаетъ запрещенную ему медицинскую практику, пользуясь тою уловкой, что свои рецепты прописываетъ какъ будто для скота, а на самомъ дѣлѣ для людей, съ явною опасностью для этихъ послѣднихъ, какъ это обнаружилось въ засѣданіи факультета 22 сентября подъ предсѣдательствомъ ректора [1]).

Распри, происходившія въ совѣтѣ 1812—1814 гг., нашли себѣ отраженіе и въ факультетахъ и проявились съ особенною силою на экзаменахъ. Между прочимъ въ это время экзаменовался кандидатъ Дегай, противъ котораго была сильная оппозиція, вызванная, по всей вѣроятности, извѣстіями о взяткахъ, которыя были даны его отцомъ— извѣстнымъ богачомъ б. херсонскимъ губернаторомъ Хорватомъ; по крайней мѣрѣ Розальонъ-Сошальскій въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ объ этомъ, какъ о всѣмъ извѣстномъ фактѣ, подтверждая и разъясняя

---

[1]) Харьк. универ. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ, 1807 г., № 61, стр. 106, 117.

разсказъ Роммеля. Этотъ же послѣдній сообщаетъ, что Дегай предлагалъ ему передъ своимъ докторскимъ экзаменомъ въ видѣ взятки великолѣпныя дрожки и пару лошадей, которыя, послѣ его отказа, очутились во владѣніи одного изъ его русскихъ коллегъ. Въ томъ же 1814 г. произошло столкновеніе въ засѣданіи этикополитическаго отдѣленія во время экземена студента Андреева. Вотъ какъ описывается оно въ оффиціальномъ донесеніи факультета совѣту. Студентъ Андреевъ выдержалъ удовлетворительно письменное испытаніе и былъ допущенъ факультетомъ къ устному экзамену на степень кандидата; при этомъ онъ просилъ, чтобы его прежде всего проэкзаменовали изъ земледѣлія, лѣсоводства и технологіи, ибо этими предметами онъ занимался особенно усердно. Въ виду этого былъ приглашенъ въ засѣданіе преподаватель этихъ наукъ проф. Нельдехенъ, который и хотѣлъ приступить къ испытанію Андреева. Но явившійся въ факультетъ проф. И. Срезневскій (преподаватель русской словесности) просилъ, чтобы факультетъ разрѣшилъ ему первому проэкзаменовать аспиранта изъ своего предмета, такъ какъ онъ не можетъ долго оставаться въ засѣданіи факультета. Получивъ это разрѣшеніе, проф. Срезневскій приказалъ студенту Андрееву принести бумагу и перо, посадилъ подлѣ себя и хотѣлъ продиктовать ему диктовку, чтобы убѣдиться въ томъ, можетъ ли онъ правильно писать по русски. Но противъ этого возстали члены факультета, объясняя, что Андреевъ уже выдержалъ письменное испытаніе и теперь долженъ сдавать устный экзаменъ; факультетъ же не обязанъ контролировать успѣховъ Андреева въ русскомъ правописаніи, потому что такой контроль происходитъ при поступленіи молодыхъ людей въ университетъ; профессоръ же Срезневскій можетъ, если угодно ему, производить устное испытаніе изъ русской словесности. Проф. Срезневскій отказался отъ экзамена при такихъ условіяхъ и удалился изъ засѣданія. Факультетъ сдѣлалъ объ этомъ представленіе совѣту и сообщилъ результаты испытаній Андреева; оказалось, что онъ превосходно выдержалъ экзаменъ изъ всѣхъ наукъ—главнаго предмета философіи, латинской словесности и сельскаго хозяйства, при чемъ отвѣты давалъ на прекрасномъ французскомъ языкѣ. Совѣтъ, по большинству голосовъ, рѣшилъ однако, чтобы Андреевъ написалъ письменную работу проф. Срезневскому, и члены этикополитическаго факультета съ своей стороны заявили, что, хотя это противорѣчитъ формѣ экзаменовъ, предписанной уставомъ, тѣмъ не менѣе они соглашаются на это, чтобы ихъ не заподозрѣли въ какомъ-либо покровительствѣ испытуемому [1]). Въ объясненіе этого послѣд-

[1]) Харьк. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ 1814 г., № 58, стр. 152, 167.

няго намека мы должны добавить, что этотъ Андреевъ былъ сынъ богатаго Екатеринославскаго помѣщика и, слѣдовательно, экзаменаторы могли быть заподозрѣны тутъ въ особомъ лицепріятіи и полученіи подарковъ.

Большія пререканія на этикополитическомъ факультетѣ происходили въ 1813 году между тогдашнимъ деканомъ проф. Швейкардтомъ и прежнимъ Шадомъ. Шадъ не даромъ слылъ „неистовымъ“: онъ дѣйствительно былъ крайне невоздержанъ въ выраженіяхъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ и жалоба, поданная на него Швейкардтомъ въ совѣтъ университета. „О неслыханномъ и почти невѣроятномъ дѣлѣ мнѣ приходится говорить—такъ начинаетъ свою жалобу Швейкардтъ. Ординарный профессоръ теоретической и практической философіи Шадъ осмѣлился меня оскорбить при исполненіи моихъ обязанностей. Доношу объ этомъ совѣту, потому что этого требуетъ моя должность и къ этому меня принудилъ самъ Шадъ. Предоставляю вашей мудрости рѣшить это дѣло и перехожу къ изложенію его.

Когда я вступилъ въ обязанность декана, секретарь факультета Павловичъ доставилъ мнѣ акты истекшаго года, причемъ я сейчасъ же замѣтилъ, что тамъ нѣтъ на лицо почти половины ихъ, въ томъ числѣ работъ и диссертацій магистрантовъ Любовскаго и Любатинскаго и докторанта де-Кальве. Отыскать ихъ было для меня долгомъ чести. Поэтому я отправилъ списокъ недостающихъ протоколовъ, совѣтскихъ рѣшеній, просьбъ о выпискѣ книгъ и т. п. къ бывшему декану, профессору Шаду, и просилъ его возвратить случайно оставшіеся у него документы. И онъ дѣйствительно нашелъ у себя два протокола (если не ошибаюсь), а о другихъ заявилъ, что они у тѣхъ профессоровъ, которымъ были переданы для прочтенія. Обойти молчаніемъ этотъ вопросъ въ засѣданіи этикополитическаго отдѣленія я и не могъ, и не долженъ былъ, въ особенности въ виду того, что совѣтъ поручилъ всѣмъ деканамъ выработать какія-либо мѣры касательно факультетскихъ архивовъ. По этой причинѣ факультетъ, согласно моему предложенію, въ присутствіи проф. Шада, безъ всякихъ колебаній постановилъ—если нѣтъ на лицо важныхъ актовъ, то просить совѣтъ, чтобы онъ напомнилъ профессорамъ, которые ихъ читали и, быть можетъ, удержали у себя, о возвращеніи ихъ въ факультетъ. На третій день послѣ этого проф. Шадъ не устыдился написать на этомъ протоколѣ, что этотъ параграфъ содержитъ несправедливую по отношенію къ нему *ложь* и пристрастіе совершенно недостойное декана.

Въ томъ же засѣданіи я, продолжаетъ далѣе Швейкардтъ, указалъ на неудобства, происходящія отъ принятаго нынѣ способа составленія факультетскихъ протоколовъ и предлагалъ утверждать и подписывать

ихъ въ томъ же засѣданiи. Такъ принято почти вездѣ и препятствiемъ для этого не должны служить сложныя дѣла, потому что рѣшенiе ихъ могло быть перенесено въ слѣдующее засѣданiе. И хотя по этому поводу не состоялось рѣшенiя, однако проф. Шадъ воспользовался настоящимъ случаемъ, чтобы внести въ акты слѣдующее выраженiе: „противъ юношеской стремительности, чтобы составлять и подписывать протоколъ въ текущемъ же засѣданiи факультета, я самымъ рѣшительнымъ образомъ протестую“.

Знаю я, patres conscripti, что это дѣло касается не одного меня, но и васъ, и не декана, а этикополитическаго факультета, а потому и совѣта. Ибо не можетъ статься, чтобы кто-либо оскорблялъ главу коллегiи при исполненiи его обязанностей и въ то время не оскорблялъ самой коллегiи. Однако надѣюсь, что мой протестъ въ этомъ дѣлѣ будетъ имѣть значенiе въ вашихъ глазахъ. И такъ, прошу, чтобы вы, насколько возможно, охранили меня (27 марта 1813 г.)“ [1]).

Нѣсколько позже, но въ томъ же году деканъ этикополитическаго факультета Швейкардтъ снова вошелъ въ совѣтъ съ заявленiемъ, въ которомъ указывалъ на пропажу изъ факультетскаго архива (бывшаго подъ замкомъ) работы докторанта Хлапонина. Разъ въ мѣсяцъ и даже чаще, писалъ Швейкардтъ, я обыкновенно осматриваю факультетскiя бумаги, хранящiяся въ особомъ шкафу въ университетскомъ помѣщенiи; и вотъ недавно я замѣтилъ отсутствiе одной работы Хлапонина; тотчасъ я обратился къ секретарю факультета, которому иногда давалъ ключъ, по его просьбѣ, съ вопросомъ, нѣтъ ли у него случайно этого документа, но получилъ отвѣтъ, что у него его не имѣется; и такъ какъ шкафъ былъ запертъ неудобнымъ поперечнымъ запоромъ, такъ что его можно было отпереть почти всякимъ ключемъ, то мнѣ кажется, нужно позаботиться о лучшихъ запорахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ просить Хлапонина, чтобы онъ представилъ другой списокъ своего труда, если у него имѣется таковой. Совѣтъ постановилъ позволить Хлапонину переписать свои работы подъ наблюденiемъ секретаря факультета [2]).

Приведенные нами факты свидѣтельствуютъ, что распри и взаимное недовѣрiе и вражда въ концѣ десятилѣтiя получили широкое развитiе и въ факультетскихъ собранiяхъ и нарушали то обычное теченiе дѣлъ, какое господствовало здѣсь раньше.

Но во всякомъ случаѣ эти явленiя носили временный характеръ и не уничтожаютъ той огромной пользы, какую приносили факультеты дѣлу

[1]) Харьк. университ. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ 1813 г., № 52, стр. 15.

[2]) Ibidem, стр. 192.

науки и преподаванія, и при томъ не въ одномъ только университетѣ, а и во всемъ обширномъ харьковскомъ учебномъ округѣ. Всѣ вопросы, связанные съ преподаваніемъ, и всѣ научныя изслѣдованія и предпріятія имѣли ближайшее отношеніе къ этимъ коллегіямъ, въ нихъ находили себѣ опору, поддержку и авторитетную оцѣнку, и многое изъ того, что обсуждалось и рѣшалось въ совѣтѣ или правленіи, первоначально зарождалось въ факультетскихъ собраніяхъ; мало того, отдѣленія занимались и дѣлами, касавшимися среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ краѣ, т. е. тѣмъ, чего вовсе не касаются нынѣшніе факультеты, слѣдовательно, внесли свою лепту и въ сокровищницу народнаго образованія въ болѣе узкомъ смыслѣ этого слова. На почвѣ факультетской дѣятельности находила примѣненіе своимъ силамъ между прочимъ та группа преподавателей, которая не участвовала въ совѣтскихъ засѣданіяхъ—именно адъюнкты, и нельзя не сознаться, что привлеченіе ихъ къ этой общественной повинности было какъ нельзя болѣе умѣстно и полезно: работы было много, а дѣятелей очень мало, такъ что на долю каждаго выпадало слишкомъ уже много труда. Для самихъ же адъюнктовъ участіе въ факультетскихъ трудахъ являлось прекрасною подготовительною школою для будущихъ работъ въ совѣтѣ, училищномъ и цензурномъ комитетѣ, правленіи. Покончивъ съ дѣятельностью факультетовъ, переходимъ теперь къ характеристикѣ дѣятельности *правленія*.

Обязанности правленія уставъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ. Правленіе состояло изъ ректора, который является предсѣдателемъ его, декановъ факультета и такъ называемаго непремѣннаго засѣдателя, назначаемаго попечителемъ изъ ординарныхъ профессоровъ. Непремѣнный засѣдатель — это былъ ближайшій помощникъ ректора въ дѣлахъ, касающихся правленія и университетскаго суда. Онъ особенно долженъ былъ заботиться о соблюденіи порядка въ отправленіи текущихъ дѣлъ, непоколебимомъ выполненіи законовъ и полезныхъ, опытомъ утвержденныхъ постановленій; о нарушеніи же ихъ послѣ благопристойнаго представленія ректору доносить попечителю. Для текущихъ дѣлъ правленіе обязано было собираться по два раза въ недѣлю, а для экстренныхъ — сколько понадобится, по приглашенію ректора. Правленію принадлежала *исполнительная* власть; оно занималось внутреннимъ устройствомъ въ университетѣ и благочиніемъ, а также сносилось съ другими государственными учрежденіями по университетскимъ дѣламъ. Въ его вѣдѣніи находились всѣ суммы, отпускаемыя на содержаніе университета; оно отвѣчало за цѣлость ихъ, распоряжалось ими согласно Высочайше утвержденному штату, дѣлало выдачи, давало подряды, заключало договоры, наблюдая при этомъ порядокъ, предписанный обще-

ми законами, и разсматривало счеты всѣхъ чиновниковъ, которымъ ввѣрялись частные расходы (главнымъ образомъ по учебновспомогательнымъ учрежденіямъ). Остатки отъ штатной суммы, за дѣйствительнымъ удовлетвореніемъ годовыхъ потребностей, обращались въ хозяйственную сумму (нѣчто въ родѣ нашихъ нынѣшнихъ специальныхъ средствъ) и употреблялись на разныя нужды и потребности университета, по опредѣленіямъ совѣта, утвержденнымъ начальствомъ. Правленіе разсматривало употребленіе этихъ суммъ и, если оказывались свободные капиталы, то помѣщало ихъ въ государственные банки или опекунскій совѣтъ. Самъ ректоръ собственною властью безъ правленія могъ распорядиться выдачею изъ казначейства въ случаяхъ не терпящихъ отлагательства суммы не болѣе 100 руб. и при этомъ обязанъ былъ довести объ этомъ въ ближайшемъ же засѣданіи до свѣдѣнія членовъ правленія. Правленіе само могло дѣлать распоряженія о выдачѣ изъ хозяйственнаго фонда суммы до 500 р. и только доносило объ этомъ попечителю; бо́льшія же выдачи разрѣшалъ уже совѣтъ съ утвержденія попечителя. Каждый мѣсяцъ правленіе должно было свидѣтельствовать какъ штатную, такъ и хозяйственную сумму, сличая ее съ приходными и расходными книгами; послѣ каждаго такого засѣданія ректоръ отправлялъ попечителю подробную вѣдомость, подписанную кассиромъ и бухгалтеромъ. По истеченіи года отчетъ объ израсходованіи суммъ представлялся на разсмотрѣніе совѣту, который назначалъ изъ своей среды нѣсколькихъ членовъ для освидѣтельствованія оставшейся суммы и затѣмъ отправлялъ счеты черезъ попечителя къ министру. Канцелярія правленія состояла изъ секретаря, кассира, бухгалтера, переводчика и экзекутора; секретарь назначался попечителемъ съ утвержденія министра. Низшихъ служителей назначало правленіе собственною властью, а о классныхъ чиновникахъ дѣлало представленіе попечителю. Въ вѣдѣніи правленія находился и *университетскій судъ*. Первой инстанціей его былъ ректоръ, какъ предсѣдатель правленія. Всѣ жалобы, касавшіяся студентовъ, онъ разбиралъ устно, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ велъ письменное производство, пользуясь услугами своего ближайшаго помощника-непремѣннаго засѣдателя, синдика, секретаря и чиновниковъ правленія. Его рѣшеніе было окончательнымъ и безъапелляціоннымъ въ слѣдующихъ случаяхъ: по денежнымъ взысканіямъ, не превышающимъ 15 руб., по проступкамъ и оскорбленіямъ, за которые университетскіе законы назначаютъ выговоръ или заключеніе подъ стражу на 3 дня. Второю инстанціею было правленіе въ его полномъ составѣ; оно разбирало дѣла, касавшіяся профессоровъ, адъюнктовъ и другихъ чиновниковъ университета. Въ важныхъ и сомнительныхъ дѣлахъ правленіе усиливало свой

составъ однимъ или двумя профессорами-юристами. Обязанность подыскивать къ рѣшеніямъ законы лежала на синдикѣ, который имѣлъ только совѣщательный голосъ. Въ правленіе могли быть приносимы жалобы и на ректора, но для соблюденія къ нему должнаго уваженія, въ случаѣ если жалоба окажется несправедливой, на просителя налагалась денежная пеня въ пользу неимущихъ до 25 р.; если же правленіе признаетъ жалобу основательной, то свое заключеніе представляетъ попечителю, отъ котораго и ждетъ приговора. Рѣшенія правленія являлись окончательными въ слѣдующихъ случаяхъ: по денежнымъ взысканіямъ до 50 руб.; по проступкамъ студентовъ, за которые полагается наказаніе не свыше 14-ти-дневнаго ареста; по жалобамъ на чиновниковъ университета, результатомъ коихъ былъ выговоръ или штрафъ до 24 руб.; по жалобамъ на служителей университета или университетскихъ чиновниковъ. Дерзости студентовъ, причиняющія явный соблазнъ, подвергались изслѣдованію правленія, хотя бы по нимъ и послѣдовало примиреніе сторонъ. Дѣла, касающіяся недвижимыхъ имѣній, не поступали въ правленіе, а шли въ соотвѣтственныя присутственныя мѣста, раздѣлъ же движимаго наслѣдственнаго имѣнія, принадлежавшаго подвѣдомственнымъ университету лицамъ и ихъ семьямъ, находился въ вѣдѣніи правленія. Въ дѣлахъ уголовныхъ правленіе только учиняло первоначальное изслѣдованіе и затѣмъ препровождало его въ соотвѣтственное присутственное мѣсто, но въ этомъ послѣднемъ въ качествѣ депутата отъ университета обязательно засѣдалъ синдикъ. Третьей инстанціей былъ судъ совѣта и рѣшенія его признавались окончательными въ слѣдующихъ случаяхъ: въ денежныхъ искахъ до 500 руб.; въ дѣлахъ, касающихся должностей и нарушенія университетскихъ правилъ; по приговорамъ, сопровождающимся штрафомъ до 100 руб. Въ остальныхъ случаяхъ недовольный имѣлъ право аппеллировать въ правительствующій сенатъ, куда изъ совѣта отправлялось все дѣло. Судебное дѣлопроизводство въ университетѣ, по мысли законодателя, должно было отличаться краткостью и ни въ какомъ случаѣ не препятствовать преподаванію наукъ. Наконецъ, на разсмотрѣніе правленія переходили различныя дѣла хозяйственнаго характера изъ училищнаго комитета, въ вѣдѣніи котораго были всѣ училища огромнаго харьковскаго учебнаго округа; со всѣми посторонними вѣдомствами и учрежденіями училищный комитетъ сносился также посредствомъ правленія [1]).

Таковы были положенія устава касательно дѣятельности правленія. О ходѣ же и результатахъ ея краснорѣчиво свидѣтельствуютъ тѣ огромные фоліанты, которые содержатъ въ себѣ журналы засѣданій прав-

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., I, стр. 290—296, 298.

ленія съ 1805 по 1815 годъ. Мы пересмотрѣли всѣ 28 томовъ этихъ журналовъ—и можемъ сказать, что правленіе успѣшно выполняло огромный трудъ, возложенный на него университетскимъ уставомъ. Перечитывая теперь эти журналы, невольно поражаешься обиліемъ и разнообразіемъ тѣхъ дѣлъ и вопросовъ, которые приходилось рѣшать и обсуждать небольшому контигенту лицъ, составлявшему ежегодно правленіе. При томъ необходимо еще обратить вниманіе на разноплеменный составъ членовъ этой коллегіи: иностранные профессора, не знакомые съ русскою жизнью, не могли быть компетентны и особенно дѣятельны въ хозяйственныхъ дѣлахъ, составлявшихъ главный предметъ вѣдомства правленія, но и ихъ голосъ нерѣдко былъ важенъ въ вопросахъ болѣе общаго характера, а впослѣдствіи они освоились со своими новыми обязанностями и при исполненіи ихъ пользовались традиціей, которую унаслѣдовали въ западно-европейскихъ университетахъ и которой не было у ихъ русскихъ коллегъ. Въ особенности это нужно сказать относительно учебновспомогательныхъ учрежденій. Такимъ образомъ, оба элемента—русскій и иностранный—взаимно дополняли другъ друга, хотя все-таки можно сказать, что главная тяжесть дѣлъ лежала на русскихъ членахъ правленія, хорошо знакомыхъ и съ мѣстными (харьковскими) условіями жизни, и съ окружающей средой, и съ узаконеніями; наконецъ, на ихъ обязанности лежало и самое письменное производство, требовавшее знанія языка и канцелярскихъ формъ.

Больше всѣхъ, несомнѣнно, потрудились въ правленіи, въ первые десять лѣтъ существованія его, два профессора русскаго происхожденія—Иванъ Степановичъ *Рижскій* и Тимофей Θедоровичъ *Осиповскій*. Первый въ теченіе 5 слишкомъ лѣтъ былъ ректоромъ университета и вмѣстѣ съ тѣмъ председателемъ правленія, а второй также былъ ректоромъ послѣ Стойковича, а остальное время несъ не менѣе важную и отвѣтственную должность непремѣннаго засѣдателя. О чрезвычайно важномъ значеніи этой должности ясно свидѣтельствуетъ университетскій уставъ. Непремѣнный засѣдатель былъ ближайшій помощникъ ректора, ссхранявшій, однако, такую независимость отъ этого послѣдняго, что могъ непосредственно сноситься съ попечителемъ, отъ котораго зависѣло и самое его назначеніе. Рижскій и Осиповскій были прекрасно подготовлены къ сложнымъ обязанностямъ предшествующей дѣятельностью своею въ комитетѣ правленія. Мы говорили выше уже о комитетѣ и его функціяхъ, отмѣтили даже важнѣйшіе факты его дѣятельности и могли убѣдиться, что онъ выполнялъ тѣ обязанности, которые приняло на себя потомъ правленіе. Рижскій занималъ въ немъ должность предсѣдателя, Осиповскій—члена. Комитетъ дѣйствовалъ съ 11 апрѣля

1804 по 24 марта 1805 года. 24 марта 1805 года комитетъ былъ замѣненъ правленіемъ и состоялось первое засѣданіе этого послѣдняго. На другой день по открытіи университета (18 января) состоялись въ совѣтѣ выборы членовъ правленія — ректора и трехъ декановъ (медицинскій факультетъ еще не былъ тогда открытъ); ректоромъ былъ избранъ Рижскій, а деканами Шадъ, Стойковичъ и Умляуфъ, непремѣннымъ засѣдателемъ назначенъ Осиповскій. Утверждены были эти лица въ должности министромъ 10 февраля 1805 года. Совѣтъ университета, получивъ бумагу объ утвержденіи ихъ, опредѣлилъ вмѣсто существовавшаго доселѣ при университетѣ комитета открыть, согласно требованію устава, правленіе и извѣстить объ этомъ архіереевъ, губернаторовъ, губернскихъ предводителей дворянства и директоровъ училищъ [1]). Въ 1805 году было 81 засѣданіе правленія, въ 1806 году — 115, въ 1807 году—106, въ 1808 г.—100, въ 1809 г.—103, въ 1810 г.—98, въ 1811 г.—117, въ 1812 г.—108, въ 1813 г.—123, въ 1814 г.—100, всего 1051 засѣданіе. Засѣданія происходили въ началѣ обыкновенно въ послѣобѣденное время, свободное отъ учебныхъ занятій, и продолжались часа три (отъ 4 до 7 часовъ), а потомъ (съ 1811 г.) по утрамъ (часовъ съ 11-ти до часу); иногда, конечно, затягивались и дольше. Такимъ образомъ, члены правленія посвящали правленскимъ засѣданіямъ въ среднемъ не менѣе двухъ дней въ недѣлю, не выключая и каникулъ, а сверхъ того приходилось еще подчасъ затрачивать время на исполненіе разныхъ отдѣльныхъ порученій правленія (въ родѣ, напримѣръ, осмотра лѣсовъ и т. п.). Самыми аккуратными посѣтителями засѣданій были Рижскій и Осиповскій, они же были и наиболѣе авторитетными и свѣдущими членами этой коллегіи, работавшими больше всѣхъ остальныхъ. Осиповскій, по числу лѣтъ своей службы въ правленіи, долженъ занять первое мѣсто: въ теченіи всего десятилѣтія онъ работалъ въ правленіи сначала въ качествѣ непремѣннаго засѣдателя (съ 1805 до конца 1813 года), а потомъ ректора (въ концѣ 1813 и въ 1814 году); за нимъ слѣдуетъ Рижскій, исполнявшій въ теченіи почти шести годичныхъ терминовъ должность предсѣдателя правленія и одинъ годъ (когда не былъ избранъ въ ректоры) бывшій членомъ его; только смерть пресѣкла многополезную дѣятельность этого честнаго труженника и радѣтеля о благѣ общемъ, но благодарная память о немъ долго жила въ сердцахъ его товарищей. Дѣятельность этихъ двухъ лицъ свободна отъ какихъ бы то ни было подозрѣній и нареканій: она также чиста и безупречна, какъ и ихъ жизнь, всецѣло посвященная пользамъ универ-

[1]) Харьк. университетскій архивъ. Дѣло правленія по архиву № 28 по карт. № 3 (объ открытіи правленія); ср. журналъ правленія 1805 г. 24 марта.

ситета; для него они не щадили ни своихъ силъ, ни здоровья; припомнимъ, напримѣръ, что въ 1808 году Осиповскій былъ избранъ на должность ректора, но отказался отъ нея „по причинѣ слабаго здоровья, *поврежденнаго отъ понесенныхъ имъ трудовъ въ теченіе четырехлѣтняго исправленія обязанностей непремѣннаго засѣдателя*“; а между тѣмъ и послѣ этого онъ оставался, по назначенію попечителя, безсмѣннымъ непремѣннымъ засѣдателемъ; очевидно, что попечитель никоимъ образомъ не хотѣлъ разстаться съ нимъ и, быть можетъ, даже противъ воли его удерживалъ на этомъ посту, потому что самъ Осиповскій никогда не былъ искателемъ: это видно изъ того, что онъ еще и другой разъ отказался отъ ректорскаго званія, когда былъ избранъ на эту должность вторично въ 1810 году. Рижскій также всю жизнь свою посвятилъ университету и умеръ, не оставивъ женѣ никакого состоянія, такъ что университетъ принялъ на себя его похороны [1]).

За этими лицами идетъ цѣлый рядъ другихъ дѣятелей въ правленіи, которые далеко уступаютъ во всѣхъ отношеніяхъ вышеназваннымъ. Таковъ энергичный дѣлецъ, но крайне сомнительный въ нравственномъ отношеніи, какъ мы видѣли, Стойковичъ; онъ въ теченіи 3-хъ слишкомъ лѣтъ былъ предсѣдателемъ правленія и 5 лѣтъ членомъ его; но извѣстно, какую ожесточенную борьбу вело противъ своего предсѣдателя правленіе; извѣстно, что для суда надъ Стойковичемъ былъ избранъ даже особый предсѣдатель въ правленіи проф. И. Срезневскій. Затѣмъ очень долго работали въ правленіи въ качествѣ декановъ проф. этико-политическаго факультета Шадъ (7 лѣтъ) и медицинскаго Шумлянскій (6 лѣтъ). Шадъ едва ли не самый энергичный изъ иностранныхъ профессоровъ, къ сожалѣнію, имѣлъ очень горячій, невоздержанный нравъ и задорный характеръ, приводившій его къ постояннымъ спорамъ и столкновеніямъ; въ нравственномъ отношеніи онъ также былъ сомнителенъ; наконецъ, ему не доставало знанія русской жизни и русскаго языка. При такихъ условіяхъ дѣятельность его въ правленіи едва ли могла приносить такіе плоды, которые бы соотвѣтствовали его уму, огромной эрудиціи, краснорѣчію и энергіи. Шумлянскій — здоровый весельчакъ—какъ его называетъ Роммель—былъ едва ли не самымъ виднымъ представителемъ русской партіи на медицинскомъ факультетѣ; не

---

[1]) Надъ могилою его поставленъ мавзолей въ Харьковѣ, въ оградѣ Каплуновской церкви; теперь онъ пришелъ въ ветхое состояніе и нуждается въ поправкѣ. Было бы актомъ справедливости, если бы *нынѣшнее правленіе* университета, въ память объ огромныхъ трудахъ, понесенныхъ И. С. Рижскимъ на пользу всего университета въ качествѣ предсѣдателя и дѣятеля *стараго* правленія (1804—1811 гг.), позаботилось о реставраціи этого памятника и приведеніи его въ надлежащій видъ.

разъ его выдвигали на должность ректора, и онъ получалъ такое же число голосовъ, какъ и его конкурренты, но долженъ былъ уступать этимъ послѣднимъ, согласно представленію попечителя. За этими лицами идутъ въ нисходящемъ порядкѣ (по числу лѣтъ дѣятельности въ правленіи) — Дюгуровъ (3 года), Делявинь (3 года), Тимковскій (2 года), Умляуфъ (2 года), Белленъ-де-Баллю (2 года), Гизе (2 года), Книгинъ (1 годъ), Роммель (1 годъ), Швейкардтъ (1 годъ), Успенскій (1 годъ), Дрейсигъ (1 годъ). Изъ нихъ особенно полезны были своею опытностью и знаніемъ дѣла Тимковскій и впослѣдствіи Успенскій. Первый, какъ мы знаемъ, былъ одно время главнымъ дѣятелемъ по части мѣръ, клонившихся къ открытію Харьковскаго университета, и былъ призванъ къ исполненію этой отвѣтственной обязанности попечителемъ округа, графомъ Сев. Ос. Потоцкимъ. Впослѣдствіи онъ сосредоточилъ свою дѣятельность главнымъ образомъ въ училищномъ комитетѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ очень полезенъ въ этомъ отношеніи и правленію, такъ какъ этому послѣднему очень часто приходилось рѣшать дѣла, относившіяся къ среднимъ и низшимъ училищамъ Харьковскаго учебнаго округа. Успенскій долго занималъ должность синдика при правленіи, которая требовала спеціальнаго знанія узаконеній, и вообще составилъ себѣ репутацію тонкаго практика-юриста; все это дѣлало его незамѣнимымъ человѣкомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда правленію приходилось разбирать тяжбы и иски; а это, къ сожалѣнію, случалось довольно часто. Делявинь былъ директоромъ ботаническаго сада и, слѣдовательно, компетентнымъ лицомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ правленіи заходила рѣчь о его благоустройствѣ (а это дѣлалось нерѣдко). Белленъ-де-Баллю и Дюгуровъ были библіотекарями университетской библіотеки; Гизе завѣдывалъ химической лабораторіей; Дрейсигъ былъ университетскимъ врачемъ; каждый изъ нихъ опять-таки былъ полезенъ по своей части правленію. Отмѣтимъ еще, что Роммелю поручены были на сохраненіе ключи отъ университетской кассы. Объ остальныхъ лицахъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго.

Таковы были дѣятели. Какова же была ихъ дѣятельность?

Она была крайне разнообразна и вполнѣ соотвѣтствовала требованію устава. Само собою разумѣется, что мы не можемъ ее здѣсь излагать маломальски подробно и обстоятельно, ибо это потребовало бы отъ насъ цѣлаго тома; мы представимъ только перечень важнѣйшихъ дѣлъ и изложимъ нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы дать понятіе объ основномъ характерѣ и особенностяхъ ихъ; бо̀льшую же часть чрезвычайно цѣнныхъ и важныхъ фактовъ, извлеченныхъ нами изъ подлинныхъ журналовъ правленскихъ засѣданій, мы введемъ въ послѣдующія главы,

соотвѣтственно ихъ содержанію, а вопросомъ о распредѣленіи штатной и хозяйственной суммы займемся въ слѣдующей 4-й главѣ, посвящаемой учебновспомогательнымъ учрежденіямъ, которыя также составляли предметъ особенныхъ заботъ правленія; такимъ образомъ эта глава, а равно и нѣкоторыя части послѣдующихъ будутъ служить какъ бы дополненіемъ настоящей.

Въ 1805 году важнѣйшіе факты въ дѣятельности правленія были таковы. Оно посвящало свое время разсмотрѣнію прошеній разныхъ лицъ, желавшихъ вступить въ студенты Харьковскаго университета и слушатели приготовительнаго при немъ класса, принимало различныя мѣры къ обезпеченію пособіями и учебниками самого университета и училищъ Харьковскаго учебнаго округа, для чего составляло списки книгъ и выписывало ихъ изъ магазина главнаго правленія училищъ въ Петербургѣ, получало часто транспорты книгъ, инструментовъ для университета изъ-за границы, выработало планъ контракта съ петербургскимъ книгопродавцемъ Цимсеномъ, желавшимъ завести въ самомъ Харьковѣ магазинъ иностранныхъ книгъ (русскія книги пріобрѣтались въ лавкѣ купца Большакова), составляло списки учебниковъ для гимназій, занималось судебнымъ разбирательствомъ дѣлъ о нанесеніи побоевъ учителю фехтованія въ университетѣ Сивокту, жалобы проф. Умляуфа на его квартирнаго хозяина Ѳаворова, разсматривало отчетъ о ботанической экскурсіи въ Крымъ адъюнкта Каретникова, старалось разрѣшить извѣстный уже намъ трудный и сложный вопросъ о ремесленникахъ, выписанныхъ изъ Петербурга В. Н. Каразинымъ для нуждъ Харьковскаго университета; эти ремесленники получили впередъ деньги и теперь нужно было заставить ихъ отработать долгъ; часть ихъ оставлена была для этой цѣли при университетѣ (и нужно сказать, съ пользою для него: имъ, между прочимъ, отдавались въ науку ученики училищъ); другая была передана въ вѣдѣніе полиціи; а остальныхъ предложилъ правленію взять къ себѣ въ имѣніе Кручикъ самъ В. Н. Каразинъ; предметомъ постоянныхъ заботъ правленія были учебно-вспомогательныя учрежденія университета и въ числѣ ихъ одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ тогда ботаническій садъ, о которомъ чрезвычайно заботился попечитель, графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, можно сказать, что это было его излюбленное дѣтище, предметъ особенныхъ его симпатій и заботъ; по его планамъ дѣлались въ немъ всѣ посадки; онъ вошелъ въ сношеніе съ владѣлицей знаменитаго Уманскаго сада „Софіевки“ и получилъ въ даръ отъ нея для университета цѣлую массу рѣдкихъ экземпляровъ (сохранился списокъ этихъ деревьевъ) и т. п. Разсмотрѣніе денежныхъ счетовъ и распоряженія объ уплатѣ по нимъ

*

происходили едва ли не въ каждомъ засѣданіи правленія—приходилось платить за книги для университетской библіотеки, за инструменты для физическаго кабинета, за матеріалы для химической лабораторіи, разсматривать и такіе расходы, какъ вознагражденіе пѣвчимъ и музыкантамъ, принимавшимъ участіе въ музыкальной и вокальной части университетскихъ актовъ, угощеніе публики, приглашенной на эти послѣдніе. Много усилій было потрачено, чтобы разрѣшить, если можно такъ выразиться, „кирпичный вопросъ“. Дѣло въ томъ, что университетъ рѣшилъ строить новыя зданія для себя на своихъ земляхъ, расположенныхъ по Сумскому шоссе; но остановка была за кирпичемъ—требовалось такое громадное количество кирпича (15 мил. штукъ), что его не въ состояніи были доставить мѣстные заводчики и потому приходилось обращаться съ предложеніями и къ иногороднимъ предпринимателямъ, и выслушивать заявленія отъ разныхъ лицъ, вырабатывать проекты, соглашенія. Въ виду тѣхъ же хозяйственныхъ соображеній, правленіе вело переговоры съ разными лицами (напримѣръ, съ Ковалевской, Щербининымъ) о пріобрѣтеніи отъ нихъ на срубъ лѣсныхъ участковъ, и для осмотра ихъ командировало своихъ членовъ. Завѣдуя и распоряжаясь денежными суммами, правленіе по поводу ихъ должно было входить въ сношенія съ такими вѣдомствами, какъ приказъ общественнаго призрѣнія, казенная палата, почта, банки и т. п. Оно разрѣшало выдачу жалованія профессорамъ и отпускало имъ авансы на пріобрѣтеніе разныхъ необходимыхъ предметовъ; такъ, напримѣръ, воспользовавшись отправленіемъ въ Москву проф. Осиповскаго, оно поручило ему купить тамъ сукна для казеннокоштныхъ студентовъ. Подъ часъ оно и само дѣлало заказы въ столицахъ и даже заграницей; такъ профессору академіи художествъ Щукину заказано было 3 портрета—одинъ (государя) въ ростъ, а два (министра Завадовскаго и попечителя Потоцкаго) поясные; за нихъ уплочено было ему 1000 руб.; въ Москвѣ заказывались различные предметы, необходимые для фехтованія студентовъ; заграницей разныя принадлежности для университетской типографіи. Университетское хозяйство вообще было очень сложно; университетъ содержалъ на своемъ иждивеніи казенно-коштныхъ студентовъ—давалъ имъ столъ, квартиру, одежду, учебныя пособія и т. д. и, чтобы урегулировать это дѣло, долженъ былъ находить лицъ, которыя бы согласились за опредѣленную по штату сумму давать имъ все необходимое. Университетъ держалъ воловъ и имѣлъ экипажи для разъѣздовъ лицъ, командируемыхъ на визитаціи училищъ, нанималъ землекоповъ для земляныхъ работъ и вообще разныхъ рабочихъ. Массу хлопотъ, какъ мы знаемъ уже, ежегодно доставляло правленію дѣло о полученіи дворянскихъ и городскихъ

„патріотическихъ“ пожертвованій на устройство въ Харьковѣ университета: приходилось вести по этому поводу обширную переписку съ разными вѣдомствами, учрежденіями и лицами, дѣлать постоянныя напоминанія, запросы, просьбы; не были окончательно сведены еще и расчеты съ В. Н. Каразинымъ и они отняли у правленія также не мало времени, причинили много непріятностей и одной, и другой сторонѣ (впрочемъ это не помѣшало В. Н. Каразину сдѣлать пожертвованіе книгами въ университетскую библіотеку). Приходилось разрѣшать правленію и разные вопросы научно-практическаго характера, съ которыми къ нему обращалась администрація; такова была, напримѣръ, просьба губернатора объ изслѣдованіи торфа и разныхъ частныхъ лицъ объ анализѣ ихъ минеральныхъ водъ. Чрезвычайно важною и вмѣстѣ съ тѣмъ сложною сферою дѣятельности правленія были заботы обо всѣхъ училищахъ Харьковскаго учебнаго округа — онѣ касались какъ хозяйственной, такъ и учебной стороны дѣла и выражались не только въ посылкѣ имъ учебниковъ, но и въ постройкѣ зданій, увольненіи и назначеніи педагогическаго персонала, разсмотрѣніи взаимныхъ жалобъ и обидъ преподавателей и постороннихъ лицъ. Такъ, напримѣръ, правленію пришлось, по предложенію попечителя, принимать мѣры къ устройству Нѣжинскаго лицея, гимназій, многихъ училищъ, разбирать жалобу рыльскаго купца Выходцева на учителя Шолкова и одного харьковскаго купца на учителя Андріевскаго. Часто слушались выписки изъ постановленій совѣта, которыя нужно было приводить въ исполненіе, а еще чаще рапорты кассира Дзюбина, приходилось заботиться объ имуществѣ умершихъ чиновниковъ университета, отсылать списки служащихъ въ академію наукъ для печатанія въ адресъ-календарѣ, принимать мѣры, чтобы ни профессора, ни студенты не просрочивали своихъ отпусковъ.

Аналогичныя дѣла разсматривались и разрѣшались и въ послѣдующіе годы. Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ нихъ. Въ 1806 году правленіе продолжало обсуждать столь же многочисленныя, какъ и въ 1805 году, предложенія попечителя Потоцкаго, въ особенности о ботаническомъ садѣ, и его письма касательно визитаціи училищъ; разбирало судебныя дѣла (дѣло учителя Андріевскаго, кожевника, одного учителя, оскорбившаго чиновника, дѣло о похищеніи собаки, разводъ Шада съ женою), разсматривало списки книгъ, пожертвованныхъ въ университетскую библіотеку извѣстнымъ уже намъ харьковскимъ епископомъ Христофоромъ Сулимой и екатеринославскимъ архіепископомъ Платономъ, минераловъ и монетъ, пожертвованныхъ Потоцкимъ; обсуждало просьбу В. Н. Каразина объ отдачѣ ему одного типографскаго станка для печатанія его изданій; давало отвѣты на запросъ харьковскаго губернатора Ив. Ив.

Бахтина о травахъ, полезныхъ для пчелъ и объ изслѣдованіи обрушившейся въ г. Сумахъ церкви; заботилось о принятіи въ университетъ студентовъ изъ Харьковскаго коллегіума; командировало для осмотра предположеннаго къ покупкѣ лѣса своихъ членовъ; заботилось о пріобрѣтеніи труповъ для анатомическаго театра; выписывало изъ-заграницы при посредствѣ Стойковича шрифтъ и изъ Москвы бумагу для своей типографіи, обсуждало вопросъ о дарованіи дворянскаго достоинства проф. Шмерфельду; разсматривало различные планы и смѣты своего архитектора адъюнкта Васильева, которому за особые труды выдалъ награду попечитель (онъ между прочимъ представилъ планъ постройки новыхъ грандіозныхъ зданій для Харьковскаго университета по Сумскому шоссе, ибо то помѣщеніе, которое занималъ университетъ, считалось все-таки временнымъ); обращались въ правленіе и разныя учрежденія съ просьбой о переводѣ на русскій языкъ иностраннаго текста паспортовъ и разныхъ другихъ бумагъ; пришлось разрѣшать жалобы лаборанта Чернича за невыдачу ему жалованія, отправить составленное проф. Тимковскимъ описаніе торжественнаго собранія университета 30 августа и открытія Павлоградскаго уѣзднаго училища въ Москву для помѣщенія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, бывшихъ тогда оффиціальнымъ органомъ Московскаго университета, хлопотать о доставкѣ монетъ и медалей, пожертвованныхъ Харьковскому университету адмираломъ Чичаговымъ, и различныхъ приборовъ и инструментовъ, выписанныхъ изъ Лондона; много времени, какъ и прежде, требовали занятія правленія по части училищнаго комитета. Часто приходилось читать донесенія директоровъ училищъ по разнымъ губерніямъ, давать по нимъ заключенія и т. п.

Въ 1807 г. правленіе издало правила для казеннокоштныхъ студентовъ и вообще заботилось объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи; вошло въ соглашеніе съ харьковскимъ купцомъ (переѣхавшимъ сюда изъ Вереи) Щелковымъ о доставкѣ изъ Москвы разныхъ предметовъ, необходимыхъ для университета; давало свои заключенія на запросы проф. Якоба о тѣхъ преимуществахъ, которыми могутъ пользоваться иностранные профессора въ Россіи; обсуждало дѣло объ изданіи въ свѣтъ поэмы „Игорь“ почетнаго члена Харьковскаго университета А. А. Палицына (изданіе приняли на свой счетъ нѣкоторые профессора, а доходъ предназначали на пособіе земскому ополченію); слушали донесеніе отправленнаго въ качествѣ визитатора проф. Рижскаго о найденныхъ имъ древностяхъ и получили нѣсколько древнихъ монетъ изъ черниговской губерніи, нѣсколько книгъ въ даръ отъ В. Н. Каразина и нѣсколько уродцевъ изъ Рязанской губерніи; разсматривали любопытное дѣло о

предоставленіи свободной врачебной (спеціально глазной) практики еврею Соколовскому, искусно снимавшему катаракты; и наконецъ, разрѣшали цѣлый рядъ дѣлъ судебнаго свойства — производили слѣдствіе о самоубійствѣ проф. Умляуфа, исключили изъ службы адъюнкта Гамперле й учителя фехтовальнаго искусства Сивокта за ложный доносъ ихъ на проф. Дюгурова, разбирали дѣло о побояхъ, нанесенныхъ откупными смотрителями учителю, разсматривали жалобы на проф. Пильгера, дѣло о разводѣ проф. Шада съ женой, дѣло о повѣсившейся у проф. Дюгурова служанкѣ, о буйствѣ секретаря Флавицкаго, о дракѣ, учиненной въ типографіи.

Въ 1808 году въ правленіи продолжалось дѣло о разрѣшеніи Соколовскому глазной практики; разсматривался вопросъ о наймѣ музыкантовъ для танцовальнаго класса; принимались книги, пожертвованныя въ университетскую библіотеку Хлапонинымъ; велись обширныя сношенія съ консуломъ и корреспондентомъ университета Шварцомъ; выписывались книги отъ Рижскаго книгопродавца Гартмана и коммиссіонера Бѣлоусова; разсматривали дѣло о постройкѣ въ университетскомъ саду дома для проф. Делявиня; разрѣшали вопросъ о безпошлинномъ провозѣ изъ-заграницы вещей проф. Коритари; разсуждали о пріемѣ въ студенты нѣкоторыхъ лицъ изъ иностранцевъ, изъ купеческаго званія и крѣпостного состоянія, о правѣ иностранныхъ профессоровъ держать у себя въ услуженіи крѣпостныхъ, объ освобожденіи отъ постоя домовъ, занимаемыхъ чиновниками университета, объ изслѣдованіи цѣлебныхъ минеральныхъ водъ, находящихся въ изюмскомъ уѣздѣ въ дачахъ помѣщика Денисенкова, о ботаническомъ садѣ; видное мѣсто по прежнему занимали также дѣла судебнаго характера — ссора Флавицкаго, вопросъ о наслѣдствѣ проф. Умляуфа, дѣло Пильгера, претензіи уволеннаго изъ университета адъюнкта Гамперле, драка учителя Вертоградова, жалоба проф. Шада на побои, нанесенные ему смотрителемъ откупа и дѣло о покупкѣ имъ дома, слѣдствіе о студентахъ, утонувшихъ въ р. Лопани.

Въ 1809 году правленіе разрѣшило иностраннымъ профессорамъ отправлять свое богослуженіе въ университетскомъ помѣщеніи; поручило профессору ботаники Делявиню сдѣлать научное опредѣленіе присланныхъ губернаторомъ сѣмянъ; распорядилось о покупкѣ коляски для профессоровъ, отправлявшихся на визитаціи; получило отъ попечителя графа Потоцкаго нѣсколько ольвійскихъ древностей и передало ихъ въ университетскій музей; занималось устройствомъ обсерваторіи, манежа и проектомъ другихъ университетскихъ зданій; заботилось объ упорядоченіи содержанія казеннокоштныхъ студентовъ, объ освобожденіи отъ

воинскихъ постоевъ домовъ, занимаемыхъ профессорами и учителями, о выдачѣ студентамъ медалей за успѣхи въ наукахъ; выписывало изъ заграницы разные предметы для университета, при посредствѣ своего лондонскаго коммиссіонера Рейнагеля; занималось дѣлами о принятіи и увольненіи студентовъ разныхъ званій, о безпошлинномъ провозѣ изъ заграницы вещей проф. Коритари (токайскаго вина и фортепьянъ), и, наконецъ, разными дѣлами слѣдственнаго характера — слѣдствіемъ о буйствѣ квартирнаго хозяина, желавшаго насильственно выселить изъ квартиры своего постояльца—учителя, объ умышленномъ поджогѣ, учиненномъ 11-ти лѣтнимъ ученикомъ народнаго училища, о жалобѣ слуги проф. Коритари, о буйствѣ харьковскихъ гимназистовъ, самовольно желавшихъ идти въ театръ, о нападеніи смотрителей откупа на учителя Дебуше, о пьянствѣ казеннокоштнаго студента Башинскаго, о бродягѣ Денисѣ, стоявшемъ у проф. Шумлянскаго.

Въ 1810 году правленіе занималось дѣлами о принятіи разныхъ лицъ въ студенты, о непосредственной выпискѣ изъ заграницы повременныхъ изданій, о запрещеніи выписывать журналы политическаго содержанія, вопросами о новыхъ постройкахъ, о выдачѣ наградъ визитаторамъ, объ увольненіи и отъѣздѣ на службу въ Петербургъ профессора Якоба, разсматривало предложеніе гр. Потоцкаго касательно училищъ и присланныя имъ Ольвійскія древности, церемоніалъ торжественнаго собранія университета, патенты нѣкоторыхъ профессоровъ на ученыя степени; производило слѣдствіе о студентахъ Башинскомъ, Гречановскомъ и друг. донцахъ, о кражѣ у проф. Делявиня, о наслѣдствѣ, полученномъ въ Венгріи учителемъ Паратичемъ, о смерти гимназиста Зубкова, высѣченнаго начальствомъ и схватившаго вслѣдствіе этого нервную горячку, о побояхъ, нанесенныхъ объѣздчиками откупа проф. Шаду, о предосудительномъ поведеніи студента Спасскаго, о ссорѣ въ Черниговѣ учителей французскаго и нѣмецкаго языка.

Наиболѣе характерными дѣлами правленія въ 1811 году могутъ быть признаны слѣдующія: дѣло о безпошлинномъ провозѣ изъ-заграницы вещей проф. Стойковича; о запрещеніи казеннокоштнымъ студентамъ увольняться изъ университета; о составленіи инструкціи для заграничной командировки маг. Архангельскому и Громову; о представленіи проф. Дюгурова по выдачѣ награды переводчику Фирсову за его участіе въ визитаціи; о разрѣшеніи Соколовскому врачебной (глазной) практики; о выдачѣ удостовѣренія Осташевскому въ томъ, что онъ привлекъ къ пожертвованію помѣщика Алымова; о командировкѣ профессоровъ для изслѣдованія древняго камня, найденнаго въ г. Славянскѣ; находка во время визитаціи рукописнаго сочиненія князя Курбскаго;

объясненія на замѣчанія министра по поводу нѣкоторыхъ расходовъ, произведенныхъ правленіемъ; церемоніалъ торжественнаго собранія 30 августа; измѣненіе правилъ касательно вызова иностранныхъ профессоровъ; уменьшеніе расходовъ на ботаническій садъ; задача на премію, предложенная этикополитическимъ факультетомъ; просьба проф. Нельдехена объ отводѣ ему опытнаго поля; выговоръ, сдѣланный министромъ правленію; Высочайшій указъ о студентахъ изъ податнаго званія; слѣдствіе о студентѣ Спасскомъ; жалоба помѣщика Ковалевскаго на проф. Пильгера (о чрезмѣрномъ гонорарѣ этого послѣдняго), слѣдствіе о директорѣ Харьковской гимназіи Шредерѣ, примѣнявшемъ у себя противозаконно тѣлесныя наказанія; притязаніе торговки Розаліи на имущество умершаго учителя Билинскаго; обыскъ у кассира Дзюбина по поводу оказавшейся у него фальшивой десятирублевой ассигнаціи; рядная (свадебная) запись учителя рисованія Матеса и дочери проф. Белленъ-де-Баллю; безпошлинный провозъ проф. Стойковичемъ изъ-заграницы вина; жалоба правленія на проф. Пильгера министру; жалоба проф. Нельдехена на шумъ, производимый офицеромъ постояльцемъ въ занимаемомъ имъ домѣ.

Въ 1812 г. были разрѣшены между прочимъ слѣдующія дѣла: о пожертвованіи на уѣздное училище Харьковскаго городского головы Ломакина; о студентахъ изъ податнаго состоянія; просьба проф. Дюгурова о внесеніи его въ дворянскую родословную книгу Харьковской губ.; проэктъ проф. Нельдехена объ устройствѣ опытнаго поля; рѣшено было выписать за 2000 р. полное собраніе сочиненій Гумбольдта; разсматривались новыя цензурныя правила, вопросъ объ изданіи въ Харьковѣ книгопродавцемъ Лангнеромъ газеты и о запрещеніи издавать календари; разсуждали о награжденіи студентовъ медалями, о расширеніи казеннаго интерната для недостаточныхъ учениковъ при Харьковской гимназіи; о командировкѣ кандидата Робуша для изученія военныхъ наукъ; о собираніи проф. Делявинемъ въ свою пользу травы въ университетскомъ саду; учрежденъ былъ комитетъ „о разборѣ иностранцевъ“, т. е. собраны были свѣдѣнія о профессорахъ Харьковскаго университета иностраннаго происхожденія; разбирались жалобы на проф. Нельдехена и Пильгера; продолжался разборъ дѣла о побояхъ, нанесенныхъ проф. Шаду; производилось слѣдствіе о карточной игрѣ университетскихъ чиновниковъ и самоубійствѣ смотрителя Изюмскаго уѣзднаго училища, о побояхъ, нанесенныхъ турецкими плѣнными слугѣ проф. Роммеля, о растратѣ денегъ учителемъ Домбровскимъ.

Изъ дѣлъ правленія 1813 г. отмѣтимъ слѣдующія: получено было предложеніе министра народнаго просвѣщенія о составленіи медицинскимъ факультетомъ особаго наставленія для предохраненія отъ заразы;

отклонена была просьба иностранца Нагеля объ изданіи въ Харьковѣ журнала; разсмотрѣнъ вопросъ объ изданіи на счетъ университета сочиненій А. А. Палицына; доложена жалоба полиціи на неисполненіе санитарныхъ правилъ университетомъ; разсмотрѣны жалобы адъюнкта Болгаревскаго на Хлапонина, дѣло о пощечинѣ, нанесенной студентомъ Шуманомъ другому студенту въ лабораторіи проф. Гизе, жалоба на объѣздчиковъ откупа служителей университетскаго сада, на побои смотрителя Погодина и на звѣрство смотрителя Сѣвскаго училища, на буйство нѣкоторыхъ учителей, жалоба на проф. Нельдехена въ захватѣ имъ огорожи сосѣдняго двора, на проф. Пильгера по поводу побоевъ, причиненныхъ имъ слугѣ помѣщ. Квитки, на Потемкина, обмазавшаго дегтемъ чужія ворота.

Наконецъ, въ 1814 году между прочимъ разсмотрѣны были слѣдующія отдѣльныя дѣла: о непріемѣ въ казеннокоштные студенты донцовъ, о запрещеніи по случаю войны отправлять письма заграницу безъ предварительнаго прочтенія ихъ въ правленіи; объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ училищахъ; о командировкѣ профессоровъ для извлеченія изъ земли костей мамонта, объ увеличеніи суммы для содержанія казеннокоштныхъ студентовъ; о правилахъ храненія денежныхъ суммъ; о приготовленіяхъ къ празднованію мира; объ экзаменѣ купца Хлапонина; о наводненіи въ университетскомъ саду и запрещеніи пускать изъ него воздушные шары; о выпискѣ инструментовъ изъ Англіи; о выговорѣ, сдѣланномъ министромъ народнаго просвѣщенія учителю Гонорскому за изданіе книги „Духъ Горація и Тибулла"; о безпорядкахъ по хозяйственной части въ Харьковской гимназіи; о шалостяхъ ученика Харьковскаго уѣзднаго училища; о ссорѣ директора Полтавскаго училища съ учителемъ; о самоубійствѣ крѣпостного мальчика, принадлежавшаго студенту университета, о студентѣ, утонувшемъ въ р. Лопани [1].

Такова была въ высшей степени разнообразная дѣятельность правленія. Сколько-нибудь полный перечень его дѣлъ мы дали только за первый 1805 годъ; что же касается остальныхъ лѣтъ, то тамъ мы отмѣтили только немногія *отдѣльныя* дѣла, выдѣлявшіяся, такъ сказать, изъ обычнаго круга дѣятельности правленія; бо́льшую же часть своихъ засѣданій правленіе посвящало текущей работѣ.

Мы дали номенклатуру дѣлъ; содержаніемъ ихъ займемся позже; а теперь остановимся только на нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ виду огромной канцелярской переписки правленіе въ 1805 г. постаралось урегулировать дѣятельность своей канцеляріи. Рѣшено было производить

---

[1]) Для составленія этого перечня дѣлъ мы пересмотрѣли 28 фоліантовъ правленскихъ журналовъ (съ 1805 г. по 1815 г.).

дѣла сообразно съ требованіями генеральнаго регламента. Коллежскому регистратору Дмитріеву поручены были всѣ дѣла, касающіяся непосредственно университета и веденіе реестровъ (входящаго, докладного и исходящаго); Ярославскому — всѣ дѣла, относящіяся къ гимназіямъ и училищамъ; Фесенкову — писать начисто журналы засѣданій, отмѣчать время ихъ исполненія, хранить въ должномъ порядкѣ и дѣлать изъ нихъ для исполненія копіи; каждому изъ этихъ трехъ лицъ было дано по одному помощнику [1]). И нужно прибавить къ этому, что чиновники правленія выполняли свою работу весьма добросовѣстно. Это можно видѣть, напримѣръ, изъ представленія, сдѣланнаго правленіемъ министру о кассирѣ Дзюбинѣ и секретарѣ Ванновскомъ. „Кассиръ Дзюбинъ, писало правленіе министру въ 1813 году, находясь въ нынѣшней должности болѣе 10 лѣтъ (онъ былъ назначенъ еще до оффиціальнаго открытія Харьковскаго университета) и исправляя вмѣстѣ съ кассирскою должностью и должность университетскаго эконома, сопряженную при новомъ устроеніи сего университета съ многотрудными занятіями, заслужилъ своею дѣятельностью и стараніемъ о соблюденіи казеннаго интереса особенное одобреніе; сверхъ того кромѣ своей должности въ теченіе 2-хъ лѣтъ занимался повѣркою и составленіемъ годовыхъ отчетовъ, представляемыхъ отъ училищнаго комитета о суммахъ училищныхъ, и вообще по всѣмъ дѣланнымъ ему отъ начальства порученіямъ оказывалъ отличное усердіе и расторопность. Въ продолженіе же службы его при семъ университетѣ удостоился за свою дѣятельность и расторопность получить отъ начальства въ 1805 и 1807 гг. денежное награжденіе. Секретарь правленія Ванновскій сверхъ настоящей должности за небытностью при университетѣ бухгалтера исправлялъ его должность съ начала 1807 г. по 8-е сентября 1811 г.; также при неоднократныхъ и долговременныхъ отлучкахъ переводчика, отряжаемаго съ визитаторами, незнающими россійскаго языка, переводилъ въ случаѣ надобности при университетѣ дѣла съ латинскаго, французскаго, нѣмецкаго и польскаго языка на россійскій. По препорученію правленія сочинилъ первоначальныя основанія латинскаго языка, кои, по одобренію совѣта, отпечатаны иждивеніемъ университета и употребляются въ уѣздныхъ училищахъ. Кромѣ составленія отправляемыхъ ежегодно къ высшему начальству вѣдомостей о занятіяхъ сего правленія и цензурнаго комитета занимался съ 1805 г. по нынѣ, исключая 1812 годъ, составленіемъ вѣдомостей о дѣлахъ, происходившихъ въ совѣтѣ университета. Въ продолженіи службы при семъ университетѣ за отличное

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., январь—іюнь; засѣданіе 3 апрѣля 1805 г.

исполненіе должности получилъ въ 1808 и 1811 гг. отъ начальства денежное награжденіе“ [1]).

Въ 1814 году были приняты и утверждены правленіемъ особыя очень строгія правила храненія денежныхъ суммъ. „Деньги, поступающія въ кассу, читаемъ мы въ этихъ правилахъ, принимаются слѣдующимъ порядкомъ: а) изъ казначейства при членѣ правленія; b) изъ почты по предварительнымъ увѣдомленіямъ почтовой конторы, записываемымъ въ журналъ, изъ коего составляется отношеніе въ почтовую контору о выдачѣ кассиру полученныхъ денегъ (сюда включаются и посылки). Принятыя деньги или посылки кассиръ представляетъ правленію въ первое присутствіе, а въ случаѣ долговременнаго его небытія г. ректору при членѣ надъ кассою; с) деньги, представляемыя кѣмъ-либо лично въ правленіе, принимаются кассиромъ по записаніи оныхъ въ настольный реестръ. Одинъ же кассиръ можетъ принимать деньги лично представляемыя до ста рублей, а бо́льшія сего суммы получать при членѣ правленія, имѣющемъ въ вѣдѣніи кассу университета. Самая большая сумма ввѣряется кассиру въ слѣдующихъ случаяхъ: а) во время отправленія денегъ въ банкъ или другія мѣста; b) при выдачѣ жалованія чиновникамъ университета; с) при платежахъ производимыхъ по важнымъ подрядамъ—на поставку бумаги и пр. На сіи случаи поставляются слѣдующія мѣры въ обезпеченіе: а) въ деньгахъ, отправляемыхъ кассиромъ съ почтою, получается изъ почтовой конторы квитанція, предъявляемая тотчасъ члену, имѣющему смотрѣніе за кассою, а симъ въ слѣдующее засѣданіе присутствію; b) о полученіи жалованія и выдачѣ по подрядамъ значительныхъ суммъ предъявляются въ слѣдующемъ засѣданіи росписки въ книгѣ получившихъ. Никакихъ издержекъ, даже самыхъ малыхъ, не позволяется дѣлать кассиру безъ журналовъ или по крайней мѣрѣ словеснаго приказанія г. ректора. Кассиръ никакой суммы ни внесть, ни взять изъ кассы не можетъ безъ члена правленія и для того опредѣленная касса хранится за ихъ печатьми. Коль скоро положено произвесть выдачу денегъ, то внеся оную въ настольный реестръ, изъ коего членъ, опредѣленный для сохраненія казны, получа справку, выдаетъ деньги кассиру, сообразно назначенію. Въ деньгахъ, выдаваемыхъ кассиру на мелочные расходы и непредвидимые случаи членъ при денежной казнѣ требуетъ по издержаніи оныхъ отчета, а потомъ вновь выдаетъ сумму сообразно предполагаемымъ расходамъ. Сія сумма не должна быть болѣе двухъ сотъ рублей. Сумма, выдаваемая по представленіямъ кассира на разныя потребности, одобренныя и означенныя въ

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія за 1813 годъ, сентябрь—декабрь; засѣданіе 20 октября.

журналѣ правленія, вынимается изъ кассы сообразно назначенію. Всѣ счеты, подаваемые кассиромъ въ правленіе, повѣряетъ и подписываетъ бухгалтеръ. Всѣ справки по журналамъ протоколистъ вѣрно и подробно выписываетъ и при подачѣ рапортовъ о выдачѣ денегъ докладываетъ. Коль скоро донесено правленію о поступленіи купленныхъ или принятыхъ вещей въ вѣдомство кассира, то, смотря по важности и количеству оныхъ, правленіе свидѣтельствуетъ оныя само или поручаетъ члену правленія, или тому чиновнику, до котораго они касаются. Въ вещахъ, купленныхъ для поступленія въ вѣдомство другого чиновника, представляется росписка въ принятіи имъ оныхъ. При пріемѣ и покупкѣ вещей, поступающихъ въ распоряженіе другихъ чиновниковъ, долженъ быть и тотъ чиновникъ, къ коему оныя поступать будутъ, дабы сей не могъ послѣ опорочивать доброту оныхъ; таковыя вещи суть принадлежащія къ типографіи, экзекуторскимъ и архитекторскимъ матеріаламъ, классическимъ, учебнымъ и канцелярскимъ потребностямъ. Заготовленіе матеріаловъ для построекъ производится всегда по предварительнымъ въ правленіе донесеніямъ о цѣнѣ оныхъ, засвидѣтельствованіи доброты и справкѣ со смѣтою. Членъ правленія въ наличности, архитекторъ въ качествѣ строевыхъ матеріаловъ свидѣтельствуетъ на кассирскомъ рапортѣ. Архитекторъ по крайней мѣрѣ ежемѣсячно подаетъ вѣдомость, сколько чего для построекъ принято и употреблено. По издержаніи купленныхъ вещей, кассиръ, представляя правленію о новой покупкѣ оныхъ, всегда долженъ прилагать отчеты, куда именно употреблены прежнія вещи. По истеченіи же года онъ представляетъ о всѣхъ вещахъ общую вѣдомость о приходѣ, расходѣ и остаткѣ. Приходы и расходы по журналамъ и роспискамъ повѣряются секретаремъ, а остатки свидѣтельствуются назначенными для сего членами. Кассиръ въ началѣ каждаго новаго года представляетъ также вѣдомость, показующую, сколько къ 1-му числу января протекшаго года числилося у него по описи въ наличности мебелей и вообще всѣхъ протчихъ вещей, сколько къ тому котораго числа и какихъ вещей въ теченіе цѣлаго года вновь причислено, какія изъ нихъ и по какимъ журналамъ исключены и сколько затѣмъ почитается въ наличности, какія именно находятся у кассира въ кладовой и какія поступили въ вѣдѣніе другихъ. Вещи, поступившія для употребленія въ вѣдѣніе другихъ чиновниковъ, кассиръ обозрѣваетъ въ концѣ года, находятся ли оныя на лицо и въ цѣлости, о потерянныхъ же и испорченныхъ, получа записки отъ завѣдующихъ, съ изъясненіемъ причины, представляетъ правленію. Къ письмоводству кассира принадлежатъ: кассирскія: a) книги, b) выписки изъ журналовъ о выдачѣ денегъ и пр. c) отчеты, вѣдомости и всѣ прочія дѣла. Кассиръ

употребляетъ въ расходъ деньги не прежде, какъ по состоявшимся уже о выдачѣ оныхъ журналамъ правленія; никакіе расходы, даже самые малые, не записываются въ книгу до полученія выписки изъ журналовъ; послѣ записки въ расходную книгу, а отнюдь не прежде, выдаются деньги съ роспискою получающаго. Въ случаяхъ, требующихъ скорости, составляется особый журналъ на таковыя статьи. Какъ члену правленія, опредѣленному для соблюденія казны, должно быть всегда извѣстно, когда бываютъ большія выдачи денегъ, то онъ обязанъ смотрѣть, есть ли по ней росписка подъ статьею въ той значительной суммѣ, которая недавно вынута изъ сундука. Статьи записываются въ кассирскихъ книгахъ писцомъ или бухгалтеромъ, но за исправность оныхъ отвѣтствуетъ какъ бухгалтеръ, такъ и кассиръ. Выписки изъ журналовъ сверхъ секретаря скрѣпляются повытчикомъ. Всѣ отчеты и вѣдомости кассирскія прежде подачи оныхъ въ присутствіе повѣряетъ бухгалтеръ и потомъ подписываетъ. Протоколисту поставляется въ особенную обязанность сличать подаваемые кассиромъ рапорты съ прежде состоявшимися журналами. Для лучшей исправности опредѣляется для письменныхъ кассирскихъ дѣлъ исправный писецъ. Какъ при внесеніи, такъ и выниманіи суммъ изъ кассы долженъ быть присяжный, то объ опредѣленіи онаго представить его сіятельству г. министру“ [1]).

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ въ точности, благодаря какимъ обстоятельствамъ появилась эта инструкція—существовали ли для этого какія-нибудь *особенныя* причины или она вызвана была желаніемъ тогдашняго правленія упорядочить веденіе университетскихъ финансовъ. Въ дѣлахъ университета мы не находили никакихъ указаній на злоупотребленія по этой части университетскихъ чиновниковъ; слѣдовательно, можно думать, что правленіе просто желало создать точныя и опредѣленныя правила въ интересахъ такого сложнаго и отвѣтственнаго дѣла, какъ финансы, и для удобства тѣхъ, которымъ приходилось непосредственно ими завѣдывать. Впрочемъ, быть можетъ, нѣкоторое вліяніе на появленіе въ свѣтъ этихъ правилъ могли оказать тѣ споры и распри, которыя имѣли мѣсто въ правленіи и совѣтѣ въ ректорство Стойковича, а также и извѣстное намъ предосудительное поведеніе этого послѣдняго. Имѣли, по всей вѣроятности, также нѣкоторое основаніе и слухи о взяткахъ, получаемыхъ предсѣдателемъ правленія (Стойковичемъ). Неспроста же они нашли себѣ выраженіе у современниковъ—профессора Роммеля и студента Розальонъ-Сошальскаго. Новый составъ правленія, куда вошли ректоръ Осиповскій, непремѣнный засѣдатель

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1814 г., май — августъ; засѣданіе 15 іюня.

проф. Каменскій, деканы—проф. Шумлянскій, Шадъ, Гизе и Успенскій—а все это были самые видные представители оппозиціи Стойковичу—естественно желалъ устроить дѣло такимъ образомъ, чтобы въ немъ не было мѣста никакому личному довѣрію, чтобы все дѣлалось по уставу, чтобы каждое дѣйствіе имѣло оправданіе въ документахъ и чтобы надъ дѣятельностью каждаго лица былъ контроль учрежденія и его органовъ. Справедливо полагали, что въ финансовой дѣятельности строгая отчетность является совершенно необходимой, обязательной и что она нисколько не оскорбительна для тѣхъ лицъ, которыя подвергаются контролю. Какъ бы то ни было, уставъ этотъ очень наглядно рисуетъ намъ ту сложную канцелярскую процедуру, которую исполняли правленскіе чиновники подъ непосредственнымъ наблюденіемъ предсѣдателя, непремѣннаго засѣдателя и членовъ правленія, ихъ ежедневную заурядную обычную работу, независимо отъ разныхъ „особенныхъ“ дѣлъ, образцы которыхъ мы приводили выше. И эта работа исполнялась правленіемъ удовлетворительно. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ одинъ только случай, когда высшее начальство (министерство) выразило свое неудовольствіе. На этомъ случаѣ мы теперь и остановимся.

Дѣло относится къ 1811 г., когда ректоромъ былъ Стойковичъ. Въ журналѣ правленія по этому поводу записано [1]): „слушали предложеніе его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія о томъ, что его сіятельство, усматривая въ доставляемыхъ отъ сего правленія за прошедшую половину сего года вѣдомостяхъ о приходѣ и расходѣ по университету суммъ, статьи, требующія поясненія, и препровождая при семъ составленную таковымъ статьямъ выписку, предлагать изволитъ на сдѣланныя по онымъ замѣчанія доставить его сіятельству надлежащее объясненіе. Замѣчанія же сдѣланныя на нижеписанныя статьи суть слѣдующія.

По вѣдомостямъ, между прочимъ, показано въ расходъ:

Въ генварѣ мѣсяцѣ:	
1) Изъ штатной суммы куплено для ректорскихъ покоевъ восковыхъ свѣчъ одинъ пудъ.	По какой причинѣ покупаются для ректорскихъ покоевъ восковыя, а не другія свѣчи и изъ какой статьи, по штату положенной, берутся на таковую издержку деньги?

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г., май—августъ; засѣданіе 24 августа.

2) *Изъ хозяйственной суммы* отправлено къ Рижскому книгопродавцу Гартману за доставленныя отъ него книги вмѣсто 443 талеровъ и 9 фердинговъ—2325 рублей.

Для какого заведенія куплены сіи книги, для университета или училищъ, и по чьему приказанію употреблена на сей предметъ сумма?

Заимообразно на счетъ училищъ заплочено за провозъ изъ Радзивилова ящиковъ съ книгами, выписанными изъ Лейпцига для гимназій университетскаго округа—228 руб. 76$^3/_4$ коп.

Изъ сего заключить слѣдуетъ, что за книги прежде уже заплочены деньги, но сколько неизвѣстно. Почему, показавъ количество таковой суммы, объяснить, какія то книги, по чьему приказанію оныя выписаны и деньги за нихъ заплочены.

Въ *февралѣ мѣсяцѣ* изъ хозяйственной суммы отправлено къ банкиру Ралю въ возвратъ издержанныхъ имъ на переводъ въ Лейпцигъ 1000 руб., посланныхъ для выписки иностранныхъ книгъ для гимназій—25 руб.

Объяснить, какого рода книги выписаны на упомянутыя 1000 р., когда деньги сіи доставлены Ралю и по чьему приказанію, при чемъ приложить вѣдомость, сколько когда вообще употреблено на выписку изъ чужихъ краевъ для гимназій книгъ и по чьему приказанію каждая выдача на сей предметъ денегъ сдѣлана.

Въ маѣ мѣсяцѣ:

Заимообразно на счетъ другихъ училищъ:

Заплочено за купленныя для гимназіи книги о селитровареніи.

Для какой гимназіи куплены сіи книги и почему оныя для нея нужны?

Отправлено къ банкиру Ралю для перевода въ Лейпцигъ къ консулу Шварцу на заплату за книги, выписываемыя для гимназій--1000 рублей.

Объяснить, какія то книги, по чьему приказанію выписаны и деньги за нихъ заплочены.

Изъ хозяйственной суммы выдано переплетчику Ведде квартирныхъ денегъ за треть года, окончившуюся 22-го апрѣля сего 1811 г.,—50 рублей.

По чьему утвержденію производятся переплетчику квартирныя деньги и когда оное послѣдовало?

Въ *маѣ мѣсяцѣ* изъ хозяйственной суммы выдано на проѣздъ профессору Роммелю, отправленному въ городъ Славянскъ для осмотра надписи на камнѣ, найденномъ въ землѣ,— 75 руб.	Объяснить, по какому поводу поѣздка сія сдѣлана, какую пользу университетъ надѣялся имѣть отъ сего путешествія и приложить донесеніе проф. Роммеля объ успѣхахъ сдѣланнаго ему порученія, также мнѣніе университета, на донесеніе сіе послѣдовавшее.
Въ *іюнѣ мѣсяцѣ* выдано ему же, Роммелю, передержанныхъ имъ по сему случаю—8 р. 50 к.	

Правленіе дало на это слѣдующія подробныя объясненія.

На первый вопросъ (о восковыхъ свѣчахъ). „Еще въ 1806 году 18 января правленіе университета, разсуждая, что въ ректорскихъ покояхъ нерѣдко собираются какъ университетскіе чиновники для разныхъ совѣтованій по должности, такъ и постороннія особы по разнымъ надобностямъ и, признавъ сіи покои публичными, положило освѣщеніе оныхъ принять на счетъ университета, для чего и назначило отпускать въ годъ по 8 пуд. сальныхъ и по одному пуду восковыхъ свѣчъ. Деньги на сію покупку употребляются изъ положенныхъ 8800 руб. по штату университета на содержаніе строеній, ихъ отопленіе, освѣщеніе, чистоту и прочее“.

На 2-й вопросъ (о 2325 руб., отправленныхъ къ книгопродавцу Гартману). „При открытіи въ 1805 году университета библіотека его не имѣла почти никакихъ книгъ, кромѣ небольшого числа купленныхъ въ 1804 г. его превосходительствомъ Николаемъ Николаевичемъ Новосильцевымъ во время правленія его должности попечителя сего университета. Посему университетъ и представлялъ попечителю его графу Северину Осиповичу Потоцкому о снабженіи библіотеки его книгами, и его сіятельство предложеніемъ отъ 25 мая 1806 г. позволилъ на первый разъ употребить на сей предметъ до 14000 руб. Вслѣдствіе чего составлены факультетами списки нужнѣйшихъ для каждаго книгъ и заключенъ на доставленіе ихъ контрактъ съ Рижскимъ книгопродавцемъ Гартманомъ, по которымъ спискамъ значительная часть еще по сіе время не доставлена. Какъ въ теченіе 1809 и въ началѣ 1810 годовъ курсъ ассигнаціонныхъ денегъ весьма упалъ, то въ 1810 году положено университетомъ и утверждено г. попечителемъ въ продолженіи выписки книгъ остановиться и дано знать Гартману, что отъ него тѣ только будутъ приняты книги, кои отправлены будутъ въ теченіи 1810 года,

а далѣе сего срока принимаемы не будутъ. Гартманъ въ исходѣ 1810 г., отправивъ ящикъ съ книгами въ университетъ, между тѣмъ, далъ знать ему, что еще прежде полученія сего отзыва отъ университета выписано имъ на счетъ его изъ Парижа книгъ на значительную сумму, кои уже находятся въ дорогѣ, но къ концу сего года не успѣютъ быть отправлены въ университетъ, а потому бы университетъ сей транспортъ принялъ, хотя отправленъ будетъ уже въ 1811 г., безъ чего онъ потерпѣть можетъ напрасные убытки. Такимъ образомъ университетъ принужденъ былъ согласиться принять и сей транспортъ; почему университетъ и заплатилъ за сей ящикъ, посланный въ 1810 году, означенные 2325 рублей, да и за симъ долженъ будетъ заплатить за упомянутыя полученныя имъ, Гартманомъ, изъ Парижа книги, кои уже въ трехъ ящикахъ отправлены въ университетъ и коихъ цѣны по присланной отъ него фактурѣ простираться будутъ до 10000 франковъ".

На 3-й вопросъ (о 228 рубл. 76¾ коп., заплоченныхъ за книги для гимназій и о 25 руб., заплоченныхъ г. Ралю). „По открытіи университета училищный комитетъ, приступая къ преобразованію главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи, усмотрѣлъ изъ доставленныхъ отъ директоровъ училищъ каталоговъ находящихся въ библіотекахъ оныхъ училищъ книгъ недостатокъ даже въ самонужнѣйшихъ классическихъ сочинителяхъ, безъ коихъ учители не могутъ ни себя усовершать въ наукахъ, ни приготовляться какъ слѣдуетъ къ преподаванію оныхъ; почему составилъ каталоги книгъ, коими снабжены должны быть гимназическія библіотеки. Между тѣмъ гимназіи были открываемы и какъ оныя первоначально не имѣли полнаго числа чиновниковъ, то оставались въ нихъ экономическія суммы. Когда таковыхъ суммъ накопилось въ нѣкоторыхъ столько, что можно было приступить къ снабженію библіотекъ, то комитетъ, съ позволенія г. попечителя въ 1808 году отправивъ оный каталогъ къ находящемуся въ Лейпцигѣ россійско-императорскому консулу Шварцу, поручилъ искупать по оному книги для шести гимназій и по мѣрѣ искупленія препровождать въ университетъ съ тѣмъ, что университетъ разсылать будетъ оныя по гимназіямъ. Такимъ образомъ оный консулъ, покупая въ Лейпцигѣ книги по каталожнымъ цѣнамъ съ уступкою 20%, буде деньги въ теченіе 6 мѣсяцевъ заплачены будутъ, препровождаетъ ихъ изъ Лейпцига въ Броды къ университетскому коммиссіонеру Ласкевичу, а сей отправитъ уже ихъ въ университетъ. Какъ скоро консулъ отправитъ какой транспортъ въ Броды, присылаетъ въ университетъ фактуру цѣнъ книгъ и счетъ, почему договорено имъ за провозъ ихъ отъ Лейпцига до Бродъ; и когда Бродскій коммиссіонеръ увѣдомитъ университетъ, что транспортъ на границу

прибылъ, то университетъ отправляетъ деньги какъ къ консулу на заплату за книги, такъ и къ Бродскому коммиссіонеру за провозъ отъ Лейпцига до Бродъ. Къ числу таковыхъ отправленій денегъ въ Броды принадлежатъ и оные 228 руб. 76 $^3/_4$ к. По сіе время университетомъ переслано на заплату за оныя книги и за провозъ ихъ 22951 р. 31$^3/_4$ к. (слѣдуетъ подробная вѣдомость, которую мы опускаемъ), въ возвратъ коихъ получено уже изъ Слободско-украинской, Курской и Екатеринославской гимназій по 2500 р., всего 7500 р.".

На 4-й вопросъ (о 55 руб., заплоченныхъ за купленныя для гимназій книги о селитровареніи). „Правленіе сіе, почитая нужнымъ и полезнымъ имѣть въ библіотекахъ гимназій сію книгу, какъ принадлежащую къ технологіи, которой въ гимназіяхъ обучаются, положило купить по экземпляру оной для 11 гимназій, заплативъ по 5 р. за экземпляръ, и разослало въ оныя гимназіи, изъ коихъ деньги за сію книгу почти изъ всѣхъ уже въ университетъ возвращены".

На 5-й вопросъ (о выданныхъ переплетчику Ведде 50 р. квартирныхъ денегъ). „Оный переплетчикъ вызванъ въ Харьковъ для университета еще до открытія его вмѣстѣ съ прочими мастеровыми. По договору, сдѣланному съ нимъ отъ университета, онъ, получая 250 руб. жалованія и квартиру съ дровами, долженъ переплетать даваемыя университетомъ книги съ уступкой третьей доли противъ той цѣны, за которую переплетаетъ частнымъ лицамъ, и съ тѣмъ, чтобы переплетено имъ было въ годъ не меньшее число книгъ, какъ такое, за переплетъ коихъ слѣдуетъ по оному расчету получить до 1000 руб. Прежде сего пользовался онъ квартирою въ университетскомъ строеніи, но какъ въ 1809 году для приумноженія авдиторій понадобились университету занимаемые имъ покои, то по сдѣланному съ нимъ о квартирѣ договору отпускается ему по 50 руб. въ треть квартирныхъ денегъ".

На 6-й вопросъ (о 83 руб. 50 коп., выданныхъ проф. Роммелю на проѣздъ въ Славянскъ для освидѣтельствованія камня). „Въ маѣ мѣсяцѣ сего 1811 г. Слободско-украинскій гражданскій губернаторъ увѣдомилъ университетъ, что Изюмскій земскій исправникъ доносилъ ему о найденномъ въ заштатномъ городѣ Славянскѣ близь состоящей тамъ Степановской больницы въ песчаномъ грунтѣ дикомъ камнѣ, обдѣланномъ на подобіе треугольника или сердца съ выбитыми сверху и подъ низомъ вокругъ иностранными словами и имѣющемъ въ окружности около шести саженъ, а въ толщину $^3/_4$ аршина; почему онъ, г. губернаторъ, предполагая, что при рачительномъ осмотрѣ и освидѣтельствованіи онаго камня кѣмъ-либо занимающимся науками можетъ быть иногда открыто достойное любопытства происшествіе древности, про-

*

силъ объ отряженіи кого-либо изъ университетскихъ чиновниковъ въ Славянскъ для освидѣтельствованія того камня. Правленіе университета, основываясь на отношеніи г. губернатора, откомандировало посему случаю въ помянутый заштатный городъ Славянскъ профессора латинской словесности и древностей Роммеля и выдало ему на проѣздъ туда и обратно изъ хозяйственной суммы 75 руб. Имянованный профессоръ по исполненіи сего порученія донесъ правленію что, по осмотрѣ имъ означеннаго камня, не оказалось на немъ ни малѣйшихъ слѣдовъ надписи и что одна фантазія и необузданное воображеніе могутъ находить на томъ камнѣ изображенія, имѣющія видъ коней и на концѣ камня татарскую стрѣлу, которыя относить должно болѣе къ игрѣ природы, нежели къ искусству. Причемъ онъ г. Роммель представилъ и счетъ объ издержкахъ, произведенныхъ имъ въ сію поѣздку, изъ коего усморѣно, что онъ употребилъ на прогоны, на промѣнъ ассигнацій на мѣдныя деньги и на другія въ пути издержки сверхъ выданныхъ ему 75 р. еще 8 р. 50 к. Почему правленіе выдало ему и сіи передержанные имъ 8 р. 50 коп. изъ хозяйственной же суммы. Поелику же въ университетѣ на таковые расходы суммы не положено и тѣмъ менѣе сіи расходы на счетъ университета поставить можно, что поѣздка сія сдѣлана безъ всякой пользы, то правленіе тогда же отнеслось къ г. губернатору съ тѣмъ, чтобы онъ, взыскавъ, съ кого слѣдуетъ, означенныя деньги, всего 83 р. 50 коп., доставилъ въ университетъ. Однако-жъ отъ него г. губернатора и досѣлѣ оныя не получены“ [1]).

Нельзя не признать всѣ эти объясненія болѣе чѣмъ достаточными и вполнѣ основательными. Можно даже сказать, что въ дѣлѣ о командированіи проф. Роммеля правленіе проявило излишнюю расчетливость въ соблюденіи „казеннаго интереса“. Въ самомъ дѣлѣ: едва ли справедливо было взыскать возмѣщенія расхода, понесеннаго Роммелемъ, съ тѣхъ, „съ кого слѣдуетъ“, какъ довольно не опредѣленно выражается документъ, только потому, что экспедиція не удалась; лица, доносившія губернатору о находкѣ камня, могли дѣйствовать bona fide (и конечно, такъ именно и дѣйствовали); задача заключалась въ томъ, чтобы выяснить, опредѣлить значеніе находки—для этого-то и былъ командированъ спеціалистъ. Мало того: приведенное нами объясненіе Роммеля находится въ странномъ противорѣчіи съ тѣмъ, что онъ говоритъ по этому поводу въ своихъ воспоминаніяхъ. Тамъ онъ выражается въ такомъ смыслѣ, что на камнѣ была надпись, только на неизвѣстномъ ему языкѣ; впослѣдствіи онъ открылъ сходство между этими письменами и

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 7 сентября.

скиѳскими или гунскими рунами [1]); отсюда же видно, что Роммеля сопровождали профессоръ Шмерфельдъ (въ качествѣ живописца), университетскій писецъ и унтеръ-офицеръ. При такомъ составѣ экспедиціи сумма въ 83 р. 50 к. должна быть признана очень скромной.

Чтобы быть вполнѣ точнымъ, я долженъ замѣтить, что кромѣ требованія этого разъясненія министерство обратилось къ правленію еще съ формальнымъ выговоромъ, который мы приведемъ здѣсь въ буквальномъ текстѣ. Выговоръ былъ вызванъ медленностью, обнаруженной правленіемъ въ дѣлѣ описанія минералогической коллекціи, купленной Харьковскимъ университетомъ въ Ганноверѣ. Изъ дѣлъ выяснилось, что коллекція эта не имѣла каталога и составленіе его поручено было адъюнкту Крюгеру, который однако этого порученія не исполнилъ. Тогда правленіе обратилось къ министру народнаго просвѣщенія (графу А. К. Разумовскому) съ просьбой командировать для этой цѣли адъюнкта Московскаго университета Таубера, но въ отвѣтъ получило отъ него слѣдующее письмо. „Я не могу не отнести къ крайней безпечности университета, что доселѣ не сдѣлано описи купленному у Груннера минеральному кабинету. Мало того, что университетъ поручилъ сдѣлать опись, надобно было смотрѣть, чтобы порученіе сіе дѣйствительно исполнено было. Правленіе представляетъ теперь о семъ, когда выбыли уже чиновники, на рукахъ которыхъ кабинетъ находился и когда перемѣнено посольство, отъ котораго каталогъ кабинету требовать можно было. Я не имѣю теперь никакихъ средствъ отыскать каталогъ; остается университету узнать отъ попечителя, не получалъ ли онъ его. Не могу также для описанія кабинета командировать изъ Московскаго университета адъюнкта Таубера, который имѣетъ тамъ свои занятія. Если при университетѣ дѣйствительно не находится никого, кто бы могъ сдѣлать опись упомянутому кабинету, то остается трудъ сей возложить на учителя естественной исторіи при Харьковской гимназіи, который долженъ знать минералогію. Наконецъ, не могу не отнести также къ небреженію университета, что доселѣ не приготовилъ изъ воспитанниковъ своихъ никого, кто бы по сей части могъ занять мѣсто въ университетѣ“ [2]).

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что это желчное и ѣдкое письмо является *единственнымъ* замѣчаніемъ, сдѣланнымъ министромъ правленію; по крайней мѣрѣ, пересмотрѣвъ журналы правленія за все первое

---

[1]) Пять лѣтъ изъ исторіи, стр. 59.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г. сентябрь—декабрь; засѣданіе 13 ноября.

десятилѣтіе его дѣятельности, мы не нашли больше никакихъ выговоровъ и неудовольствій министерства по его адресу.

Судебной функціи правленія мы не будемъ здѣсь касаться; замѣтимъ только, что приведенными нами случаями исчерпывается, кажется, вся его дѣятельность въ этомъ отношеніи. Для того, чтобы дать реальное представленіе и объ этой сторонѣ дѣла, мы остановимся только на одномъ любопытномъ инцидентѣ—слѣдствіи по поводу обидъ, нанесенныхъ полиціей учителю фехтовальнаго искусства въ университетѣ Сивокту.

Широкая университетская автономія того времени нашла себѣ яркое выраженіе между прочимъ въ судебныхъ функціяхъ правленія. Въ качествѣ самоуправляющейся юридической единицы университетъ стоялъ на стражѣ интересовъ всѣхъ лицъ, входившихъ въ составъ его корпораціи и долженъ былъ охранять ихъ личность и имущество отъ всякихъ посягательствъ. Онъ справедливо разсуждалъ, что незаслуженное оскорбленіе, нанесенное отдѣльному члену его, является оскорбленіемъ для всей коллегіи и требуетъ законной реабилитаціи. Такой точки зрѣнія правленіе держалось и въ дѣлѣ фехтовальнаго учителя Сивокта. Этотъ послѣдній подалъ въ правленіе жалобу слѣдующаго содержанія. Между первымъ и вторымъ часомъ ночи, писалъ онъ, я услышалъ сильный шумъ и стукъ въ окно своей квартиры; на вопросъ, кто стучитъ, я не получилъ отвѣта и потому долженъ былъ выйти въ одной рубахѣ съ небольшою тростью въ рукахъ изъ горницы и увидѣлъ человѣка, который перелѣзалъ черезъ заборъ противоположнаго дома; ему по русски я замѣтилъ, что поговорю съ нимъ утромъ, какъ вдругъ у самой калитки двора оказалось четыре неизвѣстныхъ человѣка, которые напали на меня и желая схватить разорвали даже на мнѣ рубаху; я вынужденъ былъ защищаться палочкой и всѣхъ ихъ повалилъ на землю; въ числѣ ихъ я узналъ майора Познякова; между тѣмъ къ этимъ четыремъ подоспѣло еще 6 человѣкъ и они, несмотря на заявленіе, что я состою учителемъ при университетѣ, отвели меня въ съѣзжій домъ, въ которомъ, думалъ я, меня хотятъ лишить жизни; по утру-жъ, около 8 часовъ, отвезли меня на дрожкахъ въ полицію, въ которой городничій хотѣлъ меня допрашивать, а когда я объявилъ свое званіе, то велѣлъ полицейскому офицеру отвести меня въ университетъ. Въ заключеніе Сивоктъ просилъ разсмотрѣть дѣло о причиненномъ ему насиліи и доставить удовлетвореніе и справедливость. При этомъ приложено было свидѣтельство, выданное Сивокту профессоромъ и докторомъ медицины Делявинемъ, въ которомъ значилось, что на обѣихъ рукахъ, особенно же на правой и на плечѣ, имѣется у него отъ пяти до шести синебагровыхъ знаковъ. Выслушавъ все это,

правленіе постановило: изъ обстоятельствъ дѣла, изложенныхъ въ прошеніи, видно, что открытое нападеніе на просителя, сдѣланное въ самой его квартирѣ, въ ночное время, безъ всякой вины съ его стороны, и отводъ его, почти нагого въ съѣзжую избу, а также причиненные ему при этомъ побои, которые доказываются медицинскимъ свидѣтельствомъ доктора Делявиня, и пребываніе его въ теченіи цѣлой ночи вмѣстѣ, можетъ быть, съ какими-нибудь преступниками „есть оскорбительное нарушеніе достоинства всякаго благороднаго человѣка (а таковъ и проситель Сивоктъ) и такого нарушенія менѣе всего можно было ожидать отъ полиціи, долженствующей ограждать спокойствіе и безопасность каждаго обывателя. Такъ какъ по 154 § Высочайше утвержденнаго устава даже въ уголовныхъ дѣлахъ первоначальное изслѣдованіе и взятіе подъ стражу чиновника университета принадлежитъ правленію, то поступокъ учиненный (полиціей) съ учителемъ Сивоктомъ, благороднымъ чиновникомъ университета, является несообразнымъ со всемилостивѣйше дарованными членамъ его правами и преимуществами тѣмъ болѣе, что взявшій его подъ стражу чиновникъ полиціи не могъ не знать, что тотъ, кого онъ бралъ, принадлежитъ къ вѣдомству университета, потому что онъ живетъ въ домѣ, находящемся противъ квартиры Сивокта и этотъ послѣдній, при взятіи его и веденіи въ съѣзжую, называлъ себя учителемъ вѣдомства университета. Наконецъ, правленію извѣстно, что членъ его профессоръ Шадъ также не нашелъ удовлетворенія въ полиціи по розыску убѣжавшей отъ него служанки и по жалобѣ своей на квартирнаго хозяина купца Кувшинникова. Сопоставляя все это съ тѣмъ, что произошло съ учителемъ Сивоктомъ, правленіе „считаетъ своею священною обязанностію, какъ въ семъ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, употреблять съ своей стороны настоятельное и бдительное попеченіе о соблюденіи правъ и преимуществъ, Всемилостивѣйше дарованныхъ членамъ Харьковскаго университета, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ, тѣмъ болѣе что это необходимо должно имѣть вліяніе на положеніе всего университета, столь новаго въ этомъ краю. Вотъ почему правленіе рѣшило представить копію прошенія Сивокта и медицинскаго свидѣтельства Делявиня, со своимъ отзывомъ, г. Харьковскому губернатору и просить его, чтобы онъ, употребивъ всѣ зависящія отъ него мѣры, повелѣлъ произвести законное разслѣдованіе поступка, учиненнаго надъ учителемъ Сивоктомъ, и виновныхъ предалъ сужденію по всей строгости законовъ, чтобы этимъ оградить ненарушимость преимуществъ и правъ членовъ сего университета; при изслѣдованіи же этого дѣла поручено быть представителемъ университета совѣтскому архиваріусу и правленскому переводчику

коллежскому ассесору Александру Фирсову, а при самомъ судопроизводствѣ члену правленія профессору Стойковичу“ [1]).

Не будемъ останавливаться на дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія по этому дѣлу. Замѣтимъ только, что оно затянулось на долгое время: процессъ въ тогдашнихъ судахъ отличался вообще крайнею медленностью; за тѣмъ полиція съ своей стороны дала нѣкоторыя объясненія, которыя представляли дѣло въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ оно изображено Сивоктомъ; въ объясненіи этого послѣдняго было вообще много неяснаго, недоговореннаго и потому непонятнаго; самъ Сивоктъ, какъ оказалось впослѣдствіи, былъ далеко не безупреченъ въ нравственномъ отношеніи; это былъ, очевидно, неспокойный характеръ, и его за ложный доносъ на профессора Дюгурова министръ отрѣшилъ отъ службы въ университетѣ. Но для насъ въ данномъ случаѣ интересны не столько сущность и исходъ этого дѣла, сколько отношеніе къ нему правленія, тѣ принципіальныя воззрѣнія, которыя были высказаны имъ по поводу его. А эти воззрѣнія таковы, что дѣлаютъ честь правленію и его членамъ (Рижскому, Осиповскому, Умляуфу, Шаду и Стойковичу): они, во 1-хъ, основательны по существу, во 2-хъ, находятся въ полномъ соотвѣтствіи съ автономіей, предоставленной университету уставомъ, и, въ 3-хъ, отличаются благородствомъ своего внутренняго содержанія и внѣшней формы. Къ этому можемъ прибавить, что въ общемъ въ судебныхъ дѣлахъ правленіе стояло на высотѣ своего призванія. Количество дѣлъ, которыя ему приходилось разрѣшить (а мы отмѣтили почти всѣ ихъ), было довольно велико; но его нельзя назвать чрезмѣрнымъ, если принять во вниманіе, что подъ вѣдѣніемъ университета находились не только профессора и студенты, но и весь вообще педагогическій персоналъ гимназій, уѣздныхъ и народныхъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа.

Кромѣ совѣта, факультетовъ и правленія, университетская автономія нашла себѣ выраженіе еще въ цензурномъ и училищномъ комитетахъ. Особое довѣріе правительства Императора Александра I-го къ университетамъ выразилось въ предоставленіи имъ цензуры надъ всѣми научными и литературными произведеніями, печатавшимися въ предѣлахъ ихъ округовъ. Въ университетскомъ уставѣ цензурныя правила формулированы такимъ образомъ. При каждомъ университетѣ учреждается цензурный комитетъ, членами котораго состоятъ деканы всѣхъ факультетовъ. Онъ поручаетъ разсмотрѣніе рукописей профессорамъ, адъюнктамъ и магистрамъ; одинъ изъ этихъ послѣднихъ назначается его секретаремъ. Комитетъ обязанъ не допускать изданія сочиненій,

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., январь—іюль; засѣданіе 11 мая.

„коихъ содержаніе противно закону, правительству, благопристойности, добрымъ нравамъ и личной чести частныхъ лицъ". Черезъ него должны были проходить всѣ сочиненія, кромѣ тѣхъ, которыя предоставлены были вѣдѣнію духовной цензуры и которыя издавались отъ имени совѣта или правленія (безъ всякой цензуры). При разсмотрѣніи рукописей комитетъ долженъ былъ руководиться слѣдующими правилами. Всякая рукопись или книга вносилась въ журналъ и отдавалась для просмотра кому-либо изъ профессоровъ, адъюнктовъ или магистровъ. По прочтеніи лекторъ докладывалъ комитету свой отзывъ о прочитанномъ имъ сочиненіи. Въ случаѣ рѣшительнаго одобренія со стороны лектора, комитетъ дѣлалъ опредѣленіе о разрѣшеніи его къ изданію. Если же лекторъ давалъ отрицательное заключеніе или же затруднялся дать отзывъ, то представлялъ свои мотивы въ комитетъ и отмѣчалъ сомнительныя мѣста; въ такомъ случаѣ комитетъ сообща разбиралъ вопросъ и рѣшалъ его по большинству голосовъ; а иногда переносилъ на разрѣшеніе совѣта, который рѣшалъ его также по большинству голосовъ. Если сочинитель или издатель былъ недоволенъ рѣшеніемъ комитета, то могъ аппеллировать въ главное управленіе училищъ. Всѣ содержатели типографій, находящихся въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа, обязаны были печатать только то, что было пропущено университетскою цензурой и по отпечатаніи книги доставлять въ комитетъ подлинную рукопись и одинъ печатный экземпляръ сочиненія со своей подпискою, что въ него не включено ничего, что могло-бы измѣнить его смыслъ. Университетъ и каждый его профессоръ въ отдѣльности могли выписывать безпрепятственно „всѣ сочиненія какого бы они содержанія ни были"; но цензурный комитетъ обязанъ былъ просматривать тѣ изъ нихъ, которыя предназначались для университетской библіотеки, и отмѣчать среди нихъ вредныя или соблазнительныя (впрочемъ, и этими книгами могли безпрепятственно пользоваться профессора и адъюнкты; онѣ не выдавались только постороннимъ лицамъ).

Таковы были цензурныя правила, отличавшіяся, какъ мы видимъ, духомъ широкой свободы и ограждавшія только то, что дѣйствительно могло нуждаться въ огражденіи. Полной свободы книгопечатанія не было, была введена цензура, но она, во 1-хъ, предоставлена была такому просвѣтительному учрежденію, которое по самому характеру и задачамъ своимъ должно было содѣйствовать распространенію научно-литературныхъ интересовъ въ публикѣ, а, во 2-хъ, и самыя цензурныя постановленія были въ высшей степени мягки и не могли поэтому стѣснять дѣйствительной свободы печати: кругъ сочиненій, на которыя цензура должна была накладывать свое veto, былъ точно опредѣленъ; довѣріе

къ отдѣльнымъ лекторамъ, какъ представителямъ автономнаго университета, было столь велико, что въ случаѣ положительнаго рѣшенія вопроса съ ихъ стороны, сочиненіе и не разсматривалось въ комитетѣ, а просто разрѣшалось къ выпуску въ свѣтъ; безпристрастное рѣшеніе дѣла въ комитетѣ было достаточно гарантировано коллегіальнымъ его устройствомъ; наконецъ, для окончательнаго огражденія авторовъ была допущена аппеляція на рѣшенія комитета въ высшую инстанцію. Однимъ словомъ, все клонилось къ огражденію интересовъ литературы и ея дѣятелей и не должно было допускаться только то, что подрывало основы правительства и нравственности; научному изслѣдованію здѣсь была предоставлена полная, можно сказать, безграничная свобода; для себя лично профессора университета могли, какъ мы видѣли, свободно выписывать изъ-за границы и запрещенныя книги. Очевидно, правительство стояло на той точкѣ зрѣнія, что запрещенная или вредная книжка вредна не всякому, что ее можно смѣло дать въ руки человѣка науки, стремящагося къ раскрытію объективной истины. Въ высшей степени сочувственное, доброжелательное отношеніе правительства къ свободѣ книгопечатанія нашло себѣ яркое выраженіе въ цензурномъ уставѣ 1804 года, заключавшемъ въ себѣ основныя постановленія по сей части, которыми долженъ былъ руководствоваться и цензурный комитетъ Харьковскаго университета.

Цензурный уставъ 1804 года представляетъ изъ себя въ высшей степени отрадный фактъ въ исторіи нашего умственнаго и общественнаго развитія. Въ немъ нашло себѣ выраженіе то либерально-просвѣтительное теченіе, которое началось у насъ немедленно послѣ воцаренія императора Александра I-го и явилось реакціей противъ прежняго царствованія. Извѣстно, что императоръ Павелъ хотѣлъ совершенно оттородить китайскою стѣною Россію отъ Европы и запретилъ вывозъ изъ заграницы всѣхъ произведеній литературы. „Такъ какъ, гласилъ его указъ, чрезъ вывозимыя изъ заграницы разныя книги наносится развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія, то отнынѣ повелѣваемъ запретить впускъ изъ заграницы всякаго рода книгъ, на какомъ бы языкѣ оныя ни были безъ изъятія, въ государство наше, равномѣрно и музыку“. Почему музыка подверглась такой же опалѣ, какъ и книги, сказать не беремся; остается только предположить, что и она наносила „развратъ вѣры, гражданскаго закона и благонравія“. Этому акту внѣшней, такъ сказать, политики по части литературы и искусства соотвѣтствовали и аналогичныя внутреннія мѣропріятія въ царствованіе императора Павла. Благодаря всему этому, положеніе литературы сдѣлалось невыносимымъ. Императоръ Александръ, по восшествіи своемъ на престолъ, *немедленно*

снялъ тяжелыя путы, въ которыя закована была русская наука и литература, издавъ такой указъ: „желая доставить всѣ возможные способы къ распространенію полезныхъ наукъ и художествъ, повелѣваемъ: запрещеніе на впускъ изъ заграницы всякаго рода книгъ и музыки отмѣнить, равномѣрно запечатанныя частныя типографіи распечатать, дозволяя какъ провозъ иностранныхъ книгъ, журналовъ и прочихъ сочиненій, такъ и печатаніе оныхъ внутри государства“. Одно сопоставленіе этихъ двухъ указовъ объясняетъ намъ расцвѣтъ научно-литературной дѣятельности въ Россіи въ началѣ царствованія имп. Александра I-го. Цензурный уставъ 9-го іюля 1804 г. дышетъ мягкостью и умѣренностью. Преслѣдуя опасныя для государства мнѣнія, онъ не нарушалъ свободы изслѣдованія въ области наукъ, касающихся какъ природы, такъ и человѣка, и допускалъ даже оцѣнку религіозныхъ, государственныхъ и общественныхъ вопросовъ. „Скромное и благоразумное изслѣдованіе всякой истины, относящейся до вѣры, человѣчества, гражданскаго состоянія, законодательства, государственнаго управленія или какой бы то ни отрасли правительства, говорится тутъ, не только не подлежитъ и самой умѣренной строгости цензуры, но пользуется *совершенною свободою печати, возвышающею успѣхи просвѣщенія*“. Сомнительныя мѣста—что въ высшей степени характерно, — велѣно было толковать въ пользу авторовъ: „когда мѣсто подверженное сомнѣнію, имѣетъ двоякій смыслъ, въ такомъ случаѣ лучше истолковать оное выгоднѣйшимъ для сочинителя образомъ, нежели его преслѣдовать“; цензоры не должны были задерживать рукописей; въ случаѣ запрещенія сочиненія они обязаны были сообщать автору мотивы такого рѣшенія; если въ рукописи оказывались неудобныя мѣста, то ихъ отнюдь не должны были поправлять сами цензоры, а обязаны были возвращать для исправленія авторамъ. У представителей и дѣятелей правительственной власти существовало такое воззрѣніе на цензуру: „неоспоримо, что строгость цензуры всегда влечетъ за собою пагубныя слѣдствія; истребляетъ искренность, подавляетъ умы и, погашая священный огонь любви къ истинѣ, задерживаетъ развитіе просвѣщенія. Неоспоримо и то, что свобода мыслить и писать есть одно изъ сильнѣйшихъ средствъ къ возвышенію народнаго духа и что свободное высказываніе даже ложной мысли ведетъ только къ бо́льшему торжеству истины: едва заблужденіе отважится заговорить во всеуслышаніе, множество умовъ готово будетъ вступить съ нимъ въ гибельную для него борьбу“ [1]).

Такъ благородно мыслили лучшіе люди того времени, ревнители и дѣятели просвѣщенія, члены главнаго правленія училищъ, академики

[1]) М. И. Сухомлинова. Изслѣдованія и статьи, т. I, стр. 414—415, 418.

Озерецковскій и Фусъ. Къ сожалѣнію, не долго держалось такое настроеніе въ правительственныхъ сферахъ — не прошло еще и десяти лѣтъ съ изданія устава, какъ начались уклоненія въ сторону реакціи, которая въ слѣдующее десятилѣтіе проявилась съ полною силою и нашла себѣ, наконецъ, яркое выраженіе въ цензурномъ уставѣ 1826 года. Подъ вліяніемъ реакціи дѣлались различныя дополненія и разъясненія къ цензурному уставу 1804 года, которыя мало по малу видоизмѣнили его основной духъ и характеръ. Первое такое ограниченіе относится къ 1811 году.

17 августа 1811 года министръ народнаго просвѣщенія графъ А. К. Разумовскій обратился въ Харьковскій университетъ съ такимъ циркуляромъ. „Для приведенія въ дѣйствіе со стороны министерства народнаго просвѣщенія статей Высочайше утвержденнаго министерства полиціи, касающихся до цензуры и типографій, предлагаю принять по харьковскому учебному округу слѣдующія мѣры:

1. Наблюдать, чтобы вѣдомости о разсмотрѣнныхъ цензурнымъ комитетомъ книгахъ и сочиненіяхъ доставляемы были ко мнѣ непремѣнно по истеченіи каждаго мѣсяца.

2. Новыя театральныя сочиненія и отдѣльные ежедневные листы, содержащіе какія-либо частныя или публичныя извѣстія (т. е. газеты), буде бы поступили впредь въ цензуру, обращать по принадлежности въ министерство полиціи.

3. Сдѣлать распоряженіе, чтобы для помѣщенія въ газетахъ не было принимаемо отъ частныхъ людей никакого объявленія, ежели оно не было прежде представлено на разсмотрѣніе полиціи.

4. Ежели представлены будутъ отъ частныхъ людей прошенія о заведеніи новыхъ типографій, то не давать имъ на то дозволенія пока не представятъ со стороны министерства полиціи свидѣтельства въ благонадежности ихъ да и въ такомъ случаѣ предварительно представлять мнѣ о дозволеніи открыть типографію“.

Этими распоряженіями, какъ мы видимъ, часть тѣхъ цензурныхъ правъ, которыми пользовался университетъ, переходила къ министру полиціи, другая—ставилась подъ постоянный, бдительный контроль министра народнаго просвѣщенія; университетъ, очевидно, уже не пользовался прежнимъ довѣріемъ!

17-го августа 1811 года графъ А. К. Разумовскій предупреждаетъ цензурный комитетъ Харьковскаго университета, чтобы онъ не разрѣшалъ перевода польскаго сочиненія графа Стройновскаго „объ условіяхъ помѣщиковъ съ крестьянами“, буде ему представятъ таковой.

7-го сентября 1811 года графъ А. К. Разумовскій, въ отвѣтъ на представленіе совѣта, обратился къ нему съ такимъ распоряженіемъ: „вслѣдствіе представленія совѣта за № 358, предлагаю оному всякую учебную книгу, которая сочинена будетъ и по разсмотрѣніи совѣтомъ найдена будетъ полезною для университета или гимназій, до напечатанія ея, представлять мнѣ. Какое же награжденіе выдавать сочинителямъ, о томъ въ свое время сдѣлано будетъ постановленіе“ [1]. Тутъ опять нѣтъ былаго довѣрія къ университету!

Въ 1812 г. Харьковскій губернаторъ препроводилъ въ правленіе Харьковскаго университета циркуляръ министра полиціи слѣдующаго содержанія: „по препорученію отъ коммиссіи духовныхъ училищъ членъ оной его сіятельство князь Александръ Николаевичъ Голицынъ увѣдомилъ меня, что не всѣ содержатели типографій исполняютъ обязанность свою, состоящую въ томъ, чтобы на основаніи проэкта устава для духовныхъ академій (3 части, 3 гл., §§ 77 и 78) представляли они для освидѣтельствованія и повѣрки въ учрежденный при духовной академіи цензурный комитетъ каждую одобренную имъ рукопись вмѣстѣ съ печатнымъ экземпляромъ, прежде нежели отдадутъ его переводчику или сочинителю. Вслѣдствіе сего я прошу васъ, милостивый государь мой, обязать подписками находящихся по ввѣренной вамъ губерніи типографщиковъ въ томъ, что они сію ихъ обязанность впредь неизмѣнно исполнять будутъ во всей точности“. Правленіе постановило передать этотъ циркуляръ фактору своей типографіи [2].

Въ томъ же 1812 г. министръ народнаго просвѣщенія запретилъ печатаніе харьковскихъ календарей, потому что эта монополія принадлежала тогда Императорской академіи наукъ. Правленіе просило разрѣшить ихъ изданіе въ виду того, что въ нихъ помѣщаются „экономическія наблюденія и замѣчанія, нужныя для здѣшняго края“; но получило отказъ, мотивированный тѣмъ, что они во 1-хъ, будутъ служить подрывомъ для академіи; что же касается экономическихъ свѣдѣній, то они могли бы, по словамъ министра, печататься отдѣльно [3].

Въ маѣ мѣсяцѣ 1812 г. правленіемъ полученъ былъ отъ министра народнаго просвѣщенія слѣдующій циркуляръ: „Комитетъ министровъ положилъ, чтобы въ настоящихъ обстоятельствахъ всѣ издатели періодическихъ сочиненій въ государствѣ, въ коихъ помѣщаются политическія статьи, почерпали изъ иностранныхъ газетъ *такія только извѣ-*

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта, 1811 г., № 12.

[2]) Харьк. универс. архивъ. Журналы правленія 1812 г., январь—апрѣль; засѣданіе 4 января.

[3]) Ibidem., засѣданіе 29 апрѣля.

стія, которыя до Россіи вовсе не касаются, а имѣющія нѣкоторую связь съ нынѣшнимъ нашимъ политическимъ положеніемъ заимствовали *единственно* изъ „Санктпетербургскихъ вѣдомостей“, издаваемыхъ подъ ближайшимъ надзоромъ. Вслѣдствіе того предлагаетъ сдѣлать распоряженіе о наблюденіи сего правила впредь до разрѣшенія по Харьковскому округу“. Правленіе постановило сообщить выписку съ сего постановленія въ цензурный комитетъ и директорамъ училищъ [1]).

Это распоряженіе, какъ мы видимъ, сильно напоминаетъ извѣстный уже намъ запретительный указъ имп. Павла и находится въ полномъ противорѣчіи съ духомъ и характеромъ цензурнаго устава 1804 года. Къ этому нужно еще прибавить, что, въ виду тѣхъ же политическихъ обстоятельствъ, частныя письма профессоровъ иностраннаго происхожденія, передъ отсылкою заграницу, должны были прочитываться съ цензурною цѣлью въ правленіи университета.

Посмотримъ теперь однако, въ какой мѣрѣ Харьковскій университетъ осуществлялъ предоставленное ему имп. Александромъ I право цензуры въ предѣлахъ округа—не оставалось ли оно мертвою буквою и много ли труда выпало на долю университета въ этомъ отношеніи. Уже á priori можно сказать, что въ теченіе перваго десятилѣтія исторіи университета научно-литературная дѣятельность въ Харьковскомъ учебномъ округѣ и особенно въ самомъ Харьковѣ должна была получить широкое развитіе. Такъ оно было и въ дѣйствительности (какъ увидимъ далѣе). Такимъ образомъ на долю цензурнаго комитета Харьковскаго университета выпало не мало работы. Чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи статистическія данныя.

Немедленно по открытіи Харьковскаго университета, стали поступать уже рукописи для цензурнаго разсмотрѣнія, такъ что явилась фактическая необходимость въ учрежденіи цензурнаго комитета. Онъ былъ открытъ 3 марта 1805 г. и въ составъ его вошли деканы подъ предсѣдательствомъ ректора. Въ теченіе 1805 года онъ имѣлъ 19 засѣданій. Въ первомъ же засѣданіи своемъ комитетъ составилъ извѣщеніе о началѣ своей дѣятельности и разослалъ его губернаторамъ и директорамъ училищъ Харьковскаго учебнаго округа, присоединивъ къ нему и выписки изъ устава, касающіяся цензуры. Представлено и разсмотрѣно было въ комитетѣ 5 рукописей, въ томъ числѣ два большихъ сочиненія ректора Рижскаго. Въ теченіе 1806 года было въ комитетѣ 23 засѣданія и допущено имъ къ изданію 11 рукописей; въ 1807 году разрѣшено къ печати 9 рукописей, въ 1808 году—9, въ 1809 году—7, въ 1810 году—16, въ 1811 году—27, въ 1812 году—19 (за 1813 и 1814 гг.

---

[1]) Ibidem, май—августъ; засѣданіе 9 мая.

свѣдѣній не имѣемъ); всего за 8 лѣтъ разрѣшено было 103 сочиненія, т. е. въ среднемъ приходится почти по 13 на годъ; сколько не было пропущено, свѣдѣній нѣтъ; можно, впрочемъ, полагать, что таковыхъ не было и вовсе, ибо въ противномъ случаѣ они были бы отмѣчены въ отчетахъ. Чтобы читатель самъ могъ судить о характерѣ этихъ трудовъ, мы въ примѣчаніи помѣщаемъ полный списокъ ихъ по годамъ [1]); замѣтимъ, только что они отличаются крайнимъ разнообразіемъ, какъ

[1]) *Въ 1805 году* разрѣшены къ изданію: 1) „Вѣстникъ погодъ по украинскому небосклону въ теченіе 1806 года"; 2) „Опытъ риторики" проф. Рижскаго; 3) „Способъ обучать отъ рожденія глухихъ и нѣмыхъ говорить" (переводъ съ нѣмецкаго); 4) Проф. Шумлянскаго. „Мысли о способахъ противъ пожара"; 5) Проф. Рижскаго, „Введеніе въ кругъ словесности". *Въ 1806 году*: 1) „Хозяйственный способъ узнавать погоды на 1806 г. съ прибавленіемъ краткаго историческаго извѣстія о Слободскоукраинской губ."; 2) Моисея Мендельсона. „Разсужденіе о духовномъ состояніи души человѣческой" (перев. съ нѣмецкаго); 3) „Осмѣянное чародѣйство", дѣтская комедія въ одномъ дѣйствіи"; 4) „Школа мачехъ", дѣтская драма (переводъ); 5) „Исторія маркизы Декрессы" (пер. съ франц.); 6) „Изліяніе благодарныхъ чувствій его сіятельству князю Александру Михайловичу Голицыну отъ питомцевъ его сіятельства, обучающихся въ Харьковскомъ коллегіумѣ"; 7) „Ода его преосвященству Христофору Сулимѣ, епископу Слободскоукраинскому и ордена Св. Анны 1-й степени кавалеру въ день тезоименитства его преосвященства съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ усерднѣйшее поздравленіе приноситъ Харьковскій коллегіумъ"; 8) „Ошибка отъ сходства лицъ", комедія въ одномъ дѣйствіи изъ г. Флоріана; 9) „Разсужденія, извлеченныя изъ соч. Геллерта"; 10) „Другъ хозяйства и экономіи" (переводъ съ иностраннаго); 11) „Экономическій календарь на лѣто отъ Р. Х. 1807-е, показывающій погоды, теченіе солнца и луны и проч.". *Въ 1807 году*: 1) „Двѣ таблицы аналитическія латинскаго языка или новый способъ обученія оному" (проф. Белленъ-де-Баллю); 2) „Посланіе къ Привѣтѣ или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени" (А. А. Палицына); 3) „Исторія и хронологическое описаніе воздушныхъ камней" (ректора Стойковича); 4) „Игорь", героическая пѣснь съ древней словенской пѣсни, писанной въ 12-мъ вѣкѣ, переложенная стихами, и письмо г. Палицына къ г. губернатору и таковое-жъ въ стихахъ гр. Хвостова къ г. Палицыну съ отвѣтомъ его къ гр. Хвостову (А. А. Палицына); 5) „Должности опредѣляемыхъ по синодальному указу, состоявшемуся октября 31-го 1789 года, семинарскихъ инспекторовъ по Курской семинаріи" (арх. Курскаго Ѳеоктиста); 6) „Наставленіе церковно-служителямъ Курской и Бѣлгородской епархіи, какъ имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ и каковыхъ въ малыя духовныя училища, потомъ въ семинаріи присылать" (Кур. архіеп. Ѳеоктиста); 7) „Извѣстіе объ испытаніи минеральныхъ водъ въ дачахъ статскаго совѣтника Семена Михайловича Кочубея, находящихся въ Полтавской губ., Константиногр. повѣта, при деревнѣ Дубовые гряды называемой" (проф. Шумлянскаго); 8) „Экономическій и астрономическій календарь на лѣто отъ Р. Х. 1808-е" (ректора Стойковича); 9) „Хозяйственный календарь на лѣто Господне 1808-е" (адъюнкта Крюгера). *Въ 1808 г.*: 1) „Краткое начертаніе учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ священно- и церковнослужительскимъ Курской епархіи дѣтямъ, въ малыхъ духовныхъ училищахъ обучающимся, съ предпоказаніемъ удобнѣйшаго способа къ обученію ихъ тѣмъ предметамъ"; 2) „Прибавленіе къ оному начертанію"; 3) „Извѣстіе о винокуренныхъ снарядахъ г. Каразина"; 4) „Богословскія предложенія изъ трактата богословскаго о созданіи міра и промыслѣ

по содержанію и формѣ, такъ и по размѣрамъ. Не останавливаемся здѣсь на нихъ подробнѣе, потому что сдѣлаемъ это въ главѣ о преподавательской и *ученой* дѣятельности Харьковскаго университета. Констатируемъ только тотъ фактъ, что цензурный комитетъ Харьковскаго университета работалъ довольно энергично, и къ нему поступало сравнительно большое количество разнообразныхъ рукописей, которыя онъ безъ всякихъ затрудненій допускалъ къ печати.

Чтобы исчерпать вопросъ объ университетскомъ *самоуправленіи*, мы должны были бы остановиться еще здѣсь на дѣятельности *училищнаго комитета*, такъ какъ въ широкихъ правахъ, ему предоставлен-

---

Божіемъ, выбранныя и для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ 1808 г. іюля 15 дня предложенные"; 5) „Рѣчь о благодѣтельствующихъ обстоятельствахъ возвышенію учебныхъ заведеній"; 6) „Общая физика"; 7) „Календарь на лѣто Господне 1809-е, показывающій погоды, теченіе солнца и луны и пр."; 8) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1809-е, показывающій погоды по наблюденіямъ кармелитовъ и Корвина, теченіе солнца и луны"; 9) „Усерднѣйшее приношеніе отъ Курской семинаріи высокопреосвященнѣйшему Ѳеоктисту, архіепископу Курскому и Бѣлгородскому, въ день его тезоименитства". *Въ 1809 году*: 1) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1809-е"; 2) „Разсужденія о втеченіи и лѣченіи овечьей оспы"; 3) „Практическое руководство къ излѣченію болѣзней собакъ"; 4) „Centuria plantarum rariarum Rossiae meridionalis"; 5) „Оглавленіе къ сочиненію о предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни"; 6) „Календарь на 1810 г."; 7) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1810-е". *Въ 1810 году*: 1) „О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни"; 2) „Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1810"; 3) „Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики, основанное на началахъ всеобщей"; 4) „Рѣчь, говоренная при погребеніи ученика Майбороды"; 5) „Рѣчь, говоренная директоромъ училищъ екатеринославской губ. при празднованіи дворянствомъ опой губерніи по случаю полученія Высочайшей грамоты за образованіе земскаго войска"; 6) „Politische Arithmetik"; 7) „Предложенія богословскія"; 8) „Начальныя правила латинскаго словосочиненія"; 9) „Предложенія философскія"; 10) „Chrestomatia latina pro discentibus latinam poësiam. Curavit R. Ch. C. A. P."; 11) „Рѣчь и стихи, говоренныя 1804 года генваря въ 3-й день торжественнаго празднованія войскомъ черноморскимъ при полученіи Высочайшей грамоты и знаменъ и освященіи оныхъ"; 12) „Календарь на лѣто 1811-е"; 13) „Календарь на тоже лѣто"; 14) „Исторія Россійской Имперіи на латинскомъ языкѣ"; 15) „Подарокъ для дѣтей. Новая россійская азбука для обученія малолѣтнихъ дѣтей и проч."; 16) печатное сочиненіе Александрова „Увеселительный садъ". *Въ 1811 году*: 1) „Мысли объ учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ Россійской Имперіи общества подъ названіемъ филотехническаго" (В. Н. Каразина); 2) „О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, основанномъ на химическихъ началахъ (проф. Гизе); 3) „Слово, проповѣданное въ Сѣвской градской Казанской церкви при случаѣ открытія въ Сѣвскѣ уѣзднаго училища" (архіеп. Діонисія); 4) „Мысли при кончинѣ ректора Харьковскаго университета Рижскаго" (учителя Петерб. горнаго училища Иконникова); 5) „Ариѳметика, приспособленная къ понятію юношества, начинающагося обучаться сей наукѣ" (уч. Харьк. кол. Антоновскаго); 6) „Ода въ день воскресенія Христова" (студ. Харьк. кол. Ветухова); 7) „Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ, составившемся въ Харьковѣ 17 января и Высочайше утвержденномъ 10 марта

ныхъ, едва ли не наиболѣе ярко проявилось высокое довѣріе къ университету со стороны верховной власти: мало того, что тутъ университетъ являлся въ качествѣ автономной самоуправляющейся коллегіи; онъ выступаетъ передъ нами съ *правительственнымъ* значеніемъ по отношенію къ цѣлому классу постороннихъ для него лицъ — педагогическому персоналу среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, разсѣянныхъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. Но это столь важный и сложный предметъ, что ему мы посвятимъ отдѣльную главу своего изслѣдованія.

Въ настоящей главѣ мы старались охарактеризовать дѣятельность тѣхъ учрежденій, въ которыхъ нашла себѣ выраженіе универси-

---

1811 года" (В. Н. Каразина); 8) „Рѣчь, говоренная при выносѣ изъ дома тѣла Воронежскаго губернатора Сонцова" (Воронеж. полицмейстера Замахаева); 9) „Introductio in studium medicum" (адъюнкта Калкау); 10) „Слово при открытіи Орловской губернской гимназіи и при оной уѣзднаго училища, совершившемся 1810 года марта 17 дня" (арх. Діонисія); 11) „Руководство къ ариѳметикѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ (уч. Харьк. кол. Вербицкаго); 12) „Слово похвальное Александру Ярославичу Невскому, Великому Князю Россійскому" (студ. Парпуры); 13) „Chrestomatia latina pro discentibus rhetoricam in seminariis" (прот. Прокоповича); 14) „Сочиненія воспитанниковъ войска Донскаго" (студ. Гречановскаго и Кондратьева); 15) „Дѣтское славесловіе и пѣснопѣніе" (Кур. архіеп. Ѳеоктиста); 16) „Протоколы и отчеты филотехническаго общества, также произнесенная въ ономъ рѣчь" (В. Н. Каразина); 17) „Общая статистика европейскихъ государствъ" (учит. Курск. гимн. Паратича); 18) „Дельфъ и Дельфира или увѣнчанная любовь". Пастушеская опера въ одномъ дѣйствіи (студ. Масловича); 19) „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ и о обычаяхъ россіянъ въ общей жизни. Часть 1-я" (проф. Успенскаго); 20) „Повѣсть въ стихахъ" (уч. Таганр. гимн. Селиванова); 21) „Логика" (на латинскомъ языкѣ) (проф. Шада); 22) „Катихизисъ для ученія повивальныхъ бабокъ" (на нѣмец. языкѣ) (Харьк. повив. бабки Анны Гервартъ); 23) „Лучше быть въ крестьянствѣ". Драма въ 2-хъ дѣйств. (студ. Есикорскаго); 24) „Календарь на 1812 г."; (прот. Прокоповича); 25) „Хрестоматія въ стихахъ" (на нѣмец. яз.) (проф. Роммеля); 26) „Календарь на 1812 годъ" (уч. Харьк. кол. Вербицкаго); 27) „Четыре рѣчи, говоренныя Екатерин. директоромъ Мизко при публичныхъ испытаніяхъ и при открытіяхъ въ той губерніи уѣздныхъ училищъ, сверхъ того двѣ рѣчи, говоренныя смотрителемъ и учителемъ при открытіи Елисаветград. уѣзднаго училища. *Въ 1812 году*: 1) „Mémoire lû dans la Societé Impériale des naturalistes de Moscou dans la séance du 15 mars 1810 par le membre ordinaire Karasine"; 2) „Извѣстіе объ испытаніи сукновальной земли въ дачахъ Капниста"; 3) „Записки о слободскихъ полкахъ съ начала ихъ поселенія до 1766 года"; 4) „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ", часть 2-я, отд. 1-е; 5) „Размышленія при гробѣ Раевской"; 6) „Азбука греческаго языка"; 7) „Утѣшеніе" (переводъ съ французск.); 8) „Харьковскаго еженедѣльника", № 1-й; 9) Его-же, № 2-й; 10) Его-же, № 3-й; 11) Его-же, № 4-й; 12) Его-же, № 5-й; 13) „Исторія войска Донскаго"; 14) „Харьковскаго еженедѣльника", №№ 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12-й; 15) „Самовѣрнѣйшій способъ къ спасенію жизни въ крайнихъ приключеніяхъ человѣка"; 16) „Начертаніе правилъ россійскаго правописанія"; 17) „Учрежденіе для воспитанія бѣдныхъ дѣвицъ отъ Харьковскаго общества благотворенія"; 18) „Записки о слободскоукраинской губерніи по 29-е сентября 1780 года"; 19) „Общая химія".

тетская автономія. Мы познакомили читателя съ сущностью университетскаго устава 1804 г., даровавшаго полное самоуправленіе Харьковскому университету, и затѣмъ постарались на основаніи строго документальныхъ данныхъ рѣшить вопросъ—какъ воспользовались этой автономіей его совѣтъ, факультеты, правленіе и цензурный комитетъ. Передъ нами прошла длинная вереница крупныхъ и мелкихъ дѣйствій и мѣропріятій, скорѣе впрочемъ краткій перечень, чѣмъ обозрѣніе ихъ; да и самый перечень этотъ былъ очень и очень неполный; въ нѣкоторыхъ случаяхъ (напримѣръ, въ характеристикѣ дѣятельности факультетовъ) мы брали по нѣсколько примѣровъ, когда въ дѣйствительности тутъ были цѣлыя тысячи дѣлъ. И, не смотря на то, что мы дали только такую номенклатуру, у читателя, надѣемся, какъ и у насъ, сложилось прежде всего представленіе объ огромномъ, колосальномъ трудѣ, подъятомъ этими учрежденіями и входившими въ ихъ составъ лицами, на благо просвѣщенія, на пользу общую. Конечно, при такомъ огромномъ количествѣ дѣлъ, возможны были ошибки, увлеченія; но въ общемъ, всѣ эти учрежденія дѣйствовали правильно, удачно, дружно, несмотря на разноплеменный составъ, на отсутствіе старыхъ университетскихъ традицій въ русскомъ обществѣ вообще и въ харьковскомъ въ частности. Мы не скрывали и темныхъ, печальныхъ страничекъ въ исторіи университетскаго самоуправленія — наоборотъ постарались раскрыть во всѣхъ подробностяхъ прискорбный инцидентъ ректорства Стойковича, чтобы имѣть возможность сдѣлать ему надлежащую оцѣнку—но они нисколько не нарушаютъ нашего общаго благопріятнаго вывода и заключенія о ней; наша картина получила отъ этого только свои тѣни; но и при нихъ она является все-таки, какъ намъ кажется, достаточно свѣтлой и отрадной. Нельзя также сказать, чтобы самая форма самоуправленія оказалась неподходящей или несоотвѣтствующей наличнымъ дѣятелямъ: съ самаго же перваго момента она начала хорошо функціонировать и рѣзкаго несоотвѣтствія ея съ жизнью не обнаружилось; характерно при этомъ, что и самыя распри, нарушавшія мирное теченіе дѣлъ, относятся уже не къ началу, а къ концу десятилѣтія, когда стало измѣняться отношеніе къ дѣлу просвѣщенія въ правящихъ сферахъ, и прежнее полное довѣріе къ университетамъ мало по малу постепенно превращалось въ такое же недовѣріе; ясное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, одни формы безъ скрытой въ нихъ искры „духа“ не могли удовлетворять ни требованіямъ жизни, ни надеждамъ и пожеланіямъ болѣе сознательныхъ и энергичныхъ членовъ коллегіи.

Фот. С. В. Кульженко. Кіевъ.

1-й Попечитель Харьковскаго учебнаго округа
графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій.

IV-я ГЛАВА.

Матеріальныя средства университета и его учебно-вспомогательныя учрежденія.

Въ дѣлѣ преуспѣянія университетовъ огромное значеніе имѣютъ тѣ матеріальныя средства, которыми они располагаютъ и которыя служатъ для обезпеченія личнаго состава служащихъ и содержанія самаго учрежденія. Какъ же въ этомъ отношеніи были обставлены университеты Александровскаго времени?

Штатной суммы на каждый университетъ отпускалось тогда 130000 р., которая распредѣлялась такимъ образомъ: на вознагражденіе 28 профессоровъ (по 2000 р. каждому)—56000 р., 4 почетныхъ членовъ-коммиссіонеровъ (по 200 р.)—800 р., 12 адъюнктовъ (по 800 р.)—9600 р., 3 лекторовъ (по 600 р.)—1800 р., 12 магистровъ въ педагогическомъ институтѣ (по 400 р.)—4800 р., 12 студентовъ-кандидатовъ (по 300 р.)—3600 р., 40 казеннокоштныхъ студентовъ (по 200 р.)—8000 р., ректора—600 р., 4 декановъ (по 300 р.)—1200 р., безсмѣннаго засѣдателя—300 р., синдика—200 р., секретаря совѣта—300 р., архиваріуса совѣта, исправляющаго должность переводчика въ правленіи съ писцомъ—700 р., 4 секретарей факультетовъ (по 100 р.)—400 р., директора педагогическаго института—500 р., инспектора казеннокоштныхъ студентовъ—400 р., библіотекаря—400 р., помощника его изъ адъюнктовъ или магистровъ съ писцомъ—500 р., на библіотеку—1000 р., анатомическій театръ съ препаратами—800 р., ботаническій садъ съ садовникомъ—1000 р., химическую лабораторію и лаборанта—1000 р., обсерваторію—500 р., физическій кабинетъ—500 р., кабинетъ естественной исторіи—600 р., клиническій институтъ и университетскую больницу—5000 р., на разъѣзды визитаторовъ и на письмоводство по этой части—5000 р., на путешествія за границу адъюнктовъ—2000 р., секретарю правленія и на канцелярію—3000 р., на награды за рѣшеніе задачъ—250 р., студентамъ за успѣхи и поведеніе—250 р., на журналы и газеты—500 р., на иностранную переписку—200 р., на содержаніе церкви и священника—1000 р., на жалованіе сторожамъ—1000 р., учителямъ рисованія, танцевъ и музыки—1500 р., на пенсіи профессорамъ и ихъ семьямъ—6000 р., на содержаніе строеній, отопленіе, освѣщеніе, чистоту и т. п.—8800 р. Сверхъ того, на заведеніе типографіи при харьковскомъ университетѣ и на содержаніе мастеровъ при кабинетахъ могла быть употребляема хозяйственная сумма (изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава) [1].

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., I, штаты и прил., стр. 12.

Присматриваясь къ этимъ цифрамъ, мы невольно поражаемся незначительностью нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но при оцѣнкѣ мы должны имѣть въ виду не абсолютную величину ихъ, а относительную. Деньги въ то время были гораздо дороже, чѣмъ теперь, а товары, наоборотъ, дешевле. Такимъ образомъ, двухтысячный окладъ жалованія профессоровъ могъ, напримѣръ, доставить имъ лучшее матеріальное обезпеченіе, чѣмъ теперь трехтысячный. Притомъ, говоря о жалованьи служащихъ, необходимо имѣть въ виду, что профессора по уставу могли совмѣщать свою должность съ нѣкоторыми другими дополнительными обязанностями, за которыя получали и добавочное вознагражденіе (исполняли обязанности визитаторовъ, библіотекаря, декановъ и т. п.). Нельзя только не указать на весьма ограниченный окладъ содержанія ректора: онъ, при всѣхъ своихъ многосложныхъ обязанностяхъ, получалъ прибавку къ профессорскому жалованію всего въ размѣрѣ 600 р., т. е. почти столько же, какъ и директоръ педагогическаго института. На учебновспомогательныя учрежденія отпускались суммы, которыя намъ кажутся теперь очень скромными, исключая клиническаго института, на который предназначалось 5000 р.; на типографію вовсе не было назначено штатной суммы: предполагалось, что современемъ она сможетъ содержать себя сама, а на первоначальное обзаведеніе должны были поступить хозяйственныя средства. Но едва ли основательно было разсчитывать исключительно на то, что типографія будетъ себя содержать на счетъ прибыли съ частныхъ заказовъ; вѣдь размѣры ихъ заранѣе не могли быть опредѣлены; между тѣмъ, типографія должна была исполнять для самаго университета не мало различныхъ работъ, а для этого имѣть и достаточный наборъ орудій и матеріаловъ, и достаточно рабочихъ рукъ. Крайне невыгоднымъ казалось бы также то обстоятельство, что не назначено было особой спеціальной суммы на первоначальное обзаведеніе различныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Если, напримѣръ, кое-какъ возможно было еще примириться съ ассигновкой 1000 руб. на книги для университетской библіотеки въ послѣдующее время, то эта сумма должна была бы оказаться совершенно недостаточной въ самые первые годы, когда библіотека только что начинала формироваться, а между тѣмъ въ услугахъ ея уже нуждались всѣ. Въ такомъ же затруднительномъ положеніи, казалось, должны были бы находиться и остальныя учебно-вспомогательныя учрежденія харьковскаго университета въ первые годы ихъ существованія.

Но въ дѣйствительности такихъ затрудненій не оказалось; выходъ изъ нихъ былъ найденъ: въ дополненіе къ штатной суммѣ стали дѣлать прибавки изъ хозяйственной или экономической. Эта послѣдняя

составлялась изъ остатковъ (на первыхъ порахъ весьма значительныхъ) отъ штатныхъ ассигновокъ; особенно велики были остатки отъ содержанія личнаго состава преподавателей: этихъ послѣднихъ всегда было меньше, чѣмъ полагалось по штату. Въ харьковскомъ университетѣ къ этимъ остаткамъ еще присоединялась извѣстная намъ сумма „патріотическихъ приношеній", т. е. тѣ деньги, которыя пожертвованы были на учрежденіе въ Харьковѣ университета сословіями харьковской и сосѣднихъ губерній, а также и отдѣльными лицами. Средства эти, какъ мы знаемъ уже, поступали очень неаккуратно и взносъ ихъ растянулся болѣе чѣмъ на 20 лѣтъ, но все-таки ихъ набралось очень много, благодаря тому, что ихъ не рѣшались употреблять на текущія нужды, а старались дать имъ такое назначеніе, которое бы могло увѣковѣчить даръ жертвователей.

Чтобы яснѣе представить себѣ, какъ харьковскій университетъ распоряжался своими суммами, остановимся на нѣсколькихъ годичныхъ отчетахъ его и выберемъ оттуда наиболѣе важныя данныя.

Изъ нихъ мы убѣдимся, что финансовое положеніе университета было блестящее: ежегодно бывали остатки отъ смѣтныхъ расходовъ, а сверхъ того поступали взносы „патріотическаго приношенія", которые расходовались только въ незначительной долѣ; большая же часть этихъ суммъ откладывалась и поступала на приращеніе процентами въ государственный банкъ. Другою характерною чертою университетской приходо-расходной системы того времени нужно признать частое несоотвѣтствіе дѣйствительнаго расхода со штатными назначеніями. Возьмемъ, напримѣръ, денежный отчетъ за 1-й годъ существованія университета— 1805-й и сопоставимъ важнѣйшія цифры расхода со смѣтой. Штатной суммы отпущено было на Харьковскій университетъ въ 1805 г. 130000 р.; но изъ нихъ удержано 9124 р. (въ томъ числѣ 8000 р. за коллекцію минераловъ) и прислано только 120875 р. Отсюда были сдѣланы слѣдующіе расходы (копейки отбрасываемъ): на жалованіе профессорамъ, адъюнктамъ и т. п. 37720 р. (по штату полагалось 78500 р.), на библіотеку 1501 р. (вмѣсто 1000 р., положенныхъ по штату), на содержаніе ботаническаго сада 5392 р. (вмѣсто 1000 р.), на содержаніе физическаго кабинета 411 р. (вмѣсто 500 р.), клиническаго института и университетской больницы (перваго еще не было) — 443 руб. (вмѣсто 5000 р.), на содержаніе студентовъ—5712 р. (вмѣсто 8000 р.), на визитаціи профессоровъ 1296 р. (вмѣсто 5000 р.), на путешествія въ чужіе края 728 р. (вмѣсто 2000 р.), на типографію 3604 р. (штатной суммы не было), на канцелярскіе расходы 2565 р. (вмѣсто 3000 р.), на содержаніе строеній—8338 р. (вмѣсто 8800 р.), сторожамъ 1203 р. (вмѣсто 1000 р.), на журналы и газеты—477 р. (вмѣсто 500 р.), на ино-

странную корреспонденцію — 78 р. (вмѣсто 200 р.); совсѣмъ не были израсходованы штатныя суммы на пенсіи и церковь; 4000 р. для образованія пенсіоннаго фонда были отправлены въ банкъ; но за то изъ той же штатной суммы были сдѣланы еще слѣдующіе расходы: выдано попечителю 2816 р., издержанныхъ имъ на покупку книгъ, физическихъ инструментовъ и другихъ вещей; на торжество открытія университета употреблено 3382 р., академику Щукину уплочено за портретъ государя 800 р., В. Н. Каразину—за коллекцію эстамповъ Аделунга 5000 р., на изготовленіе мебели для аудиторій и учебно-вспомогательныхъ учрежденій истрачено 3475 р.; итого съ нѣкоторыми другими болѣе мелкими расходами—17037 р.; всего штатной суммы израсходовано было 89712 р.; въ остаткѣ болѣе 30000 р. *Хозяйственной* суммы собрано въ 1805 г. 51561; составилась она такимъ образомъ: отъ 1804 г. осталось 11422 р. (штатной ассигновки); получено штатной суммы за сентябрьскую треть того же 1804 года 39696 р. (а 3252 р. сверхъ того употреблено было на покупку книгъ и инструментовъ); остальное—мелкія поступленія. Изъ этой хозяйственной суммы израсходована была только самая ничтожная часть—остальное отправлено въ банкъ (въ томъ числѣ 4500 р. пенсіонныхъ денегъ за 1804 годъ); осталось на мѣстѣ 9546 р. Суммъ „патріотическаго приношенія“ оказалось: 1) пожертвованія отъ слободско-украинскаго (харьковскаго) дворянства поступило въ 1805 году 75116 руб., остатка отъ прошлаго 1804 г. 29780 р., всего 104896 р.; 2) отъ екатеринославскаго дворянства—4920 руб.; 3) отъ городовъ и купечества харьковской губ. (съ остаткомъ отъ прошлаго года въ размѣрѣ 13662 р.) 22681 р.; 4) отъ частныхъ благотворителей (съ остаткомъ отъ 1804 г. въ размѣрѣ 1600 р.) — 3800 р.; итого 136297 р. Изъ нихъ истрачено было 3045 р. на покупку земли (по Сумскому шоссе), 2726 р. для ботаническаго сада (сверхъ тѣхъ, которые издержаны были изъ штатной суммы), 6121 р. на покупку лѣса и перевозку его въ Харьковъ.

Итоги по всѣмъ суммамъ оказываются таковы: получено 236122 р., израсходовано 101882 р., отправлено въ банкъ 134240 р. (въ томъ числѣ пенсіоннаго фонда 8500 р., хозяйственнаго 34510 р., благотворительнаго 93540 р.). Всего банковыхъ билетовъ въ распоряженіи университета было 16 на 136550 р., на которые съ 1 января 1805 г. по 1 января 1806 г. накопилось 4797 р. процентовъ; сверхъ того внесено было еще въ банкъ 3690 р., на которые билетовъ не было пока получено [1]). Однимъ словомъ первый годъ существованія университета за-

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Годовой отчетъ за 1805 г. о приходѣ и расходѣ суммъ Импер. Харьк. унив. и краткая вѣдомость о томъ же изъ этого отчета. (Дѣло совѣта 1805 г., № 27).

кончился въ финансовомъ отношеніи блестяще. Получились остатки даже отъ штатной суммы, не говоря уже о хозяйственной и благотворительной. Эта послѣдняя въ Харьковскомъ университетѣ получила необычные размѣры, благодаря щедрымъ пожертвованіямъ разныхъ сословій харьковской и сосѣдней екатеринославской губерніи. Только по тремъ статьямъ штатной суммы получилась передержка—на ботаническій садъ было израсходовано почти въ $5^1/_2$ разъ, на библіотеку въ $1^1/_2$ и на сторожей въ 1, 2 раза болѣе, чѣмъ полагалось по штату; да на типографію было израсходовано 3604 р., между тѣмъ какъ по штату на нее не было ассигновано ничего. Но за то по всѣмъ остальнымъ параграфамъ оказались, какъ мы видимъ, весьма значительные, можно сказать, огромные остатки. Благодаря же экономической и благотворительной суммѣ, всѣ потребности учебновспомогательныхъ учрежденій могли быть удовлетворены въ полной мѣрѣ: оттуда позаимствованы были дополнительные кредиты и на библіотеку, и на ботаническій садъ, и на другія заведенія, въ томъ числѣ и на первоначальное ихъ устройство и обзаведеніе.

Посмотримъ теперь, какъ велось дѣло въ послѣдующее время. Въ 1808 г. штатной суммы получено было 123766 р. Изъ нея израсходовано: на выдачу жалованія 44912 р. (вмѣсто 78800 р.), на библіотеку 339 р. (мѣсто 1000 р.), на анатомическій театръ 350 (вмѣсто 800 р.), на ботаническій садъ 1068 р. (вмѣсто 1000 р.), на химическую лабораторію 153 р. (вмѣсто 1000 р.), на физическій кабинетъ 528 р. (вмѣсто 500 р.), на кабинетъ естественной исторіи 467 р. (мѣсто 600 р.), на клиническій институтъ 754 р. (вмѣсто 5000 р.), на пенсіи положено въ банкъ 6000 р. (столько, сколько и по штату), на содержаніе студентовъ 6785 р. (вмѣсто 8000 р.), на канцелярію 2845 р. (вмѣсто 3000 р.), на визитаціи училищъ 3211 р. (вмѣсто 5000 р.), на журналы и газеты 344 р. (вмѣсто 500 руб.), на иностранную корреспонденцію 114 р. (вмѣсто 200 р.), на типографію 3360 р. (по штату ничего), на служителей 1276 р. (вмѣсто 1000 р.), на содержаніе строеній 8481 р. (вмѣсто 8800 р.). Всего штатной суммы израсходовано 81891 р. (въ томъ числѣ 6000 руб. отправлено въ банкъ и 1251 руб. перенесено въ дворянскую сумму слободско-украинской губ.); въ остаткѣ 41869 р. *Хозяйственной* суммы осталось отъ 1807 г. 10190 р., штатной, превращенной въ хозяйственную—45585 руб., штатной прошлогодней суммы за сентябрьскую треть 14444 р., дохода съ типографіи (валового) 4164 р., всего 76061 р. Изъ нея истрачено 26702 р. (главнымъ образомъ на покупку книгъ и выписку изъ-за границы инструментовъ) и отправлено въ банкъ 37000 р. Дворянской суммы слободскоукраинской губ. въ приходѣ было 14076 р.

(въ томъ числѣ остатка отъ 1807 года 10191 р.); изъ нихъ истрачено 9065 р. (на ботаническій садъ); дворянской суммы екатеринослав. губ. въ приходѣ было (съ остатками 1807 года) 6165 р., изъ коей ничего не было израсходовано; отъ городовъ и купечества харьковской губ. получено 3867 р. (расхода не было); отъ частныхъ благотворителей—2098 р. (расхода не было); квартирной суммы въ приходѣ было 10192 р., въ расходѣ—10067 р. Итого въ приходѣ всѣхъ суммъ было 236227 р., а въ расходѣ—174625 руб., въ томъ числѣ издержано университетомъ 120574 р. и отправлено въ банкъ 52800 р. За расходомъ осталось 61602 р. Сверхъ того въ университетѣ имѣлось 54 банковыхъ билета на 306640 р. (въ томъ числѣ 25700 р. пенсіоннаго капитала), на которые причиталось процентовъ къ 1 января 1809 года 43273 р Кромѣ того отправлено было въ банкъ еще 3800 р., на которые не было выслано билетовъ. Всего къ 1 января 1809 г. въ остаткѣ наличной и банковской суммы было 415315 руб. [1]).

Приведемъ, наконецъ, цифры изъ отчета за 1812 годъ. Штатной суммы принято было изъ казначейства 134000 руб. Израсходовано изъ нея 91224 р.—на жалованіе 53751 р. (вмѣсто 78800 р.), на библіотеку 981 р. (вмѣсто 1000 р.), на анатомическій театръ 609 р. (вмѣсто 800 р.), на ботаническій садъ--1056 р. (вмѣсто 1000 р.), на химическую лабораторію 532 р. (вмѣсто 1000 р.), на кабинетъ естественной исторіи 26 р. (вмѣсто 600 р.), на физическій кабинетъ 438 руб. (вмѣсто 600 р.), на клиническій институтъ 1166 р. (вмѣсто 5000 р.), на награды студентамъ 101 (вмѣсто 250 р.), на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ 8056 р. (вмѣсто 8000 р.), на канцелярію 3178 р. (вмѣсто 3000 р.), на визитаціи училищъ 4887 руб. (вмѣсто 5000 р.), на журналы и газеты 161 р. (вмѣсто 500 р.), на иностранную переписку 10 р. (вмѣсто 200 р.), на путешествія въ чужіе края адъюнктовъ 1999 р. (вмѣсто 2000 р.), на содержаніе служителей 1381 р. (вмѣсто 1000 р.), на пенсіи 3149 р. (вмѣсто 6000 р.), на содержаніе строеній 9208 р. (вмѣсто 8800 р.); въ остаткѣ 42776 р. Хозяйственной суммы поступило 42700 р. (она составилась изъ остатка штатной суммы въ размѣрѣ 30821 р., дохода съ типографіи 4070 р., и нѣкот. др,). Изъ нея израсходовано 40944 р., въ томъ числѣ 12234 р. на типографію, 7845 р. на жалованіе, 4065 р. отправлено въ банкъ, 2692 р. употреблено на покупку мебели и инструментовъ для кабинетовъ и авдиторій, 2324 р. на переплетъ книгъ для книжнаго магазина и разсылки, 2537 руб. на постройки, 3778 руб. на проѣздъ учителей, 1632 р. на содержаніе библіотеки.

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1808 г., № 45 (годовой отчетъ о приходѣ и расходѣ на 1808 годъ разныхъ суммъ).

Дворянской суммы слободскоукраинской губ. было 34712 р., екатеринославской губ.—2766 р., херсонской губ.—2470 р., отъ частныхъ благотворителей получено 173 руб.; израсходовано 3148 р. (на ботаническій садъ). Квартирной суммы поступило въ приходъ 11512 р., въ расходѣ было 8473 р. Итого въ приходѣ всего было 228409 р., въ расходѣ 146720 р.; въ остаткѣ 81689 р. Сверхъ того находилось въ банкѣ для приращенія процентами 523130 р., на которые причиталось процентовъ по 1 января 1813 г. 148021 р. Всего въ остаткѣ въ наличной суммѣ и банковыхъ билетахъ 752840 р. [1]).

Изъ приведенныхъ нами цифръ видно, что штатной суммы оказывалось болѣе чѣмъ достаточно на нужды Харьковскаго университета въ первые годы его существованія и ежегодно были весьма значительные остатки. Это объясняется главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что университетъ тогда не имѣлъ такого контингента преподавателей, какое полагалось по штату, и, слѣдовательно, у него ежегодно были остатки отъ содержанія личнаго состава; къ нимъ присоединялись неистраченныя и по другимъ статьямъ суммы. Другою составною частью образовавшагося запаснаго фонда послужили суммы „патріотическаго" приношенія, т. е. пожертвованія харьковскаго, екатеринославскаго и херсонскаго дворянства, городовъ и купечества харьковской губерніи и частныхъ лицъ. Хотя эти суммы поступали, какъ мы знаемъ, очень не аккуратно, но все-таки въ общей совокупности своей они составили весьма значительный капиталъ. Превращеніе свободныхъ наличныхъ остатковъ въ банковые билеты, дававшіе 5% роста, еще болѣе увеличило ихъ размѣры и въ концѣ 1812 года они равнялись, какъ мы видѣли, 752840 руб. сер.

Невольно является вопросъ: для какой же цѣли предназначался этотъ запасный фондъ? Его хотѣли употребить на сооруженіе новыхъ зданій для Харьковскаго университета (по Сумскому шоссе). Извѣстно, что для нихъ была частію пожертвована, а частію пріобрѣтена земля; для нихъ заготовлялись матеріалы (купленъ былъ даже на срубъ лѣсъ). Планъ построекъ былъ составленъ адъюнктомъ Васильевымъ. Но все это, за небольшими исключеніями, не вышло изъ области предположеній, и университетъ, какъ извѣстно, до сихъ поръ (вотъ уже 90 лѣтъ) остается въ своемъ *временномъ* помѣщеніи.

Посмотримъ, однако, каковы были строительные планы университета и какія постройки были имъ исполнены въ дѣйствительности.

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1813 г., № 37.

Въ теченіе 1805 года куплена была такъ называемая Кантемировская земля (гдѣ нынѣ университетскій садъ) и совершены купчія крѣпости на другіе мелкіе участки, проданные раньше. За тѣмъ еще комитетъ правленія (до открытія университета) заботился о пріисканіи лицъ, которые бы пожелали взять на себя выдѣлку кирпича для будущей постройки университетскихъ зданій. Но такъ какъ въ Харьковѣ нашелся только одинъ подрядчикъ на поставку кирпича, то рѣшено было обратиться въ Москву къ тамошнимъ купцамъ съ предложеніями взять на себя такой подрядъ; вмѣстѣ съ тѣмъ университетъ постановилъ купить лѣсъ, чтобы предоставить изъ него контрагенту дрова для обжиганія кирпича и матеріалъ для постройки сараевъ. Совѣтъ, по открытіи университета, одобрилъ эти планы, и лѣсъ на срубъ былъ дѣйствительно купленъ (въ количествѣ 13 дес. 226 кв. саж.) у помѣщицы Ковалевской (по 260 руб. за десятину). Частію весною, а частію осенью 1805 года онъ былъ срубленъ, и изъ него получено 384 сажня дровъ, 1232 строевыхъ дерева и 2530 тонкихъ деревьевъ и жердей. Гораздо затруднительнѣе оказалась доставка этого матеріала, какъ вслѣдствіе незначительнаго числа лицъ, желавшихъ взять на себя перевозку, такъ и вслѣдствіе высокихъ цѣнъ, ими назначенныхъ. По этой причинѣ къ веснѣ было перевезено только 1322 тонкихъ дерева; лѣтомъ же и вовсе не оказалось извозчиковъ, и потому университетъ въ іюлѣ мѣсяцѣ рѣшился купить 12 паръ воловъ и самостоятельно организовать это дѣло. Но благодаря дождливой погодѣ, па нихъ перевезено было къ осени всего 51 строевое дерево и 26½ саж. дровъ. За тѣмъ съ конца октября до самаго января перевозки вовсе не было, вслѣдствіе страшной грязи и повальной болѣзни, открывшейся на скотѣ. Между тѣмъ, тотчасъ послѣ покупки лѣса былъ отправленъ въ Москву проф. Осиповскій для заключенія контракта на счетъ кирпича. Онъ долженъ былъ заключить условіе, по которому подрядчикъ въ теченіе 1805 года обязанъ былъ выстроить изъ университетскаго матеріала сараи съ печами, и изготовить въ нихъ въ теченіе года 5 милл. кирпича. Миссія проф. Осиповскаго, однако, не увѣнчалась успѣхомъ: съ одной стороны съ него запрашивали высокія цѣны, съ другой—онъ получалъ изъ Харькова неутѣшительныя вѣсти о доставкѣ лѣсныхъ матеріаловъ и потому воздерживался отъ заключенія рѣшительнаго договора. Не успѣвъ начать выдѣлку кирпича въ 1805 году, правленіе рѣшило устроить это дѣло съ весны 1806 года и при томъ согласилось получить на первый разъ вмѣсто трехъ два милліона кирпичей. Съ этою цѣлью оно обратилось къ харьковскому, воронежскому, курскому, черниговскому и калужскому губернаторамъ и малороссійскому генералъ-губернатору князю Алексѣю Бо-

рисовичу Куракину съ просьбою опубликовать въ ихъ губерніяхъ условія подряда и если гдѣ явятся охотники, узнать ихъ цѣны и сообщить университету, который отъ себя можетъ отправить чиновника для заключенія окончательнаго условія. Условія подряда были публикованы губернаторами, но явился только одинъ охотникъ—бѣлгородскій обыватель, коллежскій регистраторъ Семенищевъ, который предложилъ въ обезпеченіе свои лѣса и потребовалъ по 4 р. 75 к. за 1000 кирпичей, если университетъ выстроитъ для него сараи и печи, и по 5 р. 75 к., если придется ихъ строить ему самому изъ университетскаго матеріала. Но въ это же время подалъ заявленіе и харьковскій купецъ Бѣляевъ, соглашавшійся въ теченіе 5 лѣтъ поставить 15 милл. кирпичей, изготовивъ его своими работниками и инструментами, въ своихъ же сараяхъ, только построенныхъ на университетской землѣ, лишь бы ему были доставлены дрова, нужныя для обжиганія кирпича и для кухонь, и просилъ по 4 р. 80 к. за 1000. Правленіе, находя его условія болѣе выгодными, чѣмъ тѣ, которыя были предложены Семенищевымъ, представило ихъ на благоразсмотрѣніе попечителя. Для того же, чтобы обезпечить его дровами, правленіе приторговало на срубъ 100 десятинъ лѣса у полковника Андрея Щербинина въ 18 верстахъ отъ Харькова по 125 руб. за десятину. Попечитель въ отвѣтъ на это увѣдомилъ университетъ, что министръ народнаго просвѣщенія нашелъ эти условія не совсѣмъ удобными въ разныхъ отношеніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ бы, чтобы подрядчикъ взялъ выдѣлку кирпича на своихъ дровахъ, ибо такимъ образомъ университетъ освободится отъ хлопотъ, сопряженныхъ съ ихъ заготовкой. Поэтому университетъ отказалъ какъ Семенищеву, такъ и Бѣляеву, и объявилъ новые торги, при чемъ подрядчикъ долженъ былъ имѣть свои дрова. На эти торги явились тотъ же Бѣляевъ и московскій купецъ Домерщиковъ, которые брались въ теченіе 6 лѣтъ обжечь 20 милл. кирпичей въ построенныхъ ими же сараяхъ, употребивъ для этого свои собственныя дрова, при чемъ Бѣляевъ просилъ по 10 р., а Домерщиковъ по 9 руб. за тысячу. Кромѣ ихъ изъявилъ было желаніе взять на себя этотъ подрядъ харьковскій помѣщикъ Марковъ, но къ торгамъ не явился. Между тѣмъ отъ попечителя было получено предложеніе, чтобы отложить это дѣло до слѣдующаго года, и потому предложеніе Бѣляева и Домерщикова само собою рушилось. Въ это время адъюнктъ архитектуры Васильевъ подалъ въ правленіе свои планы и проекты будущихъ университетскихъ зданій, а также построекъ въ ботаническомъ саду и оранжереѣ, которые и отправлены были на утвержденіе попечителя. За эти планы онъ получилъ благодарность отъ министра, который, впрочемъ, замѣтилъ, что они слишкомъ грандіозны и

*

нуждаются въ сокращеніи. 1805-й годъ, какъ мы видимъ отсюда, былъ очень богатъ разными планами и предположеніями по части построекъ, но всѣ они не вышли изъ области пожеланій. Въ 1806 году были сдѣланы нѣкоторыя мелкія передѣлки и на большомъ университетскомъ корпусѣ поставленъ громоотводъ. Что же касается предположенныхъ большихъ построекъ по Сумскому шоссе, то въ этомъ отношеніи не было сдѣлано почти ничего; правленіе только приторговало 20 десятинъ лѣса въ 18 верстахъ отъ Харькова у помѣщицы Краснокутской по 675 руб. за десятину, но это дѣло не получило еще въ томъ году утвержденія высшаго начальства. Здѣсь любопытно необычайно быстрое возрастаніе цѣны лѣса (съ 260 до 675 руб.) въ теченіе одного года.

Въ 1807 и послѣдующихъ годахъ былъ произведенъ рядъ построекъ въ университетскомъ саду (о чемъ скажемъ ниже) и сдѣлано нѣсколько починокъ въ зданіяхъ университета; что же касается тѣхъ сооруженій, которыя проектированы были въ 1805 году, то и самый вопросъ о нихъ, повидимому, заглохъ и во всякомъ случаѣ не получилъ никакого движенія на практикѣ [1]).

Отмѣтимъ только два факта, касающіеся проекта построекъ и относящіеся къ 1809 и 1810 году. Въ 1809 году попечитель округа на вопросъ правленія, какимъ образомъ приступить къ заготовленію матеріаловъ для будущихъ университетскихъ построекъ, замѣтилъ, что на такой неопредѣленный вопросъ весьма трудно дать точный отвѣтъ, „ибо заготовленіе матеріаловъ, какого бы роду оно ни было, зависитъ наиболѣе отъ времени и обстоятельствъ и потому почти невозможно опредѣлить, который изъ предлагаемыхъ университетомъ способовъ сопряженъ съ бо́льшею выгодою. Если взять въ разсужденіе тѣ матеріалы, кои нужно имѣть въ большомъ количествѣ, какъ-то: кирпичъ, известь, песокъ и пр., то его сіятельству кажется выгоднѣйшимъ поставлять ихъ чрезъ подрядчиковъ, а протчіе не столь значительные матеріалы можно заготовлять хозяйственнымъ образомъ или, смотря по обстоятельствамъ, чрезъ подряды же. При чемъ однако же его сіятельство признаетъ нужнымъ присовокупить, что въ обоихъ случаяхъ университетъ не прежде имѣетъ приступить къ совершенію контрактовъ на поставку матеріаловъ, какъ по разсмотрѣніи его сіятельствомъ предварительныхъ съ поставщиками условій, кои и доставить къ его сіятельству въ свое время на утвержденіе“. Выслушавъ это, правленіе постановило: „такъ какъ къ заготовленію матеріаловъ можно приступить не прежде, какъ по утвержде-

---

[1]) Харьков. университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“; см. также дѣло правленія 1810 года, по архиву № 507, по картону № 28.

ніи плана, фасада и смѣты для имѣющихъ строиться университетскихъ зданій, ибо безъ этого нельзя знать, сколько и какихъ матеріаловъ нужно будетъ, и такъ какъ правленію небезъизвѣстно, что планъ и фасадъ на эти зданія его сіятельство попечитель поручилъ сдѣлать адъюнкту Васильеву, то рекомендовать этому послѣднему поспѣшить окончаніемъ плана университетскихъ строеній и представленіемъ его вмѣстѣ со смѣтою правленію" [1]).

Адъюнктъ Васильевъ, какъ мы знаемъ, давно уже составилъ требуемые планъ и смѣту, но они еще не были утверждены высшимъ начальствомъ. Теперь они снова, повидимому, были отправлены къ попечителю, который въ слѣдующемъ 1810 году далъ отъ себя такое заключеніе: „такъ какъ составленная адъюнктомъ Васильевымъ смѣта издержкамъ на постройку университета, вслѣдствіе увеличивающейся дороговизны на всѣ матеріалы, должна оказаться нынѣ недостаточной, то онъ, попечитель, препровождая ее обратно вмѣстѣ съ планомъ, предлагаетъ университету составить новую, сообразную съ настоящими цѣнами, и препроводить ее къ нему для представленія высшему начальству". Правленіе, въ виду этого, поручило адъюнкту Васильеву составить новую смѣту [2]). Но и эта послѣдняя не была приведена въ исполненіе, потому что не былъ осуществленъ и вообще планъ новыхъ построекъ.

Въ 1814 году ректоръ Т. Ѳ. Осиповскій вошелъ съ представленіемъ къ министру народнаго просвѣщенія о неудобствахъ мѣста, находящагося за городомъ по Сумскому шоссе, для университетскихъ построекъ, и министръ предложилъ этотъ вопросъ на обсужденіе совѣта; вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ долженъ былъ заняться, по приказанію министра, разрѣшеніемъ другого несравненно болѣе важнаго вопроса: *не удобнѣе ли будетъ, въ виду ужасныхъ гигіеническихъ условій г. Харькова, перенести университетъ въ другой городъ* [3]). На мнѣніяхъ, высказанныхъ по этому вопросу, мы остановимся впослѣдствіи.

Такимъ образомъ, въ теченіе 10 лѣтъ велись разговоры о постройкѣ новыхъ зданій для университета по Сумскому шоссе на пожертвованной и купленной имъ для этой цѣли землѣ — и не привели ровно ни къ чему — дѣло не вышло изъ области предположеній и добрыхъ пожеланій. Спрашивается: чѣмъ объясняется эта неудача? Ее нельзя объ-

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1809 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 7 октября.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1810 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 29 сентября.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1814 г., № 58, стр. 147.

яснить финансовыми затрудненіями: и мѣсто, и деньги для постройки были. Намъ кажется, что тутъ дѣйствовала одна основная причина: министерство было вообще противъ грандіозныхъ затѣй и желало въ дѣлѣ постройки зданій для Харьковскаго университета исходить изъ дѣйствительныхъ реальныхъ его потребностей. Вотъ почему оно, отдавая должную дань художественной фантазіи Васильева, представившаго планъ грандіозныхъ сооруженій по Сумскому шоссе во вкусѣ В. Н. Каразина, не рѣшилось осуществить его проекта на дѣлѣ; временное помѣщеніе университета могло до нѣкоторой степени удовлетворять его неширокимъ потребностямъ. Если чего недоставало, дѣлали пристройки и передѣлки. Такъ мало-по-малу и пошли по этому пути, который, впрочемъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ становился все болѣе и болѣе тернистымъ, въ особенности, когда возрасло число студентовъ и возникли всѣ учебно-вспомогательныя учрежденія, требуемыя уставомъ.

Покончивъ съ вопросомъ о строительной дѣятельности правленія, переходимъ теперь къ учебно-вспомогательнымъ учрежденіямъ, которыя также находились въ зависимости отъ него. По уставу, „для распространенія наукъ и просвѣщенія" въ университетѣ должны были быть заведены слѣдующія учебно-вспомогательныя учрежденія: библіотека, типографія, физическій кабинетъ, астрономическая обсерваторія, химическая лабораторія, кабинетъ естественной исторіи, ботаническій садъ, анатомическій театръ; институты: клиническій, хирургическій и повивальнаго искусства. Больше всего отпускалось по штату денегъ на клиническій институтъ (или правильнѣе, клиническіе институты, ибо ихъ полагалось три)—5000 руб., на библіотеку—1000 руб., на ботаническій садъ—1000 р. и на химическую лабораторію тоже 1000 р.; остальные получали отъ 500 до 800 р. Библіотекарь избирался совѣтомъ изъ среды ординарныхъ профессоровъ, а помощникъ его изъ адъюнктовъ или магистровъ. Въ концѣ года каждый факультетъ представлялъ совѣту списокъ тѣхъ книгъ, которыя онъ считалъ нужнымъ выписать для библіотеки. Совѣтъ, сообразуясь съ суммой, дѣлалъ изъ нихъ соотвѣтственный выборъ. Совѣтъ назначалъ дни и часы, когда въ библіотеку могли являться для чтенія; брать же книги на домъ предоставлялось только профессорамъ и адъюнктамъ; въ библіотекѣ могли храниться всякія книги; но цензурный комитетъ отмѣчалъ вредныя или соблазнительныя и таковыя можно было читать только профессорамъ и адъюнктамъ. Остальныя учебно-вспомогательныя учрежденія находились въ вѣдѣніи соотвѣтственныхъ профессоровъ, но при этихъ послѣднихъ были помощники (лаборантъ при лабораторіи, астрономъ—наблюдатель при обсерваторіи, садовникъ при ботаническомъ садѣ и т. п.). Внутреннее устрой-

ство ихъ находилось въ рукахъ завѣдующихъ, которые обязаны были содержать ихъ въ порядкѣ, имѣть точныя описи собраній и вещей, и копіи ихъ представлять совѣту за своею подписью; они же давали факультетамъ отчетъ въ суммахъ, истраченныхъ ими на нужды этихъ учрежденій. Въ распоряженіи университета, наконецъ, была типографія, которою могло завѣдывать или само правленіе, или же отдавать ее въ аренду надежнымъ лицамъ. Въ университетской типографіи должны были печататься преимущественно книги, относящіяся къ наукамъ, преподаваемымъ въ университетѣ и училищахъ, а затѣмъ все вообще, что правленіе или совѣтъ найдутъ нужнымъ къ распространенію знаній [1]).

Таковы были требованія устава. Въ какой же мѣрѣ они были выполнены Харьковскимъ университетомъ въ теченіе перваго десятилѣтія его существованія? Изъ всѣхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій не были открыты только клиники — терапевтическая и акушерская; но за то мы видимъ и нѣкоторыя учрежденія, не предусмотрѣнныя уставомъ 1804 г.—минцъ-кабинетъ, технологическій кабинетъ, классы искусствъ—рисованія, музыки, танцевъ, фехтованія, верховой ѣзды. Всѣ они вообще могутъ быть раздѣлены на три группы: a) библіотека и типографія, служившія для нуждъ всего университета; b) кабинеты, служившіе для нуждъ отдѣльныхъ факультетовъ, — минцъ-кабинетъ (словеснаго отдѣленія), физическій, технологическій, астрономическій, зоологическій и минералогическій, химическая лабораторія и ботаническій садъ (для физико-математическаго), анатомическій театръ и хирургическая клиника (медицинскаго факультета); c) кабинеты, предназначенные для artes liberales — рисованія и живописи, музыки, фехтованія, верховой ѣзды.

Постараемся теперь сообщить собранныя нами фактическія свѣдѣнія о возникновеніи и первоначальной судьбѣ каждаго изъ нихъ и пополнить, такимъ образомъ, краткія данныя объ этомъ извѣстной книги К. Фойгта [2]).

Начнемъ свое обозрѣніе съ библіотеки, какъ съ общаго и самаго важнаго учебно-вспомогательнаго учрежденія университета. Начало университетской библіотекѣ положено было, какъ мы видѣли, еще въ 1804 г.:

---

[1]) Сборникъ постановленій по мин. нар. просв., т. I-й, стр. 280—283, 299.

[2]) „Историко-статистическія записки объ Императ. Харьковскомъ университетѣ и его заведеніяхъ отъ основанія университета до 1859 г. Составлены при содѣйствіи профессоровъ и чиновниковъ университета помощникомъ попечителя харьковскаго учебнаго округа К. Фойгтомъ. Х. 1859 г., IV, 170. Въ основу этой книги положены документальныя данныя и хотя эти послѣднія ни одинъ разъ не были отмѣчены составителемъ, но къ нимъ, конечно, можно относиться съ полнымъ довѣріемъ. Въ нашемъ распоряженіи было гораздо болѣе источниковъ для I-го десятилѣтія, и намъ придется не столько пользоваться сочиненіемъ Фойгта, сколько его пополнять.

изъ Петербурга въ это время было получено 3219 книгъ. Библіотекаремъ былъ назначенъ проф. Белленъ-де-Баллю, который долженъ былъ составить имъ опись и сдать въ переплетъ. Въ февралѣ 1805 года университетъ заключилъ контрактъ съ петербургскимъ книгопродавцемъ Цимсеномъ о доставкѣ имъ иностранныхъ книгъ. Нѣмецкія изданія онъ обязанъ былъ доставлять по каталожной лейпцигской цѣнѣ съ надбавкою противъ нея $11^{1}/_{2}\%$; французскія же, англійскія и друг.—по парижскимъ каталогамъ съ надбавкою $21^{1}/_{2}\%$, если при этомъ не найдется другихъ книгопродавцевъ, которые бы предложили болѣе льготныя условія. Сверхъ того, Цимсену было поставлено обязательство, чтобы онъ завелъ въ Харьковѣ книжную лавку [1]) и снабдилъ ее разными учебными иностранными книжками, которыя опять-таки продавалъ учащимъ и учащимся по указанной выше цѣнѣ [2]). Университетъ же съ своей стороны обязался выписать отъ него сразу довольно значительное количество книгъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ предварительно доставилъ лейпцигскіе и парижскіе каталоги и реперторіи для новыхъ книгъ и справочную библіографію Дебюра. Послѣ этого совѣтъ поручилъ факультетамъ составить списки необходимыхъ книгъ; но воспользоваться ими оказалось невозможно, потому что Цимсенъ не доставилъ каталоговъ и реперторій, и, такимъ образомъ, общая стоимость книгъ, указанныхъ факультетами, была неизвѣстна. Въ Харьковѣ же Цимсенъ завелъ небольшую лавочку и изъ нея въ теченіе года было взято въ университетъ 435 разныхъ книгъ; кромѣ того прислано было попечителемъ округа изъ Петербурга 1460 книгъ и, наконецъ, куплено самимъ университетомъ въ лавкѣ московскаго купца Глазунова въ Харьковѣ [3])

---

[1]) Харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ разрѣшилъ открытіе этой лавки Василію Цимсену, который оставилъ довѣреннымъ лицомъ вмѣсто себя въ Харьковѣ Фридриха Ласта (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1805 г., по архиву № 36, по картону № 3).

[2]) Разрѣшая открытіе магазина Цимсену, губернаторъ И. И. Бахтинъ подвергъ его дѣйствію университетской цензуры. По цензурному же уставу, выписываемыя изъ заграницы книги и эстампы не разсматривались цензурою, а только владѣльцы магазиновъ представляли каталоги своихъ книгъ и давали подписку, что они не будутъ продавать ничего предосудительнаго (Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., январь—іюнь; засѣданіе 6 марта).

[3]) Вотъ контрактъ, заключенный правленіемъ съ повѣреннымъ Глазунова Бѣлоусовымъ, обязавшимся доставлять русскія книги для университета и училищъ: „1808 года іюня 14 дня. Я, нижеподписавшійся, московскій купецъ Алексѣй Ѳедоровъ сынъ Бѣлоусовъ, по данной мнѣ отъ хозяина моего московскаго купца Матвѣя Глазунова на 4 года довѣренности, засвидѣтельствованной прошлаго 1807 года ноября 6 дня, заключилъ сей контрактъ въ правленіи Императорскаго харьковскаго университета на выписку для него и училищъ округа его россійскихъ книгъ, который состоитъ въ слѣдующемъ:

(здѣсь шла продажа русскихъ изданій) и у частныхъ лицъ 636 русскихъ и иностранныхъ книгъ да подарено разными особами 48. Для того, чтобы обезпечить правильный переплетъ книгъ, правленіе заключило контрактъ и съ переплетчикомъ Ведде (тѣмъ самымъ, который былъ привезенъ еще изъ Петербурга В. Н. Каразинымъ и который оказался теперь очень нужнымъ и полезнымъ человѣкомъ для университета). По этому контракту Ведде за 250 рублей жалованья обязался переплетать университету 1200 книгъ въ годъ, получая за нихъ только половину той цѣны, какую платили частныя лица въ Петербургѣ (за французскій переплетъ книжки въ листъ 2 р. 50 к., въ четвертку—1 р. 50 к., въ осьмушку — 50 к.; въ полуфранцузскій переплетъ — въ листъ 1 р. 25 к., въ четвертку—80 к., въ осьмушку—35 к.; въ бумажный—въ листъ 50 к., въ четвертку—30 к., въ осьмушку—10 к.). Сверхъ того Ведде долженъ былъ выучить своему мастерству въ теченіе пяти лѣтъ одного ученика изъ казенныхъ питомцевъ, который дѣйствительно и былъ ему отданъ въ науку.

Цимсенъ и въ слѣдующемъ 1806 году не прислалъ справочныхъ каталоговъ, такъ что и тогда еще невозможно было отправить ему реестры необходимыхъ для университета изданій. Между тѣмъ, попечитель округа разрѣшилъ употребить на покупку книгъ въ 1806 году— 8000 р. и въ 1807 году—6000 р. Въ виду этого университетъ отпра-

1) Я, Бѣлоусовъ, обязываюсь доставлять россійскія книги, какъ для Императорскаго харьковскаго университета, такъ и для училищъ его округа и всѣхъ чиновниковъ, принадлежащихъ къ сему университету и училищамъ его округа, для перваго—по требованію правленія его, а для училищъ по требованію директоровъ ихъ съ уступкою противъ каталожныхъ цѣнъ со всѣхъ выписываемыхъ книгъ по 10%, а для университета по 20%. 2) Когда выписывается на значительную сумму, то книги, издаваемыя въ Москвѣ, должны быть доставляемы чрезъ два, а печатаемыя въ Петербургѣ, чрезъ три мѣсяца, считая сей срокъ со дня дачи мнѣ препорученія; когда-жъ выписывается на небольшую сумму, то долженъ поставить скорѣе онаго срока. 3) Если дастъ мнѣ университетъ для продажи какія-либо книги, то я долженъ ихъ продать, получивъ за труды по назначенію правленія университета. 4) Доколѣ контрактъ сей существовать будетъ, именоваться мнѣ, Бѣлоусову, книгопродавцемъ Императорскаго харьковскаго университета и состоять подъ вѣдѣніемъ онаго; но правленіе университета не даетъ мнѣ чрезъ сіе никакого права выписывать на имя и счетъ университета книги или что-либо другое и за меня ни въ чемъ не отвѣчаетъ, выключая когда мнѣ таковая выписка именно поручена будетъ, для чего данъ будетъ мнѣ тогда и особливый на сіе видъ. 5) Доколѣ сей контрактъ существовать будетъ, правленіе университета съ своей стороны обѣщается не имѣть у себя другого, кромѣ меня, книгопродавца россійскихъ книгъ. 6) Обязательство сіе дотолѣ существовать должно, доколѣ я при исправномъ во всемъ выполненіи онаго буду имѣть довѣренность отъ хозяина моего, московскаго купца Матвѣя Глазунова". (Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1808 г., май—августъ, засѣданіе 2 іюля 1808 года).

вилъ составленный факультетами и одобренный совѣтомъ списокъ книгъ въ Лейпцигъ книгопродавцу Гейнзіусу, предлагая ему доставку ихъ въ Харьковъ; но и онъ выставилъ такія затруднительныя условія, что дѣло это не было окончено въ 1806 году и университетская библіотека была пополнена слѣдующими коллекціями: покупкою книгъ академика Палласа (584 т. по естественной исторіи, географіи и исторіи Россіи), книгами, пріобрѣтенными въ Петербургѣ попечителемъ (128 т.), купленными самимъ университетомъ (456 т.), напечатанными въ университетской типографіи (180 т.) и подаренными разными лицами (151 т.). Всего въ 1806 году въ университетской библіотекѣ было 7523 тома; переплетено было въ этомъ году 1386 т. Тогда же проф. Шнаубертъ и адъюнктъ Совиньи, по порученію совѣта, ревизовали университетскую библіотеку и донесли, что все книжное имущество ея находится въ цѣлости. Въ 1807 году правленіе заключило контрактъ на поставку книгъ съ рижскимъ книгопродавцемъ Гартманомъ [1]), который обѣщалъ доставлять

[1]) Вотъ текстъ контракта съ Гартманомъ: „Moi soussigné marchand de Riga du premier rang Carl Joseph Hartmann avois passé le present Contract avec le directoire de l'Université Impériale de Kharkow, en vertu du quel je m'engage de fournir à la dite Université, à compter de la date sous-mentionnée, tous les livres, que me demandera le directoire: 1) qu'il me soit payé pour les livres fournir suivant les prix de Leiptzig, designés dans les catalogues de cette ville; c'est pourquoi, lors de l'envoie du premier transport des livres, je suis obligé de fournir tous les catalogues veritables de Leipzig avec le prix des livres parûs depuis l'année 1795 jusq'à ce jour; et d'envoyer dorenavant chaque catalogue, qui paraitra à Leipzig lors des foires de cette ville et pour les vieux livres procurer le catalogue de Georgius, á condition, que pour tous ces catalogues, selon le prix, le quel coutera leur achat et leur envoye je dois recevoir l'argent de l'Université. 2) Les livres, que me demandera le directoire, seront envoyés par moi à Kharkow par Moscou à l'adresse de celui, à qui on me commandera d'envoyer en prenant sur mon compte la moitée de ce que coutera le transport depuis Riga jusqu'à Moscou et cela par le moyen des entrepeneurs, les quels sont obligés de repondre pour la conservation entière des caisses et pour que les livres ne soient pas endómmagés par l'humidité; c'est pourquoi lors de chaque envoye des livres, je dois en même temps envoyer aussi une copie du contract passé avec les entre peneurs et legalement attesté dans un bureau. 3) Je ne dois jamais envoyer à l'Université des livres contrefaçonnés, mais les originaux mêmes des editions qui ont parûs et qui me seront démandés; s'il ne se trouvera point chez moi de telles livres et editions, alors j'avertirai l'Université et lui demanderai, s'il consentirait, que je lui envoyasse celles, qui se trouvent chez moi. 4) De ne point exiger le payement pour les livres envoyés par moi, dont l'edition ne sera point complette comme ils sont parûs, de même que, pour des livres défectueuses et gatés. 5) Je ne dois jamais envoyer les livres et autres articles y appartenantes sans la demande expresse du directoire de l'Universitét en cas, que de telles choses seront envoyés, alors l'Université a le droit de me les ren; voyer pour mon propre compte. 6) De son coté l'Université demandera pour que tout ce que sera expedié suivant ce contract pour le compte de l'Université des pays étran-

сверхъ того и справочные лейпцигскіе каталоги. Впрочемъ, въ 1807 г. онъ не успѣлъ еще доставить книгъ по спискамъ университета. Другой договоръ былъ заключенъ съ Фр. Ластомъ, открывшимъ книжную лавку въ Харьковѣ [1]). Университетская библіотека получила въ этомъ году только слѣдующія приращенія: коллекцію древнихъ сочиненій, купленную въ г. Дубно попечителемъ (107 т.); самъ университетъ пріобрѣлъ 871 т.; изъ университетской типографіи получено было 30 т.; пожерт-

---

gers en ballots ou caisses et arriverait à la douane de Riga, ne soit point visité après avoir été plombé, jusqu'à Kharkow. 7) Après l'envoye des livres, lorsqu'elles seron- arrivés à Kharkow et leur reception à l'Université, je dois recevoir mon payement sans delai pour tous les livres envoyés par moi et ce qu'avait coûté leur transport, en billets de banque. en se conformant au cours de l'argent, le quel alors aura lieu à Riga, pour quel raison je suis obligé lors de chaque envoye des livres envoyer en même temps le preis-courant de Riga. 8) A compter du jour de la conclusion du present contract, je me nommérais agent pour la partie des livres de la dite Université de Kharkow. Toutes les conditions susmentionnées, je les conserverai inviolablement et les executerai avec precision. (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1807 г. о разныхъ предметахъ на иностранныхъ языкахъ, № 61, стр. 22, 29).

[1]) Этотъ Ф. Ластъ въ 1807 году заключилъ самостоятельный контрактъ съ правленіемъ университета слѣдующаго содержанія: „1807 года сентября, я, нижеподписавшійся, шведскій уроженецъ Фридрихъ Ластъ, далъ сей контрактъ правленію Императорскаго харьковскаго университета въ томъ, что принимаю на себя быть книгопродавцемъ сего университета на слѣдующихъ условіяхъ: 1) всѣ книги, какія мнѣ препоручаемо будетъ выписывать для университета или для профессоровъ, адъюнктовъ, учителей или студентовъ онаго, также для училищъ, подвѣдомыхъ сему университету, имѣю я поставлять въ теченіе не болѣе какъ 6 мѣсяцевъ отъ времени даннаго мнѣ препорученія, получая за оныя съ моею доставкою цѣны, означенныя въ лейпцигскихъ каталогахъ съ надбавкою 15°/o, исключая древнія книги или таковыя сочиненія, кои не находятся въ оныхъ каталогахъ, въ каковомъ случаѣ долженъ я представить фактуры отъ того, у кого они куплены и получить уже надбавки не 15, а 25°/o. 2) На первый случай беру я на себя выписать книги для библіотекъ двухъ гимназій по каталогу, какой мнѣ для сего данъ будетъ. 3) Ежели правленіе его найдетъ нужнымъ отпустить мнѣ для распродажи нѣкоторое количество книгъ, печатанныхъ въ университетской типографіи, то долженъ я ихъ продавать, не налагая болѣе 5°/o сверхъ положенной университетомъ цѣны и вырученныя за нихъ деньги помѣсячно представлять въ правленіе. 4) Университетъ съ своей стороны даетъ мнѣ соразмѣрную квартиру, но не прежде, какъ будущею весною. 5) Вмѣстѣ съ наименованіемъ университетскаго книгопродавца, имѣю я состоять подъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ университета, не получая однакожъ чрезъ то никакого права выписывать на имя и щетъ университета книги или что-либо другое и университетъ ни въ чемъ за меня не отвѣчаетъ, выключая когда мнѣ таковая выписка поручена будетъ, въ которомъ случаѣ данъ будетъ мнѣ отъ университета особливый на сіе видъ. 6) Ежели я, Ластъ, окажусь поступившимъ въ чемъ-либо несогласно съ вышеприписанными условіями, то вмѣстѣ съ наименованіемъ университетскаго книгопродавца лишаюся и всѣхъ преимуществъ, доставляемыхъ мнѣ симъ наименованіемъ отъ университета. Fridrich Last. (Харьк. университетскій архивъ. Дѣло правленія 1807—1808 гг., по архиву № 213, по картону № 14).

вовано разными лицами 96 т., всего около 1000 т., а вмѣстѣ съ прежними 8520 т. Въ 1808 году новый коммиссіонеръ университета Гартманъ доставилъ, наконецъ, правленію часть его заказа — 1145 книгъ; сверхъ того въ университетскую библіотеку поступило: 379 томовъ, купленныхъ университетомъ, 144 т., подаренныхъ разными лицами, 19 том. отпечатанныхъ въ университетской типографіи, всего 1687 т. Въ 1809 году въ библіотеку поступило 1044 т. (отъ Гартмана по контракту 464 т., куплено университетомъ 233 т., куплено у проф. Якоба 300 т., пожертвовано 27 т., изъ университетской типографіи 40 т.), а съ прежними было 12261 т. Въ 1810 году библіотека пополнена была всего только 376 томами книгъ и сверхъ того было куплено у проф. Гута нѣсколько астрономическихъ атласовъ XVIII вѣка. Въ 1811 году въ библіотеку поступило 709 том. (главнымъ образомъ отъ коммиссіонера Гартмана) и въ 1812 году 925 том. (въ томъ числѣ отъ Гартмана 407 т., выписано изъ Лейпцига 97 т., куплено у разныхъ лицъ 215 т., подарено 179 т., доставлено изъ университетской типографіи 27 т.). Всего въ 1812 году въ ней было 14271 томъ [1]). Таковъ былъ ростъ книжныхъ богатствъ харьковской университетской библіотеки. Богатства эти, какъ мы видимъ, возрастали довольно медленно; но причина этой медленности лежала не въ скудости нужныхъ для этого матеріальныхъ средствъ [2]), а въ трудности пріобрѣтать книги изъ-за границы. Въ 1806 и 1807 годахъ было ассигновано на пріобрѣтеніе книгъ 14000 руб., т. е. въ 7 разъ болѣе, чѣмъ полагалось по штату, а между тѣмъ выписка ихъ затянулась на многіе годы. Мы видѣли, какими огромными для своего времени средствами располагалъ университетъ, какіе крупные у него ежегодно бывали остатки, какъ много, наконецъ, онъ затрачивалъ изъ своихъ хозяйственныхъ суммъ на библіотеку. Но ему трудно было организовать дѣло выписки книгъ изъ-за границы: здѣсь оказывались несостоятельными сами коммиссіонеры; важное значеніе имѣло также и то обстоятельство, что университетъ усердно защищалъ „казенный интересъ“ и не хотѣлъ платить за книги высокихъ цѣнъ. Иногда доставкѣ книгъ мѣшали политическія обстоятельства. Такъ, въ 1808 году коммиссіонеръ Гартманъ доводилъ до свѣдѣнія правленія, что при тогдашнихъ международныхъ отношеніяхъ боится отправить моремъ изъ Любека въ Ригу книги, предназначавшіяся для Харьковскаго университета, и испрашивалъ разрѣше-

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“; наши цифры нѣсколько не сходятся съ цифрами Фойгта (см. „Ист. стат. зап.“, стр. 25—26).

[2]) Въ 1812 году университетъ рѣшилъ пріобрѣсти полное собраніе сочиненій Гумбольдта, хотя оно стоило по тогдашнему курсу около 2000 руб. ассигнаціями. (Харьк. университет. архивъ. Журналы правленія 1872 г., январь—апрѣль; засѣданіе 15 апрѣля).

нія отправить ихъ сухимъ путемъ, что, впрочемъ, должно было значительно увеличить стоимость пересылки и ввести въ лишніе расходы университетъ. Правленіе поручило Гартману подождать съ перевозкою книгъ изъ Любека, пока не явится возможность доставить ихъ морскимъ путемъ [1]).

Съ чувствомъ признательности историкъ университета долженъ отмѣтить имена тѣхъ лицъ, которыя увеличили путемъ пожертвованій книжныя сокровища харьковской университетской библіотеки. Первымъ жертвователемъ былъ тотъ самый харьковскій епископъ Христофоръ Сулима, который и раньше проявлялъ большое сочувствіе къ университету и произнесъ при открытіи его прекрасную рѣчь о пользѣ просвѣщенія. Его считали прежде не особенно образованнымъ и литературнымъ человѣкомъ, но уже о. Ник. Лащенко въ своей прекрасной, обстоятельной монографіи о немъ опровергъ это ходячее мнѣніе. Теперь, просматривая списокъ пожертвованныхъ имъ книгъ (сохранившійся въ дѣлахъ университета), мы приходимъ къ убѣжденію, что епископъ Христофоръ далеко не чуждался науки и литературы. Онъ пожертвовалъ университету 66 названій книгъ на латинскомъ, нѣмецкомъ, польскомъ и русскомъ языкахъ, относящихся къ богословію, философіи, исторіи и литературѣ; тутъ мы находимъ, напримѣръ, такія сочиненія, какъ Mülleri-Institutiones Theologiae, Metaphisica Holmani, Sistema antiquitatum judaïcarum, нѣмецкую библію Лютера, польскія проповѣди, нѣмецкую исторію о Петрѣ Великомъ, исторію Пруссіи на нѣмецкомъ языкѣ, философію Аристотеля на польскомъ языкѣ, труды Овидія Назона, русскую поэзію, много лексиконовъ [2]) и т. п. И другой іерархъ—екатеринославскій архіепископъ Платонъ—въ знакъ признательности къ университету за присылку къ нему программъ и рѣчей, пожертвовалъ въ университетскую библіотеку нѣсколько древнихъ изданій, между которыми отмѣтимъ польскую библію, изданную въ Торунѣ въ 1632 году, всеобщую исторію на латинскомъ языкѣ, доведенную до 1493 года, проповѣди ксенза Якова Вуйка на польскомъ языкѣ, изданныя въ Краковѣ въ 1590 году [3]).

Изъ свѣтскихъ лицъ сдѣлали болѣе крупныя пожертвованія книгами слѣдующія лица. В. Н. Каразинъ преподнесъ въ даръ нѣсколько старинныхъ изданій, а именно: Петербургскій календарь 1715 года (т. е. если не первый, прибавляетъ отъ себя В. Н. Каразинъ, то одинъ изъ первыхъ, изданный гораздо ранѣе учрежденія академіи наукъ), 6 диссертацій, изъ коихъ двѣ принадлежатъ къ древнѣйшимъ, представлен-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журналы правленія 1808 г., январь—апрѣль; засѣданіе 30 марта 1808 года.

[2]) Ibidem; журналы правленія 1806 г., январь—іюнь; засѣданіе 14 апрѣля.

[3]) Ibidem; журналы 1806 г., іюль—декабрь; засѣданіе 18 октября.

нымъ въ Дерптскій университетъ, современное описаніе Полтавской битвы (*Αποϑεώσις*), Les forces de l'Europe, изданную въ Парижѣ въ 1694 г., экземпляръ карты Россійской Имперіи 1795 года и біографію Лефорта [1]). Въ 1808 году пожертвовалъ обширную и цѣнную коллекцію книгъ извѣстный намъ курскій купецъ Хлапонинъ, получившій въ Харьковскомъ университетѣ степень доктора философіи; въ этой коллекціи было 300 названій въ 700 томахъ по философіи, филологіи, исторіи и политикѣ, преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ [2]). Профессоръ Каменскій принесъ въ даръ въ 1813 году около сотни названій книгъ, преимущественно по медицинѣ на латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, изданія нач. XIX, XVIII и отчасти XVII вѣка [3]). Не указываемъ цѣлаго ряда болѣе мелкихъ пожертвованій, поступившихъ отъ генерала Неклюдова, графа Хвостова, А. Палицына, Селиванова, академика Гурьева, Богдановича и друг.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о выпискѣ въ университетскую библіотеку періодическихъ изданій. Ихъ первоначально выписывали черезъ почтамтъ, принимавшій на себя эту коммиссію и получавшій, очевидно, отъ этого нѣкоторыя выгоды. Но такъ какъ благодаря такому посредничеству пересылка обходилась дорого, то университетъ ходатайствовалъ черезъ попечителя передъ министромъ о разрѣшеніи непосредственной выписки ихъ изъ Лейпцига отъ тамошняго книгопродавца Швечке. Министръ сперва не уважилъ этой просьбы, потому что такая выписка была запрещена закономъ [4]), но потомъ возбудилъ ходатайство передъ Верховною властью объ отмѣнѣ этого запрещенія, и университетъ сталъ выписывать научные журналы прямо изъ-за границы. Въ 1810 году такихъ журналовъ выписывалъ университетъ 20, въ томъ числѣ 14 на нѣмецкомъ и 6 на французскомъ языкѣ [5]). Что же касается

---

[1]) Ibidem; журналы 1807 г., май—августъ; засѣданіе 12 августа и дѣло правл. 1805 г., № по архиву 90 и по картону № 5.

[2]) К. Фойгта. Ист. стат. зап., стр. 26; см. также харьк. унив. архивъ. Журналы правленія 1808 г., январь—апрѣль; засѣданіе 24 февраля.

[3]) Полный перечень ихъ см. въ харьк. унив. архивѣ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. языкахъ, 1813 г., № 52, стр. 213, 266.

[4]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1809 г., № 22.

[5]) Вотъ перечень ихъ: 1) Hallische Literatur-Zeitung; 2) Ienäische Liter. Zeit.; 3) Göttinger gelehrte Zeitung; 4) Medicinisch Chirurg.; 5) Minerva von Archenholz; 6) Medicinische Annalen; 7) Zachs monathlicher correspondent; 8) Zeiten von Woss; 9) Huflands Medicinisches Journal; 10) Thäers Annalen akerbaums; 11) Gilbert Annalen; 12) Geografishe Ephemeriden; 13) Voigts Magazin; 14) Algemeines repertorium der litteratur; 15) Magazin Encyclopedique; 16) Journal de physique; 17) Journal de la litterature de France; 18) Annales de Chimie; 19) Journal des mines; 20) Revue litteraire (Харьк. унив. архивъ. Журналы правленія 1810 г., январь—апрѣль; засѣданіе 3 марта).

журналовъ политическихъ, то на нихъ былъ строгій интердиктъ, такъ что изъ выписанной въ 1809 году и лежавшей въ Бродахъ у коммиссіонера Ласкевича серіи были исключены Politische Zeitung, Minerva von Archenholz, Zeiten von Voss и Decades philosophiques [1]). Изъ списка на 1810 годъ (извѣстнаго намъ) былъ также исключенъ по этой причинѣ журналъ Minerva von Archenholtz [2]). Русскихъ повременныхъ изданій выписывалось въ 1811 году 9 [3]).

Но университетъ не только заботился объ увеличеніи состава своей библіотеки, онъ выработалъ цѣлый рядъ правилъ относительно пользованія ею, въ дополненіе къ тѣмъ распоряженіямъ, которыя опредѣлены были уставомъ. Правила эти были таковы (по редакціи, выработанной совѣтомъ въ 1806 году): 1) библіотека должна быть открыта лѣтомъ отъ 10 до 12 и отъ 3 до 5 час., а зимою—отъ 10 до 12 и отъ 3 до 4 час., за исключеніемъ праздничныхъ и табельныхъ дней; 2) для чтенія отводится отдѣльная комната; 3) книги должны читаться только въ этомъ помѣщеніи; 4) при этомъ долженъ находиться всегда библіотекарь или его помощникъ; 5) запрещается шумѣть, кричать или громко читать въ библіотекѣ и читальной комнатѣ; 6) студентамъ могутъ выдаваться книги на домъ только за поручительствомъ профессоровъ, а словарей и книгъ съ эстампами нельзя было выдавать имъ даже и при такомъ условіи; 7) сверхъ того было рѣшено, чтобы журналы и газеты не выдавались никому на домъ ранѣе 2-хъ недѣль со времени полученія ихъ библіотекой, т. е. пока не прочтутъ ихъ тутъ всѣ профессора и адъюнкты [4]). Въ томъ же 1806 году была произведена, по порученію совѣта, проф. Шнаубертомъ и адъюнктомъ Совиньи ревизія библіотеки и все нужное количество книгъ найдено въ цѣлости. Въ 1810 году рѣшено было совѣтомъ, по предложенію ректора, снова обревизовать библіотеку, для чего избрать по два представителя отъ каждаго факультета. Но избранные для этой цѣли на математическомъ факультетѣ профессора (Шнаубертъ и Гутъ) заявили, что этого сдѣлать будетъ невозможно до тѣхъ поръ, пока библіотека не будетъ приведена въ надлежащій порядокъ, т. е.: 1) всѣ шкафы ея по порядку не будутъ означены латинскими буквами (A, B, C, D и т. д.), полки каждаго шкафа — рим-

---

[1]) Харьк. универс. архивъ. Журналы правленія 1810 г., май—августъ; засѣданіе 23 іюня;

[2]) Ibidem, сентябрь—декабрь, засѣданіе 29 сентября.

[3]) А именно—Сѣверная пчела, Русскій Вѣстникъ, Московскія вѣдомости, Санктъ-петербургскія сенатскія вѣдомости, Сѣверная почта, Повременное изданіе, Полная система домоводства, Вѣстникъ Европы, Цвѣтникъ изданія Измайлова (Харьк. универс. архивъ. Дѣло Правленія 1810 года, № по архиву 480, по картону 26).

[4]) Харьк. универ. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

скими знаками (I, II, III), а мѣста книгъ—арабскими цифрами (1, 2, 3 и т. д.); 2) на корешкѣ каждой книги не будутъ означены номеръ шкафа, полки и мѣста; 3) тоже не будетъ сдѣлано и въ каталогѣ передъ заглавіемъ книги. Совѣтъ, вполнѣ сознавая необходимость этихъ мѣръ, поручилъ привести ихъ въ исполненіе библіотекарю проф. Белленъ-де-Баллю и харьковскому книгопродавцу иностранцу Фр. Ласту [1]).

Въ 1811 году совѣтъ постановилъ, чтобы правила о пользованіи университетской библіотекой были прибиты къ ея дверямъ съ новыми прибавленіями слѣдующаго содержанія: лѣтомъ библіотека будетъ открыта только отъ 11 до 12 часовъ; всѣ лица, берущія книги, обязаны доставлять ихъ ко времени ревизіи библіотечнаго имущества; о выходѣ студентовъ изъ университета должно быть заранѣе выставлено объявленіе на черной доскѣ, чтобы профессора могли отобрать отъ нихъ взятыя на ихъ имя изъ университетской библіотеки книги. Въ виду того, что ректору была возвращена однимъ постороннимъ лицомъ цѣлая связка гамбургскихъ газетъ, выданныхъ изъ университетской библіотеки бывшимъ помощникомъ библіотекаря Рейнишемъ, постановлено было внушить библіотекарю и помощнику его, чтобы они ни подъ какимъ предлогомъ не давали изъ университетской библіотеки ни книгъ, ни журналовъ постороннимъ лицамъ, хотя бы они проживали въ Харьковѣ; чтобы немедленно по полученіи съ почты газетъ, ихъ отдавали въ читальную комнату при библіотекѣ, а на другой день послѣ полудня выдавали и на домъ, съ тѣмъ чтобы каждый, прочтя ихъ, передавалъ другому. Въ этомъ же году совѣтъ рѣшилъ произвести и ревизію библіотеки, для чего избрано было по одному представителю отъ каждаго факультета (Шмерфельдъ—отъ математическаго, Калкау—отъ медицинскаго, Лангъ — отъ этико-политическаго и Роммель — отъ словеснаго) и къ нимъ присоединено 4 кандидата. Но въ это же время получено было увѣдомленіе отъ министра народнаго просвѣщенія о переводѣ библіотекаря Белленъ-де-Балю въ Петербургскій педагогическій институтъ. Въ виду этого немедленно библіотекаремъ былъ избранъ проф. Дюгуровъ и ему поручено принять книги отъ его предмѣстника по особому алфавитному каталогу, составленному на основаніи правленскихъ каталоговъ подъ руководствомъ ректора Стойковича. При этомъ обнаружилось отсутствіе нѣкоторыхъ книгъ и съ проф. Белленъ-де-Балю было взято обязательство, что, если онѣ не отыщутся, то онъ долженъ будетъ пополнить ихъ на свой счетъ [2]).

---

[1]) Ibidem.

[2]) Подлинный отчетъ за 1811 годъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1812 г. № 71) ср. также „Исторію дѣлъ“.

Изъ представленныхъ фактовъ можно, кажется, было убѣдиться, что библіотека служила предметомъ большихъ заботъ университетской коллегіи и хотя она возрастала далеко не такъ быстро, какъ этого требовали интересы учащихъ и учащихся (припомнимъ здѣсь кстати, что профессора европейскихъ университетовъ не рѣшались переѣзжать въ Харьковъ вслѣдствіе скудости ея состава), но въ этомъ едва ли можно особенно винить дѣятелей университета; это зависѣло главнымъ образомъ отъ трудностей, сопряженныхъ съ доставкою книгъ изъ заграницы. Нельзя также не отмѣтить первыхъ (хотя правда слабыхъ) попытокъ привести въ порядокъ книжныя богатства библіотеки и сдѣлать ихъ доступными для пользованія.

Гораздо шире и удачнѣе было поставлено дѣло *университетской типографіи*. Хотя для нея и не отпускалось штатной суммы, но въ деньгахъ она никогда не нуждалась: мы видѣли, что на нее дѣлались большія затраты изъ хозяйственнаго фонда. Благодаря этому, дѣятельность ея сразу приняла широкіе размѣры. До открытія университета въ Харьковѣ, быть можетъ [1], существовала только небольшая типографія приказа общественнаго призрѣнія. Выражаемся такъ осторожно, потому что не имѣемъ о ней никакихъ документальныхъ свѣдѣній. Раньше вообще существовало мнѣніе, что университетская типографія была первою по времени въ Харьковѣ. Но этому противорѣчитъ фактъ напечатанія въ Харьковѣ двухъ сочиненій [2]) въ 1805—1806 гг. въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія. Эта типографія существовала, слѣдовательно, въ 1805 году, но основана она могла быть и раньше—еще до открытія университетской [3]). Какъ бы то ни было, университетская типографія занималась весьма успѣшно печатаніемъ не только университетскихъ изданій (какъ увидимъ далѣе, сравнительно довольно многочисленныхъ), но и трудовъ постороннихъ

---

[1]) У Харьковскаго губернатора Щербинина была мысль о заведеніи типографіи при мѣстномъ коллегіумѣ; но намъ кажется, что она не была приведена въ исполненіе. Если бы при Харьковскомъ коллегіумѣ существовала своя типографія, то о ней мы знали бы что-нибудь изъ документовъ, имѣли напечатанныя въ ней изданія, а между тѣмъ самыя раннія изъ извѣстныхъ намъ сочиненій, изданныхъ отъ имени коллегіума, даже на его счетъ, напечатаны частію въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія, частью въ университетской.

[2]) Вотъ ихъ подлинныя заглавія: 1) „Хозяйственный способъ узнавать погоды въ 1806 г. Харьковъ, 1805. Въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія; 2) Изліяніе благодарныхъ чувствій его сіятельству кн. А. М. Голицыну отъ питомцевъ, обучающихся въ Харьковскомъ коллегіумѣ 1806 г. Въ типографіи приказа общественнаго призрѣнія.

[3]) Доказательствомъ этого являются два мѣсяцеслова, напечатанные въ Харьковѣ на 1797-й и 1799-й годы (Спр. Сл. Геннади, II, 365 стр.).

лицъ. Можно сказать, что въ ней сосредоточено было печатаніе всѣхъ научныхъ и литературныхъ произведеній г. Харькова, харьковской губ. и сосѣднихъ мѣстностей. Типографія, слѣдовательно, одинаково служила какъ духовнымъ нуждамъ университета, такъ и мѣстнаго общества. Выше мы разсказали о тѣхъ мѣрахъ, какія приняты были еще комитетомъ правленія въ 1804 г. по отношенію къ устройству университетской типографіи (стр. 148). Въ 1805 году продолжалось литье въ типографіи русскихъ шрифтовъ, чѣмъ занималось трое спеціально нанятыхъ для этого работниковъ; къ концу года было вылито шрифта 66 п. 15 ф. Иностранные шрифты были заказаны въ Лейпцигѣ и ихъ отправлено было оттуда въ Харьковъ 2 транспорта въ 214 пудовъ [1]). Такъ какъ типографія приготовлена была къ начатію работъ, то въ Москвѣ законтрактованы были наборщикъ, тередорщикъ и батырщикъ, причемъ первымъ двумъ назначено было жалованья по 300 р. въ годъ и по 30 р. квартирныхъ, а третьему по 120 р. Наборщикъ также обязался обучить своему ремеслу одного или двухъ учениковъ, для чего ему и были отданы два казеннокоштныхъ воспитанника слободскоукраинской гимназіи.

Попечитель округа графъ С. О. Потоцкій выказывалъ вниманіе и заботу о типографіи и обратился, между прочимъ, въ правленіе съ заявленіемъ, въ которомъ говорилось, что „сдѣланное университетомъ распоряженіе о поспѣшнѣйшей доставкѣ иностранныхъ литеръ, заготовляемыхъ лейпцигскими словолитчиками, и снабженіи типографіи нужными матеріалами его сіятельство одобряетъ; и такъ какъ правленіе въ донесеніи своемъ упоминаетъ, что россійскихъ буквъ отлито уже достаточное количество, то попечитель находитъ возможнымъ и прежде еще полученія иностранныхъ литеръ приступить къ печатанію русскихъ книгъ; для этого же необходимо прежде всего обстоятельно узнать петербургскія и московскія цѣны за наборъ и печать, а, собравъ эти справки, сдѣлать объявленіе въ газетахъ объ открытіи дѣйствій типографіи и пригласить дѣлать заказы на печатаніе русскихъ книгъ; если же при этомъ будетъ сдѣлана нѣкоторая уступка противъ столичныхъ цѣнъ, то можно надѣяться, что типографія не останется безъ дѣла, и такимъ образомъ будетъ мало по малу возвращаться затраченный на нее капиталъ. Въ заключеніе попечитель замѣтилъ, что шрифтъ, которымъ напечатано объявленіе объ открытіи университета, кажется ему нѣсколько крупнымъ и что желательно было бы имѣть и болѣе мелкій [2]).

[1]) Заказъ исполненъ былъ словолитчикомъ Гертелемъ, причемъ сношенія принялъ на себя проф. Шадъ (Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., іюль—декабрь; засѣданіе 31 іюля).

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., іюль—декабрь; засѣданіе 1 августа.

Это вниманіе къ нуждамъ университета и его типографіи со стороны С. О. Потоцкаго проявилось также въ его стараніи добыть для нея по сходной цѣнѣ бумагу. „По представленію университета для пріисканія подрядчика на поставку для него разнаго рода бумаги употреблялъ я старанія, но они оказались безуспѣшными; почти никто изъ здѣшнихъ петербургскихъ промышленниковъ не согласился взять этого подряда по той цѣнѣ, которая обозначена на образцахъ, доставленныхъ университетомъ; поэтому остается одно—пріискать ихъ самому университету въ Москвѣ или другихъ городахъ. Въ виду этого правленіе обратилось въ Московскій университетъ, съ просьбою сообщить, по какимъ цѣнамъ ему доставляли бумагу подрядчики. Бумага впослѣдствіи дѣйствительно выписывалась изъ Москвы при посредствѣ принявшаго на себя эту коммиссію харьковскаго купца (изъ Вереи) Щелкова [1]).

Первыя дѣйствія типографіи начались печатаніемъ циркулярныхъ предписаній, извѣщеній, формъ, вѣдомостей, для разсылки ихъ директорамъ, и разныхъ мелкихъ объявленій посторонних лицъ; потомъ 20-го сентября начала печататься первая книга — „Риторика“ ректора *Рижскаго*, а вслѣдъ за нею пошли сочиненіе профессора *Шумлянскаго* „Мысли о способахъ противъ пожаровъ“ и *Рижскаго* „Введеніе въ кругъ словесности“. Еще въ 1804 году С. О. Потоцкій выразилъ желаніе, чтобы въ университетской типографіи могли печататься ноты. Вслѣдствіе этого университетъ заказалъ художнику Петерсону сдѣлать штемпеля для набиванія на оловянныхъ доскахъ нотныхъ знаковъ и изготовить двѣ мраморныя плиты съ желѣзными линейками; онъ же согласился выучить этому искусству и двухъ учениковъ и доставить на счетъ университета станки и оловянныя доски. Въ обученіе къ Петерсону былъ опредѣленъ пѣвчій хора слободскоукраинской гимназіи кол. рег. Виноградскій, который быстро выучился набивать ноты. На пріобрѣтеніе матеріаловъ для типографіи денегъ не жалѣли; такъ въ 1806 г. еще было вылито 40 пуд. шрифта и куплено разныхъ инструментовъ на 2424 руб. Въ это время обратился въ правленіе В. Н. Каразинъ съ просьбой выдать ему изъ университетской типографіи одинъ печатный станокъ съ необходимымъ запасомъ русскаго и небольшимъ количествомъ латинскаго и греческаго шрифта для печатанія задуманнаго имъ журнала. Правленіе призвало въ засѣданіе типографскаго фактора, который объявилъ, что можно отдать, безъ ущерба для дѣла, только одинъ станокъ съ принадлежностями, но безъ шрифта. Правленіе, сочувствуя „предпріятію В. Н. Каразина, клонящемуся къ пользѣ здѣшняго края“, рѣшило дать ему станокъ (безъ буквъ) на три года подъ

[1]) Ibidem, журналы 1806 г., январь—іюнь; засѣданіе 19 февраля.

*

условіемъ представленія съ его стороны законнаго поручительства (залога) въ исправномъ его возвращеніи. Захотѣлъ ли воспользоваться В. Н. Каразинъ предложеніемъ правленія на такихъ условіяхъ, изъ дѣла невидно; думаемъ впрочемъ, что нѣтъ, ибо и самый проектъ журнала его не осуществился, и свои сочиненія онъ впослѣдствіи печаталъ въ университетской типографіи [1]). И впослѣдствіи количество шрифта и инструментовъ постоянно увеличивалось—пріобрѣтались наборные ящики или кассы, реалы, линейки, молоты, плиты, корректурныя шила, деревянная посуда, мѣдная доска съ вырѣзкою украшеній для дипломовъ, смывательныя доски. Въ 1809 г. личный составъ служащихъ въ типографіи былъ таковъ: два наборщика съ 5 учениками, три тередорщика, три батырщика, словолитчикъ съ ученикомъ и работникомъ; печатаніе могло происходить на трехъ и даже четырехъ станкахъ.

Чтобы дать понятіе о размѣрахъ дѣятельности университетской типографіи, приведемъ въ примѣчаніи [2]) имѣющіяся въ нашемъ распо-

---

[1]) Харьковскій универсітескій архивъ. Журналы правленія 1806 г., январь—іюнь; засѣданіе 23 апрѣля.

[2]) *Въ 1805 году* напечатаны были: 1) „Опытъ риторики“ проф. Рижскаго 2-е изд., 405 стр., 1200 экз.; 2) Шумлянскаго, Мысли о способахъ противъ пожаровъ, 31 стр., 200 экз. *Въ 1806 году*: 1) Рижскій. Введеніе въ кругъ словесности, ч. 1—2, 108, IV стр., 600 экз.; 2) Хрестоматія или избранныя мѣста изъ латинскихъ классическихъ писателей, по руководству Гедике, 467 стр., 1200 экз.; 3) Собраніе примѣровъ для наставленія въ начальномъ познаніи латинскаго языка по руководству Гедике, 119 стр.; 4) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи 17 января 1805 года при открытіи Имп. Харьковскаго университета, 34 стр., 330 экз.; 5) Рѣчи говоренныя въ торжественномъ годовомъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, 17 января 1806 года, 39 стр., 330 экз.; 6) Физико-химическое и врачебное испытаніе минеральныхъ водъ, открытыхъ въ губерніи Полтавской въ Константиноградскомъ повѣтѣ при р. Орелѣ, 40 стр., 570 экз. (извлеченіе изъ донесеній Гизе и Шумлянскаго); 7) Обозрѣніе публичныхъ преподаваній, имѣющихъ быть отъ 17 августа 1806. г по 30 іюля 1807 г. въ Имп. Харьковскомъ университетѣ на россійскомъ и латинскомъ языкахъ; 8) Планъ пансіона при Харьковской гимназіи, присланный попечителемъ сего университета, 1000 экз.; 9) Гамперле. Объ обязанностяхъ студентовъ; 10) Белленъ-де-Баллю. Systema novum docendi et discendi linguam latinam. *Въ 1807 году*: 1) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи Императ. Харьковскаго университета 30 августа 1806 г.; 2) Наставленіе въ должности опредѣляемымъ по синодальному указу семинарскимъ инспекторамъ; 3) А. Палицына. Посланіе къ Привѣтѣ или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени, 70 стр., 1200 экз.; 4) Проф. Стойковича, О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи, 270 стр., 2215 экз.; 5) Економическій календарь на лѣто 1807 е, сочиненный для малороссійскаго, украинскаго и южной Польши горизонта. Пер. съ польскаго, на $3^1/_2$ л., 300 экз.; 6) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи университета, бывшемъ 17 января 1807 года, 42 стр.; 7) Рѣчи, гово-

ряженіи данныя о книгахъ и брошюрахъ, отпечатанныхъ въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ ея существованія.

Такой перечень необходимо было составить въ виду того, что данныя К. Фойгта оказываются очень недостаточными и не даютъ полнаго представленія о размѣрахъ печатной дѣятельности университетской типографіи. Въ этомъ легко убѣдиться, если сравнить ихъ съ гораздо болѣе полными свѣдѣніями по этой части въ обзорѣ Чирикова [1]). Кропотливая, огромная работа этого изслѣдователя харьковской литературной старины даетъ намъ свѣдѣнія о массѣ такихъ сочиненій, о которыхъ вовсе не упоминается у Фойгта. Къ сожалѣнію, трудъ Чирикова былъ напечатанъ уже послѣ его смерти; авторъ не успѣлъ написать къ нему предисловія и не объяснилъ намъ, какими источниками онъ пользовался при его составленіи. На одинъ источникъ впрочемъ дѣлаются частыя ссылки въ самомъ текстѣ труда — это именно на библіографическіе указатели, въ томъ числѣ на извѣстную роспись книгъ Смирдина.

ренныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, бывшемъ 30 августа 1807 г., 76 стр.; 8) А. Палицына. Игорь, героическая пѣснь, съ древней славянской пѣсни, VI, 42 стр., 1200 экз.; 9) Разсужденія, извлеченныя изъ сочиненія Геллерта. Переведено съ нѣмецкаго въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 71 стр., 100 экз.; 10) Астрономическій и экономическій календарь на лѣто 1808-е, изд. А. Бѣлоусовымъ на 3 л., 300 экз.; 11) Наставленіе для священно- и церковно-служителей Курской епархіи, какъ имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ и потомъ въ семинаріи посылать (арх. Ѳеоктиста), 5/8 листа, 1000 экз.; 12) Tableaux des déclinaisons latines (проф. Белленъ-де-Баллю), 50 экз.; 13) Notitia et descriptio aliquot codicum manuscriptorum, qui reperiuntur in bibliotheca universitatis Imperialis, quae Charcoviae floret (его же); 14) Собраніе примѣровъ для наставленія въ начальномъ познаніи латинскаго языка по руководству Гедике, ч. 2-я, 1200 экз.; 15) Проф. Шада. De vi philosophiae in reliquis scientiis; 16) Правила для казеннокоштныхъ студентовъ; 17) Обозрѣніе публичныхъ чтеній, имѣющихъ быть отъ 17 августа 1807 по 30 іюня 1808 г.; 18) Извѣстіе о испытаніи минеральныхъ водъ Кочубея, 32 стр., 515 экз. *Въ 1808 году*: 1) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ годовомъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, бывшемъ 17 января 1808 г., 86 стр.; 2) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императ. Харьковскаго университета 30 августа 1808 г., 52 стр.; 3) Biberstein Fr. Flora Tauro-Caucasica, т. I, 428 стр., т. II, 477 стр., 1200 экз.; 4) Извѣстіе о испытаніи минеральныхъ водъ Кочубея, 2-е изд., 43 стр.; 5) Извѣстіе о винокуренномъ снарядѣ Василія Каразина; 6) Хозяйственный календарь на лѣто Господне 1808-е, переведенный съ польскаго въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 104 стр.; 7) Богословскія предложенія изъ трактата богословскаго о созданіи міра и промыслѣ Божіемъ, выбранныя для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ ректоромъ его протоіереемъ А. Прокоповичемъ; 8) Краткое начертаніе учебныхъ предметовъ

[1]) „Указатель книгъ и брошюръ, напечатанныхъ въ Харьковѣ съ 1805 по 1879 г.“ (въ Харьковскомъ Сборникѣ за 1890 г.).

Этотъ то источникъ увеличилъ весьма замѣтно общее число книгъ, отмѣченныхъ Чириковымъ, сравнительно со спискомъ Фойгта. Затѣмъ авторъ пользовался повидимому и матеріалами Харьковскаго универси-

---

преподаваемыхъ священно- и церковно-служительскимъ Курской епархіи дѣтямъ, въ малыхъ духовныхъ училищахъ обучающихся; 9) Ода подъ заглавіемъ „Усерднѣйшее приношеніе отъ Курской епархіи выс. Ѳеоктисту въ день его тезоименитства"; 10) Календарь на лѣто Господне 1809-е переведенный съ польскаго въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 127 стр.; 11) Хрестоматія или избранныя мѣста изъ латинскихъ писателей, издана по руководству Гедике, ч. 2-я; 12) Обозрѣніе публичныхъ чтеній; 13) Объявленія о кожевенномъ заводѣ—Каразина. *Въ 1809 году*: 1) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, бывшемъ 30 іюня 1809 г., 33 стр., 450 экз.; 2) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Импер. Харьковскаго университета, бывшемъ 30 августа 1809 г., 46 стр., 450 экз.; 3) Стойковича. Начальныя основанія умозрительной и опытной физики, ч. 1-я, LIV, 213 стр., ч. 2-я, 450 стр. (переведена съ нѣм. рук. канд. Комлишинскимъ); 4) Извѣстіе объ испытаніи минеральной воды, открывшейся въ дачахъ помѣщика Денисенкова, Слоб. укр. губ., Изюмск. уѣзда, при дер. Быковкѣ, $2^1/_2$ л., 320 экз.; 5) Проф. Пильгера. Краткія разсужденія о свирѣпствующей въ нѣкоторыхъ губерніяхъ между рогатымъ скотомъ заразѣ, 15 стр., 1200 экз.; 6) Проф. Пильгера. Разсужденія о теченіи и излѣченіи овечьей оспы, 816 экз.; 7) Проф. Пильгера. Краткое практическое руководство къ излѣченію болѣзней собакъ. Перев. съ нѣмецк. Алек. фонъ-Келеръ, 620 экз.; 8) Таблицы о скотолѣченіи, составленныя Ф. Пильгеромъ; 9) Chrestomatia pöetica. Curavit Belin-de-Ballu, т. 1-й, 364 стр., т. 2-й, 339 стр.; 10) Латинская грамматика Бредера, $14^1/_8$ л., 1200 экз.; 11) Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1809-е, изд. А. Бѣлоусовымъ, 4 л., 600 экз.; 12) Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1810-е, изд. А. Бѣлоусовымъ, $4^1/_2$ л., 1000 экз.; 13) Календарь на лѣто Господне 1809-е (изд. Прокоповичемъ), 127 стр.; 14) Календарь на лѣто Господне 1810-е, переведенный съ польскаго (изд. подъ ред. прот. Прокоповича), $3^1/_2$ л., 600 экз.; 15) Г. Успенскаго. Наставленіе учителямъ для составленія истор., топогр. и стат. зап.; 16) Собраніе примѣтовъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латин. языка, ч. 3-я, 1200 экз.; 17) Прибавленія къ правиламъ для казеннокоштныхъ студентовъ на латинск. яз., составленныя проф. Якобомъ; 18) Латинскій переводъ университетскаго устава проф. Стойковича и Шада; 19) Стихи Делиля (на франц. яз.); 20) Положеніе о своекоштныхъ питомцахъ при гимназіи; 21) Обозрѣніе публичныхъ чтеній въ университетѣ; 22) Указъ о порядкѣ производства въ чины осьмиклассные чиновниковъ гражданской службы. *Въ 1810 году*: 1) Орнатовскаго. Новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики, 311 стр.; 2) Стойковича. О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи, XXXIV, 286 стр., 2550 экз.; 3) Bieberstein. Centuria plantarum rariarum Rossiae meridionalis (съ 50 рис.) in fol. pars prima; 4) Главнѣйшія правила латинскаго словосочиненія (уч. Ан. Вербицкаго); 5) Александрова. Увеселительный садъ Е. И. В. Александра Павловича, 2-е изд., $6^1/_2$ л., 600 экз.; 6) Pr. Jacob. Grundriss der algemeinen Logik für die gymnasien des Russischen Reichs, 87 стр.; 7) Pr. Jacob. Ausführliche Erklärung des grundrisses der algemeinen logik, 128 стр.; 8) Lang. Grundlinien der politischen Arithmetik, 216 стр., 600 экз.; 9) Chrestomatia latina. Curavit

тетскаго архива. Само собою разумѣется, что къ нему мы можемъ относиться съ полнымъ довѣріемъ: онъ допускаетъ возможность пробѣловъ, но не прямыхъ ошибокъ; эти послѣднія, если и найдутся, то только

R. C. Ch. P. A. P., 83 стр., 1200 экз.; 10) Богословскія предложенія, выбранныя для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ прот. Прокоповичемъ, 50 экз.; 11) Философскія предложенія, выбранныя для публичныхъ состязаній въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 50 экз.; 12) Dissertatio oppugnans opinionem Herodoti de Xerxe Persarum rege, pro gradu doctoris humaniarum litterarum defendenda a D. Gillet, 12 стр., 100 экз.; 13) Рѣчь, говоренная въ Павлоградскомъ уѣздномъ училищѣ при погребеніи ученика Майбороды, 1/2 л., 500 экз.; 14) Мизко. Рѣчь, говоренная въ губ. собраніи дворянства Екат. губ. 7 стр., 900 экз.; 15) Слово говоренное арх. Никифоромъ, 300 экз.; 16) Рѣчь, говоренная въ день торжественнаго празднованія Войскомъ Черноморскимъ, при полученіи грамоты и знаменъ прот. Росинскимъ, 16 стр., 1053 экз.; 17) Начальныя основанія латинск. языка, 4 л., 3000 экз.; 18) Календарь на 1810 годъ, переведенный въ Екатеринославской семинаріи, 3 1/2 л., 800 экз.; 19) Календарь на лѣто Господне 1811-е (изд. Прокоповичемъ), 2 1/2 л., 800 экз.; 20) Календарь на 1811 годъ, изд. Бѣлоусовымъ, 4 3/4 л., 1200 экз.; 21) Подарокъ для дѣтей или новая россійская азбука (изд. Бѣлоусова). *Въ 1811 году*-1) Проф. Тимковскаго. Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка, 310 стр., 1200 экз.; 2) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, бывшемъ 30 іюня 1810 г., 101 стр.; 3) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, бывшемъ 30 августа 1811 г., 58 стр., 600 экз.; 4) Извѣстія о филотехническомъ обществѣ, составившемся въ Харьковѣ 17 января и Высочайше утвержденномъ 10 марта 1811 г., 36 стр., 600 экз. (В. Н. Каразина); 5) Успенскаго. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, ч. 1-я, 156 стр., 605 экз.; 6) Извѣстіе о жизни и смерти проф. Имп. Харьк. университета Ив. Ст. Рижскаго, 43 стр., 1200 экз.; 7) О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, соч. Ф. Гизе. Пер. съ нѣмец. (В. Комлишинскаго обще съ Громовымъ), 233 стр., 600 экз.; 8) Chrestomatia latina. Curavit A. Prokopowicz, 398 стр., 600 экз.; 9) Парпуры. Слово похвальное Александру Ярославичу Невскому, 2 1/2 л., 600 экз.; 10) Вас. Масловича. Дельфъ и Дельфира или увѣнчанная любовь, настушеская опера, 51 стр., 600 экз.; 11) Specimen historiae Rossorum, pars prima, auctore Bernhardo Reith, 101 стр., 500 экз.; 12) Belin de Ballu. Le dictionnaire des primitifs inusités de la langue latine, 4 1/2 л., 600 экз.; 13) Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латинскаго языка, ч. 1-я, 2-е изд.; 14) Dialogues des morts. Соч. Фенелона, изд. по порученію и на счетъ университета проф. Беленъ-де-Баллю, 21 3/4 л., 1200 экз.; 15) Dogmata orthodoxae fidei (предложенныя ректоромъ Харьковск. коллегіума для публичныхъ состязаній), 100 экз.; 16) Дѣтское словеснословіе и пѣснопѣніе, грамматика, логика, риторика и поэзія съ нотнымъ пѣніемъ, въ краткихъ правилахъ и примѣрахъ, 2-е изд., 131 стр.; 17) Ода въ день Воскресенія Христова, сочиненная Ветуховымъ (студентомъ Харьк. колл.), 100 экз.; 18) Бабушка съ внучкой. Повѣсть въ стихахъ. Т. С-л-в-н-въ, 4 стр.; 19) Слово проповѣданное арх. Діонисіемъ, при открытіи Орловской гимназіи; 20) Слово проповѣданное въ Сѣвской городской церкви при открытіи уѣзднаго училища

ко въ исключительныхъ случаяхъ. Для составленія своего перечня мы воспользовались трудами Чирикова, Фойгта, Рославскаго-Петровскаго и, наконецъ, данными, находящимися въ рукописной „Исторіи дѣлъ“, т. е.

арх. Діонисіемъ; 21) В. Н. Каразина. Рѣчь о пользѣ просвѣщенія въ домоводствѣ, 2½ л., 100 экз.; 22) Мысли объ учрежденіи въ полуденныхъ губерніяхъ Россійск. Имп. общества, подъ названіемъ Филотехническаго, 32 стр., 600 экз.; 23) Надгробная рѣчь отъ лица Воронежскихъ гражданъ, сочиненная и говоренная Воронежскимъ полицiймейстеромъ Ал. Замахаевымъ, при выносѣ изъ дому тѣла Ворон. гражд. губ. А. Б. Сонцова, 1000 экз.; 24) Антоновскаго. Мысли при кончинѣ Ив. Ст. Рижскаго, ½ л., 150 экз.; 25) Сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Императ. Харьковскомъ университетѣ, 33 стр., 600 экз.; 26) Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ. Продолженіе 1-е, 89 стр.; 27) Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1812 (Бѣлоусова); 28) Планъ и правила педагогическаго института, составленные проф. Роммелемъ; 29) Описаніе береговаго маяка въ г. Таганрогѣ на русск., греч., итальянскомъ и франц. яз.; 30) Lectures instructives et morales sur differents sujets, tirés des meilleurs écrivains (изд. университетомъ подъ редакціей проф. Беленъ-де-Баллю) LXXVIII, 222 стр

Въ 1812 году: 1) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императ. Харьковскаго университета, бывшемъ 17 января 1812 г., 67 стр.; 2) Записки о Слободскихъ полкахъ (Ильи Ив. Квитки), 90 стр., 150 экз.; 3) Karazin. Memoire lu à la Société Imperiale des naturalistes (de Moscou), 10 стр.; 4) Утѣшеніе, твореніе Демутьера, перев. съ франц. канд. Ив. Одинецъ-Заставскій 8, 91 стр.; 5) Паратича. Краткая общая статистика европейскихъ государствъ, 181 стр., 1200 экз.; 6) Успенскаго. Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ, ч. 2-я, IV, 299 стр., 605 экз.; 7) Memoria Greg. Terlaits, scripsit Athanasius Stoikovits (и русскій переводъ студ. Лебединскаго) 9 и 11 стр., 500 экз., 8) Начертаніе правилъ россійскаго правописанія, составленное магистромъ Борзенковымъ 5000 экз.; 9) Размышленіе при гробѣ Ал. Андр. Раевской, 2½ л., 300 экз.; 10) Извѣстіе объ испытаніи сукновальной земли въ дачахъ Капниста, 1 л., 270 экз; 11) Pr. Kalcau. Introductio ad studia medica, 2 л., 400 экз.; 12) Shad'i Institutiones philosophiae universae. Tomus primus, logicam puram et applicatam complectens, VI, 365 стр., 505 экз.; 13) Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латинскаго языка, ч. 2-я и 3-я, 2-е изд.; 14) Rommel'i, M. T. Ciceronis orationes selectae, XLIII, 438, 1200 экз.; 15) Рѣчи, говоренныя при торжественномъ открытіи уѣздныхъ училищъ директоромъ училищъ Д. Мизко, 8 стр., 500 экз.; 16) Мизко. О свѣдѣніяхъ нужныхъ благовоспитанному человѣку, 11 стр., 500 экз.; 17) Правила Высочайше утвержденныя Харьковскаго общества благотворенія; 18) Dissertatio inauguralis de tussi convulsivo. Conscripsit Jgn. Netolitsky, 3 л., 250 экз.; 19) Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae charactere ejusque necessitate. Conscripsit Gust. Ad. Hess de Calve, 160 экз.; 20) Харьковскій еженедѣльникъ, издаваемый Лангнеромъ, 12 номеровъ, 600 экз.; 21) Греческая азбука, изданная таганрогской гимназіей, 1 л., 600 экз.; 22) Азбука россійская, изд. Глазунова, 5¼ л., 2400 экз.; 23) И. Срезневскаго. Побѣдная пѣснь россовъ на пораженіе безчисленныхъ силъ мечтательнаго завоевателя свѣта, 16 стр.; 24) Рѣчи, произнесенныя 27 янв. 1812 г. въ печальномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета послѣ погребенія проф. Калкау, 42 стр.; 25) Календарь на лѣто отъ Р. Х.

краткихъ отчетахъ о дѣятельности университета и его учебновспомогательныхъ учрежденій за первое десятилѣтіе ихъ существованія; намъ приходилось сопоставлять извѣстія этихъ источниковъ и пополнять одни

1812-е. Съ польскаго перевелъ и примѣчаніями дополнилъ А. Вербицкій; 26) Календарь на лѣто отъ Р. Х. 1812-е (Прокоповича), 1200 экз.; 27) Рѣчи, говоренныя въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ округа Имп. Харьковскаго университета, 111 стр.; 28) Регламентъ для таганрогской карантинной конторы на греч., итальянск., франц. и россійскомъ языкахъ; 29) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, бывшемъ 30 августа 1812 года. *Въ 1813 году*: 1) Стойковича. Начальныя основанія физической географіи, 328 стр., 2000 экз.; 2) Стойковича. Начальныя основанія физической астрономіи, 252 стр.; 3) Его же. Система физики въ 3-хъ книгахъ съ фигурами XII, 473, 1200 экз.; 4) Гизе Ферд. Всеобщая химія. Съ нѣм. рук. пер. Вас. Комлишинскимъ ч. 1-я, 507 стр., 600 экз.; 5) Фихте Иванъ Готлибъ. Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи. Пер. съ нѣм. Ст. Ес—кій, XVI, 153 стр., 600 экз.; 6) Акермана. Разсужденіе о явленіяхъ медленнаго горѣнія. Перев. на русск. яз. Ив. Каменскимъ, 44 стр., 600 экз.; 7) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, 17 января 1813 г., 47 стр.; 8) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета 30 августа 1813 г., 68 стр.; 9) Chlaponin'a. Dissertatio inauguralis de principiis et objectis suti съ 3 прибавленіями, 170 стр.; 10) Майера. Объ опасности, сопряженной съ наружнымъ употребленіемъ мышьяка; 11) Карманная книга, содержащая въ себѣ нужныя для всякаго хозяина замѣчанія, 600 экз.; 12) Подарокъ городскимъ и сельскимъ экономамъ на новый 1814 г., изд. А. Вербицкимъ, 80 стр., 1200 экз.; 13) Краткая россійская грамматика, изд. А. Вербицкій, 141 стр., 1200 экз.; 14) Правила латинскаго стихосложенія, изд. А. Вербицкимъ, 72 стр.; 15) Рѣчь о необходимости въ настоящихъ обстоятельствахъ усилить домоводство, произнесенная въ Харьковѣ 13 января 1813 года въ торжественномъ собраніи филотехническаго общества Вас. Каразинымъ, 20 стр.; 16) Краткое руководство къ сокращенію проповѣдей, $1\frac{1}{2}$ л., 1200 экз.; 17) Lexicon manuale excellentissimorum ecclesiasticorum scriptorum. Curavit A. Procopowicz, 160 стр., 600 экз.; 18) Deutche Chrestomathie, prosäisher Theil, herausgegeben von Joh. Schad, XXI, 382 стр.; 19) Deutsche Chrestomathie poëtischer Theil, herausgegeben von Chr. Rommel, 336 стр., 1200 экз.; 20) Rommel'i, Ciceronis libri de amicitia, de senectute et de officiis, 298 стр.; 21) Jac. Gromoff. De methodo, quo mineralogus in condendo systemate corporum anorganicorum uti debet, 22 стр., 100 экз.; 22) Bas. Komlischinsky. De polarisatione radiorum lucis, 34 стр., 100 экз.; 23) Pabli de Haye. Dissertatio inauguralis de prosperitate civitatis, 22 стр., 150 экз.; 24) Слово говоренное въ Харьковскомъ городскомъ соборѣ прот. Аѳ. Могилевскимъ, $\frac{1}{4}$ л., 300 экз.; 25) Слово надгробное преосв. Христофору Аѳ. Могилевскаго; 26) Великому господину преосв. Аполлосу отъ Харьковскаго коллегіума усерднѣйшее приношеніе, 12 стр.; 27) Ода на прибытіе преосв. Аполлоса, соч. студента (Харьк. коллегіума) Чернякова; 28) Ода преосв. Аполлосу Ст. Антоновскаго; 29) Пѣснь на освобожденіе царственнаго града Москвы студ. Юшкова, $\frac{1}{2}$ л., 600 экз.; 30) Отзывъ о патріотизмѣ русскихъ, соч. Павлова (студ. университета), $\frac{3}{4}$ л., 600 экз.; 31) Краткое наставленіе, какъ употреб-

другими. Конечно, и у насъ могутъ оказаться пропуски и неточности (въ особенности въ годахъ изданія — тутъ нерѣдко источники противорѣчатъ другъ другу), но въ общемъ, полагаемъ, нашъ списокъ (почти совпадающій со спискомъ Чирикова) даетъ довольно полное понятіе о размѣрахъ книгопечатной дѣятельности Харьковской университетской типографіи. Не входя въ разсмотрѣніе содержанія отмѣченныхъ въ немъ сочиненій, не останавливаясь на классификаціи ихъ по разнымъ отдѣламъ (объ этомъ намъ придется говорить въ 5-й главѣ своего изслѣ-

---

лять средство, надежно предохраняющее отъ прилипчивости, 3/4 л.; 32) Рѣчь, говоренная при открытіи Хорольскаго повѣтоваго училища; 33) Рѣчь, говоренная еп. Аполлосу П. Рейнольскимъ; 34) Пѣснь на прибытіе въ міръ Асмодея (Вас. Масловича), 1/2 л., 150 экз.; 35) Рѣчи, произнесенныя въ Успенскомъ соборѣ при погребеніи Вас. Жданова, ученика III-го класса, 9 стр., 300 экз.; 36) Уставъ Харьковскаго общества наукъ (на русск. и латинск. яз.), 20 стр.; 37) Краткое наставленіе, какъ предохранить себя отъ прилипчивыхъ болѣзней простыми и общедоступными средствами, написанное проф. Шумлянскимъ и Книгинымъ; 38) Книгина. Разсужденіе о медленномъ горѣніи, составляющемъ органическую жизнь. *Въ 1814 году*: 1) Попова. Исторія о донскомъ войскѣ, ч. 1-я, XXIII, 295 стр., 3000 экз.; 2) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьковскаго университета, 30 августа 1814 г., 64 стр.; 3) Новая французская азбука (изд. А. Бѣлоусовымъ), 1200 экз.; 4) Новые русскіе, французскіе и нѣмецкіе разговоры. Издалъ И. М—чъ (студентъ Харьковскаго университета), 364 стр., 1200 экз.; 5) Практика французскаго языка. Издалъ Разумникъ-Гонорскій, 1—2 ч.; 6) Pratique de la langue française, composée par le chevalier de Julvecourt et par Razoumnik-Honorski, I—II, 135, 125 р.; 7) Избранные вопросы съ отвѣтами изъ россійской риторики Рижскаго съ дополненіемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ изъ риторики Ломоносова (Ст. Антоновскаго), 101 стр.; 8) Сады Делиля, перев. Ан. Палицынъ, XXXIII, 233 стр., 600 экз.; 9) Времена года Сенъ-Ламберта, пер. съ франц. стихами А. Палицына; 10) Басни въ стихахъ Вас. Масловича, 50 стр.; 11) Гизе. Всеобщая химія, ч. 2-я, перев. съ нѣм. рук. Вас. Комлишинскій XI, 487 стр., 600 экз.; 12) Schad'a. Institutiones juris naturalis, 408 стр., 1020 экз.; 13) Rommel'i. Sallustii opera, XXVII, 281 стр., 1200 экз.; 14) Rommel'i. Cornelii Nepotis vitae excelentium imperatorum, 1200 экз.; 15) Разумника-Гонорскаго. Духъ Горація и Тибулла; 16) Драматическій кантатъ Харьковскому благотворительному обществу (В. Масловича), 1/2 л., 300 экз.; 17) Экономическое постановленіе (Гр. Ром. Шидловскаго) 50 экз.; 18) P. Brasol. Dissertatio inauguralis de immortalitate animorum, 24 стр.; 19) Dudrovits. Dissertatio inauguralis de philosophiae genuino conceptu, 47 стр.; 20) P. Kovalevsky. De realitate ideae divini numinis. Dissertatio inauguralis; 21) Leop. Schuman'i. De attractione chemica, 35 стр., 100 экз.; 22) Ораторія на торжество избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага, соч. проф. И. Срезневскаго, музыка магистра Шумана, 9 стр.; 23) Рѣчь, говоренная прот. А. Прокоповичемъ преосв. Аполлосу; 24) Antonovsky. Questiones cum responsibus et Burgii rethorica, 106 стр.; 25) Извѣстіе о жизни и смерти учителя Туранскаго.

дованія), мы только остановимся здѣсь на количествѣ ихъ и отчасти на технической сторонѣ работы.

Изъ приведенныхъ нами въ примѣчаніи данныхъ видно, что университетская типографія работала очень успѣшно и исполняла много постороннихъ заказовъ; въ ней сосредоточивалось печатаніе всѣхъ тѣхъ изданій, которыя появлялись тогда въ Харьковѣ. Вотъ весьма краснорѣчивыя цифры, свидѣтельствующія о размѣрахъ ея дѣятельности въ теченіе перваго десятилѣтія ея существованія: въ 1805 году въ ней было напечатано 2 сочиненія, въ 1806 г.—9, въ 1807 г.—18, въ 1808 году—13, въ 1809 г.—22, въ 1810 г.—21, въ 1811 г.—30, въ 1812 году—29, въ 1813 году—38, въ 1814 году—25; всего за 10 лѣтъ 207 книгъ и брошюръ, т. е. въ среднемъ болѣе 20 названій въ годъ. Правда въ этой коллекціи мы находимъ значительное количество тоненькихъ брошюръ, но попадается въ ней также не мало большихъ книгъ, таковы, напримѣръ, сочиненія Биберштейна, Гизе, Стойковича, Тимковскаго, Рижскаго, Успенскаго; есть изданія съ чертежами и рисунками. Слѣдуетъ отмѣтить также цѣлый рядъ изданій на иностранныхъ языкахъ—французскомъ, нѣмецкомъ, латинскомъ, даже греческомъ, итальянскомъ (Роммеля, Шада, Белленъ-де-Баллю, Рейта, Прокоповича, Гонорскаго и др.); печатались ноты и календари; послѣдніе требовали быстроты изданія. Нѣкоторыя сочиненія выходили въ очень значительномъ количествѣ экземпляровъ; да и средняя цифра экземпляровъ всѣхъ вообще изданій, была, какъ намъ кажется, довольно высока. Можно полагать, что всего напечатано было въ университетской типографіи до 100 тыс. экземпляровъ, что даетъ въ среднемъ около 400 экземпл. на каждое сочиненіе.

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько свѣдѣній о стоимости печатанія и объ организаціи дѣла въ университетской типографіи. Съ В. Н. Каразина взяли за его брошюру въ 2 печатныхъ листа, въ 600 экз. 23 р. (11 р. за наборъ и 12 р. за печать); съ проф. Белленъ-де-Баллю за его французскій словарь въ $4^1/_2$ л. въ количествѣ 500 экз. 49 р. 50 коп. (22 р. 50 к. за наборъ и 27 р. за печать); съ Антоновскаго за 800 экз. его ариѳметики въ $5^1/_4$ л.—105 р. 10 к. (57 р. 10 к. за наборъ и 48 р. за печать); съ проф. Гизе за его книгу о селитровареніи (600 экз. въ $16^1/_2$ л.)—192 р. 75 к. (90 р. 75 к. за наборъ и 102 р. за печать); со студента Парпуры за его брошюру въ $2^1/_2$ л., 600 экз.—27 р. 50 к. (12 р. 50 к. за наборъ и 15 р. печать); съ адъюнкта Успенскаго за его книгу въ $10^1/_2$ л., 605 экз.—116 р. 5 к. (52 р. 50 к. наборъ и 63 р. 55 к. печать); съ преосв. Ѳеоктиста за книгу въ 9 л. въ 1825 экз. 240 р. 75 к. (76 р. 50 к. наборъ и 164 р. 25 к. печать); съ прот.

Прокоповича за календарь въ 4 л., 1000 экз.—72 р. (32 р. за наборъ и 40 р. за печать); съ университета за французскую хрестоматію въ 19 л., 1200 экз.—310 р. (190 р. за наборъ и 120 р. за печать); съ Вербицкаго за его ариѳметику въ $10^1/_2$ л., 1200 экз.—189 р. (63 р. за наборъ и 126 р. за печать); со студ. Ветухова за его оду въ 1 листъ 100 экз.—10 р. (4 р. за наборъ и 6 р. за печать) [1]) и т. п. По этимъ цифрамъ трудно опредѣлить точнымъ образомъ цѣны университетской типографіи, такъ какъ, по всей вѣроятности, мы имѣемъ дѣло съ изданіями разныхъ форматовъ и разныхъ шрифтовъ. Но невольно все-таки бросается въ глаза огромная стоимость печати (сравнительно съ цѣною набора); теперь отношеніе этихъ цифръ, благодаря машинамъ, совсѣмъ иное; что же касается набора, то онъ во всякомъ случаѣ дешевле нынѣшняго (колеблется между 4 и 10 рублями за листъ).

Во главѣ дѣла стоялъ факторъ. Съ основанія типографіи до 1808 г. эту должность занималъ *Гекъ*, а его преемникомъ былъ вызванный изъ Москвы иностранецъ *Люби*. Первый получалъ 500 руб. жалованья. Объ условіяхъ, на которыхъ велъ дѣло Люби, даетъ понятіе контрактъ его съ правленіемъ университета, помѣщаемый нами въ примѣчаніи [2]).

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Отчетъ за 1811-й годъ. (Дѣло совѣта 1812 г. № 71).

[2]) Вотъ его подлинный текстъ: „1812 года февраля 18 дня я, нижеподписавшійся, иностранецъ Петръ Федоровъ сынъ Люби учинилъ сей договоръ съ правленіемъ Императорскаго Харьковскаго университета въ томъ, что принимаю на себя обязанность быть при типографіи сего университета въ званіи фактора. Сверхъ сего должностію моею будетъ обучать тередорному и наборному искусствамъ тѣхъ, кои мнѣ для сего отъ университета даны будутъ, также имѣть подъ моимъ присмотромъ литіе шрифтовъ и приготовленіе оныхъ къ набору. Со дня заключенія сего контракта получать мнѣ отъ университета по 900 р. въ годъ жалованья и квартиру казенную съ дровами и свѣчами. Контрактъ сей заключается на три года; но если я окажусь въ должности моей неисправнымъ, то университетъ имѣетъ право отказать мнѣ во всякое время; буде же я по какимъ либо причинамъ принужденъ буду оставить сію должность прежде истеченія срока сего контракта, въ такомъ случаѣ долженъ я объявить о семъ за 6 мѣсяцевъ до моего увольненія; равно, когда оставаться будетъ 6 только мѣсяцевъ до истеченія срока сего контракта, долженъ я объявить, буду ли я оставаться и впредь на семъ же условіи или какія вновь условія предлагать буду и какія именно. Если же прослужа исправно все время, въ семъ контрактѣ назначенное, я не войду въ условія съ университетомъ на предбудущіе годы, то на проѣздъ мой до Москвы имѣю получить отъ университета 150 р.; буде же паче чаянія въ случаѣ моей неисправности университетъ принужденъ будетъ мнѣ отказать прежде истеченія трехлѣтняго срока, то я уже тогда лишаюсь права требовать сихъ на проѣздъ денегъ. Къ сему контракту руку приложилъ Петръ Федоровъ сынъ Люби". (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1812 г., по архиву № 667, по картону № 33).

Дѣла харьковской университетской типографіи шли прекрасно, можно сказать, блестяще; сравнительно съ послѣдующимъ временемъ это былъ золотой ея вѣкъ. Мы имѣли въ рукахъ большое количество напечатанныхъ въ ней книгъ и брошюръ. Шрифтъ ихъ довольно четкій и отчетливый, въ особенности если принять во вниманіе сѣрый или зеленоватый цвѣтъ бумаги. Впрочемъ если бумага и некрасива, грубовата, за то очень прочна: это не наша деревянная, а настоящая тряпичная бумага, которая просуществовала уже почти 100 лѣтъ, просуществуетъ и еще не одну сотню годовъ. Нельзя не отмѣтить также незначительнаго количества опечатокъ, которыя представляютъ такое огорченіе для современныхъ авторовъ.

Университетская библіотека и типографія служили для нуждъ всего университета, безъ различія его факультетовъ. Теперь же мы обратимся къ тѣмъ учебновспомогательнымъ учрежденіямъ, которыя имѣли прямое отношеніе къ тому или иному факультету въ отдѣльности.

Начнемъ свое обозрѣніе со словеснаго факультета, въ вѣдѣніи котораго былъ *минцъ-кабинетъ*. О минцъ-кабинетѣ въ первое десятилѣтіе его существованія у Фойгта мы находимъ только слѣдующее краткое извѣстіе: „минцъ-кабинетъ Императорскаго Харьковскаго университета, по богатству, разнообразію и полнотѣ составляющихъ его коллекцій, принадлежитъ къ числу первокласныхъ отечественныхъ собраній рѣдкостей. Основаніе ему положилъ первый попечитель Харьковскаго учебнаго округа, графъ Северинъ Іосифовичъ Потоцкій, принесшій въ даръ университету въ 1806 году болѣе 800 экземпляровъ монетъ разныхъ государствъ. Въ 1813 году командовавшій западной арміей адмиралъ Павелъ Васильевичъ Чичаговъ передалъ въ Харьковскій университетъ собраніе монетъ и медалей князей Радзивиловъ, состоящее изъ 13209 экземпляровъ и замѣчательное многими рѣдчайшими золотыми и серебряными медалями западноевропейскихъ государствъ, начиная съ XVI столѣтія“ [1]). Къ этому мы еще можемъ добавить слѣдующее: Сев. Осип. Потоцкій пожертвовалъ коллекцію, состоявшую изъ 820 сер. и 20 золотыхъ монетъ, еще въ 1804 г., а затѣмъ прислалъ въ 1806 г. изъ Крыма, вмѣстѣ съ другими рѣдкостями, подаренными университету докторомъ Богданомъ Павловичемъ Гирціусомъ, три древнихъ мѣдныхъ монеты времени Владиміра Св. и 106 древне-греческихъ. Учитель орловскаго главнаго училища Дебуше пожертвовалъ 20 оловянныхъ медалей; проф. Тимковскій во время объѣзда училищъ воронежской губерніи получилъ пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ помѣщика Петра Ивановича Гарденина 44 русскихъ серебряныхъ монеты, 31 мѣд-

[1]) Ист. стат. зап., стр. 38—39.

ныхъ, 26 сер. иностранныхъ и 24 мѣдныхъ; отъ воронежскаго фабриканта Онуфрія Ивановича Гарденина 11 серебряныхъ монетъ; отъ директора училищъ Петрова 1 сер. и 16 мѣдныхъ. Директоръ училищъ черниговской губерніи прислалъ въ подарокъ три малыхъ серебряныхъ монеты, въ томъ числѣ одну псковскую и одну новгородскую, 6 малыхъ серебряныхъ и два старыхъ рубля, одинъ, извѣстный подъ именемъ московскаго, а другой съ надписью „добрая монета“. У вдовы Савичъ было куплено за два червонца три монеты: золотая императора Анастасія, серебряная Александра Македонскаго и мѣдная Филиппа Македонскаго. Ротмистръ Платонъ Николаевичъ Карповъ прислалъ 14 малыхъ серебряныхъ медалей. Проф. Рижскій представилъ 15 мѣдныхъ монетъ, одну серебряную и одну древнюю кожаную. Отъ директора училищъ черниговской губерніи поступило другой разъ: японская желѣзная монета, французская мѣдная, оловянная модель рубля царя Алексѣя Михайловича и 4 позолоченыхъ жетона. Отъ губернскаго предводителя дворянства екатеринославской губерніи поступило 9 мѣдныхъ монетъ, найденныхъ на островѣ Тамани. Купленъ россійскій имперіалъ Петра III [1]). Таковы были пріобрѣтенія нумизматическаго кабинета до 1813 года. Они состояли почти исключительно изъ пожертвованій, которыя при томъ, исключая дара попечителя Потоцкаго, не были значительны. Въ 1813 году въ кабинетъ поступило огромное и чрезвычайно цѣнное пожертвованіе Чичагова, послужившее основою нумизматической коллекціи нашего университета. Эта коллекція была взята Чичаговымъ въ качествѣ военной добычи въ Несвижѣ, въ замкѣ князя Радзивила и отправлена въ Харьковъ при письмѣ слѣдующаго содержанія: „желая участвовать въ доставленіи Харьковскому университету вещей, замѣчанія достойныхъ, посылаю при семъ значительное собраніе древнихъ медалей и монетъ, взятыхъ въ добычѣ у непріятеля; покорнѣйше прошу принять ихъ въ знакъ моего уваженія къ отличному сословію, просвѣщеніемъ юношества занимающемуся. Пріятно мнѣ будетъ, когда сборъ сихъ медалей и монетъ окажется достойнымъ вниманія любителей древности и послужитъ въ пользу благородному юношеству“. Вся эта коллекція была сложена въ два сундука и сдана чиновникомъ Касторскимъ Волынской казенной палатѣ (въ г. Житомирѣ). Тамъ сундуки были вскрыты въ полномъ присутствіи палаты, и имъ сдѣлана опись: въ одномъ оказалось 5815 шт., въ другомъ 7394, всего 13209 штукъ. Изъ Житомира въ Харьковъ они были отправлены съ чиновникомъ Грабовскимъ. Въ Харьковѣ, въ правленіи, имъ составили новую точную опись, при чемъ оказалось въ одномъ сундукѣ 7444 штуки вѣсомъ въ 42 фунта 50 золотн. въ другомъ—

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

5808 штукъ вѣсомъ въ 35 фунтовъ 69 золотн., всего 13252, вѣсомъ въ 78 фунтовъ 23 золотника. Находившіяся въ этой коллекціи медали и монеты были сдѣланы изъ разныхъ матеріаловъ—золота, серебра, мѣди, олова; золотыхъ было 9 ф. 62 зол., серебряныхъ 62 ф. 53 зол., оловянныхъ 6 ф. 4 зол. [1]).

Такимъ образомъ, изъ этихъ цифръ, опредѣляющихъ вѣсъ металла, видна огромная цѣнность этой коллекціи, не говоря уже о томъ, что въ ней дѣйствительно было много дорогого и рѣдкаго. Владѣльцы Несвижа кн. Радзивиллы были любителями и цѣнителями старины—у нихъ былъ между прочимъ и огромный архивъ древнихъ документовъ—они давно собирали свою коллекцію и не жалѣли средствъ для ея расширенія.

Къ нынѣшнему историко-филологическому факультету относится еще *музей древностей и изящныхъ искусствъ*; хотя въ изучаемый нами періодъ времени и не было учрежденія съ такимъ наименованіемъ, но зародышъ его нужно отнести къ той именно эпохѣ, потому что тогда уже существовало отдѣленіе древностей въ видѣ такъ называемаго *кабинета рѣдкостей* и было положено начало отдѣленію изящныхъ искусствъ пріобрѣтеніемъ извѣстной *коллекціи эстамповъ* академика *Аделунга*. Правда эта коллекція хранилась, какъ кажется, въ университетской библіотекѣ, но она предназначалась, какъ увидимъ далѣе, для кабинета рисованія и живописи, который современемъ превратился въ музей изящныхъ искусствъ.

Основаніе *кабинету рѣдкостей* положено было въ 1807 году. Въ этомъ году въ него поступили слѣдующіе предметы: отъ проф. Тимковскаго два старинныхъ бердыша и топорикъ; отъ помѣщика Полт. губ. Золотон. уѣзда, с. Прохоровки, Максимовича, черезъ того же Тимковскаго, желѣзныя стрѣлы разныхъ видовъ (всего 17 штукъ), найденныя въ пескахъ лѣваго берега Днѣпра, гдѣ, по общему преданію стариковъ, было большое сраженіе съ татарами, во времена Батыя; отъ Курской врачебной управы—6 камней, вынутыхъ у больныхъ, страдавшихъ каменною болѣзнью; отъ находящагося при посольствѣ въ Лондонѣ г. Лонгинова—два небольшихъ куска матеріи, приготовляемой на островахъ Таити и Мадагаскарѣ изъ древесной коры; отъ проф. Рижскаго—отысканныя имъ во время визитаціи на берегахъ р. Буга на мѣстѣ древней Ольвіи разныя древности, а именно—цѣлый глиняный сосудъ, употреблявшійся древними греками при ихъ богослуженіи и носившій названіе амфоры, 10 отломковъ отъ другихъ подобныхъ сосудовъ, въ томъ числѣ

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1813 г. № по архиву 807, по картону 40.

ручка сосуда съ вытѣсненными на ней греческими словами, мѣдный кубикъ съ 5 точками на одной сторонѣ, напоминающій игральныя кости, весьма малый мѣдный отломокъ съ изображеніемъ русской буквы Б., желѣзный стволъ стариннаго ружья, полученный отъ кол. ас. Львова, со старымъ ружейнымъ замкомъ, найденный въ землѣ подъ гранитными камнями при копаніи Ненасытецкаго канала. Въ послѣдующихъ годахъ кабинетъ получилъ слѣдующія приращенія: отъ ректора Рижскаго два куска матеріи, приготовляемой изъ травы и древесной коры на островахъ Таити и Мадагаскарѣ; отъ корреспондента доктора Лабанда разныя рѣдкости (утварь, инструменты, одежда), собранныя имъ во время кругосвѣтнаго путешествія съ Крузенштерномъ у жителей Маркизскихъ островов, острова Овейги и Кадьяка; отъ попечителя округа нѣсколько каменныхъ обломковъ съ древними надписями, найденныхъ въ развалинахъ Ольвіи.

Коллекція эстамповъ академика Аделунга была пріобрѣтена для Харьковскаго университета В. Н. Каразинымъ и, какъ мы знаемъ, эта покупка вызвала въ свое время много непріятностей для виновника ея пріобрѣтенія. Рѣшался вопросъ о томъ, стоитъ ли она такихъ денегъ, нуждался ли въ ней университетъ и т. п. Такими вопросами задавался и историкъ Харьковскаго университета Н. А. Лавровскій въ своей статьѣ объ основаніи Харьковскаго университета. Мы также останавливались на этомъ эпизодѣ во 2-й главѣ своего изслѣдованія (137—141 стр.). Теперь, по нашей просьбѣ, сдѣлалъ описаніе и оцѣнку этой коллекціи завѣдующій музеемъ пр.-доц. по каѳедрѣ исторіи искусствъ Е. К. Рѣдинъ, и мы, принося ему за это свою искреннюю и сердечную благодарность, цѣликомъ помѣщаемъ его заключеніе на страницахъ своего труда, какъ отзывъ компетентнаго спеціалиста.

Собраніе эстамповъ (гравюръ) Аделунга хранится съ 1877 года въ музеѣ изящныхъ искусствъ и древностей университета, куда перешло изъ библіотеки. Оно состоитъ изъ 1297 померовъ [1]) собственно гравюръ

[1]) Вотъ перечень эстамповъ, въ порядкѣ фамилій мастеровъ.

	Лист.		Лист.
Nic. van *Aelst*	3	*Balechou*	5
Heinr. Aldegrever	6	Baccio Bandinelli	1
Car. Allardt	3	Fr. Barroccio	3
Alb. Altdorfer	2	B. Baron	5
G. G. ab Ambling	1	F. Bartolozzi	45
F. Aquila	2	I. P. Le Bas	2
M. Aubert	2	I. Basire	2
Audenaert	1	I. F. Bause	6
Audran	10	Nic. Beatricci	2

различной величины и 59 акварелей и рисунковъ. Описаніе коллекціи сдѣлано покойнымъ Г. С. Чириковымъ въ „Указателѣ произведеній, хранящихся въ музеѣ изящныхъ искусствъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. III гравюры, офорты, хромолитографіи и проч. Отд. I. Коллекція эстамповъ Фридриха Аделунга, X. 1883, стр. 1—194, и въ Указателѣ. II. Живопись, X. 1877, стр. 190—202.

Beauvais	1
Beauvarlet	5
Beham	1
Benazech	2
Bernigeroth	1
Bertelius	1
Bervie	3
Bettelini	2
Com. Blocmart	4
Fred. Blocmart	6
Bolswaert	3
Bonarotti	1
Boll	1
Bonnart	1
Boydell	1
Browne	20
Breughel	13
Le Brun	1
Nic. Bruyn	7
De Bry	1
Byrne	8
Callott	5
Canot	2
Cardon	1
Carmona	1
Caracci	11
Cardelli	1
Cars	4
Bened. Castiglione	17
Cathelin	1
Cecchi	1
Carlo Cesio	3
Chasteau	5
Chauveau	1
Chenu	1
Chereau	6
Chodowiecky	3
le Clerc	1
Cochin	4
Ierome Cock	4
Adr. Collart	36
Jean Collart	2
de Colle	1
Collyer	1
Clemendt	1
Cook	1
Corn. Cort	10
Couvoy	7
Curti	3
Custos	1
Daullé	2
Daunont	10
Delff	1
Desplaces	5
Dickinson	1
Dixon	1
Dolando	1
Donck	1
Doringuy	3
Drevet	10
Duchange	2
Duclos	1
Alb. Dürer	83
Dunkarton	1
Dupuis	5
Dankerts	1
Eartom	16
Edelingk	9
Elliott	4
Facius	4
La Fage	10
I. Falk	8
Faucci	1
Finlayson	1
Dom. Fiorentino	1
Fittler	1
Fonbonne	1
Fontena	1
Fresius	1
Com. *Galle*	6

Хотя описаніе это и не вполнѣ отвѣчаетъ тѣмъ требованіямъ, которыя предъявляются къ описаніямъ подобнаго рода собраній, но все же оно даетъ возможность познакомиться съ содержаніемъ собранія и составить общее о немъ представленіе.

Коллекція Аделунга, какъ можно видѣть изъ знакомства съ вышеуказаннымъ описаніемъ ея и изъ бѣглаго обзора — не есть „собра-

Theod. Galle	39
Gambardella	1
Gheyn	2
Gillray	1
H. Goltzius	105
Goudt	2
Green	11
Gribelin	1
Gunst	6
Guttenberg	2
Haid	2
Hall	10
Heath	2
Hendrix	4
Hertel	22
Hess	1
Holbein	2
Hond	6
Houbracken	27
la Hire	1
Hogarth	3
Huberti	1
Huret	2
Ieaurat	1
G. de Iode	10
Peter Iode	13
Iones	1
Iouvigny	1
Ketterlinus	2
Kilian	2
Iohanna Krausen	8
Kusell	4
Lafrerie	3
Lairesse	3
Landry	1
Langlois	4
Lerpiniere	8
Larmessin	3
Lefebre	3
Lenfant	3
Loir	2
de Launay	1
Lorenzini	1
Laurent	1
Lorraine	1
Londersel	1
Maidstone	1
Martinet	1
Martini	3
Masne	3
Mason	6
Massard	2
Masson	6
Matham	7
Mazeli	1
Mechel	1
Claude Mellan	3
F. B. Michell	4
Middiman	3
Miger	1
Mitello	1
Mogalli	1
Molès	1
Monaco	1
Morris	1
S. Martino	1
F. Müller	6
I. G. Müller	1
F. I. Müller	5
Nanteuil	22
Orme	2
Orsolini	22
Overadt	1
Panderen	1
Parker	1
Pasqualini	1
Le Pautre	1
Hisbel Penn	1
Pesne	1
Pether	1

ніе отрывочное и случайное". Она, очевидно, составлялась по намѣченному заранѣе плану и для извѣстныхъ цѣлей. Какъ коллекція частная, она не могла, конечно, претендовать на полноту, такъ какъ на таковую не претендуютъ даже собранія государственныя, т. е. государственныхъ музеевъ, библіотекъ. Но она давала и даетъ богатый матеріалъ для знакомства съ исторіей гравировальнаго искусства, при томъ

Petit	1
Picart	62
Pitau	1
Poilly	8
Polctnich	1
Pollard	1
Pomarede	1
Paul Pontius	8
Ioh. Popels	1
Preissler	3
Cath. Prestel	3
Prestel, gravures d'après les plus fameux maitres	104
Radigues	1
Ravenet	4
Marco Antonio Raymondini	4
Rembrant	13
Roberts	2
Roghmanns	1
Rooker	3
Roth	2
Roullet	1
Rousselet	41
Ridinger	9
Ryder	1
Wynne Ryland	15
Sadeler, père, fils et petit fils	232
Sacuredam	12
Sandrart	3
Saunders	3
Schenck	3
Schmitt	1
Schmutzer	1
van Schuppen	3
Scotin	1
Scott	2
Sharp	9
Sherwin	11
Simon	1
Simonet	1
Simonneau	1
Skelton	1
Snyers	1
Soutmann	1
de Sanctis	1
Smith	1
Sailliar	1
Stefano	2
Suavius	1
Strange	1
Suyderhof	1
Staetsius	1
Sullivan	1
Suntach	1
Swannenburg	8
Tardieu	4
Tempesta	6
Testa	7
Thomassin	7
Thomon	1
Traballesi	1
Thourneysser	1
Trouvain	3
Valck	1
Vallet	1
Le Vasseur	1
Vercruysse	2
Vermeulen	1
Vertue	20
Villamena	1
Corn. Visscher	24
Vivares	7
Voit	1
Vos	3
Vorstèrmann	6
Voyez	2
Carol *Watson*	16
Walker	10
Wagner	10
Wille	6

*

не одной эпохи и не одного народа, а различныхъ эпохъ и народовъ, начиная съ XVI вѣка. Такимъ образомъ въ этой коллекціи мы имѣемъ преимущественно въ оригиналахъ образцы гравюръ работъ:

A) *Италіанскихъ граверовъ XVI вѣка*: Marc' Antonio Raimondi, B. Doddi, G. Ghisi, E. Vico, N. Beatricius, A. Salamanca, Farinati, M. Rota, L. Bertelli, B. Stefani, Orazio de Sontis, Ag. Carracci, An. Carracci, Ch. Alberti, F. Bertelli; *XVII вѣка:* F. Villamona, A. Tempesta, F. Curti, P. Testa, G. Testa, C. Cesio, P. Aquila, F. Aquila, L. G. Castiglione, G. Mitelli, P. Bartoli, M. San Martino, Stefano Magiore, G. B. Pasquillani;

Wolffgang	5	Oeuvre de Tischbein	50
de Witt	1	La Gallerie du Louvre	18
Woollett	68	La Grotte de Versailles	19
Desseins originaux	80	La Gallerie de Versailles	52
Oeuvre de Le Prince	165	Schola Italica	40
Supplement	284		

Всѣхъ листовъ по каталогу оказывается 2477.

На каталогѣ этой коллекціи имѣется слѣдующая подпись.

Je reponds par ma signature, que ce catalogue d'une collection d'estampes vendues à mr. le conseiller de college, de Karassin, pour l'université Imperiale de Charkow, est juste et que toutes les deux mille quatre cent soixante et dix sept feuilles y mentionnées s'y trouvent effectivement en quatorze portefeuilles et quatre livres reliés. St. Petersbourg ce 28 janvier 1804.

Frederic Adelung,
Assesseur de Collége.

Nous soussignès certifions, qu'à l'invitation de mr. Adelung, assesseur de collége, nous avons examiné la susdite collection de 2477 estampes, et l'avons trouvé très precieuse et principalement très propre à servir à l'etude de l'histoire de la gravure, renfermant des chefs d'oeuvres des plus grands graveurs de toutes les epoques de l'art. Priés en même tems d'en estimer la valeur, nous croyons pouvoir l'evaluer au dessus de cinq mille roubles, pour laquelle somme Mr. Adelung nous dit avoir vendu cette collection à l'université Imp. de Charkow. St. Petersbourg ce 29 janvier 1804.

Labensky
garde de la collection d'estampes du cabinet Imperial et conservateur de la galerie de peinture

Koehler
bibliothecaire de S. M. l'Empereur et conservateur du cabinet Impérial d'antiquités.

C. F. Kügelgen
peintre de S. M. L'Empereur

professeur de sculpture de l'academie Imperial des beaux arts

Jean Procofieff.

Amateur assesseur de college français de Zimy.

Подлинный каталогъ коллекцій Аделунга (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло Совѣта на иностр. яз., 1806 г., № 60).

XVIII вѣка: F. Lorenzini, G. M. Merlo, F. Casanova, M. Marieschi, C. Gregori, M. A. Corsi, P. da Colle, S. Pomarede и др.

Б) *Нѣмецкихъ граверовъ XVI вѣка*: Albrecht Dürer, A. Altdorfer, S. Holbein, U. Grat, H. Aldegrever, B. Beham, H. S. Beham; *XVII вѣка*: Raph. Custus, Jacob von der Heyden, M. Merian и друг.; *XVIII вѣка*: S. Herz, G. Knorr, J. Jung и др.

В) *Голландскихъ граверовъ, XVI вѣка*: Cornelius Cort, H. Goltzius, S. Saenredam, G. van Veen; *XVII вѣка:* W. Swanenburg, Ch. Sichem, W. Delff и др.; *XVIII вѣка*: S. Suntach, Allard, Folkema и др.

Г) *Фламандскихъ граверовъ XVI вѣка*: P. von Breughel, H. Cock. L. Suavius, A. Wierix, H. Wierix, F. von Floris, Collaert, Statius, S. de Gheyn, Th. Galle, J. de Bry; *XVII вѣка*: Sadeler, N. de Bruyn и друг., *XVIII вѣка:* von Audenaerdae, A. Cardon.

Д) и Е) *Французскихъ и англійскихъ граверовъ XVI—XVIII вѣка.* Удовлетворяя такимъ образомъ одному требованію—быть сокровищницею образцовъ гравировальнаго искусства у различныхъ народовъ и различнаго времени, коллекція Аделунга въ тоже время отвѣчаетъ и другому требованію — давать „копіи съ превосходнѣйшихъ картинъ знаменитыхъ школъ живописи“. Укажемъ прежде всего, что въ число гравюръ ея входитъ спеціальное, хотя и небольшое (95), но удивительное по подбору, собраніе гравировальныхъ рисунковъ знаменитыхъ художниковъ итальянскихъ школъ: какъ Рафаэля (№№ 1203—1209: Избіеніе младенцевъ, явленіе Бога Ною, Аѳинская школа, Христосъ въ Храмѣ, св. Павелъ и Варнава въ Листрѣ, Вторженіе Сарацинъ, Преображеніе), Марка Антоніо, Франчіа Биджіо, Матурино, Микель Анджело (№№ 1213—1214: Юдиѳь въ шатрѣ обезглавленнаго Олоферна, Моисей), Каруччи, Юлія Романо, Корреджіо, Тиціана, Доссо Досси, Пармедміанино, Вазари, Карраччи, Я. Лигоцци, Гверчино, Виньяли, Лутти, Солимены, Ферретти; затѣмъ идутъ представители нѣмецкой школы: Мартинъ Шонгауэръ, Мекkененъ, Альбрехтъ Дюреръ, Альтдорферъ и друг.; голландской: Герардъ Доу, Остаде и друг.; Фламандской: Рубенсъ, Ванъ-Дикъ и др.

На вопросъ о цѣнности коллекціи въ настоящее время—трудно отвѣтить, какъ трудно, полагаемъ, это было и для членовъ коммиссіи, обсуждавшихъ его. Мы не знаемъ, что могли разумѣть гг. Делавинь и де-Баллю подъ „лучшимъ и гораздо полезнѣйшимъ представляемаго собранія“, которое они полагали возможнымъ пріобрѣсти въ Парижѣ за тѣ-же 5000 руб., конечно, изъ той-же области памятниковъ искусства и для той-же цѣли, на какую указывалось членами коммиссіи. Еще въ

настоящее время можетъ быть можно было бы сказать, что за 5000 р. [1]) можно пріобрѣсти большее количество фотографій, и съ большаго числа предметовъ, но и это было бы неправильно, такъ какъ во 1-хъ фотографія это не то-же, что гравюра: послѣдняя „дѣло духовнаго творчества, а первая—результатъ различныхъ естественныхъ силъ, которымъ знающій их законы даетъ извѣстное направленіе“; „граверъ есть художникъ, свободнымъ творчествомъ выражающій извѣстную идею; фотографъ же—рабъ естественной силы, которая, поставленная въ правильныя условія—работаетъ механически, безсознательно, не свободно“ [2]), во 2-хъ, и фотографіи хорошія, въ большую величину, не дешевы даже въ настоящее время.

Если знатоками граверпаго дѣла коллекція была оцѣнена уже тогда свыше 5000 р., то въ настоящее время цѣнность ея стоитъ еще выше, такъ какъ, по свидѣтельству Весcели, „нынѣ цѣны на хорошія гравюры въ десять разъ выше тѣхъ, что въ каталогахъ прошлаго столѣтія и первыхъ десятилѣтій настоящаго“ [3]).

Зная предначертаніе В. Н. Каразина, по которому университетъ долженъ былъ вмѣщать въ себѣ и академію художествъ, мы нисколько не сомнѣваемся въ цѣли, для которой коллекція Аделунга была пріобрѣтена имъ. В. Н. Каразинъ, полагаемъ, воспользовался дѣйствительно случаемъ, чтобы получше осуществить на дѣлѣ свой проэктъ и снабдить будущую академію художествъ прекрасными пособіями. Но мы совершенно отказываемся признать истиннымъ мотивъ этой покупки, выставляемый Н. А. Лавровскимъ [4]) — вліятельную рекомендацію, отъ которой неловко было отдѣлаться.

Мы отказываемся также признать истиннымъ утвержденіе того-же автора, что эта покупка была непроизводительна и крайне непрактична и что самыя вещи ея могли понадобиться въ весьма отдаленномъ будущемъ. Эстампы эти, говоритъ онъ, дѣйствительно хорошія; можетъ быть, они стоятъ и дороже пяти тысячъ; но они составляютъ во всякомъ случаѣ роскошь.... пріобрѣтеніе ихъ при самомъ первоначальномъ обзаведеніи университета.... было по меньшей мѣрѣ непрактично.... и эти эстампы 65 лѣтъ лежатъ безъ всякаго употребленія!“

Такъ-ли это было? Вѣдь при университетѣ до 1859 г. были классы рисованія, а для нихъ гравюры давали богатый матеріалъ—и при изученіи рисунка, и для мотивовъ орнамента; именно въ виду этой служеб-

---

[1]) Замѣтимъ отъ себя—*ассигнацій*, что на серебро составитъ 1500 руб. *Д. Б.*

[2]) Вессели. О распознаваніи и собираніи гравюръ. Москва 1882, стр. 86.

[3]) Ibid., стр. 170.

[4]) М. М. Н. П. январь 1872 г., стр. 86.

ной цѣли гравюры эти теперь особенно цѣнятся при промышленныхъ музеяхъ, а также при академіяхъ художествъ [1]).

Если же на самомъ дѣлѣ гравюры при нашемъ университетѣ лежали 65 лѣтъ безъ всякаго употребленія (въ чемъ, однако, сомнѣваемся) [2]), то, въ чемъ же тутъ вина В. Н. Каразина? Это лишь свидѣтельство *нашего* пониманія и оцѣнки сокровищъ искусства, а не тѣхъ, кто старался добыть ихъ для насъ. Если коллекція Аделунга, какъ и нѣкоторыя другія коллекціи нашего университета, оставались и, можетъ быть, остаются мертвымъ капиталомъ, то, повторяемъ, это не вина тѣхъ, кто оставилъ ихъ намъ. Настоящіе цѣнители искусства не эгоисты, скажемъ въ заключеніе словами Вессели (стр. 211); они не сидятъ на сокровищахъ искусства, подобно скрягѣ на денежномъ сундукѣ. Они чувствуютъ потребность раздѣлить съ кѣмъ либо свою радость по поводу прекраснаго, и поэтому собраніе ихъ открыто для каждаго обладающаго любовью и пониманіемъ произведеній искусства. Дѣленая радость — двойная радость. Такъ иное собраніе дѣйствуетъ плодотворно по многимъ направленіямъ и разсылаетъ свои благодѣнія по безчисленнымъ радіусамъ. Искусство подобно огню, могущему раздробляться на безчисленное множество частей, ничего не утрачивая въ существѣ своемъ или въ первобытной своей силѣ".

Теперь переходимъ къ *семи* учебновспомогательнымъ учрежденіямъ физико-математическаго факультета.

Начало *физическому кабинету* было положено соединенными усиліями трехъ лицъ—В. Н. Каразина, попечителя округа С. О. Потоцкаго и профессора физики А. И. Стойковича. На него ежегодно дѣлались значительныя денежныя затраты, нерѣдко превышавшія штатную ассигновку (500 р. въ годъ); всего было выписано инструментовъ до 1813 г. на 11914 руб. ассигн. (3404 руб. сер.). Въ 1814 году было получено значительное число разныхъ приборовъ изъ Англіи, заказанныхъ тамъ еще въ 1806 г. (на 857 р. сер.) [3]). Попечитель округа въ 1805 году доставилъ въ кабинетъ изъ Петербурга электрическую машину со многими приборами и два большихъ зеркала и секстантъ. Приспѣшникъ физическаго кабинета Рейнике подарилъ ему часы особеннаго сложнаго устройства, имъ самимъ сдѣланные по образцу тѣхъ, кои онъ видѣлъ въ Петербургѣ и коихъ краткое описаніе помѣщено было въ журналѣ

---

[1]) См. Вессели, стр. 187 и 221.

[2]) Гравюры эти въ дѣйствительности приносили пользу, ибо служили нагляднымъ пособіемъ въ классѣ рисованія и живописи. Прибавимъ къ этому, что въ это время былъ кромѣ учителя рисованія особый преподаватель гравировальнаго искусства. *Д. Б.*

[3]) К. Фойгта. Ист. стат. зап., стр. 48—49.

„Сѣверный вѣстникъ“ за октябрь мѣсяцъ. Рейнике получалъ 300 руб. въ годъ жалованья, а кромѣ его для болѣе важныхъ работъ (и между прочимъ для приготовленія новыхъ физическихъ приборовъ) былъ еще особый инструментальный мастеръ Черничъ, получавшій 600 р. въ годъ. Въ 1808 году всѣхъ инструментовъ въ физическомъ кабинетѣ было 127. Предметы для него частію выписывались изъ Петербурга, частію дѣлались на мѣстѣ; такъ, напримѣръ, было куплено нѣсколько инструментовъ у проф. Гута (вѣсы, два алькоголометра, два гигрометра изъ китовой кости [1]) и т. п.). Нужно замѣтить, что проф. Гутъ, переѣзжая въ Россію, привезъ съ собою огромную научную коллекцію разныхъ предметовъ и приборовъ; Харьковскій университетъ пріобрѣлъ у него часть этой коллекціи за 7547 р. [2]) (это были по преимуществу астрономическіе приборы). Чтобы дать нѣкоторое понятіе о предметахъ, находившихся въ физическомъ кабинетѣ, перечислимъ тѣ изъ нихъ, которые были пріобрѣтены въ 1807 году: фонтанъ Героновъ, фонтанъ чрезъ сжиманіе воздуха, Poculum vexatorium, водоподъемныя чотки, водоподъемныя ведра, Архимедовъ щурупъ (винтъ), колесо наливной мельницы, колесо подъсубойной мельницы, колодезь съ насосомъ, безконечный щурупъ, три рода сообщительныхъ трубокъ, два сифона, ртутный молотокъ, сіяющая змѣя, цилиндръ деревянный, воротъ, рычагъ, блоки, двойной конусъ для теоріи средоточія тяжести, двѣ машины для діагональнаго движенія, машина въ большомъ видѣ для подниманія воды изъ глубокихъ колодезей, барометръ и термометръ, барометръ для измѣренія высотъ, машинка силъ центробѣжныхъ, машина ускоряемаго движенія, гидростатическіе вѣсы, планетарій, модель глаза, ходомѣръ, гигрометръ, Гарденеровъ насосъ [3]). Въ 1811 году пріобрѣтены были слѣдующіе инструменты: земная труба, говорная сокращенная труба съ извитымъ краемъ, слуховая извитая труба, трубка съ двумя шарами для электрическаго ртутнаго дождя; электрическая ртутная змѣя; небольшой стеклянный колоколъ, электрическое солнце, 22 безвоздушныхъ стеклянныхъ трубки и жестяная 17-ти трубочная машина [4]).

Изъ представленныхъ фактовъ видно, что физическій кабинетъ пополнялся весьма усердно, и главнымъ виновникомъ этого былъ завѣдывавшій имъ профессоръ Стойковичъ.

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

[2]) Проф. Г. В. Левицкаго. Астрономы и астрономическія обсерваторіи Харьковскаго университета отъ 1808 по 1842 г., (Зап. Имп. Харьк. унив., 1893, кн. 3-я Харьк. унив. лѣт., стр. 9).

[3]) Отчетъ за 1807 годъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло Совѣта 1807 г., № 64).

[4]) Отчетъ за 1811 годъ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло Совѣта 1812 г., № 71).

Астрономическій кабинетъ находился въ вѣдѣніи извѣстнаго математика и астронома Гута, который положилъ ему начало въ 1808 году, уступивъ значительное число инструментовъ изъ своей богатой коллекціи, привезенной въ Россію; стоимость этихъ инструментовъ равнялась 5000 р., „Между этими инструментами, говоритъ проф. Г. В. Левицкій, мы находимъ большинство употребительныхъ въ то время топографическихъ инструментовъ, затѣмъ солнечные часы, двое часовъ стѣнныхъ и столовые, 8-ми футовый зеркальный телескопъ, двухдюймовый рефракторъ Доллонда, вертикальный квадрантъ и т. п.“. Одинъ приборъ—секстантъ Адамса—былъ пріобрѣтенъ въ Петербургѣ попечителемъ С. О. Потоцкимъ и нѣкоторые выписаны изъ за границы, гдѣ они также были заказаны, по порученію университета, Гутомъ. „Такимъ образомъ, уже въ 1809 году Харьковскій университетъ обладалъ собраніемъ астрономическихъ инструментовъ, совершенно достаточнымъ для снабженія почти всѣмъ необходимымъ небольшой обсерваторіи“. Далѣе Г. В. Левицкій разсказываетъ, что Гутъ представилъ попечителю проэктъ постройки небольшой обсерваторіи (впредь до устройства настоящей, постоянной), которая и была выстроена гдѣ-то на университетскомъ дворѣ въ 18¹⁰/₁₁ учебномъ году; но наблюденія на ней если и производились, то очень недолго, ибо въ маѣ 1811 года Гутъ уже перешелъ въ Дерптъ [1]). Изъ „исторіи дѣлъ“ видно, что для этой обсерваторіи была приспособлена „стоявшая на бульварѣ къ югу каменная ротунда, въ которой по требованію Гута въ 1809 году и были сдѣланы нужныя поправки“ [2]).

Вотъ нѣкоторыя подробности ея постройки. Попечитель округа графъ С. О. Потоцкій обратился въ правленіе съ предложеніемъ такого содержанія. „Проф. Гутъ, писалъ онъ, усердствуя къ пользѣ и чести университета и желая безъ замедленія приступить къ занятіямъ по астрономической части, представилъ мнѣ свои замѣчанія относительно устроенія въ маломъ видѣ обсерваторіи, годной къ производству астрономическихъ наблюденій. Я нахожу предположенія Гута, особенно относительно 1-й и 3-й статей его замѣчаній, заслуживающими тѣмъ большаго одобренія и признательности, что они, преслѣдуя общеполезную цѣль, сопряжены съ малыми издержками и легко могутъ быть приведены въ дѣйствіе. Вслѣдстіе сего предлагаю университету, чтобы онъ сдѣлалъ съ своей стороны нужныя распоряженія для скорѣйшаго выполненія предложеннаго проф. Гутомъ плана“. Планъ же проф. Гута состоялъ въ слѣдующемъ: онъ предлагалъ 1) устроить небольшую временную обсерваторію; 2) распорядиться объ измѣреніи градуса г. Харь-

---

[1]) Астрономы и астрономическія обсерваторіи, стр. 11, 12, 14—15.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

кова какъ по меридіану, такъ и по параллели, 3) завести метеорологическія наблюденія какъ въ самомъ Харьковѣ, такъ и во всѣхъ гимназіяхъ Харьковскаго учебнаго округа. Для приведенія въ исполненіе перваго пункта, по мнѣнію проф. Гута, можно было бы воспользоваться амбаромъ, находящимся у конца южнаго флигеля, приспособивъ его для астрономической обсерваторіи, сдѣлавъ подлѣ него твердую и ровную земляную насыпь, на которую можно было бы ставить инструменты для наблюденія неба, и устроивъ также при немъ небольшую комнату для зимнихъ занятій. Но вслѣдъ за этимъ проф. Гутъ сдѣлалъ существенную поправку къ своему предложенію: вмѣсто амбара онъ предлагалъ воспользоваться для обсерваторіи каменной угольной бесѣдкой у большаго дома (ротундой). Въ ней необходимо было сдѣлать слѣдующія передѣлки: нужно было вездѣ выштукатурить стѣны и выбѣлить вмѣстѣ съ потолкомъ; старый полъ снять и вмѣсто него помостить другой, совершенно гладкій съ плотно набитой подъ нимъ землей, на южной сторонѣ сдѣлать новое окно и передѣлать старыя такъ, чтобы оконницы крѣпко запирались; при каждомъ изъ нихъ подѣлать ставни, дверь также передѣлать и снабдить крѣпкимъ замкомъ; поставить небольшую изразцовую печь; крышу перекрыть и для избѣжанія течи снабдить жолобомъ для стока воды, въ углу передъ павильономъ сдѣлать насыпь, высота которой доходила бы до пола павильона; эта насыпь должна была въ видѣ террасы окружать обсерваторію; въ 20 арш. отъ террасы поставить параллельно ей рѣшетку въ 50 арш. длины, выровнявши и усыпавши пескомъ землю. По смѣтѣ помощника архитектора вся эта перестройка должна была обойтись въ 463 руб.

Правленіе вполнѣ согласилось съ этимъ проэктомъ и сдѣлало распоряженіе о приведеніи его въ дѣйствіе [1]).

Такова была эта временная обсерваторія.

Отсутствіе хорошо обставленной обсерваторіи отражалось невыгодно на ученыхъ занятіяхъ представителя каѳедры проф. Гута. До переѣзда въ Харьковъ, за границей, гдѣ у него была даже собственная обсерваторія, онъ заявилъ себя цѣлымъ рядомъ астрономическихъ открытій и наблюденій; въ Харьковѣ же онъ не сдѣлалъ въ этомъ отношеніи ничего.

Химическая лабораторія, по словамъ Фойгта, какъ отдѣльное учрежденіе, возникла только въ 1847 году; до этого же времени она входила въ составъ фармацевтической, которая въ свою очередь осно-

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1809 года, май—августъ; засѣданіе 26 іюля.

вана была въ 1812 году [1]). Выходитъ такъ, что до 1812 года при Харьковскомъ университетѣ не было никакой лабораторіи—ни химической, ни фармацевтической. Но это не вѣрно: начало химической лабораторіи положено еще въ 1804 году; въ 1805 году она получила 32 предмета, а всѣхъ, вмѣстѣ съ прежде купленными, было 154, не считая 353 штукъ стекляной посуды и матеріаловъ; къ концу 1806 года всѣхъ вещей въ ней было 89 (меньше прошлогодняго) на 1719 руб. и стекляной посуды на 117 руб.; въ теченіе года поступилъ 21 предметъ на 245 рублей; въ 1807 году доставлено приборовъ и разной посуды 441 штука (это были—приборъ для добыванія сѣрной кислоты, 134 плавильныхъ горшка, узкогорлыя и широкогорлыя склянки съ притертыми пробками разной величины, реторты, колпаки, колбы, тигли, каменныя плиты). Въ 1808 году пріобрѣтены были только матеріалы и одинъ оловянный котелъ; въ 1809—кромѣ матеріаловъ значительное количество приборовъ и посуды; въ 1810-мъ—кромѣ матеріаловъ 106 предметовъ (изъ инструментовъ, посуды и приборовъ, купленныхъ у проф. Гута); въ 1811 году — десять предметовъ (кромѣ матеріаловъ), а именно—Вежевудова ступка, стальная ступка, желѣзная раздувательная труба, двѣ желѣзныя сковороды, пила и терпугъ, приборъ Паркеровъ для составленія кислой воды посредствомъ углекислаго газа и двѣ реторты съ пробитыми пробками; въ 1812 году—11 предметовъ (кромѣ матеріаловъ) [2]). Изъ приведенныхъ цифръ видно, что химическая лабораторія существовала съ самаго основанія университета (начало ей было положено еще даже до открытія университета), но только дѣйствовала она чрезвычайно вяло. Это видно между прочимъ изъ того, что она не затрачивала на себя штатной асигновки (1000 руб. въ годъ): такъ въ 1808 году вмѣсто 1000 руб. было употреблено только 153 руб., въ 1812 г.—вмѣсто 1000—532 руб. Это очень странное обстоятельство, такъ какъ каѳедра химіи была представлена двумя преподавателями—Шнаубертомъ и Гизе, изъ коихъ послѣдній былъ очень энергичнымъ и дѣльнымъ работникомъ по своему предмету; остается сдѣлать одно предположеніе,—что офиціальный представитель каѳедры проф. Шнаубертъ, въ вѣдѣніи котораго главнымъ образомъ находилась химическая лабораторія, не обращалъ должнаго вниманія на ея устройство и обогащеніе, и дѣло пошло успѣшнѣе только съ того момента, когда Шнаубертъ оставилъ Харьковъ и во главѣ ея сталъ Гизе (въ 1811 году).

---

[1]) Ист. стат. зап., стр. 54, 105.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“; см. также рукописные отчеты за 1807 и 1811 годы (Харьковск. универс. архивъ. Дѣла сов. 1807 г. № 64 и 1812 г. № 71).

Въ одномъ помѣщеніи съ химической лабораторіей находилась и *фармацевтическая*, относившаяся впрочемъ уже къ медицинскому факультету и получившая свое начало въ 1812 году, благодаря энергіи преподавателя фармаціи адъюнкта Болгаревскаго.

Первыя пріобрѣтенія *технологическаго кабинета*, читаемъ мы у Фойгта, относились къ 1806 году и состояли въ разныхъ моделяхъ машинъ, принадлежащихъ къ области промышленности и практической механики. Пріобрѣтенія продолжались и въ слѣдующіе годы и между прочимъ въ 1808 году поступила модель машины, движимой водяными парами; въ 1809 году—модель хлѣбнаго сарая, въ 1810—модель лошадиной мельницы съ 4 ходами; каждая машина стоила 100 руб. (ас.). Въ 1811, 1812, 1813 гг. были преимущественно покупаемы образцы земледѣльческихъ орудій, такъ какъ особаго агрономическаго кабинета не существовало [1]". Къ этому мы можемъ прибавить весьма немногое. Проф. Тимковскій доставилъ изъ Шостенскаго порохового завода различные образцы пороха и селитры. Университетскій механикъ Кельнъ сдѣлалъ 34 модели; отъ ген.-лейтенанта кн. Мещерскаго поступила въ даръ доска (на подобіе шахматной), составленная изъ разныхъ деревьевъ мѣстныхъ породъ, а отъ директора училищъ орловской губерніи—модель печи, согрѣвающей 15 комнатъ, съ планами и описаніями. Наконецъ, у профессора сельскаго хозяйства Нельдехена куплено было въ 1812 году 11 моделей [2]). Тотъ же проф. Нельдехенъ былъ и завѣдующимъ кабинетомъ.

Преподаваніе естественной исторіи, конечно, сильно нуждалось въ наглядныхъ пособіяхъ и они сосредоточены были въ зоологическомъ и минералогическомъ кабинетѣ и ботаническомъ садѣ.

Зоологическій кабинетъ возникъ въ 1807 году. „Правленіе, говоритъ Фойгтъ, озабочиваясь учрежденіемъ музея естественныхъ произведеній, пригласило директоровъ училищъ въ губерніяхъ, входящихъ въ составъ учебнаго округа, присылать достопримѣчательнѣйшіе предметы края и этимъ путемъ получило нѣкоторыхъ животныхъ и въ особенности окаменѣлости, положившія начало зоологическому кабинету. Завѣдываніе симъ собраніемъ было возложено на профессора ботаники Делявиня; но дальнѣйшее обогащеніе шло медленно, такъ какъ вообще на музей естественной исторіи, включая сюда минералогическій и зоологическій кабинеты, отпускалось по штату всего 600 руб. ас. Не ранѣе 1809 г. послѣдовало новое приращеніе кабинета—собраніе птицъ, насѣкомыхъ

---

[1]) Ист. стат. зап., стр. 90.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ".

и окаменѣлостей, купленныхъ у ганноверскаго аптекаря Андре́" [1]). По нашимъ источникамъ, покупка коллекціи Андре́ совершилась ранѣе 1809 года—еще въ 1805 году, а доставлена она была въ Харьковъ въ 1807 году и тогда же произошло распредѣленіе ея предметовъ въ кабинетъ минералогіи, зоологіи и ботаники. Въ томъ же 1807 году пріобрѣтена была и другая естественно-историческая коллекція, купленная С. О. Потоцкимъ въ Петербургѣ у Антона Четти за 1800 руб. Въ ней оказалось между прочимъ 100 коралловъ и полиповъ, 36 морскихъ ежей, 12 морскихъ звѣздъ, 2623 раковины, 235 бабочекъ, 540 жуковъ, 90 жуковъ въ спиртѣ, 28 высушенныхъ, 125 чучелъ птицъ. Въ 1808—1810 гг. къ этимъ предметамъ присоединилось еще 630 насѣкомыхъ, собранныхъ приспѣшникомъ кабинета, кандидатомъ Фирихомъ, въ окрестностяхъ Харькова, 126 чучелъ (имъ же сдѣланныхъ), окаменѣлая голова какого-то животнаго, вѣроятно, дикаго буйвола (urus), присланная директоромъ новгородъ-сѣверской гимназіи, большая окаменѣлая раковина, полученная отъ директора училищъ черниговской губер., чучело бѣлаго пеликана, подаренное адъюнктомъ Успенскимъ [2]). Многіе предметы этого кабинета во время перевозки сильно попортились, какъ это видно изъ заявленія проф. Делявиня, по настоянію котораго были сдѣланы для размѣщенія коллекціи удобные шкафы [3]).

„Основаніемъ *минералогическому кабинету*, говоритъ Фойгтъ, послужили два значительныя собранія, пріобрѣтенныя университетомъ при просвѣщенномъ содѣйствіи перваго попечителя Харьковскаго учебнаго округа, гр. С. О. Потоцкаго въ 1807 г. Первое—кабинетъ проф. Андре куплено у ганноверскаго аптекаря Грунера за 8000 р. ас.; оно составлялось въ теченіе 40 лѣтъ и заключаетъ въ себѣ минералы почти изъ всей западной Европы и особенно богато кварцами, семействами цеолитовъ и известковаго шпата. Второе собраніе—иностранца Четти въ количествѣ 520 штуфовъ, куплено за 1800 р. ас. и содержитъ превосходные экземпляры кокколита, авгита, пистоцита, лабрадора и другихъ; всѣ штуфы норвежскихъ и шведскихъ минераловъ принадлежатъ къ этой коллекціи" [4]). Въ дополненіе къ этимъ даннымъ мы можемъ прибавить слѣдующія. Еще въ 1805 году университетъ озабоченъ былъ пріобрѣтеніемъ готоваго минералогическаго кабинета, и ректоръ (И. С.

---

1) Ист. стат. зап., стр. 82—83; изъ другого мѣста книги Фойгта видно, что это была коллекція проф. Андре и только купленная у ганноверскаго аптекаря Грунера (стр. 58).

2) Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ".

3) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1808 г. № по архиву 368, по картону 20.

4) Ист. стат. зап., стр. 58—59.

Рижскій) тогда же заявилъ, что въ Петербургѣ продается довольно полная учебная коллекція минераловъ у оберъ-бергмейстера Медера за 5000 р. Но такъ какъ одновременно съ этимъ было получено извѣстіе отъ попечителя о покупкѣ имъ въ Ганноверѣ кабинета Грунера, то мысль о пріобрѣтеніи перваго собранія была оставлена. Въ 1806 году Груперовскій кабинетъ былъ доставленъ въ Петербургъ, а въ Харьковѣ приняты мѣры къ размѣщенію его въ шкафахъ; но полученъ онъ былъ въ университетѣ только въ слѣдующемъ году. Тогда же университетъ поручилъ разборку его минераловъ проф. химіи Шнауберту и адъюнкту минералогіи Крюгеру, а растеній проф. ботаники Делявиню. Въ томъ же 1807 году доставлена была въ Харьковъ и коллекція Четти, въ которой оказалось 520 разныхъ минераловъ. Другихъ покупокъ сдѣлано не было, а поступили только пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ: отъ попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго 10 минераловъ и нѣсколько вещей (а именно: полированный рожокъ дикой козы, окаменѣлая большая раковина, глиняное лицеподобіе какой-то греческой древней богини, отломокъ ручки и верхушка глинянаго священнаго сосуда), отломокъ воздушнаго камня, найденнаго недавно передъ тѣмъ въ Смоленскѣ, три куска привезенныхъ изъ Крыма известковыхъ камней и кусокъ сибирскаго самороднаго желѣза, открытаго академикомъ Пилласомъ; отъ директора училищъ черниговской губ. Маркова 13 минераловъ и раковинъ, 4 камня Антельской пещеры въ венгерскихъ горахъ, подаренные ему помѣщикомъ Энгельгардтомъ, и одна улитковая окаменѣлость; отъ ректора Рижскаго—подаренныя ему разными лицами 3 окаменѣлости и 6 минераловъ; отъ неизвѣстныхъ—5 кусковъ камня, составляющаго въ Одессѣ и близь нея берегъ Чернаго моря и употребляемаго тамъ на постройки, два куска гранита и одинъ кварца изъ Ненасытецкаго порога, отполированный съ двухъ сторонъ кусокъ гранита, употребляемаго на постройку въ Полтавѣ монумента въ память полтавской побѣды и находимаго на берегу Днѣпра на 40 в. ниже Кременчуга у с. Келеберды, кусокъ мрамора, издающаго при разбиваніи противный запахъ, большой кусокъ окаменѣлаго дерева, найденный въ изюмскомъ уѣздѣ, близь с. Савинецъ, на лѣвомъ берегу Донца; отъ директора училищъ екатеринославской губ.—раковина; отъ учителя одесской гимназіи Ферри—два небольшіе кусочка хрусталя; отъ директора таганрогской гимназіи Манне—4 минерала; отъ учителя курской гимназіи Пузанова 2 куска слившагося стекла [1]). Какъ видимъ изъ приведенныхъ здѣсь фактовъ, *составъ* минералогическаго кабинета былъ довольно полный,—и стоимость его равнялась почти 10000 руб. ас.; но, къ сожалѣнію, дѣло

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

разборки и описанія его, порученное, какъ намъ извѣстно, проф. Шнауберту и адъюнкту Крюгеру, не было приведено въ исполненіе и подало поводъ къ непріятнымъ замѣчаніямъ министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго.

Подробности этого эпизода таковы. Крюгеръ не исполнилъ даннаго ему университетомъ порученія. Тогда университетъ обратился къ министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому съ просьбою розыскать каталогъ Грунеровой коллекціи (котораго, очевидно, при ней не оказалось) и прислать для описи адъюнкта Московскаго университета Таубера. Въ отвѣтъ на это министръ и написалъ то рѣзкое и ѣдкое письмо, которое приведено было нами на 391 стр. настоящаго труда. Въ немъ онъ упрекаетъ университетъ въ крайней безпечности, заявляетъ, что теперь отыскать каталогъ невозможно, отказываетъ въ командировкѣ Таубера и рекомендуетъ университету, если онъ не можетъ этого сдѣлать самъ, поручить составленіе каталога гимназическому учителю естественной исторіи. Университетъ не оставилъ безъ объясненія такого рѣзкаго замѣчанія, но текста этого объясненія мы не имѣемъ— сохранился только отвѣтъ на него министра, который мы приведемъ здѣсь цѣликомъ. „Я согласенъ, отвѣчалъ А. К. Разумовскій, чтобы университетъ списался съ г. Грунеромъ въ разсужденіи купленнаго у него минеральнаго кабинета, дабы получить отъ него, если возможно будетъ, копію съ каталога сего кабинета. Впрочемъ относительно изъясненія совѣта, что сочиненіе упомянутаго каталога предполагаетъ столь великія и точныя свѣдѣнія, что оныхъ ни отъ одного гимназическаго учителя, а слѣдовательно и отъ учителя естественной исторіи, при Харьковской гимназіи находящагося, ожидать не можно, я долженъ замѣтить, что таковаго изъясненія принять нельзя. Студенты здѣшняго педагогическаго института, поступившіе учителями въ гимназіи, въ бытность свою въ институтѣ неоднократно доказали на самомъ опытѣ знанія свои по сей части, составивъ каталоги важнымъ минеральнымъ кабинетамъ, въ институтъ поступившимъ. Если гимназическіе учителя по харьковскому округу столь далеки въ знаніяхъ своихъ отъ сихъ студентовъ, то нельзя отнести сего въ похвалу имъ, равно какъ и тѣмъ, кѣмъ они къ настоящимъ должностямъ призваны“ (8 января 1812 г.) [1]). И этотъ отвѣтъ, какъ мы видимъ, дышетъ также ѣдкимъ сарказмомъ, который какъ то странно звучитъ въ дѣловой, формальной бумагѣ министра къ подчиненной ему коллегіи. Мы не знаемъ, какія извиненія представляла эта коллегія въ свое оправданіе, но нѣкоторое понятіе о нихъ можно составить по перепискѣ ея съ академикомъ Фусомъ. Отъ

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1811 г. № 35.

Фуса правленіе надѣялось узнать о судьбѣ каталога Груннеровскаго кабинета. И вотъ что отвѣтилъ ему Фусъ: „на запросъ правленія я не иначе отвѣчать могу, какъ токмо изъ памяти, потому что всѣ писанныя ко мнѣ отъ аптекаря Грунера касательно продажи его каталога письма, по мѣрѣ полученія ихъ, мною препровождаемы были къ его сіятельству графу Северину Осиповичу Потоцкому, который препоручилъ мнѣ просить г. Грунера о сообщеніи каталога его кабинета, отъ коего я получилъ отвѣтъ, что онъ препроводилъ его къ россійскому посланнику, при берлинскомъ дворѣ находившемуся. Спустя нѣсколько времени г. Алопеусъ увѣдомилъ меня, что пакетъ сей отправленъ былъ съ курьеромъ. По полученіи сего извѣстія я неоднократно писалъ къ покойному статскому совѣтнику Драхенфельсу, управлявшему тогда одною изъ экспедицій канцеляріи министра иностранныхъ дѣлъ, прося его о выдачѣ помянутаго пакета, но тщетно. Давъ знать о семъ его сіятельству графу Потоцкому, я просилъ его отнестись къ его сіятельству князю Черторижскому, управлявшему тогда министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, дабы онъ приказалъ отыскать сей каталогъ, но сдѣлано ли по сему предмету какое отношеніе и съ какимъ успѣхомъ, мнѣ неизвѣстно. Впрочемъ я всегда думалъ, что его сіятельсто г. попечитель помянутый каталогъ получилъ и что не иначе какъ по разсмотрѣніи онаго опредѣлено было купить сей кабинетъ“ [1]). Получивъ этотъ отзывъ, совѣтъ университета, очевидно, обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою навести справки о каталогѣ въ посольствѣ—а въ отвѣтъ на него послѣдовало извѣстное намъ рѣзкое замѣчаніе гр. А. К. Разумовскаго. Въ концѣ концовъ такъ и осталось неизвѣстнымъ, у кого затерялся каталогъ—въ посольствѣ ли, у попечителя, или, наконецъ, въ университетѣ. Правда изъ документовъ видно, что самъ университетъ не останавливался на этой послѣдней возможности; а между тѣмъ мы не можемъ исключить и ее: каталогъ могъ затеряться у проф. Шнауберта или еще скорѣе у адъюнкта Крюгера, который въ 1811 году оставилъ Харьковскій университетъ, не выполнивъ даннаго ему порученія объ описаніи минералогическихъ коллекцій. А что это было именно такъ, видно изъ слѣдующаго мѣста оффиціальнаго отчета университета за 1807-й годъ: „правленіе университета препоручило принятіе по *доставленному при семъ кабинетѣ* (*Груннера*) *каталогу* разсортированіе и приведеніе въ порядокъ тѣлъ ископаемыхъ профессору химіи Шнауберту и адъюнкту минералогіи Крюгеру“ [2]). Изъ описи бумагъ, полученныхъ въ университетѣ вмѣстѣ съ кабинетомъ Груннера, видно, что въ числѣ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1807 г., № 64.

ихъ былъ и черновой каталогъ, переданный проф. Шнауберту. Послѣдній составилъ указатель къ коллекціи Груннера, но считалъ нужнымъ, чтобы кому либо изъ спеціалистовъ въ минералогіи было поручено составить еще другой подробный систематическій каталогъ (съ описаніемъ минераловъ) [1].

Ботаническій кабинетъ—слава и гордость Харьковскаго университета—былъ основанъ въ 1825 году (хотя нѣкоторые предметы, входящіе въ его составъ, были пріобрѣтены еще до открытія университета), а въ изучаемый нами періодъ времени все вниманіе было обращено на *ботаническій садъ*. О ботаническомъ садѣ за первые 10 лѣтъ его существованія у Фойгта мы находимъ только слѣдующее извѣстіе. „Обширное мѣсто, занимаемое ботаническимъ садомъ, уступлено университету еще въ 1804 году обывателями г. Харькова, по ходатайству перваго попечителя Харьковскаго учебнаго округа, графа С. О. Потоцкаго, и тогда-же раздѣлено на два большія отдѣленія—верхній или англійскій садъ, предназначенный для общественныхъ гуляній, и нижній или собственно ботаническій. До 1807 г. включительно главное попеченіе было обращено на насажденіе лѣсныхъ деревьевъ для устройства аллей и рощъ и на возведеніе необходимыхъ строеній. Экзотическія растенія, за неимѣніемъ еще оранжерей, содержались въ комнатахъ, а свойственныя климату травянистыя породы разводились на открытомъ воздухѣ. Въ 1808 году построены каменная оранжерея и деревянная теплица. Экзотическія растенія были перенесены туда и стали постепенно умножаться частію покупками, частію дарственными приношеніями, частію выводомъ изъ сѣмянъ. На открытомъ воздухѣ, съ этого времени до 1825 года, устроены 4 квадратныя отдѣленія для систематическихъ плантацій, также 2 каменные парника, небольшой цвѣтникъ близь оранжерей и вырытъ колодезь“ [2]. Эти свѣдѣнія слишкомъ кратки и не даютъ почти никакого представленія о тѣхъ заботахъ, которыя употреблялъ относительно ботаническаго сада попечитель Потоцкій и дѣятели университета. Въ дѣйствительности, нужно сказать, что ботаническій садъ былъ предметомъ особенныхъ, исключительныхъ заботъ попечителя, и на устройство его потрачены были весьма значительныя суммы, далеко превышавшія штатныя асигновки.

Первоначально, до открытія университета, какъ мы знаемъ, небольшой ботаническій садикъ былъ разведенъ на дворѣ университетскихъ зданій, но это было крохотное пространство, площадь котораго

---

[1]) Харьковскій университет. архивъ. Дѣло правленія 1807 г., № по архиву 280, по картону 15.

[2]) Ист. стат. зап., стр. 74—75.

равнялась всего 450 кв. саж. Его впрочемъ не забросили и тогда, когда начали разводить большой садъ по сумскому шоссе (нынѣшній университетскій): въ немъ было въ 1805 году 1000 растеній разныхъ видовъ. Но главное вниманіе съ 1805 г. было обращено, конечно на устройство большаго сада, на томъ огромномъ пространствѣ, которое было частію куплено университетомъ въ опекѣ Кантемира (такъ называемый Кантемировскій садъ), частію уступлено войсковыми обывателями безвозмездно, частію, наконецъ, пріобрѣтено у нихъ за деньги (собственно усадебныя мѣста). Тутъ предполагалась постройка всѣхъ университетскихъ зданій; тутъ Потоцкій рѣшилъ развести и ботаническій садъ. Еще будучи на открытіи университета, Сев. Ос. Потоцкій выразилъ желаніе, чтобы были приняты мѣры къ скорѣйшему устройству ботаническаго сада. Съ этою цѣлью былъ отправленъ въ Крымъ адъюнктъ ботаники Каретниковъ въ сопровожденіи помощника садовника Стровальда, и имъ поручено было привезти оттуда разныя деревья и сѣмена, по списку, составленному профессоромъ ботаники Делявинемъ. Прислано и привезено было адъюнктомъ Каретниковымъ изъ Крыма 250 разныхъ видовъ. Съ весны начались въ саду работы для разсадки деревьевъ по аллеямъ. Чтобы увеличить запасъ деревьевъ, садовникъ Цетлеръ (привезенный попечителемъ изъ Вѣны) отправленъ былъ для пріисканія ихъ въ окрестные лѣса, а за тѣмъ, по предложенію графа Потоцкаго, командированъ въ имѣніе графини Браницкой — мѣстечко Бѣлую Церковь (близь Кіева). Графиня Браницкая, по просьбѣ попечителя, подарила Харьковскому университету 37 разныхъ видовъ растеній въ количествѣ 380 экземпляровъ [1]). Сверхъ того самъ Сев. Ос. Потоцкій прислалъ 150 плодовыхъ деревьевъ, 50 молодыхъ акацій и нѣсколько сѣмянъ; а университетъ купилъ 32 вида разныхъ растеній у коллежскаго совѣтника Минстера и два воза миндальныхъ деревьевъ у профессора Делявиня. Всѣ приготовленія къ посадкѣ деревьевъ приходили къ концу — какъ вдругъ ударили морозы, и посадка была отложена до слѣдующаго года. Для жилья садовника и его помощника были приспособлены два небольшихъ домика, изъ коихъ одинъ перешелъ къ университету отъ войсковаго обывателя, а другой находился въ Кантемировскомъ саду; для годовыхъ же работниковъ куплено было двѣ избы у другихъ обывателей. А чтобы имѣть впредь въ университетѣ собственнаго садовника,

[1]) Сохранился полный списокъ этихъ видовъ; среди нихъ мы между прочимъ находимъ: Amygdalus pumila, Aster sibirica, Berberis vulgaris, Bignonia catalpa, Culutea orientalis, Cornus alba, Fragaria vesca, Lonicera caprifolium, Lycium barbatum, Phyladephus coronarius, Populus dilatata, Pyrus spectabilis, Rubus idaeus, Rosa centifolia, Salix babilonica и др.

Цетлеру отданъ былъ въ ученье одинъ казенный воспитанникъ слободскоукраинской гимназіи, слабо успѣвавшій въ наукахъ, но обнаруживавшій охоту къ садовому дѣлу. Наконецъ, адъюнктъ архитектуры Васильевъ представилъ попечителю планъ будущаго устройства ботаническаго сада и его оранжереи, но онъ не получилъ утвержденія.

Таковъ былъ общій ходъ дѣла по устройству ботаническаго сада въ 1805 году. Остановимся теперь на подробностяхъ и приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ предложеній попечителя, ярко рисующихъ его заботу объ этомъ учрежденіи. Въ маѣ мѣсяцѣ ректоръ университета Рижскій получилъ отъ гр. С. О. Потоцкаго письмо, въ которомъ тотъ предлагалъ 1) употребить всѣ старанія относительно ботаническаго сада, чтобы наверстать такимъ образомъ два потерянныя лѣта; 2) огородивъ и приготовивъ землю для посадокъ, немедленно приняться за садъ, тѣмъ болѣе что графиня Браницкая рѣшила пожертвовать нѣкоторую часть всѣхъ имѣющихся у нея иностранныхъ породъ; 3) завести особаго коммиссіонера по этой части въ Кіевѣ, съ тѣмъ чтобы онъ получалъ идущія изъ Европы для университета коллекціи. Съ своей стороны гр. Потоцкій прислалъ нѣкоторое количество деревьевъ и сѣмянъ и обѣщалъ выслать съ Судаковымъ общій планъ сада. Правленіе постановило немедленно извѣстить объ этихъ предложеніяхъ проф. Делявиня (директора сада) и запросить его, что ему нужно для приведенія въ исполненіе этихъ мѣръ еще въ въ текущемъ году [1]. Между прочимъ подъ вліяніемъ этого письма ректоръ университета Рижскій предложилъ для ускоренія земляныхъ работъ нанять въ с. Пенѣ и Медвѣнкѣ курской губ. спеціалистовъ грабарей и замѣнить ими поденныхъ рабочихъ; для найма ихъ былъ командированъ въ эти деревни университетскій служитель Моисей Бурименко [2].

Въ іюлѣ мѣсяцѣ гр. С. О. Потоцкій обратился въ университетъ съ новымъ напоминаніемъ о ботаническомъ садѣ; тутъ онъ требовалъ: 1) чтобы правленіе поручило, кому слѣдуетъ, возможно скорѣе составить планъ сада и представить на его одобреніе; 2) чтобы проф. Делявинь и садовникъ Цетлеръ доставили ему списокъ наиболѣе необходимыхъ, по ихъ мнѣнію, растеній и сѣмянъ; 3) избрать коммиссіонеровъ въ Кіевѣ для такихъ случаевъ, какъ пожертвованіе граф. Браницкой. Правленіе въ отвѣтъ на это увѣдомило попечителя, что земля для ботаническаго сада уже вспахана и еще разъ будетъ перепахана послѣ дождей, что со стороны большой дороги она обрыта уже рвомъ и обнесена

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., январь—іюль; засѣданіе 30 мая.

[2]) Ibidem; іюль—декабрь; засѣданіе 3 іюля.

*

плетнемъ, который проф. Делявинь намѣренъ впослѣдствіи замѣнить живою изгородью, что на избранномъ проф. Делявинемъ мѣстѣ, защищенномъ отъ сѣвера и востока горою, рѣшено построить оранжерею, причемъ приступили было уже къ работамъ, но пріостановили ихъ до весны въ виду заявленія проф. Делявиня, что оранжерея, построенная въ концѣ лѣта, будетъ зимою сыра и неудобна для растеній (впрочемъ заготовка матеріаловъ продолжалась безостановочно). Вмѣстѣ съ тѣмъ правленіе распорядилось, чтобы проф. Делявинь, съ садовникомъ Цетлеромъ и адъюнктомъ архитектуры Васильевымъ, представили къ ближайшей субботѣ, утромъ 29 іюля, планъ сада, чтобы его можно было отправить того же числа къ попечителю; кассиру университетскому былъ отданъ приказъ заготовить нужные матеріалы для обнесенія плетнемъ остальныхъ сторонъ сада; наконецъ, по предложенію проф. Умляуфа, рѣшено было запросить проживавшаго въ Кіевѣ аптекаря Бунге, не согласится ли онъ сдѣлаться коммиссіонеромъ Харьковскаго университета и на какихъ условіяхъ [1]). Въ томъ же іюлѣ мѣсяцѣ гр. Потоцкій прислалъ письмо проф. Делявиню, въ которомъ просилъ 1) чтобы все мѣсто, занятое садомъ, было обнесено хотя какою-нибудь оградой для защиты отъ скота, 2) чтобы сдѣланъ былъ прежде всего генеральный планъ сада, дабы впослѣдствіи не производить передѣлокъ и поправокъ, что обыкновенно случается, когда начинаются работы наудачу; онъ, попечитель, оставилъ раньше легкій абрисъ плана, а теперь посылаетъ другой, но проситъ не стѣсняться имъ и прислать нѣсколько другихъ плановъ, чтобы остановить свой выборъ на лучшемъ, но необходимо, прибавлялъ онъ, поспѣшить съ планомъ, чтобы имѣть возможность приготовить землю къ посадкамъ; желательно также было бы получить, писалъ попечитель, 2 или 3 рисунка рѣшетокъ, на половину кирпичныхъ, на половину деревянныхъ, выкрашенныхъ черною краскою подъ цвѣтъ желѣза, съ хорошими по срединѣ воротами (главный входъ съ большой дороги), а также списокъ сѣмянъ и растеній, которыя нужно выписать изъ Вѣны и Берлина. Правленіе приняло мѣры, соотвѣтствовавшія выраженнымъ въ этомъ письмѣ желаніямъ попечителя. Получивъ планъ отъ проф. Делявиня, гр. С. О. Потоцкій въ общемъ его одобрилъ, но сдѣлалъ рядъ мелкихъ замѣчаній, свидѣтельствующихъ о томъ, что онъ былъ тонкій знатокъ и любитель этого дѣла (письмо относится къ 21 августу). Профессорскій домъ нужно было, по мнѣнію графа, подвинуть къ сторонѣ университетскаго зданія, ибо, находясь по серединѣ, онъ отнимаетъ видъ у сада, который долженъ быть совершенно открытъ; на другой же сто-

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1805 г., іюль—декабрь; засѣданіе 24 іюля.

ронѣ къ городу можно будетъ современемъ поставить кофейный домъ. Предположеніе проф. Делявиня обнести садъ живой оградой онъ одобряетъ, но съ лицевой стороны нужно сдѣлать полисадъ или рѣшетку хорошей работы (une jolie grille), которая придастъ ему великую красоту и черезъ которую будетъ входъ для публичнаго гулянья. Желательно, чтобы въ нынѣшнемъ еще году успѣли сдѣлать 5 аллей, изъ коихъ средняя должна быть шире другихъ. Но занимаясь этой работой, не слѣдуетъ упускать изъ виду находящіеся въ разныхъ мѣстахъ сада боскеты; если ихъ нѣсколько обдѣлать, привести въ лучшее состояніе, провести между ними небольшія усыпанныя пескомъ англійскія дорожки, то эти рощицы будутъ представлять очень хорошій видъ и эта работа, въ виду ея легкости, можетъ быть исполнена еще нынѣшнимъ лѣтомъ, а ему, попечителю, будетъ очень пріятно увидѣть все это, когда онъ пріѣдетъ въ концѣ зимы въ Харьковъ [1]. Въ сентябрѣ гр. С. О. Потоцкій снова обращается въ университетъ съ бумагой, въ которой между прочимъ подаются разные совѣты относительно покупки для ботаническаго сада сѣмянъ и растеній г. Босса, а также въ Берлинѣ и Дессау, гдѣ очень много сѣвероамериканскихъ породъ [2]. Въ концѣ сентября, согласно предложенію проф. Делявиня, былъ командированъ для осмотра окрестныхъ лѣсовъ и доставки деревьевъ адъюнктъ Каретниковъ, который долженъ былъ разыскать, по списку, составленному проф. Делявинемъ, 660 экземпляровъ деревьевъ и 5700 экз. кустарниковъ; въ этомъ спискѣ фигурируютъ—Quercus robur, Fratinus excelsior, Acer platanoides, Acer pseudoplatonus, Populus tremula, Populus alba, Populus nigra, Ulmus campestris и др.; больше всего (5000 экз.) проф. Делявинь хотѣлъ имѣть Crataegus oxyacautha. На путевые расходы и на уплату за деревья Каретниковъ получилъ 200 р., причемъ всѣ расходы долженъ былъ вписывать въ данную ему шнуровую книгу; въ случаѣ отсутствія указанныхъ породъ онъ могъ пополнить свою коллекцію болѣе простыми видами [3]. 11 сентября графъ С. О. Потоцкій прислалъ въ университетъ письмо, полученное имъ отъ графини Александры Васильевны Браницкой и просилъ о немедленной командировкѣ садовника Цетлера въ ея имѣніе Бѣлую Церковь. Графиня А. В. Браницкая писала Потоцкому: „имѣвъ честь получить письмо ваше отъ 17-го іюля, поспѣшаю увѣрить васъ, милостивый государь, что мнѣ весьма пріятно будетъ произведеніе моего сада раздѣлить съ садомъ Харьковскаго университета. Выборъ деревъ для сего отдаю я на волю садовника, кото-

---

[1] Ibidem, засѣданіе 7 сентября.

[2] Ibidem, засѣданіе 11 сентября.

[3] Ibidem, засѣданіе 21 сентября.

рый будетъ отъ васъ присланъ, предоставляя себѣ только удовольствіе немедленно увѣдомить васъ о томъ, что имъ будетъ избрано и отправлено въ Харьковъ". Графъ С. О. Потоцкій совѣтовалъ въ виду этого поскорѣе отправить Цетлера съ какимъ-нибудь помощникомъ въ Бѣлую Церковь, съ тѣмъ чтобы они забрали оттуда деревья и если будутъ проѣзжать черезъ Нѣжинъ, то посадили бы тамъ, на мѣстѣ, отведенномъ подъ гимназію, нѣкоторое количество тополей. Что касается составленнаго Цетлеромъ плана ботаническаго сада, то онъ, по мнѣнію попечителя, доказывалъ плохое знакомство его съ англійскими садами и ихъ украшеніями; а такъ какъ расположеніе сада графини Браницкой доведено до возможной степени совершенства, то ему, Цетлеру, представлялась теперь возможность внимательно изучить этотъ послѣдній, съ тѣмъ чтобы по образцу его устроить университетскій. Правленіе рѣшило выдать на расходы Цетлеру 350 руб., прикомандировать къ нему въ помощь канцелярскаго служителя Анадольскаго и снабдило ихъ подробною инструкціей, въ которой, между прочимъ, говорилось, чтобы Цетлеръ выкапывалъ изъ сада только тѣ деревья, которыя въ тогдашнее холодное время года не боялись бы перевозки, остальнымъ же онъ долженъ былъ сдѣлать только списокъ и представить его правленію, а копію съ него оставить садовнику графини, съ тѣмъ чтобы ихъ взять потомъ весною хотя бы и въ отсутствіе этой послѣдней. Въ заключеніе правленіе предлагало совѣту внести имя графини Браницкой въ списокъ благотворителей Харьковскаго университета [1]). Привезенныя Цетлеромъ деревья были завернуты въ солому и оставлены на зиму въ сараѣ.

При исполненіи мѣропріятій, намѣченныхъ попечителемъ, встрѣтились впрочемъ неожиданныя затрудненія. Когда стали копать ямы для посадки деревьевъ, въ полуаршинѣ глубины отъ поверхности почвы оказался столь твердый и плотный слой глины, что работникамъ понадобилось бы въ 10 разъ болѣе времени на работу, чѣмъ предполагалось раньше; проф. Делявинъ счелъ нужнымъ донести объ этомъ правленію и просилъ разрѣшенія вывозить эту глину для предположенныхъ университетскихъ построекъ, а вмѣсто нея подсыпать черную землю. Правленіе рѣшило подождать еще отзыва по этому дѣлу садовника Цетлера, какъ лица, практически знакомаго съ садоводствомъ, а также сдѣлать на мѣстѣ должный осмотръ [2]). Цетлеръ съ своей стороны далъ отзывъ, что глинистая почва сада не годится для посадокъ и должна быть смѣшана съ черноземомъ, пескомъ и известковой землей. Несовсѣмъ удачной оказалась и экскурсія адъюнкта Каретникова по окружающимъ

---

[1]) Ibidem; засѣданіе 25 сентября.

[2]) Ibidem; засѣданіе 5 октября.

лѣсамъ. Ему не удавалось выкапывать деревьевъ, потому что на это не послѣдовало разрѣшенія казенныхъ лѣсничихъ; поэтому онъ долженъ былъ поѣхать за этимъ разрѣшеніемъ въ Зміевъ и только послѣ этого отправилъ въ Харьковъ небольшое количество деревьевъ; но и они оказались негодными для посадки, потому что корни у нихъ были обрублены у самого ствола; за эту небрежность и недосмотръ правленіе сдѣлало Каретникову выговоръ [1]).

Между тѣмъ гр. Потоцкій, одобривъ ходъ дѣла по доставкѣ деревьевъ изъ Бѣлой Церкви, выразилъ неудовольствіе по поводу медленнаго хода работъ въ самомъ саду. „Что касается до работъ, производящихся въ саду, писалъ онъ, то нѣсколько удивительно мнѣ, что производство ихъ имѣетъ весьма медленный ходъ. Я полагалъ, что ямы, въ которыхъ должно садить деревья, давно уже приготовлены, судя по времени предложенія, даннаго мною по сему предмету, но къ сожалѣнію усмотрѣлъ нынѣ, что университетъ не приступалъ еще къ сей работѣ; начавшіеся же морозы сдѣлаютъ теперь великое въ томъ помѣшательство. Если бы они приготовлялись въ хорошее время, то работа была бы окончена скорѣе и слѣдовательно съ меньшими издержками. Притомъ знатоки въ садоводствѣ утверждаютъ, что вырытыя ямы могутъ стоять цѣлое лѣто не закрытыми и что окружающая ихъ земля не только не подвержена какому-либо поврежденію, но отъ стекающаго въ нихъ дождя и дѣйствія атмосферы становится гораздо лучше и плодороднѣе. По симъ причинамъ надѣюсь я, что университетъ впредь въ подобныхъ случаяхъ не оставитъ произвести таковыя работы въ свое время“ [2]). Въ другомъ письмѣ онъ заявляетъ, что лично посѣтитъ Харьковъ и при этомъ добавляетъ: „я постараюсь поспѣшить прибытіемъ моимъ въ Харьковъ, дабы имѣть время принять дѣятельнѣйшія мѣры къ устроенію университетскаго сада и чтобы съ наступающею весною немедленно начать въ немъ разсаживаніе аллей и рощей; а какъ для этого нужно будетъ достаточное число работниковъ, то университетъ имѣетъ пріискать и нанять ихъ къ тому времени и предварительно приготовить нужныя къ тому деревья, дабы немедленно заняться этими работами. Хотя производство ихъ потребуетъ значительной суммы, но какъ дѣло это необходимо и неминуемо должно быть, конечно, то лучше пожертвовать ее вдругъ, чтобы удобнѣе можно было явить какіе-либо плоды нашихъ занятій, долженствующіе принести университету ощутительную пользу и въ то же время доставить тамошней публикѣ совершенное удовольствіе. Что же касается до предположенія, будто земля

---

[1]) Ibidem.

[2]) Ibidem; засѣданіе 6 ноября.

тамъ неудобна къ садоводству, то я весьма въ томъ сомнѣваюсь, видя повсюду въ окрестностяхъ Харькова сады въ такомъ положеніи, въ какомъ дозволяютъ имъ быть прилагаемыя о нихъ старанія. Я сужу, что на землѣ и нашего сада удобно могутъ расти деревья и разнаго рода растенія, тамошнему климату свойственныя, тѣмъ болѣе, когда будутъ приложены къ воспитанію и содержанію ихъ тщательныя попеченія" [1]. Изъ представленныхъ нами писемъ графа Потоцкаго ясно видно, какъ сильно онъ былъ увлеченъ устройствомъ ботаническаго сада; и, конечно, этимъ увлеченіемъ нужно объяснить то недовѣріе, которое онъ высказалъ въ послѣднемъ письмѣ къ заявленію проф. Делявиня и садовника Цетлера о непригодности глинистой почвы сада для посадокъ.

Въ 1806 году попечитель дѣйствительно два раза посѣтилъ Харьковъ: одинъ разъ въ мартѣ—апрѣлѣ, другой — въ августѣ—сентябрѣ. Между прочимъ, относительно университетскаго сада онъ предложилъ построить въ 1806 году по утвержденному имъ плану оранжереи и теплицы и часть каменной ограды съ таковыми же воротами [2]. И это было исполнено. Въ теченіе 1806 года вообще въ саду были сдѣланы слѣдующія работы: происходила посадка деревьевъ, приготовлено было мѣсто для собственно ботаническаго сада; начата постройкой каменная оранжерея длиною въ 40, а шириною въ 10 арш.; на большой Сумской дорогѣ, съ лицевой стороны сада, построена часть каменной съ деревяннымъ палисадомъ ограды, съ каменными же воротами посерединѣ; для поливки посадокъ выкопано два колодца—одинъ въ верхней части сада подлѣ мѣста назначеннаго для фруктовой школы (глубиною въ 12 саж.), другой—внизу подлѣ каменной оранжереи (глубиною въ 5 саж.); получено было частію за деньги, частію въ даръ значительное количество деревьевъ, кустарниковъ, травъ и сѣмянъ, а также пріобрѣтено много орудій; для сбереженія растеній въ теченіе зимы нанято каменное строеніе аптекаря Пискуновскаго [3]. Иниціаторомъ и душею дѣла попрежнему былъ гр. С. О. Потоцкій. Въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго предложенія его на имя правленія. „Для лучшаго руководства въ работахъ, долженствующихъ быть въ саду, я почелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія относительно ихъ. Впрочемъ если университетъ найдетъ какое-либо затрудненіе или неудобство въ исполненіи ихъ, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, то можетъ мнѣ представить объ ихъ перемѣнѣ: 1) Поставить огорожу, отступя сколько будетъ можно, чтобы она составляла прямую линію, съ будущимъ университетскимъ

---

[1] Ibidem; журналы правленія 1806 г., январь—іюнь; засѣданіе 22 января.

[2] Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ".

[3] Ibidem.

строеніемъ. 2) Сдѣлать рѣшетку и ворота по утвержденному фасаду, исключая желѣзныхъ дверей, которыя оставить впредь до разрѣшенія. 3) Эта рѣшетка должна имѣть на каждой сторонѣ воротъ отъ 7 до 10 пряселъ или звеньевъ. 4) При входѣ въ саду оставить отъ рѣшетки порожнее мѣсто въ видѣ полуциркуля или лучше элипса, въ которомъ бы удобно можно было помѣстить по крайней мѣрѣ отъ 10 до 12 каретъ кромѣ дрожекъ. 5) Совершенно сравнять и удобрить землю, назначенную подъ ботаническій садъ и если потребуется глина, то брать ее изъ горы, близь которой будетъ оранжерея, а черноземъ — съ самаго низу, благодаря чему мало по малу приготовится тамъ каналъ, полезный во многихъ отношеніяхъ. 6) По окончаніи этихъ работъ сдѣлать два рва, изъ коихъ первый будетъ отдѣлять ботаническій садъ отъ верхняго или променада и будетъ служить ему защитою отъ стекающей въ него воды, а другой на концѣ сада на означенномъ мѣстѣ отъ угла улицы до самаго низу, проведя его по прямой линіи; причемъ надобно устроить такъ, чтобы первый имѣлъ достаточную покатость для удобнаго стеченія воды. 7) Сдѣлать одинъ колодезь при оранжереѣ, другой — внизу ботаническаго сада, а третій, если не слишкомъ дорого стоить будетъ — на самомъ концѣ большой аллеи по лѣвую сторону. Если этотъ послѣдній будетъ сдѣланъ, то вырываемую изъ него землю насыпать на аллею. 8) Приготовить для посадки деревьевъ и кустарниковъ ямы на томъ мѣстѣ, гдѣ поставлены колышки, разстояніемъ одна отъ другой аршина на 1½ или на 2, наблюдая при томъ, чтобы онѣ были не въ прямой линіи; дорожекъ же между ними не дѣлать до моего пріѣзда; причемъ нужно также заготовить довольное количество чернозему; такъ какъ въ серединѣ куртинъ сажаютъ обыкновенно бо́льшіе кустарники, а по краямъ меньшіе, то и ямы должны быть вырыты въ серединѣ бо́льшія, а по краямъ меньшія. Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Харькова садовникъ Цетлеръ объявилъ мнѣ, что онъ не можетъ остаться въ семъ городѣ. По сему если подастъ онъ прошеніе объ увольненіи его отъ должности, то университетъ имѣетъ объявить ему, что онъ никого силою держать не можетъ, а потому и онъ получитъ увольненіе, только по прошествіи 6 недѣль отъ дня подачи просьбы, дабы въ это время университетъ могъ пріискать другого на его мѣсто; при семъ просилъ онъ a) выдать ему на путевыя издержки: b) оставить ему нѣкоторыя ботаническія книги, полученныя имъ отъ анштета и c) заплатить за сѣмена и растенія, которыя онъ привезъ съ собою и за которыя университетъ дѣйствительно ничего не платилъ; хотя на требованіе первыхъ двухъ статей не имѣетъ онъ никакого права, но какъ эти сѣмена и растенія оставляетъ онъ въ пользу

университета, то можно ему какъ въ вознагражденіе его, такъ и для поощренія къ дальнѣйшимъ трудамъ, пока будетъ оставаться на этомъ мѣстѣ, выдать по усмотрѣнію университета нѣкоторую сумму на путевыя издержки по соразмѣрности стоимости упомянутыхъ растеній, и оставить у него нѣкоторую часть означенныхъ книгъ“ [1]. Осмотрѣвъ лично университетскій садъ, гр. С. О. Потоцкій остался недоволенъ произведенными въ немъ работами и выразилъ это въ слѣдующемъ письмѣ: „отъ 19-го прошлаго февраля, писалъ С. О. Потоцкій, далъ я университету замѣтить, что издержки, сдѣланныя имъ для ботаническаго сада показались мнѣ довольно значительны, тѣмъ болѣе что изъ донесеній его не можно было усмотрѣть, чтобы успѣхи работъ были соразмѣрны употребленной для нихъ суммѣ. Обозрѣвъ нынѣ всѣ сіи работы, въ прошломъ году произведенныя, нахожу я, что съ одной стороны университетъ прилагалъ великое о садѣ попеченіе и что производство ихъ дѣйствительно могло стоить таковыхъ издержекъ, но съ другой стороны не могу не замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ работъ не только не приносятъ какой либо пользы, но даже вредны для хорошаго расположенія сада и потому употребленныя на нихъ издержки совсѣмъ безполезны. Университетъ хотя не имѣлъ утвержденнаго плана, но тѣмъ не менѣе зналъ, что намѣреніе мое было устроить сей садъ въ англійскомъ вкусѣ. Я имѣлъ въ томъ два вида: во 1-хъ, что въ семъ случаѣ можно пользоваться всякимъ мѣстоположеніемъ и особенно находящеюся на нихъ рощею, размѣщая и умножая въ ней иностранныя деревья и кустарники, кои желательно и возможно перенести въ здѣшній климатъ; во 2-хъ, потому что устроеніе англійскаго сада, принаровленное къ естественному мѣстоположенію, самое удобное и слѣдовательно съ меньшими издержками соединенное. Но университетъ, при назначеніи работъ, кажется, упустилъ это изъ виду, опредѣливъ столь великое пространство вспахать, низкія мѣста насыпать, а возвышенныя уравнивать; онъ не взялъ на замѣчаніе, что сіи возвышенія и пригорки, оставаясь въ прежнемъ своемъ положеніи, не только бы не портили, но, составляя разнообразныя виды, необходимыя для англійскаго сада, могли бы сами собой служить нѣкоторымъ украшеніемъ. По сему рекомендую университету какъ до утвержденія плана ботаническаго

[1]) Садовникъ Цетлеръ недавно передъ тѣмъ подалъ гр. С. О. Потоцкому прошеніе, въ которомъ ходатайствовалъ о разныхъ льготахъ для себя. Часть ихъ попечитель, какъ это можно видѣть изъ отвѣта его Цетлеру, готовъ былъ удовлетворить, но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ обучилъ садоводству нѣсколькихъ учениковъ и работниковъ, которые могли бы быть полезны какъ для университета, такъ и для мѣстныхъ помѣщиковъ. (Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1806 года, январь—іюнь; засѣданіе 23 апрѣля).

сада, такъ и послѣ этого въ распоряженіяхъ работъ—1) стараться воспользоваться самымъ естественнымъ положеніемъ земли, находящейся подъ садомъ; 2) производить издержки съ возможною бережливостью, избѣгая всячески излишняго уравниванія неровныхъ мѣстъ, исключая только тѣхъ, которыя предназначены для школы садоводства и собственно для ботаническихъ растеній". Изъ справокъ, приведенныхъ правленіемъ и приложенныхъ къ настоящему письму попечителя, можно впрочемъ убѣдиться, что онъ былъ не совсѣмъ правъ въ своихъ упрекахъ; правленіе и администрація сада дѣйствовали съ одобренія графа Потоцкаго и предварительно сообщали ему о всѣхъ своихъ предпріятіяхъ (въ томъ числѣ писали ему и о вспахиваніи земли въ саду); предпринятыя въ саду работы правда обошлись очень дорого—60 землекоповъ съ 30 телѣгами стоили въ мѣсяцъ до 2000 руб.—но самъ попечитель, какъ мы знаемъ, просилъ университетъ нанять побольше рабочихъ и не бояться единовременной затраты на это средствъ [1]). Осенью 1806 года гр. С. О. Потоцкій прислалъ въ правленіе слѣдующее письмо, „при распоряженіяхъ, прежде мною сдѣланныхъ въ разсужденіи сада, я забылъ упомянуть, что желательно было бы посадить вверху оранжереи 200 молодыхъ сосенъ и елей; онѣ вѣрно тамъ примутся. Я видѣлъ этому примѣръ въ Ляличахъ; тамъ пересажена осенью цѣлая роща сего рода деревьевъ,—и всѣ принялись чрезвычайно хорошо. Сія чаща сосенъ и елей будетъ началомъ къ насажденію другихъ обыкновенныхъ деревьевъ и можетъ быть нѣкоторымъ украшеніемъ нашего сада. Обѣщанныя сѣмена Василіемъ Назаровичемъ (Каразинымъ), вѣроятно, не заключаютъ въ себѣ всѣ роды деревьевъ и кустарниковъ, тамошнему краю свойственныхъ; для сего нужно стараться доставить оныя частнымъ образомъ или отъ другихъ помѣщиковъ или отъ форшмейстеровъ, хотя бы это стоило нѣсколько десятковъ рублей; симъ способомъ мы будемъ имѣть современемъ собственную школу деревьевъ и кустарниковъ, кои могутъ рости въ тамошнемъ климатѣ" [2]).

Въ 1807 году въ университетскомъ саду весною было 30 человѣкъ землекоповъ, занимавшихся тамъ и раньше. Они выполнили слѣдующія работы: вырыли ровъ, отдѣляющій ботаническій садъ съ сѣвера отъ университетскаго мѣста; выкопали болѣе 3000 ямъ для посадокъ деревьевъ; вырыли внизу между ботаническимъ садомъ и рѣкою Лопанью водоемъ длиною въ 60, а шириною въ 3½ саж. Прочія работы въ саду выполняли три годовыхъ работника и одинъ ученикъ подъ наблюде-

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1806 года, январь—іюнь; засѣданіе 30 апрѣля.

[2]) Ibidem; іюль—декабрь; засѣданіе 8 октября.

ніемъ садовника и его помощника. Въ саду въ это время было сдѣлано значительное количество посадокъ, а именно: на пустыхъ мѣстахъ посажено, согласно предложенію попечителя, 10540 лѣсныхъ деревьевъ и кустарниковъ, 1000 шелковицъ, подаренныхъ аптекаремъ Пискуновскимъ, 630 фруктовыхъ деревьевъ, купленныхъ университетомъ, разныя иностранныя растенія, присланныя въ 2-хъ ящикахъ попечителемъ. Сверхъ того получено было — отъ марбургскаго профессора Меренса выписанныя отъ него по порученію университета адъюнктомъ Шмерфельдомъ 434 сорта разныхъ сѣмянъ; отъ директора училищъ екатеринославской губерніи сѣмена китайскаго ревеня; отъ барона Биберштейна сѣмена крымскихъ растеній; куплены у иностранца Вейса и посѣяны сѣмена разныхъ сортовъ деревьевъ южнаго края; доставлено директоромъ училищъ воронежской губ. два мѣшечка сѣмянъ липы и акацій; получено значительное количество сѣмянъ отъ попечителя и изъ г. Риги. Энергично воздвигались также и постройки: каменная оранжерея покрыта была листовымъ желѣзомъ, и въ ней сдѣланы къ окнамъ рамы; продолжалась постройка каменной ограды; по предложенію попечителя, построенъ въ университетскомъ саду для профессора ботаники вчернѣ одноэтажный домъ (длиною въ 30, шириною въ 26 аршинъ) съ необходимыми службами и, наконецъ, начата постройкой по плану, одобренному попечителемъ, бесѣдка [1]).

Въ 1808 году устройство англійскаго сада, согласно предложенію попечителя, было поручено проф. Стойковичу, а собственно ботаническаго—проф. Делявиню; но работы подвигались, повидимому, менѣе энергично, чѣмъ прежде; по крайней мѣрѣ въ отчетѣ говорится о нихъ въ общихъ выраженіяхъ и только замѣчено, что противъ оранжереи устроено было 4 парника [2]). Это также подтверждается косвенно и заявленіемъ проф. Делявиня, который указывалъ на разныя неустройства и неисправности въ ботаническомъ саду, а именно: 1) садъ ни съ одной стороны не огороженъ какъ слѣдуетъ; на сѣверѣ и югѣ изгородь обваливается; на востокѣ ворота у рѣшетки неплотно затворяются, такъ что въ нихъ свободно можетъ ходить скотъ; 2) солдаты, приставленные къ саду, не исполняютъ въ точности своего дѣла; одинъ изъ нихъ всегда почти бываетъ пьянымъ, а другой, за старостію или слѣдуя приказаніямъ смотрителя Макарова, не можетъ болѣе заниматься своею должностію; 3) садовникъ Стровальдъ живетъ почти за версту отъ сада, а его помѣщеніе въ саду занимаетъ Макаровъ; 4) работники, живущіе въ саду, равно какъ и казакъ, держатъ у себя и позволяютъ бродить

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ".

[2]) Ibidem.

по саду разнымъ животнымъ, которыя истребляютъ растенія. Поэтому онъ, Делявинъ, проситъ это исправить. Всѣ эти указанія были признаны основательными и противъ неустройствъ приняты мѣры, рекомендованныя проф. Делявинемъ [1]).

Что касается построекъ, то онѣ продолжались попрежнему: была закончена отдѣлкой оранжерея и въ нее перенесены всѣ тѣ тепличныя растенія, которыя до того времени находились въ университетскомъ флигелѣ, въ ротундѣ и оранжереѣ харьковскаго аптекаря Пискуновскаго; каменная ограда была оштукатурена, рѣшетка на ней выкрашена и поставлены ворота; закончена отдѣлка дома и службъ для профессора ботаники Делявиня, но тотъ отказался туда переѣхать, *въ виду нахожденія его на отшибѣ и притомъ внѣ городской черты;* въ виду этого рѣшено было поселить въ немъ садовника и годовыхъ работниковъ; продолжалась постройка бесѣдки; для отдѣленія ботаническаго сада отъ англійскаго сдѣлана рѣшетка съ воротами и двумя калитками [2]).

Въ 1809, 1810 и 1811 годахъ заботы по части устройства и обогащенія сада повидимому уменьшились; въ это время только прислано было отъ попечителя изъ Петербурга небольшое количество сѣмянъ, куплено нѣсколько деревьевъ и кустарниковъ, привезено садовникомъ Бартельсомъ нѣкоторое количество сѣмянъ изъ ботаническаго сада гр. А. К. Разумовскаго въ Горенкахъ, въ оранжерею доставленъ барометръ, окончательно достроена бесѣдка и выстроены новыя каменныя ворота (вмѣсто прежнихъ, признанныхъ попечителемъ негодными) и на нихъ поставленъ двойной щитъ съ вензелемъ государя [3]). Заботы и рвеніе уменьшались; но расходы не уменьшались. Между тѣмъ душа всего дѣла гр. С. О. Потоцкій уѣхалъ въ 1811 году на много лѣтъ въ отпускѣ и вовсе не навѣдывался въ Харьковъ; въ университетѣ началась реакція противъ сада, которая нашла себѣ выраженіе и въ правленіи, и въ совѣтѣ. Правленіе вошло въ совѣтъ съ предложеніемъ объ уменьшеніи чрезмѣрныхъ расходовъ на ботаническій садъ. „Еще до открытія университета, писало правленіе, его сіятельство попечитель гр. С. О. Потоцкій предложилъ завести на принадлежащей университету землѣ ботаническій и англійскій сады, какъ для студентовъ, обучающихся ботаникѣ, такъ и для прогулки стороннихъ посѣтителей, на счетъ дворянской суммы слободскоукраинской губерніи. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, исключая издержки, сдѣланныя для заведенія этихъ садовъ,

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1808 г., сентябрь—декабрь, засѣданіе 8 октября.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ".

[3]) Ibidem.

употребляется ежегодно на содержаніе ихъ изъ той же суммы, кромѣ жалованья садовнику, до 4000 р., между тѣмъ какъ по Высочайше утвержденному штату сего университета положено на содержаніе ботаническаго сада только 1000 р. Такъ какъ для содержанія этихъ садовъ въ такомъ состояніи, въ каковомъ они доселѣ содержаны были, потребна столь значительная сумма сверхъ положенной по уставу для ботаническаго сада, то правленіе полагаетъ представить его сіятельству г. министру просвѣщенія и просить разрѣшенія, оставить ли сіи сады въ настоящемъ ихъ состояніи съ производствомъ нужныхъ на нихъ издержекъ изъ дворянской суммы, или уменьшить ихъ такъ, чтобъ кромѣ жалованья садовнику, довольствоваться расходами изъ одной штатной суммы. При семъ слушано и представленіе садовника Бартельса о заготовленіи нужнаго бутоваго камня для фундамента подъ новую оранжерею, дабы будущимъ лѣтомъ можно было начать постройку ея для помѣщенія умножающагося числа растеній. По справкѣ-жъ оказалось, что на постройку новой оранжереи нѣтъ еще разрѣшенія отъ вышняго начальства". Рѣшили донести обо всемъ министру народнаго просвѣщенія и просить у него разрѣшенія на постройку второй деревянной оранжереи [1]). Въ отвѣтъ на это послѣдовалъ очень рѣзкій отзывъ министра гр. А. К. Разумовскаго. „Сады при университетахъ, писалъ онъ, учреждаются не съ тѣмъ, чтобы они служили для прогулки стороннихъ посѣтителей, но съ тѣмъ чтобы имѣть въ нихъ растенія для показанія студентамъ, при наставленіи ихъ въ ботаникѣ; и потому одни только ботаническіе сады могутъ приносить и для университетовъ существенную пользу. Не отвѣтствуя за распоряженія, до вступленія моего въ настоящее званіе сдѣланныя, для заведенія и содержанія англійскаго при Харьковскомъ университетѣ сада, стоющаго ему непомѣрныхъ суммъ, предлагаю правленію прекратить на него всѣ издержки, а вмѣсто того пещись болѣе объ устройствѣ ботаническаго сада, употребляя на него сумму по штату положенную, кромѣ жалованья, производимаго садовнику. Что касается до постройки въ немъ еще одной оранжереи, я согласенъ на это, если то считается необходимымъ". Правленіе постановило руководствоваться въ будущемъ этими указаніями, а чтобы не запускать аллей и дорожекъ, сдѣланныхъ въ англійскомъ саду, (что было бы не прилично) исправлять ихъ на деньги, которыя будутъ выручаться за сѣно, скашиваемое въ университетскомъ саду [2]). Вторая (деревянная) оранжерея начата была постройкой въ слѣдующемъ 1812 г.

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 3 октября.

[2]) Ibidem; засѣданіе 20 ноября.

Такой оборотъ приняло дѣло устройства университетскаго сада, съ отъѣздомъ изъ Петербурга попечителя С. О. Потоцкаго. Рѣзкое замѣчанiе министра въ сущности направлено было не по настоящему адресу: оно всецѣло должно было относиться къ гр. С. О. Потоцкому, а не къ правленiю или совѣту Харьковскаго университета. Изъ приведенныхъ нами въ большомъ изобилiи документальныхъ данныхъ видно, что мысль о раздѣленiи университетскаго сада на ботаническiй и англiйскiй принадлежала попечителю, который былъ вообще инициаторомъ всѣхъ мѣръ, клонившихся къ его первоначальному устройству и украшенiю. Можно сказать, что тутъ онъ доходилъ даже до крайностей, являлся слишкомъ властнымъ въ своихъ распоряженiяхъ, забывалъ, что садъ является однимъ изъ учебновспомогательныхъ учрежденiй университета, который несъ за него нравственную и матерiальную отвѣтственность и потому долженъ былъ имъ распоряжаться. Впрочемъ едвали былъ вполнѣ правъ и министръ народнаго просвѣщенiя, заявившiй, что университетъ долженъ былъ заботиться только о ботаническомъ садѣ. Одна крайность вызвала другую: излишнiя заботы гр. С. О. Потоцкаго объ англiйскомъ отдѣленiи университетскаго сада, предназначенномъ для публики, вызвали слишкомъ крайнее мнѣнiе гр. А. К. Разумовскаго, что университету не нужно было принимать во вниманiе „этихъ стороннихъ посѣтителей“. Въ дѣйствительности же, *по мѣстнымъ условiямъ*, которыхъ совершенно не принялъ во вниманiе министръ народнаго просвѣщенiя, да *и въ интересахъ самого университета*, нельзя было игнорировать и той части сада, которая предназначалась для публики. Дѣло въ томъ, что всѣ затраты на садъ дѣлались изъ суммъ „патрiотическаго приношенiя“, а не изъ штатныхъ ассигновокъ, и даже можно сказать, что самое поступленiе этихъ сборовъ находилось въ связи съ тѣмъ, на что они расходовались. Между прочимъ постановлено было въ интересахъ болѣе исправнаго поступленiя суммъ тратить ихъ не на текущiя нужды, а на фундаментальныя сооруженiя (въ томъ числѣ и на устройство сада). Такова была мысль С. О. Потоцкаго и она имѣла за собою большiя основанiя. Но мало того: разводя на прежнихъ пустыряхъ садъ, С. О. Потоцкiй дѣйствовалъ несомнѣнно въ интересахъ университета, въ особенности если мы припомнимъ, что здѣсь вскорѣ должны были появиться всѣ зданiя новаго университета. Своими заботами о насажденiи сада гр. С. О. Потоцкiй поднялъ цѣнность и значенiе этихъ пустопорожнихъ земель и привелъ часть ихъ въ то культурное состоянiе, которое сдѣлалось залогомъ ихъ нынѣшняго цвѣтущаго состоянiя. И теперь этотъ „англiйскiй“ садъ С. О. Потоцкаго, съ его аллеями, рощицами и бесѣдкой служитъ главнымъ образомъ для „стороннихъ посѣтителей“,—

а между тѣмъ никто не находитъ этого страннымъ! Всякій считаетъ вполнѣ естественнымъ, что, при полномъ почти отсутствіи въ Харьковѣ общественныхъ садовъ, излюбленнымъ мѣстомъ для публики является университетскій садъ.

Учебно-вспомогательныя учрежденія медицинскаго факультета, въ противоположность физико-математическому, были весьма немногочисленны: количество ихъ далеко не соотвѣтствовало требованіямъ устава, затраты на нихъ были гораздо меньше суммы, положенной по штату. Это объясняется тѣмъ, что медицинскій факультетъ, благодаря недостатку студентовъ, сталъ функціонировать позже другихъ.

Изъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій его въ первое десятилѣтіе были открыты—анатомическій театръ и хирургическій институтъ.

Анатомическій театръ съ кабинетомъ, по словамъ Фойгта, получилъ свое начало въ 1806 году. „Заботливостью перваго профессора и прозектора анатоміи Ванотти пріобрѣтены были нужнѣйшіе инструменты на 28 р., изготовлено 44 препарата и устроено для практическихъ занятій временное помѣщеніе за городомъ на землѣ, уступленной жителями г. Харькова для ботаническаго сада. Въ 1809 году выписаны изъ Лейпцига восковыя изображенія, числомъ 37 на 171 р. Въ 1811 г. профессоромъ Каменскимъ принесены въ даръ кабинету инструменты для налитія кровеносныхъ и лимфатическихъ сосудовъ и куплены разные снаряды на 114 руб. Въ 1812 г. проф. Ванотти умеръ и анатомическій театръ съ кабинетомъ перешли въ вѣдѣніе проф. Книгина, при пособіи особаго прозектора“ [1]). Къ этимъ скуднымъ даннымъ мы можемъ прибавить еще слѣдующія. Заботы о пріисканіи помѣщенія для анатомическаго театра начались еще въ 1805 г., немедленно по пріѣздѣ въ Харьковъ (29 мая) адъюнкта и прозектора Ванотти; тогда же поручено было ему и кассиру университета найти подходящій домъ въ окрестностяхъ Харькова (для перевозки его въ городъ) или въ самомъ городѣ; но всѣ поиски не привели ни къ чему: изъ двухъ домовъ въ Харьковѣ одинъ оказался совершенно негоднымъ, а другого не желали отдать подъ анатомическій театръ хозяева; а домовъ, находившихся въ сл. Люботинѣ и Валкахъ, не хотѣли владѣльцы доставлять на свой счетъ въ Харьковъ.

Поиски готоваго дома продолжались и въ слѣдующемъ году, но также безуспѣшно. Тогда, наконецъ, правленіе рѣшилось приспособить подъ анатомическій театръ путемъ пристройки одинъ изъ обывательскихъ домиковъ, оставшихся въ ботаническомъ саду, снабдивъ его инстру-

---

[1]) Ист. ст. зап., стр. 97—98.

ментами и необходимою мебелью; инструментовъ было куплено на 100 р., посуды и другихъ вещей на 128 р. Трупы стали доставляться туда, по предписанію губернатора, съ 15-го октября. Губернаторъ распорядился, чтобы въ анатомическій театръ доставлялись трупы самоубійцъ, которые не могли быть погребаемы по христіанскому обряду, и найденныхъ на улицѣ неизвѣстныхъ лицъ. Университетъ съ своей стороны объяснилъ, что на первый разъ онъ совершенно удовлетворится 5 трупами [1]). Столь скромны были размѣры дѣятельности этого учрежденія. Въ 1808 г. туда доставлено было только небольшое количество стеклянной посуды и матеріалы для изготовленія препаратовъ. Съ декабря 1811 года въ немъ стали производиться „анатомическія операціи“ [2]).

Что касается клиникъ, то учрежденіе ихъ относится къ самому концу изучаемаго нами періода: въ 1814 году была открыта хирургическая, въ 1815 г.—терапевтическая клиника. Дѣятельность *хирургической клиники* была болѣе чѣмъ скромная: она помѣщалась въ одномъ изъ флигелей университетскаго двора и въ ней было всего 6 кроватей и въ теченіе года 26 больныхъ. Директоромъ клиники былъ проф. хирургіи Шумлянскій, а врачемъ—адъюнктъ Колумна-Вигура; инструментовъ и матеріаловъ для нея было выписано на 1865 руб. Позднее открытіе ея объясняется тѣмъ, что правильное чтеніе лекцій на медицинскомъ факультетѣ началось въ 1811 г. и, слѣдовательно, студенты только въ 1814 г. почувствовали необходимость къ клиническихъ занятіяхъ [3]).

Если къ этому присоединить *фармацевтическую лабораторію*, которая пріютилась въ химической и была обязана своимъ происхожденіемъ адъюнкту *Болгаревскому*, то мы исчерпаемъ этимъ всѣ учебно-вспомогательныя учрежденія медицинскаго факультета въ періодъ времени съ 1805 г. по 1815-й годъ.

До сихъ поръ мы говорили объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, касавшихся преподаванія наукъ; теперь мы сообщимъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно такихъ же учрежденій, имѣвшихъ въ виду преподаваніе *искусствъ* — artes liberales; это были рисовальный, музыкальный, фехтовальный классы и манежъ.

Кабинетъ (или классъ) *рисованія и живописи*. Основаніе ему было положено заботами В. Н. Каразина, пріобрѣвшаго для него бюсты, станки для тисненія картинъ, краски, эстампы и ландшафты. Затѣмъ онъ былъ пополненъ разными хозяйственными принадлежностями и ин-

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1806 г., іюль—декабрь; засѣданіе 22 ноября.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ“.

[3]) Ист. стат. зап., стр. 115.

струментами [1]). Аделунговская коллекція должна была служить нагляднымъ пособіемъ въ рисовальномъ классѣ. Такова была и цѣль ея пріобрѣтенія. Объ этомъ прямо говорится въ отчетѣ: „для рисовальнаго класса куплено университетомъ, согласно предложенію е. с. г. попечителя, собраніе эстамповъ разныхъ школъ, состоящее изъ 2575 листовъ у почетнаго члена сего университета Аделунга за 5000 руб.". Затѣмъ доставлены были изъ Петербурга пріобрѣтенныя въ академіи художествъ попечителемъ 22 гипсовыя фигуры, но отъ худой укладки онѣ при перевозкѣ были сильно повреждены и къ употребленію сдѣлались негодными. Въ даръ отъ гр. С. О. Потоцкаго поступило двѣ картины: одна изъ нихъ изображала Ярослава, дающаго Русскую Правду, другая—Багратіона, отвергающаго предложеніе французскихъ маршаловъ о капитуляціи; куплено было 163 эстампа; выписано изъ Лондона за 250 р. 10 видовъ этого города, 12 раскрашенныхъ видовъ Индіи, 4 тетради постепенныхъ уроковъ рисованія, 3 ландкарты чертежей [2]). Эстампы и рисунки выписаны были по предложенію учителя рисованія Матеса и гравированія Шенфлина. 163 листа эстамповъ стоили 302 р., что въ среднемъ составитъ около 2 руб. за штуку. Въ такую приблизительно цѣну обошлась и коллекція Аделунга (въ ней было около 2500 листовъ, а заплачено было за нее 5000 руб., значитъ въ среднемъ листъ обошелся въ 2 рубля) [3]).

Музыкальный классъ получилъ начало въ 1804 году. Въ теченіе 10 лѣтъ для него было сдѣлано пріобрѣтеній почти на 2400 р. Здѣсь были музыкальные инструменты (скрипки, флейты, фаготы, гобои, кларнеты, віолончель, контрабасъ, литавры, мѣдныя трубы, вальдгорны), ноты (произведенія Жировеца, Плейеля, Гофмейстера, увертюры разныхъ оперъ), матеріалы для выбиванія нотъ и подставки для этихъ послѣднихъ [4]); на починку и содержаніе въ порядкѣ инструментовъ отпускалось въ годъ по 250 р. Всѣ эти инструменты предназначались для казеннокоштныхъ студентовъ [5]).

Былъ еще и *танцовальный классъ*, гдѣ играли особо приглашенные музыканты и получали за это извѣстную плату; сначала играло трое музыкантовъ помѣщика Захаржевскаго съ платою по 200 р. въ годъ, а потомъ нѣкій Головенко съ 2 товарищами [6]).

---

[1]) Ист. ст. зап., стр. 122—123.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. „Исторія дѣлъ".

[3]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1806 г., № по архиву 133, по картону 8.

[4]) Ист. стат. зап., стр. 125—126.

[5]) Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ".

[6]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., январь—апрѣль; засѣданіе 27 января.

Фехтовальный классъ помѣщался въ особой комнатѣ. Начало ему было положено попечителемъ округа гр. С. О. Потоцкимъ въ 1804 г. Для него въ разное время пріобрѣтены были рапиры, маски, перчатки, нагрудники, сабли, клинки (всего на сумму 710 р.) [1]).

Манежъ, по словамъ Фойгта, только предполагали выстроить въ университетскомъ саду, и хотя обученіе студентовъ верховой ѣздѣ началось еще въ 1807 году, но велось съ большими перерывами и безъ правилъ [2]). Учитель фехтованія Ледюкъ вошелъ въ 1809 году съ представленіемъ къ попечителю о заведеніи при университетѣ манежа не только для студентовъ, но и для постороннихъ лицъ дворянскаго происхожденія. Гр. С. О. Потоцкій отнесся къ этому весьма сочувственно, какъ можно видѣть изъ отношенія его въ правленіе. „Такъ какъ сіе заведеніе, писалъ попечитель, можетъ быть полезно для молодыхъ дворянъ здѣшней губерніи, желающихъ посвятить себя военной службѣ, и вообще можетъ вызвать въ дворянствѣ большую привязанность къ университету, то онъ полагалъ бы возможнымъ употребить на заведеніе манежа изъ университетскихъ суммъ отъ 1000 до 1500 р., но подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы предварительно убѣдились въ готовности дворянъ отдать своихъ дѣтей для обученія въ это заведеніе". Правленіе постановило: не предпринимая пока ничего для устройства манежа при университетѣ, затребовать у Ледюка свѣдѣнія, какую цѣну онъ намѣренъ брать со студентовъ и постороннихъ лицъ, желающихъ обучаться верховой ѣздѣ, и затѣмъ отнестись къ губернскому предводителю съ просьбой сообщить объ этихъ условіяхъ харьковскимъ дворянамъ, съ тѣмъ чтобы опредѣлить, кто изъ нихъ захочетъ отдать своихъ дѣтей въ обученіе Ледюку [3]).

Таковы были учебно-вспомогательныя учрежденія Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія. Они поставлены были въ общемъ довольно удовлетворительно. Хорошее впечатлѣніе они произвели и на одного русскаго туриста, проѣзжавшаго въ 1810 году черезъ г. Харьковъ — князя Долгорукаго. „Г. Рижскій, ректоръ университета, пишетъ князь Долгорукій, съ отмѣннымъ доброхотствомъ казалъ намъ любопытное и привлекающее на себя вниманіе. Университетъ помѣщенъ въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, чаятельно, на время (увы! это продолжается до нашихъ дней), потому что онъ не довольно

---

[1]) Ист. стат. зап., стр. 127—128. Подробности о выпискѣ этихъ вещей — Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія 1808—1810 г., № по архиву 376, по картону 20.

[2]) Ист. стат. зап., стр. 129.

[3]) Харьковскій университескій архивъ. Журналы правленія 1809 г., май—августъ; засѣданіе 26 іюля.

*

для сей цѣли обширенъ. Всѣ классы открыты и въ настоящемъ своемъ дѣйствіи. Домъ обогащенъ книгами и разными инструментами; сихъ послѣднихъ на уважительную уже пріобрѣтено сумму, и удачный выборъ есть опытъ трудовъ пекущихся о семъ новомъ заведеніи. Астрономическій классъ, судя по орудіямъ, коимъ его снабдили, есть доказательство того, сколько заботятся объ изученіи полезномъ здѣшняго юношества. Кабинетъ минеральный очень хорошъ. Въ немъ глаза остановятся съ удовольствіемъ на одной штуфѣ, которая представляетъ аматистовую дыню; нѣсколько медалей, по порядку расположенныхъ, и всѣ въ большомъ благоустройствѣ. Типографія въ наилучшемъ порядкѣ. Зала совѣта убрана приличнымъ образомъ: въ ней разставлены прекрасныя произведенія россійскихъ художниковъ: портретъ Государя, потомъ графа Завадовскаго и Потоцкаго. Я видѣлъ мимоходомъ нѣсколько искусственныхъ моделей для класса технологіи. Нельзя не быть довольнымъ симъ возродившимся училищемъ, но сказать должно, что при всемъ усердіи и раченіи тутошнихъ властей, университетъ еще очень молодъ и новость его бытія очевидна повсюду. Никакія усилія наши не сдѣлаютъ того въ одинъ годъ, что дѣлаетъ время и постепенность вѣковъ. Г. Рижскій между прочими рѣдкостями университета показывалъ мнѣ содранную съ дикой женщины въ Америкѣ цѣлую кожу: она отъ времени получила видъ пергамента. Я выпросилъ лоскуточекъ и взялъ его съ собою. Бѣдная женщина! И она, я думаю, нѣкогда нравилась подобному себѣ! Откуда попалась къ нимъ такая добыча, я не могъ доказательно узнать; но ужъ ли въ ученомъ мѣстѣ солгутъ?.!. Попеченіемъ университета разводится ботаническій садъ, на который, разумѣется, казна дала и деньги, и мѣсто. Я въ немъ гулялъ: сказать громкаго ничего нельзя;—новое заведеніе, однако для публики уже изрядная прогулка; есть гдѣ повидаться съ пріятелемъ и часъ времени проводить пріятно. На концѣ широкой аллеи, на выгодномъ мѣстѣ для виду, поставлена бесѣдка съ куполомъ; взоръ изъ нея обнимаетъ весь городъ. Черезъ 20 лѣтъ этотъ садъ будетъ очень хорошъ“ [1]).

Въ заключеніе намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о проэктахъ трехъ неосуществившихся учебновспомогательныхъ учрежденій — о ветеринарномъ институтѣ, опытномъ полѣ и ботаническомъ садѣ въ Крыму.

Профессоръ ветеринаріи Пильгеръ выступилъ въ 1807 году съ проэктомъ устройства ветеринарнаго института на очень широкихъ основаніяхъ. Сущность его предложенія сводилась къ тому, чтобы создать

---

[1]) Славны бубны за горами (Чтенія Моск. Общ. Ист. и древн. 1869, кн. 2-я; стр. 50—53).

учрежденія двоякаго рода: въ однихъ нужно было знакомить слушателей съ жизнью здоровыхъ животныхъ; въ другихъ—лѣчить больныхъ и приготовлять препараты изъ мертвыхъ. Учрежденія перваго рода должны были сосредоточиться въ особомъ хуторѣ: тутъ предполагалось сельское хозяйство, въ особенности посѣвъ кормовыхъ травъ, раціональное скотоводство и коневодство. Для учрежденій 2-го рода нужно было выстроить зоотомическій театръ, клиники и т. п. Факультетъ и совѣтъ одобрили этотъ проэктъ; но ректоръ Стойковичъ доложилъ выдержку изъ письма къ нему попечителя округа, гдѣ гр. С. О. Потоцкій предлагалъ повременить съ этимъ дѣломъ, въ виду того, что подобную школу скотолѣлеченія предполагалось устроить недалеко отъ Харькова—въ г. Лубнахъ (полтавской губ.) [1]). Такъ это дѣло и не вышло изъ области pium desiderium.

Такая же судьба постигла и предложеніе проф. сельскаго хозяйства Нельдехена, объ устройствѣ опытнаго поля, на которомъ онъ предполагалъ вести образцовое сельское хозяйство, съ улучшенными способами обработки, орудіями и сѣменами. Первоначально проф. Нельдехенъ просилъ объ отводѣ ему для такого хутора 30 десятинъ университетской земли—и правленіе соглашалось на это, но потомъ онъ захотѣлъ увеличить его размѣры до 100 десятинъ, что, конечно, должно было бы повести къ увеличенію расходовъ,—и его просьба была отклонена, такъ какъ въ распоряженіи университета было всего 165 десятинъ земли, а между тѣмъ на нихъ предстояло еще устроить всѣ его будущія зданія и учрежденія. Интересенъ взглядъ проф. Нельдехена на значеніе предлагавшагося имъ учебновспомогательнаго учрежденія въ дѣлѣ преподаванія предмета: „безъ сего, писалъ онъ, я никогда не буду въ состояніи исполнять своей должности, какъ бы мнѣ того желалось, и по моему мнѣнію профессоръ сельскаго домоводства, когда не имѣетъ способовъ преподавать практическихъ наставленій своимъ ученикамъ, является совершенно ничтожнымъ твореніемъ“. Мотивируя его необходимость, онъ указывалъ на возможную пользу отъ него, какъ для университета, такъ и для края; дѣло это, по его мнѣнію, должно было оказаться выгоднымъ и въ финансовомъ отношеніи [2]). Трудно сказать въ точности, почему не принятъ былъ проэктъ проф. Нельдехена. Важную роль играли тутъ, несомнѣнно, широкіе размѣры предпріятія, далеко выходившіе за предѣлы университетскаго устава и смѣты; нѣкото-

---

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1807 г., № по арх. 209, по карт. 14.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. Журналы правленія 1811 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 30 октября; 1812 г., январь—апрѣль; засѣданіе 5 февраля.

рое значеніе могло имѣть и недовѣріе къ организатору, какъ иностранцу, незнакомому съ русскою жизнью, къ его дѣятельности на практическо-хозяйственной почвѣ.

Наконецъ, съ очень оригинальнымъ проэктомъ выступилъ въ 1806 году профессоръ ботаники Делявинь: онъ предложилъ совѣту университета устроить особый вспомогательный ботаническій садъ въ Крыму. Его объяснительная записка распадается на двѣ части: въ первой доказывается важность этого предпріятія, во второй—его практическая возможность. Слѣдуетъ сознаться, что аргументація проф. Делявиня очень серьезная и довольно убѣдительная, въ особенности въ 1-й части его записки [1]). Но его проэктъ все таки испыталъ судьбу двухъ предъидущихъ. Это объясняется, по всей вѣроятности, несоотвѣтствіемъ его съ буквою университетскаго устава и отсутствіемъ необходимыхъ для него штатныхъ суммъ [2]).

И такъ, мы дали своимъ читателямъ краткій историческій очеркъ всѣхъ учебновспомогательныхъ учрежденій Харьковскаго университета, за первыя десять лѣтъ его существованія. Какое же о нихъ нужно произнести общее сужденіе? Въ какой мѣрѣ они удовлетворяли своему назначенію? Какъ они были обставлены въ смыслѣ полноты предметовъ, ихъ цѣнности и научной важности? Какъ относились къ нимъ тѣ лица, которымъ они были поручены?

Изъ четырехъ факультетовъ наиболѣе богатъ былъ учебно-вспомогательными учрежденіями физико-математическій—у него были всѣ тѣ кабинеты, какіе требовались уставомъ. Лучше всѣхъ изъ нихъ были обставлены физическій и минералогическій кабинеты; за тѣмъ слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ ботаническій садъ, астрономическій, зоологическій кабинетъ, химическая лабораторія и технологическій кабинетъ. Астрономическій кабинетъ былъ въ достаточной степени снабженъ инструментами, но обсерваторія была совсѣмъ не пригодна для научныхъ цѣлей. Устройство университетскаго сада стоило огромныхъ денегъ, но эти деньги потрачены были не даромъ, а вполнѣ производительно, хотя и слѣдуетъ согласиться съ тѣмъ, что размѣры его далеко превышали размѣры научныхъ потребностей немногочисленной группы студентовъ-естественниковъ и медиковъ. Бѣднѣе всѣхъ были обставлены химическая лабораторія и технологическій кабинетъ. За физико-математическимъ факультетомъ слѣдуетъ, какъ это ни странно, не медицинскій, а

---

1) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта 1806 г., № 60, стр. 113, 120 (записка проф. Делявиня въ совѣтъ Харьк. университета на франц. яз.).

2) Излагаемъ здѣсь только сущность всѣхъ трехъ проэктовъ, расчитывая поговорить о нихъ подробнѣе въ особой статьѣ.

словесный, т. е. нынѣшній историко-филологическій. Въ его вѣдѣніи былъ огромный и цѣнный въ научномъ отношеніи минцъ-кабинетъ; къ нему примыкалъ и кабинетъ рѣдкостей, бывшій въ сущности, какъ мы видѣли, собраніемъ древностей. Медицинскій факультетъ долгое время обладалъ однимъ анатомическимъ театромъ (весьма убогимъ) и только въ послѣдній 1814 годъ къ нему присоединилось другое учебно-вспомогательное учрежденіе—хирургическая клиника, но дѣятельность ея была болѣе чѣмъ скромная. Причину этого явленія мы отмѣтили въ своемъ мѣстѣ. Наконецъ, на этико-политическомъ отдѣленіи не было ни одного учебно-вспомогательнаго учрежденія.

Изъ учрежденій, которыми одинаково пользовались всѣ факультеты, въ цвѣтущемъ состояніи находилась типографія, приносившая огромную пользу не только университету, но и всему краю. Университетской библіотекой также иногда пользовались постороннія лица, но, къ сожалѣнію, она не была достаточно обширна и, кажется, не вполнѣ удовлетворяла даже запросы университетской среды.

Наибольше вниманія отдавалось (со стороны попечителя округа) университетскому саду, затѣмъ слѣдуетъ отмѣтить заботы совѣта и правленія о составленіи правилъ и каталога университетской библіотеки, усердное стремленіе къ пополненію физическаго и астрономическаго кабинетовъ (Стойковича и Гута), внимательное отношеніе проф. Делявиня къ зоологическому кабинету; но попытка описанія минералогической коллекціи окончилась неудачей, а коллекція нумизматическая и совсѣмъ не подвергалась, какъ кажется, ученому описанію. Всѣ эти учебно-вспомогательныя учрежденіи, въ большей или меньшей степени, удовлетворяли своему назначенію, т. е. служили подспорьемъ въ дѣлѣ преподаванія. Даже обсерваторія, не удовлетворявшая чисто научнымъ цѣлямъ, могла имѣть нѣкоторое значеніе въ учебномъ отношеніи—такъ впрочемъ и смотрѣлъ на нее ея устроитель проф. Гутъ. Хуже всего была поставлена въ этомъ смыслѣ библіотека: съ самаго своего открытія, она должна была удовлетворять спросу на книги по всѣмъ предметамъ университетскаго преподаванія а между тѣмъ пополнялась крайне медленно и, нужно думать, недостаточно систематично. Причина медленнаго пополненія нѣкоторыхъ коллекцій лежала впрочемъ не въ недостаткѣ денежныхъ средствъ (мы видѣли, что ежегодно бывали значительные остатки), а въ трудности покупки многихъ предметовъ. На мѣстѣ, въ Харьковѣ, можно было пріобрѣтать очень немногія вещи — все же остальное приходилось выписывать изъ Петербурга, Москвы или заграницы. Доставку разныхъ вещей изъ Москвы и Петербурга Харьковскій университетъ поручилъ особому коммиссіонеру--проживавшему въ Харьковѣ

Верейскому купцу Дмитрію Андреяновичу Щелкову [1]). Заграницей университетъ пользовался услугами своихъ корреспондентовъ, получавшихъ, какъ мы знаемъ, за это маленькое вознагражденіе. Въ Лейпцигѣ такимъ корреспондентомъ былъ консулъ Шварцъ, выполнившій множество порученій по части покупки и доставки разныхъ предметовъ [2]) (книгъ, шрифтовъ и т. п.). Въ Лондонѣ такую роль принялъ на себя священникъ посольской церкви Смирновъ. Иностранныя книги доставляли особые коммиссіонеры. Но доставка всѣхъ этихъ предметовъ была сопряжена съ различными затрудненіями, какъ это мы видѣли въ дѣлѣ полученія книгъ. Доставка изъ Англіи математическихъ и физическихъ инструментовъ, благодаря отчасти политическимъ обстоятельствамъ, затянулось на много лѣтъ.

Другимъ средствомъ для пополненія коллекцій явились пожертвованія. Мы видѣли, что кабинеты нумизматики и рѣдкостей были собраны исключительно такимъ путемъ. Цѣнныя пожертвованія поступили также въ университетскій садъ, въ библіотеку и во всѣ остальные кабинеты. Всѣ такія пожертвованія (даже самыя мелкія) мы постарались отмѣтить и вызвать такимъ образомъ изъ забвенія память лицъ, выразившихъ свое сочувствіе и расположеніе къ нашему университету. Это сочувствіе окружающей среды всегда имѣло и будетъ имѣть для него огромное нравственное значеніе. Оно является свидѣтельствомъ просвѣтительнаго вліянія его на весь край, на общество. Университетъ не можетъ и не долженъ стоять особнякомъ, изолированно отъ окружающаго его общества—иначе онъ не будетъ достигать одной своей высокой цѣли: *не только давать высшее образованіе молодымъ людямъ, но и возбуждать, укрѣплять уваженіе и стремленіе къ нему во всѣхъ слояхъ общества.* И это было особенно важно для Харьковскаго университета въ первые годы его существованія. Ему приходилось имѣть дѣло съ такою средою, въ которой идея общественнаго образованія, въ особенности высшаго, не пустила еще глубокихъ корней, не основывалась на ясномъ сознаніи его пользы и необходимости. Правда мы видѣли, что это общество отнеслось въ высшей степени сочувственно къ мысли объ устройствѣ въ Харьковѣ университета, принесло для этого большія матеріальныя жертвы; но все таки это былъ порывъ, временное возбужденіе и его нужно было еще закрѣпить въ сознаніи наглядными примѣрами и образцами. Эти образцы

---

[1]) Сохранился контрактъ, заключенный съ нимъ университетомъ. Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1807 г., № по архиву 245, по картону 14.

[2]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло правленія 1808—1810 г., № по архиву 373, по картону 20.

долженъ былъ доставить вновь основанный университетъ и возникшія по его почину среднія и низшія училища. Онъ долженъ былъ живымъ, нагляднымъ примѣромъ своей дѣятельности показать, какимъ великимъ благомъ является общественное образованіе—высшее, среднее и низшее—какую огромную пользу приноситъ оно обществу, не только поднимая его умственныя и нравственныя силы, но даже косвеннымъ образомъ способствуя развитію его матеріальнаго благосостоянія, ибо съ одной стороны всякое знаніе являлось капиталомъ, а съ другой вело къ расширенію круга потребностей, а, слѣдовательно, и средствъ для ихъ удовлетворенія. Харьковскій университетъ все это дѣлалъ по мѣрѣ возможности, въ предѣлахъ своихъ средствъ. И сама профессорская коллегія, и лицо, стоявшее во главѣ учебнаго дѣла въ округѣ (попечитель графъ С. О. Потоцкій), ясно сознавали необходимость и пользу нравственнаго общенія съ мѣстною средою и достигали его разнообразными способами и средствами. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какую дѣятельную роль игралъ университетъ въ насажденіи въ Харьковѣ книжнаго издательскаго дѣла, какое значеніе имѣли въ этомъ отношеніи его типографія и цензурный комитетъ; этотъ послѣдній отнюдь не служилъ тормазомъ для авторовъ и издателей, а являлся для нихъ скорѣе въ роли благорасположеннаго и компетентнаго наставника и покровителя. Всѣ учебно-вспомогательныя учрежденія гостепріимно открыли свои двери передъ публикой, которая могла пользоваться собранными тамъ богатствами для своего усовершенствованія въ физическомъ, умственномъ, нравственномъ и эстетическомъ отношеніяхъ. Къ этому стремились, какъ мы видѣли, въ своихъ проэктахъ проф. Пильгеръ и Нельдехенъ. Припомнимъ также заботы попечителя объ устройствѣ англійскаго сада для публики и манежа для дворянскихъ дѣтей. Да и вполнѣ справедливо было сдѣлать что либо въ культурномъ отношеніи для того общества, которое довѣряло университету самое драгоцѣнное свое достояніе—своихъ дѣтей и приносило въ его пользу постоянныя жертвы. А пожертвованія эти могли бы быть еще болѣе значительны, чѣмъ это было въ дѣйствительности, если бы во всѣхъ слояхъ общества—въ томъ числѣ и низшихъ—было болѣе точныхъ свѣдѣній о нуждахъ университета и больше сознанія, что для науки нужна всякая мелочь. Ими могли бы значительно пополниться въ особенности такія учебно-вспомогательныя учрежденія, какъ ботаническій садъ, кабинетъ древностей, нумизматики, естественной исторіи, библіотека, историческій архивъ. Въ самомъ дѣлѣ: попробуемъ мысленно представить себѣ, какія обширныя коллекціи заключались бы теперь въ этихъ учрежденіяхъ, если бы туда поступило все

то, что погибло или испортилось отъ невѣжества, небрежности, невниманія, несчастныхъ случайностей, что продано за гроши и пропало для науки на территоріи огромнаго Харьковскаго учебнаго округа, начиная съ 1804 года и по наши дни! Сколько въ это время погибло однихъ вещественныхъ памятниковъ старины—каменныхъ орудій, металлическихъ издѣлій и украшеній, монетъ! Сколько разрыто, испорчено и расхищено кладоискателями кургановъ! Сколько драгоцѣнныхъ монетныхъ кладовъ попало въ плавильные горшки, сколько исчезло костей допотопныхъ животныхъ и человѣка! Какая масса письменныхъ документовъ безвозвратно исчезла изъ правительственныхъ, общественныхъ, сословныхъ и частныхъ хранилищъ, сгорѣла во время пожаровъ, пропала отъ сырости и небреженія, расхищена любителями—а въ нихъ между тѣмъ заключалась вся внутренняя исторія нашего края изъ сосѣднихъ районовъ!

Въ слѣдующей главѣ мы увидимъ, что нашъ университетъ постоянно откликался на тѣ запросы, съ которыми къ нему обращалось общество—и это ясно доказываетъ, что онъ правильно и широко понялъ свою просвѣтительную миссію.

Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Профессоръ Иванъ Евсеевичъ Срезневскій.

V-я ГЛАВА.

Преподавательская и научная дѣятельность профессоровъ.

(Посвящается памяти старыхъ историковъ Харьковскаго университета Рославскаго-Петровскаго и Фойгта).

Указъ 1804 г. опредѣляетъ задачу университетовъ такимъ образомъ: „университетъ есть высшее *ученое* сословіе, для *преподаванія* наукъ учрежденное“. Отсюда вытекали двѣ обязанности его дѣятелей—научная и преподавательская, которыя впрочемъ были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Посмотримъ же теперь, насколько удачно Харьковскій университетъ выполнялъ обѣ эти функціи въ теченіе перваго десятилѣтія своего существованія, иными словами, какова была преподавательская и научная дѣятельность его профессоровъ, какъ высоко стояла она въ количественномъ и качественномъ отношеніи. Разрѣшивъ этотъ кардинальный вопросъ, мы уяснимъ себѣ этимъ самимъ наиболѣе важную сторону въ исторіи нашего стараго университетскаго быта. Съ удовольствіемъ можемъ предупредить читателя, что для этого въ нашемъ распоряженіи имѣется огромный матеріалъ, который повидимому вполнѣ исчерпываетъ затронутый нами сюжетъ [1]). Въ предыдущей главѣ,

---

[1]) Этому вопросу посвящена статья бывшаго профессора и ректора Харьковскаго университета Рославскаго-Петровскаго „*Объ ученой дѣятельности Императорскаго Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія*“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1855 г., № 7, 36 стр.). Она основана исключительно на документахъ университетскаго архива, хотя авторъ и не дѣлаетъ *никакихъ* ссылокъ на свои источники. Я черпалъ свой матеріалъ изъ того же источника (университетскаго архива), но разыскивалъ его тамъ вполнѣ самостоятельно и воспользовался имъ въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ упомянутый авторъ, присоединилъ сюда еще документы архива Министерства Народнаго Просвѣщенія, выбралъ все необходимое изъ печатныхъ первоисточниковъ и изслѣдованій, явившихся въ свѣтъ послѣ статьи Рославскаго-Петровскаго, шире поставилъ самую задачу изслѣдованія—и потому предлагаемая вниманію читателей глава моего „Опыта“ имѣетъ и новое болѣе широкое содержаніе, и новое освѣщеніе, и новые выводы, сравнительно съ почтенной однако и цѣнной для своего времени работой перваго историка Харьковскаго университета, Нельзя не поставить въ особую заслугу Рославскому-Петровскому того обстоятельства.

разсматривая дѣятельность совѣта, мы отчасти касались уже вопроса о выборѣ профессоровъ на различныя каѳедры, полагавшіяся по университетскому уставу 1804 г. Мы видѣли, что практика первоначально установила два средства для пополненія персонала преподавателей— 1) вызовъ ученыхъ изъ иностранныхъ государствъ и 2) приглашеніе русскихъ преподавателей. Къ этимъ двумъ способамъ скоро присоединился третій—приготовленіе къ профессурѣ собственныхъ питомцевъ. Всѣхъ профессоровъ и адъюнктовъ въ 1803—1814 гг. было 47 душъ (не считая лекторовъ); изъ нихъ 29 ученыхъ было вызвано изъ заграницы, 14 человѣкъ было русскаго происхожденія и четверо приготовлено самимъ Харьковскимъ университетомъ.

Постараемся прежде всего опредѣлить образовательный цензъ, научный уровень и преподавательскую опытность иностранныхъ и русскихъ профессоровъ.

Уже à priori можно, конечно, сказать, что образовательный и научный цензъ иноземныхъ кандидатовъ на профессорскія каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ былъ выше, чѣмъ ихъ русскихъ коллегъ, ибо Западная Европа располагала несравненно большими образовательными средствами, чѣмъ Россія конца XVIII и начала XIX в. Просвѣтительное теченіе, нашедшее себѣ широкій доступъ въ Россію со времени Петра Великаго, дѣйствовало неослабно въ теченіе цѣлаго XVIII столѣтія, причемъ французское вліяніе боролось постоянно съ нѣмецкимъ. Въ дѣлѣ водворенія въ Россіи университетскаго преподаванія и науки нѣмецкое вліяніе оказалось впрочемъ особенно сильнымъ и замѣтнымъ; идеи историка германскихъ университетовъ проф. Мейнерса получили широкое практическое примѣненіе въ Россіи—отразились непосредственно на самомъ уставѣ 1804 года. Съ открытіемъ въ Харьковѣ университета, тотъ же самый Мейнерсъ, а равно и другіе столпы нѣмецкой науки—знаменитый авторъ „Нестора“ акад. Шлецеръ, проф. Геттингенскаго университета Сарторіусъ, выдающійся филологъ проф.

что онъ *первый* рѣшился писать очерки по исторіи Харьковскаго университета на основаніи документовъ университетскаго архива. Замѣтимъ кстати, что данная его работа вызвана, очевидно, 50-ти-лѣтнимъ юбилеемъ Харьковскаго университета (1805—1855 г.). По стопамъ Рославскаго-Петровскаго послѣдовалъ Фойгтъ; первая глава его книги (общая историко-статистическая записка объ университетѣ) написана Рославскимъ-Петровскимъ; остальныя составлены имъ самимъ при содѣйствіи профессоровъ, завѣдывавшихъ разными учебновспомогательными учрежденіями. Въ основу книги положены также документы университетскаго архива, и она дѣйствительно отличается строго фактическимъ характеромъ. Вызвана она, также какъ и статья Рославскаго-Петровскаго, 50-ти-лѣтнимъ юбилеемъ университета. Живое чувство благодарности къ лицамъ, раньше трудившимся на избранномъ мною полѣ, побуждаетъ меня посвятить имъ эту часть своего труда.

Гейне, великій поэтъ и вмѣстѣ съ тѣмъ крупный ученый Гете рекомендовали лицъ, желавшихъ занять въ немъ профессорскія каѳедры по разнымъ предметамъ. Выше мы привели письмо Мейнерса, въ которомъ онъ рекомендовалъ сразу 18 кандидатовъ по разнымъ предметамъ и выражалъ желаніе указать еще и многихъ другихъ. Профессора-иноземцы, устроившіеся въ Харьковѣ, въ свою очередь приглашали своихъ бывшихъ товарищей. Многіе изъ приглашенныхъ и даже избранныхъ совѣтомъ не поѣхали въ Харьковъ по разнымъ причинамъ (мы указывали на эти причины въ своемъ мѣстѣ). Но часть приняла приглашеніе, переѣхала въ Харьковскій университетъ и составила тамъ сильную, сплоченную группу профессоровъ нѣмецкаго происхожденія; къ нимъ присоединились выходцы изъ Франціи и славянскихъ земель Австріи. Различныя обстоятельства и побужденія заставляли западныхъ ученыхъ ѣхать въ захолустный Харьковъ во вновь основанный тамъ университетъ—преимущественно политическія и финансовыя. Для тѣхъ, кто не занималъ профессорской должности въ одномъ изъ западно-европейскихъ университетовъ, могла быть заманчивой и самая профессура въ Харьковѣ; ближайшимъ же поводомъ для перехода въ Харьковскій университетъ преподавателей иностранныхъ университетовъ могли служить финансовыя и политическія соображенія. Въ этомъ сознаются и такіе выдающіеся дѣятели, какъ Шадъ и Роммель. Да оно и понятно: въ дѣлѣ переселеній вообще обыкновенно на первомъ планѣ стоятъ личные интересы и побужденія—человѣкъ разсчитываетъ лучше устроиться на новомъ мѣстѣ, избѣжать какихъ-либо политическихъ или религіозныхъ преслѣдованій и т. п. Конечно, въ этой профессорской, такъ сказать, колонизаціи, по крайней мѣрѣ у лучшихъ представителей ея, бывали и другія болѣе высокія побужденія,—они преслѣдовали и культурныя цѣли, желали внести сѣмя науки и образованія въ новый край, примѣнить тамъ свои познанія и таланты. У всѣхъ былъ кромѣ того интересъ къ Россіи: ею сильно интересовались въ Европѣ, но знали о ней очень мало; а тутъ представлялся прекрасный случай присмотрѣться къ ней, изучить ея природу и нравы жителей. „Художники", въ широкомъ смыслѣ этого слова (т. е. ремесленники, техники, врачи и т. п.), давно уже проложили себѣ путь въ Россію изъ различныхъ странъ Западной Европы; переѣзжали и ученые люди, дѣлавшіеся членами нашей Академіи Наукъ и главными двигателями только-что зарождавшейся русской науки. Теперь на такихъ лицъ оказался сразу особенно большой спросъ—явилось и предложеніе. Германія и тогда изобиловала университетами; эти послѣдніе ютились и въ такихъ незначительныхъ городахъ, которые мало чѣмъ отличались по количеству жителей отъ тог-

дашняго Харькова. Между тѣмъ политическое положеніе Германіи въ эпоху Наполеоновскихъ побѣдъ было очень печально, и многіе поневолѣ должны были искать себѣ пріюта и счастья на чужбинѣ. А Россія представлялась такой страной, гдѣ способный человѣкъ всегда могъ хорошо устроиться и даже достичь высокихъ степеней, гдѣ иностранцевъ принимали охотно и относились къ нимъ съ особеннымъ уваженіемъ. Съ другой стороны еще раньше великая французская революція повела къ усиленному выселенію французскихъ изгнанниковъ, значительная часть которыхъ пристроилась къ России на педагогическомъ поприщѣ. Политическія и національныя преслѣдованія способствовали также и переселенію въ Россію славянскихъ ученыхъ.

Послѣ этихъ краткихъ общихъ замѣчаній обратимся къ самимъ профессорамъ, переѣхавшимъ въ Харьковскій университетъ изъ заграницы, и сообщимъ имѣющіяся въ нашемъ распоряженія данныя объ ихъ образовательномъ цензѣ и о причинахъ, побудившихъ ихъ къ переѣзду. Всѣхъ профессоровъ иностраннаго происхожденія въ Харьковскомъ университетѣ было 29 человѣкъ и по національностямъ они распредѣляются такъ: нѣмцевъ было 18 человѣкъ, французовъ 4 и славянъ 7. Обращаемся къ нѣмцамъ и прежде всего остановимся на переходѣ въ Харьковъ тѣхъ двухъ дѣятелей, которые оставили богатый автобіографическій матеріалъ—разумѣю здѣсь проф. Роммеля и Шада. Это были выдающіеся представители тогдашней нѣмецкой образованности и потому крайне любопытно сообщить возможно подробныя свѣдѣнія объ ихъ жизни до перехода въ Харьковъ. Роммель оставилъ намъ записки, которымъ мы посвятили отдѣльный критическій экскурсъ (стр. 283—290), причемъ пришли къ убѣжденію, что онѣ заслуживаютъ полнаго довѣрія [1]). И вотъ какія данныя находимъ мы въ этихъ запискахъ о научномъ цензѣ и личности Роммеля. Роммель родился въ Касселѣ (Гессенскомъ ландграфствѣ) въ протестанской семьѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ семьѣ своего отца. „Представляя образецъ кроткаго, полнаго любви и образованнаго пастыря, онъ далъ многочисленному своему семейству прекрасное воспитаніе, чуждое всякаго педантизма и предразсудковъ". Воспитаніе Христофора Роммеля было просто и вполнѣ свободно. Съ

---

[1]) Къ тѣмъ доказательствамъ достовѣрности ихъ, которыя были приведены раньше, прибавимъ еще два. Н. А. Лавровскій въ подтвержденіе недостовѣрности ихъ приводитъ указаніе Роммеля на исполненіе имъ обязанностей университетскаго казначея. А между тѣмъ въ журналахъ правленія намъ удалось найти свѣдѣніе, что Роммель, въ качествѣ члена правленія, дѣйствительно имѣлъ ключи отъ кладовой и денежнаго сундука. Въ своихъ запискахъ онъ разсказываетъ о пропажѣ у него лошадей—и въ журналахъ правленія мы опять находимъ оффиціальное свидѣтельство объ этомъ фактѣ.

удовольствіемъ онъ вспоминаетъ также о впечатлѣніяхъ мѣстной природы. „Кругомъ города, на небольшомъ пространствѣ, природа соединила самыя разнообразныя картины; вдали синѣются горы, подлѣ раскинулись плодоносныя долины, орошаемыя красивыми рѣчками Диммелемъ, Эддеромъ и Швальмомъ; по низовьямъ Гессена разбросаны островерхія возвышенности изъ базальта и развалины рыцарскихъ замковъ. Посреди этихъ ландшафтовъ, не грозныхъ, но прекрасныхъ, развилась во мнѣ любовь къ природѣ и родинѣ. Тогда же полюбилъ я и привыкъ уважать неутомимаго въ трудахъ земледѣльца: рослая и сильная его фигура съ загорѣлымъ лицомъ, съ длинными, распущенными по плечамъ волосами, напоминала древнихъ хаттовъ, потомками которыхъ называютъ себя гессенцы". Отецъ желалъ, чтобы одинъ изъ его сыновей изучалъ богословіе—и выборъ его палъ на автора воспоминаній. „Заранѣе начали готовить меня, говоритъ Роммель, къ будущему призванію и не упустили даже познакомить съ арабскимъ языкомъ: я бралъ уроки у какого то кандидата богословія, по имени Вискемана, который жилъ на дальнемъ переулкѣ Кассельскаго предмѣстья, въ темной конурѣ, въ нищетѣ и, несмотря на то, владѣлъ дорогими восточными рукописями". Въ Кассельскомъ лицеѣ въ него уже вдохнули любовь и даже страсть къ филологіи. Ректоръ лицея Рихтеръ, изящно образованный филологъ, зналъ тайну пробуждать въ своихъ ученикахъ любовь и уваженіе къ себѣ и своей наукѣ и поддерживать соревнованіе между учащимися.

По окончаніи лицея, Роммель поступилъ въ Марбургскій университетъ. Здѣсь онъ занимался исключительно науками, велъ самую скромную жизнь и не зналъ почти никакихъ развлеченій. Изъ профессоровъ особенно нравились ему Арнольди и Крейцеръ (1-й преподавалъ богословіе, второй греческій языкъ). Изъ латинскихъ авторовъ онъ особенно любилъ Цицерона и старался подражать его стилю; уважалъ также Вольтера за его Melanges de la littérature et de philosophie, но увлекался не выходками его противъ религіи, а стремленіемъ къ просвѣщенію человѣчества. Изъ Марбургскаго университета Роммель перешелъ въ Геттингенскій, занимавшій тогда первое мѣсто въ ряду германскихъ университетовъ, по рѣдкому соединенію великихъ ученыхъ, по свободной литературной дѣятельности и по избранной обширной библіотекѣ. „Въ Геттингенѣ, говоритъ Роммель, мои ученыя стремленія нашли полное удовлетвореніе. До сихъ поръ я не выходилъ изъ тѣснаго круга богословской пропедевтики; здѣсь новый міръ открылся для моей любознательности, безграничная арена развернулась передо мною; Гейне указалъ всѣ богатства сокровищъ древности; Эйхгорнъ, Геренъ и Шлецеръ

ввели въ область древней и новой исторіи и общей географіи; Блуменбахъ вызвалъ къ разумному созерцанію природы.... Свѣтлый взглядъ на жизнь, крѣпкое здоровье, неразстроенное никакими излишествами, правильное распредѣленіе времени и занятій помогли мнѣ сдѣлать много: въ три года я не только познакомился съ 12 языками, древними и новыми, но еще успѣлъ приготовить множество небольшихъ статей для журналовъ. Главнымъ учителемъ Роммеля былъ Гейне, настоящій правитель университета. „Онъ принялъ меня, разсказываетъ Роммель, въ свой филологическій семинарій и часто его умные проницательные глаза обращались съ каѳедры на меня съ любовью.... Сильно подвинуло мои занятія то, что я усвоилъ себѣ его привычку вставать рано и работать по утрамъ. Онъ поощрялъ мои литературные труды, сочиненія на премію философскаго факультета. Первымъ изъ нихъ было описаніе Аравіи по тексту Абульфеды. Какихъ усилій стоило мнѣ это произведеніе! По 12 часовъ въ день проводилъ я надъ извлеченіями изъ всѣхъ возможныхъ географовъ отъ Моисея до Нибура, не оставлялъ картъ даже во время обѣда, видѣлъ во снѣ Мекку и Медину. Трудъ мой не пропалъ даромъ; сочиненіе признано достойнымъ награды. Мало этого, Блуменбахъ взялся переслать его двумъ знаменитѣйшимъ оріенталистамъ того времени—Вильяму Узеле, въ Англіи, и Сильвестру де-Саси, въ Парижѣ. Лестные для молодого ученаго отзывы ихъ скоро пришли.... Вниманіе великихъ ученыхъ такъ ободрило меня, что я продолжалъ заниматься тѣмъ же предметомъ, началъ печатать свои изслѣдованія объ Аравіи въ разныхъ ученыхъ журналахъ и скоро перешелъ къ изученію Кавказа. Тогда же предлагали мнѣ мѣсто профессора въ Харьковѣ (въ 1803 г.), но я отказался, не принялъ также предложенія Гейне—провожать въ Италію одного знатнаго юношу и не хотѣлъ промѣнять ни на что въ свѣтѣ свой тихій музей противъ Геттингенской библіотеки. Великіе планы, мечты о дальнихъ путешествіяхъ роились въ моей головѣ; я готовился на подвиги и работалъ неутомимо съ жаромъ". Не ограничиваясь факультетскими науками, онъ „обошелъ лекціи почти всѣхъ корифеевъ Геттингенскаго университета—Аммона, Планка, Пюттера, Мартенса и др., не забылъ даже посѣтить акушерскую клинику Озіандера, послушать колкія выходки знаменитаго хирурга Рихтера противъ буквоѣдовъ-филологовъ и не скучалъ болтливымъ самохвальствомъ анатома Врисберга". Выдержавъ докторскій экзаменъ, въ которомъ принималъ живѣйшее участіе знаменитый Шлецеръ, Роммель открылъ, въ качествѣ приватъ-доцента, курсъ чтеній о Гомерѣ.

Но не долго пробылъ онъ въ Геттингенѣ. Вскорѣ его пригласили профессоромъ въ Марбургскій университетъ, куда онъ и перешелъ 25-ти-

лѣтнимъ юношею. Здѣсь онъ выступилъ не сухимъ буквоѣдомъ филологомъ, а представителемъ взглядовъ Винкельмана и Гейне, приверженцемъ эстетическаго изученія классическаго міра. „Въ первые два семестра лекціи мои о Гораціи, Ювеналѣ, Аполлодорѣ и Теофрастѣ, говоритъ Роммель, заслужили одобреніе моихъ слушателей, сильно меня порадовшее; кураторъ университета съ своей стороны изъявилъ мнѣ письменно благодарность и утвердилъ ординарнымъ профессоромъ; тогда я не допускалъ и мысли, чтобы мое стремленіе къ живому, эстетическому изученію древнихъ, по примѣру Винкельмана и Гейне, поставило меня въ столкновеніе, съ нѣкоторыми товарищами и отдалило отъ большинства студентовъ. Въ первой же своей программѣ о филологіи и философскомъ объясненіи древнихъ, напечатанной въ 1805 году, я объявилъ войну сухому буквоѣдству и съ большимъ жаромъ указывалъ филологическимъ наукамъ высшую самостоятельную, разностороннюю задачу. На мой голосъ не было отзыва, какъ въ пустынѣ. Потомъ мало по-малу увидѣлъ я огромные недостатки приготовительнаго ученія въ гимназіяхъ, понялъ грубость большинства служителей науки, выросшихъ подъ гнетомъ тяжелыхъ общественныхъ отношеній, убѣдился въ недостаточности библіотеки, гдѣ не было большихъ итальянскихъ собраній по археологіи; наконецъ, съ грустью замѣтилъ, что прибыльныя, доставляющія хлѣбъ науки—юриспруденція, богословіе, медицина—съ каждымъ днемъ брали перевѣсъ“.

Положеніе нѣмецкихъ университетовъ было тогда очень печальное: это было время Наполеоновскихъ завоеваній; Роммель, проникнутый горячимъ патріотическимъ чувствомъ къ родинѣ, постоянно выражалъ его въ публичныхъ рѣчахъ. На классическую филологію онъ смотрѣлъ между прочимъ какъ на средство пробудить патріотизмъ. „Разумѣется, говоритъ онъ, много правды въ томъ, что занятія одною оболочкою, мертвыми формами языка изсушаютъ умъ и сердце молодыхъ людей. Но еще больше опасности было, по моему мнѣнію, въ меркантильномъ направленіи нашего вѣка, бóльшею опасностью грозили положительные и матеріальные интересы, которые сильно овладѣвали умами и вытѣсняли ничѣмъ не замѣнимое по формѣ и содержанію античное образованіе. Географія, этнографія и политическія науки также входили въ кругъ моихъ занятій. Я продолжалъ свои арабскія и кавказскія изслѣдованія и хотѣлъ дать этнографіи особое мѣсто на ряду съ географіей и статистикой, разумѣя подъ этнографіею послѣдовательное и самостоятельное описаніе народовъ всего земнаго шара по языку, нравамъ, обычаямъ, промышленности, культурѣ и государственному устройству“. До нашествія французовъ Марбургскіе профессора находились въ тѣсныхъ связяхъ съ мѣстнымъ обществомъ:

„профессоры, студенты и всѣ образованные жители города соединялись въ одинъ кружокъ, лѣтомъ вмѣстѣ предпринимали прогулки за городъ, на горы; зимою составляли литературныя общества и домашній театръ въ пользу бѣдныхъ. Существовалъ кромѣ того Шекспировскій литературный клубъ". Но съ появленіемъ французовъ все измѣнилось; носились зловѣщіе слухи о закрытіи университетовъ. Подъ вліяніемъ своего мрачнаго настроенія Роммель рѣшился уѣхать изъ Германіи и въ 1810 г. принялъ приглашеніе пріѣхать въ качествѣ ординарнаго профессора въ Харьковскій университетъ. „Это было, говоритъ Роммель, въ цвѣтущую пору благороднаго императора Александра, который начерталъ великій планъ, какъ писалъ мнѣ секретарь университетскаго совѣта въ Харьковѣ, подвинуть свой народъ на высшую степень образованія учрежденіемъ русскихъ университетовъ. Недолго задумывался я надъ рѣшеніемъ. Передо мною открывалась широкая и свободная арена. Жажда дѣятельности манила въ страну, еще не затронутую образованіемъ, гдѣ я въ цвѣтѣ лѣтъ, вольный какъ птица, полный здоровья и силъ, могъ бросить нѣсколько сѣмянъ науки. Это желаніе взяло верхъ надъ любовью къ отечеству. Много нужно было мнѣ стоическаго терпѣнія, пока шла медленная переписка между Геттингеномъ, Касселемъ, Петербургомъ и Харьковомъ; наконецъ, около половины 1810 г. пришло утвержденіе императора вмѣстѣ съ оффиціальнымъ приглашеніемъ отъ университета". Роммель переѣхалъ русскую границу зимою въ 30 градусный морозъ. Длинная дорога оставляла много времени на раздумье. „Грустное впечатлѣніе, говоритъ Роммель, скоро прошло и понеслись передо мною неясные образы, легкіе какъ дымъ, поднимавшійся отъ негаснувшей турецкой трубки. Одинъ посреди огромной снѣжной пустыни, я впервые испыталъ полное чувство самостоятельности.... Живая фантазія переносила меня то въ таврическіе дворцы прежнихъ крымскихъ хановъ, съ гаремами прекрасныхъ грузинокъ и черкешенокъ, то въ аудиторію, наполненную молодыми любознательными казаками". Въ Харьковъ прибылъ Роммель 17 января 1871 года вечеромъ и подъѣхалъ прямо къ университету, гдѣ тогда ректоръ Рижскій давалъ вечеринку своимъ товарищамъ-профессорамъ и ихъ семьямъ. Ректоръ обнялъ, поцѣловалъ Роммеля, товарищи его поздравляли, онъ получилъ годичное жалованье, взялъ себѣ въ услуженіе русскаго солдата, чтобы выучиться у него русскому языку и началъ чтеніе лекцій на латинскомъ языкѣ.

Мы нарочно остановились такъ долго на біографіи Роммеля, чтобы изобразить типъ лучшаго иностранца, какимъ несомнѣнно былъ Роммель. Мы видимъ, что это былъ профессоръ въ полномъ смыслѣ этого

слова, начитанный, умный, широкообразованный, съ тою беззавѣтною преданностью наукѣ, которая характеризуетъ истиннаго ученаго. Онъ широко воспользовался тѣми образовательными средствами, которыя доставила ему семья, гимназія и университетъ; стремясь къ возможно глубокому и широкому образованію, онъ оставляетъ Марбургскій университетъ, чтобы вступить въ Геттингенскій, ученая слава котораго тогда гремѣла повсюду; его новые профессора были звѣздами первой величины на ученомъ небосклонѣ тогдашней Германіи—и онъ широко воспользовался ихъ лекціями, бесѣдами, сочиненіями для собственнаго самоусовершенствованія. Но Роммель не превратился въ буквоѣда-педанта. Онъ понималъ цѣли ученыхъ филологическихъ наукъ чрезвычайно раціонально—такъ, какъ понимаютъ теперь лучшіе филологи. Къ явленіямъ окружающей его жизни политической и общественной Роммель относился не безразлично, а наоборотъ можетъ быть даже съ излишнею пылкостью; онъ былъ горячимъ патріотомъ и ненависть къ иноземному завоевателю (Наполеону) главнымъ образомъ и побудила его оставить отечество. Въ Россію его влекло не одно желаніе устроить свое матеріальное благополучіе, но и мысль о насажденіи на этой нетронутой почвѣ науки. Онъ мечтаетъ на эту тему во время своего длиннаго переѣзда; бодро и весело онъ смотритъ на будущее. Въ Россіи онъ не увлекся, подобно многимъ другимъ своимъ товарищамъ, погоней за наживой. На нравственной репутаціи его нѣтъ ни малѣйшаго пятна. Роммель, до перехода своего въ Харьковъ, напечаталъ слѣдующіе труды: 1) Straboniana regionum et gentium Caucasiarum descriptio commentario perpetuo illustrata“ (представлено было Россійскому Государю Императору); другія сочиненія его на латинскомъ языкѣ: 2) О нѣкоторыхъ качествахъ слога, нужныхъ къ украшенію рѣчи, 3) О Тацитовомъ описаніи германцевъ, 4) Объясненіе повѣствованій древнихъ объ амазонкахъ, 5) Надежда и счастіе нашихъ временъ въ самыхъ злополучіяхъ, 6) О родахъ краснорѣчія; на нѣмецкомъ языкѣ: 7) О философскомъ объясненіи греческихъ и нѣмецкихъ авторовъ, 8) О докторѣ Галѣ въ разсужденіи преподаванія, 9) Кавказскіе дикари по извѣстіямъ путешественниковъ, 10) Характеры Теофраста, переводъ съ примѣчаніями и разсужденіемъ о характерахъ, 11) Аристотель и Росцій или объ искусствѣ вообще и въ особенности о жестахъ и декламаціи, 12) О географіи, этнографіи, статистикѣ. Сверхъ того цѣлый рядъ статей въ журналахъ—Географифическія Эфемериды, Меркурій, Моргенблятъ, Минерва [1]) и др.

---

[1]) Послужной списокъ въ Харьковскомъ университетскомъ архивѣ.

Еще болѣе крупную научную силу представлялъ профессоръ Шадъ. Въ формулярномъ спискѣ о профессорѣ Иванѣ Егоровичѣ Шадѣ мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія. Онъ былъ первоначально преподавателемъ въ Банцѣ (во Франконіи), а въ 1798 г. перешелъ для усовершенствованія себя въ наукахъ (химіи, экспериментальной физикѣ, медицинѣ, анатоміи) въ Іенскій университетъ, гдѣ въ слѣдующемъ 1799 году былъ избранъ университетскимъ совѣтомъ въ преподаватели философіи и читалъ всѣ отдѣлы этой науки по 1804 годъ, т. е. до перехода своего въ Харьковъ. Въ Харьковъ его пригласилъ попечитель округа графъ С. О. Потоцкій, по рекомендаціи великихъ писателей Гете и Шиллера (ему тогда было 44 года). Къ этому времени Шадъ пріобрѣлъ себѣ большую извѣстность изданіемъ цѣлой серіи ученыхъ, философскихъ трудовъ. Онъ состоялъ также почетнымъ членомъ минералогическаго общества. Эти краткія данныя могутъ быть дополнены подробностями, заключающимися въ автобіографіи Шада. Обширная автобіографія Шада (на нѣмецкомъ языкѣ) издана была два раза — въ 1803—1804 и 1828 г. (2-е изданіе въ трехъ частяхъ) [1]); но ею не воспользовался ни одинъ изъ историковъ Харьковскаго университета, быть можетъ потому, что книги этой не было въ университетской библіотекѣ. Теперь она выписана изъ заграницы, и профессоръ Ѳ. А. Зеленогорскій, напечатавшій уже статью о философскихъ трудахъ Шада (въ Вопросахъ психологіи и философіи за 1895 годъ), рѣшилъ составить о немъ на основаніи этого источника біографическій очеркъ. Мы имѣли въ рукописи этотъ очеркъ и, съ любезнаго разрѣшенія автора, сдѣлаемъ краткій экстрактъ изъ него для своей работы. Iohann Baptist Шадъ родился въ 1758 г. въ деревнѣ Мюрсбахѣ, вблизи Бомберга и Кобурга. Отецъ его былъ крестьянинъ, имѣвшій хлѣбопекарню и постоялый дворъ. Семья, въ которой выросъ Шадъ, держалась строго римско-католическаго вѣроисповѣданія. Отецъ его былъ религіозенъ, добръ, справедливъ и своихъ дѣтей, которыхъ было не мало, онъ старался воспитать въ тѣхъ же добродѣтеляхъ. Нужно впрочемъ замѣтить, что религіозность его была не чужда суевѣрій и нетерпимости по отношенію къ иновѣрцамъ. Въ 1768 г. десятилѣтній Шадъ былъ отданъ своимъ отцомъ въ Банцскій бенедиктинскій монастырь, такъ какъ у него открылся хорошій голосъ (дискантъ) и обнаружилась любовь къ музыкѣ и пѣнію. Великолѣпіе монастырскаго храма и торжественность богослуженія (тогда совершалась заупокойная

---

[1]) Вотъ подлинное заглавіе этого сочиненія: „Iohann Baptist Schad's Russisch-Kaiserlichen Collegienrathes und professors der philosophie in Iena, ehemals Benedictiners zu Kloster Banz Lebensgeschichte, fon ihm selbst geschrieben“.... Altenburg 1828.

месса по настоятелѣ монастыря) такъ подѣйствовали на воображеніе мальчика, что онъ безъ слезъ разстался со своимъ отцомъ. Въ монастырѣ обученіе и воспитаніе Шада было поручено одному монаху, хорошо знавшему музыку; онъ обучалъ его только музыкѣ и латинскому языку. Хотя учитель и внушалъ ему правила умѣренности и даже самъ соблюдалъ ихъ, но мальчикъ видѣлъ дурные примѣры среди монаховъ, неумѣренныхъ въ пищѣ и употребленіи спиртныхъ напитковъ. Суевѣрія, усвоенныя въ семьѣ, поддерживались и развивались. Такъ прошло 4 года. Четырнадцати лѣтъ Шадъ былъ отправленъ въ Бамбергъ въ іезуитскую семинарію изучать humaniora и въ ней пробылъ 6 лѣтъ. Здѣсь заботились не о развитіи ума, а объ изощреніи памяти. Главнымъ предметомъ изученія былъ латинскій языкъ; но обращали вниманіе только на грамматику—на авторахъ не останавливались; читали ихъ только въ отрывкахъ для упражненія въ синтаксисѣ и при этомъ старались внушить мысль, что все написанное этими языческими писателями, есть сплошное заблужденіе. Исторію, подобно катехизису, выучивали наизусть. Греческій языкъ изучался по такому же методу, какъ и латинскій (т. е. безъ авторовъ). Родной нѣмецкій языкъ былъ введенъ по требованію князя, но преподаваніе его находилось въ самомъ жалкомъ состояніи—іезуиты щеголяли незнаніемъ нѣмецкаго литературнаго языка. Въ философіи царила средневѣковая схоластика; на первый планъ выдвинуты были схоластическая логика и діалектика; поощрялись диспуты, носившіе торжественный характеръ. Шадъ изучалъ классическихъ авторовъ самостоятельно, на сколько это было ему возможно. Въ философскомъ классѣ онъ пробылъ только полгода, ибо вернулся, по приглашенію прелата, въ Банцскій монастырь, что бы принять тамъ монашество. Разныя лица отговаривали его отъ этого, но „зелье монашескаго обольщенія успѣло уже пустить въ его сердцѣ глубокіе корни“—и онъ сдѣлался монахомъ. Сначала воображеніе рисовало ему картины почестей и вызвышенія въ духовной іерархіи; потомъ онъ сталъ мечтать о томъ, чтобы сдѣлаться великимъ святымъ и извѣстнымъ ученымъ. Монахъ, подъ руководство котораго онъ былъ отданъ для первоначальнаго искуса, старался внушить ему принципъ слѣпой вѣры и послушанія. Желая сдѣлаться святымъ, Шадъ безусловно повиновался своему руководителю; но скоро убѣдился, что никакъ не могъ попасть на истинный путь святости, сталъ скорбѣть душею, пришелъ въ отчаяніе и былъ близокъ къ самоубійству. Въ такомъ душевномъ состояніи онъ провелъ 7 лѣтъ монастырской жизни. Въ это время ему исполнилось 26 лѣтъ. Началась работа мысли, но съ трудомъ освобождался онъ отъ авторитета монашества, папства и католицизма. Огромное значеніе имѣло для него зна-

комство съ сочиненіемъ Канта „Критика практическаго разума"; изложенное въ немъ ученіе о свободѣ, какъ силѣ, самой въ себѣ независимой, было для него настоящимъ откровеніемъ. Его міросозерцаніе радикально измѣняется — теперь это уже не монахъ, даже и не ортодоксальный католикъ, а свободный мыслитель, философъ, проникнутый духомъ гуманности и любви. Но не смотря на этотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ, онъ рѣшилъ не уходить изъ монастыря, чтобы, оставаясь въ рабствѣ, другихъ спасти отъ рабства. Во время 12-ти лѣтняго пребыванія своего въ монастырѣ онъ пріобрѣлъ большую извѣстность, въ качествѣ религіознаго учителя, проповѣдника и духовнаго писателя. Онъ рѣшилъ заниматься литературными трудами, чтобы этимъ путемъ дѣйствовать на умы. Первымъ шагомъ его въ этомъ направленіи было изученіе легендъ о святыхъ, въ связи съ исторіей церкви вообще. Затѣмъ вмѣстѣ съ другимъ бенедиктинцемъ онъ издалъ комментаріи на Библію (въ 18 частяхъ), въ основу которыхъ были положены труды Ле-Местра де Саси и протестантскихъ богослововъ. Казнь Людовика XVI побудила его выступить съ проповѣдью противъ французской революціи.

Издалъ онъ также „Руководство къ религіи" Ильдефонса Шварца съ предисловіемъ, въ которомъ изложилъ сущность сочиненія Канта „Религія въ предѣлахъ человѣческаго разума". Нужно впрочемъ замѣтить, что и къ Канту Шадъ относился самостоятельно и нерѣдко выступалъ противъ излишняго поклоненія передъ его авторитетомъ. Въ особенности онъ вооружался противъ скептицизма Канта въ его „Критикѣ чистаго разума" и его положенія о невозможности для человѣческой мысли познанія Бога и души. Этимъ выводомъ стали пользоваться нѣкоторые католическіе теологи, чтобы основать на немъ необходимость высшаго откровенія и внѣшняго авторитета. Шадъ же твердо стоялъ на идеѣ саморазвитія духа и индивидуальнаго творчества въ области философіи. Монахъ—философъ повидимому примирился съ монастырскою жизнью: онъ выносилъ внѣшнее рабство во имя внутренней свободы духа. Но вдругъ Шаду было прислано письмо отъ герцога Виттенбергскаго, въ которомъ тотъ приглашалъ его на должность придворнаго проповѣдника. Прелатъ распечаталъ это письмо и сначала было хотѣлъ не давать его Шаду, но потомъ раздумалъ и вручилъ по принадлежности, при чемъ всячески убѣждалъ его остаться на мѣстѣ. Нѣсколько позже Шадъ получилъ вызовъ въ Страсбургъ, но также отказался отъ него. Положеніе его въ монастырѣ было однако теперь очень щекотливое: монахи-товарищи знали объ истинномъ образѣ его мыслей и не разъ выступали печатно противъ тенденцій, проведенныхъ въ его сочиненіяхъ, такъ что онъ долженъ былъ защищаться отъ ихъ обвиненія. Между

тѣмъ Шадъ серьезно заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ; къ нему относились съ нескрываемымъ нерасположеніемъ. Онъ правда выздоровѣлъ, но докторъ сказалъ, что болѣзнь оставила послѣдствія, и ему остается прожить не болѣе полугода. Тогда онъ рѣшился нанести свой послѣдній ударъ монашеству и написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Судьба почтеннаго отца Синцеруса“; это была ѣдкая сатирика на монашество. Онъ отдалъ его въ печать, но съ такимъ расчетомъ, чтобы оно вышло въ свѣтъ послѣ его смерти. Однако медикъ ошибся, здоровье его стало поправляться и ему ничего не оставалось болѣе, какъ бѣжать изъ монастыря. Онъ не безъ основанія опасался, что можетъ попасть въ руки инквизиціи, которая отправитъ его въ одинъ изъ испанскихъ монастырей. Замѣтивъ, что за нимъ слѣдятъ, онъ рѣшилъ бѣжать ночью черезъ окно. Ночь была особенно темная. Въ полночь, въ легкой одеждѣ, онъ совершилъ тотъ опасный для жизни прыжокъ изъ окна въ монастырскій садъ, о которомъ не разъ вспоминалъ впослѣдствіи; за тѣмъ онъ не безъ усилій перелѣзъ черезъ монастырскія стѣны и очутился на свободѣ. Но опасность все таки не миновала и тогда. Въ темнотѣ онъ три раза возвращался къ монастырю, сбиваясь съ дороги, и только на разсвѣтѣ укрылся въ ближайшей протестантской деревнѣ. Утромъ изъ монастыря по направленію къ Кобургу за нимъ отправлена была погоня, но онъ, оставаясь въ своемъ прибѣжищѣ, благополучно избѣжалъ ея. Такимъ образомъ, онъ сбросилъ цѣпи, которыя носилъ почти 21 годъ, хотя и лишился при этомъ своей библіотеки (стоившей до 2000 гульденовъ) и всѣхъ вещей. И такъ какъ монахи не хотѣли его оставить въ покоѣ, то онъ рѣшился принять протестанство (по заявленію гофрата Шнауберта, только это одно и могло спасти его отъ ихъ преслѣдованій). Пріѣхавъ въ Іену, Шадъ получилъ тамъ за свои прежніе ученые труды степень доктора философіи, а, представивъ извѣстному философу Фихте, преподававшему тамъ философію, изложеніе его ученія въ 3-хъ частяхъ и защитивъ диссертацію „De nexu philosophiae theoreticae cum practica“ получилъ должность приватъ-доцента. Когда же Фихте оставилъ преподаваніе, то рекомендовалъ студентамъ въ качествѣ своего преемника Шада. Это было въ 1799 г. (Шаду шелъ тогда 41-й годъ). Съ 1799 по 1804 годъ, состоя преподавателемъ въ Іенскомъ университетѣ, онъ издалъ также цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, а именно: 1) Grundriss der Wissenschaftlehre; 2) Geist der philosophie unserer Zeit; 3) Transcendentale Logik; 4) Ziemlich starke Abhandlung in dem philosophischen Journal; 5) Abhandlung über die Verbesserung des Mönchwesens; 6) System Natur und transcendental Philosophie; 7) Meine lebensgeschichte; 8) Pefahren

des Staates und der Religion von Seiten des Mönchstums; 9) Das Paradies der Liebe (монашескій романъ въ 2-хъ частяхъ).

Въ 1804 г. Шадъ занялъ мѣсто ординарнаго профессора философіи въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ самъ говоритъ, что ему предложили такія выгодныя условія, какихъ не могъ бы предложить ни одинъ изъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей извѣстному ученому: ему назначено было жалованье до 2400 талеровъ; кромѣ того каждая должность, которую занималъ профессоръ помимо каѳедры, оплачивалась въ Харьковѣ особо, такъ что всего ординарный профессоръ могъ получать до 3000 талеровъ; сверхъ того ему были обѣщаны подъемныя деньги и прогоны. Предложеніе было принято—и Шадъ переѣхалъ въ Харьковъ.

Сообщимъ теперь краткія біографическія свѣдѣнія и обо всѣхъ остальныхъ профессорахъ иностранцахъ, пользуясь ихъ формулярными списками, уцѣлѣвшими въ университетскомъ архивѣ. [1])

Леопольдъ Адамовичъ *Умляуфъ* родомъ изъ Эйхсфельда (въ Пруссіи). Былъ прежде профессоромъ нѣмецкой литературы въ Лембергѣ (т. е. Львовѣ) въ Галиціи. Въ Харьковскій университетъ перешелъ въ 1803 году, по приглашенію попечителя гр. С. О. Потоцкаго, на каѳедру латинской словесности и эстетики. Профессоръ химіи Иванъ Андреевичъ *Шнаубертъ* родомъ изъ Гиссена (Гессенской области). Обучался въ химическомъ институтѣ въ Эрфуртѣ; получилъ степень доктора философскаго факультета въ Іенѣ (въ 1803 г.), состоялъ членомъ многихъ ученыхъ обществъ; въ Харьковъ приглашенъ попечителемъ округа въ 1804 г.; ему тогда было всего 22 года. Другой профессоръ химіи и фармацевтъ Фердинандъ Ивановичъ *Гизе* родомъ изъ Кистрина (въ Пруссіи), сынъ пастора. Обучался въ Берлинѣ аптекарскому искусству и былъ практикантомъ въ Кроссенѣ, затѣмъ пробылъ два года въ лабораторіи въ Берлинѣ и слушалъ при этомъ лекціи въ химической и ботанической коллегіяхъ; написалъ много изслѣдованій по химіи и фармацевтикѣ; былъ сотрудникомъ химическаго журнала Шерера, послѣ того получилъ дипломъ члена Берлинскаго общества о составленіи лекарствъ и издалъ въ свѣтъ большое философско-химическое разсужденіе. У Геннади мы находимъ заглавіе этого сочиненія (Von den chemischen processen und den dabei sich darbietenden Erscheinungen, nebst darstellung der sie bewirkenden mittel und ursachen. Berlin. 1804) и сообщеніе, что Гизе получилъ степень доктора философіи въ Эрфуртскомъ университетѣ. [2]) Въ Харьковскій университетъ

---

[1]) Эти списки найдены въ числѣ разнаго архивнаго хлама архиваріусомъ университетскаго архива—кандидатомъ историческихъ наукъ М. М. Плохинскимъ и любезно указаны намъ, за что мы и приносимъ ему искреннюю благодарность.

[2]) Справочный словарь, I, стр. 214.

поступилъ, по приглашенію попечителя, въ 1804 году 26 лѣтъ отъ роду. Преподаватель этикополитическаго отдѣленія Іосифъ Матвѣевичъ *Лангъ* родомъ изъ Фрейбурга, что въ Бризгау, обучался во Фрейбургскомъ университетѣ философіи и правовѣдѣнію и тамъ же исправлялъ должность генеральнаго репетитора философіи и математики, а въ 1795 г. вслѣдствіе болѣзни тамошняго профессора математики исправлялъ его обязанность. Въ Харьковскій университетъ поступилъ адъюнктомъ философскихъ и математическихъ наукъ въ 1803 году, имѣя 29 лѣтъ отъ роду. Иванъ Францовичъ *Гамперле* нѣмецъ изъ Чешской Праги. Обучался въ Пражскомъ главномъ училищѣ, получилъ степень доктора общаго права и сдѣлался стряпчимъ Богемскаго королевства въ 1796 г. Въ Харьковскій университетъ поступилъ адъюнктомъ политическихъ наукъ и государственной экономіи въ 1803 году, по приглашенію гр. С. О. Потоцкаго, Даніилъ Ивановичъ *Шмерфельдъ* родомъ изъ Гессенъ-Касселя. Обучался въ Марбурскомъ университетѣ правовѣдѣнію и разнымъ частямъ политической экономіи, потомъ въ теченіе 5 лѣтъ былъ ассессоромъ казначейства въ Гессенскомъ курфюршествѣ, а оттуда въ 1804 г. перевелся въ Харьковъ адъюнктомъ статистики и технологіи 31 года отъ роду. Людовикъ Осиповичъ *Ванноти* изъ Фрейбурга въ Бризгау. Учился во Фрейбургскомъ университетѣ, гдѣ и получилъ степень доктора медицины въ 1798 г., состоялъ нѣсколько лѣтъ оберъ-хирургомъ при Императорской римской арміи во время войны съ Франціей, потомъ пробылъ одинъ годъ въ Вѣнѣ для усовершенствованія въ медицинѣ. Занимался затѣмъ практикою во Львовѣ, гдѣ и сочинилъ книгу о прививаніи коровьей оспы (на польскомъ языкѣ), которая заслужила одобреніе ученыхъ за ясность и полноту содержанія, что можно видѣть изъ рецензіи на нее, помѣщенной въ Зальцбургскомъ медицинскомъ хирургическомъ журналѣ (1804 года, 2-я часть, 163 стран.). Сверхъ того обучался практической анатоміи въ Арсбургѣ. Опредѣленъ, по предложенію попечителя, адъюнктомъ и прозекторомъ анатоміи въ 1805 году, имѣя 36 лѣтъ отъ роду. Бернгардъ Осиповичъ *Рейтъ* — уроженецъ г. Майнца. Учился въ Майнцѣ, Іенѣ, Лейпцигѣ и Геттингенѣ; въ Кенигсбергскомъ университетѣ получилъ степень доктора философіи, потомъ былъ президентомъ управы благочинія въ кантонѣ Мерштадтскомъ Монтанерскаго департамента (послѣ уступки лѣваго берега Рейна на Раштадтскомъ конгрессѣ 1798 г.); принятъ попечителемъ округа въ качествѣ лектора для преподаванія исторіи европейскихъ государствъ и статистики въ 1804 г. въ возрастѣ 36 лѣтъ. Антонъ Георгіевичъ *Рейнигъ*, родомъ изъ Бабенгаузена (въ Швабіи). Учился словеснымъ наукамъ въ Нугебиргѣ, философіи—въ Дилингскомъ университетѣ, затѣмъ пре-

подавалъ въ Вейнгартенскомъ монастырѣ нѣмецкій и латинскій языки, всеобщую географію и естественную исторію, поэзію, реторику, философію и математику; по уничтоженіи же монастыря, отправился въ Іенскій университетъ, гдѣ былъ удостоенъ преподаванія философіи. Принятъ попечителемъ гр. Потоцкимъ лекторомъ въ Харьковскій университетъ для преподаванія всеобщей исторіи въ 1805 году въ 36 лѣтнемъ возрастѣ. Өедоръ Васильевичъ *Пильгеръ* родомъ изъ г. Вецлара въ Германіи. Обучался медицинѣ въ Гиссенскомъ и Ерлангскомъ университетахъ и совершенствовалъ себя въ этой наукѣ въ теченіе шестилѣтняго пребыванія въ Берлинѣ, Майнцѣ, Вецларѣ и Марбургѣ, потомъ предпринялъ путешествіе для изученія скотолѣченія, но вездѣ занимался медицинской практикой до 1801 г., когда былъ назначенъ ветеринарнымъ врачемъ въ верхней части Гиссенскаго ландграфства и вмѣстѣ съ тѣмъ преподавателемъ этого предмета въ Гиссенскомъ университетѣ. Издалъ въ свѣтъ слѣдующія работы: 1) Вецларскіе анналы или отрывки разнаго содержанія для распространенія просвѣщенія, въ 4-хъ книгахъ, 1790 г.; 2) О дѣтоубійствѣ, медико-юридическое сочиненіе, 1790 г.; 3) Идеи, какъ поступать съ евреями въ Германіи, политическое разсужденіе, 1795 г.; 4) О болѣзни такъ называемой „одутье“ коровъ, лошадей и овецъ, 1800 г.; 5) Опыты, какъ чрезъ гальванизмъ испытывать дѣйствія разныхъ ядовитыхъ и лѣкарственныхъ средствъ на возвышенную или уменьшенную раздражительность нервовъ, 1801 года; 6) Краткое разсужденіе о коровьей оспѣ и ея прививаніи, 1800 года; 7) Наставленіе хозяевамъ, какъ разводить, содержать и лѣчить скотъ, 1802 г.; 8) Систематическое руководство практической и теоретической науки скотолѣченія, въ 2 книгахъ, 5 частяхъ, 1801—1804 г.; 9) Разсужденіе объ испанской головной болѣзни лошадей, 1805 г.; 10) Пространное сочиненіе о сифилитическомъ раздраженіи и прочемъ печатается во Франкфуртѣ. Сверхъ того Пильгеръ издалъ частію подъ своимъ именемъ, частію безъ имени много драматическихъ и „эстетическихъ“ пьесъ. Утвержденъ профессоромъ Харьковскаго университета въ 1806 г. 46 лѣтъ отъ роду. Вильгельмъ Өедоровичъ *Дрейсигъ*, сынъ директора соляныхъ заводовъ, уроженецъ Прусскаго города Галле. Окончивъ гимназію, поступилъ въ университетъ въ Галле на медицинскій факультетъ въ 1787 г., гдѣ обучался философіи, математикѣ, естественной исторіи, физикѣ, химіи и въ особенности медицинскимъ наукамъ. Усовершенствовавъ себя въ этихъ послѣднихъ, онъ занимался практикою въ университетской клиникѣ и другихъ больницахъ, а въ 1793 г. отправился въ Эрфуртъ, гдѣ подвергался строгому экзамену для полученія должности экстраординарнаго профессора и защитилъ диссертацію на сте-

пень доктора медицины подъ заглавіемъ „De ophthalmia neonatorum". Но военныя обстоятельства заставили его оставить Эрфуртъ. Поэтому, получивъ разрѣшеніе отъ врачебнаго отдѣленія Лейпцигскаго университета на производство врачебной практики, онъ занимался ею съ успѣхомъ въ теченіе 6 лѣтъ въ Кверфуртѣ, Дрезденѣ и Пирнѣ, получивъ также должность врача въ крѣпости Кенигштейнъ; въ этой должности онъ пробылъ 9 лѣтъ. Въ теченіе 14 лѣтъ имъ были изданы слѣдующія сочиненія: 1) Ручная книга патологіи хроническихъ болѣзней, Лейпцигъ, 1-я часть, 1796 г., 2-я часть 1799 г.; книга эта была переведена на голландскій языкъ; 2) Ручная книга врачебной діагностики, Эрфуртъ, 1-я часть, 1801 г., 2-я часть 1803 г.; переведена на французскій языкъ; 3) Нѣсколько диссертацій, помѣщенныхъ въ журналахъ, издававшихся Болдингеромъ и Гуфляндомъ; 4) Ручная книга врачебной клиники, Эрфуртъ, 1-я часть, 1806 г., 2-я часть 1807 г. (сочиненіе это должно было состоять изъ 6 книгъ). Избранъ былъ совѣтомъ Харьковскаго университета въ ординарные профессора клиники въ 1805 г., а утвержденъ въ этой должности въ 1807 году, имѣя 37 лѣтъ отъ роду. Людвигъ Кондравьевичъ *Якобъ* — уроженецъ Пруссіи Магдебургскаго герцогства. Окончивъ гимназію, поступилъ въ 1777 году въ Гальскій университетъ, гдѣ изучалъ филологію, исторію, математику, философію, педагогику и богословіе у славныхъ профессоровъ—Землера, Шица, Кнаппія, Нессельта, Эбергарда, Нимеера и Каретека; по выдержаніи установленнаго экзамена и по защитѣ диссертаціи „De allegoria Homerica", удостоенъ званія доктора философіи (въ 1785 г.). Въ 1787 году былъ избранъ экстраординарнымъ, а въ 1791 г. ординарнымъ профессоромъ того же университета. Преподавая филологическія и философскія науки, имѣлъ многочисленную аудиторію. Но такъ какъ по прошествіи 10 лѣтъ его преподаванія стала господствовать новая система философіи, несходная съ его мнѣніями, то онъ оставилъ этотъ предметъ и сталъ читать лекціи по исторіи и политикѣ, которыя также имѣли большой успѣхъ (за нихъ онъ получилъ письменную благодарность отъ Прусскаго короля) Три года сряду Якобъ былъ ректоромъ университета. За свои сочиненія „О безсмертіи души" и „Существѣ Бога" получилъ высшія награды отъ Лейденскаго и Гарлемскаго ученыхъ обществъ. По составленнымъ имъ компендіумамъ логики, математики, метафизики, психологіи и естественнаго права, эти предметы преподавались не только во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, но и въ Даніи и Венгріи. Сочиненіе его „Общая религія" имѣло такой успѣхъ, что 2500 экземпляровъ его разошлись въ нѣсколько дней и нужно было печатать его 2-мъ изданіемъ. Въ теченіе 20 лѣтъ Якобъ издалъ въ свѣтъ 35 сочиненій, изъ коихъ

важнѣйшія суть слѣдующія: 1) Начертаніе общей логики и критическія первоначальныя основанія метафизики, 5-е изданіе, Галле, 1800 г.; 2) Начертаніе опытной психологіи, 3-е изд., 1800 г.; 3) Философское нравоученіе, Галле, 1794 г.; 4) Доказательство безсмертія души, взятое изъ понятія должностей, Циллихау, 1-е изд., 1790 г., 2-е съ нѣкоторыми перемѣнами, 1794 г.; 5) О доказательствахъ бытія Божія, 2-е изданіе этого сочиненія о нравственномъ доказательствѣ бытія Божія съ присоединеніемъ новаго философскаго разговора, въ которомъ утверждаются всѣ умозрительныя доказательства бытія Божія, Либава, 1798 г.; 6) Философское ученіе правъ, Галле, 1795 г.; 7) Анналы философіи и философскаго духа, издававшіеся обществомъ ученыхъ два года, Галле, 1795 и 1796 гг.; 8) Небольшія сочиненія разнаго содержанія по богословію, нравоученію, политикѣ и психологіи, Галле, 1797 г.; 9) Всеобщая религія, 3-е изданіе подъ заглавіемъ „Практическая философія", 1801 г.; 10) Правило мудрости человѣческой жизни или практическая философія, 1-я часть, 1801 г.; 11) Правила народной экономіи или науки народнаго хозяйства, Галле, 1805 г. По уничтоженіи университета въ Галле, проф. Якобъ избранъ былъ въ ординарные профессора Харьковскаго университета по каѳедрѣ дипломатики и политической экономіи въ 1807 г., въ 49-ти лѣтнемъ возрастѣ. Иванъ Ивановичъ *Гутъ*— сынъ бывшаго королевскаго архитектора въ Гальберштадскомъ княжествѣ. Прошелъ курсъ словесныхъ наукъ (съ 1772 по 1782 г.) въ Гальберштадской школѣ каѳедральной церкви. Затѣмъ отправился для продолженія наукъ въ Гальскій университетъ, гдѣ изучалъ философскія, физическія и математическія науки (до 1785 г.). По выходѣ изъ университета, выдержавъ экзаменъ и защитивъ диссертацію „De protrahendis Matheseos purae limitibus", получилъ степень доктора философіи и магистра свободныхъ наукъ и былъ преподавателемъ въ университетѣ до 1789 года, когда призванъ былъ Прусскимъ королемъ во Франкфуртскій университетъ на должность ординарнаго профессора математики и физики; тутъ онъ преподавалъ не только всѣ части теоретической и практической математики, а и опытную физику, химію, гражданскую и военную архитектуру. Состоялъ членомъ Гальскаго общества естествоиспытателей, Гальберштадскаго ученаго общества, Франкфутскаго общества наукъ и художествъ, Эрфуртскаго физикоматематическаго, экономическаго Потсдамскаго и Берлинскаго естественноисторическаго обществъ. Ему принадлежатъ слѣдующіе труды: 1) De protrahendis Matheseos purae limitibus, Halae, 1787; 2) Anfangsgründe der Angewandten Mathematik, Halae, 1789; 3) Allg. magaz. für burgerl. Baukunst, 2 B. Weimar, 1789—1796; 4) Beschrei-

bung d. neuen optischen Schleifmühie d. Abtes Toffeli, Ber., 1796; 5) Lamberts Abhandl. über einige anustische Instrumente, übersetzt mit Züsätzen, 1796; 6) Versuche über d. Anhän gen d. Wassers an verschied. Holzarten (Green N. Journ. III, 1796); 7) Ueber die Sonnenflecken und Sonnenfackeln (N. Schr. d. Berl. geselsch. naturf. Frs. 1801); 8) Ueber die chemisch-electrische Wirkungsweite einer Voltaischen Säule (N. Schr. d. Berl. Gesel., IV, 1803); 9) Ueber die einfachste Compensation des Pendels (Astr. Jarb. für das Jahr. 1803, herausg. von J. E. Bode); 10) Beobachtung eines beweglischen sterns im Löwen (Astr. Jarb. für das Jar. 1805); 11) Vermischte physikal. Notizen (Gilb. An., XIX, 1805); 12) Письмо Гута къ Боде изъ Лондона отъ 10 сент. 1802 г. о посѣщенiи Гринвической обсерваторiи (Astr. Jarb.); 13) Einige astronomisch — physische Beobachtungen (Astr. Jarb. für d. Jahr 1807); 14) Письмо Гута къ Боде о происхожденiи малыхъ планетъ (Astr. Jahrb. für d. J. 1807); 15) Electr. Meteore (Gilb. Ann. XIX, 1805 [1]). И такъ, до 1801 г. Гутъ работалъ по прикладной математикѣ, архитектурѣ, практической механикѣ и физикѣ, а затѣмъ сосредоточился на астрономiи и прiобрѣлъ почетную извѣстность въ ученомъ мiрѣ въ качествѣ астронома: между прочимъ онъ открылъ нѣсколько кометъ. У него была своя собственная обсерваторiя, въ которой были хорошiе астрономическiе и физическiе инструменты, изготовленные въ Англiи, естественно историческая коллекцiя и спецiальная научная библiотека; „наблюденiя самого Гута на его обсерваторiи имѣли главнѣйшею цѣлью изученiе физическаго строенiя тѣлъ солнечной системы, а также изученiе двойныхъ звѣздъ, туманностей, зодiакальнаго свѣта и пр." [2]). Избранъ совѣтомъ Харьковскаго университета въ ординарные профессора прикладной математики Гутъ въ 1807 г., утвержденъ въ этой должности въ 1808 г., 47 лѣтъ отъ роду. Карлъ Карловичъ *Нельдехенъ* родомъ изъ города Цилихау (въ Саксонiи), сынъ тайнаго совѣтника. Окончивъ гимназiю въ Берлинѣ, поступилъ въ 1791 году въ Кенигсбергскiй университетъ, гдѣ слушалъ философiю, камеральныя права и другiе вспомогательные предметы, а въ 1793 г. получилъ степень доктора философiи у славнаго профессора Эмануила Канта. Возвратившись въ Берлинъ, онъ получилъ мѣсто секретаря въ управленiи соляныхъ заводовъ и коммерцiи, а затѣмъ совѣтника въ управленiи удѣльныхъ королевскихъ имѣнiй въ Померанiи; состоялъ членомъ Потсдамскаго экономическаго общества. Издалъ

[1]) Пр. Г. В. Левицкаго. Астрономы и астр. обсерв. Харьк. университета отъ 1808 по 1842-й годъ; Х. 1893, стр. 4—5.

[2]) Ibidem, стр. 6.

слѣдующія сочиненія: 1) о разведеніи свеклы и пр., въ 3-хъ частяхъ; 2) Анналы сельскаго домоводства въ Прусскихъ провинціяхъ—Курбранденбургъ и Нейбранденбургъ; 3) Естественно-историческій словарь по сельскому домоводству, въ 2-хъ томахъ. Перевелъ съ латинскаго языка на нѣмецкій: 1) Сочиненіе Мезели о сахарѣ; 2) Описаніе сельскаго хозяйства въ графствѣ Мидленскомъ, въ 2-хъ томахъ, сочиненіе Медлетона; 3) Практическій разводитель растеній; сочиненіе Николи; 4) Новый календарь сельскаго домоводства въ 2-хъ частяхъ. Избранъ и утвержденъ профессоромъ сельскаго хозяйства въ Харьковскомъ университетѣ въ 1811 году, имѣя 39 лѣтъ отъ роду. Фердинандъ Львовичъ *Швейкардтъ* уроженецъ города Ярбаха. Окончивъ Ганнаусскую гимназію, поступилъ студентомъ въ Марбургскій университетъ (въ 1797 году), гдѣ изучалъ правовѣдѣніе подъ руководствомъ знаменитыхъ ученыхъ Вейса, Роберта и Бодера; кромѣ того слушалъ лекціи политики у профессора Юнія, математики и физики у Гауфа, Потомъ для усовершенствованія себя въ философскихъ и юридическихъ наукахъ онъ отправился въ Іенскій университетъ, въ которомъ тогда преподавали правовѣдѣніе извѣстные своею ученостью профессора Гуфеландъ, Шнаубертъ и Фейербахъ. Онъ усердно посѣщалъ ихъ лекціи и удостоенъ былъ званія доктора обоихъ правъ. Возвратившись оттуда на родину и выдержавши экзаменъ, онъ былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ, причемъ съ успѣхомъ выступалъ въ качествѣ адвоката не только въ провинціи, но и въ высшихъ присутственныхъ мѣстахъ—въ Вѣнѣ и Вецларѣ. Послѣ этого князь Гогенлоэ поручилъ ему воспитаніе своихъ дѣтей, и въ этой должности онъ оставался до смерти князя въ 1806 г. Съ этого же года онъ избралъ уединенный образъ жизни, занимался историческими работами и, пріобрѣвъ нѣкоторую извѣстность, отправился въ Гейденбургскій университетъ, въ которомъ занялъ каѳедру римскаго права, его исторіи и древностей; приглашенъ въ Харьковскій университетъ въ 1811 году. Наконецъ, адъюнктъ Андрей Михайловичъ *Тауберъ* также долженъ быть причисленъ къ иностраннымъ выходцамъ, хотя сталъ работать на пользу русской науки гораздо раньше поступленія своего въ Харьковскій университетъ. Онъ учился въ Эйзенбергской и Гальской гимназіяхъ, а потомъ въ Іенскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ, занимался преимущественно естественной исторіей и особенно минералогіей, для чего посѣщалъ также Горную Академію во Фрейбергѣ. Затѣмъ онъ преподавалъ эту науку въ теченіе 4-хъ лѣтъ въ Дрезденѣ и путешествовалъ 6 лѣтъ по Германіи и Даніи для изученія лучшихъ минералогическихъ кабинетовъ. Потомъ онъ составилъ минералогиче-

ское описаніе находящихся около Дрездена горъ, которое вмѣстѣ съ картою и 6-ю рисунками, изображающими внутреннее строеніе этихъ горъ, было издано въ 1799 году въ Нюренбергѣ. За эту работу онъ былъ избранъ корреспондентомъ минералогическаго и физическаго общества въ Іенѣ, а потомъ и Геттингенскаго общества. Въ 1805 г. онъ вступилъ въ русскую службу, именно былъ опредѣленъ минералогомъ при главномъ правленіи училищъ для приведенія въ порядокъ минеральныхъ коллекцій, присланныхъ изъ Сибири и предназначавшихся для разныхъ университетовъ и подвѣдомственныхъ имъ училищъ. Въ 1808-мъ году онъ былъ избранъ въ адъюнкты Московскаго университета и отправленъ университетомъ для собиранія минераловъ въ Сибирь, гдѣ въ теченіе двухъ лѣтъ изучалъ заводы въ Уральскихъ горахъ; въ Москву вернулся съ значительной коллекціей минераловъ, а также картъ и чертежей, изображавшихъ какъ внутреннее, такъ и наружное строеніе горъ, и сдѣлалъ докладъ объ этомъ въ обществѣ естествоиспытателей. Въ 1811 году университетъ избралъ было его для вторичнаго путешествія, но этому помѣшала война съ французами: и онъ по порученію университета сталъ писать сочиненіе, посвященное минералогическому описанію Уральскихъ горъ. Въ это время произошло вторженіе Наполеона въ Москву—и Тауберъ, потерявъ все свое имущество, библіотеку, математическіе инструменты, и указанное выше сочиненіе, принужденъ былъ бѣжать оттуда въ Харьковъ, гдѣ и получилъ въ 1813 году должность адъюнкта, а въ концѣ года сдѣланъ экстраординарнымъ профессоромъ.

Таковы были *нѣмецкіе* профессора, вызванные изъ разныхъ пунктовъ ученой Германіи для занятія каѳедръ въ Харьковскій университетъ. Гораздо малочисленнѣе была группа *французскихъ* ученыхъ: ихъ было всего четыре человѣка. Францъ Александровичъ *Делявинъ* французъ изъ Аміена (Сомскаго департамента). Учился въ Германіи въ Ерлангенскомъ и Вюрцбургскомъ университетахъ въ теченіе 6 лѣтъ; въ 1799 г. получилъ отъ перваго степень доктора медицины. Представилъ при поступленіи на службу въ Харьковъ слѣдующіе документы: 1) матрикулъ отъ Ерлангенскаго университета; 2) дипломъ на званіе доктора медицины отъ того же университета; 3) свидѣтельство отъ медицинскаго факультета въ томъ, что онъ съ отличнымъ усердіемъ и успѣхомъ занимался медициной и вспомогательными науками; 4) такое же свидѣтельство отъ профессоровъ медицинскаго факультета въ Вюрцбургѣ—Томана, Зебольда и Гельмана; 5) удостовѣреніе отъ ректора Геттингенскаго университета Мейера, что онъ въ теченіе 7 мѣсяцевъ слушалъ лекціи и въ этомъ университетѣ. Сверхъ того онъ представилъ дипломы на званіе корреспондента Іен-

скаго минералогическаго общества, члена Ратисбонскаго ботаническаго общества, Геттингенскаго физическаго и фотографическаго общества. Печатныхъ ученыхъ трудовъ у него повидимому не было. Въ Харьковъ онъ перешелъ профессоромъ ботаники еще въ 1803 году 36 лѣтъ отъ роду. Антонъ Антоновичъ *Дегуровъ*—французъ родомъ изъ Ноганантъ близъ Клермонта. Былъ профессоромъ изящныхъ наукъ въ королевскомъ коллегіумѣ Деляфлешъ, потомъ профессоромъ исторіи въ Парижской центральной школѣ. Издалъ слѣдующіе труды: 1) публичную и тайную исторію французскаго короля Генриха IV; 2) исторію Оливера Кромвеля; 3) мемуаръ, оправдывающій Людовика XVI; 4) обозрѣніе исторіи Франціи. Избранъ совѣтомъ Харьковскаго университета въ ординарные профессора всемірной исторіи, географіи и статистики въ концѣ 1806 года, а утвержденъ министромъ въ должности экстраординарнаго профессора въ началѣ 1807 года. Яковъ Николаевичъ *Беленъ де Баллю*—французъ изъ Парижа (родился въ 1753 г.). Былъ членомъ Парижской королевской академіи надписей, потомъ совѣтникомъ монетнаго департамента, членомъ національнаго института въ Парижѣ. Ему принадлежатъ слѣдующіе ученые труды: 1) Oppiani poëmata de Venatione et Piscatione cum interpretatione latina et scholiis. Stras. 1785; 2) La Chasse, poëme d'Oppien traduit en français, 1787; 3) Oeuvres de Lucien, traduites en français avec des notes historiques, litteraires et critiques, 1788, 6 vol.; 4) Histoire critique de l'éloquence chez les Grecs et les Romaines, 1803, 2 vol. [1]). Въ русскую службу перешелъ по приглашенію попечителя Новосильцева—профессоромъ греческой и французской литературы въ Харьковскій университетъ—въ 1803 году 49 лѣтъ отъ роду. Николай Николаевичъ *Паки де Савиньи*—французъ изъ Нанси. Обучался въ г. Нанси и въ Парижскомъ университетѣ. Представилъ удостовѣреніе отъ шталмейстера Галиціи и Лодомеріи графа Бѣлогурскаго, что, окончивъ курсъ наукъ въ Нанси, получилъ тамъ же степень доктора философіи и послѣ этого въ теченіе 5 лѣтъ обучалъ на французскомъ языкѣ словесности, географіи и исторіи дѣтей графа Кастиліо. Поступилъ адъюнктомъ философіи и французской словесности въ Харьковскій университетъ по приглашенію гр. С. О. Потоцкаго въ 1803 году 33 лѣтъ отъ роду.

Третью группу иностранныхъ выходцевъ составляютъ *славяне*; ихъ было 7 человѣкъ. Ѳеанасій Ивановичъ *Стойковичъ*—славянинъ изъ г. Румы, обучался въ Венгріи въ Эденбургѣ, потомъ въ Сегединской и Пресбургской академіи высшихъ наукъ и наконецъ слушалъ въ теченіе

---

[1]) Dictionnaire universel d'histoire et de geographie. Bouillet. Par. 1855, p. 192—193.

2-хъ лѣтъ лекціи въ Геттингенскомъ университетѣ. Получилъ степень доктора свободныхъ наукъ и философіи въ Тюбингенскомъ университетѣ. Состоялъ членомъ обществъ—Великобританскаго королевскаго въ Геттингенѣ, Пражскаго ученаго, естественно-историческаго въ Іенѣ. Издалъ слѣдующіе труды: 1) физику на сербскомъ языкѣ въ трехъ томахъ; 2) Кондоръ или открытіе таинствъ; 3) Аристидъ и Наталія; 4) Сербскій секретарь; 5) много мелкихъ работъ. Представилъ при поступленіи своемъ на русскую службу 18 одобрительныхъ аттестатовъ отъ разныхъ профессоровъ Пресбургской академіи и Геттингенскаго университета; въ нихъ отмѣчается его огромное прилежаніе, способность и примѣрное поведеніе, при чемъ оказывается, что онъ серьезно изучалъ не только свою главнѣйшую науку физику, а и много другихъ соприкасающихся съ ней предметовъ. Приведемъ нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ. Профессоръ физики въ Пресбургской академіи Панкель писалъ: „Стойковичъ при отличныхъ дарованіяхъ, посѣщалъ съ одинаковымъ прилежаніемъ всѣ лекціи физики и будучи подвергнутъ публичному испытанію, оказался первымъ между превосходнѣйшими, а кромѣ того своимъ честнымъ и примѣрнымъ поведеніемъ заслужилъ всеобщее уваженіе“. Первымъ оказался Стойковичъ по своимъ успѣхамъ на экзаменахъ и въ другихъ предметахъ (архитектурѣ, гидравликѣ, логикѣ, метафизикѣ, естественномъ и публичномъ правѣ, всеобщей исторіи). Такіе же отличные успѣхи Стойковичъ обнаружилъ въ Геттингенскомъ университетѣ по физикѣ, сельскому хозяйству, критической философіи, логикѣ, исторіи, богословію, математикѣ, какъ это видно изъ отзывовъ профессоровъ Лихтенберга, Бекмана, Буле, Гаттерера, Штейдлина, Тибо. Послѣдній заявлялъ, что „Стойковичъ обучался у него въ приватныхъ лекціяхъ важнѣйшимъ и труднѣйшимъ частямъ математической аналитики и прикладной математики съ отличнымъ прилежаніемъ и выказалъ остроту ума, легко понимая самыя отвлеченныя части математики“. Буле съ своей стороны подтверждалъ, что „Стойковичъ не только наставляемъ имъ былъ въ приватныхъ лекціяхъ логикѣ и метафизикѣ, но еще слушалъ весьма прилежно у него съ прочими своими земляками преподававшуюся имъ въ приватнѣйшихъ лекціяхъ (privatissima) во всемъ объемѣ философію, сверхъ сего обучался историческимъ, математическимъ и физическимъ наукамъ, читалъ самыя лучшія по симъ предметамъ сочиненія, какими изобилуетъ библіотека Геттингенскаго университета“; въ заключеніе высказывалъ пожеланіе, чтобы правительство обратило вниманіе на Стойковича. Извѣстный Шлецеръ заявлялъ, что Стойковичъ слушалъ его лекціи по исторіи Европы, статистикѣ и политикѣ съ превосходнымъ, хорошо извѣстнымъ ему прилежаніемъ и успѣхомъ; точно

такіе же отзывы послѣдовали и отъ профессора энциклопедіи Гуго, профессора церковнаго права Лейста, профессора всеобщей исторіи и исторіи наукъ и искусствъ Эйхгорна. Константинъ Павловичъ *Павловичъ*—дворянинъ изъ Венгріи. Обучался сначала въ Сегединской и Будимской гимназіяхъ, а потомъ въ Пештскомъ университетѣ физикоматематическимъ, каноническимъ, политико-статистическимъ предметамъ; въ 1805 году получилъ степень доктора свободныхъ художествъ и философіи и тогда же назначенъ присяжнымъ нотаріусомъ. Въ 1806 г. вызванъ въ Россію и получилъ мѣсто учителя естественной исторіи, технологіи и коммерціи въ землѣ Войска Донскаго, откуда переведенъ на учительскую должность по тѣмъ же предметамъ въ Харьковскую гимназію. Находясь въ этой должности, онъ также читалъ чиновникамъ при университетѣ курсъ римскаго права, а въ 1811 году перемѣщенъ 29-ти лѣтъ отъ роду адъюнктомъ въ университетъ по римскому праву. Савва Петровичъ *Милиновичъ* родился въ Европейской Турціи, въ главномъ городѣ Босніи Сараевѣ; въ своемъ отечествѣ обучался начальнымъ основаніямъ греческаго языка. На 11 году жизни отправленъ былъ въ Грецію, гдѣ въ теченіе 5 лѣтъ въ тамошнихъ высшихъ училищахъ изучалъ древнегреческій языкъ и словесность. Въ 1789 г. изъ Греціи переѣхалъ въ Россію и поступилъ въ Московскую славяногреколатинскую академію, гдѣ изучалъ исторію, риторику, философію, богословіе, латинскій и русскій языкъ. По окончаніи тамъ курса поѣхалъ съ бывшимъ Славенскимъ и Херсонскимъ архіепископомъ Евгеніемъ въ Петербургъ и находился при немъ до 1792 г., когда отправленъ былъ иностранной коллегіей при русскомъ посольствѣ въ Голландію, гдѣ обучался французскому языку и словесности. Въ 1796 году уволился отъ службы и отправился на свой счетъ въ Германію, гдѣ посѣщалъ университеты. Затѣмъ снова вернулся въ Петербургъ, и оттуда поѣхалъ въ Орловскую губернію, гдѣ въ теченіе 4-хъ лѣтъ занимался частными уроками. Потомъ переѣхалъ въ Петербургъ и, выдержавъ экзаменъ при педагогическомъ институтѣ, былъ назначенъ въ 1804 г. графомъ С. О. Потоцкимъ на учительскую должность въ Черниговскую гимназію (по философіи, изящнымъ наукамъ и политической экономіи). Въ 1812 г. избранъ былъ адъюнктомъ греческаго языка и словесности въ Харьковскій университетъ 45 лѣтъ отъ роду. Георгій Георгіевичъ *Коритари*—славянинъ родомъ изъ Карпона. Съ 1795 по 1798 годъ слушалъ лекціи въ Іенскомъ университетѣ у славныхъ профессоровъ: Гуфланда, Лодера, Старка и Батиса по медицинѣ, хирургіи, химіи и фармаціи. Послѣ этого, путешествуя для усовершенствованія себя въ наукахъ, посѣтилъ Лейпцигъ, Галле, Берлинъ, Брунсвигъ, Ганноверъ, Вюрцбургъ

и Бамбергъ, причемъ въ послѣднемъ занимался практикою въ госпиталѣ подъ руководствомъ Маркуса и Реплауба; потомъ направился въ Вѣну и, съ согласія славнаго профессора Франка, повторялъ студентамъ лекціи по терапіи. Въ 1801 году въ Пештѣ получилъ степень доктора медицины и магистра окулистики и занимался врачебною практикою. Тамъ онъ въ 1803 г. послѣ экзамена и трехдневнаго состязанія съ конкурентами долженъ былъ получить мѣсто штатнаго профессора окулистики, но этому помѣшала его религія. Состоялъ почетнымъ членомъ Іенскихъ обществъ испытателей природы и минералогическаго. Въ 1805 г. избранъ совѣтомъ Харьковскаго университета въ ординарные профессора „врачебнаго веществословія" (т. е. фармакологіи), фармаціи Андрей Ивановичъ *Дудровичъ* 35 лѣтъ отъ роду. По окончаніи гимназіи въ Офенѣ (въ Венгріи) онъ поступилъ въ Пештскій университетъ, гдѣ изучалъ математику, физику, философію, всемірную исторію, естественную исторію, технологію, латинскую словесность, нумизматику, дипломатику, естественное, общегражданское и народное право. Потомъ въ Кашавской академіи (въ Венгріи) изучалъ венгерское право и политическія науки. По окончаніи курса былъ присяжнымъ нотаріусомъ въ Пештѣ; затѣмъ перешелъ учителемъ естественной исторіи, технологіи и коммерціи въ Черниговскую гимназію, а оттуда перевелся въ Харьковскую гимназію (въ 1811 году), гдѣ сверхъ того преподавалъ въ старшихъ классахъ еще латинскій языкъ. Въ 1814 г. послѣ экзамена избранъ былъ въ адъюнкты Харьковскаго университета (по философіи) и въ томъ же году получилъ на этико-политическомъ отдѣленіи своего факультета степень доктора философіи. Преподавалъ студентамъ логику и опытную психологію еще въ 1812 году. О Федорѣ Ивановичѣ *Филипповичѣ* и Григоріѣ *Терлаичѣ* свѣдѣній не имѣемъ; но они впрочемъ и не были въ сущности фактическими преподавателями въ Харьковскомъ университетѣ: первый былъ избранъ адъюнктомъ по каѳедрѣ правъ важнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ, еще до открытія университета, тогда же отправился заграницу и назадъ не вернулся; второй занималъ мѣсто профессора въ педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ, въ 1811 году былъ перемѣщенъ на каѳедру естественнаго, государственнаго и народнаго права въ Харьковскій университетъ (въ качествѣ ординарнаго профессора), но здѣсь вскорѣ послѣ пріѣзда скончался [1]).

Таковы были профессора-иностранцы. Обратимся теперь къ профессорамъ туземнаго происхожденія. Всѣхъ ихъ было 13 человѣкъ.

---

[1]) Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности, стр. 12—13.

Самыя подробныя свѣдѣнія сохранились объ И. Ѳ. Тимковскомъ—онъ при жизни напечаталъ свои мемуары [1]), которые представляютъ огромный интересъ не только для его личной біографіи, но и для характеристики русскаго воспитанія въ концѣ XVIII в. вообще. И. Ѳ. послѣдовательно и подробно разсказываетъ въ нихъ о своемъ домашнемъ обученіи, о пребываніи въ Переяславской духовной семинаріи, въ Кіевской духовной академіи и наконецъ Московскомъ университетѣ. „Я родился, говорилъ И. Ѳ. Тимковскій, въ Переяславлѣ (уѣздномъ городѣ Полтавской губерніи). Отецъ мой служилъ въ Переяславскомъ полку полковымъ эсауломъ, въ родѣ начальника штаба; и какъ военные чины

---

[1]) Они напечатаны въ журналѣ „Москвитянинъ“ (1852, №№ 17, 18 и 20) подъ заглавіемъ „Мое опредѣленіе въ службу. Сказаніе въ трехъ частяхъ, 1850 года“. Важное значеніе ихъ понялъ и опредѣлилъ издатель журнала М. П. Погодинъ. „Этою въ высшей степени любопытною и драгоцѣнною статьею, писалъ онъ, редакція обязана старшему воспитаннику Московскаго университета, бывшему директору Новгородъ-Сѣверской гимназіи, ст. сов. И. Ѳ. Тимковскому“. Появились они въ свѣтъ такимъ обрзомъ. Извѣстный историкъ и этнографъ М. А. Максимовичъ былъ племянникомъ Тимковскаго; онъ же, какъ извѣстно, былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Погодинымъ. Этому послѣднему онъ сообщилъ разсказы своего дяди; а Погодинъ немедленно попросилъ Тимковскаго дать свои воспоминанія о Шуваловѣ. Тимковскій давно уже задумалъ описать свою жизнь для сына Василія — и теперь рѣшился выполнить этотъ трудъ по частямъ; на первый разъ онъ обработалъ ту часть своей біографіи, которая обнимаетъ время дѣтства, обученія и поступленія на службу. Впрочемъ авторъ сообщаетъ здѣсь свѣдѣнія не только о своей жизни, но и жизни своихъ современниковъ, что придаетъ его запискамъ общій интересъ. Мало того: и то, что онъ говоритъ лично о себѣ, въ высшей степени важно и поучительно—все это служитъ правдивой характеристикой того XVIII в., который для людей XIX в. представлялся уже чѣмъ то отдаленнымъ, на которомъ лежала яркая печать переходной эпохи. И. Ѳ. Тимковскій изображаетъ намъ въ своихъ мемуарахъ бытъ старой казацкой Малороссіи; его отецъ былъ типичнымъ представителемъ казацкой старшины. Весь складъ жизни въ его семьѣ, такъ же точно какъ и въ семьяхъ его родичей—сосѣднихъ пановъ былъ старинный, малороссійскій. Характерныя особенности этого быта наиболѣе замѣтно проявлялись въ системѣ воспитанія: тутъ передъ нами, какъ въ зеркалѣ, вся старая Малороссія, съ ея дьяками-учителями и монашенками-учительницами, съ „мандрованными“ (странствующими) семинаристами, съ ихъ своеобразными пріемами обученія, съ ихъ виршами и т. п. Не менѣе характернымъ является въ изображеніи Тимковскаго и бытъ тогдашней Переяславской семинаріи и Кіевской духовной академіи. Въ нихъ постоянно училось въ XVII и XVIII вв. значительное количество лицъ, принадлежавшихъ къ свѣтскому обществу; желали получить тамъ только образованіе, но вовсе не стремились къ духовному званію. Къ такому составу учащихся приспособлялись до нѣкоторой степени самыя программы этихъ духовныхъ школъ. Кромѣ того, для нѣкоторыхъ онѣ служили только переходною ступенью къ высшимъ свѣтскимъ училищамъ (Московскому и заграничнымъ университетамъ). Тимковскій

отправляли вмѣстѣ и гражданскія дѣла, онъ имѣлъ должность полковаго почтмейстера; послѣ переименованъ коллежскимъ ассесоромъ. Мы имѣли въ городѣ свой домъ съ большимъ садомъ, отъ моего прадѣда, но жили по должности (отца) за устьемъ Альты, на берегу Трубежа, въ домѣ бывшемъ кн. Трубецкаго, поступившемъ въ полковое вѣдомство. Въ 1777 году мы переселились въ Золотоношскую сотню въ свое имѣніе. Я возрасталъ въ селѣ Деньгахъ при рѣкѣ Крапивнѣ, потомъ въ деревнѣ при рѣкѣ Згари, на горахъ съ дубовымъ лѣсомъ по яругамъ, на открытыхъ поляхъ, усѣянныхъ высокими курганами, откуда глазъ обнимаетъ по сторонамъ три села, хутора и стада; на югъ синѣются за

также изъ академіи перешелъ въ Московскій университетъ. Здѣсь, конечно, были уже совсѣмъ иныя условія ученія и быта. Впрочемъ и въ самой Малороссіи въ это время произошли уже существенныя измѣненія: пала гетманщина и Запорожье; казацкая старшина превратилась въ чиновниковъ и офицеровъ, стремившихся во всемъ походить на русское дворянство. Не избѣжалъ этой перемѣны и отецъ Тимковскаго: онъ былъ прежде полковымъ эсауломъ, а теперь превратился въ засѣдателя уѣзднаго суда. „Я помню, говоритъ И. Ѳ., эту крѣпкую вольную героическую фигуру, въ черкескѣ, съ турецкой саблей по персидскому поясу, на зломъ конѣ, какихъ онъ до страсти любилъ“. А принявъ должность засѣдателя, онъ явился въ другой перемѣнѣ. Поѣхалъ въ черкескѣ съ подбритымъ чубомъ, шапкою и саблею, пріѣхалъ въ сюртукѣ и камзолѣ, съ запущенной косою, мундиромъ, шляпой и шпагой. „То таки бывало выйдетъ“, говорили между собой люди, „або на коня сядетъ, уже панъ, какъ панъ, а теперь абы что, нѣмецъ, не нѣмецъ, такъ себѣ подщипанный“. Самъ Тимковскій прекрасно понималъ интересъ пережитаго имъ историческаго момента. „Извѣстно тебѣ давно, писалъ онъ сыну, мое желаніе написать для васъ мою жизнь и современниковъ. Я чувствую, въ ней могутъ быть свѣдѣнія, не одному только моему семейству любопытныя. На ней лежитъ притомъ и великій переходъ изъ стараго вѣка....“ И затѣмъ далѣе: „главнымъ попеченіемъ моимъ было въ немъ совмѣстить факты прямые и прикосновенные.... Сожалѣю только, что не имѣю досуга выгладить сказаніе свое, особенно въ чертахъ психологическихъ, чего должно было бы ждать отъ меня. Впрочемъ, каково ни есть, теперь или послѣ, можетъ быть найдется не одна теплая душа, которая въ самой личности его замѣтитъ отраженіе *свѣта того вѣка, который такъ быстро становится древнимъ*“. Къ этому нужно прибавить, что воспоминанія И. Ѳ. Тимковскаго подкупаютъ насъ правдивостью и искренностью своего тона; пріятною особенностью ихъ нужно также признать отсутствіе того многословія (въ особенности въ выраженіи своихъ „чувствованій“), которое составляетъ характерную черту аналогичныхъ писаній начала XIX в.: они отличаются строго фактическимъ характеромъ, но факты выбраны и сгруппированы очень удачно, благодаря тому, что авторъ отличался умомъ, наблюдательностью, литературною опытностью. Мы выберемъ изъ воспоминаній И. Ѳ. Тимковскаго все то, что онъ говоритъ о своемъ воспитаніи и образованіи—домашнемъ и общественномъ, ибо эти свѣдѣнія характеризуютъ не только его одного, а и другихъ его русскихъ коллегъ, получавшихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ и Московскомъ университетѣ.

20 верстъ того боку Днѣпровскія горы; на западѣ блестятъ кресты Красногорскаго монастыря". 4 года Тимковскій занимался дома, въ семьѣ, и вотъ какъ разсказываетъ онъ объ этомъ времени. „Первому чтенію церковнославянской грамоты заучили меня въ Деньгахъ мать и, въ родѣ моего дядьки, служившій въ порученіяхъ, изъ дѣдовскихъ людей, Андрей Кулидъ. Отецъ его былъ турчинъ или булгаръ, вывезенный въ малолѣтствѣ дѣдомъ по взятіи Хотина въ 1739 году. Тотъ же Андрей носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя съ сурму изъ толстаго бодяка и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ. Не безъ того что ученье мое, утомясь на складахъ и титлахъ, бывало въ бѣгахъ, и меня вязывали длиннымъ ручникомъ къ столу". Въ той же деревнѣ жилъ съ семействомъ значковый товарищъ Петрашевичъ, женатый на родной теткѣ И. Ѳ. Тимковскаго; у него было двое дѣтей подростковъ; у Ильи Ѳедоровича была старшая сестра. И вотъ всѣхъ четырехъ ихъ отдали по общему семейному совѣту, съ весны учиться за 10 верстъ въ Золотоношскій женскій монастырь. „У монахини Варсонофіи мы, говоритъ И. Ѳ., составили родъ пансіона. Она была изъ дворянокъ, уставщицею праваго клироса, высокая, смуглая, суровая и только свыше наблюдала за нами. Съ нею жила другая монахиня Ипполита, племянница ея, тоже грамотная, средняго росту, лѣтъ 28, цвѣтная блондинка, трудолюбивая и веселая, но которую тетка имѣла охоту бранить вседневно. Та ходила за нами и учила насъ. Въ дѣлѣ своемъ она была клирошанкою, гладко читала проповѣди; и что больше занимало насъ, она въ колокольнѣ на столпахъ такъ искусно подъ звоны выбивала неровными молоточками въ висящую на двухъ цѣпяхъ, концами книзу, бронзовую полукруглую доску, скоро, протяжно, сильно, тихо, то поводитъ, то дробитъ—что намъ казалось, она играетъ и поетъ. Мы всякій разъ туда сбѣгались, отъ пріятности смѣялись. Въ области ихъ было двѣ груши, десятокъ вишень и небольшой цвѣтникъ съ пахучими травами, а за ними къ стѣнкѣ деревянной ограды на тычкахъ тѣнисто коралевый цвѣтъ, крученные паничи и сахарный горохъ. Тамъ, на глазахъ нашей Политы, за шитьемъ и пряжею, мы учились привольно. Родные часто насъ навѣщали, привозя лакомства. Раза два или три и домой брали насъ на дни праздничные. Вся отлучка наша изъ дому продолжалась до осени. Въ домѣ дяди Киріака появилась дальная свойственница его изъ Кіева, монахиня Іорданскаго монастыря. Она предложила кстати прожить и заняться тутъ нами. Ей отвели большую комнату на житье и ученье и насъ четверыхъ отдали ей въ науку читанья. Она была строга, но къ счастію нашему не всегда. Иногда послѣ обѣда,

лежа на своей постели, она разсказывала намъ повѣсти библейскія; или, поставя насъ рядомъ, велѣла пѣть съ нею духовные распѣвы, поводя рукою въ такты, пока на томъ засыпала; и мы успѣвали обѣгать предлинный вдоль рѣки садъ, откуда дядя Киріакъ, услышавъ шумъ и трескъ, выгонялъ насъ. Анѳиса уставила обычай ходить съ нами въ церковь по субботамъ, гдѣ сестра Софья передъ обѣдней читала параклáстъ, а мы били поклоны и пѣли „аллилуія!..." Весною отъ вербной недѣли оставались при ней одни сестры еще нѣсколько, учили молитвенникъ съ канонами и умудрялись въ шитьѣ. Дядя отдалъ Елисея учиться версты за три въ Крапивну, въ домъ знакомыхъ. Отецъ мой былъ разборчивѣе. Выставивъ пчелъ, того же дня онъ призвалъ дьяка, осанистаго пана Василя, съ длинною косою и меня отвели къ нему въ школу на часословъ. Сначала водили меня туда и приходили за мною; потомъ и самому мнѣ отдали короткую дорогу. Въ строеніи близь церкви двѣ избы съ большими окнами, черезъ большія сѣни, были одна съ перегородкою жилая дьяку семейному, другая порожняя, свѣтлая, собственно, школа, о трехъ длинныхъ столахъ. Столы составляли родъ классовъ, на букварь, часословъ и псалтырь; послѣдніе два съ письмомъ. Школьники потому были мальчики, подростки и взрослые. Писали начально разведеннымъ мѣломъ на опаленныхъ съ воскомъ черныхъ дощечкахъ неслоистаго дерева, съ прострoченными линейками, а пріученные писали уже чернилами на бумагѣ. Изъ третьяго же отдѣленія набирались охотники въ особый ирмолайный классъ, для церковнаго пѣнія, что производилось раза три въ недѣлю: зимою въ комнатѣ дьяка, а по веснѣ подъ навѣсомъ. Шумно было въ школѣ отъ крику 30 или 40 голосовъ, гдѣ каждый во весь голосъ читаетъ, иной и поетъ свое. А для вспоможенія себѣ дьякъ старшимъ надавалъ меньшихъ. Отцы за науку платили дьяку по условію, въ мѣрѣ таксы, за каждый классъ натурою и деньгами. Окончаніе класса школьникомъ, кто когда выспѣетъ, было торжествомъ всей школы. Онъ приносилъ въ нее большой горшокъ сдобной каши, покрытый полотнянымъ платкомъ. Дьякъ со своимъ обрядомъ снималъ платокъ себѣ, кашу разъѣдали школьники и разбивали горшокъ палками на пустырѣ издалека въ мелкіе куски. Отецъ угощалъ дьяка. Школьники въ церковномъ обиходѣ составляли хоръ пѣвцовъ, которымъ дьякъ гордился. Они же помогали ему звонить. Лѣтомъ они отпускались то купаться у мельницъ въ рѣкѣ Крапивнѣ и половить рыбы, то изъ лѣсу по горѣ за рѣкою приносить ему орѣхи, калину и груши. Къ праздникамъ отдавалъ имъ поздравительныя вирши. Школа была всегда многолюдна, потому что ученье вело по ступенямъ службы. Тамъ я училъ часословъ". Послѣ науки у дьяка

И. Ѳ. перешелъ къ „мандрованнымъ“ семинаристамъ. „Раннею весною явились на дворѣ двѣ голубыя киреи. Онѣ позваны въ свѣтлицы. То были переяславскіе семинаристы, отпущенные, какъ издавна велось, на испрошеніе пособій, съ именемъ эпетиціи. Такіе ходаки выслуживались болѣе пѣніемъ по домамъ и церквамъ, проживали по монастырямъ и пустынямъ, еще имѣвшимъ въ то время свои деревни; инымъ эпетентамъ счастилось, что одно село разомъ ихъ обогащало; иные пробирались далѣе на Запорожье. Начавъ труды, они учреждали свои складки, разживались на лошадь и привозили запасы себѣ и братіи, привозили умъ и журналы,—что видѣть, слышать и узнать досталось. Пришельцы наши, одинъ рослый, смуглый, остриженъ въ кружокъ, другой бѣлокурый, коренастый, съ косою, поднесли отцу на росписанномъ листѣ орацію. Онъ поговорилъ съ ними, просмотрѣлъ у нихъ бумаги и почерки, задалъ имъ прочитать изъ книги и пропѣть—„Блаженъ мужъ“; перваго принялъ моимъ наставникомъ, второго надѣлилъ чѣмъ-то. Приговорили двора за два, супротивъ церкви, у семейнаго казака о двухъ хатахъ большую чистую и свѣтлую подъ квартиру учителя и ученья (избу). Туда прибавились братъ Елисей и сынъ Климовича изъ Крапивны, принятый взаимно у дяди Киріака. Мы сходились туда утромъ и послѣ обѣда. Учитель на обѣдъ и вечерю, что было близко, къ намъ приходилъ. Панъ Никита или, какъ отецъ мой звалъ его, панъ философъ и просто Никій, былъ лѣтъ 28; ходилъ въ синемъ короткомъ жупанѣ съ краснымъ каламенковымъ поясомъ, съ подстриженными кудрями и нависшими черными усами, училъ насъ, каждаго порознь, часослову и псалтыри, чтенію гражданскому, латинской грамотѣ и письму на бумагѣ. Для письма учитель давалъ намъ прописи своей руки и строчилъ листы оттискомъ линеекъ по заготовленной картонной бумагѣ, прошитой тонкими струнами. Въ церкви онъ занималъ съ нами лѣвый клиросъ и бралъ иногда на себя часть пѣнія. Къ праздникамъ для своихъ поздравленій готовилъ росписные листы съ особымъ мастерствомъ. Имѣя запасъ разныхъ узоровъ, разной величины, наколотыхъ иглою, онъ набивалъ сквозь нихъ узоры, на подложенную бумагу толченнымъ мягкаго дерева углемъ, сквозь жидкое полотно и по чернымъ отъ того точкамъ рисовалъ рашпилемъ, а по немъ отдѣлывалъ перомъ съ оттушевкою. Въ такія рамы онъ вписывалъ подносимыя своего сочиненія ораціи. Въ пріемахъ и поступкахъ онъ имѣлъ нѣчто даровитое. Отецъ мой любилъ чтеніе и помнилъ свою латынь. Въ малыхъ отъѣздахъ онъ часто бралъ меня съ собою и дорогою имѣлъ досуги разсказывать мнѣ что-либо на мои распросы или натверживать латинскія слова. Утѣшался, когда я, указывая на предметы, называлъ ихъ по латыни или связывалъ такихъ

два, три слова въ начальномъ ихъ видѣ; потому и мое ученье у Никія не было для меня дико. Первыя книги, съ какими новая словесность появилась у насъ, какія сталъ я видѣть у отца, были Курганова письмовникъ и Флоринова экономія съ картинами, привезенныя изъ Петербурга дядею Иваномъ. Также исторія о разореніи Трои и анекдоты подъ именемъ Смѣющійся Демокритъ, вывезенныя дядею по матери Платономъ изъ Глухова, по его службѣ въ коллегіи. Прибавились, незнаю какъ, Ролленова исторія, Золотые часы Марка Аврелія и Эпиктетовъ Энхиридіонъ. Изъ нихъ я учился читать, а послѣ много мѣстами читалъ отцу и матери. Но Письмовникъ имѣлъ у насъ и другую роль. Отецъ мой любилъ пѣніе. Сколько разъ слышалъ я, какъ онъ, увидѣвъ новый мѣсяцъ, пѣлъ вдохновенно: „небеснаго круга верхотворче!" Сколько разъ въ дорогѣ или выходя съ нами, дѣтьми, въ поле, съ умиленіемъ повторялъ онъ себѣ въ видѣ аріи: „житейское море воздвизаемо". И потому я часто внималъ, какъ философъ Никита, по призыву отца, стоя твердо у дверей, голосомъ перваго баса, свободно и весело распѣвалъ пѣсни Курганова Письмовника, „ore rotundo". Философъ Никій пробылъ у Тимковскихъ 10 мѣсяцевъ. Вскорѣ родители Тимковскаго переѣхали въ с. Згарское, находившееся въ 8 в. отъ прежняго ихъ села Денéгъ и въ 7 в. отъ уѣзднаго города Золотоноши. Илья Өедоровичъ нѣкоторое время обучался чтенію, письму и латинской азбукѣ у своего дядюшки, проживавшаго лѣтомъ въ шалашѣ у пасѣки, а потомъ сталъ учиться въ Золотоношѣ, въ семьѣ нѣкоего Кононовича, съ дѣтьми котораго занимался молодой семинаристъ. „Въ ученье наше, говоритъ Илья Федоровичъ, достали намъ изъ Базиліанскаго монастыря за Днѣпромъ въ Каневѣ новые латинскіе буквари съ польскимъ (переводомъ). Мы уже учили въ немъ Pater noster наизусть, читали credo и далѣе; могли даже сами себѣ разобрать на послѣдней страницѣ букваря стишки:

„Розга, духъ свіентый, косци не пшеломіе,
А розумъ бардзо въ глову выгоніе".

Мы посмѣялись своей находкѣ; а далѣе произошли у насъ толки. Одинъ говоритъ: какіе то люди, что у нихъ умъ не въ головѣ? Другой: видно есть такіе за Днѣпромъ, а у меня умъ въ головѣ, я не боюсь. Третій: такъ мнѣ лучше и ума того ненадобно. Учитель пришелъ и шумъ нашъ утихъ". Вскорѣ Илья Өедоровичъ былъ отданъ къ своему дядѣ Киріаку, чтобы воспитываться въ его домѣ съ его сыномъ. Учителемъ былъ приглашенъ риторъ семинаріи, прибывшій домой на каникулы, сынъ священника Павелъ Шпаковскій. Зрѣлыхъ лѣтъ, онъ готовился только перейти въ философію, чтобы заступить мѣсто престарѣ-

лаго отца. Ему поручено „какъ говорилось, заправить насъ для ученія классическаго. Занятія наши стали сложнѣе. Утромъ мы всякій день читали ему изъ Псалтыри по каѳизмѣ, каждый свою врядъ. Потомъ день было чтеніе и письмо русское, а день латинское. Онъ былъ лѣтъ 30, ходилъ въ длинномъ кафтанѣ съ широкимъ полосатымъ поясомъ и русую длинную косу всегда носилъ закинутую на лѣвомъ плечѣ.... Впрочемъ успѣхи наши подвигались и мы къ декабрю начали мороковать въ латинской грамматикѣ Бантышъ-Каменскаго. Къ празднику Рождества Шпаковскій написалъ мнѣ и Елисею поздравительные стихи. Въ моихъ онъ намѣшалъ миѳологіи, какъ Плутонъ похищалъ людей, похитилъ Діану, теперь низверженъ въ адъ, ярится Плутонъ. Вытвердивъ хорошо свои стихи, при поздравленіи дяди Платона, я вдругъ заключилъ, что имя въ стихахъ поставлено неправильно и сказать будетъ неприлично; потому громко произнесъ оба раза вмѣсто Плутона—Платонъ. Тетка, молодая жена его, собой красивица изумилась. Дядя догадался и только спросилъ меня весело: точно ли такъ написано? Я объяснилъ ему свою вѣжливость. Онъ велѣлъ мнѣ дать лишнюю горсть орѣховъ". Между тѣмъ Шпаковскому нужно было вернуться въ Переяславъ — съ нимъ отправлены были и его ученики; Тимковскаго вскорѣ опредѣлили въ тамошнюю семинарію. Ректоромъ семинаріи былъ тогда Варлаамъ Шишацкій, — мужъ большой учености и высокихъ дарованій, имѣвшій обширную библіотеку; философію преподавалъ іеромонахъ Платонъ, богословіе протоіерей Гречка, родомъ грекъ, ученѣйшій латинистъ. Илья Ѳедоровичъ посѣщалъ семинарію, а жилъ въ домѣ отца. „Ректоръ Варлаамъ, говоритъ Тимковскій, опредѣлилъ ко мнѣ домашнимъ наставникомъ философа Ивана Яновскаго, лѣтъ 28, родомъ изъ Голтвы. Умный Яновскій далъ мнѣ порядокъ времени и велъ меня всегда впереди класса. Начнутъ ли читать, заговоритъ учитель—мнѣ понятно, я знаю. Давались на домъ письменныя упражненія въ переводахъ на латинскій, краткія exercicium, большія occupatio, а за праздничные дни Рождества и Воскресенія требовалась чистая переписка всѣхъ; чего они мнѣ не стоили. у меня все было сдѣлано, писано. Чтеніе, уроки и отвѣты произносились очень громко, почти крикливо и силлабически.... Въ классѣ перваго года моего давались особыя одобренія числомъ похвалъ на доскѣ—laudes; изъ нихъ за вины положена такса учетовъ; кто не имѣлъ числа, тѣ несли свои наказанія. Въ зимніе мѣсяцы я выслужилъ 500 похвалъ; весною много было промотано. Не мало ихъ пошло на большое колодезное колесо; только ступаешь въ немъ, оно подъ ногами вертится. Больше того унесли мячи; эту игру я очень любилъ. Оставалось похвалъ моихъ близь половины. Яновскій нашелъ пріятный способъ удер-

жать и поднять меня въ нихъ. По вѣкъ мой съ благодарностью сохраню память объ немъ. На другой годъ мнѣ все стало легче". И. Ѳ. Тимковскій подробно останавливается на своей семинарской жизни. Мы же отмѣтимъ только его разсказъ о маевкѣ. „Префектъ отбиралъ утромъ изъ меньшихъ классовъ до полусотни малолѣтковъ, съ старѣйшими для порядка, приводилъ ихъ къ архіерею въ залу и уставлялъ стройно. За докладомъ при выходѣ владыки съ важностью, всѣ разомъ, восклицали, какъ наставлены: „recreationem, Pater, rogamus". Онъ пройдетъ и ласково пришутитъ отказомъ. Просьба повторяется. Онъ даетъ благословеніе. Тогда всѣ, со своими запасами и играми выходятъ за городъ на гулянье по берегу Альты. Тамъ составлялись свои общества по классамъ. Больше всего было дѣла мячамъ и кеглямъ въ городкахъ, также борьбѣ и бѣганью. Они имѣли своихъ героевъ, которымъ прочіе дивились, какъ на Олимпійскихъ играхъ, а въ пріютѣ поодаль, какъ всѣмъ намъ быть на глазахъ, своимъ весельемъ пируютъ учители. Тѣмъ открывается начало лѣтнихъ забавъ". Изъ Переяславской семинаріи Тимковскій перешелъ въ Кіевскую духовную академію, въ которой провелъ 5 лѣтъ. „Академія Кіевская на Подолѣ въ Братскомъ монастырѣ, двухъэтажное массивное зданіе съ широкими колонадами, въ верхнемъ этажѣ съ залою и церковью конгрегаціи. Попеченіемъ митрополита Самуила, кромѣ рядовыхъ семи латинскихъ классовъ, греческаго и еврейскаго языковъ, она обогатилась новыми общими для среднихъ и высшихъ классовъ предметами: 1) россійской піитикѣ и риторикѣ Ломоносова училъ выписанный изъ Троицкой семинаріи богословъ, Снѣгиревъ, кажется, Дмитрій; женясь былъ протоіереемъ церкви Царя Константина; 2) французскому языку—начально кіевскій гражданинъ Ланкевичъ, съ рѣзною латинскою надписью на воротахъ дома; ходилъ въ богатой черкескѣ, съ высокою тростью, и въ праздники съ дорогою саблею; училъ gratis, за что портретъ его поставленъ былъ при входѣ въ академическую конгрегацію; а послѣ него содержатель пансіона и преподаватель частныхъ уроковъ, французъ Брульонъ, который гордился искусствомъ топографа и устроилъ магистрату солнечные часы на ротондѣ фонтана; 3) нѣмецкому языку—іеромонахъ изъ Галиціи, потомъ прусской службы офицеръ—именъ ихъ не помню; 4) географіи и исторіи твердорѣчивый булгаръ Анатолій, первый—по Бишингу, второй—по Фрейеру; 5) вмѣсто бывшей прежде ариѳметики училъ всей чистой математикѣ, по курсу Аничкова, съ раздѣленіемъ на два класса, также практической геодезіи и фортификаціи, мужъ достопамятный, родомъ изъ подъ Нѣжина, Иванъ Фальковскій, вѣроятно, Хвальковскій (по произношенію ха какъ хв), при мнѣ сталъ въ монашествѣ Ириней. По изученіи въ Кіевской академіи, зашедши

охотою своею, онъ учился въ Лембергѣ и Пестѣ, а возвратясь поступилъ учителемъ въ академію; имѣлъ тихій нравъ и пріятный даръ слова. Это были мои учители, кромѣ классныхъ—въ латинской піитикѣ и риторикѣ Аѳанасія Корчакова и въ философіи Амвросія Келембета. Я много всѣмъ обязанъ; особенно же Анатолій въ своихъ многовидныхъ описаніяхъ далъ мнѣ прелесть географіи, Ириней любилъ мою привязанность къ математикѣ. Прибавилось къ тому новое лицо, учитель по классамъ годомъ ниже моего курса іеромонахъ Викторъ Прокоповичъ Антонскій родомъ изъ села Погребковъ изъ за Нѣжина. Онъ былъ отлично замѣтенъ и уважаемъ; ученія сильнаго, остроуменъ и сладкорѣчивъ. У него было въ Москвѣ три брата, изъ коихъ два окончили университетъ и состояли на службѣ, а третій былъ еще въ университетѣ. Отъ нихъ получалъ онъ издаваемыя новости и завелъ у себя маленькое собраніе въ воскресные дни по утрамъ для чтенія, выборомъ четырехъ подростковъ, куда принятъ и я на послѣдніе три года. Рано мы сходились къ нему въ братскую обитель, пили чай и поочередно читали, то лучшія статьи періодическихъ изданій листами при Московскихъ Вѣдомостяхъ, то переводы Фенелонова Телемака, Мармонтелевыхъ инковъ и другое, гдѣ онъ вмѣшивалъ свои замѣчанія. На первый звонъ къ поздней обѣднѣ, онъ велъ насъ съ большими ключами въ академическую библіотеку своего вѣдомства. Тамъ оставались мы до конца обѣдни. Библіотека въ огромности своей, накопленной отъ временъ основателей многими взносами, помѣщалась прежде на монастырской трапезѣ, и отъ трапезы важнѣйшею частію погорѣла. Остатокъ ея, что спасено, разложенъ былъ по родамъ въ большой церкви монастыря на широкихъ отъ стѣнъ до столповъ хорахъ. Тамъ мы имѣли свободу рыться въ книгахъ, читать, что могли, и что позволено. Русскія книги скоро перебраны. Фоліанты Patres были не по мнѣ. Меня занимали въ сборѣ древніе классики разныхъ изданій, physica mirabilis, phylosophus in utramque partem, сокровище для диспутацій, Эразмова Encomium Moriae, Похвала глупости и т. п. Объ иныхъ сказано, что на нихъ послѣ будетъ время. Другія досегодня были не понятны. Любопытство мое особенно возбуждала физикоматематическая часть. Я зналъ простую алгебру, геометрію, синусы и такгенсы, но тамъ, начиная отъ Mémoires de l'Akademie до Мушенброка въ линіяхъ, фигурахъ и вычисленіяхъ все было только дивно. Библіографія наша сама по себѣ была весьма тѣсная. Нужныя книги, словари и готовальни выписывались для насъ академіей по вызову, для чего былъ при ней изъ Москвы коммиссіонеръ, который жилъ въ монастырѣ и принадлежалъ къ обществу учителей. Въ городскихъ же лавкахъ имѣлъ свою не малую (торговлю) торгашъ нашимъ прозви-

щемъ Гарбузъ, который скупалъ—продавалъ битыя, старыя и старинныя книги. О достоинствѣ послѣднихъ освѣдомлялся отъ учителей, которые и сами у него покупали. Но праздниками для насъ были пріѣзды итальянцевъ изъ Ломбардіи, всякій годъ весною на мѣсяцъ, съ большою лавкою латинскихъ и французскихъ книгъ, и эстамповъ и учебнаго снадобья. При томъ какъ рисованье было почти общимъ у всѣхъ, начиная правилами, школами и восходя до фигуръ и ландшафтовъ штрихомъ, тушью и красками, то намъ пріятно было въ той же лавкѣ получить себѣ образцы и матеріалы, а при выборѣ и другихъ новостей наглядѣться... Между тѣмъ изъ академіи каждый годъ одинъ, два, три, кончившіе курсы, выходили въ Московскій университетъ. Они списывались съ товарищами, и носилась о нихъ завидная молва. Давнѣйшіе, посѣщая родину, являлись въ Кіевъ и мы видѣли славу ихъ. Библіотека собою, о чемъ сказалъ я, подстрекала мое ревнованіе, въ которомъ все, однако, не терялась линія инженера... Вступленіе мое въ университетъ такъ произошло, что мнѣ пріятно было бы изобразить здѣсь эту часть жизни; но эта часть вся классическая и подробности ея неумѣстны. Изъ всего сказать надобно, какое мѣсто занимаетъ въ ней старѣйшій профессоръ ст. сов. А. А. Барсовъ. Онъ грозенъ и суровъ былъ для меня въ пріемѣ, когда я послѣ curriculum vitae въ данной темѣ изъяснилъ предпочтеніе латинскаго языка греческому. Но я скоро на его курсѣ угодилъ ему въ разборѣ и чтеніи рѣчей Цицерона, въ Гораціанскихъ метрахъ, въ тирадѣ изъ Киропедіи Ксенофонта и въ критикѣ варіантовъ, такъ что онъ изъ проходимыхъ авторовъ на Плавтѣ посадилъ меня близъ себя... Кончивъ первый курсъ, я предался правамъ и политикѣ, удержалъ только прикладную математику, по любви моей; знаніе побочное, но которое на вѣку часто было мнѣ пригодно... Вначалѣ я твердилъ народное право Ваттеля, народное положительное Мартенса, европейское публичное Мабли съ трактатами и тѣшился мечтою, въ какой лучше быть мнѣ миссіи. Потомъ я налегъ болѣе на юридическій объемъ отъ практики до антропологіи, особенно на римское право, corpus juris civilis и въ немъ пандекты. Тогда зародилась у меня мысль составить подобно, изъ нашихъ законовъ, сравнительное право, и дѣйствительно эту мысль я обработалъ послѣ въ опытѣ систематическаго свода законовъ, за который въ августѣ 1802 г. пожалованъ царскою наградою. Въ послѣдніе годы курсовъ я обращалъ свободные дни и часы на особыя занятія дома, вмѣщая въ нихъ долю на переводы книгъ, иногда на журнальныя статьи въ прозѣ и подъ часъ охоты стихами; получалъ доходы, не далеко вдаваясь въ нихъ. Скопилъ библіотеку, имѣлъ въ обществѣ почетныя и пріятныя знакомства, не раз-

влекаясь на многіе дома. На досугахъ любилъ бесѣдовать у избранныхъ профессоровъ, каковы для меня были — начально латинской элоквенціи упомянутый А. А. Барсовъ; позднѣе потомъ прикладной математики Мих. Ив. Панкевичъ; римскихъ правъ и древностей Ѳедоръ Фр. Баузе, общихъ правъ и политики М. Б. Шаденъ. Первый ввелъ меня въ филологію и критику. Онъ уважалъ формы малороссійскаго языка, завидовалъ употребленію въ немъ „бо“ и многихъ лаконизмовъ. Второй былъ у меня упорный философъ пространства. Третій, съ охотою антикварія, обратилъ мое вниманіе въ обширности на ingenium practicum et applicativum. У четвертаго рѣшены многіе публичные вопросы и система долговѣчности. У обоихъ послѣднихъ я получилъ навыкъ латинской и нѣмецкой рѣчи. Наконецъ, я изготовлялся отправиться въ Петербургъ искать мѣста, для чего имѣлъ посредниковъ“. Въ университетѣ Илья Ѳедоровичъ былъ прекраснымъ студентомъ и получилъ за сочиненія 3 серебряныхъ и золотую медаль. По окончаніи университета, поступилъ на службу въ 1797 г. къ генералъ-прокурору кн. Ал. Бор. Куракину и былъ опредѣленъ преподавателемъ въ сенатскій юнкерскій институтъ, гдѣ читалъ россійское правовѣдѣніе. Въ 1801 г. былъ сдѣланъ секретаремъ сената. За составленіе книги „Систематическое расположеніе законовъ россійскихъ“ получилъ отъ государя бриліантовый перстень, а книга отправлена въ коммиссію законовъ. Предсѣдатель этой коммиссіи гр. П. В. Завадовскій (впослѣдствіи министръ народнаго просвѣщенія) предлагалъ ему перейти къ нему на службу, но онъ отказался. Въ 1803 г. былъ назначенъ профессоромъ россійскаго законовѣдѣнія въ Харьковскій университетъ [1]), много сдѣлалъ, какъ мы видѣли, для основанія его и оказалъ огромныя услуги дѣлу средняго и низшаго народнаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ.

Изъ приведенныхъ автобіографическихъ подробностей видно, что И. Ѳ. Тимковскій представлялъ изъ себя не заурядную, а выдающуюся въ смыслѣ образованія личность. И эту широкую научную подготовку онъ получилъ исключительно въ Россіи, въ семьѣ и въ русскихъ школахъ того времени. Здѣсь умѣстно вспомнить, что малороссійская старшина XVIII вѣка и даже козачество и простой народъ имѣли сильное стремленіе къ образованію. И отецъ Ильи Ѳедоровича былъ довольно образованный человѣкъ—зналъ между прочимъ, какъ мы видѣли, латинскій языкъ. О любви къ грамотѣ ясно свидѣтельствуетъ огромное количество школъ въ гетманской Малороссіи, въ которыхъ наряду съ сыновьями козаковъ и посполитыхъ, учились и дѣти привиллегированныхъ сословій—старшинъ и духовенства. Илья Ѳедоровичъ самъ учился въ

[1]) См. его послужной списокъ.

такой школѣ, а преподавателемъ въ ней былъ дьякъ Василій. Конечно, программы и пріемы обученія, практиковавшіяся въ такихъ школахъ, кажутся намъ теперь совершенно неудовлетворительными: мы далеко ушли въ своихъ требованіяхъ, предъявляемыхъ къ народной школѣ; огромные успѣхи сдѣлала и педагогія, т. е. пріемы обученія; наконецъ— что самое главное—и самъ народъ требуетъ нынѣ отъ школы несравненно бóльшаго круга свѣдѣній, чѣмъ прежде,—и потому поворотъ къ старинѣ, въ смыслѣ уменьшенія этихъ требованій, былъ бы шагомъ назадъ въ дѣлѣ народнаго образованія, шагомъ крайне нежелательнымъ и даже вреднымъ. Но нельзя оцѣнивать этихъ старыхъ школъ съ современной точки зрѣнія—къ нимъ нужно примѣнять мѣрку старины. И тогда мы должны будетъ отдать должное и имъ; *для своего времени* онѣ были полезны и сослужили великую службу дѣлу просвѣщенія народныхъ массъ. Симпатичными особенностями ихъ нужно признать—огромную распространенность, всесословность и самостоятельность возникновенія. Будучи церковными по своему основному характеру и пріуроченію къ приходамъ, эти школы въ то же время съ полнымъ правомъ могутъ быть названы народными, потому что вездѣ возникали исключительно по живой иниціативѣ населенія, содержались опять-таки только на счетъ народа и вполнѣ удовлетворяли его *тогдашнимъ* требованіямъ. Характерно, что и у И. Ѳ. Тимковскаго осталось въ сущности хорошее воспоминаніе о времени, проведенномъ въ сельской дьячковской школѣ, равно какъ и вообще о домашнемъ обученіи его, хотя оно тянулось очень долго и И. Ѳ. долженъ былъ постоянно переходить отъ одного наставника къ другому; даже къ наставницамъ монахинямъ у него остались добрыя чувства. О Переяславской семинаріи онъ также вспоминаетъ съ удовольствіемъ: тамъ, оказывается, было не мало дѣльныхъ учителей; слава о протоіереѣ Гречкѣ гремѣла тогда, напримѣръ, по всей Малороссіи. Еще болѣе дала И. Ѳ. Тимковскому Кіевская духовная академія. Въ ея программу, какъ мы видѣли, входило много чисто свѣтскихъ наукъ—математика, новые языки (французскій и нѣмецкій) кромѣ древнихъ, исторія, географія и т. п. Математику читалъ знаменитый Ириней Фальковскій, который, по окончаніи курса въ Кіевской академіи, слушалъ лекціи во Львовской и Пештской академіяхъ. И. Ѳ. Тимковскій получилъ въ академіи превосходную подготовку по языкамъ— особенно латинскому и нѣмецкому, которыми владѣлъ очень свободно. Но самое главное, что въ академіи онъ почувствовалъ влеченіе, страсть къ серьезному научному чтенію и могъ, какъ мы видѣли, насыщать ее благодаря преподавателю Прокоповичу Антонскому, который устроилъ у себя литературныя чтенія и открылъ передъ нимъ всѣ сокровища академиче-

ской библіотеки. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, послѣ своей академической подготовки. И. Ѳ. Тимковскій въ университетѣ явился выдающимся студентомъ, сразу обратившимъ на себя вниманіе профессоровъ, серьезно и добросовѣстно проштудировавшимъ цѣлый рядъ наукъ, зарекомендовавшимъ себя еще на студенческой скамьѣ многими сочиненіями, литературными работами и переводами. Мы видѣли, что тутъ уже онъ задумалъ свой будущій серьезный трудъ „Опытъ систематическаго свода законовъ", доставившій ему славу знатока русскаго законовѣдѣнія. Изъ всего сказаннаго ясно видно, что въ лицѣ И. Ѳ. Тимковскаго, хотя онъ и не имѣлъ высшей ученой степени, Харьковскій университетъ пріобрѣлъ прекраснаго опытнаго преподавателя, съ очень солидной общей и спеціальной подготовкой, склоннаго къ научно-литературной дѣятельности и безкорыстно преданнаго наукѣ и просвѣщенію. Иванъ Степановичъ *Рижскій*—изъ духовнаго званія, уроженецъ г. Риги (отчего и получилъ свою фамилію). Воспитывался сначала въ Псковской, а потомъ въ Троицколаврской семинаріи, въ которой и занялъ мѣсто наставника и преподавалъ тамъ риторику, поэзію, исторію, римскія древности и философію. Съ 1786 по 1799 годъ былъ учителемъ въ горномъ кадетскомъ корпусѣ и читалъ латинскій языкъ въ высшихъ классахъ, а также исторію, географію, риторику, логику; сверхъ того руководилъ переводами съ французскаго языка на русскій книгъ по горному дѣлу и исправлялъ должность помощника и инспектора корпуса. Съ 1799 по 1801 годъ былъ секретаремъ Святѣйшаго Синода, а съ 1801 по 1803 годъ—членомъ государственной бергъ-коллегіи, преподавая въ тоже время россійскую словесность и логику въ горномъ корпусѣ.

Еще будучи преподавателемъ Троицкой семинаріи, онъ напечаталъ два сочиненія—о богослуженіи и гражданскихъ постановленіяхъ древнихъ римлянъ. Въ бытность учителемъ горнаго корпуса онъ составилъ и издалъ два руководства, которыя были признаны классическими и по которымъ училось въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ нѣсколько поколѣній—Логику (въ 1790 г.) и Риторику (въ 1796 г.); кромѣ того перевелъ съ французскаго сочиненіе академика Палласа „Физическое и топографическое описаніе Тавриды" и редактировалъ переводъ книги Кронштедта „Опытъ рудословной системы". Въ 1802 г. за свои учено-литературные труды онъ удостоился высокой чести избранія въ члены россійской академіи. Рижскій оказался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ академіи, участвуя въ важнѣйшихъ ея трудахъ.. „Въ засѣданіяхъ академіи, отъ перваго ея посѣщенія Рижскимъ до отъѣзда въ Харьковъ, читаны были матеріалы для новосочиняемаго словаря на букву б, отъ слова „безумить" до слова „брязги".... Немедленно по

вступленіи въ академію Рижскій принялъ на себя трудъ перевести 12 отборныхъ рѣчей Цицерона“ [1]); ему же было поручено отъ академіи составленіе логики, которая впослѣдствіи получила полное одобреніе. Въ 1803 году Рижскій былъ назначенъ профессоромъ россійской словесности и краснорѣчія въ Харьковскій университетъ; ему тогда было 40 лѣтъ отъ роду.

Тимофей Ѳедоровичъ *Осиповскій*—также изъ духовнаго званія. Вотъ его собственная автобіографическая записка, сохранившаяся въ архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Приводимъ ее цѣликомъ, безъ всякихъ измѣненій. Она написана въ формѣ прошенія въ совѣтъ Харьковскаго университета о дарованіи ему званія заслуженнаго профессора. Замѣтимъ кстати, что формуляръ Осиповскаго, сохранившійся въ дѣлахъ Харьковскаго университета, чрезмѣрно кратокъ, и это, очевидно, вызвало необходимость составленія болѣе подробной автобіографіи.

„Блаженной памяти Государыня Екатерина вторая, положивъ въ 1782 году основать въ Россіи университеты и народныя училища, повелѣла учрежденной ею для исполненія сего коммиссіи истребовать въ 1783 году изъ всѣхъ духовныхъ академій и семинарій студентовъ изъ философскаго и богословскаго классовъ лучшихъ способностей, для приготовленія къ учительскимъ должностямъ въ учреждавшейся тогда въ С.-Петербургѣ учительской гимназіи. Вслѣдствіе сего повелѣнія истребовано тогда изъ академій и семинарій до 150 человѣкъ; въ томъ числѣ и Владимірская семинарія отправила меня, какъ лучшаго изъ своихъ студентовъ. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1783 года открылся въ оной учительской гимназіи, переименованной потомъ въ педагогическій институтъ, курсъ ученія и продолжался до августа мѣсяца 1786 года безпрерывно, безъ всякихъ вакацій. Въ семъ курсѣ я занимался наиболѣе физикоматематическими науками; и какъ былъ отличнѣйшій изъ студентовъ по сей части, то съ половины курса былъ сдѣланъ репетиторомъ для прочихъ моихъ товарищей. При окончаніи курса Государыня повелѣла, чтобы въ томъ 1786 году 22 сентября, въ день Ея коронаціи, открыты были въ 25 губернскихъ городахъ главныя народныя училища. Мнѣ предоставлено было избрать для себя С.-Петербургъ или Москву. Я бывши тогда нездоровъ, по совѣту пользовавшаго меня тогда доктора Фреза, избралъ себѣ Москву, какъ мѣсто ближайшее къ моей родинѣ. Въ Москвѣ я былъ при главномъ народномъ училищѣ учителемъ физикоматематическихъ наукъ и россійской словесности по 1800 годъ, и всегда рекомендованъ былъ отъ начальства моего (главнымъ начальни-

---

[1]) М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, т. 1, стр. 78—79; о Рижскомъ см. еще М. Евгенія „Словарь свѣтскихъ писателей“, II, стр. 145—146.

комъ моимъ тамъ долгое время былъ московскій губернаторъ, нынѣ свѣтлѣйшій князь, Петръ Васильевичъ Лопухинъ) какъ отличнѣйшій изъ учителей. Посему и коммиссія о народныхъ училищахъ была обо мнѣ хорошаго мнѣнія, и издаваемыя ею математическія сочиненія присылала ко мнѣ на цензуру. Въ публикѣ Московской я также имѣлъ репутацію; чему доказательствомъ можетъ служить, что около 1797 г. приглашали меня, почти въ одно время, въ профессоры математики какъ со стороны Московскаго университета, такъ и со стороны медико-хирургическаго училища; но какъ хотѣли, чтобы я самъ просилъ коммиссію объ увольненіи меня, а я держался правила никогда о себѣ не просить, а предоставлялъ самимъ просить меня у моего начальства, то по симъ приглашеніямъ ничего и не состоялось. Въ концѣ 1799 года предложено мнѣ отъ коммиссіи о народныхъ училищахъ вступить въ отправленіе должности профессора физикоматематическихъ наукъ въ С.-Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ, въ коемъ тогда начинался новый курсъ ученія. Я сіе предложеніе принялъ, и въ мартѣ мѣсяцѣ 1800 года вступилъ въ должность. Мнѣ назначено было обучать по 12 часовъ въ недѣлю. Книгъ, по чему читать, не было; и я принужденъ былъ для сего дополнять и исправлять приготовленные мною по сему предмету сочиненія для руководства учениковъ Московскаго главнаго народнаго училища, а чего не было приготовлено, то писать вновь. Изъ сихъ сочиненій два тома тогда же коммиссіею и были отпечатаны. Какъ репетиторъ назначенный для моихъ лекцій не могъ изъяснять ихъ студентамъ, то на меня же возложена была и репетиція по 6 часовъ въ недѣлю. Потомъ возложено на меня приведеніе въ порядокъ институтской, впрочемъ не весьма большой, библіотеки, и порученъ надзоръ за нею. Потомъ возложена на меня исправка переводовъ студенческихъ, коимъ дано было, подъ руководствомъ директора института Коха, переводить Анкетилеву исторію, и изданіе оной: три тома я выправилъ и два издалъ, а третій издалъ уже послѣ меня правитель дѣлъ главнаго правленія училищъ г. Мартыновъ. Всѣ сіи возложенныя на меня обязанности столько меня занимали, что я не имѣлъ почти времени вытьти куда и изъ дому; но за всѣмъ тѣмъ удѣлялъ я однакожъ нѣсколько времени, чтобы быть въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ Высочайше учрежденнаго комитета для составленія морскаго курса наукъ, въ который я принятъ былъ членомъ, и заниматься по оному дома. Во время служенія моего при педагогическомъ институтѣ предлагаемо было мнѣ со стороны Академіи наукъ поступить въ оную адъюнктомъ математики, но я отъ принятія сего предложенія отказался. Въ концѣ 1802 года предложено мнѣ отъ имени бывшаго

попечителя сего университета графа Потоцкаго г-мъ Каразинымъ мѣсто профессора математики при учредиться имѣющемъ въ Харьковскомъ университетѣ. По чрезвычайному обремененію дѣлами, отъ коего я даже сдѣлался боленъ, подумавъ нѣсколько недѣль, рѣшился я принять сіе предложеніе; но съ тѣмъ, чтобы мнѣ не проситься самому у начальства, а чтобы попечитель самъ просилъ меня у начальства. Я не зналъ, что по сему происходитъ, какъ уже мнѣ въ февралѣ мѣсяцѣ 1803 г. объявили, что по представленію г. министра просвѣщенія графа Завадовскаго я утвержденъ отъ Государя Императора профессоромъ математики въ Харьковскій университетъ. Получивъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ бумагу отъ г. попечителя, что я утвержденъ профессоромъ въ Харьковѣ, и аттестатъ отъ главнаго правленія училищъ о службѣ, въ началѣ мая отправился въ путь, и въ началѣ іюня прибылъ въ Харьковъ. Весь остатокъ сего 1803 года и четыре мѣсяца 1804 года я былъ въ Харьковѣ безъ всякаго дѣла по университету; которое время употребилъ я на исправленіе и пополненіе курса аналитическихъ функцій и приложенія ихъ къ высшей геометріи, сочиненнаго мною для лекцій моихъ въ педагогическомъ институтѣ, дабы по нему читать въ университетѣ". Осиповскому тогда было 37 лѣтъ отъ роду [1]).

Гавріилъ Петровичъ *Успенскій*—изъ духовнаго званія. Обучался въ Сѣвской семинаріи, а въ 1786 г. поступилъ въ Петербургскую учительскую гимназію. Въ 1790 г., по окончаніи ея, былъ опредѣленъ учителемъ историческихъ наукъ въ главное народное училище въ Воронежѣ, а потомъ преподавалъ здѣсь же, въ высшихъ классахъ латинскій языкъ. Зная хорошо новые языки, занимался переводами съ французскаго и нѣмецкаго, которые были изданы въ свѣтъ и составили ему литературное имя.

Вотъ какія данныя сообщаетъ о немъ его сынъ. „Отецъ мой Гавріилъ Петровичъ Успенскій имѣлъ родителей до того бѣдныхъ, что они, отпуская сына въ Петербургъ для поступленія въ учительскій институтъ, въ силахъ были снабдить его только мѣдной полтиной и новыми котами. Кромѣ этого отецъ мой о своемъ дѣтствѣ ничего замѣчательнаго не разсказывалъ. Но можно было догадываться по его вздохамъ при воспоминаніяхъ, что дѣтство его было нерадостно, а юношество сопровождалось горькой нуждой. Жизнь въ Петербургѣ поглощалась ученьемъ и она такъ слилась съ его душей, что по самую смерть онъ тоскливо твердилъ: учитесь, дѣти! Охъ, учитесь! Ученье—свѣтъ, а не-

[1]) Архивъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1819 г. Дѣло № $\frac{21879}{491}$, присоединенное къ дѣлу № $\frac{5430}{152}$.

ученье—тьма. Безъ ученья человѣкъ—получеловѣкъ, а мнѣ хотѣлось бы, чтобы вы были настоящими людьми. Безъ науки человѣкъ — неотесанное бревно, онъ въ тягость и во вредъ обществу, объѣдая его и размножая дураковъ. Мнѣ отецъ мой всѣмъ пожертвовалъ, чѣмъ могъ, чтобы я былъ человѣкомъ.... Я то же для васъ дѣлаю, лишь бы сдѣлать васъ настоящими людьми.... Полнѣй становятся мои воспоминанія съ той поры, когда отецъ мой вышелъ уже педагогомъ и занялъ учительское мѣсто въ Воронежѣ, въ тогдашнемъ главномъ народномъ училищѣ. Но педагогическій путь его былъ узокъ, нужда шла по пятамъ и только училищныя обязанности и дружба съ умными и добрыми товарищами облегчали участь молодого труженника, а сочиненія и переводы развлекали его. Изъ друзей его, о которыхъ онъ не переставалъ вспоминать съ сердечнымъ движеніемъ, а часто и со слезой, слышались имена Григорія Андреевича Петрова, Степана Васильевича Ушкова, протоіерея Евгенія Болховитинова; кое когда вспоминались—монахъ изъ протопоповъ Анфиногенъ и въ веселый рѣдкій часъ протопопъ Иванъ Зацѣпинъ [1]). Послѣдній, по выраженію отца, при природномъ сильномъ умѣ и свѣдѣніяхъ, сбился съ фарватера и попалъ въ шхеры; онъ о немъ искренно сожалѣлъ, иногда приговаривая: „не дай, Богъ, чтобы у человѣка умъ за разумъ зашелъ; это хуже всякаго несчастія“. Вспоминались и другіе избранники, но какіе—за давностью не упомню.... Въ описываемый періодъ отецъ мой, какъ и въ остальную часть своей жизни, матеріальной поддержки ни отъ кого не имѣлъ и жилъ трудомъ, работая день и ночь съ книгой и перомъ. Но молодость требовала лучшаго и голова труженника болѣла отъ тоски и горя. Борьба думъ долго тянулась и наконецъ бѣднякъ, не видя исхода, рѣшился выручить себя женитьбой. Явились совѣтники и свахи и сосватали ему молодую купеческую вдову Вѣру Григорьевну Викулину. Мужъ ея Тимофей Θедоровичъ былъ роднымъ братомъ знаменитому откупщику, секундъ-майору и потомъ бригадиру Алексѣю Θедоровичу Викулину, оставившему дѣтямъ своимъ почетное имя и громадное богатство. Съ этимъ братомъ онъ былъ въ долѣ по откупной операціи. Сваты и свахи наговорили бездну чудесъ о богатствѣ невѣсты, о стотысячномъ наличномъ капиталѣ, о великомъ счастіи войти въ родство съ богатыми людьми и умильно тараторили о прелестныхъ дѣточкахъ, оставленныхъ ей мужемъ. Желѣзная нужда и молодыя чувства помогли свахамъ, и дѣло увѣнчалось

---

[1]) Впослѣдствіи времени, говоритъ сынъ Успенскій въ примѣчаніи, Г. А. Петровъ былъ директоромъ гимназіи въ Кіевѣ; В. С. Юшковъ — штатнымъ смотрителемъ въ Бѣлгородѣ; Евгеній—митрополитомъ Кіевскимъ; Анфиногенъ—игуменомъ въ Донецкомъ монастырѣ; Зацѣпинъ—землевладѣльцемъ въ Землянскомъ уѣздѣ.

законнымъ бракомъ. Женитьба дала ученому супругу едва грамотную жену съ неравнымъ характеромъ, четырехъ порядочно взрослыхъ пасынковъ, падчерицу и старушку тещу, изъ стотысячнаго капитала едва сотни двѣ серебряныхъ рублей петровскаго чекана и домикъ на училищной улицѣ, съ поставцомъ св. образовъ, изъ которыхъ два въ серебряныхъ окладахъ. Богатая родня вся отлетѣла, какъ великолѣпный миражъ. Въ живомъ, движущемся приданомъ жены бѣднякъ учитель благодатно восприялъ семь желудковъ, прибавилъ по необходимости два, въ личностяхъ работника и кухарки, а десятый свой собственный.... Молодой супругъ скоро очнулся, но вчерашняго дня не возвратишь. А тутъ къ бѣдѣ—бѣда: начали ежегодно появляться новыя созданія, въ заключеніе коихъ явился и пишущій эти строки. Эти созданьица подняли семейную цифру до 16 [1]). Бѣдному учителю пришлось не въ мочь. А тутъ Тимофеичи выросли „въ мѣру возраста совершеннаго" и, поднявшись на ноги, подняли головы и голосъ—пошли своевольства, грубости, безпорядки и въ мирномъ домикѣ завелся маленькій содомъ. Глава семейства терялся. Друзья и благоразумная теща успокаивали и поддерживали страдальца. Благое Провидѣніе наконецъ немного облегчило гнетъ его убылью трехъ изъ кровныхъ малютокъ и вслѣдъ затѣмъ вызовомъ въ учреждавшійся тогда Харьковскій университетъ къ занятію каѳедры историческихъ наукъ. То же Провидѣніе послало достойнаго жениха для 14 лѣтней падчерицы, уладило свадьбу и дало свободу къ отъѣзду. Отецъ мой, вырвавшійся изъ милыхъ объятій непокорнаго квартета пасынковъ, безъ оглядки поскакалъ въ Харьковъ, увезя съ собою собственное только семейство и добронравную, набожную тещу" [2]).

Таковы были тяжкія матеріальныя и нравственныя условія жизни Г. П. Успенскаго въ Воронежѣ. Тѣмъ не менѣе онъ не погибъ, выбился изъ нихъ и вышелъ на широкую дорогу университетскаго преподавателя. Спрашивается: что же спасло его въ этомъ случаѣ? Гдѣ находилъ онъ для себя нравственную поддержку? Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ

---

[1]) А жалованья онъ получалъ, прибавимъ отъ себя, 500 р. ас.

[2]) Воспоминанія сына Успенскаго написаны имъ, по просьбѣ редакціи Воронеж. Губ. Вѣдом. въ 1863 г., 43 года спустя послѣ смерти Гаврінла Петровича и напечатаны въ Вор. Губ. Вѣд. 1863 г., №№ 27, 28, 30—32. Они отличаются интимнымъ характеромъ, отличаются нѣсколько страстнымъ тономъ и заключаютъ въ себѣ данныя преимущественно о его тяжелой семейной жизни. Но авторъ воспоминаній сознавалъ свою обязанность—говорить правду о своемъ отцѣ, и это видно между прочимъ изъ слѣдующихъ его словъ: „все сказанное о семейномъ бытѣ отца въ Воронежѣ я впослѣдствіи слышалъ отъ него самого и почтенной моей бабки. Давно оба они въ безвѣстной вѣчности: переселеніе это дѣлаетъ несомнѣннымъ мой разсказъ, не дозволяя никакому говоруну клеветать на мертвыхъ".

намъ сынъ Успенскаго, указывая на его педагогическую научно-литературную дѣятельность и кружокъ добрыхъ товарищей. Остановимся на этомъ вопросѣ подробнѣе. Проживая въ Воронежѣ, Успенскій входилъ въ составъ того литературнаго кружка, который группировался вокругъ Евгенія Болховитинова (митрополита Евгенія), бывшаго тогда протоіеремъ и преподавателемъ въ мѣстной семинаріи; преподаватели главнаго народнаго училища, товарищи Г. П. Успенскаго, были членами этого кружка. „Сближеннные общими интересами, говоритъ проф. Шмурло, они образовали изъ себя литературный кружокъ, душею и вдохновителемъ котораго былъ Болховитиновъ. Дружеская простота и откровенность были положены въ основу ихъ отношеній. За стаканомъ пунша проводили они веселые вечера, въ пріятельской бесѣдѣ, среди занятій, серьезныхъ интересовъ, пересыпанныхъ юморомъ и шуткой. Какъ глава кружка, Болховитиновъ носилъ названіе папы; другіе титуловались именами разныхъ итальянскихъ владѣтельныхъ лицъ. Въ кружкѣ, безспорно, витала жизнь, мысль юношески здоровая. Велись горячіе споры, рѣшались жгучіе вопросы и въ неясномъ сумракѣ накуренной комнаты, освѣщенной нагорѣвшей сальной свѣчей, блистали глаза и разгоряченныя лица". Само училище, основанное въ 1785 г., встрѣтило большое сочувствіе въ мѣстной средѣ, а учительскій персоналъ его, состоявшій изъ молодыхъ образованныхъ преподавателей, имѣлъ благотворное вліяніе на учащихся, число которыхъ постоянно возрастало. Евгеній Болховитиновъ, будучи самъ тогда преподавателемъ Воронежской семинаріи, тяготѣлъ къ главному народному училищу и оказывалъ видимое предпочтеніе его наставникамъ. Г. П. Успенскій былъ выдающимся педагогомъ. По словамъ оффиціальной исторической записки, онъ „съ должною рачительностью соединялъ въ себѣ нравъ добрый и степенный и похвальное поведеніе". „Занимаясь самъ съ любовью наукою, говоритъ г. Веселовскій, онъ умѣлъ возбудить эту же любовь и въ своихъ ученикахъ, особенно къ ботаникѣ. Изъ собираемыхъ какъ имъ, такъ и учениками, мѣстныхъ растеній, онъ составилъ для училища, по тому времени, отличный гербарій. Училищный комитетъ Императорскаго Харьковскаго университета призналъ Успенскаго самымъ способнымъ къ переводу книгъ и назвалъ его первымъ по своей части учителемъ въ округѣ" [1]). Проф. Шмурло приводитъ въ своей книгѣ о митр. Евгеніѣ слѣдующій разсказъ одного изъ учениковъ Успенскаго: „учитель Успенскій предметы свои—исторію и географію, какъ равно и космографію, которой самъ былъ и переводчикъ съ иностраннаго сочиненія, преподавалъ съ полною силою

[1]) Историческій очеркъ Воронежской гимназіи отъ 1785 г. до 1835 г. (Ворон. бесѣда на 1861 г., стр. 333).

краснорѣчія, расхаживая по классу не какъ учитель, а какъ бы повѣствователь: ученики, любуясь его величественною физіономіей, невольно увлекались всѣми мыслями его о преподаваемомъ; онъ какъ бы отпечатывалъ словами своими въ сердцахъ ихъ предметы историческіе". Научныя и литературныя стремленія Евгеніевскаго кружка должны были, естественно, найти себѣ выраженіе въ печатныхъ произведеніяхъ, тѣмъ болѣе что въ 1798 г. въ Воронежѣ была открыта типографія. Въ первыя 7—8 лѣтъ въ ней было издано до 30 книгъ; тутъ отпечатаны были и переводы Г. П. Успенскаго. О переведенной Успенскимъ книгѣ Унштета проф. Шмурло выражается такъ: „книга затрогивала вопросъ, вѣчно жизненный для всѣхъ вѣковъ и народовъ; въ чемъ истинное счастіе человѣка?—и рѣшала его, конечно, въ духѣ и стилѣ своего времени. Все сочиненіе пропитано сентиментальной моралью и самой вычурной аллегоріей.... Нехудожественная аллегорія, отсутствіе движенія дѣлаютъ разсказъ для современнаго читателя немаловажнымъ подвигомъ; но, какъ извѣстно, въ то время подобныя книги очень нравились публикѣ. Довольство малымъ, облагораживаніе сердца были для конца XVIII ст. тѣмъ прекраснымъ идеаломъ, о которомъ такъ любили помечтать лучшіе представители эпохи; этой потребности, надо думать, и хотѣлъ удовлетворить своимъ переводомъ Успенскій". О космографіи, переведенной Успенскимъ, тотъ же авторъ даетъ слѣдующій отзывъ: „Трактуя о землѣ, планетахъ и солнцѣ, о тяготѣніи и движеніи тѣлъ, о затменіяхъ, кометахъ и пр., эта книга въ наше время была бы отнесена исключительно къ разряду учебниковъ. Если то же назначеніе получила она и въ Воронежской школѣ, то помимо этого у нея было и другое болѣе широкое значеніе. Сравнительно давно ли для того времени стали проникать въ массу русскаго общества свѣдѣнія изъ области математической и физической географіи, астрономіи? Законы Коперника, Кеплера, Ньютона, съ ихъ естественными слѣдствіями, изложенные въ книгѣ Шмидта обстоятельно и далеко не сжато, не являлись ли въ концѣ XVIII в. для большинства положительной новинкой? Чѣмъ больше знакомимся мы съ ходячей повседневной литературой XVIII в. не съ ея корифеями, а съ той (въ большинствѣ случаевъ) рукописной литературой, которая находила своихъ читателей въ среднемъ и низшемъ слояхъ общества — тѣмъ сильнѣе раскрывается намъ связь ея съ литературой допетровскаго времени, тѣмъ ближе оказывается по существу весь кругъ понятій Екатерининскаго человѣка съ умственными вкусами XVI—XVII вв. Конечно, не въ этой старинѣ можно было усвоить то новое знаніе, то новое освѣщеніе, какое предлагалъ XVIII вѣкъ пытливому уму. Пробуждающійся интересъ къ этому знанію дѣлалъ появленіе книги Шмидта очень

цѣнной въ провинціальномъ русскомъ городѣ; а самое появленіе ея лишній разъ доказывало, что этотъ интересъ дѣйствительно существовалъ“ [1]). Сверхъ того Г. П. Успенскій напечаталъ въ Воронежѣ учебникъ латинскаго языка (въ 1804 г.), составилъ словарь изобрѣтеній и учрежденій и перевелъ съ французскаго книгу аббата Трессана „Mythologie comparée avec l'histoire“; работы эти заслужили одобреніе училищнаго комитета. Пр. Шмурло предполагаетъ, что переводъ книги Трессана, исполненный Г. П. Успенскимъ, не былъ изданъ, потому что въ Москвѣ, въ 1818 году, вышло это сочиненіе съ посвященіемъ министру народнаго просвѣщенія кн. А. Н. Голицыну и это посвященіе было подписано Иваномъ Снегиревымъ. Но это все таки могъ быть переводъ Успенскаго, редактированный и изданный Ив. Снегиревымъ. Не даромъ же на книгѣ нѣтъ фамиліи переводчика; а если бы Ив. Снегиревъ былъ ея переводчикомъ, то онъ, конечно, не преминулъ бы и назвать себя таковымъ. Сынъ Г. П. Успенскаго въ своихъ воспоминаніяхъ объ отцѣ свидѣтельствуетъ, что этотъ послѣдній былъ и впослѣдствіи въ очень дѣятельной перепискѣ съ митр. Евгеніемъ [2]). Да и вообще въ Евгеніевскомъ кружкѣ Успенскій, очевидно, находилъ себѣ единственное утѣшеніе въ своихъ матеріальныхъ и нравственныхъ бѣдахъ: съ отъѣздомъ Евгенія Болховитинова изъ Воронежа, положеніе Успенскаго сдѣлалось въ высшей степени тяжелымъ и его спасъ только счастливый случай: вызовъ въ Харьковъ на должность адъюнкта русской исторіи въ университетъ. Конечно, онъ имѣлъ нѣкоторое право на эту должность, въ качествѣ самаго лучшаго учителя въ округѣ (такъ аттестованъ онъ былъ, какъ мы видѣли, въ отчетѣ визитаторовъ). Но все-таки выборъ въ адъюнкты былъ для него неожиданностью и онъ впослѣдствіи блистательно оправдалъ довѣріе университета учеными трудами. Чтобы понять, какая честь оказана была этимъ выборомъ Успенскому, слѣдуетъ еще вспомнить, что раньше совѣтъ Харьковскаго университета приглашалъ на эту каѳедру знаменитаго исторіографа Н. М. Карамзина, а за отказомъ его, вызвалъ въ 1807 г. Успенскаго. Ученыхъ трудовъ по русской исторіи у него не было никакихъ. Слѣдовательно, нужно думать, что въ немъ оцѣнили глубокія познанія, педагогическую опытность, знаніе древнихъ и новыхъ языковъ и литературный талантъ.

Павелъ Михайловичъ *Шумлянскій*—профессоръ хирургіи изъ дворянъ. Окончивъ въ Кіевской духовной академіи словесный и философскій классъ въ 1770 году, поступилъ на службу въ Кіевскую духовную

---

[1]) Е. Шмурло. Митрополитъ Евгеній. СПБ. 1888, стр. 178, 179—180, 183—185.

[2]) Къ сожалѣнію, переписка эта не сохранилась.

консисторію по письменной части, но затѣмъ черезъ три года оставилъ ее и сталъ изучать въ Петербургскомъ сухопутномъ госпиталѣ врачебную науку. Въ 1779 году былъ произведенъ въ лекаря и началъ служить въ полевыхъ пѣхотныхъ, конныхъ и артиллерійскихъ полкахъ, а затѣмъ былъ отправленъ въ чужія края на иждивеніе Петербургскаго воспитательнаго дома. Въ 1789 г. произведенъ, по экзамену въ медицинской коллегіи докторомъ и сталъ служить при Петербугскомъ военномъ сухопутномъ госпиталѣ, причемъ обучалъ лицъ, опредѣляемыхъ въ клиническія палаты, а потомъ назначенъ профессоромъ патологіи и терапіи въ Кронштадское училище. Въ 1795 году опредѣленъ профессоромъ хирургіи и медицинской матеріи въ Московскую медикохирургическую академію; сверхъ того, по указу государственной медицинской коллегіи, здѣсь же сталъ исправлять обязанности оператора. Въ 1802 г. избранъ былъ почетнымъ членомъ государственной медицинской коллегіи, а въ 1804 г. членомъ физикомедицинскаго общества при Московскомъ университетѣ. На всѣ эти званія Шумлянскій представилъ документы и сверхъ того дипломъ отъ Страсбургскаго университета (1790 г.) на степень доктора медицины. Напечаталъ онъ до перехода въ Харьковскій университетъ два слѣдующихъ труда: 1) De proxima top. inflammationis causa. Argentorati“ (т. е. въ Страсбургѣ)—докторская диссертація, которая была переведена въ Германіи на нѣмецкій языкъ и упоминалась въ указателѣ избранныхъ сочиненій для хирурговъ, напечатанномъ въ 1794 г. въ Лейпцигѣ; 2) Объясненіе дѣйствія воды, употребляемой съ равною пользою на замороженныя и на горячія тѣла. Спб. 1792 г. Въ 1805 г. былъ переведенъ профессоромъ хирургіи въ Харьковскій университетъ 51 года отъ роду. Иванъ Дмитріевичъ *Книгинъ*—изъ духовнаго званія. Обучался въ Орловской и Сѣвской семинаріяхъ, а потомъ въ Московскомъ университетѣ словесности, языкамъ и философіи, затѣмъ (въ 1793 г.) поступилъ въ Московскую медикохирургическую академію; за поданную на латинскомъ языкѣ обсервацію—О сквозной язвѣ желудка, найденной у одного солдата, получилъ благодарность отъ медицинской коллегіи; въ 1798 году ему дана была степень кандидата хирургіи и лекаря. Служилъ сначала при Московскомъ госпиталѣ и въ кирасирскомъ полку, а въ 1799 году опредѣленъ адъюнктъ-профессоромъ анатоміи и физіологіи при Петербургской медикохирургической академіи. Въ 1802 г. выдержалъ экзаменъ и защитилъ публично въ академіи диссертацію на степень доктора „De caloris in oeconomia animali usu et praestantia“. Въ 1803 г., по Высочайшему повелѣнію, отправленъ былъ въ чужіе края для обозрѣнія ветеринарныхъ училищъ и пріобрѣтенія всѣхъ нужныхъ по ве-

теринарной части свѣдѣній и пробылъ тамъ 4 года. По возвращеніи изъ заграницы былъ сдѣланъ главнымъ врачемъ Петербургскаго гвардейскаго сухопутнаго госпиталя; тогда же командированъ былъ въ Шлиссельбургскій уѣздъ для прекращенія сибирской язвы, обнаруженной на людяхъ и лошадяхъ. Въ 1807 г. опредѣленъ былъ профессоромъ ветеринарной науки въ Петербургское ветеринарное училище; тогда же командированъ былъ въ Лифляндію для изслѣдованія эпидеміи, обнаружившейся на тамошнемъ населеніи; принималъ участіе въ выработкѣ устава и штатовъ медикохирургической академіи. Въ 1808 году былъ снова командированъ, по Высочайшему повелѣнію, въ Яренскій уѣздъ Вологодской губерніи для пресѣченія моровой язвы, открывшейся на людяхъ и скотѣ, и въ окрестности Петербурга для прекращенія обнаружившейся тамъ болѣзни рогатаго скота. Состоялъ членомъ комитета, учрежденнаго для изданія медицинскаго журнала. За удачное исполненіе указанныхъ порученій получилъ Высочайшія награды. Въ 1811 г. былъ переведенъ профессоромъ анатоміи, физіологіи, судебной медицины и медицинской полиціи въ Харьковскій университетъ 47 лѣтъ отъ роду. Иванъ Петровичъ *Каменскій*—изъ малороссійской старшины, сынъ войсковаго товарища. Обучался медицинѣ въ Московскомъ госпиталѣ и вышелъ оттуда кандидатомъ хирургіи въ 1797 г. Былъ одинъ годъ полковымъ врачемъ, а затѣмъ поступилъ прозекторомъ въ Московскую медикохирургическую академію. Въ 1802 г. получилъ степень доктора медицины. По закрытіи академіи состоялъ врачемъ при государственномъ асигнаціонномъ и заемномъ банкѣ, откуда перевелся профессоромъ анатоміи, физіологіи и судебной медицины въ Казанскій университетъ. Состоя профессоромъ Казанскаго университета, Каменскій въ то же время читалъ безплатно лекціи по медицинѣ студентамъ духовной академіи. Затѣмъ въ 1809 г., уѣхавъ изъ Казани, онъ занялъ въ Воронежѣ должность акушера при врачебной управѣ, а въ 1810 году былъ опредѣленъ профессоромъ акушерства въ Харьковскій университетъ 37 лѣтъ отъ роду. Его труды: 1) De restring. cordibus etsi praesentibus inprimis viis evacuantium usu, 1802 г.; 2) Краткое начертаніе наблюденій и опытовъ о вредности молочной и о пользѣ хлѣбной мясной и другой пищи для дѣтей, 1805 г.; 3) перевелъ вмѣстѣ съ Книгинымъ съ франц. „Химическую философію“ Фуркра, 1799 г. Иванъ Евсеевичъ *Срезневскій*—изъ духовнаго званія. Обучался съ 1782 по 1797 г. въ Рязанской семинаріи, потомъ въ гимназіи для разночинцевъ при Московскомъ университетѣ, наконецъ въ университетѣ и состоявшемъ при немъ педагогическомъ институтѣ. Въ 1798 году былъ опредѣленъ учителемъ всеобщей исторіи и географіи при университетской гимназіи.

Въ 1804 году получилъ степень магистра философіи и свободныхъ наукъ и былъ назначенъ профессоромъ древней и новѣйшей словесности и россійскаго краснорѣчія въ Ярославское Демидовское училище высшихъ наукъ. Тамъ былъ онъ сверхъ того нѣкоторое время инспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ, секретаремъ совѣта и главнымъ смотрителемъ учрежденнаго при училищѣ благороднаго пансіона. Въ 1812 г. былъ избранъ въ ординарные профессора Харьковскаго университета на мѣсто умершаго недавно передъ тѣмъ И. С. Рижскаго, 42 лѣтъ отъ роду. Евгеній Алексѣевичъ *Васильевъ*—изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Съ 1786 по 1793 г. обучался математикѣ, физикѣ, химіи, минералогіи, горному маркшейдерскому и пробирному искусству въ горномъ корпусѣ, гражданской архитектурѣ—у архитектора Гверена и практической архитектурѣ—у Порто. Въ 1796 году онъ поступилъ губернскимъ регистраторомъ въ петербургскій магистратъ; въ 1800 году произведенъ въ коллежскіе регистраторы по коммиссіи о снабженіи столицы припасами; въ 1801 г. опредѣленъ засѣдателемъ въ Богодуховскій уѣздный судъ (Слободско-украинской губерніи); въ 1802 г. причисленъ къ кабинету Его Величества; въ 1803 г. назначенъ адъюнктомъ архитектуры въ Харьковскій университетъ, 30 лѣтъ отъ роду. У него были аттестаты—отъ извѣстнаго архитектора Гверена, отъ экзаменатора и академика Воронихина. Яковъ Львовичъ *Каретниковъ*—сынъ сержанта. Учился въ горномъ корпусѣ, а оттуда поступилъ въ студенты медицинскаго факультета; въ 1793 году окончилъ университетъ со званіемъ лекаря и опредѣлился на службу въ лейбъ-гренадерскій полкъ. Въ 1794 г. былъ переведенъ, по указу государственной медицинской коллегіи, въ одинъ изъ госпиталей, учрежденныхъ въ Польшѣ и Литвѣ во время бывшей тамъ революціи. Въ 1797 году перешелъ въ Днѣпровскій мушкатерскій полкъ. Въ 1799 г. отправленъ былъ съ десантомъ на корабляхъ чрезъ Балтійское, Нѣмецкое и часть Сѣвернаго моря въ Англію, а оттуда въ Голландію, гдѣ, по высадкѣ войскъ на берегъ противъ французскихъ и баварскихъ отрядовъ, находился въ лагерѣ во время трехъ битвъ и при отступленіи изъ Эгмонда былъ оставленъ и захваченъ непріятелемъ въ плѣнъ; а по выходѣ изъ него находился при корпусѣ на островѣ Жерсей и Гердсей, а оттуда прибылъ обратно въ Россію въ концѣ 1801 года. За эту голландскую экспедицію былъ произведенъ въ штабъ-лекари. Въ 1804 г. переведенъ изъ полка адъюнктомъ ботаники въ Харьковскій университетъ 32 лѣтъ отъ роду. Мануилъ Ивановичъ *Крюгеръ*—изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Въ 1797 г. поступилъ пансіонеромъ въ горный корпусъ и обучался въ немъ ориктогнозіи, геогнозіи, общей металлургической химіи, логикѣ, физикѣ, горному маркшейдерскому и пробирному искусствамъ, алгебрѣ и геометріи. Въ 1800 г. онъ былъ про-

изведенъ въ шихтмейстеры 13 класса и тогда же сталъ преподавать химію въ корпусѣ. Въ 1803 г., выдержавъ теоретическій и практическій экзаменъ при академіи наукъ и представивъ разсужденіе на тему „какимъ образомъ вообще разлагаются земляныя ископаемыя тѣла“,— назначенъ адъюнктомъ химіи въ Харьковскій университетъ, по представленію попечителя Петербургскаго округа Н. Н. Новосильцева, причемъ ему шелъ тогда всего 22-й годъ. Авраамъ Яковлевичъ *Калькау*— уроженецъ Москвы, сынъ тамошняго аптекаря. Съ 1786 по 1795 годъ обучался въ Ревельской и Московской гимназіяхъ, а въ 1795 г. поступилъ въ Московскій университетъ. Въ слѣдующемъ 1796 году отправился въ Іенскій университетъ, гдѣ продолжалъ начатое въ Москвѣ изученіе изящныхъ наукъ, философіи и медицины; потомъ посѣщалъ лекціи славнѣйшихъ ученыхъ въ университетахъ Лейпцигскомъ и Виттенбергскомъ. Въ этомъ послѣднемъ въ 1801 г., послѣ строгаго экзамена, онъ получилъ степень доктора философіи. Въ 1803 г. онъ былъ назначенъ адъюнктомъ въ Харьковскій университетъ, но выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе у попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго на заграничную командировку, въ которой пробылъ до 1807 г.. Прежде всего онъ отправился для усовершенствованія себя въ медицинѣ въ Геттингенъ, гдѣ слушалъ лекціи у тамошнихъ выдающихся профессоровъ— Рихтера, Врисберга, Блуменбаха, Гимли и Осіандра. Въ 1805 г. послѣ испытанія и публичной защиты диссертаціи „De periodicis mutationibus corporis organici“, получилъ степень доктора медицины и хирургіи. Послѣ этого цѣлый годъ прожилъ въ Берлинѣ, гдѣ познакомился со многими выдающимися представителями медицинскихъ и естественноисторическихъ наукъ и пріобрѣлъ не мало полезныхъ знаній; между прочимъ тутъ же онъ посѣщалъ и главный госпиталь. Получилъ званіе члена Геттингенскаго общества повивальнаго искусства и Московскаго испытателей природы. Возвратился изъ путешествія и вступилъ въ должность въ 1807 г. 30 лѣтъ отъ роду. Михаилъ Прохоровичъ *Болгаревскій* — поселянинъ малороссъ Черниговской губерніи. Съ 1791 по 1801 годъ, въ теченіи 10 лѣтъ, учился въ Кіевской духовной академіи, окончилъ ее и прошелъ даже богословскій классъ. Потомъ поступилъ въ казеннокошные студенты Московскаго университета и слушалъ въ немъ въ теченіи 3 лѣтъ лекціи сначала по физикоматематическимъ, а потомъ по медицинскимъ наукамъ и получилъ степень кандидата медицины, а черезъ годъ и магистра. Пробывъ въ этомъ званіи одинъ годъ при университетѣ, отправился въ 1806 году въ Вѣну, гдѣ три года изучалъ медицину въ университетѣ, хирургію въ академіи Іосифа и посѣщалъ приватныя лекціи по глазнымъ болѣзнямъ знаменитыхъ окулистовъ Штита,

Прогаски и Бера. Въ 1809 г., пріѣхавъ въ Парижъ, упражнялся тамъ два года въ хирургіи, химіи и ботаникѣ, слѣдуя наставленіямъ знаменитыхъ профессоровъ—Сабатье, Боіе, Дюбоа, Вакелень, Дежа, Тенардъ и Жиссіе. Въ 1811 г. явился въ Петербургъ къ министру народнаго просвѣщенія и попросилъ у него мѣста преподавателя въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Въ виду этого ему былъ произведенъ при академіи наукъ экзаменъ и онъ былъ назначенъ адъюнктомъ медицинской матеріи, фармаціи и исторіи медицины въ Харьковскій университетъ (въ 1812 году 28 лѣтъ отъ роду). Степанъ Григорьевичъ *Колумна-Вигура*—изъ дворянъ. Воспитывался въ Императорской медикохирургической академіи, которую окончилъ въ 1814 году со степенью лекаря; во время прохожденія курса въ ней былъ награжденъ книгами, хирургическими инструментами и серебряною медалью. Въ 1814 г. по предложенію министра народнаго просвѣщенія, былъ назначенъ адъюнктомъ хирургіи въ Харьковскій университетъ.

Мы разсмотрѣли два способа пополненія профессорской коллегіи въ Харьковскомъ университетѣ — вызовъ изъ за-границы иностранцевъ и приглашеніе русскихъ преподавателей. Теперь обратимся еще къ третьему способу, который и въ описываемое нами время имѣлъ практическое примѣненіе, а въ будущемъ долженъ былъ играть первенствующую роль—я имѣю въ виду подготовку профессоровъ самимъ университетомъ. Въ первое десятилѣтіе мы видимъ 4 преподавателей, занявшихъ каѳедры такимъ образомъ—Громова, Архангельскаго, Комлишинскаго и Адамовича; всѣ четверо были питомцами Харьковскаго университета; первые трое были преподавателями на физико-математическомъ, а четвертый на словесномъ факультетѣ.

Яковъ Никитичъ *Громовъ* — изъ дворянъ. Съ 1799 по 1804 годъ обучался въ Харьковскомъ коллегіумѣ, затѣмъ состоялъ казеннокоштнымъ студентомъ Харьковскаго университета со дня его открытія по 1808 годъ и выслушалъ курсы по слѣдующимъ предметамъ—нѣмецкой, французской и латинской словесности, итальянскому языку, философіи, общей исторіи, физикѣ, математикѣ, общей и технической химіи, антропологіи, эстетикѣ, географіи, педагогіи, зоологіи, ботаникѣ, минералогіи, технологіи, коммерческимъ наукамъ и основаніямъ сельскаго хозяйства, при чемъ за отличные успѣхи на экзаменѣ удостоенъ былъ въ 1808 году степени кандидата. Затѣмъ состоя въ этомъ званіи (кандидатскомъ) при университетѣ, онъ продолжалъ заниматься спеціально естественными науками и вмѣстѣ съ тѣмъ перевелъ на русскій языкъ латинскую грамматику для употребленія въ училищахъ. Въ 1809 году онъ былъ назначенъ временно учителемъ французскаго языка въ Харь-

ковскую гимназію, а за тѣмъ, по опредѣленію совѣта, ему было поручено преподаваніе латинскаго языка на 1-мъ курсѣ въ университетѣ и логики для гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1811 году онъ, выдержавъ строгій экзаменъ и защитивъ диссертацію (тезисы), получилъ степень магистра естественной исторіи. Въ томъ же году онъ былъ командированъ совѣтомъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ естественныхъ наукахъ въ Московскій университетъ, гдѣ продолжалъ заниматься зоологіей и минералогіей подъ руководствомъ славнаго Фишера по 30-е августа 1812 года, когда, благодаря нашествію Наполеона, долженъ былъ вернуться въ Харьковъ и тутъ, по порученію университета, сталъ заниматься приведеніемъ въ порядокъ минералогическаго кабинета. Въ 1813 г., послѣ экзамена и защиты печатной диссертаціи „De methodo, qua mineralogus in cendendo systemate corporum anorganicorum uti debeat", получилъ степень доктора естественныхъ наукъ и тогда же избранъ былъ въ адъюнкты этого предмета 25 лѣтъ отъ роду. Николай Михеевичъ *Архангельскій* — изъ духовнаго званія. Обучался съ 1797 по 1804 годъ въ Курской семинаріи, а затѣмъ въ силу указа Правительствующаго Синода поступилъ въ казеннокоштные студенты Харьковскаго университета и слушалъ въ немъ лекціи по философіи, физикѣ, математикѣ, ботаникѣ, химіи, антропологіи, эстетикѣ, россійской, латинской и французской словесности, исторіи, географіи и педагогіи. Въ 1808 г. окончилъ университетъ со степенью кандидата. Находясь въ званіи кандидата, преподавалъ, по опредѣленію совѣта, въ университетѣ алгебру и геометрію и исправлялъ должность субъинспектора казеннокоштныхъ студентовъ. Читалъ въ Харьковской гимназіи философію и изящныя науки, затѣмъ въ Черниговской—математику и физику, потомъ переведенъ былъ опять въ Харьковъ и излагалъ студентамъ 1-го курса математику, а чиновникамъ гражданскаго вѣдомства физику. Выдержавъ магистерскій экзаменъ и защитивъ дисертацію, онъ былъ отправленъ для дальнѣйшаго усовершенствованія въ избранной имъ спеціальности въ Петербургскую Императорскую академію наукъ, при которой состоялъ съ января 1812 по декабрь 1813 г. и перевелъ въ это время съ французскаго на русскій языкъ слѣдующія ученыя сочиненія — 1) Статику Поассона, 2) Боссюти. О наивыгоднѣйшемъ способѣ построенія плотинъ. 3) Прони. Физико-математическія изслѣдованія теченія воды; съ латинскаго на русскій перевелъ нѣсколько математическихъ дисертацій Эйлера, напечатанныхъ въ умозрительномъ изслѣдованіи академическихъ наукъ. Въ 1813 г. онъ былъ опредѣленъ адъюнктомъ прикладной математики въ Харьковскій университетъ 26 лѣтъ отъ роду. Василій Сергѣевичъ

Комлишинскій — изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. Обучался съ 1796 по 1804 годъ въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ. По представленію его былъ опредѣленъ въ своекоштные студенты Харьковскаго университета, гдѣ слушалъ курсы по слѣдующимъ предметамъ: россійской, нѣмецкой и латинской словесности, философіи, всеобщей исторіи, географіи, статистикѣ, общей и технической химіи, минералогіи, ботаникѣ, чистой математикѣ, въ особенности же физикѣ. Въ 1808 году получилъ кандидатскую степень. Находясь въ этомъ званіи, продолжалъ посѣщать лекціи физико-математическихъ наукъ до 1810 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ преподавалъ студентамъ начальныя основанія математики и перевелъ съ нѣмецкаго языка на русскій сочиненіе проф. Стойковича „Начальныя основанія умозрительной и опытной физики“, въ 2-хъ частяхъ; въ отсутствіе профессора физики занимался въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ повтореніемъ его предмета со студентами. Въ 1810 году былъ назначенъ учителемъ математики и физики въ Черниговскую гимназію и тамъ перевелъ на русскій языкъ сочиненіе проф. Гизе „О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру“. Въ 1811 г. былъ перемѣщенъ лекторомъ въ университетъ для преподаванія студентамъ и гражданскимъ чиновникамъ начальнаго курса физики. Въ 1812 г. получилъ степень магистра и сталъ читать студентамъ опытную физику. Перевелъ на русскій языкъ 5 частей „Всеобщей химіи“ проф. Гизе. Въ 1813 г. послѣ экзамена и защиты дисертаціи „De polarasatione radiorum luminis...“, сдѣланъ былъ докторомъ физики и избранъ въ адъюнкты по этому предмету 25 лѣтъ отъ роду.

Демьянъ Герасимовичъ *Адамовичъ*—изъ дворянъ. Обучался въ Екатеринославской гимназіи, а потомъ въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ лекціи по россійской, французской и нѣмецкой словесности, греческому, латинскому и англійскому языкамъ, логикѣ, математикѣ, физикѣ, политической экономіи, естественному праву, россійской исторіи, географіи и статистикѣ, всеобщей исторіи, теоретической и практической философіи, всеобщей географіи, педагогіи и рисованію съ превосходными успѣхами. Въ теченіе трехлѣтняго курса былъ въ числѣ отличнѣйшихъ студентовъ, о чемъ было напечатано въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Въ 1811 году окончилъ университетъ со степенью кандидата и былъ назначенъ субъинспекторомъ казеннокоштныхъ студентовъ, причемъ репетировалъ ихъ и занимался съ ними педагогикой. Въ 1812 году былъ назначенъ исправляющимъ должность адъюнкта для преподаванія всеобщей исторіи.

Къ четыремъ названнымъ нами лицамъ въ сущности нужно было бы еще присоединить двухъ — Андрея Павловскаго и Дмитрія Борзен-

кова, которые также были подготовлены къ занятію каѳедръ самимъ университетомъ и преподавали студентамъ въ качествѣ лекторовъ— первый математику, а второй—русскую словесность.

Итакъ, мы представили данныя о научномъ и образовательномъ цензѣ *всѣхъ* профессоровъ и адъюнктовъ Харьковскаго университета до перехода ихъ въ Харьковъ. Спрашивается теперь: какое общее заключеніе нужно сдѣлать о нихъ? Въ какой мѣрѣ они были подготовлены къ предстоявшей имъ въ Харьковѣ преподавательской и научной дѣятельности? Какая существовала въ этомъ отношеніи разница между профессорами иностранцами и профессорами русскаго происхожденія? На чьей сторонѣ было преимущество?

Отвѣчать на всѣ эти вопросы мы можемъ теперь не на основаніи голословныхъ или одностороннихъ отзывовъ, а документальныхъ данныхъ о каждомъ дѣятелѣ.

Изъ 29 профессоровъ иностранцевъ нѣмцевъ было 18. Наиболѣе выдающимися дѣятелями среди нихъ безспорно были — Шадъ, Якобъ, Роммель, Гутъ и Пильгеръ. Всѣ они съ честью занимали уже профессорскія каѳедры въ германскихъ университетахъ, а Якобъ былъ даже ректоромъ Гальскаго университета. Всѣ они заявили себя цѣлымъ рядомъ ученыхъ трудовъ. Якобъ издалъ въ теченіе 20 лѣтъ 35 сочиненій и особенно прославился своими учебниками, которые были приняты не только во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ, а и заграницей Германіи. Но Шадъ, который написалъ меньше Якоба (хотя все-таки очень много), и, повидимому, не добился еще настоящей профессуры въ Іенскомъ университетѣ, былъ едва ли не глубже его, какъ самостоятельный мыслитель. Мы знаемъ уже, что онъ принятъ былъ на русскую службу по рекомендательному письму великаго Гете (въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія мы нашли подлинникъ этого письма; оно адресовано было къ харьковскому попечителю изъ Веймара въ 1803 году и будетъ приведено нами въ біографіи С. О. Потоцкаго). Не даромъ и Роммель называетъ Шада „замѣчательнѣйшимъ изъ нѣмцевъ“. Самъ Роммель былъ если не особенно выдающимся, то во всякомъ случаѣ очень дѣльнымъ, хорошимъ нѣмецкимъ профессоромъ и ученымъ; послѣ своего отъѣзда изъ Россіи онъ снова охотно былъ принятъ въ нѣмецкую ученую среду, получилъ званіе исторіографа и издалъ капитальное 9-ти томное сочиненіе — исторію своей родины — Гессена. Гутъ былъ ординарнымъ профессоромъ во Франкфуртскомъ университетѣ, имѣлъ собственную обсерваторію и сдѣлалъ нѣсколько астрономическихъ открытій. Роммель называетъ его „превосходнымъ математикомъ и астрономомъ“. Пильгеръ преподавалъ ветеринарію въ Гессенскомъ университетѣ и напечаталъ рядъ

трудовъ, въ томъ числѣ обширное систематическое руководство по этой наукѣ. Роммель называетъ его „геніальнымъ ветеринаромъ и медикомъ“.

За этими пятью профессорами 1-го ранга нужно поставить на второмъ мѣстѣ шесть другихъ. Швейкардтъ до перехода своего въ Харьковъ имѣлъ титулъ университетскаго профессора, пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность своими трудами, но мы не знаемъ, какими именно. Роммель питалъ къ нему, какъ своему другу, большую слабость и заявилъ, кажется, не безъ преувеличенія, что онъ былъ „украшеніемъ Харьковскаго университета и факультета“. Во всякомъ случаѣ онъ больше выдавался въ качествѣ воспитателя и практическаго юриста, чѣмъ ученаго. Мы бы поставили выше его, какъ ученаго, Гизе, который до перехода въ Харьковъ пріобрѣлъ уже извѣстность своими сочиненіями; и Роммель называетъ его „очень дѣльнымъ фармацевтомъ“. Дрейсигъ сдѣлался извѣстенъ въ Германіи своими научно-популярными сочиненіями, точнѣе говоря, учебниками; и Роммель подтверждаетъ, что они уважались въ Германіи; но это былъ только практическій врачъ: преподавательскаго опыта у него не было никакого. Тоже нужно сказать о Нельдехенѣ: онъ напечаталъ цѣлый рядъ популярныхъ (оригинальныхъ и переводныхъ) книжекъ по сельскому хозяйству, но занимался исключительно практической дѣятельностью и не былъ знакомъ съ дѣломъ университетскаго преподаванія. Въ противоположность имъ Умляуфъ былъ извѣстенъ только какъ педагогъ. Тауберъ выдѣлялся изъ ряда другихъ иностранцевъ своимъ знакомствомъ съ практическою стороною своего предмета—минералогическими коллекціями. Остальные семь уже не выдѣлялись ни трудами, ни педагогическою опытностью. О Шнаубертѣ можно было сказать, что онъ подавалъ надежды; въ такомъ смыслѣ рекомендовалъ этого молодого человѣка и Гете. Рейнишъ состоялъ преподавателемъ въ монастырской школѣ, но былъ принятъ, впрочемъ, приватъ-доцентомъ въ Іенскій университетъ. За ними идутъ Рейтъ, Лангъ, Шмерфельдъ, Ванотти, Гамперле. Первыхъ двухъ Роммель характеризуетъ такъ: „Лангъ, родомъ швабъ, думалъ надѣлать чудесъ своимъ рѣшеніемъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ. Рейтъ, ученый, философски образованный и нѣсколько фантастическій историкъ, извѣстенъ былъ своею исторіей Франціи“. Всѣ эти лица, впрочемъ, пооканчивали университеты и почти всѣ имѣли докторскіе дипломы, хотя, конечно, не слѣдуетъ забывать, что эти послѣдніе было весьма не трудно получить. Затѣмъ многіе изъ нихъ по обычаю того времени посѣщали лекціи не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ университетахъ.

Изъ французовъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить Дегурова, который и на родинѣ занималъ профессорскую должность и заявилъ себя

какъ учеными трудами такъ и педагогическою дѣятельностью. Нѣсколько ниже его стоялъ Беленъ-де-Баллю, также написавшій рядъ ученыхъ трудовъ. Делявинь—„старикъ простой, безъ претензій, какъ характеризуетъ его Роммель, принадлежалъ къ очень заурядным педагогамъ; Н. А. Лавровскій приписываетъ ему сочиненіе „Германская флора"; но мы не знаемъ, откуда взято это свѣдѣніе. Наконецъ, Паки-де-Совиньи во всѣхъ отношеніяхъ стоялъ очень низко—и какъ преподаватель, и какъ ученый,—и даже какъ человѣкъ. Такимъ образомъ, изъ французовъ только одного Дюгура можно поставить въ уровень съ выдающимися профессорами нѣмецкаго происхожденія въ Харьковскомъ университетѣ, но и то не съ такими, какъ Шадъ или Якобъ. Впрочемъ, и по словамъ Роммеля, выдавался онъ нестолько профессорскими талантами, сколько хитростью, житейскою опытностью, дипломатическими способностями. Изъ славянскихъ выходцевъ единственнымъ выдающимся человѣкомъ нужно признать Стойковича. Изъ приведенныхъ нами данныхъ видно, что это былъ человѣкъ большого ума и способностей. Съ полною наглядностью они проявились во время пребыванія его въ академіяхъ и университетѣ. Тамъ онъ получилъ широкое всестороннее, можно сказать, энциклопедическое образованіе. Но этотъ энциклопедизмъ развился повидимому на счетъ глубины: Стойковичъ не былъ глубокимъ ученымъ и самостоятельнымъ изслѣдователемъ. И Роммель говоритъ, что „онъ какъ профессоръ физики и писатель, по общему мнѣнію, былъ нестолько самостоятельный ученый, сколько искусный компиляторъ". До поступленія въ Харьковскій университетъ, по своей спеціальности онъ заявилъ себя только изданіемъ учебника физики на сербскомъ языкѣ. Павловичъ, Филипповичъ, Малиновичъ, Дудровичъ—все это были въ сущности только учителя гимназій, введенные въ университетъ не столько заслугами, сколько благодаря вліянію своего земляка и покровителя Стойковича. Не является исключеніемъ, по нашему мнѣнію, и Терлаичъ, хотя онъ былъ профессоромъ въ педагогическомъ институтѣ въ Петербургѣ и Стойковичъ ставитъ его чрезвычайно высоко въ своей надгробной рѣчи надъ нимъ [1]). Нѣсколько выше другихъ нужно поставить только, кажется, Коритари.

---

[1]) Григорій Терлаичъ родился въ Венгріи, въ мѣстечкѣ Моголѣ, принадлежащемъ къ Бачскому графству. Учился онъ первоначально въ Сегединской, потомъ Будинской гимназіи, наконецъ, въ университетѣ въ Пештѣ; тамъ онъ слушалъ лекціи философіи у Крейла, математики—у Дугонича, дипломатики—у Шварднера, философіи—у Шедіуса; окончивъ съ отличіемъ эти курсы, онъ отправился въ Вѣну и продолжалъ изучать философскія науки у Карпе, Мумельтера, Амбшеля, Ватерота, барона Мецбурга и Эккеля, а также новые европейскіе языки. Затѣмъ онъ былъ секретаремъ у русскаго посланника въ Вѣнѣ кн. Голицына, учителемъ всеобщей исторіи и географіи въ пажескомъ корпусѣ и профессоромъ въ Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ. Ученой степени онъ не

Такимъ образомъ, изъ 29 иностранныхъ профессоровъ, 6 обладало выдающейся ученой и педагогической подготовкой (въ томъ числѣ 5 нѣмцевъ и 1 французъ); ко 2-й категоріи мы причисляемъ 6 нѣмцевъ, 1 француза (Беленъ-де-Баллю) и 1 славянина (Стойковича); къ третьей 7 нѣмцевъ, 2 французовъ и 6 славянъ; въ послѣдней впрочемъ были люди и со средней, и съ плохой подготовкой для своего новаго поприща, и выше другихъ стояли все-таки нѣмцы.

Русскихъ профессоровъ было 17 человѣкъ. Первое мѣсто между ними принадлежитъ Рижскому и Осиповскому, между тѣмъ оба они—что весьма характерно—не имѣли университетскихъ степеней: Рижскій окончилъ только семинарію; Осиповскій сверхъ того учительскую гимназію, (преобразованную потомъ въ педагогическій институтъ). Но оба они пріобрѣли огромную опытность въ дѣлѣ преподаванія (одинъ былъ наставникомъ въ горномъ корпусѣ, другой — въ педагогическомъ институтѣ), заняли высокое положеніе въ своихъ областяхъ знанія и издали образцовыя учебныя пособія; Рижскій за свои труды былъ избранъ въ члены россійской академіи, Осиповскому предлагали мѣсто адъюнкта математики въ академіи, но онъ отказался отъ него. Почти рядомъ съ этими двумя свѣтилами словеснаго и математическаго отдѣленій нужно поставить профессора этикополитическаго факультета Тимковскаго, который уступалъ имъ въ преподавательскомъ талантѣ, но превосходилъ, какъ мы видѣли, собственно школьной подготовкой; въ этомъ отношеніи онъ нисколько не уступалъ такимъ питомцамъ западныхъ университетовъ, какъ Стойковичъ. И Роммель среди русскихъ профессоровъ отмѣчаетъ этихъ именно трехъ лицъ. „Между русскими, говоритъ онъ, не осталось ни одного замѣчательнаго дарованія послѣ Рижскаго и Тимковскаго“; Осиповскаго онъ называетъ хорошимъ математикомъ. Вторую группу могутъ составить Шумлянскій, Книгинъ, Каменскій, Срезневскій; всѣ они имѣли ученыя степени и педагогическую практику (были преподавателями въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ); но научная извѣстность ихъ была не особенно велика. Изъ болѣе молодыхъ преподавателей выдавались обширностью и основательностью своей научной подготовки Калькау и Болгаревскій, не уступавшіе въ этомъ отношеніи лучшимъ адъюнктамъ изъ иностранцевъ (въ родѣ Таубера). О Каретниковѣ и Колумнѣ Вигурѣ нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Особое мѣсто

имѣлъ и подвергался ли экзамену въ россійской академіи для допущенія къ чтенію лекцій въ институтѣ, въ точности не извѣстно; ученыхъ трудовъ у него также не было никакихъ. (Memoria Gr. Terlaits. Scripsit Ath. Stoikovits. Charkowiae, 1812, p. 9; тутъ-же и русскій переводъ, исполненный студентомъ Лебединскимъ).

занимали Успенскій и Васильевъ. Оба они не окончили университета, но обладали всѣми тѣми данными, которыя сдѣлали изъ нихъ впослѣдствіи незаурядныхъ преподавателей. Въ особенности это нужно сказать объ Успенскомъ, который занялъ выдающееся мѣсто среди русскихъ профессоровъ, наряду съ Рижскимъ, Осиповскимъ и Тимковскимъ. Переходъ изъ Воронежа въ Харьковъ подѣйствовалъ на него въ высшей степени благотворно: онъ далъ ему возможность развить и проявить его недюжинный научный талантъ. Васильевъ также на новомъ мѣстѣ служенія развилъ и укрѣпилъ свои знанія практическаго архитектора, первыя сѣмена которыхъ получилъ еще у Гверена и Порто. О четырехъ преподавателяхъ, подготовленныхъ самимъ университетомъ (Громовѣ, Архангельскомъ, Комлишинскомъ и Адамовичѣ), можно сказать, что они прошли правильную подготовительную школу къ профессурѣ — выдержали экзамены, представили диссертаціи, два изъ нихъ были даже въ ученыхъ командировкахъ.

Такимъ образомъ изъ 17 профессоровъ русскаго происхожденія въ первую категорію мы зачисляемъ троихъ (Рижскаго, Осиповскаго, Тимковскаго); во 2-ю — шесть (Шумлянскаго, Книгина, Каменскаго, Срезневскаго, Калькау, Болгаревскаго); въ 3-ю восемь (Успенскаго, Архангельскаго, Громова, Комлишинскаго, Васильева, Каретникова, Колумну-Вигуру и Адамовича). Считаемъ нужнымъ еще разъ предупредить, что мы, при этой классификаціи, не имѣемъ въ виду послѣдующей научно-преподавательской дѣятельности этихъ лицъ, а только ихъ предварительную подготовку къ этой дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія группа иностранныхъ профессоровъ и въ количественномъ, и въ качественномъ отношеніи стояла выше своихъ русскихъ коллегъ. Но значительное численное преобладаніе иностранцы имѣли только въ началѣ; къ концу десятилѣтія стала замѣтно возрастать цифра русскихъ профессоровъ и въ 1814 г. сравнялась съ числомъ иностранцевъ. Что же касается качественнаго превосходства иностранцевъ, то оно, во 1-хъ, не было особенно значительно; во 2-хъ, не было и постоянно (наиболѣе талантливые изъ нихъ — Якобъ, Гутъ, Дегуровъ, Стойковичъ, Шадъ — оставили Харьковскій университетъ); въ 3-хъ, — что самое главное — русскіе профессора, хотя бы и хуже подготовленные, менѣе талантливые, имѣли преимущество передъ иностранцами въ дѣлѣ преподаванія и научныхъ изслѣдованій, благодаря своему русскому происхожденію. Незнаніе иностранцами русскаго языка и условій русской дѣйствительности оказывалось огромнымъ тормазомъ въ ихъ педагогической и научной дѣятельности.

Обращаемся теперь къ преподавательской дѣятельности всѣхъ этихъ лицъ въ Харьковскомъ университетѣ за первыя 10 лѣтъ его существованія и посмотримъ прежде всего, какія каѳедры полагались по уставу и какія изъ нихъ были заняты въ дѣйствительности. Въ отдѣленіи словесныхъ наукъ (нын. историкофилологическомъ факультетѣ) установлено было 6 каѳедръ съ 6 преподавателями: 1) краснорѣчія, стихотворства и россійскаго языка, 2) греческаго языка и словесности, 3) древностей и латинскаго языка, 4) всемірной исторіи, статистики и географіи, 5) исторіи, статистики и географіи Россійскаго государства, 6) восточныхъ языковъ. Въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ (нын. юридическомъ факультетѣ) назначено было 7 каѳедръ: 1) догматическаго и нравоучительнаго богословія, 2) толкованія священнаго писанія и церковной исторіи, 3) умозрительной и практической философіи, 4) правъ—естественнаго, политическаго и народнаго, 5) гражданскаго и уголовнаго судопроизводства въ Россійской Имперіи, 6) правъ знатнѣйшихъ какъ древнихъ, такъ и нынѣшнихъ народовъ, 7) дипломатики и политической экономіи. Въ отдѣленіи физическихъ и математическихъ наукъ (нын. физикоматематическомъ факультетѣ)—9 каѳедръ: 1) теоретической и опытной физики, 2) чистой математики, 3) прикладной математики, 4) астрономіи, 5) химіи и металлургіи, 6) естественной исторіи и ботаники, 7) сельскаго домоводства, 8) технологіи и наукъ, относящихся къ торговлѣ и фабрикамъ, 9) военныхъ наукъ. Въ отдѣленіи врачебныхъ или медицинскихъ наукъ (нын. медицинскомъ факультетѣ) полагалось 6 каѳедръ: 1) анатоміи, физіологіи и судебной врачебной науки, 2) патологіи, терапіи и клиники, 3) врачебнаго веществословія, фармаціи и врачебной словесности, 4) хирургіи, 5) повивальнаго искусства, 6) скотолѣченія. Для всѣхъ этихъ 28 каѳедръ назначалось 28 профессоровъ и сверхъ того въ помощь имъ 12 адъюнктовъ, 3 лектора новыхъ языковъ (французскаго, нѣмецкаго и англійскаго) и 3 учителя пріятныхъ искусствъ (музыки, рисованія, танцевъ и гимнастики). Но хотя число профессоровъ и адъюнктовъ и ограничено было цифрою 40, тѣмъ не менѣе совѣту было предоставлено право приглашать сверхъ этой нормы въ профессора достойнѣйшихъ ученыхъ, а въ въ адъюнкты молодыхъ людей русскаго происхожденія, доказавшихъ свои способности печатными, рукописными трудами или лекціями. Обязанности профессоровъ уставъ опредѣляетъ такъ: они должны преподавать курсы, присоединяя тамъ, гдѣ это нужно, къ теоріи и практику; пополнять ихъ новыми открытіями, сдѣланными въ Европѣ, присутствовать на засѣданіяхъ и экзаменахъ, руководить адъюнктами. Каждый профессоръ обязанъ былъ, съ согласія совѣта, избрать свое сочиненіе

или книгу другого автора и ею руководствоваться при чтеніи лекцій. Каждый курсъ долженъ былъ быть пройденъ въ назначенное время. Кромѣ указанныхъ выше главныхъ курсовъ, совѣтъ могъ назначать дополнительные и возлагать преподаваніе ихъ на экстраординарныхъ профессоровъ, адъюнктовъ или магистровъ. Всѣ профессора, которые читали предметы, относившіеся къ педагогическому институту, обязаны были посвящать 1 часъ въ недѣлю наставленію кандидатовъ. Профессора, не имѣвшіе слушателей или вообще не могшіе по какимъ либо обстоятельствамъ читать своихъ курсовъ, обязаны были сообщить совѣту, какимъ полезнымъ трудомъ они намѣрены были заняться, или совѣтъ самъ могъ возложить на нихъ соотвѣтствующее дѣло, напримѣръ, путешествія для астрономическаго и физическаго описаній, визитаціи училищъ, находившихся въ вѣдѣніи университета и т. п. Адъюнкты, по опредѣленію устава, это—помощники профессоровъ, подъ руководствомъ коихъ стараются достигнуть большей степени совершенства и во всѣхъ практическихъ трудахъ профессоровъ обязаны имѣть участіе. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія профессора, они, по назначенію совѣта, читали его курсъ, а также и самостоятельныя лекціи слушателямъ педагогическаго института и студентамъ. Они могли присутствовать, съ правомъ совѣщательнаго голоса, по учебнымъ вопросамъ, въ совѣтѣ, и подавать свои мнѣнія въ факультетахъ, исправляя въ нихъ обязанности секретарей. Четырехъ наиболѣе выдающихся адъюнктовъ совѣтъ, по предложенію ректора, баллотировалъ въ экстраординарные профессора, которые получали прибавку къ жалованью изъ экономическихъ суммъ [1]).

Таковы были требованія устава. Нужно замѣтить, что существовала маленькая разница между Харьковскимъ и другими университетами въ числѣ и составѣ каѳедръ на разныхъ факультетахъ. Такъ между прочимъ у насъ не было на словесномъ факультетѣ эстетики и археологіи, которыя были въ Москвѣ, но за то числились военныя науки, которыхъ не было въ Казани и Москвѣ. Сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ общее число каѳедръ оказывается менѣе значительнымъ; тогда въ рукахъ одного преподавателя сосредоточивалось по нѣсколько такихъ наукъ, которыя въ настоящее время представляютъ изъ себя отдѣльные предметы. Но за то теперь упразднены и нѣкоторыя изъ тѣхъ каѳедръ, которыя полагались по уставу 1804 г., напримѣръ, восточные языки, военныя и ветеринарныя науки.

Спрашивается теперь, насколько осуществлялись въ дѣйствительности въ Харьковскомъ университетѣ требованія устава, какова была

---

[1]) Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просв., I, 268—272.

въ немъ полнота преподаванія, какія каѳедры были заняты и какія оставались не занятыми, какъ долго оставались онѣ вакантными.

Мы раньше приводили составленную Рославскимъ-Петровскимъ таблицу, въ которой указаны по годамъ цифры наличныхъ преподавателей въ первое десятилѣтіе. Оказывается (и это, конечно, вполнѣ естественно), что далеко не всѣ каѳедры были заняты, но что число вакантныхъ каѳедръ постоянно къ концу періода уменьшается: въ 1805 году, по разсчету Рославскаго-Петровскаго, было 10 профессоровъ и 8 адъюнктовъ (всего 18 чел.), въ 1806 году—12 проф. и 8 адъюнкт. (20 чел.), въ 1807 году—15 проф. и 8 ад. (23 чел.), въ 1808 году—16 проф. и 9 ад. (25 чел.), въ 1809 г.—16 проф. и 10 ад. (26 чел.), въ 1810 г.—14 проф. и 10 ад. (24 чел.), въ 1811 году—18 проф. и 3 ад. (21 чел.), въ 1812 году—21 проф. и 4 ад. (25 чел.), въ 1813 году—21 проф. и 7 ад. (28 чел.), въ 1814 году—19 проф. и 9 ад. (28 чел.). Цифры паденія приходятся только, какъ мы видимъ, на 1810 и особенно 1811 г. и это явленіе мы объясняли уже выше — выходомъ изъ университета иностранныхъ профессоровъ главнымъ образомъ подъ вліяніемъ нѣкоторой реакціи противъ нихъ, вызванной Наполеоновскими войнами. Сравнивая цифры наличныхъ преподавателей съ тѣми, которыхъ требовалъ уставъ, мы видимъ между ними значительное несоотвѣтствіе: въ то время, какъ по уставу требовалось 40 преподавателей (28 проф. и 12 адъюнкт.), въ дѣйствительности число ихъ колебалось между 18 и 28 чел., т. е. достигало только 45%—70% общаго числа. Но въ дѣйствительности положеніе вещей было гораздо лучше, чѣмъ рисуютъ его эти цифры. Въ сущности и уставъ требовалъ не 40, а 28 штатныхъ преподавателей — представителей каѳедръ; остальные 12 человѣкъ были адъюнкты, обязанные только помогать профессорамъ въ преподаваніи. На дѣлѣ же многіе адъюнкты занимали и самостоятельныя каѳедры, такимъ образомъ обезпечивали преподаваніе и замѣняли ординарныхъ профессоровъ. При такихъ условіяхъ цифра 28 (послѣднихъ двухъ лѣтъ) подходила уже къ нормѣ (28 профессоровъ безъ адъюнктовъ). Кромѣ того вакантныя каѳедры поручались временно наличнымъ преподавателямъ и это опять-таки обезпечивало достаточную полноту преподаванія. Наконецъ, въ нашихъ цифрахъ не приняты еще во вниманіе тѣ лекторы и магистры, которымъ также поручалось чтеніе нѣкоторыхъ курсовъ, хотя они и не были еще адъюнктами; таковы были, напримѣръ, Рейтъ, Успенскій, Адамовичъ, Павловскій, Комлишинскій.

Посмотримъ теперь, какими лицами заняты были каѳедры на разныхъ факультетахъ и какъ въ этомъ отношеніи были обставлены эти послѣдніе.

Начнемъ свое обозрѣніе со словеснаго отдѣленія. Каѳедра россійской словесности и краснорѣчія была здѣсь занята до 1811 года достойнѣйшимъ и выдающимся представителемъ И. С. Рижскимъ, а послѣ его смерти сначала однимъ лекторомъ Борзенковымъ, а съ 1812 года—имъ и ординарнымъ профессоромъ И. Е. Срезневскимъ; такимъ образомъ, фактически каѳедра эта не оставалась вакантной. Греческій языкъ и словесность читалъ съ 1805 по 1811 годъ проф. Беленъ-де-Баллю, а въ 1812 году—адъюнктъ Малиновичъ; въ промежуткѣ между ними предметъ этотъ вовсе не преподавался. Латинскій языкъ и древности читалъ первоначально до своей смерти (въ 1807 г.) ординар. проф. Умляуфъ, которому помогалъ адъюнктъ Паки-де-Совиньи; съ 1807 г. по 1811 г. каѳедра эта была поручена временно Беленъ-де-Баллю (во время же трехмѣсячной отлучки въ Петербургъ его замѣнялъ прекрасный латинистъ орд. проф. Шадъ), а съ 1811 г. по 1814 г. ее съ честью занималъ выдающійся филологъ орд. проф. Роммель, при которомъ состоялъ адъюнктомъ Совиньи, произведенный въ 1813 г. въ экстра-ординарные профессора, а въ 1814 году этотъ предметъ подѣлили между собой Шадъ и Совиньи. Всеобщую исторію, географію и статистику преподавали до 1807 г. два лектора—Рейнишъ и Рейтъ, а съ 1807 г. къ нимъ присоединился проф. Дегуровъ; въ 1812 г. его помощникомъ сдѣлался Адамовичъ на мѣсто Рейта, перешедшаго на другую каѳедру; Рейнишъ же умеръ въ 1811 г. Каѳедра россійской исторіи, географіи и статистики оставалась вакантной до 1807 г., а съ этого времени ее занялъ Г. П. Успенскій, сначала въ качествѣ лектора, потомъ (съ 1808 года) адъюнкта, экстра-ординарнаго (съ 1812 г.) и ординарнаго профессора (съ 1813 г.). Восточные языки читалъ очень короткое время пасторъ Харьковскаго евангелическаго общества Барендтъ, а затѣмъ преподаваніе ихъ совершенно прекратилось.

На этикополитическомъ отдѣленіи философія читалась извѣстнымъ проф. Шадомъ; помощникомъ его состоялъ сперва адъюнктъ Лангъ (до 1811 г.), а съ 1813 года—Дудровичъ. Русское гражданское и уголовное право преподавалъ орд. проф. Тимковскій, а съ выходомъ его въ отставку Успенскій (съ 1812 г.); сверхъ того въ 1812—1814 гг. общее уголовное право читалъ адъюнктъ Павловичъ. Естественное, государственное и народное право излагалъ все время съ 1807 г. адъюнктъ Лангъ (прибывшій въ концѣ іюля 1811 года орд. проф. Терлаичъ скончался въ концѣ сентября, такъ что лекцій не начиналъ); въ 1814 г. этотъ предметъ былъ порученъ ордин. проф. Рейту. Каѳедра правъ важнѣйшихъ древнихъ и новыхъ народовъ была поручена сперва адъюнкту Филипповичу, который, впрочемъ, отправился еще до открытія лекцій загра-

ницу и въ Харьковъ не возвращался. Такимъ образомъ, первымъ преподавателемъ этого предмета нужно считать адъюнкта Гамперле, который оставался въ своей должности очень недолго. Затѣмъ наступилъ перерывъ въ чтеніи лекцій по этому предмету до 1811 года, когда онъ былъ временно порученъ Павловичу; и только въ 1812 году впервые, можно сказать, каѳедра эта получила достойнѣйшаго представителя въ лицѣ проф. Швейкардта, который сталъ читать систему и исторію римскаго права, а экстраорд. проф. Рейтъ—исторію права новыхъ народовъ (до 1814 г.). Политическую экономію и дипломатику читали: сначала адъюнктъ Гамперле, потомъ адъюнктъ Лангъ, къ которому въ 1807 году присоединился знаменитый профессоръ Якобъ, а съ отъѣздомъ этого послѣдняго (съ 1810 г.) одинъ Лангъ, произведенный въ это время въ ординарные профессора. Двѣ же каѳедры—богословія и церковной исторіи—оставались все это время не замѣщенными и по нимъ не было даже временнаго преподаванія.

На физико-математическомъ отдѣленіи каѳедру физики занималъ съ открытія университета до выхода въ отставку (въ 1813 г.) Стойковичъ; помощниками его были сначала Крюгеръ (съ 1807 г.), а потомъ (съ 1811 г.) Комлишинскій, который съ 1813 года сдѣлался самостоятельнымъ преподавателемъ этого предмета. Чистую математику читалъ Осиповскій; помощниками его были сперва Васильевъ, потомъ Павловскій. Прикладная математика была поручена проф. Гуту, который оставался въ Харьковѣ съ 1808 г. по 1811 г.; съ отъѣздомъ его, ее сталъ временно читать Осиповскій, а съ 1813 года къ нему присоединился адъюнктъ Архангельскій, преподававшій механику; оптика же осталась за Осиповскимъ. По астрономіи не было штатнаго преподавателя; временно же (и не долго) этотъ предметъ читалъ проф. Гутъ и Осиповскій; По химіи было два преподавателя--проф. Шнаубертъ, читавшій общій курсъ, и адъюнктъ Гизе, излагавшій спеціальный курсъ въ примѣненіи къ промышленности. Съ 1811 года Гизе, произведенный въ ординарные профессора, сдѣлался единственнымъ представителемъ этой каѳедры. Въ концѣ 1814 г. онъ, впрочемъ, перевелся въ Дерптъ, а его обязанности сталъ временно исправлять Комлишинскій. Представителемъ обширной каѳедры естественной исторіи былъ проф. Делявинь (ботаникъ и зоологъ), но у него были помощники—адъюнкты Крюгеръ и Каретниковъ, читавшіе первый минералогію, второй ботанику, а потомъ (съ 1813 г.) экстраординарный проф. Тауберъ (преподававшій минералогію) и адъюнктъ Громовъ. Каѳедра сельскаго хозяйства до 1811 года оставалась вакантной, но преподаваніе по ней велось проф. Стойковичемъ и Дегуровымъ; съ этого же года она получила постояннаго преподавателя въ лицѣ

проф. Нельдехена. Технологію и коммерцію читалъ до 1811 г. адъюнктъ Шмерфельдъ; послѣ же его смерти—технологію Нельдехенъ, а коммерцію—съ 1813 г. адъюнктъ Громовъ. Каѳедра военныхъ наукъ оставалась вакантной до тѣхъ поръ, пока университетъ не подготовилъ преподавателя для нея въ лицѣ Робуша; но онъ явился изъ командировки въ Харьковъ уже послѣ 1814 года; временнымъ же преподавателемъ этого предмета былъ назначенъ въ 1811 году учитель Харьковской гимназіи Ивановъ.

На медицинскомъ отдѣленіи преподавателемъ по анатоміи, физіологіи и судебной медицинѣ былъ сначала адъюнктъ Ванотти (съ 1806 г.), а съ 1811 г. къ нему присоединился проф. Книгинъ. Представителемъ каѳедры общей и частной патологіи и терапіи былъ Дрейсигъ, который, съ устройствомъ въ 1814 г. клиники, велъ въ ней и практическія занятія. Фармакологію, фармацію и исторію медицины читалъ съ 1807 г. проф. Коритари; послѣ же его смерти въ 1810 г. фармакологію съ исторіей медицины — Ванотти, произведенный въ 1812 г. въ ординарные профессора, фармацію же—сначала Гизе, а съ 1812 г. адъюнктъ Болгаревскій; сверхъ того два года (1810—1811 и 1811—1812) адъюнктъ Калькау излагалъ энциклопедію медицины. Единственнымъ преподавателемъ по предмету хирургіи былъ проф. Шумлянскій, который только въ 1814 г. получилъ себѣ помощника въ лицѣ адъюнкта Колумны-Вигуры. По предмету акушерства не было штатнаго преподавателя до 1811 г. (только въ 180⁸/₉ академическомъ году читалъ временно этотъ отдѣлъ Калькау), а съ этого года былъ приглашенъ для преподаванія этой науки проф. Каменскій. Наконецъ профессоромъ скотолѣченія состоялъ съ 1807 года Пильгеръ [1]).

Итакъ, огромное большинство каѳедръ, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, въ общемъ было обезпечено преподавателями. Оставались вакантными и не имѣли даже временныхъ преподавателей только 2 каѳедры на этико-политическомъ отдѣленіи (богословія и церковной исторіи); другія три каѳедры (восточныхъ языковъ на словесномъ отдѣленіи, астрономіи и военныхъ наукъ на математическомъ) то же не имѣли штатныхъ профессоровъ, но все-таки по нимъ шло преподаваніе, хотя и очень непродолжительное время. По другимъ предметамъ бывали только временныя задержки въ чтеніи лекцій (по греческому языку, русской исторіи, естественному праву, праву древнихъ и новыхъ народовъ, прикладной математикѣ, анатоміи, патологіи и терапіи, фармакологіи, акушерству, скотолѣченію). Наконецъ, по 13 остальнымъ каѳедрамъ чтеніе лекцій повидимому

[1]) Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности Импер. Харьк. университ. въ первое десятилѣтіе его существованія, стр. 11—24.

вовсе не прерывалось, потому что въ случаѣ отсутствія штатныхъ преподавателей ихъ курсы поручались временнымъ лекторамъ; въ такомъ положеніи находились слѣдующіе предметы: русская словесность, латинскій языкъ, всеобщая исторія, философія, русское гражданское и уголовное право, политическая экономія съ дипломатикой, физика, чистая математика, химія, естественная исторія, сельское хозяйство, технологія, хирургія. Какъ мы видимъ отсюда, всѣ факультеты въ отношеніи полноты преподаванія находились приблизительно въ одинаковомъ положеніи: на трехъ изъ нихъ были вакантныя каѳедры; на 4-мъ медицинскомъ хотя и не было таковыхъ, но за то по всѣмъ предметамъ, исключая хирургіи, были временные перерывы въ чтеніи лекцій. Таковы статистическія данныя о числѣ каѳедръ, по требованію устава 1804 года и въ дѣйствительности.

Но эти данныя все-таки не рисуютъ еще намъ истиннаго положенія преподаванія. Каѳедры были обезпечены преподавателями, но преподаваніе на медицинскомъ факультетѣ не могло идти успѣшно, потому что часто не было слушателей; объявленные курсы вслѣдствіе этого подъ часъ не могли состояться. „Всѣ профессоры медицинскаго факультета, говоритъ Н. А. Лавровскій, были долгое время весьма мало заняты лекціями, по недостатку студентовъ, и совѣтъ часто поручалъ имъ, въ замѣнъ лекцій, какія-либо особыя занятія. Такъ адъюнкту Калькау въ 1808 году поручено было заняться обработкою энциклопедіи и методологіи медицины. Въ засѣданіи 20 января 1809 г., ректоръ донесъ совѣту, что на медицинскомъ факультетѣ всего три студента, изъ которыхъ одинъ боленъ, а другой въ отпуску, а потому лекціи прекратились.... Въ 1811 г. на медицинскомъ факультетѣ также не было слушателей и всѣ профессоры его получили отъ совѣта порученіе заняться чѣмъ-либо постороннимъ“ [1]). Неудивительно, что при такомъ хроническомъ отсутствіи слушателей, явилась мысль объ упраздненіи медицинскаго фукультета при Харьковскомъ университетѣ. Съ такимъ именно предложеніемъ выступилъ попечитель округа графъ С. О. Потоцкій; къ счастію, его мнѣніе встрѣтило сильныя возраженія не только въ совѣтѣ, но и въ министерствѣ, со стороны министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго. Мало того: самъ Государь высказалъ желаніе, чтобы медицинскій факультетъ оставался при Харьковскомъ университетѣ. Благодаря этому, рѣшено было принять энергичныя мѣры для пополненія преподавательскаго персонала и учащихся и для устройства учебно-вспомогательныхъ учрежденій. Правда не всѣ эти мѣры

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1872 г., № 2, стр. 238.

были осуществлены, но все-таки кое-что было сдѣлано, и университетъ удержалъ въ неприкосновенности свой первоначальный составъ; уничтоженіе же медицинскаго отдѣленія было бы началомъ расчлененія университета и привело бы въ концѣ концовъ къ полному упраздненію его или переводу въ другой городъ.

Когда вопросъ о сохраненіи медицинскаго факультета былъ въ принципѣ рѣшенъ, министръ предложилъ совѣту выработать рядъ практическихъ мѣръ для упроченія его существованія.

И вотъ на чемъ остановился совѣтъ.

„Совѣтъ вслѣдствіе предложенія вашего сіятельства относительно Высочайшей воли Государя Императора, чтобы медицинскій при этомъ университетѣ факультетъ, буде возможно, оставался на прежнемъ основаніи, разсуждая какія бы избрать лучшія средства къ тому, опредѣлилъ: 1) чтобъ имѣть всегда для этого отдѣленія студентовъ, положилъ въ числѣ 40 студентовъ казеннаго содержанія имѣть десять такихъ, тоторые пожелаютъ обучаться врачебнымъ наукамъ; 2) предписать всѣмъ директорамъ подвѣдомственныхъ университету гимназій, чтобы они рекомендовали ежегодно способнѣйшихъ учениковъ гимназистовъ, имѣющихъ желаніе обучаться этимъ наукамъ, съ тѣмъ что они приняты будутъ студентами на казенное содержаніе въ числѣ этихъ же десяти; 3) чтобъ тѣхъ только студентовъ допускать обучаться медицинѣ, которые окончатъ уже курсъ общихъ наукъ; 4) чтобъ всѣ такіе студенты давали обязательства, по окончаніи курса медицинскихъ наукъ, посвятить себя званію врачей; 5) чтобы тотчасъ по утвержденіи этого опредѣленія высшимъ начальствомъ, начать курсъ, а предварительно устроить то, безъ чего нельзя его начать съ успѣхомъ, какъ-то: анатомическій театръ, а позже и клиническіе институты по внутреннимъ и наружнымъ болѣзнямъ и повивальной наукѣ и все то, что предписано Высочайше утвержденнымъ уставомъ, о чемъ университетъ, по состоявшемуся въ медицинскомъ отдѣленіи опредѣленію (прилагаемому при этомъ въ копіи) честь имѣлъ обстоятельно представить вашему сіятельству прошедшаго іюня 18 числа. Совѣтъ къ этому имѣетъ честь присоединить, что нѣкоторые изъ студентовъ, узнавъ отъ ректора о настоящемъ постановленіи, изъявили желаніе обучаться медицинскимъ наукамъ — именно 7 казеннокоштныхъ, 8 своекоштныхъ и 1 вольнослушающій, всего 16 человѣкъ". (25 декабря 1810 года). Въ другой бумагѣ совѣтъ писалъ министру.

„Совѣтъ университета, сообразуясь съ предположеніями отдѣленія медицинскихъ наукъ, опредѣлилъ: 1) завести анатомическій театръ и для этого или выстроить новый, или купить готовый домъ и перенести его

на удобное мѣсто; 2) завести клиники, больницы по тремъ различнымъ родамъ болѣзней, и для этого такъ-же выстроить удобный домъ; 3) купить по списку, который будетъ представленъ отдѣленіемъ, лучшіе анатомическіе, хирургическіе и акушерскіе инструменты, такъ-же перевязки и бандажи; 4) завести анатомическій кабинетъ, который можно купить или пріобрѣсти изъ числа тѣхъ, которые въ безчисленномъ множествѣ собраны въ Санктпетербургѣ и Москвѣ; 5) пригласить профессора повивальнаго искусства, опытнаго въ этой наукѣ, и искуснаго въ операціяхъ; 6) гг. профессора Шумлянскій, Дрейсигъ и преподаватель повивальнаго искусства будутъ дѣлать при постеляхъ больныхъ клиническія наставленія; 7) всѣ лекціи будутъ читаться на россійскомъ и латинскомъ языкѣ (и потому необходимо, чтобъ университетъ выписалъ, буде возможно, на обоихъ этихъ языкахъ учебныя книги для всѣхъ наукъ); 8) избраніе адъюнкта Калькау профессоромъ по представленію факультета отложить на нѣкоторое время; а объ адъюнктѣ Ванноти, о которомъ уже представлено было, ожидать разрѣшенія отъ вашего сіятельства; г. деканъ этого отдѣленія, объясняя, что ему почти не возможно одному проходить всѣ части теоретической и практической хирургіи, просилъ дать въ помощь ему адъюнкта по его предмету; совѣтъ же, принявъ во вниманіе, что вслѣдствіе незначительности оклада, особенно при нынѣшней дороговизнѣ, нельзя будетъ найти искуснаго и опытнаго адъюнкта, положилъ пріискать лучше на это мѣсто экстраординарнаго профессора. (17 іюля 1810 г.). Попечитель, препровождая эти бумаги министру, счелъ нужнымъ присоединить къ нимъ свое заключеніе, которое шло въ разрѣзъ съ мнѣніемъ совѣта.

„Совѣтъ Харьковскаго университета, писалъ онъ, въ слѣдствіе объявленной ему отъ меня Высочайшей воли Государя Императора, чтобы медицинскій факультетъ при этомъ университетѣ, буде возможно, оставался на прежнемъ основаніи, представилъ мнѣ теперь вмѣстѣ съ медицинскимъ отдѣленіемъ свое мнѣніе по этому предмету, которое препровождаю на благоусмотрѣніе вашего сіятельства и считаю долгомъ донести, что я, не смотря на всѣ эти объясненія, усматриваю большія препятствія къ образованію этого факультета по слѣдующимъ причинамъ: 1) по извѣстному въ Россіи недостатку молодыхъ людей, посвящающихъ себя медицинской части; недостатокъ этотъ явствуетъ изъ того, что не только Московскій университетъ, существующій уже долгое время и расположенный въ пространномъ и многолюдномъ городѣ, всегда нуждался въ таковыхъ студентахъ, но даже и самыя медико-хирургическія академіи, коихъ казеннокоштные воспитанники могутъ всегда удобнѣе и съ большими выгодами поступать на службу, нежели уни-

*

верситетскіе студенты, часто принуждены бываютъ выписывать студентовъ изъ семинарій. Таковой недостатокъ относится еще въ большей мѣрѣ къ Харьковскому университету, который въ сравненіи съ другими заведеніями имѣетъ гораздо меньше способовъ пріобрѣтать молодыхъ людей для медицинскаго отдѣленія; 2) хотя совѣтъ университета и назначаетъ изъ числа сорока человѣкъ казенныхъ воспитанниковъ имѣть всегда для медицинскаго отдѣленія 10, желающихъ обучаться врачебнымъ наукамъ, но таковое число студентовъ слишкомъ незначительно, чтобы могло служить прочнымъ основаніемъ къ образованію факультета, даже и тогда, если бы оно простиралось до 20 человѣкъ, хотя въ такомъ случаѣ университетъ лишился бы единственнаго способа снабжать училища своего округа способными учителями; 3) устроеніе всѣхъ положенныхъ при медицинскомъ факультетѣ заведеній, безъ коихъ нельзя приступить ни къ чему, сопряжено въ настоящее время съ большими неудобствами и издержками.—Они такъ значительны, что если при университетскомъ зданіи устроить въ особенности эти заведенія, то на все это должно будетъ употребить не только всю университетскую сумму, съ причитающимися отъ нея по настоящее время процентами, но даже можетъ быть и хозяйственную, которая, какъ извѣстно, имѣетъ свое спеціальное предназначеніе.

Въ заключеніе я долженъ еще присовокупить, что какъ въ обоихъ медико-хирургическихъ академіяхъ считается больше 1200 казенныхъ студентовъ, въ Виленскомъ и Дерптскомъ университетахъ около 120, а всего со включеніемъ Московскаго университета до 1400 человѣкъ, то, по моему мнѣнію, такое количество можетъ быть совершенно достаточно къ приготовленію на службу способныхъ лѣкарей для всей имперіи, если только хотя шестая часть изъ обучающихся въ этихъ заведеніяхъ студентовъ будетъ ежегодно поступать на лѣкарскія мѣста. Напротивъ того въ Харьковскомъ университетѣ едва ли можно когда-нибудь ожидать больше 30 человѣкъ такихъ воспитанниковъ; а это число съ присовокупленіемъ къ вышепоказанному количеству студентовъ не составляетъ никакого ощутительнаго различія для имперіи, между тѣмъ потребовало бы сверхъ единовременныхъ издержекъ, нужныхъ на устроеніе факультета съ его заведеніями, ежегодно до 25,000 руб. на содержаніе профессоровъ, адъюнктовъ, анатомическаго театра, клиническаго института и проч.

Я счелъ обязанностью сообщить вашему сіятельству предварительно мысли мои объ этомъ предметѣ, чтобы впослѣдствіи не быть въ отвѣтѣ въ случаѣ, если устроеніе при Харьковскомъ университетѣ медицинскаго факультета, при большихъ издержкахъ, не будетъ имѣть желае-

мой пользы. Впрочемъ, исполняя всегда въ точности предписанія вашего сіятельства, я не перестану и въ данномъ случаѣ дѣйствовать сообразно распоряженіямъ, какія ваше сіятельство по предмету устроенія этого факультета предпринять заблагоразсудите. Пребываю съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Г. Северинъ Потоцкій". (31 января 1811 г.).

Министръ высказался категорически противъ мнѣнія попечителя и прислалъ свое заключеніе въ совѣтъ. „Попечитель этого университета г. тайный совѣтникъ графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, писалъ онъ тутъ, сообщилъ мнѣ въ копіи представленіе университетскаго совѣта объ оставленіи медицинскаго факультета при университетѣ, присовокупивъ свои разсужденія о невыгодности сохраненія этого факультета. Препровождая при этомъ копію съ его отношенія, изъясняю свои мысли по этому предмету.

1-я мѣра, представляемая совѣтомъ къ сохраненію медицинскаго факультета, заслуживаетъ одобренія. Въ числѣ сорока казенныхъ студентовъ, безъ сомнѣнія, всегда найдется 10, если не болѣе, желающихъ посвятить себя наукамъ медицинскимъ; въ этомъ убѣждаетъ меня склонность къ этимъ наукамъ, давно уже замѣченная въ украинскомъ юношествѣ и тотъ убѣдительный доводъ, что наибольшая часть врачей вышла изъ Малороссіи. Конечно, таковое число студентовъ не велико въ отношеніи къ числу необходимыхъ для нихъ профессоровъ, издержекъ, потребныхъ на устроеніе разныхъ пособій; но не болѣе этой доли студентовъ причитается и для каждаго другого факультета. Быть можетъ, казенные студенты успѣхами своими во врачебныхъ наукахъ склонятъ и своекоштныхъ студентовъ посвятить себя этой части, тѣмъ болѣе, что при первомъ вызовѣ университетскаго совѣта явилось уже нѣсколько желающихъ быть причисленными къ медицинскому факультету.

2-е. Опасеніе г. попечителя, чтобы причисленіе значущаго числа казенныхъ студентовъ къ медицинскому факультету не лишило университета способа снабжать училища своего округа способными учителями, не должно удерживать отъ этой полезной мѣры, ибо если бы и половина казенныхъ студентовъ посвятила себя врачебнымъ наукамъ, то все еще останется 20 студентовъ, приготовляющихся къ учительскому званію, каковаго числа для наполненія открывающихся учительскихъ вакансій едва ли недостаточно; въ случаѣ же недостатка Санктпетербургскій педагогическій институтъ дастъ въ томъ пособіе.

3-е. Съ сохраненіемъ медицинскаго факультета, конечно, неминуемо сопряжено устроеніе разныхъ заведеній, какъ-то: клиники, анатомическаго театра и проч. Обязанностію университета было съ самаго

начала учрежденія его приготовлять мало-по-малу все нужное для основанія такихъ заведеній. Но хотя это потеряно изъ виду, однако, устроеніе врачебныхъ вспомогательныхъ заведеній, сперва въ маломъ видѣ и для небольшаго числа студентовъ, не можетъ требовать столь великихъ издержекъ, какъ полагаетъ г. попечитель, впослѣдствіи же можно будетъ, по мѣрѣ возможности, заведенія эти распространять. Наконецъ, г. попечитель полагаетъ, что число обучающихся теперь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ медицинскихъ чиновниковъ весьма достаточно для приготовленія на службу способныхъ лѣкарей. Мнѣніе это основано на доставленныхъ ему невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, ибо не 1200, а только 600 воспитанниковъ приготовляется въ обоихъ отдѣленіяхъ медико-хирургической академіи, и опытъ показываетъ, что при настоящихъ способахъ никакъ невозможно снабжать всѣ вѣдомства нужнымъ числомъ лѣкарей. Харьковскій университетъ едва ли когда-нибудь, какъ замѣчаетъ г. попечитель, можетъ доставить болѣе 30-ти студентовъ по медицинской части, но и это число даетъ нѣкоторое пособіе въ недостаткѣ врачей. Другіе университеты въ началѣ своемъ находились въ такомъ же положеніи, но со временемъ число студентовъ увеличилось.

По этимъ соображеніямъ предлагаю университету приступить къ устроенію надлежащимъ образомъ медицинскаго факультета; и отъ его попеченій ожидаю, что заведеніе это въ возможно скорѣйшемъ времени придетъ въ состояніе, соотвѣтствующее цѣли и способамъ на то дарованнымъ; на каковой конецъ имѣетъ онъ, начертавъ примѣрное исчисленіе суммы, потребной на заведенія, до этого факультета касающіяся, представить его мнѣ, съ означеніемъ мѣръ, предпринимаемыхъ съ этою цѣлью. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручаю ему пріискивать недостающихъ для этого факультета профессоровъ, и сколько можно болѣе изъ природныхъ россіянъ".

Вопросъ о различныхъ мѣропріятіяхъ, которыя могли бы установить правильное функціонированіе медицинскаго отдѣленія, былъ предварительно разсмотрѣнъ подъ председательствомъ проректора въ факультетѣ, а затѣмъ переданъ въ совѣтъ, который пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ.

„1) Чтобы выстроенный внѣ города на университетской землѣ для профессора ботаники каменный домъ, съ каменною же при немъ кухнею, въ которомъ теперь живетъ университетскій садовникъ, домъ, признанный годнымъ для помѣщенія въ немъ анатомическаго и хирургическаго театровъ, обратить на это дѣло, а для садовника выстроить другой домъ по плану D.

2) Чтобъ по планамъ, представленнымъ адъюнктомъ Васильевымъ (ЕЕ и F), выстроить двѣ другія связи изъ дерева, изъ коихъ одну для медико-хирургическаго клиническаго института, другую — для повивальнаго.

3) Чтобы выстроить особенное деревянное строеніе, имѣющее быть въ срединѣ этихъ двухъ институтовъ и принадлежащее обоимъ, для помѣщенія въ немъ кухни, жилищъ служителей и другихъ принадлежностей, по плану G.

4) Купить въ Санктпетербургѣ нужныя медико-хирургическія инструменты, которыхъ каталогъ отправленъ къ вашему сіятельству.

5) Чтобъ для дополненія числа недостающихъ по университетскому уставу для медицинскаго отдѣленія профессоровъ избрать двухъ новыхъ, именно же: a) профессора для медицинской матеріи и словесности, и b) профессора повивальнаго искусства (что и воспослѣдовало).

6) Чтобъ назначить двухъ адъюнктовъ, одного для медицинской и другого для хирургической клиники изъ природныхъ россіянъ, получившихъ уже докторское достоинство (пріискать таковыхъ поручено профессорамъ этихъ наукъ).

7) А такъ какъ профессоръ Пильгеръ въ засѣданіи медицинскаго отдѣленія 28 апрѣля этого года объявилъ, что онъ обязанъ преподавать только ветеринарную патологію и терапію, а когда устроена будетъ практическая школа, то онъ за управленіе ею долженъ быть особенно награжденъ, то факультетъ и совѣтъ единогласно объявили, что притязаніе это никакого основанія не имѣетъ, потому что профессоръ Пильгеръ въ такой же мѣрѣ обязанъ по долгу своему преподавать практическое наставленіе, какъ и профессора клиники, хирургіи и повивальнаго искусства.

8) Упомянутые дома необходимо должны быть выстроены на университетской землѣ внѣ города, а такъ какъ профессора и адъюнкты для этого должны содержать экипажи, по причинѣ весьма худыхъ, а въ нѣкоторыя времена года почти непроходимыхъ дорогъ, для пріѣзда въ университетъ, то совѣтъ, основываясь на представленіи факультета, положилъ спросить вашего сіятельства, можно ли по отстройкѣ этихъ институтовъ, тѣмъ профессорамъ и адъюнктамъ, которые ежедневно въ нихъ должны будутъ присутствовать, опредѣлить вознагражденіе за содержаніе экипажей, профессорамъ по 400, адъюнктамъ же по 200 рублей въ годъ.

Совѣтъ, представляя все это на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства, испрашиваетъ:

a) Позволенія употребить сумму, по смѣтѣ значущуюся:

1)	Для дома садовника (Da)	4665 р.	— к.
2)	„ клиническаго института (Ea) . .	8183 „	50 „
3)	„ повивальнаго института (Fa) . .	5051 „	50 „
4)	„ прочихъ службъ при нихъ (G) . .	14823 „	— „
	Всего-жъ . . .	32723 р.	— к.

b) Положилъ также просить ваше сіятельство благоволить приказать чрезъ свѣдущаго человѣка купить въ Санктпетербургѣ означенные въ каталогахъ (медико-хирургическіе) инструменты.

c) Такъ какъ факультетъ желаетъ имѣть хирургическіе инструменты тончайшей работы для демонстраціи ихъ, а ихъ можно купить только въ иностранныхъ земляхъ, особенно въ Вѣнѣ, то совѣтъ спрашиваетъ у вашего сіятельства, самимъ ли вамъ благоугодно будетъ относительно этихъ инструментовъ обратиться къ живущему въ Вѣнѣ россійскому посланнику или изволите предоставить это дѣло, съ разрѣшеніемъ употребить нужныя на то издержки, попеченію университета". (7 мая 1811 года).

На это послѣдовала такая резолюція. „Вслѣдствіе представленія университетскаго совѣта, предлагаю на разсужденіе его слѣдующія обстоятельства: 1) Постройку клиникъ и анатомическаго театра внѣ города я нахожу неудобнымъ, тѣмъ болѣе, что по этому случаю совѣтъ считаетъ нужнымъ назначить профессорамъ и адъюнктамъ экипажныя деньги, въ штатѣ университета не положенныя и составляющія излишнія издержки. Если университетъ не имѣетъ мѣста для постройки помянутыхъ заведеній въ самомъ городѣ, то не найдетъ ли удобнаго случая продать принадлежащее ему за городомъ мѣсто и купить за вырученныя деньги другое въ городѣ или по крайней мѣрѣ въ самомъ маломъ разстояніи отъ него находящееся. 2) Такъ какъ производство торговъ на предполагаемыя постройки, заготовленіе матеріаловъ, а можетъ быть и пріисканіе другого мѣста потребуютъ довольно много времени, а затѣмъ останется въ нынѣшнемъ году небольшой срокъ для производства построекъ, то не лучше ли будетъ отложить ихъ до будущаго года. 3) О заготовленіи нужныхъ хирургическихъ инструментовъ на здѣшнемъ инструментальномъ заводѣ я обратился къ г. министру полиціи и полагаю, что они должны быть въ скоромъ времени готовы; что же касается до выписки изъ Вѣны хирургическихъ инструментовъ, то нахожу, что можно обойтись безъ этой выписки, требующей большихъ издержекъ, такъ какъ теперь дѣлаются здѣсь инструменты по образцамъ, принятымъ въ руководство въ Англіи и во Франціи, весьма тон-

кой работы, превосходящимъ даже изготовляемые въ Вѣнѣ; лучшіе же инструменты для глазныхъ операцій дѣлаются въ Москвѣ г. Кетшеромъ. Почему университетскій совѣтъ и можетъ сдѣлать свои распоряженія касательно заготовленія россійскихъ инструментовъ для преподаванія хирургическихъ лекцій". (8 іюня 1811 года).

Совѣтъ далъ на это слѣдующія разъясненія. „Совѣтъ вслѣдствіе предложенія вашего сіятельства, чтобы университетъ, продавъ принадлежащую ему землю, состоящую въ смежности съ городомъ Харьковомъ, купилъ въ самомъ городѣ мѣсто, на которомъ можно-бъ было построить нужныя для него зданія (дабы учащіе для преподаванія лекцій и обучающіеся для слушанія ихъ безъ затрудненія могли въ положенное время находиться въ университетѣ), честь имѣетъ донести, что не отдаленность разстоянія, предназначеннаго подъ университетскія строенія мѣста (на которомъ уже домъ для профессора ботаники и оранжерея находятся) отъ города, но большая и въ нѣкоторыя времена года почти непроходимая грязь по улицамъ была причиною, что профессора и адъюнкты просили прибавки жалованья для содержанія экипажа и лошадей. 2) Что въ самомъ городѣ всѣ мѣста заняты строеніями и нѣтъ никакого для устройства университета. 3) Что принадлежащая университету смежная съ городомъ земля не можетъ быть продана частью, потому что заведенныя на ней ботаническій и англійскій садъ съ каменными строеніями стоятъ университету много денегъ, частью потому, что разныя принадлежащія къ садамъ заведенія уже съ немалыми издержками устроены, наконецъ, и потому, что нѣкоторые изъ прежнихъ владѣльцевъ этой земли подарили ее университету, въ предположеніи, что на ней будутъ выстроены университетскія зданія. А чтобы ваше сіятельство могли вообразить положеніе этой университетской земли относительно города и усмотрѣть, что въ немъ, какъ вездѣ занятомъ строеніями, нѣтъ мѣста, на которомъ можно бы было выстроить всѣ нужныя для университета зданія и заведенія, совѣтъ препровождаетъ при этомъ къ вашему сіятельству планъ города Харькова, присовокупляя тоже свое мнѣніе, что если вашему сіятельству угодно, чего всѣ члены университета весьма желаютъ, чтобы университетскія зданія находились въ городѣ, то нѣтъ иного средства, какъ только чтобы для помѣщенія его сверхъ занимаемыхъ нынѣ имъ казенныхъ домовъ, уступлены были за сумму, какова положена будетъ и которую университетъ заплатитъ, означенныя на вышесказанномъ планѣ подъ № 6 губернскія присутственныя мѣста, строенія, занимаемыя градскою полиціею, магистратомъ, думою и врачебною управою (въ послѣднихъ могутъ помѣщены быть инспекторъ надъ студентами казеннаго содержанія, кан-

дидаты и магистры съ ихъ директоромъ), мѣсто, предназначенное для рыбныхъ рядовъ, и сверхъ того, за рѣкою Лопанью подъ № 3-мъ мѣсто и строенія, принадлежащія надворной совѣтницѣ Дуниной, за которое она проситъ 20000 руб. и на которомъ можно весьма удобно выстроить клиническій институтъ и анатомическій театръ.

Побуждаетъ совѣтъ войти къ вашему сіятельству съ ходатайствомъ о продажѣ университету выше означенныхъ казенныхъ строеній и мѣста г-жи Дуниной то обстоятельство, что губернское начальство имѣетъ гораздо болѣе средствъ выстроить въ скоромъ времени присутственныя мѣста, чѣмъ университетъ нужныя для него помѣщенія. А такъ какъ въ занимаемыхъ теперь университетомъ казенныхъ домахъ нѣтъ возможности расположить умножающіеся ежегодно библіотеку и разные кабинеты, то совѣтъ считаетъ своимъ долгомъ просить въ случаѣ, если ваше сіятельство по разсмотрѣніи этого представленія не одобрите его или если не послѣдуетъ на это Высочайшей воли,—предложить университету приступить немедленно къ заготовленію матеріаловъ, нужныхъ для постройки на университетской землѣ будущихъ университетскихъ зданій, коихъ планъ былъ отправленъ къ вашему сіятельству 25 февраля". (5 августа 1811 г.).

Какъ извѣстно, ни мысль о продажѣ университетской земли по Сумскому шоссе, ни мысль о покупкѣ разныхъ казенныхъ зданій для расширенія помѣщеній университета не осуществились. И самыя клиники, о которыхъ главнымъ образомъ тутъ шла рѣчь, были открыты только въ 1814—1815 гг. Но въ 1813 г. шла уже переписка правленія съ министерствомъ по вопросу о болѣе удобномъ помѣщеніи для нихъ. Вотъ что писало правленіе министру 12 іюля 1814 г.

„Еще въ прошломъ 1813 году медицинское отдѣленіе университета обратилось въ правленіе о предоставленіи дома для медико-хирургическаго клиническаго института. Правленіе старалось сперва нанять таковой домъ. Но когда объявляемо было, что домъ нуженъ подъ больницу, никто для этой цѣли въ наемъ отдать не соглашался. Тогда правленіе начало стараться о пріобрѣтеніи дома покупкою; но врачебное отдѣленіе ни одного изъ представлявшихся къ продажѣ не признало подходящимъ. Послѣ этого оставалось только помышлять о помѣщеніи этого института гдѣ-либо въ самомъ университетѣ; и такъ какъ для этого по нуждѣ употребить можно было только или флигель близь жилища казеннокоштныхъ студентовъ, служащій теперь магазиномъ для продажныхъ книгъ и типографскихъ и другихъ вещей, или флигель находящійся на большомъ университетскомъ дворѣ, въ которомъ находятся лекціонныя залы, то по осмотру этихъ флигелей медицинскимъ

отдѣленіемъ по большинству голосовъ, главнымъ образомъ изъ осторожности, чтобы удалить больницу отъ жилища студентовъ, призналъ къ этому наиболѣе удобнымъ тотъ флигель, въ которомъ находятся лекціонныя залы. Съ отдачею этого флигеля для медико-хирургическаго института необходимо для классовъ очистить флигель, занимаемый магазиномъ, и сдѣлать какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ флигелѣ нѣкоторыя передѣлки, на которыя поручено было архитектору представить планы, а по одобреніи ихъ факультетомъ сдѣлана имъ на эти передѣлки смѣта. При этомъ г. непремѣнный засѣдатель объяснилъ, 1-е, что по его мнѣнію, объявленному въ факультетѣ, съ равнымъ удобствомъ и безъ вреда институты могутъ быть помѣщены въ вышеупомянутомъ домѣ на маломъ университетскомъ дворѣ, благодаря чему сбережены будутъ почти двѣ тысячи рублей, потребныя на передѣлку одного флигеля подъ классныя комнаты, а другого для помѣщенія институтовъ; 2-е что въ этомъ послѣднемъ нѣтъ мѣста для повивальнаго института, который въ первомъ, хотя не безъ неудобствъ, можетъ все-таки помѣститься. Правленіе, предлагая все это вашему сіятельству на благоусмотрѣніе, и представляя при этомъ упомянутые два плана и двѣ смѣты, имѣетъ честь просить о скорѣйшемъ разрѣшеніи дѣла и о возвращеніи этихъ плановъ.

Министръ склонялся къ мнѣнію непремѣннаго засѣдателя и предлагалъ подвергнуть новому разсмотрѣнію этотъ вопросъ. Но правленіе, не смотря на это, осталось при прежнемъ своемъ заключеніи. Факультетъ далъ знать правленію, сообщало это послѣднее, что онъ, разсмотрѣвъ вновь означенные флигеля и принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства дѣла, предпочелъ для этого строеніе, въ которомъ доселѣ помѣщались лекціонныя залы, найдя его болѣе удобнымъ, чѣмъ то, которое было рекомендовано непремѣннымъ засѣдателемъ, по нижеслѣдующимъ причинамъ: 1) что строеніе, рекомендованное непремѣннымъ засѣдателемъ, находится на томъ университетскомъ дворѣ, въ которомъ живутъ казеннокоштные студенты ихъ, инспекторъ и всѣ солдаты, т. е. университетскіе служителя со своими женами и дѣтьми; 2) что оно находится подлѣ воротъ у самаго входа во дворъ и отстоитъ отъ покоевъ казеннокоштныхъ студентовъ только на десять шаговъ, а отъ квартиры инспектора отдѣляется одними воротами; 3) что дворъ того дома общій для всѣхъ тамошнихъ жильцовъ. Помѣщать различныхъ больныхъ въ такомъ сосѣдствѣ со студентами и другими жильцами было бы опасно. Напротивъ строеніе, признаваемое протчими членами отдѣленія болѣе къ тому способнымъ, имѣетъ слѣдующія преимущества: 1) что оно находится на обширномъ дворѣ главнаго университетскаго зданія и стоитъ

въ удаленіи отъ прочихъ построекъ, находящихся на этомъ же дворѣ; 2) что комнаты тамъ просторныя и выше, нежели въ упомянутомъ раньше; 3) что вслѣдствіе значительнаго пространства двора, на которомъ находится это строеніе, выздоравливающіе удобно могутъ прохаживаться по немъ, а на томъ дворѣ этого удобства не будетъ. Что же касается мнѣнія непремѣннаго засѣдателя, что якобы можетъ помѣститься въ строеніи, имъ рекомендуемомъ, вмѣстѣ съ практическимъ и хирургическимъ институтами и институтъ повивальнаго искусства, то члены отдѣленія съ этимъ несогласны, такъ какъ оба строенія почти одинаковой величины, а потому какъ въ томъ, такъ и въ другомъ вмѣстѣ съ этими институтами института повивальнаго искусства помѣстить ни какъ не возможно; но если бы какъ-нибудь онъ и могъ быть помѣщенъ, то въ такой смежности со многими тамошними жильцами, особенно же съ учащимся юношествомъ ему оставаться не удобно; для института повивальнаго искусства должно въ свое время избрать особый домъ, отдѣленный отъ протчихъ институтовъ. Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ факультета, правленіе имѣетъ честь донести вашему сіятельству, что оно приступило къ отдѣлкѣ для клиническихъ институтовъ того флигеля, въ которомъ прежде помѣщались лекціонныя залы, присовокупляя къ этому, что хотя бы отданъ былъ подъ институты и домъ, рекомендованный непремѣннымъ засѣдателемъ, то и онъ безъ предварительныхъ передѣлокъ для этого употребленъ быть не можетъ, а потому и въ издержкахъ развѣ малое что сберечь бы можно было". (12 сентября 1814 г.) [1]).

Итакъ, въ послѣдній годъ изучаемаго нами десятилѣтія не былъ все-таки окончательно рѣшенъ вопросъ о клиникахъ, столь необходимыхъ для правильной постановки преподаванія на медицинскомъ факультетѣ. Въ 1814 г. было положено начало хирургической клиникѣ, терапевтическая же устроена была только въ 1815 г. До 1811 г. и теоретическое преподаваніе шло съ перерывами, неправильно и только съ этого года оно, какъ мы видѣли, сдѣлалось устойчивѣе, благодаря заботамъ министра и энергіи совѣта, факультета и правленія. Попечитель въ этомъ дѣлѣ не обнаружилъ свойственной ему дальновидности и прозорливости. Личный составъ преподавателей на медицинскомъ отдѣленіи увеличился до нормы, требуемой уставомъ.

Обращаемся теперь къ болѣе детальному обозрѣнію тѣхъ курсовъ, которые читали на разныхъ факультетахъ въ разное время названные нами выше профессора и адъюнкты.

Начинаемъ свой обзоръ со словеснаго отдѣленія. Проф. Рижскій читалъ риторику, піитику, занимался разборомъ произведеній оте-

---

[1]) Архивъ Министерства Народн. Просвѣщ. Дѣло № 5705, картонъ 155.

чественной словесности съ эстетической точки зрѣнія и даже давалъ краткій очеркъ ея исторіи. Руководствовался проф. Рижскій въ преподаваніи этихъ предметовъ главнымъ образомъ собственными печатными пособіями (извѣстно, что ему принадлежали опытъ риторики, піитики и введеніе въ кругъ словесности), а такъ же нѣкоторыми иностранными сочиненіями. Въ росписаніи лекцій на 1807—1808 г. сказано: „Ив. Ст. Рижскій будетъ продолжать на 2-мъ курсѣ науку стихотворства (піитику) по выпискамъ изъ Баттіо (Batteux), Ешенбурга и Блера, а на 1-мъ, показавъ различные роды слога начнетъ науку стихотворства по вышесказаннымъ выпискамъ, объясняя, гдѣ нужно будетъ примѣрами, взятыми изъ лучшихъ россійскихъ стихотворства сочинителей“. Въ обозрѣніи лекцій на 1809—1810 г. о немъ говорится: И. С. Рижскій будетъ преподавать по собственному сочиненію *науку краснорѣчія* (риторику) и кратко пройдетъ *исторію россійской словесности*“. М. И. Сухомлиновъ по этому поводу замѣчаетъ: „не ограничиваясь, подобно многимъ собратамъ своимъ по наукѣ, теоретическимъ изложеніемъ предмета, отрывочнымъ разборомъ писателей, онъ обращалъ вниманіе на связь и послѣдовательность литературныхъ явленій и читалъ первый въ русскихъ университетахъ курсъ исторіи русской литературы“ [1]). Одинъ разъ онъ объявилъ сверхъ того еще курсъ логики. Преемники Рижскаго — Срезневскій и Борзенковъ — подѣлили его предметъ между собой такъ, что на долю 1-го досталась эстетика съ критикой, а на долю 2-го риторика и введеніе въ словесность. Число часовъ колебалось между 6 и 8. Проф. Беленъ де-Баллю читалъ греческую грамматику (по собственному методу), изъ авторовъ—Геродота, Гомера и Лукіана, а въ послѣднее время и греческую археологію; его преемникъ Малиновичъ излагалъ греческую грамматику и древности (по книгѣ Валерія), а послѣ краткаго очерка греческаго краснорѣчія объяснялъ Демосѳена; на этотъ предметъ употреблялось отъ 4 до 6 часовъ. Проф. Умляуфъ преподавалъ римскія древности, эстетику, декламацію, читалъ Саллюстія и Горація, занимался разборомъ студенческихъ сочиненій. Адъюнктъ Паки де-Совиньи излагалъ элементарный курсъ латинской словесности и занимался чтеніемъ отрывковъ изъ писателей (Горація и др.). Временный замѣститель этой каѳедры проф. Беленъ де-Баллю объяснялъ авторовъ (Цезаря, Цицерона, Виргилія, Горація, Тита Ливія и Тацита) и упражнялъ студентовъ въ латинскихъ сочиненіяхъ, а Роммель значительно расширилъ рамки преподаванія, введя въ него исторію римской литературы (по Герлаху) и политическія древности. Кромѣ того

---

[1]) Изсл. и ст., т. I, стр. 83.

онъ велъ еще и практическія занятія. „Мало по малу, говоритъ онъ, я устроилъ филологическій семинарій, въ которомъ преподавались основанія высшей грамматики, критики, герминевтики и археологіи“. Всеобщую исторію (которая была соединена съ географіей и статистикой) первоначально дѣлили между собою лекторы Рейнишъ и Рейтъ, изъ коихъ первый читалъ древнюю исторію съ хронологіей, а второй статистику, географію и исторію европейскихъ государствъ. Съ пріѣздомъ же Дегурова преподаваніе по этой каѳедрѣ достигло особенной широты. Онъ сталъ читать исторію среднихъ и новыхъ вѣковъ (общее философское обозрѣніе) и спеціальные курсы исторической критики и исторіи успѣховъ человѣческаго ума въ искусствахъ и наукахъ, политическихъ, гражданскихъ и церковныхъ учрежденій, новѣйшей исторіи. Рейтъ ввелъ въ свое преподаваніе еще нумизматику, а Рейнишъ — историческую пропедевтику, археологію всеобщей исторіи, и критическій анализъ миѳовъ древности. Со смертью Рейниша, древнюю исторію съ географіей сталъ читать сначала Рейтъ (по учебнику Бредова), а потомъ Адамовичъ; самъ же Дегуровъ читалъ среднюю и новую исторію, статистику и историческую критику. Успенскій читалъ обязательный курсъ русской исторіи, географіи и статистики, а сверхъ того не полагавшійся по уставу и нигдѣ не преподававшійся курсъ русскихъ древностей, который впослѣдствіи онъ и напечаталъ. „Такимъ образомъ, говоритъ Рославскій-Петровскій, одному изъ членовъ Харьковскаго университета принадлежитъ честь *перваго* систематическаго изложенія внутренняго быта нашихъ предковъ“. Временный преподаватель восточныхъ языковъ пасторъ лютеранскаго общества Иванъ Барентдъ читалъ еврейскую грамматику (по руководству Дидерика), филологію восточныхъ языковъ и переводилъ съ еврейскаго на русскій языкъ псалмы. Сверхъ того Рейнишъ читалъ необязательный курсъ педагогіи.

На этикополитическомъ отдѣленіи найбольшею полнотою отличалось преподаваніе философіи. Шадъ читалъ логику, эмпирическую психологію, умозрительную философію, исторію философіи и теорію эстетики по собственнымъ запискамъ; его адъюнкты Лангъ — нравственную философію (по своимъ запискамъ) и Дудровичъ (смѣнившій Ланга)—логику (по книгѣ Шада) и психологію (по сочиненію Снеллія). Кромѣ того Шадъ ежемѣсячно устраивалъ философскіе диспуты и на практическихъ упражненіяхъ читалъ со студентами Цицероново „De officiis“. Число лекцій колебалось между 4 и 12. По каѳедрѣ русскаго законовѣдѣнія Тимковскій читалъ исторію и систему русскаго права (древняго и новаго) по собственнымъ запискамъ, сверхъ того онъ излагалъ и общее политическое право. Временно преподававшій этотъ пред-

метъ Успенскій также читалъ по собственнымъ запискамъ русское гражданское и уголовное право и велъ практическія занятія по судопроизводству; адъюнктъ же Павловичъ излагалъ общее уголовное право. Лангъ естественное, государственное и народное право преподавалъ, по своимъ запискамъ; его же преемникъ (съ 1814 г.) Рейтъ — по Гроцію, Якобу, Мейстеру и Клейну. По каѳедрѣ правъ древнихъ и новыхъ народовъ было, какъ мы знаемъ, нѣсколько преподавателей. Швейкардтъ читалъ энциклопедію, методологію (раньше ее преподавалъ Рейнишъ), систему римскаго права, его исторію (раньше ее излагалъ Павловичъ по сочиненію Вахія) и герминевтику; исторію законодательства новѣйшихъ народовъ и международное право взялъ на себя Рейтъ. Еще въ 1811 г. „совѣтъ университета, принимая во вниманіе, что трудно и даже невозможно найти ученаго, который совмѣщалъ бы въ себѣ основательное знаніе всѣхъ положительныхъ законодательствъ, ходатайствовалъ о подраздѣленіи каѳедры такимъ образомъ, чтобы одинъ профессоръ читалъ древнія права, преимущественно римское, а другой—новыя съ присовокупленіемъ теоріи законодательства“. Министръ утвердилъ этотъ проектъ и каѳедра была раздѣлена между Швейкардомъ и Рейтомъ. Якобъ излагалъ въ теченіе двухъ лѣтъ полный курсъ политическихъ наукъ, а именно— введеніе, внутреннюю политику (о различныхъ видахъ государствъ, о началахъ законодательства, о началахъ государственнаго правленія), государственное и народное право, народное хозяйство (послѣднее по своему печатному сочиненію — Grundsätze der National-Oeconomie). Его преемникъ Лангъ кромѣ политической экономіи читалъ еще полицейское право и науку о государствненыхъ доходахъ и политическую ариѳметику (первый предметъ по книгѣ Якоба, второй и третій—по собственнымъ запискамъ, четвертый—по собственному учебнику—Grundlinien der politischen Arithmetik).

На физико-матетатическомъ отдѣленіи Стойковичъ читалъ умозрительную и опытную физику, по своему руководству, физическую географію и астрономію, а на практическихъ занятіяхъ показывалъ опыты и объяснялъ слушателямъ избранныя мѣста изъ поэмы Лукреція „О природѣ“ и Виргиліевыхъ „Георгикъ“. Крюгеръ преподавалъ элементарный курсъ физики, а Комлишинскій—физику съ опытами, по сочиненію Мейера. Чистую математику излагалъ Осиповскій частію по своимъ запискамъ, частію по печатному своему руководству. На первомъ курсѣ онъ читалъ по 4 часа въ недѣлю геометрію и тригонометрію (плоскую и сферическую), а затѣмъ теорію функцій, интегральное и варіаціонное исчисленіе (также по 4 часа въ недѣлю); сверхъ того онъ излагалъ механику по сочиненію Франкеурія и нѣкоторые другіе отдѣлы.

Такимъ образомъ, и въ дѣлѣ университетскаго преподаванія Осиповскій отличался такимъ же необычайнымъ трудолюбіемъ, какое онъ раньше проявлялъ въ Москвѣ и Петербургѣ; по справедливости его можно назвать столпомъ математическаго отдѣленія. Адъюнкты Васильевъ и Павловскій преподавали элементарный курсъ (по руководству Осиповскаго). Гутъ, по прикладной математикѣ, читалъ слѣдующіе курсы: опытную геометрію, механику, гидравлику и оптику; по ночамъ же, при ясномъ небѣ, объяснялъ опытную астрогнозію и астрономію. Осиповскій, послѣ отъѣзда Гута, читалъ оптику и механику по сочиненіямъ Лакеля и Франкера; послѣднимъ руководствомъ пользовался и Аргангельскій. Астрономію Осиповскій читалъ по сочиненію Біо. Но химія въ первое время была раздѣлена между Шнаубертомъ и Гизе такъ, что первый читалъ общую часть по учебнику Шерера, а второй техническую, по Гмелину и собственнымъ сочиненіямъ; сверхъ того онъ читалъ и спеціальные курсы по своему отдѣлу (напр. о самопроизвольныхъ измѣненіяхъ, претерпѣваемыхъ животными и растеніями на поверхности и внутри земли). Съ 1811 г. преподаваніе химіи сосредоточилъ въ своихъ рукахъ Гизе, обработавшій полный курсъ всеобщей химіи для печати. Представителемъ каѳедры естественной исторіи былъ Делявинъ, избравшій своими предметами общую часть ботаники и зоологію (первую онъ излагалъ по Линнею, вторую по Блюменбаху)[1]); кромѣ того онъ демонстрировалъ растенія въ ботаническомъ саду и ходилъ разъ въ недѣлю по утрамъ лѣтомъ при благопріятной погодѣ, со студентами въ поле для ботаническихъ объясненій; адъюнктъ Каретниковъ преподавалъ терминологію и физіологію растеній и предпринималъ со студентами экскурсіи; минералогію читали сначала адъюнктъ Крюгеръ, потомъ Тауберъ; первый по руководству академика Северлина, второй—по Брошану; адъюнктъ Громовъ излагалъ общее обозрѣніе естественной исторіи по Блюменбаху. Число лекцій колебалось между 5 и 14 часами. Такимъ образомъ хотя по уставу каѳедра естественной исторіи поручалась одному профессору, но въ дѣйствительности, благодаря ея обширности, ихъ оказалось нѣсколько. Не довольствуясь обязательными курсами преподаватели этого предмета читали и спеціальные; такъ, напр. Крюгеръ однажды объявилъ курсъ ориктогнозіи и геогнозіи; мы знаемъ также, что зоологію одинъ разъ читалъ на естественномъ отдѣленіи преподаватель медицинскаго факультета Ванотти. Сельское хозяйство на первыхъ порахъ преподавали Стойковичъ (по извѣстному въ Венгріи учебнику Планкія) и историкъ Дегуровъ, послѣдній фактъ не долженъ насъ особенно удивлять: Дегуровъ, при поступленіи въ Харьковскій универси-

[1]) Handb. der nat. Gesch., 7 aufl. Göt. 1803.

тетъ, колебался между двумя каѳедрами—исторіей и сельскимъ хозяйствомъ—претендовалъ на эту или другую, потому что занимался и агрономіей и даже читалъ печатные труды по этому отдѣлу; по крайней мѣрѣ онъ ссылался на нихъ въ прошеніи, поданномъ на имя гр. С. О. Потоцкаго [1]). Но настоящимъ представителемъ этой каѳедры былъ Нельдехенъ, читавшій по собственнымъ запискамъ. Технологію читалъ адъюнктъ Шмерфельдъ, по сочиненію Функа, а коммерцію онъ же по своимъ замѣткамъ; послѣ него временно преподавалъ технологію профессоръ Нельдехенъ по Бекману и Гермбшедту, а коммерцію Громовъ по сочиненію Бюша. Кромѣ этихъ курсовъ студенты слушали еще у адъюнкта Васильева не полагавшійся по уставу курсъ гражданской архитектуры (по 4 часа въ недѣлю), который онъ излагалъ по Блонделю, Дюранду и другимъ извѣстнымъ авторамъ.

На медицинскомъ факультетѣ Ванотти читалъ анатомію и физіологію по руководству Пленка (по 4 часа въ недѣлю), съ практическими занятіями зимою на трупахъ въ анатомическомъ театрѣ, а также медицинскую полицію и судебную медицину. Новый профессоръ Книгинъ излагалъ анатомію по сочиненію Загорскаго, а физіологію—по русскому переводу Консбруха. Дрейсигъ пользовался для своего курса терапіи (общей и частной) сочиненіемъ Геккера, а патологію (общую и частную) излагалъ по собственнымъ запискамъ. Проф. Коритари читалъ исторію медицины и фармакологію („медицинское веществословіе“) по собственнымъ запискамъ, а фармацію—по сочиненію Тромсдорфа. Болгаревскій пользовался для своихъ лекцій по фармаціи сочиненіемъ Буальонъ-Легранжа; а Ванотти—Вилье. Шумлянскій проходилъ теоретическую и оперативную хирургію по сочиненіямъ Платнера и Калиссена; въ 1805 г. онъ объявилъ еще курсъ терапіи; сверхъ того у него были спеціальныя чтенія о повязкахъ и по исторіи хирургіи. Теоретическій курсъ акушерства первоначально преподавалъ Калькау; потомъ его замѣнилъ Каменскій, пользовавшійся для своихъ лекцій сочиненіями Мартенса и Амбодика. Пильгеръ читалъ разные отдѣлы ветеринаріи—общую и частную сравнительную зоопатологію, наставленіе о вскормленіи скота, черепословіе и др. Сверхъ этихъ обязательныхъ предметовъ читались иногда еще и необязательные—напримѣръ, діэтетика профессоромъ Калькау, антропологія—Ванотти и Дрейсигомъ; энциклопедія медицины—Калькау (онъ даже обработалъ и напечаталъ свой курсъ на счетъ университета), методологія—тѣмъ же Калькау.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что преподаваніе на всѣхъ отдѣленіяхъ отличалось значительною полнотою; профессора относились,

---

[1]) См. проф. А. С. Лебедева „А. А. Дегуровъ“ Вѣстн. Евр. 1876 мартъ, стр. 138.

очевидно, съ интересомъ къ своимъ преподавательскимъ обязанностямъ; нѣкоторые изъ нихъ, не довольствуясь предметами, опредѣленными уставомъ, читали специальные курсы и даже такія науки, которыя не предусмотрѣны были уставомъ (напримѣръ, педагогія, археологія, нумизматика, архитектура, антропологія и др.). Каждый лекторъ имѣлъ не менѣе 4 часовъ въ недѣлю, а иные—вдвое и даже втрое болѣе. Нѣкоторые предметы читались не однимъ, а двумя и даже тремя преподавателями. Очень многіе профессора (и при томъ на всѣхъ факультетахъ) вели практическія занятія, соотвѣтствовавшія характеру предмета: ботаники демонстрировали растенія, юристы упражняли въ фактическомъ судопроизводствѣ, филологи—въ разборѣ студенческихъ сочиненій и т. п.

Но кромѣ наукъ въ Харьковскомъ университетѣ велось еще преподаваніе новыхъ языковъ и *искусствъ*. По уставу полагалось 3 лектора новыхъ языковъ (французскаго, нѣмецкаго и англійскаго) и 3 учителя пріятныхъ искусствъ (музыки, рисованія, танцевъ и гимнастики). Но штатный лекторъ былъ только по французскому языку и словесности—Паки-де-Совиньи (хотя впрочемъ онъ числился и по каѳедрѣ латинскаго языка). Въ 1807 г. онъ объявилъ курсъ французской словесности по собственнымъ запискамъ; занимаясь чтеніемъ Фенелова Телемака, онъ хотѣлъ показать правила реторики и разные роды слога, а если бы позволило время, то и правила стихотворства при разборѣ Вольтеровой Генріады и науки стихотворства Буало. Кромѣ того этотъ же предметъ читалъ и Беленъ-де-Баллю; онъ излагалъ правила краснорѣчія, объясняя ихъ примѣрами изъ лучшихъ писателей и декламируя самъ этихъ послѣднихъ и исторію древней и новой словесности (первой кратко, второй—пространнѣе). Съ его отъѣздомъ въ Петербургъ, сталъ читать этотъ предметъ Дегуровъ. Жалованья лекторамъ полагалось 600 р. въ годъ. „Но такъ какъ за эту плату трудно было найти лицо, обладавшее совершеннымъ знаніемъ отечественной словесности, а съ другой стороны въ числѣ университетскихъ преподавателей находилось много иностранцевъ, которые за прибавку къ своему окладу лекторскаго жалованья, охотно принимали на себя чтеніе предмета, не требовавшаго съ ихъ стороны особаго приготовленія, то въ теченіе обозрѣваемаго нами періода времени новѣйшіе иностранные языки были преподаваемы не лекторами, а профессорами и адъюнктами, между которыми можно назвать нѣсколько именъ, пріобрѣтшихъ почетную извѣстность въ исторіи новѣйшихъ европейскихъ литературъ. Нѣмецкую словесность читали: до 1807 г. проф. Умляуфъ; въ 1807—1808 г. Рейтъ; въ 1809—1810 г. Якобъ и въ 1810—1814 г. Шадъ. Преподаваніе англійскаго языка, по открытіи ученія въ университетѣ, начато было адъюнктомъ

Шмерфельдомъ, но къ сожалѣнію прекратилось съ 1811 г. за его смертью. Число лекцій по каждому изъ трехъ языковъ простиралось отъ 4 до 6 въ недѣлю“ [1]). Мы прибавимъ отъ себя, что сверхъ этихъ языковъ, полагавшихся по уставу, временно преподавался профессоромъ Беленъ-де-Баллю и итальянскій; лекторъ разбиралъ основы итальянскаго языка и затѣмъ читалъ Метастазіевы трагедіи и освобожденный Іерусалимъ Торквато-Тассо.

„Искусствамъ обучали слѣдующія лица: музыкѣ (теоріи и практикѣ)—магистръ Витковскій, рисованію (до 1810 г.) — магистръ Матесъ вмѣстѣ съ магистромъ Шепфлиномъ (2-й преподавалъ спеціально ландшафтную живопись), а потомъ одинъ Матесъ, танцамъ—магистръ Балашевъ (1805—1810) и Еропкинъ (1810—1814 г.), фехтованью — Сивоктъ (до 1807 г.) и Ледюкъ (съ 1808 г.), который сверхъ фехтовальнаго искусства въ лѣтнее время упражнялъ желающихъ въ верховой ѣздѣ“ [2]).

Яковъ Николаевичъ *Матесъ*—нѣмецъ изъ Гамбурга. Въ Харьковскій университетъ былъ приглашенъ Новосильцевымъ въ 1803 году 22-хъ лѣтнимъ юношей. Граверъ Августъ Ѳедоровичъ *Шепфлинъ*—нѣмецъ изъ Баденскаго княжества. Воспитаніе получилъ въ Штутгартскомъ университетѣ, потомъ въ главномъ училищѣ города Туни кантона Оберландъ въ Швейцаріи. Въ Харьковскій университетъ вступилъ по приглашенію Новосильцева въ 1803 году, а порученъ ему классъ ландшафтнаго рисованія въ 1805 г. (ему тогда было 28 лѣтъ отъ роду). Иванъ Матвѣевичъ *Витковскій*—полякъ былъ приглашенъ попечителемъ гр. С. О. Потоцкимъ въ 1804 г. (27 лѣтъ отъ роду). Абрамъ Михайловичъ *Балашовъ* также былъ опредѣленъ на службу гр. С. О. Потоцкимъ въ 1804 г. 34 л. отъ роду. Антельмъ Осиповичъ *Сивоктъ*—французъ Сенскаго департамента изъ дер. Тезинье. До революціи служилъ поручикомъ во французской королевской службѣ; удалился изъ Франціи въ 1791 году. Потомъ служилъ въ корпусѣ егерей подъ командою графовъ—Прованскаго и Д'Артоа; по расформированіи отряда, перешелъ въ егерскій же корпусъ, бывшій подъ начальствомъ Конде. Въ 1793 г. поступилъ въ англійскую службу, продолжалъ ее на островѣ Джерсей и въ Лиссабонѣ; затѣмъ въ 1798 г. вернулся снова въ корпусъ принца Конде и вмѣстѣ съ нимъ перешелъ въ англійскую службу, гдѣ служилъ до расформированія отряда, а послѣ этого возвратился во Францію, пробывъ тамъ впрочемъ только 10 мѣсяцевъ, и перешелъ въ 1802 г. въ Россію, гдѣ въ 1804 г. былъ опредѣленъ учителемъ фехто-

---

[1]) Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности Харьковскаго университета въ 1-е десятилѣтіе его существованія, стр. 24.

[2]) Ibidem.

*

ванія въ Харьковскій университетъ. Иванъ Степановичъ *Ледюкъ*—французъ изъ Парижа. По окончаніи курса наукъ (какого, неизвѣстно), вступилъ въ 1798 г. въ военную службу (конную артиллерію), гдѣ оставался до 1807 г. въ унтеръ-офицерскомъ званіи. Въ 1808 г. опредѣлился учителемъ фехтованія и верховой ѣзды въ Харьковскій университетъ. Иванъ Лаврентьевичъ *Еропкинъ* съ 1783 по 1792 годъ былъ танцоромъ придворнаго театра, за тѣмъ занимался преподаваніемъ танцовальнаго искусства въ частныхъ домахъ, а въ 1811 г. опредѣленъ учителемъ этого предмета въ Харьковскій университетъ [1]).

Говоря о преподавательской дѣятельности профессоровъ, намъ необходимо еще коснуться трехъ особыхъ учрежденій, гдѣ также велось преподаваніе — *приготовительнаго класса университета, педагогическаго института* и *института для гражданскихъ чиновниковъ*, службою обязанныхъ. О приготовительномъ классѣ и преподаваніи въ немъ до открытія университета мы говорили уже выше (стр. 159—160). Преподаваніемъ въ немъ занимались адъюнкты; учрежденъ онъ былъ въ виду полнаго почти отсутствія въ то время гимназій и крайне недостаточной подготовки тѣхъ молодыхъ людей, которые желали вступить въ студенты вновь учрежденнаго университета. Онъ продолжалъ функціонировать и въ 1805—1806 г. Въ 1805 г. въ немъ читали—Лангъ на нѣмецкомъ языкѣ логику и эмпирическую психологію (по 4 часа въ недѣлю), Паки-де-Совиньи—французскій языкъ со словесностью и латинскій (на французскомъ языкѣ) по 4 и 6 часовъ, Барендтъ—латинскій языкъ (по нѣмецки), Васильевъ—чистую математику (по 6 часовъ на русскомъ языкѣ), Крюгеръ—начальныя основанія физики (по русски по 4 часа), Шмерфельдъ—естественную исторію (на французскомъ языкѣ по 4 часа), Рейтъ—нѣмецкій языкъ и словесность (по 4 часа), Рейнишъ—всемірную исторію и географію (по 6 часовъ на нѣмецкомъ языкѣ, причемъ любопытно отмѣтить, что всѣ лекціи его начинались въ 8 часу утра), протоіерей Василій Фотіевъ, учитель слободскоукраинскаго главнаго училища — русскій языкъ и словесность (2 раза въ недѣлю). Въ 1806—1807 г. читались тѣже предметы и тѣми же преподавателями, съ тою только разницею, что Паки-де-Совиньи не преподавалъ латинскаго языка, Васильевъ вмѣсто 6 часовъ взялъ только 4, Шмерфельдъ взялъ на себя нѣмецкій языкъ (по 4 часа), Рейнишъ вмѣсто 6 часовъ имѣлъ 4, Фотіевъ вмѣсто 2-хъ разъ въ недѣлю сталъ приходить 4 и, наконецъ, явился новый преподаватель въ лицѣ Саввы Василевскаго, принявшаго на себя преподаваніе латинскаго языка, а Ба-

[1]) Формулярные списки (Харьк. унив. архивъ).

рендтъ и Рейтъ прекратили свои чтенія. Учрежденіе педагогическаго или учительскаго института требовалось уставомъ. Въ него поступали подъ именемъ студентовъ—кандидатовъ молодые люди, окончившіе университетъ и желавшіе приготовиться къ учительскому званію; тамъ они жили на казенномъ содержаніи. Директоромъ его состоялъ одинъ изъ ординарныхъ профессоровъ, избранный совѣтомъ. Онъ каждые полъ года обязанъ былъ представлять совѣту планъ ученія въ этомъ заведеніи, наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого плана, слѣдить за поведеніемъ учащихся, руководить ихъ въ занятіяхъ, знакомить ихъ съ лучшими пособіями по изучаемымъ предметамъ, обучать искусству преподавать предметы яснымъ и систематическимъ образомъ. Кандидаты, пробывшіе въ институтѣ 3 года и доказавшіе на испытаніи свою способность въ дѣлѣ преподаванія, получали вторую университетскую степень или опредѣлялись старшими и младшими учителями Харьковскаго учебнаго округа (смотря по достоинствамъ). По выходѣ изъ института молодые люди должны были прослужить 6 лѣтъ въ учительской должности; тѣже, которые удостоивались степени магистра, оставались при университетѣ и преподавали въ институтѣ или съ разрѣшенія совѣта и студентамъ университета. Магистры и старшіе учителя гимназій, пробывшіе на службѣ не менѣе 3-хъ лѣтъ, пользовались преимуществами предъ посторонними лицами при производствѣ въ адъюнкты, если, конечно, бывали вакантныя мѣста и они выдерживали соотвѣтственное испытаніе. Двухъ наиболѣе способныхъ магистровъ совѣтъ черезъ каждые два года отправлялъ для усовершенствованія въ чужіе края, давая имъ пособіе изъ суммы, ассигнованной по штату на командировки. Совѣтъ давалъ такимъ магистрамъ письменную инструкцію, а отъ Министра Народнаго Просвѣщенія они получали рекомендаціи къ русскимъ посланникамъ и агентамъ двора разныхъ европейскихъ государствъ. Путешествіе ихъ должно было продолжаться два года, при чемъ черезъ каждые 3 мѣсяца они обязаны были доносить совѣту о своихъ успѣхахъ, исполнять его порученія и по возвращеніи дать отчетъ о своемъ путешествіи. Такимъ образомъ, педагогическій институтъ, имѣя своею главною цѣлью давать учителей, въ тоже время могъ служить разсадникомъ молодыхъ людей, приготовлявшихся къ профессорскому званію. Преподаватели гимназій не были отгорожены китайскою стѣной отъ университета—наоборотъ они считались главными кандидатами при занятіяхъ адъюнктскихъ должностей. Такъ и въ этомъ отношеніи существовала тогда тѣсная связь между средней и высшей школой—университетомъ [1]).

---

[1]) Сборникъ постановленій по Мин. Нар. Просв., I, стр. 289—290.

Уставъ требовалъ учрежденія педагогическаго института при университетѣ, но его не было у насъ до 1811 г., конечно, потому что въ университетѣ было мало студентовъ и еще меньше кандидатовъ. Только въ 1811 году ректоръ Стойковичъ указалъ на этотъ пробѣлъ и совѣтъ рѣшилъ учредить этотъ институтъ, поручивъ составить планъ и правила его только что пріѣхавшему тогда изъ заграницы профессору Роммелю; этотъ послѣдній вмѣстѣ съ тѣмъ избранъ былъ и его директоромъ съ жалованьемъ въ 500 р. въ годъ. Правила, составленныя Роммелемъ, были одобрены совѣтомъ и затѣмъ напечатаны [1]). Вотъ что говоритъ самъ Роммель о своей роли въ этомъ институтѣ: „для приготовленія учителей гимназій учрежденъ былъ при университетѣ педагогическій институтъ, управленіе которымъ предоставлено было мнѣ тотчасъ по пріѣздѣ. Не зная еще русскаго языка настолько, чтобы имѣть практическое вліяніе на будущихъ кандидатовъ въ учителя, я ограничился письменною обработкою дидактики и методики, которая впослѣдствіи была переведена по русски и заслужила одобреніе министра Разумовскаго“. Какъ мы видимъ, Роммель оказывается и здѣсь настолько скромнымъ и добросовѣстнымъ, что не приписываетъ себѣ никакой выдающейся роли въ этомъ дѣлѣ; онъ самъ сознается, что не могъ оказывать большаго вліянія на своихъ слушателей и ограничился сообщеніемъ имъ важнѣйшихъ правилъ методики, чего впрочемъ и требовалъ главнымъ образомъ уставъ. Правдивость Роммеля подтверждается и въ данномъ случаѣ документальными данными. Въ отчетѣ за 1812 годъ мы читаемъ: „въ теченіе 1812 г. директоръ педагогическаго института профессоръ Роммель преподавалъ кандидатамъ и *нѣкоторымъ студентамъ, болѣе прочихъ въ наукахъ успѣвшимъ*, общую и частную педагогику, дидактику и методологію, относящуюся ко всѣмъ школьнымъ предметамъ, и кромѣ того руководилъ ихъ въ занятіяхъ своими совѣтами и наставленіями, требуя отъ нихъ отчетовъ въ ихъ домашнихъ упражненіяхъ“ [2]). Изъ подчеркнутой нами фразы видно, что слушателей—кандидатовъ въ институтѣ оказалось слишкомъ незначительное число, и Роммель привлекъ туда и лучшихъ студентовъ. Вообще это учрежденіе повидимому не процвѣтало, потому что открытіе его не было вызвано живою насущною потребностью, а только требованіемъ буквы устава. Извѣстно, что ежегодно въ засѣданіяхъ совѣта прочитывался университетскій уставъ, чтобы убѣдиться въ томъ, на сколько онъ примѣняется въ дѣйствительности—и вотъ, очевидно, во время одного изъ такихъ чтеній обра-

[1]) „Планъ и правила педагогическаго института, составленные профессоромъ Роммелемъ“. X. 1811 г.

[2]) „Исторія дѣлъ“ (Харьк. унив. архивъ).

тили вниманіе на отсутствіе института и рѣшили его немедленно устроить, чтобы не заслужить замѣчанія отъ начальства, между тѣмъ какъ для процвѣтанія его не было основнаго условія—многочисленнаго контингента кандидатовъ, оканчивающихъ курсъ въ университетѣ и желающихъ поступать въ учителя. Спросъ на учителей былъ такъ великъ, что охотно брали кандидатовъ, не бывшихъ въ институтѣ, вызывали даже славянъ изъ заграницы; спрашивается, можно ли было, при такихъ условіяхъ, расчитывать на достаточное количество слушателей въ педагогическомъ институтѣ?

Еще менѣе удачно пошло дѣло съ институтомъ для гражданскихъ чиновниковъ, службою обязанныхъ. Его неудача лежала въ самой его цѣли: по указу 6 августа 1809 г. для полученія чина коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника нужно было имѣть или университетскій дипломъ, или выдержать соотвѣтственный экзаменъ при университетѣ. Для подготовки къ этому экзамену и для производства его и былъ учрежденъ институтъ. „Указъ 6 августа, говоритъ акад. М. И. Сухомлиновъ, обнародованный съ цѣлью положить преграду исканію чиновъ безъ заслугъ, вызвалъ нѣсколько печальныхъ явленій въ тогдашемъ обществѣ. Мы видѣли—говорятъ современники (сдѣлана ссылка на Вигеля)—людей съ сѣдѣющими волосами, покупающихъ книги, будто ихъ изучающихъ и смѣло потомъ идущихъ на экзаменъ, какъ на торговую казнь; экзаменаторовъ надо было задобрять; люди, извѣстные дотолѣ чистотою правилъ, безсребренники—профессора осквернились взятками; лѣтъ пять это продолжалось, пока не приняты были мѣры къ пресѣченію постыднаго торга ученостью. Не только лица, враждебно смотрѣвшія на всѣ дѣйствія Сперанскаго, виновника этого указа объ университетскихъ дипломахъ для гражданскихъ чиновниковъ, но и сами профессора находили, что экзаменъ, нанося ударъ чинолюбію, былъ слабымъ средствомъ къ распространенію знаній и давалъ людямъ недобросовѣстнымъ возможность наживаться и поднять свое значеніе (тутъ авторъ ссылается на Роммеля). Для гражданскихъ чиновниковъ учреждены были курсы въ университетѣ; по приглашенію совѣта, преподаваніе русской словесности въ Харьковскомъ университетѣ принялъ на себя извѣстный писатель Нахимовъ, открывшій свой курсъ юмористическими стихами о пользѣ грамматики“ [1]).

Для большей ясности мы впрочемъ должны прибавить отъ себя, что главный недостатокъ указа Сперанскаго состоялъ не въ томъ, что онъ требовалъ университетскаго диплома отъ чиновниковъ извѣстнаго

---

[1]) Изслѣдованія и статьи, I, стр. 144—145.

ранга, а въ томъ что это требованіе онъ примѣнилъ къ лицамъ, состоявшимъ уже на службѣ. Не трудно было предвидѣть, что старые чиновники не возьмутся за указку и постараются придумать какой-нибудь обходъ неудобнаго и, даже можно сказать, невыполнимаго для нихъ закона. Но само собою разумѣется, что побужденія у Сперанскаго при изданіи этого указа были самыя благородныя — онъ искренно желалъ такимъ образомъ поднять образовательный уровень тогдашней малообразованной бюрократической среды, относившейся недружелюбно къ университетамъ и ихъ преподавателямъ. Приходится только пожалѣть, что онъ избралъ непрактичное средство для достиженія своей цѣли. А что мѣра была непрактична, видно между прочимъ изъ исторіи примѣненія ея въ Харьковскомъ университетѣ. Совѣтъ университета, какъ мы знаемъ уже (стр. 271), отнесся очень серьезно къ новой своей обязанности: составлены были обстоятельныя правила для чтенія лекцій и экзаменовъ въ этомъ институтѣ [1]); нѣкоторымъ профессорамъ поручено было въ дополненіе къ нимъ составить и программы испытаній. И что же оказалось? При открытіи курсовъ въ 1810 г., на нихъ записалось 27 душъ; въ слѣдующемъ 1811 г.—было 19 слушателей, но на экзаменъ никто не явился. Въ 1812 году записался на эти курсы только одинъ слушатель — и потому чтеній не открывали, а ему разрѣшили слушать нѣкоторыя лекціи вмѣстѣ со студентами, а частію брать при-

[1]) Съ сущностью этихъ правилъ мы уже познакомили читателя ниже при обозрѣніи дѣятельности совѣта (стр. 271) и потому теперь сообщимъ только нѣкоторыя подробности. Для письменныхъ дѣлъ въ комитетъ рѣшено было пригласить особаго секретаря, знающаго иностранные языки. Онъ обязанъ былъ вести журналъ засѣданій и экзаменовъ. Самыя письменныя работы должны были храниться при дѣлахъ комитета. Лица, желавшія поступить въ институтъ, обязаны были представить аттестаты о своемъ ученіи. По окончаніи экзаменовъ комитетъ долженъ былъ сдѣлать общее заключеніе объ успѣхахъ испытуемыхъ и отослать его въ правленіе, которое выдавало уже аттестатъ. Для облегченія справокъ на будущее время рѣшено было завести при комитетѣ особую книгу, въ которой записывались бы всѣ лица, подвергавшіяся экзамену. Распорядителемъ института назначался ректоръ, которому лекторы обязаны были доносить о тѣхъ, кто не посѣщалъ лекцій въ теченіе двухъ недѣль. Для экзамена по каждой изъ четырехъ группъ предметовъ опредѣлялось особое засѣданіе и туда приглашались и члены соотвѣтственнаго факультета. Факультеты должны были составить разъ на всегда программу вопросовъ, которая могла быть напечатана для всеобщаго свѣдѣнія; отдѣльные же вопросы записывались на билетахъ, хранившихся въ особомъ ящикѣ за печатями членовъ комитета; оттуда ихъ вынимали на экзаменахъ. Изъ каждой науки нужно было отвѣтить по крайней мѣрѣ на 6 вопросовъ. Экзаменующійся бралъ эти вопросы и могъ попросить себѣ время для обдумыванія ихъ. Члены факультетовъ пользовались правомъ совѣщанія; рѣшающій же голосъ имѣли только члены комитета, но ихъ было четыре и въ случаѣ раздѣленія голосовъ поровну, отвѣтъ считался отрицательнымъ. („Исторія дѣлъ“ въ Харьковскомъ университетскомъ архивѣ).

ватные уроки. Экзамену же подвергался только директоръ Таганрогской гимназіи Манне, на курсахъ не бывшій, но съ честью вышедшій изъ этого испытанія. Ясно, что затѣя эта потерпѣла полное фіаско.

Попытаемся теперь дать оцѣнку внутренняго содержанія и формы изложенія по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ курсовъ, которые читали Харьковскіе профессора своимъ студентамъ. Данными же для этой оцѣнки намъ послужатъ преимущественно отзывы самихъ слушателей—студентовъ первыхъ выпусковъ. Сохранились отзывы двухъ такихъ студентовъ — Тимофея Ивановича Селиванова и Розальонъ-Сошальскаго.

Т. И. Селивановъ составилъ, по просьбѣ проф. и ректора А. П. Рославскаго-Петровскаго, свои замѣтки о первыхъ профессорахъ Харьковскаго университета. Рославскій-Петровскій передалъ ихъ Н. А. Лавровскому, а этотъ послѣдній напечаталъ выдержки изъ нихъ въ своей статьѣ—„В. Н. Каразинъ и открытіе Харьковскаго университета“. Въ виду того, что мы воспользуемся этими отзывами Т. И. Селиванова о преподавательской дѣятельности харьковскихъ профессоровъ, считаемъ необходимымъ сообщить въ примѣчаніи [1]) нѣкоторыя біографическія дан-

[1]) Вотъ какую характеристику Т. И. Селиванову даетъ его бывшій ученикъ, извѣстный профессоръ Борисякъ. „Немного людей можно найти у насъ, которые бы такъ усердно и честно исполняли свои общественныя, семейныя и служебныя обязанности, какъ покойный, и немного можно встрѣтить такихъ, которые бы, подобно ему, несмотря на несомнѣнныя заслуги, мало искали себѣ вознагражденія въ довольствѣ житейскомъ, въ почестяхъ и извѣстности, столь значительной и для самыхъ болѣе чѣмъ посредственныхъ дѣятелей.... Люди съ такимъ направленіемъ, какъ дознано, мало замѣчаются при жизни и смерть ихъ не заставляетъ особенно задуматься остающихся въ живыхъ. Во имя однако же правды, которой покойный былъ однимъ изъ неуклонныхъ поборниковъ, мы должны высказать, что вездѣ, куда только бросала судьба Т. И., вездѣ онъ былъ оцѣненъ, какъ лучшій человѣкъ и подчиненными и высшими, и равными, и это доставалось ему не искусственными ухищреніями, не поддѣльностію, а безпристрастно сознанными превосходными качествами ума и сердца. Въ Курскѣ, Черкасскѣ, Таганрогѣ, Харьковѣ—вездѣ, во всѣхъ сословіяхъ, имя его произносилось съ уваженіемъ, справедливо заслуженнымъ. Его знали и какъ безукоризненнаго администратора, уважаемаго начальника, любителя и знатока русской народности, ея исторіи и природы; наконецъ, какъ безпристрастнаго разумнаго посредника при опредѣленіи правъ чужой собственности. Въ особенности цѣнимъ былъ Т. И. въ родномъ ему кругу ученыхъ Харьковскаго университета и педагогическаго здѣшняго сословія. Въ этомъ то кругу предпочиталъ онъ вращаться, возбуждая къ себѣ неподдѣльное расположеніе своимъ характеромъ, знаніями и тою безпристрастною уважительностью, съ которою онъ постоянно относился ко всему прошедшему и настоящему. Т. И. былъ однимъ изъ студентовъ первыхъ выпусковъ только что основаннаго Харьковскаго университета. Сохранивши полную память и свѣтлое

ныя объ авторѣ чтобы на основаніи ихъ рѣшить вопросъ о степени достовѣрности его сообщеній. Эти данныя таковы, что внушаютъ полное довѣріе къ личности Т. И. Селиванова — онъ зналъ то, что разсказываетъ, и хотѣлъ быть правдивымъ. Конечно, онъ писалъ свои воспоминанія уже въ глубокой старости, когда прошло почти полъ вѣка со времени описываемыхъ событій, но это отнюдь не подрываетъ

воспоминаніе о прошедшемъ до самой кончины, послѣдовавшей на 85 году жизни (въ 1869 г.), онъ былъ, по справедливости можно сказать, живою, безпристрастною исторіею нашего университета, учебныхъ заведеній, къ нему принадлежавшихъ, и многихъ явленій административнаго и общественнаго строя на пространствѣ учебнаго округа, нѣкогда болѣе чѣмъ нынѣ обширнаго".

Таковъ былъ Т. И. какъ человѣкъ.

Къ этому нужно прибавить, что онъ былъ искренно преданъ научнымъ изысканіямъ и принесъ ими не малую пользу обществу. Вотъ что говоритъ по по этому поводу тотъ же спеціалистъ геологъ Борисякъ: „мы ни назовемъ Т. И. ни спеціалистомъ, ни ученымъ въ строгомъ смыслѣ слова—на это онъ никогда и не претендовалъ. Позволимъ себѣ только коснуться, на основаніи имѣющихся у насъ письменныхъ данныхъ и долговременнаго личнаго знакомства, нѣкоторыхъ фактовъ, которые, надѣемся, хотя отчасти обнаружатъ значеніе его любви къ знанію, его стремленій приложить знаніе къ пользамъ общественнымъ.

Попытки Т. И. къ геологическимъ изысканіямъ по рр. Міусу и Крынкѣ, гдѣ открываютъ нынѣ огромныя минеральныя богатства послѣ обозрѣній учеными Екатерининскаго вѣка, едва ли не были изъ первыхъ. Горный журналъ, въ которомъ заключается сводъ наблюденій относительно геологическаго строенія Россіи, началъ издаваться только въ 1825 г., а Т. И. собиралъ свѣдѣнія объ упомянутой мѣстности уже въ 1813 году. Въ 1811 г., въ бытность Т. И. учителемъ Таганрогской коммерческой гимназіи, произведены были имъ опыты надъ землею, находящеюся близь Таганрога, показавшіе значительное содержаніе въ оной глауберовой соли.... На гибельность истребленія лѣсовъ Т. И., на основаніи точно собранныхъ историческихъ и статистическихъ данныхъ, обращалъ вниманіе еще въ 1816 г. Не довольствуясь одними сѣтованіями, Т. И. изыскивалъ средства замѣнить древесное отопленіе другими суррогатами. Съ этою цѣлью, вооружившись заступомъ, онъ обозрѣлъ Курскій и Щигровскій уѣзды, открылъ до 25 мѣсторожденій торфа по большей части собственноручными шурфованіями... Долго мостили Курскъ и Фатежъ камнемъ „самородомъ"; изъ него построено даже шоссе на протяженіи 160 верстъ. Въ 1818 г. Т. И. обратилъ вниманіе мѣстнаго общества на эту загадочную со стороны геологической породу; его обращеніе къ публикѣ было принято въ то время ни болѣе, ни менѣе какъ слово, приличное торжественности гимназическаго акта. Теперь, когда извѣстные геогносты и химики Европы и Россіи доказали, что „самородъ" составляютъ копролиты, лучшій почвоудобритель—справедливо вспомнить, что за 52 назадъ говорилъ о „самородѣ" учитель мѣстной, русской гимназіи. Едва ли онъ не первый сдѣлалъ открытіе и опаловъ по р. Синюхѣ, въ степяхъ Херсонскихъ, гораздо прежде открытія опаловыхъ гранитовъ Кіевскихъ. (Харьк. губ. вѣд. 1869, № 144 „Изъ воспоминаній о Т. И. Селивановѣ" Н. Борисяка).

ихъ достовѣрности и правдивости. Его первоначальныя университетскія впечатлѣнія успѣли къ этому времени улечься, но не забылись: наоборотъ, какъ это часто бываетъ съ такими людьми, на склонѣ дней своихъ Т. И. Селивановъ, успокоившись отъ впечатлѣній и волненій настоящаго, *сталъ жить прошлымъ;* образы этого прошлаго какъ живые возставали въ его воображеніи; старческая память изощрялась особенно сильно по отношенію къ наиболѣе отдаленнымъ событіямъ, являлась потребность вспомнить старину и изложить ее хотя бы въ формѣ самаго простаго безпритязательнаго разсказа. Таково, по нашему мнѣнію, психологическое происхожденіе „Записки" Т. И. Селиванова.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ такихъ обстоятельныхъ данныхъ о личности другого разсказчика—Розальонъ-Сошальскаго. Знаемъ только то, что онъ говоритъ о себѣ самъ въ своихъ запискахъ. Отецъ его, дворянинъ Харьковской губерніи, не обладалъ большимъ образовательнымъ цензомъ и состояніемъ, но и самъ чрезвычайно сочувствовалъ университетскому образованію и постарался дать его своимъ тремъ сыновьямъ. Авторъ мемуаровъ въ 8-ми лѣтнемъ возрастѣ былъ привезенъ отцомъ его въ Харьковъ и оставался тамъ 11 лѣтъ, до окончанія университета, пройдя предварительно приходское, уѣздное училище, 4 высшіе класса гимназіи и трехлѣтній университетскій курсъ. Такимъ образомъ, онъ имѣлъ возможность хорошо познакомиться съ тогдашней педагогической средой (въ томъ числѣ и университетской) тѣмъ болѣе, что первые два года жилъ на одной квартирѣ со своими братьями студентами. Нужно впрочемъ замѣтить, что Розальонъ-Сошальскій состоялъ слушателемъ университета въ 1814, 1815 и 1816 г., а между тѣмъ касается въ своихъ воспоминаніяхъ и болѣе древняго времени. Дѣлаетъ же онъ это потому, что его записки были вызваны полемикой, возникшей между Д. И. Каченовскимъ и Н. А. Лавровскимъ по поводу мемуаровъ Роммеля, захватывающихъ время до 1814 года. Цѣль ихъ до нѣкоторой степени полемическая — авторъ желалъ внести свои поправки въ статью профессора Каченовскаго и дать, такъ сказать, комментарій и заключеніе о фактахъ, сообщаемыхъ Роммелемъ. Но будучи поставленъ въ необходимость говорить подъ часъ о времени и дѣятеляхъ, которыхъ онъ уже не засталъ, не обладая повидимому такою блестящею памятью, какъ Т. И. Селивановъ, Розальонъ-Сошальскій выражается часто неопредѣленно (употребляетъ постоянно такія выраженія, какъ—кажется, я не помню, или, можетъ быть и т. п.) и допускаетъ одну серьезную ошибку—разсказываетъ, что онъ, будучи гимназистомъ (т. е. до 1814 г.), присутствовалъ на похоронахъ И. Ѳ. Тимковскаго, между тѣмъ какъ этотъ послѣдній въ это время да еще и нѣсколько

десятковъ лѣтъ послѣ этого мирно проживалъ въ своей деревнѣ въ Черниговской губерніи. Вообще можно сказать, что замѣтки Розальонъ-Сошальскаго должны быть поставлены нѣсколько ниже записки Т. И. Селиванова, хотя и онѣ заслуживаютъ все таки нашего довѣрія, особенно въ той части своей, которая основана на личныхъ свѣдѣніяхъ автора.

Обратимся прежде всего къ профессорамъ русскаго происхожденія, такъ какъ о нихъ сохранились болѣе обстоятельныя данныя. На словесномъ отдѣленіи репутаціей превосходнаго преподавателя пользовался И. С. Рижскій. Роммель называетъ его человѣкомъ замѣчательнаго дарованія, извѣстнымъ авторомъ курса риторики. Т. И. Селивановъ говоритъ о немъ: „И. С. Рижскій принадлежалъ къ славянофиламъ (т. е. любителямъ славянскаго слова), не любилъ когда употреблено было иностранное слово тамъ, гдѣ туже самую мысль можно было выразить словами русскими, и часто на лекціи говорилъ: „можно ли то выразить на французскомъ щебетникѣ, что выражается сильнымъ точнымъ, мѣткимъ, благозвучнымъ славянскимъ языкомъ?“ Онъ превосходно дѣлалъ разборы нѣкоторыхъ псалмовъ, напримѣръ, 17-го „возлюблю тя, Господи, крѣпосте моя! Іова, особенно послѣднихъ главъ (38, 40 и 41), также нѣкоторыхъ ирмосовъ Іоанна Дамаскина“. Выслушивая сочиненія студентовъ, указывалъ на недостатки и ошибки и совѣтовалъ, чѣмъ замѣнить ихъ; но иногда отпускалъ и остроты. Студентъ П. любилъ писать стихи, не имѣя дара. Рижскій спросилъ его: „знаете ли вы поэзію? „Знаю“, отвѣчалъ П. „Но она, ей Богу, не знаетъ васъ“. Рижскій любилъ, чтобы студенты записывали на лекціи то, чего нѣтъ въ его руководствахъ риторики и поэзіи. По словамъ Розальонъ-Сошальскаго, Рижскій пользовался глубочайшимъ уваженіемъ студентовъ и всего общества, какъ профессоръ и человѣкъ; преподавалъ онъ превосходно. И всѣ эти отзывы подтверждаются, подкрѣпляются и вещественными, такъ сказать, доказательствами — его печатными университетскими курсами, которые признавались образцовыми и по которымъ велось преподаваніе этихъ предметовъ и много времени спустя послѣ смерти ихъ автора. На содержаніи этихъ печатныхъ трудовъ Рижскаго мы остановимся еще впослѣдствіи. Теперь же замѣтимъ только, что огромное уваженіе къ Рижскому, какъ профессору, ректору и человѣку ярко выразилось на его погребеніи, въ рѣчахъ, на его свѣжей могилѣ. Другіе представители этой каѳедры — Срезневскій и Борзенко — не выдѣлялись изъ уровня посредственныхъ преподавателей. Розальонъ-Сошальскій говоритъ о нихъ: „преподаваніе Борзенкова не увлекало никого, равно какъ и преподаваніе прибывшаго тогда же профессора

Срезневскаго". Другимъ выдающимся профессоромъ словеснаго отдѣленія былъ Г. П. Успенскій. Роммель ничего не говоритъ о его преподавательскихъ способностяхъ. У Розальонъ-Сошальскаго, не смотря на то, что онъ къ нему не благоволилъ (въ чемъ и самъ сознается), мы находимъ тѣмъ не менѣе благопріятный отзывъ о его познаніяхъ въ тѣхъ двухъ предметахъ, которые онъ излагалъ филологамъ и юристамъ: „онъ былъ очень свѣдущъ въ русскомъ законовѣдѣніи, до изданія свода законовъ представлявшемъ истинный лабиринтъ, и въ русской исторіи".

Настоящею гордостью и украшеніемъ физико-математическаго факультета былъ Осиповскій. Роммель называетъ Осиповскаго хорошимъ математикомъ. По словамъ Т. И. Селиванова, „Осиповскій извѣстный въ свое время математикъ, кромѣ математики и физики обладалъ многосторонними свѣдѣніями и былъ неутомимо трудолюбивъ...., имѣлъ обширную и твердую память, любилъ говорить положительно, выражаться точно, для чего иногда говоря останавливался и поправлялъ сказанную имъ фразу; рѣдко говорилъ или защищалъ что нибудь съ жаромъ, энергически, но просто, равнодушно (?) и настойчиво". Это былъ, какъ мы видимъ, настоящій представитель точнаго математическаго знанія, не любившій туманной философіи и въ особенности мистицизма. О популярности его, какъ математика, свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ Т. И. Селиванова. „Разсказываютъ про Осиповскаго, что онъ, проѣзжая черезъ Москву, зашелъ инкогнито въ университетъ на лекцію профессора математики, сѣлъ на скамью и слушалъ лекцію. Между прочимъ профессоръ, объясняя какую-то статью, сказалъ: „вотъ формула г. Осиповскаго, но она не полна и темна, а вотъ такого то автора удовлетворительна". По окончаніи лекціи, Осиповскій подошелъ къ каѳедрѣ и сказалъ профессору: „позвольте мнѣ нѣсколько словъ сказать; вотъ вы взяли формулу г. Осиповскаго и сказали, что она неполна и неудовлетворительна". Потомъ взявши мѣлъ, подошелъ къ доскѣ, написалъ ту формулу и говоритъ: „Осиповскій разумѣетъ вотъ что" и, изложивши съ подробностію ту формулу, сказалъ: „вотъ видите, что она и полна и ясна, а формула автора, на котораго вы ссылаетесь, менѣе удовлетворительна". Тогда профессоръ, обращаясь къ Осиповскому, сказалъ: „съ кѣмъ я имѣю честь говорить?" „Съ Осиповскимъ". Этотъ разсказъ, прибавляетъ Т. И., я слышалъ отъ Новочеркасскаго архіепископа Аѳанасія, который долго былъ въ Москвѣ викаріемъ. Если это и анекдотъ, то онъ во всякомъ случаѣ очень характеренъ, ибо рисуетъ намъ взглядъ современниковъ на Осиповскаго, какъ на выдающагося математика. Розальонъ-Сошальскій заявляетъ, что Осиповскій, „весь проникнутый любовью къ своему предмету и къ своей обязанности, умѣлъ для

слушателей своихъ, въ томъ числѣ и меня, поэтизировать даже дифференціальныя и интегральныя исчисленія".

Объ адъюнктѣ Васильевѣ Т. И. Селивановъ даетъ такой отзывъ: „имѣлъ большія природныя способности и хорошія свѣдѣнія по многимъ частямъ. Онъ кромѣ архитектуры читалъ алгебру, знакомъ былъ съ физикой и химіей; но былъ безпеченъ, часто не бывалъ на лекціяхъ и архитектуру свою часто облекалъ въ забавныя формы". Розальонъ-Сошальскій говоритъ почти тоже самое: „архитектуру преподавалъ адъюнктъ Е. В. Васильевъ, человѣкъ остраго ума, боммотистъ, но употреблю современный терминъ—довольно легкомысленный". Другой математикъ А. Ѳ. Павловскій, читавшій алгебру, геометрію и тригонометрію, какъ преподаватель и человѣкъ, по словамъ Розальонъ-Сошальскаго, „былъ обожаемъ своими слушателями". Физику, по словамъ того же автора, читалъ Комлишинскій и хотя заика, но читалъ хорошо, повидимому любилъ свою науку". „Адъюнктъ Крюгеръ, по словамъ Т. И. Селиванова, былъ роста небольшаго, пріятной наружности, нрава тихаго. Много имѣлъ профессорскихъ достоинствъ—превосходную память, пріятный, благозвучный голосъ, плавную какъ бы струйкою льющуюся рѣчь". Наиболѣе выдающимся профессоромъ изъ русскихъ на юридическомъ факультетѣ былъ И. Ѳ. Тимковскій. Впрочемъ несмотря на свои глубокія познанія, онъ не отличался даромъ яснаго изложенія, читалъ хотя красиво, но риторично, стремился къ внѣшнему эффекту. Т. И. Селивановъ выражается о немъ такъ: „все у него было изысканное; говорилъ всегда фразами, а фразы его были обдуманы, выработаны, какъ бы выточены, вышлифованы и выполированы. Примѣрный, неподражаемый педантъ! Такимъ слогомъ написаны были его рѣчи и его лекціи. Но Тимковскій съ каѳедры читалъ рѣчи очень хорошо, декламировалъ превосходно. Впрочемъ онъ зналъ языки и имѣлъ многостороннія свѣдѣнія и вообще своимъ тономъ, своимъ оригинальнымъ взглядомъ на вещи и вычурнымъ краснорѣчіемъ всякаго на первый разъ могъ озадачивать". Розальонъ-Сошальскій также подтверждаетъ, что Тимковскій былъ краснорѣчивъ. Т. И. Селивановъ приводитъ анекдотъ, рисующій Тимковскаго, какъ преподавателя, котораго трудно было понимать. „Однажды, поздно вечеромъ, посѣщая студенческія камеры, ректоръ Рижскій зашелъ къ студенту Сазонову, который зубрилъ права Ильи Ѳедоровича Тимковскаго, и не замѣчая, что сзади его стоялъ Рижскій, читалъ громко; наконецъ, оглянувшись, увидѣлъ ректора, и ректоръ говоритъ: „что, понимаете ли вы?" Сазоновъ отвѣчалъ: „понимаю". „А я, сказалъ Рижскій, ничего не понимаю, ей Богу, ничего не понимаю". Нужно впрочемъ вспомнить, что напыщенное риторическое изложеніе было тогда въ модѣ и не составляло

особенности одного Тимковскаго; имъ грѣшилъ и Рижскій, и Срезневскій. Роммель ставитъ Тимковскаго, по дарованіямъ, рядомъ съ Рижскимъ. Здѣсь слѣдуетъ кстати замѣтить, что Тимковскій обладалъ выдающимися педагогическими способностями и благодаря этому его часто отправляли въ округъ для обозрѣнія училищъ, что, конечно, отвлекало его отъ исполненія прямыхъ его обязанностей по университету (чтенія лекцій). На медицинскомъ факультетѣ старѣйшимъ преподавателемъ былъ Шумлянскій. О немъ Т. И. Селивановъ сообщаетъ такія данныя. „П. М. Шумлянскій былъ роста хорошаго, довольно полонъ, наружность имѣлъ осанистую, изъ малороссіянъ, а потому когда шутилъ и острилъ, то шутки и остроты любилъ выражать на малороссійскомъ языкѣ. Его вступительная рѣчь въ діэтетику съ каѳедры была прочитана на малороссійскомъ языкѣ со всѣми остротами, шутками и съ критическими взглядами на теорію діэтетики, напримѣръ, какъ русскій человѣкъ одѣвается, ѣстъ, пьетъ, не наблюдая ни въ чемъ умѣренности и осторожности, какъ подвергается въ своихъ порывахъ опасностямъ, особенно когда надобно показать свое удальство; потомъ въ параллель ставитъ нѣмца, воспитаннаго и ведущаго жизнь по правиламъ діэтетики—все это съ особенными остротами; послѣ выводитъ русскаго мужика и нѣмца и сравниваетъ ихъ наружный видъ, мускулы и силу. Эта его юмористическая лекція, по словамъ слышавшихъ, какъ бы другой ни написалъ, не будетъ имѣть той силы, какую придавалъ ей Павелъ Михайловичъ своимъ тѣлодвиженіемъ и прибаутками. Студенты медицинскаго факультета, слушавшіе его лекціи, отзываются о немъ, что онъ былъ профессоръ очень хорошій, излагалъ свой предметъ незатѣйливо, просто, но существенно и отчетливо. Жаль, что въ его время не было клиники, которая устроилась уже въ послѣднихъ годахъ его службы въ Харьковскомъ университетѣ“. Болѣе отрицательный отзывъ даетъ о Шумлянскомъ Розальонъ-Сошальскій. „По медицинскому факультету, говоритъ онъ, плотный и, какъ казалось—и едва ли не такъ было—апатичный Шумлянскій пользовался репутаціей посредственности во всѣхъ отношеніяхъ“. Можно думать, что Шумлянскій, то что называется, опустился, облѣнился въ Харьковѣ подъ вліяніемъ отсутствія клиникъ, недостатка студентовъ, своей натуры и сравнительно преклоннаго возраста; въ особенности это нужно сказать относительно послѣднихъ годовъ изучаемаго нами десятилѣтія; здѣсь, быть можетъ, лежитъ причина и болѣе суроваго отзыва Розальонъ-Сошальскаго, который зналъ его только въ это время.

О преподавательскихъ талантахъ профессоровъ иностранцевъ наши источники не сообщаютъ почти никакихъ данныхъ. Не лежитъ ли причина этого явленія въ томъ, что студентамъ слушателямъ было

трудно оцѣнивать преподаваніе лекцій, читавшихся на иностранныхъ языкахъ?

Т. И. Селивановъ сдѣлалъ исключеніе только для Стойковича, но и то, быть можетъ, потому, что тотъ читалъ большею частью по русски. Вотъ его отзывъ о Стойковичѣ. „Аѳанасій Ивановичъ роста былъ высокаго, сухощавъ, носъ имѣлъ продолговатый, прямой, говорилъ довольно скоро, съ жаромъ (энергически), выразительно; употреблялъ много славянскихъ словъ, обладалъ свѣтлою логикою, которая выражалась особенно на лекціяхъ, при изложеніи многосложныхъ предметовъ и разныхъ теорій, — былъ находчивъ, гибокъ, смѣлъ, рѣшителенъ, нетерпѣливъ и невсегда ровенъ“. Роммель говоритъ, что онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ слова. Розальонъ-Сошальскій выражается такъ: „австрійскій славянинъ Стойковичъ, огромнаго роста, стройный, съ сильно выразительными чертами человѣкъ читалъ до меня физику, какъ говорили, прекрасно“. О преподаваніи Шада, Якоба мы не имѣемъ отзывовъ современниковъ; но можно предполагать, что они вели свое дѣло выдающимся образомъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ отпечатанные ими курсы; Роммель говоритъ о Шадѣ, что онъ привлекъ студентовъ своею логикою, написанною плавною латынью. Якобъ пріобрѣлъ извѣстность своими руководствами. Шадъ создалъ цѣлую школу учениковъ. Къ числу опытныхъ выдающихся преподавателей нужно причислить Роммеля, наиболѣе виднаго тогдашняго представителя классицизма. Онъ устроилъ классическій семинарій, былъ директоромъ педагогическаго института, издавалъ хрестоматіи и латинскихъ авторовъ. Все это дало ему сознаніе исполненнаго долга. „Смѣю думать, говоритъ онъ самъ, что эти сѣмена классической древности брошены на почву, не совсѣмъ безплодную, потому что и теперь еще я помню порядочное число русскихъ (между прочими: *Адамовича*, *Гевлича*, *Коммишинскаго*, *Громова* и впослѣдствіи *Кеппена*), которымъ филологія открыла путь къ дальнѣйшему непрерывному образованію“. Прекраснымъ лекторомъ долженъ былъ быть Швейкартъ; къ такому заключенію приводятъ воспоминанія Роммеля. „Украшеніемъ университета и юридико-политическаго факультета, говоритъ онъ, былъ мой другъ, благородный философъ Швейкартъ. Занимаясь въ Германіи воспитаніемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій, онъ усвоилъ себѣ изящное свѣтское образованіе; въ памяти своей онъ хранилъ множество анекдотовъ и отличался увлекательнымъ даромъ разсказа“. Гизе, по отзыву Селиванова, „неутомимо занимался своимъ предметомъ“; объ успѣшности его преподаванія свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что у него были ученики. Розальонъ-Сошальскій передаетъ, что братъ его Иванъ былъ любимымъ ученикомъ Гизе и былъ въ свою очередь

очень привязанъ къ этому послѣднему; за это товарищи даже дразнили его Гизомъ. Бывшіе впослѣдствіи профессорами въ Харьковѣ, Комлишинскій и Сухомлиновъ — его ученики. Свой превосходный курсъ лекцій онъ успѣлъ приготовить къ печати и издать въ свѣтъ. Беленъ-де-Баллю оставилъ по себѣ память, какъ краснорѣчивый преподаватель французской и греческой литературы. Такъ отзываются о немъ Розальонъ-Сошальскій и Роммель; послѣдній говоритъ, что онъ имѣлъ необыкновенный декламаторскій талантъ. Впрочемъ едва ли блестящая форма лекцій стояла въ соотвѣтствіи съ глубиною ихъ содержанія; по крайней мѣрѣ въ латинскомъ языкѣ онъ былъ довольно слабъ. Это засвидѣтельствовано совѣтомъ Харьковскаго университета, предпочевшимъ ему извѣстнаго знатока латинскаго языка Шада. Самъ Шадъ, разъясняя дѣло въ письмѣ къ Потоцкому, писалъ: „что совѣтъ въ этомъ отношеніи менѣе полагается на де-Баллю, я не виноватъ. Кто изъ насъ что можетъ и чего не можетъ, показываетъ дѣло, по устраненіи мрака тщеславія". Далѣе Шадъ говоритъ, что де-Баллю ни одной строки по латыни написать не можетъ и не только не понимаетъ духа латинскаго языка но—что еще постыднѣе—дѣлаетъ грамматическія ошибки, какъ это доказывается предисловіемъ къ изданной имъ де-Баллю христоматіи" [1]). Дрейсигъ, по словамъ Т. И. Селиванова, „обладалъ большими свѣдѣніями, имѣлъ много паціентовъ, но не имѣлъ дара съ каѳедры живымъ словомъ объяснять предметы". И по отзыву Розальонъ-Сошальскаго, онъ считался очень хорошимъ медикомъ. „Нельдехенъ, по словамъ Роммеля, пріѣхалъ изъ Берлина и, не вѣдая ничего о жирной почвѣ Украйны, съ первыхъ же лекцій возбудилъ смѣхъ студентовъ своимъ ученіемъ объ удобреніи навозомъ". Ниже всѣхъ стоялъ Паки-де-Совиньи. По словамъ Роммеля, „лекціи его были образцомъ цвѣтистаго и надутаго безвкусія; въ своихъ латинскихъ и французскихъ сочиненіяхъ, въ ученическихъ лекціяхъ онъ оставался ограниченнымъ приверженцемъ Буало и любилъ, по собственному его выраженію, расправляться цензорскою указкою". Гораздо болѣе рѣзкій отзывъ о немъ даетъ Н. И. Костомаровъ, бывшій его слушателемъ въ 30-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; но его мы приведемъ впослѣдствіи. Изъ представленныхъ данныхъ видно, что и между русскими, и между иностранными профессорами были различные лекторы—выдающіеся, посредственные и плохіе. Но характерно, что профессора русскаго происхожденія, несмотря на свою малочисленность, производили большее впечатлѣніе на своихъ слушателей, чѣмъ ихъ коллеги иностранцы, превосходившіе ихъ своею численностью и

[1]) Этотъ разсказъ мы заимствуемъ изъ статьи Н. А. Лавровскаго; а основанъ онъ на данныхъ Харьковскаго университетскаго архива.

научной подготовкой. По крайней мѣрѣ такое впечатлѣніе получается изъ отзывовъ студентовъ—современниковъ. И мы не объясняемъ этого явленія какими либо случайностями; намъ думается, что причина этого превосходства лежала въ *языкѣ преподаванія.*

Русскіе профессора читали лекціи по русски, иностранные преимущественно—по латыни, частію же по французски и нѣмецки. Роммель говоритъ: „всѣ иностранные профессоры, за исключеніемъ французовъ, читали на латинскомъ языкѣ, и мнѣ пришлось очень кстати, что каждый студентъ обязанъ былъ знать достаточно этотъ языкъ“. *Обязанъ былъ знать*—это такъ; но дѣйствительно ли зналъ? Профессора нѣмцы принесли съ собою изъ за границы убѣжденіе, что университетское преподаваніе должно происходить на латинскомъ языкѣ; они выражали неудовольствіе, когда товарищи ихъ на родинѣ перешли отъ латинскаго къ нѣмецкому языку; они думали, что этимъ принижается образовательный цензъ студентовъ (такъ какъ имъ не приходится усваивать разговорнаго латинскаго языка). Но это былъ остатокъ еще средневѣковаго воззрѣнія. Знаніе латинскаго языка между профессорами и студентами стояло правда несравненно выше, чѣмъ теперь. На латинскомъ языкѣ не только читались лекціи, но и велись экзамены, происходили всѣ дебаты въ факультетахъ и совѣтѣ, составлялись протоколы, письма. Нѣкоторые изъ профессоровъ славились особеннымъ знаніемъ латинскаго языка—именно Шадъ и Стойковичъ. У послѣдняго бывали такъ называемые латинскіе вечера, на которыхъ говорили исключительно по латыни, а иногда и по гречески [1]). Коллегія харьковскихъ профессоровъ была очень строга по части знанія латинскаго языка къ новымъ кандидатамъ, и мы знаемъ, что кандидатура профессора Георга не прошла между прочимъ благодаря недостаточнымъ свѣдѣніямъ его по этой части. Русскіе профессора были также достаточно сильны въ этомъ языкѣ, въ особенности тѣ, которые прошли духовныя школы. И студенты, поступившіе въ Харьковскій университетъ изъ коллегіума и другихъ семинарій, хорошо знали латинскій языкъ и могли понимать лекціи своихъ профессоровъ на этомъ языкѣ. Являясь въ качествѣ наставниковъ-репетиторовъ въ помѣщичьи усадьбы, они и туда переносили знаніе латыни, хотя питомцы ихъ, поступавшіе въ университетъ послѣ домашней подготовки или изъ главнаго народнаго училища, уже знали ее хуже ихъ. Но за то дворянскія дѣти лучше знали новые иностранные языки, особенно одинъ изъ нихъ—французскій, благодаря иностранцамъ-гувернерамъ, нахлынувшимъ тогда цѣлыми толпами въ Россію, главнымъ образомъ изъ Франціи. Розальонъ-Сошальскій въ сво-

[1]) М. И. Сухомлиновъ. Изсл. и статьи, I, стр. 96

ихъ воспоминаніяхъ говоритъ, что братья его вышли изъ пансіона о. Василія Фотіева (поступивъ оттуда прямо въ университетъ) съ полнымъ знаніемъ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ; на послѣднихъ двухъ они отлично говорили. Знаніе языковъ для студентовъ было тогда почти необходимо, потому что нѣкоторые науки преподавались профессорами иностранцами на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Такъ адъюнктъ, позже профессоръ Гизе читалъ химію, можетъ быть, на латинскомъ, но знаю, что съ любимымъ ученикомъ своимъ братомъ моимъ, Федоромъ, говорилъ всегда, а также на опытахъ объяснялся на нѣмецкомъ. Полагаю, что Стойковичъ, по крайней мѣрѣ, сначала, пока не ознакомился достаточно съ русскимъ языкомъ, преподавалъ свой предметъ физику на латинскомъ. Беленъ де Баллю, профессоръ французской литературы, и его адъюнктъ Паки де Совиньи, ничтожный преподаватель, не знали ни слова по русски. Мы можемъ исправить свидѣтельства Роммеля и Сошальскаго документальными данными. Роммель говоритъ, что французы читали по французски, но не всѣ—Делявинь велъ преподаваніе по латыни (по крайней мѣрѣ онъ читалъ на этомъ языкѣ свои курсы въ 1809—1810 г.). Стойковичъ съ самаго начала (съ 1805 г.) читалъ опытную физику по русски, а сельское хозяйство на латинскомъ языкѣ. Нѣмецъ Шмерфельдъ тогда же читалъ свои лекціи по французски. Русскій адъюнктъ Калькау преподавалъ курсы на латинскомъ языкѣ. Чтеніе лекцій велось также на нѣмецкомъ языкѣ; на этомъ языкѣ читали химики—Шпаубертъ и Гизе (первый впрочемъ скоро перешелъ къ латинскому языку). Повторимъ еще разъ, что знаніе древнихъ и новыхъ языковъ среди студентовъ стояло тогда высоко, въ особенности на словесномъ отдѣленіи. Мы видѣли, что серьезный, требовательный Роммель былъ доволенъ своими слушателями,—классицизмъ дѣйствительно процвѣталъ тогда на нынѣшнемъ историко-филологическомъ факультетѣ. Но знаніе древнихъ и новыхъ языковъ было неравномѣрное: одна часть студентовъ (изъ семинарій) знала древніе, а была плохо подготовлена по новымъ языкамъ, другая—(дворянство) наоборотъ, получила хорошую подготовку по французскому и отчасти нѣмецкому языкамъ и недостаточно удовлетворительную—по латинскому и греческому. Между тѣмъ эта неравномѣрность подготовки должна была невыгодно отражаться и на успѣшности преподаванія: одни плохо понимали лекціи, читавшіяся по французски, другіе — по латыни. Не слѣдуетъ также упускать изъ виду жалобъ самого Роммеля на отсутствіе по классическимъ языкамъ пособій въ среднихъ школахъ, университетѣ и педагогическомъ институтѣ. Нужно вспомнить о недостаткѣ студентовъ на первыхъ порахъ,

что заставляло быть не особенно требовательными къ нимъ на экзаменахъ. Незнаніе профессорами иностранцами русскаго языка имѣло какъ для нихъ самихъ, такъ и для университета, и въ частности для преподаванія, многія невыгодныя послѣдствія. Роммель, назначенный директоромъ педагогическаго института при университетѣ, вслѣдствіе этого незнанія долженъ былъ, по его собственнымъ словамъ, отказаться отъ практическаго вліянія на будущихъ кандидатовъ въ учителя, и ограничиться исключительно изданіемъ учебниковъ. А сколько неудобствъ причиняло незнаніе языка иностранцамъ профессорамъ, отправляемымъ на визитаціи училищъ, гдѣ они должны были имѣть дѣло съ захолустной провинціальной средой, незнавшей никакихъ иностранныхъ языковъ! Значительныя затрудненія представлялись и въ другихъ административныхъ и учебныхъ дѣлахъ (напримѣръ, въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, какъ въ этомъ сознается самъ Роммель). Ученые и учебные труды профессоровъ иностранцевъ вообще могли бы принести несравненно болѣе пользы университету и краю, если бы они печатались на русскомъ языкѣ. На образованіе студентовъ профессора также могли бы имѣть гораздо большее вліяніе, если бы и тутъ не мѣшалъ языкъ. Хотя бы мы даже допустили, что латинскій языкъ былъ понятенъ всѣмъ слушателямъ (чего на самомъ дѣлѣ не было), то и тогда мы должны будемъ сознаться, что преподаваніе не мало теряло отъ *мертваго* языка. Это ясно сознавали и прекрасно выразили члены коммиссіи объ учрежденіи училищъ. „Языкъ народный, говорится въ университетскомъ проэктѣ, составленномъ этой коммиссіей, есть первый способъ къ распространенію въ народѣ просвѣщенія: гдѣ науки преподаются на языкѣ иностранномъ, тамъ народъ находится подъ игомъ языка чуждаго и рабство это нераздѣльно съ невѣжествомъ. Развитіе народнаго просвѣщенія у англичанъ и французовъ зависѣло преимущественно отъ того, что науки преподавались у нихъ на языкѣ народномъ и что писатели, съ юныхъ лѣтъ усваивая себѣ знанія на родномъ языкѣ, сообщали ихъ отечеству народнымъ же языкамъ. Просвѣщеніе всегда будетъ распространяться тихими шагами, когда наука будетъ преподаваться на языкѣ мертвомъ или чужомъ“ [1]). Эта мысль совершенно справедлива. Только родная рѣчь, раздающаяся съ каѳедры, можетъ создать живую связь между лекторомъ и его авдиторіей, подѣйствовать на сердце и имѣть нравственно-воспитательное значеніе. Въ этомъ отношеніи всѣ преимущества были на сторонѣ русскихъ профессоровъ, хотя они и уступали своимъ иностраннымъ коллегамъ въ ученой подготовкѣ. Въ связи съ незнаніемъ русскаго языка, которое очень часто сопровождалось и *нежеланіемъ* его

[1]) М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I, стр. 51—52.

изучать, стояло вообще незнаніе русской жизни и дѣйствительности также вредно отзывавшееся на успѣхахъ преподаванія. Доказательствомъ этого можетъ служить приведенный уже нами случай съ профессоромъ сельскаго хозяйства, возбудившимъ смѣхъ авдиторіи своею проповѣдью удобренія чернозема. И, конечно, это былъ далеко не единичный фактъ; въ такомъ положеніи бывали, безъ сомнѣнія, и другіе профессора иностранцы. Не знали они, наконецъ, и психологіи своихъ слушателей, и только болѣе наблюдательные изъ нихъ (въ родѣ Роммеля) осваивались со вкусами, привычками и особенностями русской университетской молодежи.

Учебно-преподавательская дѣятельность профессорской коллегіи кромѣ чтенія лекцій состояла еще въ производствѣ *экзаменовъ*. Объ экзаменахъ студентовъ мы здѣсь говорить не будемъ — займемся этимъ вопросомъ въ слѣдующей главѣ — а остановимся теперь только на магистерскихъ и докторскихъ испытаніяхъ и на стоящихъ въ тѣсной связи съ ними командировкахъ молодыхъ людей для приготовленія къ профессорскому званію.

Требованія устава относительно ученыхъ промоцій были таковы. Кромѣ степени кандидата на всѣхъ факультетахъ (въ томъ числѣ и на медицинскомъ) было еще двѣ другихъ ученыхъ степени магистра и доктора. Медицинскому факультету рекомендовалась особая осторожность при возведеніи въ эти почетныя званія. Испытанія происходили въ факультетахъ подъ предсѣдательствомъ декановъ. И на магистерскомъ, и на докторскомъ экзаменѣ обязаны были присутствовать въ качествѣ депутатовъ два члена совѣта, избранные по жребію. Передъ допущеніемъ къ магистерскому или докторскому испытанію деканъ съ двумя профессорами дѣлалъ аспиранту предварительный искусъ и объ успѣхѣ его докладывалъ отдѣленію, которое могло совсѣмъ не допустить къ экзамену лицъ, признанныхъ неспособными. Самые экзамены на высшія ученыя степени производились такъ. Изъ опредѣленнаго числа написанныхъ и хранимыхъ въ тайнѣ вопросовъ, относящихся къ каждой наукѣ факультетскаго преподаванія, выбиралось по жребію два для магистранта и четыре для докторанта; эти вопросы они должны были рѣшить основательно и подробно; за этимъ слѣдовало устное испытаніе по другимъ предметамъ, назначаемымъ экзаменаторами; послѣ этого слѣдовало письменное рѣшеніе въ присутствіи одного члена факультета двухъ вопросовъ, доставшихся экзаменующимся по жребію. Къ этому испытанію на медицинскомъ и естественномъ отдѣленіи присоединялись опыты: магистрантъ или докторантъ медицинскаго факультета долженъ былъ опредѣлять болѣзнь представленнаго ему въ клиникѣ или городской

больницѣ больного, прописывать ему лекарства, предсказывать ихъ дѣйствіе; будущій магистръ или докторъ химіи—изслѣдовать или опредѣлять составныя части даннаго тѣла и т. п. Послѣ экзамена магистрантъ читалъ одну, а докторантъ три публичныя лекціи на темы, назначенныя факультетомъ. Въ случаѣ неудовлетворительности испытанія ко вторичному можно было приступать черезъ годъ. Свѣдѣнія о ходѣ экзамена вносились въ протоколъ, копія съ котораго отправлялась въ совѣтъ, назначавшій срокъ для публичной защиты диссертаціи, одобренной факультетомъ. Диспуты должны были происходить въ присутствіи факультета и согласно обычаю, на латинскомъ языкѣ, но факультетъ могъ, по просьбѣ аспиранта, разрѣшить ихъ и на русскомъ языкѣ. Возраженіе дѣлали сначала посторонніе оппоненты, потомъ три члена факультета по старшинству. Объ успѣшности защиты диссертаціи факультетъ доносилъ совѣту [1]). Какова должна была быть диссертація— рукописная или печатная—уставъ не говоритъ. Не вполнѣ ясно также по уставу, можно ли было получить прямо докторскую степень, миновавъ магистерскую. Таковы были требованія устава. Какъ же они выполнялись въ дѣйствительности?

Въ первые годы своего существованія Харьковскому университету повидимому не приходилось пользоваться правомъ производства въ ученыя степени магистровъ и докторовъ по тѣмъ правиламъ, которыя были установлены уставомъ. Но онъ все таки даровалъ нѣкоторымъ изъ своихъ преподавателей профессоровъ степень доктора honoris causa— за ученыя заслуги — именно тремъ наиболѣе выдающимся представителямъ русскаго элемента (Рижскому, Осиповскому, Тимковскому) и одному иностранцу (Беленъ-де-Баллю). И они, конечно, вполнѣ заслужили это отличіе, въ особенности первые три. Впослѣдствіи докторская степень дарована была еще проф. И. Е. Срезневскому. Дарованіе докторской степени проф. Срезневскому вызвало сильныя возраженія со стороны проф. Роммеля. Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ, во 1-хъ, противъ того, что докторство было даровано Срезневскому совѣтомъ, а не факультетомъ, а во 2-хъ, что онъ получилъ степень доктора философіи, а не словеснаго отдѣленія. Присужденіе всѣхъ ученыхъ степеней (въ томъ числѣ и докторской) уставъ предоставлялъ по его словамъ, факультетамъ; совѣтъ же только утверждалъ въ этой степени аспирантовъ; это видно и изъ текста дипломовъ. Столь-же недѣйствительна была, по мнѣнію проф. Роммеля, самая степень доктора философіи. Въ Европейскихъ университетахъ она имѣла свой смыслъ, потому что тамъ былъ отдѣльный философскій факультетъ, каковаго въ

[1]) Сборникъ постановл. по мин. нар. пр., I, стр. 283—285.

Россіи не имѣлось; философія отнесена къ этико-политическому, а не словесному отдѣленію; проф. Срезневскій не могъ получить этой степени, потому что состоялъ профессоромъ другого факультета и такъ занимался другими науками, а не философіей.

Нельзя не сознаться, что аргументы проф. Роммеля весьма серьезны, особенно съ формальной стороны—съ точки зрѣнія существовавшихъ на этотъ счетъ правилъ.

Затѣмъ по экзамену и диссертаціямъ получили магистерскую и докторскую степень многіе питомцы Харьковскаго университета и отчасти постороннія лица: Гевличъ, Комлишинскій, Громовъ, Архангельскій, Дудровичъ, Любовскій, Гесъ-де-Кальве, Жиле, Хлапонинъ, Дегай, Мизко, Титаревъ, Масловичъ, Кеппенъ.... Нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались только магистрами (Гевличъ, Титаревъ, Кеппенъ), другіе вслѣдъ за магистерскою степенью получили и докторскую (Громовъ, Архангельскій), наконецъ, третьи претендовали и добились докторскаго диплома, минуя магистерство (Хлопонинъ, Гесъ-де-Кальве, Дегай, Жиле). Профессорскія каѳедры заняли только четверо изъ этихъ лицъ; (Архангельскій, Громовъ, Дудровичъ, Комлишинскій); пятый (Любовскій) претендовалъ на каѳедру (философіи), но ему предпочли Дудровича; остальные повидимому добивались этихъ степеней не ради ученой, а ради служебной карьеры. Въ настоящее время трудно и представить себѣ, какъ развита была страсть къ чинамъ въ началѣ текущаго столѣтія. Извѣстный уже намъ указъ Сперанскаго сдѣлалъ невозможнымъ полученіе даже чина коллежскаго ассесора безъ университетскаго диплома. Между тѣмъ ученая степень магистра сразу давала права на три лишнихъ чина, а степень доктора даже на четыре (кандидаты состояли въ 12 классѣ, магистры въ 9, а доктора въ 8). Неудивительно, что при такихъ условіяхъ явилась та торговля дипломами, о которой свидѣтельствуютъ современники. Роммель сообщаетъ о двухъ попыткахъ подкупа, направленныхъ лично противъ него самого. У генерала Ковалинскаго онъ познакомился съ бывшимъ Херсонскимъ губернаторомъ, очень богатымъ помѣщикомъ Хорватомъ, который поручилъ ему приготовить къ окончательному экзамену въ университетѣ своего сына Д—я.—„плодъ любви его къ одной прекрасной замужней француженкѣ". „Когда наступилъ срокъ докторскаго экзамена, молодой Д—й приходитъ ко мнѣ и говоритъ: „я слышалъ, что вы изъявили желаніе купить у меня дрожки и пару лошадей?" (Дрожки и лошади были великолѣпныя). „Вовсе не думалъ", отвѣчалъ я. Дѣло, казалось, было кончено. Скоро послѣ того я увидѣлъ этотъ великолѣпный экипажъ во владѣніи одного изъ моихъ

русскихъ товарищей, а послѣ, въ Петербургѣ узналъ, что надъ моею честностью сильно посмѣялись... Въ то время я не имѣлъ еще понятія о господствовавшихъ сплошь и рядомъ подкупахъ. Подобныя предложенія всегда приводили меня въ негодованіе. Но особенно возмутило меня посольство директора Екатеринославской гимназіи, который хотѣлъ получить высшій чинъ путемъ почетнаго экзамена. Молодой человѣкъ, сынъ просителя, привезъ мнѣ charte blanche на 500 руб. при письмѣ, въ которомъ глупый его батюшка съ настойчивостью и самоувѣренностью говорилъ о своихъ правахъ на чинъ, ссылаясь на орденъ, недавно ему пожалованный“. Извѣстіе Роммеля вполнѣ подтверждаетъ Розальонъ-Сошальскій. „Теперь перехожу, говоритъ онъ, къ торгу въ университетѣ дипломами на ученыя степени магистра и особенно доктора, которые давали права, при вступленіи въ службу переименоваться въ титулярные совѣтники и коллежскіе ассесоры. Что это былъ фактъ неоспоримый и началось по смерти Рижскаго въ 1811 или 12 году, со вступленіемъ Стойковича въ должность ректора—было извѣстно въ Харьковѣ всѣмъ и каждому и послужило поводомъ къ запрещенію выдавать дипломы на высшія ученыя степени или чтото въ родѣ этого. Я не говорю о такихъ докторахъ, какими были—покойный статсъ-секретарь Дегай (Дегай былъ пасынкомъ Харьковскаго вельможи), родственника по первой женѣ князя Потемкина, ген.-лейт. Осипа Ивановича Хорвата и сыномъ учителя француза; это мнѣ извѣстно по случаю изъ достовѣрнаго источника, и теперешній членъ государственнаго совѣта Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ. Тутъ роскошные обѣды, которыми родители ихъ угощали профессоровъ экзаменаторовъ (наука не прочь отъ гастрономическаго наблюденія), тутъ, говорю, обѣды могли быть и лишними. Не говорю о такихъ докторахъ труженникахъ, какимъ былъ инспекторъ мой, по отъѣздѣ братьевъ, Василій Ѳотіевичъ Титаревъ, заплатившій за докторскій дипломъ жизнію и, по вступленіи въ Петербургѣ на службу, скоро умершій отъ чахотки;—и онъ не одинъ былъ таковъ. Но было не мало и изъ иного лагеря. Говорю о докторахъ, къ немалому числу какихъ принадлежалъ, напримѣръ, покойный Василій Григорьевичъ Масловичъ. Милый человѣкъ, отличный танцоръ, даже слагатель гладкихъ, игривыхъ стишковъ, но, конечно, докторъ паркета, а не головоломнаго ученаго матеріала. И теперь прихожу въ восторгъ и невольно начинаю вторить припѣву В. Г. при поспоминаніи его великолѣпнаго козачка, который танцовалъ онъ такъ часто въ домахъ своихъ знакомыхъ (а его принимали съ распростертыми объятіями), танцовалъ, звеня серебряными скобами, которыми были украшены каблуки его сапогъ, и припѣвая въ то-же время:

„Ой, сербыне, сербыне!
Годи сербуваты.
Купымъ хату и кимнату,
Будемъ шынкуваты“! [1]).

Изъ этихъ двухъ свидѣтельствъ видно, что одна часть магистровъ и докторовъ получила свои ученыя степени вполнѣ заслуженно, другая же наоборотъ пользовалась для этой цѣли взятками и подкупами экзаменаторовъ; роскошные обѣды и угощенія не считались повидимому особенно предосудительнымъ средствомъ, а приватныя лекціи прямо признавались вполнѣ законными; по крайней мѣрѣ, самъ Роммель, относившійся съ негодованіемъ къ подкупамъ, взялъ на себя подготовку къ окончательному экзамену Дегая. Въ объясненіе (но, конечно, отнюдь не въ оправданіе) этого печальнаго явленія мы должны замѣтить, что матеріальное положеніе профессоровъ въ это время замѣтно ухудшилось, благодаря страшному паденію курса ассигнацій и отечественной войнѣ 12-го года. Въ совѣтѣ большая часть промоцій возбуждала распри и несогласія, доходившія даже до министра. Причина этого лежитъ отчасти въ самомъ характерѣ этихъ дѣлъ, отчасти же кроется въ извѣстной острой личной борьбѣ членовъ совѣта другъ съ другомъ. Хлапонинъ, напримѣръ, стремился получить докторскую степень по философіи у Шада—и этого было вполнѣ достаточно, чтобы противъ него выступилъ самымъ рѣшительнымъ образомъ непримиримый врагъ Шада Стойковичъ.

Чтобы дать понятіе о той страстной борьбѣ, которую вызывали эти дѣла въ совѣтѣ, мы остановимся на нѣкоторыхъ промоціяхъ, прежде всего на полученіи докторской степени курскимъ купцомъ Григоріемъ Хлапонинымъ, такъ какъ эпизодъ этотъ самъ по себѣ весьма характеренъ. Личность этого доктора философіи—автодидахта во всякомъ случаѣ выдающаяся. У него несомнѣнно было большое стремленіе къ образованію и наукѣ—и онъ затратилъ массу энергіи, чтобы добиться ученой степени. О его жаждѣ къ знанію и любви къ избранному спеціальному предмету—философіи свидѣтельствуетъ между прочимъ съ умѣньемъ подобранная имъ библіотека, которую онъ впослѣдствіи пожертвовалъ Харьковскому университету. Нужно впрочемъ сознаться, что и Хлапонина побудили добиваться докторской степени житейско-практическія соображенія—пошатнувшіяся торговыя дѣла, желаніе получить соотвѣтственный чинъ и поступить на государственную службу. Объ этомъ говоритъ онъ самъ въ письмѣ къ министру народнаго просвѣщенія. Въ другомъ документѣ мы читаемъ: „Григорій Семеновичъ Хлапонинъ съ

---

[1]) Хар. Губ. Вѣд. 1869 г. № 44.

молодыхъ лѣтъ по особенной склонности своей упражнялся въ наукахъ, приготовляя себя къ государственной службѣ по учебной части". О докторскомъ экзаменѣ Хлапонина мы имѣемъ такія свѣдѣнія. Какъ видно изъ протоколовъ этикополитическаго отдѣленія, онъ подвергался экзамену 1 сентября 1813 г. въ присутствіи многихъ профессоровъ-членовъ факультета, депутатовъ и представителей другихъ факультетовъ экзаменаторовъ — Шада, Швейкардта, Роммеля, Стойковича, Осиповскаго, Рейта, Успенскаго, Павловича, Книгина и Шумлянскаго (послѣдніе два были депутатами). Шадъ экзаменовалъ его изъ главнаго предмета философіи и предложилъ слѣдующіе вопросы: 1) De principiis fundamentalibus conscientiae; 2) Quid est intellectus? 3) Quid est logica? 4) Quae sunt promtua principia moralitatis? На всѣ эти вопросы онъ отвѣчалъ *optime*; изъ естественнаго права экзаменовалъ его профессоръ Швейкардтъ, а отвѣчалъ онъ такъ, что экзаменаторъ считалъ возможнымъ даровать ему за это только степень магистра (но не доктора); изъ латинской словесности — проф. Роммель, причемъ онъ довольно хорошо переводилъ оды Горація на нѣмецкій языкъ; изъ физики — проф. Стойковичъ, поставившій ему *satis bene*; изъ математики — Осиповскій, поставившій ему отмѣтку *bene*; изъ россійской словесности — Срезневскій (*satis bene*), изъ всеобщей исторіи, географіи и статистики Успенскій (*optime*). Сверхъ того Хлапонинъ съ особеннымъ прилежаніемъ и успѣхами слушалъ частнымъ образомъ у профессора Успенскаго исторію русскаго гражданскаго и уголовнаго права. Подготовился онъ къ экзамену, состоя вольнослушателемъ въ университетѣ; въ 1814 г. ему было 26 лѣтъ [1]). Этотъ экзаменъ и возбудилъ впослѣдствіи большія пререканія. Въ длинной запискѣ на имя совѣта проф. Шадъ сдѣлалъ слѣдующія заявленія. По экзамену всѣ члены коммиссіи, исключая ректора Стойковича, признали Хлапонина достойнымъ степени доктора; ректоръ же считалъ возможнымъ признать этотъ экзаменъ достаточнымъ только на магистра. Во всякомъ случаѣ рѣчь шла о докторской степени; это видно изъ того, что Хлапонину предложены было послѣ устнаго испытанія четыре письменныхъ отвѣта (магистранты же писали только два) [1]). Эти темы вручилъ Хлапонину самъ Стойковичъ; двѣ изъ нихъ на русскомъ языкѣ были предложены проф. Срезневскимъ. Отвѣты на нихъ были признаны вполнѣ удовлетворительными. Между тѣмъ я самъ, продолжаетъ Шадъ, впалъ въ сильную болѣзнь—горячку, въ которой пролежалъ два мѣсяца и которая угрожала моей жизни. Тогда еще ко мнѣ явился Хлапонинъ

[1]) Харьк. универс. архивъ. Дѣло правл. по арх. № 910, по карт. 43; ср. журн. правл. 1814 года, май—августъ; засѣданіе 6 іюля. См. также Дѣло совѣта 1813 года, № 52, стр. 9.

и объявилъ, что въ протоколѣ факультетскаго засѣданія его экзаменъ рѣшено признать удовлетворительнымъ только на степень магистра; кѣмъ составленъ этотъ протоколъ, я не знаю. Но такъ какъ только одинъ ректоръ Стойковичъ высказалъ такое мнѣніе и даже проф. Швейкардтъ присоединился къ нему только впослѣдствіи, непосредственно же по окончаніи экзамена публично заявилъ, что за такіе отвѣты Хлапонинъ могъ бы получить докторскую степень въ любомъ иностранномъ университетѣ, то я, не имѣя возможности по болѣзни созвать факультетскаго засѣданія, въ качествѣ профессора философіи и декана, обратился письменно къ бывшимъ членамъ экзаменаціонной коммиссіи съ вопросомъ, какую степень они рѣшаются дать Хлапонину за его экзаменъ. Всѣ за исключеніемъ проф. Швейкардта, соглашались удостоить его докторской степени и подтвердили это собственноручными подписями. Не довольствуясь этимъ, по выздоровленіи, я трижды созывалъ засѣданіе, но оно не могло состояться благодаря отсутствію членовъ. Тогда я обратился съ вопросомъ къ ректору, какъ мнѣ поступить въ данномъ случаѣ. Ректоръ отвѣтилъ, что имѣющіяся уже письменныя согласія замѣняютъ протоколъ. Но я, боясь нарушить формальности, не послѣдовалъ его совѣту и, встрѣтивъ однажды въ университетѣ вмѣстѣ трехъ профессоровъ, производившихъ экзаменъ Хлапонину (Осиповскаго, Книгина и Срезневскаго), прочелъ имъ письмо, написанное во время болѣзни и спросилъ, держатся ли они своего прежняго мнѣнія. Получивъ утвердительный отвѣтъ, я велѣлъ составить формальный протоколъ и поручилъ секретарю отправить его для подписи членамъ коммиссіи, которые и расписались на немъ, за исключеніемъ только тѣхъ лицъ, которымъ случайно не была доставлена эта бумага секретаремъ факультета (такъ между прочимъ не оказалось подписи Срезневскаго, который расписался на первомъ моемъ письмѣ). Въ заключеніе замѣчу, что Григорій Хлапонинъ прекрасно подготовленъ не только по философіи, но и по другимъ предметамъ и намъ оставалось бы только радоваться, если бы такіе кандидаты въ доктора выходили изъ студентовъ университета хотя бы разъ въ теченіе 10 лѣтъ. Швейкардтъ, сославшись на членовъ экзаменаціонной коммиссіи, замѣтилъ въ отвѣтъ на это, что онъ сейчасъ же послѣ экзамена высказалъ мнѣніе о предоставленіи Хлапонину степени магистра, а не доктора. Такъ оно было и въ дѣйствительности. Съ обширнымъ и принципіальнымъ мнѣніемъ по поводу экзамена Хлапонина выступилъ проф. Лангъ (не присутствовавшій на испытаніи). Всякій со мною согласится въ томъ, пишетъ онъ въ своей запискѣ, что совѣтъ университета долженъ руководствоваться въ дѣлѣ ученыхъ степеней твердыми, опредѣленными правилами съ тѣмъ, чтобы не дѣлать

отъ нихъ никакихъ отступленій. Нужно избрать одно изъ трехъ возможныхъ рѣшеній этого вопроса, а за тѣмъ примѣнить его и къ данному случаю: 1) или руководствоваться буквою университетскаго устава, не дѣлая никакихъ толкованій его; 2) или давать ученыя степени по отдѣльнымъ предметамъ; 3) или давать ихъ по группамъ близко соприкасающихся другъ съ другомъ наукъ. 1) Въ 98 § университетскаго устава прямо сказано: „изъ опредѣленнаго числа составленныхъ и въ секретѣ хранящихся вопросовъ, относящихся до каждой отдѣльной науки, принадлежащей къ факультету, выбираются по жребію два вопроса для магистра и четыре для доктора, которые они должны рѣшить основательно и подробно. Слѣдовательно, выборъ вопросовъ долженъ дѣлаться изъ всѣхъ предметовъ факультетскаго преподаванія. Между тѣмъ Хлапонину, какъ это видно изъ протокола экзамена, были предложены четыре вопроса только изъ одной философіи. Далѣе изъ того же протокола видно, что изъ другихъ факультетскихъ наукъ онъ экзаменовался еще только по естественному праву; остальные же предметы, по которымъ ему предлагали вопросы и ставили отмѣтки, не относятся къ этикополитическому отдѣленію. Въ письменныхъ отвѣтахъ Хлапонинъ также не выполнилъ требованій устава—онъ долженъ былъ написать на четыре вопроса, выбранныхъ жребіемъ изъ всѣхъ предметовъ факультетскаго преподаванія, а ему были предложены вопросы только по философіи и естественному праву. 2) Мнѣ могутъ возразить: „Хлапонинъ ищетъ на этикополитическомъ отдѣленіи степени доктора философіи, а не доктора права; сообразно съ этой степенью ему и сдѣланъ экзаменъ—по философіи и соприкасающимся съ ней наукамъ; по остальнымъ же предметамъ онъ долженъ былъ бы экзаменоваться только въ томъ случаѣ, если бы искалъ степени доктора права вообще“. Но дѣло въ томъ, что ни факультетамъ, ни совѣту не предоставляется правилами давать ученыя степени по отдѣльнымъ наукамъ, устранять отъ экзамена одинъ или нѣсколько факультетскихъ предметовъ, прибавлять экзаменъ по наукамъ, преподаваемымъ на другихъ отдѣленіяхъ. Философія числится на этикополитическомъ факультетѣ; слѣдовательно, всякій ищущій степени по этому факультету, обязанъ экзаменоваться не только по философіи, но и по остальнымъ предметамъ, здѣсь преподающимся. Если же допустить такое исключеніе для философіи, то придется это сдѣлать и по отношенію къ другимъ предметамъ и давать, напримѣръ, степень доктора политической экономіи, а на другихъ факультетахъ доктора русской литературы, агрономіи, технологіи, военныхъ наукъ. Не думаю, чтобы подобный порядокъ могъ быть принятъ совѣтомъ и заслужилъ одобреніе министра. А если бы онъ былъ принятъ, тогда рѣшающій голосъ должны имѣть не члены факультета, а пред-

ставитель такъ называемаго главнаго предмета и приглашенные экзаменаторы.

3) Если же въ нашемъ университетѣ все-таки даются степени магистровъ и докторовъ философіи, если на экзамены ихъ приглашаются профессора другихъ факультетовъ, то это можетъ быть объяснено только подражаніемъ западнымъ университетамъ; но тамъ однако имѣется особый философскій факультетъ, котораго нѣтъ у насъ; по этому намъ и нельзя давать такой степени, нельзя приглашать къ экзамену преподавателей другихъ факультетовъ (если, конечно, они не читаютъ извѣстныхъ предметовъ и на этикополитическомъ отдѣленіи), нужно, наконецъ, выбирать вопросы для устнаго и письменнаго испытанія изъ всѣхъ отдѣловъ факультетскаго преподаванія".

Хлапонинъ, какъ мы уже знаемъ, послѣ устнаго экзамена написалъ требуемые уставомъ четыре письменныхъ отвѣта, по поводу которыхъ также возникло разногласіе среди членовъ факультета: проф. Швейкардтъ, бывшій тогда деканомъ, двухъ изъ нихъ не хотѣлъ признать удовлетворительными. Проф. Шадъ по этому поводу выступилъ съ обширною запиской, въ которой между прочимъ подробно разъяснялъ свои мысли на счетъ философіи Шеллинга. Не касаясь этого отдѣла записки, представляющаго, кстати сказать, весьма интересный матеріалъ для исторіи каѳедры философіи въ Харьковскомъ университетѣ (надѣемся, что имъ воспользуется профессоръ Ѳ. А. Зеленогорскій для характеристики школы Шада), мы только замѣтимъ, что авторъ въ началѣ высказываетъ и доказываетъ ту вѣрную мысль, что слѣдуетъ при оцѣнкѣ такихъ работъ, какъ письменные отвѣты докторанта Хлапонина, обращать вниманіе не столько на то, какой системы придерживается авторъ, сколько на его объясненія, аргументы, дарованія, порядокъ, обдуманность, послѣдовательность, связь и, наконецъ, соотвѣтственный предмету стиль. Если же мы будемъ обращать вниманіе на самыя мнѣнія, то должны будемъ отвергнуть многихъ достойныхъ аспирантовъ, только потому что они не были въ нашемъ университетѣ и не усвоили себѣ мнѣній его преподавателей. Отъ своихъ же питомцевъ мы можемъ получить на экзаменѣ только то, что имъ даемъ; да иначе и быть не можетъ, если вспомнимъ, съ какою слабою подготовкою поступаютъ къ намъ молодые люди въ университетъ и какъ мало времени остаются они въ немъ. Въ гораздо болѣе затруднительномъ положеніи оказались бы приходящіе къ намъ извнѣ, въ особенности когда экзаменаторы имѣли бы свои собственные взгляды, мало распространенные или совершенно оригинальные. Въ такомъ положеніи очутился и Хлапонинъ, и ему никоимъ образомъ нельзя поставить въ вину того, что онъ не знаетъ и не раздѣляетъ нашихъ

взглядовъ, потому что онъ не былъ въ нашемъ университетѣ, а съ другой стороны на столько развитъ, что ему нечего полагаться in verba magistri; наоборотъ онъ, благодаря своей начитанности и вдумчивости, имѣетъ возможность избрать себѣ свой собственный путь. Въ заключеніе Шадъ высказываетъ убѣжденіе, что Хлапонинъ могъ бы выдержать докторскій экзаменъ въ любомъ университетѣ и ссылается на требованіе министра допустить Хлапонина къ чтенію пробныхъ лекцій и публичной защитѣ диссертаціи. Дѣло Хлапонина, какъ видно изъ этого, восходило на рѣшеніе министра. Но и послѣ этого факультетъ не могъ прійти къ опредѣленному рѣшенію и вопросъ этотъ былъ переданъ на благоусмотрѣніе совѣта. Проф. Швейкардтъ находилъ, что нельзя такъ толковать словъ министра, какъ объясняетъ ихъ проф. Шадъ, особенно если принять во вниманіе его предписаніе, чтобы мы дѣйствовали въ данномъ дѣлѣ строго (rigoroso). Что же касается прежнихъ письменныхъ отвѣтовъ Хлапонина, то о нихъ не можетъ быть рѣчи, потому что они исчезли, а изъ членовъ факультета читалъ ихъ, какъ увѣряетъ, одинъ проф. Шадъ; третій же и четвертый онъ не могъ признать удовлетворительными для степени и доктора и потому предлагалъ допустить Хлапонина къ продолженію экзамена на степень магистра [1]).

Повидимому Хлапонинъ былъ допущенъ все-таки къ продолженію своего докторскаго экзамена и выдержалъ его благополучно, хотя ему ставили постоянныя затрудненія и между прочимъ не хотѣли выдавать докторскаго диплома, хотя онъ добился даже исключенія изъ купеческаго званія. Противъ него были пущены въ ходъ всевозможныя средства включительно до доноса. Дѣйствовалъ же тутъ главнымъ образомъ личный врагъ Шада Стойковичъ и адъюнктъ Болгаревскій, у котораго также было личное столкновеніе съ Хлапонинымъ. Хлапонинъ не оставался въ долгу и въ свою очередь писалъ заявленія и оправдательныя записки на имя министра, которыя нами отысканы въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія и сообщаются намъ въ подлинномъ видѣ ниже. Кажется, онъ былъ лично извѣстенъ министру народнаго просвѣщенія. По крайней мѣрѣ къ такому выводу приводитъ насъ слѣдующее письмо: „милостивый государь мой графъ Алексѣй Кирилловичъ, писалъ нашъ посолъ въ Парижѣ гр. Александръ Куракинъ министру А. К. Разумовскому, я имѣлъ удовольствіе познакомиться здѣсь съ богатѣйшимъ курскимъ купцомъ Григоріемъ Хлапонинымъ, который, получа хорошее воспитаніе, вышелъ изъ торгу старшихъ его братьевъ и нѣсколько уже лѣтъ путешествуетъ для распространенія своихъ познаній. Онъ объѣ-

[1]) Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. яз. 1813 г.

халъ большую часть Европы, научился многимъ языкамъ, бралъ лекціи въ знаменитыхъ университетахъ и нынѣ возвращается въ отечество съ очевидными успѣхами въ похвальномъ его предпріятіи. Онъ ревностно желаетъ посвятить себя Высочайшей службѣ по гражданской части и, чтобъ съ пользою начать оную, просилъ меня представить его Вашему Сіятельству.

Я покорнѣйше прошу васъ, Милостивый Государь мой, удостоить его благосклоннымъ пріемомъ и не отказать ему въ мощномъ вашемъ покровительствѣ. Честь имѣю быть съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга князь Александръ Куракинъ.—Парижъ 1/13 февраля 1812 г.".

Чтобы набросить тѣнь на безкорыстіе лицъ, экзаменовавшихъ Хлапонина, Стойковичъ отправилъ министру доносъ Болгаревскаго, въ которомъ перечислялись лица, бывавшія со своими семьями у Хлапонина. Вотъ его подлинный текстъ.

„Милостивый государь Афанасій Ивановичъ! Упомянувъ въ своемъ объясненіи, данномъ въ правленіи на просьбу купца Хлапонина о членахъ университета, приходившихъ къ оному Хлопонину на пиръ въ нѣкоторые дни, честь имѣю доложить вамъ, кто имянно изъ членовъ былъ на пирахъ сихъ: изъ господъ ординарныхъ профессоровъ—Павелъ Михайловичъ Шумлянскій съ женою; Иванъ Дмитріевичъ Книгинъ съ женою; Иванъ Евсевьевичъ Срезневскій съ женою; Иванъ Петровичъ Каменскій съ женою и съ дочерью, но не вмѣстѣ; профессоръ Шадъ; профессоръ Осиповскій; изъ экстраординарныхъ профессоровъ—Успенскій; изъ адъюнктовъ—Борзенковъ. Честь имѣю пребыть съ истиннымъ высопочитаніемъ и преданностію, Милостивый Государь Вашего Высокородія покорнѣйшимъ слугою. Подписалъ: Михайло Болгаревскій, вѣрно съ оригиналомъ— А. Стойковичъ. 1813 г., апрѣля 3 Харьковъ".

Хлапонинъ обратился къ министру съ челобитной такого содержанія.

„Сіятельнѣйшій графъ! Милостивый государь! Преисполненный высочайшаго благоговѣнія къ особѣ Вашего Графскаго Сіятельства, дерзаю изъяснить праведное мое дѣло и просить всенижайше о покровительствѣ. Находясь не малое время въ иностранныхъ государствахъ по дѣламъ торговаго производства, я не оставлялъ благопріятныхъ случаевъ для пріобрѣтенія познаній въ наукахъ по одной склонности моей къ онымъ.— Когда же упадокъ иностранной торговли и претерпѣнное разореніе въ Москвѣ отъ вторженія непріятеля лишили меня всѣхъ способовъ не только продолжать торговлю, но и удовлетворять обязанностямъ онаго моего званія, я рѣшился употребить себя на службу государству соотвѣтственно моимъ знаніямъ; для чего подвергнувшись испы-

танію въ Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ по отдѣленію нравственно-политическому, признанъ достоинъ степени доктора. Въ самомъ началѣ равнодушно наблюдалъ я противуположеніе различныхъ препятствій, чинимыхъ мнѣ ректоромъ сего университета, отклонивъ съ приличною благопристойностію данные имъ мнѣ выразумѣть корыстолюбивыя виды, не ища покровительства его, но только справедливости. Но какъ простеръ онъ напослѣдокъ недоброхотство свое далѣе до изъявленія угрозъ, то не поволѣ моей долженъ перестать быть безгласенъ противу непріязненности, угрожающей мнѣ опасностію.

Не дерзнулъ бы я всепокорнѣйше просить Ваше Графское Сіятельство о мощномъ и благодѣтельномъ покровленіи и защитѣ противу чинимыхъ мнѣ притѣсненій въ полученіи степени по удостоеніи, ежели бы не увѣренъ былъ въ справедливости своего исканія такъ, что могу представить себя и ко вторичному наистрожайшему испытанію, буде то нужнымъ поставить благоугодно будетъ. Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и безпредѣльною преданностію имѣю честь именоваться. Харьковъ. 1813 года, апрѣля 5 числа. Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивый Государь! вашъ всенижайшій слуга Григорій Хлапонинъ".

Почти одновременно съ этимъ Хлапонинъ написалъ просьбу какому-то неизвѣстному намъ лицу, вѣроятно, занимавшему вліятельный постъ по министерству народнаго просвѣщенія.

„Ваше Превосходительство, Милостивый Государь, писалъ онъ ему: достоинству сродно ободрять старательность, а совершенствамъ свойственно покровительствовать раждающимся дарованіямъ. Коль прекрасно было Вашему Превосходительству облагодѣтельствовать во мнѣ человѣка нуждающагося, толь сладостно мнѣ нынѣ чувствовать себя Вамъ, Милостивый Государь, безконечно одолженнымъ и признательнымъ. Хотя свирѣпствовавшія надо мною обстоятельства повергнули меня въ вовсюю о будущемъ неизвѣстность, оставивъ мнѣ едва умѣренное содержаніе на малое развѣ время; но оказанное Вашимъ Превосходительствомъ великодушное обо мнѣ предстательство даетъ мнѣ новую силу бороться съ ненастьемъ рока.

Свѣдалъ я не обстоятельно впрочемъ о полученіи господиномъ ректоромъ Стойковичемъ отъ Его Графскаго Сіятельства на представленіе обо мнѣ совѣтомъ предписанія, но не могъ посюда выпросить оффиціальнаго о томъ извѣстія, а еще менѣе точной и полной на законномъ основаніи съ онаго копіи, въ чемъ имѣю надобность для удобнѣйшаго испрошенія ко вступленію въ службу себѣ отъ общества увольненія; даже и прошенія моего о томъ господинъ ректоръ принять отъ меня въ присутствіи всего совѣта не благоволилъ, съ намѣреніемъ удобнѣе чи-

нить мнѣ такимъ образомъ разнаго роду непріятности, замедленія и притѣсненія; а наконецъ согласно съ волею господина же ректора, господинъ секретарь совѣта профессоръ Лангъ, не взирая на двукратное опредѣленіе совѣта выдать мнѣ ту копію, объявилъ мнѣ, не представя тому причину, что онъ копіи той мнѣ отнюдь не дастъ, и на сдѣланное мною по сему случаю объясненіе, что я принужденъ иначе буду утруждать о томъ просьбою Его Сіятельство, отвѣчалъ онъ, что мнѣ то сдѣлать предоставляетъ, а самъ беретъ на себя отвѣтственность, ибо уже и не такія дѣла умѣлъ посюда обдѣлывать. Имѣя всегда въ желаніи опредѣлиться, буде удостоенъ буду, въ службу по учебной части, я старался избѣгать всякой непріязни даже съ перенесеніемъ и непріязненностей себѣ, пока оныя удерживались еще въ предѣлахъ какой-нибудь благопристойности; но господинъ ректоръ Стойковичъ и господинъ секретарь совѣта профессоръ Лангъ, съ своими единомыслящими, непріязненными своими противу меня поступками, не только явное обнаружили свое недоброхотство, но и отняли у меня всякую надежду остаться неприкосновеннымъ въ ихъ сплетняхъ и раздорахъ. Почему и нашелся принужденнымъ осмѣлиться утруждать паки его Сіятельство господина министра народнаго просвѣщенія, прося его всенижайше письмомъ съ сею же почтою, чтобы благоволили его Сіятельство предписать совѣту о выдачѣ мнѣ оной копіи и дозволили бы окончить экзаменъ мой въ С.-Петербургѣ, дабы мнѣ чрезъ то устранить себя и отъ нападковъ оныхъ пристрастныхъ недоброжелателей, и отъ всякаго подозрѣнія о непозволенномъ другими благопріятствованіи, яко обстоятельствъ равно вредныхъ моему желанію посвятить себя съ честію учебной службѣ. Будучи увѣренъ въ справедливости и необходимости моей просьбы сей, я прибѣгаю съ оною и къ великодушію вашего превосходительства, прося благоговѣйно по благоусмотрѣнію своему представить Его Сіятельству о законности причинъ оной и тѣмъ облаготворить человѣка угнетеннаго уже неизбѣжностію судьбы, но имѣющаго упованіе свое на человѣколюбивое ваше правосудіе и полагающаго всю надежду будущаго сколько-нибудь обезпеченнаго себѣ пропитанія лишь на успѣхъ справедливаго сего своего дѣла.

Потерпите, милостивый государь, что симъ еще разъ дерзнулъ я утруждать ваше превосходительство; но и къ кому могу прибѣгнуть, если не къ тому, кто равно посвятилъ свои дѣянія и къ розысканію и къ покровленію какъ образованія, такъ и правоты. Преисполненъ достодолжнаго къ вашему превосходительству высокаго почитанія имѣю честь именоваться. Харьковъ, 1813 г. мая 3 числа. Вашего превосходительства милостивый государь всепокорнѣйшій вашъ слуга Григорій Хлапонинъ".

Вскорѣ Хлапонинъ обратился къ министру съ новымъ письмомъ.

„Сіятельнѣйшій Графъ, милостивый государь, писалъ онъ въ немъ. Благодѣянія вашего Сіятельства велики, а силы мои малы; одно только чувствованіе безпредѣльнаго удивленія и подобострастія моего и душевное благословеніе великаго вашего имени наполняютъ разстояніе между великостію добротъ вашихъ и малостію моихъ способовъ; но ни благоговѣнія всего, ни всеотданности моей къ Сіятельнѣйшей Вашей особѣ не могу словами выразить. Когда неизбѣжная судьба, отъявъ у меня все мое, повергла меня въ совершенную неизвѣстность о будущемъ, тогда всякое благо и всякъ даръ совершенъ нисходитъ мнѣ отъ Вашего Сіятельства. Но вмѣсто чтобы довольствоваться съ благоговѣніемъ полученною уже милостію, я сталъ паки нынѣ принужденнымъ дерзать просить Сіятельнѣйшую особу вашу о мощномъ покровительствѣ противу явной на меня непріязненности. Независѣвшими отъ меня обстоятельствами имѣлъ я нещастіе навлечь на себя неблаговоленіе нетолько самого господина ректора Стойковича, но и нѣкоторыхъ изъ благопріятствующихъ ему иноземныхъ сочленовъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. И хотя сверхъ ихъ чаянія, Ваше Сіятельство изволили усмотрѣть справедливость моего дѣла и соотвѣтственно правосудію своему учинили оному рѣшеніе, однакожъ господинъ ректоръ, вѣдая, что я въ ожиданіи сего лишь здѣсь проживаю, имѣя въ намѣреніи дѣлать мнѣ волокиту и притѣсненіе, не только не объявляетъ мнѣ офиціально самъ Вашего Сіятельства по моему дѣлу предписанія, но даже въ присутствіи всего совѣта отказалъ принять отъ меня просьбу о выдачѣ мнѣ съ онаго на законномъ основаніи копіи, увѣряя, что я въ свое время удовлетворенъ буду. А наконецъ господинъ секретарь совѣта профессоръ Лангъ, безъ сомнѣнія, по внушенію господина же ректора, не открывая впрочемъ о причинѣ, объявилъ мнѣ, что онъ просимой мною копіи никакъ не выдастъ, хотя то опредѣлено уже было въ двукратномъ засѣданіи совѣта. Осмѣливаясь нынѣ принесть Вашему Сіятельству всенижайшее мое прошеніе о принятіи меня въ службу по учебной части, прошу всепокорнѣйше купно и о томъ, чтобы угодно было Вашему Сіятельству предписать въ совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета съ упомянутаго по моему дѣлу вашего рѣшенія выдать мнѣ, по моей надобности, полную и точную копію за скрѣпою оной какого-либо изъ русскихъ профессоровъ, дабы въ невѣрности ея съ подлинникомъ нельзя было потомъ отговариваться совершеннымъ своимъ невѣденіемъ россійскаго языка, по причинѣ котораго господинъ секретарь совѣта профессоръ Лангъ писцомъ легко обманутъ быть можетъ.

Безпредѣльно упоенъ удивленіемъ къ великимъ качествамъ и преисполненъ упованія на великодушное человѣколюбіе и правосудіе Сіятельнѣйшей особы вашей, я повергаюсь предъ оною съ благоговѣніемъ. Харьковъ, 1813 г., мая 30 числа. Сіятельнѣйшій Графъ! Милостивѣйшаго моего государя всенижайшій слуга Григорій Хлапонинъ" [1]).

Но неудачи преслѣдовали Хлапонина и послѣ того, какъ онъ выдержалъ свой докторскій экзаменъ. До 1813 г. онъ числился въ купеческомъ званіи въ Курскѣ; въ этомъ же году, по случаю отлучки въ Казань и другія мѣста, не объявилъ во время гильдіи и записанъ былъ въ мѣщане. Между тѣмъ для полученія докторскаго диплома, ему нужно было выйти изъ податнаго званія. Послѣ многихъ хлопотъ мѣщанское общество согласилось уволить его въ виду того, что раньше онъ былъ купцомъ, а теперь далъ выкупъ за себя въ размѣрѣ 2000 р. Но нужно было еще, чтобы сенатъ утвердилъ это увольненіе; и вотъ Хлапонинъ подаетъ на Высочайшее имя прошеніе слѣдующаго содержанія.

„Всепресвѣтлѣйшій Державнѣйшій Государь Императоръ Александръ Павловичъ, Самодержецъ Всероссійскій, Государь Всемилостивѣйшій! Проситъ бывшій курскій мѣщанинъ Григорій Семеновъ сынъ Хлапонинъ, а о чемъ, тому слѣдуютъ пункты.

1. По окончаніи мною слушанія разныхъ наукъ, подвергалъ я себя въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ для полученія степени доктора философическихъ наукъ публичному испытанію, именно во всѣхъ частяхъ философіи, въ естественномъ правѣ, латинской словесности, въ физикѣ, въ математикѣ, въ россійской словесности, въ россійской исторіи, географіи и статистикѣ, и въ исторіи, географіи и статистикѣ всеобщей. По совершеніи испытанія найденъ оной ученой степени доктора философическихъ наукъ достойнымъ, о чемъ и дано мнѣ изъ департамента господина Министра народнаго просвѣщенія свидѣтельство.

2. По сему просилъ я Его Сіятельство господина Министра народнаго просвѣщенія, Графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго удостоить меня къ полученію ученой сей степени; по каковому случаю Его Сіятельство изволилъ предписать совѣту Императорскаго Харьковскаго университета, чтобы оный объявилъ мнѣ, и объявлено, что званія доктора, котораго получить я желаю, не прежде могу быть удостоенъ, какъ по увольненіи меня обществомъ изъ своего званія и утвержденіи увольненія того Правительствующимъ Сенатомъ; по сему Его Сіятельства

---

[1]) Въ это самое время ректоръ Стойковичъ послалъ извѣстный уже намъ доносъ министру на Хлапонина, Шада и Роммеля (стр. 348—349).

предписанію получилъ я изъ Курской градской шестигласной думы прошлаго 1813 года октября 25 числа увольнительное о исключеніи меня изъ общества Курскаго мѣщанства свидѣтельство, которое въ подлинникѣ представлено отъ меня въ департаментъ министерства просвѣщенія и оное въ немъ оставлено, мнѣ же дана засвидѣтельствованная съ него копія. Но какъ по предписанію Его Сіятельства безъ утвержденія отъ Правительствующаго Сената о исключеніи меня изъ мѣщанства получить достоинство доктора не могу, то прошу всеподданнѣйше, дабы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ повелѣно было сіе мое прошеніе Правительствующаго Сената въ 1-мъ департаментѣ принять, и по приложеннымъ у сего, съ отношенія Его Сіятельства графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго въ совѣтъ Императорскаго Харьковскаго университета съ свидѣтельства даннаго мнѣ изъ Курской шестигласной думы, что я изъ Курскаго мѣщанства исключенъ и уволенъ засвидѣтельствованнымъ копіямъ и по подлинному свидѣтельству изъ департамента господина Министра народнаго просвѣщенія, соотвѣтственно Его Сіятельства предписанію, какъ уже я болѣе не состою ни въ какомъ подушномъ окладѣ и изъ онаго исключенъ и уволенъ, утвердить оное рѣшеніемъ и опредѣленіемъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, что къ полученію мнѣ степени доктора никакого препятствія болѣе не настоитъ, о чемъ и дать знать указомъ Его Сіятельству, а мнѣ съ опредѣленія выдать за скрѣпою копію, приложенныя же при семъ съ отношенія Его Сіятельства въ Императорской Харьковской университетъ съ свидѣтельства изъ Курской шестигласной думы, что я изъ подушнаго оклада исключенъ и уволенъ, засвидѣтельстванныя копіи, и подлинное свидѣтельство, данное мнѣ изъ департамента господина Министра народнаго просвѣщенія, оставя съ оныхъ при дѣлѣ копіи, возвратить мнѣ съ роспискою.

Всемилостивѣйшій Государь! Прошу Вашего Императорскаго Величества о семъ моемъ прошеніи рѣшеніе учинить. Января 1814 г., къ поданію надлежитъ Правительствующаго Сената въ 1-й департаментъ. Прошеніе сочинялъ и переписывалъ и къ оному руку приложилъ я самъ бывшій Курской мѣщанинъ Григорій Семеновъ сынъ Хлапонинъ.

Въ концѣ концовъ впрочемъ старанія Хлапонина увѣнчались успѣхомъ и онъ получилъ желанный докторскій дипломъ, на которомъ по латыни было написано слѣдующее.

„Да будетъ сіе по волѣ верховнаго Существа счастливымъ и благопріятнымъ. Въ царствованіе и подъ высокимъ покровительствомъ Его Величества Государя Императора Александра перваго и проч. и проч. и проч. при министрѣ народнаго просвѣщенія дѣйствительнымъ тай-

номъ совѣтникѣ, членѣ Государственнаго Совѣта и орденовъ Св. Владиміра перваго класса и Св. Александра Невскаго кавалерѣ графѣ Алексѣѣ Кириловичѣ Разумовскомъ;—при попечителѣ Харьковскаго университета тайномъ совѣтникѣ, сенаторѣ, дѣйствительномъ камергерѣ, высшаго училища правленія членѣ и орденовъ Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра втораго класса и обоихъ польскихъ кавалерѣ графѣ Северинѣ Осиповичѣ Потоцкомъ;—при ректорѣ университета коллежскомъ совѣтникѣ докторѣ философіи, чистой математики и ордена Св. Владиміра 4-й степени кавалерѣ Тимофѣи Федоровичѣ Осиповскомъ; съ согласія конференціи университета, на основаніи опредѣленія нравственно-политическаго факультета, коллежскій совѣтникъ, теоретической и практической философіи публичный ординарный профессоръ, Енскаго минералогическаго общества почетный членъ, деканъ Іоаннъ Шадъ почтеннѣйшему мужу Григорію Хлапонину, которой при обыкновенныхъ испытаніяхъ въ философскихъ наукахъ превосходныя свѣдѣнія показалъ, степень, отличія и преимущества доктора философіи іюня въ 25-й день 1814-го далъ, въ чемъ и удостовѣряетъ этотъ утвержденный печатію университета дипломъ. На подлинномъ: ректоръ Тимофей Осиповскій [1]).

Съ такими затрудненіями прошло дѣло о докторской степени Хлапонина, хотя этотъ послѣдній получилъ ее повидимому заслуженно. Изъ представленныхъ выше документовъ можно убѣдиться, что деканъ этикополитическаго отдѣленія проф. Шадъ позволилъ себѣ здѣсь не мало отступленій отъ буквы устава и руководствовался главнымъ образомъ обычаями, установившимися въ заграничныхъ, европейскихъ университетахъ, гдѣ была степень доктора философіи потому, что былъ особый философскій факультетъ. Составленіе факультетскихъ протоколовъ велось, какъ мы видѣли, вообще небрежно; тоже было повидимому и въ данномъ случаѣ. Хлапонинъ, судя по всѣмъ даннымъ, пріобрѣлъ широкую ученую подготовку, хотя и не по всѣмъ предметамъ факультетскаго преподаванія. Не прослушавъ полнаго университетскаго курса, пріобрѣвъ свою начитанность главнымъ образомъ изъ книгъ и пособій, а не изъ профессорскихъ лекцій, онъ, естественно, обладалъ очень неровными познаніями: по однимъ предметамъ, въ особенности философскимъ, онъ былъ подготовленъ основательнѣе, чѣмъ этого требовала программа, по другимъ у него были серьезные пробѣлы. Онъ согласился подвергнуть себя испытанію изъ наукъ, читавшихся на словесномъ и математическомъ факультетахъ, но за то не экзаменовался изъ многихъ предметовъ этикополитическаго отдѣленія. Такое положеніе вещей давало сильное оружіе въ руки лицъ, дурно настроенныхъ про-

[1]) Архивъ Министерства народнаго просвѣщенія. Дѣло 5977, картонъ 158.

тивъ него. Къ этому присоединилась еще ожесточенная борьба партій въ факультетѣ и совѣтѣ. Хлапонина проводилъ Шадъ, имѣвшій, какъ мы знаемъ, много враговъ и ведшій тогда войну не на животъ, а на смерть съ ректоромъ Стойковичемъ. Этотъ послѣдній не пренебрегалъ никакими средствами, чтобы повредить своему сопернику въ глазахъ министерства. Отсюда доносы въ Петербургъ и извѣтъ адъюнкта Болгаревскаго, который имѣлъ личное столкновеніе съ Хлапонинымъ (о немъ мы будемъ говорить въ 7-й главѣ своего изслѣдованія). Эти же доносы побудили и самаго Хлапонина вступить въ непосредственную переписку съ министерствомъ и побивать своихъ противниковъ ихъ же оружіемъ. Такъ въ одномъ письмѣ онъ, какъ мы видѣли, прямо обвиняетъ Стойковича въ вымогательствѣ денегъ. Непріятное впечатлѣніе производитъ теперь на насъ слишкомъ униженный тонъ писемъ Хлапонина; но онъ былъ въ нравахъ того времени, такъ же точно какъ и вообще искательства у сильныхъ міра сего.... Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что Хлапонинъ принадлежалъ къ купеческому званію, а въ послѣдній годъ былъ зачисленъ даже въ мѣщанское сословіе, которое согласилось его выпустить изъ своихъ рукъ только за весьма значительный выкупъ. Во всякомъ случаѣ, про Хлапонина нельзя сказать, чтобы онъ пріобрѣлъ свой докторскій дипломъ посредствомъ взятки— онъ добросовѣстно готовился къ испытанію и выдержалъ его довольно удовлетворительно. Его врагъ адъюнктъ Болгаревскій предъявилъ къ нему только обвиненіе въ дружескомъ пріемѣ профессоровъ съ женами; значитъ ничего кромѣ этого и не было; иначе онъ, конечно, указалъ бы на это. Докторская диссертація Хлапонина была напечатана; если бы она представляла изъ себя такой плагіатъ, какъ диссертаціи Гриневича и Ковалевскаго, то, конечно, на это указали бы въ совѣтѣ или печатно; но этого не случилось.

Съ большими же затрудненіями прошло и дѣло о докторской степени Дегая, о которомъ мы раньше привели отзывы Роммеля и Розальонъ-Сошальскаго. Уже на первомъ пробномъ предварительномъ испытаніи одинъ изъ экзаменаторовъ, проф. Срезневскій, поставилъ Дегаю отмѣтку *mediocriter* и потребовалъ, чтобы онъ рѣшилъ еще и письменные вопросы. Дѣло происходило въ сентябрѣ 1813 года; экзаменаторами были Дегуровъ и Срезневскій; вмѣстѣ съ Дегаемъ экзаменовались Титаревъ и Кеппенъ, добивавшіеся впрочемъ степени магистра и получившіе одинъ *optime*, другой *satis bene*; въ засѣданіи присутствовалъ также и ректоръ. Деканъ факультета Швейкартъ заявилъ въ отвѣтъ на требованіе проф. Срезневскаго, что оно не предусмотрѣно уставомъ и потому должно пойти на разрѣшеніе совѣта; онъ же съ своей стороны

находитъ, что его не слѣдуетъ исполнять ни съ точки зрѣнія формы, ни по существу; кандидатъ не мальчикъ—и его нельзя подвергать испытанію въ правописаніи, съ другой стороны отъ будущаго юриста едва ли можно требовать обязательно и изящества стиля. Дѣло окончилось тѣмъ, что Дегай написалъ, по предложенію профессора Срезневскаго и въ его присутствіи, въ доказательство своего знанія русскаго языка письменный отвѣтъ и былъ допущенъ послѣ этого къ экзамену, который происходилъ 6 ноября 1813 г. въ присутствіи членовъ факультета—Швейкарта, Шада, Ланга, Успенскаго, Роммеля, Рейта, Павловича и двухъ депутатовъ отъ совѣта—Шумлянскаго и Дегурова. Изъ основныхъ предметовъ—политической экономіи и финансоваго права онъ вытянулъ слѣдующіе вопросы: 1) quid est oeconomia politica, quid sunt indigentiae, quaenam sunt classes essentiales civium? 2) quatenus adaugetur labor classis physicae vel technicae per majora tributa? Отвѣчалъ *bene*. По русскому праву (у проф. Успенскаго) ему попался билетъ о преступленіяхъ противъ чести—и онъ отвѣтилъ *optime*. За тѣмъ былъ сдѣланъ перерывъ и послѣ него онъ взялъ другой билетъ по тому же русскому праву—объ обязанностяхъ и источникахъ ихъ вообще; о договорахъ и контрактахъ; получилъ *bene*. Сверхъ того онъ экзаменовался еще изъ естественнаго права у проф. Ланга—„de jure cogendi, de pactis, de principiis legislationis criminalis“—и получилъ *bene*, изъ римскаго права (по латыни) у проф. Швейкарта—„de obligationibus, de rerum divisione, de dominio, usucaptionibus et servitutibus“—и получилъ *bene*. Продолженіе экзамена назначено было на 8 ноября; въ этотъ день онъ экзаменовался у проф. Рейта изъ общаго публичнаго народнаго права германскаго и великобританскаго (отвѣчалъ *bene*), у проф. Шада изъ логики по латыни—„quid est definitio, et divisio et quaenam sunt regulae utriusque“ (отвѣчалъ удовлетворительно), у проф. Успенскаго по русскому праву — 1) о раздѣленіи правъ россійскихъ и о способахъ ихъ пріобрѣтенія, 2) о порядкѣ производства дѣлъ судныхъ и вотчинныхъ“ (отвѣчалъ *bene* и *optime*), у проф. Ланга изъ политики—„quasnam notiones sibi Regimen comparare debet“ (отвѣчалъ *optime*), у проф. Роммеля по римской литературѣ на латинскомъ языкѣ (отвѣчалъ *bene*). По окончаніи этого устнаго испытанія Дегай долженъ былъ написать письменные отвѣты на слѣдующія темы (по политической экономіи, финансовому праву, русскому праву): 1) Quale remedium est adhibendum contra diminutionem valoris commutativi pecuniae fiducariae? 2) Explicitur casus, quo classis phisica, et casus, quo classis technica omnia tributa pecuniaria solvat; 3) о ходѣ россійскаго законодательства съ древнѣйшихъ временъ до государя императора Петра I; 4) о бракахъ, принадлежностяхъ и слѣд-

ствіяхъ его; о взаимномъ отношеніи родителей и дѣтей. Отвѣты эти Дегай долженъ былъ написать въ помѣщеніи университета подъ наблюденіемъ адъюнкта Павловича 10 ноября. Протоколъ подписали всѣ присутствовавшіе, но проф. Шадъ съ оговоркою, что онъ имѣетъ особое мнѣніе на счетъ формы, по которой происходилъ экзаменъ; депутаты отъ совѣта подписались отдѣльно. Особое мнѣніе проф. Шада состояло въ слѣдующемъ. По билетамъ экзаменовали Дегая только изъ политической экономіи и русскаго права; изъ другихъ же предметовъ факультетскаго преподаванія ему предлагались вопросы самими экзаменаторами, вопреки требованію 98 § устава и недавнему рѣшенію совѣта. Въ совѣтѣ профессора Швейкартъ и Лангъ обѣщали производить экзаменъ Дегаю на латинскомъ языкѣ; однако всѣ профессора этикополитическаго отдѣленія спрашивали его на другихъ языкахъ, исключая декана, который по римскому праву производилъ экзаменъ на латинскомъ языкѣ. И это отступленіе было сдѣлано вопреки постановленію совѣта и не взирая на то, что самому Дегаю на кандидатскомъ экзаменѣ было разрѣшено отвѣчать по французски только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что онъ будетъ употреблять латинскій языкъ на магистерскомъ или докторскомъ экзаменѣ. Въ совѣтѣ было рѣшено, чтобы письменные отвѣты писались магистрантами и докторантами по латыни; между тѣмъ деканъ предложилъ Дегаю написать два отвѣта по французски и два по русски. По окончаніи устныхъ отвѣтовъ деканъ долженъ былъ только опросить присутствующихъ, признаютъ ли удовлетворительными отвѣты экзаменовавшагося, и можно ли его допустить къ дальнѣйшимъ испытаніямъ; между тѣмъ тогда же безъ всякой нужды за 2 дня до экзамена были назначены темы для письменныхъ испытаній и могли такимъ образомъ сдѣлаться извѣстными экзаменующемуся. Замѣчанія эти были поданы Шадомъ ректору съ просьбою сообщить ихъ декану этикополитическаго отдѣленія. Это заявленіе Шада вызвало со стороны факультета замѣчаніе или правильнѣе выговоръ, который онъ не оставилъ безъ вниманія, а вошелъ съ жалобой по этому поводу въ совѣтъ. Въ одной бумагѣ оскорбленный Шадъ спрашиваетъ, какимъ образомъ факультетъ могъ ему сдѣлать выговоръ за отдѣльное мнѣніе, которое онъ имѣлъ право высказать по закону, хотя бы даже оно съ точки зрѣнія другихъ членовъ факультета было и неправильно; онъ недоумѣваетъ, почему не выслушали его объясненій, когда всегда и вездѣ выслушиваютъ обвиняемаго, прежде чѣмъ произнести надъ нимъ приговоръ. Я профессоръ, говоритъ онъ, членъ факультета. И я не только имѣю право по закону, но даже обязанъ высказывать свое мнѣніе въ тѣхъ случаяхъ, когда факультетомъ что-либо дѣлается противное формѣ, предписанной закономъ.

Нужно замѣтить, что еще въ началѣ 1813 г. происходили ожесточенные споры въ факультетѣ и совѣтѣ по поводу допущенія Дегая къ докторскому экзамену. 24 марта состоялось засѣданіе факультета, въ которомъ деканъ Швейкартъ просилъ допустить къ докторскому экзамену кандидата Дегая, добавивъ при этомъ, что предварительное испытаніе онъ произвелъ уже вмѣстѣ съ проф. Лангомъ и Успенскимъ. Проф. Шадъ замѣтилъ, что это послѣднее не можетъ быть признано законнымъ, такъ какъ на немъ, согласно требованію устава, должны были присутствовать два профессора вспомогательныхъ предметовъ, а ихъ не было. Проф. Лангъ и Швейкартъ возражали на это, что Дегай экзаменовался изъ этихъ вспомогательныхъ предметовъ уже при полученіи степени кандидата и что также точно велось предварительное испытаніе въ деканство Шада докторантовъ Гессъ-де-Кальве, Хлапонина и нѣкоторыхъ магистровъ. Проф. Роммель потребовалъ, чтобы этотъ вопросъ былъ переданъ на рѣшеніе совѣта. Экзаменъ былъ все-таки назначенъ на 30-е марта. Проф. Шадъ выступилъ съ цѣлымъ рядомъ замѣчаній по поводу этого протокола. Тутъ онъ удивлялся между прочимъ, почему въ немъ опущено было чрезвычайно важное мнѣніе адъюнкта Павловича, который указывалъ на краткость времени, употребленнаго Дегаемъ для штудированія юриспруденціи и на крайне недостаточное знаніе имъ латинскаго языка; протоколъ засѣданія по такому важному дѣлу, какъ настоящее, долженъ былъ отличаться по его мнѣнію, полнотою отъ юриста зависитъ безопасность гражданъ, какъ отъ медика ихъ здоровье; поэтому на западѣ къ испытанію на степень доктора правъ относятся также строго, какъ и къ экзамену на званіе доктора медицины; а между тѣмъ въ протоколъ не внесено также и мнѣніе проф. Роммеля, который предлагалъ допустить Дегая только къ магистерскому испытанію. Въ отвѣтъ на возраженіе, сдѣланное ему деканомъ, проф. Шадъ только изумлялся, какъ юристъ могъ ссылаться въ оправданіе себя на такіе случаи, гдѣ дѣйствовали не на основаніи закона, и при этомъ прибавлялъ, что и самая ссылка проф. Швейкарта ложна, ибо въ его, Шада, деканство предварительныя испытанія велись вовсе не такъ, какъ это устроено было теперь. Въ отвѣтъ проф. Лангу Шадъ замѣтилъ, что требованіе 97 § устава относится и къ посторон-нимъ лицамъ, и къ кандидатамъ университета, а слѣдовательно и къ Дегаю. 27 марта совѣтъ разрѣшилъ кандидату Дегаю подвергнуться докторскому испытанію и назначилъ депутатами отъ себя проф. Шумлянскаго и Нельдехена, а 28 марта проф. Шадъ уже представилъ особое мнѣніе по этому вопросу и въ немъ привелъ доводы противъ такого разрѣшенія. Между прочимъ онъ указывалъ, что предварительный

экзаменъ былъ незаконенъ, ссылался на мнѣніе адъюнкта Павловича, который на основаніи своихъ соображеній возражалъ противъ допущенія Дегая къ экзамену. Тогда же представилъ свои возраженія въ совѣтъ и проф. Гизе. Онъ ссылался на незаконность предварительнаго испытанія (ибо оно было ведено съ нарушеніемъ требованій устава), и указывалъ на то, что Дегай работалъ по юриспруденціи для экзамена всего нѣсколько мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ въ заграничныхъ университетахъ обыкновенно для этого требуются годы; обращалъ вниманіе онъ и на незнаніе Дегаемъ латинскаго языка, что было извѣстно, по его словамъ, не только совѣту, но и публикѣ, между тѣмъ языкъ этотъ рѣшительно необходимъ для юриста; наконецъ, высказывалъ опасеніе, что допущеніе Дегая къ докторскому экзамену вызоветъ справедливыя нареканія другихъ лицъ, изъ которыхъ нѣкоторые болѣе его достойны были бы получить эту степень, а между тѣмъ по скромности своей не добиваются этого.

Эти особыя мнѣнія были доложены въ совѣтскомъ засѣданіи 2 апрѣля. Вслѣдъ за этимъ прочитано было и возраженіе на нихъ декана Швейкарта. Въ своемъ возраженіи этотъ послѣдній разобралъ по пунктамъ всѣ доводы своихъ противниковъ. Говорятъ, что „кандидатъ Дегай недостаточно подготовленъ къ экзамену“; но откуда это извѣстно? Я произвелъ ему, замѣчаетъ проф. Швейкартъ, предварительное испытаніе—и убѣдился въ противномъ; я перечиталъ протоколы его кандидатскаго экзамена, происходившаго въ концѣ 1811 г., и увидѣлъ, что онъ экзаменовался у проф. Стойковича, Шада, Дегурова, Роммеля, Ланга и Успенскаго изъ математики, физики, философіи, латинской и русской литературы, всеобщей и русской исторіи, статистики, естественнаго права и политической экономіи и получилъ только съ одной математики отмѣтку—mediocriter, со всѣхъ же остальныхъ предметовъ—bene, optime и eminenter. Говорятъ, что онъ недостаточно занимался юриспруденціей. Если бы кандидаты правъ не экзаменовались изъ математики, физики, философіи, они имѣли бы больше времени на подготовку по юриспруденціи; но Дегай однако работалъ усердно и по этому отдѣлу и между прочимъ слушалъ у меня, послѣ пріѣзда моего изъ заграницы, лекціи по римскому праву. Говорятъ, что онъ въ теченіи 4-хъ лѣтъ долженъ былъ работать по юриспруденціи; но онъ въ теченіе почти 5 лѣтъ занимался естественнымъ правомъ и политической экономіей! Говорятъ, что онъ нескромно домогается высшей ученой степени; но онъ ищетъ только того, что согласно съ нашими уставами. Говорятъ, что послѣ этого будутъ заявлять претензію не только лица, стоящія выше Дегая, но и тѣ, которыхъ будетъ увлекать пустое самолюбіе; но та-

кихъ лицъ просто полезно было бы засадить въ карцеръ на нѣсколько дней. Говорятъ, что онъ не знаетъ латинскаго языка; но онъ его знаетъ, только не въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это потребовалось бы отъ доктора словеснаго отдѣленія. Онъ доказалъ мнѣ, что понимаетъ латинскихъ писателей, исключая, быть можетъ, однихъ поэтовъ. Изъ тѣхъ предметовъ, которые ему преподавались по латыни (латинской словесности, философіи, римскаго и общественнаго права) онъ отвѣчалъ по латыни; и ему можно не ставить въ вину то, что онъ изъ политической экономіи и естественнаго права отвѣчалъ по французски. Говорятъ, что депутаты были просто назначены совѣтомъ, а не избраны по баллотировкѣ; но удивительно, какъ оппоненты указываютъ теперь на то, чѣмъ постоянно пренебрегали. Говорятъ, что предварительное испытаніе не законно, ибо на немъ не присутствовали преподаватели вспомогательныхъ предметовъ. И что же? Когда въ факультетѣ зашла рѣчь о приглашеніи на экзаменъ проф. Успенскаго, то проф. Шадъ отклонялъ это въ виду того, что онъ не принадлежитъ къ составу этикополитическаго отдѣленія; когда же я указалъ, что уставъ требуетъ только, чтобы это былъ преподаватель вспомогательной науки, то проф. Шадъ опять сталъ возражать противъ этого, но уже потому что проф. Успенскій читаетъ будто бы главный предметъ; на самомъ же дѣлѣ онъ преподаетъ вспомогательный. Ректоръ поставилъ на рѣшеніе совѣта вопросъ о допущеніи или недопущеніи Дегая къ экзамену и получилъ въ огромномъ большинствѣ положительные отвѣты; характерны нѣкоторые изъ нихъ. Дегуровъ подробно разобралъ возраженія Шада и Гизе и пришелъ къ заключенію, что они не состоятельны; къ нему присоединились Нельдехенъ и Ванноти. Срезневскій считалъ невозможнымъ допустить Дегая къ экзамену, въ виду какихъ то слуховъ (fama). Осиповскій заявилъ, что онъ лично всегда стоялъ и теперь стоитъ за послѣдовательное полученіе академическихъ степеней (т. е. сначала магистра, а потомъ уже доктора) и за нѣсколько лѣтнюю подготовку къ нимъ; но такъ какъ министръ разъяснилъ III § устава въ томъ смыслѣ, что каждый можетъ сразу добиваться высшей ученой степени, минуя низшую, то онъ соглашается на допущеніе Дегая къ экзамену. Къ этому мнѣнію присоединился и проф. Делявинъ. Ректоръ (Стойковичъ) высказался рѣшительно въ пользу экзамена. Проф. Шадъ заявилъ, что такъ какъ онъ считаетъ свои соображенія противъ экзамена очень серьезными и такъ какъ тутъ дѣло идетъ, по его мнѣнію, о доброй славѣ университета, то онъ считаетъ необходимымъ, чтобы дѣло это было перенесено въ полномъ его видѣ на предварительное разсмотрѣніе г. министра. Гизе присоединился къ этому предложенію Шада, а Дрейсигъ выразилъ свою

солидарность съ особымъ мнѣніемъ Гизе. Вопросъ этотъ поставленъ былъ на рѣшеніе членовъ совѣта, причемъ Дрейсигъ и Срезневскій высказались въ пользу Шада, а остальные противъ. Рѣшено было допустить Дегая къ экзамену; депутатами отъ совѣта избраны были по баллотировкѣ проф. Шумлянскій и Дегуровъ; день испытанія долженъ былъ назначить этикополитическій факультетъ. 4-го апрѣля состоялось засѣданіе факультета. Здѣсь проф. Шадъ заявилъ, что онъ не будетъ подавать голоса въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ переноситъ его на апелляцію министра. Успенскій прочиталъ выдержку изъ регламента, изъ коей выводилъ заключеніе, что дѣло это должно быть передано въ виду разногласія на рѣшеніе министра. Тѣмъ не менѣе факультетъ назначилъ экзаменъ на 7 апрѣля. На протоколѣ этого засѣданія Шадъ написалъ особое мнѣніе, въ которомъ рѣзко порицалъ декана за неполныя и ложныя извѣстія о засѣданіи и опять повторялъ, что не можетъ дать своей подписи, во 1-хъ, потому что апеллируетъ къ министру, а во 2-хъ, и потому еще, что рѣчь идетъ о дарованіи Дегаю степени доктора политическихъ наукъ и экзаменѣ изъ этихъ послѣднихъ, что по его мнѣнію незаконно. 7 апрѣля Швейкартъ обратился въ совѣтъ съ жалобою на оскорбительныя выраженія Шада, допущенныя имъ при подписи факультетскаго протокола. 9-го апрѣля Швейкартъ сообщилъ совѣту, что кандидатъ Дегай, въ виду ссылки проф. Успенскаго на регламентъ, просилъ отложить его экзаменъ до болѣе удобнаго времени. Дегай вторично подвергся предварительному испытанію и потомъ уже только 6 ноября 1813 г., какъ мы видѣли, держалъ докторскій экзаменъ, который былъ признанъ факультетомъ удовлетворительнымъ. Но проф. Шадъ и тутъ не успокоился. 10 ноября онъ написалъ ректору письмо, въ которомъ отмѣтилъ нарушенія правилъ во время экзамена Дегая; вопросы по билетамъ были взяты имъ только изъ политической экономіи и русскаго права, изъ остальныхъ же предметовъ ему предлагались вопросы по желанію экзаменаторовъ, что противорѣчитъ 98 § устава. Отвѣчалъ Дегай только изъ одного римскаго права у декана по латыни, изъ всѣхъ же остальныхъ предметовъ на другихъ языкахъ, вопреки недавнему рѣшенію совѣта и прямому требованію, которое было объявлено ему экзаменаторами еще на кандидатскомъ экзаменѣ, гдѣ онъ отвѣчалъ по французски; вопреки совѣтскому постановленію Дегаю предложено было написать и письменные отвѣты не полатыни, а по французски и по русски; деканъ допустилъ Дегая къ нимъ, не спросивъ членовъ факультета, находятъ ли они удовлетворительнымъ его устный экзаменъ; вопросы для письменныхъ отвѣтовъ были изготовлены уже за два дня до испытанія, слѣдовательно, могли сдѣлаться извѣстными

экзаменующемуся. Опроверженію этихъ возраженій было посвящено все засѣданіе факультета 11 ноября. По первому пункту (о билетахъ) было заявлено, что тутъ не было нарушенія правилъ; по второму (о латинскомъ языкѣ) — что совѣтъ разрѣшилъ Дегаю отвѣчать по русски и по французски; по третьему (о писаніи письменныхъ отвѣтовъ по латыни) — что такого рѣшенія не было въ совѣтѣ и во всякомъ случаѣ оно неизвѣстно факультету; по четвертому и пятому (о письменныхъ отвѣтахъ)—что на это согласился и самъ проф. Шадъ и что вопросы были поручены адъюнкту Павловичу, который не могъ ихъ передать Дегаю. Въ концѣ концовъ было постановлено: 1) продолжать экзаменъ Дегая въ виду того, что доводы проф. Шада не заслуживаютъ вниманія; 2) просить совѣтъ, чтобы онъ потребовалъ у проф. Шада указанія на лицо, которое онъ подозрѣваетъ въ передачѣ вопросовъ Дегаю; 3) просить совѣтъ сдѣлать выговоръ проф. Шаду, что онъ утомляетъ ректора, депутатовъ совѣта и факультетъ своими особыми мнѣніями. По поводу этого послѣдняго пункта проф. Роммель сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: не могу подписать этого протокола, такъ какъ всякій профессоръ имѣетъ полное право высказывать устно или письменно свое мнѣніе о формѣ экзамена; считаю это постановленіе удивительнымъ (чтобы не сказать смѣшнымъ), особенно въ виду того, что оно вызвано только благоволеніемъ къ кандидату. 24-го ноября состоялось новое факультетское засѣданіе, на которомъ были признаны удовлетворительными письменные отвѣты Дегая и назначенъ ему срокъ для трехъ лекцій; тутъ же указаны были и самыя темы лекцій, первая—„о разницѣ между римскимъ и русскимъ правомъ въ отношеніи рабовъ“ (по латыни); вторая—„о преступленіи воровства, его видахъ и наказаніяхъ по русскому праву“ (по русски); третья —„о связи между политической экономіей и искуствомъ собирать общественные доходы и управлять ими (по французски). Конецъ засѣданія былъ посвященъ обсужденію факультетскаго постановленія о выговорѣ проф. Шаду; вопросъ объ этомъ возбудилъ проф. Роммель (самъ Шадъ ушелъ раньше изъ засѣданія подъ предлогомъ лекціи); онъ предложилъ исключить изъ предъидущаго протокола параграфъ о выговорѣ Шаду. Факультетъ постановилъ пригласить въ засѣданіе проф. Шада, который явился и объяснилъ, что онъ не хотѣлъ оскорбить факультетъ и никого не подозрѣваетъ въ передачѣ вопросовъ Дегаю. Рѣшено было все-таки отослать особое мнѣніе Шада и возраженіе на него факультета въ совѣтъ. 26 ноября Шадъ отправилъ въ совѣтъ бумагу, въ которой горячо возставалъ противъ оскорбительнаго и несправедливаго, по его словамъ, постановленія факультета о выговорѣ; онъ указывалъ, что, выступая съ отзывомъ о неправильностяхъ,

допущенныхъ при экзаменѣ Дегая, онъ только пользовался своимъ правомъ; остальные члены факультета могли имѣть противоположный взглядъ на дѣло; но кто далъ имъ право, говоритъ Шадъ, осудить меня, не выслушавъ даже моихъ оправданій? Въ виду этого я требую, чтобы все это дѣло было передано на разрѣшеніе совѣта и чтобы до этого времени былъ отложенъ и экзаменъ Дегая. Совѣтъ возвратилъ Шаду его бумагу, потому что факультетъ не вошелъ съ представленіемъ о выговорѣ ему. Но два дня спустя Шадъ обратился съ новой просьбой, въ которой настаивалъ на томъ, чтобы его доводы о незаконности экзамена Дегая были разсмотрѣны въ совѣтѣ, чтобы до тѣхъ поръ былъ отсроченъ самый экзаменъ этого кандидата и чтобы наконецъ члены совѣта высказали свое мнѣніе по вопросу о выговорѣ, о которомъ ходатайствовалъ факультетъ; мотивъ, по которому не была принята его прежняя бумага, онъ не считалъ достаточнымъ, потому что этикополитическій факультетъ могъ вовсе не представлять въ совѣтъ того протокола, которымъ нанесено ему, Шаду, жестокое оскорбленіе. Каковъ былъ отвѣтъ на это, мы не знаемъ. Извѣстно только, что Дегай былъ допущенъ все-таки къ чтенію публичныхъ лекцій на темы, указанные факультетомъ; первыя двѣ были прочитаны, въ присутствіи факультета и депутатовъ отъ совѣта, 13 и 16 декабря, признаны удовлетворительными, равно какъ и классное упражненіе, и диссертація и потому факультетъ постановилъ ходатайствовать передъ совѣтомъ о дарованіи ему степени доктора правъ. Проф. Шадъ воздержался отъ подачи голоса. Протоколъ подписали—деканъ Швейкартъ, Успенскій, Лангъ, Рейтъ и адъюнктъ Павловичъ (секретарь факультета) [1]). Дегай, очевидно, получилъ докторскій дипломъ.

Представленныя нами оффиціальныя данныя не даютъ основанія къ выводу о подкупѣ, о взяткахъ экзаменаторовъ (о чемъ говоритъ, какъ мы знаемъ, Роммель); но и они свидѣтельствуютъ, что Дегаю были сдѣланы различныя льготы и послабленія (напримѣръ, относительно латинскаго языка). Роммель разсказываетъ, что взятка, предложенная ему Дегаемъ, очутилась потомъ въ рукахъ одного изъ его русскихъ коллегъ. Но въ данномъ случаѣ и партія защитниковъ, и партія противниковъ состояла какъ изъ иноземныхъ, такъ и изъ русскихъ профессоровъ. Самымъ ярымъ противникомъ Дегая, подъ часъ единственнымъ представителемъ оппозиціи былъ Шадъ, — но вмѣстѣ съ тѣмъ и

[1]) Всѣ эти данныя мы почерпнули изъ дѣла совѣта о разныхъ предметахъ на иностран. яз. 1813 г. № 52; тутъ помѣщены копіи факультетскихъ и совѣтскихъ протоколовъ, и отдѣльныя мнѣнія Шада и его противниковъ — все это на латинскомъ яз. (Харьк. универс. архивъ).

главнымъ защитникомъ его были деканъ и секретарь факультета Швейкартъ и Лангъ. Можно впрочемъ думать, что Шадомъ въ этомъ дѣлѣ руководили не столько общественныя побужденія (забота о доброй славѣ университета), сколько личные мотивы: несомнѣнно, что онъ сводилъ тутъ счеты съ Швейкартомъ, смѣнившимъ его на деканствѣ; несомнѣнно, что онъ мстилъ тутъ за тѣ затрудненія, которыя ставились ему на экзаменѣ Хлапонина.

Кеппенъ экзаменовался на степень магистра правъ въ факультетскомъ засѣданіи 28 ноября 1813 г. въ присутствіи депутатовъ отъ совѣта проф. Гизе и Срезневскаго. Изъ политической экономіи ему достался вопросъ „объ элементахъ цѣны“ (отвѣчалъ bene); изъ русскаго права „о наслѣдствѣ и раздѣленіи“ (satis bene); проф. Швейкартъ предложилъ ему вопросъ „объ отличіи между правомъ на вещь и правомъ на лицо, о видахъ права на вещь“ (отвѣчалъ bene); профессору Рейту онъ отвѣчалъ „изъ законодательства новыхъ народовъ“ (bene); адъюнкту Павловичу изъ исторіи римскаго права „объ эпохѣ законодательства отъ Константина Вел. до Юстиніана“ (bene), ему же изъ римскаго права „о законности“ (bene); проф. Лангу изъ естественнаго права (bene). Экзаменъ продолжался и послѣ обѣда. Въ виду отсутствія проф. Шада былъ приглашенъ лекторъ Дудровичъ, который предложилъ Кеппену изъ логики вопросъ — „что такое сужденіе, въ чемъ разница между сужденіемъ и умозаключеніемъ, о видахъ силлогизмовъ“ (отвѣчалъ bene). По окончаніи устнаго испытанія онъ приступилъ къ письменному: ему заданы были двѣ задачи—одна изъ политической экономіи, другая изъ русскаго права. Первую онъ разрѣшилъ, а вторую не окончилъ по домашнимъ обстоятельствамъ; въ виду этого рѣшено было предложить ему другую тему (по русскому праву) но и за нее онъ получилъ только mediocriter, хотя все-таки былъ допущенъ къ чтенію пробной лекціи. Тема лекціи была „о препятствіяхъ, которыя встрѣчаютъ политико-экономическія наставленія относительно культуры полей“. Лекція была признана удовлетворительной. Одобрена была и его диссертація „о возвращеніи убытковъ, нанесенныхъ во время войны наступающимъ государствомъ“. Въ засѣданіи 16 декабря факультетъ постановилъ ходатайствовать передъ совѣтомъ о дарованіи Кеппену магистерской степени. Титаревъ отвѣчалъ у проф. Успенскаго по русскому праву „о государственныхъ преступленіяхъ“ (bene), у проф. Ланга по наукамъ политическимъ „о занятіяхъ промышленнаго класса“ — (optime), у лектора Дудровича „объ элементахъ воспріятій, ихъ категоріяхъ, дѣленіи, опредѣленіи, сходствѣ и различіи“ (bene), у проф. Швейкарта „о различіи между правомъ на вещь и личность и о видахъ права на вещи“.

(bene), у профессора Ланга изъ естественнаго права „о правѣ на помѣстья и землю“ (bene), у проф. Павловича изъ исторіи и догмы римскаго права „объ эпохѣ Юстиніанова законодательства“ и о „дѣйствительныхъ контрактахъ, о защитѣ и попеченіи“ (bene), у проф. Рейта изъ исторіи новыхъ законодательствъ (bene). Пробную лекцію онъ прочиталъ на тему „о количественной и качественной стоимости“ и она была признана удовлетворительной, также точно какъ и его диссертація „о меркантильной системѣ у различныхъ народовъ“. Рѣшено было ходатайствовать о дарованіи ему магистерской степени. Депутатами отъ совѣта на магистерскій экзаменъ Гевлича были командированы проф. Каменскій и Делявинь. Экзаменъ его на словесномъ отдѣленіи состоялся 1 апрѣля 1813 г. въ деканство Роммеля. На два вопроса, заключавшихся во взятыхъ имъ билетахъ, „какую пользу должны приносить занятія древностью въ отношеніи развитія способностей, особенно изученіе древнихъ народовъ и литературъ и каковы главнѣйшія причины успѣховъ грековъ въ искусствахъ“ отвѣчалъ bene, изъ русской литературы у проф. Срезневскаго — „какимъ образомъ мы можемъ судить о качествѣ эстетическихъ произведеній“ (bene), изъ филологіи у проф. Роммеля „о римской эпической поэзіи и объ эпическихъ поэтахъ въ отдѣльности, о древностяхъ, объ исторіи и періодахъ пластическаго искусства у грековъ, о различныхъ эпохахъ въ искусствахъ“ (bene), у проф. Шада по философіи — „каковы главнѣйшія способности ума, которыя должны участвовать въ образованіи мышленія?“ (optime), у проф. Дюгурова по исторіи „каковы причины и поводы реформаціи, прогрессъ ея по всей Европѣ важнѣйшія секты, вліяніе ея на человѣческій умъ и положеніе народовъ“ (optime), у проф. Цаки-де-Совиньи „какова природа поэзіи, каковы ея правила, и каковы важнѣйшіе поэты древнихъ и новыхъ народовъ“ (bene), у проф. Успенскаго по русской исторіи „каково было положеніе наукъ и искусствъ въ Россіи до Петра Вел. (satis bene). Затѣмъ ему были предложены письменные отвѣты: „слѣдствія крестовыхъ походовъ — ихъ причины, распространеніе этой всеобщей эпидеміи, ихъ количество, конецъ, вліяніе на нравы, торговлю, искусства и общественное управленіе“; о происхожденіи и развитіи украшеннаго стиля“ (послѣдній на русскомъ языкѣ). Затѣмъ Гевличъ прочиталъ пробную лекцію и защитилъ свою диссертацію 3 мая 1813 г. на диспутѣ, который состоялся въ присутствіи проф. Роммеля, Срезневскаго адъюнкта Малиновича и профессоровъ университета. Диспутъ былъ признанъ удовлетворительнымъ.

17 и 18 іюля 1813 г. происходилъ на физико-математическомъ факультетѣ докторскій экзаменъ магистровъ Комлишинскаго и Громова.

Комлишинскому попались слѣдующіе четыре вопроса изъ математики, физики и химіи: 1) „изъяснить правила, употребляемыя при интегрированіи линейныхъ дифференціальныхъ уравненій (по русски); 2) „изъяснить дѣйствія электричества при лейденской банкѣ“ (по русски); 3) „каковы особенныя свойства металлоидовъ“ (по латыни); 4) „что можетъ быть наблюдаемо при соединеніи газовъ съ водою“ (по латыни). Затѣмъ докторантъ отвѣчалъ на вопросы, предложенные ему другими профессорами, и наконецъ написалъ 4 письменныхъ отвѣта на слѣдующія темы: 1) „природа свѣта, выведенная изъ его химическихъ особенностей“ (по латыни); 2) „объяснить дѣйствія и теорію гальваническихъ цѣпей“ (по латыни); 3) „изъяснить способъ интегрированія дифференціальныхъ уравненій первой степени посредствомъ отдѣленія измѣняемыхъ величинъ“; 4) „изъяснить законы расширенія воздухообразныхъ тѣлъ“.

Громовъ отвѣчалъ на слѣдующіе четыре билета изъ естественной исторіи (вообще), ботаники, минералогіи, химіи: 1) каковы главнѣйшіе авторы, которые писали по естественной исторіи съ древнѣйшихъ временъ до нашихъ дней; 2) есть ли среди vegetabilia такія семейства, которыя могутъ быть названы естественными и если есть, то какія изъ нихъ самыя замѣчательныя; 3) анализъ и минералогическія свойства группы Танталеа; 4) химическій составъ различныхъ костяныхъ предметовъ. Послѣ ряда другихъ устныхъ вопросовъ, Громовъ написалъ 4 письменныхъ отвѣта на слѣдующія темы: 1) что такое нектарій, каковы различные виды его и признаки; 2) каковы важнѣйшіе признаки и особенности человѣка; 3) указать части органическихъ тѣлъ, классификацію этихъ частей и отличія; 4) минералогическое описаніе горнаго дегтя [1]). Экзамены обоихъ аспирантовъ были признаны вполнѣ удовлетворительными.

Экзаменъ на степень доктора философіи и защита диссертаціи иностраннаго выходца Гессъ-де-Кальве прошли повидимому безъ затрудненій, но онъ долго не могъ получить своего диплома. Экзаменъ его происходилъ на этико-политическомъ факультетѣ въ присутствіи депутатовъ Книгина и Срезневскаго; затѣмъ онъ прочелъ три пробныхъ лекціи и защитилъ свою печатную диссертацію въ присутствіи всѣхъ членовъ университета. Диссертація его имѣла слѣдующее заглавіе: „Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae charactere, quam publice defendendam ad gradum doctoris philosophiae Gustavus Adolphus Hess-de-Calve. Charcoviae, typis universitatis, 1812, 32 p.“. Въ концѣ ея мы находимъ

---

[1]) Харьк. универ. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностран. яз. 1813 г., № 52.

curriculum vitae автора, изъ котораго оказывается слѣдующее. Родился я, писалъ Гессъ-де-Кальве, въ Венгріи, въ Пештѣ въ 1784 г. отъ родителей, исповѣдывавшихъ католическую религію. Отецъ мой совѣтникъ и высшій управитель Богемскихъ имѣній его высочества великаго герцога Вюрцбургскаго Фердинанда живъ еще до сихъ поръ, также точно какъ и мать моя. Мнѣ шелъ 4-й годъ, когда отецъ переселился изъ Венгріи въ Прагу для управленія этими имѣніями. Отъ пятаго до седьмого года я учился въ низшей школѣ, гдѣ преподавались начальныя основанія нѣмецкаго языка и другихъ предметовъ; затѣмъ прошелъ пятилѣтній гимназическій курсъ съ латинскимъ языкомъ. По всѣмъ предметамъ (до реторики и поэзіи включительно) я получилъ высшую отмѣтку и въ послѣднемъ классѣ первую награду. Справедливость этого можетъ быть засвидѣтельствована профессоромъ Кароли и оффиціальными данными. Въ 1798 г. я поступилъ въ университетъ и на 1-мъ философскомъ курсѣ слушалъ логику у проф. Фойгта, математику у Видры, естественную исторію у Микана, всеобщую исторію у Поклета и филологію у Мейснера. Въ 1799 г. я прошелъ первый курсъ теоретической физики подъ руководствомъ проф. Шмидта, тогда же попалъ съ кадетами въ ополченіе и участвовалъ какъ въ блестящихъ, такъ и въ несчастныхъ для Германіи сраженіяхъ противъ французовъ. Въ это время университетъ Пражскій выставилъ отрядъ изъ 800 студентовъ, и я былъ отправленъ туда въ качествѣ начальника. По заключеніи мира, этотъ отрядъ былъ распущенъ и всѣ вернулись къ своимъ занятіямъ. Такимъ образомъ, и я съ 1801 по 1803 годъ снова сталъ посѣщать университетъ и слушалъ тамъ метафизику, этику, прикладную математику и первый курсъ юриспруденціи, т. е. естественное, уголовное право и исторію Германіи. Когда же мой дядя Людовикъ Гессъ-де-Кальве были отправленъ императоромъ вь Венеціанскую республику, то я, стремясь видѣть Италію, рѣшился сопровождать его туда; а чтобы не тратить при этомъ безполезно времени, я сталъ посѣщать медицинскія лекціи въ Павіанскомъ университетѣ и слушалъ остеологію, анатомію, химію и ботанику и т. п., что могутъ засвидѣтельствовать тамошніе знаменитые профессора Зограффи, Гальдони, Компоретти, Цезаротти и др. Послѣ этого я объѣхалъ почти всю Италію, чтобы своими глазами видѣть памятники ея искусства и образовать свой умъ изученіемъ прекраснаго его живыми образами; преимущественно же я оставался въ Римѣ, Флоренціи, Неаполѣ, Мантуѣ, Миланѣ, такъ что здѣсь не осталось безъ осмотра ничего мало мальски заслуживающаго вниманія. Но въ 1805 г. возгорѣлась въ Германіи война и я рѣшилъ снова сражаться за отечество. Въ качествѣ гусарскаго лейтенанта я участвовалъ въ несчастной Аустерлицкой битвѣ. По за-

ключеніи Пресбургскаго мира, я отправился въ Венгрію и принялъ должность домашняго учителя у знатнаго чиновника Сехейни, у котораго пробылъ два года. Послѣ этого я ѣздилъ въ качествѣ музыканта по Венгріи, Моравіи, Саксоніи и Польшѣ и давалъ концерты въ Пештѣ, Львовѣ, Краковѣ, Варшавѣ и т. п. Когда же вспыхнула война между Австріей и Франціей, то я снова вступилъ въ ряды арміи и былъ при этомъ раненъ. Въ это время россійское войско явилось подъ предводительствомъ кн. Голицына въ Австрійской Польшѣ, туда же отправленъ былъ и мой отрядъ. По заключеніи мира, я оставилъ австрійскую службу и вступилъ въ русскую армію гр. Сиверса, бывшую тогда въ Молдавіи; тамъ я оставался до 1810 г., и затѣмъ получилъ отставку съ отличными аттестатами. Засвидѣтельствовать мое воинское усердіе и субординацію могутъ генералы Артичевъ, Удамъ, Бергъ, Кошничовъ, Злотницкій, полковники—Штакельбергъ, Крейцъ, Розенъ, Бахметьевъ, Буттенброкъ Буксгевденъ, Ивановъ и др. Наконецъ, послѣ бракосочетанія съ дворянкой Серафимой Мечниковой я рѣшилъ поселиться въ Херсонской губ. и посвятить жизнь своему новому отечеству Россіи. Но такъ какъ въ теченіе трехъ лѣтъ я часто проживалъ въ Харьковѣ, то могу сослаться на всѣхъ тѣхъ, кто меня лучше узналъ, какъ на свидѣтелей моей нравственной жизни и, если позволено будетъ такъ выразиться, моей умственной культуры [1]).

Какъ видимъ отсюда, Гессъ-де-Кальве представлялъ изъ себя яркій типъ тѣхъ космополитическихъ дѣятелей, для которыхъ полную силу имѣлъ принципъ—ubi bene, ibi patria, хотя нужно сознаться, что онъ выдѣлялся и своей любовью къ просвѣщенію, и своими музыкальными талантами, и даже своею нравственною репутаціею. Получивъ высшую ученую степень, онъ не бросилъ наукъ и напечаталъ впослѣдствіи (въ 1818 г.) еще обширное сочиненіе о музыкѣ („Теорія музыки").

Но вотъ со времени диспута прошло $1^1/_2$ года, а Гессъ-де-Кальве все еще не получилъ диплома. Замедленіе это вызвано было тѣмъ, что онъ не представилъ нужныхъ документовъ о своемъ происхожденіи. Но горя нетерпѣніемъ поскорѣе предстать передъ публикой въ новомъ званіи доктора, Гессъ-де-Кальве сшилъ себѣ соотвѣтствующій мундиръ (8 класса) и выступилъ въ немъ въ качествѣ капельмейстера, на концертѣ, устроенномъ имъ въ пользу павшихъ воиновъ. Объ этомъ было доведено до свѣдѣнія министра, который приказалъ Гессъ-де-Кальве до полученія диплома, не надѣвать мундира, равно и не называть себя

---

[1]) Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae charactere. Charcowiae. 1812, p. 29—32.

публично докторомъ философіи. Получивъ это внушеніе, Гессъ-де-Кальве написалъ извинительное письмо на имя ректора и совѣта, въ которомъ обѣщалъ употребить всѣ свои силы на то, чтобы сдѣлаться достойнымъ чести, оказанной ему университетомъ. Вмѣсто же своихъ заграничныхъ документовъ, которыхъ онъ никакъ не могъ достать благодаря военнымъ дѣйствіямъ, онъ представилъ удостовѣреніе отъ своихъ сосѣдей по имѣнію купянскихъ дворянъ, которые подписями своими свидѣтельствовали, что онъ „пребываетъ въ Купянскомъ уѣздѣ четвертый годъ, женатъ на помѣщицѣ Серафимѣ Ильинишнѣ, урожденной Мечниковой, и въ продолженіи этого времени жилъ честно, спокойно и велъ себя какъ человѣкъ благородный“ (1813 г. августъ) [1]. Удостовѣреніе это возымѣло свое дѣйствіе и Гессъ-де-Кальве получилъ желанный дипломъ. Въ засѣданіи совѣта 15 апрѣля 1814 г. прочитано было отношеніе министра, въ которомъ говорилось, что такъ какъ Гессъ-де-Кальве женатъ на помѣщицѣ Мечниковой, отъ коей имѣетъ дѣтей, и самъ высказалъ желаніе принять россійское подданство, то нѣтъ препятствій къ выдачѣ ему диплома. Совѣтъ постановилъ переслать ему этотъ дипломъ черезъ губернское правленіе, когда онъ сдѣлается русскимъ подданнымъ [2].

Въ 1810 г. совѣтъ даровалъ степень доктора изящныхъ искусствъ другому иностранцу — Жиле. Представленіе о немъ было сдѣлано словеснымъ факультетомъ, который объяснилъ, что Жиле выдержалъ установленный экзаменъ и защитилъ диссертацію.

Въ 1813 г. былъ поднятъ вопросъ о дарованіи степени доктора изящныхъ искусствъ директору училищъ екатеринославской губ. Мизку, но противъ этого проэкта выступилъ проф. Лангъ. Во всѣхъ университетахъ, писалъ онъ въ особомъ мнѣніи, установился обычай давать только степень доктора богословія, права, медицины съ хирургіей, философіи и магистра свободныхъ искусствъ. Нашъ университетъ, впрочемъ, одинъ разъ даровалъ уже степень доктора изящныхъ наукъ (имѣется въ виду, очевидно, Жиле); теперь словесный факультетъ предлагаетъ даровать эту степень директору Мизку. Но всякій согласится съ тѣмъ, что такая степень есть нѣчто необычное и противорѣчащее университетскимъ традиціямъ, отъ которыхъ не слѣдуетъ отступать безъ самыхъ серьезныхъ поводовъ. Поэтому я хотѣлъ бы, чтобы на будущее время университетъ давалъ только степени кандидата, магистра и доктора философіи, права и медицины. Но чтобы каждый могъ добиваться той или иной ученой степени, слѣдуетъ разрѣшить ставить главными

---

[1]) Харьков. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. яз. 1813 г. № 52.

[2]) Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. и рус. яз. 1814, № 58.

предметами испытанія или философскія науки, или физико-математическія, или словесныя; впрочемъ, и въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ въ предметы испытаній должна входить философія, какъ основа образованія. Всякій можетъ стремиться къ любой ученой степени (магистерской или прямо докторской); но во избѣжаніе всякихъ случайностей въ этомъ дѣлѣ, слѣдуетъ точно опредѣлить качества и заслуги, за которыя совѣтъ можетъ дать эти степени по экзамену или honoris causa; за этимъ слѣдуетъ обратиться къ министру [1]). Кажется, что Мизко не получилъ желаннаго диплома. Тщетно также добивался магистерской степени учитель Квятковскій, подавшій по этому поводу въ совѣтъ чрезвычайно характерную, чтобы не сказать курьезную просьбу на латинскомъ языкѣ. Она столь любопытна, какъ образчикъ тогдашняго школьнаго риторическаго краснорѣчія, что мы ее приводимъ въ примѣчаніи цѣликомъ *)

---

[1]) Харьков. университ. архивъ. Дѣло о разныхъ предметахъ на иностран. яз. 1813, № 52.

*) Amplissimo senatui academico caesareae universitatis Charcoviensis. Domini clarissimi! Haud scio, quibus de causis Academica potestas vestra denegat mihi gradum magistri. Nec mea aetas, neque indoles, nec educatio huic obstant praetensioni. Quid itaque, Clarissimi domini, desideratis a me? Rossicam ne literaturam? Valde gavisus sum! Professor dignissimus pulchrae scientiae hujus Magnificus Dominus Rizski faveat dicere de me. Si justitia erit servanda, ego absque dubio-magister! Si non, amor meus erga hanc disciplinam omnesque mei profectus in ea sunt nihil et ego perii! Si quaeritis ex me linguam latinam? Haec ipsa supplicatio mea sit vobis pro documento-viri clarissimi! capacitatis meae! Si litteras gallicas? Ad id represento vobis non solum propriae compositiones meae scripta; sed etiam vos ipsi scitis: me loqui gallice. Si historiam vel geographiam? Interrogare dignemini honorandum illum doctorem, qui has utrasque scientias nostra in universitate legit et qui de ambabus hisce doctrinis me disserentem saepenumero audivit. Si vero de re philosophica sermo sit? De hoc nec dubitetis viri clarissimi! Sine anima nemo vivere potest, tanto magis historicus, tanto magis orator. Satis videre occasionis fuit: me hac in summa mentis facultate non vocillari. Professor celeberrime Schad! Agitur modo de mea salute, ne taceas quaeso! Vosque ceteri professores ornatissimi! Quorum collegia saepius frequentavi, fatemini peto: me quidem non esse vestris in facultatibus peritum; sed non dum ignarum. Quam ergo ob causam Amplissimus Senatus vester denegat mihi gradum petitum? Quum ego tot jam annorum publice in scholis domibusque docui private? Et docui uti testimonia data mihi sonant-cum laude atque utilitate discentium! Qui sunt itaque mei defectus? Quae vitia? Oro-ostendite mihi! Rauca ne vox aut balbutiens lingua? Non! Obtusum ne ingenium? Neque hoc! Dissoluti ne mores? Nequaquam! Quid ergo indignum-hujus me redit honoris. Dicitis-viri clarissimi! Per gradum promoveri non potest et quilibet studiosus imprimis assequi debet gradum candidati, posteaque magistri? Sed obsecro vos! Cujus nam gratiae ex praeceptore jam culto expertoque factus sum a vobis-clarissimi domini, studiosus? Si strenui milites pro sua fortitudine, si boni cives propter prudentiam

Въ 1814 году въ совѣтѣ возникъ вопросъ о допущеніи къ докторскому экзамену магистра философіи Любочинскаго. Магистръ Любочинскій, учитель екатеринославской гимназіи, просилъ разрѣшенія держать экзаменъ на степень доктора философіи. Но такъ какъ онъ получилъ магистерскую степень всего два года тому назадъ, то, согласно требованію 125 и 127 § устава, могъ подвергнуться новому испытанію только еще черезъ годъ (черезъ три года по окончаніи предшествующаго экзамена) [1]). Повидимому онъ получилъ докторскую степень (по крайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ его съ нею въ одномъ документѣ).

Одинъ изъ профессоровъ Лангъ выступилъ въ совѣтѣ съ вопросомъ о практическомъ характерѣ ученыхъ университетскихъ степеней. Основываясь на 6-мъ § университетскаго устава и на правительственномъ распоряженіи, изданномъ 6 августа 1809 г., онъ доказывалъ, что ученыя степени по словеснымъ, физико-математическимъ и философскимъ наукамъ не даютъ права на занятіе такихъ должностей по гражданскому вѣдомству, которыя требуютъ юридическихъ и политическихъ познаній; по его мнѣнію они не освобождаютъ въ такихъ случаяхъ и отъ экзамена на чинъ коллежскаго асессора и статскаго совѣтника [2]). Уже изъ этого одного можно заключить, что практическія цѣли играли важную роль въ ма-

---

evehi solent etiam per grados, cur ergo alumni musarum hac lege ob suos labores gaudere non possunt? Intrando hanc universitatem solam per modestiam postulavi gradum candidati vel studiosi. Dignissimi vero examinatores mei, tanquam viri docti, tenebantur non solum aequitate, sed etiam ardore erga publicam culturam meam remunerare habilitatem ac pro merito dare mihi candidati gradum. Atqui tunc temporis gratia ista, quae mihi debebatur juste, concessa non fuit; ideoque nunc, clarissimi professores, dignum est, ut pro mea probilitate animique dotibus exaltetis me ad gradum magistri. In post ipsa universitas duos nuperrime misit polonos propter instruendam educandamque juventam Rossicam. Quare igitur admissi sunt illi et ad gradum et ad munera obeunda? Ubi nam antea docebant publice atque per plures annos? Quae utilia concivibus nostris praestitere servitia? Sciunt ne illi rossice? Minime. O lingua rossica! Num quid ideo magister esse nequeo, quod te in mea virili aetate addidici usque ad poësim et eloquentiam? Nam quid ita solvis mihi pro mea insomnia? Domini clarissmi! Decidite modo sortem meam! Si cadant atra; in resolutione vestra rogo, sint tantum haec verba: „magister esse non potes, quia es infelix“. Ego amissa spe, sanitate, tempore, pecunia et loco vadam. Vos autem semper beati incolumesque manete, Domini clarissimi, omnium vestrum humillimus servus Kviatkovski. 1806 anno, die 30 junii. Charcoviae“ [3]).

[1]) Харьков. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. яз. 1806 г. № 60.

[2]) Харьков. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. и россійск. яз. 1814 г., № 58.

[3]) Ibidem. Дѣло совѣта о томъ же, 1813 г. № 52.

гистерскихъ и докторскихъ промоціяхъ. И дѣйствительно, значительное число лицъ, подвергавшихся испытаніямъ, избрали себѣ не ученую, а служебную карьеру. Въ особенности сильное вліяніе имѣлъ здѣсь извѣстный намъ указъ объ экзаменахъ для полученія двухъ высшихъ чиновъ. Изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которые держали экзамены, каѳедры получили только— Дудровичъ, Комлишинскій, Громовъ, Архангельскій; да еще Любовскій, какъ намъ извѣстно, претендовалъ на каѳедру философіи, но ее занялъ Дудровичъ. Интересно, что эти два конкуррента держали состязательный экзаменъ. Проф. Шадъ, очевидно, желалъ сдѣлать своимъ адъюнктомъ Дудровича. 16 іюня 1813 г. была прочитана въ факультетѣ его бумага, въ которой онъ указывалъ, что Дудровичъ въ теченіе года, съ разрѣшенія факультета и совѣта, преподавалъ студентамъ курсъ философіи и при томъ съ полнымъ успѣхомъ, какъ въ этомъ убѣдился онъ, Шадъ, на экзаменѣ его слушателей, и потому теперь факультетъ пусть обратится съ просьбою въ совѣтъ о баллотировкѣ Дудровича въ адъюнкты. Факультетъ рѣшилъ ходатайствовать передъ совѣтомъ за Дудровича, такъ какъ ему извѣстны были его познанія, и предложилъ аспиранту представить въ совѣтъ свое curriculum vitae и свидѣтельства. А 5 іюля того же года вошелъ въ совѣтъ съ петиціей и Петръ Любовскій, доказывая въ ней свои права на занятіе этой каѳедры: онъ окончилъ курсъ кандидатомъ въ Харьковскомъ университетѣ въ 1808 г., въ 1812 г. получилъ степень магистра философіи и въ теченіе 5 лѣтъ состоялъ преподавателемъ въ Харьковской гимназіи. Въ совѣтѣ мнѣнія о Дудровичѣ раздѣлились. Проф. Осиповскій прямо заявилъ, что онъ прочелъ представленный Дудровичемъ трудъ и находитъ его ученическимъ упражненіемъ. Каменскій выразился болѣе уклончиво, но все таки не въ пользу претендента. Проф. Дрейсигъ категорически потребовалъ докторскаго экзамена; къ его мнѣнію присоединился Гизе. Срезневскій далъ слѣдующее заключеніе: я прочелъ трудъ подъ заглавіемъ „Positiones ex universa jure dungarico“, который Дудровичъ представилъ въ качествѣ своего сочиненія; но такъ какъ въ этой работѣ написаны имена шести лицъ, которыя приняли эти положенія только для защиты ихъ, то сомнительно, чтобы кто-нибудь изъ нихъ ихъ написалъ, а потому этотъ трудъ не можетъ рекомендовать никого изъ нихъ въ частности. Дегуровъ присоединился къ этому замѣчанію и кромѣ того еще добавилъ, что адъюнктомъ можетъ быть только докторъ. Такое же мнѣніе высказалъ и Делявинь. Пильгеръ заявилъ, что въ вопросѣ о выборѣ адъюнкта философіи рѣшающее значеніе можетъ имѣть только проф. Шадъ. Книгинъ написалъ: кто хочетъ учить, тотъ долженъ быть ученымъ; и всякому, желающему пользоваться привиллегіей преподаванія,

нужно быть докторомъ. Къ этому отзыву присоединился и Ванноти. Швейкартъ и Лангъ наоборотъ присоединились къ мнѣнію Шада. Профессоръ Каменскій выступилъ съ обширнымъ мнѣніемъ, въ которомъ доказывалъ, что Любовскій имѣетъ не меньше и даже пожалуй болѣе правъ на должность адъюнкта философіи, чѣмъ Дудровичъ: никто не похвалилъ сочиненія, представленнаго этимъ послѣднимъ. онъ иностранецъ и въ гимназіи преподавалъ естественную исторію; Любовскій же питомецъ нашего университета, магистръ философіи и преподавалъ этотъ предметъ въ гимназіи.

Проф. Шадъ представилъ въ пользу Дудровича слѣдующія данныя: при выборѣ адъюнктовъ, писалъ онъ, слѣдуетъ руководствоваться не 57 параграфомъ устава (ибо онъ относится къ профессорамъ), а 127, въ которомъ прямо говорится, что въ адъюнкты избираются по особому экзамену магистры и старшіе учителя гимназій, преподававшіе не менѣе 3-хъ лѣтъ; Дудровичъ же не три, а шесть лѣтъ состоитъ учителемъ; затѣмъ онъ читалъ философію и въ университетѣ съ большимъ успѣхомъ, какъ это доказалъ экзаменъ его слушателей; его свидѣтельства показываютъ, что онъ занимался не только философіей, но и юриспруденціей и другими науками; въ особое достоинство ему нужно поставить то, что онъ прекрасно говоритъ и пишетъ по латыни, а вмѣстѣ съ тѣмъ знаетъ и русскій языкъ; я въ качествѣ профессора философіи, преподававшаго частію въ Германіи, частію въ Россіи въ теченіе 20 лѣтъ, далъ такія доказательства своихъ познаній, что мое сужденіе никоимъ образомъ не можетъ быть заподозрѣно; и я публично заявляю, что болѣе подходящаго адъюнкта я не могу найти; его познанія отличаются зрѣлостью и солидностью. Но чтобы кто-нибудь не заподозрилъ меня въ пристрастіи, я самъ предлагаю, чтобы его избрали въ адъюнкты не раньше, чѣмъ онъ выдержитъ докторскій экзаменъ; и это правило нужно установить и на будущее время, чтобы никто изъ магистровъ или учителей не получалъ адъюнктской должности безъ докторскаго диплома [1]). Какъ видимъ отсюда, мнѣніе свое Шадъ обставилъ очень солидными доводами и оставался въ этомъ дѣлѣ на высотѣ научныхъ требованій и должнаго безпристрастія. Совѣтъ постановилъ баллотировать Дудровича не раньше, чѣмъ онъ выдержитъ докторскій экзаменъ. Но онъ вошелъ въ совѣтъ съ просьбою о разрѣшеніи ему подвергнуться предварительному конкурсному испытанію въ факультетѣ совмѣстно со своимъ противникомъ Любовскимъ. На это послѣдовало разрѣшеніе. Конкурсный

[1]) Харьковск. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. яз. 1813 г. № 52.

экзаменъ (по философіи) держали Дудровичъ и Любовскій 18 октября 1813 г. Профессоръ Шадъ предложилъ Дудровичу слѣдующіе вопросы: каковы принципы ложной нравственности и что можетъ быть принято въ качествѣ достовѣрнаго? На какихъ основаніяхъ и въ силу какого нравственнаго соображенія можетъ быть принятъ оптимистическій взглядъ на міръ? Каковы важнѣйшіе аргументы, коими воспользовались философы для доказательства бытія Божія? Въ чемъ состоитъ то чистое основаніе мышленія, которое Рейнгольдъ поставилъ первымъ принципомъ философіи? Что такое силлогизмъ, каковы виды его и правила, общія и частныя? Въ чемъ состоитъ сущность недѣлимаго? Что такое дедукція и аналогія, въ чемъ ихъ сходство и различіе? Въ чемъ заключается главная особенность очевидности и откуда происходитъ очевидность въ математикѣ, логикѣ и метафизикѣ? Въ чемъ состоитъ различіе между эмпирической и трансцендентальной психологіей? Когда Дудровичъ отвѣтилъ очень хорошо на эти вопросы (optime), ему предложено было написать письменный отвѣтъ на слѣдующія темы: опредѣлить сущность философіи Канта, Фихте и Шеллинга, причемъ показать, каково было положеніе философіи, подавшее поводъ къ этой великой реформаціи ея, начатой Кантомъ и завершенной Шеллингомъ: въ чемъ преимущественно сходятся и разнятся другъ отъ друга системы этихъ философовъ. Точно такіе же устные вопросы предложены были и Любовскому и хотя онъ отвѣтилъ на нихъ не вполнѣ удовлетворительно, но былъ все-таки допущенъ къ письменному испытанію, причемъ ему предложены были тѣже темы, что и Дудровичу. Спеціалистъ проф. Шадъ, а за нимъ и весь факультетъ, призналъ экзаменъ Дудровича безъ сравненія выше экзамена Любовскаго и потому рѣшено было сдѣлать представленіе въ совѣтъ о Дудровичѣ [1]).

Впрочемъ дѣло объ утвержденіи Дудровича адъюнктомъ философіи встрѣтило затрудненія въ министерствѣ. Тамъ въ это время уже былъ возбужденъ вопросъ о вредномъ направленіи сочиненій Шада; въ связи съ этимъ, конечно, затормозилось и утвержденіе Дудровича. Шадъ долженъ былъ выступить съ объясненіями и оправданіями, изъ которыхъ мы остановимся теперь только на томъ, что относится къ вопросу объ учрежденіи должности адъюнкта при каѳедрѣ философіи. Шадъ обращаетъ вниманіе, сколь сложна, полезна и необходима философія для развитія способностей. Изученіе философіи, говоритъ онъ, должно начинаться съ опытной психологіи, которая особенно необходима

---

[1]) Харьк. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностран. яз. 1813 г. № 52.

въ виду недостаточной подготовки нашихъ студентовъ; другой отдѣлъ это чистая и прикладная логика; третій метафизика. Ее никоимъ образомъ нельзя опустить. Она съ одной стороны содержитъ въ себѣ (въ онтологіи и космологіи) универсальные законы и принципы, которые въ остальныхъ наукахъ на нее опираются; съ другой трактуетъ о важнѣйшихъ истинахъ — свободѣ человѣческаго ума, необходимости права и обязанности, безсмертіи души, существованіи Бога. Все это настолько важно, что всякій образованный человѣкъ долженъ знать доказательства этихъ истинъ. Къ практической философіи преимущественно относятся естественное право, этика, эстетика и педагогія. Наконецъ, чрезвычайно важное значеніе я придаю, говоритъ Шадъ, исторіи философіи, потому что важнѣйшія историческія событія находятъ свое объясненіе въ принципахъ философіи, такъ что исторія философіи является ключемъ всей исторіи. Такъ, напримѣръ, ужасная французская революція выросла изъ ложныхъ принциповъ естественнаго права. Извѣстно также, что наука и литература всегда приспособляются къ господствующимъ философскимъ принципамъ. Одинъ я, безъ адъюнкта, говоритъ въ заключеніе Шадъ, не въ состояніи преподавать ничего болѣе кромѣ психологіи и логики. Что же касается Дудровича, то болѣе достойнаго я не могъ и не въ состояніи нынѣ найти, какъ въ этомъ можно убѣдиться всякому изъ его двухлѣтняго преподаванія въ университетѣ. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, Дудровичъ былъ утвержденъ въ должности адъюнкта [1]).

Мы подробно остановились на магистерскихъ и докторскихъ испытаніяхъ, потому что они представляютъ значительный интересъ для характеристики своего времени. Теперь намъ нужно еще сообщить свѣдѣнія объ ученыхъ командировкахъ, имѣвшихъ своею цѣлью подготовку преподавателей въ университетъ—и тогда вопросъ о преподавательской дѣятельности профессоровъ можно будетъ считать исчерпаннымъ. Такія командировки предоставлены были въ изучаемое нами десятилѣтіе Калькау, Громову, Архангельскому и Робушу; о нихъ мы теперь и скажемъ нѣсколько словъ. Калькау получилъ командировку еще до открытія Харьковскаго университета. Въ 1803 г. временный попечитель округа Новосильцевъ сдѣлалъ министру представленіе, въ которомъ писалъ, что уроженецъ Москвы, докторъ философіи и медицины Авраамъ Калькау, окончивъ Геттингенскій университетъ по медицинскому факультету, съ письменнымъ одобреніемъ тамошнихъ знаменитыхъ профессоровъ— Блуменбаха, Озіандера, Рихтера и другихъ, желалъ занять мѣсто пре-

[1]) Харьков. универс. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на иностр. яз. 1814 г. № 58.

подавателя въ Харьковскомъ университетѣ, съ тѣмъ только чтобы ему позволили остаться заграницей для большаго усовершенствованія въ наукахъ, соприкасающихся съ медициной, до открытія медицинскаго факультета. „Находя, писалъ далѣе Новосильцевъ, что принятіе его въ университетъ (на первыхъ порахъ адъюнктомъ медицины) и предоставленіе штатнаго жалованья есть прекрасный способъ пріобрѣсти навсегда, съ малыми издержками, достойнаго человѣка, прошу ассигновать ему изъ училищной суммы адъюнктское жалованье за треть впередъ, 200 р. на поѣздку въ Харьковъ и разрѣшить остаться заграницей; я увѣренъ, что временное его пребываніе тамъ не безполезно будетъ и со стороны порученій по ученой части, которыя учебное начальство будетъ имѣть полное право дать ему, какъ своему сочлену". Въ слѣдующемъ 1804 г. Калькау рѣшилъ отправиться изъ Германіи въ Парижъ и обратился за разрѣшеніемъ этой просьбы къ попечителю округа гр. С. О. Потоцкому, ходатайствуя тутъ же и о выдачѣ ему двойнаго адъюнктскаго содержанія. Гр. Потоцкій отнесся къ его ходатайству вполнѣ сочувственно, нашелъ, что это путешествіе будетъ въ интересахъ самаго университета, ибо этотъ послѣдній можетъ дать Калькау разныя порученія, и разрѣшилъ выдачу двойнаго оклада; обо всемъ этомъ онъ, по долгу службы, увѣдомилъ министра. Калькау 4 года провелъ заграницей, затѣмъ вернулся въ Россію и занималъ съ 1807 г. по 1811 г. должность адъюнкта въ Харьковскомъ университетѣ. Столь долгое пребываніе въ должности адъюнкта объясняется тѣмъ, что хотя онъ имѣлъ 2 ученыхъ степени отъ заграничныхъ университетовъ (доктора философіи и медицины), но по уставу этого было недостаточно и для полученія экстраординатуры онъ долженъ былъ еще представить новое сочиненіе въ факультетъ. Калькау представилъ такую работу подъ заглавіемъ „Introductio in studium medicum" вмѣстѣ съ синопсическою таблицею всѣхъ наукъ, принадлежащихъ къ медицинѣ и расположенныхъ въ систематическомъ порядкѣ. Деканъ медицинскаго факультета Шумлянскій разсмотрѣлъ эту работу вмѣстѣ съ проф. Дрейсигомъ и нашелъ ее преисполненной эрудиціи, полезной не только для студентовъ, но и вообще для всѣхъ лицъ, посвящающихъ себя изученію медицины, и потому заслуживающей быть напечатанной. Совѣтъ съ своей стороны вспомнилъ, что Калькау, окончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, два раза для усовершенствованія въ наукахъ путешествовалъ на свой счетъ по Германіи и съ такимъ успѣхомъ занимался въ главнѣйшихъ европейскихъ университетахъ — Іенскомъ, Лейпцигскомъ, Виттенбергскомъ и Геттингенскомъ, что получилъ въ Геттингенѣ 2 ученыхъ степени—доктора философіи и медицины и удостоился чести быть принятымъ въ чле-

ны акушерскаго общества; затѣмъ въ Харьковѣ онъ прославился какъ выдающійся врачъ и ученый, начитанный и въ другихъ наукахъ и дѣлающій этимъ честь своему университету. Факультетъ призналъ Калькау достойнымъ повышенія, но такъ какъ этотъ послѣдній не удовлетворилъ требованію устава (о сочиненіи), то первоначально получилъ при баллотировкѣ только половину голосовъ. Затѣмъ совѣтъ подвергъ его новой баллотировкѣ и единогласно избралъ въ экстра-ординарные профессора, основываясь между прочимъ на предписаніи министра о пополненіи профессоровъ медицинскаго факультета природными россіянами, каковымъ былъ и Калькау [1]).

Калькау съ честью несъ свои профессорскія обязанности и дѣйствительно отличался широкими и разносторонними познаніями. Роммель говоритъ, что онъ одинъ только изъ русскихъ профессоровъ былъ очень хорошо знакомъ съ нѣмецкой литературой. Несомнѣнно, что продолжительное пребываніе заграницей отразилось благопріятно на его образованіи, преподавательской и ученой дѣятельности. Къ сожалѣнію, ему очень недолго пришлось дѣйствовать на педагогическомъ поприщѣ— въ январѣ 1812 года его не стало: онъ умеръ совсѣмъ въ молодыхъ лѣтахъ.

Вопросъ о командировкѣ молодыхъ кандидатовъ университета заграницу возникъ затѣмъ въ совѣтѣ въ 1809 году, при чтеніи 128 параграфа устава, который требовалъ посылки разъ въ два года двухъ магистровъ въ чужіе края для усовершенствованія ихъ въ наукахъ. Совѣтъ, основываясь на отзывахъ факультетовъ, избралъ для этой цѣли кандидатовъ Сошальскаго и Громова, перваго для словесности, второго—для естественной исторіи, физики и химіи. Сдѣлавъ представленіе о нихъ попечителю, онъ въ то же время поручилъ профессорамъ Осиповскому, Делявиню, Якобу, Гуту и Де-Баллю, подъ предсѣдательствомъ ректора, выработать для нихъ инструкцію. Но такъ какъ въ это время начались въ Германіи военныя замѣшательства, окончанія которыхъ нельзя было предвидѣть, то Сошальскій, какъ своекоштный студентъ, не захотѣлъ выжидать и поступилъ на гражданскую службу, а Громову поручено было временное преподаваніе латинскаго языка молодымъ людямъ, вступающимъ въ университетъ и недостаточно знакомымъ съ этимъ предметомъ. Въ слѣдующемъ 1810 году попечитель округа предложилъ совѣту отправить въ чужіе края кандидатовъ изъ казеннокоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета. Совѣтъ назначилъ двухъ лицъ: Громова (о которомъ шла рѣчь уже раньше) и

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 5459, по картону 152.

Архангельскаго для приготовленія по математикѣ и физикѣ; кромѣ того намѣченъ былъ и третій кандидатъ Переверзевъ, но онъ предварительно долженъ былъ пробыть еще одинъ годъ въ университетѣ для усовершенствованія въ своей специальности государственныхъ наукахъ и въ нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ ему необходимо было бы дольше всего пробыть въ Германіи. Но вскорѣ попечитель прислалъ новую бумагу, въ которой откладывалъ эти командировки до весны слѣдующаго 1811 г. и обѣщалъ тогда указать, къ какимъ ученымъ заграницей нужно будетъ отправиться этимъ молодымъ людямъ [1]).

Въ концѣ 1811 года совѣтъ вошелъ съ представленіемъ въ министерство объ отправленіи Архангельскаго и Громова заграницу. Они должны были пробыть 2 года въ Германіи, годъ въ Парижѣ и 4-й годъ употребить на путешествіе; на расходы имъ рѣшено было выдавать слѣдующія суммы: ежегодно по 400 р. сер. въ годъ столовыхъ денегъ, по 200 р. сер. на уплату гонорара и на покупку книгъ и учебныхъ пособій и единовременно по 300 р. на путевые расходы отъ Харькова до Парижа и постолько же на обратный путь. Въ дѣлахъ правленія сохранились любопытныя инструкціи, выработанныя для Архангельскаго и Громова физико-математическимъ факультетомъ. Вотъ ихъ содержаніе. „Г. Архангельскій, читаемъ мы въ первой, предпринимаетъ путешествіе на счетъ Императорскаго Харьковскаго университета для обученія своего во всѣхъ предметахъ, относящихся къ математикѣ, какъ методѣ наукъ сихъ въ теоріи, такъ и приспособленіи ихъ въ практикѣ. Для этого необходимо нужно: 1) чтобы во всѣхъ мѣстахъ, чрезъ которыя проѣзжать будетъ, посѣщалъ онъ славнѣйшихъ математиковъ, астрономовъ и физиковъ, равно какъ оптиковъ и механиковъ и чтобы въ журналѣ своемъ записывалъ все видѣнное или слышанное у нихъ достопримѣчательное относительно этихъ наукъ и искусствъ. Онъ долженъ стараться получать напередъ свѣдѣнія объ именахъ извѣстныхъ ученыхъ мужей и снабжать себя рекомендательными письмами для лучшаго у нихъ пріема; 2) чтобы онъ осматривалъ повсюду важнѣйшія собранія математическихъ, физическихъ и технологическихъ инструментовъ, какъ въ публичныхъ, такъ и частнымъ людямъ принадлежащихъ кабинетахъ, равно и главнѣйшія машины, какія случится ему видѣть, съ тѣмъ чтобы дѣлалъ всему, что ему покажется новымъ или полезнымъ и неизвѣстнымъ подробныя и вѣрныя въ журналѣ своемъ замѣчанія; 3) чтобы посѣщалъ всѣ обсерваторіи и библіотеки какъ публичныя, такъ и частнымъ людямъ принадлежащія, какія могутъ встрѣтиться ему по пути

[1]) Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

или въ ближайшемъ сосѣдствѣ, и чтобы онъ хорошо описывалъ ихъ въ своемъ журналѣ. Что касается библіотекъ, то онъ долженъ въ особенности обратить вниманіе на самыя рѣдкія математическія книги, какъ печатныя, такъ и рукописныя, записать въ своемъ журналѣ ихъ подробное заглавіе и все то, что ему будетъ сообщено о нихъ замѣчательнаго; 4) чтобы онъ посѣщалъ въ университетскихъ городахъ всѣ важнѣйшія учебныя заведенія, бывалъ на математическихъ лекціяхъ, знакомился съ методами преподаванія; 5) чтобы спеціально занимался въ Парижѣ у главнѣйшихъ тамошнихъ математиковъ и старался бы воспользоваться ихъ разговорами; въ особенности подробно долженъ ознакомиться съ политехническимъ училищемъ; 6) чтобы не упускалъ случая разсматривать тѣ крѣпости, черезъ которыя будетъ проѣзжать, и узнавать объ ихъ достопримѣчательностяхъ, равно какъ и о металлургическихъ заводахъ; 7) вышеупомянутый журналъ онъ долженъ вести аккуратно и черезъ каждые три мѣсяца присылать въ университетъ отчетъ или выписку изъ журнала вмѣстѣ со свидѣтельствомъ тѣхъ профессоровъ, чьи лекціи онъ посѣщалъ. Въ Германіи онъ пробудетъ проѣздомъ столько времени, сколько понадобится для ознакомленія съ достопримѣчательнѣйшими изъ ея предметовъ; главное же пребываніе его будетъ въ Парижѣ. „А вотъ инструкція Громову. Кандидатъ Громовъ до поѣздки своей въ иностранныя земли обязанъ осмотрѣть естественно-историческіе кабинеты и ботаническіе сады россійскихъ академій и университетовъ. И потому онъ долженъ отправиться отсюда черезъ Москву, Петербургъ и Дерптъ, причемъ ему вручены будутъ рекомендательныя письма къ тѣмъ ученымъ, которые имѣютъ въ своемъ вѣдѣніи эти учрежденія. Послѣ осмотра этихъ музеевъ и ботаническихъ садовъ, онъ долженъ будетъ представить подробное описаніе ихъ въ университетъ. Изъ Дерпта онъ поѣдетъ въ Кенигсбергъ и въ этомъ первомъ по пути его иностранномъ университетѣ осмотритъ все, заслуживающее вниманія. На этотъ конецъ ему будетъ дано рекомендательное письмо къ тамошнему профессору химіи и ботаники Гагену, которое будетъ ему въ этомъ отношеніи очень полезно. Изъ Кенигсберга онъ долженъ будетъ ѣхать немедленно въ Берлинъ. И такъ какъ тамъ онъ начнетъ свое ученіе, то ему непремѣнно нужно будетъ пріѣхать туда къ свѣтлой недѣлѣ. Въ Берлинѣ ему рекомендуется поселиться въ учебномъ институтѣ г. Шрадера, ибо тамъ ему можно будетъ не только имѣть за дешевую плату квартиру и содержаніе, но и обучаться минералогіи, ботаникѣ и химіи. Въ то же самое время онъ должевъ будетъ стараться получить доступъ въ тамошнее фармацевтическое общество: выгода будетъ та, что онъ съ одной стороны будетъ слушать препода-

ваемыя тамъ г. Спренгелемъ лекціи, а съ другой пользоваться книгами и журналами его библіотеки. Кромѣ этого ему нужно будетъ брать уроки по ботаникѣ у г. Вильденова и посѣщать этого ученаго мужа, въ особенности въ виду той пользы, какую можно получить отъ его ботаническаго сада. Свободное время въ продолженіе пребыванія своего въ Берлинѣ онъ можетъ употребить на осмотръ достопримѣчательной зоологической коллекціи въ Гофмансегѣ и большаго королевскаго и Клапродскаго минералогическаго кабинетовъ. Въ случаѣ если (чего доселѣ никогда не бывало) въ половинѣ лѣта, въ этихъ коллегіяхъ будетъ идти преподаваніе лекцій, то и ему будетъ полезно записаться на нихъ. А для того чтобы вообще онъ могъ воспользоваться всѣмъ въ Берлинѣ, ему будутъ даны здѣсь въ Харьковѣ рекомендательныя письма. По окончаніи же чтеній, около Михайлова дня, онъ можетъ оставить Берлинъ и отправиться черезъ Галле, Лейпцигъ и Дрезденъ (гдѣ онъ также осмотритъ кабинеты) во Фрейбергъ. Въ этомъ городѣ онъ обязанъ будетъ всецѣло посвятить себя изученію минералогіи и кромѣ лекцій по этому предмету у Вернера ходить на лекціи по металлургіи и аналитической химіи къ г. Хамнадіусу. По окончаніи зимняго семестра во Фрейбергѣ, онъ отправится черезъ Іену въ Геттингенъ. Тамъ онъ обязанъ будетъ осмотрѣть все, что имѣетъ достопримѣчательнаго тамошній университетъ по части минералогіи и зоологіи, напримѣръ, герцогскій музей и минералогическій кабинетъ минералогическаго общества. Небольшая поѣздка въ Герцъ была бы небезполезна для него, какъ для минералога и ботаника; только онъ долженъ будетъ напередъ собрать свѣдѣнія о его достопримѣчательностяхъ. Въ Геттингенѣ обязанъ онъ слушать полгода лекціи по сравнительной анатоміи и вообще по всей естественной исторіи у Блуменбаха; у этого же ученаго онъ можетъ увеличить свои познанія по оптикѣ; весьма важны будутъ для него также здѣсь лекціи по зоологіи у Гравенгорста и ботаникѣ у Шрадера. Изъ Геттингена онъ отправится на цѣлый годъ въ Парижъ, гдѣ и закончитъ свое академическое образованіе. Тутъ должны быть имъ изучены сравнительная анатомія, зоологія, минералогія, ботаника, аналитическая химія. Изъ Парижа онъ вернется черезъ Вѣну и Галицію обратно въ Харьковъ и на это путешествіе прибавится ему еще полъгода къ тѣмъ тремъ годамъ, которые назначены на ученую командировку. Въ Вѣнѣ онъ можетъ осмотрѣть замѣчательнѣйшіе ботаническіе сады, музеи и звѣринцы.

Будучи заграницей, кандидатъ Громовъ долженъ будетъ выполнять слѣдующія правила.

Вести дневникъ или журналъ, въ который записывать все достопримѣчательное касательно наукъ и посылать выписки изъ него въ университетъ съ удостовѣреніями профессоровъ объ исправномъ посѣщеніи лекцій; далѣе слѣдуютъ и другіе параграфы, соотвѣтствующіе таковымъ же въ инструкціи Архангельскаго съ нѣкоторыми особенностями, вызывавшимися свойствомъ предмета. Мы отмѣтимъ только эти особенности. Вездѣ Громовъ долженъ былъ осматривать, гдѣ представится случай, слои торфа, каменнаго угля и рудокопни, стараться получить право завести впослѣдствіи переписку съ учеными въ интересахъ кабинетовъ и ботаническаго сада Харьковскаго университета, присылать сѣмена рѣдкихъ растеній изъ тамошнихъ садовъ.

Выслушавъ проэктъ этихъ факультетскихъ инструкцій, правленіе сдѣлало въ немъ слѣдующія измѣненія: 1) постановило, чтобы оба кандидата прямо ѣхали въ Парижъ для усовершенствованія себя въ наукахъ, а Германію съ научною цѣлью посѣтили только на обратномъ пути; 2) на пребываніе въ Парижѣ назначить имъ два года и на путешествіе по Германіи 1 годъ; 3) опредѣлить имъ по 400 р. въ годъ на содержаніе и на проѣздъ до Парижа по 300 р.; 4) дабы допущены они были во французскій коллежъ, въ музей естественной исторіи, гдѣ должно сосредоточиться главнымъ образомъ ихъ ученіе, а также къ обозрѣнію горнаго музея, Парижской обсерваторіи и другихъ императорскихъ заведеній, гдѣ они могли бы почерпнуть свѣдѣнія по своей спеціальности, просить г. министра народнаго просвѣщенія войти съ ходатайствомъ за нихъ къ французскому посланнику при нашемъ дворѣ, и рекомендовать вниманію русскаго резидента въ Парижѣ и французскихъ ученыхъ, состоящихъ членами россійской академіи наукъ [1]).

Впрочемъ заграничная поѣздка Громова и Архангельскаго не состоялась совершенно. Министръ А. К. Разумовскій въ отвѣтъ на представленіе совѣта извѣщалъ его, что „по настоящему низкому курсу и по дороговизнѣ во всѣхъ предметахъ первой необходимости онъ не находитъ удобнымъ командировать магистровъ Громова и Архангельскаго въ чужіе края, а вмѣсто того рекомендуетъ совѣту отправить ихъ къ ученымъ людямъ, находящимся въ предѣлахъ Россіи; послѣ чего, если обстоятельства измѣнятся, можно будетъ ихъ направить и въ чужіе края“ (23 авг. 1811 г.). Совѣтъ, сообразуясь съ предложеніемъ министра, постановилъ: 1) „отправить магистра Громова на счетъ университета для усовершенствованія его въ наукахъ, въ Москву, гдѣ онъ

[1]) Харьков. унив. архивъ. Журналы правленія 1811 г., январь—апрѣль, засѣданіе 13 марта.

подъ руководствомъ профессоровъ Гофмана, Таубера и Фишера будетъ заниматься ботаникой, минералогіей и зоологіей, а затѣмъ въ Петербургъ, Дерптъ и Вильну; при этомъ ему будетъ поставлено на видъ, чтобы они на ряду съ теоретическими свѣдѣніями пріобрѣталъ и практическія познанія, для чего посѣщалъ бы и изучалъ всѣ естественно историческіе кабинеты; 2) что касается магистра Архангельскаго, то онъ съ рекомендательными письмами отъ университета и также на его счетъ долженъ будетъ отправиться въ Петербургъ къ проф. Фусу, Шуберту и Гурьеву, причемъ предположено было просить министра, чтобы магистръ Архангельскій допущенъ былъ къ слушанію лекцій въ императорской академіи наукъ на томъ же самомъ основаніи, на каковомъ оканчиваютъ въ ней свое ученіе ея воспитанники, съ тѣмъ чтобы онъ усовершенствовалъ себя въ прикладной математикѣ. Для этого не требуется, чтобы онъ, Архангельскій, дѣйствительно помѣщенъ былъ въ число воспитанниковъ академіи, но только чтобы могъ исполнять работы, какія этимъ воспитанникамъ въ академіи бываютъ поручаемы". (23 сент. 1811 г.). Министръ на это далъ слѣдующій отвѣтъ: „на отправленіе магистра Громова, для усовершенствованія въ наукахъ, я согласенъ; что же касается до магистра Архангельскаго, котораго совѣтъ предположилъ отправить въ Санктпетербургъ для слушанія лекцій въ академіи наукъ, то я долженъ объяснить, что въ академіи лекцій не преподаютъ, а воспитанники ея (элевы) состоятъ подъ руководствомъ котораго либо изъ академиковъ и пользуются его наставленіями; на таковомъ основаніи и Архангельскій можетъ быть порученъ тому академику, по спеціальности котораго онъ долженъ себя усовершенствовать. Совѣтъ, сдѣлавъ окончательныя по этому дѣлу распоряженія, не преминетъ мнѣ донести, дабы и я съ своей стороны могъ сдѣлать порученіе тому академику, къ которому будетъ посланъ Архангельскій (22 окт. 1811 г.) [1]): Въ ноябрѣ мѣсяцѣ правленіе, въ которое перешло это дѣло изъ совѣта, постановило: отправить Громова въ Москву, а Архангельскаго въ Петербургъ, назначивъ имъ по 1000 руб. содержанія изъ суммы, полагающейся по штату на путешествія адъюнктовъ (выдавая это жалованье всегда за 2 мѣсяца впередъ); магистра Громова поручить въ особенное вниманіе по естественной исторіи (вообще) проф. Фишеру, а по минералогіи адъюнкту Тауберу; просить ректора Московскаго университета дозволить Архангельскому посѣщать кабинеты, лекціи и библіотеку; поручить его акад. Шуберту и Гурьеву, съ тѣмъ чтобы подъ руководствомъ перваго онъ усовершенствовалъ себя въ

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв., 1811 г., № 5803, карт. № 156.

астрономіи, а подъ руководствомъ второго въ прикладной математикѣ; сообщить объ этомъ министру народнаго просвѣщенія, и просить его сдѣлать соотвѣтственное награжденіе руководителямъ; рекомендовать вниманію академіи Архангельскаго и просить ее, чтобы она разрѣшила ему пользоваться своей библіотекой; назначить полуторагодичный срокъ для командировки того и другого магистра, поставивъ имъ въ обязанность доставлять черезъ каждые три мѣсяца, согласно требованію устава, отчеты о своихъ занятіяхъ и отзывы руководителей; предположеніе объ отправленіи ихъ, по истеченіи этого срока, еще и въ другіе русскіе университетскіе города, обсудить впослѣдствіи; снабдить ихъ инструкціями и выдать прогонныя деньги на три лошади и подорожныя [1]). Обо всемъ этомъ совѣтъ увѣдомилъ министра (9 дек. 1811 г.) [2]). Академія отнеслась очень холодно къ проэкту о присылкѣ магистра Архангельскаго и отклонила отъ себя, какъ учрежденія, всякое участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ что совѣтъ Харьковскаго университета, получивъ ея извѣщеніе, рѣшился даже вновь ходатайствовать передъ министромъ о заграничной командировкѣ для своего питомца. „Совѣтъ получилъ отношеніе Императорской академіи наукъ, въ которомъ объясняется, что посылку магистра Архангельскаго для усовершенствованія въ астрономіи и прикладной математикѣ подъ надзоромъ академіи не иначе почитать можно, какъ частнымъ дѣломъ между университетомъ и академиками Шубертомъ и Гурьевымъ, ибо какъ академія не есть школьное заведеніе и академики не обязаны давать лекцій никому, кромѣ собственныхъ воспитанниковъ, то она не можетъ ни приказать, ни запретить этимъ академикамъ выполнить обязанность, налагаемую на нихъ университетомъ; это зависитъ отъ ихъ досуга и доброй воли. Равнымъ образомъ и позволеніе пользоваться библіотекой и другими пособіями просимое для магистра Архангельскаго, зависитъ отъ тѣхъ же академиковъ, имѣющихъ ихъ на своей отвѣтственности. Совѣтъ, разсуждая о такихъ затрудненіяхъ, вычисленныхъ академіей наукъ, и представляя о томъ вашему сіятельству, покорнѣйше проситъ соизволить на отправленіе магистра Архангельскаго для усовершенствованія въ чужіе края» (24 февр. 1812 г.). Но министръ отклонилъ и это новое ходатайство очевидно, въ виду тогдашнихъ политическихъ обстоятельствъ—ожидавшейся войны съ Франціей. „Я не могу писалъ онъ совѣту, дать согласія моего на отправленіе магистра Архангельскаго для усовершенствованія его въ чужіе края, поелику и низкій курсъ, и настоящія обстоя-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журналы правл. 1811 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 27 ноября.

[2]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 1811 г., № $^{5803}/_{156}$.

тельства не представляютъ къ тому удобства. Впрочемъ, онъ порученъ уже отъ меня академику Гурьеву, который и принялъ его въ свое руководство, о чемъ ко мнѣ письменно отозвался. Слѣдовательно, ничто не препятствуетъ Архангельскому до лучшаго времени знанія свои усовершать подъ надзоромъ упомянутаго академика" (14 марта 1812 г.).

Гр. А. К. Разумовскій дѣйствительно принялъ съ своей стороны мѣры для привлеченія академиковъ къ ученой подготовкѣ Архангельскаго. Онъ обратился къ Гурьеву и сверхъ того еще искалъ совѣта, содѣйствія и у Фуса. Первый охотно принялъ возлагаемое на него порученіе, второй отклонилъ его отъ себя, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ нижеслѣдующаго его письма. „Мнѣ извѣстно, писалъ Фусъ, что Харьковскій университетъ, приславъ въ Петербургъ магистра Архангельскаго для усовершенствованія въ математикѣ, рекомендовалъ его особенно академикамъ Шуберту и Гурьеву. Совѣтъ университета не могъ сдѣлать лучшаго выбора для наставленія его въ упомянутыхъ наукахъ и г. Гурьевъ, взявшійся преподавать курсъ прикладной математики, имѣетъ сравнительно со мною то преимущество, что можетъ читать ее на россійскомъ языкѣ. Желаніе вашего сіятельства, чтобы и я также участвовалъ въ наставленіи г. Архангельскаго по сей части, служитъ доказательствомъ довѣрія, какимъ вы меня изволили почтить, и я постарался бы его заслужить ревностнымъ исполненіемъ вашихъ приказаній, если бы только многочисленныя мои занятія позволяли мнѣ преподавать полный курсъ и читать непрерывныя лекціи. Но это тѣмъ болѣе невозможно, что сверхъ моихъ должностей академика и непремѣннаго секретаря, обязанъ я еще обучать порученнаго мнѣ воспитанника академіи по предмету чистой математики. При таковыхъ моихъ занятіяхъ, давно уже я принужденъ былъ отказаться отъ преподаванія частныхъ лекцій, о которыхъ меня часто просили, и еще просятъ, несмотря на то, что посторонній доходъ, сопряженный съ таковымъ ученіемъ, могъ бы при нынѣшней дороговизнѣ, принести отцу семейства съ 9 дѣтьми не малую пользу. Къ счастью, что лекціи, порученныя г. Гурьеву, сдѣлаютъ мои наставленія совершенно излишними, и я даже увѣренъ, что разность способовъ преподаванія для скорѣйшаго теченія его успѣховъ была бы болѣе вредна, нежели полезна. Впрочемъ, если я могу быть полезнымъ г. Архангельскому моими мнѣніями и совѣтами, то я съ удовольствіемъ пожертвую для него нѣсколькими свободными минутами, у меня иногда отъ моихъ должностей остающимися, и я сочту ихъ съ пользою проведеннымъ, если таковое употребленіе времени рѣдкаго моего отдохновенія можетъ доказать вашему сіятельству ту совершенную преданность и глубочайшее высокопочитаніе, съ

каковыми честь имѣю пребыть, сіятельнѣйшій графъ м. г., вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Николай Фусъ"(19 янв. 1812 г.).

Архангельскій оказался очень прилежнымъ и добросовѣстнымъ молодымъ ученымъ и Гурьевъ аттестовалъ его въ концѣ года министру съ самой лучшей стороны. „Принявъ, писалъ Гурьевъ министру подъ свое руководство, по порученію вашего сіятельства, магистра Харьковскаго университета Архангельскаго, употреблялъ я къ его усовершенствованію все, что отъ меня зависѣло, чтобы оправдать то мнѣніе, каковое ваше сіятельство обо мнѣ имѣть изволите, сдѣлавъ мнѣ подобное порученіе. Чтобы положить твердое основаніе тѣмъ его познаніямъ, которыя я намѣренъ былъ сообщить и дать ему возможность воспользоваться всѣмъ, что казалось мнѣ нужнымъ, я повелъ его особеннымъ путемъ. Во-первыхъ, познакомилъ я его съ древними писателями, какъ-то съ Евклидомъ и Архимедомъ; потомъ читалъ онъ подъ моимъ руководствомъ по чистой математикѣ лучшихъ новыхъ писателей, какъ-то— Эйлера, Кузеня и Лакроа. Сверхъ того сообщалъ я ему и свои сочиненія, какъ печатныя, такъ и рукописныя, по разнымъ отдѣламъ этой науки и разрѣшалъ затрудненія, какія ему при этомъ чтеніи встрѣчались. Такимъ образомъ, онъ получилъ сравнительное познаніе во всѣхъ отдѣлахъ, составляющихъ полный курсъ математики. По окончаніи этого приступилъ я съ нимъ къ механикѣ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ и по сіе время прошелъ онъ уже до половины этой обширнѣйшей и полезнѣйшей части прикладной математики, о чемъ впрочемъ я буду имѣть честь донести вашему сіятельству во всей подробности, когда будетъ оконченъ полный курсъ механики. Въ заключеніе этого донесенія считаю своимъ долгомъ представить вашему сіятельству, что магистръ Архангельскій своимъ прилежаніемъ, успѣхами и поведеніемъ попеченіе вашего сіятельства и намѣреніе университета безъ всякаго сомнѣнія оправдаетъ; но, къ сожалѣнію, недостаетъ ему нѣкоторыхъ средствъ къ надежнѣйшему и полному ему образованію по причинѣ недостаточной суммы, опредѣленной ему на содержаніе. Во-первыхъ, онъ не можетъ имѣть удобной для своихъ занятій квартиры; во-вторыхъ, чувствуетъ недостатокъ въ необходимыхъ книгахъ, которыя относятся къ предмету его спеціальности и которыхъ я ему не могу доставить и которыхъ безъ денегъ вообще нельзя достать; въ-третьихъ, чтобы на практикѣ приложеніе правилъ механики, ему нужно осмотрѣть разныя машины здѣсь въ Петербургѣ и его окрестностяхъ; для лучшаго во всемъ этомъ успѣхѣ я познакомилъ его съ здѣшнимъ практическимъ механикомъ Невѣдомскимъ, но это требуетъ особенныхъ издержекъ. Мнѣ кажется, что для всѣхъ этихъ потребностей достаточно будетъ прибавить къ

его настоящему жалованью 300 руб. въ годъ. Я осмѣливаюсь надѣяться, что настоящее мое въ пользу Архангельскаго или лучше сказать въ пользу университета представленіе не будетъ противно благопопечительности вашего сіятельства о распространеніи въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія" (18 дек. 1812 г.). Министръ немедленно уважилъ это ходатайство и велѣлъ отпустить Архангельскому 300 руб. за истекавшій 1812 годъ изъ суммъ главнаго правленія училищъ, съ тѣмъ чтобы Харьковскій университетъ возвратилъ эти деньги правленію.

Архангельскій обнаружилъ такія способности и усердіе, что его хотѣли сдѣлать адъюнктомъ академіи наукъ. Министръ запросилъ уже университетъ, не находитъ ли онъ съ своей стороны препятствій къ переходу своего питомца на службу въ академію; но университетъ заявилъ, что ему самому необходимъ Архангельскій; въ такомъ смыслѣ далъ отзывъ спеціалистъ профессоръ математики (бывшій тогда ректоромъ) Осиповскій, указавшій, что Архангельскій необходимъ Харьковскому университету для преподаванія прикладной математики (съ отъѣздомъ Гута, какъ извѣстно, эта каѳедра сдѣлалась вакантной, и читалъ временно по ней Осиповскій). Въ концѣ 1813 г. университетъ обратился въ министерство съ бумагой, въ которой спрашивалъ, нужно ли Архангельскаго командировать еще въ другіе университетскіе города, такъ какъ это именно предполагалось сдѣлать по истеченіи полуторагодичнаго пребыванія его въ Петербургѣ, и этотъ срокъ уже окончился; „Московскій же университетъ, какъ извѣстно, и по сіе время еще не принялъ постояннаго существованія, а о нынѣшнемъ состояніи Виленскаго университета ничего неизвѣстно" и въ заключеніе высказывалась просьба, чтобы министръ сообщилъ, командируетъ ли Архангельскаго въ другіе университеты, или направитъ прямо въ Харьковъ и чтобы во всякомъ случаѣ ему даны были деньги на путевые расходы (20 сентября 1813 г.). Министръ рѣшилъ отпустить Архангельскаго въ Харьковскій университетъ, который избралъ его въ это время адъюнктомъ математическаго отдѣленія. Академикъ Гурьевъ, подъ руководствомъ котораго находился онъ во все время пребыванія своего въ Петербургѣ, свидѣтельствовалъ „объ отличныхъ успѣхахъ его въ наукахъ и похвальномъ поведеніи, съ изъясненіемъ, что онъ мѣсто профессора математики въ университетѣ съ пользою занимать можетъ". Архангельскому выдано было его жалованье (за 2 мѣсяца 216 р. 66½ к.) и прогоны (350 руб.) [1]. Громовъ, какъ мы знаемъ, пробылъ въ Москвѣ до нашествія Наполеона, зани-

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 5803/156; Харьк. унив. архивъ. Журналы правленія 1811 г., январь—апрѣль; засѣданіе 13 марта.

маясь тамъ главнымъ образомъ подъ руководствомъ Фишера; затѣмъ вернулся въ Харьковъ и послѣ защиты докторской диссертаціи избранъ былъ въ адъюнкты.

Изъ приведенныхъ фактовъ видно, что опытъ подготовки къ профессурѣ молодыхъ магистровъ русскими научными силами въ предѣлахъ Россіи оказался удачнымъ, хотя прошелъ не безъ затрудненій: академія наукъ, какъ учрежденіе, не хотѣла брать на себя новой обязанности; между тѣмъ политическія обстоятельства были таковы, что дѣйствительно заграничная командировка была невозможна. Среди членовъ совѣта Харьковскаго университета, однако, господствовало убѣжденіе, что только въ западно-европейскихъ научныхъ центрахъ возможна и удобна спеціальная подготовка къ профессурѣ молодыхъ русскихъ ученыхъ. Такой точки зрѣнія придерживался и попечитель округа гр. С. О. Потоцкій. Самая идея о командировкѣ заграницу Архангельскаго и Громова принадлежала ему. Онъ написалъ письмо ректору, въ которомъ обращалъ его вниманіе на отправленіе Московскимъ университетомъ русскихъ кандидатовъ въ чужіе края для усовершенствованія въ наукахъ. Мы видѣли также, что и раньше Харьковскій университетъ избиралъ этотъ способъ усовершенствованія своихъ питомцевъ въ наукахъ, т. е. заграничныя командировки. Наконецъ, этотъ же способъ прямо указывался и уставомъ. Такимъ образомъ, отправленіе Архангельскаго и Громова въ Петербургъ и Москву представляло изъ себя исключительное явленіе, вызванное временными обстоятельствами.

Въ это же время состоялась и командировка въ Петербургъ кандидата Робуша для изученія военныхъ наукъ. Извѣстно, что каѳедра по этому предмету была назначена уставомъ и пріурочивалась къ физико-математическому факультету. Но она не была занята и временнымъ преподавателемъ по ней былъ нѣкій Ивановъ. Въ сентябрѣ 1811 г. совѣтъ вошелъ къ министру народнаго просвѣщенія съ ходатайствомъ о командировкѣ въ Петербургъ для изученія военныхъ наукъ кандидата физико-математическаго факультета Робуша, такъ какъ временный преподаватель этого предмета учитель гимназіи Ивановъ не имѣетъ такого образовательнаго ценза, который бы позволилъ ему когда-либо вступить въ профессорскую коллегію. Въ Петербургѣ онъ долженъ былъ заниматься военными науками подъ руководствомъ профессора морскаго кадетскаго корпуса полковника Горбунова въ теченіе двухъ лѣтъ, съ тѣмъ чтобы потомъ получить соотвѣтствующія университскія ученыя степени и занять мѣсто штатнаго преподавателя. При этомъ представленъ былъ и реестръ книгъ, которыя были необходимы для Робуша, а впослѣдствіи могли поступить въ университетскую библіотеку, а именно: 1) Бушара—полный

курсъ инженерныхъ наукъ (85 р.); 2) Вернона—курсъ (75 р.); 3) Хотова—тактика (10 р.); 4) артиллерійскіе чертежи (25 р.); 5) записки Фридриха II (20 руб.); 6) сочиненіе о постепенномъ усовершенствованіи артиллеріи во Франціи переводъ Гогеля (20 р.); 7) долговременная фортификація Сенъ-Поля (10 р.); всего на 245 р. Робушъ получилъ командировку и два года занимался военными науками; а когда истекъ срокъ ея, обратился къ министру народнаго просвѣщенія съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія. „Харьковскій университетъ, удостоивъ меня по части физико-математическихъ наукъ степени кандидата, по исходатайствованному отъ вашего сіятельства соизволенію, отправилъ меня въ столичный городъ С.-Петербургъ для усовершенствованія въ военныхъ наукахъ, въ томъ намѣреніи, чтобы по прошествіи опредѣленнаго на то мнѣ времени, имѣть во мнѣ чиновника, способнаго преподавать военныя науки студентамъ въ томъ университетѣ. По прибытіи моемъ въ С.-Петербургъ въ іюлѣ мѣсяцѣ 1812 года, я немедленно приступилъ къ моимъ занятіямъ сообразно данной мнѣ отъ университета инструкціи, и съ того времени, подъ руководствомъ г. инженеръ полковника Баженова, равно какъ и въ инженерной школѣ, занимался артиллерійскими и инженерными науками во всей обширности. Не безъизвѣстенъ вашему сіятельству отзывъ г. инженеръ подполковника Баженова, сдѣланный имъ въ августѣ мѣсяцѣ минувшаго 1814 года о моихъ успѣхахъ. Нынѣ наступаетъ время возвращенія моего въ университетъ, гдѣ по предположенію онаго, я обязанъ вступить тамъ въ должность преподающаго военныя науки. Но не имѣя степени, соотвѣтствующей предстоящей мнѣ должности, и зная, что университетъ никого еще изъ чиновниковъ по части военныхъ наукъ не имѣетъ, и слѣдовательно экзаменовать меня въ военныхъ предметахъ не можетъ, и желая явить предъ начальствомъ мои успѣхи, чтобы ими стяжать себѣ соотвѣтственное предлежащей мнѣ должности званіе, осмѣливаюсь покорнѣйше просить ваше сіятельство дозволить мнѣ здѣсь въ С.-Петербургѣ держать экзаменъ въ артиллерійскомъ ученомъ комитетѣ для полученія званія адъюнкта, буде успѣхи мои то заслужатъ. Неусыпныя занятія мои въ продолженіи двухъ лѣтъ и семи мѣсяцевъ мнѣ въ томъ ручаются, а увѣренность, что ваше сіятельство по ревностному покровительству къ распространенію просвѣщенія, удостоите милостиваго вниманія сію всепокорнѣйшую мою просьбу, дастъ мнѣ новыя силы усердно служить и быть полезнымъ моему отечеству, коему на всегда посвящаю всѣ труды мои. С.-Петербургъ. 1815 г. февраля 10 дня. Императорскаго Харьковскаго университета кандидатъ Михаилъ Робушъ“. Министръ разрѣшилъ ему держать такой экзаменъ. Робушъ экзаменовался въ комитетѣ и обнаружилъ хорошія познанія

въ фортификаціи и артиллеріи, но не столь значительныя, чтобы получить высшую ученую степень, ибо оказался недостаточно сильнымъ въ высшей математикѣ и механикѣ. Отправляя Робуша обратно въ Харьковъ, министръ извѣщалъ обо всемъ этомъ совѣтъ университета и, высказывая надежду, что онъ постарается усовершенствовать себя въ своей спеціальности, дѣлалъ распоряженіе о выдачѣ ему адъюнктскаго жалованья (800 руб. въ годъ) изъ суммъ, предназначенныхъ на эту каѳедру; сверхъ того на путевые расходы ему было отпущено 300 руб. (12 апр. 1815 года). Подполковнику Баженову за его труды комитетъ министровъ рѣшилъ выдать подарокъ изъ кабинета Его Величества (перстень въ 1000 р.) [1]).

Въ 1814 году состоялось постановленіе совѣта о командировкѣ съ ученою цѣлью въ Англію окончившаго медицинскій факультетъ Харьковскаго университета Гнѣдича. Онъ самъ пожелалъ отправиться туда съ адъюнктомъ Громовымъ и ссылался на то, что ему можетъ оказывать помощь его дядя, проживающій въ Лондонѣ и состоящій членомъ корреспондентомъ университета (настоятель посольской церкви протоіерей Смирновъ). Совѣтъ, въ виду отличнаго отзыва медицинскаго факультета, рѣшилъ отправить его въ это ученое путешествіе съ выдачею 500 р. жалованья [2]).

Вотъ и всѣ извѣстные намъ случаи командировокъ молодыхъ людей съ учебными цѣлями, для приготовленія ихъ къ профессорскому званію. Ихъ оказывается гораздо меньше, чѣмъ могло или, точнѣе говоря, должно было быть въ дѣйствительности (по уставу и по имѣвшимся въ распоряженіи университета на этотъ предметъ суммамъ). А это объясняется главнымъ образомъ, нужно полагать, недостаточнымъ количествомъ студентовъ въ Харьковскомъ университетѣ въ первые годы его существованія; оканчивающихъ было такъ мало, что всѣ они безъ труда могли пристроиться на разныхъ поприщахъ служебной дѣятельности. Впрочемъ, всѣ тѣ лица, которые получили командировку отъ Харьковскаго университета въ изучаемую нами эпоху—Калькау, Архан-

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 1811 г., № $^{5832}/_{157}$; ср. также Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1812 г., май—августъ; засѣданіе 1-го іюля; тутъ мы находимъ постановленіе правленія о командировкѣ Робуша; любопытна одна подробность: правленіе ставитъ на видъ Робушу, чтобы онъ не сводилъ знакомства ни съ кѣмъ, кромѣ тѣхъ лицъ, отъ коихъ можетъ почерпнуть полезныя въ военныхъ наукахъ свѣдѣнія; оказывается также, что Робушъ долженъ былъ изучить военныя науки во всемъ ихъ объемѣ, включая сюда тактику и стратегію, для чего могъ взять особаго наставника.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ на русск. и иностр. яз. 1814 г. № 58.

гельскій, Громовъ и Робушъ—оправдали возлагавшіяся на нихъ надежды. Очень любопытно было бы рѣшить вопросъ, дали ли центры русскаго просвѣщенія (Москва и Петербургъ) столь же хорошую спеціальную подготовку, какую дала Европа адъюнкту Калькау, но судить объ этомъ довольно трудно. Можно только сказать, что тогдашніе дѣятели науки—профессора Харьковскаго университета—отдавали явное предпочтеніе загранипѣ и были, конечно, правы въ томъ отношеніи, что западные университеты стояли въ научномъ отношеніи выше русскихъ. Что касается Калькау, то Европа дала ему сверхъ того и обширное знакомство съ нѣмецкой литературой и образованностью. Но все-таки можно съ удовольствіемъ констатировать тотъ фактъ, что и Архангельскій прошелъ прекрасную школу у академика Гурьева и вынесъ самыя лучшія воспоминанія о своемъ наставникѣ и руководителѣ. Это послѣднее обстоятельство засвидѣтельствовано ѣхавшимъ съ нимъ изъ Петербурга Цебриковымъ [1]). Не мѣшаетъ также замѣтить, что въ 1814 г. Архангельскій напечаталъ нѣсколько трудовъ, несомнѣнно подъ вліяніемъ своего руководителя академика Гурьева.

Покончивъ съ вопросомъ о преподавательской дѣятельности профессоровъ, переходимъ теперь къ обозрѣнію ихъ *ученыхъ работъ*. Выше мы сообщили подробныя свѣдѣнія о печатныхъ трудахъ иностранныхъ и русскихъ профессоровъ до поступленія ихъ въ Харьковскій университетъ [2]). Теперь мы увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ на новомъ мѣ-

---

[1]) Записки Цебрикова будутъ скоро изданы мною.

[2]) Пользуемся случаемъ, чтобы пополнить теперь кое-какіе библіографическіе пробѣлы въ предъидущемъ изложеніи. Въ библіотекѣ и другихъ харьковскихъ хранилищахъ нѣтъ многихъ сочиненій харьковскихъ профессоровъ и нѣкоторыхъ изданій, заключающихъ матеріалы для исторіи университета. Это обстоятельство заставляетъ меня, во-1-хъ, предпринимать время отъ времени поѣздки въ Петербургъ и, во-2-хъ, выписывать необходимыя книги изъ Императ. Публичной и Академической библіотекъ въ Харьковъ, въ университетскую библіотеку. Приношу глубокую благодарность администраціи этихъ учрежденій за любезное содѣйствіе моему ученому предпріятію. Раньше мы отмѣтили только четыре сочиненія Дегурова. Но въ Nouvelle Biographie générale par Didot frères“, которой мы пользовались въ Император. Публичной библіотекѣ, ихъ указано десять: 1) Histoire publique et secrète de Henri IV. P. 1790; 2) Coup d'oeil sur l'histoire de France pour servir l'introduction à la geographie de la France. P. 1791; 3) Geographie de la France. P. 1791; 4) Nouvelle rhetorique française à l'usage des jeunes demoiselles P. 1792; 5) École de politique. P. 1792; 6) Memoire justificatif pour Louis XVI publié par cahier les 20, 24 и 31 decembre 1792 et les 7 et 12 janvier 1793; 7) Histoire d'Olivier Cromvell. P. 1795, 2 vol; 8) Collection des meilleurs ouvrages qui ont été publiés pour la defense de Louis XVI. P. 1796, 2 vol.; 9) Notice sur la vie et les ecrits de l'abbé Rosier, impimé dans le cours complet d'agriculture. P. 1800; 10) Collection de pièces interessantes sur les grands événe-

стѣ служенія продолжали съ прежнимъ жаромъ разрабатывать свою науку, другіе проявили въ этомъ дѣлѣ еще бóльшую интенсивность чѣмъ прежде, третьи ослабѣли въ своей энергіи и четвертые, наконецъ, совершенно замолкли. Какую роль играли въ этомъ движеніи иностранцы и русскіе, мы увидимъ, когда познакомимся съ научною продуктивностью каждаго профессора въ отдѣльности, и будемъ имѣть понятіе не только о числѣ ученыхъ трудовъ, но и объ относительномъ достоинствѣ ихъ. Но такъ какъ я самъ не могъ сдѣлать оцѣнки ихъ, то обратился къ своимъ уважаемымъ коллегамъ—спеціалистамъ по разнымъ отдѣламъ знаній—съ просьбою перечитать предложенныя мною имъ сочиненія первыхъ харьковскихъ профессоровъ и дать о нихъ свой компетентный отзывъ. Товарищи откликнулись на этотъ призывъ — я вижу въ этомъ сочувствіе къ предпринятому мною труду и высоко цѣню эту помощь и содѣйствіе — и моя книга такимъ образомъ будетъ украшена ихъ критическими замѣчаніями, которыя внесены мною безъ всякихъ измѣненій въ текстъ съ точнымъ обозначеніемъ этихъ мѣстъ посредствомъ кавычекъ. Но мнѣ необходимо, въ интересахъ систематизаціи, пріурочить свое изложеніе не къ личностямъ ученыхъ, а къ характеру ихъ сочиненій. Обозрѣвая различные роды трудовъ, мы можемъ подвести ихъ подъ слѣдующія важнѣйшія группы: изслѣдованія и монографіи, учебники, руководства, курсы, диссертаціи на ученыя степени, рецензіи, актовыя рѣчи; статьи, посвященныя изслѣдованію края; дѣятельность общества наукъ; наконецъ, для полноты обзора мы должны будемъ еще сообщить свѣдѣнія объ ученыхъ трудахъ почетныхъ членовъ университета о первой Харьковской газетѣ, издававшейся университетскимъ книгопродавцемъ Лангнеромъ и о литературномъ движеніи,

---

ments de l'histoire de France pendant lesannées 1789. P. 1802. (21 vol. Paris. 1857, p. 458—460).

Въ другомъ библіографическомъ трудѣ мы находимъ болѣе полный сравнительно съ нашимъ перечень трудовъ Беленъ-де-Баллю. „Belin-de-Ballu (Iacq. Nic.) litterateur et helleniste distingué, читаемъ мы тамъ, membre de l'Institut, né à Paris 28 fevrier 1753, mort en Russie en 1815. Его труды: 1) Chasse (la), poëme trad. du grec.; 2) Epître au premier Consul sur l'enseignement de la langue grecque dans les lycées. P. 1803; 3) Hecube, tragedie, trad.du gr.; 4) Hermès hellenicus, grammaire grecque et française. P. 5) Histoire critique de l'eloquence chez les grecs. P.; 6) Histoire veritable de Lucius, trad. du gr.; 7) Myriobiblion, trad. du gr.; 8) Oeuvres de Lucien, trad. du gr. 9) Prêtre, par un docteur de Sorbonne; Беленъ-де-Баллю сверхъ того издалъ—„Des caractères de Teophraste et de la Bruyère съ примѣч. P. 1790, прибавивъ французскій переводъ двухъ новыхъ „Caractères“ Теофраста, найденныхъ въ Ватиканской библіотекѣ; ему-же принадлежитъ переводъ „Tableau de Cebes“. (La France litteraire par Querard, t. II. P. MDCCCXXVIII, p. 259; экз. Импер. Публ. библіотеки).

имѣвшемъ отношеніе къ университету по личностямъ его представителей. Въ концѣ же очерка мы постараемся опредѣлить и ту роль, какую играли въ этой научно-литературной дѣятельности отдѣльныя личности, дабы suum cuique tribuere.

Переходя къ обзору различныхъ видовъ научныхъ произведеній, мы прежде всего сдѣлаемъ общее замѣчаніе, что группа спеціальныхъ изслѣдованій и монографій не была многочисленна. Въ этомъ отношеніи начало XIX в. сильно отличается отъ нашего времени. Теперь профессоръ является синонимомъ самостоятельнаго изслѣдователя спеціалиста; а въ то время спеціальныя сочиненія профессоровъ были сравнительно рѣдки: профессора имѣли въ виду не столько развитіе научной мысли, сколько распространеніе научныхъ свѣдѣній въ общедоступной, популярной формѣ среди широкой публики, не столько спеціалистовъ, сколько обыкновенныхъ образованныхъ людей. Труды членовъ профессорской коллегіи относились, конечно, главнымъ образомъ къ области наукъ, но они не чуждались и изящной литературы; для преподавателей россійской словесности литературные опыты считались какъ бы обязательными: они читали на актахъ свои стихи, давали ихъ въ журналы. Выступая кандидатомъ на должность профессора въ Харьковскій университетъ, Ив. Евс. Срезневскій приложилъ слово „De peregrinatione musarum“ и „Гимнъ благотворительности“ [1]). Литературные вкусы того времени отражались на формѣ не только однихъ изящныхъ произведеній, но и научныхъ; и тѣ, и другіе характеризуются замѣтнымъ стремленіемъ къ возвышенному складу рѣчи, который намъ теперь представляется искусственнымъ, напыщеннымъ, риторическимъ; недаромъ преподаваніе словесности сводилось главнымъ образомъ къ изученію риторики и знаменитаго словесника Рижскаго Роммель называетъ „ein berühmter Rhetoricker“. Этимъ объясняется также стремленіе къ произнесенію рѣчей, которыми авторы пользовались, какъ средствомъ для проведенія своихъ идей въ общество; ораторская же форма служила для вящшаго убѣжденія слушателей. Русская университетская наука того времени была, конечно, очень юна и несовершенна и находилась въ полной зависимости отъ западноевропейскихъ ея представителей и образцовъ. Да и тамъ она еще не достигла той дифференціаціи и спеціализаціи, которая представляетъ характерную черту нашего времени. Не трудно было пріобрѣсти извѣстность даже на западѣ изданіемъ въ свѣтъ разныхъ учебниковъ, пособій, руководствъ болѣе или менѣе компилятивнаго характера. Мы видѣли, что такія книги главнымъ образомъ

[1]) Н. А. Лавровскаго. В. Н. Каразинъ, стр. 206.

*

издавалъ и знаменитый Якобъ, а равно Дрейсигъ, Пильгеръ, Нельдехенъ, Беленъ-де-Баллю и Стойковичъ. Изъ русскихъ почетную славу на этомъ поприщѣ стяжали себѣ Осиповскій и Рижскій. Въ руководствахъ и пособіяхъ въ то время на Руси ощущалась огромная потребность, вызванная открытіемъ въ первые годы царствованія императора Александра I массы новыхъ учебныхъ заведеній высшихъ, среднихъ и низшихъ; при томъ учебныя заведенія всѣхъ этихъ 3-хъ типовъ были органически связаны другъ съ другомъ; среднія и низшія школы были подчинены высшей, т. е. университету. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ, для успѣшнаго выполненія своей миссіи,—руководительства средними и низшими училищами—университеты должны были обратить серьезное вниманіе на изданіе учебниковъ и пособій для гимназій и за это дѣло взялись профессора. Имъ же пришлось заботиться и объ изданіи руководствъ для студентовъ, иначе эти послѣдніе очутились бы въ самомъ безпомощномъ положеніи. Студентамъ словеснаго отдѣленія непочемъ было даже штудировать греческихъ и римскихъ классиковъ. Вотъ гдѣ, слѣдовательно, лежитъ причина преобладанія среди профессорскихъ трудовъ сочиненій учебнаго, а не ученаго характера. Количество строго ученыхъ сочиненій сокращалось еще и оттого, что бóльшая часть профессоровъ была вызвана изъ заграницы и не должна была писать обязательныхъ диссертацій; отъ этихъ послѣднихъ были освобождены, какъ мы видѣли, и нѣкоторые изъ русскихъ преподавателей путемъ дарованія имъ докторской степени honoris causa. На словесномъ отдѣленіи особенно видное мѣсто своими учебными трудами завоевали русскіе профессора Рижскій и Успенскій. Мы видѣли, что Рижскій еще до опредѣленія своего профессоромъ въ Харьковскій университетъ стяжалъ себѣ почетную извѣстность въ качествѣ составителя прекрасныхъ выдающихся руководствъ по логикѣ и риторикѣ [1]). Теперь онъ продолжаетъ работать въ томъ же направленіи. 1-е изданіе его „Опыта риторики“ вышло въ Петербургѣ въ 1796 г. [2]); 2-е изданіе—въ Харьковѣ

---

[1]) „Умословіе или умственная философія“. СПБ. 1790, стр. 243. Въ предисловіи къ ней читаемъ: „главное расположеніе системы и большая часть правилъ и размышленій почерпнуты изъ философскихъ сочиненій Гольмана; не мало изъ другихъ извѣстнѣйшихъ писателей сего рода, прочее же единственно изъ природнаго умословія“. Въ 1-й части говорится о дѣйствіяхъ разума (о понятіяхъ, словахъ, опредѣленіяхъ, разсужденіяхъ, силлогизмахъ), во 2-й объ истинѣ и ея свойствахъ (о признакахъ истины, о познаніяхъ ея, о погрѣшностяхъ); въ 3-й части—о средствахъ къ познанію и сообщенію другимъ истины (о правильномъ употребленіи понятій и разсужденій, силлогизмовъ, о чтеніи книгъ, о сообщеніи своего познанія другимъ и т. п.).

[2]) „Опытъ риторики, сочиненный и преподаваемый въ Санктпетербургскомъ горномъ училищѣ. СПБ., при корпусѣ чужестранныхъ единовѣрцевъ, 1796 г., 396, XVI;

на счетъ университета въ 1805 году [1]); и *два* третьихъ изданія—въ Москвѣ въ 1809 г. и въ Харьковѣ въ 1822 г. [2]); „Введеніе въ кругъ словесности“ въ Харьковѣ въ 1806 г. [3]) и, наконецъ, „Наука стихотворства“—въ Петербургѣ въ 1811 г. [4]). Академикъ М. И. Сухомлиновъ о значеніи этихъ трудовъ выражается такъ: „въ теченіе шестилѣтняго пребыванія своего въ Харьковскомъ университетѣ, не смотря на поглощавшія время его служебныя обязанности по устройству новаго университета (въ должности почти безсмѣннаго ректора), Рижскій принесъ значительный вкладъ въ нашу скудную въ то время научную литературу, особенно по теоріи и исторіи словесности.... Въ филологическихъ

фамилія автора подъ посвященіемъ книги управляющему горнымъ училищемъ Вас. Ст. Попову.

[1]) Опытъ риторики, сочиненный Иваномъ Рижскимъ и изданный Импер. Харьк. университетомъ. Харьковъ. 1805 г., 405 стр.

[2]) „Опытъ риторики, сочиненный и нынѣ вновь исправленный и пополненный Иваномъ Рижскимъ. Изданіе третіе. Москва, въ универс. типографіи“. 1809 г., 381; „Опытъ риторики, сочиненный въ Санктпетербургскомъ горномъ кадетскомъ корпусѣ Ив. Рижскимъ, нынѣ съ нѣкоторыми исправленіями въ пользу училищъ Харьков. учебнаго округа третьимъ тисненіемъ изданный Импер. Харьк. университетомъ. Х., въ университ. типограф. 1822 г., 414 стр.“.

[3]) „Введеніе въ кругъ словесности, сочиненное въ Императ. Харьков. университетѣ и служившее руководствомъ бывшихъ въ ономъ 1805 г. публичныхъ чтеній, предшествовавшихъ наукѣ краснорѣчія“. Х. въ универс. типогр. 1806 г., 108, IV.

[4]) „Наука стихотворства, сочиненная Россійской Академіи членомъ, кол. сов. и кавалеромъ Ив. Рижскимъ и оною Академіею изданная. СПБ. 1811 г., 352 стр.“. Сообщимъ здѣсь кстати краткія свѣдѣнія объ одномъ сочиненіи И. С. Рижскаго, которое намъ удалось найти только теперь въ Императ. Публичной библіотекѣ—это „Политическое состояніе древняго Рима или основаніе правленія, бывшаго въ древнемъ Римѣ во время царей, республики и императоровъ. Собралъ изъ разныхъ писателей Ив. Рижскій. М., въ типогр. компаніи типографической. 1788. 274 стр.“. Это опытъ римскихъ государственныхъ древностей. Тутъ говорится вообще о правленіи римскомъ, о царяхъ, междуцарствіи, уничтоженіи монархическаго правленія, о консулахъ, сенатѣ, правахъ, раздѣленіи и силѣ народа, о взаимной подчиненности консуловъ, сената, народа, о прочихъ градоначальникахъ, о преторахъ и о судной расправѣ, о цензорахъ и о поголовной переписи, объ эдилахъ, квесторахъ, трибунахъ и т. д. Другое сочиненіе Рижскаго относилось къ церковнымъ древностямъ Рима и носило слѣдующее заглавіе—„Сокращеніе богослуженія древнихъ римлянъ съ краткимъ вступленіемъ, содержащимъ нѣкоторыя древности, касающіяся до города Рима. Собралъ изъ разныхъ писателей Троицкой семинаріи учитель риторики и поэзіи Иванъ Рижскій. Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи. М. въ универс. типограф. у Н. Новикова, 1784 г. 352 стр.“. Книга посвящена митрополиту Платону—состоитъ изъ вступленія и 5 главъ: во вступленіи говорится о древностяхъ г. Рима (о началѣ города, о Капитоліи, о храмахъ, базиликахъ, куріяхъ, циркѣ, театрѣ и т. д.), въ 1-й главѣ—о римскихъ божествахъ, во 2-й—о жрецахъ, въ 3-й—о праздникахъ, въ 4-й—о способахъ богопочитанія, въ 5-й о счисленіи времени.

понятіяхъ вообще Рижскій держался механической теоріи Бросса, господствовавшей у насъ до весьма недавняго времени и имѣвшей многихъ послѣдователей, отъ Шишкова до Павскаго, не вполнѣ освободившагося отъ нея. Къ мыслямъ Шишкова о русскомъ слогѣ Рижскій питалъ большое сочувствіе, не вдаваясь впрочемъ во всѣ его крайности. Въ лекціяхъ по теоріи словесности Рижскій пользовался отчасти сочиненіями Эшенбурга, Блера, Зульцера. Но главными его руководителями оставались французскіе теоретики, сквозь призму которыхъ онъ смотрѣлъ и на древнихъ писателей. Онъ любилъ ссылаться на Вольтера и на энциклопедистовъ вообще, мнѣнія которыхъ были тогда въ ходу въ нашемъ литературномъ мірѣ. Любимымъ его русскимъ писателемъ былъ Дмитріевъ: въ литературѣ онъ былъ для него такимъ же авторитетомъ, какимъ Шишковъ въ филологіи и стилистикѣ. Преданіе, идущее отъ первыхъ студентовъ Харьковскаго университета, называетъ Рижскаго даровитымъ профессоромъ, излагавшимъ свой предметъ съ большою ясностью, дѣльностью и одушевленіемъ. Даже люди враждебной партіи, порицавшіе, подобно Роммелю, русскихъ ученыхъ вообще, признавали въ Рижскомъ замѣчательный талантъ и называли его ein berühmter Rhetoriker. Сочиненія его, уважаемыя мѣстными знатоками и любителями словесности, несшими ихъ за гробомъ покойнаго, пріобрѣли обширный кругъ читателей и долгое время служили руководствомъ при чтеніи лекцій въ университетахъ—Харьковскомъ, Казанскомъ и Московскомъ“ [1]). (въ послѣднемъ читалъ по нимъ свой курсъ профессоръ русской словесности Побѣдоносцевъ). По нашей просьбѣ профессоръ русскаго языка и словесности въ Харьковскомъ университетѣ М. Е. Халанскій взялъ на себя трудъ прочесть и дать отзывъ о сочиненіяхъ И. С. Рижскаго. Помѣщаемъ съ благодарностью этотъ отзывъ спеціалиста.

„Три книжки проф. Рижскаго—„введеніе въ кругъ словесности“ (Харьк. 1806), „Опытъ реторики“ (втор. изд. Х., 1805) и „Наука стихотворства“ предоставляютъ полный и самый обстоятельный изъ существующихъ на русскомъ языкѣ курсъ теоріи словесности, относящійся преимущественно къ ложно-классическому періоду развитія литературы. „Введеніе“ содержитъ изложеніе нѣкоторыхъ выводовъ современной Рижскому филологической науки о языкѣ въ примѣненіи къ теоріи словесности. Оно состоитъ изъ двухъ частей: въ первой заключается трактатъ „объ изящныхъ наукахъ“, подъ которыми Рижскій разумѣетъ belles lettres, объ отношеніи „изящныхъ наукъ“ къ другимъ и о вліяніи на общественные нравы художественныхъ произведеній. Во второй ча-

---

[1]) М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I, стр. 74, 72.

сти—„о человѣческомъ словѣ“ говорится „о качествахъ слова, занимающихъ философа, витію“, „о происхожденіи языка“, объ измѣненіяхъ языковъ отъ взаимнаго народовъ общенія“, „о раздѣленіи языковъ на діалекты“, „о различіи, какое находится въ первоначальныхъ понятіяхъ языковъ разныхъ народовъ объ одной и той же вещи „о частныхъ правилахъ языковъ“, „объ общихъ правилахъ человѣческаго слова“,„ о составѣ человѣческаго слова, и о главнѣйшихъ измѣненіяхъ нѣкоторыхъ частей рѣчи, о неизмѣняемыхъ частяхъ рѣчи“, „о преимущественномъ качествѣ вообще и особенно о богатствѣ нѣкоторыхъ языковъ“, „о томъ, что называется, силой языка“, „о пріятности слова, происходящей отъ качества и смѣшенія въ рѣчи буквъ“, „о томъ, что называется вообще ладомъ, и въ особенности плясовымъ и мусикійскимъ“, о ладѣ, свойственномъ человѣческому слову и о происхожденіи стихосложенія“ и, наконецъ, о зависящей отъ качества и смѣшенія словъ и реченій естественной и о происхожденіи искуственной пріятности слова“.

Развиваемыя во Введеніи основныя мысли заимствованы Рижскимъ частію у французскихъ писателей—энциклопедистовъ (Вольтера, Руссо, Жерара), частію у Ломоносова и Шишкова. Согласно съ Руссо, Рижскій происхожденіе языка объясняетъ „произволеніемъ и согласіемъ цѣлаго общества назвать всякую вещь такимъ или другимъ именемъ“. Научныя французскія термины Рижскій переводитъ на русскій языкъ: beau de l'imitation — прекрасное подражанія, les mots affectifs—„слова сердцеглаголивыя“, les mots énonciatifs—„слова мысле-глаголивыя“, belles lettres изящныя науки и друг.

„Риторика“ содержитъ стилистику и теорію ложно-классической прозы. Согласно съ Ломоносовымъ и Шишковымъ, Рижскій дѣлитъ слогъ на высокій, средній и низкій и довольно обстоятельно говоритъ о томъ, какой слогъ и какому роду прозаическихъ сочиненій долженъ быть соотвѣтствовать. „Наука стихотворства“ т. е. піитика содержитъ теорію ложно-классическаго стихотворства. Въ § 4 Рижскій говоритъ, что главнѣйшія положенія, развиваемыя въ его піитикѣ, заимствованы имъ у иностранныхъ писателей. Къ заимствованнымъ мнѣніямъ онъ присоединяетъ „нѣсколько собственныхъ своихъ соображеній, къ коимъ служили поводомъ тѣже иностранныя о стихотворствѣ сочиненія и чтеніе лучшихъ какъ природныхъ, такъ и чужеязычныхъ стихотворцевъ“. Какъ видно изъ подстрочныхъ примѣчаній къ „Наукѣ стихотворства“, Рижскій пользовался сочиненіями слѣдующихъ авторовъ: Аристотеля, Горація, Буало, Баттё, Попа, Мармонтеля, Жокура, Блера, Сульцера и Эшенбурга. Примѣры, поясняющіе опредѣленія разныхъ видовъ стихотворства,

Рижскій заимствуетъ изъ сочиненій русскихъ писателей періода отъ Ломоносова до Крылова.

По полнотѣ свѣдѣній, обстоятельности и ясности изложенія курсъ теоріи словесности Рижскаго былъ для своего времени явленіемъ дѣйствительно выдающимся. Равнаго ему по значенію для своего времени русская литература не имѣетъ доселѣ".

Въ заключеніе еще замѣтимъ, что Рижскій приготовлялъ къ печати и свой курсъ исторіи русской словесности [2]), но преждевременная смерть не позволила ему довести до конца этотъ трудъ. Рижскій славился какъ ораторъ, но о рѣчахъ его мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ.

Г. П. Успенскій, не имѣвшій до назначенія своего профессоромъ въ Харьковъ спеціальныхъ трудовъ по русской исторіи, занялъ выдающееся положеніе среди русскихъ историковъ своимъ „Опытомъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ". Первое изданіе этой книги вышло въ 1811—1812 г. и было встрѣчено публикой такъ сочувственно, что въ 1818 г. появилось новое, второе, „исправленное и умноженное". (Первое не было вполнѣ закончено: въ немъ не было обѣщаннаго авторомъ 2-го отдѣленія 2-й части). Въ предисловіи къ 1-му изданію Успенскій говоритъ, что сюжетъ его книги долженъ представить интересъ для всякаго русскаго; „здѣсь изображаются нравы, обыкновенія и учрежденія собственныхъ нашихъ предковъ, которымъ одолжены мы не только бытіемъ нашимъ, но и самимъ даже уваженіемъ и славою, какимъ нынѣ пользуемся со стороны народовъ иноплеменныхъ". Самъ Успенскій называетъ сочиненіе свое *первымъ* на русскомъ языкѣ опытомъ отечественныхъ древностей; и этотъ *первый* опытъ оставался и *единственнымъ* въ теченіе *почти 80 лѣтъ*, до выхода въ свѣтъ въ 1890 г. книги проф. В. И. Сергѣевича „Русскія юридическія древности" (впрочемъ еще и доселѣ не законченной). Для того чтобы достойно оцѣнить попытку Успенскаго, нужно вспомнить, что тогда мы не имѣли еще п систематически изложенной политической исторіи Россіи: „Исторія государства россійскаго" Н. М. Карамзина вышла только въ 1818 году. Но что нужно вмѣнить въ особую заслугу Успенскому, такъ это выборъ темы. Если въ настоящее время есть не мало историковъ, которые сводятъ сущность исторіи къ политическимъ событіямъ, совершенно игнорируя внутренній бытъ, то что же сказать о томъ времени, когда и Карамзинъ далъ почти исключительно исторію государства? Такимъ образомъ, Успенскій обнаружилъ извѣстную смѣлость, преподнеся своимъ читателямъ въ 1-й части книги очеркъ домашняго быта нашихъ

---

[2]) Извѣстіе о жизни и смерти И. С. Рижскаго. Харьковъ, 1811, стр. 5.

предковъ. Выполненіе задачи нельзя не признать также весьма удовлетворительнымъ. У Успенскаго мы находимъ большую начитанность въ памятникахъ русской исторіи и при томъ не только въ пособіяхъ, но и въ источникахъ первой руки. Самъ Успенскій говоритъ о себѣ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ собиралъ извѣстія относительно отечественныхъ древностей: „просмотрѣлъ всѣ доходившія до меня какъ на отечественномъ языкѣ изданныя, такъ равно и многія иностранныя сочиненія, дѣлая изъ нихъ соотвѣтственныя извлеченія". И дѣйствительно, въ его книгѣ мы находимъ несомнѣнныя доказательства знакомства со сказаніями иностранцевъ, которые дали ему богатый фактическій матеріалъ. Отмѣтимъ, напримѣръ, сказанія Рейтенфельса, Олеарія, Герберштейна, Мейерберга, Бухау, Петрея, Іовія, Корба, Таннера, Ульфельда. Авторъ отличается также большою начитанностью въ памятникахъ русскаго законодательства (судебникъ, уложеніе). Изъ пособій онъ главнымъ образомъ пользуется Татищевымъ (исторіей и словаремъ), Щербатовымъ, Стриттеромъ, Болтинымъ. Программа сочиненія весьма обширна, особенно во 2-мъ изданіи [1]). Въ этомъ можно уже убѣдиться изъ одного перечня главъ. 1-я часть состоитъ изъ вступленія и 8 главъ; въ 1-й главѣ говорится о языкѣ, разныхъ нарѣчіяхъ и прозваніяхъ россіянъ, во 2-й о художествахъ, ремеслахъ и домостроительствѣ, въ 3-й о дорожныхъ экипажахъ, одеждѣ и обуви, въ 4-й о яствахъ, напиткахъ и пиршествахъ, въ 5-й о забавахъ и увеселеніяхъ, въ 6-й о бракахъ, въ 7-й о родахъ и младенцахъ, въ 8-й о погребеніяхъ. 2-я часть распадается на 2 отдѣленія; 1-е и 2-е заключаютъ въ себѣ по 7 главъ. Въ 1-мъ отдѣленіи говорится о раздѣленіи русскаго народа и о сословіяхъ, о царскомъ дворцѣ, коронованіи и титулѣ русскихъ государей, о посольствахъ и государственномъ гербѣ, о царедворцахъ и знакахъ отличія, о правительственныхъ учрежденіяхъ и присутственныхъ мѣстахъ, о войскѣ и вооруженіи, о военныхъ укрѣпленіяхъ, военноплѣнныхъ и мѣстничествѣ. Во 2-мъ отдѣленіи разсказывается о языческомъ и христіанскомъ богослуженіи и духовенствѣ, о древности и достоинствѣ русскихъ законовъ, о судопроизводствѣ, пеняхъ и наказаніяхъ, о воспитаніи, ученіи, наукахъ, книгахъ и врачебной части, о городской и земской полиціи и межеваніи, о торговлѣ, дорогахъ, мостахъ и водяныхъ сообщеніяхъ, о счисленіи и раздѣленіи времени, монетахъ, вѣсахъ и мѣрахъ, и, наконецъ, въ особомъ прибавленіи о присутственныхъ мѣстахъ и чинахъ старой Малороссіи. Для составленія этого прибавленія авторъ пользовался нѣкоторыми рукописями, хранив-

[1]) Къ сожалѣнію, всѣ экземпляры „Опыта" Успенскаго попадались намъ во 2-мъ изданіи; 1-го же мы вовсе не имѣли въ своихъ рукахъ.

шимися въ библіотекѣ Харьковскаго университета (главнымъ образомъ неизданною тогда рукописью „Топографическаго описанія Черниговскаго намѣстничества“ Шафонскаго). Въ концѣ книги находимъ обширный предметный указатель; всѣхъ страницъ въ сочиненіи 787 (не считая особаго списка пренумерантовъ, который тянется до 815 страницы).

Изъ всѣхъ этихъ главъ совершенно неудовлетворительны только двѣ—о происхожденіи русскаго парода и его языческой религіи. Но извѣстно, что и въ настоящее время вопросы о Варягахъ Руси и русской миѳологіи не рѣшены окончательно да и не могутъ имѣть твердаго всѣхъ удовлетворяющаго рѣшенія. Что же касается остальныхъ главъ, то онѣ свободны отъ фантастической филологіи и отличаются фактическимъ характеромъ. Неудивительно поэтому, что книга Успенскаго была встрѣчена весьма сочувственно и сразу же поставила автора на очень видное мѣсто въ рядахъ тогдашнихъ дѣятелей русской исторической науки. Извѣстный мемуаристъ Вигель (это отмѣтилъ М. И. Сухомлиновъ) ставитъ его даже непосредственно за Карамзинымъ. Онъ приводитъ мѣста изъ его сочиненія и говоритъ: „первый Карамзинъ освѣтилъ нашу древность, тогда для желающихъ проникнуть въ эту глубину явилось множество свѣтильниковъ; въ числѣ ихъ находится писатель, *въ этомъ дѣлѣ болѣе всѣхъ оказавшій услуги* — трудолюбивый профессоръ Харьковскаго университета Успенскій, сочинитель опыта повѣствованія о древностяхъ русскихъ“ [1]). Но этотъ отзывъ можетъ быть принятъ съ нѣкоторымъ ограниченіемъ. Какъ самостоятельный ученый, Успенскій уступалъ нѣкоторымъ глубокимъ изслѣдователямъ русской старины, членамъ знаменитой „Румянцевской дружины“—митрополиту Евгенію и П. Строеву. Но его книга впослѣдствіи дѣйствительно представляла необходимое дополненіе къ „Исторіи государства Россійскаго, являясь какъ бы систематическимъ очеркомъ внутренняго быта нашей допетровской Руси и въ этомъ отношеніи можно имя Успенскаго ставить сейчасъ же послѣ Карамзина. Какъ бы то ни было Харьковскій университетъ можетъ гордиться, что выдвинулъ изъ глуши этого талантливаго труженника науки и далъ возможность ему исполнить его капитальный трудъ. Привлеченіе же въ университетъ Успенскаго является всецѣло заслугой Тимковскаго, который внушилъ ему и первую мысль о составленіи даннаго сочиненія. Кромѣ этой книги, Успенскому принадлежитъ еще нѣсколько статей, посвященныхъ разработкѣ спеціальныхъ вопросовъ изъ русской старины.

Изъ иностранныхъ профессоровъ научною дѣятельностью на словесномъ отдѣленіи заявили себя Рейтъ, Беленъ-де-Баллю и Роммель.

---

[1]) М. И. Сухомлиновъ. Изслѣд., I, стр. 91.

Рейтъ издалъ въ 1811 г. въ Харьковѣ на латинскомъ языкѣ „Specimen historiae Rossorum. Pars prima, 101 p.“—это опытъ политической исторіи древней Руси. Любопытна судьба этой книги. Въ свое время она прошла незамѣченной: ею не пользовался даже Карамзинъ. Впослѣдствіи о ней совершенно забыли, и только трудолюбивый историкъ Харьковскаго университета Н. А. Лавровскій познакомилъ читателей съ ея содержаніемъ на страницахъ Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія Пользуясь рефератомъ Н. А. Лавровскаго, мы дадимъ краткія свѣдѣнія о содержаніи книги Рейта. Указавъ на то, что сочиненіе Рейта было предано полному забвенію, Н. А. Лавровскій прибавляетъ: „а между тѣмъ книга эта заслуживаетъ нѣкотораго вниманія уже потому, что представляетъ собою первый у насъ опытъ краткаго очерка русской исторіи, задуманный и исполненный, хотя и не вполнѣ, ученымъ нѣмцемъ, но съ добросовѣстнымъ примѣненіемъ къ нему исторической критики; замѣчательна она по опытамъ рѣшенія тѣхъ вопросовъ изъ первоначальной нашей исторіи, которые до настоящей минуты продолжаютъ занимать нашихъ историковъ; замѣчательна она, наконецъ, и какъ первый опытъ ученаго изложенія русской исторіи съ университетской каѳедры въ первое десятилѣтіе нашего вѣка. Нельзя не пожалѣть, что задуманный почтеннымъ авторомъ очеркъ выглянулъ на свѣтъ Божій только незначительною своею частію (до татарскаго погрома)“ [1]). Едва ли впрочемъ Рейтъ, прибавимъ отъ себя, могъ, при незнаніи русскаго языка, включить въ свое изложеніе Московсковскій или Императорскій періодъ нашей исторіи; онъ долженъ былъ по необходимости вращаться, подобно Байеру, въ области древней русской исторіи, потому что основывался на источникахъ иностранныхъ. Н. А. Лавровскій говоритъ, что Рейтъ пользовался Бертинскими лѣтописями, Константиномъ Багрянороднымъ, Несторомъ, Миллеромъ, Шлецеромъ, Башиловымъ, Степенною, родословными и разрядными книгами, но это не совсѣмъ точно. Рейтъ не говоритъ прямо, чтобы онъ пользовался тремя послѣдними памятниками; „fontibus historiae Rossicae haud mumerito adnumerantur libri stepennye, Rodoslovnye et Rozranye (sic!) dicti, quorum vero auctoritas annolibus posthabenda apocryphaque nonnisiest“ [2]). Да и потомъ, въ текстѣ, онъ не пользуется ими. „Въ предисловіи перечисляются народы, обитавшіе въ области древнѣйшаго русскаго государства и сосѣдніе съ ними. Въ заключеніе Рейтъ приводитъ актъ призванія князей и высказываетъ рѣшительное мнѣніе, что первоначальное устройство русскаго государства было феодальное (или дружинное). Затѣмъ начинается краткое

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г. ч. CLXV, стр. 87.

[2]) Specimen p. 3.

изложеніе русской исторіи. Напечатанный выпускъ заключаетъ въ себѣ только часть перваго періода по дѣленію Рейта, обнимающаго время отъ Рюрика до Іоанна III (862—1462), и содержитъ въ себѣ два отдѣла: 1) отъ Рюрика до смерти Владиміра (862—1015) и 2) отъ смерти Владиміра до нашествія монголовъ (1015—1238). Послѣдній отдѣлъ, до смерти Юрія Долгорукаго, предлагается въ особой главѣ; слѣдующая глава, послѣ краткаго очерка дѣятельности владимірскихъ князей отъ Андрея Боголюбскаго до Георгія Всеволодовича, вся посвящена обозрѣнію монголовъ и родственныхъ имъ восточныхъ народовъ, а также сосѣднихъ съ ними гунновъ, турокъ, татаръ, и краткому очерку постепеннаго распространенія владычества монголовъ до тѣхъ размѣровъ, въ какихъ оно является предъ нашествіемъ Батыя на русскую землю" [1]). Въ концѣ приложена генеалогическая таблица. Н. А. Лавровскій отмѣчаетъ цѣлый рядъ оригинальныхъ мнѣній Рейта по различнымъ частнымъ вопросамъ древней русской исторіи, вотъ нѣкоторые изъ нихъ—Рейтъ отождествляетъ Аскольда съ Диромъ; пріурочиваетъ походъ на Царьградъ въ 865 г. къ Кіевской Руси; признаетъ достовѣрнымъ договоръ Олега съ греками, но не вѣритъ въ его походъ; считаетъ легендарными сообщенія лѣтописи о мести Ольги и думаетъ, что она поѣхала въ Царьградъ уже христіанкой; отождествляетъ Городотовъ Герросъ съ γύρα Константина Багрянороднаго и видитъ въ этой своей гипотезѣ важное открытіе; высказываетъ свои соображенія о названіяхъ днѣпровскихъ пороговъ; рѣзко полемизируетъ съ Вольтеромъ за его презрительный отзывъ о Руси въ княженіе Ярослава мудраго (по поводу женитьбы Генриха Французскаго на Аннѣ Ярославовнѣ); представляетъ свои догадки и соображенія о козакахъ и черноморскихъ россахъ. „Приводя здѣсь мнѣнія Рейта, его догадки и предположенія, мы, конечно, не имѣли въ виду, говоритъ Н. А. Лавровскій, не только защищать ихъ, но и утверждать за ними даже относительную цѣнность... Считаемъ однако же долгомъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ мнѣній нисколько не хуже многихъ изъ тѣхъ, которыя съ давнихъ поръ, по привычкѣ и утвердившимся авторитетамъ, пользуются общимъ вниманіемъ, приводятся и для опроверженія, и для подтвержденія собственныхъ мнѣній и догадокъ.... Тогдашній Харьковъ, правду сказать, представлялъ порядочную глушь, почти уединенную отъ образовательныхъ центровъ по причинѣ медленности и затруднительности сообщеній. Университетъ только что открылъ свою дѣятельность, слѣдовательно, могъ предложить только самыя ограниченныя средства. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, даже независимо отъ достоинства труда, нѣмецъ профессоръ, за-

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г. ч. CLXV, стр. 88—89.

бравшійся въ эту глушь съ самыми ограниченными средствами для занятій, изучающій русскую исторію, эту едва початую науку, силящійся объяснить темныя и согласить разнорѣчивыя историческія свидѣтельства, встрѣчавшіяся на каждомъ шагу, печатающій свой трудъ на латинскомъ языкѣ безъ всякой надежды на вниманіе, во всякомъ случаѣ представляетъ не только любопытное, но и назидательное явленіе". Роммель называетъ Рейта „ученымъ, философомъ образованнымъ и нѣсколько фантастическимъ историкомъ, извѣстнымъ своею исторіей Франціи" [1]). Этотъ отзывъ повидимому совершенно правиленъ. Рейтъ отличался большою начитанностью, горячо принимался за всякія ученые труды, но дѣйствительно въ разбираемомъ трудѣ высказалъ не мало смѣлыхъ догадокъ и предположеній. Впослѣдствіи мы еще приведемъ одинъ документъ, ярко рисующій нравственную физіономію Рейта, теперь же только замѣтимъ, что конкуррентомъ его былъ проф. Дегуровъ—и Рейтъ не имѣя возможности добиться каѳедры ординарнаго профессора на словесномъ факультетѣ перешелъ на юридическій.

Болѣе выдающимся историкомъ былъ Дегуровъ или Дюгуръ. До перехода своего въ Харьковъ онъ обнаружилъ большую научную продуктивность и напечаталъ массу историческихъ работъ. Но теперь его дѣятельность почти прекратилась; въ бытность свою харьковскимъ профессоромъ онъ напечаталъ только нѣсколько актовыхъ рѣчей, о которыхъ скажемъ ниже, и одно болѣе крупное сочиненіе, которое вышло въ свѣтъ въ 1816 году и потому мы о немъ скажемъ уже во 2-мъ томѣ своего труда.

Представители классицизма Беленъ-де-Баллю и Роммель занимались энергически изданіемъ учебныхъ пособій по своимъ предметамъ частію для студентовъ, частію для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ такихъ учебникахъ была огромная потребность. И студенты университета, и ученики вновь открытыхъ гимназій, главныхъ народныхъ училищъ не имѣли руководствъ, по которымъ могли бы изучать преподаваемые имъ предметы. Университетъ, въ лицѣ своего училищнаго комитета, завѣдывавшій устройствомъ и управленіемъ всѣхъ школъ въ округѣ, естественно долженъ былъ позаботиться объ изданіи для нихъ учебниковъ. И дѣйствительно, въ это время было напечатано мно-

[1]) Н. А. Лавровскій указываетъ слѣдующіе ученые труды Рейта, написанные имъ до перехода въ Россію: 1) Историко-политическія письма съ опытомъ исторіи бывшаго Имперскаго города Майнца; 2) Исторія королевской власти и государственныхъ перемѣнъ во Франціи послѣ паденія лиги до начала республики, 1-я часть; 3) Очеркъ революціи въ Италіи 1-я часть. Исторія государственныхъ перемѣнъ въ Венеціанской республикѣ отъ ея начала до основанія наслѣдственной аристократіи. (Жур. Мин. Нар. Просв., 1873 г., ч. CLXV, стр. 88).

жество руководствъ частію непосредственно самимъ университетомъ, частію на его счетъ, а частію и на собственныя средства авторовъ. При многихъ изданіяхъ прямо говорится, что они составлены по порученію университета; въ другихъ случаяхъ университетъ вступалъ въ извѣстное соглашеніе съ авторами. Такъ, напр., было съ хрестоматіями Роммеля и Шада: каждый изъ нихъ долженъ былъ получить плату за 300 экземпляровъ своей четвертой доли 1-го и 2-го изданія (всего было выпущено въ свѣтъ 1200 экземмяровъ) и сверхъ того по 50 экземпл. натурою, quae in usum Germaniae, заявили составили vendemus“ [1]). Члены правленія постоянно заботились объ изданіи учебниковъ. Въ 1809 году они „разсуждая, какія книги можно напечатать въ университетской типографіи съ пользою для училищъ и съ выгодою для университета, положили напечатать: 1) латино-французскій словарь Будо съ русскимъ переводомъ, поручивъ этотъ послѣдній бывшему учителю богодуховскаго училища Богородскому; 2) французскую христоматію въ прозѣ и стихахъ, изданную въ Лондонѣ Ленуаромъ, съ дополненіями и сокращеніями Беленъ-де-Баллю, и 3) французскую грамматику того же Беленъ-де-Баллю. Попечитель согласился съ первыми двумя предложеніями, но отвергъ третье, такъ какъ французскихъ грамматикъ и безъ того уже было много въ обращеніи. Тогда же былъ представленъ въ совѣтъ и латинскій букварь, составленный секретаремъ правленія [2]). Министерство народнаго просвѣщенія съ своей стороны поощряло издательскую дѣятельность университета. Такъ въ 1811 г. министръ А. К. Разумовскій рекомендовалъ Харьковскому университету издать латинскихъ классиковъ—Юлія Цезаря, Горація, Корнелія Непота, Федра, Саллюстія, Цицерона и Виргилія для употребленія въ гимназіяхъ и духовныхъ училищахъ. Результатомъ этого предложенія были изданія Роммеля [3]).

Проф. Беленъ-де-Баллю составилъ и издалъ слѣдующія учебныя пособія: 1) Systema novum docendi et discendi linguam latinam. 1806; 2) Tableaux des déclinaisons latines, 1807; 3) Chrestomathia poëtica sive eclogae poëtarum latinorum in usum studiosae juventutis Rossicae, ex decreto caes. Universitatis Charcovianae, I, 364, t. II, 339, 1809; 4) Le dictionnaire des primitifs inusités de la langue latine, 1811; 5) Dialogues des morts (сочиненіе Фенелона, изданное по порученію и на счетъ университета) 1811 г. и 6) Lectures instructives et morales sur differents sujets, tirées desmeilleurs écrivains (изданы университетомъ подъ его редакціей), 1811, LXXVIII, 222. Важнѣйшимъ изъ этихъ трудовъ нужно признать

[1]) Н. А. Лавровскій. Эпизодъ, стр. 38, примѣчаніе.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1809 г. № 1.
[3]) Ibidem. Дѣло совѣта. 1811 г. № 6.

„поэтическую христоматію“. Въ ней мы находимъ отрывки изъ сочиненій слѣдующихъ писателей—Теренція, Федра, Овидія (метаморфозъ, элегій, de Ponto) Виргилія (буколикъ, георгикъ, энеиды), Лукреція (о природѣ), Горація (одъ, сатиръ, писемъ), Ювенала (сатиръ). Передъ каждымъ отрывкомъ сообщаются краткія біографическія свѣдѣнія объ авторѣ, а въ концѣ находятся комментаріи, касающіеся текста и занимающіе 117 страницъ.

Проф. Роммель, переѣхавшій въ Харьковъ въ 1811 г., также всецѣло посвятилъ себя изданію хрестоматій, продолжая такимъ образомъ дѣятельность Беленъ-де-Баллю, перешедшаго какъ мы знаемъ, въ Петербургъ. Въ своихъ запискахъ онъ указываетъ на причины, побудившія его заняться подобнаго рода трудами. „На лекціяхъ о греческихъ и латинскихъ классикахъ, которыя посѣщались въ довольно большомъ числѣ, сравнительно съ другими, я на первыхъ же порахъ поставленъ былъ въ большое затрудненіе: не оказалось классиковъ въ достаточномъ числѣ печатныхъ экземпляровъ. Диктовать оригиналы было бы слишкомъ тяжело; помочь же этому недостатку, при жалкомъ состояніи русской книжной торговли, возможно было только немедленнымъ изданіемъ необходимѣйшихъ авторовъ. Университетская типографія принялась печатать ихъ подъ моимъ руководствомъ, несмотря на недостатокъ хорошей печатной бумаги. Изготовленныя мною и дополненныя объяснительными примѣчаніями изданія рѣчей и философскихъ сочиненій Цицерона, Саллюстія и Корнелія Непота тотчасъ же приняты были для гимназій; изъ болѣе трудныхъ авторовъ я принужденъ былъ по временамъ диктовать слушателямъ отдѣльные отрывки“. Дѣйствительно, Роммелемъ въ теченіе 1812—1814 гг. были изданы слѣдующія руководства: 1) M. T. Ciceronis. Orationes selectae, universitatis Charcoviensis auctoritate. 1812, XLIII, 438: 2) Deutsche chrestomathie, poëtischer Theil, 1813, 336 p.; 3) M. T. Ciceronis libri de amicitia, de senectute et de officiis nec non paradoxa et somnium Scipionis, 1813, 298 p.; 4) Crispi Sallustii quae extant opera, 1814, XXVII, 281 p. и 5) Cornelii Nepotis vitae excellentium imperatorum, 1814. Чтобы дать общее представленіе объ этихъ изданіяхъ, опишемъ одно изъ нихъ—именно № 3. Оно содержитъ въ себѣ рядъ философскихъ сочиненій Цицерона. Въ началѣ помѣщено обращеніе издателя къ учащемуся юношеству, заключающее краткую характеристику издаваемыхъ произведеній. Роммель пользовался изданіями Гревія (1688 г.), Исаака Вербурга (1724 г.), Оливети (1787 г.); не было у него подъ руками изданій Факчіоляти и нѣкоторыхъ др. новѣйшихъ. Текстъ вездѣ сопровождается краткими подстрочными примѣчаніями. На этикополитическомъ отдѣленіи изданіемъ учебныхъ руководствъ занимались—проф. Тимковскій, Шадъ и Якобъ.

Вотъ отзывъ о сочиненіи Тимковскаго, составленный по моей просьбѣ уважаемымъ товарищемъ проф. М. Е. Халанскимъ.

„Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка" Ильи Тимковскаго (Харьк. 1811 г., 310 стр.) представляетъ руководство къ преподаванію отечественнаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Сочиненіе состоитъ изъ „введенія" (1—8 стр.), коротенькаго (9—53 стр.) изложенія нѣкоторыхъ пуктовъ этимологіи и синтаксиса рус. яз. и значительнаго количества (стр. 57—310) примѣровъ для грамматическаго разбора, поясненія грамматическихъ правилъ и руководства преподавателей отечественнаго языка въ ихъ практикѣ. Приложеніе—самая интересная часть руководства Тимковскаго. Авторъ стоитъ на совершенно вѣрной точкѣ зрѣнія, что правила и законы языка познаются изъ наблюденій, что преподаваніе отечественнаго языка должно вестись по эвристическому способу и что главная работа преподавателя состоитъ въ разумномъ подборѣ примѣровъ и въ развитіи въ учащихся способности сознательно относиться къ особенностямъ грамматическаго строя родного языка. Главное вниманіе въ изученіи грамматики русскаго языка Тимковскій сосредоточиваетъ на морфологіи, словопроизводствѣ, синонистикѣ и синтаксисѣ. Отсюда и названіе сочиненія—„*Опытный* способъ къ *философическому* познанію россійскаго языка". Во введеніи интересны краткія указанія методологическаго свойства, сохраняющія свое значеніе и въ настоящее время. Живому и непосредственному участію преподавателя въ работахъ учениковъ и разучиванію образцовъ прозы и поэзіи Тимковскій придавалъ огромное значеніе въ методикѣ отечественнаго языка: „по всѣмъ онымъ опытамъ во-первыхъ самъ (наставникъ) предлагаетъ и изъясняетъ свои примѣры, потомъ заставляетъ учениковъ повторить сіи изъясненія и на каждое правило свои краткіе примѣры сказывать. Во всякомъ же разборѣ и во всѣхъ своихъ запросахъ всѣхъ учениковъ занимаетъ и всѣмъ въ отвѣтахъ даетъ участвовать попеременно. Замѣчая погрѣшности въ ихъ словахъ и мысляхъ, исправляетъ оныя, и причины мнѣнія своего изъясняетъ".

„Примѣры избираетъ по благоразумію своему изъ извѣстныхъ россійскихъ писателей, присовокупляя и славенскаго языка примѣры, взятые изъ книгъ священнаго писанія или другихъ церковныхъ, въ такомъ числѣ, какого множество учениковъ востребуетъ, и съ такимъ содержаніемъ, чтобы могли при томъ поселять въ учащихся свѣдѣнія о красотѣ и силѣ россійскаго слова, внушать имъ любовь къ истинѣ и отечеству, и понятіями обогащать ихъ, которыя въ слогѣ употребительны будутъ. Важнѣйшіе изъ предлагаемыхъ они записываютъ и наизусть заучиваютъ.

„Глава восьмая“ заключаетъ „древности языка славяно-россійскаго и отношенія его къ другимъ языкамъ“. По вопросу о происхожденіи „славянскаго языка“ Тимковскій выражается здѣсь такъ: „судя же по произведенію Славянъ, какъ и однородныхъ имъ Венетовъ или Вендовъ отъ Сарматовъ или Савро-мидовъ корнемъ языка ихъ Мидскій принимаемъ“.

Такимъ образомъ, книга Тимковскаго, какъ видно отсюда, не выдѣляется изъ общаго уровня учебниковъ, но отличается все таки здравыми методическими указаніями, стоящими въ связи съ огромною педагогическою опытностью автора. И. Ѳ. Тимковскій былъ прежде всего педагогъ; оставивъ университетъ, онъ посвятилъ себя всецѣло педагогической дѣятельности (сдѣлался директоромъ Новгородъ-Сѣверской гимназіи).

Самою крупною научною силою на этико-политическомъ факультетѣ былъ несомнѣнно Шадъ; ему же принадлежатъ и самыя выдающіяся руководства по предметамъ его спеціальности. Особенно цѣннымъ среди нихъ является его „Чистая логика“; онъ самъ придавалъ большое значеніе этому сочиненію, какъ продукту самостоятельнаго научнаго творчества: „въ чистой логикѣ, говоритъ онъ, я не могъ слѣдовать никакому руководителю; мнѣ нужно было проложить совершенно новый путь, опираясь единственно на собственныя идеи“. „Такъ какъ по его убѣжденію, прибавляетъ къ этому проф. Ѳ. А. Зеленогорскій, напечатавшій двѣ обстоятельныя статьи о Шадѣ, составившемуся у него, какъ онъ самъ говоритъ, послѣ чтенія и разбора главнѣйшихъ философовъ всѣхъ вѣковъ, причиною разногласій и споровъ между философами служитъ превратное истолкованіе логики и ея законовъ, то онъ своимъ опытомъ новой логики желалъ оказать добрую услугу не одной логикѣ, но и всей философіи.“ [1]) По нашей просьбѣ уважаемый товарищъ проф. Э. Ѳ. Лейкфельдъ познакомился съ книгой Шада и далъ о ней слѣдующее заключеніе (помѣщаемъ его дословно).

„Посвященное императору Александру I сочиненіе Шада распадается на три части: на введеніе (prolegomena logicae), чистую логику (logica pura) и логику прикладную или методологію (logica applicata). Въ предисловіи онъ самъ заявляетъ, что для послѣдняго отдѣла черпалъ многое изъ сочиненій другихъ авторовъ, и обѣщаетъ быть вполнѣ оригинальнымъ только въ логикѣ чистой. И дѣйствительно, интересъ читателя сосредоточивается на первыхъ двухъ частяхъ книги, что же касается логики прикладной, то лишь на первомъ ея отдѣлѣ (sectio prima), который содержитъ предварительныя общія разсужденія. Нашъ

---

[1]) „Ив. Г. Шадъ“ (Вопросы философіи и психологіи, кн. 27, стр. 162).

авторъ всецѣло проникся Фихтевскимъ метафизическимъ ученіемъ, по которому познающее „я“ необходимо противопоставляетъ себѣ „не я“, а благодаря дѣятельности разума, вновь объединяетъ „я“ и „не я“ въ единомъ „я“. Непосредственно изъ этой доктрины объясняетъ онъ во введеніи, чѣмъ должна быть логика, въ чемъ истинное ея значеніе, каковы предѣлы этой науки и гдѣ она уступаетъ мѣсто метафизикѣ, обращаясь уже въ логику „трансцендентальную“. Усвоенную точку зрѣнія Шадъ проводитъ и въ ученіи о познавательныхъ способностяхъ (2-я глава введенія). Воззрѣніями Фихте онъ постоянно стремится воспользоваться при самомъ изложеніи чистой логики, гдѣ трактуетъ о понятіи, сужденіи и умозаключеніи. Наконецъ, прямо подъ вліяніемъ этого философа высказываетъ онъ въ прикладной логикѣ свои мысли о познаваніи вообще. Въ этомъ характерная особенность сочиненія, и этимъ отличается оно отъ другихъ. Если бы Шадъ согласился изложить свою логику такъ, какъ того требовалъ Кантъ, т. е. не включая въ нее рѣшительно ничего изъ области метафизики и теоріи познанія (ученія объ источникахъ и предѣлахъ человѣческаго знанія), или если бы мы сами выбросили изъ его книги указанныя привнесенія, отъ всей чистой логики осталось бы ограниченное количество давно уже наукою установленныхъ основныхъ положеній. Міровоззрѣніе Фихте авторъ вполнѣ понимаетъ и—мало того—съ нимъ безусловно сживается, такъ что оно становится его міровоззрѣніемъ. Во вступленіи къ одному раньше изданному сочиненію („Neuer Grundriss der transcendentalen Logik nach den Principien der Wissenschaftslehre“ Jena u. Leipz. 1801) Шадъ имѣлъ право возразить своимъ критикамъ, что онъ вовсе не комментаторъ Фихте: онъ самъ мыслитъ идеями этого философа; онъ не толкователь доктрины „субъективнаго идеализма“, а продолжатель сего направленія. И книга Шада становится особенно цѣнной въ виду того, что Фихте самъ, какъ извѣстно, логики не разрабатывалъ, а изъ другихъ ученыхъ и мыслителей можно указать развѣ на Мемеля (G. E. A. Mehmel), сочиненіе котораго „Analytische Denklehre“ноcитъ нѣкоторый отпечатокъ фихтеанства. Само собою разумѣется въ настоящее время разсматриваемое сочиненіе представляетъ лишь историческій интересъ. Да и у современниковъ Шадъ едва-ли встрѣчалъ много сочувствія. Философія Фихте вообще находила себѣ мало приверженцевъ. Притомъ, когда нашъ авторъ пишетъ свою логику, Шеллингъ съ многочисленными учениками своими уже дѣлаетъ попытку преобразовать идеализмъ Фихте, а съ другой стороны начинается уже время Гегеля. Наконецъ, въ этотъ періодъ продолжаетъ, разумѣется, жить ученіе Канта, съ которымъ Шадъ подчасъ весьма рѣзко полемизируетъ.

Что касается второго отдѣла—собственно изложенія логики прикладной, то въ него воззрѣнія Фихте почти вовсе не привнесены, и представляетъ онъ не методологію въ нашемъ смыслѣ, а рядъ общеизвѣстныхъ практическихъ указаній, которыя включались тогда во многія руководства по логикѣ, хотя и имѣли часто съ этой наукой слишкомъ мало общаго. Дѣло идетъ тутъ о томъ, какъ избѣгать разнаго рода случайныхъ ошибокъ, построить заключенія вѣроятныя, излагать научныя теоріи, опровергать противорѣчащіе взгляды и защищать собственные. Шадъ на этихъ вопросахъ останавливается весьма подробно, и читатель невольно удивляется, почему онъ становится сравнительно краткимъ, когда заходитъ рѣчь о познаваніи à priori: въ данномъ случаѣ авторъ высказываетъ только одно желаніе, – чтобы философъ былъ человѣкомъ нравственно хорошимъ, ибо ему приходится созерцать гармонію въ міровомъ устройствѣ.“

Остановимся еще на нѣкоторыхъ подробностяхъ книги Шада, пользуясь для этого статьей проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго. Оригиналенъ взглядъ Шада на цѣль логики: логика, „по его мнѣнію, не можетъ быть преимущественнымъ и непосредственнымъ органомъ открытія истины. При помощи логики ничего другого мы не можемъ достигнуть, говоритъ Шадъ, какъ мыслить и передавать наши мысли другимъ послѣдовательно и согласно съ какимъ-либо основнымъ понятіемъ, на которое опираются остальныя (понятія).... Такая постановка логики вытекаетъ изъ его взгляда на мышленіе; въ этомъ послѣднемъ онъ различаетъ двѣ формы — одну черезъ разсудокъ (per intellectum), другую — черезъ разумъ (per rationem); „только разумомъ мы познаемъ вселенную, какъ она существуетъ въ себѣ“, „разсудкомъ же вселенная познается въ такомъ видѣ, въ какомъ она представляется рефлексіи....“ „Логика есть такая наука, которая, опираясь на способность рефлексіи и раскрывая самыя общія формы ея, излагаетъ законы непогрѣшимаго вывода въ мышленіи....“ „Для ищущаго удовлетворенія въ правилахъ логики достаточно, если изъ понятія, которое полагается въ основаніе, выводится ни больше, ни меньше, чѣмъ сколько находится въ понятіи и если не утверждается въ цѣломъ рядѣ мыслей ничего, что находилось бы въ разногласіи съ основнымъ понятіемъ. Можетъ случиться, что это понятіе не заключаетъ въ себѣ истины, поэтому и остальныя понятія, отсюда выведенныя, будутъ страдать тѣмъ же недостаткомъ; какъ изъ истиннаго можетъ слѣдовать только истинное, такъ и изъ ложнаго необходимо слѣдуетъ только ложное, выводъ можно сдѣлать такъ, что въ немъ будутъ соблюдены всѣ правила логики. Разсудокъ строго ограниченъ опытомъ, разумъ же изслѣдуетъ возможность всякаго опыта. Наука перваго рода называется логикою и

есть теорія разсудка; наука же второго рода называется метафизикою и есть теорія разума...." „Къ сожалѣнію, логику не всегда понимали надлежащимъ образомъ; вслѣдствіе этого она была причиною распространенія заблужденія и ошибокъ въ философіи. Сюда относится прежде всего такъ называемая формальная логика. Она создаетъ убѣжденіе, что между субъектомъ и объектомъ существуетъ абсолютная противоположность... Кантъ, допустивши абсолютную противоположность между теоретическимъ и практическимъ разумомъ, ввелъ въ философію новыя ошибки. Равнымъ образомъ и Рейнгольдъ, поставившій единственнымъ началомъ философіи чистую мысль, повторилъ ошибку послѣдователей формальной логики". Шадъ, исходя изъ натуръ-философіи Шеллинга, признавалъ двойственность въ природѣ и человѣческомъ духѣ. „Логика Шада распадается на логику чистую и прикладную. Чистая логика трактуетъ о понятіяхъ, сужденіяхъ и умозаключеніяхъ или силлогизмахъ. Такимъ образомъ, авторъ не отступаетъ въ общемъ планѣ отъ традиціонной логики, хотя и здѣсь уже его независимость обнаруживается въ томъ, что о законахъ нашего разума онъ трактуетъ не въ началѣ чистой логики, какъ это большею частью было принято, а въ отдѣлѣ о сужденіяхъ. Но слѣдуя въ общемъ обычному плану, авторъ нерѣдко обнаруживаетъ полную самостоятельность и независимость въ обработкѣ частей: онъ представляетъ намъ новые анализы различныхъ формъ мысли, разлагаетъ на простѣйшіе элементы то, что считалось первичнымъ и неразложимымъ, сближаетъ и отождествляетъ то, въ чемъ бо́льшею частію усматривали только различіе, даетъ намъ новыя толкованія и объясненія различныхъ логическихъ понятій и терминовъ съ точки зрѣнія своего философскаго принципа и міровоззрѣнія. Его логика представляетъ собою нѣчто вродѣ философской пропедевтики (какъ назвалъ ее Роммель). Руководительнымъ методическимъ принципомъ у Шада всюду является принципъ, формулированный Фихте: отыскивать и раскрывать всюду тезисъ, антитезисъ и синтезисъ. Правда, мы не всегда признаемъ анализъ его правильнымъ, усмотримъ допускаемыя имъ натяжки, несогласимыя нерѣдко съ его выводами, тѣмъ не менѣе мы не можемъ не цѣнить его самостоятельной попытки внести въ старую, традиціонную логику нѣкотораго рода обновленіе, парализовать крайній формализмъ ея, не можемъ отнестись безъ уваженія къ его смѣлости критически относиться къ тому, что въ логикѣ считалось установившимся и неприкосновеннымъ; наконецъ, и оригинальность нѣкоторыхъ его философскихъ взглядовъ имѣетъ историко-философскій интересъ..." [1]). „Логика Шада довольно обширна и содержательна. Правда, въ ней нерѣдко

---
[1]) Ibidem, стр. 576—578.

встрѣчаются повторенія, но они объясняются назначеніемъ книги, какъ руководства для студентовъ: авторъ стремился къ тому, чтобы ничего не оставалось неяснымъ для слушателей и читателей“ [1]). И онъ, прибавимъ отъ себя, вполнѣ достигъ своей цѣли: студенты очень цѣнили его логику; объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ Роммель, говоря, что „Шадъ привлекъ студентовъ своею логикою, написанною плавною латынью (что-то вродѣ философской пропедевтики“).

За логикой должна была послѣдовать метафизика, за нею этика и естественное право (такое обѣщаніе далъ Шадъ въ предисловіи къ своей логикѣ). Особенно интересна была бы для насъ его метафизика, которая, къ сожалѣнію, осталась неизданной. Онъ раньше напечаталъ естественное право и, объясняя въ предисловіи къ нему это измѣненіе плана, даетъ характеристику своей метафизики: „онъ рѣшилъ издать ее на послѣднемъ мѣстѣ, дабы изъ приложенія ея началъ къ естественному праву и нравственному ученію каждый могъ видѣть, что она не есть собраніе безсодержательныхъ схоластическихъ хитросплетеній и приспособлена не къ показной учености, а къ жизни, къ правильному изученію и усвоенію частныхъ наукъ, какъ дополненіе ихъ, къ благоприличію, достоинству и счастію человѣка“. Не увидѣла свѣта и его этика, издано было только естественное право, вызванное, по сознанію самого Шада, тогдашними политическими обстоятельствами. „Счастливѣйшее измѣненіе обстоятельствъ, которое совершилось съ помощію особеннаго божественнаго Провидѣнія, а также благодаря рѣшимости, могуществу и непоколебимости великихъ государей Европы, соединенныхъ между собою братскимъ союзомъ, подаетъ надежды на то, что изъ развалинъ тираннической власти (Наполеона), подъ гнетомъ которой стонала почти вся Европа, произойдетъ новый порядокъ, новая жизнь, новое твореніе и новая форма государства, *управляемаго согласно вѣчнымъ закономъ разума*“ [2]). „Institutiones juris naturae“ [3]) начинается посвященіемъ императору Александру I-му; въ немъ авторъ подробно говоритъ объ освобожденіи Россіи, Европы и всего міра отъ страшнаго тирана Наполеона; подъ вліяніемъ всеобщаго подъема духа и онъ, Шадъ, рѣшился избавить науку естественнаго права отъ ошибокъ. Воздавши хвалу императору за избавленіе отъ тирана, военнаго чудовища нашего

---

[1]) Ibidem, стр. 586.

[2]) Ibidem, стр. 596, 590.

[3]) Вотъ полное заглавіе этого сочиненія: „Institutiones juris Naturae, conscripsit in usum auditorum suorum Ioannes Schad, philosophiae tum theoreticae, tum practicae in Caesarea literarum, quae Charcoviae constituta est, universitate professor ac collegiorum consiliarius Charcoviae, typis universitatis. 1814, VIII, IV, 408.

вѣка, исполненнаго ярости и неутомимой жажды человѣческой крови, онъ указываетъ на цѣль изданія книги — содѣйствовать установленію вѣрныхъ понятій о естественномъ правѣ, освобожденію народовъ отъ тѣхъ ошибочныхъ о немъ представленій, изъ которыхъ проистекли всѣ бѣдствія—самая тиранія, и которыя заразили своимъ ядомъ даже образованнѣйшіе народы. Эта цѣль заставила его измѣнить порядокъ изданій своихъ философскихъ сочиненій, указанный имъ два года назадъ въ предисловіи къ „чистой и прикладной логикѣ". Возможность же установленія истинныхъ понятій о правѣ, попранныхъ французской философіей, Шадъ видитъ только въ соглашеніи науки о правѣ съ наукой о нравственности и религіи—*и этому посвящена его книга.* „Чтя божественную мудрость, говоритъ онъ, выразившуюся въ Священномъ писаніи, преимущественно въ Новомъ Завѣтѣ, я признаю ложною и гибельною всякую философію, не согласную съ истинами, проповѣдуемыми Священнымъ писаніемъ. Во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ, изданныхъ и предназначенныхъ къ изданію, я стремлюсь къ тому, чтобы сообщить этимъ святымъ, глубокимъ и спасительнымъ истинамъ такія опоры, которыхъ не могли бы поколебать и ниспровергнуть никакія перемѣны временъ и мнѣній человѣческихъ, никакая ложная философія и самая необузданная жизнь. Въ этомъ стремленіи моя слава, въ немъ хочу состариться и съ нимъ умереть" [1]). Христіанская религія показываетъ народамъ и правителямъ, говоритъ Шадъ, что никакое государство не можетъ быть твердо и устойчиво безъ помощи добродѣтели и вѣры. Онъ хотѣлъ найти одинъ общій источникъ права и обязанности, который бы не уничтожалъ различія между ними, въ тоже время приводилъ ихъ къ общей гармоніи. На основѣ этого сходства и различія онъ хотѣлъ открыть новые принципы права, другіе законы, сообразно съ коими человѣческія общества могли бы направлять свою жизнь къ общему благу [2]). Такимъ образомъ, Шадъ пытался разрѣшить ту задачу, надъ которою тщетно трудились многіе великіе богословы и мыслители,—слить въ одно гармоническое цѣлое вѣру и разумъ, христіанскую религію и философію. Цѣль не была достигнута; по крайней мѣрѣ книга Шада не удовлетворила именно тѣхъ, кому онъ особенно подчеркивалъ христіанскія цѣли своего сочиненія—между прочимъ и тогдашнее русское правительство; оно, какъ извѣстно, конфисковало книгу Шада и самого его выслало изъ предѣловъ Россіи. Этого эпизода мы коснемся во 2 томѣ своего труда; тогда остановимся и на признанныхъ вредными мысляхъ Шада; теперь же

---

[1]) Н. А. Лавровскаго. Эпизодъ изъ исторіи Харьковскаго университета, стр. 42—43.

[2]) Эти мысли выражены Шадомъ въ предисловіи къ сочиненію.

только замѣтимъ, что въ его книгѣ во всякомъ случаѣ доминировалъ философскій элементъ и его взгляды на различные государственные вопросы должны быть признаны очень прогрессивными, а во многихъ случаяхъ, особенно для своего времени, даже очень радикальными. Если Шаду не удалось органически слить религіозный элементъ съ философскимъ, то за то этотъ послѣдній у него получилъ строго логическое разрѣшеніе. Весь трудъ Шада проникнутъ одной общей идеей, что право и обязанность, несмотря на коренное различіе ихъ, вытекаютъ изъ одного общаго источника и органически сливаются въ каждомъ субъектѣ. „Всѣ права человѣка Шадъ выводитъ (стр. 1—21) изъ общаго прирожденнаго, вѣчнаго и непреложнаго права человѣка, отъ котораго зависитъ всякое положительное законодательство и которое человѣкъ можетъ утратить только по собственной волѣ, изъ права, требуемаго разумомъ— „жить согласно со своею природой. Въ этомъ смыслѣ, говоритъ онъ, человѣкъ имѣетъ право на абсолютную свободу, которой никакая внѣшняя сила, даже вооруженная всемогуществомъ оружія, не можетъ исторгнуть; въ этомъ правѣ заключается высшее достоинство человѣка, сближающее его съ божественною природою; съ точки зрѣнія этого права человѣкъ самъ себѣ законъ, духъ, одушевляющій всѣ остальные законы, цѣль для которой послѣдніе служатъ только средствомъ. А такъ какъ человѣкъ есть необходимый синтезъ животной и разумной природы (какъ все существующее есть синтезъ противоположностей, продуктъ противодѣйствія силъ, все производящихъ, и закона безконечнаго развитія) и такъ какъ совершенство человѣка состоитъ въ абсолютной гармоніи той и другой природы, то этотъ синтезъ и долженъ служить основаніемъ для всякаго законодательства, опредѣляющаго дѣятельность человѣка. Среднее состояніе между двумя крайними, животнымъ и разумнымъ, въ которомъ только и возможно развитіе человѣка, возбужденіе и совершенствованіе его силъ, достиженіе верховной цѣли жизни — приближенія къ Божеству, есть состояніе общественное, видомъ котораго является гражданское, свойственное человѣку, какъ гражданину земному и небесному; въ немъ онъ только и можетъ познавать свои права и обязанности. По силѣ разума, человѣкъ абсолютно свободенъ и самъ себѣ законъ, а потому можетъ принимать законодательство только согласное съ разумомъ и хотя по своей волѣ можетъ принять законъ, противный разуму, но въ такомъ случаѣ теряетъ достоинство разумнаго существа. Человѣкъ долженъ быть и оставаться человѣкомъ и защищать себя, какъ человѣка; въ этомъ непреложное право разума и всякое положительное законодательство должно быть въ строгомъ согласіи съ этимъ правомъ. Отсюда естественное право есть философія

положительнаго права... Исходя изъ положенія о синтезѣ животной и разумной природы человѣка, авторъ заключаетъ, что существенныя условія общественной гражданской жизни—забота о собственномъ удобствѣ, ненарушимость взаимныхъ правъ и мудрость. Человѣкъ начинаетъ съ заботы о собственномъ удобствѣ, но разумъ требуетъ, чтобы онъ умѣрялъ и ограничивалъ эту заботу; ибо кто руководится только ею, тотъ не способенъ къ общественной жизни. Ненарушимость взаимныхъ правъ связана съ правомъ безграничнаго умноженія собственности и развитія способностей, такъ какъ какое либо ограниченіе въ этомъ отношеніи противно человѣческой природѣ. Мудрость, сообщающая человѣку высшее достоинство, есть плодъ заботъ о духовномъ образованіи, не имѣющемъ предѣловъ, и каждое гражданское общество, правильно устроенное, не только не можетъ ограничивать стремленіе къ мудрости, но и обязано облегчать его всѣми мѣрами и доставлять къ тому всѣ средства. А потому нельзя придумать ничего болѣе нелѣпаго, какъ принужденіе въ стремленіи къ этой цѣли, въ выборѣ средствъ къ тому и въ ограниченіи этого стремленія. Ничто не принадлежитъ намъ больше, говоритъ Шадъ, какъ мы сами, какъ наши духовныя блага, которыми мы владѣемъ или которыми овладѣть можемъ: намъ принадлежитъ свобода, управляемая разумомъ, стремиться ко всему высокому и прекрасному и тѣмъ выражать свою божественную природу; намъ принадлежитъ воля, возбуждающая насъ къ дѣйствіямъ, достойнымъ человѣка, намъ принадлежатъ всѣ наши духовныя и тѣлесныя силы, непрерывнаго развитія которыхъ требуетъ отъ насъ нашъ разумъ; намъ принадлежатъ всѣ усилія къ изслѣдованію истины, къ проникновенію въ тайны природы, намъ принадлежатъ доказательства для утвержденія святыхъ истинъ, безъ которыхъ никто не можетъ быть ни добрымъ, ни счастливымъ; намъ принадлежитъ убѣжденіе въ абсолютной цѣнѣ добродѣтели, въ высочайшемъ назначеніи человѣка, въ надеждѣ на будущія блага, въ религіи; намъ принадлежитъ, наконецъ, выборъ легчайшихъ средствъ къ достиженію цѣли, предлагаемой разумомъ. Блага эти принадлежатъ намъ больше, чѣмъ всѣ другія, зависящія отъ прихотей случая. Къ охраненію ихъ должны быть обращены всѣ силы нашего духа: лучше потерять все, самую жизнь, чѣмъ потерпѣть какой либо ущербъ этихъ благъ: „и не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити“, сказалъ Спаситель.... Возвышаясь умомъ до верховной цѣли своей дѣятельности и изучая свою божественную природу, человѣкъ только собственною волею дѣлаетъ себя рабомъ закона свободы. Вооруженный этими божественными узами, какъ бы оружіемъ всемогущества, оно выше всей природы. Ничто предъ нимъ, неуклонно стремящимся къ своей цѣли, всѣ

ужасы, которыми страшныя силы природы мучатъ рабовъ физической необходимости и произвола; ничто предъ нимъ всѣ обольщенія, разсѣянныя повсюду и возбуждающія къ возмущенію противъ власти разума; ничто предъ нимъ надежды, страхъ, бури душевныхъ волненій, чуждая власть, милость и ненависть, честь и безчестіе, любовь къ жизни и страхъ смерти: все это не можетъ сдвинуть съ положенія, однажды занятаго съ твердою рѣшимостью; объ немъ справедливо сказалъ Горацій: „si fractus illabatur orbis, impavidum ferient ruinae". Таково сверхъестественное состояніе человѣка, въ которомъ, съ исключеніемъ всякаго произвола, отождествляются свобода и необходимость. Это состояніе есть небо, къ которому стремится человѣкъ и которымъ онъ всегда и вездѣ, даже въ своемъ естественномъ состояніи, можетъ наслаждаться, если только стремится къ нему искренно и неуклонно" [1]).

Исходя изъ этого основнаго своего положенія о разумѣ, какъ источникѣ свободы и необходимости, Шадъ примѣнялъ его и къ объясненію такихъ явленій и учрежденій какъ свобода мысли, какъ власть государя, семейственное право, рабство. Тутъ онъ выступаетъ горячимъ поборникомъ свободы. „Все сочиненіе Шада, основанное на принципѣ безусловной свободы, есть неумолимый протестъ противъ всякаго вида насилія этой свободѣ. Этотъ принципъ, будучи и принципомъ всякой правды, выраженъ имъ такъ: „nihil agere licet nec in se nec in alios, quo jus quod dam originarium immediate et absolute laeditur". Съ нимъ тѣсно связанъ другой принципъ, служащій основаніемъ всякаго условнаго права: „nihil agere licet, quo jus alterius, pacto quodam ortum, laeditur (257, 258). Всякое положительное, условное, произвольное право, находящееся въ противорѣчіи съ правомъ естественнымъ, недѣйствительно и не можетъ быть оправдываемо никакими разсужденіями, никакимъ временемъ.... Если человѣкъ долженъ считать дѣломъ совѣсти не злоупотреблять всѣми предметами природы, смотрѣть на нихъ, какъ на священные сосуды универсальнаго храма природы, то какими помыслами онъ долженъ быть воодушевленъ къ человѣку, этому совершеннѣйшему творенію Творца природы, Ему подобному, какъ бы земному Богу. Съ какою любовію, уваженіемъ и благоговѣніемъ онъ долженъ къ нему относиться! Какъ должно ужасать его нанесеніе ему малѣйшаго оскорбленія! Съ какою заботливостью онъ долженъ содѣйствовать ему въ достиженіи его высокихъ цѣлей, его совершенства и счастія. Въ заключеніе Н. А. Лавровскій называетъ трудъ Шада „безспорно весьма замѣчательнымъ по силѣ и ясности мысли, по строгой послѣдовательности въ ея развитіи,

[1]) Н. А. Лавровскаго. Эпизодъ изъ исторіи Харьк. университ., стр. 45—48.

по живому воодушевленію и по прекрасному ея выраженію“, хотя и находитъ вполнѣ понятной кару, постигшую автора, за мысли, положенныя въ его основаніе, особенно если принять во вниманіе входившее тогда въ силу настроеніе правительственныхъ сферъ [1]).

Важное значеніе труда Шада заключается въ томъ, что онъ вооружился противъ механической теоріи государства, которая господствовала въ его время. Приведемъ по этому поводу небольшую выдержку изъ ненапечатанной еще статьи проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго. Вотъ какія занятія о государствѣ были въ эпоху Шада. „Какъ государство, такъ и государственная власть существуютъ *по договору*. Никакой другой связи и солидарности между договаривающимися не требуется кромѣ желанія вступить въ общество для внѣшней и внутренней безопасности. Такъ какъ безопасность гражданъ составляетъ главную и единственную цѣль государства, то послѣднее должно быть сильно физическою силою. Внутри государства дѣйствіе послѣдняго не должно простираться далѣе внѣшней охраны имущества и личности подданныхъ при помощи той же физической силы.... Всякое право имѣетъ свое происхожденіе во взаимномъ соглашеніи и договорѣ, равно какъ и обязанности; опредѣленіе внутренней связи между правомъ и обязанностями не обязательно; все зависитъ отъ взаимнаго соглашенія. Коль скоро установлены права и обязанности гражданъ, государство охраняетъ права и побуждаетъ къ исполненію обязанностей при помощи той же физической силы, которою оно обладаетъ. Противъ этихъ положеній и борется въ своей книгѣ Шадъ. „Заблужденіе почти всѣхъ политиковъ, говоритъ онъ, состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, что они утверждаютъ, будто государство есть учрежденіе, созданное для доставленія гражданамъ внѣшней безопасности.... Оно не можетъ требовать отъ гражданъ ничего, кромѣ внѣшнихъ дѣйствій, вынужденныхъ страхомъ наказанія. „Опровергая это заблужденіе, Шадъ говоритъ: „государство не есть машина, которая должна управляться только физическими законами, не мануфактура, не учрежденіе, созданное ради одной безопасности.... Авторъ не считаетъ возможнымъ выводить право изъ договора и возстаетъ противъ разрыва, произведеннаго искусственно между идеей права и обязанности“.

Другою видною научною силою на этикополитическомъ отдѣленіи былъ, какъ мы знаемъ, профессоръ политической экономіи *Якобъ*. Во время пребыванія своего въ Россіи, онъ написалъ и издалъ цѣлый рядъ руководствъ и учебниковъ для гимназій и университетовъ. Не перечисляя ихъ здѣсь, мы только остановимся на тѣхъ, которыя были напе-

---

[1]) Ibidem, стр. 53—54.

чатапы имъ въ бытность въ Харьковѣ. Въ Харьковъ онъ перешелъ, имѣя уже 48 лѣтъ отъ роду и оставался въ немъ очень недолго (до 1809 г.); затѣмъ извѣстный Сперанскій привлекъ его на службу въ Петербургъ, и онъ служилъ тамъ по министерству финансовъ. Въ Харьковѣ проф. Якобъ издалъ на нѣмецкомъ языкѣ по политическому праву сочиненіе [1]), въ которомъ сильно вооружился противъ крѣпостнаго права. Мы не имѣли въ рукахъ этой книги, но приведемъ выдержку изъ нея, сдѣланную В. И. Семевскимъ. „Въ особомъ отдѣлѣ, посвященномъ разсмотрѣнію вопроса объ обезпеченіи свободы членовъ государства, авторъ прежде всего указываетъ на неблагопріятныя послѣдствія несвободнаго состоянія. Люди несвободные никогда не будутъ спокойными, вѣрными слугами государства „пока существуютъ и поддерживаются закономъ такія противуестественныя отношенія, въ государствѣ будутъ постоянно готовые элементы для волненія и возстанія; между рабочими и господами будетъ всегда озлобленная вражда. Рабство вредно еще и тѣмъ, что рабы плохо работаютъ и мало размножаются. Считая необходимымъ уничтоженіе рабства и другихъ видовъ несвободнаго состоянія, Якобъ однакоже требуетъ, чтобы это было сдѣлано не иначе, какъ съ вознагражденіемъ владѣльцевъ. Тамъ, гдѣ еще существуетъ, къ несчастью, рабство или крѣпостное право, оно должно быть ослабляемо и ограничиваемо постепенно, такъ какъ внезапное уничтоженіе его было бы вредно и для рабовладѣльцевъ, и для освобождаемыхъ. При существованіи рабства, правительство должно обезпечить рабовъ отъ произвола владѣльцевъ и поставить ихъ подъ защиту государственныхъ законовъ, запретить покупку ихъ по истеченіи извѣстнаго заранѣе объявленнаго срока, опредѣлить закономъ размѣръ работы и содержаніе рабовъ, опредѣлить размѣръ выкупа, который долженъ для каждаго изъ нихъ уменьшаться по мѣрѣ увеличенія числа лѣтъ ихъ службы. При существованіи крѣпостнаго права, которое, по словамъ Якоба, во многихъ странахъ не мягче рабства, государство должно принять слѣдующія мѣры: точно и съ умѣренностью опредѣлить размѣръ работы крѣпостныхъ въ пользу владѣльцевъ, запретить переселеніе, продажу безъ земли и отдачу въ наемъ крѣпостнаго противъ его желанія, запретить насильственное разлученіе семей, ввести въ опредѣленныя рамки право владѣльцевъ наказывать крестьянъ, строго оградить крѣпостныхъ отъ всякихъ нравственныхъ злоупотребленій со стороны владѣльца, предоставить крѣпостнымъ полное право собственности на то, что они заработаютъ во время, данное имъ для своихъ работъ, и на то, что они сберегутъ или пріобрѣ-

---

[1]) L. H. *Jakob.* Grundsätze der Policeygesetzgebung und der Policeyanstalten, I, II.

тутъ какимъ-либо инымъ законнымъ путемъ. Наконецъ, крѣпостнымъ должно быть предоставлено право приносить жалобы на своихъ господъ безпристрастнымъ судьямъ и въ случаѣ виновности помѣщиковъ крестьяне должны получать свободу. Слѣдуетъ также опредѣлить закономъ, какою суммою денегъ крѣпостной можетъ выкупиться на свободу. Якобъ полагалъ также, что государство должно примѣромъ на казенныхъ земляхъ доказать помѣщикамъ, что, при существованіи свободныхъ наслѣдственныхъ или срочныхъ арендаторовъ, доходъ землевладѣльца будетъ больше, чѣмъ при крѣпостномъ трудѣ. Самый лучшій способъ освобожденія крестьянъ, по мнѣнію Якоба, состоитъ въ томъ, чтобы наиболѣе прилежнымъ семьямъ были переданы въ наслѣдственную аренду или проданы участки земли съ необходимыми постройками. Такъ какъ съ развитіемъ культуры рабочая плата повысится, то будто бы и простые поденьщики изъ крѣпостныхъ во время, предоставленное для ихъ собственныхъ работъ, будутъ имѣть возможность заработать столько, чтобы выкупиться на свободу. Такъ постепенно образуется классъ хорошихъ ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ, а пока существуетъ крѣпостное право, промышленность не можетъ развиваться. Уничтоженіе крѣпостнаго права будетъ имѣть весьма благодѣтельныя послѣдствія. Мы видимъ, такимъ образомъ, говоритъ въ заключеніе В. И. Семевскій, что мечты Якоба не идутъ далѣе дарованія крестьянамъ личной свободы, причемъ онъ полагаетъ, что землевладѣльцы найдутъ тогда для себя выгоднымъ предоставить освобожденнымъ свои земли въ наслѣдственную аренду. Его идеалы чисто западные: онъ преувеличиваетъ значеніе безземельнаго освобожденія, говоря, что „нищій въ свободной странѣ — король сравнительно съ крѣпостнымъ....“ Но если нельзя согласиться съ его планами окончательнаго устройства крестьянскаго сословія, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать большою заслугой ясную формулировку въ странѣ, гдѣ существовало въ полномъ развитіи крѣпостное право, подробной программы мѣръ для ограниченія этого зла“ [1]). Противъ крѣпостнаго права выступилъ Якобъ и въ другомъ своемъ сочиненіи, написанномъ на тему, предложенную Имп. вольно-экономическимъ обществомъ (о сравнительной выгодности крѣпостнаго и вольнонаемнаго труда); за эту работу онъ получилъ на конкурсѣ высшую награду — большую золотую медаль въ 100 червонцевъ [2]).

Такимъ образомъ, два выдающіеся представителя философской мысли — проф. Шадъ и Якобъ — оказались, по своимъ убѣжденіямъ и

---

[1]) Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и первой пол. XIX в. I. 313—315.

[2]) Ibidem, стр. 317—325.

взглядамъ, передовыми дѣятелями въ современномъ имъ русскомъ обществѣ, защитниками идеи свободы во всѣхъ ея проявленіяхъ — въ жизни гражданской, соціальной и особенно въ сферѣ умственной.

Проф. Якобъ, сверхъ того, издалъ цѣлый рядъ гимназическихъ учебниковъ, заслужившихъ лестный отзывъ главнаго правленія училищъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ слѣдующаго отзыва академика Фуса, доставленнаго въ правленіе университета попечителемъ гр. Потоцкимъ.

„Г. членъ правленія дѣйствительный статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Фусъ, января 26 дня сего года, донесъ правленію (училищъ), что разсмотрѣнныя имъ, по приказанію его сіятельства министра народнаго просвѣщенія, двѣ рукописи, сочиненныя профессоромъ Якобомъ, изъ коихъ одна содержитъ въ себѣ всеобщую грамматику для учащихся, а другая примѣчанія для учителей, по его мнѣнію, заслуживаютъ быть отъ правленія приняты столь же благосклонно, какъ и начала логики того же сочинителя. Онъ находитъ всеобщую грамматику основательною и порядочно расположенною, ясною и соотвѣтствующею нуждамъ нанихъ гимназій и плану ученія, начертанному для сихъ заведеній. Сверхъ того присовокупляетъ онъ, что книги, заключающія въ себѣ начала философіи, которыя г. Якобъ принялъ на себя сочинить, имѣютъ много преимуществъ, по которымъ должно ихъ принять для гимназій. Существенное достоинство каждой изъ оныхъ составляютъ: основательность, порядокъ, ясность, краткость и сообразность съ планомъ ученія и со временемъ, опредѣленнымъ для каждой философской науки въ гимназіяхъ; другое преимущество состоитъ въ систематической связи всѣхъ частей между собою. Таковое пріобрѣтеніе для всѣхъ частей философіи учебныхъ книгъ, сочиненныхъ однимъ и тѣмъ же ученымъ и по одинаковому плану можетъ почесться весьма значущимъ и полезнымъ. Немаловажна и та выгода, что симъ способомъ большая часть нашихъ учебныхъ книгъ, выходя изъ рукъ ученыхъ нашихъ соотечественниковъ, не будутъ уже иноземными плодами, привезенными въ Россію. Касательно вышеупомянутой всеобщей грамматики г. членъ правленія разсуждаетъ, что по ея краткости, сообразной съ планомъ ученія, примѣчанія на нее для учителей необходимо нужны. Сіи примѣчанія сверхъ прочихъ имѣютъ и то достоинство, что простираются на всѣ языки, преподаваемыя въ гимназіяхъ, даже и на россійскій, котораго существенныя и отличительныя свойства сочинитель повидимому съ великимъ прилежаніемъ старался узнать въ продолженіи двухъ лѣтъ пребыванія его въ Россіи. Наконецъ г. членъ Правленія заключаетъ, что сіи два сочиненія заслуживаютъ быть переведены на россійскій языкъ для пользы гимназій подъ надзираніемъ сочинителя, такъ какъ и его логика съ примѣчаніями. Главное

правленіе училищъ согласно съ этимъ мнѣніемъ, одобривъ означенныя вообще сочиненія г. профессора Якоба, составляющія вторую часть учебныхъ философскихъ книгъ, признало за полезное перевесть оное на россійкій языкъ и напечатать на томъ же самомъ положеніи, на каковомъ октября 12 дня минувшаго года опредѣлило перевесть и напечатать первую часть сочиненія сего автора. Вслѣдствіе сего университетъ не оставитъ сдѣлать согласно съ симъ опредѣленіемъ правленія распоряженіе; относительно же печатанія нѣмецкаго подлинника, назначаемаго правленіемъ для Дерптскаго округа, намѣренъ по сему обстоятельству изъясниться лично съ г. Якобомъ по пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ. Одесса, апрѣря 17 дня 1809 года". *Г. Северинъ Потоцкій.*

Нѣмецкій подлинникъ логики Якоба былъ напечатанъ въ университетской типографіи въ 1810 г. [1]). Изъ другихъ руководствъ, изданныхъ профессорами этико-политическаго факультета, отмѣтимъ „Grundlinien der politischen Arithmetik" Ланга (X. 1810, 210 p.).

На физико-математическомъ факультетѣ изъ русскихъ профессоровъ выдѣлялся своими учеными трудами математикъ Осиповскій. Свѣтило факультета, какъ его называетъ М. И. Сухомлиновъ, Осиповскій прославился своимъ курсомъ математики. Первое изданіе этого курса Осиповскій напечаталъ еще до полученія профессуры въ Харьковскомъ университетѣ [2]). За тѣмъ, въ бытность его профессоромъ Харьковскаго университета, вышло второе изданіе этого обширнаго и замѣчательнаго руководства подъ заглавіемъ „*Курсъ математики кол. сов. Тим. Осиповскаго, ординарнаго профессора чистой математики при Имп. Харьковскомъ университетѣ, изд. отъ главнаго правленія училищъ. Часть 1-я, содержащая общую и частную ариѳметику. Вторымъ тисненіемъ. СПб., при Имп. Академіи наукъ, 1813 г., 360 стр.*". *Тоже. Часть 2-я, содер-*

---

[1]) Вотъ подлинное заглавіе: „Grundriss der allgemeinen logik für die gymnasien des russichen Reichs von D. Ludwig Heinrich Jakob. Gedruckt und herausgegeben mit Approbation und auf Kosten der Kaiserlichen Oberschuldirection in S.-Petersbourg. Charkow. In der Universitätsbuchdruckerey". 1810. Въ 1815 г. Петербургѣ вышло 2-е изданіе русскаго перевода логики Якоба подъ заглавіемъ „Начертаніе всеобщей логики для гимназій, а въ 1814 г.—курсъ философіи для гимназій Россійской Имперіи, ч. 3-я, Психологія и ч. 4-я—Нравоучительная философія (въ 1816 г.). Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ связи съ очеркомъ общей логики для гимназій проф. Якобъ издалъ обширное „Ausführiche Erklärung des Grundrisses der allgemeinen Logik (301 р. и 5 стр. вопросовъ).

[2]) Вотъ его подлинное заглавіе: „Курсъ математики кол. ас. Тим. Осиповскаго, отправляющаго должность профессора математики при учительской гимназіи. Томъ 1-й, содержащій общую и частную ариѳметику, изд. коммиссіей объ учрежденіи народныхъ училищъ. Спб., при Имп. Ак. Наукъ, 1802 г., 357; т. 2-й, содержащій геометрію прямолинейную и сферическую тригонометрію, 1801, 319 стр. и чертежи.

жащая геометрію, прямолинейную и сферическую тригонометрію и введеніе въ криволинейную геометрію. Вторымъ тисненіемъ. СПб., при Имп. Академіи наукъ, 1814 г., 338 стр. (и чертежи). Въ двадцатыхъ годахъ вышло и 3-е изданіе этого труда, при чемъ появился и 3-й его томъ подъ заглавіемъ: „*Курсъ математики заслуженнаго профессора ст. сов. Тим. Осиповскаго. Томъ 3-й, содержащій въ себѣ теорію аналитическихъ функцій, въ коей разсматриваются: преобразованіе функцій; измѣненіе функцій вообще по разностямъ и варіаціямъ и суммованіе разностныхъ функцій; интегрированіе уравненій, какъ въ цѣлыхъ, такъ и въ частныхъ дифференціалахъ и варіаціонное исчисленіе. СПб., при Имп. Академіи наукъ, 1823 г., 571 стр.*“. Но, кажется, что это сочиненіе составлено было Осиповскимъ еще въ 1810 году и тогда же предоставлено въ главное управленіе училищъ. По крайней мѣрѣ мы приходимъ къ такому заключенію на основаніи одного документа, найденнаго нами въ архивѣ мин. нар. просвѣщенія—оффиціальнаго представленія объ Осиповскомъ министру 1810 г. Тамъ мы читаемъ: „ординарный профессоръ Харьковскаго университета кол. сов. Осиповскій въ службѣ состоитъ 24 года. Онъ сочинилъ въ 2-хъ томахъ курсъ чистой математики. Сочиненіе это признано классическимъ и будучи издано бывшей коммиссіей о народныхъ училищахъ, употребляется нетолько въ училищахъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія, но и во многихъ другихъ учебныхъ заведеніяхъ.... Нынѣ представилъ онъ въ главное правленіе училищъ сочиненный имъ 3-й томъ математики въ двухъ частяхъ—о дифференціальныхъ, интегральныхъ и варіаціонныхъ вычисленіяхъ. Это послѣднее сочиненіе, по порученію правленія училищъ, разсматривалъ членъ его дѣйств. статск. сов. академикъ Фусъ и донесъ, что оно заключаетъ въ себѣ отвлеченныя изслѣдованія, весьма превышающія тотъ курсъ чистой математики, который преподается въ университетахъ, а потому не только полезно, но даже необходимо для всѣхъ тѣхъ, кои избрали математику главнымъ предметомъ своего ученія, въ особенности же для тѣхъ, кто не знаетъ иностраннаго языка, ибо, сколько извѣстно, нѣтъ еще на русскомъ языкѣ такого сочиненія, въ которомъ бы такъ пространно, какъ тутъ, разсуждалось бы о приложеніи теоріи функцій къ кривымъ линіямъ и поверхностямъ [1])“. „Ученые труды Осиповскаго, замѣчаетъ М. И. Сухомлиновъ, составляютъ, по отзыву спеціалистовъ, украшеніе нашей математической литературы начала XIX ст. По замѣчанію проф. І. И. Сомова, курсъ математики Осиповскаго можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими иностранными руководствами того времени; сочиненія его показываютъ знакомство автора со всѣмъ, что

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло 1810 г. № $^{5724}/_{155}$, присоединенный къ № $^{5430}/_{152}$.

было замѣчательнаго въ математической литературѣ Европы; избравши образцомъ преимущественно Эйлера, Осиповскій по ясности и строгости изложенія, былъ достойнымъ послѣдователемъ великаго математика. Обязанный своими познаніями собственному таланту и неутомимой ревности, съ которою изучалъ творенія европейскихъ ученыхъ, онъ излагалъ открытія геніальныхъ двигателей науки съ яснымъ и глубокимъ знаніемъ дѣла; его университетскія чтенія служили превосходною школою для слушателей, указывали имъ вѣрный путь и давали прочный залогъ для дальнѣйшихъ самостоятельныхъ занятій" [1]). Не перечисляемъ здѣсь спеціальныхъ изслѣдованій Осиповскаго, потому что они относятся къ болѣе позднему времени и мы остановимся на нихъ во 2-мъ томѣ своего труда. Замѣтимъ только, что въ это время онъ сталъ переводить на русскій языкъ „*Небесную механику*" Лапласа „съ присовокупленіемъ въ замѣчаніяхъ нѣкоторыхъ необходимыхъ поясненій, относящихся къ основаніямъ предлагаемыхъ въ ней вычисленій" [2]).

Осиповскій и самъ работалъ неутомимо и внушилъ, любовь къ занятію своему адъюнкту Архангельскому, напечатавшему въ 1814 году „Разсмотрѣніе примѣчаній на основы геометріи академика Гурьева" и переводъ „*Основаній механики*" Франкера, снабженный его собственными дополненіями.

Изъ иностранцевъ наиболѣе плодовитыми писателями оказались проф. физики Стойковичъ и химіи Гизе.

Мы представимъ о сочиненіяхъ Стойковича его собственную записку (такъ сказать, selblstrecension) и затѣмъ критико-библіографическую замѣтку, составленную, по нашей просьбѣ, уважаемымъ спеціалистомъ проф. А. П. Шимковымъ. Вотъ подлинный текстъ записки Стойковича.

Сочиненія бывшаго профессора Императорскаго Харьковскаго университета, статскаго совѣтника и кавалера Стойковича:

1) *О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи.* Сіе сочиненіе есть по сему предмету первое на отечественномъ нашемъ языкѣ, въ которомъ авторъ, опровергнувъ различныя ученыхъ мнѣнія о происхожденіи сихъ чудесныхъ массъ, указалъ, что онѣ образуются въ земной атмосферѣ. Авторъ помѣстилъ здѣсь исторію всѣхъ низпадшихъ изъ воздуха камней отъ начала міра до нашихъ временъ.

2) *Умозрительная и опытная физика въ двухъ томахъ.* Въ сочиненіи семъ порядокъ совершенно новой и физическіе предметы приведены въ *систему*, чего до сихъ поръ ни одинъ физикъ не сдѣлалъ.

---

[1]) М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I, стр. 86—87.

[2]) Арх. мин. нар. просв. № $^{5724}/_{155}$, присоединенный къ № $^{5430}/_{152}$.

3) *О предохраненіи себя отъ молніи и громовыхъ ударовъ.* Сочиненіе сіе распространило настоящія понятія о сихъ ужасныхъ дѣйствіяхъ природы и нѣтъ сомнѣнія, что по содержанію своему спасло жизнь многихъ; въ немъ же преподаны правила устраивать громовые отводы по новѣйшему способу.

4) *Система физики, въ двухъ томахъ.* Сочиненію сему подобнаго не находится ни на какомъ языкѣ. Статьи о сцѣпленіи тѣлъ, о движеніи совершенно новы. Матеріалы собираемы для сего сочиненія съ 1798 года. Оно обработано съ величайшимъ тщаніемъ. Г. Стойковичъ принесъ оное въ подарокъ университету.

5) *Астрономія физическая.* Явленія неба представлены здѣсь въ краткомъ, но полномъ и систематическомъ видѣ; въ немъ показывается *a posteriori* движеніе земли около оси своей и всѣ новѣйшія открытія астрономовъ помѣщены на своихъ мѣстахъ. Статьи о новооткрытыхъ 4 планетахъ и о лунѣ новы.

6) *Физическая географія.* Сочинитель осмѣливается сказать, что подобнаго полнаго сочиненія о явленіяхъ земнаго шара ни на какомъ языкѣ не находится. Новыя статьи суть о возвышеніи надъ горизонтомъ земныхъ предметовъ—о воздушныхъ камняхъ и о связи ихъ съ огненными шарами и подобными огненными метеорами—о предсказаніи погодъ и проч.

Тутъ же Стойковичъ перечисляетъ и квалифицируетъ и всѣ остальные свои болѣе мелкіе труды; но о нихъ мы упомянемъ впослѣдствіи. Теперь же только приведемъ еще одну очень характерную выдержку изъ его просьбы о наградѣ за эти изданія, обращенной къ попечителю Гр. Потоцкому въ 1817 г. (т. е. послѣ извѣстнаго увольненія его изъ университета).

„Сіятельнѣйшій графъ м. г.! Во время послѣдняго отсутствія вашего въ чужихъ краяхъ, при всѣхъ многотрудныхъ должностяхъ, кои я отправлялъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, занимался я классическими сочиненіями, для пользы его и его учебнаго округа. Я издалъ *полный* курсъ той науки, для преподаванія которой приглашенъ былъ изъ чужихъ краевъ, и каковаго едва ли кто либо другой по своей части издалъ. Наука въ сочиненіяхъ моихъ представлена въ томъ новомъ видѣ, съ тѣми новѣйшими открытіями, каковы въ ней до самаго изданія сдѣланы. Сочиненіями моими распространены истинныя понятія о предметахъ насъ окружающихъ во всей обширной Имперіи. Кромѣ физическаго курса, печатаннаго на моемъ иждивеніи, принесъ я въ подарокъ университету сочиненіе мое, *систему физики*, напечатанную въ двухъ томахъ, за кои я ничего не получилъ. Я смѣло

утверждаю, что подобнаго сему сочиненію ни на какомъ языкѣ еще не существуетъ.

Всѣ сіи обстоятельства вамъ, сіятельнѣйшій графъ, не извѣстны были по причинѣ отсутствія вашего, я же, бывъ уволенъ по болѣзни отъ университета, не имѣлъ доселѣ случая оныя вамъ объяснить.

Ваше сіятельство, яко бдительный начальникъ, всегда отдавали справедливость трудамъ вашихъ подчиненныхъ, и ежели сочинитель *одного* токмо сочиненія классическаго имѣетъ право ожидать отличія, то тѣмъ болѣе я ласкаю себя надеждою, что вы, за изданіе *многихъ*, не оставите обратить вниманіе вашего начальства на труды мои“ [1]).

Какъ видимъ изъ приведеннаго документа, Стойковичъ не отличался скромностью; его записка представляетъ образчикъ того искательства, которое было въ ходу въ то время, и служитъ цѣннымъ источникомъ не столько для оцѣнки его научныхъ трудовъ, сколько для характеристики его нравственной личности. На изслѣдованія научныя онъ смотрѣлъ, очевидно, какъ на торговое предпріятіе, и требовалъ себѣ за нихъ награды и барыша. Труды эти отличались нѣкоторыми достоинствами, но его собственная оцѣнка преувеличиваетъ ихъ значеніе: едва ли они могутъ быть названы классическими даже въ такомъ смыслѣ этого слова, въ какомъ это выраженіе примѣнялось къ пособіямъ, изданнымъ Осиповскимъ или Рижскимъ. Уже неизвѣстный намъ современникъ отмѣтилъ искательство и самохвальство Стойковича, сдѣлавъ цѣлый рядъ приписокъ на представленіи о немъ; въ этихъ отмѣткахъ онъ говоритъ, что за нѣкоторыя изъ указанныхъ сочиненій Стойковичъ получилъ уже награду, что часть своихъ изданій онъ продалъ за хорошія деньги главному правленію училищъ и что его основы физики не были одобрены къ изданію. Мы отъ себя прибавимъ, что эта книга вызвала въ свое время суровую рецензію проф. Осиповскаго (на которой мы остановимся позже). Теперь же приведемъ отзывъ о сочиненіяхъ Стойковича уважаемаго проф. А. П. Шимкова.

„Первый профессоръ физики въ Харьковскомъ университетѣ *Аѳанасій Стойковичъ* напечаталъ за сравнительно короткій срокъ — съ 1807 по 1813 г. — нѣсколько довольно объемистыхъ трудовъ, что несомнѣнно уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о трудолюбіи его.

Вотъ перечень этихъ трудовъ въ порядкѣ ихъ изданія:

1. *О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи.* XLVII и 280 стр. in 8⁰, въ Харьковѣ, въ университетской типографіи, 1807 г. Посвящено министру народнаго просвѣщенія графу П. В. Завадовскому. Во введе-

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. № $^{6053}/_{159}$.

ніи помѣщена (стр. XIX—XLVII) рѣчь „О воздушныхъ камняхъ", произнесенная въ торжественномъ годовомъ собраніи 17 января 1807 г. при вступленіи А. Стойковича въ званіе ректора. 2. *Начальныя основанія умозрительной и опытной физики.* LIV и 450 стр. in 8⁰, съ 5-ю таблицами рисунковъ (127), въ Харьковѣ 1809 г. Посвящена императору Александру I. Книга представляетъ полный курсъ физики, въ которомъ разсматриваются „явленія неорудныхъ частныхъ тѣлъ"; въ 1-мъ отдѣлѣ ея излагаются „явленія вещества вообще, явленія твердыхъ, капельныхъ и воздухообразныхъ тѣлъ вообще и въ особенности", во 2-мъ „явленія ѳирныхъ веществъ свѣтотвора, теплотвора, электрической, гальванической и магнитной матеріи въ особенности". 3. *О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи во всѣхъ случаяхъ жизни.* XXXIV и 251 стр. in 8⁰; кромѣ того въ концѣ книги, стр. 253—286—списокъ „гг. пренумерантовъ на сіе сочиненіе". Харьковъ. 1810 г. 4. *Система физики*, первая книга 473 стр. in 8⁰, съ 17-ю табл. рисунковъ (87). Харьковъ. 1813 г. Эта книга можетъ быть разсматриваема, какъ начало 2-го, значительно дополненнаго изданія книги „Начальныя основанія умозрительной и опытной физики", такъ какъ нѣкоторые параграфы „системы физики" представляютъ простую перепечатку изъ „Начальныхъ основаній". Особенно много дополненій сдѣлано въ статьѣ о движеніи твердаго тѣла и вообще въ отдѣлѣ механики. Книга обнимаетъ только „Физику вѣсомаго вещества", въ томъ числѣ и ученіе о движеніи. 5. *Начальныя основанія физической астрономіи*, IV и 252 стр., in 8⁰, Харьковъ, 1813 г.

Всѣ названныя книги показываютъ, что А. Стойковичъ обладалъ прекраснымъ общимъ и философскимъ образованіемъ, что онъ читалъ на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ — французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ, не говоря о латинскомъ и русскомъ, — что онъ былъ знакомъ съ литературою своего предмета, какъ видно изъ длинныхъ перечней сочиненій и мемуаровъ, которыми онъ пользовался, что онъ хорошо владѣлъ русскимъ языкомъ и даромъ письменнаго изложенія, что, однимъ словомъ, по образованію и способностямъ, Стойковичъ былъ виднымъ представителемъ европейской цивилизаціи; въ то же время ни въ одномъ изъ названныхъ трудовъ не виденъ спеціалистъ и самостоятельный изслѣдователь въ какой либо области естествознанія, что впрочемъ, имѣя въ виду состояніе естественныхъ наукъ въ то время, и не должно удивлять насъ: естественныя науки не достигли тогда той степени раздѣленія, которая явилась впослѣдствіи, какъ результатъ накопленія необозримой массы фактическаго матеріала, и повлекла за собою узкую спеціализацію какъ отдѣловъ науки, такъ и ученыхъ. Этому соотвѣтствуетъ обширный кругъ предметовъ, о которыхъ

писалъ Стойковичъ и которые, въ его время, входили въ составъ физики, какъ видно изъ определенія „порядка" его „Системы физики" (стр. 65, § 40) значительной части котораго онъ не успѣлъ, однако, выполнить. Въ эту „Систему", согласно предположенному „порядку", входили слѣдующія составныя части съ ихъ подраздѣленіями:

Физика теоретическая	I. Явленія вѣсомаго вещества. II. Явленія невѣсомаго вещества.

Физика прикладная	I. Явленія міровыхъ тѣлъ	A. Міровыхъ тѣлъ вообще. B. Земнаго шара въ особенности.
	II. Явленія оруднаго (органическаго) вещества.	A. Явленія растеній. B. Явленія животныхъ.

Прибавленія: I. Ѳеорія начала и образованія міра (Cosmogonia).
II. Ѳеорія начала и образованія земли (Geogonia).

Сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе содержанія сочиненій Стойковича могло бы представить интересъ только при сопоставленіи ихъ съ аналогичными трудами его современниковъ, что не входитъ въ рамки настоящей замѣтки, и потому мы ограничимся лишь нѣсколькими замѣчаніями, направленными къ тому, чтобы извлечь изъ разсматриваемыхъ сочиненій указанія, способныя характеризовать автора ихъ. Мы сказали уже выше, что ни въ одномъ изъ своихъ трудовъ Стойковичъ не является самостоятельнымъ изслѣдователемъ, но что въ немъ виденъ хорошо образованный и способный писатель-компиляторъ, и этимъ объясняются какъ нѣкоторыя, бросающіяся въ глаза упущенія его, такъ и непослѣдовательность въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ и заключеніяхъ. Такъ, несмотря на многочисленныя ссылки на французскіе ученые труды, слѣдуетъ думать, что Стойковичъ былъ хорошо знакомъ съ нѣмецкою ученою литературою и сравнительно слабо съ французскою и, можетъ быть, даже вообще и съ французскимъ языкомъ. Этимъ мы можемъ объяснить отсутствіе въ его „Системѣ Физики" упоминанія о законѣ упругости газовъ (Маріотта—Бойля), который извѣстенъ былъ еще въ 17-мъ столѣтіи, и это несмотря на то, что имена Маріотта и Бойля упоминаются въ историческомъ введеніи въ „Системѣ Физики" (стр. 34). Этимъ же самымъ можно объяснить полное противорѣчіе между русскимъ текстомъ и приводимою здѣсь же, внизу страницы, французскою цитатою; на 162 стр. его сочиненія „О воздушныхъ камняхъ" въ текстѣ читаемъ: „французскіе академики Фужеру, Каде и Лавоазіе, коимъ препорученъ былъ для изслѣдованія сообщенный Башелаемъ камень, объяснились: мы должны заключить, что уже по химическому разложенію, не входя въ дальнія обстоятельства, представленный г. Башелаемъ камень, *обязанъ своимъ*

происхожденіемъ молніи", въ выноскѣ же—слѣдующая цитата изъ мемуара названныхъ академиковъ: „nous croyons donc devoir conclure d'après seule analyse et independemment d'un grand nombre d'autres raisons, qu'il serait inutile de detailler, que la pierre présentée par M. Bachelay *ne doit point son origine an tonnerre*, qu'elle n'est point tombée du ciel..."

Что Стойковича болѣе занимало изложеніе, чѣмъ наблюденіе и изслѣдованіе, это видно и изъ слѣдующаго: сообщая подробныя свѣдѣнія о метеорѣ, упавшемъ между Ахтыркою и Сумами 1 октября 1787 г., Стойковичъ приводитъ подлинныя сообщенія свидѣтелей этого явленія, приводитъ даже наружное описаніе камня, сдѣланное адъюнктомъ Мануиломъ Кригеромъ, и химическій анализъ того же камня, сдѣланный профессорами Шнаубертомъ и Гизе. Такимъ образомъ вся статья представляется составленною изъ сообщеній свидѣтелей и экспертовъ, собранныхъ и представленныхъ нашимъ авторомъ. Невольно рождается подозрѣніе, что и длинные списки ученыхъ трудовъ, на которые ссылается авторъ, и, можетъ быть, даже отдѣльныя цитаты изъ нихъ поручались другимъ лицамъ, чѣмъ можно бы объяснить, какъ крупные пробѣлы, такъ и противорѣчащія тексту ссылки въ сочиненіяхъ Стойковича. Подобные же пробѣлы и противорѣчія представляютъ и философскія воззрѣнія Стойковича, которымъ онъ, слѣдуя обычаямъ того времени, удѣляетъ довольно много мѣста въ своихъ трудахъ.

Во введеніяхъ къ своимъ книгамъ „Начальныя основанія умозрительной опытной физики" и „Система физики", Стойковичъ ссылается на философскія воззрѣнія Декарта, Канта, Ньютона и друг., причемъ высказывается слѣдующимъ образомъ (Система физики, стр. 65 и слѣд., § 38): „опытную физику не должно противуполагать умозрительной и почитать ее за часть сей послѣдней совершенно отдѣльную. Одни опыты безъ умозрѣнія (т. е. безъ того, чтобы разумъ нашъ опытовъ не сличалъ, не сравнивалъ, не выводилъ изъ нихъ умозаключенія и не изъяснялъ явленія) есть дѣтская игра, достойная только однихъ шарлатановъ. Умозрѣніе и тонкія разсматриванія природы и ея силъ безъ подтвержденія опытами суть пустословія и собраніе сонныхъ мечтаній. Умозрѣніе и опытность должны шествовать равными шагами, такъ чтобы изъ опытовъ умъ выводилъ истины, объясняющія явленія природы, и всякая умомъ выведенная истина на опытности была основана".

Изъ этого можно было бы заключить, что Стойковичъ имѣлъ вполнѣ здравыя понятія о методахъ естествознанія, что онъ усвоилъ основныя воззрѣнія Канта и Ньютона и не станетъ нигдѣ вдаваться въ метафизику, но на самомъ дѣлѣ оказывается иное, чему можно привести не мало примѣровъ. Такъ, на стр. 63 той же „Системы физики", читаемъ:

„....вещество наполняетъ пространство не однимъ бытіемъ своимъ, но силою отразительною всѣхъ своихъ частей и безъ оной силы вещество не могло бы наполнять пространства. Итакъ, вещество одарено силою отразительною, которую такъ, какъ *первую* и *начальную* почитать должно". Говоря въ той же книгѣ объ упругости твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, нашъ авторъ даетъ сравнительно много опредѣленій, приводитъ мнѣнія предшественниковъ о причинахъ упругости, но не цитируетъ нѣкоторыхъ опытовъ и основанныхъ на нихъ выводовъ, которые въ то время уже были сдѣланы, напр. закона Гука. Въ книгѣ „О воздушныхъ камняхъ" онъ склоняется въ пользу мнѣнія, что они образуются въ земной атмосферѣ, ссылаясь на превосходство природы предъ искусствомъ людей, на невозможность „оспорить природу въ силѣ", образовать въ атмосферѣ вещества, которыя она „образуетъ во внутренности земной", ссылаясь, наконецъ, и на то, что такое объясненіе представляется „достойнымъ" природы. Не увеличивая числа подобныхъ ссылокъ, мы можемъ сказать вообще, что Стойковичъ не всегда соблюдалъ имъ же (см. выше) высказанныя требованія о равновѣсіи между „умозрѣніемъ и опытностью",— и въ этомъ отношеніи онъ былъ истиннымъ отраженіемъ современнаго состоянія европейской науки, которую онъ переносилъ въ Россію въ томъ видѣ, какъ самъ ее усвоилъ. Я полагаю поэтому, что указанные выше недостатки его трудовъ, въ особенности же ихъ компилятивный характеръ, дѣлаетъ излишнимъ болѣе подробную оцѣнку ихъ въ научномъ отношеніи. Этимъ, однако, не умаляется значеніе этихъ трудовъ ни для профессорской дѣятельности Стойковича, которой они служили существеннѣйшимъ подспоріемъ, ни для русской научной литературы, которая и до настоящаго времени не можетъ похвалиться обиліемъ печатныхъ руководствъ и ученыхъ монографій: для того и другого книги Стойковича должны были имѣть большое значеніе въ свое время, и изданіе ихъ слѣдуетъ несомнѣнно поставить въ большую заслугу, какъ ихъ автору, такъ и общему настроенію университетской коллегіи и общества, безъ поддержки которыхъ такая усиленная научно-литературная дѣятельность не могла бы осуществиться".

Столь же плодовитымъ, но гораздо болѣе самостоятельнымъ ученымъ былъ профессоръ Фердинандъ Гизе, проявившій кипучую дѣятельность въ Харьковѣ и развившій здѣсь, можно смѣло сказать, и свой недюжинный талантъ. Представляемъ отзывъ о немъ, спеціально для насъ составленный уважаемымъ спеціалистомъ профессоромъ химіи Г. И. Лагермаркомъ.

„Фердинандъ Гизе былъ одинъ изъ выдающихся профессоровъ Харьковскаго университета. Обладая обширными познаніями не только

въ своей спеціальности, но и въ близкихъ къ ней наукахъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ широкое философское образованіе. Эти качества въ связи съ искренней любовью къ наукѣ, съ рѣдкимъ трудолюбіемъ и съ строгой научной критикою сдѣлали изъ него крупнаго ученаго, имя котораго было извѣстно и пользовалось уваженіемъ далеко за предѣлами Россіи. Начало нашего столѣтія вообще изобилуетъ крупными, въ исторіи развитія человѣчества, именами. Особенно сказанное относится къ исторіи химіи. Начало 19 столѣтія въ исторіи химіи есть періодъ возрожденія, періодъ, когда, послѣ открытія кислорода и объясненія процесса горѣнія Лавуазье, а также послѣ установленія важности опредѣленія вѣсовыхъ отношеній", химія какъ наука вышла на новую дорогу и началась та горячая, кипучая работа ученыхъ, которую теперь, спустя почти столѣтіе можетъ изучать историкъ только съ величайшимъ, восторженнымъ удивленіемъ Въ это время пришлось жить и имѣть научную дѣятельность Фердинанду Гизе. Въ блестящей плеядѣ великихъ именъ—корифеевъ науки, выработавшихъ своими геніальными изслѣдованіями тѣ основныя начала, на которыхъ зиждется теперешняя химія, имя Гизе не встрѣчается. Но все же Гизе нужно отнести къ ряду выдающихся химиковъ начала 19-го столѣтія, а его имя упоминается въ ученыхъ трактатахъ его современниковъ съ эпитетомъ „ревностнаго и основательнаго изслѣдователя". На такое мнѣніе своихъ современниковъ Гизе имѣлъ неоспоримое право. Рядъ изслѣдованій и критическихъ статей по различнымъ вопросамъ, не говоря о многочисленныхъ выдающихся сочиненіяхъ его, ставитъ его имя много выше средняго уровня и создаетъ ему ту прочную славу и уваженіе, которыми онъ по справедливости пользовался.

После нѣсколькихъ мелкихъ работъ, опубликованныхъ имъ въ молодости, Гизе издалъ свое первое болѣе замѣчательное сочиненіе: „*Von den chemischen Processen und den dabei sich darbietenden Erscheinungen*" *Berlin 1804*, работу, въ которой онъ разбираетъ физико-химическую сторону химическихъ явленій. Переведенный затѣмъ преподавателемъ химіи во вновь созданный Харьковскій университетъ, Гизе, попавъ въ новую, чуждую ему обстановку, не смотря на отсутствіе благоустроенной химической лабораторіи, тѣмъ не менѣе продолжаетъ работать и развиваться научно. Было что то лихорадочно-кипучее въ этой научной его дѣятельности. Отнюдь не слѣдуетъ, однако, думать, чтобы эта послѣдняя имѣла характеръ спѣшной, неосновательной работы. Напротивъ, всѣ его работы строго продуманы, проведены образцово и изложены простымъ, сжатымъ, яснымъ языкомъ. Отсутствіе благоустроенной химической лабораторіи, по всей вѣроятности, служило поводомъ къ тому, что первая научная дѣятельность Гизе въ Харьковѣ была преимущественно

литературная. Такимъ образомъ онъ издалъ свой „*Lehrbuch der Farmacie*", *Riga und Leipzig 1806—1811 г.*, въ четырехъ томахъ, сочиненіе, которое по содержанію скорѣе слѣдовало бы назвать учебникомъ химіи по примѣненію къ фармаціи, чѣмъ фармацiею. Послѣдній, четвертый, томъ этого сочиненія посвященъ изложенію ученія объ органическихъ соединеніяхъ и основанъ на тогдашнемъ состояніи науки и на системѣ, выработанной самимъ Гизе на основаніи собственныхъ изслѣдованій. Системѣ этой авторъ придавалъ особенное значеніе и потому, для ознакомленія болѣе широкаго круга ученыхъ съ нею, издалъ ее въ видѣ отдѣльной брошюры подъ заглавіемъ „*Classification des substances végétales et animales selon leurs proprietés chimiques, Moscou 1810*. Цѣль эта повидимому, однако, не была достигнута; по крайней мѣрѣ Гизе самъ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей горько жалуется на малое вниманіе къ этой работѣ со стороны ученаго міра.

Не смотря на отсутствіе благоустроенной химической лабораторіи, Гизе тѣмъ не менѣе продолжалъ также практическую лабораторную работу. Какъ извѣстно, въ то время всякія мѣстныя нужды находили живой откликъ въ университетѣ, спѣшившемъ отзываться и содѣйствовать рѣшенію вопросовъ, интересовавшихъ тогдашнее общество. Въ этой благотворной работѣ участвовалъ по мѣрѣ силъ и возможности и Фердинандъ Гизе. Въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ рядъ изслѣдованій мѣстныхъ минеральныхъ водъ и глинъ; онъ же въ особой брошюрѣ изложилъ лучшіе способы добыванія селитры, вещества, когда-то составлявшаго въ сельскохозяйственномъ дѣлѣ въ Малороссіи немаловажный побочный продуктъ; добываніе его одно время особенно покровительствовалось правительствомъ. Къ области изысканій Гизе по мѣстнымъ вопросамъ относится также его изслѣдованіе совмѣстно съ проф. Шнаубертомъ и проф. физики Стойковичемъ аэролита, упавшаго въ с. Боброкѣ Сумск. уѣзда 1 октября 1787 года. Такое же изслѣдованіе было произведено Гизе относительно аэролита, упавшаго въ Бахмутѣ 3 февраля 1813 года. Изъ дѣятельности Гизе по вопросамъ мѣстнымъ выдается еще его рѣчь на нѣмецкомъ языкѣ на университетскомъ актѣ 1807: „Обзоръ успѣховъ естествознанія и изслѣдованій Россіи".

Но наиболѣе замѣчательная изъ всѣхъ литературныхъ работъ Гизе есть его „*Всеобщая химія для учащихъ и учащихся*". Сочиненіе это въ пяти томахъ переведено съ нѣмецкой рукописи профессоромъ физики Харьковскаго университета В. Комлишинскимъ и издано въ Харьковѣ въ 1813—1817 г. Важность этой работы въ то время съ очевидностью доказывается уже тѣмъ фактомъ, что она издана была на средства, ассигнованныя министерствомъ народнаго просвѣщенія спеціально для этой цѣли.

Дѣйствительно, сочиненіе это вполнѣ заслуживало того вниманія, котораго оно удостоилось отъ ученаго міра и министерства. „Всеобщая химія“ Гизе содержитъ въ себѣ все существенное, что было извѣстно въ наукѣ въ началѣ 19-го вѣка. Авторъ въ сжатой формѣ съ необыкновенной ясностью и полнотою излагаетъ въ этомъ сочиненіи матеріалъ химіи, начиная съ самыхъ простыхъ вопросовъ и до самыхъ сложныхъ. Въ свое время „Всеобщая химія“ Гизе была образцовымъ руководствомъ по химіи и такимъ образомъ въ Россіи въ началѣ нашего столѣтія было издано сочиненіе по химіи, равнаго которому не могли представить многія страны. Если сравнить руководство по химіи Гизе съ сочиненіями, изданными въ ближайшее время послѣ его изданія въ другихъ странахъ, то единственное сочиненіе, съ которымъ можно сравнивать его, есть извѣстный трудъ Берцеліуса, вышедшій спустя 10 лѣтъ послѣ появленія въ свѣтъ книги Гизе. Изданіе въ то время спеціальнаго сочиненія, обнимающаго всю химію, должно было встрѣчать особыя затрудненія въ отсутствіи выработанной научной терминологіи на русскомъ языкѣ. Эти затрудненія пришлось преодолѣть переводчику, проф. Комлишинскому. Справедливость требуетъ признать, что проф. Комлишинскій блистательно справился съ этой трудной задачею. Научный языкъ „Всеобщей химіи“ Гизе, отчасти созданный проф. Комлишинскимъ, хотя съ нѣсколько тяжелой, непривычной для нашего уха терминологіею, удобопонятный и по смыслу вполнѣ соотвѣтствуетъ той нѣмецкой терминологіи, по образцу которой пришлось создать русскую химическую терминологію. Въ послѣдствіи многіе изъ предложенныхъ Комлишинскимъ научныхъ терминовъ были замѣнены другими, болѣе легкими или болѣе благозвучными, но многое осталось еще и теперь.

Послѣднее изъ сочиненій, принадлежащихъ перу Гизе, есть его „*Darstellung der allgemeinen Chemie behufs seiner Vorlesungen*“ *Dorpat. 1820.* Сочиненіе это есть собственно начало большой задуманной Гизе работы по химіи и замѣчательно въ томъ отношеніи, что это первая печатная физико-химія. Она замѣчательна еще и потому, что въ ней мы видимъ Гизе, дошедшаго до высшей степени своего ученаго и умственнаго развитія. Въ этой работѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же удивительно простымъ языкомъ, яснымъ, опредѣленнымъ взглядомъ на вопросы и съ той же строго-логической критикой, которая вездѣ характеризуетъ Гизе во всѣхъ его сочиненіяхъ. Работа эта, конечно, въ наше время устарѣла, но еще и теперь читается съ интересомъ.

Научныя заслуги Гизе однако не исчерпываются вышеприведенными сочиненіями. Не смотря на отсутствіе благопріятныхъ условій для химической работы, Гизе не переставалъ всю жизнь заниматься хими-

ческими изслѣдованіями по различнымъ вопросамъ. Результатами этихъ изслѣдованій является рядъ статей, опубликованныхъ имъ въ научныхъ журналахъ того времени. Статьи эти были напечатаны главнымъ образомъ въ „Scherers Allgemeines Journal der Chemie. Gohlens Neues allgemeines Journal der Chemie, Gilberts Annalen der Physik, Scherers Allgemeine nordische Annalen der Chemie, Schweigers Journal für Chemie und Physik, Memoires de la Societé des Naturalistes à Moscou“ и т. д. Гизе издавалъ въ 1809 и 1810 гг. совмѣстно съ Гринделемъ Russische Jahrbücher der Pharmacie и состоялъ постояннымъ сотрудникомъ „Journal für Chemie und Physik“ Швейгера. Здѣсь не мѣсто входить въ критическую оцѣнку опубликованныхъ Гизе въ различныхъ журналахъ научныхъ статей и изслѣдованій по разнымъ вопросамъ. Мы можемъ только отмѣтить, что во всѣхъ его научныхъ статьяхъ и изслѣдованіяхъ, какъ красная нить, проходитъ основательность и осмотрительность работы, строго-критическое отношеніе къ собственнымъ трудамъ и изслѣдованіямъ другихъ лицъ.

Къ заслугамъ Гизе относительно Харьковскаго университета нужно также причислить и то, что подъ его руководствомъ развился и выработался ученый, впослѣдствіи замѣнившій Гизе по каѳедрѣ химіи въ въ Харьковскомъ университетѣ. Это былъ И. Сухомлиновъ, ученикъ и преемникъ Гизе, начавшій свою научную дѣятельность подъ его руководствомъ и опубликовавшій въ 1815 г. свою первую статью „о природѣ окисленной соляной кислоты“, работу, произведенную по мысли Гизе съ цѣлью доказать элементарность хлора вопреки существовавшему въ то время у многихъ первокласныхъ химиковъ (въ томъ числѣ и у Берцеліуса) убѣжденію въ томъ, что тѣло это есть кислородное соединеніе неизвѣстнаго элемента, „мурія“.

Гизе рано оставилъ Харьковскій университетъ, научному развитію и славѣ котораго онъ немало содѣйствовалъ. И въ приглашеніи его на каѳедру химіи Дерптскаго университета, въ то время славившагося учеными трудами своихъ членовъ и ставшаго однимъ изъ первокласныхъ въ научномъ отношеніи университетовъ въ Европѣ, нельзя не видѣть публичнаго признанія великихъ научныхъ заслугъ и значенія Гизе, пріобрѣтенныхъ имъ въ Харьковскомъ университетѣ, гдѣ произошло его главное научное развитіе, не смотря на неблагопріятныя внѣшнія условія. Перешедши въ Дерптъ, Гизе продолжалъ заниматься также неутомимо какъ и въ Харьковѣ, не смотря на то, что административныя должности сначала декана, потомъ ректора, поглощали у него много времени. Горячая любовь къ наукѣ и неутомимая жажда научной дѣятельности не оставляли его и тогда, когда физически надломленный болѣзнью онъ

долженъ былъ бы искать отдыха послѣ многолѣтнихъ работъ для лѣченія и возстановленія силъ. Смерть его застала въ дорогѣ въ Эмсъ, куда онъ поѣхалъ для пользованія водами, оставивъ неоконченными многія начатыя важныя работы. Ученый міръ лишился въ его лицѣ крупной научной силы, отъ которой можно было бы ожидать еще многаго. (Гизе умеръ сравнительно въ молодомъ возрастѣ—ему было всего 40 лѣтъ)".

Чтобы дать понятіе о содержательности трудовъ Гизе, остановимся немного на его монографіи „*О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, основанномъ на химическихъ началахъ*". X. 1811 г., XVIII, 233. Трудъ этотъ посвященъ былъ Государю и въ посвященіи говорилось: „Государь, при всѣхъ своихъ неусыпныхъ попеченіяхъ о благѣ народа, удостаиваетъ вниманія и всѣ тѣ предметы, кои могутъ имѣть вліяніе на отечественную промышленность; это даетъ смѣлость и автору повергнуть къ Его стопамъ настоящее сочиненіе, содержащее наставленія для усовершенствованія важнѣйшей отрасли отечественной промышленности — селитропроизводства. Намѣреніе мое состояло въ томъ, чтобы явить хотя слабое доказательство моихъ стараній быть полезнымъ своими знаніями обществу". Въ предисловіи Гизе говоритъ: „я чувствовалъ себя въ состояніи содѣйствовать сему намѣренію (распространенію химическихъ свѣдѣній) и тѣмъ достойнымъ образомъ выполнить одну изъ обязанностей, предлежавшихъ мнѣ яко человѣку, принятому въ граждане Россійскаго государства..." „Сочиненіе это содержитъ правила, какимъ образомъ селитвареніе въ Россіи несравненно выгоднѣе и прибыточнѣе впредь производимо быть можетъ". Придавая практическую цѣль своей книгѣ, Гизе соглашается, чтобы его командировали на мѣста промысловъ для обученія новымъ пріемамъ (однако, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ) промышленниковъ. Вся книга состоитъ изъ 11 главъ. 1-я глава трактуетъ о составныхъ частяхъ селитры, 2-я—въ частности о составныхъ частяхъ селитряной кислоты, 3-я — о способѣ образованія селитры, 4-я—объ условіяхъ, при коихъ получается селитра въ заводахъ, 6-я и 7-я — о правилахъ устройства селитряныхъ заводовъ, 8-я — заключаетъ въ себѣ подробное наставленіе о производствѣ селитры, 9-я — о признакахъ зрѣлой селитряной земли, 10-я — содержитъ описаніе способа, посредствомъ котораго нужно добывать въ селитроварняхъ сырую селитру, 11-я — указываетъ способы очищенія селитры. Здѣсь нельзя не отмѣтить стремленія Гизе принести пользу своему новому отечеству, откликнуться на общественную потребность. Селитвареніе дѣйствительно въ то время составляло важный промыселъ въ южной Россіи, но велось по старымъ рутиннымъ способамъ. Чувствовалась живая потребность въ реформѣ, въ измѣненіяхъ — и рѣшеніе этой задачи

приняли на себя съ одной стороны В. Н. Каразинъ, а съ другой—Гизе. Разница между ними состояла въ томъ, что первый былъ талантливый любитель и остроумный изобрѣтатель, второй же — ученый спеціалистъ, стоявшій на твердой научной почвѣ. Оба съ разныхъ концовъ подходили къ дѣлу, но сходились въ одномъ существенномъ пунктѣ — въ необходимости новыхъ болѣе усовершенствованныхъ способовъ добыванія этого продукта. Наконецъ, чтобы дать полное понятіе о научной продуктивности Гизе, помѣщаемъ въ примѣчаніи списокъ его ученыхъ трудовъ за время пребыванія въ Харьковѣ [1]).

---

[1]) 1. Von den chemischen Processen, den dabey sich darbietenden Erscheinungen. Berlin. 1804.

2. Phisikalisch chemische Beschreibung verschiedenen salziger Mineralwasser und Thon (по рус.).

3. Lehrbuch der Pharmazie (выдержало 6 изданій).

4. Classification des substances végétales et animales selon leurs proprietés chimiques. M. 1810.

5. Ueber die bénzoesäure im Pferdharne (Journal der Chemie Scherers (Bd. VII, 1801, s. 581); Ueber den Geruch der Benzoesäure (Bd. VIII, 1802, s. 170 и 259); Untersuchung des Sandaraks, Entdeckung eines neuen Stoffes (Bd. IX, 1802).

6. Ueber die Darstellung der Benzoesäure aus dem Pferdeharne und über die beste Reinigungsmethode derselben (Journal der pharmacie Tromsdorfs Bb. X, 1803). Ueber den Schwefeläther; pharmaceutisch-chemische Bemerkungen; Ueber die Unsicherheit der blauen Pflanzentincturen (ib.).

7. Bemerkungen über die Zubereitungen verschiedener Magistarformen (Berl. Jahrbuch für die Pharmazie. 1804).

8. Sur la nature et la formation de la tourbe (Mem. de la société des Naturalistes de l'université imperiale de Moscou, I, 1806); sur l'osmium, l'iridium, le rhodium et le palladium (ib., II, 1809); De l'acide benzoique dans l'urine des chats (ib., II); Indices de sulfate de soude, de sulfate de fer, de soufre et de tourbe dans le gouvernement de Charkow (ib., II).

9. Hauptzüge von den Fortschritten, welche die Naturforscher Russlands in der Kentniss vaterländischer Naturerzeugnisse gethan haben und von denen welche noch zu thun übrig sind, eine Rede am Stiftungstage der Universität Charkow den 17 jan. 1807 (переп. въ Mitauschen Wöch. Unterh. Bd. 6, s. 359—368, 1807).

10. Bestimmung der Verhältnisse, in welchen sich die Kohlenstoffsäure mit dem kali verbindet (Rus. Jahrb. der pharmazie Grindels. Bd. VI, 1808, p. 30—50); Von der Bildung und den Bestandtheilen der Quecksilbermohre und des Zinnobers (ib., 50—67).

11. Ueber das grüne Satzmehl (Rus. Jahrb. für die Chemie und Pharmazie. Bd. I; 1809, 1—29); Ueber verschiedene Lehren und Erfahrungen Winterls (ib. 29—93).

Вмѣстѣ съ Шнаубертомъ: 1) Analyse der am'1 oct. 1787, im Charkower Gouvernement gefallenen Meteorsteine (Annalen der Physik Gilberts Bd. XXXI, 1809, p. 316—322); Ueber die chemische Nemenclatur und einige andere chemische und physikalische Gegenstände (ib. Bd. L. 95—120). Эти библіографическія свѣдѣнія мы извлекли изъ „Allgemeines Schriftsteller und Gelehrten Lexicon der provinzen Lifland, Estland und Kurland Recke und Napiersky. Mitau, 1829, Zweiter band, p. 53—55", которыми пользовались въ Импер. Публ. Библіотекѣ.

На медицинскомъ факультетѣ, который вообще, какъ мы видѣли, функціонировалъ слабо, мало была развита и научная дѣятельность. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить только Пильгера, Калькау и Шумлянскаго.

Пильгеръ, какъ намъ извѣстно, писалъ очень много въ Германіи; въ Харьковѣ онъ также выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько популярныхъ изданій. Одно изъ нихъ было вызвано эпидеміями рогатаго скота—это „*Краткія разсужденія о свирѣпствующей въ нѣкоторыхъ губерніяхъ межъ рогатымъ скотомъ заразѣ*". Харьковъ, въ унив. типогр., 1809 г., 15 стр.; другое—„*Краткое практическое руководство къ излѣченію болѣзней собакъ*". Переведено съ нѣмецкаго Александромъ фонъ Келеромъ. Харьковъ. 1809 г., 55 стр.—представляетъ переводъ стараго труда Пильгера, изданнаго въ Германіи еще до перехода его въ Россію. Интереснѣе первая брошюра, относящаяся къ довольно многочисленной серіи мѣстныхъ изслѣдованій. Въ ней авторъ говоритъ: „заразительная болѣзнь, поражающая рогатый скотъ въ здѣшней и другихъ губерніяхъ, есть горячка, происходящая отъ испареній болотъ и сопровождаемая болью во рту и въ копытахъ. Она въ припадкахъ своихъ во всемъ сходна съ такъ называемою гнилою горячкой у людей. Сія горячка оказывается всегда въ одно время у людей, лошадей и рогатаго скота; и будучи опасная болѣзнь, производитъ великія опустошенія". Затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе этой болѣзни: указываются общіе и специальные признаки ея въ 1-й, 2-й и 3-й періоды; далѣе говорится о наружныхъ опухоляхъ, боли въ копытахъ, вскрытіи, причинахъ болѣзни, предсказаніи и исходѣ, способахъ лѣченія и діэтѣ. Въ заключеніе Пильгеръ говоритъ: „вообще не нужно бы опасаться такихъ заразъ, если-бъ скотоводство въ здѣшнихъ краяхъ правильнѣе и порядочнѣе наблюдаемо было и счастливымъ бы я счелъ себя, если-бъ труды мои сему вспомоществовать могли". Во второмъ сочиненіи Пильгеръ даетъ описаніе и лѣченіе всѣхъ собачьихъ болѣзней—бѣшенства, сапа, жабы и т. п. Сверхъ того Пильгеръ напечаталъ еще въ Харьковѣ двѣ брошюры: 1) *Разсужденія о теченіи и излѣченіи овечьей оспы*. Х. 1809 г. и 2) *Таблицы о скотолѣченіи*. Х. 1809 г., но ихъ мы не видѣли. Проф. Шумлянскій напечаталъ въ 1805 году въ Харьковѣ брошюру: „*Мысли о способахъ противъ пожаровъ*" (31 стр.), а въ Москвѣ въ 1810 году: „*Дополненіе къ сочиненію о способахъ противъ пожаровъ*"; оно посвящено извѣстному меценату графу Н. П. Румянцову и содержитъ описаніе новаго способа тушенія пожаровъ (авторъ предлагаетъ смѣсь изъ пороха, глины и воды, которая давала массу дыма, заглушавшаго огонь пожара). Безвременно угасшій, широко образованный и начитанный Калькау написалъ сочиненіе (*Introductio ad studia medica una cum tabella synoptica omnium*

disciplinarum ad medicinam pertinentium et systematice dispositarum), которое очень одобрялось его современниками.

На второмъ мѣстѣ послѣ руководствъ, учебниковъ и монографій должны быть поставлены *диссертаціи* на ученыя степени магистра и доктора. Отдѣльную и довольно многочисленную группу среди нихъ занимаютъ диссертаціи по философіи учениковъ Шада. При взглядѣ на нихъ получается впечатлѣніе, что Шадъ создалъ цѣлую школу. Въ дѣйствительности, однако, это не совсѣмъ такъ. Эти лица не развивали, а только повторяли философскія воззрѣнія своего учителя. Шадъ, очевидно, съ одной стороны съумѣлъ внушить любовь къ своему предмету, но съ другой — подавлялъ огромной эрудиціей, умомъ, опредѣленнымъ міросозерцаніемъ своихъ молодыхъ учениковъ; они никакъ не могли освободиться отъ его авторитета и пребывали подъчасъ въ полной рабской зависимости отъ него.

Перечислимъ прежде всего всѣ диссертаціи по философіи и остановимся на содержаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ: 1) *Гессъ-де-Кальве*. „Dissertatio inauguralis de genuino philosophiae charactere ejusque necessitate". X. 1812 г., 32 стр. (на степень доктора); 2) *Хлапонина*. „De principiis et objectis suti (entis?) et de causa differentiae systematum philosophiae theoreticae. X. 1813 г., XII и 170 стр. (на степень доктора); 3) *Бразоля*. Dissertatio inauguralis de immortalitate animorum". X. 1814, 24 стр. (на степень магистра); 4) *Дудровича*. „Dissertatio inauguralis de philosophiae genuino conceptu nec non necsssitate ejus absoluta" [1]). X. 1814, 47 стр.. (на степень доктора). (На докторскихъ диссертаціяхъ Ковалевскаго и Гриневича мы здѣсь останавливаться не будемъ, потому что онѣ изданы были уже въ 1815 году). Къ сожалѣнію, мнѣ не удалось нигдѣ найти, можетъ быть, самой интересной диссертаціи Хлапонина (ея не оказалось ни въ библіотекѣ Харьковскаго университета, ни въ Императорской публичной, ни въ Академической). А между тѣмъ она, повидимому, выдѣляется и по личности автора, и по своему объему. Диспутъ Хлапонина состоялся въ большой аудиторіи 11 октября 1813 г. въ засѣданіи этико-политическаго отдѣленія, въ присутствіи депутатовъ отъ совѣта — проф. Срезневскаго и Книгина. Оффиціальными оппонентами были назначены: Шадъ, Швейкартъ и Успенскій; неоффиціальнымъ оппонентомъ выступилъ проф. Роммель. Публичныя лекціи Хлапонина, особенно первая о Кантѣ, были признаны Шадомъ весьма удовлетворительными; во второй (о высокомъ и прекрасномъ) докторантъ обнаружилъ большую эрудицію [2]).

---

[1]) Мы пользовались экземплярами Имп. публичной библіотеки.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ. 1813 г., № 52.

Диспутъ Ковалевскаго также прошелъ удовлетворительно, ибо совѣтъ въ 1814 году постановилъ выдать ему магистерскій дипломъ. Не останавливаясь на содержаніи диссертаціи Гессъ-де-Кальве, Бразоля и Дудровича, мы приведемъ только приложенные къ нимъ тезисы, чтобы дать понятіе объ ихъ философскомъ міросозерцаніи.

Вотъ философскія положенія, выставленныя Гессъ-де-Кальве: „логика есть теорія разсудка, метафизика—теорія разума; существуетъ два способа мышленія; Кантовская дедукція категорій ошибочна; теоретическій и практическій разумъ самъ по себѣ одинъ и тотъ же; существованіе Бога не только составляетъ постулятъ практическаго разума, но можетъ быть съ очевидностью доказано и теоретическимъ разумомъ; свобода человѣческаго разума достовѣрна; также достовѣрно и безсмертіе душъ...; высшая цѣль гражданскаго общества—гармонія права и силы; организація государства держится на трехъ основныхъ условіяхъ, а именно: правѣ собственности, правѣ защиты и единства и правѣ подданства“. Вотъ тезисы Бразоля: „логика не въ состояніи непосредственно открывать истину; существуетъ двѣ формы мышленія: одна свойственна разсудку, другая — разуму; логика тѣмъ отличается отъ метафизики, что первая есть теорія разсудка, вторая — разума; коль скоро логика создаетъ абсолютную противоположность между субъектомъ и объектомъ или между матеріальнымъ и духовнымъ міромъ, она дѣлается источникомъ всѣхъ ошибокъ; чтобы такъ называемая формальная логика сдѣлалась полезной наукой, она должна сдѣлаться трансцендентальною и поэтому совершенно переформироваться; понятіе отличается отъ идеи; Кантовская дедукція категорій не отличается философскимъ характеромъ; способность сужденія и умозаключенія въ сущности не отличается отъ способности составленія понятія; метафизика есть идеальное построеніе вселенной изъ идеи абсолютнаго существа; идея абсолютнаго существа не есть произвольная или воображаемая; нельзя согласиться съ Кантомъ, что хотя эта идея, и находится неминуемо въ нашемъ умѣ, но нельзя знать, отвѣчаетъ ли ей дѣйствительность; идея о немъ есть такая же достовѣрная реальность, какъ и реальность видимаго міра; метафизика нуждается только въ одномъ принципѣ и при томъ абсолютномъ; она содержитъ въ себѣ двѣ по преимуществу части, а именно: философію природы и философію ума; эти двѣ части вмѣстѣ составляютъ одну философію; всѣ ложныя системы, которыя когда-либо въ области философіи являлись или даже могутъ явиться, сводятся къ слѣдующимъ, какъ источникамъ всѣхъ ошибокъ,—эмпиризму, матеріализму, идеализму и скептицизму; человѣческій умъ абсолютно свободенъ въ функціяхъ мышленія и воли; началомъ нравственности не можетъ быть

ни чувство симпатіи, ни личное или общественное благополучіе, ни стремленіе къ усовершенствованію; природное право то, которому нельзя удаляться отъ чистой добродѣтели, слѣдовательно, природное право абсолютно тождественно съ обязанностью; виды природнаго права суть: право жизни и смерти; право свободнаго мышленія, хотѣнія, дѣйствія; право наслаждаться во всемъ красотою и изяществомъ; право вступать въ гражданское общество; право домогаться внѣшнихъ почестей и добраго мнѣнія у другихъ и охранять ихъ; космополитическое право; право религіи". А вотъ и основныя положенія Дудровича: „такъ какъ философія по природѣ своей есть трансцендентальная наука, то она можетъ быть произведена только абсолютною дѣятельностью разума; ея органъ и какъ бы инструментъ есть такъ называемая интеллектуальная интуиція; основаніе очевидности, которую любитъ математика, произошла отъ той высшей очевидности, которая вытекаетъ изъ природы философіи; принципъ существованія (essendi) тождественъ съ принципомъ познанія (cognoscendi); поэтому ученіе философіи не можетъ быть идеальнымъ безъ того, чтобы оно вмѣстѣ съ тѣмъ не было и реальнымъ; одна только философія дѣлаетъ человѣка истинно образованнымъ; непосредственное начало всей природы составляютъ однѣ и тѣ же первоначальныя силы; безконечное разнообразіе вещей, составляющихъ вселенную, при существующемъ единствѣ (ея), можетъ быть понято только изъ безконечнаго разнообразія въ пропорціи и степени этихъ (первоначальныхъ) силъ; здравая философія можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только познаніемъ Бога; достовѣрна свобода равно какъ и безсмертіе душъ; между доказательствами бытія Божія онтологическое доказательство, отвергнутое Кантомъ, мы считаемъ наиболѣе философскимъ; высшій принципъ всей нравственности — это законъ разума, такъ какъ онъ абсолютная гармонія; между юриспруденціей и ученіемъ о нравственности, въ абсолютномъ смыслѣ нѣтъ никакой разницы; естественное состояніе человѣка по необходимости есть и гражданское; никакое государство не можетъ быть здорово, если не опирается на двойное законодательство—политическое и въ то же время моральное; независимость государствъ только относительна; на миръ, который Фихте съ Кантомъ называютъ вѣчнымъ, можно надѣяться только при существованіи договора между государствами".

Сопоставляя приведенные здѣсь тезисы, мы открываемъ между ними очень много совершенно одинаковыхъ пунктовъ, что указываетъ какъ бы на одинъ общій источникъ. Припоминая же себѣ основныя положенія философскихъ воззрѣній Шада [1]), мы приходимъ къ заключенію, что они

---

[1]) См. „Вопросы философіи и психологіи" 1895, кн. 5-я стр. 59.

именно и послужили такимъ источникомъ. Сходство бросается въ глаза, когда дѣло идетъ о логикѣ и естественномъ правѣ (которыя только и дошли до насъ); но, оно, по всей вѣроятности, было бы еще болѣе замѣтно, если бы мы имѣли Шадовскую метафизику, которая, къ сожалѣнію, Шадомъ отпечатана не была, но излагалась устно на лекціяхъ, и изъ этихъ лекцій ученики его и черпали широко свои философскія воззрѣнія [1]). Шадъ не могъ не подавлять своимъ авторитетомъ слушателей и учениковъ. Впослѣдствіи это обстоятельство послужило причиною большихъ непріятностей для Шада и едва ли не его изгнанія изъ Харькова. Но объ этомъ мы скажемъ во 2-мъ томѣ своего труда. Изъ трехъ разсмотрѣнныхъ нами диссертацій наибольшею обстоятельностью и самостоятельностью отличается диссертація Дудровича; въ ней одной, между прочимъ, встрѣчаются только ссылки на источники. По другимъ предметамъ въ это время были напечатаны и защищены слѣдующія диссертаціи: 1) *Вас. Коммишинскаго.* Dissertatio inauguralis de polarisatione

[1]) Вотъ заявленіе самого Шада о серіи руководствъ по философіи, которыя онъ рѣшился приготовить къ изданію. „Rogatus ante aliquot jam annos a pluribus Senatus membris, ut compendium philosophiae ad usum scholasticum aptum scriberem, promisi, id quidem, addita tamen declaratione, mihi saltem adhuc duorum annorum spatium necessarium esse ad tale opus, quod perdurantem praestaret utilitatem conficiendum, cum plura, ne qua in re offendatur, in considerationem venire debeant, gradus culturae nationis rossicae, ejus genius, status religionis, ratio regiminis, quae certe aliquis extraneus, qui non ita pridem huc advenit, primis annis sufficienter scire non possit. Aliam enim esse, tunc declaravi, rationen scribendi in Germania, aliam in Rossia; plura, quae ibidem magna cum utilitate dici possint, hic forte, nisi formam genio nationis convenientem induerint, noxia esse, vel saltem offensionem movere; hinc mature ponderandum, non solum, quae dici possint, sed etiam qua ratione, qua methodo, ut sperata utilitas consequatur. Iam ut promissis meis satisfaciam, declaro senatui, me opus hoc, labore per duos annos ei impenso, eatenus confecisse, ut tantummodo ultima manus desideretur, quod tempore futurarum feriarum praestabo, ita ut post ferias senatui logicam et metaphisicam in manuscripto jam exhibiturus. Totum opus tantummodo constabit duobus modicis tomis, quorum primus logicam et metaphisicam, alter vero doctrinam moralem et jus naturae continebit. Hoc opus conficiam: 1) sine commentario, 2) nulla habita ratione remunerationis qualiscunque, 3) scribam in lingua latina, 4) Quidquid hac in re fecero, approbante senatu faciam. Rogo ergo amplissimum Senatum declarare, utrum tale opus si approbatum et aptum ad usum scholasticum inventum fuerit typis et sumptibus universitatis possit imprimi. (Харьковскій университетскій архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ 1809 г., № 35, стр. 26). Документъ этотъ очень любопытенъ. Изъ него видно, во 1-хъ, что Шадъ давно задумалъ составить двухтомное руководство по философіи, которое бы обнимало логику съ метафизикой и этику съ нравственнымъ правомъ, во 2-хъ, что объ этомъ его просили и многіе изъ членовъ совѣта, въ 3-хъ, что прежде чѣмъ выпустить ихъ въ свѣтъ, онъ хотѣлъ познакомиться съ русскою жизнью, и въ 4-хъ, что, составивъ эти пособія, онъ хотѣлъ ихъ представить на благоусмотрѣніе совѣта для печатанія на университетскій счетъ.

radiorum lucis. Charcoviae. 1813, 32 стр. (докторская) [1]); 2) *Эрнеста-Леопольда Шумана.* Dissertatio inauguralis de attractione chemica nec non de hujus causa. Ch. 1814, 30 стр. (магистерская) [2]); 3) *Якова Громова.* De methodo, qua mineralogus in condendo systemate corporum anorganicorum uti debet. Ch. 1813, 22 стр. (докторская); 4) *Игнатія-Фридриха Нетолитскаго.* Dissertatio inauguralis de tussi convulsiva. Ch. 1812, 60 стр. (докторская); 5) *Павла Дегая.* Dissertatio inauguralis de prosperitate civitatis civium technicae augurauda. Ch. 1813, 22 стр. (докторская) [3]); 6) *Жиле.* Dissertatio oppugnans opinionem Herodoti de Xerxe persarum rege... Ch., 1810, 12 стр. (докторская); всего шесть печатныхъ работъ, изъ коихъ три относятся къ физико-математическому факультету, одна—къ медицинскому, одна—къ юридическому и одна—къ историко-филологическому. Все это небольшія брошюрки, не имѣвшія, нужно думать, и въ свое время серьезнаго научнаго значенія. Изъ шести авторовъ только два (Комлишинскій и Громовъ) продолжали работать въ избранной ими спеціальности и получили профессорскія каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ; быть можетъ, и диссертаціи ихъ были выше другихъ.

---

[1]) Вотъ тезисы этой диссертаціи: 1) Discrimen physicam inter et chemiam in eo consistit, ut in physica explicetur phoenomena materiae externae, id est spatium, in chemia vero interna, naturam ipsam corporum spectantia. 2) Impenetrabilitas non est qualitas corporum absoluta, id est sine omni conditione illis propria. 3) Porositas non est qualitas corporum universalis. 4) Combustio, quam calor et lux comitatur, non ab affi nitate oxygenii ad corpus inflammabile, sed a statu amborum electrico opposito pendet. 5) Phaenomena electritatis galvanicae nec ex electritate sola nec ex processu chemico solo, qui inter excitatores heterogeneos locum habet, explicari possunt. 6) Omnia phaenomena in mundo materiali, sub quibus mutationes corporum internae oriuntur, ab actionibus chemicis electricitatis dependent.

[2]) Вотъ ея положенія: 1) Terminus Affinitas non respondet conceptibus, quos de phaenomenis conjunctionum chemicarum habemus. 2) Definitio prior de attractione chemica debet rejici et tantum ad illa corpora adhiberi, quae post unionem naturam suam perfecte mutant. 3) Axioma — corpora non agunt nisi fluida — non est absolute verum. 4) Pro vera causa omnis attractionis chemicae debemus habere solam electricitatem. 5) Azotum non est elementum, sed corpus constans ex nitrico et oxygenio.

[3]) Укажемъ здѣсь тезисы этого сочиненія: 1) Oeconomia politica est doctrina de legibus generalioribus procreationis et acquisitionis illorum mediorum, quibus omnibus necessitatibus in societate civili satisfit. 2) Ille productivus est censendus, qui industria sua confert satisfactioni necessitatum aliorum hominum ad alias familias pertinentium. 3) Labor non est apta mensura valoris quantitativi. Non datur caput ideale sine capite reali ei respondente. 5) Reditus medius purus individui classis physicae est minimus et augetur, si classis technica relative maiora incrementa capit, quam classis physica. 6) Pecunia qua talis merus est valor commutativus sine valore reali. 7) Illud tantum pecuniae circulantis incrementum promovet prosperitatem civitatis quod valet ad augendum productum nationis totale.

Очень видное мѣсто въ научно литературной дѣятельности профессоровъ занимали *актовыя рѣчи*—ихъ было, во первыхъ, очень много: за десятилѣтіе произнесено ихъ было на актахъ 40 (такое обиліе объясняется тѣмъ, что тогда было ежегодно по два акта, и на каждомъ изъ нихъ читалось по нѣсколько рѣчей); во вторыхъ, всѣ эти рѣчи печатались отъ имени и на счетъ университета въ особыхъ сборникахъ и отдѣльными оттисками; и въ третьихъ, и сами авторы, и мѣстное общество, для котораго онѣ главнымъ образомъ предназначались, придавали имъ важное значеніе. Ораторская форма была въ большомъ ходу; публика привыкла къ ней, цѣнила ее; сочинители же такимъ образомъ удобнѣе всего могли бесѣдовать съ обществомъ, проводить свои идеи, оказывать извѣстное вліяніе на окружающую среду, которая въ свою очередь внимательно слушала, что скажутъ ей представители высшей науки, дѣятели того учебнаго заведенія, которое призвано было сдѣлаться разсадникомъ просвѣщенія во всемъ полуденномъ краѣ Россіи. Съ этой точки зрѣнія главнымъ образомъ онѣ интересны и для насъ. Посмотримъ же теперь, о чемъ преимущественно старались говорить первые харьковскіе профессора передъ своею публикой. Они выбирали — нужно отдать имъ честь — по большей части живыя общеинтересныя темы, могшія имѣть воспитательное значеніе. Университетъ былъ новымъ учрежденіемъ въ краѣ. И хотя мѣстное общество, какъ мы видѣли, отнеслось къ его основанію съ большимъ сочувствіемъ, но ему все таки необходимо было говорить о пользѣ общественнаго воспитанія; идея необходимости высшаго образованія, еще не могла получить всеобщаго распространенія среди дворянства; многіе удовлетворялись среднею и низшею школою, пансіонами иностранцевъ и домашними наставниками. Университетскій дипломъ не былъ обязателенъ ни для гражданской, ни тѣмъ болѣе для военной службы, которая считалась дворянскою par excellence. И вотъ первая же рѣчь, сказанная въ день торжественнаго открытія университета 17 января 1805 г., попечителемъ округа гр. С. О. Потоцкимъ, была посвящена вопросу „*О новомъ устройствѣ въ Россіи училищъ и ихъ пользѣ*“. О пользѣ наукъ и просвѣщенія говорили и другіе ораторы на торжествѣ открытія университета — Рижскій и Беленъ де Баллю. Содержаніе ихъ рѣчей мы уже изложили во 2-й главѣ своего сочиненія и потому обратимся теперь къ ораторамъ, выступавшимъ на послѣдующихъ собраніяхъ. Проф. Беленъ де Баллю произнесъ на торжественномъ актѣ 1807 г. рѣчь, которая могла представлять живой интересъ для публики, именно о томъ, какому воспитанію должно быть отдано преимущество — общественному или частному. Она должна была уяснить важное просвѣтительное значеніе правительственныхъ учебныхъ заведеній въ краѣ, въ

томъ числѣ и университета. Авторъ очень широко понимаетъ задачу, воспитанія и формулируетъ ее такъ: „открыть дарованіе ума, обогатить разумъ полезными и пріятными познаніями, впечатлѣть въ сердце любовь къ добродѣтели посредствомъ наставленій и примѣровъ, дать тѣлу здоровье, крѣпость и проворность“. Такимъ образомъ, здѣсь разумѣется и умственное, и физическое, и нравственное воспитаніе. Авторъ въ строгой системѣ объективно, обстоятельно разсматриваетъ условія домашняго и общественнаго воспитанія въ отношеніи къ обученію, тѣлеснымъ упражненіямъ, образу жизни и преподаванію. Въ обученіи авторъ придаетъ огромное значеніе древнимъ языкамъ, которые въ домашнемъ образованіи обыкновенно находятся въ пренебреженіи; авторъ вѣрно подмѣчаетъ и другой недостатокъ домашняго воспитанія—отсутствіе соревнованія; впрочемъ, онъ полагаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ (правда рѣдкихъ) лучше давать образованіе дома. Относительно пособій и физическаго развитія общественное воспитаніе превосходитъ домашнее. Авторъ очень живо, какъ бы съ натуры, рисуетъ намъ нѣсколько картинокъ домашней жизни дѣтей въ богатыхъ семьяхъ. Чрезвычайно мѣтко и вѣрно изображаетъ онъ намъ роль учителя-наставника въ такихъ случаяхъ; его положеніе таково, что не можетъ идти противъ общаго направленія и поневолѣ долженъ потворствовать нехорошимъ наклонностямъ своего питомца. Въ результатѣ оказывается, говоритъ авторъ, что воспитанникъ въ наукахъ не успѣлъ, но сталъ тщеславнѣе, надменнѣе, вѣтреннѣе, высокомѣрнѣе съ равными, жестокосерднѣе къ низшимъ. И виноваты въ этомъ родители, потворствовавшіе слабостямъ сына. Только общественное воспитаніе, говоритъ въ заключеніе ораторъ, производитъ всѣ великія добродѣтели, открываетъ всѣ дарованія; только при его помощи, ваши дѣти будутъ въ свое время украшеніемъ своего отечества и сдѣлаются достойными вашей нѣжной любви.

И основная мысль Беленъ-де-Баллю и его частныя примѣры вѣрно опредѣляли истинное положеніе дѣла образованія въ Харьковскомъ краѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что общественное образованіе, которое можно было получать въ то время въ университетѣ и гимназіяхъ, стояло выше, во всѣхъ отношеніяхъ, чѣмъ домашнее. Автору, очевидно, хорошо было извѣстно положеніе учителей въ дворянскихъ помѣщичьихъ семьяхъ, гдѣ выростали доморощенные Митрофанушки.

Законовѣдъ Тимковскій говорилъ рѣчь на тему „*О примѣненіи знаній къ состоянію и цѣли государства*“. Польза самого государства, по его словамъ, требуетъ того, чтобы граждане прилагали къ нему всѣ свои знанія и способности; если гдѣ граждане сами удаляются отъ слу-

женія, если они преждевременно, въ цвѣтущія лѣта, оставляютъ его и предаются частной жизни, то это значитъ, что заслуги не получаютъ правильнаго отличія, уваженія и возмездія“. Въ разгаръ увлеченія всѣмъ иностраннымъ (особенно французскимъ) очень умѣстно было подробное обоснованіе мысли, что знанія должны быть примѣняемы къ состоянію „народа“. Юноша, выступающій на практическую почву, долженъ будетъ узнать людей, съ которыми ему придется жить, страну, въ которой будетъ дѣйствовать, уважать и любить предковскіе отечественные обычаи. Но не правы и тѣ, которые вовсе отрицаютъ значеніе теоріи въ жизни и желаютъ идти только путемъ жизненнаго опыта. Наука сокращаетъ время опытовъ и если кто не пользуется ею, то затрачиваетъ ненужныя усилія на открытіе того, что, можетъ быть, уже извѣстно. Не слѣдуетъ только ограничиваться исключительно теоріей, безпрестанно созидать проекты и, возсѣдая въ ихъ туманѣ, отвергать свѣтильникъ опыта. Полезныя заимствованія необходимы, но нельзя при этомъ игнорировать и особенностей народной жизни. Зная изъ опыта, какъ сильно одно уже мѣстоположеніе дѣйствуетъ на духъ и нравы, образъ мыслей и жизнь человѣка, можно сказать, что желать, чтобы одинъ народъ походилъ на другой, значитъ желать переселить его на мѣсто этого послѣдняго и заставить прожить тамъ многіе вѣка; а между тѣмъ кромѣ географическаго положенія оказываютъ свое вліяніе языкъ, религія.

Съ чрезвычайно интересной и талантливо составленной рѣчью выступилъ знаменитый профессоръ Якобъ. „*О вліяніи университетовъ на культуру и благосостояніе народа*“. Въ началѣ ея онъ посвятилъ нѣсколько замѣчаній опроверженію идей Руссо, будто бы съ развитіемъ наукъ пала нравственность. Чистота нравовъ, приписываемая дикарямъ, говорилъ онъ, есть мечта; чѣмъ въ большемъ невѣжествѣ коснѣетъ народъ, тѣмъ грубѣе у него нравы, тѣмъ больше у него пороковъ. Просвѣщеніе ведетъ къ прогрессу матеріальному, умственному и нравственному. И это просвѣщеніе должно распространяться на всѣ классы въ государствѣ, а не быть исключительно принадлежностью одного какого либо сословія. Для быстраго распространенія просвѣщенія могутъ служить только среднія учебныя заведенія и университеты, какія и заведены въ Россіи императоромъ Александромъ I. Хорошія училища, говоритъ Якобъ, невозможны, если прежде въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ не будутъ для нихъ приготовлены способные наставники; а послѣ гимназическаго образованія послѣдуетъ и университетское, которое доставитъ единственно полезныхъ дѣятелей во всѣхъ отрасляхъ государственнаго управленія. Обращаясь къ университетамъ, проф. Якобъ остроумно сравниваетъ ихъ съ мануфактурными фабриками: какъ и тамъ,

такъ и здѣсь господствуетъ *раздѣленіе труда*, которое одно только способно довести до совершенства производство; какъ и тамъ, такъ и здѣсь производители отдѣльныхъ частей соединяются подъ одной кровлей. Ученые люди собираются въ университетѣ въ одно мѣсто и каждому порознь поручается обработка отдѣльной науки. Всѣ орудія и пособія собраны въ большихъ книгохранилищахъ и кабинетахъ, чтобы каждый могъ пользоваться тѣмъ, что ему необходимо. Для нихъ открыто сообщеніе съ цѣлымъ ученымъ міромъ и они могутъ пользоваться результатами общечеловѣческихъ открытій для пользы своего отечества. Въ собственномъ кругу они могутъ оказывать другъ другу взаимныя услуги по части интересующихъ ихъ вопросовъ. Не останавливаясь на тѣхъ обскурантахъ, которыя, будучи преисполнены человѣконенавистническихъ намѣреній, стараются вообще о подавленіи наукъ, проф. Якобъ все дальнѣйшее свое изложеніе посвящаетъ разбору того мнѣнія, по которому устройство школъ должно быть предоставлено свободной инициативѣ самихъ гражданъ, потому что будто бы правительственная помощь привлекаетъ въ школы и неспособныхъ преподавателей, и неспособныхъ воспитанниковъ. Якобъ резонно замѣчаетъ на это, что если правительство не будетъ затрачивать средствъ на общественное образованіе и предоставитъ его свободному желанію всякаго, то это приведетъ къ тому, что оно сдѣлается только удѣломъ привиллегированныхъ, богатыхъ лицъ; такимъ образомъ дарованія недостаточныхъ классовъ останутся, такъ сказать, потерянными для общественнаго блага; а всякій знаетъ, прибавляетъ Якобъ, какъ не часто попадаются въ небольшомъ кругѣ богатыхъ и знатныхъ даровитые умы и какъ рѣдко они стремятся къ усовершенствованію. Пусть въ этомъ государственномъ насажденіи будетъ расти и терніе, пусть будутъ тутъ и уродливыя деревья, пусть нѣкоторые отпрыски окажутся посаженными на непригодную для нихъ почву; но эта потеря съ избыткомъ вознаградится безконечными выгодами. Историческими примѣрами Якобъ доказываетъ благодѣтельное вліяніе университетовъ на развитіе науки и образованія. Огромной практической пользы ожидаетъ онъ отъ училищъ, учрежденныхъ по мысли Императора Александра I въ Россіи, и въ благородномъ увлеченіи высказываетъ при этомъ даже несбыточныя мечтанія. Въ заключеніе онъ указываетъ на ту пользу, которую начинаетъ уже приносить Харьковскій университетъ, несмотря на то что прошло всего три года со времени его основанія. Главнѣйшею заботою его было пополненіе числа учащихся, что однако сопряжено съ огромными трудностями. И университетъ теперь уже заслужилъ всеобщую благодарность за свои усилія. Въ немъ болѣе 60 студентовъ, изъ коихъ

многихъ можно поставить, по ихъ успѣхамъ, на ряду съ лучшими питомцами заграничныхъ университетовъ; слушатели наши, говоритъ Якобъ, отличаются прилежаніемъ. Грубость нравовъ, въ которой упрекаютъ студентовъ заграничныхъ университетовъ, въ Харьковѣ неизвѣстна. Когда всѣ преподавательскія мѣста займутъ у насъ ученые люди, когда наша библіотека будетъ доставлять намъ больше пособій, когда коллекціи въ нашихъ кабинетахъ умножатся, когда анатомическій, клиническій и повивальный институты достигнутъ своего совершенства, тогда у насъ будетъ больше слушателей и изъ нашихъ аудиторій выйдутъ люди, которые разсѣютъ благодѣтельныя сѣмена просвѣщенія по всей Россіи. Здѣсь вѣрно отмѣчены два самые крупные недостатка Харьковскаго университета въ первые годы его существованія—малое число студентовъ и печальное состояніе учебно-вспомогательныхъ учрежденій; проф. Якобъ справедливо ставитъ въ связь первое со вторымъ.

Роммель говорилъ „*О силѣ и преимуществѣ истиннаго и совершеннаго дарованія*“. Началъ онъ свою рѣчь съ прославленія тѣхъ правителей, которые призывали въ свое государство ученыхъ мужей для развитія просвѣщенія. Такъ поступали Птоломеи, такъ поступалъ Петръ Великій, но особенно прославился въ этомъ отношеніи Императоръ Александръ I. Характеризуя просвѣщеніе, Роммель говоритъ, что нужно отличать истинное и совершенное просвѣщеніе отъ ложнаго и поверхностнаго; между ними такая разница, какъ между ученымъ человѣкомъ и невѣждою. Истинно просвѣщенный человѣкъ неутомимо упражняется въ наукахъ, не отрываясь отъ своихъ занятій ради развлеченій; его всесторонній умъ преимущественно занятъ изслѣдованіемъ какой-либо одной науки; онъ долженъ при этомъ умѣть изящно говорить и писать; къ этому нужно еще присоединить чистоту нравовъ, чуждую зависти, и, наконецъ, путеводительницу человѣческой жизни философію. Философію Роммель ставитъ во главѣ всѣхъ наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ заявляетъ, что ею проникнуты и другія науки, напр., физика и математика. Тебя, во первыхъ, призываю говоритъ онъ, о философія— свѣтильникъ ума человѣческаго. Ты только одна можешь показать связь между всѣми предметами какъ человѣческими, такъ и божественными. Затѣмъ Роммель вкратцѣ перечисляетъ другія науки, входящія въ кругъ университетскаго преподаванія, причемъ особенно важное значеніе придаетъ классической филологіи; весь же циклъ предметовъ въ совокупности, по его словамъ, имѣетъ огромное значеніе, исправляя нравы и устрояя общество.

Проф. Гутъ въ особой рѣчи сдѣлалъ характеристику истинно-ученаго человѣка. Не легко было ученымъ дѣятелямъ новаго универси-

тета сохранить должную скромность, не увлечься духомъ гордыни, видя въ окружающемъ обществѣ или полуобразованіе, или даже чистую необразованность. Въ особенности иностранные профессора могли смотрѣть (да и дѣйствительно) смотрѣли на себя какъ на людей, безпредѣльно возвышавшихся надъ общимъ уровнемъ окружающей ихъ среды. Гутъ указываетъ, въ чемъ заключается истинная ученая слава. Прежде всего онъ опредѣляетъ, чего долженъ избѣгать истинный ученый,—именно стремленія къ публичнымъ похваламъ, поверхностному чтенію возможно большаго количества книгъ, постоянному указанію на свои заслуги, стремиться же онъ долженъ къ самостоятельному трудолюбивому изслѣдованію предмета, изящному изложенію, чистотѣ нравовъ. Таковы были Беконы, Ньютоны, Галилеи, Эйлеры, Гершели, Линнеи, Бюффоны; завоеванія ихъ (въ области мысли) принесли человѣчеству огромную пользу, а памятники ихъ славы—собственные труды. Еще большаго изумленія заслужили философы, которые занимались изученіемъ не одного какого-либо предмета, а съумѣли обнять совокупность многихъ если не всѣхъ наукъ и искусствъ, таковы Платоны, Аристотели, Лейбницы и имъ подобные.

Этого же сюжета отчасти касается и рѣчь Швейкарта „*De honoribus academicis*“ (30 августа 1814 г.). Рѣчь Паки де-Совиньи („*О степени совершенства, которую пріобрѣтаютъ молодые люди обоего пола отъ упражненія въ изящныхъ искусствахъ*“) отличается безсодержательностью и представляетъ образецъ надутаго безвкусія.

Проф. Г. Успенскій выступилъ въ 1809 году съ рѣчью о томъ „*что каждому народу нужнѣе знать древнее и нынѣшнее состояніе своего отечества, нежели другихъ государствъ*“. Какъ бы въ противовѣсъ космополитическимъ идеямъ, принесеннымъ профессорами-иностранцами, Успенскій развиваетъ здѣсь націоналистическій взглядъ на исторію, напоминающій отчасти по своимъ мыслямъ извѣстное „предисловіе къ исторіи государства Россійскаго“ Карамзина. „Всѣ народы, говоритъ Успенскій, не упоминая о просвѣщенныхъ, кои тщательное прилагаютъ попеченіе объ усовершенствованіи всякаго рода наукъ и познаній, всѣ народы и даже въ первобытной дикости пребывающіе, въ числѣ первѣйшихъ необходимыхъ для себя знаній, почитаютъ знаніе естественной исторіи и для того усильно стараются по крайней мѣрѣ о важнѣйшихъ происшествіяхъ сообщать потомству своему извѣстія въ пѣсняхъ, преданіяхъ и различныхъ видимыхъ изображеніяхъ на тотъ единственно конецъ, дабы оно, удивляясь дѣяніямъ своихъ предковъ, имъ подражало“. Послѣдующая русская исторія дала намъ „своихъ Кодровъ и Леонидовъ, своихъ Кесарей и Помпеевъ, своихъ Цицероновъ и Титовъ Ливіевъ и къ

несчастью своихъ даже Катилинъ". „Разсмотрѣвъ, сколь полезно для всякаго знаніе отечественной исторіи и какое она имѣетъ надъ нами дѣйствіе, за нужное почитаю упомянуть нѣсколько и о томъ, что не менѣе полезно и нужно прилежное вниманіе и тщательное познаніе положенія и состоянія своего отечества, его соотношенія къ другимъ державамъ, его древностей, мѣстныхъ обстоятельствъ, различныхъ народныхъ обыкновеній и тому подобныхъ предметовъ. *Ибо не знать особенностей, которыя отличаютъ его отъ другихъ странъ, все равно какъ быть въ самой отчизнѣ своей иностранцемъ.* Прилично ли желать намъ, чтобы имѣть подробное свѣдѣніе о мѣстоположеніи и состояніи чужихъ земель, о блескѣ и огромности пышныхъ и гордыхъ столицъ Европы, когда между тѣмъ, оставя премногочисленныя въ нѣдрахъ отечества нашего обитающія племена, для всякаго просвѣщеннаго достойныя особеннаго замѣчанія по разнообразному роду ихъ жизни, по странности одѣяній и украшеній тѣла, по разности употребленія и способовъ къ своему содержанію и, что еще важнѣе, по чрезвычайному различію въ вѣроисповѣданіяхъ, общественныхъ учрежденіяхъ и правахъ, будетъ безъ всякаго вниманія равнодушно смотрѣть на многочисленныя общественныя заведенія С.-Петербурга или на почтенныя древностію зданія Москвы, гдѣ толико еще ощутительны слѣды премногихъ поколѣній, которыя были свидѣтелями славы или несчастій минувшихъ столѣтій? Неужели менѣе вниманія достойны Великій Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, нѣкогда знаменитыя столицы Россіи, нежели бѣдныя развалины Вавилона, Мемфиса, Аѳинъ, Пальмиры и безчисленныхъ другихъ, которыхъ послѣдніе остатки время погребаетъ въ молчаніи? Изъ нашихъ древнихъ городовъ нѣтъ ни одного, который бы не былъ ознаменованъ какимъ нибудь важнымъ происшествіемъ и который бы самъ не могъ служить содержаніемъ *особенной* исторіи.... Правда нынѣ прошло уже почти то непріятное для всѣхъ истинныхъ россіянъ время, когда многіе изъ насъ, особливо молодые люди, не только заниматься познаніемъ своего отечества, но даже говорить объ ономъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ или называться россіянами считали для себя какъ бы постыднымъ.... Безсмертная дѣлами Великая Екатерина первая старалась истребить сіе постыдное и для чести и славы государства весьма вредное мнѣніе, первая несравненно болѣе всѣхъ предшественниковъ своихъ прилагала попеченія, чтобъ побудить насъ заниматься познаніемъ своего отечества, сама... начертала эти достопримѣчательныя слова: *всякому народу знаніе собственной исторіи и географіи нужнѣе, нежели постороннихъ.* Въ ея долговременное, благополучное и знаменитое царствованіе наибольшая часть неизвѣстныхъ дотолѣ древнихъ лѣтописей нашихъ получили какъ

бы новое бытіе. Въ ея царствованіе вдругъ появилось великое множество сочиненій какъ о древнемъ, такъ и о настоящемъ состояніи Россіи. Она, не щадя безчисленныхъ иждивеній, посылала по всѣмъ частямъ обширнѣйшей своей имперіи извѣстныхъ знаніями ученому свѣту мужей для описанія какъ произведеній природы, такъ равно рѣдкихъ остатковъ древности и всего достопримѣчательнаго. Въ царствованіе Екатерины II не только иностранцы, но, къ стыду нашему, и мы сами получали первое подробное и достовѣрное физическое и географическое свѣдѣніе о своемъ отечествѣ посредствомъ долговременныхъ и многотрудныхъ путешествій Палласа, Гмелиныхъ, Лепехина и премногихъ другихъ. Великій внукъ ея, попечительнѣйшій отецъ о благѣ подданныхъ, водворилъ навсегда въ имперіи своей науки и художества открытіемъ университетовъ, гимназій и разныхъ другихъ учебныхъ заведеній, открылъ намъ вѣрнѣйшіе пути и надежные способы къ пріобрѣтенію всѣхъ полезныхъ познаній" [1]). Конечно, въ той части этой рѣчи, гдѣ личности русской исторіи сопоставляются съ героями древней Греціи, не мало преувеличеній; вся она проникнута слишкомъ оптимистическимъ духомъ. Но ее нельзя не признать замѣчательной для своего времени во многихъ отношеніяхъ. Высоко ставя героическій элементъ въ исторіи (тутъ Успенскій отдавалъ дань своей эпохѣ), авторъ въ то же время вводитъ въ содержаніе исторіи этнографическій и общественно бытовой элементъ—видитъ въ народной словесности первыя страницы исторіи, придаетъ огромное значеніе древностямъ, этнографіи и даже говоря объ отдѣльной исторіи русскихъ городовъ, какъ бы провидитъ областную исторію Россіи.... Однимъ словомъ въ этой рѣчи уже сказался будущій авторъ „Опыта повѣствованія о русскихъ древностяхъ". Его рѣчь на тему о національныхъ особенностяхъ была какъ нельзя болѣе умѣстна въ то время, когда иностранные профессора дружнымъ хоромъ проводили исключительно космополитическіе принципы: одна идея тутъ не исключала, а только дополняла другую. У проф. Успенскаго не было той національной исключительности, которая возстаетъ противъ чужого (хотя бы и хорошаго) только потому, что оно чужое; онъ желаетъ, чтобы современное ему поколѣніе изучало Россію въ ея исторіи и настоящемъ, со всѣми этнографическими особенностями ея разноплеменнаго населенія, чтобы оно не относилось пренебрежительно къ ней и всему русскому. И онъ былъ правъ въ этомъ случаѣ. Было не мало людей, которые, по его же словамъ, вмѣстѣ съ матернимъ молокомъ всосали въ себя все

---

[1]) Рѣчи, произнесенныя въ торж. собраніи, бывшемъ 30 августа 1809 г. X. 1809 года, стр. 33—46.

иностранное и стыдились называться русскими. Впрочемъ Успенскій тутъ же прибавляетъ—и это свидѣтельствуетъ о его безпристрастности,—что это слѣпое увлеченіе всѣмъ иностраннымъ въ то время уже почти прошло.

Дегуровъ говорилъ рѣчь „*О возрожденіи наукъ и преимуществѣ, которыя онѣ дали Европѣ передъ другими частями свѣта*“. Указавъ въ началѣ на причины, задерживавшія развитіе культуры, авторъ рѣшается дать болѣе отрадную страницу усилій человѣческаго разума разсѣять мракъ и рисуетъ картину великихъ открытій, возведшихъ Европу на ту высокую ступень просвѣщенія, которая дала ей владычество надъ прочими частями вселенной; не касаясь измѣненій и улучшеній въ области управленія, онъ останавливается только на прогрессѣ въ письменахъ, наукахъ и искусствахъ и дѣлаетъ выводы, что даже для побѣдъ нужно превосходство просвѣщенія. Императоръ же Александръ рѣшилъ распространить просвѣщеніе и въ Россіи, которая до этого времени была только зрителемъ того, что происходило въ Европѣ. Въ заключеніе Дегуровъ проситъ Государя принять обѣтъ „новаго подданнаго“ (т. е. его самаго), который, познавъ правоту и мудрость царя, подвергъ себя его законамъ [1]).

Проф. Каменскій выступилъ съ обстоятельною рѣчью „*О физическомъ воспитаніи дѣтей и о вліяніи его на умственное и нравственное состояніе ихъ* [2])“. Она отличалась спеціальнымъ характеромъ и содержала въ себѣ цѣлый рядъ опредѣленныхъ практическихъ совѣтовъ и наставленій относительно физическаго воспитанія ребенка; въ заключеніе говорилось очень кратко и бѣгло о вліяніи физическаго воспитанія на умственное и нравственное.

Нельзя не признать чрезвычайно удачнымъ выборъ темъ и самое содержаніе указанныхъ рѣчей: всѣ онѣ распространяли въ мѣстномъ обществѣ идею о теоретической и практической пользѣ образованія, въ частности старались указать на связь его съ этикой и эстетикой. Общее направленіе ихъ дышетъ благородствомъ, которое съ избыткомъ искупаетъ одинъ свойственный всѣмъ имъ недостатокъ—напыщенность изложенія, тѣмъ болѣе что эта послѣдняя являлась результатомъ литературныхъ вкусовъ того времени. Объ авторахъ ихъ можно сказать, что они сообщали своимъ слушателямъ живыя мысли и пробуждали добрыя гуманныя чувства. Чтобы достойно оцѣнить ихъ, не слѣдуетъ забывать тогдашнихъ условій общественной жизни. Теперь, напримѣръ, мысль

---

[1]) Рѣчи,... 1812 г., X. 1812 г., стр. 27—52.

[2]) Ibidem, стр. 1—25.

Якоба о томъ, что образованіе должно распространяться на всѣ слои общества, является какъ бы общимъ мѣстомъ. Но тогда, когда большую часть населенія составляли крѣпостные рабы, она требовала для своего выраженія значительной смѣлости и искренности убѣжденія. И русскіе профессора, и иностранцы, очевидно, не упускали изъ виду общеобразовательныхъ задачъ своего университета. Они не смотрѣли на себя, какъ на тяглыхъ людей, чиновниковъ, отбывающихъ только службу. У нихъ жило сознаніе принадлежности къ единому учрежденію, представляющему не механическое соединеніе отдѣльныхъ частей (факультетовъ), а органическое сочетаніе цѣлаго комплекса наукъ. Они ясно сознавали общія просвѣтительныя задачи университета и съ живѣйшею радостью отмѣчали первые, а потому и слабые успѣхи на этомъ полѣ. Они рисовали себѣ умилительныя картины будущаго, когда дѣло окрѣпнетъ и начнетъ приносить богатые плоды. Правда многое такъ и осталось мечтами; но все таки лучше ставить идеалъ, чѣмъ не имѣть его совсѣмъ. Нельзя не отмѣтить также мыслей ораторовъ о связи университетской науки съ эстетикой и этикой; умственное развитіе должно было приводить и къ нравственному усовершенствованію.

Общимъ объединяющимъ началомъ служила философія, пользовавшаяся тогда огромнымъ уваженіемъ среди большинства профессоровъ.

Она не была, какъ теперь у насъ, только оффиціальнымъ предметомъ факультетскаго преподаванія: сфера ея вліянія распространялась и на представителей другихъ каѳедръ; многіе преподаватели старались тогда ввести въ свои науки философскій элементъ. На развитіе философскаго элемента въ ученой и преподавательской дѣятельности Харьковскаго университета указалъ еще акад. М. И. Сухомлиновъ. „Философія писалъ онъ, читалась, преподавалась въ самомъ обширномъ объемѣ: читали логику, метафизику, нравственную философію, психологію, исторію философіи. Въ преподаваніи многихъ наукъ господствовало философское направленіе. Оно принесено было въ наши аудиторіи изъ университетовъ протестантской Германіи, въ которыхъ выработалось самою жизнью, историческимъ развитіемъ наукъ и духовными особенностями націи. Занесенная въ чужой міръ, говорившая чужимъ языкомъ, философія скоро обжилась въ своемъ новомъ пріютѣ; ее полюбило русское молодое поколѣніе; ея таинственный языкъ нашелъ сочувственный отзывъ въ воспріимчивыхъ умахъ, въ которыхъ первыя университетскія лекціи успѣли заронить искру знанія и любви къ наукѣ. По самой сущности своей, философія владѣла привлекательной силой: затрогивая общіе и важные вопросы, къ которымъ нельзя остаться равнодушнымъ при первой работѣ мышленія, философія вводила въ новую и высшую сферу, чуждую

пошлостей и предразсудковъ, располагала къ умственному труду и пріучала цѣнить и уважать его [1]).

Эта характеристика вполнѣ подходитъ къ тому, что намъ извѣстно о Харьковскомъ университетѣ. Важнѣйшимъ носителемъ философскихъ идей у насъ былъ Шадъ. На университетскомъ актѣ 1807 г. онъ произнесъ рѣчь „*О верховной цѣли человѣка*“. Въ ней рельефно выражаются общія философскія представленія автора. Свою рѣчь Шадъ начинаетъ съ опредѣленія значенія философіи. Философія, говорилъ онъ, по сущности и свойствамъ своимъ, имѣетъ величайшее вліяніе на остальныя науки и даже на нравы людей, ибо предлагаетъ всеобщія начала, на коихъ, какъ на основаніи, утверждается всякое изысканіе истины и поступки не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ народовъ. Вотъ почему нужно строго относиться къ философскимъ началамъ, въ особенности нельзя безъ критики принимать тѣхъ, кои дѣйствуютъ непосредственно на исполненіе обязанностей человѣка. Между этими съ перваго взгляда истинными, но на самомъ дѣлѣ ложными началами на первомъ планѣ Шадъ ставитъ мысль, что *верховною цѣлью человѣка является счастіе*. Каждый человѣкъ получилъ отъ Бога нудящее стремленіе къ истинѣ въ познаніи (чувство истины) и къ истинѣ въ поступкахъ (чувство совѣсти). Въ достиженіи того и другого заключается истинная задача жизни, уясняемая философіей. Начало счастія, какъ бы его не опредѣляли, не совпадаетъ съ идеями истины и добродѣтели; эти послѣднія шире его. Главная цѣль человѣка—это всетаки стремленіе къ правдѣ въ знаніи и къ правдѣ въ жизни.

Вторая рѣчь Шада была вызвана политическими обстоятельствами 1812 и 1813 гг., но все-таки проникнута философскимъ духомъ и представляла попытку осмысленія событія текущей жизни съ высшей философской точки зрѣнія. Она носитъ заглавіе: „*De libertate Europae vindicata*“ (*Возвращеніе Европѣ свободы*). Основной философскій тезисъ рѣчи тотъ, что „всеобщій законъ жизни, дѣйствія и производительности во вселенной состоитъ въ противоположности вещей по естеству своему одинаковыхъ“, такъ что, если эту противоположность уничтожить, то природа будетъ объята вѣчнымъ бездѣйствіемъ. Тезисъ этотъ близокъ къ философіи Шеллинга. Благодаря этой противоположности брошена искра жизни во всемъ мірѣ физическомъ и нравственномъ, и она, обнаруживаясь въ каждой точкѣ общаго развитія, въ новомъ разнообразіи становится вѣчною, саму себя питающею, стихіею.... Чѣмъ это разнообразіе больше и сложнѣе, тѣмъ болѣе совершеннымъ является организмъ“. Тоже примѣнимо и къ человѣку, какъ организму, и въ немъ мы видимъ противо-

[1]) М. И. Сухомлинова. Изсл., стр. 108.

положность чувственнаго, матеріальнаго и умственнаго, духовнаго естества. Тоже, наконецъ, примѣнимо и къ государствамъ, которыя являются также своего рода организмомъ. Наполеоновскія завоеванія, стремившіяся создать изъ европейскихъ государствъ одну самодержавную монархію, были въ высшей степени пагубны въ этомъ отношеніи, ибо нарушали это разнообразіе; они были нравственною смертью для народовъ. Говорятъ, что такимъ образомъ уничтожилась бы война; но если бы это было дѣйствительно такъ (чего, однако, на дѣлѣ нѣтъ), то и тогда это спокойствіе куплено было бы слишкомъ дорогою цѣною — цѣною рабской покорности одному властелину. Народъ, позволяющій играть собой, какъ вещью, низокъ и достоинъ презрѣнія. Народъ, стремящійся къ господству или пріобрѣтеніямъ, — это стадо дикихъ звѣрей. Другіе народы должны ему противодѣйствовать. Государство, которое изъ страха или другихъ побужденій, покоряется тирану, заслуживаетъ своего бѣдствія, и если въ немъ не пробудится воинственный духъ, то оно близко къ гибели. Не такъ поступила Россія и ея монархъ: онъ смѣло выступилъ противъ Наполеона, презрѣвъ всѣ выгоды частнаго соглашенія. И вотъ храбрымъ помогъ Богъ. Россія побѣдила непобѣдимаго тирана и потомъ освободила отъ него всю Европу. По отношенію ко взятому Парижу Императоръ Александръ явилъ примѣръ небывалаго великодушія, пощадивъ и умиротворивъ его, забывъ о раззореніи собственной столицы. Заключаетъ свою рѣчь Шадъ слѣдующимъ обращеніемъ къ Императору Александру: „нѣтъ ничего истинно великаго, кромѣ того, что основано на честности и человѣколюбіи.... Истинный еси народоправитель, ибо тотъ истинно управляетъ, кто устрояетъ счастіе другихъ“ [1]).

Такимъ образомъ, въ этой рѣчи Шадъ отзывается живымъ (даже слишкомъ рѣзкимъ, пылкимъ, горячимъ) словомъ на политическую злобу дня, которая тогда всецѣло занимала умы, волновала всѣхъ. Конечно, у Шада очень рѣзкій тонъ, но онъ объясняется и настроеніемъ тогдашняго общества, и личною борьбою Шада съ французскою партіей, особенно Дегуровымъ, въ Харьковскомъ университетѣ, а главное взглядомъ его на Наполеона, какъ на врага общественной свободы и представителя тиранніи [2]).

[1]) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета 25 декабря 1814 г. Харьковъ. 1815 г.

[2]) Въ „Философскомъ лексиконѣ“ проф. С. С. Гогоцкаго Шаду приписаны слѣдующія рѣчи: 1) De existentia Supremi Numinis, 1812; 2) De immortalitate animorum, 1814; 3) De studio philosophiae ejusque genuina natura, 1815; 4) De libertate mentis humanae, 1815 (4-й томъ, стр. 171). Намъ онѣ неизвѣстны. Думаемъ, что ихъ и вовсе не было, ибо приведенныя тутъ заглавія рѣчей въ дѣйствительности суть заглавія диссертацій, написанныхъ учениками Шада.

И профессора другихъ предметовъ безъ различія факультетовъ старались вносить философскій элементъ въ свои сочиненія. Въ 1807 году на актѣ профессоръ Коритари говорилъ рѣчь *о связи философскихъ занятій съ медицинскими* [1]) и высказалъ въ ней цѣлый рядъ любопытныхъ для насъ замѣчаній объ отношеніи опытныхъ наукъ къ философіи. Первыя могли, по его словамъ, познавать только явленія (феномены), а философія проникала въ основныя абсолютныя причины вещей: она находитъ идеи, соотвѣтствующія причинамъ этихъ послѣднихъ. Ни въ одной изъ опытныхъ наукъ никогда не поднимался вопросъ о дѣйствительномъ существованіи извѣстныхъ явленій. Но одно простое познаніе явленія не можетъ быть названо научнымъ познаніемъ. Вотъ почему и въ медицинѣ необходима философія. Человѣческое тѣло, служащее предметомъ непосредственнаго изученія медицины, есть микрокосмъ и не можетъ быть изучено безъ знанія органической и неорганической природы и законовъ, ею управляющихъ. Но опытъ не даетъ намъ знанія такихъ законовъ — тутъ нужны и апріорныя идеи, стоящія нерѣдко въ противорѣчіи съ опытомъ. По апріорному закону непрерывности, между органической и неорганической природой нѣтъ абсолютной противоположности. Во всей природѣ существуетъ двѣ основныя силы—положительная и отрицательная: въ частности въ органической жизни имъ соотвѣтствуютъ также двѣ силы—ощущеніе и раздражимость; между ними должно существовать равновѣсіе; если же оно нарушается, наступаетъ болѣзнь; если ей не противодѣйствовать, послѣдуетъ смерть. „Безъ конфликта нѣтъ жизни; конфликтъ же уничтожается, какъ скоро уничтожается одна сила вслѣдствіе чрезмѣрнаго развитія другой противоположной силы; смерть въ этомъ случаѣ слѣдуетъ необходимо. Итакъ, задача медика очевидна: во всѣхъ болѣзняхъ, гдѣ ощущеніе беретъ перевѣсъ, нужны медицинскія средства для уничтоженія угнетеннаго состоянія раздражимости и обратно“.

Эта рѣчь представляетъ, по изслѣдованію проф. Ѳ. А. Зеленогорскаго, краткое изложеніе основныхъ положеній натуръ-философіи Шеллинга. И по мнѣнію Шеллинга „тайна природы заключается въ томъ, что она держитъ противоположныя силы въ равновѣсіи, или въ непрерывно продолжающейся и никогда не прекращающейся борьбѣ. Къ этому убѣжденію приводило его изученіе электричества съ его двойственностью и магнетизма съ такою же двойственностью; та же двойственность силъ предполагалась и въ химическихъ процессахъ; самая матерія, какъ училъ еще Кантъ, есть продуктъ дѣйствія двухъ силъ —

[1]) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета 1807 г. (Koritary. De nexu studii medicinae cum studio philosophiae).

отталкивательной и притягательной; въ связи съ этимъ существуетъ пространство и время; всюду въ неорганической природѣ совмѣстно дѣйствуютъ двѣ силы—положительная и отрицательная. Оставалось отыскать тѣ же двѣ противодѣйствующія силы въ органической природѣ. Въ этомъ случаѣ Шеллингу помогла теорія Шотландскаго доктора Броуна, который подъ вліяніемъ открытія Галлера о самобытной раздражимости мускуловъ, независимой отъ дѣйствія нервовъ, объяснялъ происхожденіе болѣзни въ организмѣ изъ ненормальнаго отношенія между ощущеніемъ и раздражимостью. Ощущеніе принадлежитъ системѣ нервовъ, раздражимость—системѣ мускуловъ; той и другой системѣ одинаково свойственна возбудимость; возбудимость одной изъ нихъ должна уравновѣшиваться возбудимостью другой; нарушеніе равновѣсія порождаетъ болѣзнь".

Ставя вопросъ, было ли „полезно перенесеніе философско-научныхъ теорій на новую почву, каковъ былъ Харьковскій университетъ съ его слушателями и публикою, проф. Ѳ. А. Зеленогорскій говоритъ, что отвѣтить на него трудно. Объясняется же вліяніе этой философіи тѣмъ, что ея методъ аналогій и сближеній дѣйствовалъ на воображеніе и будучи близокъ къ поэзіи и творчеству, наиболѣе соотвѣтствовалъ молодому уму, поражалъ его, возбуждая въ немъ интересъ и увлеченіе" [1]). Неудивительно, что столь сильное въ университетѣ философское направленіе должно было оказать вліяніе и въ сопредѣльныхъ сферахъ, напримѣръ, учительскихъ. Здѣсь, конечно, лежитъ причина изданія въ это время въ Харьковѣ сочиненія Фихте „*Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи*". Харьк. 1813 г. XVI, 153 стр. Переводчикъ Ст. Ес—кій (т. е. Есикорскій) посвятилъ его профессорамъ университета.

Но это господствующее теченіе встрѣтило также и реакцію, которая нѣсколько смягчила его крайности и увлеченія. „Исключительное господство философскаго направленія, по справедливому замѣчанію М. И. Сухомлинова, грозило и вредными послѣдствіями: могло повести къ туманности, неопредѣленности, фразерству и неуваженію къ факту". И дѣйствительно, подобныя увлеченія приводили иногда къ отрицательнымъ результатамъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный Стойковичъ распредѣлилъ матеріалъ о свойствахъ тѣлъ въ своемъ учебникѣ физики въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ категоріямъ Канта; отсюда вышли натяжки и темнота [2]); фразерство составляетъ также отличительную особенность

[1]) Ѳ. А. Зеленогорскаго. Матеріалы для исторіи Харьковскаго университета. Вліяніе натуръ-философіи Шеллинга. (Зап. Импер. Харьк. унив., 1893 г., кн. IV).

[2]) И. П. Щелкова. Къ исторіи Харьковскаго университета (Журн. Мин. Нар. Просв. 1890, октябрь, стр. 378).

тогдашнихъ научныхъ опытовъ, и съ особенною силою проявилось въ рѣчахъ профессоровъ, учителей и учащихся. Наконецъ, не слѣдуетъ игнорировать, что носители философскихъ идей въ нравственномъ отношеніи далеко не соотвѣтствовали идеалу истиннаго философа; тутъ былъ подчасъ глубокій разладъ между проповѣдью и собственною жизнью; а между тѣмъ къ философу, какъ проповѣднику высочайшихъ нравственныхъ идей, естественно нужно было предъявлять болѣе строгія требованія, чѣмъ къ кому бы то ни было другому. Недовѣріе къ лицу вызывало и недовѣріе къ его проповѣди.

Представителемъ точнаго знанія и ярымъ противникомъ харьковскихъ университетскихъ философовъ былъ проф. Осиповскій. Двѣ его актовыя рѣчи посвящены спеціально опроверженію идей Канта. Въ первой рѣчи онъ опровергаетъ извѣстное положеніе Канта о врожденности категорій пространства и времени—о томъ, „что пространство и время не суть принадлежности и условія существованія вещей, но имѣютъ бытіе свое въ насъ однихъ“. Осиповскій сначала подвергаетъ строго логическому критическому разбору мысль, что идея пространства и времени существуетъ только внутри насъ, потомъ старается опровергнуть возраженія Канта о возможности вывести ее изъ опыта и въ концѣ концовъ формулируетъ свое собственное мнѣніе такъ: понятіе о пространствѣ получается отъ воздѣйствія на насъ впечатлѣній внѣшняго міра; при чемъ одни и тѣже предметы могутъ производить на разныхъ людей различныя впечатлѣнія; поэтому *сущности* идеи пространства мы не можемъ знать, хотя она имѣетъ постоянное отношеніе къ тому впечатлѣнію, которое получаютъ наши чувства. Время не есть нѣчто существующее въ природѣ само по себѣ; оно является какъ необходимое произведеніе послѣдовательнаго бытія вещей, бытія, которое представить не въ послѣдовательномъ видѣ не положено нашей способности. Если и можно время отвлечь отъ всѣхъ вещей, то все таки нельзя отвлечь его отъ самого себя; слѣдовательно, понятіе о времени пріобрѣтаемъ мы посредствомъ чувствованія бытія насъ самихъ и относимъ его къ прочимъ вещамъ по понятію ихъ сопребыванія съ нами.

Вторая рѣчь Осиповскаго спеціально посвящена опроверженію динамической системы Канта, высказанной въ его сочиненіи о метафизическихъ основахъ естественной науки. Тутъ онъ опять вооружается противъ апріорныхъ соображеній о природѣ, вызванныхъ возрожденіемъ въ современной Германіи духа древнихъ греческихъ философовъ. Очевидно, онъ прямо имѣетъ въ виду Шада и Якоба и хочетъ предохранить отъ ихъ вліянія студентовъ, къ которымъ прямо и обращается съ такими словами: „позвольте мнѣ, почтеннѣйшіе слушатели, сдѣлать при

семъ краткое обращеніе къ юнымъ питомцамъ сего святилища наукъ, для коихъ единственно избралъ я сію сухую и никакого витійства недопускающую, а по сему и незанимательную матерію. Ежели вы слышите или читаете, что философъ природы постановляетъ a priori какой либо законъ ея, то буде онъ не доказываетъ его съ математическою строгостью, не полагайтесь на слова сего философа съ искреннею къ нему довѣренностью, какъ бы сей законъ не обворожалъ воображеніе, но испытайте прежде его на оселкѣ строгости математической и тогда только считайте его вѣроятнымъ, когда онъ выдержитъ сію пробу".

Но реальное направленіе проявлялось не только въ полемикѣ съ философіей, оно выразилось и въ рѣчахъ строго фактическаго характера. Такова, напримѣръ, была рѣчь Стойковича „*о причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ, предохраняющихъ его отъ совершенной порчи*". Въ рѣчи Стойковича [1]) подробно и обстоятельно, съ массою фактическихъ данныхъ и ссылокъ на источники, разбирается вопросъ о чистомъ и испорченномъ воздухѣ, которымъ дышетъ населеніе городовъ и селеній. Неудивительно, поэтому, что хотя въ ней ничего не говорилось о Харьковѣ съ санитарной точки зрѣнія, но харьковцы узнали изъ нея много для себя поучительнаго, напримѣръ, о вредномъ испареніи болотъ, тины, нечистотъ и т. п. Тогдашній Харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ, извѣстный своими ревностными заботами о благоустройствѣ Харькова, обратился послѣ этого къ Стойковичу съ письмомъ такого содержанія:

„Милостивый государь мой Афанасій Ивановичъ! Что говоренная вами рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорскаго Харьковскаго университета 30 августа сего года, которую, по напечатаніи, я имѣлъ честь получить отъ вашего высокородія лично, заключаетъ въ себѣ много для общежительства полезнаго, въ томъ, конечно, нѣтъ нималаго сомнѣнія, но что оная (какъ родившая мнѣ о томъ рѣшительную мысль) можетъ быть весьма полезною собственно для города Харькова, ежели вы, милостивый государь мой, не отречетесь мнѣ способствовать дѣятельнымъ образомъ къ приведенію въ исполненіе умозрительныхъ вашихъ предположеній, то сіе, равно какъ и причины меня къ тому побуждающія, я намѣренъ изложить въ слѣдующихъ строкахъ.

Городъ Харьковъ имѣетъ низкое, слѣдственно, и нездоровое мѣстоположеніе, особливо въ залопанской части, стоячими небольшими озерами и болотами, отчего осенью и весною, вѣроятно, родятся болѣзни, въ томъ числѣ и перемѣнныя горячки, отъ коихъ нѣкоторые лишаются

---

[1]) Рѣчи... 1811 года. Харьковъ. 1811 г., стр. 1—38.

безвременно жизни, тѣмъ болѣе по примѣчанію моему изъ числа пріѣзжихъ въ оный городъ, не привыкшихъ съ малолѣтства къ его климату, и сія истина уже давно мною замѣчена, а паче въ теченіи сего года сдѣлалась мнѣ извѣстной. Городъ сей, какъ вмѣщающій въ себѣ университетъ, заслуживаетъ, кажется, со стороны здоровья особеннаго предъ прочими губернскими городами отъ правительства вниманія. Способы, зависящіе отъ губернскаго начальства, и употребленіе ежегодно отъ десяти до двѣнадцати тысячъ рублей изъ городовыхъ доходовъ на мощеніе (за неимѣніемъ по сіе время камня) фашинникомъ и форостомъ съ пескомъ улицъ и возвышеніе тѣмъ оныхъ, а также и рытье въ годъ нѣсколькихъ каналовъ не можетъ городъ привести въ должное состояніе, развѣ чрезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ. Изъ-за сего нужно бы испросить у вышняго правительства особенной суммы на осушеніе города и на приведеніе его чрезъ то въ желаемое, со стороны здоровья въ немъ жительствующихъ, состояніе, но прежде нежели приступить къ таковому испрошенію суммы, нужно знать количество оной и сдѣлать предварительный проектъ всѣмъ необходимымъ на сей предметъ работамъ. Въ разсужденіи сего я рѣшился отнестись къ вашему высокородію, не согласитесь ли вы изъ себя, изъ двухъ или трехъ членовъ университета, приглашенныхъ вами, изъ меня и изъ здѣшняго господина землемѣра составить собраніе, въ которомъ бы, по должномъ соображеніи всѣхъ обстоятельствъ, положить, что нужно предпринять для вышеизъясненнаго, а равно и какое количество денежной суммы, и какое время на то нужно же, послѣ сего я и могъ бы сдѣлать, куда слѣдуетъ, мое представленіе. На сіе ожидая отвѣта вашего съ истиннымъ моимъ почтеніемъ имѣю честь пребыть, милостивый государь мой, вашего высокородія покорнѣйшій слуга Иванъ Бахтинъ. Ноября 7 дня 1811 года [1]).

Изъ другихъ рѣчей отмѣтимъ еще слѣдующія. Адъюнктъ *Лангъ* говорилъ рѣчь объ изученіи юридическихъ и политическихъ наукъ, тема которой была навѣяна извѣстнымъ уже намъ указомъ 1809 г. объ учрежденіи при университетѣ института гражданскихъ чиновниковъ; *Рижскій* — о познаніи, свойственномъ воображенію, и о занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 г.; *Умляуфъ* — „De arrogantia in litteris"; *Шнаубертъ* — „Ueber die Ernärung und das Wachsthum der Pflanzen"; *Шумлянскій* — „О физическихъ способахъ жизни"; *Делявинъ* — „Sur les plantes recherchées des abeilles et les sites qui leur sont les plus avantageux"; *Шумлянскій* — „Студентъ, окончившій курсъ наукъ"; *Дюгуръ* — „Critique et défense de l'histoire"; *Дрейсигъ* — „De alimentorum effectu usuque in

1) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта, 1811 г., № 59.

*

statu hominis sano“; *Успенскій* — „О состояніи военныхъ силъ въ Рссіи до временъ Петра Великаго“; *Тимковскій* — „О помѣстьяхъ“; *Рейтъ*— „Geist der literarischen Cultur der Orients und Occidents“; *Книгинъ* — „О дыханіи“; *Ваннoти*—„De amphibiis, piscibus et insectis maxime vulgaribus agri Charcoviensis“; *Пильгеръ* — „Ueber den Einfluss der vergleichenden Medicin auf theoretische und practische Heilkunde der Menschen“; *Успенскій* — „О древности и достоинствѣ законовъ россійскихъ до изданія царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ соборнаго уложенія“; *Срезневскій*— „Слово о благодѣяніяхъ промысла Божія въ царствованіе благословеннаго племени Романова на Россію ниспосланныхъ“; *Стойковичъ* — „О воздушныхъ камняхъ и ихъ происхожденіи“; *Рейтъ*—„Der Orient“; *Лангъ*— Was ist das Geld?“; *Гизе*—„Hauptzüge von den Fortschritten, welche die Naturforscher Russlands in der Kentniss vaterländischer Naturerzeugnisse gethan haben, und von denen, welche noch zu thun übrig sind“. Какъ видимъ, эти рѣчи уже болѣе спеціальныя, хотя авторы ихъ все-таки стремятся выбирать болѣе общіе вопросы изъ сферы своей спеціальности.

Чисто практическимъ прикладнымъ характеромъ отличались также работы профессоровъ, посвященныя изученію края и его естественныхъ богатствъ. Мы подробно остановимся на этихъ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ они рисуютъ намъ очень важную сторону профессорской дѣятельности, не позволяющей бросить упрекъ Харьковскому университету въ одностороннемъ увлеченіи теоретическими вопросами. Тутъ мы видимъ живое практическое приложеніе знаній на пользу края и его населенія. Тутъ примѣняются къ наукѣ требованія Петровскаго времени. Тутъ дѣятели новаго просвѣтительнаго учрежденія непосредственно отзываются на запросы жизни и тѣмъ укрѣпляютъ въ обществѣ сознаніе о пользѣ, приносимой университетомъ. Нѣтъ нужды, что результаты не всегда соотвѣтствовали ожиданіямъ; вѣдь и самыя ожиданія были преувеличенныя. Важна была отзывчивость членовъ профессорской коллегіи съ одной стороны и пробужденіе интереса къ изслѣдованію богатствъ со стороны мѣстнаго общества съ другой. Тутъ профессора Харьковскаго университета продолжали дѣло, начатое россійскими академиками XVIII в., заслуги которыхъ въ этомъ отношеніи навсегда останутся незабвенными. Естественно, конечно, что подобные труды всѣ почти выпали на долю профессоровъ физико-математическаго и медицинскаго факультета.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1805 г. Изюмскій земскій исправникъ представилъ губернатору кусокъ каменнаго угля, вѣсомъ въ 20 фунт., найденный въ дачахъ помѣщика Куколь-Яснопольскаго. Губернаторъ отослалъ его въ университетъ съ просьбою произвести изслѣдованіе. Изслѣдованіе это поручено было адъюнктамъ Крюгеру и Гизе. Послѣдній подвергъ уголь

всестороннему изученію и представилъ обстоятельный докладъ, въ заключеніи котораго говорилъ такъ: „экономическая польза сихъ каменныхъ углей гораздо большая, нежели древесныхъ, и какъ опытъ показываетъ, большая даже, нежели отъ самихъ дровъ. Сверхъ того, если принять въ разсужденіе и то, что мѣрка каменнаго угля можетъ быть доставлена за гораздо болѣе дешевую цѣну, нежели таковая же мѣрка углей древесныхъ и самихъ дровъ, что чрезъ употребленіе каменныхъ углей большое количество дровъ и уголья сохранено быть можетъ, то не остается никакого возраженія противъ скорѣйшаго и точнѣйшаго изслѣдованія мѣста ихъ нахожденія. Опытъ показываетъ, что во многихъ мѣсторожденіяхъ каменнаго угля попадаются разные сорта ихъ, различные по своей добротѣ, что можетъ случиться и въ этомъ мѣстѣ; можетъ быть, что находящіеся тамъ лучшіе сорта угля возвысятъ болѣе пользу ихъ для края". Основываясь на этомъ, губернаторъ И. И. Бахтинъ сдѣлалъ представленіе министру внутреннихъ дѣлъ граф. Кочубею объ ассигнованіи необходимой суммы на развѣдки и о командированіи для этой цѣли чиновника горнаго вѣдомства. Государь утвердилъ эту мѣру, но присовокупилъ къ этому, чтобы и членамъ университета предоставлено было право заниматься этимъ дѣломъ въ свободное отъ обязательныхъ лекцій время. Поиски горнаго инженера Комарова въ Изюмскомъ уѣздѣ не увѣнчались успѣхомъ—залежей каменнаго угля не нашли; находили только куски его, нанесенные водою. Но губернаторъ желалъ въ слѣдующемъ 1806 году производить поиски торфа въ Лебединскомъ уѣздѣ и запрашивалъ университетъ, можетъ ли онъ командировать кого-либо изъ своихъ членовъ для этой цѣли. Университетъ отвѣтилъ, что онъ считаетъ своимъ долгомъ содѣйствовать пользамъ своего округа и потому отправитъ кого либо изъ своихъ членовъ, и дѣйствительно, поручилъ ад. Гизе, согласно предложенію губернатора, принять отъ Комарова инструменты для развѣдокъ угля и торфа [1]). „Въ 1805 г. тотъ же неутомимый изслѣдователь Гизе подвергалъ испытанію разныя ископаемыя, полученныя слободскоукраинскимъ губернаторомъ отъ Изюмскаго предводителя дворянства Захаршевича-Капустянскаго, именно: желѣзную руду, каменный уголь, торфъ, нѣсколько известковыхъ камней и сѣрныхъ колчедановъ. По испытаніи найдено, что желѣзная руда, по скудости содержащагося въ ней металла, не стоитъ обработки, напротивъ каменный уголь оказался весьма доброкачественнымъ.

Въ 1806 г. профессора Шнаубертъ, Гизе и адъюнктъ Кригеръ, по порученію совѣта, разсматривали присланные въ университетъ губерна-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г. № 22 и 52.

торомъ два куска венеціанской яри. Отличное качество ея обратило на себя вниманіе изслѣдователей, и университетъ, по ходатайству ихъ, просилъ начальника губерніи объ оказаніи поощренія лицу, занимающемуся приготовленіемъ этого вещества, имѣющаго весьма обширное употребленіе въ практикѣ. Въ 1808 г. профессоръ Гизе, разложивъ доставленный коллежскимъ ассесоромъ Ивановымъ песокъ, собирающійся въ лѣтнее время на днѣ одного высыхающаго озера, находящагося въ Новомосковскомъ уѣздѣ (Екатерин. губ.), донесъ совѣту университета, что въ одномъ фунтѣ означеннаго песку содержится $^1/_3$ ф. окристаловой углекислой соды, которой, по освобожденію ея отъ воды, можно получить одну унцію, 4 драхмы и 29 гранъ. А какъ извѣстно, что углекислая сода во множествѣ употребляется на приготовленіе бѣлаго стекла, лучшаго мыла и разныхъ лѣкарствъ, то добываніе ея, по мнѣнію ученаго химика, должно было принесть значительныя выгоды владѣльцу, если только величина озера и высыхающихъ его частей позволяетъ получать соду въ достаточномъ количествѣ.... Въ бытность свою у помѣщика Элли (для изслѣдованія его минеральныхъ водъ), Гизе открылъ въ его имѣніи совершенно бѣлую превосходнаго качества аптекарскую соду или Глауберову соль и не преминулъ обратить вниманіе владѣльца на выгоды ея добыванія“ [1]). Въ Деркульскомъ государственномъ конномъ заводѣ открылась на лошадяхъ чесоточная болѣзнь. И вотъ директоръ этого завода въ 1814 г. обращается къ Харьковскому губернатору съ такимъ нѣсколько наивнымъ заявленіемъ: „въ тамошнихъ мѣстахъ по близости къ излѣченію оныхъ лошадей искуснаго *коновала* неимѣется, а извѣстился онъ (Кологривовъ), что въ Харьковской *Академіи* находится профессоръ, который можетъ таковыхъ больныхъ лошадей лѣчить; посему и проситъ губернатора откомандировать означеннаго профессора къ нему въ Бѣловодскъ, а прогоны будутъ выданы ему впослѣдствіи“ [2]). Очевидно, Кологривовъ имѣлъ очень смутныя представленія и о званіи профессора, и о самомъ университетѣ; но ясно также, что слава Пильгера, какъ „геніальнаго“ ветеринара, проникла въ глухой Бѣловодскъ и дошла до самого Кологривова.

Въ 1805 г. губернаторъ Бахтинъ обратился въ правленіе университета съ такимъ заявленіемъ: „слободскоукраинской губ. въ уѣздахъ лебединскомъ, сумскомъ и ахтырскомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ завелась саранча, которая хотя ежегодно и истребляема была разными способами, какъ то сженіемъ и убиваніемъ, но за всѣмъ тѣмъ не умалясь годъ отъ году выраждается въ большомъ количествѣ ко вреду по-

---

[1]) Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности.... (Ж. М. Н. Пр. 1855, № 7, стр. 33—34).

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1814 г., № 20.

селянъ и помѣщиковъ. Обстоятельства сіи при обязанности моей пещись о благосостояніи обитателей слободоукраинской губ., побуждая къ изысканію новыхъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ для истребленія сего вреднаго насѣкомаго, заставляютъ меня отнестись съ просьбою моею и въ правленіе Имп. Харьковскаго университета, не извѣстныль оному по части ученой какія либо физическія средства, съ произведеніемъ которыхъ въ дѣйство, могло бы истреблено быть сіе насѣкомое, о чемъ прошу правленіе университета не замедлить меня увѣдомить" [1]).

Въ 1806 году губернаторъ И. И. Бахтинъ обратился въ университетъ съ заявленіемъ, въ которомъ писалъ, что Харьковская губернія изобилуетъ пчеловодствомъ и такъ какъ увеличеніе въ государствѣ столь нужныхъ продуктовъ, каковы медъ и воскъ, заставляетъ думать объ усовершенствованіи и размноженіи пчеловодства, удобнымъ же къ тому средствомъ почитаетъ онъ, между прочимъ, разведеніе травъ, могущихъ этому способствовать, и засѣваніе ихъ вблизи пчельныхъ пасѣкъ, то, будучи удостовѣренъ, до какой степени сей университетъ расположенъ содѣйствовать всему, служащему па общую пользу, обращается онъ и нынѣ въ правленіе съ просьбою сообщить, какія травы признаются за наилучшія для пчелъ, съ прибавленіемъ ботаническихъ и простонародныхъ данныхъ о нихъ, а также рисунковъ ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ дать знать, какія изъ этихъ травъ ростутъ въ Харьковской губ. и откуда можно будетъ выписать тѣ, которыхъ въ ней совсѣмъ не имѣется" [2]). Въ 1809 г. профессоръ ботаники Делявинь опредѣлилъ сѣмена, присланныя ему съ этою цѣлью губернаторомъ Бахтинымъ. Сѣмена эти принадлежали купцу Василевскому; онъ ихъ считалъ кунжутными и изъ нихъ выдѣлалъ масло. „На прошлой недѣлѣ, писалъ проф. Делявинь въ правленіе, получилъ я сѣмена, съ тѣмъ, чтобы увѣдомить о родѣ и свойствѣ ихъ. Я нашелъ, что они принадлежатъ растенію, имянуемому по линнеевой системѣ Atropa physaloides. А дабы правленіе могло судить о точности моего заключенія, прилагаю при семъ сѣмена того же самаго растенія, собранныя въ ботаническомъ саду, но въ гораздо превосходнѣйшей степени созрѣвшія и еще въ оболочкахъ ихъ находящіяся вмѣстѣ съ полученными отъ правленія сѣменами. Какъ купца Василевскаго, такъ равно ботаническаго сада сѣмена содержатъ много слизи, а, слѣдовательно, могутъ содержать въ себѣ и масло, о чемъ однако-жъ по причинѣ чрезмѣрной сухости сихъ сѣмянъ я не могъ на

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г., № 75. Постановленіе совѣта по этому дѣлу намъ извѣстно (стр. 260 настоящаго сочиненія).

[2]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1806 г., іюль—декабрь; засѣданіе 19 іюля.

сей разъ удостовѣриться, потому что, когда я намочивъ ихъ въ водѣ и очистивъ отъ слизи, раздавилъ ихъ на пропускной бумагѣ, то они не оставили по себѣ никакого слѣда масленыхъ частицъ. Итакъ, если то правда, что они доставляютъ масло, то должно выжимать его немедленно по созрѣваніи сѣмянъ или когда уже они выдержали нѣкоторую степень броженія, по примѣру тому, какъ изъ сѣмянъ дикой капусты, колраби или дикой рѣпы и алисса, пролежавшихъ нѣсколько времени въ кучѣ, добывается во Франціи и Германіи знатное количество масла. Что же принадлежитъ до качества масла, каковое доставить можетъ Atropa physaloides, то я сомнѣваюсь, чтобы его можно много одобрить: 1-е, потому что оно принадлежитъ къ такому классу, а особливо къ такому роду растеній, изъ коихъ большая часть видовъ имѣетъ одуряющій ядъ, а прочіе подозрительнаго качества, а 2-е, потому что листья его, когда курятъ ихъ на подобіе табаку, производятъ ночныя испаренія и сильное хотя и непродолжительное ослабленіе зрѣнія. Правда, что жители Перу употребляютъ плодъ Atropa physaloides для декоктовъ отъ болѣзней мочевого пузыря, какъ-то: каменной болѣзни и теченія песку. Да и то справедливо, что масло, получаемое изъ плода маковаго здорово, между тѣмъ, какъ головки сего растенія доставляютъ опіумъ. Но, несмотря на сіе, я не могу повѣрить, чтобы не нужно было сдѣлать какого-либо опыта надъ животными, прежде нежели позволено будетъ употребленіе его людямъ. Впрочемъ, въ ожиданіи доколѣ разведеніе колраби, дикой капусты или алисса, отъ коихъ можно бы имѣть гораздо болѣе выгоды, могло войти въ употребленіе въ южныхъ губерніяхъ Россіи, масло это можетъ быть употребляемо въ другихъ экономическихъ случаяхъ“ [1]).

Важное мѣсто въ изслѣдованіяхъ научно-практическаго характера заняло изученіе цѣлебныхъ минеральныхъ водъ, открытыхъ въ разныхъ пунктахъ Харьковской и Полтавской губ.

Прежде всего подверглись внимательному изслѣдованію минеральныя воды, находившіяся въ имѣніи г-жи Ковалевской въ Константиноградскомъ уѣздѣ, Полтавской губерніи, близь рѣки Орели. Профессоръ Гизе изучилъ ихъ на мѣстѣ, произвелъ анализъ въ химической лабораторіи Харьковскаго университета, представилъ о нихъ подробный рапортъ правленію [2]) и, наконецъ, вмѣстѣ съ проф. Шумлянскимъ напечаталъ о нихъ цѣлую брошюру [3]). Мы представимъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1809 г., январь—апрѣль; засѣданіе 8 марта.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ 1805 г., № 24, стр. 104—112.

[3]) Физико-химическое и врачебное испытаніе минеральн. цѣлебн. водъ и нѣкоторой глины отысканныхъ въ Полтавской губ. въ Константин. уѣз. близь р. Орели. Харьковъ, 1806 г. 40 стр.

этомъ дѣлѣ, пользуясь данными, заключающимися въ рапортѣ и печатной брошюрѣ. Въ рапортѣ Гизе содержатся данныя о мѣстности, гдѣ были воды, и естественныхъ произведеніяхъ ея, объ испытаніи водъ на мѣстѣ и въ химической лабораторіи, о составныхъ ихъ частяхъ и физическихъ свойствахъ и, наконецъ, помѣщены нѣкоторыя замѣчанія смѣшаннаго характера. Воды сосредоточивались въ нѣсколькихъ источникахъ, находившихся въ глубокомъ рвѣ между двумя горами. Вода этихъ ключей была неодинакова. Источникъ № 1-й имѣлъ, напримѣръ, воду съ гнилостнымъ запахомъ, напоминавшимъ сѣрнистый, но этотъ запахъ зависѣлъ не отъ свойствъ воды, а отъ зелени, загнивающей на срубѣ колодца. Вода изъ источника № 2-й славилась своими цѣлебными качествами; ея выпивали цѣлыя тысячи бутылокъ; на вкусъ она была солоноватая. Вода изъ источника № 3-й отличалась горькимъ вкусомъ. Подвергши анализу воду изъ всѣхъ этихъ источниковъ, Гизе пришелъ къ заключенію, что главною составною частью 1-го и 2-го номеровъ была глауберова соль, 3-го — сѣрнокислая мыловка, горькая соль (magnesia sulphurica). Шумлянскій описалъ эти воды съ медицинской точки зрѣнія: перечислилъ всѣ болѣзни, въ какихъ къ нимъ слѣдуетъ и не слѣдуетъ прибѣгать, говорилъ, что купаньемъ въ нихъ нужно пользоваться съ большою осторожностью. Въ этомъ же Константиноградскомъ уѣздѣ Полтавской губ., были подвергнуты изслѣдованію и другія воды, принадлежавшія статск. совѣтн. С. М. Кочубею и находившіяся при дер. Дубовыя гряды. Описаніе ихъ было напечатано на счетъ владѣльца въ 1807 и 1808 г. [1]). Съ просьбою объ изслѣдованіи ихъ обратился въ университетъ тогдашній малороссійскій генералъ-губернаторъ, князь Ал. Бор. Куракинъ. Просьба была исполнена и на счетъ университета командированъ туда Гизе, который представилъ ихъ описаніе и анализъ, разсмотрѣнныя медицинскимъ факультетомъ. Самъ владѣлецъ водъ въ письмѣ къ ректору Стойковичу писалъ: „почитаю нужнымъ доставить вамъ, мил. гос. мой, предположенія мои на счетъ Дубогрядскихъ моихъ цѣлительныхъ водъ; они состоятъ въ устройствѣ колодцевъ, ваннъ самымъ удобнѣйшимъ образомъ, въ заведеніи сада для доставленія пользующимся ими необходимаго движенія и пріятной прогулки въ хорошую и дурную погоду, въ мѣстномъ поселеніи лѣкаря и учрежденіи аптеки, въ постройкѣ больницъ для простаго народа на

---

[1]) Извѣстіе о испытаніи минеральныхъ водъ въ дачахъ г. ст. сов. Сем. Мих. Кочубея, находящихся Полтав. губ. Констаногр. у. при дер. Дубовыя Гряды называемой. Харьк. 1808 г., 43 стр. Это 2-е изданіе; 1-е вышло въ Харьковѣ въ 1807 г.; см. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г. № 23 и 1807 г. № 6.

30 чел. обоего пола трудно-больныхъ и на 30 чел. съ легкимъ нездоровьемъ, которые будутъ на обыкновенномъ въ подобныхъ заведеніяхъ полномъ и выгодномъ содержаніи и, сверхъ того, на 20 чел. бѣдныхъ дворянъ, въ постройкѣ квартиръ для пріѣзжающихъ и трактира, откуда бы можно имѣть все нужное для жизни. Къ осени будущаго года надѣюсь устроить все это изъ самыхъ удобныхъ для такой спѣшной постройки матеріаловъ; въ теченіе же трехъ лѣтъ будетъ фундаментально сдѣлано все то, чего въ это время потребуетъ несомнѣнная польза дѣла". Изъ описанія водъ выяснилось, что онѣ находились по дорогѣ изъ Константинограда въ Павлоградъ и заключались въ четырехъ колодцахъ. Въ составъ ихъ входили: сѣрнокислая сода, сѣрнокислая известь и сѣрнокислая мыловка; солянокислая сода, солянокислая известь и солянокислая мыловка; углекислая известь, углекислая мыловка; это были, слѣдовательно, соленыя и горькія воды. Шумлянскій рекомендовалъ употреблять ихъ въ параличахъ, бѣломъ почечуѣ, ревматизмѣ, сыпяхъ, нѣкоторыхъ видахъ перемежающейся лихорадки, глистахъ, завалахъ живота, золотухѣ и т. п.

Третьи минеральныя воды оказались при дер. ротмистра Денисенкова Быковкѣ (въ 4-хъ верстахъ отъ нея) въ Изюмскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи. Ихъ также изслѣдовалъ и на мѣстѣ, и въ лабораторіи проф. Гизе, затѣмъ изложилъ результаты своего анализа въ особой брошюрѣ [1]). Составъ ихъ оказался приблизительно такой же, какъ и ранѣе изслѣдованныхъ полтавскихъ; главная составная часть ихъ была глауберова и горькая соль; но онѣ должны были имѣть болѣе цѣлебной силы, потому что въ нихъ было болѣе этихъ солей. Послѣ химическаго анализа слѣдовали указанія Шумлянскаго о пользѣ ихъ въ различныхъ болѣзняхъ. Въ письмѣ къ ректору Рижскому изъ Изюма владѣлецъ водъ писалъ, что, не смотря на недостаточность своего состоянія, предоставляетъ ихъ даромъ всѣмъ желающимъ, тѣмъ болѣе что и самъ онъ въ двухъ болѣзняхъ получилъ исцѣленіе, равно исцѣлились и другіе; вблизи ихъ были лѣса Денисенкова — въ нихъ онъ хотѣлъ подѣлать дорожки и тѣнистыя аллеи для прогулокъ во всякую погоду больнымъ, нуждающимся въ моціонѣ; при лѣсахъ, на возвышенномъ и открытомъ мѣстѣ, впредь до устройства хорошаго жилья, на первый случай къ будущей веснѣ поставленъ будетъ, писалъ онъ, изъ офицерскихъ палатокъ лагерь и все необходимое. Въ другомъ письмѣ Денисенковъ сообщалъ Рижскому объ исцѣленіи водою этою Антонова огня. Тутъ же приложены были

[1]) „Извѣстіе о испытаніи минеральной воды, находящейся въ дачахъ ротмистра Денисенкова Слободскоукраинской губ. Изюмскаго уѣзда при дер. Быковкѣ". Х., въ унив. тип. 1809 г., 38 стр. См. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1806 г. № 54.

письма Егора Башилова (изъ сел. Башиловки) и Григ. Калиновскаго (изъ г. Славянска): первый благодарилъ за исцѣленіе его крестьянъ и въ особенности мальчика съ опухолью, второй просилъ объ отпускѣ воды предводителю дворянства въ Бахмутскомъ уѣздѣ Ив. Род. Депрерадовичу [1]). Рославскій Петровскій говоритъ, что Гизе сверхъ того былъ командированъ еще въ 1805 г. для изслѣдованія минеральныхъ водъ въ слободу Рогань (въ 18 в. отъ Харькова) и въ купянскій уѣздъ въ имѣніе помѣщика Элли [2]).

Такимъ образомъ, „всякій разъ когда гражданское начальство или частныя лица обращались къ университету съ просьбою объ изслѣдованіи разныхъ естественныхъ предметовъ, требованія ихъ были немедленно исполняемы и если результаты изслѣдованій не всегда удовлетворяли ожиданіямъ просителей, то подобные труды были полезны уже и потому, что предохраняли владѣльцевъ и казну отъ убыточныхъ предпріятій и непроизводительнаго употребленія капиталовъ“ [3]). Какъ бы то ни было, справедливость требуетъ сказать, что и въ первое десятилѣтіе своего существованія Харьковскій университетъ выставилъ изъ своей среды піонеровъ по части изслѣдованія мѣстныхъ богатствъ края, среди коихъ почетнѣйшее мѣсто должно быть отведено химику Ферд. Гизе; несмотря на свое иноземное происхожденіе и массу чисто научныхъ работъ, онъ съ величайшей энергіей посвятилъ себя мѣстнымъ изслѣдованіямъ, и его имя обязаны съ благодарностью вспоминать современные изслѣдователи края. Правда, что большая часть этихъ культурныхъ предпріятій не получила дальнѣйшаго развитія, заглохла; но это уже была не вина Гизе и другихъ профессоровъ изслѣдователей; очевидно, что для эксплуатаціи этихъ природныхъ богатствъ не наступило тогда еще время—не даромъ вѣдь и огромныя богатства сосѣдней Екатеринославской губ. стали эксплуатироваться много десятковъ лѣтъ послѣ ихъ открытія—важно было то, что университетскіе дѣятели откликались и удовлетворяли запросамъ, обращеннымъ къ нимъ со стороны мѣстнаго общества, а иногда прямо даже выступали со своими проэктами, основанными не на косной традиціи, а на требованіяхъ и указаніяхъ современныхъ имъ успѣховъ науки и прикладныхъ знаній; такимъ именно характеромъ, какъ мы видѣли, отличались сочиненія Гизе о селитрѣ и Пильгера о скотолѣченіи. Во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ университетъ дѣйствовалъ по просьбѣ тогдашняго въ высшей степени про-

---

[1]) См. подробности объ этомъ дѣлѣ въ *моей „Украинской старинѣ“*. (X. 1896, стр. 282—295, 302—303).

[2]) Объ ученой дѣятельности Имп. Харьк. унив. (Ж. М. Н. Пр. 1855 г., № 7, стр. 33).

[3]) Ibidem, стр. 32—33.

свѣщеннаго губернатора Бахтина, или же заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Иногда же университетъ принималъ на себя заботы объ интересахъ края по инициативѣ и распоряженію самого правительства.

Въ январѣ 1813 года Министръ Народнаго Просвѣщенія обратился въ Харьковскій университетъ съ предложеніемъ слѣдующаго содержанія. „Такъ какъ послѣ бывшихъ внутри Россіи военныхъ дѣйствій не только въ мѣстахъ, гдѣ они происходили, но и въ другихъ губерніяхъ отъ провода плѣнныхъ, разными болѣзнями зараженныхъ, и отъ другихъ обстоятельствъ появляются весьма опасныя заразы, то необходимо нужно принимать всѣ мѣры для возможнаго предохраненія отъ нихъ. Посему предлагаю университету распорядиться, чтобы медицинскій факультетъ его немедленно занялся наставленіемъ, какими химическими или другими, но только простыми средствами можно надежнѣйшимъ образомъ предохранить себя отъ прилипчивыхъ болѣзней, и таковое наставленіе безъ промедленія доставить къ директорамъ училищъ всѣхъ губерній Харьковскаго округа, съ тѣмъ чтобы они объявили его въ состоящихъ въ вѣдомствѣ ихъ училищахъ, дабы какъ чиновники училищные, такъ и ученики въ случаѣ надобности могли употреблять предписанныя предохранительныя средства; а между тѣмъ съ наставленія сего доставить копію и ко мнѣ для усмотрѣнія, какія средства медицинскимъ факультетомъ предложены будутъ". Правленіе, выслушавъ это предписаніе, передало его къ исполненію въ медицинскій факультетъ [1]).

Другіе факультеты (словесный и физико-математическій) въ то же время выработывали инструкціи учителямъ для собиранія разныхъ свѣдѣній о краѣ—историкостатистическихъ, топографическихъ и т. п.

Въ 1809 году адъюнктъ Г. Успенскій доставилъ въ правленіе составленную имъ, по порученію этого послѣдняго, „инструкцію для сочиненія при гимназіяхъ историческихъ, топографическихъ и статистическихъ записокъ о губерніяхъ, со включеніемъ въ нихъ разныхъ свѣдѣній, требуемыхъ 52-мъ пунктомъ устава учебныхъ заведеній". Инструкція эта была переведена на французскій языкъ и представлена въ совѣтъ [3]). И нужно замѣтить, что она не осталась мертвой буквой; по ней дѣйствительно собирались свѣдѣнія. Къ сожалѣнію, только намъ

---

[1]) Этотъ послѣдній составилъ его и затѣмъ напечаталъ подъ заглавіемъ „Краткое наставленіе, какъ предохранить себя отъ прилипчивыхъ болѣзней простыми и общедоступными средствами, написанное вслѣдствіе предписанія г. министра по порученію медицинскаго факультета проф. Шумлянскимъ и Книгинымъ".

[2]) Харьк. унив. архивъ. Журн. Правл. 1813 г., январь — апрѣль; засѣданіе 20 января.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предмет. 1809 г., № 35, стр. 222.

не удалось отыскать самой инструкціи Успенскаго, хотя она была напечатана въ 1809 г. [1]). Во всякомъ случаѣ, зная его, можно думать, что она была составлена весьма раціонально. Въ видѣ образчика доставлявшихся свѣдѣній можно указать на толково и обстоятельно составленныя записки о древностяхъ Прилуцкаго уѣзда почетнаго смотрителя уѣздныхъ училищъ Бѣлецкаго-Носенко. Этотъ послѣдній сообщалъ въ 1808 году данныя и соображенія объ одномъ городищѣ Прилуцкаго уѣзда, объ остаткахъ языческихъ обычаевъ у населенія и, наконецъ, передавалъ подробности о находкѣ древней бронзовой статуи въ сел. Радьковкѣ. Вотъ его сообщеніе о городищѣ. „Въ 15 верстахъ отъ сел. Радьковки. Прилукскаго уѣзда, вверху надъ рѣчкою, въ лѣсу находится обширное городище, обнесенное довольно высокимъ и толстымъ валомъ и широкимъ рвомъ, который повидимому былъ довольно глубокъ, ибо и теперь еще имѣетъ въ иныхъ мѣстахъ глубины болѣе сажени; валъ и ровъ образуютъ большой четыреугольникъ, имѣющій въ окружности около 4 верстъ; тенальныхъ угловъ никакихъ не имѣетъ, а потому и должно заключать, что онъ весьма древенъ, да и лѣсъ, поросшій, какъ на валу, такъ и во рвахъ сіе свидѣтельствуетъ; слѣдовъ каменныхъ зданій въ немъ не видно. Посреди онаго лежитъ деревня Вороновка, принадлежащая г. Оболонскому. Но сколько я ни любопытствовалъ, дабы открыть что либо отъ жителей оной относительно прежнихъ обитателей сего города, ничего не успѣлъ. Мѣстоположеніе доказываетъ, что онъ былъ не простой окопъ, но дѣйствительно городъ, ибо рѣка раздѣляетъ его на 2 половины....

Пусть опытные антикваріи догадываются — изыскиваютъ; а я думаю, что это одинъ изъ древнихъ городовъ, построенныхъ по повелѣнію вел. кн. Владиміра Святославича, какъ о томъ свидѣтельствуетъ преп. Несторъ, для защищенія границъ, отъ набѣговъ половцевъ, и потомъ запустѣлый. Глубокій изслѣдователь древностей россійскихъ почтенный сочинитель опыта повѣствованія о Россіи Елагинъ полагаетъ Тмутаракань неподалеку отъ Ворсклы. Можетъ быть, любопытные изслѣдователи и строгіе критики современемъ докажутъ, что, не взирая на камень, найденный на островѣ Тамани, въ странѣ, отдаленной отъ Кіева и Чернигова, за предѣлами всѣхъ непримиримѣйшихъ враговъ Россіи, ордъ печенѣжскихъ и половецкихъ, которые не разъ заставляли трепетать Владиміра, и хотя бывали побѣждаемы богатырями русскими, но никогда не были покорены, а потому и не могли они допустить Владиміра и Мстислава владѣть, за обширными степями своими, за многими рѣками, небольшимъ островомъ, который и теперь незавидное составляетъ владѣніе. Можетъ

[1]) Вотъ подлинное ея заглавіе: „Наставленіе учителямъ для составленія историч. топограф. и статич. записокъ. Харьковъ, въ унив. типогр., 1809 г.

быть, они скажутъ, что въ 140 верстахъ отъ Кіева и Чернигова былъ сей невѣдомый никому городъ на семъ самомъ мѣстѣ или по крайней мѣрѣ одинъ изъ 9 областныхъ, принадлежавшихъ къ Тмутараканскому княжеству, — что островомъ называютъ не только землю, окруженную водою, но также окруженную лѣсомъ, что злодѣю Котупану можно было отъ сего мѣста поспѣть въ Царьградъ въ 8 дней; что съ Ясами, Касогами и Обезами можно было вести войну отъ сего же мѣста [1]). Конечно, пріуроченіе прилуцкаго городища собственно къ Тмутаракани фантастично, но мысль, что оно представляетъ изъ себя остатки одного изъ пограничныхъ древнерусскихъ городовъ заслуживаетъ полнаго вниманія и свидѣтельствуетъ объ основательномъ знакомствѣ автора съ русскою лѣтописью. Еще болѣе интересно извѣстіе Бѣлецкаго-Носенка о бронзовой статуѣ античнаго типа, найденной въ сел. Радьковкѣ и имъ подробно описанной [2]).

Инструкція для физико-математическаго факультета была составлена въ 1806 году профессоромъ технологіи Шмерфельдомъ. Чтобы дать о ней полное представленіе, мы помѣщаемъ ее въ примѣчаніи цѣликомъ [3]). Авторъ ея, сославшись на предложенную во Франціи Неккеромъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло училищнаго ком. по архиву № 863, по картону № 33.

[2]) Оно цѣликомъ помѣщено въ моемъ докладѣ на Рижскомъ археологич. съѣздѣ („Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія мѣстныхъ древностей“).

[3]) „L'établissement d'un grand nombre d'institutions utiles et d'améliorations ne sauroit être recommendé indistinctement. L'utilité de certaines fabriques, l'application de certains principes d'economie rurale et forestière depend des circonstances locales de chaque contrée. La Russie qui offre un vaste champ d'améliorations, de recherches et de récoltes en tout genre et qui est si riche en productions, n'attend que la continuation assidue des travaux, qui ont été deja entamés avec succès par M. Storch et par plusieurs autres pour retirer enfin de ces productions toute l'utilité, que l'on peut en espérer, et pour agir avec connaissance de cause dans l'établissement des fabriques, dans les arrangemens pour la navigation, pour le commerce, pour les communications, aussi bien que dans les encouragements adressés aux habitants d'une certaine contrée. Il est vrai pour parvenir à un but si desiré les notices topografiques et statistiques ne sauroient jamais étre assez detaillées et à peine puis je croire, que les travaux d'un seul homme ou d'un particulier, quoique très utiles, puissent suffire pour recueillir autant qu'il faut pour guider le gouvernement dans ses grandes opérations. M. Necker dans l'ouvrage „Sur l'administration des finances“, tome 3-ème, chapitre XXXVIII, recommende l'etablissement d'un bureau général de recherches et de renseignements, qui devoit recueillir une multitude de connoissances intéressantes et les ranger après dans un ordre clair et facile. Il demande, que tous les ans y soyent ajoutées de nouvelles informations et qu'on note les changements, que le temps auroit pu introduire. Ce bureau a le but de fournir tous les moyens propres à éclairer l'administration des finances. Je ne crois pas qu'il existe encore en Russie un etablissement pareil malgré l'evidence de son utilité pour le gouvernement et les ministres. L'université et principalement la

организацію статистическихъ изслѣдованій, рекомендуетъ въ Россіи поручить собираніе топографическихъ и статистпческихъ свѣдѣній учителямъ гимназій подъ руководствомъ и на основаніи инструкціи, составленной университетами. Онъ именно и представляетъ опытъ подобной

section physico-mathematique doit s'interresser surtout à former un dépot de connoissances statistiques et topografiques et la correspondance aves les gymnases paroit être un excellent moyen pour y parvenir. Tandis que le bureau susmentioné devroit attendre ses informations des employés du fisc dans les differents endroits, l'université les recevra par les gymnases de son arrondissement et obligera les précepteurs de physique, d'histoire naturelle et de statistique conjointement avec les maitres de dessin (au cas que des plans et des cartes soyent nécessaires) de communniquer tous les ans quelques observations, qui ont rapport à leur environs. Pour mettre ces messieurs en train de cette occupation interressante une instruction leur est indispensablement nécessaire et quoique déjà le projet pour une telle instruction demande plusieurs connoissances locales, je hasarderai pourtant d'en indiquer les questions, auxquelles chacun devroit tacher de repondre avec le têmps et au sujet des quelles ils devroient d'une année à l'autre donner des supplémens. On pourroit leur enjoindre d'abord de faire une description de leur ville et des environs. En donnant la situation géographique avec le nom necessaires de la ville et du gouvernement on déterminera autant qu'il sera possible les degrais de longitude et de latitude. Les noms et les distances des villes, villages, rivières et montagnes suiveront. Dans un pays montagneux il faut savoir si les montagnes sont vers le midi, le nord, l'est ou l'ouest; s'il est entouré de tous cotés de montagnes ou seu lement de quelques cotés il est ouvert. On y ajoutera la source et le cours des rivières, parceque le dernier fera connoitre la pente ou l'inclinaison de la surface. Après on parlera du climat et on fera des observations sur les vicissitudes du froid et de la chaleur. La fertilité ou la sterilité du sol sera dé terminée en observant quelles espèces de terre se trouvent dans les differens endroits sablonneuse, argilleuse, calcaire et cet. Les fouilles occasionnellement faites, les écroulemens de terre, les rovins découvrent quelquefois les différentes couches et leur profondeur, on en donnera notice également. Les marois qui peuvent se trouver dans une contrée méritent principalement une place parmi les autres observations. Leur exhalaisons peuvent quelquefois être fatales aux habitans et leur dessechement utile en gagnant de riches paturages et en trouvant quelquefois par des canaux creusés le moyen d'établir des moulins et des fabriques utiles. Les marais sont aussi souvent les indicateurs de la tourbe. On parlera des inondations de leur causes et de leur effets. Les points suivants seront traités à leur tour: 1) L'étendue des terres en friche; 2) productions utiles et remarquables dans les trois règnes de la nature, par exemple, quelles plantes économiques et quels arbres fruitiers sont cultivés dans la contrée? Au moins une pepinière seroit très utile pour les gymnases si l'on ne peut pas leur procurer un jardin de botanique. Trouve-t-on de la craie, du gypse, de la terre à potier, à porcelaine, du charbon de terre, de la tourbe, des mines, des carrières? Qu'est ce qu'on a fait jusqu'ici pour tirer parti de ces productions. 3) L'état des forêts; quelles espèces d'arbres? Disette ou abondance de bois: bois de construction. 4) Occupations des habitans des villes et de la campagne? S'occupent ils à quelques fabrications domestiques, à faire des nottes, d'ustensiles de bois et cet. de la toile? Quelles sont leur occupations en hiver. 5) L'agriculture et l'education des bestiaux. A la quelle de ces occupations est on plus attaché? De quelle qualité sont les paturages du pays, quelles

инструкціи, хотя и сознаетъ, что для нея нужно было бы нѣкоторое знакомство съ мѣстными условіями. Самая инструкція заключаетъ въ себѣ вопросы двоякаго рода — одни касаются территоріи и ея естественныхъ богатствъ, другіе — населенія и его занятій. Такимъ образомъ, по своему содержанію программа эта можетъ быть названа географической; она соотвѣтствуетъ тому содержанію географіи, какое господствовало и продолжаетъ господствовать доселѣ въ учебникахъ по этому предмету. По этой программѣ собирались свѣдѣнія [1]), и во всякомъ случаѣ она дѣ-

sont les principales productions de l'agriculture? 6) Quelles fabriques, moulins ou machines trouve-t-on dans les villes ou dans leur voisinage? 7) A-t-on cultivé ou fabriqué auparavant quelque chose dont la culture ou la fabrication ait été abandonnée après et quelles ont été les raisons de cet abandon? 8) Quelles communications et grandes routes y a-t-il? En qu'elles distances se trouvent elles des differens endroits, qui font le commerce? Quelle sorte de commerce fait on et qui fait le commerce? 9) Enfin pour exercer le genie de ces messieurs on pourroit encore ajouter la question: que faudroit il faire pour augmenter le produit et les avantages d'une contrée, afin que ses habitants devinissent encore plus riches et plus heureux? Toutes ces questions et peut être biend'autres peuvent etre interresantes. Si cependant elles n'etoient pas toutes applicables dans telle ou telle contré, il s'entend qu'élles resteront sans réponse. Ces sortes d'instructions auront sans doute un double avantage. I) On donnera un exercice utile aux maitres des gymnases ce qui mettra l'université en état de juger de leur capacité; II) L'on parviendra par ce moyen et par les voyages que les membres de l'université entreprendront de temps en temps à récueillir peu à peu tous les matériaux necessaires pour donner la statistique la plus détaillée et la plus parfaite de la Russie, surtout si les autres universités vouloient suivre ces exemple" (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разн. предм. 1806 г., № 60, стр. 18—20, 213—215).

[1]) Въ видѣ примѣра помѣщаемъ доставленный извѣстнымъ намъ Бѣлецкимъ-Носенко „*Экономическій взглядъ на 1814-й годъ*". (Полтавской губерніи въ Прилуцкомъ повѣтѣ). „Сей годъ, толико знаменитый, въ лѣтописяхъ міра невѣроятными по великости своей, политическими событіями, замѣчателенъ также, для всякаго сельскаго жителя и естества-наблюдателя, своими необычайными воздушными перемѣнами: зима началась (въ 1813 году) декабря въ первыхъ числахъ сильными морозами и вьюгами; къ 10 числу весь снѣгъ согнало дождемъ; чрезъ два дни опять наступили морозы и вся земля покрылась толстымъ слоемъ снѣга; 31-го декабря пошелъ совсѣмъ неожидаемо сильной дождь, которой съ небольшими перемѣнами продолжался до 25-го генваря: снѣгъ опять изчезъ, рѣки наполнились водою, ледъ подмыло, жита зазеленѣли;—но вдругъ зашумѣлъ Борей, прогналъ безвременную теплоту и земля въ третій разъ покрылась снѣгомъ.

Сія новая зима продолжалась только шесть недѣль: со вступленіемъ солнца въ весеннее равноденствіе, появилась весна съ благотворною теплотою, природа обновилась, всюды зазеленѣло; деревья начали развиваться, вишни, раннія плодовитыя деревья и всѣ болотныя растенія зацвѣли; пчелы, которыя были выставлены прежде 25 марта (необыкновенно рано) принялись за работу; земледѣлецъ также;—все обѣщало изобиліе; но, въ половинѣ апреля, наступили сильные утренники, которые лишили любителей садовъ удовольствія и ожидаемой

лаетъ честь своему составителю и представляетъ одно изъ проявленій интереса къ мѣстнымъ изученіямъ. Шмерфельдъ полагалъ—и онъ былъ совершенно правъ—что если бы всѣ русскія университеты устроили у себя подобныя организаціи, то мы могли бы имѣть статистику Россіи, а сверхъ того такая работа была бы полезна и для самихъ учителей.

Большую отзывчивость проявлялъ также университетъ и его факультеты въ чисто-научныхъ предпріятіяхъ. Отмѣтимъ извѣстныя намъ. Въ 1811 году былъ командированъ въ Славянскъ профессоръ Роммель

прибыли: они истребили нетолько цвѣты и всякую огородную зелень, но и самые листья на всѣхъ деревьяхъ почернѣли и согнили; озимые хлѣба, много пострадавшіе отъ генварской оттепели, также прижелкли, земледѣльцы почитали свои труды и надежду потерянными; — чрезъ весь май продолжались дожди при холодномъ вѣтрѣ, которые поправили всякаго рода полевыя и огородныя растенія и травы, также зимніе древесные плоды. Соловей долго не хотѣлъ утѣшать насъ своими пѣснями.

Наконецъ благодѣтельный іюнь привелъ къ намъ лѣто и съ онымъ новое необычайное явленіе: всѣ рѣки начали ужасно наводняться, выступили изъ береговъ и потопили такія мѣста, кои въ весеннія половоди никогда не покрывалися; такого наводненія и въ столь необыкновенное время не запомнятъ старики семидесятилѣтніе; оно продолжалось четыре недѣли: плотины и мельницы снесены водою, на поляхъ образовались озера, въ коихъ зародилась рыба;—между тѣмъ наступило сухое время, которое благопріятствовало уборкѣ сѣна; травы были весьма густы и велики и сѣна собрано весьма много; но напротивъ того хлѣба, отъ палящихъ солнечныхъ лучей, скоропостижно осушившихъ землю, много потерпѣли: они всѣ безъизъятія были прибиты; особливо жита, кои хотя были рѣдки отъ безвремянныхъ зимою оттепелей, однако отъ благотворныхъ майскихъ дождей выкинули большіе колосья, хорошо красовались зерна почти ничего не дали, были мало-нажонисты, солома ихъ приболѣла; и копа(шестьдесятъ сноповъ) даетъ только двѣ мѣрки (два четверика россійской мѣры)—яровой посѣвъ былъ также самой плохой. — Древесныхъ раннихъ плодовъ никакихъ не было: достойно замѣчанія, что въ Ромнѣ въ Ильинскую ярмарку (20-го іюля) сотня вишенъ продавалась по 25 рублей, одна слива по 1-му рублю; чего въ Малороссіи никто никогда не слыхивалъ: ибо прежде за цѣлое ведро оныхъ платилось по 20 копѣекъ; арбузы и дыни также не уродили; но въ замѣну того огородныхъ плодовъ и картофелей было изобиліе.

Пчелы разводились съ неимовѣрнымъ успѣхомъ, такъ что ни одинъ, самой разщетливый пчеловодъ, немогъ призапасти довольнаго количества порожнихъ ульевъ для собиранія роевъ: обыкновенный деревянный улей платился по 1 руб. 50 коп. и по два рубли, (а въ другое время 80 коп.), ибо пароі (внучата) давали роевъ. Меду также было много, и цѣна за оный, изъ 12 рублей за пудъ, понизилась до шести рублей. Причина сего плодородія пчелъ есть теплый мартъ и сухой іюнь; въ мартѣ, который пріятностью своею подобенъ былъ маю, онѣ были рано выставлены изъ погребовъ и успѣли много собрать на болотныхъ цвѣтахъ, лозахъ, ракитахъ, ивахъ и вербахъ, а въ іюнѣ, на раннихъ гречихахъ и степныхъ цвѣтахъ. Гусеницъ и хрущовъ совсѣмъ не было; но надъ водами

для изученія найденнаго тамъ древняго камня съ надписью. Дѣло было такъ. Штабъ-лѣкарь Славянской больницы Зинчевскій донесъ исправнику, что онъ „нашелъ въ прошломъ 1810 году въ землѣ песчанаго грунта близъ больницы дикій камень, обдѣланный на подобіе треугольника или сердца, съ выбитыми сверху и подъ низомъ вокругъ иностранными словами и имѣющій въ окружности около 6 саженей и толщины 3/4 аршина"; камень этотъ былъ осмотрѣнъ исправникомъ, который довелъ объ этой находкѣ до свѣдѣнія губернатора. Губернаторъ, полагая, что при рачительномъ осмотрѣ и освидѣтельствованіи означеннаго камня кѣмъ-либо занимающимся науками, можетъ быть открыто достойное любопытства происшествіе древности, вмѣнилъ себѣ въ обязанность отнестись къ г. ректору, не согласится ли онъ предложить правленію университета объ отправленіи кого въ Славянскъ для освидѣтельствованія того камня и сдѣланія, если то будетъ признано нужнымъ, надлежащаго описанія. Рѣшено было командировать проф. Роммеля съ адъюнктомъ Шмерфельдомъ, выдать имъ 75 руб. на прогоны и взять отъ губернатора для нихъ подорожную и открытый листъ [1]).

носилось великое множество стрекозъ и комаровъ.—Грозы въ теченіе всего лѣта было мало.

Іюль, августъ, сентябрь и половина октября весьма способствовали полевымъ работамъ. Октября 15-го ударили жестокіе морозы, рѣки стали и тихій пушистый снѣгъ покрылъ всю землю; легла санная дорога: многіе издалека пріѣхали саньми, деревья всѣ покрылись инеемъ, словомъ зима явилась во всемъ своемъ убранствѣ; всѣ радовались и дивились столь ранней гостьѣ, любезной дѣтямъ сѣвера; — но чрезъ двѣ недѣли, (1-го ноября) она скрылась отъ насъ: пустился сильный дождь, нависли сѣдые туманы, весь ледъ и снѣгъ согнало и земля совершенно размерзлась;—уже цѣлый мѣсяцъ солнце не появляется, и въ самый полдень бываетъ столь темно, что едва возможно читать; волки, обманутые мглою, среди дня бродятъ въ селеніяхъ.—Люди, а особливо дѣти, страдаютъ судорожнымъ кашлемъ, который однакоже съ морозами началъ прекращаться. Скотъ рогатый, овцы и свиньи здоровы.—Вода въ рѣкахъ упала, вѣтра нѣтъ и потому пудъ ржаной муки продается по 1 рублю и болѣе.

Съ 1-го декабря небо начало проясниваться, но морозовъ нѣтъ, даже утренниковъ: 9-го, 10-го и 11-го числа въ полѣ орали, чего также никто не запомнитъ; а я сажу деревья;—въ ночи противъ 12-го замерзло, 13-го снѣгъ покрылъ землю и начали ѣздить саньми; 14-го опять оттепель и дождь; 15-го опять морозъ и выпалъ снѣгъ; наконецъ 20-го Реомюровъ термометръ опустился на 19 градусовъ ниже точки замерзанія. Симъ оканчиваю я мои примѣчанія на сей необыковенный годъ, столь непостоянный воздушными перемѣнами и неизвѣстностью погодъ. Почетный смотритель училищъ повѣта Прилуцкаго *Павелъ Бѣлецкій-Носенко*. („Харьк. унив. архивъ. Дѣло училищнаго комитета по архиву № 863, по картону № 33).

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г., май—августъ; засѣданіе 29 мая.

Вотъ какъ разсказываетъ о своей поѣздкѣ самъ Роммель. „Спутниками моими были—профессоръ Шмерфельдъ въ качествѣ живописца, университетскій писецъ и унтеръ-офицеръ. Мы пріѣхали поздно вечеромъ на утесистый берегъ Донца, къ Святогорскому монастырю, построенному на мѣловой скалѣ. Была сильная гроза. Монахи встрѣтили насъ недовѣрчиво и отказали въ пріютѣ, не смотря на громъ и молнію; намъ пришлось провести ночь въ жалкомъ шинкѣ. По прибытіи въ Славянскъ, учителя встрѣтили меня съ почетомъ, я немедленно приступилъ къ исполненію порученія; но къ величайшему моему стыду скоро убѣдился, что грубые знаки таинственной надписи мнѣ недоступны. Оставалось снять факсимиле и послать въ Петербургъ. Только впослѣдствіи, прибавляетъ Роммель, открылъ я большое сходство между этими письменами и рунами сибирскихъ или скиѳскихъ народовъ, обнародованными Палласомъ (въ Nordische Beiträge) и Спасскимъ (De antiquis quibusdam scripturis, 1822). Наконецъ, въ 1817 году нашелъ я въ Касселѣ, въ древнихъ могилахъ гунновъ, очень похожія письмена, еще никѣмъ не разобранныя. Это заставляетъ предполагать существованіе грубаго рунообразнаго письма, въ незапамятныя времена принесеннаго изъ Азіи въ Европу“. Это свидѣтельство Роммеля, какъ мы видѣли уже (стр. 389—393), не сходится съ докладомъ дѣла министру; но мы отдаемъ предпочтеніе собственному свидѣтельству Роммеля; что же касается разногласія его съ отзывомъ правленія, то оно можетъ быть объяснено тѣмъ, что Роммель, не разобравъ надписи, заявилъ, что знаки на ней случайные, если только онъ сдѣлалъ докладъ въ такомъ смыслѣ; мы лично сомнѣваемся въ этомъ, тѣмъ болѣе, что въ журналахъ правленія не нашли такого документа.

Въ 1814 году правленіе, основываясь на предложеніи губернатора, командировало въ Чугуевъ проф. Таубера и Громова для осмотра мамонтовыхъ костей. Вотъ что сообщалъ въ своемъ рапортѣ по этому поводу Чугуевскій полицмейстеръ: „въ предѣлахъ войска Чугуевскаго, владѣнія помѣщицы губернской секретарши Любимовой, при мельничной плотинѣ, состоящей на рѣчкѣ Тетлѣгѣ, которую (плотину) полою водою прорвало и сдѣлало глубокую вымоину, оказались кости, подобныя человѣческимъ, необыкновенной величины, какъ-то: зубъ окаменѣлый, кости ножныя и плечныя, которыхъ я, считая за рѣдкость, достойную примѣчанія, представляю въ натурѣ, присовокупляя, что въ берегу той вымоины, глубиною аршинъ въ 5, видны изъ земли кости ножныя, уповательно, что и всего корпуса кости должны быть тамъ же, но если оныя вырывать, то должно почти подрыться подъ находящуюся отъ берега въ 5-ти аршинахъ хату, принадлежащую помянутой помѣщицѣ

Любимовой". Рѣшили командировать для осмотра костей Таубера и Громова, и вмѣстѣ съ тѣмъ запросить черезъ губернатора Любимову, не согласится ли она перенести на другое мѣсто хату, чтобы такимъ образомъ можно было произвести раскопки. Помѣщица Любимова объявила, что по бѣдности своей не въ состояніи перенести хату на другое мѣсто, но разрѣшаетъ это сдѣлать казнѣ на ея счетъ; по объясненію же мѣстной полиціи это могло стоить не болѣе 50 руб. Громовъ, разсмотрѣвъ присланныя изъ Чугуева кости, нашелъ, что онѣ принадлежатъ мамонту; состоятъ онѣ изъ половинки зуба, верхней и нижней части бедра; послѣднія довольно рыхлы и лежали, судя по приставшимъ къ нимъ частицамъ, въ наносной желѣзистоглинистой землѣ; такъ какъ онѣ сильно обезображены, то можно предполагать, что ихъ переносила вода съ одного мѣста на другое; въ виду этого также нельзя предполагать, чтобы и прочія части скелета можно было отыскать на томъ же самомъ мѣстѣ. Составъ ихъ не проникнутъ химически никакимъ веществомъ и потому ихъ нельзя назвать окаменѣлостями [1]). Побывавши въ Чугуевѣ, Громовъ представилъ слѣдующій отчетъ о своей поѣздкѣ. „Мѣсто, гдѣ открыты были кости, писалъ онъ тутъ, верстахъ въ 6 отъ г. Чугуева вверхъ по Донцу къ сѣверо-восточной сторонѣ на рѣчкѣ, называемой Тетлѣжкой, коей теченіе, начиная съ сего мѣста до впаденія ея съ правой стороны въ Донецъ, не свыше $1^1/_2$ версты и принадлежитъ помѣщицѣ Любимовой. Во время полой воды нынѣшняго года по прорывѣ плотины оказалась подмытой лѣвая сторона пригорка, вышиною сажени въ 3, которая обрушившись открыла сокрытыя въ ней кости слонообразнаго животнаго, имянуемаго мамонтомъ, изъ которыхъ верхняя и нижняя часть бедра и зубъ доставлены прежде, а клыкъ оставшись въ землѣ и будучи обращенъ обоими своими концами къ береговой сторонѣ подалъ мысль видѣвшимъ ихъ почесть ножными костями и предположить полный скелетъ какого-то великана. Клыкъ сей, находившійся отъ поверхности земли глубиною въ сажень, и будучи уже съ обоихъ концовъ отломленъ, имѣлъ длину въ 22 арш. и лежалъ въ песчаномъ слоѣ, кромѣ котораго, начиная сверху, были слѣдующіе (слои): черноземъ, глина и песокъ, между собою перемѣшанные, глина вязкая, песокъ, глина, камни, состоящіе изъ песчаника, кремня и желѣзистой глины; глинистые слои пересѣкались подъ острымъ угломъ другимъ слоемъ изъ песка состоящимъ. Клыкъ этотъ былъ столь ломокъ, что при малѣйшемъ дотрагиваніи распадался и не смотря на всѣ предосторожности не могъ быть сбереженъ въ цѣлости, какъ это можно ви-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1814 г., сент.—дек.; засѣданіе 17 сентября

дѣть и провѣрить на немъ самомъ. Раскапывая это мѣсто, онъ, Громовъ, никакихъ другихъ костей не нашелъ, и, судя по найденнымъ и самому сложенію почвы, не могъ предполагать, чтобы нашлись другіе, почему не счелъ нужнымъ снести находящуюся вблизи хату и произвести раскопку." Обошлась эта экскурсія въ 14 р. 50 к. [1]) Въ интересахъ университетскаго ботаническаго сада, по предложенію попечителя гр. С. О. Потоцкаго, былъ отправленъ въ Крымъ адъюнктъ ботаники Каретниковъ. Онъ былъ командированъ въ 1805 году для пріобрѣтенія тамошнихъ растеній. Онъ долженъ былъ стараться добыть, по списку проф. Делявиня, 500 штукъ итальянскихъ тополей (Populus Italica pyramidalis), 10000 отростковъ того же дерева, 50 разныхъ видовъ фруктовыхъ деревьевъ, не имѣвшихся въ Харьковѣ, 100 штукъ лѣсныхъ деревьевъ, годныхъ для аллей или англійскаго сада (напримѣръ Robinia, Spirea, Rhus, Rosa, Sorbus, Mespilus), 100 самыхъ молодыхъ отростковъ не имѣвшихся въ Харьковѣ породъ (Taxus, Pinus et cet.), отъ 10 до 20 оранжерейныхъ породъ; извѣстное количество сѣмянъ тѣхъ породъ, которыхъ неудобно было перевозить; нѣсколько отростковъ и луковицъ головчатыхъ растеній; вообще доставить побольше крымскихъ деревьевъ и кустарниковъ, способныхъ переносить харьковскій климатъ; съ первымъ транспортомъ онъ долженъ былъ отправить различныя деревья и кустарники, которые распускаются весною раньше другихъ; больше всего слѣдовало ему охранять корни—покрывать ихъ землею, мхомъ, обворачивать рогожами и стараться находить для телѣгъ не воловъ, а лошадей. Такова была инструкція, составленная для Каретникова проф. Делявинемъ. Самъ Каретниковъ съ дороги писалъ въ правленіе (24 марта 1805 г.): „слѣдуя совѣту почтеннаго Палласа и уважая рѣдкость произрастеній—единственныхъ обитателей горъ южной части полуострова, я выѣхалъ 2 марта изъ Судаковъ, продолжая путь свой около моря до дер. Алупки разстояніемъ отъ Судаковъ на 250 в. Во время проѣзда старался выкапывать всѣ тѣ деревья, кои не растутъ въ другихъ частяхъ Крыма, и корни травъ, коимъ только теплота позволила изъ земли возникнуть. Достигнувъ до вышеописанной деревни, которая была назначена окончаніемъ моего путешествія, возвратился прямо черезъ горы въ Симферополь, куда и прибылъ 28 числа того-же мѣсяца. Медленность пути происходила отъ чрезвычайныхъ холодовъ и снѣговъ въ горахъ, неудобности дорогъ, по коимъ иначе нельзя ѣхать, какъ на лошадяхъ верхомъ и то самымъ тихимъ шагомъ. Теперь занимаюсь совершенною обвязкою корней и деревъ и чрезъ недѣлю непремѣнно от-

---

[1]) Харьк. унив. арх. Журн. правл. 1814, сентябрь—декабрь, засѣданіе 15 октября.

правлю въ Харьковъ, а по отправленіи доставлю при рапортѣ въ комитетъ списокъ породъ растеній и количества оныхъ." Изъ рапорта Каретникова мы узнаемъ, что все было доставлено въ цѣлости и сохранности и особое усердіе въ сохраненіи деревьевъ на мѣстѣ и въ пути оказалъ университетскій служитель Моисей Буриненко, которому правленіе выдало за это награду. Расходовъ по этой командировкѣ понесено было 800 руб. (сюда входитъ и стоимость растеній). [1])

Вернувшись изъ Крыма, Каретниковъ организовалъ ботаническія экскурсіи со студентами. „По возвращеніи моемъ изъ Крыма въ свободные часы отъ лекцій со студентами ботаники сколько времени оставалось до вакансій, я дѣлалъ нѣсколько ботаническихъ экскурсій, на которыхъ кромѣ того, что показывалъ классы на самихъ растеніяхъ, названія оныхъ, употребленіе въ болѣзняхъ и хозяйствѣ, старался показать путь по брачной системѣ Линнея познавать неизвѣстныя растенія, причислять ихъ къ классамъ, разрядамъ, находить ихъ роды и виды." [2])

Профессоръ Нельдехенъ самъ просилъ совѣтъ въ 1813 году командировать его на лѣтніе каникулы въ южныя губерніи для визитаціи училищъ и вмѣстѣ съ тѣмъ для агрономическаго и стистическаго изслѣдованія этого края [3]). Нужно упомянуть также объ изслѣдованіяхъ мѣстныхъ аэролитовъ. Въ 1807 г. Шнаубертъ и Гизе „анализировали воздушный камень, упавшій нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ сумскомъ уѣздѣ харьковской губерніи. По химическомъ разложеніи этого камня, о которомъ проф. Шнаубертъ представилъ въ совѣтъ подробную записку, оказалось, что въ немъ столько же кремнистой земли, сколько найдено въ аэролитѣ Бенарескомъ, изслѣдованномъ Вокеленомъ, почти столько же талька, сколько въ воздушномъ китайскомъ камнѣ, анализированномъ Клапротомъ, и почти такое же количество никеля, какъ въ Эйхштадскомъ камнѣ, изслѣдованномъ тѣмъ же химикомъ. Въ 1814 г. упалъ въ бахмутскомъ уѣздѣ, въ 10 вер. отъ казеннаго селенія Алексѣевки, при сильномъ трескѣ, аэролитъ замѣчательный необыкновенной величиною своею, ибо вѣсъ его былъ не менѣе пуда. Аэролитъ этотъ, при паденіи на землю, разбился на нѣсколько частей и одинъ кусокъ его, препровожденный въ университетъ екатеринославскимъ губернаторомъ, былъ анализированъ проф. Гизе." [1]) Вотъ официальное описаніе паденія камня, доставленное бахмутскимъ земскимъ исправникомъ. „Февраля 3 дня въ

---

[1]) Харьк. унив. арх. Журн. правл. 1805, январь—іюнь, засѣданіе 12 мая.
[2]) Харьк. универ. арх. Дѣло совѣта о разн. предм. 1805 г. № 24, стр. 7.
[3]) Ibidem; дѣло совѣта о разн. предм. 1813 г. № 52, стр. 110.
[4]) Рославскаго-Петровскаго. Объ ученой дѣятельности, стр. 34—35.

12 часу по полуночи слышенъ былъ въ уѣздѣ громовой ударъ и спалъ съ облаковъ въ 10 вер. отъ казеннаго селенія Алексѣевки на самую дорогу камень, который отъ паденія вошелъ въ землю на 6 вершковъ и разбился на многія части. 6 человѣкъ Алексѣевскихъ поселянъ, бывшихъ тогда на степи, слышали тотъ громовой ударъ на подобіе пушечнаго выстрѣла и сильный шумъ въ воздухѣ, продолжавшійся при солнечномъ сіяніи не менѣе часа, а одинъ изъ нихъ и видѣлъ, что этотъ камень летѣлъ отъ востока къ западу наискось; въ это же время слышенъ былъ и громъ въ разныхъ селеніяхъ, отстоящихъ отъ Алексѣевки до 75 вер. Таковое происшествіе — весьма рѣдкое въ этихъ мѣстахъ." Камень былъ вѣсомъ въ пудъ; разбился онъ на мелкіе куски; одна часть ихъ была отправлена въ Харьковскій университетъ, другая въ Екатеринославскую гимназію [1]).

Съ очень важными *проектами* мѣстныхъ изслѣдованій выступилъ профессоръ математики и астрономіи Гутъ. Въ 1809 г. онъ подалъ попечителю округа записку, въ которой „для славы здѣшняго университета" предлагалъ организовать въ Харьковскомъ учебномъ округѣ астрономическія, геодезическія и метеорологическія наблюденія и измѣренія. „Я думаю, писалъ Гутъ, что весьма бы много послужило къ пользамъ университета и много бы принесло славы оному, когда бы можно было часто объявлять въ публичныхъ мѣстахъ и повременныхъ изданіяхъ важныя и новыя наблюденія, чинимыя въ Харьковѣ и его учебномъ округѣ. Вслѣдствіе чего я бы нижайше предложилъ слѣдующее: 1) учредить небольшую обсерваторію для астрономическихъ наблюденій; 2) приказать учинить измѣреніе цѣлаго градуса, какъ по мередіану, такъ и параллельной линіи Харькова, такъ чтобы городъ сей находился на срединѣ оныхъ; 3) приказать производить метеорологическія наблюденія не только здѣсь въ Харьковѣ, но и во всѣхъ гимназіяхъ округа Харьковскаго университета". Далѣе Гутъ излагаетъ, что, по его мнѣнію, необходимо для осуществленія его проектовъ.... Легкимъ дѣломъ представлялось Гуту, какъ не геодезисту-практику, производство предположеннаго имъ градуснаго измѣренія. Для этого нужно только, писалъ онъ, „доставить мнѣ способы для предпринятія нужныхъ путешествій и наблюденій и чтобы для сего данъ былъ мнѣ искусный въ дѣлѣ семъ кандидатъ, котораго я самъ избрать имѣю". Знакомый, очевидно, лишь теоретически съ высшей геодезіей, Гутъ не сознавалъ невозможности выполненія задуманнаго имъ предпріятія съ тѣми слишкомъ скромными инструментальными средствами, которыя имѣлись въ тогдашнемъ астрономиче-

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1814 г. № 38.

скомъ кабинетѣ. Съ этими средствами, въ лучшемъ случаѣ, возможно было произвести астрономо-тригонометрическую съемку окрестностей Харькова для картографическихъ цѣлей. Но, быть можетъ, разъ начатое дѣло само бы показало Гуту необходимость покупки новыхъ и болѣе совершенныхъ инструментовъ, чѣмъ тѣ, какіе были въ его распоряженіи, а практическій опытъ, пріобрѣтенный при дѣйствительныхъ измѣреніяхъ, постепенно выработалъ бы изъ Гута геодезиста практика. Во всякомъ случаѣ нужно весьма сожалѣть, что постороннее обстоятельство, отъѣздъ Гута, помѣшало ему начать геодезическія работы по производству градуснаго измѣренія. Измѣренію этому Гутъ придавалъ большое значеніе.... И онъ былъ правъ. До того времени градусное измѣреніе въ Россіи предпринято было только однажды въ 1737 г. Делилемъ. Но измѣреніе это остановилось послѣ немногихъ начальныхъ работъ, результаты которыхъ нигдѣ не были опубликованы и найдены О. Струве въ бумагахъ Делиля лишь въ 1844 г. И такъ, первая мысль о производствѣ русскаго градуснаго измѣренія въ текущемъ столѣтіи высказана была въ Харьковскомъ университетѣ. Лишь 3 года спустя послѣ подачи разсматриваемаго проекта, та же мысль возникла у В. Струве, тогда еще студента Дерптскаго университета.... Измѣреніе это... было начато въ 1821 г. и вскорѣ развилось, какъ извѣстно, въ одно изъ грандіознѣйшихъ научныхъ предпріятій текущаго столѣтія, измѣреніе дуги меридіана въ 25°20, между Дунаемъ и Ледовитымъ моремъ. Выполненіе третьяго изъ проектовъ Гута, проэкта организаціи метеорологическихъ наблюденій въ южной Россіи, не представляло повидимому никакихъ трудностей и могло бы доставить чрезвычайно важные результаты для климатологіи. Въ своемъ рапортѣ Гутъ писалъ, что самъ онъ, начиная съ 1 января 1809 г., ежедневно по три раза въ сутки по утру, въ полдень и ввечеру производитъ отчеты барометра, термометра и гигрометра. Но онъ „весьма много“ желалъ бы, чтобы подобныя метеорологическія наблюденія чаще производились наиболѣе успѣвшими въ математическихъ и физическихъ наукахъ кандидатами, „подъ общимъ надзоромъ профессоровъ физики и математики“. Тѣже профессора должны были бы составить инструкцію для производства метеорологическихъ наблюденій въ гимназіяхъ округа“ [1]).

Кромѣ перечисленныхъ выше сочиненій, была еще цѣлая серія работъ не ученаго, а оффиціально-служебнаго характера; сюда нужно отнести письменныя рецензіи, рѣчи на похоронахъ, статьи, читавшіяся

---

[1]) Проф. Г. В. Левицкаго. Астрономы и астрономическія обсерваторіи Харьк. унив. отъ 1808 по 1842 г., стр. 12—14.

въ совѣтскихъ засѣданіяхъ, уставы разныхъ учрежденій, правила для студентовъ и т. п.

Изъ числа оффиціальныхъ рецензій выдаются Шадовскія; такова его рецензія на книгу Гизе „*О химическихъ процессахъ*“. Чтобы дать понятіе о ней читателямъ, приводимъ ее въ примѣчаніи цѣликомъ въ оригиналѣ [1]). И въ этой небольшой статейкѣ замѣтенъ сильный,

---

[1]) Legi magna cum attentione librum, cujus titulus: *Von den chemischen Processen. Von Ferdinand Giese.* Juxta meam sententiam hic liber ita comparatus est, ut laudem et approbationem eruditorum multis ex capitibus magnopere mereatur. Nam et insigni cognitionum ad chemiam pertinentium copia et raro ingenii acumine spirituque vere critico ac philosophico, quo phaenomena chemica explicantur et demum apto, praeciso elegantique stylo prae multis, qui de rebus chemicis scripti sunt, libris se comendat.

Jam laudem meretur, qui aliorum inventiones colligit ac systematice disponit. Sed ingenii vim potissimum ille prodit, qui, quae alii protraxere in lucem omni ex parte, et quandoque melius, quam ipsi inventores penetrans in suos usus finesque convertit nec alienis solum, sed et propriis suaque industria comparatis thesauris splendet. Authorem nostrum parem esse in utraque laude, qui, perlecto cum debita attentione ejus libro, id neget, puto esse neminem. Nam non solum usus est ingeniose experientiis ab aliis chemicis factis, sed ipsemet per experimenta plura hanc scientiam illustravit, iisque thesaurum cognitionum, quarum fons est experientia artificialis, auxit. In toto libro, ubique occurrunt argumenta, quibus et fructuosa applicatio inventionum ab aliis factarum et propria ingenii in inveniendo feliciter occupati foecunditas comprobatur.

Sed quo author noster inter plures chemicos jure sibi palmam vendicat, est spiritus ille criticus et philosophicus, quo phaenomena chemica et considerat et incumbentibus repugnantiae tenebris liberare nititur. Jam magnum est in aliqua scientia videre, quae paucissimi ac celeberrimi ejus cultores non vident, naevos scilicet et repugnantias, quibus adhuc scatet. Sed repugnantias tollere ac novis aptisque ideis, quae sunt dissona, ad perfectam reducere harmoniam, hoc opus, hic labor est. Criticae est, principia, quibus nititur quaedam scientia quibusque phenomena illi propria explicari solent, examinare et utrum solida, firma stabilia sint, nec ne, argumentis evidentibus ostendere. Hoc nisi fiat, nulla scientia ad eum, cujus capax est, perfectionis gradum pervenire potest. Jam vero, si ulla adhuc scientia critica, tanquam salutari medicina, qua morbis suis liberetur, indiget, est praeprimis chemia. Stupenda quidem est et copia, et utilitas inventionum hac in sphaera recentissimis temporibus factarum, ut, si hujus tantum momenti rationem habere velimus, chemia inter perfectissimas scientias numeranda esse videatur. Sed quod cognitionibus nostris experientiae fonte haustis characterem proprie scientificum imprimit easque ad dignitatem veri nominis scientiae evehit, est nexus ille necessarius, quo res quidem omnes in se cohaerere cogitandae sunt, qui tamen oculum empiricum fugit, ideoque sola ratione, cujus unicum negotium est, ea quae per experientiam neque prodeunt nec prodire possunt, et indagandus, et in lucem pertrahendus. Hoc solo nexu, ex rationis principiis hauriendo, cognitiones nostrae empiricae, quae, ut tales, quaecunque demum copia abundent, solummodo aggregatum quoddam constituunt corporis quasi organici formam induunt mentemque, propulsata omnis repugnantiae calligine, sua pulchritudine, harmonia perspicuaque luce oblectant. Hic nexus necessarius in omnibus, quae de chemia conscriptae sunt, theoriis

ясный, логическій умъ автора. Отзывъ Шада о книгѣ Гизе отличается хвалебнымъ тономъ. А чтобы дать понятіе о силѣ его отрицательной критики, приведемъ въ примѣчаніи его отзывъ о сочиненіяхъ адъюнкта Паки-де-Совиньи [1]).

---

adhuc desideratur. Author propositi libri tum per criticam suam qua plura principia chemica examini subjicit, eorumque repugnantias ostendit, tum per tentamen, ideas novas proponendi, quibus illae ad harmoniam reduci possint, eo majorem meretur laudem, quo minus a chemicis in utraque parte adhuc sit praestitum. Si enim clarissimum *Scherer* alios paucissimos excipias, reliqui omnes, etiam quos fama celeberrimos fecit, adhuc sepulti jacent in ignorantia chaotici illius status, in quo chemia ad nostros usque dies versatur. 26 augusti 1805". Съ этимъ согласился и Стойковичъ. (Харьк. универ. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ 1805 г. № 24, стр. 100).

[1]) Cum Senatus academicus mihi comiserit negotium, opera manuscripta domini Adjuncti de Sauvigny legendi et examinandi, sententiam meam de dictis operibus ea mentis sinceritate ac libertate, eo veritatis justitiaeque amore proferam, quo soleo, res ad Universitatem spectantes, reposito omni partium studio, tractare et dijudicare. Labor authoris potissimum versatur in conficienda linguae latinae grammatica, quae studiosae juventuti nationis Rossicae utilis et conveniens esse possit. Unus tantum modo tomus inter opera ejus manuscripta grammaticae terminos transgreditur ac rhetoricam pro objecto habet, quod autem opus, quum sit mala... compillatio, operae pretium non duco recensere.

Primo laudanda mihi esse videtur magnopere Authoris industria, qua incitatur tempus a laboribus suis ordinariis vacuum hac elucubratione utilitati Universitatis voluit consecrare. Deinde nec minus mihi probatur, quod potissimum secutus sit Broederum, cujus grammatica linguae latinae ab omnibus competentibus judicibus ac justis rerum litterarium aestimatoribus palmam tulit. Haec vero grammatica cum sit conscripta in lingua germanica, non potest usui esse nostrae studiosae juventuti, quae potius amat addiscere linguam gallicam, quam germanicam. Cum ergo Author noster elegerit linguam gallicam, qua grammaticam ad normam Broederianae exararet, studiosae nostrae juventuti quasi viam stravit, ad occupandas divitias linguae latinae in praestantissimo opere illo expositas. Sed quod in elucubratione domini adjuncti de Sauvigny potissimum requiro, est brevitas, cujus in libris ad usum scholasticum destinatis praeprimis habenda est ratio. Authoris, quae ad grammaticam pertinent, opera manuscripta, typis mandata certe duo magna conficient volumina. Haec prolixitas non harum detrahet operis utilitati. Ego quidem existimo, illum commodo studiosorum melius consuluisse, si Braederi grammaticam simpliciter in linguam gallicam transtulisset, quam ut excerpendo ex variis authoribus et proprio ingenio nonnulla addendo hoc opus ad tantam extensionem extenderet.

Quod autem Authoris petitionem spectat, qua tendit senatum permovere, ut se in professorem ordinarium literaturae latinae eligat, ingenue fateor, ejus opera manuscripta, quae maxima ex parte ex aliis similibus operibus compillata sunt ideoque multum quidem industriae, parum autem ingenii produnt, migi neutiquam tanti momenti videri, ut ejus petitioni satisfaciendum esse existimem. Haec certe cathedra multo est difficilior, quam Author putet et infinite plus imponit operis, quam ejus humeri ferre posse videantur. Professor literaturae et linguae latinae, siquidem dignus sit hoc munere, debet primo versatus esse in omni genere scientiarum, quas pertractarunt in suis operibus Authores hujus linguae classici. Fieri quippe nullo modo potest, ut quis recte intelligat genu-

Другимъ выдающимся критикомъ профессорскихъ сочиненій былъ Осиповскій, выступившій съ разборомъ физики Стойковича и логики Шада. „Замѣчанія свои на первое сочиненіе Осиповскій раздѣлилъ на двѣ части общія и частныя. I. Сочиненіе это, писалъ онъ въ 1-й части, весьма неисправное, такъ какъ 1) изобилуетъ множествомъ опечатокъ; 2) многіе отдѣлы изложены такъ, что нельзя понять, о чемъ въ нихъ говорится. II. Авторъ имѣлъ въ виду расположить свойства тѣлъ въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ категоріямъ Канта, но такъ какъ этого нельзя сдѣлать безъ натяжки, то и вышло 1) что въ категоріи количества *единству* соотвѣтствуетъ *протяженіе* тѣлъ, множественности — фигура ихъ, а *общности* дѣлимость; 2) въ категоріи качества, *положительному* соотвѣтствуетъ *экспанзивная сила* матеріи, *отрицательному*—*притягательная* сила, а *ограниченію* различные виды матеріи. III. Основныя идеи, которыми руководствуется эта система, взяты изъ сочиненія Канта, наполненнаго странными идеями и изданнаго подъ заглавіемъ „Metaphysische Anfangsgründe der Naturwissenschaft“. Такъ какъ эти мысли перемѣшаны съ обыкновенными положеніями физиковъ, съ которыми они однако не вяжутся, то читающему представляется все въ видѣ какой то

---

inum sensum alicujus loci vel libri, ubi differitur de quadam scientia in cujus ditione hospes plane est et peregrinus. Deinde infinita quasi requiritur eruditio, ut quis omnes illos, quibus referti sunt libri antiquorum classici, antiquos mores, consuetudines, leges, religionis ceremonias, principia cogitandi et agendi et totam antiquitatis sphaeram, a genio nostrorum temporum tantopere abhorrentem, intelligere possit. Hac si professor caret cognitione, quasi caecus in provincia ignota et invia necessario ubique offendet-titulabit ac prolabetur nec inveniet vel unum terrae punctum ubi secure pedem fugere possit. Praeservet nos Deus ab ejusmodi ductoribus ac doctoribus coecis. Porro cum latini sui ingenii culturam hauserint ex graecis fontibus, sequitur, professorem litteraturae latinae carere nullo modo posse exactissima non solum linguae graecae, sed etiam omnis eruditionis, qua graeci florebant, cognitione. Cultura autem graecorum cum ad antiquiora adhuc recedat tempora, facile intelligitur, ejus cognitionem plus adhuc habere difficultatis, quam illam Romanorum. Huc accedit critica, sine qua omnis languet philologia, quae quam sit difficilis scientia, quam rara, quamque requirat familiari..... cum authoribus classicis, ut, quae loca sint genuina, quaeque ulla ratione sint vitiata aut quae opera recte adserebantur certis authoribus, quaeque sint proles spuriae secure possit dijudicari inter omnes solide eruditos constat. Denique a professore litteraturae latinae jure quoque requiritur, ut juxta genium illius linguae et nativam indolem possit scribere. Quod harum praerogativarum vel una in Domino Sauvigny habeat locum ausim fateri, me magnopere dubitare, licet immodeste satis et tam inepte, ut prodat, se hujus scientiae nequidem habere conceptum, cum clarissimo Wolfio se comparet et se inter et illum nullum esse discrimen afferat, id quod et mihi risum movet et acclamare facit aliis cum Horatio: „*risum teneatis, Amici!*“ (Харьк. унив. арх. Дѣло сов. о разныхъ предм. 1807 г. № 61, стр. 127).

галиматьи“ [1]). Чтобы дать понятіе о многочисленныхъ частныхъ замѣчаніяхъ Осиповскаго, приведемъ въ примѣчаніи нѣкоторыя изъ нихъ [2]). И въ этомъ отзывѣ въ вину Стойковичу ставится главнымъ образомъ его увлеченіе философскими идеями Канта. Но еще большее нерасположеніе къ представителямъ нѣмецкой философіи высказываетъ Осиповскій въ рецензіи на логику Шада; тамъ онъ между прочимъ говоритъ: „каждый изъ философовъ нѣмецкихъ, какъ будто для хвастовства, отличался отъ прочихъ большимъ или меньшимъ количествомъ странностей въ мысляхъ, но каждый отличался своими странностями, а нашъ философъ, принявъ подъ свой покровъ странности всѣхъ, прибавилъ къ нимъ еще столько же своихъ“ [3]).

Такимъ образомъ, и въ рецензіяхъ сказались два направленія, господствовавшія тогда въ Харьковскомъ университетѣ,—отвлеченно философское и эмпирическое.

Нѣкоторыя сочиненія читались въ засѣданіяхъ совѣта и, можетъ быть, также вызывали замѣчанія присутствовавшихъ тамъ членовъ. Такъ, въ сентябрѣ мѣс. 1807 г. адъюнктъ Ванноти читалъ въ совѣтѣ трактакъ „*De sensibilitate hominis in quantum corpori attribuenda est deque necessitate in universum concpiendae naturae humanae ut synthesis et mentis et corporis*“. Статья эта сопровождается любопытнымъ эпиграфомъ, разъясняющимъ основную философскую точку зрѣнія автора. „La philosophie, говоритъ онъ, a eu tort de ne pas descendre plus avant dans l'homme physique, c'est là, que l'homme moral est caché; l'homme exterieur n'est que la faillie de l'homme interieur“. Чтобы дать понятіе объ этой статьѣ, приведемъ въ примѣчаніи ея начало.

---

[1]) И. П. Щелкова. Изъ исторіи Харьк. унив. (Ж. М. Н. Пр. 1890, окт., стр. 378).

[2]) In § 47, 2. Autor curat demonstrare, omnia fluida consistere ex particulis sphaericis et in § 49 diversam actionem corporum fluidorum in nostros nervos adscribit diversae formae particularum eorum. § 50 proponitur opinio ad idaeas Kantii materiam divisibilem esse in infinitum et hanc divisibilitatem non ab ipsa materia sed a spatio ejus dependere et in § 53 adducuntur observationes phisicae divisibilitatis, in quibus divisibilitas ipsi materiae adscribitur. § 55, 56, 57 impenetrabilitas corporum repraesentatur (ad idaeas Kantii), quam relativa, secundum quod—quo corpus aliquod sit compressibilius, eo est penetrabilius et quo incompressibilius, eo impenetrabilius; sed exempla observationum et experimentorum adducta in § 58 cum his idaeis non congruunt. In prima observatione dicitur aërem esse in eodem gradu impenetrabilem, uti sunt omnia alia corpora. A 65 ad 99 est mixtio idaearum Kantii et physicorum de gravitate et gravitatione ex qua provenit, ut. § 68 et 70 sint prorsus inintelligibiles и т. д. (Харьковскій университ. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ. 1814 г. № 58, стр. 4—9).

[3]) И. П. Щелкова. Изъ исторіи Харьк. унив. (Ж. М. Н. Пр. 1890, окт., стр. 378).

[4]) „Omnium temporum philosophi principes vere asseruerunt intime cognitionem hominis philosophicam cum ejus cognitione physica nexam esse arctissimisque vinculis

Изъ печатныхъ брошюръ, заключающихъ въ себѣ погребальныя рѣчи, отмѣтимъ слѣдующіе: 1) *„Извѣстіе о смерти проф. имп. Харьк. универ. Ивана Степановича Рижскаго“* X. 1811, стр. 43; 2) *Memoria prof. Gregorii Terlaits, natione serbica oriundi. Scripsit Athanasius Stoikovits.* X. 1812, 11 стр.; 3) *Рѣчи, произнесенныя генваря въ 27-й день 1812 г. въ печальномъ собраніи имп. Харьк. универ. непосредственно послѣ погребенія экстраорд. проф. Авраама Яковлевича Калкау стат. совѣт. В. Н. Каразинымъ на рус., проф. Шадомъ на лат. и проф. Дегуровымъ на франц. яз.* (съ переводомъ на русск. яз.). X. 1812, 42 стр. Въ первой брошюрѣ содержатся описаніе похоронъ и рѣчи преподавателя коллегіума Антоновскаго, проф. Тимковскаго (на рус. яз.), Беленъ де Баллю (на франц. яз.) и Роммеля (на латинскомъ); затѣмъ идутъ рѣчи уче-

---

mutuo contineri. Nemo de hac veritate dubitare potest, qui perpendit scientiam hominis philosophicam atque physicam semper pari perfectionis passu incessisse omnesque philosophos, qui profunda hominis cognitione inclaruerunt omnibusque suis coaevis longe praestiterunt, scientiam hominis physici non modo non neglexisse, sed cum primis omni studio atque summo ardore coluisse. Sufficit hic inter veteres philosophos nominare Pythagoram, Democritum, Hippocratem, Epicurum, Aristotelem; inter recentiores Baconem, Kartesium, Lokium; inter recentissimos Kantium, Schellingium aliosque.

Natura humana ex duabus naturis, una corporea, altera intellectuali ita composita est, ut haec illius formam induerit, corpusque mentis libertatem restringat, mens autem corpori vicissim dominetur. Ergo in humanae naturae studio unice intelligentiam humanam tanquam objectum disquisitionis ac meditationis sibi proponunt, aeque ac ii, qui unice organismum perscrutantur hacque via sufficienter et adaequate naturam hominis cognosci posse sibi persuadent, certe maximo in errore versantur. Homo, quum sit intelligentia corporea, oportet eum, qui veram ejus naturam exploratam habere desiderat, neque corpus hominis, neque animam separatim exanimare, sed unam indivisibilemque naturam humanam percunctari; sola hac ratione hominis natura investigata perfectissime se manifestabit. Medicus non solum sic dictae anthropologiae physicae, philosophus non solum sic dictae anthropologiae psychologicae aut philosophicae operam navet, sed uterque anthropologiae quam verae de homine doctrinae, sensu, quem jam verbi etymologia exprimit, studeat. Cum autem hucusque fere medici soli organismum consideraverint, ut philosophi alteris hominis partem, scilicet ejus intelligentiam, certe non inutilis aut nanis labor esset, si omnia ea junctim traderentur, quae medicis usque ad nostrum tempus de natura hominis innotuerint quaeque inprimis mirandum hoc commercium, quod inter animam et corpus subsistit, demonstrant. His enim scientiis empiricis philosophi instructi eo majore facilitate et certitudine de humana natura judicabunt eamque profundius perspicient. Hunc in finem de sensibilitate organismi nostri nunc agam in quantum haec facultas corpori attribuenda sit, sedemque habeat in systemate nervoso et praecipue in cerebro parte hominis corporea maxime elaborata et absoluta. Sensibilitas enim possibilitatem animae per corpus limitatae significare et quae rationes corporis ad animam esse possint, inprimis indicare videtur“.... (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта о разныхъ предметахъ 1807 г., № 61, стр. 133—143). О другихъ работахъ, представленныхъ въ совѣтъ, мы говорили на 276—279 стр. своего труда.

никовъ и нѣмецкій переводъ рѣчи Тимковскаго. Во 2-й брошюрѣ напечатана проф. Стойковичемъ „памятка" о проф. Гр. Терлаичѣ (на латин. яз.) и затѣмъ слѣдуетъ русскій переводъ ея, сдѣланный студентомъ Лебединскимъ; содержаніе 3-й брошюры видно изъ ея заглавія. Такимъ образомъ, надгробныя рѣчи были произнесены и напечатаны шестью профессорами. На содержаніи рѣчей мы теперь останавливаться не будемъ, а постараемся воспользоваться ими въ 7-й главѣ своего труда для характеристики нравственной личности почившихъ. Прибавимъ тутъ кстати, что сохранилась въ рукописи и рѣчь надъ безвременно угасшимъ профессоромъ Умляуфомъ [1]).

Наконецъ, слѣдуетъ еще отмѣтить чисто оффиціальныя изданія профессоровъ, составленныя ими частію по порученію начальства, частію по собственной инициативѣ. Это будутъ: 1) Объ обязанностяхъ студентовъ адъюнкта Гамперле. Х. 1806 г.; 2) Правила для казеннокоштныхъ студентовъ. Х. 1807 г.; 3) Прибавленія къ правиламъ для казеннокоштныхъ студентовъ, на лат. языкѣ, составленныя проф. Якобомъ. Х. 1809 г.; 4) Латинскій переводъ Высочайше утвержденнаго 5 ноября 1804 г. устава университета, сдѣланный профессорами Стойковичемъ и Шадомъ. Х. 1809 г.; 5) Планъ и правила педагогическаго института, составленные проф. Роммелемъ. Х. 1811; 6) Уставъ Харьковскаго общества наукъ (на рус. и лат. яз.). Х. 1813 г. Всѣ эти труды, конечно, не имѣли научнаго значенія, но къ нимъ отчасти можно причислить еще одну работу, которая не была лишена таковаго—имѣемъ въ виду описаніе рукописей университетской библіотеки, сдѣланное библіотекаремъ и проф. Беленъ-де-Баллю („Notitia et descriptio aliquot codicum manuscriptorum, qui reperiuntur in bibliotheca universitatis imperialis, quae Charcoviae floret"), помѣщенное въ „Conspectus proelectionum a 17 aug. 1807 ad 30 junii 1808 anni in Caesarea universitate Charcoviensi publice habendarum". Charcoviae, typis universitatis, an. 1807, p. III—X. Большая часть рукописей здѣсь богословскаго, философскаго и медицинскаго характера и относится къ XVI—XVII вв.; есть сочиненія Іоанна Дамаскина, Александра Маврокордато, Горезія. Пріобрѣтены онѣ были у одного лица вмѣстѣ съ его книгами; всѣхъ ихъ описано 12 [2]). Нужно еще имѣть въ виду, что нѣкоторыя изъ рукописей, предложенныхъ университету, не были напечатаны только потому, что боялись не выручить затраченныхъ на

---

[1]) Она помѣщена въ дѣлѣ совѣта о разныхъ предметахъ 1807 г. № 61, стр. 75—78. (Харьк. унив. архивъ).

[2]) Эту работу было бы, по нашему мнѣнію, полезно перепечатать; ея нѣтъ ни въ нашей университетской, ни въ Императ. публичной библіотекѣ; и намъ удалось разъискать ее только въ библіотекѣ Императ. академіи наукъ.

изданіе ихъ денегъ. Это, напримѣръ, нужно сказать относительно „Домашняго лечебника“ Виллиха, переведеннаго съ англ. на рус. языкъ В. Н. Каразинымъ. О самой книгѣ оффиціальный рецензентъ профес. Шумлянскій далъ благопріятный отзывъ. „Находившійся у меня, писалъ онъ, переводъ „Домашняго лечебника“ Виллиха я прочиталъ и, выключая немногія странныя мысли автора, нашелъ его полезнымъ и къ напечатанію годнымъ. Но можетъ ли университетъ выручить съ нѣкоторой выгодой потребную для напечатанія его сумму, трудно опредѣлить, потому что таковыя сочиненія, хотя гораздо меньшаго достоинства, на нашемъ языкѣ уже имѣются и въ великомъ расходѣ. То одно подаетъ надежду къ неубыточной выручкѣ, что сіе сочиненіе можетъ кромѣ любопытной публики привлечь вниманіе и самихъ врачей россійскихъ“ [1]).

Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что факультеты предлагали темы для конкурсныхъ сочиненій и выдавали за нихъ опредѣленныя преміи. Такъ, напримѣръ, юридическій факультетъ въ 1811 г. задалъ тему, одобренную министромъ — „*защищаемая Адамомъ Смитомъ неограниченная свобода въ производствѣ ремеслъ дѣйствительно ли есть единственное средство, коимъ можетъ обезпечено быть продолжительное и всегда увеличивающееся благосостояніе народа? Когда же, напротивъ того, неограниченная свобода въ производствѣ ремеслъ не можетъ быть признана за таковое средство, то изъяснить правило, изъ коего бы должно было извлечь ограниченіе свободы производства ремеслъ*“. Тема эта была распубликована въ Петерб., Моск. и Гальскихъ вѣдомостяхъ и за рѣшеніе ея назначено 100 руб. [2]). Въ 1812 году совѣтъ, какъ мы знаемъ, разсматривалъ два отвѣта на эту тему (279 стр. настоящаго труда).

Таковы были разнообразныя сочиненія профессоровъ Харьковскаго университета въ первыя десять лѣтъ его существованія. Мы точно опредѣлили *количество* и даже отчасти *качество* ихъ. Но для полнаго уясненія дѣла было бы важно знать, какое распространеніе имѣли они въ той средѣ, для которой издавались. И для рѣшенія этого вопроса въ нашемъ распоряженіи имѣются кое какія данныя.

Говоря вообще, нужно сознаться, что онѣ находили себѣ довольно широкое распространеніе въ публикѣ. Къ такому заключенію мы приходимъ, основываясь на самомъ характерѣ этихъ трудовъ, на количествѣ выпускавшихся въ свѣтъ экземпляровъ и, наконецъ, на статистическихъ данныхъ о предварительной подпискѣ на нѣкоторые изъ нихъ. Что касается характера трудовъ, то, какъ мы видѣли, большинство ихъ

[1]) Харьк. универ. архивъ. Дѣло сов. 1806 г. № 43.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г. сентябрь — декабрь, засѣданіе 26 октября.

представляло изъ себя учебники и руководства для гимназій и университета; значитъ разсчитано было на массу учащихся. Правда, гимназій тогда было гораздо меньше, чѣмъ теперь; но все таки въ огромномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ спросъ на учебники долженъ былъ быть весьма значительный. Въ университетѣ число студентовъ было правда очень ограничено; но нѣкоторыя изъ университетскихъ печатныхъ руководствъ находили себѣ распространеніе и внѣ университета— въ педагогической средѣ и даже за предѣлами своего учебнаго округа. Это, напримѣръ, нужно сказать относительно курсовъ Рижскаго и Осиповскаго. Неудивительно, что, при такихъ условіяхъ, они выходили вторыми и третьими изданіями, что, конечно, является уже не апріорнымъ, а апостеріорнымъ доказательствомъ ихъ широкаго распространенія въ обществѣ. Популярный характеръ почти всѣхъ монографій (спеціальныхъ изслѣдованій въ настоящемъ смыслѣ этого слова, какъ мы видѣли, не было) также благопріятствовалъ распространенію ихъ среди широкаго круга читателей. Раньше, когда въ краѣ не было университета съ его многочисленнымъ штатомъ ученыхъ профессоровъ, съ типографіей, которая тогда стояла, какъ мы знаемъ, на высотѣ своего призванія и пришла въ упадокъ уже въ болѣе позднее время, и научнолитературная дѣятельность въ немъ, можно сказать, совершенно отсутствовала; теперь же начался своего рода *золотой вѣкъ* харьковской образованности: явилось предложеніе всего—и учебниковъ, и популярно-научныхъ работъ, и календарей, и даже газеты; а предложеніе вызвало дремавшую и не могшую осуществляться потребность, усилило спросъ. Въ частности, должно было имѣть большое вліяніе и то обстоятельство, что университетъ былъ центромъ управленія всѣхъ школъ въ округѣ; отъ него прямо и непосредственно зависѣла масса лицъ педагогическаго персонала; но и кромѣ этой зависимости, вообще тогда была несравненно бóльшая связь между высшей, средней и низшей школой, чѣмъ теперь: въ то время онѣ были органически связаны другъ съ другомъ и представляли только три ступени въ одной іерархіи; теперь же.... но предоставимъ оцѣнку настоящаго будущему историку его. Таковы были условія, благопріятствовавшія распространенію профессорскихъ сочиненій въ обществѣ. Обращаясь къ цифровымъ даннымъ о количествѣ экземпляровъ разныхъ изданій, мы и тутъ встрѣчаемъ подтвержденіе своей мысли: они печатались сравнительно въ большомъ количествѣ экземпляровъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться, обратившисъ къ нашему примѣчанію на 430—436 стр., гдѣ перечислены всѣ книги и брошюры, отпечатанныя въ университетской типографіи въ 1805—1814 годахъ, съ указаніемъ числа экземпляровъ при большинствѣ ихъ; и оказывается,

что цифры въ 600, 1200 экз. являются довольно обычными, иногда же попадаются и болѣе значительныя. Вотъ нѣсколько примѣровъ. „Опытъ риторики" Рижскаго напечатанъ былъ въ числѣ 1200 экзем., Хрестоматіи по Гедике издано было 1200 экз., „Физико-хим. и врачебнаго испытанія минеральныхъ водъ Константиноград. уѣзда"—570, „Посланія къ Привѣтѣ" Палицына—1200 экз., „О воздушныхъ камняхъ" Стойковича—2215, „Игоря" Палицына — 1200 экз., „Flora Tauro-Caucasica" Биберштейна—1200, „Краткихъ разсужденій.... о заразѣ" проф. Пильгера—1200, „Разсужденія о теченіи овечьей оспы" его же,—816, Латинской грамматики Бредера—1200, Календаря Бѣлоусова—1000, О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи Стойковича—2550, Grundlinien der politischen Arithmetik Ланга—600, Опытнаго способа Тимковскаго—1200, Рѣчей 1811 г.—600, Опыта повѣствованія о древн. Успенскаго—600. Извѣстія о жизни и смерти Рижскаго—1200, О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру Гизе—600, Начертанія правилъ россійскаго правописанія Борзенкова—5000, Institutiones Шада—505, Начальныхъ основаній физической географіи Стойковича—2000, Системы физики его же,—1200, Всеобщей химіи Гизе—600 и т. д. Скорому распространенію книгъ способствовала и предварительная подписка, бывшая тогда довольно обычнымъ явленіемъ. Фамиліи „пренумерантовъ" печатались во всеобщее свѣдѣніе въ особомъ спискѣ при изданіи; это, конечно, льстило самолюбію многихъ подписчиковъ; они имѣли утѣшеніе видѣть свое имя въ печати, а если подписывались на нѣсколько экземпляровъ, то могли прослыть еще и меценатами науки; нѣкоторые же подчиненные педагоги такимъ путемъ расчитывали снискать себѣ расположеніе автора. Къ такому заключенію приводитъ насъ внимательное изученіе „пренумерантовъ" на сочиненія Стойковича, пользовавшагося огромнымъ значеніемъ въ округѣ и не пренебрегавшаго никакими средствами для увеличенія своего матеріальнаго благополучія [1]). Если онъ заставлялъ учителей продавать ленты и кораллы, то, конечно, не прочь

[1]) Еще на родинѣ у себя Стойковичъ издалъ на сербскомъ языкѣ „Фѵсіку" въ 3-хъ частяхъ и посвятилъ ее меценатамъ, ссудившимъ деньги на изданіе, но кромѣ того, онъ устроилъ и предварительную подписку, давшую весьма благопріятные результаты, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ списокъ пренумерантовъ, приложенный ко 2-й части сочиненія. Онъ состоитъ изъ 2-хъ частей—первая заключаетъ въ себѣ духовныхъ, вторая—свѣтскихъ лицъ; фамиліи подписчиковъ со званіями расположены по мѣстностямъ; всѣхъ экземпляровъ разошлось 685. И тутъ есть меценаты преимущественно изъ купечества. Такимъ образомъ, Стойковичъ только повторилъ въ Россіи то, что раньше практиковалъ у себя на родинѣ. (Экземпляръ этой „Фѵсіки" съ собственноручными поправками автора хранится въ библіотекѣ Харьковскаго университета).

былъ навязать имъ и извѣстное количество своего сочиненія. Списокъ подписчиковъ на сочиненіе Стойковича „О предохраненіи себя отъ ударовъ молніи“ занимаетъ 36 печатныхъ страницъ, въ немъ помѣщено около 1000 „пренумерантовъ“. Списокъ составленъ по мѣстожительству этихъ послѣднихъ, причемъ названія городовъ и мѣстностей расположены по алфавиту, „пренумеранты“ же въ каждомъ пунктѣ перечисляются обыкновенно, начиная съ высшихъ чиновъ и спускаясь къ низшимъ—отъ превосходительства къ высокородію, высокоблагородію и просто благородію; часто обозначаются и самые чины. Любопытно распредѣленіе этой тысячи экземпляровъ по разнымъ мѣстностямъ. На долю Харькова приходится 205 экз.; въ томъ числѣ 25 экз. было сдано на коммиссію въ мѣстную книжную лавку. Остальные 180 экз. были взяты главнымъ образомъ меценатами: попечитель гр. Потоцкій, губернаторъ И. И. Бахтинъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель уголовной палаты Минстеръ, помѣщики Хрущовъ, Курисъ, Эли и Щербининъ, Смагинъ, Познанскій, Донецъ-Захаржевскій пріобрѣли по 5 экз., Романовъ — 15, богачъ Хорватъ и 2 Куликовскихъ по 10, всего 100; среди студентовъ Харьковскаго университета оказалось 19 подписчиковъ, среди учениковъ гимназіи и уѣзднаго училища—28 (въ томъ числѣ были „пренумеранты“ въ 3-мъ и даже во 2-мъ классѣ); среди студентовъ духовной семинаріи—7, учителей ея—4, учителей гимназіи—11; остальные 11 экз. попали также къ лицамъ привиллегированнаго сословія. Кромѣ Харькова въ спискѣ фигурируетъ еще 7 уѣздныхъ городовъ Харьковской губерніи и одна деревня. На долю ихъ приходится 139 экз.; въ Ахтыркѣ разошлось 23 экз. (пренумеранты — все дворяне, 2 протоіерея и 1 студентъ; есть одна и меценатка-генеральша Корсакова, подписавшаяся на 5 экз.); въ Богодуховѣ — 5 (дворяне и 1 учитель); въ Волчанскѣ — 10 (все мѣстные чиновники, помѣщики, смотритель уѣзднаго училища); въ Изюмѣ—8 (мѣстные дворяне и купецъ); въ Купянскѣ—44: одинъ меценатъ (соборный протоіерей Соколовскій) подписавшійся на 10 экз., остальные чиновники и два обывателя; въ Лебединѣ—25 (всѣ экземпляры взялъ единственный пренумерантъ В. И. Марковъ); въ Сумахъ 19 экз.—все чиновники, исключая трехъ купцовъ; въ д. Стратилатовкѣ 5 экз. (меценатъ Самборскій); всего на долю Харьковской губ. приходится 344 экз.—больше всего на долю Харькова, затѣмъ идутъ въ нисходящемъ порядкѣ—Купянскъ, Лебединъ, Ахтырка, Сумы, Волчанскъ, Изюмъ, Богодуховъ, дер. Стратилатовка. Въ губ. г. Черниговѣ и 5-ти его городахъ, (4-хъ уѣздныхъ и одномъ заштатномъ) разошлось 45 экз.; въ Черниговѣ—5 экз. (среди чиновниковъ); въ Стародубѣ 2 (тоже); въ Конотопѣ 3 (тоже); въ Новгородъ-Сѣверскѣ—13 (тутъ меценатъ гр. За-

вадовскій, подписавшійся на 5 экз., 2 учителя и одинъ ученикъ); въ Новозыбковѣ—20 (нашлось двое меценатовъ изъ купцовъ, подписавшихся вмѣстѣ на 8 экз.); въ Погарѣ — 2. Въ Полтавской губ.—109 экз.: въ Полтавѣ—61 (меценатомъ оказался С. М. Кочубей, подписавшійся на 25 экз.: остальные чиновники, исключая одного купца и мѣщанина, въ Кременчугѣ — 48 (нашелся одинъ купецъ, остальные чиновники). Въ Курской губ.—въ губ. городѣ Курскѣ и 5 уѣздныхъ городахъ—105; въ Курскѣ—47 (въ числѣ ихъ учителя, купецъ, архимандритъ монастыря и учитель семинаріи); въ Бѣлгородѣ—20 (семинарское правленіе); въ Дмитріевѣ—5; въ Корочѣ—11 (въ томъ числѣ 1 сельскій священникъ, остальные чиновники; въ Щиграхъ—16; въ Старомъ-Осколѣ—6 (въ томъ числѣ 1 купецъ). Въ Воронежской губ. 89; въ Воронежѣ—76 (тутъ мы встрѣчаемъ, кромѣ дворянъ, учителей семинаріи, священниковъ, 4 купцовъ и одного ученика гимназіи), въ Бобровѣ—13 (тутъ были купецъ, дьячекъ и отпущенникъ). Въ Екатеринославской губ.—183; въ Екатеринославѣ—83, въ томъ числѣ семинарія подписалась на 22, гимназія съ уѣзднымъ училищемъ на 36, прокуроръ на 5 и директоръ училищъ на 6; въ Александровскѣ—5 (учителя и ученики); въ Маріуполѣ—2; въ Бахмутѣ—15 (чиновники и учителя); въ Новомосковскѣ—23; въ Новомиргородѣ—7; въ Павлоградѣ—48 (помѣщики и учителя); въ губ. городѣ Орлѣ—28 (учителя, дворяне, купецъ). Въ Черноморьи—44 (козацкая старшина, священники). Въ землѣ Войска Донского—190; въ Черкасскѣ—40; (старшина, чиновники, одинъ пѣвчій); въ Ростовѣ—26 (въ томъ числѣ 2 купца, 4 мѣщанина); въ Таганрогѣ—124 (6 купцовъ съ иноземными фамиліями и 73 ученика коммерческой гимназіи). Въ Таврической губ.—17; въ Симферополѣ—4, въ Севастополѣ—13. Въ Кіевѣ—67, въ томъ числѣ для академіи 20, для митрополита и епископа 3. Въ Москвѣ—50 (на всѣ подписался меценатъ извѣстный Бантышъ Каменскій). Въ Петербургѣ—10 (духовные и учителя). Такимъ образомъ, въ нисходящемъ порядкѣ губерніи идутъ такъ: Харьковская, Область войска Донского, Екатеринославская губ., Полтавская, Курская, Воронеж., Кіевъ, Москва, Черниговская, Черноморье, Орелъ, Таврическая, наконецъ, Петербургъ. Всего разошлось по предварительной подпискѣ 1281 экз., т. е. болѣе половины всего изданія. Конечно, „сочиненіе это и по заглавію, и по содержанію своему врядъ ли заслуживало такого усиленнаго распространенія вообще, въ особенности же между учениками гимназій и уѣздныхъ училищъ, изъ которыхъ нѣкоторые подписывались даже на 2 экз. Составъ списка указываетъ съ одной стороны на обращенія сочинителя къ меценатамъ (какъ крупнымъ, такъ и мелкимъ), съ другой—свидѣтельствуетъ о давленіи на подчиненныхъ или подвѣдомственныхъ лицъ учебнаго вѣдом-

ства, находившихся въ то время въ довольно сильной зависимости отъ университета. Такимъ образомъ, кланяясь въ одномъ направленіи и импонируя въ другомъ, собирая и крупныхъ, и мелкихъ подписчиковъ, Стойковичъ размѣстилъ болѣе 1200 экз. своего сочиненія у подписчиковъ" [1]). Но справедливость требуетъ замѣтить, что среди подписчиковъ было не мало лицъ, которыя могли интересоваться самою книгой; такова была многочисленная группа дворянъ—помѣщиковъ, военные и гражданскіе чиновники, духовенство, учащіеся въ духовныхъ училищахъ, купцы и разночинцы. Быть можетъ, и имъ предлагалась подписка (педагогами, желавшими проявить предъ начальствомъ свою ревность въ дѣлѣ распространенія книги), но прямого давленія быть не могло, тѣмъ болѣе, что были и такіе города, въ которыхъ пренумерантовъ не оказалось, а между тѣмъ и тамъ должны были быть представители педагогическаго міра. Такимъ образомъ, не отрицая того, что данный списокъ составленъ подъ сильнымъ, хотя и косвеннымъ, вліяніемъ самого автора, мы тѣмъ не менѣе считаемъ возможнымъ пользоваться имъ до нѣкоторой степени для характеристики распространенія ученыхъ сочиненій въ широкой публикѣ. Допустимъ, что смотрителя и учителя уѣздныхъ училищъ могли подписываться на сочиненіе Стойковича подъ извѣстнымъ скрытымъ воздѣйствіемъ; но намъ важно всетаки знать, въ какихъ пунктахъ пріобрѣтались подобныя книги и гдѣ ихъ выписывалось больше, а гдѣ меньше. Выписанная книга всетаки дѣлала свое просвѣтительное дѣло—могла заинтересовать читателя, могла возбудить у него интересъ и къ другимъ сочиненіямъ. То обстоятельство, что монографію Стойковича выписывали ученики семинарій, гимназій и уѣздныхъ училищъ, не можетъ особенно смущать насъ своею странностью: воспитанники Харьковской семинаріи (коллегіума) слушали тогда лекціи въ Харьковскомъ университетѣ; программы гимназій и уѣздныхъ училищъ были во многихъ отношеніяхъ шире нынѣшнихъ; среди учащихся въ среднихъ и даже низшихъ учебныхъ заведеніяхъ былъ сильно развитъ духъ сочинительства, значитъ существовала и потребность въ серьезномъ чтеніи. Во всякомъ случаѣ тѣ города, въ которыхъ оказались „пренумеранты" на книгу Стойковича, должны быть признаны наиболѣе культурными очагами тогдашняго Харьковскаго учебнаго округа. На первомъ мѣстѣ среди нихъ стояли Харьковъ, Воронежъ, Полтава, Екатеринославъ, Курскъ, Таганрогъ и др. Въ нихъ заведены были въ это время новыя училища—и это обстоятельство, конечно, должно было благопріятно отразиться на ихъ культурномъ развитіи. Могутъ, конечно, сказать, что

---

[1]) Взято изъ рукописной замѣтки проф. А. П. Шимкова о Стойковичѣ.

нельзя дѣлать заключенія о сравнительно быстромъ распространеніи книгъ въ тогдашнемъ обществѣ, основываясь на одномъ спискѣ Стойковича, такъ какъ онъ составленъ былъ подъ давленіемъ этого послѣдняго. Но мы, во 1-хъ, видѣли, что въ немъ были и подписчики другого рода; а, во 2-хъ, мы имѣемъ аналогичный списокъ „пренумерантовъ“ на сочиненіе профессора Успенскаго „Опытъ повѣствованія о русскихъ древностяхъ“. Не останавливаясь на его анализѣ (ибо онъ относится къ 1818 году), мы только замѣтимъ, что и тамъ подписчиковъ было довольно много (хотя это уже было 2-е изданіе книги), всѣхъ экземпляровъ разошлось по предварительной подпискѣ 568, и тамъ ихъ составъ былъ приблизительно такой же, какъ и у Стойковича. Замѣтимъ кстати, что публичныхъ библіотекъ тогда почти вовсе не было и отдѣльныя лица были поставлены въ необходимость пріобрѣтать въ собственность интересовавшія ихъ книги; притомъ образованные люди не были до такой степени сосредоточены въ городскихъ центрахъ, какъ нынѣ: очень многіе жили въ деревняхъ и заводили тамъ собственныя библіотеки. Нѣкоторыя изъ этихъ библіотекъ (у богатыхъ людей) отличались изумительною полнотою и отличнымъ подборомъ. Такова была, напримѣръ, библіотека бывшаго студента Харьковскаго университета Андреева (о его экзаменѣ мы разсказывали ниже) въ одномъ изъ селеній Екатеринославской губ., пожертвованная нынѣ Харьковскому университету г-жей Сомовой. Я лично былъ командированъ въ 1883 году для ея осмотра и нашелъ тамъ особенно богатую коллекцію научныхъ сочиненій, относившихся къ началу XIX в. Нельзя не обратить также вниманія на то обстоятельство, что университетъ, являвшійся въ большинствѣ случаевъ издателемъ сочиненій, употреблялъ старанія къ распространенію ихъ путемъ продажи. Мы видѣли, что онъ имѣлъ своихъ коммиссіонеровъ по части выписки иностранныхъ и русскихъ книгъ; у этихъ коммиссіонеровъ были свои книжныя лавки въ Харьковѣ и въ нихъ продавались университетскія изданія; послѣднія покупались и учащимися (если это были учебники), и учебными заведеніями для пансіонеровъ и библіотекъ. Съ другой стороны университетъ старался поддерживать нравственную связь со своими почетными членами и другими лицами и разсылалъ имъ даромъ нѣкоторыя изъ своихъ изданій (напримѣръ, актовыя рѣчи). Вотъ списокъ лицъ и учрежденій, которымъ отправлено было „Обозрѣніе публичныхъ чтеній въ университетѣ“: министръ народнаго просвѣщенія, товарищъ министра Муравьевъ, попечитель, министръ внутреннихъ дѣлъ, гр. Безбородко, проф. Баузе, Аделунгъ, семь преосвященныхъ, малороссійскій генералъ-губернаторъ, Дюкъ-де-Ришелье, Донской атаманъ, Таганрогскій градоначальникъ, 9 губер-

наторовъ, 9 губернскихъ предводителей, главное правленіе училищъ, атаманъ Черноморскаго войска, канцелярія Бугскаго войска, 9 директоровъ училищъ (Слободско-украинскій, Одесскій, Екатеринославскій, Черниговскій, Донской, Орловскій, Воронежскій, Полтавскій, Новгородъ-Сѣверскій), 4 университета (Московскій, Виленскій, Дерптскій, Казанскій), Россійская академія, Академія наукъ, педагогическій институтъ, Таганрогское, Симферопольское, Екатеринодарское училище, университетская библіотека, 4 факультета, 11 профессоровъ, 6 адъюнктовъ, 2 лектора, 4 учителя, правленіе и училищный комитетъ [1]).

Въ отвѣтъ на присылку актовыхъ рѣчей епископъ воронежскій и черкасскій Арсеній писалъ: „достодолжно всегда уважая достославные труды и благосклонность ко мнѣ университетскаго знаменитаго сословія, долгъ имѣю премногую благодарность мою изъявить и нынѣ за присылку 2-хъ экземпляровъ рѣчей, говоренныхъ въ торжественномъ собраніи 30 авг. 1808 г.“ [2]).

Гр. Хвостовъ (поэтъ), получивъ сборникъ надгробныхъ рѣчей о Рижскомъ, писалъ: „питая въ душѣ моей уваженіе къ знаменитымъ верховнымъ училищамъ, приношу искреннѣйшую благодарность за присылку оныхъ, притомъ изъявляю, что я принялъ съ особливымъ участіемъ печальное торжество университета по случаю смерти Рижскаго, коего я привыкъ почитать искренно, ибо зналъ его не по слуху, но довольно коротко. Надѣюсь, что университетъ продолжитъ и впредь ко мнѣ свое благоволеніе“. Въ другомъ письмѣ, поблагодаривъ за присылку обозрѣнія лекцій, гр. Хвостовъ прибавляетъ: „душевно желаю, чтобъ юные питомцы сего священнѣйшаго Геликона по ознаменованной цѣли воспарили превыше всѣхъ парнасскихъ орловъ и славою своихъ успѣховъ возгремѣли во всѣхъ концахъ вселенной“ [3]). Любопытны отвѣтныя благодарственныя письма за присылку изданій университету архіепископа Курскаго и Бѣлгородскаго Ѳеоктиста Мочульскаго: „Возъимѣвъ счастіе, писалъ преосвященный, и паки получить 2 экземпляра обозрѣнія публичныхъ въ Харьковскомъ университетѣ отъ 17 сего августа начинаемыхъ и по 30 іюня слѣдующаго 1808 года продолжаться имѣющихъ чтеній, обязаннѣйше благодарю и паки почтеннѣйшему сего университета сословію, одолжающему меня не одинъ уже разъ достохвальными опытами своихъ занятій и попеченій о распространеніи общеполезнаго просвѣщенія во всемъ подвѣдомственномъ ему училищномъ округѣ. А между прочимъ не могу умолчать, что таковой къ преднамѣреваемому

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія по архиву 198, по картону 13, стр. 90—91.

[2]) Ibidem. Дѣло правл. по арх.—333, по карт. 19, стр. 63.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1811. № 59.

различныхъ наукъ и искусствъ преподаванію заблаговременно предначертанный планъ достоинъ повсемѣстнаго подражанія потолику, поколику всякаго дѣла конецъ, хотя исполняется и послѣ, но въ намѣреніи онъ со всѣми потребными къ его достиженію средствами всегда долженъ быть прежде, такъ и потому, что предполагаемый такимъ образомъ въ ученіи порядокъ весьма соотвѣтственъ и оному евангельскому наставленію: „*уготовайте пути Господни, правы творите стези его*". Вслѣдствіе чего одинъ экземпляръ помянутаго обозрѣнія отданъ мною въ Курскую въ Бѣлгородѣ состоящую семинарію съ притвержденіемъ, чтобы каждый семинарскій учитель, люботщательно, разсмотрѣвъ его, сдѣлалъ въ подражаніе ему самократчайшее предначертаніе учебнымъ предметамъ, каковые кто изъ нихъ долженъ преподавать въ своемъ классѣ, начиная чтеніе по давно заведенному въ семинаріяхъ обыкновенію съ 1-го слѣдующаго сентября и продолжая оное по 15 іюня будущаго 1807 года. О колико желательно, чтобы таковое средство, и у насъ послуживъ учащимъ и учащимся хотя къ нѣкоторому предварительному ученія имъ предлежащаго обозрѣнію, послужило вмѣстѣ и къ лучшимъ по возможности тѣхъ и другихъ успѣхамъ. Музы въ здѣшней семинаріи привитающія воспользовались симъ заимственнымъ преуспѣянія способомъ и останутся навсегда благодарными къ преподавшимъ сіе руководство, съ ними же купно пользуясь тѣмъ, и я возсылаю горячайшія молитвы къ отцу свѣтовъ, благодѣтелю Богу, да онъ, яко всяческая неиспытанными, но благими своими судьбами управляяй, управитъ предначатое вами учебныхъ предметовъ прохожденіе къ пользѣ и славѣ любезнѣйшаго отечества, свыше благословляя всегда всѣ ваши и начинанія и продолженія, и совершенія благословеніемъ благостыннымъ. О чемъ есть и пребуду съ истиннымъ почитаніемъ и благодарною признательностью усерднѣйшимъ богомольцемъ" [1]) (авг. 17, 1807 г., Бѣлгородъ).

Получивъ 2 экз. актовыхъ рѣчей 1806—1807 гг., преосвященный писалъ: „обязаннѣйше благодарю почтеннѣйшее сего университета сословіе, одолжающее меня не одинъ уже разъ достохвальными занятій и попеченій своихъ опытами къ распространенію въ здѣшнемъ краѣ просвѣщенія. Одинъ экземпляръ помянутыхъ рѣчей отданъ мною въ здѣшнюю духовную семинарію—музы въ ней привитающія останутся благодарными навсегда за присланный имъ драгоцѣнный даръ къ возможному подражанію въ словесности; пользуясь тѣмъ и я возсылаю горячайшія молитвы къ Отцу свѣтовъ благодѣтелю Богу, да благословляетъ онъ всегда всѣ труды и начинанія учащихъ и учащихся въ ономъ почтен-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № по арх. 198, по картону № 13.

нѣйшемъ сословіи для пользы и славы любезнѣйшаго отечества; и о семъ есмь и пребуду во всю жизнь мою съ истиннымъ почитаніемъ и благодарностью усерднѣйшимъ богомольцемъ“ [1]) (22 марта 1807 г. Бѣлгородъ). Такъ устанавливалась дружественная связь, на почвѣ взаимнаго довѣрія и уваженія, между университетомъ и представителемъ духовной власти, между свѣтскою и духовною школою; вторая, по почину своего архипастыря, отличавшагося свѣтлымъ, яснымъ умомъ и искреннимъ уваженіемъ передъ просвѣщеніемъ вообще, заимствовала добрый, полезный обычай у первой; питомцы ея готовы были, съ благословенія того же архипастыря, подражать музамъ, „витавшимъ“ въ стѣнахъ Харьковскаго университета. И дѣйствительно, преосвященный поощрялъ литературныя занятія въ Харьковскомъ коллегіумѣ и Бѣлгородской семинаріи и даже самъ принималъ въ нихъ непосредственное участіе [2]). Въ 1811 г. вышла 1-я часть сочиненія проф. Успенскаго „Опытъ повѣствованія о древностяхъ русскихъ“. Получивъ отъ автора эту книгу, преосвященный пишетъ: „прочиталъ я книгу Гавріила Петровича; мастерски написана; усердно желаю прочитать и вторую часть“ [3]). Вновь основанный Харьковскій университетъ импонировалъ своею преподавательскою и научною дѣятельностью на Харьковскій коллегіумъ, вызывалъ въ немъ благородное соревнованіе и подражаніе. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, какія книги и брошюры изданы были въ это время дѣятелями харьковскаго коллегіума и архіепископомъ Ѳеоктистомъ: 1) изліяніе благодарныхъ чувствій А. Н. Голицыну отъ питомцевъ; 2) наставленіе семинарскимъ инспекторамъ арх. Ѳеоктиста; 3) разсужденія, извлеченныя изъ соч. Геллерта (переведено съ нѣм. воспитанниками коллегіума подъ руководствомъ ректора Прокоповича); 4) наставленіе для священно и церковно-служителей Курской епархіи, какъ имъ обучать дѣтей въ домахъ своихъ и потомъ въ семинарію посылать—арх. Ѳеоктиста; 5) хозяйственные календари, переведенные въ Харьков. коллег. Прокоповичемъ; 6) Богословскія предложенія—Прокоповича; 7) Краткое начертаніе учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ священно-служительскимъ дѣтямъ Курской епархіи; 8) усерднѣйшее приношеніе отъ Курской семинаріи Ѳеоктисту; 9) новѣйшее начертаніе правилъ россійской грамматики (учителя Харьк. коллегіума Орнатовскаго); 10) Chrestomatia latina Прокоповича; 11) философскія предложенія для публичныхъ состязаній (префекта коллегіума Ольховскаго); 12) dogmata orthodoxae

---

[1]) Ibidem, стр. 93.

[2]) См. объ этомъ ст. проф. А. С. Лебедева „Ѳеоктистъ Мочульскій“ (Сборникъ Харьк- ист.-филол. общ., т. 9-й. стр. 54 и отд.).

[3]) Ibidem, стр. 24.

fidei Прокоповича; 13) краткое руководство къ сокращенію проповѣдей; 14) оды еп. Аполлосу (Башинскаго, Антоновскаго и Чернякова); 15) избранные вопросы съ отвѣтами изъ россійской риторики Рижскаго (прот. Антоновскаго); 16) рѣчь еп. Аполоссу Прокоповича; 17) дѣтское словословіе и пѣснопѣніе, грамматика, логика, риторика и поэзія; 18) Lexicon manuale ex cellentissimorum scriptorum Прокоповича; какъ видимъ изъ этого списка, въ Харьковскомъ коллегіумѣ повторялось въ миньятюрѣ то научно-литературное движеніе, какое происходило въ университетѣ. Его основы коренятся, конечно, въ самой организаціи коллегіума и его прошломъ и съ этой точки зрѣнія оно можетъ быть названо вполнѣ самостоятельнымъ, но нельзя отрицать и того, что усиленію его способствовало аналогичное движеніе въ университетѣ. На благородное соревнованіе этихъ двухъ учебныхъ заведеній указываетъ и кн. Долгоруковъ, посѣтившій Харьковъ въ 1810 году. „Соревнованіе между учеными, говоритъ онъ, приноситъ важную пользу учащимся; я нѣкоторый опытъ того видѣлъ и на диспутѣ (въ коллегіумѣ, куда приходили и студенты университета).... Сравнивать сихъ двухъ заведеній, свѣтскаго и духовнаго нельзя. Одно уже укоренилось, другое лишь процвѣтаетъ. Нельзя не быть довольнымъ симъ возродившимся училищемъ (т. е. университетомъ) „но сказать должно, что при всемъ усердіи и раченіи тутошнихъ властей, университетъ еще очень молодъ и новость его бытія очевидна повсюду. Никакія усилія наши не сдѣлаютъ того въ одинъ годъ, что дѣлаетъ время и постепенность вѣковъ; отъ того самаго и коллегіумъ не можетъ въ сущности своей цѣли равняться съ университетомъ и сей не оспоритъ тому естественнаго превосходства“ [1]) (т. е. относительно древности).

9-й § устава 1804 г. требовалъ учрежденія при университетѣ ученаго общества. У первыхъ дѣятелей университета однако было такъ много разнообразныхъ обязанностей, что рѣшительно не оставалось времени на составленіе рефератовъ и посѣщеніе засѣданій (см. 268 стр. настоящаго труда), и оно основано было только въ концѣ изучаемаго нами десятилѣтія. Иниціатива его принадлежала Стойковичу и Роммелю. Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ объ этомъ самъ Роммель, и мы не имѣемъ основаній относиться съ недовѣріемъ къ его сообщенію. „Вмѣстѣ со Стойковичемъ, вспоминаетъ онъ, основали мы при университетѣ ученое общество и приняли въ члены его губернатора, архіерея и всѣхъ образованнѣйшихъ почетныхъ лицъ въ окрестностяхъ. Русскимъ очень льстили почетные дипломы; мнѣ предложено предсѣдательство“.

---

[1]) Чтенія, 1869, кн. 2-я, стр. 50—52.

Стойковичъ себѣ одному приписываетъ честь сочиненія устава и учрежденія общества. Въ извѣстномъ намъ перечнѣ своихъ печатныхъ трудовъ онъ говоритъ: „въ 1812 г. составилъ *уставъ* ученаго общества при императорскомъ Харьковскомъ университетѣ, подъ именемъ общества наукъ, писанный на латинскомъ языкѣ. Сіе общество наукъ существуетъ въ Харьковѣ. Сочинитель устава есть вмѣстѣ и учредитель его. Былъ первымъ его предсѣдателемъ". Но съ этимъ едва-ли можно согласиться, во 1-хъ, въ силу приведеннаго выше свидѣтельства Роммеля, а, во вторыхъ, и вслѣдствіе того, что показаніе Стойковича само по себѣ возбуждаетъ сильныя сомнѣнія. Все оно проникнуто самохвальствомъ и преслѣдовало чисто практическую цѣль — Стойковичъ во чтобы то ни стало добивался полученія награды, и хотѣлъ раздуть въ глазахъ начальства свои заслуги, не расчитывая притомъ ни на никакія изобличенія и опроверженія; да и кто бы, кромѣ Роммеля, котораго въ это время не было уже въ Харьковѣ, могъ изобличить его и доказать, что онъ приписывалъ себѣ въ этомъ дѣлѣ слишкомъ много. Объ отсутствіи безпристрастія у Стойковича свидѣтельствуетъ и тотъ факъ, что онъ не упоминаетъ о Роммелѣ, который однако въ сущности и былъ *настоящимъ первымъ* предсѣдателемъ общества, между тѣмъ какъ Стойковичъ уже въ іюнѣ былъ отстраненъ отъ ректорства, а значитъ и отъ предсѣдательства. Въ противоположность же ему Роммель говоритъ не только о себѣ, но и о немъ. Обращаясь къ другимъ свидѣтельствамъ Стойковича о его трудахъ, мы и въ нихъ замѣчаемъ такое же преувеличеніе и хвастовство. Такъ, напримѣръ, онъ категорически приписываетъ себѣ одному основаніе Харьковскаго института бѣдныхъ дѣвицъ при обществѣ благотворенія и составленіе его плана. „Вліяніе сего института, говоритъ онъ, на воспитаніе женскаго пола въ полуденномъ краю Россіи величайше. Г. Стойковичъ, сочинившій планъ и правила, на коихъ общество основано, есть и основатель его". Въ дѣйствительности же истиннымъ основателемъ этого общества благотворенія и возникшаго при немъ института былъ извѣстный мѣстный общественный дѣятель и малороссійскій писатель Григорій Өедоровичъ Квитка; онъ вмѣстѣ со Стойковичемъ составилъ самый уставъ [1]). Въ примѣчаніи [2])

---

[1]) См. объ этомъ В. Лапина „Харьковское общество благотворенія" К. 1896 г. стр. 17.

[2]) **Уставъ Харьковскаго Общества наукъ.**

I. Составленіе общества.

§ 1. Учрежденіе общества наукъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ имѣетъ предметомъ своимъ распространеніе наукъ и знаній, какъ чрезъ ученыя изысканія, такъ и чрезъ изданіе въ свѣтъ общеполезныхъ сочиненій.

мы помѣщаемъ полностію уставъ ученаго общества; здѣсь же только отмѣтимъ самые важные его пункты. Цѣлью общества было распространеніе наукъ и знаній посредствомъ ученыхъ изслѣдованій и изданія общеполезныхъ трудовъ. Общество состояло изъ двухъ отдѣленій—естественно-историческаго (въ широкомъ смыслѣ этого слова, ибо сюда вхо-

---

§ 2. Общество сіе имѣетъ 2 отдѣленія: 1) отдѣленіе наукъ естественныхъ и 2) отдѣленіе словесное.

§ 3. Къ отдѣленію естественныхъ наукъ принадлежитъ не только физика въ пространномъ смыслѣ, съ химіею и математикою, но и врачебныя и другія науки, основывающіяся на созерцаніи и испытаніи природы.

§ 4. Въ словесномъ отдѣленіи заключаются науки и знанія, относящіяся къ языкамъ древнимъ и новѣйшимъ и ихъ литературѣ, слѣдовательно, эстетика, филологія, археологія, древняя и новая исторія со всѣми вспомогательными науками.

§ 5. Каждое отдѣленіе имѣетъ директора и секретаря, избираемыхъ 30-го августа чрезъ каждое трехлѣтіе.

§ 6. Каждое отдѣленіе имѣетъ частныя засѣданія для сужденія о знаніяхъ и наукахъ, къ нему принадлежащихъ.

§ 7. Оба отдѣленія, соединенныя вмѣстѣ, составляютъ общество наукъ, коего предсѣдатель избирается ежегодно изъ членовъ университета.

§ 8. Отдѣленія сообщаютъ обществу достойное вниманіе чрезъ директора или секретаря.

§ 9. Общество имѣетъ свою печать съ государственнымъ гербомъ и надписью: печать Харьковскаго общества наукъ.

II. Члены общества.

§ 10. Члены общества суть внутренніе и внѣшніе: къ первымъ принадлежатъ ординарные члены и ассессоры; къ послѣднимъ экстра-ордин. члены или корреспонденты.

§ 11. Ординарные члены суть тѣ профессора Императ. унив., кои изъявятъ согласіе свое быть членами общества.

§ 12. Ассессоры и внѣшніе члены избираются въ торжественныхъ собраніяхъ по большинству голосовъ и получаютъ дипломы, подписанные предсѣдательствующимъ, также однимъ изъ директоровъ и секретарей.

§ 13. Въ число ассессоровъ поступаютъ ученые мужи, пребывающіе въ Харьковѣ и могущіе доставлять пользу обществу ученостію или сочиненіями своими.

14. Экстра-ординарные члены и корреспонденты присоединяются для ученаго сношенія изъ мужей, отличавшихся уваженіемъ и дѣйствительно просвѣщенныхъ. Въ выборѣ оныхъ пріемлются въ уваженіе не столько чины и знатность, сколько просвѣщеніе и ученость.

§ 15. Избираемый можетъ быть предложенъ каждымъ членомъ по представленію доказательствъ, что предлагаемый можетъ быть полезенъ обществу.

III. О предсѣдательствующемъ.

§ 16. Предсѣдательствующій избирается баллотированіемъ и представляется на утвержденіе министру просвѣщенія.

§ 17. Обязанность его есть пещись о внутреннемъ и внѣшнемъ распоряженіи.

дила и медицина) и словеснаго (обнимавшаго циклъ историко-филологическихъ наукъ). Каждое отдѣленіе имѣло свою администрацію и отдѣльныя засѣданія; соединяясь же вмѣстѣ, отдѣленія составляли общество наукъ, во главѣ котораго стоялъ общій предсѣдатель. Составъ членовъ былъ очень разнообразный: сюда входили профессора и преподаватели университета, посторонніе ученые и образованные представители мѣстнаго общества; при выборѣ этихъ послѣднихъ нужно было принимать во вниманіе „не столько чины и знатность, сколько просвѣщеніе и ученость". Обычныя засѣданія должны были происходить одинъ разъ въ мѣсяцъ. Каждый годъ долженъ былъ выходить томъ ученыхъ трудовъ общества на латинскомъ языкѣ и сверхъ того, по мѣрѣ накопленія матеріала, дневныя записки на русскомъ языкѣ. Субсидію на изда-

---

§ 18. Онъ получаетъ и распечатываетъ пакеты, присылаемыя на имя общества.

§ 19. Онъ чрезъ директоровъ сообщаетъ отдѣленіямъ общества то, что для нихъ принадлежитъ.

§ 20. Въ отсутствіи предсѣдательствующаго одинъ изъ директоровъ отправляетъ его должность.

IV. О директорахъ и секретаряхъ.

§ 21. Директоры въ засѣданіяхъ занимаютъ первое мѣсто по предсѣдательствующемъ, а въ отдѣленіяхъ имѣютъ тужъ обязанность, какую предсѣдательствующій въ обществѣ.

§ 22. Секретари отдѣленій суть и секретари общества.

§ 23. Они сочиняютъ дневныя записки своего отдѣленія, наблюдаютъ порядокъ дѣлъ и замѣчаютъ не бывшихъ въ засѣданіи.

§ 24. Секретари въ публичныхъ засѣданіяхъ занимаютъ первое мѣсто по директорѣ.

§ 25. Они по очереди сочиняютъ дневныя записки общества.

§ 26. Они пекутся о изданіи и печатаніи записокъ своего отдѣленія.

§ 27. Они сочиняютъ письменныя сношенія къ внѣшнимъ членамъ, посылаемыя за подписаніемъ директора и секретаря.

§ 28. Въ публичномъ собраніи представляютъ изложеніе годичныхъ занятій общества.

§ 29. Они хранятъ печать общества и порядокъ архива.

V. О занятіяхъ и правилахъ общества.

§ 30. Общество наукъ имѣетъ засѣданія: a) торжественныя 30 августа въ день тезоименитства Е. И. В.; b) обыкновенныя въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца; c) по назначенію предсѣдательствующаго или занимающаго мѣсто онаго.

§ 31. Въ засѣданіяхъ: a) читаются отношенія внѣшнихъ членовъ общества; b) читаются разсужденія, опыты и наблюденія внутреннихъ членовъ по порядку ежегодно назначенному; c) предлагается о томъ, что полезно обществу.

§ 32. Утвержденное обществомъ печатается, неутвержденное возвращается сочинителю, буде потребуетъ.

§ 33. Общество наукъ издаетъ 2 рода сочиненій: 1) Разсужденія на латинскомъ яз., въ коихъ помѣщается все, относящееся къ распространенію наукъ

ніе своихъ трудовъ общество, согласно 9 § устава, могло получать отъ университета.

Спрашивается теперь—въ какой мѣрѣ были выполнены эти desiderata? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ послужить данныя о дѣятельности общества въ первые годы его существованія, извлекаемыя нами изъ перваго (и, кажется, единственнаго) тома его трудовъ, вышедшаго притомъ только въ 1817 году [1]). Оказывается, что въ самомъ началѣ общество состояло изъ 10 членовъ: ректора Стойковича, проф. Осиповскаго, Шада, Гизе, Роммеля, Книгина, Каменскаго Ланга, Швейкарта и Срезневскаго. Первое засѣданіе его состоялось 19 марта 1813 г.; на немъ прочитанъ былъ утвержденный правительствомъ уставъ и произведены выборы. Предсѣдателемъ оказался избраннымъ Стойковичъ, ди-

---

и знаній, новѣйшія открытія самихъ членовъ или другихъ ученыхъ мужей и вообще все то, что въ ученомъ свѣтѣ должно быть извѣстно; 2) дневныя записки на россійскомъ яз., гдѣ помѣщается одно то, что для какого либо класса граждан въ отечествѣ полезно и извѣстно быть должно.

§ 34. Разсужденій (Commentatio) ежегодно издается 1 томъ, число же томовъ дневныхъ записокъ (diaria) не опредѣляется и зависитъ отъ неудобопредвидимыхъ обстоятельствъ.

§ 35. Въ изданіи разсужденій и дневныхъ записокъ общество вспомоществуется университетомъ по силѣ § 9 устава университета.

§ 36. Мнѣнія рѣшаются большинствомъ голосовъ, собираемыхъ и сличаемыхъ предсѣдательствующимъ.

§ 37. При равенствѣ голосовъ предсѣдательствующій рѣшитъ дѣло вторичнымъ голосомъ.

§ 38. Въ засѣданіяхъ общества наукъ запрещается всякое сужденіе, непринадлежащее къ наукамъ и знаніямъ.

§ 39. Важнѣйшіе случаи, требующіе обстоятельнѣйшаго разсмотрѣнія, препоручаются одному изъ отдѣленій или особому комитету.

§ 40. Общество наукъ предоставляетъ себѣ право по обстоятельствамъ времени что либо перемѣнить и вновь прибавить съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія. Подлинное подписалъ *Г. Алексѣй Разумовскій.*

(Текстъ его, Высочайше одобренный по докладу министра народн. просвѣщ. въ ноябрѣ 1812 г., взятъ нами изъ повременнаго изданія, соотвѣтствовавшаго по своему характеру нынѣшнему Журналу министерства народнаго просвѣщенія и носившаго названіе „Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія“ 1813 г., № XXXV, стр. 237—244. Мы пользовались экземпляромъ этого изданія въ Импер. Публ. библіотекѣ и отмѣтили въ немъ все то, что относится къ Харьковскому университету за первыя десять лѣтъ его существованія. Ср. также Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1812 г. Объ утвержденіи устава общества наукъ при Харьк. университетѣ № 53).

[1]) Вотъ точное заглавіе этой книги: „Труды общества наукъ, состоящаго при Императ. Харьк. универ., т. 1-й, Харьковъ. 1817, въ унив. тип., ч. 1-я, XXXVII, 206, ч. 2-я 200 стр.; мы пользовались экземпляромъ Имп. публичной библіотеки.

ректоромъ естественно-историческаго отдѣленія Осиповскій, секретаремъ Каменскій, директоромъ словеснаго отдѣленія Срезневскій, секретаремъ Лангъ; въ члены ассесоры избраны были бывшіе раньше магистрами, а въ то время состоявшіе уже адъюнктами Успенскій, Громовъ и Комлишинскій. Въ томъ же 1813 году общество имѣло еще два засѣданія (30 августа—торжественное—въ день тезоименитства государя и обычное 11 октября). Стойковича утвердилъ министръ въ его званіи предсѣдателя; но онъ въ это время долженъ былъ уйти изъ университета, и на его мѣсто избранъ былъ Роммель; тогда же переименованъ въ дѣйствительные члены Успенскій. Вслѣдствіе малочисленности членовъ (Гизе вышелъ изъ общества) и отказа обоихъ секретарей (Каменскаго и Ланга), должность секретаря 2-го отдѣленія возложена была на предсѣдателя его проф. Срезневскаго.

Въ слѣдующемъ 1814 году общество имѣло 7 засѣданій (24 января, 7 марта, 11 апрѣля, 2 мая, 6 іюня, 1 и 30 августа). Члены его занимались главнымъ образомъ внутренней организаціей. Проф. Роммель, вступая въ должность предсѣдателя, читалъ на латинскомъ языкѣ разсужденіе „объ учебныхъ заведеніяхъ какъ въ древнія, такъ и въ новѣйшія времена и объ отношеніи сихъ заведеній къ политическому состоянію вообще". Кромѣ того доставлены были еще слѣдующіе рефераты, разсмотрѣніе которыхъ было также однимъ изъ предметовъ занятій общества: 1) о дѣйствіи силъ на гибкія тѣла и о происходящемъ отъ того равновѣсіи—Осиповскаго, 2) о движеніи тѣлъ, бросаемыхъ на поверхности земной—его же, 3) опытъ объ основаніи математической теоріи жидкихъ тѣлъ по началамъ предѣловъ—адъюнкта Архангельскаго, 4) о доказательствѣ начала скоростей стремленія — его же, 5) о правилахъ правописанія буквы *ѣ* и *е* съ присовокупленіемъ таблицы первообразныхъ словъ, въ которыхъ буква *ѣ* всегда употребляется—учителя Харьковской гимназіи Любовскаго, 6) о домашнемъ воспитаніи дѣтей—учителя Аѳанасьева (изъ Трубчевска), 7) изложеніе нѣкоторыхъ псалмовъ, переводъ двухъ одъ Гораціевыхъ и нѣкоторыя другія стихотворенія—проф. Срезневскаго, 8) о языческомъ богослуженіи предковъ нашихъ и сходствѣ его съ богослуженіемъ египтянъ, грековъ и другихъ древнихъ народовъ—проф. Успенскаго, 9) описаніе нѣкоторыхъ жестокрылыхъ насѣкомыхъ (caleoptera) южной Россіи на нѣмецкомъ языкѣ—Матеса (сочиненіе это общество поручило перевести на русскій языкъ адъюнкту Громову, 10) замѣчанія на мнѣніе его преосвященства митрополита Платона, что соборная Преображенская церковь въ Черниговѣ построена въ 1024 г. — директора училищъ Черниговской губ. Маркова, (сочиненіе это было передано въ общество изъ училищнаго комитета). Бор-

зенкову поручено было перевести на русскій яз. два письма, приписываемыя Саллюстію—„de ordinanda republica“, которыя, при тогдашнихъ политическихъ обстоятельствахъ, могли представлять живой интересъ. Дабы облегчить просмотръ этихъ матеріаловъ и составить о нихъ надлежащее сужденіе, общество рѣшило раздать ихъ отдѣльнымъ членамъ, съ тѣмъ чтобы они изложили потомъ вкратцѣ ихъ содержаніе и дали о нихъ свое заключеніе. Проф. Швейкартъ отказался отъ участія въ дѣлахъ, но эта потеря вознаграждена была согласіемъ проф. Гизе снова вступить въ члены общества. Это послѣднее старалось также расширить кругъ своихъ дѣйствій и сдѣлать болѣе успѣшной свою дѣятельность. Съ этою цѣлью оно увеличило число членовъ. Еще въ засѣданіи 24 января оно избрало въ ассессоры проф. Таубера и адъюнктовъ Архангельскаго и Борзенкова, 2-го мая—въ дѣйствительные члены епископа Слободско-украинскаго Аполлоса, губернатора Бахтина, стат. сов. Муратова, извѣстнаго ученаго ботаника дѣйств. стат. сов. Биберштейна, В. Н. Каразина, стат. сов. В. В. Капниста, литератора А. А. Палицына, ректора Харьковскаго коллегіума Прокоповича, протоіерея Харьковскаго собора Могилевскаго, проф. Казанскаго университета Френа, проф. Ярославскаго лицея Шмидта, учителя рисованія въ университетѣ Матеса. Для составленія библіотеки общество получило въ даръ нѣсколько книгъ (6)—отъ проф. Шмидта, Срезневскаго, ректора Абовскаго университета Гелстрема. Такъ какъ въ его распоряженіи не было никакихъ денежныхъ средствъ, то въ засѣданіи 30 августа среди членовъ его была сдѣлана добровольная подписка, давшая въ итогѣ 135 руб. По окончаніи срока предсѣдательства Роммеля, на его мѣсто избранъ былъ Осиповскій, а на мѣсто этого послѣдняго директоромъ отдѣленія проф. Книгинъ.

Такова была дѣятельность общества въ первые два года его существованія. Она, какъ мы видимъ, не вполнѣ соотвѣтствовала надеждамъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ уставѣ: засѣданія были не ежемѣсячныя; печатныхъ трудовъ въ это время вовсе не было издано, членовъ было мало. Но все-таки, говоря безотносительно, общество сдѣлало довольно много, особенно во 2-й годъ своей дѣятельности (1814 г.): количество членовъ замѣтно возрасло; доставлено было десять рефератовъ, и въ томъ числѣ цѣнныя работы Осиповскаго, Архангельскаго, Успенскаго и нѣкоторыя мѣстныя изслѣдованія; задумано устройство библіотеки; собрана небольшая сумма доброхотныхъ пожертвованій.

Чтобы покончить съ *ученою* дѣятельностью Харьковскаго университета, мы должны еще сказать нѣсколько словъ о работахъ двухъ почетныхъ членовъ его, проживавшихъ въ Харьковской губерніи—Вас. Наз. Каразина и Биберштейна. Мы знаемъ, что В. Н. Каразину Харьковскій

университетъ, можно сказать, обязанъ своимъ существованіемъ; мы видѣли, что и послѣ отстраненія отъ дѣлъ, не смотря на всю горечь обиды, Василій Назарьевичъ не разрывалъ связи съ профессорской коллегіей; въ 1811 г. университетъ избралъ его въ свои почетные члены. Въ томъ же 1811 г. В. Н. Каразинъ составилъ въ Харьковѣ учено-практическое такъ называемое *филотехническое* общество, соотвѣтствовавшее по своей программѣ нынѣшнимъ сельскохозяйственному и отчасти техническому. 17 января 1811 г. состоялось предварительное собраніе учредителей, въ количествѣ 35 человѣкъ; все это были помѣщики Харьковской и отчасти Курской, Воронежской и Екатеринославской губ., а изъ ученыхъ два профессора Харьковскаго университета—Стойковичъ и Гизе, избранные вслѣдъ затѣмъ въ почетные члены общества. Въ составъ общества входили дѣйствительные и почетные члены; первыхъ могло быть неограниченное количество: всякій помѣщикъ харьковской и сосѣднихъ губерній южной Россіи (екатер., херсон., таврич., полт., черн., курск. и ворон.) могъ вступить въ общество; вторыхъ должно было быть не болѣе 10 человѣкъ изъ ученыхъ естествоиспытателей, физиковъ, химиковъ или технологовъ—отечественныхъ и иностранныхъ. „Обязанность почетныхъ членовъ — содѣйствовать предмету общества своими умозрѣніями, изслѣдованіями, которыя иногда могутъ быть поручены имъ, доставленіемъ полезныхъ новостей, къ свѣдѣнію ихъ доходящихъ или ими изобрѣтенныхъ по разнымъ частямъ искусствъ и домоводства, которыя могутъ имѣть отношеніе къ полуденнымъ губерніямъ Россіи“. Научный характеръ новаго общества проявлялся еще и въ стремленіи его устраивать образцовыя заведенія (напримѣръ, опытныя поля и т. п.)—къ этому даже, можно сказать, и свелась главнымъ образомъ дѣятельность общества или, точнѣе говоря, бывшаго его душею и единственнымъ серьезнымъ работникомъ правителя дѣлъ и основателя В. Н. Каразина. Въ 1811 г. „В. Н. Каразинъ продолжалъ заниматься улучшеніемъ и упрощеніемъ селитроваренія, винокуренія, кожевеннаго производства, сушенія плодовъ по новому имъ придуманному способу—теплотою водяныхъ паровъ“, сушенія червца, т. е. кошенили, приготовленія плодовыхъ наливокъ и водянокъ, вишневаго спирта, опытами надъ красильными травами и минералами“. При всемъ этомъ преслѣдовались практическія цѣли сельско-хозяйственныхъ улучшеній.

Весьма важно, что самъ В. Н. Каразинъ связываетъ первую мысль отъ этомъ обществѣ съ основаніемъ Харьковскаго университета. „Мысль о составленіи сего общества, пишетъ онъ въ предъувѣдомленіи, и именно въ нашихъ полуденныхъ губерніяхъ, не можетъ назваться новою. Она была соединена въ началѣ благоденственнаго нынѣшняго царство-

ванія, съ идеею объ учрежденіи въ Харьковѣ университета“ [1]). Въ довольно тѣсной связи съ университетомъ былъ и Биберштейнъ, Baron Friedrich Marschall von Biberstein (у насъ Ѳедоръ Кондратьевичъ). Онъ родился въ 1768 г. въ Штутгартѣ, учился въ тамошнемъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ былъ товарищемъ Кювье, и ревностно занимался ботаникой и зоологіей. По окончаніи образованія, Биберштейнъ, въ качествѣ секретаря гр. Каховскаго, поѣхалъ въ Крымъ. Въ 1795 г. Биберштейнъ, въ чинѣ капитана русской службы, вышелъ въ отставку и отправился въ Петербургъ, въ слѣдующемъ году, въ качествѣ естествоиспытателя, сопровождалъ персидскую экспедицію Зубова. Вернувшись, издалъ „Tableau des provinces situées sur la côté occidentale de la mer Caspienne (СПб., 1798). Еще раньше въ Крыму, гдѣ Биберштейнъ работалъ надъ капитальнымъ своимъ трудомъ „Flora taurico-caucasica“ (Харьковъ, 1808 г.), онъ познакомился съ Габлицемъ, которому поручено было заведеніе шелководства въ Россіи, и получилъ мѣсто инспектора шелководства по Кавказской линіи. Объѣздивъ въ 1798—1799 и этотъ районъ, Биберштейнъ представилъ тогдашней экспедиціи государственнаго хозяйства подробный отчетъ, которымъ Импер. Павелъ дотого остался доволенъ, что назначилъ автора главнымъ инспекторомъ шелководства всей „полуденной Россіи“. Поселившись въ 1807 г. близь Харькова въ Мерефѣ, Б. занялся изданіемъ „Centuria plantarum Rossiae meridionalis“ съ рисунками Як. Матеса (учителя рисованія при Харьковскомъ университетѣ), законченное Академіей наукъ уже послѣ смерти Биберштейна. Императоръ Александръ высоко цѣнилъ заслуги Б. и пожаловалъ ему 5000 дес. земли. Б. умеръ 16 іюня 1826 г. въ Мерефѣ близь Харькова. Неизданнымъ осталось пространное описаніе Грузіи и древностей Крыма“ [2]). Биберштейнъ близко стоялъ къ университету и его интересамъ: въ университетской типографіи онъ напечаталъ два своихъ важнѣйшихъ труда: „Flora Taurico-Caucasica“ и „Centuria plantarum“; преподаватель рисованія въ университетѣ Матесъ сдѣлалъ рисунки къ послѣднему сочиненію; мы видѣли ихъ—и должны сознаться, что они представляютъ въ своемъ родѣ шедевръ; да и вообще печатаніе этой книги дѣлаетъ честь университетской типографіи. Представьте себѣ роскошное изданіе in quarto, въ которомъ 50 страницъ латинскаго текста и 50 же страницъ художественныхъ, раскрашенныхъ отъ руки рисунковъ; бумага плотная, толстая; шрифтъ чрезвычайно крупный, удобочитаемый. Роммель раз-

[1]) См. объ этомъ брошюру В. Н. Каразина „Извѣстіе о филотехническомъ обществѣ“, Харьк., въ универ. типогр. 1811 г., 39 стр.

[2]) Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона, 1-й полутомъ, стр. 658. Ср. критико-біограф. Словарь Венгерова, т. 3, стр. 243—245.

сказываетъ, что онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Биберштейномъ и расширялъ у него свои свѣдѣнія о Кавказѣ.

Не безъ вліянія университета возникла въ Харьковѣ и *первая газета* — это былъ „*Еженедѣльникъ*“ [1]), издававшійся въ 1812 г. университетскимъ книгопродавцемъ Лангнеромъ. Всего впрочемъ вышло только 12 номеровъ. Выходилъ онъ каждую субботу размѣромъ въ ½—1 печатный листъ. Подписная цѣна въ Харьковѣ была 10 руб., для иногороднихъ—12 р. Главное вниманіе издатель хотѣлъ обратить на промышленность и торговлю. „Предметомъ сихъ листовъ, писалъ онъ, являются общеполезныя знанія экономіи и технологіи, основанныя на опытахъ славныхъ мужей, также важныя коммерческія извѣстія—и напослѣдокъ въ пріятной бесѣдѣ служащіе предметы, какъ-то небольшіе стихи, анекдоты и пр.“; въ приложеніи къ каждому номеру печатались частныя объявленія. Въ основномъ отдѣлѣ помѣщались статьи, въ родѣ слѣдующихъ: „о способѣ очищенія прогорклаго масла“, „о студени изъ костей“, „о новомъ способѣ полированія стали, стекла и пр. Гютона“. Отмѣтимъ также работу профессора сельскаго хозяйства въ Харьковскомъ университетѣ К. Нельдехена „о причинахъ, почему во многихъ отъ природы, очень плодоносныхъ странахъ хозяинъ не получаетъ отъ своего домоводства тѣхъ выгодъ, какія бы онъ могъ получать“. Въ послѣдствіи появились статьи по исторіи и эстетикѣ—сюда относится монографія „о состояніи россійской арміи до временъ Екатерины II, „такова и переводная статья ученика 3-го класса Яковлева — „о предназначеніи лирическаго стихотворства Ф. Шиллера“. Точно также вмѣсто торговыхъ бюллетеней рѣшено было печатать отчеты о дѣйствіяхъ Харьковскаго благотворительнаго общества. Въ 4-мъ номерѣ своей газеты издатель объявлялъ: „при всѣхъ моихъ заботахъ доставить почтенному купечеству то, что касается его пользы, желаніе мое осталось невыполненнымъ, ибо чужеземная торговля не имѣетъ еще всего круга дѣйствія, особенно въ портахъ, откуда до сихъ поръ я не получаю извѣстій. Почему впредь вмѣсто ихъ будутъ помѣщаться отчеты Харьковскаго общества благотворенія подъ заглавіемъ—„дѣйствія общества благотворенія“. Въ отчетахъ этихъ сообщено много фактовъ о дѣятельности общества; между прочимъ приведено письмо изъ Тобольска полковника Ив. Андр. Фонъ-Креммера съ просьбой выдать пособіе сиротамъ бывшаго Тобольскаго предсѣдателя гражданской палаты кн. Ратіева. Въ отдѣлѣ мелкихъ замѣтокъ есть стихотворенія, эпиграмма Масловича. Но едва ли не самымъ интереснымъ теперь для насъ является отдѣлъ объявленій. Тутъ мы находимъ

[1]) Мы пользовались экземпляромъ Импер. Публичной библіотеки.

метеорологическія наблюденія магистра Комлишинскаго по термометру, гигрометру и барометру. Изъ объявленія самого Лангнера узнаемъ, что онъ открылъ тогда въ Харьковѣ гравировальню для нотъ. Преподаватель музыки въ университетѣ Витковскій напечаталъ широковѣщательную рекламу объ открытомъ имъ музыкальномъ магазинѣ. Извѣстный музыкантъ и докторъ философіи Гессъ-де-Кальве объявлялъ въ такихъ выраженіяхъ о концертѣ, который онъ устраивалъ въ пользу только-что возникшаго тогда, по почину Г. Ѳ. Квитки, благотворительнаго общества: „въ сей академіи разыгранъ будетъ мною вмѣстѣ съ г. Шуманомъ (молодымъ человѣкомъ—магистромъ химіи Харьковскаго университета) концертъ моего сочиненія на 2 фортепіано съ сопровожденіемъ всего оркестра, чего въ Харьковѣ до сихъ поръ еще не было; и при томъ многіе любители музыки, по моему приглашенію, будутъ мнѣ вспомоществовать своею игрою. Ласкаю себя надеждою, что почтеннѣйшая харьковская публика, отъ которой я заслужилъ нѣсколько разъ вниманіе, одобритъ и въ семъ разѣ предпріятіе мое и, удостоивъ академію своего присутствія, будетъ чрезъ то способствовать намѣренію облегчить участь страждущаго человѣчества“. Матесъ объявлялъ о своихъ урокахъ рисованія, за которые онъ назначилъ по 150 р. въ годъ; есть извѣщеніе о новомъ пансіонѣ въ Курскѣ. Проф. Беленъ-де-Баллю и Шадъ объявляли о продажѣ своихъ домовъ; у послѣдняго, оказывается, былъ каменный одноэтажный домъ на улицу и деревянный двухъэтажный флигель со всѣми службами. Очевидно, для изданія торговопромышленной газеты было выбрано неудобное время: 1812 г. былъ тяжкимъ критическимъ моментомъ для Россіи и всѣхъ ея мирныхъ занятій и въ частности для торговопромышленнаго класса.Въ этомъ заключается и коренная причина неуспѣха газеты. Уже въ одномъ изъ первыхъ номеровъ издатель объявлялъ, что подписчики сами должны брать экземпляры газеты; другой разъ заявлялось, что экземпляры „Еженедѣльника“ будутъ печататься только для постоянныхъ подписчиковъ. Наконецъ, на 12-мъ номерѣ изданіе совсѣмъ прекратилось. Замѣтимъ кстати, что оно печаталось въ количествѣ 600 экз. Отношеніе университета къ „Еженедѣльнику“ выразилось въ двухъ случаяхъ— одинъ разъ при его возникновеніи, другой — передъ прекращеніемъ. Лангнеръ представилъ рукопись перваго номера своей газеты полиціймейстеру. Но полиціймейстеръ не рѣшился дать отъ себя разрѣшенія на печатаніе газеты и отправилъ рукопись губернатору. Губернаторъ, съ своей стороны, видя, что эти еженедѣльные листы не есть родъ какихъ-либо печатныхъ объявленій или афишъ, но будутъ заключать въ себѣ важныя извѣстія и сочиненія“, призналъ, что они должны печататься съ разрѣшенія университетскаго цензурнаго комитета. Прав-

леніе, разсмотрѣвъ рукопись, увѣдомило губернатора, что печатаніе объявленій должно зависѣть отъ полиціймейстера, а извѣстій и ученыхъ статей отъ цензурнаго комитета и что этотъ послѣдній, разсмотрѣвъ первый номеръ, нашелъ въ немъ множество грамматическихъ ошибокъ и нарушеній чистоты россійскаго слога; и такъ какъ забота объ этомъ входитъ въ кругъ его обязанностей, то онъ и не можетъ разрѣшить выпустить въ свѣтъ безъ исправленій представленной ему рукописи [1]). Затѣмъ въ іюльскомъ засѣданіи правленія университета была получена отъ министра народнаго просвѣщенія бумага слѣдующаго содержанія. „Съ нѣкотораго времени доставляется во ввѣренный мнѣ департаментъ издаваемое университетскимъ книготорговцемъ Лангнеромъ періодическое сочиненіе подъ названіемъ Харьковскаго еженедѣльника, въ которомъ помѣщаются разныя извѣстія и объявленія, дающія сему изданію видъ газеты. На сіе замѣчаю, что университетскому цензурному комитету не надлежало бы дозволить таковаго рода сочиненія безъ утвержденія высшаго начальства. Между тѣмъ, видя изъ вышедшихъ уже номеровъ сей газеты, что она содержитъ по большей части ученыя статьи и частныя объявленія, предлагаю объяснить Лангнеру, чтобы онъ не выходилъ изъ сего округа и при томъ объявленія ограничилъ на одну слободскоукраинскую губернію. Впрочемъ приличнѣе было таковое сочиненіе, по примѣру другихъ округовъ, издавать отъ университета, почему имѣетъ оный, сдѣлавъ разсчетъ объ издержкахъ, потребныхъ на сіе изданіе, и прибыли, отъ него получаемой, условиться съ книгопродавцемъ, желаетъ ли онъ продолжать изданіе Еженедѣльника, подъ особеннымъ сморѣніемъ университета, отдавая въ пользу его извѣстную сумму; въ противномъ же случаѣ университетъ, кажется, могъ бы принять на себя и все изданіе, о каковомъ обстоятельствѣ буду ожидать отзыва университета“. Изъ этого видно, что министръ придавалъ скромному предпріятію Лангнера слишкомъ большое значеніе. Изъ объясненій правленія выяснилось, что Лангнеръ не только не получалъ барышей, а наоборотъ несъ одни только убытки. „Для книгопродавца Лангнера, писало правленіе министру, съ одобренія цензурнаго комитета, печатается въ университетской типографіи каждую недѣлю періодическое сочиненіе подъ названіемъ „Харьковскій еженедѣльникъ“ въ количествѣ 600 экз. Лангнеръ, какъ извѣстно членамъ правленія, издавая это сочиненіе, имѣетъ у себя на первый случай не болѣе 25 пренумерантовъ, отъ которыхъ получаетъ за цѣлый годъ около 300 руб.; между

[1]) Харьк. univер. архивъ. Журналы правл. 1812 г., январь—апрѣль, засѣданіе 1-го апрѣля.

тѣмъ университету съ мая мѣсяца по это время за отпечатаніе „Еженедѣльника“ онъ долженъ болѣе той суммы, которую получаетъ, и такъ какъ онъ обладаетъ такими скудными средствами, что не въ состояніи производить своевременно уплаты, то за него поручился профессоръ Нельдехенъ. Слѣдовательно, университетъ не имѣетъ никакой возможности получать отъ него Лангнера деньги за право изданія этого сочиненія. Равнымъ образомъ не предвидитъ для себя никакой выгоды отъ принятія на себя этого изданія, потому что въ здѣшнемъ краѣ весьма мало людей, интересующихся такими сочиненіями, какія въ немъ помѣщаются. Книгопродавецъ же продолжаетъ вести дѣло только потому, что предполагаетъ современемъ пріобрѣсти большее число подписчиковъ и тѣмъ вознаградить себя за понесенные убытки. Что же касается университета, то онъ уже вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи устроить ученое общество, которое бы занималось изданіемъ работъ по естественной исторіи и словесности. Можно думать, что запросъ министра и требованіе его ограничить объявленія въ газетѣ предѣлами одной харьковской губерніи побудили Лангнера прекратить издательскую дѣятельность ранѣе того срока, когда онъ предполагалъ это сдѣлать [1]). Все это стояло въ связи съ извѣстными уже намъ (стр. 398—399) распоряженіями гр. А. К. Разумовскаго, ограничивавшими прежнія права и вліяніе университетовъ въ дѣлѣ печати. Въ апрѣлѣ 1812 г. министръ запретилъ печатаніе харьковскихъ календарей; теперь онъ поставилъ препятствія къ изданію въ Харьковѣ еженедѣльной газеты. 1812 годъ заставлялъ себя чувствовать не только въ сферѣ внѣшней, но и внутренней политики. Въ 1813 году министръ народнаго просвѣщенія не разрѣшилъ Рижскому обывателю надворному совѣтнику Нагелю издавать переводъ на русскій языкъ его журнала „Zuschauer“, ибо „кромѣ собственныхъ политическихъ разсужденій и нѣкоторыхъ извѣстій, почерпнутыхъ непосредственно изъ иностранныхъ журналовъ, газета эта заимствуетъ почти всѣ статьи изъ Петербургскихъ вѣдомостей и Сѣверной почты, и перепечатываніе ихъ на русскомъ языкѣ могло бы сдѣлать подрывъ этимъ газетамъ“ [2]).

Наконецъ, въ связи съ университетомъ стояла и тогдашняя харьковская изящная литература. Мы видѣли, что наука тогда стояла близко къ литературѣ. Преподаваніе словесности на историко-филологическомъ факультетѣ состояло главнымъ образомъ въ изложеніи риторики и піитики, т. е. теоріи прозы и поэзіи, и сопровождалось не только разборомъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія, 1812 г., май—августъ; засѣданіе 9 іюля.

[2]) Ibidem, 1813, январь—апрѣль; засѣданіе 7 апрѣля.

поэтическихъ образцовъ, но и составленіемъ самостоятельныхъ стихотворныхъ опытовъ. Среди студентовъ господствовала страсть къ стихотворству, которая носила по истинѣ эпидемическій характеръ, захватила всѣ педагогическія сферы и получила широкое развитіе даже среди учениковъ гимназій, народныхъ и духовныхъ училищъ. И мужи науки, и юноши съ одинаковымъ увлеченіемъ стремились на Парнасъ и пробовали свои силы въ различныхъ отрасляхъ поэзіи. Огромное большинство этихъ „поэтовъ" не обладало никакими художественными дарованіями, и ихъ произведенія даже не появлялись въ печати, а если и увидѣли свѣтъ, то, конечно, не обрадовали своимъ появленіемъ современниковъ, не говоря уже о насъ — ихъ потомкахъ. Но во всемъ этомъ движеніи была несомнѣнно и хорошая сторона. Во-первыхъ, люди стремились тутъ все таки отъ низменныхъ будничныхъ интересовъ къ чему то несравненно болѣе высокому—въ область поэзіи; во-вторыхъ, при такомъ настроеніи никакъ не могло уже заглохнуть истинное дарованіе болѣе или менѣе крупный талантъ: поэтъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ развивался и благодаря теоретическому знакомству съ піитикой, т. е. правилами, пріемами поэтическаго творчества, и благодаря изученію различныхъ художественныхъ произведеній, и благодаря, наконецъ, собственнымъ опытамъ, которые при томъ могли находить подчасъ и компетентную оцѣнку среди профессоровъ—преподавателей словесности. Особенною славою въ этомъ отношеніи пользовался, какъ мы видѣли, Рижскій. По словамъ Розальонъ-Сошальскаго, онъ, выслушивая сочиненія студентовъ, указывалъ на недостатки и ошибки и давалъ дѣльные совѣты. Другой преподаватель словесности Срезневскій и самъ пробовалъ свои силы на стихотворномъ полѣ — сочинилъ и напечаталъ нѣсколько патріотическихъ одъ, конечно, въ возвышенномъ стилѣ, высокопарныхъ, надутокраснорѣчивыхъ и въ то же время—нужно сказать это—совершенно лишенныхъ художественныхъ достоинствъ.... Уже въ бытность свою харьковскимъ профессоромъ, онъ сочинилъ для музыки и напечаталъ „побѣдную пѣснь Россовъ на пораженіе безчисленныхъ силъ мечтательнаго завоевателя свѣта" и „Ораторію на торжество избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага". Въ общество наукъ Срезневскій, какъ мы знаемъ уже, передалъ нѣсколько стихотвореній, переложеній псалмовъ и въ томъ числѣ переводы Гораціевыхъ одъ. Очевидно, и на Рижскомъ, и на Срезневскомъ отразилось еще старое семинарское образованіе духовнаго типа, въ которомъ видную роль играли риторика, піитика, разборы и переложенія псалмовъ. Чтобы дать понятіе о поэтическомъ дарованіи Срезневскаго, приведемъ выдержки изъ его двухъ одъ.

Побѣдная пѣснь Россовъ.

„Несытое исчадье ада,—
Чудовище—Наполеонъ!
Ужель та кровь не стоитъ взгляда?
Не стоитъ слуха смертныхъ стонъ?
Ужель ты мыслишь дерзновенно,
Что жертва для тебя—вселенна?
Взгляни на свой пройденный путь,
И кто ты—вспомнить не забудь!
Въ какое буйно изступленье,
Въ какую вверженъ слѣпоту!
Ведетъ народы въ заколенье,
Чтобъ удовольствовать мечту!
Не мысля подданныхъ о благѣ,
Теряетъ ихъ въ кровавой влагѣ;
И въ буйство погрузяся мнитъ,
Что онъ на свѣтѣ знаменитъ!
. . . .
Забудемъ претерпѣнны раны,
И скорбь на радость премѣнимъ!
Настроимъ гусли и тимпаны
И пѣснь побѣдну возгласимъ.
Составимъ лики мусикійски
И рцемъ: великъ Господь Россійскій!
Великъ и взбраненъ для своихъ!
Великъ и страшенъ для чуждыхъ! [1])

А вотъ выдержки изъ его ораторіи.

„Сыны Россійскія державы! Хоръ 1-й.
Украсьте путь—возвысьте князи вратъ!
Се царь градетъ! Царь силъ—царь славы—
Отецъ своихъ и чуждыхъ чадъ! Хоръ 2-й
Кто есть сей царь славы?
Кто есть сей царь силъ? Хоръ 1-й.
....Онъ скипетръ свой оставилъ
И взялъ въ десницу мечъ;
Въ чужія земли путь направилъ,
Чтобъ всей землѣ *Врагу* къ злодѣйствамъ путь пресѣчь.

---

[1]) Побѣдная пѣснь Россовъ Ив. Срезневскаго, 1812 г. (экз. Имп. публ. б—ки).

Французы:

Мы о величіи мечтали,
И свѣтомъ овладѣть желали;
И думали—Наполеонъ,
Возшедъ на древній Гальскій тронъ,
Законъ всему дастъ свѣту,—
Христу и *Магомету*;
Что свѣтъ весь покоритъ
И намъ его вручитъ!
Узнали—но узнали поздно,
Когда настало время грозно,
Что чадъ у насъ и братьевъ нѣтъ;
Узнали мы мечту суетъ,—
Тиранновъ—изверговъ предметъ;
Но цѣлъ еще стоитъ весь свѣтъ.

Хоръ царей и народовъ:

Мы зрѣли чудеса природы—
Явленій дивное число;
Но никогда не зрѣли смертныхъ роды,
Чтобъ *солнце* съ сѣвера взошло!
Въ нашъ вѣкъ явилъ намъ Богъ всемощный,
Какъ Югъ огнемъ на насъ дождилъ;
И какъ суровый край полночный
Намъ росу благости излилъ;
Возсталъ противъ полдневной бури,—
И громы отразилъ;
Небесной свѣтъ лазури
И ясны дни открылъ!“ [1]).

Печальная эпопея Наполеоновскаго нашествія, очевидно, произвела сильное впечатлѣніе на умы и чувства; нашла себѣ также выраженіе и въ поэзіи (мы еще коснемся далѣе литературныхъ проявленій отзвуковъ ея, вышедшихъ изъ учительской и студенческой среды). Конечно, и самая эта поэзія интересна для насъ только какъ выраженіе настроенія тогдашняго общества. Къ радостному патріотическому хору русскихъ присоединили свой голосъ въ это время, по очень понятной причинѣ, и профессора нѣмецкаго происхожденія. Въ томъ же самомъ засѣданіи Шадъ говорилъ свою громовую рѣчь противъ Наполеона „De libertate Europae vindicata“. Магистръ Шуманъ сочинилъ музыку къ ораторіи

[1]) См. „Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Импер. Харьк. унив. 25 дек. 1814 г. въ память избавленія отечества отъ лютаго и сильнаго врага. Харьковъ, въ универс. типографіи, 1815 г., стр. 27—35.

Срезневскаго. Еще ранѣе (въ 1809 г.) профессоръ астрономіи Гутъ читалъ на актѣ по нѣмецки оду своего сочиненія, посвященную Императору Александру I. („Ode auf Alexander den Ersten, Kaiser fon Russland. An Kaiserlichen Majestät Namens-Tage den 30 August 1809“) [1]).

Но изъ среды питомцевъ Харьковскаго университета вышло двое настоящихъ литераторовъ — Ак. Нахимовъ и В. Масловичъ. Первый обладалъ очень крупнымъ дарованіемъ и пользовался въ свое время славою выдающагося сатирика-баснописца. Второй стоялъ несравненно ниже его по дарованіямъ, но и у него излюбленнымъ родомъ произведеній была басня. Такимъ образомъ, какъ бы въ дополненіе къ профессорскимъ одамъ возникла среди учащейся молодежи сатира и басня, конечно потому, что и жизнь давала положительныя и отрицательныя явленія и вторыхъ было даже больше, чѣмъ первыхъ. Дѣйствительная будничная жизнь представляла богатый матеріалъ для сатиры, которая обличала мракъ и неправду во имя просвѣщенія и добра.

Чрезвычайно интересна и поучительна въ этомъ отношеніи личность Нахимова [2])—„этого харьковскаго пѣвца, приносящаго честь и славу своему городу“. Акимъ Николаевичъ Нахимовъ — помѣщикъ богодуховскаго уѣзда (откуда родомъ и В. Н. Каразинъ) и кандидатъ Харьковскаго университета. Родился онъ въ 1782 г. въ семьѣ богатыхъ харьковскихъ дворянъ, учился въ благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, затѣмъ, по обычаю того времени, поступилъ въ военную службу, но пробылъ въ ней недолго и вернулся въ отчій домъ, когда былъ основанъ Харьковскій университетъ. Будучи влекомъ страстью къ наукамъ, онъ на 24 году жизни вступилъ въ своекоштные студенты Харьковскаго университета и этимъ удивилъ весь городъ; успѣхами и дарованіями онъ изумлялъ товарищей и наставниковъ, а, прослушавъ полный курсъ словеснаго отдѣленія, получилъ кандидатскій дипломъ. Въ университетѣ онъ началъ заниматься стихотворными опытами и уже первымъ своимъ стихотвореніемъ („Пѣснь вѣрѣ“) заслужилъ похвалу отъ не въ мѣру строгаго и требовательнаго Рижскаго. „Рижскій, говоритъ В. Масловичъ, преподавая намъ свои чтенія, всегда представлялъ до такой степени трудными обязанности стихотворца, что никто изъ насъ не осмѣливался подавать ему ни одного стиха на разсмотрѣніе, если же кто и покушался на такую неслыханную дерзость, то всегда съ трепетомъ въ сердцѣ. Строгость Рижскаго почти не имѣла границъ. На ру-

[1]) См. Рѣчи, 1809 г., стр. 27—32.

[2]) В. Масловича. Память о харьковскомъ стихотворцѣ Ак. Ник. Нахимовѣ. Спб. 1881 г., ср. также обстоятельную статью о Нахимовѣ Чирикова въ Рус. Стар. 1880 г., ноябрь и декабрь; въ ней много новыхъ произведеній Нахимова.

кописи указаннаго нами стихотворенія Нахимова сохранилась авторская приписка—„мужественное подражаніе псалму 17“, а въ концѣ слѣдующая надпись рукою Рижскаго: „подражаніе очень хорошо. Вмѣсто часто повторяемаго союза *и*, что свойственно языку еврейскому, надобно употреблять связи, сроднѣйшія россійскому слову“ [1]). Похвала Рижскаго должна была ободрить начинающаго стихотворца. Неудивительно, что это стихотвореніе понравилось Рижскому: оно было написано въ его духѣ.

Впрочемъ такого религіознаго содержанія у Нахимова было еще только два произведенія; изъ нихъ „Молитва“ состоитъ всего изъ одного четырестишія и очень удачна:

Услышь меня, о Боже, съ высоты!
Мольбу единую къ Тебѣ я возсылаю:
Подай всещедрый мнѣ не то, чего желаю,
Но то, что самъ подать восхощешь Ты!

Но полученіе кандидатскаго диплома Нахимовъ уже описалъ въ очень игривомъ, шуточномъ стихотвореніи, проникнутомъ добродушной ироніей. *На полученіе кандидатскаго достоинства*.

Къ перу! Излей восторгъ и радость опиши!
За риѳмой риѳма вслѣдъ, стихъ за стихомъ спѣши!
Десницей мощнаго ученаго сената
Се изъ ничтожества внезапно извлеченъ!
Петлицъ сіяніемъ сребристымъ озаренъ,
Стою на степени высокой кандидата!
И слава, осѣнивъ меня своимъ крыломъ,
Съ улыбкой кажетъ всѣмъ печатный мой дипломъ!
Но могутъ ли толпы безумнаго народа
Таинственный дипломъ понять безъ перевода?
Невѣжды прочь! А ты Дедаловъ правнукъ, Блюмъ [2])
Въ столярномъ мастерствѣ яви свой дивный умъ:
Сооруди ковчегъ красивый и огромный,
И — что всего важнѣй — толь крѣпкій и укромный,
Чтобъ время и потопъ, огнь, буря, градъ и громъ
И крысы не могли мой повредить дипломъ!

---

[1]) Сочиненія Нахимова въ стихахъ и прозѣ. Изд. 2-е. Харьк., 1816 г., и статья Чирикова. Мы имѣли въ своихъ рукахъ и рукописныя сочиненія Нахимова; одни изъ нихъ хранятся въ библіотекѣ Харьковскаго университета, другія были переданы мнѣ глубокоуважаемымъ Н. А. Лавровскимъ.

[2]) Извѣстнѣйшій въ городѣ столяръ — тотъ самый, который вывезенъ былъ изъ Петербурга В. Н. Каразинымъ для университета.

Если мы вспомнимъ, какое значеніе придавали тогда ученымъ степенямъ (Паки-де-Совиньи повѣсилъ свой докторскій дипломъ, отпечатанный огромными буквами, подъ зеркаломъ), то для насъ станетъ ясно, что Нахимовъ осмѣивалъ здѣсь господствующую черту времени—страсть къ внѣшнимъ отличіямъ даже среди ученыхъ. Выйдя изъ университета, Нахимовъ поселился у себя въ деревнѣ и предался сочинительству. Но изъ скромности никому не показывалъ своихъ произведеній (даже отцу). 6 августа 1809 г., какъ мы знаемъ, появился указъ, требовавшій университетскаго диплома для полученія ассесорскаго чина. Нахимовъ, рѣзко вооружавшійся противъ „приказныхъ“, посвятилъ имъ слѣдующую элегію:

„Восплачь, канцеляристъ, повытчикъ, секретарь,
Надсмотрщикъ, возрыдай и вся приказна тварь!
Ланиты въ горести чернилами натрите
И въ перси перьями другъ друга поразите:
О сколь вы за грѣхи наказаны судьбой!
Зрятъ тучу страшную палаты надъ собой,
Которой молнія грозитъ вамъ просвѣщеньемъ,
И акциденцій всѣхъ и ябедъ истребленьемъ.
Какъ древо сокрушенъ падетъ подъячихъ родъ;
Увы! Насталъ теперь для васъ печальный годъ!
Какія времена! Должны вы слушать курсы,
Судебныя мѣста всѣ превратятся въ бурсы.
Ахъ! Если бы воскресъ одинъ хоть думный дьякъ
И съ челобитною явясь предъ царскій зракъ,
Чѣмъ заслужили гнѣвъ мои, воскликнулъ, внуки?
Что посылаются къ нимъ палачи науки!
Ты хочешь, чтобы отъ ихъ немилосердныхъ рукъ,
Расправился или переломился крюкъ.
О солнце, не лишай, ты, филиновъ затменья!
Да крюкъ пребудетъ крюкъ по силѣ уложенья!
Но что! Гдѣ дьякъ и гдѣ прошеніе къ царю?
Бѣда коллежскому теперь секретарю.
О чинъ ассесорскій, толико вожделѣнный!
Ты убѣгаешь днесь, когда я восхищенный
Мнилъ обнимать тебя, какъ друга, какъ алтынъ;
Быть можетъ, навсегда прости любезный чинъ;
Сколь тяжко для меня, степенна человѣка,
Учиться начинать, проживши ужъ полъвѣка,
Какія каверзы, какое зло для насъ
О просвѣщеніи гласящій намъ указъ!

Друзья! Пока еще не свѣтло въ нашемъ мірѣ—
На счетъ просителей пойдемъ гулять въ трактирѣ;
Съ отчаянья начнемъ какъ можно больше драть;
Свѣтъ близокъ — должно ли ворамъ теперь дремать? [1]).

Вслѣдствіе указа 6 августа 1809 г. въ Харьковскомъ университетѣ, какъ мы знаемъ, были открыты курсы для чиновниковъ, желавшихъ подготовиться къ экзамену на чинъ, и Нахимовъ былъ приглашенъ туда преподавателемъ россійской грамматики, риторики, піитики и эстетики. Свой курсъ словесности онъ открылъ по истинѣ великолѣпнымъ „*Предисловіемъ къ Россійской грамматикѣ*“. Вотъ оно:

„Блаженъ, кто въ жизни сей съ указкой межъ перстовъ,
Прошедъ сквозь *юсъ* и *кси*, достигнулъ до складовъ,
И тамо въ *бра* и *дра* прилежно углублялся;
Чей умъ во чтеніи довольно подвизался,
И наконецъ, явя въ писаніи успѣхъ,
Россійской грамоты взошелъ на самый верхъ,
Какъ уголь отъ золы, такъ отъ невѣждъ отличенъ,
Кто рисовать *азы* способенъ и привыченъ;
Почтенъ отъ всѣхъ такой премудрый человѣкъ,
И передъ нимъ ничто кузнецъ и дровосѣкъ.
Въ Россіи изстари ведутся грамотѣи,
Преборзые писцы, прехитры крючкодѣи,
Которыхъ дивная, пернатая рука,
Какъ лошадь почтова поспѣшна и прытка.
Реченныя руки подъ гибкими перстами
Плодятся литеры съ различными хвостами.
Писать—велика вещь, достойная трудовъ;
Но льзяль безъ горести взирать на тѣхъ писцовъ,
Которы пишутъ такъ проворно крючковато,
Да только безъ пути, неясно, длинновато?
Тарабарщина—плодъ ихъ жалкаго пера!
Подобно до временъ Великаго Петра
Изъ лыкъ сандаліи чухонцы соплетали,
Однакоже они искусства въ томъ не знали;
Но лишь Монархъ на нихъ вниманье обратилъ,
Чухонскій лапоть вдругъ видъ новый получилъ.
Россійской грамотѣ полезно то и нужно,
Чтобъ жить съ грамматикой всегда въ связи и дружно;

---

[1]) Сочиненія А. Нахимова, стр. 11—12.

Являютъ опыты, что безъ науки сей
Калѣка иль слѣпецъ несчастный грамотѣй!
Искусно съ глазъ его бѣльмо оно снимаетъ;
О чудо! грамотникъ внезапно прозираетъ,
Какъ солнце азбука тогда предъ нимъ блеститъ,
Не вѣря самъ себѣ, онъ съ изумленьемъ зритъ
Разнообразныхъ словъ начало, родъ и свойство,
Премѣны дивныя и чудное устройство!
Прозрѣвшій грамотѣй не ощупью идетъ,
Въ писаніяхъ его тарабарщины нѣтъ;
И слава громкая повсюду возвѣщаетъ:
„Такого то писца ужъ всякій понимаетъ“ [1]).

Къ своимъ слушателямъ Нахимовъ относился сатирически: заставлялъ писать на доскѣ мѣломъ „похвалу гусинному перу“ или басню „дьякъ и нищій“, заставлялъ склонять имена существительныя—листъ и хлыстъ, сучокъ и крючокъ или спрягать глаголы брать и драть. Вотъ эта „похвала гусинному перу“.

Природа перьями довольствуетъ гусей,
А гуси оными снабжаютъ писарей;
Гусинное крыло безъ перьевъ ослабѣетъ,
А писарска рука безъ оныхъ оскудѣетъ!
За данно вамъ добро
Природу, гуси, восхвалите;
За драгоцѣнное перо
Подъячіе главу предъ гусемъ приклоните!

Конечно, подобные выходки вызывали неудовольствіе, хотя, по всей вѣроятности, и скрытое, затаенное, потому что открыто выражать его значило бы принимать на свой счетъ всѣ указанія на алчность и взяточничество приказныхъ. Притомъ слушатели находили чтенія Нахимова очень живыми, ясными и нетрудными.

Натура у Нахимова была экспансивная, впечатлительная. Мысли свои онъ выражалъ рѣзко, о несправедливостяхъ говорилъ съ жаромъ и негодованіемъ; особенно вооружался противъ чиновничества за его взяточничество. По словамъ біографа, у него отъ природы было сильнѣйшее отвращеніе къ злоупотребленіямъ, которыя доводили его до изступленія. Это былъ сатирикъ по натурѣ: негодованіе, смѣлость, увѣренность въ себѣ были руководящими его чертами. Самъ онъ, будучи богатъ, жилъ весьма просто и умѣренно, по философски, презиралъ рос-

[1]) Соч. Ак. Нахимова, стр. 9—10.

кошь, не любилъ денегъ. Одѣвался въ особый костюмъ, носилъ толстую суковатую палку; былъ преданъ просвѣщенію; зналъ четыре языка—латинскій, нѣмецкій, французскій, англійскій — и на послѣднихъ трехъ свободно изъяснялся. Кабинетъ его былъ переполненъ книгами, разбросанными въ хаотическомъ безпорядкѣ. Когда являлось у него поэтическое вдохновеніе, онъ велѣлъ запирать ставни (хотя бы это было днемъ), зажигалъ свѣчи—и писалъ. Вообще это былъ большой оригиналъ. Къ сожалѣнію, у него была слабость—онъ запивалъ. Умеръ онъ въ раннемъ возрастѣ—на 32 году жизни отъ гнилой горячки (17 іюля 1814 г.). Масловичъ ставитъ его какъ баснописца очень высоко—сейчасъ же послѣ Хемницера, Дмитріева и Крылова. Жители Слободскоукраинской губ. должны, по его словамъ, гордиться имъ. Ихъ пѣвецъ Нахимовъ свидѣтельствуетъ „сколь отлична отъ другихъ, сколь просвѣщена страна наша. Нахимовъ свидѣтельствуетъ о знаніяхъ нашихъ и остроуміи“. Чтобы дать понятіе о Нахимовѣ, какъ баснописцѣ, приведемъ здѣсь лучшую изъ его басенъ „Живописецъ“ [1]), тѣмъ болѣе, что она имѣетъ и автобіографическій характеръ.

„Былъ живописецъ славный,
Рафаилу въ искусствѣ равный,
И очень, очень не дуракъ;
Но сердцемъ жалкій былъ простакъ;
Ужъ до того онъ совѣсти держался,
Что даже знатнымъ льстить боялся!
А кто сіе почтетъ за грѣхъ?
Спросите вы у всѣхъ!
Сей добрый человѣкъ хотѣлъ себя прославить
И чѣмъ же? Вздумалъ онъ представить
Пороки всѣ и глупости людей.
Судя по мастерству онъ сущій чародѣй!
Нельстива кисть его, что ни изобразила—
Одушевила.
Картину кончивши, тотчасъ
Онъ выставилъ ее народу на показъ;
Но лишь ее узрѣли,
Кокетки обомлѣли;
У плута волосъ дыбомъ сталъ,
Лжецъ трепеталъ,
Грызть ногти началъ скряга,
Грозилъ указами сутяга,

[1]) Соч. Ак. Нахимова, стр. 43—44.

Кобенился предъ живописцемъ франтъ,
И Катилиною назвалъ его педантъ!
Пылая въ сердцѣ мщеньемъ,
Порочные кричатъ художнику съ презрѣньемъ:
„Ты пасквиль написалъ,
Честь нашу обругалъ;
Въ картинѣ сей хотѣлъ смѣяться ты надъ нами“.
Художникъ отвѣчалъ:
„Я глупость и порокъ изобразить желалъ,
А васъ не трогалъ я, да я васъ и не зналъ:
Уродовъ можно ли вамъ сравнивать съ собою,
Когда красавцы вы душою?
Но мастеръ сей не могъ себя тѣмъ оправдать,
Хоть умные его взялися защищать,
Но ихъ немного было,
И все витійство ихъ глупцовъ не убѣдило,—
Художникъ отданъ былъ подъ судъ,
Который сжечь велѣлъ его прекрасный трудъ.

Такъ будетъ всякому, кто только даръ имѣетъ
И льстить пороку не умѣетъ“.

И самъ Нахимовъ дѣйствительно возставалъ только противъ глупости и порока, въ какихъ бы видахъ они не являлись, и ратовалъ за просвѣщеніе и честность.

Вотъ, напримѣръ, его басенька „*Юпитеръ и Нетопыри*“:

О просвѣщеніи Юпитера просили
Нетопыри, хотя во тьмѣ счастливо жили:
Смѣясь Юпитеръ тварямъ симъ
Тотчасъ исполнилъ ихъ прошенье:
Въ жилище мрачное гнилушку бросилъ имъ,
Сказавъ: Нетопыри! Вотъ ваше просвѣщенье.

Глубоко уважая просвѣщеніе и разсадникъ его—Харьковскій университетъ, Нахимовъ въ то же время сочиняетъ эпиграмму на тѣхъ дѣятелей его, которые не имѣли ничего общаго съ наукой и просвѣщеніемъ.

Просвѣтители:

Чтобъ мрачную страну наукой озарить,
Ученыхъ множество въ Украину валитъ.
Сіяютъ здѣсь они, какъ въ темнотѣ зарницы.
Но что блеститъ у нихъ? Мундирныя петлицы!

Не безъ вліянія тѣхъ раздоровъ, которые происходили въ Харьковскомъ университетѣ въ 1812—1814 гг., Нахимовъ сочиняетъ слѣ-

дующее удачное четырестишіе на тему о рѣдкостяхъ, которыя онъ видѣлъ... во снѣ.

„Я видѣлъ дивное сословіе ученыхъ,
Которы въ подвигахъ, ихъ званію достойныхъ,
Хранили здравый смыслъ, честь, нравы и покой:—
Отъ зависти они не грызлись межъ собой“.
Тогда же, говоритъ онъ,
„Я видѣлъ торжество наукъ, достоинствъ, чести,
Позоръ невѣжества, изгнанье подлой лести,
Въ семействахъ тишину и счастіе вездѣ;
Я видѣлъ все сіе, и видѣлъ все... во снѣ“.

Нахимовъ былъ ярый поборникъ просвѣщенія. Одно изъ его прозаическихъ сочиненій спеціально посвящено защитѣ его отъ невѣжественныхъ нападковъ хулителей. Оно носитъ заглавіе „Нѣчто объ умѣ и просвѣщеніи“. „Что же думать о людяхъ, говоритъ онъ тутъ, которые ненавидятъ просвѣщеніе и бѣгаютъ отъ него, какъ отъ чумы? Тѣ, которые благословляютъ невѣжество по долговременной къ нему привычкѣ, заслуживаютъ всякое снисхожденіе. Естественно ли, чтобы человѣкъ, родившійся и взросшій во мракѣ, могъ прославлять лучи солнца, которые въ первый разъ поражаютъ слабое его зрѣніе? Мало по малу ощутитъ онъ благотворное ихъ дѣйствіе и тогда не позавидуетъ прежнему своему состоянію. О тѣхъ же, которые не терпятъ свѣта наукъ, какъ бы по особливой своей природѣ, справедливо можно заключить, что они суть филины, нетопыри рода человѣческаго; но какъ въ угожденіе мышамъ летучимъ не угаснетъ солнце въ мірѣ, коимъ управляетъ премудрое Божество, такъ въ угожденіе мизософамъ не угаснетъ свѣтъ наукъ въ государствѣ, гдѣ царствуетъ геній богоподобный“. Въ рукописи имѣется еще отсутствующее въ печатныхъ изданіяхъ продолженіе этой статьи слѣдующаго содержанія. „Бѣдное просвѣщеніе! И ты имѣешь непріятелей. Виновна ли религія въ варварствѣ суевѣрія? Виновно ли просвѣщеніе въ ужасахъ суемудрія? Виновно ли правосудіе въ безчинствахъ кривосудія? Сократъ и Невтонъ не были вольнодумцы. Августинъ и Златоустъ не были невѣжды. Кукла, выговаривающая въ носъ французскія слова, пузырь, надутый латынью, столько же просвѣщенны, сколько бездушный крючкотворецъ правосуденъ. Въ Россіи враги просвѣщенія большею частью скотинины и подъячіе. Скотинины думаютъ, что сія опасная головня можетъ современемъ превратить въ пепелъ ихъ хлѣва; а подъячіе мыслятъ, что отъ наукъ притупятся ихъ когти и уменьшится аппетитъ (къ соленому, горячительному и лакомому).

Скотинины! Надѣньте очки и присмотритесь къ просвѣщенію: не головня оно, а благотворный фонарь, ниспосланный съ небесъ для того, чтобы мы, ходя въ темнотѣ міра сего, не забрели въ свинарню или въ въ болото и не уподобились ихъ обитателямъ. Ахъ! Если бы вы хотя на минуту могли презрѣть гласъ мамоны и приблизиться къ спасительному фонарю, вы бы увидѣли, въ какомъ хлѣвѣ обитаетъ ваша душа и на кого она походитъ. Надѣньте очки и вы, подъячіе! Подойдите къ помянутому фонарю; вы увидите, что когти коршунамъ, а не людямъ приличны; вы увидите, въ какомъ болотѣ живетъ ваша душа и на кого походитъ" [2]).

Не правда ли эти сильныя, благородныя слова, по крайней мѣрѣ, относительно скотининыхъ, не утратили своего значенія и въ настоящее время? Можно предполагать, что они вызваны были тою реакціей, которая надвигалась на русское общество въ концѣ изучаемаго нами періода (въ 1812—1814).

Василій Григорьевичъ Масловичъ былъ также баснописцемъ сатирикомъ, но по таланту своему стоялъ несравненно ниже Нахимова. Мы знаемъ уже отзывъ Розальона Сошальскаго о его докторской степени („онъ былъ скорѣе докторъ паркета, чѣмъ головоломнаго ученаго матеріала"), которую впрочемъ онъ получилъ уже во второе десятилѣтіе исторіи университета. Но ученость и не была его настоящимъ призваніемъ: таковымъ была литература. Еще въ 1811 году В. Г. Масловичъ выпустилъ въ свѣтъ одно литературное произведеніе—„*Дельфъ и Дельфира или увѣнчанная любовь*"—пастушеская опера въ 1 д. [1]). Это чувствительная пьеса, какія были въ модѣ и раньше. На сценѣ дѣйствуютъ аркадскіе пастушки и пастушки. Пастушка Дельфира любитъ пастушка Дельфа, но отецъ не разрѣшаетъ ей выйти за него замужъ, ибо онъ бѣденъ (у него всего 3 овцы), и хочетъ выдать ее за другого — богатаго, но глупаго и лѣниваго. Тогда является Амуръ и доставляетъ Дельфу цѣлое стадо; женихъ, уготованный отцомъ, отказывается отъ невѣсты, и влюбленные женятся. Въ 1814 г. Масловичъ выпустилъ въ свѣтъ стихотворное привѣтствіе недавно основанному передъ тѣмъ Благотворительному обществу—„*Драматическій кантатъ Харьковскому Благотворительному обществу*". Посвящаетъ сочинившій В. М. Харьковъ въ унив. тип., 1814 г., 7 стр. Начинается онъ общимъ хо-

---

[1]) Рукописныя сочиненія Ак. Нахимова, спис. Н. А. Лавровскимъ.

[2]) Харьковъ 1811, г., въ унив. тип., 51 стр.; мы пользовались экземпляромъ Имп. публичной библіотеки.

ромъ, потомъ идетъ хоръ сиротъ, мальчиковъ, дѣвушекъ, отцовъ и матерей, слова воина въ отставкѣ, солдатскій хоръ, слова разслабленнаго и общій хоръ. Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ этого произведенія.

Общій хоръ:

Честь, слава вамъ хвала
Дворяне слободскіе!
За добрыя дѣла,
За милости большія!
Хвала, честь, слава вамъ!
Вы бѣдности отрада,
Вы — юности ограда,
Подпора — старикамъ,
Вдовамъ — вы утѣшенье,
А сирымъ вы — покровъ,
Украины — любовь,
И слабымъ подкрѣпленье!
Хвала, честь, слава вамъ,
За благодарный храмъ!

Общій хоръ сиротъ:

Мы теперь не жалки дѣти,
Не несчастны сироты;
Всѣ мы сыты и одѣты
И не знаемъ нищеты.

Хоръ мальчиковъ:

Друзья! Вотъ слободскихъ дворянъ
Въ чемъ цѣль для насъ и ожиданье:
Чтобъ, давши здѣсь намъ воспитанье,
Увидѣть добрыхъ въ насъ гражданъ.
Дадимъ, товарищи, обѣтъ
Мы Богу, Господу благому,
Что всякъ изъ насъ не проведетъ
Часа, минуты по пустому.
Прилежнымъ надобно намъ быть;
Мы станемъ Господу молиться,
Да лѣность въ насъ не появится.
Чтобы отечеству служить
Чтобы дворянамъ угодить,
Намъ должно хорошо учиться.

Хоръ дѣвушекъ:

Всещедрый нашъ Боже!
И мы молимъ тоже,
Услыши нашъ гласъ,
Благослови насъ!
Чтобъ мы прилежаньемъ
И нашимъ стараньемъ
И послушаньемъ,
И тихостью нрава
Безъ сердца лукава,
Бывъ терпѣливы
Не прихотливы
И скромны, и вѣрны
И нелицемѣрны;
И постоянствомъ
Передъ дворянствомъ
Себя оправдали;
Чтобъ они сказали:
Рады мы, рады,
Что васъ воспитали!
. . . .

Общій хоръ:

Слава русскому царю!
Харьковскимъ дворянамъ слава!
Царю слава, что имѣетъ
Онъ дворянъ такихъ,
А дворянамъ, что изъ нихъ
Всякъ о бѣдныхъ сожалѣетъ,
Слава русскому царю,
Харьковскимъ дворянамъ слава!
Слава, слава, слава!

Въ томъ же 1814 году В. Г. Масловичъ напечаталъ отдѣльною книгой и первое изданіе своихъ басенъ. Чтобы дать нѣкоторое понятіе о содержаніи и художественной обработкѣ его произведеній, приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Полевой цвѣтокъ:

Однажды полевой цвѣтокъ
Нечаянно попалъ въ вѣнокъ,
Изъ розъ пастушкою сплетенный,

И запахъ получилъ отъ розъ пріобрѣтенный.
Большая польза въ томъ,
Когда съ учеными мужами кто знакомъ.

Солнце и пыль:

Тебя я, солнце, помрачила—
Отъ вѣтра пыль поднявшись говорила.
Не прекословлю въ томъ, былъ солнца ей отвѣтъ,
Но вѣтръ пройдетъ и пыль на землю упадетъ.

Рожденіе смѣха:

Читатели! кто хочетъ знать,
Какъ появился смѣхъ на свѣтѣ?
Прошу покорно прочитать—
Вотъ басенька о семъ предметѣ.
Прошло не помню сколько лѣтъ
По сотвореньи человѣка,
Положимъ, что прошло полъ вѣка,
Отъ этого убытку нѣтъ;
Одной дѣвицы зубы
Разгнѣвались на губы,
Иль, такъ сказать, на скромность губъ.
Одинъ послали къ Зевсу зубъ
Изъ зубья своего сената
Въ одеждѣ депутата.
Явился зубъ предъ Зевса тронъ,
На губы жалуется онъ,
На притѣсненье ихъ доноситъ
И такъ Юпитера онъ проситъ:
Вели, о Зевсъ, губамъ отверстье отворять
Почаще вверхъ и внизъ вели имъ шевелиться,
На нашу бѣлизну чтобъ всѣ могли взирать
И ею чтобъ могли плѣниться.
Внялъ просьбѣ ихъ Зевесъ
И приказанье далъ съ небесъ;
Чтобъ кинули всю скромность губы.
Съ тѣхъ поръ дѣвицы скалятъ зубы
И смертныхъ родъ смѣется вессь

Вывѣска:

Да будетъ вѣдомо чрезъ сей прибитый листъ,
Что въ этомъ домѣ жить имѣетъ копіистъ.
Извѣстну Крюкина фамилію онъ носитъ,

И всѣмъ просителямъ смираннѣйше доноситъ,
Которы суть теперь и впредь имѣютъ быть,
Что радъ по ихъ дѣламъ прилежнѣйше ходить
За саму малую и сходнѣйшую цѣну
Трудамъ своимъ въ замѣну.
А если кто его щедренько подаритъ,
Гдѣ нужно, онъ готовъ душею покривить.

Надгробіе *А. Г. Рейнишу* (адъюнкту древней исторіи и педагогіи):

Сей камень Рейниша ученаго скрываетъ
Онъ отъ трудовъ большихъ оставилъ рано свѣтъ;
Они не кончены—никто ихъ не прочтетъ!
И много чрезъ сіе исторія теряетъ.

И. Д. Шмерфельду (адъюнкту статистики и технологіи):

Кто изъ людей тебя, о Шмерфельдъ, былъ добрѣе,
Но рано твой насталъ конецъ,
Тебѣ мы памятникъ слагаемъ изъ сердецъ,
Онъ мрамора прочнѣе.

Сверхъ того ему принадлежитъ изданная въ 1813 г. „Пѣснь на прибытіе въ міръ Асмодея“.

Третьимъ писателемъ, хотя и не вышедшимъ изъ университетской среды, но имѣвшимъ съ ней близкое соприкосновеніе, былъ извѣстный намъ сумской помѣщикъ Александръ Александровичъ Палицынъ, глава „Поповской академіи“, т. е. цѣлаго литературнаго кружка, ютившагося въ его деревнѣ Поповкѣ. Какъ мы знаемъ, онъ состоялъ почетнымъ членомъ Харьковскаго университета. Въ 1807 г. онъ напечаталъ „*Посланіе къ Привѣтъ* или воспоминаніе о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ моего времени“. Харьковъ, въ унив. тип. 70 стр. и стихотворное переложеніе Слова о полку Игоревѣ подъ заглавіемъ „*Игорь, героическая пѣснь*“, съ древней славянской пѣсни, переложилъ стихами Палицынъ. X. VI, 42 стр., а въ 1814 г.—два стихотворныя перевода „*Сады*“ *Делиля* [1]) и „*Времена года*“ *Сенъ-Ламберта* [2]). Литературные вкусы А. А. Палицына опредѣлялись съ одной стороны его жизнью на лонѣ деревенской природы, любовью къ этой послѣдней, а съ другой вліяніемъ такихъ лицъ, какъ Шишковъ, графъ Хвостовъ, Державинъ; это были

---

[1]) Сады—поэма Ж. Делиля. Съ исправленнаго и дополненнаго изданія перевелъ Александръ Палицынъ, въ Харьковѣ, въ унив. тип. 1814 г., XXXIII, 233.

[2]) Времена года, поэма Сенъ-Ламберта, члена французской академіи, перевелъ Александръ Палицынъ. Хар., унив. тип., 1814 г., 330 стр.

представители старой школы, консервативнаго литературнаго направленія, боровшагося съ Карамзинымъ и его новымъ стилемъ. Членомъ Палицынскаго кружка былъ и Е. Станевичъ, который, проживая въ Поповкѣ, перевелъ другое произведеніе Делиля „Сельскій житель".

Рукопись „*Посланія къ Привѣтѣ*" А. А. Палицынъ подарилъ университету; она была отпечатана въ университетской типографіи и доходъ съ изданія шелъ въ пользу университета. Рижскій далъ объ этомъ произведеніи такой отзывъ: „по причинѣ его новости и по легкости слога, коимъ оно написано, многіе любители словесности будутъ его читать съ удовольствіемъ" [1]).

Рукопись своего „Игоря" Палицынъ въ 1807 году предоставилъ Харьковскому губернатору Бахтину, съ тѣмъ, чтобы она была напечатана и весь чистый доходъ съ нея поступилъ въ пользу земскаго войска. Губернаторъ отправилъ ее на разсмотрѣніе въ университетъ и просилъ напечатать на университетскій счетъ съ указанною выше благотворительною цѣлью. Члены правленія—Рижскій, Осиповскій, Тимковскій и Шумлянскій, во главѣ съ ректоромъ Стойковичемъ, согласились принять *лично* на себя весь расходъ по печатанію полнаго завода этого сочиненія, т. е. 1200 экземпляровъ [2]). Переводъ Сенъ-Ламбертовой поэмы онъ, какъ мы знаемъ (стр. 250), собирался посвятить университету, какъ дань признательности за избраніе въ почетные члены. Въ концѣ 1812 г. онъ прислалъ въ университетъ стихотворный переводъ сочиненія Мильвуа „*Независимость писателя*". Но такъ какъ „по предложенію г. Министра Народнаго Просвѣщенія университетъ безъ воли начальства не смѣетъ печатать на свой счетъ таковыхъ сочиненій, то и поручено было спросить Палицына, не пожелаетъ ли онъ напечатать на свой счетъ данное произведеніе. Палицынъ, конечно, обидѣлся и отвѣтилъ, что онъ хотѣлъ было всѣ свои сочиненія, суммою, можетъ быть, на 10000 р., пожертвовать университетской типографіи. Но, узнавъ о новомъ ограниченіи книгопечатанія при университетѣ, принужденъ будетъ подарить ихъ какому-нибудь вольному типографщику, ибо печатать ихъ на свой счетъ не въ состояніи. Тогда члены правленія, разсуждая, что, предназначаемыя Палицынымъ въ подарокъ университету сочиненія могутъ доставить ему по отпечатаніи выгоды, рѣшили сдѣлать представленіе объ этомъ Министру и, приложивъ рукопись „о независимости писателя", просить о разрѣшеніи напечатать ее на счетъ университета, что

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1806 г. № 43.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1807 г., январь—апрѣль; засѣданіе 24 и 29 апрѣля.

обойдется около 60 р. [1]). Очевидно, времена теперь сильно измѣнились, если нужно было такъ много усилій, чтобы сдѣлать ничтожный расходъ на изданіе книги почетнаго члена университета и при томъ въ пользу этого послѣдняго. Впрочемъ Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ университету принять въ даръ отъ Палицына всѣ его рукописи, съ тѣмъ, чтобы издавать ихъ постепенно, а не вдругъ; велѣно было также напечатать и переводъ стихотворенія Мильвуа [2]). Два переводныхъ произведенія Палицына (Сады Делиля и Времена года Сенъ-Ламберта) вслѣдствіе этого были отпечатаны на счетъ университета каждое въ количествѣ 600 экземпляровъ (въ 1814 г.) [3]).

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о литературномъ стилѣ Палицына, приведемъ отрывки изъ его отвѣтнаго письма графу Хвостову, который восхитился „Игоремъ" и прислалъ нашему автору стихотворное посланіе, гдѣ высказывалъ теплыя чувства — дружбу и любовь къ новому жильцу Парнаса. Вотъ объ этомъ то Парнасѣ и ведетъ рѣчь Палицынъ. Гр. Хвостовъ подписалъ свое письмо такъ: покорнѣйшій слуга піитъ *плохой* Х.... Палицынъ, возражая на эту скромность, говоритъ:

Парнасскій имянитый житель,
Достойный тамошнихъ вѣнцовъ,
Творецъ безъ зависти, разборчивый цѣнитель,
Другъ нѣжный музъ, Хвостовъ.
Твой голосъ сладостный проникъ въ мою обитель,
Подъ сельскій ветхій мой и скорбный нынѣ кровъ.
Я—въ удивленіи! Ужель мой Игорь древній,
Сей недоросль глухой деревни,
Въ столицахъ заслужилъ воззрѣніе пѣвцовъ?
Уже ли онъ таковъ,
Въ своей обновѣ деревенской,
Ни въ русской, какъ судили, ни въ словенской,
Что лавръ мнѣ за него сулитъ
Увѣнчанный чувствительный піитъ.
Хотя то правда, что Парнассъ
Имѣетъ много мѣстъ пустыхъ еще для насъ;
Не населенныхъ горъ на немъ у русскихъ много;
Тамъ межевыхъ столбовъ нѣтъ нужды ставить строго,
Однакожъ на хребтѣ сихъ дикихъ горъ
Помѣстья многія влекутъ и наши взоры.

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1813 г., январь—апрѣль, засѣданіе 7-го апрѣля.

[2]) Ibidem, май—августъ; засѣданіе 4 іюня.

[3]) Ibidem, сентябрь—декабрь, засѣданіе 16 октября.

Оставя, что живутъ издревле тамъ славяне,
Не хуже прочихъ поселяне;
Въ послѣдніе у насъ полвѣка возрасло
Огромныхъ зданій тамъ не малое число.
Петровы русскіе подобятся чертоги
Латинскимъ, греческимъ, гдѣ ихъ живали боги,
Елисаветинъ русскій храмъ
Безсмертенъ будетъ тамъ....

Затѣмъ далѣе слѣдуетъ перечень другихъ русскихъ литературныхъ произведеній, завоевавшихъ себѣ мѣсто на Парнассѣ, и въ томъ числѣ:

Вотъ и недавно процвѣло,
Съ примѣровъ ихъ прекрасное село,
Друзьями просвѣщенья.

Заключаетъ свой отвѣтъ Палицынъ такъ:

„Пусть твой дивится пышный кругъ,
Что можетъ быть тебѣ пустынникъ даже другъ".

Тутъ, какъ мы видимъ, много условностей, аллегорій, столь обычныхъ въ то время преувеличенныхъ комплиментовъ по адресу дѣйствительно „плохого піиты" гр. Хвостова. Но сквозь все это пробивается искреннее чувство. Палицынъ въ это время былъ дѣйствительно въ подавленномъ настроеніи, потерявъ жену, которая была лучшимъ его другомъ въ теченіе 35 лѣтъ; въ это же время въ „Вѣстникѣ Европы" Каченовскаго появилась рѣзкая критика на его „*Посланіе къ привѣтѣ*", вызвавшая въ 1808 году отповѣдь дружески расположеннаго къ нему Станевича [1]). Съ другой стороны, у провинціальныхъ дѣятелей того времени вообще было какое то преклоненіе передъ всѣмъ столичнымъ. Палицынъ же проживалъ въ деревенской глуши—и понятно, какъ ободрилъ его лестный отзывъ столичнаго писателя, пользовавшагося въ тѣхъ литературныхъ кругахъ, къ которому принадлежалъ и самъ Палицынъ, значительнымъ авторитетомъ. Новаторы зло смѣялись и надъ Палицынымъ, и надъ его литературными друзьями (напримѣръ, Станевичемъ); наоборотъ старовѣры (съ Шишковымъ во главѣ) относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, высоко ставили его литературные опыты. Въ письмѣ къ Станевичу Шишковъ между прочимъ пишетъ: „поклонись отъ меня Александру Александровичу Палицыну и скажи ему, что я какъ дарованія его въ словесности, такъ и нравственность весьма почитаю". Въ другомъ письмѣ Шишковъ пишетъ: „поклонись отъ меня А. А. Палицыну и попроси его, чтобы онъ для „Бесѣды" нашей что

[1]) Это цѣлая объемистая книга—„Способъ разсматривать книги и судить о нихъ", См. от. Ник. Лащенка „Евст. Ив. Станевичъ" (Сбор. Харьк. ист.-филол. общ., т. 9, стр. 37—58).

нибудь сочинилъ и прислалъ". Рѣчь идетъ объ извѣстной „Бесѣдѣ любителей русскаго слова"—органѣ Шишковцевъ, въ противовѣсъ которой возникъ знаменитый „Арзамасъ", органъ новаторовъ—Карамзина, Батюшкова, Жуковскаго и др. Кромѣ „Бесѣды" Палицынъ сотрудничалъ и въ издававшемся Анастасевичемъ журналѣ „Улей". Нужно, впрочемъ замѣтить, что литературное направленіе самого Палицына не было въ сущности ретроградным̆ъ; наоборотъ для Харьковскаго края Палицынскій кружокъ, какъ это вѣрно отмѣчено проф. Н. Ѳ. Сумцовымъ, представлялъ въ высшей степени живое и прогрессивное явленіе; и онъ дѣйствительно былъ таковымъ по отношенію къ царившему здѣсь доселѣ южнорусскому просвѣщенію съ его духовной схоластической закваской XVII—XVIII вв. Да при томъ Палицынъ, какъ намъ кажется, только случайно примкнулъ къ Шишковистамъ, почувствовавъ влеченіе не столько къ ихъ направленію и идеямъ, сколько къ личностямъ. Доброе, сердечное отношеніе этихъ столичныхъ знаменитостей не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на „деревенскаго отшельника". Но у себя на мѣстѣ, какъ мы видѣли (стр. 38—40), Палицынъ и члены его кружка были передовыми дѣятелями просвѣщенія и проводниками новой западноевропейской стихіи въ литературѣ. Что касается его „Игоря", то это была вторая по счету попытка стихотворнаго переложенія „Слова о полку Игоревѣ" (первая принадлежала Сѣрякову и относилась къ 1803 году). Е. В. Барсовъ, разсмотрѣвшій всѣ переводы и изданія „Слова", не имѣлъ въ рукахъ, какъ самъ сознается, Палицынскаго перевода и говоритъ о немъ только, что онъ сдѣланъ „шестистопными ямбами въ стилѣ ложно классическихъ поэмъ" [1]). И это вѣрно: Палицынъ видѣлъ въ „Словѣ" духъ Оссіана, образецъ витійства. Прозаическій переводъ поэмы Шишкова побудилъ его взяться за этотъ трудъ. „Долго повторяя чуждыхъ пѣснопѣвцевъ, тѣмъ паче надъ сею испыталъ я пѣснею, сколь сладостнѣе повторять пѣснопѣвцевъ отечества". Въ началѣ Палицынъ помѣстилъ историческое содержаніе пѣсни, заимствованное изъ московскаго ея изданія 1800 г.; въ концѣ находятся примѣчанія. Чтобы дать понятіе о самомъ переводѣ, приведемъ одну небольшую выдержку изъ него.

Боянъ же, коего я даръ въ витійствѣ славлю,
Не десять соколовъ на лебедей пускалъ,
Но струны хитрыми перстами оживлялъ;
Тогда онѣ князей гремѣли сами славу.
. . . .

[1]) Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси, т. I. М. 1887, стр. 175.

Уже россійска рать течетъ отъ всѣхъ сторонъ,
Сбираясь изъ жилищъ въ походъ на гордый Донъ.
Не бурей чрезъ поля широки, отдаленны,
Не многи соколы то были занесенны,
Но войска дружныхъ птицъ подобились стадамъ,
Готовымъ устремить полетъ къ Донскимъ брегамъ.
Ржутъ кони за Сулой, звукъ славы Кіевъ внемлетъ,
Гласъ трубный Новгородъ съ веселіемъ пріемлетъ;
Стоятъ простертые въ Путивлѣ знамена.
Гдѣ братьевъ обща брань соединить должна,
Какъ слава, дружество, связуютъ и природа,
Тамъ Игорь съ войскомъ ждетъ Буй-Тура Всеволода... [1])

Итакъ, научно-литературная дѣятельность профессоровъ и преподавателей Харьковскаго университета въ первое десятилѣтіе его существованія была весьма широка и разнообразна: они и разрабатывали науку, и популяризировали ее въ обществѣ, и занимались мѣстными изслѣдованіями, имѣвшими важное практическое значеніе, не чуждались и чисто литературныхъ трудовъ. Мы видѣли, что на первомъ планѣ стояла тогда не чисто ученая разработка вопросовъ, а распространеніе научныхъ знаній въ обществѣ, и такое направленіе работъ вполнѣ соотвѣтствовало потребностямъ времени, можно сказать, прямо опредѣлялось ими. Любопытно указать относительную роль въ этомъ дѣлѣ иностранныхъ и русскихъ профессоровъ. Мы видѣли, что иностранные профессора стояли по своей научной подготовкѣ выше своихъ русскихъ коллегъ. Многіе изъ нихъ до перехода своего въ Харьковъ пріобрѣли почетную извѣстность своею научною дѣятельностью. Какъ же отразилась новая среда, новая сфера дѣятельности на ихъ научной продуктивности? Кто изъ нихъ продолжалъ работать, съ прежней энергіей, кто ушелъ впередъ и кто назадъ? Нѣкоторые изъ нихъ—именно Шадъ, Якобъ, Роммель, Беленъ-де-Баллю, Рейтъ, Шнаубертъ, Лангъ, Пильгеръ, Гизе, Стойковичъ и Дудровичъ—и въ новомъ отечествѣ продолжали свою научную дѣятельность; изъ нихъ особенно выдвигаются Гизе и Стойковичъ, несомнѣнно ушедшіе далеко впередъ сравнительно съ тѣмъ, что они дѣлали до перехода въ Харьковъ; о Шадѣ и отчасти объ Якобѣ можно сказать, что они продолжали разрабатывать свои вопросы, послѣдній, впрочемъ, главнымъ образомъ сосредоточился на составленіи гимназическихъ учебниковъ; Роммель и Беленъ-де-Баллю занимались исключительно изданіемъ классиковъ; съ признательностью нужно вспом-

---

[1]) Игорь, героическая пѣснь. Хар., въ универс. тип., 1807 г.

нить и о работѣ Рейта, которая прямо таки была вызвана пребываніемъ его въ Россіи; тоже самое нужно сказать и объ одной книгѣ Гизе (о селитрѣ) и о популярныхъ, полезныхъ для края статейкахъ Пильгера; впрочемъ, нельзя не сознаться, что онѣ стоятъ несравненно ниже того, что этотъ авторъ писалъ заграницей; отчасти это же нужно сказать и о работахъ всѣхъ другихъ перечисленныхъ нами лицъ, исключая Гизе и Стойковича, въ особенности о Роммелѣ, который, только вернувшись на родину, снова принялся за чисто ученые труды и написалъ капитальное сочиненіе „Исторія Гессена". Остальные иностранцы — Умляуфъ, Гамперле, Шмерфельдъ, Ванноти, Рейнишъ, Дрейсигъ, Гутъ, Нельдехенъ, Швейкартъ, Тауберъ, Делявинь, Дегуровъ, Павловичъ, Милиновичъ, Филипповичъ, Терлаичъ, Коритари ничего почти не печатали и единственными трудами нѣкоторыхъ изъ нихъ были актовыя рѣчи, Нельдехенъ же, Гамперле, Рейнишъ, Тауберъ, Павловичъ, Филипповичъ, Терлаичъ, Милиновичъ не говорили и рѣчей. Особенно странно ученое молчаніе такихъ лицъ, какъ Дрейсигъ, Гутъ, Нельдехенъ и Дегуровъ, которые у себя на родинѣ писали чрезвычайно много. Впрочемъ, Гутъ по крайней мѣрѣ выступилъ, какъ мы знаемъ, съ однимъ важнымъ ученымъ проэктомъ. Дудровичъ напечаталъ диссиртацію. Паки-де-Совиньи усердно и много писалъ, но эти писанія признавались чрезвычайно неудачными и не удостаивались печати. Такимъ образомъ, изъ 29 иностранныхъ профессоровъ вовсе ничего не печатало 8 челов., напечатало только актовыя рѣчи 9, дѣлалъ попытки къ сочиненію трудовъ 1, болѣе другихъ работало 11; но изъ нихъ замѣтно прогрессировало въ своей научной дѣятельности только двое, а въ большинствѣ же замѣтенъ регрессъ или застой.

Изъ 13 профессоровъ русскаго происхожденія выдавалось своими научными трудами 4, а именно — Успенскій, Осиповскій, Рижскій и Тимковскій, особенно прогрессировалъ Успенскій; двое имѣли печатные труды—безвременно угасшій Калькау и лѣнивый Шумлянскій; трое — Книгинъ, Каменскій, Срезневскій — издали только актовыя рѣчи; четверо—Васильевъ, Каретниковъ, Крюгеръ, Болгаревскій — не сдѣлали и этого. Процентъ ничего не писавшихъ у иностранцевъ равнялся 28, а у русскихъ — 31, издавшихъ только одни актовыя рѣчи у иностранцевъ—34%, у русскихъ—23%, имѣвшихъ разные труды у иностранцевъ—38%, у русскихъ—46%. Значитъ иностранные профессора стояли чуть замѣтно выше своихъ русскихъ товарищей въ отношеніи размѣровъ своей научной дѣятельности. Само собою разумѣется, что нашъ расчетъ отнюдь не претендуетъ на какую-либо точность. Чтобы приблизиться къ этой послѣдней, нужно было бы принять во вниманіе и

число работъ каждаго автора, и ихъ объемъ. Но и тогда мы были бы далеки отъ окончательнаго рѣшенія вопроса, ибо надлежало бы намъ сопоставить тѣ и другія сочиненія еще въ качественномъ отношеніи другъ съ другомъ и, наконецъ, имѣть данныя о распространеніи и вліяніи ихъ на читателей. Само собою разумѣется, что достичь этого невозможно и достаточно, если наши грубыя цифры дадутъ только нѣкоторое общее впечатлѣніе читателю о роли въ научномъ движеніи того времени тѣхъ или иныхъ дѣятелей иноземнаго или мѣстнаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что и тѣ, и другіе почти одинаково потрудились для этого дѣла, что и у тѣхъ, и у другихъ были личности, всецѣло преданныя научнымъ интересамъ и не зарывшіе своихъ талантовъ въ землю; и если Харьковскій университетъ можетъ гордиться такими учеными, какъ Шадъ, Гизе, Якобъ, то не меньшимъ предметомъ гордости могутъ быть Успенскій, Осиповскій, Рижскій, въ особенности если вспомнимъ, что всѣ эти три профессора не прошли даже университетскихъ курсовъ и были въ нѣкоторомъ родѣ автодидахтами. Если иностранцы превосходили русскихъ въ знаніи научныхъ методовъ, если у нихъ была ученая традиція, которая въ гораздо меньшей степени была присуща ихъ русскимъ коллегамъ, если они могли быть названы нашими учителями въ томъ смыслѣ, что насаждали у насъ европейскую науку, то и русскіе черпали эту науку или на мѣстѣ—въ западной Европѣ—или въ новыхъ ея разсадникахъ русскихъ университетахъ или, наконецъ, въ общихъ ея источникахъ трудахъ европейскихъ ученыхъ, трудахъ, представлявшихъ не только національное, но и общее международное богатство: этими тремя способами они знакомились и съ содержаніемъ научныхъ трудовъ, и съ ихъ методологическими пріемами. И на сторонѣ „учениковъ“ было одно огромное преимущество передъ „учителями“—это ихъ русскій родной, понятный для всѣхъ читателей языкъ. Хотя латинскій, французскій и нѣмецкій языки, какъ мы знаемъ, въ общемъ были довольно извѣстны учащейся университетской молодежи, но все-таки онѣ являлись значительнымъ тормазомъ для распространенія въ обществѣ сочиненій, написанныхъ на этихъ языкахъ. Неудивительно поэтому, что печатались въ большомъ количествѣ экземпляровъ и хорошо расходились книги, изданныя на русскомъ языкѣ (вспомнимъ сочиненія Стойковича и Успенскаго). Вотъ почему и нѣкоторые труды, составленные на иностранныхъ языкахъ, переводились по русски: такъ было, напримѣръ, какъ мы знаемъ, со „Всеобщей химіей“ Гизе и брошюрами Пильгера. Роммель высоко цѣнитъ услуги, оказанныя иностранными профессорами Харьковскому университету и упрекаетъ русскихъ въ неблагодар-

ности. „Изъ путешествія Коля по южной Россіи извѣстно, говоритъ онъ, что въ Харьковѣ сохранилось еще воспоминаніе, хотя слабое, о первомъ цвѣтущемъ времени университета. Не удивляюсь. Наши литературныя и педагогическія стремленія, скажу смѣло—были не маловажны; но можно ли говорить о признательности нынѣшняго поколѣнія, когда уже при моемъ отъѣздѣ многіе изъ созданныхъ нами кандидатовъ, магистровъ и докторовъ готовы были бросить въ насъ камень?!“ И онъ совершенно правъ, когда говоритъ о заслугахъ иностранныхъ профессоровъ передъ Харьковскимъ университетомъ въ дѣлѣ науки и преподаванія; онъ правъ также и въ томъ, что первое десятилѣтіе, когда былъ такъ силенъ иностранный элементъ, является дѣйствительно цвѣтущимъ временемъ, „золотымъ вѣкомъ“, въ исторіи Харьковскаго университета; онъ только не договариваетъ, что этотъ золотой вѣкъ былъ созданъ соединенными усиліями иностранцевъ и русскихъ; онъ правъ, наконецъ, и въ томъ, что современники не оцѣнили этихъ услугъ иностранцевъ, только не совсѣмъ вѣрно объясняетъ причину этого явленія: по его мнѣнію, все дѣло объясняется взрывомъ національнаго патріотическаго чувства у русскихъ вслѣдствіе Наполеоновскаго нашествія. Конечно, это событіе имѣло важное значеніе въ данномъ дѣлѣ; но нельзя отрицать тутъ вліянія и другихъ причинъ. Среди нихъ видное мѣсто должна занять одна совершенно естественная и нормальная—это именно развитіе самосознанія у профессоровъ русскаго происхожденія. Роммель не могъ или не хотѣлъ понять того, что „ученики“ не должны были постоянно находиться на помочахъ у своихъ учителей, что задача учителей и заключалась въ томъ, чтобы поскорѣе поставить на собственныя ноги своихъ учениковъ и передать въ ихъ руки дѣло воспитанія молодого поколѣнія и распространенія научныхъ знаній въ краѣ; онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, что русская профессорская партія сильно выросла и сознала свою равноправность или, правильнѣе говоря, завоевала ее себѣ въ благородномъ, честномъ соревнованіи съ иностранными профессорами своею ученолитературною и педагогическою дѣятельностью! Это соревнованіе, къ сожалѣнію, въ послѣднее время сопровождалось и партіозною борьбою, въ которой господствовали уже и личные мотивы, и національная вражда противъ иностранцевъ, раздутая 12-мъ годомъ — и это привело къ настоящему бѣгству ихъ изъ Харькова, оставившему горькое чувство обиды и досады у такихъ почтенныхъ дѣятелей, какъ Роммель. При такихъ условіяхъ современники и не могли быть безпристрастными въ рѣшеніи вопроса о заслугахъ, оказанныхъ иностранными профессорами наукѣ, университету и обществу. Эту обязанность можемъ и должны выполнить мы, отдѣленные

почти цѣлымъ столѣтіемъ отъ тогдашнихъ дѣятелей и ихъ интересовъ. И я буду безконечно доволенъ, если окажется, что мнѣ удалось рѣшить безпристрастно этотъ вопросъ и suum cuique tribuere.

VI-я ГЛАВА.

Студенты.

По принятому нами плану приведемъ прежде всего постановленія о студентахъ университетскаго устава, а затѣмъ посмотримъ, каково было положеніе ихъ въ дѣйствительности. Для поступленія въ студенты требовалась предварительная школьная или домашняя подготовка. Молодые люди, окончившіе гимназію, принимались по аттестатамъ безъ экзамена; остальные подвергались предварительному испытанію въ языкахъ и начальныхъ элементахъ необходимыхъ предметовъ въ особомъ назначаемомъ ректоромъ комитетѣ. Принятый въ студенты зачислялся на извѣстное отдѣленіе (т. е. факультетъ), но предварительно долженъ былъ прослушать курсъ общеобразовательныхъ наукъ, необходимыхъ для всякаго рода службы и дѣятельности. Студентъ, прослушавшій этотъ приготовительный курсъ, получалъ въ торжественномъ собраніи аттестатъ съ обозначеніемъ времени и изученныхъ имъ предметовъ. Лица, усвоившія себѣ науки, читаемыя въ отдѣленіяхъ, могли подвергаться экзамену для полученія одной изъ университетскихъ степеней. Экзамены должны были производиться въ факультетахъ подъ предсѣдательствомъ декановъ. Кандидатскій экзаменъ происходилъ такъ: студентъ, искавшій степени кандидата, объявлялъ о своемъ желаніи держать экзаменъ декану, который назначалъ ему день для испытанія. Отдѣленіе черезъ декана предлагало ему вопросы изъ преподававшихся въ немъ наукъ, и онъ долженъ былъ отвѣтить на нихъ письменно. Потомъ производилось устное испытаніе: экзаменующемуся предлагали два вопроса, выбранные по билетамъ, изъ науки, бывшей главнымъ предметомъ его занятій, а затѣмъ онъ отвѣчалъ уже безъ билетовъ на отдѣльные вопросы всѣхъ экзаменаторовъ. Такому же экзамену могли подвергаться и постороннія лица, не бывшія въ университетѣ, въ томъ числѣ желавшія получить степень лѣкаря и аптекаря. Студенты дѣлились на 2 группы—своекоштныхъ и казеннокоштныхъ. Послѣдніе находились на иждивеніи университета—и ихъ полагалось по штату 40 челов. и на содержаніе каждаго назначено было по 200 р.; сверхъ того на 12 человѣкъ такъ-называемыхъ студентовъ кандидатовъ назначено было 3600 руб.

(по 300 р. каждому). Казеннокоштныхъ студентовъ принимали только одинъ разъ въ году передъ началомъ лекцій; предпочтеніе давалось неимущимъ. Ежегодно, по окончаніи лекцій, имъ назначались экзамены и отличившіеся своимъ добронравіемъ и успѣхами дожлны были награждаться медалями. Не выдержавшій удовлетворительно установленнаго испытанія оставался на второй годъ; а если и тогда обнаруживалъ слабыя познанія, то отпускался изъ университета съ однимъ только свидѣтельствомъ о поведеніи. Студенты, окончившіе трехлѣтніе курсы, могли оставаться для продолженія ученія въ какомъ-нибудь отдѣленіи въ званіи кандидатовъ и по надлежащемъ испытаніи занять должность „повторителей". Въ уставѣ выражено было пожеланіе, чтобы профессора нѣкоторыхъ наукъ, особенно словесныхъ, философскихъ и юридическихъ, устраивали съ казеннокоштными студентами бесѣды, во время которыхъ предлагали бы имъ вопросы для устнаго изъясненія, и тѣмъ исправляли ихъ сужденія и способъ изложенія и пріучали бы ихъ основательно и свободно изъяснять свои мысли; бесѣды эти должны были происходить преимущественно на латинскомъ языкѣ. Новымъ языкамъ, искусствамъ и гимнастикѣ казеннокоштные студенты обучались безплатно, а своекоштные—за умѣренное вознагражденіе. Для надзора за казеннокоштными студентами совѣтъ избиралъ особаго инспектора изъ ординарныхъ профессоровъ, который обязанъ былъ наблюдать за порядкомъ и благонравіемъ среди нихъ—посѣщать ихъ покои, увѣщевать нерадивыхъ и стараться возбудить въ нихъ прилежаніе. Для содѣйствія инспектору совѣтъ избиралъ изъ кандидатовъ или магистровъ двухъ помощниковъ, которые бы жили вмѣстѣ со студентами и имѣли съ ними общій столъ. Они ближайшимъ образомъ наблюдали за поведеніемъ студентовъ и за ихъ занятіями, обязаны были подавать ежемѣсячныя вѣдомости о поведеніи ввѣренныхъ имъ воспитанниковъ, а о дерзостяхъ и соблазнительныхъ поступкахъ доносить немедленно инспектору, чтобы тотъ удостовѣрившись на мѣстѣ самъ могъ принять немедленно надлежащія мѣры или обратиться къ ректору и внести этотъ проступокъ въ особую кондуитную книгу, которая при годичныхъ экзаменахъ представлялась совѣту. Студенты должны были руководиться въ своемъ поведеніи и нравственности особыми правилами, которые обязанъ былъ выработать совѣтъ [1]).

Познакомившись съ тѣмъ, что говоритъ уставъ о студентахъ, обратимся теперь къ фактамъ, рисующимъ ихъ дѣйствительное положеніе. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить крайне скудное недостаточное количество студентовъ въ теченіе всего изучаемаго нами десятилѣтія и въ особенности въ самые первые годы. Подготовительныхъ къ университету

[1]) Сборникъ постан. по Мин. Нар. Просв. I, 285—288.

гимназій, можно сказать, не существовало вовсе; были только кое-гдѣ главныя народныя училища, но ученики ихъ не получали должной подготовки по латинскому языку, на которомъ между тѣмъ иностранные профессора главнымъ образомъ предполагали вести преподаваніе. Такимъ образомъ, естественно возникала мысль о необходимости ввести въ университетъ семинаристовъ, получавшихъ у себя въ семинаріяхъ достаточную подготовку по всѣмъ предметамъ, и въ особенности по классическимъ языкамъ, преподаваніе которыхъ стояло тамъ очень высоко; въ Харьковскомъ же коллегіумѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ велось блестяще, даже такихъ какъ новые языки и математика. Неудивительно поэтому, что еще до фактическаго открытія университета попечитель гр. Потоцкій возбуждаетъ ходатайство передъ подлежащими властями о разрѣшеніи извѣстному количеству семинаристовъ вступить въ студенты Харьковскаго университета. Въ 1804 г. Харьковскій попечитель сдѣлалъ такое представленіе министру: „19 апрѣля я имѣлъ честь донести вашему сіятельству, что принялъ всѣ зависящія со стороны моей мѣры для скорѣйшаго открытія университета, которое, вѣроятно, и воспослѣдуетъ въ августѣ мѣсяцѣ сего года. Къ этому времени прибудутъ всѣ приглашенные мною профессора. Они немедленно могли бы начать свои лекціи, но единое встрѣчается въ томъ неудобство—недостаточное число университетскихъ слушателей. Относительно отвращенія его полагаю все упованіе свое на попеченіе вашего сіятельства. Нѣкоторые ученики губернскихъ училищъ, пріобрѣвшіе довольное познаніе въ наукахъ, могли-бы поступить въ студенты; но незнаніе латинскаго языка, который былъ совершенно оставленъ въ этихъ училищахъ, является главнѣйшею препоной умножить ими на первый случай число университетскихъ слушателей, ибо иностранные профессора, не знающіе русскаго языка, могутъ преподавать лекціи только по латыни. Таковыхъ молодыхъ людей, имѣющихъ достаточное познаніе въ этомъ языкѣ, могутъ нынѣ доставить семинаріи. Посему покорнѣйше испрашиваю ходатайства Вашего Сіятельства объ истребованіи въ университетъ на казенное содержаніе 30 семинаристовъ, подготовленныхъ къ слушанію университетскихъ лекцій; ходатайство это послужитъ къ скорѣйшему открытію университета и образованію изъ этихъ семинаристовъ педагогическаго института, безъ котораго, по собственному мнѣнію Вашего Сіятельства, ни гимназіи, ни уѣздныя училища существовать не могутъ“ (2 іюня 1804 г.) [1]). Министръ Народнаго Просвѣщенія возбудилъ соотвѣтственное ходатайство и оно было уважено. Св. Синоду была объявлена Высочайшая воля объ отпускѣ семинаристовъ

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. 1803 г. № по архиву 5458, по картону № 152.

Свѣтопечать С. В. Кульженко. Кіевъ.

Студентъ Харьковскаго университета перваго десятилѣтія, впослѣдствіи академикъ

П. И. Кеппенъ.

въ Харьковскій университетъ, и затѣмъ 7 іюля уже былъ изданъ сvнодальный указъ слѣдующаго содержанія. „По имянному Его Императорскаго Величества Высочайшему указу, объявленному сvнодальнымъ оберъ-прокуроромъ статсъ секретаремъ кн. Алек. Ник. Голицынымъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ въ приготовляемый къ открытію Харьковскій университетъ уволить по удобству изъ ближайшихъ къ нему семинарій студентовъ богословіи, философіи 30 да изъ риторики и поэзіи 10 человѣкъ, такихъ, которые бы имѣли склонность и природныя дарованія къ наукамъ и которые бы, по усовершенствованіи себя въ нихъ, могли современемъ занять и учительскія мѣста въ учрежденныхъ въ округѣ университета училищахъ. Святѣйшій правительствущій синодъ приказалъ во исполненіе этого Высочайшаго указа отпустить въ приготовляемый къ открытію Харьковскій университетъ изъ семинарій — Курской и Харьковскаго коллегіума, во всемъ на основаніи Высочайшаго повелѣнія, студентовъ богословія и философіи по 15 да изъ риторики и поэзіи по 5 человѣкъ, которыхъ преосвященнымъ Ѳеоктисту архіепископу Курскому и Христофору епископу Слободскоукраинскому отправить въ тотъ университетъ съ надлежащими аттестатами о знаніи ими наукъ и поведеніи; при отправленіи же означенныхъ студентовъ изъ Курской семинаріи тамошнему преосвященному выдать на проѣздъ прогонныя деньги до Харькова каждому на одну подводу по указамъ, да на содержаніе въ пути потребное число денегъ, о возвращеніи коихъ и дать знать университету. Кто же именно отправленъ будетъ и сколько денегъ выдано будетъ, объ этомъ рапортовать тогда же Святѣйшему Синоду и о томъ къ преосвященнымъ Курскому и Слободскоукраинскому послать указы“ [1]). Попечитель извѣстилъ объ этомъ рѣшеніи дѣйствовавшій тогда при университетѣ комитетъ, который постановилъ принять на первый разъ въ комплетъ казеннокоштныхъ студентовъ только 30 семинаристовъ, прошедшихъ философскій и богословскій классъ, остальныя же десять вакансій предоставить постороннимъ лицамъ, просившимъ объ этомъ, тѣмъ болѣе что учениковъ риторическаго и піитическаго классовъ нельзя было считать достаточно подготовленными къ слушанію лекцій; ихъ же рѣшено было принять въ слѣдующемъ году, когда они болѣе усовершенствуются въ наукахъ. Въ такомъ смыслѣ комитетъ сдѣлалъ представленіе попечителю и архіерею — и оно было признано цѣлесообразнымъ. 30 семинаристовъ были приняты въ сентябрѣ 1804 года; а кромѣ ихъ въ число казеннокоштныхъ студентовъ вступили еще — бывшій учитель народнаго училища Славин-

---

[1]) Ibidem.

скій, бывшій домашній учитель польскій шляхтичъ Квятковскій и воспитанникъ Харьковскаго главнаго народнаго училища Лобойковъ. Далеко не всѣ представители тогдашняго общества имѣли ясное и опредѣленное представленіе о необходимой научной подготовкѣ для вступленія въ университетъ. Это видно между прочимъ изъ того, что одинъ дворянинъ выхлопоталъ Высочайшее повелѣніе о принятіи двухъ сыновей его въ казеннокоштные студенты, а они, оказалось, умѣли только читать и писать по русски. Комитетъ, съ разрѣшенія попечителя, помѣстилъ ихъ въ число воспитанниковъ главнаго народнаго училища, но долженъ былъ дать имъ, во исполненіе Высочайшей воли, студенческій окладъ (200 р.). Приняты были также мѣры къ привлеченію молодыхъ людей въ своекоштные студенты. Всякій, желавшій вступить въ число студентовъ, долженъ былъ подать прошеніе объ этомъ въ комитетъ и въ немъ прописать свое состояніе и познанія; послѣ этого онъ подвергался испытанію „со снисхожденіемъ, но безъ излишняго послабленія“, въ знаніяхъ предметовъ, необходимыхъ для слушанія университетскихъ лекцій. Для того чтобы сдѣлать извѣстнымъ открытіе новаго высшаго учебнаго заведенія и привлечь молодежь въ университетъ, приняты были слѣдующія мѣры: обратились къ губернаторамъ съ просьбами оповѣстить дворянство о пріемѣ молодыхъ людей во вновь открывающійся университетъ; предписано было директору училищъ Слободскоукраинской губерніи, чтобы онъ представилъ списокъ воспитанниковъ главнаго народнаго училища, желавшихъ поступить въ университетъ. Приходилось не только приглашать родителей къ отправленію ихъ сыновей въ университетъ, но и всячески убѣждать. Въ іюлѣ 1805 г. гр. Потоцкій писалъ правленію: „желая чтобы число студентовъ университета время отъ времени болѣе умножалось, поставляю непремѣннымъ правиломъ не упускать ни единаго случая, который хотя нѣсколько можетъ тому споспѣшествовать; вслѣдствіе чего предлагаю университету поручить профессору Тимковскому, отправленному для обозрѣнія училищъ въ земли Донскихъ казаковъ, чтобы онъ употребилъ всѣ возможныя мѣры склонить войсковыхъ обывателей посылать дѣтей своихъ по окончаніи ученія въ гимназіи или если есть и теперь молодые люди, снискавшіе достаточныя свѣдѣнія, въ университетъ Харьковскій для пріобрѣтенія знаній въ высшихъ наукахъ, полезныхъ для всѣхъ родовъ государственной службы. Успѣхъ въ семъ дѣлѣ подкрѣпляется патріотическимъ приношеніемъ, сдѣланнымъ ими въ пользу учебныхъ заведеній, приношеніемъ, которое доказываетъ благорасположеніе ихъ къ наукамъ, и во вторыхъ тѣмъ, что они напредь сего посылали дѣтей своихъ для образованія въ Московскій университетъ“.

И. Ѳ. Тимковскій съ успѣхомъ исполнилъ возложенное на него попечителемъ порученіе, какъ это видно изъ приводимаго нами ниже письма директора училищъ въ области Войска Донскаго Попова. „По вашему начертанію отъ 25 минувшаго ноября“, писалъ Поповъ проф. Тимковскому, объявлялъ я желаніе Его Сіятельства графа Северина Осиповича и училищнаго комитета Императорскаго Харьковскаго университета 2-го класса гимназіи лучшимъ ученикамъ, и по приглашеніи ихъ къ тому требовалъ ихъ согласія объ испрошеніи у родителей отправленія въ Харьковъ для поступленія въ приготовительное отдѣленіе университета; они съ радостію къ тому приступили и родители, на лицо здѣсь состоящіе, поговоря со мною съ удовольствіемъ, соглашаются, будучи чувствительны и благодарны къ толь благотворительнымъ для успѣшнѣйшаго улучшенія дѣтей ихъ средствамъ. Г. Картушинъ и Кондратовъ полагаютъ своихъ двухъ сыновъ справясь съ обстоятельствами немедленно по установившемуся зимнему пути отправить. Г. Слѣсаревъ такимъ же образомъ, но только ожидаетъ его превосходительства Евмея Ивановича Черепова, который на слѣдующей недѣлѣ изъ Раздорской станицы сюда прибудетъ; я полагаю, что и онъ также удовлетворитъ охотно желанію своего сына. Къ г. Кузнецову я о семъ писалъ въ Семикаракорскую станицу и вмѣстѣ препроводилъ о томъ просьбу къ нему отъ обоихъ его сыновей; уповаю, что онъ въ томъ имъ не откажетъ. Хотя чрезъ выбытіе сихъ 6 лучшихъ учениковъ довольно оскудѣетъ 2-й классъ нашей гимназіи; но озирая на будущую успѣшнѣйшую пользу, производимую отличными членами университета подъ покровительствомъ любезнаго попечителя, сердечное ощущаю удовольствіе. Почему мнѣ теперь только остается вась покорнѣйше просить объ увѣдомленіи: не можно ли ихъ будутъ для лучшаго за ними надзора и удобнѣйшаго хожденія въ классы на квартирѣ помѣстить при университетѣ такъ, какъ и я съ товарищами въ Москвѣ въ смежныхъ покояхъ съ казенными учениками и студентами находился? Если же сего не можно сдѣлать, то не сыщется ли для нихъ квартира по близости, и какъ полагаете—чего въ годъ будетъ тамъ стоить содержаніе каждаго изъ нихъ? Господинъ же Мелентьевъ, при изъявленіи своего удовольствія на сіе приглашеніе, открылся мнѣ, что онъ еще не расположился объ отправленіи туда своихъ дѣтей, подобное тому объявилъ мнѣ и сынъ Грекова, съ которымъ я не успѣлъ видѣться“ [1]).

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1805 г., № 11.

Такія мѣры нужно было принимать тогда, чтобы привлекать студентовъ! Какъ это не похоже на нынѣшнее время! И не мало затрудненій было связано дѣйствительно съ опредѣленіемъ юношей въ университетъ: нужно было везти ихъ въ отдаленный городъ Харьковъ; неизвѣстно было, во что обойдется ихъ содержаніе; не знали, у кого помѣстить ихъ на квартиру и т. п. Все это заставляло родителей призадуматься, прежде чѣмъ отправить сыновей въ университетъ. Къ счастью мѣстное начальство въ лицѣ войсковаго атамана отнеслось доброжелательно къ дѣлу и въ концѣ концовъ Харьковскій университетъ пріобрѣлъ себѣ такихъ слушателей изъ тихаго Дона, дѣды и отцы которыхъ не признавали никакихъ другихъ занятій кромѣ военнаго искусства. Впрочемъ почти въ такомъ же положеніи находилось и мѣстное харьковское дворянство, еще недавно ведшее безпрестанную упорную борьбу съ татарами и защищавшее Россію отъ ихъ неожиданныхъ набѣговъ. А Новороссія? А самый Крымъ, еще такъ недавно бывшій грозою для всей южной Руси? Вообще можно сказать, что почти весь Харьковскій учебный округъ представлялъ *новый край* въ смыслѣ правильной постановки учебнаго дѣла. Только теперь, съ учрежденіемъ университета, стали въ немъ быстро возникать гимназіи, а на первыхъ порахъ, когда ихъ не было, университетъ съ трудомъ находилъ себѣ питомцевъ и долженъ былъ обращаться къ болѣе старымъ учебнымъ заведеніямъ—семинаріямъ.

Вскорѣ желающіе подвергнуться испытанію стали появляться и въ засѣданіяхъ съ 20 мая по 10 декабря ихъ проэкзаменовано было 41 чел. Главнымъ образомъ отъ нихъ требовались—знаніе русской грамматики, географіи, исторіи, а также началъ логики и метафизики; затѣмъ достаточныя свѣдѣнія они должны были обнаружить по латинскому и по одному изъ новыхъ языковъ (французскому или нѣмецкому). Изъ 41 чел. экзаменовавшихся зачислено было въ студенты 21 чел.; большею частью, это были ученики Харьковскаго главнаго народнаго училища. Попечитель округа, въ бытность свою въ Харьковѣ, предложилъ комитету учредить курсы для подготовки юношей къ поступленію въ университетъ. Преподавателями тамъ должны были быть, какъ мы знаемъ, остававшіеся безъ дѣла адъюнкты; а для класса отведена особая зала въ главномъ народномъ училищѣ. Ученики его обязаны были слушать разные предметы, но особенно упражняться въ языкахъ. Во исполненіе этого указа, классъ былъ организованъ и преподавателями его назначены—Лангъ по, философіи и нѣмецкому языку, Совиньи — по французскому, Крюгеръ — по физикѣ, Шмерфельдъ по естественной исторіи. Вскорѣ однако онъ какъ мы знаемъ, былъ преобразованъ въ приготовительный классъ при

самомъ университетѣ; лекторами здѣсь были — Лангъ, читавшій философію, Барендтъ, преподававшій латинскій языкъ, Васильевъ — чистую математику, Гамперле — исторію и миѳологію, Совиньи — французскій языкъ, Шмерфельдъ — нѣмецкій и англійскій, Филипповичъ (а въ его отсутствіе Рейтъ) исторію и географію. Преподаваніе здѣсь велось до открытія университета. Слушатели были принятые въ студенты (казеннокоштные и своекоштные) молодые люди [1]).

Университетъ, какъ мы знаемъ, былъ открытъ 17 января 1805 г., а чтеніе лекцій началось въ немъ съ 29 января. Кромѣ студентовъ, лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ посѣщали еще съ разрѣшенія ректора и посторонніе слушатели. А кромѣ того были допущены къ слушанію нѣкоторыхъ предметовъ, по желанію преосвященнаго Харьковскаго Христофора Сулимы, и воспитанники Харьковскаго коллегіума. Въ письмѣ къ ректору отъ 27 августа, Преосвященный просилъ позволить пятидесяти студентамъ Харьковскаго коллегіума слушать въ университетѣ лекціи ботаники и физики, объясняя, что онъ получилъ на это разрѣшеніе отъ первенствующаго члена святѣйшаго синода. Университетъ, конечно, охотно согласился на это и разрѣшилъ семинаристамъ сверхъ того посѣщать еще лекціи по медицинской энциклопедіи, при чемъ преподаваніе ботаники возложено было на адъюнкта Каретникова, а энциклопедіи—на адъюнкта Ванноти. О томъ, какъ обрадовало гр. С. О. Потоцкаго разрѣшеніе воспитанникамъ коллегіума посѣщать лекціи медицины въ Харьковскомъ университетѣ, можно судить по слѣдующимъ его строкамъ, адресованнымъ къ ректору Рижскому: „имѣя всегда въ виду умноженіе студентовъ университета, пріятно для меня было усмотрѣть изъ письма вашего, что семинаристы получили наконецъ позволеніе пользоваться университетскими лекціями и начали уже посѣщать ихъ. Извѣстно вамъ, съ какою трудностью сопряжено было это позволеніе и потому должно стараться, чтобы не сдѣлать новыхъ какихъ либо затрудненій, могущихъ воспретить имъ посѣщать университетъ. Прошу васъ также употребить съ своей стороны всевозможныя мѣры и попеченія, чтобы этимъ семинаристамъ доставлены были всѣ удобства для слушанія лекцій и чтобы они получали отъ того желаемую пользу“ [2]).

Въ 1805 г. питомцы коллегіума посѣщали въ числѣ 50 чел. лекціи ботаники, медицинской энциклопедіи и физики; первую они слушали у адъюнкта Каретникова, вторую у адъюнкта Ванноти [3]). Въ

[1]) Харьк. унив. арх. „Исторія дѣлъ“: ср. также 156—160 стр. настоящ. труда.
[2]) Харьк. универ. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г. № 11.
[3]) Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

1814 г. одинъ воспитанникъ богословскаго класса коллегіума Назарьевъ выразилъ желаніе посѣщать университетскія лекціи по латинскому языку—и его желаніе, поддержанное просвѣщеннымъ ректоромъ коллегіума протоіереемъ А. Прокоповичемъ, было исполнено [1]). Нѣсколько аналогическихъ случаевъ имѣло мѣсто и въ 1813 г. [2]).

Коллегіумское начальство смотрѣло серьезно на изученіе медицины его питомцами и установило даже для нихъ экзамены. Такъ въ 1806 г. они слушали лекціи хирургіи (у проф. Шумлянскаго) и энциклопедіи (у Ванноти), и результаты произведеннаго имъ испытанія оказались таковы: съ хорошими успѣхами 7 чел., средними—6, слабыми—2, 6 чел. не присутствовали на экзаменѣ, по болѣзни, 9—по неизвѣстной причинѣ; по энциклопедіи экзамена не было, но прилежнѣе другихъ посѣщало лекціи 12 чел. Всѣхъ слушателей было 30 чел., а въ слѣдующемъ году 35; это были студенты философіи и богословіи. Являлась даже мысль о томъ, чтобы студенты коллегіума посѣщали лекціи и другихъ профессоровъ медицинскаго факультета, но дѣло это осуществлено не было на практикѣ [3]). Въ 1814 г. епископъ Харьковскій Аполлосъ спрашивалъ университетъ, не читаются ли въ немъ лекціи на греческомъ языкѣ и не могутъ ли посѣщать ихъ воспитанники коллегіума. Оказалось, что таковыхъ лекцій не было и онъ отказался отъ своего намѣренія [4]).

Желая узнать, какъ идетъ дѣло преподаванія въ приготовительномъ классѣ, совѣтъ рѣшилъ произвести въ немъ экзаменъ, который далъ положительные результаты, въ особенности по латинскому языку, естественной исторіи и математикѣ.

Съ своей стороны попечитель графъ С. О. Потоцкій старался доказать министру необходимость принятыхъ имъ мѣръ для привлеченія въ университетъ студентовъ. Вотъ отрывокъ изъ его письма, написаннаго вскорѣ послѣ открытія университета, на каковомъ, какъ мы знаемъ, онъ присутствовалъ лично.

„Стараясь какъ нынѣ, такъ и въ прежнее мое пребываніе узнать образъ мыслей здѣшнихъ дворянъ о воспитаніи дѣтей своихъ, нахожу

---

[1]) Вотъ текстъ письма, съ которымъ обратился по этому поводу въ университетъ А. Прокоповичъ: „подноситель сего студентъ богословія Назаріевъ желаетъ слушать въ Харьковскомъ Императорскомъ университетѣ преподаваемыя лекціи латинской словесности въ свободные отъ занятій своихъ по коллегіуму часы. Я, одобряя его намѣреніе и охоту, прошу васъ покорнѣйше ваше дать ему на то позволеніе“ (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1814 г. № 813/40, стр. 385).

[2]) Ibidem. Дѣло правл. 1813 г. № 738/37, стр. 312—313.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г. № 273/15.

[4]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1814 г. № 839/42.

я, что общее ихъ мнѣніе по сему предмету далеко еще отстоитъ отъ истинной цѣли. Не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ или имѣя объ оныхъ весьма темное понятіе, не радѣли они о воспитаніи дѣтей своихъ, лишены будучи всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ; они лучше соглашаются не окончивши ученіе записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели продолжать науки и усовершать ихъ знанія; они не могутъ рѣшиться дозволить дѣтямъ своимъ выше 14-ти лѣтъ возраста посѣщать гимназіи, которыя впрочемъ не приведены еще въ желаемое состояніе. По сему ежели университетъ сохранилъ бы въ строгомъ смыслѣ всѣ правила, коими долженъ онъ руководствоваться въ пріемѣ слушателей лекцій, то отъ сего моглибъ произойти непріятныя послѣдствія: 1) онъ не имѣлъ бы нынѣ ни одного студента; 2) молодые люди, не пріобрѣтшіе достаточныхъ свѣдѣній для сего званія, принуждены были бы вступить въ службу, оставаясь на всегда необразованными, т. е. цѣлому поколѣнію оныхъ надлежало бы заградить путь къ просвѣщенію и, наконецъ, 3-е такое отдаленіе при первомъ шагѣ могло бы произвести во всемъ дворянствѣ совершенное отвращеніе отъ университета. Убѣждаясь сими важными причинами, нахожу я себя принужденнымъ, пока гимназіи не будутъ приведены въ лучшее состояніе, учредить при ономъ приготовительный классъ, въ которомъ молодые люди, пріобрѣтая достаточныя познанія, будутъ снискивать способность къ слушанію лекцій высшихъ наукъ. Симъ способомъ надѣюсь я привлещи въ университетъ дворянство и современемъ достаточно онымъ умножать число его студентовъ (своекоштныхъ находится нынѣ 21 человѣкъ). Духовенство здѣшнее весьма расположено къ университету и особенно преосвященный: я изыскиваю всѣ возможныя средства заслужить и усугубить такое благорасположеніе. Пользуясь онымъ предложилъ я ему, не находитъ ли онъ противнымъ, еслибъ семинаристы посѣщали медицинскія лекціи, до образованія же сего факультета, лекціи для сей науки приготовительныя, какъ то: физики, химіи и ботаники. Онъ призналъ сіе съ своей стороны не только полезнымъ, но сколько замѣтить можно было, предложеніе сіе принялъ съ признательностію. По мнѣнію его предпріемлемыя мѣры къ образованію семинаристовъ не могутъ никакъ быть достаточны къ исполненію Высочайшаго указа для обученія ихъ медицинѣ, о чемъ и представлялъ уже Высокопреосвященному митрополиту; единое средство, какъ изъясняется онъ, для достиженія благотворительной сей цѣли Августѣйшаго Монарха, состоитъ въ томъ, чтобъ позволено имъ было пользоваться университетскими лекціями. Основываясь на семъ, намѣренъ онъ возобновить первое свое представленіе, присоединя къ тому и средства, могущія отвратить показанныя неудобства.

Ваше Сіятельство легко представить себѣ изволите, сколь таковое его предпріятіе меня обрадовало, которое и Вамъ, какъ истинному покровителю просвѣщенія, конечно, не менѣе будетъ пріятно.

Ежели Святѣйшій Синодъ въ исполненіи сего представленія найдетъ какое либо затрудненіе, я осмѣливаюсь надѣяться, что Ваше Сіятельство не оставите употребить въ семъ случаѣ Вашего ходатайства или довести оное до свѣденія Государя Императора: Его Величество, имѣя благотворныя намѣренія приготовляющимся въ священнослужители доставить нужныя познанія медицины, вѣроятно соизволитъ одобрить таковое представленіе“ [1]).

Въ дополненіе къ этому письму въ томъ же январѣ попечитель отправилъ другое, въ которомъ снова отмѣчалъ слабый интересъ мѣстнаго дворянства къ высшему образованію и просилъ о награжденіи преосв. Сулимы за его сочувствіе къ университету орденомъ св. Анны 1-й степени [2]). Мы еще коснемся впослѣдствіи вопроса объ отношеніи дворянства къ университету, теперь же только замѣтимъ, что заявленіе Потоцкаго о холодности харьковскихъ дворянъ къ дѣлу высшаго образованія едва ли можетъ быть принято и во всякомъ случаѣ требуетъ ограниченія. Таковы были мѣры, принятыя на первыхъ порахъ начальствомъ для привлеченія студентовъ во вновь основанный университетъ. Представимъ теперь имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи статистическія данныя о числѣ молодыхъ людей, поступавшихъ въ Харьковскій университетъ за разные годы его существованія, и обратимъ вниманіе на ихъ сословное положеніе, образовательный цензъ, мѣсто рожденія и жительства и т. п.

Въ 1805 году, т. е. въ первый годъ существованія университета, было всего 57 студентовъ, въ томъ числѣ 33 казеннокоштныхъ и 24 своекоштныхъ. По сословіямъ они распредѣлялись такъ—28 лицъ духовнаго званія, 23 дворянскихъ дѣтей, 3 сыновей иностранцевъ, 2 разночинцевъ, (одинъ войсковой обыватель) и 1 купеческаго званія; въ числѣ казеннокоштныхъ мы находимъ только 5 дворянъ, остальные — изъ духовнаго званія; въ числѣ своекоштныхъ изъ духовенства никого не было. По мѣсторожденію они распредѣляются такъ: 30 чел. изъ г. Харькова и слободскоукраинской (т. е. харьковской) губ., 15 чел. изъ курской губ., 5—воронежской, 2—полтавской, 1—екатеринославской, 1—херсонской, 1—гродненской, 1—изъ Венгріи, 1—изъ Германіи. Возрастъ ихъ колеблется между 16 и 34 годами (1—34-хъ лѣтъ, 2 по 31 г.), но преобладаютъ лица 18—20 лѣтъ. Изъ нихъ 15 воспи-

---

[1]) Архивъ Минист. Народ. Просв. Дѣло 1804 г. № 5520/153.

[2]) Ibidem.

тывалось въ Харьковскомъ коллегіумѣ, 15 въ Курской семинаріи, 15 въ Харьк. главномъ народномъ училищѣ, 5 дома, 1—въ Кіевской духовной академіи, 1—въ Виленской академіи, 1—въ Пештскомъ университетѣ, 1—въ Фрейбургской гимназіи, 1—въ пансіонѣ при Екатеринославскомъ училищѣ, 1—въ гимназіи и при Московскомъ университетѣ, въ пансіонѣ. Предметы въ это время не были еще распредѣлены по факультетамъ, и каждый изъ вновь вступившихъ слушалъ нужныя ему лекціи на тѣхъ языкахъ, какіе ему были понятны (мы знаемъ, что профессора иностранцы вели преподаваніе на разныхъ языкахъ). Обо всѣхъ этихъ лицахъ было сказано ректоромъ, что они скромнаго, надежнаго, хорошаго и изряднаго поведенія и такихъ же успѣховъ. Изъ нихъ въ теченіе года выбылъ только 1 чел. (своекоштный студентъ изъ купцовъ) [1]). Въ примѣчаніи мы помѣщаемъ фамиліи этихъ первыхъ студентовъ Харьковскаго университета [2]).

Что касается приготовительнаго класса, то онъ былъ составленъ почти исключительно изъ учениковъ Харьковскаго главнаго народнаго училища. Сохранился списокъ учениковъ этого училища, предназначавшихся къ поступленію въ университетъ (съ собственоручною помѣткою В. Н. Каразина, принимавшаго живое участіе въ этомъ дѣлѣ); изъ 400 человѣкъ, обучавшихся въ этомъ училищѣ, въ него попало 40 чел. наиболѣе успѣвшихъ (въ томъ числѣ 10 казеннокоштныхъ). Почти всѣ они были обучены Закону Божію, русской грамматикѣ, краснорѣчію, французскому

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечителя по архиву № 147, по картону № 9 (1805—1830 г.), стр. 4—7.

[2]) Казеннокоштные 1) А. Щелкуновъ, А. Ильинскій, Г. Шрамковъ, П. Галкинъ, А. Каплицкій, М. Колмаковъ, П. Пузановъ, П. Волошиновъ, И. Мартиновъ, А. Золотаревъ, Д. Поповъ, П. Афанасьевъ, И. Рудневъ, А. Ефременковъ, Н. Архангельскій, И. Любачинскій, П. Любовскій, К. Сухаревъ, П. Иваницкій, Д. Борзенковъ, Т. Сандулъ-Стурдза, И, Евстафіевъ, П. Стенурскій, П. Ольховскій, Г. Ольховскій, Д. Сизоновъ, Д. Бутовичъ, С. Малишевскій, Я. Громовъ, Г. Концевичъ, И. Лобайковъ, М. Сливинскій, С. Квятковскій; своекоштные—Н. Шидловскій, Д. Шидловскій, П. Шидловскій, Л. Добровольскій, А. Павловъ, И. Сошальскій, В. Комлишинскій, Г. Коваленко, Д. Сплитстесеръ, И. Хлоповъ, Г. Вольховскій, Ѳ. Сошальскій, Е. Татарчуковъ, Н. Токаревъ, Н. Адалимовъ, В. Сурдини, Т. Любомировичъ, С. Романовскій, А. Пушкаревъ, П. Перекрестовъ-Осиповъ, В. Матіасъ, П. Стремоуховъ, А. Лангъ, А. Нахимовъ (Ibidem). Сверхъ того были вольнослушатели, посѣщавшіе лекціи нѣкоторыхъ профессоровъ—учитель Харьковской гимназіи Сем. Туранскій, слушавшій математическія науки, бывшій учитель Харьковскаго главнаго народнаго училища Акимъ Назаровъ—математическія, физическія и русскую словесность, бывшій ученикъ Харьковскаго главнаго народнаго училища Мих. Куряжскій—математическія, физическія и русскую словесность, чиновникъ присутственныхъ мѣстъ Петръ Прокоповичъ—физическія и русскую словесность (Харьк. унив. архивъ. Имянной списокъ студентовъ за 1805 годъ).

или нѣмецкому языку (а нѣкоторые обоимъ), ариѳметикѣ, геометріи, стереометріи, тригонометріи, практикѣ, геодезіи, архитектурѣ, физикѣ, механикѣ, исторіи, географіи и рисованію, а нѣкоторые фортификаціи, артиллеріи, полевому и долговременному укрѣпленію, механикѣ, алгебрѣ. Въ приготовительный классъ получено позволеніе вступить 37 чел., но поступилъ 31 чел.) [1]). Большая часть ихъ обучалась въ Харьковскомъ главномъ народномъ училищѣ, нѣкоторые въ коллегіумѣ (изъ дворянъ), остальные дома или пансіонахъ (Харьковскомъ Гелейна, Полтавскомъ, Петербургскомъ); возрастъ ихъ колебался между 14—19 годами.

Въ 1806 году числилось 40 казеннокоштныхъ студентовъ (въ томъ числѣ 29 было на 2-мъ курсѣ и 11 на первомъ) и 39 своекоштныхъ, (въ томъ числѣ 17 на 2-мъ курсѣ и 22 на первомъ) [2]). Въ приготовительномъ классѣ въ этомъ году было 36 учащихся [3]).

---

[1]) Вотъ ихъ имена: С. Дмитріевъ, Е. Карповъ, В. Куколь-Яснопольскій, П. Куколь-Яснопольскій, К. Павловъ, І. Балясный, І. Шимановскій, Богуславскій, Ѳ. Фотіевъ, И. Масловъ, А. Марковичъ, Н. Куликовскій, И. Іонинъ, И. Ходовскій, С. Башинскій, М. Иваненко, С. Федоровъ, М. Констанскій, Н. Карповъ, С. Бахтинъ, А. Ласкевичъ, И. Стремоуховъ, Ѳ. Шидловскій, Д. Стойковичъ, Н. Іонъ. Н. Пономаревъ, К. Татариновъ, А. Райковичъ, В. Зарудный, И. Зурудный, И. Рудинскій (Ibidem). И тутъ были вольнослушатели — Ѳ. Чорба, Сосипатръ Шошинъ, Ив. Хлоповъ, Ник. Бѣлогрудовъ (малолѣтніе дворяне) Ильинскій (Харьк. унив. архивъ. Имянной списокъ студентовъ за 1805 годъ, прошенія ихъ см. въ дѣлѣ правленія 1805 г. № 22/2).

[2]) Вотъ фамиліи *казеннокоштныхъ* студентовъ: Ант. Щелкуновъ, Ан. Ильинскій, Гр. Шрамковъ, П. Галкинъ, Ан. Каплинскій, М. Колмаковъ, П. Пузановъ, Ив. Мартиновъ, Ал. Золотаревъ, Д. Поповъ, И. Афанасьевъ, Ив. Рудневъ, А. Ефремсиковъ, Н. Архангельскій, И. Любачинскій, П. Любовскій, К. Сухаревъ, П. Иваницкій. Дм. Борзенковъ, И. Евстафьевъ, П. Степурскій, Пр. Ольховскій, Е. Ольховскій, Д. Созоновъ, Д. Бутовичъ, С. Малышевскій, Гр. Концевичь, Я. Громовъ, Т. Сандулъ-Стурдза, М. Сливинскій, Ст. Квятковскій, Ив. Лобойковъ, С. Федоровъ, И. Масловъ, Гр. Македонскій, Д. Калиновскій, Е. Андренковъ, М. Вѣтуховъ, А. Ваценковъ, Анд. Павловскій. *Своекоштные*: Н. Шидловскій, П. Шидловскій, Д. Шидловскій, Л. Добровольскій, А. Павловъ, Ив. Сошальскій, В. Комлишинскій, Г. Коваленко, Дм. Силистессеръ, И. Хлоповъ, Гр. Вольховскій, Ф. Сошальскій, Н. Токаревъ, А. Адалимовъ, В. Сурдини, С. Романовскій, Тр. Любомировичъ, Ал. Пушкаревъ, П. Перекрестовъ-Осиповъ, П. Волошиновъ, В. Матіасъ, П. Стремоуховъ, Ал. Лангъ, Ан. Нахимовъ, П. Татариновъ, Н. Іонъ, В. Зарудный, М. Константскій, Н. Пономаревъ, Ив. Зарудный, Ст. Дмитріевъ, Н. Карповъ, И. Стремоуховъ, Ѳ. Фотіевъ, С. Бахтинъ, Ал. Шидловскій, Ал. Шидловскій, А. Расторгуевъ, П. Краевскій (послѣдніе 15 чел. поступили въ 1806 г.). (Харьк. унив. архивъ Дѣло Сов. 1806 г. № 65).

[3]) Вотъ ихъ имена: Ст. Дмитріевъ, Е. Карповъ, В. Куколь-Яснопольскій, П. Куколь-Яснопольскій, К. Павловъ, І. Балясный, М. Шимановскій, Н. Богуславскій, Ѳ. Фотіевъ, И. Масловъ, Александръ Маркевичъ, Н. Куликовскій, И. Іонинъ, И. Ходовскій, Ст. Башинскій, М. Иваненко, С. Федоровъ, М. Константскій, Н. Карповъ, С. Бахтинъ, И. Стремоуховъ, Ѳ. Шидловскій, Д. Стойковичъ, Н. Іонъ, Н. Пономаревъ, П. Татариновъ,

Вольнослушателей было 7 [1]); вольнослушателей въ приготовительномъ классѣ 9 [2]).

Въ теченіе 1807 г. выбыло 9 казеннокоштныхъ и 12 своекоштныхъ и на ихъ мѣсто принято 8 казеннокоштныхъ (одинъ ученикъ екатеринославской семинаріи, 5 учениковъ бѣлгородской, одинъ изъ харьковской гимназіи и одинъ изъ своекоштныхъ студентовъ) и 6 своекоштныхъ. Въ 1808-мъ году изъ 39 казеннокоштныхъ студентовъ выбыло 20, а на мѣсто ихъ поступило 14 (бывшій учитель курскаго училища, бывшій студентъ пражскаго университета, сынъ профессора, двое окончившихъ екатеринославскую гимназію, 4—слободско-украинскую, 3—донскую, 2 изъ петербургскаго педагогическаго института); къ концу года осталось 33 чел. Изъ 26 своекоштныхъ студентовъ выбыло 13, а вновь поступило 15, такъ что къ концу года ихъ было 28 чел.

Обратимся теперь къ анализу имѣющагося въ нашемъ распоряженіи списка студентовъ за 1809 годъ. Всѣхъ слушателей значилось тогда 91 чел., въ томъ числѣ 53 казеннокоштныхъ и 38 своекоштныхъ; но иные уже пооканчивали курсъ, другіе ожидали должностей или даже уѣхали на таковыя; дѣйствительныхъ же студентовъ къ концу 1809 г. было 72 чел., которые по факультетамъ распредѣлялись такъ: на нравственно политическомъ отдѣленіи 9, физикоматематическомъ 16, медицинскомъ 2 и словесномъ 11; остальные 34 человѣка слушали первый общій курсъ и не избрали еще себѣ факультетовъ. Значитъ по числу студентовъ факультеты шли тогда въ такомъ порядкѣ: на первомъ мѣстѣ стоялъ физико-математическій, потомъ словесный, т. е. нынѣшній историко-филологическій, затѣмъ юридическій и на послѣднемъ—медицинскій. По сословіямъ студенты распадаются такъ: дворянъ и чиновниковъ 57, духовнаго званія 19, разночинцевъ (донскихъ казаковъ, помѣщичьихъ крестьянъ, отпущенныхъ на волю и т. п.) 12, остальные иностранцы. По мѣсту рожденія они дѣлились слѣдующимъ образомъ: на долю гор. Харькова и губерніи приходилось 34 чел., курской губ. 10, воронеж-

---

А. Райковичъ, В. Зарудный, Н. Зарудный, И. Рудинскій, И. Индутный, А. Корнеліусъ, А. Корнеліусъ, Гр. Зарудный, И. Якименко, Гр. Захаржевскій (многіе изъ нихъ были произведены въ студенты) (ibidem).

[1]) Вотъ ихъ фамиліи: Туранскій, Назаровъ, Куряжскій, Прокоповичъ, слушавшіе тѣже предметы, что и въ прошломъ году; Ст. Шидловскій, слушавшій математику, русскую, французскую и латинскую словесность, философію и физику; Александръ Корнеліусъ 1-й—россійскую словесность, математику, право и физику; Алекс. Корнеліусъ 2-й—россійскую словесность, право и физику (ibidem).

[2]) Къ пяти прежнимъ теперь присоединились: А. Зальковскій, М. Робушъ 1-й, М. Робушъ 2-й, В. Кувшинниковъ (ibidem).

ской губ. 10, войска-донскаго 10, полтавской 7, черниговской 4, кіевской 3, екатеринославской 3; затѣмъ могилевской, рязанской, минской, херсонской, Германіи, Венгріи, Богеміи по одному. По мѣсту воспитанія они распредѣляются такъ: больше всего дала харьковская гимназія (25 чел.), коллегіумъ (11 чел.), донская гимназія (10 чел.), домашняя подготовка (9), бѣлгородская семинарія (7), приготовительный классъ при университетѣ (7), харьковское главное народное училище (6), екатеринославская гимназія (4), воронежская семинарія (3), екатеринославская семинарія (2), затѣмъ по одному студенту доставили — пансіонъ Гелейна въ Харьковѣ, черниговская гимназія и семинарія, пражскій и вѣнскій университеты, педагогическіе институты въ Петербургѣ и Галле; нѣкоторыя лица, получившія домашнюю подготовку, поступали въ вольнослушатели, а потомъ и въ настоящіе студенты [1]). Въ примѣчаніи мы приводимъ фамиліи всѣхъ студентовъ 1809 г. [2]). Въ 1810 г., по словамъ кн. Долгорукаго, число студентовъ было 60 и на медицинскомъ факультетѣ только двое [3]). Но это не вѣрно: въ дѣйствительности ихъ было значительно больше.

Казеннокоштныхъ студентовъ въ началѣ 1810 г. было 45 челов.; изъ нихъ 1 умеръ, одинъ перешелъ въ разрядъ своекоштныхъ, два были уволены съ разрѣшенія высшаго начальства, 1 уволенъ временно впредь до излеченія, 2 исключены за нерадѣніе и худое поведеніе, 8 опредѣлено въ учителя, всего выбыло 15, на мѣсто же ихъ въ томъ же

---

[1]) Харьк. унив. арх. Дѣло канц. попеч. 1805—1830 г. № 147/9, стр. 50—71.

[2]) И. Мартыновъ, Е. Ольховскій, Т. Сандулъ-Стурдза, И. Лобойковъ, С. Федоровъ, А. Павловскій, Ѳ. Сорокинъ, М. Робушъ, Ѳ. Переверзевъ, І. Якубовскій, Т. Селивановъ, А. Спасскій, М. Спасскій, С. Колядинъ, А. Якобъ, К. Артемьевъ, С. Никифоровъ, Д. Адамовичъ, И. Одинецъ Заставскій, Т. Воскобойниковъ, И. Сорокинъ, А. Калининъ, З. Вѣнецкій, В. Кондратовъ, С. Гречановскій, И. Рубашкинъ, К. Пробстъ, И. Даньковскій, Е. Воробьевъ, В. Парпура, Г. Дзюбинъ, Д. Филипповъ, Н. Курбатовъ, И. Жадановъ, И. Панченко, Д. Жуковъ, С. Сновалевъ, П. Ходовскій, А. Астрелинъ, Г. Пукаленскій, И. Поляковъ, М. Кучеровъ, Д. Дмитровъ, С. Чеботаревъ, И. Кондратовъ, Н. Терезниковъ, С. Башинскій, Д. Макѣевъ; своекоштные: А. Лангъ, П. Татариновъ, М. Константскій, С. Дмитріевъ, Н. Карповъ, П. Стремоуховъ, А. Шидловскій, А. Шидловскій, А. Расторгуевъ, С. Шидловскій, А. Ильинскій, А. Заньковскій, В. Кувшинниковъ, И. Ходовскій, Д. Стойковичъ, Н. Куликовскій, Н. Маркъ, И. Дзюбинъ, П. Дегай, И. Прохоровичъ, А. Гевличъ, С. Искра, С. Воиновскій, П. Туранскій, Ѳ. Ольденборгеръ, Н. Лонгиновъ, С. Величко, И. Стаховичъ, И. Лобачевскій, А. Касовскій, П. Бразоль, И. Волошиновъ, А. Берклайскій, В. Титаревъ, А. Глинскій, К. Грумбахъ, И. Марковъ, П. Босмановъ. По другому списку впрочемъ дѣйствительныхъ студентовъ было только 61 чел. (35 казеннокоштныхъ и 26 своекоштныхъ)—Харьк. унив. архивъ. „Списокъ казенно и своекоштныхъ студентовъ Харьковскаго университета 1809 г.“.

[3]) Чтенія Моск. общ. 1869 г., кн. 2-я, стр. 52.

году вновь принято окончившихъ слободско украинскую гимназію 5, воронежскую семинарію 1, уволенныхъ Святѣйшимъ синодомъ изъ духовнаго званія воспитанниковъ харьковскаго коллегіума 3, изъ петербургскаго педагогическаго института поступилъ 1, всего 10 чел., такъ что при концѣ года было казенныхъ студентовъ 40 (вмѣсто прежней цифры 45). Своекоштныхъ студентовъ въ концѣ 1809 г. было 27 душъ; изъ нихъ 6 поступило на государственную службу и одинъ—въ кандидатъ педагоги (изъ нихъ окончившихъ курсъ было 4 чел.); въ теченіе года вновь поступило 22 чел.—одинъ перешелъ изъ Дерптскаго университета, 1 изъ казеннокоштныхъ, четверо поступило изъ семинарій и пансіоновъ и 16 изъ гимназій (слободско-украинской 10, екатеринославской 3, донской 2 и черниговской 1)—всего же своекоштныхъ было 42, а вмѣстѣ съ казеннокоштными въ концѣ 1810 г. 82 да сверхъ того 10 вольнослушателей. Въ теченіе 1811 г. изъ 40 казеннокоштныхъ студентовъ выбыло 24 чел.: одинъ поступилъ въ медикохирургическую академію, одинъ перешелъ въ своекоштные, 8 произведено въ кандидаты (изъ нихъ три опредѣлены учителями гимназій, а 5 осталось въ званіи кандидатовъ при университетѣ), 12 поступило въ учителя (одинъ въ гимназію, остальные въ уѣздныя училища), 2 уволены для поступленія въ учителя въ землѣ войска Донскаго. Поступило вновь 15 чел.—одинъ изъ своекоштныхъ, одинъ изъ учителей, 9 изъ окончившихъ курсъ гимназій, 4 изъ семинарій; на лицо къ концу года было 31 чел. (сверхъ того на казенномъ содержаніи было двое такихъ, которые не были еще достаточно сильны въ латинскомъ языкѣ и потому не имѣли званія студентовъ). Изъ своекоштныхъ студентовъ выбыло 18 чел., а принято вновь 29, на лицо было 55 чел. Всѣхъ-же студентовъ въ концѣ 1811 г. было 86 чел., которые по факультетамъ распредѣлялись такъ: на этикополитическомъ отдѣленіи 13, физико-математическомъ 12, врачебномъ 9, словесномъ 12, па общихъ курсахъ 41; сверхъ того на врачебномъ отдѣленіи было еще 8 чел., отчасти изъ другихъ факультетовъ, отчасти же изъ числа слушавшихъ общіе курсы. Вольнослушателей было 14 чел. Въ теченіе 1812 г. въ составѣ студентовъ произошли слѣдующія перемѣны: выбыло казеннокоштныхъ 11 чел.—двое поступило въ кандидаты, двое были уволены, одинъ опредѣленъ былъ учителемъ гимназіи, а 6 въ уѣздныя училища; вновь поступило 30 чел.; всего казеннокоштныхъ студентовъ въ концѣ 1812 г. было 50 чел.; изъ 55 чел. своекоштныхъ студентовъ 6 получило кандидатскую степень, одинъ перешелъ въ казеннокоштные, пять вышли изъ университета для поступленія въ военную службу, три—въ штатскую (изъ нихъ двое не окончило курса), а двое умерло; всего выбыло

17 чел., а принято 30 чел.; оставалось на лицо 68 чел. Всѣхъ же студентовъ было 118 чел., въ томъ числѣ на этикополитическомъ отдѣленіи 23, физико-математическомъ 14, врачебномъ 17, словесномъ 5, остальные слушали лекціи на общихъ курсахъ [1]). Здѣсь, какъ мы видимъ, устанавливается уже иное отношеніе между отдѣленіями: по числу студентовъ на первомъ мѣстѣ стоитъ этикополитическій факультетъ, за тѣмъ врачебный, физико-математическій и наконецъ словесный. Объясняется это двумя главными причинами—разумными мѣрами, принятыми для поднятія медицинскаго факультета, и паденіемъ словеснаго факультета, благодаря смерти и выходу выдающихся его профессоровъ (Рижскаго, Умляуфа, Роммеля, Беленъ-де-Баллю).

И такъ, число студентовъ за изучаемый нами періодъ времени было таково: въ концѣ 1805 г. ихъ было 57 чел., (33 казеннокоштныхъ и 24 своекоштныхъ), въ концѣ 1807 г.—65 (39 и 26), 1808 г.—61 (33 и 28), 1809 г. — 72 (45 и 27), 1810 г. — 82 (40 и 42) и 10 вольнослушателей; въ 1811 г.—86 (31 и 55) въ 1812 г.—118 (50 и 68). Отсюда видно, что цифра студентовъ даже иногда падала и что ростъ ея вообще былъ крайне медленный и постепенный. Число казеннокоштныхъ было ограничено уставомъ и потому весь приростъ зависѣлъ въ сущности отъ увеличенія числа своекоштныхъ; оно же стало возрастать только съ 1810 г. и съ этого момента замѣтно увеличивается и общая цифра студентовъ.

Это обстоятельство сильно озабочивало какъ попечителя округа, такъ и университетъ и побуждало ихъ принимать разныя мѣры для устраненія этого прискорбнаго явленія.

Попечитель графъ Потоцкій въ письмѣ своемъ къ ректору Рижскому (отъ 22 октября 1805 г.) придаетъ чрезвычайно важное значеніе количеству студентовъ. Онъ съ удовольствіемъ узналъ о вступленіи въ университетъ четырехъ новыхъ питомцевъ и заявилъ при этомъ, что отъ числа учащихся въ университетѣ студентовъ зависѣла репутація этого послѣдняго [2]).

Нужны были разныя мѣры даже для пополненія комплекта казеннокоштныхъ студентовъ: просили губернаторовъ сосѣднихъ губерній публиковать во всеобщее свѣдѣніе объ открывшихся вакансіяхъ и т. п. Институтъ казеннокоштныхъ студентовъ былъ болѣе устойчивый. Они давали обязательство оставаться въ университетѣ до окончанія курса и затѣмъ пробыть въ вѣдомствѣ его въ качествѣ учителей не менѣе

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. „Исторія дѣлъ“.

[2]) Харьк. универ. архивъ. Дѣло совѣта 1805 г. № 24, стр. 190.

6 лѣтъ [1]). Съ такими же приглашеніями обращались директора училищъ къ ученикамъ семинарій и частнымъ лицамъ, получавшимъ образованіе въ пансіонахъ и дома [2]). Но даже душевно расположенный къ университету Курскій архіепископъ Ѳеоктистъ сообщилъ, что безъ спеціальнаго разрѣшенія высшаго духовнаго начальства воспитанникамъ семинаріи невозможно поступать въ студенты [3]). Архіепископъ собственною властью могъ только отправить для поступленія въ Харьковскій университетъ 5 челов., которымъ раньше Синодъ разрѣшилъ вступить въ студенты, но которые были оставлены пока въ семинаріи для выслушанія тамъ философскаго курса [4]). Въ 1806 г. правленіе для увеличенія числа казеннокоштныхъ студентовъ остановилось на слѣдующей мѣрѣ—оно предложило главному правленію училищъ разрѣшить принять сверхъ 40 человѣкъ, полагавшихся по штату, еще 12 человѣкъ и содержать ихъ на суммы, назначаемыя штатомъ для студентовъ кандидатовъ, которыхъ тогда еще не было. Главное правленіе училищъ нашло эту мѣру весьма полезной [5]). Особенно бѣденъ студентами былъ медицинскій факультетъ—можно сказать, что ихъ тамъ почти вовсе не было.

Проф. Шумлянскій въ 1806 г. предлагалъ ходатайствовать передъ всѣми архіереями харьковскаго учебнаго округа о присылкѣ изъ ввѣренныхъ имъ семинарій по двое семинаристовъ для опредѣленія на медицинскій факультетъ, съ тѣмъ чтобы эти 12 семинаристовъ по окончаніи курса не оставались бы въ теченіе 6 лѣтъ въ вѣдѣніи университета, какъ остальные казеннокоштные студенты, а были бы возвращены снова въ семинаріи для преподаванія тамъ медицины [6]).

Попечитель округа гр. С. О. Потоцкій призналъ проэктированную проф. Шумлянскимъ мѣру недостаточной и съ своей стороны предложилъ другую, по его мнѣнію, болѣе дѣйствительную. „Я согласенъ, писалъ онъ, чтобы университетъ отнесся къ преосвященнымъ харьковскаго округа о присылкѣ учениковъ для слушанія преподаваемыхъ лекцій; но нужнымъ поставляю замѣтить, что какъ число сихъ студентовъ, полагая на каждую епархію по два, будетъ состоять только изъ 6 человѣкъ, то столь малое количество учениковъ недостаточно къ совершенному достиженію вышеозначенной цѣли. По мнѣнію моему полезнѣе было бы сдѣлать по сему случаю особенное объявленіе о при-

---

1) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г., № 255/15, стр. 107.
2) Ib., стр. 112.
3) Ib., стр. 109.
4) Ibidem, стр. 147.
5) Харьк. унив. Архивъ. Дѣло канц. Поп. 1805—1830 г., № 147/9, стр. 111.
6) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп. 1806—1808 г., № 193/11, стр. 4—5.

нятіи въ университетъ 10 человѣкъ изъ способнѣйшихъ студентовъ на казенное содержаніе съ тѣмъ только, чтобы они при вступленіи своемъ обязались оный не прежде оставлять, какъ по окончаніи наукъ; по прошествіи же сего времени освобождаются отъ всякихъ другихъ обязанностей" [1]). Предложеніе это вызываетъ два существенныхъ возраженія. Во 1-хъ, харьковскій учебный округъ состоялъ не изъ трехъ, а изъ большаго числа епархій и въ немъ было большее число семинарій. (Намъ извѣстны семинаріи въ Харьковѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Екатеринославѣ, Черниговѣ и т. п.). Во 2-хъ, могло ли данное обязательство имѣть дѣйствительную силу и значеніе? Что было дѣлать въ томъ случаѣ, если бы такой казеннокоштный студентъ не успѣвалъ въ наукахъ вслѣдствіе слабыхъ способностей, нерадѣнія, лѣни, наконецъ, нежеланія учиться? Вѣдь по этимъ причинамъ само университетское начальство увольняло иногда и такихъ питомцевъ, которые не только должны были окончить курсъ въ университетѣ, но и пробыть въ его вѣдомствѣ послѣ этого 6 лѣтъ! Впрочемъ нужно сознаться, что уничтоженіе шестилѣтняго обязательства дѣйствительно могло привлечь охотниковъ къ этимъ, такъ сказать, казеннымъ стипендіямъ медицинскаго факультета, ибо въ то время, въ противоположность нашему, обязательство сильно стѣсняло и пугало молодежь.

Въ заботахъ о пополненіи числа студентовъ попечитель обратилъ вниманіе на проэктъ проф. Стойковича, состоявшій въ томъ, чтобы приглашать въ казеннокоштные студенты молодыхъ людей изъ Сербіи, которые, по его мнѣнію, охотно откликнулись бы на этотъ призывъ [2]). Было сдѣлано также нѣкоторое отступленіе отъ неукоснительно исполнявшихся прежде правилъ по отношенію къ лицамъ духовнаго званія— именно былъ принятъ въ студенты, безъ увольнительнаго свидѣтельства отъ Святѣйшаго Синода, окончившій новочеркасскую гимназію священническій сынъ Ив. Рубашкинъ, на основаніи донесенія директора училищъ, который сослался на Высочайшій указъ 1775 г., по которому въ области войска донскаго дѣти священно и церковнослужителей не принадлежали къ духовному сословію [3]).

Въ сентябрѣ 1809 г. ректоръ Рижскій между прочимъ писалъ министру: „по окончаніи вакаціонныхъ дней, опять въ свое время начались университетскія лекціи. На мѣсто выбывшихъ вновь поступило 29 челов. студентовъ, въ томъ числѣ 19 на казенное содержаніе.

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1807 г. № 24.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1808 г. № 23.

[3]) Ibidem.

Изъ студентовъ, кои нынѣ должны были поступить на какой либо факультетъ, одинъ только казеннокоштный объявилъ было желаніе быть на медицинскомъ; но и тотъ, увидѣвъ, что нѣтъ ему въ томъ товарищей, записался въ другое отдѣленіе. А посему и профессора, и адъюнкты медицинскихъ наукъ теперь не имѣютъ никакихъ лекцій, исключая Дрейсига и Ванноти, которые студентамъ, имѣющимъ за главный предметъ естественную исторію, преподаютъ—первый антропологію, а другой часть оной исторіи по соглашенію съ г. Делявинемъ" [1]). Для привлеченія студентовъ на медицинскій факультетъ, совѣтъ принялъ въ 1809 году двѣ извѣстныя уже намъ мѣры [2]): предложеніе ректора Рижскаго, о разрѣшеніи поступать въ гимназію, а потомъ въ университетъ на медицинскій факультетъ солдатскимъ дѣтямъ и предложеніе проф. Якоба о разрѣшеніи принимать въ университетъ купеческихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ дѣтей. Было ли уважено впрочемъ это ходатайство, мы не знаемъ. Въ слѣдующемъ 1810 году совѣтъ сдѣлалъ слѣдующія постановленія: назначить на медицинскомъ факультетѣ 10 вакансій для казеннокоштныхъ студентовъ; освободить окончившихъ этотъ факультетъ отъ обязательства оставаться въ теченіе 6 лѣтъ въ вѣдомствѣ университета и предоставить имъ право вступленія на службу по врачебной части; вообще просить директоровъ гимназій рекомендовать болѣе способнымъ къ медицинѣ ученикамъ поступленіе на медицинскій факультетъ; принимать такихъ, которые прослушаютъ въ теченіе года общіе университетскіе курсы; устроить немедленно всѣ необходимыя учебно-вспомогательныя учрежденія (анатомическій театръ, кабинетъ, клиники), пріобрѣсти нужные инструменты и учебники (на русскомъ и латинскомъ языкѣ). Результаты этихъ радикальныхъ мѣръ для поддержанія факультета сказались немедленно: тотчасъ-же поступило въ студенты медики 15 чел., въ томъ числѣ—что очень характерно—8 своекоштныхъ и даже сверхъ того еще 1 вольнослушатель. Правильное чтеніе лекцій на медицинскомъ факультетѣ началось только съ этого времени. Гр. С. О. Потоцкій въ дѣлѣ о мѣрахъ къ поднятію медицинскаго факультета стоялъ не на раціональной почвѣ: исходя изъ того положенія, что на немъ было мало студентовъ, онъ не хотѣлъ, чтобы затрачивались средства на устройство необходимыхъ для него учебно-вспомогательныхъ учрежденій; а между тѣмъ отсутствіе этихъ послѣднихъ и являлось главнымъ тормазомъ для правильной и успѣшной дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ для поступленія на него студентовъ. Кому

---

[1]) Ibidem, стр. 115—116;

[2]) 269—270 стр. настоящаго труда.

охота была поступать на тогдашній медицинскій факультетъ, когда преподаваніе на немъ должно было носить по необходимости почти исключительно теоретическій характеръ и даже окончившіе полный курсъ принуждены были отправляться потомъ для практическихъ занятій въ медико-хирургическую академію? Такъ и въ 1807 г. въ отвѣтъ на просьбу университета пріобрѣсти для устройства клиники домъ архитектора Ярославскаго (за 6000 р.), попечитель заявилъ, что это не принесетъ ожидаемой пользы, ибо число дѣйствительныхъ студентовъ на медицинскомъ факультетѣ весьма незначительно, а воспитанники коллегіума едва-ли окажутъ желаемые успѣхи; устройство же клиническаго института потребуетъ значительныхъ расходовъ и потому, если университетъ во что бы то ни стало хочетъ завести клинику, то онъ будетъ ходатайствовать о приспособленіи для этой цѣли городскаго госпиталя, съ тѣмъ чтобы университетъ принялъ на себя часть расходовъ по содержанію больныхъ, чѣмъ будетъ облегчено и городское управленіе [1]). Въ 1810 г. возникъ, по поводу упраздненія медико-хирургической академіи въ Москвѣ, вопросъ о переводѣ въ Харьковскій университетъ на медицинскій факультетъ 60 ея студентовъ. Правленіе представило попечителю обстоятельныя данныя о затратахъ, потребныхъ на ихъ первоначальное обзаведеніе и содержаніе, и даже вступило въ соглашеніе съ однимъ лицомъ о наймѣ у него дома для помѣщенія этихъ казеннокоштныхъ питомцевъ. Но дѣло это почему не было приведено въ исполненіе и Харьковскій университетъ къ своему огорченію не получилъ этихъ воспитанниковъ [2]).

Теперь пользуясь подлинными прошеніями разныхъ лицъ, мы остановимся подробнѣе на самомъ поступленіи ихъ въ университетъ. Мѣстное духовное начальство не всегда соглашалось увольнять съ этою цѣлью воспитанниковъ семинарій. Многое впрочемъ здѣсь зависѣло отъ личности преосвященныхъ. Харьковскій и курскій архіереи, какъ мы знаемъ, всячески содѣйствовали въ этомъ дѣлѣ университету; наоборотъ екатеринославскій былъ, очевидно, противъ. Онъ не позволялъ воспитанникамъ екатеринославской семинаріи переходить въ университетъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ прошенія трехъ студентовъ философіи: Луки Могунцаго, Прокофія Гаркушевскаго и Андрея Глижинскаго. „Увольненія изъ нынѣшняго нашего званія, писали они, мы отъ начальниковъ нашихъ получить не можемъ, потому что это зависитъ отъ власти Святѣйшаго Правительствующаго Синода и хотя мы утруждали

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1807 г. № 24.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1810 г. № 23.

Его Высокопреосвященство Платона, но въ семъ разѣ не получили отъ него желаемаго успѣха, кромѣ строжайшаго отказа, клонящагося къ неотлучному нашему нахожденію въ семинаріи. Для чего покорнѣйше просимъ гг. членовъ правленія о единственномъ благодѣяніи—учинить благоразсмотрѣніе объ опредѣленіи насъ въ Императорскій Харьковскій университетъ, а объ увольненіи изъ здѣшней семинаріи прямо отъ себя внести представленіе Святѣйшему Правительствующему Синоду, ибо мы сколько въ здѣшней семинаріи ни продолжаемъ ученія, не получаемъ заслуживаемаго воздаянія, кромѣ по занесеннымъ нынѣ отъ насъ прошеніямъ надѣемся невинно претерпѣть сугубое угнетеніе. По таковымъ обстоятельствамъ, ожидая нетерпѣливо получить отъ правленія всегдашнее покровительство, всенижайше просимъ, что по сему послѣдуетъ, не оставить насъ чрезъ директора училищъ милостивымъ извѣстіемъ (1807 г. 20 дек.)“ [1]). Положеніе этихъ молодыхъ людей было дѣйствительно очень печальное. Они откликнулись на обращенный черезъ директора училищъ въ семинарію призывъ, но это страшно вооружило противъ нихъ семинарское начальство, не смотря на то, что они, по наведеннымъ справкамъ, оказались хорошаго поведенія и успѣховъ. Оставаться имъ въ семинаріи не хотѣлось, но правленіе университета, разсмотрѣвъ ихъ прошеніе, объявило имъ, что безъ увольненія изъ духовнаго званія они не могутъ быть приняты въ студенты и объ этомъ увольненіи они должны хлопотать сами.

„Съ самаго начала прохожденія наукъ въ семинаріи, писалъ Глижинскій въ отдѣльномъ прошеніи, имѣлъ я склонность различными знаніями обогатить мой умъ и просвѣтить сердце и кромѣ латинскаго языка, исторіи, географіи, ариѳметики, поэзіи и начатковъ математики упражнялся я и успѣлъ соотвѣтственно моимъ силамъ и возрасту, во французскомъ языкѣ. Склонность сія съ возрастомъ лѣтъ моихъ чувствительно возрастая, возросла нынѣ до крайней степени и я объятъ будучи непреодолимымъ къ тому стремленіемъ, желаю посвятить себя, сверхъ преподаваемыхъ въ сей семинаріи, инымъ родамъ наукъ и пользѣ соотечественниковъ моихъ. Но какъ рвеніе мое и любовь къ наукамъ доселѣ не могли быть удовольствованы и находили много препятствій къ достиженію желаемой цѣли, то нынѣ, сыскавъ благопріятный къ исполненію желанія моего случай, вслѣдствіе отношенія правленія Императорскаго Харьковскаго университета, объявленнаго здѣшнимъ кражданскимъ начальствомъ, осмѣливаюсь просить гг. членовъ его, дабы

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія 1808 г., № $^{294}/_{17}$, стр. 18.

они, по испытаніи моей способности, благоволили меня помѣстить въ число казенныхъ студентовъ на незанятую вакансію" [1]).

Въ такомъ же положеніи очутился и 4-й воспитанникъ екатеринославской семинаріи Николай Голубовъ. Грустное и тяжелое впечатлѣніе производитъ его прошеніе — и невольно задаешь вопросъ, неужели думали, что лица, прямо заявлявшія объ отсутствіи у нихъ призванія къ духовному сану, могли быть полезными членами этого сословія. „Я просилъ, пишетъ онъ, Его Высокопреосвященство объ увольненіи меня изъ духовнаго званія какъ по молодости лѣтъ моихъ, такъ и разнымъ припадкамъ, не позволявшимъ мнѣ поступить въ духовное званіе, на что послѣдовалъ мнѣ строжайшій отказъ. Имѣя же чрезмѣрное желаніе образовать умъ свой высшими полезными знаніями и не находя себя способнымъ по вышеозначеннымъ причинамъ быть полезнымъ моимъ отечественникамъ въ духовномъ званіи, осмѣливаюсь просить покорнѣйше правленіе исходатайствовать мнѣ чрезъ высшее духовное начальство увольненіе изъ духовнаго званія для поступленія въ число казенныхъ студентовъ университета" (27 дек. 1807 г.) [2]). Такая же участь постигла и пятаго просителя—студента богословія Спир. Росинскаго. Онъ также не считалъ себя способнымъ къ духовному званію, ссылался между прочимъ на хроническую болѣзнь (кровотеченіе изъ носу), о чемъ представилъ медицинское свидѣтельство; за тѣмъ, желая подготовиться къ слушанію университетскихъ лекцій, посѣщалъ уроки математики и физики въ гимназіи—но все было тщетно: Высокопреосвященный *не принялъ* его прошенія и *приказалъ не допускать къ нему никого съ подобными просьбами* [3]).

Совсѣмъ иное было отношеніе къ этому дѣлу со стороны военнаго начальства—донского атамана генералъ-лейтенанта Платова: онъ не только не препятствовалъ, а, наоборотъ, содѣйствовалъ поступленію въ университетъ молодыхъ людей, окончившихъ донскую гимназію, хотя ихъ также нужно было исключать изъ воинскаго званія. Вотъ что писалъ онъ директору училищъ Донской области Попову. „Усмотрѣвъ изъ рапорта вашего, что изъ выпущенныхъ изъ гимназіи учениковъ *урядники*—Кондратовъ, Рубашкинъ и Греченовскій для усовершенствованія своего въ высшихъ наукахъ приняты по испытанію въ пріобрѣтенномъ ими знаніи студентами въ Императорскій Харьковскій университетъ, я крайне доволенъ, что наши донскіе изъ усердія своего пріобрѣтаютъ добрыми науками не только помѣщеніе въ высшемъ мѣстѣ, но даже и

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правленія 1807 г., № $^{255}/_{15}$, стр. 175.

[2]) Ibidem, стр. 19.

[3]) Ibidem, стр. 26.

особливое отъ ректора и членовъ университета обращаютъ на себя вниманіе казеннымъ содержаніемъ и ношеніемъ безъ перемѣны своего донскаго войска положеннаго мундира. Произведенные плоды ученія въ училищахъ войска я увѣренъ отъ особливаго вашего попеченія въ исполненіи порученной вамъ довѣренности, которая поставляетъ меня въ обязанность принесть вамъ мою благодарность за содѣйствіе; надѣюсь, что отъ заботливости вашей и впередъ будутъ происходить въ наукахъ хорошіе успѣхи на общую донского сословія пользу. Ученики вмѣстѣ съ родителями своими въ просвѣщеніи ума ихъ науками принесутъ вамъ благодарности“ [1]). Екатеринославскій преосвященный и донской атаманъ находились приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ относительно поступленія находившихся въ ихъ вѣдомствѣ молодыхъ людей въ Харьковскій университетъ—и между тѣмъ отнеслись къ этому дѣлу діаметрально противоположно. Едва ли нужно прибавлять, что правъ былъ представитель военнаго сословія. Впрочемъ мы знаемъ, что архіереи харьковской и курской епархіи (Христофоръ Сулима и Ѳеоктистъ Мочульскій) дѣйствовали совсѣмъ иначе.

Но нужно вообще сказать, что духовное начальство неохотно увольняло учащуюся молодежь изъ своего вѣдомства. Былъ такой случай. Въ казеннокоштные студенты правленіе приняло бывшаго пѣвчаго при русской церкви въ Венгріи Порфирія Басманова, основываясь на увольненіи его изъ духовнаго званія, утвержденномъ Святѣйшимъ Синодомъ. Между тѣмъ отъ мѣстнаго преосвященнаго послѣдовалъ запросъ, какъ могли Басманова принять въ университетъ, когда ему предоставлено мѣсто священника при Троицкой церкви въ г. Харьковѣ. Возникла переписка, изъ которой выяснилось, что Басмановъ самъ просилъ о назначеніи ему хорошаго священничесчаго мѣста въ одномъ изъ харьковскихъ приходовъ, но указаннаго ему не захотѣлъ принять, какъ недостаточно выгоднаго; сверхъ того онъ сослался и еще на одну причину, именно на свою болѣзнь. Правленіе рѣшило, дабы не подвергнуться замѣчанію со стороны высшаго начальства, разъяснить ему все это и указать, что Басмановъ скрылъ отъ него свое ходатайство о доставленіи священнической должности [2]).

Значительныя затрудненія приходилось также преодолѣвать и лицамъ купеческаго и мѣщанскаго сословій, желавшимъ поступить въ университетъ. Для этого требовалось предварительное исключеніе изъ

---

[1]) Ibidem, стр. 202.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1810 г., январь—апрѣль; засѣданіе 24 января.

податнаго состоянія, чего достичь было не всегда возможно. Попечитель округа гр. С. О. Потоцкій, основываясь на представленіи бывшаго ректора Стойковича, вошелъ съ ходатайствомъ въ главное правленіе училищъ о безпрепятственномъ пріемѣ въ студенты купеческихъ дѣтей и сослался на указъ Правительствующаго Сената 1798 года (30 іюля); но получилъ отказъ и совѣтъ руководствоваться въ этомъ дѣлѣ существующими Высочайшими повелѣніями [1]). Изъ дѣла о поступленіи въ студенты бывшаго казеннокоштнаго воспитанника харьковской гимназіи Крицына, принадлежавшаго къ мѣщанскому обществу г. Севастополя, оказывается, что самъ университетъ принималъ на себя подъчасъ хлопоты объ исключеніи изъ податнаго званія лицъ мѣщанскаго происхожденія. Тоже самое мы видимъ и при поступленіи въ студенты сына харьковскаго 3-й гильдіи купца Ивана Спасскаго. Легендарныхъ подробностей объ этомъ самомъ Иванѣ Спасскомъ мы уже касались ниже (4-е прим. на 80—81 стр. настоящаго труда). Теперь намъ удалось найти подлинное ходатайство передъ попечителемъ за Спасскаго правленія университета. Вотъ его текстъ. „Харьковскаго 3-й гильдіи купца Тимофея Спасскаго сынъ Иванъ Спасскій, окончившій курсъ гимназическихъ наукъ въ харьковской гимназіи, въ прошеніи, поданномъ въ университетъ, объявилъ желаніе поступить въ студенты университета для усовершенствованія себя въ наукахъ, представляя свидѣтельство, данное ему отъ харьковскаго купеческаго общества въ томъ, что сей Иванъ Спасскій не записанъ еще въ ревизію и ни въ какомъ окладѣ не состоитъ и что оное общество навсегда его увольняетъ для вступленія въ университетъ. Правленіе, разсмотрѣвъ просьбу его Спасскаго, также свидѣтельство харьковскаго общества и аттестатъ, данный ему изъ гимназіи, свидѣтельствующій объ успѣхахъ его въ наукахъ и поведеніи, и разсуждая, что онъ, по окончаніи наукъ въ университетѣ можетъ современемъ принести бо́льшую пользу отечеству, нежели находясь въ званіи купеческомъ, обязанностію поставляетъ представить о семъ на благоусмотрѣніе Вашему Сіятельству и просить, не благоугодно ли будетъ войти, куда слѣдуетъ, съ представленіемъ объ исключеніи его Спасскаго вовсе изъ купеческаго званія для поступленія въ число своекоштныхъ студентовъ университета, принявъ во уваженіе и то обстоятельство, что при открытіи сего университета отецъ его Спасскаго чрезъ нынѣ просящагося въ студенты сына своего сдѣлалъ первый пожертвованіе деньгами въ его пользу (1807 г.)“ [2]). Впредь до принятія

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1803 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 10 сентября.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попеч. 1805—1830 г. № $^{147}/_{9}$, стр. 117.

Спасскаго въ студенты ему позволено было быть вольнослушателемъ. Спасскій дѣйствительно, какъ мы знаемъ уже (стр. 89), внесъ пожертвованіе въ размѣрѣ 500 р. Попечитель отнесся къ этому ходатайству отрицательно. „Изъ прописанныхъ университетомъ обстоятельствъ онъ не усматривалъ совершенно основательныхъ причинъ къ исходатайствованію Спасскому просимаго увольненія, ибо вступленіе его въ университетъ не можетъ служитъ достаточнымъ поводомъ къ ходатайству за него у начальства, тѣмъ болѣе, что въ такомъ случаѣ многіе изъ молодыхъ людей купеческаго или мѣщанскаго званій охотно бы поступили въ университетъ, дабы по прошествіи нѣкотораго времени воспользоваться сею выгодою; къ тому же купеческое званіе нисколько не препятствуетъ ему продолжать въ университетѣ науки по его желанію и если университетъ находитъ въ немъ отличныя способности, могущія сдѣлать его впослѣдствіи полезнымъ отечеству, то онъ не прежде можетъ рѣшиться приступить къ исходатайствованію ему увольненія изъ настоящаго званія, какъ по полученіи точнаго удостовѣренія въ согласіи его по окончаніи наукъ въ университетѣ продолжать службу по учебной части.“ Спасскій вмѣстѣ со своимъ отцомъ охотно далъ требуемое обязательство, но подъ условіемъ зачислить его въ такомъ случаѣ въ казеннокоштные студенты (ибо подобныя обязательства давали только эти послѣдніе). Правленіе отправило это обязательство къ попечителю и указало при этомъ, что во время пребыванія своего въ качествѣ вольнослушателя въ университетѣ, Спасскій обнаружилъ на экзаменѣ превосходные успѣхи (по русской и французской словесности, исторіи и статистикѣ рос. гос.) и добропорядочное поведеніе. Попечитель далъ на это слѣдующій отвѣтъ такъ какъ указомъ правительствующаго сената отъ 13 іюня не велѣно входить съ представленіями объ утвержденіи въ статской службѣ никого изъ состоящихъ въ подушномъ окладѣ, до имѣющаго послѣдовать по сему предмету особаго постановленія, то основываясь на этомъ я и теперь не могу приступить къ исходатайствованію купеческому сыну Ив. Спасскому увольненія изъ его званія. Впрочемъ еслибы впослѣдствіи времени открылся къ этому удобный случай, то я не оставлю согласно съ представленіемъ университета сдѣлать зависящее отъ меня распоряженіе“ [1]). Очевидно, и у правительства, и у самого Потоцкаго существовало нѣкоторое предубѣжденіе противъ поступленія молодыхъ людей изъ податныхъ классовъ въ университетъ.

Относительно студентовъ податныхъ состояній изданъ былъ 10 ноября 1810 года Высочайшій указъ слѣдующаго содержанія. „Учрежде-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1809 г. № $^{381}/_{21}$, стр. 242—265.

ніемъ въ имперіи нашей университетовъ желали мы доставить способы подданнымъ всѣхъ состояній почерпать въ нихъ познанія въ высшей степени. Симъ открыли мы поприще для усовершенія талантовъ отличныхъ; но однимъ вступленіемъ въ университеты мы не имѣли въ намѣреніи освободить состоянія, въ окладъ положенныя, отъ общей имъ повинности, ибо сіе вступленіе не представляетъ еще отечеству члена, образованнаго по намѣренію нашему. По сему уваженію и въ разрѣшеніе недоумѣній, возникшихъ между начальствами, повелѣваемъ студентовъ, поступающихъ въ университетъ изъ состояній въ окладѣ положенныхъ и кои бы пожелали посвятить себя ученому званію или же военной и гражданской службѣ, исключать изъ оклада не прежде, какъ по окончаніи ими полнаго курса ученія въ университетахъ, о чемъ начальство учебное согласно изъявленному отъ нихъ желанію всякій разъ имѣетъ представлять правительствующему сенату". Эта мѣра представляла шагъ назадъ въ смыслѣ доступности университетскаго образованія для тяглыхъ сословій: прежде всякій, вступавшій въ студенты, этимъ самимъ исключался изъ податнаго званія, теперь это исключеніе откладывалось до окончанія имъ университетскаго курса и студентъ изъ податныхъ классовъ не былъ равноправенъ со студентами изъ дворянскаго сословія. И правленіе университета, получивъ этотъ указъ, обратилось къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою сдѣлать разъясненіе, какъ смотрѣть на такихъ молодыхъ людей. Всѣмъ студентамъ, при вступленіи въ университетъ, давали по уставу шпаги, которыя могли носить по существующему обычаю только одни дворяне; между тѣмъ студенты изъ податныхъ классовъ числились еще въ рядахъ этихъ послѣднихъ; поэтому правленіе спрашивало, можно ли ихъ называть дѣйствительными студентами [1]). Министръ на это отвѣтилъ, что молодыхъ людей изъ податныхъ сословій слѣдуетъ принимать не въ студенты, а вольные слушатели, шпагъ имъ не носить и на казенное содержаніе не принимать [2]). Очевидно, министръ въ своемъ толкованіи указа пошелъ дальше, чѣмъ хотѣлъ законодатель. Законодатель именовалъ такихъ лицъ все таки студентами, а не вольнослушателями и не лишалъ ихъ права носить шпагу; это серьезное ограниченіе правъ студентовъ изъ податныхъ состояній было введено министромъ и едва ли даже соотвѣтствовало духу новаго закона. Этотъ послѣдній имѣлъ своею цѣлью урегулировать дѣло, прекратить споры и несогласія, возникавшія между разными вѣдомствами по поводу увольненія молодыхъ людей, вступавшихъ въ университетъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г. сент.—дек.; засѣданіе 7 декабря.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1812 г. янв.—апр.; засѣданіе 18 января.

изъ ихъ обществъ; министръ же прямо преграждалъ доступъ въ университетъ податнымъ классамъ, чего не хотѣлъ законодатель. И для поступленія въ студенты учителей духовныхъ училищъ требовался указъ Святѣйшаго Синода объ увольненіи ихъ изъ духовнаго сословія.

Обращаемся теперь къ характеристикѣ образовательнаго ценза молодыхъ людей, поступавшихъ въ университетъ. Чтобы дать понятіе о той подготовкѣ, которую получали въ то время гимназисты, приведемъ содержаніе одного изъ тогдашнихъ гимназическихъ аттестатовъ зрѣлости. „По силѣ Высочайше утвержденнаго устава учебныхъ заведеній дано сіе свидѣтельство ученику гимназіи Войска Донскаго города Черкасска казачьему сыну Степану Гречановскому, что онъ, поступивъ въ нее изъ бывшаго Донскаго главнаго училища 11 іюля 1805 г., обучался въ ней наукамъ: чистой и прикладной математикѣ, физикѣ, географіи, всеобщей исторіи, древностямъ, миѳологіи, общей и россійской статистикѣ, россійской грамматикѣ, риторикѣ и философіи, правамъ естественному и народному, политической экономіи, естественной исторіи, сельскому и лѣсному хозяйствамъ, технологіи, коммерціи, рисовальному искусству, языкамъ: латинскому, нѣмецкому и французскому съ довольнымъ прилежаніемъ, въ продолженіе ученія получалъ на экзаменѣ публичныя награжденія, изъ 2-го и 4-го классовъ гимназіи за благонравіе и прилежаніе въ рисованіи два эстампа, поступалъ благопристойно; нынѣ же по совершеніи имъ теченія наукъ во всѣхъ 4-хъ классахъ съ симъ уволенъ въ торжественномъ собраніи за подписаніемъ директора и учителей и съ приложеніемъ печати гимназіи въ Черкасскѣ 27 іюня 1808 г.“ [1]).

Какъ мы видимъ отсюда, программы тогдашнихъ гимназій, преобразованныхъ по большей части изъ главныхъ народныхъ училищъ, были чрезвычайно обширны, обнимали и такіе предметы, которые въ настоящее время входятъ только въ университетскіе курсы. Что касается лицъ, вступавшихъ въ студенты изъ пансіоновъ или по домашнему образованію, то они обыкновенно были хорошо подготовлены по новымъ языкамъ, но за то гораздо слабѣе по предметамъ и латинскому языку.

Розаліонъ-Сошальскій сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о хорошей подготовкѣ въ новыхъ языкахъ тогдашнихъ молодыхъ дворянъ; въ пансіонѣ же Фотіева, гдѣ учились его братья, преподавался и ла-

---

[1]) Въ аттестатѣ, выданномъ ученику Харьковской гимназіи, значатся слѣдующіе предметы: математика, физика, исторія, географія, статистика, рус. словесность, ест. ист., технологія, коммерція, фортификація, артиллерія, латинскій и французскій яз. Харьк. унив. арх. Дѣло правл. $^{381}/_{21}$.

тинскій языкъ: „старшіе мои два брата, пишетъ онъ, Иванъ и Федоръ Сошальскіе получили высшее по тому времени образованіе. Сначала они были въ единственномъ тогда пансіонѣ протоіерея Фотіева (при мнѣ, прибавляетъ въ примѣчаніи авторъ, существовалъ пансіонъ Гелейна, не далеко отъ церкви Св. Димитрія; можетъ быть, онъ былъ и въ одно время съ первымъ, но не помню, чтобы изъ него поступилъ кто въ число первыхъ студентовъ [1]), въ собственномъ домѣ близь церкви Вознесенія; самъ о. Василій преподавалъ словесность и, кажется, еще логику и метафизику въ гимназіи. Потомъ они поступили въ университетъ при самомъ его учрежденіи. Относительно ихъ образованія, одно знаю хорошо, что братья мои вышли изъ пансіона съ полнымъ знаніемъ латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ; на послѣднихъ двухъ говорили отлично. Знаніе языковъ для студентовъ было тогда почти необходимо, потому что нѣкоторыя науки преподавались профессорами иностранцами на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Такъ адъюнктъ, позже профессоръ Гизе читалъ химію, можетъ быть, на латинскомъ, но знаю, что съ любимымъ ученикомъ своимъ, братомъ моимъ Федоромъ говорилъ всегда, а также на опытахъ объяснялся на нѣмецкомъ, братъ тоже очень былъ привязанъ къ преподавателю; его даже дразнили Гизомъ, а братъ Иванъ былъ въ полномъ смыслѣ лингвистъ. Въ университетѣ выучился онъ еще англійскому и итальянскому языкамъ, на которыхъ бѣгло говорилъ, и старо-греческому, на которомъ читалъ и понималъ Гомера, Платона, Фукидида и др. Со 2-го года, если не раньше, сталъ онъ секретаремъ или помощникомъ библіотекаря университета, библіотекаремъ былъ кто то изъ адъюнктовъ иностранцевъ [2]).“ Такимъ же полиглотомъ былъ и Нахимовъ. Среди тогдашнихъ студентовъ, въ особенности семинаристовъ, высоко стояло также и знаніе латинскаго языка: семинаристы получали хорошую подготовку по этому предмету въ своихъ училищахъ; изучали этотъ языкъ и ученики гимназій, доставлявшихъ впослѣдствіи наиболѣе значительный контингентъ студентовъ; не преподавался онъ только въ главныхъ народныхъ училищахъ и это служило единственнымъ препятствіемъ для поступленія въ университетъ питомцевъ этихъ учебныхъ заведеній. Студенты писали нерѣдко полатыни сочиненія, прошенія и т. п. Въ видѣ образца можемъ привести заявленіе на ла-

---

[1]) Въ дѣйствительности, какъ мы видѣли, кое кто поступилъ.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г., № 43.

тинскомъ языкѣ студента Пузанова, исполнявшаго должность писца при совѣтѣ [1]).

Ощущая постоянный недостатокъ въ студентахъ, университетъ, естественно, долженъ былъ подъ часъ снисходительно относиться къ пробѣламъ въ познаніяхъ молодыхъ людей, желавшихъ продолжать въ немъ свое ученіе. Такъ, напримѣръ, въ 1813 г. выразило желаніе поступить въ Харьковскій университетъ двое воспитанниковъ Таганрогской коммерческой гимназіи, гдѣ повидимому не преподавался латинскій языкъ, такъ что они старались нѣсколько ознакомиться съ нимъ въ самое послѣднее время. Директоръ училища Ад. Манне ходатайствовалъ за нихъ и указывалъ между прочимъ на то обстоятельство, что они „первые изъ Таганрога рѣшились посвятить себя наукамъ и что принятіе ихъ будетъ служить непремѣннымъ поощреніемъ для другихъ". Одинъ изъ нихъ хотѣлъ вступить въ число своекоштныхъ, другой (сирота) въ казеннокоштные студенты. Имъ произведено было испытаніе, подтвердившее почти полное незнаніе ими латинскаго языка,—и тѣмъ не менѣе они были приняты на первыхъ порахъ вольнослушателями, съ тѣмъ чтобы подготовились полатыни и вступили въ дѣйствительные студенты, ибо безъ этого они не могли бы понимать преподаваемыхъ на этомъ языкѣ лекцій [2]).

Въ 1808 г. подалъ прошеніе о зачисленіи его въ студенты извѣстный намъ Павелъ Дегай—и оказывается, что онъ дома изучалъ только французскій, нѣмецкій и русскій языкъ, ариѳметику, геометрію, исторію и географію (ему неизвѣстенъ былъ даже повидимому и латинскій языкъ). И тѣмъ не менѣе его подвергли вступительному экзамену (профессора Стойковичъ и Беленъ-де-Баллю) и приняли въ университетъ [3]).

Алексѣй и Александръ Шидловскіе, получивъ домашнее образованіе, держали вступительный экзаменъ по русскому, французскому, нѣмецкому и латинскому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи и географіи и хотя по латыни отвѣчали неудовлетворительно, но были приняты въ число

---

[1]) Magnifice rector vosque viri clarissimi! (писалъ онъ совѣту). Juxta decretum Senatus Acad. fungor apud eundem Senatum munere scribae a 17 die januarii 1805 ad hoc usque tempus, sed nunc desiderans applicare me ad plures audiendas in universitate lectiones et ad legendos auctores invenio, haud posse me fungi ulterius dicto munere; ideoque quaeso amplissimum Senatum Acad. velit, quo de 15 die hujus septambris liber sim a laudato munere scribae apud Senatum Acad. accipiamque legale testimonium. 1807 sept. 6 die Caesareae Universitatis studiosus Petrus Pusanow. (Харьк. универ. архивъ. Дѣло сов. 1807 г. № 61, стр. 31).

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1813 г. № 738/37.

[3]) Ibidem, стр. 137.

студентовъ. Чтобы дать наглядное понятіе о ихъ подготовкѣ по русскому языку, приводимъ въ примѣчаніи цѣликомъ написанное однимъ изъ нихъ на вступительномъ экзаменѣ сочиненіе на тему—„не предпринимай ничего выше своихъ силъ“ [1]).

Въ исключительномъ положеніи находились иностранцы, поступавшіе въ студенты Харьковскаго университета. Таковъ былъ, напримѣръ, Карлъ Пробстъ. Онъ слушалъ лекціи въ Пражскомъ университетѣ, затѣмъ преподавалъ нѣмецкій языкъ въ Домбровицкомъ училищѣ въ Волынской губерніи и наконецъ рѣшился поступить для окончанія образованія въ казенно-коштные студенты Харьковскаго университета [2]). Очень хороша была подготовка воспитанниковъ Харьковскаго коллегіума. Извѣстно, какъ высоко стояло тамъ преподаваніе, какъ широка была его программа, какъ хорошо изучали тамъ даже математику и новые языки. Тоже самое отчасти нужно сказать и относительно питомцевъ Бѣлгородской семинаріи. Неудивительно, что изъ молодыхъ людей, поступившихъ въ университетъ изъ коллегіума и семинарій, вышли потомъ выдающіеся студенты. О пяти воспитанникахъ коллегіума ректоръ его, извѣстный Прокоповичъ, далъ слѣдующіе отзывы: Македонскій—„памяти острой, прилеженъ, успѣха изряднаго, кротокъ; Калиновскій—понятія и успѣха изряднаго и благонравенъ; Андренковъ—остръ, памятливъ, кротокъ; Ветуховъ—очень изрядныхъ дарованій, успѣховъ и нравовъ; Ваценковъ—изрядныхъ дарованій, успѣваетъ не худо, ведетъ себя честно; кромѣ обычныхъ предметовъ они обучались еще ариѳметикѣ, а также частію французскому, частію нѣмецкому языку [3]).

---

[1]) „Раскроемъ мрачную завѣсу древности и воззримъ на Милона Кротонскаго, славнаго силача, который хотя и будучи довольно старъ, но при всемъ томъ, надѣясь еще очень много на свои силы, предпринялъ разломать дерево, которое одинъ дровосѣкъ началъ раскалывать клиньями. Силы сего славнаго силача, истощенныя рукою старости, не могли исполнить его предпріятіе. Отъ всѣхъ усилій, которыя употребилъ онъ для исполненія своего намѣренія, клинья выскочили и упали, обѣ части соединились и руки несчастнаго Милона остались въ разщелинахъ сего дерева. Сколько ни старался онъ освободить отъ сего постыднаго несчастія, но все то было тщетно и онъ въ ту же самую ночь растерзанъ былъ львомъ.

Примѣръ сего славнаго силача ясно показываетъ намъ сколько постыдно и даже опасно есть предпринимать то, что превосходитъ силы наши какъ въ тѣлесныхъ, такъ и въ умственныхъ предметахъ. При тѣлесныхъ усиліяхъ мы рискуемъ здоровьемъ и жизнію, а въ умственныхъ повергаемъ его подъ тяжкое бремя, которое очень скоро сокрушитъ его. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1806 г. № $^{123}/_{8}$, стр. 38). Другой братъ ограничился общими и, нужно сознаться, весьма нескладными разсужденіями и вообще написалъ болѣе слабое сочиненіе (Ibidem стр. 37).

[2]) Ibidem стр. 185—189.

[3]) Ibidem стр. 89.

А вотъ аттестатъ, выданный воспитаннику коллегіума Андрею Павловскому (будущему профессору и ректору университета). „Объявитель сего слободско-украинской губ. зміевскаго уѣзда слободы Тарановки титулярнаго совѣтника Ѳедора сынъ харьковскаго коллегіума студентъ философіи Андрей Павловскій съ 1799 г. находился въ Харьковскомъ коллегіумѣ, обучаясь преподаваемымъ въ немъ наукамъ—грамматикѣ, синтаксисѣ, поэзіи, риторикѣ и философіи (тутъ перечисляются не предметы, а только классы, которой обучался одинъ годъ при дарованіяхъ изрядныхъ и похвальномъ прилежаніи съ превосходнымъ успѣхомъ; при томъ чрезъ всю свою бытность въ коллегіумѣ велъ себя честно и добропорядочно; сверхъ того обучался нѣмецкому языку и математикѣ. Лѣтъ ему отъ роду 18". [1]) (1806 г.). Почти такого же содержанія и аттестатъ, выданный студенту философіи Петру Краевскому [2]).

Приведемъ кстати въ примѣчаніи сочиненіе, на тему о „выгодахъ дождя", одного изъ воспитанниковъ коллегіума Гежелинскаго, написанное имъ при вступительномъ экзаменѣ въ университетъ [3]).

Образовательный цензъ лицъ, вступавшихъ въ университетъ, на первыхъ порахъ былъ весьма разнообразный: тутъ мы видимъ и воспитанниковъ гимназій, и семинарій, и лицъ, получившихъ домашнее образованіе, и воспитанниковъ заграничныхъ учебныхъ заведеній [4]), и оста-

---

[1]) Ibidem, стр. 99.

[2]) Ibidem, стр. 120.

[3]) „Посмотримъ со стороны выгодъ, которыя получаетъ человѣкъ отъ дождя. Наступаютъ часы благодѣтельной весны и земля въ каждомъ уголкѣ своемъ представляетъ человѣку тысячу различныхъ предметовъ, обворажающихъ его чувства. Тамъ зеленѣетъ трава; тамъ пріятные цвѣты издаютъ благорастворенный запахъ, а тамъ нивы, усѣянныя богатою жатвою, представляютъ глазамъ зрителя трудолюбиваго поселянина, обливающагося потомъ отъ трудовъ своихъ; наконецъ, лѣтній жаръ, такъ сказать, все сіе истребляетъ; трава лишается прелестнаго своего вида, цвѣтокъ склоняетъ головку свою къ корню и увядаетъ, жатва также мало предвѣщаетъ земледѣльцу выгоды — но ужели все сіе такъ и останется? Нѣтъ, рука премудраго создателя всему предписала законы порядка, которыхъ могущество человѣка перемѣнить не въ состояніи. Лѣтнія жары, говорю, отнимаютъ у человѣка пріятныя размышленія, въ которыхъ онъ, кажется, чувствуетъ уже будущее удовольствіе и выгоды, обѣщанныя ему началомъ весны. Но благотворный дождь все ему возвращаетъ. Едва только онъ оросить благотворною своею влагою лугъ, поля, словомъ землю;—и все принимаетъ прежній очаровательный видъ свой; для земледѣльца на поляхъ награда за его трудъ кажется несомнѣнною". (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г., № $^{255}/_{15}$, стр. 76).

[4]) Одинъ изъ нихъ, Пробстъ, обучался въ Пражскомъ университетѣ естественному, гражданскому, народному, европейскому, практическому и уголовному праву и нѣмецкой исторіи. (Харьк. унив. архивъ. Журналы правл. 1808 г., сентябрь — декабрь; засѣданіе 8 октября). Другой, Леопольдъ Шуманъ, былъ раньше въ Дерптскомъ университетѣ и затѣмъ состоялъ воспитателемъ у помѣщика Кочубея, въ Полт. губ. (Ibidem; журн. правл. за 1810 годъ, май—августъ; засѣданіе 16 іюня).

вившаго свою службу землемѣра [1]), и бывшаго слушателя Петербургскаго педагогическаго института, и бывшаго студента Кіевской духовной академіи. Въ этой послѣдней обучался, напримѣръ, Василій Парпура, поступившій изъ богословскаго класса ея въ студенты Харьковскаго университета. Любопытно при этомъ, что онъ былъ крѣпостной крестьянинъ помѣщика Ив. Рудановскаго, но получилъ отъ него отпускную [2]). Бывшій преподаватель латинскаго и французскаго языка въ черниговскомъ уѣздномъ училищѣ Степанъ Есикорскій, прося о принятіи его въ казеннокоштные студенты, писалъ: „достопочтенное сословіе! Примите во уваженіе мое состояніе, мои обстоятельства и мое желаніе попользоваться благодѣтельнымъ распространеніемъ наукъ и не откажите въ въ пособіи, о которомъ принимаю смѣлость просить васъ“ [3]). Принятый въ своекоштные студенты Петръ Кеппенъ (впослѣдствіи извѣстный академикъ, портретъ котораго мы помѣщаемъ въ приложеніи къ настоящей главѣ), служилъ передъ этимъ въ слободскоукраинскомъ губернскомъ правленіи съ 17 мая 1806 г. по 5 декабря 1810 г. и даже произведенъ былъ въ чинъ коллежскаго регистратора (31 дек. 1809 г.) [4]). Акимъ Николаевичъ Нахимовъ (сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстнымъ поэтомъ) поступилъ въ студенты Харьковскаго университета на 24-мъ году своей жизни, уже будучи въ отставкѣ; образованіе онъ получилъ въ дворянскомъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ, гдѣ познакомился съ русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и англійскимъ языками и нѣкоторыми предметами; вступительный экзаменъ его въ университетъ былъ признанъ совершенно удовлетворительнымъ [5]).

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что харьковское студенчество въ первое десятилѣтіе существованія университета распадалось на двѣ большія группы—бывшихъ питомцевъ духовныхъ семинарій и дворянъ, воспитывавшихся въ пансіонахъ, дома или гимназіяхъ. Въ самые первые годы преобладала первая группа, но потомъ все бóльшее и большее значеніе получала вторая. Розальонъ-Сошальскій въ извѣстныхъ намъ воспоминаніяхъ приводитъ выдержку изъ статьи проф. Д. И. Каченовскаго о первыхъ студентахъ Харьковскаго университета — „старожилы говорятъ, что на первыхъ порахъ даже не оказалось другихъ охотниковъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г., № $^{255}/_{15}$, стр. 2—3.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1809 г., № $^{381}/_{21}$, стр. 42—45. Былъ и другой подобный же студентъ Кіевской Дух. Акад. изъ крѣпостныхъ. Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 5 октября.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1811 г., № $^{546}/_{29}$, стр. 53.

[4]) Ibidem, стр. 56.

[5]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1805 г., № $^{5}/_{1}$, стр. 11—14.

поступать въ студенты университета кромѣ немногихъ семинаристовъ"— и прибавляетъ отъ себя: „это и правда и неправда. Первое, потому что студентовъ вообще сначала было очень мало, едва ли болѣе 50 чел.; неправда, ибо было не мало и несеминаристовъ: мои два брата, И. Е. Хлоповъ, П. Е. Перекрестовъ, Осиповъ, Татариновъ, Пономаревъ, П. Ф. Ковалевскій, Дмитрій, Николай, Алексѣй и Степанъ Шидловскіе, Григорій, Андрей и Иванъ Андреевичи Зарудные, Нахимовъ и еще нѣкоторые. Но дѣйствительно семинаристовъ было больше. Это отъ того, что кромѣ пансіона Фотіева негдѣ было получать приготовительное къ университету образованіе и, надо думать, что семинарское тогда было выше того, какое можно было пріобрѣсть въ народномъ училищѣ. Подъ наименованіемъ семинаристовъ не должно также разумѣть лицъ духовнаго только званія, между семинаристами было не мало и дворянъ" [1]). Извѣстіе это совершенно совпадаетъ съ нашими оффиціальными данными. Слѣдуетъ только прибавить, что семинарское образованіе, особенно въ Харьковскомъ коллегіумѣ стояло дѣйствительно очень высоко.

Сообщивъ данныя о пріемѣ молодыхъ людей въ университетъ, о ихъ образовательномъ цензѣ, сословномъ дѣленіи, числѣ и распредѣленіи по факультетамъ, обратимся къ занятіямъ студентовъ и ихъ экзаменамъ.

Учебное время года тогда было гораздо больше нынѣшняго:— лекціи продолжались до 1-го іюля. При переходѣ на 2-й курсъ студентовъ подвергали особому экзамену. Въ 1805 г. онъ происходилъ въ присутствіи ректора и членовъ факультета и состоялъ въ отвѣтахъ на вопросы по билетамъ. Каждый факультетъ велъ записи объ успѣхахъ своихъ слушателей. Ученики приготовительнаго класса отвѣчали на вопросы, предлагаемые имъ изустно. По окончаніи испытанія, совѣту были представлены свѣдѣнія объ успѣхахъ экзаменовавшихся — и онъ рѣшилъ провозгласить имена наиболѣе успѣвшихъ 13 человѣкъ на 1-мъ торжественномъ актѣ, а 11 учениковъ приготовительнаго класса произвести въ студенты. Затѣмъ совѣтъ сдѣлалъ одно общее росписаніе лекцій на слѣдующій 1806 годъ. Своекоштные студенты, перешедшіе на 2-й курсъ, опредѣлили факультеты, на которыхъ рѣшились продолжать ученіе, а казеннокоштные объяснили, сообразно требованію устава учебныхъ заведеній, учителями какихъ предметовъ они желали быть впослѣдствіи. Къ разряду общихъ наукъ, которые обязаны были слушать всѣ студенты, отнесены были слѣдующія — русская и латинская словесность, французскій или нѣмецкій языкъ, теоретическая философія,

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г. № 43.

чистая математика, географія и всеобщая исторія [1]). Студентамъ, избравшимъ спеціальность разрѣшено было слушать нѣкоторые предметы и на другихъ отдѣленіяхъ. Казеннокоштные студенты обязаны были слушать тѣ предметы, которые требовались въ уставѣ отъ учителей, и сверхъ того—будущіе преподаватели математики и физики общую химію и естественную исторію, учителя географіи, исторіи и статистики—также естественную исторію, преподаватели философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи—физику, естественной исторіи, технологіи, коммерческихъ наукъ — физику и антропологію, латинской словесности — философію и одинъ изъ языковъ, французскаго или нѣмецкаго языковъ — латинскій языкъ. Въ 1807 году совѣтъ, по предложенію ректора университета, постановилъ, чтобы каждый профессоръ, дабы не обременять студентовъ писаніемъ лекцій, читалъ курсъ по своему печатному руководству или по изданію другого автора. Успѣхами своими отличилось теперь 17 студентовъ, а изъ приготовительнаго класса переведено было въ студенты четверо; остальнымъ предоставлено было право сдѣлаться вольнослушателями, и такъ какъ въ это время открыто было уже въ округѣ четыре гимназіи, которые могли выпускать своихъ учениковъ въ университетъ, то приготовительный классъ, исполнявшій ихъ функціи, рѣшено было закрыть. Впрочемъ въ слѣдующемъ 1808 году былъ учрежденъ, по предложенію ректора, особый классъ или курсъ низшей математики, такъ какъ обнаружилось, что нѣкоторые студенты, вслѣдствіе недостаточной подготовки по этому предмету въ училищахъ, не въ состояніи были понимать лекцій проф. Осиповскаго и адъюнкта Васильева; преподаваніе въ немъ было поручено казенному кандидату Архангельскому. Такъ какъ въ этомъ году долженъ былъ послѣдовать первый выпускъ студентовъ, то установлены были нѣкоторыя подробности относительно экзаменовъ. Общія испытанія (въ томъ числѣ и лицамъ, желавшимъ получить аттестатъ объ окончаніи

---

[1]) Обстоятельное и мотивированное мнѣніе по этому дѣлу представилъ этикополитическій факультетъ въ 1806 г. Общими подготовительными предметами онъ призналъ теоретическую и практическую философію, чистую математику, физику, естественную исторію, русскую литературу, латинскую словесность и эстетику, французскій или нѣмецкій языкъ, всеобщую исторію и географію. Предметы эти должны были быть раздѣлены на 2 года съ тѣмъ, чтобы 1-й годъ читать теоретическую философію (т. е. логику и метафизику), чистую математику, русскую литературу, латинскую словесность, одинъ изъ языковъ, естественную исторію, всеобщую исторію и географію; а во 2-й—практическую философію, т. е. этику и естественное право, физику, продолженіе латинской словесности съ эстетикой, продолженіе одного изъ новыхъ языковъ, продолженіе всеобщей исторіи и географіи. Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1806 г., № 60, стр. 47, 48, 186.

университетскаго курса) должны были происходить въ отдѣленіяхъ; но студенты, желавшіе получить кандидатскій дипломъ, обязаны были кромѣ этого общаго экзамена выдержать еще другой кандидатскій; для подготовки къ нему давалось 3 дня; испытаніе производилось сообразно съ обозрѣніемъ лекцій; по окончаніи экзамена студенты должны были въ особомъ комитетѣ прочитать свои сочиненія. Имена лицъ, получившихъ аттестаты и кандидатскіе дипломы, были провозглашены на актѣ 30 іюля. Чтобы подготовить своихъ слушателей къ практической учительской дѣятельности, университетъ вмѣнилъ въ обязанность казеннокоштнымъ студентамъ на послѣднихъ двухъ курсахъ посѣщать лекціи педагогіи. Въ 1809 г. постановлено было, чтобы студенты слушали общіе курсы 2 года; исключеніе могло быть сдѣлано только для тѣхъ, кто усвоилъ ихъ себѣ въ достаточной мѣрѣ въ теченіе одного года; если бы обнаружилось, что и послѣ двухълѣтняго курса какой либо казеннокоштный студентъ не получилъ достаточной подготовки, то ему нужно было рекомендовать изучать такіе предметы, какіе понадобились бы ему, какъ будущему учителю уѣзднаго училища (а не гимназіи). Относительно кандидатскаго экзамена сдѣлана была слѣдующая прибавка: для того чтобы быть допущеннымъ къ экзамену, нужно было представить предварительно двѣ диссертаціи — одну на латинскомъ, другую на родномъ языкѣ. Въ виду слабыхъ успѣховъ нѣкоторыхъ студентовъ по латинскому языку учрежденъ былъ, по образцу математическаго, латинскій классъ и преподавателемъ въ немъ назначенъ кандидатъ Громовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ директорамъ училищъ было приказано, чтобы они рекомендовали ученикамъ гимназій лучше изучать латинскій языкъ, ибо безъ этого имъ будетъ трудно слушать лекціи на немъ въ университетѣ. Экзамены производились въ теченіе іюня мѣсяца по окончаніи лекцій, какъ до обѣда, такъ и послѣ обѣда. По своимъ успѣхамъ оканчивающіе курсъ дѣлились на четыре категоріи: съ *превосходными*, *отличными*, *хорошими* успѣхами и, наконецъ, просто успѣхами (безъ ихъ квалификаціи). Обыкновенно студентъ отвѣчалъ на экзаменѣ на 3 вопроса изъ каждаго предмета и если на всѣ ихъ онъ отвѣчалъ превосходно, то ему ставили букву А, которая считалась за 3 шара; менѣе удовлетворительный отвѣтъ обозначался буквою В, считавшеюся за 2 шара, посредственный — буквою С, равною одному шару. При выдачѣ аттестата производилась сводка шаровъ и выставлялась отмѣтка: *превосходно* при 9 шарахъ или трехъ А, *отлично* при 7 или 8 (среднее между А и В), *хорошо* при двухъ В, безъ квалификаціи при господствѣ буквы С надъ В. Не окончившимъ какъ слѣдуетъ курса наукъ не разрѣшено было выдавать аттестатовъ. Всякому вступавшему въ университетъ выдавался матрикулъ

и правила. Если студентъ выражалъ желаніе перевестись въ другой университетъ, то извѣщали этотъ послѣдній объ его успѣхахъ и поведеніи. Для того чтобы слѣдить за распредѣленіемъ студентовъ по факультетамъ, учрежденъ былъ въ 1810 г. особый комитетъ, въ составъ котораго вошли представители всѣхъ отдѣленій—отъ этикополитическаго Шадъ съ адъюнктами Лангомъ и Рейнишемъ, физико-математическаго — Делявинь и Гутъ, медицинскаго — Шумлянскій съ адъюнктомъ Калькау, словеснаго — де-Баллю съ адъюнктомъ Рейнишемъ. Совѣтъ и раньше, какъ мы видѣли, старался урегулировать дѣло преподаванія; теперь онъ поручилъ факультетамъ точно обозначить время, необходимое для прохожденія каждой науки, а профессорамъ издать на латинскомъ или русскомъ языкѣ руководства по ихъ спеціальностямъ. Для поощренія къ этому дѣлу авторовъ постановлено было выдавать имъ гонораръ, равный стоимости 300 экземпляровъ сочиненія (если оно будетъ принято университетомъ и издано на его счетъ въ количествѣ 1200 экземпляровъ); при второмъ изданіи авторъ получалъ гонораръ за 200 экземпляровъ, а если подвергалъ его пересмотру и дополненію, то снова за 300. Мѣра эта имѣла очень полезныя послѣдствія: благодаря ей, многіе профессора занялись приготовленіемъ къ изданію руководствъ для университета и гимназій и количество ихъ оказалось весьма значительнымъ.

Въ 1811 г. рѣшено было, чтобы студенты трехъ отдѣленій (словеснаго, математическаго и этикополитическаго), прослушавъ общій двухлѣтній курсъ, оставались три года для изученія спеціальныхъ факультетскихъ предметовъ, а на медицинскомъ изучали бы ихъ четыре года (значитъ университетскій курсъ долженъ былъ тогда быть пятилѣтній и шестилѣтній и только въ исключительныхъ случаяхъ четырехлѣтній); прослушавъ полный курсъ, студенты должны были держать кандидатскій экзаменъ, а выдержавъ таковой могли оставаться при университетѣ на казенномъ содержаніи въ качествѣ кандидатовъ для усовершенствованія себя въ наукахъ. Министръ народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскій утвердилъ это представленіе совѣта и согласился съ мотивомъ, его вызвавшимъ [1]) (интересы государственной службы).

Въ 1812 г. сдѣланъ былъ еще рядъ постановленій: чтобы экзамены постороннихъ лицъ производились на каникулахъ (въ іюнѣ мѣс.) вмѣстѣ со студенческими; чтобы студенты, посѣщающіе лекціи на другихъ факультетахъ, считались тамъ приватными слушателями и не подвергались испытанію; чтобы профессора наблюдали за прилежнымъ по-

---

[1]) Всѣ приведенныя здѣсь данныя мы позаимствовали изъ „Исторіи дѣлъ", а послѣднее представленіе совѣта и отвѣтъ министра находятся также въ дѣлѣ архив. мин. народн. просв. 1811 г. № $^{5801}/_{156}$.

сѣщеніемъ ихъ лекцій студентами; чтобы студенты, расчитывавшіе занять по окончаніи курса учительскія должности, занимались педагогикой и новыми языками, такъ какъ среди иностранцевъ мало такихъ, которые знаютъ грамматику и словесность своего языка; чтобы лица, желавшія получить кандидатскую, магистерскую или докторскую степень, предварительно держали экзаменъ по латинской филологіи; чтобы студенты медицинскаго факультета обучались греческому языку; чтобы своекоштные кандидаты производимы были въ магистры не ранѣе какъ черезъ два или три года по выдержаніи кандидатскаго экзамена (смотря по обнаруженнымъ имъ успѣхамъ); чтобы подлинныхъ протоколовъ не выдавали никому изъ членовъ совѣта (а только одни копіи); чтобы имена студентовъ, получившихъ награды, и темы имъ предложенныя помѣщаемы были въ обозрѣніе преподаванія; таковы были разнообразныя мѣры, принятыя совѣтомъ въ интересахъ преподаванія и студентовъ. Въ общемъ ихъ нельзя не признать цѣлесообразными. Вызваны онѣ были практикой и служили къ уясненію или дополненію университетскаго устава. Въ нихъ очень замѣтна практическая струя, но она вызывалась условіями и складомъ самой жизни, тѣми запросами и требованіями, которыя предъявляла къ школѣ реальная дѣйствительность,—она требовала образованныхъ чиновниковъ для всѣхъ родовъ государственной службы, начиная отъ юристовъ и кончая учителями. На такой утилитарной точкѣ зрѣнія стояло и правительство, и общество, ей должны были отвѣчать и университеты. Одно распоряженіе нужно признать только страннымъ (если только здѣсь нѣтъ какой нибудь ошибки)—это преподаваніе греческаго языка на медицинскомъ факультетѣ; если здѣсь уже была потребность въ одномъ изъ древнихъ языковъ, то скорѣе въ латинскомъ.

Чтобы дать понятіе объ успѣшности студенческихъ экзаменовъ того времени, приведемъ въ видѣ примѣра данныя о нихъ за 1806 и 1807 годы. Результаты экзамена на словесномъ отдѣленіи по россійскому краснорѣчію (у профессора Рижскаго) были таковы. Подвергалось испытанію 46 человѣкъ, изъ нихъ 11 получило eminenter (высшую отмѣтку), 3—optime (очень хорошо), 17—bene (хорошо), 11—sufficienter (достаточно), 3—nihil (ноль) и одинъ отказался отвѣчать. По логикѣ у того же Рижскаго экзаменовалось 45 душъ, изъ нихъ 13 получило eminenter, 12—bene, 16—sufficienter, 2—nihil и двое отсутствовало. По французской словесности у проф. Беленъ-де-Баллю экзаменовалось 13 чел., изъ нихъ 4 получило eminenter, 3—optime, 6—bene; у него же по греческой литературѣ 3; изъ нихъ двое получило eminenter и одинъ bene. По латинской словесности у проф. Умляуфа экзаменовалось 30; изъ

нихъ получило 2—eminenter, 2—optime, 6—bene, 2—sufficienter, 11—mediocriter и 7—nihil; у него же по нѣмецкой словесности 9 душъ, изъ коихъ 3 получили eminenter, 1—optime, 5—bene. По исторіи и географіи у адъюнкта Рейниша—29; изъ нихъ 4—optime, 11—bene, 9—sufficienter, 1—mediocriter, 4—nihil. По англійскому языку у адъюнкта Шмерфельда 7, изъ коихъ 1—eminenter, одинъ optime, 5 bene. По исторіи государствъ у адъюнкта Рейта 26; изъ нихъ 2—optime, 6—bene, 5—sufficienter, 13—nihil. У профессоровъ этикополитическаго отдѣленія студенты экзаменовались по тремъ предметамъ—логикѣ съ метафизикой, государственному праву и законодательству и исторіи римскаго права. Результаты ихъ испытаній были таковы: экзаменовалось 43 чел. по первому предмету—получило eminenter 9, bene—15, sufficienter—6, трое не экзаменовалось; по 2-му eminenter—2, bene—6, sufficienter—4, не присутствовало 2. У профессоровъ медицинскаго отдѣленія экзаменовалось только 17 воспитанниковъ Харьковскаго коллегіума.

Въ 1807 г. держало экзаменъ по анатоміи и хирургіи 14 воспитанниковъ коллегіума и 9 студентовъ университета (2 своекоштныхъ и 7 казеннокоштныхъ—повидимому естественники), экзаменовались по этимъ двумъ предметамъ, а также по антропологіи и популярной медицинѣ (одни по однимъ предметамъ, другіе—по другимъ [1]). Въ томъ же году экзаменовалось 30 студентовъ по философіи, моральной и теоретической, по праву и политической экономіи у профессоровъ этикополитическаго отдѣленія; по первому предмету изъ 20 чел. получило eminenter 4 чел., bene—7, sufficienter—9; по 2-му—изъ 8—2 eminenter, 3—bene, 3—sufficienter; по 3-му изъ 8—eminenter 2, bene—1, sufficienter—5; по 4-му—изъ 8 eminenter—3, bene—2, sufficienter—3 [2]). Не останавливаемся на экзаменахъ по другимъ предметамъ—результаты ихъ почти сходные съ предъидущими [3]).

Въ приготовительномъ классѣ 9 чел. держало экзаменъ по французской реторикѣ (изъ нихъ 5 получило eminenter, 1—optime, и трое отсутствовало), 13 по латинской грамматикѣ (изъ нихъ 2 получило eminenter, bene 5, sufficienter 2, nihil—2, отсутствовало 2) и 9 по французской грамматикѣ (изъ нихъ 1 eminenter, 4 bene, 1 mediocriter, 3 отсутствовало [4]). Наименѣе удовлетворительныя отмѣтки студенты полу-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1807 г., № 61, стр. 86.

[2]) Ibidem, стр. 89.

[3]) См. напр. ibidem, стр. 161—169; дѣло совѣта 1809 г., № 35, стр. 48—67 (тутъ экзамены студентовъ въ 1809 г.); дѣло совѣта 1814 г., № 58, стр. 186—203 (экзамены студентовъ въ 1814 г.).

[4]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1806 г., № 60, стр. 1—11.

чили по латинскому языку у проф. Умляуфа и по исторіи у Рейта. Но объясняется ли это слабою подготовкою ихъ именно по этимъ предметамъ, или строгостью экзаминаторовъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, сказать трудно. Но фактъ наличности неудовлетворительныхъ отмѣтокъ по разнымъ предметамъ говоритъ за то, что экзаминаторы относились къ испытанію серьезно, и добросовѣстно, провѣряли познанія и успѣхи своихъ слушателей. Замѣтимъ кстати, что по нѣкоторымъ предметамъ (напримѣръ, по россійскому краснорѣчію, логикѣ и метафизикѣ) экзаменовались всѣ наличные студенты, ибо эти науки, какъ мы знаемъ, были признаны общеобязательными и подготовительными, а не спеціально факультетскими. Мы не привели фамилій экзаменовавшихся; но скажемъ только, что наиболѣе успѣвшіе изъ этихъ студентовъ впослѣдствіи выдвинулись на ученомъ поприщѣ; таковы были Комлишинскій, Любочинскій, Любовскій, Борзенковъ, Архангельскій, Нахимовъ; послѣдній получилъ высшую отмѣтку по французскому, нѣмецкому и англійскому языкамъ, что вполнѣ подтверждаетъ прежнее наше сообщеніе о его знаніяхъ новыхъ языковъ.

Кандидатскій экзаменъ начинался письменными отвѣтами. Чтобы дать понятіе о подготовкѣ, какую давалъ студентамъ университетъ въ этомъ отношеніи, приведемъ въ примѣчаніи нѣсколько образцовъ [1]). Въ

---

[1]) Вотъ сочиненіе по русской исторіи Кирилла Манжоса на тему—„по какому случаю послѣдовало основаніе Россійской монархіи и какія были важнѣйшія происшествія въ Россіи съ сего времени до раздѣленія монархіи при Владимірѣ?“. Утѣсненія, случившіяся въ 9 ст. на сѣверѣ отъ варяговъ, а на югѣ отъ Казаръ, были главною причиною къ перемѣненію въ Россіи правленія и къ основанію Россійскаго государства. Варяги, такъ называемые жители разныхъ племенъ, извѣстные по своимъ разбоямъ, учинили въ 859 году сильное нападеніе на чудь, славянъ, наложили дань; въ сіе время и другіе народы славянскаго поколѣнія въ южной сторонѣ Россіи почувствовали тяжелое бремя отъ казаръ. Въ семъ родственномъ положеніи находясь, вознамѣрились свергнуть съ себя рабскія оковы суровыхъ побѣдителей своихъ, наконецъ рѣшились избрать Гостомысла, мужа благоразумнаго и храбраго, подъ предводительствомъ котораго отреклись отъ платежа, покоривши Варягъ и выгнали изъ своего отечества. Гостомыслъ, будучи уже на смертной постели и видя ихъ безпорядки, со дня на день увеличивающіеся, присовѣтовалъ имъ избрать трехъ братьевъ—Рюрика, Синеуса и Трувора, которые пришедъ въ Россію въ 861 году и съ сего времени начинается эпоха россійской исторіи. *Рюрикъ* перенесъ столицу въ Новгородъ изъ Ладоги и по смерти братьевъ своихъ сдѣлался одинъ обладателемъ Россіи, старался о благосостояніи своего государства и на сей конецъ во многихъ городахъ поставилъ своихъ правителей; онъ освободилъ Кіевъ отъ платежа своею храбростью. Рюрикъ умеръ въ Новгородѣ въ 879 г. *Олегъ* отнялъ у Оскольда южную страну Россіи, учредилъ подати, ходилъ войною подъ Царьградъ, взялъ съ греческаго императора Льва дань, умеръ въ 912 г. *Игоръ* привелъ въ послушаніе древлянъ, отказавшихся отъ платежа, заключилъ съ печенѣгами миръ, въ 945 г. отправилъ посольство въ Константинополь, въ семъ договорѣ то достойно упоминанія,

общемъ эти сочиненія написаны весьма складно и толково. Очевидно, что преподаваніе риторики имѣло полезные результаты. Запасъ фактическихъ данныхъ у авторовъ достаточный, хотя, конечно, съ нашей точки зрѣнія многое тамъ представляется совершенно несостоятельнымъ (напримѣръ, въ сочиненіи по русской исторіи принимаемая за достовѣрный историческій фактъ легенда о Гостомыслѣ). Студентамъ предлагались темы для сочиненій и во время прохожденія ими университетскаго курса и выдавались за нихъ награды.

Въ 1812 г. физикоматематическій факультетъ предложилъ задачу: „объяснить явленія и законы, которые до сего времени извѣстны относительно испаренія капельныхъ жидкостей, а особенно воды"; другую далъ словесный факультетъ: „о цѣли и пользѣ знанія древнихъ языковъ и преимущественно латинскаго". Наиболѣе успѣвшимъ студентамъ выдавались золотыя и серебряныя медали. Послѣднія были двухъ видовъ

что Игорь обѣщался не только не воевать Корсунь, но еще и защищать; для увѣренія въ той клятвѣ Игорь клялся съ некрещенными боярами предъ Перуномъ на холмѣ. Въ семъ же году Игорь былъ отъ Древлянъ убитъ. *Ольга.* Первое предпріятіе великой княгини Ольги было, чтобъ древлянъ наказать за смерть своего супруга и въ послушаніе привести, что, сдѣлавши на другой годъ при рѣкѣ Псковѣ, повелѣла построить городъ Псковъ, въ 935 г. отправилась водою въ Константинополь, гдѣ, принявъ крещеніе, названа была Еленою. *Святославъ* началъ царствовать съ 965 г., наложилъ дань на вятичей, въ отсутствіе его печенѣги сдѣлали нападеніе на Кіевъ, но возвратившись покорилъ ихъ и заключилъ съ ними миръ. Онъ страстно желалъ завоевать болгаръ, по той причинѣ какъ думаютъ, чтобы обезсилить печенѣговъ и при случаѣ ихъ покорить, заключивши прежде мирные договоры съ уграми и венгерцами. Святославъ роздалъ сыновьямъ удѣлы: Ярополку Кіевъ, Олегу землю Древлянскую, а Владимеру Новгородъ по просьбѣ новгородцевъ. *Ярополкъ* жилъ мирно съ братьями 3 года, по злобѣ полководца своего Свѣнельда поссорился первый съ Олегомъ, пошелъ въ землю Древлянскую, побѣдилъ Олега близь Овруча, гдѣ Олегъ лишился жизни. Ярополкъ принялъ власть надъ древлянами; услышавъ Владимеръ въ Новгородѣ о несчастной сей ссорѣ, убѣжалъ къ варягамъ, гдѣ собралъ войско наемное. Ярополкъ, слѣдуя внушенію злоковарныхъ своихъ министровъ, послалъ въ Новгородъ своего начальника; Владиміръ 980 возвратился отъ Варягъ съ войскомъ, выслалъ намѣстника изъ Новгорода, пошелъ на брата своего Ярополка, гдѣ его побѣдилъ, Ярополкъ по совѣту полководца своего Блуда пришелъ въ станъ Владимера, гдѣ убитъ былъ предъ глазами Владимировыми отъ ласкателей его".

Тому же Манжосу принадлежитъ еще сочиненіе по всеобщей исторіи на латинскомъ языкѣ на тему „*De factis et causis, quae ad ruinam imperium Caroli magni conduxerunt*"; оно отличается строго фактическимъ характеромъ даже въ той части, которая посвящена причинамъ распаденія монархіи Карла Вел.; это въ сущности не уясненіе причинъ, а описаніе событій, послѣдовавшихъ за смертію Карла Вел.

А вотъ сочиненіе Леонтія Барановскаго на тему „*Что такое идеалъ?*" (по теоріи поэзіи). „Человѣкъ кромѣ дарованій, которыя получилъ отъ природы, имѣетъ еще такую врожденную способность, отъ удовлетворенія коей зависитъ внутреннее и суще-

—большія и малыя. На одной сторонѣ медалей была надпись: „auspiciis Alexandri primi universitatis Charcoviensis", а на другой—„ingenio et moribus" и лавровый вѣнокъ. „Дѣло о чеканкѣ ихъ" началось еще въ 1809 г., но было окончено только въ 1812 г., и съ этого года повидимому ихъ и стали выдавать студентамъ. Цѣнность золотой медали равнялась четыремъ имперіаламъ, а серебряныхъ 3 и 1½ рублевикамъ [1]). По мысли попечителя округа, медали должны были выдаваться студентамъ за лучшія сочиненія [2]). Латинская диссертація кандидата Филомафитскаго была удостоена факультетомъ золотой медали и совѣтъ рѣшилъ выразить ему признательность за прилежаніе [3]).

Посмотримъ теперь, какая часть студентовъ выходила изъ университета до окончанія курса, какая оканчивала полный курсъ и какова была послѣдующая судьба тѣхъ и другихъ. Выходила изъ университета до окончанія курса огромная, сравнительно съ нынѣшнимъ временемъ, масса студентовъ и оканчивала его только очень незначительная часть. Это фактъ, который мы можемъ доказать статистически почти изъ года въ годъ. Конечно, онъ долженъ былъ отражаться неблагопріятно на самомъ преподаваніи. Но неблагопріятныя послѣдствія его были въ дѣйствительности гораздо меньше, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Достаточно замѣтить, что многіе студенты выходили до окончанія курса университета, чтобы поступить въ учителя уѣздныхъ учи-

---

ственное его благосостояніе. Чувствительность души, т. е. природное расположеніе оной ощущать удовольствіе и наслажденіе, составляетъ таковую способность. Предметы тѣ только производятъ удовольствіе и наслажденіе, которые въ своемъ родѣ преимущественно совершенны. Все, что заключаетъ въ себѣ совершенство такого рода, все, что сильно дѣйствуетъ на чувствительность и какъ бы совершенно занимаетъ собою душу называется изящнымъ или изящной природой. Сіе изящество когда бываетъ въ произведеніяхъ ума, то называется умственнымъ или идеаломъ, о которомъ такъ много говорили древніе философы и артисты, но они разумѣли подъ тѣмъ именемъ по большей части токмо возвышеніе изяществъ и совершенствъ. Напротивъ того есть столько родовъ идеаловъ, сколько находится прекрасныхъ и дурныхъ предмѣтовъ. Предмѣты не только самые обыкновенные, но даже низкіе и отвратительные, ежели будутъ изображены съ точнѣйшею вѣрностью, могутъ назваться идеалами. Идеалы по различію способностей человѣческихъ и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ необходимо должны быть различны не только въ каждыхъ порознь людяхъ, но и въ цѣлыхъ народахъ".

Въ приведенныхъ отрывкахъ мы сохранили орѳографію и знаки препинанія подлинниковъ. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло словеснаго факультета 1814 г., № 18).

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попечит. 1809—1816 г., № 269/14 и журн. правл. 1809 г., сент.—декабрь; засѣданіе 8 ноября 1812 г. май—августъ; засѣданіе 31 мая.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1809 г., № 9.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1814 г., № 58, стр. 147.

лищъ, т. е. другими словами они получали въ университетѣ достаточную подготовку для своей должности; въ такихъ дѣятеляхъ была огромная потребность; а если бы они окончили курсъ, то уже не захотѣли бы ограничиться этимъ скромнымъ общественнымъ положеніемъ, ибо могли бы занять болѣе видныя учительскія должности въ гимназіяхъ.

Въ 1806 г. изъ 33 казеннокоштныхъ студентовъ выбыло трое—одинъ (Квятковскій) былъ опредѣленъ учителемъ въ Сумское уѣздное училище, другой умеръ, а третій, по его собственной просьбѣ и съ разрѣшенія главнаго правленія училищъ; переведенъ въ число своекоштныхъ (съ уплатою истраченныхъ на его прежнее содержаніе казенныхъ денегъ). Кромѣ того при университетѣ числился кандидатъ Савва Василевскій, въ ожиданіи поступленія на учительскую должность въ одну изъ гимназій. Въ 1807 году подвергнуты были годичному экзамену казеннокоштные студенты и о четырехъ изъ нихъ (Концевичѣ, Галкинѣ, Щелкуновѣ и Степурскомъ) было заявлено, что отъ нихъ нельзя надѣяться дальнѣйшихъ успѣховъ; въ виду этого рѣшено было опредѣлить ихъ въ учителя уѣздныхъ училищъ; по опредѣленію училищнаго комитета, 1-й назначенъ былъ въ Изюмское, 2-й въ Лебединское, 3-й въ Новгородъ-Сѣверское и 4-й въ Роменское училища. Тогда же отправлены учителями, *по ихъ собственной просьбѣ*, казеннокоштные студенты Славинскій въ Глуховское, Сухаревъ въ Харьковское, Евстафіевъ въ Роменское училища. Кандидатъ Савва Василевскій въ этомъ году былъ назначенъ учителемъ въ имѣвшуюся открыться Курскую гимназію. Изъ 32 своекоштныхъ студентовъ 9 поступило въ военную службу, 2 въ штатскую и 1 умеръ. Въ 1808 г. кандидатское испытаніе выдержали, по физико-математическому отдѣленію — *Комлишинскій*, *Рудневъ*, *Архангельскій*, *Громовъ*, *Пузановъ*, *Аванасьевъ* и *Шрамковъ*; по словесному — *Борзенковъ*, *Нахимовъ* и *Сошальскій*; по этикополитическому — *Любовскій*, *Ольховскій 1-й* и *Любачинскій*, всего 13 человѣкъ. Таковы были первые кандидаты, выпущенные Харьковскимъ университетомъ. Сверхъ того прослушало полный трехлѣтній университетскій курсъ и получило соотвѣтственные аттестаты 13 студентовъ (8 казеннокоштныхъ и 5 своекоштныхъ). Изъ 13 кандидатовъ 10 человѣкъ было на казенномъ содержаніи и 3 на своемъ. Пятеро изъ нихъ поступили учителями въ гимназіи, а 8 осталось при университетѣ для продолженія наукъ (изъ нихъ 6 на казенномъ содержаніи и 2 на своемъ собственномъ). Изъ 17 окончившихъ курсъ 9 поступило въ учителя гимназій и училищъ (въ томъ числѣ одинъ своекоштный), 4 пожелали опредѣлиться на государственную службу (въ томъ числѣ 3 казеннокоштныхъ) и 4 (въ томъ числѣ 3 казеннокоштныхъ) остались при университетѣ для продолженія наукъ. Изъ 39 ка-

зеннокоштныхъ студентовъ 10 произведено было въ кандидаты, 8 въ учителя, 2 умерло. Изъ 26 своекоштныхъ студентовъ трое выдержало кандидатскій экзаменъ, 1 поступилъ въ учителя (изъ неокончившихъ), 1 перешелъ въ казеннокоштные студенты, 1 въ учителя рисованія, 1 въ кадетскій корпусъ, 6 въ гражданскую службу.

Въ 1809 году прослушало полный университетскій курсъ и получило аттестаты 11 чел.: казеннокоштные—*Мартыновъ*, *Масловъ*, *Андреенко* и *Ветуховъ*, своекоштные—*Татариновъ*, *Дмитріевъ*, *Карповъ*, *Стремоуховъ*, *Шидловскіе* (Алексѣй, Александръ и Степанъ); казеннокоштные студенты *Ольховскій* и *Стурза*, окончившіе теоретическій курсъ на медицинскомъ отдѣленіи, отправлены были на одинъ годъ въ медико-хирургическую академію для пріобрѣтенія практическихъ познаній; кандидатскую степень получили трое: по физико-математическому факультету—*Расторгуевъ* и *Павловскій* и по этикополитическому *Пробстъ*. Изъ студентовъ обнаружили превосходные успѣхи въ наукахъ (на переводныхъ экзаменахъ) 12 человѣкъ — *Македонскій*, *Сорокинъ*, *Переверзевъ*, *Спасскіе* (Ассикритъ и Михаилъ), *Якобъ*, *Робушъ*, *Татариновъ*, *Константскій*, *Селивановъ*, *Якубовскій* и *Калиновскій*; имена ихъ были провозглашены на торжественномъ актѣ; остальныхъ не столь блестящихъ пригласили въ совѣтъ и похвалили за прилежаніе къ наукамъ. Изъ числа 8 кандидатовъ, произведенныхъ еще въ прошломъ году и оставшихся при университетѣ, 3 казеннокоштныхъ поступили въ учителя, одинъ назначенъ для временнаго отправленія учительской должности, одинъ (своекоштный) поступилъ на гражданскую службу; двое казеннокоштныхъ остались при университетѣ для преподаванія лекцій, а одинъ (своекоштный)—продолжалъ заниматься науками; изъ трехъ кандидатовъ 1809 г. одинъ (своекоштный) поступилъ на гражданскую службу, а два (казеннокоштныхъ) остались при университетѣ. Изъ 34 казеннокоштныхъ студентовъ 2 поступило въ кандидаты, 7 въ учителя (въ томъ числѣ 4 окончившихъ курсъ наукъ). Изъ 26 чел. своекоштныхъ 1 сдѣлался своекоштнымъ кандидатомъ, 1 поступилъ въ медико-хирургическую академію, одинъ въ землемѣры, 4 въ военную службу, 2 въ гражданскую, 1 учителемъ въ Кіевскую гимназію, 1 умеръ, всего выбыло 11 чел., изъ коихъ 7 окончило курсъ; вновь принято 12.

Въ 1810 г. кандидатскій дипломъ получилъ только 1 студентъ *Константскій* (по физикоматематическому отдѣленію), окончило трехлѣтній университетскій курсъ 7 душъ. Изъ 5 кандидатовъ, оставшихся отъ прошлаго года, 2 казеннокоштные поступили въ учителя, а три (въ томъ числѣ и одинъ, временно исполнявшій учительскую должность)

оставались при университетѣ и преподавали частію студентамъ младшихъ курсовъ, частію чиновникамъ гражданскаго вѣдомства въ извѣстномъ намъ институтѣ—(Нахимовъ); въ концѣ года было 4 кандидата. Изъ 45 казеннокоштныхъ студентовъ одинъ умеръ, одинъ перешелъ въ своекоштные, два вовсе были уволены съ разрѣшенія высшаго начальства, а одинъ впредь до излѣченія, двое исключены за нерадѣніе къ наукамъ и худое поведеніе и 8 опредѣлено учителями; всего выбыло 15 чел. Изъ 27 чел. своекоштныхъ одинъ сдѣлался казеннокоштнымъ кандидатомъ, 6 поступило на государственную службу; всего выбыло 7 (изъ нихъ 4 окончившихъ курсъ); отличные успѣхи въ наукахъ обнаружило 13 человѣкъ.

Въ 1811 г. двое кандидатовъ—*Громовъ* и *Архангельскій*—получили магистерскія степени; кандидатскій дипломъ получило 10 человѣкъ: по этикополитическому отдѣленію *Викторъ Кушинниковъ*, *Константинъ Артемьевъ;* по физикоматематическому—*Михаилъ Робушъ*, *Иванъ Одинцовъ-Заставскій*, *Ассикритъ Спасскій*, *Семенъ Колядинъ;* по словесному—*Федоръ Сорокинъ*, *Демьянъ Адамовичъ*, *Василій Парпура*, *Авксентій Гевличъ*. Изъ 5 прежнихъ кандидатовъ двое сдѣлались магистрами, одинъ поступилъ въ учителя, а два осталось при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ; изъ произведенныхъ въ кандидаты въ 1811 году осталось при университетѣ 6, всего ихъ было 8, изъ коихъ 6 казеннокоштныхъ и 2 своекоштныхъ. Изъ 40 казеннокоштныхъ студентовъ 1 поступилъ въ медикохирургическую академію для усовершенствованія во врачебной наукѣ, 1 въ своекоштные студенты, 8 произведено было въ кандидаты (изъ коихъ 3 опредѣлено въ учителя гимназій, а 5 осталось при университетѣ), 12 заняло учительскія должности (одинъ въ гимназіи, остальные въ уѣздныхъ училищахъ), два были уволены для поступленія на учительскія мѣста въ области войска Донскаго; всего выбыло 24 чел. Изъ 44 своекоштныхъ студентовъ ушло 18 чел., двое получили кандидатскую степень (одинъ изъ нихъ поступилъ на гражданскую службу, другой остался при университетѣ) одинъ перешелъ въ составъ казеннокоштныхъ, одинъ былъ исключенъ за неявкою, двое умерло, а 12 вышло изъ университета по прошеніямъ (въ томъ числѣ было 5 окончившихъ курсъ).

Въ 1812 г. изъ кандидатовъ въ магистры произведено было 4 человѣка: по словесному отдѣленію *Борзенковъ*, по физикоматематическому *Комлишинскій*, по этикополитическому *Любовскій* и *Любочинскій*. Изъ студентовъ въ кандидаты произведено было 11 душъ: по физикоматематическому отдѣленію *Жадановъ*, *Поляковъ*, *Шуманъ* и *Глинскій*, по словесному *Бразоль*, по этикополитическому *Дегай*, *Ковалевскій*, *Ти-*

таревъ, *Переверзевъ*, *Кеппенъ* и учитель *Македонскій*. Изъ прошлогоднихъ кандидатовъ три поступили въ учителя, одинъ отправленъ былъ въ Петербургъ (Робушъ) для усовершенствованія въ военныхъ наукахъ, а два остались при университетѣ. Изъ 31 чел. казеннокоштныхъ студентовъ двое получило кандидатскую степень, одинъ опредѣленъ былъ учителемъ въ гимназію, а 6 въ уѣздныя училища. Изъ 55 своекоштныхъ студентовъ 6 получило кандидатскую степень, одинъ перешелъ въ казеннокоштные, 5 поступило въ военную службу, 3 въ штатскую, а двое умерло; всего выбыло 17 чел. [1]).

Изъ представленныхъ нами цифръ можно сдѣлать слѣдующіе выводы. Значительная часть студентовъ оставляла университетъ, не окончивъ курса, и поступала въ военную и гражданскую службу или шла въ учителя уѣздныхъ училищъ. Кандидатскій дипломъ получали далеко не всѣ, оканчивавшіе курсъ. 1-й выпускъ кандидатовъ состоялся въ 1808 г.; за всѣ послѣдующіе годы (начиная съ 1808 и оканчивая 1812) выпущено было 37 кандидатовъ, въ среднемъ по $7^2/_5$ на годъ. По факультетамъ они распредѣляются такъ: на долю физикоматематическаго отдѣленія приходится 18, этикополитическаго 12, словеснаго 8 (врачебнаго ни одного, впрочемъ, двое студентовъ окончило это отдѣленіе [1]). Въ учителя гимназіи и уѣздныхъ училищъ поступило больше всего—83 чел., на гражданскую службу—39 чел., въ военную—18. Принимая во вниманіе незначительное число кандидатовъ, можно сказать, что число лицъ, получившихъ магистерскую степень, было относительно велико (ихъ было 6 чел.), т. е. свыше 16% [2]).

---

[1]) Всѣ эти данныя позаимствованы нами изъ „исторіи дѣлъ“. (Харьк. унив. архивъ).

[2]) Приведемъ здѣсь кстати свѣдѣнія о числѣ студентовъ, окончившихъ университетъ съ 1808 по 1815 годъ, изъ одной рукописи, источники которой намъ—къ сожалѣнію, неизвѣстны;—это справка, составленная бывшимъ секретаремъ совѣта г. Кожедубовымъ и хранившаяся въ бумагахъ проф. И. П. Сокальскаго; нынѣ она вмѣстѣ съ книгами и другими рукописями покойнаго передана въ университетскую библіотеку. Въ 1805, 1806 и 1807 гг., по свѣдѣніямъ этого источника, выпуска не было; въ 1808 г. по этикополитич. отдѣленію вышло 7 кандидатовъ, по физико-математич. 3, по словесному 3; въ 1809 г. по этикополитическому 1, по математич. 2, по медицин. 2 (лекаря); въ 1810 г. по физико-математическому 1; въ 1811 году по этикополитическому 2, по физико-математическому 4, по словесному 4; въ 1812 году по этикополитическому 6, по математическому 4, по словесному 1; въ 1813 году по этикополитическому 3, по математическому 4, по словесному 5; въ 1814 году по этикополитическому 4, по математическому 3, по словесному 2, по медицинскому 6; всего 67. До 1813 г. цифры этой рукописи и сообщенныя нами свѣдѣнія буквально сходятся. Въ виду этого мы можемъ отнестись съ полнымъ довѣріемъ и къ даннымъ этой рукописи вообще, въ томъ числѣ и къ свѣдѣніямъ за 1813—1814 годы.

Затѣмъ слѣдуетъ еще упомянуть о тѣхъ лицахъ, которыя держали экзаменъ прямо при университетѣ и не состояли въ немъ студентами. Въ 1810 г. подвергались испытанію въ медицинскомъ отдѣленіи иностранцы *Шенеманъ*, окончившій курсъ медицинскихъ, хирургическихъ и повивальныхъ наукъ въ Вюрцбургскомъ и Іенскомъ университетахъ, и Георгъ *Гросгеймъ* докторъ медицины Эрфуртскаго университета; отвѣтъ перваго былъ признанъ удовлетворительнымъ, а 2-го— совершенно слабымъ. Въ 1811 году на томъ же медицинскомъ факультетѣ экзаменовались Ив. Тецнеръ (провизоръ Кіевской аптеки, уроженецъ Саксоніи) на званіе аптекаря, гезель полтавской аптеки Кампіони— на званіе провизора, коллежскій регистраторъ Степанъ Волковъ и харьковскій обыватель Леонтій Соколовскій—на свободную практику для снятія съ глазъ катаракта „чрезъ осажденіе“ (per depressionem); сверхъ того выданы были свидѣтельства на званіе гезелей двумъ аптекарскимъ ученикамъ. Въ 1812 году получилъ дипломъ на степень доктора медицины и на свободную практику иностранецъ Игнатій Нетолитскій, 3 гезеля удостоены были званія провизоровъ, 3 аптекарскихъ помощника— ізваня гезелей и два брата Савиновы — свидѣтельства на сниманіе катарактовъ [1]).

Среди лицъ, выходившихъ изъ университета безъ экзамена и диплома, слѣдуетъ отмѣтить Станислава Квятковскаго, который былъ зачисленъ въ казеннокоштные студенты, претендовалъ, какъ мы знаемъ, на полученіе магистерскаго достоинства, но не могъ выдержать даже и кандидатскаго экзамена, а между прочимъ просилъ о назначеніи его въ гимназію учителемъ латинскаго языка [2]).

Какія цѣли преслѣдовали молодые люди, вступая въ университетъ? Лица, близко стоявшіе къ дѣлу, категорически свидѣтельствуютъ, что тутъ дѣйствовали почти исключительно практическіе интересы. Да это и понятно. Идея необходимости высшаго образованія не успѣла еще пустить корней въ обществѣ. Мы видѣли, что нужно было доказывать пользу этого высшаго общественнаго образованія. Среди „отцовъ“ вполнѣ еще господствовалъ такой утилитарный взглядъ: они цѣнили университетъ за то, что онъ открывалъ дорогу ихъ дѣтямъ къ служебной карьерѣ,—къ военной или гражданской службѣ.— Служба давала не только матеріальное обезпеченіе, но и общественное положеніе, соединенное съ должностью, чинами и орденами. Дворянство въ общемъ было настолько обезпечено, что могло прожить безъ жалованья, ибо владѣло землями,

---

[1]) „Исторія дѣлъ“. (Харьк. универ. архивъ).

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло Правленія 1806 г., № $^{128}/_{8}$, стр. 57.

пользовалось крѣпостнымъ трудомъ; но оно, за небольшими исключеніями, считало необходимымъ, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, служить. Чины и ордена въ то время ставились необычайно высоко и дослуживаться до нихъ, особенно людямъ безъ протекцій, было не легко. Между тѣмъ университетъ открывалъ возможность сравнительно скораго полученія не только гражданскихъ, но даже и военныхъ чиновъ. Естественно, что въ него и устремлялись за этими столь цѣнимыми тогда благами. Въ иномъ положеніи находились студенты бѣдняки—семинаристы, разночинцы; и въ университетѣ они содержались на счетъ казны, и по выходѣ изъ него стремились получить какую либо должность, которая бы давала имъ хотя скудное, но опредѣленное матеріальное обезпеченіе; они въ большинствѣ случаевъ охотно давали обязательство въ теченіи 6 лѣтъ быть въ вѣдомствѣ университета, т. е. принять ту службу, которую имъ назначатъ. Но нѣкоторые изъ нихъ не имѣли призванія къ этому занятію и просили потомъ объ освобожденіи ихъ отъ него, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ внести за себя ту сумму, въ которую обошлось ихъ содержаніе казнѣ во время прохожденія курса. Попечитель округа гр. С. О. Потоцкій отнесся вполнѣ разумно къ дѣлу. Представляя въ главное правленіе училищъ прошеніе одного изъ такихъ лицъ (Волошинова), онъ выражалъ мнѣніе, что его просьбу слѣдуетъ удовлетворить, ибо если онъ дѣйствительно не имѣетъ склонности къ учительской должности, то никогда не будетъ способенъ выполнять ее должнымъ образомъ и потому университетъ впослѣдствіи времени будетъ принужденъ отрѣшить его отъ нея [1]).

Впрочемъ намъ извѣстенъ и другой противоположный случай. Въ 1810 г. казеннокоштный студентъ Переверзевъ представилъ 650 руб. денегъ, издержанныхъ казною на его содержаніе, и просилъ объ увольненіи его отъ обязательства отслуживать за нее университету; но попечитель округа не согласился на это, ибо примѣръ его могъ бы заразительно подѣйствовать на другихъ. Съ управленіемъ Войска Донскаго на этой почвѣ произошли недоразумѣнія. Правленіе университета нѣсколько разъ обращалось въ канцелярію войска съ указаніемъ, что правила о шестилѣтнемъ срокѣ службы казеннокоштныхъ студентовъ распространяются и на донцовъ (съ тѣмъ чтобы они служили учителями въ Донскомъ округѣ)—и, не получая отвѣта, лишило всѣхъ ихъ казеннаго содержанія, за исключеніемъ двухъ лицъ, бывшихъ на медицинскомъ факультетѣ и уже оканчивавшихъ курсъ. Напоминаніе о

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. поп. 1806—1808 г., № $^{193}/_{11}$, стр. 11; ср. также дѣло правл. 1814 г., № $^{813}/_{40}$, стр. 80.

шестилѣтнемъ срокѣ дѣлалось впрочемъ по указу министра народнаго просвѣщенія [1]).

Военная карьера сильно привлекала дворянскихъ дѣтей и въ представленіяхъ тогдашняго общества наиболѣе соотвѣтствовала званію дворянина. Дворянинъ Хлоповъ, прося въ своемъ письмѣ къ ректору Стойковичу уволить его сыновей изъ университета для поступленія въ кадетскій корпусъ, прямо заявлялъ, что это опредѣленіе „согласно съ должностію дворянина" [2]). Другіе поступали изъ университета прямо въ военную службу [3]). Два представителя самыхъ выдающихся мѣстныхъ фамилій Өедоръ Шидловскій и Григорій Донецъ-Захаржевскій въ прошеніи своемъ заявили, что они оставляютъ университетъ и переходятъ въ военную службу по волѣ своихъ родителей [4]). Въ 1806 г. Россія, какъ извѣстно, вела борьбу съ Наполеономъ въ союзѣ съ Пруссіей, поддерживая эту послѣднюю. Борьба эта потребовала напряженія ея военныхъ силъ—и правительство рѣшило привлечь въ ряды арміи въ качествѣ офицеровъ и учащееся въ университетахъ дворянство. По одному Высочайшему указу (1806 г.) молодымъ дворянамъ, окончившимъ съ успѣхомъ университетъ и изучившимъ тамъ необходимыя науки, особенно военныя, предоставлено было право, при поступленіи въ военную службу, оставаться въ качествѣ рядовыхъ и подпрапорщиковъ только три мѣсяца, а затѣмъ ихъ производили въ офицеры; другимъ указомъ это право распространялось и на лицъ недворянскаго происхожденія, если только они окончили курсъ въ университетѣ. Въ мартѣ 1807 г. дана была еще и другая льгота: окончившіе курсъ могли являться въ Петербургъ и поступать на самое короткое время въ сухопутные кадетскіе корпуса, а вслѣдъ за этимъ выходить въ офицеры; воспитанники среднихъ учебныхъ заведеній въ возрастѣ не моложе 16 лѣтъ также могли быть безпрепятственно принимаемы въ тѣже корпуса въ разные классы соотвѣтственно ихъ подготовкѣ, а недостаточные даже получать прогоны. Въ заключеніе Государь говорилъ: „Я увѣренъ, что симъ распоряженіемъ достаточно облегчены будутъ благородному юношеству средства ко вступленію въ службу, соотвѣтственно званію, наипаче въ такое время, когда честь и польза государства призываетъ къ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. (январь — апрѣль; засѣданіе 15 января) 1814 г., май—августъ; засѣданіе 2 іюля.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г., № 255/15, стр. 48; намъ извѣстенъ случай, когда и сынъ священника (извѣстнаго Василія Фотіева) перешелъ изъ университета въ кадетскій сухопутный корпусъ (Ibidem, стр. 183).

[3]) Харьк. универс. архивъ. Дѣло правл. 1808 г., № 294/17, стр. 11—12.

[4]) Ibidem, стр. 70 и 220.

службѣ каждаго члена благороднаго сословія, знаменитаго своею любовью и вѣрностію къ отечеству“ [1]). Это былъ, такимъ образомъ, призывъ съ высоты трона, призывъ, не могшій остаться безъ важныхъ результатовъ —и мы видѣли, что учащаяся молодежь и изъ Харьковскаго университета устремилась въ Петербургъ, въ кадетскіе корпуса.

Гражданская служба привлекала еще болѣе, чѣмъ военная, въ особенности менѣе видныхъ, болѣе недостаточныхъ представителей дворянства и разночинцевъ. И тутъ также молодые люди въ своихъ прошеніяхъ объ увольненіи изъ университета ссылались на волю своихъ родителей [2]); другіе указывали на свое собственное желаніе и согласіе этихъ послѣднихъ [3]).

О сильномъ стремленіи къ служебной дѣятельности тогдашней университетской молодежи свидѣтельствуетъ и современникъ проф. Роммель.

„Почти вся молодежь, говоритъ онъ, смотрѣла на занятія, какъ на ступень къ высшимъ чинамъ по службѣ, потому что всякій студентъ, счастливо выдержавшій экзаменъ на кандидата, пользовался правами на 12-й классъ, а магистры и доктора на 9-й и 8-й; эти классы прокладывали дорогу къ высшимъ офицерскимъ мѣстамъ, особенно въ военное время“. Это сообщеніе требуетъ, однако, оговорки. Высшія ученыя степени прокладывали дорогу не къ военнымъ, а къ гражданскимъ чинамъ. По крайней мѣрѣ всѣ лица, получившія магистерскую и докторскую степень въ Харьковскомъ университетѣ въ 1-е десятилѣтіе его существованія, или поступили на гражданскую службу или стремились къ ней. Одни изъ нихъ, какъ намъ извѣстно, избрали себѣ ученую карьеру, другіе, не достигнувъ профессуры, посвятили себя педагогическому поприщу въ гимназіяхъ (Любовскій и Любочинскій); третьи поступили на гражданскую службу; таковы были П. И. Дегай, о докторствѣ котораго шли столь сильныя пререканія, бывшій впослѣдствіи статсъ-секретаремъ и сенаторомъ и извѣстный своими сочиненіями по части законовѣдѣнія; А. П. Гевличъ, бывшій потомъ сенаторомъ; В. Ѳ. Титаревъ, поступившій на службу въ Петербургъ и вскорѣ тамъ умершій; Хлапонинъ и Гессъ-де-Кальве также стремились къ гражданской службѣ, а можетъ быть и дѣйствовали на этомъ поприщѣ (намъ это неизвѣстно). Розальонъ-Сошальскій, хотя и опровергаетъ утвержденіе Потоцкаго о несочувствіи мѣстнаго харьковскаго дворянства къ высшему образованію и приводитъ въ примѣръ своего отца, но тутъ же прибавляетъ, что важнымъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло канц. попеч. 1805—1807, № 143/9.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1808 г. № 294/17, стр. 38.

[3]) Ibidem, стр. 65.

двигателемъ въ данномъ случаѣ были расчеты его на служебную карьеру. „Могло быть, говоритъ онъ, что такому взгляду на образованіе, какое въ тогдашней нашей мѣстности имѣлъ отецъ мой и тѣ, кто одинаково съ нимъ мыслилъ, содѣйствовала весьма естественная и позволительная надежда, что сыновья ихъ, молодые люди съ хорошими способностями, могли, получивъ полное образованіе, пойти по слѣдамъ Сперанскаго, котораго быстрая карьера производила тогда большой эффектъ. Отцу моему однако, если и могла одушевлять его подобная надежда, не удалось видѣть ея осуществленія (оба сына его, кандидаты Харьковскаго университета, не сдѣлали себѣ служебной карьеры; одинъ изъ нихъ служилъ въ гражданской службѣ, другой въ военной)... Разочарованіе моего отца могло быть причиною, почему на мое образованіе уже не было обращено такой заботливости, какъ на старшихъ братьевъ. По отъѣздѣ ихъ въ Петербургъ я учился просто ходя въ учебные заведенія съ квартиры, безъ иныхъ сопряженныхъ съ издержками пособій“ [1]). И Ак. Нахимову Розальонъ Сошальскій приписываетъ господствовавшій тогда мотивъ для поступленія въ университетъ — именно желаніе имѣть дипломъ и соотвѣтствовавшій ему чинъ, который онъ будто-бы никакъ не могъ получить вслѣдствіе одной печальной случайности [2]). Розальонъ Сошальскій говоритъ, что „Нахимовъ не нуждался въ университетскомъ ученіи. Онъ былъ уже человѣкъ лѣтъ за 30, владѣвшій полнымъ по времени образованіемъ, но его заставила крайность пойти въ студенты. Владѣя очень хорошимъ состояніемъ и не имѣя терпѣнія ждать и трудиться для полученія чиновъ, имѣвшихъ въ тогдашнемъ обществѣ большой вѣсъ, онъ, соблазненный какимъ-то пройдохой, купилъ подложный патентъ на чинъ капитана, за что былъ судимъ и по приговору исключенъ изъ службы, съ лишеніемъ права вступать, какъ въ военную, такъ и статскую службу. Званіямъ студента, кандидата и магистра (кажется, Нахимовъ и вышелъ съ этою послѣднею степенью) присваивались чины; онъ и воспользовался этою лазейкою. Жилъ онъ въ Харьковѣ не по студенчески, а бариномъ“. Едва-ли этотъ разсказъ можетъ быть признанъ достовѣрнымъ; у насъ по крайней мѣрѣ онъ возбуждаетъ большія сомнѣнія. Мы знаемъ, что Нахимову при поступленіи въ университетъ было 24 года и что онъ не владѣлъ полнымъ образованіемъ, ибо окончилъ только пансіонъ; онъ не былъ магистромъ, а только кандидатомъ; намъ извѣстно также, что у него была любовь къ просвѣщенію и что онъ прекрасно учился

---

[1]) Х. Г. В. 1869, № 43.

[2]) Ibidem. № 44.

въ университетѣ; мы знаемъ его образъ жизни, очень оригинальный и вмѣстѣ съ тѣмъ далекій отъ барства; мы привели выше его стихотвореніе, въ которомъ онъ относится къ полученію кандидатскаго диплома съ оттѣнкомъ ироніи; можно, наконецъ, предполагать, что его привлекло въ университетъ не чиновное честолюбіе (ибо онъ вовсе потомъ не пошелъ служить), а литературныя наклонности, дѣйствительно получившія дальнѣйшее развитіе отъ такого авторитетнаго въ то время профессора, какъ И. С. Рижскій.

Утилитарный характеръ цѣлей, преслѣдовавшихся молодыми людьми при поступленіи въ университетъ, долженъ былъ отражаться извѣстнымъ образомъ и на отношеніи ихъ къ отдѣльнымъ предметамъ преподаванія. И это подтверждаетъ тотъ-же Роммель. „Вообще вездѣ, говоритъ онъ, высказывалось преобладающее стремленіе русскихъ къ практическимъ наукамъ, въ особенности къ математикѣ, въ которой они оказывали изумительные успѣхи. Зато пониманіе высшей философіи и филологіи было почти недоступно имъ. Такъ впослѣдствіи, при переводѣ однимъ студентомъ на русскій языкъ моего введенія въ дидактику, въ которомъ встрѣчались отвлеченныя понятія: умъ, разумъ, остроуміе и другія душевныя качества, я замѣтилъ, что они сами не понимали тонкихъ отличій своего органическаго, отмѣченнаго печатью древности, языка или же открывали эти отличія только чрезъ сравненіе съ соотвѣтствующими корнями нѣмецкихъ словъ“. Это сообщеніе требуетъ оговорокъ. Что касается исключительнаго стремленія русскихъ студентовъ къ практическимъ наукамъ, то оно не вполнѣ подтверждается фактами. Найболѣе прикладнымъ характеромъ отличался, конечно, тогда, какъ и теперь, медицинскій факультетъ; однако онъ то именно и привлекалъ къ себѣ менѣе всего студентовъ. Затѣмъ едва-ли можно назвать математику практическимъ предметомъ — въ данномъ случаѣ Роммель, очевидно, имѣлъ въ виду естественныя науки; на физико-математическій факультетъ дѣйствительно тогда поступало много молодежи. Но эта же молодежь шла охотно и на этико-политическое, и на словесное отдѣленіе. Сравнивая въ этомъ отношеніи начало XIX в. съ его концомъ, мы замѣчаемъ существенную разницу въ положеніи историко-филологическаго или, какъ его тогда называли, словеснаго факультета; онъ привлекалъ сравнительно съ другими факультетами гораздо большее количество студентовъ, чѣмъ теперь. Самъ Роммель говоритъ, что сѣмена классической древности были брошены имъ не на совсѣмъ безплодную почву и филологія открыла нѣсколькимъ лицамъ путь къ дальнѣйшему образованію. Что-же касается трудности усвоенія высшей филологіи и философіи, то она объясняется неразработанностью тогдаш-

няго русскаго научнаго языка, и въ этомъ дѣлѣ иностранные профессора, незнавшіе по русски, не могли оказать слушателямъ никакой помощи и поддержки. Однако и тутъ ученики сами по себѣ достигли замѣтныхъ результатовъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить одинъ случай — переводъ на русскій языкъ Комлишинскимъ 5-ти томнаго сочиненія Гизе „Всеобщая химія". Противорѣчитъ утвержденію Роммеля и тотъ фактъ, что именно найбольшее количество учениковъ оказалось, какъ мы знаемъ, у проф. Шада по философіи. Правда эти труды не отличаются должною самостоятельностью, но въ нихъ вѣрно передана сущность излагаемыхъ системъ, видно пониманіе этихъ послѣднихъ и замѣтно серьезное увлеченіе спекулятивнымъ мышленіемъ. А тогдашняя Шадовская философія не была проникнута практическимъ или матеріалистическимъ направленіемъ—она была построена, какъ мы знаемъ, на метафизической основѣ. Само собою разумѣется, что и занятіе философіей еще не свидѣтельствовало само по себѣ объ отсутствіи чисто практическихъ цѣлей, которыя преслѣдовались лицами, получавшими высшее университетское образованіе. Мы видѣли, что и самое стремленіе получить магистерскія и докторскія степени у нѣкоторыхъ лицъ вызывалось дѣйствительно желаніемъ облегчить себѣ служебную карьеру. Но справедливость побуждаетъ насъ замѣтить, что были и такія лица, которыя искренне увлекались духомъ научнаго изслѣдованія и стремились къ профессурѣ, которая вполнѣ соотвѣтствовала ихъ вкусамъ и прямо вводила ихъ въ эту атмосферу. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно вспомнить объ Архангельскомъ, Громовѣ, Павловскомъ...

Въ заключеніе, чтобы выяснить размѣры и напряженность научно-литературныхъ стремленій харьковскаго студенчества въ первое десятилѣтіе существованія университета, мы приведемъ извѣстныя намъ о немъ фактическія данныя.

Въ „Періодическомъ сочиненіи о успѣхахъ народнаго просвѣщенія" помѣщены слѣдующіе труды харьковскихъ студентовъ: 1) „Эстетическія замѣчанія на 17-й псаломъ" Иванъ Рейзельонъ-Сошальскаго (1809 года № 24); это весьма недурной разборъ, написанный при томъ хорошимъ языкомъ; 2) „Гостомыслъ, преклоняющій новгородцевъ на избраніе Рюрика" Николая Архангельскаго, впослѣдствіи профессора математики (Ibidem), образецъ напыщенной риторики на исторической основѣ; 3) Три басни—Живописецъ, Молодой орелъ, Пѣснь лужѣ—Ак. Нахимова; 4) Объ искусствѣ краснорѣчія Николая Токарева (1810 г. № 25, стр. 174—190). Все это были студенческія работы, написаныя, очевидно, подъ вліяніемъ и руководствомъ проф. И. С. Рижскаго и свидѣтельствующія о его сильномъ и благотворномъ вліяніи на учащуюся молодежь.

Нашествіе Наполеона и гибель Москвы настроили патріотически харьковскихъ студентовъ и вызвали появленіе двухъ литературныхъ произведеній въ 1813 г.—„Пѣсни на освобожденіе царствующаго града Москвы“ Степана Юшкова и „Отзыва о патріотизмѣ русскихъ“ Павлова. Первое произведеніе представляетъ интересъ не только для характеристики настроенія молодежи въ то время, но и возвышается надъ другими своими литературными достоинствами; оно написано въ народномъ духѣ и по стилю и размѣру своему напоминаетъ стихотворенія Кольцова. Вотъ его подлинный текстъ [1]).

„Не въ чистомъ полѣ, не въ пустой степи,
Не въ темномъ лѣсу, не въ сыромъ бору,
Да не пташечки, не касаточки
Вкругъ тепла гнѣзда увивалися.
А слеталися *орлы сѣверны*
И садились вкругъ каменной Москвы—
Вкругъ сердечушка Царства русскаго.
Они думали крѣпку думушку—
Думу крѣпкую, пригорюнившись:
Да когда жъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ—
Храмы Божіи златоглавые
Опустѣли всѣ—службы нѣту въ нихъ?
Не видать въ Москвѣ силы русскія;
Въ свѣтлыхъ теремахъ красныхъ дѣвушекъ;
Не видать по Москвѣ золотыхъ каретъ;
Не слыхать совсѣмъ шуму градскаго?
Только видно лишь красно зарево,
Тучи мрачныя дыму чорнаго;
Только слышны тамъ: хреставень да трескъ,
Вздохи тяжкіе, вопли смертные!!
Какъ возговорятъ могучи орлы:
Не прогнѣвался ль православный царь,
Не губитъ ли Онъ каменну Москву?
Да не быть тому, не бывать во вѣкъ,
Чтобы батюшка православный Царь
Такъ прогнѣвался на дѣтей своихъ.
И не слыхано, и не видано,

---

[1]) Мы нашли его въ Императорской публичной библіотекѣ; къ сожалѣнію, сочиненія Павлова намъ не удалось розыскать нигдѣ.

Чтобы кроткой Царь крѣпко гнѣвался,
Чтобы нашъ Отецъ такъ каралъ дѣтей!
Видно матушку каменну Москву
Разорилъ злодѣй—непріятель нашъ—
Непріятель нашъ—Бонапартъ лихой!
Да и что-жъ ему сдѣлалъ русскій Царь?
Никому нашъ Царь не завидовалъ
И на царства онъ не ходилъ войной.
Всѣхъ царей чужихъ онъ за братьевъ чтетъ;
Любитъ подданныхъ, какъ отецъ дѣтей,
Видно варвару много надобно,
Видно извергу невмѣстимъ весь свѣтъ!
Бога вышняго онъ совсѣмъ забылъ,
Православнымъ всѣмъ онъ присяжный врагъ.
Ужъ какъ слышно намъ: Бонапартъ злодѣй
Не однихъ скворцовъ на Москву пустилъ,
А привелъ онъ съ собой и гусей и грачей
И чижей и синицъ, воробьевъ, журавлей
И сорокъ и воронъ, коршуновъ и сычей,
Вислоухихъ совъ и ночныхъ филиновъ
Да и тѣхъ дураковъ: полевыхъ дудаковъ.
Такъ возможно ли могучимъ орламъ,
Могучимъ орламъ—орламъ сѣвернымъ
Таковую дрянь на себя пустить?!
Слово молвлено—дѣло сдѣлано,
Не густой туманъ подымается;
Не черны тучи собираются;
Не лѣса шумятъ, не моря кипятъ,
Поднялись орлы, орлы сѣверны
На безчисленны стада мелкихъ птицъ,
Гдѣ орелъ махнетъ—ляжетъ стадо птицъ;
А гдѣ два и три—тамъ и смѣты нѣтъ!!
Какъ поднялся крикъ да отъ мелкихъ птицъ.
Бонапартъ злодѣй! Ты ушатой сычъ!
Ажно межъ орловъ ты летуча мышъ:
Да зачѣмъ ты насъ мелкихъ пташечекъ
Ты завелъ въ Москву—на святую Русь?
Поднялися стада и грачей и сорокъ,
Полетѣли стада, куда Богъ унеси!
Неоглядкой летятъ, темны ночи не спятъ;

Не садятся стада покормиться въ лугахъ,
Межъ собою стада перешептываютъ:
Вотъ такая-то честь намъ незваннымъ гостямъ,
Будь ты проклятъ отъ насъ врагъ ощипаной сычъ!
Не изъ рода орловъ корсиканской пѣтухъ!
Осрамилъ ты насъ всѣхъ мелкихъ пташекъ своихъ
Разорилъ, поморилъ, побираться пустилъ;
Впередъ, пеской ты сынъ, не обманешь ужъ насъ!
Да и кто-же видалъ, да и кто-же слыхалъ,
Чтобъ ободраной сычъ могъ сразиться съ орломъ?
Орелъ всѣмъ птицамъ царь, всему свѣту судья!
А ощипаной сычъ всѣму свѣту—смѣхъ!

Бѣлгородъ. Степанъ *Юшковъ*.

Своекоштный студентъ Парпура издалъ въ Харьковѣ въ 1811 г. „Слово похвальное Александру Ярославичу Невскому“ (38 страницъ). Посвящено попечителю гр. С. О. Потоцкому; образчикъ ораторскаго произведенія на исторической основѣ, но не хуже многихъ другихъ аналогичныхъ произведеній; слогъ хотя и риторическій, но для своего времени хорошій. Пріобрѣвшій кандидатскую степень Иванъ Одинецъ Заставскій перевелъ съ французскаго языка твореніе Демутьера „Утѣшенія“ (1812 г., II, 91) и посвятилъ генералъ-лейтенанту Ос. Ив. Хорвату. Наконецъ, въ 1811 году вышелъ въ свѣтъ цѣлый сборникъ студенческихъ работъ подъ заглавіемъ „*Сочиненія воспитанниковъ Войска Донскаго въ Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. Харьковъ. Унив. тип. 33 стр.*“. Издатели — студенты Ст. Гречановскій и Вас. Кондратьевъ—посвятили его Донскому атаману Матвѣю Ивановичу Платову и въ посвященіи писали: „первый шагъ къ образованію нашему озаренъ былъ благотвореніемъ Вашего Высокопревосходительства, когда высокій духъ Вашъ неусыпное прилагаетъ стараніе о распространеніи и успѣхахъ познаній въ странѣ, только славящейся воинскою доблестью, кто болѣе всѣхъ въ высочайшей степени долженъ чувствовать безсмертное сіе благодѣяніе, какъ не тѣ, которые уже сами на себѣ видятъ опытъ попеченій вашихъ. Не имѣя силъ къ достойному за оныя возблагодаренію, подносимъ вашему высокопревосходительству сіе первое еще слабое произведеніе нашихъ занятій въ надѣяніи хотя нѣсколько изъявить вамъ, великій и достославный мужъ, глубочайшую нашу признательность“. Затѣмъ слѣдуетъ прозаическая статья „Описаніе мѣстопребыванія и свойства козаковъ войска Донскаго“ (стр. 9—19), при-

надлежащая перу Гречановскаго. Тутъ дана характеристика козаковъ вообще и донскихъ въ частности. 2-я статья „Зрѣлище во время открытія порта въ Таганрогѣ“—представляетъ картину съ натуры, недурно написанную, особенно въ концѣ.

Когда явятся корабли, тогда „весь знатный Таганрогъ, множество пріѣзжихъ, искупщиковъ, любопытныхъ богато убранныхъ представляютъ на обширномъ берегу великолѣпное празднество. Вся биржа превращается въ прекраснѣйшую равнину плодороднѣйшаго изъ архипелага острововъ. Здѣсь цѣлое море лимоновъ, померанцевъ, индійскихъ пряностей услаждаютъ обоняніе и взоры; въ другомъ мѣстѣ стоятъ великіе ряды ящиковъ, то съ сахарными, то съ млекоподобными плодами, коихъ свѣжій и красивый видъ манитъ къ себѣ приходящихъ; а далѣе раскладены прекрасныя шелковыя Андросскія произведенія...“

За тѣмъ идетъ рядъ стихотвореній—Донской осетръ, Вечеръ, Виноградъ, Осень, Во снѣ и на яву;—повидимому всѣ онѣ принадлежатъ Кондратьеву, хотя подписано его фамиліей только послѣднее. Оно же и лучше всѣхъ остальныхъ, въ общемъ весьма слабыхъ. Вотъ его подлинный текстъ.

„Во пологѣ тонкомъ, луной позлащенномъ,
На сельскомъ балконѣ, на югъ обращенномъ,
Роскошно цвѣтами обставленъ вокругъ,
Игрой соловья услаждаю мой слухъ,
Безпечно въ пріятныхъ мечтахъ засыпаю.
Мнѣ снится—на славномъ пиру я гуляю;
Межъ зеркальныхъ стѣнъ, на столахъ дорогихъ
Тамъ вина алѣютъ въ ковшахъ золотыхъ,
Тамъ сласти стоятъ расцвѣчоной горою,
Здѣсь ханскаго чаю подносъ предо мною,
И сахаромъ сочный посыпанъ лимонъ,
Тутъ нимфы кружатся, тамъ слышенъ бостонъ,
Но мигъ!... Все исчезло—и пышны уборы,
И винны каскады, и звонкіе хоры;
Лишь слышу, какъ въ мельницѣ жерновъ гудитъ,
Какъ шумный ручей по колесамъ бѣжитъ
И плещетъ по щелямъ, отъ чотки на чотку.

Любопытно, что и Роммель особенно хорошо отзывается о студентахъ—донцахъ и приписываетъ имъ поэтическія дарованія. „Между студентами, говоритъ онъ, молодые и красивые донскіе козаки отлича-

лись расторопностью и скромностью, иногда даже поэтическими талантами“.

Таковы были размѣры научно-литературнаго движенія среди студентовъ; они были очень скромны (сравнительно съ послѣдующей эпохой); въ качественномъ отношеніи эти „опыты“ также не стояли высоко (за исключеніемъ басенъ Нахимова). Но они все же отражаютъ въ себѣ вліяніе научно-литературной дѣятельности профессорской коллегіи и должны быть отмѣчены, какъ симпатичное проявленіе духовныхъ интересовъ студенчества; они свидѣтельствуютъ о томъ, что не смотря на господство утилитарныхъ взглядовъ, переносимыхъ изъ семьи въ университетъ, этотъ послѣдній благотворно вліялъ на молодежь и въ этомъ отношеніи: привлекалъ ее къ высшимъ интересамъ науки и поэзіи. На бытѣ и нравахъ студентовъ мы здѣсь останавливаться не будемъ, а поговоримъ объ этомъ въ слѣдующей 7-й главѣ. Теперь-же только, въ заключеніе, отмѣтимъ важнѣйшія особенности въ положеніи стараго харьковскаго студенчества 1805—1814 годовъ. Какъ то время непохоже было на нынѣшнее! Важнѣйшею заботою вновь основаннаго университета было то, что теперь дѣлается само собою и не тревожитъ никого—привлеченіе учащихся. Университетъ былъ открытъ; профессора объявили курсы; учебно-вспомогательныя учрежденія начали дѣйствовать... а студентовъ почти не было или по крайней мѣрѣ было очень мало; великій мечтатель В. Н. Каразинъ обманулся въ своихъ надеждахъ на 3000 чел. студентовъ. И вотъ попечитель и университетъ употребляютъ самыя разнообразныя мѣры, чтобы профессора не остались безъ слушателей, и не смотря на все это многіе курсы все таки не могли состояться, а медицинскій факультетъ правильно началъ функціонировать только съ 1811 года. Къ этому же времени относятся и первые выпуски воспитанниковъ преобразованныхъ изъ главныхъ народныхъ училищъ гимназій. Только тогда семинаристы перестали играть первенствующую роль въ составѣ студентовъ; только тогда стало замѣтно увеличиваться и количество этихъ послѣднихъ. Вообще забота объ увеличеніи числа учащихся проходитъ красною нитью черезъ всю изучаемую нами эпоху. Другою характерною чертою тогдашняго студенчества является крайне разнообразный во всѣхъ отношеніяхъ составъ его—и по образовательному цензу, и по возрасту, и по происхожденію. Впрочемъ въ массѣ студенчества съ самаго начала обнаружились двѣ главныя, основныя группы—семинарская и дворянская. Что касается разночинцевъ, то хотя имъ и не былъ de jure прегражденъ доступъ въ университетъ, однако de facto онъ былъ сопряженъ съ такими трудностями, что сильно тормозилъ приливъ молодежи изъ тяглыхъ сосло-

вій. Сословная исключительность давала себя чувствовать въ жизни и сильно вредила распространенію высшаго образованія въ тѣхъ кругахъ общества, которые могли бы доставить не мало способныхъ и талантливыхъ питомцевъ. Очевидно, демократическія идеи Якоба о свободномъ доступѣ въ университетъ всѣмъ сословіямъ еще не могли найти себѣ благопріятной почвы въ правительственныхъ сферахъ, если даже такой передовой, а въ прежнее время и радикальный дѣятель, какъ попечитель гр. С. О. Потоцкій, былъ противъ нихъ. Интересы службы—военной и гражданской—стояли тогда на первомъ планѣ и заслоняли собою чисто научныя и образовательныя цѣли университета. Вотъ почему многіе уходили въ эту службу, не окончивъ курса. Жизнь требовала людей съ образованіемъ, хотя бы и неполнымъ; въ особенности это нужно сказать о вновь открытыхъ и преобразованныхъ тогда училищахъ, крайне нуждавшихся въ учителяхъ. И университетъ, въ вѣдѣніи котораго были эти училища и на обязанности котораго лежала забота о пополненіи ихъ учительскаго персонала, удачно утилизировалъ эти молодыя силы, этихъ „недоучекъ", какъ выразились бы мы теперь, которые разносили свѣтъ знанія въ самые темные уголки края и не боялись на всегда похоронить себя въ нихъ. Вообще университетъ тогда не относился равнодушно къ судьбѣ своихъ питомцевъ: однихъ онъ опредѣлялъ на учительскія мѣста, другимъ давалъ пріютъ у себя въ качествѣ студентовъ-кандидатовъ, чтобы они могли подготовиться къ педагогической дѣятельности, третьихъ оставлялъ въ качествѣ магистровъ для ученой карьеры. Слѣдовательно, тутъ было не формальное, а заботливое, дружественно-партіархальное отношеніе къ молодежи. Эта послѣдняя крѣпкими узами была связана со своей alma mater, не только въ стѣнахъ университета, но часто и долгое время послѣ выхода изъ него: ея дальнѣйшая судьба зависѣла не отъ канцелярій, ничѣмъ не связанныхъ съ нею, а отъ той же alma mater, имѣвшей возможность и выучить ее, и дать ей должность соотвѣтствующую ея успѣхамъ, дарованіямъ и способностямъ.

VII-я ГЛАВА.

Бытъ и нравы университетской среды.

Положеніе профессорской коллегіи въ изучаемый нами періодъ времени было весьма почетное. Вновь основанный университетъ пользовался не только широкою внутреннею автономіей, но и пря-

мо таки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ правительственною властью, именно — правомъ суда надъ широкимъ кругомъ лицъ, цензурою книгъ и управленіемъ училищами во всемъ округѣ. Затѣмъ огромное значеніе имѣло то обстоятельство, что онъ имѣлъ право давать ученыя степени, которымъ соотвѣтствовали классы и чины въ служебной іерархіи. Табель о рангахъ имѣла непререкаемое значеніе въ глазахъ всего общества, и намъ трудно теперь даже представить себѣ, какъ высоко цѣнились тогда, особенно въ провинціи, чины. А между тѣмъ въ жизни университета былъ и такой моментъ, когда посѣдѣлое въ службѣ чиновничество должно было для полученія высшихъ чиновъ являться въ университетъ и слушать тамъ курсы, чтобы выдержать соотвѣтственный экзаменъ. Чинопроизводство велось тогда очень туго; ордена также раздавались скупо. Поэтому и маленькіе съ нашей точки зрѣнія чины и ордена цѣнились очень высоко. Достаточно сказать, что даже ни одинъ изъ ректоровъ за это время—ни Рижскій, ни Стойковичъ, ни Осиповскій (а Рижскій былъ почти безсмѣннымъ ректоромъ) не пошли далѣе чина статскаго совѣтника и ордена Анны 2-й степени, несмотря на то, что должность ректора „за урядъ“ была въ 4-мъ классѣ. Ординарные профессора состояли въ 7-мъ классѣ, экстраординарные, адъюнкты и доктора въ 8-мъ, магистры въ 9-мъ, студенты-кандидаты въ 12-мъ. Принятые въ университетъ студенты имѣли право носить шпагу, а отличившіеся успѣхами въ наукахъ и поведеніи, при поступленіи на службу, получали чинъ 14-го класса. Кромѣ этого профессора имѣли еще и нѣкоторыя другія преимущества. Иностранцы, приглашенные занять профессорскія каѳедры въ Харьковскомъ университетѣ, могли безпошлинно привезти съ собою или по пріѣздѣ выписать товаровъ на 3000 руб. Уѣзжая заграницу, они также не уплачивали пошлинъ со своего имущества. Всѣ жилища профессоровъ, будь то ихъ собственные дома или наемныя помѣщенія, если они ими лично занимались, были свободны отъ натуральнаго постоя или уплаты вмѣсто него квартирныхъ денегъ.

Жалованья профессору полагалось 2000 руб. въ годъ, адъюнкту 800 руб., лекторамъ 600 руб., магистрамъ, преподававшимъ въ педагогическомъ институтѣ, 400 руб. Но сверхъ того профессора получали еще прибавочное жалованье за исполненіе слѣдующихъ должностей: ректора 600 руб., декановъ 300 руб., засѣдателя 300 руб., синдика (изъ адъюнктовъ) 200 руб., секретаря совѣта 300 руб., архиваріуса совѣта съ вознагражденіемъ писцу 700 руб., секретарей факультетовъ 100 руб., директора педагогическаго института 500 р., инспектора казеннокоштныхъ студентовъ 400 руб., библіотекаря 400 руб.; давались имъ также коман-

дировочныя за визитаціи училищъ. Если принять во вниманіе тогдашнюю дешевизну жизни и сравнить это вознагражденіе съ окладами чиновниковъ въ другихъ учрежденіяхъ, то оно окажется довольно высокимъ (учителя гимназій получали тогда по 750, 600, 500 и даже 400 рублей).

По выслугѣ лѣтъ или на случай болѣзни и смерти профессора или ихъ семьи были обезпечены слѣдующими пенсіями: по истеченіи 25-ти лѣтней безпорочной службы профессоръ пріобрѣталъ званіе *заслуженнаго*, могъ выйти въ отставку и получалъ въ пенсію годичный окладъ жалованья, при чемъ могъ жить, гдѣ заблагоразсудится—въ Россіи или заграницей; въ случаѣ неизлѣчимой болѣзни и ранѣе этого срока профессоръ, адъюнктъ или лекторъ могъ выйти въ отставку съ половинною пенсіею, а въ случаѣ особыхъ заслугъ и отличныхъ достоинствъ, съ утвержденія Государя, даже съ полною. Вдовамъ и дѣтямъ преподавателей университета выдавалось или единовременное пособіе въ размѣрѣ годичнаго жалованья или сверхъ того и пенсія, а именно за службу профессора отъ 5 до 15 лѣтъ шла женѣ пятая часть его оклада, прослужившимъ болѣе 15 лѣтъ (но менѣе 25) сверхъ единовременнаго пособія въ размѣрѣ годичнаго жалованья еще четвертая часть оклада его вдовѣ до смерти или новаго замужества, сыновьямъ до совершеннолѣтія (21-го года) или опредѣленія на службу, а дочерямъ до 21 года или до выхода замужъ. Кто пробылъ на службѣ менѣе 5 лѣтъ, того женѣ и дѣтямъ выдавалось единовременное пособіе въ размѣрѣ годоваго жалованья, а въ случаѣ особыхъ заслугъ и пенсія до 1/5 его оклада. Такимъ образомъ, условія пенсій были, какъ мы видимъ, очень льготныя, даже болѣе льготныя, чѣмъ нынѣ. Таковы были постановленія о профессорской службѣ утвердительной грамоты Харьковскому университету (5 ноября 1804 г.) [1]). Замѣтимъ кстати, что на пенсіи полагалась извѣстная сумма въ штатѣ университета (6000 руб.).

Обратимся теперь къ живой дѣйствительности и посмотримъ, соотвѣтствуетъ ли она этимъ постановленіомъ закона.

Дарованными уставомъ и утвердительной грамотой правами профессора пользовались de facto и нѣкоторое затрудненіе вызвалъ только вопросъ о внесеніи ихъ въ дворянскую родословную книгу, поднятый нѣкоторыми изъ иностранцевъ. Эти послѣдніе дѣлились на двѣ группы—одни только поступили на службу къ русскому правительству и приносили обыкновенную присягу, другіе наоборотъ принимали русское подданство и дѣлались, слѣдовательно, русскими гражданами въ пол-

[1]) Сборн. постанов. по мин. народ. просв., I, стр. 257—259 и штаты стр. 12.

номъ смыслѣ этого слова. Но являлся вопросъ—могли ли они получить дворянское званіе, которое, какъ извѣстно, давалось, по табели о рангахъ, чиновникамъ первыхъ 8 классовъ. Принципіальный вопросъ объ дворянствѣ и о связанномъ съ нимъ правѣ владѣть крѣпостными поднялъ въ 1807 г. извѣстный профессоръ Якобъ. И правленіе дало слѣдующее разъясненіе на его вопросы. По указамъ 1746 г. (13 января) и 1747 г. (12 мая) иностранцамъ, не принявшимъ русскаго подданства, запрещено было владѣть деревнями и крѣпостными людьми; по табели о рангахъ, чиновники первыхъ 8 классовъ могли получить потомственное дворянство и быть внесены въ родословную книгу, хотя бы они были и низкой породы; по указу 1805 г. (29 января), снова запрещено было писать крѣпости на иностранцевъ, не внесенныхъ въ родословныя книги. Такимъ образомъ, для полученія права владѣть крѣпостными, Якобъ и другіе иностранные профессора должны были, во 1-хъ, присягнуть на подданство, во 2-хъ, получить изъ герольдіи патенты на свои чины 7-го класса, и въ 3-хъ, занести себя въ родословную книгу мѣстнаго дворянства. Что касается заявленія Якоба, будто профессора другихъ университетовъ (Московскаго, Виленскаго и Дерптскаго) пользуются правами россійскаго дворянства, то объ этомъ правленію ничего не было извѣстно и въ утвердительной грамотѣ объ этомъ ничего не говорилось Принятіе подданства не могло помѣшать ему вернуться, буде онъ пожелаетъ, за границу, такъ какъ это прямо разрѣшалъ 15-й § утвердительной грамоты и указъ 1784 года (22 февраля), относящійся не только къ профессорамъ, а и къ лицамъ торговаго сословія [1]). Вскорѣ Якобъ перешелъ на службу въ Петербургъ и, чѣмъ окончилось его дѣло, мы не знаемъ. Въ 1812 году аналогичный вопросъ возбудилъ профессоръ Дегуровъ. Онъ принялъ россійское подданство, руссофицировалъ даже свою фамилію (изъ Dugour'а превратился въ Дюгурова) и просилъ теперь о занесеніи его съ семействомъ (у него было 6 душъ дѣтей) въ дворянскую родословную книгу. Оказалось по справкѣ, что выдача патентовъ на чинъ задерживалась только благодаря тому, что приходилось сразу дать Государю для подписи много экземпляровъ ихъ [2]). Харьковское дворянское собраніе однако находило нѣкоторыя формальныя препятствія для внесенія Дегурова въ свою родословную книгу [3]).

Въ первые годы существованія университета до финансоваго кризиса, вызваннаго борьбою съ Наполеономъ, профессора были

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Жур. правл. 1807 г. сентябрь—декабрь; засѣд. 20 ноября.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Жур. правл. 1807 г. январь—апрѣль; засѣд. 22 января.
[3]) Ibidem; засѣданіе 19 февраля.

вполнѣ довольны своимъ соціальнымъ и экономическимъ положеніемъ. Роммель разсказываетъ, что привиллегированное положеніе профессоровъ вызывало даже сильную зависть со стороны мѣстнаго дворянскаго и чиновничьяго общества. „Ординарные профессора, говоритъ онъ, кромѣ обыкновенныхъ дворянскихъ преимуществъ, считались въ 7 классѣ, т. е. въ чинѣ надворныхъ совѣтниковъ или подполковниковъ и по правилу получали повышеніе черезъ пять лѣтъ. Можно составить себѣ понятіе о зависти и недоброжелательствѣ, съ какими чинолюбивое и не терпѣвшее ученья туземное дворянство преслѣдовало профессоровъ, особенно иностранныхъ, наперекоръ благимъ намѣреніямъ правительства. Эти непріязненныя чувства закоснѣлыхъ русскихъ, неумѣвшихъ отличить тѣхъ искателей приключеній и неучей, которые наплывали во времена Екатерины и величались самозванным титуломъ профессоровъ, отъ новыхъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграничныхъ университетовъ, подбавили пищи ко всеобщей ненависти противъ иностранцевъ, дошедшей до опаснаго раздраженія при нападеніи французовъ“. Нужно впрочемъ замѣтить, что на этомъ отзывѣ уже отразилась Наполеоновская эпопея, ибо Роммель переѣхалъ въ Харьковъ въ 1811 году и не зналъ лучшихъ въ этомъ отношеніи временъ—первыхъ 6 годовъ въ жизни университета.

Мы видѣли, также что Шадъ былъ вполнѣ удовлетворенъ предложенными ему условіями: онъ получилъ подъемныя и прогоны и въ качествѣ ординарнаго профессора могъ имѣть еще кромѣ жалованья дополнительное вознагражденіе за разныя должности, (и таковое онъ дѣйствительно получалъ). Роммель говоритъ: „жалованье ординарнаго профессора было 2000 руб. ассигнац. Хотя уже въ мое время курсъ бумажнаго рубля сравнительно съ металлическимъ значительно упалъ, къ нашему ущербу, но профессора имѣли особенные источники доходовъ: прибавку жалованья по должности декановъ и секретарей и плату за отдѣльное чтеніе лекцій добровольнымъ слушателямъ“. Роммель, черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ въ Харьковъ, получилъ просторную квартиру въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ; „съ большою щедростью, говоритъ онъ самъ, выдали мнѣ жалованье за цѣлый годъ и я могъ запастить необходимою мебелью, парою курляндскихъ коней и отличными санями.... Отборная библіотека пришла скоро вслѣдъ за мною; въ нѣсколько дней я устроился очень удобно, могъ принимать визиты товарищей и начать чтеніе лекцій на латинскомъ языкѣ“. Проф. Книгинъ самъ просилъ о выдачѣ ему подъемныхъ денегъ и совершенно основательно мотивировалъ свою просьбу необходимостью перевезти въ Харьковъ библіотеку [1]).

[1]) Вотъ его письмо: „отъ прибывшаго сюда, обучавшагося медицинѣ Харьковскомъ университетѣ, студента Ольховскаго узналъ я, что по новости сего университета

Мы видѣли, что уставъ предоставлялъ харьковскимъ профессорамъ, перешедшимъ изъ заграницы, вывозить безпошлинно для личнаго потребленія товаровъ на сумму до 3000 руб., при чемъ разрѣшалось не только привозить, но и выписывать для себя разные предметы. Этимъ то разрѣшеніемъ и злоупотребилъ, какъ мы знаемъ, ректоръ Стойковичъ, ставшій выписывать не для себя, а на продажу безпошлинно венгерское вино, ленты, бусы, картины и т. п., не мало нажился на этой операціи и нанесъ значительный убытокъ казнѣ. Вышелъ страшный скандалъ—и Стойковичъ долженъ былъ выйти въ отставку. Другіе не дѣлали такихъ именно злоупотребленій, но все таки повидимому допускали отступленіе отъ закона въ одномъ отношеніи: выписывали не только для себя, но и для другихъ, по ихъ просьбѣ. На такое предположеніе (но не утвержденіе) наводятъ насъ подробности дѣла о выпискѣ изъ заграницы различныхъ вещей профессоромъ Коритари. Онъ въ нѣсколько пріемовъ выписывалъ для себя массу различныхъ вещей, въ томъ числѣ *два* фортепьяна (предполагалъ выписать даже *четыре*) старую, но подчиненную коляску, 16 большихъ бочонковъ вина (по 12 ведеръ въ каждомъ) и 12 меньшихъ (по 6 ведеръ)—всего 264 ведра вина (и это за одинъ разъ), 1-й разъ—въ 1806 г.—было пропущено его вещей на 235 р., 2-й разъ—въ 1809 г.—на 900 р., 3-й—въ томъ же 1809-мъ—на 400 р.; и затѣмъ онъ просилъ о пропускѣ токайскаго вина на оставшуюся ему еще сумму въ размѣрѣ 1465 р.; замѣтимъ кстати, что съ вещей, бывшихъ въ употребленіи (напримѣръ, указанной выше коляски) таможня пошлинъ вовсе не насчитывала; но все таки дѣло не обошлось безъ недоразумѣній: проф. Коритари объяснилъ, что съ него взыскана была пошлина при провозѣ вещей въ 1806 году, а таможня свидѣтельствовала, что онѣ были пропущены безпошлинно; это

анатомическій театръ препаратами весьма бѣденъ, а равно и самая университетская библіотека анатомическими сочиненіями недостаточна. Но какъ при семъ университетѣ воспитанники, желающіе обучаться медицинѣ, уже находятся и слѣдовательно по пріѣздѣ своемъ въ Харьковъ немедленно я долженъ приступить сообразно университетскому статуту къ преподаванію анатомическихъ лекцій, то за неимѣніемъ ни нужныхъ препаратовъ, ни сочиненій, анатомическія лекціи не могутъ доставить той пользы, каковая должна проистекать и каковая, когда имѣютъ всѣ нужныя пособія, обыкновенно бываетъ. Не благоугодно ли будетъ снабдить меня нѣкоторымъ пособіемъ, что бы я при теперешней моей отправкѣ взялъ съ собою и все изъ собственной моей библіотеки нужное? По пріѣздѣ моемъ въ Харьковъ, если бы я и дѣйствительно въ университетской библіотекѣ ни одной не нашелъ по моимъ предметамъ книги, то безъ всякой нужды я не только могу начать, но и кончить курсъ своихъ лекцій, пока университетъ будетъ имѣть свои собственныя. (1811 г. 25 іюня). (Архивъ мин. нар. просв.).

противорѣчіе объясняется тѣмъ, что были обложены пошлиною нѣкоторые изъ такихъ предметовъ, которые проф. Коритари считалъ „вещами бывшими въ употребленіи“; а, можетъ быть, тутъ было и злоупотребленіе со стороны его коммиссіонеровъ, которые могли представить ему фиктивный счетъ объ уплатѣ таможенныхъ сборовъ [1]).

Важнымъ дополнительнымъ источникомъ доходовъ для многихъ профессоровъ являлась плата, получаемая за частные уроки и содержаніе на квартирѣ пансіонеровъ. Роммель говоритъ о вознагражденіи, которое получали профессора „за отдѣльное чтеніе лекцій добровольнымъ слушателямъ“ — очевидно, подъ ними и нужно разумѣть такіе уроки, какіе бралъ, какъ мы знаемъ, у профессоровъ П. Дегай, потому что по уставу профессора читали всѣ свои курсы безплатно. Эти приватныя лекціи выводили и преподавателей, и слушателей на скользкій путь частныхъ соглашеній и сдѣлокъ. Мы видѣли, какъ на этой почвѣ выросла безнравственная, позорная торговля магистерскими и докторскими дипломами. Взятка могла даваться и получаться здѣсь въ такой благовидной формѣ, что не шокировала ни берущаго, ни дающаго. Нѣкоторыя же лица формами не стѣснялись и даже смѣялись надъ такими пуристами, какъ Роммель, который отказался отъ экипажа и лошадей, предложенныхъ ему Дегаемъ за подготовку къ докторскому экзамену. Пріемъ къ себѣ профессоромъ на квартиру за извѣстную плату молодыхъ людей не былъ, также, какъ и частные уроки, по существу дѣла предосудителенъ—наоборотъ онъ вызывался тогдашними условіями харьковской жизни и ничего не могъ приносить кромѣ пользы. Въ самомъ дѣлѣ; масса помѣстнаго дворянства проживала тогда въ деревняхъ; съ другой стороны Харьковъ не представлялъ изъ себя развитаго культурнаго городскаго центра—въ немъ преобладалъ деревенскій складъ жизни, въ немъ мало было удобныхъ квартиръ для учащейся молодежи и состоятельные люди старались помѣстить своихъ сыновей у профессоровъ, гдѣ они могли имѣть и удобное помѣщеніе, и здоровый столъ, и общество товарищей, и, наконецъ, помощь и руководительство въ занятіяхъ. Къ сожалѣнію, эта послѣдняя легко могла переходить въ прямую поддержку лѣнивыхъ и безуспѣшныхъ на экзаменѣ, въ частныя и незаконныя соглашенія и сдѣлки съ экзаменующимися. Впослѣдствіи времени (въ 40 и 50 годахъ) это явленіе сильно развилось и превратилось въ общественное зло, на борьбу съ которымъ выступили лучшія

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. прав. 1808 г. май—августъ; засѣданіе 6-го іюля; Журн. правл. 1809 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 16-го декабря.

силы профессорской коллегіи. Но едва-ли мы ошибемся, если скажемъ, что и въ началѣ вѣка пансіонерство приводило къ лицепріятію, потому что взяточничество было развито не только въ окружающемъ обществѣ, но и въ профессорской средѣ. Если же прямыхъ взятокъ и не было, то и тогда все таки молодымъ людямъ, жившимъ на квартирахъ у профессоровъ, могли оказываться льготы и послабленія во время испытаній. Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что даже лучшіе тогдашніе профессора ничего не имѣли въ принципѣ противъ принятія къ себѣ на квартиру студентовъ; въ особенности это нужно сказать относительно тѣхъ, у кого были семьи и собственные дома. На квартирѣ у профессора Г. П. Успенскаго, имѣвшаго собственный домикъ, проживали студенты. Онъ самъ давалъ частные уроки молодымъ людямъ, добивавшимся ученыхъ степеней и желавшимъ держать экзамены при университетѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ его сынъ. Подъ конецъ жизни (онъ умеръ въ 1820 г.) онъ отдавалъ имъ больше времени, чѣмъ въ началѣ своей профессорской дѣятельности. Г. П. Успенскій, какъ мы знаемъ уже, переѣхалъ въ Харьковъ бѣднякомъ, но профессура вполнѣ его обезпечила, несмотря на то, что на первыхъ порахъ онъ состоялъ въ должности адъюнкта (правда при этомъ занималъ еще и другія платныя должности—синдика, инспектора студентовъ, декана). Вотъ нѣсколько данныхъ изъ воспоминаній его сына, рисующихъ матеріальное положеніе его въ Харьковѣ „Въ Харьковъ пріѣхали мы, говоритъ онъ, безъ денегъ и безъ связей, съ крайней нуждой и замѣшательствомъ, не зная, за что взяться. Но хорошее жалованье и кредитъ поддержали отца. Ничего не знаю о томъ, какъ отецъ мой заводилъ осѣдлость въ Харьковѣ; если и говорилось объ этомъ, то, вѣроятно, съ новоселья, когда я ничего не смыслилъ (авторъ въ это время былъ еще ребенкомъ), послѣ же забылось, какъ забывается все. Когда же я началъ понимать, то помню только, что у насъ былъ уже собственный домъ на Театральной площади противъ острога. Этотъ пунктъ былъ краемъ города съ сѣвера, хотя на этой же безлюдной площади уныло стоялъ придавленный временемъ деревянный домъ губернатора Бахтина. Острогъ былъ обнесенъ заостренными стоячими бревнами и чернымъ пугаломъ смотрѣлъ въ наши окна. Ловкая прислуга, усмиряя наши дѣтскія рѣзвости, говаривала, что изъ него вылѣзутъ разбойники и перерѣжутъ насъ. Угроза была слишкомъ правдоподобна, страшнѣе явленія вѣдьмъ и лѣшихъ и дѣйствовала рѣшительно. За острогомъ тотчасъ начинались ямы бывшихъ кирпичныхъ сараевъ и ужасныя ямы острожныхъ нечистотъ; за ними печально лежало оставленное лютеранское кладбище съ сосѣднею рус-

скою церковью женъ Мироносицъ и разстилалась безконечная пустошь. Тутъ поселился новый профессоръ новаго университета и, проживши около 14 лѣтъ, все видѣлъ острогъ передъ окнами и часовыхъ вокругъ острога.... Безъ него перестроилось это мѣсто и слилось съ городомъ. Театръ былъ выстроенъ каменный, очень приличный. На мѣстѣ острога создалась красивая кирка; на нечистыхъ ямахъ воздвигся католическій костелъ; пустошь съ навозными кучами красиво застроилась широкой улицей; противъ Мироносицкой церкви воздвиглось зданіе института благородныхъ дѣвицъ. Теперь (писано въ 1863 г.) мѣсто прежняго нашего жительства вполнѣ прилично для профессора университета, какимъ бы изящнымъ комфортомъ онъ ни обладалъ, а тогда было отвратительно, гадко; упрямая нужда указала мѣсто бѣдняку. Остробревенчатый острогъ съ заунывнымъ крикомъ часовыхъ и бряканьемъ кандаловъ, деревянный, огромный, нелѣпѣйшаго вида театръ, со всегдашнимъ опасеніемъ пожара въ немъ,—все это наводило тоску и страхъ. Самый домъ нашъ, ветхій, приземистый смахивалъ физіономіей на сосѣдей; онъ былъ такой же мрачный и угрюмый, какъ они; дворъ былъ пропитанъ острожной атмосферой. Тутъ то ученый мужъ днемъ и ночью обрабатывалъ предметъ свой; тутъ трудился онъ надъ воспитаніемъ дѣтей своихъ и чужихъ, давалъ уроки пріѣзжавшимъ издалека держать экзамены на ученыя степени. „Но скоро дворъ и домъ проф. Успенскаго потеряли свой мрачный характеръ: хозяинъ развелъ садъ и перестроилъ помѣщеніе. „Въ лѣтніе вечера Гавріилъ Петровичъ иногда работалъ въ саду, обрѣзывая и подпиливая фруктовыя деревья, имъ же насаженныя, и своими руками окапывая ихъ заступомъ. Мы всегда бывали при немъ и помогали, какъ могли. Садъ этотъ разводилъ отецъ на пустоши по тогдашней Большой Кладбищенской улицѣ противъ загородняго дома Сердюкова. Теперь, вѣроятно, и домъ, и улица носятъ другое имя.... Домашняя обстановка, созданная, по времени отцомъ, не бросалась въ глаза своимъ богатствомъ, но она была прилична и не лишена удобствъ; лѣтъ за 10 до своей кончины (значитъ въ 1810 году) отецъ мой купилъ сосѣдній дворъ, раздвинулъ свой прежній, выстроилъ новый домъ на каменномъ фундаментѣ и покрылъ его желѣзомъ. Надворныя строенія сохранялись въ порядкѣ; двѣ дюжихъ лошади и прочныя дрожки, съ исправнымъ кучеромъ, каждый день стояли у подъѣзда, въ домѣ мебель и всѣ принадлежности хозяйства были не роскошны, но удобны [1]).

---

[1]) Воспоминанія сына объ отцѣ (Ворон. губ. вѣд. 1863 г. № 27—28, 30—32).

Профессоръ Христофоръ Роммель.

Эти строки рельефно изображаютъ намъ матеріальное положеніе и обстановку одного изъ профессоровъ русскаго происхожденія. Конечно, тутъ не было богатства, но все таки Успенскій, выросшій въ бѣдности и сильно страдавшій отъ нея въ Воронежѣ, жилъ въ Харьковѣ въ довольствѣ и хотя его пришлось хоронить на казенный счетъ, но онъ все-таки оставилъ своимъ дѣтямъ описанное выше недвижимое имущество. Правда, оно не представляло особенно большой цѣнности, но все таки свидѣтельствуетъ о возможности для бережливыхъ людей кое-что откладывать для семьи на случай смерти. Сынъ Успенскій рисуетъ намъ въ очень мрачномъ видѣ жилище своего отца; но на этомъ описаніи легла печать мрачныхъ воспоминаній его дѣтства, стоявшихъ въ связи съ условіями его семейной обстановки и замкнутымъ характеромъ его отца. Теперь съ невольнымъ изумленіемъ приходится читать описаніе той мѣстности, гдѣ былъ домъ проф. Успенскаго; нынѣ это самая лучшая и здоровая часть города — тутъ теперь дѣтскій пріютъ [1]), театральный бульваръ, лютеранская и католическая церкви, 3-я гимназія, Мироносицкая церковь и наконецъ Сердюковскій переулокъ, получившій свое имя отъ того самаго домовладѣльца Сердюкова, о которомъ говорится въ воспоминаніяхъ.... Но Гавріилу Петровичу, какъ и нѣкоторымъ другимъ профессорамъ того времени, приходилось играть роль одного изъ піонеровъ въ заселеніи харьковскихъ окраинъ, ибо въ то время эта сторона находилась уже на украйнѣ, какъ бы за чертою города, и лишена была даже тѣхъ примитивныхъ удобствъ, которыми пользовался центръ: туда свозили недавно еще навозъ, тамъ были руины кирпичныхъ заводовъ, невылазная грязь, кромѣшная ночная тьма; таковы, впрочемъ, почти были и общія условія тогдашней харьковской жизни. Но за то тамъ былъ просторъ, дешевизна усадебныхъ мѣстъ и строительнаго матеріала (кирпичъ былъ сравнительно дорогъ), а также отсутствіе мало-мальски сносныхъ квартиръ побуждала профессоровъ строить себѣ собственные дома. И дѣйствительно, половина членовъ совѣта имѣла свои дома и благодаря этому обстоятельству впослѣдствіи университетъ остался въ Харьковѣ и не былъ перенесенъ въ другой городъ — профессора домовладѣльцы glebae, такъ сказать, adscripti, не хотѣли уходить изъ Харькова, не смотря на его ужасное санитарное

---

[1]) А на мѣстѣ его раньше былъ театръ.

состояніе (о немъ мы скажемъ подробно ниже). Любопытно, что собственные дома имѣли не одни русскіе профессора, а и чужеземные.

Первоначально профессорамъ отводились квартиры въ зданіи университета; но ихъ, конечно, оказалось недостаточно — и волей неволей пришлось отказывать въ нихъ вновь пріѣзжавшимъ, тѣмъ болѣе, что иностранные профессора смртрѣли на эту льготу, какъ на свое право, и предъявляли подчасъ неумѣренныя требованія [1]). 16-го декабря 1805 г. состоялся Высочайшій указъ о выдачѣ профессорамъ и адъюнктамъ Харьковскаго университета, не имѣвшимъ казеннаго помѣщенія, квартирныхъ денегъ въ размѣрѣ—первымъ 500 р. въ годъ, а вторымъ 200 р., по примѣру Дерптскаго университета. Указъ былъ вызванъ особымъ ходатайствомъ попечителя округа гр. С. О. Потоцкаго, который, основываясь на донесеніи совѣта, указывалъ министру, что цѣны на всѣ предметы въ Харьковѣ, въ особенности на квартиры, сильно поднялись [2]). Впрочемъ Роммелю еще въ 1811 г. отвели, какъ мы видѣли, просторную квартиру въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ, хотя, вѣроятно, не какъ профессору, а директору педагогическаго института. Вообще же всѣ профессора въ это время проживали въ наемныхъ или своихъ собственныхъ домахъ, за исключеніемъ одного профессора ботаники Делявиня, для котораго было выстроено особое зданіе въ университетскомъ саду. Но ему было страшно тамъ жить и потому правленіе университета вошло съ ходатайствомъ къ попечителю объ устройствѣ подлѣ него еще нѣсколькихъ квартиръ для профессоровъ. Профессоръ Делявинь въ 1808 г. заявлялъ правленію, что „въ выстроенномъ для помѣщенія профессора ботаники при ботаническомъ саду домѣ, потому что онъ удаленъ отъ города и стоитъ одинъ на полѣ, ему, какъ одинокому человѣку, жить опасно, особенно зимою и осенью“. Правленіе, признавая это заявленіе основательнымъ, съ своей стороны прибавляло, что такъ какъ до того времени, пока на университетскомъ мѣстѣ не будетъ отстроено нѣсколько домовъ, въ коихъ бы жило нѣсколько профессорскихъ семействъ, опасно будетъ малому числу лицъ на немъ, то не благоугодно ли будетъ его сіятельству разрѣшить постройку на томъ мѣстѣ одновременно нѣсколькихъ домовъ (напр. 5 или 6), которые охотно заняты будутъ профессорами [1]). Изъ этого видно, что правленіе желало помочь профессорамъ въ квартирномъ вопросѣ, но, къ сожалѣнію, попытка его не увѣнчалась успѣхомъ, а если бы она осуществилась, то на Сумской улицѣ, на университетской землѣ существовала бы нынѣ профессорская

---

[1]) Это видно изъ письма Тимковскаго, помѣщеннаго на 124 стр. нашего труда.

[2]) Сборникъ постановленій по мин. народн. просв., I, стр. 382—383.

колонія и тамъ бы давно уже были устроены не только клиники и учебновспомогательныя учрежденія медицинскаго факультета, но и размѣстился бы весь университетъ, что устранило бы разбросанность его зданій, которая ведетъ къ значительнымъ неудобствамъ въ настоящее время. Тимковскій въ 1803 г. писалъ, что квартирный вопросъ для профессоровъ разрѣшится благополучно только тогда, когда въ Харьковѣ будутъ выстроены просторные дома и вымостятся улицы, когда въ городѣ вовсе не будетъ постоевъ и когда всякіе припасы будутъ даже издалека привозиться сюда съ полной надеждой на сбытъ ихъ [2]). Но если и теперь пожеланія Тимковскаго не осуществились въ полной мѣрѣ, то что же сказать о первомъ десятилѣтіи въ исторіи университета! Тимковскій не даромъ указылалъ на военные постои—они дѣйствительно были очень тяжелы для обывателей. Профессорскіе дома по закону были освобождены отъ постоевъ; но мѣстныя административныя власти и даже министерство внутреннихъ дѣлъ не хотѣли допустить этой привиллегіи, хотя она была Высочайше пожалована университетамъ. Благорасположенный къ университету харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ въ отвѣтъ на просьбу правленія объ освобожденіи отъ постоевъ домовъ университетскаго лектора Успенскаго и директора и учителей гимназіи (при чемъ просьба эта была мотивирована ссылками на законъ), заявилъ, что онъ не можетъ дать немедленнаго рѣшенія по этому дѣлу и соберетъ предварительно необходимыя справки; въ воронежской же губерніи губернаторъ получилъ разъясненіе отъ министра внутреннихъ дѣлъ, что домъ учителя мѣстной гимназіи, въ которомъ онъ хотѣлъ устроить пансіонъ, не можетъ быть освобожденъ отъ воинскихъ постоевъ. Правленіе однако и тутъ, какъ и во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло шло объ огражденіи правъ и достоинствъ университета, поступило правильно и настойчиво—сдѣлало новое представленіе и разъясненіе по этому вопросу и просило попечителя округа стать на стражѣ университетскихъ интересовъ [3]). И его усилія увѣнчались успѣхомъ: квартирная коммисія, завѣдывавшая въ Харьковѣ воинскими постоями, просила въ 1809 году правленіе университета сообщать ей свѣдѣнія о домахъ, занятыхъ профессорами и учителями (собственныхъ и наемныхъ), дабы по ошибкѣ не

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., январь—апрѣль; засѣданіе 20-го апрѣля.

[2]) Настоящее соч., стр. 124.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., сентябрь — декабрь; засѣданіе 10 декабря.

*

отвести въ нихъ квартиры воинскимъ командамъ и тѣмъ не нарушить Высочайшаго повелѣнія [1]). Для того, чтобы оцѣнить значеніе этой законной побѣды университета, необходимо вспомнить, какимъ тяжелымъ бременемъ для всего населенія г. Харькова являлась тогда постойная повинность [2]).

Такъ поступило правленіе и въ другомъ аналогичномъ случаѣ, когда гражданская палата, по недоразумѣнію (основываясь на законѣ, не относившемся къ данному случаю), отказывала профессорамъ и адъюнктамъ иностраннаго происхожденія въ совершеніи купчихъ на дома [3]). Профессоръ Шадъ купилъ, съ разсрочкою платежа, домъ у надворнаго совѣтника Маркова, но не могъ внести въ срокъ должной суммы въ размѣрѣ 3000 рублей. Явившись вмѣстѣ съ Марковымъ въ засѣданіе правленія, онъ просилъ предоставить въ распоряженіе продавца все его, Шада, жалованье за двѣ трети года, а недостающую до 2000 рублей сумму обязался пополнить изъ собственныхъ рессурсовъ. Марковъ же съ своей стороны изъявилъ желаніе въ такомъ случаѣ отсрочить уплату 1000 р. еще на 1 годъ. Все это было записано въ журналъ правленія [4]).

Дополнительные источники доходовъ играли видную роль въ профессорскомъ бюджетѣ того времени, хотя полученіе ихъ было сопряжено подчасъ съ разными случайностями и не отличалось устойчивостью. Таковы были у большинства профессоровъ приватные уроки и у медиковъ врачебная практика. Мы видѣли, что профессоръ Успенскій давалъ уроки молодымъ людямъ, обращавшимся къ нему съ этою цѣлью. Между прочимъ въ 1811 году онъ занимался съ двумя братьями Натарами, помѣщиками Таврической губ., а они уѣхали изъ Харькова и не заплатили ему годичнаго вознагражденія въ размѣрѣ 300 р.; такъ же они поступили и съ тремя другими своими наставниками магистрами Комлишинскимъ, Борзенковымъ и Любовскимъ, изъ коихъ первые должны были получить съ нихъ по 150 р., а послѣдній 200 р. Эти цифры даютъ намъ понятіе о размѣрахъ тогдашняго вознагражденія за приватныя лекціи, причемъ оказывается (этого нужно было и ожидать), что профессора получали больше, чѣмъ магистры. Успенскій и его товарищи обратились

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1809 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 18-го октября.

[2]) Объ этомъ мы подробно говорили на 79—82 стр. настоящаго труда.

[3]) Ibidem; засѣданіе 24 сентября.

[4]) Ibidem; засѣданіе 8 октября.

съ жалобою на неисправность своихъ учениковъ въ правленіе и сдѣлали при этомъ ссылку на ректора Стойковича, который собственно и договаривался съ ними вмѣсто Натарова. Ректоръ, вполнѣ подтверждая это, заявилъ, что на полученіе этихъ денегъ мало надежды, и рѣшено было по мѣстожительству отвѣтчиковъ направить дѣло въ Симферополь [1]). Вообще говоря, устойчивый гонораръ за медицинскую практику оказался неустойчивымъ для того лица, которое считалось наиболѣе искуснымъ врачемъ въ Харьковѣ и имѣло наиболѣе обширную практику; я имѣю въ виду Пильгера, которому, по Высочайшему повелѣнію, вовсе запрещена была практика до полученія имъ степени доктора медицины. У того же профессора произошло столкновеніе съ помѣщикомъ Ковалевскимъ изъ за гонорара; оно характерно и само по себѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ понятіе о вознагражденіи, которое получали тогдашніе харьковскіе врачи-профессора за свои визиты. Въ 1811 году помѣщикъ дер. Ивановки (харьковскаго уѣзда) коллежскій совѣтникъ Андрей (Ивановичъ) Ковалевскій (замѣтимъ кстати, что это былъ другъ и почитатель Григорія Савича Сковороды) подалъ въ правленіе на профессора ветеринарныхъ наукъ Пильгера жалобу, въ которой писалъ, что профессоръ Пильгеръ въ прошломъ 1809 году условился съ нимъ пріѣзжать къ нему въ деревню 36 разъ въ годъ на его лошадяхъ и въ его экипажѣ для лѣченія его семейства и людей и брать за это 150 р. въ годъ; но явился онъ всего только 5 разъ и получилъ за это 150 р., да на лѣкарства 100 р., да сверхъ уговора 2 лошади стоимостью въ 300 р., пѣнковую оправленную серебромъ трубку, оправленную въ серебро черепаховую табакерку стоимостью въ 100 р.; всего онъ, Ковалевскій, далъ Пильгеру деньгами и вещами на 500 руб. изъ одного своего усердія, думая, что онъ будетъ благодаренъ ему и приложитъ болѣе заботливости о больныхъ. Между тѣмъ Пильгеръ только по усиленной просьбѣ его, Ковалевскаго, пріѣхалъ въ Ивановку шестой разъ и при этомъ не возвратилъ ему временно взятой для поѣздки въ ахтырскій уѣздъ коляски, заявляя, что онъ ее оставилъ у себя за лѣченіе. Ковалевскій просилъ о возвратѣ этой коляски [2]). Правленіе потребовало отъ Пильгера объясненія, и онъ далъ его въ слѣдующихъ рѣзкихъ выраженіяхъ: „во всѣхъ земляхъ, гдѣ существуютъ законы, каждая жалоба, на искѣ основывающаяся, должна быть сопровождаема достаточными доказательствами, а что настоящая просьба ихъ не имѣетъ и утверждается только на неправдѣ, доказывается уже тою грубою ложью, что онъ, Ковалевскій, въ просьбѣ своей

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1813 г., май—августъ, засѣданіе 16 іюня.

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г., январь—апрѣль; засѣданіе 13-го февраля.

означаетъ 1809 годъ, тогда какъ еще осенью 1808 года принялъ онъ своимъ домашнимъ лѣкаремъ доктора Калькау. Основываясь на этихъ доводахъ, онъ, Пильгеръ, отвергаетъ недоказанную просьбу Ковалевскаго въ виду ея противорѣчій и при этомъ проситъ, чтобы истецъ Ковалевскій доказательства свои представилъ въ положенный законный срокъ или бы по справедливости оставилъ свой искъ; если онъ не докажетъ его, то нужно принудить его, какъ и подобаетъ, къ молчанію; если же онъ, Ковалевскій, будетъ продолжать свой искъ, то онъ, Пильгеръ, найдетъ доказательства, чтобы опровергнуть его какъ слѣдуетъ". Правленіе, разсмотрѣвъ этотъ отзывъ, постановило: такъ какъ въ немъ содержатся обидныя и не идущія къ дѣлу выраженія относительно Ковалевскаго, а не дано объясненія по существу иска (т. е. о коляскѣ), чего требуетъ законъ, то возвратить эту бумагу проф. Пильгеру и потребовать отъ него новаго объясненія [1]). Спустя нѣкоторое время, Пильгеръ далъ объясненіе; вотъ его подлинный текстъ: „помянутый Ковалевскій призывалъ его, Пильгера, въ 1808 году 5 разъ въ свою деревню Ивановку для лѣченія больныхъ его людей, а въ началѣ іюня того же года былъ онъ въ той деревнѣ въ послѣдній разъ. Въ августѣ же мѣсяцѣ пріѣзжала въ Харьковъ дочь его, Ковалевскаго, Надежда Андреевна и гальванизировалась у него въ продолженіе цѣлаго мѣсяца для излѣченія своей глухоты. Потомъ въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года Ковалевскій принялъ къ себѣ докторомъ адъюнкта Калькау. Въ награду за свои труды онъ получилъ отъ Ковалевскаго: 1) двѣ лошади, которыя вслѣдствіе неспособности ихъ къ употребленію (по ихъ дикости и худобѣ) послѣ 8 мѣсячнаго содержанія на корму въ конюшнѣ были проданы купцу Тараканову за 180 р.; 2) старую развалившуюся коляску, къ употребленію негодную, которая болѣе 1½ года простояла у него на дворѣ, а такъ какъ наконецъ она совсѣмъ развалилась, то кучеръ его, Пильгера, и продалъ ее одному каретнику за 70 р.; 3) глиняную трубку темноватаго цвѣта съ мѣдною побѣленою окладкою, которую онъ подарилъ Зарудному; 4) бумажную табакерку, которую также подарилъ проф. Шаду; 5) 50 рублей денегъ, изъ коихъ онъ, Пильгеръ, 19 руб. отдалъ за лѣкарства, а 32 р. заплатилъ однажды за почтовыхъ лошадей до Ивановки, а въ другой разъ за наемъ туда же вольнаго извозчика; 6) старую записную книжку. И такъ какъ онъ, Пильгеръ, считаетъ каждый свой визитъ въ Ивановку, гдѣ ему нужно было ночевать и проводить всякій разъ по 2 дня, по 50 руб., то 5 его визитовъ составляютъ 250 р., да за ежедневное гальванизированіе въ продолженіе цѣлаго мѣсяца 100 руб., не

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г.. май—августъ; засѣданіе 30 іюня.

считая другихъ услугъ, оказанныхъ имъ Ковалевскому. Изъ этого можно усмотрѣть, сколь неоснователенъ искъ Ковалевскаго, въ особенности же если принять, что онъ, Пильгеръ, подарилъ ему еще и гальваническую машину, которая стоила 50 р.“ Правленіе постановило: 1) такъ какъ выяснилось, что проф. Пильгеръ занимался запрещенной ему врачебной практикой, то донести объ этомъ, кому слѣдуетъ, и присоединить къ особому дѣлу о лѣченіи Пильгеромъ купца Касьянова; 2) попросить Ковалевскаго представить лично или черезъ повѣреннаго свои замѣчанія и доказательства на объясненіе проф. Пильгера.

Нельзя не сознаться, что проф. Пильгеръ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ не совсѣмъ... корректно. Онъ былъ приглашенъ годовымъ врачемъ къ Ковалевскому, а сдѣлалъ подсчетъ полученнаго гонорара за каждый визитъ. Оцѣнка вещей, полученныхъ имъ отъ Ковалевскаго, оказывается совершенно случайною и произвольною—вѣдь онъ могъ продать ихъ въ качествѣ ненужныхъ ему предметовъ, за безцѣнокъ, на самомъ же дѣлѣ онѣ стоили гораздо дороже. Онъ совсѣмъ не оцѣнилъ предметовъ, подаренныхъ Зарудному и Шаду, между тѣмъ какъ они имѣли нѣкоторую цѣнность. Но и при всѣхъ этихъ условіяхъ онъ все таки получилъ очень приличный гонораръ за свой трудъ: отъ одной помѣщичьей семьи за нѣсколько мѣсяцевъ 250 рублей. Характерно, однако, что эту цифру онъ считаетъ скудной и недостаточной. Если же принять во вниманіе, что у проф. Пильгера была чрезвычайно обширная врачебная практика, при чемъ онъ лѣчилъ одновременно и людей и животныхъ, то мы должны будемъ придти къ убѣжденію, что она ему давала значительные доходы. Это подтверждаетъ и Розальонъ Сошальскій. „Пильгеръ, говоритъ онъ, былъ пріятелемъ моего хозяина и постояннымъ медикомъ въ его домѣ, какъ и у большей части городскихъ жителей, ибо лѣчилъ очень удачно“. Это видно также и изъ многочисленныхъ удостовѣреній и благодарственныхъ писемъ, представленныхъ Пильгеромъ министерству въ доказательство успѣшности его лѣченія (объ этомъ ниже). Нужно думать, что и другіе профессора врачи также имѣли хорошій заработокъ отъ врачебной практики, а таковою занимались Дрейсигъ, считайшійся лучшимъ терапевтомъ, Калькау докторъ медицины, профессоръ ботаники Делявинь, Каменскій (акушеръ), Шумлянскій (хирургъ), Книгинъ. Нѣкоторымъ дополнительнымъ источникомъ обезпеченія профессоровъ являлись также такъ называемыя *визитаціи*, т. е. поѣздки по округу для осмотра подвѣдомственныхъ университету училищъ (а въ непосредственномъ вѣдѣніи университета были всѣ тогдашнія училища). На расходы по этимъ поѣздкамъ полагалась по штату опредѣленная сумма въ размѣрѣ 5000 р. (о нихъ мы будемъ подробно говорить въ слѣдующей послѣдней главѣ.

своей работы). Наконецъ, многіе профессора получали еще значительный гонораръ отъ университета за изданіе своихъ сочиненій, въ особенности учебниковъ и руководствъ. Ниже мы подробно говорили объ этой сторонѣ дѣятельности профессоровъ; теперь же остановимся еще только на издательствѣ Роммеля въ связи съ выходомъ его изъ Харьковскаго университета. Роммель рѣшилъ оставить Россію и вернуться на свою родину—въ Кассель; но въ своемъ прошеніи въ совѣтъ онъ проситъ не полной отставки, а только годичнаго отпуска для поправленія разстроеннаго здоровья и устройства своихъ дѣлъ; ходатайствуя же о выдачѣ денежнаго пособія на эту поѣздку, онъ указываетъ, что составленныя имъ изданія классиковъ дали значительную матеріальную выгоду университету. Вотъ что писалъ онъ совѣту въ мартѣ 1814 года. „Получивъ отъ профессора Шада, бывшаго въ то время секретаремъ совѣта, присланное въ Германію пригласительное письмо, и будучи утвержденъ профессоромъ въ апрѣлѣ 1810 г., я прибылъ въ Харьковъ въ началѣ 1811 года. Съ того времени я здѣсь находился 3 года и 3 мѣсяца и все время употреблялъ на исполненіе своей должности и на изданіе и поясненіе римскихъ классиковъ для пользы учащагося юношества; изданіе ихъ по предписанію его сіятельства г. министра (въ копіи здѣсь приложенному) совѣтъ поручилъ мнѣ; изъ нихъ первыя двѣ книги: избранныя Цицероновы рѣчи (1811 г.) и философскія сочиненія Цицерона о дружбѣ (1813 г.) уже отпечатаны. Съ неменьшею надеждою прибѣгаю нынѣ къ совѣту, представляя съ комментаріями сочиненія труднѣйшаго изъ авторовъ Саллюстія. Къ нимъ на этихъ дняхъ мною будетъ прибавленъ не менѣе важный для поясненія древней исторіи Корнелій Непотъ, съ двумя комментаріями относительно исторіи и латинскаго языка.

Между тѣмъ будучи удрученъ этими, какъ всякому извѣстно, скучными трудами, разстроенъ тѣломъ и духомъ отъ перемѣнъ и жестокости климата, необыкновенной грязи и нездороваго положенія города, я чувствую себя ежедневно слабѣющимъ. Къ этому разслабленію присоединяется также особое уныніе духа, происходящее отъ привязанности къ прежнему отечеству, родителямъ и родственникамъ и стоящее въ связи съ семейными дѣлами, требующими на время моего присутствія. Посему, если я еще долженъ что либо присоединить къ ученію и трудамъ здѣсь начатымъ, то это не иначе можетъ быть, какъ по удовлетвореніи моего желанія: только укрѣпивъ силы тѣла и пріобрѣвъ живость и спокойствіе духа, я буду въ состояніи вмѣстѣ съ вами продолжать свои занятія.

Посему посредствомъ васъ прошу его сіятельство г. министра, чтобы мнѣ по окончаніи экзаменовъ въ іюлѣ мѣсяцѣ позволено было на одинъ годъ отбыть изъ Харькова въ Германію и отечественный городъ

Кассель, и для проѣзда получить паспортъ либо здѣсь, либо въ Петербургѣ, который я имѣю желаніе видѣть по дѣламъ службы. А какъ нашъ Августѣйшій Монархъ неоднократно всемилостивѣйше жаловалъ профессорамъ отправлявшимся въ отпускъ часть жалованья, то представляю совѣту рѣшить, заслуживаю ли я этой милости, особенно когда и въ отсутствіи я могу быть полезенъ университету или исполненіемъ его порученій, или заботою о пользахъ его.

Обязанностью считаю объяснить, что профессору, имѣющему принять должность мою по латинской литературѣ, слѣдуетъ предоставить часть моего жалованья. Къ этому былъ уже предназначенъ профессоръ Шадъ, и я съ полнымъ убѣжденіемъ признаю его способнѣйшимъ и искуснѣйшимъ въ латинскомъ языкѣ. Покорнѣйше прошу настоящее прошеніе вписать въ протоколъ, и съ заключеніемъ совѣта препроводить къ его сіятельству г. министру.

Совѣтъ далъ благопріятный отзывъ и министръ народнаго просвѣщенія вошелъ въ комитетъ министровъ съ ходатайствомъ о выдачѣ Роммелю на путевые расходы половины его жалованья (т. е. тысячи руб.). Вотъ что писалъ гр. А. К. Разумовскій.

Профессоръ Харьковскаго университета, Роммель, приглашенный 3 года тому назадъ изъ чужихъ краевъ въ Харьковъ, нынѣ по причинѣ разстроеннаго въ семъ мѣстѣ отъ дурного климата здоровья и по семейнымъ обстоятельствамъ проситъ уволить его въ Германію и въ отечественный городъ Кассель, срокомъ на одинъ годъ, съ полученіемъ половиннаго жалованья и съ обращеніемъ другой половины этого послѣдняго профессору, который въ отсутствіе его будетъ преподавать его предметъ.

Во уваженіе того, что профессоръ Роммель, какъ университетъ свидѣтельствуетъ, дѣйствительно разстроилъ здоровье и безъ поправленія его не сможетъ продолжать своихъ занятій съ тою дѣятельностью, какую до сихъ поръ проявлялъ, а также принимая во вниманіе его труды по изданію древнихъ классическихъ писателей съ надлежащими поясненіями, каковые и по возвращеніи своемъ изъ заграницы снова продолжать въ состояніи будетъ, и то обстоятельство, что въ самомъ отсутствіи своемъ онъ можетъ быть полезенъ университету исправленіемъ разныхъ порученій въ чужихъ краяхъ, съ своей стороны, будучи согласенъ на удовлетвореніе его просьбы, испрашиваю на это разрѣшенія комитета министровъ.

Представленіе это было уважено комитетомъ министровъ, но оно не удовлетворило Роммеля, какъ это видно изъ вторичнаго прошенія

его, въ которомъ онъ отказывался отъ назначенной ему 1000 рублей и доказывалъ, что по самому скромному расчету онъ долженъ получить 2925 рублей.

Когда совѣтъ для пользы моей просилъ о выдачѣ мнѣ половиннаго жалованья на дорогу (замѣтимъ, что въ другихъ университетахъ давали и болѣе), то, хотя въ представленіи своемъ къ его сіятельству г. министру и упомянулъ о трудахъ моихъ вообще и болѣзни, однако безъ сомнѣнія и не желалъ и не могъ сказать, что этимъ меня можно будетъ вознаградить за всѣ 4 мои изданія, ибо Корнелій Непотъ не былъ еще въ то время оконченъ. Кромѣ того я самъ относительно этого въ прошеніи своемъ почтительно и ясно представлялъ благоразсужденію совѣта. Но я погрѣшилъ бы противъ себя, если бы уже не объяснилъ совѣту, что въ такомъ состояніи дѣлъ я не могу принять тысячи рублей, назначенныхъ мнѣ совѣтомъ для дороги, и желаю, чтобы они были возвращены въ казну. Совѣтъ тѣмъ болѣе, кажется, можетъ согласиться на это, что нѣтъ почти никакой надежды, чтобы его постановленіе было утверждено начальствомъ. Прежде нежели искать справедливости у его сіятельства г. министра, я желаю лучше ходатайствовать объ этомъ передъ самимъ университетомъ, чтобы онъ сдѣлалъ моимъ трудамъ надлежащую оцѣнку и прошу разрѣшенія у почтеннаго ректора и гг. сочленовъ, съ должной почтительностью, дать свои объясненія по этому вопросу.

Римскія изданія въ нашемъ и въ другихъ русскихъ университетахъ рѣдко предпринимались, а въ нашемъ ихъ не было вовсе. Однако предвидѣть можно, что по возрастающему образованію государства ежедневно будетъ увеличиваться и необходимость таковыхъ изданій, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, и безъ того небольшое число филологовъ въ ученомъ мірѣ ежедневно уменьшается.

Таковыя изданія, хотя бы и не были проданы, но дадутъ большую выгоду, тѣмъ болѣе, что безъ всякой перемѣны опять могутъ быть перепечатаны и повторяемы вѣчно, такъ что трудъ автора вознаградится одинъ разъ, а польза университету на будущее время будетъ двойная и тройная.

Долженъ я повторить, что предпринялъ столь трудное дѣло по порученію совѣта и для общей пользы. Ибо извѣстно, что еслибы я напечаталъ эти книги на свой счетъ и быть можетъ продалъ бы нѣсколько изданій четырехъ авторовъ, необходимыхъ въ школахъ, то пріобрѣлъ бы солидную сумму денегъ. Этихъ изданій нельзя сравнивать ни съ хрестоматіями, изданными профессоромъ Де-Баллю, получившимъ однако значительную награду, ни съ нѣмецкою хрестоматіею, изданною мною и проф. Шадомъ. Они требуютъ гораздо большей филологической учености

и кромѣ соблюденія чистаго стиля въ мертвомъ языкѣ особенной и необыкновенной подробности въ изъясненіи словъ, вещей и смысла автора. Однако если мои изданія были бы награждены подобно нѣмецкой хрестоматіи, то я могъ бы получить и просить по счету здѣсь приложенному 2900 рублей.

Хотя это и справедливо, однако, такъ какъ я трудился для чести университета и своей собственной, то прошу совѣтъ, оставивъ всѣ ариѳметическіе счеты, быть увѣреннымъ, что ничего не желалъ я и не желаю кромѣ его одобренія и награды по чести, обѣщанной мнѣ за два года до окончанія второго изданія.

Совѣтъ самъ рѣшитъ, не лучше ли для чести университета и порядка дѣлъ сдѣлать постановленіе по этому дѣлу, предпринятому по его порученію, нежели, оставивъ нерѣшеннымъ, предоставить мнѣ самому искать благоволенія начальства.

Прошу это заявленіе занести въ протоколъ цѣликомъ и если совѣтъ не сдѣлаетъ никакого опредѣленія, препроводить его съ прежними бумагами къ его сіятельству.

Такъ какъ его сіятельство г. министръ народнаго просвѣщенія благоволилъ наградить насъ за нѣмецкую хрестоматію, изданную мною и проф. Шадомъ, гонораромъ въ размѣрѣ стоимости 300 экземпляровъ изданія (не считая 50 экз. натурою и обѣщанія денежнаго подарка), то это назначеніе по всей справедливости можно взять за основаніе оцѣнки изданія римскихъ классиковъ, хотя оно требуетъ болѣе учености и труда. И такъ какъ рѣчи Цицерона продаются по 3 р. 20 к. экземпляръ, его философскія сочиненія по 2 р., творенія Саллюстія по 2 р. 5 к., Корнелія Непота по 1 р. 75 к., то 300 экземпляровъ всѣхъ составитъ сумму въ 2700 рублей.

Присоединивъ же сюда стоимость 25 экземпляровъ, недополученныхъ въ натурѣ, въ размѣрѣ 225 р., получимъ общую сумму—2925 р. [1]).

Мы не знаемъ, каковы были результаты этого новаго ходатайства Роммеля; извѣстно, впрочемъ, что онъ остался вполнѣ доволенъ наградой, полученной отъ министерства народнаго просвѣщенія при отъѣздѣ заграницу.

Важное значеніе въ дѣлѣ матеріальнаго обезпеченія профессорскихъ семействъ имѣли пенсіи. Мы видѣли, что пенсіонный уставъ того времени былъ не менѣе, если даже не болѣе благопріятный, чѣмъ теперешній. Но самъ университетъ былъ очень молодъ и умиравшіе или выходившіе въ отставку въ изучаемое нами десятилѣтіе профессора имѣли не много собственно университетской службы (ибо предшествую-

---

[1]) Архивъ мин. народ. просв. 1814 г. № 6106/160.

щая во вниманіе не принималась). Какъ же поступали въ такихъ случаяхъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ могутъ служить свѣдѣнія о пенсіяхъ семьѣ Рижскаго, Калькау и проф. Тимковскому. Рижскій до назначенія профессоромъ въ Харьковскій университетъ былъ на государственной службѣ въ разныхъ вѣдомствахъ 24 года, но въ университетѣ прослужилъ всего 8 лѣтъ (съ 1803 по 1811 годъ). И вотъ когда онъ умеръ, жена его обратилась съ ходатайствомъ о назначеніи ей пенсіи.

Ваше сіятельство, милостивый государь, графъ Алексѣй Кирилловичъ! писала она. Простите великодушно, ваше сіятельство, несчастную вдову, которая, едва приходя въ чувство, отъ горести, ея поразившей, дерзаетъ *повергнуть себя* и годового сироту своего *къ стопамъ* вашимъ. Университетъ представилъ уже, какъ я слышу, вашему сіятельству о смерти моего покойнаго мужа и о дарованіи мнѣ пропитанія. Сіятельнѣйшій графъ! будьте милосерды! безъ великодушной помощи и покровительства вашего, я должна буду погибнуть. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, имѣю честь именоваться, сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшая слуга Надежда Рижская вдова покойнаго ректора Рижскаго. Апрѣля 15-го дня 1811 года, Харьковъ. Министръ положилъ такую резолюцію: „ожидать представленія отъ университета“. Университетъ не замедлилъ сдѣлать представленіе въ видѣ формуляра [1]) чисто фактическаго содержанія, который мы помѣщаемъ цѣликомъ въ примѣчаніи.

---

[1]) Иванъ Степановъ сынъ Рижскій коллежскій совѣтникъ 48 лѣтъ. Изъ духовнаго званія. Имѣетъ одного двороваго человѣка. Съ 1779-го по октябрь мѣсяцъ 1786 года, былъ учителемъ въ Троицкой семинаріи и обучалъ риторикѣ, поэзіи, исторіи, римскимъ древностямъ и философіи, между тѣмъ издалъ двѣ книги своего сочиненія: первую о богослуженіи, вторую о гражданскихъ постановленіяхъ древнихъ римлянъ. Произведенъ губернскимъ секретаремъ 1785 г. Апрѣля 11. Съ 1-го октября 1786 по 27 сентября 1799 года состоялъ учителемъ въ Императорскомъ горномъ кадетскомъ корпусѣ, и обучалъ латинскому языку, въ верхнемъ классѣ исторіи, географіи, риторикѣ, логикѣ и переводамъ съ французскаго языка горныхъ книгъ,—между тѣмъ издалъ на россійскомъ языкѣ своего сочиненія 1-е—логику, 2-е—риторику, по которой нынѣ въ нѣкоторыхъ общественныхъ училищахъ преподается наука краснорѣчія, и по ордеру начальства занимался исправленіемъ переводовъ Кронштедтовой рудословной системы, которая тогда была классическою въ горномъ корпусѣ книгою, и каталога минералловъ, находящихся въ эрмитажѣ Его Императорскаго Величества; перевелъ съ французскаго языка физическое и топографическое описаніе Тавриды г. Палласа. Съ 1797 былъ помощникомъ инспектора корпуса, а съ февраля по іюнь мѣсяцъ того же года по особенному ордеру начальства, исправлялъ должность инспектора корпуса. Произведенъ маркшейдеромъ 9-го класса 790, ноября 1, произведенъ обергиттенфервальтеромъ 8-го класса 798, ноября 16-го. Съ 27 сентября 799-го по 4-е іюля 1801 года былъ штатнымъ секретаремъ Святѣйшаго синода, коимъ при опредѣленіи переименованъ въ коллежскіе ассесоры. Признанъ членомъ Императорской Россійской академіи 802, мая 3-го. Съ 4 іюня 1801 по

Основываясь на этомъ формулярѣ, министръ народнаго просвѣщеіня сдѣлалъ слѣдующій докладъ на Высочайшее имя.

„Совѣтъ Харьковскаго университета представилъ мнѣ объ исходатайствованіи оставшейся послѣ умершаго ректора сего университета ординарнаго профессора россійскаго краснорѣчія и словесности коллежскаго совѣтника Рижскаго вдовѣ и малолѣтнему сыну единовременной выдачи годоваго жалованья умершаго и сверхъ того объ опредѣленіи пенсіона.

Рижскій поступилъ въ университетъ въ званіи профессора въ 1803 году февраля 7 дня.

1-е апрѣля 1803 года былъ членомъ государственной бергъ-коллегіи, и обучалъ между тѣмъ въ помянутомъ корпусѣ россійской словесности и логикѣ. Изъ учившихся у него нѣкоторые нынѣ въ духовномъ званіи преосвященными архіереями и членами святѣйшаго синода, многіе же въ воинской, гражданской и горной службахъ чиновниками 4, 5, 6 и прочихъ классовъ. Профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета россійкой словесности и краснорѣчія 803, февр. 7-го въ учрежденномъ для приготовленія университета къ открытію комитетѣ правленію, по дѣламъ университета находился предсѣдательствующимъ 1804. Избранъ по большинству голосовъ и утвержденъ ректоромъ на 1805 годъ. 1805, февраля 25. Того-же 1805 года упомянутую своего сочиненія риторику, признанную Харьковскимъ университетомъ лучшею на россійскомъ языкѣ, со многими исправленіями и дополненіями принесъ въ даръ сему университету, который въ пользу училищъ своего округа издалъ ее вторымъ тисненіемъ. Изъ трехъ профессоровъ при выборѣ на 1806 годъ ректора, получившихъ равное число избирательныхъ шаровъ утвержденъ ректоромъ декабря 16, въ томъ же 1806 году издалъ книгу подъ названіемъ: „Введеніе въ курсъ словесности". Деканомъ отдѣленія словесныхъ наукъ и секретаремъ совѣта былъ въ 1807 г., визитаторомъ отправлялся въ Полтавскую, Екатеринославскую и Херсонскую губерніи въ томъ же году. По Высочайшему рескрипту пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 2-го класса сент. 7, въ отдѣленіи нравственныхъ и политическихъ наукъ сего университета получилъ званіе доктора философіи декабря 18. Когда при избраніи въ ректоры профессоръ, получившій большее число шаровъ отъ сего уволенъ по прошенію его, то изъ двухъ имѣвшихъ затѣмъ равное число шаровъ, утвержденъ ректоромъ на 1808 годъ, 808, марта 28. Имяннымъ Высочайшимъ указомъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники декабря 31. Избранъ по большинству голосовъ и утвержденъ ректоромъ на 1809 г. декабря 5. Послѣ четырехъ профессоровъ при избраніи въ ректоры на 1810 годъ, имѣвшихъ большинство шаровъ, утвержденъ на новый годъ ректоромъ 1810 января 8. Избранъ по большинству голосовъ и увержденъ ректоромъ на 1811 годъ декабря 31. Дипломы его 1) на достоинство члена императорской россійской академіи 1802 года мая 3 дня, 2) на наименованіе членомъ вольнаго общества любителей наукъ словесности и художествъ, 3) на достоинство доктора философіи 1807, декабря 18 дня, 4) цертификатъ за подписаніемъ его сіятельства г. попечителя, что онъ, Рижскій, по Высочайшему Государя Императора соизволенію опредѣленъ въ Харьковскій университетъ публичнымъ ординарнымъ профессоромъ россійской словесности и краснорѣчія апрѣля 4 дня. 1803 года. Женатъ, имѣетъ сына Александра одного года. Проректоръ А. Стойковичъ. Иванъ Шадъ.

Въ 19-й ст. данной Харьковскому университету утвердительной грамоты изображено: „если профессоръ или адъюнктъ или учитель „усердно прослужитъ при университетѣ въ своемъ званіи отъ пяти до „пятнадцати лѣтъ, оставя по себѣ жену или дѣтей малолѣтнихъ, то „сверхъ единовременной выдачи годоваго жалованья, назначается вдовѣ „съ дѣтьми пятая онаго доля". Высочайшимъ же указомъ, въ 31 день марта сего года состоявшимся, повелѣно единовременныя выдачи годоваго жалованья и пенсіи, получать какъ вдовѣ, такъ и дѣтямъ особо.

На основаніи сихъ постановленій испрашиваю Высочайшаго Вашего Императорскаго Величества повелѣнія о выдачѣ вдовѣ Рижскаго и малолѣтнему сыну особо единовременно годоваго жалованья умершаго по двѣ тысячи, всего четырехъ тысячъ рублей, равно объ опредѣленіи въ пенсіонъ вдовѣ и сыну пятой части сего жалованья, то есть, вдовѣ по четыреста рублей въ годъ и сыну по стольку же, назначивъ всѣ сіи деньги въ выдачу изъ пенсіонной суммы, въ университетъ отпускаемой. Подлинный подписалъ: г. Алексѣй Разумовскій. На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано такъ: „быть по сему, Александръ. С.-Петербургъ, мая 12 дня 1811 года". Однако вдова покойнаго Рижскаго не удовлетворилась такой пенсіей, тѣмъ болѣе, что въ это время умеръ ея сынъ и вслѣдствіе этого она должна была получать не 800 руб., а только 400 р. и обратилась къ гр. А. К. Разумовскому съ новымъ ходатайствомъ, гдѣ писала: „Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Чувство великой моей потери не давало до сихъ поръ мѣста никакому другому въ моей душѣ. По сей причинѣ простите меня, сіятельнѣйшій графъ, въ томъ, что я умедлила принесеніемъ вамъ глубочайшей благодарности за милость, каковую вы мнѣ оказать изволили, испросивъ пенсіонъ мнѣ и покойному моему сыну Александру Рижскому, который къ усугубленію моей горести послѣдовалъ за отцомъ своимъ въ то самое время, когда я получила сіе извѣстіе.

Я лишаюсь всего, что было для меня дорого, кромѣ имени моего мужа. Сіе имя осталось въ публикѣ; и я обязана сохранять послѣднюю мою драгоцѣнность, которая одна можетъ къ жизни меня привязывать. Не почтите же, милостивый государь, дерзновеніемъ или внушеніемъ одной личной выгоды нынѣшнее же покорнѣйшее прошеніе, сопровождающее должную вашему сіятельству благодарность.

Услуги мужа моего отечеству были довольно значительны для мѣста, которое онъ занималъ, но награда по смерти равняетъ его съ самымъ обыкновеннымъ чиновникомъ профессорскаго званія. Неизвѣстно мнѣ, какое представленіе сдѣлалъ о немъ университетъ; почему я беру смѣлость приложить у сего записку на подлинныхъ бумагахъ основан-

ную. Ваше сіятельство изволите увидѣть, что онъ пять разъ былъ Высочайше утвержденъ въ качествѣ ректора, и занималъ сіе мѣсто (за исключеніемъ только одного года) непрерывно отъ основанія университета— по смерть свою. Слѣдовательно, жалованье, при которомъ онъ и скончался, составляло не 2000, но 2600 рублей, также, что онъ съ 1779 г. по 1811-й, слѣдовательно тридцать два года непрерывно же несъ учительскія должности, а по благотворительному докладу вашего сіятельства, Высочайше утвержденному въ 15-й день апрѣля, время доставляющее пенсіи должно считать неиначе, какъ съ званія учительскаго. Мужъ мой, сверхъ сей обыкновенной службы, которую онъ съ отличною ревностью всегда исправлялъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать тѣ начальники его, кои нынѣ находятся въ живыхъ (какъ то нѣкоторые члены святѣйшаго синода, Василій Степановичъ Поповъ и графъ Потоцкій) былъ писателемъ полезнымъ для своего отечества, писателемъ классическимъ. Руководства его для разныхъ частей словесности изданныя отчасти приняты повсемѣстно въ гражданскихъ и духовныхъ училищахъ, отчасти же удостоены быть напечатаны на иждивеніи россійской академіи. Одобреніе самое рѣшительное, какое только можно получить. Онъ былъ и первымъ образователемъ Харьковскаго университета, до открытія его, занимая мѣсто предсѣдателя въ комитетѣ, который тогда изъ немногихъ еще членовъ университета состоялъ и который трудился въ теченіи цѣлаго года. Извѣстно вашему сіятельству, съ какими затрудненіями бываетъ сопряжено водвореніе въ провинціи важнаго заведенія сего рода! Крайнимъ только благоразуміемъ, дѣятельностію и осторожностью возможно согласить волю правительства, недостатокъ средствъ, и духъ публики, чуждающійся новостей, ему неизвѣстныхъ или даже въ превратномъ видѣ представляющихся. Крайнимъ только и безкорыстнѣйшимъ вниманіемъ можно сберечь издержки казны въ такомъ случаѣ. Цѣлый университетъ и весь городъ Харьковъ, провожавшій мужа моего до его могилы, засвидѣтельствуютъ, въ какой степени онъ удовлетворилъ всѣмъ симъ обстоятельствамъ, въ какой степени онъ пріобрѣлъ общее уваженіе. Они же засвидѣтельствуютъ и о почтенномъ безкорыстіи его. Сіятельнѣйшій графъ! не по однимъ чувствамъ признательности совѣтъ университета опредѣлилъ сумму на его погребеніе!..

Простите несчастную вдову, дочь именитаго здѣсь дворянина, которая смѣетъ сказать министру, что пенсія 400 рублей, ей назначенная не удовлетворитъ ни нуждѣ ея, буде она еще жить на свѣтѣ осуждена, ни честолюбію, буде должна она умереть. Не имѣя силъ продолжать сіе омытое слезами письмо, я предоставляю все прочее собственному вашему великодушію. Не вамъ ли ввѣрено ходатайство за тѣхъ, которые заслу-

живаютъ, чтобы для нихъ сдѣлано было свыше предписаннаго общими правилами. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ, милостивый государь, вашего сіятельства всепокорнѣйшая къ услугамъ вдова Надежда Андреевна дочь Рижская, сентября 28 дня 1811 г. Харьковъ.

Графъ А. К. Разумовскій далъ такой отвѣтъ на это письмо.

Милостивая государыня моя, Надежда Андреевна! Крайне сожалѣю, что не могу въ пользу вашу ничего болѣе сдѣлать, какъ то, что уже сдѣлано и что предписано уставомъ университета. Министерство народнаго просвѣщенія наградило васъ пенсіономъ, сообразнымъ лѣтамъ службы покойнаго мужа вашего при университетѣ. Докладъ 15 апрѣля сего года, на который изволите ссылаться, повелѣваетъ считать число лѣтъ службы чиновникамъ къ пенсіону—имъ и вдовамъ ихъ—съ учительскаго званія ихъ при университетѣ токмо, а время, проведенное ими въ должности при всякомъ другомъ мѣстѣ, а тѣмъ болѣе при заведеніяхъ, неподвѣдомыхъ министерству просвѣщенія, въ счетъ не принимается. Что же касается до количества жалованья, изъ котораго пенсіонъ назначается, я долженъ изъяснить, что въ семъ случаѣ берется за основаніе постоянное жалованье, не включая въ то число временнаго прибавочнаго жалованья за разныя по университету должности. На сихъ началахъ составленъ и поднесенъ отъ меня Государю Императору докладъ, опредѣляющій вамъ пенсіонъ. Не зависитъ отъ меня отступить отъ правилъ, единожды навсегда установленныхъ. Возвращая бумаги, отъ васъ доставленныя, раздѣляя съ вами горесть, васъ постигшую, прошу вѣрить чувствованіямъ истиннаго почтенія, съ коими пребываю вамъ, милостивая государыня покорнымъ слугою“ [1]).

Нельзя не сознаться, что вдова Рижскаго очутилась дѣйствительно въ тяжеломъ положеніи и могла расчитывать хотя-бы и не въ примѣръ прочимъ на большее матеріальное обезпеченіе въ виду особенныхъ заслугъ ея мужа, оказанныхъ Харьковскому университету. Затѣмъ должна была быть принята во вниманіе отчасти и его предшествующая многолѣтняя служба, ибо безъ этого дѣйствительно старый заслуженный профессоръ и ректоръ университета, Рижскій, служившій 32 года дѣлу просвѣщенія, былъ приравненъ по правамъ на пенсію къ молодымъ профессорамъ, прослужившимъ всего на всего 5 лѣтъ. Конечно, министръ народнаго просвѣщенія дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ совершенно законно, ни на іоту не отступая отъ буквы устава; но, быть можетъ, несовсѣмъ была неправа и вдова Рижская, когда писала, что министру „ввѣрено ходатайство за тѣхъ, которые заслуживаютъ, чтобы для нихъ

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. 1811 г. № $^{5762}/_{156}$.

сдѣлано было свыше предписаннаго общими правилами". Нужно, впрочемъ, предполагать, что и графъ А. К. Разумовскій, высоко цѣнившій заслуги покойнаго Рижскаго, больше бы сдѣлалъ для его вдовы, если бы уже не былъ связанъ своимъ собственнымъ докладомъ Государю и Высочайшимъ его одобреніемъ. Къ сожалѣнію, совѣтъ университета не пришелъ въ этомъ дѣлѣ на помощь министру—не сдѣлалъ представленія объ экстраординарной пенсіи или пособіи семьѣ Рижскаго, что, кажется, онъ долженъ былъ бы сдѣлать въ виду той выдающейся роли, какую игралъ Рижскій въ Харьковскомъ университетѣ, какъ профессоръ,—преподаватель и ученый—искусный администраторъ и честнѣйшій, безкорыстнѣйшій человѣкъ, внезапно умершій и не могшій при жизни собрать средствъ для обезпеченія своей осиротѣлой семьи. Кому же, какъ не совѣту, было поднять этотъ вопросъ передъ министромъ? Къ несчастію преемникомъ Рижскаго былъ его постоянный конкуррентъ проф. Стойковичъ, который заботился только о собственномъ обогащеніи, не брезгая для этого никакими средствами, но у котораго не было развито чувство общественнаго долга и справедливости; привыкнувъ руководствоваться въ своей собственной дѣятельности исключительно корыстными побужденіями, онъ, естественно, не могъ оцѣнить должнымъ образомъ заслугъ такого человѣка, какъ Рижскій, да и не въ его интересахъ была ихъ справедливая оцѣнка.

Нѣсколько грустное впечатлѣніе производитъ также и дѣло о назначеніи пенсіи вдовѣ безвременно скончавшагося талантливаго адъюнкта Калькау. Въ силу неизвѣстныхъ намъ обстоятельствъ онъ въ послѣдніе годы не жилъ совмѣстно со своей женой, не внесъ ее по какой-то случайности въ свой послужной списокъ—и потому нѣкоторые профессора (Шумлянскій и Каменскій) въ совѣтѣ высказывались за то, чтобы вовсе не назначать ей пенсіи, такъ какъ она была въ негласномъ разводѣ съ мужемъ. Однако въ защиту правъ вдовы выступилъ другъ почившаго профессоръ Гизе, указавшій на предсмертную волю покойнаго [1]), а она

[1]) Вотъ его заявленіе по этому вопросу. Читаны мнѣнія, поданныя отъ гг. профессоровъ Каменскаго и Шумлянскаго въ собраніи совѣта 3-го мая сего 1812 года касательно жены умершаго экстраорд. проф. Калькау; и какъ сіи мнѣнія не основаны на справедливомъ сужденіи о дѣлѣ, то я долгомъ почитаю отнестись о томъ въ совѣтъ университета.

Если проф. Калькау въ послужномъ спискѣ своемъ поданномъ въ университетъ 1808 года, не показалъ, что онъ женатъ, то сего не можно причесть въ вину оставленной имъ вдовѣ, которая таковою утверждена неоспоримыми и ненарушимыми свидѣтельствами. Г. проф. Каменскій того мнѣнія, что жена, столько лѣтъ находившаяся въ скрытномъ разводѣ и объявленная женою только умирающимъ уже мужемъ, законною признана быть не можетъ. Поелику таковой скрытный разводъ не существовалъ, какъ до-

представила документы, удостовѣряющіе ея законный бракъ и отсутствіе развода [1]), и нужно думать, что пенсія ей была назначена.

Но одновременно съ этими двумя печальными эпизодами мы должны отмѣтить и третій отрадный фактъ—это именно просьбу совѣта о выдачѣ полной пенсіи проф. Тимковскому за его усердную и ревностную службу, во время которой онъ потерялъ здоровье и просился теперь въ отставку. Вотъ подлинный текстъ его прошенія.

„Состоящій въ семъ университетѣ профессоромъ публичнымъ ординарнымъ правъ гражданскаго и уголовнаго въ россійской имперіи Илья

казано мною въ донесеніи правленію университета, то симъ самымъ мнѣніе г. профес. Каменскаго и опровергается.

Весьма недоброжелательно мнѣніе г. проф. Шумлянскаго, предложенное въ совѣтѣ и съ горестію мною читанное, мнѣніе, что противъ собственнаго показанія въ послужномъ спискѣ умершаго ничего предпринимать не можно и ниже клятва проф. Гизе во свидѣтельство не нужна, ибо оною подтвердится только, что проф. Калькау былъ лжепоказатель. Сей добрѣйшій и почтеннѣйшій мужъ въ послужномъ спискѣ своемъ ничего о бракѣ своемъ не упомянулъ, и какъ таковое объявленіе никогда отъ него не было сдѣлано, то было бы несправедливо приписывать ему имя лжепоказателя, тогда какъ я готовъ клятвою подтвердить его признаніе, объявленное мнѣ отъ него при послѣдней минутѣ его жизни. Но и клятва не нужна, ибо свидѣтельства и многія письма мною въ правленіе поданныя и имъ принятыя, дѣлаютъ сію клятву излишнею. Харьковъ, мая 10-го дня 1812.

[1]) А вотъ текстъ прошенія, представленнаго г-жею Калькау въ Ревельскій магистратъ.

Высокородные и высокоблагородные, высокопочтенные, высокоученые и высокомудрые господа бургомистры, гг. синдикъ и гг. члены магистрата и всегда высокоуважаемые господа! Съ приложеніемъ засвидѣтельствованной въ семъ высокомъ магистратѣ копіи съ экстракта изъ метрической книги въ Виттенбергѣ, изъ коей явствуетъ замужество мое съ любезнымъ моимъ покойнымъ мужемъ Императорскаго Харьковскаго университета экстраорд. профессоромъ *Абрагамомъ Калькау*, просила я правленіе Харьковскаго университета объ оставшемся послѣ него имуществѣ и доставленіи мнѣ слѣдуемой пенсіи какъ его вдовѣ, которая пенсія таковымъ какъ я вдовамъ предоставлена отъ Его Императорскаго Величества. Почему согласно съ оною просьбою моею императорскій Харьковскій университетъ представлялъ о томъ г. министру и отъ него получилъ предписаніе вытребовать отъ меня консисторское свидѣтельство о томъ, что я съ мужемъ моимъ не состояла въ разводѣ, 2) копію, засвидѣтельствованную гдѣ слѣдуетъ, съ моего паспорта и 3) извѣщеніе, гдѣ и сколь долгое время не жила я съ мужемъ моимъ со времени моего съ нимъ вѣнчанія въ супружество. Вслѣдствіе чего имѣю долгъ представить: 1) приложенные у сего подъ литерами А и Б аттестаты отъ консисторіи и сіе какъ отъ здѣшней земской, такъ и императорской эстляндской провинціальной консисторіи о томъ, что я не состояла съ мужемъ моимъ въ разводѣ; 2) при литерѣ С. прилагаю засвидѣтельствованную законнымъ образомъ копію съ моего паспорта и 3) въ разсужденіи требуемаго свѣдѣнія, гдѣ и сколь долгое время не жила я съ мужемъ моимъ, имѣю долгъ донести сходственно съ правдою слѣдующее.

Я вѣнчалась съ покойнымъ моимъ мужемъ въ Виттенбергѣ, августа 19 дня 1801 года, который тогда состоялъ въ трудной должности корректора въ одной изъ лучшихъ

Тимковскій, въ засѣданіи совѣта іюля 10 дня подалъ въ оный на россійскомъ и латинскомъ языкѣ прошенія, въ коихъ изъяснялъ, что онъ по причинѣ продолжающейся нѣсколько лѣтъ великой слабости въ здоровьѣ, чувствуетъ себя неспособнымъ къ отправленію долѣе профессорской должности; но что по неимѣнію собственно ему принадлежащаго имѣнія, съ помощію котораго могъ бы онъ дать содержаніе своему семейству, пріемлетъ прибѣжище къ монаршему милосердію, на основаніи изъясненныхъ въ утвердительной грамотѣ университета для подобныхъ случаевъ положеній. Совѣтъ по прочтеніи 18-го § оной грамоты поручилъ профессору сего-жъ университета Дрейсигу, который пользовалъ

тамошнихъ типографій до тѣхъ поръ, какъ спустя почти два мѣсяца послѣ нашего супружества, получилъ повелѣніе возвратиться въ Россію. Мой покойный мужъ послѣдовалъ сему зову, а я по случаю болѣзни моей осталась въ Виттенбергѣ, доколѣ мужъ мой пріѣдетъ или пришлетъ за мною. Но это продлилось до осени 1802 г., когда я съ дѣвицею Фойгтъ, братъ которой состоялъ въ службѣ россійской въ С.-Петербургѣ при юстицъ-коллегіи, отправилась чрезъ Любекъ и Кронштадтъ въ Петербургъ. Отсюда хотѣла я ѣхать въ Москву, гдѣ тогда находился мужъ мой; но мой тесть, нынѣ умершій, г. ст. сов. Баузе прислалъ ко мнѣ письмо отъ моего мужа, изъ коего видно было, что онъ намѣренъ отправиться въ Геттингенъ для усовершенствованія своего въ медицинѣ и что относительно меня принялъ онъ уже свои мѣры. Вскорѣ потомъ мужъ мой самъ пріѣхалъ въ С.-Петербургъ, гдѣ мы до ноября мѣсяца 1802 года находилися постоянно вмѣстѣ, и вмѣстѣ предпріяли путь до Ревеля въ томъ же ноябрѣ мѣсяцѣ 1802 года. Тутъ оставилъ меня мужъ мой у моей тетки покойной штаба-лекарши *Юлiусы* урожденной *Шмидтъ*, самъ же онъ продолжалъ свой путь въ Геттингенъ для усовершенствованія своего въ медицинѣ. Но жестокая судьба хотѣла, чтобы по отъѣздѣ его изъ Ревеля мы болѣе уже не видались. Окончивъ свое ученіе онъ возвратился въ свое отечество и былъ публичнымъ наставникомъ въ Харьковскомъ университетѣ и для скорби всѣхъ, хорошо его знавшихъ и уважавшихъ и для скорби особенно меня бѣдной оставленной вдовы переселился въ вѣчность, куда послѣдуютъ за нимъ мои слезы, доколѣ я сама туда-жъ преселюся. Пребываніе же мое съ ноября мѣсяца 1802 года всегда находилось въ Ревелѣ, гдѣ и нынѣ нахожуся въ бѣднѣйшемъ и жалостнѣйшемъ состояніи, въ какомъ человѣкъ находиться только можетъ, содержу себя единственно тѣмъ, что доставляемо мнѣ было отъ времени до времени отъ моего покойнаго мужа чрезъ г-на стат. сов. Рихтера изъ Москвы и г. Павла Штоккельберга изъ Ревеля, какъ то видѣть можно изъ присланнаго здѣсь засвидѣтельствованнаго счета подъ лит. Д.

Нашъ человѣколюбивый монархъ, отецъ вдовъ и сиротъ, по монаршей своей милости имѣетъ попеченіе свое о вдовахъ публичныхъ наставниковъ. Единственная моя надежда, единственное мое утѣшеніе въ томъ состоитъ, что и я подъ благодѣтельнымъ покровительствомъ законовъ имѣю основательную надежду получить таковое великое для меня благодѣяніе. Почему всепокорнѣйше прошу, чтобы высокій магистратъ благоволилъ сіе мое показаніе вмѣстѣ съ приложеніями препроводить въ здѣшнее императорское Естляндское губернское правленіе для дальнѣйшаго доставленія въ Императорскій Харьковскій университетъ. Съ моимъ высокопочитаніемъ пребываю высокороднаго и высокомудраго магистрата покорнѣйшею слугою. Подлинное подписала: Фридерика Калькау, урожденная Прессе (Арх. мин. народн. просв. Дѣло 1812 г. № 5459/152).

*

его, проф. Тимковскаго, въ болѣзняхъ, чтобы онъ подалъ отъ себя донесеніе о состояніи болѣзни вышеупомянутаго профессора Тимковскаго. Вслѣдствіе сего препорученія онъ, П. Дрейсигъ, въ засѣданіи совѣта, бывшемъ іюля 15 дня, и подалъ требуемое отъ него донесеніе, (съ котораго приложена у сего копія), въ коемъ по подробномъ изложеніи свойства болѣзни профессора Тимковскаго предъявляетъ, что профессоръ сей въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ выдержалъ трудныя болѣзни, но что въ настоящемъ году здоровье его столь сильно поколебалось, что ему никоимъ образомъ не можно было, по употребленіи всѣхъ приличныхъ лѣкарствъ, преодолѣть его болѣзнь, и что по сей самой причинѣ онъ, Тимковскій, по меньшей мѣрѣ на время не способенъ къ отправленію профессорской должности. Сіе донесеніе профессора Дрейссига подтверждено было и засвидѣтельствованіемъ прочихъ членовъ медицинскаго отдѣленія, именно же профессоромъ Шумлянскимъ и экстраординарными профессорами Ваннотіемъ и Калькау, которые и подписали его какъ медики, коимъ болѣзненное состояніе профессора Тимковскаго довольно извѣстно. Совѣтъ же университета, бывъ удостовѣренъ, что профессоръ Тимковскій въ теченіи двухъ лѣтъ по причинѣ болѣзней, коими онъ былъ отягченъ и кои всегда долгое время продолжались, весьма часто не могъ присутствовать какъ на лекціяхъ, кои онъ преподавать былъ долженъ, такъ и въ засѣданіяхъ совѣта, университетскаго правленія и училищнаго комитета, и что въ особенности *въ теченіи послѣдняго года ввергнутъ онъ былъ въ печальнѣйшее положеніе*, такъ что по нѣкоторомъ облегченіи опять впадалъ въ прежнее болѣзненное состояніе, *положилъ*: 1) уволить профессора Тимковскаго на цѣлый годъ отъ всѣхъ его должностей, дабы онъ, бывъ отъ оныхъ свободенъ, изыскивалъ между тѣмъ по возможности способы возстановить свое здоровье, 2) опредѣлить ему въ отпускъ по причинѣ недостаточнаго его состоянія годовое его жалованье, а посему войти съ представленіемъ, дабы ваше сіятельство благоволили исходатайствовать у монаршаго престола ему, Тимковскому, сію милость, коея совѣтъ почитаетъ его весьма достойнымъ, ибо съ самаго открытія сего университета, всегда исправлялъ онъ, изъемля только весьма малое время, дожность визитатора, и сіе съ толикимъ благоразуміемъ и усердіемъ, что университетъ обязанъ ему устроеніемъ многихъ училищъ въ его учебномъ округѣ. Должность же сія, въ особенности въ первые годы, когда слѣдовало еще учреждать гимназіи и училища, была весьма трудною; поелику, нерѣдко должно было предпринимать такія путешествія, которыя продолжались нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и притомъ въ самое неудобное къ тому годовое время. И какъ весьма правдоподобно, что профессоръ Тимковскій лишился своего здоровья отъ

многотрудныхъ таковыхъ путешествій, то совѣтъ полагаетъ, что онъ тѣмъ болѣе заслуживаетъ по сему Монаршую къ себѣ милость. Утверждаясь на сихъ причинахъ и на благорасположеніи вашего сіятельства, побудившемъ ваше сіятельство удостоить университетъ увѣреніемъ, что ваше сіятельство считаете долгомъ пещись о благосостояніи людей, оказавшихъ отечеству и наукамъ заслуги, совѣтъ удостовѣренъ, что ваше сіятельство не откажете подкрѣпить ходатайствомъ вашимъ просьбы профессора Тимковскаго, а вмѣстѣ съ нею и представленія сего совѣта. Ректоръ А. Стойковичъ, секретать совѣта профессоръ Иванъ Шадъ. Августа 5 дня 1811 года" [1]).

Таково было матеріальное положеніе профессоровъ въ первые годы существованія университета.

Но въ связи съ возраставшими все болѣе и болѣе политическими затрудненіями, и въ особенности въ ближайшей зависимости отъ континентальной системы въ Россіи возникъ финансовый кризисъ и ассигнаціи страшно упали въ цѣнѣ. Конечно, это паденіе курса, затронувшее всѣхъ, не могло не отразиться и на профессорахъ, получавшихъ жалованье въ прежнихъ размѣрахъ, но уже обезцѣненными ассигнаціями. При столь тяжелыхъ обстоятельствахъ возникла мысль просить правительство о прибавкѣ жалованья. Харьковскіе профессора подали на имя Государя въ 1810 г. всеподданнѣйшее прошеніе слѣдующаго содержанія.

Sire. Lorsque Votre Majesté Imperiale résolut il y a sept ans, de fonder des universités et d'y appeler des professeurs tant étrangers que nationaux, Sa générosité et sa justice assurèrent à tous ceux, qui y seraient admis un traitement et des avantages qui leur permettaient de s' abandonner entierement aux lettres et d'envisager l'avenir sans inquiétude par rapport à leur familles. Nous osons aujourd'hui représenter à Votre Majesté Impériale, que par l'effet des circonstances notre sort a cessé d'être ce qu'elle voulait qu'il fut. Les articles indigênes de consommation ont, en général, triplé de valeur. Parmi les marchandises étrangères, celles qui sont de première nécessité ont éprouvé une hausse encore supérieure au cours du change et se vendent en assignations quatre à cinq fois plus qu'elles ne valaient il y a quatre ans. Outre cette augmentation dans le prix nominal et le prix réel de tous les objets nécessaires à la vie nous sommes encore forcés de faire le sacrifice d'environ de 20% pour nous procurer la monaie de cuivre qui est un besoin de tous les jours et de tous les momens. Les professeurs et adjoints de Votre Université de Karkof ne reçoivent donc plus dans la réalité que le quart du traitement, qu'il a plus

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. 1811 г. № 5806/156, присоединенный къ № 5430/152.

à Votre Majesté de leur assigner. Dans cet état de choses leur existence actuelle et celle des adjoints particulièrement est devenus très difficile, et le sort de leur familles après eux très précaire. Cette situation, Sire, nous affecte d'autant plus, que la ville de Karkof n'offre absolument aucune ressource pour tirer partie de nos travaux littéraires de quelque genre qu'ils soient. Et en outre des gens de lettres qui pour la plupart ignorent la langue du pays et sont étrangers aux moeurs et aux usages et qui tous non moins par gout que par devoir vivent eloignés des affaires, ne sauraient profiter des moyens, qui dans une autre carriére leur allégeraient le fardeau du tems present. Les appointemens que Votre Majesté a bien voulu nous accorder son toute notre fortune. Nous osons donc suplier Votre Majesté de prendre à ce sujet les mesures, que la sagesse Lui dictera, en considerant les pertes, que nous avons déja éprouvées, la situation pénible à la quelle nous sommes maintenant réduits et enfin l'incertitude de notre sort avenir. Nous sommes avec le plus profond respect, Sire, de Votre Majesté Imperiale les très humbles et très fidèles sujets (подписались Рижскій, Осиповскій, Делявинь, Тимковскій, Дюгуръ, де-Баллю, Шадъ, Пильгеръ, Шнаубертъ, Дрейсигъ, Гутъ, Гизе, Лангъ, Калькау, Васильевъ, Шмерфельдъ, Паки-де-Совиньи, Ванотти, Рейнишъ, Успенскій, Рейтъ). Karkof 9 juillet 1810 г. [1]). Прошеніе было представлено министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому попечителемъ округа гр. С. О. Потоцкимъ, который также присоединился къ этому ходатайству. Милостивый государь, графъ Алексѣй Кириловичъ! писалъ онъ министру, члены совѣта Харьковскаго университета, препровождая при особомъ письмѣ къ вашему сіятельству прошеніе на Высочайшее имя въ разсужденіи чрезвычайнаго упадка курса на ассигнаціи и претерпѣваемаго ими отъ того недостатка въ содержаніи, просятъ о милостивомъ за нихъ въ семъ случаѣ представительствѣ у Государя Императора. Хотя я чувствую въ полной мѣрѣ, сколь затруднительно, при настоящихъ обстоятельствахъ, доставить имъ желаемое пособіе, но съ другой стороны убѣждаясь справедливостью изъясненныхъ ими причинъ, я не могу оставить безъ должнаго вниманія просительный отзывъ сего ученаго сословія. Посему и почитаю обязанностію покорнѣйше просить ваше сіятельство, не отказать оному, если возможно, въ просимомъ покровительствѣ. Впрочемъ, имѣю честь пребыть съ истиннымъ высокопочитаніемъ и преданностью вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Г. Северинъ Потоцкій. Іюля 27 дня 1810 г. Но министръ повидимому не доложилъ этого прошенія Государю, по крайней мѣрѣ такое заключеніе приходится вывести изъ его отвѣта, даннаго профессорамъ Харьковскаго университета 11-го

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло 1810 г. № $^{5723}/_{155}$.

марта *1812 года*. Вотъ его подлинный текстъ. „На присланную ко мнѣ отъ членовъ совѣта Харьковскаго университета просьбу въ рассужденіи упадка курса на ассигнаціи и претерпѣваемаго ими отъ того недостатка въ содержаніи, прошу васъ объявить имъ, что въ семъ случаѣ находятся они въ одинаковомъ положеніи со всѣми вообще чиновниками въ государствѣ, имѣющими содержаніе свое изъ получаемаго ими жалованья, что несправедливо было бы прибавить жалованье однимъ профессорамъ и адъюнктамъ, имѣющимъ несравненно высшіе предъ прочими чиновниками оклады, и оставить сихъ послѣднихъ при прежнемъ жалованьѣ, что теперь меньше нежели когда либо находится возможность сдѣлать просителямъ отъ казны пособіе и что хозяйственная при университетѣ сумма, имѣя свое предназначеніе, не можетъ быть для сего употреблена. Впрочемъ при мѣрахъ правительствомъ принимаемыхъ, можно надѣяться, что временное пониженіе курса на ассигнаціи вскорѣ перемѣнится“ [1]).

Такъ окончилось это дѣло, да и не могло оно окончиться иначе, разъ послѣдовало вторженіе Наполеона въ предѣлы Россіи и сожженіе Москвы. Министръ народнаго просвѣщенія былъ совершенно правъ, указывая, что невозможно было удовлетворить ходатайства харьковскихъ профессоровъ и оставить безъ измѣненія состоянія другихъ чиновниковъ въ государствѣ, находившихся еще въ худшемъ положеніи. Неудобно было въ такой моментъ и выступать съ подобнымъ ходатайствомъ. Но въ объясненіе его нужно указать на серьезность мотивовъ, побудившихъ всѣхъ профессоровъ безъ различія происхожденія сдѣлать это заявленіе. Экономическое положеніе ихъ было дѣйствительно плачевное, если цѣна предметовъ первой необходимости возросла въ 3—5 разъ сравнительно съ той, какая была 4 года тому назадъ, и если профессора получали теперь вслѣдствіе паденія курса въ сущности только $1/4$ прежняго содержанія. Подъ этимъ прошеніемъ подписались профессора какъ русскаго, такъ и иноземнаго происхожденія. Не видимъ мы здѣсь только подписи проф. Стойковича, но и то, вѣроятно, потому что онъ въ это время уѣхалъ въ Венгрію; по крайней мѣрѣ высочайшій отпускъ ему для этой цѣли былъ разрѣшенъ 25 іюня 1810 г., а прошеніе помѣчено 9 іюля того же года. Дѣло, конечно, одинаково касалось всѣхъ; но особенно чувствительны были матеріальныя лишенія для иностранцевъ, у которыхъ не было патріотизма, поддерживавшаго въ претерпѣваемыхъ лишеніяхъ ихъ русскихъ коллегъ, и которые въ большинствѣ случаевъ все таки думали, что ubi bene, ibi patria.

Почти одновременно съ этимъ финансовымъ ударомъ профессоровъ иноземнаго происхожденія постигъ и другой. Въ первые годы прави-

---

[1]) Ibidem.

тельство было очень щедро къ ученымъ, вызываемымъ изъ заграницы для занятія каѳедръ въ русскихъ университетахъ. Мы видѣли, что Роммелю выдали жалованье за цѣлый годъ со времени его утвержденія. Но съ 1811 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. Разумовскій сталъ проводить другую систему—утверждать приглашенныхъ изъ заграницы преподавателей въ университетъ только со времени фактическаго переѣзда ихъ въ Россію (съ этого только момента имъ выдавали и жалованье). Совѣтъ Харьковскаго университета считалъ это нововведеніе крайне неудобнымъ и ходатайствовалъ объ его отмѣнѣ [1]); но министръ

---

[1]) Вотъ подлинный текстъ ходатайства совѣта.

„Совѣтъ сей вслѣдствіе изъясненнаго въ предложеніи вашего сіятельства отказа въ выдачѣ по положенію его за одну треть окладнаго жалованья вызваннымъ изъ чужихъ краевъ въ сей университетъ профессорамъ, честь имѣетъ представить, что прежде сего иностранные профессора, приглашенные въ нашъ университетъ, утверждаемы были находясь еще въ чужихъ краяхъ, и что имъ со дня ихъ утвержденія выдаваемо было ихъ окладное жалованье. Но какъ ваше сіятельство не прежде ихъ въ профессорскомъ званіи утвердить соглашаетесь, какъ по ихъ прибытіи въ Харьковъ, то чрезъ это потерпятъ они не малый убытокъ, ежели не получатъ по крайней мѣрѣ третьей доли годоваго ихъ по профессорскому окладу жалованья, ибо коль скоро они пріймутъ предлагаемое имъ приглашеніе, то должны будутъ отказаться отъ занимаемыхъ ими должностей въ чужихъ краяхъ, и такимъ образомъ лишатся получаемаго ими по то время жалованья; а посему требуетъ справедливость, чтобы ихъ вознаградить за этотъ убытокъ и выдать по положенію совѣта за треть жалованье до ихъ прибытія въ Харьковъ, такъ какъ они въ продолженіи этого времени какъ свои въ чужихъ краяхъ дѣла въ порядокъ привести, такъ и до предѣловъ Россійской имперіи доѣхать могутъ. Совѣтъ положилъ выдать имъ жалованье только за одну треть единственно для того, чтобы они поспѣшали скорѣе пріѣхать въ Харьковъ, ибо по истеченіи трети они не получать ничего, пока не явятся въ сей университетъ къ должностямъ ихъ. Ректоръ А. Стойковичъ, секретарь совѣта профессоръ Иванъ Шадъ“. Іюля 30 дня 1811 г.

Министръ далъ на это слѣдующій отвѣтъ.

„Я не вижу никакого неудобства въ томъ, что призываемые изъ чужихъ краевъ въ здѣшніе университеты профессора утверждаются въ званіяхъ своихъ не прежде, какъ въ то время, когда прибудутъ въ Россію, если только на опредѣленіе ихъ предварительно изъявлено будетъ отъ министра согласіе. Я побужденъ былъ къ сей мѣрѣ встрѣтившимися случаями, что нѣсколько профессоровъ, избранныхъ университетами и получившихъ потому утвержденіе въ званіяхъ своихъ, отказались послѣ того отъ принятія предложенныхъ имъ мѣстъ. А посему не только утвержденіе министра осталось втунѣ, но сверхъ того таковыя профессора, имѣя въ рукахъ своихъ свидѣтельства на принятіе ихъ въ россійскую службу съ званіемъ 7-го класса, въ которомъ профессора Россійскихъ университетовъ состоятъ, и оставаясь въ чужихъ краяхъ, могли дѣлать изъ того употребленіе по своему благоразсужденію и можетъ быть не всегда соотвѣтственное видамъ здѣшняго университета. Что же касается до изъясненія совѣта, что чрезъ утвержденіе иностранныхъ профессоровъ въ ихъ званіяхъ по прибытіи уже ихъ въ Россію, терпятъ они, потому что прежде жалованье назначалось имъ со дня утвержденія ихъ, поелику должны они имѣть время на приведеніе дѣлъ своихъ въ порядокъ, между тѣмъ какъ въ своемъ мѣстѣ, оставивъ должности, теряютъ жалованье, то предлагаю совѣту

только отчасти выполнилъ просьбу совѣта — разрѣшилъ выдачу жалованья и за время, предшествующее фактическому переѣзду ихъ въ Россію, съ тѣмъ, чтобы оно не превышало третного ихъ оклада и выдавалось по пріѣздѣ ихъ на мѣсто. Тяжелое матеріальное положеніе, въ которое были поставлены харьковскіе профессора финансовымъ кризисомъ государства, отразилось крайне неблагопріятно не только на ихъ личномъ благосостояніи, но и на самомъ университетѣ. Чтобы профессоръ могъ всецѣло посвятить себя университету, т. е. преподаванію и наукѣ, необходимо, чтобы онъ былъ обезпеченъ матеріально, чтобы лишенія, нужда и заботы о семьѣ не отвлекали отъ единственной прямой его обязанности — работы на пользу университета и науки. Эта *единственная* обязанность столь широка, что при добросовѣстномъ выполненіи ея, у самаго способнаго къ труду и талантливаго дѣятеля не останется времени ни на что другое — она требуетъ всѣхъ силъ человѣка и захватываетъ его всецѣло. Въ изучаемый нами періодъ кромѣ исполненія своего прямого дѣла (преподаванія и научныхъ работъ) профессора дожны были затрачивать не мало времени на нѣкоторыя чисто служебныя, педагогическія и административныя обязанности, стоявшія въ связи съ особенностями тогдашняго устава (управленіе училищами въ округѣ, визитаціи, широкія полномочія совѣта и т. п.). Они ихъ и исполняли, какъ мы уже знаемъ, весьма добросовѣстно. Но вотъ жизнь въ Харьковѣ становится все дороже и дороже; полное отсутствіе культурныхъ удобствъ вознаграждалось прежде общей дешевизной; теперь и она отошла въ область прошлаго; правда это прошлое было еще такъ недавно; но это не примиряло съ тяжелымъ настоящимъ, тѣмъ болѣе, что и въ будущемъ не предвидѣлось ничего лучшаго, болѣе свѣтлаго и отраднаго. Просьба о прибавкѣ содержанія не была уважена и второе пятилѣтіе въ жизни университета было печальной страницей въ матеріальной обстановкѣ профессоровъ. Забота о поднятіи своего экономическаго достатка по крайней мѣрѣ до той нормы, которая находилась бы въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ высокимъ положеніемъ профессорской коллегіи въ мѣстномъ харьковскомъ обществѣ вообще и среди тогдашняго служилаго чиновничества въ частности, приводила однихъ къ чрезмѣрной погонѣ за посторонними, дополнитель-

опредѣлять имъ жалованье со дня изъявленія министромъ согласія на опредѣленіе ихъ къ призываемымъ мѣстамъ; съ тѣмъ однакожъ, чтобы таковое жалованье до прибытія ихъ въ Россію отнюдь не превышало третнаго оклада, хотя бы не прибытіе ихъ къ мѣсту назначенія и долѣе четырехъ мѣсяцевъ продолжалось, и чтобъ жаловаье сіе выдавалось имъ уже по пріѣздѣ ихъ сюда. Августа 16-го 1810“. (Арх. мин. народ. просв. Дѣло 1810 г. № $^{5778}/_{156}$).

ными источниками заработка, а другихъ болѣе слабыхъ и менѣе устойчивыхъ въ нравственномъ отношеніи—толкала даже на скользкій и печальный путь легкой наживы посредствомъ взятокъ, незаконнаго безпошлиннаго провоза своихъ товаровъ изъ заграницы. Большинство профессоровъ не обладало самостоятельными средствами (имѣніями, капиталами и т. п.). Профессора русскаго происхожденія принадлежали преимущественно къ духовному сословію или разночинцамъ; нѣкоторые изъ нихъ прошли до поступленія въ харьковскій университетъ суровую школу нужды и лишеній, какъ Успенскій, или во всякомъ случаѣ должны были довольствоваться только получаемымъ ими жалованьемъ (Осиповскій, Рижскій, Срезневскій, Книгинъ, Каретниковъ, Болгаревскій, Калькау); но даже и лица, вышедшія изъ дворянскаго сословія, не обладали болѣе или менѣе значительными денежными достатками; по крайней мѣрѣ это положительно извѣстно о Тимковскомъ, Шумлянскомъ, Крюгерѣ и Громовѣ; нѣтъ также данныхъ предполагать, чтобы имѣли состоянія и всѣ остальные профессора и адъюнкты русскаго происхожденія — иначе не поступали бы они на учительскія мѣста, которыя въ то время оплачивались очень скудно и могли привлекать только людей мало состоятельныхъ. Единственнымъ, кажется, исключеніемъ является бывшій одно время лекторомъ извѣстный намъ писатель Нахимовъ, крупный помѣщикъ харьковской губерніи. Имѣніе было также и у Комлишинскаго, но онъ затруднялся въ уплатѣ своихъ долговъ. Что касается иностранцевъ, то и среди нихъ не было богатыхъ людей, исключая Стойковича, нажившаго себѣ впрочемъ состояніе уже въ Россіи. Да и не могли богатые иностранцы ѣхать въ Россію, которая представлялась въ ихъ воображеніи варварской страной. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ это были все таки мало обезпеченные люди, которые хотѣли поискать счастья, не дававшагося имъ на родинѣ, т. е. достичь извѣстнаго матеріальнаго достатка. Богаче другихъ былъ Гутъ, у котораго была на родинѣ собственная астрономическая обсерваторія и который привезъ съ собою много различныхъ и дорогихъ приборовъ. Что же касается остальныхъ, то они повидимому не обладали особенными средствами. Послѣ Умляуфа, за уплатою долговъ, осталось имущества всего на 326 рублей. Бѣднякъ на своей родинѣ, бывшій монахъ, а потомъ скромный приватъ доцентъ въ университетѣ Шадъ также, не смотря на паденіе курса и общія неблагопріятныя условія матеріальнаго быта профессоровъ въ Харьковѣ, съумѣлъ сколотить себѣ, повидимому, не всегда законными средствами состояньице — имѣлъ 2 дома въ Харьковѣ и раздавалъ на проценты деньги своимъ коллегамъ. Но едва ли это состояньице было велико, какъ утверждаетъ это Н. А. Лав-

ровскій. „По отъѣздѣ Шада изъ Харькова, говоритъ Н. А. Лавровскій, университетъ довольно долго занимался его долговыми претензіями. Всѣ эти претензіи доказываютъ, что онъ въ Харьковѣ успѣлъ составить весьма приличное состояніе, между тѣмъ какъ большинство профессоровъ вслѣдствіе необыкновенно усилившейся дороговизны отъ страшнаго упадка курса въ Наполеоновскія войны, вошло въ долги и доведено было до рѣшенія обратиться соборнымъ письмомъ къ министру съ просьбою о пособіи. По письму Шада изъ Іены, министръ отъ 20 марта 1820 года относился къ попечителю и требовалъ распоряженій по слѣдующимъ претензіямъ: о взысканіи съ адъюнкта Робуша 1000 р. по векселю, выданному имъ женѣ его—Шадъ проситъ препроводить эти деньги женѣ въ Петербургъ; о взысканіи съ адъюнкта Комлишинскаго 5000 руб. съ процентами по векселю, выданному также его женѣ — полученіе этихъ денегъ онъ тоже предоставляетъ женѣ, остальныя же суммы, слѣдующія ему по векселямъ, выданнымъ на его имя, по взысканіи ихъ, проситъ переслать Веймарскому правительству, которое употребитъ ихъ на содержаніе сына его, обучающагося медицинѣ. Въ іюлѣ того же года попечитель предписываетъ университету по долговымъ претензіямъ Шада сноситься непосредственно съ женою его, жившею въ Петербургѣ, чрезъ Дудровича, „имѣющаго по дѣламъ его хожденіе“. Взысканіе однако шло медленно и правленію университета было много хлопотъ съ нимъ; особенно затруднительно было взысканіе съ главнаго должника Комлишинскаго. Въ сентябрѣ Варвара Шадъ обратилась къ попечителю съ письмомъ, въ которомъ горько жалуется на несостоятельность Комлишинскаго. Наконецъ, правленіе приняло рѣшительныя мѣры: 6 ноября оно донесло попечителю, что для обезпеченія должныхъ г. Комлишинскимъ г-жѣ Шадъ денегъ постановлено удерживать все его жалованье въ уплату оныхъ, доколѣ онъ въ возможности будетъ заплатить всю капитальную сумму съ причитающимися процентами. Въ то же время правленіе отнеслось въ гражданскую палату для наложенія запрещенія на имѣніе Комлишинскаго. Дѣло шло такъ поспѣшно, что попечитель еще въ томъ же ноябрѣ требовалъ немедленнаго увѣдомленія, „какое имѣніе взято будетъ подъ запрещеніе и сколько изъ жалованья удержится денегъ, которыя должны быть отправлены къ г-жѣ Шадъ чрезъ г. профессора Дудровича, имѣющаго отъ нея довѣріе“ [1]). Едва ли изъ всѣхъ этихъ данныхъ (а другихъ у Н. А. Лавровскаго и не было) можно сдѣлать выводъ, что Шадъ успѣлъ составить себѣ въ Харьковѣ „*весьма приличное состояніе*“. Кое-какія средства онъ собралъ, но они не были особенно велики и послѣ изгнанія изъ Харькова Шадъ заграницей повидимому жилъ скудно,

---

[1]) Чтенія Моск. Общ. 1873 г., кн. II-я, стр. 56--57.

тѣмъ болѣе, что ему нужно было еще обезпечить матеріально и жену, жившую въ Петербургѣ, и сына, воспитывавшагося заграницей; между тѣмъ за службу свою въ Россіи онъ не только не получилъ никакого пенсіона (а онъ имѣлъ право на него, такъ какъ прослужилъ свыше 10 лѣтъ), а наоборотъ сильно потерпѣлъ въ матеріальномъ отношеніи вслѣдствіе внезапнаго и принудительнаго удаленія; объ этомъ свидѣтельствуютъ между прочимъ и факты, приводимые самимъ Н. А. Лавровскимъ. Эти факты говорятъ не столько въ пользу богатства Шада, сколько рисуютъ вообще непригляную картину мелкой борьбы на почвѣ денежныхъ сдѣлокъ и интересовъ.

Таково было матеріальное положеніе профессорской коллегіи. Посмотримъ теперь, каково было положеніе студентовъ. Эти послѣдніе дѣлились на 2 группы — своекоштныхъ и казеннокоштныхъ; одни содержали себя сами, другимъ давалъ полное содержаніе университетъ; одни, вообще говоря, имѣли средства, у другихъ этихъ средствъ не было. Но само собою разумѣется, что рѣзкой опредѣленной границы между тѣми и другими въ дѣйствительности не существовало, ибо и между своекоштными попадались бѣдняки, не могшіе попасть въ среду казеннокоштныхъ только потому, что число ихъ было ограничено опредѣленнымъ комплектомъ; съ другой стороны, конечно, могли быть и такіе случаи, когда на казенный счетъ принимали молодыхъ людей, пользовавшихся нѣкоторымъ достаткомъ, но выдававшихся своимъ прилежаніемъ и успѣхами въ наукахъ. Въ дѣйствительности тогдашнее студенчество, какъ и нынѣшнее, представляло изъ себя въ отношеніи матеріальнаго достатка цѣлую градацію, цѣлую лѣстницу съ незамѣтными переходами изъ одной ступеньки на другую. На вершинѣ этой лѣстницы стояли дѣти тогдашнихъ богатыхъ дворянъ, а внизу ея были лица, принадлежавшія къ классу сельского духовенства и бѣдныхъ мѣщанъ и разночинцевъ. Но составъ тогдашняго студенчества все таки значительно разнился отъ нынѣшняго—въ немъ доминировали собственно только двѣ значительныя группы—дѣти дворянъ и духовенства. Какъ мы видѣли (788 стр. настоящаго труда) въ первомъ году въ Харьковскомъ университетѣ изъ 57 студентовъ на долю духовнаго сословія приходилось 28 чел. и дворянскаго 23, а вмѣстѣ эти сословія дали цифру 51, т. е. около 90%. Но такое исключительное преобладаніе духовнаго сословія имѣло временный характеръ; въ 1809 г. отношенія уже значительно измѣнились: изъ 72 студентовъ къ дворянамъ и чиновникамъ принадлежало 57 чел., къ духовенству 19, къ разночинцамъ 12, т. е. преобладаютъ дворяне и чиновники, за ними идутъ духовные и начинаютъ играть замѣтную роль разночинцы (стр. 791). Но взаимное отношеніе между этими тремя груп-

нами все таки не такое, какъ теперь; особенно замѣтнымъ является почти полное отсутствіе дѣтей купцовъ. Дѣти помѣстнаго дворянства играли несравненно болѣе видную роль среди харьковскаго студенчества, чѣмъ теперь,—они давали тонъ и представляли изъ себя и самую многочисленную, и самую богатую и вліятельную группу. Тогдашнее помѣстное дворянство харьковской и сосѣднихъ губерній было и многочисленно, и зажиточно; земли было много и она обрабатывалась даровымъ крѣпостнымъ трудомъ. Въ 10 уѣздахъ слободскоукраинской губерніи въ 1802 г. помѣщикамъ принадлежало 1.729.105 десятинъ земли. Если мы раздѣлимъ эту цифру на число всѣхъ крѣпостныхъ крестьянъ, то на душу придется болѣе чѣмъ по 10 десятинъ [1]). Нужно впрочемъ помнить, что помѣщики были богаты тогда не столько деньгами, сколько естественными произведеніями. Все хозяйство носило, такъ сказать, натуральный характеръ—было изобиліе хлѣба, излишки котораго шли почти исключительно на винокуреніе. И вотъ всѣ эти сельскохозяйственные продукты доставлялись на своихъ же подводахъ, своими крѣпостными людьми изъ ближайшихъ окрестностей въ Харьковъ тѣми помѣщиками, сыновья которыхъ учились въ университетѣ; жили ли они на своихъ собственныхъ квартирахъ, или имѣли помѣщеніе у какихъ либо квартирныхъ хозяевъ напримѣръ — профессоровъ университета или частныхъ лицъ; всѣ они постоянно доставлялись натурою къ обоюдной выгодѣ хозяевъ и квартиронанимателей, тѣмъ болѣе, что каждому помѣщику необходимо было побывать въ Харьковѣ для закупокъ нужныхъ ему товаровъ и сбыта своихъ собственныхъ. Уплачивали одну денежную плату только въ тѣхъ случаяхъ, когда родные студентовъ жили очень далеко отъ Харькова или въ другой губерніи. Прислуга въ большинствѣ случаевъ у дворянскихъ дѣтей была не наемная, а своя крѣпостная. Болѣе недостаточные изъ своекоштныхъ снискивали себѣ средства существованія уроками — проживали нерѣдко въ качествѣ репетиторовъ и у профессоровъ, державшихъ пансіонеровъ, и у частныхъ лицъ; многіе тогда поступали въ университетъ по экзамену, послѣ домашней подготовки, не пройдя гимназическаго курса—подготовкою ихъ къ экзамену занимались въ нѣкоторыхъ случаяхъ также студенты. Платы за слушаніе лекцій студенты не вносили никакой ни въ пользу университета, ни въ пользу профессоровъ. Значитъ вся ихъ забота была направлена только на изысканіе средствъ для своего содержанія. Вздорожаніе всѣхъ продуктовъ и товаровъ, конечно, должно было неблагопріятно отражаться и на матеріальномъ положеніи свое-

---

[1]) См. изданное мною „описаніе Слобод.-украин. губ. 1802 г.“, стр. 18—20.

коштныхъ студентовъ, въ особенности недостаточныхъ. Крайне неблагопріятно оно, какъ увидимъ далѣе, отражалось и на положеніи казеннокоштныхъ студентовъ.

Казеннокоштные студенты были вполнѣ обезпечены отпускавшимися на нихъ отъ казны денежными средствами. На каждаго студента—а всѣхъ ихъ полагалось по штату 40—отпускалось отъ казны по 200 р. каждому; сверхъ того было еще 12 студентовъ—кандидатовъ, которымъ назначено было по 300 р. въ годъ жалованья. Такимъ образомъ, на 8000 р. въ годъ нужно было дать полное содержаніе 40 казеннокоштнымъ студентамъ—задача не изъ особенно легкихъ. Очевидно, ее можно было разрѣшить только при устройствѣ для нихъ общаго хозяйства. Къ этому рѣшенію и пришелъ университетъ съ самаго начала. Еще въ 1804 г., т. е. до оффиціальнаго открытія университета, завѣдывавшій всѣми дѣлами комитетъ представилъ на одобреніе попечителю составленную имъ примѣрную смѣту на содержаніе казеннокоштныхъ студентовъ, примѣняясь къ назначенной для каждаго изъ нихъ суммѣ въ 200 р. По этому положенію, каждый студентъ долженъ былъ получить на 2 года—мундиръ и шинель, 3 пары сапогъ и 2 пары головокъ, съ починкою; на одинъ годъ — сюртукъ съ лѣтнимъ жилетомъ и панталонами, халатъ, 3 рубашки, 3 простыни, 3 перемѣны наволочекъ, шляпу, черный платокъ на шею, 3 карманныхъ платка, 3 пары нитяныхъ чулокъ, затѣмъ 90 руб. было оставлено на столъ, бумагу, свѣчи и прочее и на ремонтъ вещей, назначенныхъ къ безсрочному употребленію, каковы—кровати съ тюфяками и одѣялами, столики, стулья, столовыя серебряныя ложки, тазы, рукомойники, подсвѣчники и т. п. Столъ казеннокоштныхъ студентовъ принялъ на себя городской секретарь Сердюковъ, потребовавшій наименьшую плату, а именно согласившійся продовольствовать каждаго за 70 р. въ годъ, съ тѣмъ только, чтобы въ его распоряженіе былъ предоставленъ флигель, въ которомъ помѣщалась кухня. Израсходовано было на содержаніе 33 казеннокоштныхъ студентовъ около 8000 рублей [1]).

Такъ какъ примѣрное исчисленіе показывало, что на содержаніе каждаго студента требуется всего 135 р. (ибо главная окапировка ихъ была уже сдѣлана), то рѣшено было давать имъ сверхъ указанныхъ вещей круглую шляпу, башмаки и перчатки (для танцовальнаго класса на тотъ случай, когда будутъ одѣвать мундиръ), манишку и сверхъ того по $1^1/_2$ рубля въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ. Сердюковъ отказался отъ содержанія студентовъ на другой годъ, и это дѣло взялъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ „Исторія дѣлъ“.

на себя венгерскій уроженецъ, Иванъ Вискигель. Любопытенъ заключенный съ нимъ контрактъ. Такъ какъ онъ даетъ наглядное представленіе о тогдашнемъ бытѣ студентовъ, то мы его приведемъ цѣликомъ. Контрагентъ бралъ на себя содержаніе 30—40 чел. студентовъ—продовольствовать ихъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ въ теченіе цѣлаго года (завтракъ былъ въ половинѣ восьмого, обѣдъ въ первомъ часу, а ужинъ въ 7 часовъ) и принялъ на себя слѣдующія обязательства: давать завтракъ изъ куска бѣлаго хлѣба вѣсомъ въ 3/4 фунта, обѣдъ въ будніе дни изъ трехъ блюдъ, а въ праздничные изъ четырехъ, ужинъ ежедневно изъ 3-хъ блюдъ. Къ столу подавать въ потребномъ количествѣ чистый хорошо выпеченный ржаной хлѣбъ. Праздничными днями признавались слѣдующіе—всѣ воскресные, 1 и 6 января, 2 февраля, 25 марта, 9 мая, 29 іюня, 6 и 15 августа, 8 и 14 сентября, 1 октября, 21 ноября, 6, 25, 26, 27 декабря, понедѣльникъ и вторникъ пасхи, Вознесеніе, Троица, дни восшествія на престолъ, коронаціи, рожденія и тезоименитства Государя, дни рожденія и тезоименитства супруги и матери Его, открытія университета и акта. По недостатку и дороговизнѣ рыбы, столу круглый годъ быть скоромному, исключая первую и страстную недѣлю великаго поста, 5 января, 29 августа, 14 сентября и 24 декабря, когда будутъ подаваться постныя кушинья изъ рыбы, зелени и кореньевъ, соотвѣтствующія скоромнымъ. Главныхъ блюдъ двое — борщъ и жаркое. Съ 1 сентября по 1 мая по воскресеньямъ, понедѣльникамъ, вторникамъ, четвергамъ и субботамъ на обѣдъ и ужинъ—борщъ съ мясомъ и жаркое, по средамъ и пятницамъ—супъ съ мясомъ и жаркое; съ 1 мая по 1-е сентября вмѣсто жаркого соусъ съ мясомъ и зеленью или кореньями во всѣ дни, кромѣ праздничныхъ, когда опять жаркое; борщъ или супъ должны быть сытные и въ достаточномъ количествѣ; мяса въ нихъ полагалось по фунту на человѣка въ день, жаркое приправлять съ подливою; говядину замѣнять по временамъ бараниной или птицей; а осенью и зимою подавать и живность и дичь, когда они очень дешевы; по праздникамъ подавать къ жаркому огурцы. Третье и четвертое кушанье попеременно должны были состоять изъ соуса—мяснаго, изрѣдка домашней птицы, изрѣдка рыбнаго, а всего чаще мяса съ огородиной, ветчины, солонины и поросенка съ хрѣномъ, винигрета, студеня, пироговъ, каши, преимущественно гречневой съ масломъ или молокомъ, жареннаго картофеля, ботвинья съ рыбою или крошенымъ мясомъ (окрошки), ухи и раковъ; кромѣ того въ лѣтніе праздничные дни подавать иногда мѣстныя ягоды и фрукты; вообще съ 1 марта по 1 сентября за обѣдомъ и ужиномъ для разнообразія стола болѣе двухъ мясныхъ блюдъ не подавать, затѣмъ, кромѣ борща и жаркого, одинаковыхъ блюдъ не отпускать

kряду болѣе двухъ дней и не повторять ихъ раньше трехъ дней; свинину и солонину давать не болѣе двухъ разъ въ недѣлю и притомъ только съ 1 октября по 1 марта; вообще же для борща, супа и жаркого употреблять говядину. Въ случаѣ болѣзни студенту давать кушанья по предписанію врача. Все кушанье, хлѣбъ и квасъ (полагавшійся кстати замѣтимъ, не только за ѣдою, а и въ остальное время дня) должны были быть приготовлены чисто и изъ свѣжихъ припасовъ. За все это предприниматель получалъ только по 70 р. ассигн. со студента въ годъ, т. е. менѣе чѣмъ по 6 руб. ассигн. въ мѣсяцъ или въ переводѣ на серебро по 20 руб. сер. въ годъ, т. е. менѣе чѣмъ по 2 руб. въ мѣсяцъ. Невольно хочется сказать, — „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ"; но тутъ не преданіе, а положительный фактъ, основанный на документальныхъ данныхъ. Впрочемъ, чтобы быть совершенно точнымъ, я долженъ прибавить, что этотъ предприниматель выговорилъ въ свою пользу еще кое-какія льготы, а именно — ему былъ предоставленъ флигель съ кухней, кладовая съ закромами, ледникъ со льдомъ; кушанье подавали студентамъ университетскіе служителя; серебряныя разливныя и столовыя ложки были казенныя, за разбитыя студентами вещи отвѣчала также казна; контрагентъ получалъ отъ университета для кухни натурою 30 саженъ дровъ; еслибы кто нибудь изъ своекоштныхъ студентовъ пожелалъ пользоваться такимъ же содержаніемъ, какъ казеннокоштные, то долженъ былъ уплачивать за это ту же сумму въ 70 р.; въ чистыхъ комнатахъ флигеля контрагентъ имѣлъ право завести ресторанъ со столомъ и напитками, кофе и бильярдомъ, но безъ картъ, и сюда могли являться чиновники университета и другія лица съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ; на бульварѣ же онъ могъ занять одну изъ университетскихъ ротондъ и держать тамъ для всякой посторонней публики чай, лимонадъ, фрукты и т. п. Но за то съ своей стороны контрагентъ обязался еще имѣя свою воду, своего повара, прислужниковъ и прислужницъ, собственную кухонную посуду и столовое бѣлье, а именно — 3 приличныя фаянсовыя суповыя чашки, 3 миски, 9 блюдъ, по 6 соусниковъ, салатниковъ, солонокъ, перечницъ горчицницъ, на каждаго студента по 4 тарелки, ножа не дешевле 4 р. 50 к. дюжина, 40 стакановъ не дешевле 10 к. каждый, 40 бутылокъ для воды и квасу, 12 скатертей (по 4 на 3 стола), на каждаго студента по 4 салфетки, перемѣняя тѣ и другіе по 2 раза въ недѣлю — и все это цѣною не ниже 40 к. за аршинъ. Въ обезпеченіе договора контрагентъ отдавалъ университету свой паспортъ и впредь до полнаго поручительства временное гг. профессоровъ Умляуфа и Стойковича въ суммѣ 500 р., и сверхъ того обязался хранить за собственною и университетскою печатями въ университетскомъ

помѣщеніи своихъ собственныхъ винъ на 1000 р. Контрактъ подписанъ былъ 18 августа 1805 г. [1]). Нѣсколько времени спустя проф. Стойковичъ, Шадъ и учитель музыки Витковскій представили письменное поручительство за Вискигеля въ размѣрѣ 1000 р. (первый на 300, второй на 400, третій на 300 р.) съ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ въ залогъ было выдано университетомъ 2 ящика его вина съ 200 бутылокъ шампанскаго [2]).

Условіе это, казалось, должно было создать для казеннокоштныхъ студентовъ очень завидное положеніе: въ немъ съ большою заботливостью и предусмотрительностью оговорены были всѣ мелочи студенческаго содержанія. Было обращено серьезное вниманіе не только на хорошее качество стола, но и на его разнообразіе. Но на дѣлѣ вышло иначе. Студенты остались недовольны обоими контрагентами и въ 1806 году обратились въ правленіе съ ходатайствомъ предоставить дѣло содержанія столомъ въ ихъ собственное вѣдѣніе. Вотъ ихъ покорнѣйшее прошеніе по этому поводу: „въ теченіе двухъ послѣднихъ годовъ будучи содержимы чрезъ подрядчиковъ претерпѣвали мы многія невыгоды по причинѣ частыхъ неустоекъ, чинимыхъ ими противу обязанностей, а чрезъ то дѣлали начальству нашему безпокойство и неудовольствія; почему дабы избѣгнуть впредь таковыхъ обстоятельствъ и притомъ заблаговременно пріучить себя къ хозяйственнымъ занятіямъ, просимъ покорнѣйше сіе правленіе поручить намъ самимъ на слѣдующій годъ содержаніе стола и для сего опредѣлить выдачу денегъ на каждаго студента по 70 р. Для отвращенія же могущихъ подчасъ встрѣтиться недостатковъ въ означенной суммѣ по причинѣ дороговизны съѣстныхъ припасовъ просимъ также сдѣлать намъ вспоможеніе отъ казны доставленіемъ солдата для буфета, дровъ и воды для кухни, не полагая сего въ счетъ нашего жалованья“ [3]). Правленіе отнеслось сочувственно къ этой просьбѣ студентовъ и удовлетворило ее. Такъ какъ г. ректоръ объявилъ, читаемъ мы въ его журнальномъ постановленіи, что онъ касательно содержанія студентовъ докладывалъ попечителю и его сіятельство предоставилъ рѣшеніе этого дѣла самому университету, и такъ какъ правленіе надѣется, что, предоставивъ содержаніе студентовъ въ ихъ собственное вѣдѣніе, оно избавится отъ многихъ заботъ и безпокойствъ, то *поста-*

---

[1]) Харьк. унив. арх. Журн. правл. 1805 г., іюль—декабрь; засѣданіе 18 августа.

[2]) Ibidem; засѣданіе 4-го сентября.

[3]) Затѣмъ слѣдуютъ подписи—Пузановъ, Любовскій, Ольховскій, Рудневъ, Золотаревъ, Поповъ, Евстафіевъ, Бутовичъ, Базилевичъ, Галкинъ, Ильинскій, Каплинскій, Концевичъ, Иваницкій, Борзенковъ, Любачинскій, Сухаревъ, Колмановъ, Архангельскій, Мартыновъ, Сазоновъ, Аѳанасьевъ, Волошиновъ, Ольховскій, Щелкуновъ, Шрамковъ. (Харьк. унив. арх. Дѣло правл. № $^{93}/_{6}$, стр. 2).

новлено предоставить имъ самимъ содержать себя, выдавая по 70 руб. на каждаго и сверхъ того отпустить на первый годъ по 30 саж. дровъ подобно тому, какъ это дѣлалось и при послѣднемъ контрагентѣ, и дать одного изъ четырехъ служителей для буфета; деньги давать на 2 мѣсяца впередъ, кромѣ того выдать авансомъ необходимую сумму для закупки столовой и кухонной посуды, которую они должны выбирать вмѣстѣ съ кассиромъ университета [1]). Къ такому рѣшенію вопроса правленіе пришло между прочимъ еще и потому, что само получило неблагопріятныя свѣдѣнія о Вискикелѣ. По словамъ ректора инспекторъ казеннокоштныхъ студентовъ часто жаловался, что онъ даетъ студентамъ плохую пищу и что въ ресторанъ, вопреки контракту, приходятъ люди „низкаго состоянія“ и по цѣлымъ суткамъ тамъ иногда играютъ на билліардѣ; съ другой стороны къ ректору поступали жалобы на него и отъ постороннихъ лицъ, которымъ онъ не уплачивалъ своихъ долговъ [2]). Естественнымъ дальнѣйшимъ шагомъ правленія въ этомъ дѣлѣ было оффиціальное признаніе имъ студенческой хозяйственной организаціи съ ея неизбѣжнымъ атрибутомъ — выборнымъ началомъ. О существованіи этого послѣдняго на совершенно законномъ основаніи свидѣтельствуетъ слѣдующее постановленіе тогдашнихъ казеннокоштныхъ студентовъ, сообщенное ими правленію. „Мы нижеподписавшіеся Харьковскаго университета казеннокоштные студенты довѣряемъ симъ съ общаго согласія студенту Пузанову получать отъ правленія подъ его роспискою деньги и дѣлать покупки касательно содержанія стола, употребляя въ помощь двухъ очередныхъ черезъ двѣ недѣли перемѣняющихся студентовъ; въ случаѣ же большой затруднительности, а особливо въ выпискѣ со стороны съѣстныхъ припасовъ должны также означенныя покупки производиться и тѣми, кому общество для соблюденія своихъ выгодъ поручитъ. При томъ помянутый Пузановъ долженъ вести записную для расходовъ книгу ежемѣсячно, четырьмя очередными студентами разсматриваемую и подписываемую (далѣе слѣдуютъ подписи всѣхъ) [3]). И такіе выборы продолжали существовать до конца изучаемаго нами періода. Въ 1813 г. казеннокоштные студенты подали въ правленіе прошеніе, въ которомъ писали: „по причинѣ отлучки казначея казеннокоштныхъ студентовъ Демьяна Копѣйчикова съ общаго студентовъ согласія избирается въ оную должность студентъ Иванъ Гнѣдичъ, объ утвержденіи котораго просимъ учинить свое благоразсмотрѣніе (далѣе слѣдуютъ под-

1) Ibidem, стр. 3.
2) Ibidem, стр. 1.
3) Ibidem, стр. 30.

писи) [1]). Въ 1814 г. такимъ кассиромъ былъ избранъ и утвержденъ студентъ Микуловскій [2]). Въ 1807 г. казеннокоштные студенты подали заявленіе. въ которомъ довѣряли получать ихъ карманныя деньги студенту Ивану Мартынову [3]). Тогда же они заключили договоры съ портнымъ [4]) и прачкою [5]), утвержденные правленіемъ университета [6]). Скоро однако студенты вошли въ долги—задолжали университету, по расчету кассира

---

[1]) Вотъ кто былъ тогда въ составѣ казеннокоштныхъ—Тукалевскій, Копѣйчиковъ, Микуловскій, Ходовскій, Маслаковецъ, Червинскій, Фотѣевъ, Любарскій, Лукашовъ, Понировскій, Соколовскій, Филомафитскій, Евецкій, Пороховниковъ, Пригара, Липкинъ, Коронскій, Бондаревъ, Акадьинъ, Костовскій, Кушнаревъ, Севастьяновичъ, Крамаревъ, Шаталовъ, Ярославскій, Святскій, Ивановъ, Коляновскій, Сухоруковъ (Харьк. универ. архивъ. Дѣло правл. № $^{738}/_{37}$, стр. 139).

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № $^{817}/_{41}$, стр. 4.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № $^{267}/_{15}$, стр. 65.

[4]) Вотъ контрактъ съ нимъ, о подтвержденіи котораго они ходатайствовали передъ правленіемъ: „находящемуся при насъ портному Власовскому годовой срокъ уже кончился, почему мы и просимъ на мѣсто его принять договореннаго съ общаго нашего согласія портного валковскаго обывателя Ефима Никитенкова, полагая ему въ годъ 246 рублей за всѣ подѣлки платья, кои суть слѣдующія:

1) Онъ будетъ шить для 40 человѣкъ студентовъ въ теченіе одного года все новое платье, какое будетъ слѣдовать по срокамъ, употребляя для сей работы своихъ работниковъ и не получая отъ университета никакого прибора, исключая подкладки; 2) ежели въ теченіе сего года вновь прибудутъ въ университетъ студенты, то за каждаго человѣка сверхъ 40, платить ему по 6 р. 15 к. въ годъ; а хотя бы эти вновь поступившіе студенты и въ половинѣ или при окончаніи года прибыли, но если они всѣмъ положеннымъ платьемъ будутъ одѣты, то также получать ему по 6 р. 15 к. за каждаго; 3) вся починка платьевъ студентовъ чрезъ цѣлый годъ будетъ имъ дѣлаема своими нитками и шелкомъ; 4) ежели вещь будетъ испорчена или у него пропадетъ, то онъ согласенъ доставить свою или вычесть изъ денегъ его при полученіи отъ университета; 6) деньги будетъ онъ получать по третямъ года, но на первый случай проситъ онъ выдать ему впередъ вмѣсто задатка 50 р. Что-жъ касается неудовольствій съ нашей стороны въ разсужденіи его, то мы ничѣмъ правленія утруждать не будемъ, а просимъ только, что когда деньги будутъ ему выдаваемы, чтобы мы были извѣщены, слѣдуютъ подписи (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1807 г. № $^{267}/_{15}$, стр. 4).

[5]) Срокъ прачкѣ, писалъ студенческій выборный распорядитель Мартыновъ въ правленіе, кончится 1 октября сего года, и я, по довѣренности, данной мнѣ отъ казеннокоштныхъ студентовъ старался договорить или эту же прачку или другую на слѣдующій годъ. Прачка, мывшая теперь бѣлье, объявила, что она понесла убытокъ за истекающій годъ и ввиду того проситъ прибавки 50 р. Я, справившись съ цѣною у другихъ, не нашелъ дешевле. Къ тому же студенты объявили, что настоящая прачка мыла бѣлье цѣлый годъ очень хорошо и всѣ вещи доставляла вѣрно. Почему я, предпочитая настоящую прачку другимъ, прошу правленіе требуемую ею сумму утвердить для выдачи ей на слѣдующій годъ на такомъ основаніи: она должна получить въ задатокъ 30 р., а прочія по 40 р. въ треть. Сіе прошеніе писалъ и руку приложилъ студентъ Иванъ Мартыновъ (Ibidem, стр. 37).

[6]) Ibidem, стр. 5 и 38.

*

Дзюбина, 1166 р. 62¼ коп. Этотъ долгъ сложился изъ разныхъ статей—стоимости выданныхъ имъ и не прослужившихъ полнаго срока вещей, купленныхъ для нихъ, но оставшихся безъ употребленія предметовъ и по другимъ перерасходованіямъ. Относительно отсрочки этой суммы и выдачи имъ денегъ вообще студенты вошли съ такимъ прошеніемъ въ правленіе: 1) столовыя деньги на наличное число студентовъ получать за два мѣсяца впередъ; 2) вновь поступившимъ студентамъ выдать для обмундировки на первый случай каждому по 50 р. впередъ безъ вычета слѣдуемыхъ за оставшіяся студенческія вещи денегъ; 3) старымъ 22 студентамъ съ вычетомъ 220 р. въ должную студентами университету сумму получить теперь за полтрети сентябрьской, а остальныя за нее и слѣдующія за всю генварьскую (треть) во время крещенской ярмарки, вычитая со всѣхъ студентовъ половинную часть имѣющей остаться должной студентами университету суммы; за майскую же треть половину денегъ получить при началѣ, а другую при окончаніи ея и вычетъ остальныхъ денегъ также раздѣлить на двѣ равныя части; 4) вещи для рисованія написанныя по расчету просятъ студенты оставить при университетѣ, не вычитая за нихъ денегъ изъ ихъ суммы; 5) положенная вообще въ годъ сумма 190 р. раздѣляется такъ, чтобы на содержаніе стола было выдаваемо съ каждаго въ годъ по 70 р., изъ остальныхъ же 120 р. выдавать на каждаго въ треть по 40 р.; 6) на 9 человѣкъ вновь принятыхъ студентовъ въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ выдать сверхъ того то число денегъ, которое имъ причитается со дня опредѣленія по 1-е сентября, не зачитая ихъ въ число 50 р. на каждаго требуемыхъ; 7) для полученія денегъ отъ кассира избирается студентъ Федоръ Сорокинъ (далѣе слѣдуютъ подписи) [1]. Правленіе удовлетворило ихъ ходатайство по всѣмъ пунктамъ [2], и такимъ образомъ казеннокоштные студенты приняли теперь на себя за 190 р. все свое содержаніе (раньше же нѣкоторыя вещи они получали отъ университета). Студенты, принявшіе на себя заботы о своемъ содержаніи, старались пріобрѣсти нужные имъ предметы по возможно дешевой цѣнѣ. Въ 1809 г. они обратились въ правленіе съ такою просьбой: „поелику во время настоящей Успенской ярмарки удобнѣе можемъ мы закупить себѣ нужное, какъ-то—сукно, бѣлье, обувь и прочее и такъ какъ по причинѣ дороговизны всѣхъ этихъ вещей невозможно снабдить себя всѣмъ необходимымъ за малую сумму, то покорнѣйше просимъ правленіе императорскаго харьковскаго университета выдать намъ въ теченіе настоящей ярмарки для закупки самонужнѣйшихъ вещей слѣдуемые каждому изъ насъ 20 р. за майскую треть и

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1808 г. № 295/18, стр. 62.

[2]) Ibidem, стр. 54—56.

20 р. впередъ за сентябрьскую, а вновь поступившимъ студентамъ со дня опредѣленія ихъ впередъ для нужной обмундировки ихъ по 50 р.; полученіе же денегъ поручаемъ студенту Ѳед. Сорокину (слѣдуютъ подписи) [1]). Любопытенъ одинъ инцидентъ, имѣвшій мѣсто въ 1809 году. Исправлявшій должность инспектора казеннокоштныхъ студентовъ адъюнктъ Рейнишъ вошелъ съ заявленіемъ въ правленіе о необходимости нѣкотораго ремонта въ зданіи казеннокоштныхъ студентовъ, главнымъ образомъ дѣло шло о вставкѣ разбитыхъ оконъ. Правленіе, принявъ во вниманіе, что въ корпусѣ казеннокоштныхъ студентовъ происходятъ почти постоянныя починки разбитыхъ оконъ, въ чемъ, полагать должно, виноваты сами студенты, дабы къ нему не входили часто съ подобными просьбами, а равнымъ образомъ и для того, чтобы побудить самихъ студентовъ заботиться о сохранности всѣхъ вещей, находящихся въ ихъ помѣщеніи, постановило на производство такихъ поправокъ выдавать каждому студенту по 3 р. изъ ремонтнаго студенческаго капитала [2]). Въ томъ же 1809 г. студенты подали въ правленіе прошеніе, въ которомъ заявляли, что вслѣдствіе усилившейся дороговизны они не въ состояніи продовольствовать себя столомъ за 70 р. и должны прибавить сюда кое-что изъ причитающагося имъ жалованья. „По причинѣ чрезмѣрно увеличившейся цѣны всѣмъ съѣстнымъ припасамъ, не находя болѣе возможности содержать стола за 70 р. для сего въ годъ опредѣленные, согласились мы прибавить къ нимъ часть и изъ собственнаго жалованья; а какъ нынѣ не имѣемъ у себя въ наличности денегъ, коими бы могли этотъ недостатокъ пополнить, то просимъ правленіе отпустить намъ заимообразно 250 р., съ тѣмъ, чтобы ихъ вычесть изъ нашего жалованья въ слѣдующихъ двухъ третяхъ,—въ январской 150, а остальные 100 р. въ майской будущаго 1810 г. (слѣдуютъ подписи) [3]). Правленіе удовлетворило это ходатайство, такъ какъ, сказано въ журналѣ, и ему самому хорошо извѣстно о нынѣшней дороговизнѣ [4]). Эта дороговизна продолжала увеличиваться и ставила студентовъ въ очень затруднительное положеніе. Въ 1812 году инспекторъ казеннокоштныхъ студентовъ проф. Каменскій донесъ правленію, что у нихъ не хватило денегъ на прокормленіе себя въ мартѣ и апрѣлѣ сего года, и причины этого заключаются въ томъ, что во 1-хъ „всѣ вообще съѣстные припасы сдѣлались противъ прежняго несравненно дороже“, во 2-хъ студенты должны были покупать на наличныя деньги и платить при этомъ

---

1) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 382/21, стр. 32.
2) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 382/21, стр. 53.
3) Ibidem, стр. 64.
4) Ibidem, стр. 65.

не мало за промѣнъ. Правленіе вошло въ положеніе студентовъ и постановило выдать имъ единовременно не въ зачетъ по 5 р. каждому изъ особой суммы, назначенной къ отпуску министромъ народнаго просвѣщенія [1]). Въ 1813 г. студенты принуждены были вслѣдствіе дороговизны просить о выдачѣ имъ жалованья авансомъ за 2 мѣсяца впередъ [2]) и вошли при этомъ въ долги, какъ это видно изъ прошенія, поданнаго ими своему инспектору проф. Каменскому; тамъ они писали: „по причинѣ необыкновенной дороговизны съѣстныхъ припасовъ сумма получаемая нами для содержанія экономіи была недостаточна. Этотъ недостатокъ въ продолженіи времени сдѣлался болѣе и болѣе ощутительнымъ, такъ что теперь мы, будучи должны значительную сумму денегъ, не имѣемъ чѣмъ содержать себя. Не будучи въ состояніи поправить этотъ расходъ, не соразмѣрный съ приходомъ, покорнѣйше просимъ ваше высокоблагородіе, какъ начальника, исходатайствовать намъ сумму денегъ, нужную для уплаты долговъ и настоящаго содержанія нашего хозяйства [3]). Изъ объясненій инспектора выяснилось, что сумма долга равнялась 500 р., и Правленіе постановило выдать студентамъ для погашенія ея 300 р. изъ остатковъ отъ взносовъ своекоштныхъ студентовъ, проживавшихъ съ казеннокоштными [4]). Тотъ же дефицитъ повторился и въ слѣдующемъ 1814 году. Въ виду его студенты вошли съ въ правленіе съ новымъ ходатайствомъ такого содержанія: „давно уже видимъ мы, что отпускаемая намъ столовая сумма совершенно недостаточна для нашего продовольствія, такъ что при всей возможной умѣренности, бережливости и почти общемъ всѣхъ насъ наблюденіи за экономіей, расходы всегда превышали и превышаютъ приходъ нашъ. Причина этого — удвоенная дороговизна съѣстныхъ припасовъ и другихъ потребностей для экономіи необходимыхъ. Отъ этого произошли неизбѣжные и при томъ весьма значительные долги, удовлетвореніе коихъ ни мало не обезпечиваетъ насъ на будущее время, ибо выплативъ ихъ изъ выданной намъ недавно на то суммы, мы и теперь еще не остались свободны отъ займовъ. Таковыя недостачи экономической суммы нашей и невозможность поддержать ее совершенно разстроили и ее, и насъ. Почему мы не будучи въ состояніи содержать столъ, а вмѣстѣ и себя, не находимъ другого средства, какъ просить правленіе принять во вниманіе вышепрописанныя обстоятельства и обратить въ нашу пользу удержанныя за 1812, 1813 и нынѣшній 1814-й годы ремонтныя деньги,

---

1) Харьк. унив. арх. Журн. правл. 1812 г., январь—апрѣль; засѣданіе 11 апрѣля.

2) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. № 749/38, стр. 1, 18.

3) Ibidem, стр. 49.

4) Ibidem, стр. 50.

равно и вычитаемыя за тюфяки, кровати, бумагу и прочее нужное для рисовальнаго искусства, которому въ нынѣшній годъ только трое казеннокоштныхъ студентовъ обучаются [1]). Правленіе университета, получивъ справку отъ казначея о суммахъ, употребленныхъ на первоначальное обзаведеніе казеннокоштныхъ студентовъ и убѣдившись, что вычтено было у нихъ на 392 р. больше, чѣмъ употреблено въ дѣйствительности, постановило выдать имъ для поправленія хозяйства эти 392 р. и прекратить на будущее время впредь до особаго опредѣленія взиманіе съ каждаго судента въ годъ по 10 р. въ ремонтную сумму, т. е. другими словами выдавать имъ отнынѣ полностію всѣ 200 р. на столъ и содержаніе [2]).

Такимъ образомъ, и студенты, подобно профессорамъ, должны были пережить тяжелый кризисъ, вызванный Наполеоновскими войнами, и— нужно отдать должное имъ—вышли съ честью изъ этого тяжелаго испытанія: университетъ, какъ мы видѣли, приходилъ къ нимъ на помощь, частію кредитомъ, частію возвратомъ излишне взятыхъ у нихъ суммъ, частію наконецъ мелкими прибавками; студенты же все таки не вышли изъ своего бюджета и могли это сдѣлать, конечно, только благодаря самой строгой экономіи и своему общему хозяйству. Относительно этого послѣдняго мы должны высказать общее положеніе, что въ то время оно вызывалось необходимостью, хотя было сопряжено несомнѣнно съ нѣкоторыми неудобствами и невыгодами для студентовъ. Эти невыгоды подмѣтилъ между прочимъ и современникъ тогдашній путешественникъ кн. Долгорукій. „Мнѣ не полюбилось, если смѣю быть чистосердеченъ, говоритъ онъ, одно то (въ университетѣ), что студенты сами держатъ артель и одинъ изъ нихъ печется о столовомъ хозяйствѣ. Казалось бы, что такими заботами не надлежало развлекать умы молодыхъ людей, коихъ всѣ мысли обращать должно къ одной учености“ [3]). Безспорно, что хозяйство нѣсколько отвлекало умы студентовъ отъ учености, но несомнѣнно, что при иномъ порядкѣ вещей студенты страдали бы еще больше; двухлѣтній опытъ показалъ, что предоставленіе студенческаго содержанія въ руки особаго подрядчика не устраивало студентовъ и

---

[1]) Подъ этимъ прошеніемъ подписались: Ив. Сухомлиновъ, Микаловскій, Бондаревъ, Червинскій, Маслаковецъ, Райдаровскій, Ив. Дудровичъ, Соколовскій, Костовскій, Шкляревичъ, Денисевичъ, Ал. Сухомлиновъ, Фатѣевъ, Юдинъ, Онуфріевъ, Аладьинъ, Бодарщиковъ, Святскій, Кушнаревъ, Ив. Зиновьевъ, Вас. Зиновьевъ, Водяницкій, Сухоруковъ, Пороховниковъ, Ник. Еллинскій, Можневскій, Ив. Кричевскій, Коломійцевъ, Ст. Кричевскій, Пав. Кричевскій, Севастьяновичъ, Крамаревъ, Шимановъ, Бондаревъ, Вас. Черняевъ, Енкуватовъ (Харьк. унив. арх. Дѣло правл. 1814 г. № $^{817}/_{41}$, стр. 25).

[2]) Ibidem, стр. 26.

[3]) Чтенія Моск. Общ. 1869 г. кн. 2-я, стр. 52.

вызывало постоянныя жалобы съ ихъ стороны, нарушавшія правильность занятій не только ихъ самихъ, но и правленія; недостаточная или недоброкачественная пища должна была вредно дѣйствовать и на здоровье казеннокоштныхъ студентовъ. Правленіе не могло принять на себя такого хлопотливаго и отвѣтственнаго дѣла. Оставалось, слѣдовательно, одно, средство—отдать его въ руки самой студенческой корпораціи; и она, какъ мы видѣли, вполнѣ оправдала оказанное ей довѣріе.

Познакомившись съ матеріальнымъ обезпеченіемъ профессоровъ, мы теперь переходимъ къ изображенію и характеристикѣ ихъ домашняго и семейнаго быта.

Само собою разумѣется, что матеріальная обезпеченность прямо и непосредственно отражалось и на домашнемъ быту и обстановкѣ университетскихъ дѣятелей. И такъ какъ степень зажиточности была неодинакова, то, естественно, что представляли значительное разнообразіе и внѣшній складъ ихъ жизни и обстановки; одни жили очень скромно, замкнуто, другіе богато, открыто. Едва ли, впрочемъ, нужно прибавлять, что большое значеніе имѣлъ тутъ еще и складъ характера, вкусовъ и привычекъ того или иного профессора; еще большее вліяніе оказывало все это на ихъ семейную жизнь. Къ счастью, въ нашемъ распоряженіи есть одинъ источникъ, который чрезвычайно ярко и подробно рисуетъ намъ домашнюю и семейную жизнь (въ связи съ личными чертами характера), одного изъ профессоровъ русскаго происхожденія, именно извѣстнаго, можно сказать, знаменитаго для своего времени Гавріила Петровича Успенскаго. Источникъ этотъ—воспоминанія его сына; мы ими пользовались для изображенія его жизни до перехода въ Харьковъ и для характеристики его матеріальнаго положенія въ Харьковѣ. Теперь мы извлечемъ изъ нихъ данныя о его домашней и семейной обстановкѣ, тѣмъ болѣе, что доселѣ ихъ съ этой стороны, сколько намъ извѣстно, никто не эксплуатировалъ, а между тѣмъ онѣ очень любопытны.

Описавъ извѣстный намъ домикъ Гавріила Петровича, сынъ такими чертами рисуетъ жизнь этого необыкновеннаго труженника: „тутъ въ рѣдкій свободный часъ отдыхалъ онъ въ бесѣдахъ съ сотрудниками по университету; тутъ принималъ чопорные визиты и отсюда неупустительно каждый день утромъ и послѣ обѣда ходилъ и ѣздилъ на службу. Онъ, кромѣ каѳедры, разновременно безпрерывно занималъ должность декана, синдика и инспектора; послѣдняя нерѣдко и ночью вызывала его изъ дому. Всѣ дни для него были одинаковы, кромѣ праздничныхъ, мучившихъ его нарядностью посѣщеній и оффиціальными выѣздами. Каждый день былъ снимкомъ со вчерашняго: зимой и лѣтомъ онъ вставалъ въ четыре часа, тотчасъ умывался водой со льдомъ, одѣвался въ

сюртукъ, и, послѣ короткой молитвы, выпивалъ кружку холодной воды и, пройдясь по залу, за письменный столъ садился. Молча работалъ онъ, и только скрипъ пера давалъ знать о его бодрствованіи. Въ 7 часовъ онъ пилъ чай съ небольшимъ кускомъ бѣлаго хлѣба; послѣ чаю прослушивалъ наши уроки; мы тогда учились въ гимназіи; потомъ принималъ посѣтителей, и если кто изъ нихъ запаздывалъ до 9 часовъ, то, не стѣсняясь его присутствіемъ, укладывалъ свой портфель и откланивался, спѣша въ университетъ. Отъ антипатичныхъ гостей отдѣлывался скорѣй и проще. Когда мы (дѣти) перешли въ университетъ, то отецъ уже не повѣрялъ насъ въ урокахъ. Къ обѣду онъ пріѣзжалъ домой во 2-мъ часу или въ два; сидѣлъ за столомъ всегда не болѣе получаса; говорилъ мало и то исключительно только совѣты и наставленія намъ. Послѣ обѣда спалъ съ часъ на кушеткѣ въ кабинетѣ; вставши, немедленно умывался, выпивалъ кружку холоднаго квасу и поспѣшно усаживался за свою работу. Кабинетъ былъ и спальней отца; кушетка замѣняла ему кровать и одна тугая подушка составляла всю постель. Эта комната была его міромъ; въ прочихъ онъ бывалъ мимоходомъ. Въ 5 часовъ пополудни отецъ опять уходилъ въ университетъ, возвращался въ 7, пилъ чай; съ полчаса потомъ одиноко ходилъ по залу, напѣвая вполголоса что нибудь церковное или строфу изъ народной пѣсни, или же, погружаясь въ задумчивость ходилъ молча, вздыхая и приговаривая: „Боже! милостивъ—буди ко мнѣ грѣшному! Господи! не оставь насъ!" Расположеніе духа рѣдко обнаруживалось въ немъ: настроеніе его зависѣло отъ впечатлѣній внѣшнихъ, предъ тѣмъ принятыхъ. Остальную часть вечера до ужина отецъ мой читалъ журналы и газеты. Садился онъ за ужинъ только для порядка; пилъ одну воду съ чернымъ хлѣбомъ. Послѣ ужина запирался въ кабинетѣ и работалъ пристально далеко за полночь. Такъ жилъ разумный труженникъ, неподдаваясь мучившему его хроническому недугу. Въ предпослѣдніе годы жизни онъ писалъ уже чаще стоя или полусидя. Кресло его было устроено такъ, что только поддерживало небольшой сгибъ ногъ при наклонѣ корпуса, а колѣни въ то же время упирали въ подстольный мягкій щитъ, удерживая тяжесть тѣла. Ясно, что человѣкъ этотъ жилъ для науки и употреблялъ для ней самого себя, какъ постороннюю вещь." А вотъ что говоритъ сынъ о характерѣ своего отца. „Если взять въ соображеніе его затяжную преданность службѣ, его увлеченіе наукой, его убѣжденіе, что безъ нея нельзя быть настоящимъ человѣкомъ, что безъ ученія недолжно даже бы жить на свѣтѣ, то много-ли отыщется случаевъ къ проявленію характера? И въ самомъ дѣлѣ онъ слабо обнаруживался. Всегда за книжнымъ трудомъ, или глубоко погруженный въ думу, отецъ не восприни-

малъ почти ничего внѣшняго; оно проходило для него незамѣченнымъ, не вызывая иногда даже его взгляда; когда бывали посѣтители, то съ ними шла рѣчь о дѣлахъ и предметахъ постороннихъ, имѣвшихъ серіозное значеніе. Только съ нами въ семьѣ своей онъ былъ существомъ чувствующимъ, но и здѣсь все ограничивалось одними совѣтами и наставленіями. Хозяйство вела мать, пока позже не перешло оно въ другія руки; прислуга была наемная, но порядочная заживавшаяся долго; поэтому было покойно и мало выходило случаевъ, нарушавшихъ норму жизненнаго хода моего ученаго отца. Какъ же опредѣлить характеръ человѣка при такой обстановкѣ? Я смѣло сравню всякаго ученаго мужа съ священникомъ, стоящимъ предъ жертвенникомъ въ часы молитвенныхъ отправленій, и спрошу: что можно сказать о его характерѣ? Такъ и служитель науки предъ своимъ жертвенникомъ является существомъ духовнымъ, какъ бы безтѣлеснымъ. А къ тому же была и другая причина, скрывавшая отъ наблюденій характеръ моего отца: это его постоянный недугъ (припадки геморoя), ожесточавшійся при усиленной усидчивости и сырой погодѣ; въ эти дни отецъ мой очень много страдалъ и при всей силѣ терпѣнія слышались стоны его и не сдерживаемое отрывистое кряхтанье. Въ такіе часы болѣзнь подавляла въ немъ все мужество, онъ сидѣлъ и лежалъ съ закрытыми глазами, не произнося ни одного слова; мы по приказанію, отданному разъ навсегда, заглушали его тяжелое дыханіе громкимъ чтеніемъ своихъ уроковъ. По минованіи геморoидальнаго приступа, онъ опять принимался за обычныя занятія. Кромѣ того, что отецъ мой, какъ истый жрецъ науки и какъ болѣзненный страдалецъ, покорилъ плоть духу; но человѣкъ этотъ былъ въ высшей степени разсудителенъ и стоически терпѣливъ, и потому пульсъ его билъ одинаково ровно и не тревожилъ тихаго его характера. Ненасытимую жажду занятій, рьяную любовь къ педагогикѣ и привлеченіе юношества къ тому же я назову потребностью его души, его натуры, и эта потребность такъ преобладала въ немъ, что живого человѣка въ немъ было не видно“. Домашняя обстановка не бросалась въ глаза роскошью, но не лишена была удобствъ. Г. П. могъ бы принимать у себя, но этому мѣшалъ его замкнутый характеръ и складъ его семейной жизни. „Все было, повидимому, хорошо, но только пустовала гостинная: въ ней не бывало ни пышныхъ дамъ, ни аристократовъ, она служила намъ классной комнатой, потому что къ отцу пріѣзжали или товарищи, или просители, которые шли прямо въ кабинетъ или въ залъ; пріѣзжали и посторонніе гости, но къ одному отцу, а къ матери никто не ѣздилъ. Она имѣла безпрерывную припадочную болѣзнь, доводившую ее до большихъ странностей и доведшую наконецъ до отчужденія отъ семейства.

По этой несчастной причинѣ, мать занимала отдѣльныя, отдаленныя отъ другихъ комнаты, никуда не выѣзжала и никогда почти не видалась съ моимъ отцомъ. Такое ея состояніе удвоивало грустное настроеніе духа мужа и отца семейства и отзывалось во всемъ его существѣ томительною тоскливостью, представлявшею его суровымъ и нелюдимымъ. Болѣзненное состояніе матери отражалось и на дѣтяхъ; всѣ мы всегда были грустны, дики и робки: не были у насъ ни веселыхъ игръ, ни дѣтской разгульной свободы, не было ни въ чемъ никакого приволья; къ намъ не приходили наши сверстники поиграть, побѣгать, полакомиться, и насъ не выпускали ни къ кому и никуда; изрѣдка только по праздникамъ водили насъ мимо заострожныхъ ямъ въ университетскій садъ, казавшійся намъ тогда божьимъ раемъ. Мы росли дикарями полагая назначеніе жизни въ одномъ вычиваніи уроковъ. Болѣе всѣхъ пострадала бѣдная сестра моя, находившаяся до выхода замужъ при матери безотлучно; она осталась навсегда не только неразвитою, но и съ испорченнымъ характеромъ. Какъ же послѣ всего этого искать въ отцѣ моемъ чего-нибудь другого, когда въ безпрерывномъ трудѣ, заботахъ и недугѣ, онъ всегда безотрадно страдалъ за себя и семейство! Его жизнь была крестная, мученическая! Провидѣніе, давши ему умъ, надѣлившее средствами, къ счастью повело его для непостижимой намъ цѣли, такой тропой, на которой онъ, выбившись изъ силъ, палъ подъ своей ношей. Не спасли его ни дѣятельный умъ, ни обширныя познанія, ни сильная организація души, ни сила воли; не помогло и богатырское тѣлосложеніе! Г. П. имѣлъ мало общенія съ внѣшнимъ міромъ. „Не помню, говоритъ его сынъ, чтобы хотя однажды кто обѣдалъ у насъ изъ посторонныхъ; даже наши квартиранты, молодые—ученые—Бразоли, Черемисиновы и др. имѣли свой собственный столъ, помѣщаясь особо во флигелѣ. Къ вечернему чаю изрѣдка бывали кто нибудь изъ корифеевъ харьковской науки; элегическое настроеніе ихъ бесѣдъ гармонировало нашему духу. Одинъ только профессоръ Д. С. Борзенковъ своею вѣчною веселостью освѣжалъ иногда нашу печальную обитель и вызывалъ принужденную улыбку на лицо отца. Но и эта непривычная улыбка на лицѣ страдальца походила болѣе на болѣзненную гримассу. Самъ же отецъ мой, кажется, ни къ кому въ гости не ѣздилъ, и только два или три раза въ годъ не обѣдывалъ дома. Дни эти были для него днями мученій! Онъ въ эти дни бывалъ у попечителя университета, или у губернатора и архіерея. Оффиціальность съ ея натянутостью была противна понятіямъ отца и исполненіе ее мучило и терзало его страшно: оно походило на томленіе рыбы, вынутой изъ воды. Вообще все сценическое было противно его душѣ; а надутость, маскированная любезность

и намѣренная униженность казались ему отвратительнымъ фиглярствомъ; онъ дѣлался больнымъ, изнеможеннымъ, отъ продолжительности столкновеній съ лицами, одержимыми такой нравственной проказой. Правда, въ этомъ виденъ характеръ моего отца, не терпѣвшій никакого рода хвастливости и мелочности, соединенныхъ съ насилованіемъ природы человѣка, его достоинства и чувства. Но подобныя проявленія вызывались рѣдкими мимолетными случаями, а въ домашнемъ и кабинетномъ быту, какъ сказалъ я, характеръ его подавлялся работой ума, недугомъ и скорбью". Но за то Г. П. поддерживалъ научно-литературное общеніе со своими друзьями, жившими внѣ Харькова. „Переписка отца, говоритъ его сынъ, съ замѣчательными личностями велась обширная. Мнѣ жаль, что не вспомню всѣхъ ихъ фамилій; но свѣжо помню его длинныя письма къ митрополиту Евгенію и такіе же отвѣты отъ послѣдняго. Помню потому болѣе, что самъ участвовалъ въ ихъ интимной бесѣдѣ—перепискѣ тѣмъ, что писалъ подъ диктовку отца въ часы недуга. Кабинетная связь этихъ мужей прекратилась съ ихъ смертью. Въ 1817 или 1818 году они видѣлись въ послѣдній разъ въ визитацію моего отца западной части университетскаго округа". Очевидно, въ связи съ усилившейся дороговизной Г. П. увеличилъ платныя занятія съ посторонними, что однако неблагопріятно отражалось на воспитаніи его собственныхъ дѣтей. „Неубавляя своей учено-служебной дѣятельности, мой отецъ, читаемъ мы въ воспоминаніяхъ, въ послѣдніе годы чаще и продолжительнѣй давалъ уроки желавшимъ брать ихъ у него дома; однакожъ, это отнимало у него возможность наблюдать по прежнему за нами, и потому мы поручались надзору и руководству учителей, принимавшихся въ домъ нашъ на житье. Но эти пестуны не замѣнили отца и испортили дѣло воспитанія, показывая предъ нами свои слабыя стороны и вводя фамильярность. Они потворствовали намъ, изъ боязни не навлечь на себя нашего неудовольствія, могущаго породить жалобы. Этотъ грѣшокъ чуть-ли не всеобщъ, и рѣдкій наставникъ, поселившійся подъ одну кровлю съ воспитанникомъ, не понизитъ своего тона въ обращеніи съ нимъ" [1]).

Такова была домашняя жизнь Г. П. Успенскаго. Она сложилась, быть можетъ, слишкомъ своеобразно, какъ своеобразна и оригинальна была и самая личность этого изумительно неутомимаго труженника, служителя и, можно сказать, отшельника науки, педагогіи и службы. Но все таки въ ней отразились и многія общія типическія черты той эпохи и онѣ ясно проявляются, если исключить ту замкнутость, которая явилась результатомъ особенностей семейнаго склада жизни Гавріила Петровича. Въ такой внѣшней домашней обстановкѣ — небогатой, скром-

[1]) Воспоминанія сына объ отцѣ (Ворон. губ. вѣд. 1863 г. №№ 27, 28, 30—32).

ной, но и не убогой — жило большинство тогдашнихъ профессоровъ въ своихъ собственныхъ домикахъ, имѣя экипажъ и лошадь, рѣшительно необходимыя при тогдашней харьковской грязи и тьмѣ (объ этомъ ниже).

Полную противоположность Г. П. Успенскому, по своему характеру, представлялъ профессоръ Беленъ де Баллю. Роммель характеризуетъ его такъ: „забавный оригиналъ, фантазеръ, поэтъ, неутомимый говорунъ онъ пѣлъ, декламировалъ; въ обществѣ былъ вѣчно любезенъ и вѣчно разсѣянъ; дома страдалъ отъ безтолковаго хозяйства своей супруги, неудачно выбранной въ Парижѣ... Его непринужденность не знала границъ. Съ русскимъ словаремъ въ рукахъ, шелъ онъ на базаръ и своимъ неправильнымъ акцентомъ, двусмысленными, полупонятными словами возбуждалъ смѣхъ торговокъ; сосѣдскую свинью, ворвавшуюся къ нему въ садъ, представилъ онъ на саняхъ въ уголовную палату, какъ очевидную улику, и обратился къ судьямъ съ такою рѣчью: „господа свиньи“! вмѣсто: господа! эта свинья... и пр. Наканунѣ свадьбы своей дочери онъ разъѣзжалъ въ парадной каретѣ, занималъ деньги у товарищей и тутъ же укупоривалъ посуду“. Эти данныя подтверждаетъ и дополняетъ Розальонъ Сошальскій. „Онъ выбылъ до моего вступленія въ университетъ, но мнѣ хорошо извѣстно какъ то, что онъ превосходно съ одушевленіемъ преподавалъ французскую литературу, такъ и многія странности, о которыхъ разсказывалось всегда при живыхъ порывахъ смѣха. Баллю бывалъ у А. И. Косовскаго (квартирнаго хозяина Розальона Сошальскаго). Разъ на какомъ то семейномъ праздникѣ этотъ непомѣрный толстякъ разсказывалъ ломанымъ русскимъ языкомъ (а когда его не хватало, то съ помощью говорившихъ по французски), какъ онъ, посаженный во время революціи въ качествѣ аристократа въ тюрьму, получилъ тамъ, не помню по какому случаю, ударъ топоромъ въ голову, отъ котораго на этомъ огромномъ совершенно обнаженномъ полушарѣ оставался длинный, широкій и глубокій шрамъ. Вслѣдъ за разсказомъ этимъ весельчакъ французъ сѣлъ за фортепьяно и сталъ распѣвать романсы. Казалось, что еслибы не двадцатипудовая, конечно, не меньше его масса, то онъ пустился бы танцовать. Баллю вскорѣ по прибытіи своемъ въ Харьковъ прославился слѣдующимъ случаемъ. Онъ купилъ себѣ домикъ съ садомъ у самой рѣки противъ св. Михаила, завелъ огородъ, но сквозь плохой заборъ сосѣдскія свиньи дѣлали въ его владѣнія набѣги. Онъ просилъ, чтобы не пускали—не помогало. Тогда, поймавъ одну изъ виновницъ, профессоръ велѣлъ заложить себѣ телѣгу, въ которой ѣздилъ въ университетъ, положилъ въ нее животное и самъ будто бы сѣлъ на него (хотя это мудрено: задавилъ бы). Однимъ словомъ, привезъ въ по-

лицію кричавшее животное и сдалъ его вмѣстѣ со своею жалобою. По тучности своей Баллю долженъ былъ всегда ѣздить въ университетъ и это путешествіе совершалось на одной лошадкѣ, зимою запряженной въ санки, которою самъ онъ правилъ. Почти всегда онъ засыпалъ, укутавшись въ шубу. Лошадь шла шагомъ, профессоръ пробуждался, кричалъ: „alons"!, махалъ кнутомъ; пожалуй, лошадь пускалась рысцей, останавливаясь вновь—и опять, и опять. Противъ дома Грановскихъ было единственное въ Харьковѣ сборное мѣсто биржевыхъ извозчиковъ и, бывало, коль увидятъ ѣдущаго въ гору, шагомъ, дремлющаго Баллю, то хохочутъ, говоря между собою: вонъ уже опять плетется Алена!" [1]).

Князь Долгорукій проѣзжалъ черезъ Харьковъ въ 1810 г., осматривалъ университетъ, познакомился съ Баллю и далъ о немъ слѣдующій отзывъ. „При всей той угрюмости, какой требуютъ возложенные на него труды (по должности библіотекаря) и самыя лѣта, я удивился, нашедъ его въ иныя минуты столь легкимъ, смѣю ли сказать, и вѣтреннымъ, какъ мы привыкли понимать его соотчичей: безпрестанный смѣхъ не сходитъ съ его лица; вдругъ онъ заважничаетъ и сдѣлается несноснымъ педантомъ, чтобъ тотчасъ же послѣ того надъ собой разсмѣяться и выпустить какую нибудь остроту" [2]). У Беленъ де Баллю было многочисленное семейство—5 сыновей и три дочери [3]). Одну изъ нихъ, Аспазію, онъ выдалъ замужъ въ Харьковѣ за учителя рисованія Матеса. Въ журналахъ правленія сохранилась любопытная „рядная запись", т. е. свадебный контрактъ жениха и невѣсты. Беленъ де Баллю далъ за своею дочерью, которой, замѣтимъ кстати, было тогда всего 14 лѣтъ и одинъ мѣсяцъ, 2000 р. приданнаго и ежегодную ренту до уплаты его въ 200 р. Матесъ же съ своей стороны наслѣдницей всего своего имущества, движимаго и недвижимаго, имѣвшагося на лицо и могущаго оказаться по завѣщанію, сдѣлалъ свою будущую жену, причемъ если бы отъ этого брака родились дѣти, то мать ихъ должна была владѣть этимъ имуществомъ пожизненно, а если бы потомства не оказалось, то и на правѣ полной собственности [4]). Вспомнимъ кстати, что Матесъ кромѣ уроковъ въ университетѣ занимался еще преподаваніемъ рисованія частнымъ лицамъ и назначилъ весьма солидную плату по 150 р. съ персоны.

Чрезвычайно общительнымъ иностранцемъ является и почтенный нѣмецъ Роммель. „Въ память о покинутой родинѣ, говоритъ онъ, я, по пріѣздѣ въ Харьковъ, вступилъ въ знакомство съ нѣсколькими семей-

---

[1]) Харьк. губ. вѣд. 1869 г. № 44.

[2]) Чтенія Моск. общ. 1869 г., кн. 2-я, стр. 51.

[3]) Ibidem.

[4]) Харьк. унив. архивъ. Журналы правл. 1811, май—августъ; засѣданіе 4 мая.

ствами честныхъ ремесленниковъ нѣмцевъ. Посредникомъ служили мнѣ добрый другъ мой землякъ Шмерфельдъ, женатый на дочери одного механика. Разъ въ недѣлю собирались у меня и весело ужинали. Неженатые профессора составили также клубъ, въ которомъ принимали участіе одни нѣмцы, за исключеніемъ Стойковича и Калькау. Но скоро украинское гостепріимство открыло мнѣ болѣе обширный кругъ знакомства"—Роммель сталъ посѣщать губернатора и мѣстныхъ помѣщиковъ; супруга тогдашняго губернатора И. И. Бахтина была къ нему очень любезна, „съ очаровательной улыбкой поправляла его ошибки въ русскомъ языкѣ и давала дружескій совѣтъ жениться на русской". И онъ дѣйствительно женился на русской молодой дѣвушкѣ, принадлежавшей къ помѣщичьему дворянскому семейству Харьковской губерніи. Вотъ какъ самъ онъ описываетъ свое сватовство: „еще въ первый годъ моего пріѣзда, говоритъ онъ, судьба привела меня въ обществѣ доктора Кальве, ученика Моцарта, женатаго на богатой русской, въ деревню Водолагу (отъ Харькова верстъ сорокъ), гдѣ жили — графъ Парма, инспекторъ шелковичныхъ плантацій, зять его шведъ Литандеръ и гостепріимное малороссійское семейство Черновыхъ. Старуха Чернова, богатая вдова майора, дочь русскаго священника и сестра генерала Ковалинскаго, приняла меня съ особенною ласкою. Суевѣрная, ханжа, жестокая въ обращеніи со своими дѣтьми и крестьянами, какъ я впослѣдствіи узналъ, эта женщина любила нѣмцевъ. Изъ четырехъ дочерей она выдала замужъ одну за молодого и разгульнаго русскаго ротмистра; три остальныя были дѣвицы. Старшая уже немолодыхъ лѣтъ, имѣла философское направленіе, съ свѣтлымъ оттѣнкомъ, который заняла она у любимаго своего писателя Виланда; самая младшая, очень веселаго и живаго характера, мастерица пѣть украинскія пѣсни, была не старѣе 15 лѣтъ. На одной вечеринкѣ, на которую приглашено было также нѣсколько знатныхъ турокъ, я танцуя и играя въ фанты, влюбился въ третью, самую красивую, по имени Маргариту Ивановну. Гордая, очаровательная манера (особенно когда она разливала чай для гостей), гибкая, тонкая талія, черные прорѣзанные миндалиной глаза, отличали мою красавицу. Недостатокъ знанія иностранныхъ языковъ — она не говорила ни по французски, ни по нѣмецки,—вознаграждался въ моихъ глазахъ неподражаемымъ ея говоромъ и мастерскимъ знаніемъ роднаго ея языка. Въ то время я еще не понималъ, какъ важно различіе религіи, національности, темперамента (въ чемъ убѣдилъ меня впослѣдствіи горькій опытъ), и беззаботно, какъ ребенокъ, выбралъ своимъ сватомъ генерала Ковалинскаго. Онъ пригласилъ семейство Черновыхъ въ Харьковъ на нѣсколько времени и когда однажды моя семнадцати лѣтняя,

порою меланхолическая, украинка вздумала серьезно увѣрять, что бракъ нашъ не можетъ быть счастливъ, я принялъ это за минутный капризъ. Напрасно г-жа Бахтина и Стойковичъ приглашали меня нѣсколько разъ на дачу, предлагая познакомить съ одною русскою дамою, знатною и свѣтскою, которая могла быть мнѣ прекрасною партіею. Я такъ сжился въ мечтахъ съ малорусскою Аркадіею, что не хотѣлъ слышать ни о чемъ. Посаженнымъ отцомъ моей невѣсты были генералъ Маршаль Биберштейнъ; свадьбу отпраздновали въ Водолагахъ, въ февралѣ 1811 г., со всѣми церемоніями и обрядами греко-русской церкви; мѣстный протопопъ былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ вопросъ о согласіи по русски и по латыни (за что и получилъ въ награду 50 руб.). Танцовали до упаду, много пили, много шумѣли, провозглашали многолѣтіе, меня и генерала Ковалинскаго поднимали на воздухъ. На другое утро теща моя, крѣпко державшаяся старыхъ украинскихъ обычаевъ, разсердилась на меня за то, что я не догадался поблагодарить ее, по древнееврейскому обычаю, брачный смыслъ котораго объяснили мнѣ уже впослѣдствіи. Затѣмъ пошли обычные круговые визиты ко всѣмъ сосѣдямъ и родичамъ; сначала ко вдовѣ Дуниной, въ Новой Водолагѣ, гдѣ мы застали старшую дочь ея, остроумную графиню Сиверсъ и цѣлое блестящее общество, тамъ было вдоволь французскихъ гувернеровъ; была за столомъ музыка; младшая изъ дочерей хозяйки, подруга моей молодой жены, не нашла—неприличнымъ проводить насъ, съ восковыми свѣчами въ рукахъ, до нашей спальни“.... Но семейная жизнь Роммеля, начавшаяся счастливо, вскорѣ сдѣлалась весьма непривлядной—и дѣло окончилось разрывомъ супруговъ, жена не захотѣла ѣхать за своимъ мужемъ заграницу, куда онъ рѣшилъ вернуться. „Наша семейная жизнь, пишетъ онъ, началась съ того, что насъ окружила цѣлая толпа весьма дешевыхъ крѣпостныхъ: камердинеръ, кучеръ, столяръ, поваръ; кромѣ того, горничная, кухарка и ключница, которая смотрѣла за всѣми припасами: мукою рисомъ, молокомъ и наливкою. Необходимое на Украйнѣ варенье, которымъ потчивали всякаго гостя, приготовляла моя любезная жена, смыслившая кое что въ ботаникѣ. Она умѣла также готовить малороссійскій борщъ. Мы жили на квартирѣ у купца, при домѣ былъ небольшой садъ и русская баня. Маргарита и ея сестры знали всѣ малороссійскія пѣсни, прелесть которыхъ состоитъ въ нѣжномъ языкѣ, вѣрно отражающемъ природу, въ оригинальной, преимущественно элегической мелодіи и въ богатствѣ содержанія. Любовь, жизнь природы, тоскливое ожиданіе, прощаніе, слава и военные подвиги любимаго козака составляютъ ихъ предметъ. Она начала также учиться по нѣмецки у меня и одного русскаго лектора, но ей недоставало настойчивости въ занятіяхъ.

Сначала мы вели аркадскую жизнь; когда я возвращался вечеромъ съ лекціи и садился за чайный столикъ, она часто говорила мнѣ, что довольна и счастлива. Но мало по малу горизонтъ помрачался. При всей преданности и нѣжности, въ ея темпераментѣ были черты холерической раздражительности, часто прорывавшіяся наружу, и мрачное стремленіе къ піэтизму. Не разъ мать возила ее въ Ахтырку, куда одна изъ чудотворныхъ иконъ Богоматери постоянно привлекала большую толпу странницъ, особенно такихъ бездѣтныхъ молодыхъ женщинъ, какъ была моя жена. Я сдѣлалъ, можетъ быть, ошибку, оставивъ ей полную свободу для этихъ поѣздокъ. Слишкомъ частыя посѣщенія ея родныхъ, которые со всею рухлядью и толпою крѣпостной челяди располагались въ нашемъ домѣ на цѣлыя недѣли, мѣшали обычнымъ моимъ занятіямъ и нарушали домашнее спокойствіе. Наконецъ, явился кузенъ, задолго прежде расписанный мнѣ великолѣпными красками; свилъ себѣ гнѣздышко въ моемъ домѣ очень безцеремонно на нѣсколько недѣль и принялся покорять женскія сердца восхитительными разсказами и подарками. Я затаилъ въ себѣ мучительную досаду и болѣзненную ревность и тѣмъ положилъ зародышъ желчной нервной горячки; страдалъ и тосковалъ одиноко въ то время, какъ все общество легкомысленно и безпечно предавалось веселостямъ на загородныхъ прогулкахъ. Національная ненависть противъ всѣхъ иностранцевъ, сильнѣе пробудившаяся послѣ нашествія французовъ, отразилась также на моихъ семейныхъ отношеніяхъ. Разсѣялось прежнее очарованіе любви, порожденной болѣе фантазіей, чѣмъ истинною симпатіей и сходствомъ вкусовъ. Не задумываясь, я вдругъ рѣшился подняться, чтобъ спасти свою независимость и поискать въ Петербургѣ новой должности. Передъ тѣмъ незадолго меня представили къ наградѣ за изданныя для университета сочиненія и безъ всякихъ препятствій разрѣшили еще увольненіе въ отпускъ на одинъ годъ. Оставивъ половину жалованья заступавшему мое мѣсто профессору Шаду, я продалъ все свое движимое имущество, къ великому ужасу родственниковъ, и нанялъ для перевозки остального и отборныхъ книгъ нѣсколькихъ извозчиковъ съ тремя повозками. Со мною отправился отставной раненый прусскій офицеръ, фонъ-Вестергагенъ, которому хотѣлось попытать счастья въ Петербургѣ. Сборы къ путешествію окончены были съ величайшею быстротою въ то время, когда въ Харьковѣ свирѣпствовала тифозная эпидемія, поразившая профессора Шмерфельда. Одинъ изъ моихъ товарищей, Дюгуръ, условился со мною также выбраться поскорѣе изъ опаснаго мѣста. Передъ выѣздомъ (въ іюлѣ 1814 г.) мнѣ случайно попалось въ руки женино письмо къ кузену, посланному моею злою судьбой, письмо, которое осталось для меня за-

гадкою; въ немъ она жалуясь на свою участь, употребила выраженіе: „хамеліонъ“. Впрочемъ, мы предприняли это путешествіе съ общаго согласія, хотя, конечно, каждый изъ насъ таилъ въ душѣ надежду, что для него начнется новая эра еще свѣжей жизни“. Въ Петербургъ Роммель выѣхалъ вмѣстѣ со своею женой. „По особой благосклонности министра, графа Разумовскаго, говоритъ Роммель, отпускъ давалъ мнѣ право жить въ Москвѣ или Петербургѣ. Прежніе планы о путешествіи на Кавказъ и въ Константинополь рушились безвозвратно. Особенно грустно было подумать, что чистыя стремленія мои и моихъ товарищей основать въ центрѣ Украйны новый, прочный разсадникъ гуманистическаго и литературнаго образованія, уничтожается, что послѣ насъ древнеславянское варварство воцарится снова и интриги отсталыхъ русскихъ къ подавленію брошенныхъ нами сѣмянъ найдутъ свободную арену“. По поводу этого послѣдняго выраженія издатель русскаго перевода записокъ Я. О. Балясный замѣчаетъ: „вѣроятно, авторъ этихъ записокъ, изданныхъ въ 1854 г., имѣлъ утѣшеніе видѣть, что мрачныя его опасенія за будущность Харьковскаго университета не сбылись: послѣ его отъѣзда древнеславянское невѣжество не нашло себѣ болѣе мѣста и не ужилась тамъ, гдѣ прежде было ему такъ привольно; сѣмена, брошенныя первыми дѣятелями, не заглохли“. Мы отъ себя къ этому прибавимъ, что идея Роммеля о древнеславянскомъ невѣжествѣ характеризуетъ не столько истинное положеніе дѣла, сколько его собственное міросозерцаніе и настроеніе; университетъ въ Харьковѣ былъ основанъ по иниціативѣ страстнаго двигателя просвѣщенія В. Н. Каразина, а не какого нибудь иностраннаго культуртрегера, да и раньше въ Украйнѣ не было „древнеславянскаго варварства“, если въ ней жилъ и дѣйствовалъ такой человѣкъ, какъ Г. С. Сковорода, бывшій для своего времени ходячимъ университетомъ и духовной академіей, если само общество было до нѣкоторой степени подготовлено къ открытію здѣсь высшаго учебнаго заведенія, если среди „отсталыхъ русскихъ“ профессоровъ были такіе передовые дѣятели, какъ Рижскій, Осиповскій, Успенскій, Тимковскій. Любопытно путешествіе Роммеля отъ Харькова до Петербурга. Мы приведемъ его описаніе съ нѣкоторыми сокращеніями, такъ какъ оно представляетъ интересъ по своему содержанію и для характеристики самого Роммеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить какъ бы образцомъ отчета о командировкѣ въ предѣлахъ Россіи одного изъ выдающихся дѣятелей тогдашней харьковской профессуры. „Тяжело сжималось мое сердце, продолжаетъ далѣе Роммель, неизвѣстностью: согласится ли жена моя, теперь еще больше заключившаяся въ себѣ, покинуть свои пенаты и поѣхать за мною въ Германію.

Путешествіе наше отъ Харькова до Москвы шло очень медленно. Зная, что постоялые дворы по нашей дорогѣ были рѣдки, мы не пропускали случая запасаться въ деревняхъ молокомъ, масломъ, яйцами и хлѣбомъ, но не разъ приходилось намъ готовить свой обѣдъ на чистомъ воздухѣ, за самоваромъ. Утомленіе безсмѣнныхъ лошадей и лѣность ямщиковъ принуждали насъ къ частымъ отдыхамъ. По причинѣ лѣтняго зноя лучше было бы ѣхать ночью, но намъ мѣшали волки, которыхъ водилось такъ много въ южной Россіи, что я со своимъ спутникомъ, пруссакомъ, нерѣдко принужденъ былъ мѣнять трубку на пистолетъ, чтобы прогонять ихъ. Только съ переѣздомъ въ Великороссію кончилась утомляющая своимъ однообразіемъ степная равнина. Мѣстность приняла другой видъ: холмы, долины и рѣки смѣнялись чаще; въ деревняхъ, по большей части состоявшихъ изъ одной широкой улицы, показались крестьянскіе дома съ высокими крышами и надстройками... Съ приближеніемъ къ водному пути Волги и Москвы торговое движеніе въ мѣстечкахъ и ямскихъ слободахъ замѣтно возрастало: по большимъ дорогамъ, ведущимъ въ Курскъ и Орелъ, попадались огромныя стада украинскихъ быковъ, перегоняемыхъ на сѣверъ, и длинные ряды одноконныхъ извощичьихъ телѣгъ, которыми управляли нестолько спавшіе мужики, сколько смышленныя малороссійскія лошади“. Пропуская замѣчанія Роммеля о Тулѣ и Серпуховѣ, мы приведемъ его впечатлѣнія отъ Москвы, которая тогда еще не успѣла оправиться отъ Наполеоновскаго разоренія. „Не смотря на предшествовавшую катастрофу, этотъ огромный, раскинувшійся на 40 верстъ столичный городъ, по наружности болѣе азіатскій, нежели европейскій, представлялъ грандіозный, живописный видъ своимъ положеніемъ на подобіе амфитеатра, въ видѣ молодого полумѣсяца, своими безчисленными куполами и колокольнями, сіявшими позолотою. Черезъ предмѣстья, обращенныя въ груду развалинъ, чрезъ пепелища трехъ частей города, облегавшихъ крѣпость тремя извилистыми линіями, добрались мы до высокаго Кремля и только тогда, осмотрѣвшись кругомъ, могли измѣрить все значеніе этого колоссальнаго разрушенія: 11800 деревянныхъ домовъ и лавокъ, вмѣстѣ съ огромнѣйшими запасами товаровъ, преданы были пламени; изъ 9158 каменныхъ жилищъ только 2626 уцѣлѣли отъ разрушенія.... Послѣ того Москва отстроилась по новому болѣе правильному плану; главныя улицы вымощены; мостовыя изъ цѣльныхъ бревенъ исчезли; населеніе дошло до 500000, когда дворянство возвратилось снова со своими безчисленными толпами слугъ, а фабрики и мануфактуры быстро поднялись. Но непобѣдимымъ препятствіемъ совершенно правильному проведенію улицъ было множество уцѣлѣвшихъ церквей, мѣшали также отдѣльно

разбросанныя публичныя и частныя зданія, интересы пострадавшихъ отъ пожара и азіатскій безпорядокъ 64 большихъ и 521 малыхъ улицъ. Еще и теперь этотъ татарскій Римъ, по выраженію г-жи Сталь, представляетъ пеструю картину контрастовъ между великолѣпіемъ, роскошью и утонченностью съ одной стороны, и бѣдностью, нищетою и варварствомъ съ другой. Говорятъ, что въ настоящее время немного уменьшилась страшная толпа иностранныхъ учителей и гувернеровъ въ домахъ русскихъ баръ. Но съ возобновленіемъ города юстиція и администрація не обновились, правильно организованное взяточничество чиновниковъ и дерзкіе наѣзды полиціи не вывелись; возмутительное не боящееся гласности нарушеніе законовъ очень нерѣдко; въ особенности держится еще крѣпко неуваженіе къ личности, полицейскій самосудъ, который не любитъ разбирательства и приводитъ всѣ рѣшенія къ одному итогу—къ спинѣ и бородѣ русскаго человѣка. Первый мой выходъ направленъ былъ въ Кремль, возвышенную часть города, обнесенную стѣнами и рвами, въ которой и послѣ разрушенія укрѣпленій и части древняго дворца царей, было что посмотрѣть въ соборахъ и монастыряхъ.... Посѣтивъ университетъ, я нашелъ только двухъ профессоровъ: знаменитаго натуралиста Фишера, который сидѣлъ въ это время за фортепьяно и пѣлъ Гораціеву оду — Integer vitae scelerisque purus; — съ нимъ отправился къ Гейму, издателю русскаго словаря. Пострадавшей отъ пожара библіотекѣ университета я подарилъ небольшое собраніе римскихъ и греческихъ классиковъ, что было замѣчено русскими газетами. Уѣзжая изъ города, я продалъ свою тройку лошадей. На конномъ рынкѣ между русскими величаво расхаживали одѣтые богато и нарядно цыганскіе старшины. Русскій барышникъ покончилъ свой торгъ со мною хлопаньемъ по рукамъ, какъ это водится на Китайской границѣ въ Кяхтѣ.... Такъ собралось у меня отъ 4 до 5 тысячъ наличныхъ денегъ; дорогою истрачено было нѣсколько сотенъ; счетъ на постоялыхъ дворахъ нигдѣ не превышалъ 10 руб. ассигнаціями, включая и кормъ лошадей. Дорога отъ Москвы до Петербурга (727 в.), сложенная изъ цѣльныхъ бревенъ, шла по расчищенному тракту Валдайскихъ горъ. Въ Твери множество барокъ, отходившихъ въ Петербургъ съ товарами, дало намъ въ 1-й разъ ясное понятіе о необыкновенной дѣятельности русскаго народа. Лучшимъ живописнѣйшимъ пунктомъ нашего пути была дорога по Валдайскимъ горамъ, которыя по преданію служили убѣжищемъ разбойниковъ, а теперь превосходно расчищены и вполнѣ безопасны. Высокая мѣстность этой русской Швейцаріи видна уже изъ того, что отсюда большія рѣки несутъ свои воды на югъ и на сѣверъ....“ Черезъ Торжокъ, Великій Новгородъ и Царское село Роммель въѣхалъ въ Пе-

тербургъ. „Въ то время въ Петербургѣ дѣлались огромныя приготовленія въ честь увѣнчаннаго лаврами побѣдъ Императора Александра и его колосальной гвардіи; сѣверная резиденція, обыкновенно тихая, была оживлена, какъ никогда; гордое сознаніе націи, внезапно поднявшейся какъ исполинъ послѣ долгаго сна и не безъ презрѣнія смотрѣвшей на всѣ другіе народы, освобожденные Россіею изъ подъ Наполеонова рабства, проглядывало вездѣ и высказывалось даже въ скромныхъ рѣчахъ воспитанниковъ педагогическаго института. При этомъ случаѣ я удивлялся тонкому такту графа Разумовскаго, который вѣжливою благодарностью избавилъ очень кстати меня и другихъ иностранцевъ отъ слишкомъ панегерической рѣчи одного восторженнаго воспитанника.... Желаніе мое представиться Императору до отъѣзда его на Вѣнскій конгресъ не исполнилось по случайному обстоятельству. Я отправился въ загородный дворецъ Александра на Каменномъ островѣ въ лодкѣ; поднявшаяся внезапно буря занесла насъ на западную сторону; послѣ страшныхъ усилій мой русскій лодочникъ высадилъ меня на берегъ, гдѣ я, промокши до костей, нашелъ убѣжище въ домѣ знаменитаго математика Шуберта, но здѣсь узналъ я, что Императоръ приготовился совсѣмъ къ отъѣзду и изъ устъ лейбъ-медика Виллье услышалъ „c'est trop tard“. Однакожъ я продолжилъ свое пребываніе въ Петербургѣ, чтобъ осмотрѣть все замѣчательное и вмѣстѣ съ тѣмъ отдалить, сколько возможно, послѣднюю разлуку съ своею женою, въ ожиданіи ея рѣшенія. Но когда надежды мои убѣдить ее поѣхать со мною въ Германію или получить мѣсто въ Петербургѣ не сбылись, я рѣшился на горькую разлуку и зимою въ 1815 году выѣхалъ въ Германію по дорогѣ черезъ Лифляндію на Таурогенъ. Въ апрѣлѣ 1816 г. былъ я уже въ Касселѣ и очень скоро занялъ мѣсто профессора исторіи въ Марбургѣ. Оттуда еще разъ писалъ я къ женѣ, которая жила въ Петербургѣ у своей подруги, графини Ламбертъ, приглашая ее послѣдовать за мною въ Германію; но скоро получилъ отвѣтъ, что по привязанности къ родинѣ и религіи она рѣшилась остаться въ своемъ отечествѣ. Впослѣдствіи узналъ я, что Маргарита Ивановна, разставшись со мною, вела очень набожную монашескую жизнь и въ 1833 году скончалась въ Константиноградѣ. Увольненіе изъ русской службы я получилъ еще въ августѣ 1815 г., въ моемъ аттестатѣ означены были услуги, оказанныя мною Харьковскому университету. Черезъ нѣсколько времени мнѣ выслали также брильянтовый перстень, à cause des bons sentiments, qu'il (Rommel) a temoigné pendant son séjour en Russie, какъ выразился графъ Нессельроде въ письмѣ, при которомъ препровожденъ былъ подарокъ“. Заключаетъ свои воспоминанія о Россіи Роммель такъ: „съ полною при-

знательностью вспоминаю то радушное гостепріимство, которымъ пользовался я въ Россіи, и сознаюсь, что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ мною тамъ, значительно расширили мой кругозоръ и еще болѣе укрѣпили во мнѣ любовь къ Германскому отечеству". „Въ 1820 году Роммель вызванъ былъ съ званіемъ исторіографа изъ Марбурга въ Кассель, гдѣ ему поручено завѣдываніе королевскимъ и государственнымъ архивомъ, а впослѣдствіи библіотекою. Заслуги его для этихъ учрежденій, особенно для исторіи своего отечества, Гессена, награждены были между прочимъ возведеніемъ въ дворянское достоинство. Главное его сочиненіе—Geschichte von Gessen (Bd. 1—8, Hamb. u. Gotha, 1820—43), котораго послѣдняя, 9-я часть (Kassel, 1853) имѣетъ еще особенное заглавіе: Geschichte Hessens seit dem Westphälischen Frieden. Достойны также вниманія его изданія: Correspondence inédite de Henri IV, roi de France, avec Maurice le savant, Landgrave de Hesse (Paris, 1840) и переписка между Лейбницемъ и ландграфомъ Эрнстомъ фонъ-Рейнфельсъ (2 Bd. Frankf. am Main, 1847). Роммель скончался въ 1859 году" [1]).

Таковымъ является передъ нами одинъ изъ наиболѣе выдающихся иностранныхъ профессоровъ въ своей частной жизни, въ своей семейной обстановкѣ, по его же собственнымъ воспоминаніямъ. Роммель, по переѣздѣ своемъ въ Харьковъ, вступилъ въ тѣсное общеніе съ харьковскою средою, насколько это было возможно для него, какъ для иностранца, незнакомаго съ русскимъ языкомъ, которому, впрочемъ, онъ, какъ мы видѣли, сталъ немедленно учиться практически у приставленнаго къ нему университетскаго служителя и почувствовалъ даже большую симпатію къ мѣстной украинской стихіи—къ малороссійскому языку, котораго тогда не чуждались, оказывается, и представители высшаго помѣщичьяго круга, къ чудной малороссійской пѣснѣ, къ обычаямъ. Къ несчастью онъ сдѣлалъ несовсѣмъ удачный выборъ невѣсты—между ними была цѣлая пропасть относительно характера, привычекъ умственнаго развитія и т. п.; у нея не оказалось никакихъ задатковъ для духовнаго сближенія съ мужемъ, для проникновенія въ сферу его интересовъ; она даже не могла или не захотѣла выучиться разговорному языку своего супруга; къ окончательному же разрыву привели ея піэтизмъ и появленіе въ домѣ кузена. Потерпѣвъ крушеніе въ попыткѣ создать себѣ счастливую семейную обстановку, Роммель не могъ уже противиться созрѣвшей у него мысли оставить Харьковъ, а когда ему не удалось устроиться и въ Петербургѣ, онъ вернулся въ отечество. Харьковъ сдѣлался для него невыносимъ не только по указанной выше при-

---

[1]) Я. О. Баляснаго. Пять лѣтъ изъ исторіи Харьков. университета, стр. 111.

чинѣ, но и вслѣдствіе гигіеническихъ его условій, дороговизны и наконецъ реакціи, которая поднялась тогда противъ иностранцевъ послѣ отечественной войны 12-го года.

Очень неудачно также сложилась семейная жизнь и другого выдающагося по своимъ способностямъ и значенію проф. Ивана Егоровича Шада. Кромѣ того онъ еще сильно запивалъ. „Неумѣренное пьянство, говоритъ Роммель, подрыло его здоровье, а несчастный бракъ, состоявшійся въ Курскѣ, на пирушкѣ съ женщиной сомнительной репутаціи и скупою— не то русскою, не то нѣмкою — ускорилъ его домашнюю катастрофу". По привычкамъ это былъ совершенный циникъ. „Разсказы его, говоритъ Роммель, о скандалезныхъ приключеніяхъ съ монахами были очень забавны и блистали неистощимымъ юморомъ, особенно когда онъ брался за скрипку, спасенную во время опаснаго его прыжка изъ Банца, и затягивалъ пѣснь свободы, подходившую къ птичьему пѣнію. Это былъ совершенный циникъ, у котораго монашескія привычки несовсѣмъ прикрывались русскимъ мундиромъ". „Помню, говоритъ Розальонъ Сошальскій, суетливаго тощаго Шада, на котораго указывали, какъ на взяточника и распространителя невѣрія подъ оболочкою темнаго философствованія" [1]). Къ этому Н. А. Лавровскій прибавляетъ, со словъ Т. И. Селиванова, слѣдующее. „Т. И. Селивановъ въ своихъ замѣткахъ также говоритъ, что онъ „любилъ выпить", для чего ѣздилъ часто въ одинъ подгородній хуторъ и на возвратномъ пути оттуда „съ малой толикой наливки" былъ однажды захваченъ объѣздчиками (о чемъ сохранилось особое дѣло въ правленіи) [2]). Тамъ же замѣчено, что Шаду „нравилась русская національная брань; въ ней, говоритъ онъ, нѣтъ проклятій, а какая то любезность, облеченная въ грубую и похабную форму; и всѣ фразы ея перевелъ на латинскій языкъ, а подъ случай, гдѣ надобно(!), и употреблялъ [3]). Страсть Шада къ выпивкѣ подтверждаетъ и Цебриковъ. „У сего почтеннаго добраго старца (архіерея Христофора Сулимы), говоритъ онъ, между прочими особами, пріѣхавшими къ нему съ поздравленіями, застали мы профессора философіи Шада, говорившаго съ архіереемъ по латыни весьма чисто, плавно и скоро. Братъ мой познакомилъ меня съ симъ профессоромъ, о великой учености котораго я уже прежде довольно наслышался; просилъ его къ себѣ; но это было первое и послѣднее мое съ нимъ свиданіе, ибо онъ ко мнѣ не пожаловалъ; а я послѣ узналъ отъ другихъ,

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г. № 44.

[2]) Его мы изложимъ ниже.

[3]) Чтенія Моск. Общ. ист. древн. 1873 г., кн. 2-я, стр. 39.

что жена его, а особливо послѣ обѣда, никуда изъ дому не пускаетъ, зная его слабость, что любитъ по ученому веселиться, а иногда даже и до излишества“ [1]). Извѣстіе Роммеля о разладѣ въ семейной жизни Шада подтверждается и оффиціальнымъ документомъ—просьбою о разводѣ, поданною Шадомъ въ правленіе университета въ 1806 году. Вотъ ея подлинный текстъ: „какъ между мною, женою моею и ея родителями сдѣланы условія относительно предварительныхъ пунктовъ къ испрошенію на законномъ основаніи развода нашего супружества, то почитаю нужнымъ обо всемъ, что въ этомъ дѣлѣ между нами произошло, извѣстить университетъ; причемъ поелику въ этихъ пунктахъ дѣло идетъ о выгодахъ, уставомъ университета законнымъ женамъ и дѣтямъ профессоровъ назначенныхъ, то безъ сомнѣнія нужно университету знать, какое съ обѣихъ сторонъ нами относительно этихъ выгодъ сдѣлано условіе. Сверхъ сего желаю, чтобы посредствомъ данной университету власти дѣло это имѣло болѣе важности и тѣмъ легче достигнута была предположенная мною цѣль. Важнѣйшія условія, на кои я, жена моя и ея родители согласились, слѣдующія: 1) я и жена моя отказывается отъ всѣхъ правъ, преимуществъ и выгодъ, коими бы на основаніи законнаго супружества одна или другая изъ насъ сторона могла въ какое-либо время пользоваться; 2) жена моя въ особенности отказывается отъ всѣхъ выгодъ и награжденій, которыми бы она по силѣ устава университета могла пользоваться, не требуя при томъ отъ меня ничего ни подъ какимъ предлогомъ, такъ что я сдѣлаюсь отъ нея во всемъ свободнымъ, какъ будтобы между нами никогда не бывало супружества; 3) этотъ отказъ имѣетъ простираться на родившуюся нынѣ отъ нея дочь, такъ что эта послѣдняя не будетъ имѣть никакого права на полученіе отъ университета пенсіи или какого-либо другого въ пользу мою назначеннаго университетомъ награжденія, причемъ жена моя и ея родственники принимаютъ на себя заботу о содержаніи и воспитаніи ея, такъ что она никогда не будетъ мнѣ въ тягость; 4) напротивъ того я съ своей стороны обязуюсь ни въ какомъ случаѣ не присваивать себѣ права на эту дочь или стараться входить въ распоряженіе имѣнія, какое бы этой дочери наслѣдственнымъ правомъ или какимъ-либо другимъ образомъ ни досталось во владѣніе; словомъ что какъ я остаюсь свободенъ отъ всѣхъ тягостей относительно содержанія этой дочери, такъ равнымъ образомъ не имѣю я пользоваться никакими со стороны ея выгодами. А посему прошу правленіе университета отрядить въ домъ г. Глика секретаря университетскаго совѣта и одного профессора изъ россіянъ, препоручивъ

[1]) Рукопись Цебрикова въ Императ. публичн. библ.

имъ спросить: 1) остается ли жена моя твердою въ тѣхъ мысляхъ, чтобы никогда не примириться со мною; 2) желаетъ ли она чистосердечно эти предварительные пункты относительно нашего развода подписать вмѣстѣ съ ея родителями. Когда они эти пункты подпишутъ, тогда и я подпишу, должны подписать и эти два свидѣтеля со стороны университета", Правленіе постановило—на основаніи 8-го § Высочайше утвержденной грамоты университета поручить гг. профессорамъ Шумлянскому и Стойковичу спросить, согласно прошенію г. Шада, какъ его супругу, такъ его самого, съ тѣмъ, что если они оба на продолженіе супружескаго житья не согласятся и изображенныя въ просьбѣ проф. Шада условія признаютъ согласными съ ихъ искреннимъ расположеніемъ, чтобъ какъ они, мужъ и жена, такъ и родители супруги г. Шада подъ этими условіями подписались, кои потомъ съ собственнымъ на томъ же засвидѣтельствованіемъ имѣютъ они гг. профессора представить въ правленіе" [1]). Эта просьба о разводѣ была подана 15 ноября. Деканы Шумлянскій и Стойковичъ отправились, согласно данному имъ порученію, въ домъ Шада и скрѣпили своими подписями состоявшееся между Шадомъ и его женою соглашеніе о разводѣ. Условія его вполнѣ соотвѣтствовали пунктамъ, указаннымъ Шадомъ, но въ началѣ говорится о причинахъ, вызвавшихъ разводъ. „Мы нижеподписавшіеся Іоганъ Баптистъ Шадъ, профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета и Антоанетта Маргарита Шадъ, урожденная Гликъ. По собственной волѣ нашей въ 1805 году, ноября 12 дня мы вступили въ законный бракъ, но по прошествіи нѣкотораго времени нашли, что наши характеры и склонности между собою столь много одни другимъ противны, что нѣтъ ниже малѣйшей надежды даже и на предбудущія времена, чтобы мы могли когда либо жить согласно. Частыя домашнія несогласія наконецъ столь усилили обоюдное огорченіе, что мы почитаемъ себя вправѣ просить гдѣ слѣдуетъ о законномъ расторженіи нашего брака, почему и обязываемся учинить съ обѣихъ сторонъ нужныя распоряженія и таковыми какъ можно ускорить разводъ" (за тѣмъ слѣдуютъ извѣстные намъ пункты). Въ іюнѣ 1807 года по взаимному согласію Шада и его жены прибавленъ былъ къ этимъ условіямъ еще одинъ пунктъ, разрѣшавшій той и другой сторонѣ безпрепятственно вступить въ новый бракъ; и онъ былъ подписанъ Шадомъ и его женою, проживавшею повидимому у своего отца, майора Глика. Замѣтимъ кстати, что дочь Шада, родившуюся 19 сентября 1806 г., звали Елизаветой [2]). Мы не знаемъ исхода этого дѣла; не можемъ сказать утвердительно, развелся ли Шадъ со своей женой

[1]) Харьк. универ. архивъ. Журн. правл. 1806 г. іюль—дек.: засѣданіе 15 ноября.
[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло Правленія 1806—1807 г. № $^{155}/_{9}$.

(повидимому, да). Изъ послужнаго списка 1812 г. видно, что тогда у него были дѣти—сынъ Германъ 10 лѣтъ и дочери Туллія 8 л. и Елисавета 6 [1]). Во время высылки у него осталась повидимому одна дочь и сынъ. Тутъ неясная для насъ хронологія. Если сыну его въ 1812 г. было 10 лѣтъ, то значитъ Шадъ долженъ былъ жениться еще заграницей, ибо въ Россію онъ пріѣхалъ только въ 1804 г., а въ 1802—1803 г. жилъ еще въ Іенѣ. Между тѣмъ самъ онъ, какъ мы видѣли, говоритъ, что женился въ 1805 году, т. е. уже въ Россіи, на дочери Глика. Въ письмѣ къ Веймарскому посланнику онъ свидѣтельствуетъ, что въ моментъ высылки изъ Россіи его дочери было около 13 лѣтъ; а такъ какъ высланъ онъ былъ въ декабрѣ 1816 года, то дочь эта родилась въ 1803—1804 гг.; слѣдовательно, можно думать, что рѣчь идетъ здѣсь о младшей его дочери, которой въ 1812 г. было 6 лѣтъ, значитъ родилась она въ 1806 г. Но почему же въ такомъ случаѣ Шадъ въ своемъ бракоразводномъ проэктѣ ничего не упоминаетъ о старшемъ сынѣ и о старшей дочери, которые были живы еще въ 1812 г.? Всѣ эти неясности и противорѣчія, быть можетъ, объясняются просто неточностью хронологическихъ свѣдѣній нашихъ документовъ, а можетъ быть свидѣтельствуютъ и объ оставшихся намъ неизвѣстными перемѣнахъ въ семейномъ положеніи Шада; правдоподобнѣе однако первое предположеніе и Варвара Шадъ, производившая взысканія по векселямъ, и есть, по всей вѣроятности, та полурусская, полунѣмка, о которой говоритъ Роммель. Выше мы отмѣтили, что Шадъ и послѣ своего невольнаго удаленія изъ Россіи выказалъ заботу о матеріальномъ обезпеченіи своей семьи.

Аристократическій элементъ въ профессорской коллегіи того времени представленъ былъ извѣстнымъ Стойковичемъ. Роммель его характеризуетъ такъ: „нашимъ геніемъ добра и зла былъ многоопытный, отлично изучившій слабыя стороны русскихъ и нѣмцевъ, честолюбивый сербъ Стойковичъ. Его высокая, худощавая фигура, строгое съ орлинымъ носомъ лицо вызывали уваженіе, а рѣдкій даръ слова и административные таланты упрочили за нимъ огромное вліяніе". Т. И. Селивановъ сообщаетъ о немъ слѣдующія данныя. „Аѳанасій Ивановичъ (Стойковичъ) роста былъ высокаго, сухощавъ, носъ имѣлъ продолговатый, прямой, говорилъ довольно скоро, съ жаромъ (энергически), выразительно; употреблялъ много славянскихъ словъ, обладалъ свѣтлою логикою; былъ находчивъ, гибокъ, смѣлъ, рѣшителенъ, нетерпѣливъ и не всегда ровенъ. Онъ принятъ былъ во всѣхъ обществахъ, танцоръ и въ танцахъ любилъ первенствовать. Въ бесѣдахъ любилъ показать себя съ

[1]) Чтенія Моск. общ. 1873 г., кн. 2-я, стр. 54—57.

достоинствомъ ученаго и современнаго человѣка, мастеръ былъ понимать и преслѣдовать шарлатановъ, выходцевъ и бродягъ изъ западныхъ государствъ, которыми наполнены были барскіе или аристократическіе дворы. Его въ сравненіи съ другими часто посылали визитаторомъ и онъ вполнѣ оправдывалъ достоинство профессора, потому что былъ многосторонне знающъ и оставлялъ по себѣ лестное воспоминаніе. Любилъ своихъ земляковъ сербовъ и вообще карпатороссовъ, которыхъ приглашалъ или выписывалъ и доставлялъ имъ мѣста при университетѣ и въ гимназіяхъ.... Оставивъ Харьковскій университетъ, онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занималъ разныя почетныя мѣста и дослужился до дѣйствительнаго статскаго совѣтника, до чего достигнуть въ то время не многимъ изъ профессоровъ удалось. Стойковичъ умеръ въ Петербургѣ и оставилъ наслѣдникамъ имѣніе и капиталъ“ [1]). Розальонъ Сошальскій къ этому прибавляетъ, что онъ женился по расчету на богатой помѣщицѣ Голубовой, а въ Петербургѣ занималъ не почетныя должности, а служилъ по тайной полиціи. „Австрійскій славянинъ Стойковичъ, огромнаго роста, стройный, съ сильно выразительными чертами человѣкъ... въ житейскихъ отношеніяхъ былъ по поговоркѣ со всячиною“. Со времени вступленія на должность ректора Стойковича открылась, по словамъ Розальонъ Сошальскаго, позорная торговля магистерскими и докторскими дипломами [2]). О не менѣе позорной его торговлѣ венгерскими винами, картинами и т. п., мы говорили уже выше (304—348 стр.) и потому теперь на этомъ останавливаться не будемъ. Теперь же прибавимъ къ этому, что жилъ онъ весьма открыто и устраивалъ между прочимъ такъ называемые латинскіе вечера, гдѣ говорили по латыни и по гречески [3]). Стойковичъ выписывалъ изъ заграницы постоянно въ большомъ количествѣ вина, картины и ѣздилъ туда въ каникулярное время, чтобы пользоваться водами, виноградомъ и горнымъ воздухомъ. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ австрійское правительство заподозрило его въ шпіонствѣ и продержало нѣкоторое время въ заключеніи. Вотъ подробности этого любопытнаго эпизода, какъ онѣ изложены въ подлинныхъ бумагахъ самого Стойковича. Въ 1810 году 25 іюня Стойковичу былъ разрѣшенъ четырехъ-мѣсячный отпускъ на родину въ Венгрію, какъ видно изъ слѣдующаго документа.

Попечитель Харьковскаго университета тайный совѣтникъ графъ Потоцкій представляетъ, что профессоръ этого университета Стойковичъ

---

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1872 г. Февраль, стр. 220—221.

[2]) Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г. № 44.

[3]) М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I, стр. 96.

въ концѣ прошлаго 1809 г. просилъ объ увольненіи его на четыре мѣсяца въ Венгрію къ тамошнимъ теплымъ водамъ для поправленія разстроеннаго здоровья; при чемъ представилъ данное ему свидѣтельство отъ профессора медицины Дрейсига, который въ этомъ только средствѣ находилъ возможность къ излѣченію долговременной его болѣзни. Члены университетскаго совѣта, лично удостовѣрясь въ болѣзненномъ состояніи сего профессора, не только безпрекословно согласны были на его отпускъ, но сверхъ того единогласно положили ходатайствовать о производствѣ ему во время отсутствія его полнаго по окладу жалованья; поелику болѣзнь его произошла болѣе отъ трудовъ, понесенныхъ имъ на пользу университета. Нынѣ профессоръ Стойковичъ, пользуясь благопріятствующимъ къ отъѣзду его въ чужіе края временемъ, проситъ объ утвержденіи означеннаго положенія университетскаго совѣта. Попечитель, принявъ въ уваженіе представленныя въ докторскомъ свидѣтельствѣ причины, что одно только путешествіе профессора Стойковича къ теплымъ водамъ можетъ послужить къ его излѣченію, равно и то, что Стойковичъ имѣетъ сверхъ того отъ университета порученіе вызвать изъ Венгріи нѣкоторыхъ извѣстныхъ тамошнихъ наставниковъ по юридической части, для заступленія въ университетѣ профессорскихъ мѣстъ, проситъ объ увольненіи Стойковича на просимое имъ время въ отпускъ съ производствомъ ему полнаго профессорскаго жалованья."

Въ Венгріи его приняли за русскаго эмиссара и задержали его паспортъ и его самого. Вотъ какъ описываетъ свое злоключеніе самъ Стойковичъ въ двухъ письмахъ къ русскому резиденту въ Вѣнѣ Штакельбергу.

„Ваше сіятельство, милостивый государь! Получивъ въ мѣсяцѣ іюнѣ отъ Его Императорскаго Величества увольненіе на четыре мѣсяца ѣхать въ Венгрію для поправленія разстроеннаго моего здоровья, какъ изъ приложеннаго здѣсь подъ лит. *А* доклада, сдѣланнаго министромъ просвѣщенія Государю Императору явствуетъ, пріѣхалъ я (получивъ паспортъ отъ губерніи Лембергской) въ Бартефельдъ, пробылъ здѣсь почти цѣлый мѣсяцъ, былъ у своей родительницы въ Румѣ, что въ Сремѣ и, давъ паспортъ свой подписать и въ Петроварадинѣ, и въ Будѣ, спокойно и безпрепятственно доѣхалъ до Бартефельда и уже отправлялся отсюда въ Лембергъ. Но здѣсь г. судья дворянскій Гомбошъ удержалъ меня 29 октября, взялъ у меня паспорты мои, россійскій и лембергскій, и послалъ съ нарочнымъ къ вицегеспану Печіо, живущему недалеко отъ Епеіеша; сей-же, какъ изъ приложеннаго здѣсь письма его подъ лит. *В* видно, отправилъ ихъ въ Буду къ Его Императорскому Высочеству Палатину Венгріи. Какъ въ Россіи служащій подъ покровительствомъ вашего сіятель-

ства нужнымъ почелъ я при неслыханномъ семъ случаѣ отправить къ вашему сіятельству немедленно сію естафету и просить защиты противъ таковаго оскорбленія. Ваше сіятельство изволите узнать причины сего оскорбительнаго поступка и доставить мнѣ паспорты тѣ же или другіе для выѣзда въ Россію, ибо время отпуска моего кончится въ началѣ ноября. А поелику мнѣ кажется, что какой нибудь безчестный человѣкъ въ бытность мою здѣсь отсюда доносъ сдѣлалъ на меня или въ Вѣну или въ Офенъ, то и взялъ я у первыхъ здѣшнихъ лицъ аттестаты, прилагаемые здѣсь подъ литерами *CDEF*, изъ которыхъ всякому видно, что я здѣсь велъ жизнь спокойную и ничего ни говорилъ ни дѣлалъ, что бы было противно законамъ сего государства. Свидѣтельство *C* отъ полиційместера кислыхъ водъ, слѣдовательно, отъ человѣка, имѣющаго должность смотрѣть за пріѣзжающими гостями. Свидѣтельство *D*—отъ здѣшняго магистрата, свидѣтельство *E*—отъ почтмейстера, а послѣднее отъ доктора, пользовавшаго меня. Я взялъ только эти свидѣтельства въ скорости и считалъ ихъ достаточными. Доносъ человѣка каковаго нибудь не закономъ поставленнаго при водахъ ежели и произвелъ каковое нибудь противъ меня подозрѣніе, но не могъ никому дать права удержать меня отъ моей должности, причинять мнѣ немалыя издержки и отбирать у меня паспорты, какъ у бездѣльника. Съ каковою честію я служу въ Россіи, можетъ донести вашему сіятельству посольства кавалеръ графъ Левъ Севериновичъ Потоцкій, подъ начальствомъ его родителя я честь имѣю служить. Желая и въ отечествѣ моемъ оставить честное за собою имя, покорнѣйше прошу ваше сіятельство по полученіи паспортовъ моихъ путемъ вамъ извѣстнымъ узнать человѣка, сдѣлавшаго ложный противъ меня доносъ, истребовать удовлетворенія законнаго за униженіе, сдѣланное россійскому чиновнику, и принудить его къ заплатѣ всѣхъ издержекъ моихъ здѣсь. Имѣю честь донести вашему сіятельству, что копіи таковыя же отправлены въ Офенъ къ Его Высочеству Палатину. Ожидая отъ вашего сіятельства совѣта, что мнѣ въ семъ случаѣ дѣлать и какъ поступить, имѣю честь пребыть съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства милостиваго государя такой то“.

А вотъ текстъ другого письма Стойковича къ тому же Штакельбергу. „Ваше сіятельство, милостивый государь! выѣхавъ изъ Бартефельда, какъ я честь имѣлъ оттуда донесть вашему сіятельству, доѣхалъ я до границы венгерской безъ всякаго препятствія, ибо г. вицегетанъ Печіо, тотъ самый, который отправилъ паспорты мои въ Офенъ, приказалъ, чтобы вездѣ были лошади готовы до границы. Сіе и другія обстоятельства, относящіяся къ моему задержанію въ Бартефельдѣ, изво-

лите ваше сіятельство изъ письма его здѣсь въ копіи приложеннаго усмотрѣть, въ которомъ онъ говоритъ, будтобы по той причинѣ я удержанъ былъ, что паспорта не взялъ въ Будѣ. Но сіе есть только несправедливая причина, ибо во-первыхъ, у меня былъ паспортъ отъ губерніи Галиційской изъ Лемберга, сія же губернія также есть въ монархіи Австрійской и никогда не бывало до сихъ поръ, чтобы кто нибудь, имѣющій паспортъ изъ одной провинціи государства, былъ удержанъ въ другой, потому что онѣ всѣ находятся подъ одною и тою же главою; во-вторыхъ, паспортъ мой въ самомъ дѣлѣ былъ подписанъ въ полиціи въ Будѣ и хотя я тамъ отъ его сіятельства графа Надаждія, который управляетъ сіею частію и требовалъ новый паспортъ изъ венгерскаго Конзилиума потому, что данному мнѣ въ Лембергѣ срокъ выходилъ 15 ноября, я же до того времени по неспособности дорогъ не надѣялся быть въ Лембергѣ, но графъ мнѣ отвѣчалъ, что я съ моимъ чиномъ могу въ Лембергъ и 10-тью и 15-тью днями позже пріѣхать и стоялъ на томъ, что я никакого неудовольствія не буду имѣть. Слѣдовательно, есть другая причина задержанія моего, а не паспортъ. Истинная причина же такова. Вездѣ въ дорогѣ, которою я ѣхалъ, были уже предписанія, въ Венгріи отъ Его Высочества Палатина и главнокомандующаго венгерскаго генерала, въ Галиціи же изъ Вѣны (но отъ кого, я не могъ узнать) всѣмъ политическимъ мѣстамъ — полки и гарнизоны, находившіеся по пути моемъ, прежде нежели я проѣзжалъ, имѣли уже предписаніе смотрѣть за мною и наблюдать, что буду говорить и дѣлать; въ одномъ предписаніи въ Петроварадинъ главнокомандующему Славоніею генералу барону Симмену сказано, что я по всей вѣроятности русскій эмисаръ. Откуда это подозрѣніе въ душу вѣнской полиціи вошло, я никакъ узнать не могъ. Въ Лембергѣ сказывалъ мнѣ одинъ служащій въ губерніи, что подозрѣніе это таково: на что (говорятъ они) профессору ѣхать такъ поздно и почти въ осень въ чужіе края; по какой причинѣ такой профессоръ ѣхалъ прежде въ Петербургъ, а не прямо изъ Харькова заграницу; откуда ему хватило, сколько нужно денегъ для столь великой дороги. Профессоръ этотъ изъ сербовъ, сербы съ другой стороны Дуная дѣйствуютъ вмѣстѣ съ русскими; сербы же, на сей сторонѣ живущіе подъ владѣніемъ Австріи, одинъ и тотже съ ними народъ; сербы эти всегда оказывали большую приверженность къ русскимъ; профессора сего домъ находится на самой границѣ противъ Бѣлграда; онъ народомъ своимъ весьма уважаемъ, имѣетъ его довѣренность и можетъ основываясь на ней дѣйствовать; къ нему заѣзжали послы изъ Сербіи, ѣхавшіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Петербургъ; онъ въ сенатѣ имѣетъ лучшаго сенатора Досиѳея Обра

довича своимъ другомъ; слѣдовательно, не можетъ иначе быть какъ то, что онъ посланъ узнать мнѣніе сербскаго подъ Австріею находящагося народа и дѣйствовать на сербскій же народъ, воюющій вмѣстѣ съ русскимъ. Послѣднее обстоятельство совершенно вѣрно, ибо въ бытность мою въ Петровардинѣ самъ главнокомандующій просилъ меня не ѣхать даже въ Землинъ, а кольми паче въ Бѣлградъ, не говорить ни съ кѣмъ изъ Бѣлградскихъ сербовъ; не писать имъ и не получать отъ нихъ писемъ; что я ему и обѣщалъ, потому что въ самомъ дѣлѣ мнѣ не было никакого дѣла до нихъ. Въ Офенѣ бургомистръ показалъ мнѣ письмо въ оригиналѣ, писанное ему Палатиномъ, въ которомъ ему приказывается, чтобы какимъ-нибудь способомъ узнать отъ меня, когда я именно выѣхалъ изъ Венгріи; откуда взялъ паспортъ и кѣмъ паспортъ мой подписанъ. Отвѣтъ мой былъ, что выѣхалъ уже седьмой годъ, паспортъ имѣлъ изъ статской канцеляріи, кѣмъ паспортъ мой былъ подписанъ, не помню. Совершенно такое приказаніе имѣлъ и статрихтеръ въ Пестѣ. Итакъ, повелѣнія были вездѣ, но только, чтобы смотрѣть какъ за человѣкомъ опаснымъ и не удерживать меня. Я самъ читалъ предписаніе его Высочества Палатина къ вицегешпану Печіо, сообщенное симъ послѣднимъ въ копіи оберстуль-рихтеру Гомбошію. Въ повелѣніи этомъ приказывается вицегешпану узнать отъ бартфельдскаго коммисара, какими лошадьми я поѣхалъ изъ Бартфельда, ежели на форштанѣ, то куда поѣхалъ и каковое онъ наблюденіе сдѣлалъ надо мною. Но г. Гомбошъ, хотя и видѣлъ, что предписаніе относится только къ комисару, долженствующему отвѣчать на вопросы, не смотря на то лично меня остановилъ въ моемъ путешествіи и я никакими доказательствами не могъ его увѣрить, что мнѣніе Палатина не было меня удерживать. Я писалъ обширное письмо къ вицегешпану Печію, въ которомъ изъяснялъ ему, что ежели его Высочества мнѣніе было удерживать меня, тобы сіе гораздо легче было сдѣлать въ Офенѣ, гдѣ я былъ у его Высочества, но не могъ быть принятъ у обергофмейстера графа Цапарія и отдалъ ему экземпляръ сочиненій моихъ, изданныхъ въ Россіи для поднесенія Его Высочеству, былъ два раза у адъютанта Его Высочества графа Бекереа, словомъ былъ у первыхъ особъ въ Будѣ. Но всѣ мои доказательства были суетны, ибо онъ надѣялся получить вѣрно какое-нибудь награжденіе, что меня поймалъ и для того приказалъ оберстуль-рихтеру нанять мнѣ честную квартиру, которая мнѣ и отведена въ домѣ градскаго судіи въ Бартфельдѣ, гдѣ я за деньги и столъ имѣлъ, какъ изъ приложеннаго здѣсь подъ лит. *В* письма видно. Эта честная квартира была однакоже, какъ всякій видитъ, честнымъ арестомъ, только подъ другимъ именемъ. Во время пребыванія моего въ домѣ судіи посылалъ

изъ Кашау генералъ баронъ Шплены нарочнаго и разпрашивалъ, не открылось ли что нибуть въ разсужденіи меня, не подтвердилось ли мнѣніе, что я въ самомъ дѣлѣ эмисаръ. Наконецъ, 12 числа получилъ паспорты свои и выѣхалъ я и до Галиціи нигдѣ меня ни о чемъ не спрашивали. Но только что въ Галицію въѣхалъ, во всякомъ городкѣ меня останавливали и какъ скоро услышали, что ѣдетъ Стойковичъ, сейчасъ коменданту города доносили и паспорты мои разсматривали, подписывали, чего обыкновенно не дѣлаютъ въ Лембергѣ, посылали даже изъ полиціи нѣсколько разъ въ мою квартиру, которую узнали прежде, нежели хозяинъ донесъ, и распрашивали хозяина, съ кѣмъ я пріѣхалъ, кто ко мнѣ приходилъ, что я говорю и проч. Полиція приходила ко мнѣ два раза спрашивать, когда я выѣду изъ Лемберга. Такъ въ собственномъ своемъ отечествѣ страдавъ много и дни и ночи въ опасности проводя, выѣхалъ я, благодареніе буди Всевышнему 27 ноября въ благословенный край Россіи и нахожусь внѣ опасности, о чемъ донося Вашему Сіятельству имѣю честь пребывать съ глубочайшимъ почтеніемъ Вашего Сіятельства милостиваго государя такой-то“ [1]).

Въ Австріи смотрѣли подозрительно на Стойковича, какъ на эмиссара, и имѣли для этого нѣкоторыя основанія. Т. И. Селивановъ передаетъ слухъ, что „пользуясь своими сношеніями и связями съ Георгіемъ Чернымъ и съ оставленнымъ отечествомъ, онъ устроилъ сильное переселеніе изъ Австріи въ Россію и тѣмъ навлекъ на себя всегдашнее нерасположеніе австрійскаго правительства“ [2]). Даже изъ его писемъ къ Шкакельбергу видно, что у него дѣйствительно были въ Австріи большія связи. Да и отъ университета онъ имѣлъ порученіе вызвать въ Россію оттуда ученыхъ и педагоговъ. Вообще, можно сказать, что Стойковичъ имѣлъ вкусъ и навыкъ къ политическимъ и дипломатическимъ дѣламъ и съумѣлъ постоять за себя, какъ за русскаго чиновника, и въ данномъ случаѣ. О томъ, какъ проводили каникулы другіе харьковскіе профессора мы, къ сожалѣнію, свѣдѣній не имѣемъ; но такъ какъ дачная жизнь тогда не была развита, то можно думать, что большинство оставалось на лѣто въ городѣ, или гостило, подобно Роммелю, у своихъ знакомыхъ и друзей помѣщиковъ или, наконецъ, уѣзжало въ командировки на визитаціи, тѣмъ болѣе, что и каникулы были тогда непродолжительны.

По уму и ловкости и практичности выдѣлялся изъ иностранцевъ еще Дегуровъ. Роммель говоритъ, что онъ отличался своими дипломатическими способностями. „Знаніе людей, свѣтскій тактъ, пылкій харак-

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 1810 г. № $^{5718}/_{155}$.

[2]) Ср. съ этимъ 96—97 стр. у М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I.

теръ и ловкое умѣнье всегда соблюдать свою выгоду дѣлали его опаснымъ соперникомъ для всякаго; презирая русскихъ, ненавидя нѣмцевъ, онъ умѣлъ мастерски притворяться передъ тѣми и другими. Назначенный впослѣдствіи ректоромъ Петербургскаго университета, онъ вышелъ на болѣе просторную арену, объѣздилъ Германію и Францію и доказалъ свою страсть къ космополитическимъ проэктамъ сочиненіемъ о воспитательныхъ домахъ въ Европѣ. Лѣтъ черезъ 20 послѣ моего выѣзда изъ Россіи, когда харьковская жизнь представлялась мнѣ уже чѣмъ то вродѣ сна, онъ посѣтилъ меня въ Касселѣ и мы искренно помирились за старые харьковскіе споры“. Розальонъ Сошальскій противополагаетъ Дегурова Беленъ-де-Баллю. „Совершенно иного склада и свойствъ, говоритъ онъ, былъ преемникъ Баллю Dugour—сухой, съ сжатымъ ртомъ и натянутыми чертами французъ, съ принятіемъ русскаго подданства перемѣнившій и фамилію, ставшій Дегуровымъ“ [1]). Объ этой перемѣнѣ фамиліи мы имѣемъ слѣдующія данныя. Получивъ должность профессора въ Харьковѣ, Дегуровъ вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ и русское подданство. Въ своей актовой рѣчи (1807 года) онъ выражаетъ вѣрноподданическія чувства и произноситъ, между прочимъ слѣдующія слова: „не отвергни обѣтовъ, посвящаемыхъ Тебѣ торжественно въ семъ знаменитомъ собраніи другомъ наукъ, новымъ подданнымъ, который подвергъ себя законамъ Твоимъ, познавъ мудрость и правоту твою“. Но и это публичное заявленіе о горячихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ не спасло его отъ доноса въ политической неблагонадежности, который однако послѣ формальнаго дознанія (о немъ ниже) былъ признанъ несостоятельнымъ. Доносъ этотъ не помѣшалъ Дюгуру сдѣлать довольно быстро свою служебную карьеру. Въ 1807 г. постоянно благоволившій къ нему попечитель округа графъ С. О. Потоцкій представилъ его въ экстра-ординарные профессора [2]), а въ 1809 году и въ ординарные [3]). Такая быстрота не вызывалась энергичною научною дѣятель-

---

[1]) Харьк. губ. вѣд. 1869 г. № 44.

[2]) „Иностранецъ Дюгуръ, писалъ попечитель министру, по сдѣланному на него доносу, оправданъ и признанъ совершенно невиннымъ, а какъ прежде сего еще доноса общее собраніе Харьковскаго университета избрало его ординарнымъ профессоромъ всемірной исторіи, то на основаніи сего выбора я желалъ бы его имѣть сочленомъ онаго. Но какъ Дюгуръ не былъ профессоромъ въ иностранныхъ университетахъ, но только въ центральныхъ школахъ, то я полагаю принять его на первый случай профессоромъ экстраординарнымъ. Представляя о семъ вашему сіятельству, покорнѣйше испрашиваю утвержденія его въ семъ званіи. Г. Северинъ Потоцкій.

[3]) Милостивый государь, графъ Петръ Васильевичъ, писалъ графъ С. О. Потоцкій во второмъ своемъ представленіи. Еще въ 1806 году экстраординарный профессоръ Харьковскаго университета Дюгуръ избранъ былъ совѣтомъ въ ординарные профессора;

ностью Дюгура и представляется тѣмъ болѣе неожиданною, что и во Франціи онъ не былъ профессоромъ, а только преподавателемъ въ центральной школѣ (это послѣднее обстоятельство отмѣчено даже попечителемъ).

4-го декабря 1811 года Дегуровъ вошелъ въ правленіе съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія: „Россія сдѣлалась вторымъ отечествомъ для многочисленнаго моего семейства, которое я водворилъ въ оной, учинивъ ей присягу на подданство. Но носимое мною имя не можетъ примѣнено быть къ языку россійскому. По сей причинѣ, къ коей присоединяется намѣреніе еще тѣснѣе соединить себя и дѣтей моихъ съ государствомъ, коему служу, желаю я получить позволеніе дать моему имени россійское словоокончаніе и правописаніе, и, слѣдовательно, чтобы я могъ называться и писаться имянемъ Дегуровъ. Почему и прошу покорнѣйше правленіе о доставленіи мнѣ упоминаемаго дозволенія. Подлинное подписалъ профессоръ Антонъ Дюгуръ“ [1]). На это послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. А. С. Лебедевъ объясняетъ этотъ шагъ Дюгура его желаніемъ предохранить себя на будущее время отъ такихъ непріятныхъ приключеній. Намъ кажется, что рѣшающее значеніе въ этомъ дѣлѣ должно было имѣть возбужденіе мѣстнаго харьковскаго общества противъ иностранцевъ, и въ особенности французовъ, вызванное надвигавшейся грозою Наполеоновскаго нашествія. Противъ иностранныхъ профессоровъ былъ предпринятъ цѣлый рядъ предохранительныхъ мѣръ (о нихъ мы скажемъ ниже)—и Дюгуръ, опасаясь за свое положеніе, поспѣшилъ этимъ новымъ актомъ засвидѣтельствовать свой патріотизмъ и благонамѣренность. Но насколько его стремленіе превратиться въ русскаго человѣка было искренно, показываетъ тотъ фактъ, что и много лѣтъ спустя, въ бытность свою ректоромъ петербургскаго университета, онъ не говорилъ по русски. „Одинъ изъ

я, конечно, бы не замедлилъ представить его на утвержденіе вашему сіятельству, если бы непріятное происшествіе, случившееся тогда съ г. Дюгуромъ, не остановило меня въ семъ намѣреніи; хотя послѣдствіе сего дѣла, какъ извѣстно вашему сіятельству, во всемъ оправдало его предъ начальствомъ и публикою, но я не могъ рѣшиться предпринять что либо въ его пользу, не удостовѣрясь совершенно въ личныхъ его достоинствахъ. Нынѣ съ особеннымъ удовольствіемъ извѣстился я, что г. Дюгуръ въ продолженіи послѣднихъ трехъ лѣтъ службы своей не токмо находился на хорошемъ замѣчаніи у начальства, но и старался всегда примѣрнымъ поведеніемъ заслужить довѣренность и уваженіе публики, которая, сколько я могъ замѣтить, совершенно расположена въ его пользу. Убѣждаясь столь отличнымъ и общимъ одобреніемъ о семъ чиновникѣ, заслуживающемъ даже и по своимъ знаніямъ особеннаго вниманія начальства, я поставляю долгомъ ходатайствовать у вашего сіятельства утвержденія его, Дюгура, въ званіи ординарнаго профессора историческихъ наукъ (Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № $^{5626}/_{154}$).

[1]) Архивъ Мин. Народ. Просв. Дѣло № $^{5621}/_{154}$; ср. А. С. Лебедева. А. А. Дегуровъ, стр. 139—140.

бывшихъ студентовъ Петербургскаго университета 30-хъ годовъ Фортунатовъ, въ своихъ воспоминаніяхъ (напечатаны въ Рус. арх. 1869 г., стр. 304 и сл.) объ университетѣ за время своего пребыванія въ немъ (1830—1833 гг.) передаетъ между прочимъ странное впечатлѣніе, какое произвелъ на него тогдашній ректоръ университета (А. А. Дюгуровъ), къ которому онъ явился для подачи прошенія о поступленіи въ университетъ—ректоръ столичнаго русскаго университета, не говорившій по русски. Первый вопросъ, съ которымъ обратился онъ ко мнѣ, разсказываетъ г. Фортунатовъ,—былъ: quel est votre nom"? [1]). Въ тяжкихъ испытаніяхъ, постигшихъ Петербургскій университетъ во времена Рунича, онъ игралъ печальную роль, какъ орудіе реакціи. Наконецъ, отмѣтимъ кстати еще одинъ характерный примѣръ его неискренности. По поводу выбора своего въ ректоры Петербургскаго университета онъ замѣчаетъ, что въ Харьковѣ онъ отказался отъ этой должности. А. С. Лебедевъ почти опровергъ это заявленіе, доказавъ, что ни въ одинъ изъ годовъ за исключеніемъ 1813-го, за который у него не было свѣдѣній, Дюгурова не выбирали въ ректоры. Я также собралъ и представилъ документальныя данныя о выборахъ, за всѣ годы, въ томъ числѣ и за 1813 годъ—и оказалось, что Дюгуровъ ни разу не получилъ большинства голосовъ при выборѣ въ ректоры [2]). Вообще можно сказать, что Дюгуровъ выступаетъ въ своей жизни съ чертами ловкаго честолюбца и карьериста, не стѣснявшагося средствами для достиженія своихъ цѣлей. Онъ во многомъ чрезвычайно напоминаетъ Стойковича; это были люди одинаковаго склада и привычекъ, стремившіеся во чтобы то ни стало держаться въ высшихъ слояхъ общества и умѣвшіе сдѣлаться пріятными сильнымъ міра сего; Дюгуровъ, напр., былъ очень близокъ къ гр. Потоцкому, Дюку-де-Ришелье и т. п.

Третій французъ—Паки-де-Совиньи—представлялъ изъ себя совершенно ничтожную личность и служилъ предметомъ всеобщихъ насмѣшекъ. „Несравненно ниже Дюгура, пишетъ Роммель, стоялъ мой адъюнктъ, Николай Паки-де-Совиньи, когда-то аббатъ. Во время пребыванія въ Польшѣ онъ вступилъ въ морганатическій бракъ съ такъ называемою польскою графинею и теперь въ домѣ у него шло все безпорядочно". „Одинъ изъ старожиловъ Харьковскаго университета разсказывалъ Н. И. Максимову о странностяхъ въ обращеніи его со своею аристократическою женою, которыя доходили до того, что де-Совиньи по утрамъ являлся къ ней пить чай не иначе, какъ во фракѣ, и обращался съ

---

[1]) Ibidem, стр. 135.

[2]) Настоящее соч., стр. 212—214, 339.

фразою: „bonjour, madame de-Sauvigny“, на что супруга отвѣчала: „bonjour, monsieur de-Sauvigny“. Затѣмъ слѣдовали взаимные комплименты, любезности—какъ будто между любезною хозяйкою и интереснымъ молодымъ человѣкомъ, видящимися въ первый разъ. И это повторялось неизбѣжно каждый день въ теченіи долгой жизни. Оба они умерли въ глубокой старости. Много также смѣшного разсказываютъ про его отношенія къ студентамъ, которые въ насмѣшку устраивали въ честь его оваціи, провожая его, напр., послѣ лекціи по городу со свѣчами. Добрый оригиналъ, принимая все это за чистую монету, приходилъ въ восторгъ“. „Паки-де-Совиньи, какъ и нѣкоторые другіе, справедливо замѣчаетъ Н. А. Лавровскій, будучи нимало не замѣчателенъ самъ по себѣ, интересенъ только потому, что свидѣтельствуетъ своею личностью о тѣхъ путяхъ, по которымъ проходило тогда образованіе въ нашихъ провинціяхъ [1]).

О четвертомъ французѣ — профессорѣ ботаники Делявинѣ мы находимъ слѣдующую характеристику у Роммеля: „это былъ прежній аббатъ, старикъ простой, безъ претензій, чуждый всѣхъ интригъ, но, какъ ходила молва, очень скупой; помню, какъ однажды онъ крупно поспорилъ съ ректоромъ Стойковичемъ за то, кому пользоваться травою изъ огромнаго ботаническаго сада. Объ этомъ спорѣ сохранилось въ журналахъ правленія подлинное дѣло—и оно настолько характерно, что мы цѣликомъ воспроизведемъ его въ примѣчаніи [2]). Здѣсь же только

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1872, февраль, стр. 231.

[2]) Вотъ его текстъ. „Слушали предложеніе Его Сіятельства г. Министра Народнаго Просвѣщенія и кавалера графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго слѣдующаго содержанія. Профессоръ естественной исторіи и ботаники при семъ университетѣ Делявинъ проситъ дать ему: 1-е, небольшое мѣсто для произрастенія овощей въ необработанной части луга и 2-е, траву, собираемую на лугу и въ англійскомъ саду, смежныхъ съ ботаническимъ садомъ, нѣкоторымъ образомъ принадлежащихъ оному и нужныхъ для развода деревъ, которыя не могутъ расти въ саду по причинѣ песчаной почвы его, покрытой не болѣе одного фута черноземомъ. Господинъ Делявинъ основываетъ свое прошеніе на существующемъ во всѣхъ университетахъ обыкновеніи и на необходимости, въ которой находится,—содержать лошадей, по причинѣ, что принужденъ жить близь саду и слѣдовательно, въ отдаленіи отъ университета и кабинета натуральной исторіи, находящагося подъ его надзоромъ. Какъ мнѣ неизвѣстно, можно-ли удовлетворить таковую просьбу профессора Делявиня, то предлагаю доставить мнѣ о томъ мнѣніе университета“. Какъ изъ сего предложенія неможно было усмотрѣть, чего въ точности профессоръ Делявинъ требовалъ, то истребовано отъ него объясненіе, о чемъ именно г. Министра просилъ, въ которомъ объясненіи онъ г. Делявинъ прописалъ, что въ письмѣ его къ г. Министру заключались слѣдующія статьи: 1-е, что нѣтъ ни одного профессора ботаники въ свѣтѣ, по крайней мѣрѣ сколько онъ знаетъ, который-бы не владѣлъ участкомъ земли, или въ самомъ ботани-

замѣтимъ, что Делявинь обратился прямо къ министру съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему пользоваться травою изъ университетскаго сада и имѣть въ немъ огородъ для своихъ нуждъ. Министерство прислало эту бумагу въ правленіе и потребовало его заключенія по этому вопросу. Правленіе, выслушавъ обширное письменное возраженіе по этому поводу

ческомъ саду, или въ принадлежащихъ къ нему мѣстахъ, для разведенія тамъ огородной овощи, нужной для стола, равно нѣтъ ни одного, который бы не пользовался травою и сѣномъ, собираемыми внѣ садовыхъ плантацій и его принадлежностей, или одинъ, или же совокупно съ садовникомъ; 2-е, что въ теченіи девяти лѣтъ нахожденія его профессоромъ ботаники прошедшій годъ въ первый разъ получилъ только около четвертой части того сѣна; 3-е, что съ величайшими трудами и пожертвованіемъ всего его времени перемѣнилъ песчаную площадь въ ботаническій садъ, и развелъ въ ономъ до четырехъ тысячъ разныхъ растеній, и безчисленное множество деревъ, полученныхъ имъ посредствомъ переписокъ безъ всякихъ со стороны университета издержекъ, кромѣ употребляемыхъ на пересылку денегъ; 4-е. что онъ сберегъ университету въ теченіи 3-хъ лѣтъ по тысячѣ рублей ежегодно, исполняя всѣ обязанности садовника, котораго тогда не имѣли; 5-е, что ботаническій садъ или школа, состоя изъ песчанаго грунта, покрытаго только на полъ аршина землею, ежедневно исчезающею, не можетъ произращать никакого дерева, кромѣ сосны; почему не остается другого мѣста для разведенія европейскихъ и американскихъ лѣсныхъ деревъ, кромѣ англійскаго сада, и что лугъ есть единственное мѣсто, на коемъ можно разводить водяныя и морскія растенія и деревья, слѣдовательно, сіи два мѣста должны пополнить ботаническій садъ; 6-е, что обязанъ будучи жить подлѣ сада и быть въ университетѣ, не можетъ обойтись безъ лошадей, что должность его налагаетъ на него гораздо болѣе обязанностей, нежели на другихъ профессоровъ, и что онъ находится въ невозможности къ улучшенію его состоянія, взять на себя обученіе какому-либо другому предмету; 7-е, изъяснивъ все сіе, онъ просилъ Его Сіятельства уважить справедливыя его жалобы, которыя принесть непозволила ему до сихъ поръ одна любовь къ спокойствію, но несчастіе настоящаго времени извлекло оныя изъ его сердца; 8-е полагаясь на справедливость, безкорыстіе и благорасположеніе правленія, онъ ни мало несомнѣвается, чтобы оно не дало Его Сіятельству благосклоннаго мнѣнія въ пользу самаго преданнаго изъ своихъ сочленовъ. А по справкѣ оказалось: 1-е, что г. профессоръ Делявинь занимаетъ въ нижнемъ лугу подлѣ ботаническаго сада вмѣстѣ съ садовникомъ довольно пространное мѣсто для разведенія огородныхъ овощей нужныхъ для его стола. 2-е, что въ прошломъ 1811 году по положенію правленія, записанному въ журналѣ онаго года іюля 10 дня, изъ накошеннаго въ садахъ университетскихъ сѣна, состоявшаго изъ 130 копенъ, вѣсомъ всѣ въ 1040 пудовъ, дана г. Делявиню $^1/_3$ часть, другая садовнику, а третья оставлена для казенныхъ лошадей и воловъ, кошенное же въ прошлыхъ годахъ сѣно не годилось къ употребленію; 3, что для доставленія въ ботаническій садъ разныхъ деревьевъ и растеній посылаемы были отъ сего правленія въ 1805 году бывшій адъюнктъ ботаники Каретниковъ въ Крымъ, въ 1807 году экзекуторъ Анадольскій съ помощникомъ садовника Стровальдомъ въ Бѣлоцерковь къ графинѣ Браницкой и въ прошломъ 1811 году садовникъ Бартельсъ въ Горенку. Сверхъ сего прислано отъ Его Сіятельства попечителя нѣ-

ректора Стойковича и заявленіе проф. Книгина, высказалось противъ ходатайства Делявиня и предлагало только отвести ему 3 десятины сѣнокоса, чтобы онъ могъ кормить своихъ лошадей, которыя ему были необходимы въ виду дальности разстоянія университетскаго сада отъ университета (а онъ долженъ былъ бывать и тамъ, и тамъ). Хотя едва ли можно

сколько растеній и сѣмянъ изъ С.-Петербурга. Отъ корреспондентовъ же г. Делявиня, а именно—отъ директора Горенскаго ботаническаго сада Фишера, садовниковъ Дерптскаго университета и Кременецкой гимназіи получаются иногда тючки съ разными сѣменами, и взаимно отправляются къ нимъ сѣмена разныхъ растеній и цвѣтковъ, произрастающихъ въ здѣшнемъ ботаническомъ саду; 4-е, какъ еще въ 1806 году г. Делявинь представлялъ какъ правленію, такъ и г. попечителю, что земля, отведенная подъ ботаническій садъ, имѣетъ весьма худую почву, на коей деревья не могутъ произростать, то въ 1808 году для разведенія школы фруктовыхъ деревъ отведено и огорожено мѣсто въ англійскомъ саду близъ колодезя, и что для распространенія таковой школы, г. Делявинь не требовалъ никогда отъ правленія другого мѣста; 5-е, что подъ присмотромъ г. ректора Стойковича въ англійскомъ саду посажено нѣсколько тысячъ деревъ въ ректорство покойнаго профессора Рижскаго подъ его смотрѣніемъ, а наибольшая часть деревъ, а именно болѣе 22000 съ 1807 года по сіе время посажено подъ присмотромъ г. ректора Стойковича; 6-е, что прошлаго 1811 г. ноября 20 дня вслѣдствіе предложенія Его Сіятельства г. Министра о прекращеніи производимыхъ на англійскій садъ издержекъ между прочимъ симъ правленіемъ положено поелику въ университетскомъ англійскомъ саду сдѣлано нѣсколько алей и дорожекъ, кои требуютъ ежегодныхъ исправленій; оставить же ихъ въ запустѣніи было бы не прилично, и какъ англійскій садъ занимаетъ весьма много пространства, на коемъ накашивается каждый годъ значительное количество сѣна, то дабы не оставаться симъ аллеямъ въ запустѣніи, распорядиться такимъ образомъ, чтобы означенное сѣно всякій годъ отдавать на скосъ желающимъ и вырученныя за сіе деньги употреблять на исправленіе аллей и дорожекъ; при сужденіи же бывшемъ по поводу сего предложенія иностранные профессоры отозвались, что въ тамошнихъ университетахъ профессора ботаники нигдѣ не имѣютъ огородовъ для разведенія овощей для ихъ стола, а тѣмъ менѣе сѣнокосовъ для лошадей; и между тѣмъ и ректоръ и кавалеръ Стойковичъ и профессоръ и кавалеръ Книгинъ подали свои сужденія о семъ особо, въ коихъ изъясняли. *Первый.* Г-нъ профессоръ Делявинь говоритъ, что нѣтъ ни одного профессора ботаники въ свѣтѣ, который бы не владѣлъ участкомъ земли, принадлежащимъ ботаническому саду, для разведенія тамъ овощей для своего стола, я же знаю профессоровъ ботаники въ Пестѣ, въ Геттингенѣ, въ Галѣ, въ Лейпцигѣ, въ Іенѣ и въ Вѣнѣ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣетъ такого рода земли; врочемъ, профессоръ, говоря сіе, сказалъ неправду, потому что онъ въ самомъ дѣлѣ занимаетъ въ нижнемъ лугу подъ садомъ ботаническимъ вмѣстѣ съ садовникомъ довольно хорошее мѣсто для разведенія таковыхъ овощей и, слѣдовательно, не имѣлъ причины больше требовать. А что ему половина участка сего должна быть достаточна, то явствуетъ изъ сего, что садовникъ, имѣя жену и трехъ дѣтей, довольствуется половиною своею и нѣкоторую даже часть продаетъ, у г-на же профессора нѣтъ ни жены, ни дѣтей. Относительно травы и сѣна, упоминаемыхъ въ семъ пунктѣ, г. профессоръ никогда не

признать совершенно правильными и точными всѣ замѣчанія Стойковича по адресу Делявиня — многія изъ нихъ продиктованы, очевидно, соперничествомъ и нерасположеніемъ этихъ двухъ лицъ другъ къ другу, причемъ ловкій, искусный діалектикъ Стойковичъ совершенно, что называется, забилъ простачка Делявиня — однако въ общемъ документъ

можетъ доказать, чтобы гдѣ нибудь профессоръ ботаники имѣлъ право косить сѣно внѣ сада ботаническаго. Что же касаестя до самаго сего сада, огороженнаго у насъ, то г. профессоръ съ начала университета всегда въ немъ косилъ безъ всякаго прекословія; но дозволить ему косить въ англійскомъ саду, имѣющемъ въ себѣ 29 десятинъ, и въ нижнемъ лугу, содержащемъ въ себѣ 6 десятинъ, то есть дозволить ему косить 35 десятинъ, это кажется слишкомъ много; и съ тѣхъ поръ какъ университетъ существуетъ, никогда небывало. 2) Въ теченіи 9 лѣтъ, онъ только говоритъ прошлаго года получилъ четвертую часть сѣна. Здѣсь надобно замѣтить правленію, что прошлые года сѣно и неупотребляемо было, и такъ было дурно, что и волы университетскіе не хотѣли онаго употреблять. Но когда я по приказанію г. попечителя далъ косить нѣсколько разъ въ одномъ году сіи мѣста, и когда подъ присмотромъ моимъ всякій негодный бурьянъ былъ истребленъ, то въ прошломъ году сѣно довольно хорошее показалось, и онъ г. профессоръ получилъ безсомнѣнно въ первый разъ себѣ (ибо прежде негодилось, какъ то всѣмъ извѣстно) но получилъ не четвертую, а третью часть, какъ то равнымъ образомъ всѣмъ извѣстно. Члены сирѣчь правленія по моему предложенію положили, чтобы одну треть профессору, одну треть садовнику и одну треть для казенныхъ лошадей и воловъ. Я здѣсь не говорю о томъ, что правленіе одно заплатило за всю косовицу и профессоръ Делявинь съ садовникомъ побрали свои части даромъ, но то долженъ замѣтить, что г. профессоръ бралъ свою часть почти насильственно и билъ даже солдата университетскаго, которому приказано было до раздѣленія никому не давать сѣна. Послѣднее обстоятельство не согласно съ объясненіемъ г. профессора, гдѣ онъ говоритъ, что онъ любитъ миръ. 3) Ежели г. профессоръ развелъ ботаническій садъ, то это была его должность, такъ какъ профессора физики есть должность учредить физическій кабинетъ, профессора технологіи—технологическій кабинетъ и проч.; относительно же до безчисленнаго множества деревъ, которыхъ г. профессоръ безъ всякихъ издержекъ университета посадилъ, я долженъ отвѣчать, что это мнѣ неизвѣстно, и вѣрно ни одному изъ членовъ университета, ибо сіе безчисленное множество деревъ и не существуетъ у насъ; правда, что есть много акацій и нѣкая часть раинъ, но развѣ забылъ г. профессоръ, что университетъ посылалъ въ Крымъ бывшаго адъюнкта ботаники Каретникова, который ихъ привезъ? развѣ онъ забылъ, что садовникъ посылаемъ былъ за Кіевъ къ графинѣ Браницкой съ письмомъ графа попечителя, развѣ забылъ, что прошлаго же года еще садовникъ былъ посылаемъ въ Горенку для полученія растеній изъ сада Его Сіятельства г. Министра и неужели это ничего не стоитъ университету? Ноужели все сіе только переписками его г. профессора сдѣлано? Ежели же г. профессоръ объ англійскомъ садѣ говоритъ, въ которомъ посажено около 34000 деревъ, такъ я прошу правленіе довести до свѣдѣнія г. Министра, что мнѣ препорученъ былъ англійскій садъ отъ попечителя, а не г. профессору, и что я посадилъ въ немъ 27 тысячъ деревъ, а не онъ, какъ сіе можно видѣть изъ журналовъ правленія. Прочіе нѣсколько тысячъ были посажены еще

этотъ вполнѣ подтверждаетъ показанія Роммеля о скупости Делявиня, который, очевидно, только подъ вліяніемъ этой слабости затѣялъ столь несимпатичное и способное набросить на него тѣнь ходатайство.

Среди профессоровъ нѣмецкаго происхожденія выдавался своимъ энергичнымъ и дѣятельнымъ характеромъ профессоръ ветеринарныхъ

въ ректорство покойнаго Рижскаго, а наконецъ, по приказанію г. попечителя прежній садовникъ и теперешній нѣсколько сотенъ посадили кругомъ около деревянныхъ усадебъ различныя маленькихъ кустовъ, для украшенія помянутыхъ усадебъ. 4) Какъ можно было г. профессору сказать, что онъ втеченіи 3-хъ лѣтъ сберегъ университету по тысячѣ рублей, это для меня непонятно. Университетъ никогда не былъ безъ садовника; это извѣстно всѣмъ членамъ правленія, которые отпустили прежняго садовника по пріѣздѣ нынѣшняго. Я говорю о Стровальдѣ, который сначала университета находился при садѣ ботаническомъ, правда, какъ вторичный садовникъ, но по неимѣнію лучшаго, онъ все то исполнялъ, что ему приказывано было, къ чему же служитъ сказать, что онъ сберегъ университету 3000 рублей? Я бы съ большимъ правомъ могъ сказать, что я сберегъ университету 6000 рублей, потому что я занималъ каѳедру профессора сельскаго хозяйства три года, однако я о семъ ничего не говорю, не есть дѣло профессора судить о своихъ заслугахъ, а кажется лучше предоставить сіе совѣту университета, попечителю, однимъ словомъ высшему начальству. 5) Въ англійскомъ саду еще по приказанію г. попечителя находится уже нѣсколько лѣтъ огорожено нарочно опредѣленное мѣсто для школы деревъ. Почему же о семъ умолчалъ г. профессоръ въ письмѣ своемъ къ г. Министру? Сіе мѣсто усажено ли, и ежели усажено на что другое мѣсто? Онъ забылъ, что нарочно и колодезь съ большими издержками вырытъ при самой школѣ. Что я посадилъ 300 фруктовыхъ деревъ въ мое ректорство, это я знаю и правленію извѣстно, потому что оно за деревья заплатило, но посадилъ ли что нибудь г. профессоръ въ сей школѣ, не знаю. Изъ сего слѣдуетъ, что сіе мѣсто надобно прежде обсадить совершенно и послѣ требовать новаго мѣста. Но и въ семъ случаѣ правленіе никакъ не можетъ дозволить, чтобы въ англійскомъ саду и на лугу садить деревья фруктовыя, во-1-хъ, потому, что оно обезобразитъ весь садъ своею огорожею; безъ огорожи же негодится, потому, что англійскій садъ публичный садъ, во-2-хъ, потому, что ни одно изъ сихъ мѣстъ негодится для предполагаемаго намѣренія профессора, ибо всѣ мѣста сіи суть высоки и имѣютъ худую почву, самое же лучшее въ англійскомъ саду мѣсто, есть то, гдѣ школа находится. Относительно же до лугу находящагося съ другой стороны ботаническаго сада, на коемъ по мнѣнію профессора, можно разводить водяныя и морскія растенія и деревья, не угодно ли правленію опросить г. профессора, сколько онъ водяныхъ и морскихъ растеній и деревъ втеченіи 9 лѣтъ развелъ тамъ? Кто же ему въ семъ препятствовалъ? Ежели онъ могъ развесть съ садовникомъ садъ огородный собственный, не спросясь у правленія о позволеніи, почему-же неразводитъ деревъ и растеній, на кои не нужно было позволенія? Профессоръ заключаетъ, что сіи два мѣста должны пополнить ботаническій садъ, но ботаническій садъ не больше имѣетъ какъ три десятины, пополнить же три десятины 35 кажется не естественно.—Ботаническій садъ есть совершенно отдѣленная часть отъ сихъ двухъ частей и особливою оградою отдѣлена по желанію профессора, профессоръ до того не хотѣлъ заниматься

наукъ Пильгеръ. Это былъ вообще выдающійся человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ. Въ особенности онъ славился, какъ практическій врачъ; а между тѣмъ врачебная практика ему была запрещена, потому что онъ не могъ представить диплома на званіе врача. Роммель называетъ его „геніальнымъ ветеринаромъ и медикомъ“. „Хотя практика, говоритъ

англійскимъ садомъ, что попечитель принужденъ былъ предложить бумагою въ совѣтѣ, чтобы мнѣ предоставить присмотръ за англійскимъ садомъ. Откуда же теперь желаніе пришло заниматься имъ, когда онъ уже готовъ есть? Здѣсь, очевидно, не деревья суть желаніе его. 6) Г. профессоръ говоритъ, что не можетъ обойтись безъ лошадей, но извѣстно, что всѣ профессора имѣютъ лошадей. Онъ говоритъ, что долженъ жить подлѣ сада, но извѣстно, что онъ тамъ живетъ не по сей причинѣ, а потому, что домъ купилъ недалеко отъ сада дешевою цѣною, прежде же покупки дома не только близь сада не жилъ, а даже въ послѣднія времена за Лопанью. Можно-ли хладнокровно читать сіи несправедливости, писанныя профессоромъ ординарнымъ и кому же? министру просвѣщенія! Я не понимаю, какъ онъ сіе могъ писать; г. профессоръ говоритъ, далѣе, что онъ имѣетъ болѣе обязанностей, нежели другіе, я въ семъ съ г. профессоромъ не соглашаюсь, потому что есть науки, которыя больше требуютъ трудовъ, нежели его часть. Что же касается достоянія его, которое онъ улучшить не можетъ, взявъ на себя обученіе по какому-либо другому предмету, то сколько мнѣ извѣстно, и другіе профессора не обучаютъ другому предмету, состояніе же профессора Делявиня, ежели изъятіе сдѣлать одного или двухъ, лучше всѣхъ прочихъ. Впрочемъ желательно бы знать, какой предметъ онъ выбираетъ для обученія. 7) Любовь къ спокойствію, о которой онъ говоритъ въ 7-мъ пунктѣ объясняется всѣмъ, что я до сихъ поръ говорилъ. Есть профессора у насъ, которые, имѣя много дѣтей, издерживаютъ все свое жалованье и продаютъ собственныя драгоцѣнности одну за другою для того только, чтобы въ настоящее время прожить могли. Но г. профессору Делявиню не пристойно жаловаться на несчастіе временъ. 8) Въ семъ пунктѣ г. профессоръ говоритъ о безкорыстіи правленія. Сіе такъ же для меня непонятно, поелику я не знаю, чѣмъ досихъ поръ правленіе показывало свое корыстолюбіе. Отвѣчавъ такимъ образомъ на всѣ пункты г. профессора, да дозволено мнѣ будетъ пріобщить къ сему мое мнѣніе. Г. профессоръ Делявинь есть членъ университета, живетъ въ Россіи и долженъ бы прежде, нежели утруждать Его Сіятельство г. Министра таковыми несправедливыми просьбами, представить прежде о нуждахъ своихъ и о намѣреніяхъ правленію, а въ случаѣ ежели бы недоволенъ былъ рѣшеніемъ правленія, совѣту университета; тогда бы только, когда мнѣніе совѣта согласовалось съ мнѣніемъ правленія, тогда бы, говорю, могъ бы онъ отнестись къ г. министру, но и тогда съ правдою, зная, что дѣло идетъ о чести чиновниковъ университетскихъ, которую ученые всегда столько же, сколько и жизнь почитали. Но въ правленіи о семъ никакой бумаги его не находится, впрочемъ, правленіе не могло бы къ сему приступить по вышесказаннымъ мною причинамъ и должно бы было отнестись къ Его Сіятельству со своимъ мнѣніемъ. *Г. Профессоръ Книгинъ.* Просимое г. профессоромъ Делявинемъ мѣсто близь ботаническаго сада для разведенія фруктовыхъ деревьевъ состоитъ изъ 35-ти десятинъ; большая часть его уже хотя съ великимъ трудомъ нѣсколько обработана и обращена въ довольно хорошій англійскій садъ, а нѣкоторая для школы де-

онъ, была ему запрещена, но онъ своимъ счастливымъ, простымъ и нѣсколько лошадинымъ лѣченіемъ возбуждалъ зависть всѣхъ учениковъ Эскулапа, былъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ помѣщиками и другими окрестными паціэнтами, получалъ отъ нихъ щедрые подарки разными деревенскими продуктами. Къ сожалѣнію, большую часть времени онъ проводилъ въ саркастическихъ выходкахъ противъ своихъ факультет-

---

ревьевъ. Поелику мѣсто сіе расположено по высокой горѣ и имѣетъ почву земли столь худую, что университету стоило много развести на немъ самыя обыкновенныя здѣшней страны деревья, и притомъ воды вблизи никакой не имѣетъ, то на таковомъ мѣстѣ разводить фруктовый садъ было бы сопряжено съ безчисленными издержками и безъ малѣйшаго успѣха. Для ботаническаго сада г. профессоръ имѣетъ теперь три десятины и почва сего мѣста несравненно лучше, лежитъ при подошвѣ горъ и близь воды и при томъ, имѣя прежде довольно хорошую почву, частымъ поправленіемъ почвы его не приведено еще въ должное совершенство; то что должно сказать о томъ мѣстѣ, которое онъ требуетъ? Поелику почва ботаническаго сада годъ отъ году улучшается, и судя по пространству его, не прибавляя къ нему больше ни мѣста, ни издержекъ, можно современемъ развести удобно всѣ тѣ растенія, которыя въ семъ климатѣ произрастать могутъ. Мнѣ кажется, что онъ услугу свою на тотъ конецъ предлагаетъ, чтобы получать ежегодно съ просимаго имъ мѣста сѣно, потому что къ исполненію его плана, чтобы развести фруктовыя деревья въ мѣстѣ сухомъ и безводномъ, не имѣя на то великой суммы и приступить не возможно. Желаніе его имѣть достаточно сѣна нѣсколько и справедливо, такъ какъ онъ долженъ надсматривать за ботаническимъ садомъ и оттуда ходить версты полторы въ университетъ на лекціи, то судя по отдаленности сада отъ университета и великой при маломъ дождѣ города грязи безъ экипажа быть ему нельзя, и поелику онъ тому непричиною, что садъ далеко, и что весьма часто бываетъ въ городѣ непроходимая грязь, то уваживъ сіи послѣднія обстоятельства, по моему мнѣнію, для облегченія содержанія двухъ лошадей, должно ему сдѣлать нужное пособіе, а именно отвести ему единожды навсегда въ просимомъ имъ мѣстѣ десятины двѣ или три сѣнокоса съ тѣмъ однакоже, чтобы находящіяся тамъ деревья были сохранены и новыя, ежели того потребуетъ нужда, были разсаживаемы. *Приказали:* какъ изъ вышепрописанной справки явствуетъ, что требованія г. Делявиня нѣкоторыя не основательны, а другія превышаютъ возможность удовлетворить имъ, то съ прописаніемъ этой справки донести Его Сіятельству управляющему министерствомъ просвѣщенія, что правленіе въ уваженіе того, что г. Делявинь живетъ близь сада въ удаленіи отъ университета и для поѣздокъ въ университетъ, надобно ему имѣть лошадей, а буде-бы продавъ домъ сталъ жить ближе къ университету, то для поѣздокъ въ садъ лошади нужны будутъ, положить отвести для него три десятины сѣнокоса, съ тѣмъ чтобы онъ нанимая самъ работниковъ собиралъ сѣно для прокормленія лошадей. 2) Что ежели г. Делявинь, насадивъ мѣсто, данное прежде для школы фруктовыхъ деревъ, пожелаетъ взять на себя трудъ завести другую школу фруктовыхъ деревъ или насадить нижній лугъ морскими и водяными растеніями, то правленіе отведетъ ему на сіи предметы самыя выгоднѣйшія мѣста“. (Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1812 г., май—августъ, засѣданіе 19 іюля).

скихъ враговъ; увольненіе его было уже рѣшено и намъ съ трудомъ удалось спасти его; спустя нѣсколько времени онъ вторично женился на какой то молодой русской торговкѣ. Эта подруга жизни помогала ему на ботаническихъ и фармацевтическихъ экскурсіяхъ, но за то оторвала отъ порядочнаго общества". Онъ явился въ Харьковъ вдовцомъ 47 л. отъ роду съ дочерью 22-хъ. Розальонъ-Сошальскій также, какъ мы знаемъ, признаетъ Пильгера великолѣпнымъ практикомъ-врачемъ. Удачное лѣченіе его, говоритъ онъ, „взбудоражило весь медицинскій факультетъ; пошло представленіе въ министерство о томъ, что ветеринарный врачъ пользуетъ людей. Пильгеру предоставлено было для пріобрѣтенія такого права выдержать соотвѣтственный требованію экзаменъ. Стара штука, говорилъ онъ, я уже позабылъ многое изъ той теоріи, которой учился; руководствуюсь во многомъ собственнымъ опытомъ, болѣе вѣрнымъ, чѣмъ теорія, а меня, безъ сомнѣнія, стали бы экзаменовать притязательно. Запрещено было выдавать по его рецептамъ лекарства въ дозахъ, какія принимаются людьми, но онъ прописывалъ лекарства для лошадей, а все-таки отбивалъ практику у своихъ завистниковъ" [1]). Эти извѣстія современниковъ вполнѣ подтверждаются и дополняются имѣющимися въ моемъ распоряженіи документальными данными. Дѣло о врачебной практикѣ Пильгера началось еще въ 1807 году. Мѣстная врачебная управа обратилась къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Кочубею, съ просьбою запретить ему лѣчить людей, такъ какъ во-1-хъ, онъ не имѣетъ званія врача, а во-2-хъ, лѣчитъ такъ неудачно, что вызвалъ всеобщее негодованіе. Въ доказательство приводится одинъ такой неудачный случай, бывшій съ помѣщикомъ Лѣсницкимъ, котораго Пильгеръ лѣчилъ отъ воспаленія желудка и при томъ огромными дозами (пускалъ ему 3 раза кровь, поставилъ 19-ть піявокъ, приложилъ 3 пластыря шпанскихъ мушекъ и далъ 32 грана камфоры, 26 гранъ сонной одури, 2 драхмы сиденгамовыхъ опійныхъ капель); ото всѣхъ этихъ лекарствъ больной пришелъ въ настоящее бѣшенство; между тѣмъ инспекторъ врачебной управы нашелъ у него простую рвоту отъ пьянства и быстро поставилъ его на ноги. Профессоръ медицинскаго факультета Коритари, состоявшій, замѣтимъ кстати, членомъ врачебной управы, съ своей стороны представилъ въ совѣтъ университета чрезмѣрный пріемъ алькоголизованной хины, прописанной Пильгеромъ якобы для лошади домашняго учителя Роллена, каковой у этого послѣдняго вовсе не было. Послѣ этого лекарства паціентъ почувствовалъ, по словамъ Коритарія, удушье и пригласилъ его къ себѣ для поданія медицинской

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1869 № 44.

помощи. Министръ внутреннихъ дѣлъ просилъ гр. Завадовскаго подвергнуть проф. Пильгера штрафу за его незаконное и неудачное лѣченіе. Гр. Завадовскій потребовалъ объясненія отъ Харьковскаго университета и этотъ послѣдній сообщилъ, что въ правленіи началось, по заявленію врачебной управы, дѣло въ незаконной практикѣ Пильгера, которая ему и воспрещена впредь до представленія имъ диплома на званіе врача, хотя онъ и послѣ запрещенія продолжалъ свое лѣченіе. Самъ Пильгеръ, когда его запросилъ ректоръ, на какомъ основаніи онъ лѣчитъ людей, отвѣтилъ: „потому что я медикъ, что извѣстно изъ моихъ трудовъ; потому что я принадлежу къ медицинскому факультету; потому что я всегда занимался врачебной практикой, что извѣстно изъ моихъ писемъ, отправленныхъ въ совѣтъ изъ Львова; потому что я учу въ этомъ университетѣ о необходимости сравнивать болѣзни животныхъ и людей; потому что медицина всегда была и будетъ предметомъ моихъ занятій; потому что дипломъ свой я представлю въ непродолжительномъ времени совѣту". Совѣтъ остановился на выясненіи одного изъ этихъ мотивовъ и поручилъ медицинскому факультету дать отвѣтъ на вопросъ— „знаніе скотолѣченія принадлежитъ ли медицинѣ". Медицинскій факультетъ отвѣтилъ, что ветеринарная наука относится къ медицинской въ широкомъ смыслѣ этого слова, но что ветеринаръ не можетъ лѣчить людей. Были произведены также опросы и по поводу того, дѣйствительно ли приносилъ вредъ своимъ паціентамъ Пильгеръ—и открылось, что не только не было недовольныхъ, а наоборотъ, всѣ отозвались о немъ съ большою похвалою и просили о разрѣшеніи ему и впредь врачевать больныхъ. Въ такомъ смыслѣ высказались, по словамъ предводителя дворянства, всѣ тѣ паціенты изъ дворянъ, которые лѣчились у проф. Пильгера. Такое же заявленіе сдѣлалъ и губернаторъ И. И. Бахтинъ на основаніи доклада полиціймейстера, который въ свою очередь получилъ данныя отъ частныхъ приставовъ, опрашивавшихъ городскихъ обывателей. Любопытно также, что и Ролленъ, на котораго ссылался проф. Коритари въ доказательство вреда, приносимаго Пильгеромъ, отозвался вполнѣ благопріятно о его лѣченіи, прямо заявивъ, что хинные порошки и капли проф. Пильгера излѣчили его и онъ обратился къ проф. Коритари только потому, что не могъ дождаться проф. Пильгера, а между тѣмъ чувствовалъ еще нѣкоторую слабость; въ концѣ концовъ онъ заявлялъ, что доволенъ обоими. Что же касается до порошка алькоголизованной хины, предъявленнаго проф. Коритари въ медицинскій факультетъ и потомъ въ совѣтъ, то онъ, оказывается, просто выпросилъ его у Роллена, не объяснивъ ему, какое назначеніе онъ изъ него намѣренъ былъ сдѣлать. Между тѣмъ Пильгеръ, не желая подвергаться экзамену на

званіе врача у своихъ коллегъ, потому что они были враждебно къ нему настроены (и это дѣйствительно доказывается поступкомъ проф. Коритари), обратился въ Дерптскій университетъ, который и выдалъ ему безъ экзамена honoris causa, за его сочиненія дипломъ на званіе *доктора* медицины и хирургіи. Казалось, что теперь вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ пользу проф. Пильгера. Но на дѣлѣ вышло иначе. Врачебная управа, которой правленіе университета сообщило о полученіи проф. Пильгеромъ диплома, прося вмѣстѣ съ тѣмъ дать разрѣшеніе на отпускъ ему лекарствъ изъ аптеки, не нашла возможнымъ дать сама собой таковое разрѣшеніе. Не помогла и дополнительная ссылка правленія на приказъ министра внутреннихъ дѣлъ, отданный еще въ 1804 г. управѣ: „какъ профессору Делявиню, такъ и другимъ чиновникамъ медицины, назначаемымъ къ заступленію профессорскихъ мѣстъ по медицинскому факультету въ Харьковскомъ университетѣ въ дозволеніи врачебной практики не дѣлать никакого препятствія“. Благопріятные результаты имѣло только ходатайство за Пильгера передъ министромъ народнаго просвѣщенія попечителя гр. С. О. Потоцкаго, который, не оправдывая Пильгера въ его вспыльчивости и самолюбіи, указывалъ на расположеніе къ нему мѣстной публики, вызванное его удачнымъ лѣченіемъ, и на его полезную и неутомимую дѣятельность по ветеринарной части. Съ своей стороны Дерптскій университетъ представилъ исполненное достоинства объясненіе о причинахъ, побудившихъ его дать докторскій дипломъ Пильгеру. Изъ представленныхъ документальныхъ данныхъ оказывается, писалъ совѣтъ, что Пильгеръ съ успѣхомъ обучался медицинѣ и хирургіи въ разныхъ университетахъ и не получилъ докторскаго диплома только потому, что поступилъ немедленно въ военную службу; ветеринаріи же онъ обучился самоучкой, хотя занялъ въ этой наукѣ едва-ли не первое мѣсто по своимъ сочиненіямъ; весьма успѣшно онъ занимался также и врачебной практикой. Въ силу всѣхъ этихъ обстоятельствъ, а также принявъ во вниманіе его сочиненія по медицинѣ, факультетъ и выдалъ ему дипломъ на доктора медицины и хирургіи безъ экзамена, а совѣтъ утвердилъ этотъ выборъ. „Съ истиннымъ душевнымъ удовольствіемъ, писалъ въ своемъ объясненіи деканъ медицинскаго факультета Штаксъ, по единогласному одобренію совѣта факультетъ въ почтительнѣйшихъ выраженіяхъ выдалъ ему просимый дипломъ, не списываясь о семъ съ Харьковскимъ университетомъ, такъ какъ имѣлъ на это право по 78 § Высочайше утвержденнаго устава. Онъ почитаетъ себѣ за честь, что столь достойный врачъ и столь извѣстный писатель отнесся къ нему въ данномъ случаѣ. Онъ и теперь надѣется, что поступилъ согласно съ духомъ высокаго мини-

стерства, предоставивъ сему исполненному дарованій врачу большій кругъ для его дѣятельности, ибо назначеніе профессоровъ, такъ какъ и цѣль всѣхъ университетовъ не иная какъ та, чтобы по возможности удовлетворять надобностямъ отечества. По крайней мѣрѣ факультетъ поступилъ благоразумно въ этомъ случаѣ, если въ Россіи вообще въ лекаряхъ, особенно же въ искусныхъ врачахъ и хирургахъ, настоитъ великій недостатокъ, что доказываетъ помѣщенное недавно въ „Петербургскихъ вѣдомостяхъ" требованіе врачей г. министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. Куракинымъ и что факультету по собственнымъ опытамъ извѣстно". Совѣтъ съ своей стороны къ этому прибавилъ, что не считалъ нужнымъ вступать въ предварительные переговоры съ Харьковскимъ университетомъ, такъ какъ не зналъ о личныхъ отношеніяхъ проф. Пильгера къ его коллегамъ, а, во-2-хъ, ему было извѣстно, что Харьковскій университетъ въ академическія степени по медицинскимъ наукамъ еще не возводитъ. Всѣ эти данныя гр. Завадовскій изложилъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ министру внутреннихъ дѣлъ (отъ 16 іюня 1808 года) и съ своей стороны постановилъ разрѣшить Пильгеру врачебную практику. Между тѣмъ проф. Пильгеръ, не получивъ отъ Харьковской врачебной управы разрѣшенія на занятіе врачебной практикой, даже и послѣ представленія диплома, извѣстилъ объ этомъ, очевидно, въ сильныхъ и горячихъ выраженіяхъ, Дерптскій университетъ, который былъ оскорбленъ этимъ, и Клингеръ, попечитель округа написалъ по этому поводу министру народнаго просвѣщенія слѣдующее характерное письмо. „Дерптскій университетъ не только видитъ себя чрезъ то оскорбленнымъ въ важнѣйшихъ и нужнѣйшихъ своихъ правахъ, но находится даже въ опасности потерять уваженіе, оказываемое ему, яко университету въ отечествѣ и чужихъ краяхъ, а эта потеря должна будетъ имѣть очень важныя послѣдствія для университета, ибо она заставитъ думать, что онъ не есть достаточный судья въ ученыхъ дѣлахъ. Съ перваго основанія университетовъ въ Европѣ никто права сіи не оспаривалъ до сего времени, вездѣ почитались университеты главными мѣстами для наукъ, пользующимися правомъ производить достойныхъ въ разныя ученыя званія и чины. По сей то самой причинѣ и россійскимъ университетамъ наподобіе иностранныхъ сіи права пожалованы были, и я съ своей стороны прошу ваше сіятельство вступиться, если понадобится, за это право Дерптскаго университета, Высочайше установленное чрезъ уставъ, и тѣмъ настоятельнѣе прошу я ваше сіятельство, что (въ противномъ случаѣ) университетъ потеряетъ уваженіе студентовъ, въ немъ обучающихся, уваженіе для преподаванія наукъ столь важное и необходимое". Однако, это вполнѣ законное представ-

леніе не было уважено, потому что министерство внутреннихъ дѣлъ было сильно возбуждено противъ Пильгера вслѣдствіе представленій врачебной управы и ему удалось добиться въ сущности недѣйствительности его диплома. При министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ организованъ „комитетъ для разрѣшенія затрудненій, происходящихъ отъ разнообразія медицинскихъ экзаменовъ при главномъ медицинскомъ управленіи и при университетахъ“. Этотъ то комитетъ разсматривалъ и дѣло Пильгера и сдѣлалъ слѣдующее постановленіе: „министръ просвѣщенія не оставитъ сдѣлать надлежащаго замѣчанія Дерптскому университету за признаніе въ званіи доктора медицины и хирургіи безъ экзамена профессора ветеринарной науки въ Харьковскомъ университетѣ Пильгера и объявить сему послѣднему, чтобы онъ подвергнулъ себя надлежащему экзамену, ежели хочетъ получить право врачебной практики“. Постановленіе это составило 12-й пунктъ комитетскаго доклада, а этотъ послѣдній цѣликомъ былъ Высочайше конфирмованъ и такимъ образомъ оставалось одно—привести его въ исполненіе, хотя и создавалась коллизія между нимъ и Высочайше же утвержденнымъ уставомъ Дерптскаго университета, въ 78 § котораго мы читаемъ: „сверхъ сего (т. е. дарованія ученыхъ степеней по экзаменамъ) всѣ отдѣленія имѣютъ право мужамъ, извѣстнымъ своею ученостью и сочиненіями или отличившимися въ государственной службѣ въ иностранныхъ земляхъ и въ Россійской Имперіи давать съ согласія университетскаго совѣта такъ какъ и въ прочихъ университетахъ почетные дипломы на докторское достоинство“ [1]. Изъ текста Пильгеровскаго диплома, можно убѣдиться, что онъ выданъ былъ именно honoris causa, „ob eruditionem eximiam tot egregis speciminibus probatam“. Казалось, что теперь всякая надежда была потеряна; но у Пильгера было слишкомъ много энергіи, для того, чтобы успокоиться и примириться со своимъ положеніемъ. Запрещеніе состоялось въ 1808 г., а въ 1809 г. и онъ самъ, и представитель мѣстной администраціи губернаторъ И. И. Бахтинъ возбуждаютъ новыя ходатайства. Любопытно частное письмо въ его пользу губернатора Бахтина къ министру внутреннихъ дѣлъ кн. А. Б. Куракину. „Всѣ тѣ харьковскіе жители, писалъ онъ, которыхъ прежде запрещенія г. Пильгеръ лечилъ, единогласно, посколько мнѣ извѣстно, сожалѣютъ о семъ запрещеніи и почитаютъ, что они лишены въ немъ, по отмѣнно удачному его вылѣчиванію, великой помощи въ своихъ болѣзняхъ и потерю эту поставляютъ незамѣнимою никакимъ другимъ изъ здѣшнихъ медиковъ. Сожалѣніе ихъ кажется основательно, ибо и я знаю достовѣрно, что во время его

[1]) Сборн. постановл. по минист. нар. просв., I, стр. 140.

практики онъ вылечилъ нѣсколькихъ больныхъ, которыхъ другіе врачи вылечить уже отчаивались или и совсѣмъ почитали невозможнымъ. Мнѣ совершенно извѣстно, что сами нѣкоторые здѣшніе медики въ важныхъ случаяхъ совѣтуются съ нимъ. Зависть одна, а можетъ быть совмѣстно и неуклончивый характеръ г. Пильгера, но отнюдь не неискуство его и не опасность отъ него вреда суть виною возставшихъ здѣсь на него гоненій. Сдѣлавши себѣ единожды на всегда строгое правило говорить и писать одну истину и ограничивая себя (и то развѣ по необходимости) однимъ токмо молчаніемъ тогда, когда ее сказать не можно, я не осмѣлился бы, да и самъ бы себя стыдился, донесть вамъ, милостивый государь, столько ложнаго; но я почелъ долгомъ моего званія, справедливости, чести и человѣколюбія представить вашему сіятельству нагую правду; отъ васъ, сіятельный князь, уже зависѣтъ будетъ сдѣлать донесенію моему употребленіе, какое за благо разсудить изволите. Возрѣніе вашего сіятельства на представляемые при семъ четыре тома сочиненія г. Пильгера можетъ быть подкрѣпитъ доносимое мною и удостовѣритъ Ваше Сіятельство въ томъ, что Пильгеръ не шарлатанъ. Сравненіе, какое онъ (по увѣренію меня знающими нѣмецкій языкъ) дѣлаетъ въ семъ сочиненіи скотскихъ болѣзней съ человѣческими, можетъ служить доказательствомъ, что по крайней мѣрѣ онъ тѣ и другія хорошо знаетъ“.

Однако Пильгеру не удалось все-таки добиться разрѣшенія врачебной практики; мало того: свершилось нѣчто совсѣмъ невѣроятное и по нашимъ понятіямъ невозможное—министръ призналъ недѣйствительнымъ дипломъ, выданный Пильгеру на законномъ основаніи Дерптскимъ университетомъ. Въ 1810 г. попечитель округа написалъ министру народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскому слѣдующее письмо: „профессоръ ветеринарной науки Харьковскаго университета Пильгеръ, извѣстный по производившемуся о немъ дѣлу въ разсужденіи полученнаго имъ отъ Дерптскаго университета диплома на достоинство доктора медицины и хирургіи, изъявилъ въ присутствіи совѣта свое неудовольствіе, что тотъ въ объявленномъ имъ росписаніи о публичныхъ лекціяхъ на текущій годъ не назвалъ его докторомъ. Сей профессоръ по упомянутому его дѣлу хотя и получилъ запрещеніе производить надъ людьми врачебную практику, но достоинство доктора, данное ему Дерптскимъ университетомъ, съ него не снято, и дипломъ на него, имъ полученный отъ него не отобранъ и находится у него понынѣ. Посему я покорнѣйше прошу ваше сіятельство снабдить меня разрѣшеніемъ, можетъ ли онъ Пильгеръ по имѣющемуся у него диплому называться докторомъ или долженъ лишиться сего достоинства“. Въ отвѣтъ отъ А. К. Разу-

мовскаго на имя университета получено было слѣдующее разъясненіе. „Какъ докторское достоинство безъ дозволенія на практику есть лишь одно безполезное названіе, то предлагаю университету объявить Пильгеру, что онъ, по Высочайше утвержденнымъ правиламъ о медицинскихъ экзаменахъ можетъ нынѣ экзаменоваться въ ономъ для полученія дозволенія производить врачебную практику въ Россіи, на что онъ и прежде изъявилъ желаніе“. По всей вѣроятности, не безъ внѣшняго воздѣйствія Пильгеру не удалось перейти и въ медико-хирургическую академію въ Петербургъ, куда его принялъ было извѣстный Вилье, но потомъ отказалъ въ переходѣ, узнавъ, что этотъ профессоръ не можетъ читать лекцій по русски. Во всякомъ случаѣ, тутъ характерно, что Пильгера хотѣла имѣть своимъ преподавателемъ медико-хирургическая академія. Между тѣмъ на Пильгера вскорѣ послѣдовалъ новый доносъ со стороны Сумскаго аптекаря Касьянова, который обвинялъ его въ незаконномъ и неудачномъ лѣченіи своего брата, будто бы отъ этого внезапно и скончавшагося. Пильгеръ снова долженъ былъ оправдываться и написалъ объясненіе, въ которомъ обвинялъ въ подстрекательствѣ къ этой неосновательной жалобѣ инспектора врачебной управы Грумбаха, публично, по его словамъ, заявившаго, что его просили о возбужденіи дѣла нѣкоторые профессора университета. Въ своей жалобѣ Касьяновъ указывалъ, что лѣкарства его брату, по рецептамъ Пильгера, выдавалъ содержатель привиллегированной Харьковской аптеки Вензель, и высказывалъ предположеніе, что, быть можетъ, скоропостижная смерть его брата находится въ связи съ лѣкарствами проф. Пильгера, выданными изъ аптеки Вензеля. Разбирая жалобу Касьянова, называя ее гнусной клеветой, несправедливымъ доносомъ, Пильгеръ между прочимъ высказываетъ слѣдующія замѣчанія: „не смотря на многія ясныя и неоспоримыя доказательства моей невинности, не смотря на истины, извѣстныя всей ученой публикѣ, злоба противниковъ моихъ дошла до такой степени, что они рѣшились лучше испытать всякую низость, забыть всякое чувствованіе чести и употреблять всѣ возможныя средства къ навлеченію на меня гнѣва Государя Императора, нежели оставить неудачнымъ свое ненавистное намѣреніе, стремящееся къ тому, чтобы подвергнуть въ бездѣйственность человѣка, который приносилъ уже и впредь можетъ надѣяться принести пользу своею службою и такимъ образомъ отвратить дѣйствіе благодѣтельныхъ попеченій Монарха, желающаго черезъ здѣшній университетъ повсемѣстно разлить образованіе и просвѣщеніе. Противники мои не удержались возстать на меня въ глазахъ всего ученаго общества, коего я имѣю счастье быть сочленомъ, и чрезъ то покрыли стыдомъ самый университетъ, не удостоивъ сравнить его ни

съ чѣмъ инымъ, какъ со школою невѣждъ, и думаютъ, что они могутъ дѣлать съ членами его, какъ имъ угодно и всячески играть ими. Послѣ такихъ отважныхъ поступковъ не можетъ ли легко честь самого университета подвергнуться невыгодному заключенію въ обществѣ, когда всякій по своей волѣ однимъ почеркомъ пера можетъ отнять честное имя у членовъ его. Не служитъ ли каждая строка въ моихъ сочиненіяхъ опроверженіемъ клеветамъ моихъ непріятелей? Не сдѣлались ли оттого несправедливые ихъ доносы совершенными нелѣпостями? Если они отважились уже употреблять противъ меня столь ужасныя несправедливости и ложные доносы, то впредь при первомъ удобномъ случаѣ безъ сомнѣнія не упустили бы воспользоваться имъ, чтобы ввергнуть меня въ совершенное несчастіе. Они, конечно, не захотѣли бы оказать мнѣ малѣйшей великодушной пощады и, судя по тому, что я до сего времени уже испыталъ отъ нихъ (когда, не слушая никакихъ оправданій противъ устремляемыхъ на меня клеветъ, обвинили меня самовольно), погибель была бы тогда неизбѣжнымъ моимъ жребіемъ, тѣмъ несомнѣннѣе, что я не могъ бы имѣть ни малѣйшей надежды на ихъ человѣколюбивыя чувства, въ которыхъ не отказываютъ и самимъ злодѣямъ, и, осужденъ будучи по сознанію причины, я навсегда подвергнулся бы общественному поруганію. Злое намѣреніе Касіянова доказывается тѣмъ, что онъ спустя уже 14 мѣсяцевъ послѣ извѣстнаго несчастнаго приключенія въ первый разъ вздумалъ приносить на меня жалобу. Присутственное мѣсто имѣло тѣмъ менѣе право принимать отъ Касіянова жалобу, что, во-1-хъ, дѣло, о которомъ онъ говоритъ въ ней, въ сущности не содержитъ ни малѣйшаго преступленія; изслѣдовать же истину въ самомъ началѣ было уже не возможно; во-2-хъ, потому что Касіяновъ не представилъ никакихъ доказательствъ въ подкрѣпленіе своей жалобы и къ объясненію моего преступленія, что было необходимо. Сказать, что можетъ быть лекарства, которыя при пользованіи давалъ я брату Кассіянова, сдѣлали ему вредъ, могъ аптекарь Кассіяновъ въ такомъ только случаѣ, когда бы представилъ самые рецепты о данныхъ мною вредныхъ веществахъ, писанныя моею рукою, съ означеніемъ дня и числа, также имени больного и моего собственнаго; пусть онъ представитъ ихъ и тогда я объявлю себя виновнымъ и признаюсь торжественно, что безвинно называлъ его лжецомъ; но если онъ сего не исполнитъ, то стыдъ, что осмѣлился оклеветать честнаго человѣка, будетъ ему тягостнѣйшимъ наказаніемъ. Петербургскою медицинскою академіею назначено до 200 лекарственныхъ веществъ къ отпуску по требованіямъ. Аптекарь долженъ безостановочно выдавать ихъ за деньги всякому. Будучи также въ числѣ тѣхъ, коимъ дано преимущество на выписку лекарствъ,

не понимаю, почему теперь вдругъ я только одинъ не могу уже получать ихъ по прежнему. По сему если аптекарь долженъ отпускать лекарства всякому непремѣнно, то никто также не можетъ присовѣтовать во встрѣчающихся случаяхъ взять у него иныя, кромѣ тѣхъ, которыя дѣйствительно могутъ быть ему полезными въ его положеніи, и совѣтующій долженъ, если проситель не надѣется на свою память столько, чтобы на пути отъ дому его до аптеки удержать въ умѣ названіе присужденнаго лекарства, дать ему точную о немъ записку, ибо требовать лекарствъ письменно или словесно одно и тоже; но такой записки нельзя еще назвать рецептомъ и по ней нельзя судить, хорошо или худо такой то совѣтникъ пользовалъ больнаго. Большая часть людей по случайнымъ опытамъ подаютъ другимъ совѣты, но о нихъ нельзя еще по сему сказать, что они производятъ практику и могутъ пользовать больныхъ. Можетъ быть, подобный же случай сблизилъ меня съ г. Кассіяновымъ; вѣроятно, тоже было прежде и со многими другими, которыхъ я пользовалъ; но какимъ образомъ все это дѣйствительно происходило, о томъ по отдаленности времени ничего утвердительнаго сказать не могу. Докторъ, получившій позволеніе на свободную практику, отнюдь вмѣстѣ съ тѣмъ не получаетъ дарованія дѣлать людей безсмертными. Множество необыкновенныхъ смертныхъ случаевъ, съ недавняго времени бывающихъ, которые противники мои, конечно, желали бы не видѣть случившимися, подтверждаютъ то. Но объ этомъ умолчимъ до удобнѣйшаго времени, ибо я совершенно увѣренъ, что съ дѣломъ моимъ не иное что можетъ быть, какъ то, что современемъ оно непремѣнно должно дойти до самого Высочайшаго разсмотрѣнія, и мнѣ безъ сомнѣнія воздастся справедливость, которой тщетно въ продолженіе четырехъ лѣтъ я ищу. Какъ скоро аптекарь Кассіяновъ несправедливо со своею жалобою открылъ теперь злое намѣреніе оклеветать меня безъ представленія малѣйшихъ въ вину мою доказательствъ и ищетъ непремѣнно обратить на меня причину смерти его брата, то послѣ сего я осмѣливаюсь покорнѣйше просить почтеннѣйшее правленіе, чтобы противнику моему повелѣно было непремѣнно въ подтвержденіе справедливости его жалобы представить тѣ вредные рецепты, которые будтобы даны были мною для его брата, съ означеніемъ на нихъ дня, числа, подписи, имени больнаго и моего собственнаго—все писанное моею рукою; въ противномъ же случаѣ за ложный доносъ и клевету, для оправданія моей невинности, приказать заплатить ему мнѣ 2000 руб. и подвергнуть его тому же самому наказанію, которому въ случаѣ дѣйствительной моей вины подвергнулся бы я самъ по законамъ. Я удерживаю за собою право апелляціи къ высшимъ судилищамъ (6 іюля 1811 г.).

Въ объясненіи на имя министра проф. Пильгеръ уже прямо жалуется на Харьковскій университетъ. „Вынужденный злоумышленіями здѣшняго университета противъ меня для защиты своей чести и должности и для отверженія скрытныхъ ковъ, осмѣливаюсь униженно представить это писаніе Вашему Сіятельству“. Далѣе онъ указываетъ на свои труды, имѣвшіе въ виду общественное благо—на многократныя попытки завести ветеринарный институтъ, на обученіе ветеринарнымъ наукамъ нѣсколькихъ военныхъ. „Что я не перестаю трудиться, писалъ онъ, что жизнь свою теперь какъ и прежде посвящаю своей наукѣ, доказываютъ ежедневные мои опыты, изготовляемыя мною сочиненія, засвидѣтельствуютъ многіе дворяне, отдавшіе мнѣ своихъ людей для изученія хирургіи, перевязыванію и скотолѣченію; нѣкоторые оказали большіе успѣхи. Что я нѣсколько сотъ неимущихъ больныхъ лѣчилъ на своемъ иждивеніи, что въ домѣ своемъ завелъ госпиталь, куда принималъ отчаянно больныхъ и исцѣлялъ ихъ, что значительное количество людей, звѣрей и собакъ, бѣшенными собаками уязвленныхъ, я излѣчилъ и что всѣ они по сіе время здоровы, о семъ г. здѣшній губернаторъ послалъ донесеніе къ его сіятельству кн. Куракину и я готовъ, чтобы вылѣченные мною допущены были засвидѣтельствовать то въ судѣ. Безъ самохвальства осмѣливаюсь сказать, что великое число людей Харьковской и другихъ губерній обязаны мнѣ своимъ выздоровленіемъ, въ чемъ засвидѣтельствуетъ г. попечитель, губернаторъ, полиція, здѣшняя публика, вся область и многіе члены университета. Даже члены медицинской управы учились у меня способу лѣченія и перевязыванія, чтобы и впредь употреблять его въ подобныхъ случаяхъ; истину этого подтвердитъ излѣченный мною поручикъ, общество офицеровъ его бригады и многіе другіе свидѣтели.... Долгъ требовалъ до вызова меня изъ-заграницы удостовѣриться, достоинъ ли я моего званія, что легко можно было узнать изъ моихъ сочиненій, изъ многихъ нѣмецкихъ и французскихъ журналовъ и газетъ. И когда меня вызвали безъ всякой со стороны моей на то просьбы и искательства, ибо я имѣлъ въ своемъ отечествѣ мѣсто, былъ почтенъ и полезенъ, то и должно было со мною, какъ съ ученымъ, благопристойнѣе поступать, помня, что чувство чести есть источникъ всѣхъ добродѣтелей, слѣдовательно, и ревности къ успѣхамъ въ высокихъ наукахъ, которую не должно безъ нужды оскорблять, чтобы духъ дѣятельности не умертвить. Честь самого медицинскаго факультета возбраняла распространять столь неумѣстные толки, что скотолѣченіе не принадлежитъ къ медицинѣ, ибо факультетъ долженъ быть свѣдомъ о настоящемъ состояніи своихъ наукъ, если не хочетъ столь явно пристыдить себя предъ ученымъ свѣтомъ. Таковые непристойные поступки могли ли въ молодыхъ людяхъ возбу-

дить охоту къ медицинскому ученію, и медицинскій факультетъ по сіе время никакой пользы не принесъ оттого, что ничего не хотѣлъ дѣлать; недостатка въ учащихся не было.... Но этимъ не удовольствовались, ибо когда я изъ Дерпта докторскій дипломъ получилъ, то профессоръ Шумлянскій первый противъ него возсталъ и отвергнулъ, посрамляя меня письменно въ засѣданіи, чтобъ я обращался съ цыганами, коновалами лошадей, и когда факультетъ и медицинская управа отрекли мнѣ коварно достоинство доктора, то не былъ я болѣе приглашенъ ни въ засѣданіе, ни на экзаменъ, ни къ другимъ какимъ-либо дѣламъ факультета. Профессоръ Шумлянскій воспротивился избранію меня въ деканы, запретилъ, какъ цензоръ, печатаніе моихъ письменныхъ сочиненій, словомъ поступали со мною, какъ съ прописнымъ, обижая меня даже въ засѣданіи. И вотъ причина, почему я долго не ходилъ въ засѣданіе, предостерегая себя отъ большихъ огорченій и досадъ. И дѣло даже до того дошло, что неизвѣстная мнѣ рука записывала меня въ протоколѣ небывшимъ въ засѣданіи тогда, когда я былъ.... Дѣлали со мной, что хотѣли, предполагая, что некому меня услышать. И съ того самого времени какъ Ваше Сіятельство отказали мнѣ въ званіи доктора, которое я испрашивалъ для своего покоя и уничиженія пронырствъ, считаютъ меня лишеннымъ всякой подпоры и потому безпощадно гонятъ. Пока живъ былъ покойный ректоръ Рижскій, имѣлъ я хотя сколько нибудь покоя, ибо прилагалъ онъ возможное стараніе, чтобы разрушать злоумышленія и пронырства, но съ перемѣною ректорства пробудились снова всѣ гоненія на меня и всѣ возможные способы употребляютъ на удаленіе меня изъ университета. И на сей конецъ пользуются даже жалобою на меня аптекаря Касьянова, которую я Вашему Сіятельству униженно представилъ. Но напослѣдокъ изумляюсь о дерзновеніи, съ каковымъ неправду употребляютъ, представляя Вашему Сіятельству, что я изъ Харькова въ Петербургъ переведеннымъ быть ищу; услышавши сіе, и чувствамъ я не вѣрилъ. Правда, что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, когда гоненія на меня весьма умножились, услышалъ я, что проф. Книгинъ желаетъ промѣнять свое мѣсто на мое, и я хотя считалъ такую перемѣну для себя благопріятною, однакожъ и не думалъ, и не говорилъ болѣе о ней, ибо предполагалъ, что меня этимъ только обманываютъ. Я старъ, имѣю семейство, обжился здѣсь, въ Петербургѣ дорого; и такъ, какимъ образомъ могъ я желать себѣ великаго и явнаго вреда? При охотномъ подъятіи трудовъ, для отвращенія ученаго изможденія, желалъ бы я перемѣны положенія, но по настоящее время желаніе это въ сердцѣ моемъ заключалось. Нѣкоторые не хотятъ трудиться, а нѣкоторые и не могутъ, затѣмъ и другихъ не допускаютъ

къ пріобрѣтенію заслугами отличія и похвалы. И вотъ причина всѣхъ ихъ злоумышленій. Когда же дѣйствительно случится работа, то просятся съ пенсіономъ въ отставку. Наукамъ здѣсь такъ худо, что ни одного ученаго засѣданія не бываетъ, чего требуетъ 52 § устава, и ученыя задачи не разрѣшаются, чего требуетъ 53 §; что Ваше Сіятельство изъ университетскихъ меморій усмотрѣть благоволите. Не сочиняютъ плановъ ученія, не утверждаютъ въ гимназіяхъ способовъ преподаванія, почитая науки побочными занятіями; но продаваніе венгерскихъ винъ и иностранныхъ товаровъ, негодованіе публики возбуждающее, коей одобреніе заслуживать должно, за позволенное считаютъ. И когда кто изъ добросовѣстныхъ людей противъ сихъ злоупотребленій заговоритъ, то стараются таковаго удалить, вмѣняя ему то въ преступленіе, чего онъ по долгу и чести не допускаетъ, всему тому доказательства благоволите Ваше Сіятельство усмотрѣть въ послѣднемъ протоколѣ. Проф. Шумлянскій свыше терпѣнія гонитъ меня такъ, что даже изъ факультета меня исключилъ. И вмѣсто законнаго при томъ производства, записали меня какъ безпокойнаго человѣка въ протоколъ, домогаясь меня очернить передъ Вашимъ Сіятельствомъ въ то время, когда предполагаютъ, что нѣтъ мнѣ никакого оправданія. Однакожъ въ тоже время проф. Шумлянскій новыя обиды на меня въ протоколъ вноситъ, что можно видѣть 1-го сентября сего года, гдѣ онъ посмѣянія достойнымъ образомъ утверждаетъ, что *я не сочинитель изданныхъ мною книгъ*. Ваше Сіятельство сами благоволите разсудить, можно ли такъ поступать съ человѣкомъ послѣ четырехлѣтняго ознакомленія съ нимъ. Если бы мнѣнія собирались въ силу 55 § устава, то въ протоколахъ менѣе было бы вздору. Правда, что я не допускаю въ равныхъ себѣ надъ собою самовластія, ибо права мои и ихъ одни и тѣже, и потому я не виноватъ, когда оскорбляется самолюбіе этихъ господъ, кои съ равными себѣ обходятся заносчиво. Обиды, непрестанно мною терпимыя, могутъ наискромнѣйшаго человѣка раздражить. Чтобы не истощить терпѣнія Вашего Сіятельства, умолкаю; изъ сказаннаго мною Ваше Сіятельство благоволите сами сдѣлать заключеніе. Еще представляю униженно собственноручное письмо губернатора, содержащее отвѣтъ его Сіятельства кн. Куракина. Съ удовольствіемъ держалъ бы я экзаменъ въ Петербургѣ, если бы при старости моей столь длинная поѣздка была возможна и если бы своими сочиненіями я не доказалъ болѣе своихъ знаній, чѣмъ могу доказать ихъ экзаменомъ" (16 сентября 1811 г.). Университетъ дѣйствительно рѣшился освободиться отъ Пильгера. 14 октября того же года правленіе, по порученію совѣта, представило министру просьбу объ увольненіи Пильгера. Въ ней оно указывало, что Пильгеръ не испол-

нилъ своего обѣщанія представить свой заграничный дипломъ на докторскую степень, вопреки Высочайшему запрещенію занимался и занимается недозволенною ему врачебною практикой и не исполняетъ въ то же время порученій совѣта и факультета, не пожелалъ подвергнуться предложенному ему экзамену; въ виду всего этого „совѣтъ университета, которому проф. Пильгеръ столь часто наскучалъ подаваемыми недѣльными и написанными въ оскорбительныхъ выраженіяхъ бумагами, опредѣлилъ въ засѣданіи 7 сентября просить Ваше Сіятельство освободить его отъ сего ничѣмъ незанимающагося при университетѣ, но только безпокоющаго его человѣка“. Нужно впрочемъ замѣтить, что проф. Шадъ и Роммель остались при особомъ мнѣніи и считали достаточнымъ, чтобы министръ обуздалъ Пильгера и побудилъ его заняться чѣмъ-либо при университетѣ (слушателей на медицинскомъ факультетѣ тогда не было и лекцій читать было некому). Вмѣстѣ съ тѣмъ министру были представлены — выписка изъ дѣла, разбиравшагося правленіемъ по жалобѣ на Пильгера аптекаря Касьянова, и извлеченія о немъ изъ совѣтскихъ протоколовъ. Правленіе потребовало отъ него отвѣта на обвиненія Касьянова, а онъ подалъ пространное объясненіе, переполненное оскорбительными и закономъ запрещенными выраженіями; между прочимъ тамъ было сказано, что „Его Императорское Величество ложными рапортами обманутъ“. Когда его объясненіе было ему возвращено обратно, то онъ представилъ новое, гдѣ писалъ: „такъ какъ инспекторъ врачебной управы Грумбахъ публично объявляетъ, что онъ къ жалобамъ противъ меня побуждаемъ былъ Харьковскимъ университетомъ, который не давалъ ему покоя по этому дѣлу, то я нашелъ себя вынужденнымъ всѣ акты по Касьяновой жалобѣ отправить къ Его Сіятельству г. министру народнаго просвѣщенія. А какъ я почитаю согласно съ благоразуміемъ не подвергать себя такому судебному мѣсту, которое самъ жалующійся (Грумбахъ) выдаетъ за доносчиковъ, то и полагаю нужнымъ объявить объ этомъ университету“. Получивъ жалобы правленія, министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ объясненія отъ Пильгера и тотъ отправилъ обширное письмо гр. А. К. Разумовскому на французскомъ языкѣ, въ которомъ шагъ за шагомъ опровергалъ возводимыя на него обвиненія—снова повторялъ, что медицинскій факультетъ въ теченіе 4 лѣтъ не желалъ его подвергать экзамену, указывалъ, что онъ не можетъ теперь экзаменоваться, ибо въ числѣ предметовъ испытанія поставлены такіе дополнительные, какъ математика, ботаника, физика и др., которые ему были необходимы для ветеринарной медицины, отрицалъ иронію въ своемъ отвѣтѣ факультету; на обвиненіе въ непосѣщеніи факультетскихъ засѣданій отвѣчалъ, что у него отняли рѣшающій голосъ

въ дѣлахъ, касающихся медицины, и этимъ принудили перестать посѣщать факультетскія собранія; на заявленіе, что онъ ничего не дѣлаетъ для университета, онъ отвѣчаетъ, что если у него, какъ и у другихъ профессоровъ медицинскаго факультета, нѣтъ слушателей уже нѣсколько лѣтъ, то виноватъ не онъ, а самъ университетъ, который отказываетъ ему въ постройкахъ, необходимыхъ для преподаванія ветеринарныхъ наукъ; разбирая обвиненіе въ продолженіи запрещенной ему практики, онъ заявляетъ, что никогда не нарушалъ Высочайшаго повелѣнія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда долженъ былъ спасать жизнь ближнихъ и оказывать имъ помощь по человѣчеству; объ одномъ такомъ случаѣ онъ и разсказываетъ въ письмѣ, а именно—о хирургической помощи, оказанной имъ члену врачебной управы И. Р. Романовскому въ присутствіи инспектора Грумбаха. Любопытенъ текстъ отвѣта Пильгера медицинскому факультету, въ которомъ, по его словамъ, не было ироніи, а только обращеніе равнаго къ равнымъ. „Celeberrimis ac clarissimis dominis Decano et professoribus facultatis medicae, fautoribus ac amicis suis valde colendis Professor Pilger salutem plurimam dicit. Pro humanissima vestra litatione ad examen medicum humillime vobis gratias ago quam maximas. Quum vero ad excelentissimum ministrum rationes meas, cur recusem vestrum examen, en extenso miserim, a vobis examinari nequeo. Interea Deum ter optimum maximum rogo, ut laboribus vestris multivariis pro honore facultatis et commodo humanitatis semper faveat. Laus et gloria merita vestra pro arte medica coronabunt, exoptans ego, ut sub vestro auspicio facultas medica in posterum floreat et crescat“. Несомнѣнно, что все это посланіе проникнуто ироніей, но весьма тонкой и прикровенной; тутъ нѣтъ ни одного выраженія, къ которому можно было бы придраться; наоборотъ, вездѣ мы видимъ слова уваженія и похвалы; но, зная взаимныя отношенія членовъ медицинскаго факультета и Пильгера, чувствуешь, что всякое слово нужно здѣсь понимать наоборотъ; какъ это, очевидно, и поняли его коллеги. Между тѣмъ жалобы на Пильгера за непосѣщеніе имъ совѣтскихъ засѣданій продолжались и въ 1812 году. 27 іюля 1812 г. совѣтъ снова возбудилъ ходатайство передъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія кн. А. М. Голицинымъ о переводѣ Пильгера въ другое мѣсто, такъ какъ этотъ безпойный человѣкъ не приноситъ пользы университету. 16 августа 1812 г. министръ народнаго просвѣщенія сообщилъ совѣту, что „по неоднократнымъ представленіямъ совѣта о профессорѣ скотолѣченія Пильгерѣ, видя, что онъ продолжаетъ уклоняться отъ присутствія въ совѣтѣ и ничѣмъ не занимается при университетѣ, предлагаю призвать его въ собраніе и потребовать отъ него яснаго письменнаго отвѣта, будетъ ли

онъ впредь съ надлежащею исправностію исполнять обязанности свои по профессорскому званію, и сей отвѣтъ мнѣ представить". Замѣтимъ кстати, что въ черновомъ проэктѣ этой бумаги изъявлено было согласіе министра на увольненіе Пильгера; значитъ Роммель и въ этомъ случаѣ сообщилъ совершенно точное свѣдѣніе. Въ 1813 г. Харьковскій губернаторъ снова возбудилъ ходатайство о разрѣшеніи Пильгеру врачебной практики и представилъ при этомъ прошеніе, поданное ему харьковскимъ городскимъ головою Ломакинымъ за подписью 40 чел. гражданъ. Вотъ текстъ этого письма. „Г. профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета Ѳедоръ Васильевичъ Пильгеръ, со времени вступленія своего въ этотъ университетъ въ 1808 г., занимаясь врачеваніемъ одержимыхъ разными болѣзнями, прежде нежели по распоряженію начальства поставлена была ему преграда пользовать таковыхъ и предназначено упражняться въ одномъ скотолѣченіи, которое является предметомъ его настоящаго званія, своимъ отличнымъ искусствомъ въ медицинѣ, доказаннымъ многочисленными опытами, излѣчилъ великое число страждущихъ тяжкими болѣзнями и весьма много такихъ, которые были совсѣмъ въ отчаянномъ положеніи и о которыхъ никто изъ другихъ врачей не имѣлъ никакой надежды, сохранилъ жизнь и возвратилъ совершенное здоровье. Да и тогда уже, когда преграждены ему средства безпрепятственно дѣйствовать къ пользѣ человѣчества, одни совѣты его и наставленія, на глубокомъ знаніи медицины и опытности основанныя, приносятъ всѣмъ очевидную и ощутительную пользу. Одни изъ насъ, бывъ обязаны чувствительною благодарностью за пособія въ разныхъ болѣзненныхъ припадкахъ, лично самими нами или кѣмъ-либо изъ фамилій нашихъ отъ него полученныя, а другіе будучи очевидными свидѣтелями, съ какимъ искусствомъ и раченіемъ пользовалъ онъ одержимыхъ болѣзнями, поставляемъ долгомъ, самою справедливостью на насъ налагаемымъ, изъявить ему симъ нашу истинную признательность и просить васъ, милостивый государь, чтобы вы отъ имени своего сообразно желанію всѣхъ насъ нижеподписавшихся подали въ правительственное мѣсто, куда слѣдуетъ, прошеніе, дабы главное начальство предоставило ему г. Пильгеру свободу упражняться во врачеваніи людскихъ болѣзней и тѣмъ къ благу человѣчества открыло бы средство имѣть безвозбранно врача, отъ котораго страждущіе недугами могутъ съ надеждою ожидать пособія и какового невсегда легко сыскать можно. Въ надеждѣ на усердное ваше ходатайство остаемся съ должнымъ почтеніемъ готовые къ услугамъ харьковскіе купцы 2-й гильдіи—Ѳед. Карповъ, Панковъ, Криворотовъ, Таракановъ, Ѳ. Мухинъ, С. Мухинъ, Ѳ. Манухинъ, 3-й гильдіи—Московъ, Ковалевъ, Богдановскій, Онофріевъ, Бѣляевъ, Клейменовъ, Там-

бовцевъ, Мотузковъ, Клейменовъ, А. Куликовъ, Кушинниковъ, Рудаковъ, Неретинъ, Копѣйкинъ, московскій 1-й гильдіи купецъ В. Домещиковъ, московскіе купцы—Н. Норовъ, Савельевъ, Андреевъ, Рябчиковъ, Ал. Поповъ, Юрьева-польскаго—2-й гильдіи купецъ П. Горяиновъ, Калужскій 2-й гильдіи купецъ—П. Мишуковъ, московскій 2-й гильдіи купецъ Губкинъ, Луценковъ, нѣжинскій—Бесходарный, тульскіе—Добрынинъ, Совищевъ, мценскій — Мамакъ, калужскіе—Ольбреровъ, Горбуновъ, новомосковскій—Будневъ, харьковскіе—Скляровъ, Проскуринъ, кашинскій—Ѳ. Манухинъ. Губернаторъ И. И. Бахтинъ къ этому съ своей стороны прибавлялъ: „усматривая изъ означеннаго письма приверженность къ профессору Пильгеру не только харьковскихъ, но и иногороднихъ, а въ томъ числѣ частію и московскихъ купцовъ, за оказанную имъ и другимъ страждущимъ тяжкими болѣзнями помощь и при томъ и самъ зная по доходившимъ ко мнѣ достовѣрнымъ слухамъ, что когда означенный г. Пильгеръ занимался медицинскою практикой, то имѣлъ искусство прекращать самыя опасныя болѣзни, поставляю долгомъ означенное письмо въ оригиналѣ представить на благоусмотрѣніе ваше и осмѣливаюсь удостовѣрить Ваше Превосходительство, что харьковскіе купцы, испрашивающіе Пильгеру разрѣшенія медицинской практики или по крайней мѣрѣ большая часть ихъ принадлежитъ здѣсь къ лучшему купечеству".

Однако и это послѣднее представленіе оказалось безрезультатнымъ: министръ народнаго просвѣщенія не могъ въ виду Высочайшаго запрещенія дозволить практику Пильгеру и не хотѣлъ принять на себя ходатайства объ отмѣнѣ этого запрещенія [1]). Этимъ дѣло и кончилось; Пильгеръ не добился разрѣшенія врачебной практики.

Мы остановились довольно подробно на этомъ эпизодѣ, потому что онъ весьма любопытенъ и даетъ цѣнный матеріалъ не только для уясненія характера одного изъ видныхъ профессоровъ иноземнаго происхожденія, но и для характеристики нравовъ того времени вообще. Мы старались при этомъ представить данныя первоисточниковъ въ ихъ неприкосновенномъ видѣ, приводя въ большинствѣ случаевъ in extenso письма и заявленія дѣйствующихъ лицъ въ виду того, что они придаютъ яркій колоритъ всему разсказу и вмѣстѣ съ тѣмъ по изложенію не слишкомъ отступаютъ отъ современнаго намъ языка; кое-гдѣ, впрочемъ я замѣ-

---

[1]) Всѣ эти данныя мы позаимствовали изъ особаго дѣла о профессорѣ Пильгерѣ, хранящагося въ арх. мин. народн. просв. подъ № a/5639 и b/5639; за присылку его въ Харьковъ приношу глубокую благодарность администраціи архива въ лицѣ директора его г. Барсукова.

нялъ мало употребительныя теперь выраженія болѣе понятными современными. Важность и значеніе нашихъ документовъ зависитъ между прочимъ еще и отъ того, что значительная часть ихъ представляетъ изъ себя не оффиціальныя, а *конфиденціальныя* сообщенія; такимъ именно характеромъ отличаются письма самого Пильгера, вступившаго въ непосредственную корреспонденцію съ министромъ народнаго просвѣщенія. Въ нихъ онъ рельефно выступаетъ передъ нами со всѣми особенностями своего характера и темперамента. Однако необходимо замѣтить, что это обстоятельство имѣетъ и свою невыгодную сторону: въ тайной перепискѣ съ начальствомъ чрезвычайно легко впасть въ преувеличеніе; она незамѣтно для самого автора можетъ подчасъ превратиться даже въ доносъ. Такъ именно и вышло съ Пильгеромъ: съ одной стороны, представляя данныя въ свою пользу, дабы добиться во чтобы то ни стало разрѣшенія врачебной практики, онъ подъчасъ преувеличивалъ свои собственныя достоинства, какъ ученаго, врача и человѣка, а съ другой въ слишкомъ мрачномъ свѣтѣ выставлялъ своихъ противникомъ, а таковыми были всѣ его товарищи по медицинскому факультету. Непріятное впечатлѣніе производятъ тѣ мѣста его писемъ, гдѣ онъ говоритъ о себѣ, какъ о классическомъ писателѣ, признанномъ таковымъ даже въ западной Европѣ, и расхваливаетъ такія свои работы, которыя рецензенты медицинской академіи признали слабыми и ничѣмъ невыдающимися. Непріятнымъ самохвальствомъ звучатъ и фразы, рисующія его успѣхи на поприщѣ практическаго врача. Чувствуется, что онъ самъ употребилъ не мало хлопотъ, чтобы собрать столь обильное, огромное количество аттестатовъ и благодарственныхъ писемъ за успѣшное излѣченіе имъ трудно излѣчимыхъ болѣзней (напр., бѣшенства). Самый способъ его врачеванія (огромныя дозы лѣкарствъ) могъ иногда вмѣсто пользы приносить и прямой вредъ. Нѣтъ полной увѣренности у насъ и въ значительныхъ затратахъ его на помощь бѣднымъ больнымъ, потому что приходится основываться только на его собственномъ сообщеніи, не подкрѣпленномъ никакими доказательствами и отличающемся совершенно голословнымъ характеромъ. Впрочемъ, высказывая эти сомнѣнія, мы должны оговориться, что рѣчь идетъ съ нашей стороны только о нѣкоторыхъ преувеличеніяхъ, а отнюдь не о полной недостовѣрности Пильгеровскихъ разсказовъ. Во-1-хъ, онъ силою обстоятельствъ былъ поставленъ въ печальную необходимость говорить о себѣ передъ начальствомъ, указывать на свои достоинства и заслуги, потому что многочисленные враги дѣйствовали противъ него настойчиво и энергично и едва не погубили его; во-2-хъ, мы видимъ, что его въ высшей степени лестно рекомендуютъ и другія лица, которыя по своему общественному положенію

могли знать истину—харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ, человѣкъ очень просвѣщенный, стоявшій близко къ университету и профессорамъ; любопытно, что онъ былъ на сторонѣ Пильгера, не смотря на то, что противъ него былъ весь медицинскій факультетъ и почти весь совѣтъ и въ томъ числѣ ректоръ Стойковичъ, стоявшій очень близко ко всей губернаторской семьѣ; затѣмъ съ самой лучшей стороны его постоянно аттестовывалъ и попечитель округа гр. С. О. Потоцкій; наконецъ, несомнѣнно, что Пильгеръ пользовался огромнымъ довѣріемъ и расположеніемъ со стороны всѣхъ слоевъ мѣстнаго харьковскаго общества—объ этомъ свидѣтельствуютъ приведенныя нами благодарственныя свидѣтельства и масса неприведенныхъ нами отдѣльныхъ писемъ и удостовѣреній, выданныхъ ему его признательными паціэнтами; важное значеніе долженъ имѣть систематическій опросъ со стороны полиціи харьковскихъ обывателей, произведенный по распоряженію И. И. Бахтина и челобитная харьковскаго и иногородняго купечества. Всѣ эти данныя удостовѣряютъ насъ въ томъ, что Пильгеръ былъ дѣйствительно искусный практическій врачъ, хотя и съ нѣсколько своеобразными пріемами лѣченія, заимствованными изъ терапіи ветеринарной. Въ научномъ отношеніи, какъ писатель по ветеринаріи, Пильгеръ стоялъ очень высоко, и Дерптскій университетъ былъ совершенно правъ, признавъ его извѣстнымъ въ Германіи ученымъ по его спеціальности. Былъ онъ правъ также по существу, присудивъ ему степень доктора медицины honoris causa, потому что Пильгеръ получилъ хорошее медицинское образованіе въ разныхъ университетахъ, обнаружилъ выдающееся усердіе и затѣмъ усовершенствовалъ себя обширною практикой въ госпиталяхъ. Въ ветеринарной наукѣ онъ былъ автодидактомъ, но и тутъ, въ силу своихъ талантовъ, дарованій, достигъ выдающагося положенія; объ этомъ свидѣтельствуютъ его многотомное руководство и спеціальные труды въ этой области. Ветеринарію при томъ онъ дѣйствительно связывалъ съ медициной. Такимъ образомъ, онъ по заслугамъ получилъ докторскую степень отъ Дерптскаго университета, и этотъ послѣдній по праву считалъ себя глубокооскорбленнымъ, что выданный имъ дипломъ былъ признанъ безъ всякаго повода недѣйствительнымъ; этимъ наносился тяжкій ударъ всему университету и подрывался его научный авторитетъ въ глазахъ всего русскаго общества. Докторскія степени раздавались тогда не такъ строго, какъ теперь, и такіе достойные представители науки въ Харьковскомъ университетѣ, какъ Рижскій, Осиповскій получили докторскіе дипломы honoris causa также не за самостоятельныя изслѣдованія, а за составленныя ими руководства. Мы не говоримъ уже о такомъ профессорѣ, какъ Паки-де-Совиньи, которому также однако да-

рована была докторская степень. Пильгеръ не могъ не сознавать, что онъ цѣлою головою стоялъ въ научномъ отношеніи выше многихъ изъ своихъ товарищей—и его оскорбляло ихъ презрительное отношеніе къ нему, какъ къ ветеринару, представителю скотолѣчебной науки, которая по ихъ мнѣнію стояла ниже всѣхъ остальныхъ предметовъ на медицинскомъ факультетѣ. Отсюда борьба между нимъ и цѣлымъ факультетомъ, поддерживаемая его раздражительнымъ, можно сказать, строптивымъ характеромъ. Онъ никогда не оставался въ долгу передъ своими противниками и въ пылу раздраженія употреблялъ такія рѣзкія выраженія, которыя не долженъ былъ употреблять по отношенію къ своимъ товарищамъ по факультету. Раздраженіе противъ Пильгера дошло до такой степени, что совѣтъ почти единогласно просилъ министра объ его увольненіи. Пильгеръ подчасъ и самъ сознавалъ свою горячность и раздражительность, но, очевидно, не могъ совладать съ собою. Лишеніе права врачебной практики не давало ему покоя. Слушателей на медицинскомъ факультетѣ тогда не было; значитъ онъ поневолѣ долженъ былъ отказаться отъ преподавательской дѣятельности. Его проэктъ объ устройствѣ ветеринарнаго института не былъ принятъ. Такимъ образомъ, онъ долженъ былъ предаваться вынужденному бездѣйствію; между тѣмъ натура у него была въ высшей степени энергичная. Врачебная практика, при такихъ условіяхъ, была для него живою потребностью, а не однимъ только средствомъ заработка. Впрочемъ, и съ этой стороны онъ долженъ былъ чувствовать ея утрату, особенно съ того момента, когда въ Харьковѣ наступила страшная дороговизна, и всѣмъ профессорамъ волей-неволей пришлось подумать о дополнительныхъ постороннихъ источникахъ заработка. Къ этому присоединилось всеобщее возбужденіе противъ иностранцевъ, вызванное нашествіемъ Наполеона. Совокупность всѣхъ этихъ причинъ и побуждала Пильгера столь энергично отстаивать свое право на врачебную практику. Въ концѣ концовъ однако неудачи должны были сломить и желѣзное упрямство и настойчивость Пильгера и поселить въ его сердцѣ горькое разочарованіе и обиду. Тѣсныя связи съ представителями всѣхъ слоевъ харьковскаго общества, установившіяся у него благодаря обширной врачебной практикѣ, должны были повести къ нѣкоторому обрусенію и омалорусенію его: и дѣйствительно, мы знаемъ, что онъ женился на простой русской торговкѣ, которая помогала ему въ экскурсіяхъ, но оторвала его отъ высшаго общества. Во всякомъ случаѣ Пильгеръ представляетъ любопытный образчикъ того, какъ трудно было иностранцамъ приспособляться къ условіямъ тогдашней русской дѣйствительности и приносить ту пользу, какую они могли бы приносить въ силу своихъ дарованій и способно-

стей. Пильгеръ почти всѣ свои богатыя силы потратилъ на безплодную борьбу, изъ которой вышелъ все-таки разбитымъ и униженнымъ; между тѣмъ при другихъ условіяхъ, онъ могъ принести огромную пользу и быть красою и гордостью призвавшаго его къ себѣ на службу университета.

Любопытно сопоставить съ этимъ дѣломъ о дарованіи врачебной практики Пильгеру другое дѣло—о дарованіи права снимать съ глазъ катаракты еврею Леонтію Соколовскому. Въ 1807 г. полтавскій губернаторъ обратился въ Харьковскій университетъ съ запросомъ, не можетъ ли онъ принять на одинъ годъ еврея Леона Соколовскаго, который, не имѣя теоретическихъ познаній въ медицинѣ и анатоміи, весьма удачно лѣчитъ глазныя болѣзни, твердостью въ рукѣ и пріемами, основанными на хирургіи, снимаетъ катаракты, въ чемъ представилъ аттестаты и свидѣтельства отъ оператора главнаго военнаго госпиталя въ Петербургѣ и разныхъ присутственныхъ мѣстъ и чиновъ, съ тѣмъ чтобы по истеченіи года его подвергли надлежащему экзамену въ его искусствѣ. Правленіе отвѣтило на это, основываясь на заключеніи медицинскаго факультета, что не можетъ допустить Соколовскаго къ экзамену, такъ какъ у него нѣтъ никакихъ теоретическихъ познаній въ окулистикѣ; не считаетъ возможнымъ принять его на годъ и въ университетъ, потому что за это время онъ не сможетъ пріобрѣсти столько теоретическихъ познаній, сколько нужно для безопасной и искусной практики. Отвѣтъ, какъ мы видимъ, ясный и основательный. И что же? Проходитъ 3—4 года. Соколовскій переселился въ Харьковъ и безпрепятственно продолжалъ заниматься „своей“ врачебной практикой. Врачебная управа знала о ней и покровительствовала ей. Въ 1811 г. она возбудила ходатайство передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. А. Б. Куракинымъ о разрѣшеніи Соколовскому на законномъ основаніи заниматься его глазными операціями. Но министръ отвѣтилъ, что Соколовскій долженъ быть подвергнутъ экзамену при университетѣ. Соколовскій „согласился“ подвергнуть себя практическому испытанію въ сниманіи съ глазъ катаракта (depressio cataractae). Врачебная же управа указывала, съ своей стороны, на то, что Соколовскій, находясь съ давнихъ лѣтъ въ Харьковѣ, исцѣлилъ многихъ страдавшихъ катарактомъ, причемъ не только ничего не бралъ съ бѣдныхъ простолюдиновъ, но даже даромъ держалъ ихъ у себя во время болѣзни. Медицинскій факультетъ на этотъ разъ не говорилъ уже объ отсутствіи теоретической подготовки по медицинѣ у Соколовскаго, а произвелъ ему теоретическій и практическій экзаменъ въ операціи катаракта, призналъ его удовлетворительнымъ и возбудилъ ходатайство передъ министромъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи

выдать ему просимое свидѣтельство, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ не лѣчилъ никакихъ другихъ глазныхъ болѣзней. Министръ удовлетворилъ эту просьбу и Соколовскій получилъ, такъ сказать, аттестатъ на званіе врача „по катарактамъ". Очень можетъ быть, что Соколовскій былъ искусный операторъ и даже безсребренникъ; но во всякомъ случаѣ можно сказать, что если бы медицинскій факультетъ и врачебная управа дѣйствовали такъ и въ дѣлѣ Пильгера, то онъ, конечно, безпрепятственно получилъ бы разрѣшеніе на врачебную практику [1]).

Довольно подробныя свѣдѣнія мы имѣемъ о смерти проф. Умляуфа, который заболѣлъ нервною горячкою и въ припадкѣ ипохондріи нанесъ себѣ раны въ грудь, а потомъ не захотѣлъ принимать ни лѣкарства, ни пищи и умеръ отъ полнаго истощенія. Дѣло происходило въ 1807 г. О покушеніи Умляуфа на самоубійство слуга его сообщилъ профессору Шумлянскому, который немедленно явился къ больному и вмѣстѣ съ адъюнктомъ Ванотти сдѣлалъ перевязку четырехъ ранъ, нанесенныхъ имъ себѣ ножемъ въ грудь. На вопросъ о причинѣ, побудившей его къ покушенію на самоубійство, раненый отвѣтилъ только по нѣмецки одну фразу: „я несчастенъ, но невиновенъ". Правленіе университета, получивъ это сообщеніе отъ своего сочлена Шумлянскаго, поручило ему вмѣстѣ съ Коритари, Ванотти и Делявинемъ (все это были профессора врачи) освидѣтельствовать самымъ внимательнымъ образомъ раны Умляуфа и состояніе его умственныхъ способностей, а также оказывать ему необходимую медицинскую помощь, для наблюденія за больнымъ командировать двухъ университетскихъ служителей и сообщить обо всемъ этомъ по секрету г. губернатору. Врачи, изслѣдовавъ больнаго, донесли 1) что четыре колотыя раны на лѣвой сторонѣ груди сами по себѣ не смертельны, 2) судя по его нынѣшнему душевному состоянію, можно думать, что онъ нанесъ себѣ ихъ во время припадка иппохондріи. Правленіе поручило имъ дальнѣйшее лѣченіе Умляуфа и постановило донести о происшедшемъ попечителю округа. Покушеніе на самоубійство произошло 9-го января, а 23-го января Умляуфа уже не стало. Вотъ какъ описываетъ теченіе его болѣзни и смерть проф. Коритари. Прежніе припадки, сопровождавшіеся частымъ расцарапываніемъ ранъ и бредомъ, то яростнымъ, то веселымъ, 17, 18 и 19 числа ослабѣли и въ связи проясненіемъ ума, успокоеніемъ больнаго и сохраненіемъ достаточныхъ силъ, давали надежду на желанное выздоровленіе. Но вечеромъ 19-го числа проявился чрезмѣрный неестественный потъ, продолжавшійся цѣлую ночь,

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1807 г. сентябрь—декабрь; засѣданіе 28 окт., 1808 г., янв.—апр., засѣданіе 2 января. 1811 г. май—августъ; засѣданіе 4 мая; засѣданіе 10 іюля; 1811 г. сент.—дек.; засѣданіе 4 сентября.

причемъ больной все время выражалъ желаніе умереть, упорно отказывался отъ пріема лѣкарствъ и до такой степени расцарапалъ свои раны, что изъ нихъ вытекло до трехъ бутылокъ крови; 20 и 21 числа больной снова не захотѣлъ принимать лѣкарствъ; 22-го ему были даны лѣкарства по общему рѣшенію медиковъ, но не произвели никакого дѣйствія, а 23-го числа онъ спокойно умеръ вслѣдствіе полнаго истощенія силъ. Этого же 23 числа ректоръ собралъ въ 9 часу утра правленіе, сообщилъ ему о смерти Умляуфа и 1) поручилъ членамъ его Осиповскому, Шумлянскому и Делявиню вмѣстѣ съ университетскимъ кассиромъ Дзюбинымъ отправиться на квартиру покойника, описать оставшееся послѣ него имущество и отправить его на храненіе въ университетъ, 2) отнесся съ просьбой къ ректору коллегіума о. Андрею Прокоповичу, чтобы онъ благоволилъ на слѣдующій день съ духовенствомъ прибыть въ 3 часа въ квартиру Умляуфа для выноса его тѣла въ церковь, причемъ имъ или кѣмъ-нибудь другимъ изъ духовенства должно быть произнесено приличное случаю слово, 3) пригласилъ на выносъ тѣла профессоровъ, адъюнктовъ, учителей и студентовъ, 4) ближайшее распоряженіе похоронами подъ своимъ наблюденіемъ предоставилъ адъюнкту Шмерфельду и переводчику Фирсову, 5) надгробную рѣчь попросилъ произнести проф. Белленъ-де-Баллю. Похороны соотвѣтствовали, конечно, принятому рѣшенію, отличались должною торжественностью и на нихъ истрачено было 148 р. 15 коп. [1]). Надгробное слово, сказанное Беленъ-де-Баллю, заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя данныя для характеристики почившаго и потому мы въ примѣчаніи воспроизводимъ его цѣликомъ и въ оригиналѣ [2]) и тѣмъ болѣе что оно можетъ служить

---

[1]) 25 р. было дано духовенству, провожавшему его на кладбище, священнику и дьячку, читавшимъ надъ нимъ псалтырь и евангеліе, 22 руб. 75 коп. стоила парча на гробъ, 45 р. заплочено было за гробъ, 9 р. за дроги и лошадей, 5 руб. за колокольный звонъ, 5 руб. за черныя покрывала, 13 р. пошло на угощеніе священниковъ.

[2]) La triste céremonie qui nous rassemble, la perte douloureuse et inopinée d'un professeur de cette illustre Université, et les circonstances déchirantes qui ont accompagné cet événement terrible, semblent être un de ces traits effrayans, un de ces coups de foudre que La Providence semlait quelques fois à lancer, pour avertir l'homme de sa fragilité et de son Néant.

Si j'avois à parler devant une assemblée vulgaire des hommes moins accoutumés à réflechir sur la foiblesse et l'instabilité de la condition humaine, je pourrois tirer du spectacle, qui est sous nos yeus, la plus importante des leçons. Mais quand j'adresse la parole à une Société de savans et de Philosophes, que leur dirais je qu'ils ne se soient déja dit à eus mêmes, ou qu'ils ne puissent se dire et bien plus doquemment que je ne le pourrois faire? Honoré par votre choix de l'employ douloureux de jetter quelques fleurs sur la tombe d'un de nos Collégues, je sens toute l'impor-

вмѣстѣ съ тѣмъ образцомъ краснорѣчія, которымъ такъ славился ея авторъ. Умляуфа, какъ мы видѣли, хоронило православное духовенство, хотя самъ онъ былъ протестантъ или католикъ. Позже иностранные профессора-протестанты устраивали свое собственное лютеранское богослуженіе. „Наша небольшая протестантская община, говоритъ Роммель, не имѣла своего пастора. По временамъ являлся изъ Полтавы евангелическій проповѣдникъ (въ то время Лиммеръ, противникъ извѣстнаго

---

tance et toute la difficulté d'un tel sujet, et je ne puis trouver que dans votre indulgence ce qui manque a mon talent.

La vie particuliere du professeur qui cause en ce moment nos regrets, ne nous offre aucun de ces traîts rares et curieux qui enrichissent les éloges funebres et donnent a l'orateur l'occasion de briller à côté de son héros. Nous eussions pu sans doute recueillir de la bouche même de notre collegue quelques détails instructifs sur son enfance, sur sa jeunesse, sur les differentes Universités qu'il frequenta et qui furent le théâtre de ses succès. Mais le véritable talent est modeste et celui qui le posséde parle rarement de lui même. Nous avons seulement appris que Leopold Umlauf naquit en 1758 a Eichsfeld dans le Royaume de Prusse d'une famille honnête, son éducation fut soignée, ses progrès y rèpondirent, il passa bientôt du Gymnase à Université d'Erfurt, delà à celle de Vienne où il eut occasion d'étudier sous les plus célebres professeurs. Il yna point lieu de douter qu'il ait rempli d'une maniere brillante les différents cours. La nature l'avait doué d'une intelligence vive, d'une mémoire heureuse, et d'une grande facilité pour le travail. Son goût pour les langues vivantes les manifesta de bonne heure, et en peu de temps, il apprit l'anglois l'italien, et le français; il parlait même cette derniere langue avec assez de facilité, et aussi purement que le peut un etranger qui n'a jamais voyagé en France et n'a point habité Paris.

L'étude des langues est une de celles qui contribue le plus à la justesse de l'esprit par les comparaisons continuelles qu'elle exige, et les réflexions que ces comparaisons font naître, conduisent à des résultats philosophiques. C'est à tort que quelques esprits superficiels ne voyent dans cette étude que celle des mots; ils ne réflechissent point que ces mots représentent les choses et que de leur liaison resulte tout l'ensemble des connaissances humaines.

Le goût de M. Umlauf pour les langues modernes loin d'eteindre son ardeur pour les langues anciennes lui fournit de nouveaux moyens de perfectionner les connaissances dans la litterature latine, de former son goût, et le disposa à mieux sentir les beautés et les delicatesses des écrivains du siecle d'Auguste, si heureusement imitées par ceux de siecle de Louis XIV. Il sentit aussi toute l'importance de la langue grecque pour la perfection des etudes littéraires et il y consacra quelques heures de loisir. Ses progrès distingués dans la litterature et dans la philosophie lui mériterent la dignité de docteur; peu de temps après il fut appelé par l'Université de Lemberg pour y remplir une chaire de professeur extraordinaire de littérature allemande. Depuis environ il la remplissoit avec applaudissement, lorsque notre Illustre curateur, toujours attentif a recuèillir les sujets dont les talents peuveut contribuer le plus à la gloire de l'Université qui est

Фесслера въ Саратовѣ) и совершалъ необходимыя требы, какъ-то крещеніе, обрученіе и проч. Для проповѣдей отводилась ему обыкновенно моя авдиторія. Впослѣдствіи въ Харьковъ назначенъ былъ особый пасторъ". Извѣстіе Роммеля подтверждается и документальными данными. Въ 1809 г. профессоръ Якобъ вошелъ съ ходатайствомъ въ правленіе отъ имени мѣстной лютеранской общины о разрѣшеніи отправлять въ праздничные дни богослуженіе въ меньшемъ залѣ студенческаго кор-

---

confiée à ses soins, en 1803 choisit M. Umlauf pour professeur public ordinaire des lettres latines et des regles de l'esthétique.

Durant l'hiver de l'anneé suivante il se mit en route pour se rendre a Charkoff; mais une maladie dangereuse et dont les symptomes etoient effrayants l'arrêta plus de six semaines a Kiew. La cause de cette maladie merite que nous nous y arrêtions un moment parce qu'elle devint celle de l'evénement douloureux qui l'a conduit au tombeau.

M. Umlauf avoit reçu de la nature un tempérament sanguin, assez delicat et trés inflammable, un caractere vif, une sensibilité profonde et quelques fois exaltée. Son imagination ardente nuisoit quelques fois à sa santé, le rendait sujet a des fievres nerveuses accompagnées de transports violents; dans sa maladie de Kiew, on trembla plus d'une fois pour ses jours. Heureusement la nature triompha. Il arriva dans cette Université, et durant trois années il y jouit d'une santé assez constante. Il remplit avec assiduité et talent les fonctions qui lui etoient confiées. Appelé par le vou de ses collegues a la dignité de doyen de la faculté litteraire, il entra en cette qualité, au directoire et au comité des ecoles, et l'on n'eut qu'a se louer de son zêle et des efforts qu'il fit pour seconder celui de ses collegues. Envoyé comme visiteur dans les gouvernemens de Poltava et de Schernigoff pendant plus d'un mois, il n'epargna ni soins ni fatigues pour remplir les vues du sénat de l'Université. Ce voyage entrepris dans les chaleurs de l'automne, altera sa santé, fit fermenter ses humeurs et en rompit l'equilibre; il eprouvoit de puis quelque temps des accès de mèlancholie, et sa sensibilité extrême lui exageroit des choses qui auroient à peine effleuré son attention dans d'autres circonstances. Tout à coup il fut frappé d'un accès de fievre terrible, les symptomes effrayants qui s'etoient deja manifestés a Kiew, reparurent avec une violence nouvelle. Tous les secours de l'art et de l'amitié lui furent prodigués, mais son imagination etait exaltée, elle lui causa plusieurs accès d'un délire terrible dont il fut enfin la victime.

Entierement occupé des travaux de l'enseignement, M. Umlauf n'a laissé d'autre ouvrage littèraire qu'un discours latin, prononcé le 17 janvier de l'anneé dernière, à la fete de l'inauguration de l'Université. Dans ce discours il s'élève avec force contre l'audace de quelques novateurs téméraires qui veulent substituer leurs inventions aux anciens principes. Il avait commencé à ecrire un cours d'esthetique, qu'i n'a pas eu le temps d'achever. Sans doute ce cours eut été très intéressant; les talents et les connaissances du professeur autorisent à le penser. Mais si nous ne pouvons louer les productions de son esprit, nous devons du moins rendre hommage aux qualités de son coeur, à sa droiture, à sa franchise, à son zêle pour ses amis, à son attachement au corps qui l'avait adopté, et dont il a mérité les larmes et les sincères regrets. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1807 г. № 61, стр. 75—78).

пуса—и ходатайство это было удовлетворено „въ уваженіе къ цѣлому лютеранскому обществу, проживающему въ Харьковѣ“ [1]).

Послѣ Умляуфа осталось только одно движимое имущество и 100 р. денегъ; общая цѣнность движимости равнялась 869 р. 41 к. Совокупность его даетъ понятіе о домашней обстановкѣ профессоровъ того времени и потому мы приведемъ здѣсь перечень важнѣйшихъ вещей. У него оказалось—изъ предметовъ украшенія—его собственный портретъ въ черной рамкѣ съ позолотою по краямъ, 3 зеркала въ красныхъ рамахъ, одно побольше, два поменьше и двѣ картины, 20 томовъ книгъ, а именно — 8 томовъ русской исторіи Левека на французскомъ языкѣ, философское сочиненіе Бурка объ изящномъ на англійскомъ языкѣ, сочиненіе г-жи Стаель Голштейнъ о литературѣ на французскомъ языкѣ, о временахъ года Толкени на англійскомъ языкѣ, поэма Амервиля о звѣриной охотѣ на англійскомъ языкѣ, лексиконъ французской академіи на французскомъ языкѣ, историко-политическія сочиненія Любинскаго на латинскомъ языкѣ, о польской конституціи 3-го мая 1791 года на нѣмецкомъ языкѣ, сочиненія Геснера на нѣмецкомъ языкѣ, сатириконъ Петронія Абситра на латинскомъ языкѣ, взглядъ на Турецкую имперію Тони на англійскомъ языкѣ, разсужденіе о безсмертіи души на французскомъ языкѣ, русская грамматика Ломоносова, переведенная на нѣмецкій языкъ Стевенгагеномъ; изъ мебели — 3 стола, комодъ краснаго дерева, бюро берестоваго дерева, липовый столъ, канапе, обитое краснымъ камлотомъ съ 8 подушками, диванъ, обитый выбойкою, $1\frac{1}{2}$ дюжины стульевъ, обитыхъ краснымъ сафьяномъ, туалетъ краснаго дерева съ бронзою; столовой посуды—одна большая серебряная разливная ложка, дюжина столовыхъ и $\frac{1}{2}$ дюжины чайныхъ ложекъ; изъ платья—новый мундиръ, 3 суконныхъ фрака разныхъ цвѣтовъ, сюртукъ, 3 шелковыхъ жилета, 5 простыхъ, енотовая шуба, покрытая темнымъ сукномъ и нѣк. др.; бѣлье и обувь въ достаточномъ количествѣ; изъ посуды — 4 пары саксонскихъ чайныхъ чашекъ, фаянсовая сахарница, большой жестяной подносъ, 6 мѣдныхъ подсвѣчниковъ, трое щипцовъ; затѣмъ идетъ кухонная посуда; изъ другихъ вещей отмѣтимъ—золотые часы съ черепаховымъ футляромъ, пару парижскихъ пистолетовъ съ мѣдными стволами [2]). Всѣ эти предметы въ своей совокупности даютъ намъ вполнѣ ясное, наглядное представленіе о домашней обстановкѣ профессора-иностранца, жившаго исключительно на скромный окладъ экстра-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1809 г., янв.—апр. засѣданіе 25 февр.

[2]) Харьк. университ. архивъ. Журн. правл. 1807 г., январь—апрѣль; засѣданія 9 и 23 января.

ординарнаго профессора (2000 р. и квартирныя). Въ такой приблизительно обстановкѣ живутъ и въ наше время молодые приватъ-доценты и экстра-ординарные профессора, не имѣющіе другихъ источниковъ существованія, кромѣ жалованья. Принявъ въ свое вѣдѣніе имущество покойнаго, университетъ распорядился вмѣстѣ съ тѣмъ о вызовѣ кредиторовъ и наслѣдниковъ. Харьковская полиція сдѣлала относительно кредиторовъ публикацію въ городѣ—и всѣ, представившіе доказательства, были удовлетворены; произведена была уплата даже одному такому кредитору, который не имѣлъ никакого документа и о которомъ не вспомнилъ передъ смертью самъ Умляуфъ (перечислившій свои долги). Выданы были ему деньги потому, что онъ вспоминалъ объ этомъ долгѣ, когда заболѣлъ Умляуфъ, губернатору И. И. Бахтину, который объ этомъ категорически засвидѣтельствовалъ правленію [1]). По уплатѣ долговъ рѣшено было еще сдѣлать на могилѣ Умляуфа памятникъ, а на оставшуюся сумму искать наслѣдниковъ заграницей. Осталось же всего 326 р. 38½ коп. На публикацію русскаго консула въ Лейпцигѣ Шварца наслѣдники откликнулись и представили достовѣрныя документальныя данныя; это были два его родные дяди и двѣ его двоюродныя сестры. И деньги, за вычетомъ расходовъ по пересылкѣ, были отправлены имъ [2]).

О характерѣ и бытѣ другихъ профессоровъ иностранцевъ мы находимъ самыя краткія свѣдѣнія. Гута Роммель называетъ веселымъ собесѣдникомъ; но онъ очень скоро перевелся изъ Харькова въ Дерптъ. Весьма видную роль игралъ Гизе, отличавшійся необычайнымъ трудолюбіемъ, принимавшій видное участіе въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ, но также къ сожалѣнію предпочевшій Харькову Дерптъ въ 1814 г. Уѣзжая онъ рекомендовалъ совѣту отпустить съ нимъ своего ученика Сухомлинова для усовершенствованія въ химіи. Другой химикъ, Шнаубертъ переселился со своею молодою женою въ Москву вслѣдствіе нездороваго климата Харькова и тамъ послѣ нашествія французовъ дошелъ почти до нищенства, какъ самъ писалъ, обращаясь къ помощи харьковскихъ своихъ товарищей. Дрейсигъ былъ хорошій практическій врачъ, хотя ему нѣсколько мѣшало то обстоятельство, что онъ и послѣ десятилѣтней практики не говорилъ ни слова по русски. Розальонъ-Сошальскій называетъ его ученымъ медикомъ и, говоря о его фигурѣ, заявляетъ, что она вполнѣ соотвѣтствовала выраженію „прилизанный нѣмецъ“; по словамъ Селиванова, онъ имѣлъ много паціэнтовъ; у него была жена, но дѣтей не было. „Нельдехенъ, возбудивъ смѣхъ своимъ

---

[1]) Ib., засѣданія 28 янв. и 20 февраля. Ib., 1807 г.. май—авг.; засѣд. 15 мая.
[2]) Ib., 1808 г., янв.—апр.; засѣданіе 27 февраля.

ученіемъ о необходимости удобренія чернозема, мало помалу, при пособіи своей супруги польки, занялся исключительно собственною экономіею“; такъ иронически отзывается о немъ Роммель и этотъ отзывъ подтверждается свидѣтельствомъ Цебрикова. Къ брату Цебрикова, на квартирѣ, у котораго онъ остановился, явились въ гости и нѣкоторые изъ харьковскихъ профессоровъ русскаго происхожденія и вотъ что они сообщили о Нельдехенѣ. „Когда ихъ угостили виномъ, говоритъ Цебриковъ, то, похваливъ это вино, они спросили у моего брата, гдѣ онъ его досталъ? Университетскій магистръ сынъ нашего сосѣда, отвѣчалъ имъ, что онъ купилъ для моего брата у профессора Нельдехена, выписавшаго нѣсколько бочекъ онаго изъ Таганрога и продававшаго ведрами. Удивительно, сказали сіи наши русскіе профессора, что всѣ почти находящіеся при нашемъ университетѣ иностранные ученые пустились во всякіе промыслы и торговлю для скорѣйшаго себя обогащенія, не приминувъ при томъ много кой-чего, къ сей матеріи относящагося, насказать на счетъ сихъ высокоученыхъ торговцевъ, собратій своихъ, и не упустивъ къ тому прибавить, что вѣрно вышедшій въ отставку профессоръ Стойковичъ первый подалъ поводъ къ сей профессорской продажѣ вина и проч. Однако и сей ученый господинъ виноторговецъ Нельдехенъ, подобно всѣмъ продавцамъ-обманщикамъ, хвалилъ крѣпость и доброту своего вина, смѣшавъ его пополамъ съ водою, какъ то мы узнали, купивши у него въ другой разъ сего вина, и хотя послали его перемѣнить, только намъ принесли опять водяное какъ и прежнее, и деньги наши напрасно пропали. Онъ, конечно, видя большой расходъ на его вино, а особливо еще и потому, что уже много купцовъ начало туда съѣзжаться на приближавшуюся ярмарку крещенскую, подумалъ или расчелъ по купечески, что и смѣшанное у него пополамъ съ водою вино по причинѣ многолюдства разойдется, а можетъ быть еще и логическое вывелъ заключеніе, что смѣшанное съ водою вино, хотя и въ большемъ количествѣ употребляемое, не столь тяжело для головы, сколько крѣпкое, цѣльное, слѣдовательно, крѣпкаго и цѣльнаго здоровѣе и полезнѣе для человѣчества. Однако же господинъ Нельдехенъ продавалъ цѣльное вино прежде по 10 и 12 руб., а смѣшавъ его пополамъ съ водою не только не убавилъ цѣны, но еще и возвысилъ оную до 15 руб., въ семъ послѣднемъ случаѣ сдѣлалъ оный господинъ профессоръ непростительную ошибку противъ логики, или просто сказать противъ заповѣди, *не укради*, въ обширномъ смыслѣ добросовѣстными людьми пріемлемой“ [1]). Лангъ „будучи безсмѣннымъ секретаремъ на этикополи-

---

[1]) Рукопись Цебрикова въ Имп. Публ. библіотекѣ.

тическомъ отдѣленіи, всегда принималъ самое горячее участіе во всѣхъ спорныхъ дѣлахъ, которыхъ было такъ много на этомъ фалькультетѣ. Горячность доводила его часто до многихъ исторій, долго занимавшихъ членовъ совѣта. Несмотря на всѣ свои усилія онъ только въ 1810 году былъ утвержденъ въ званіи экстра-ординарнаго профессора. Роммель говоритъ о немъ, что „онъ думалъ надѣлать чудесъ своимъ рѣшеніемъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ“ [1]). Вообще это былъ умный и основательный человѣкъ, недовольный только тѣмъ, что ему долго не давали хода. Еще въ большей степени чувствовалъ себя обиженнымъ Рейтъ, на ученой дѣятельности котораго мы останавливались выше. Всѣ свои скорби и жалобы на несправедливости совѣта и факультетовъ, не оцѣнившихъ будтобы по достоинству его дѣятельности и трудовъ, онъ излилъ въ конфиденціальномъ письмѣ на имя министра народнаго просвѣщенія, гдѣ воспользовался возможностью безнаказанно выставить въ яркомъ положительномъ свѣтѣ себя и въ черномъ отрицательномъ весь университетъ и своего конкуррента Дегурова. Быть можетъ, онъ отчасти и правъ въ своихъ указаніяхъ. Дегуровъ, можетъ быть, дѣйствительно говорилъ, что ему придется получить должность ординарнаго профессора по каѳедрѣ всеобщей исторіи не раньше его смерти; по научной своей энергіи сравнительно съ другими онъ повидимому заслуживалъ лучшей оцѣнки, чѣмъ та, которую ему дѣлали (онъ долго занималъ должности лектора и адъюнкта, прежде чѣмъ получилъ званіе экстра-ординарнаго профессора, для пріобрѣтенія же ординатуры долженъ былъ перейти со словеснаго на этикополитическій факультетъ); быть можетъ, Стойковичъ и Дегуровъ дѣйствительно брали взятки за назначеніе на разныя должности: по крайней мѣрѣ по складу своихъ нравственныхъ понятій они могли это дѣлать, тѣмъ болѣе, что Дегуровъ не выступалъ противъ Стойковича даже въ возбужденномъ противъ него дѣлѣ о незаконной торговлѣ венгерскими винами; сдержанно онъ велъ себя и въ дѣлѣ о курскихъ безпорядкахъ. Допуская возможность всего этого, мы тѣмъ не менѣе должны сознаться, что „саморекомендація“ Рейта министру производитъ впечатлѣніе не въ пользу ея автора; она отзывается крайнимъ искательствомъ, въ пользу котораго представлено однако слишкомъ мало данныхъ и за недостаткомъ ихъ фигурируетъ даже ссылка на неизданную еще актовую рѣчь. Вотъ подлинный текстъ записки. „Сіятельнѣйшій графъ. Принося благодарность за милостивый отвѣтъ, которымъ угодно было Вашему Сіятельству удостоить меня, покорнѣйше прошу оказать правосудіе на справедливое

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1872 г., февр., стр. 232—233.

мое прошеніе, содержащее всѣ приключенія, со времени моего пребыванія въ Харьковской академіи и страданія, претерпѣваемыя мною еще и до сего времени. Прибывъ въ Россіи въ званіи ученаго и бывши извѣстенъ какъ оригинальными сочиненіями, такъ и переводами съ англійскаго, итальянскаго и французскаго языковъ, являлся я въ Петербургѣ къ кому слѣдовало, прося позволенія занять каѳедру исторіи и статистики въ Харьковскомъ университетѣ, въ намѣреніи имѣть жительство въ южной части сего государства и заниматься древнею исторіею. Гордясь своими твореніями, думалъ я быть довольнымъ, достигнувъ сего званія. Между тѣмъ дѣло тянулось; мнѣ предложили, и я не отказывался преподавать испытательныя лекціи цѣлый годъ и, увѣрясь на словесныя обѣщанія, пустился я въ путь для испытанія. Но я ошибся, ибо никто изъ самыхъ не знающихъ литераторовъ, въ званіи адъюнкта или профессора не былъ подверженъ толикимъ оскорбленіямъ. Итакъ, я долженъ былъ вкушать горестные плоды моего простосердечія, представлявшіеся мнѣ отовсюду, и послѣ полуторагодичнаго преподаванія лекцій, совѣтъ академическій дѣлаетъ наконецъ опредѣленіе, въ коемъ объясняетъ, что я выполнилъ всѣ предписанныя мнѣ условія, но сколь еще все сіе было удалено отъ какого-либо избранія, которое и было отложено до наступленія третьяго года единственно для того, чтобы отнять справедливо пріобрѣтенное право, т. е. избрать по исторической части вторымъ экстра-ординарнымъ профессоромъ, избраніе, которое по сужденію истинно ученыхъ людей не принесло чести избирателямъ. Послѣ сдѣланнаго выбора долженъ былъ я еще три года дожидать до представленія на утвержденіе. Будучи лишенъ всѣхъ средствъ, былъ внесенъ въ списокъ адъюнктовъ, не давая о томъ никакого свѣдѣнія совѣту. Таково было положеніе мое до славной эпохи министерства Вашего Сіятельтельства, которое ускорило минуту спаденія съ меня цѣпей. Съ жалостнымъ воплемъ доношу Вашему Сіятельству, что семь лѣтъ моея жизни протекли въ неудовольствіи и оскорбленіяхъ. Потеря невозвратная въ разсужденіи позднягo пятидесятилѣтняго моего возраста, невозвратная и въ разсужденіи малаго моего имущества, ибо по сіе время невозможно было мнѣ завести какое-либо домоводство, какъ для спокойнаго наслажденія науками, такъ и для пріятностей дружбы (партіи), которой теперь поневолѣ долженъ навсегда лишиться. Просьбу же подалъ я пять мѣсяцевъ назадъ въ академическій совѣтъ о занятіи каѳедры россійской исторіи и статистики, для того единственно, чтобы доставить безбѣдное состояніе въ моей старости. Вмѣсто какого либо нибудь отвѣта адъюнктъ Успенскій сдѣланъ экстра-ординарнымъ профессоромъ. Чрезъ нѣсколько времени узнаю я о постановленіи новой

каѳедры всеобщей исторіи и энциклопедіи. Мнѣ предлагають сочинить *Обозрѣніе всеобщей исторіи и систематической энциклопедіи наукъ* для того, чтобы присутствующіе могли судить о важности сихъ наукъ, о необходимости новой каѳедры. Я представляю обозрѣніе въ академическій совѣтъ на разсмотрѣніе ординарныхъ профессоровъ, и какъ въ семъ мірѣ приключенія не рѣдки, то я заранѣе предвидѣлъ разрушеніе моего плана, что и совершилось, когда мое сочиненіе не успѣло выйти изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ. Чтобы загладить сей стыдъ, взялъ я предметомъ для сочиненія рѣчи, для годичнаго праздника генваря 17-го дня о словесности вообще и приноровленной къ россійской, т. е. *духъ образованія словесности на востокѣ и западѣ*. Ваше Сіятельство можете о ней судить, когда она напечатана будетъ.

Увидя меня принужденнымъ оставить мое намѣреніе и воображая, что я не имѣю никакихъ другихъ познаній, полагали, что я принужденъ буду ожидать еще болѣе. Я избралъ предметомъ исторію потому, что она составляла пріятнѣйшее мое занятіе и что въ молодости я мечталъ достигнуть чести быть помѣщену наряду съ славнѣйшими историками. Но Харьковскій университетъ излѣчилъ меня отъ сего энтузіазма и принудилъ оставить сію часть. Такимъ образомъ, рѣшившись оставить словесный факультетъ и заняться этико-политическими науками, подавалъ я приложенное у сего прошеніе въ академическій совѣтъ о занятіи каѳедры публичныхъ и частныхъ правъ. Въ засѣданіи 27-го марта было оно разсматриваемо и всѣ члены согласились и обѣщали избрать меня въ слѣдующее засѣданіе. 17-го же апрѣля тотъ самый совѣтъ сдѣлалъ опредѣленіе, по которому должно было ожидать профессора Швейкарда. Нѣкоторые изъ членовъ—профессоры Роммель, Книгинъ, Лангъ и проч.—предлагали отослать сіе дѣло на разсмотрѣніе въ этико-политическій факультетъ, чтобы онъ забралъ подробныя свѣдѣнія о моихъ познаніяхъ, но большинствомъ голосовъ мнѣніе это было опровергнуто, ибо нуждаются въ законоискусникахъ. Слѣдовательно, опредѣленіе засѣданія 27 марта было только словесное.

Виновникъ этой перемѣны, противорѣчія и пристрастія профессоръ Дегуровъ, что онъ доказалъ причиненіемъ мнѣ различныхъ обидъ какъ въ присутствіи ректора, такъ и на единѣ, говоря—„дожидать еще болѣе, дожидать до самой его смерти и преподавать еще цѣлый годъ испытательныя лекціи для замѣщенія оной каѳедры публичныхъ правъ". Человѣкъ этотъ, не оправдавшій еще до сего времени своего выбора, не знающій ничего кромѣ варварской латыни, и котораго всѣ познанія ограничиваются Волтеровыми сочиненіями о феодальномъ правѣ и религіи, профессоръ этотъ, говорю я, соединился съ ректоромъ для того,

единственно, чтобы собирать взятки за доставленіе мѣстъ, уничтожить настоящій порядокъ дѣлъ и ввести аристократію въ академіи, которая не преминетъ нанесть смертельный ударъ истиннымъ дарованіямъ и успѣхамъ въ распространеніи наукъ и какой-либо ревности. Сей самый Дегуровъ былъ причиною отставки профессора Пильгера. Не стану говорить, что онъ также есть виновникъ несогласія Курской гимназіи.

Увѣряя Ваше Сіятельство въ справедливости всего мною здѣсь сказаннаго и умоляя васъ оказать правосудіе, имѣю честь быть съ совершеннымъ почтеніемъ Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Рейтъ [1]).

Разнообразными талантами выдавался бывшій ректоръ университета въ Галле проф. Якобъ, только къ сожалѣнію пробывшій въ Харьковскомъ университетѣ 2 года и нашедшій для себя болѣе обширную служебную арену въ Петербургѣ. Его туда привлекъ на службу по министерству финансовъ извѣстный Сперанскій. „Онъ послалъ Императору Александру сочиненіе свое о бумажныхъ деньгахъ въ Россіи и средствахъ удержать ихъ при надлежащей цѣнности, вслѣдствіе этого вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ назначенъ членомъ по финансовой части въ коммиссіи о законахъ. Здѣсь онъ сблизился со Сперанскимъ, съ паденіемъ котораго оставилъ Россію, поселившись въ Галле и снова принявши званіе профессора политическихъ наукъ въ тамошнемъ университетѣ. По порученію главнаго правленія училищъ Якобъ составилъ нѣсколько руководствъ по разнымъ предметамъ“ [2]). Выдающееся положеніе на этико-политическомъ факультетѣ и въ университетѣ занималъ Швейкартъ. „Въ началѣ своего пребыванія говоритъ Роммель, онъ увлекался разными прекрасными проэктами и преобразованіями, потомъ, всмотрѣвшись поближе въ тогдашнее состояніе русскаго общества, разочаровался. Не имѣя силъ или желанія (по выраженію Песталоцци) управиться со свѣтомъ, который съ нимъ управлялся по своему, онъ сталъ подозрителенъ, бѣгалъ отъ общества и впослѣдствіи подъ вліяніемъ высшаго своего философскаго настроенія едва не впалъ въ мистицизмъ. Въ 1817 г. мнѣ посчастливилось перезвать его въ Марбургъ, откуда съ титуломъ профессора и члена суда онъ перешелъ въ Кенигсбергъ, а въ 1844 году вызванъ въ Берлинскій синодъ“. Адъюнктъ Гамперле оставилъ по себѣ печальную память ложными доносами на проф. Дюгура, за что былъ уволенъ изъ университета. „Въ концѣ 1806 г. онъ подалъ два доноса на Дюгура одинъ въ томъ, что Дюгуръ не способенъ къ должности профессора, другой, обвинявшій его въ подозрительныхъ сношеніяхъ съ Франціей.

---

[1]) Архивъ Мин. Народ. Просв. Дѣло № 6146/160.

[2]) М. И. Сухомлинова. Излѣд. и статьи, I, стр. 102.

Послѣдній доносъ повлекъ за собою, по тогдашнимъ политическимъ обстоятельствамъ (тогда только что послѣдовало рѣшительное запрещеніе сношеній съ Франціей и въ совѣтѣ — 31 декабря прочитано было особое объ этомъ предписаніе), строжайшее слѣдствіе, производившееся весьма секретно и поспѣшно губернаторомъ... Министръ Завадовскій писалъ попечителю Потоцкому, что, быть можетъ, Гамперле преслѣдовалъ тутъ личныя цѣли, но такъ какъ теперь принимаютъ особенныя мѣры предосторожности относительно иностранцевъ, то пусть Харьковскій губернаторъ призоветъ обвинителя и обвиняемаго и изслѣдуетъ доносъ во всей точности. Къ дѣлу были привлечены — Рейтъ, Шадъ, Умляуфъ, учитель фехтованія Сиво, де-Баллю и даже жена послѣдняго. Доносъ однако не былъ доказанъ слѣдствіемъ. Дюгуръ оправданъ, что и значится въ его формулярномъ спискѣ, а Гамперле и Сиво, какъ люди безпокойные и доносчики, не доказавшіе своихъ показаній, должны были удалиться изъ университета. Рейту, де-Баллю и его женѣ сдѣлали строгій выговоръ, въ совѣтѣ, со внушеніемъ воздерживаться впредь отъ неприличныхъ и подвергающихъ суду и отвѣтственности рѣчей. Жена де-Баллю явилась 24 апрѣля въ засѣданіе совѣта для выслушанія выговора“ [1]). Болѣе легкое наказаніе Рейту и де-Баллю было назначено „во уваженіе иностранства ихъ, похвальнаго прохожденія прежней службы,—они никогда раньше не были замѣчены ни въ какихъ противузаконныхъ поступкахъ и въ это дѣло замѣшаны только по ссылкѣ на нихъ другихъ“. При этомъ возникъ вопросъ, заносить ли этотъ выговоръ въ ихъ послужные списки; по мнѣнію однихъ членовъ правленія, это слѣдовало сдѣлать, по мнѣнію другихъ—нѣтъ; рѣшено было запросить объ этомъ попечителя округа. Къ Гамперле и Сивокту губернаторъ приставилъ полицейскихъ приставовъ [2]). По удаленіи своемъ изъ Россіи Гамперле безпокоилъ университетъ своими домогательствами и претензіями—просилъ произвести разсчеты по его долгамъ, требовалъ свидѣтельства, въ которомъ было бы указано, сколь долго и въ какомъ званіи онъ служилъ при университетѣ; просилъ о выдачѣ ему по крайней мѣрѣ 150 червонцевъ на проѣздъ заграницу, ибо таковую сумму онъ получилъ при въѣздѣ въ Россію, когда его пригласили въ Харьковскій университетъ, требовалъ сверхъ того 200 р. за свои рукописныя сочиненія: 1) мысли касательно правилъ для студентовъ Имп. Харьк. университета и 2) опытъ судопроизводства для учащихся въ Имп. Харьк. универ., 100 р. за рукописное сочиненіе на лат. и нѣм. языкѣ о есте-

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1872, февраль, стр. 233—234.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1807 г., янв.—апр.; засѣданіе 29 апрѣля.

ственномъ правѣ для учащихся; заявлялъ требованіе о высылкѣ ему патента на чинъ, ибо исключеніе изъ университета не могло его лишить этого чина; предлагалъ себя въ члены-корреспонденты университета, такъ какъ, сохраняя свое докторское достоинство, онъ остается по прежнему его членомъ; и наконецъ, въ заключеніе просилъ выдать ему годичное жалованье, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что таковое получила бы его семья, если бы онъ умеръ на службѣ въ Россіи, теперь же его обокрали и онъ впалъ въ долги. Правленіе отвергло почти всѣ его предложенія и просьбы, но вернуло его сочиненія. Вотъ образчики его отвѣтовъ: „такъ какъ Гамперле исключенъ изъ университета, то членомъ его быть не можетъ, а потому и наименованіе его корреспондентомъ университета ему дано быть не можетъ“; „такъ какъ онъ, Гамперле, исключенъ изъ университета высшимъ начальствомъ, то университетъ не можетъ выдать ему годового жалованья, на которое имѣютъ право увольняющіеся изъ университета по своему желанію, а можетъ онъ просить объ этомъ то лицо, которое его исключило“ [1]).

Профессора славянскаго происхожденія искали въ Россіи карьеры. Ихъ вызвалъ и пріютилъ могущественный землякъ ихъ Стойковичъ. Объ одномъ изъ нихъ Павловичѣ мы находимъ слѣдующую замѣтку у Розальонъ-Сошальскаго. „Еще припоминаю изъ австрійскихъ славянъ адъюнкта, потомъ профессора по юридическому факультету Константина Павловича Павловича—маленькій, аккуратненькій человѣкъ, флегматикъ, но щеголь и любитель комфорта, женившійся позже на вдовѣ помѣщицѣ Боярской“ [2]).

О бытѣ, нравахъ и характерѣ другихъ профессоровъ русскаго происхожденія извѣстно слѣдующее. Скажемъ нѣсколько словъ объ И. С. Рижскомъ. Т. И. Селивановъ даетъ ему слѣдующую характеристику. „Иванъ Степановичъ Рижскій былъ роста средняго, сутуловатъ, довольно полонъ, но не толстъ, сановитъ или осанистъ, держалъ себя съ достоинствомъ, но безъ гордости и надменности. Сохраняя обычай екатерининскаго и павловскаго времени, всегда былъ напудренъ. Онъ со всѣми обращался вѣжливо, не разсыпая комплиментовъ; не былъ педантъ и не любилъ вычурности; провинившимся студентамъ дѣлалъ замѣчанія и выговоры большею частію въ залѣ, въ полномъ ихъ собраніи, деликатно, не выходя изъ границъ приличія и при томъ, какъ бы пользуясь этимъ случаемъ, благодарилъ всѣхъ прочихъ, т. е. все сословіе студентовъ за ихъ приличіе и скромное поведеніе. Въ то время карцеръ наказаніе было

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., январь—апрѣль; засѣданіе 20 апр.
[2]) Харьк. губ. вѣд. 1869 г. № 43.

немаловажное, и одинъ только ректоръ имѣлъ право посадить студента въ карцеръ. „О его спокойствіи и сдержанности въ отношеніи студентовъ свидѣтельствуетъ слѣдующій фактъ. „Рижскій любилъ, чтобы студенты, кромѣ руководствъ его, риторики и поэзіи, записывали на лекціи то, чего нѣтъ въ его руководствахъ. Но какъ онъ, читая лекцію, имѣлъ привычку часто повторять: „ну, сударь", студентъ Мартыновъ рѣшился записывать, сколько онъ разъ въ продолженіи лекціи повторитъ эту фразу. Между тѣмъ Рижскій замѣтилъ, что Мартыновъ записываетъ что-то слишкомъ часто, но кратко, и по окончаніи лекціи сказалъ Мартынову, „пожалуйте свою тетрадь, что вы замѣтили" и, взглянувъ въ тетрадь, сказалъ: „такъ вы ничего въ моей лекціи кромѣ этого не замѣтили?" И ничего не говоря и не дѣлая особеннаго замѣчанія Мартынову, началъ говорить: „у людей кабинетныхъ много кое-чего вкрадывается и обращается въ привычку, потому что ихъ никто не останавливаетъ и не даетъ имъ этого замѣтить; а человѣкъ, который всегда бываетъ въ публикѣ, меньше подверженъ бываетъ такимъ привычкамъ; его часто останавливаютъ и онъ большею частію обдумавши говоритъ; а потому я совѣтую вамъ чаще бывать въ публикѣ. Когда товарищи спрашивали Мартынова, что онъ записывалъ, онъ отвѣчалъ: „что я записывалъ, того я никогда никому не скажу до гроба" и уже послѣ смерти Рижскаго сказалъ и то съ глубокимъ уваженіемъ къ покойнику" [1]).

И. С. Рижскій пользовался глубочайшимъ уваженіемъ всей университетской среды и это уваженіе съ особенною силою проявилось на его погребеніи. Вотъ какъ описываетъ ихъ Роммель. „Изъ университетскихъ торжественныхъ церемоній я помню только похороны ректора Рижскаго. На этотъ разъ мы иновѣрцы присоединились къ русскому духовенству, въ то время вообще отличавшемуся большою терпимостью. Въ соборѣ, гдѣ стоялъ гробъ усопшаго и архіерей съ 12 священниками служилъ панихиду, выступили передъ набожнымъ народомъ три университетскіе оратора. Я говорилъ по латыни, другіе два по русски и по французски. Меня восхищали чудные голоса украинскаго хора пѣвчихъ и сильный густой басъ протодіакона, сорокъ разъ повторявшаго: „Господи, помилуй!" Протестанты по примѣру другихъ цѣловали распятіе". Этотъ разсказъ подтверждается и дополняется документальными данными, именно брошюрою, изданною въ 1811 году и содержащею въ себѣ описаніе жизни и смерти Рижскаго. Приведемъ изъ нея нѣкоторыя подробности. „Достоинства Рижскаго столько пріобрѣли къ нему уваженія въ ученомъ сословіи нашего отечества, у именитыхъ любителей словесности

---

[1]) Журн. мин. нар. просв., 1872 г., февраль, стр. 206—208.

и всѣхъ, которые знали его, что въ угодное здѣсь поставляется сообщить извѣстіе о его жизни и смерти почитающимъ заслуги, добродѣтель и память его. Знатностію и всѣмъ состояніемъ онъ обязанъ былъ единственно своему разуму, трудолюбію и ревностному исполненію должностей, на него возложенныхъ.... Университетъ представлялъ его способностямъ неизмѣримое поле дѣйствія и славы. Образъ его мыслей былъ достоенъ ученаго мужа. Нравомъ и поведеніемъ онъ располагалъ обращающихся благопріятствовать ему. Житіе въ строгой умѣренности и перемѣны трудовъ сохраняли его силы. Около трехъ лѣтъ утѣшался онъ супружествомъ, которое ввело его въ одно изъ почтенныхъ семействъ Слободскоукраинской губерніи и поставляло совершенно ея гражданиномъ. Пребываніе въ этомъ мѣстѣ не всегда находилъ онъ полезнымъ для своего здоровья; но въ разныхъ случаяхъ оно было ему возвращено, и надежда на долголѣтіе увеселяла любящихъ его. Въ первые дни сего марта въ безпокойствѣ и дѣйствіи весенняго воздуха началъ онъ чувствовать опасные приступы сильной болѣзни. Нервная горячка пресѣкла его жизнь въ 15 день сего марта на 50 году его жизни. Какъ скоро извѣщенъ о его кончинѣ проректоръ университета Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, оповѣстилъ о ней всѣхъ университетскихъ чиновниковъ и пригласилъ членовъ совѣта въ засѣданіе, которое открыто было того же 15 числа въ 9 часовъ утра. Послѣ распоряженій относительно дѣлъ опредѣлены обряды погребенія и траура, причемъ сдѣлано распоряженіе и о рѣчахъ. Увѣдомлены объ этомъ духовное и гражданское начальство съ просьбою о содѣйствіи и почетнѣйшимъ градскимъ жителямъ дано знать билетами о происшествіи, о времени выноса и похоронъ. По прибытіи Его Преосвященства, епископа Слободскоукраинскаго и Харьковскаго и кавалера Христофора Сулимы въ университетъ къ выносу, отпѣта надъ тѣломъ обыкновенная литія и выносъ при кололокольномъ звонѣ въ церквахъ произведенъ слѣдующимъ порядкомъ. Отъ университетскаго дома до церкви градскаго собора поставлены были въ два ряда студенты и ученики Харьковскаго духовнаго коллегіума, ученики Слободскоукраинской гимназіи, Харьковскаго уѣзднаго училища по классамъ, по которымъ размѣщены были обыкновенныя классическія знамена, кромѣ двухъ большихъ, несомыхъ при гробѣ. Между этими рядами за большимъ крестомъ и ховугвіями несено было 4-мя студентами университета церковное покрывало; другіе студенты несли крышку гроба, на которой положены были шпага и шляпа усопшаго. Слѣдовали два церемоніймейстера изъ гг. адъюнктовъ университета. За ними студентъ, при двухъ-же студентахъ по сторонамъ, несъ па бархатной подушкѣ сочиненія покойнаго. Орденъ его на такой же

подушкѣ несъ университетскій экзекуторъ при двухъ кандидатахъ университета. Послѣ сего шествовалъ преосвященный епископъ и кавалеръ Христофоръ въ предшествіи всего градскаго духовенства съ клиромъ Наконецъ, за преосвященнымъ восемь студентовъ несли самый гробъ и по обѣимъ сторонамъ его восемь же студентовъ шли съ факелами. Слѣдовали за гробомъ университетскіе учителя, гг. адъюнкты и профессора съ проректоромъ въ своемъ порядкѣ. По принесеніи тѣла въ градскую соборную церковь, поставленъ гробъ на обычномъ въ ней мѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ его стояли студенты, при отправленіи божественной литургіи 8, а послѣ ея во все время, когда діаконы читали у гроба святое евангеліе, по 4 человѣка перемѣнялсь ежечасно, что продолжали до начала литургіи въ слѣдующій день. 16 марта прибывшіе въ соборную церковь чиновники университета и студенты его, учителя и ученики гимназій и уѣзднаго училища слушали божественную литургію, въ продолженіи которой студенты со свѣчами гробъ окружали. Предъ окончаніемъ ея учитель поэзіи духовнаго коллегіума Антоновскій говорилъ съ каѳедры приличное слово. Погребеніе отправлялъ преосвященный епископъ и кавалеръ Христофоръ со всѣмъ градскимъ духовенствомъ. Кромѣ знатнѣйшихъ чиновниковъ и гражданъ при семъ случаѣ велико было собраніе народа. По прочтеніи святаго евангелія произнесены надгробныя рѣчи профессорами россійская—Иліею Тимковскимъ, французская Яковомъ Беленъ-де-Баллю и латинская Христофоромъ Роммелемъ. Сверхъ того читалъ оду на россійскомъ языкѣ учитель Слободскоукраинской гимназіи Любовскій. Во время пѣнія церковныхъ стиховъ и при слушаніи надгробій едва можно было увидѣть такихъ изъ присутствовавшихъ, которые памяти усопшаго не почтила бы пролитіемъ слезъ. По окончаніи церковнаго пѣнія начался ходъ на кладбище, гдѣ тѣло положить назначено. Это шествіе почтилъ также своимъ присутствіемъ Его Преосвященство, сопровождая гробъ отъ собора до воротъ архіерейскаго дома. Впереди всего несены были обыкновенный большой церковный крестъ съ хоругвіями по сторонамъ. Ученики уѣзднаго училища и гимназисты съ классическими знаменами по вышесказанному шли двумя раздѣленными рядами, также потомъ ученики и студенты духовнаго коллегіума. За учениками уѣзднаго училища слѣдовали его учителя, а между рядами учениковъ гимназіи въ концѣ ея учителя и губернскій директоръ училищъ. Потомъ шли два университетскихъ церемоніймейстера. Гробовая крышка, сочиненія и орденъ покойнаго студентами университета въ томъ же порядкѣ несены были, какъ изъ ректорскихъ комнатъ въ церковь. За пѣвчими архіерейскаго хора духовенство предшествовало гробу. Усердіе студентовъ, равное великому ихъ

сожалѣнію о потерѣ, изобрѣло для нихъ и въ томъ признательность, что они, по желанію своему, съ перемѣною несли гробъ до самой могилы. Прочіе студенты шли по сторонамъ гроба, который окружали 8 служителей университетской команды, въ траурномъ облаченіи съ факелами. За гробомъ слѣдовали канцелярскіе служителя университетскаго правленія и училищнаго комитета; далѣе университетскіе учителя пріятныхъ искусствъ, потомъ гг. адъюнкты, профессора и проректоръ, въ сопровожденіи кассира и архиваріуса совѣта. Его превосходительство г. слободскоукраинскій гражданскій губернаторъ и гг. губернскіе чиновники также благоволили сопутствовать. Стеченіе всего народа было безчисленно. Въ такомъ порядкѣ при колокольномъ звонѣ во всѣхъ ближайшихъ церквахъ шествіе, продолжавшееся болѣе часа, прибыло наконецъ къ мѣсту погребенія (Каплуновской церкви). Тѣло предано было землѣ по южную сторону церкви, близь сельской дороги. Кладбище это находится на горѣ, возвышающейся при рѣкѣ Харьковѣ, въ сѣверномъ концѣ города, покрытомъ садами".

Описавъ необычайно торжественныя похороны И. С. Рижскаго, приведемъ теперь нѣсколько выдержекъ изъ сказанныхъ на нихъ надгробныхъ рѣчей. Слово представителя харьковскаго коллегіума Антоновскаго построено было на тезисѣ: „нѣтъ подъ солнцемъ добра постояннаго". Особенно сознается, говорилъ онъ, эта истина нынѣ, когда „мудрость и просвѣщеніе, свѣтъ и краса вертограда наукъ сокрываются подъ спудъ, когда любезнѣйшая душа оставляетъ осиротѣвшее юношество, когда перестало биться сердце, каждое движеніе котораго стремилось къ благу отечества. Надежды юныхъ сыновъ Россіи, которыхъ душа подъ руководствомъ просвѣщеннаго, украшеннаго добродѣтелью наставника горѣла любовью къ пользѣ отечества, теперь тускнѣетъ. И мало ли тѣхъ, которые пожалѣютъ о немъ. Даже посторонніе ощущаютъ сожалѣніе и проливаютъ слезы. Что же должны чувствовать тѣ, которые теряютъ въ немъ лучшаго и добродѣтельнаго изъ друзей, усерднѣйшаго изъ наставниковъ, кротчайшаго и любезнѣйшаго изъ людей? Сердце невольно влечетъ къ нему и тѣхъ, которые не имѣли счастья быть близкими къ нему, пользоваться добротами его, созерцать пламенный, исполненный любви и величія взоръ его, внимать безпримѣрной силѣ высоко стремительнаго неподражаемаго его краснорѣчія. Пріобрѣтенную съ давнихъ лѣтъ приверженность трудно отдалить отъ любимаго предмета. Кто привлекъ къ себѣ нашу душу, кто умѣлъ искренностію, знаніемъ, просвѣщеніемъ, добротою, особенными великими чувствами поселить въ насъ къ себѣ истинную любовь и уваженіе, того не можемъ мы скоро забывать. Неизгладимо напечатлѣнъ его образъ въ сердцѣ любя-

щихъ его. И твое имя, великій мужъ, останется незабвенно въ душахъ благоговѣвшихъ къ тебѣ! Твоя великая душа, мужъ достойный всеобщаго удивленія и сожалѣнія, теперь шествуетъ къ новой лучшей жизни. Владыка живота нашего здѣсь—на сей бренной землѣ—показывалъ къ тебѣ любовь и милость свою. Онъ покажетъ тебѣ свою отеческую любовь и тамъ—въ нѣдрахъ вѣчности, ибо блаженны умирающіе о Господѣ“.

Проф. И. Ѳ. Тимковскій преимущественно говорилъ о смерти вообще. „Едва отъ болѣзни воздвигнутый и тѣмъ сильнѣе пораженный, вмѣщая скорбное уныніе о немъ всего сословія, воздаю ему долгъ послѣдній. Рано, безвременно отошелъ онъ въ вѣчность, но совершилъ пути, честію запечатлѣнные. Въ немъ общество имѣло дѣятельнаго, а государство преданнаго сына; университетъ же добраго правителя, какого только могутъ путемъ избранія поставить знаніе, правота и вѣрность. Какъ начальникъ и дружественный намъ сподвижникъ, онъ трудился въ самомъ основаніи этого вѣкового заведенія, на пользу котораго нужно положить столько силъ и головъ. Свѣдущій любитель изящныхъ наукъ, озаренный величіемъ русскаго слова, онъ работалъ для его красоты и силы. Членъ россійской императорской академіи онъ утвердилъ на себѣ ея постоянное вниманіе. На его гражданскомъ поприщѣ мы видимъ усердную ревность, отличныя достоинства и неизмѣнное трудолюбіе. Во всякомъ округѣ найдутся люди, которые *возмятутся* душею и повѣдаютъ про печаль свою Черному морю. Далеко пройдетъ слухъ, что уже не стало его, въ разные концы Россіи, въ столицы, ко множеству его знакомыхъ, сверстниковъ и благодѣтелей. Онъ оставляетъ память о своемъ разумѣ и дѣяніяхъ, которая возлюбится въ бесѣдахъ, сохранится въ преданіяхъ и наукѣ“.

Беленъ-де-Баллю, заявивъ, что другіе ораторы займутся изложеніемъ событій его трудовой жизни и услугъ обществу, и перечисливъ ученые труды Рижскаго, достойные сдѣлать безсмертнымъ его имя, остановился только на его нравственныхъ качествахъ. „Mais ce que le rend, говорилъ онъ, encore plus digne de nos regrets, ce sont ses qualités morales: la douceur inaltérable de son caractère, la pureté de ses moeurs, son assiduité à remplir toutes ses fonctions, la vigilance paternelle qu'il ne cessait d'exercer sur les éléves de l'Université et sur toutes les parties de l'administration, qu'il dirigeait, son zèle infatigable pour procurer le bien de l'Université, son amour pour la patrie, son amitié pour ses collègues, voilà, messieurs, voilà ce que nous devons pleurer, voilà ce que le fera vivre longtemps dans nos coeurs. Que tant de vertus soient recompensées dans le ciel et qu'elles servent d'exemple à ceux, qui lui succéderont“.

Хр. Роммель началъ свое надгробное слово съ извѣстнаго стиха Горація—Non omnis moriar [1])—и заявилъ, что онъ какъ нельзя болѣе примѣнимъ и къ такимъ полезнымъ наставникамъ юношества, какимъ былъ почившій; память о немъ должна перейти къ потомству, какъ о писателѣ, профессорѣ и ректорѣ; въ заключеніе ораторъ взывалъ къ Богу о ниспосланіи благъ университету.

Въ своей одѣ Любовскій прославлялъ главнымъ образомъ ораторскій талантъ Рижскаго.

„О просвѣтитель драгоцѣнный,
Сладкоглаголивый нашъ геній!
Рцы намъ! Почто, какъ возглашалъ
Свои премудрые совѣты,
Вѣщать изящные предметы,
Одно всегда ты забывалъ?
Одно великое явленье,
Разительное ощущенье,
О благодѣтель нашъ, отецъ,
Безъ изъясненія оставилъ,
Великій риторъ, не наставилъ,
Какъ намъ... оплакать твой конецъ.
Увы! На вѣкъ умолкъ витія,
Ліющій словеса златыя,
Какъ свѣтлы воды льетъ рѣка!
Куда дѣвался гласъ любезный,
Обворожающій небесный,
Сладчайшій меда и млека?
Гдѣ сей глаголъ животворящій,
Превыше облакъ, звѣздъ парящій,
Который умъ нашъ, сердце, вкусъ,
Какъ нѣкая волшебна сила,
Взносилъ на орлихъ мощныхъ крылахъ
Въ таинственно жилище музъ?
— Молчимъ въ терзаніи сердечномъ!
О музы! Вы на холмѣ вѣчномъ
Унылую брящайте пѣснь,
Россійска Лонгина почтите,
И наши чувства возвѣстите

[1]) Exegi monumentum aere perennius..., Non omnis moriar multaque pars mei vitabit Libitinam.

Въ сладчайшей тишинѣ небесъ.
Да всѣ труды его безцѣнны
На лирѣ вашей возглашенны
Славянскимъ въ похвалу сынамъ,
Оставивъ бренну скоротечность
Отъ лирныхъ звуковъ пройдутъ въ вѣчность
И новый свѣтъ сіянетъ намъ!"

На туже тему написалъ оду учитель Слободскоукраинской гимназіи Ив. Лобойковъ.

„Течетъ мужей избранныхъ сонмъ,
Родительскій оставя домъ,
Отъ странъ и градовъ отдаленныхъ,
Со крѣпостію силъ душевныхъ
Создать на югѣ храмъ наукъ.
И лишь трудомъ отважныхъ рукъ
Возлегъ краеугольный камень,
Въ сердцахъ возникъ усердья пламень,
Объялъ препоны, ихъ расторгъ;
И се намъ зиждется чертогъ.
    Любовію наукъ плѣненна
    Дерзаетъ юность воскрыленна
    Сей подвигъ трудный раздѣлять
    Со крѣпостію сихъ мужей
    И храмъ наукъ сооружать,
    Гордясь отважностью своей.
    Но лютый рокъ опредѣляетъ
    Конца зиждителямъ не зрѣть;
    Ихъ крѣпку руку преломляетъ
    Тать жизни нашей—алчна смерть.
О ты, свершившій подвигъ трудный,
Вѣщаютъ пѣсвію своей,
Поклонникъ, чтитель россовъ слова,
Ты вѣрностью къ нему горя,
На югъ притекъ, на гласъ царя,
Обильны вертограды снова
Искусства силой возращать
И быліе въ нихъ истреблять!
Витійственны твои уста
Нашъ духъ, восторгъ нашъ преселяли
Въ полуденны славéнъ мѣста,

Когда глаза твои вращали
Слезу горячности въ честь намъ;
Когда ты молодымъ умамъ
Высокость чувствій, музъ забавы,
Языкъ волшебный открывалъ
И власть его на духъ и нравы
Своею жизнію являлъ".
О громъ небесъ! Во гробѣ онъ!
Въ концахъ пространныхъ пронесется
Его питомцевъ гласъ и стонъ.

Наконецъ, чувства благодарнаго юношества выразилъ студентъ Переверзевъ въ краткомъ прозаическомъ словѣ.

„Давно ли восхищали насъ, говорилъ онъ, мудрые совѣты и ободряли добродѣтельные поступки, давно ли семейство счастливилось усердіемъ сего мужа! Давно ли! Но его уже нѣтъ—и мы проливаемъ слезы. Не отсутствіе твое, мужъ почтенный, наполнило горестію наше сердце. Ты, оставивъ свѣтъ, избѣгъ его превратностей, избѣгъ злоключеній, которыя въ будущемъ угрожаютъ намъ; вошелъ въ тихое пристанище. Но благотворный вѣкъ твой, сопряженный съ счастіемъ многихъ, заставляетъ насъ орошать слезами твой хладный трупъ и самую землю, скрывающую отъ насъ любезный зракъ твой. Воображеніе мое недостаточно и слово безсильно истинную цѣну дать высокимъ достоинствамъ сего смертнаго и выразить потерю, причиненную внезапнымъ скончаніемъ дражайшихъ дней его. Мы лишились въ немъ кроткаго начальника, усерднаго благодѣтеля, прилежнаго наставника, какъ чадолюбиваго отца своего. Лишилось ученое сословіе надежнаго, ревностнаго и дѣятельнаго товарища. Лишилось отечество великаго споборника добродѣтелей и славы нашихъ предковъ. Сограждане лишились почтеннаго и любезнаго, друзья—искренняго и вѣрнаго союзника. Горестныя чувствованія лишившейся его нѣжной супруги подвигли, кажется, всю природу къ состраданію. Ея сѣтованія, достигая сердца пораженныхъ сродниковъ, тотъ домъ, куда стекалось дружество, обращаютъ въ пустыню, гдѣ слышны только уныніе и вопли стенящей.... Труды мужа добродѣтельнаго не подлежатъ власти случая. Никогда глубокое о нихъ воспоминаніе не выдетъ изъ нашихъ мыслей. Они достигнутъ позднѣйшихъ потомковъ, и тамъ благословится творецъ ихъ. А правда, хранимая отъ него началомъ совѣтовъ и закономъ дѣяній въ самый тотъ день, когда вселенная разрушалась изъ мрака явится обновленна, простретъ лучи свои на дѣла его, и сіи дѣла пребудутъ безсмертны. Прости, достойный отечества сынъ! Прости, незабвенный нашъ благодѣтель! Возвративъ

жизнь свою Вышнему ея началу, наслаждайся благостію неба. Тамъ покойся по трудахъ и волненіяхъ, для пользы общей тобою понесенныхъ! Съ пламенѣющимъ сердцемъ о тебѣ, любезное отечество, простираемъ желанія наши къ милосердному небу. Да пощадятся напастьми твои и наши драгоцѣнности, да обогатится ученое сословіе твое сему подобными изыскателями познаній человѣка, да позволено будетъ и намъ, юнымъ питомцамъ, созерцать всегда таковыхъ наставниковъ"! [1]).

Во всѣхъ этихъ рѣчахъ много риторики и напыщенности, которая непріятно поражаетъ современнаго читателя; но подъ этимъ густымъ наноснымъ слоемъ мы открываемъ истинно скорбное чувство о тяжкой невознаградимой утратѣ и глубокое уваженіе къ почившему, смѣшанное съ удивленіемъ и преклоненіемъ передъ его талантами и сочиненіями. Одинъ изъ ораторовъ называетъ его даже геніальнымъ сочинителемъ. Конечно, тутъ преувеличеніе, но несомнѣнно, что современники ставили чрезвычайно высоко Рижскаго, какъ автора; по всеобщему признанію, онъ былъ классическимъ писателемъ въ своей области. Глубокое уваженіе къ его сочиненіямъ сказалось и въ томъ, что ихъ несли за его гробомъ и, вѣроятно, положили съ нимъ въ могилу. Тутъ произошло то, что въ наши уже дни повторилось съ знаменитымъ историкомъ питомцемъ Харьковскаго университета Н. И. Костомаровымъ, въ могилу котораго положили лучшее его сочиненіе „Богдана Хмельницкаго". Для насъ представляютъ интересъ и самыя преувеличенія въ надгробныхъ рѣчахъ современниковъ Рижскаго — они свидѣтельствуютъ объ *ихъ* взглядахъ на него, объ *ихъ* оцѣнкѣ. Въ общемъ однако эта оцѣнка отнюдь не расходится съ дѣйствительностью: Рижскій былъ и выдающимся для своего времени ученымъ писателемъ, и превосходнымъ, талантливымъ профессоромъ, а главное прекраснымъ человѣкомъ. Это послѣднее обстоятельство подчеркнулъ въ своемъ словѣ и Антоновскій, сказавшій между прочимъ: „печальнаго осиротѣвшаго юношества Богъ, конечно, не оставитъ. Онъ воздвигнетъ мужа занять чреду твою со славою и достояніемъ; но *никогда не забудутъ доброты твоей души*, того сильнаго и стремительнаго восторга и удовольствія, съ которымъ слушали твои наставленія".... И дѣйствительно, эта доброта и мягкость являются самыми важными особенностями въ характерѣ Рижскаго. Это не была заранѣе усвоенная манера, способъ держать себя въ обществѣ; это было свойство его деликатной натуры, дѣлавшее его одинаково равнымъ какъ въ отношеніи къ подчиненнымъ,

---

[1]) См. „Извѣстіе о жизни и смерти проф. Имп. Харьк. университета Ивана Степановича Рижскаго. Х. 1811 г., 43 стр.

какъ и въ отношеніяхъ къ начальству, не говоря уже о профессорахъ товарищахъ; тутъ онъ являлся представителемъ коллегіальнаго начала въ истинномъ смыслѣ этого слова. Положеніе ректора въ то время было очень трудное, въ виду той ожесточенной борьбы, которая господствовала въ совѣтѣ между русскими и иностранными профессорами. И онъ благодаря своему безпристрастію удачно разрѣшилъ эту задачу—будучи вполнѣ русскимъ человѣкомъ, даже до извѣстной степени славянофиломъ (въ смыслѣ любви къ славянорусскому слову и рѣчи), онъ въ то же время съумѣлъ заслужить уваженіе и со стороны иноземныхъ профессоровъ; это видно изъ отзыва о немъ Роммеля, котораго онъ принялъ самымъ радушнымъ образомъ по пріѣздѣ его въ Харьковъ; у него въ это время была вечеринка, и когда ему доложили о пріѣздѣ новаго профессора, онъ пригласилъ его, обнялъ и поцѣловалъ по русскому обычаю. Это была, очевидно, открытая гостепріимная славянская натура, привлекавшая къ себѣ не только русскихъ, но и иноземцевъ своею справедливостью. Недаромъ и неистовый Шадъ, и воинствующій Пильгеръ жалѣли о тѣхъ временахъ, когда былъ ректоромъ Рижскій; недаромъ 8 профессоровъ въ своей коллективной просьбѣ министру объ удаленіи Стойковича также ссылались на миръ и тишину, господствовавшіе въ ректорство Рижскаго. Правда, Стойковичъ въ своемъ донесеніи министру называетъ его время эпохою упадка университета и объясняетъ этотъ упадокъ слабостью ректора, который позволялъ всякому дѣлать что хотѣлъ и какъ кто хотѣлъ. Но это невѣрно: наоборотъ, какъ мы могли убѣдиться изъ всесторонняго разсмотрѣнія жизни университета за первое десятилѣтіе, годы правленія Стойковича являются поворотомъ къ худшимъ временамъ, временемъ страшныхъ внутреннихъ раздоровъ и борьбы, которая до того времени сдерживалась нравственнымъ авторитетомъ Рижскаго. А Рижскій могъ имѣть и дѣйствительно имѣлъ нравственный авторитетъ надъ всѣми членами коллегіи, потому что самъ лично былъ безупреченъ въ нравственномъ отношеніи. На его памяти не осталось ни малѣйшаго пятнышка. Въ то время какъ кругомъ въ обществѣ царило взяточничество и его не была чужда и университетская среда, Рижскій пользовался репутаціей безупречно честнаго и безкорыстнаго человѣка. На взятки не смотрѣли тогда такъ строго, какъ теперь, нѣкоторые виды „доходовъ“ не считались особенно предосудительными — и при такомъ положеніи дѣлъ Рижскій не только самъ лично оставался безусловно чистымъ, но даже нравственно сдерживалъ другихъ. Когда же ректорскую должность занялъ Стойковичъ, наступили иныя времена: по свидѣтельству Розальонъ-Сошальскаго, съ этого момента открылась въ университетѣ торговля док-

торскими дипломами, дававшими важныя служебныя преимущества. Да и могло ли быть иначе, когда самъ новый ректоръ завелъ торговлю венгерскими винами, картинами, лентами и т. п., провозя ихъ безъ уплаты пошлины изъ заграницы и тѣмъ нанося ущербъ той самой казнѣ, интересы которой онъ долженъ былъ охранять? Чтобы занимать съ честью по выбору товарищей мѣсто „перваго между равными“ (primus inter pares), какъ этого требовалъ тогдашній уставъ, необходимо было стоять въ нравственномъ отношеніи такъ высоко, какъ стоялъ Рижскій. Онъ не былъ ни корыстолюбивъ, ни расточителенъ; онъ жилъ на скромное профессорское и ректорское жалованье и жилъ однако не скупо, а довольно открыто—устраивалъ подъ-часъ вечеринки, на которыя приглашалъ профессоровъ съ ихъ женами и объединялъ такимъ образомъ университетскую семью. Прослуживъ на разныхъ поприщахъ государственной службы 24 года (въ томъ числѣ состоялъ и штатнымъ секретаремъ синода), онъ умеръ бѣднякомъ, не оставивъ никакихъ средствъ своей семьѣ—и университетъ, какъ выражается его вдова, не по однимъ чувствамъ признательности опредѣлилъ сумму на его погребеніе. Мы видѣли, что вдовѣ Рижскаго была назначена крайне ничтожная пенсія и къ довершенію всего умеръ и малолѣтній его сынъ, на котораго положена была особая сумма. А новый ректоръ Стойковичъ, имѣвшій смѣлость, чтобы не сказать болѣе, ходатайствовать о полной для себя пенсіи, не смотря на то, что прослужилъ всего 10 лѣтъ и былъ уволенъ въ отставку за предосудительныя дѣйствія, съ пенсіей въ размѣрѣ 1000 р., не счелъ возможнымъ возбуждать просьбу передъ министерствомъ о предоставленіи семьѣ почившаго, за его особыя заслуги, болѣе значительнаго денежнаго обезпеченія.

Къ сожалѣнію, мы немного знаемъ о частной жизни и характерѣ проф. Осиповскаго. Роммель выражается о немъ такъ: „Осиповскій хорошій математикъ, и честный человѣкъ, но бывшій подъ башмакомъ у своей властолюбивой и кокетливой супруги“. Розальонъ-Сошальскій говоритъ, что „Рижскій, Тимковскій, Осиповскій пользовались глубочайшимъ уваженіемъ студентовъ и всего общества, какъ преподаватели и люди. Въ высшей степени мягкій и добрый Осиповскій по своимъ нравственнымъ качествамъ—такъ всѣ на него смотрѣли—былъ совершенство, насколько можетъ человѣкъ достигать его. Т. И. Селивановъ даетъ ему слѣдующую характеристику: „Т. Ѳ. Осиповскій роста хорошаго, одѣвался просто, но прилично. Извѣстный въ свое время математикъ, онъ кромѣ математики и физики, обладалъ многосторонними свѣдѣніями и былъ неутомимо трудолюбивъ. Осиповскій всегда и со всѣми въ обращеніи былъ ровенъ, никогда не выходилъ изъ себя, любилъ говорить по-

ложительно, выражаться точно, для чего иногда говоря останавливался и поправлялъ сказанную имъ фразу; рѣдко говорилъ или защищалъ что-нибудь съ жаромъ, энергически, но просто, равнодушно и настойчиво. Онъ не любилъ мистиковъ, которые брали на себя объяснить необъяснимое.... Тимофей Ѳедоровичъ имѣлъ обширную и твердую память, не любилъ тщеславиться и высказывать себя, какъ Тимковскій и Стойковичъ". Затѣмъ Селивановъ разсказываетъ извѣстный намъ эпизодъ о посѣщеніи Осиповскимъ инкогнито лекціи одного изъ московскихъ профессоровъ математики (стр. 577). Такимъ образомъ, основными чертами Осиповскаго являются обширныя познанія, ясность ума, огромное трудолюбіе, скромность и спокойствіе. О необычайныхъ трудахъ, понесенныхъ Осиповскимъ на пользу университета, можетъ свидѣтельствовать прошеніе его въ совѣтъ о дарованіи званія заслуженнаго профессора; документъ этотъ строго фактическаго содержанія, легко могъ быть провѣренъ сочленами автора по совѣту — они были живыми свидѣтелями его дѣятельности, она совершалась у всѣхъ на виду — и потому заслуживаетъ полнаго довѣрія. Вотъ его подлинный текстъ.

„Въ концѣ апрѣля мѣсяца 1804 г. учрежденъ попечителемъ комитетъ правленія университета, въ который я опредѣленъ членомъ и вскорѣ потомъ поручено мнѣ управленіе всѣми дѣлами, въ немъ происходившими. Присмотръ за происходившими приготовленіями къ открытію университета, присмотръ за кассою университета и управленіе письменными дѣлами комитета отняли у меня опять все время. По открытіи въ январѣ мѣсяцѣ 1805 года университета, я назначенъ въ правленіе непремѣннымъ засѣдателемъ и въ училищный комитетъ членомъ, и отданы мнѣ въ управленіе обѣ канцеляріи этихъ мѣстъ, и притомъ поручено попечителемъ продолжать наблюденіе за кассою университета. Эти занятія въ канцеляріяхъ, составленныхъ изъ людей, не умѣвшихъ написать порядочно строки, съ присоединеніемъ къ тому лекцій, кои я первые годы, не имѣя по своей части никакого помощника, читалъ по 10 часовъ въ недѣлю, въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ такъ меня изнурили, что я въ 1807 году просилъ попечителя, чтобы онъ меня уволилъ по крайней мѣрѣ отъ непремѣннаго засѣдательства въ правленіи, чрезъ что снялись бы съ меня управленіе канцеляріею правленія и присмотръ за кассою; но попечитель требовалъ отъ меня, чтобы я рекомендовалъ кого-нибудь на мое мѣсто и поручился бы за него, что при немъ пойдетъ дѣло такъ же, какъ и при мнѣ. Я не могъ никого рекомендовать на этомъ условіи и попечитель меня не уволилъ, а обѣщалъ только представить труды мои высшему начальству и просить о награжденіи меня орденомъ св. Анны 2-й степени и въ то же время далъ въ совѣтъ уни-

верситета бумагу, коею изъявлялъ мнѣ свою благодарность за особенные труды мои. Не знаю, представлялъ ли онъ тогда къ награжденію орденомъ; но чрезъ три года послѣ того, по предложенію совѣта, я представленъ былъ имъ къ награжденію орденомъ св. Анны 2-й степени; однако такъ какъ за нѣсколько времени предъ тѣмъ, по случаю втораго изданія главнымъ правленіемъ училищъ первыхъ двухъ томовъ моего курса математики, и по той причинѣ. что я послалъ туда слѣдующіе два тома о теоріи аналитическихъ функцій и о приложеніи ея къ высшей геометріи, представленъ я былъ главнымъ правленіемъ училищъ къ ордену св. Владиміра 4-й степени за эти сочиненія, каковой и получилъ, то это представленіе попечителя къ ордену св. Анны 2-й степени и не имѣло по министерству никакого хода. По 1810-й годъ труды мои по университету всегда оставались одинаковы; но съ 1810 г. они нѣсколько уменьшились: во-1-хъ, я нашелъ себѣ по лекціямъ помощника въ кандидатѣ Павловскомъ, нынѣ адъюнктѣ, коему отдѣлилъ я сперва обыкновенную, а потомъ и часть высшей математики; во 2-хъ, управленіе канцеляріею училищнаго комитета началъ поручать комитетъ разнымъ его членамъ сперва по полугодно, а потомъ и погодно; въ 3-хъ, правленіе университета освободило меня и отъ присмотра за кассою, и начало поручать ее деканамъ факультетовъ, засѣдающимъ въ правленіи. Но въ томъ же 1810 году поручилъ мнѣ совѣтъ, съ утвержденія г-на министра, преподаваніе механики съ жалованьемъ по 1000 рублей въ годъ, такъ какъ профессоръ прикладной математики Гутъ, коему этотъ предметъ принадлежалъ, отозвался, что онъ читать этой науки не будетъ, а будетъ заниматься только гидродинамикою и астрономіею. По выбытіи проф. Гута въ Дерптскій университетъ взялъ я на себя читать и всѣ части прикладной математики, не требуя новой прибавки жалованья; механическія части, по прибытіи въ университетъ усовершенствовавшаго себя въ математическихъ наукахъ при академіи наукъ магистра Архангельскаго (нынѣ экстра-ординарнаго профессора) поручены сему послѣднему, а я погодно читать сталъ оптику по Локалю и астрономію по Біоту. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1813 года избранъ я и Высочайше утвержденъ ректоромъ университета на три года, а въ 1816 году опять избранъ и утвержденъ въ этомъ званіи на три же года. Въ 1816 году повторено отъ совѣта представленіе попечителю графу Потоцкому объ исходатайствованіи мнѣ ордена св. Анны второй степени, а въ 1817 г. повторено это представленіе новому попечителю тайн. сов. Карнѣеву, но этого ордена и по сіе время не получилъ. Уже силы мои отъ лѣтъ и многихъ понесенныхъ трудовъ чувствительно ослабѣваютъ, и скоро принужденъ буду отказаться отъ всѣхъ трудовъ. Служеніе мое, начи-

ная съ учительской должности при Московскомъ главномъ народномъ училищѣ, т. е. съ 22 сентября 1786 года составляетъ теперь безпрерывно 33 года; по утвердительной же грамотѣ, Высочайше данной университету, профессоръ, прослужившій 25 лѣтъ, получаетъ право на удостоеніе его званія заслуженнаго профессора и уже современникъ мой по службѣ профессоръ Казанскаго университета, Яковкинъ нѣсколько лѣтъ пользуется симъ званіемъ. Покорнѣйше прошу совѣтъ университета удостоить меня наименованіемъ заслуженнаго профессора и представить объ этомъ на утвержденіе высшаго начальства. Профессоръ Тимофей Осиповскій. Мая 7 дня 1819 года" [1]).

Тутъ, какъ мы видимъ, нѣтъ ни малѣйшаго искательства; все письмо дышетъ правдивостью и скромностью; въ немъ не проскальзываетъ даже чувство горечи и обиды по поводу явно недостаточной оцѣнки со стороны начальства изъ ряда вонъ выходящей его служебной дѣятельности; объ этомъ говорится спокойнымъ тономъ въ видѣ необходимыхъ фактическихъ справокъ. Компетентный судья въ оцѣнкѣ дѣятельности Осиповскаго, свидѣтель его трудовъ, поставленный во главѣ всего учебнаго дѣла въ округѣ попечитель гр. Потоцкій въ одномъ изъ своихъ писемъ министру, представляя его къ ордену Анны 2-й степени, такъ отзывается о немъ: „м. г. графъ Алексѣй Кирилловичъ! Совѣтъ Харьковскаго университета, представляя мнѣ объ отличныхъ заслугахъ, оказанныхъ профессоромъ математическихъ наукъ Осиповскимъ въ продолженіе службы его при университетѣ, проситъ объ исходатайствованіи ему соотвѣтственнаго трудамъ его вознагражденія. Профессоръ этотъ есть одинъ изъ тѣхъ членовъ университета, кои при рачительномъ преподаваніи лекцій, стараются быть полезными университету и по всѣмъ другимъ частямъ, относящимся до его благоустройства и усовершенствованія: занимая съ самаго открытія университета много-трудную должность непремѣннаго засѣдателя, онъ въ особенности содѣйствовалъ въ успѣшнѣйшемъ производствѣ училищныхъ дѣлъ и въ хозяйственномъ сбереженіи университетскихъ суммъ, особенному надзиранію его ввѣренныхъ. При безпрерывныхъ занятіяхъ по этому званію и по должности профессора, которую онъ исполнялъ всегда безъ малѣйшаго опущенія, онъ занимался также изданіемъ учебныхъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторыя, какъ извѣстно, служатъ по настоящее время единственнымъ руководствомъ къ преподаванію въ нашихъ гимназіяхъ. Таковые отличные труды профессора Осиповскаго на пользу университета и вообще учебной части, а равно и примѣрное поведеніе, доставившее ему совершен-

---

[1]) Архивъ мин. народн. просв. Дѣло № 21879/491.

ное уваженіе публики и его сотоварищей, побуждаютъ меня нынѣ обратить начальническое вниманіе Вашего Сіятельства на столь полезную его службу и при томъ покорнѣйше просить объ исходатайствованіи ему у Всемилостивѣйшаго Государя Императора ордена святыя Анны 2-й степени, по всей справедливости имъ заслуженнаго. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностью Вашего Сіятельства покорнѣйшимъ слугою Г. Северинъ Потоцкій. Харьковъ. Сентября 31 дня 1810 года. Резолюція: „Велѣно оставить безъ дѣйствія, такъ какъ Осиповскій награжденъ уже знакомъ отличія“ [1]).

Одинъ изъ біографовъ Осиповскаго И. П. Щелковъ отвергаетъ впрочемъ спокойствіе его характера; наоборотъ считаетъ его весьма рѣзкимъ въ своихъ сужденіяхъ, самолюбивымъ и не всегда деликатнымъ въ отношеніи къ сослуживцамъ [2]). Здѣсь мы не будемъ входить въ подробное разсмотрѣніе этого вопроса, ибо сдѣлаемъ это въ 2-мъ томѣ своего труда, когда въ нашемъ распоряженіи будетъ весь матеріалъ, характеризующій его дѣятельность и личность—замѣтимъ только, что извѣстіе Селиванова о скромности и спокойствіи Осиповскаго должно быть принято въ ограниченномъ смыслѣ, именно относится исключительно къ его преподавательской дѣятельности, которая одна только и была доступна личному наблюденію Селиванова, какъ студента университета. Въ своихъ же отзывахъ о лицахъ и ученыхъ сочиненіяхъ Осиповскій былъ прямодушенъ и подчасъ правдиво-рѣзокъ; онъ никогда не скрывалъ своихъ сужденій и вступалъ въ открытую борьбу со своими принципіальными противниками. Въ этомъ убѣждаетъ насъ извѣстная намъ полемика его съ Шадомъ, открытая борьба со Стойковичемъ, въ которой Осиповскому принадлежала руководящая роль. Вообще это былъ человѣкъ вполнѣ опредѣленныхъ убѣжденій, глубокочестный, стремившійся всегда къ прогрессу и возмущавшійся всякими неправдами. У него было болѣе характера и твердости, чѣмъ у Рижскаго. Послѣдній умѣлъ примирять интересы русскихъ и иностранныхъ профессоровъ. Осиповскій, бывшій лидеромъ русской партіи, выдержавшій упорную борьбу съ представителемъ иноземной стихіи въ Харьковскомъ университетѣ Стойковичемъ и одержавшій надъ нимъ побѣду, естественно уже, въ силу реакціи, не остановился на полъпути и, получивъ въ руки власть, можетъ быть, пользовался ею слишкомъ сурово по отношенію къ тѣмъ иностраннымъ профессорамъ, которые не внушали къ себѣ ему уваженія.... Любопытно, что и тутъ, какъ во всѣхъ остальныхъ случаяхъ,

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. Дѣло № $^{5724}/_{155}$.

[2]) Журн. мин. нар. просв. 1890 г., окт., стр. 380.

извѣстіе Роммеля подтверждается другими данными. Роммель говоритъ о кокетливой супругѣ Осиповскаго, а у Цебрикова мы находимъ о ней слѣдующій анекдотъ. „По пути, говоритъ онъ, заѣхали мы въ университетъ къ ректору (Осиповскому), у котораго довольно много гостей застали. Онъ рекомендовалъ мнѣ свою жену, которая очень, очень пригожа и молода, но „щирая“ малороссіянка и въ разговорахъ, и въ поступкахъ. О сей ректоршѣ разсказали мнѣ послѣ анекдотъ, всему тамошнему городу извѣстный: „мужъ ея почитается рѣдкимъ математикомъ, какъ то многіе ученые меня тамъ увѣряли, и любилъ въ свободные часы заниматься сочиненіями, коихъ было и изготовилъ уже нѣсколько томовъ для напечатанія. Обыкновенно просиживалъ онъ длинные осенніе и зимніе вечера въ своемъ учебномъ кабинетѣ, углубленный въ свои математическія выкладки. Молодой женѣ, недавно тогда за него замужъ вышедшей, весьма не нравилось сидѣть одной по вечерамъ безъ своего друга и, почувствовавъ однажды въ высочайшей степени всю силу скуки, одиночествомъ причиняемой, входитъ къ нему въ кабинетъ, когда онъ писалъ, схватываетъ со стола всѣ имъ приготовленныя для печати сочиненія и бросаетъ ихъ въ огонь. Супругъ ея, человѣкъ самаго кроткаго нрава, приходитъ отъ того въ изумленіе и остолбенѣвши сидитъ неподвижно въ креслахъ своихъ до тѣхъ поръ, пока всѣ труды его многихъ лѣтъ и многаго бдѣнія не пожралъ немилосердый пламень“. Болѣе ли послѣ сего происшествія занимается сей глубокій математикъ своею милою супругою, или своими отвлеченными сочиненіями—о семъ ничего не говорятъ въ городѣ“ [1]). Конечно, это анекдотъ, принадлежащій къ серіи безчисленнаго множества подобныхъ же разсказовъ, рисующихъ странности и разсѣянность математиковъ; но въ основѣ его лежитъ все-таки, по всей вѣроятности, зерно истины. Въ 1813—1814 гг. Осиповскому было уже подъ 50 лѣтъ (если не болѣе того), а жена его была очень молода и красива; все свое время, какъ мы знаемъ, онъ дѣйствительно посвящалъ университету—въ качествѣ профессора, непремѣннаго засѣдателя, ректора—и любимой наукѣ; при такихъ условіяхъ нельзя не признать вѣроятнымъ разсказа Цебрикова (въ его основѣ, а не подробностяхъ, которыя, конечно, преувеличены: супруга Осиповскаго могла бросить въ огонь одну какую-нибудь его рукопись, а не всѣ). Едва ли слѣдуетъ прибавлять, что и это обстоятельство не уменьшаетъ нашей симпатіи къ Осиповскому и отнюдь не бросаетъ тѣни на его нравственную сторону.

---

[1]) Неизданное путешествіе Цебрикова изъ Петербурга въ Харьковъ въ 1813-1814 г. (рук. Имп. Публ. библ.).

О Тимковскомъ Роммель отзывается, какъ о профессорѣ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, ставитъ его рядомъ съ Рижскимъ и говоритъ, что онъ пользовался большимъ вліяніемъ. Розальонъ-Сошальскій прибавляетъ къ этому, что онъ славился краснорѣчіемъ. Мы, впрочемъ, видѣли, что краснорѣчіе это было проникнуто напыщенною риторикой и темнотой; очевидно, онъ болѣе гонялся за красивою фразой, чѣмъ за ясностью содержанія; стремленіе къ эффекту приводило его нерѣдко къ тщеславію; это былъ его недостатокъ. Но Тимковскій обладалъ огромными педагогическими талантами, нашедшими широкое примѣненіе въ дѣлѣ устройства и управленія училищъ Харьковскаго учебнаго округа. Тутъ онъ не имѣлъ соперниковъ и сдѣлалъ такъ много, какъ никто. Университетъ по достоинству, какъ мы видѣли, оцѣнилъ его заслуги на этомъ поприщѣ. Большую часть времени онъ проводилъ въ разъѣздахъ по округу и такимъ образомъ, можно сказать, что все его время было поглощено визитаторскимъ дѣломъ. Занимаясь имъ, онъ даже разстроилъ свое здоровье и принужденъ былъ очень рано выйти въ отставку (въ 1811 г.). Но у него, очевидно, было непреодолимое влеченіе къ педагогической дѣятельности— и онъ, оставивъ съ полной пенсіей профессуру, принялъ впослѣдствіи мѣсто директора Новгородъ-Сѣверской гимназіи. Въ лицѣ И. Ѳ. Тимковскаго мы имѣемъ любопытный примѣръ какъ бы двойнаго служенія дѣлу воспитанія. По выходѣ въ отставку онъ не почилъ ото всѣхъ дѣлъ своихъ, а наоборотъ еще болѣе 30 лѣтъ работалъ на пользу общества и государства. Очевидно, въ немъ былъ огромный запасъ силъ и энергіи. Уѣхавъ изъ Харькова въ 1811 г., онъ первоначально поселился въ сел. Турановкѣ Черн. губ. близь Новгородъ-Сѣверска, которая была ему дана въ приданое за женою, дочерью директора Новгородъ-Сѣверской гимназіи Халанскаго. Проживая въ деревнѣ, онъ служилъ по дворянскимъ выборамъ, а въ 1825 г. по смерти тестя своего получилъ по предложенію попечителя Харьковскаго учебнаго округа Перовскаго, лично его знавшаго, мѣсто директора въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи, которое занималъ до вторичнаго выхода своего въ отставку въ 1838 г., отказавшись при томъ отъ предложеннаго ему мѣста директора Нѣжинскаго лицея. Что Тимковскій служилъ не въ силу честолюбія, а горячей преданности дѣлу, искренней любви его къ своему дѣтищу, Новгородъ-Сѣверской гимназіи, видно изъ его отказа принять предложенное ему мѣсто директора Нѣжинскаго лицея. Объясняя причины, побудившія его занять мѣсто директора въ Новгородъ-Сѣверскѣ, онъ говоритъ между прочимъ: „влекло меня сюда и желаніе напечатлѣть бытіе мое въ сей гимназіи, которой созданію и успѣхамъ усердствовать для меня было достойно, въ городѣ многихъ историческихъ памятей, о которыхъ

въ немъ же бесѣда моя съ покойнымъ канцлеромъ графомъ Румянцевымъ пріобрѣла ей благотвореніе его, въ городѣ маломъ, нагорномъ, здоровомъ, красивомъ и какъ бы одной гимназіи принадлежащемъ. Сколько сіи свойства благопріятны наукамъ и нѣкогда достойны будутъ въ судьбахъ временъ, высшаго ихъ состоянія, можетъ быть подобно Іенѣ, Галле и Геттингену. Изъ сего изволите усмотрѣть, сколько я имѣлъ причинъ отказаться, получивъ уже на первомъ году моего вступленія въ сію должность приглашеніе въ Нѣжинъ, весьма худо избранный основателемъ, гдѣ никакія усилія теплицъ не произведутъ сочныхъ плодовъ, кромѣ какого-либо техническаго или спеціальнаго заведенія. Какъ бы то ни было, *трудовъ и заботъ моихъ*, сколько мнѣ остается изнемогшихъ силъ, *я не цѣню никакими окладами*; одной дальности Нѣжина отъ дому и семейства для меня было и есть достаточно предпочесть Новгородъ-Сѣверскъ. Принося Вашему Превосходительству за толикое вниманіе чувствительную благодарность, прошу покорнѣйше принять во благо мое здѣсь пребываніе" [1]). Духомъ независимости, глубокаго убѣжденія и нравственной силы вѣетъ отъ этого письма подчиненнаго къ его попечителю; а все это рисуетъ передъ нами съ лучшей стороны *характеръ* Тимковскаго. По выходѣ въ отставку онъ окончательно поселился въ Турановкѣ, гдѣ оставался до самой своей смерти въ февралѣ 1853 года, предаваясь сельскому хозяйству и литературной дѣятельности; въ это время имъ написаны и тѣ замѣчательныя воспоминанія, изъ которыхъ мы привели столь значительные отрывки. Умеръ онъ 80 лѣтнимъ старцемъ, сохранивъ до конца жизни ясность ума. Извѣстный М. А. Максимовичъ посѣтилъ его въ 1852 г. и вынесъ изъ этого посѣщенія такія впечатлѣнія. Разсказавъ, что Тимковскій прочиталъ ему свою статью о пчеловодствѣ и затѣмъ повезъ на вновь устроенную имъ пасѣку въ бору, гдѣ на крестѣ былъ вырѣзанъ годъ ея основанія и приведенъ стихъ изъ Виргиліевой Георгики, Максимовичъ прибавляетъ: „такъ у него во всемъ проза сельскаго хозяйства принимала видъ классической буколики. Да и въ немъ самомъ нельзя было довольно налюбоваться художественнымъ сочетаніемъ многосторонняго, основательнаго знанія и строгаго во всемъ систематизма, съ живою, теплою любовью къ поэзіи всѣхъ вѣковъ и народовъ.... Его любимецъ Овидій не мѣшалъ ему восхищаться Гоголемъ; Гердера и Шиллера онъ столько же помнилъ, какъ и Виргилія съ Гораціемъ. Водворясь въ Сѣверіи, онъ 40 лѣтъ не видалъ родной Украины и не сбирался ее увидѣть. Но въ 1852 г. онъ говорилъ со мною объ нашей

---

[1]) И. Ѳ. Тимковскій. Н. Шугурова (Кіевск. Стар. 1891 г., окт., стр. 89—90).

родинѣ (Полтавщинѣ) уже съ примѣтною грустью и въ день отъѣзда моего далъ мнѣ для памяти 2 записочки. Въ одной изъ нихъ прочелъ я слѣдующія строки: „неотдѣлимо въ умѣ и сердцѣ у меня, что я возросъ на южной полосѣ Малороссіи, у благодатныхъ береговъ Днѣпра; живу на сѣверномъ краю ея и чувствую гнетущія стужи отъ Сѣвска. Стихійно приходитъ часто на мысль увидѣть Кіевъ, Каневъ, Черкасы и родину, небо и землю моихъ предковъ. Но будетъ ли такъ расположено нынѣшнее владѣніе Згарью, чтобы я могъ тамъ хоть недѣлю времени подышать свободно. 1852 г. авг. 17. Ite meae, quondam felix pecus, ite capellae! Въ этомъ неожиданномъ вопросѣ 80-лѣтняго старика и въ самомъ стихѣ Виргиліевой буколики, вызванномъ игрою словъ, послышалось мнѣ грустное предвѣстіе“ [1]). Отсюда видно, какъ Тимковскій любилъ свой родной край Малороссію и какъ сознательно старался работать для ея просвѣщенія, посвятивъ всю свою жизнь воспитанію ея молодого поколѣнія. Это былъ одинъ изъ ея вѣрныхъ и преданныхъ сыновъ, не зарывшій своихъ талантовъ въ землю, а всецѣло ихъ употребившій на пользу „полуденнаго края“ Россіи. Шумлянскій имѣлъ повидимому весьма высокое мнѣніе о своихъ достоинствахъ и заслугахъ и ревниво охранялъ свои служебныя права и преимущества. Въ прошеніи, которое подано было имъ въ совѣтъ 15 окт. 1810 г. въ которомъ помѣщено ходатайство о представленіи къ ордену Владиміра 3-й степени, онъ, перечисливъ всѣ свои заслуги, между прочимъ пишетъ, что въ Москвѣ на него была возложена обязанность оператора и хирурга и что онъ первый въ Россіи сталъ производить операціи на живомъ тѣлѣ. Въ засѣданіи совѣта 14 сент. 1805 г. онъ поднялъ вопросъ о своемъ старшинствѣ по службѣ и о правѣ занимать высшее мѣсто. Совѣтъ однако рѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно. Шумлянскій пересталъ посѣщать засѣданія совѣта. На вопросъ о причинѣ отсутствія онъ отвѣтилъ письмомъ къ ректору, въ которомъ объяснилъ, что до тѣхъ поръ не пойдетъ въ совѣтъ, пока ему не дадутъ мѣста, соотвѣтствующаго его чину и старшинству. Наконецъ, въ торжественномъ засѣданіи 5-го ноября, когда всѣ собрались для избранія ректора и декановъ, прочитаны были законы 1790 и 1799 гг., по которымъ профессора академій считались въ седьмомъ классѣ, пригласили Шумлянскаго. Послѣдній явился и занялъ старшее мѣсто тотчасъ послѣ декановъ“ [2]). Какое-то наивнодобродушное честолюбіе, заставившее его и впослѣдствіи написать аналогичную просьбу-жалобу министру (ее мы приведемъ впослѣд-

---

[1]) Кіев. Стар. 1891 г., октябрь, стр. 96—97.

[2]) Журн. мин. народн. просв. 1872 г., февр., стр. 213—215.

ствіи) было у него преобладающею чертою. Роммель отзывается о немъ, какъ о здоровомъ весельчакѣ, напоминавшемъ фигурою польскихъ старостъ; Селивановъ рисуетъ его, какъ добродушнаго малоросса, вносившаго въ лекціи свой національный юморъ и излагавшаго ихъ съ массою остротъ и шуточекъ на малорусскомъ языкѣ. Талантами онъ не блисталъ. Какъ представитель русской партіи, велъ ожесточенную борьбу съ иностранцами въ факультетѣ и совѣтѣ (Стойковичемъ и Пильгеромъ). Другой профессоръ медицинскаго факультета Книгинъ занимался врачебной практикой, но былъ такъ небреженъ въ ней, что, по словамъ Роммеля, пропускалъ почти каждый кризисъ его трехдневной лихорадки. Въ противопожность ему Каменскій былъ очень ловкимъ, искуснымъ и внимательнымъ практикомъ; такое же искусство, по словамъ Роммеля, онъ проявлялъ и въ составленіи бумагъ и рапортовъ, въ качествѣ секретаря совѣта. Преждевременно угасшій Калькау отличался большими талантами и широкимъ образованіемъ; онъ считался также хорошимъ практическимъ врачемъ. Къ сожалѣнію, личная, семейная жизнь его сложилась неудачно, и его женѣ съ трудомъ пришлось, какъ мы видѣли, по его смерти, добиваться пенсіи, причемъ характерно, что этого обрусѣвшаго нѣмца и вмѣстѣ съ тѣмъ онѣмеченнаго русскаго поддерживали главнымъ образомъ нѣмцы и только его одного изъ русскихъ считали достаточно начитаннымъ въ нѣмецкой литературѣ. Надъ гробомъ его была произнесена одна русская рѣчь (В. Н. Каразинымъ), одна французская (Дегуровымъ) и одна латинская (Шадомъ).

На характеристикѣ адъюнкта и архитектора Васильева мы уже останавливались выше, разсказывая о его столкновеніи съ ректоромъ Стойковичемъ. Напомнимъ теперь только, что это былъ безпечный весельчакъ, душа общества, любитель веселыхъ компаній, имѣвшій знакомство едва ли не со всѣмъ городомъ и не со всѣми харьковскими помѣщиками, благодаря своимъ архитекторскимъ талантамъ; это былъ однимъ словомъ одинъ изъ самыхъ популярнѣйшихъ людей въ Харьковѣ. „Профессоръ архитектуры Васильевъ, говоритъ Селивановъ, человѣкъ былъ замѣчательный и мало тѣхъ въ городѣ Харьковѣ, кому бы онъ не былъ извѣстенъ; да и мало было изъ людей порядочныхъ, особенно изъ купцовъ, съ кѣмъ бы онъ не былъ знакомъ“. Близко подходилъ къ нему по своему открытому веселому характеру Масловичъ, первый танцоръ въ свое время (о немъ мы также говорили на 588—589 стр.). Полную противоположность имъ представлялъ, какъ мы знаемъ, лекторъ и поэтъ Нахимовъ — богачъ, демократъ и оригиналъ, но къ сожалѣнію сильно предававшійся вину. Въ невыгодномъ свѣтѣ выступаетъ передъ нами адъюнктъ Болгаревскій, дошедшій въ своемъ

столкновенiи съ извѣстнымъ намъ Хлапонинымъ до инсинуацiи на него и на своихъ университетскихъ товарищей. Впрочемъ и противникъ его Хлапонинъ обнаружилъ такую же несдержанность, такъ что исторiя ихъ столкновенiя вызываетъ самое непрiятное чувство, тѣмъ болѣе, что вызвано оно было недоразумѣнiями денежнаго свойства. Мы рѣшили не замалчивать темныхъ явленiй нашего стараго университетскаго быта и потому изложимъ въ примѣчанiи и этотъ споръ и при томъ собственными словами и выраженiями противниковъ, ибо только въ такомъ случаѣ можно будетъ ясно представить себѣ ту степень раздраженiя и вражды, которыя существовали между ними. Прибавимъ къ этому, что Хлапонинъ не даромъ просилъ объ устраненiи отъ разбора его дѣла въ правленiи ректора Стойковича: этотъ послѣднiй, какъ мы видѣли, дѣйствительно старался всячески помогать Болгаревскому и вредить Хлапонину, потому что его проводилъ Шадъ (стр. 348—349, 589—602). Нельзя не сознаться, что правленiе весьма разумно, совершенно по Соломоновски разрѣшило этотъ споръ: рѣшило оставить его безъ послѣдствiй [1]).

---

[1]) Дѣло въ правленiи началось по жалобѣ адъюнкта Болгаревскаго. Вотъ ея текстъ. „Извѣстный университету Курскiй купецъ Григорiй Хлапонинъ просилъ меня, чтобы я принялъ его на свою квартиру для проживанiя, пока онъ кончитъ свой экзаменъ въ здѣшнемъ университетѣ. Хотя прежде я вовсе былъ незнакомъ съ этимъ купцомъ, но, уваживъ усиленную его просьбу и предполагая, что человѣкъ, допущенный университетомъ до экзамена, долженъ быть извѣстенъ, какъ по своему ученiю, такъ и по хорошему поведенiю, я согласился принять его. Къ сожалѣнiю моему, я вскорости увидѣлъ свою ошибку и по прошествiи одного мѣсяца безпокойствомъ и грубыми его поступками принужденъ былъ отказать ему въ дальнѣйшемъ пребыванiи на моей квартирѣ. Симъ хотя весьма учтивымъ отказомъ онъ такъ ожесточился, что еще большiя началъ дѣлать мнѣ грубости и, наконецъ, дошелъ до такой крайности, что разругалъ меня самымъ подлымъ образомъ и въ неистовствѣ своемъ обнажалъ противъ меня саблю. Такая дерзость его заставила меня просить господина ректора университета, дабы онъ благоволилъ извѣстить о семъ градскаго полицiймейстера и предохранить отъ такихъ наглостей. Объявляя сiе университетскому правленiю, нижайше прошу защиты и наставленiя, гдѣ и какъ я долженъ искать удовлетворенiя за обиду и наглость, причиненные мнѣ вышепомянутымъ купцомъ; а между тѣмъ, прошу, дабы правленiе благоволило дать о семъ знать градской полицiи, чтобы она не выпустила его изъ города до изслѣдованiя сего дѣла“. Хлапонинъ предъявилъ къ нему встрѣчный искъ въ особомъ прошенiи, гдѣ писалъ. „Отдававшiй мнѣ въ наймы часть квартиры своей адъюнктъ сего университета Болгаревскiй, забравши впередъ отъ меня деньги, потомъ сбивая въ мое отсутствiе съ двери комнатъ моихъ замокъ и врываясь неоднократно въ ночное и утреннее время съ подъятымъ въ рукахъ желѣзомъ въ мои покои и даже спальню и чиня и тутъ разныя непозволенности, о чемъ тогда же извѣщено мною было ректору сего университета Аѳанасiю Ивановичу

Да и можно ли было разсматривать по существу это пустое дѣло, которое было раздуто только взаимнымъ раздраженіемъ противниковъ, раздраженіемъ, дошедшимъ до того, что Болгаревскій требовалъ прекращенія экзамена Хлапонина, а этотъ послѣдній ставилъ ему въ укоръ его крестьянское происхожденіе и бѣдность его родственниковъ?

Стойковичу, вытѣснилъ меня безчиннымъ образомъ изъ моей квартиры и, по многократнымъ моимъ отъ него требованіямъ, уклоняется подъ разными предлогами заплатить должныя имъ Болгаревскимъ по разсчету мнѣ деньги пятнадцать руб., въ намѣреніи, конечно, завладѣть ими. Почему симъ прошу покорнѣйше Харьковское университетское правленіе взыскать съ него, Болгаревскаго, эти должные имъ мнѣ пятнадцать рублей и меня удовлетворить". Болгаревскій далъ на это слѣдующее объясненіе. „Пустивъ купца Хлапонина на свою квартиру, я объявилъ ему, чтобы онъ платилъ мнѣ за дрова для отопки его комнатъ и кухни по 20-ти руб. въ мѣсяцъ. Онъ жилъ у меня отъ 29 декабря 1812 года до 18 февраля 1813 года. Хотя я и получилъ отъ него деньги за весь февраль мѣсяцъ, но нестерпѣвъ причиняемыхъ имъ безпокойствъ и грубостей, я принужденъ былъ отказать ему прежде срока и возвращалъ ему остальныя деньги, несмотря на убытокъ, который я имѣлъ въ разсужденіи дороговизны дровъ въ жесточайшее время зимы (на отопку комнаты и для кухни гостепріимнаго человѣка мало двадцати рублей въ мѣсяцъ на дрова во время жестокой зимы). Однако же онъ не хотѣлъ взять ихъ подъ ложнымъ предлогомъ, будтобы у не было сдачи на пятидесяти-рублевую бумажку. Спустя два дня, когда уже полиція принудила его сойти съ моей квартиры, я по разсчету за восемь дней до срока вторично возвращалъ ему 5 р. 60 к. и, сомнѣваясь въ его честности, требовалъ отъ него росписки въ полученіи этихъ денегъ, но онъ не принялъ ихъ, и грубымъ тономъ отвѣчалъ мнѣ: „я тебѣ дарю!" За что же сей Хлапонинъ требуетъ теперь отъ меня не 5 руб. 60 к., но пятнадцати рублей, я не знаю; можетъ быть, за то, что когда угощалъ онъ нѣкоторыхъ университетскихъ членовъ, я также по случаю сосѣдства замѣшался между ними и былъ участникомъ въ пиру семъ. Если такъ, то пусть онъ положитъ за то цѣну, а правленіе вычтетъ изъ моего жалованья. Непринятые имъ 5 руб. 60 коп. я немедленно отдамъ ему, коль скоро починитъ онъ испорченную отрываніемъ замковъ и крючковъ дверь и дастъ мнѣ росписку въ полученіи денегъ". Въ отвѣтъ на это Хлапонинъ представилъ отзывъ, въ которомъ между прочимъ давалъ объясненіе по извѣстному намъ (стр. 595) доносу на него Болгаревскаго въ угощеніи профессоровъ. „Правленіе Императорскаго Харьковскаго университета данною мнѣ копіею съ объясненія адъюнкта Болгаревскаго благоволило требовать отъ меня на нее отзыва; вслѣдствіе чего не по волѣ моей имѣю честь представить сему правленію какъ справедливое мое недоумѣніе касательно намѣренія, съ каковымъ правленіе благоволило не только принимать на меня бумаги, противныя россійскимъ узаконеніямъ, но и какъ бы обвинять меня у градской полиціи по нѣкоему лишь внушенію и даже не потребовавъ отъ меня никакого оправданія въ нелѣпыхъ на меня показаніяхъ, такъ и нижеслѣдующее: 1) не приводя здѣсь въ особенности домашнія адъюнкта Болгаревскаго насильственные противу меня поступки, о которыхъ доведено уже до свѣдѣнія правленія Императорскаго Харьковскаго университета явочнымъ отъ меня актомъ, оправданнымъ чрезъ совер-

Адъюнкта Крюгера Т. И. Селивановъ называетъ горькимъ пьяницей, но при этомъ прибавляетъ, что онъ „рѣдко напивался до того, чтобы не соблюсти приличія; послѣдніе годы онъ рѣдко и въ собраніяхъ бывалъ“. О преподавателѣ музыки Витковскомъ мы находимъ нѣкоторыя свѣдѣнія у Цебрикова, рисующія его какъ очень практич-

---

шенное безмолвіе на него самого отвѣтчика, надобнымъ обрѣтаю представить нынѣ лишь то, что адъюнктъ Болгаревскій въ своемъ объясненіи отъ 31-го марта 1813 г., и наипаче въ дошедшей наконецъ и до моего свѣдѣнія, хотя впрочемъ и Императораторскимъ университетскимъ правленіемъ не уваженной просьбѣ своей февраля 17 числа сего же года прибѣгаетъ къ оскорбительнымъ и безчестнымъ словамъ, противорѣчіямъ и клеветѣ, желая, можетъ быть, замѣнить противозаконною такою непристойностію недостатокъ своей справедливости, ибо, 2) адъюнктъ Болгаревскій сознается въ обѣихъ тѣхъ своихъ бумагахъ, что по истеченіи мѣсяца генваря, хотя по собственному его сознанію и забралъ онъ тогда же отъ меня за весь февраль мѣсяцъ условленныя имъ со мною за квартиру деньги, однако же якобы отказалъ мнѣ въ дальнѣйшемъ пребываніи на отданной имъ мнѣ квартирѣ; каковое его показаніе не только само себѣ противорѣчитъ, но и являетъ самого Болгаревскаго беззаконнымъ нарушителемъ собственнаго своего условія и чуждаго спокойствія; 3) адъюнктъ Болгаревскій тамъ-же сознался самъ, что пустилъ меня за деньги на квартиру для прожитія, но запирается, что отдалъ мнѣ отдѣленіе моихъ покоевъ въ наймы; хотя несправедливость этихъ его рѣчей достаточно явствуетъ и изъ того самого его противорѣчія себѣ, и изъ того уже, что занимаемое мною за деньги отдѣленіе составляло какъ большую, такъ и лучшую половину всей его квартиры, которое держалъ я и имѣлъ даже съ самаго начала въ ней моего пребыванія отъ него Болгаревскаго всегда совсѣмъ отдѣльно и на заперти въ мою небытность; 4) несправедливо показаніе его Болгаревскаго и въ разсужденіи полученныхъ имъ отъ меня денегъ, ибо получилъ онъ отъ меня въ генварѣ по частямъ 25 руб., и 2-го февраля чрезъ слугу моего 25 руб., изъ коихъ зачелъ онъ, при сдѣланномъ имъ вмѣстѣ со мною разсчетѣ, за наймы отдѣленія моего, съ дровами въ полтора мѣсяца 30 руб., да 5 руб. въ счетъ мѣсячнаго жалованья одной изъ близкихъ его родственницъ-бабы, служившей у меня кухаркою и прачкою за 5 руб. въ мѣсяцъ, въ остальныхъ же 15 рубляхъ, не включая домашнихъ мною безъ росписки ему ссудъ, признавалъ онъ, при обоюдномъ нашемъ разсчетѣ себя мнѣ должнымъ и обѣщался, какъ самъ сознается въ своемъ объясненіи, мнѣ возвратить; но, сдѣлавши потомъ особое про себя разсчисленіе своею манерою, запирается нынѣ въ количествѣ этихъ должныхъ имъ мнѣ денегъ, а признается въ остальныхъ, что онъ удержалъ ихъ у себя единственно по непонятному для меня душевному его къ тому побужденію. Касательно же показанія его, якобы оныя деньги мною ему подарены, не отрицаю того только, что и нынѣ могу предоставить ему право безспорно владѣть этими должными имъ мнѣ деньгами, если вмѣняетъ онъ себѣ то въ мое ему благотворенье; 5) адъюнктъ Болгаревскій неправедно требуетъ отъ меня починки испорченной якобы отрываніемъ замковъ и крючковъ двери, ибо ни я, ни слуга мой, ни крючковъ, ни замковъ съ двери его не рвали; и какъ крючки изъ двери вывернулъ занимающій у него, Болгаревскаго, мѣсто слуги его родной племянникъ, принявшій

наго и ловкаго человѣка, интересовавшагося гораздо болѣе своею торговлей, чѣмъ преподаваніемъ. „На слѣдующій день, разсказываетъ онъ, по усиленной и неотступной просьбѣ обѣдалъ я съ братомъ у капельмейстера университескаго В(итковскаго), о которомъ я уже выше упомянулъ; онъ имѣетъ у себя въ домѣ большую лавку для продажи разныхъ

тогда-же отъ меня мои комнаты во всей исправности съ рукъ на руки, а замокъ мой сбилъ съ двери у меня, какъ и заявлено мною въ правленіе Императорскаго Харьковскаго университета самъ адъюнктъ Болгаревскій во время отлучки моей въ университетскую библіотеку, вторгаясь насильственнымъ образомъ не только при мнѣ, но и въ замкнутую въ отсутствіи моемъ мою квартиру, то изъ сего явствуетъ какъ несправедливость его словъ, такъ и не позволительная въ немъ наклонность къ разнаго рода излишествамъ и самовольствамъ, недостойнымъ казалось бы никакого публичнаго наставника и могшихъ проистекать лишь изъ непростительнаго невѣдѣнія необходимыхъ приличій въ общежитіи или изъ суровости и крутости его нрава. По сей самой причинѣ навсегда изгнана изъ сердца моего охота признаваемыя имъ Болгаревскимъ должными мнѣ деньги получить самому мнѣ отъ него непосредственно и такъ какъ эти удержанныя себѣ адъюнктомъ Болгаревскимъ деньги обрекъ было я отъ искренняго сердца въ милостыню людямъ, требующимъ о себѣ чуждаго попеченія, то если адъюнктъ Болгаревскій имѣетъ непритворное расположеніе не удерживать ихъ долѣе себѣ, можетъ онъ выдать ихъ безъ всякаго дальнѣйшаго сомнѣнія въ правленіе Императорскаго Харьковскаго университета, откуда буду просить покорнѣйше правленіе препроводить деньги тѣ въ пользу сумасшедшихъ или можетъ онъ, если хочетъ, и самъ непосредственно доставить въ домъ таковыхъ недужныхъ, гдѣ и получитъ навѣрное для успокоенія своихъ сомнѣній росписку въ ихъ полученіи; 6) адъюнктъ Болгаревскій поносилъ меня срамными и гнусными словами дома въ моей квартирѣ, что принялъ было я на счетъ необыкновенной наивности и искренности его души, прибѣгаетъ и въ письменныхъ имъ въ правленіе Императорскаго Харьковскаго университета бумагахъ къ безчестнымъ и злословнымъ ругательствамъ, при выраженіи которыхъ нельзя сказать, чтобы не имѣлъ онъ надлежащаго въ умѣ смысла, а меня же укоряетъ въ необъясненныхъ имъ и небывалыхъ съ моей стороны на него ругательствахъ, коихъ онъ по сей самой причинѣ и доказать, конечно, не можетъ; 7) удивляюсь, что адъюнктъ Болгаревскій по случаю невозвращенія имъ самимъ должныхъ мнѣ денегъ никакой не имѣетъ совѣсти, меня же обноситъ актомъ безъ всякихъ доказательствъ въ ложности якобы со стороны моей предлога, будто не случилось у меня въ то время для сдачи ему на намѣренную имъ выдать мнѣ пятидесяти рублевую россійскую банковую ассигнацію, не беря совсѣмъ въ разсужденіе, что я имѣлъ премногія законныя въ томъ причины; 8) сей же адъюнктъ Болгаревскій, безъ сомнѣнія неимѣющій никакихъ дѣльныхъ тому свидѣтельствъ, клевещетъ въ своемъ объясненіи и на градскую полицію въ беззаконномъ поступкѣ, и на меня, якобы принужденъ я былъ этою полиціею сойти прежде срока со своей нанятой у него мною квартиры, чего однакоже никогда не бывало; 9) сей же неоднократно и въ самыхъ актахъ сего университета излишествами своими и самовольствами замѣченный адъюнктъ Болгаревскій донесъ правленію Императорскаго Харьковскаго университета, что онъ имѣетъ сомнѣніе въ моей честности, не доставивъ

товаровъ, выписываемыхъ изъ Петербурга, Москвы, Вѣны; торгуетъ дорогими напитками, музыкальными инструментами, нотами; для дѣланія фортепьянъ выписалъ изъ Москвы мастера нѣмца, который по контракту долженъ ему одному ихъ ставить и никому другому безъ вѣдома его не продавать. Витковскій—человѣкъ хитрый—полякъ и меня убѣдилъ сдѣлать ему

дѣльныхъ и законныхъ доказательствъ въ оправданіе того своего доноса о семъ обстоятельствѣ, наиважнѣйшемъ къ довольствію и спокойствію каждаго недурнаго члена въ государствѣ; 10) въ доносѣ адъюнкта Болгаревскаго о какомъ-то даванномъ мною угощеніи, неизвѣстно, самому ли господину ректору сего университета Стойковичу, или другимъ какимъ сочленамъ онаго не имѣется достаточной ясности ни касательно намѣренія этого угощенія, ни касательно намѣренія этого донесенія адъюнктомъ Болгаревскимъ. И какъ нельзя думать, чтобы ктонибудь благоразумный сталъ когда ни есть порицать и укорять россіянъ въ ихъ нравственности, оказывающейся въ общежительномъ ихъ гостепріимствѣ, то и думать не могу, чтобы именно въ сей самой нелѣпости и состояло намѣреніе его, Болгаревскаго; равнымъ образомъ не имѣю права никакому человѣку, прежде уличенія его въ коварствѣ судомъ, приписывать злоумышленіе, чтобы хотѣть самою неясностію своихъ показаній порождать въ незнающихъ подозрѣніе непозволеннаго какого соотношенія пира того къ выдержанному мною за нѣсколько еще мѣсяцевъ прежде жительства моего въ сосѣдствѣ съ симъ адъюнктомъ экзамена по нравственно-политическому отдѣленію, дабы тѣмъ самымъ помрачить честь моего имени. Долгомъ однакоже нахожу упомянуть здѣсь, что хотя и имѣлъ я честь быть по временамъ взаимно посѣщаемъ какъ нѣкоторыми здѣшними и пріѣзжими купцами, такъ и нѣкоторыми членами сего университета, таковыя посѣщенія однакоже не могутъ дать повода къ нелѣпому касательно меня подозрѣнію, а кто, не взирая ни на что, мнитъ себѣ имѣть побудительную причину къ противному сей истинѣ предразсудку, того прошу сдѣлать неупустительно правленію Императорскаго Харьковскаго университета ясный, справедливый и обстоятельный доносъ, котораго я съ своей стороны не упущу совершенно и явно опровергнуть. Что же касается до великодушнаго его Болгаревскаго благорасположенія заплатить за когда-то имъ у меня выпитое и съѣденное, таковаго предложенія по истинѣ не имѣю себѣ иначе истолковать, какъ что адъюнктъ сей или вовсе не вѣдаетъ обычаевъ и нравовъ россіянъ, съ которыми никакъ несообразно принимать плату за свою хлѣбъ-соль, я же съ своей стороны никогда не могъ и не хотѣлъ желать или надѣяться себѣ отъ адъюнкта Болгаревскаго какой-либо благодарности или взаимности, или счелъ это у меня адъюнктъ сей не пристойнымъ образомъ за вывѣску, по которой незажиточные люди находятъ домà мелочной продажи съѣстныхъ припасовъ и горячихъ напитковъ, каковая производится въ Россіи, какъ-то довольно адъюнкту Болгаревскому извѣстно, лишь въ трактирахъ и кабакахъ, и я долженъ бы былъ отнести къ мудреному обстоятельству таковую ошибку въ его разсчетѣ, если бы повѣрить словамъ его, что онъ подлинно думалъ за столомъ моимъ вмѣстѣ съ какими-то членами университета найти себѣ пищу и питье за деньги. И какъ все дѣло происходило со стороны моей на чести и совѣсти и я по сей самой причинѣ ничего большаго противу денежнаго показанія адъюнкта Болгаревскаго въ свидѣтельство и доказательство представить

честь отобѣдать для того только, чтобы другіе въ томъ городѣ вѣдали, что онъ и въ столицѣ имѣетъ знакомыхъ сколько-нибудь значительныхъ; но при томъ имѣлъ еще другое въ виду—именно то, чтобы я его здѣсь рекомендовалъ тѣмъ нѣмецкимъ купцамъ, у коихъ онъ беретъ товары на кредитъ и въ нужномъ случаѣ поручился бы за него, какъ то онъ меня

не имѣю, остаюсь въ разсужденіи денежной моей на него притензіи доволенъ собственнымъ его Болгаревскаго въ своемъ объясненіи сознаніемъ и прошу покорнѣйше правленіе Императорскаго Харьковскаго университета побудить его Болгаревскаго подтвердить вторичнымъ, добросовѣстнымъ со стороны его признаніемъ, что таковое его показаніе односторонняго своего расчисленія забранныхъ имъ отъ меня денегъ соотвѣтственно и сообразно его совѣсти и чести. Но поелику несправедливость оныхъ письменныхъ его на меня показаній имѣетъ цѣлію своею не одно лишь денежное разногласіе, но, что для меня значительнѣе, безчестное его оклеветаніе и злословіе моего имени, то и прошу покорнѣйше правленіе Императорскаго Харьковскаго университета свое благоразсмотрѣніе о семъ предметѣ учинить и меня удовлетворить по узаконеніямъ. Представляя здѣсь всѣ эти обстоятельства изъ поведенія адъюнкта Болгаревскаго правленію Императорскаго Харьковскаго университета для разсмотрѣнія, я прошу оное покорнѣйше принять во уваженіе всю важность таковыхъ его излишествъ и самовольствъ относительно спокойствія частнаго и общаго. Впрочемъ, конечно, не прилично бы было говорить мнѣ особенно о томъ, что истинный долгъ каждаго члена знаменитаго сего учрежденія, наипаче же господина ректора онаго, состоитъ не только не въ томъ, чтобы неограниченнымъ и безразборнымъ покровительствомъ своихъ сочленовъ, равно винныхъ и недостойныхъ, какъ невинныхъ и достойныхъ, даже вопреки всякой справедливости защищать мнимую въ томъ честь самого университета, а въ томъ, чтобы безпристрастнымъ преслѣдованіемъ коварства и пороковъ и неограниченнымъ ободреніемъ доброты и совершенствъ, доказать каждому пользу истиннаго просвѣщенія и образованія, ради распространенія каковой лишь учреждены университеты—сіи вѣчныя памятники благодѣянія великодушнѣйшаго изъ государей и благополучія всеподданѣйшаго изъ народовъ; но поелику господинъ ректоръ сего университета Аѳанасій Ивановичъ Стойковичъ, 28 числа прошедшаго марта, подъ предлогомъ якобы дружелюбнаго меня съ адъюнктомъ Болгаревскимъ примиренія явилъ изъясненіемъ мнѣ своихъ угрозъ не только нѣчто, совершенно противное оному выдаваемому имъ намѣренію, но даже и явное противу меня пристрастіе, то увѣренъ я, что никто изъ достопочтеннѣйшихъ членовъ сего полезнѣйшаго учрежденія не приметъ себѣ въ оскорбленіе, что я прошу здѣсь покорнѣйше правленіе Императорскаго Харьковскаго университета, по причинѣ того противу меня пристрастія, господина ректора Аѳанасія Ивановича Стойковича впредь по моему дѣлу отъ присутствія уклонить". Нѣсколько времени спустя онъ подалъ еще дополнительное объясненіе, касавшееся ректора Стойковича. „Господинъ бывшій ректоръ Стойковичъ, призвавъ меня къ себѣ 28 марта подъ предлогомъ примиренія меня съ адъюнктомъ Болгаревскимъ и переждавъ, пока удалился находившійся у него тогда г-нъ ординарный профессоръ Срезневскій, при адъюнктѣ Павловичѣ, родномъ племянникѣ своемъ корнетѣ и кавалерѣ Стойковичѣ и адъюнктѣ Болгаревскомъ, между прочимъ нѣсколько разъ угрожалъ

послѣ обѣда о семъ самомъ и просилъ найуниженнѣйшимъ и самымъ ухищреннымъ образомъ. Подлинно, въ Харьковѣ, семъ новомъ вертоградѣ наукъ, недавно насажденныхъ, многіе ученые болѣе помышляютъ о торговлѣ и скоромъ себя обогащеніи, нежели о вящшемъ преуспѣяніи въ наукахъ и знаніяхъ по своей части; такъ то сокровища земныя для

мнѣ, что онъ ректоръ докажетъ мнѣ къ моему сожалѣнію и вреду, что между искомымъ мною достоинствомъ доктора и адъюнкствомъ Болгаревскаго имѣется чрезъ него ректора весьма тѣсная связь. Почему тогда-же отнесся я съ просьбою моею къ находившимся при томъ прислушать рѣчь сію г. Стойковича и разсудить безпристрастно, сообразны-ли настоящіе поступки его съ выдаваемымъ имъ намѣреніемъ якобы примирить насъ? Но г. Стойковичъ и еще повторилъ мнѣ тѣ-же слова съ грознымъ видомъ. Но какъ ни племянникъ его корнетъ и кавалеръ Стойковичъ, ни адъюнктъ Болгаревскій по законнымъ причинамъ въ семъ дѣлѣ безпристрастными и законными свидѣтелями быть не могутъ, адъюнктъ-же Павловичъ бывшимъ ректоромъ Стойковичемъ всегда былъ облагодѣтельствованъ, то, не имѣя никого другого при томъ кромѣ сихъ показанныхъ мною свидѣтелей, относительно сего послѣдняго предоставляю на благоусмотрѣніе самого правленія Императорскаго Харьковскаго университета, можетъ ли онъ быть въ семъ случаѣ законнымъ свидѣтелемъ. Г. бывшій ректоръ Стойковичъ кромѣ тѣсной между ними связи обѣщалъ адъюнкту Болгаревскому въ то же почти время ссудить его въ нуждѣ деньгами. Въ свидѣтельство чего хотя могъ бы я привести здѣсь члена сего-же университета, имѣющаго достаточное на то доказательство, но изъ уваженія къ его особѣ не почитаю нужнымъ выставлять здѣсь его имени; если-же правленію Императорскаго Харьковскаго университета благоугодно будетъ объ имени сего университетскаго члена узнать, то по требованію правленія могу объявить имя его изустно и онъ не откажется подтвердить истину сего моего показанія. По случаю желанія моего представить въ совѣтъ сего университета покорнѣйшее мое прошеніе, писанное 21-го числа мая о выдачѣ мнѣ съ одной бумаги копіи, бывшій ректоръ Стойковичъ въ присутствіи членовъ совѣта не допустилъ меня къ тому въ двукратное засѣданіе совѣта, пока наконецъ увидѣлъ я себя принужденнымъ положить сіе мое прошеніе въ присутственной камерѣ совѣта предъ зерцаломъ, объявивъ при томъ, что буду жаловаться о томъ высшему начальству. Причемъ дѣлалъ онъ въ присутствіи членовъ совѣта непристойныя замѣчанія на счетъ моего вида. Самое усиліе г. бывшаго ректора Стойковича присутствовать по сему моему дѣлу можетъ также служить правленію достаточнымъ доказательствомъ не безпристрастнаго его противу меня расположенія". Болгаревскій не остался въ долгу и съ своей стороны представилъ возраженіе, преисполненное колкими, но не идущими къ дѣлу замѣчаніями о Хлапонинѣ и потому не принятое правленіемъ. Онъ долженъ былъ смягчить его относительно рѣзкихъ выраженій, и мы представляемъ его текстъ въ этой новой уже редакціи. „Прочитавъ нескладное неудобопонятное объясненіе Хлапонина, я не могъ изъ онаго вывесть правильнѣйшаго логическаго доказательства, какъ нижеслѣдующее. Поелику я въ денежной моей претензіи на адъюнкта Болгаревскаго никакихъ другихъ доказательствъ не имѣю, то и удовольствуюсь тѣми, какія представилъ въ томъ самъ адъюнктъ Болгаревскій; съ моей стороны я также симъ доволенъ. Но

смертныхъ привлекательны, что пренебрегаютъ усовершенствованіемъ найдрагоцѣннѣйшей части сугубаго нашего состава — души разумной. Витковскій признавался, что теперь отъ торговли своей несравненно болѣе имѣетъ прибыли, нежели прежде отъ преподаванія уроковъ музыки. На вопросъ мой: какъ можетъ онъ производить въ городѣ продажу това-

---

я весьма не доволенъ, 1-е, тѣмъ, что Хлапонинъ на краткое мое показаніе пишетъ весьма длинное неудобовразумительное объясненіе, которое ничего не доказываетъ, кромѣ недостатка здравой логики и незнанія отечественнаго языка. Что онъ въ своемъ объясненіи примѣтно издѣвается надъ бѣдностію, некстати упомянувъ о родственницѣ моей несчастной вдовѣ и сиротахъ, съ которыми я раздѣляю заслуженный кусокъ хлѣба. Это одно ясно доказываетъ худое его воспитаніе и неблагородство души. Видно также, что сей Хлапонинъ какъ въ сей бумагѣ, такъ и въ другихъ силится опорочить мою нравственность. Я понять не могу, для чего университетское правленіе, принявъ отъ Хлапонина такую для меня обидную, унизительную, грубыми словами и выраженіями наполненную бумагу, не хотѣло принять моего объясненія съ нѣкоторыми не ругательными, а колкими и справедливыми словами. Между тѣмъ оно требуетъ моего отзыва на прописанныя Хлапонинымъ обстоятельства. Сіи обстоятельства, вѣроятно, касаются моей нравственности. Но я не думаю, чтобы кто-либо здравомыслящій могъ повѣрить человѣку низкаго состоянія, не благородно воспитанному, не имѣющему ни отъ какого, гдѣ воспитываются благородные юноши, мѣста надлежащаго свидѣтельства ни о знаніяхъ своихъ, ни о поведеніи,—и еще клевещущему на университетскаго адъюнкта, который представилъ своему начальству не только отъ россійскихъ, но и отъ иностранныхъ университетовъ аттестаты объ успѣхахъ какъ въ наукахъ, такъ и въ нравственности во все время десятилѣтняго образоваеія своего, также рекомендованъ и опредѣленъ въ сей университетъ непосредственно самимъ министромъ народнаго просвѣщенія и исправляетъ должность свою, какъ прилично его званію. Сдѣлавъ такое сравненіе, я излишнимъ почитаю опровергать такой вздоръ, какой представилъ въ бумагѣ своей Хлапонинъ, а если правленіе склонно вѣрить тому, да благоволитъ требовать отъ него самого основательныхъ на то доказательствъ и судить меня по законамъ. Но прошу также правленіе немедлить и сообщить мнѣ точное свѣдѣніе, кто таковъ есть сей Хлапонинъ, купецъ или мѣщанинъ, чтобы я могъ гдѣ слѣдуетъ искать удовлетворенія за буйственное его во время пребыванія на моей квартирѣ поведеніе, гдѣ онъ обнажилъ саблю и хотѣлъ зарубить меня. А между тѣмъ прошу сообщить объ этомъ университетскому совѣту, чтобы онъ остановилъ начатый Хлапонинымъ экзаменъ на докторское званіе, до рѣшенія сего уголовнаго дѣла“. Правленіе выслушавъ этотъ такъ сказать взаимный обмѣнъ любезностей между адъюнктомъ Болгаревскимъ и и докторантомъ философіи Хлапонинымъ, сдѣлало слѣдующее постановленіе. „Такъ какъ и Хлапонинъ вмѣсто требованныхъ отъ него въ справедливости иска его и жалобы доказательствъ, и адъюнктъ Болгаревскій вмѣсто опроверженія подали бумаги, наполненныя колкими словами и къ дѣлу не принадлежащими выраженіями, изъясняющими только непримиримую ихъ между собою вражду и злобу, каковыя бумаги указомъ 1764 года сентября 13-го велѣно съ надписью возвращать, какъ сіе съ адъюнктомъ Болгаревскимъ и сдѣлано было, Хлапонину-же

ровъ, не записавшись въ купечество, отвѣчалъ, что хотя за нѣсколько времени предъ симъ и были ко мнѣ придѣпки со стороны купцовъ—полицію же я съ самаго начала ублажилъ,—но какъ я имъ далъ хорошій сытный столъ, то они и оставили меня въ покоѣ, при томъ я продаю у себя дома вещи, какъ мои собственныя и какъ для меня излишнія и ненужныя, а не на гостинномъ дворѣ; однако во избѣжаніе всякихъ дальнихъ хлопотъ думаю записаться современемъ въ какую-нибудь гильдію, смотря по обстоятельствамъ и торговымъ моимъ выгодамъ“ [1]).

Этимъ мы и заканчиваемъ свое обозрѣніе нравовъ и частной жизни профессоровъ. Конечно, нашъ очеркъ покажется неполнымъ, если смотрѣть на него, какъ на сборникъ біографій; но такой цѣли онъ не преслѣдовалъ и даже не могъ ставить себѣ;—эту задачу должны взять на себя составители „Біографическаго словаря“ профессоровъ Харьковскаго университета—я же старался сообщить данныя, достаточныя для общаго представленія о характерѣ быта и жизни тогдашней профессорской среды и тутъ уже я не пропускалъ ничего, что можно было найти въ печатныхъ и архивныхъ матеріалахъ. Представленные мною факты рисуютъ индивидуальныя черты отдѣльныхъ лицъ, но многія изъ нихъ настолько типичны, что могутъ быть обобщены и въ совокупности своей даютъ намъ наглядное представленіе объ эпохѣ, и изъ нихъ въ достаточной степени ярко выступаетъ передъ нами образъ тогдашняго профессора; не говоримъ уже о томъ, что полная галлерея изображенныхъ нами дѣятелей сама по себѣ внѣ обобщеній даетъ живой матеріалъ объ этихъ лицахъ и о тогдашнемъ бытѣ. Возьмемъ, напримѣръ, описаніе смерти Умляуфа; смерть его свершилась при исключительныхъ обстоятельствахъ, вызванныхъ характеромъ этого профессора; но многія подробности въ этомъ описаніи (расходы на похороны, рѣчь, перечень имущества, оставленнаго покойнымъ) на столько общи и

партикулярно два раза возвращаемы были бумаги съ тѣмъ, чтобы онъ воздержался писать лишнее, но сіе не сдѣлало на нихъ никакого вліянія и они вторично въ поданныхъ ими бумагахъ изъяснялись свойственными имъ колкими и къ дѣлу непринадлежащими выраженіями; то положили—какъ ни адъюнктъ Болгаревскій, ни мѣщанинъ Хлапонинъ не представили никакихъ ясныхъ доказательствъ справедливости обоюдныхъ ихъ жалобъ и изъяснили только въ подаваемыхъ ими бумагахъ колкими и къ дѣлу не относящимися выраженіями ихъ вражду, при томъ въ теченіи немалаго времени ни тотъ, ни другой не имѣютъ по сему дѣлу хожденія, то и прекратить дальнѣйшее по этому дѣлу производство“. (Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1813 г., № $^{788}/_{39}$).

[1]) Путешествіе Цебрикова изъ Петербурга въ Харьковъ въ 1813—1814 гг. (Рукопись Имп. Публ. библ.).

типичны, что по нимъ можно судить объ остальныхъ подобныхъ случаяхъ. То же самое, кажется, нужно сказать и о другихъ эпизодахъ, рисующихъ намъ различныя стороны тогдашняго быта (напримѣръ, семейную жизнь).

Теперь мы переходимъ къ характеристикѣ частной жизни и нравовъ студенчества. Студенты, какъ мы знаемъ, въ то время дѣлились на 2 группы—казеннокоштныхъ и своекоштныхъ. О матеріальной обстановкѣ казеннокоштныхъ студентовъ мы говорили выше; поведеніе же ихъ и отношеніе къ начальству опредѣлялось особыми правилами. Роммель говоритъ, что „студенты, къ которымъ причислялись и дворяне изъ окрестностей, уже немолодые и поступившіе съ тѣмъ, чтобы выдержать особенный экзаменъ для повышенія въ чинахъ (въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣчь идетъ о чиновникахъ, слушавшихъ университетскіе курсы), были подчинены нелѣпой, почти военной дисциплинѣ, особенно такъ называемые казеннокоштные студенты, состоявшіе подъ надзоромъ профессора изъ русскихъ“. Такъ говоритъ очевидецъ профессоръ; но его опровергаетъ современникъ—студентъ.

„Казеннокоштные студенты моего времени, читаемъ мы у Розальонъ-Сошальскаго, не были подчинены не только военной дисциплинѣ—терминъ впрочемъ довольно неопредѣленный — но не терпѣли никакихъ стѣсненій, и я, имѣвъ между ними не мало близкихъ товарищей, никогда не слышалъ ни малѣйшей жалобы въ этомъ отношеніи, а нерѣдко по вечерамъ мы гуляли вмѣстѣ по городу, гдѣ только хотѣли. Имѣю право прибавить, что вообще студенты того времени вели себя съ достоинствомъ, почему и не требовался для нихъ надзоръ, какъ за дѣтьми“ [1]). Спрашивается, какъ согласить это видимое противорѣчіе? Кто правъ—Роммель или Розальонъ-Сошальскій?

Для рѣшенія этого вопроса необходимо было бы имѣть подлинный текстъ правилъ, регулировавшихъ положеніе студентовъ въ дисциплинарномъ отношеніи. Такихъ правилъ было четыре печатныхъ редакціи (двѣ изъ нихъ мы отмѣтили на 730 стр.): одна была составлена Гамперле въ 1806 г., другая неизвѣстнымъ въ 1807 г., третья—Якобомъ въ 1809 г., четвертая Стойковичемъ въ 1812 г.; но, не смотря на всѣ старанія, мы не могли отыскать ихъ ни въ одномъ изъ нашихъ книгохранилищъ (ихъ не оказалось ни въ библіотекѣ Харьковскаго университета, ни въ Император. Публичной, ни въ Академической). Однако въ архивѣ намъ удалось найти, въ видѣ рукописи, утвержденныя совѣтомъ правила на французскомъ и русскомъ языкѣ 2-й редакціи—1807 г., состав-

[1]) Харьк. Губ. Вѣд. 1869 г., № 44-й.

ленныя, какъ оказывается, проф. и инспекторомъ студентовъ Беленъ де-Баллю. Вотъ ихъ русскій текстъ [1]).

Онъ состоитъ изъ 2-хъ частей: въ первой говорится о власти ректора и инспектора, во второй объ обязанностяхъ студентовъ. 1) Казенно-

---

[1]) А вотъ оригиналъ. „*Projet de reglement pour la maison des étudiants de la Couronne.* Dispositions générales. Art. 1. Les etudiants de la couronne sont sous l'inspection générale du recteur, comme chef de l'université et sous l'inspection particulière de l'inspecteur, qui leur est proposé. Art. 2. Le recteur donne directement tous les ordres, qu'il croit nécessaire pour le bien de l'administration et en informe l'inspecteur et par l'intermediare de l'inspecteur pour tout ce qui concerne la bonne tenue physique et morale des eleves. Art. 3. L'inspecteur doit veiller à la bonne conduite des eleves, à l'emploi utile de leur temps, à leur santé, à la propreté et à la salubrité des lieux qu'ils habitent et surveiller la police interieure: et s'il observe quelque faute ou quelque negligence, il tâche de les corriger; si le cas est urgent, il prend les mesures convenables, dont il rend compte au recteur le plutot possible. Art. 4. Chaque mois l'inspecteur rend compte par ecrit au recteur de l'etat des etudiants et de leur demeure et des observations qu'il a faites sur le caractere et la conduite des eleves et pour cet effet il tient le livre ordonné par l'art. 118 du reglement de l'université. Art. 5. La maison sera fermée exactement, il y aura un portier et la porte sera fermée tous les jours à dix heures du soir en été et à neuf heures en hiver; à cette heure l'inspecteur s'assurera si tous les etudiants sont à la maison et si quelques uns d'eux sont absents à son inseu il s'informera des raisons de leur absence et en fera part au recteur. *Des eleves.* Art. 6. Les eleves de la couronne se leveront à 5 du matin dans l'eté et à 6 dans l'hiver. Ils se coucheront ou seront rentrés dans leur chambre à 10 en eté et a 9 en hiver. La cloche annoncera ces heures ainsi que les differents exercices et les heures des classes. Art. 7. Le diner sera servi à midi $^1/_4$ et le souper à $7^1/_2$. Art. 8. Nul eleve ne pourra sortir de la maison (si ce n'est pour aller aux classes de l'université), qu'il n'ait obtenu la permission de l'inspecteur ou en son abscense du sous inspecteur; s'il veut s'absenter pendant les classes, il ne pourra le faire sans la permission du recteur et, après l'avoir obtenu, il la communiquera à l'ispecteur. Art. 9. Si quelqu'eleve a besoin de s'absenter pendant quelques jours pour cause legitime, pour aller czez ses parents passer les fêtes ou les vacances, il en doit obtenir la permission du directoire par l'entremise de l'inspecteur ou celle du recteur, si ce sous les jours où il nya point de seánce, mais le recteur en informe le directoire dans la premiere seance. Art. 10. Si un eleve a quelque demande à faire ou quelque plainte a porter, il s'adressera d'abord à l'inspecteur, qui prononcera sur cette demande ou sur cette plainte, si l'objet est leger et de sa compétence, et s'il est grave, l'inspecteur en referera au recteur. Art. 11. Nul eleve ne pourra quitter une classe ni enchanger, ni passer d'une faculté dans une autre sans en avoir demandé la permission au senat de l'université par le recteur qui lui transmettra la reponse. Art. 12. Il est du devoir des etudiants d'assister à l'office divin les dimanches et fêtes. Art. 13. Dans le cas où un eleve tombera malade, l'inspecteur doit en prevenir sans delai le medicin de la maison. Art. 14. Tous les 6 mois quatre eleves seront désignés par l'inspecteur et confirmés par le recteur en qualité de surveillants de leur colonne (tant que l'uni-

коштные студенты состоятъ подъ главнымъ вѣдѣніемъ ректора, какъ начальника университета, и особеннымъ наблюденіемъ опредѣленнаго къ нимъ инспектора; 2) ректоръ даетъ прямо отъ себя всѣ приказанія, которыя считаетъ нужными для благоустройства института и увѣдомляетъ о томъ инспектора; приказанія же, относящіяся къ доброму содержанію— физическому и нравственному — всѣхъ воспитанниковъ отдаетъ черезъ инспектора; 3) инспекторъ долженъ заботиться о хорошемъ поведеніи воспитанниковъ и полезномъ употребленіи ихъ времени, о ихъ здоровьѣ, чистотѣ и безвредности занимаемыхъ имъ помѣщеній и наблюдать за внутреннимъ благочиніемъ; и если замѣтитъ какой-либо недостатокъ или нерадѣніе, то старается ихъ исправить; а если случай очень важенъ, то принимаетъ соотвѣтственныя мѣры, о которыхъ доноситъ въ возможно скоромъ времени ректору; 4) каждый мѣсяцъ инспекторъ доноситъ ректору письменно о состояніи студентовъ и ихъ жилища и о наблюденіяхъ, сдѣланныхъ имъ относильно ихъ нравовъ и поведенія, для чего имѣетъ у себя книгу, предписанную 118 § университетскаго устава; 5) у воротъ института имѣетъ быть приставленъ привратникъ и онѣ съ вечера должны быть запираемы, лѣтомъ въ 10 ч., зимою же въ 9 час.; въ этомъ часу инспекторъ осматриваетъ, всѣ ли студенты находятся дома, и если нѣкоторые изъ нихъ безъ вѣдома его отлучились, то онъ освѣдомляется о причинахъ ихъ отлучки и доноситъ о томъ ректору; 6) казеннокоштные воспитанники должны вставать по утрамъ лѣтомъ въ 5 час., а зимою въ 6 час., ложиться же спать или находиться въ своихъ комнатахъ лѣтомъ въ 10 час., а зимою въ 9 ч. веч., часы эти, равно какъ и время классовъ, будетъ возвѣщать колоколъ; 7) обѣдъ будетъ подаваться въ четверть перваго часа по полудни, а ужинъ въ $7^1/_2$ час.; 8) ни одинъ воспитанникъ не можетъ отлучиться изъ дому (исключая тотъ случай когда идетъ на университетскія лекціи), не получивъ напередъ позволенія на это отъ инспектора или въ отсутствіе его у помощника; если кому понадобится отлучиться во вре-

---

versité n'aura point de maitres ez arts, ni de candidats). Leur fonction se bornera à observer, s'il se passe quelque chose contre le bon ordre et l'execution du reglement et d'en prevenir sans delai l'inspecteur ou en son absence le recteur. Art. 15. Les eleves externes ne pourront frequenter la maison des etudiants à d'autres heures que celles des classes sans en obtenir la permission de l'inspecteur ou du recteur. Art. 16. Le jeu de cartes et toute espece de jeu de hasard sont severement deffendus aux etudiants; ils ne pourront s'occuper à la musique qu'aux heures destinées à cet art et pendant les recreations. Art. 17. Le directoire aura toujours le droit de changer quelque uns de ces articles et d'en ajouter d'autres, s'il le croit necessaire". (Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1807 г. № 61, стр. 70—72).

мя лекцій, то на это долженъ испросить позволеніе у ректора и по полученіи его увѣдомить объ этомъ инспектора; 9) если кому изъ воспитанниковъ нужно будетъ уѣхать на нѣсколько дней, напримѣръ, для посѣщенія родственниковъ своихъ во время праздниковъ или вакацій, или по другой какой либо законной причинѣ, то онъ обязанъ черезъ инспектора получить на то позволеніе у правленія; если же правленіе въ тотъ день не имѣетъ засѣданія, то отпускъ даетъ ректоръ, который увѣдомляетъ объ этомъ правленіе въ первое же засѣданіе; 10) если воспитанникъ хочетъ обратиться съ какою либо просьбой или жалобой, то объявляетъ ее инспектору, который самъ рѣшаетъ дѣло, если оно въ его компетенціи, въ болѣе же важныхъ случаяхъ представляетъ объ этомъ ректору; 11) ни одинъ воспитанникъ не можетъ оставить класса или перемѣнить его, или перейти съ одного факультета на другой, не испросивъ напередъ разрѣшенія у совѣта черезъ ректора, который и сообщаетъ ему его постановленіе; 12) Студенты обязаны присутствовать по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ на богослуженіи; 13) если кто изъ воспитанниковъ заболѣетъ, то инспекторъ немедленно обязанъ увѣдомить объ этомъ опредѣленнаго къ этой должности доктора; 14) пока университетъ не будетъ имѣть магистровъ и кандидатовъ, на каждое полугодіе будутъ назначаемы инспекторомъ и утверждаемы ректоромъ четыре студента для ближайшаго надзора за указаннымъ каждому изъ нихъ отдѣленіемъ студентовъ; на ихъ обязанности будетъ наблюденіе за порядкомъ и исполненіемъ статей этихъ правилъ, а если они замѣтятъ что либо противное постановленію, то должны будутъ немедленно увѣдомить объ этомъ инспектора или въ его отсутствіе ректора; 15) своекоштные студенты могутъ посѣщать жилище казеннокоштныхъ только во время лекцій, исключая тѣхъ случаевъ, когда получатъ на это особенное разрѣшеніе инспектора или ректора; 16) картежная игра и всякія другія азартныя игры студентамъ строжайше воспрещаются; музыкою они могутъ заниматься только въ тѣ часы, въ которые бываетъ музыкальный классъ и во время рекреаціи; 17) правленію предоставляется право нѣкоторыя изъ этихъ статей этого положенія перемѣнить и прибавить къ нему еще другія, если сочтетъ это нужнымъ [1]. Дѣлая общее заключеніе объ этихъ правилахъ, мы можемъ сказать, что у тогдашнихъ казеннокоштныхъ студентовъ дѣйствительно существовала если не военная, то все таки довольно строгая дисциплина, совершенно напоминающая гимназическую. Правда многое здѣсь вызывалось необходимостью, но было

[1] Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1807 г., январь — апрѣль; засѣданіе 13-го февраля.

кое что и такое, что являлось излишнимъ стѣсненіемъ для молодыхъ людей, расчитывавшихъ найти въ университетѣ для себя больше свободы и меньше опеки, тѣмъ болѣе, что товарищи ихъ — своекоштные студенты—находились по сравненію съ ними въ какомъ то особо привиллегированномъ состояніи, ибо надъ ихъ образомъ жизни, конечно, невозможно было устроить такого контроля, какой существовалъ въ корпусѣ казеннокоштныхъ. Впрочемъ, нужно предполагать, что дѣйствительность, какъ это всегда бываетъ, до нѣкоторой степени смягчала строгость регламентаціи. Мы видѣли, что университетское начальство предоставило самимъ студентамъ веденіе ихъ хозяйства и содержаніе столомъ и санкціонировало оффиціально существовавшее у нихъ выборное начало и вообще извѣстную степень внутренняго самоуправленія, бывшаго естественнымъ результатомъ ихъ корпоративнаго устройства. Мы знаемъ, что корпораціи казеннокоштныхъ студентовъ, въ основу которой положены были товарищеское довѣріе и контроль, удалось съ честью выйти изъ финансоваго кризиса, который переживало тогда все общество, и завоевать вмѣстѣ съ тѣмъ полное довѣріе къ себѣ со стороны университетской администраціи. Долгіе годы почти безсмѣннымъ ректоромъ былъ И. С. Рижскій—и мы знаемъ, какъ онъ любилъ молодежь, былъ деликатенъ съ нею и какъ молодежь уважала его. Очевидно, что при *такомъ* начальникѣ формализмъ и суровость студенческихъ правилъ должны были замѣтно смягчиться, ибо извѣстно, что въ дѣйствительной жизни имѣетъ значеніе не одинъ законъ, а и его исполнители, тутъ же эти исполнители были къ тому же и творцами закона. Характерно, что составителями студенческихъ правилъ были все иностранные профессора, незнакомые или по крайней мѣрѣ мало знакомые съ нравами русскаго учащагося юношества—при такихъ условіяхъ жизнь брала свое и нерѣдко модифицировала систему. Хозяйственное самоуправленіе у студентовъ было введено при Рижскомъ, но продолжало существовать, какъ мы видѣли, и при Стойковичѣ, и при Осиповскомъ. Инспекторами студентовъ были по уставу профессора университета, члены той коллегіи, которая создавала и самыя правила, регулировавшія студенческій бытъ. Эту должность въ теченіе перваго десятилѣтія занимали: Беленъ-де-Баллю, (1805—1807 гг.), Якобъ (1808—1809 гг.), Рейнишъ (1809 г.), Успенскій (1810—1811 г.), Каменскій (1812—1814 гг.). Мы знакомы уже съ характеромъ и нравственною физіономіей названныхъ лицъ и можемъ только здѣсь замѣтить, что это были выдающіеся профессора и люди, лучшіе университетскіе дѣятели. Беленъ-де-Баллю отличался своимъ веселымъ открытымъ характеромъ; совсѣмъ въ иномъ родѣ былъ Г. П. Успенскій; онъ былъ формалистъ и законникъ, но пользовался въ пер-

вое время своей дѣятельности авторитетомъ у студентовъ и поддерживалъ достоинство ихъ корпораціи во внѣшнихъ отношеніяхъ. „Успенскій былъ тогда, такъ сказать, присяжнымъ законникомъ (онъ читалъ и курсъ законовѣдѣнія, и былъ синдикомъ); на немъ лежала обязанность охранять легальную сторону университетской дѣятельности; къ нему обыкновенно обращались во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ“. „По отзыву Т. И. Селиванова, Г. П. Успенскій съ самаго поступленія своего въ университетъ выказалъ свои способности: дѣятельность, смѣтливость и знаніе практическаго судопроизводства, а потому по дѣламъ слѣдственнымъ, гдѣ дѣло касалось чести чиновниковъ, подвѣдомыхъ университету, онъ назначался депутатомъ, потомъ вскорѣ сдѣлали его инспекторомъ студентовъ, и онъ эти должности вполнѣ оправдалъ, защищая честь университета. Однажды одинъ офицеръ, проѣзжавшій чрезъ Харьковъ, жаловался ректору университета, А. И. Стойковичу, что будто одинъ изъ студентовъ университета чѣмъ-то его оскорбилъ, не зная впрочемъ ни имени, ни фамиліи студента, просилъ удовлетворенія, говоря, что когда будутъ собраны всѣ студенты университета, то онъ его узнаетъ. Ректоръ поручилъ инспектору студентовъ Успенскому розыскать и ему донести. Успенскій отвѣчалъ, что все будетъ исполнено послѣ окончанія лекцій. Но какъ въ то время слушали въ университетѣ лекціи приказно-служители, то Успенскій приказалъ собрать въ залу студентовъ и приказно-служителей и смѣшалъ ихъ вмѣстѣ, не отдѣляя чиновниковъ отъ студентовъ (въ то время студенты не имѣли форменнаго платья); потомъ вводитъ обиженнаго офицера въ залу и говоритъ ему: „покорно прошу васъ указать мнѣ, гдѣ гг. студенты и гдѣ гг. приказно-служители“. „Почему-жъ я могу знать, гдѣ тутъ студенты, и гдѣ чиновники, да и къ чему мнѣ это знать?“, сказалъ офицеръ. „Какъ къ чему знать?“ настоятельно сказалъ Успенскій; „вы рѣшительно говорите, что въ трактирѣ васъ обидѣлъ студентъ, а о имени и фамиліи не говорите; теперь же, пришедши въ собраніе студентовъ, говорите, что къ чему мнѣ знать, гдѣ студенты, и гдѣ приказно-служители, а потому на перваго изъ предстоящихъ рѣшитесь указать, что вотъ этотъ меня разругалъ и прибилъ,—чѣмъ же это разрѣшить? Позвольте же вамъ сказать, что никто изъ этихъ студентовъ и изъ этихъ чиновниковъ по трактирамъ не ходитъ,—это для нихъ унизительно и безчестно,—а вы, вѣроятно, имѣли дѣло съ какимъ нибудь портнымъ, или сапожникомъ, или съ какимъ-нибудь пьянюжкою“. „Ну, Богъ съ вами“, сказалъ офицеръ, „когда вы не принимаете моей просьбы“,—и хотѣлъ идти. Но Успенскій сказалъ: „нѣтъ, сударь, погодите, вѣдь вы оскорбили университетъ, положили пятно на такое заведеніе, которое пользуется публичнымъ уваженіемъ

и особеннымъ вниманіемъ высшаго начальства; теперь надобно намъ знать: кто вы, зачѣмъ вы въ Харьковѣ, чѣмъ здѣсь занимаетесь? Господинъ экзекуторъ, вамъ поручается развѣдать, что это за человѣкъ, и донести; это нужно для сношенія съ начальствомъ этого господина". Офицеръ видитъ, что онъ попался въ западню, ушелъ и поспѣшно скрылся... Успенскій и въ мелочахъ былъ оригиналенъ. Онъ, какъ инспекторъ, за правило положилъ часто по вечерамъ на своемъ пѣгакѣ пріѣзжать во дворъ студенческаго корпуса; экипажъ его останавливался на извѣстномъ мѣстѣ, а самъ онъ заходилъ иногда къ ректору, но болѣе къ студентамъ, дружески разговаривалъ съ ними и разузнавалъ нерѣдко самыя мелочи. Но какъ иногда погода и дѣла не позволяли ему пріѣхать, то онъ посылалъ своего кучера Брюховецкаго на пѣгакѣ; солдаты и студенты, увидѣвши экипажъ, даютъ знать и другимъ: тогда въ корпусѣ дѣлается тишина, и всѣ занимаются своимъ дѣломъ, предполагая, что инспекторъ къ кому нибудь изъ нихъ зайдетъ" [1]).

Посмотримъ теперь, какія болѣе важныя нарушенія существующихъ правилъ позволяли себѣ студенты того времени и какія мѣры противъ этого принимало университетское начальство. Матеріаломъ для насъ послужатъ журналы правленія, которое судило самые серьезные проступки студентовъ. Вотъ, напримѣръ, свѣдѣнія объ одномъ изъ наиболѣе неисправимыхъ казеннокоштныхъ студентовъ Башинскомъ. Въ 1809 г. ректоръ университета, И. С. Рижскій, сдѣлалъ въ правленіи заявленіе слѣдующаго содержанія. „Недавно принятый въ казеннокоштные студенты, Башинскій, нѣсколько времени тому назадъ былъ имъ замѣченъ въ пьянствѣ и хотя онъ, ректоръ, призывалъ его неоднократно и уговаривалъ, чтобы онъ отсталъ отъ этого порока, но всѣ его увѣщанія остались тщетны, такъ что онъ наконецъ, когда приставленъ былъ къ нему караулъ, ушелъ изъ университета и послѣ этого его нашли въ одномъ домѣ пьющимъ горячее вино, по сему онъ, ректоръ, не находя средствъ отвратить его, Башинскаго, отъ этой его страсти, предлагаетъ уволить его изъ университета. Правленіе постановило исключить его изъ числа студентовъ, дабы онъ своими поступками не могъ развратить другихъ студентовъ. Въ слѣдующее засѣданіе правленія Башинскій подалъ просьбу о принятіи его вновь въ университетъ и давалъ формальное обѣщаніе исправиться, говоря, что если онъ еще разъ будетъ замѣченъ въ пьянствѣ, то съ нимъ могутъ сдѣлать, что угодно. Правленіе вняло его прошенію и раскаянію—приняло въ университетъ, но съ такою оговоркою, что если онъ нарушитъ свое слово, то отъ него не будутъ

[1]) Журн. мин. нар. просв. 1872 г., февр., стр. 224—226.

приняты уже никакія обѣщанія и онъ будетъ исключенъ какъ человѣкъ, коего терпѣть невозможно. Но и на этотъ разъ онъ не отсталъ отъ своего порока и даже явился въ пьяномъ видѣ на лекцію самого ректора И. С. Рижскаго. Тѣмъ не менѣе правленіе въ виду искренняго раскаянія и теперь простило его и рѣшило оставить въ университетѣ. Прошло еще нѣкоторое время — и Башинскій снова преступилъ свои клятвы, сталъ пьянствовать и отлучаться на цѣлые дни изъ корпуса казеннокоштныхъ студентовъ. Это, наконецъ, переполнило мѣру терпѣнія правленія и оно исключило его изъ университета безъ всякаго свидѣтельства „дабы не подать повода къ неблагопріятнымъ мнѣніямъ о самомъ университетѣ и удалить изъ виду прочихъ студентовъ примѣръ разврата и худыхъ поступковъ„ [1]).

Приведенный случай весьма характеренъ. Онъ свидѣтельствуетъ о гуманномъ отношеніи университета къ его виновнымъ сынамъ. По истинѣ удивительное терпѣніе выказало тутъ правленіе; но сдѣлало это не вслѣдствіе слабости, а потому, что надѣялось на исправленіе юноши. Такую же сдержанность въ примѣненіи строжайшей мѣры взысканія—удаленія изъ университета—оно практиковало и въ другихъ случаяхъ. Студентъ изъ донцовъ Степанъ Греченовскій также оказывался неисправимымъ; ректоръ И. С. Рижскій заявилъ правленію, что онъ неоднократно былъ замѣченъ въ весьма худомъ поведеніи и послѣ многихъ безполезныхъ увѣщаній подвергаемъ наказанію; сверхъ того онъ не обнаружилъ ни малѣйшаго усердія въ занятіяхъ науками; а недавно сдѣлалъ такой поступокъ, который никоимъ образомъ не можетъ быть терпимъ въ университетѣ. Правленіе однако постановило не исключать Греченовскаго изъ университета въ виду его раскаянія и обѣщанія полнаго исправленія. Но вскорѣ онъ снова, не смотря на данное обѣщаніе, сталъ вести себя по прежнему (отлучаться безъ позволенія изъ комнатъ, небрежно относиться къ занятіямъ и т. п.)—и правленіе все таки снова въ виду его раскаянія оставило его въ университетѣ [2]). Кажется, что онъ въ концѣ концовъ исправился; по крайней мѣрѣ мы видимъ его въ спискѣ студентовъ въ 1811 г., когда онъ вмѣстѣ съ Кондратьевымъ издалъ извѣстный намъ сборникъ литературныхъ произведеній студентовъ—донцовъ (833—834 стр. настоящаго труда). Вообще правленіе придерживалось того справедливаго взгляда, что исключать студентовъ изъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1809 г. сентябрь—декабрь; засѣданіе 28 октября; 1 ноября; 15 ноября.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1809 г., сент.—декабрь; засѣданіе 15 ноября; 1810 г., янв.—апр.; засѣданіе 31 января.

университета нужно было только въ тѣхъ случаяхъ, когда испробованы будутъ всѣ средства для ихъ исправленія: когда же оно видѣло, что извѣстныя лица не въ состояніи почему либо окончить курса наукъ, то старалось не выбрасывать ихъ за бортъ, а дать подходящій къ средствамъ и силамъ исходъ ихъ энергіи и дѣятельности—устраивало ихъ учителями уѣздныхъ училищъ. Такъ оно поступило со студентомъ Сер. Никифоровымъ, замѣченнымъ въ слабыхъ успѣхахъ и дурномъ поведеніи: возвратило его на должность учителя уѣзднаго училища, которую онъ занималъ до поступленія въ университетъ [1]). Также какъ и съ Греченовскимъ, правленіе поступило съ другимъ донцомъ, Ив. Рубашкинымъ—простило его и оставило въ университетѣ, хотя онъ совершилъ тяжкій въ дисциплинарномъ отношеніи проступокъ—уѣхалъ безъ всякаго разрѣшенія изъ Харькова въ Зміевъ [2]). Однако эта мѣра успѣха не имѣла—Рубашкинъ продолжалъ пьянствовать и посѣщать трактиры и хотя его постоянно увѣщалъ ректоръ и даже подвергалъ наказанію (садилъ въ отдѣльную комнату на хлѣбъ и воду), но это не привело ни къ чему и онъ послѣдній разъ былъ привезенъ въ корпусъ въ безчувственномъ состояніи. Тогда правленіе рѣшило исключить его *по окончаніи экзаменовъ* изъ университета, выдать ему билетъ, нанять извозчика и отправить въ Черкаскъ въ войсковую канцелярію съ прописаніемъ причины его исключенія. Относительно другого донца—Кондратова, замѣченнаго также въ предосудительныхъ поступкахъ, но успѣвавшаго въ наукахъ, принята была обычная мѣра—его призвали въ правленіе, сдѣлали выговоръ и взяли формальное обязательство, что если онъ будетъ еще разъ замѣченъ въ чемъ либо, то его немедленно исключатъ изъ числа студентовъ [3]).

Интересенъ эпизодъ съ казеннокоштнымъ студентомъ Спасскимъ, подозрѣвавшимся въ нарушеніи правилъ нравственности. Его вмѣстѣ съ товарищемъ студентомъ Кучеровымъ захватила ночью полиція въ подозрительной квартирѣ мѣщанки Горемыкиной. Университетское начальство, узнавъ объ этомъ, потребовало отъ нихъ объясненія и они дали слѣдующее показаніе. 23 октября, объяснялъ первый, пошелъ я въ театръ и по дорогѣ встрѣтилъ харьковскаго купца Алексѣя Горемыкина, который пригласилъ меня послѣ театра на свою квартиру; я поѣхалъ къ нему съ женою его и товарищемъ Кучеровымъ: тамъ угостили насъ ужиномъ, послѣ котораго явился въ квартиру квартальный надзиратель съ командою и предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ въ полицію буд-

---

[1]) Ibidem, 1809 г. сент.—дек.; засѣданіе 15 ноября.

[2]) Ibidem, 1810 г. янв.—апр.: засѣданіе 31 января.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1810 г., май—августъ, засѣданіе 20 іюня.

то бы по какому то имѣющемуся на меня тамъ подозрѣнію; я немедленно отправился съ нимъ—тогда былъ 11-й часъ—и, проведя ночь въ полиціи, на утро былъ представленъ въ университетъ. Второй показалъ, что, выходя изъ театра, онъ увидѣлъ товарища своего Спасскаго, который попросилъ его отправиться съ нимъ къ его знакомому; онъ отговаривался, что ему нужно возвращаться въ институтъ, но долженъ былъ уступить его усиленной просьбѣ; послѣ ужина они посидѣли тамъ не болѣе ¼ часа—какъ вдругъ является квартальный и требуетъ въ полицію хозяйку и Спасскаго; а когда онъ спросилъ его—не замѣшанъ ли и онъ въ эту исторію, тотъ отвѣтилъ, что нѣтъ—и онъ вернулся домой.

Арестъ Спасскаго разъяснился впослѣдствіи и оказалось слѣдующее: на мѣщанку Горемыкину былъ поданъ въ полицію доносъ, обвинявшій ее въ распутной жизни. Проживавшая въ томъ же домѣ жена подпоручика Анна Замятинова прислала въ 10 часовъ ночи къ квартальному надзирателю Кирдановскому прислугу и просила его явиться къ ней немедленно по важному дѣлу; по приходѣ его, она заявила, что Горемыкина приводитъ къ себѣ постоянно для непотребныхъ цѣлей разныхъ людей, въ числѣ коихъ бываетъ и днемъ и ночью студентъ здѣшняго университета Кушинниковъ; къ этому самъ хозяинъ двора прапорщикъ Ничке присоединилъ, что одинъ изъ приходившихъ къ Горемыкиной господинъ, не будучи принятъ ею, потому что у нея въ это время были другіе подобные посѣтители, хотѣлъ поджечь его домъ и подбросилъ три трубки изъ бумаги и тонкаго камыша, наполненныя горючимъ веществомъ; служанка Нички крестьянка Ирина Брехункова заявила, что она видѣла, какъ Спасскій оставался неоднократно наединѣ, запершись съ Горемыкиной. Ассикритъ Спасскій совершенно отрицалъ возводимыя на него обвиненія въ частомъ посѣщеніи съ безнравственными цѣлями мѣщанки Горемыкиной, подтверждалъ свое первое показаніе, что познакомился впервые съ Горемыкинымъ въ театрѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ, разговорившись съ нимъ въ антрактахъ о пользѣ театральныхъ представленій и о московской сценѣ, за тѣмъ по просьбѣ его бывалъ у него днемъ, обучая его сына правописанію, иногда вечеромъ и никогда ночью, за исключеніемъ единственнаго раза—23 октября, когда его застала тамъ полиція; о зазорномъ поведеніи Горемыкиной онъ ничего не знаетъ и ходилъ онъ къ ней безъ всякихъ дурныхъ намѣреній, никогда не называлъ себя Кушинниковымъ и ничего не знаетъ о намѣреніи кого то изъ посѣтителей Горемыкиной поджечь домъ Нички. Кучеровъ съ своей стороны опровергалъ утвержденіе квартальнаго надзирателя о своемъ нежеланіи добровольно идти въ полицію. Дѣло о Горемыкиной разсматривалось въ магистратскомъ судѣ, который

признал прикосновенным к нему и Спасскаго, но, не имѣя компетенціи судить его, предоставил сдѣлать это университетскому начальству. Однако правленіе университета, очевидно, не считало Спасскаго особенно виновным и зачло ему первоначальное наказаніе—запрещеніе отлучаться на нѣкоторое время из корпуса [1]).

Из приведеннаго факта видно, что даже казеннокоштные студенты охотно посѣщали тогда театр. О Харьковском театрѣ у современника Роммеля осталось неблагопріятное впечатлѣніе. „К числу общественных увеселеній в Харьковѣ, говорит он, принадлежал также театр жалкій, вполнѣ провинціальный, в котором профессора сами меблировали свою ложу. Главным украшеніем его были цыгане и цыганки: с гитарой в руках, они то плавно изгибались под дикіе напѣвы, то, как буря, носились по сценѣ. Оркестр театра составлен был из крѣпостных предводителя дворянства. Раз как то они совершенно неожиданно взяты были своим господином—и театр разстроился. В партерѣ, подлѣ музыкантов, располагался предсѣдатель уголовной палаты, вооруженный палкою; вѣчно взволнованный и накаленный, он давал знать публикѣ о своем настроеніи души сильными ударами по перегородкѣ оркестра, задѣвая иногда палкою спины музыкантов“. Гр. Ѳед. Квитка написал, как современник, главным образом по собственным наблюденіям, исторію Харьковскаго театра в концѣ XVIII и нач. XIX в., одно время он даже сам был директором Харьковскаго театра. Статья его изобилует многими характерными подробностями. Из нея видно, что театр в Харьковѣ существовал с открытія намѣстничества, т. е. с 1780 года. Не касаясь первоначальной его судьбы, мы приведем данныя о нем, начиная с 1808 г. До того времени существовала в Харьковѣ театральная зала, которую однако сломали по случаю государственнаго траура, т. е. смерти Екатерины II, и представленія труппы Константинова прекратились. „В 1808 г. проѣзжающіе или вѣрнѣе проходящіе чрез город наш два актера с актрисою, ищущіе гдѣ-нибудь пріютить свои необыкновенные таланты и тѣм избавиться от голодной смерти, предложили свои услуги Харьковской публикѣ, единственно для пользы общей. Один из служивших у нас тогда чиновников, зная общее желаніе и соглашаясь на просьбу общества, взял на себя заботы дать возможность странствующим артистам показать сценическія свои да-

---

[1]) Харьк. унив. архив. Журн. правл. 1810 г. сент.—декаб.; засѣданіе 27 окт., 1811 г., январь—апрѣль, засѣданіе 3 февр., 15 февр., май—август; засѣданіе 3 іюля; ент.—декабрь; засѣданіе 9 ноября.

рованія. Пріискана зала; за невозможностію устроить вскорѣ сцену, поставлены столы; на нихъ укрѣпили ширмы въ видѣ кулисъ, прицѣпили занавѣсъ. Къ актерамъ ex officio прикомандировали любителей изъ приказныхъ служителей. Въ назначенный день съѣхался ареопагъ; занимающій мѣсто суфлера подлѣзъ подъ столъ и усѣлся или, правильнѣе, улегся тамъ; зажгли сальныя свѣчи, три скрипки проиграли Моцартовъ квартетъ, суфлеръ подъ главнымъ столомъ застучалъ ногою и занавѣсъ взвился!... Стихи въ комедіи „Братомъ проданная сестра" полились быстро, бурно, бойко, громко, шумно.... Четыре раза падающій занавѣсъ скрывалъ актеровъ отъ внимательныхъ слушателей и давалъ средство великимъ дѣйствователямъ, послѣ сильныхъ напряженій, отдыхать и запасаться новыми порывами на слѣдующее дѣйствіе... Когда же и пятое дѣйствіе „отодрали лихо", занавѣсъ тихо опустился въ послѣдній разъ, ареопагъ при громкихъ рукоплесканіяхъ произнесъ свое рѣшеніе: „быть театру въ Харьковѣ!" И въ самомъ дѣлѣ, вся публика вообще приступила съ убѣжденіями къ тому же чиновнику и умолила его позаботиться устроить для нихъ театръ.

По всей справедливости должно сказать, что этому чиновнику мы обязаны за новое основаніе у насъ театра, послужившее къ продолженію его и до настоящаго времени. Тогда, на первый случай, смастерили балаганъ, устроили подмостки, повѣсили декораціи и поспѣшили начать представленіе. А между тѣмъ на площади, противъ дворянскаго дома, выстроенъ театръ, да какой! Правда, изъ досокъ, но кромѣ того, что сцена была обширная, глубокая, въ залѣ было 17 ложъ въ верхнемъ лучшемъ ярусѣ и 15 внизу; нѣсколько рядовъ креселъ, партеръ, амфитеатръ и галлерея. Для большаго удобства были входы для каждаго отдѣленія зрителей. Декорація по тогдашнему времени и способамъ явилась приличная, выгодная и благовидная.

Всѣ ложи и много креселъ были немедленно абонированы и уже счетъ шелъ не на время, но на число представленій. Цѣны были немного дороже прежняго. „Севильскій цирюльникъ", большая комедія Коцебу и другія маленькія комедіи, всѣ русскія оперы тогдашняго времени безпрестанно смѣнялись на нашей сценѣ. Чада Таліи, скитающіяся по Россіи, услышавъ о новомъ для нихъ пристанищѣ, явились изумлять насъ своими дарованіями. Довольно было и того, что было мѣсто, гдѣ собиралось все, и всѣ съ удовольствіемъ проводили время.

Видя готовность публики поддерживать театръ, одинъ изъ актеровъ пустился на спекуляцію: взялъ все содержаніе театра на себя. Прекрасно. Кромѣ директора, по препорученію правительства, имѣвшаго обязанность наблюдать за пристойностію въ представленіяхъ, ненужно

было заниматься никакими экономическими расчетами вообще по театру и частно съ актерами. Дѣло шло хорошо. Публика продолжала усердно посѣщать каждое представленіе; доходы театра множились... Но вотъ, содержатель, незаплативъ актерамъ за нѣсколько мѣсяцевъ слѣдуемаго имъ жалованья и другихъ своихъ значительныхъ долговъ, скрылся изъ города, не объявивъ прежде о томъ, но незабывъ взять театральной кассы и начавшагося составляться гардероба... Сиротствующіе любимцы музъ готовы были разсѣяться, но Апполонъ сжалился надъ ними и пожелалъ продлить удовольствіе наше. Явилась новая труппа, и съ остатками нашей составилось цѣлое. Публика взяла снова все на свое попеченіе. Начались представленія... Но что-же? Главныя лица были не русскіе, худо говорившія по русски, съ чуднымъ акцентомъ, съ нестерпимымъ чванствомъ и самоувѣренностью. Нерусскіе актеры сдѣлались нестерпимы. Примадонна неявится раньше въ театръ, какъ 8 часовъ, когда начало объявлено въ 7. За всѣми позывами ея на сцену, даже посланному за нею квартальному, преравнодушно отвѣчаетъ: „нехъ почекаютъ; я еще чай бенде пиць". Актеры пренебрегали всякою негероическою ролью и выходили на сцену въ домашнемъ сюртукѣ. Ихъ отпустили.

Начали пробиваться кое-какъ піесами Коцебу и другими тогдашними. Однимъ изъ кандидатовъ университета сочинена была музыка на оперу „Чортовъ замокъ", и эта опера дана была во всей полности, къ изумленію зрителей, впервые увидѣвшихъ превращенія, быстрыя перемѣны декорацій и все, тому подобное. Но далѣе и далѣе, это было въ 1811 году, театръ все ослабѣвалъ. Наступало время думать не о театрѣ; въ началѣ 1812 года онъ прекратился совсѣмъ.

Въ 1813 году давались представленія, но только во время ярмарокъ, пріѣзжающею на время труппою Калиновскаго, плохого актера, содержателя себѣ на умѣ. Часто предъ началомъ представленій актеры, одѣвшись, нехотѣли выходить безъ полученія слѣдующаго за мѣсяцъ жалованья. Начальство вмѣшивалось и выходили забавныя сцены. Приготовлена была опера „Земира и Азоръ". Азоръ въ полномъ костюмѣ, обшитый мѣхомъ, перьями, съ чудовищной головою, требуетъ отъ содержателя жалованья; содержатель обѣщаетъ выдать послѣ спектакля, когда приметъ сборъ. Азоръ несоглашается; сверхъ своего уродливаго костюма накидываетъ шинель и идетъ на квартиру, ожидая, что деньги будутъ непремѣнно присланы ему. Приказываютъ силою привести Азора. Его ведутъ по неволѣ. Народъ толпою преслѣдуетъ его, крича, что дикаго человѣка поймали, и проч., и проч.

За сборомъ наблюдаетъ полицейскій чиновникъ. По окончаніи спектакля, онъ раздѣляетъ кассу между актерами, но неможетъ удовлетво-

рить всѣхъ претензій. Содержатель въ отчаяніи, ему не на что купить румянъ для актрисъ.

Наѣзды этой труппы съ героическими піесами причиняли начальству одни безпокойства, а публика кромѣ сценъ, подобныхъ описаннымъ выше, вовсе незаботилась о поддержаніи временныхъ бѣдныхъ героевъ, бѣдныхъ во всемъ и даже въ гардеробѣ".

Чиновникомъ, возродившимъ Харьковскій театръ, былъ Шредеръ; построенное имъ зданіе театра находилось на нынѣшней Николаевской площади въ скверѣ противъ дома дворянскаго собранія и просуществовало до 1816 года, когда антрепренеръ Штейнъ построилъ новый деревянный театръ на Нѣмецкой улицѣ, гдѣ теперь помѣщается дѣтскій пріютъ. Знаменитый Щепкинъ подтверждаетъ отзывъ Роммеля о зданіи Шредеровскаго театра; это былъ, по его словамъ, „бревенчатый балаганъ". Антрепренеръ съ актерами, говорившими плохо по русски, былъ Калиновскій; въ компанію съ нимъ вступилъ Штейнъ [1]). Кромѣ того намъ извѣстно, что студенты и сами устраивали любительскіе спектакли въ собственномъ помѣщеніи, куда приглашалась даже и посторонняя публика. Спектакли эти были разрѣшены имъ первоначально ректоромъ университета Т. И. Осиповскимъ (въ 1813 г.), а за тѣмъ это разрѣшеніе подтверждено въ 1814 г. и самимъ министромъ народнаго просвѣщенія граф. А. К. Разумовскимъ. Вотъ просьба о разрѣшеніи спектаклей ректора Осиповскаго. „Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! прошедшія Рождественскія святки казеннокоштные студенты университета просили позволенія представить въ столовой своей залѣ, для упражненія въ декламаціи, нѣкоторыя изъ театральныхъ сочиненій, и имъ отъ меня это, съ согласія инспектора ихъ, было позволено. Они представили тогда четыре піесы, къ коимъ приглашены были ими и нѣкоторые зрители изъ почетной здѣшней публики. Объ масляницѣ опять они просили о томъ же, и послѣдніе четыре дня представлены были ими такъ же четыре піесы, при многихъ почетныхъ зрителяхъ и зрительницахъ изъ здѣшней публики. Вѣроятно, что они просить будутъ о позволеніи сего въ будущую святую недѣлю, равно какъ и въ вакаціонное время; потому я долгомъ себѣ поставилъ донести объ этомъ Вашему Сіятельству и просить въ разрѣшеніе предписанія, позволять ли имъ эти представленія. Какъ казеннокоштные студенты назначаются для препода-

[1]) См. Г. Ѳ. Квитки „Исторія театра въ Харьковѣ". (Сочиненія Гр. Ѳед. Квитки. Изд. Харьк. уѣздн. зем., подъ ред. А. А. Потебни, т. III, стр. 509—513, и Матеріалы для исторіи Харьк. театра, Н. И. Черняева („Южный Край", 1898 г. № 5882, 5892). Эти матеріалы служатъ дополненіемъ къ прежнимъ весьма цѣннымъ статьямъ того же автора, содержащимъ исторію Харьковскаго театра.

ванія нѣкогда публичныхъ лекцій въ университетѣ и другихъ училищахъ, то, по моему мнѣнію, таковыя представленія могутъ для нихъ быть полезны, пріучая ихъ къ скорому и пристойному выраженію своихъ мыслей. При томъ они, занимаясь этимъ въ собственномъ своемъ жилищѣ, подъ присмотромъ ихъ инспектора, удалены будутъ отъ случаевъ къ какимъ либо предосудительнымъ занятіямъ въ городѣ. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и глубочайшею преданностію, имѣю честь быть, Сіятельнѣйшій графъ, Милостивый Государь! Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга Тимофей Осиповскій 14 февраля 1814, Харьковъ".

Въ отвѣтъ на это послѣдовало слѣдующее предписаніе министра. „Г. ректору Императорскаго Харьковскаго университета. Хотя не нахожу я причины отказывать казеннокоштнымъ студентамъ въ дозволеніи въ свободное время представлять нѣкоторыя театральныя піесы, нужнымъ однакожъ считаю предписать, дабы обращенъ былъ бдительнѣйшій надзоръ, чтобы въ такомъ случаѣ сохранена была всевозможная нравственность, какъ со стороны выбора піесъ, такъ и представленія ихъ и чтобы упражненіе это послужило только отдохновеніемъ для прилежныхъ студентовъ и никогда не отвлекало бы отъ ученія, а потому студентамъ, замѣченнымъ въ неприлежаніи и худомъ поведеніи, не дозволять заниматься представленіемъ піесъ. Марта 5-го 1814 года" [1]). Уже въ этихъ словахъ министра слышится какъ бы нѣкоторое несочувствіе къ студенческому театру, а вскорѣ оно приняло болѣе реальныя и осязательныя формы. Между тѣмъ студенты ставили вполнѣ приличныя и удачныя пьесы, которыя дѣйствительно могли имѣть облагораживающее вліяніе на ихъ литературные вкусы. Занимались студенты также музыкой и пѣніемъ и особенно увлекались своими родными малороссійскими пѣснями. Любопытно въ этомъ отношеніи свидѣтельство современника—пѣвчаго архіерейскаго хора Пѣхотинскаго. На университетскіе акты приглашался обыкновенно и этотъ хоръ, при чемъ задолго до празднества происходили репетиціи, которыя посѣщали и профессора, и казеннокоштные студенты. „Тутъ, говоритъ Пѣхотинскій, мнѣ было большое приволье видѣть все ученое сословіе, которое я зналъ и иногда удостоивался отъ членовъ его ласки и вниманія. Студенты же многіе меня полюбили и водили въ свои комнаты, подчивали яблоками, кренделями, заставляли пѣть малороссійскія пѣсни подъ акомпаниментъ гитары, которая начинала тогда входить въ употребленіе; иногда пѣлъ я подъ віолончель, но чаще съ пособіемъ одного прелюбезнаго студента, владѣвшаго голосомъ баритона. Онъ

---

[1]) Архивъ мин. нар. просв. дѣло 1814 г. № 6090/160.

пѣлъ безъ особенной манеры, но чрезвычайно бойко дѣлалъ гримасы малороссійскаго парубка, прибавляя, въ родѣ речитатива, прибаутки и прищелкивая каблуками; любезность его характера доставляла ему общую любовь. Онъ былъ душею студенческаго общества. Мнѣ нравилась студенческая жизнь того времени, я былъ очень доволенъ своимъ знакомствомъ съ молодыми людьми, казеннокоштными студентами, которые послѣ репетиціи уводили меня всегда въ свои комнаты, я съ любопытствомъ смотрѣлъ на географическія карты, развѣшанныя по стѣнамъ, на инструменты и чертежи, лежащіе на маленькихъ столикахъ; я съ простодушнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на кипы бумагъ, въ которыхъ хранились засушенныя растенія и считалъ себя поумнѣвшимъ на 100 процентовъ, узнавши, что эти кипы называются „гербаріумъ“. Еще болѣе восхищался коробочками и ящечками, залитыми воскомъ, въ которомъ торчали тысячи булавокъ съ расписными бабочками, жучками и насѣкомыми. Если мнѣ не нравилось что въ комнатахъ студентовъ, такъ это изсохшія человѣческія кости и головы. Я боялся ихъ, хотя и чувствовалъ, что тутъ въ особенности долженъ былъ бы излечиться отъ своей несчастной слабости—боязни мертвецовъ, видя, какъ ничтожны кости человѣческія, съ которыми живые люди такъ безбоязненно обращаются... Въ силу такой преглупой слабости я вовсе перестаѵъ бывать у медиковъ студентовъ. За то преимущественно интересовался быть въ комнатѣ студента К. естественныхъ наукъ. Тамъ я въ первый разъ увидѣлъ прекрасную книгу съ изображеніемъ звѣрей, птицъ и растеній и не имѣлъ возможности высказать свое удовольствіе, видѣвши, какъ мой знакомецъ рисовалъ листики, цвѣты и цѣлыя растенія. Съ тѣхъ поръ я полюбилъ рисованіе и началъ самъ заниматься, сколько доставало собственныхъ средствъ, которыя, разумѣется, были бѣдны: мѣлъ и дерево, гдѣ бы они ни попались были первыми изъ нихъ. Въ комнатѣ К. видѣлъ нѣсколько разъ студента Б(актина), сына губернатора. Онъ тогда держалъ экзаменъ на степень кандидата по естественнымъ наукамъ. Это былъ молодой человѣкъ съ прекрасною наружностью, извѣстный между студентами отличнымъ прилежаніемъ, мягкостью и любезностью характера. Онъ любилъ подшучивать надъ моимъ знакомымъ К. за то, что самъ не умѣлъ хорошо перекладывать растеній и скупился бумагой; любилъ также говорить по малороссійски. Будучи чистымъ москвичемъ, онъ произносилъ малороссійскія слова и фразы такъ уморительно, что наши украинцы хохотали до упаду. Вообще любезность Бахтина была привлекательна. Я полюбилъ его чрезвычайно, хотя онъ и не зналъ этого. Онъ иногда здоровался со мною, обращался ласково и раза два заставлялъ меня пѣть „Грыця“. Не могу дать

себѣ отчета въ симпатіи, которая меня влекла къ этому молодому человѣку. Я смотрѣлъ на него, не сводя глазъ, и считалъ невыразимымъ удовольствіемъ, когда встрѣчался съ нимъ или гдѣ бы то ни было видѣлъ его, хотя бы онъ и не обращалъ на меня вниманія. Мнѣ онъ казался чѣмъ то особеннымъ, тѣмъ болѣе что я, ужъ этого не знаю почему, считалъ, что дѣти знатныхъ родителей рождаются учеными и образованными и что они не учась знаютъ все, что ни захотятъ. Конечно, я впослѣдствіи времени жестоко разочаровался въ этомъ; любовь же моя къ прекрасному молодому Бахтину, думаю, происходила отъ всегдашняго внутренняго моею таинственнаго уваженія ко всему прекрасному и такого же сознанія своихъ недостатковъ и всего того, чего лишили меня и природа, и состояніе. Но увы! Я не долго увлекался моею безукоризненною и чистою привязанностью къ достойному молодому счастливцу; онъ не воспользовался ни дарованіями, ни маленькою славою, ни состояніемъ, ни званіемъ кандидата: смерть похитила его въ цвѣтущихъ лѣтахъ, когда, казалось, все счастіе земное ему улыбалось. И я, бѣдный пѣвчій, тайный его обожатель, при погребеніи его пѣлъ концертъ „Плачу и рыдаю" и чуть не захлебнулся отъ слезъ при послѣднемъ тактѣ моего соло: „о чудесе, что сіе есть, еже бысть таинство"? Но никто не зналъ о причинѣ горькихъ моихъ слезъ, да никто ихъ и не замѣчалъ, никому и на мысль не приходило, что въ душѣ моей таилась тяжкая печаль. Спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ едва ли остался кто нибудь, помнившій молодого Бахтина. Самые родители, какъ временные жильцы города Харькова, давнымъ давно забыты всѣми; только въ архивахъ тлѣетъ въ бумагахъ подпись фамиліи губернатора Бахтина, но мнѣ суждено было въ старости моей откликнуться сердцемъ давно былому, при видѣ памятника сыну этого губернатора. Этотъ памятникъ долго еще стоялъ на старомъ кладбищѣ, близь церкви, на лѣвой сторонѣ алтаря; на немъ начертаны стихи, какъ говорятъ, сочиненные самимъ губернаторомъ. Я одинъ задержался еще въ этомъ мірѣ изъ тѣхъ, которымъ имя Бахтина было драгоцѣнно; я одинъ на полуистертыхъ буквахъ нахожу свѣжее воспоминаніе давно минувшаго." [1].

Таковъ наивный, но простой и безхитростный разсказъ Пѣхотинскаго о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ имъ изъ знакомства съ первыми студентами Харьковскаго университета. Онъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что тогдашніе студенты—казеннокоштные и своекоштные—не держались замкнуто, наоборотъ охотно вступали въ общеніе съ представите-

[1]) Мое дѣтство. Изъ жизни маленькаго пѣвчаго (Духовный Вѣстникъ, 1865 г., т. XI, стр. 442—446). Приведенныя данныя относятся ко времени до мая мѣсяца 1813 г., ибо въ этомъ году уже умеръ епископъ Христофоръ Сулима, при которомъ происходили событія, разсказываемыя Пѣхотинскимъ.

лями другихъ общественныхъ слоевъ. Въ данномъ случаѣ единеніе произошло на почвѣ вокальнаго искусства—духовныхъ араторій—концертовъ и народныхъ малороссійскихъ пѣсенъ. Оказывается, что въ началѣ вѣка среди харьковскаго студенчества малороссійская пѣсня царила до такой степени, что захватывала даже чистыхъ великоросовъ и при томъ аристократовъ, какимъ былъ сынъ губернатора студентъ Бахтинъ, силившійся говорить по малороссійски и заставлявшій Пѣхотинскаго пѣть „Грыця" (рѣчь идетъ, вѣроятно, о слѣдующей пѣснѣ: „Грыць мене, моя маты, Грыць мене полюбывъ, Грыць мени, моя маты, черевычкы купывъ; черевычки зъ рогозу—не боятця морозу" или, можетъ быть, о другой извѣстной: „ой не ходы, Грыцю, та на вечерныци"). Чрезвычайно отрадное впечатлѣніе производитъ это единеніе студенческой среды съ бѣднымъ пѣвчимъ—бурсакомъ, на котораго оно имѣло самое благодѣтельное вліяніе; въ особенности умиляло его чуждое всякаго высокомѣрія, любезно-ласковое, вполнѣ товарищеское обращеніе губернаторскаго сына молодого Бахтина [1]).

Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, на свѣтломъ фонѣ язвы того времени—крѣпостного права: къ нему привыкла даже чуткая ко всякой общественной неправдѣ университетская молодежь; оно, очевидно, успѣло всосаться въ плоть и кровь общества, хотя юридически возникло въ Слободской украйнѣ только въ концѣ XVIII вѣка. Вотъ одинъ характерный въ этомъ отношеніи случай. У студента Василія Липки—Парафіевскаго былъ въ услуженіи крѣпостной 15-ти лѣтній мальчикъ его отца, полкового хорунжаго, помѣщика Екатеринославской губерніи, Павлоградскаго уѣзда, деревни Ляшевки, Матвѣй Гаркушенко. Вдругъ его нашли въ сараѣ повѣсившимся. Произведено было слѣдствіе, на которомъ, естественно, старались выяснить причину его самоубійство, при чемъ самъ Липка-Парафіевскій (сынъ) высказалъ догадку, что Гаркушенко могъ повѣситься отъ того, что наканунѣ онъ наказалъ его публично розгами на дворѣ, по жалобѣ на него хозяйской служанки, обвинявшей покойнаго въ нанесеніи ей побоевъ и въ продажѣ похищенной у своего владѣльца рубахи; сѣченіе Гаркушенка, впрочемъ, по заявленію студента Липки Пара-

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы не могли розыскать въ Харьковской университетской библіотекѣ рукописи, содержащей въ себѣ матеріалы для характеристики другого своекоштнаго студента Андреева, изъ помѣщиковъ Екатеринославской губерніи; это письма его воспитателя Лазича, найденныя мною при разборкѣ библіотеки, пожертвованной владѣлицей с. Козырщины г-жей Свѣчиной Харьковскому университету. Этой рукописью пользовался покойный профессоръ В. К. Надлеръ и напечаталъ нѣкоторыя изъ писемъ въ своемъ трудѣ „Религіозно-нравственное развитіе Имп. Александра I и идея священнаго союза".

фіевскаго, было очень незначительное: онъ далъ ему всего около 7 или 8 ударовъ по сѣдалищу и при томъ черезъ одежду; одинъ же изъ свидѣтелей въ своемъ желаніи обѣлить панича дошелъ до того, что говорилъ уже всего только о четырехъ—пяти ударахъ и утверждалъ, согласно показаніямъ самого Липки, что раньше Гаркушенка никогда тѣлесно не наказывали... Профессоръ анатоміи Книгинъ произвелъ въ присутствіи студентовъ—медиковъ вскрытіе, которое дало картину смерти отъ повѣшенія; другихъ знаковъ побоевъ, кромѣ рубцовъ отъ розги, не оказалось. Въ виду этого студентъ Липка-Парафіевскій былъ признанъ невиновнымъ въ смерти крѣпостного мальчика его отца [1]. На этомъ всѣ и успокоились; успокоился, вѣроятно, и самъ Липка-Парафіевскій, очевидно, не допускавшій и мысли, чтобы крѣпостной челядинецъ могъ наложить на себя руки вслѣдствіе позорнаго наказанія розгами, полученнаго публично наканунѣ (Липка вывелъ Гаркушенка для этой экзекуціи изъ кухни на дворъ) за несправедливое, быть можетъ, обвиненіе въ кражѣ. Онъ вѣдь не истязалъ Гаркушенка и даже раньше его никогда не наказывалъ розгами. Но ему не приходило въ голову, что потому то это публичное наказаніе такъ сильно и подѣйствовало на бѣднаго мальчика. Если бы онъ былъ закаленъ въ этомъ отношеніи, то спокойно, безропотно перенесъ бы и болѣе суровое наказаніе, чѣмъ эти „удары черезъ одежду". Тутъ трагизмъ въ этомъ именно наивномъ простосердечіи интеллигентнаго юноши, который *самъ* подвергаетъ публичной экзекуціи своего мальчика и *не понимаетъ*, какъ это простое обстоятельство могло привести къ столь трагической развязкѣ; это трагизмъ привычки не видѣть въ крѣпостномъ *человѣка* съ его человѣческимъ достоинствомъ. Спрашивается: что бы могло смягчить душу этого юноши, когда онъ вышелъ изъ университета, сдѣлался помѣщикомъ цѣлой массы такихъ Гаркушенокъ и совершенно очерствѣлъ подъ вліяніемъ окружающихъ условій жизни, всего ея обычнаго строя, основаннаго на порабощеніи меньшаго брата, и рѣзкихъ случаевъ самоволія и насилія со стороны многихъ сосѣдей?

Весьма тщательный надзоръ за жизнью казеннокоштныхъ студентовъ не могъ все таки предохранить ихъ отъ нѣкоторыхъ несчастныхъ случаевъ. Наши жалкія рѣченки—Лопань и Харьковъ, оказывается, взяли нѣсколько жизней изъ среды тогдашняго студенчества. Въ 1808 г. въ нихъ зимою утонуло двое казеннокоштныхъ студентовъ—Ильинскій и Ваценковъ. Дѣло было такъ. Два этихъ студента 29 октября отправились вмѣстѣ съ кандидатомъ Шрамковымъ изъ института прогуливаться по льду рѣки Лопани; по когда они дошли до того мѣста, гдѣ въ Лопань

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1814 г., сент.—дек.; засѣданіе 9 ноября.

впадаетъ р. Харьковъ, то подъ Ваценковымъ проломился ледъ и онъ упалъ въ воду; Ильинскій бросился къ нему на помощь и самъ также провалился подъ ледъ; Шрамковъ сбросилъ съ себя чуйку и сюртукъ, чтобы подать край ихъ потопавшимъ, но побоялся приблизиться къ тому мѣсту, гдѣ они были, оставилъ свое первоначальное намѣреніе и сталъ звать на помощь. На крикъ сбѣжались разные люди, которые пытались, хотя и тщетно, помочь утопавшимъ.... Ихъ удалось вытащить изъ воды только черезъ часъ послѣ того, какъ они пошли ко дну (а мѣсто было глубокое—2 сажня глубины). Шрамковъ успѣлъ прибѣжать въ правленіе, сообщилъ о несчастіи ректору и деканамъ, которые отправили экзекутора и университетскихъ служителей, дали знать въ полицію и университетскому врачу профессору Дрейсигу и сами явились на мѣсто происшествія, для поданія помощи погибавшимъ. Однако эти послѣдніе уже въ это время пошли ко дну и никто не могъ вытащить въ виду тонкости льда. Между тѣмъ достали лодку, пробили ледъ для ея передвиженія и только тогда вытащили изъ воды утопленниковъ и перенесли ихъ въ корпусъ казеннокоштныхъ. Тамъ въ теченіе 2-хъ часовъ профессоръ Дрейсигъ вмѣстѣ со студентами и „цилюриками" пытался ихъ оживить всѣми средствами (въ томъ числѣ и гальванизмомъ), но все было напрасно: они не подавали ни малѣйшаго признака жизни, и пришлось убѣдиться, что они умерли. Кассиру университета поручено было привести въ извѣстность оставшееся послѣ нихъ имущество. Оказалось, что кромѣ казенныхъ вещей у нихъ было не мало своихъ собственныхъ—бѣлье, разнообразное платье; у Ильинскаго оказалось также 10 книгъ, изъ коихъ 2 на французскомъ и 8 на русскомъ языкѣ; у Ваценкова 7, въ томъ числѣ собственныхъ пять и казенныхъ двѣ (1-я часть математики и домашній лѣчебникъ); за обоими числились кое какіе частные долги, преимущественно университетскимъ мастерамъ, за Ваценковымъ казенные — музыкальный инструментъ гобой, готовальня и нѣсколько книгъ изъ университетской библіотеки. (Рѣчи говоренныя на актѣ, полный нѣмецкій словарь, Commentarii Цезаря и Epistolae Плинія на латинскомъ языкѣ, введеніе въ кругъ словесности Рижскаго). Правленіе приняло на свой счетъ похороны безвременно погибшихъ и рѣшило не требовать съ ихъ родственниковъ числившихся за ними казенныхъ вещей (въ томъ числѣ и книгъ) [1].

Другой случай произошелъ въ 1814 году со студентомъ Александромъ Ортлибомъ. 21 іюня онъ отправился со своимъ братомъ Карломъ купаться на Лопань, переплылъ на другой берегъ рѣки и не отдыхая хотѣлъ вернуться назадъ, но утомился и пошелъ ко дну.

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г. сент.—декабрь; засѣданіе 30 окт. 2-го ноября, 12 ноября.

Прибѣжавшіе на крикъ Карла Ортлиба люди вытащили утопленника изъ воды, но всѣ средства оживить его оказались безуспѣшными (сначала искали его бреднемъ, а потомъ шестомъ съ лодки) [1]).

Покончивъ съ характеристикой студенческихъ нравовъ, переходимъ къ вопросу о вліяніи Харьковскаго университета на мѣстную среду и обратно о воздѣйствіи, какое оказывали мѣстныя условія жизни на университетъ,—о взаимодѣйствіи, модификаціи того и другого элемента. Въ исторіи провинціальныхъ университетовъ этому вопросу слѣдуетъ отвести особенно видное мѣсто, потому что бытъ каждой области въ Россіи представляетъ свои особенности, такъ или иначе отражавшіяся на жизни университетскихъ дѣятелей и въ свою очередь претерпѣвавшія измѣненія подъ вліяніемъ новаго фактора такой огромной важности, какъ университетъ. Собственно вопроса этого мы коснемся здѣсь не во всей его полнотѣ, потому что уясненію просвѣтительнаго значенія университета вообще посвящены всѣ главы настоящаго труда.

Остановимся прежде всего на санитарныхъ и гигіеническихъ условіяхъ тогдашней харьковской жизни, которыя прямо и непосредственно отражались на бытѣ университетской среды. Если и теперь Харьковъ принадлежитъ къ числу очень нездоровыхъ городовъ, если и теперь санитарныя и гигіеническія условія его вызываютъ справедливыя нареканія, то чтоже сказать о началѣ XIX вѣка, когда въ немъ почти вовсе не было мостовыхъ и царила повсюду невылазная грязь? Мѣстные обыватели еще кое какъ свыклись съ этимъ хроническимъ бѣдствіемъ, но на пріѣзжихъ людей, въ особенности на иностранцевъ, все это дѣйствовало удручающимъ и угнетающимъ образомъ, тѣмъ болѣе, что въ связи съ санитарными безобразіями стояло и вообще городское неблагоустройство и полное отсутствіе той культурной обстановки и удобствъ, которыя являются необходимостью для привычнаго къ нимъ человѣка. Харьковскіе старожилы привыкли къ неблагоустройству своего города; они могли замѣчать даже нѣкоторый прогрессъ въ этомъ дѣлѣ; въ началѣ XIX в. Харьковъ дѣйствительно сталъ выходить изъ своего прежняго „первобытнаго“ состоянія на путь нѣкоторой культурности; харьковскіе губернаторы того времени, въ особенности И. И. Бахтинъ, энергично дѣйствовали въ этомъ направленіи—старались о замощеніи улицъ фашинникомъ и т. п. Но мы видѣли [2]), какое неблагопріятное впечатлѣніе своимъ неблагообразіемъ произвелъ Харьковъ на проф. Тимковскаго, пріѣхавшаго туда въ 1803 году вмѣстѣ съ проф. Осиповскимъ, Делявинемъ и Лангомъ. Тимковскій указывалъ и на его низменное положеніе, и на дикую

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1814 г., сент.—декабрь; засѣданіе 19 ноября.
[2]) Настоящее соч., стр. 122.

необразованность; и на отсутствіе мало мальски сносныхъ помѣщеній вслѣдствіе дороговизны лѣса, и на полное отсутствіе заботъ о замощеніи улицъ, о чистотѣ воздуха и воды, и на множество неснесенныхъ, развалившихся и гніющихъ лачугъ, и на вывозъ на улицы для уменьшенія грязи навоза; „навозъ сваливаютъ зимою на рѣку; ледъ растаетъ и нечистота садится на дно: по этому можно судить, каковы должны быть улицы, воздухъ и вода въ сырое время года, особенно осенью и весною". Все это Тимковскій объяснялъ отсутствіемъ бдительности со стороны полиціи. Ему казалось, что ея вовсе не было въ Харьковѣ;— естественное же положеніе Харькова онъ признавалъ довольно удобнымъ и считалъ отговоркой заявленіе, что будто бы нѣтъ возможности городъ осушить, вычистить грязь и вымостить улицы. Онъ надѣялся, что, съ устройствомъ университета, начнется постройка и частныхъ домовъ, которую до сихъ поръ сильно тормозила постойная повинность, и увеличится подвозъ съѣстныхъ припасовъ и вообще жизнь сдѣлается гораздо сноснѣе и удобнѣе. Но пока эта жизнь была довольно несносна, въ особенности для непривычныхъ къ условіямъ русской дѣйствительности иностранцевъ. Уже Тимковскій пишетъ попечителю, что иностранные профессора надоѣдали ему относительно квартиръ. Нужно однако войти и въ ихъ положеніе. Они были чужими людьми въ совершенно незнакомой имъ странѣ и городѣ; подходящихъ квартиръ не было. Чтоже имъ оставалось дѣлать, какъ не просить казеннаго помѣщенія, обѣщаннаго попечителемъ? Скоро однако они все таки должны были перейти въ наемныя квартиры, а нѣкоторые, какъ мы знаемъ, обзавелись даже въ Харьковѣ собственными домами. Но жалобы на харьковскій нездоровый климатъ не прекращались. И уже въ 1807 г. профессоръ Якобъ внесъ въ совѣтъ слѣдующее предложеніе. „Относительно ужаснаго санитарнаго состоянія нашего города, повидимому, можетъ быть только одно мнѣніе. Количество грязи и навоза на нашихъ улицахъ увеличивается со дня на день до такой степени, что надо опасаться, какъ бы подъ ними не были погребены не только люди и животныя, но даже и дома. Это огромное количество грязи, изъ которой не могутъ почти никогда выбраться пѣшеходы, а лошади и экипажи выбираются только съ трудомъ, уничтожитъ всѣ удобства пребыванія въ городѣ и даже угрожаетъ жизни его обывателей. Ежегодно появляется много различныхъ болѣзней отъ испареній, производимыхъ разсѣянными по всему городу вредными болѣзнями, а также отъ тончайшей пыли, въ которую окутанъ городъ лѣтомъ, когда высыхаютъ всѣ лужи. Такой нездоровой характеръ и вредоносность воздуха сильно увеличиваютъ число умирающихъ, должны всегда препятствовать про-

цвѣтанію нашего университета, потому что лишь только люди, выдающіеся своею ученостью и заслугами, узнаютъ о неудовлетворительности климата и печальномъ состояніи города, то станутъ отказываться принять должность профессора, а если и примутъ случайно, то сейчасъ же начнутъ просить о возвращеніи; мы же всѣ, оставаясь въ городѣ, лишенномъ всѣхъ удобствъ жизни, не будемъ имѣть душевнаго спокойствія, необходимаго для успѣшности нашихъ занятій, а во 2-хъ, родители не будутъ посылать своихъ дѣтей въ городъ, столь вредный для здоровья людей и непріятный по многимъ другимъ неудобствамъ. Въ виду же же того, что такое положеніе дѣла противно намѣренію Его Императорскаго Величества и препятствуетъ процвѣтанію нашего университета, по моему мнѣнію, на нашей обязанности лежитъ не только указать на него, но и просить объ его измѣненіи.

Поэтому я предлагаю на ваше благоусмотрѣніе слѣдующія мѣры.

1. Просить медицинскій факультетъ высказать свое мнѣніе о дурномъ санитарномъ состояніи нашего города и установить, насколько вредны уличная грязь, скопленіе нечистотъ, испаренія и пыль, въ теченіе всего года удручающіе городъ; а также просить факультетъ подкрѣпить свое мнѣніе цифрой больныхъ и умершихъ, ставшихъ жертвой вреднаго климата.

2. Вмѣстѣ съ тѣмъ просить и городскую управу сообщить намъ свое мнѣніе о вліяніи нечистоты, испареній и пр. на здоровье горожанъ и присоединить къ этому свѣдѣнія о болѣзняхъ, а также цифры больныхъ, и умершихъ, ставшихъ жертвой настоящаго состоянія города, такъ какъ это извѣстно на основаніи продолжительнаго опыта.

3. Собравши эти свѣдѣнія, ходатайствовать предъ Всемилостивѣйшимъ Императоромъ прійти на помощь намъ въ этихъ бѣдахъ, которыя препятствуютъ процѣтанію нашего университета и не допускаютъ, чтобы средства, пожалованныя Имъ, приносили ту пользу, на которую Онъ расчитывалъ".

Картина, нарисованная Якобомъ, не грѣшитъ преувеличеніемъ. „Харьковская грязь, говоритъ Н. А. Лавровскій, создала единственныя въ лѣтописяхъ всѣхъ университетовъ *грязныя вакаціи* [1]) (feriae luti). Дѣйствительно о нихъ прямо говоритъ Роммель. „Въ Харьковѣ, расположенномъ между двумя ежегодно зацвѣтающими рѣчками, воздухъ былъ очень нездоровый; эпидемическія лихорадки часто опустошали городъ, а раннею весною, въ дождливое время на улицахъ была такая страшная грязь, что мы принуждены были учредить для студентовъ грязные ка-

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., февраль, стр. 299.

никулы (feriae luti)". И это подтверждается документальными данными— совѣтскими постановленіями. „Вотъ образецъ рѣшеній совѣта по этому случаю: cum studiosi ob lutum profundum adire nequeant universitatem, decretum est interrumpere praelectiones usque dum viae sint minus lutosae (24 марта 1811 г.)". Итакъ, понадобилось среди года прервать чтеніе лекцій на неопредѣленное время, доколѣ улицы не сдѣлаются менѣе грязными! „На представленіе совѣта о постройкѣ клиникъ и другихъ зданій за городомъ, министръ отвѣчалъ отказомъ на томъ основаніи, между прочимъ, что въ такомъ случаѣ профессорамъ пришлось бы имѣть лошадей и экипажи. Совѣтъ отвѣчалъ, что не отдаленность, а непроходимая грязь, дѣлающая городъ вреднымъ въ гигіеническомъ отношеніи, заставляетъ и теперь профессоровъ запасаться лошадьми и экипажами" (засѣданіе совѣта 28 іюня 1811 г.) [1]). „Болотныя испаренія, говоритъ Н. А. Лавровскій, при отсутствіи всякихъ санитарныхъ мѣръ, производили гибельное вліяніе на жителей. Въ первыя пять, шесть лѣтъ по открытіи университета, скончались слѣдующіе профессора и при томъ почти всѣ отъ гнилой горячки: Виллихъ (профессоръ патологіи) въ 1804 году, Берендтъ (профессоръ восточныхъ языковъ) въ 1805 году, Умлауфъ (профессоръ латинской словесности) въ 1807 году, Калькау и Шмерфельдтъ (профессора медицины) въ 1811 г., Терлаичъ (профессоръ исторіи правъ важнѣйшихъ государствъ) также въ 1811 г. Должно полагать, что скончавшійся въ томъ же году первый ректоръ Харьковскаго университета профессоръ россійской словесности, И. С. Рижскій былъ также жертвою тогдашняго харьковскаго климата. Понятно, что по той же причинѣ профессора спѣшили скорѣе выбраться изъ Харькова: такъ одинъ изъ лучшихъ профессоровъ, Якобъ (дипломатіи и политической экономіи) спустя два года по пріѣздѣ покинулъ университетъ именно по причинѣ нездороваго харьковскаго климата; профессоръ Шнаубертъ вышелъ въ отставку въ 1811 году, будучи не въ состояніи переносить мѣстный климатъ (донесеніе въ совѣтъ 17 августа, 1811 г.); въ томъ же году выбыли изъ университета: Роммель (латинской словесности), Белленъ де Балю (всеобщей исторіи) и Гутъ (математики), пробывшій въ Харьковѣ менѣе двухъ лѣтъ, а въ 1814 г.—Гизе (химіи). Такимъ образомъ, къ исходу перваго десятилѣтія по открытіи университета, выбыла изъ него наибольшая часть иностранныхъ профессоровъ первыхъ вызововъ" [2]). За исключеніемъ нѣсколькихъ незначительныхъ неточностей, которыя могутъ быть исправлены самими читателями, зна-

---

[1]) Ibidem, стр. 293, примѣчаніе.

[2]) Ibidem, стр. 299—300.

комыми съ моей книгой, все въ этомъ утвержденіи уважаемаго ученаго соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Кромѣ перечисленныхъ здѣсь лицъ скончался еще адъюнктъ Рейнишъ. И. С. Рижскій и Умлауфъ умерли, какъ мы видѣли, отъ нервной горячки. Шнаубертъ уѣхалъ изъ Харькова, благодаря болѣзни своей жены, болѣзни, вызванной харьковскимъ климатомъ [1]). Роммель самъ говоритъ, что уѣхалъ изъ Харькова въ 1814 г. въ разгаръ тифозной эпидеміи, отъ которой раньше умеръ проф. Шмерфельдъ; отъ нея же бѣжалъ и Дегуровъ. Изъ заграницы Роммель прислалъ въ совѣтъ письмо, въ которомъ „жалуется на крайнее изнуреніе силъ, какое онъ чувствовалъ всегда въ Харьковѣ, по причинѣ непостоянства и суровости климата, необычайной грязи и злокачественности воздуха въ городѣ [2]).

Совѣтъ въ засѣданіи 13 ноября 1807 г. вполнѣ согласился съ мнѣніемъ проф. Якоба и съ своей стороны предложилъ правленію обратиться къ губернатору (И. И. Бахтину) съ просьбой принять мѣры къ улучшенію санитарнаго и гигіеническаго состоянія Харькова и извѣстить о нихъ университетъ, который намѣренъ обратиться по этому поводу и къ высшему начальству [3]).

Въ 1811 году снова поднимается вопросъ о санитарномъ благоустройствѣ Харькова. Ближайшій поводъ къ этому подала извѣстная намъ актовая рѣчь профессора Стойковича „о причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неспособнымъ для дыханія, и о средствахъ, предохраняющихъ его отъ совершенной порчи“. Хотя въ ней ничего не говорилось о Харьковѣ, но она имѣла въ виду именно Харьковъ и его гигіеническія условія. Мы видѣли [4]), что тогдашній Харьковскій губернаторъ И. И. Бахтинъ обратился послѣ этой рѣчи къ Стойковичу съ письмомъ, въ которомъ призналъ фактъ нездороваго положенія Харькова, особенно въ Залопанской части, и просилъ содѣйствія профессоровъ въ выработкѣ мѣръ для оздоровленія города. Объ этомъ Стойковичъ извѣстилъ министра народнаго просвѣщенія въ слѣдующемъ письмѣ.

„Со времени открытія здѣсь университета число умершихъ членовъ его весьма несоразмѣрно съ настоящимъ числомъ ихъ. Нельзя этого приписать здѣшнему климату, который самый лучшій. Нельзя приписать также невыгодному мѣстоположенію города Харькова, ибо оно не хуже другихъ городовъ. Главною тому причиною полагаю я

[1] Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № 5579—153.

[2]) Журн. Мин. Нар. Пр. 1873, февраль, стр. 300, примѣчаніе.

[3]) Ibidem, стр. 300—301.

[4]) Настоящее соч., стр. 702—703.

нездоровый воздухъ, происходящій отъ нечистоты, грязи, дурныхъ испареній изъ болотъ и стоячихъ водъ, отъ выбрасыванія на улицы въ большомъ количествѣ навоза и проч. Испаренія эти въ весеннее и осеннее время производятъ различныя болѣзни, особливо же нервныя горячки.—Обстоятельства эти многократно были предметомъ разговоровъ съ г. здѣшнимъ губернаторомъ, въ которыхъ я ему замѣчалъ, что Харьковъ болѣе прочихъ губернскихъ городовъ долженъ обратить на себя особенное вниманіе правительства, такъ какъ въ него стекается юношество изъ цѣлыхъ девяти губерній, для образованія себя на пользу отечества во всѣхъ родахъ службы. — Изъ отзывовъ его превосходительства и собственныхъ моихъ соображеній можно было заключить, что полагаемой ежегодно суммы на мощеніе улицъ, для приведенія ихъ въ желаемое состояніе не можетъ быть достаточно.—Все это побудило меня въ говоренной мною 30 августа этого года рѣчи предложить разсужденіе мое о вышеозначенномъ предметѣ, гдѣ, хотя я говорилъ вообще о всѣхъ городахъ, но болѣе разумѣлъ Харьковъ.—Вручивъ рѣчь эту его превосходительству, я получилъ отъ него отношеніе, въ копіи при этомъ прилагаемое, изъ котораго ваше сіятельство изволите увидѣть намѣреніе г. губернатора. Я отвѣчалъ ему, что вмѣстѣ съ профессорами Делявинемъ и Нельдехеномъ, я съ удовольствіемъ согласенъ споспѣшествовать его превосходительству въ этомъ общеполезномъ его намѣреніи. Считая долгомъ моимъ довести это до свѣдѣнія вашего сіятельства, я буду имѣть честь и о послѣдствіяхъ въ свое время донести вашему сіятельству.—Представляя при этомъ два экземпляра помянутой рѣчи, покорнѣйше прошу, да благоугодно будетъ вашему сіятельству одинъ повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества. Пребываю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою А. Стойковичъ [1]).

Министръ народнаго просвѣщенія счелъ это обстоятельство на столько важнымъ, что вступилъ по этому поводу съ особымъ представленіемъ въ комитетъ министровъ. Вотъ его текстъ.

„Давно уже жители гор. Харькова жаловались на вредное на ихъ здоровье вліяніе тамошняго воздуха, происходящее отъ низкаго мѣстоположенія этого города, болотнаго мѣста и находящейся всегда на улицахъ грязи. Со времени учрежденія тамъ университета, министерству народнаго просвѣщенія были объ этомъ неоднократно дѣлаемы донесенія и университетъ къ крайнему своему прискорбію отъ вліянія климата лишился уже нѣсколькихъ весьма достойныхъ наставниковъ; нынѣ

1) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло 1811 г. № $^{5847}/_{157}$.

же дошло до меня свѣдѣніе, что въ городѣ, по чрезмѣрной грязи, ни ходить, ни ѣздить невозможно и потому въ университетѣ и гимназіи прекратилось ученіе. Съ одной стороны министерство просвѣщенія, не имѣя средствъ къ устраненію означенныхъ неудобствъ, не можетъ объ этомъ и пещись, съ другой однакожъ предвидитъ совершенное разстройство учебной части въ Харьковѣ, если не будутъ приняты мѣры къ очищенію воздуха въ этомъ городѣ. Я нахожу предметъ этотъ столь важнымъ, что счелъ нужнымъ представить о немъ на разсужденіе комитета господъ министровъ съ тѣмъ, что не разсудитъ-ли положить, дабы по возможности приступлено было къ способамъ, могущимъ сдѣлать пребываніе въ Харьковѣ безопаснымъ для здоровья, какъ то—къ высушенію около города болотъ, мощенію улицъ и тому подобнымъ средствамъ, ибо вліяніе тамошняго гнилаго воздуха, будучи вредно для всѣхъ жителей того города, должно безъ сомнѣнія препятствовать его процвѣтанію [1]).

Въ 1813 году возникаетъ уже мысль о необходимости перевода университета въ другое мѣсто, какъ это видно изъ письма ректора университета къ губернатору И. И. Бахтину.

„Харьковъ нашъ, писалъ Осиповскій, представляетъ теперь совершенное болото и притомъ болото чрезвычайно вонючее отъ гніенія въ немъ навоза, смѣшаннаго пополамъ съ тонкою грязью. Ни ходить, ни ѣздить почти нѣтъ способа; а гнилыя нашатырныя и азотическія испаренія сильно дѣйствуютъ на глаза, легкія и всю нервную систему. Въ гимназіи уже третій день, по непроходимости улицъ для учениковъ, ученіе остановилось, а съ завтрашняго дня закроется ученіе и въ университетѣ. Вчера надлежало быть собранію совѣта; но частію отъ грязи, а наиболѣе отъ болѣзни, и половины членовъ не явилось, а потому и засѣданіе не состоялось. Къ несчастію въ этомъ климатѣ осень и весна очень продолжительны и чрезъ то усиливаютъ вредоносное свое вліяніе на здоровье здѣсь живущихъ. Члены медицинскаго факультета разсуждали, что этимъ гнилымъ испареніямъ приписать должно господствующія здѣсь осенью и весною жестокія нервныя лихорадки и горячки, и что житье въ Харьковѣ каждому пришельцу угрожаетъ преждевременною смертью. Собственныя ощущенія каждаго и событія подтверждаютъ справедливость сужденія медиковъ, а это заставляетъ сожалѣть, что университетъ помѣщенъ въ Харьковѣ, потому что въ немъ профессора всѣ почти теперь да и впредь будутъ пріѣзжіе, а студенты стекаются со всего округа. Ожидать должно, что медицинскій факультетъ войдетъ объ этомъ въ совѣтъ съ своимъ мнѣніемъ. Имѣю честь пребыть съ ис-

---

[1]) Ibidem.

тиннымъ моимъ къ вамъ почтенiемъ и совершенною преданностiю милостивый государь вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою Тимофей Осиповскiй. Октября 26 1813 [1]). Дѣйствительно въ 1813 году недель сдѣлалъ донесенiе, что почти весь ноябрь не было лекцiй въ университетѣ по причинѣ глубокой грязи.

Въ 1814 году вопросъ о перенесенiи университета въ другой городъ едва не получилъ практическаго осуществленiя. Мы знаемъ уже [2]), что ректоръ Осиповскiй тогда вошелъ съ представленiемъ къ министру народнаго просвѣщенiя о нежелательности возведенiя новыхъ зданiй для университета на принадлежавшей ему землѣ по Сумскому шоссе. Мотивировалъ это онъ двумя соображенiями: 1) отдаленностью отъ города и неудобствомъ сообщенiй съ нимъ, особенно весною и осенью во время грязной погоды; 2) отсутствiемъ на немъ воды, столь необходимой для потребленiя и на случай пожара. По его мнѣнiю, единственное что можно было сдѣлать, это—ходатайствовать передъ Государемъ о пожалованiи въ полную собственность университету его временныхъ помѣщенiй, съ присоединенiемъ еще сосѣднихъ городскихъ зданiй, занимаемыхъ полицiей и магистратомъ, съ тѣмъ что университетъ выстроитъ вмѣсто нихъ городу новыя [3]). Министръ оффицiально предложилъ совѣту обсудить этотъ вопросъ въ связи съ переводомъ университета въ другое мѣсто.

„Ректоръ университета, писалъ онъ тутъ, представилъ мнѣ о неудобности сооруженiй университетскихъ зданiй на предназначенномъ для того мѣстѣ за городомъ. Препровождая при этомъ въ копiи представленiе его, предписываю университету въ общемъ собранiи профессоровъ вникнуть подробно въ изъясненныя ректоромъ обстоятельства и о заключенiи своемъ представить. Сверхъ того неоднократныя имѣю я представленiя какъ о томъ, что въ Харьковѣ весьма нездоровый воздухъ, такъ равно и о томъ, что бываютъ въ немъ чрезвычайныя во время осени и весны грязи, препятствующiя къ хожденiю въ классы, такъ что отъ того прiостанавливается ученiе. Я предлагаю при этомъ случаѣ войти университету въ разсмотрѣнiе, не находится ли какихъ способовъ къ отвращенiю этихъ неудобствъ, или не найдетъ ли университетъ выгоднѣе вовсе перемѣститься въ другой городъ. Въ послѣднемъ случаѣ представить мнѣ, гдѣ именно удобнѣе быть университету и какiя средства находятся въ томъ мѣстѣ для помѣщенiя какъ его,

---

[1]) Ibidem.

[2]) Настоящее соч., стр. 415.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло Сов. 1814 г. № 7.

такъ и разныхъ при немъ заведеній, такъ же какихъ суммъ примѣрно будетъ стоить таковое перемѣщеніе“ [1]).

Медицинскій факультетъ съ своей стороны выработалъ обширный докладъ о санитарномъ состояніи Харькова, докладъ, который представляетъ глубокій интересъ по своей обстоятельности и является въ высшей степени важнымъ документомъ для исторіи г. Харькова вообще. Вотъ его подлинный текстъ.

„Частыя болѣзни членовъ университета и великая потеря ихъ въ короткое время вслѣдствіе господствующихъ въ этомъ городѣ жестокихъ горячекъ и нервныхъ лихорадокъ побудили медицинскій факультетъ вникнуть во всѣ обстоятельства, заключающія въ себѣ причины столь значительной смертности, похитившей въ теченіе семи лѣтъ столько человѣкъ—людей здоровыхъ, средняго возраста и большею частью иностранцевъ. Наблюденія же практикующихъ въ этомъ городѣ врачей показали, что причины эти также дѣйствуютъ и на тѣхъ, кои, пріѣзжая изъ другихъ городовъ Россіи, остаются здѣсь жить да и самые коренные жители этого города за мѣстопребываніе свое платятъ жестокую дань, какъ то видно изъ списковъ родящихся и умирающихъ въ этомъ городѣ. Въ 1810 году изъ числа жителей, коихъ состояло 12915, родилось обоего пола 781, а умерло 799; въ 1811 году родилось 820, а умерло 849. Такъ какъ здѣсь умираетъ изъ 16 одинъ и число умирающихъ превышаетъ родящихся, то обстоятельство это не можетъ быть обойдено молчаніемъ и оставлено безъ вниманія, ибо слѣдствіемъ его можетъ быть то, что гражданство этого города скорѣе или медленно должно само собою уничтожиться. Если сверхъ того обратить вниманіе на самихъ жителей и особенно низшаго состоянія людей, то увидимъ, что блѣдный цвѣтъ лица, изнеможденное тѣло, воспаленные глаза или и совершенная слѣпота—постоянные ихъ признаки. А какъ городъ Харьковъ губернскій и торговый и по причинѣ существующаго въ немъ университета долженъ вмѣщать въ себѣ изъ разныхъ мѣстъ пріѣзжающихъ всякаго возраста юношей и молодыхъ дворянъ, предназначаемыхъ къ будущей службѣ и подпорѣ государства, то медицинскій факультетъ, предвидя пагубныя слѣдствія, долженствующія непремѣнно проистечь отъ настоящаго состоянія города, обязанностью почелъ изложить источники этихъ золъ и представить на благоусмотрѣніе высшему начальству. Причины эти будутъ явственны, коль скоро городъ Харьковъ будетъ обозрѣнъ въ подробности. Городъ Харьковъ раздѣляется на три главныя части, изъ коихъ одна расположена на довольно возвышенномъ

---

[1]) Ibidem.

мѣстѣ, прочія же занимаютъ по обѣ стороны этого возвышенія пространныя болотистыя низменности, по коимъ текутъ протоки Лопань и Харковъ, рѣками здѣсь именуемые, имѣющіе направленіе свое отъ сѣверовостока къ юго-западу и соединяющіеся въ одинъ протокъ въ самомъ городѣ не въ дальнемъ разстояніи отъ настоящаго положенія университета. Хотя и самая болотистость этихъ двухъ низменныхъ частей города можетъ имѣть вредное вліяніе на здоровье жителей этихъ двухъ частей, но дѣйствіе этой причины не было бы столь сильно безъ соучастія другихъ причинъ, зависящихъ отъ худаго содержанія города. Причины эти суть слѣдующія: 1) настоящій способъ содержанія рѣкъ; 2) содержаніе и умноженіе болотъ; 3) безпрестанно увеличиваемое засореніе издавна сильно унавоженнаго города.

I. Обѣ вышеозначенныя рѣки, будучи маловодны, загачены навозными плотинами частію ниже, а частію выше города и даже въ самомъ городѣ, на тотъ конецъ дабы поставленныя на плотинахъ мельницы могли всегда имѣть воду для мельничной потребы. Этимъ способомъ рѣчки обращены въ совершенные пруды со стоячею водою, которая въ сухое и бездождное лѣтнее время за маловодіемъ, будучи недостаточна и для мельницъ, только гніетъ и испаряется. Одна же изъ этихъ рѣкъ, называемая Лопанью, при своемъ соединеніи съ Харьковомъ, теряетъ всякое теченіе, что происходитъ тутъ вѣроятно отъ возвышеннаго ея положенія вслѣдствіе наносной земли; такъ что Лопань кромѣ испаренія не имѣетъ иного пути и вслѣдствіе этого, а особенно возлѣ соединенія съ Харьковомъ въ лѣтнія ночи воздухъ бываетъ до такой степени насыщенъ мефитическимъ газомъ, что съ трудомъ можно тутъ проходить. Такимъ воздухомъ пользуется большая часть города, а окрестными жителями употребляется для пищи и питья и самая вода.

II. Второе зло составляютъ многочисленныя болота, изъ коихъ одни можно назвать временными, а другія—постоянными. Первыя составляетъ мелководная рѣчка Лопань въ пространныхъ равнинахъ, извивающихся въ дождливое время, а особенно весною и осенью, выходящая изъ береговъ и покрывающая всю равнину. Здѣсь время отъ времени производится несмѣтное множество болотъ. Вторыя или всегдашнія болота, даже совершенныя озера, находятся въ самомъ городѣ въ большомъ количествѣ; они, имѣя повидимому свои ключи, никогда почти досуха не выпариваются и тѣмъ составляютъ вѣчный магазинъ мефитическихъ испареній. Въ этихъ болотахъ водится невѣроятное множество лягушекъ, черепахъ и бездна разныхъ насѣкомыхъ. Нѣкоторыя изъ этихъ болотъ лежатъ промежъ садовъ и огородовъ; другія находятся даже по дорогамъ и можно утвердительно сказать, что нѣтъ въ

нижнихъ частяхъ города и его предмѣстьяхъ ни единой улицы, которая бы не имѣла собственнаго болота, гдѣ водились бы тѣ же самыя животныя, еслибъ городъ былъ малолюднѣе и они не были бы покрыты навозомъ. Это прикрытіе или засыпка производится здѣсь слѣдующимъ образомъ: кладутъ сперва фашинникъ и засыпаютъ его навозомъ, пескомъ, землею или золою изъ мыльнаго завода. Эти вещества въ сухое время составляютъ тягостную и небезвредную для глазъ пыль, а въ мокрое сильную грязь, отъ чего происходитъ то, что мы имѣемъ въ лѣтнее время или сильную пыль, или непроходимую грязь. Такимъ способомъ болота по улицамъ правда прикрыты, но отнюдь не высушены, такъ какъ съ большою вѣроятностію можно утверждать, что всѣ эти болота имѣютъ свои ключи, коихъ воды подъ фашинникомъ вѣчно гніютъ и способствуютъ безпрестанному умноженію мефитическихъ испареній. Вѣроятно, что ключи всѣхъ этихъ болотъ могли бы дать чистые пруды, хорошіе колодцы или родники и доставили бы городу обильную и здоровую воду вмѣсто гнилой рѣчной или той колодезной, которую мы теперь принуждены употреблять; а недостатокъ чистой здоровой воды при стеченіи столь неблагопріятныхъ для здоровья условій—весьма важное обстоятельство.

III. Третій источникъ зловредности состоитъ въ томъ, что городъ, издавна уже унавоженный, безпрестанно продолжаетъ унаваживаться. Городъ Харьковъ по своей торговлѣ принадлежитъ къ важнѣйшимъ коммерческимъ русскимъ городамъ. Онъ имѣетъ четыре большихъ ярмарки въ году, на которыя съѣзжаются всякаго рода люди и купечество съ различными товарами изъ весьма отдаленныхъ мѣстъ; сверхъ того каждую недѣлю бываетъ два торга. Все это происходитъ внутри самаго города; съѣздъ съ возами и лошадьми бываетъ такъ многочисленъ, что съ трудомъ можно пѣшкомъ пробраться. Волы и лошади во все это время стоятъ по площадямъ и улицамъ, а отъ этого не только всѣ улицы, но и площади такъ унавожены, что отъ несносной пыли въ сухое время съ большимъ трудомъ можно ходить по нихъ; а въ мокрое по причинѣ невѣроятной грязи проходить нѣтъ никакой возможности. Весьма часто эта грязь до такой степени увеличивается, что и въ экипажахъ бываетъ невозможно ѣздить, а что это дѣйствительно нерѣдко бываетъ, доказываютъ опредѣленія совѣта о прекращеніи лекцій, что однако бываетъ не прежде, какъ всѣ уже изъ силъ выбьются. Грязь эта происходитъ вслѣдствіе огромнаго количества повсюду въ городѣ находящагося навоза, который со дня на день увеличивается, не будучи никуда свозимъ; да со многихъ улицъ, хотя бы и захотѣли, по причинѣ фашинника, коимъ онѣ выстланы и возвышены, свозить невоз-

можно. Судя по безпрестанно увеличивающейся грязи и трудности въ городѣ ходьбы и ѣзды, можно утвердительно сказать, что скоро придетъ время, когда по этой причинѣ городъ Харьковъ купечествомъ наконецъ будетъ брошенъ. Доселѣ мы обозрѣвали грязь, какъ весьма важное жизненное затрудненіе для жителей Харькова, теперь остается разсмотрѣть, какое имѣетъ она вліяніе на здоровье человѣка. Къ навозу, находящемуся на улицахъ и площадяхъ, должно еще прибавить накопившійся на постоялыхъ дворахъ и составляющій такую грязь, что онъ тамъ и въ самые лѣтніе жары несовсѣмъ высыхаетъ и во время здѣшней зимы насквозь не промерзаетъ, словомъ городъ Харьковъ можно назвать фабрикою, на которой производится навозъ. Къ этому навозу нельзя при обстоятельномъ описаніи города не прибавить того навоза, который происходитъ отъ несмѣтнаго множества свиней и собакъ, наполняющихъ дворы и улицы этого города. Навозъ этотъ перемѣшиваясь во всѣ времена года издаетъ пренесносный запахъ, отчего происходитъ то, что всякій, идущій по улицѣ, а особенно во время грязи, долженъ закрывать носъ, ротъ и самые даже глаза, и нѣтъ ни одного человѣка, который имѣлъ бы довольно твердости чтобы переносить это. Этому не мало споспѣшествуетъ и то, что еще никто не видѣлъ, чтобы нечистота нужнаго мѣста кѣмъ-либо вывозима была вонъ изъ города; итакъ весь навозъ отъ основанія Харькова въ немъ и остается. Еще способствуетъ порчѣ воздуха и то, что внутри города находятся заводы, мыловарни же и бойни близь самаго города.

Кто же можетъ усумниться послѣ этого въ томъ, что всѣ эти роды навозовъ, находясь въ безпрестанномъ перемѣшиваніи и броженіи, не произведутъ и не производятъ почти безпрерывно большаго количества мефатическаго воздуха, растворяющагося въ атмосферѣ, которою здѣшнимъ жителямъ приходится дышать день и ночь, что это изобиліе въ атмосферѣ вредотворныхъ газовъ, дѣйствуя на весь организмъ, какъ сильно и безпрестанно ослабляющая его причина съ нѣкоторымъ родомъ ядовитости подготовляетъ и предрасполагаетъ его къ самымъ жестокимъ нервнымъ болѣзнямъ, которыя по временамъ дѣйствительно открываются и свирѣпствуютъ; да и вообще и другаго свойства лихорадки и горячки въ Харьковѣ почти не встрѣчаются, что подтверждаетъ вышеозначенное сравненіе родившихся съ умершими и значительное число погибшихъ въ короткое время университетскихъ чиновниковъ. Но горе намъ было бы, если бы вѣтры и бури не приходили по временамъ разгонять атмосферу, наполненную ядомъ. Нельзя однако не сознаться, что она медленнѣе и съ меньшею силою дѣйствуетъ на людей, свободно живущихъ на воздухѣ, каковъ бы онъ не былъ, тѣлесно упражняю-

щихся и имѣющихъ достатокъ своевременно подкрѣплять себя доброю и полезною пищею, чѣмъ на людей, запертыхъ въ келіяхъ и работающихъ сидя съ умственнымъ напряженіемъ. Эти послѣдніе по возрасту, но силамъ, по характеру и содержанію своему рано или поздно сдѣлаются жертвою столь многихъ обстоятельствъ, направленныхъ противъ ихъ жизни. Всѣ пріѣзжающіе сюда учить и учиться замѣтно и скоро теряютъ привезенный съ собою цвѣтъ лица, которое покрывается, можно сказать, харьковскою болѣзнью, обозначающею немаловажную перемѣну въ цѣломъ организмѣ, а этотъ показатель тѣмъ печальнѣе, что крайне угнетаетъ всякаго, остающагося здѣсь заниматься по ученой части, предвѣщая ему опасную будущность.

Въ такомъ мѣстѣ основанъ Императорскій Харьковскій университетъ; о качествахъ этого мѣста давно уже старались довести до свѣдѣнія высшаго начальства; но это, къ сожалѣнію, и къ неминуемому вреду государственнаго заведенія оставалось безъ дѣйствія [1]).

„Этотъ докладъ медицинскаго факультета, говоритъ И. П. Щелковъ, представляетъ въ такомъ мрачномъ видѣ положеніе города Харькова, что у читателя легко можетъ возникнуть сомнѣніе въ безпристрастіи изложенія, сдѣланнаго факультетомъ. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, такое сомнѣніе оказывается не имѣющимъ основанія; мнѣніе медицинскаго факультета подвергалось подробному обсужденію въ совѣтѣ университета и въ дѣлахъ его сохранились письменныя мнѣнія всѣхъ членовъ совѣта по этому вопросу. Если принять во вниманіе, что изъ 16 членовъ тогдашняго совѣта университета, семеро имѣли свои собственные дома въ Харьковѣ и что для этихъ лицъ было бы конечно очень невыгодно переѣзжать въ какое-либо другое мѣсто, а вопросъ шелъ, какъ указано выше, о томъ—оставлять ли университетъ въ Харьковѣ или нѣтъ,—то несомнѣнно, что со стороны ихъ было бы непремѣнно указано на невѣрность или пристрастность изложенія дѣлъ медицинскимъ факультетомъ, если бы это было такъ. Между тѣмъ ни въ одномъ изъ мнѣній членовъ совѣта нѣтъ заявленій такого рода; всѣ въ этомъ случаѣ согласны, какъ сторонники оставленія университета

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло совѣта 1814 г. № 7. (Изложеніе причинъ рождающихъ болѣзни въ г. Харьковѣ, составленное медицинскимъ факультетомъ Харьковскаго университета); мы кое-гдѣ для ясности только измѣнили слогъ; латинскій оригиналъ этой записки помѣщенъ въ „Дѣлѣ сов. о разныхъ предм. на иностр. яз." 1814 г. № 58, стр. 9—10, 45—46; документъ этотъ былъ напечатанъ б. ректоромъ Харьк. университета И. П. Щелковымъ съ нѣкоторыми сокращеніями въ „Стат. Листкѣ", издав. проф. П. П. Сокальскимъ (1883 г. № 5); но отнесенъ имъ къ 1815 году, тогда какъ составленъ онъ былъ въ 1814 году и тогда же обсуждалось это дѣло и въ совѣтѣ.

въ Харьковѣ, такъ и противники его; никто не оспаривалъ фактовъ, изложенныхъ медицинскимъ факультетомъ“ [1]).

Мы также считаемъ картину санитарнаго состоянія г. Харькова, нарисованную медицинскимъ факультетомъ, *въ общемъ* вѣрною, хотя думаемъ, что въ частностяхъ тутъ есть кое-какія преувеличенія. Замощеніе улицъ фашинникомъ (камня въ Харьковѣ не было), послужившее, по словамъ записки медицинскаго факультета, новымъ источникомъ загрязненія города, было все-таки шагомъ впередъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда не было рѣчи ни о какомъ замощеніи и улицы представляли изъ себя осенью и весною цѣлое море грязи. О немъ, а также о бревенчатой мостовой особенно заботились намѣстникъ Леванидовъ, губернаторъ Артаковъ и Бахтинъ. Первый въ 1796 г. издалъ приказъ о замощеніи фашинникомъ Московской и Екатеринославской улицъ и объ охранѣ одного изъ озеръ, съ чистою ключевою водою, находившихся въ городской чертѣ (еще предмѣстникъ его Чертковъ велѣлъ расчистить и углубить это озеро).—Губернаторъ Артаковъ въ 1802 г. писалъ городской думѣ, что едва ли нужно доказывать необходимость замощенія улицъ—ибо бывшая доселѣ грязь сдѣлала проѣздъ по нимъ не только затруднительнымъ, но прямо таки невозможнымъ; вслѣдствіе чего прекратился привозъ изъ окрестныхъ селеній въ городъ сельскихъ продуктовъ и наступила дороговизна. Губернаторъ рекомендовалъ по мѣстнымъ условіямъ устраивать по срединѣ улицъ фашинныя мостовыя, а по бокамъ ихъ закрытыя деревянныя канавы со стокомъ воды въ рѣки, озера или овраги. И однако по главной Московской улицѣ у Харьковскаго моста не было проѣзда отъ грязи и нужно было дѣлать, по свидѣтельству самого Артакова, дальніе объѣзды, чтобы попасть на этотъ мостъ. Николаевская и Торговая площади также были чрезвычайно грязны. Губернаторъ И. И. Бахтинъ, проѣзжая въ 1804 г. на пожаръ по Московской улицѣ, попалъ въ пропасть, изъ которой едва выбрался [1]). Неудивительно, что онъ потомъ энергично заботился объ очищеніи города; но эти заботы встрѣчали множество затрудненій—въ отсутствіи подходящаго матеріала для замощенія, ограниченности городскаго бюджета, отсутствіи инниціативы у тогдашней шестигласной городской думы и главное косности самого населенія.

Чтобы дать понятіе о настроеніи всего совѣта въ этомъ дѣлѣ, мы приведемъ теперь отдѣльныя мнѣнія нѣкоторыхъ изъ его членовъ; но предварительно замѣтимъ, что при рѣшеніи этого вопроса въ совѣтѣ

---

[1]) „Стат. Листокъ“, 1883, № 5.

[1]) Устинова. Харьковъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія (Харьк. кал. на 1886 г., стр. 101, 104—106).

голоса раздѣлились поровну. Половина стояла за оставленіе университета въ Харьковѣ, другая—за перенесеніе въ другой городъ; за первое мнѣніе высказались Шадъ, Дегуровъ, Делявинь, Нельдехенъ, Лангъ, Ванотти, Срезневскій и Успенскій; за второе—Шумлянскій, Пильгеръ, Дрейсигъ, Роммель, Гизе, Каменскій, Книгинъ и Швейкартъ; ректоръ университета Осиповскій не примкнулъ ни къ той, ни другой сторонѣ, остался при особомъ мнѣніи, которое состояло въ томъ, что университетъ могъ бы оставаться въ Харьковѣ, если бы были приняты извѣстныя мѣры къ оздоровленію города [1]). Вотъ что писалъ Осиповскій.

„Для уменьшенія въ городѣ Харьковѣ вредной грязи и для поддержанія въ немъ чистоты воздуха необходимо 1) вывезти весь навозъ, накопившійся въ теченіе многихъ лѣтъ въ болотахъ, на улицахъ и въ дворахъ обывателей, и, произведя нивеллировку города, замостить всѣ улицы камнемъ; 2) засыпать дворы жителей по крайней мѣрѣ пескомъ и ежегодно въ концѣ года, очищать отъ навоза; 3) на всѣхъ рѣчкахъ уничтожить, какъ въ городѣ, такъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, мельничныя плотины, которыя въ этой мѣстности сооружаются изъ навоза; воду рѣчекъ сдерживать водоотводными канавами, что впрочемъ будетъ стоить большихъ денегъ. Что же касается до перевода университета въ другой городъ, то я, какъ человѣкъ, постоянно живущій въ Харьковѣ, привязанный къ университету и совершенно незнакомый съ иными городами, не могу рекомендовать ни одного изъ нихъ для перехода туда университета“.

Роммель представилъ въ совѣтъ слѣдующую записку.

„Въ предписаніи его сіятельства г. министра совѣту заключаются три пункта, подлежащія нашему обсужденію и требующія точнаго и откровеннаго отвѣта.

---

[1]) Таковъ былъ истинный ходъ этого дѣла по документальнымъ даннымъ; этимъ опровергается разсказъ Роммеля въ его воспоминаніяхъ; сообщивъ о грязи, господствовавшей въ Харьковѣ (выдержку эту мы привели выше), Роммель прибавляетъ: „всѣ эти невыгоды подали намъ мысль просить о переводѣ университета въ Кіевъ. Я со Стойковичемъ изготовилъ уже проектъ, назначенный для отправленія въ Петербургъ; почти всѣ профессора приложили свои подписи, какъ вдругъ одинъ русскій, несогласный съ нами, испортилъ чернильными пятнами нашъ документъ и тѣмъ разрушилъ весь проектъ“. Дѣло, какъ мы видѣли, происходило совсѣмъ иначе. Вопросъ о перенесеніи университета въ другой городъ исходилъ отъ министерства; противъ проекта высказался не одинъ русскій профессоръ, а половина членовъ совѣта, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ иностранцевъ. Эпизодъ о чернильныхъ пятнахъ сомнителенъ и во всякомъ случаѣ не могъ бы имѣть такого значенія, какое ему приписываетъ Роммель; самъ Роммель въ своей запискѣ имѣлъ въ виду не одинъ Кіевъ, а и Курскъ, вообще же члены совѣта предоставляли выборъ мѣста для университета высшему начальству.

1. *Относительно нездороваго климата г. Харькова и качества почвы или, лучше сказать, грязи.*

Изъ отношенія медицинскаго факультета, которое безъ замедленія должно быть отослано къ его сіятельству г. министру, явствуетъ, что городъ страдаетъ такою нездоровостью и почвы, и воды, и воздуха, такою сыростью отъ грязи и болотъ, застаивающихся и въ немъ, и въ его окрестностяхъ, что не только различныя эпидемическія болѣзни каждый годъ мучатъ и ослабляютъ горожанъ, какъ русскихъ, такъ, въ особенности, иностранцевъ, но даже чрезмѣрная смертность дѣлаетъ эту мѣстность гибельной. Что это согласно съ истиной и не преувеличено, это доказала неожиданная смерть многихъ членовъ университета, поразившая ихъ, къ великому его прискорбію, въ предыдущіе годы и происшедшая въ короткое время отъ лихорадокъ и другихъ эпидемическихъ болѣзней. Сверхъ того многіе студенты въ цвѣтѣ юности поражаются слабостью, лихорадками, частью возвращающимися и прерывающими ихъ занятія. О неимовѣрномъ количествѣ грязи, часто прерывающей университетскія лекціи, гласитъ отзывъ медицинскаго факультета.

2. *Есть ли средства для очистки города и исправленія этихъ вредныхъ и тяжелыхъ его свойствъ.*

a) Для основательнаго и хорошаго устраненія этихъ свойствъ нужно истратить много труда и денегъ, такъ какъ необходимо не только основательно очистить городъ отъ грязи и нечистотъ, но и провести водоотводныя канавы и устроить мостовую. Для исполненія этихъ работъ необходимы искусные инженеры, а также много матеріаловъ, неимѣющихся по близости. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ еще въ этой мѣстности не существуетъ сооруженій и работъ, необходимыхъ въ этомъ случаѣ.

b) Правда, по предписанію губернатора, можно было бы принять временныя мѣры, но такъ какъ существованіе университета разсчитано на вѣка, а не на годы, то такая эфемерная поправка не принесла бы никакой пользы обществу.

3. *Необходимо ли и предпочтительно ли перенесеніе университета въ другое мѣсто, какой городъ надо предпочесть изъ за его лучшихъ качествъ и сколько приблизительно стоило бы это перенесеніе?*

Его сіятельство г. министръ, мудрѣйшій нашъ правитель, пріобрѣтетъ большую заслугу въ дѣлѣ народнаго образованія, если, при такой коренной и основной непригодности г. Харькова для пребыванія въ немъ университета, испроситъ у Милостивѣйшаго Государя разрѣ-

шеніе и необходимыя средства для того, чтобы переселить насъ самихъ и перенести наши занятія и университетъ, который погибнетъ здѣсь рано или поздно, въ другое мѣсто, болѣе здоровое и болѣе благоустроенное. Для этой цѣли, по моему мнѣнію, самыми подходящими являются или—Курскъ въ нашемъ округѣ, по здоровости, чистотѣ и большему своему благоустройству, или—Кіевъ, знаменитѣйшій во всей южной Россіи, древній, славный зданіями и учрежденіями, выдающійся также по сношеніямъ съ заграничными странами. (Весьма желательно, чтобы его сіятельство г. министръ сдѣлалъ между ними выборъ). Такъ какъ до сихъ поръ въ этомъ городѣ не выстроено ни одного болѣе или менѣе значительнаго зданія на счетъ университета или для университета, то расходы по переводу его должны быть разсчитаны сообразно съ разстояніемъ того мѣста, куда онъ будетъ переведенъ. Я думаю, что могу сказать утвердительно по крайней мѣрѣ то, что переводъ потребуетъ меньшихъ расходовъ, чѣмъ тщательная и удовлетворительная очистка города, исправленіе и замощеніе городскихъ улицъ. А что щедрѣйшій и милостивѣйшій Императоръ по своей мудрости позаботится о томъ, чтобы профессора нашего университета, сильно стѣсненные въ экономическомъ отношеніи и огромными расходами приспособленія домовъ, и необходимостью содержать лошадей, и большою дороговизной въ нашемъ городѣ всѣхъ прочихъ предметовъ, не понесли никакого убытка,— въ томъ мы совершенно увѣрены и должны быть увѣрены. Присоединяюсь къ этому мнѣнію проф. Иванъ Книгинъ. И я присоединяюсь проф. Пильгеръ. Присоединяюсь къ этому мнѣнію проф. Шумлянскій. Присоединился также профессоръ Каменскій.

А вотъ письменный отвѣтъ проф. Швейкарта.

На 1-й вопросъ *о нездоровомъ климатѣ.*

Отвѣчаю, что согласенъ съ мнѣніемъ врачей, подтвержденнымъ печальнымъ опытомъ.

На 2-й—*можно ли устранить зло.*

Отвѣчаю, что причинъ его такъ много и онѣ столь значительны, что нельзя ихъ всѣхъ устранить въ короткое время. Существуетъ вѣдь коммиссія, учрежденная для этой цѣли,—что же она до сихъ поръ сдѣлала? Кромѣ того присоединяются еще хорошо извѣстныя вамъ нравственныя причины, которыя также требуютъ перевода университета.

На 3-й—*о выборѣ мѣста.*

Университетъ должно перевести въ древнее мѣстопребываніе наукъ и источникъ культуры малороссійской, т. е. въ Кіевъ. Этого требуютъ слава города, многочисленность жителей всѣхъ сословій, большая торговля, производящаяся тамъ, и вытекающія отсюда удобства жизни, а

въ особенности близость такихъ мѣстъ, въ которыхъ процвѣтаютъ науки. Иностранные ученые, которыхъ будутъ приглашать изъ-заграницы, конечно, охотнѣе поѣдутъ въ Кіевъ, чѣмъ въ Харьковъ. Изъ очертанія округа нашего университета нельзя извлечь аргумента противъ такого перевода. Вѣдь Харьковъ выбранъ не потому, чторасположенъ въ центрѣ округа, но округъ былъ созданъ послѣ того, какъ онъ былъ выбранъ. По избраніи другого мѣста надо образовать и другой округъ. Въ самомъ дѣлѣ, если къ Казанскому университету присоединить Воронежскую губернію и двѣ казачьихъ области, а на ихъ мѣсто поставить Кіевскую, Могилевскую, Минскую, Волынскую и Подольскую губерніи, то получится округъ почти такого же пространства, въ центрѣ котораго будетъ лежать г. Кіевъ; онъ какимъ то чудомъ находится на равномъ разстояніи отъ крайнихъ городовъ, въ которыхъ существуютъ гимназіи, т. е. отъ Минска, Могилева, Орла, Курска, Харькова, Екатеринослава, Херсона и Одессы. Сверхъ того я прошу, чтобы университетъ былъ переведенъ не раньше, чѣмъ въ Кіевѣ будутъ выстроены необходимые дома (и при томъ на горѣ, въ Дворцовой части), и будутъ замощены улицы".

Швейкартъ представилъ еще и другое мнѣніе, заключающее въ себѣ возраженіе Успенскому, который стоялъ за оставленіе университета въ Харьковѣ.

„Выслушавши мнѣніе проф. Успенскаго, считаю необходимымъ добавить слѣдующее.

1. Августѣйшій Императоръ учредилъ нашъ университетъ на вѣки; поэтому я не вижу причинъ, по которымъ это мѣшаетъ переводу, такъ какъ съ перемѣной мѣста учрежденіе не измѣнится.

2. Не только наша губернія пожертвовала деньги, но и тѣ, въ которыхъ университета никогда не было и никогда не будетъ.

3. Если университетъ, основанный въ другомъ мѣстѣ, будетъ все болѣе и болѣе процвѣтать, то вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда получится большая польза и для губерній, составляющихъ его округъ. Поэтому университетъ, переведенный въ другое, болѣе удобное мѣсто, будетъ полезнѣе и какъ бы ближе къ нашей губерніи, чѣмъ находящійся въ центрѣ ея, но едва влачащій свое существованіе. Только бы мы отвлеклись отъ меркантильныхъ соображеній, какъ это подобаетъ въ такомъ дѣлѣ.

4. Дворяне нашей губерніи, любящіе свою родину и науки, одобрятъ всѣ мѣры, направленныя къ благу университета, а слѣдовательно и переводъ его въ болѣе удобное мѣсто, въ особенности если деньги, пожертвованныя ими, будутъ употреблены для учрежденія, увеличенія и содержанія школъ въ самой губерніи. На эти деньги можно пріоб-

рѣсти ботаническій садъ, книги, инструменты, минералы и прочіе для него ненужные предметы, даже дома профессоровъ, въ которыхъ могутъ жить учителя гимназіи. Какое украшеніе будетъ для города и всей губерніи, если Харьковская гимназія будетъ снабжена всѣмъ этимъ"!

А вотъ мнѣніе проф. Дрейсига.

Отвѣтъ на вопросы первый, второй и третій.

„Всѣмъ прекрасно извѣстно, что Харьковскій воздухъ весьма нездоровъ, отчасти вслѣдствіе мѣстоположенія, не соотвѣтствующаго условіямъ здравія, отчасти вслѣдствіе крайней нечистоты, грязи и навоза, скопившагося въ теченіе весьма продолжительнаго времени. Такъ какъ мѣстоположенія города измѣнить нельзя, то возможно было бы устраненіе только одной причины, вызывающей болѣзни, именно очистка его, осушеніе болотъ и двухъ рѣкъ, перерѣзывающихъ его и большею частью застаивающихся. Другихъ причинъ, заключающихся въ слишкомъ низкомъ его мѣстоположеніи среди горъ, въ котловинѣ, измѣнить нельзя. Поэтому я присоединяюсь къ мнѣніямъ другихъ профессоровъ, настаивающихъ на переводѣ университета въ другой городъ, не столь вредный для здоровья жителей.

Отвѣтъ на вопросы четвертый, пятый и шестой.

Наилучшимъ пунктомъ для нашего университета мнѣ представляется г. Кіевъ, а именно по той причинѣ, что въ немъ есть большое каменное зданіе, принадлежащее казнѣ, съ отличнымъ садомъ; городъ этотъ культурнѣе другихъ ближайшихъ городовъ нашего округа и находится въ болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ съ иностранными землями. Если бы послѣдовалъ переводъ университета, то мнѣ кажется необходимымъ, чтобы предварительно были выстроены не только зданія для надобностей университета, но и дома для отдѣльныхъ членовъ его; только подъ условіемъ исполненія этого желанія я присоединяюсь къ мнѣнію тѣхъ профессоровъ, которые желаютъ перехода университета въ другой городъ. О приблизительной стоимости самаго перевода судить не могу". Къ этому мнѣнію присоединился и Гизе.

Университетъ однако остался, къ великому счастію города, въ Харьковѣ. Да иначе и не могло быть; закрытіе университета въ одномъ городѣ и перенесеніе его въ другой были бы сопряжены съ огромными затрудненіями и затратами. Конечно, санитарное состояніе Харькова было ужасное, въ особенности съ точки зрѣнія иностранцевъ. Но грязь и пыль царила тогда во всѣхъ русскихъ городахъ. Кіевъ стоялъ несравненно выше Харькова по своему географическому положенію и по количеству жителей; но и въ немъ не было чистоты и благоустройства. Посѣтившій его въ 1799 году Измайловъ говоритъ: „нѣтъ домовъ ка-

менныхъ, нѣтъ порядка въ строеніи, нѣтъ регулярности и архитектуры. Улицы не мощены, пески покрываютъ ихъ. Пѣшеходецъ глотаетъ несносную пыль и туманный столбъ вьется безпрестанно вокругъ проѣзжающихъ. Самый Подолъ, болѣе населенный, нежели другія части, не имѣетъ совсѣмъ вида города. Деревянныя кровли, низкія хижины прикрываются церквями и монастыремъ. Улицы такъ узки на Подолѣ, что едва ли двое дрожекъ могутъ разъѣхаться. Сообщеніе между тремя частями города чрезвычайно затруднительно, оттого что горы отдѣляютъ ихъ одну отъ другой. Кажется, что вы видите три разныхъ селенія. Я говорю селенія, ибо весь Кіевъ едва ли заслуживаетъ названія города" [1]). Другой путешественникъ Левшинъ, бывшій въ Кіевѣ въ 1815 году, такъ описываетъ лучшую часть города: „кривая довольно грязная улица, унизанная по обѣимъ сторонамъ вывѣсками различныхъ ремесленниковъ, привела насъ на большую площадь, которая, какъ кажется, составляетъ украшеніе города. Тамъ дворецъ, тамъ присутственныя мѣста, тамъ 2 или 3 прекрасныхъ дома частныхъ людей, тамъ рядъ молодыхъ березокъ, изъ-за которыхъ синѣетъ Днѣпръ и отдаленныя окрестности Кіева" [2]). Кіевъ произвелъ впечатлѣніе на Левшина главнымъ образомъ красотою своего мѣстоположенія. Къ 1820 году, по свѣдѣніямъ Берлинскаго, въ Кіевѣ было 3968 домовъ, изъ нихъ каменныхъ только 49, жителей около 40000, лавокъ каменныхъ 147, деревянныхъ—214, 3 гостинныхъ двора и деревянный театръ; торговля сосредоточивалась на Подолѣ; тамъ же помѣщалось и высшее учебное заведеніе въ краѣ— духовная академія [3]). Такимъ образомъ, Кіевъ былъ гораздо населеннѣе (въ 2½ раза), неизмѣримо красивѣе Харькова, былъ географически ближе къ Европѣ, но въ другихъ отношеніяхъ мало чѣмъ отличался отъ него и превосходилъ его, поэтому едва ли бы онъ могъ вполнѣ удовлетворить требовательныхъ иностранцевъ.

Какъ бы то ни было возбужденное министромъ дѣло о перенесеніи университета въ другой городъ окончилось ничѣмъ. Быть можетъ, тутъ оказала свое вліяніе и извѣстная намъ петиція харьковскаго дворянства, поданная Государю. Но самое возбужденіе вопроса объ оздоровленіи Харькова имѣло полезные результаты и должно быть поставлено въ заслугу университету [1]): тогдашній губернаторъ И. И. Бахтинъ подъ

---

[1]) Горленко. Южнорус. очерки и портреты. К. 1898, стр. 83.

[2]) Письма изъ Малороссіи. Х., 1816, стр. 91—92.

[3]) Горленко. Южнорус. очерки и портреты. К. 1898, стр. 84.

[1]) Любопытенъ эпизодъ, въ которомъ въ качествѣ обвиняемаго въ нарушеніи санитарныхъ условій пришлось выступить университету. Въ сентябрѣ 1813 года полиціймейстеръ вошелъ въ правленіе университета съ отношеніемъ, въ которомъ сообщалъ,

вліяніемъ ея приложилъ не мало заботъ къ устройству въ Харьковѣ мостовыхъ, очисткѣ города и вообще къ городскому благоустройству. Правда, всѣ эти мѣры были недостаточны, чтобы очистить Харьковъ отъ накопившейся въ немъ въ теченіе $1^1/_2$ столѣтійгрязи; но имѣло значеніе и то, что ясно и опредѣленно было указано какъ самое зло, такъ и причины его. А раньше къ нему такъ привыкли, что никто серьезно и не думалъ бороться съ нимъ. И это понятно: въ концѣ XVIII вѣка врачебная помощь въ Харьковѣ была совершенно недостаточна и являлась какъ бы роскошью; теперь здѣсь возникло новое врачебное учрежденіе, въ видѣ медицинскаго факультета, видными дѣятелями въ которомъ были профессора-иностранцы, привыкшіе къ большей городской чистотѣ и благоустройству и не могшіе переносить санитарныхъ безобразій Харькова; неудивительно, что при такихъ условіяхъ явилась мысль о болѣе радикальныхъ мѣрахъ къ оздоровленію Харькова или о переводѣ университета въ другой городъ. Самый переводъ не состоялся—сдѣлать это было слишкомъ трудно—но шумъ, поднятый по этому дѣлу, имѣлъ благія послѣдствія, нарушивъ нѣсколько общій сонъ и благодушное довольство. Особенно заволновалось мѣстное дворянство, возбужденное виновникомъ основанія Харьковскаго университета В. Н. Каразинымъ, которому не возможно было примириться съ мыслью, что всѣ его усилія и всѣ матеріальныя жертвы, принесенныя сословіями для учрежденія университета въ Харьковѣ, окажутся безплодными и единственное на всю южную Россію учебное заведеніе перейдетъ въ Кіевъ или Курскъ. В. Н. Каразинъ прочиталъ предъ дворянствомъ записку и рѣшено было подать прошеніе на Высочайшее имя объ оставленіи университета въ Харьковѣ. Министръ народнаго просвѣщенія, получивъ отъ ректора копію этого прошенія, представилъ его Государю вмѣстѣ со своимъ объясненіемъ слѣдующаго содержанія.

„Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года ректоръ Харьковскаго университета, по случаю тому, что въ немъ заготовляются смѣты на постройку университетскихъ зданій, на принадлежащей университету за

что изъ казеннаго дома, занимаемаго университетомъ, былъ вывезенъ навозъ и выброшенъ прямо на улицу; но такъ какъ подобную нечистоту запрещено разбрасывать по улицамъ всѣмъ вообще жителямъ города, то онъ рѣшилъ произвести по этому поводу слѣдствіе и проситъ прислать для него депутата отъ университета. Правленіе призвало для объясненія экзекутора, который не отрицалъ самаго факта, но заявилъ, что это было сдѣлано слугою бывшаго ректора Стойковича, который выѣхалъ вмѣстѣ со своимъ господиномъ изъ Харькова. Въ такомъ смыслѣ сдѣлано было сообщеніе и полицій-мейстеру. Изъ этого факта можно сдѣлать благопріятный выводъ для университета: отсюда видно, что обыкновенно университетъ не выбрасывалъ своего навоза на улицу (Харьк. унив. арх. Журн. правл. 1813, сентябрь—декабрь; засѣданіе 4 сентября).

городомъ землѣ представилъ мнѣ о неудобности сооруженія тамъ ихъ. Кромѣ того еще и раньше неоднократно имѣлъ я представленія, что въ Харьковѣ весьма нездоровый воздухъ и что бываютъ въ немъ во время осени и весны чрезвычайныя грязи, по причинѣ которыхъ принуждены бываютъ закрывать классы какъ въ самомъ университетѣ, такъ въ гимназіи и училищахъ. По этимъ причинамъ предложилъ я университету войти въ разсмотрѣніе, не находится ли какихъ способовъ къ отвращенію всѣхъ означенныхъ неудобствъ, если же не найдется, то не выгоднѣе ли будетъ перемѣстить его въ другой городъ. Нынѣ не успѣлъ я получить на это отъ университета представленія его, какъ уже ректоръ пишетъ ко мнѣ, что статскій совѣтникъ Каразинъ, въ собраніи дворянства Слободско-Украинской губерніи прочитавъ разсужденіе свое о разныхъ яко бы въ университетѣ безпорядкахъ и что онъ ищетъ перемѣститься въ другой городъ, склонилъ дворянство поднести Вашему Императорскому Величеству чрезъ находящагося нынѣ въ Петербургѣ депутата на счетъ университета прошеніе. Я счелъ долгомъ, предваривъ объ этомъ Ваше Величество, представить и копію съ упомянутаго прошенія; при чемъ по начальству своему надъ этимъ заведеніемъ всеподданнѣйше изъясняю, что университетъ въ этомъ случаѣ нисколько невиновенъ, и что если прежде и были какія безпорядки, то они происходили отъ бывшаго ректора Стойковича, который уже смѣненъ и вышелъ въ отставку. Впрочемъ нельзя не сожалѣть, что попечитель уже пять лѣтъ проживаетъ за границею, и нѣтъ сомнѣнія, что если бы находился попечитель, то, обозрѣвая университетъ на мѣстѣ, могъ бы видѣть и судить ближе о надобностяхъ и пользахъ его“ [1]).

По всей вѣроятности, идея о переводѣ университета въ другой городъ не встрѣтила одобренія и со стороны Императора Александра I — и Харьковъ такимъ образомъ избѣжалъ страшной опасности, которая могла бы имѣть самое гибельное вліяніе на его послѣдующую судьбу; если бы онъ лишился университета, то, конечно, теперь не выходилъ бы изъ уровня губернскихъ городовъ средней руки.

Таковы были природныя условія г. Харькова и ихъ вліяніе на университетскую среду. Посмотримъ теперь, что представлялъ изъ себя Харьковъ въ началѣ XIX вѣка по количеству и составу своего населенія и каково было взаимодѣйствіе мѣстной и университетской среды.

Въ 1802 г., т. е., передъ самымъ открытіемъ университета, Харьковъ представлялъ изъ себя небольшой, малонаселенный, но съ развитою торговою дѣятельностью городокъ. Въ немъ было 5373 души мужескаго

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Просв. Дѣло № $^{5847}/_{157}$.

пола, значитъ не болѣе 10000—11000 человѣкъ обоего пола. Главный контингентъ жителей составляли казенные поселяне или иначе войсковые обыватели, т. е., потомки прежнихъ слободскихъ казаковъ; ихъ было 3415 душъ муж. пола; затѣмъ въ нисходящемъ порядкѣ шли слѣдующія группы: мѣщане и цеховые (876 чел.), помѣщичьи крестьяне (413 ч.), купцы (406 чел.), дворяне, старшины и духовные (263 чел.). Главнымъ занятіемъ казенныхъ поселянъ было сельское хозяйство, мелкіе промыслы и торговля. Харьковъ славился своею торговлею, какъ постоянною, такъ особенно ярмарочною. Настоящихъ купцовъ было 166 душъ, изъ коихъ 1-й гильдіи 2, 2-й 5 и 3-й 159. Обороты Крещенской ярмарки доходили до 10 мил., Успенской до 8.

Самую видную роль въ городѣ играла наименѣе многочисленная, но наиболѣе образованная группа населенія—чиновники, дворяне и духовенство. Профессора вновь основаннаго университета, естественно, примкнули къ послѣдней и замѣтно усилили собой ряды мѣстной интеллигенціи. Это мы могли видѣть на Роммелѣ.

Роммель сообщаетъ намъ свѣдѣнія о различныхъ представителяхъ тогдашняго харьковскаго общества. Губернаторъ Иванъ Ивановичъ Бахтинъ выступаетъ у него съ положительными чертами, какъ просвѣщенный, мягкій и доброжелательный къ университету администраторъ, охотно водившій знакомство съ профессорами. „Во главѣ почетнѣйшихъ лицъ города стоялъ губернаторъ Бахтинъ, татарской крови. Разсказывали, что красавица жена (дочь какого то нѣмца, инспектора врачебной управы въ Тобольскѣ—примѣчаніе переводчика) вывела его на почетное мѣсто. Живая и кокетливая, она представляла рѣзкій контрастъ съ неповоротливымъ, дороднымъ и добрѣйшимъ своимъ супругомъ; за вистомъ она всегда была его оракуломъ. Меня привлекла ея любезность; съ очаровательной улыбкою поправляла она мои ошибки въ русскомъ языкѣ и давала дружескій совѣтъ жениться на русской. За обѣдомъ у нихъ я обыкновенно занималъ мѣсто противъ хозяина дома. Съ какою то нѣжностью говорилъ онъ о русскомъ стихотворцѣ Ломоносовѣ и любилъ также возвышенныя творенія нашего Клопштока, извѣстныя ему по переводамъ. Университету онъ искренно желалъ добра“ (въ доказательство этого Роммель указываетъ на ту роль, какую игралъ Бахтинъ въ извѣстномъ намъ эпизодѣ съ безпорядками въ Курской гимназіи, вызвавшими выговоръ совѣту). Цебриковъ рисуетъ Бахтина мрачными красками, но, думается намъ, тенденціозно, несправедливо, быть можетъ, на основаніи слуховъ и сплетень его враговъ въ бюрократической средѣ. Во всякомъ случаѣ отношеніе И. И. Бахтина къ университету и профессорамъ было корректное и предупредительное; и сынъ его, какъ мы знаемъ уже изъ

записокъ пѣвчаго Пѣхотинскаго, также былъ воспитанъ въ добрыхъ чувствахъ къ университету, былъ хорошимъ товарищемъ въ студенческой средѣ и нисколько не кичился своимъ аристократизмомъ. И. И. Бахтинъ былъ близокъ къ В. Н. Каразину, которому, какъ кажется, былъ обязанъ назначеніемъ на постъ Харьковскаго губернатора; такъ по крайней мѣрѣ сообщаетъ сынъ Василія Назарьевича Филадельфъ Васильевичъ, ссылаясь на черновое представленіе своего отца Императору Александру I. Первоначально И. И. Бахтинъ служилъ прокуроромъ въ Тобольскѣ. „Познакомившись, говоритъ Филадельфъ Васильевичъ, съ этимъ достойнымъ человѣкомъ во время службы своей въ государственномъ казначействѣ, Каразинъ осмѣлился указать на него Императору, когда слухи шли о перемѣнѣ Артакова, и имѣлъ утѣшеніе видѣть свое желаніе исполненнымъ.... Они остались по жизнь друзьями. И это былъ единственный изъ Харьковскихъ губернаторовъ, который удостоенъ былъ по окончаніи своей карьеры, продолжавшейся 13 лѣтъ, единодушной, *существенной* признательности жителей: они, съ Высочайшаго разрѣшенія, поднесли ему сумму денегъ, достаточную для уплаты всѣхъ, сдѣланныхъ имъ во время его губернаторства долговъ, простиравшихся до 40000 р. Имя Бахтина было вырѣзано на мраморной доскѣ, долго красовавшейся въ залѣ Харьковскаго дворянскаго собранія, а бюстъ его я помню еще въ Кручикѣ (деревнѣ Василія Назарьевича) стоявшимъ на живописномъ, окруженномъ тѣнистыми деревьями мѣстѣ, противъ жилища Каразина". И. И. Бахтинъ смѣнилъ Артакова, сильно тормозившаго открытіе Харьковскаго университета. Объ отношеніи И. И. Бахтина къ учрежденію въ Харьковѣ университета попечитель округа гр. С. О. Потоцкій писалъ министру народнаго просвѣщенія въ 1804 г.: „за обязанность поставляю засвидѣтельствовать о благорасположеніи къ университету и истинномъ усердіи къ общей пользѣ въ семъ краѣ господина здѣшняго гражданскаго губернатора, котораго попеченіямъ первоначальные успѣхи университета во многомъ приписать должно будетъ" [1]). Мы видѣли, что онъ часто обращался въ университетъ съ просьбами дать заключенія по разнымъ учено-практическимъ вопросамъ и принять участіе въ мѣстныхъ изслѣдованіяхъ—что опять таки свидѣтельствуетъ о его довѣріи и уваженіи къ университету. И. И. Бахтинъ самъ былъ не чуждъ литературы: еще проживая въ Тобольскѣ, онъ участвовалъ въ изданіи журнала „Иртышъ" (1789—1791 г.); въ 1816 г. въ Петербургѣ издалъ три сочиненія: 1) „Вдохновенныя идеи", 2) „Ревнивый"—драму въ 3 дѣй-

---

[1]) Русск. старина 1875 г., октябрь, стр. 278—279; біогр. замѣтка объ И. И. Бахтина въ Русск. Стар. 1870 г., т. I, стр. 451—454.

ствіяхъ и 3) „И я авторъ или разныя мелкія стихотворенія"; въ Вѣстникѣ Европы (ч. 55, 1811 г. № 2) есть его письмо по поводу представленія этой драмы [1]. Во всякомъ случаѣ непосредственное участіе въ литературѣ сближало И. И. Бахтина съ университетскими дѣятелями, которые также, какъ мы, знаемъ не чуждались этой послѣдней. Кн. Долгоруковъ, проѣзжавшій черезъ Харьковъ въ 1810 г., описываетъ пріемъ, устроенный ему у И. И. Бахтина, и говоритъ, что „въ Харьковѣ можно было безъ скуки проводить время, общество модное и очень хорошо собрано. Супруги губернатора и вицегубернатора—дамы любезныя и съ навыками большого свѣта. Гостепріимство въ обоихъ этихъ домахъ наилучшее, поступки соединяютъ милую простоту съ нѣжною разборчивостью большихъ городовъ. Не станемъ говорить о роскоши, она и здѣсь вошла въ кости каждаго. Наряды дамъ, убранство столовъ, изобрѣтеніе приправъ и соединеніе всѣхъ плодовъ, съ трудомъ снискиваемыхъ даже и въ этомъ климатѣ, все заставляетъ чувствовать прелести улучшеннаго свѣта. Жаль, что домы того и другого не отвѣчаютъ ихъ готовности угощать: малы, низки и для большой публики тѣсны. Одна благородная дѣвушка, дочь тутошняго чиновника, прекраснѣйшимъ образомъ играла на фортепіано не бездѣлки однѣ — вальсы, пѣсенки, романсы — совсѣмъ нѣтъ: самыя мудреныя ноты разыгривала, часто съ чувствомъ и выраженіемъ; немногіе и въ столицахъ нашихъ выдержали бы съ нею сравненіе.... Бостонъ и здѣсь въ модѣ, но я имъ не занимался" [2)]....

Нѣкоторые представители изъ высшаго мѣстнаго чиновничества открыто брало взятки. „Другого разбора (чѣмъ губернаторъ), говоритъ Роммель, былъ предсѣдатель уголовной палаты, родомъ Лифляндецъ, мастеръ пожить. Нерѣдко случалось, что когда онъ ѣздилъ по городу съ приглашеніями, купцы бросали ему на дрожки разные подарки. Носились также слухи, что въ темныя ночи онъ высылалъ своихъ людей на фуражировку по сосѣднимъ садамъ. Ему предстояло выдержать экзаменъ въ университетѣ для полученія высшаго чина—статскаго совѣтника; поэтому желая представить наглядныя доказательства своихъ познаній, онъ вступалъ за столомъ въ ученые разговоры, донельзя забавные, особенно съ профессоромъ физики Стойковичемъ. Другой оригиналъ былъ инспекторъ врачебной управы, который съ ничтожнымъ жалованьемъ въ 600 руб. ассигн. держалъ роскошный открытый столъ. Тайна объясняется очень просто: отъ него зависѣло освидѣтельствованіе

---

1) Справочный словарь Геннади, I, стр. 72.

2) Чтенія Моск. общ. 1869 г., кн. 2-я, стр. 54—55.

ежегодно поставляемыхъ помѣщиками рекрутъ (я видѣлъ однажды, какъ они бѣгали по двору совершенно нагіе); великодушно не досматривалъ онъ ихъ тѣлесныхъ недостатковъ, по мѣрѣ подарковъ. Relata refero! Полиціймейстеръ былъ обрусѣвшій нѣмецъ (по фамиліи Экъ — примѣчаніе переводчика). Слѣдующій случай привелъ меня познакомиться съ нимъ: въ одну зимнюю ночь пропали обѣ мои курляндскія лошади. Когда я сообщилъ объ этомъ полиціймейстеру, онъ спросилъ: „сколько жертвую я на это дѣло"? Въ цѣнѣ мы скоро сошлись. Немедленно отряженъ былъ полицейскій чиновникъ, который на слѣдующую ночь нашелъ лошадей въ сосѣднемъ городѣ Богодуховѣ, взялъ ихъ прямо изъ конюшни воровъ и доставилъ въ цѣлости ко мнѣ.

Кромѣ чиновничества профессорская коллегія была въ общеніи съ представителями чернаго и бѣлаго духовенства. Тогдашній харьковскій епископъ Христофоръ Сулима имѣлъ репутацію нелюдима, но къ университету онъ относился въ высшей степени благожелательно и охотно принималъ у себя профессоровъ и при томъ не только русскихъ, но и иностранцевъ. Цебриковъ разсказываетъ, что даже неистовый Шадъ бывалъ у архіерея и велъ съ нимъ бѣглый разговоръ по латыни. Онъ позволилъ, какъ мы видѣли, ученикамъ коллегіума посѣщать университетскія лекціи, что свидѣтельствуетъ объ его религіозной терпимости; такою же терпимостью было проникнуто тогда, по словамъ Роммеля, все русское православное духовенство. Попечитель округа гр. С. О. Потоцкій относился съ большимъ расположеніемъ къ епископу Христофору и выхлопоталъ ему орденъ Анны 1-й степени.

Еще ближе стоялъ къ университету ректоръ коллегіума Прокоповичъ, занимавшій эту должность 22 года и въ то же время „исполнявшій обязанности настоятеля градского Успенскаго собора, члена консисторіи, цензора и публичнаго толкователя по праздникамъ и воскреснымъ днямъ евангелія и апостола. О немъ сохранилась память, какъ о народномъ и краснорѣчивомъ проповѣдникѣ, обладавшемъ увлекательнымъ даромъ слова. Какъ авторъ нѣсколькихъ историческихъ и педагогическихъ сочиненій на русскомъ и латинскомъ языкѣ, онъ былъ почетнымъ членомъ Харьковскаго и Московскаго университетовъ. Старожилъ Топчій говоритъ, что Прокоповичъ въ общежитіи былъ ловкій, находчивый, пріятный собесѣдникъ, большой анекдотистъ, умѣвшій кстати вставить въ разговоръ латинскую пословицу, привести въ доказательство текстъ изъ священнаго писанія и при этомъ большой хлѣбосолъ" [1]). Особенно

---

[1]) См. книгу о. Ник. Лащенка: „Христофоръ, 1-й епископъ Слободской Украины", стр. 67—73.

въ близкихъ отношеніяхъ онъ былъ съ профессорами Харьковскаго университета, вышедшими изъ духовнаго званія—Рижскимъ и Успенскимъ; намъ извѣстны его рѣчи при открытіи университета и на погребеніи Рижскаго [1]). Очень близко къ университету стоялъ и извѣстный своею образованностью и педагогическими талантами Харьковскій священникъ о. Василій Фотіевъ [2]). Изъ среды же харьковскаго духовенства вышелъ и назначенный впослѣдствіи профессоромъ богословія въ Харьковскомъ университетѣ Аѳанасій Могилевскій [3]). Представителей университета и мѣстнаго духовенства сближали общіе педагогическіе и научно-литературные интересы. Значительная часть первыхъ студентовъ Харьковскаго университета вышла изъ коллегіума и несомнѣнно, что между питомцами обоихъ учебныхъ заведеній существовали такія же добрыя отношенія, какъ и между преподавателями ихъ, „если, по выраженію Московскаго митрополита Платона, духовные юноши собирали плоды познаній и съ цвѣтовъ свѣтской учености" [4]).

Мы видѣли, что иностранецъ Роммель женился на русской помѣщицѣ, также точно какъ и Стойковичъ, Павловичъ, Гесъ-де-Кальве; Нахимовъ и Палицынъ сами были помѣщиками. Вообще можно сказать, что профессорская среда стояла очень близко къ дворянской помѣщичьей; значительная часть студентовъ также принадлежала къ этому общественному слою; довольно много дворянскихъ семей проживало въ Харьковѣ постоянно; другіе по крайней мѣрѣ по временамъ наѣзжали въ Харьковъ на дворянскіе выборы, на его знаменитыя ярмарки для продажи своихъ продуктовъ и покупки здѣшнихъ; вообще тяготѣніе помѣщиковъ, особенно пригородныхъ, къ Харькову, какъ торговому и просвѣтительному центру, было значительное; мы видѣли, какъ часто и охотно они пользовались услугами университетскаго архитектора Васильева и профессора врача Пильгера. Среди тогдашнихъ харьковскихъ помѣщиковъ выдѣлялось особенно двое замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей—В. Н. Каразинъ и Маршаль Биберштейнъ. Роммель былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ тѣмъ и другимъ. „По сосѣдству съ городомъ, пишетъ онъ, жили двое дворянъ, Каразинъ и Биберштейнъ, знакомство съ которыми принадлежитъ къ прекраснѣйшимъ воспоминаніямъ моей жизни. Василій Назаровичъ Каразинъ, истинный основатель Харьковскаго университета, занимая должность статсъ-секретаря при Александрѣ, навлекъ чѣмъ то недовѣріе Императора и, поселившись среди

[1]) Ibidem, стр. 63—65.

[2]) См. о немъ мою „Украинскую старину". X. 1896, стр. 197—254.

[3]) О Ник. Лащенка. Христофоръ, стр. 26—27.

[4]) Ibidem, стр. 67—68.

малорусскаго довольно независимаго дворянства, пріобрѣлъ всеобщее уваженіе. Онъ былъ знакомъ со многими языками и литературами Европы; слѣдилъ за всѣми новѣйшими открытіями въ физикѣ и химіи и посвящалъ свое время ученымъ занятіямъ и опытамъ. Исполненный филантропическихъ идей, Каразинъ думалъ даже поставить своихъ крестьянъ на степень гражданъ и ввелъ между ними что-то въ родѣ суда присяжныхъ. Другой изъ этихъ замѣчательныхъ людей, генералъ Маршаль Биберштейнъ, извѣстенъ какъ издатель Кавказской флоры и авторъ путешествія по землямъ, лежащимъ между Терекомъ и Курою. Онъ жилъ недалеко отъ Харькова въ селѣ Мерефѣ, гдѣ я нерѣдко проводилъ время и расширялъ свои свѣдѣнія о Кавказѣ. Биберштейнъ первый ввелъ акацію въ украинскую мѣстность и управлялъ шелковичными плантаціями южной Россіи. Находясь въ сношеніяхъ со многими московскими вельможами, онъ получалъ свѣдѣнія о политическихъ дѣлахъ; въ его домѣ узналъ я кое-что о политическомъ положеніи Европы до нашествія Наполеона на Россію и послѣ того услышалъ также о патріотической рѣшимости русскихъ завлечь непріятеля во внутренность страны отступленіемъ à la manière des Scythes и пожертвовать даже престольною Москвою".

Женитьба на дочери помѣщика Чернова ввела Роммеля въ помѣщичій кругъ того времени, и онъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о болѣе видныхъ его представителяхъ. Дядя его жены Ковалинскій былъ генералъ-провіантмейстеръ Харьковскаго округа—и эта должность доставляла ему значительные доходы. „Замѣчательную пестроту представлялъ въ Харьковѣ, говоритъ Роммель, домъ Ковалинскаго. Жена его Меланья Григорьевна Лазарева была внучка того армянина, который завладѣлъ огромнѣйшимъ алмазомъ шаха Надира и продалъ его Екатеринѣ II. Некрасивая по наружности, съ большими глазами, съ большимъ носомъ, Меланья Григорьевна была однако-жъ очень умна и любила меня. Пользуясь присутствіемъ моего друга, полковника Бисси, она вздумала завести домашнее ученое общество. Бисси посвящалъ ей свои рисунки, набросанные въ свободные годы; иногда же для развлеченія ея мы составляли концертъ, въ которомъ я держалъ флейту. Я составилъ было планъ помѣстить нашего кругосвѣтнаго путешественника на каѳедру астрономіи при университетѣ; но онъ самъ отказался, когда узналъ, что противъ него поднимается интрига. Полковникъ Бисси былъ французскій плѣнный, захваченный при переправѣ черезъ Березину. Онъ родился въ Лондонѣ, изучалъ астрономію во Франціи, подъ руководствомъ Кассини, и въ качествѣ астронома сопровождалъ капитана Бодена во время кругосвѣтнаго путешествія". Генеральша Ковалинская

выбрала учителемъ своему единственному сыну сержанта Данцигскаго гарнизона, родомъ изъ Парижа. Этотъ отчаянный бонапартистъ часто сердилъ насъ донельзя своимъ нахальствомъ. Другомъ дома и главнымъ распорядителемъ по экономической части былъ осьмидесятилѣтній баронъ Гельдъ, бѣжавшій изъ Брабанта во время прежнихъ революцій. Утромъ онъ навѣдывался въ кухню, заказывалъ любимыя свои блюда и, надѣвъ старый рейтсюртукъ, отправлялся верхомъ на малорослой плохой лошаденкѣ. Слѣпой почитатель Вольтера, онъ чуть не молился на его портретъ, но совершенно не зналъ нѣмецкой литературы, которую я тщетно прославлялъ. Споры барона съ госпожею Ковалинскою, которая смотрѣла на его старческія слабости съ трогательною снисходительностью, всегда почти начинались фразою: vous savez, Melanie Gregorowna, que je suis un enfant de la révolution. Правою рукою генерала, по большей части находившагося въ разъѣздахъ, былъ честный старикъ нѣмецъ, Адамъ Христофоричъ, у котораго подъ командою состоялъ маленькій отрядъ кордонныхъ и огромный магазинъ бутылокъ съ разнообразнѣйшими питіями“. Братъ жены Роммеля Андрей Ивановичъ Черновъ пріобрѣлъ огромное состояніе поставками на молдавскую армію и былъ женатъ на дѣвицѣ Энгельгардтъ, внучатной племянницѣ князя Потемкина. Прекрасный по наружности, великодушный, почти космополитъ по образу мыслей, Черновъ слишкомъ увлекался игрой. Изъ отдаленныхъ губерній съѣзжались къ нему ежегодно одномыслящіе друзья играть въ банкъ. Мнѣ самому случалось видѣть, какъ они ставили по 4000 и 5000, на одну карту. Тутъ мой дядя въ другихъ случаяхъ скупой расплачивался за проигрышъ векселями и на будущіе доходы отъ вина, впередъ за нѣсколько лѣтъ. Здѣсь же видѣлъ я въ первый разъ молодого женина родственника Ивана Михайловича, сына Рязанскаго губернатора, который впослѣдствіи разрушилъ мое семейное счастье. Этотъ миніатюрный Сарданапалъ тогда же заключилъ постыдную мѣну съ моею черезъ чуръ снисходительною тетушкою: онъ взялъ у нея молодую турчанку въ обмѣнъ на вѣрнаго мавра; черный рабъ, скрежеща зубами, бросилъ къ ногамъ своего безчувственнаго господина 100 рублей, предложенные ему въ утѣшеніе. Для характеристики украинскихъ нравовъ разскажу еще о двухъ нашихъ визитахъ. Мы пріѣхали къ одному помѣщику, дочери котораго по старинному русскому обычаю привѣтствовали меня поцѣлуемъ; но были сильно смущены, когда старый ихъ папа, не зная ничего о новыхъ учрежденіяхъ и университетахъ въ Россіи, началъ болтать и поставилъ въ одинъ классъ профессоровъ, комедіантовъ и бродягъ.... Тамъ же я встрѣтилъ стараго полковника, добрѣйшаго крикуна, несмотря на то, что, отходя ко сну,

онъ осыпалъ своихъ слугъ страшнѣйшими ругательствами. Брань принималась, какъ особый знакъ ласки и возбуждала во мнѣ неумолкаемый хохотъ".

Таковъ былъ помѣщичій кругъ, какъ его рисуетъ въ живыхъ правдивыхъ портретахъ Роммель. Онъ отличался крайнимъ разнообразіемъ своего состава: тутъ были европейски образованные люди, въ родѣ Каразина и Биберштейна, съ которыми дружески могли сойтись даже иностранные профессора; тутъ были и не столь выдающіеся лица, въ родѣ Ковалинскаго или Чернова, проникнутые однако космополитическими идеями и окружавшія себя въ домашнемъ быту иностранцами; наконецъ, попадались и такіе захолустные старцы, которые не отличали профессора отъ комедіанта и бродяги; но дѣти ихъ уже не были похожи на нихъ. Вообще же можно, кажется, сказать, что въ средѣ помѣстнаго дворянства профессорская коллегія могла найти не мало лицъ достаточно образованныхъ съ развитыми духовными потребностями, вообще близкихъ къ себѣ по ихъ общему культурному развитію. Профессора иностраннаго происхожденія естественно больше тяготѣли къ иностранцамъ. Таковыхъ въ Харьковѣ и губерніи было вообще не много; но къ 1814 году, количество ихъ значительно возрасло—появились турецкіе, греческіе и французскіе плѣнные. Турецкіе плѣнные были поселены въ окрестностяхъ Харькова, но самъ губернаторъ приглашалъ ихъ къ себѣ на балы. Первое мѣсто между плѣнными занимали прежній господарь Молдавіи и Валахіи Карлъ Каллимахи и его министръ Ѳедоръ Негри". Роммель близко сошелся съ тѣми и другими. „Оба они свободно объяснялись, разсказываетъ онъ, по французски, разсказали мнѣ о различныхъ качествахъ турокъ, сидѣвшихъ вокругъ насъ, и выразили желаніе прослушать у меня особый курсъ римской литературы. Каждый день ѣздилъ я на ихъ квартиру и во время лекцій, при которыхъ присутствовалъ также секретарь господаря, меня угощали трубкою турецкаго табаку и чашкою левантскаго кофе, приготовляемаго слугою на нашихъ глазахъ. Мои лекціи начались краткимъ курсомъ грамматики; приготовленіе на дому и природныя дарованія моихъ учениковъ очень облегчили меня. Дѣло пошло успѣшно и скоро мы перешли къ Проперцію и Тибуллу, любимымъ писателямъ господаря. Кроткій, милый его характеръ виденъ какъ изъ этого выбора, такъ и изъ нѣжной его переписки съ молодою женою, оставшеюся въ Константинополѣ. Негри имѣлъ болѣе философское направленіе; по его желанію, переведено было на французскій и латинскій языки нѣсколько лучшихъ нѣмецкихъ сочиненій по философіи"... Конечно, не одинъ Роммель находился въ общеніи съ указанными выше разрядами тогдашняго харьковскаго общества, а и многіе другіе, какъ иностранцы, такъ и русскіе.

Остановимся теперь подробнѣе на отношеніи мѣстнаго дворянскаго и чиновничьяго элемента къ университету, какъ представителю высшаго образованія. Вопросъ этотъ требуетъ внимательнаго разсмотрѣнія особенно въ виду того, что по поводу его источники разногласятъ между собою. Остановимся на трехъ изъ нихъ—свидѣтельствахъ гр. Потоцкаго, Роммеля и Розальонъ-Сошальскаго.

С. О. Потоцкій пріѣхалъ въ Харьковъ къ открытію университета 17 января, 1805 года. Описывая торжество открытія, онъ пишетъ оффиціально министру: „присутствовавшіе при этомъ дворяне и граждане принимали также участіе въ этомъ торжествѣ; они, казалось, забывали тѣ неудовольствія, кои оказывали доселѣ нѣкоторые изъ нихъ, видя, что опредѣляемыя ими суммы назначаются не на военное училище, изъ котораго бы дѣти ихъ выходили съ званіемъ военнаго офицера; забывали тѣ роптанія, которые изъявляли время отъ времени о сдѣланныхъ ими пожертвованіяхъ и вкушали чистѣйшее удовольствіе достойное благородныхъ сердецъ! „Въ другомъ частномъ письмѣ тому же гр. П. В. Завадовскому гр. С. О. Потоцкій говоритъ: „сколь ни затруднительна и непріятна была дорога, однако при всемъ томъ не сожалѣю я, что рѣшился ѣхать въ Харьковъ. Многочисленное стеченіе дворянства, съѣхавшагося въ это время частію по причинѣ ярмарки, частію для открытія университета доставило мнѣ удобный случай имѣть понятіе объ образѣ мыслей здѣшнихъ жителей въ разсужденіи воспитанія дѣтей своихъ. Чѣмъ болѣе познаю я эту страну, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь я, что она весьма различествуетъ отъ другихъ странъ, которыя ревностно бы воспользовались благотворными средствами, ведущими къ просвѣщенію. Въ мѣстахъ этихъ науки имѣютъ не довольно пріятностей, чтобъ сами собою могли привлекать къ себѣ и надлежитъ употреблять различные способы, чтобы показать ихъ цѣну; необходимо изыскивать всѣ средства, чтобы пріохотить, чтобы убѣдить воспользоваться ими; это самое заставляетъ меня посѣщать эту страну сколь возможно чаще“. Затѣмъ далѣе гр. Потоцкій говоритъ о ревности къ просвѣщенію и расположеніи къ университету мѣстнаго преосвященнаго (Христофора Сулимы), которому и проситъ дать орденъ Анны 1-й степени (что и было исполнено). „Высочайшее благоволеніе, изъявленное ему по такому случаю, возбудитъ другихъ съ большимъ усердіемъ относиться къ наукамъ и принесетъ обильную пользу университету и другимъ учебнымъ заведеніямъ“ [1]). Роммель, сообщивъ, что ординарные профессора кромѣ обыкновенныхъ дворянскихъ преимуществъ

---

[1]) Архивъ Мин. Нар. Прос. Дѣло № $^{5520}/_{153}$.

состояли еще въ 7 классѣ по должности, т. е., имѣли чины надворныхъ совѣтниковъ или подполковниковъ, прибавляетъ: „можно составить себѣ понятіе о зависти и недоброжелательствѣ, съ какими чинолюбивое и нетерпѣвшее ученья туземное дворянство преслѣдовало профессоровъ, особенно иностранныхъ, наперекоръ благимъ намѣреніямъ правительства. Эти непріязненныя чувства закоснѣлыхъ русскихъ, не умѣвшихъ отличить тѣхъ искателей приключеній, неучей, которые наплывали во времена Екатерины и величались самозваннымъ титуломъ профессоровъ, отъ новыхъ профессоровъ, вызванныхъ изъ заграничныхъ университетовъ, подбавили пищи ко всеобщей ненависти противъ иностранцевъ, дошедшей до опаснаго раздраженія при нападеніи французовъ". Послушаемъ теперь, что говоритъ по этому поводу представитель дворянской среды, бывшій студентъ Харьковскаго университета, Розальонъ-Сошальскій. „Невѣрна, говоритъ онъ, выписка въ статьѣ г. К—аго изъ письма попечителя университета министру просвѣщенія: „не чувствуя благотворнаго вліянія наукъ или имѣя о нихъ весьма темное понятіе, не радѣютъ они (дворяне) о воспитаніи дѣтей своихъ, будучи лишены всѣхъ нужныхъ къ тому средствъ". Или, что значатъ эти слова: „они лучше соглашаются записать ихъ въ службу, оставя навсегда необразованными, нежели усовершенствовать ихъ знанія, и не хотятъ дозволять дѣтямъ своимъ свыше 14 лѣтняго возраста посѣщать гимназій" [1])? Здѣсь на столько правды, насколько неоспоримо то, что образованіе подвигается всегда постепенно, что экономическія причины родителей часто лишаютъ ихъ возможности даже при желаніи давать дѣтямъ высшее образованіе, что безпрестанныя войны того времени должны были увлекать молодыхъ дворянъ на поле чести и отличій, но во всякомъ случаѣ слова эти заключаютъ болѣе несправедливаго обвиненія, чѣмъ истины. Не думаю, чтобы отецъ мой былъ исключеніемъ между дворянами, но онъ сильно сочувствовалъ образованію, хотя, какъ самъ выразился, выучился грамотѣ кое какъ у дьяка за мѣдные гроши; онъ часто говорилъ мнѣ, что дворянинъ долженъ быть просвѣщенъ, прибавляя иногда: въ военной службѣ можно пожалуй еще служить и недоучкѣ, но для гражданской необходимы познанія (самъ отецъ, прослуживши 6 лѣтъ вахмистромъ—унтеръ-офицеромъ въ Харьковскомъ гусарскомъ полку, съ сильною раною—пикою въ животъ во время крымской войны—вышелъ въ отставку прапорщикомъ и какъ не служившій въ офицерскомъ чинѣ не имѣлъ голоса и стула въ дворянскомъ собраніи). Когда отецъ возвратился изъ Харькова съ торжества при открытіи университета, то раз-

---

[1]) См. это письмо на 787 стр. настоящаго труда.

сказывалъ объ этомъ съ такимъ энтузіазмомъ, говоря о произнесенныхъ рѣчахъ, о блестящихъ надеждахъ для общества отъ просвѣщенія (вообще же онъ былъ задумчивъ и больше молчаливъ), что я слушая его ощущалъ, будто бы меня окружало какое то обаяніе; я всегда былъ впечатлителенъ. Но дѣйствительно были дворяне со средствами, превосходившими средства моего отца, которые не торопились опредѣлять сыновей въ университетъ. Въ 1814—1816 гг. вмѣстѣ со мною было уже больше ста студентовъ, большею частью дворянъ изъ всѣхъ губерній Харьковскаго учебнаго округа. Могло быть, что такому взгляду на образованіе, какое въ тогдашней нашей мѣстности имѣлъ мой отецъ и тѣ, кто одинаково съ нимъ мыслилъ, содѣйствовала весьма естественная и позволительная надежда, что сыновья ихъ, молодые люди съ хорошими способностями, могли, получивъ полное образованіе пойти по слѣдамъ Сперанскаго, котораго быстрая карьера производила тогда большой эффектъ. Отцу моему, если и могла его воодушевлять подобная надежда, не удалось видѣть ея осуществленія. Старшій братъ мой, оставившій университетъ кандидатомъ и вступившій въ статскую службу въ Петербургѣ, имѣлъ характеръ больше созерцательный, безъ малѣйшаго честолюбія (второй вступилъ въ военную службу, но также двигался не особенно быстро по служебной лѣстницѣ). Разочарованіе моего отца могло быть причиною, почему на мое образованіе уже не было обращено такой заботливости, какъ на воспитаніе старшихъ братьевъ. По отъѣздѣ ихъ въ Петербургъ я учился, просто ходя въ учебныя заведенія съ квартиры безъ иныхъ сопряженныхъ съ издержками пособій“ [1]).

Такъ говорятъ три современника. Кто же изъ нихъ ближе къ истинѣ — Потоцкій съ Роммелемъ или Розаліонъ-Сошальскій? Мы думаемъ, что послѣдній. Ему лучше могло быть извѣстно настроеніе той среды, къ которой онъ самъ принадлежалъ. Онъ не скрываетъ, что практическіе мотивы имѣли большое значеніе въ глазахъ его отца и многихъ другихъ дворянъ при опредѣленіи ихъ сыновей въ университетъ; онъ отмѣчаетъ и тотъ фактъ, что первоначально въ университетѣ было больше семинаристовъ, чѣмъ дворянъ, но что число этихъ послѣднихъ все болѣе и болѣе возрастало и этотъ фактъ подтверждается тѣми документальными данными, которыя приведены нами въ главѣ о студентахъ [2]). Вообще извѣстія Розаліонъ-Сошальскаго по этому вопросу отличаются строго фактическимъ характеромъ, а его объясненія даннаго явленія представляются намъ вполнѣ удовлетворительными. Само собою разу-

---

[1]) Харьк. губ. вѣд. 1869 г. № 43.

[2]) См. 810—811 стр. настоящаго труда.

мѣется, что одно изъ нихъ (сильное впечатлѣніе отъ быстрой служебной карьеры Сперанскаго) должно быть расширено: людей, которымъ образованіе проложило дорогу къ чинамъ и хорошимъ должностямъ, было не мало, да и самъ Харьковскій университетъ представлялъ тому убѣдительныя доказательства, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Роммель; дѣйствительно не только чиновники, но и дворяне могли завидовать профессорамъ университета, такъ высоко поставленнымъ въ отношеніи табели о рангахъ, да и не однимъ профессорамъ, а и магистрамъ и докторамъ, что и побуждало, какъ мы знаемъ, многихъ добиваться этихъ ученыхъ степеней. Въ частности слѣдуетъ замѣтить, что на отзывѣ Роммеля отразилась реакція противъ иностранцевъ, вызванная Наполеоновскимъ нашествіемъ (онъ пріѣхалъ, какъ мы знаемъ, въ Харьковъ въ 1811 году). Что касается Потоцкаго, то на его заключеніи о нерасположеніи тогдашняго дворянства къ высшему образованію должны были отразиться, думается намъ, два обстоятельства — незначительное число лицъ изъ дворянскаго сословія, желавшихъ вступить въ студенты вновь открытаго Харьковскаго университета и оппозиція, поднятая нѣкоторыми дворянами противъ обязательной раскладки суммы на учрежденный въ Харьковѣ университетъ, ясно и реально обнаружившаяся къ этому времени и произведшая чрезвычайно непріятное впечатлѣніе на Потоцкаго.

Здѣсь мы должны прибавить, что отношеніе дворянства къ университету было не одинаково въ различные моменты его существованія. Въ 1803—1804 году В. Н. Каразинъ съумѣлъ заразить своимъ энтузіазмомъ большинство лицъ, присутствовавшихъ въ засѣданіи губернскаго собранія въ Харьковѣ. Тутъ оказало свое вліяніе и извѣстное намъ грандіозное „предначертаніе“ его объ университетѣ, по которому въ этомъ учебномъ заведеніи предполагалось военное отдѣленіе, т. е., какъ бы кадетскій корпусъ, о каковомъ мечтало харьковское дворянство; тутъ предполагалось, что дворянство будетъ принимать участіе въ управленіи университетомъ; по крайней мѣрѣ къ этому стремился В. Н. Каразинъ... Однако вмѣсто этого широкаго „предначертанія“ дарованъ былъ уставъ 1804 года, въ которомъ не оказалось мѣста ни военному факультету, ни дворянскимъ депутатамъ... Это было первое разочарованіе; за нимъ послѣдовали другія. Подъ вліяніемъ порыва, страстной рѣчи В. Н. Каразина, въ благодарность за предоставленные въ это время льготы, ассигновали 400000 р., но когда дѣло дошло до взносовъ, то наступила реакція, захватившая многихъ; появились недоимки, неизбѣжныя взысканія, раздражавшія неисправныхъ. 17 января 1805 г., т. е. день открытія университета, еще на время подогрѣло прежній энтузіазмъ; всѣхъ окрыляла надежда на великія блага отъ новаго разсад-

ника просвѣщенія, но за тѣмъ, послѣ этого свѣтлаго праздника, наступили будни, пошли обычныя занятія въ университетѣ. В. Н. Каразинъ, бывшій душею дѣла, истинный виновникъ основанія университета въ Харьковѣ, былъ насильственно отстраненъ отъ своего любимаго дѣтища; онъ не присутствовалъ даже при открытіи университета да и послѣ между нимъ и университетомъ существовали натянутыя отношенія; въ 1805 г. даже выборъ его въ почетные члены университета былъ найденъ преждевременнымъ и онъ былъ избранъ только въ 1811 г. Изъ довѣреннаго любимца юнаго государя, вліятельнаго патріота своего края, онъ сдѣлался богодуховскимъ зауряднымъ помѣщикомъ, разорившимся на свои общественныя и филантропическія затѣи, къ тому же опальнымъ и поднадзорнымъ... Харьковскій университетъ теперь получалъ штатныя суммы на свое содержаніе изъ средствъ государственнаго казначейства и его благосостояніе не зависѣло, какъ это было до его открытія, отъ правильнаго поступленія дворянскихъ суммъ; на эти послѣднія хотѣли теперь строить новыя зданія на принадлежавшей университету по Сумскому шоссе землѣ, но все это не выходило еще изъ области pium desiderium, вообще же говоря, финансовое положеніе университета и безъ этихъ средствъ было, какъ мы видѣли, блестящее. Университетъ не сдѣлался такимъ *общественнымъ* учрежденіемъ, какимъ рисовали его въ своемъ воображеніи В. Н. Каразинъ и кучка его единомышленниковъ—это была юридическая единица, надѣленная автономіей и многими функціями чисто правительственной власти, подчиненная только министру народнаго просвѣщенія и его мѣстному представителю—попечителю округа. Вскорѣ послѣ основанія университетъ получилъ еще одно право, которое ставило его въ очень исключительное, властное отношеніе къ чиновничьей служилой средѣ: я имѣю въ виду извѣстный указъ Сперанскаго 6 августа 1809 г., требовавшій отъ чиновниковъ, не бывшихъ въ университетѣ, экзамена въ немъ для полученія чина коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника. Мы видѣли (571—572 стр. настоящаго труда), что эта мѣра не привела ни къ чему, а между тѣмъ возбудила неудовольствіе и зависть по отношенію университета въ мѣстной бюрократіи. Нашествіе Наполеона, занятіе имъ Москвы и пробужденіе русскаго національнаго чувства вызвали повсюду и во всѣхъ слояхъ общества сильную реакцію противъ французовъ и вообще иностранцевъ. Эта реакція коснулась и профессоровъ иностранцевъ, бывшихъ преподавателями въ Харьковскомъ университетѣ. На ней мы остановимся подробно, а теперь скажемъ еще, что послѣдней причиной, вызвавшей сильное движеніе противъ университета среди харьковскаго дворянства было извѣстіе о желаніи его перевестись въ

другой городъ, что имѣло мѣсто въ 1814 г. Во главѣ этого движенія что и понятно—сталъ В. Н. Каразинъ, который никакъ не могъ помириться съ мыслью о переводѣ университета изъ Харькова въ другой городъ и судя по одному выраженію приведеннаго нами доклада министра государю, ставилъ въ связь этотъ переходъ съ безпорядками, бывшими въ университетѣ, т. е. очевидно, намекалъ на печальный эпизодъ ректорства Стойковича. Дѣйствительно, это дѣло должно было набросить тѣнь и на университетъ, въ особенности въ глазахъ тѣхъ, кои и раньше были имъ недовольны, завидовали ему и теперь воспользовались благопріятнымъ случаемъ, чтобы поставить въ вину всей коллегіи преступленіе ея выборного главы.

Указавъ на причины, приводившія къ розни мѣстную и университетскую среду, остановимся теперь подробнѣе на той изъ нихъ, о которой мы пока ничего не говорили—на реакціи противъ иностранцевъ, вызванной Наполеоновскимъ нашествіемъ. Какъ отразилось это послѣднее у насъ въ Харьковѣ?

Роммель говоритъ, что все населеніе въ Харьковѣ проникнуто было патріотическимъ чувствомъ, но что среди дворянства оказалось нѣсколько фамилій польскаго происхожденія, относившихся съ уваженіемъ къ Наполеону и нерасположеніемъ къ Россіи. „Нашествіе французовъ и первыя извѣстія о движеніи Наполеона по московской дорогѣ произвели на жителей Харькова самыя разнообразныя впечатлѣнія. Генералъ фонъ Биберштейнъ съ полною увѣренностью предсказывалъ гибель всей Наполеоновской экспедиціи. Тоже самое желаніе и тѣ же надежды выражали не только русскіе патріоты, но почти и всѣ переселившіеся нѣмцы. Напротивъ, между старыми дворянскими фамиліями изъ поляковъ было не мало такихъ, которыя утѣшали себя мыслью, что для Россіи пробилъ послѣдній часъ. Быть можетъ, Наполеонъ нашелъ бы въ Украинѣ, богатой жизненными припасами и скотомъ, вѣрный лагерь на зиму до другого болѣе счастливаго исхода. Но не зная объ этой симпатіи или страшась участи Карла XII и не имѣя понятія о рѣшительномъ патріотизмѣ русскихъ и вліяніи ихъ духовенства, слишкомъ самоувѣренно разсчитывалъ на то, что въ древней столицѣ Московіи предпишетъ миръ. Вскорѣ послѣ убійственнаго сраженія при Можайскѣ, мнѣ случилось быть очевидцемъ той древнеримской твердости, какую выказали всѣ русскіе приглашенные губернаторомъ, въ день тезоименитства Императора. Каждому изъ нихъ суждено было оплакивать въ своей семьѣ смерть близкаго родственника. Въ многолюдномъ обществѣ, за столомъ, не было произнесено почти ни одного слова, кромѣ обычнаго заздравнаго тоста, переходившаго кругомъ вмѣстѣ съ бокаломъ; без-

молвная, но тѣмъ болѣе выразительная рѣшимость непреклоннаго патріотизма была на лицахъ у всѣхъ присутствовавшихъ. Вслѣдъ затѣмъ я узналъ, съ какою необыкновенною силою поднялось общественное мнѣніе и какъ оно, никого не щадя и съ презрѣніемъ минуя Барклая де Толли, какъ иностранца, потребовало въ полководцы чистаго русскаго, Кутузова. Общее недовѣріе къ иностранцамъ съ начала, казалось намъ, не коснулось университета, потому что нѣмцы низшаго сословія, которымъ вообще предписано было переселиться за Волгу, получали дозволеніе остаться, если только члены университета брали ихъ на поручительство. Первый изъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, появившихся въ Харьковѣ, былъ генералъ Ферръе, адъютантъ Мюрата, взятый въ плѣнъ недалеко отъ Калуги, гдѣ Кутузовъ занялъ знаменитую свою позицію. Ферръе велъ себя съ большимъ достоинствомъ, когда извѣстный намъ предсѣдатель Мюнстеръ вздумалъ было безъ всякаго права допрашивать его о силахъ французской арміи и т. п. Впослѣдствіи (въ апрѣлѣ 1813 г.) пріѣхалъ полковникъ Бисси изъ корпуса Удино; съ жалкой отведенной ему квартиры я пригласилъ его къ себѣ. Этотъ многознающій дорогой мой товарищъ и учитель англійскаго языка былъ осыпанъ милостями Наполеона; но не смотря на то, онъ объявилъ себя рѣшительно въ пользу Бурбоновъ, какъ только попалась ему въ руки напечатанная въ Парижѣ прокламація императора Александра. Бисси подвергся за то оскорбленіямъ, изъ которыхъ видно, какъ велики были даже внутри Россіи упорство и наглость бонапартистовъ. Бисси, приглашенный предсѣдателемъ на обѣдъ вмѣстѣ съ другими французскими офицерами изъ Данцигскаго гарнизона, присланными въ Харьковъ, вошелъ въ комнату съ бѣлою кокардою и прокламаціею въ рукахъ; тогда противники его чуть не сорвали съ него ордена почетнаго легіона, на глазахъ малодушнаго хозяина дома; въ величайшемъ негодованіи и волненіи полковникъ прибѣжалъ ко мнѣ. Тоже грозили сдѣлать съ нимъ на улицѣ нѣкоторые польскіе офицеры, потому что заклятая ненависть между русскими и поляками, передавшимися Наполеону и дурно награжденными, достигла въ это время высшей степени. Поляки открыто осыпали также безпощадною бранью австрійцевъ и пруссаковъ. Я вынужденъ былъ обратиться съ жалобой къ губернатору Бахтину, который при обмѣнѣ французскихъ плѣнныхъ снабдилъ нашего любимца особымъ паспортомъ“.

Розальонъ-Сошальскій рѣшительно опровергаетъ извѣстіе Роммеля о сочувствіи къ Наполеону дворянскихъ украинскихъ семействъ. „Во-первыхъ, говоритъ онъ — какія это фамиліи польскаго происхожденія? Я знаю, что предокъ мой вышелъ изъ завоеваннаго польскаго края,

нынѣшнихъ западныхъ губерній, едва ли даже не изъ Галиціи. Вѣроятно, тоже было съ родоначальниками Шидловскихъ, Захаржевскихъ, Капустянскихъ, Богуславскихъ и прочихъ *скихъ*, но всѣ они были православные, слѣдовательно, не поляки. Во-вторыхъ, могло бы статься, что простой народъ, у котораго тогда поговорка — „хочъ гирше, абы иньше“ — была еще въ большомъ почетѣ, не оказалъ бы такого ожесточенія противъ враговъ, какое встрѣтили они у великороссіянъ; но всѣ сословія, стоявшія выше, а тѣмъ болѣе дворянство были одушевлены глубокимъ негодованіемъ и высокимъ патріотизмомъ противъ враговъ, осмѣлившихся нарушить неприкосновенность отечества. Все, отъ мала до велика, и младъ, и старъ было проникнуто чувствами этими. Я былъ въ 1812 года по 15 году. А. И. Коссовскій привезъ меня на вакацію и вмѣстѣ сообщилъ родителямъ моимъ копію письма императора Александра Павловича князю Н. И. Салтыкову о нашествіи галловъ. Выраженіе: „пока хотя одинъ врагъ останется на землѣ русской, не опущу меча“ приводило всѣхъ въ восторгъ. Видно, что молва разносила роковую вѣсть очень быстро, потому что два часа спустя послѣ нашего пріѣзда примчался верхомъ въ домъ нашъ мой дядя, крутой старикъ, лѣтъ 65, съ этою же новостію и, увидѣвши заржавленную саблю моего отца, сорвалъ ее со стѣны, выдернулъ изъ ноженъ, вскричавъ: „я и самъ пойду помогать сыновьямъ“ (ихъ было у него четверо въ войскахъ), „еще будетъ столько силы, чтобы разрубить супостату хребетъ“. Я и трое однолѣтковъ, двоюродныхъ братьевъ моихъ, мы только о томъ и думали, въ какихъ буеракахъ, балкахъ и провальяхъ, за какими курганами удобнѣе было бы подстерегать злодѣевъ, если бы пришли. Долго отецъ не отправлялъ меня въ Харьковъ, но наконецъ отослалъ. Въ Харьковѣ было большое уныніе; говорили: „вѣрно взята Москва“; не было петербургско-московской почты. Вечеромъ того дня, когда я пріѣхалъ, узналъ, что почта прибыла. Коссовскій немедленно поѣхалъ и я съ нимъ. Зданіе почтовой конторы было окружено огромною толпою. А. И. вошелъ въ домъ къ почтмейстеру; пробывъ довольно долго и вышедши, объявилъ, что непріятель въ Москвѣ, а почта объѣзжала на Ярославль. Въ комнатѣ, гдѣ я жилъ съ сыномъ К.... уже студентомъ, висѣла на стѣнѣ карта Россіи. Я очень часто стоялъ передъ нею погруженный въ горе о невзгодѣ отечества и въ стратегическія по мѣрѣ разумѣнія соображенія о томъ, какія бы мѣры предпринять для уничтоженія врага. Наконецъ, у меня родилась мысль идти въ Москву, втереться во дворецъ, гдѣ жилъ Наполеонъ, въ качествѣ истопника или дровоноса для того, чтобы застрѣлить или инымъ образомъ извести его. Я жалѣлъ, что было такъ далеко. Конечно, это

были грезы воспріимчиваго ребенка, но они доказываютъ, какое было настроеніе украинскаго дворянства. Вотъ еще обстоятельство. Когда было получено первое свѣдѣніе о какомъ то успѣхѣ нашихъ войскъ, чуть ли не Тарутинскомъ сраженіи, то учитель пришелъ въ классъ, продиктовалъ ученикамъ реляціи и распустилъ учениковъ по домамъ, чтобы сообщили родителямъ или тѣмъ, у кого квартировали и это произвело общій восторгъ, ибо почти еще никому не было извѣстно. Еще можно спросить, какихъ благъ могли ожидать украинскіе дворяне хотя бы и польскаго происхожденія отъ счастливой звѣзды Бонапартовой, съ паденіемъ Россіи, которой государи упрочили бытъ русскаго дворянства. Неужели могло возбудить въ нихъ зависть положеніе французскихъ эмигрантовъ, приходившихъ въ Россію искать пропитанія?" [1]).

Можно думать, что Роммель обобщилъ какіе нибудь частные случаи приверженности къ Наполеону дворянскихъ украинскихъ фамилій, (а при тогдашней всеобщей подозрительности сдѣлать это было не трудно), но что во всякомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду не малороссійскія православныя, а польско-католическія фамиліи. Что касается извѣстія Розальонъ-Сошальскаго, то въ немъ произвольной представляется намъ догадка объ отсутствіи патріотизма у простого народа; существованіе пословицы — чы гирше, абы инше — едва ли можетъ служить достаточнымъ основаніемъ для такого заключенія; спокойное же отношеніе народа къ французамъ объясняется тѣмъ, что онъ непосредственно съ ними не соприкасался, между тѣмъ какъ великорусскому населенію пришлось испытать на себѣ всю тяжесть непріятельскаго погрома; интеллигенція знала изъ газетъ всѣ подробности Наполеоновскаго нашествія и могла сознательно отнестись къ этому событію; до простого же народа могли доходить объ этомъ только неясные, сбивчивые слухи и при томъ какъ о чемъ то очень отдаленномъ. Но и среди простого народа существовало какое то возбужденіе противъ иностранцевъ; доказательствомъ этого можетъ служить фактъ избіенія плѣнныхъ турокъ и арнаутовъ валковскими крестьянами и солдатами.

Всеобщее патріотическое настроеніе подтверждается и другими свидѣтельствами. Мы имѣемъ въ виду письма Александра Ивановича Лазича къ Екатеринославскому помѣщику Никону Андреевичу Андрееву. Лазичъ раньше былъ учителемъ въ Екатеринославской гимназіи, а потомъ сдѣлался воспитателемъ его сына, который, какъ мы знаемъ, былъ студентомъ Харьковскаго университета и въ 1814 г. держалъ тамъ кандидатскій экзаменъ. Сборникъ этихъ писемъ былъ найденъ мною при

---

[1]) Харьк. Губ. Вѣдом. 1869 г. № 44.

разборѣ библіотеки этого Андреева въ Козырщинѣ и переданъ въ библіотеку Императорскаго Харьковскаго университета. Я указалъ на этотъ источникъ проф. В. К. Надлеру, который сдѣлалъ оттуда извлеченіе въ своемъ соч. „Имп. Александръ I и идея священнаго союза". Къ сожалѣнію, въ настоящее время этой рукописи нѣтъ на мѣстѣ въ библіотекѣ и я лишенъ возможности пользоваться ею для своего нынѣшняго труда, хотя она заключаетъ въ себѣ цѣнные матеріалы и для исторіи Харьковскаго университета, и для исторіи г. Харькова [1]). Въ виду этого я позволю себѣ привести нѣсколько выдержекъ изъ труда В. К. Надлера, въ которыхъ рисуется состояніе и настроеніе Харьковскаго общества во время Наполеоновскаго вторженія по письмамъ Лазича. Письма Лазича являются намъ свидѣтельствомъ, идущимъ отъ русскаго чело-

---

[1]) О богатомъ содержаніи ея даютъ понятіе слѣдующія слова проф. В. К. Надлера: „Д. И. Багалѣй нашелъ рукопись въ селеніи Козырщинѣ, бывшемъ имѣніи Андреева, и представилъ ее въ настоящее время въ библіотеку Харьковскаго университета. Рукопись эта доставлена намъ доцентомъ Императорскаго Харьковскаго университета Д. И. Багалѣемъ, которому мы изъявляемъ при этомъ случаѣ нашу глубокую признательность. Рукопись относится къ Александровской эпохѣ и состоитъ изъ сборника писемъ бывшаго учителя Екатеринославской гимназіи, а затѣмъ воспитателя въ частномъ домѣ Александра Павловича Лазича къ отцу его питомца помѣщику Никону Андреевичу Андрееву. Предполагая напечатать въ скоромъ времени болѣе подробную статью объ этой рукописи мы ограничимся при этомъ случаѣ лишь нѣсколькими заключеніями. Въ рукописи, переплетенной въ довольно изящный томъ, находится 85 писемъ А. П. Лазича къ Н. А. Андрееву, одно письмо питомца Лазича, Александра Никоновича Андреева къ отцу, одно письмо старика Андреева, договоръ Андреева съ Лазичемъ, счетъ товарамъ, купленнымъ въ Харьковѣ Лазичемъ для Андреева, въ августѣ мѣсяцѣ 1813 г. и нѣкоторыя другія приложенія. Изъ писемъ А. М. Лазича два относятся къ 1809 г., два къ 1810 г., 6 къ 1811 г., 30 къ 1812, 28 къ 1813, 14 къ 1814 и 3 къ 1815 г. Содержаніе писемъ самое разнообразное: хозяйственное, чисто личное, педагогическое, политическое. Уже съ 1809 г. встрѣчаются политическіе слухи и толки по поводу австро-французской войны. Съ 1812 г. особенно съ осени письма наполнены политическими извѣстіями, согласно желанію, выраженному Н. А. Андреевымъ. Встрѣчаются кромѣ того и другія въ высшей степени интересныя извѣстія и замѣтки. Авторъ даетъ между прочимъ цѣлый рядъ данныхъ о цѣнахъ на жизненные продукты и различные товары, о денежномъ курсѣ, о квартирахъ въ г. Харьковѣ, объ университетѣ, объ экзаменахъ, о гонорарѣ получаемомъ тогдашними профессорами (нужно замѣтить, что въ доброе старое время зажиточные родители не оставляли своихъ сыновей въ университетѣ безъ руководителей и воспитателей). Всякій хотя сколько нибудь знакомый съ бѣдностью нашей мемуарной литературы, особенно на югѣ Россіи, легко пойметъ, какое важное значеніе имѣетъ этотъ сборникъ писемъ, оставшійся до сихъ поръ въ совершенной неизвѣстности. Читая эти письма, мы узнаемъ изъ ихъ краткихъ и случайныхъ замѣтокъ гораздо болѣе о Харьковѣ и Харьковскомъ обществѣ начала нашего столѣтія, нежели изъ сухихъ оффиціальныхъ данныхъ или воспоминаній такъ называемыхъ старожиловъ". (Императоръ Александръ I и идея священнаго союза. 1886 г. т. II, стр. 16—17, примѣч.).

вѣка и могутъ служить такимъ образомъ дополненіемъ и провѣркою показаній иностранца Роммеля. Ихъ значеніе усиливается тѣмъ что авторъ писалъ ихъ свободно, не предназначая для печати. Хотя Харьковъ былъ далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, но война давала себя чувствовать и здѣсь все усиливавшеюся дороговизной. „Если еще въ началѣ войны колоніальные и мануфактурные товары страшно поднялись въ цѣнѣ, если пудъ сахара продавался напримѣръ по 86 рублей, то по мѣрѣ развитія войны, по мѣрѣ усиливающихся на всѣ мѣстныя произведенія. Курсъ упалъ страшно и серебряный рубль стоилъ 5 р. асиг., червонецъ продавался по 13 руб.; чѣмъ ближе надвигалось нашествіе, тѣмъ больше увеличивалась дороговизна. Масса иногороднихъ, по всей вѣроятности бѣглецовъ съ сѣвера, стекалось въ Харьковъ. Цѣна на квартиры поднялась до небывалыхъ размѣровъ (за квартиру въ 5 комнатъ платили тогда 300 р. безъ дровъ—цѣна чрезвычайно высокая для того времени). Уныніе и страхъ распространились въ обществѣ. Въ половинѣ сентября въ Харьковъ пришла грозная вѣсть о потерѣ Москвы... Настроеніе было въ первое время самое тяжелое"... оставалась одна надежда на армію. „Сказавъ объ отступленіи нашей арміи въ совершенномъ порядкѣ на Рязанскую дорогу, Лазичъ продолжаетъ: „сіе великую надежду подаетъ всякому доброжелательному гражданину, полагающему упованіе на Бога, храбрость своихъ соотечественниковъ, наступающую зиму и чрезвычайную обширность государства особливо, если къ этому присовокупить великій во всѣхъ сраженіяхъ уронъ непріятеля и затрудненіе въ продовольствіи арміи". Не трудно замѣтить, что въ этихъ немногихъ словахъ очерчено какъ нельзя болѣе вѣрно общее положеніе дѣла и съ поразительною ясностью указаны всѣ тѣ моменты, которые должны привести къ гибели непріятеля" [1]). Враждебное отношеніе къ иностранцамъ усиливалось. При такомъ патріотическомъ настроеніи дѣло нерѣдко доходило даже до излишней подозрительности, яркимъ примѣромъ которой можетъ служить извѣстный намъ Цебриковъ въ его путевыхъ очеркахъ отъ Петербурга до Харькова и описаніи Харьковскаго общества того времени. Ему вездѣ чудятся французскія интриги; всѣхъ французовъ онъ заподазриваетъ въ политическихъ проискахъ; онъ не щадитъ самыхъ рѣзкихъ эпитетовъ для характеристики французской націи и ея представителей. Понятно, каково было положеніе профессоровъ французскаго происхожденія въ Харьковскомъ университетѣ. Съ другой стороны противъ нихъ и вообще всего французскаго выступалъ, какъ мы

---

[1]) В. К. Надлеръ. Императоръ Александръ I и идея священнаго союза, т. II, стр. 19—20.

знаемъ, въ своихъ публичныхъ рѣчахъ неистовый галлофобъ Шадъ; въ русскомъ же обществѣ, благодаря проснувшемуся національному чувству, нерасположеніе росло не только противъ французовъ, но и вообще противъ всѣхъ иностранцевъ, противъ всего иноземнаго. Да и само правительство относилось тогда подозрительно къ иностранцамъ и принимало противъ нихъ серьезныя стѣснительныя для нихъ мѣры. Такъ, въ это время былъ произведенъ „разборъ иностранцевъ". Въ Харьковскомъ университетѣ были составлены вѣдомости о всѣхъ профессорахъ, адъюнктахъ, студентахъ и низшихъ служащихъ иноземнаго происхожденія, съ ихъ семьями. Со всѣхъ ихъ была взята подписка, что всѣ свои письма, посылаемыя заграницу или въ тѣ мѣста Россійской Имперіи, гдѣ находился тогда непріятель, они будутъ предварительно показывать правленію университета, чтобы въ нихъ неоказалось чего либо вреднаго для государства; почтовая контора съ своей стороны не должна была получать такихъ писемъ непосредственно изъ ихъ рукъ или отъ ихъ слугъ. Списокъ иностранцевъ правленіе представило губернатору и съ его заключеніями о каждомъ изъ нихъ отправило министру [1]). Отъ замѣчанія же губернатора зависѣло или оставленіе иностранцевъ въ городѣ, или высылка ихъ заграницу, или ссылка въ другіе города. За всѣхъ оставляемыхъ на мѣстѣ губернаторы должны были дать личное ручательство въ ихъ полной политической благонадежности. Все это нужно было привести въ исполненіе съ возможною поспѣшностью. Въ такомъ смыслѣ министръ полиціи получилъ приказъ отъ Государя. Подобные списки университетъ долженъ былъ доставить обо всѣхъ иностранцахъ, состоявшихъ на службѣ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, включивъ сюда и содержателей пансіоновъ, и преподавателей въ нихъ [2]). Только въ 1814 г. въ правленіи былъ поднятъ вопросъ о томъ, чтобы въ Германію разрѣшено было отправлять письма безъ цензуры, такъ какъ она сдѣлалась союзницей Россіи [3]).

Можно представить себѣ, какъ эта цензура писемъ была тягостна для иностранцевъ. Мы имѣемъ въ этомъ отношеніи два характерныхъ свидѣтельства современниковъ. Въ 1815 г. профессоръ Швейкартъ подалъ въ совѣтъ рапортъ, въ которомъ между прочимъ писалъ: „во все время своей жизни въ Харьковѣ я получилъ только одно письмо отъ своихъ друзей и родныхъ и изъ него узналъ, что они получили мое письмо только черезъ три года. Есть нѣчто тяжелое въ этомъ обстоятельствѣ, что можно больше чувствовать, чѣмъ выражать словами: еще живой я

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1812 г., май—августъ; засѣданіе 8 августа

[2]) Ibidem; засѣданіе 1 августа; ср. также дѣло сов. 1812 г., № 44.

[3]) Ibidem, 1814 г., январь—апрѣль; засѣданіе 9 февраля.

умеръ для нихъ, и они для меня". Тоже случается, замѣчаетъ Швейкартъ, и съ другими профессорами, даже съ самимъ университетомъ, при чемъ указываетъ на какой то ящикъ съ рѣдкими каменьями, отправленный два года тому назадъ въ Москву и до сихъ поръ не дошедшій до своего назначенія. Рапортъ заключается слѣдующими замѣчательными словами: „что для тѣла кровь, для торговли—деньги, то—для науки общеніе идей" [1]). Роммель пишетъ (въ 1814 г.): „тогда же я ожидалъ къ себѣ младшаго брата, который служилъ поручикомъ въ Вестфальской гвардіи и послѣ перехода черезъ Березину попалъ въ плѣнъ и вынесъ страшныя страданія. Сношенія черезъ почту были тогда такъ неисправны, что изъ семи его писемъ только одно дошло до меня. Когда же я послалъ ему деньги, чрезъ посредство ректора Виленскаго университета Снядецкаго, онъ перешелъ уже въ нѣмецкій легіонъ, образовавшійся подъ покровительствомъ Императора Александра I".

Общее возбужденіе противъ иностранцевъ проникло и въ студенческую среду; мы видѣли, что студенты сочиняли пѣсни противъ Наполеона. Но иногда переходили отъ словъ къ дѣлу. На такой именно почвѣ (національной вражды) возникло и столкновеніе кандита Глинскаго (русскаго) съ лаборантомъ профессора Гизе кандидатомъ Шуманомъ (нѣмцемъ). По объясненію Глинскаго, второй въ лабораторіи, въ присутствіи студентовъ и профессора, ударилъ перваго по лицу и далъ слѣдующее объясненіе своему поступку. „Давно уже замѣтилъ онъ ненависть нѣкоторыхъ изъ студентовъ этого университета къ иностранцамъ, которую они и ему, уроженцу прусскому, давали чувствовать при всякомъ случаѣ; въ послѣднихъ числахъ прошедшаго января разговаривали слушатели въ химической лабораторіи до прибытія профессора Гизе о политическихъ дѣлахъ и разгорячились до такой степени, что студентъ Копѣйчиковъ прямо назвалъ всѣхъ иностранцевъ подлецами; находясь въ то время въ аудиторіи, онъ слышалъ этотъ разговоръ и молча перенесъ все съ огорченіемъ. 1 февраля, по должности своей во время лекціи въ химической лабораторіи приготовлялъ онъ опыты. Во все это время кандидатъ Глинскій то дергалъ его, то толкалъ, то сзади уголья въ руки совалъ, то Копченымъ или Печендранскимъ называлъ (бывшій старый служитель, котораго въ лабораторіи этимъ именемъ всегда бывало дразнили). Пришлось ему держать льняное масло на огнѣ; когда профессоръ на время удалился, то приблизился студентъ Калиновскій и съ насмѣшкою плюнулъ въ кипящее масло, а онъ Шуманъ говорилъ ему, что это простительно развѣ только какому нибудь невоспи-

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 г., февраль, стр. 300.

танному мальчику, но не ему студенту, который долженъ быть образованнымъ человѣкомъ. Г. Калиновскій однакожъ вмѣсто того, чтобы перестать неблагопристойно шутить, послѣ нѣсколькихъ колкихъ словъ плюнулъ во второй разъ, а онъ, Шуманъ, сказалъ ему, что если онъ не перестанетъ, то онъ обязанъ будетъ по должности своей разсказать объ этомъ профессору. Но и это на него не подѣйствовало и съ ругательными словами онъ плюнулъ въ третій разъ. Когда профессоръ Гизе вернулся, то онъ, Шуманъ, объяснилъ ему, что тутъ произошло, а Калиновскій не могъ не сознаться въ своей винѣ и получилъ отъ профессора надлежащій выговоръ. Этотъ его, Шумана, поступокъ сильно не понравился студентамъ. Они въ полъ-голоса самыми ругательными словами начали его бранить такъ, что онъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и принужденъ былъ имъ сказать, что перваго, который его чести коснется, въ рожу ударитъ. Шумъ исподоволь увеличился до такой степени, что его замѣтилъ профессоръ и приказалъ строжайше имъ молчать—и все утихло; черезъ нѣкоторое время профессоръ удалился отъ нихъ на нѣсколько шаговъ и господинъ Глинскій началъ его, Шумана, бранить такими словами: „это правда, что нѣмцы всѣ с.... с...., всѣ они подлецы". Услышавъ эти слова, онъ, Шуманъ, больше не помнилъ, что дѣлалъ, онъ былъ совершенно внѣ себя отъ оскорбленія его націи и чести; говорятъ, какъ будто онъ Глинскаго со всею силою ударилъ въ щеку; но онъ ничего не знаетъ и увѣренъ, что всякій на его мѣстѣ въ подобномъ случаѣ сдѣлалъ бы тоже самое. Оттого онъ и надѣется на ученое и справедливое правленіе университета, что оно обстоятельно разсмотритъ это дѣло и всепокорнѣйше проситъ поступить по закону съ ругателями иностранцевъ честнаго поведенія и усердной службы и тѣмъ прекратить обиды, которыя онъ долженъ былъ сносить отъ нихъ во время отправленія своей должности". Отъ Глинскаго правленіе потребовало доказательствъ его обвиненія. Онъ сослался на собственное сознаніе Шумана, сдѣланное въ присутствіи ректора, непремѣннаго засѣдателя, синдика, профессора Гизе и всѣхъ очевидцевъ происшествія, совершенно отрицалъ, чтобы онъ дергалъ Шумана и ругалъ его; ничего не могъ сообщить по поводу обидъ, которыя якобы наносили Шуману другіе студенты, и высказывалъ удивленіе, что Шуманъ не выступилъ противъ нихъ съ жалобою къ начальству. Профессоръ Гизе показалъ, что неудовольствіе на Шумана студентовъ было вызвано тѣмъ замѣчаніемъ, которое онъ, Гизе, сдѣлалъ Калиновскому за его неумѣстный поступокъ (вообще же Калиновскій, по его словамъ, одинъ изъ прилежнѣйшихъ и старательнѣйшихъ студентовъ); къ этому онъ прибавилъ, что студенты дѣйствительно ругали Шумана, такъ что онъ долженъ былъ призвать ихъ къ порядку; за

тѣмъ послышался ударъ — онъ обернулся и увидѣлъ, что между Глинскимъ и Шуманомъ дѣло дошло до драки. Въ своихъ дальнѣйшихъ объясненіяхъ Шуманъ говорилъ, что онъ былъ доведенъ до своего поступка оскорбительными ругательствами Глинскаго и прочихъ студентовъ и готовъ присягою подтвердить, что его Глинскій обидѣлъ, что онъ, Шуманъ, небылъ зачинщикомъ въ этомъ дѣлѣ, и если онъ не можетъ подтвердить своихъ словъ свидѣтельскими показаніями, то потому только, что одни студенты дѣйствительно могли не слышать ругательствъ, другіе не желаютъ вмѣшиваться въ это дѣло, а третьи держатъ сторону Глинскаго въ качествѣ друзей и пріятелей. Присутствовавшіе въ правленіи члены подали слѣдующія заключенія. Профессоръ Швейкартъ, признавъ Шумана виновнымъ въ нанесеніи пощечины Глинскому, не могъ допустить, чтобы онъ сдѣлалъ это безъ всякой причины и потому предлагалъ спросить Глинскаго подъ присягою, не оскорблялъ ли онъ Шумана; что же касается наказанія, то проф. Швейкартъ считалъ возможнымъ примѣнить къ Шуману 18 статью устава Дерптскаго университета и заставить его испросить прощеніе и заключить въ карцеръ. Роммель полагалъ, что въ подобныхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о студентахъ и кандидатахъ, нужно примѣнять и школьный университетскій судъ, а не обращаться въ уголовную палату и предлагалъ испросить въ этомъ смыслѣ разъясненіе министра. Къ этому мнѣнію присоединились и всѣ остальные деканы (исключительно иностранцы)—Дрейсигъ, Швейкартъ и Делявинь. Непремѣнный засѣдатель проф. Осиповскій высказалъ мнѣніе, что на основаніи 152 и 164 § университетскаго устава дѣло это нужно судить по общимъ узаконеніямъ; а по нимъ Шуманъ долженъ понести двойное наказаніе—вознаградить денежнымъ образомъ Глинскаго, какъ кандидата за безчестье, а „за дерзость и неуваженіе къ профессорской каѳедрѣ получить наказаніе, соотвѣтственное причиненной имъ обидѣ мѣсту, которое по моему мнѣнію есть двукратная пощечина на площади при собраніи народа“. Правленіе по большинству голосовъ, рѣшило предоставить это дѣло, согласно предложенію проф. Роммеля, на благоусмотрѣніе министра. Министръ разъяснилъ, что такъ какъ и обвиняемый, и обвинитель—кандидаты университета, т. е. чиновники, состоящіе въ XII классѣ по должности, то поступить въ данномъ случаѣ согласно 154 § [1]) университетскаго устава. Правленіе основываясь на манифестѣ о поединкахъ, на уложеніи и городовомъ положеніи выска-

[1]) По этому же параграфу устава „въ дѣлахъ уголовныхъ правленіе, учиня первоначальное изслѣдованіе, препровождаетъ оное и виновнаго съ мнѣніемъ своимъ въ то присутственное мѣсто, которому принадлежитъ сужденіе, но синдикъ допускаемъ быть долженъ къ засѣданію въ ономъ въ качествѣ депутата отъ университета.

зало мнѣніе, что съ Шумана слѣдуетъ взыскать двойной годичный его окладъ (600 рублей) и за неуваженіе къ лицу профессора и мѣсту заключить на 14 дней подъ стражу на хлѣбъ и воду, пріискавъ для этого особое помѣщеніе въ Университетѣ. Это мнѣніе оно представило въ Слободскоукраинскую палату уголовнаго суда. Туда же черезъ нѣкоторое время Глинскій подалъ заявленіе, что если съ Шумана будетъ присужденъ ему штрафъ, то онъ проситъ обратить его „въ пользу россіянъ, разоренныхъ непріятельскимъ нашествіемъ или воиновъ израненныхъ при защитѣ отечества" [1]). Чѣмъ окочилось это дѣло, мы не знаемъ. Замѣтимъ только кстати, что этотъ самый Шуманъ сочинилъ въ 1814 г. музыку къ торжественной ораторіи профессора И. Е. Срезневскаго на избавленіе Россіи „отъ лютаго и сильнаго врага" [2]) (т. е. Наполеона) и ему же университетъ поручилъ съѣздить къ помѣщицѣ Ахтырскаго уѣзда Корсаковой и просить ея пѣвчихъ для исполненія этого произведенія на торжественномъ университетскомъ празднествѣ (епископъ Харьковскій Аполлосъ не согласился дать для этого своихъ архіерейскихъ пѣвчихъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что его хоръ состоялъ изъ вновь набранныхъ голосовъ и при занятіяхъ церковнымъ пѣніемъ не могъ разучить ораторіи) [3]).

12-й годъ отразился, какъ мы видимъ, неблагопріятно на взаимныхъ отношеніяхъ мѣстной среды и профессоровъ иностраннаго происхожденія. Приведемъ теперь извѣстный намъ случай столкновеній той же мѣстной среды съ университетскими преподавателями, вообще независимо отъ народности этихъ послѣднихъ, какъ съ иностранцами, такъ и русскими.

Оказывается впрочемъ, что больше столкновеній было у иностранныхъ, чѣмъ у русскихъ профессоровъ. Несмотря на свою высшую культурность и образованность, нѣкоторые изъ иностранныхъ профессоровъ въ Харьковѣ позволяли себѣ кулачную расправу по отношенію къ лицамъ низшаго класса и состоянія. Такъ именно поступилъ проф. Пильгеръ, нанесшій побои слугѣ извѣстнаго тогдашняго Харьковскаго и малороссійскаго писателя Григорія Ѳедоровича Квитки. Этотъ послѣдній въ жалобѣ своей полицмейстеру писалъ: „Служащій у меня по найму Петербургскій цеховой поваръ Степанъ Тихоновъ вчерашняго числа вечеромъ былъ въ амбарѣ для забранія нужныхъ для кухни припасовъ,

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл., 1813 г., январь—апрѣль; засѣданіе 6 февраля, 17 февраля, 3 марта, 7 апрѣля, 24 апрѣля; май — августъ; засѣданіе 30 іюля, 1814 г.; май—августъ; засѣданіе 9 іюля.

[2]) Чирикова. Указатель, стр. 19.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл., 1814 г., май—августъ; засѣданіе 9 іюля.

какъ пришедшій туда г. профессоръ здѣшняго университета Пильгеръ, по сосѣдству живущій, началъ его бранить яко-бы за неосторожность съ огнемъ и когда поваръ безъ всякой грубости началъ оправдываться ему, что онъ принесъ свѣчу въ фонарѣ, но Пильгеръ, не внимая, сему началъ его бить палкою жестоко, отъ коихъ побоевъ остались знаки. Представляя при семъ повара Тихонова къ вашему высокоблагородію, покорнѣйше прошу чрезъ кого слѣдуетъ описавъ боевые его знаки учинить удовлетвореніе за обиду ему причиненную". Штабъ-лѣкарь Романовскій, освидѣтельствовавъ Тихонова, нашелъ „на верхней части лба противъ праваго глаза и близь соединенія лѣвой руки и плеча по одному замѣтному красноватому знаку, ниже плеча на той же рукѣ знакъ темно-краснаго цвѣта размѣромъ въ мѣдный пятакъ и на лѣвой лопаткѣ замѣтный желтоватый знакъ". Полицмейстеръ препроводилъ жалобу въ правленіе университета, которое потребовало отвѣта отъ проф. Пильгера. Этотъ послѣдній далъ слѣдующее обширное объясненіе. „Третьяго іюня въ 11 часовъ вечера нашелъ я въ каморкѣ подъ моимъ сѣннымъ сараемъ простаго человѣка прилѣпившаго къ мучному закрому зажженную свѣчу, и сильно его наказалъ побоями. Причины, по коимъ я столь строго обошелся, суть слѣдующія. 1) Я долженъ отвѣчать за всякій убытокъ, который въ нанятой мною квартирѣ можетъ послѣдовать отъ огня и принимать всевозможныя мѣры для отвращенія таковаго несчастія отъ себя и моего семейства. 2) Каждую ночь сходятся на мой дворъ безпрестанно мужики съ возами, солдаты, рекруты, бабы и пр., которые неосторожно обходятся съ огнемъ. Неоднократно уже прогонялъ я изъ конюшень кучеровъ, лакеевъ съ раскуренными трубками, зажженными свѣчами и калеными углями, кои они при себѣ имѣли. 3) Постояльцы въ большомъ Зарудинскомъ домѣ почти каждый мѣсяцъ перемѣняются вмѣстѣ съ ихъ служителями. Ледникъ подъ моимъ сѣннымъ сараемъ весьма опасное мѣсто отъ огня и если онъ загорится, то угрожаетъ пожаромъ всему двору; это и принуждаетъ меня каждый вечеръ принимать предосторожность въ отношеніи ходящихъ за льдомъ людей, кои обыкновенно имѣютъ при себѣ свѣчу безъ фонаря, потому что ледъ покрытъ большимъ количествомъ соломы. Нѣсколько уже разъ прогонялъ я изъ этого ледника горничныхъ дѣвокъ и солдатъ, которые имѣли при себѣ зажженныя свѣчи. 4) Пожары въ домахъ Матеса, Куликовскаго, Снисаревскаго, Войтенкова произошли отъ неосторожнаго обращенія съ зажженными свѣчами и горящимъ угольемъ, чѣмъ самимъ цѣлый городъ приведенъ былъ въ страхъ и смятеніе. 5) Въ продолженіе 3-хъ лѣтъ случился уже на моемъ дворѣ 4 раза пожаръ, но къ счастію каждый разъ его успѣвали потушить. Въ 1-й разъ 4-го іюня

1811 года, когда дворецкій въ кухнѣ сосѣдняго каменнаго зданія выжигалъ изъ 3-хъ пудовъ алебастру известь и когда уже стѣнныя доски начали горѣть, но я со своими людьми погасилъ пожаръ. Г. полицеймейстеръ прямо тогда насупротивъ меня жилъ и не удостоилъ однакожъ розыскомъ въ такой опасности, которая угрожала всему городу. Въ другой разъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года начало горѣть въ 12 часовъ ночи крыльцо большаго дома во дворѣ, ведущее въ нижнюю залу, потому что истопникъ поставилъ подъ нею горшокъ съ горящими угольями. Третій случай всѣмъ извѣстенъ въ городѣ. Домашній слуга растапливалъ на огнѣ въ кухнѣ занимаемаго мною дома сало; пламя бросилось въ трубу и тогда всѣ городскія пожарныя трубы должны были быть приведены въ движеніе. Въ 4-й разъ въ ноябрѣ этого года отъ неосторожности загорѣлся потолокъ въ горницѣ князя Кантемира. Люди мои погасили этотъ пожаръ. 6) Такъ какъ здѣшняя градская полиція не мало не помышляетъ о своихъ обязанностяхъ, ибо ни одного разу въ ночную пору, когда я въ подобныхъ пожарныхъ случаяхъ посылалъ въ полицію, ни одного полицейскаго офицера тамъ не находили, то я вынужденнымъ нашелся объявить, что всякій, кто на моемъ дворѣ будетъ неосторожно обращаться съ огнемъ и горящими свѣчами, будетъ мною побитъ. Почему для собственной своей и всего города безопасности сдержалъ я свое слово. А почему и объявляю, что всякаго, пойманнаго мною въ такой оплошности, ожидаетъ подобная же участь. Изъ этого слѣдуетъ, что если здѣшняя полиція по учиненіи напередъ безпристрастной оцѣнки всего моего движимаго имѣнія внесетъ въ университетъ на сохраненіе нужную сумму денегъ для моего обезпеченія отъ пожара, то въ такомъ случаѣ я хладнокровно смотрѣть буду на могущій случиться пожаръ. Но я того не понимаю, какимъ образомъ г. капитанъ Квитка вмѣшивается не въ свое дѣло или какимъ образомъ полиція дѣлается его прокураторомъ. То несправедливо, что у него есть поваръ, потому что ему нечего варить; ему слѣдовало бы въ фигуральномъ смыслѣ называть своимъ поваромъ каждаго, кто въ какомъ либо обѣдѣ для него варитъ кушанье или же г. титулярный капитанъ долженъ былъ бы имѣть у себя и титулярнаго повара, о которомъ ни я, ниже другой кто либо ничего не знаемъ. Впрочемъ онъ не имѣетъ ни одной человѣческой души, которая бы ему принадлежала и которой бы онъ могъ приказать: „сгони муху съ моего носа!“ Вотъ мое объясненіе, которое я, если означенный поваръ приведенъ будетъ въ полицію для допроса, многими свидѣтелями доказать въ состояніи“. Это объясненіе въ высшей степени характерно: онъ ярко рисуетъ намъ и несдержанный характеръ Пильгера, и вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе должныхъ заботъ со сто-

роны полиціи относительно противопожарныхъ мѣръ, побуждавшее болѣе энергичныхъ обывателей прибѣгать къ экстраординарнымъ средствамъ для огражденія собственной и общегородской безопасности. Пильгеръ не только сознался въ томъ, что онъ побилъ Тихонова, но и прибавилъ еще, что и впредь намѣренъ поступать такимъ образомъ, если полиція не будетъ ограждать его отъ опасности пожара; тутъ прямой вызовъ по адресу полиціи. Фактъ грубой кулачной расправы со стороны Пильгера остается на лицо; онъ не только не скрываетъ его, а даже подчеркиваетъ, афишируетъ его. Ему нѣтъ никакого дѣла до личности пострадавшаго; онъ даже не останавливается особенно на обстоятельствахъ даннаго дѣла, а говоритъ главнымъ образомъ о прежнихъ случаяхъ, вызвавшихъ его нынѣшнюю вспышку, хотя въ нихъ Тихоновъ совершенно неповиненъ. Въ своихъ полемическихъ пріемахъ онъ забывается до того,—и это производитъ отталкивающее впечатлѣніе,—что начинаетъ издѣваться надъ бѣдностью Григорія Ѳедоровича Квитки, который тогда уже начиналъ пріобрѣтать личную извѣстность въ Харьковѣ и во всякомъ случаѣ былъ однимъ изъ наиболѣе почтенныхъ представителей мѣстнаго харьковскаго дворянства. Нужно пояснить, что Григорій Ѳедоровичъ Квитка дѣйствительно былъ небогатый человѣкъ, хотя и принадлежалъ къ очень состоятельной семьѣ: единственнымъ его рессурсомъ былъ капиталъ въ 40000 рублей, полученный за проданное имѣніе [1]).

Любопытно постановленіе по этому дѣлу правленія университета; оно стало на формальную точку зрѣнія. Такъ какъ выяснилось, писало оно въ своемъ заключеніи, что Тихоновъ не крѣпостной человѣкъ Г. Ѳ. Квитки, а свободный петербургскій цеховой, то пусть или самъ онъ возбуждаетъ дѣло противъ проф. Пильгера, или пришлетъ своего довѣреннаго. Но Тихоновъ, очевидно, убоялся этой новой судебной волокиты и по всей вѣроятности отказался отъ иска; по крайней мѣрѣ продолженія дѣла въ нашемъ документѣ не оказывается [2]).

Шадъ также отличался несдержаннымъ характеромъ, и былъ одинъ случай, когда онъ въ запальчивости побилъ слугу проф. Дрейсига. Дѣло было такъ. Въ 1808 году на него въ правленіе поступила жалоба изъ полиціи (а онъ былъ въ то время деканомъ), что онъ нанесъ тяжкіе побои палкою слугѣ профессора Дрейсига Семену Цыганенкову (отпущенному на волю помѣщицей Суровцовой). „Нахожусь я нижепоименованный, писалъ Цыганковъ, по найму у профессора Императорскаго

---

[1]) Данилевскій. Украинская старина, стр. 212.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1813 г. № 793/40.

Харьковскаго университета Дрейсига и вчерашняго числа въ сумерки живущій противъ квартиры хозяина моего помѣщикъ Иванъ Степановичъ Cребдольскій, увидя меня возлѣ воротъ моей квартиры стоящаго, просилъ меня, дабы я сбѣжавшую изъ дома его Сребдольскаго собаку убилъ (поелику де она взбѣсилась); собаку эту, взбѣжавшую во дворъ квартиры хозяина моего. я убилъ, но квартирующій въ этомъ же домѣ профессоръ Харьковскаго университета Шадъ безъ всякой моей предъ нимъ вины выбѣжа изъ комнаты билъ меня нещадно имѣющеюся у него въ рукахъ палкою и причинилъ мнѣ тѣмъ боемъ на плечахъ и рукахъ багровые знаки и великое увѣчье". Въ доказательство обиженный ссылался на багровые знаки, оставшіеся отъ побоевъ на его плечахъ и рукахъ, и на бывшихъ при томъ свидѣтелей—помѣщика Ивана Сребдольскаго и профессора Коритари съ семействомъ. Свидѣтельствовавшій раны штабъ-лѣкарь Романовскій объяснилъ, что онъ дѣйствительно нашелъ чеуыре краснобагровыхъ знака. Полиція препроводила все дѣло по подсудности обвиняемаго въ правленіе университета, которое поручило перевести представленные документы на нѣмецкій языкъ и потребовать на нихъ объясненія Шада. Шадъ далъ слѣдующее любопытное показаніе: „16 сего іюля будучи у проф. Дрейсига, писалъ Шадъ, видѣлъ въ присутствіи его, г. профессора, около 4-хъ часовъ пополудни кучера его (то-есть упомянутаго просителя), бившаго и дѣйствительно убившаго собаку, принадлежавшую хозяину дома, въ которомъ живетъ онъ Шадъ и такъ какъ эта собака убита была и оставлена на дворѣ дома его Шада, въ коемъ живетъ теперь проф. Дрейсигъ, то онъ Шадъ, приказавъ убившему собаку кучеру стащить ее со двора и бросить въ рѣку, самъ уѣхалъ. Возвратившись же потомъ около 9 часовъ увидѣлъ, что собака лежала на проѣзжей дорогѣ подлѣ его дома вся въ пѣнѣ и въ крови и потому усмотрѣлъ, что она была бѣшеная. Почему онъ Шадъ, опасаясь ужасныхъ послѣдствій, могущихъ произойти въ томъ случаѣ, когда бы отъ нея заразились другія животныя, пришелъ опять къ г. Дрейсигу, чтобы спросить его какъ медика, опасенъ ли этотъ случай, и онъ также подтвердилъ, что весьма опасно лежать на улицѣ въ пѣнѣ брошеной собакѣ; по каковой причинѣ призвали они сказаннаго кучера и строго ему приказали отнести собаку въ безопасное мѣсто; но такъ какъ онъ былъ пьянъ и началъ ругать его г. Шада и г. Дрейсига не выполняя ихъ приказанія, то онъ Шадъ въ отвращеніе опасности, угрожавшей общему спокойствію отъ зараженія прочихъ животныхъ отъ этой собаки, нашелся вынужденнымъ сдѣлать помянутому кучеру нѣсколько ударовъ палкою чтобы заставить снести собаку въ безопасное мѣсто, думая во время ночи (когда отъ полиціи

помощи просить не могъ и когда, какъ извѣстно, медленность была опасна), лучше все возможное употребить, нежели нерадѣть о всеобщемъ спокойствіи и благосостояніи, особливо же когда собака убита была на его дворѣ и отъ нея произошли бы худыя слѣдствія, за что онъ долженъ былъ бы подвергнуться отвѣтственности. Ударами принудилъ я его сдѣлать то, что неминуемо нужно было исполнить, чего онъ прежде по доброй волѣ сдѣлать не хотѣлъ. Вотъ простое и чистосердечное описаніе происшедшаго дѣла. Если бы я побилъ этого человѣка, будучи побуждаемъ какою либо приватною причиною, то подлинно былъ бы достоинъ штрафа, но изъ всего этого дѣла явствуетъ, что я для блага общаго учинилъ то, что прилично каждому доброму гражданину въ такомъ случаѣ, когда всеобщее спокойствіе находится въ опасности и когда онъ помощи отъ полиціи требовать не можетъ, т. е. употребить силу для отвращенія опасности гражданъ, если по доброй волѣ ее получить не можетъ. Всѣмъ знающимъ гражданскія дѣла извѣстно, что гдѣ страждетъ всеобщее спокойствіе, гдѣ медленность бываетъ опасна и гдѣ полиціи требовать на помощь невозможно, тамъ всякій добрый гражданинъ имѣетъ право и долженъ дѣйствовать употребляя силу, если по доброй волѣ не можетъ получить того, чѣмъ бы можно отвратить общую опасность. Такъ какъ это правило въ настоящемъ дѣлѣ имѣетъ мѣсто, то я за себя столь спокоенъ, что готовъ отвѣтить въ этомъ передъ цѣлымъ свѣтомъ и предъ всѣми, кто имѣетъ хотя малое понятіе о градоправительствѣ и о защитѣ общей безопасности. Не могу я обойти молчаніемъ и того, что въ обвиненіи находится много лжи и клеветы,—лжи, ибо проситель утверждаетъ, что убилъ собаку ночью, но проф. Дрейсигъ можетъ засвидѣтельствовать, что это было въ 4 часу пополудни; отъ 4 до 9 часу у него было достаточно времени, чтобы оттащить собаку; *клеветы*, ибо онъ утверждаетъ, будто я его столь сильно прибилъ, что онъ ни къ какой работѣ не способенъ; это клевета, какъ видно даже изъ свидѣтельства врача, что нашелъ при осмотрѣ 4 красныхъ знака; этому я легко вѣрю, такъ какъ когда я его билъ палкою, на немъ не было никакой верхней одежды; за эту клевету, если онъ тотчасъ не успокоится, я буду требовать передъ судомъ достойнаго ему наказанія". Правленіе выслушавъ это объясненіе, постановило допросить еще проф. Коритари и Дрейсига, на которыхъ ссылались обѣ стороны. Проф. Коритари далъ слѣдующее объясненіе: „Неосторожная ссылка крестьянина Семена Цыганкова на мое свидѣтельство кажется мнѣ чрезвычайнымъ дѣломъ, ибо я съ упомянутымъ человѣкомъ никогда не говорилъ ни одного слова и только впервые увидѣлъ его 16 прошедшаго іюня во время учиненнаго имъ

противнаго должности его проступка. Въ отсутствіе мое этотъ Цыганковъ по просьбѣ г. Ивана Сребдольскаго, которому принадлежала собака, убилъ эту послѣднюю на дворѣ проф. Шада. Когда же я въ вечеру возвращался къ себѣ домой, то услышалъ подъ моими окнами внятную сильную брань и грубое ругательство. Одинъ полицейскій десятникъ старался побудить Цыганкова сперва ласкою, а потомъ и настоящими угрозами къ тому, чтобы онъ лежащую посреди улицы передъ моими окнами убитую собаку стащилъ въ другое какое либо мѣсто. Но Цыганковъ ни за что не хотѣлъ къ этому приступить, а продолжалъ ругать полицейскаго служителя, съ которымъ подъ конецъ хотѣлъ даже подраться. Во время ихъ спора увидѣлъ я проф. Шада, возвращавшагося домой около 9 часовъ вечера и приближавшагося къ Цыганкову съ повторительною просьбою, чтобы онъ съ вѣдома проф. Дрейсига и по его просьбѣ отнесъ куда нибудь въ отдаленное мѣсто убитую собаку и наконецъ, когда уже проф. Шадъ увидѣлъ, что всѣ его просьбы не могли побудить этого грубаго человѣка, особенно когда того требовала общая безопасность, чтобы таковая падаль въ самоскорѣйшемъ времени была отнесена въ иное мѣсто, то онъ, подъ вліяніемъ этого упрямаго и ругающагося человѣка (Цыганкова) понудить къ отнесенію собаки посредствомъ нѣсколькихъ ударовъ палкою. Въ отвѣтъ на это Цыганковъ поднялъ было собаку съ тѣмъ, чтобы бросить ее на проф. Шада съ ругательными словами. При этой сценѣ находилось множество народа, проходившаго по улицѣ и тутъ останавливавшагося, который былъ приведенъ этимъ въ огорченіе и понудилъ Цыганкова унести собаку. Все это какъ очевидецъ въ этомъ дѣлѣ могу я должнымъ образомъ засвидѣтельствовать“.

А вотъ какое объясненіе далъ проф. Дрейсигъ.

„Нижеподписавшійся по долгу и совѣсти свидѣтельствуетъ слѣдующее въ оправданіе противу нѣкоторыхъ пунктовъ прошенія поданнаго бывшимъ его кучеромъ Семеномъ Цыганковымъ противу г. профессора Шада. 1) Что убитая сказаннымъ Семеномъ Цыганковымъ на дворѣ проф. Шада собака по всѣмъ примѣтамъ была бѣшеная, а посему общему благоденствію могла нанести великій вредъ, если бы осталась валяющеюся на такомъ открытомъ мѣстѣ. 2) Что упомянутый Семенъ Цыганковъ тогда, какъ убилъ ту собаку находился совершенно въ пьяномъ видѣ отъ похищенныхъ у меня двухъ склянокъ рому, былъ прошенъ съ лаской профессоромъ Шадомъ, чтобы отнесъ убитую собаку въ особенное отдаленное мѣсто, гдѣ никакого вреда воспослѣдовать отъ нея не могло и что тогда уже получилъ онъ отъ руки проф. Шада нѣсколько легихъ ударовъ палкою, когда таща собаку положилъ ее

при дверяхъ дома профессора и началъ ему грозить и даже осмѣлился поднять палку на профессора и на меня самого. 3) Что багровые знаки на тѣлѣ Семена Цыганкова, засвидѣтельствованные однимъ изъ здѣшнихъ городскихъ лекарей, не должны быть приняты на счетъ побоевъ, полученныхъ имъ отъ руки профессора Шада, но суть послѣдствія дракъ, кои имѣлъ въ продолженіе трехсуточнаго пьянства кучеръ Семенъ Цыганковъ съ его собственною женою, ибо оба они почти безпрестанно носятъ на себѣ таковые боевые знаки. 4) Что въ высочайшей степени несправедливо сказанное въ прошеніи Семена Цыганкова, будто бы проф. Шадъ помянутаго Цыганкова изувѣчилъ, ибо этотъ послѣдній еще нѣсколько недѣль послѣ сего происшествія находился у меня въ услуженіи и ежедневно со мною ѣздилъ и другія работы исправлялъ и только вчерашняго дня за безпрестанное его пьянство отъ меня отпущенъ". Во второмъ своемъ объясненіи проф. Шадъ отмѣтилъ еще незаконный ходъ слѣдствія по этому дѣлу. Полиція, по его словамъ, не должна была принимать жалобы отъ Цыганкова и поручить освидѣтельствованіе его ранъ врачу, такъ какъ по уставу онъ Шадъ подлежитъ исключительно вѣдѣнію университетскаго правленія, куда непосредственно и должна была поступить его жалоба. Въ силу всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ дѣло повидимому окончилось ничѣмъ. Да и не могло окончиться иначе, потому что свидѣтельскія показанія были всѣ въ пользу Шада [1]).

Проф. Дегуровъ также однажды побилъ свою служанку, крѣпостную кн. Барятинскаго Варвару Птичкину и обрѣзалъ ей волосы, а она отъ стыда и огорченія повѣсилась. Самъ Дегуровъ по этому поводу показалъ слѣдующее. 28 іюля онъ ударилъ Варвару за отлучку съ горницы рукою разъ шесть по обѣимъ щекамъ, а 29 числа поутру приказалъ служанкѣ Мартиновой отрѣзать у нея косу за то, что она забеременѣла и была вообще худого поведенія; надавалъ онъ ей пощечинъ въ пылу раздраженія и можетъ быть далъ бы и больше, если бы не одумался, вспомнивъ, что она беременна; вслѣдъ за этимъ едва онъ вышелъ со двора, какъ она повѣсилась на платкѣ. Свидѣтели—все слуги проф. Дегурова, крѣпостные разныхъ помѣщиковъ (у него было много прислуги, потому что онъ держалъ женскій пансіонъ)—въ общемъ подтвердили это показаніе; одна изъ свидѣтельницъ прибавила, что, ударивъ Варвару, Дегуровъ порусски сказалъ: „хорошо, завтра", изъ этого видно, что онъ тогда же рѣшилъ обрѣзать ей волосы на слѣдующее

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1808 г., май—августъ, засѣданіе 9 и 30 іюля; дѣло правл. 1808 г., № 378/20.

утро, что и было сдѣлано въ его спальнѣ; послѣ чего онъ опять сказалъ порусски: „вотъ де хорошо!"; сама Варвара не имѣла грустнаго вида— напротивъ была довольна и весела. Раньше ее Дегуровъ не билъ. Правленіе университета высказало слѣдующее *мнѣніе* по этому дѣлу: хотя Варвара Птичкина и была беременна, но проф. Дегуровъ своими побоями не нанесъ вреда ея беременности, нельзя его считать и виновникомъ ея самоубійства, потому что обращался онъ съ нею, равно какъ и съ другими слугами, не жестоко, а, узнавъ о ея беременности рѣшилъ имѣть о ней особое попеченіе и передъ самоубійствомъ не устрашалъ ее наказаніями. Дѣло это было передано сначала въ уѣздный судъ, а потомъ въ уголовную палату. Любопытно было объясненіе, которое подано было проф. Дегуровымъ въ 1810 г. на вопросы, предложенные палатой. „Слободскоукраинская палата уголовнаго суда спрашиваетъ меня, для чего звалъ я 18 іюля 1807 году въ вечеру дѣвку Варвару Птичкину въ то время, какъ прочіе служители ужинали. На это честь имѣю отвѣчать палатѣ, что было обыкновеніе въ пансіонѣ, состоявшемъ тогда подъ моимъ управленіемъ, требовать, чтобы одна дѣвка всегда находилась безотлучно около дѣвицъ въ то время, когда прочіе служители ужинали и такъ какъ это была обязанность, отъ которой онѣ отклонялись, если только могли это сдѣлать, то я нерѣдко принужденъ бывалъ звать ихъ, чтобы къ этому принудить. По такой же причинѣ могло быть, что и была позвана Варвара Птичкина; однако я этого не утверждаю навѣрное, по прошествіи трехъ лѣтъ я не могу вспомнить, для чего такого то именно дня и часа я имѣлъ надобность звать служителя. Впрочемъ, слуга всегда состоитъ подъ начальствомъ своего господина и этотъ послѣдній имѣетъ право звать его, когда ему ни заблагоразсудится. Касательно втораго вопроса палата найдетъ мое оправданіе, во 1-хъ, въ изложеніи, каковое я сдѣлалъ 30 іюля 1810 года во 2-хъ, въ допросахъ, учиненныхъ моимъ служителямъ, въ 3-хъ, въ отвѣтѣ моемъ 2-го января 1808 г. на вопросные пункты Харьковскаго уѣзднаго суда. Палата усмотритъ изъ этихъ бумагъ, что Варвара Птичкина не находилась въ моемъ домѣ тогда, когда я ее звалъ, и что она вошла въ него перелѣзши черезъ ограду, и что въ то время, когда я увидѣлъ ее, будучи преисполненъ негодованія вслѣдствіе худого примѣра, ею подаваемаго, я не могъ воздержаться, чтобы не ударить ее нѣсколько разъ по щекамъ, что поведеніе ея было нѣсколько разъ предметомъ выговоровъ, кои я могу назвать отеческими, что когда беременность ея стала мнѣ извѣстна, я дѣлалъ все возможное чтобы уговорить ее жить честнѣе и исполнять относительно своего дитяти всѣ обязанности матери, что, не взирая на мои совѣты, она по прежнему продол-

жала вести непорядочную жизнь и что тогда дабы ее принудить по крайней мѣрѣ какимъ либо стыдомъ болѣе не отлучаться изъ дому, я учинилъ ей семейственное, а не публичное наказаніе, наказаніе невинное, каковое никакимъ закономъ въ Россіи не запрещено, которое нельзя назвать противочеловѣчественнымъ, которое во всякомъ случаѣ не имѣло печальныхъ послѣдствій и только на нѣсколько мѣсяцевъ раньше дало дѣвкѣ Варварѣ Птичкиной тотъ видъ, который подруги ея принудили бы принять, сходно съ обыкновеніемъ этой страны, послѣ родовъ. Палата также можетъ усмотрѣть изъ бумагъ, что въ то время я имѣлъ довольно значительный пансіонъ, состоявшій изъ дѣвицъ, что всѣ мои служителя, исключая однако, были женскаго пола и что слѣдовательно примѣры порочнаго поведенія часто повторяемые ею, оставляемые безъ наказанія, клонились и къ истребленію добрыхъ нравовъ дѣвицъ, попеченіямъ моимъ ввѣренныхъ, и служителей, коихъ родители ихъ къ нимъ опредѣлили. И такъ я долженъ былъ пещись объ исправленіи этой дѣвки такимъ наказаніемъ, которое бы не вредило беременному ея состоянію, и когда бы я этого не сдѣлалъ, то остался бы виновнымъ въ другомъ отношеніи. Сверхъ этихъ обстоятельствъ палата изъ показанія моихъ служителей удостовѣриться можетъ, что я не заставляю состоящихъ у меня служителей терпѣть нужду, что я обхожусь съ ними благосклонно и что я даже не употреблялъ противъ нихъ, дабы привести ихъ въ должный порядокъ, мѣръ строгости, кои позволяютъ мнѣ законы. Имѣю честь отвѣтствовать палатѣ на третій ея запросъ, что я рѣшился употребить право господина надъ моею служанкою по слѣдующимъ причинамъ. Дѣвка Птичкина принадлежала мнѣ потому, что дана мнѣ была его сіятельствомъ княземъ Барятинскимъ. 20-го января 1808 г. я отослалъ въ Харьковскій уѣздный судъ въ отвѣтъ на его запросъ многія законныя бумаги, утверждающія дѣло это положительнымъ образомъ и удостовѣряющія, что благородное семейство, коему до этого времени Варвара Птичкина принадлежала, никакого притязанія относительно ея не имѣетъ и что кромѣ того я получилъ потомъ еще трехъ дѣвицъ, у меня нынѣ находящихся. Касательно послѣдней статьи вопросовъ палаты я просилъ правленіе Императорскаго Харьковскаго университета, чтобы оно благоволило на нее отвѣчать. Надѣюсь, что документы съ прочими бумагами слѣдственнаго дѣла и моими отвѣтами будутъ достаточны къ моему оправданію въ глазахъ палаты и докажутъ ей, что въ дѣлѣ, суду ея представленномъ, я ни въ чемъ не отступилъ отъ правилъ справедливости ниже чести [1]).

---

[1]) Харьковскій университет. архивъ. Журн. правл. 1807 г., май—августъ, засѣданіе 2 августа; 1810 г., май—августъ; засѣданіе 4 августа.

Изъ этого объясненія видно, что Дегуровъ считаетъ себя совершенно правымъ въ дѣлѣ о самоубійствѣ крѣпостной женщины, Варвары Птичкиной; онъ не нарушилъ ни въ чемъ закона; мало того: онъ ставитъ себѣ въ заслугу свое гуманное отношеніе къ прислугѣ вообще и этой женщинѣ въ частности; онъ могъ бы примѣнить къ ней по праву, предоставленному ему закономъ, строгія мѣры, но не сдѣлалъ этого, а ограничился тѣмъ, что сначала побилъ ее по щекамъ, а потомъ, по мѣстному малороссійскому обычаю, ему очевидно хорошо извѣстному, велѣлъ отрѣзать ей косу; онъ говоритъ, что даже долженъ былъ сдѣлать это во имя нравственныхъ требованій—въ виду своей отвѣтственности передъ родителями своихъ пансіонерокъ.

Очевидно, тутъ мы имѣемъ дѣло съ чисто крѣпостническою психологіей, напоминающей психологію студента Липки-Парафіевскаго. Дегуровъ правда не былъ русскимъ помѣщикомъ, владѣльцемъ крѣпостныхъ. Но онъ прекрасно вошелъ въ роль такого владѣльца и смотрѣлъ на своихъ слугъ, предоставленныхъ ему Кн. Барятинскимъ и нѣкоторыми другими помѣщиками, какъ на крѣпостныхъ. Этотъ „бѣшеный демагогъ“ и потомъ „поборникъ либеральнаго воспитанія русскихъ благородныхъ дѣвицъ“, считавшій главнымъ тормазомъ для него крѣпостныхъ служанокъ, безъ которыхъ родители не соглашались отдавать въ пансіонъ своихъ дочерей [1]) и которыя погрязли по его словамъ въ невѣжествѣ и были принижены рабствомъ, сразу свыкся со своимъ новымъ положеніемъ патріархальнаго владыки своихъ рабовъ, вошелъ во вкусъ и усвоилъ себѣ даже такія мѣстныя особенности въ обращеніи съ ними, какъ обрѣзываніе косъ. Замѣтимъ кстати, что Кн. Барятинскій, которому принадлежала Варвара Птичкина, и который не заявлялъ никакихъ претензій по поводу ея смерти и даже далъ Дегурову послѣ этого еще трехъ новыхъ крѣпостныхъ, вывезъ Дегурова изъ заграницы, пріютилъ его у себя въ селѣ Ивановскомъ (Курской губ.) и всячески ему покровительствовалъ. На его рекомендацію ссылался Дегуровъ гр. Потоцкому, заявляя, что князю хорошо извѣстны его занятія по сельскому хозяйству и политической экономіи во время 6 лѣтняго пребыванія въ Англіи [2]). Умно и ловко оправдывался Дегуровъ, но не разрѣшилъ всетаки основнаго вопроса въ этомъ прискорбномъ случаѣ: что же побудило несчастную Птичкину лишить себя жизни, кого же нужно признать виновнымъ въ ея смерти, если самъ Дегуровъ бѣлѣе снѣга въ этомъ дѣлѣ? Очевидно, и онъ, и студентъ Липка упустили изъ виду одно обстоятель-

---

[1]) А. С. Лебедева. А. А. Дегуровъ, въ (Вѣстн. Европы 1876 г., мартъ, стр. 137).
[2]) Ibidem.

ство,—что эти самоубійцы обладали въ большей степени сознаніемъ собственнаго достоинства, чѣмъ полагалось имъ по ихъ соціальному положенію, что у нихъ сильно было развито чувство совѣсти.

Довольно своеобразное отношеніе къ своему слугѣ мы видили и у проф. Коритари. Онъ нанялъ себѣ въ услуженіе вольно-отпущеннаго крѣпостного Тимофея Логинова за 100 р. въ годъ на своемъ содержаніи и затѣмъ взялъ его съ собою въ Австрію, прибавивъ по его просьбѣ еще 25 р. и пару платья. Но едва господинъ и слуга подъѣхали къ Годячу (у. городъ Полт. губ.), какъ между ними открылись недоразумѣнія: Коритари началъ причинять Логинову разныя обиды, и тотъ просилъ его освободить отъ поѣздки,—но Коритари не внялъ его просьбѣ — и они поѣхали дальше. По выѣздѣ изъ Переяслова съ головы Логинова снесло сильнымъ вѣтромъ картузъ—онъ соскочилъ съ коляски, потомъ кричалъ извозчику обождать его, но тотъ не послушался. Логиновъ остался одинъ въ полѣ безъ денегъ и безъ паспорта, который остался въ коляскѣ, и только догналъ Коритари въ Кіевѣ. По пріѣздѣ же въ Австрію, Коритари сталъ всячески обижать Логинова: бранилъ его пакостными словами, не давалъ ему пищи, сгонялъ съ коляски, заставляя его день и ночь идти пѣшкомъ, отсылалъ неоднократно отъ себя, не отдавая однако заслуженнаго имъ жалованія и паспорта, билъ его нещадно и похвалялся застрѣлить изъ пистолета за то только, что онъ истратилъ 24 австрійскихъ крейцера на свое пропитаніе въ Бреславлѣ, а по возвращеніи въ Лембергъ угрожалъ бить его палками безъ всякой съ его стороны вины. Тогда Логиновъ обратился за защитой къ мѣстной Львовской полиціи, а профессора Коритари просилъ отправить его обратно въ Харьковъ, но этотъ послѣдній началъ его снова бить и ударилъ между прочимъ по щекѣ и затѣмъ отправился въ полицію и заявилъ, что Логиновъ будто-бы уворовалъ у него 100 гульденовъ; полиція произвела у него обыскъ, взяла подъ караулъ и отобрала у него его собственные 22 гульдена и отдала ихъ проф. Коритари. Затѣмъ Коритари уѣхалъ въ Россію, а директоръ Львовской полиціи выдалъ ему его паспортъ на возвращеніе въ Харьковъ. На Радзивиловской таможнѣ его однако не хотѣли пропускать въ Россію, такъ какъ по записнымъ книгамъ таможни съ проф. Коритари уже проѣхалъ черезъ границу его слуга Логиновъ и настоящаго Логинова хотѣли было вернуть въ Австрію, въ которой ему нечего дѣлать. Наконецъ, таможенный капитанъ, очевидно, повѣрилъ въ его искренность и пропустилъ въ Россію. Однако и тутъ его испытанія не окончились: его по этапу отправили въ Харьковъ и держали около 7 недѣль въ острогѣ. Логиновъ подалъ тогда прошеніе, въ которомъ разсказалъ изложенныя здѣсь

обстоятельства своего несчастнаго заграничнаго путешествія, всячески опровергалъ возведенное на него проф. Коритари обвиненіе въ пьянствѣ и воровствѣ господской епанчи и денегъ и просилъ о взысканіи съ него жалованія и вознагражденіи за побои и истязаніе, всего въ суммѣ 150 руб. [1]). Чѣмъ окончилось это дѣло и какъ оправдывался противъ возводимыхъ на него обвиненій проф. Коритари, мы не знаемъ; не можемъ поэтому и рѣшить, въ какой мѣрѣ основательны и самыя эти обвиненія. Нужно замѣтить, что неосновательныя жалобы были тогда нерѣдки между прочимъ потому, что ихъ составляли невѣжественные ходатаи по дѣламъ и вносили туда кое-что отъ себя. Доказательствомъ этого можетъ служить жалоба, поданная Харьковской обывательницей Ириной Раздобаевой на профессора Нельдехена. Такъ она писала, что Нельдехенъ не отдавалъ ей должныхъ 11 рублей, а когда она потребовала этотъ долгъ отъ жены его, то онъ будучи въ хмельномъ видѣ побилъ ее. А когда ее въ правленіи подвергли словесному допросу, она объявила, что она ничего не говорила губернскому секретарю Карлу Грамберу, составлявшему жалобу, о хмельномъ состояніи проф. Нельдехена и онъ ей этихъ словъ въ своемъ прошеніи не читалъ. Правленіе постановило передать на разсмотрѣніе вопроса объ этихъ обидныхъ для проф. Нельдехена выраженіяхъ полицеймейстеру, а отвѣтчика попросить отдать Раздобаевой 11 р., если только онъ дѣйствительно долженъ ей такую сумму [2]). Впрочемъ слѣдуетъ прибавить, что Нельдехенъ дѣйствительно неумѣренно пьянствовалъ и за это былъ даже впослѣдствіи уволенъ изъ университета. На него же поступила еще и другая жалоба отъ жившей у него прислуги Матрены Емельяновой въ самоуправствѣ. Въ его квартирѣ произведена была кража—а онъ самовольно удерживалъ сундукъ этой женщины. Правленіе, получивъ жалобу на это отъ полицеймейстера, предписало Нельдехену отправить сундукъ въ полицію и представить объясненіе о совершенной у него кражѣ [3]). У Нельдехена же вышелъ споръ съ его сосѣдкой, мѣщанкой Заварзиной, относительно плетневаго забора [4]).

Возбуждали противъ себя жалобы мѣстныхъ обывателей и лица низшаго ранга, прикосновенныя къ университету. Такъ напримѣръ Харьковская обывательница Осетрова жаловалась на служанку секретаря училищнаго комитета Флавицкаго въ причиненіи ея дочери разныхъ обидъ ругательствомъ и побоями; но изъ слѣдствія однако выяснилось,

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1809 г., май—августъ; засѣданіе 5 августа.

[2]) Ibidem, журн. правл. 1812 г., май—августъ, засѣданіе 17 іюня.

[3]) Ibidem; 1814, январь—апрѣль; засѣданіе 9 февраля.

[4]) Ibidem; 1813 г., май—августъ; засѣданіе 9 іюня.

что обиды и драка были обоюдныя и даже вызваны были дочерью истицы [1]). Подканцеляриста Потемкина, служившаго въ университетской канцеляріи, обвиняли въ томъ, что онъ вымазалъ ночью ворота и стѣны дегтемъ у вдовы титулярной совѣтницы Млодчинской, дьякона Самойленкова и у дѣвицы Стрѣльниковой, выпустилъ изъ бочки у однодворца Бѣляева для этой цѣли деготь и уворовалъ у него же смолы 30 ф. [2]).

На университетскаго гравера Шейфлина послѣдовала жалоба со стороны кожевника Гренгросса, служившаго на кожевенномъ заводѣ В. Н. Каразина въ сел. Кручикѣ, что тотъ распространялъ о немъ злонамѣренные и невѣрные слухи о продажѣ кожъ, похищенныхъ у В. Н. Каразина. Шейфлинъ сослался на одного свидѣтеля, который дѣйствительно покупалъ у него такія кожи и разсказывалъ ему объ этомъ. Свидѣтель этотъ только отчасти подтвердилъ сдѣланную на него ссылку [3]).

Во всѣхъ изложенныхъ нами случаяхъ, какъ видимъ немногочисленныхъ, потерпѣвшею стороной являлись мѣстные обыватели. Но было столько же почти случаевъ и противоположнаго характера, т. е. такихъ, въ которыхъ потерпѣвшими оказывались профессора университета. Остановимся теперь на нихъ. Начнемъ съ самаго характернаго эпизода— побоевъ, нанесенныхъ проф. Шаду служителями питейной конторы. Нужно замѣтить, что тогда были въ полномъ ходу винные откупа и въ границѣ городской черты стояла застава, не пропускавшая въ Харьковъ никого съ виномъ; за городомъ же было свободное винокуреніе и дешевая водка. И вотъ на одной изъ такихъ заставъ, возлѣ университетскаго сада, на Пескахъ, по Деркачевской дорогѣ, возвращался пѣшкомъ въ городъ профессоръ Шадъ, какъ показывалъ одинъ изъ свидѣтелей, подъ хмелькомъ. Служителя питейной конторы, коллежскій регистраторъ Ващенковъ и купецъ Ковалевскій, велѣли его обыскать, хотя по своему одѣянію онъ не подавалъ ни малѣйшаго подозрѣнія въ корчемствѣ, при чемъ дергали его за платье; не найдя при немъ ничего подозрительнаго, отпустили его, но отправились потомъ далѣе вслѣдъ за нимъ и снова подвергли обыску, которому онъ подчинился, и при этомъ безпощадно били его кулаками въ бока, грудь и животъ, до такой степени, что онъ началъ харкать кровью. Слегъ въ постель, и приглашенный имъ профессоръ докторъ Дрейсигъ призналъ его положеніе опаснымъ; но штабъ-лѣкарь Романовскій не нашелъ наружныхъ зна-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1807 г., сентябрь—декабрь; засѣданіе 31 октября, 2 декабря.

[2]) Ibidem; 1813, сентябрь—декабрь, засѣданіе 18 декабря.

[3]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1805 г., іюль—декабрь; засѣданіе 30 окт., 1806 г., январь засѣданіе 12 февраля.

ковъ побоевъ и не ставилъ въ связь съ ними кровохарканія. Сейчасъ-же послѣ происшествіи Шадъ явился въ правленіе университета и изложилъ устно обстоятельства дѣла, а черезъ нѣкоторое время подалъ въ дополненіе къ этому и письменный отзывъ, въ которомъ просилъ предложить вопросъ Дрейсигу о состояніи его здоровья послѣ нанесенныхъ ему побоевъ; самъ-же онъ заявлялъ, что чувствуетъ приближеніе смерти, которая является результатомъ разбойническаго нападенія служителей питейной конторы и въ превыспреннихъ выраженіяхъ говорилъ о томъ, какую огромную утрату понесетъ въ его лицѣ вся Европа [1]).

Тогдашніе суды не отличались быстротою производства дѣлъ и безпристрастіемъ. Это, конечно, хорошо было извѣстно и правленію университета и потому онъ, передавъ дѣло о побояхъ Шаду въ уѣздный судъ, въ тоже самое время обращается къ вице-губернатору Муратову

[1]) Вотъ подлинный текстъ письма: „Propter enormem illam, quae ante octo dies cum periculo vitae mihi illata est, injuriam necessarium duco haec monere et Directorio proponere. 1) Utile esse puto, si dominus professor Dreyssig vocetur ad Directorium et interrogetur, utrum modus, quo mihi plagae pugnis ad partes molles corporis, scilicet ad ventrem et lumbos versus pectus inflictae sunt, non sit periculosus licet exterius nulla appareant signa, quae in hoc casu apparere non possunt, cum partes sint elasticae, et facta versus pectus, pulmones, stomachum, aliaque delicata organa contusione vehementi tantummodo laesionem internam efficere possint. 2) Rogo, ut interrogetur profes. Dreyssig, quaenam hucusque animadverterit symptomata, cum satis male adhuc me habeam et non solum magnos in pectore, costis, lumbis et ventre dolores quasi avuleis stimulatus, sentiam, sedetiam omni pene destitutus sim appetitu. Huc accedit, quod valetudinis meae ratio sit admodum inconstans, et magnopere dependeat a tempestate, prout est serena aut turbulenta, quod malum est signum. Sic hesterna die tam male me habui, ut spe omni recuperandae sanitatis absecta, cum optima conjuge mea, quam hucusque, quantum potui periculum vitae mihi imminens studiose celavi, ne eam quoque propinquam partui moerore et tristitia simili exponerem periculo, de dispositione mortis causa facienda loqui necessarium mihi videretur. Vobis omnibus notum est, me statim crimine illo in me commisso ad vos confugisse rogantem, ut res statim ad vicegubernatorem delata eodem adhue die judicialiter esaminaretur. Dedistis mihi praeter clarissimum Dominum professorem Osipovsky, qui ipsemet litteras universitatis ad vicegubernatorem deferret, adhuc dominum Secretarium Vanovsky qui me praesente in politia, tanquam interpres, causam meam ageret. Praevidi bene, si vel una dies latronibus ad deliberandum concederetur, per fraudes omnia inversum iri. Ilinc institi acerrimme ut adhuc eodem die examen legale institueretur. Et quominus fieret, nihil obstabat. Apprehensi enim sunt me praesente una cum rustico, qui me de aqua vitae interrogavit latrones. Per Secretarium Vanovsky multoties non sine animi vehementia dici curavi politiae magistro, ut illos judicialiter interrogaret, declarans, me, nisi examine instituto hac nocte non posse redire domum. Mansi in domo Politiae fere usque ad horam undecimam auditam. Sed nihil potui impetrare. Etiam altera die tergiversationibus indultum usque ad vesperam, antequam ad examen accederetur. Modo audio, liberos dimissos esse latrones. Audio porro, in civitate rumorem spargi me paratum esse ad amicabilem tranfactionem

съ просьбой повлiять на судъ въ смыслѣ ускоренiя процесса. Дѣло казалось должно было пойти ускореннымъ образомъ. Что-же однако вышло? Рѣшенiе состоялось только въ апрѣлѣ 1812 года. На основанiи жалованной грамоты униврститету при допросахъ долженъ былъ присутствовать депутатъ отъ университета, и таковымъ былъ назначенъ синдикъ Г. П. Успенскiй, но уѣздный судъ не вызывалъ его къ присутствiю на допросахъ, и правленiе университета должно было дѣлать объ этомъ представленiе губернскому правленiю. Самое слѣдствiе закончено было только въ началѣ 1812 г. Такъ какъ одинъ изъ подсудимыхъ, Ковалевскiй, былъ изъ купеческаго званiя, то дѣло о немъ уѣздный судъ долженъ былъ рѣшать совмѣстно съ городовымъ магистратомъ; но этотъ послѣднiй подъ разнымъ предлогомъ уклонялся отъ этого, пока наконецъ не умеръ и самъ подсудимый. Наконецъ, 15 апрѣля состоялось

---

cum latronibus pro pecunia ineundam cum potius ante tres dies oblata per aliquem rem nunquam pecunia fuisse venalem; hinc me nullo modo posse acquiescere, etiamsi centum millia mihi offerentur, me potius jacturam vitae subiturum, quam ut debitae satisfactioni et strictae justitiae vel minimum detrahi paterer. Et haec quidem mea est mens, quam constanter tenebo, quacum vivam et moriar. Unum, quod in tristissimo hoc casu me consolatur hoc est, quod vos nullam officii vestri partem intermisisse sciam. Si latrones causa vicerint, non est vestra culpa. Omnia, quae in me animadverto, symptomata probare videntur me ex interno, quod hoc latrocinio contraxi, molo serius aut citius moriturum. Hoc testatur summa qua adhuc laboro debilitas virium, quae non nisi ea laesione organorum ad vitam maxime necessariorum provenire videtur; testatur nausea omnis generis ciborum; testatur dolor, vehemens toto dextro latere pectus, costas, lumbos et ventrem acueleis quasi pungens; testatur sanguis per sedem et spumam prodiens Imo moriar. Sed moriar, uti vixi, tanquam vir rectus et bene sibi conscius innocentiae et recte factorum, qui in tota vita sua prodesse hnmanitati studuit. Moriar non obscurus, sed in tota Europa dispersorum virorum et cruditionis et virtutis laude insignium. Moriar cum communi horrore atrocissimi criminis obstupescentibus omnibus bonis, quomodo ejusmodi quid, quod tantummodo de cannibalibus, similibusque nationibus non humanis, sed bestialibus credi potest, in Rossia, sub optimo Imperatore, in urbe Charcoviensi, ubi per universitatem hic stabilitam sedes humanitatis et justitiae esse videtur, contingere potuerit. Moriar denique non inultus. Nam flectere si nequeam superos, Acheronta movebo. Et vero ex inferis surget judex, corrumpi nescius, qui dissecto meo cadavere ostendet illas plagas internas, quae mortis causa fuerunt. Ex meo sepulcro resonabit in Orbe terrarum vox, acusans in omnibus regionibus et convincens atrocissimi criminis tum eos, qmi me occiderint, tum eos, qui latronibus suo favore et auxilio ad impunitatem viam straverint. Charkoviae. 27 maji 1810". Какъ видимъ, эта жалоба представляетъ выдающiйся образчикъ ораторскаго искусства (въ особенности ея заключительная патетическая часть). Но въ ней не мало преувеличенiй, объясняемыхъ съ одной стороны пылкостью самого „неистоваго" Шада, а съ другой реторическимъ характеромъ его блестящаго „литературнаго" произведенiя. Кромѣ того Шаду нужно было сгустить краски въ виду того, что какiе то доброжелатели обвиняемыхъ тайно дѣйствовали въ ихъ пользу.

постановленіе уѣзднаго суда совмѣстно съ городовымъ магистратомъ, переданное затѣмъ въ палату уголовнаго суда. По этому постановленію Ващенковъ былъ приговоренъ къ заключенію въ тюрьмѣ, а другой подсудимый (простой служитель конторы) къ наказанію палками; сверхъ того съ имущества Ващенкова и умершаго Ковалевскаго рѣшено было взыскать за производство дѣла на гербовую бумагу соотвѣтственную сумму денегъ; у Ващенкова была взята подписка, что впредь онъ не будетъ совмѣщать должность чиновника палаты и смотрителя питейной конторы. Такое сравнительно слабое наказаніе объясняется тѣмъ, что уѣздный судъ не призналъ вполнѣ доказаннымъ фактъ нанесенія тяжкихъ побоевъ проф. Шаду. Депутатъ университета, синдикъ Г. П. Успенскій, выступилъ тутъ съ особымъ мнѣніемъ, которое обличаетъ въ немъ прекраснаго юриста и доказываетъ, что онъ не даромъ пользовался славою тонкаго „законника". Въ виду интереса, который оно представляетъ для характеристики личности Успенскаго и тогдашняго суда, мы помѣщаемъ его въ примѣчаніи цѣликомъ [1]). Замѣтимъ кстати, что въ рѣ-

---

[1]) „На основаніи 154 § Высочайше Конфирмованнаго Устава Императорскаго Харьковскаго университета присутствовавъ я въ семъ судѣ въ качествѣ депутата обще съ членами здѣшняго городоваго магистрата, по дѣлу о причиненіи повѣренными питейныхъ сборовъ: коллежскимъ регистраторомъ Ващенковымъ и купцомъ Ковалевскимъ г. профессору здѣшняго университета, что нынѣ коллежскій совѣтникъ, Шадъ боемъ тяжкой обиды, съ мнѣніемъ господъ присутствующихъ согласиться не могу, ради слѣдующихъ причинъ.

I. Въ 1 пунктѣ решенія сего сказано, что профессоръ Шадъ въ истребованномъ отъ него доказательствѣ свидѣтелей и доводовъ *крѣпкихъ* и *ясныхъ* не поставилъ, но я думаю, что въ дѣлѣ семъ со стороны его г. профессора находятся доказательства какъ вѣроятныя, такъ равно *крѣпкія* и *ясныя.—Вѣроятныя* суть. Повѣренные въ показаніяхъ своихъ другъ другу совершенно противурѣчатъ.—Одинъ изъ нихъ говоритъ, что онъ въ тотъ день, т. е., 30 мая 1810 года, при объѣздѣ шинковъ, встрѣтился съ Ващенковымъ на пѣскахъ, а сей напротивъ того, что они оба, живя на одной квартирѣ, въ тотъ день послѣ обѣда вышли вмѣстѣ къ секретарю Розанову; противорѣчіе, котораго они и послѣ ничемъ несогласили. Ковалевскій будучи въ полиціи допрашиваемъ прежде Ващенкова, называлъ его повѣреннымъ, но въ рукоприкладствѣ сказалъ, что повѣреннымъ назвалъ его ошибкою. Естественно и безпристрастно судя возможно ли, что бы они живя на одной квартирѣ и находясь чрезъ долгое время у одного хозяина въ услуженіи одинъ другого незнали, что за люди. — Ващенковъ говорилъ о себѣ, что онъ не повѣренный, но служащій въ уголовной палатѣ коллежскій регистраторъ; послужной же списокъ его, полученный изъ упомянутой палаты, контрактъ съ откупщикомъ и найденныя у него деньги и долговой реестръ, принадлежащія питейной конторѣ, въ чемъ онъ и самъ сознался, ясно доказываютъ, что онъ въ противность генеральнаго регламента, главы 50, статьи 5, и указа февраля 5 дня 1724 года, былъ тогда и тѣмъ и другимъ. Въ палатѣ получалъ чины, а въ откупщика служилъ по контракту повѣреннымъ. Какъ бы то ни было, о Ващенковѣ узнано по крайней мѣрѣ о его званіяхъ и должностяхъ; о Ковалевскомъ же, кромѣ собственнаго его показанія, что онъ купецъ, ничего болѣе не-

шеніи уѣзднаго суда участвовалъ цѣлый рядъ лицъ—судья Безруковъ, дворянскія засѣдатели—Ѳедоръ Абаза и Андрей Ковалевскій (повидимому тотъ самый, который велъ споръ съ проф. Пильгеромъ изъ за коляски), бургомистръ Московъ, ратманы Пантелеевъ и Барымовъ, секре-

извѣстно, да и на то неистребовано отъ него доказательствъ, ниже паспорта его; оба же они какого поведенія, небыли ли подъ судомъ, въ подозрѣніяхъ и штрафахъ, а потому и заслуживаютъ ли они какое вѣроятіе, о семъ надлежащихъ справокъ не учинивъ, имъ не смотря на явныя другъ другу противорѣчія и увертки ихъ единственно къ потемнѣнію истины повѣрено больше, нежели г. профессору Шаду, котораго безпорочное поведеніе всѣмъ извѣстно. Повѣренные сами признаются, что будто бы его г. Шада незнаютъ, неговоря такъ же, чтобы съ нимъ имѣли когда-либо вражду, а потому и жалобу его на нихъ нельзя почесть напрасно затѣянною. Да и естественно ли чтобы человѣкъ, будучи иностранецъ и незная россійскаго языка, вздумалъ когда-либо напрасно жаловаться на людей природныхъ россіянъ, которыхъ прежде незналъ и увидѣлъ ихъ можетъ быть въ первый разъ въ то время, когда они на него напали?—Въ тотъ же день, когда причинена ему обида, онъ г. Шадъ вмѣстѣ съ господиномъ полиціймейстеромъ, прибывъ въ питейную контору узналъ ихъ, что послѣ подтвердили и заставщики. Естьли бы г. Шадъ вздумалъ жаловаться на нихъ по напрасну, какой могъ онъ ожидать отъ того пользы? При томъ если бы небылъ онъ въ самомъ дѣлѣ обиженъ ими, какъ могло ему, какъ и всякому честному человѣку, придти въ голову жаловаться на людей невинныхъ, и какъ можно было согласить между собою то, что онъ узналъ потомъ при господинѣ полиціймейстерѣ лично и свидѣтели справедливость показанія его утвердили?—На всѣ частные случаи законовъ ни въ какомъ государствѣ нѣтъ, да быть не можетъ, а потому и сіе происшествіе, по мнѣнію моему, примѣнить можно къ 12 и 13 пунктамъ воинскихъ процессовъ части 2-й, главы 3-й. Всѣ сіи обстоятельства въ противность имяннного Высочайшаго указа, даннаго 16 августа 1802 года, статьи X, оставлены безъ вниманія. Сіи доказательства почитаю я больше нежели вѣроятными. Теперь слѣдуютъ доказательства, какъ я думаю, *крѣпкія* и *ясныя*, по которымъ оныхъ повѣренныхъ, неопасаясь законопреступленія, можно обвинить.

Крѣпкія и *ясныя* въ дѣлѣ семъ доказательства составляютъ показанія Зайченкова и Быкова и портного Скляренка. Первый изъ нихъ сказалъ, что по приказанію повѣренныхъ Ващенкова и Ковалевскаго, шедшаго въ то время мимо заставы, и иностранца въ сюртукѣ и шляпѣ, трусилъ онъ нѣтъ ли у него вина, и потомъ видѣлъ какъ оные повѣренные пошли скоро за нимъ, но что было далѣе, якобы не видѣлъ. Быковъ утверждаетъ то же, что Зайченковъ, по приказанію повѣренныхъ обыскивалъ, и что повѣренные, догнавши неизвѣстнаго ему нѣмца, начали на него нападать, и бѣлокурый (разумѣть надобно Ковалевскій) сталъ его ощупывать и охватывать, и иностранецъ трясъ свое платье, но что они говорили ему за дальностію не было слышно, и такимъ образомъ скрылись изъ его вида. Сравнивъ показанія сіи съ показаніями повѣренныхъ ясно открывается ихъ въ семъ дѣлѣ виновность. Здѣшняя городская полиція на другой день происшествія сего произведя подробное слѣдствіе и сообразя на основаніи помянутаго именного 16-го августа 1802 года состоявшагося указа всѣ обстоятельства дѣла, сей поступокъ повѣренныхъ съ г. Шаде назвала озорническимъ, буйственнымъ и противузаконнымъ, и ихъ признала виновными. Послѣ того доставлено въ сей судъ показаніе портного Карпа Скляренко, который подъ крестнымъ цѣлованіемъ объявилъ, что онъ стоя вмѣстѣ съ заставщиками самъ видѣлъ, какъ оные повѣренные били нѣмца, приба-

тарь Войтенковъ. Еще въ сентябрѣ 1812 г. Шадъ долженъ былъ напоминать правленію университета, что дѣло его не получило окончательнаго рѣшенія и его клонятъ къ окончательному забвенію; синдикъ Успенскій объяснилъ, что онъ передалъ дѣло на ревизію въ уголовную

вивъ при томъ, что они такъ натолкали ему бока, что онъ едва могъ слѣдовать въ свой путь. Скляренко показалъ, что онъ видѣлъ сіе происшествіе стоя вмѣстѣ съ заставщиками, но какими именно, общее присутствіе членовъ уѣзднаго суда и городового магистрата сего неизслѣдовавъ, основываясь, между прочимъ, на 189 статьѣ наказа, даннаго коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія, принимая одного Скляренка свидѣтелемъ, показаніе его считаетъ недостаточнымъ, хотя кромѣ его видѣли сіе происшествіе заставщики Быковъ и Зайченковъ, почему же свидѣтельство ихъ непринято въ уваженіе, присутствіе причины не показало.

II. Во 2-мъ пунктѣ рѣшенія своего въ томъ, что повѣренные приказывали его, Шада, обыскивать признаетъ ихъ виновными, но наказаніе опредѣляетъ имъ противное III статьѣ устава о винѣ, равно какъ и Ващенкову за то, что онъ въ одно и тоже время былъ и въ статской службѣ и повѣреннымъ, несоразмѣрно малое, въ противность упомянутыхъ мною узаконеній, т. е., генеральнаго регламента главы 50-й, статьи 5-й и указа февраля 5 дня 1724 года. При томъ въ семъ пунктѣ рѣшенія 27 и 28 воинскій артикулъ и толкованіе на послѣдній приведены по моему мнѣнію безъ надобности, ибо для основанія рѣшенія дѣла сего есть приличныя гражданскія узаконенія; изъ военныхъ же законовъ основанія въ рѣшеніяхъ гражданскихъ дѣлъ заимствовать указомъ отъ 10 апрѣля 1716 года позволено только въ недостаткѣ гражданскихъ законовъ.

III. Въ третьемъ пунктѣ рѣшенія на основаніи указа 1723 г. ноября 5 дня сказано: профессору Шаде предоставить право, буде онъ чувствуетъ себѣ какую обиду, употребить искъ формальнымъ порядкомъ. Въ семъ указѣ предписанъ порядокъ какимъ надлежитъ производить формальный судъ, но нигдѣ недано присутственнымъ мѣстамъ права уголовный искъ, каковъ г. Шаде на повѣренныхъ, обращать въ гражданскій, когда напротивъ того новѣйшимъ узаконеніемъ, а именно манифестомъ 1787 года апрѣля 21 дня статьею 19 предоставлено самому истцу.

Наконецъ, хотя при освидѣтельствованіи г. профессора штабъ-лѣкаремъ Романовскимъ и ненайдено на тѣлѣ его никакихъ боевыхъ знаковъ, при всемъ томъ показанія Зайченкова, а особливо Быкова и Скляренка ясно доказываютъ, какъ и г. Шаде увѣряетъ, что повѣренные били его подъ бока, гдѣ знаковъ боевыхъ по мягкости частей тѣла и быть не можетъ, что ему г. Шаде повѣренные дѣйствительно причинили боемъ тяжкую обиду, согласившись на то, какъ изъ показанія Зайченкова видно, между собою прежде, что составляетъ, такъ называемый, скопъ и заговоръ.

Сообразивъ по дѣлу сему всѣ вышеупомянутыя мною обстоятельства, какъ то разнорѣчія и разныя увертки самихъ повѣренныхъ, состояніе и безпорочное поведеніе г. профессора Шаде, показанія свидѣтелей — Зайченкова, Быкова и Скляренка неимѣя большей надобности въ другихъ доказательствахъ справедливости со стороны г. Шаде, мнѣніемъ моимъ полагаю: что съ повѣренныхъ Ващенкова и Ковалевскаго на основаніи уложенія главы 10, статьи 199, устава о винѣ статьи 111 и городового положенія статьи 91 надлежитъ взыскать въ пользу г. Шаде безчестья вдвое противъ получаемаго имъ окладного въ годъ жалованья, а именно: одну половину съ Ващенкова, а другую, вмѣсто умершаго въ продолженіе производства сего дѣла Ковалевскаго, по силѣ уложенія главы 21 статьи 64, съ хозяина его бывшаго откупщика Хрущева. Синдикъ Гавріилъ Успенскій“.

палату. Когда же оно совершенно было закончено и каково было постановленіе въ окончательной формѣ, мы не знаемъ [1]). Если служителя питейнаго откупа такъ разбойнически напали на Шада, то можно представить себѣ, какія безобразія они дозволяли себѣ по отношенію къ обывателямъ непривиллегированнаго состоянія. Въ 1813 г. они въ количествѣ 20 чел. явились самоуправно въ 3 часа ночи въ университетскій садъ, произвели обыскъ у тамошнихъ служителей, перебили окна въ занимаемыхъ ими помѣщеніяхъ и забрали въ контору одного изъ нихъ. Откупщикомъ былъ тогда дядя жены Роммеля, генералъ Ковалевскій, и Роммель принялъ на себя трудъ переговорить съ нимъ по этому поводу [2]). Тоже изложено и въ журналахъ правленія за 1810 и 1812 годы. Документальныя данныя не подтвердили извѣстія Селиванова, что Шадъ былъ захваченъ объѣздчиками питейнаго откупа съ малой толикой наливки; если бы это было такъ, то обвиняемые непремѣнно бы отмѣтили это обстоятельство въ своихъ показаніяхъ; но они ничего не говорили ни объ этомъ, ни о его поѣздкахъ съ цѣлями выпивки въ подгородній хуторъ; впрочемъ, быть можетъ, и этотъ разъ Шадъ именно возвращался изъ этого хутора уже навеселѣ, но во всякомъ случаѣ безъ корчемной „наливки“.

„Архивы, пишетъ Устиновъ, сохраняютъ массу дѣлъ, рисующихъ почти всегда кровавыя и ужасныя расправы и кары. Въ огражденіе отъ корчемства дешеваго вина изъ пригорода, городъ былъ оцѣпленъ 15 заставами, со стражею изъ нѣсколькихъ вооруженныхъ человѣкъ на каждой заставѣ. Заставы эти находились: 1-я близъ холодной горы на Екатеринославской дорогѣ, 2-я Крамаренкова застава, 3-я на Бѣлгородской ул., 4-я на Песковской, 5-я на Коврижной, 6-я возлѣ Новаго кладбища, 7-я возлѣ старого кладбища, 8-я подлѣ Лысой горы, 9-я на Гончаровкѣ, 10-я близъ сада Квитки, подъ Холодной горой, 11-я на Основѣ, 12-я на Панасовкѣ, 13-я на Младзирской заставѣ, 14-я на Драгомировой заставѣ, 15-я на Сумской“ [3]). Шада избили на 4-й Песковской заставѣ.

Военные посты были, какъ мы знаемъ, въ высшей степени обременительны для городскихъ обывателей. Профессора университета были поставлены въ этомъ отношеніи въ исключительныя условія — дома, ими занимаемыя, были освобождены отъ воинскихъ командъ. Но иногда

---

[1]) Всѣ эти данныя мы позаимствовали изъ особаго дѣла, хранящагося въ Харьк. унив. арх. (Дѣло правл. 1810—1812, № $^{490}/_{27}$).

[2]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1813 г., январь—апрѣль; засѣданіе 20 февр.

[3]) Устинова. Харьковъ въ нач. нынѣшняго столѣтія (Харьк. кал. на 1886 годъ, стр. 87).

все таки возникали столкновенія и недоразумѣнія на этой почвѣ. Въ 1809 году профессоръ Коритари вошелъ въ правленіе университета съ жалобой, въ которой между прочимъ, писалъ, что его квартирный хозяинъ Сребдольскій сдѣлалъ временную калитку въ заборѣ, отдѣляющемъ домъ, занимаемый имъ, Коритаріемъ, отъ хозяйскаго помѣщенія,—и не хочетъ ее задѣлывать; между тѣмъ черезъ нее ночью проходитъ скотъ—разные подозрительные люди, нарушая его покой и мѣшая его занятіямъ, сверхъ того въ конюшнѣ, подходящей къ самимъ окнамъ его квартиры, помѣщается днемъ до 20, а ночью четверо караульныхъ солдатъ, которые постоянно ходятъ по двору и поднимаютъ крикъ вмѣстѣ съ хозяиномъ, всегда пьяным, и причиняютъ ему безпокойство и страхъ, такъ что онъ не можетъ заниматься дѣлами, относящимися къ его службѣ. Правленіе уважило ходатайство Коритари и постановило просить губернатора и квартирную коммиссію исполнить законное желаніе проф. Коритари, „такъ какъ занятія гг. профессоровъ требуютъ спокойствія со стороны общественной“ [1]. Проф. Нельдехенъ въ 1811 г. жаловался правленію на офицера, квартирующаго въ занимаемомъ имъ домѣ—что онъ ворвался нахально въ его квартиру и надѣлалъ ему много грубостей. Правленіе потребовало отъ квартирной коммиссіи немедленнаго удаленія этого неспокойнаго постояльца и сослалось на Высочайшее повелѣніе объ освобожденіи домовъ, занимаемыхъ профессорами, отъ постоевъ [2]. Третій случай столкновенія съ военнымъ элементомъ относится къ учителю фехтованія Сивокту. Мы его касались на 392—394 стр. своего труда. Теперь же только припомнимъ, что и Шадъ жаловался на своего квартирнаго хозяина Кувшинникова и не нашелъ удовлетворенія въ полиціи [3]. Въ 1812 году профессоръ Роммель обратился въ правленіе университета съ жалобою на плѣнныхъ турокъ, которые нанесли жестокіе побои его слугѣ; деканъ медицинскаго факультета Книгинъ вмѣстѣ съ штабъ-лѣкаремъ Романовскимъ освидѣтельствовали потерпѣвшаго и нашли слѣды побоевъ. Правленіе приняло живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ. Но на слѣдствіи выяснилось, что слугу Роммеля ударилъ 2 раза чубукомъ плѣнный турецкій паша за то, что тотъ побилъ его служителя, привязавшаго лошадь къ бричкѣ проф. Роммеля [4].

Городское благоустройство было не блестяще и отъ этого также приходилось страдать представителямъ университета. Мы видѣли, что

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1802 г. сент.—декабрь; засѣданіе 6 сент.

[2]) Ibid. 1811 г. сент.—дек.; засѣданіе 12 октября.

[3]) Настоящее сочиненіе, стр. 393.

[4]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1812 г., май—августъ; зас. 1 и 25 іюля.

у того же проф. Роммеля воры похитили лошадей, но полиція нашла ихъ только благодаря полученной взяткѣ. Проф. Делявинь слылъ за богатаго и скупого человѣка и къ нему также забрались воры, *заперли его и его людей ночью въ горницѣ и кухнѣ*, отбили замки въ амбарѣ и сараѣ и забрали тамъ на 30 р. вещей [1]). У проф. Шумлянскаго вышло столкновеніе съ полиціей, которая обвиняла его въ передержательствѣ какого-то бродяги Дениса; но Шумлянскій подалъ опроверженіе, въ которомъ объяснилъ, что не только не удержалъ у себя этого человѣка, когда онъ пришелъ къ нему наниматься въ услуженіе, а даже отправилъ его съ университетскимъ экзекуторомъ Анадольскимъ для опредѣленія его личности въ полицію [2]).

Приведенными случаями—какъ видимъ, весьма немногочисленными—исчерпываются, сколько намъ извѣстно, всѣ столкновенія мѣстной обывательской среды съ университетскою; по крайней мѣрѣ это можно сказать о тѣхъ недоразумѣніяхъ, которыя доходили до судебнаго разбирательства. Они, въ совокупности своей, не могли замѣтно ослабить того благодѣтельнаго вліянія, которое оказывалъ университетъ на мѣстное общество въ культурномъ отношеніи—въ смыслѣ подъема умственнаго и нравственнаго и даже матеріальнаго его состоянія. Рядомъ съ съ немногочисленными столкновеніями, носившими временный, спорадическій характеръ, дѣйствовали постоянныя вліянія въ смыслѣ сближенія университетскихъ дѣятелей съ обществомъ и благотворнаго воздѣйствія на это послѣднее. Важнымъ средствомъ для такого сближенія служили *университетскіе акты*. Что университетъ не отгораживался китайскою стѣною отъ общества, что онъ стремился къ духовному общенію съ мѣстною сферою, это доказывается между прочимъ какъ большимъ числомъ публичныхъ университетскихъ актовъ, такъ и обиліемъ происходившихъ на немъ чтеній и главное самымъ выборомъ подходящихъ для этого темъ. И мы могли убѣдиться уже въ предъидущемъ изложеніи, что цѣль вполнѣ достигалась, что акты съиграли видную роль въ дѣлѣ сближенія университета съ обществомъ. Мы видѣли какое огромное впечатлѣніе произвело на публику празднество открытія университета—объ этомъ говорятъ современники очевидцы: священникъ о. Вас. Фотіевъ, попечитель округа гр. С. О. Потоцкій и Розаліонъ-Сошальскій. О содержаніи рѣчей и живомъ интересѣ ихъ для публики, а также о разсылкѣ ихъ въ города мы говорили уже выше [3]). Теперь мы приведемъ нѣсколько описаній самихъ актовъ, потому что и въ дѣлѣ устрой-

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1810 г., январь—апрѣль; засѣданіе 22 февр.

[2]) Ibidem. 1809, сент.—дек., засѣданіе 2 декабря.

[3]) 687—704, 738 -740 стр. настоящаго труда.

ства ихъ также проявились заботы университета объ удобствахъ и интересахъ публики. Ежегодно устраивалось, какъ мы знаемъ, по два и даже по три акта—30 іюня по окончаніи экзаменовъ, 30 августа—въ день тезоименитства Государя и 17 января—въ день основанія университета. На каждомъ изъ нихъ произносилось по нѣсколько рѣчей. Чтенія эти требовали отъ публики значительнаго умственнаго напряженія и потому въ антрактахъ была музыка, пѣніе и угощеніе. Актъ 30 іюня 1810 г. (по окончаніи лекцій и экзаменовъ) происходилъ такъ. Въ большой залѣ малаго университетскаго дома въ 6 час. пополудни состоялось торжественное собраніе университета въ присутствіи посторонней приглашенной публики. На немъ произнесены были рѣчи проф. Тимковскимъ на русскомъ языкѣ и адъюнктомъ Лангомъ на нѣмецкомъ. Въ началѣ собранія и послѣ каждой рѣчи играли симфоніи и подавали публикѣ угощеніе (чай, оршадъ, фрукты). Затѣмъ провозглашены были имена окончившихъ трехлѣтній университетскій курсъ (ихъ было 7) и выданы имъ аттестаты (въ числѣ окончившихъ былъ и Тимофей Ивановичъ Селивановъ), имена студентовъ, оказавшихъ отличные успѣхи на послѣднемъ испытаніи (таковыхъ было 13 человѣкъ), и наконецъ, фамиліи вновь вступившихъ въ университетъ; ихъ оказалось 7 чел. и ректоръ всѣмъ имъ тутъ же вручилъ шпаги. Истрачено было на угощеніе публики 68 руб. 75 к.; подавались чай со сливками, лимонадъ, мороженое [1]. Подобнымъ же образомъ происходилъ актъ 30 іюня 1811 года, на которомъ угощеніе публики обошлось въ 58 р. 5 к.: было куплено 5 фун. сахару по 2 р. 20 к., $^1/_4$ фун. чаю (за 3 р.), сливокъ на 75 к., истрачено на приготовленіе лимонада 25 р., купленъ 1 ф. восковыхъ свѣчей за 1 р. 70 к., прислугѣ и извозчикамъ (за развозку билетовъ) 16 р. 60 к. Лимонадъ былъ приготовленъ особеннымъ образомъ: 4 бутылки краснаго столоваго вина (4 р.), бутылка рому (5 р.), 6 фун. сахару (13 р.), бутылка лимоннаго сока (2 р.) [2]. Актъ 30 іюня 1809 г. обошелся университету въ 49 р. 90 к.: тутъ кромѣ чаю и сахару фигурируетъ только миндаль для приготовленія оршада и вино; актъ 30 августа того-же года обошелся въ 141 руб. 85 коп.; тутъ къ чаю было варенье, лимонъ и сливки, были фрукты, оршадъ и лимонадъ; плошекъ для иллюминаціи было приготовлено 200 [3]. На угощеніе публики 30 августа 1810 г. истрачено было 105 р. 95 к.; кромѣ чаю подавались оршадъ и фрукты [4].

---

1) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1810 г. № $^{522}/_{28}$.
2) Ibidem. Дѣло правл. 1811 г. № $^{563}/_{30}$.
3) Ibidem. Дѣло правл. 1809 г. № $^{447}/_{24}$.
4) Ibidem. Дѣло правл. 1810 г. № $^{522}/_{28}$.

А вотъ церемоніалъ акта 30 августа 1811 г.

Въ 10 час. утра открылось засѣданіе совѣта, на которомъ избрано было нѣсколько лицъ въ почетные члены университета [1]). Затѣмъ всѣ отправились въ церковь на литургію и молебствіе. Въ 5 час. пополудни началось торжественное ученое собраніе. Церемоніймейстерами были опредѣлены гг. адъюнкты Успенскій, Васильевъ и фонъ-Шмерфельдъ. Въ назначенную для собранія залу съѣхались городскіе чиновники, благородное дворянство *обоего пола*, высшее духовенство и купечество, приглашенные особыми билетами; затѣмъ при входѣ въ залъ ректора съ губернаторомъ и профессорами заиграла музыка и прочитаны были рѣчи—ректоромъ университета Стойковичемъ на русскомъ языкѣ о причинахъ, дѣлающихъ воздухъ неудобнымъ для дыханія, проф. Роммелемъ на латинскомъ языкѣ о преимуществѣ и значеніи истиннаго просвѣщенія и проф. Беленъ-де-Баллю на французскомъ языкѣ объ играхъ и забавахъ древнихъ грековъ. Послѣ каждой рѣчи слѣдовала симфонія, кантъ и угощеніе. Потомъ синдикъ университета адъюнктъ Успенскій сообщилъ какъ бы краткій отчетъ о состояніи университета—о томъ, какіе профессора выбыли изъ университета, какіе вновь вступили въ него, какіе были избраны совѣтомъ и утверждены начальствомъ въ высшихъ классахъ, какія лица были избраны въ почетные члены, кто изъ учителей былъ назначенъ лекторомъ, кто изъ кандидатовъ былъ произведенъ въ магистры и изъ студентовъ въ кандидаты, кто былъ принятъ въ студенты, причемъ новымъ кандидатамъ розданы были дипломы, а новымъ студентамъ (26 чел.) [2])—матрикулы и шпаги; при этомъ играла музыка; закончилось торжество концертомъ и иллюминаціей—горѣла прозрачная картина, изображающая заключеніе дружбы между Аполлономъ и Императоромъ Александромъ. На угощеніе приглашенныхъ гостей и на прочія нужды было истрачено 169 р. 75 коп. О характерѣ угощенія даетъ понятіе реестръ расходовъ. Куплено было 16 ф. сахару по 2 р. за фунтъ (32 р.), 1/4 ф. чаю (3 р.), лимоновъ на 1 р. 50 к., сливокъ на 1 р. 20 к., 14 ф. варенья по 1 р. 60 к. (22 р. 40 к.), 12 ф. миндалю для оршада по 1 р. 50 к. (на 18 руб.), 500 яблокъ и бергамотъ (на 5 р.), 28 ф. восковыхъ свѣчей по 60 р. пудъ (на 42 р. 10 к.), 2 ф. скипидару для плошекъ по 75 к. (1 руб. 50 коп.), дано

---

[1]) Какія лица были избраны въ почетные члены университета въ 1811 году, мы говорили на 246 стр. настоящаго сочиненія.

[2]) Въ числѣ прочихъ оказались принятыми въ этомъ году извѣстные намъ Петръ Кеппенъ, Иванъ Сухомлиновъ и Александръ Андреевъ.

извозчикамъ за развозку билетовъ 16 р., прислугѣ 17 р. 15 к., за постановку и обдѣлку транспаранта 10 р. [1]). А вотъ описаніе акта 17-го января 1811 года. Поутру происходило молебствіе въ соборѣ, на немъ присутствовали всѣ члены университета. Въ 6 час. пополудни торжественное собраніе, на которое были приглашены по билетамъ почетнѣйшіе представители всѣхъ слоевъ харьковскаго общества—чиновники, дворяне, духовенство, купечество, открыто было вокальнымъ концертомъ. Затѣмъ прочитаны были три рѣчи (проф. Каменскимъ, Дегуровымъ и Рейтомъ). Въ промежуткахъ между рѣчами пѣлись концерты и исполнялись симфоніи. Послѣ этого съ приличнымъ торжествомъ вручили магистрамъ дипломы, а затѣмъ секретарь совѣта провозгласилъ имена лицъ, удостоенныхъ избранія въ почетные члены университета. Празднество закончилось исполненіемъ пѣвчими „Тебе Бога хвалимъ“ съ акомпаниментомъ музыки [2]). Угощеніе публики на актѣ 17 января 1812 г. обошлась въ 170 р. 67½ к.: тутъ давали чай съ вареньемъ, съ лимономъ и сливками, фрукты; сахаръ въ это время стоилъ 2 руб. 25 к., одна штука лимона 50 коп.; даже яблоки вздорожали и стоили 2½ к. штука; пѣвчихъ пришлось нанять и имъ было выдано 50 руб.; 30 августа для той же цѣли издержано было 157 р. 10 к. и опять былъ чай, варенье, оршадъ, яблоки и груши, бергамоты; лимоны стоили по 75 коп. (ихъ было куплено 4 штуки), но сахаръ немного подешевѣлъ—фунтъ стоилъ 1 р. 70 к., фунтъ чаю 13 р. 50 к. (въ 1810 г. этотъ чай, называемый „сквознякомъ“, стоилъ всего 10 р.; въ 1811 г.—12 р.).

Къ этимъ краткимъ оффиціальнымъ даннымъ присоединимъ еще нѣсколько мелкихъ подробностей, сообщаемыхъ извѣстнымъ уже намъ архіерейскимъ пѣвчимъ Пѣхотинскимъ. „Въ тогдашнее время, говоритъ онъ, ежегодно университетъ имѣлъ два торжества: день тезоименитства Императора Александра I, 30 августа, совмѣстно съ празднованіемъ университетскаго акта и день открытія университета, 17 января. Къ этимъ обоимъ днямъ дѣлались особенныя приготовленія и всегда давались ораторіи и концерты въ собраніи многочисленной публики. Университетскій учитель музыки В(итковскій), считавшійся тогда однимъ изъ извѣстныхъ артистовъ-композиторовъ, съ особенною заботою и умѣньемъ распоряжался составленіемъ оркестра, какъ инструментальнаго, такъ и вокальнаго. Нашъ (архіерейскій) пѣвческій хоръ заблаговременно приглашался и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ мы держали репетиціи. При этихъ репетиціяхъ бывали профессора и студенты.... На одномъ

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. Журн. правл. 1811 г. сент.—дек. засѣд. 4 сентября.

[2]) Харьк. унив. архивъ. Дѣло правл. 1811 г. № $^{568}/_{30}$.

изъ актовъ была между прочимъ исполнена ораторія Гайдна „Сотвореніе міра". Успѣхъ ея, сколько помню, былъ очень блестящъ. Хоръ нашъ заслужилъ полное одобреніе, и меня, не знаю впрочемъ за что, многіе хвалили и подзывали къ себѣ. Я даже стыдился этихъ похвалъ, какъ стыдился послѣ того, что долго не зналъ знаменитаго имени Гайдена. Я не понималъ достоинства ораторіи, и пѣлъ, и слушалъ потому, что велѣли пѣть и надо было слушать, а собственной музыкальной мысли не существовало для меня. Въ тетради моей нѣмецкій текстъ былъ написанъ латинскими буквами, и профессоръ А.... училъ насъ произносить, а потому произносилъ и я тѣ слова правильно, которыя слѣдовали на мою долю. Но не могу забыть, что мнѣ очень пріятно было стоять близъ знатнѣйшихъ особъ, сидѣвшихъ на ближайшихъ мѣстахъ къ оркестру. Особенно я восхищался краснымъ мундиромъ съ золотомъ и голубою лентою графа Потоцкаго, тогдашняго попечителя университета. Подлѣ него сидѣлъ губернаторъ. Еще болѣе помню мою радость и самодовольство, когда губернаторъ Бахтинъ подозвалъ меня, взялъ мою тетрадь и показалъ графу Потоцкому, который, вѣроятно, любопытствовалъ знать, какъ написанъ текстъ. Отдавая мою тетрадь, губернаторъ спросилъ меня: „а ты учишься по нѣмецки?" „Нѣтъ" отвѣчалъ я. „Совѣтую учиться". Я поклонился, разумѣется, очень глупо. Губернаторъ улыбнулся и сказалъ графу: „это мой знакомецъ". Графъ Потоцкій посмотрѣлъ на меня ласково и сказалъ что-то по французски. Губернаторъ отвѣчалъ ему по французски и оба засмѣялись. „Учись же по нѣмецки", сказалъ наконецъ губернаторъ, отдавая мнѣ тетрадь, „чтобы дослужился до красной ленты" (это былъ намекъ на то, какъ шалунъ Пѣхотинскій, присутствуя на концертѣ въ губернаторскомъ домѣ, надѣлъ его ленту) [1]). Тутъ производитъ пріятное впечатлѣніе доступность и ласковость такихъ лицъ, какъ гр. Потоцкій и Бахтинъ. Нужно думать, что несмотря на торжественно оффиціальный характеръ актовъ, они не были лишены извѣстной доли патріархальности. 25-го декабря 1814 года университетъ устроилъ торжественное празднество по поводу „мира дарованнаго Императоромъ Александромъ Европѣ", т. е. низверженія Наполеона. Кандидатъ Шуманъ, какъ мы знаемъ уже, сочинилъ по этому поводу особую ораторію на слова проф. И. Е. Срезневскаго. Исполнять эту ораторію долженъ былъ архіерейскій хоръ, но, какъ мы сообщали выше, новый епископъ Аполлосъ (преемникъ Христофора Сулимы) отказалъ университету въ присылкѣ своихъ пѣвчихъ и рѣшено было пригласить для этого частный хоръ помѣщицы Ахтырскаго уѣзда

---

[1]) „Духовная бесѣда" 1865 г., т. XI, стр. 441—442, 446—447.

Корсаковой. Тутъ говорилъ извѣстную намъ рѣчь, посвященную Наполеону, проф. Шадъ. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ университетъ принялъ на себя роль истолкователя передъ публикой значенія только что законченной великой эпопеи Наполеона и выразилъ чувства, общія съ настроеніемъ всего мѣстнаго общества. Университетскіе акты способствовали сближенію университета съ обществомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ культивировали въ немъ науку, распространяли общія прогрессивныя идеи (въ особенности о пользѣ и значеніи науки и образованія), знакомили съ лучшими произведеніями вокальной и инструментальной музыки и тѣмъ способствовали поднятію эстетическаго уровня обывателей. Но и кромѣ актовъ университетъ имѣлъ еще не мало средствъ для благотворнаго воздѣйствія на мѣстную среду — на ея бытъ и нравы. Благодаря ему здѣсь дѣйствительно сталъ пробуждаться духъ общественности на новыхъ началахъ. При университетѣ было учреждено ученое общество, въ составъ котораго вступили, какъ мы знаемъ, и нѣкоторые изъ мѣстныхъ жителей. Виновникъ основанія университета въ Харьковѣ В. Н. Каразинъ былъ учредителемъ и душею другого, такъ называемаго, филотехническаго общества, которое поставило своею прямою задачей—улучшеніе мѣстной земледѣльческой культуры введеніемъ новыхъ усовершенствованныхъ пріемовъ и способовъ хозяйства. Членами его были, какъ намъ извѣстно, помѣщики Харьковской и сосѣднихъ губерній. Наконецъ, по инициативѣ Гр. Ѳед. Квитки и при участіи ректора Стойковича, было открыто въ 1812 году Харьковское общество благотворенія, занимавшееся дѣлами помощи и воспитанія неимущихъ. Ему обязанъ своимъ происхожденіемъ Харьковскій институтъ благородныхъ дѣвицъ.

Съ открытіемъ при университетѣ типографіи и цензурнаго комитета, въ Харьковѣ сразу началась, какъ мы видѣли, оживленная издательская дѣятельность: стали печатать въ большомъ числѣ книги, брошюры; появилась и первая газета, издателемъ которой былъ университетскій книгопродавецъ Лангнеръ. Подъ прямымъ непосредственнымъ вліяніемъ университета развилась въ Харьковѣ и книжная торговля, и при томъ не только русскими, но и иностранными книгами. Вообще, можно сказать, что университетъ замѣтно повліялъ на поднятіе культурнаго уровня мѣстнаго общества, дѣйствуя не одною теоретическою проповѣдью, а и собственнымъ живымъ примѣромъ. Мѣстные обыватели видѣли новую университетскую среду, соприкасались съ нею и усвояли себѣ ея привычки культурной жизни. Огромное значеніе для горожанъ имѣли ремесленники иностранцы—выписанные В. Н. Каразинымъ изъ Петербурга для университета; одни изъ нихъ остались

служить университету, который отдавалъ имъ въ ученіе русскихъ учениковъ и тѣмъ способствовалъ развитію ремесленныхъ знаній въ Харьковѣ, другихъ взялъ къ себѣ въ д. Кручикъ самъ В. Н. Каразинъ, у котораго тамъ было и опытное поле, и лабораторія, и фабрики; третьи, наконецъ, открыли свои заведенія въ городѣ и поставили ихъ очень высоко въ глазахъ мѣстныхъ обывателей. Да и вообще учрежденіе университета подняло Харьковъ въ экономическомъ отношеніи: учащіе и учащіеся образовали какъ бы новый городокъ, для котораго понадобились и квартиры, и съѣстные припасы. Тутъ въ значительной степени оправдались надежды, возлагавшіяся на университетъ городскимъ обществомъ и В. Н. Каразинымъ. Оправдались эти надежды, хотя и не въ такомъ грандіозномъ видѣ, какъ представлялъ это себѣ пылкій Каразинъ, и въ отношеніи прямыхъ непосредственныхъ цѣлей и задачъ университета: ежегодно выходило изъ него нѣкоторое число учителей, юристовъ и врачей, въ которыхъ тогда чувствовалась огромная потребность; даже недоучившіеся въ университетѣ молодые люди находили себѣ работу и службу и дѣлались весьма полезными членами общества. Наконецъ, университетъ оказывалъ постоянно значительное нравственное вліяніе на внѣуниверситетскую среду и это вліяніе распространялось и за предѣлы Харьковскаго учебнаго округа, куда судьба забрасывала его питомцевъ. Конечно, наиболѣе интенсивнымъ оно было на мѣстѣ, въ стѣнахъ университета, гдѣ читали свои курсы профессора и оказывали какъ ими, такъ и примѣромъ собственной жизни, благотворное нравственное вліяніе на учащуюся молодежь. Мы видѣли, какъ велико было вліяніе въ этомъ отношеніи такихъ личностей, какъ, напримѣръ, Рижскій, Осиповскій, Павловскій, какъ глубоко чтили ихъ современники и при томъ не одни студенты, а все харьковское общество. И сѣмя, посѣянное ими, не пропало даромъ: оно упало на чуткія, отзывчивыя сердца молодежи и принесло свой плодъ сторицею. Далеко, въ самые глухіе углы, понесли идеи истины, добра и красоты слушатели и почитатели этихъ благородныхъ и честныхъ наставниковъ и зажгли тамъ свѣточъ знанія, который долженъ былъ разсѣивать окружающую тьму.

Теперь, въ послѣдней, заключительной главѣ 1-го тома мы займемся именно этимъ вопросомъ — посмотримъ, какую роль игралъ университетъ въ дѣлѣ устройства среднихъ и низшихъ народныхъ училищъ.

VIII-я ГЛАВА.

Роль университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія.

Главною типической особенностью устава 1804 года было то, что онъ предоставилъ университету полное и непосредственное завѣдываніе всѣми училищами въ округѣ — какъ средними, такъ и низшими, какъ правительственными, такъ и частными. Это давало ему чрезвычайно широкія права, дѣлало его мѣстнымъ органомъ правительственной власти по части народнаго просвѣщенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ налагало на него чрезвычайно важную, серьезную и отвѣтственную обязанность.

Спрашивается: насколько удовлетворительно Харьковскій университетъ разрѣшилъ эту задачу, что онъ сдѣлалъ въ этомъ отношеніи, чего не сдѣлалъ и почему не сдѣлалъ?

Чтобы дать *точный* отвѣтъ на это, мы должны предварительно поставить себѣ и разрѣшить два другихъ вопроса—какое наслѣдіе отъ стараго времени получилъ Харьковскій университетъ и какова была задача, поставленная ему правительствомъ, иными словами, какого типа школы онъ принялъ въ свое вѣденіе и какого типа школы онъ долженъ былъ создавать вновь по реформѣ учебнаго дѣла, произведенной императоромъ Александромъ I. Екатерининская эпоха оставила университету въ наслѣдство свои школы. Что же это были за школы?

Уже въ своемъ „Учрежденіи для управленія губерній“ 1775 г., посвященномъ реформѣ областнаго управленія, Екатерина II коснулась и училищнаго дѣла. Въ каждой губерніи учреждался приказъ общественнаго призрѣнія и на него возложено было кромѣ завѣдыванія благотворительными учрежданіями „попеченіе и надзираніе объ установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ“. Предписывалось учредить школы не только во всѣхъ городахъ, но и въ многолюдныхъ селеніяхъ „для всѣхъ тѣхъ, кои добровольно пожелаютъ обучаться въ оныхъ, въ чемъ однакоже не чинить никому принужденія“, за ученіе установить умѣренную плату, освободивъ отъ нея бѣдныхъ. Курсъ начальной школы положенъ былъ слѣдующій: чтеніе, письмо, ариѳметика, рисованіе, Законъ Божій. Но всѣ распоряженія о заведеніи школъ не только во *всѣхъ* городахъ, но и въ селеніяхъ остались мертвою буквою на томъ основаніи, что на нихъ не было отпущено никакихъ средствъ; распоряженія эти представляли изъ себя, по выраженію гр. Д. А. Толстого, „бюрократическій обрывокъ многосложнаго законодательства о губер-

ніяхъ, вошедшій въ него какъ бы мимоходомъ, для вида и приличія" [1]). Вскорѣ затѣмъ Императрица вступила на практическій путь въ этомъ дѣлѣ и перенесла въ Россію австрійскую систему начальнаго народнаго образованія, насажденную тамъ при Маріи Терезіи. Въ 1782 г. открыта была, подъ вѣдѣніемъ Императрицы, „коммиссія объ учрежденіи училищъ, въ составъ которой, подъ предсѣдательствомъ сенатора и будущаго перваго министра народнаго просвѣщенія гр. П. В. Завадовскаго, вошли Эпинусъ и Пастуховъ, а также былъ приглашенъ и вызванный изъ Австріи тамошній видный дѣятель по народному образованію православный сербъ Янковичъ де Миріево. На ея обязанности лежало выработать планъ учрежденія училищъ и позаботиться о составленіи необходимыхъ для школъ учебниковъ. По учебному плану 1782 г., выработанному собственно Янковичемъ, принятому коммиссіей и утвержденному Государыней, народныя училища раздѣлялись на три разряда— малыя, среднія и главныя. Заведеніе школъ по этому плану началось съ Петербурга и только въ 1786 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ открытіи главныхъ народныхъ училищъ въ 25 губерніяхъ, которыя избраны были самою Императрицею; въ числѣ ихъ изъ губерній, вошедшихъ потомъ въ составъ Харьковскаго учебнаго округа, мы встрѣчаемъ только Орловскую, Курскую и Воронежскую [2]). Къ этому времени выработанъ былъ коммиссіей и полный подробный уставъ училищъ не только въ учебномъ, но и въ административно-хозяйственномъ отношеніи, причемъ и въ учебномъ планѣ произведены были нѣкоторыя измѣненія; такъ, напр., среднія училища были совсѣмъ отвергнуты. Вотъ основныя черты устава народныхъ училищъ 5 августа 1786 года.

Для завѣдыванія всѣми училищами въ Имперіи учреждалось „главное правительство училищъ"—такое названіе получила теперь коммиссія. Оно состояло подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Государыни и ей представляло свои доклады. Мѣстное управленіе училищами въ каждой губерніи вручалось, подъ высшимъ наблюденіемъ генералъ-губернаторовъ, губернатору и приказу общественнаго призрѣнія, гдѣ онъ былъ предсѣдателемъ. Губернаторъ являлся попечителемъ училищъ въ губерніи; онъ долженъ былъ при своихъ объѣздахъ посѣщать школы, стараться о распространеніи училищъ не только въ уѣздныхъ городахъ, но по возможности и въ селеніяхъ, расширять ихъ курсы заведеніемъ

---

[1]) Гр. Д. А. Толстого. Городскія училища въ царствованіе Императрицы Екатерины II. Спб. 1886, стр. 2, 3.

[2]) Ibidem, стр. 88—89; 93. Впослѣдствіи времени сюда вошли впрочемъ еще и нѣкоторыя другія.

новыхъ классовъ, оказывать всяческое содѣйствіе училищному начальству. Приказъ общественнаго призрѣнія обязанъ былъ добывать деньги на содержаніе школъ, платить жалованье учителямъ, покупать учебники, заботиться о помѣщеніи для училищъ.

Во главѣ учебной части въ каждой губерніи стояли директора народныхъ училищъ, назначаемые генералъ-губернаторами. „Директоръ засѣдалъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія по дѣламъ, касающимся училищъ, исправлялъ замѣченные имъ въ училищахъ недостатки, а о болѣе важныхъ докладывалъ приказу; наблюдалъ, чтобы никто не былъ опредѣленъ учителемъ, не выдержавъ экзамена въ главномъ народномъ училищѣ въ своихъ познаніяхъ и въ усвоеніи методы или способа преподаванія. Онъ обязывался осматривать училища въ губернскомъ городѣ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, по уѣздамъ же по крайней мѣрѣ разъ въ годъ и присутствовать на экзаменахъ въ училищахъ губернскаго города“. Для наблюденія за училищами въ уѣздномъ городѣ учреждена была должность смотрителя, на каковую назначался кто-либо изъ мѣстныхъ городскихъ обывателей. Онъ получалъ ежемѣсячно отъ учителей вѣдомости о состояніи училища, которыя пересылалъ въ приказъ для директора; онъ долженъ былъ по два раза въ недѣлю навѣдываться въ училище, наблюдать за исправнымъ посѣщеніемъ учителями и учениками классовъ и церкви и присутствовать на экзаменѣ, оказывать помощь и содѣйствіе учителямъ, стараться объ исправленіи нерадивыхъ, доносить о нежелающихъ исправиться директору и сообщать приказу о нуждахъ училища [1]). Такова была организація хозяйственно-административной части училищъ.

Учебная часть въ главныхъ и малыхъ училищахъ была устроена такъ. Въ главныхъ народныхъ училищахъ, которыя должны были появиться во всѣхъ губернскихъ городахъ, было по 4 класса, но въ четвертомъ классѣ курсъ ученія былъ двухлѣтній. Въ каждомъ классѣ было 30 недѣльныхъ часовъ (по 5 ежедневно). Преподавались здѣсь— чтеніе, письмо, Законъ Божій (объясненіе евангелія, катехизисъ [2]), священкая исторія), добронравіе, грамматика, ученіе о должностяхъ человѣка и гражданина, всеобщая исторія, математическая и всеобщая европейская географія, географія Россіи, русская исторія, ариѳметика, геометрія, механика, физика, естественная исторія, рисованіе, гражданская архитектура съ черченіемъ плановъ. Кромѣ этихъ предметовъ должны были преподаваться для лицъ, желавшихъ продолжать ученіе въ гим-

---

[1]) Ibidem, стр. 96—97.

[2]) Проходился 3 раза—кратко, пространно и съ доказательствами изъ священнаго писанія.

назіяхъ и университетахъ, латинскій и одинъ изъ новыхъ языковъ (какой окажется употребительнѣе въ томъ намѣстничествѣ, гдѣ находится училище). Въ главномъ народномъ училищѣ полагалось 6 учителей, въ томъ числѣ особые преподаватели рисованія и новаго языка; количество часовъ у нихъ колебалось отъ 18 до 32. Малыя народныя училища соотвѣтствовали по своему курсу первымъ двумъ классамъ главныхъ, съ тою только разницею, что въ нихъ оканчивалась вся ариѳметика; и здѣсь употреблялись учебники, изданные для низшихъ классовъ главныхъ училищъ. Въ малыхъ училищахъ полагалось по два учителя, причемъ одному изъ нихъ поручалось и преподаваніе рисованія; но въ случаѣ незначительнаго числа учащихся можно было ограничиться и однимъ преподавателемъ. Обучались здѣсь слѣдующимъ предметамъ: чтенію, письму, первоначальнымъ основаніямъ христіанскаго закона и добронравія, сокращенному и пространному катехизису, священной исторіи, первоначальнымъ правиламъ грамматики, ученію о должностяхъ человѣка и гражданина, ариѳметикѣ. Вся 3-я обширная глава устава училищъ посвящена подробной регламентаціи учительской должности—тутъ говорится объ отношеніи учителей къ ученикамъ, объ ихъ собственномъ поведеніи, объ отношеніи другъ къ другу, о способахъ преподаванія. До чего доходила эта регламентація видно, напримѣръ, изъ того, что учителямъ, жившимъ въ училищныхъ домахъ, запрещалось ночевать внѣ дома; всѣмъ учителямъ дозволено было держать пансіонеровъ, но бытъ этихъ послѣднихъ регулированъ былъ подробными правилами устава. Учителя главныхъ народныхъ училищъ обязаны были вести общими силами при помощи директора записку о ходѣ и развитіи просвѣщенія въ своей мѣстности, дабы создать такимъ образомъ достовѣрные памятники для русской исторіи по части распространенія наукъ; матеріалы они могли брать черезъ директоровъ изъ дѣлъ приказа общественнаго призрѣнія.

Помимо общихъ образовательныхъ цѣлей главныя народныя училища преслѣдовали и двѣ частныя: подготовлять нѣкоторыхъ изъ своихъ питомцевъ въ высшія училища (гимназіи и университеты) и на должности учителей малыхъ народныхъ училищъ; первые должны были изучать латинскій и одинъ изъ иностранныхъ языковъ, а вторые обучаться методамъ преподаванія, чтобы получить соотвѣтственное свидѣтельство на званіе учителя. Помѣщенія для этихъ училищъ должны были заключать въ себѣ 18 комнатъ: 4 для классовъ, 4 для учебновспомогательныхъ учрежденій, остальныя—для учителей. Въ домѣ малыхъ училищъ должно было быть 4 комнаты, изъ коихъ 2 предназначались для классовъ и 2 для учителей. Ученіе было безплатное. Экзамены производились два

раза въ годъ: съ 26 декабря по 6 января и съ 29 іюня по 9-е іюля. Главное правительство училищъ обязано было время отъ времени командировать своихъ членовъ или вообще довѣренныхъ лицъ для ознакомленія на мѣстѣ съ ихъ положеніемъ и нуждами [1]).

Оцѣнивать этотъ уставъ народныхъ училищъ Екатерины II необходимо съ двухъ точекъ зрѣнія—юридической и исторической: нужно оцѣнить его, какъ законодательный памятникъ своего времени, а затѣмъ посмотрѣть, какъ онъ примѣнялся въ жизни.

Какъ законодательный памятникъ Екатерининскаго царствованія, онъ отличается и крупными достоинствами, и нѣкоторыми существенными недостатками. И тѣ, и другіе отмѣтилъ въ немъ уже авторъ спеціальной монографіи о народныхъ училищахъ Екатерининскаго царствованія гр. Д. А. Толстой. „Положеніе о народныхъ училищахъ, говоритъ онъ, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ законодательныхъ актовъ царствованія Екатерины; имъ положены основы всеобщаго народнаго образованія въ Россіи.... Въ немъ проведена цѣлая система начальнаго народнаго обученія, объяснена, съ мельчайшими подробностями здравая, разумная метода преподаванія, обязанность учащихъ и учащихся, опредѣлены не только курсы каждаго класса училища, но и часы ученія, назначено жалованье учителямъ, распредѣлены школьныя помѣщенія, наконецъ, установлена учебная администрація. Положеніе это не было теоретическимъ, безрезультатнымъ законодательствомъ; ему предшествовали самыя энергическія мѣры для практическаго его примѣненія: приготовлены были учителя, напечатаны учебныя руководства, т. е. сдѣлано было предварительно то, чего именно не доставало Петровскимъ цыфирнымъ школамъ и отчего онѣ, не осуществившись въ жизни, остались только памятникомъ безсильнаго начинанія въ учебномъ дѣлѣ. Не менѣе важное значеніе этого положенія заключается въ томъ, что начальныя училища сосредоточены въ отдѣльномъ вѣдомствѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ сочувствовавшей имъ Государыни, которая сама занималась дѣтскимъ образованіемъ, сама трудилась надъ нимъ“.

Таковы были достоинства устава. „Къ сожалѣнію, продолжаетъ тотъ же авторъ, мѣстные органы учебнаго управленія не могли соотвѣтствовать своему назначенію: генералъ-губернаторы и губернаторы слишкомъ поглощены были дѣлами управленія губерній, чтобы имѣть

---

[1]) Этотъ уставъ Екатерины II о народныхъ училищахъ напечатанъ въ П. С. Зак., т. XXII, № 16421; изложеніе нѣкоторыхъ его частей у Д. А. Толстого. Городскія училища, стр. 96—99.

досугъ для занятія воспитаніемъ; притомъ весьма немногіе изъ нихъ обладали необходимыми для того спеціальными познаніями и подготовкою. Приказы общественнаго призрѣнія, чрезъ которые они должны были дѣйствовать по учебной части, какъ учрежденія хозяйственныя, экономическія, еще болѣе ихъ были чужды учебному дѣлу и вовсе неспособны завѣдывать училищами". Попечительство надъ школами, ввѣрявшееся мало образованнымъ, а подъ часъ и совершенно невѣжественнымъ представителямъ купеческаго и мѣщанскаго сословій, не могло принести пользы. Но самою слабою была финансовая сторона устава; на новыя школы не было назначено новыхъ средствъ; „источники городскихъ доходовъ были тогда до того ничтожны, что изъ нихъ не удовлетворялись необходимѣйшія нужды городовъ; поэтому приказы не имѣли возможности содержать училища и производить содержаніе учителямъ, какъ требовало правительство". Учителей для малыхъ училищъ могли приготовлять главныя (ихъ было много), но откуда было взять учителей для этихъ послѣднихъ, если на всю Россію существовала одна только учительская семинарія въ Петербургѣ? [1]). Со всѣми этими апріорными замѣчаніями нельзя не согласиться и они въ значительной степени подрываютъ значеніе устава, какъ законодательнаго акта съ теоретической стороны.

Къ указаннымъ недостаткамъ можно было бы присоединить и еще нѣкоторые другіе. Общимъ недостаткомъ нужно признать слишкомъ широкій размахъ всѣхъ мѣръ и несоотвѣтствіе ихъ со средствами; тутъ отразилась типическая черта Екатерининскаго царствованія—мысль о славѣ доминировала надъ идеей пользы; грандіозные неосуществимые проэкты—надъ простыми практическими предпріятіями. Тоже мы видимъ и здѣсь: не назначили опредѣленныхъ средствъ на постройку училищныхъ зданій, а между тѣмъ опредѣлили для нихъ такое число комнатъ, какого и теперь подъ часъ не имѣютъ среднія школы; не было достаточнаго числа образованныхъ учителей для главныхъ народныхъ училищъ—а выработали для нихъ чрезвычайно широкія программы и эта многопредметность преподаванія должна была явиться источникомъ затрудненій для распространенія школьнаго образованія. Отдавая должное составителямъ учебниковъ, слѣдуетъ однако прибавить, что они отличались замѣтными недостатками, сильно тормозившими дѣло преподаванія; эти недостатки явились результатомъ слишкомъ спѣшнаго составленія учебниковъ — значительная часть ихъ была переведена и

---

[1]) Гр. Д. А. Толстого. Городскія училища, 100—101.

передѣлана Янковичемъ де Миріево съ нѣмецкаго языка [1]). Наконецъ, признавая вполнѣ цѣлесообразными и разумными педагогическія правила, изложенныя въ печатныхъ наставленіяхъ для учителей и учениковъ, [2]) (не даромъ они представляли результатъ педагогической теоріи и практики западной Европы), мы должны замѣтить, что самый методъ преподаванія отличался механическимъ характеромъ, потому что слишкомъ мало заботились о сознательномъ усвоеніи учащимися учебнаго матеріала, который къ тому же нерѣдко былъ слишкомъ обширенъ. Апостеріорныя доказательства сказанному мы найдемъ въ отчетахъ визитаторовъ о дѣйствительномъ состояніи главныхъ и малыхъ училищъ, въ началѣ царствованія императора Александра I, послѣ того какъ успѣли сказаться всѣ достоинства и недостатки новой системы въ примѣненіи ея на практикѣ.

Вообще было бы очень важно посмотрѣть, какъ этотъ уставъ примѣнялся въ жизни, въ какой мѣрѣ и въ какомъ видѣ онъ осуществлялся на дѣлѣ. Къ сожалѣнію, авторъ изслѣдованія о народныхъ училищахъ Екатерининскаго времени оставилъ эту существенную сторону дѣла почти безъ разсмотрѣнія. Это крупнѣйшій пробѣлъ его прекрасной монографіи—а потому и поставленный имъ для разрѣшенія вопросъ долженъ считаться и нынѣ не вполнѣ разрѣшеннымъ; онъ требуетъ новыхъ данныхъ именно съ указанной мною точки зрѣнія. Впрочемъ, какъ я уже выше сказалъ, кое-что въ этомъ отношеніи сдѣлано и граф. Д. А. Толстымъ. Онъ указываетъ, какъ недостатокъ въ денежныхъ средствахъ заставилъ коммиссію обращаться къ такому непрочному и ненадежному источнику доходовъ, какъ частныя пожертвованія; онъ отмѣчаетъ главный порокъ тогдашнихъ учителей, выпущенныхъ изъ учительской семинаріи, — пьянство; онъ говоритъ, что съ отъѣздомъ Державина изъ Тамбовскаго намѣстничества „училищное дѣло въ городахъ его сразу ослабѣло, а въ половинѣ 90-хъ годовъ большинство малыхъ народныхъ училищъ въ городахъ Тамбовской губ. было и совсѣмъ закрыто; въ Смоленской губерніи учебное дѣло шло не лучше: хотя училища учреждены были въ 1786 г., но и въ 1790 г. не были еще устроены, какъ слѣдуетъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ этой губерніи ихъ и вовсе не было; онъ приводитъ извлеченія изъ отчета Козодавлева, командированнаго училищной коммиссіей для изученія школъ въ 10 гу-

---

[1]) Перечень ихъ, съ указаніемъ ихъ содержанія и краткой оцѣнкой, приведены у гр. Д. А. Толстаго. Городскія училища, стр. 52—88; ср. также соч. Воронова. Ѳ. И. Янковичъ де Миріево. Спб. 1858.

[2]) См. гр. Д. А. Толстаго. Городскія училища, стр. 52—57.

берніяхъ; конечно, отчетъ этотъ не могъ дать понятія объ истинномъ положеніи школьнаго дѣла въ такомъ огромномъ районѣ, если ревизоръ пробылъ въ командировкѣ всего 6 мѣсяцевъ, впрочемъ и на его замѣчанія не было обращено должнаго вниманія, а между тѣмъ его ревизія была единственной; онъ сообщаетъ, наконецъ, характерный фактъ, что и дѣятельность самой коммиссіи начинаетъ мало по малу глохнуть и сокращаться. Но все-таки какой же въ концѣ концовъ нужно сдѣлать выводъ о практическомъ примѣненіи къ жизни училищной реформы Екатерины II? Удалась ли она или нѣтъ? Что въ уставѣ 1786 г. осталось мертвою буквою? Въ какихъ губерніяхъ и въ какомъ числѣ появились главныя и малыя народныя училища? Въ какомъ они находились состояніи—въ такомъ, какъ въ Тамбовской и Смоленской губ., или же положеніе школьнаго дѣла въ этихъ губерніяхъ нужно признать исключительно неблагопріятнымъ? Все это вопросы, для рѣшенія которыхъ нужны обильные *историко-статистическіе* матеріалы, каковыхъ мы въ настоящее время не имѣемъ. Однако и данныя, приведенныя графомъ Д. А. Толстымъ, невольно наводятъ на мысль, что дѣйствительность была слишкомъ далека отъ законодательнаго акта и что Екатеринѣ II можно сдѣлать почти такой же упрекъ, какой гр. Д. А. Толстой дѣлаетъ Петру Великому, говоря, что его цыфирныя школы не удались и остались только памятникомъ безсильнаго начинанія въ учебномъ дѣлѣ. Дѣятельность коммиссіи была энергична только въ первые годы, а потомъ она какъ бы заснула. „Съ 1781 г. по 1800 годъ, было открыто 221, а вмѣстѣ со школами въ столицѣ 250 школъ (т. е. въ среднемъ по 13 въ годъ). Въ первые 12 лѣтъ было основано 216 школъ, слѣдовательно, по 18 ежегодно; въ первыя 5 лѣтъ—169, слѣдовательно, по 34 ежегодно. О такомъ неимовѣрномъ успѣхѣ много говорили въ свое время; награды посыпались тому, кто приписывалъ себѣ это чудо, а также и кліентамъ чудотворца. Награды розданы и чудеса прекратились. Въ два послѣдніе года царствованія Екатерины основано только 3 училища, съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла коммиссія словно проснулась, основала вдругъ 13 школъ и затѣмъ погрузилась въ свою обычную летаргію“. Такъ говоритъ Лагарнъ, которому были доставлены отчеты коммиссіи. Не свободенъ отъ теоріи и законодательный актъ Екатерины II; и онъ въ значительной степени оказался „безрезультатнымъ законодательствомъ“, памятникомъ „безсильнаго начинанія“. Но разница между Петромъ и Екатериной заключается въ томъ, что Петръ просто въ интересахъ Россіи дѣлалъ свое просвѣтительное дѣло, не стараясь выдвинуть своей личности, а Екатерина много говорила и писала о немъ, прежде чѣмъ приняться за него, да и потомъ, какъ сама сознается,

хвасталась [1]) имъ передъ своимъ ученымъ европейскимъ другомъ, глашатаемъ ея славы—Гриммомъ и, конечно, не оставалась равнодушной къ такимъ хвалебнымъ отзывамъ о своей просвѣтительной дѣятельности, какъ, напримѣръ, отзывъ В. Кокса. При этомъ необходимо также при сравнительной оцѣнкѣ результатовъ образовательной дѣятельности Петра Великаго и Екатерины II, принять во вниманіе и разницу средствъ, бывшихъ въ распоряженіи того и другого государя. Россія при Екатеринѣ была уже не то, что Россія при Петрѣ; именно, благодаря дѣятельности Петра Великаго, она сдѣлала значительный шагъ впередъ во всѣхъ отношеніяхъ и заслуга Екатерины II заключается въ томъ, что она продолжала дѣло Петра Великаго.

Но къ концу своего царствованія она, очевидно, устала и охладѣла къ дѣлу народнаго образованія. Ея сынъ Императоръ Павелъ не былъ поклонникомъ просвѣщенія. Понятно, слѣдовательно, что, съ воцареніемъ ея внука, Императора Александра I, пылкаго поборника и ревнителя всякаго умственнаго прогресса, въ Россіи наступила новая эра, золотой вѣкъ образованія — высшаго, средняго и низшаго, И то, и другое, и третье по идеѣ должны были находиться въ органической связи другъ съ другомъ. Одновременно съ опубликованіемъ университетскаго устава былъ изданъ 5 ноября 1804 г. и „уставъ учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университету".

Вотъ главныя черты его, опредѣлившія ходъ и характеръ средняго и низшаго народнаго образованія въ Россіи въ началѣ XIX ст. Къ среднимъ школамъ принадлежали гимназіи, къ низшимъ уѣздныя и приходскія училища; нѣсколько особнякомъ стоятъ пансіоны. Въ каждомъ губернскомъ городѣ должна была быть по крайней мѣрѣ одна гимназія. Гимназіи преслѣдовали двоякую цѣль—однихъ воспитанниковъ приготовлять въ университетъ, другимъ давать законченное образованіе, необходимое для „благовоспитаннаго человѣка". Этими цѣлями опредѣлялся и учебный планъ. Тутъ преподавались начальныя основанія слѣдующихъ наукъ—географіи, исторіи съ миѳологіей и древностями, общей

---

[1]) „Знаете ли или не знаете, писала она Гримму, что по милости Божіей въ теченіе одного года у насъ устроено здѣсь, въ Петербургѣ, десять нормальныхъ училищъ и что въ нихъ болѣе 1000 учениковъ. Не находите ли, что я слишкомъ предъ вами хвастаюсь" (Сборн. Имп. Рус. Ист. Общ., т. 23, стр. 300); на основаніи ея обширной переписки съ Гриммомъ по вопросамъ народнаго образованія академикъ Я. К. Гротъ составилъ рѣчь „Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. по ея письмамъ къ Гримму" (20 томъ Сборн. отдѣл. рус. яз. и слов. Спб. 1880 г.); см. также нѣкоторыя записки Гримма по этому поводу въ прилож. къ труду гр. Д. А. Толстого, Городскія училища.

и частной (русской) статистики, философіи и изящныхъ наукъ, политической экономіи, чистой и прикладной математики, опытной физики, естественной исторіи, коммерціи, технологіи, рисованія, латинскаго, нѣмецкаго и французскаго языковъ. Для всѣхъ этихъ 15 предметовъ полагалось 8 учителей, изъ коихъ четыре преподавали рисованіе и языки и назывались младшими, а четыре—остальные предметы и назывались старшими. Музыка, танцы и гимнастика были только въ тѣхъ гимназіяхъ, въ которыхъ для этого находились самостоятельныя средства. Гимназіи съ разрѣшенія высшаго начальства могли умножить какъ число предметовъ преподаванія, такъ и число учителей. Ученики гимназій, желавшіе получить свидѣтельство на званіе учителей уѣздныхъ, приходскихъ училищъ, должны были обучаться методамъ преподаванія и держать соотвѣтственный экзаменъ. Принимались въ гимназію окончившіе уѣздныя или другія подобныя училища или съ домашней подготовкой по экзамену. Классовъ было четыре и курсъ ученія былъ четырехлѣтній. Первый низшій классъ являлся прямымъ продолженіемъ уѣзднаго училища. Недѣльныхъ уроковъ въ каждомъ классѣ было по 30 (т. е. по 5 ежедневно) и распредѣлялись они какъ въ дообѣденное, такъ и послѣобѣденное время. На каждую изъ четырехъ группъ предметовъ (историческую, математическую, философскую и естественно-историческую) полагалось почти одинаковое число часовъ (отъ 16 до 20). На латинскій языкъ отведено было по 16 часовъ въ недѣлю, онъ начинался (съ азбуки) въ 1-мъ классѣ, гдѣ было 6 уроковъ, продолжался во 2-мъ (тоже 6 час.) и оканчивался въ 3-мъ (4 часа); послѣ грамматики занимались главнымъ образомъ чтеніемъ съ комментаріями авторовъ—прозаиковъ и поэтовъ—и только небольшую часть времени отводили на переводы съ русскаго на латинскій и на латинскія сочиненія; лучшія мѣста заучивались наизусть. Также велось и преподаваніе новыхъ языковъ. „Дабы лучше соединить теорію съ практикой", рекомендовались практическія занятія по разнымъ предметамъ (ходить за городъ и заниматься землемѣріемъ, осматривать мельницы, собирать травы и т. п.). Въ каждой гимназіи должна была быть библіотека, коллекція картъ, моделей, естественно-историческихъ предметовъ, физическій кабинетъ. Ученіе было безплатное. Обязанности учителей подробно изложены въ уставѣ. Тутъ заслуживаютъ вниманія слѣдующіе пункты: къ дѣтямъ бѣдныхъ родителей учителя должны были относиться такъ, какъ и къ дѣтямъ богатымъ, помятуя, что въ лицѣ ихъ „приготовляютъ членовъ общества"; предметы излагать такъ, чтобы ученики все понимали и ясно себѣ представляли; полагаться больше на свое прилежаніе и правила, чѣмъ на чрезмѣрный трудъ учениковъ; стараться сдѣлать

для малолѣтнихъ учениковъ обученіе легкимъ и пріятнымъ; заботиться при наставленіи всѣхъ учениковъ, а въ особенности возрастныхъ, болѣе о развитіи ихъ разсудка, нежели изощреніи памяти, внушать имъ любовь къ наукамъ и положить твердые основы честности и благонравія; замѣняя ученикамъ родителей, учителя должны были ласкою привлечь къ себѣ дѣтей, но, гдѣ нужно, быть и взыскательными, хотя безъ гнѣва и суровости; каждое воскресенье учителя обязаны были собираться къ директору для педагогическихъ собесѣдованій; они обязаны были составлять историческія записки объ успѣхахъ просвѣщенія въ ихъ районѣ; сверхъ того желающіе могли еще представлять топографическія, метеорологическія и статистическія записки и получать за это особыя награды отъ начальства. Время ученія продолжалось 11 мѣсяцевъ и только одинъ іюль мѣсяцъ посвящался каникулярному отдыху; экзамены производились разъ въ году и отличившимся ученикамъ выдавались потомъ на торжественномъ актѣ награды. Гимназія находилась въ непосредственномъ вѣденіи директора, которому кромѣ того поручены были и всѣ остальныя училища губерніи. Гимназію онъ долженъ былъ посѣщать ежедневно, прочія училища въ городѣ не менѣе одного разу въ 2 недѣли, а остальныя школы въ губерніи объѣзжать по крайней мѣрѣ разъ въ годъ.

Въ каждомъ уѣздномъ городѣ нужно было открыть по одному уѣздному училищу, а въ большихъ городахъ по два и болѣе, если окажутся необходимыя для этого средства. Они находились въ вѣденіи смотрителей и преслѣдовали, подобно гимназіямъ, двоякую цѣль—подготовлять своихъ питомцевъ въ гимназіи и сообщать элементарныя познанія дѣтямъ всѣхъ сословій. Здѣсь преподавались: 1) Законъ Божій и священная исторія, 2) ученіе объ обязанностяхъ человѣка и гражданина, 3) русская грамматика, а въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ былъ въ употребленіи другой языкъ, и грамматика этого мѣстнаго языка; 4) чистописаніе; 5) правописаніе; 6) правила слога; 7) всеобщая географія и начальныя правила математической географіи; 8) географія Россіи; 9) всеобщая исторія; 10) русская исторія; 11) ариѳметика; 12) начальныя правила геометріи; 13) начальныя правила физики и естественной исторіи; 14) начальныя правила технологіи, имѣющія отношеніе къ мѣстному положенію и промышленности; 15) рисованіе. Для лицъ, желавшихъ продолжать свое ученіе въ гимназіи, преподавались латинское и нѣмецкое чтеніе и письмо. Всѣ эти предметы поручены были двумъ учителямъ. И въ уѣздныхъ училищахъ могло быть умножено число предметовъ въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ. Поступали сюда окончившіе приходскія школы или получившіе соотвѣтственную домашнюю

подготовку. Классовъ здѣсь было два и курсъ ученія былъ двухлѣтній. Законъ Божій преподавалъ одинъ изъ учителей (въ гимназіяхъ этого предмета вовсе не было). Во главѣ уѣздныхъ училищъ стояли смотрители, въ вѣдѣніи которыхъ были также и всѣ приходскія школы въ городѣ и уѣздѣ; первыя они должны были посѣщать по крайней мѣрѣ два раза въ недѣлю, а вторыя три раза въ годъ и присутствовать по мѣрѣ возможности на публичныхъ экзаменахъ въ нихъ.

Въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а также въ селеніяхъ каждый церковный приходъ (или два вмѣстѣ) учреждаетъ *приходскія* училища; въ казенныхъ селеніяхъ они ввѣрялись священнику и одному изъ почетнѣйшихъ жителей, въ помѣщичьихъ—помѣщикамъ. Цѣль ихъ опять таки была двоякая—приготовить учащихся въ уѣздныя училища и доставить дѣтямъ крестьянъ и другихъ сословій свѣдѣнія, имъ приличныя, сдѣлать ихъ лучшими въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, дать имъ точныя понятія о явленіяхъ природы и истребить суевѣрія и предразсудки, столь вредно вліяющія на ихъ здоровье, благосостояніе и благополучіе. Здѣсь обучали чтенію, письму, первымъ дѣйствіямъ ариѳметики, главнымъ началамъ Закона Божія—нравоученія и читали съ объясненіемъ книгу „Краткое наставленіе о сельскомъ домоводствѣ, произведеніи природы, сложеніи человѣческаго тѣла и вообще о средствахъ къ предохраненію здоровья". Для этихъ предметомъ полагался одинъ преподаватель. И здѣсь число предметовъ могло быть умножено; принимались сюда дѣти всѣхъ сословій, возрастовъ и половъ; полезно было бы, говоритъ уставъ, чтобы ни одинъ ученикъ не оставлялъ школы, не прослушавъ полнаго курса. Ученіе продолжалось отъ конца полевыхъ работъ до начала ихъ въ слѣдующемъ году (6 или 7 зимнихъ мѣсяцевъ). Въ училищѣ былъ одинъ классъ, но въ случаѣ многолюдства можно было устроить въ немъ два отдѣленія (утреннее и послѣобѣденное). Каждый день было по 3 часовыхъ урока; обучались здѣсь чтенію буквъ и чиселъ гражданской и церковной печати и букварю (6 часовъ), писанію ихъ и чтенію правилъ для учащихся (6 часовъ), сокращенному катехизису и священной исторіи (3 часа), чтенію книгъ, сочиненныхъ для этихъ отдѣленій (3 часа).

Подробными правилами было также регулировано устройство пансіоновъ; правда, выборъ предметовъ преподаванія предоставленъ былъ содержателямъ пансіоновъ, но, разъ будучи установленъ, онъ не могъ уже измѣняться безъ особаго разрѣшенія; было введено также требованіе о внесеніи въ программу каждаго пансіона русскаго языка и Закона Божія по тому вѣроисповѣданію, къ которому принадлежали дѣти; рекомендовалось брать въ преподаватели учителей гимназій; завѣдующіе пансіо-

номъ и учителя должны были обладать достаточнымъ образовательнымъ цензомъ; нужно было представлять отчеты начальству о ходѣ учебнаго дѣла и т. п. Однимъ словомъ, сюда введена была значительная регламентація.

Гимназіи должны были содержаться на счетъ казны съ присоединеніемъ суммъ, отпускавшихся на нихъ раньше приказами; уѣздныя училища—также на счетъ казны съ присоединеніемъ суммъ, отпускавшихся на нихъ городскими обществами; приходскія училища—въ городахъ на счетъ городскихъ обществъ, въ казенныхъ селеніяхъ—на счетъ прихожанъ, въ помѣщичьихъ — на счетъ помѣщиковъ. По примѣрному исчисленію 17 марта 1803 года на каждую гимназію полагалась сумма въ 5250—5750—6250 р. Въ Харьковскомъ учебномъ округѣ по 5250 р. было назначено на гимназіи въ Воронежѣ, Екатеринославѣ, Полтавѣ, Харьковѣ, Симферополѣ, Черниговѣ, Николаевѣ, Области войска Донскаго и Черноморскаго, сумма въ 5750 р. въ Курскѣ и Орлѣ. Суммы эти распредѣлялись такъ: жалованье директору 900 руб. или 800 руб., четыремъ старшимъ учителямъ (по 650 р. или 550 р.)—2600 руб. или 2200 р., двумъ преподавателямъ языковъ (по 400 руб.)—800 руб., учителю рисованія—300 р., на библіотеку—250 руб., на содержаніе дома, служителей и пр.—900 руб. На ежегодное содержаніе уѣздныхъ училищъ ассигнова была сумма въ 1250—1410—1600 руб. (на Курскую и Орловскую губ. опредѣлено было по 1410 руб., въ остальныхъ южныхъ губерніяхъ, гдѣ предположено было устроить и гимназіи, по 1250 р.). Всѣ эти штатныя суммы распредѣлялись такъ: на жалованье смотрителю 350 р. или 300 р., двумъ учителямъ (по 275 р. или 250)—550 р. или 500 р., за преподаваніе Закона Божія 80 р. или 75 р., за рисованіе 80 р. или 75 р., на содержаніе училищнаго дома, служителей и т. п. 350 р. или 300 р. [1]). Наконецъ, замѣтимъ, что всѣ школы въ учебныхъ округахъ были поставлены въ непосредственную зависимость отъ университетовъ.

Такова сущность училищнаго устава Императора Александра I 1804 года. Переходя къ его оцѣнкѣ, мы должны отмѣтить и важнѣйшія достоинства, и важнѣйшіе недостатки, тѣмъ болѣе, что относительно ихъ существуютъ діаметрально противоположныя мнѣнія. Гервинусъ говоритъ: „однимъ лишь призракомъ были планы Императора Александра I относительно школы и просвѣщенія. Ослѣпительная вершина университетовъ и академій была отстроена; необходимая же основа ея—народныя и элементарныя школы—едва начата: она значилась лишь на бумагѣ“. Какъ бы отвѣчая Гервинусу, Шторхъ замѣчаетъ: „что сначала были учреждены высшія учебныя заведенія, мо-

---

[1]) Сборникъ постановл. по мин. нар. просв., I, стр. 301—339 и 31—36.

жетъ удивлять лишь людей, незнакомыхъ съ положеніемъ дѣла. Для цѣлесообразнаго устройства низшихъ учебныхъ заведеній сперва *должны были* существовать университеты; ибо какимъ инымъ путемъ главное правленіе училищъ могло бы ознакомиться съ мѣстными обстоятельствами разнородныхъ частей Имперіи, на которыя при устройствѣ школъ слѣдовало обратить вниманіе, и кому другому оно могло бы поручить исполненіе своихъ начертаній?" Такого же мнѣнія придерживался, какъ мы знаемъ [1]), и Харьковскій профессоръ Якобъ. И, конечно, оба они правы въ своихъ заключеніяхъ о важности устройства университетовъ и гимназій для процвѣтанія низшихъ элементарныхъ школъ. Но мы къ этому прибавимъ, что въ дѣйствительности тутъ вовсе нѣтъ мѣста для какого-то антагонизма между высшимъ, среднимъ и низшимъ народнымъ образованіемъ. Наоборотъ, самая характерная особенность училищнаго устава Императора Александра I заключается именно въ гармоническомъ сочетаніи того, другого и третьяго; университеты, гимназіи и уѣздныя съ приходскими училища должны были возникать (и дѣйствительно возникали) *одновременно*; даже самые уставы университетовъ и остальныхъ школъ, какъ мы видѣли, были изданы въ одинъ и тотъ же день. Мало того—уже при Императрицѣ Екатерины II было открыто довольно значительное число малыхъ народныхъ училищъ, были училища даже въ селеніяхъ. Симпатичною стороною устава 1804 года нужно признать то, что онъ открылъ доступъ въ школы всѣмъ сословіямъ, не исключая и крѣпостнаго, хотя въ обществѣ того времени *сословный духъ* былъ очень замѣтенъ. Впрочемъ, слабое отраженіе сословности мы видимъ и въ школахъ Императора Александра I: такъ, приходскія училища почти исключительно предназначаются для крестьянъ, уѣздныя—для купцовъ и мѣщанъ. Вмѣсто прежнихъ двухъ типовъ школъ (главныя и малыя народныя училища) теперь установлено было 3: явилось учебное заведеніе третьяго, новаго типа—гимназія, хотя, правда, только съ 4 высшими классами, уѣздное училище (городскаго типа) и приходское (сельскаго). Въ пользу этихъ вновь созданныхъ учебныхъ заведеній говоритъ то, что они (конечно, съ измѣненіями) существуютъ доселѣ, значитъ оказались достаточно жизненными. Въ частности, необходимость гимназій была прямо вызвана учрежденіемъ университетовъ. Во всякомъ случаѣ уставъ 1804 года значительно повысилъ какъ общій уровень школьныхъ программъ, такъ и образовательный цензъ педагогическаго персонала. Но сравнительно съ уставомъ 1786 года еще болѣе важное значеніе имѣетъ другое обстоятельство — это именно увеличеніе отпускавшихся государственнымъ казначействомъ на содержаніе всѣхъ

[1]) См. 689—690 стр. настоящаго труда.

этихъ училищъ. Слабое распространеніе школъ въ царствованіе Екатерины II-й объясняется главнымъ образомъ ихъ матеріальною необезпеченностью. Теперь, какъ мы видѣли, оставлены были безъ измѣненія суммы, отпускавшіяся изъ приказовъ общественнаго призрѣнія и отъ городскихъ обществъ, значитъ рессурсы Екатерининскихъ временъ, и къ нимъ прибавлены новыя штатныя назначенія. Прежде на содержаніе 500 главныхъ и 540 малыхъ народныхъ училищъ давалось изъ казны 342700 руб., теперь на четыре университета назначено было 520000 руб. ежегодно (по 130000 руб. каждому), на 42 гимназіи 236000 р., на 405 уѣздныхъ училищъ 563450 р.; всего 1319450 руб.; присоединивъ же сюда 342700 р., получимъ 1662150 р., т. е. почти въ 5 разъ больше, чѣмъ прежде. Сюда не входятъ еще расходы по нѣкоторымъ другимъ статьямъ, такъ что общій расходъ доходилъ, вѣроятно, до 2000000 руб., а это составляетъ около 2% всѣхъ государственныхъ приходовъ того времени (по Богдановичу они равнялись 103 мил., по Шторху 109 мил.). Благодаря увеличенію расхода на образованіе явилась возможность дать большее жалованье директорамъ, смотрителямъ и учителямъ.

Весьма замѣтное преимущество имѣетъ новый учебный уставъ сравнительно съ прежнимъ и въ отношеніи школьной администраціи. Прежде органомъ мѣстнаго школьнаго управленія были губернаторы, теперь — университеты и попечители округовъ. На правахъ и обязанностяхъ университетовъ въ дѣлѣ завѣдыванія школами мы остановимся ниже, теперь же только замѣтимъ, что подобная мѣра была не только разумна, полезна, но и необходима, потому что не было лицъ достаточно образованныхъ для этой дѣятельности: подготовить учебныхъ администраторовъ могли только университеты.

Къ числу недостатковъ новаго учебнаго устава нужно причислить слѣдующіе. Многопредметность учебнаго плана осталась въ силѣ и теперь. Тѣсная связь и преемственность приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, гимназій и университетовъ на дѣлѣ должна была осуществляться съ большими затрудненіями; въ особенности трудно было расчитывать на приливъ учениковъ изъ приходскихъ въ уѣздныя училища; между тѣмъ программы всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній были составлены такъ, что каждая высшая школа являлась прямымъ продолженіемъ низшей (университетъ — гимназіи, гимназія — уѣзднаго училища, уѣздное училище—приходскаго). Оклады были увеличены, но далеко не въ достаточной степени, и когда нашъ денежный курсъ страшно палъ, матеріальное положеніе учителей сдѣлалось по истинѣ трагическимъ. Нельзя не отмѣтить также *неравномѣрности* суммъ, отпускаемыхъ на училища:

на училища сѣвернаго района назначены были максимальные оклады, центральнаго района — средніе и южнаго — минимальные. Харьковскій учебный округъ очутился такимъ образомъ въ наименѣе удовлетворительномъ положеніи, а въ Петербурскомъ штаты были еще значительно увеличены послѣдующими распоряженіями. Что касается системы школьной администраціи, то здѣсь слѣдуетъ отмѣтить, какъ недостатокъ, сосредоточеніе въ рукахъ директора гимназіи и управленія гимназіей, и завѣдыванія училищами въ губерніи; правило о посѣщеніи училищъ директорами и смотрителями по идеѣ было прекрасно, но на дѣлѣ трудно было расчитывать на его исполненіе; дѣйствительно, могъ ли директоръ гимназіи, обремененный своими прямыми обязанностями по гимназіи, еще объѣзжать училища всей губеріи?

Но не смотря на эти и нѣкоторые другіе недостатки, которыхъ мы здѣсь не касались, училищный уставъ 1804 г. долженъ быть признанъ замѣчательнымъ законодательнымъ актомъ, открывшимъ новую эру въ исторіи русскаго просвѣщенія. Онъ не остался мертвою буквою, памятникомъ безсильнаго начинанія въ учебномъ дѣлѣ, а наоборотъ, получилъ широкое практическое приложеніе. Благодаря ему, образованіе въ Россіи въ началѣ XIX столѣтія сдѣлало огромные (конечно, сравнительно) успѣхи. Весь онъ проникнутъ тѣмъ духомъ прогресса, уваженія къ знанію и гуманности, который характеризуетъ собою первую половину царствованія Императора Александра I.

Во главѣ просвѣтительнаго движенія стоялъ самъ юный Императоръ. „По природѣ своей склонный ко всему идеальному и воспитанный при непосредственномъ участіи и подъ наблюденіемъ Великой Екатерины, вдохновленный примѣрами, которые представляла исторія, Императоръ Александръ стремился ко всему высокому и благородному; въ этомъ то возвышенномъ направленіи и было предпринято имъ преобразованіе учебныхъ заведеній. Онъ зналъ, что въ массѣ народа еще не была пробуждена потребность къ образованію, но сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобы пробудить эту потребность“. Опирался онъ первоначально въ своихъ просвѣтительныхъ планахъ на друзей юности, пламенныхъ европейцевъ-прогрессистовъ — Н. Н. Новосильцева, князя Ад. Чарторыжскаго и П. А. Строганова, а также бывшаго своего воспитателя Лагарпа. Въ одной изъ своихъ записокъ, обсуждавшейся въ этомъ маленькомъ комитетѣ, въ который входили перечисленныя выше лица, Лагарпъ доказываетъ настоятельную необходимость сельскихъ школъ для простого народа въ Россіи и при этомъ прибавляетъ: „не допустите, Государь, повториться тому, что произошло въ царствованіе Вашей Августѣйшей бабки. Запретите щеголять внѣшнимъ блескомъ. Народ-

ное просвѣщеніе, распространенное повсюду, полезное, а не блестящее — вотъ краеугольный камень всего зданія". Тотъ же Лагарпъ представилъ Государю въ 1802 г. проэктъ устройства министерства народнаго просвѣщенія, проэктъ, который также обсуждался въ комитетѣ. 8 сентября 1802 года былъ обнародованъ манифестъ объ учрежденіи министерствъ вообще, въ томъ числѣ и „министерства народнаго просвѣщенія, воспитанія юношества и распространенія наукъ". Въ тотъ же день изданъ былъ указъ опредѣлявшій функціи поставленной во главѣ учебнаго дѣла въ Имперіи коммиссіи училищъ, названной впослѣдствіи „главнымъ правленіемъ училищъ". Во главѣ ея стоялъ министръ народнаго просвѣщенія (таковымъ былъ назначенъ графъ П. В. Завадовскій, товарищемъ его гр. Мих. Муравьевъ), членами ея были кн. Ад. Чарторыжскій, гр. С. О. Потоцкій, ген.-маіоры Клингеръ и Хитрово, академики Озерецковскій и Фусъ, правителемъ дѣлъ стоялъ Вас. Наз. Каразинъ. Предполагалось, что члены коммиссіи раздѣлятъ между собою училища по районамъ и выработаютъ общій уставъ управленія училищъ. Таковой дѣйствительно былъ Высочайше утвержденъ подъ именемъ „Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія", въ составленіи и редактированіи его главное участіе принималъ В. Н. Каразинъ [1]). 24 января 1803 года изданъ былъ указъ объ учрежденіи 6-ти учебныхъ округовъ, причемъ должности попечителей получили Новосильцевъ (въ Петербургскомъ), Муравьевъ (въ Московскомъ), Чарторыжскій (въ Виленскомъ), Клингеръ (въ Дерптскомъ), Потоцкій (въ Харьковскомъ), Мантейфель (въ Казанскомъ). Все это были передовые дѣятели своего времени, пылкіе поборники образованія. Новосильцевъ много сдѣлалъ для образованія въ своемъ округѣ и отчасти въ Харьковскомъ (исправляя должность Потоцкаго). Гр. Мих. Ник. Муравьевъ, бывшій учитель Императора Александра I, былъ ученымъ и литераторомъ, хорошо извѣстнымъ въ Германіи, потому что находился въ сношеніяхъ съ замѣчательными нѣмецкими учеными того времени. Страсть къ наукамъ у него равнялась только страсти къ добродѣтели. Чтобы дать понятіе о его воззрѣніяхъ на образованіе, приведемъ одно мѣсто изъ его сочиненій: „свобода и образованіе составляютъ главный фундаментъ, на которомъ созидается благосостояніе народа. Свобода изслѣдованія составляетъ необходимое условіе не только для развитія просвѣщенія, но и для под-

[1]) Его сынъ въ своей запискѣ объ отцѣ говоритъ: „считалъ нужнымъ составить особое министерство народнаго просвѣщенія, обработавши для этого и самый проэктъ. Министерство состоялось". Г. Шмидтъ считаетъ В. Н. Каразина только редакторомъ этого проэкта, но не приводитъ въ пользу своего мнѣнія убѣдительныхъ доказательствъ, наоборотъ, изъ нихъ видно, что изготовилъ этотъ проэктъ В. Н. Каразинъ.

нятія народной нравственности“. Въ такихъ идеяхъ воспитывалъ онъ и своего Царственнаго питомца. Князь Ад. Чарторыжскій былъ также ярый поборникъ свободы и просвѣщенія, но къ сожалѣнію просвѣтительная дѣятельность его въ Виленскомъ округѣ была проникнута сильною политическою окраскою, отъ чего свободенъ былъ другой польскій вельможа, попечитель Харьковскаго округа гр. С. О. Потоцкій. Клингеръ былъ также извѣстный въ свое время писатель (романистъ); онъ еще до назначенія на должность попечителя представилъ проэктъ объ учрежденіи во всѣхъ селеніяхъ Россійской Имперіи народныхъ школъ, т. е. о введеніи какъ бы всеобщаго обученія; на памятникѣ ему сдѣлана такая характерная надпись: „vir priscus, ingenio magnus, virtute major“. Академики Озерецковскій и Фусъ были также передовыми дѣятелями въ области народнаго просвѣщенія; послѣдній былъ и творцомъ училищнаго устава 1804 года. Наконецъ и первый министръ народнаго просвѣщенія гр. П. В. Завадовскій, хотя члены комитета считали его крайне лѣнивымъ и не подходящимъ для этой должности и это мнѣніе раздѣлялъ самъ Государь, имѣлъ при многихъ недостаткахъ свои достоинства: прежде всего это былъ образованный и умный человѣкъ („умная украинская голова“, какъ называли его современники); затѣмъ онъ въ Екатерининское время былъ предсѣдателемъ училищной коммиссіи, слѣдовательно, хорошо знакомъ съ дѣломъ народнаго образованія. Но нужно все-таки сказать, что, благодаря своей лѣности и неподвижности, онъ подъ-часъ тормозилъ дѣла и вообще не соотвѣтствовалъ по характеру своему тѣмъ лицамъ, которыя засѣдали въ училищномъ комитетѣ. Такъ смотрѣли на него Лагарпъ, Строгановъ, Каразинъ; Императоръ Александръ оправдывалъ свой выборъ передъ Лагарпомъ тѣмъ, что Завадовскій лично не могъ играть никакой роли, будучи ограниченъ во всемъ коммиссіей. Министромъ онъ состоялъ до 11 апрѣля 1810 г. Преемникомъ его былъ сынъ послѣдняго малороссійскаго гетмана графъ Алексѣй Кирилловичъ Разумовскій, занимавшій этотъ постъ до 4 сентября 1816 года. По отзыву Роммеля, онъ былъ самымъ ученымъ, образованнымъ и умнымъ человѣкомъ тогдашней аристократіи, русскимъ магнатомъ de l'ancien regime comme il faut, придворнымъ человѣкомъ съ замѣчательнымъ образованіемъ. Образованіе свое онъ получилъ заграницей во французскомъ духѣ. Теоретической педагогической подготовки у него не было — онъ не зналъ даже имени Песталоцци — но практически съ дѣломъ русскаго образованія могъ познакомиться, занимая должность попечителя Московскаго учебнаго округа. Изъ письма его къ Роммелю видно, что онъ всецѣло стоялъ за учебный планъ гимназій и уѣздныхъ училищъ 1804 года, отличавшійся,

какъ мы видѣли, энциклопедическимъ характеромъ и состоявшій изъ нѣсколькихъ концентрическихъ круговъ. Политическія, торговыя и технологическія науки, писалъ онъ Роммелю, были въ него включены потому, что не всякій можетъ имѣть случай продолжать ученіе въ университетахъ и гимназіяхъ, куда поступаютъ дѣти всѣхъ сословій—дворянскаго, купеческаго, ремесленнаго и другихъ; тѣ изъ нихъ, кои должны закончить свое ученіе гимназіею или не нуждаются по состоянію своему въ болѣе обширныхъ свѣдѣніяхъ, имѣютъ случай получить понятіе о выше упомянутыхъ предметахъ, на сколько они пригодны для извѣстнаго сословія. Вотъ почему эти науки преподаются въ гимназіяхъ не въ той подробности, какъ въ университетахъ. Въ противоположность своему предшественнику А. К. Разумовскій обнаруживалъ личную энергію, дѣятельность и даже строгость; онъ значительно поднялъ престижъ центральной власти, какъ въ этомъ мы могли убѣдиться и изъ отношеній его къ Харьковскому университету (выговоръ совѣту по поводу дѣла курскихъ педагоговъ). Ко времени Наполеоновскаго нашествія въ министрѣ народнаго просвѣщенія, какъ и во всемъ русскомъ обществѣ, начинается сильная реакція противъ иностранцевъ. Въ 1811 году А. К. Разумовскій предоставилъ Государю докладную записку, въ которой писалъ: „въ отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ не рѣдко подъ надзоромъ людей, одною собственною корыстію занятыхъ, презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній, Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло, столь глубоко въ него внѣдрившееся“. Въ концѣ своей записки министръ предлагаетъ рядъ практическихъ мѣропріятій противъ пансіоновъ, содержимыхъ иностранцами. Вмѣстѣ съ тѣмъ приказано было подвергать экзамену и тѣхъ иностранцевъ, которые занимались обученіемъ въ частныхъ домахъ. Послѣ 1812 года начинаетъ усиливаться религіозно-нравственное направленіе главнымъ образомъ подъ вліяніемъ настроенія, въ какомъ находился теперь самъ Александръ I послѣ Московскаго пожара. Въ уѣздныхъ училищахъ уже съ 1811 года обращается особенное вниманіе на преподаваніе Закона Божія. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается реакціонное движеніе, достигшее впрочемъ своего высшаго развитія въ послѣдующую эпоху. Теперь пока оно только высказываетъ свои теоретическія основанія. Представителемъ его въ это время былъ, напримѣръ, графъ Жозефъ де Местръ, бывшій въ дружбѣ съ гр. А. К. Разумовскимъ и проповѣдывавшій необходимость

ограниченія образованія всяческими средствами, между прочимъ, отмѣною преподаванія наукъ, которыя могутъ быть толкуемы по личнымъ вкусамъ каждаго, а именно—исторіи, географіи, метафизики, этики, коммерціи, и препятствіями къ расширенію просвѣщенія среди простого народа.

Таковы были дѣятели просвѣщенія въ началѣ царствованія Императора Александра I; таковы были ихъ взгляды на образованіе. Въ промежуткѣ одного десятилѣтія произошла уже сильная, можно сказать, радикальная перемѣна воззрѣній—отъ высшаго либерализма или точнѣе радикализма перешли къ охранительному направленію. Учебные планы остались тѣже, но существенно измѣнился ихъ духъ и общее направленіе. Между настроеніемъ Императора Александра въ первые годы послѣ его воцаренія и въ 1813—14 гг.—цѣлая пропасть. И это, конечно, не могло не отразиться соотвѣтственнымъ образомъ на окружающихъ его лицахъ: одни сошли со сцены, другіе измѣнили свои взгляды. Гр. А. К. Разумовскій, самъ воспитанный заграницей, въ иноземномъ духѣ, выступаетъ на защиту въ дѣлѣ образованія русскихъ народныхъ началъ. Гр. Муравьевъ умеръ еще въ 1807 году. Новосильцевъ выѣхалъ заграницу. Строгановъ вступилъ въ военную службу и сражался съ Наполеономъ. Въ Клингерѣ произошла такая внутренняя реакція, что онъ самъ просилъ о запрещеніи своихъ сочиненій, признавая ихъ вредными. Потоцкій проживалъ почти все время въ Польшѣ и заграницей [1]).

Итакъ, мы познакомились съ двумя типами школъ въ Россіи, школами Екатерининскими и Александровскими. Но для того, чтобы имѣть полное представленіе о томъ школьномъ наслѣдіи, какое досталось Харьковскому университету въ моментъ его основанія, необходимо еще охарактеризовать *третій типъ*, имѣвшій широкое распространеніе въ тѣхъ губерніяхъ Харьковскаго учебнаго округа, которыя были населены малороссіянами.

Въ Малороссіи XVI—XVII в. дѣло просвѣщенія стояло сравнительно очень высоко; высшимъ учебнымъ заведеніемъ была Кіевская духовная академія, а кромѣ того былъ цѣлый рядъ среднихъ и низшихъ школъ. Школы эти стояли въ тѣсной связи съ церковными братствами, къ этимъ же послѣднимъ примыкали еще „шпитали“, т. е. богадѣльни. Братства, школы и шпитали были учрежденіями всецѣло и исключительно общественными и при томъ всесословными—наряду съ духовенствомъ въ нихъ принимало живѣйшее участіе свѣтское общество—дворяне, мѣщане, казаки, крестьяне. Государство, правительство (польское) не только не содѣйствовало, а наоборотъ, противодѣйствовало ихъ возникновенію. Вызваны къ жизни они были религіознымъ и національнымъ самосознаніемъ южно-русскаго народа. Католическая ре-

---

[1]) Всѣ эти данныя собраны въ книгѣ г. Шмидта.

лигія и унія вступили въ ожесточенную борьбу съ православіемъ между прочимъ и на литературной почвѣ — выставили цѣлый рядъ писателей и полемическихъ сочиненій противъ православія и православныхъ. Для того, чтобы возражать на нихъ, и южнорусскіе полемисты должны были усвоить себѣ тогдашнее духовное образованіе. Мало того: отстаивать свои религіозныя убѣжденія, доказывать ихъ истинность, вести борьбу съ иновѣрцами принуждено было не только одно духовенство, а и свѣтское общество; слѣдовательно, и оно нуждалось въ такомъ же образованіи, какое получали представители чернаго и бѣлаго духовенства. Вотъ почему однѣ и тѣже школы служили тогда и для образованія духовенства, и для образованія свѣтскихъ лицъ. Этому также способствовала тѣсная связь, которая всегда существовала въ Малороссіи между духовнымъ и свѣтскимъ элементами; міряне участвовали въ церковныхъ соборахъ, выбирали себѣ священниковъ и были главными дѣйствующими лицами въ церковныхъ братствахъ. Братства получили широкое распространеніе во всей Малороссіи и при томъ не только въ городахъ, но и въ селеніяхъ, а вмѣстѣ съ ними явились въ селахъ и школы со „шпиталями".

Такимъ образомъ, въ Малороссіи XVI—XVII вв. мы находимъ элементарныя народныя школы, народныя не по одному названію, а и по самому существу дѣла, т. е. обязанныя своимъ происхожденіемъ народу и содержимыя на его счетъ; по программѣ же преподаванія и по руководящему значенію въ нихъ духовенства онѣ могутъ быть названы церковно-приходскими.

Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи, со 2-й половины XVII вѣка братства, школы и „шпитали" не исчезли, хотя причина, вызвавшая ихъ къ жизни, и перестала дѣйствовать (унія). Тутъ помогала съ одной стороны традиція, привычка къ этимъ учрежденіямъ, а съ другой и сознаніе ихъ пользы и необходимости и при новыхъ формахъ политическаго быта. Центральное русское правительство не вмѣшивалось (по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ) во внутренній строй и отношенія малорусскаго общества. И если оно узаконило даже такое иноземное, чужеродное учрежденіе, какъ нѣмецкое магдебургское право, то могло ли оно наложить руку на братства и тѣсно связанные съ ними школы и шпитали? Братства преслѣдовали теперь скромныя цѣли—взяли на себя заботу о благолѣпіи храмовъ, шпитали призрѣвали нищихъ и убогихъ; и то, и другое вызывалось потребностью жизни, да и самыя школы также удовлетворяли реальной, практической потребности въ образованіи—давали первоначальную подготовку будущимъ дьячкамъ-учителямъ, священникамъ и канцеляристамъ. Но важное значеніе грамоты

усвоилъ себѣ, очевидно, и весь народъ и она привилась къ нему. Вотъ что говоритъ современникъ Шафонскій: „должно малороссіянамъ ту справедливость отдать, что они охотно въ науки вступаютъ, такъ что не только достаточныхъ, но и самыя бѣдныя мѣщанскія и казачьи дѣти съ доброй воли въ вышеписанныя училища идутъ и мірскимъ подаяніемъ ежедневной пищи, списываніемъ для собственнаго и другихъ обученія печатныхъ книгъ живутъ и, терпя холодъ и голодъ и всю скудость и нужду, охотно и прилежно учатся и многіе изъ нихъ какъ въ духовномъ, такъ и въ свѣтскомъ званіи достойные выходили люди“. Кіевская духовная академія попрежнему была высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ краѣ, Черниговская и Переяславская семинаріи являлись средними школами; а кромѣ того было множество народныхъ элементарныхъ училищъ. А. М. Лазаревскій еще въ 1862 году представилъ статистическія данныя объ этихъ народныхъ школахъ, извлекши ихъ изъ рукописныхъ ревизскихъ книгъ лѣвобережной Малороссіи первой половины XVIII в. И чтоже? Оказывается, что въ семи малороссійскихъ казацкихъ полкахъ было тогда 866 школъ, т. е. въ среднемъ по 124 школы на полкъ, а такъ какъ въ тогдашней Малороссіи было 10 полковъ, то число всѣхъ школъ въ ней должно быть болѣе 1200 (данныхъ о числѣ школъ въ трехъ полкахъ А. М. Лазаревскій не имѣлъ). Эти 1200 школъ разсѣяны въ городахъ и мѣстечкахъ, селахъ, деревняхъ лѣвобережной Малороссіи, т. е. той мѣстности, которую въ настоящее время занимаютъ Черниговская и Полтавская губерніи; слѣдовательно, на каждую изъ нихъ приходилось приблизительно по 600 школъ—цифра весьма почтенная, какъ нельзя лучше подтверждающая отзывъ Шафонскаго о любви малороссіянъ къ грамотѣ и школьному образованію. Въ 1760 г. возникъ даже проэктъ объ учрежденіи въ Батуринѣ (нѣкогда гетманская столица, нынѣ мѣстечко) университета, и любопытно, что авторъ проэкта основываетъ его на склонности малороссіянъ къ наукамъ, склонности, выразившейся между прочимъ въ устройствѣ указанныхъ выше народныхъ школъ. „Въ склонности народа малороссійскаго къ ученію и наукамъ нималаго сумнѣнія нѣтъ, потому что въ Малой Россіи отъ давняго времени заведенныя школы, не имѣя никакого къ себѣ содержанія, а учащіеся и по силѣ уже обученные никакого одобренія, не только по сіе время не ослабѣваютъ, но еще по временамъ число учениковъ большее оказывается.... По состоянію епархіальныхъ малороссійскихъ школъ, Батуринскій университетъ въ числѣ студентовъ никакого недостатка имѣть не можетъ и предъ С.-Петербургскимъ и Московскимъ университетами великій въ томъ авантажъ предвидится“. Учрежденіе Малороссійскаго университета проэктировалось впрочемъ еще и въ из-

вѣстныхъ Гадяцкихъ статьяхъ, т. е. въ третьей четверти XVII вѣка. Конечно, окончившіе эти элементарныя школы не могли бы прямо вступать въ университетъ, но онѣ являлись подготовительною ступенью къ среднимъ духовнымъ школамъ—семинаріямъ, которыя и дали, какъ намъ извѣстно, первыхъ питомцевъ Харьковскому университету.

„Что это были за школы"?, спрашиваетъ себя А. М. Лазаревскій, и продолжаетъ далѣе: „къ сожалѣнію, мы не можемъ вполнѣ разрѣшить этотъ важный вопросъ. Изъ ревизскихъ книгъ видно только, что это были приходскія школы, учреждавшіяся почти при каждой церкви. Обученіемъ въ этихъ школахъ занимались, какъ можно догадываться, приходскія дьячки; по крайней мѣрѣ при упоминаніи о той или другой школѣ находимъ иногда прибавки такого рода: „въ м. Веркіевкѣ, напримѣръ, школа Троецкая, а въ ней живетъ дячокъ Өедоръ Ивановъ и при немъ псаломщиковъ два"; „въ сел. Демянцахъ (Переяславскаго полка) школа, въ ней живутъ дячки прихожіе"; въ м. Новыхъ Млинахъ „школа при церкви Рождества Богородицы, въ которой дьякъ молодикъ". Иногда съ учителемъ помѣщались и ученики, такъ, при Яготинской школѣ замѣчено: „въ ней живетъ дякъ Матвѣй Захаровъ з школьники". Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ А. М. Лазаревскій повидимому ошибается: школьники, жившіе въ школѣ, были собственно помощники дьячка по ученію, не настоящіе ученики, а уже окончившіе или оканчивавшіе курсъ и занимавшіеся преподаваніемъ. Доказательства этого мы приведемъ ниже. Теперь же еще мы приведемъ только общее заключеніе А. М. Лазаревскаго объ этихъ училищахъ. „Другихъ свѣдѣній объ этихъ школахъ, говоритъ онъ, мы не имѣемъ; но, кажется, и этого достаточно для вывода того заключенія, что всѣ *эти школы существованіемъ своимъ обязаны самому народу*. Правительственной иниціативы тутъ быть не могло; устройству школъ могло способствовать развѣ духовенство; но украинское духовенство XVIII в. зависѣло само отъ народа, своей помощью этому дѣлу могло только выражать добрую волю на то народа. Куда дѣвались эти школы впослѣдствіи, объ этомъ, кажется, нечего и говорить: вмѣстѣ съ закрѣпощеніемъ украинскаго посполитства и разными перемѣнами въ быту казачьяго сословія, онѣ исчезали мало по малу" [1]).

Мы къ этому добавимъ слѣдующее. Любопытныя свѣдѣнія объ одной такой школѣ сообщаетъ И. Ө. Тимковскій—и эти свѣдѣнія приведены нами на 513 страницѣ настоящаго труда. Изъ нихъ между прочимъ

---

[1]) А. М. Лазаревскій. Статистическія свѣдѣнія объ украинскихъ народныхъ школахъ и госпиталяхъ въ XVIII в. (Основа, 1862, травень, стр. 82—89).

мы убѣждаемся, что число учащихся въ дьячковскихъ школахъ было довольно значительно (равнялось 30—40, чел.), что въ нихъ учились и мальчики, и подростки, и взрослые, что въ нихъ было по 3 класса или отдѣленія (букварь, часословъ и псалтирь), и что дьякъ выбиралъ себѣ помощниковъ изъ старшихъ учениковъ. Читая эти строки И. Ѳ. Тимковскаго, посвященныя его обученію у „дьячка осанистаго пана Василія“, начинаешь понимать тайну жизненной силы этихъ школъ: она коренилась, очевидно, въ близости ихъ къ народной средѣ, въ тѣсной связи съ этой послѣдней. Въ нихъ все было близко народу—и самое школьное зданіе, служившее помѣщеніемъ для дьячка учителя и тѣсно связанное съ братствомъ и со шпиталемъ, гдѣ жили мѣстные „старци“, т. е. нищіе, вдовы и сироты; и личность учителя-дьячка, который представлялъ изъ себя въ Малороссіи какъ бы переходную ступень между духовенствомъ и свѣтскимъ обществомъ и являлся излюбленнымъ типомъ какъ книжной, такъ и народной словесности; и программа ученія, въ основу которой былъ положенъ церковно-славянскій и русскій языкъ и богослуженіе и которая поэтому привлекала къ себѣ не только дѣтей, но и взрослыхъ; и языкъ преподаванія народный малорусскій—едва ли не самое главное условіе ихъ популярности; и, наконецъ, если можно такъ выразиться, бытовая обстановка и школьные обычаи—эти спѣвки школяровъ весною подъ навѣсомъ, эта обрядовая каша по случаю окончанія курса учениками, бывшая веселымъ праздникомъ для всей школы, эти отпуски въ лѣтнее время для ловли рыбы, для собиранія орѣховъ, грушъ и калины, это распѣваніе школярами данныхъ учителемъ праздничныхъ виршей. Конечно, школы эти были весьма несовершенны, но, во-первыхъ, о нихъ нельзя судить по нашей современной мѣркѣ, а *для своего времени* онѣ были удовлетворительны и принесли огромную пользу народу, а, во-вторыхъ, ихъ можно было мало по малу реформировать, но отнюдь не уничтожать. Между тѣмъ о нихъ или забыли, или, что еще хуже, старались ихъ уничтожить.

Обратимся теперь къ совершенно аналогичнымъ школамъ, находившимся въ предѣлахъ Слободской Украйны, т. е. нынѣшней Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. Слободская Украйна заселилась главнымъ образомъ выходцами изъ Заднѣпровской, т. е. правобережной Малороссіи. Неудвительно, по этому, что и здѣсь мы видимъ точно такую же картину школьнаго дѣла, какъ и въ лѣвобережной Малороссіи. Слободско-украинское общество, подобно малороссійскому, обнаруживаетъ въ XVIII в. большую склонность къ просвѣщенію. Въ извѣстную Екатерининскую коммиссію для составленія проэкта новаго уложенія Сумскіе дворяне представили въ своемъ наказѣ депутату ходатайство объ откры-

тіи въ Украйнѣ университета [1]. И это нужно сказать не только о высшихъ классахъ—духовенствѣ и дворянствѣ, но и о низшихъ—козакахъ, обратившихся потомъ въ войсковыхъ обывателей, и посполитыхъ. Являясь въ новый край, слобожане устраивали братства, шпитали и школы. При Ахтырскомъ Николаевскомъ храмѣ школа существовала уже въ 1675 г. Въ м. Боромлѣ мы видимъ школу при церкви Рождества Богородицы въ 1709 году; туда пошелъ „своею волею" къ дьячку учителю Ивану Ивченку одинъ пятилѣтній сирота, сдѣлавшійся впослѣдствіи іеромонахомъ, Маркъ Мушенко. „Отселѣ несомнѣнно, говоритъ преосв. Филаретъ, что выраженіе, такъ часто встрѣчающееся въ дѣлахъ о посвященіи діаконовъ и священниковъ черкасскихъ стараго времени—обученъ дьячкомъ—означаетъ тоже, что обученъ въ церковной школѣ... По ставленническимъ дѣламъ видимъ, говоритъ онъ далѣе, что здѣсь учились почти всѣ тѣ, которые послѣ исправляли должность причетниковъ при церквахъ, а потомъ иные поступали и въ священники". Ученики этихъ школъ превращались черезъ нѣкоторое время въ учителей. Вотъ тому примѣръ. Монахъ Сумскаго монастыря Дорофей показывалъ о себѣ въ 1749 г.: отъ роду ему 30 лѣтъ; книжному чтенію и пѣнію обученъ онъ ахтырскаго полку села Тростянца дьячкомъ Петромъ; а по изученіи русской грамоты бывалъ онъ при церковныхъ школахъ дьячкомъ (т. е. учителемъ). Для усовершенствованія себя въ наукахъ лица, окончившія ученье въ одной школѣ, переходили въ другую, странствовали или, какъ тогда выражались, *мандровали*; отсюда получило начало и выраженіе „*мандрованый* (отъ нѣмец. wandern) *дьякъ*". „Онъ, Іоанникій, читаемъ мы въ одномъ документѣ, по изученіи славянской грамоты, ходилъ по разнымъ мѣстамъ лѣтъ *съ 27* въ дьячковскомъ званіи; русскаго письма чтенію и пѣнію обученъ онъ *мандрованымъ* дьякомъ Павломъ". Другой мандрованый дьякъ—Козьма Порадинъ—странствовалъ цѣлыхъ 50 лѣтъ (отъ 20-ти до 70-ти лѣтняго возраста). Знаменитый украинскій философъ Григорій Саввичъ Сковорода странствовалъ всю свою жизнь и былъ также въ сущности „мандрованымъ учителемъ" въ широкомъ, возвышенномъ смыслѣ этого слова. Извѣстный намъ Т. И. Селивановъ такъ объяснилъ Гр. Петр. Данилевскому происхожденіе этого оригинальнаго явленія. „Дьячки въ старину нанимались по добровольнымъ сдѣлкамъ съ прихожанами къ церквамъ для пѣнія, чтенія и для ученія въ церковныхъ школахъ. Учитель дьякъ при школѣ, обучая будущаго такого же дьяка, обыкновенно говорилъ ему такую поговорку: какъ станешь самъ учителемъ, учи такъ, чтобъ не отбилъ школы, т. е. не

---

[1]) См. мою „Украинскую Старину", вып. І-й.

открывай своему ученику всего, чтобъ ученикъ у тебя не отбилъ въ приходѣ школы и не сѣлъ бы на твое мѣсто. Вотъ этого то всего, всей сути школьнаго познанія и добивались узнать разными хитростями у своихъ учителей поступающіе въ школы дьячки. Для этого, между прочимъ, они переходили изъ школы въ школу, бродили по селамъ, „мандровали" по украински". Конечно, *между прочимъ* мандрованые дьячки преслѣдовали и такую цѣль; но намъ думается, что мандрованье тѣсно связано еще и съ средневѣковыми способами изученія ремеслъ и наукъ. Въ Германіи и ремесленники переходили изъ одного города въ другой, отъ одного хозяина къ другому для усовершенствованія себя въ извѣстномъ ремеслѣ; такъ же точно поступали и студенты университетовъ. Магдебургское нѣмецкое право, ремесленные цехи и церковныя братства изъ Германіи перешли въ Польшу, Литву и Югозападную Русь; сохранились они и въ лѣвобережной Малороссіи, и въ Слободской Украйнѣ и вызвали къ жизни „мандрованье" ремесленниковъ и, по аналогіи, „мандрованье" дьячковъ, тѣмъ болѣе что почва для этого была какъ нельзя болѣе благопріятная: и въ Малороссіи, и въ Слободской Украйнѣ все населеніе находилось какъ бы въ постоянномъ движеніи; области эти заселялись главнымъ образомъ путемъ внѣшней колонизаціи, а внутри ихъ всѣ классы общества, не исключая и крестьянъ, широко пользовалась „правомъ вольнаго перевода", движимые желаніемъ найти лучшія условія жизни.

Подобно малороссійскимъ, и слободско-украинскія школы были на иждивеніи самого населенія; и въ нихъ кромѣ дьячковъ-учителей бывали ихъ помощники. Вотъ что показывалъ о себѣ одинъ изъ такихъ учителей: „родился Успенской церкви города Балаклеи, обучалъ школяровъ и крылосное пѣніе и жилъ при отцѣ своемъ въ школахъ въ томъ городѣ Балаклеѣ до возрасту своего и училъ; а по смерти отца своего живалъ въ томъ же Изюмскомъ полку по разнымъ мѣстамъ въ школахъ". Были школы, въ которыхъ видимъ 4 и даже 7 преподавателей. Эти то преподаватели—помощники дьячка и поименованы въ качествѣ лицъ, проживающихъ въ школахъ. Иногда это были ученики, окончившіе или оканчивающіе курсъ ученія и оставшіеся въ качествѣ помощниковъ учителя-дьячка, иногда же это были настоящіе „мандрованые" учителя „молодыки". Такихъ именно лицъ перечисляютъ и ревизскія книги, которыми пользовался А. М. Лазаревскій (и которыя, замѣтимъ кстати, хранятся теперь въ нашемъ Харьковскомъ историческомъ архивѣ), и найденная мною перепись Слободскихъ полковъ лейбъ-гвардіи майора Хрущова 1732 г. Эта послѣдняя доставила мнѣ такія же драгоцѣнныя статистическія данныя о слободскоукраинскихъ народныхъ школахъ, какія А. М. Лазаревскій извлекъ изъ ревизскихъ книгъ

разныхъ полковъ лѣвобережной Малороссіи. Въ четырехъ Слободскихъ полкахъ (харьковскомъ, ахтырскомъ, изюмскомъ и сумскомъ) было въ 1732 г. 129 народныхъ школъ; школы эти по полкамъ распредѣлялись такъ: въ харьковскомъ — 18, ахтырскомъ — 28, Изюмскомъ — 36 и сумскомъ—47. Онѣ были не только въ козачьихъ, но и во владѣльческихъ селеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ (даже въ селахъ) было по нѣсколько школъ (напр., въ Новыхъ Водолагахъ, Лиманѣ, Куряжѣ, не говоря уже о Харьковѣ и другихъ городахъ). Общее число жителей во всѣхъ четырехъ полкахъ равнялось приблизительно 306000 душъ обоего пола; такимъ образомъ, одна школа приходилась тогда на 2373 души; а въ 1884 году, т. е. 150 лѣтъ спустя—одна школа на 4270 душъ; какъ видимъ, процентное отношеніе числа школъ къ числу населенія не въ пользу нашего времени. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ о количествѣ учащихся въ этихъ школахъ, знаемъ однако, что онѣ были многолюдны, и въ той школѣ, гдѣ учился И. Ѳ. Тимковскій, было 30—40 чел.; если изъ осторожности возьмемъ пріуменьшенную цифру въ 20—30 чел., а для нынѣшнихъ школъ 50, то и тогда *процентное отношеніе всѣхъ учащихся въ школахъ въ первой половинѣ XVIII в. и теперь окажется почти одинаковымъ.* Учителей тогда во всѣхъ полкахъ было приблизительно 372 чел.; не рѣдко въ одной школѣ было по нѣсколько душъ; въ четырехъ школахъ г. Харькова (при Соборной, Благовѣщенской, Троицкой и Воскресенской церквяхъ) было 19 учителей.

Дѣти духовенства составляли довольно видный элементъ среди учениковъ этихъ школъ,—они тамъ получали первоначальное образованіе—но главную массу доставляли все-таки войсковые или казенные обыватели, мѣщане и крестьяне. По составу учащихся эти школы могутъ быть названы всесословными, а по характеру своему церковно-приходскими и вмѣстѣ съ тѣмъ народными. И въ Слободской Украйнѣ, точно также какъ въ Малороссіи, кромѣ этихъ элементарныхъ школъ существовала *средняя* духовная школа,—Харьковскій коллегіумъ, который игралъ роль *высшаго разсадника знаній*, замѣнялъ для харьковщины Кіевскую духовную академію и являлся, какъ мы знаемъ, несмотря на свой спеціальный характеръ, всесословнымъ училищемъ.

Въ составъ Слободской Украйны входилъ еще Острогожскій казачій полкъ, находившійся на территоріи нынѣшней Воронежской губ. (полки тутъ вездѣ понимаются въ смыслѣ территоріальномъ). Тамъ были, очевидно, такія же школы, какъ въ остальныхъ четырехъ слободскихъ полкахъ, т. е. нынѣшней Харьковской и отчасти Курской губ. (Суджанскій уѣздъ). Въ одномъ изъ древнѣйшихъ селеній, основанныхъ острогожскими казаками (слобода Ендовище), существовала подобная

школа уже въ самомъ началѣ XVIII в. „Школу эту посѣщали дѣти казаковъ—черкасъ; выпускные ученики назывались выростками. Учителемъ въ этой школѣ въ 1703 г. былъ дьячекъ мѣстной церкви Романъ Прокофьевъ. По своей „черкасской обыкности“ (т. е. малороссійскому обыкновенію), учитель дьячекъ со своими выростками въ опредѣленные дни ходилъ по домамъ Ендовищенскихъ гражданъ воспѣвать“; такъ говоритъ изслѣдователь Воронежской старины Л. Б. Вейнбергъ, основываясь на архивномъ документѣ. И, конечно, такъ было не въ однихъ Ендовищахъ, а и во многихъ другихъ мѣстахъ, потому что острогожскіе малороссіяне вынесли изъ Заднѣпровья тѣже обычаи, что и всѣ остальные и организовались такъ, какъ и другіе [1]).

Мало того: оказывается, что такое же отрадное явленіе мы наблюдаемъ и въ другихъ мѣстахъ, заселенныхъ малороссіянами, напримѣръ, въ Новороссійскомъ краѣ. Школа, подобная описаннымъ выше, существовала въ Запорожьѣ. „Въ Сѣчи, при свято-Покровской церкви, на монастырскомъ дворѣ была школа, т. е. училище, гдѣ охотниковъ, особенно же дѣтей—молодиковъ учили грамотѣ. Въ ней было особое отдѣленіе для пѣвчихъ, управляемое духовенствомъ. По сказанію очевидцевъ, считалось тамъ всегда до 30 взрослыхъ казаковъ, предназначавшихъ себя въ духовное званіе, т. е. пономарей, дьяковъ, а за успѣхъ и въ діаконы, и 50 *школьниковъ*, имѣвшихъ свое особенное куренное управленіе, т. е. своего атамана и своего *кухаря* (повара). Между прочими преимуществами они имѣли исключительное право колядовать, т. е. въ святки пѣть священные гимны, подъ окнами сѣчеваго товариства, поздравлять хлѣбомъ на Новый Годъ и яйцомъ въ Свѣтлое Воскресенье, звонить въ колокола и читать псалтырь по усопшимъ и убитымъ въ сраженіи, продавать ладонъ и т. п., за что получали множество съѣстныхъ припасовъ и денежную плату, которая составляла общую школьную сумму, въ вѣдѣніи атамана. Но какъ вмѣстѣ съ тѣмъ они воспитывались на военную ногу, какъ видимъ изъ ежегоднаго раздѣла царскаго жалованья, при которомъ они получали вмѣстѣ съ другими казенный свинецъ и порохъ, то могли дѣлаться и настоящимъ товариствомъ, особенно писарями“ [2]). Эти же самые запорожцы, послѣ разрушенія Сѣчи, вмѣстѣ съ новыми колонистами изъ Малороссіи, составили основное ядро въ населеніи Новороссійскаго края и по старой привычкѣ стали открывать школы у себя въ слободахъ при церковныхъ прихо-

---

[1]) См. мою брошюру „Заселеніе Харьковскаго края и общій ходъ его культурнаго развитія до открытія университета“. Х. 1889 г.

[2]) Скальковскаго. Исторія Новой Сѣчи, изд. 2, ч. 1, стр. 185—186.

дахъ. Таково происхожденіе школъ, о которыхъ упоминаетъ преосвященный Θеодосій въ своемъ трудѣ „Матеріалы для историко-статистическаго описанія Екатеринославской епархіи“.

Такимъ образомъ, народныя элементарныя школы существовали у малороссійскаго населенія нынѣшнихъ губерній—Черниговской, Полтавской, Харьковской, Воронежской, Курской, Екатеринославской и, вѣроятно, Херсонской и Таврической, и число ихъ было весьма значительно. Онѣ возникали внѣ всякой правительственной организаціи и помощи и были обязаны своимъ происхожденіемъ тому духу общественности, который выработалъ въ себѣ малороссійскій народъ подъ вліяніемъ опасностей, грозившихъ его религіи и національности. Оплотомъ для него послужило духовное образованіе въ видѣ цѣлой системы высшихъ, среднихъ и низшихъ школъ—и въ этомъ единствѣ цѣлей, преслѣдуемыхъ тремя типами училищъ, въ ихъ внутренней нравственной связи, коренилась между прочимъ сила такъ называемой „югозападной образованности“. Въ видѣ старой традиціи нѣкоторая связь между академіей, коллегіумами и народными школами сохранилась и въ XVIII в. и дала силу и устойчивость этимъ послѣднимъ. Связь эта нашла себѣ выраженіе какъ въ характерѣ, программахъ и методахъ преподаванія, такъ и въ личностяхъ учителей и учащихся. Благодаря этому, бѣдныя разбросанныя по деревнямъ народныя школы стояли не совсѣмъ одиноко, а представляли какъ бы части великаго цѣлаго, какъ бы отдѣльные элементы особаго цикла образованія, лишеннаго впрочемъ какой бы то ни было регламентаціи.

Мы сказали выше, что ихъ постигла печальна судьба. Гдѣ же причина этого? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ академикъ М. И. Сухомлиновъ. „Одни, говоритъ онъ, объясняютъ ихъ уничтоженіе причинами педагогическими, другіе—соціальными. Первые полагаютъ, что вся бѣда въ томъ, что учителя были плохи. Испоконъ вѣка учительствомъ промышляли дьячки. Званіе дьячка до того слилось въ понятіи народа съ учительствомъ, что самыя крутыя мѣры не въ состояніи были подорвать довѣрія къ дьячковскимъ школамъ.... Но какъ бы ни были несостоятельны учителя, они выбирались самимъ народомъ и—дурно ли, хорошо ли вели свое дѣло—были въ ладу со средою, въ которой жили и учили, и пользовались ея довѣріемъ. Извѣстно, что въ Малороссіи прихожане сами избирали себѣ священниковъ и церковниковъ и упорно отстаивали права свои въ этомъ отношеніи передъ епархіальнымъ начальствомъ. Притомъ же, если бы единственною причиною паденія школъ было дурное преподаваніе, то онѣ замерли бы сами собою, а между тѣмъ ихъ начали преслѣдовать и такъ настойчиво, какъ не преслѣ-

дуются учрежденія, умирающія собственною смертью. Поэтому достовѣрнѣе, кажется, мнѣніе тѣхъ, которые паденіе школъ приписываютъ перемѣнамъ въ общественномъ быту Малороссіи и преимущественно введенію крѣпостнаго права; но такъ какъ школы не удержались и въ казачьихъ общинахъ, чуждыхъ крѣпостной зависимости, то приходятъ къ мысли, не слѣдуетъ ли „гасителей народнаго просвѣщенія искать не въ средѣ духовенства, а въ какой-нибудь другой средѣ: и что̀ если ими окажутся тѣ, которые, со времени Екатерины, стали называться опекунами народнаго просвѣщенія? Пусть подумаютъ о томъ тѣ, до кого дѣло касается". (Черниг. епарх. изв. Прибавл., 1862, стр. 552—553) [1]). „Опека, которой хотѣли подчинить просвѣщеніе народа, продолжаетъ далѣе М. И. Сухомлиновъ, едва ли не самая дѣйствительная причина насильственной смерти училищъ, въ будущность которыхъ еще такъ недавно вѣрили лучшіе люди края. Рѣшительныя мѣры, принятыя во второй половинѣ XVIII в. къ учрежденію оффиціальныхъ училищъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ мѣрами противъ народныхъ школъ. Предписано было учить по такимъ то книгамъ, въ такіе то часы, подчиняться такимъ то начальникамъ. Но исполненію подобныхъ требованій представились на первыхъ порахъ препятствія непреодолимыя. Никто не хотѣлъ посылать дѣтей своихъ въ училища; власти прибѣгали къ угрозамъ, но, видя ихъ безуспѣшность, рѣшались на сдѣлку—допускали совмѣстное обученіе и въ оффиціальныхъ, и въ домашнихъ школахъ. Въ разныхъ городахъ Черниговской губерніи уцѣлѣли въ архивахъ любопытные памятники введенія новой системы образованія. Эти свидѣтельства важны, быть можетъ, не только для исторіи училищъ: они знакомятъ съ духомъ того времени и съ общимъ характеромъ тогдашнихъ преобразованій. Перебирая вереницу данныхъ, невольно приходишь къ вопросу, зачѣмъ такое ревностное желаніе уничтожить неопаснаго врага—старинныя школы съ ихъ вѣковыми обычаями? Съ какою цѣлью составлялись великолѣпныя новыя программы, если общество не въ состояніи было ихъ выполнить? Нуженъ ли былъ дѣйствительный успѣхъ или только блестящая наружность: учебныя книги съ европейскими идеями, училищные чиновники по цивилизованнымъ образцамъ и краснорѣчивые отчеты, удобные для перевода на иностранные языки. Говорятъ, что при жалобахъ о неприсылкѣ дѣтей въ новыя школы лица вліятельныя совѣтовали не слишкомъ горевать объ этомъ, ибо школы заводятся не для насъ, а для Европы, т. е. для поддержанія въ ней хорошаго о насъ мнѣнія" [2]).

---

[1]) Ссылка М. И. Сухомлинова.

[2]) М. И. Сухомлиновъ. Училища и народное образованіе въ Черниговской губ. (Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CXXI, 1864 г., от. III, стр. 7—8).

Намъ кажется, что въ исчезновеніи народныхъ школъ играло роль и введеніе крѣпостнаго права, и причина, отмѣченная М. И. Сухомлиновымъ. Но къ этимъ двумъ причинамъ нужно присоединить еще третью болѣе общаго характера—это именно паденіе стариннаго склада жизни подъ вліяніемъ регламентаціи и новыхъ формъ общерусскаго быта. Заглохли не однѣ школы, а и братства, и шпитали. Онѣ держались въ теченіе почти 125 лѣтъ (съ половины XVII до 3-й четверти XVIII в.) силою традиціи, потому что ихъ никто не трогалъ; но съ паденіемъ гетманщины, со введеніемъ въ Малороссію административнаго и соціальнообщественнаго строя, господствовавшаго во всей Россіи и уничтожившаго между прочимъ и право избранія прихожанами священниковъ, все это стало разрушаться. Являлась анахронизмомъ теперь, при выработавшихся и рѣзко обозначившихся сословіяхъ, и всесословная школа стараго времени, куда раньше охотно посылали своихъ дѣтей представители высшаго класса малорусскаго общества—казацкіе старшины, потому что служебное положеніе опредѣлялось не школой, а другими причинами, а образованіе, какъ бы оно ни пріобрѣталось, было важно само по себѣ; для малорусскихъ же дворянъ новой формаціи предпочтительнѣе была оффиціальная школа, которая давала имъ прямыя служебныя права по табели о рангахъ.

Затѣмъ къ сказанному М. И. Сухомлиновымъ слѣдуетъ сдѣлать еще одну прибавку: борьбу съ народными школами вели не только Екатерининскія, но и Александровскія школы. *И тѣмъ не менѣе количество ихъ въ началѣ XIX в. было еще довольно значительно.*

Таковы были 3 типа школъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло Харьковскому университету, какъ высшему органу мѣстной учебной администраціи. Въ чемъ же ближайшимъ образомъ заключалась его роль, права и обязанности въ отношеніи школъ? Они точно опредѣлены университетскимъ уставомъ и отчасти уставомъ училищъ.

Университетъ, имѣя надзоръ за ученіемъ и воспитаніемъ во всѣхъ губерніяхъ, составляющихъ округъ, долженъ былъ постоянно заботиться объ открытіи всюду, гдѣ положено, гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, снабженіи ихъ свѣдущими и благонравными учителями и учебными пособіями и о соблюденіи въ нихъ принятаго порядка ученія. Для каждой губерніи своего округа университетъ избиралъ директора училищъ и представлялъ его черезъ главное правленіе на утвержденіе министру; смотрителей же уѣздныхъ училищъ, учителей въ гимназіи и прочія училища назначалъ или самъ непосредственно, или по представленію директоровъ училищъ. Для производства дѣлъ, относящихся къ училищамъ, при университетѣ учреждался „*училищный комитетъ*“ подъ

предсѣдательствомъ ректора, въ составѣ 6 членовъ—ординарныхъ профессоровъ, избираемыхъ ежегодно совѣтомъ. Училищный комитетъ получалъ донесенія отъ директоровъ гимназій, разрѣшалъ ихъ просьбы и недоумѣнія, отбиралъ нужныя объясненія и въ случаѣ необходимости рѣшительныхъ мѣръ входилъ съ предложеніемъ таковыхъ въ совѣтъ. На его обязанности лежало сохраненіе полугодовыхъ вѣдомостей о состояніи училищъ, о достоинствѣ и трудахъ учителей, объ успѣхахъ учащихся и удаленіе съ согласія совѣта отъ должности недостойныхъ учителей и чиновниковъ (объ удаленіи же директоровъ нужно было дѣлать представленіе попечителю). Ежегодно комитетъ обязанъ былъ представлять совѣту вѣдомость о состояніи училищъ, объ экзаменахъ въ нихъ, о положеніи преподаванія, о препятствіяхъ для ихъ роста и о мѣрахъ къ поднятію его. Совѣтъ, разсмотрѣвъ эту вѣдомость, препровождалъ ее къ попечителю для представленія министру. Онъ долженъ былъ обращать вниманіе на способности, прилежаніе и благонравіе учителей, ходатайствовать за достойныхъ и исправлять своими напоминаніями небрежныхъ, представлять объ отрѣшеніи безнадежныхъ и предлагать свои мѣры совѣту въ экстренныхъ случаяхъ для отвращенія всякой остановки въ ученіи. Онъ разсматривалъ также хозяйственные отчеты директоровъ училищъ, требуя отвѣта въ случаѣ замѣченныхъ неисправностей, и представлялъ ихъ правленію. Училища, находившіяся на казенномъ содержаніи, могли сдѣлать сверхштатный расходъ не иначе, какъ отправивъ докладъ о немъ черезъ директора. училищному комитету, который представлялъ объ этомъ попечителю. Вообще директоры обо всѣхъ дѣлахъ обращались въ комитетъ, а этотъ послѣдній по учебной части въ совѣтъ, а по хозяйственной—въ правленіе. Для рѣшенія менѣе важныхъ текущихъ дѣлъ назначались ректоромъ засѣданія по 2 раза въ недѣлю и даже чаще въ составѣ предсѣдателя и двухъ членовъ, перемѣнявшихся ежемѣсячно; они давали потомъ отчетъ о своихъ постановленіяхъ, касавшихся перемѣны учителей или преобразованія училищъ, комитету. Въ училищномъ комитетѣ былъ секретарь изъ адъюнктовъ или магистровъ; съ посторонними присутственными мѣстами комитетъ сносился посредствомъ правленія. Всѣ пансіоны и частныя училища могли открываться только съ разрѣшенія комитета, которому представлялись также на утвержденіе и ихъ учителя. Совѣтъ университета ежегодно долженъ былъ назначать изъ числа членовъ училищнаго комитета или и другихъ профессоровъ *визитаторовъ*, поручая каждому изъ нихъ для осмотра одну или двѣ губерніи и снабжая деньгами на путевые расходы изъ положенной на то по штату суммы (5000 руб.). Визитаторы, давъ отвѣты на вопросные пункты своей

инструкціи и присоединивъ сюда собственныя замѣчанія, представляли свои отчеты училищному комитету, который составивъ изъ нихъ общее систематическое извлеченіе, вносилъ его со своими замѣчаніями въ совѣтъ, а этотъ послѣдній доводилъ до свѣдѣнія высшаго начальства. Визитаторы, во время исполненія своихъ обязанностей, поручались особенному вниманію и содѣйствію мѣстнаго начальства. Въ составъ Харьковскаго учебнаго округа входили слѣдующія губерніи—Слободско-Украинская (т. е. Харьковская), Орловская, Воронежская, Курская, Черниговская, Полтавская, Николаевская, Таврическая, Екатеринославская, Земля Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ [1]). По числу губерній Харьковскій округъ уступалъ только одному Казанскому и превосходилъ всѣ остальныя.

Такимъ образомъ, мѣстное управленіе всѣми школами въ обширномъ Харьковскомъ учебномъ округѣ находилось ближайшимъ образомъ въ вѣдѣніи училищнаго комитета—въ его рукахъ была и администрація, и учебное дѣло, и хозяйственная часть. Высшими инстанціями по отношенію къ комитету были — совѣтъ, и правленіе университета, попечитель, главное училищное правленіе и, наконецъ, министръ; низшимъ подчиненнымъ ему органомъ власти былъ директоръ училищъ. Непосредственная роль въ управленіи школами, какъ видимъ, принадлежала университету, хотя при этомъ необходимо имѣть въ виду, что онъ долженъ былъ дѣйствовать въ точныхъ рамкахъ, опредѣленныхъ училищнымъ уставомъ и штатами. Уставъ создалъ духъ и общее направленіе школы, ея учебный планъ и дисциплину, казна давала опредѣленныя средства на ихъ содержаніе—и съ этимъ нужно считаться при оцѣнкѣ роли университета въ дѣлѣ насажденія средняго и низшаго народнаго образованія въ округѣ. Необходимо дѣлать эту оцѣнку съ точки зрѣнія прямыхъ обязанностей по училищной части, наложенныхъ на университетъ уставомъ 1804 г., а въ общемъ заключеніи о ходѣ школьнаго дѣла—о его прогрессѣ и недостаткахъ—принимать во вниманіе и уставъ, и штаты, и роль высшихъ органовъ учебнаго управленія, и отношеніе къ нимъ общества. Но насколько исполнима была вообще эта новая функція для университетскихъ преподавателей? Не была ли она для нихъ непосильнымъ бременемъ? И хорошо ли поступили составители устава 1804 г., предоставивъ университетамъ и управленіе училищами въ учебныхъ округахъ?

Вопросъ этотъ не разъ поднимался въ литературѣ, но разрѣшался обыкновенно апріорно. Мы же постараемся отвѣтить на него съ фактами

[1]) Сборн. постановл. по Мин. Нар. Просв., I, стр. 296—299 и 22.

и цифрами въ рукахъ. Въ нашемъ распоряженіи есть обильный матеріалъ, характеризующій дѣятельность училищнаго комитета: сохранился полностью архивъ этого учрежденія, обнимающій все дѣлопроизводство его отъ самого возникновенія и до закрытія. Уже одинъ огромный объемъ этого хранилища говоритъ въ пользу энергичной дѣятельности училищнаго комитета; на его долю, очевидно, выпало не мало труда. Чтобы дать *общее* представленіе о дѣятельности училищнаго комитета за первыя десять лѣтъ его существованія мы сообщимъ нѣкоторыя данныя о ней, пользуясь главнымъ образомъ годичными отчетами его, въ которыхъ сгрупированы эти свѣдѣнія.

Харьковскій учебный округъ былъ учрежденъ въ 1803 году — и тогда же на основаніи „предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія“ нужно было позаботиться объ открытіи въ немъ университета, гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Дотолѣ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ существовали главныя и малыя народныя училища Екатерининскаго типа и народно-церковно приходскія школы. Главныхъ народныхъ училищъ на весь округъ было 9, въ томъ числѣ 8 въ губернскихъ (Харьковѣ, Черниговѣ, Полтавѣ, Екатеринославѣ, Черкасскѣ, Курскѣ, Орлѣ, Воронежѣ) и одно въ уѣздномъ городѣ (Новгородъ-Сѣверскѣ), въ губерніяхъ—Николаевской (позднѣе Херсонской) и Таврической и въ землѣ Черноморскихъ козаковъ ихъ еще не было. Малыя народныя училища были также далеко не во всѣхъ городахъ: напримѣръ, въ Слободской украинской губ. ихъ было 5 (Ахтыркѣ, Сумахъ, Изюмѣ, Богодуховѣ и Валкахъ), въ Черниговской 4 (въ Нѣжинѣ, Глуховѣ, Стародубѣ и Погарѣ), въ Полтавской 2 (въ Прилукахъ и Ромнахъ), въ Таврической 1 (въ Акмечети); въ губерніяхъ Николаевской, Екатеринославской, въ Области войска Донскаго и Черноморскаго ихъ не было вовсе [1]).

Итакъ, работы на нивѣ народнаго образованія было не мало и первымъ работникомъ, еще до открытія университета явился назначенный уже въ концѣ 1802 года профессоромъ Харьковскаго университета И. Ѳ. Тимковскій—ему поручено было заняться первоначально осмотромъ училищъ, сдѣлаться такимъ же визитаторомъ ихъ, въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, какимъ былъ извѣстный Ѳ. Чацкій въ Виленскомъ. Инииціаторомъ же всего этого дѣла былъ новый попечитель округа гр. С. О. Потоцкій: ему принадлежала и самая мысль о визитаціи училищъ Харьковскаго учебнаго округа, и выборъ для этого дѣла Тимковскаго. Мало того: главное правленіе училищъ не только признало эту мѣру крайне

---

[1]) Шугурова. И. Ѳ. Тимковскій (Кіевск. Стар. 1891 г., авг., стр. 224).

полезною, но рѣшило распространить ее и на другіе округа. Потоцкій же далъ Тимковскому и инструкцію для визитаціи училищъ; она цѣликомъ напечатана въ статьѣ г. Шугурова и мы только отмѣтимъ въ ней двѣ, три черты. На Тимковскаго возлагалась трудная обязанность: онъ долженъ былъ „освѣдомиться о подлинномъ состояніи губернскихъ и уѣздныхъ училищъ и не только о зданіяхъ, суммахъ и прочемъ по части экономической, но о самомъ образѣ ученія, о качествахъ учителей, ихъ ревности, исправности въ своемъ званіи и о степени довѣрія къ нимъ публики", узнать, какія желательны были измѣненія, обратить вниманіе на воспитательную часть и поведеніе юношества, на степень образованія общества, на его промыслы и занятія, дабы къ нимъ можно было приспособить и самое обученіе, привлекать къ пожертвованіямъ на училища мѣстныя общества и частныхъ лицъ. И онъ въ высшей степени удачно выполнялъ свои обязанности по осмотру училищъ, хотя могъ посвящать этому важному дѣлу только время, остававшееся отъ заботъ по устройству университета. Онъ началъ свой осмотръ съ училищъ Слободскоукраинской губ. и уже 14 дек. 1803 г. отправилъ Новосильцеву (Потоцкій въ это время былъ заграницей) свой первый отчетъ „въ которомъ изложилъ сначала свои общія мнѣнія относительно училищъ, потомъ далъ свѣдѣнія объ училищахъ Слободскоукраинской губ. вообще и затѣмъ представилъ обозрѣніе харьковскаго главнаго народнаго училища и каждаго изъ малыхъ народныхъ училищъ губерніи въ частности. Послѣ того, по мѣрѣ объѣзда и обозрѣнія училищъ другихъ губерній, онъ представлялъ свои отчеты отдѣльно по каждой изъ нихъ. Въ нихъ заключаются обстоятельные отвѣты не только на вопросы данной ему инструкціи, но и многія его личныя наблюденія надъ тогдашнею провинціальною жизнью". Чтобы имѣть болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ учителяхъ и ихъ познаніяхъ, Тимковскій, обозрѣвая главныя и малыя народныя училища, подвергалъ экзамену не только учениковъ, но и учителей и затѣмъ указывалъ, кто изъ нихъ былъ пригоденъ для какой должности; тутъ же онъ проэктировалъ послать ихъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ университетъ для прослушанія краткихъ методологическихъ курсовъ по своему предмету. „Подобно визитатору Виленскаго учебнаго округа Чацкому, Тимковскій, говоритъ г. Шугуровъ, не остался въ роли ревизора или обозрѣвателя старыхъ учебныхъ заведеній, а сдѣлался и устроителемъ новыхъ.... Еще предъ выѣздомъ изъ Харькова для обозрѣнія старыхъ училищъ Тимковскій посылалъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства письменныя сообщенія, въ которыхъ говорилъ о пользѣ вновь устраиваемыхъ учебныхъ заведеній и необходимости со стороны общества

придти на помощь правительству въ дѣлѣ устройства ихъ матеріальными приношеніми. Затѣмъ выѣзжая для обозрѣнія главныхъ и малыхъ училищъ, онъ на мѣстѣ всячески старался расположить всѣхъ къ пожертвованіямъ на учебныя заведенія. И это ему удалось въ Екатеринославѣ, Воронежѣ и Новочеркасскѣ. Среди частныхъ лицъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить Судіенка, который пожертвовалъ 40000 р. на устройство училищъ въ Малороссіи. Потоцкій побуждалъ Тимковскаго къ немедленному превращенію въ гимназіи главныхъ народныхъ училищъ и открытію новыхъ. Но Тимковскій, знакомый съ мѣстными условіями, указывалъ на необходимость постепенности въ этомъ дѣлѣ и съ этимъ согласился и гр. Потоцкій. Въ теченіи 1804 г. рѣшили открыть гимназіи въ Харьковѣ, Черниговѣ и Курскѣ. Одновременно съ открытіемъ гимназій происходило открытіе и уѣздныхъ училищъ. Назначеніе учителей главнымъ образомъ зависѣло отъ Тимковскаго. Онъ же лично открывалъ училища, сочинялъ церемоніалы для этого открытія, говорилъ рѣчи, давалъ наставленія директорамъ и учителямъ, составлялъ списки книгъ для гимназическихъ библіотекъ. Въ тоже самое время Тимковскій составлялъ многія мнѣнія по училищной части для графа С. О. Потоцкаго—и они потомъ фигурировали въ качествѣ мнѣній попечителя, „который, слѣдовательно, въ очень многихъ случаяхъ работалъ руками и головою Тимковскаго“. По количеству вновь открытыхъ въ Харьковскомъ учебномъ округѣ училищъ, говоритъ Шугуровъ, дѣятельность Тимковскаго была менѣе успѣшна, чѣмъ дѣятельность Чацкаго, но при сравнительной оцѣнкѣ ихъ заслугъ необходимо помнить и разницу ихъ положенія: Чацкій былъ мѣстный аристократъ, имѣвшій огромныя связи съ польскими помѣщиками и католическимъ духовенствомъ, а Тимковскій былъ только маловліятельный чиновникъ министерства народнаго просвѣщенія. И можно только удивляться, какъ много онъ сдѣлалъ для того дѣла, къ которому его опредѣлилъ графъ Потоцкій; можно также порадоваться, что Потоцкому удалось сдѣлать такой поразительно удачный выборъ. Съ открытіемъ университета, въ январѣ 1805 г., дѣятельность Тимковскаго стала, конечно, менѣе видной и отвѣтственной, изъ устроителя университета и училищъ онъ превратился въ обыкновеннаго члена профессорской коллегіи. Но и тогда все таки главною его функціей была не столько профессура, сколько визитація училищъ — такъ часто и тогда его посылали на визитаціи, хотя труды его въ этомъ отношеніи стали раздѣлять и другіе коллеги. Его огромныя заслуги въ дѣлѣ первоначальнаго устройства училищъ признаны были и благодарнымъ ему университетомъ, который въ 1811 году, при выходѣ Тимковскаго въ отставку, постановилъ внести въ

журналъ слѣдующее опредѣленіе: „университетъ всегда съ величайшею признательностью будетъ вспоминать, что устройство весьма многихъ училищъ въ округѣ нашего университета, теперь цвѣтущихъ, обязано благоразумію, усердію и неутомимому труду проф. Тимковскаго“ [1]).

Гр. Потоцкій поручилъ училищное дѣло спеціально Тимковскому, который и занимался имъ въ теченіе 1803 и 1804 годовъ, но кое что было сдѣлано, какъ мы видѣли (стр. 160—161) и комитетомъ, учрежденнымъ еще передъ открытіемъ университета. Съ открытіемъ университета въ 1805 г., учрежденъ былъ и училищный комитетъ. Членами его въ изучаемое нами десятилѣтіе были преимущественно профессора русскаго происхожденія — Тимковскій, Осиповскій, Шумлянскій, Рижскій, Каменскій; первые четыре были, кажется, безсмѣнными въ этихъ должностяхъ, Каменскій вступилъ въ послѣдніе годы; изъ иностранцевъ членами его состояли — Стойковичъ (едва ли не все время), Дегуровъ (съ 1811 г.), Умляуфъ (съ 1805 по 1806 г.), Коритари (нѣсколько лѣтъ), Шнаубертъ (одинъ годъ), Якобъ (не долго), Гутъ (менѣе года), Роммель (тоже самое), Нельдехенъ (не долго). Такимъ образомъ, главная работа—что и понятно—выпала на долю профессоровъ русскаго происхожденія, а изъ иностранцевъ рядомъ съ ними можетъ быть поставленъ только одинъ Стойковичъ, но и то, конечно, потому, что онъ хорошо зналъ русскій языкъ, былъ знакомъ съ русскою жизнью и отличался административными талантами; изъ остальныхъ иностранцевъ пожалуй слѣдуетъ отмѣтить еще только Дегурова, который также не мало поработалъ на этомъ полѣ.

Посмотримъ теперь, что дѣлалъ училищный комитетъ на пользу школъ и такъ какъ намъ нѣтъ возможности исчерпать весь имѣющійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ, то остановимся только, въ видѣ примѣра, на одномъ 1805 г. Прежде всего, по открытіи своемъ, комитетъ рѣшилъ собрать свѣдѣнія о состояніи училищъ и потому директорамъ ихъ предписано было доставить подробныя данныя: 1) о числѣ смотрителей и учителей и о знаніяхъ, какія имѣли эти послѣдніе не только въ преподаваемыхъ ими, но и въ другихъ предметахъ, о способностяхъ и нравственныхъ качествахъ ихъ, 2) о зданіяхъ, занимаемыхъ училищами, 3) о находящихся при нихъ библіотекахъ и другихъ учебновспомогательныхъ учрежденіяхъ, 4) о суммахъ, отпускаемыхъ на содержаніе училищъ казною и городскими обществами, 5) сколько въ каждомъ городѣ было жителей—какого они были преимущественно со-

---

[1]) Всѣ эти данныя собраны у г. Шугурова въ его монографіи о Тимковскомъ, составленной на основаніи его подлинныхъ бумагъ.

словія, какими особенно были заняты промыслами, зажиточны ли и расположены ли къ учебнымъ заведеніямъ и можно ли было отъ нихъ ожидать имъ содѣйствія; въ какихъ уѣздныхъ городахъ не было малыхъ народныхъ училищъ и почему? И такъ какъ въ Таврической и Херсонской губ. и въ землѣ Черноморскихъ казаковъ директоровъ не было, то справки эти должны были доставить мѣстные губернаторы и войсковая канцелярія. Всѣ эти свѣдѣнія были по большей части получены и на основаніи ихъ комитетъ предпринялъ рядъ мѣръ по устройству училищъ въ разныхъ губерніяхъ. Сверхъ того по предложенію ректора, директора начали доставлять ежемѣсячныя вѣдомости о состояніи училищъ; вѣдомости эти сводились въ одну общую генеральную, которая и доставлялась попечителю. Видное мѣсто въ дѣятельности комитета стала играть забота его о снабженіи училищъ учителями. Особенный недостатокъ чувствовался въ учителяхъ латинскаго языка, политической экономіи, статистики, естественной исторіи, технологіи и коммерціи. Но такъ какъ въ самомъ университетѣ не было еще преподавателей по нѣкоторымъ изъ этихъ предметовъ, то комитетъ возбудилъ ходатайство передъ совѣтомъ о замѣщеніи этихъ каѳедръ, а съ другой стороны, по порученію попечителя округа, находившійся въ Венгріи адъюнктъ Филипповичъ пригласилъ на эти учительскія мѣста въ гимназіи 9 человѣкъ славянъ съ аттестатами изъ главнаго училища въ Пештѣ, коимъ отправлены были даже деньги на проѣздъ въ Харьковъ. Кромѣ того попечитель прислалъ еще для опредѣленія на учительскія мѣста по гимназіямъ 4 человѣкъ: изъ Петербурга—Круглашова, изо Львова поляковъ Былинскаго и Шарбея и изъ Смоленска бывшаго учителемъ въ тамошней семинаріи Василевскаго, изъ коихъ Шарбей и Былинскій состояли нѣкоторое время кандидатами при университетѣ и были опредѣлены учителями, а Круглашовъ и Василевскій и по истеченіи 1805 года оставались въ положеніи кандидатовъ. Другимъ предметомъ стараній комитета были мѣры по снабженію училищъ учебниками и учебными пособіями. Изъ главнаго правленія училищъ университетъ выписалъ въ два пріема книгъ на 5018 р. и сверхъ того особо для Черниговской гимназіи на 546 р., но ими оказалось невозможно удовлетворить даже первыя требованія директоровъ (неучебныя же книги совсѣмъ не требовались). Въ виду этого университетъ отправлялъ по требованію директоровъ новооткрытыхъ гимназій еще учебники изъ харьковскаго отдѣленія Московскаго книжнаго магазина Глазунова. Изъ главнаго правленія училищъ были присланы также экземпляры уставовъ разныхъ учебныхъ заведеній и „періодическаго сочиненія", издаваемаго министерствомъ; всѣ эти изданія комитетъ разсылалъ губернаторамъ,

архіереямъ и директорамъ своего округа. По нѣкоторымъ предметамъ не оказалось удовлетворительныхъ пособій и потому комитетъ съ благодарностью принялъ риторику съ новыми прибавленіями, сочиненную ректоромъ Рижскимъ и признанную послѣ разсмотрѣнія ея лучшимъ руководствомъ по этому предмету; ее рѣшено было напечатать на счетъ университета, что было и исполнено. Независимо отъ снабженія книгами училищъ, комитетъ задумалъ снабдить подходящими изданіями и ихъ библіотеки. Съ этою цѣлью совѣтъ университета поручилъ каждому факультету составить каталоги или указатели такихъ книгъ. Но прежде чѣмъ факультеты приступили къ этому, профессоръ Тимковскій представилъ въ училищный комитетъ составленные имъ списки книгъ: 1) для гимназическихъ библіотекъ, 2) для библіотекъ уѣздныхъ училищъ, 3) для запасныхъ книжныхъ магазиновъ при гимназіяхъ. Въ виду этого совѣтъ поручилъ профессорамъ пересмотрѣть эти списки, исключить изъ нихъ менѣе важныя сочиненія и прибавить недостающія. Убѣдившись изъ отчетовъ директоровъ о полномъ почти отсутствіи въ главныхъ народныхъ училищахъ, имѣющихъ быть преобразованными въ гимназіи, физическихъ кабинетовъ, комитетъ поручилъ профессору физики Стойковичу составить списокъ необходимѣйшихъ приборовъ, каковой имъ и былъ представленъ. Съ своей стороны попечитель округа увѣдомилъ комитетъ, что проживающій въ Петербургѣ инструментальный мастеръ Черничъ имѣетъ для продажи небольшія электрическія и пневматическія машины, каковыя слѣдовало бы пріобрѣсти для гимназій. Списокъ необходимыхъ приборовъ былъ отправленъ графу Потоцкому, который вслѣдъ затѣмъ предложилъ университету пригласить Чернича въ качествѣ механика. Черничъ былъ вызванъ и ему комитетъ поручилъ представить списокъ инструментовъ и матеріаловъ, необходимыхъ для производства этихъ приборовъ (изъ этого впрочемъ ничего не вышло).

Въ дѣлѣ управленія училищъ приняты были слѣдующія мѣры. Получивъ отъ министра народнаго просвѣщенія черезъ попечителя округа образцы вѣдомостей для составленія директорами полугодичныхъ и годовыхъ отчетовъ о школахъ, училищный комитетъ отпечаталъ ихъ въ университетской типографіи и разослалъ по округу. По поводу представленій директоровъ училищъ Харьковской и Черниговской губ. и земли Войска Донскаго о необходимости имѣть имъ для письменнаго производства многочисленныхъ текущихъ дѣлъ и разнообразныхъ сношеній особыхъ письмоводителей, комитетъ вошелъ съ ходатайствомъ по этому поводу черезъ попечителя округа въ главное правленіе училищъ, которое согласилось назначить имъ 200 р. жалованья и по 50 р. на письмоводство, но заявило, что не можетъ собственною властью сдѣ-

лать постановленія о предоставленіи имъ правъ государственной службы (о чемъ также ходатайствовалъ комитетъ). Нѣкоторые директоры училищъ заявили, что они затрудняются пересылать безплатно казенные пакеты, такъ какъ не имѣютъ своихъ печатей. Училищный комитетъ черезъ попечителя округа возбудилъ ходатайство о предоставленіи имъ казенныхъ печатей и оно было удовлетворено. Директора училищъ Орловской и Курской губ. сдѣлали представленіе училищному комитету, что смотрители малыхъ народныхъ училищъ, будучи большею частью изъ купеческаго состоянія, часто отлучаются по торговымъ дѣламъ своимъ изъ городовъ и потому не могутъ надлежащимъ образомъ исполнять своихъ обязанностей. Комитетъ въ виду этого возбудилъ ходатайство черезъ попечителя округа передъ главнымъ правленіемъ училищъ о назначеніи въ распоряженіе его нѣкоторой суммы денегъ, для того чтобы замѣнить по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ смотрителей (не получавшихъ жалованья) достойными платными, а также о назначеніи въ Херсонскую и Таврическую губ. хотя бы одного директора училищъ съ содержаніемъ, ибо тамъ таковаго не было и, слѣдовательно, некому было дѣйствовать на мѣстѣ въ пользу училищъ.

Озабочивалъ комитетъ и вопросъ объ училищныхъ домахъ. Адъюнкту архитектуры Васильеву было поручено выработать планъ и фасадъ зданій гимназій и уѣздныхъ училищъ, приспособленныхъ къ ихъ нуждамъ и соотвѣтствующихъ требованіямъ устава, съ квартирами для директора или смотрителя и учителей. Они были разсмотрѣны университетомъ и попечителемъ округа; затѣмъ съ нихъ снято нѣсколько копій, которыя и разсылались для руководства туда, гдѣ строились училищныя зданія.

Изъ частныхъ распоряженій училищнаго комитета къ 1805 году относятся слѣдующія: по предложенію ректора университета И. С. Рижскаго, внесенному имъ въ совѣтъ, постановлено было приглашать преподавателями русскаго языка въ гимназіи учителей кореннаго русскаго происхожденія, дабы учащіеся не привыкали къ неправильному произношенію; серьезнымъ препятствіемъ для открытія уѣздныхъ училищъ явилось отсутствіе приходскихъ школъ, которыя должны были доставлять учениковъ въ уѣздныя училища. Въ виду этого рѣшено было назначать въ уѣздныя училища учителей для преподаванія курса приходскихъ школъ, т. е. иными словами устраивать при уѣздныхъ училищахъ приходскія. Мѣра эта была утверждена попечителемъ, который предписалъ признавать этихъ преподавателей младшими учителями уѣздныхъ училищъ, слѣдовательно, считать ихъ на государственной службѣ (учителя приходскихъ училищъ не пользовались этимъ правомъ).

Нѣкоторые директора возбудили вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли имъ самимъ печатать въ газетахъ описанія публичныхъ экзаменовъ или же присылать ихъ въ университетъ; дѣло доходило до попечителя, который предписалъ, чтобы всѣ эти описанія присылались въ университетъ, который, съ своей стороны, постановилъ печатать ихъ одинъ разъ въ годъ.

Таковы были мѣры, касавшіяся всѣхъ училищъ округа вообще. Но кромѣ ихъ предпринятъ былъ еще цѣлый рядъ мѣръ въ отношеніи училищъ каждой губерніи въ отдѣльности.

Вотъ что было сдѣлано относительно Слободско-Украинской губерніи. Такъ какъ Слободско-Украинское и Екатеринославское дворянство пожертвовало значительныя суммы на университетъ, а Войско Донское приняло на свой счетъ содержаніе училищъ, то рѣшено было открыть гимназіи и уѣздныя училища прежде всего въ этихъ областяхъ. Еще комитетъ, функціонировавшій до открытія университета, произвелъ необходимыя передѣлки въ домѣ, занимаемомъ главнымъ народнымъ училищемъ въ Харьковѣ, для превращенія его въ гимназію. Съ наступленіемъ же въ 1805 году экзаменовъ, командированы были на нихъ профессора и имъ поручено было разсортировать учениковъ—опредѣлить, кому изъ нихъ слѣдовало поступить въ гимназію, а кому въ уѣздное училище. Въ то же время пріисканы были учителя для этой новой Слободско-Украинской (нынѣшняя 1-я Харьковская) гимназіи и 3 сентября 1805 года торжественно были открыты два первые класса этой гимназіи и причисленное къ ней уѣздное училище. Вотъ по какому церемоніалу, составленному училищнымъ комитетомъ, открыты были эти учебныя заведенія. Почетнѣйшія лица въ городѣ были приглашены на торжество особыми программами. Въ назначенный день въ 8 час. утра ученики, студенты, учителя и директоръ училищъ собрались въ училищный домъ, куда прибылъ вслѣдъ за тѣмъ и ректоръ университета съ профессорами. Передъ портретомъ Его Величества на столѣ находился уставъ учебныхъ заведеній, изъ котораго были прочитаны приличные случаю пункты и затѣмъ всѣ присутствовавшіе отправились при колокольномъ звонѣ въ соборъ для выслушанія литургіи въ такомъ порядкѣ: 1) учителя уѣзднаго училища, 2) отдѣленные въ это училище ученики со значками, 3) смотритель его, 4) пѣвчіе со своимъ учителемъ, 5) ученики гимназіи со значками, 6) учителя гимназіи, 7) директоръ Слободско-Украинскихъ училищъ, 8) экзекуторъ университета, 9) студенты, 10) учителя, 11) адъюнкты, 12) профессора, 13) ректоръ университета и при немъ казначей, секретарь правленія, секретарь училищнаго комитета и педель. Въ церквѣ въ это время уже были губернаторъ съ губернскими чинами и губернскій предводитель съ дво-

рянствомъ; литургію совершалъ преосв. Христофоръ Сулима, послѣ чего произнесено было слово, затѣмъ совершено молебствіе, послѣ котораго началось обратное шествіе въ училище въ такомъ порядкѣ: 1) вышеозначенный ходъ, 2) преосвященный съ духовенствомъ, 3) губернаторъ съ губернскими чинами, 4) предводитель съ дворянствомъ, 5) городской голова съ купечествомъ и мѣщанствомъ, 6) цеховые со значками. Въ залѣ училищнаго дома совершено было водоосвященіе; протоіерей Василій Фотіевъ произнесъ рѣчь; возглашено было многолѣтіе царствующему дому; во время пѣнія концерта присутствовавшіе подходили ко кресту, а два протоіерея окропляли святою водою училищный домъ. Затѣмъ преосвященный съ крестнымъ ходомъ вернулся въ соборъ, а въ залѣ училищные пѣвчіе пѣли въ это время канты. Этимъ закончилась церковная часть церемоніи и началась свѣтская. По возвращеніи преосвященнаго въ залъ собранія, ректоръ университета объявилъ указъ объ учрежденіи гимназіи и уѣзднаго училища, а также о чинахъ для нихъ утвержденныхъ и о цѣли этихъ заведеній. Директоръ училищъ произнесъ рѣчь. Были провозглашены имена учениковъ, принятыхъ въ гимназію; сказаны были рѣчи на латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ языкахъ учителями; хоръ опять спѣлъ кантъ. Преосвященный посѣтилъ столовую казенныхъ питомцевъ и благословилъ ихъ пищу; потомъ въ особой залѣ приглашеннымъ предложенъ былъ завтракъ. Вечеромъ всѣ училищныя зданія были иллюминованы. На слѣдующій день, въ присутствіи членовъ училищнаго комитета, началось ученіе по новымъ программамъ [1]). Учителями въ гимназію были опредѣлены бывшіе раньше въ Слободско-Украинскомъ главномъ народномъ училищѣ—физики и математики Туранскій, русской словесности и нравоученія прот. В. Фотіевъ, латинскаго языка Курдюмовъ, нѣмецкаго Ольденборгеръ, рисованія Андріевскій, а изъ новыхъ—исторіи, географіи и миѳологіи Крохмалевъ (временно), французскаго языка вмѣсто уволеннаго по его собственной просьбѣ Брюлона Иванъ Кнакфусъ; кромѣ того оставленъ для артиллеріи и фортификаціи бывшій тамъ прежде учителемъ этихъ предметовъ Николаевъ. Въ уѣздное же училище поступили: смотрителемъ бывшій прежде учителемъ въ главномъ народномъ училищѣ Ходовскій и учителями—Закона Божія, георафіи и исторіи Вакуловскій, ученія о должностяхъ человѣка и гражданина, грамматики, чистописанія, правописанія, ариѳметики, геометріи, естественной исторіи, физики и рисованія Золотаревъ; для обученія въ низ-

---

[1]) См. Харьк. унив. архивъ. Дѣло сов. 1805 г., № 19, стр. 27—28. Ср. также Петерб. Вѣд. 1805 г., № 87.

шемъ отдѣленіи 1-го класса чтенію, письму, началамъ ариѳметики бывшій ученикъ главнаго народнаго училища Барзинъ. Штатное жалованье въ полномъ размѣрѣ положено было только Туранскому и Кнакфусу и обоимъ учителямъ уѣзднаго училища, остальнымъ же, такъ какъ они были назначены временно и преподавали не всѣ положенные предметы,—въ меньшемъ размѣрѣ, а именно Фотіеву 500 р., Крохмалеву 450 р., Курдюмову 350 р., Ольденборгеру 250 р. Николаеву 360 р., Барзину 150 р.; сверхъ того на дрова и свѣчи назначено старшимъ гимназическимъ учителяхъ по 75 руб., младшимъ и преподавателямъ уѣзднаго училища по 60 р., младшему учителю низшаго отдѣленія 40 руб. Въ первый классъ гимназіи поступило 75 чел., во 2-й 28, въ 1-й и во 2-й классы уѣзднаго училища по 71 чел., въ низшее отдѣленіе 1-го класса 67—всего 312. Комитетъ въ виду столь значительнаго числа вступившихъ въ училище и расчитывая, что современемъ оно еще болѣе увеличится, ходатайствовалъ передъ попечителемъ о разрѣшеніи имѣть по 2 учителя латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ; попечитель разрѣшилъ однако имѣть только двухъ учителей латинскаго языка. Такъ какъ Слободско-Украинская гимназія и уѣздное училище были преобразованы изъ главнаго народнаго училища и соединенныхъ съ нимъ „прибавочныхъ классовъ“, существовавшихъ раньше при коллегіумѣ, то въ ея распоряженіи оказались суммы троякаго рода: 1) штатная гимназическая (5650 р.) и уѣзднаго училища (1250 р.), 2) сумма, отпускавшаяся изъ приказа общественнаго призрѣнія на содержаніе бывшаго главнаго народнаго училища (5395 руб.), 3) сумма, назначавшаяся казенной палатой на „прибавочные классы“ и 50 содержавшихся въ нихъ казенныхъ питомцевъ (3000 р.). Сверхъ того 1000 р. отпускалось на вокальный классъ при этихъ „прибавочныхъ классахъ“. Наконецъ, гимназіи принадлежали спеціальныя средства въ размѣрѣ 32314 руб. Содержаніе 50 чел. казенныхъ питомцевъ обходилось въ 4500 р. Отсюда видно, что финансовое положеніе 1-й Харьковской гимназіи было по истинѣ блестящее. При гимназіи составлялись историческія записки, часть которыхъ (за 1805 годъ) была доставлена въ Харьковскій университетъ; наиболѣе достопамятными событіями оказались церемоніалъ открытія гимназіи съ уѣзднымъ училищемъ и посѣщеніе ихъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Принимались мѣры и къ открытію уѣздныхъ училищъ въ предѣлахъ губерніи. Уже съ мая 1804 г. асигнована была штатная сумма на *всѣ* уѣздныя училища Слободско-Украинской губ. Но въ дѣйствительности въ 1805 году было открыто только одно училище въ Харьковѣ. Главное препятствіе заключалось въ полномъ отсутствіи или не-

приспособленности училищныхъ помѣщеній. Въ виду этого университетъ вошелъ въ сношеніе съ Харьковскимъ губернаторомъ, который отвѣтилъ, что часть городовъ—а именно имѣющіе винные доходы, могутъ построить изъ этихъ суммъ дома, а остальные отведутъ готовыя помѣщенія, но все это можно будетъ сдѣлать только съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ. Въ Богодуховѣ же малое народное училище помѣщалось въ собственномъ домѣ, подаренномъ ему учителемъ Туранскимъ, и потому, хотя онъ былъ тѣсенъ и въ немъ нельзя было устроить квартирѣ учителямъ, рѣшено было все таки сдѣлать въ немъ необходимыя передѣлки и преобразовать малое училище въ уѣздное. Былъ назначенъ уже и смотритель въ это училище, и учителя, но въ 1805 г. оно все таки открыто не было. Приготовлялись къ открытію (но не были открыты) и нѣкоторыя приходскія училища въ губерніи, а именно въ Богодуховскомъ уѣздѣ въ казенныхъ волостяхъ Краснокутской, Колонтаевской, Рублевской и Никитинской. Жители ихъ назначили на каждое училище по 150 р. въ годъ, изъ коихъ 75 р. должно было идти учителю, 25 р. законоучителю и 50 р. на содержаніе дома и учебныя пособія. Университетъ обратился къ Харьковскому преосвященному съ просьбою назначить туда учителей, и къ губернатору съ ходатайствомъ объ отводѣ помѣщенія для этихъ училищъ и снабженіи ихъ классною мебелью. Отъ преосвященнаго былъ полученъ отвѣтъ, что онъ опредѣлилъ въ нихъ учителями священниковъ, а помощниками ихъ церковнослужителей; отъ губернатора никакого извѣщенія пока еще не послѣдовало.

Въ Харьковѣ существовалъ пансіонъ, содержимый иностранцемъ Гилейномъ. Теперь разрѣшенъ былъ еще одинъ пансіонъ иностранцу Дерезвилю для благородныхъ мальчиковъ, въ которомъ они обучались Закону Божію и нравоученію, французскому и нѣмецкому языку, русской грамматикѣ, географіи, исторіи и миѳологіи, ариѳметикѣ и геометріи, съ платою по 350 р. съ каждаго питомца. Дерезвилю произведено было соотвѣтственное испытаніе, а учителя получили разрѣшеніе преподавать тамъ, безъ экзамена, какъ лица, извѣстныя университету своими познаніями. Кромѣ этихъ двухъ пансіоновъ, директоръ гимназіи и учителя ея—протоіерей Василій Фотіевъ, Туранскій и Ольденборгеръ—держали въ домахъ своихъ учениковъ, обучающихся въ гимназіи и и уѣздномъ училищѣ, занимаясь съ ними повтореніемъ пройденныхъ въ классѣ уроковъ; на такомъ же основаніи позволено было имѣть учениковъ и смотрителю Богодуховскаго училища. Согласно желанію дворянства Харьковской и сосѣднихъ губерній университетъ рѣшилъ учредить пансіонъ при гимназіи подъ вѣдѣніемъ директора ея и училищ-

наго комитета, съ тѣмъ чтобы пансіонеры обучались въ гимназіи или уѣздномъ училищѣ, а имѣли только въ пансіонѣ квартиру, столъ и присмотръ; но за неотысканіемъ въ Харьковѣ подходящаго помѣщенія, онъ въ 1805 году не былъ открытъ. Директоръ по болѣзни не осматривалъ школъ въ губерніи, а проѣздомъ на Донъ посѣтилъ Изюмское училище визитаторъ проф. Тимковскій и донесъ, что домъ, занимаемый имъ, не годится для помѣщенія уѣзднаго училища и что изъ двухъ учителей его по нуждѣ можетъ быть учителемъ низшаго отдѣленія уѣзднаго училища одинъ только (Ситницкій), другой же (Ярославскій) можетъ только преподавать въ приходскихъ школахъ.

Въ *Черниговской губ.* по части средняго и низшаго народнаго образованія было сдѣлано училищнымъ комитетомъ слѣдующее. Въ Черниговѣ главное народное училище было преобразовано въ гимназію. Въ преобразованіи этомъ живѣйшее участіе принималъ попечитель округа. Открыта гимназія была 17 января 1805 г. Учителями ея назначены были—Бардаковъ (по математикѣ, физикѣ и рисованію), Самарскій Быховецъ (по исторіи, географіи и статистикѣ), Милиновичъ (по философіи и русской словесности), Пиланкевичъ (по латинскому языку), докторъ философіи Кевнеръ (по нѣмецкому яз.), Колинетъ (по французскому языку)—всѣ со штатнымъ жалованьемъ; сверхъ того Бардаковъ имѣлъ квартиру въ самомъ зданіи гимназіи, а остальные получали квартирныя деньги (по 100 р.) и на дрова и свѣчи по 81 рублю. 6 марта того же года при гимназіи было открыто и уѣздное училище, въ которое поступили учителями для преподаванія предметовъ 2-го класса и Закона Божія Зозулинъ, предметовъ 1-го класса и рисованія Липлянскій оба со штатнымъ содержаніемъ; къ нимъ присоединенъ былъ для преподаванія предметовъ приходскихъ школъ учитель Здоръ съ жалованьемъ въ 100 р. Въ теченіе 1805 года для гимназіи куплены были слѣдующія учебныя пособія: въ библіотеку 107 книгъ, для рисовальнаго класса 153 рисунка; въ физическій кабинетъ—барометръ и компасъ; для уѣзднаго училища: въ библіотеку — 25 книгъ и 4 карты, въ рисовальный классъ 50 рисунковъ. Ни гимназія, ни уѣздное училище не имѣли сверхштатныхъ суммъ и должны были производить нѣкоторые расходы изъ остатковъ отъ содержанія личнаго состава и т. п. 50 учениковъ находилось на содержаніи тамошняго приказа общественнаго призрѣнія и были въ вѣдѣніи этого послѣдняго, а не директора. При Черниговской гимназіи было 6 кандидатовъ на учительскія мѣста, изъ коихъ двое—Здоръ и Хитьковъ —были опредѣлены въ приходскія училища (Черниговское и Стародубовское), двое—Кучеревскій и Головачевскій—помощниками учителей въ Сосницкое и Александровское при-

ходскія училища и двое—Бобоша и Шарой—находились еще при гимназіи. Училища въ разныхъ уѣздныхъ городахъ оставались на прежнемъ положеніи; произошли только нѣкоторыя измѣненія въ составѣ ихъ учительскаго персонала, а именно въ Стародубское училище назначенъ смотрителемъ, по предложенію министра, штабъ-лѣкарь Назарьевъ, а въ Глуховское—бывшій прежде учителемъ въ маломъ училищѣ Курской губ. Золотаревъ; второ-классный учитель Стародубскаго училища Заверухинъ по болѣзни уволился отъ должности, на мѣсто его поступилъ тамошній учитель 1-го класса Ятченко, а на мѣсто этого послѣдняго, по представленію директора, кандидатъ на учительскія должности при Черниговской гимназіи Хитьковъ.

Въ Новгородъ-Сѣверскѣ находилось главное народное училище, учрежденное тамъ еще въ бытность Новгородъ-Сѣверска губернскимъ городомъ. Оно имѣло собственнаго директора (Халанскаго), зависимаго впрочемъ отъ директора училищъ Черниговской губ. 8-го іюня Халанскій получилъ новое назначеніе — былъ опредѣленъ директоромъ училищъ Полтавской губ. Въ училищѣ этомъ сверхъ предметовъ, положенныхъ по уставу, обучалъ съ разрѣшенія комитета французскому языку отставной майоръ Константиновичъ, получая съ каждаго ученика по 10 руб. въ годъ. Прежде малыя народныя училища содержались на счетъ приказа общественнаго призрѣнія, но съ 1-го мая они стали получать штатныя суммы отъ казначействъ, ассигновки же приказовъ пошли въ строительную экспедицію; на сверхъштатные расходы они имѣли только по 10 р. въ годъ. По просьбѣ директора училищъ дома, принадлежавшія приказу и занятыя Новгородъ-Сѣверскимъ, Стародубскимъ и Нѣжинскимъ училищами, отданы были имъ въ собственность. Приходскія училища въ Черниговской губерніи находились только въ Сосницкомъ уѣздѣ: тамъ кромѣ училища въ сел. Купчичахъ, находившагося на иждивеніи г-жи Танковой, было открыто новое въ Александровкѣ на средства протоіерея Свіонтницкаго и поручика Дашевскаго на мѣсто прежняго, основаннаго Лысенкомъ и закрытаго послѣ его смерти. Съ разрѣшенія попечителя въ Черниговѣ заведенъ былъ учителемъ Кневперомъ пансіонъ для благородныхъ дѣвицъ, въ которомъ самъ Кневперъ и жена его обучали французскому и нѣмецкому яз., ариѳметикѣ, географіи, исторіи, миѳологіи, эстетикѣ, рисованію, музыкѣ и рукодѣліямъ. Директоръ не осматривалъ училищъ, находившихся въ уѣздахъ, исключая уѣзднаго Стародубскаго и приходскаго Купчицкаго. Министръ народнаго просвѣщенія, проѣзжая черезъ Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскъ, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ гимназію и главное народное училище, присутствовалъ на испытаніяхъ учениковъ, посѣтилъ ихъ библіотеки и кабинеты и остался всѣмъ доволенъ.

Въ предѣлахъ *Полтавской губ.* въ 1805 г. не было никакого преобразованія училищъ. Въ теченіе всего года здѣсь не было и директора и обязанности его исполнялъ учитель Полтавскаго главнаго народнаго училища Зозулинъ (считался же директоромъ находившійся въ отпуску въ Петербургѣ Дроздъ Боничевскій, а потомъ Халанскій). Не было никакихъ перемѣнъ и въ личномъ составѣ учителей, исключая того, что Роменскій учитель Козловскій былъ предназначенъ къ переводу въ имѣвшееся открыться въ Кременчугѣ уѣздное училище. На содержаніе училища отпускались теперь штатныя суммы, но на учебныя пособія, письмоводство не давалось ничего, такъ что на это послѣднее Зозулинъ тратилъ собственныя деньги. Полтавскій ген. губ. князь Куракинъ вошелъ съ представленіемъ въ комитетъ объ открытіи уѣзднаго училища въ г. Кременчугѣ и при этомъ заявилъ, что содержаться оно будетъ изъ городскихъ доходовъ, которые уже начали поступать. Однако въ виду того, что по Высочайшему повелѣнію содержаніе училищъ въ Малороссіи принято было на счетъ казны [1]), рѣшено было ходатайствовать объ асигнованіи и для Кременчужскаго училища штатной суммы, а до того времени отложить его открытіе (хотя для него были уже назначены учителя—Ординскій и Козловскій—и мѣстное общество соглашалось временно принять на себя его содержаніе, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи казна вернула ему его расходы; такъ доносилъ визитаторъ Стойковичъ). Въ дер. Чепуровкѣ, Пирятинскаго уѣзда, принадлежавшей статской совѣтницѣ Чепѣ, открыто было, по ея желанію, приходское училище, содержаніе котораго она приняла на себя, а мужъ ея взялся наблюдать за нимъ и снабжать 50 бѣднѣйшихъ учениковъ книгами и прочими необходимыми пособіями. Учителями было назначено трое бывшихъ учениковъ Черниговскаго главнаго народнаго училища изъ ея же Чепы крестьянъ. Полтавское главное народное училище посѣтилъ въ 1805 г. министръ народнаго просвѣщенія.

Относительно училищъ *Курской губ.* затребованы были комитетомъ прежде всего обстоятельныя свѣдѣнія отъ директора, а затѣмъ проф. Осиповскому, командированному по дѣламъ университета въ Москву, поручено было на обратномъ пути осмотрѣть главное народное училище въ Курскѣ. Изъ его отчета оказалось, что изъ тамошнихъ преподава-

---

[1]) По Высочайшему повелѣнію отъ 20 іюня 1803 г. разрѣшено было Малороссійскому ген.-губ. кн. Куракину употреблять часть доходовъ городовъ Полтавской губ. на устройство и содержаніе уѣздныхъ училищъ въ уѣздныхъ городахъ и гимназіи въ губернскомъ; на содержаніе этой послѣдней казна обѣщала давать средства только въ первые три года ея существованія, а потомъ оно всецѣло должно было перейти къ городскимъ обществамъ. (Сборникъ постановл. по мин. нар. просв., I, стр. 68—69). Но впослѣдствіи это было измѣнено.

телей только одинъ учитель математики Зубковъ имѣлъ свѣдѣнія, достаточныя для гимназическаго курса, причемъ и поведеніе его дѣлалось исправнѣе; по нуждѣ же можно бы еще оставить для словесности, исторіи и географіи и учителя Лаврова, а для уѣзднаго училища визитаторъ рекомендовалъ учителя тамошняго Георгіевскаго училища Колосова. При томъ такъ какъ преподаваніе математики и физики въ главномъ народномъ училищѣ было механическое или историческое, то проф. Осиповскій предложилъ замѣнить его доказательнымъ. По представленію директора, учитель нѣмецкаго языка поручикъ Шейдеманъ по неспособности былъ удаленъ отъ должности, а на мѣсто его опредѣленъ по латинскому и нѣмецкому языкамъ польскій уроженецъ Былинскій съ жалованьемъ въ 600 р. и квартирными деньгами въ размѣрѣ 150 р.; учителемъ же рисованія назначенъ художникъ Ушаковъ. Курское главное народное училище кромѣ суммы, отпускаемой на него приказомъ общественнаго призрѣнія (3028 р.), получало уже штатную гимназическую отъ казны сумму. Въ малыхъ училищахъ никакихъ перемѣнъ въ это время не произошло; всѣ они, состоя подъ непосредственнымъ надзоромъ и попеченіемъ смотрителей изъ купцовъ, назначавшихся ратушами и не имѣвшихъ ни малѣйшихъ свѣдѣній въ учебномъ дѣлѣ, находились въ весьма печальномъ состояніи, какъ со стороны помѣщенія и содержанія, такъ и со стороны присмотра и снабженія учебными пособіями. Уѣздныя училища въ этой губерніи не были осмотрѣны кромѣ двухъ— Бѣлгородскаго и Обоянскаго — которые посѣтилъ проф. Осиповскій и донесъ, что Бѣлгородское училище въ учебномъ отношеніи находилось въ довольно удовлетворительномъ состояніи, а Обоянское — въ неудовлетворительномъ.

Для освѣдомленія объ училищахъ *Орловской губ.* были употреблены такія же мѣры, какъ и относительно училищъ Курской губ., т. е. затребованы были свѣдѣнія отъ директора, а въ главное народное училище командированъ проф. Осиповскій, который донесъ: 1) что изъ учителей его можетъ быть опредѣленъ въ гимназію только одинъ Венедиктовъ для преподаванія исторіи, если притомъ онъ ознакомится со статистикой, которой ему придется обучать вмѣстѣ съ исторіей; учитель же математики Безручкинъ имѣлъ недостаточныя для гимназіи свѣдѣнія, но обѣщалъ до открытія ея пополнить ихъ собственными занятіями, изъ младшихъ учителей никто для уѣзднаго училища не былъ достаточно подготовленъ. Физико-математическія науки и здѣсь преподавались историческимъ, а не доказательнымъ способомъ. Для приготовленія учениковъ главнаго народнаго училища къ гимназическимъ курсамъ были сдѣланы тамошнимъ директоромъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія или

правильнѣе дополненія (въ особенности по математикѣ, физикѣ). Учителемъ латинскаго языка былъ назначенъ состоявшій при университетѣ кандидатомъ Шарбей, а на мѣсто уволеннаго по неисправности учителя Простова опредѣленъ раньше здѣсь же обучавшійся Вас. Поповъ. При главномъ народномъ училищѣ было два кандидата на учительскія должности—Ив. Поповъ и бывшій воспитанникъ Московскаго коммерческаго училища Гендриковъ. Изъ училища въ университетъ были доставлены метеорологическія наблюденія по барометру и термометру. Малыя училища подобно Курскимъ, будучи въ вѣдѣніи купцовъ, находились въ печальномъ состояніи. Такъ какъ въ этихъ училищахъ обучались очень бѣдные ученики, не имѣвшіе возможности купить себѣ учебныхъ книгъ, то, по представленію объ этомъ директора, комитетъ постановилъ (и это рѣшеніе было утверждено попечителемъ) раздавать даромъ недостаточнымъ ученикамъ книгъ въ главномъ народномъ училищѣ рублей на 35—40 да въ награду за успѣхи рублей на 20, въ училищахъ же уѣздныхъ городовъ рублей на 10 въ каждомъ. Предполагалось къ открытію въ предѣлахъ губерніи два приходскихъ училища—одно въ сел. Сергіевскомъ Карачевскаго уѣзда на счетъ бригадирши Стремоуховой, другое въ с. Куракинѣ Малоархангельскаго уѣзда на счетъ владѣльца его кн. Куракина; но Стремоухова отказалась отъ своей мысли, а Куракинское не было открыто въ 1805 году, потому что не былъ оконченъ отдѣлкою для него домъ. Директоръ училищъ человѣкъ вообще рачительный—не осматривалъ училищъ, потому что у него не было денегъ на прогоны; онъ былъ только въ одномъ Мценскомъ училищѣ, осмотрѣнномъ также и проф. Осиповскимъ, который нашелъ, что учитель его Булгаковъ годится только для приходскаго училища.

Училища *Воронежской губ.* оставались въ прежнемъ состояніи и осмотрѣны никѣмъ изъ визитаторовъ не были. Училищный комитетъ назначилъ только въ Острогожское малое народное училище учителемъ Вертоградова, который послѣ преобразованія его въ уѣздное долженъ былъ занять въ немъ мѣсто преподавателя 2-го класса, затѣмъ по ходатайству комитета, былъ освобожденъ отъ постоя домъ учителя Успенскаго.

Гораздо болѣе успѣшна была дѣятельность комитета по части училищъ *Екатеринославской губ.* Тамошній директоръ сообщилъ, что дворянство пожертвовало для имѣющей открыться въ Екатеринославѣ гимназіи домъ, который оканчивался отдѣлкой; о снабженіи его классною мебелью вошли съ просьбою въ приказъ общественнаго призрѣнія, который отпустилъ для этого 1000 р.; большое содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ оказалъ и губернаторъ Бергъ, которому университетъ выразилъ свою признательность. Оставалось, такимъ образомъ, для открытія гимназіи

приготовить только учебную часть. Съ этою цѣлью на профессора Стойковича, командированнаго на визитацію въ Одессу, возложена была обязанность, при проѣздѣ его черезъ Екатеринославъ, разсортировать какъ учителей, такъ и учениковъ по классамъ въ гимназію или уѣздное училище, составить съ тамошнимъ мѣстнымъ начальствомъ церемоніалъ открытія гимназіи и представить обо всемъ этомъ свои предположенія училищному комитету, съ тѣмъ чтобы ко времени возвращенія его изъ Одессы въ Харьковъ комитетъ могъ разсмотрѣть все это, измѣнить или дополнить и поручить ему открыть гимназію и уѣздное училище. Учителями въ гимназію назначены были комитетомъ бывшіе преподаватели главнаго народнаго училища — Якубовскій (по физикѣ, философіи, словесности и латинскому языку), Заставскій (по математикѣ и временно французскому языку), Севастьяновъ (временно по исторіи и географіи) и изъ новыхъ—Конжаки (по нѣмецкому языку) и Репнинъ (по рисованію); въ уѣздное училище—бывшіе раньше Золотаревъ (для 2-го класса и рисованія), Плисковскій (для 1-го класса и Закона Божія) и бывшій воспитанникъ главнаго народнаго училища Тишкевичъ (для низшаго отдѣленія). Предложенія Стойковича были утверждены и гимназія съ уѣзднымъ училищемъ торжественно открыта имъ 1-го августа 1805 г. Учениковъ поступило въ 1-й классъ гимназіи 29, во 2-й кл. 9, въ 1-й кл. уѣзднаго училища 43, во 2-й кл. 42. Учителямъ отведены были казенныя квартиры. Въ гимназическую библіотеку поступило 20 книгъ, а въ физическій кабинетъ 3 оптическія зеркала съ 18 фигурами. Кромѣ штатной суммы гимназія пользовалась еще и сверхъштатной (это были 3000 р., отпускавшіяся раньше приказомъ общественнаго призрѣнія на содержаніе главнаго народнаго училища).

Желая завести училища въ различныхъ уѣздныхъ городахъ Екатеринославской губ., училищный комитетъ обратился къ директору училищъ съ запросомъ, какое матеріальное содѣйствіе могутъ оказать въ этомъ дѣлѣ правительству сами граждане и получилъ отвѣтъ, что можно расчитывать на содѣйствіе дворянства; города же въ этомъ краю новые и доходовъ съ нихъ недостаточно даже для нихъ самихъ. Однако по сношенію министра народнаго просвѣщенія съ министромъ внутреннихъ дѣлъ оказалось, что въ Екатеринославѣ дума и магистратъ назначили для этой цѣли ежегодно изъ городскихъ доходовъ по 300 рублей, въ Новомосковскѣ тамошнее малочисленное градское общество—100 рублей добровольной складки, въ греческомъ приморскомъ городѣ Маріуполѣ единовременно 1000 руб. и ежегодно по 625 руб., въ Ростовѣ 25 семействъ положили вносить ежегодно по 625 р.; сверхъ того *самъ губернаторъ* опредѣлилъ взносъ для г. Павлограда въ 100 р.,

для Бахмута по 300 р., для приморскаго города Таганрога по 1000 р. Что касается армянскаго города Нахичевани, то магистратъ его донесъ губернатору, что здѣсь существуетъ уже армянское училище, въ которомъ обучаютъ дѣтей по армянски два выписанныхъ изъ Константинополя учителя, получающіе жалованья одинъ 1200 р., другой 350 р., и есть также особый учитель обучающій по русски чтенію и письму. Въ отвѣтъ на вопросъ комитета, гдѣ прежде всего по мнѣнію директора слѣдуетъ открыть училища, онъ отвѣтилъ, что въ Павлоградѣ, Бахмутѣ и Таганрогѣ; по поводу же даннаго ему комитетомъ порученія склонять мѣстныя общества къ постройкѣ училищныхъ зданій, замѣтилъ, что для успѣха этого дѣла необходима ассигновка на училища Екатеринославской губ. штатныхъ суммъ; это же подтвердилъ и визитаторъ проф. Стойковичъ. Тогда университетъ сдѣлалъ попечителю два представленія въ этомъ смыслѣ и они были уважены. Дѣйствительно дворянство Павлоградскаго уѣзда сейчасъ же послѣ этого отвело подъ уѣздное училище домъ, пріобрѣтенный было для канцеляріи и собраній, и назначило извѣстную сумму денегъ на передѣлку и приспособленіе его, обложивъ для этого имѣнія свои особымъ сборомъ (а нѣкоторые сдѣлали подписку и собрали 141 р.). По представленію директора, смотрителемъ въ Павлоградское училище былъ назначенъ поручикъ Дмитріевъ-Байцуровъ. Отправленный визитаторомъ въ область войска Донскаго проф. Тимковскій заѣзжалъ, по порученію комитета, въ Нахичевань и предлагалъ жителямъ содѣйствіе по учебной части со стороны университета, но на это не получено было никакого отвѣта. Помѣщикъ Екатеринославской губ. Морозовъ пожертвовалъ на постройку гимназіи изъ своего Бѣлорусскаго имѣнія значительное количество лѣса (1000 сосновыхъ деревьевъ и соотвѣтственное число другихъ породъ)—и за это удостоился милостивой благодарности отъ Государя.

Въ предѣлахъ *Херсонской* губ. комитетъ особенно заботился объ открытіи Одесской коммерческой гимназіи. Еще 16 апрѣля 1804 года послѣдовалъ указъ объ учрежденіи этой гимназіи съ уѣзднымъ и приходскимъ при ней училищами. Программа ея нѣсколько отличалась отъ обычныхъ и приспособлялась къ торговому значенію г. Одессы. Между прочимъ здѣсь должны были преподаваться французскій, итальянскій и греческій языки. Расходъ на нее не входилъ въ первоначальные штаты, но на нее положена была теперь все таки опредѣленная сумма [1]). Въ декабрѣ 1804 г. назначенъ директоромъ ея Вольсей. Къ этому то Вольсею обратился комитетъ съ требованіемъ сообщить свѣдѣнія о ходѣ дѣла по устройству этого учебнаго заведенія. Тотъ увѣдомилъ, что зданіе для

[1]) Сборн. постановл. по мин. нар. просв. I, стр. 228—233.

гимназіи еще не готово и она можетъ быть открыта не ранѣе іюня мѣсяца и то въ такомъ только случаѣ, если будутъ подысканы преподаватели и заготовлены учебныя пособія; сверхъ того онъ прибавилъ, что Одесскій градоначальникъ Дюкъ-де-Ришелье обратился съ просьбою о пожертвованіяхъ въ пользу этой гимназіи къ мѣстнымъ помѣщикамъ. Комитетъ предоставилъ Вольсею подыскивать въ Одессѣ учителей для гимназіи и сообщать о нихъ въ Харьковъ. Вслѣдъ затѣмъ Вольсей прислалъ планъ ученія въ гимназіи, но въ немъ оказались отступленія отъ Высочайше утвержденнаго и комитетъ вернулъ ему его и приказалъ руководствоваться этимъ послѣднимъ. Но такъ какъ вообще трудно было все устроить путемъ письменныхъ сношеній, то комитетъ рѣшилъ послать въ Одессу особаго визитатора, каковымъ избранъ былъ профес. Стойковичъ. Онъ былъ командированъ туда въ вакаціонное время и ему была дана для руководства слѣдующая инструкція. „Училищный комитетъ, съ одной стороны имѣя въ виду, сколь затруднительно истребовать посредствомъ переписки всѣ свѣдѣнія, нужныя для устроенія въ Одессѣ гимназіи, а съ другой считая своей обязанностью ускорить сколь возможно открытіе столь важнаго въ такомъ отдаленномъ краѣ училища, сверхъ того предвидя, сколь полезно будетъ присутствіе тамъ на мѣстѣ одного изъ членовъ университета, снабженнаго полномочіемъ дѣйствовать по этому дѣлу, положилъ, по силѣ Высочайше конфирмованнаго устава университета, отправить въ званіи визитатора въ Одессу профессора Стойковича, съ тѣмъ чтобы онъ, вошедъ подробнѣйшимъ образомъ въ настоящее состояніе дѣла, сообразилъ и опредѣлилъ все, что найдетъ полезнымъ для скорѣйшаго открытія Одесской гимназіи. Почему поручается ему. 1) Разсмотрѣть и донести университету, какія кромѣ штатной, откуда и какимъ образомъ получаются суммы, также на что и какъ въ расходъ употребляются, особенно же, что можно завести въ пользу гимназіи на эти сверхъштатныя суммы. 2) Осмотрѣть приготовляемыя для помѣщенія гимназіи, низшихъ при ней училищъ и квартиръ учителей зданія, присовокупить къ тому замѣчанія, какія сочтетъ полезными, и доставить планы этихъ зданій. 3) Войти въ разсмотрѣніе того, какая изготовлена, изготовляется и будетъ изготовляться классная мебель, руководствуясь по этому вопросу разсужденіями, не разъ поднимавшимися въ комитетѣ. 4) Разсмотрѣть, какія заготовлены и какихъ еще не достаетъ книгъ для класснаго ученія и библіотекъ, ландкартъ, инструментовъ и другихъ учебныхъ пособій и рѣшить, удобнѣе ли ихъ пріобрѣсти на мѣстѣ или выписать при посредствѣ университета. 5) Рачительнѣйшимъ образомъ собрать справки о томъ, сколько и какого званія учениковъ можетъ вступить въ гимназію и низшія

при ней училища, чтобы сообразно съ этимъ сдѣлать постановленіе о томъ, какіе именно могутъ быть открыты теперь же классы. 6) Руководствуясь этими предварительно собранными свѣдѣніями, опредѣлить, какіе и какихъ предметовъ нужны учителя и можно ли ихъ пріискать на мѣстѣ, или слѣдуетъ прислать изъ университета. 7) Вникнуть въ расположеніе жителей тамошняго края къ учебнымъ заведеніямъ и узнать, не желаютъ ли они, чтобы въ тамошней гимназіи кромѣ наукъ, положенныхъ по штату, преподавались еще и нѣкоторыя другія. 8) Ему же, Стойковичу, поручается вообще не упускать изъ виду ничего, что онъ найдетъ полезнымъ къ устройству въ тамошнемъ краѣ штатныхъ училищъ и ко благу народнаго просвѣщенія, для чего онъ можетъ обращаться за содѣйствіемъ къ мѣстному начальству и пользоваться, на основаніи своихъ законныхъ полномочій, услугами тамошняго директора, донося только обо всемъ, что будетъ сдѣлано, комитету. 9) Такъ какъ въ Херсонской губ. доселѣ нѣтъ ни одного штатнаго училища, то ему поручается разсмотрѣть, нельзя ли будетъ при пособіи тамошняго мѣстнаго начальства устроить въ губернскомъ городѣ Херсонѣ если не гимназію, то по крайней мѣрѣ уѣздное училище. 10) Въ виду того, что ему по пути въ Одессу нужно ѣхать черезъ Полтаву и Екатеринославъ, поручается ему въ Полтавѣ снестись съ губернаторомъ объ ассигнованіи городской суммы на Кременчужское училище, а въ Екатеринославѣ осмотрѣть все, что тамошнимъ директоромъ приготовлено къ открытію гимназіи и уѣзднаго училища, составить съ мѣстнымъ начальствомъ приличный церемоніалъ и обо всемъ донести университету, съ тѣмъ чтобы на обратномъ пути исполнить предписаніе комитета объ открытіи Екатеринославской гимназіи и училищъ".

Такова была инструкція, данная проф. Стойковичу.

Какъ же онъ выполнилъ ее? Возвратившись изъ Одессы, Стойковичъ представилъ обстоятельный отчетъ о своей визитаціи училищному комитету. Вотъ его сущность. I. Хотя штатная сумма на гимназію и ассигнована, но она еще не получается, такъ что и деректору пока не дано причитающагося ему жалованья; о скорѣйшей доставкѣ ея проситъ и директоръ, и самъ Одесскій градоначальникъ Дюкъ-де-Ришелье. Относительно сверхштатной суммы этотъ послѣдній объяснилъ, что размѣровъ ея точно опредѣлить невозможно, потому что она составляется изъ ежегодныхъ добровольныхъ приношеній, но во всякомъ случаѣ ея всегда будетъ достаточно для удовлетворенія нуждъ и потребностей гимназіи. Изъ доходовъ же банка производится передѣлка и приспособленіе дома, отведеннаго подъ гимназію. Когда будутъ отпускаться штатныя ассигновки, то сверхштатные сборы Дюкъ-де-Ришелье

намѣренъ употребить на заведеніе пансіона, для постройки котораго уже изготовленъ планъ, но такъ какъ смѣта показалась ему очень большой, то нынѣ приготовляется новый, который и будетъ представленъ директоромъ въ училищный комитетъ. Мое мнѣніе, замѣчаетъ по этому поводу самъ Стойковичъ, таково, что на эти же деньги можно бы завести первое въ Россіи индустріальное училище, на подобіе существующихъ въ Германіи (въ Геттингенѣ, Ганноверѣ и Лейтмерицѣ въ Богеміи) и приносящихъ огромную пользу обществу. Такія же училища слѣдовало бы открыть и въ другихъ мѣстахъ при сельскихъ школахъ, ибо въ нихъ крестьянскія дѣти могли бы учиться зимою съ большою для себя пользою. Планъ ихъ я могу представить комитету. Часть сверхштатныхъ суммъ нужно будетъ употребить также на содержаніе при гимназіи учителей нѣмецкаго языка, рисованія, кораблестроенія, плаванія и другихъ гимнастическихъ упражненій, необходимыхъ въ приморскихъ мѣстахъ. На этотъ пунктъ комитетъ положилъ: 1) отнестись въ Херсонскую казенную палату съ просьбою, чтобы штатныя суммы, ассигнованныя на Одесскую коммерческую гимназію, выданы были и всегда выдавались директору ея Вольсею въ началѣ каждой трети года; 2) отправить директору двѣ приходо-расходныхъ книги; 3) увѣдомить Дюка-де-Ришелье, что университетъ снесся съ Херсонской казенной палатой объ отпускѣ штатныхъ суммъ; 4) употребленіе сверхштатныхъ суммъ на вознагражденіе учителей указанныхъ выше дополнительныхъ предметовъ комитетъ не можетъ не признать полезнымъ, буде найдется достаточно для этого средствъ; онъ не отвергаетъ также и предложенія о ремесленномъ училищѣ, но откладываетъ разсужденіе о немъ до открытія гимназіи. II. Подъ гимназію отданъ каменный двухъэтажный домъ, который былъ занятъ дотолѣ Одесскимъ банкомъ; въ этомъ домѣ, послѣ необходимыхъ передѣлокъ, можно будетъ помѣстить не только гимназію, но и низшія училища и даже отвести нѣкоторымъ учителямъ квартиры. Передѣлки будутъ сдѣланы, по заявленію Дюка-де-Ришелье, на счетъ банка. Планъ дома Дюкъ-де-Ришелье велѣлъ при немъ, Стойковичѣ, скопировать инженерному полковнику Ферстеру и отправить въ университетъ. Комитетъ порѣшилъ принять это къ свѣдѣнію. III. Никакой мебели до сихъ поръ въ Одесской гимназіи нѣтъ, потому что верхній этажъ дома занимаетъ директоръ, держащій пансіонъ, а нижній правленіе банка, но, по увѣренію градоначальника, оно его скоро должно будетъ очистить, такъ что мебель можно будетъ изготовить и поставить очень быстро; о томъ, какова должна быть мебель, я, прибавляетъ Стойковичъ, бесѣдовалъ съ директоромъ Вольсеемъ. На этотъ пунктъ комитетъ сдѣлалъ слѣдующее по-

становленіе: извѣстить директора, чтобы онъ занялся заготовленіемъ мебели еще до очищенія дома. IV. Никакихъ учебныхъ пособій въ гимназіи кромѣ двухъ глобусовъ не имѣется; все это нужно выписать или заказать; въ Николаевѣ есть искусный инструментальный мастеръ, въ особенности по части физическихъ и механическихъ приборовъ, но, по моему мнѣнію, замѣчаетъ Стойковичъ, удобнѣе выписать ихъ изъ Петербурга, нежели ждать неопредѣленное время исполненія заказа. Комитетъ постановилъ: такъ какъ приборы немедленно не нужны, то поручить проф. Стойковичу составить ихъ реестръ и выписывать по частямъ; что же касается книгъ, списокъ которыхъ доставленъ визитаторомъ, то тѣ изъ нихъ, которыя имѣются въ университетскомъ складѣ, отправить немедленно въ Одессу и потребовать отъ директора причитающуюся за нихъ сумму, остальныя же выписать изъ Москвы вмѣстѣ съ книгами, потребными для другихъ гимназій. V. Въ виду того, что гимназія не можетъ быть открыта ранѣе какъ черезъ годъ вслѣдствіе недостатка учениковъ, желательно было бы открыть теперь по крайней мѣрѣ уѣздное и приготовительное училище, въ которыхъ могли бы учиться и приготовляться къ поступленію въ гимназію дѣти всякаго званія и состоянія; для большаго же удобства слѣдовало бы ввести въ уѣздное училище преподаваніе языковъ. Комитетъ вполнѣ согласился съ предложеніемъ проф. Стойковича, тѣмъ болѣе, что таково же было мнѣніе и попечителя, и министра. VI. Что касается учителей, то, писалъ Стойковичъ, представляю списокъ ихъ наличнаго состава: Ферри и Гильяръ были уже приняты Дюкомъ-де-Ришелье до моего пріѣзда въ Одессу, протоіерея Куницкаго, священника Воронича и итальянца Мартина Георгія назначили мы съ директоромъ; грекъ Соцци указанъ директоромъ въ день моего отъѣзда изъ Одессы, для преподаванія же кораблестроенія градоначальникъ обѣщалъ перевести изъ Николаева въ Одессу спеціалиста—чиновника, съ тѣмъ чтобы онъ исполнялъ здѣсь и свою службу, а кромѣ того за добавочное вознагражденіе читалъ бы этотъ предметъ въ гимназіи. Всѣ эти учителя, кромѣ Воронича, предназначаются собственно для гимназіи, но первый годъ будутъ преподавать въ уѣздномъ училищѣ, а на 2-й со 2-го класса уѣзднаго училища перейдутъ въ 1-й классъ гимназіи и будутъ обучать только тамъ, если имъ не поручатъ еще и преподаваніе языковъ въ уѣздномъ училищѣ, что я, прибавляетъ отъ себя Стойковичъ, нахожу полезнымъ для всѣхъ уѣздныхъ училищъ въ округѣ. Такимъ образомъ, въ 1-й годъ въ приходскомъ училищѣ будетъ читать Вороничъ, въ уѣздномъ— Куницкій и Ферри; во 2-й годъ Вороничъ займетъ мѣсто Куницкаго; слѣдовательно, придется пріискать кого либо на его мѣсто въ приход-

ское училище и на мѣсто Ферри въ уѣздное. Въ гимназіи будутъ слѣдующіе учителя: прот. Куницкій (по русской словесности и если угодно университету по латинскому языку), ему же нужно поручить и Законъ Божій и даже ввести этотъ предметъ въ программу Одесской гимназіи; бывшій учитель Слободско-Украинскаго главнаго народнаго училища Элканъ (по исторіи, статистической и коммерческой географіи и исторіи коммерціи); онъ можетъ благотворно вліять на своихъ единовѣрцевъ (евреевъ?), нравы которыхъ весьма испорчены, и даже современемъ завести еврейскій пансіонъ и тѣмъ сблизить евреевъ съ гимназіей; Ферри (по математикѣ и физикѣ); Соцци (по греческому языку); Георги (по итальянскому языку;—ему же можно поручить и преподаваніе бухгалтеріи); Гальяръ (по французскому языку, а такъ какъ онъ не имѣетъ познаній въ высшей французской литературѣ, то ее будетъ преподавать Ферри); учитель кораблестроенія имѣется; нѣмецкій языкъ временно можетъ преподавать за дополнительное жалованье Элканъ; учителя плаванія и гимнастики можно найти въ Одессѣ; учителя коммерціи нужно выписать изъ Вѣны или Берлина изъ тамошнихъ коммерческихъ училищъ; учителей философіи и рисованія нужно пріискать. По этому пункту комитетъ сдѣлалъ слѣдующія постановленія: протоіерею Куницкому поручить преподаваніе русской словесности и латинскаго языка, съ тѣмъ, что когда откроются всѣ классы гимназіи и у него окажется много часовъ, то ему оставятъ тотъ предметъ, къ которому онъ окажется наиболѣе пригоднымъ; до открытія же гимназіи онъ долженъ преподавать въ уѣздномъ училищѣ; Элкана утвердить преподавателемъ указанныхъ выше предметовъ и отправить немедленно въ Одессу, съ тѣмъ чтобы онъ временно преподавалъ нѣмецкій языкъ въ уѣздномъ училищѣ; утвердить въ должности и Ферри и такъ какъ Дюкъ-де-Ришелье назначилъ ему жалованья 1000 р., то опредѣлить ему изъ штатныхъ суммъ 550 р., а остальное предоставить благорасположенію его сіятельства; до открытія гимназіи преподавать ему въ уѣздномъ училищѣ; утвердить и грека Соцци, но назначить ему не 500, а 250 руб. жалованья, потому что полная сумма 500 р. по штату полагается и для греческаго, и для итальянскаго языковъ; также поступить и съ Георги; утвердить Гильяра; возложить на Элкана преподаваніе нѣмецкаго языка съ прибавкою за это жалованья; учителя кораблестроенія комитетъ признаетъ весьма полезнымъ, также какъ и учителя рисованія; на послѣднюю должность опредѣленъ уже Кочневъ съ жалованьемъ въ 300 руб. изъ сверхштатныхъ суммъ; учителя плаванія и гимнастики опредѣлить директору по сношенію съ комитетомъ; священника Воронича утвердить; учителямъ языковъ градоначальникъ Дюкъ-де-Ришелье можетъ

сдѣлать нѣкоторую прибавку къ жалованью изъ сверхштатныхъ суммъ. VII. Чтобы вывести заключеніе, продолжаетъ далѣе свой отчетъ проф. Стойковичъ, о расположеніи жителей Одессы къ учебнымъ заведеніямъ, недостаточно было моего пребыванія тамъ въ теченіе семи дней; но если начальство города и впредь останется столь же расположено къ училищамъ, какъ нынѣшній градоначальникъ Дюкъ-де-Ришелье, то нѣтъ сомнѣнія, что оно будетъ находиться въ самомъ лучшемъ состояніи, слѣдовательно, самъ комитетъ съумѣетъ опредѣлить, какіе еще предметы должны преподаваться въ Одесской гимназіи. Комитетъ поручилъ Стойковичу снестись съ директоромъ по поводу постановленій, выраженныхъ въ V и VI пунктахъ, ибо тогда самъ собою разрѣшится VII пунктъ.

Таковы были замѣчанія Стойковича объ Одесской коммерческой гимназіи и рѣшенія по нимъ училищнаго комитета.

О возможности устройства училищъ въ другихъ мѣстахъ Херсонской губерніи визитаторъ сдѣлалъ слѣдующія заявленія. По его мнѣнію, полезнѣе было бы учредить гимназію въ Елисаветградѣ или Николаевѣ, какъ болѣе центральныхъ пунктахъ губерніи, а не въ Херсонѣ, находящемся на границѣ ея. Болѣе всего чувствовали нужду въ училищѣ жители города Елисаветграда; онъ говорилъ на эту тему съ городничимъ, который изъявилъ желаніе дѣйствовать въ этомъ направленіи, если получитъ разрѣшеніе отъ Херсонскаго военнаго губернатора Дюка-де-Ришелье, которое имъ, Стойковичемъ, ему и было доставлено.

Вообще положеніе средняго и низшаго народнаго образованія въ *Херсонской* и *Таврической* губ. было очень печальное. Въ предѣлахъ этихъ двухъ губерній, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ тамошними губернаторами, оказалось изъ казенныхъ учебныхъ заведеній только одно малое народное училище въ Симферополѣ, да нѣсколько частныхъ пансіоновъ, а именно — въ Симферополѣ француза Сивокта, въ Херсонѣ француза Бетеры, два въ Елисаветградѣ — одинъ, содержимый отставнымъ корнетомъ Клареномъ, а другой — отставнымъ вахмистромъ Леоновымъ — и одинъ въ Дубоссарахъ, содержимый тамошнимъ обществомъ. Къ довершенію бѣдъ ни въ одной изъ этихъ губерній не было директора училищъ и, слѣдовательно, университетъ не имѣлъ на мѣстѣ человѣка, который могъ бы подвинуть впередъ дѣло просвѣщенія. Въ виду этого училищный комитетъ возбудилъ ходатайство передъ попечителемъ о назначеніи въ эти губерніи по крайней мѣрѣ одного директора, но оно не было еще разрѣшено въ 1805 году.

Гораздо лучше дѣло народнаго образованія стояло въ *области Войска Донскаго*. Еще Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 30 апрѣля 1804 года разрѣшено было войсковой канцеляріи принять на себя содержаніе

будущей гимназіи и всѣхъ уѣздныхъ училищъ; объ этомъ ходатайствовалъ войсковой атаманъ Платовъ. Въ Черкасскѣ существовало главное народное училище, которое училищный комитетъ рѣшилъ преобразовать въ гимназію. Отъ директора училищъ затребованы были всѣ необходимыя свѣдѣнія и онъ донесъ, что помѣщеніе главнаго народнаго училища на первыхъ порахъ будетъ достаточно для гимназіи, уѣзднаго и двухъ приходскихъ училищъ, такъ какъ нельзя разсчитывать, чтобы много учениковъ поступило въ 1-й и 2-й классы гимназіи, и что гимназію можно будетъ открыть 16 апрѣля текущаго 1805 года. Обсудивъ это донесеніе, комитетъ счелъ необходимымъ предварительно послать туда своего визитатора, каковымъ былъ избранъ проф. Тимковскій, выѣхавшій изъ Харькова 6-го мая. Ему дана была инструкція, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ. 1) Отправиться ему въ Черкасскъ обозрѣть тамошнее главное народное училище и доложить комитету обо всемъ, что нужно сдѣлать для превращенія его въ гимназію съ уѣзднымъ училищемъ; обозрѣть малыя народныя училища по станицамъ, а буде позволитъ время, то и Воронежское главное народное училище; на пути изъ Харькова въ Черкасскъ осмотрѣть Изюмское училище и портовый городъ Таганрогъ, гдѣ предполагается учредить уѣздное училище. 2) Обратить вниманіе на занятія населенія, дабы къ усовершенствованію ихъ можно было принаровить и самую программу училищъ. 3) Сноситься съ мѣстнымъ начальствомъ и требовать его содѣйствія въ необходимыхъ случаяхъ.

Тимковскій сдѣлалъ подробное донесеніе о состояніи Черкасскаго училища, и оно было разсмотрѣно училищнымъ комитетомъ. Гимназія съ уѣзднымъ училищемъ была торжественно открыта въ присутствіи визитатора 11 іюня 1805 г. [1]). Учителями въ гимназію были назначены изъ прежнихъ преподавателей главнаго народнаго училища—Божковскій (по физикѣ и математикѣ), прот. Оридовскій (по философіи и словесности), Цав. Яновскій (по латинскому языку), (бывшій здѣсь учителемъ исторіи Золотаревъ по слабости познаній уволился отъ должности); изъ новыхъ—Арнольди (по нѣмецкому языку), отставной мичманъ Ганикъ (по французскому языку); преподаваніе исторіи временно поручено Ганику и Яновскому; въ уѣздное училище учителями были назначены хорунжій Иванъ Греченовскій съ жалованьемъ въ 250 р. да за рисованіе 75 р. и Ан. Денисовъ съ жалованьемъ въ 150 р. да за Законъ Божій 75 руб.; въ приходское училище (собственно низшее отдѣленіе уѣзднаго) — Савченковъ; въ октябрѣ мѣсяцѣ опредѣленъ былъ и штат-

---

[1]) Описаніе церемоніала открытія напечатано въ Сѣв. Вѣст. 1805 г., августъ.

ный учитель рисованія Копыловъ. Всѣ учителя имѣли казенныя квартиры и получали прибавочное вознагражденіе на дрова и свѣчи (отъ 50 до 80 руб.).

Хотя комитету и извѣстно было, что содержаніе училищъ приняла на себя войсковая канцелярія, но Тимковскому поручено было точнѣе оформить это постановленіе—и онъ вполнѣ достигъ цѣли: канцелярія прислала въ университетъ оффиціальную бумагу, въ которой заявляла, что беретъ на себя расходы по содержанію и снабженію всѣмъ нужнымъ гимназіи и уѣзднаго училища, не ограничивая себя суммой, назначенной по штату на подобныя учебныя заведенія, и никогда не будетъ ссылаться на недостатокъ средствъ въ случаяхъ дѣйствительной потребности тѣхъ или иныхъ расходовъ. Тогда же она асигновала на нужды гимназіи 3800 р. Гимназическая библіотека пополнилась 28 книгами, а физическій кабинетъ—моделью вѣтряной мельницы, сдѣланной ученикомъ. При гимназіи было два ученика, приготовлявшихся на должность учителей приходскихъ училищъ. 28 октября гимназію и уѣздное училище посѣтилъ войсковой атаманъ, причемъ въ честь его говорились рѣчи, и онъ выразилъ удовольствіе по поводу успѣховъ учениковъ. Для помѣщенія гимназіи (и присутственныхъ мѣстъ) въ Новочеркасскѣ войсковое управленіе предполагало выстроить на свои средства огромный каменный домъ стоимостью до 120000 р.; планъ его былъ представленъ Тимковскимъ комитету.

Директоръ не осматривалъ двухъ малыхъ народныхъ училищъ— Устьмедвѣдицкаго и Донскаго — но за то ихъ посѣтилъ визитаторъ Тимковскій и сообщилъ, что дома, занимаемые ими, хороши и будутъ достаточны даже для помѣщенія въ нихъ уѣздныхъ училищъ, за исключеніемъ того, что во 2-мъ не будетъ квартиръ учителямъ; смотритель 1-го изъ нихъ подполковникъ Ермолаевъ имѣлъ, по словамъ Тимковскаго, хорошія свѣдѣнія и былъ рачителенъ къ его пользѣ; смотритель 2-го полковникъ Денисовъ, будучи главнымъ начальникомъ въ этомъ мѣстѣ, своимъ высокимъ положеніемъ поднималъ и значеніе училища; учителя 1-го класса могли быть преподавателями приходскаго, а 2-го класса по нуждѣ и уѣзднаго училища. По сообщенію Тимковскаго, войсковая канцелярія хотѣла открыть еще 4 уѣздныя училища—въ Устьмедвѣдицкой, второй донской, въ донецкой и хоперской станицахъ. Для развитія образованія она постановила не требовать въ военную службу учащихся въ школахъ, хотя бы они и достигли совершеннолѣтія, а успѣвающихъ въ наукахъ велѣла производить въ урядники (унтеръ-офицеры). Кромѣ того выяснилось, что дѣти донскаго духовенства могли безпрепятственно безъ особаго разрѣшенія святѣйшаго синода и уволь-

ненія изъ духовнаго званія, поступать во всѣ школы, подвѣдомственныя университету.

Наконецъ, въ пользу сочувствія общества на Дону къ дѣлу образованія свидѣтельствуетъ фактъ пожертвованія отдѣльныхъ лицъ на устройство приходскихъ школъ. Проживавшіе въ Усть-Оксайской станицѣ козакъ Шрамковъ и купецъ Студенининъ изъявили желаніе вносить въ теченіе 5 лѣтъ по 500 р. на содержаніе приходскаго училища. Директоръ представилъ въ попечители его жертвователя Шрамкова и мѣстнаго священника Пашутина, а въ учителя—бывшаго ученика главнаго народнаго Черкасскаго училища казачьяго сына Изюмова. Въ Михайловской станицѣ генералъ-майоръ Курнаковъ согласился взять на себя содержаніе такого же училища и учителя, но за неотысканіемъ послѣдняго въ 1805 г. оно открыто не было.

Таковы были мѣры, принятыя училищнымъ комитетомъ въ первый годъ его существованія. Въ такомъ же духѣ и направленіи продолжалась его дѣятельность и въ послѣдующіе годы. Мы стѣснены рамками своего труда, пишемъ не исторію средняго и низшаго образованія въ Харьковскомъ учебномъ округѣ, а желаемъ только дать общее понятіе читателю о роли университета въ этомъ дѣлѣ—и потому должны ограничиться по недостатку мѣста представленнымъ здѣсь въ видѣ примѣра обзоромъ дѣятельности училищнаго комитета за одинъ годъ его существованія (хотя въ нашемъ распоряженіи есть столь же обширный матеріалъ и за остальные годы).

Дѣятельность эта, какъ видимъ, была очень разнообразна и вполнѣ соотвѣтствовала тѣмъ обязанностямъ, которыя возложены были на комитетъ университетскимъ уставомъ 1084 года. Прежде всего комитетъ, какъ и слѣдовало, озаботился приведеніемъ въ извѣстность школьнаго наслѣдія, оставленнаго ему предъидущмъ періодомъ до университетской жизни. Для этого онъ употреблялъ двоякаго рода средства — собиралъ по извѣстной программѣ свѣдѣнія отъ директоровъ, непосредственно завѣдывавшихъ училищнымъ дѣломъ отдѣльныхъ губерній, и посылалъ визитаторовъ профессоровъ для изслѣдованія школьнаго дѣла на мѣстѣ. Каждый изъ этихъ способовъ, взятый въ отдѣльности, имѣлъ нѣкоторые недостатки; отчеты директоровъ сообщали систематическій рядъ цифръ, но всѣ эти данныя исходили по бóльшей части изъ этихъ же самихъ училищъ и не давали понятія о такихъ внутреннихъ сторонахъ школьной жизни, какъ, напримѣръ, способность и добросовѣстность учителей и т. п. Отчеты визитаторовъ были особенно цѣнны тѣмъ, что давали безпристрастную картину состоянія школъ, съ указаніемъ ихъ свѣтлыхъ и темныхъ сторонъ, съ компетентной оцѣнкой какъ учебной

педагогической, такъ и хозяйственной стороны дѣла. Визитаторъ, который могъ и даже долженъ былъ дѣлать свои собственныя наблюденія помимо тѣхъ пунктовъ, которые заключала въ себѣ его инструкція, былъ болѣе свободенъ въ своихъ замѣчаніяхъ и имѣлъ возможность представить болѣе живой, жизненный, такъ сказать, матеріалъ. Впрочемъ и самыя инструкціи, получаемыя визитаторами, были столь широки, что нисколько не стѣсняли и не съуживали сферы ихъ наблюденій; мы видѣли, что туда входили не только вопросы, непосредственно освѣщавшіе состояніе училищъ, но также и имѣвшіе къ нимъ только косвенное отношеніе; таковъ, напримѣръ, былъ пунктъ о занятіяхъ и промыслахъ жителей; а вопросъ о мѣстныхъ древностяхъ, который мы также встрѣчаемъ въ нѣкоторыхъ инструкціяхъ, уже въ сущности не имѣлъ никакого отношенія къ задачамъ дѣятельности визитаторовъ, хотя постановка его дѣлаетъ большую честь комитету. Но отчеты визитаторовъ, дававшіе драгоцѣнный матеріалъ для характеристики школьнаго дѣла въ разныхъ губерніяхъ, имѣли одинъ существенный недостатокъ—они оставляли много пробѣловъ въ общей картинѣ: губерній въ округѣ было много, а визитаторы посылались къ сожалѣнію очень рѣдко, быть можетъ, потому что не всякій чувствовалъ себя способнымъ къ этой миссіи да и самая командировка эта была весьма утомительна и сопряжена при тогдашнихъ путяхъ сообщенія съ большими неудобствами. Кромѣ того, для успѣшнаго исполненія своихъ порученій визитаторы должны были являться на мѣста съ нѣкоторымъ запасомъ готовыхъ уже данныхъ, съ общимъ представленіемъ о положеніи дѣла, для того, чтобы съ пользою распорядиться тѣмъ краткимъ срокомъ, который былъ въ ихъ распоряженіи, не только для собранія на мѣстѣ всѣхъ необходимыхъ данныхъ, но и для провѣрки и оцѣнки этихъ послѣднихъ, для воздѣйствія на мѣстное общество путемъ живаго слова и убѣжденія.

Только изслѣдовавъ состояніе учебнаго дѣла въ округѣ, училищный комитетъ могъ приступить къ *другой своей задачѣ—преобразованію* училищъ Екатерининскаго времени и *открытію новыхъ школъ* по уставу 1804 г. Мы видѣли, съ какими трудностями было сопряжено преобразованіе главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи: нужно было позаботиться и о соотвѣтственныхъ помѣщеніяхъ, и о подборѣ подходящихъ учителей, и объ ассигнованіи штатныхъ суммъ, и объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, и о достаточномъ контингентѣ учениковъ—и однако въ первый же годъ дѣятельности комитета они были преобразованы въ четырехъ городахъ: Харьковѣ, Черниговѣ, Екатеринославѣ и Черкасскѣ на Дону. Во всѣхъ этихъ городахъ преобразова-

ніе происходило весьма торжественно и сопровождалось церемоніаломъ, составлявшимся обыкновенно визитаторами, разсматриваемымъ и утверждаемымъ комитетомъ, который, очевидно, стремился такимъ образомъ привлечь вниманіе общества къ новымъ учебнымъ заведеніямъ; и онъ былъ правъ: съ гимназіями нужно было знакомить публику, которая и не знала ихъ, и была часто предубѣждена противъ нихъ. Число учащихся въ гимназіяхъ оказывается меньше, чѣмъ было въ прежнихъ главныхъ народныхъ училищахъ; отъ разночинцевъ онѣ нѣсколько удалились, благодаря своей болѣе широкой программѣ, а къ дворянамъ, по своему всесословному характеру, не приблизились—дворянство все таки предпочитало имъ кадетскіе корпуса. Гораздо легче было повидимому преобразовывать малыя народныя училища въ уѣздныя или открывать новыя. Но таковыя были открыты въ 1805 году только при четырехъ гимназіяхъ; въ уѣздныхъ же городахъ они не были ни преобразованы, ни открыты, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были сдѣланы всѣ нужныя для этого приготовленія. Эти приготовительныя мѣры поглотили все вниманіе комитета на первыхъ шагахъ его дѣятельности въ этомъ отношеніи. Приходскія школы кое-гдѣ появились, но дѣло это и не могло двигаться особенно успѣшно, потому что по уставу 1804 г. не были положены штатныя суммы на приходскія училища: онѣ должны были содержаться на счетъ городскихъ и крестьянскихъ обществъ или помѣщиковъ.

Видное мѣсто въ дѣятельности училищнаго комитета занимаетъ забота о матеріальной обезпеченности находившихся въ его вѣдѣніи школъ. Первостепенное значеніе имѣла фактическая ассигновка штатныхъ суммъ на училища той или иной губерніи—и училищному комитету, какъ мы видѣли, удавалось добиваться, гдѣ требовалось, этой ассигновки. Постояннымъ препятствіемъ для быстраго расширенія школьной сѣти служилъ недостатокъ училищныхъ домовъ—и комитетъ обращалъ всегда серьезное вниманіе на этотъ предметъ—привлекалъ къ постройкѣ, пожертвованію или найму подходящихъ помѣщеній какъ учрежденія, такъ и отдѣльныхъ лицъ—строительную экспедицію, приказы общественнаго призрѣнія, дворянскія, городскія и крестьянскія общества, помѣщиковъ, учителей и т. д. Обращеніе правительства къ обществу за матеріальнымъ содѣйствіемъ дѣлу народнаго образованія составляетъ характернѣйшую особенность царствованія Императора Александра I. И этотъ призывъ, какъ извѣстно, не остался втунѣ. Отовсюду посыпались пожертвованія, подъ-часъ щедрыя, подъ-часъ мелкія, но въ общей суммѣ весьма значительныя. Въ числѣ первыхъ слѣдуетъ отмѣтить два крупные дара — Судіенка на училища въ Малороссіи

(40000 руб.) и братьевъ Безбородко на учрежденіе гимназіи высшихъ наукъ въ Нѣжинѣ (Черниговской губ.): одинъ изъ братьевъ пожертвовалъ 210000 руб., а другой отдалъ землю съ садомъ въ городѣ и обязался вносить ежегодно на содержаніе гимназіи по 15000 руб., обезпечивъ этотъ взносъ однимъ изъ своихъ имѣній, въ которомъ было 3000 душъ крестьянъ [1]). Просвѣтительнымъ цѣлямъ правительства начали соревновать отдѣльныя области и губерніи: въ 1803 году взяла на себя содержаніе училищъ Полтавская губернія, въ 1804 г. облатсь Войска Донскаго, Черноморское козачество также рѣшилось выстроить на свой счетъ въ Екатеринодарѣ домъ для училища и отпускать ежегодно на его содержаніе по 1500 руб.; сверхъ того единовременно оно ассигновало 4376 руб., въ число коихъ войсковой атаманъ полк. Бурсакъ внесъ 500 руб., подполк. Ченѣга, Кардовскій и Бурносъ по 200 руб., войск. полковникъ Животовскій, Вербецъ, Гельдишъ и протоіерей Кириллъ Россинскій по 100 руб. За это Войско Черноморское получило милостивѣйшій рескриптъ отъ Государя (25 августа 1806 г.) [2]). Таганрогская коммерческая гимназія должна была содержаться главнымъ образомъ на городскія доходы (ихъ отпускалось 5250 руб., а отъ казны только 1250 руб. на уѣздное училище) [3]). Одесская коммерческая гимназія должна была имѣть весьма крупную сумму сверхштатныхъ доходовъ изъ пожертвованій, собираемыхъ Дюкомъ-де-Ришелье — на счетъ ихъ предполагалось содержать и пансіонъ, и учебновспомогательныя учрежденія, и нѣкоторыхъ учителей. Министерство допускало, какъ мы знаемъ, даже расширеніе учебныхъ программъ въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ могли найтись для этого необходимыя средства. Въ ежегодныхъ отчетахъ училищнаго комитета и въ донесеніяхъ посылавшихся имъ визитаторовъ мы постоянно встрѣчаемъ данныя о пожертвованіяхъ на училища со стороны учрежденій и лицъ деньгами, матеріалами для построекъ, книгами, всевозможными учебными пособіями. Съ особою признательностью мы должны здѣсь вспомнить имена указанныхъ нами выше лицъ, принявшихъ на себя устройство и содержаніе приходскихъ школъ, въ родѣ, напримѣръ, семьи извѣстнаго просвѣщеннаго малорусскаго дѣятеля Чепы и др. Въ 1806 г. открылъ приходское училище въ своемъ селеніи Кручикѣ, Богодуховскаго уѣзда Харьковской губ. В. Н. Каразинъ, обезпечивъ его суммою въ 250 р. ежегодно не только за себя, но и за своихъ будущихъ наслѣдниковъ. „Необходимые предметы училища говоритъ о. Ник. Лащенко, составляли: азбука, часословъ, псалтырь, чте-

---

[1]) Сборн. постанов. по мин. нар. просв., I, стр. 372—376.

[2]) Ib. стр. 392—393.

[3]) Ib. стр. 393—394.

ніе гражданской печати и сообщеніе необходимыхъ практическихъ свѣдѣній—красиваго письма, быстраго счета и стройнаго церковнаго пѣнія. Помѣщалось училище хотя въ простой, но отдѣльной и просторной крестьянской избѣ. Каразинъ, будучи самъ широко и глубоко образованъ, сильно интересовался своимъ училищемъ. Оно было любимымъ его дѣтищемъ и на ростъ его онъ возлагалъ большія надежды". Прекрасно характеризуетъ его отношеніе къ школѣ слѣдующее письмо, написанное имъ учителю священнику его приходской церкви о. А. Иванову. „Пожалуйста, напишите мнѣ, объ отличающихся ученикахъ, чтобы я могъ отсюда прислать имъ гостинцы и по природному расположенію каждаго имѣнія имѣть о нихъ дальнѣйшее попеченіе. Заохочивайте всѣми образами поселянъ отдавать въ училище дѣтей ихъ. Внушайте имъ простымъ *ихъ языкомъ* и соотвѣтственно ихъ понятію и чувству, что намѣреніе какъ высшаго правительства въ большемъ и обширномъ кругу, такъ и мое въ маломъ семъ есть не то, чтобы отвлекать дѣтей отъ земледѣлія, но чтобы къ сему же самому былъ открытъ разумъ ихъ, чтобы сдѣлать ихъ благонравнѣе и прилежнѣе къ своему долгу, чтобы чрезъ наученіе книгамъ дать имъ способы и праздное время отдохновенія отъ трудовъ проводить съ пользою и пріятностью вмѣсто безчувственнаго пьянства. Когда Богъ дастъ мнѣ возвратиться восвояси, то и самъ я примусь за дѣло во ввѣренномъ вамъ училищѣ — попытаюсь давать старшимъ изъ нихъ маленькія наставленія въ томъ, что принадлежитъ къ ихъ состоянію и роду жизни. Назначу для этого какой-нибудь день въ недѣлю. Батюшка! Я васъ усердно прошу (объ этомъ) святою вашею должностью. Всевышній сторицею вознаградитъ васъ. Представьте себѣ, какія радости изготовите вы духу вашему въ старости. Воспитанники ваши будутъ *люди!* Истинное христіанское просвѣщеніе водворится въ маломъ селеніи нашемъ: „се ми, Господи, и чада наши, ихъ же намъ далъ еси", можемъ мы съ вами тогда сказать. Объ обязанностяхъ помѣщика и священника въ селѣ я имѣю высокое понятіе: это не родъ лишь жизни, не способъ лишь одинъ, данный къ пріобрѣтенію и насыщенію: это званіе, врученное Всевышнимъ, чтобы руководствовать къ добродѣтели и блаженству людей, доставшихся намъ въ удѣлъ. Ихъ *судьба*, такъ сказать, намъ ввѣрена, и горе намъ, если мы не въ состояніи будемъ дать въ ней отчета" [1]). Отсюда видно, что и приходское училище В. Н. Каразина, какъ и все, что онъ ни устраивалъ, носило на себѣ яркую печать индивидуальности своего творца. Василій Назарьевичъ не только хорошо обезпечилъ въ матеріальномъ

[1]) О. Ник. Лащенка. В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ с. Кручика (Харьк. Сборн., вып. 1-й, стр. 62—63).

отношеніи свое училище при жизни, но и поставилъ въ обязанность своимъ наслѣдникамъ продолжать эти заботы. Но этими матеріальными жертвами дѣло не ограничивалось—онъ самъ руководилъ созданной имъ школой: самъ выбралъ для нея учителя—приходскаго священника сел. Кручика о. А. Иванова, самъ поставилъ цѣли и задачи, которыя тотъ долженъ былъ преслѣдовать въ своей педагогической дѣятельности, самъ сочинилъ въ пособіе учителю два катехизиса для своей школы—религіозный и гражданскій — и даже самъ собирался прочитать (а можетъ быть, и читалъ) курсъ старшимъ ученикамъ. Любопытно, что онъ ставилъ своей школѣ не столько утилитарныя, сколько общія нравственно-образовательныя цѣли—хотѣлъ, чтобы она превращала крѣпостныхъ крестьянъ въ *людей*. Заслуживаетъ вниманіе и то, что, по его мысли, школа не должна была отрывать ихъ отъ земледѣлія. Но въ тоже самое время окончившіе его приходскую школу могли переходить въ уѣздное училище; а если бы и тамъ кто либо изъ учениковъ—его крестьянъ—обнаружилъ выдающіяся способности, то ему давалась отпускная, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы онъ внесъ за себя впослѣдствіи выкупъ. Изъ одного письма къ В. Н. Каразину видно, что онъ обращался къ учредителю и ректору земледѣльческаго училища въ городѣ Гофвилѣ Эм. Фелленбергу съ предложеніемъ послать къ нему для обученія нѣсколькихъ мальчикокъ, по всей вѣроятности, лучшихъ воспитанниковъ кручанской школы [1]). Онъ повидимому сознавалъ, что сельская школа должна была быть народною не по одному только своему названію, а по духу и по близости къ народной средѣ. И у него, кажется, явилась даже мысль возстановить для этого старую школу народнаго и церковно-приходскаго типа или точнѣе приблизить къ ней строго оффиціальную приходскую школу устава 1804 г. Это видно изъ цѣлаго ряда данныхъ. Во-1-хъ, онъ возстановилъ у себя въ Кручикѣ старый малороссійскій обычай—договоръ священника съ прихожанами: за требы священникъ не долженъ былъ брать никакой платы, а получалъ опредѣленное жалованье отъ помѣщика и крестьянъ; безвозмездно онъ долженъ былъ обучать учениковъ въ приходской школѣ предметамъ и нотному пѣнію. Во-2-хъ, въ программу его школы вошли предметы, пользовавшіеся особеннымъ уваженіемъ въ старинныхъ народныхъ малороссійскихъ школахъ—часословъ, псалтырь, церковное пѣніе. Въ-3-хъ, преподаваніе или по крайней мѣрѣ объясненіе уроковъ, какъ это мы видимъ изъ письма В. Н. Каразина къ о. А. Иванову, велось на родномъ

---

[1]) См. мою брошюру „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“. Харьк. 1893, стр. 16, 29.

для населенія, т. е. малорусскомъ языкѣ. Наконецъ, въ 4-хъ, школа проникнута была тѣмъ христіанско-нравственнымъ духомъ, который господствовалъ и въ прежнихъ народныхъ церковно-приходскихъ училищахъ и который вполнѣ соотвѣтствовалъ новому устройству церковнаго прихода въ сел. Кручикѣ. В. Н. Каразинъ хотѣлъ пробудить общественную самодѣятельность среди своихъ поселянъ и съ этою цѣлью учредилъ такъ называемую сельскую думу, которая должна была рѣшать различныя дѣла (хозяйственныя, судебныя, церковныя) [1]) и въ составъ которой входилъ между прочимъ и священникъ. Такъ передовой эмансипаторъ пришелъ въ дѣлѣ народнаго образованія почти къ тому же, что выработано было самимъ народомъ въ то время, когда онъ долженъ былъ отстаивать свою національную самостоятельность и оригинальность. Условія личной жизни В. Н. Каразина однако сложились такъ неблагопріятно, что всѣ учрежденія, заведенныя имъ въ Кручикѣ на благо мѣстныхъ поселянъ, прекратили свое существованіе. Но характерно все таки то, что лица, участвовавшія въ нихъ, искренно сожалѣли объ уничтоженіи этихъ учрежденій, огорчались возвращеніемъ къ дореформеннымъ, аристократическимъ, по ихъ словамъ, порядкамъ и благословляли память своего благодѣтеля В. Н. Каразина [2]). Нельзя не пожалѣть, слѣдовательно, о томъ, что примѣръ В. Н. Каразина не нашелъ достаточнаго числа подражателей и продолжателей, ибо въ такомъ случаѣ низшее народное образованіе въ Харьковскомъ учебномъ округѣ двигалось бы несравненно успѣшнѣе, чѣмъ это было въ дѣйствительности. Для того, чтобы достойно оцѣнить благородныя попытки такихъ лицъ, какъ В. Н. Каразинъ, Чепа и др., стоитъ только обратить вниманіе на то, что немногіе тогда признавали пользу и необходимость грамоты для крестьянина, а въ особенности крѣпостнаго.

Еще ближе къ сердцу могъ принимать училищный комитетъ *учебную сторону* дѣла—въ этихъ вопросахъ онъ былъ компетентнѣе, чѣмъ въ чисто-финансовыхъ и хозяйственныхъ. Въ наше время не приходится особенно заботиться о пополненіи школъ учительскимъ персоналомъ; нѣкоторые находятъ даже, что мы страдаемъ перепроизводствомъ въ этомъ отношеніи; совсѣмъ иное дѣло было въ старину—учителей было недостаточно и набирать ихъ нужно было отовсюду. Особенно затруднительно было положеніе гимназій; это были учебныя заведенія съ болѣе

---

[1]) Она выбирала между прочимъ и церковно-служителей.

[2]) См. о. Ник. Лащенка. В. Н. Каразинъ, какъ помѣщикъ с. Кручика (Харьк. Сборн., вып. 1-й, стр. 58—59), а также мою брошюру „Просвѣтительная дѣятельность В. Н. Каразина“, стр. 16—17.

широкой программой, чѣмъ прежнія главныя народныя училища, и потому учителя этихъ послѣднихъ оказывались для нихъ далеко не всегда удовлетворительными послѣ провѣрки ихъ знаній визитаторами, посылавшимися училищнымъ комитетомъ. Учителей для Харьковскаго учебнаго округа съ достаточнымъ образовательнымъ цензомъ долженъ былъ дать Харьковскій университетъ, но онъ сталъ выпускать кандидатовъ только съ 1808 года. Впрочемъ и многіе изъ неокончившихъ въ немъ курса ученія поступали въ учителя (преимущественно уѣздныхъ училищъ); съ 1806 г. по 1815 г., изъ учившихся въ университетѣ опредѣлено учителями 97 челов. [1]). Но еще важнѣе было то, что въ качественномъ отношеніи эти питомцы университета стояли очень высоко. Въ Курской гимназіи учителями были бывшіе воспитанники Харьковскаго университета—Пузановъ, Василевскій и Рудневъ — и вотъ какъ отозвался о нихъ визитаторъ проф. Дегуровъ: „они прославили гимназію, особенно же первый изъ нихъ. Порядочное ихъ поведеніе, усердіе ихъ въ преподаваніи предметовъ и просвѣщеніе, которое въ нихъ видятъ, пріобрѣли имъ общее уваженіе. Мнѣ весьма пріятно извѣстить университетъ, что *и въ другихъ городахъ, гдѣ я нашелъ учителей, изъ университета выпущенныхъ*, они равномѣрно успѣли пріобрѣсти къ себѣ личное уваженіе“. Въ засѣданіи совѣта 1-го ноября 1811 г. Стойковичъ предлагалъ пригласить Пузанова на мѣсто лектора въ университетъ [2]). Нѣкоторые изъ нихъ достигли потомъ профессуры. Особенно полезенъ оказался институтъ казеннокоштныхъ студентовъ — университетъ могъ безпрепятственно посылать ихъ въ училища, гдѣ чувствовался недостатокъ въ тѣхъ или иныхъ преподавателяхъ; даже и тѣ казеннокоштные питомцы, которые не оказывали должныхъ успѣховъ въ наукахъ, не выбрасывались за бортъ, а опредѣлялись преподавателями въ уѣздныя училища и, слѣдовательно, приносили большую пользу обществу. Кромѣ Харьковскаго университета, довольно значительное число учителей доставилъ Петербургскій учебный округъ, бывшій разсадникомъ педагогическаго персонала—тамъ была еще въ Екатерининское время учительская гимназія, изъ которой вышло нѣсколько учителей Харьковскаго округа; нѣкоторые изъ нихъ раньше обучались въ семинаріяхъ; семинаріи же вообще дали не мало лицъ для педагогической дѣятельности въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ; люди, прошедшіе военную школу, также подъчасъ бывали учителями. Университетъ, по уставу, имѣлъ педаго-

---

[1]) Н. А. Лавровскаго. Изъ первоначальной исторіи Харьковскаго университета (Ж. М. Н. Просв. 1869 г., ч. CXV, стр. 240), кажется, впрочемъ, что эта цифра ниже дѣйствительной.

[2]) Ж. М. Н. Просв. 1869 г., ч. CXLV, стр. 250.

гическій институтъ и содержалъ на своемъ иждивеніи особыхъ кандидатовъ на учительскія должности. При главныхъ народныхъ училищахъ и гимназіяхъ также были подобные кандидаты, специально подготовлявшіеся къ педагогической дѣятельности. Бывшіе питомцы Черниговскаго главнаго народнаго училища, крѣпостные крестьяне помѣщика Чепы, были впослѣдствіи, какъ мы видѣли, учителями основаннаго имъ приходскаго училища. Но всего этого оказывалось недостаточно по крайней мѣрѣ въ началѣ и попечитель округа, чувствовавшій вообще нѣкоторую слабость къ педагогамъ иностранцамъ, рѣшилъ выписать, какъ мы видѣли, нѣсколько человѣкъ ихъ изъ заграницы. Однако, хотя всѣмъ имъ отосланы были деньги на путевые расходы, явились въ Россію не всѣ вызванные, а только четверо изъ девяти—Дудровичъ, Павловичъ, Билевичъ, Лазичъ, да и положеніе тѣхъ изъ нихъ, которые не знали русскаго языка,—а немного понимали по русски и могли скоро научиться этому языку только одни славяне,—было затруднительно. Съ другой стороны не было гдѣ взять учителей въ новыя приходскія училища во-1-хъ, потому что ихъ служба очень скудно вознаграждалась, а во-2-хъ, и потому еще, что она не считалась государственной. Выходъ изъ столь затруднительнаго положенія былъ впрочемъ найденъ—рѣшено было назначать преподавателями въ приходскія школы священно и церковнослужителей, уже состоявшихъ на службѣ по духовному вѣдомству и получавшихъ содержаніе за исполненіе своихъ прямыхъ обязанностей—они—и только они одни—за добавочное вознагражденіе могли охотно взять на себя эту новую должность; и эта мѣра въ качествѣ общей для всей Россіи была утверждена святѣйшимъ правительствующимъ синодомъ 31 января 1805 г. [1]). Нельзя не отмѣтить здѣсь одной частной мѣры, принятой училищнымъ комитетомъ въ интересахъ всего учительскаго персонала—это его хлопотъ объ освобожденіи домовъ учителей отъ воинскихъ постоевъ; въ 1809 г. мѣра эта получила общее утвержденіе въ отношеніи директоровъ, учителей гимназій, смотрителей и учителей уѣздныхъ училищъ [1]). Но несравненно болѣе важное значеніе имѣла другая мѣра, которую постепенно проводилъ въ жизнь училищный комитетъ Харьковскаго университета—это именно замѣна почетныхъ смотрителей изъ купеческаго званія, служившихъ безъ жалованья, дѣйствительными смотрителями педагогами со штатнымъ содержаніемъ. Она должна была, въ большинствѣ случаевъ по крайней мѣрѣ, благодѣтельно отразиться на ходѣ учебнаго дѣла, хотя съ другой стороны отдаляла этимъ школу отъ мѣстнаго общества, въ лицѣ его выборныхъ смотрителей, имѣвшихъ по уставу значительное

---

[1]) Сборн. постановл по Мин. Нар. Просв. I, стр 353—357.

[2]) Сборн. постан. по Мин. Нар. Просв. I, стр. 487.

вліяніе не только на хозяйственную, но даже на административную сторону дѣла. Теперь уѣздныя училища дѣлались строго оффиціальными школами безъ всякаго вліянія на нихъ общества, а между тѣмъ отъ послѣдняго они получали все-таки кое-какое матеріальное содѣйствіе. Но отчеты визитаторовъ и директоровъ свидѣтельствуютъ о томъ, что въ массѣ смотрители изъ купцовъ не соотвѣтствовали своему назначенію: они были слишкомъ заняты своими торговыми дѣлами, очень часто отлучались изъ города, мало интересовались школами и не были достаточно образованы, чтобы почувствовать живой интересъ къ учебному дѣлу; исключенія, конечно, бывали; эту должность подъ часъ занимали столь образованные люди, что визитаторы предлагали ихъ дѣлать штатными смотрителями съ жалованьемъ, но большинство смотрителей изъ торговаго класса, повторяемъ, были неудовлетворительны. Вообще у членовъ училищнаго комитета и его визитаторовъ мы замѣчаемъ не канцелярское, а живое отношеніе къ учительскому персоналу и постановкѣ учебнаго дѣла. Это особенно ясно сказывается въ многочисленныхъ назначеніяхъ на учительскія должности, во всемъ томъ, что касалось *управленія* училищъ. Учителя бывшихъ главныхъ народныхъ училищъ назначались въ гимназіи и уѣздныя училища послѣ предварительныхъ испытаній, произведенныхъ имъ визитаторами; въ учителяхъ чувствовался недостатокъ и потому особенно строгимъ и разборчивымъ училищный комитетъ быть не могъ; но преподавателямъ, обнаружившимъ недостаточныя свѣдѣнія, рекомендовалась дальнѣйшая самостоятельная подготовка для пополненія пробѣловъ ихъ знанія или занятія подъ руководствомъ опытныхъ учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ, для чего они должны были посѣщать ихъ уроки; къ увольненію отъ должности прибѣгали сравнительно рѣдко. Забота объ управленіи училищъ главнымъ образомъ выражалась въ пополненіи и измѣненіи личнаго состава директоровъ, смотрителей и учителей. Она поглощала у комитета массу времени и доставляла ему при этомъ не мало хлопотъ, безпокойствъ, а подъчасъ и огорченій. Учителя нерѣдко ссорились другъ съ другомъ; происходили столкновенія на служебной и личной почвѣ между ними и училищнымъ начальствомъ. Ссоры и столкновенія эти приходилось разбирать и посылать нерѣдко для этого особыхъ визитаторовъ. Весьма часто приходилось также разбирать проступки учащихъ и учащихся. Одно такое дѣло—ссора курскихъ педагоговъ—имѣло для самого университета, какъ мы видѣли [1]), очень непріятныя послѣдствія—совѣту сдѣланъ былъ строжайшій выговоръ, но едва ли

[1]) См. 292—296 стр. настоящаго труда; оно подробно разсказано Н. А. Лавровскимъ.

онъ заслуживалъ дѣйствительнаго порицанія въ этомъ случаѣ; онъ дѣйствовалъ тутъ совершенно bona fide, на строго законной и общественной почвѣ; никто изъ его членовъ, за исключеніемъ ректора Стойковича, не руководился тутъ никакими личными мотивами; если бы даже у насъ была увѣренность, что приговоръ университета былъ не совсѣмъ правиленъ, то и тогда бы слѣдовало объяснить эту ошибку запутанностью самого дѣла, трудностью разобраться среди разнорѣчивыхъ показаній и искусной интриги нѣкоторыхъ изъ его участниковъ. Желая добиться истины, училищный комитетъ посылалъ нѣсколько разъ особыхъ ревизоровъ для изслѣдованія этого запутаннаго дѣла на мѣстѣ, но и донесенія ревизоровъ расходились другъ съ другомъ. Комитетъ явно тяготился ссорой учителей съ ихъ директоромъ Любарскимъ и смотрителемъ Кондратьевымъ и это высказалъ въ своемъ первоначальномъ рѣшеніи этой распри. „Такъ какъ Дюгуръ, читаемъ мы въ его постановленіи, уже сдѣлалъ Шолкову (учителю уѣзднаго училища, выступавшему противъ смотрителя Кондратьева) выговоръ, то признать его достаточно наказаннымъ, оставить дѣло безъ дальнѣйшаго изысканія и тѣмъ окончить всѣ нерѣшенныя о немъ дѣла, а директору и смотрителю внушить о недостойномъ ихъ обращеніи съ учителями, подающемъ поводъ къ заведенію весьма непріятныхъ для университета дѣлъ, *тѣмъ болѣе, что разбирательство ихъ, не принадлежа къ числу существенныхъ занятій комитета, не мало бываетъ для него обременительно*". „Въ настоящее время трудно и едва ли возможно, говоритъ Н. А. Лавровскій, съ точностію указать всѣхъ правыхъ и виноватыхъ въ этомъ дѣлѣ: можно съ достовѣрностію утверждать только, что со стороны Курскаго директора училищъ, и со стороны тамошнихъ учителей раздраженіе доходило до крайней степени, при которой невозможно было соблюденіе строгой законности и справедливости. Можно утверждать еще, что директоръ Любарскій и смотритель Кондратьевъ принадлежали къ числу тѣхъ начальниковъ, которые смотрѣли на подвѣдомыхъ имъ чиновниковъ, какъ на людей, находящихся въ полномъ и безусловномъ ихъ распоряженіи, и которые хорошо описаны въ отчетѣ Дюгура, а учителя Шолковъ и особенно первые питомцы Харьковскаго университета Пузановъ и Рудневъ, а также сербъ Паратичъ далеко не раздѣляли этого взгляда на подчиненіе и обнаруживали явное, хотя и предосудительное въ глазахъ начальства, стремленіе къ самостоятельности мнѣній и дѣйствій" [1]). Ректоръ Стойковичъ, бывшій предсѣдателемъ училищнаго комитета, еще болѣе усложнялъ дѣло привнесеніемъ въ него лич-

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1869, ч. CXLV, стр. 259—260.

ныхъ, быть можетъ, даже своекорыстныхъ побужденій—онъ оказывалъ явное покровительство Любарскому и входилъ съ нимъ въ сдѣлки помимо комитета; въ результатѣ получались взаимно исключавшія другъ друга постановленія комитета и его предсѣдателя. Ревизоръ, посланный министромъ народнаго просвѣщенія для изслѣдованія Курскихъ безпорядковъ (проф. Двигубскій), пришелъ почти къ тѣмъ же заключеніямъ, какъ и училищный комитетъ и совѣтъ; только учителя, какъ виновники ссоръ, были подвергнуты теперь нѣкоторому наказанію—переведены въ другія мѣста; но этотъ переводъ, во 1-хъ, былъ дѣйствительно необходимъ для успокоенія гимназіи, а, во 2-хъ, министръ, поклонникъ твердой власти, очевидно, этой мѣрой хотѣлъ поставить на видъ учителямъ, что имъ не слѣдовало такъ рѣзко выступать противъ своего начальника—директора. Еще суровѣе поступило министерство съ учителемъ уѣзднаго училища Шолковымъ—оно совсѣмъ исключило его изъ службы, мотивируя эту мѣру недостаточностью его познаній и строптивостью противъ начальства; но, очевидно, вся сила была во второмъ мотивѣ, потому что Дюгуровъ отозвался о Шолковѣ, какъ объ очень рачительномъ наставникѣ.

Училищный комитетъ, какъ мы видѣли, огорчался, что ему приходится заниматься подобными дѣлами, а между тѣмъ это приходилось ему дѣлать довольно часто; онъ долженъ былъ входить и въ разбирательство „шалостей ученика Маньковскаго“, и „распутной жизни учителя Ахтырскаго училища Столбъ-Ратинскаго“, и „неспокойнаго нрава Ахтырскаго учителя Бондарева“, и „самовольной отлучки учителя Лебединскаго училища Галкина“, и „грубостей учителя Панова Сумскому смотрителю Резакову и ученика Артюхова Харьковскому учителю Барзину“, и „законопротивныхъ поступковъ, сдѣланныхъ обывателями слободы Рѣчекъ Халявою и Пугачевымъ въ тамошнемъ приходскомъ училищѣ“, и „безпорядковъ въ Изюмѣ и Купянскѣ“, и „нерадѣнія помощника учителя Нижне-Сыроватскаго училища діакона Олейникова“, и „вытѣсненія смотрителемъ Изюмскаго училища Золотаревымъ учителя того училища Башинскаго изъ училищнаго флигеля“, и „пьянства учителей“....

Настоящею сферою дѣятельности училищнаго комитета была чисто учебная, педагогическая часть и здѣсь онъ сдѣлалъ очень много. Визитаторамъ Тимковскому и Осиповскому принадлежитъ честь возбужденія очень важнаго вопроса о неудовлетворительности господствовавшихъ тогда методовъ преподаванія. Во всѣхъ школахъ, которыя они посѣтили, царили механическіе методы изложенія предметовъ: ученики заучивали и вопросы, и отвѣты, часто вовсе не понимая прочитаннаго,

ибо все нужно было брать памятью, а не соображеніемъ; такъ преподавались и математическія, и словесныя науки. И Тимковскій, и Осиповскій не ограничились констатированіемъ факта нераціональности метода, а внесли предложеніе въ училищный комитетъ о замѣнѣ его болѣе цѣлесообразнымъ опытнымъ способомъ изложенія предметовъ и даже представили для употребленія въ училищахъ составленные ими учебники, въ которыхъ практически осуществленъ былъ новый методъ преподаванія русскаго языка и математики. Весьма важное значеніе въ учебномъ отношеніи имѣла и другая мѣра училищнаго комитета—устройство при уѣздныхъ училищахъ низшихъ отдѣленій, которыя по программѣ своей вполнѣ соотвѣтствовали приходскимъ школамъ; приходскихъ училищъ было очень мало, а между тѣмъ для поступленія въ уѣздныя училища нужно было въ нихъ предварительно прослушать курсъ; домашняя подготовка въ той средѣ, на которую расчитаны были уѣздныя училища, была очень затруднительна, иногда даже совсѣмъ невозможна. Такимъ образомъ, сама жизнь выдвинула вопросъ о пользѣ соединенія уѣзднаго училища съ приходскимъ, подобно тому какъ гимназіи соединены были съ уѣздными училищами, для того чтобы получать отъ нихъ готовые кадры воспитанниковъ. Снабженіе училищъ книгами и учебными пособіями составляло всегда предметъ особенной заботы училищнаго комитета и для этого, какъ мы видѣли, существовала цѣлая организація—университетъ игралъ и роль книгопродавца, и роль коммиссіонера, и роль издателя. Дѣло это было очень хлопотливое и требовало много времени, труда и аккуратности. Но въ немъ опять таки была одна сторона чисто педагогическая—это выборъ книгъ для училищныхъ библіотекъ—и ее, какъ мы знаемъ, также усердно выполнялъ комитетъ. Нельзя не отмѣтить здѣсь съ чувствомъ глубокой признательности и заботъ комитета объ учащихся—онъ постановилъ даромъ раздавать учебники бѣднѣйшимъ ученикамъ. Пансіоны, содержимые по большей части иностранцами, подпали теперь подъ контроль училищнаго комитета—и это должно было улучшить въ нихъ постановку преподаванія. Комитетъ былъ вполнѣ компетентнымъ учрежденіемъ, чтобы разрѣшать открытіе пансіоновъ и слѣдить за ходомъ учебнаго и воспитательнаго дѣла въ нихъ. Такой контроль надъ ними былъ необходимъ, потому что дѣломъ воспитанія русскаго юношества занимались и такія лица, которыя не имѣли для этого никакой подготовки, а подъ часъ вмѣсто благотворнаго нравственнаго вліянія на своихъ питомцевъ въ конецъ портили ихъ характеръ. Не даромъ въ русскомъ обществѣ и литературѣ сложился отрицательный взглядъ на дѣятельность этихъ педагоговъ иностранцевъ; не даромъ выступали съ

обличеніями противъ нихъ даже и профессора Харьковскаго университета (вспомнимъ Тимковскаго и Нахимова; такія же идеи высказывалъ и В. Н. Каразинъ). Роммель сообщаетъ, что и на новыхъ профессоровъ университета, благодаря этому, смотрѣли подозрительно, смѣшивая ихъ съ прежними педагогами-шарлатанами. Кромѣ этихъ пансіоновъ были еще пансіоны иного типа: они содержались директорами или учителями гимназій и въ нихъ не было преподаванія предметовъ, а только повтореніе или репетированіе уроковъ, проходимыхъ пансіонерами въ гимназіяхъ. Училищный комитетъ не препятствовалъ возникновенію пансіоновъ перваго типа, но особенно охотно поощрялъ возникновеніе пансіоновъ второго вида—квартиръ, содержимыхъ извѣстными ему педагогами, потому что въ нихъ чувствовался особый недостатокъ и благодаря этому помѣщики, проживавшіе въ деревняхъ, не охотно отдавали своихъ сыновей въ гимназіи.

Изъ представленныхъ выше данныхъ видно, что въ 1805 году болѣе успѣшно насаждалось среднее и низшее народное образованіе въ Слободско-Украинской, Черниговской, Екатеринославской губ. и области Войска Донскаго; но въ слѣдующіе годы училищный комитетъ обратилъ большее вниманіе на другія мѣстности и въ концѣ концовъ можно сказать, что дѣло устройства школъ двигалось впередъ во всемъ округѣ, хотя и не съ одинаковой быстротой и успѣхомъ. Этотъ послѣдній уяснится намъ, когда мы представимъ статистическія свѣдѣнія о ходѣ училищнаго дѣла въ 1-й и 9-й годы существованія комитета. Теперь же пользуясь данными, относящимися къ училищному комитету за послѣдующіе девять лѣтъ его существованія, мы извлечемъ оттуда еще нѣсколько новыхъ чертъ, чтобы дополнить ими представленную здѣсь общую характеристику его дѣятельности на пользу средняго и низшаго образованія. Еще разъ повторяемъ, что по недостатку мѣста должны ограничиться только общей картиной, хотя могли бы дать подробный отчетъ за всѣ десять лѣтъ его существованія.

Мы видѣли, сколь значительнымъ размѣромъ отличалась научно-литературная дѣятельность самого Харьковскаго университета и каковы были ея отличительныя черты. Понятно, что эта дѣятельность должна была оказывать извѣстное вліяніе и на подчиненную университету педагогическую среду гимназій и уѣздныхъ училищъ: по образцу университетскихъ публичныхъ рѣчей говорились директорами и учителями гимназическія при открытіи училищъ, на актахъ и вообще въ разныхъ торжественныхъ случаяхъ; издавались учебники, пособія, переводы; печатались даже научныя сочиненія, и наконецъ, представлялись въ училищный комитетъ многочисленные рукописные труды—исто-

рическія, географическія, статистическія записки, метеорологическія наблюденія и т. д. Самъ университетъ издалъ нѣсколько пособій, имѣя въ виду спеціально среднія и низшія учебныя заведенія, а именно: Тимковскаго „Опытный способъ къ философическому познанію россійскаго языка“; „Собраніе примѣровъ для наставленія юношества въ начальномъ познаніи латинскаго языка, по руководству Гедике“, ч. 1, 2, 3; Tableaux des declinaisons latines и de dictionnaire des primitifs inusités de la langue latine (проф. Беленъ-де-Баллю), „латинскую грамматику Бредера, переведенную съ нѣмецкаго кандидатомъ Громовымъ, подъ редакціей проф. Осиповскаго (изданную университетомъ для гимназій Харьковскаго учебнаго округа)“, „Наставленіе учителямъ для составленія историческихъ, топографическихъ и статистическихъ записокъ, согласно 50 § училищнаго устава“—Успенскаго, Grundriss der algemeinen Logik für die gymnasien des Russischen Reichs проф. Якоба (издана на счетъ университета). А вотъ краткій перечень работъ директоровъ, законоучителей и учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ: учитель Воронежскаго главнаго народнаго училища Г. Успенскій, какъ мы видѣли, приготовилъ къ изданію цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ и переводовъ; директоръ училищъ войска Донскаго Алексѣй Поповъ выпустилъ въ 1814 г. въ свѣтъ 1-ю часть своего капитальнаго труда „Исторія о Донскомъ войскѣ“, ч. 1-я, унив. тип., XXIII, 295 стр. (2-я часть вышла въ 1816 г.); учитель Новооскольскаго уѣзднаго училища (впослѣдствіи адъюнктъ) Разумникъ-Гонорскій издалъ ученое сочиненіе „Духъ Горація и Тибулла“; учитель Степанъ Есикорскій перевелъ съ нѣмецкаго трактатъ Фихте „Яснѣйшее изложеніе, въ чемъ состоитъ существенная сила новѣйшей философіи“; учитель Курской гимназіи Паратичъ издалъ „Краткую общую статистику европейскихъ государствъ, собранную изъ разныхъ нѣмецкихъ знаменитыхъ писателей“; учитель главнаго Воронежскаго народнаго училища Соколовскій—французскій и латинскій словарь; Таганрогская гимназія—греческую азбуку; затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ рѣчей: „Рѣчи, говоренныя въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ округа Императорскаго Харьковскаго университета при публичныхъ испытаніяхъ въ концѣ іюня 1811 г.“ X., 111 стр. (тутъ помѣщены рѣчи—директора Попова, учителя Харьковской гимназіи Любовскаго „о достоинствахъ человѣка, происходящихъ отъ дарованія слова“, Черкасской—Ганника „о пользѣ и вліяніи наукъ на благосостояніе рода человѣческаго“, Екатеринославской Аѳанасьева „о дѣйствіяхъ, сходствѣ и противоположности матерій электрической и магнитной“, Екатеринославской же Вернета (на французскомъ языкѣ), Полтавской Рожественскаго, Полтавской же Спасскаго „о вліяніи естественныхъ наукъ въ общежитіи“, Курской

Василевскаго „о важности общественнаго воспитанія", Орловской Бенедиктова „о пользѣ всемірной и отечественной исторіи", Воронежской Шрамкова „о теплотворной матеріи и ея дѣйствіи", Таганрогской коммерческой Селиванова „о пользѣ наукъ и въ особенности естественныхъ", Полтавскаго уѣзднаго училища Евстафьева „о величіи изящныхъ наукъ" и наконецъ, ученика Полтавской гимназіи Соколовскаго); архим. Діонисія—слово при открытіи Орловской гимназіи и его же—слово при открытіи Сѣвскаго уѣзднаго училища; „рѣчи, говоренныя при торжественномъ открытіи уѣздныхъ училищъ 1811 г. Херсонской губ. въ городахъ—Елисаветградѣ, Новомиргородѣ и Вознесенскѣ директоромъ училищъ Дм. Мизко; его же—„о свѣдѣніяхъ, нужныхъ благовоспитанному человѣку" (рѣчь на публичномъ экзаменѣ); „рѣчь, говоренная при открытіи Хорольскаго повѣтоваго (уѣзднаго) училища"; „рѣчи, произнесенныя въ Успенскомъ соборѣ при погребеніи Василія Жаданова, ученика 3 класса Слободско-Украинской гимназіи изъ казенныхъ воспитанниковъ (ученикомъ 4 класса Ник. Еллинскимъ—впослѣдствіи профессоромъ и ректоромъ Харьковскаго университета), ученикомъ 4 класса Ал. Лукьяновичемъ и ученикомъ 3 класса М. Сиверскимъ (послѣдняя на латинскомъ языкѣ), „извѣстіе о жизни и смерти учителя Туранскаго". Какъ видимъ отсюда, даже многія темы этихъ рѣчей навѣяны были сюжетами рѣчей университетскихъ преподавателей. Кромѣ этихъ печатныхъ произведеній педагогическому персоналу гимназій и уѣздныхъ училищъ принадлежитъ еще огромная масса рукописныхъ трудовъ разнообразнаго характера и содержанія, которые вызывались извѣстными намъ параграфами училищнаго устава и поступали прямо на разсмотрѣніе училищнаго комитета. Этотъ послѣдній съ своей стороны постановилъ указывать учителямъ, владѣющимъ иностранными языками, темы для переводовъ. Отмѣтимъ нѣкоторые изъ этихъ рукописныхъ трудовъ. При Харьковской и Орловской гимназіяхъ велись историческія записки. Учитель Полтавскаго главнаго народнаго училища Зозулинъ представилъ въ комитетъ 9 тетрадей топографическаго описанія Полтавской губ. Учитель Курской гимназіи Пузановъ сдѣлалъ минералогическое описаніе Курской горы, которое училищный комитетъ просилъ попечителя напечатать въ оффиціальномъ органѣ министерства народнаго просвѣщенія „періодическомъ сочиненіи объ успѣхахъ просвѣщенія" и разослать всѣмъ директорамъ въ округѣ. Въ отчетахъ визитаторовъ мы нашли рукописи многихъ рѣчей, произносившихся учителями при открытіи гимназій. Наглядное представленіе о характерѣ всѣхъ этихъ трудовъ даетъ помѣщенная на 716—718 стр. настоящаго труда хозяйственно-экономическая замѣтка о Полтавской губ. въ 1814 г. Бѣлецкаго-

Носенка. Укажемъ теперь болѣе важныя распоряженія училищнаго комитета по учебной части. Въ 1806 году онъ сдѣлалъ постановленіе, чтобы въ тѣхъ уѣздныхъ городахъ, гдѣ не было уѣздныхъ училищъ, устраивать по крайней мѣрѣ низшія отдѣленія ихъ, т. е. приходскія школы—и онѣ были открыты въ Волчанскѣ, Лебединѣ на счетъ казны, которая, какъ извѣстно, вообще не брала на себя ихъ содержанія. Прежде учениковъ принимали въ школы круглый годъ; но это оказалось очень неудобнымъ—и училищный комитетъ постановилъ допускать пріемъ въ низшіе классы 2 раза, а въ высшіе 1 разъ въ году. Визитаторъ Тимковскій указалъ на частые пропуски учениками уроковъ и на шалости и предложилъ противъ этого цѣлый рядъ мѣръ; большая часть ихъ была принята комитетомъ. Тотъ же визитаторъ отмѣтилъ недостаточныя познанія у учителей уѣздныхъ училищъ и предложилъ, чтобы они посѣщали для пополненія ихъ уроки гимназическихъ наставниковъ. Онъ же составилъ новое росписаніе уроковъ для низшихъ отдѣленій уѣздныхъ училищъ, которое также было принято комитетомъ. Принималъ также мѣры комитетъ къ поднятію преподаванія латинскаго языка и съ этою цѣлью учителя его причислены были къ старшимъ преподавателямъ гимназій. Стойковичъ сдѣлалъ представленіе комитету о неудовлетворительности нѣкоторыхъ учебниковъ въ уѣздныхъ училищахъ. При Харьковской гимназіи открытъ былъ въ 1807 г. пансіонъ для своекоштныхъ питомцевъ и порученъ верховному наблюденію предсѣдателя училищнаго комитета Стойковича, а потомъ проф. Осиповскаго; кромѣ того его часто посѣщали и другіе члены комитета. Параграфъ училищнаго устава, дававшій возможность расширять гимназіямъ на ихъ средства программу преподаванія, не остался мертвою буквою— въ Курской гимназіи введено было, по желанію дворянства, преподаваніе военныхъ наукъ; въ Черниговской—заведенъ танцевальный классъ. По предложенію визитатора Дегурова, училищный комитетъ постановилъ, чтобы изъ лучшихъ учениковъ избирались особые авдиторы для выслушиванія уроковъ у своихъ товарищей; для лучшихъ учениковъ рѣшено было назначать лучшія мѣста въ классахъ. Учителю Кнейперу разрѣшено было имѣть въ своемъ домѣ пансіонъ и для мальчиковъ, и для дѣвочекъ (замѣтимъ кстати, что въ приходскія училища принимали также не однихъ мальчиковъ, но и дѣвочекъ). Въ Одесскую гимназію нужно было всякими мѣрами привлекать учениковъ и директоръ ея ставилъ себѣ въ заслугу, что ему удавалось принимать туда евреевъ. Комитетъ подвергалъ экзамену иностранцевъ, желавшихъ открыть пансіоны или заняться частнымъ преподаваніемъ. Въ Черниговскую гимназію на уроки учителей были допущены съ разрѣшенія

мѣстнаго архіерея семинаристы, подготовлявшіеся къ занятію должностей учителей приходскихъ школъ. Кромѣ указанныхъ выше пожертвованій на училища, отмѣтимъ еще цѣлый рядъ другихъ и замѣтимъ при этомъ, что видную роль въ дѣлѣ привлеченія общества къ пожертвованіямъ играли визитаторы. Майоръ Алымовъ пожертвовалъ въ пользу Харьковской гимназіи капиталъ въ 20000 руб., съ тѣмъ, чтобы на проценты съ него содержать бѣдныхъ учениковъ. Орловскіе дворяне собрали сумму въ 750 р. на содержаніе бѣдныхъ воспитанниковъ изъ своего сословія. Бригадиръ Адабашъ пожертвовалъ Полтавскому приказу общественнаго призрѣнія имущество и капиталъ на богоугодныя заведенія, часть котораго была обращена на школы. Болховскій купецъ Бобковъ подарилъ тамошнему училищу каменный домъ. Въ Суражѣ (Черниговской губерніи) мѣстный городничій Александровичъ выстроилъ домъ для уѣзднаго училища. Значительныя пожертвованія были сдѣланы на уѣздное училище въ г. Александровскѣ Екатеринославской губ. Бѣлгородскій купецъ Третьяковъ подарилъ мѣстному уѣздному училищу свой домъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы два другіе его дома были освобождены отъ воинскихъ постоевъ. Въ Таганрогѣ сами жители хотѣли устроить женскій пансіонъ и обращались за содѣйствіемъ въ этомъ дѣлѣ къ училищному комитету. Благодаря Тимковскому, Воронежская гимназія и уѣздное училище получили отъ мѣстной администраціи въ подарокъ 2 каменныхъ двухъэтажныхъ дома. Коллежскій совѣтникъ Тимоновъ пожертвовалъ на Трубчевское училище (Орловской губ.) книгъ и учебныхъ пособій на 3600 руб. Въ Елисаветградѣ городское общество ассигновало на постройку зданія приходскаго училища 2000 руб. Въ дѣлѣ управленія училищами отмѣтимъ еще слѣдующія дѣйствія комитета. Въ Полтавской и Курской губ. не было директоровъ народныхъ училищъ и ихъ функціи исполняли особые комитеты изъ старшихъ учителей гимназіи и главнаго народнаго училища; для руководства имъ онъ составилъ особыя инструкціи. Въ тяжелый для Россіи 1811 годъ, когда всюду была страшная дороговизна, училищный комитетъ возбудилъ ходатайство, чтобы учителямъ выдавалось жалованье не крупными ассигнаціями, на промѣнѣ которыхъ они теряли, а мелкими деньгами. Можно отмѣтить только одну отрицательную черту въ дѣятельности комитета по части управленія училищъ—это слишкомъ большую уже излишнюю регламентацію по отношенію къ частнымъ училищамъ и учителямъ. Очевидно подъ вліяніемъ общей реакціи противъ иностранцевъ и суроваго распоряженія министра народнаго просвѣщенія гр. А. К. Разумовскаго о пансіонахъ, содержимыхъ ими, училищный комитетъ принялъ противъ нихъ энергичныя мѣры въ 1811 г.

Усмотрѣвъ изъ донесеній директоровъ училищъ, что помѣщики и другія частныя лица позволяли находившимся у нихъ учителямъ, въ особенности изъ иностранцевъ, принимать для совмѣстнаго обученія посторонних учениковъ и такимъ образомъ получались какъ бы незаконные пансіоны, при чемъ комитету не были извѣстны ни личности преподавателей, ни программы преподаванія, рѣшили просить губернаторовъ о запрещеніи частнаго преподаванія лицамъ, не имѣющимъ узаконеннаго свидѣтельства. Въ такомъ смыслѣ Харьковскій университетъ сдѣлалъ представленіе и министру—и результатомъ его было общее распоряженіе (1812 г.), по которому ото всѣхъ учителей иностранцевъ требовалось свидѣтельство на право преподаванія. Комитетъ министровъ, на разрѣшеніе котораго поступило это предложеніе, нашелъ его неудобнымъ, стѣснительнымъ, но гр. А. К. Разумовскій представилъ свои возраженія прямо Государю, который согласился съ ними и утвердилъ проэктъ министра [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что мѣра эта вызвана была не столько педагогическими, сколько политическими соображеніями — тѣмъ общимъ недовѣріемъ, которое тогда существовало у русскаго правительства противъ иностранцевъ. Надзоръ за пансіонами былъ необходимъ, ибо дѣло касалось тутъ общественнаго воспитанія, но излишняя регламентація въ частномъ обученіи, при недостаткѣ образовательныхъ средствъ, которымъ страдала тогда Россія, могла принести больше вреда, чѣмъ пользы.

Изъ педагоговъ администраторовъ въ это время дѣйствовали между прочимъ: директоръ училищъ Полтавской губ. Огневъ, директоръ училищъ Курской губ., Любарскій, бывшій флотскій капитанъ лейтенантъ Воронежской Петровъ, директоръ училищъ Харьковской губ.—Кудрицкій, а съ 1809 г. Шредеръ, Екатеринославской (ему же послѣ Вольсея была поручена и Херсонская губ.)—Мизко. Найбольшую энергію проявилъ и больше всего сдѣлалъ для успѣховъ народнаго образованія въ своемъ районѣ Мизко: благодаря ему, было открыто много училищъ въ Екатеринославской и Херсонской губ., гдѣ раньше ихъ почти вовсе не было; вездѣ тутъ онъ вызвалъ значительныя пожертвованія отъ городскихъ обществъ—отводились или строились дома, отпускались суммы на содержаніе школъ. Нельзя не отмѣтить также энергичной и плодотворной дѣятельности на пользу школъ смотрителя Екатеринодарскаго училища протоіерея Кирилла Росинскаго (въ области войска Черноморскаго); должность эту онъ принялъ безъ жалованья и благодаря вліянію, кото-

---

[1]) См. подробности въ книгѣ Шмидта. Исторія среднихъ учебныхъ заведеній въ Россіи, стр. 93—95.

рымъ пользовался среди мѣстнаго общества, сдѣлалъ много полезнаго для школъ. Къ сожалѣнію, мы не можемъ отвѣтить опредѣленно на болѣе общій вопросъ—въ какой мѣрѣ были удачны выборы и назначенія педагогическаго персонала всѣхъ среднихъ и низшихъ школъ. Несомнѣнно, что среди его было не мало лицъ, совершенно непригодныхъ къ просвѣтительной дѣятельности; объ этомъ свидѣтельствуетъ фактъ увольненія въ отставку нѣкоторыхъ педагоговъ; къ такой крутой мѣрѣ долженъ былъ прибѣгать училищный комитетъ, несмотря на недостатокъ учителей — и это служитъ яркимъ свидѣтельствомъ ихъ полной непригодности; съ недостатками другихъ комитетъ долженъ былъ примиряться, потому что лучшихъ учителей пріискать было невозможно. Недостатки учителей были двоякаго рода: у однихъ не было должныхъ познаній; поведеніе и характеръ другихъ не соотвѣтствовали достоинству просвѣтителей юношества. Все это нужно принимать во вниманіе при оцѣнкѣ разсматриваемой нами теперь стороны въ дѣятельности комитета. При такихъ условіяхъ важное значеніе пріобрѣтаетъ вопросъ, насколько безпристрастно происходили эти выборы, не было ли тутъ лицепріятія или злоупотребленій. На этотъ вопросъ мы не колеблясь даемъ утвердительный отвѣтъ. Къ назначенію на учительскія должности комитетъ относился съ большимъ вниманіемъ и должнымъ безпристрастіемъ. Важною гарантіей этого безпристрастія являлось коллегіальное устройство и веденіе дѣлъ въ комитетѣ. Члены комитета были свободны въ своихъ рѣшеніяхъ и могли дѣйствовать тутъ по совѣсти и внутреннему убѣжденію. Конечно, нѣкоторые изъ нихъ пользовались большимъ значеніемъ, другіе — меньшимъ; но это значеніе пріобрѣталось большею или меньшею опытностью въ училищныхъ дѣлахъ.

Предсѣдатель комитета по своему положенію—въ качествѣ ректора университета — правда могъ бы оказывать нравственное давленіе на остальныхъ членовъ; но это, во-1-хъ зависѣло отъ личности и характера его, а, во 2-хъ, тутъ былъ коррективъ—въ ежегодномъ переизбраніи. Къ счастью, ректоромъ, а слѣдовательно, и предсѣдателемъ комитета очень долгіе годы оставался такой высоко честный и коллегіальный дѣятель какъ И. С. Рижскій, а потомъ Осиповскій. Но въ ректорство Стойковича дѣло шло повидимому нѣсколько иначе: онъ помимо комитета, какъ мы знаемъ, велъ частныя сношенія съ директоромъ училищъ въ Курской гимназіи Любарскимъ и, можетъ быть, дѣйствовалъ тутъ не вполнѣ безкорыстно. Тѣмъ не менѣе и этотъ единственный извѣстный намъ печальный эпизодъ въ дѣятельности училищнаго комитета не бросаетъ на него никакой тѣни въ нравственномъ отношеніи, и университетская коллегія скоро освободилась отъ своего недостойнаго

представителя, который вмѣсто добраго нравственнаго воздѣйствія на учительскую среду привлекалъ ее къ своей позорной торговлѣ контрабандными товарами (припомнимъ учителей Паратича и Лангнера, которые были коммиссіонерами ректора по продажѣ гранатъ, лентъ, картинъ).

Говоря о дѣятельности училищнаго комитета, мы уже приводили свѣдѣнія объ осмотрѣ училищъ *визитаторами*. Теперь въ виду огромнаго значенія, какое они имѣли въ училищныхъ дѣлахъ, намъ нужно остановиться подробнѣе на уясненіи ихъ значенія въ этомъ дѣлѣ.

До насъ дошло значительное количество отчетовъ визитаторовъ; они относятся почти ко всѣмъ годамъ изучаемаго нами десятилѣтія и касаются различныхъ губерній Харьковскаго учебнаго округа. Въ совокупности своей они представляютъ по истинѣ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики состоянія школъ въ началѣ XIX в. Матеріалъ этотъ требуетъ тщательной сводки и обработки. Но эта работа выходитъ за предѣлы нашей нынѣшней задачи: намъ нужно только опредѣлить роль университета въ дѣлѣ развитія средняго и низшаго народнаго образованія въ округѣ. Надѣясь въ будущемъ дать изслѣдованіе и по этому особому новому вопросу, мы теперь должны ограничиться только однимъ примѣромъ (хотя могли бы представить ихъ цѣлый рядъ)—именно изложеніемъ *одного* отчета проф. Тимковскаго по Воронежской губерніи за 1806 годъ.

Начинаетъ свой отчетъ проф. И. Ѳ. Тимковскій статистикой школъ Воронежской губ. Оказывается, что въ ней было въ 1807 году 10 училищъ, въ томъ числѣ главное народное въ г. Воронежѣ, основанное 22 сентября 1786 года и 5 малыхъ—въ уѣздныхъ городахъ—Бирючѣ (открытое 24 ноября 1786 г.), въ Валуйкахъ (5 октября 1791 г.), въ Бобровѣ (13 марта 1799 г.), въ Павловскѣ (31 іюня 1799 г.), въ Острогожскѣ (16 ноября 1787 г.); послѣдній городъ съ училищемъ былъ отчисленъ въ 1797 г. къ Воронежской губ. отъ Слободско-Украинской. Всѣ эти малыя народныя училища, по новому уставу учебныхъ заведеній, должны были быть преобразованы въ уѣздныя, а сверхъ того эти послѣднія открыты въ слѣдующихъ городахъ (Тимковскій поставилъ эти города въ порядкѣ ихъ важности, значенія и близости къ губернскому городу): въ Воронежѣ, Новохоперскѣ, Задонскѣ, Старобѣльскѣ, Богучарѣ, Коротоякѣ, Нижнедѣвицкѣ и Землянскѣ. Главное народное училище въ Воронежѣ нужно было преобразовать въ гимназію. Чтобы дать училищному комитету возможность судить объ экономическомъ состояніи всѣхъ этихъ городовъ, Тимковскій представилъ ему вышедшее недавно передъ этимъ въ свѣтъ сочиненіе „Историческое, географиче-

ское и экономическое описаніе Воронежской губ.", которое, замѣтимъ кстати, представляетъ изъ себя замѣчательное явленіе въ тогдашней литературѣ по богатству своего фактическаго содержанія. Кромѣ малыхъ народныхъ училищъ было еще въ губерніи четыре приходскихъ училища, учрежденныхъ стараніемъ Орловской удѣльной экспедиціи—Козинское (19 августа 1806 г.), Бѣлоколодезское (21 августа того же года), Бобровское (6 декабря того же года), Лосевское (9 декабря того же года). Въ ближайшемъ будущемъ предполагалось учрежденіе въ Воронежѣ кадетскаго корпуса для воспитанія дворянскихъ дѣтей на 400 человѣкъ, къ которому причислены были Воронежская, Курская, Слободско-Украинская, Орловская, Саратовская, Астраханская, Кавказская губ. и земли Донскихъ и Черноморскихъ казаковъ. Тимковскій освѣдомился о мѣстныхъ распоряженіяхъ по этому дѣлу въ Воронежѣ и узналъ, что Воронежское дворянство не опредѣлило еще окончательно суммы на это новое учебное заведеніе, но предполагало собрать до 180000; Курское дворянство назначило для той же цѣли 100000 руб.; а Харьковское, по Всеподданнѣйшему прошенію, получило разрѣшеніе не дѣлать сборовъ вслѣдствіе своего пожертвованія на университетъ. Въ виду близкаго отношенія другъ къ другу новаго военнаго училища и предполагаемой къ устройству гимназіи, Тимковскій высказалъ желаніе Воронежскому губернатору, чтобы зданія ихъ находились по сосѣдству одно съ другимъ.

Представивъ краткія статистическія данныя объ училищахъ, Тимковскій переходитъ къ вопросу объ ихъ матеріальномъ обезпеченіи. Оказывается, что на содержаніе училищъ отпускались суммы отъ трехъ учрежденій—приказа общественнаго призрѣнія, казны и самихъ городовъ. Главное Воронежское народное училище получало отъ приказа 2460 р. 25 к. и казны 400 р., а всего 2860 р. 25 к. (въ томъ числѣ тратило на жалованье 2300 р.), Острогожское малое училище—отъ городоваго магистрата 494 р. 80 к. (въ томъ числѣ на жалованье 330 р.), Бирюченское—отъ городовой ратуши 270 р. (на жалованье учителю 150 р., на наемъ квартиры для училища и учителя 70 р., на жалованье сторожу, на дрова и свѣчи 50 р.), Валуйское—отъ приказа 200 р. (150 р. на жалованье учителю и 50 р. на содержаніе училища), Бобровское—отъ приказа 200 р. (150 р. на жалованье учителю, 50 р. на содержаніе училища) и 40 р. отъ ратуши (на наемъ помѣщенія), Павловское—отъ приказа 150 руб. (на жалованье учителю) и отъ городской думы 130 руб. на содержаніе училища (на наемъ квартиры, дрова и свѣчи). На всѣ училища Воронежской губ. употреблено было въ 1806 г. приказомъ общественнаго призрѣнія 3010 р. 25 к., городами 734 р. 80 к.

и казною 400 р. По поводу этихъ расходовъ Тимковскій высказалъ свое мнѣніе, что они крайне недостаточны, но что приказъ общественнаго призрѣнія въ отвѣтъ на обращенный къ нему по этому поводу запросъ заявилъ, что никакой прибавки по скудости средствъ дать не можетъ. Выдача этихъ суммъ производилась различными способами, что Тимковскій признавалъ неудобнымъ, и предлагалъ отпускать ихъ непосредственно въ вѣдѣніе директора училищъ, который бы потомъ разсылалъ ихъ въ качествѣ казенныхъ безъ платежа вѣсовыхъ денегъ. Въ дополненіе къ этимъ постояннымъ средствамъ поступилъ еще рядъ пожертвованій, относительно которыхъ Тимковскій также представилъ точную вѣдомость. Воронежскій губернаторъ уступилъ для будущей гимназіи и уѣзднаго училища два каменныхъ казенныхъ корпуса, взялъ на себя постройку новыхъ зданій и сверхъ того отвелъ необходимую для этого усадебную землю; Острогожская дума выстроила вчернѣ для своего училища каменный домъ; городничій г. Бирюча надворный совѣтникъ Петрулинъ отдалъ временно для помѣщенія училища свой домъ въ Валуйкахъ, въ которомъ оно помѣщалось уже нѣсколько лѣтъ; директоръ народныхъ училищъ пожертвовалъ библіотекѣ главнаго народнаго училища нѣсколько иностранныхъ книгъ, списокъ которыхъ Тимковскій доставилъ комитету; Воронежскій губернскій архитекторъ Волковъ подарилъ той же библіотекѣ нѣсколько математическихъ книгъ на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, книгъ, доставшихся ему отъ его родственника, бывшаго профессора астрономіи Попова (списокъ ихъ также былъ доставленъ Тимковскимъ комитету); нѣсколько книгъ на русскомъ языкѣ поступило отъ Воронежскаго фабриканта Гарденина и комисаріатскаго коммиссіонера Элина. Метеорологическихъ наблюденій ни въ одномъ изъ училищъ не производилось, по отсутствію барометровъ и термометровъ. Историческія записки, по заявленію Тимковскаго, велись въ училищахъ, но не такъ какъ этого нужно было желать; впрочемъ, прибавляетъ Тимковскій, исторія края прекрасно изложена въ указанномъ раньше сочиненіи („Истор., геогр. и эконом. опис. Воронежской губ.“), а директоръ училищъ сочиняетъ дополненія къ этой книгѣ, въ которыхъ будутъ описаны новоприсоединенныя къ губерніи города (Острогожскъ, Старобѣльскъ, Богучаръ и Новохоперскъ съ уѣздами); онъ, профессоръ, читалъ статью его объ Острогожскѣ—и она оказалась довольно занимательной. Населеніе губерніи хорошо относится къ образованію своихъ дѣтей, и если число учащихся въ школахъ не очень велико, то это нужно приписать частію недостатку такихъ пансіоновъ, въ которые дворянство могло бы помѣщать на содержаніе своихъ дѣтей, обучающихся въ училищахъ, а частію незначительности успѣховъ уче-

нія въ школахъ, что можетъ быть исправлено только открытіемъ новыхъ уѣздныхъ училищъ, съ болѣе широкою программою и назначеніемъ въ нихъ болѣе способныхъ учителей. Вѣдомости о служебной карьерѣ лицъ, обучавшихся въ главномъ народномъ училищѣ въ Воронежѣ, ему, Тимковскому, составить было не возможно въ виду отрывочности данныхъ, и онъ можетъ только сказать, что въ предѣлахъ губерніи ихъ находится на службѣ до 150 чел., а внѣ ея—до 200 чел. Большіе безпорядки въ обученіи производятъ частыя отлучки учениковъ, но это зло общее по всѣмъ губерніямъ и оно хорошо извѣстно комитету.

Затѣмъ Тимковскій даетъ обстоятельныя характеристики педагогическаго персонала, начиная съ директора училищъ надворнаго совѣтника Григорія Петрова. Ему было тогда 39 лѣтъ; онъ происходилъ изъ дворянскаго сословія, былъ женатъ, имѣлъ дѣтей, получалъ 500 руб. жалованья, обучался въ Петербургскомъ главномъ нѣмецкомъ лютеранскомъ Петровской церкви училищѣ и въ частныхъ пансіонахъ русскому, нѣмецкому и французскому языкамъ, математикѣ, географіи и исторіи, до опредѣленія директоромъ служилъ съ 1777 года въ военной службѣ и былъ въ походахъ. На должность директора былъ опредѣленъ въ 1796 году и нигдѣ болѣе не служилъ. Свѣдѣнія для своей должности имѣетъ достаточныя и исполняетъ ее съ ревностнымъ усердіемъ; занимается чтеніемъ книгъ и небольшими сочиненіями на русскомъ языкѣ; свободно читаетъ и говоритъ по французски и по нѣмецки; жизнь ведетъ скромную; качествъ добрыхъ; въ обществѣ пользуется уваженіемъ. По трудамъ своимъ онъ заслуживаетъ прибавки жалованья по новому штату въ 300 р., чтобы получать впредь всего 800 руб. Когда эти 800 р. будутъ назначены ему отъ казны, то его прежнее жалованье (500 р.), получавшееся отъ приказа общественнаго призрѣнія, обратится на разныя училищныя потребности. Прежде всѣ дѣла по училищамъ были въ вѣдѣніи приказа, теперь же они сосредоточиваются въ рукахъ директора, который, не смотря на всю свою энергію и трудолюбіе, очень затрудняется обиліемъ ихъ и отсутствіемъ письмоводителя, на содержаніе котораго не отпускается никакихъ суммъ; мало того: директоръ на свой счетъ принужденъ даже покупать письменныя принадлежности и производить разъѣзды по училищамъ Въ виду всего этого Тимковскій предлагалъ назначить опредѣленную сумму для найма письмоводителя, положить вознагражденіе директору за визитаціи училищъ, пріобрѣсти на казенный счетъ скромный экипажъ для его разъѣздовъ по губерніи и возмѣстить расходы, понесенные имъ на это раньше въ размѣрѣ 55 р. 4 к. (этимъ расходамъ была представлена подробная вѣдомость). Далѣе Тимковскій, исходя изъ того, что директора, смотрителя и учителя

разныхъ губерній могутъ нуждаться для своихъ ученыхъ работъ во взаимныхъ совѣтахъ и помощи, просилъ, чтобы училищный комитетъ рекомендовалъ имъ установить между собою такую связь, такъ какъ отъ нея могутъ возрастать общее благо народнаго образованія и успѣхи наукъ.

Сообщивъ данныя о главномъ представителѣ учебнаго вѣдомства губерніи — директорѣ училищъ, Тимковскій переходитъ къ подробной характеристикѣ главнаго Воронежскаго народнаго училища. Изъ плана, представленнаго мною раньше комитету, говоритъ онъ, видно, что училищный домъ, находится па самомъ краю города на низкомъ мѣстѣ, (самый же городъ растянулся на горѣ), занимаетъ неудобное положеніе и учениковъ въ училищѣ было бы гораздо больше и они исправнѣе приходили бы туда, если бы онъ былъ ближе къ центру города. Двѣ большія его классныя комнаты темны, сыры и зимою холодны; двѣ другія очень малы и тѣсны, при томъ ходъ изъ одной въ другую очень неудобенъ для ученія. О постройкахъ, продолжаетъ далѣе Тимковскій, предполагаемыхъ для будущихъ гимназіи и уѣзднаго училища, я писалъ раньше, а до окончанія ихъ можно было бы помѣстить уѣздное училище въ нынѣшнемъ зданіи главнаго, а для низшихъ классовъ гимназіи временно нанять помѣщеніе въ нагорной части города. Въ домѣ главнаго народнаго училища кромѣ классовъ есть квартиры (крайне неудобныя) только для двухъ младшихъ учителей, а два старшіе учителя живутъ въ собственныхъ домахъ, пользуясь исходатайствованной имъ льготой отъ постойной повинности, а учитель французскаго языка получаетъ отъ приказа квартирныя деньги въ размѣрѣ 100 р. Старшій учитель математики, русской грамматики, нѣмецкаго языка и высшихъ классовъ рисованія коллежскій ассесоръ Петръ Соколовскій—изъ дворянъ, 44 лѣтъ, женатъ, имѣетъ дѣтей, получаетъ 400 р. жалованья да 100 р. за нѣмецкій языкъ и сверхъ того на дрова и свѣчи; первоначальное образованіе получилъ въ 1772—1780 гг. въ Харьковскихъ бывшихъ казенныхъ классахъ и обучался тамъ русскому и французскому языкамъ, миѳологіи, логикѣ и риторикѣ, исторіи и рисованію, потомъ перешелъ въ Петербургскій учительскій институтъ, гдѣ слушалъ математику и нѣмецкій языкъ. Занималъ мѣсто учителя въ Петербургѣ съ 1786 г., а теперь въ Воронежѣ съ 1791 г. Въ должности своей рачителенъ; поведенія добропорядочнаго; ученики его изрядно знаютъ геометрію, физику, ариѳметику и русскую грамматику, на сколько это изложено въ учебникахъ, изданныхъ для народныхъ училищъ; физическихъ опытовъ онъ вовсе почти не производитъ по скудости физическаго кабинета. Нѣмецкому языку онъ обучалъ только во 2-мъ классѣ и ученики его, по сво-

ему малолѣтству и по занятіямъ другими предметами, не могли оказать замѣтныхъ успѣховъ, а перейдя въ 3-й и 4-й классы и вовсе отъ него отстали; теперь это зло устранено тѣмъ, что по новому росписанію, утвержденному комитетомъ, обученіе нѣмецкому языку введено въ 3-й и 4-й классы. По произведенному испытанію и другимъ даннымъ оказалось, что Соколовскій знаетъ изрядно нѣмецкій и французскій языки и можетъ на нихъ читать и говорить, хотя и съ тяжелымъ произношеніемъ; въ алгебрѣ свѣдѣнія его весьма ограничены и не восходятъ далѣе уравненій 2-й степени; въ простой геометріи онъ слабъ, а въ высшей не обнаружилъ никакихъ познаній; свѣдѣнія по физикѣ и прикладной математикѣ у него самыя поверхностныя. Такъ какъ онъ не упражнялся основательно и практически въ словесности, то и не можетъ съ успѣхомъ преподавать русской грамматики; въ рисованіи и способности учителя, и знанія учениковъ весьма посредственны, что слѣдуетъ приписать совершенному отсутствію образцовъ и моделей. Самъ Соколовскій заявилъ Тимковскому, что онъ, по своимъ лѣтамъ, слабости здоровья и зрѣнія, считаетъ для себя трудною и обременительною учительскую должность, а въ особенности такую, которая бы требовала отъ него многихъ домашнихъ упражненій и особыхъ изученій, и хотѣлъ бы получить мѣсто директора, или если это невозможно, то смотрителя уѣзднаго училища въ одной изъ губерній умѣреннаго климата и въ такомъ изъ лучшихъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ бы онъ могъ завести у себя пансіонъ, напримѣръ, въ Нѣжинѣ или Кременчугѣ. Въ концѣ своего отзыва о Соколовскомъ, Тимковскій просилъ училищный комитетъ разрѣшить принципіальный вопросъ: должны ли представители учебнаго вѣдомства носить мундиръ, соотвѣтствующій ихъ чину или же классу своей должности; вопросъ этотъ былъ вызванъ тѣмъ, что Соколовскій носилъ мундиръ 8 класса (по чину), а состоялъ, въ качествѣ учителя, въ 12 классѣ.

О другомъ старшемъ учителѣ географіи, исторіи, естественной исторіи и латинскаго языка въ 3-мъ и 4-хъ классахъ титулярномъ совѣтникѣ Гавріилѣ Петровичѣ Успенскомъ, Тимковскій даетъ такой отзывъ. Священническій сынъ, 42 лѣтъ, женатъ, имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 400 р., да за латинскій языкъ 75 р., да сверхъ того на дрова и свѣчи; живетъ въ собственномъ домѣ. Обучался въ Сѣвской семинаріи обыкновеннымъ въ этихъ заведеніяхъ предметамъ, а также философіи, богословію, ариѳметикѣ и греческому языку; потомъ поступилъ въ Петербургскій учительскій институтъ, гдѣ изучалъ историческія науки и нѣмецкій языкъ, а приватно занимался и французскимъ. Въ учительской должности съ 1790 г.; рачителенъ; нрава добраго и степеннаго; пове-

денія похвальнаго; жалоба на него, представленная имъ Тимковскимъ въ комитетъ, оказалась неосновательной и потому не можетъ набрасывать на него никакой тѣни. Ученики его при испытаніи оказали хорошіе успѣхи не только въ исторіи и географіи, но—что рѣдко случается въ главныхъ народныхъ училищахъ—и въ естественной исторіи; къ ней онъ съумѣлъ внушить лучшимъ ученикамъ даже привязанность, въ особенности это нужно сказать относительно ботаники; эту послѣднюю онъ преподаетъ не только изъ учебниковъ по системѣ, а и на основаніи коллекцій, собираемыхъ и приносимыхъ въ классъ, какъ имъ самимъ, такъ и учениками; списокъ растеній этого гербарія онъ, Тимковскій, представляетъ училищному комитету; ученики дѣлали ему различныя объясненія по поводу каждаго растенія. При испытаніи и въ бесѣдахъ Успенскій показалъ совершенно удовлетворительныя свѣдѣнія въ своихъ предметахъ, весьма отличныя по русской исторіи и сверхъ того обнаружилъ къ нимъ большую привязанность. Онъ, Тимковскій, по его просьбѣ, далъ ему списокъ иностранныхъ сочиненій по его предметамъ, а также по статистикѣ, древностямъ и миѳологіи; онъ ихъ хотѣлъ купить на собственный счетъ, а русскія сочиненія пріобрѣлъ уже отъ книгопродавцевъ въ обмѣнъ за свои переводы. Латинскій языкъ онъ помнитъ изрядно, хотя говоритъ на немъ весьма мало; изустно онъ перевелъ у него, Тимковскаго, отрывокъ изъ Валерія Максима и 3-ю оду 1-й книги Горація; письменный же переводъ его изъ Саллюстія (гл. 8-я о Катилинѣ) при семъ прилагается; такимъ образомъ, знанія его въ этомъ языкѣ могли быть достаточны для обученія въ 1-мъ и 2-мъ классахъ гимназіи; тамъ же онъ могъ бы преподавать философію и словесность. По нѣмецки и по французски онъ свободно читаетъ и пользуется этимъ для своихъ упражненій въ переводахъ, а по нѣмецки изрядно и говоритъ. Комитету извѣстны изданныя имъ книги—*начальное основаніе латинскаго языкоученія*, переводъ съ нѣмецкаго—*космографія или описанія тѣлъ міра*, *путешествія Николая Унштета по обвороженному міру*, и съ французскаго—*миѳологія аббата Трессана*, 1-й томъ котораго (въ рукописи) онъ проситъ возвратить ему изъ училищнаго комитета. Нынѣ онъ занимается окончаніемъ этого перевода и составленіемъ словаря изобрѣтеній, открытій, системъ и учрежденій. Онъ, Тимковскій, просматривалъ нѣкоторыя буквы этого словаря и нашелъ его тѣмъ болѣе достойнымъ вниманія, что авторъ, гдѣ нужно, сообщаетъ данныя объ исторіи и современномъ состояніи русскихъ учрежденій (объясняетъ такія слова, какъ адмиралтейство, академія, епархія, епископы, и проч.); окончивъ 1-ю часть этого труда, онъ намѣренъ представить его на благоусмотрѣніе училищнаго комитета. Послѣ многихъ бесѣдъ онъ, Тимков-

скій, найдя его способнымъ къ этому дѣлу, посовѣтовалъ ему заняться составленіемъ книги *„Россійскія древности или краткое описаніе древнихъ нравовъ, обычаевъ и памятниковъ россійскихъ“*, точный планъ которой представляетъ комитету; прилагаетъ также для характеристики литературнаго таланта его привѣтственную рѣчь областному командиру земскаго войска гр. Орлову, которую онъ намѣренъ произнести, когда тотъ посѣтитъ Воронежское училище. Комитетъ можетъ считать Успенскаго однимъ изъ найболѣе пригодныхъ лицъ для переводовъ книгъ да и вообще справедливость требуетъ сказать, что это первый по своимъ предметамъ учитель въ округѣ и что его слѣдуетъ, на основаніи 50 § устава учебныхъ заведеній, перевести старшимъ учителемъ въ Слободскоукраинскую гимназію, такъ какъ эта послѣдняя по обилію учащихся и по успѣхамъ ихъ, и по мѣстонахожденію своему въ университетскомъ городѣ заслуживаетъ особеннаго вниманія и при томъ въ настоящее время не имѣетъ штатнаго учителя историческихъ наукъ и естественной исторіи и терпитъ отъ этого большія неудобства; Успенскій же въ Харьковской гимназіи можетъ быть гораздо полезнѣе, нежели въ главномъ Воронежскомъ народномъ училищѣ, да и ему самому возможно будетъ тамъ пользоваться университетской библіотекой и наставленіями профессоровъ и адъюнктовъ. За 22 недѣльныхъ часа исторіи и естественныхъ наукъ онъ могъ бы получать тамъ 700 руб., не считая нѣкоторой суммы, отпускаемой на квартиру, дрова и свѣчи.

О третьемъ преподавателѣ—учителѣ французскаго языка французѣ Дюбоа-де-Ливри — Тимковскій сообщилъ такія данныя. Отъ роду ему 38 лѣтъ; женатъ; имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 400 руб. да квартирныхъ 100 р. Изъ составленной имъ и представляемой въ комитетъ записки видно, что онъ въ Парижѣ обучался греческому, латинскому и французскому языкамъ, ариѳметикѣ, географіи, исторіи, риторикѣ и философіи, потомъ служилъ въ военной службѣ, въ 1791 году эмигрировалъ изъ Франціи и находился въ чинѣ поручика въ Голландіи, затѣмъ былъ въ Ганноверѣ сначала частнымъ, а далѣе и публичнымъ учителемъ съ 1795 г. въ теченіе 5 лѣтъ. Въ 1804 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ попечитель назначилъ его учителемъ Воронежскаго главнаго народнаго училища. Ученики его обнаруживаютъ хорошіе успѣхи, хотя за краткостью времени и не могли еще пріобрѣсти достаточнаго навыка въ этомъ языкѣ; но есть надежда, что нынѣшнія его предварительныя наставленія скоро въ нихъ развернутся; въ приложеніяхъ онъ Тимковскій, помѣщаетъ планъ его преподаванія въ училищѣ, будущей гимназіи и будущемъ его Дюбоа пансіонѣ, который онъ совѣтуетъ ему завести, а также текстъ рѣчи, приготовленной имъ на слу-

чай посѣщенія училища гр. Орловымъ. Изъ всего этого видно, что учитель этотъ имѣетъ хорошія свѣдѣнія какъ въ своемъ языкѣ, такъ и въ другихъ предметахъ. Изъ многихъ его записокъ для классовъ и изъ личныхъ бесѣдъ съ нимъ онъ, Тимковскій, убѣдился въ его отличныхъ способностяхъ къ должности и значительныхъ познаніяхъ во французской словесности и ея писателяхъ. Любя чтеніе, онъ собралъ довольно большую библіотеку. Двѣнадцатилѣтнее пребываніе въ Германіи доставило ему знаніе нѣмецкаго языка, на которомъ онъ свободно читаетъ и говоритъ. Въ должности своей онъ рачителенъ, живость характера въ соединеніи съ усердіемъ придаетъ нѣкоторую торопливость его изложенію, но она понемногу смягчается. Нрава онъ добраго, поведенія похвальнаго; мѣстомъ своимъ доволенъ,—и только желаетъ, чего вполнѣ заслуживаетъ, утвержденія въ чинѣ XII класса.

Младшій учитель Алексѣй Зиновьевъ, преподающій во 2-мъ классѣ латинскій языкъ, въ 3-мъ катихизисъ и въ первыхъ двухъ рисованіе, изъ дворянъ, 44 лѣтъ отъ роду, женатъ, имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 200 руб. да за рисованіе 75 р. и нѣкоторую сумму на дрова и свѣчи, квартиру имѣетъ въ училищѣ. Обучался въ Харьковскомъ духовномъ коллегіумѣ латинскому языку, риторикѣ, философіи, исторіи и географіи, затѣмъ въ Петербургскомъ учительскомъ институтѣ математическимъ наукамъ. Въ учительской должности состоитъ съ 1786 года; въ исполненіи ея рачителенъ; поведенія скромнаго и добропорядочнаго; успѣхи учениковъ его довольно изрядные, насколько онъ могъ успѣвать при ихъ многочисленности и частыхъ отлучкахъ. При классныхъ занятіяхъ онъ обнаружилъ хорошія свѣдѣнія по своимъ предметамъ, а при испытаніяхъ выказалъ изрядныя знанія по ариѳметикѣ, начальнымъ основаніямъ алгебры, геометріи и латинскаго языка, такъ что занявшись можетъ еще болѣе усовершенствоваться въ нихъ и съ успѣхомъ обучать въ уѣздномъ училищѣ въ 1-мъ классѣ ариѳметикѣ (по 6 часовъ), во 2-мъ—ариѳметикѣ и геометріи, математической, всеобщей и россійской географіи (по 7 час.), всеобщей исторіи съ древнею географіей и россійской исторіи съ древнею россійской географіей (по 9 час.), естественной исторіи, физикѣ и технологіи (по 4 часа), грамматикѣ латинскаго языка (по 2 часа), пространному катехизису и изъясненію евангелія (по 2 часа); всего по 30 час. въ недѣлю съ жалованьемъ въ 250 р., да прибавки 25 р., да за Законъ Божій—75 р., итого 350 р.; рисованію же, въ которомъ Зиновьевъ оказался посредственнымъ, можетъ обучать впослѣдствіи гимназическій учитель этого предмета; временно же можно поручить это дѣло Зиновьеву съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ за него.

Второй младшій учитель Степанъ Юшковъ по словамъ ревизора изъ священническихъ дѣтей, 34 лѣтъ отъ роду, женатъ, имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 150 р., да нѣкоторую сумму на дрова и свѣчи; живетъ въ училищномъ домѣ; обучался въ Воронежской семинаріи обыкновеннымъ въ такихъ учебныхъ заведеніяхъ наукамъ, а также богословію, греческому и французскому языку и ариѳметикѣ; въ учительской должности находится съ 1794 года, рачителенъ въ ней и благоуспѣшенъ; нрава кроткаго и поведенія добропорядочнаго; по испытанію и по другимъ даннымъ оказывается, что онъ сможетъ обучать въ 1-мъ классѣ уѣзднаго училища священной исторіи и катехизису (по 4 часа), нравоученію (по 3 часа), русской грамматикѣ (по 3 часа), чистописанію и правописанію (по 6 часовъ), чтенію и письму латинскаго и нѣмецкаго языковъ (по 3 часа), чтенію церковныхъ и гражданскихъ книгъ (по 3 ч.); во 2-мъ классѣ—русской грамматикѣ (по 3 часа), русскому, латинскому и нѣмецкому чистописанію и правописанію (по 3 часа); всего 28 час. со штатнымъ жалованьемъ въ 250 руб.; если бы ему положить прибавку за Законъ Божій въ размѣрѣ 75 р., то онъ бы получалъ больше Зиновьева, предметы котораго однако требуютъ гораздо болѣе значительнаго упражненія и труда. Учитель Юшковъ помнитъ нѣсколько риторику и латинскій языкъ, отчасти также философію и по нуждѣ можетъ учить ариѳметикѣ; но главною его спеціальностью является россійскій стиль, сколько онъ, Тимковскій, могъ замѣтить при его испытаніи и изъ сказанныхъ имъ рѣчей, когда и учитель, и ученики въ привѣтствіяхъ своихъ выражали живѣйшую надежду на университетъ въ дѣлѣ устройства и благосостоянія училищъ; оду же, читанную Юшковымъ на публичномъ испытаніи учениковъ въ 1804 г., онъ отсылаетъ въ училищный комитетъ, а равно и примѣрное росписаніе часовъ и предметовъ для будущей гимназіи и уѣзднаго училища. Нѣкоторыя отступленія отъ устава въ проэктированномъ имъ учебномъ планѣ (преподаваніе во 2-мъ классѣ уѣзднаго училища русской грамматики и вмѣсто русскаго—латинскаго языка и вообще усиленіе латинскаго и нѣмецкаго языка) вытекало, по объясненію Тимковскаго, изъ необходимости скораго преобразованія Воронежскаго училища въ гимназію и подготовительное къ ней уѣздное училище. Ученики старшихъ классовъ училищъ въ виду сдѣланнаго имъ указанія—обратить особое вниманіе на латинскій и нѣмецкій языкъ, необходимыя для поступленія въ гимназію—по его наблюденію, съ большимъ усердіемъ занялись ими и потому онъ рекомендуетъ сдѣлать въ такомъ смыслѣ предложеніе и всѣмъ директорамъ. Такимъ образомъ, останется пріискать только учителя низшаго отдѣленія 1-го класса, съ выдачею ему жалованья отъ 120 до 150 р.

и нѣкоторой суммы на дрова и свѣчи и опредѣленіемъ квартиры, занимаемой нынѣ Юшковымъ, которому взамѣнъ того можно будетъ дать, если пожелаетъ, квартирныя деньги. Мѣстный директоръ, по порученію его, Тимковскаго, пріискивалъ было кандидата на эту должность среди учениковъ училища, но его поиски оказались тщетными. Ему же поручено стараться о томъ, чтобы Зиновьевъ и Юшковъ дѣйствительно усовершенствовались въ тѣхъ предметахъ, которые имъ нужно будетъ преподавать, а Юшковъ исправилъ свой почеркъ въ такой мѣрѣ, чтобы онъ могъ служить примѣромъ для учениковъ.

Между тѣмъ училищный комитетъ опредѣлилъ въ будущую Воронежскую гимназію учителемъ нѣмецкаго и первоначальныхъ основъ латинскаго языка Де-Лойбеля съ жалованьемъ 450 руб. и квартирныхъ 120 р. Оставалось, слѣдовательно, писалъ Тимковскій, назначить—во-1-хъ, учителя математики и физики, во-2-хъ, въ случаѣ перевода Успенскаго въ Харьковъ, учителя историческихъ наукъ, каковымъ можетъ быть переводимый сюда Храпановъ, въ-3-хъ, учителя изящныхъ наукъ и философіи, на каковое мѣсто можно опредѣлить кандидата Василевскаго, въ-4-хъ, учителя латинскаго языка въ старшихъ классахъ и, въ-5-хъ, учителя естественной исторіи, технологіи и коммерческихъ наукъ. Ученіе въ Воронежскомъ училищѣ, сообщалъ Тимковскій, происходитъ сообразно учебному плану, утвержденному комитетомъ; для обученія употребляются учебники, изданные для народныхъ училищъ съ присоединеніемъ только новыхъ двухъ руководствъ—одного по латинскому языку (Собраніе примѣровъ, изданное университетомъ) и другого по французскому (грамматика Соколовскаго); учителя пользуются для себя еще кое-какими научными пособіями, но по скудости библіотеки терпятъ въ этомъ большой недостатокъ. Методъ обученія здѣсь, какъ и вездѣ, одинъ и тотъ же — вопросный, состоящій въ заучиваніи вопроса и отвѣта. Онъ, Тимковскій, въ противоположность ему, показывалъ на практикѣ другой методъ—опытный, состоящій въ объясненіи правилъ русскаго языка посредствомъ анализа примѣровъ въ отдѣльныхъ словахъ, выраженіяхъ и періодахъ. Этотъ же новый способъ взамѣнъ стараго онъ рекомендовалъ примѣнять и ко всѣмъ остальнымъ предметамъ; но на основаніи всѣхъ прежнихъ своихъ наблюденій онъ считаетъ необходимымъ, чтобы современемъ сочинено было по каждому предмету для учителей гимназій и уѣздныхъ училищъ общее наставленіе о способахъ преподаванія, разумѣя при этомъ какъ учительскія, такъ и ученическія занятія. Всѣхъ учениковъ въ училищѣ было 232 челов., въ томъ числѣ 107 дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ дѣтей, 57 купеческихъ и мѣщанскихъ, 27 крѣпостныхъ, 26 разночинцевъ; послѣ тща-

тельнаго экзамена было устроено общее собраніе всѣхъ учащихся, на которомъ провозглашены имена переведенныхъ въ слѣдующіе классы, болѣе отличившихся и нѣсколькихъ нерадивыхъ, а самые лучшіе (6 учениковъ 3-го и 4-го классовъ) награждены имъ купленными на свой счетъ книгами — собраніемъ латинскихъ примѣровъ (изданіе Харьковскаго университета) и сборникомъ стихотвореній лучшихъ русскихъ поэтовъ, подъ заглавіемъ „Опытъ Воронежской типографіи". Для приведенія въ порядокъ библіотеки Воронежскаго училища, въ особенности въ виду предполагаемаго ея расширенія, онъ, Тимковскій, далъ директору формы для составленія историческаго и систематическаго ея каталога и представляетъ ихъ комитету вмѣстѣ съ самимъ каталогомъ въ доказательство крайней скудости библіотеки и необходимости ея немедленнаго пополненія хотя бы на счетъ суммъ книжнаго магазина; на тѣ же суммы необходимо выписать маленькую коллекцію эстамповъ для рисованія, по указанію университетскихъ преподавателей этого предмета. Успенскій, завѣдывавшій доселѣ библіотекой и книжнымъ магазиномъ, просилъ освободить его отъ этихъ обязанностей, и, по мнѣнію Тимковскаго, дѣйствительно это дѣло можно было бы поручить учителю Зиновьеву, который жилъ при училищѣ и могъ бы извлечь даже нѣкоторую пользу для своихъ занятій отъ этого порученія. Представляя опись физико-математическаго кабинета, Тимковскій прибавляетъ, что уже изъ перечня инструментовъ можно видѣть, что онъ приноситъ мало пользы въ дѣлѣ преподаванія физики и особенно чувствуется недостатокъ пневматической и электрической машинъ съ приборами, микроскопа и т. п. Далѣе Тимковскій представилъ училищному комитету описаніе небольшого собранія минераловъ, которое не можетъ быть даже названо кабинетомъ, и каталогъ гербарія Успенскаго, который онъ просилъ представить профессору ботаники Делявиню, съ тѣмъ чтобы тотъ выбралъ, буде пожелаетъ, нѣкоторыя сѣмена для университетскаго сада. Въ заключеніе представлена была Тимковскимъ въ комитетъ опись всѣмъ вещамъ, принадлежащимъ училищу, и счетъ оборотовъ по книжному магазину, а для директора онъ составилъ списокъ мебели, необходимой для гимназіи и уѣзднаго училища.

Покончивъ съ Воронежскимъ главнымъ, Тимковскій переходитъ къ малымъ училищамъ и начинаетъ свой докладъ съ *Острогожскаго*. Въ виду крайней тѣсноты и неудобства квартиры, гдѣ помѣщалось училище, тамошнее общество рѣшило выстроить для него новый каменный домъ. Но до перехода въ это помѣщеніе, нужно было пріискать временную квартиру. Острогожское малое училище Тимковскій предлагалъ преобразовать въ уѣздное и для этого проэктировалъ слѣдующія мѣры:

1) отнестись къ Воронежскому губернатору съ просьбою объ ускореніи постройки училищнаго дома, службъ къ нему и ограды, допустивъ къ надзору за всѣмъ этимъ смотрителя; 2) исходатайствовать отпускъ изъ казначейства штатной суммы на уѣздное училище. Смотрителемъ училища состоялъ Острогожскій помѣщикъ, отставной коллежскій совѣтникъ Шпажинскій; онъ былъ раньше землемѣромъ, а теперь по выбору дворянства состоялъ уѣзднымъ судьею. Жалованья по должности смотрителя, писалъ Тимковскій, не получаетъ; имѣетъ къ ней весьма хорошія способности; поведенія и нрава благонадежнаго; общество его почитаетъ. Онъ изъявилъ желаніе сдѣлаться штатнымъ смотрителемъ—и когда послѣ сношеній съ директоромъ послѣдуетъ утвержденіе его въ этой должности со стороны училищнаго комитета, то онъ оставитъ нынѣшнее свое судейское мѣсто. И теперь слѣдуетъ выразить Шпажинскому черезъ директора благодарность со стороны училищнаго комитета и поручить ему надзоръ за постройкою училищнаго дома и наблюденіе за приходскимъ училищемъ, находящимся въ сосѣдней съ Острогожскомъ колоніи Рыбенсдорфъ. Учитель 2-го класса титулярный совѣтникъ Ѳедоръ Ферронскій—изъ священническихъ дѣтей; отъ роду ему 36 лѣтъ; женатъ; имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 150 р.; живетъ въ училищномъ домѣ; учился въ Воронежской семинаріи до богословія; въ должности учителя состоитъ съ 1792 года. Онъ можетъ быть назначенъ и учителемъ уѣзднаго училища вмѣстѣ съ другимъ здѣшнимъ же учителемъ Вертоградовымъ, причемъ на его долю выпадутъ слѣдующіе предметы: въ 1-мъ классѣ—Законъ Божій и священная исторія (3 часа), нравоученіе (4 часа), русская грамматика съ чтеніемъ (3 часа), чтеніе по латинскому и нѣмецкому языку и начатки латинской грамматики (3 часа); во 2-мъ — катехизисъ, изъясненіе евангелія и чтеніе церковныхъ книгъ (3 часа), математическая, всеобщая и россійская географія, всеобщая исторія вмѣстѣ съ древнею географіей, русская исторія съ древнею русской географіей (9 часовъ), повтореніе русской грамматики съ „письмомъ по сказанію" (диктовкой?) (3 часа), латинская грамматика съ примѣрами (2 часа); всего 30 недѣльныхъ часовъ съ жалованьемъ 325 р. и казеннымъ отопленіемъ и освѣщеніемъ. 2-й учитель математическихъ наукъ и рисовальнаго искусства корнетъ Никифоръ Вертоградовъ — изъ церковно-служительскихъ дѣтей; отъ роду ему 34 года; холостъ; жалованья получаетъ 120 р. да за рисованіе 60 р.; живетъ въ училищномъ домѣ. Учился въ Воронежской семинаріи до философскаго класса, потомъ въ главномъ Воронежскомъ народномъ училищѣ, гдѣ изучалъ математику и рисованіе, приватно сверхъ того занимался и геодезіей. На учительскую должность поступилъ въ 1788 г.;

съ 1794 по 1805 годъ находился въ военной и штатской службѣ, а съ 1805 г. служитъ въ Острогожскѣ; на службѣ своей исправенъ; ученики его оказываютъ весьма хорошіе успѣхи. Такой же отзывъ далъ о немъ и Воронежскій губернаторъ, который посѣщалъ училище въ бытность свою въ Острогожскѣ; такъ же отзывались о немъ и нѣкоторые другіе знавшіе его чиновники. Поведеніе его доселѣ было похвальное; ни въ чемъ дурномъ онъ не былъ замѣченъ, и только за день до пріѣзда его, Тимковскаго, случилось происшествіе, о которомъ онъ доносилъ уже комитету—именно ссора и драка его съ домохозяиномъ училищной квартиры мѣщаниномъ Желѣзниковымъ. Учитель Ферронскій, придя на крикъ въ комнату съ женою своею, хотѣлъ было унять споръ, но ихъ Вертоградовъ обругалъ и угрожалъ побить. Ферронскій на другой день подалъ на него жалобу городничему, но тотъ вернулъ ему ее назадъ, такъ какъ дѣло это было ему неподсудно. Тогда Ферронскій подалъ эту жалобу ему, Тимковскому, а онъ, разсмотрѣвъ дѣло по существу, допросами по одиночкѣ и на очныхъ ставкахъ, убѣдилъ ихъ примириться, такъ какъ послѣдствія этой вражды между товарищами-учителями были бы очень печальны для нихъ самихъ и для ихъ училища и были бы гораздо значительнѣе мѣры того удовлетворенія, которое бы получилъ Ферронскій за свою обиду отъ начальства. Ферронскій согласился взять назадъ свою сгоряча написанную жалобу и примириться съ Вертоградовымъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ впредь велъ себя по отношенію къ нему скромно, тѣмъ болѣе, что онъ старше его по службѣ. Что касается жалобы, поданной на Вертоградова Желѣзниковымъ, то онъ, Тимковскій, поручилъ произвести по ней первоначальное слѣдствіе городничему вмѣстѣ со смотрителемъ; Вертоградовъ же съ своей стороны представилъ просьбу городскихъ обывателей объ оставленіи его въ Острогожскѣ, въ виду того довѣрія и благорасположенія, которыя онъ заслужилъ у нихъ. Послѣ преобразованія Острогожскаго училища въ уѣздное, на него можно было бы возложить преподаваніе слѣдующихъ предметовъ: въ 1-мъ классѣ—чистописанія и диктовки (6 час.), латинскаго и нѣмецкаго письма (3 часа), ариѳметики (6 часовъ), рисованія (2 часа); во 2-мъ—окончанія ариѳметики, геометріи съ правилами геодезіи (7 часовъ), естественной исторіи, физики, технологіи (6 час.) и рисованія (2 часа), всего 32 часа съ жалованьемъ 325 р. съ выдачей отъ казны дровъ и свѣчей. Вертоградовъ могъ бы преподавать и тѣ предметы, которые проэктируется возложить на Ферронскаго (кромѣ латинскаго и нѣмецкаго языка), но онъ, Тимковскій, руководствовался въ распредѣленіи между ними этихъ курсовъ уравненіемъ труда и часовъ ученія между обоими преподавателями. Не мѣшало бы, прибав-

ляетъ далѣе Тимковскій, чтобы училищный комитетъ предписалъ нынѣ же директору, чтобы онъ внушилъ Ферронскому заблаговременно заняться тѣми предметами, которые ему придется преподавать въ уѣздномъ училищѣ; каникулярное же время (іюль мѣсяцъ) онъ могъ бы употребить на подготовку свою по нимъ у преподавателей главнаго Воронежскаго народнаго училища, особенно по географіи и исторіи. Такимъ образомъ, останется вакантной только должность учителя низшаго отдѣленія 1-го класса, каковую, по словамъ смотрителя, желаетъ занять бывшій ученикъ главнаго Воронежскаго народнаго училища, вполнѣ ея достойный, но состоящій въ купеческомъ званіи; въ виду этого онъ, Тимковскій, поручилъ смотрителю представить его послѣ увольненія изъ общества на эту должность. Должность эту занималъ особый учитель, уже болѣе 2-хъ лѣтъ тому назадъ умершій и никѣмъ другимъ не замѣненный. Его уроки долженъ былъ взять Ферронскій, чѣмъ крайне себя обременилъ; въ виду этого необходимо теперь же подѣлить ихъ между Ферронскимъ и Вертоградовымъ такъ, чтобы на долю каждаго было не болѣе 30 уроковъ, и вознаградить Ферронскаго за его прежній трудъ. Всѣхъ учениковъ въ училищѣ было 102 (90 муж. и 12 жен. пола), въ томъ числѣ купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей 33, дворянскихъ и оберъ-офицерскихъ 32, войсковыхъ и казенныхъ обывателей 20, изъ крѣпостнаго сословія 11, разночинцевъ—6. Списокъ библіотечныхъ книгъ онъ, Тимковскій, представляетъ училищному комитету, но при этомъ присовокупляетъ, что библіотека чрезвычайно скудна и не содержитъ въ себѣ ничего для упражненій учителей, книги находятся въ плохомъ состояніи, потому что для нихъ нѣтъ даже шкафа, классныя принадлежности (столъ и скамьи) ветхи и безобразны, такъ что для уѣзднаго училища нужно будетъ ихъ передѣлать по чертежу, оставленному имъ, Тимковскимъ, директору. Въ Воронежѣ онъ, Тимковскій, узналъ, что одна помѣщица намѣрена подарить Острогожскому училищу астролябію съ приборомъ, глобусы, воздушный насосъ, барометръ, термометръ, телескопъ, даже поручила было пріобрѣсти эти вещи въ Петербургѣ, но вслѣдствіе увеличившихся въ этомъ году дворянскихъ повинностей ограничилась только пріобрѣтеніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ инструментовъ. Выпискою учебниковъ изъ Воронежскаго магазина завѣдуетъ въ Острогожскѣ учитель Ферронскій, который производитъ немедленно уплату за полученныя книги, а потомъ уже выручаетъ за нихъ свои деньги; въ виду этого, для отвращенія возможнаго отягощенія или злоупотребленія, онъ, Тимковскій, просилъ директора, завѣдующаго магазиномъ, чтобы тотъ высылалъ въ училища книги изъ магазина въ долгъ на сумму до 5 р., который долженъ погашаться по мѣрѣ ихъ распродажи.

О *Бирюченскомъ училищѣ* Тимковскій сообщилъ слѣдующія данныя: Городъ Бирючь весьма незначительный и самый обыкновенный уѣздный городокъ. Первоначально училище его помѣщалось въ собственномъ зданіи, но весьма ветхомъ, неудобномъ и стоявшемъ на пустырѣ. Нынѣ для него нанимаетъ квартиру городовая ратуша близъ собора и городской площади. Квартира эта состоитъ изъ сѣней, прихожей, классной комнаты, весьма тѣсной и холодной, и комнаты для учителя; для отдѣльнаго же преподаванія въ 1-мъ и 2-мъ классѣ необходимо имѣть двѣ болѣе просторныя комнаты. Поэтому нужно просить губернатора объ отводѣ достаточнаго мѣста подъ училище и о постройкѣ зданія по составленному плану. Должность смотрителя здѣсь исправлялъ по прежнему порученію приказа общественнаго призрѣнія городничій надворный совѣтникъ Петрулинъ, человѣкъ благонамѣренный, съ хорошими свѣдѣніями, но столь занятый городскими дѣлами, что могъ обращать только немного вниманія на училище, которое находится въ жалкомъ состояніи; впрочемъ, онъ увѣрялъ его, Тимковскаго, что въ будущемъ готовъ умножить о немъ свои заботы. Учитель 1-го и 2-го класса титулярный совѣтникъ Василій Павленко изъ купеческаго званія; отъ роду ему 35 лѣтъ; женатъ; имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 150 р.; живетъ въ училищномъ домѣ. Учился въ Полтавской (что нынѣ Екатеринославская) семинаріи до философіи, а потомъ въ Воронежскомъ народномъ училищѣ. Въ учительской должности съ 1788 года, крайне въ ней нерадивъ и вслѣдствіе этого по недостатку способностей неискусенъ; это является главною причиною плохихъ успѣховъ его учениковъ; хотя весьма сильною помѣхою въ дѣлѣ преподаванія нужно признать помѣщеніе обоихъ классовъ въ одной комнатѣ и самую тѣсноту этой комнаты, но и въ его преподаваніи нѣтъ никакого вообще систематическаго раздѣленія учениковъ на курсы. Жизнь онъ ведетъ, не соотвѣтствующую званію учителя, и часто предается пьянству по свидѣтельству смотрителя, у котораго, впрочемъ, съ нимъ натянутыя отношенія. Со времени послѣдняго обозрѣнія училища директоромъ, который сдѣлалъ ему убѣдительнѣйшія представленія, сталъ замѣтно исправляться. По экзамену оказался мало свѣдущимъ въ предметахъ, которымъ обучался въ семинаріи, и теперь годился бы только для низшаго отдѣленія 1-го класса уѣзднаго училища; впрочемъ, если бы призанялся чтеніемъ пособій и сталъ бы ревностнѣе относиться къ дѣлу, то могъ бы преподавать въ 1-мъ классѣ Законъ Божій, нравоученіе, чистописаніе, правописаніе съ чтеніемъ и письмомъ по латинскому языку. Онъ, Тимковскій, сдѣлалъ ему увѣщанія и выговоръ, а тотъ, въ отвѣтъ на это сталъ проситься въ отставку по слабости здоровья (въ дѣйствительности

онъ былъ совершенно здоровъ), съ тѣмъ чтобы ему дали чинъ коллежскаго асессора. Основывалъ онъ эти желанія на своей долговременной службѣ въ нынѣшнемъ чинѣ и на законѣ объ отставкѣ; но онъ, Тимковскій, выразилъ сомнѣніе въ возможности полученія слѣдующаго чина и совѣтовалъ ему продолжать службу, чтобы ревностнымъ исполненіемъ ея добиться должности смотрителя, а затѣмъ и желаннаго производства въ коллежскіе ассессоры. Изъ дальнѣйшихъ объясненій Павленка выяснилось, что онъ добивается дворянства и хотя представленныя имъ доказательства были признаны недостаточными, тѣмъ не менѣе онъ уже подписывается другою, дворянскою фамиліей — Богуненко; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также стремится перейти на службу въ Полтаву, гдѣ у него мать и имѣніе. Всѣхъ учениковъ въ училищѣ 38 чел., въ томъ числѣ дѣтей войсковыхъ и казенныхъ обывателей 16, дворянъ и оберъ-офицеровъ 15, купцовъ и мѣщанъ 4, разночинцевъ 3. Классная мебель самая скудная и грубая. Учитель, подъ предлогомъ снабженія неимущихъ учениковъ казенными учебниками, ссужаетъ ими всѣхъ учащихся, вслѣдствіе чего они сильно треплются; онъ, Тимковскій, обратилъ на это вниманіе директора и просилъ его уничтожить такой обычай и въ другихъ школахъ, гдѣ онъ только существуетъ.

Валуйское училище. На сколько удобно и красиво мѣстоположеніе Валуекъ на лѣвомъ гористомъ берегу Оскола, на столько, напротивъ того, самый городъ пустъ и ничтоженъ, за исключеніемъ пригородной слободы казенныхъ крестьянъ. Училище самымъ бѣдственнымъ образомъ помѣщается въ большомъ, но совершенно обветшаломъ домѣ, принадлежащемъ Бирюченскому городничему Петрулину, который давно уже не взимаетъ за него платы и предлагаетъ пріобрѣсти его у него. Но, если разобрать домъ, что необходимо, то останется только небольшое количество годнаго на постройку лѣса, а самое мѣстоположеніе училища неудобно: оно находится подъ горою, которая для подъема и спуска въ ненастное время вслѣдствіе крутизны своей крайне неудобна. Точно также и по тѣмъ же причинамъ неудобенъ домъ, предлагаемый въ продажу стат. совѣтн. Евдокимомъ Шидловскимъ. Городничій, а потомъ и губернаторъ объявили ему, Тимковскому, что на пожертвованіе городскаго общества для постройки собственнаго училищнаго зданія расчитывать нечего, скорѣе можно надѣяться въ этомъ отношеніи на дворянство; онъ же Тимковскій, узналъ въ Валуйкахъ, что тамъ есть большіе пустые казенные амбары, лѣсъ которыхъ можно было бы употребить на постройку зданія. Обстановка училища очень убогая; зимою въ классахъ холодно — и это не мало отвлекаетъ отъ школы учениковъ; необходимо прибавить на содержаніе ея изъ казенныхъ средствъ по

крайней мѣрѣ 30 р. Должность смотрителя занимаетъ городничій, человѣкъ хорошихъ качествъ, но по новости ли дѣла или по занятіямъ своимъ городскими дѣлами онъ недостаточно вникаетъ въ него, хотя и кажется приверженнымъ къ этой сторонѣ своей дѣятельности и находится въ добромъ согласіи съ учителями. Учитель 1-го и 2-го классовъ губернскій секретарь Ѳедоръ Сѣнцовъ—изъ священническихъ дѣтей; отъ роду ему 35 лѣтъ; женатъ; имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 150 руб.; живетъ въ своемъ домѣ; дровъ и свѣчей ему не отпускается; учился въ Воронежской семинаріи до богословскаго класса. Въ учительской должности съ 1791 года; въ ней прилеженъ и заботливъ; нрава степеннаго; многіе дворяне отзываются о немъ съ похвалою, и оказываютъ ему нѣкоторую помощь за обученіе имъ ихъ людей. Ученики обнаруживаютъ изрядные успѣхи по своимъ предметамъ, за исключеніемъ священной исторіи, которою до этого времени занимались болѣе для упражненія въ чтеніи; свѣдѣнія его самого—посредственны; никакихъ наукъ онъ не знаетъ и только кое-что помнитъ изъ русской и латинской грамматики и ариѳметики. Но по нуждѣ, послѣ предварительной подготовки, можетъ быть учителемъ 1-го класса уѣзднаго училища и преподавать тамъ всѣ предметы, за исключеніемъ нѣмецкаго языка. Этого заслужилъ онъ и долговременною усердною службою, и поведеніемъ; впослѣдствіи его можно сдѣлать и смотрителемъ училища, а теперь слѣдуетъ перевести, согласно его просьбѣ, въ Задонскъ или Бахмутъ, гдѣ откроются училища, чтобы поправить этимъ нѣсколько его скудное матеріальное положеніе. Всѣхъ учениковъ въ училищѣ 34, въ томъ числѣ дворянскихъ и оберъ офицерскихъ дѣтей 23, разночинцевъ 6, крѣпостныхъ 3, купцовъ и мѣщанъ 2. Причиною, почему въ школѣ такъ мало купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей и вовсе нѣтъ казенно-обывательскихъ, нужно признать существованіе въ томъ же городѣ четырехъ большихъ частныхъ школъ, содержимыхъ приказными, изъ коихъ у одного коллежскаго секретаря до 30 учениковъ. Училище ощущаетъ большой недостатокъ въ учебныхъ книгахъ; часть ихъ уже отправлена изъ Воронежскаго магазина, но другихъ нѣтъ и тамъ. Училищныя скамьи — самой топорной работы и столь широки, что больше похожи на столы и только затемняютъ классъ, притомъ число ихъ такъ мало, что ученики для письма не всѣ могутъ на нихъ помѣститься. Кромѣ ничтожной черной доски, училище не имѣетъ никакой собственности.

Бобровское училище. Что сказано о г. Валуйкахъ, то можно сказать и о Бобровѣ. Мѣстоположеніе его на правомъ нагорномъ берегу рѣки Битюга прекрасно; большую часть города занимаетъ Азовская слобода и удѣльные крестьяне. Училище не имѣетъ собственнаго дома, а по-

мѣщается въ квартирѣ, нанимаемой ратушей за 40 руб.; въ ней одна тѣсная комната для классовъ и 2 еще болѣе тѣсныя комнатки для учителя. Надежды на постройку новаго школьнаго зданія городскимъ обществомъ или дворянствомъ не имѣется. Нѣкоторые бобровскіе обыватели говорили ему, что для этой цѣли могло бы послужить въ пустѣ остающаяся постройка Орловской удѣльной экспедиціи. Онъ, Тимковскій, рекомендовалъ пріискать такую квартиру для училища, въ которой было бы 2 отдѣльныя комнаты для двухъ классовъ, а квартиры учителей могли бы по нуждѣ находиться въ другомъ домѣ; но это едва ли осуществится, такъ какъ городское общество не увеличитъ суммы, отпускаемой на наемъ помѣщеній; скудость училищныхъ средствъ такъ велика, что нѣтъ возможности нанять сторожа и учитель долженъ посылать своего слугу топить печи въ школѣ, подметать полы и т. п., а родители въ складчину, отапливаютъ ее. Должность смотрителя, по порученію приказа общественнаго призрѣнія, отправляетъ бывшій Бобровскій уѣздный судья, а нынѣ предводитель дворянства надворный совѣтникъ Григорій Вороновъ; онъ обнаруживаетъ расположеніе къ училищу, но можетъ посвящать ему, за другими дѣлами, мало времени. Учитель 1-го и 2-го класса коллежскій регистраторъ Иванъ Альпатовъ; въ 1795 году выключенъ изъ однодворческаго званія въ купеческое, а въ 1798 г. исключенъ и изъ этого послѣдняго ему 30 лѣтъ; женатъ; имѣетъ дѣтей; жалованья получаетъ 150 руб.; живетъ на училищной квартирѣ, но на свѣчи денегъ ему не отпускаютъ; учился въ главномъ Воронежскомъ народномъ училищѣ всѣмъ предметамъ кромѣ языковъ; въ учительской должности съ 1799 г.; заявляютъ, что онъ въ ней старателенъ; поведенія изряднаго; но ученики обнаруживаютъ слабые успѣхи; самъ онъ выказалъ малыя познанія въ русской грамматикѣ, геометріи и географіи, а въ исторіи—почти никакихъ; можетъ быть пока учителемъ низшаго отдѣленія 1-го класса, а впослѣдствіи призанявшись и высшихъ классовъ. Учениковъ въ училищѣ 40 чел., въ томъ числѣ купеческихъ и мѣщанскихъ дѣтей 20 (19 муж. и 1 жен. пола), дворянскихъ и оберъ офицерскихъ 12 (муж. 7 и жен. пола 5), казенныхъ поселянъ 4, крѣпостныхъ 2, разночинцевъ 2 (1 муж. и 1 жен. пола). Въ этомъ же городѣ есть приходское училище для удѣльныхъ крестьянъ, изъ котораго однако ученики въ малое народное училище не переходятъ. Классная мебель въ этомъ послѣднемъ столь же бѣдна, какъ и все его состояніе. Изъ учебниковъ сюда нужно доставить по 20 экз. священной исторіи, катехизиса и 1-й части ариѳметики и 30 экз. букваря.

Павловское училище. Внезапная весенняя распутица и разливъ рѣкъ въ исходѣ февраля при всѣхъ моихъ усиліяхъ и перенесенныхъ затрудненіяхъ, пишетъ Тимковскій, не позволили мнѣ доѣхать до Павловска и заставили вернуться въ Воронежъ. Мнѣ приходится, такимъ образомъ, сообщить здѣсь то, что я узналъ изъ распросовъ. Городъ этотъ, имѣющій прекрасное мѣстоположеніе при впаденіи рѣки Осереды въ Донъ, хотя не великъ, однако значительнѣе Боброва и Валуекъ и начинаетъ замѣтно расти, благодаря своей промышленности. Училище помѣщается въ домѣ, нанимаемомъ городскою думою. Должность смотрителя поручена была здѣсь приказомъ общественнаго призрѣнія городничему майору Попову, который однако не въ состояніи нести ее въ должной исправности. Учитель 1-го и 2-го класса Михаилъ Вицинскій изъ священническихъ дѣтей; отъ роду ему 29 лѣтъ; холостъ, жалованья получаетъ 150 руб.; живетъ въ училищномъ домѣ; обучался въ Воронежской семинаріи до богословія, въ учительской должности состоитъ съ 1799 г.; желательно, чтобы онъ оказывалъ къ ней болѣе вниманія; поведенія изряднаго, но не вполнѣ соотвѣтствующаго званію учителя, особенно не нравятся нѣкоторымъ изъ здѣшнихъ жителей его сатирическіе стихи, а бывшая у него со смотрителемъ распря предосудительна для порядка и пользы училища и нужно будетъ предписать директору, чтобы онъ, когда будетъ въ Павловскѣ, обратилъ вниманіе на его поведеніе.

Задонское училище. Задонскъ весьма небольшой, но довольно изрядный городокъ на лѣвомъ берегу Дона. Въ бытность свою тамъ бесѣдовалъ онъ, Тимковскій, съ предводителемъ дворянства, городничимъ и другими чиновниками о заведеніи училища. Они обѣщали стараться въ пользу этого дѣла. Въ каменномъ зданіи присутственныхъ мѣстъ есть четыре небольшія пустыя комнаты, въ которыхъ можно помѣстить три класса, каждый съ особымъ входомъ, и контору съ библіотекой, если только на это послѣдуетъ согласіе губернатора; на дворѣ можно было бы устроить сарай для склада училищныхъ дровъ. Тамошній уѣздный судья, бывшій прежде землемѣромъ, коллежскій ассесоръ Никита Лютовъ—очень хорошій человѣкъ и со свѣдѣніями по части математическихъ наукъ — согласенъ принять должность смотрителя и преподавателя математики во 2-мъ классѣ; директоръ также одобряетъ его; такимъ образомъ, остается только директору снестись съ нимъ и выяснить вопросъ, захочетъ ли онъ отказаться по истеченіи выборнаго срока отъ судейской должности и принять мѣсто смотрителя со штатнымъ жалованьемъ. Тогда нужно будетъ пріискать въ Задонскѣ двухъ учителей, одного для старшихъ классовъ, а другого для низшаго отдѣ-

ленія 1-го класса, которому квартиру или квартирныя деньги доставитъ городское общество, и это мѣсто можно предоставить нынѣшнему Валуйскому учителю; уѣздное же дворянское и гражданское общество выстроитъ для училища домъ съ квартирами для учителей;—его, Тимковскаго, обнадеживали въ этомъ, а равно и въ сборѣ суммы до 500 руб. на покупку классной мебели, учебниковъ и учебныхъ пособій.

Сообщивъ о народныхъ училищахъ, Тимковскій переходитъ къ краткой характеристикѣ *приходскихъ школъ*. Въ Козинскомъ и Бѣлоколодезскомъ приходскихъ училищахъ учителями были дьячки, а въ Бобровскомъ и Лочевскомъ священники, обучавшіеся въ Воронежской духовной семинаріи. Всѣ эти училища содержались на мірской счетъ, причемъ въ Бѣлоколодезскомъ жалованье учителю удѣльной экспедиціей еще не было назначено, а въ остальныхъ трехъ учителя получали (отъ обществъ?) по 50 руб., а сторожа по 15 руб. Относительно этихъ училищъ онъ, Тимковскій, проситъ училищный комитетъ принять слѣдующія мѣры: 1) сдѣлать распоряженія, чтобы завѣдующіе ими или учителя ихъ доставляли въ малыя народныя школы, а въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ не было ихъ, директорамъ училищъ по опредѣленнымъ формамъ ежемѣсячныя и полугодовыя вѣдомости объ учебномъ и хозяйственномъ состояніи ихъ—о числѣ учениковъ и успѣхахъ этихъ послѣднихъ; 2) чтобы директоръ, отправляясь для обозрѣнія школъ, взялъ съ собою кого-либо изъ учителей главнаго народнаго училища, съ тѣмъ чтобы тотъ далъ учителямъ приходскихъ школъ наставленія въ методахъ обученія юношества. Будучи въ Воронежѣ, онъ, Тимковскій, взялъ справку о приходскихъ школахъ у мѣстнаго преосвященнаго Арсенія, изъ которой видно, что онѣ заводятся въ зависимости отъ помѣщенія и средствъ на ихъ содержаніе въ разныхъ селеніяхъ по указанію губернскаго правленія или Орловской удѣльной экспедиціи, или самихъ помѣщиковъ; туда преосвященный соглашался переводить болѣе образованныхъ и способныхъ къ преподаванію священниковъ. Наконецъ, послѣдній 45-й § донесенія Тимковскаго трактуетъ о *частномъ обученіи* въ предѣлахъ Воронежской губерніи. Учителя главнаго народнаго училища имѣли у себя пансіонерами своихъ учениковъ; каждый изъ нихъ занимался съ ними повтореніемъ предметовъ классснаго обученія и нѣкоторыхъ другихъ внѣклассныхъ; но такъ какъ соревнованіе въ пріемѣ пансіонеровъ подавало поводъ къ личнымъ неудовольствіямъ и пререканіямъ, то въ силу своей благонамѣренности и стремленія къ общему благу въ сферѣ образованія, учителя рѣшили учредить сообща при училищѣ для повторенія и преподаванія своихъ предметовъ особый классъ, въ которомъ каждый изъ нихъ занимался по своей спеціальности и получалъ при-

читающуюся на его долю часть общей суммы; объ организаціи этого дѣла можно судить на основаніи двухъ актовъ, предлагаемыхъ имъ, Тимковскимъ, вниманію училищнаго комитета, одного утвержденнаго въ 1800 г. приказомъ общественнаго призрѣнія, а другого учиненнаго въ 1805 г. по прибытіи въ Воронежъ учителя французскаго языка. Учрежденіе это настолько полезно, что о немъ слѣдуетъ объявить всѣмъ директорамъ училищъ. Другихъ пансіоновъ въ губерніи не имѣется и только учитель французскаго языка Дюбоа-де-Ливри подалъ прошеніе о разрѣшеніи ему устроить таковой. Но во многихъ господскихъ домахъ, въ городахъ и деревняхъ имѣются частные учителя преимущественно изъ иностранцевъ. Одинъ изъ этихъ учителей Воронежскій семинаристъ философскаго класса Константинъ Артемьевъ—молодой человѣкъ очень хорошихъ дарованій — проситъ объ опредѣленіи его въ студенты университета. Однако его подготовка оказалась недостаточной для университета — и онъ рѣшилъ поступить для своего усовершенствованія, согласно совѣту его, Тимковскаго, въ слободско-украинскую гимназію. Другой учитель — нѣмецъ Шнертъ, знающій и французскій языкъ, скромнаго поведенія и добраго нрава, просилъ у него мѣста преподавателя нѣмецкаго языка въ одной изъ гимназій, но потомъ принялъ частную учительскую должность и отказался отъ своего намѣренія. Третій учитель французъ дю-Перронъ, знающій хорошо французскую словесность и латинскій языкъ, имѣющій выгодное мѣсто и, сколько можно судить, хорошаго поведенія, объявилъ ему, что если оставитъ свою должность, то явится въ университетъ и будетъ просить себѣ мѣста учителя французскаго языка въ гимназіи. Четвертый учитель итальянецъ де-Боннотъ, знающій итальянскій, французскій и латинскій языки, проситъ о назначеніи его учителемъ въ Воронежскую гимназію, но такъ какъ знанія его пріобрѣтены практическимъ путемъ, а не при помощи научной подготовки, то онъ, Тимковскій, посовѣтовалъ ему подать просьбу объ этомъ въ училищный комитетъ.

Кромѣ того во всѣхъ уѣздныхъ городахъ существуютъ *частныя школы*, содержимыя священно и церковно-служителями, приказными или иными лицами, часто *многолюдныя*, которыя признаются всѣми учителями малыхъ народныхъ училищъ причиною недостаточнаго числа учениковъ въ этихъ послѣднихъ. Школы эти населеніе принимаетъ какъ бы за приходскія и издревле ихъ по старому обычаю поддерживаетъ, хотя дѣти въ нихъ ничему иному не учатся, кромѣ азбуки, часослова и псалтыри, при томъ съ неправильнымъ чтеніемъ и письмомъ дурнаго почерка. Онъ, Тимковскій, считаетъ нужнымъ обратить на нихъ вниманіе по крайней мѣрѣ въ такой степени, чтобы содержатели ихъ въ

тѣхъ городахъ, гдѣ есть казенныя училища, смотрителямъ или учителямъ ихъ подавали ежемѣсячные отчеты объ учебномъ состояніи ихъ по извѣстнымъ формамъ и въ этомъ смыслѣ выдали подписку черезъ градскую полицію. Но прямо, говоритъ Тимковскій, нужно признать вреднымъ и для юношества, и для службы *обычай* отдавать дѣтей учиться писать, а иногда даже и читать въ канцеляріи разныхъ присутственныхъ мѣстъ; посему необходимо просить губернаторовъ и попечителя сдѣлать запрещеніе въ этомъ смыслѣ и оставить только въ силѣ пріемъ туда лицъ, умѣющихъ порядочно читать и писать.

Таково содержаніе обширнаго отчета визитатора Тимковскаго. Какъ мы видимъ, онъ даетъ полную, систематическую картину положенія школьнаго дѣла въ Воронежской губерніи: тутъ мы находимъ данныя о времени возникновенія училищъ, о количествѣ ихъ, о домахъ, гдѣ они помѣщались, о средствахъ, для нихъ отпускавшихся, о пожертвованіяхъ, въ пользу ихъ дѣлаемыхъ, объ отношеніи къ нимъ мѣстнаго общества и администраціи, о педагогическихъ и нравственныхъ качествахъ директоровъ, смотрителей и учителей, о ходѣ и успѣхахъ преподаванія, объ учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ и т. п. Но Тимковскій не ограничивается простымъ описаніемъ училищъ: онъ очень подробно говоритъ и о томъ, что нужно было сдѣлать въ виду предстоявшаго переформированія главныхъ народныхъ училищъ въ гимназіи и малыхъ училищъ въ уѣздныя, и вообще останавливается не рѣдко на мѣрахъ къ улучшенію матеріальной, учебной или административной стороны дѣла во всѣхъ школахъ. Отчетъ его полностію, подобно донесеніямъ другихъ визитаторовъ, былъ прочитанъ въ засѣданіяхъ училищнаго комитета, подробно разобранъ (этому чтенію и разбору было посвящено нѣсколько засѣданій) и на него положены извѣстныя резолюціи. Не буду останавливаться на нихъ, ибо выше я уже приводилъ постановленія комитета, касающіяся различныхъ пунктовъ отчета проф. Дегурова,—замѣчу только, что съ одной частью предложеній Тимковскаго училищный комитетъ вполнѣ согласился и утвердилъ ихъ своимъ собственнымъ приговоромъ, а другую принялъ только къ свѣдѣнію, отложивъ исполненіе ихъ на будущее время.

Такою же, можно сказать, удивительною обстоятельностью отличаются и другіе отчеты по визитаторской части проф. И. Ѳ. Тимковскаго. Онъ обладалъ, очевидно, огромными педагогическими способностями и любовью къ этому дѣлу. Онъ отдавался ему всецѣло съ увлеченіемъ и рѣдкимъ усердіемъ. Мы знаемъ, что попечитель округа гр. С. О. Потоцкій еще до открытія университета поручилъ ему спеціально завѣдываніе училищами въ Харьковскомъ учебномъ округѣ. И онъ не только

оправдалъ возлагавшіяся на него надежды, но обнаружилъ при этомъ выдающійся талантъ, который развилъ и укрѣпилъ еще частыми поѣздками по округу въ качествѣ ревизора. Большую часть времени своего онъ посвящалъ школьному дѣлу: бывалъ въ уѣздахъ не только на каникулы, какъ другіе визитаторы, а и въ учебное время и могъ, такимъ образомъ, хорошо присмотрѣться къ постановкѣ и ходу преподаванія, къ пріемамъ и способностямъ учителей, къ успѣхамъ и познаніямъ учениковъ. Конечно, отъ этого нѣсколько страдало дѣло его университетскаго преподаванія, но, во 1-хъ, благодаря недостатку студентовъ, чтеніе лекцій и безъ того шло неправильно, подъ часъ профессора оставались безъ слушателей и должны были изобрѣтать для себя какія либо особенныя занятія, а, во 2-хъ, въ то время дѣло устройства среднихъ школъ представляло огромную, практическую важность и для университета, потому что въ связи съ нимъ стояло и возможное увеличеніе числа лицъ, поступавшихъ въ него изъ гимназій; не говоримъ уже о томъ, что въ среднихъ и низшихъ училищахъ находили примѣненіе для своей дѣятельности питомцы того же университета. Тимковскій, въ продолженіи своей службы въ Харьковскомъ университетѣ, былъ командированъ много разъ на визитаціи и при томъ оставался на нихъ всякій разъ по нѣсколько мѣсяцевъ.

Доказательствомъ выдающихся педагогическихъ талантовъ И. Ѳ. Тимковскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ результатомъ его визитацій по округу являются его „общія мнѣнія относительно училищъ". Мы приведемъ нѣкоторыя выдержки изъ этой любопытной записки И. Ѳ. Тимковскаго (тѣмъ болѣе, что она не напечатана), чтобы дать понятіе о педагогическихъ идеяхъ самаго выдающагося тогдашняго визитатора. Въ запискѣ затронуты всѣ важнѣйшіе вопросы, касающіеся училищъ; это, такъ сказать, спеціальный трактатъ о школахъ — ихъ недостаткахъ и мѣрахъ къ искорененію этихъ послѣднихъ. Въ началѣ авторъ характеризуетъ отношеніе къ школамъ тогдашняго руководящаго сословія въ государствѣ—дворянства: оно отвернулось отъ народныхъ училищъ, предпочло имъ пансіоны и военныя училища, и потому теперь говоритъ Тимковскій слѣдуетъ спѣшить съ открытіемъ школъ по уставу 1804 г. —тогда откроются способы и къ образованію женщинъ. Дворянство, правда, съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ смотритъ на школы, потому что въ нихъ наравнѣ съ дворянскими дѣтьми учатся и крестьянскія, даже крѣпостныя. „Было время въ Украинѣ и Малороссіи, говоритъ Тимковскій, что господа не брезгали учиться вмѣстѣ съ разночинцами"; но теперь этого нѣтъ и потому приходится примиряться съ печальною необходимостью допустить лѣтъ на 5—6 сословныя дѣленія въ училищахъ (садить учениковъ при-

виллегированнаго состоянія за особый столъ). Но отдавъ тутъ дань вѣку — ставъ на сторону сословности, Тимковскій далѣе энергично ратуетъ за пользу и необходимость грамоты для крестьянина и возражаетъ тѣмъ, кто считаетъ ее ненужною и вредною. Открытіе приходскихъ школъ, по мнѣнію Тимковскаго, не могло идти успѣшно, потому, во 1-хъ, что зависѣло отъ помѣщиковъ, а во 2-хъ и вслѣдствіе недостатка для нихъ учителей. Они сдѣлаются основательнѣе, когда будутъ учреждаться по желанію самого населенія, подобно тому какъ и уѣздныя училища тамъ лучше, гдѣ ихъ не навязывали городамъ, а заводили по просьбѣ гражданъ. Разночинцы вообще довольны уѣздными училищами, но имъ не нравится, во 1-хъ, то, что тамъ не учатъ чтенію церковныхъ книгъ, вслѣдствіе чего нѣкоторые предпочитаютъ отдавать для обученія грамотѣ своихъ дѣтей дьячкамъ и старухамъ, а во 2-хъ, и то, что дѣти только заучиваютъ отвѣты на вопросы, мало понимая ихъ. Поступленію въ главныя народныя училища много мѣшаетъ отсутствіе въ губернскихъ городахъ подходящихъ недорогихъ квартиръ или пансіоновъ, гдѣ былъ бы и надзоръ за учениками. Тимковскій рекомендуетъ устройство пансіоновъ 4-хъ типовъ: 1) казенныхъ для безплатнаго содержанія бѣдныхъ учениковъ, 2) общественныхъ, содержимыхъ на пожертвованія сословій и частныхъ лицъ, 3) платныхъ для лицъ недостаточнаго состоянія (со взносомъ отъ 125 до 175 р.), 4) платныхъ для дворянства (со взносомъ отъ 200 до 250 р.). Необходимо также, продолжаетъ далѣе Тимковскій, принять мѣры противъ неисправнаго посѣщенія учениками училищъ. „Теперь часто является въ классъ новый ученикъ; неизвѣстно, что онъ такое и откуда; бываетъ въ классѣ или не бываетъ, до этого нѣтъ дѣла никому; вдругъ не стало его; чрезъ полгода, чрезъ годъ приходитъ иной опять въ училище; во многомъ отсталъ или все забылъ; можетъ ли такой ученикъ быть въ классѣ исправенъ, внимать наставленіямъ учителя, научиться чему нибудь, вести себя порядочно, получить хорошія правила для жизни? При такомъ *кочевомъ* ученьи какъ разумѣютъ объ училищѣ всѣ посторонніе, какъ мыслятъ и чувствуютъ ученики, кои болѣе давали бы достоинства училищу, ученью и самимъ себѣ, еслибъ напротивъ того все было сопряжено съ нѣкоторымъ обрядомъ или этикетомъ, иногда мало значущимъ". Далѣе Тимковскій предлагаетъ рядъ мѣръ для упорядоченія этого дѣла или, какъ онъ выражается, „для порядка, благоустройства и дисциплины, коихъ вліяніе всегда и вездѣ пригодно". Нужно принять мѣры и противъ безпорядка во время классныхъ занятій. По множеству учениковъ въ низшихъ классахъ только ближайшіе занимаются дѣломъ, а другіе развлекаются и развлекаютъ другихъ, смотря по сторонамъ, разговариваютъ; многіе по-

ступаютъ въ училище хорошо подготовленными и прилежными, но видя, что можно не особенно заботиться о своихъ успѣхахъ и не имѣя къ этому никакихъ внѣшнихъ побужденій, охладѣваютъ къ наукамъ; для усиленія соревнованія Тимковскій рекомендуетъ два средства, издавна практиковавшіяся въ духовныхъ школахъ—разсаживаніе учениковъ по мѣстамъ въ классѣ сообразно ихъ успѣхамъ въ наукахъ и введеніе авдиторовъ для выслушиванія уроковъ. Публичные экзамены, съ ихъ показной стороной, съ заранѣе подготовленными отвѣтами, Тимковскій признаетъ нераціональными, равно какъ и существовавшій всюду обычай готовить учениковъ къ отвѣтамъ на случай появленія какого-либо почетнаго посѣтителя, но за то настаиваетъ на большей строгости переводныхъ испытаній. Тѣлесныя наказанія были запрещены въ школахъ, (и ихъ дѣйствительно не было), но явилась другая крайность—вовсе перестали наказывать учениковъ, если не считать того, что ставили на колѣни; но къ этому привыкли и дѣйствительно: что значитъ стоять у дверей, когда прочіе толпами ходятъ по классу? Тимковскій предлагаетъ рядъ наказаній за проступки—лишать мѣста, заставлять просить прощенія у обиженнаго, оставить виновнаго въ классѣ на ночь съ тѣмъ, чтобы онъ спалъ на жесткой постели, отослать въ домъ къ родителямъ для наказанія, отправить торжественно на одинъ или два урока изъ высшаго класса въ низшій. Я не одобряю, говоритъ Тимковскій, того, чтобы ставили на колѣни, запирали въ холодное или темное мѣсто, оставляли безъ обѣда, велѣли служить товарищу, безчестили нарядомъ, ибо такія наказанія могутъ имѣть дурное вліяніе на характеръ. Тимковскій хвалитъ вопросный методъ изложенія, но требуетъ, чтобы онъ былъ соединенъ съ разъясненіемъ предмета. „Теперь нѣтъ ничего легче, говоритъ онъ, какъ быть хорошимъ учителемъ и исправнымъ ученикомъ въ народныхъ училищахъ — стоитъ спрашивать и отвѣчать по выученному изъ книги; но легко усмотрѣть, что эти вопросы и отвѣты, не преслѣдуя матеріи въ подробности, а занимаясь ею отрывочно, весьма сбивчивы для разсудка. Напримѣръ: „кто былъ первый царь израильскій? Саулъ. А кто былъ Саулъ? Первый царь израильскій“; вмѣсто того чтобы сказать о его происхожденіи и состояніи до избранія въ цари. „Какъ раздѣляется число для извлеченія изъ него квадратнаго радикса? На знаки по двѣ цифры. Почему оно такъ раздѣляется? Потому что надобно извлечь квадратный радиксъ“... Такъ духъ изслѣдованія останавливается въ недоумѣніи и не имѣетъ ходу далѣе; такъ соблазняется логическая вѣрность. Напротивъ того, если учитель, держась классической (т. е. классной) книги, разскажетъ матерію, изъяснитъ ее и дополнитъ любопытными и полезными дополненіями, заста-

витъ лучшаго ученика повторить сказанное и потомъ, когда увидитъ, что поняли его объясненіе, предложитъ ученикамъ вопросы одинъ за другимъ въ связи и подробно анализируетъ ими матерію, то такой способъ, напрягая силы учителя, будетъ изощрять и распространять понятіе ученика, пріучать его ко вниканію и вмѣстѣ образуетъ даръ слова его". Переходя къ учебникамъ, Тимковскій высказываетъ желаніе, чтобы существовало въ школахъ по два учебника—одинъ краткій для учениковъ, другой пространный для учителей; въ уѣздныхъ училищахъ могло бы принести пользу сочиненіе на подобіе *„Начальнаго руководства къ воспитанію юношества"*. Необходимо, говоритъ онъ далѣе, чтобы учителя обратили большее вниманіе на выработку четкаго и красиваго почерка и умѣнья разбирать всякую скоропись. Въ преподаваніи русской грамматики Тимковскій требуетъ и аналитическаго, и систематическаго ея изложенія, а математики—объясненія теоріи, т. е. доказательства теоремъ, ибо, разъ понявъ ее, ученикъ остается тверже, вѣрнѣе, смѣтливѣе и въ практикѣ. Относительно преподаванія исторіи Тимковскій дѣлаетъ замѣчаніе, что оно должно сопровождаться географическими поясненіями, а относительно учебниковъ прибавляетъ, что они слишкомъ изобилуютъ номенклатурой. Катехизисъ Тимковскій рекомендовалъ соединить со священной исторіей, чтобы Законъ Божій сдѣлать для дѣтей менѣе отвлеченнымъ и болѣе яснымъ. Книга о должностяхъ человѣка и гражданина, по его словамъ, имѣла существенный недостатокъ: она представляла изъ себя сборникъ теоретическихъ положеній и мнѣній и потому не производила никакого впечатлѣнія на сердца юношей. „Гдѣ надобно, чтобы чувствовали и чувствованія глубоко врѣзывались, тамъ требуется вѣщать сердцу примѣрами. Въ исторіи государственной и приватной есть много дѣяній и характеровъ, которыми любуется читатель или гнушается ихъ. Она есть храмъ или волшебный міръ, откуда геній словесности одною рукою мещетъ перуны, а другою раздаетъ вѣнки. Изъ драматическихъ повѣстей съ нравственною цѣлью, а особливо изъ біографій можно составить выборъ всего лучшаго.... Источникомъ нравоученія можетъ быть и созерцаніе природы. А какъ моральная часть человѣка много зависитъ отъ физической, то многія нравственныя правила прилично основать на физическомъ воспитаніи и сохраненіи здоровья, кои столь же важны, какъ и образованіе ума и сердца; нужно въ училищахъ преподавать сего рода медицинскій катехизисъ. Сверхъ того можно читать, изъяснять и выучивать изрѣченія и большіе отрывки изъ піитическихъ твореній—все это гораздо болѣе подвинетъ дѣтей, нежели ученыя разсужденія, которыя слѣдуетъ предоставить университету для взрослыхъ". Нужно было, по мнѣнію Тимковскаго, по крайней мѣрѣ въ губернскихъ

городахъ при гимназіяхъ завести хорошія библіотеки, вмѣсто нынѣшняго скуднаго и случайнаго подбора книгъ; безъ нихъ „преподаватели отстаютъ отъ приличнаго ихъ званію образа жизни и бываютъ учителями только pro forma. Много урону и отъ того, что учителямъ не внушали любви къ словесности и чтенію". Туда бы можно было допустить лучшихъ учениковъ и постороннихъ любителей чтенія: „уваженіе правительства къ хорошимъ книгамъ послужитъ нѣкоторымъ подрывомъ для пустыхъ и вредныхъ". „Не всѣ учителя достойны своихъ мѣстъ"; а чтобы учебное начальство могло легче узнать способности ихъ, не слѣдовало ли бы обязать лицъ, добивающихся этого званія, давать пробные уроки при педагогическомъ институтѣ въ университетѣ или при гимназіяхъ? Чтобы преподаваніе не терпѣло отъ частыхъ отлучекъ учителей, нужно примѣнить къ нимъ такія правила объ отпускахъ, вакаціяхъ и т. п., какія практикуются относительно чиновниковъ другихъ вѣдомствъ. Смотрителей уѣздныхъ училищъ Тимковскій дѣлитъ на три категоріи— городничихъ, купцовъ и казначеевъ; о вторыхъ онъ отзывается такъ: „надзиранie купца вездѣ почти плохо и на него жалуются"; городничихъ наоборотъ онъ одобряетъ; не мало было также дворянъ и чиновниковъ, которые желали занять должность смотрителей, но съ жалованьемъ; Тимковскій однако предпочиталъ имъ заслуженныхъ учителей; по его мнѣнію, лучше было эти деньги употребить или на приглашеніе третьяго учителя, или на добавочное вознагражденіе двумъ штатнымъ, съ тѣмъ чтобы они поочереди исполняли эту должность. Директорскую должность Тимковскій считаетъ необходимымъ обставить такими удобствами, какихъ у нея не было (дать въ помощь директору письмоводителя и надзирателя), а средства для этого, по его мнѣнію, должны были давать приказы общественнаго призрѣнія. Изъ осмотрѣнныхъ Тимковскимъ домовъ ни одного онъ не призналъ вполнѣ пригоднымъ для училищъ новаго типа. Это побуждало его высказать свои соображенія и по поводу того, каковы должны быть школьныя зданія и гдѣ они должны быть расположены; любопытно, что при уѣздныхъ училищахъ онъ считалъ необходимыми огороды. Для расширенія учебновспомогательныхъ учрежденій при училищахъ и для содержанія домовъ онъ предлагалъ взимать съ учениковъ плату, сообразную съ ихъ достатками. Дворянство, по мнѣнію Тимковскаго, видѣло мало пользы отъ частныхъ пансіоновъ и хотѣло имѣть казенный при гимназіи.

Таково краткое содержаніе обширнаго трактата Тимковскаго объ училищахъ. Онъ явился результатомъ глубокаго знакомства автора съ предметомъ, памятникомъ его любви и преданности дѣлу средняго и низшаго народнаго образованія, внимательнаго, вдумчиваго отношенія

ко всѣмъ сторонамъ тогдашней школьной жизни — учебно-педагогической, административной, хозяйственно-экономической. Тутъ мы видимъ и яркую картину тогдашняго училищнаго быта, и массу указаній на его недостатки и, наконецъ, рядъ мѣръ, которыя, по мнѣнію автора, могли бы ихъ исправить или ослабить. Эта послѣдняя сторона для насъ въ данномъ случаѣ особенно цѣнна, во-1-хъ, потому, что представляетъ изъ себя обобщеніе не единичныхъ фактовъ, а всюду распространенныхъ явленій, а, во 2-хъ, и потому еще, что мы до сихъ поръ представляли читателю преимущественно данныя о положительныхъ явленіяхъ школьной жизни; теперь же изъ отчета Тимковскаго можно видѣть и отрицательныя стороны и при томъ сгруппированныя опытною рукою наблюдателя въ полную и стройную систему. Мы не входимъ здѣсь въ разсмотрѣніе педагогическихъ идей Тимковскаго по существу —въ этомъ едва ли есть существенная надобность, ибо все болѣе важное легко можетъ быть оцѣнено самими читателями; замѣтимъ только, что если его оцѣнивать, какъ дѣятеля начала XIX вѣка, примѣняясь къ уровню тогдашнихъ педагогическихъ идей (а только такая оцѣнка и будетъ справедливой), то онъ несомнѣнно окажется выдающимся педагогомъ, цѣлою головою возвышавшимся надъ современными ему дѣятелями; Харьковскій университетъ можетъ по всей справедливости гордиться, что выдвинулъ изъ своей среды такого энергичнаго, талантливаго, передоваго, просвѣщеннаго работника на пользу подвѣдомственныхъ ему школъ. Конечно, съ нашей современной точки зрѣнія кое-что въ идеяхъ Тимковскаго представляется уже отсталымъ, несостоятельнымъ, подъ часъ нѣсколько страннымъ (напр., предложеніе объ отдѣльныхъ мѣстахъ въ классахъ для учениковъ изъ дворянскаго сословія, нѣкоторыя мѣры наказанія),—но все это мало замѣтно въ общей массѣ совершенно разумныхъ проектовъ и совѣтовъ и при томъ объясняется необходимостью для автора, какъ практическаго дѣятеля, считаться съ условіями современной ему дѣйствительности; въ общемъ же его мысли о воспитаніи и образованіи юношества способны дать нравственное удовлетвореніе и людямъ нашего поколѣнія;—особенно замѣчательны его предложенія о необходимости образованія для крѣпостныхъ крестьянъ, для женщинъ, его мысли объ огромной важности физическаго воспитанія и иниціативы самого общества въ дѣлѣ устройства училищъ, его разумныя замѣчанія о замѣнѣ механическихъ методовъ изложенія предметовъ сознательными, доказательными.

Справедливость требуетъ замѣтить, что рядомъ съ Тимковскимъ мы не можемъ поставить ни одного изъ остальныхъ визитаторовъ — онъ занималъ тутъ исключительное положеніе. Но все таки и ихъ ви-

зитаціи были очень полезны для школьнаго дѣла; отчеты многихъ изъ нихъ также отличались большою обстоятельностью и давали цѣнный матеріалъ для сужденія о состояніи училищъ. И они отмѣтили не мало недостатковъ въ школьномъ дѣлѣ; и они предложили съ своей стороны не мало средствъ для ихъ уврачеванія.

Не имѣя возможности останавливаться на ихъ отчетахъ, мы только укажемъ здѣсь, кто изъ профессоровъ ѣздилъ по округу на визитаціи въ теченіе изучаемаго нами десятилѣтія, въ какихъ губерніяхъ бывали визитаторы и какимъ характеромъ отличались ихъ отчеты. *Въ 1805 г.* проф. Тимковскій былъ отправленъ на визитацію въ область войска Донскаго и проѣздомъ посѣтилъ также Изюмское училище Харьковской губерніи; онъ уѣхалъ туда 6-го мая и осматривалъ даже, какъ мы видѣли, и малыя народныя училища; въ его присутствіи и при его дѣятельномъ участіи открыта была въ Черкасскѣ гимназія съ уѣзднымъ училищемъ. Проф. Дегуровъ посланъ былъ визитаторомъ въ г. Одессу и Херсонскую губернію, гдѣ посѣтилъ гг. Херсонъ, Елисаветградъ, а во время проѣздовъ своихъ туда и обратно долженъ былъ принять всѣ необходимыя мѣры къ открытію гимназіи съ уѣзднымъ училищемъ въ Екатеринославѣ—и они дѣйствительно были открыты, какъ мы знаемъ, въ его присутствіи; заѣзжалъ онъ также и въ Полтаву. Проф. Осиповскому поручено было на обратномъ пути изъ Москвы посѣтить Курское главное народное училище, Обоянское и Бѣлгородское уѣздныя (Курской губ.) и Орловское главное народное, что онъ и исполнилъ. *Въ 1806 г.* были командированы на визитаціи слѣдующіе профессора: проф. Тимковскій—въ Курскую и Воронежскую губ. (онъ побывалъ въ четырехъ училищахъ Курской губ.—Курскомъ, Льговскомъ, Рыльскомъ и Путивльскомъ); изъ Воронежской губ. онъ не вернулся въ 1806 году. Умляуфъ—въ Черниговскую и Полтавскую губ. (въ Полтавской губ.); онъ осмотрѣлъ училища — въ Полтавѣ, Прилукахъ, Ромнахъ); Стойковичъ — въ Курскую и Орловскую губ., (въ Курской губ. онъ посѣтилъ училища въ Курскѣ, Бѣлгородѣ, Корочѣ, Староосколѣ, Дмитріевѣ, Обояни, Суджѣ, Путивлѣ и Медвенское приходское; въ Орловской — Орловское, Сѣвское, Дмитріевское, Кромское, Карачевское, Болховское и Мценское); пробылъ въ командировкѣ съ 26 августа по конецъ октября; сверхъ того Тимковскій проѣздомъ посѣтилъ Сумское, Лебединское, Ахтырское и Богодуховское, Умляуфъ—Валковское, Ахтырское и Богодуховское, Стойковичъ Сумское училища Харьковской губ., и былъ отряженъ спеціально для осмотра училищныхъ домовъ въ гг. Изюмѣ и Купянскѣ. *Въ 1807 году* отправились въ качествѣ визитаторовъ: Тимковскій въ Воронежскую губ., затѣмъ сѣвер-

ную часть Полтавской и Черниговскую губерніи, Рижскій въ южную часть Полтавской, Екатеринославской и Херсонскую губерніи; Тимковскій въ предѣлахъ Воронежской губерніи побывалъ въ главномъ Воронежскомъ, Острогожскомъ, Бирюченскомъ, Валуйскомъ и Бобровскомъ малыхъ училищахъ и четырехъ приходскихъ; въ предѣлахъ Полтавской губерніи — въ Роменскомъ и Прилуцкомъ; Рижскій—въ Полтавскомъ главномъ и уѣздномъ Кременчужскомъ (Полтав. губ.) и Валковскомъ (Харьковской губ.), затѣмъ осматривалъ спеціально училища и пансіоны въ Одессѣ, Елисаветградѣ, Херсонѣ и Николаевѣ и представилъ подробнѣйшее о нихъ донесеніе. О визитаціяхъ 1808 г. мы не имѣемъ полныхъ свѣдѣній; знаемъ только, что проф. Стойковичъ былъ командированъ въ 1808 г. въ Екатеринославскую губ., а въ концѣ того же года и въ Воронежскую и 17 января 1809 г. торжественно открылъ Воронежскую гимназію; кромѣ того, онъ посылался на ревизію въ Курскую гимназію (по всей вѣроятности, куда нибудь былъ командированъ и Тимковскій). Въ *1809 году* были отправлены: Тимковскій — въ Глуховъ и Орелъ, Осиповскій и Якобъ—въ Харьковскую гимназію, Стойковичъ—первый разъ въ Полтавскую губ., гдѣ осматривалъ училища и въ уѣздныхъ городахъ, а второй въ Таганрогъ для открытія коммерческой гимназіи и обозрѣнія училищъ войска донскаго, Шумлянскій—въ г. Полтаву, Васильевъ—въ г. Курскъ для осмотра гимназическаго зданія, которое дало трещины, для составленія плана его перестройки. Въ *1810 году* визитаторами были: Тимковскій въ Черниговской и Дегуровъ — въ Курской и Орловской губ. Въ *1811 году* съ тою же цѣлью командированы были — Роммель и Дегуровъ въ Харьковскую гимназію и уѣздное училище, Каменскій — въ Черниговскую губ. съ порученіемъ осмотрѣть по пути училища и другихъ губерній. Въ концѣ 1811 и началѣ 1812 г. по имѣющемся у насъ даннымъ, визитаторами были—проф. Успенскій и Васильевъ въ Курской губ., представившіе отчетъ о своей визитаціи 12 января 1812 года, профессоръ Дегуровъ—въ Одессѣ и Херсонской губ., проф. Книгинъ—въ Таврической. Въ *1813 г.* Срезневскій былъ отправленъ въ Воронежскую губ. съ порученіемъ осмотрѣть также въ Курскѣ домъ, выстроенный для гимназіи, Нельдехенъ—въ Полтавскую и Екатеринославскую губерніи; сверхъ того нѣкоторыя училища поручено было осмотрѣть Дегурову и Лангу. Въ *1814 г.*, по просьбѣ Дюка-де-Ришелье, былъ командированъ снова въ Одессу Дегуровъ, а Гизе и Успенскій въ Харьковскую гимназію.

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что въ теченіе 10 лѣтъ было 32 визитаціи, т. е. въ среднемъ по 3 въ годъ, при чемъ на долю Тимковскаго и Дегурова приходится по 6 визитацій, Стойковича 4, Оси-

повскаго, Васильева, Успенскаго по 2, Умляуфа, Рижскаго, Якоба, Шумлянскаго, Роммеля, Каменскаго, Книгина, Срезневскаго, Нельдехена, Ланга, Гизе по одной. Самыми энергичными визитаторами были, слѣдовательно, Тимковскій, Дегуровъ и Стойковичъ. Въ общемъ визитаціи захватили всю территорію Харьковскаго учебнаго округа, но на долю каждой отдѣльной губерніи выпадало немного ихъ; болѣе всего посчастливилось въ этомъ отношеніи Одессѣ съ Херсонской губ., Воронежской и Курской губ., землѣ войска Донскаго, г. Харькову. Но школьное дѣло несомнѣнно выиграло бы, если бы было больше визитацій. Къ сожалѣнію, достичь этого, очевидно, было не легко. Путешествія по отдаленнымъ и захолустнымъ пунктамъ, каковыми являлись тогдашніе уѣздные города, при крайне неудобныхъ путяхъ сообщенія и отсутствіи культурныхъ удобствъ, были тягостны и сопряжены съ большими лишеніями. Объ этомъ мы имѣемъ прямое свидѣтельство современника: проф. Шумлянскій, вернувшись изъ визитаціи въ такой близкій пунктъ какъ Полтава, подалъ совѣту 9 марта 1810 г., особый рапортъ „de molesto et duro visitatorum officio et variis incommodatibus, quae itinera eorum tum domi, tum in ipsa via concomitantur“ и предлагалъ назначить за этотъ трудъ особое вознагражденіе и считать его особою заслугою. Совѣтъ опредѣлилъ имѣть это въ виду въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, по представленіи ревизоромъ отчета и по обсужденіи его... [1]). „Въ 1805 году университетъ обращался къ попечителю за разрѣшеніемъ купить двѣ коляски въ 400—600 руб. для объѣздовъ училищъ. Попечитель согласился, выразивъ надежду, что университетъ во всякомъ случаѣ не упуститъ изъ виду сохраненія находящихся въ его распоряженіи суммъ. Въ 1809 году онъ разрѣшилъ купить двѣ новыя коляски со слѣдующимъ замѣчаніемъ: „желательно только, чтобы онѣ сколько возможно были легче, дабы не нужно было припрягать къ нимъ излишняго числа лошадей“ [2]). Да и по существу обязанности визитаторовъ были нелегки: для успѣшнаго выполненія ихъ нужны были и наблюдательность, которая бы позволяла схватывать то, чего не хотѣли показать ревизору, и умѣнье разобраться въ разнообразныхъ, подъ часъ противорѣчивыхъ свидѣтельствахъ о мѣстныхъ дѣятеляхъ и ихъ характерѣ, и достаточное общее образованіе, чтобы произвести испытаніе учителямъ въ различныхъ предметахъ средней и низшей школы, и знакомство съ теоретической и практической педагогіей, чтобы оцѣнить методическіе пріемы преподавателей и дать имъ руководящія указанія въ этомъ отношеніи, и нѣкоторая опытность въ вопросахъ хозяйственно экономическихъ, чтобы

---

[1]) Жур. Мин. Нар. Просв. 1869 г. № 10, стр. 248—249.

[2]) Ibidem.

дать заключеніе о пригодности училищныхъ домовъ и необходимыхъ въ нихъ передѣлкахъ, и извѣстный тактъ, чтобы побудить мѣстное общество къ пожертвованіямъ на школы, и, наконецъ, полное безпристрастіе. Профессора русскаго происхожденія могли съ бо́льшимъ удобствомъ исполнять визитаторскія обязанности, чѣмъ иностранцы; этимъ же послѣднимъ не были знакомы ни условія русской жизни, ни характеръ общества, ни его языкъ. При такихъ обстоятельствахъ, имъ было трудно дѣлать вѣрныя наблюденія, хотя они брали съ собою въ качествѣ секретарей или русскихъ чиновниковъ, или студентовъ.

И. Ѳ. Тимковскій повидимому удовлетворялъ въ достаточной мѣрѣ всѣмъ этимъ условіямъ, другіе — въ большей или меньшей степени. Дегуровъ славился преимущественно какъ опытный, искусный дипломатъ и потому его командировали въ Одессу, генералъ-губернаторомъ которой былъ Дюкъ де-Ришелье, желавшій поставить въ непосредственную зависимость отъ себя тамошнія училища; на этой почвѣ произошли нѣкоторыя недоразумѣнія между нимъ и университетомъ — и для улаженія ихъ былъ отправленъ, по желанію самого Дюка, Дегуровъ. „Споръ о подчиненности гимназіи въ Одессѣ, мѣстопребываніи тогдашняго генералъ-губернатора, герцога Ришелье, говоритъ Роммель, былъ рѣшенъ въ его пользу. Харьковскій университетъ получилъ въ замѣнъ ея Таганрогскую гимназію“. И посланъ былъ туда Дегуровъ, „имѣвшій особенное значеніе, какъ ревизоръ училищъ и дипломатъ, особенно въ такихъ дѣлахъ, какъ столкновеніе университета съ герцогомъ Ришелье“; у него было знаніе людей, свѣтскій тактъ, пылкій характеръ и умѣнье всегда соблюдать свою выгоду: это послѣднее свойство дѣлало его, впрочемъ, опортюнистомъ и карьеристомъ и накладывало печать неискренности и на его отчеты и отписки по училищнымъ дѣламъ; это побуждало его также обращаться за матеріальнымъ содѣйствіемъ въ пользу школъ не столько къ обществу, сколько къ начальству, которому онъ очень льстилъ. Несмотря на свое убѣжденіе въ пользѣ и необходимости гимназіи въ Одессѣ, Дегуровъ, не желая противорѣчить могущественному Ришелье, поддерживалъ его заблужденіе о ненужности средняго открытаго учебнаго заведенія, такъ какъ „писалъ онъ, никто лучше герцога не знаетъ средствъ своего города, участью котораго такъ усердно онъ занимался“ [1]).

---

[1]) См. проф. А. Лебедева. А. А. Дегуровъ (Вѣстникъ Евр. 1876 г., мартъ, стр. 145—146); ср. также „Матеріалы для исторіи образованія въ Одессѣ“. А. Скальковскаго (Южный Сборникъ, учено-лит. журн., изд. Н. Максимовымъ №№ 3 и 4); статья эта основана отчасти на документахъ, полученныхъ авторомъ отъ самого Дегурова; среди нихъ мы находимъ визитацію училищъ въ Новороссійскомъ краѣ въ 1812 и 1814 г. въ ра-

Отчеты Дегурова носятъ на себѣ печать индивидуальности ихъ автора еще и въ другомъ отношеніи—они отличаются живостью и нѣкоторой картинностью изложенія.

Въ инструкціяхъ визитаторовъ былъ пунктъ, касавшійся изслѣдованія мѣстныхъ древностей. Такъ въ 9-мъ пунктѣ инструкцій Рижскому и Тимковскому (1807 г.) мы читаемъ: „какъ мѣста Харьковскаго округа, по которымъ проѣзжать вамъ слѣдуетъ, содержатъ въ себѣ многіе историческіе памятники, какъ-то: камни въ фигурахъ, камни съ надписями, надписи на зданіяхъ, развалины, монеты, медали и иныя древнія издѣлія, то, пользуясь случаемъ, открывать и находить ихъ и собирать о нихъ свѣдѣнія; можете достойнѣйшія изъ удобопереносимыхъ приторговать или по усмотрѣнію и покупать для кабинета сего университета, для чего отпускается 300 р." Въ инструкціи Стойковичу, командированному въ 1809 г. въ землю войска Донскаго, кромѣ того замѣчено: „особенно обратить вниманіе на мѣсто, лежащее по дорогѣ изъ Харькова въ Таганрогъ, въ Изюмскомъ уѣздѣ, отъ слободы Савинецъ по лѣвую сторону рѣки Донца, простирающееся на 9 вер., въ которомъ найдены уже многія окаменѣлости, изъ коихъ нѣкоторыя представлены въ университетъ переводчикомъ его Ѳирсовымъ". И визитаторы не оставили безъ вниманія и этой косвенной своей обязанности. „Въ продолженіе моего путешествія, пишетъ Дегуровъ, въ отчетѣ о ревизіи школъ Курской и Орловской губ. въ 1810 г., я старался обогатить университетъ нѣкоторыми драгоцѣнными предметами изъ исторіи. Но все, что могъ получить, состоитъ въ рукописи князя Курбскаго объ исторіи Іоанна Васильевича Грознаго: по отзыву Успенскаго, очень важная и заслуживаетъ того, чтобы снять съ нея копію" [1]). Косвеннымъ результатомъ визитацій того же Дегурова явилось спеціальное, очень любопытное сочиненіе „*De la civilisation des Tatars nogais dans le midi de la Russie europeenne*", изданное въ Харьковѣ въ 1816 г. Онъ же, будучи въ Нѣжинѣ, обратилъ вниманіе на документы, касавшіеся привиллегій тамошняго казачества — мы видѣли сдѣланныя имъ копіи въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія. Но больше всѣхъ въ этомъ отношеніи сдѣлалъ проф. Рижскій. Онъ блестяще выполнилъ 9-й пунктъ данной ему инструкціи: пріобрѣлъ списокъ одной древней греческой надписи и составилъ чрезвычайно любопытное описаніе лично имъ осмотрѣннаго городища древней Ольвіи, присоединивъ къ нему и коллекцію най-

---

портахъ совѣту Дегурова; есть краткія свѣдѣнія объ училищахъ въ Одессѣ съ 1804 г. письмо Ришелье къ Дегурову изъ Одессы отъ 8 апрѣля 1814 г., отношеніе его же въ совѣтъ Харьковскаго университета.

[1]) Ж. М. Н. Просв. 1869 г. № 10, стр. 247—248.

денныхъ здѣсь древностей, ѣздилъ къ Днѣпровскимъ порогамъ, описалъ мѣстность и также пріобрѣлъ нѣкоторые древніе предметы [1]). Представленный Рижскимъ отчетъ о визитаціи отличается большою полнотою и содержательностью. Примѣру профессоровъ-визитаторовъ стали подражать и учителя гимназій и уѣздныхъ училищъ, отвѣчая на вопросы, касавшіеся топографіи и древностей, по программѣ, составленной Г. П. Успенскимъ, и доставляя описанія и различные памятники старины. „Въ отчетѣ проф. Каменскаго, ревизовавшаго въ 1812 г. Черниговскія училища, есть даже особый отдѣлъ подъ названіемъ *разныя замѣчанія*, въ которомъ между прочимъ находятся довольно любопытныя свѣдѣнія о тогдашнемъ состояніи городовъ Черниговской губ.“ [2]). Вообще же отчеты всѣхъ визитаторовъ заключаютъ множество данныхъ для характеристики современнаго имъ общества— его отношенія къ школамъ, его занятій и т. п.

Отчеты визитаторовъ затѣмъ разсматривались въ училищномъ комитетѣ и съ его заключеніемъ переходили въ правленіе и совѣтъ, а оттуда къ попечителю, въ главное правленіе училищъ и къ министру. Это правда нѣсколько задерживало ходъ дѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ служило гарантіей противъ возможныхъ увлеченій и односторонности. Правленіе, совѣтъ и попечитель очень внимательно относились къ донесеніямъ визитаторовъ и, благодаря имъ, могли знать объ истинномъ положеніи училищныхъ дѣлъ, безъ прикрасъ и замалчиваній, столь вредныхъ для дѣла. Таковы данныя *описательнаго* характера о дѣятельности училищнаго комитета и его визитаторовъ. А чтобы составить общее понятіе о результатахъ этой дѣятельности, мы приведемъ теперь статистическія свѣдѣнія о числѣ школъ въ 1813 году, т. е. въ предпослѣдній годъ дѣятельности комитета за первое десятилѣтіе (данныхъ за 1814 годъ въ университетскомъ архивѣ мы не могли найти).

Въ 1813 г., по оффиціальнымъ даннымъ, доставленнымъ секретаремъ училищнаго комитета, въ предѣлахъ Харьковскаго учебнаго округа было 163 школы. По 9 губерніямъ и 2 областямъ онѣ распредѣлялись такъ. Въ Харьковской губерніи была 1 гимназія, 11 уѣздныхъ училищъ, 32 приходскихъ, 2 пансіона. Гимназія въ Харьковѣ преобразована была 3-го сентября 1805 г. изъ главнаго народнаго училища, которое основано было въ 1789 г., а въ 1798 г. слито съ такъ называемыми казенными классами, получившими начало еще въ 1763 году. Помѣщалась

---

[1]) См. подробности объ этомъ въ моемъ рефератѣ, прочитанномъ на Рижскомъ археологическомъ съѣздѣ „Роль Харьковскаго университета въ дѣлѣ изученія мѣстныхъ древностей“.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10, стр. 247.

она въ собственномъ домѣ. Уѣздное училище въ Харьковѣ было открыто 3 сент. 1805 г. и помѣщалось въ домѣ, нанимаемомъ городскою думой. Уѣздное училище въ Богодуховѣ, преобразованное въ 1806 г. изъ малаго народнаго училища, открытаго въ 1793 г., помѣщалось въ собственномъ домѣ. Уѣздное училище въ Сумахъ, преобразованное въ 1806 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1790 г., имѣло безплатное помѣщеніе въ общественномъ городовомъ домѣ; ему же отведено было казною дворовое мѣсто для постройки собственнаго дома. Уѣздное училище въ Ахтыркѣ, преобразованное въ 1806 г. изъ малаго народнаго училища, основаннаго въ 1790 г., имѣло пустопорожнее мѣсто, подаренное ему помѣщикомъ Лесевицкимъ, и другое, подаренное помѣщикомъ Розенбергомъ, на которомъ воздвигнутъ былъ каменный домъ. Уѣздное училище въ Волчанскѣ, основанное въ 1806 г., имѣло деревянный домъ и флигель съ квартирой для смотрителя, а дворовое мѣсто пожертвовано было ему надв. сов. Петромъ Герсевановымъ. Уѣздное училище въ Лебединѣ, открытое въ 1806 г., помѣщалось въ собственномъ деревянномъ домѣ. Уѣздное училище въ Зміевѣ, открытое въ 1807 г., имѣло деревянный домъ, купленный для него городскою думой. Уѣздное училище въ Купянскѣ, открытое въ 1807 г., помѣщалось въ деревянномъ домѣ, купленномъ городскою думою. Уѣздное училище въ Валкахъ, преобразованное въ 1807 г. изъ малаго, открытаго въ 1802 г., имѣло деревянный домъ, построенный для него городскою думой. Уѣздное училище въ Изюмѣ, преобразованное въ 1808 году изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1790 г., помѣщалось въ деревянномъ домѣ, купленномъ городскою думою. Уѣздное училище въ Чугуевѣ, открытое въ 1812 г., помѣщалось въ войсковомъ шефскомъ домѣ. Приходскія училища были въ слѣдующихъ пунктахъ: въ Харьковскомъ уѣздѣ — въ слободѣ Ольшанѣ, открыто было въ 1812 г., помѣщалось въ общественномъ домѣ; въ заштатномъ городѣ Золочевѣ, собственнаго дома не имѣло; въ слоб. Липцахъ, въ слоб. Мерефѣ, въ слоб. Деркачахъ (всѣ открыты были въ 1812 г., помѣщались въ общественныхъ домахъ); въ Богодуховскомъ уѣздѣ: въ с. Кручикѣ, открыто было въ 1804 году въ домѣ помѣщика В. Н. Каразина; въ слоб. Калантаевѣ, помѣщалось въ общественномъ домѣ; въ зашт. городѣ Краснокутскѣ, находилось въ домѣ помѣщика Чаговца; въ слоб. Никитовкѣ, имѣло домъ и мѣсто, подаренныя ему помѣщикомъ Іонинымъ; въ слоб. Сѣнномъ; въ слоб. Рублевкѣ (открыты были въ 1812 году); въ слоб. Вольномъ, основано было въ 1813 г. и помѣщалось въ домѣ, пожертвованномъ священникомъ Никифоромъ Краснопольскимъ; въ Сумскомъ уѣздѣ: въ слоб. Стецьковкѣ, въ слоб. Низшей Сыроваткѣ, въ слоб. Высшей Сыроваткѣ, въ слоб. Прорубѣ, въ слоб. Рѣчкахъ, въ слоб. Бѣло-

польской Ворожбѣ (всѣ открыты были въ 1812 году и помѣщались въ общественныхъ домахъ); въ слоб. Тимофеевкѣ, помѣщалось въ деревянномъ домѣ, подаренномъ помѣщикомъ Росковшенкомъ и помѣщицей Котляревой; въ заштатномъ городѣ Бѣлопольѣ; въ слоб. Климовкѣ, въ селѣ Чернетчинѣ; въ Ахтырскомъ уѣздѣ: въ с. Котельвѣ, въ слоб. Боромлѣ; въ Волчанскомъ уѣздѣ—въ слоб. Печенѣгахъ, Хотомлѣ (всѣ открыты были въ 1812 г. и помѣщались въ общественныхъ домахъ); въ Лебединскомъ уѣздѣ — въ слоб. Бишкинѣ, находилось въ домѣ помѣщика Соловьева; въ заштатномъ городѣ Недригайловѣ; въ Валковскомъ уѣздѣ—въ слоб. Новой Водолагѣ, въ слоб. Коломакѣ; въ Купянскомъ уѣздѣ—въ слоб. Сватовой Лучкѣ; въ Изюмскомъ уѣздѣ—въ заштатномъ городѣ Славянскѣ (всѣ основаны были въ 1812 г. и помѣщались въ общественныхъ домахъ). Сверхъ того были пансіоны въ г. Харьковѣ надв. сов. Нагелевой (для благородныхъ дѣвицъ), открытый въ 1811 году, и иностранца Игнатія Жанеля (для благородныхъ мальчиковъ). Всего въ Харьковской губ. было 120 учителей, 55 другихъ чиновниковъ по учебной части, 1605 учащихся (въ томъ числѣ 1557 мальчиковъ и 48 дѣвочекъ). Всѣхъ суммъ было въ приходѣ—183435 руб., израсходовано—49442 р., въ остаткѣ къ 1-му янв. 1814 г.—133993 р.; столь значительный остатокъ составился главнымъ образомъ изъ такъ называемыхъ экономическихъ суммъ, т. е. спеціальныхъ средствъ училищъ; изъ штатной же суммы, равнявшейся 19950 р., остатка было всего 1796 р. Харьковской гимназіи принадлежали капиталы, пожертвованные Суровцевой (1000 р.) и Алымовымъ (20000 руб.). Число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ колебалось между 26 (въ Чугуевѣ) и 154 чел. (въ Харьковѣ); въ приходскихъ—между 2 и 60; среднее же число было 15 чел.; въ пансіонѣ Нагелевой было 10 дѣвочекъ, а Жанеля—16 мальчиковъ.

Въ Черниговской губ. было 2 гимназіи, 5 уѣздныхъ училищъ, 2 малыхъ народныхъ и 2 приходскихъ. Черниговская гимназія была преобразована въ 1805 г. изъ главнаго народнаго училища, открытаго въ 1789 г. Новгородъ-Сѣверская—въ 1808 году изъ главнаго народнаго училища, основаннаго въ 1789 г.; она имѣла собственный деревянный домъ, подаренный по предписанію ген.-губ. кн. Куракина приказомъ. Уѣздныя училища были: въ Черниговѣ съ 1805 г.; въ Новгородъ-Сѣверскѣ съ 1808 г. (помѣщалось въ гимназическомъ домѣ); въ Глуховѣ, преобразовано въ 1807 г. изъ малаго народнаго, открытаго въ 1790 г.— оба своихъ домовъ не имѣли; въ Нѣжинѣ, преобразовано въ 1812 г. изъ малаго народнаго, учрежденнаго въ 1799 г., помѣщалось въ собственномъ каменномъ домѣ, подаренномъ ему приказомъ общественнаго призрѣнія; въ Конотопѣ—съ 1812 г., имѣло собственный деревянный домъ,

купленный дворянствомъ за 2300 р.; въ Кролевцѣ съ 1813 г., помѣщалось въ собственномъ деревянномъ домѣ, купленномъ дворянствомъ за 1387 рублей. Малыя народныя училища находились: въ Стародубѣ; въ 1790 г. было открыто два класса его, а въ 1797 г. и третій, помѣщалось въ деревянномъ домѣ, подаренномъ ему приказомъ общественнаго призрѣнія; въ Погарѣ, открыто было въ 1800 г., а въ 1804 г. введенъ нѣмецкій языкъ. Приходскія училища были въ слѣдующихъ пунктахъ: въ м. Александровкѣ (Сосницкаго уѣзда) Дашевскаго (съ 1805 г.), въ м. Понурницѣ (Кролевецкаго уѣзда), открыто было въ 1809 г. и по Высочайшему повелѣнію ему подаренъ деревянный домъ.

Всего въ Черниговской губ. было 46 учителей, 14 чиновниковъ по учебной части, 1423 учащихся (въ томъ числѣ 1331 муж. и 92 ж. пола). Всѣхъ суммъ было 49094 р., израсходовано 26775 р., въ остаткѣ къ 1-му янв. 1814 г. было 22322 р. Въ Черниговской гимназіи было 116 душъ; въ Новгородъ-Сѣверской 84; въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 58 и 291; въ малыхъ народныхъ училищахъ—между 108 и 163; въ приходскихъ между 31 и 46.

Въ Екатеринославской губ. было 2 гимназіи, 6 уѣздныхъ училищъ и 25 приходскихъ. Гимназія въ Екатеринославѣ была открыта въ 1805 г., помѣщалась въ двухъ домахъ, подаренныхъ дворянствомъ, при нихъ былъ садъ и роща. Другая гимназія—въ Таганрогѣ; основана была въ 1806 г., имѣла деревянный домъ, флигеля и мѣсто для сада. Уѣздныя училища были: въ Екатеринославѣ (съ 1805 г.), помѣщалось въ домѣ приказа общественнаго призрѣнія; въ Таганрогѣ при гимназіи съ 1806 г.; въ Павлоградѣ, открыто было въ 1806 г., помѣщалось въ домѣ, подаренномъ дворянствомъ; въ Новомосковскѣ, открыто было въ 1807 г., помѣщалось въ домѣ, подаренномъ обществомъ; въ Александровскѣ, открыто было въ 1808 г. и имѣло каменный корпусъ, выстроенный почетнымъ смотрителемъ Маркъ, и каменный же домъ для учительскихъ квартиръ, подаренный помѣщикомъ Гранобарскимъ; въ Бахмутѣ, заведено въ 1808 г. и помѣщалось въ домѣ, подаренномъ капитаномъ Долинскимъ. Приходскія училища были слѣдующія: Ростовское, открыто въ 1809 г., помѣщалось въ домѣ, подаренномъ надзирателемъ его Антоновымъ; Никопольское, открытое въ 1810 г. и помѣщавшееся въ домѣ, выстроенномъ для него надзирателемъ Дреновскимъ; Верхнеднѣпровскаго уѣзда — Комисаровское, основанное въ 1809 г. и помѣщавшееся временно во флигелѣ учителя — протоіерея Миличевскаго; Бородаевское, открытое въ 1809 г. и помѣщавшееся въ домѣ, купленномъ для него обществомъ; Новомосковскаго уѣзда—Петриковское, открытое въ 1810 г. и помѣщавшееся въ домѣ, подаренномъ ему сельскимъ обществомъ; Могилевское, открытое

въ 1810 г. и помѣщавшееся въ домѣ, подаренномъ сельскимъ обществомъ; Бахмутскаго уѣзда—Гродовское, открытое въ 1809 г. и помѣщавшееся въ собственномъ домѣ; Покровское, открытое въ 1810 году, Луганское, Привольное, Желѣзнянское, Ясиноватское, Андреевское, Гришинское, Славяносербскаго уѣзда—Славяносербское (всѣ они были открыты въ 1812 г. и помѣщались въ своихъ домахъ), Донецкое, открытое въ 1810 г., Черкасское, Вергунское, Крымское, Желтянское, Нижнянское (всѣ были открыты въ 1813 году и помѣщались въ собственныхъ домахъ, построенныхъ обществами); Павлоградскаго уѣзда—Дмитровское, открытое въ 1811 г., Петропавловское, открытое въ 1813 г., помѣщались въ домахъ, построенныхъ обществами; Ростовское (въ г. Ростовѣ), открытое въ 1810 г. и помѣщавшееся въ собственномъ домѣ, подаренномъ ему градскимъ обществомъ, Нахичеванское (въ Нахичевани), открытое въ 1811 г. и помѣщавшееся въ общественномъ домѣ. Всего въ губерніи было 54 учителя, 33 чиновника по учебной части, 887 учащихся (въ томъ числѣ 829 мальчиковъ и 58 дѣвочекъ); всѣхъ суммъ числилось 92943 р., истрачено 27742 р., въ остаткѣ къ 1-му янв. 1814 г. 65201 р. Замѣтимъ кстати, что приходскія училища содержались почти исключительно на счетъ обществъ. Въ Екатеринославской гимназіи было 92 ученика, въ Таганрогской—29, въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 61 и 124, въ приходскихъ между 10 и 30.

Въ Полтавской губ. была 1 гимназія, 8 уѣздныхъ или повѣтовыхъ училищъ, 2 приходскихъ и одинъ воспитательный домъ для бѣдныхъ. Полтавская гимназія открыта была въ 1808 г. и временно помѣщалась въ деревянномъ домѣ, купленномъ строительной экспедиціей на суммы, ассигнованныя изъ городскихъ доходовъ на учебную часть. Уѣздныя училища были въ слѣдующихъ городахъ: въ Полтавѣ, учреждено одновременно съ гимназіей и помѣщалось въ домѣ, выстроенномъ строительной экспедиціей; въ Кременчугѣ, открыто было въ 1806 г. въ каменномъ домѣ, выстроенномъ для него строительной экспедиціей; въ Ромнахъ, преобразовано изъ малаго въ 1808 г., имѣло собственный каменный домъ; въ Прилукахъ, преобразовано изъ малаго въ 1812 г., помѣщалось въ деревянномъ домѣ, купленномъ для него изъ городскихъ доходовъ; въ Кобелякахъ, открыто въ 1808 г. и помѣщалось въ деревянномъ домѣ, пріобрѣтенномъ для него приказомъ общественнаго призрѣнія; въ Хоролѣ, открыто въ 1813 году, помѣщалось временно въ домѣ купца Чеботарева; въ Миргородѣ, открыто въ 1813 г. и помѣщалось въ деревянномъ домѣ, подаренномъ купцомъ Сибирцевымъ; въ Лохвицѣ, открыто въ 1813 г. и помѣщалось временно въ домѣ учителя Сергѣенка. Приходскія училища были таковы: Чупруновское, открытое въ 1804 г.

и помѣщавшееся въ домѣ стат. совѣтн. Чепы, Диканское, открытое въ 1804 г. и помѣщавшееся въ домѣ гр. Виктора Павловича Кочубея; кромѣ того въ Полтавѣ былъ домъ для воспитанія бѣдныхъ, учрежденный бывшимъ малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ кн. Ал. Бор. Куракинымъ на средства приказа общественнаго призрѣнія и помѣщавшійся въ каменномъ домѣ приказа, питомцы его посѣщали гимназію и уѣздное училище.

Всего въ губерніи было 33 учителя, 17 чиновниковъ по учебному вѣдомству, 834 учащихся, въ томъ числѣ 797 муж. и 37 жен. пола. Всѣхъ суммъ было 45986 р., изъ нихъ истрачено 29274 р., въ остаткѣ къ 1 янв. 1814 г. 16712 р. Въ гимназіи училось 73 мальчика; число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ колебалось между 35 и 161, въ приходскихъ равнялось 25, въ воспитательномъ домѣ—100.

Въ Курской губ. была 1 гимназія, 8 уѣздныхъ училищъ и 5 малыхъ народныхъ. Курская гимназія преобразована была въ 1808 г. изъ главнаго народнаго училища, основаннаго въ 1786 г., помѣщалась въ каменномъ домѣ, отстроенномъ на казенныя, дворянскія и городскія суммы. Уѣздныя училища были въ городахъ—Курскѣ, состояло при гимназіи и было основано одновременно съ нею; въ Корочѣ, преобразовано въ 1810 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1802 г., помѣщалось въ купленномъ домѣ; въ Суджѣ, преобразовано въ 1810 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1787 г., помѣщалось въ собственномъ домѣ, выстроенномъ на пожертвованныя суммы; въ Фатежѣ, преобразовано въ 1811 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1803 году, имѣло собственный домъ; въ Рыльскѣ, преобразовано въ 1810 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1787 г., помѣщалось въ наемномъ домѣ; въ Новомъ Осколѣ, основано въ 1812 г., помѣщалось въ собственномъ домѣ, выстроенномъ почетнымъ смотрителемъ его Поѣдиновымъ; въ Бѣлгородѣ, преобразовано въ 1812 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1786 г., помѣщалось въ собственномъ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, купленномъ для него думой; въ Обояни, преобразовано въ 1812 г. изъ малаго народнаго, учрежденнаго въ 1793 г., помѣщалось въ собственномъ домѣ, выстроенномъ на усадебномъ мѣстѣ, отведенномъ думой. Малыя народныя училища были — во Льговѣ, открыто было въ 1803 г. и помѣщалось въ казенномъ домѣ; Дмитріевѣ, основано было въ 1803 г., помѣщеніе для него нанимало городское общество; въ Старомъ Осколѣ, основано было въ 1787 г. и помѣщалось въ домѣ, отведенномъ обществомъ; въ Щиграхъ, основано было въ 1802 г. и помѣщалось въ такомъ же домѣ; въ Путивлѣ, основано было въ 1787 году и помѣщалось въ такомъ же домѣ.

Всего въ губерніи было 40 учителей, 20 чиновниковъ по учебной части, 1019 учащихся, въ томъ числѣ 997 муж. и 22 жен. пола. Суммъ было ассигновано 47691 р., истрачено 22919 р., въ остаткѣ 24771 р. Въ гимназіи было 65 учениковъ, число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ колебалось между 40 и 224, въ малыхъ—между 39 и 62.

Въ Воронежской губ. была одна гимназія, 2 уѣздныхъ училища, 4 малыхъ народныхъ и 4 приходскихъ. Гимназія была преобразована въ 1809 г. изъ главнаго народнаго училища, основаннаго въ 1786 г., помѣщалась въ каменномъ домѣ, нанимавшемся купечествомъ. Уѣздныя училища были—въ Воронежѣ, основано было одновременно съ гимназіей и помѣщалось въ каменномъ домѣ, принадлежавшемъ приказу общественнаго призрѣнія; въ Острогожскѣ, преобразовано въ 1807 г. изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1787 г., для него магистратъ строилъ каменный домъ, а временно оно помѣщалось въ двухъ деревянныхъ домахъ. Малыя народныя училища находились: въ Валуйкахъ, основано было въ 1791 г. и нанимало себѣ помѣщеніе на счетъ пожертвованной суммы; въ Бобровѣ, основано было въ 1799 г., помѣщеніе для него нанимали родители учениковъ; въ Павловскѣ, основано было въ 1788 г. и помѣщалось въ домѣ, нанимавшемся городовой ратушей съ прибавленіемъ пожертвованій. Приходскія школы были—Козинская, основанная въ 1806 г. и помѣщавшаяся въ части дома, выстроеннаго для суконной фабрики; Бѣлоколодезское, основанное въ 1806 г., для него отдѣлана была комната въ домѣ сельскаго приказа; Бобровское, основанное въ 1806 г. и помѣщавшееся въ части дома, выстроеннаго для суконной фабрики; Лосевское, основанное въ 1806 году и помѣщавшееся въ спеціально для него выстроенномъ домѣ.

Всего въ губерніи было 23 учителя, 8 чиновниковъ по учебной части, 591 учащихся, въ томъ числѣ 582 муж. и 9 жен. пола. Суммъ было 26869 р., израсходовано 11560 р., въ остаткѣ 15309 р. Въ гимназіи было 65 учениковъ, въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 131 и 159, въ малыхъ народныхъ—между 20 и 72, въ приходскихъ—между 4 и 41.

Въ Орловской губерніи была одна гимназія, 4 уѣздныхъ училища, 6 малыхъ народныхъ и 1 приходское.

Гимназія преобразована была въ 1808 г. изъ главнаго народнаго училища, основаннаго въ 1786 г., помѣщалась она въ каменномъ домѣ купца Гвоздовскаго, отведенномъ городскимъ обществомъ по случаю перевода въ гимназическое зданіе лазарета. Уѣздныя училища находились въ слѣдующихъ городахъ: въ Орлѣ, основано было въ 1808 г. и помѣщалось въ деревянномъ домѣ, отведенномъ купеческимъ обществомъ;

въ Сѣвскѣ, основано было въ 1810 г., помѣщалось въ деревянномъ домѣ, пожертвованномъ городскимъ обществомъ; въ Кромахъ, основано было въ 1812 г. и помѣщалось въ зданіи присутственныхъ мѣстъ; въ Болховѣ, основано было въ 1813 г. и помѣщалось въ каменномъ домѣ, пожертвованномъ почетнымъ смотрителемъ его Плещеевымъ, и имѣло каменный домикъ, подаренный ему купцомъ Бойковымъ. Малыя народныя училища находились — во Мценскѣ, основано было 1786 г. и помѣщалось въ зданіи присутственныхъ мѣстъ; въ Ельцѣ, основано было въ 1786 г. и помѣщалось въ казенномъ каменномъ корпусѣ при городовомъ магистратѣ; въ Дмитровскѣ, основано было въ 1792 г. и помѣщалось въ домѣ, нанимаемомъ обывателями; въ Трубчевскѣ, въ Брянскѣ въ Карачевѣ (всѣ основаны были въ 1789 г. и находились въ общественныхъ домахъ). Приходское училище было одно—Селецкое, основанное въ 1806 г. и помѣщавшееся въ казенномъ строеніи.

Всего въ Орловской губерніи было 26 учителей, 7 чиновниковъ по учебной части, 620 учащихся, въ томъ числѣ 598 мужск. и 22 женскаго пола. Суммъ было 41158 руб., истрачено 15871 руб., въ остаткѣ 25287 руб. Въ гимназіи было 42 ученика, въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 13 и 109, въ малыхъ—между 32 и 88, въ приходскомъ равнялось 6.

Въ Херсонской губ. была одна гимназія и 6 уѣздныхъ училищъ. Одесская коммерческая гимназія основана была въ 1805 г. и помѣщалась въ домѣ, отведенномъ городомъ. Уѣздныя училища находились: въ Херсонѣ, было открыто въ 1813 г., помѣщалось въ домѣ, построенномъ строительнымъ комитетомъ для гимназіи; въ Елисаветградѣ, было основано въ 1811 г. и временно помѣщалось въ домѣ, принадлежавшемъ городскому обществу; въ Новомиргородѣ было открыто въ 1811 г. и помѣщалось въ казенномъ зданіи; въ Вознесенскѣ, было открыто въ 1811 г. помѣщалось въ домѣ, принадлежавшемъ Бугскому войску; въ Дубоссарахъ было открыто въ 1813 г. и помѣщалось въ домѣ, нанимаемомъ городовою ратушею; въ Овидіополѣ, открыто было въ 1813 г., помѣщеніе для него нанимали жители города; кромѣ того все было приготовлено къ открытію уѣзднаго училища въ Тирасполѣ.

Всего въ Херсонской губерніи было 22 учителя, 8 чиновниковъ по учебной части, 464 учащихся, въ томъ числѣ 458 мужск. и 6 женскаго пола. Суммъ состояло 37733 руб., израсходовано было 12691, въ остаткѣ къ 1 января 1814 г. 25042 р. Въ гимназіи было 57 учениковъ, въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 17 и 103.

Въ Таврической губерніи была одна гимназія и 4 уѣздныхъ училища. Гимназія въ г. Симферополѣ открыта была въ 1812 г. и помѣ-

щалась временно въ домѣ уѣзднаго училища, директоръ же занималъ флигеля, купленныя губернаторомъ на счетъ строительной суммы у княгини Горчаковой. Уѣздныя училища были—въ Симферополѣ, оно было преобразовано въ 1809 г. изъ малаго народнаго и имѣло собственный домъ, который въ 1793 году былъ купленъ у полковника Леслія приказомъ общественнаго призрѣнія, а этимъ послѣднимъ пожертвованъ, по предложенію бывшаго Новороссійскаго генералъ-губернатора кн. Пл. Ал. Зубова, для помѣщенія въ немъ главнаго народнаго училища; въ 1808 г. онъ былъ перестроенъ и въ немъ помѣщалось уѣздное училище и 2 класса гимназіи; въ Өеодосіи, открыто было въ 1812 г. и помѣщалось въ частномъ домѣ, нанимавшемся думой; въ Орѣховѣ, основано было въ 1812 г. и помѣщалось въ домѣ, пожертвованномъ губернск. секрет. Гранобарскимъ; въ Алешкахъ, открыто было въ 1812 году и помѣщалось въ домѣ, выстроенномъ изъ камыша.

Всего въ Таврической губерніи было 13 учителей, 5 чиновниковъ по учебной части, 179 учащихся, въ томъ числѣ 154 мужск. и 25 женскаго пола. Всѣхъ суммъ было 24119, истрачено 8441, въ остаткѣ 15677 руб. Въ гимназіи было 20 учениковъ; въ уѣздныхъ училищахъ число учащихся колебалось между 25 и 62.

Въ землѣ Войска Донскаго была одна гимназія и 9 уѣздныхъ училищъ. Новочеркасская гимназія была преобразована въ 1805 году изъ главнаго народнаго училища, основаннаго въ 1790 году и помѣщалась временно (до постройки каменнаго зданія) въ деревянномъ домѣ, который раньше былъ занятъ войсковой канцеляріей. Уѣздныя училища были такія—Новочеркасское, было основано одновременно съ гимназіей и помѣщалось въ деревянномъ домѣ, который раньше занятъ былъ экспедиціями войсковой канцеляріи; второе Донское, было преобразовано въ 1807 году и помѣщалось въ собственномъ деревянномъ домѣ, построенномъ для него станицами; Устьмедвѣдицкое, въ 1813 г. преобразовано было изъ малаго народнаго, основаннаго въ 1808 году, и помѣщалось въ собственномъ каменномъ домѣ; Хоперское, было преобразовано въ 1812 г. изъ народнаго, открытаго въ 1806 г., и помѣщалось въ нижнемъ этажѣ каменнаго казеннаго дома; Михайловское, было открыто въ 1806 г. въ станичномъ каменномъ домѣ; Оксайское, открыто было въ 1806 году и помѣщалось въ каменномъ домѣ, въ нижнемъ этажѣ котораго были лавки, отдававшіяся въ наймы въ его пользу; Кочетовское, открыто было въ 1811 году и помѣщалось въ станичномъ домѣ; Каменское, открыто было въ 1811 году и помѣщалось въ наемномъ домѣ; Мачушанское, открыто было въ 1805 г. и помѣщалось въ спеціально для него выстроенномъ домѣ (нужно, впрочемъ, замѣтить, что

нѣкоторыя изъ этихъ училищъ имѣли по одному только классу и по программѣ своей соотвѣтствовали приходскимъ).

Всего въ области войска донскаго было 27 учителей, 6 чиновниковъ по учебной части, 704 учащихся, въ томъ числѣ только двѣ дѣвочки. Всѣхъ суммъ было 21175 р., истрачено 15326 р., остатка къ 1-му января 1814 года 5848 р. Въ гимназіи было 50 учениковъ, число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ колебалось между 21 и 98.

Въ области войска Черноморскаго было одно уѣздное училище и 2 приходскихъ. Уѣздное училище было въ Екатеринодарѣ; открыто оно было въ 1807 году и помѣщалось въ собственномъ (впрочемъ, не вполнѣ еще отстроенномъ) деревянномъ домѣ; въ немъ было 5 классовъ—одинъ приготовительный, два уѣзднаго училища и два приготовительныхъ къ гимназіи. Приходскія училища были таковы—Таманское, открыто было въ 1812 г. и помѣщалось въ каменномъ церковномъ домѣ; Щербиновское, открыто было въ 1812 г. и помѣщалось въ деревянномъ домѣ священника благочиннаго М. Михайловскаго.

Всего въ области Черноморскихъ козаковъ было 8 учителей, 3 чиновника по учебной части, 152 учащихся. Суммъ было 15078 р. истрачено 2028 р., въ остаткѣ 13049 р. Въ уѣздномъ училищѣ число учениковъ не показано, а въ приходскихъ равнялось 49 и 36 чел.

Всего въ Харьковскомъ учебномъ округѣ было 412 учителей, 176 чиновниковъ по учебной части, 8478 учащихся, въ томъ числѣ 8149 муж. и 329 жен. пола. Суммъ было 585289 руб., истрачено 222073 руб., въ остаткѣ къ 1-му января 1814 г.—362215 р. Въ составъ этихъ цифръ входило 258989 р. экономической суммы (истрачено же изъ нея было всего 9028 р., а въ остаткѣ состояло 249961 р.), 152467 р. штатной (изъ нея истрачено было 125716 р. и въ остаткѣ состояло 26751 р.), сверхштатной 54110 р. (изъ нея истрачено 47515 р. и въ остаткѣ состояло 6595 р.), 1349 р. станичной (истрачено 1131 р.), 9998 р. мирской (истрачено 6897 р.), 14928 р. питомческой (истрачено 13497), 25345 р. благотворительной (истрачено 3020), 11374 внесенной на воспитаніе бѣдныхъ (истрачена вся), 31456 р. капитальной (истрачено 955), капитала Алымова и Суровцевой 21000 (истрачена не была—пользовались только процентами съ нея [1]).

До открытія Харьковскаго училищнаго комитета, какъ видно, изъ приведенной ниже вѣдомости, было въ Харьковскомъ учебномъ округѣ всего 46 училищъ — 7 главныхъ народныхъ (въ Харьковѣ, Черниговѣ,

---

[1]) Харьк. унив. архивъ. (Вѣдомость объ учебныхъ заведеніяхъ, состоящихъ въ округѣ Имп. Харьковскаго университета за 1813 годъ).

Новгородъ-Сѣверскѣ, Курскѣ, Воронежѣ, Черкасскѣ и Орлѣ), 36 малыхъ народныхъ (въ Курской губ. 11, Орловской 6, Харьковской и Воронежской по 5-ти, Черниговской 4, Полтавской губ. и области войска Донскаго по 2, Таврической 1, въ Екатеринославской, Херсонской и области войска Черноморскаго ни одного), и 3 приходскихъ (два въ Полтавской и одно въ Харьковской губ.). За 20 лѣтъ (съ 1785 г. по 1805 г.) было открыто 46 школъ, слѣдовательно, въ среднемъ въ годъ открывалось по $2^1/_4$ школы.

Послѣ же девятилѣтней дѣятельности Харьковскаго училищнаго комитета число школъ возрасло до 163, т. е. увеличилось болѣе чѣмъ въ $3^1/_2$ раза, въ томъ числѣ было 12 гимназій, т. е. среднихъ школъ, и 151 низшая школа (65 уѣздныхъ училищъ, 17 малыхъ народныхъ и 69 приходскихъ). Какъ видимъ, особенно возрасло количество приходскихъ школъ. Если взять отдѣльно среднія и низшія школы, то окажется, что число первыхъ увеличилось менѣе чѣмъ въ 2 раза, а вторыхъ въ 4 раза. Число вновь открытыхъ школъ равнялось 117, преобразованныхъ 27, оставшихся безъ измѣненія 19. По годамъ преобразованіе и открытіе школъ распредѣляется такъ: въ 1805 г. было преобразовано и открыто 11 школъ, въ 1806 г. —15, въ 1807—8, въ 1808—13, въ 1809—8, въ 1810—10, въ 1811—9, въ 1812—54, въ 1813—16. Характерна огромная цифра школъ, открытыхъ въ годъ Наполеоновскаго нашествія (это были главнымъ образомъ приходскія школы). Да и въ 1813 году ихъ было учреждено больше, чѣмъ въ каждый изъ предшествующихъ годовъ: значитъ энергія училищнаго комитета не только не падала, а наоборотъ повышалась. Въ среднемъ ежегодно преобразовывалось и открывалось по 16 школъ, т. е. въ 7 разъ болѣе, чѣмъ до открытія дѣятельности училищнаго комитета.

По числу школъ различныя губерніи Харьковскаго учебнаго округа идутъ въ такомъ порядкѣ: Харьковская (въ ней было 45 школъ, въ томъ числѣ 6 преобразованныхъ и 39 вновь учрежденныхъ), Екатеринославская (33,—всѣ вновь учрежденныя), Курская (14, въ томъ числѣ преобразованныхъ 7, оставшихся безъ преобразованія 5 и вновь учрежденныхъ 2), Черниговская и Орловская (по 12; въ первой было преобразованныхъ 4, вновь учрежденныхъ 6, оставшихся непреобразованными 2; во 2-й преобразованныхъ 1, вновь учрежденныхъ 5, оставшихся безъ преобразованія 6), Воронежская и Полтавская (по 11; въ первой было преобразованныхъ 2, вновь учрежденныхъ 5, оставшихся безъ преобразованія 4; во 2-й—преобразованныхъ 2, вновь учрежденныхъ 7, оставшихся безъ преобразованія 2), область войска Донскаго (10, въ томъ числѣ преобразованныхъ 4 и вновь учрежденныхъ 6), Херсонская

(7—всѣ вновь учреждены), Таврическая (5, въ томъ числѣ преобразованныхъ 1 и вновь учрежденныхъ 4), Черноморье (3,—всѣ вновь учреждены). По числу преобразованныхъ и вновь открытыхъ училищъ эти же губерніи стоятъ такъ: на первомъ мѣстѣ Харьковская, потомъ Екатеринославская, Черниговская и Область войска Донскаго, Курская и Полтавская, Воронежская и Херсонская, Орловская, Таврическая и Черноморье; по числу вновь открытыхъ школъ: Харьковская, Екатеринославская, Херсонская и Полтавская, Черниговская и Область войска Донскаго, Воронежская и Орловская, Таврическая, Черноморье и Курская губ.; по числу учащихся: Харьковская (1605), Черниговская (1423), Курская (1019), Екатеринославская (887), Полтавская (834), Донская область (704), Орловская (620), Воронежская (591), Херсонская (464), Таврическая (179), Черноморье (152); по количеству имѣвшихся въ ихъ распоряженіи школьныхъ суммъ: Харьковская, Екатеринославская, Черниговская, Курская, Полтавская, Орловская, Херсонская, Воронежская, Таврическая, Донская область и Черноморье. Число учащихся сравнительно съ нашимъ временемъ было не велико; въ среднемъ на школу приходится 52 человѣка; но распредѣленіе ихъ даже по школамъ одного и того же типа было крайне неравномѣрное. Гимназіи не были многолюдны и повидимому уступали въ этомъ отношеніи прежнимъ главнымъ народмымъ училищамъ. Уѣздныя училища при гимназіяхъ наоборотъ изобиловали учениками. Вообще нужно имѣть въ виду, что тогдашнія гимназіи были бѣдны и учениками, и учебниками, и учебновспомогательными учрежденіями. Помѣщенія для училищъ были также далеко не всегда удовлетворительны, хотя насъ пріятно удивляетъ тотъ фактъ (констатируемый вѣдомостью), что большинство ихъ помѣщалось въ собственныхъ домахъ (нерѣдко даже каменныхъ), выстроенныхъ приказомъ общественнаго призрѣнія, различными общественными учрежденіями или частными благотворителями. Вообще можно сказать, что университету, учебному персоналу и администраціи училищъ удалось привлечь довольно много пожертвованій на школьныя нужды. Общество, очевидно, откликнулось на обращаемый къ нему призывъ и оказало правительству значительную матеріальную поддержку въ его просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Конечно, дѣло это требовало большихъ усилій; подъ часъ нужно было прибѣгать къ поистинѣ героическимъ средствамъ, чтобы добиться нужнаго пожертвованія. „Отчеты визитаторовъ представляютъ весьма краснорѣчивыя свѣдѣнія въ этомъ отношеніи. „Въ семъ то городѣ (Ливнахъ), читаемъ мы въ отчетѣ Дюгура 1810 г., опытомъ извѣдалъ я, съ какою силою предразсудковъ люди сего званія отклоняютъ учрежденіе заведенія, плодами

котораго они первые должны воспользоваться". По настоянію Дюгура, городское общество собиралось 4 раза и не смотря на то, что городской голова былъ на сторонѣ визитатора, дало отрицательный отвѣтъ по всѣмъ пунктамъ. Только послѣ предъявленія резолюціи гражданскаго губернатора Ливенскому городничему, по настоянію послѣдняго, открыта подписка, по которой собрано всего 500 р. „Купечество въ Кромахъ, гдѣ также не было училища, пишетъ Дюгуръ, отказало и въ малѣйшемъ даже пожертвованіи съ своей стороны; никакіе доводы не могли его тронуть, даже проповѣдь о пользѣ воспитанія, которую, по просьбѣ моей, сказывалъ имъ протопопъ Знаменскій, ниже примѣръ сего достойнаго священника, пожертвовавшаго 25 р. на учрежденіе училища и обѣщавшаго кромѣ того по смерть свою ежегодно вносить такую же сумму". Здѣсь не помогла и губернаторская резолюція. „Въ Брянскѣ только дабы избавиться отъ моихъ докукъ, продолжаетъ далѣе Дюгуръ, градская дума объявила, что она не будетъ собирать купечества, а предоставляетъ каждому лично подписывать сумму, какую ему благоугодно будетъ". Спустя немного времени визитаторъ получилъ увѣдомленіе, что ни одинъ купецъ никакого пожертвованія не захотѣлъ учинить. Въ Ельцѣ дума тоже не хотѣла собираться, зная, въ чемъ дѣло; и самъ губернаторъ, бывшій тогда въ этомъ городѣ, ничего не могъ сдѣлать. Наконецъ, Дюгуръ получилъ бумагу съ рѣшительнымъ отказомъ. Это такая бумага, пишетъ онъ, которую я желалъ бы уничтожить для чести жителей Елецкихъ (она и не сохранилась въ дѣлахъ). Визитаторъ рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему средству, выходившему даже за предѣлы его полномочій: онъ увѣрилъ голову, что тотъ непремѣнно получитъ, по представленію университета, значительную почетную награду чрезъ министра народнаго просвѣщенія. Мѣра подѣйствовала: голова Желудковъ пожертвовалъ въ пользу училища прекрасный каменный домъ среди города. „Сей способъ служитъ своему отечеству, единственно дабы получать отличія, замѣчаетъ Дюгуръ, покажется мало деликатнымъ, но безкорыстіе есть весьма рѣдкая добродѣтель, станемъ пользоваться пожертвованіями, откуда бы оныя ни происходили, не разсматривая при томъ причинъ, кои побудили ихъ дѣлать, а будемъ радоваться, когда страсти человѣческія побуждаютъ людей творить добрыя дѣла. Впрочемъ должно отдать, говоритъ Н. А. Лавровскій, справедливость дворянству, которое въ важномъ дѣлѣ обезпеченія существованія училищъ явилось дѣйствительно передовымъ, руководящимъ сословіемъ" [1]). Впрочемъ и городскія общества дѣйствовали далеко не всегда такъ, какъ

[1]) Ж. М. Н. П. 1869, № 10, стр. 241—242.

это рисуютъ только что приведенные отчеты проф. Дюгурова по Орловской губ. Но мы считали необходимымъ указать и на нихъ, чтобы дать понятіе о затрудненіяхъ, съ которыми приходилось вѣдаться тогдашнимъ дѣятелямъ просвѣщенія, чтобы обрисовать тѣ отрицательныя условія, при которыхъ имъ подъ часъ приходилось дѣйствовать; подъ вліяніемъ ихъ и, конечно, не безъ вліянія личныхъ убѣжденій, проф. Дюгуровъ откровенно высказываетъ такой утилитарный взглядъ на пожертвованія, отъ котораго намъ теперь дѣлается неловко.

Огромное значеніе дѣятельности Харьковскаго университета по части устройства училищъ прекрасно понимали уже современники. Попечитель округа графъ С. О. Потоцкій въ день самаго открытія университета (17 января 1805 года) говорилъ рѣчь „О новомъ устройствѣ въ Россійской имперіи училищъ и послѣдствіяхъ его", гдѣ ярко охарактеризовалъ всю важность мѣропріятій Императора Александра I-го въ дѣлѣ учрежденія приходскихъ и уѣздныхъ училищъ, гимназій и университетовъ. При такихъ учрежденіяхъ, говорилъ онъ, отъ предѣловъ Литвы до Сибири, отъ Архангельска до Кавказа въ скоромъ времени не можетъ быть ни одного гражданина, который бы не могъ со всевозможными удобствами и самыми малыми издержками получить образованія, соотвѣтствующаго его дарованіямъ, званію и средствамъ. Не даромъ на это ассигнована необычайная сумма въ 1600000 руб. [1]).

Въ 1807 г. профессоръ И. С. Рижскій произнесъ рѣчь о занятіяхъ университета въ 1805 и 1806 г. по училищной части. Тамъ между прочимъ онъ говорилъ, что „университетъ не оставлялъ своихъ попеченій объ училищахъ въ округѣ—узнать внутреннее состояніе заведеній, коими долженъ управлять, узнать директоровъ, смотрителей, учителей, учащихся, библіотеки, дома, суммы на содержаніе ихъ, расположеніе жителей къ учебной части; на сей конецъ требованы отъ директоровъ свѣдѣнія, а для точнѣйшаго изслѣдованія всего на мѣстѣ въ теченіе двухлѣтія шестикратно отправляемы были отъ университета визитаторы, которые объѣхали почти весь округъ. Изъ донесеній визитаторовъ и директоровъ видно было, что многія училища имѣютъ нужду въ учителяхъ, недостаточно снабжены книгами и другими учебными пособіями, нѣкоторыя не имѣютъ совсѣмъ или имѣютъ неудобные дома и нуждаются въ классной мебели". Далѣе говорится, что все это по мѣрѣ силъ училищамъ доставлялось и что университетъ въ 1805 и 1806 г. открылъ въ округѣ—3 гимназіи, 10 уѣздныхъ, 16 приходскихъ училищъ и 5 пансіоновъ [2]).

---

[1]) Рѣчи, говоренныя въ торжественномъ собраніи 17 января 1805 г. X. 1806 г.

[2]) Къ сожалѣнію, мы не могли добыть этой рѣчи и потому пользуемся изложеніемъ ея у Гр. П. Данилевскаго и Н. А. Лавровскаго.

Въ 1815 г. проф. Каменскій говорилъ на актѣ рѣчь „объ успѣхахъ просвѣщенія въ округѣ Харьковскаго университета“. Въ ней онъ сообщаетъ такія статистическія данныя объ училищахъ, обязанныхъ своимъ существованіемъ университету. Въ составъ округа, говорилъ онъ, входило 9 губерній и двѣ области, которыя представляли въ совокупности своей кругъ, съ діаметромъ въ 1000 верстъ, съ населеніемъ до 10000000 чел. Въ немъ было 13 гимназій, 80 уѣздныхъ училищъ (въ Курской 14, Харьковской 11, Полтавской и Орловской по 10, Черниговской 9, Воронежской и Херсонской по 6, Екатеринославской 5, Таврической и войска Донскаго по 4, въ войскѣ Черноморскаго 1) и до 500 приходскихъ школъ.

Въ 1814 году въ 13 гимназіяхъ было 969 учениковъ, въ уѣздныхъ училищахъ 6221. Раздѣливъ число жителей (10 милліоновъ) на это число, получимъ 140, т. е. одинъ учащійся приходился на 140 душъ населенія. Но эта пропорція покажется болѣе удовлетворительной, если исключить по крайней мѣрѣ половину взрослыхъ, которые или раньше уже обучались, или по возрасту своему не могли воспользоваться школами, учрежденными Имп. Александромъ I. Число учащихся постоянно возрастало: въ 1805 г. ихъ было 3967 душъ, а въ 1814—7190; въ десять лѣтъ оно почти удвоилось. Если сосчитать число лицъ, ежегодно оканчивающихъ гимназіи и уѣздныя училища, то окажется, что для образованія всѣхъ 10000000 понадобилось бы 80 лѣтъ. „Внуки наши будутъ имѣть счастіе зрѣть событіе сего предъугаданія“ [1]).

Тутъ особенно любопытны статистическія данныя, сообщаемыя авторомъ: они пополняютъ наши свѣдѣнія за десятый годъ существованія училищнаго комитета. Оказывается, что въ этомъ году была основана одна гимназія, частію открыто, а частію преобразовано изъ малыхъ народныхъ училищъ 15 уѣздныхъ, и открыто около 430 новыхъ приходскихъ. Но эта послѣдняя цифра столь значительна, что возбуждаетъ у насъ недоумѣненіе, единственное объясненіе ея мы видимъ въ томъ, что въ нее, быть можетъ, вошли и всѣ *частныя* сельскія училища и пансіоны.

Въ томъ же 1815 году, когда Каменскій говорилъ свою рѣчь, проф. Роммель „уже изъ Касселя, въ письмѣ къ ректору просилъ его сообщить ему свѣдѣнія объ устройствѣ училищъ университетомъ въ видѣ каталога о числѣ открытыхъ имъ гимназій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Всѣ ученые въ Россіи и Германіи, кого я только видѣлъ, писалъ Роммель, приглашали меня обнародовать эти свѣдѣнія, такъ какъ

---

[1]) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. унив. 25 декабря 1815 и 1816 г. Хар. 1818.

всѣ признавали и признаютъ, какія заслуги Харьковскій университетъ оказалъ южной Россія въ столь короткое время. Пусть же будетъ извѣстно всему образованному міру, что нами сдѣлано въ это время“ [1]).

Въ 1818 г. адъюнктъ Борзенковъ говорилъ на актѣ рѣчь „объ успѣхахъ просвѣщенія въ Россіи подъ покровительствомъ Государя Императора Александра I“ [2]), гдѣ коснулся отчасти и вопроса объ училищахъ. Этотъ же вопросъ затронулъ и проф. И. И. Срезневскій въ рѣчи на актѣ 1843 г. Лица, интересовавшіяся исторіей Харьковскаго университета, также отмѣтили важную роль его въ дѣлѣ распространенія среднихъ и низшихъ школъ. Проф. Д. И. Каченовскій, при обсужденіи проэкта университетскаго устава 1863 г., высказалъ по этому поводу слѣдующія замѣчанія. „Въ силу уставовъ, утвержденныхъ Александромъ I, на университеты возложенъ былъ также надзоръ надъ низшими учебными заведеніями по округу. Эта обязанность оказалась особенно трудною и стѣснительною для профессоровъ: она отвлекала ихъ отъ главныхъ занятій. По общимъ отзывамъ (?), дѣла въ училищныхъ комитетахъ шли довольно вяло и не совсѣмъ удачно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже возникли злоупотребленія. Но тѣмъ не менѣе коллегіальное устройство представляло болѣе твердыя ограды противъ произвола, нежели устройство бюрократическое, которое вообще не такъ удобно прилагается къ дѣлу народнаго образованія“ [3]). Проф. Н. А. Лавровскій посвятилъ этому вопросу спеціальную статью [4]), рѣшилъ его на основаніи документальныхъ данныхъ, которыхъ не было у его предшественника — и однако сошелся съ нимъ какъ въ общемъ принципіальномъ положеніи, такъ и въ фактическомъ его приложеніи къ Харьковскому университету. „Было одно обстоятельство, говоритъ онъ, которое съ одной стороны еще болѣе усиливало образовательное вліяніе Харьковскаго университета на страну, а съ другой, расширяя кругъ дѣятельности профессоровъ, отвлекая ихъ отъ ограниченной коллегіальной среды и открывая, такъ сказать, нейтральную почву, по нашему мнѣнію, много содѣйствовало умѣренію и охлажденію страстей. Я разумѣю возложенное на университеты уставомъ 1804 г. завѣдываніе и управленіе всѣми существующими въ краѣ учебными заведеніями. Чтобы ни говорили о тѣхъ отношеніяхъ, въ какія университеты были поставлены къ

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1869, № 10, стр. 240.

[2]) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Имп. Харьк. унив. 30 авг. 1818 г. X. 1818.

[3]) Русская рѣчь, 1862 г., № 1; ср. также „Замѣчанія на проэктъ общаго устава рос. университетовъ“, ч. I, стр. 347.

[4]) Изъ первоначальной исторіи Харьков. университета. (Ж. М. Н. Пр. 1869 г., № 10, стр. 235—260).

училищамъ уставомъ 1804 г., никакъ нельзя отрицать существенной пользы, проистекавшей изъ той органической связи, которая была установлена тогда между университетами и училищами. Лѣтъ шесть тому назадъ, когда отовсюду слышались жалобы на упадокъ гимназическаго образованія, мы высказывали мысль, что причинъ упадка общаго образованія должно искать между прочимъ и въ уничтоженіи этой связи, въ устраненіи непосредственнаго и постояннаго вліянія университетовъ на среднія и низшія учебныя заведенія, въ преобладаніи въ надзорѣ за ними канцелярскаго порядка, обращеннаго преимущественно на формальную сторону дѣла. Мысль эта и теперь кажется намъ справедливою съ ея общей стороны, хоть и должно согласиться, что практическое ея примѣненіе можетъ имѣть значительныя неудобства и затрудненія.... Въ первыя 30 лѣтъ Харьковскій университетъ былъ въ обширномъ смыслѣ центральнымъ образовательнымъ учрежденіемъ, отъ котораго зависѣло учебное дѣло во всей южной Россіи: каждое измѣненіе въ порядкѣ и направленіи обученія, въ дисциплинѣ, въ составѣ учителей, въ матеріальномъ состояніи училищъ исходило непосредственно отъ университета. Ознакомившись съ относящимися сюда свѣдѣніями въ оффиціальныхъ матеріалахъ, мы можемъ сказать, что по крайней мѣрѣ въ первое время, о которомъ идетъ рѣчь, университетъ и, конечно, прежде всего члены училищнаго комитета относились весьма серьезно къ этой, возложенной на нихъ уставомъ, обязанности, хотя она и не составляла существенной части ихъ дѣятельности.... Вообще университетъ, говоритъ Н. А. Лавровскій. съ большимъ усердіемъ и полною добросовѣстностью относился къ дѣлу объ устройствѣ школъ и надзорѣ за ними (хотя послѣдній прямо къ нему не относился) и тѣмъ необыкновенно усиливалъ свое вліяніе на распространеніе образованія въ краѣ. Объ этомъ усердіи и добросовѣстности свидѣтельствуютъ всѣ сохранившіяся дѣла училищнаго комитета, множество подробныхъ и тщательно составленныхъ вѣдомостей и донесеній совѣту. Попечитель Потоцкій цѣнилъ эту дѣятельность университета и, какъ доказательство его вниманія къ ней, сохранилось его отношеніе въ университетъ отъ 1-го декабря 1808 г. слѣдующаго содержанія: „главное правленіе училищъ, усмотрѣвъ изъ представленія моего, что стараніемъ училищнаго комитета открыты въ Харьковской губерніи всѣ училища на такомъ основаніи, какое потребно по новому плану, предоставило мнѣ изъявить комитету признательность за особенное попеченіе его въ устройствѣ училищъ“.

Наше изслѣдованіе даннаго вопроса подтвердило, дополнило и укрѣпило общіе выводы Н. А. Лавровскаго, а представленныя нами статисти-

ческія данныя, которыя не были извѣстны никому изъ прежнихъ историковъ, въ точныхъ цифрахъ опредѣлили размѣры просвѣтительной дѣятельности университета въ этомъ отношеніи. Правда для полнаго представленія дѣла, нужно было бы дать подробную характеристику училищъ, основанныхъ университетомъ, но это выходить уже за предѣлы нашей *нынѣшней* задачи и мы надѣемся посвятить этому важному вопросу особое изслѣдованіе, такъ какъ для него въ нашемъ распоряженіи имѣется очень богатый матеріалъ.